

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LIX

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Л І Х

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. I—V. Н. И. Мердерь.	7
II. Записки сенатора Н. П. Синельникова. I—II	39
III. Порченая. (Историческая быль XIV вѣка). П. Н. Полевого	76
IV. Наброски изъ прошлаго. Графъ Э. И. Тотлебенъ и М. Д. Скобелевъ. Князя Д. Д. Оболенскаго.	96
V. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XIX.	109
VI. На вечерѣ у курсистокъ. (Изъ дневника пожилого человѣка). Р. И. Сементковскаго.	124
VII. Воспоминанія о Н. И. Лобачевскомъ. Со словъ его сына Н. Н. Лобачевскаго.	154
VIII. А. С. Грибоѣдовъ и его раннія произведенія. (По поводу столѣтія со дня рожденія, 4-го января 1796 года). В. Перетца.	171
IX. Замѣчательныя русскія женщины. Княгиня А. П. Гагарина урожденная Лопухина. С. А. Адрианова.	177
X. Изъ путевыхъ впечатлѣній подъ тропиками. А. Н. Браснова.	190
<p>Иллюстраціи: 1) Улица въ тропическомъ городѣ.—2) Кокосовая пальма.—3) Видъ Яванскаго города.—4) Яванская деревня и затопленные рисовыя поля.—5) Носильщики тяжестей на Явѣ—съ сѣномъ, фруктами и только что снятымъ рисомъ.—6) Малайская женщина съ кувшинами изъ бамбука.—7) Малаецъ слуга съ острова Сяганура. — 8) Малайская хижина на островѣ Ява.—9) Хлѣбное дерево <i>Artocarpus integri folia</i>. — 10) Бамбуковая заросль Alang-Alang и общій видъ на вулканъ Gunung Gedeh на Явѣ. — 11) Бамбуковый пучокъ въ саду Речаденца на Цейлонѣ.—12) Тропическіе фрукты.</p>	
XI. Новый Наполеонъ. В. Т.	231
<p>Иллюстраціи: 1) Наполеонъ въ юности. — 2) Домъ въ Аячіо, гдѣ родился Наполеонъ. — 3) Комната, въ которой родился Наполеонъ.—4) Вонапартъ въ Бриенской школѣ.—5) Факсимиле страницы изъ школьной тетрадки Наполеона, находящейся въ Флорентинской библиотекѣ. — 6) Вонапартъ, артиллерійскій поручикъ.</p>	
XII. Британскій музей. Н. Викторова.	256
XIII. Новыя раскопки въ Троѣ. С. А. Вердяева.	267
XIV. Критика и библиографія	297
<p>1) Л. Майковъ. Историко-литературныя очерки. Спб. 1895. Ари. Л—нно.—2) В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда». Одесса. 1894. С. Т—снаго.—3) Всеобщая исторія О. Иегера, четыре тома. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею П. Н. Полевого. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1894. С. Ш.—4) Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса. А. Н. Гиларова. К'евъ. 1895. А. Бороздина.—5) Памятная книжка Курской губерніи на 1894 годъ. Изд. Курскимъ статистическимъ комитетомъ, составл. секретаремъ комитета Т. Г. Вержбицкимъ. Курскъ. 1894. Б. Г.—6) М. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги Царствъ» въ собраніи рукописей библиотекы Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1894. А. Н—ва.—7) К. Ивановъ. Средневѣковой городъ. Спб. 1894. Н. Рыжова.—8) Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году. Полковника генеральнаго штаба Н. А. Орлова. Спб. 1894 С. Ш.—9) Онежскія быliny, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ дѣтотъ 1871 г. Изданіе второе. Томъ I. Съ портретомъ А. Ѳ. Гильфердинга. Спб. 1894 г. С. Т—снаго.</p>	
XV. Историческія мелочи	310
<p>1) Археологія въ 1894 году.—2) Великій печатникъ.—3) Разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ.—4) Отголоски французской революціи въ Голландіи.—5) Интерв'ю Наполеона лордомъ Эбрингтономъ.—6) Третій мужъ Маріи-Луизы.—7) Тайны испанскаго двора.—8) Смерть Держи и Фруда. — 9) Юбилей Гиббона и современные англійскіе историки.</p>	

См. слѣдующую стран.

XVI. Заграничныя историческія новости	стр 329
XVII. Смѣсь	334
1) Юбилей К. П. Яновскаго.—2) Диспутъ въ университетѣ.—3) Славянское общество.—4) Русское Литературное общество. Очеркъ дѣятельности общества за 1886—1894 гг.—5) Некрологи: Я. И. Варшевъ; Ф. Н. Королевъ; П. Л. Чебышевъ.	
XVIII. Забѣтки и поправки	341
1) Для редакціи «Сѣвернаго Вѣстника».—2) Къ биографіи В. Г. Шварца.—3) Числа 3 и 13 въ жизни императора Александра III. В. Н.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Анны Петровны Гагариной.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно».—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

1) НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XVI г. „ИГРУШЕЧКА“ 3 РУБ.

Для младшаго возраста.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ приобрѣтенію въ бібліотеки.

ПРИ ЖРНАЛѢ «ИГРУШЕЧКА» СУЩЕСТВУЕТЪ ОСОВЫЙ ОТДѢЛЪ

VII г. „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ 5 РУБ.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» въ продолженіе года получаютъ ОДНУ премию, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» ДВѢ преміи.

2) НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

II годъ „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ 3 РУБ.

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей. Изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ГODOVAYA ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на ВСѢ ТРИ изданія: въ Россіи: за гран.

«Игрушечка» съ ОДНОЮ БЕЗПЛАТНОЮ премию	3 руб.	5 руб.
«Игрушечка» съ отд. «Для Малютокъ» и 2 БЕЗПЛАТНЫМИ преміями	5 »	7 »
«Игрушечка» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ»	5 »	7 »
«Игрушечка» съ отдѣломъ «Для Малютокъ», ДВУМЯ БЕЗПЛАТНЫМИ преміями и съ изданіемъ «На помощь матерямъ»	7 »	9 »
Педагогическое изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»	3 »	5 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница Пѣшкова-Толивѣрова.

Редакторъ П. Волексъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1895 года).

	стр.
Въ поискахъ истины. I—XIV. Н. И. Мердеръ	7, 345, 689
Записки сенатора Н. П. Синельникова. I—IV	39, 380, 721
Порченая. (Историческая быль XIV вѣка). П. Н. Полевого	76
Наброски изъ прошлаго. Графъ Э. И. Тотлебенъ и М. Д. Ско- белевъ. Князя Д. Д. Оболенскаго	96
Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XIX—XXI. (Продол- женіе)	109, 412, 773
На вечерѣ у курсистокъ. (Изъ дневника пожилого человѣка). Р. И. Сементковскаго	134
Воспоминанія о Н. И. Лобачевскомъ. Со словъ его сына Н. Н. Лобачевскаго	154
А. С. Грибоѣдовъ и его раннія произведенія. (По поводу сто- лѣтія со дня рожденія, 4-го января 1796 года). В. Пе- ретца	171
Замѣчательныя русскія женщины. Княгиня А. П. Гагарина, урожденная Лопухина. С. А. Адрианова	177
Изъ путевыхъ впечатлѣній подъ тропиками. А. Н. Краснова	190
<p style="margin-left: 2em;">Иллюстраціи: 1) Улица въ тропическомъ городѣ.—2) Кокосо- вая пальма.—3) Видъ Яванскаго города.—4) Яванская деревня и затопленныя рисовыя поля.—5) Носильщикъ тяжестей на Явѣ— съ сѣномъ, фруктами и только-что снятымъ рисомъ.—6) Малай- ская женщина съ кувшинами изъ бамбука.—7) Малаецъ слуга съ острова Сингапура.—8) Малайская хижина на островѣ Ява.— 9) Хлѣбное дерево <i>Artocarpus integri folia</i>.—10) Бамбуковая за- росель <i>Alang-Alang</i> и сѣкій видъ на вулканѣ (Gunung Gedeh на Явѣ.—11) Бамбуковый пучокъ въ саду Речаденца на Цейлонѣ.— 12) Тропическіе фрукты.</p>	
Новый Наполеонъ. В. Т.	231
<p style="margin-left: 2em;">Иллюстраціи: 1) Наполеонъ въ юности.—2) Домъ въ Аяціо, гдѣ родился Наполеонъ.—3) Комната, въ которой родился На- полеонъ.—4) Бонапартъ въ Бріенской школѣ.—5) Факсимиле стра- ницы изъ школьной тетрадки Наполеона, находящейся въ Фло- рентинской библіотекѣ.—6) Бонапартъ, артиллерійскій поручикъ.</p>	
Британскій музей. Н. Викторова	256
Новыя раскопки въ Троѣ. С. А. Бердяева	287
Въ заросляхъ чертополоха. I. I. Ясинскаго	398
Таинственная корреспондентка. А. В. Амфитеатрова	442

	стр.
Въ одиночномъ заключеніи. А. И. Фаресова	457
Современные литературные дѣятели. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. К. П. Медвѣдскаго	500
Культурные успѣхи Финляндіи. Р. И. Сементковскаго	518
Русскіе тропики. А. Н. Краснова	536
Иллюстраціи: 1) Общій видъ долины рѣки Чироха.—2) Заросли самшита и рододендрона на рѣкѣ Чаквѣ.—3) Смоковница въ селеніи Чаквистава.—4) Земледѣльческія орудія въ селеніи Хала, Батумской области.—5) Мельница въ селеніи Чаквистава.—6) Домъ въ селеніи Чаквистава.—7) Мечеть въ селеніи Хала.	
Народная грамотность. Б. Б. Глинскаго	571
Указъ 13-го января	586
Разсказы Христофора Саникадзе о М. Ю. Лермонтовѣ. П. К. Мартыанова	599
Иллюстрація: Христофоръ Саникадзе.	
Чернышевъ и Мишель. Эпизодъ изъ исторіи отношеній между Россіей и Франціей передъ войной 1812 года. В. А. Тимирязева	605
Династія Казимиръ-Перье. В. Т.	623
Иллюстраціи: 1) Казимиръ-Перье, дѣдъ.—2) Казимиръ-Перье, внукъ.	
Смерть дѣда Симхи. С. К. Литвина	737
Общественные мотивы современныхъ беллетристовъ. Р. И. Сементковскаго	792
Въ мятежномъ краѣ. (Изъ воспоминаній). I—II. И. В. Любарскаго	813
Поѣздка въ Старую Руссу. (Наброски изъ записной книжки). А. В. Круглова. I—III	840
Иллюстраціи: 1) Часовня на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.—2) Муравьевскій фонтанъ, танцевальный залъ и ресторанъ.—3) Курзалъ минеральныхъ водъ (со стороны парка).—4) Соленое озеро, галлерей и стеклянный павильонъ для питья водъ.—5) Директоръ Старорусскихъ минеральныхъ водъ, д-ръ мед. С. В. Тиличевъ.—6) Зданіе ваннъ № 7.—7) Ванная комната въ зданіи № 7.	
Письмо В. В. Крестовскаго	878
Неразгаданная книга. Е. М. Гаршина	883
Изъ записной книжки старожила. Н. Л. Ширяева	890
Еще о Скобелевѣ и Тотлебенѣ. Князя Д. Д. Оболенскаго	901
Французская художница при дворѣ Екатерины II. В. А. Тимирязева	913
Иллюстрація: Голова статуи Петра I, исполненная г-жей Колло.	
Къ біографіи В. А. Жуковскаго. (Неизданныя письма его къ М. А. Дороховой). Н. Н. Овсянникова	924
Россія въ словарѣ Ларусса. О. А. Витберга	937

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1895. Арн. Л—нко.—2) В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда». Одесса. 1894. С. Т—снаго.—3) Всеобщая исторія О. Іегера, четыре тома. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію П. Н. Полевого. Изданіе

А. Ф. Маркса. Спб. 1894. С. Ш.—4) Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Данте, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о повѣи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса. А. Н. Гилярова. Кіевъ. 1895. А. Бороздина.—5) Памятная книжка Курской губерніи на 1894 годъ. Изд. Курскимъ статистическимъ комитетомъ, составл. секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ. Курскъ. 1894. Б. Г.—6) М. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги Царствъ» въ собраніи рукописей библиотеки Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1894. А. К.—ва.—7) К. Ивановъ. Средневѣковой городъ. Спб. 1894. Н. Рыжкова.—8) Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году. Полковника генеральнаго штаба Н. А. Орлова. Спб. 1894. С. Ш.—9) Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изданіе второе. Томъ I. Съ портретомъ А. Ѳ. Гильфердинга. Спб. 1894. С. Т.—снаго.—10) И. А. Чистовичъ. Руководящія дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія духовныхъ училищъ. Спб. 1894. С. Г. Рунневича.—11) Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Д. Сиповскаго.—Тѣни. Фантазіи. Г. Короленко. Москва. 1894. Д. П. Лебедева.—12) В. Истринъ. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. Москва. 1894. С. Т.—снаго.—13) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саятова. Спб. 1894. С. Т.—снаго.—14) Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Переводъ студентовъ С. Петербургскаго университета, подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1894. Р. С.—15) Священникъ С. Петровскій. Семь Херсонскихъ архіепископовъ. Біографія съ приложеніемъ портретовъ. Одесса. 1894. С. Г. Р.—16) Ж. Мазперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. С. А.—ва.—17) П. Кулаковскій. Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава. 1894. Ари. Л.—нно.—18) Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою архивною комиссіею. Выпускъ третій. Кострома. 1894. А. Б.—19) Русская народная лирика. Пособіе при изученіи русской литературы. Изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова. Вып. XVIII. Спб. 1894. С. Т.—снаго. 20) а. Исторія крѣпости въ Россіи. Очеркъ Л. Фримана. Часть I, до начала XIX столѣтія. Спб. 1895.—б. Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей. Опытъ изслѣдованія критико-историческимъ методомъ, составилъ Э. Энгманъ. Спб. 1895. В. П.—21) Критическіе опыты Н. К. Михайловскаго. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895. А. Б.—22) Н. Карѣвъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изданіе 2-е. Спб. 1895. П. А.—23) Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски I—XXI. Спб. 1883—1894. Н. О.—24) Dr J. Machal. O bohatyrském epose slovanském, část prvni. U Praze. 1894. С. Т.—снаго.—25) А. А. Потёбия. Изъ лекцій по теоріи словесности. Васня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1894. Ари. Л.—нно.—26) Святѣйшій правительствующій синодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность. Студента Н. Ольшевскаго. Кіевъ. 1894. Н. Рыжкова 297, 639, 946

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Археологія въ 1894 году.—2) Великій печатникъ.—3) Разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ.—4) Отголоски французской революціи въ Голландіи.—5) Интервью Наполеона лордому Эбрингтономъ.—6) Третій мужъ Маріи-Луизы.—7) Тайны испанскаго двора.—8) Смерть Дерюи и Фруда.—9) Юбилей Гиббона и

- современные английскіе историки.—10) Мелицина 3000 лѣтъ тому назадъ.—11) Настоящій Фаустъ.—12) Юбилей Густава-Адольфа.—13) Кромвель и палата лордовъ.—14) Новые мемуары о французской революціи и первой имперіи.—15) Возвышеніе Веллингтона.—16) Воспоминанія о крымской войнѣ.—17) Сынъ Бомбы.—18) Два германскіе канцлера.—19) Смерть Роберта Стивенсона и Христины Россетти.—20) Остатки аптековской цивилизаціи.—21) Послѣдніе муниципальные выборы въ Помпеѣ.—22) Основатель голландской колоніи на мысѣ Доброй Надежды.—23) Кардиналь Рогавъ въ роли панамиста.—24) Другъ Талейрана.—25) Прудонъ, какъ драматургъ.—26) Торійскій демагогъ.—27) Послѣдній французскій маршалъ 310, 655, 962

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 329, 673, 980

СМѢСЬ:

- 1) Юбилей К. П. Яновскаго.—2) Диспутъ въ университетѣ.—3) Славянское общество.—4) Русское литературное общество. Очеркъ дѣятельности общества за 1886—1894 годы.—5) Торжественное собраніе академіи наукъ.—6) Историческое общество.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Вольномъ экономическомъ обществѣ Петербургскаго комитета грамотности за 1893 годъ.—9) Юбилей А. И. Поповичаго.—10) Тридцатипятилѣтіе литературнаго фонда.—11) Люцинскій могильникъ.—12) Историческое общество.—13) Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго славянскаго благотворительнаго общества за 1893 годъ.—14) Некрологи: Я. И. Баршевъ; Ф. Н. Королевъ; П. Л. Чебышевъ; И. А. Маннъ; Н. А. Трофимовскій; С. А. Арндтъ; В. В. Крестовскій; М. Н. Миклашевскій; Н. Я. Воскобойниковъ; П. Г. Васильевъ 334, 679, 986

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

- 1) Для редакціи «Сѣвернаго Вѣстника».—2) Къ біографіи В. Г. Шварца.—3) Числа 3 и 13 въ жизни императора Александра III. В. К.—4) Судьба бібліотеки Соболевскаго. Ивана Янжула.—5) По поводу похода въ Индію въ 1801 году. М. Ж.—6) Поправка къ статьѣ «Указъ 13-го января» 341, 686, 992

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: княгини Анны Петровны Ггарариной, графа Арсенія Аркадіевича Голенищева-Кутузова и г-жи Колло. — 2) Паденіе Царьграда. (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Части I—III, гл. I—XI.—3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1895 году
(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1895 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія пятнадцать лѣтъ (1880—1894).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСВАЗЫ

С. Н. ШУВИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габріелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

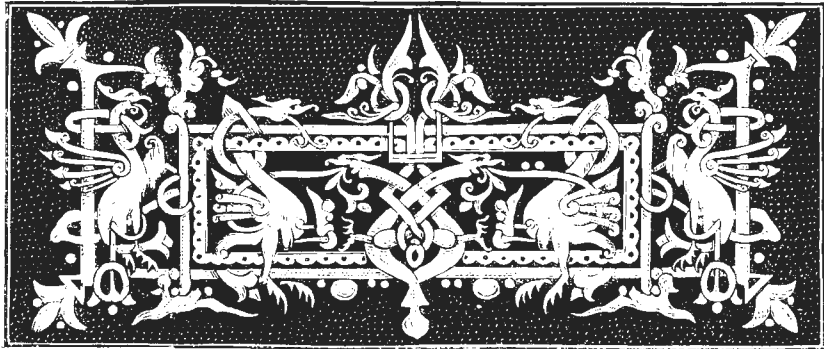

КНЯГИНЯ АННА ПЕТРОВНА ГАГАРИНА.

ДОЗР. ЦЕНЗ. СПБ., 14 ДЕКАБРЯ 1894 г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ.

I.

ПРИЧИНАХЪ вражды между сестрами, Анной Федоровной Курлятьевой и Софьей Федоровной Бахтериной, урожденных Турениныхъ, въ городѣ толковали разное.

Одни утверждали, что Анна Федоровна возненавидѣла сестрицу за Магдалиночку, другіе увѣряли, что Софья Федоровна обижается на Анну Федоровну за то, что у нея нѣтъ дѣтей, а третьи, наконецъ, углубляясь въ старину еще дальше, держались такого мнѣнія, что охлажденіе между сестрами началось еще съ того времени, когда Бахтерины надумали переселиться изъ Петербурга въ родной городъ на югъ Россіи, и по этому случаю Курлятьевы должны были строить себѣ новый домъ, такъ какъ тотъ, въ которомъ Анна Федоровна родилась, выросла и продолжала жить послѣ замужества, и гдѣ родились всѣ ея дѣти, въ томъ числѣ и ненаглядный ея Федюшка, былъ завѣщанъ дѣдомъ не ей, а младшей ея сестрѣ, Софьѣ Федоровнѣ.

Очень ей было тогда прискорбно и досадно. И уже съ тѣхъ поръ старалась она возстановить общественное мнѣніе противъ сестры, выставляя ее душой, а мужа ея напыщеннымъ гордецомъ и франмасономъ. При этомъ она по секрету намекала на пикант-

ныя подробности относительно причинъ, заставившихъ ихъ покинуть столицу.

— Ужь за хорошія дѣла не вытурили бы его отсюда; вѣдь первымъ человѣкомъ у цесаревича былъ. Не сумѣлъ, вѣрно, политику соблюсти. А, можетъ, супруга ему подгадила. Умомъ-то Господь ее обидѣлъ, сестрицу нашу, — прибавляла она со вздохомъ. — А ужъ ревнива—страсть! Вотъ вамъ и столичное воспитаніе. Не даромъ матушка покойница такъ плакала и убивалась, когда тетенька Татьяна Платоновна пожелала сестрицу Софьюшку къ себѣ за мѣсто дочери взять. Кабы не батюшка, ни за что бы этому не бывать. Ну, что въ томъ, что тетенька богатствомъ ее наградила, да за гвардейскаго щеголя красавца замужъ выдала, счастья-то все равно Господь имъ не послалъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ, сама все хвораетъ, а самъ-то въ немилость попалъ. Отсюда, можетъ, и подалее сошлютъ, кто знаетъ!

И такъ много и упорно гвоздила она объ этомъ, что ей всѣхъ удалось убѣдить, что дѣйствительно Бахтерины не по собственному желанію, а по высочайшему повелѣнію принуждены были покинуть столицу.

И держался этотъ слухъ такъ упорно, что даже, когда Бахтерины пріѣхали и со всѣми перезнакомились, когда въ ихъ гостепріимномъ и богатомъ домѣ все губернское общество стало на славу веселиться, встрѣчая тамъ постоянно и губернатора и другихъ представителей администраціи, даже и тогда продолжали думать, что все это хорошо, денегъ у нихъ много, обращаться съ людьми они умѣютъ тонко и воспитаны по столичному, а все же имъ выѣзды отсюда запрещены, и живутъ они здѣсь, какъ бы въ ссылкѣ.

Да и впоследствии, когда съ ними сошлись еще короче, предубѣжденіе это не разсѣялось. Софья Федоровна Бахтерина оказалась очень милой, доброй женщиной и скорѣе болтливой, чѣмъ скрытной; она про все съ удовольствіемъ рассказывала, и про балы во дворцѣ, и про домашній обиходъ у императрицы, и про семейную обстановку цесаревича, и про милости къ ней и къ ея мужу цесаревны Маріи Федоровны,—про все она рассказывала, но о причинахъ, заставившихъ ихъ сюда переселиться, никакими хитростями невозможно было заставить ее проронить слова.

Мужъ вѣрно запретилъ. Она его обожала, но и боялась; рта не разинеть, не взглянувъ предварительно на него и не получивъ его одобренія.

Болѣзненною-то оказалась не она, а онъ. Она цвѣла здоровьемъ; ея розовыя щеки, блестящіе каріе глаза, пышный станъ, ручки съ ямочками, и круглый начинавшій слегка двоиться подбородокъ, представляли контрастъ съ фигурой ея мужа, красивой, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такой мрачной, что когда свояченица губернатора, насмѣшница большой руки, прозвала его *le beau ténébreux*,

всѣ нашли, что кличка эта подходитъ къ нему, какъ нельзя лучше, и она за нимъ осталась.

Тотчасъ по прїѣздѣ, предоставивъ супругѣ ѣздить съ визитами и принимать гостей, Иванъ Васильевичъ Бахтеринъ занялся хозяйствомъ въ ея имѣніи, расположенномъ въ дальнемъ уѣздѣ, верстъ триста отъ губернскаго города, и въ своемъ собственномъ еще дальше, въ другой губерніи.

Туда онъ ѣздилъ обыкновенно зимой, и поѣздки эти были сопряжены съ большими затрудненіями, такъ какъ дорога шла все больше проселкомъ, дремучими лѣсами и по необозримымъ пространствамъ никому не принадлежащихъ земель.

За цѣлый мѣсяцъ передъ этими поѣздками Софья Ѳедоровна начинала волноваться, а ужъ когда онъ уѣзжалъ, она просто не знала, куда дѣться отъ страха и тоски.

Отсутствіе его обыкновенно продолжалось недѣль шесть. И всѣ эти шесть недѣль она жила затворницей, никого не принимала, кромѣ самыхъ близкихъ, выѣзжала только въ церковь, гдѣ ее видѣли молящеюся такъ усердно и съ такими слезами, точно она оплакиваетъ покойника.

Писемъ отъ мужа она не получала во время его отсутствія. Почта тогда не ходила по другимъ трактамъ, кромѣ большой столовой дороги, устроенной не для удобства сношеній жителей губерній между собой, а для того только, чтобы можно было начальству изъ Петербурга, фельдъегерямъ да ревизорамъ, мчаться безъ задержки съ приказаніями да съ донесеніями взадъ и впередъ, а Ивану Васильевичу Бахтерину путь лежалъ въ такія трущобы, которыми въ Петербургѣ если и интересовались, то еще вполне платонически.

Что тамъ творилось въ этихъ трущобахъ, поросшихъ дремучими лѣсами и заселенныхъ всякимъ бѣглымъ сбродомъ, стоитъ только взглянуть на дѣла, хранящіяся въ губернскихъ архивахъ, чтобы представить себѣ эти ужасы и повясть, какъ дрожала Софья Ѳедоровна за мужа каждый разъ, когда онъ пускался въ путь, и какъ она радовалась его благополучному возвращенію.

Всегда у нихъ по этому поводу давался балъ, на который приглашался весь городъ. Бахтеринскіе балы славились на всю губернію. Къ нимъ больше готовились, чѣмъ къ губернаторскимъ и дворянскимъ во время выборовъ. Не было такой дѣвочки, подростка изъ дворянской семьи, которая не мечтала бы о той блаженной минутѣ, когда она войдетъ въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ съ розой въ напудренныхъ волосахъ, въ залитую свѣтомъ восковыхъ свѣчей большую бѣлую залу съ колоннами, гдѣ ждали ее упоительная музыка и танцы съ лучшими въ губерніи кавалерами.

Балы эти служили выставками для невѣстъ. Про дѣвицу говорили: «Она ужъ не такъ молода, третій разъ ее вывозятъ къ Бахтеринымъ на балъ».

«Не такъ молода» означало въ то время, что дѣвущкѣ лѣтъ семнадцать. Понятно послѣ этого, что старшія дочери Анны Ѳедоровны Курлятьевой давно уже считались перезрѣлыми дѣвами, которымъ суждено всю жизнь оставаться Христовыми невѣстами. Старшей, Катеринѣ, уже стукнуло двадцать два года, когда начинается этотъ рассказъ, второй, Маріи, было двадцать, меньшей, Клавдіи, не было еще четырнадцати, а сыну Ѳедору шелъ седьмой годъ.

Курлятьевымъ всегда хотѣлось имѣть сына, и къ дочерямъ, являвшимся на свѣтъ одна за другой, точно по повелѣнію какого-то злаго духа, враждебнаго ихъ роду, Анна Ѳедоровна относилась скорѣе съ досадой, чѣмъ съ любовью. Держала она ихъ въ черномъ тѣлѣ, упрекала за то, что надо тратить на нихъ деньги, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ накидывалась на мужа за то, что онъ ихъ балуетъ. А чѣмъ могъ онъ ихъ баловать? Приласкать развѣ только потихоньку, когда матери тутъ не было. Но ей тотчасъ доносили объ этихъ поблажкахъ, и она поднимала такой гвалтъ, что Николай Семеновичъ зажималъ себѣ уши и, нашептывая молитву, поспѣшно забивался въ свою щель.

Своею щелью называлъ онъ комнатку въ одно окно, съ большимъ кіотомъ, полкой съ священными книгами въ кожаныхъ переплетяхъ, потертыхъ и порыжѣвшихъ отъ времени, и съ древнимъ кресломъ передъ бѣлымъ, некрашенымъ столомъ грубой работы домашняго столяра.

Тутъ проводилъ онъ большую часть своей многострадальной жизни въ молитвѣ и душеспасительныхъ размышленіяхъ. Последнее же время онъ такъ одичалъ, что совсѣмъ пересталъ входить въ апартаменты жены.

Убѣжище это находилось въ самомъ концѣ дома, примыкавшемъ къ чернымъ сѣнямъ, и первоначально предназначалось для провизіи, но Николай Семеновичъ выпросилъ себѣ эту горенку для молельни, и это былъ единственный уголокъ, гдѣ его оставляли въ покоѣ. Для этого стоило только запереть изнутри дверь; другого хода сюда не было ниоткуда. Единственное оконце, маленькое, съ подъемной рамой, выходило на пустырекъ между параднымъ дворомъ и чернымъ. Для чего-то пустырекъ этотъ, когда еще домъ строился, загородили частоколомъ, да такъ и оставили. Благодаря этой оградѣ, сюда не проникали ни люди, ни животныя. Некому, стало быть, было топтать тучную, зеленую траву, испещренную желтыми одуванчиками, которой онъ обросталъ съ ранней весны.

Боже, какъ любили барышни Курлятьевы этотъ укромный уголокъ! Какъ онѣ счастливы были, когда имъ удавалось ускользнуть отъ надзора старшихъ и прибѣжать сюда къ дорогому папенькѣ, отъ котораго онѣ никогда ничего не видѣли, кромѣ любви и ласки.

А какъ повыросли онѣ, и дѣтскія печали стали смѣняться на-

стоящими горестями, только здѣсь и находили онѣ отраду и утѣшеніе. Когда, три года тому назадъ, Машенька, нѣжная, голубоглазая блондинка, съ чувствительнымъ сердцемъ и восторженной головкой, влюбилась въ сына помѣщика Бочагова, и онъ ей тоже признался въ любви на балѣ у губернатора, она прямо сюда прибѣжала, чтобы повѣдать отцу свою тайну.

Ужасно смутился Николай Семеновичъ. Даже слезы выступили у него изъ глазъ отъ страха и жалости за свою дочурку. И, прижимая ее къ себѣ, гладя широкой рукой ея разметавшіяся бѣлосурые кудри, онъ спрашивалъ себя съ тоской: какъ уговорить ее смириться передъ злой судьбой, вырвать изъ сердца чувство, запавшее въ него, и виду не показывать, какъ ей нестерпимо больно. Бѣдная, бѣдная дѣвочка! ну, какъ ей это объяснить?

— Никто еще этого не знаетъ? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Никто, папенька, я къ вамъ къ первому... къ кому же мнѣ, если не къ вамъ? — отвѣчала она, цѣлуя его руки.

— Ну, и слава Богу, слава Богу! — вымолвилъ онъ со вздохомъ.

Будь она хоть крошечку поспокойнѣе, многое поняла бы она изъ этого вздоха, но ей было невозможно отрѣшиться даже на минуту отъ радостнаго волненія, охватившаго все ея существо. Ничего она не слышала, кромѣ голоса милаго, не перестававшаго звучать въ ея ухахъ, ничего не видѣла, кромѣ его дорогого, дышащаго любовью лица.

Не стоило и пытаться вывести ее изъ обаянія, все равно ничего не выйдетъ. Отецъ ея понималъ это какъ нельзя лучше и съ замирающимъ сердцемъ ждалъ, чтобы она поуспокоилась.

Наконецъ, когда она ему все рассказала и въ десятый, въ двадцатый разъ повторила тѣ слова, которыми Бочаговъ далъ ей понять, что она ему всехъ дороже на свѣтѣ, и что отецъ его пріѣдетъ надняхъ къ ея родителямъ просить ея руки, Николай Семеновичъ сталъ осторожно ее готовить къ предстоящимъ затрудненіямъ.

— Ты помалкивай пока; я самъ съ маменькой переговорю; узнаю, какъ она къ этому отнесется, — нерѣшительно произнесъ онъ, понижая голосъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ, точно одно упоминаніе о женѣ способно вызвать ея призракъ.

— Маменька? Да неужто-жъ она?...

Роковое слово не произносилось. Но какъ краснорѣчиво читалось оно въ широко раскрытыхъ глазахъ дѣвушки! Лицо ея помертвѣло отъ ужаса.

— Не знаю, дитя мое, ничего не знаю... Какой стихъ на нее найдеть, вѣдь ты маменьку знаешь.

О, да, она ее знала!

И какъ это ей раньше не пришло въ голову, что все зависитъ отъ ея согласія! Какъ могла она радоваться и мечтать о счастіи, когда ничего еще неизвѣстно!

— Папенька, голубчикъ, золотой, упросите ее, скажите ей!— вырвалось у нея сквозь рыданія.

— Скажу, дитя мое, скажу, буду просить за тебя, на колѣни стану, чтобъ ее умилостивить, не плачь только, успокойся, молись Богу, на Него одна надежда, молись,—повторялъ онъ, лаская дочку и прижимая ее къ себѣ въ то время, какъ въ головѣ его мелькали самыя безотрадныя мысли.

Не отдастъ Анна Федоровна Машеньку за Бочагова. Отецъ у него человѣкъ твердый, съ нимъ шутить нельзя, онъ потребуетъ приданого за невѣстой. Бѣдная дѣвчурка!

Опасенія эти сбылись. Анна Федоровна даже и договорить мужу не дала, когда онъ заикнулся про то, что, кажется, ихъ Машенька очень правится сыну Андрея Васильевича Бочагова, раскричалась, затопала ногами, обругала мужа дуракомъ, а затѣмъ принялась за дочь.

По всему городу передавали другъ другу о томъ, какъ Курлятьева истязуетъ дочь за то, что она осмѣлилась влюбиться въ Бочагова безъ ея позволенія. Болтали объ этомъ и въ людскихъ, и у господъ, но въ глаза дѣлать замѣчанія Аннѣ Федоровнѣ, разумѣется, никто не рѣшался.

Да и врядъ ли кому нибудь приходило въ голову находить предосудительнымъ ея поведеніе. Машенька—ея дочь, ей лучше, чѣмъ кому либо, знать, какъ съ нею обращаться. И кто же между ними, кромѣ Господа Бога, можетъ быть судьей,—рѣшительно никто.

Одинъ только Николай Семеновичъ развѣ, отцу тоже даны права надъ дѣтьми, и даже въ такихъ семьяхъ, гдѣ все такъ, какъ слѣдуетъ быть, отцовскія права превыше материнскихъ считаются, потому что онъ глава семьи, и всѣ должны ему покоряться, но Николай Семеновичъ человѣкъ слабый, безхарактерный и недалекій, онъ самъ давнымъ давно отказался отъ своихъ правъ, значитъ, такая ужъ судьба бѣдной Машеньки не выходитъ замужъ за любимаго человѣка. Останется, вѣрно, старой дѣвой, какъ и старшая сестра.

Эта послѣдняя давно ужъ смирилась передъ судьбой и никакихъ претензій нравиться кавалерамъ не предъявляла. Лѣтъ шесть тому назадъ она была красавица, живая и веселая, но вдругъ какъ-то состарилась; кожа у нея пожелтѣла, глаза впали и потускнѣли, лицо осунулось, и движенія стали вялы и апатичны, какъ у больной. Ее тѣмъ не менѣе продолжали вывозить на балы и на вечера, но никто ею не занимался; ее приглашали танцовать тогда только, когда всѣ остальные дѣвицы были разобраны, и большею частью она сидѣла рядомъ съ матерью у стѣнки, среди старухъ, составлявшихъ декорацію бальной залы, и видъ у нея былъ такой удрученный, что жалко было на нее смотрѣть.

У Катерины тоже былъ романъ, но такого рода, что даже сестрамъ ея ничего о немъ не было извѣстно. Изъ домашней челяди о барышнинномъ несчастіи знали только въ достовѣрности и со всѣми подробностями нянюшка Максимовна да экономка Лаврентьевна, да еще тотъ злополучный, который былъ причиной бѣды, но первыя двѣ скорѣе способствовали сокрытію тайны, чѣмъ ея открытію, а послѣдній былъ такъ далеко, что если даже онъ теперь и болтаетъ о томъ, что случилось у него со старшей барышней Курятыевой, то это все равно, какъ еслибъ онъ ровно ничего не говорилъ, никто тамъ не знаетъ ни этой барышни, ни ея семьи. А здѣсь про него вѣстей нѣтъ, и для здѣшнихъ онъ все равно, что умеръ.

Звали его Алексѣемъ, онъ былъ круглый сирота, привезенъ изъ далекой вотчины вмѣстѣ съ обозомъ живности, взятъ въ барскіе покои казачкомъ и, благодаря миловидности, ловкости и веселому нраву, сдѣлался вскорѣ всеобщимъ любимцемъ.

Барыня его въ приказчики на мѣсто старика Гаврилыча прочила и для этого съ барышней Катериной Николаевной приказала грамотѣ и цыфири его обучать, — вотъ какъ она была къ нему милостива! А теперь онъ въ солдатахъ.

Теперь, когда барышня Катерина Николаевна проходитъ черезъ длинную, уставленную пальцами, дѣвичью, ни на кого не глядя, блѣдная и такая худая, что платье у нея съ плечъ валится, молодымъ дѣвкамъ и дѣвчонкамъ и въ голову не приходитъ вспоминать, какая она была шесть лѣтъ тому назадъ; старухи же съ печальнымъ вздохомъ глядятъ ей въ слѣдъ, и оживаетъ при этомъ у нихъ въ памяти мрачная сцена, разыгравшаяся у нихъ въ сѣняхъ, когда Алешу привели прощаться съ господами, въ арестантскомъ халатѣ и въ цѣпяхъ, съ бритой головой.

Какъ онъ повалился барынѣ въ ноги, да какъ барышня вскрикнула и въ обморокъ упала, — никогда тѣмъ, кто это видѣлъ, не забыть.

На рукахъ вынесли ее, холодную и безчувственную, какъ мертвую, въ то время, какъ новаго рекрута сводили съ черной лѣстницы на заднее крыльцо, гдѣ дворня столпилась, чтобы поглядѣть на него въ послѣдній разъ и пожелать ему счастья на царской службѣ.

Долго не приходила въ себя Катерина, а какъ очнулась, точно безумная стала: никого не узнаетъ, громко про Алешу бредитъ, милымъ, яснымъ солнышкомъ его называетъ, срамъ да и только! Докторъ объявилъ, что у нея горячка, и если кровь у нея отъ головы не оттянуть, навѣкъ разсудка можетъ лишиться.

Разъ пятнадцать кровь ей пускали, такъ что, наконецъ, какъ восковая сдѣлалась, отъ простыни не отличишь, такъ блѣдна.

А какъ пришла въ себя да поправляться стала, точно зарокъ дала про возлюбленнаго не вспоминать. Чтò на душѣ у нея было, — одинъ Господь вѣдалъ, никому она мыслей своихъ не выдавала.

И всёхъ стала чуждаться, даже отца. Только за святыми книгами къ нему ходила. Богомольная сдѣлалась и съ монахиней Агніей сдружилась.

Старица эта двоюродной сестрой имъ доводилась, и ужъ не-премѣнно разъ въ годъ и Анна Ѳедоровна, и Софья Ѳедоровна ѣздили ее навѣстить въ монастырь за семьдесятъ верстъ отъ города. Тутъ ихъ родители были похоронены. Мать Агнія проживала въ отдѣльной кельѣ съ двумя монашками изъ ея же бывшихъ крѣпостныхъ, принявшихъ постриженіе вмѣстѣ съ нею. Съ тѣхъ поръ какъ съ барышней Катериной Николаевной случилось несчастье, мать Агнія часто за нею присылала и подолгу оставляла ее у себя, особливо лѣтомъ, когда вся семья Курлятьевыхъ уѣзжала въ деревню.

Всѣ были убѣждены, что барышня Катерина Николаевна и сама современемъ монахиней сдѣлается. Однако, когда случилась вышеописанная исторія съ ея сестрой, она была еще въ міру и усердно помогала ухаживать за бѣдной Машенькой; по цѣлымъ ночамъ просиживала у ея постели, слушая ея бредъ, и даже, говорятъ, пыталась умиловить мать, долго стояла передъ нею на колѣняхъ и со слезами умоляла сжалиться надъ влюбленными. Но, разумѣется, это ни къ чему не повело. Когда Анна Ѳедоровна забирала себѣ что нибудь въ голову, никто не могъ заставить ее измѣнить принятое рѣшеніе.

А между тѣмъ Бочаговъ былъ не на шутку влюбленъ въ Машеньку; долго не могъ онъ примириться съ мыслью ее потерять. Три раза пріѣзжалъ его отецъ къ Курлятьевымъ. Первый разъ его совѣмъ не приняли, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ барышня, Марья Николаевна, при смерти, и второй разъ тоже, но когда онъ въ третій разъ пріѣхалъ, Анна Ѳедоровна вышла въ гостиную, и между ними произошелъ разговоръ, кончившійся полнѣйшимъ разрывомъ между семьями.

Анна Ѳедоровна вернулась въ свои покои вся багровая отъ гнѣва и, не дождавшись ухода посѣтителя, объявила во всеуслышаніе, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ никого изъ Бочаговскихъ, ни изъ господъ, ни изъ челяди, къ воротамъ не подпускать.

— Гнать ихъ отъ нашего дома. Собаками травить, если во дворъ войдутъ! Чтобы всѣ это знали, всѣ, до послѣдняго мальчишки!— грозно повторяла она, такъ громко возвышая голосъ, что слышно было въ прихожей, гдѣ старый Бочаговъ, блѣдный отъ негодованія, надѣвалъ шубу, которую подавалъ ему пріѣхавшій съ нимъ лакей. Губы его дрожали, онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова, и только, ужъ усѣвшись въ карету, успокоился на столько, чтобы перекреститься и прошептать:

— Надо благодарственный молебенъ отслужить Пресвятой Богородицѣ за то, что она спасла нашего Сашу отъ такой тещи Чортъ, а не баба!

Все это, разумѣется, барышнѣ Марьѣ Николаевнѣ было передано, и долго плакала она по ночамъ въ длинной свѣтлой комнатѣ наверху, гдѣ она спала съ сестрами. И стала она худѣть и желтѣть, какъ и старшая сестра. И улыбка у нея сдѣлалась такая же вымученная и глаза такіе же грустные, какъ у Катерины.

Первое время каждый день мать посылала за нею, чтобы бранить ее, но затѣмъ мало-по-малу охладѣла и къ ней, какъ и къ старшей дочери, особенно когда третья, Клавдія, подросла, и пришлось за нею смотрѣть въ оба, чтобы не вздумала тоже влюбиться.

— Да, отчего же она ихъ замужъ не хочетъ отдавать?—дивились въ городѣ наивные люди.

Когда обращались съ этимъ вопросомъ къ Софьѣ Ѳедоровнѣ Бахтериной, она изъ политики, отъ прямого отвѣта уклонялась, ссылаясь на судьбу, да на то, что, вѣроятно, женихи не придутся сестрицѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ по вкусу.

— Помилуйте, да чѣмъ Бочаговъ не женихъ? Одинъ сынъ у отца, все имѣніе ему достанется. дочерей только капиталомъ награждать.

— А Кокоскинъ? А Супоневъ? А Григоровъ?—припоминали городскія кумушки про молодыхъ людей, сватавшихся за барышень Курлятьевыхъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ стали вывозить въ свѣтъ.

— Тоже, вѣрно, сестрицѣ не нравились,—возражала Софья Ѳедоровна,—она очень разборчива.

— Да, ужъ нечего сказать! Всѣ дочери у нея въ дѣвкахъ остаются.

— Что же дѣлать, ея воля, она мать,—замѣчала на это г-жа Бахтерина.

Про себя и съ близкими домашними она судила иначе и, если-бъ не мужъ, давно бы вмѣшалась въ сердечныя дѣла племянницъ, чтобы заступиться за нихъ, но Иванъ Васильевичъ такъ строго запрещалъ ей это дѣлать, что послушаться она не смѣла, тѣмъ болѣе, что онъ объяснилъ ей, почему сестрица Анна Ѳедоровна не желаетъ отдавать дочерей замужъ.

— Она все состояніе хочетъ своему возлюбленному сынку передать. Имѣніе-то родовое, все равно ему достанется, но ей хочется и домъ ему оставить, а домъ-то она выстроила на капиталъ, отложенный дочерямъ на приданое. Понимаешь теперь?

Софья Ѳедоровна поняла, что не переѣзжай они сюда изъ Москвы, сестрѣ не нужно было бы строить дома, и дочери ея были бы съ приданымъ, и ей еще жальче ихъ стало, но ничѣмъ не могла она поправить дѣло. Относительно мужа она находилась почти въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ былъ Николай Семеновичъ передъ своею женой.

Иванъ Васильевичъ очень ее любилъ, но ни въ чемъ ей воли

не давалъ. Въ каждой копейкѣ должна она была отдавать ему отчетъ, а онъ, какъ и подобаетъ хорошему и страстному хозяину, называлъ пустымъ мотовствомъ все, что тратилось не на улучшеніе деревенскаго хозяйства, хотя и требовалъ, чтобы жена всегда была нарядно одѣта, и чтобы все у нихъ въ домѣ было на широкую ногу. Но это онъ ужъ дѣлалъ изъ тщеславія, чтобы не уронить себя въ глазахъ общества, къ которому относился свысока, сознавая себя выше его и по уму, и по воспитанію, и по связямъ.

Выпросить у супруга капиталъ на приданое племянницамъ нечего было и думать. Одно только могла для нихъ дѣлать Софья Ѳедоровна — дарить имъ тѣ наряды, которые ей самой были не нужны, но это ихъ не радовало, а мать ихъ раздражало.

Разъ даже Анна Ѳедоровна до того обидѣлась, что отослала ей назадъ гирлянду изъ розъ съ незабудками, присланную Машенькѣ для бала, приказавъ при этомъ сказать, что обносковъ ея имъ не надо.

Разумѣется, посланная не передала въ точности непріятнаго порученія, но и въ смягченной формѣ выходка сестрицы такъ огорчила добрую Софью Ѳедоровну, что какъ ни жалко ей было племянницъ, но она дала себѣ слово слѣдовать совѣту мужа и держаться отъ нихъ подальше.

II.

Когда узнали объ этомъ рѣшеніи въ антресоляхъ, гдѣ у Бахтериныхъ помѣщалась женская прислуга, дурочка Агаѣя, съ незапамятныхъ временъ жившая въ домѣ, въ качествѣ блаженной, ясновидящей и прорицательницы, проворчала сквозь зубы:

— Давно бы такъ... Раньше бы спохватились... уа, уа, уа! плачуть дѣтки... на свѣтъ просятся... томятся...

Всѣ обернулись къ широкой лежанкѣ, съ которой раздались эти вѣщія слова и стали просить Агаѣю пояснить ихъ смыслъ, но она, поглядывая на всѣхъ злыми насмѣшливыми глазами, продолжала уакать и ворчать.

— Дѣвоньки! — вскричала одна изъ бѣлошвеекъ, — вѣдь она это ребеночка представляетъ! Это ребеночекъ новорожденный такъ кричить: уа! уа!

— И то!

— Ребеночка, безпремѣнно ребеночка! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

Внѣ себя отъ испуга, всѣ переглядывались. Всѣмъ теперь былъ ясенъ смыслъ произнесенныхъ дурочкой словъ. Усомниться въ ихъ справедливости никому и въ голову не приходило; всѣ теперь были убѣждены въ томъ, что если у господъ ихъ нѣтъ дѣтей, причина тому сестрица барыни, Анна Ѳедоровна, которая заколдовала ее.

Открытие это такъ всѣхъ поразило, что никто не произнесъ ни слова. Что тутъ говорить — дѣло ясно и ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается. Одному только оставалось удивиться, какъ это раньше никто объ этомъ не догадывался, ослѣпли точно всѣ, право!

Старушка Ефимовна, нянчившая барыню Софью Федоровну, когда она еще была совсѣмъ маленькой, до отъѣзда ея къ знатной петербургской тетенькѣ, не говоря никому ни слова, дождавшись сумерекъ, вынула изъ сундука старую шаль, подаренную ей еще покойницей старой барыней, надѣла ее на голову, подколола булавкой подъ подбородкомъ и тихонько вышла изъ дому.

Всѣ это видѣли. Всѣ знали также, что она за часъ передъ тѣмъ прошмыгнула въ барынину спальню и вынесла оттуда какой-то предметъ подъ фартукомъ, но никто и виду не показалъ, что замѣчаетъ эти продѣлки. Долго не возвращалась она назадъ. Совсѣмъ стемнѣло, огонь зажгли, господа чай откушали, а ея все не было.

— А вѣдь Ефимовна, поди чай, къ ворожеѣ пошла, я видѣла, какъ она изъ спальни сорочку, что барыня скинула, подъ фартукомъ вынесла. На сорочкѣ ворожить будутъ,—шепнула Фроська Матрешкѣ, съ которой она шила въ однихъ пальцахъ при свѣтѣ сальной свѣчки въ широкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ.

Матрешка подняла голову, глянула въ сторону старшихъ дѣвокъ, хранившихъ строгое выраженіе на вытянутыхъ лицахъ, и, толкнувъ ногой подругу, прошипѣла: молчи!

Фроська, покраснѣвъ до ушей, прикусила языкъ.

Тишина, царившая на антресоляхъ, не нарушилась и тогда, когда вернулась Ефимовна. Молча прошла старушка въ свой уголокъ за шкапами и долго, долго оттуда не выходила, все молилась. Даже ужинать не пошла и ни съ кѣмъ не обмѣнялась словомъ. Кромѣ тяжелыхъ вздоховъ да сдавленныхъ возгласовъ: «Господи, помилуй! Царица Небесная, призри и защити!»—вырывавшихся время отъ времени изъ ея взволнованной груди, никто ничего не слышалъ отъ нея въ тотъ вечеръ, а между тѣмъ результатъ ея совѣщанія съ колдуньей сдѣлался всѣмъ извѣстенъ; въ одну ночь прососался онъ по всѣмъ уголкамъ дома, проникъ и въ людскія, и въ кухни, и въ прачешную, и въ кучерскую, облетѣлъ чердаки и подвалы. На слѣдующее утро всѣ знали, что ворожея подтвердила заявленіе дурочки Агаѣи.

Наконецъ, на третій или на четвертый день по возникновеніи слуха о томъ, что Курлятьевская барыня заколдовала сестрицу, и потому эта послѣдняя не родить,—слухъ этотъ проникъ и до самой барыни Софьи Федоровны.

И случилось это, благодаря приживальщику изъ благородныхъ, Мисевичу, у котораго не было тайнъ отъ приживалки изъ поповскаго званія, Фаиночки.

А то, что Файночка знала, непременно должна была знать и пріятельница ея, благородная вдова Александра Петровна, обитавшая съ своими пятью крѣпостными, лакеемъ, поваромъ и тремя дѣвками, въ укромномъ домикѣ съ садикомъ, возлѣ самыхъ Бахтеринскихъ хоромъ.

Александра Петровна, женщина еще не старая, краснощекая, черноволосая, съ пронзительными черными глазами, веселая и рѣчистая, такъ сумѣла подбитися къ Бахтеринскимъ господамъ, что они рѣдкій день садились безъ нея кушать.

Пріятна она была особенно тѣмъ, что всѣ городскія новости знала. Частенько такъ случалось, что за нею посылали только для того, чтобъ узнать про то, что дѣлается у губернатора, или у Курлятевыхъ, или въ другомъ какомъ домѣ, и она непременно все пронюхаетъ и донесетъ съ такими подробностями, какихъ невозможно было и предвидѣть.

Не было такого мѣста, куда она не сумѣла бы проникнуть. Всюду были у нея друзья и облагодѣтельствованные ею людишки, которые отца съ матерью рады были для нея продать.

Слухъ, пущенный дурочкой Агаѣей и подкрѣпленный ворожеей, достигъ до Софьи Ѳедоровны уже въ усовершенствованной формѣ. Ей преподнесли его въ видѣ неопровержимаго факта, со всѣми доказательствами, и онъ ее такъ поразилъ, что съ нею сдѣлась истерика отъ ужаса и печали.

Да и было отчего придти въ отчаяніе. Она была замужемъ пятнадцать лѣтъ, значить цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ находилась въ положеніи заколдованнаго существа, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ надъ нею властвуетъ дьявольская сила! Можно было съ ума сойти отъ такого открытія.

На бѣду еще Ивана Васильевича не было дома, онъ уѣхалъ въ имѣніе, и раньше, какъ черезъ недѣлю, нельзя было его ждать.

Можно себѣ представить, какъ онъ разгнѣвается на сестрицу. Ему всегда такъ хотѣлось имѣть дѣтей, онъ въ такомъ горѣ, что желаніе его не исполняется. По временамъ Софья Ѳедоровнѣ казалось, что онъ къ ней охладѣлъ, и если продолжаетъ попрежнему ласково съ ней обращаться, то это единственно для того, чтобъ она не догадалась, что онъ больше ея не любитъ. Онъ насилуетъ себя потому, что ему ее жалко, а любви у него къ ней нѣтъ, давно ужъ нѣтъ...

И этимъ она обязана сестрѣ. Злая, безчувственная женщина! не даромъ ее всѣ такъ боятся и ненавидятъ. Да ужъ чего отъ такой ждать, которая родныхъ дочерей изводитъ. А съ мужемъ-то она что сдѣлала! Вѣдь всѣ, кто его зналъ раньше, говорятъ, что онъ вовсе не былъ такъ глупъ, какъ теперь. Она, безъ сомнѣнія, и его заколдовала и на него напустила дьявольское наважденіе. Ка-

кая страшная женщина! съ нею и бороться невозможно. Ужъ если она нечистому предалась!...

И въ горестномъ своемъ изступленіи бѣдная женщина прости-рала къ окружающимъ руки, умоляя скрыть отъ барина роковое открытіе.

— Ради Бога, не говорите ему ничего! Онъ допытываться начнетъ, дѣло подниметь, до самой царицы дойдетъ... О, Господи, что тутъ дѣлать! Что дѣлать!—повторяла она, вздрагивая и съ испугомъ отстраняясь отъ всякой попытки ее утѣшить и успокоить.

Пришлось за ея духовникомъ послать, чтобы онъ ее отчиталъ и молитвой изгналъ бы изъ нея духъ отчаянія и унынія.

Послѣ молебна съ водосвятиемъ и продолжительной бесѣды съ отцомъ Меодіемъ, Софья Ѳедоровна поуспокоилась немного, но все еще такъ была печальна, что приближенные все чаще и чаще повторяли:

— Хоть бы баринъ скорѣе пріѣхалъ!

III.

Дѣло было зимой. Морозы стояли лютые, и каждую ночь поднимались такія мятели, что за ревомъ вьюги не слышно было воя голодныхъ волковъ, пѣлыми стаями выбѣгавшихъ изъ лѣсу на добычу въ открытое поле, гдѣ случалось проѣзжимъ дѣлаться ихъ жертвами. А въ лѣсу-то, можно себя представить, что происходило!

У Бахтериныхъ тщательно скрывали отъ барыни страшные розказни, переходившія изъ устъ въ уста съ базарной площади по всѣмъ дворамъ и закоулкамъ города, проникая изъ людскихъ и дѣвичьихъ въ барскія хоромы.

И хорошо дѣлали, что скрывали: даже у тѣхъ, у кого всѣ близкіе были дома, волосъ дыбомъ становился на головѣ отъ этихъ розказней, такъ онѣ были ужасны.

Между прочимъ, пронесся слухъ, будто бы въ Елифанскомъ лѣсу (а именно тѣмъ лѣсомъ и лежалъ путь Бахтеринскому барину въ дальнюю вотчину, куда онъ поѣхалъ усчитывать проворовавшагося управляющаго) неистовствуетъ шайка злодѣевъ, подъ предводительствомъ атамана Шайдюка. Говорили, что шайка эта накинулась на поѣздъ какихъ-то важныхъ путешественниковъ, ѣхавшихъ издалека, и всѣхъ ихъ перерѣзала.

Какимъ образомъ, черезъ кого проникъ слухъ объ этомъ приключеніи въ городъ, никто сказать не могъ, но всѣ, отъ мала до велика, толковали о немъ, особенно среди Бахтеринской дворни. Отправляясь въ дальній путь, баринъ взялъ съ собой человѣкъ десять челяди. У каждого остались дома—у кого мать, у кого жена, у котораго вазноба сердечная, или дѣтки малые.

Каждый вечеръ, собираясь въ застольной, люди предавались самымъ печальнымъ и ужаснымъ предположеніямъ, а бабы поднимали такой вой, что надо было только дивиться, какъ весь этотъ шумъ и гвалтъ не доходилъ до барыни. У самыхъ дверей ея спальни, въ дѣвичьей, только и рѣчи было что о разбойникахъ. Молодые приставали къ старухамъ съ просьбой рассказать имъ про подвиги отчаянныхъ головорѣзовъ, періодически нагонявшихъ ужасъ на здѣшнюю мѣстность двадцать, тридцать и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Среди дремучихъ лѣсовъ, въ отдаленности отъ столицъ и по содѣйству съ казаками, татарами и поляками, въ здѣшнемъ краю жилось непокойно. Въ Бахтеринской дворнѣ была старушка Афимья, такая древняя, что никто не зналъ, сколько ей именно лѣтъ. Сама она полагала, что ей перевалило за сто, и судя по ея воспомина- ніямъ, предположеніе это было вѣрно. Изъ того, что произошло въ недавнее сравнительно время, она ничего не помнила, но когда она принималась рассказывать про то, что видѣла и слышала, когда землей Русской правилъ царь Петръ Алексѣевичъ, память у нея изумительно оживала. Иные эпизоды она передавала съ такими подробностями, что сомнѣваться въ томъ, что она была имъ свидѣтельницей, не было никакой возможности. Такъ, напримѣръ, она описывала переполохъ, происшедшій въ домѣ (она была крѣпостная барыниныхъ родителей, Туренинскихъ господъ), когда молодого барина, Андрея Карповича, дѣда Софьи Ѳедоровны и Анны Ѳедоровны, по приказанію грознаго царя поволокли въ Петербургъ на службу. Провожали его, какъ покойника на кладбище, съ плачемъ и причитаніями. Самъ онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и обезумѣвшими глазами на всѣхъ смотрѣлъ, ничего не понимая, точно во снѣ. Мать его, боярыня Марья Ивановна, какъ слегла, разставшись съ нимъ, такъ и не вставала; не прошло и полугода, какъ на погостъ ее свезли; а отецъ, Карпъ Ѳедоровичъ, совсѣмъ разсудка лишился, странный такой сталъ, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, упершись взглядомъ на образъ, и, что ты ему ни говори, ничего не слышать. Не принеси ему ѣсть—не спросить. Насильно и кормить и умывать его надо было, точно въ столбнякѣ. Потомъ въ уныніе впалъ, тосковалъ и метался, жалость было смотрѣть на него, и кончилось тѣмъ, что въ монастырь поступилъ въ дальнее мѣсто. Изъ приближенныхъ взялъ съ собой одного только Филатку. И какъ уѣхали, такъ и всѣ слухи о нихъ прекратились. Узнали про барина Карпа Ѳедоровича, что скончался, тогда только, когда молодой баринъ, отслуживъ свою службу государю, пріѣхалъ съ женой и дѣтьми въ родовое гнѣздо и приказалъ по отцѣ панихиду служить.

А про Филатку и до сихъ поръ никто не знаетъ, гдѣ и какъ онъ жизнь свою окончилъ, въ монастырѣ ли съ бариномъ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ. Но и по немъ близкіе панихиды слу-

жать, потому все равно человѣку два вѣка не жить, и какъ ужъ за сто перевалить, нельзя смерти не прійти.

Всегда интересны были рассказы старушки Афимьи, а ужъ какъ страхъ на всѣхъ напалъ вслѣдствіе недобрыхъ слуховъ, носившихся по городу, къ ней еще больше приставали съ разспросами про разбойничью шайку знаменитаго своимъ удалствомъ и звѣрствомъ атамана Тимошки.

Шайка его неистовствовала въ здѣшнихъ краяхъ полвѣка тому назадъ и, судя по рассказамъ такихъ очевидцевъ, какъ Афимья, была куда дерзче, многочисленнѣе и свирѣпѣе Шайдюковской. На самый городъ налѣзали, съ вооруженными жителями въ открытыя битвы вступали. У полковника дочку изъ спальни черезъ окно выкрали, вотъ какіе были удалцы! Эту барышню, полковничью дочку, Афимья лично знала, красавица была, глаза какъ ночь черные, коса до пять, щеки румяныя. А ужъ голосистая—какъ запоетъ со своими сѣнными дѣвушками, одну только и слышно. Тимошка ее въ церкви за ранней обѣдней увидалъ и влюбился безъ памяти.

— Какъ въ церкви?—дивились слушатели Афимьи.—Какъ же это онъ, разбойникъ, въ церковь забрелъ?

— Ему это было ни почемъ. На немъ заговоренный поясъ былъ. Ему въ этомъ поясѣ всюду былъ ходъ. Его и на губернаторскомъ дворѣ сколько разъ видѣли. А къ архіерею такъ онъ разъ въ молельню проникъ. Стоитъ владыка на молитвѣ ночью и вдругъ слышитъ: вздыхаетъ кто-то въ уголкѣ. Обернулся, видитъ—человѣкъ. «Кто ты такой?—спрашиваетъ владыка,—и кто тебя сюда впустилъ?». Молчитъ. Жутко стало владыкѣ; однако, сотворивъ про себя молитву, подошелъ къ нему ближе, а человѣкъ-то отъ него, какъ тѣнь, все дальше да дальше въ стѣнку уходитъ и, наконецъ, совсѣмъ скрылся. Дверь заперта, окно ставней притворено, стѣна цѣла, а его нѣтъ. Тутъ ужъ владыка догадался, кто его навѣстилъ. По всѣмъ признакамъ—Тимошка. До тѣхъ поръ пока поясъ на немъ былъ, никто изловить его не могъ; ну, а какъ выкрали у него поясъ—и конецъ, ослабъ, какъ младенецъ, хоть руками его бери, и кто первый захотѣлъ, тотъ и порѣшилъ его. Нашли его уже мертвымъ во рву, у Воскресенскаго женскаго монастыря. А кто свершилъ надъ нимъ смертную казнь—такъ и не узнали. Не объявился тотъ человѣкъ, какъ ни вызывали его. И на награду отъ царя, что было приказано ему выдать, не польстился.

Всѣ, и народъ, и власти, спокойно вздохнули, какъ узнали о гибели злодѣя. Но спокойствіе длилось не долго, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ опять начали пошаливать въ томъ же лѣсѣ. Стали посылать туда солдатъ, и сами крестьяне ходили на разбойниковъ съ топорами и кольями, многихъ перерубили, но истребить корень зла не могли. Не успѣтъ въ одномъ уѣздѣ поуспокоиться, какъ въ другомъ начинаются грабежи и разбои. Въ острогѣ мѣста

не хватало для пойманныхъ злодѣевъ, ожидавшихъ суда и расправы. Такъ ихъ было много, что они мерли въ заточеніи отъ духоты и смрада.

Хорошо, что острогъ находился за версту отъ города, а то обыватели хоть вонъ бѣги отъ заразы. Селились близъ острога самыя несчастныя, такіе, которыхъ изъ брезгливости ни въ одинъ порядочный домъ даже на заднее крыльцо не впускали, большею частью нищіе, калѣки переходящіе, бѣглецы изъ дальнихъ губерній. Народъ все тихій. Да вѣдь и то сказать, гдѣ ужъ имъ было буянить, когда правъ на существованіе у нихъ не было никакихъ. Не то, что губернатору, а даже и послѣднему квартальному ничего не стоило разметать ихъ на всѣ четыре стороны со всѣмъ ихъ жалкимъ скарбомъ, съ женами и дѣтьми.

Жили эти люди частью милостыней, а частью мелкимъ воровствомъ, въ сараяхъ, сколоченныхъ изъ досокъ, въ низенькихъ мазанкахъ, съ оконцами, заткнутыми соломой и тряпьемъ отъ непогоды, въ покосившихся избенкахъ, которыя, какъ живыя, трепетали при каждомъ порывѣ вѣтра, въ пещеркахъ, вырытыхъ въ землѣ, съ крышей, опасно выглядывавшей промежъ бурьяна и низкихъ кустовъ.

Называлось это предмѣстье Принкулинской усадьбой, и обитать въ немъ считалось такимъ позоромъ, что не было такого мальчишки въ городѣ, который не полѣзъ бы съ кулаками на обидчика, обозвавшаго его принкулинскимъ жильцомъ.

Происхожденіе этого названія теряется во мракѣ незапамятныхъ временъ. Можетъ быть, тутъ была вѣкогда усадьба какого нибудь Принкулина, свершившаго такое дѣяніе, которое увѣковѣчило имя его въ исторіи города, а, можетъ быть, это было прозвище разбойника, овладѣвшаго этимъ мѣстечкомъ, перерѣзавъ владѣльцевъ его; такъ или иначе, но потомства этотъ Принкулинъ не оставилъ. Можетъ быть, въ другихъ концахъ Россіи и были люди, носившіе это имя, но въ здѣшней мѣстности такихъ не находилось.

Однако, какъ ни чуждались Принкулинской усадьбы, мѣстность эта до извѣстной степени тяготѣла надъ городскими жителями, и въ рѣдкомъ домѣ не было какого нибудь кучеренка, водовоза или бабы изъ дворовыхъ, которые втайнѣ не поддерживали бы связи съ кѣмъ нибудь изъ принкулинскихъ обитателей. Да и между господами, если поискать хорошенько, нашлись бы такіе, которые не брезгали услугами этихъ паріевъ. Множество темныхъ и опасныхъ дѣлишекъ устраивались черезъ нихъ.

Разумѣется, сношенія эти хранились въ глубочайшей тайнѣ, считаясь позорными и опасными, но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ было извѣстно, что гадалка Бабиha, одна изъ древнѣйшихъ обитательницъ Принкулинской усадьбы, воровить самымъ богатымъ и знатнымъ барамъ въ губерніи, что съ нею совѣтуются во многихъ се-

мейныхъ затрудненіяхъ, что часто лѣкарства, прописанныя докторомъ нѣмцемъ, втайнѣ замѣняются снадобьями, изготовленными въ ея смрадномъ и тѣсномъ, крытомъ соломой жилищѣ, на полловину вросшемъ въ землю, съ землянымъ поломъ, съ ползающими по немъ гадами, съ черной кошкой, ручной совой и тому подобными принадлежностями истой ворожеи и колдуньи. А ужъ когда необходимо было заглянуть за таинственную завѣсу будущаго или проникнуть въ тайные помыслы чужой души, когда, однимъ словомъ, требовалось узнать то, чего естественными путями ни за что не добиться, тотчасъ же вспоминали про ворожею Бабиху и отправлялись къ ней за разъясненіями, откровеніемъ и наставленіями.

Не къ кому иному, какъ къ ней, ходила и бахтеринская Ефимовна, чтобы провѣрить заявленіе дурочки Агаѣи. Къ ней отправилась Ефимовна и тогда, когда разнесся слухъ о разбояхъ въ Епифановскомъ лѣсу. И вернулась она назадъ въ неописанномъ волненіи.

Ужъ такъ чудно было предсказаніе, сдѣланное ей Бабихой, такъ чудно, что и ума къ нему не приложить. И на бобахъ, и въ напештанной водѣ, и въ огнѣ, разведенномъ на треножникѣ съ угольями, вездѣ выходило все одно и то же: никакой бѣды бахтеринскому дому въ скоромъ времени не грозить. Путники, всѣ до единого человѣка, вернутся благополучно и съ прибылью.

— Господамъ прибыль?—робко спросила Ефимовна.

— Всѣмъ прибыль, всему дому, — грозно напирая на слова, отвѣчала ворожея.

И, помѣшавъ кочергой уголья, по которымъ пробѣгали огненные змѣйки, она продолжала, съ долгими разстановками, точно взвѣшивая каждое слово:

— Прибыль, прибыль... Радость и ликование... а тамъ туманится, чернѣть... плохо видится... не ясно... туманится... Не вижу, касатка, не вижу. Не хочу тебя обманывать и зря брехать, не вижу,—жалобно протянула она, въ уныніи передъ своимъ безсиліемъ проникнуть дальше въ сокрытую отъ смертныхъ глазъ таинственную область будущаго.

Когда гаданіе кончилось, Ефимовна, передавъ ворожеѣ монету, засунутую для безопасности за пазуху, стала кучиться ей на тоску, овладѣвшую ихъ барыней послѣ роковаго открытія о козняхъ сестры противъ нея.

— Нѣтъ ли у тебя снадобья какого, чтобы тоску эту съ сердца у нея снять. Извелась совсѣмъ, не пьетъ, не ѣстъ и всѣ ночи напролетъ не спитъ. Слышимъ мы, какъ она вздыхаетъ, да съ боку на бокъ ворочается, и такъ-то намъ ее жалко, страсть! Барыня-то больно жалостливая да простая. Ну, Боже сохрани, умереть, что мы

тогда? Осиротѣемъ безъ нея! Не будетъ у насъ заступницы передъ самимъ-то. А онъ у насъ строгъ до лютой, кабы не барыня, плохое было бы наше житье.

— Насчетъ тоски не сумлѣвайтесь, снимется съ ея сердца тоска отъ великой радости, что бѣжить къ ней изъ лѣсу...

Ничего больше не могла Ефимовна добиться отъ ворожеи, но и этого было достаточно, чтобы наполнить ей душу радостнымъ недоумѣніемъ, волновавшимъ ее тѣмъ сильнѣе, что ни съ кѣмъ не могла она подѣлиться сдѣланнымъ ей пророчествомъ. Слишкомъ опытна была она, чтобы не знать, что только дурнымъ можно дѣлиться съ ближними, хорошее же слѣдуетъ про себя хранить, чтобы сбылось. Но дворня, догадывавшаяся о томъ, къ кому она пошла, и съ нетерпѣніемъ ожидавшая ея возвращенія, поняла по выраженію ея лица, что ничего дурного ворожея ей не сказала, и всѣ поуспокоились.

Помолодѣла Ефимовна; не сидѣлось ей на мѣстѣ, снуеть безъ устали по дому, по двору, по людскимъ, съ смѣющимися глазами, съ ласковою рѣчью.

Не была бы она такая, если бы ворожея предсказала ей бѣду. И всѣ, невольно поддаваясь утѣшительному предчувствію, стали ждать хорошихъ вѣстей.

IV.

Въ Курлятьевской семьѣ тоже много волновались слухами о разбояхъ въ Епифановскомъ лѣсу, но волненіе это было совсѣмъ иного рода, чѣмъ у Бахтериныхъ. Тамъ вся дворня шепотомъ передавала другъ другу, что барыня скрыть не въ силахъ свою радость: въ такой восторгъ приводитъ ее мысль о несчастьи, грозящемъ ея сестрѣ. Убьютъ Ивана Васильевича разбойники, останется Софья Ѳедоровна бездѣтной вдовой—куда же ей дѣться, какъ не въ монастырь? Больше некуда... Замужъ во второй разъ выходить поздно, не молоденькая, да и мужа слишкомъ любить, чтобы до конца дней не сокрушаться по немъ. А въ монастырѣ ей ничего не надо, и все состояніе сестрѣ достанется.

Ну, тогда можно будетъ, пожалуй, удѣлить малую толику на приданое Клавдіи. Пусть хоть одна изъ Курлятьевскихъ барышень замужъ выйдетъ, чтобы не корили люди, что мать всѣхъ трехъ дочерей въ дѣвкахъ сгноила.

Время подбиралось къ масленицѣ. Курлятьевскіе господа получили приглашеніе на балъ къ предводителю дворянства, и въ виду могущихъ произойти счастливыхъ для ея семьи событій, Анна Ѳедоровна расщедрилась, велѣла своей вѣрной Танькѣ вынуть изъ сундука французскій ваперъ съ блестками, презентъ богатой московской тетушки, Татьяны Платоновны, и приказала спить изъ этого вапера платье для меньшей дочери.

— А что же Катерина Николаевна съ Марьей Николаевной надѣнута?—позволила себѣ почтительно освѣдомиться Танька.

— Старшія барышни дома останутся,—отрывисто отвѣчала на это барыня.

Катерина съ Марьей сидѣли въ своей комнатѣ, наверху, за пѣльцами, когда меньшая сестра прибѣжала къ нимъ съ извѣстіемъ о постигшей ихъ немилости.

Съ горькой улыбкой и молча выслушали онѣ ее.

— Сестрицы милыя, за что на васъ маменька изволить гнѣваться?—спросила дрогнувшимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ Клавдія, не зная радоваться или пугаться оказанному ей предпочтенію.

— Ихъ воля, сестрица, — отвѣчала Марія, не поднимая глазъ отъ работы.

Катерина прибавила:—Какой же отъ насъ интересъ на балѣ? Маменька хорошо дѣлаетъ, что оставляетъ насъ дома. Одна суета да изъянь, ничего больше.

— Да и грѣхъ, наше время уже миновало,—подхватила Марія.

Прошло болѣе года съ того дня, какъ ей запретили думать о Бочаговѣ. Ни разу съ тѣхъ поръ влюбленные не видались, и въ городѣ съ нѣкотораго времени упорно поговаривали о томъ, что отецъ Бочагова нашель сыну невѣсту въ сосѣдней губерніи, и что этотъ послѣдній далъ согласіе жениться.

Марія смирилась передъ судьбой. Покорности ея много способствовала старшая сестра, съ которой она, съ тѣхъ поръ какъ постигло ее горе, тѣсно сдружилась. Теперь ужъ онѣ вмѣстѣ ходили къ отцу и подолгу просиживали у него за душеспасительными книгами и разговорами.

И, должно быть, новый поворотъ въ мысляхъ и чувствахъ второй дочери отвѣчалъ желанію и надеждамъ матери, потому что она ей теперь ни въ чемъ не препятствовала, позволяла ей ходить съ сестрой въ церковь каждый день въ сопровожденіи няни и ѣздить въ монастырь къ теткѣ монахинѣ.

Осенью Марія больше мѣсяца тамъ провела и вернулась домой такая смиренная да молчаливая, что къ ней ужъ и придраться не за что было, чтобъ ее бранить. На выѣзды въ свѣтъ, которымъ ее продолжали подвергать вмѣстѣ со старшей сестрой, она смотрѣла, какъ на тяжкое испытаніе, подчиняясь ему съ терпѣніемъ и безъ ропота, чтобъ угодить Богу.

Какъ и сестра, блекла она; печальное выраженіе точно застыло на ея блѣдномъ лицѣ, глаза вваливались и окружались черными кругами, и она такъ худѣла, что не успѣвали перешивать ей платья.

— Васъ, сестрица, вѣрно замужъ собираются отдать,—вымолвила Катерина, обращаясь къ меньшей сестрѣ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Ахъ, что это вы, сестрица!—вскричала въ смущеніи Клавдія, краснѣя до ушей.

— Дай вамъ Богъ счастья, — сказала въ свою очередь Марія, не поднимая глазъ съ работы и съ трудомъ сдерживая слезы, подступавшія къ глазамъ.

Она была очень нервная и давно уже страдала истерическими припадками, отъ которыхъ втайнѣ отъ всѣхъ лѣчила домашними средствами, тщательно скрывая свои немощи и стыдясь ихъ, какъ позорящаго порока.

Клавдія, во всемъ блескѣ юности и красоты, свѣженькая, румяная, съ сверкающими, жизнерадостными, карими глазами и пурпуровыми губами, представляла разительный контрастъ съ увядающими сестрами.

Сердце ея сжималось жалостью къ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ ея поднимались и другія чувства. Жизнь брала свое. Отъ платья, которое ей шили, она была въ восторгѣ. А красивые кавалеры! А оркестръ! До сихъ поръ она плясала только подъ гитару да балалайку повара Андрона на вечеринкахъ, устраиваемыхъ для дворни на святкахъ, при чемъ считала ужъ себя разряженной какъ нельзя лучше, когда ей повязывали черезъ плечо старую материнскую шаль. Выдѣлывала она старательно реверансы менуэта подъ пискливую скрипку учителя танцевъ, стараго поляка, но о настоящемъ балѣ она до сихъ поръ и мечтать не смѣла, и у нея голова кружилась, и сердце замирало отъ страха и волненія.

Но то, что случилось, превзошло самыя дерзкія ея ожиданія. Когда домашній парикмахеръ высоко поднялъ ея вьющіеся, пепельнаго цвѣта волосы и приколотъ къ нимъ розу съ сверкающими на нѣжныхъ лепесткахъ росинками, да когда сверхъ бѣлаго атласнаго чехла на нее надѣли легкое, какъ облако, платье, усѣянное серебристыми блестками, съ короткими рукавами буффами, она оказалась такой красавицей, что всѣ толпившіяся вокругъ нея горничныя, а также бабы и дѣвченки, выглядывавшія изъ дверей въ коридоръ, заахали отъ восхищенія.

Да и у Анны Ѳедоровны проскользнула самодовольная усмѣшка на надменномъ лицѣ, когда ее позвали взглянуть на меньшую дочь въ бальномъ нарядѣ.

«Ну, эту, кажется, и безъ приданаго не трудно будетъ сбыть съ рукъ», — подумала она, зоркимъ взглядомъ окидывая съ ногъ до головы смущенную дѣвушку.

— Держись прямѣе, да, Боже упаси, па не перепутай, какъ въ танецъ вступишь, — прибавила она вслухъ, строго сдвигая брови.

Прибѣжалъ и Ѳедюша полюбоваться сестрицей. Поцѣловавъ его, перекрестивъ и поручивъ попеченіямъ двухъ нянекъ да ма-

мушкѣ, Анна Федоровна, въ тюрбанѣ, съ райской птицей на головѣ, величаво драпируясь въ богатую турецкую шаль и шума тяжелой шелковой робой, прошла черезъ гостиную и залу въ переднюю, гдѣ лакеи ждали ея появленія, съ салопами въ рукахъ. За нею, на почтительномъ разстояніи шла, Клавдія, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ и раскрасѣвшимся личикомъ. Всю дорогу, въ плавно покачивающейся на высокихъ рессорахъ каретѣ, выслушивала она внимательно строгія наставленія матери: не отходить отъ нея ни на шагъ, не принимать приглашеній, предварительно не взглянувъ на мать и не получивъ ея согласія, низко присѣдать передъ дамами, опускать глаза передъ мужчинами, говорить тихо и какъ можно меньше, не смѣяться, а только улыбаться, да и то не часто и помнитъ па.

Все это мысленно повторяла Клавдія, поднимаясь за матерью по широкой, ярко освѣщенной лѣстницѣ, съ двумя рядами официантовъ въ ливрейныхъ фракахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, по стонамъ, а также и въ прихожей, гдѣ снимали съ нея салогъ. Помнила она наставленія матери и тогда, когда, потупивъ глаза, слѣдовала за нею черезъ длинную бѣлую залу, наполненную блестящими кавалерами, военными и статскими, громко разговаривавшими между собою, а также и въ гостиной, гдѣ поднялась къ нимъ на встрѣчу хозяйка дома, но когда съ хоръ грянула музыка и, отдѣлившись отъ группы въ дверяхъ кабинета, къ ней подлетѣлъ красавецъ въ мундирѣ, гремя шпорами, и она, съ дозволенія матери, протянула ему тонкую, еще дѣтскую руку, въ лайковой перчаткѣ, Клавдія все забыла и въ волшебномъ упоеніи понеслась съ нимъ по залѣ, съ такимъ чувствомъ въ душѣ, точно она несется къ вѣчному счастью, и конца не будетъ испытываемому ею блаженству.

Единогласно провозглашена она была царицей бала, эта наивная, глупенькая, четырнадцатилѣтняя дѣвочка. Всѣ хотѣли съ нею потанцовать или по крайней мѣрѣ поглядѣть на нее. Для этого старики покидали карты, а молодые своихъ дамъ. Сановитый вельможа, находившійся проѣздомъ въ городѣ и въ честь котораго давался этотъ балъ, пожелалъ быть представленнымъ г-жѣ Курлятевой, чтобы поздравить ее съ счастьемъ обладать такой прелестной дочерью, завѣряя при этомъ честью, что Клавдія могла бы служить украшеніемъ столичнаго общества.

— Съ вашей стороны жестоко, сударыня, лишать высшій свѣтъ такой красы, — прибавилъ онъ галантно.

Лучшіе женихи на перебой старались заручиться отъ Клавдіи обѣщаніемъ протанцовать съ ними хотя бы одинъ экосезъ, или одинъ матрадуръ, и даже графъ Паланецкій, знатный вельможа, проявившійся въ здѣшнемъ городѣ съ мѣсяцъ тому назадъ, съ цѣлью купить имѣніе, обратилъ на нее вниманіе и пригласилъ ее

на мазурку. Однимъ словомъ успѣхъ ея перваго выѣзда въ свѣтъ былъ полный.

Да и дома впечатлѣніе, произведенное ея красотой, долго не разсѣивалось. Ужь и карета, возившая барыню съ барышней на балъ, давно отѣхала, и всѣ свѣчи и кенкеты въ господскихъ комнатахъ были погашены, и лакеи полегли спать на коникахъ и на полу, а въ дѣвичьей все еще толковали про Клавдію Николаевну.

— Эту въ Христовы невѣсты ей записать не удастся, — ворчала сквозь зубы старуха Степановна, барынина кормилица, спустившаяся съ лежанки, чтобы взглянуть на маленькую барышню въ балномъ нарядѣ.—Глаза-то какъ звѣзды!

— Да, ужь красавица, нечего сказать.

— И сестры были хороши, но она куда ихъ лучше.

— Женихи-то всѣ глаза на нее проглядятъ.

— Не сглазили бы только, упаси Богъ!

— Зашила ты ей въ поясокъ ладонку, что я тебѣ дала?

— Зашила, бабушка, не бойся.

— Ну, значить, злого глаза бояться нечего.

— А все же, какъ вернется, надо водицей съ уголька спрыснуть.

— Ужь это само собой.

— И кто могъ думать, что такая красавица писанная изъ нея выйдетъ! Вылитая тетенька Татьяна Платоновна.

— Это старая-то барыня?!

— Дура! да вѣдь и она тоже молоденькая была. А за красоту-то ее къ царицѣ въ фрейлины взяли.

— Какъ сейчасъ ее вижу, какъ мы ее на придворный балъ снаряжали. Тогда носили юбки-то пузырями огромнѣйшими, панье верхюгадонъ назывались, а лифъ съ мысомъ ниже брюха и весь на костяхъ, въ родѣ какъ панцырь у рыцаря. Башмаки на красныхъ каблукахъ, а волосы въ пудрѣ, какъ и теперь, но только куда больше наворачивали на нихъ всякой всячины, и буклей, и цвѣтовъ съ листьями, и каменьевъ драгоценныхъ, а поверхъ всего либо корабликъ, либо птичка, либо другое что.

— Какъ на патретахъ, что въ гостиной висятъ?

— Вотъ, вотъ. На патретахъ-то родители барина написаны.

Пока разговоры эти происходили въ дѣвичьей, старшая няня укладывала въ постель наслѣдника курлятевскихъ господъ, ненагляднаго маменькинаго баловня, Оедюшу. И, какъ всегда, чтобы онъ скорѣе заснулъ и чтобы грезились ему пріятные сны, монотоннымъ голосомъ рассказывала она ему сказки, тщательно избѣгая при этомъ упоминать про вѣдьмъ и лѣшихъ, останавливаясь исключительно на пріятныхъ и красивыхъ представленіяхъ очарованныхъ садовъ съ золотыми яблоками, на подвигахъ юныхъ царевичей въ погонѣ за красавицами царевнами. Краснорѣчиво описывала она

озера съ плавающими лебедями, превращающимися, при мановеніи волшебной палочки, въ пригожихъ дѣвицъ, и проч., все въ томъ же пріятномъ родѣ. И всѣ сказочные герои, о которыхъ шла рѣчь, непремѣнно назывались Ѳедичками. и у всѣхъ у нихъ были золотые кудри и синіе глаза, такъ что слушателю поневолѣ казалось, что ему про него самого рассказываютъ, что это онъ скачетъ по полямъ и доламъ на Сивкѣ-Буркѣ, взлетаетъ подѣ облака на Жарь-Птицѣ, лакомится золотыми яблоками и всевозможными сластями во дворцѣ Царя Берендея и похищаетъ себѣ въ невѣсты хорошенькую дѣвочку изъ заколдованнаго терема, чтобы всю жизнь потомъ играть съ нею въ чудесномъ саду, гдѣ всѣ деревья сахарныя, ручки сытовые, бесѣдки прянишныя.

Ѳедичка спалъ въ спальнѣ матери, на ея высокой и широкой кровати изъ краснаго дерева, подѣ штофнымъ, краснымъ пологомъ, спускавшимся съ потолка изъ когтей большущей мѣдной птицы съ распростертыми крыльями.

Анна Ѳедоровна такъ его обожала, что и ночью не хотѣла съ нимъ разставаться. Съ той минуты, какъ онъ появился на свѣтъ, рѣшила она, что онъ займетъ на ея широкой кровати мѣсто изгнаннаго изъ супружеской спальни Николая Семеновича.

А наверху въ комнатѣ старшихъ барышень, убого обставленной сборной мебелью, съ двумя жесткими и узкими кроватями и съ няльцами у окна, чтò выходило на тотъ самый пустырекъ, на который отворялось и окно папенькиной молебни, передъ большимъ кіотомъ, заставленнымъ древними, почернѣвшими отъ времени образами съ теплившейся передъ ними и день, и ночь лампадой,—вотъ что происходило.

Въ эту достопамятную для нихъ ночь, послѣ долгаго совѣщанія, открывъ другъ другу душу, повѣдавъ одна другой безъ утайки сокровеннѣйшія мысли и чувства, сестры приняли роковое рѣшеніе удалиться навсегда отъ міра. Развѣ всѣ ихъ мечты, всѣ ихъ надежды на счастье не были разбиты и разбѣяны въ прахъ? Не на что имъ больше уповать, нечего ждать въ міру, надо, значитъ, уйти изъ него. Очень просто, не онѣ первыя, не онѣ послѣднія такъ поступаютъ. Для чего же и монастыри построены, если не для того, чтобъ измученныя души находили въ нихъ убѣжище отъ грѣшныхъ воспоминаній и покой? Здѣсь онѣ лишнія, всѣ ими тяготятся, никому онѣ не нужны. Вотъ только папенька... Да, жалко имъ будетъ съ нимъ разстаться, не слышать его кроткаго, любовнаго голоса, не видѣть его печальныхъ, полныхъ жалости глазъ, не цѣловать его рукъ и не прижиматься къ его груди, чтобы наплакаться всласть. Но вѣдь и папенька не отъ міра сего, и духомъ онѣ всегда съ нимъ будутъ неразлучно. Онѣ ихъ такъ хорошо пони-

маеть, такъ имъ сочувствуетъ! Онъ радъ будетъ благословить ихъ на затворничество и на служеніе Богу. Значить, нѣтъ препятствій и съ этой стороны. Правда, онъ еще очень молоды, особенно Марія, ей всего только девятнадцатый годъ идетъ, но тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе жертва, и тѣмъ выше будетъ награда на небесахъ.

И онъ рѣшили дать въ эту же ночь страшный, безповоротный обѣтъ, а тамъ что будетъ, то будетъ, долго ли, скоро ли наступитъ та минута, когда всѣ поймутъ, что удерживать ихъ не стоитъ, все равно, послѣ обѣта, даннаго Богу, онъ уже будутъ связаны съ Нимъ навѣки, и на всѣ препятствія будутъ взирать, какъ на искушенія, посланныя Имъ же, чтобъ испытать ихъ твердость въ любви и вѣрѣ.

Всю ночь простояли онъ въ одѣхъ сорочкахъ на колѣняхъ передъ образами, съ глубокими вздохами повторяя молитвенныя воззванія къ Невидимому Духу, къ Духу благодати, давно уже предчувствуемому ихъ истерзаннымъ сердцемъ, и, наконецъ, къ утру Духъ сошелъ на нихъ. Все ярче и ярче разгорались ихъ лица, сверкали глаза, непонятнымъ возбужденіемъ наполнялась ихъ грудь, затопляя душу неземною радостью и восторгомъ, и все громче и громче срывались молитвенныя слова съ ихъ воспаленныхъ губъ.

И стало казаться имъ, что Онъ имъ внемлетъ, Тотъ, къ Которому онъ обращались, что Онъ приближается къ нимъ, нисходитъ на нихъ свыше. И душа ихъ рвалась изъ тѣла Ему на встрѣчу, и сліяніе съ Нимъ было такъ близко, что слышались уже грѣшными ушами райскіе звуки, гармонія ангельскаго пѣнопѣнія, а темные лики святыхъ оживали, преображались, ризы ихъ блестѣли бѣлизной и золотомъ, точно сотканныя изъ солнечныхъ лучей, а божественно-кроткіе лики имъ улыбались, притягивая ихъ къ себѣ постепенно оживающимъ взоромъ.

Воскликанія восторга и радости невольно вырывались изъ устъ молящихся. И чувствовалось имъ, что Кто-то овладѣваетъ ихъ языкомъ и мыслями, произноситъ за нихъ слова, заставляетъ тѣло ихъ двигаться, а сердце трепетать неземнымъ блаженствомъ, проникая въ грудь вмѣстѣ съ дыханіемъ; чувствовали онъ, что въ нихъ вселяется Божій духъ.

И восторженное состояніе, овладѣвшее ими, стало мало-по-малу переходить въ изступленіе. Первая начала трястись, какъ листъ подъ порывомъ вѣтра, Марія. И вдругъ ее точно невидимой силой сорвало съ полу и, блѣдная, съ распущенными волосами и остановившимся пристальнымъ взглядомъ широко раскрытыхъ глазъ, стала она кружиться по комнатѣ, сначала тихо и нерѣшительно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, испуская безсвязные стоны, автоматически поднимая руки и увлекая за собою сестру.

На другое утро ихъ нашли въ глубокомъ обморокѣ, распростертыми на полу передъ кіотомъ. Все тѣло ихъ было покрыто черными

пятнами и ссадинами, пряди вырванныхъ волосъ валялись по всѣмъ угламъ, окровавленные сорочки были разорваны, но когда удалось, наконецъ, привести ихъ въ чувство, ни та, ни другая не могли сказать, какимъ образомъ очутились онѣ въ такомъ состояніи, ничего онѣ не помнили.

Впрочемъ, кромѣ старой няни, никто ихъ и не допрашивалъ. Аннѣ Федоровнѣ было не до нихъ. Едва успѣла она проснуться утромъ, послѣ бала, какъ ей сообщили новость, передъ которой всѣ остальные интересы отошли на задній планъ: она узнала, что мужъ ея сестры, Иванъ Васильевичъ Бахтеринъ, благополучно вернулся изъ своего путешествія и привезъ съ собою маленькую барышню.

Ребенку этому на видъ года два, одежда на немъ чудная, и что лепечеть — ничего не понять, не порусски будто. Иванъ Васильевичъ какъ вошелъ въ комнату, такъ и сказалъ выбѣжавшей къ нему на встрѣчу супругѣ:

— Вотъ тебѣ дочка, Сонюшка! Господь услышалъ наши молитвы и послалъ намъ дитя.

И такое у нихъ теперь ликование и радость, точно родной ребенокъ явился у нихъ на свѣтъ.

V.

Какъ не сказать, что чудомъ попала Магдалиночка въ дочки къ Бахтеринымъ.

Одинъ только Богъ могъ устроить такимъ образомъ, чтобы мятель застигла Ивана Васильевича у самаго вѣзда въ Епифановскій лѣсъ, да чтобъ изъ Зобинскаго хутора, крестный Степки форейтора, вышелъ за околицу искать телку, какъ разъ въ то время, когда барскій поѣздъ, гремя колокольцами и бубенчиками, выѣзжалъ изъ лощины, чтобы свернуть въ лѣсъ.

Испугался старый дѣдъ за господъ и про телку забылъ. Неизвѣстно, видно, проѣзжимъ, что у нихъ тутъ не дальше, какъ ночью, произошло, если рѣшаются этой дорогой продолжать путь. Сталь онъ вглядываться старыми глазами на колымагу, запряженную восмеркой лошадей и нырявшую изъ сугроба въ сугробъ, и узналъ въ ней экипажъ Бахтеринскаго барина, который проѣздомъ здѣсь въ позапрошломъ году останавливался и чай кушалъ въ ихъ избѣ.

— «Да это никакъ Степка форейторомъ передней парой править... Такъ и есть, сюда глядите».

— Куда вы? куда? Остановитесь!—закричалъ онъ что было мочи, махая обѣими руками и шагая по сугробамъ навстрѣчу проѣзжающимъ.

Поѣздъ остановился, и когда старикъ, снявъ почтительно шапку, подошелъ къ возку, изъ оконца, отороченнаго мѣхомъ, выглядывалъ Бахтеринскій баринъ.

— Что такое? Чего ты кричишь?—строго спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Не ладно тамъ, баринъ, въ лѣсу-то, несчастье случилось ноябрьской ночью,—отвѣчалъ старикъ, низко кланяясь и робѣя подь пристальнымъ взглядомъ, устремленнымъ на него.—Ужъ такая-то бѣда, страсть!

— Да что такое? Говори толкомъ.

— Разбойники тутъ набѣдокурили. Вотъ такой же, какъ и у тебя возокъ, въ щепки разнесли, лошадей увели, людей перерѣзали...

— Что ты говоришь?—вскричалъ въ ужасѣ Бахтеринъ.

— Истинную правду говорю, вотъ какъ передъ Богомъ!

— Шайдюкины штуки, должно быть,—замѣтилъ кто-то изъ столпившейся вокругъ рассказчика Бахтеринской челяди.

Всѣ, и пѣшіе, и конные, сгучились вокругъ него, съ жадностью ловя каждое слово старика и съ испугомъ переглядываясь между собой.

— Шайдюкъ, онъ самый и есть,—подхватилъ старикъ.—Давно ужъ сюда пробирается. У Темниковскаго-то бора здѣла его помяли, и пещеру, гдѣ съ шайкой прятался, нашли, да солдатъ туда карауломъ приставили, чтобы всѣхъ похватать, какъ задумаютъ туда вернуться, ну, вотъ онъ сюда и перекочевалъ. Давно ужъ мы его ожидали, кажинную минуту лютой смерти себѣ ждемъ...

— Въ городъ дали знать?—прервалъ его строго баринъ.

Старикъ замялся.

— Да кому же въ городъ-то ѣхать, касатикъ? Народъ у насъ бѣдный, пѣшкомъ не дойти, лѣсъ-то снѣгомъ завалило, изъ него и не выбраться, а если въ обходъ, черезъ Малиновку, на лошади...

— Они, дьяволы, лошадь-то безпремѣнно отымутъ,—вставилъ одинъ изъ присутствующихъ, ободренный сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ которымъ баринъ выслушивалъ старика.

— Да и человѣка-то, пожалуй, не помилуютъ,—не вытерпѣлъ высказать свое мнѣніе и другой.—Ему, разбойнику, это ни почемъ.

— Извѣстное дѣло! Креста на ѣмъ нѣтъ...

— Съ опаской съ нимъ надоть,—загудѣлъ въ толпѣ третій голосъ.—Ужъ такой народъ.

— Значить, зарѣзанные люди такъ и лежатъ въ лѣсу, и никто на помощь къ нимъ не двинулся?—спросилъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ баринъ.

— Да что же съ ними подѣлаешь!—вдохнулъ старикъ, почесывая въ затылкѣ.

— Гдѣ же именно это случилось, и какъ вы узнали?—продолжалъ допросъ Иванъ Васильевичъ.

— У самой, почитай, опушки. У насъ на хуторѣ слышно было, какъ они бились, сердешные. Живо всѣхъ порѣшили, одинъ только подольше другихъ кричалъ. Разбойники-то, по всему видать, съ ям-

щикомъ стакнулись, ни ямщика, ни фореитора промежъ зарѣзан-ныхъ не видать.

— И никто къ нимъ не тронулся на помощь?—съ негодованіемъ повторилъ свой вопросъ Бахтеринъ.

— Гдѣ тутъ! Вѣдь ихъ сила! Да и заговоръ на нихъ. Извѣстное дѣло, разбойники душу свою нечистому продали, — оправдывался старикъ, уныло покачивая головой.

— Ужъ не безъ того...

— Кому въ силу съ ними тягаться!...

— Они не помилюють,—раздались сочувственные возгласы въ толпѣ.

— Вы, значить, и не ходили туда? — спросилъ баринъ.

— Какъ не ходили?... Ходили. Яшка безпалый раньше всѣхъ пошелъ, а также Ѳедоръ съ братомъ, и Самсонычъ тоже ходилъ, да всѣ почитай ходили. Бабы и тѣ бѣгали на зарѣзанныхъ смотрѣть. И я ходилъ. Какъ Яшка-то безпалый принесъ намъ въ избу дѣвчечку...

— Какую дѣвчечку?

— Да ту, чтò жива-то осталась, проѣзжихъ господъ дочка.

— Не всѣхъ, значить, перерѣзали, что же ты врешь?— грозно закричалъ баринъ.

— Я не вру, это точно, что всѣхъ перерѣзали, и господъ, барина съ барыней, и лакея ихъ, и дѣвку, одно только дитя уцѣлѣло, не тронули. Лежить, сердешная, въ сторонкѣ, на подушкахъ, подъ тулупомъ и сладко такъ спить; кругомъ снѣгъ въ крови, люди Богу душу въ мукахъ отдали, а она спить себѣ...

Въ толпѣ пронесся одобрителный шепотъ.

— Ишь ты! Разбойники, а тоже и въ нихъ совѣсть заговорила.

— Ужъ это Богъ значить!

— А то кто же? Вѣстимо, Богъ.

— А прочіе всѣ найдены мертвыми? — спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Дышалъ еще баринъ-то, какъ подошли къ нему наши. Красивый такой, молодой. А какъ стали его подымать и скончался. А барыня-то, видать, до послѣдней невозможности ребеночка своего отстаивала, ручка у нея одна отрублена, и какъ впиалась въ одежду младенца, такъ и осталась...

— Господи, какой ужасъ! — прошепталъ Иванъ Васильевичъ, крестясь. — Гдѣ же этотъ ребеночекъ? Неужто вы его въ лѣсу, на морозѣ, оставили?

— Какъ можно, баринъ! живая душа, нешто можно бросить! Яшка ее прямо къ моей старухѣ принесъ. Нянчатся таперича съ ней всѣ наши бабы. Согрѣли, молочкомъ попоили, покричала маленько, какъ проснулась, да чужихъ увидала, ну, а потомъ сноха Авдотья взяла ее на руки, да и закачала, заснула. А таперь ужъ не знаю,

опять стала пищать, какъ я изъ избы-то выпелъ телку посмотрѣть. Телка у насъ со вчерашняго вечера пропала...

— Съ какихъ же поръ ребенокъ-то у васъ? — прервалъ его баринъ.

— Съ утра. Какъ затихло все, да забрежжило, наши и пошли въ лѣсъ. Цѣльную ночь на хуторѣ никто не спалъ...

— Гдѣ тутъ спать, когда въ двухъ шагахъ людей рѣжутъ,— проворчалъ съ презрительной усмѣшкой Ѳедоръ, камердинеръ Ивана Васильевича, бывалый человекъ, сопровождавшій барина и въ походъ и за границу, когда Бахтеринъ состоялъ еще на службѣ и отличенъ былъ царницей.

— Да какъ же это вы, братцы, на помощь-то не побѣжали? Вѣдь отстояли бы, можетъ быть,—съ укоризной вымолвилъ баринъ.

— За свою шкуру тряслись, сударь,—замѣтилъ Ѳедоръ, — мужичье, извѣстное дѣло, на поклонъ готовы къ разбойникамъ идтить, чтобы только не тронули.

Старикъ искоса взглянулъ на него, но не проронилъ ни слова. И баринъ тоже задумался. Минуты двѣ тишина, воцарившаяся въ маленькой толпѣ конныхъ и пѣшихъ, тѣснившейся у рыдвана, ничѣмъ, кромѣ храпа коней, постукиванія копытъ о мерзлую землю, да свиста вѣтра поднимавшейся мятели, не нарушалась.

Небо заволокло свинцовыми тучами, морозъ крѣпчалъ и, больно, какъ иглами, кололи лицо кружившіяся въ воздухѣ свѣжинки. Дорогу, протоптанную рѣдкими проѣзжими между сугробами, заметало все выше и выше, и пространство, которое оставалось проѣхать до остановки, казалось необъятнымъ, безъ малѣйшаго признака какой бы то ни было путеводной нити; ровной скатертью раскидывалось оно на три стороны, граница четвертой—съ таинственнымъ лѣсомъ, съ окутанными, какъ саваномъ, деревьями.

Послѣ рассказовъ старика, на этотъ лѣсъ смотрѣть невозможно было безъ содроганія, и можно себѣ представить, какъ жутко стало спутникамъ Бахтеринскаго барина, когда послѣ небольшого раздумья онъ приказалъ поѣзду свернуть въ этотъ лѣсъ именно къ тому мѣсту, гдѣ совершенно было страшное злодѣяніе надъ неизвѣстными путешественниками.

— А ты, старикъ, намъ путь укажешь. Посадить его на козлы,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Ѳедору.

Приказанію этому немедленно повиновались. Кучеръ влѣзъ на козлы съ старикомъ, фореиторы и прочіе всадники сѣли на коней, съ которыхъ слѣзли, чтобы слушать повѣствованіе хуторянина, и, звеня колокольчиками и бубенчиками, поѣздъ двинулся въ путь.

Но у опушки лѣса пришлось остановиться, дальше проѣзда не было. Всадники спрыгнули съ коней, баринъ вылѣзъ изъ колы-

маги и, оставивъ кучера съ однимъ изъ фореиторовъ, караулить лошадей и экипажъ, зашагалъ по сугробамъ, въ сопровожденіи остальной челяди за старикомъ, по направленію къ мѣсту, гдѣ совершенно было злодѣйство.

Старикъ былъ правъ, разбойники нагнали путешественниковъ шагахъ въ пятидесяти отъ опушки, и на хуторѣ не могли не слышать воплей о помощи несчастныхъ жертвъ. Очевидно, они пытались защищаться противъ многочисленной шайки, стоило только взглянуть на слѣды побоища, чтобы убѣдиться въ этомъ. Прислуга, сѣдой старикъ съ благообразнымъ гладко выбритымъ лицомъ, по всему видно, камердинеръ, былъ, безъ сомнѣнія, сначала ошеломленъ ловкимъ ударомъ кистеня или дубины, а потомъ ужъ изрубленъ топоромъ въ то время, какъ на господъ накидывались съ ножами.

Захваченный врасплохъ красивый брюнетъ, съ тонкими правильными чертами энергичнаго лица и выхолонными руками, успѣлъ, однако, вынуть кинжалъ и въ некоторое время защищался, прежде чѣмъ упасть, но подруга его, миниатюрная, деликатная дама, съ такимъ же, какъ и у мужа ея, не русскимъ лицомъ, по видимому, скончалась отъ перваго удара, нанесеннаго ей острымъ ножомъ въ бокъ. Должно быть, руку ей отрубили ужъ мертвой.

Субретка, молоденькая дѣвушка со вздернутымъ носомъ и русской косою, лежала съ перерѣзаннымъ горломъ, въ одной сорочкѣ и въ юбкѣ, съ мѣднымъ крестомъ на шеѣ.

Что же касается ея барыни, кудрявой красавицы, испутившей духъ у ногъ мужа, то какъ въ ней, такъ и въ немъ можно было признать господъ по клочкамъ уцѣлѣвшаго на нихъ бѣлья. Съ первой забыли или нашли безцѣннымъ снять обувь, шелковые чулки и атласные на мѣху башмачки, залитые кровью, а на единственной рукѣ чернѣлся браслетъ изъ волосъ съ золотымъ медальономъ, который тоже почему-то не заблагоразсудилось злодѣямъ снять, не замѣтили, можетъ быть.

Иванъ Васильевичъ опустился на колѣни передъ этимъ трупомъ, приподнялъ окоченѣвшую ручку, не снимая браслета, открылъ медальонъ и увидалъ портретъ лежащаго возлѣ мертвеца.

Кругомъ валялись обломки сундуковъ, чемодановъ, дорожныхъ бауловъ, краснаго и розоваго дерева, чудесной работы, изрубленные, затоптанные въ снѣгъ и грязи, залитые кровью.

Экипажъ, прекрасной работы дормезъ, поставленный на полозья, находился тоже въ отчаянномъ видѣ, съ оторванными дверцами, выбитой задней спинкой, и перепачканный грубыми кровавыми руками, шарившими въ немъ, вытаскивая все, что представляло какую нибудь цѣнность.

Покончивъ съ несчастными путешественниками, злодѣи преспокойно занялись ограбленіемъ имущества своихъ жертвъ. Чего имъ

было бояться? Они знали, что на хуторѣ въ восемь, девять дворовъ, близъ котораго они произвели нападеніе, никто не шелохнется, никто не отважится имъ мѣшать, и дѣйствовали на просторѣ, съ полной увѣренностью на успѣхъ.

Сторона глухая, время зимнее, отъ всего далеко. Когда еще до города донесется вѣсть объ ихъ дѣяніи, да когда еще тамъ надумаютъ слѣдствіе произвести! Пожалуй, до тѣхъ поръ и слѣдовъ ни отъ чего не останется. Трупы, если волки да вороны ихъ не пожрутъ, разложатся и, вмѣстѣ съ таящимъ снѣгомъ, въ землю впитаются, кости звѣри растаскаютъ, кровь смоеется дождями, не останутся и слѣдовъ злодѣянія. Все цѣнное было увезено, даже съ убитыхъ верхняя одежда была снята.

Бахтеринскій баринъ приказалъ камердинеру влѣзть въ то, что осталось отъ дормеза, и тщательно осмотрѣть, не найдется ли тамъ чтонибудь забытаго или не замѣченнаго разбойниками, какогонибудь предмета, по которому можно было бы узнать, кто такіе эти несчастные, сдѣлавшіеся ихъ жертвами. Долго шарилъ Оедоръ по стѣнкамъ и по дну кузова, но ничего, кромѣ мокрыхъ обломковъ и мусора, не находилъ.

— Все обобрали?—спросилъ баринъ, подходя къ каретѣ.

— Все дочиста. Ихъ тутъ, вѣрно, цѣлая орава перебивала; одной грязи да снѣгу съ кровью столько на ногахъ натаскали, что какъ свинья перепачкался, — отвѣчалъ Оедоръ, вылѣзая изъ кузова.—И обивку-то всю отодрали, такъ ключьями и висить, денегъ, вѣрно, и тутъ искали.

Онъ былъ мокрый и грязный съ ногъ до головы. Въ рукахъ у него что-то бѣлѣлось.

— А это что у тебя?—спросилъ баринъ, глянувъ на его пальцы.

— Бумажка какая-то, къ стѣнкѣ прилипла. Какъ шарилъ-то, такъ къ ладони пристала.

Иванъ Васильевичъ поспѣшно взялъ бумажку и сталъ внимательно ее разсматривать.

Это былъ клочекъ, вырванный изъ середины письма, написаннаго красивымъ, твердымъ почеркомъ пофранцузски, но такъ несчастливо оторванномъ, что ни одной фразы не уцѣлѣло.

На одной сторонѣ можно было только прочесть: «...vieux de mon coeur... Vous conduira... but sacré... expiation suprême»... А на другой еще меньше, среди отдѣльныхъ буквъ только три полныхъ слова: «la petite Madeleine», и ничего больше. Ни подписи, ничего такого, что навело бы на догадки объ имени и происхожденіи бездыханныхъ труповъ, коченѣвшихъ на промерзлой землѣ, подъ старыми, покрытыми инеемъ деревьями, съ открытыми въ смертельномъ ужасѣ глазами, на искаженныхъ муками лицахъ и съ глубокими зияющими ранами на груди.

Долго простоялъ надъ ними въ раздумьи Бахтеринъ. Въ вообра-

женіи его пронесились леденяція душу подробности кровавой драмы, происходившей тутъ нѣсколько часовъ тому назадъ. И такъ удручающе дѣйствовало это зрѣлище ему на душу, что онъ не въ силахъ былъ ни о чемъ думать, кромѣ свершившагося и не поправимаго событія.

Передъ его духовными очами проходили одна за другой сцены неравной, отчаянной борьбы несчастныхъ застигнутыхъ врасплохъ жертвъ съ искусными, набившими себѣ руку въ грабежахъ и убійствахъ злодѣями. Онъ слышалъ ихъ раздирательные стоны, мольбу о помощи и блѣднѣлъ отъ жалости и негодованія. Кулаки его невольно сжимались, зубы скрежетали, а глаза то загорались гнѣвомъ, то увлажнялись слезами.

Никогда не видѣлъ онъ раньше этихъ людей. Когда они были живы, онъ ихъ не зналъ и, можетъ быть, вполне равнодушно отнесся бы къ нимъ при встрѣчѣ; но мертвые они ему стали такъ близки, какъ родные, какъ друзья. Хотѣлось отомстить за нихъ, хотѣлось что нибудь для нихъ сдѣлать, чѣмъ нибудь проявить чувство братской любви, вызванное въ его сердцѣ зрѣлищемъ ихъ истерзанныхъ, беспомощно распростертыхъ тѣлъ.

Что должны были они испытать, прежде чѣмъ испустить духъ!

Особенно злополучный молодой человѣкъ въ батистовой сорочкѣ, съ дорогими кружевами, лежащій всѣхъ ближе къ экипажу. Не говоря уже о томъ, что и чувства, развитыя воспитаніемъ въ немъ, были способнѣе воспринимать страданія, и нервы болѣзненно тоньше, кромѣ этого, онъ мучился не за себя одного, какъ каждый изъ окружающихъ его слугъ, а также и за любимую женщину и за обожаемаго ребенка! Каково ему было видѣть, что онъ не въ силахъ ихъ отстоять? Каково ему было лежать недвижимымъ въ то время, какъ убивали его супругу? А что и эта нравственная пытка выпала ему на долю, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Его нашли еще живымъ послѣ ухода разбойниковъ, онъ, значитъ, все видѣлъ, все слышалъ, какъ умирала его подруга и вѣрные слуги, какъ расхищали его имущество. Онъ чувствовалъ, какъ съ него, смертельно раненаго, срывали одежду, онъ видѣлъ, какъ тѣ же грубыя, пропитанныя кровью руки, обнажали и ее, ту, которую онъ, безъ сомнѣнія, холилъ и берегъ, какъ лучшее свое сокровище! Онъ видѣлъ, можетъ быть, ту ручку, созданную для страстныхъ поцѣлуевъ, отрубленной, окровавленной, застывающей въ усилии не покидать ребенка, котораго отъ нея оторвали силой.

По свидѣтельству старика, ребенка нашли съ рукой матери, вцѣпившейся съ настойчивостью смерти въ надѣтое на него платьице.

Но кудрявая красавица, къ счастью, скоро скончалась. Агонія ея не длилась, какъ у мужа ея, нѣсколько часовъ; она не видѣла, какъ онъ истекаетъ кровью, какъ томится въ тщетныхъ усиліяхъ

приподняться и подползти къ дѣвчкѣ, которая, по всей вѣроятности, долго плакала и кричала, прежде чѣмъ въ изнеможеніи заснуть.

Ждать смерти при такой обстановкѣ!

И какъ онъ не замерзъ? Какъ могъ онъ продышать до утра! Можетъ быть, онъ былъ бы спасенъ, если бы раньше подать ему помощь...

О, какъ мучительно было это предположеніе!

Говорятъ, что когда люди подошли, онъ открылъ глаза и шевелилъ губами, тщетно усиливаясь что-то сказать; говорятъ, что кровь хлынула у него изъ раны въ груди отъ этого усилія, и что въ глазахъ его выразилась та смертельная тоска, что читалась въ нихъ до сихъ поръ...

Что хотѣлъ онъ сказать?

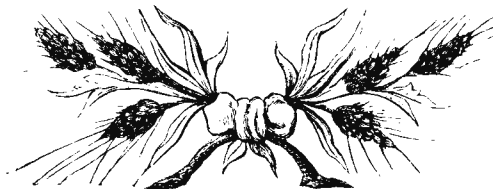
И, опустившись передъ мертвымъ тѣломъ на колѣни, всматриваясь въ застывшія черты и ни на что не глядѣвшіе глаза, Бахтеринъ безсознательно искалъ въ нихъ отвѣта на мучившій его вопросъ.

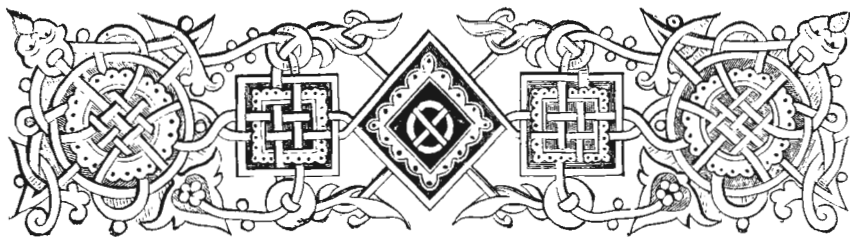
И вдругъ отвѣтъ явился такой прямой и ясный, яснѣе котораго и съ живыхъ губъ не сорваться. Бахтерина осѣнила неожиданная мысль. Сердце его затрепетало отъ радостнаго волненія, онъ нашелъ средство исполнить свой долгъ передъ убитымъ, долгъ братской любви во Христвѣ.

— Твоя дочь будетъ нашей дочерью, — прошепталъ онъ, съ трудомъ сдерживая слезы умиленія и восторга, подступавшія ему къ горлу. — И, пригнувшись еще ближе къ трупу, онъ запечатлѣлъ свое обѣщаніе поцѣлуемъ въ холодныя, безжизненныя губы, а потомъ закрылъ ему глаза. И мертвое лицо преобразилось, оно стало величаво и спокойно.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА.

А МОЮ ДОЛЮ выпалъ счастливый жребій: приготовить къ печати любопытныя записки, оставленныя генераломъ отъ кавалеріи, Николаемъ Петровичемъ Синельниковымъ, и имѣющія несомнѣнно историческую цѣнность. Онѣ захватываютъ своимъ содержаніемъ ровно пятьдесятъ лѣтъ, т. е. два полныхъ царствованія и одно, при окончаніи котораго покойный сенаторъ началъ свою служебную карьеру. Извѣстно, какъ онъ былъ правдивъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ онъ просто и здраво смотрѣлъ на личную жизнь и на гражданскія обязанности человѣка. Все сказанное даетъ особый вѣсъ его запискамъ. Въ нихъ впервые очерчивается даровитая и симпатичная личность великаго князя Михаила Павловича; въ нихъ впервые читатель встрѣтитъ такіе факты, которые мало затрогивали русскіе администраторы занимаемая высшіе посты въ государствѣ. Мы говоримъ о «темныхъ поборахъ» съ народа, широко практиковавшихся въ Сибири и сгруппированныхъ въ точныя статистическія цифры генераль-губернаторомъ Синельниковымъ. Въ немъ была и еще другая оригинальная черта. Суровый съ виду и стойкій въ служебныхъ дѣйствіяхъ, онъ былъ безгранично добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Къ страданіямъ ближняго, къ его горестямъ, онъ подходилъ тихо, деликатно, какъ бы боясь встревожить непрощеннымъ участіемъ. За все время своего долгаго начальствованія онъ не предалъ суду ни одного чиновника. Въ запискахъ своихъ онъ обходитъ молчаніемъ лицъ, совершившихъ при немъ что либо дурное. Съ исторической точки зрѣнія такой пробѣлъ есть большой недостатокъ; съ точки нравственной это свидѣтельствуетъ о высокихъ качествахъ души писавшаго. Достойно также сожалѣнія, что записки Николая Петровича были начаты имъ въ преклонномъ возрастѣ, когда «всѣ впечатлѣнія бытія» не такъ ярко являются въ памяти человѣческой. Вотъ почему столь поучительная для потомства эпоха аракатеевскаго владычества освещена въ запискахъ сравнительно блѣдно и не богата фактами. Въ запискахъ хорошо обрисованы служба при Михаилѣ Павловичѣ, наши про-

виниці въ дореформенное время, состояніе Польши въ эпоху 1863 года, Восточная Сибирь въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ ея особеннымъ складомъ народной жизни, съ ея обветшалыми установленіями. Все упомянутое заслуживаетъ вниманія потомства и, конечно, для него писалъ свои «записки» тотъ замѣчательный человекъ, которому въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II сказалъ: «тебя и враги уважаютъ».

П. Суворовъ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ къ «Запискамъ».—Мой отецъ и его воспитаніе.—Мое рожденіе, поступленіе въ 2-й кадетскій корпусъ.—Кадетство.—Иеромонахъ, впоследствии архимандритъ Фотій.—Выпускъ въ офицеры.—Генералъ Демидовъ.—Жизнь въ Нарвѣ.—Служба въ военныхъ поселеніяхъ.—Графъ Аракчеевъ.—Полковникъ Томилевскій.—Моя женитьба.—Польская кампанія 1831 года.—Разныя изъ нея эпизоды.—Генералы: князь Шаховской и Гурко.—Штурмъ Варшавы.—Переводъ въ гвардію.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Свиданіе съ семьей.—Поступленіе на службу въ гвардейскій штабъ.

Хорошо идти впередъ, но лучше знать,
когда остановиться.

Можетъ быть, поздно я начинаю мои записки; можетъ быть, нѣкоторые случаи моей жизни ускользнуть изъ памяти, уже пріимѣтно слабѣющей. Такъ много пережито, такъ много испытано, что я считаю не въ правѣ похоронить съ собою мои воспоминанія хотя въ нихъ и нѣтъ заслугъ, выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ. Сожалѣю только, что при нерѣдкихъ переѣздахъ я утратилъ часть моихъ записокъ о службѣ въ теченіе двадцати лѣтъ въ бывшемъ штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, во время командованія имъ незабвеннымъ благодѣтелемъ моимъ, въ Бозѣ почившимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Поэтому изъ упомянутаго періода я внесу только тѣ факты, которые твердо сохранились въ моей памяти. Правда прежде всего.

Отецъ мой родился въ Тобольскѣ, въ 1771 году, а въ 1777 году былъ записанъ капраломъ л.-гв. Преображенскаго полка, куда прибылъ вмѣстѣ съ сыномъ бывшаго губернатора Свѣчина въ 1788 году. По производствѣ въ офицеры, онъ находился въ арміи при управленіи главнокомандующаго графа Бенингсена, что доказывается черновыми, его рукой писанными, донесеніями государю. Я родился въ 1805 году. Отецъ скончался въ 1807 году, оставивъ мать мою съ небольшимъ пенсіономъ и тремя сыновьями; двое изъ нихъ были старше меня и воспитывались въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Послѣ отца осталось много переводныхъ рукописей, которыя были отданы матушкою другу его Свѣчину. Что отецъ любилъ заниматься, это доказывается найденными мною въ его бумагахъ те-

тражами для изученія языковъ: французскаго, англійскаго, итальянскаго, шведскаго, и отрывками изъ исторіи его жизни.

Я началъ учиться подѣ наблюденіемъ матушки, потомъ подѣ руководствомъ братьевъ, произведенныхъ уже въ офицеры. Въ 1817 году я былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, поступивъ по экзамену во 2-й классъ, минуя четыре низшихъ.

Не скоро я свыкъся съ новымъ моимъ положеніемъ, трудно было мнѣ привыкать къ тѣмъ обычаямъ, которые не соотвѣтствовали условіямъ тогдашняго семейнаго воспитанія.

Моя мать, особенно вначалѣ, часто навѣщала меня и благословляла на дѣла добрыя. Много можетъ сдѣлать моленіе матери. Оно утвердило во мнѣ чувства—не измѣнять долгу и хранить чистоту совѣсти. Благотворно на меня вліяло и расположеніе ко мнѣ законоучителя іеромонаха Фотія, бывшаго потомъ архимандритомъ и настоятелемъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Это былъ человѣкъ сухой, суровый, требовательный. Онъ намъ внушалъ безусловное повиновеніе начальству, вѣру безъ разсужденій. За провинности и лѣность онъ ставилъ кадетъ на колѣни и заставлялъ ихъ читать извѣстное количество разъ молитву. Раньше опредѣленнаго срока наказанія онъ никогда виновнаго не прощалъ.

Я учился прилежно, хотя не отличался бойкими способностями; любилъ фронтъ, но старался, какъ говорится, не быть выскочкой.

Разсказы участниками Отечественной войны и слухи о приготовленіи къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ нарушили мое мирное настроеніе. Съ согласія матушки, я былъ произведенъ въ офицеры 1-го мая 1823 года, въ 1-й Карабинерный полкъ, стоявшій тогда въ г. Нарвѣ. Получивъ отъ родственника высочайшій приказъ о производствѣ, я поторопился подѣлиться своей радостью съ матерью, имѣлъ неосторожность выѣхать въ городъ въ офицерской формѣ, прежде приказа по корпусу. За этотъ малодушный поступокъ меня лишили наградныхъ денегъ, и никакія ходатайства ближайшаго начальства не были приняты въ уваженіе строгимъ и скучнымъ директоромъ генераломъ Маркевичемъ. Приведенное наказаніе послужило мнѣ весьма полезнымъ урокомъ въ жизни.

Послѣ представленія государю императору Александру Павловичу, вмѣстѣ съ прочими вновь произведенными офицерами, я отправился къ дивизионному начальнику генералу Демидову, извѣстному своими странностями. Мнѣ приказано было явиться къ нему въ 8 часовъ утра. Болѣе часу я уже стоялъ въ пріемной, какъ въ полуотворившуюся дверь выглянула фигура въ бѣломъ домашнемъ сюртукѣ и исчезла за тою же дверью. Это былъ самъ Демидовъ. Около 10-ти часовъ онъ вышелъ въ мундирѣ; я представился. Послѣ краткихъ вопросовъ о мѣстѣ родины и родныхъ, онъ взялъ отъ человѣка шляпу, перчатки и приказалъ мнѣ прибыть завтра. На другой день, около 9-ти часовъ, я увидалъ Демидова въ томъ же бѣломъ

сюртукѣ. Онъ направилъ меня къ прибывшему изъ Нарвы полковому командиру, полковнику Леонтьеву, остановившемуся въ нижнемъ этажѣ того же дома. Послѣ обыкновенныхъ объясненій съ Леонтьевымъ, мы пошли къ начальнику дивизіи и нашли у него пріѣхавшаго такъ же изъ Нарвы бригаднаго командира генерала Палицына. Демидовъ, между прочимъ, спросилъ меня: не желаю ли я еще остаться съ родными въ Петербургѣ? Когда же я отвѣтилъ, что по случаю скорого выступленія полка въ лагерь прошу дозволенія ѣхать въ полкъ, чтобы заняться службою, генераль сдѣлалъ шагъ назадъ, почти прыжокъ, съ какимъ-то особымъ удивленіемъ и, обратившись къ Палицыну и Леонтьеву, произнесъ:

— Вотъ вамъ офицеръ, который намъ нуженъ.

По прибытіи въ Нарву, генераль Палицынъ предложилъ мнѣ исправлять при немъ должность бригаднаго адъютанта съ тѣмъ, чтобы и жить у него.

Такъ, въ самомъ началѣ моей службы, я получилъ мѣсто, хотя и съ несложными занятіями, но на виду у начальства и обеспечивающее меня матеріально.

Какъ ни странны кажутся приказанія генерала Демидова являться къ нему сряду два дня, стоять въ его пріемной часы въ натянутомъ положеніи, но это обстоятельство, обыкновенное по тогдашнему пониманію обязанностей, выдвинуло меня изъ обыденной колеи служебной жизни.

Исполняя должность бригаднаго адъютанта, я, однако, просилъ, у кого слѣдуетъ, дозволенія продолжать и строевые занятія по страсти моей къ фронту. Такой фактъ, въ глазахъ Демидова, показался вѣнцомъ служебнаго усердія. Во время лагеря подъ Краснымъ Селомъ онъ постоянно обращалъ на меня вниманіе, иногда приглашалъ къ обѣду. Не долго я пользовался расположеніемъ генерала. Послѣ лагеря въ С.-Петербургѣ, за отказъ мой отъ его предложенія ѣхать въ театръ съ двумя проживавшими у него дѣвицами неизвѣстнаго происхожденія, я попалъ въ вольнодумцы.

По возвращеніи въ Нарву пришла и моя пора отдать долгъ молодости. Въ одномъ домѣ съ нами жила баронесса В., съ которою я познакомился чрезъ сыновей ея. Къ ней часто пріѣзжала симпатичная и любезная племянница ея, баронесса Е. И. К. Для меня, увлекшагося ея вниманіемъ, она представлялась верхомъ совершенства. Я былъ приглашенъ, въ числѣ моихъ товарищей по полку, пріѣхать къ ней въ деревню по случаю дня рожденія ея матери. Юная баронесса встрѣтила меня, какъ хорошаго знакомаго, и дала слово на котильонъ. Танцы продолжались часами. Только послѣ ужина я простился съ очаровательной хозяйкою, воспаленный сердцемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ, что мы созданы другъ для друга. Палицынъ, пожилой холостякъ, чуждавшійся общества дамъ, вос-

хищался моими откровенными рассказами и мечтами о будущем счастья. Въ часы досуга я писалъ о нихъ и матушкѣ.

Въ январѣ 1824 года, я былъ съ генераломъ Палицынымъ въ С.-Петербургѣ у развода. До прибытія государя, графъ Аракчеевъ, взявъ Палицына подъ руку, долго ходилъ съ нимъ по экзерциргаузу. Это событіе произвело большой эффектъ среди присутствующихъ. По возвращеніи съ развода, Палицынъ объявилъ мнѣ, что полки нашей бригады вскорѣ выступятъ въ свои округа военныхъ поселеній, а мы должны отправиться туда немедленно. При всей признательности моей къ Палицыну я рѣшился объяснить ему, что мнѣ грустно оставлять Нарву по извѣстнымъ ему обстоятельствамъ, что въ поселеніяхъ я буду для него бесполезенъ, не имѣя понятія о введенномъ тамъ порядкѣ службы, и просилъ о возвращеніи въ полкъ. Палицынъ сжалился надъ моимъ положеніемъ, и мы разстались безъ всякой съ его стороны претензіи.

Въ полку я исправлялъ временно должность полковаго казначея. Хотя занятія мои усложнились, и свободнаго времени было немного, но оно всецѣло посвящалось чувствамъ моей душевной привязанности. Баронесса К. съ матерью жила тогда въ Нарвѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кажется, на второй день Пасхи, полкъ нашъ выступилъ въ походъ. Горьки были минуты разставанья, съ ними кончилась поэзія, наступила скучная проза моей жизни. Походъ полка весною, въ самую распутицу, возбуждалъ убѣжденіе, что присутствіе наше въ поселеніи необходимо. Не доходя одного перехода до полковаго штаба, села Медвѣдя, насъ расположили на тѣсныя, грязныя квартиры въ Лужскомъ уѣздѣ и лишь чрезъ двѣ недѣли назначили вступленіе въ округъ.

По приходѣ въ село Медвѣдь полкъ былъ построенъ на площади, въ батальонныхъ колоннахъ; посрединѣ ея былъ поставленъ для богослуженія аналой. Вотъ появился начальникъ штаба военныхъ поселеній, генералъ Клейнмихель, и показалось шествіе изъ церкви духовенства.

— Священникамъ идти въ порядкѣ!— произнесъ громко Клейнмихель.

По окончаніи молебствія былъ прочитанъ высочайшій манифестъ о дарованіи полку осѣдлости и льготъ мирной семейной жизни. Послѣ раздачи водки, которой большая часть солдатъ не пила, полку приказано было слѣдовать еще 14 верстъ и расположиться въ лѣсу. Здѣсь роздали по ротамъ рабочей инструментъ; дали двѣ недѣли на устройство бараконъ, и цѣлое лѣто насъ заставили расчищать вѣковой лѣсъ подъ сѣнокосъ. Я остался при штабѣ полка. Такъ деморализировались войска съ самаго вступленія въ поселеніе, при официально развитой фискальной системѣ. Въ каждомъ округѣ состоялъ дежурный штабъ-офицеръ, который былъ обязанъ писать обо всемъ, въ особенности о нравственномъ

настроения и суждений гг. офицеровъ. Мы въ своемъ кругу товарищей боялись быть откровенными. Лица, служащія вмѣстѣ со мною въ полковомъ штабѣ и обѣдавшія каждый день у полковаго командира, часто выходили изъ-за стола, не сказавъ ни одного слова. Странно, что съ этими предосторожностями не были обнаружены существовавшія нѣсколько лѣтъ злоупотребленія и значительная растрата казенныхъ суммъ въ поселенномъ батальонѣ полка подъ командою майора Р. Злоупотребленія открылись только по присоединеніи батальона къ полку.

Графъ Аракчеевъ остался не доволенъ, кажется, не столько злоупотребленіями, сколько тѣмъ, что дѣлу былъ данъ официальный ходъ; онъ прибылъ лично въ округъ.

Кто бы подумалъ, что я, въ скромномъ званіи прапорщика, буду предметомъ перваго гнѣва сильнаго временщика. Графъ пріѣхалъ въ субботу, вечеромъ, и обѣдалъ на другой день въ обѣдни. Исправляя должность ктитора, я отправился въ церковь еще до заутрени и, почувствовавъ сырость воздуха, приказалъ протопить печи. Одна изъ нихъ стала дымить; я послалъ къ строителю-инженеру, но ничто не помогло, и въ церкви остался запахъ дыма.

— Ты что?— спросилъ меня графъ при входѣ въ церковь.

— Исполняя должность ктитора,— доложилъ я смиренно.

Войдя въ храмъ, онъ сказалъ:

— Отчего пахнетъ дымомъ?

И, не ожидая отвѣта, приказалъ отправить меня послѣ обѣдни на гауптвахту. Все, что ему представлялось, было не хорошо и досталось всѣмъ; казалось, онъ хотѣлъ на первый разъ, какъ говорится, задать острастку. Два дня графъ пробылъ въ округѣ, и два дня я просидѣлъ на гауптвахтѣ; только предъ отъѣздомъ его, по просьбѣ полковаго командира, меня освободили. Это было только началомъ моихъ испытаній, которыя мнѣ судьбою опредѣлено было перенести. Я не былъ въ перепискѣ съ Е. И. К., но чрезъ письма изъ Нарвы къ близко знакомымъ лицамъ имѣлъ извѣстія, доказывавшія продолженіе ея расположенія ко мнѣ. Въ одинъ грустный день захватившій ко мнѣ поручикъ Л. показалъ письмо изъ Нарвы къ женѣ его, въ которомъ, между прочимъ, было роковое извѣстіе, что невѣста моя, какъ ее называли, выходитъ замужъ. Разочарованному въ чувствахъ первой привязанности и неудачею въ службѣ, мнѣ надо было много силы воли, чтобы не упасть духомъ. Только письмо покойной матушки, видѣвшей въ моемъ горѣ испытаніе, ведущее къ лучшему, восстановило мои нравственныя силы, и я съ новою энергіею принялся за свои обязанности.

Вскорѣ меня утвердили квартирмейстеромъ, съ званіемъ члена полковаго комитета. Мнѣ приказано было составить выписку изъ запутаннаго отчета о растратахъ по поселенному батальону. Это сложное и трудное занятіе съ ранняго утра до поздней ночи, съ

тяжкою обязанностью сохранить справедливость и облегчить участь почтеннаго по лѣтамъ маіора Р., который, какъ казалось, пользовался покровительствомъ графа, подорвали мои физическія силы до кровохаркавія. Лишь данный мнѣ отдыхъ и медицинскія пособія возстановили мое здоровье.

Въ концѣ 1824 года я имѣлъ серьезное порученіе принять и доставить въ округъ, купленный у лужской помѣщицы А. В. Тащицовой, лѣсъ для постройки полкового штаба. Въ смѣтѣ, приложенной къ предписанію полкового комитета, было объяснено по ошибкѣ, что надобно принять, между прочимъ, около 2.000 бревенъ 5-ти-саженной длины; слѣдовало же показать 5¹/₂ саж. На основаніи смѣты я донесъ, что мною приняты бревна длиною въ 5 сажень, а начальникъ работъ представилъ объясненіе, что чрезъ это остановится возведеніе экзерциргауза. Когда же, на запросъ полкового комитета, мною было донесено, что хотя сообразно съ смѣтою и показаны по вѣдомости принятыми бревна въ 5 саж., но въ натурѣ всѣ они до 6 саж., то мнѣ была объявлена благодарность, скупого на похвалы, графа Аракчеева. Приѣмъ и клейменіе лѣса, продолжавшіеся около трехъ мѣсяцевъ, не составляли того труда, который я испытывалъ при сплавѣ бревенъ водою, сначала розсыпью по теченію р. Лежны, а потомъ плотами по рѣкамъ Шелони и Мшагѣ противъ теченія.

По окончаніи этой командировки съ пользою для казны и по представленіи отчетности, я получилъ изъ остатка отпущенной мнѣ суммы денежную награду и сталъ пользоваться не по чину авторитетомъ начальства и товарищей.

Событія 1825 года, послѣдовавшія по кончинѣ императора Александра Павловича, измѣнили устройство и управленіе военными поселеніями. Поселенные баталіоны были освобождены отъ фронтowych занятій, отнимавшихъ у людей непроизводительно силы и время отъ полевыхъ и домашнихъ работъ. Въмѣсто мундировъ и амунисиі дали имъ особой формы кафтаны, въмѣсто двухъ постояльцевъ хозяева должны были содержать только по одному; гр. служащимъ разрѣшены переводы и пр.

Вскорѣ послѣдовалъ замѣчательный прощальный приказъ по военнымъ поселеніямъ отъѣзжавшаго въ отпускъ за границу, по болѣзни, графа Аракчеева, и съ этимъ отъѣздомъ кончилось его владычество ¹⁾).

Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю я времена трудныя, но вынесенныя съ покорностью волѣ Божіей. Мнѣ кажется, что если въ

---

¹⁾ Въ приказѣ этомъ, сколько я помню, было объяснено: «У въ Воевъ почившаго Государя, въ его всеобъемлющемъ умѣ, родилась мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній... Потомъ о себѣ графъ упоминалъ: «Что мнѣ, первому и единому мнѣ, была открыта воля монарха; удостоенный довѣрія его величества, я одинъ устроилъ военныя поселенія», и пр.

графъ и проявлялось желаніе обращать службу подчиненныхъ въ гнетущій трудъ, то это являлось слѣдствіемъ его безпредѣльной преданности государю, безгранично ему довѣрившему. Все сказанное ставило графа въ исключительное положеніе и приводило иногда къ деспотизму. Здѣсь нельзя не вспомнить и убѣжденій того времени; нельзя не упомянуть и о томъ, что, хотя въ поселеніяхъ большинство было не довольно строгостью, однако, при извѣстіи о декабрскихъ безпорядкахъ, всѣ готовы были идти за правительствомъ. Слово о графѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, принадлежитъ исторіи.

Въ 1826 году, полковой командиръ, полковникъ Леонтьевъ, былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ первой бригады первой гренадерской дивизіи. Мѣсто его занялъ бывший баталіонный командиръ, полковникъ Томиловскій. Не въ томъ была бѣда, что онъ относился строго къ службѣ, но бѣда въ томъ, что онъ имѣлъ мстительный характеръ. На меня палъ выборъ исправлять должность полковаго адъютанта. Я не боялся работы. Понимая обязанности полковаго адъютанта, какъ звена, соединяющаго полковаго командира съ обществомъ офицеровъ, и стараясь предупредить личныя неудовольствія, я бывалъ часто въ затруднительномъ положеніи. Не буду объяснять многихъ случаевъ, сохранившихся и до сихъ поръ въ моей памяти, но приведу одинъ примѣръ, характеризующій наши отношенія. При отпѣткѣ въ кондуктнскихъ спискахъ Томиловскій аттестовалъ подпоручика Рябинина «расточителенъ въ хозяйствѣ» за то, что ямщикъ жаловался на неуплату имъ 10 рублей за ѣзду. Въ сущности дѣло было въ томъ, что командиръ не жаловалъ Рябинина, честнаго и образованнаго офицера, любимаго товарищами, но, по молодости, не всегда осторожнаго въ выраженіяхъ. Когда я доложилъ, что аттестация эта можетъ повліять вредно на будущую службу достойнаго офицера, то Томиловскій такъ сильно оттолкнулъ отъ себя списокъ, что онъ упалъ на полъ. Съ досадою онъ сказалъ мнѣ: «Поднимите!».

— Для поднятія бросаемыхъ вами на полъ бумагъ вамъ данъ денщикъ, — отвѣтилъ я.

Полковникъ взглянулъ на меня съ гнѣвомъ, но, встрѣтивъ совершенно спокойное выраженіе лица моего, остановился съ дальнѣйшими объясненіями и позвалъ денщика.

Я выносилъ подобныя, не безопасныя въ служебномъ отношеніи, пытки, утѣшаясь мыслью, что приношу пользу товарищамъ. Пытки эти были тѣмъ болѣе трудны, что, слѣдуя принятой мною системѣ, я ни съ кѣмъ не могъ раздѣлить грустныхъ моихъ чувствъ, чтобы не возбудить въ товарищахъ еще болѣе нерасположенія къ Томиловскому. Среди такихъ волненій я неожиданно получилъ предложеніе отъ генерала Н. И. Леонтьева служить при немъ бригаднымъ адъютантомъ. Я принялъ предложеніе, хотя мнѣ и тя-

жело было разставаться съ полкомъ. Томиловскій и при разставаніи не измѣнилъ себѣ. Онъ выразилъ свое сожалѣніе досадою на генерала Леонтьева и на меня; однако же потомъ былъ со мною въ перепискѣ.

Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы. Могъ ли я предвидѣть, что новое назначеніе мое, кромѣ пріятной обстановки по службѣ, принесетъ мнѣ семейное счастье втеченіе почти сорока лѣтъ. Дозволю себѣ сдѣлать перерывъ описанія моихъ служебныхъ занятій. Да и что я могу сказать особеннаго о нихъ въ званіи бригаднаго адъютанта? Были высочайшіе смотры, ученія, разводы въ присутствіи высшаго начальства, всегда удачные потому, что генераль Леонтьевъ ревностно занимался бригадою. Втеченіе зимы онъ имѣлъ терпѣніе осматривать по одиночкѣ оба полка съ собственноручною отмѣткою въ спискахъ степени образованія по фронту каждаго человѣка. Кромѣ того, онъ провѣрялъ хозяйства военныхъ поселенцевъ, также съ оцѣнкою ихъ благоустройства.

По прибытіи въ Собачьи Горбы, мѣсто расположенія бригаднаго штаба, въ іюнѣ 1828 года, я былъ принятъ генераломъ тепло и внимательно. Жена его, достойная искренняго уваженія Наталья Лаврентьевна, и ея сестра, потомъ незабвенная, покойная жена моя Софья Лаврентьевна, привѣтствовали меня, какъ стараго знакомаго. Онѣ и трое дѣтей составляли семейство генерала.

Носились слухи, что полковой командиръ, полковникъ Полтининъ, уже пожилой холостякъ, умный и добрый, числился женихомъ Софьи Лаврентьевны, а дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Розенмейеръ, влюбленъ въ нее и часто бываетъ въ семьѣ Леонтьева. Домъ бригаднаго командира стоялъ на высокомъ берегу р. Волхова, съ большимъ садомъ, окруженный живописной мѣстностью. При домѣ былъ казенный паромъ съ катерами и яликами; на другой сторонѣ рѣки видны были красивые домики поселенной роты. Я и канцелярія помѣщались во флигелѣ.

По утрамъ послѣ докладовъ генераль уѣзжалъ для осмотровъ. Я имѣлъ занятій часа на два, знакомые посѣщали насъ рѣдко, и только полковые командиры являлись довольно часто. Полтининъ обыкновенно оставался обѣдать. Розенмейеръ пріѣзжалъ вечеромъ. Это была добрая, симпатичная личность, не безъ претензій на свою наружность и остроу. Мы скоро сошлись на ты; онъ былъ дѣйствительно равнодушенъ къ Софьѣ Лаврентьевнѣ.

Наступило лѣто. Наталья Лаврентьевна постоянно занималась дѣтьми; я почти ежедневно гулялъ съ ея сестрою въ саду или катался въ лодкѣ. Разумный тактъ и полное нравственное приличіе, которыми обладала Софья Лаврентьевна, не могли не возбудить во мнѣ чувствъ глубокаго къ ней уваженія. Благодаря ей, проявились во мнѣ понятія о лучшихъ интересахъ жизни; я сталъ болѣе внимателенъ ко всему, до нея относящемуся. Все это при-

вело къ заключенію ея родныхъ и знакомыхъ, что я влюбленъ. Для нашихъ прогулокъ возникли затрудненія, но они, какъ и всякое препятствіе въ подобныхъ случаяхъ, не отдалили, а ускорили развязку.

Въ іюнѣ переѣхалъ на дачу въ село Богослово ¹⁾ корпусный командиръ, князь И. Л. Шаховской. Генераль отправился со мною представиться; послѣ обѣдни насъ оставили обѣдать. Потомъ приглашенія повторялись; при этомъ начались празднества въ полкахъ по разнымъ случаямъ, катанья водою на тони и проч. Я уже не могъ ежедневно гулять съ Софьей Лаврентьевной. Пятнадцатаго августа мы съ генераломъ возвратились отъ князя ранѣе обыкновеннаго, по случаю нездоровья княгини. Дома застали Полтинина и Розенмейера. Все время разговоръ былъ общій и оживленный. Предъ отъѣздомъ Розенмейеръ, взявъ меня подъ руку и отведя въ сторону, сказалъ:

— Я, братъ, ретируюсь, насильно милъ не будешь, тебѣ и книги въ руки.

— Что такое?—спросилъ я.

— Пока тебя не было, говорили—скучно, а съ твоимъ возвращеніемъ стало весело. Дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь.

Мы разстались. Я привыкъ къ шуткамъ Розенмейера. На этотъ разъ въ тонѣ его была не шутка. Я очутился въ какомъ-то новомъ для меня положеніи, но старался скрыть свое смущеніе. Такимъ образомъ почти ничтожный случай сдѣлался важнымъ вопросомъ моей жизни. Я пришелъ къ убѣжденію, что съ чувствомъ почти родственной привязанности слилось во мнѣ и чувство искренней любви. Я видѣлъ, что и Софья Лаврентьевна ко мнѣ равнодушна. Тогда предстали предо мною думы о будущемъ. Я опасался внести неудовольствіе въ уважаемое мною семейство генерала. Ни у меня, ни у сестры его жены состоянія не было. Описавъ мое положеніе покойной матушкѣ, я получилъ отъ нея согласіе и благословеніе на бракъ. «Не въ деньгахъ счастье,—писала она,—а въ любви и согласіи». Письмо это и было поводомъ моихъ объясненій.

На другой же день, во время прогулки, Софья Лаврентьевна замѣтила, что она давно не видала меня въ такомъ хорошемъ настроеніи.

— Продолженіе этого настроенія зависитъ отъ васъ,—проговорилъ я,—прочтите и скажите отвѣтъ на это письмо.

Много перечувствовалъ я въ небольшое время, пока читалось письмо. Но вотъ она взглянула на меня съ улыбкою и произнесла:

— Теперь я только могу сказать вамъ: да.

Нужно ли объяснять, что сдѣлало со мною это слово, рѣшившее судьбу моей жизни? Возвратясь домой, мы объявили о нашемъ

¹⁾ Въ пяти верстахъ отъ Собачьихъ Горбовъ.

счастіи. Это не удивило Николая Ильича и Наталью Лаврентьевну; они предвидѣли исходъ нашего взаимнаго расположенія. Свадьба наша была въ февралѣ. Вскорѣ Николая Ильича перевели въ 3-ю бригаду, и мы переѣхали на прежнія квартиры въ с. Медвѣдь.

Въ 1830 году, гренадерскій корпусъ былъ собранъ въ лагерѣ подь селомъ Княжимъ Дворомъ. Императоръ Николай Павловичъ на смотру объявилъ корпусу походъ противъ поляковъ, надежду на помощь Божію въ правомъ дѣлѣ и на храбрость войска. Онъ прибавилъ: «Пойдемъ топтать бунтовщиковъ»¹⁾. Полки выступили, а генералъ Леонтьевъ былъ назначенъ начальникомъ старо-русскаго округа, и мы переѣхали въ Старую Руссу.

Бывшій начальникъ штаба, генералъ Клейнмихель, прибывъ въ Старую Руссу для осмотра военныхъ поселеній, замѣтилъ мнѣ за обѣдомъ у генерала:

— Вы здѣсь не составите карьеры по службѣ, и можете быть обойдены товарищами; совѣтую вамъ ѣхать къ бригадѣ, какъ бригадному адъютанту, тѣмъ болѣе, что кампанія продолжится не долго.

Какъ ни грустно было мнѣ разставаться съ женою, но отказаться отъ лестнаго предложенія было не возможно. Я отправился къ арміи въ январѣ 1831 года, а въ въ мартѣ мѣсяцѣ Богъ далъ намъ сына Ростислава.

Въ томъ же году семейство наше постигло страшное несчастіе.

Незабвенный Н. И. Леонтьевъ былъ убитъ, или, лучше сказать, замученъ во время возмущенія поселенцевъ въ Старой Руссѣ²⁾. Онъ едва успѣлъ предъ тѣмъ отправить въ Нарву свое семейство и жену мою съ сыномъ. Въ Нарвѣ тогда жили родные; имущество наше, остававшееся въ Старой Руссѣ, все было разграблено. Я избавился опасности потому, что находился въ кампаніи.

Прибывъ къ бригадѣ въ г. Ковно, гдѣ была и корпусная квартира, я представился корпусному командиру. Князь Шаховской принялъ меня съ видимымъ расположеніемъ, какъ лицо ему извѣстное. Онъ сказалъ бывшему при приѣмѣ начальнику штаба, генералу Гурко:

— Вотъ, Владиміръ Осиповичъ, кому мы можемъ поручить наградную и секретную переписки.

Я назначенъ былъ состоять при князѣ. Мнѣ поручены были занятія, и назначены отъ штаба два писаря, а для посылокъ два

¹⁾ Послеъ смотра извѣстный остроуми князь Львовъ объявилъ намъ, что государь на смотру изволялъ съ нимъ разговаривать. Дѣло было въ томъ, что онъ по неосторожности всталъ на линію желонеровъ, и государь сказалъ ему: «Подите прочь съ линіи, вы мѣшаете равненію желонеровъ!».

²⁾ Въ появленіи свирѣпствовавшей холеры поселяне, по наущенію злоумышленниковъ, обвиняли начальство и докторовъ. Командированный для прекращенія болѣзни, главный докторъ военныхъ поселеній, д. с. с. Даллеръ, спасся, выѣхавъ изъ Старой Руссы на козлахъ коляски, въ денщицѣй шинели.

«истор. вѣстн.», январь, 1895 г., т. LIX.

казака съ урядникомъ. Такимъ образомъ устроилось мое служебное положеніе на время всей кампаніи.

25 января, корпусный штабъ съ войсками переправился черезъ рѣку Нѣманъ и слѣдовалъ на города Сувалки и Ломжу къ Варшавѣ. За три перехода до Варшавы, было получено донесеніе начальника казачьяго разѣзда, что корчма Зегржъ, на шоссе, сильно укрѣплена и занята непріателемъ. Слѣдовавшей впереди бригадѣ, въ которой я числился, и которою командовалъ временно генералъ Колотинскій, приказано было взять корчму. Я, съ дозволенія князя, побѣхалъ къ бригадѣ. Ночью мы обошли корчму, со всѣми предосторожностями, съ лѣвой стороны, чрезъ рѣку Бугъ; по льду были переправлены два легкихъ орудія на людяхъ, съ настилкою соломы, чтобы съ разсвѣтомъ напасть на непріателя. Къ удивленію нашему оказалось, что ни въ корчмѣ, ни въ укрѣпленіяхъ, около моста устроенныхъ, непріателя нѣтъ.

Когда бригада послѣ отдыха выстроилась для слѣдованія, вдали, по дорогѣ изъ м. Непорента, показались уланы. Колотинскій взволновался, приказалъ пѣхотѣ построить каре, а кавалеріи и артиллеріи стать на позицію. Вдругъ мы увидали отдѣлившагося отъ уланы и скачущаго къ намъ офицера генеральнаго штаба Львова. Онъ объявилъ, что этотъ эскадронъ посланъ съ нимъ для открытія сообщеній гренадерскаго корпуса съ главною арміею.

Такъ комично началась моя боевая карьера; то мы искали непріателя, и не нашли, то свои войска приняты за непріателя.

11 февраля, мы расположились на бивуакахъ у м. Непорента. Князь помѣтился впереди селенія, въ домѣ ксѣндза; мы, т. е. свита, по стодамъ и сараямъ около дома. На другой день, 12 февраля, рано утромъ, мы услышали вблизи прежде ружейные, а потомъ пушечные выстрѣлы. Я выбѣжалъ изъ стодала и увидѣлъ разсыпанныхъ по опушкѣ лѣса, не вдалекѣ отъ дома, польскихъ застрѣльщиковъ съ двумя орудіями, а начальника штаба, генерала Гурко, уже разставлявшаго въ застрѣльщики нашу караульную роту. Началась перестрѣлка. Въ войскахъ били тревогу; я побѣжалъ къ князю и встрѣтилъ его сходящимъ съ крыльца совершенно спокойнымъ, тогда какъ пули и артиллерійскіе снаряды ложились на дворѣ и попадали въ строенія.

— Скажите Владиміру Осиповичу Гурко, — приказалъ князь, — чтобы не ставилъ людей подъ выстрѣлы, а держался строеній. Это рекогносцировка, поляки изъ лѣсу не выйдутъ.

Въ то время, какъ я отправился исполнять порученное распоряженіе, разсыпанная рота наша съ мѣста, гдѣ былъ ротный командиръ, съ крикомъ «ура» бросилась къ опушкѣ лѣса. Видя, что непріатель уходитъ и увозитъ орудія, которыя и были цѣлью порыва ротнаго командира, и что этотъ порывъ былъ тотчасъ же

остановленъ сигналомъ, но стоилъ двухъ раненыхъ, я невольно проникся сожалѣніемъ и ненавистью къ бунтовщикамъ.

Послѣ описаннаго случая корпусъ выступилъ по старой Варшавской дорогѣ къ Бѣлоленкѣ. Бывшая впереди насъ бригада первой пѣхотной дивизіи, подѣ начальствомъ генерала Мандерштерна, найдя м. Бѣлоленку занятою непріателемъ, начала дѣло. Когда огонь сталъ усиливаться, князь велѣлъ ускорить маршъ, а мнѣ ѣхать къ Мандерштерну съ приказаніемъ, чтобы онъ непремѣнно удержалъ Бѣлоленку и, въ случаѣ надобности, послалъ въ огонь свой резервъ, потому, что другія войска идутъ на помощь къ намъ форсированнымъ маршемъ. Я засталъ непріателя наступающимъ на Бѣлоленку, а генерала Мандерштерна распоряжающимся въ самомъ пылу битвы на площади мѣстечка. Здѣсь уже была работа преимущественно штыками и прикладами. Пули летали рѣдко; я очутился, такъ сказать, съ непріателемъ лицомъ къ лицу и съ какимъ-то дикимъ увлеченіемъ поощрялъ солдатъ, молодецки поражавшихъ бунтовщиковъ. Вскорѣ пронеслось «ура!» тронувшася съ мѣста резерва, и непріатель сталъ отступать. Я проводилъ его до конца мѣстечка. Мандерштернъ благодарилъ меня за участіе, и я поѣхалъ съ докладомъ къ князю. За это дѣло я получилъ, по засвидѣтельствованію Мандерштерна, орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». По окончаніи дѣла, съ участіемъ другихъ частей, войска построились въ боевой порядокъ предъ мѣстечкомъ въ виду непріателя. Потомъ приказано было начать движеніе влѣво, чрезъ лѣсъ, съ гренадерскихъ полковъ, стоявшихъ въ заднихъ линіяхъ, для присоединенія къ арміи. Карабинерная бригада, при которой я былъ оставленъ княземъ, стоявшая въ первой линіи и горѣвшая желаніемъ сразиться съ непріателемъ, должна была двинуться послѣднею. Ночью непріатель беспокоилъ насъ и особенно кавалерію конгревовыми ракетами и изрѣдка огнемъ артиллеріи; ему посылались по огню энергичные отвѣты.

Едва стала заниматься заря, какъ мы увидали наступающихъ въ боевомъ порядкѣ поляковъ съ распущенными знаменами и сильною батареею въ срединѣ. Вскорѣ мы двинулись черезъ лѣсъ за гренадерскими полками, подѣ прикрытіемъ артиллеріи; непріатель насъ не преслѣдовалъ. Однако, мы потеряли одно орудіе, завязшее въ болотѣ, и убыль въ бригадѣ была довольно значительна. При всей послѣдшности слѣдованія по ужасной дорогѣ мы прибыли на Гроховское поле уже тогда, когда знаменитое дѣло почти окончилось.

Не думаю, чтобы у кого либо не дрогнула душа при видѣ мгновенно разрушающейся жизни, только что дѣйствовавшей съ полною отвагою; не думаю, чтобы было много и такихъ натуръ, которымъ смерть ближняго на полѣ битвы не напоминала бы близости ихъ собственной гибели. При этомъ сознаніи проведенные мною два дня среди опасностей, укрѣпивъ во мнѣ надежду на Провидѣніе,

привели меня къ убѣжденію, что при исполненіи святыхъ обязанностей не можетъ быть ни мысли, ни чувства боязни.

Во время похода мы утѣшались надеждою, что при первой встрѣчѣ съ мятежниками все будетъ кончено въ одинъ день. Послѣ Гроховской битвы дни приходили и уходили. Мы стояли на одной позиціи подъ дождемъ и снѣгомъ, а первыя сутки безъ обозовъ и выюковъ питались солдатскими сухарями, пили болотную воду изъ манерокъ. Наконецъ, послѣдовало приказаніе перейти къ мѣстечку Лотовичамъ.

Не буду увлекаться подробностями и объясню вкратцѣ подвиги гренадерскаго корпуса. Втеченіе почти трехъ мѣсяцевъ мы переходили съ одной позиціи на другую по исторической польской грязи; недостатокъ въ хлѣбѣ вынудилъ насъ продовольствоваться посредствомъ реквизиціи. Къ добавленію сказаннаго, въ войскахъ показалась холера. Было нѣсколько дѣлъ съ непріателемъ, въ которыхъ и я принималъ участіе, какъ-то: при мѣстечкахъ Ендржеевѣ, Калушинѣ, Венгровѣ, Куфлеевѣ и городѣ Минскѣ. Это были, какъ оказалось, только рекогносцировки непріателя, который обыкновенно ретировался послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, не давая намъ никакихъ результатовъ, кромѣ утомленія солдатъ. Изъ болѣе замѣтныхъ дѣлъ было дѣло подъ Венгровымъ, гдѣ карабинеры безъ выстрѣла взяли мостовое укрѣпленіе, сильно обороняемое. Бывшіе мои товарищи, Рябининъ и Вестенриксъ, первые вскочили на тетъ-де-понъ и пали смертію храбрыхъ.

Но вотъ приблизилась развязка грустнаго бездѣйствія. Мы пошли къ городу Остроленкѣ, и 14-го мая, на разсвѣтѣ, услышали грохотъ пушекъ. Нетерпѣніе скорѣе дойти до мѣста битвы было такъ сильно, что каждый выстрѣлъ казался упрекомъ, что мы идемъ не довольно скоро, хотя мы почти бѣжали.

Около девяти часовъ утра мы увидали стоявшихъ на песчаномъ бугрѣ, близъ города Остроленки, главнокомандующаго фельдмаршала графа Дибича съ начальникомъ главнаго штаба графомъ Толемъ. Третьей гренадерской дивизіи генерала Набокова приказано было поступить подъ начальство генерала Вистрома, атаковавшаго городъ. Князь приказалъ мнѣ быть при Набоковѣ и доносить ему о ходѣ дѣла. Мы вошли въ городъ, когда большая часть его еще находилась въ рукахъ непріателя. До городской площади мы прошли не останавливаясь, но площадь представляла такое зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ памяти. Городъ горѣлъ, весь скарбъ еврейскій выносился на улицы; тутъ же бой, разрывающіеся снаряды, плачь женщинъ и дѣтей, барабаны, сигналы,—все сливалось въ одинъ страшный гулъ, раздирающій душу. Когда непріатель былъ вытѣсненъ съ площади, гренадеры, не смотря на сильный огонь батарей, перешли мостъ чрезъ Наревъ. Поражая штыками и прикладами, они взяли два орудія, защищавшія пере-

праву, и утвердились на позиціи между рѣкою и шоссе. Два полка гренадеръ были переведены по плувучему мосту. Непрiятель, подъ прикрытіемъ артиллеріи, нѣсколько разъ возобновлялъ атаки, но ояѣ были успѣшно отбиваемы. Намъ большую помощь оказала сильная батарея, удачно поставленная генераломъ графомъ Толемъ на возвышенномъ берегу рѣки и дѣйствовавшая почти во флангъ атакующаго непрiятеля.

Поздно вечеромъ князь послалъ меня предупредить отдѣльныхъ начальниковъ обо осторожности на случай ночного нападенія. За мѣтивъ при проѣздѣ, что непрiятель замѣняетъ пѣшую цѣпь конною, я тотчасъ же возвратился доложить объ этомъ князю. Ояѣ поручилъ генералу Гурко и мнѣ удостовѣриться въ намѣреніяхъ непрiятеля.

Проѣхавъ до небольшого моста на шоссе, мы услышали шумъ движенія и увидали тянувшiяся въ сторонѣ, мимо бѣлыхъ домиковъ, массы польскихъ войскъ, смѣшанныхъ въ безпорядкѣ. Сомнѣнія въ отступленіи непрiятеля не могло быть. Генералу Гурко князь поручилъ доложить объ этомъ фельдмаршалу, приказавъ и мнѣ за нимъ слѣдовать.

Мы заѣхали въ бивуакъ графа Толя и застали его занимающимся съ генераль-квартирмейстеромъ, генераломъ Нейдгартомъ. Къ фельдмаршалу отправились всѣ вмѣстѣ. Ояѣ спалъ; графъ Толь, разбудивъ его, объяснилъ дѣло, и фельдмаршалъ велѣлъ для преслѣдованія непрiятеля послать казаковъ. Поутру мы увидали толпы плѣнныхъ, взятыхъ казаками, но другихъ результатовъ преслѣдованія, къ сожалѣнію, не было. Такъ кончилась Остроленская битва, стоившая много крови. За отличіе въ сраженіи подъ городомъ Остроленкою я получилъ чинъ штабсъ-капитана.

Мы пошли къ городу Пултуску; тамъ скончался отъ холеры фельдмаршалъ Дибичъ, и прибылъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, подъ счастливою звѣздою котораго ожила армія. Дѣла приняли оборотъ болѣе благопріятный, чему много способствовала заботливость главнокомандующаго объ обезпеченіи войскъ продовольствіемъ. Наше слѣдованіе къ Варшавѣ и переправа черезъ Вислу, близъ прусской границы, не имѣли серьезныхъ препятствій со стороны польскихъ войскъ. Мнѣ пришлось участвовать только одинъ разъ въ дѣлѣ подъ Шимановымъ.

Почти черезъ два мѣсяца послѣ выступленія изъ Пултуска, 12-го августа, мы стали на позицію при Сенкочинѣ и вдали увидали массу зданій мятежной Варшавы съ возвышающимися куполами костеловъ. Войска занялись приготовленіемъ штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ и ихъ приспособленіемъ при штурмѣ.

Не могу не рассказать случая, характеризующаго тогдашнія служебныя отношенія казаковъ. Князь послалъ меня впередъ къ атаману Власову узнать, не замѣчается ли какого движенія у непріа-

теля. Я напелъ знаменитаго старца сидящимъ подъ деревомъ, къ которому были привѣшаны, въ видѣ шатра, двѣ бурки. Выслушавъ меня, атаманъ закричалъ: «Пахомычъ!».

Явился почтенный штабъ-офицеръ.

— Возьми-ка съ полсотни ребятъ, — приказалъ генералъ Власовъ, — да побѣгай по бугру.

Въ минуту лава молодцовъ понеслась въ разсыпную. Я поѣхалъ за казаками и съ высокаго холма увидалъ страшную Волю съ грозными брустверами и костеломъ внутри укрѣпленія. Но они не устрашили нашего войска, исполненнаго надежды на великаго русскаго Бога, поборника правды. Поистинѣ можно сказать, что кто не видалъ въ бою нашего солдата, тому трудно даже вообразить его геройскую храбрость и самоотверженіе; ему, какъ говорится, смерть ни почему.

Поздно вечеромъ, 24-го августа, со всѣми предосторожностями скрыты отъ непріятели наше движеніе, мы выступили съ позиціи, оставивъ пылающіе костры, и остановились близъ Калишскаго шоссе.

Восходящее солнце, привѣтствуемое молитвами солдатъ, застало войска уже двигающимися на приступъ. Артиллерія шла впереди; нѣсколько сигнальныхъ ракетъ взвилось изъ непріятельскихъ укрѣпленій; захотали громы орудій, и разверзлась завѣса въ обители смерти. Уже около получасу продолжались дѣйствія артиллеріи, какъ приостановленнымъ войскамъ было приказано идти на штурмъ. Предъ нами возвышалась Воля, но до нея надобно было взять сильно укрѣпленный, съ волчьими ямами и палисадами, редутъ. Солдаты, крестясь, говорили: «только бы Богъ помогъ намъ Волюшку-то польскую прибрать къ рукамъ, а уже съ Аршавой сладимъ».

Редутъ былъ взятъ войсками перваго пѣхотнаго корпуса, шедшими предъ нами. Колонны пошли на приступъ безъ одного выстрѣла; закинула послѣдняя жестокая борьба въ редутѣ, пули сыпались на атакующихъ. Первыми взошли на валъ офицеры, за ними заблестали штыки солдатъ, и скоро въ редутѣ все замерло, какъ въ могилѣ.

Для взятія Воли были введены въ дѣло гренандеры вмѣстѣ съ другими войсками. Сильный гарнизонъ, на смерть защищавшійся, и всѣ преграды, вѣками придуманныя, пали подъ оружіемъ храбрыхъ. Стремленіе къ исполненію долга между офицерами было такъ сильно, что солдаты удерживали ихъ, вскакивали на брустверь прежде, чтобы защитить ихъ собою. Такъ было съ полковникомъ Кирьяковымъ, получившимъ св. Георгія, и съ подполковникомъ Рачинскимъ, павшимъ славною смертію. Оба они были батальонными командирами перваго Карабинернаго полка. Мое слово, конечно, ничего не прибавитъ къ лавровымъ вѣнкамъ корпусныхъ командировъ князя Шаховскаго и графа Палена перваго, распоряжавшихся при взятіи Воли. Не могу лишь не сказать, что ихъ герой-

ское хладнокровіе въ самомъ пылу битвы удивляло всѣхъ, и мы съ ними забывали опасность. Командиръ конной батареи полковникъ Житовъ, подскакавшій къ Волѣ на ближайшій картечный выстрѣлъ, раненый въ руку и обливаемый кровью, оставался въ бою даже безъ перевязки. Но описаніе всѣхъ частныхъ подвиговъ, даже тѣхъ, которые совершались въ глазахъ моихъ, заняло бы слишкомъ много мѣста въ этихъ запискахъ.

Въ Волѣ палъ старый польскій воинъ, ея комендантъ Савицкій; взятъ въ плѣнъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ мятежа Высоцкій, и убиты тысячи мятежниковъ. Съ нашей стороны потеря также была велика.

Взятіе Воли повергло въ уныніе мятежниковъ, канонада притихла, но только что князь расположился съ нами около Воли закутить, какъ непріятель сдѣлалъ сильную вылазку изъ Варшавы. Князь самъ повелъ въ атаку карабинерные полки, бывшіе подъ рукою. Оказавъ чудеса храбрости, они отбросили атакующихъ, увлеклись преслѣдованіемъ въ самое предмѣстье бунтующей столицы. Въ началѣ сраженія, когда сходились цѣпи застрѣльщиковъ, одинъ изъ польскихъ офицеровъ навелъ пистолетъ на князя, но двое нашихъ застрѣльщиковъ подняли его на штыки. Послѣдній въ жизни выстрѣлъ врага ранилъ жандарма, бывшаго въ свитѣ князя.

Начались переговоры, но видно правдѣ Божіей нужны были новыя жертвы. 25-го августа настала вторичный и послѣдній штурмъ Варшавы, еще съ большими опасностями, потому что непріятель имѣлъ время сосредоточить свои силы по направленію нашей атаки.

Около шести часовъ вечера гренадеры взяли Вольское предмѣстье и продолжали дѣйствовать по Вольской улицѣ. На первомъ перекресткѣ огонь былъ такъ силенъ, что мы должны были пріостановиться, чтобы сохранить людей. Князь во главѣ третьей гренадерской дивизіи прогналъ мятежниковъ.

Безпокоясь о второй дивизіи, дравшейся подъ начальствомъ генерала Полуектова у Иерусалимской заставы, князь послалъ меня узнать о положеніи дѣла. Я нашелъ Полуектова у городского вала близъ заставы.

— Скажите князю, — былъ отвѣтъ Полуектова, — что я очень сожалѣю, что онъ не полюбовался моими молодцами; они съ пѣснями шли на смерть ¹⁾.

Возвращаясь къ корпусному командиру, я былъ свидѣтелемъ пораженія пяти человекъ плѣнныхъ мятежниковъ русскимъ ядромъ. Они шли въ числѣ прочихъ, съ конвоемъ, въ обозѣ; по-

---

¹⁾ Разсказывали, что на заявленіе Полуектова о пѣсняхъ фельдмаршалу послѣдній спросилъ: какую пѣсню пѣли солдаты? Генералъ отвѣчалъ: «Ахъ, на что-жъ было огородъ городить!».

томъ я нагналъ своего отставшаго казака, порядочно выпившаго. Онъ горько плакалъ о пропавшей у него съ сѣдла подушкѣ, въ которой было все имущество, снятое имъ во время войны съ убитыхъ. Я ему не разъ говорилъ, что краденое въ прокъ не пойдетъ.

Утромъ, 26-го августа, послѣ переговоровъ, генералъ Бергъ пріѣзжалъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что все кончено. Тяжелое чувство спало съ души, изнывшей отъ кровавыхъ зрѣлищъ. Мятежники покорились, очистили городъ и мостъ на Вислѣ, а въ восемь часовъ утра побѣдоносныя знамена наши развѣвались на улицахъ смирившейся Варшавы.

Гренадерскій корпусъ былъ поставленъ на позицію у Сухачева. Оттуда мы двинулись вслѣдъ за польскою арміею къ прусской границѣ, и движеніе это лишь кончилось переходомъ мятежниковъ за пограничную черту. Корпусъ возвратился подъ Варшаву. Упомянутый походъ, совершенный въ прекрасную погоду, среди усмирённой страны, былъ пріятною прогулкою. За штурмъ Варшавы я былъ переведенъ въ гвардію.

Вообще, польская кампанія оставила во мнѣ относительно служебной дѣятельности самыя отрадныя воспоминанія и чувства глубокой душевной признательности къ князю Ивану Леонтьевичу Шаховскому, справедливѣйшему начальнику и благороднѣйшему челоуѣку.

Начальникъ, отряда генералъ Гурко, замѣчательно разумный и неутомимый дѣятель, также оказывалъ мнѣ полное довѣріе во всемъ; наши сердечныя отношенія сохранились и впоследствии.

Вскорѣ по окончаніи военныхъ дѣйствій, мнѣ было поручено отвезти въ Петербургъ знамена, взятые въ Ново-Георгиевской крѣпости. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Шаховской вручилъ мнѣ письмо къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералу Веймарну 1-му, и просилъ его о прикомандированіи меня къ штабу гвардейскаго корпуса.

По сдачѣ знаменъ, съ дозволенія генерала Веймарна, я поѣхалъ въ Нарву, гдѣ жила тогда незабвенная жена моя. И теперь сохранились во мнѣ живыя воспоминанія объ этомъ свиданіи. Слезы радости мѣшались со слезами грусти; мы много пережили въ это время опасностей и горя. Свѣжа была могила нашего сына Ростислава, скончавшагося въ г. Нарвѣ, вскорѣ по прибытіи съ матерью своею, и не давшаго отцу ни перваго, ни послѣдняго лобзанія. Еще трауръ по добрѣйшемъ Н. И. Леонтьевѣ, убитомъ во время возмущенія въ г. Старой Руссѣ, покрывалъ семейство, напоминая о его кончинѣ. Однако, я не могъ долго оставаться въ Нарвѣ и долженъ былъ возвратиться съ женою въ Петербургъ на новую службу.

Матеріальное положеніе наше было весьма затруднительно. Все, что оставалось у жены моей, разграблено въ Старой Руссѣ, со мною

въ походѣ было только необходимое. Намъ помогъ бывший дежурнымъ генераломъ, графъ Клейнмихель, исходатайствовавъ мнѣ 2.000 рублей пособія за разграбленное въ Старой Руссѣ имущество.

II.

Представленіе великому князю Михаилу Павловичу.—Служебная неудача.—Занятія въ штабѣ.—Начало докладовъ у его высочества.—Первая встрѣча съ императоромъ Николаемъ.—Его любовь къ личному распредѣленію людей въ гвардію.—Черты изъ жизни его.—Растрата денегъ въ штабѣ.—Ея послѣдствія.—Рыцарскій характеръ великаго князя.—Его показная строгость.—Повѣдка на открытіе Бородинскаго памятника.—Временная немилость августѣйшаго начальника.—Фактъ необыкновеннаго его великодушія.—Забавная исторія съ капитаномъ П.—Генералъ Витовтовъ.—Донось оберъ-аудитора Кукуева.—Начало венгерскаго похода.—Кончина великаго князя Михаила Павловича.—Его августѣйшая супруга Елена Павловна.—Служба при наслѣдникѣ цесаревичѣ.—Постройка и открытіе царскосельскаго театра.—Производство въ генералы.

Мнѣ приказано было представиться великому князю Михаилу Павловичу. Явился къ его высочеству я съ полною готовностью служить, какъ говорится, вѣрою и правдою. Мнѣ думается, что и на фizioноміи моей выразалось счастье въ первый разъ объясняться съ доблестнымъ братомъ государя. Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о службѣ, великій князь обратился къ начальнику штаба, генералу Веймарну, съ полустрогими и полупутливыми словами:

— Прошу васъ, Петръ Ѳеодоровичъ, засадить его за работу въ штабѣ такъ, чтобы на гулянье оставалось времени не много.

— Буду стараться, ваше императорское высочество, работать съ полнымъ усердіемъ,—доложилъ я.

— Надѣюсь,—отвѣтилъ великій князь.

Пылкое ли воображеніе молодости, или въ самомъ дѣлѣ предчувствіе подсказало мнѣ, что я заслужу его милость и довѣріе, но сознаю, что служба моя въ штабѣ началась съ грустнаго эпизода. За ошибку писаря, не досмотрѣнную мною въ дневныхъ свѣдѣніяхъ, представляемыхъ его высочеству, мнѣ былъ объявленъ начальникомъ штаба выговоръ въ приказѣ¹⁾. Этотъ выговоръ, глубоко огорчившій меня, еще сильнѣе возбудилъ во мнѣ энергію къ исполненію обязанностей.

Въ началѣ поступленія въ штабъ, мнѣ поручались временно отдѣленія или по болѣзни, или по отсутствію кого либо изъ господъ старшихъ адъютантовъ. Впослѣдствіи я завѣдывалъ вторымъ отдѣленіемъ по продовольствію, переформированію и комплектованію войскъ. Это было сложное и трудное дѣло. Оно мнѣ дало возмож-

¹⁾ Ошибка заключалась въ томъ, что вмѣсто гренадерскаго его величества императора австрійскаго полка было написано ея величества.

ность ознакомиться вообще съ производствомъ дѣлъ въ штабѣ и съ методою изложенія переписки отъ имени его высочества.

Въ распisanіе занятій 2-го отдѣленія входило также и составленіе особыхъ карточекъ, представляемыхъ государю императору при распредѣленіи прибывающихъ нижнихъ чиновъ на укомплектованіе гвардіи и ея командъ.

Спустя нѣкоторое время, начальникъ штаба сталъ требовать меня по вечерамъ для объясненій по дѣламъ и для составленія приказовъ и приказаній по замѣчаемымъ великимъ княземъ безпорядкамъ въ войскахъ или несоблюденіямъ формы со стороны господъ офицеровъ. На другой день все это, вмѣстѣ съ докладами, должно было представляться его высочеству. Если же великій князь встрѣчалъ опущенія или безпорядки при выѣздахъ на прогулки по окончаніи докладовъ, то требовалъ къ себѣ начальника штаба для распоряженій; послѣдній чрезъ это терялъ лучшее время для своихъ занятій. По утрамъ, когда я приходилъ къ начальнику штаба для представленія дѣлъ, заготавливаемыхъ къ докладу его высочеству, случалось составлять и экстренныя бумаги по личнымъ просьбамъ лицъ—объ отпускахъ, пособіяхъ, по особеннымъ случаямъ и пр. Вспоминаю, что вскорѣ по воспослѣдованіи высочайшаго повелѣнія входить съ представленіями о пособіяхъ только въ крайнихъ случаяхъ, пріѣхалъ начальникъ дивизіи, генералъ Штрандманъ, съ просьбою объ уплатѣ долговъ. Начальникъ штаба затруднялся доложить объ этомъ великому князю. Пособіе испрашивалось значительное. По совѣщаніи, дѣло устроилось такъ, что генералу Штрандману предложено было написать письмо къ государю императору, объяснивъ, что убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ крайности его есть то, что онъ осмѣливается просить о пособіи и по воспослѣдованіи высочайшаго запрещенія. Письмо это было немедленно доложено его высочеству. Послѣдовало все милостивѣйшее соизволеніе на выдачу негласнаго пособія.

Эти занятія у начальника штаба, кромѣ работы по отдѣленію, дѣйствительно, привели меня въ такое состояніе, что времени для прогулокъ не оставалось, а здоровье мое, не смотря на молодость и крѣпкій организмъ, сильно пошатнулось. Я сначала захворалъ разстройствомъ грудныхъ органовъ, а потомъ лихорадкою, однако же не оставлялъ занятій. Во время пребыванія великаго князя въ загородномъ расположеніи, ѣздили съ докладами по очереди старшіе адъютанты. Мнѣ привелось отправиться въ Павловскъ предъ выступленіемъ войскъ въ лагерь. Его высочество потребовалъ меня съ докладомъ, когда еще не совсѣмъ прошла лихорадка.

— Что съ тобою?—спросилъ великій князь.

— У меня легкая простуда, но она не мѣшаетъ мнѣ заниматься,—отвѣчалъ я.

— Я прикажу осмотрѣть тебя доктору.

Послѣ доклада пришелъ ко мнѣ Я. В. Вилліе, которому я объяснилъ, что меня пользуетъ докторъ, и хотя пароксизмы продолжаются, но они слабѣютъ, между тѣмъ, въ штабѣ, передъ лагеремъ, дѣла много, и я заниматься могу. Вилліе далъ мнѣ совѣтъ, и согласился, что въ моемъ положеніи занятія болѣе полезны, чѣмъ вредны. Великій князь, при случаяхъ, не разъ вспоминалъ, что больнымъ надо служить, чтобы выздоровѣть.

Если бы я выразилъ здѣсь, что, посвятивъ себя совершенно служебнымъ занятіямъ съ нѣкоторою опытностью и способностями, я черезъ это сталъ пользоваться особымъ довѣріемъ начальства, я не сказалъ бы правды. Всѣ служившіе въ штабѣ, дежурные штабъ-офицеры, а также товарищи мои, старшіе адъютанты, одинаково со мною служили, но съ того времени, какъ его высочеству угодно было, для облегченія занятій начальника штаба, лично мнѣ поручить составленіе приказовъ и приказаній по несоблюденіямъ формы и прочимъ безпорядкамъ, служебный принципъ мой: «усердіе все превозмогаетъ», не имѣлъ предѣловъ. При счастливой памяти, которая давала мнѣ возможность приводить въ бумагахъ подлинныя выраженія великаго князя, всякій трудъ казался мнѣ легкимъ. Работа съ справками и изслѣдованіями продолжалась часто за полночь, а по утрамъ представлялась начальнику штаба для доклада его высочеству. Случалось, что при болѣе крупныхъ безпорядкахъ приглашалось во дворецъ въ тотъ же день начальство той части войскъ, къ которой они относились. По разясненіи обстоятельствъ, великій князь поручалъ мнѣ заготовлять приказы по корпусамъ; но эти случаи были рѣдки.

Я перейду теперь къ описанію тѣхъ фактовъ, которые доставили мнѣ счастье быть лично извѣстнымъ государю императору Николаю Павловичу.

Кажется, въ 1833 году, его величеству благоугодно было осмотрѣть полки 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, расположенные въ бывшихъ округахъ Новгородскаго военнаго поселенія. Я былъ назначенъ ѣхать при его высочествѣ для доклада бумагъ. Первая путевая остановка была въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ пребывалъ и государь. Во время доклада, императоръ, войдя къ великому князю, спросилъ: «Скоро ты кончишь?» и на отвѣтъ его высочества: «Надѣюсь кончить скоро», подошелъ къ столу и сказалъ мнѣ: «Давай докладывать вмѣстѣ». Государь взялъ одну изъ бумагъ и, прочитавъ вслухъ, обратился ко мнѣ со словами: «Ну, дальше, садись».

Видя предъ собою стоящаго монарха, я сѣсть не рѣшался. Тогда императоръ неожиданно во время чтенія моего положилъ руку на мое плечо, сильно опустилъ меня на стулъ, ножка у котораго подломилась. Я упалъ. Государь изволилъ помочь мнѣ встать, спросивъ: «не ушибся ли?» — и потомъ замѣтилъ:

— Кресла ты въ моемъ домѣ ломать можешь, но стульевъ не ломай. Я самъ люблю сидѣть на нихъ.

Онъ спросилъ меня о службѣ и вышелъ, сказавъ великому князю, что ждетъ его. Съ тѣхъ поръ при встрѣчахъ его величество удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ, а въ особенноти при высочайшихъ распредѣленіяхъ людей, выбираемыхъ на укомплектованіе гвардейскаго корпуса. Почти во все время службы моей въ штабѣ я имѣлъ счастье представлять императору свѣдѣнія о недостаткѣ въ войскахъ людей ¹⁾.

Однажды, среди такого распредѣленія государь спросилъ меня: «сколько назначено людей въ л.-гв. Финляндскій полкъ?». Имѣя въ рукахъ вѣдомость, въ которой отмѣчались назначаемые люди, я доложилъ о ихъ числѣ. Бывшій плацъ-маіоръ Болдыревъ обратился къ унтеръ-офицеру л.-гв. Финляндскаго полка, поставленному для означенія г.-гв. Волинскаго полка ²⁾, и, сосчитавъ солдатъ, назвалъ громко другое число. Императоръ остановился на распредѣленіемъ и пошелъ по рядамъ провѣрять самъ. Оказалось, что Болдыревъ ошибся. Николай Павловичъ взглянулъ на него и не сказалъ ни слова. Этотъ взглядъ объяснилъ все. Мнѣ случалось видѣть государя въ гнѣвѣ на ученьяхъ и маневрахъ, но взгляда его на Болдырева я никогда не забуду. Величественно прекрасенъ былъ царь въ минуты радости, величественно грозенъ въ минуты вспыльчивости.

При распредѣленіи въ Аничковскомъ дворцѣ нижнихъ чиновъ гренадерскаго корпуса ³⁾, государь увидалъ на рядовомъ георгіевскій крестъ и спросилъ его:

— За что получилъ крестъ?

— За штурмъ Варшавы, — отвѣчалъ рядовой.

— Былъ ты раненъ?

— Былъ, ваше величество.

— Гдѣ?

— Въ пахъ.

— Ну, что же? — спросилъ государь.

Солдатъ, не сообразивъ вопроса, отвѣчалъ:

— Ничего, ваше величество, проба была.

Императоръ улыбнулся и приказалъ дать георгіевскому кавалеру денежную награду.

¹⁾ Государь изволилъ распредѣлять людей обыкновенно въ 12-мъ часу, когда начальникъ штаба былъ занятъ у великаго князя, а потомъ уже представленіе мною карточекъ обратилось какъ бы въ обыкновеніе.

²⁾ Для означенія полковъ, въ которые назначались распредѣляемые люди, ставились унтеръ-офицеры, а такъ какъ отъ загородныхъ полковъ требовать унтеръ-офицеровъ было затруднительно, то на мѣста 3-й дивизіи ставились унтеръ-офицеры 2-й дивизіи, что и ввело въ ошибку Болдырева.

³⁾ Послѣ пожара въ Зимнемъ дворцѣ партіи распредѣлялись въ Аничковскомъ или въ Михайловскомъ дворцахъ.

Впослѣдствіи я такъ свыкъся съ распредѣленіемъ людей, дѣлаемыхъ государемъ по росту, физіономіи и сложенію, что почти безошибочно могъ указать, кто въ какой полкъ будетъ назначенъ. Нижніе чины, выбираемые изъ гренадерскаго корпуса, прежде всего представлялись великому князю.

Однажды, по окончаніи такого смотра, выходя изъ Михайловскаго дворца, я встрѣтилъ въ коридорѣ государя. На вопросъ его:

— Что дѣлаешь братъ?

Я отвѣчалъ, что только оконченъ смотръ людей.

— А каковъ ихъ ростъ и видъ?

Я доложилъ, что правый фланговый болѣе 10-ти вершковъ, а лѣвый около 9-ти, и что изъ первой шеренги большая часть подходитъ къ Преображенскому и Измайловскому полкамъ¹⁾.

— А сколько въ тебѣ мѣры?

— 10¹/₂ вершковъ.

— Такъ и быть должно, — замѣтилъ его величество.

На другой день дѣйствительно императоръ назначилъ почти всю переднюю шеренгу въ Преображенскій и Измайловскій полки. При распредѣленіи послѣдняго рядоваго и возвращая мнѣ карточки, онъ сказалъ:

— Дѣло это, я вижу, ты понимаешь.

Не столько постоянно преслѣдовавшая меня страсть къ строевой службѣ, сколько сидячая жизнь съ письменными занятіями оказали вредное вліяніе на мое здоровье и зрѣніе. Я вынужденъ былъ неоднократно, чрезъ начальника штаба, испрашивать соизволеніе его высочества на переводъ въ кавалерію. Такъ какъ мои словесныя просьбы не имѣли результата, а между тѣмъ подходило время назначенія меня состоящимъ при штабѣ²⁾, когда уже желаемый переводъ мой сдѣлался бы затруднительнѣе, то я, съ согласія комитета старшихъ докторовъ гвардейскаго корпуса, рѣшился представить объ этомъ докладную записку. Послѣднюю, какъ объявилъ начальникъ штаба, великій князь оставилъ у себя для личнаго объясненія и, вѣроятно, случайно сказалъ объ этомъ государю. Его величество, принимая отъ меня какъ-то карточку при распредѣленіи людей, изволилъ милостиво спросить:

— Ты просился у брата въ кавалерію? Я тебя благословляю.

Вскорѣ послѣ этого я благодарилъ его высочество за исходатай-

¹⁾ Государь императоръ назначалъ для сохраненія однообразія и красоты фронта изъ рослыхъ людей въ полки: л.-гв. Преображенскій — съ лицами солидными, чисто русскаго типа; въ Семеновскій — красныхъ; въ Измайловскій — смуглыхъ; въ Павловскій — курносыхъ, что подходило къ Павловской шапкѣ; въ Литовскій — рябыхъ и пр.

²⁾ Должность состоящаго при штабѣ имѣла видъ помощника дежурнаго штабъ-офицера.

ствование высочайшаго соизволенія на переводъ мой въ кавалерію. Великій князь сказалъ:

— На переводъ твой и я не вижу затрудненій; ты будешь переименованъ подполковникомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, но съ тѣмъ, что останешься въ штабѣ. Для облегченія же зрѣнія позволяю тебѣ носить очки ¹⁾).

Въ 1845 году, былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи генералъ Гурко, знавшій меня по службѣ въ грендерскомъ корпусѣ. Онъ предложилъ мнѣ отъ имени главнокомандовавшаго, князя Воронцова, мѣсто помощника начальника штаба, съ производствомъ, на основаніи манифеста, въ генералы и съ обезпеченіемъ въ содержаніи какъ меня, такъ и моего семейства. Последнее, для продолженія воспитанія дѣтей, должно было остаться въ С.-Петербургѣ. Я отвѣчалъ Гурко, что сказать: да, не считаю себя въ правѣ безъ соизволенія великаго князя, а сказать: нѣтъ, воздерживаюсь, потому что предложеніе князя Воронцова слишкомъ для меня лестно, какъ вызовъ къ участию въ военныхъ дѣйствіяхъ. Все изложенное я объяснилъ начальнику штаба И. Ф. Веймарну. На другой день генералъ Гурко заѣхалъ ко мнѣ въ штабъ съ извѣстіемъ, что князь Воронцовъ уже повезъ обо мнѣ докладъ государю. Въ это время возвратившійся изъ Михайловскаго дворца начальникъ штаба объявилъ, что великій князь не согласенъ на мое назначеніе. Дѣло тѣмъ и кончилось. Его высочество при докладѣ замѣтилъ мнѣ:

— Спасибо за разумный отвѣтъ князю Воронцову.

Императоръ, при распредѣленіи выбранныхъ въ гвардію людей, обратился ко мнѣ съ словами:

— А тебѣ, кажется, воевать на Кавказѣ не придется; братъ не пускаетъ.

На объясненіе мое, что я совершенно счастливъ милостивымъ вниманіемъ его высочества, Николай Павловичъ отвѣтилъ:

— Я надѣюсь, что, служа у брата, ты ничего не потеряешь.

Однажды, послѣ распредѣленія людей, при которомъ ни великаго князя, ни начальника штаба не было, государь приказалъ мнѣ идти за нимъ. По приходѣ въ кабинетъ, онъ передалъ мнѣ собственноручную свою записку для врученія великому князю съ тѣмъ, чтобы объясненіе по ней сдѣлано было лично. Записку эту его высочество передалъ мнѣ для храненія до востребованія.

Во время лагеря, въ 1846 году, была назначена въ высочайшемъ присутствіи стрѣльба въ цѣль, по одной ротѣ съ cadaго полка, назначаемихъ по жребію. Государь обыкновенно самъ вынималъ жеребьевые билеты изъ пачки. Великій князь въ тотъ день осматривалъ полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, прибывшіе

¹⁾ Въ то время на ношеніе очковъ испрашивалось разрѣшеніе начальства.

въ лагерь изъ Ямбурга и Нарвы, и почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать къ ставкѣ императора и ожидать прибытія его изъ Петергофа для представленія билетовъ¹⁾. Если же государь спроситъ, что онъ дѣлаеть, то доложить, что не совсѣмъ здоровъ, но что при смотрѣ гренадерскихъ полковъ онъ имѣлъ такое «пѣхотное наслажденіе», котораго давно не испытывалъ.

Было за полночь, когда коляска показалась на дорогѣ отъ Краснаго Села; Николай Павловичъ дремалъ, челоуѣкъ на козлахъ тоже, а кучеръ забылъ повернуть къ ставкѣ, прослѣдовалъ по дорогѣ въ Царское Село. Вскорѣ, однако, коляска вернулась, и императоръ подѣхалъ къ ставкѣ въ разгнѣванномъ видѣ. Когда на вопросъ: что дѣлаеть братъ?—я объяснилъ слова его высочества о пѣхотномъ наслажденіи, государь успокоился и вошелъ въ ставку, повторяя слова великаго князя. Взявъ изъ дорожнаго сесесера, лежавшаго на столѣ, карандашъ, онъ записалъ роты, которымъ по вынужденію имъ жребію досталось стрѣлять, и, отдавая записку съ карандашемъ, сказалъ:

— Прощай, пора спать. Все, что у меня въ рукахъ, отдаю тебѣ.

Карандашъ этотъ, какъ драгоценность, будетъ навсегда храниться въ моемъ потомствѣ.

Съ прискорбіемъ долженъ внести въ записки грустное происшествіе, бывшее въ 1847 году. Состоявшій двадцать лѣтъ казначеемъ штаба, коллежскій совѣтникъ Костылевъ, еще въ польскую кампанію просчиталъ, по его показанію, значительную сумму казенныхъ денегъ. Съ того времени, играя въ заграничныя лотереи, онъ довелъ недостатокъ до 10-ти тысячъ рублей, покрывая его при ежемѣсячныхъ свидѣтельствахъ деньгами, получаемыми на дрова и освѣщеніе казармъ.

Скромная семейная жизнь Костылева и довѣріе, которымъ онъ пользовался со стороны начальства, не давали повода къ подозрѣнію растраты имъ денегъ. Она открылась совершенно случайно, при экстренной ревизіи моей, по званію дежурнаго штабъ-офицера²⁾. Великій князь былъ въ Варшавѣ, начальникъ штаба доложилъ о совершенномъ преступленіи государю. Повелѣно было произвести слѣдствіе. При первомъ распредѣленіи людей, царь взглянулъ на меня весьма серьезно. По окончаніи же распредѣле-

¹⁾ Здѣсь нужнымъ считаю объяснить, что при стрѣльбѣ въ цѣль моя обязанность была считать число попавшихъ въ мишень пуль; на мѣстѣ составлять вѣдомость карандашемъ на приготовленномъ бланкѣ и тутъ же представлять ее государю императору.

²⁾ Не задолго до упомянутаго факта былъ открытъ значительный недостатокъ денегъ въ управѣ благочинія, что и вызвало меня на внезапную ревизію штабныхъ суммъ.

нія, вѣроятно, замѣтивъ мое отчаянное положеніе, монархъ громко произнесъ:

— Прошу служить и усердствовать попрежнему, а не вѣшать носъ. Бѣда не велика, а слезами и большой бѣдѣ не поможешь.

Дѣйствительно, эта бѣда произвела на меня, какъ ближайшаго наблюдателя за поведеніемъ казначея, ужасное впечатлѣніе. Я лишился сна и аппетита; мнѣ казалось, что я былъ близокъ къ потерѣ разсудка. Я написалъ правдивую записку великому князю объ обстоятельствахъ дѣла. Записка была вложена въ конвертъ, запечатана и вручена адъютанту Н. А. Огареву. Его высочество, прочитавъ мое объясненіе, потребовалъ меня въ Павловскъ. Я ожидалъ, по крайней мѣрѣ, строгаго выговора. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ меня словами:

— Посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ? Ты виноватъ въ излишней довѣрчивости, но отъ своего вора не обережешься. Будь спокоенъ, ты ничего не потеряешь.

Когда выяснились всѣ подробности Костылевской исторіи, то и государь сталъ попрежнему удостоивать меня милостивымъ вниманіемъ. Костылевъ былъ преданъ суду, но умеръ, не дождавшись его конца.

Вспоминая о моей службѣ при великомъ князѣ, не могу не замѣтить, что онъ былъ рыцарь чести, добра и правды. Онъ былъ первый труженикъ, посвящавшій всѣ силы свои на пользу службы. Преданность его доходила до самоотверженія. Михаилъ Павловичъ безусловно имѣлъ добрую душу; чтобы охранить державнаго брата отъ нареканій въ строгости, онъ хотѣлъ казаться строже его. Онъ даже желалъ, чтобы о строгости его говорили въ обществѣ. Въ доказательство сказаннаго приведу слѣдующіе случаи.

Любимецъ великаго князя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ушаковъ, исполняя должность шталмейстера двора, по разсѣянности, распорядился осѣдлатъ лошадь къ разводу, бывшему въ экзерциргаузѣ, съ уборомъ не той части войска, которой мундиръ надѣлъ его высочество. Вслѣдствіе этого Михаилъ Павловичъ на лошадь не сѣлъ и оставался у развода пѣшкомъ. По окончаніи его, я ожидалъ его высочество для принятія приказаній во дворецъ. Проходя въ кабинетъ, онъ приказалъ мнѣ идти за собою, а камердинеру позвать Ушакова. Послѣдній былъ встрѣченъ вопросомъ:

— А ты что сегодня сумничалъ?

— Виноватъ ваше высочество,—объяснилъ Ушаковъ.

— Виноватъ, такъ встань въ уголь.

— Ваше высочество,—проговорилъ Ушаковъ, исполняя приказаніе,—и безъ того всѣ говорятъ о вашихъ строгостяхъ. Что же скажутъ, когда узнаютъ, что вы генераловъ ставите въ уголь?

— Этого-то я и хочу, чтобы обо мнѣ говорили, — произнесъ великій князь.

Расскажу еще фактъ. Во время однихъ лагерныхъ маневровъ войска остановились на позиціи у деревни Бабы-Гоны для отдыха. Отъ высочайшаго двора были получены приглашенія въ Петергофскій театръ. Я разослалъ билеты по назначенію въ полки, а присланные для штаба представилъ его начальнику. Послѣдній одинъ изъ билетовъ настойчиво вручилъ мнѣ. Я долженъ былъ принять эту любезность, хотя противъ желанія, и отправился въ Петергофъ. Вдругъ, предъ самымъ входомъ въ театръ, я увидалъ фельдъегеря Иванова, который объявилъ, что великій князь требуетъ меня съ докладомъ въ Ораніенбаумъ. Въ ту же минуту я поскакалъ. Еще до моего пріѣзда его высочество легъ отдыхать, приказавъ камердинеру разбудить его къ балу, назначенному послѣ театра въ Петергофѣ. Камердинеръ объяснилъ мнѣ, что Михаилъ Павловичъ гнѣвался, ожидая меня, но все-таки пошелъ доложить о моемъ прибытіи. До меня донеслись слова: «пусть ждетъ». Спустя полчаса, я увидѣлъ великаго князя, и онъ меня спросилъ:

— Почему вы изволили опоздать съ докладомъ ¹⁾?

Я со всею откровенностью началъ объяснять, что былъ приглашенъ въ театръ, но не кончилъ еще фразы, какъ гнѣвно былъ прерванъ:

— Такъ вы изволите ѣздить по театрамъ, а меня заставляете ждать вась!

И на эту тему я выслушалъ сильнѣйшую распеканку ²⁾.

Это грустное происшествіе подѣйствовало на меня весьма сильно. Виновнымъ я себя сознать не могъ. По возвращеніи въ Бабы-Гоны, я засталъ начальника штаба, приготовлявшагося ѣхать на балъ въ Петергофъ. Объяснивъ ему обрушившееся на меня горе, я просилъ о своемъ отчисленіи въ полкъ. Начальникъ штаба, утѣшая меня, замѣтилъ, что гнѣвъ великаго князя, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ неловкаго доклада камердинера, и обѣщалъ объяснить его высочеству на балу всѣ обстоятельства дѣла.

На другой день, рано утромъ, я уже находился въ Петергофскомъ дворцѣ, въ комнатахъ, называемыхъ «подъ орломъ». Михаилъ Павловичъ принялъ меня, какъ будто вчера ничего не произошло, и спросилъ: хорошо ли я спалъ? Я съ огорченіемъ отвѣтилъ о скорби, что подвергся его гнѣву.

— Не всякое лыко въ строку, — сказалъ его высочество, — садись и докладывай.

¹⁾ Лицамъ приближеннымъ великій князь обыкновенно говорилъ: ты, а когда сердился на кого изъ нихъ, то говорилъ: вы.

²⁾ Замѣчательно, въ особенности по тогдашнимъ обычаямъ, что его высочество, при распеканіяхъ, никогда не употреблялъ выраженій, обидныхъ для чести.

«истор. вѣстн.», январь, 1895 г., т. lxx.

По окончаніи дѣлъ, великій князь всталъ съ кресла и милостиво произнесъ:

— Будешь впередъ опаздывать?

Я поцѣловалъ его въ плечо и вышелъ; я уносилъ убѣжденіе о высокости и величіи души моего августѣйшаго начальника.

Въ 1839 году, по его приказанію, я былъ назначенъ ѣхать въ с. Бородино, гдѣ великому князю высочайше поручено было командованіе, собранными для парада, при открытіи памятника, запасными и резервными войсками. Я отправился впередъ, чтобы приготовить свѣдѣнія о войскахъ, командующихъ ими, устроить представленія адъютантами дневныхъ рапортовъ по примѣру гвардіи.

Начальникъ штаба понималъ трудность предстоящей мнѣ работы и особенно просилъ вести дѣло такъ, чтобы отстранить отъ взысканій войсковыхъ адъютантовъ за ошибки въ дневныхъ рапортахъ. Между этими адъютантами были такіе, которые мало занимались письменными дѣлами, и потому хотѣли отказать отъ своихъ должностей. Я убѣдилъ ихъ остаться, а при затрудненіи въ составленіи рапортовъ обращаться ко мнѣ во всякое время. Я просилъ ихъ, въ случаѣ замѣченныхъ его высочествомъ ошибокъ, слагать вину на меня.

Это кропотливое занятіе, стоившее мнѣ много труда, сошло благополучно. Я уже радовался успѣшному окончанію хлопотъ, какъ неожиданно подвергся гнѣву великаго князя.

Вечеромъ, около 7 часовъ, въ день открытія памятника, получено было повелѣніе о выступленіи на другой день войскъ съ Москву, для церемоніи при закладкѣ храма Христа Спасителя. Его высочество легъ почивать послѣ продолжительнаго парада, приказавъ камердинеру разбудить себя въ 8 часовъ. Адъютанты собрались за распоряженіями уже съ 6 часовъ. Чтобы не терять времени, я просилъ ихъ съѣздить и объявить словесно начальникамъ войскъ о выступленіи и тотчасъ же возвратиться обратно для полученія указаній о порядкѣ слѣдованія. Проснувшись въ началѣ девятого часа, великій князь потребовалъ меня. Я доложилъ ему о сдѣланномъ предупредженіи. Онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Позвольте узнать, кто изъ насъ командуетъ войсками? Надѣюсь, что тотъ, кто отдаетъ приказанія?

Послѣдовало длинное распеканіе. Откровенно говоря, меня это происшествіе не столько огорчило, сколько удивило. Во мнѣ преобладало желаніе охранить его спокойствіе и дать войскамъ болѣе времени для приготовленія къ походу. Самое повелѣніе было не секретное, но уже предварительно извѣстное. Наконецъ, его высочество отдалъ приказъ съ изъявленіемъ надежды, что, вслѣдствіе заявленія московскимъ градскимъ обществомъ продовольствовать гвардейскій отрядъ на общественный счетъ, нижніе чины будутъ вести себя безупречно и дружелюбно.

На другой день великій князь подъ вліяніемъ неудовольствія не одобрилъ составленнаго мною приказа. Я не помню, что именно не понравилось въ немъ, но сохранилъ въ памяти присутствіе при докладѣ наслѣдника цесаревича, потомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Втораго. Мнѣ опять, какъ говорится, досталось. По исправленіи и подписи приказа я немедленно выѣхалъ въ Москву объявить коменданту о нарядѣ почетнаго караула для фельдмаршала князя Паскевича, пожелавшаго остановиться въ комендантскомъ домѣ.

По прибытіи на курьерскихъ въ Бѣлокаменную, я передалъ прямо съ дороги приказаніе коменданту и прибылъ въ Остоженскій дворецъ. Около полудня, на другой день, когда рота была выстроена, и мы, т. е. свита, встали у подѣзда, командующій резервною дивизією, отъ которой былъ карауль, генералъ Бендковский, служившій прежде въ гвардіи, началъ какую-то фронтную перестановку людей по фізіономіямъ. Въ это время въѣхалъ во дворъ великій князь съ фельдмаршаломъ. Мнѣ казалось, что описанному хаосу я причиной не былъ. Мой августѣйшій начальникъ былъ другого мнѣнія. Проводивъ князя Паскевича въ покои, онъ возвратился въ залъ и спросилъ меня: «Отчего произошелъ весь этотъ сумбуръ съ карауломъ?». Я затруднился отвѣчать потому, что надо было обвинить генерала Бендковского, присутствовавшаго тутъ же. Его высочество приказалъ генералу Толстому все разслѣдовать и доложить. Не смотря на то, что результатъ изслѣдованія былъ въ мою пользу, великій князь не измѣнилъ своего ко мнѣ неудовольствія. Я работалъ неустанно дни и ночи по случаю парада, назначеннаго при закладкѣ храма Христа Спасителя¹⁾. Сложныя, экстренныя занятія, продолжавшіяся около двухъ недѣль, прошли совершенно благополучно.

Не сознавая себя виноватымъ въ описанныхъ фактахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что служба въ штабѣ не приведетъ меня къ благопріятнымъ результатамъ. По возвращеніи въ Петербургъ, объяснивъ начальнику штаба мое положеніе, я представилъ ему записку объ увольненіи, по болѣзненному состоянію, отъ штабныхъ занятій и прикомандированіи къ образцовому кавалерійскому полку. Среди приготовленій къ переѣзду въ Павловскъ мною получено было приказаніе представиться его высочеству.

Великій князь вышелъ въ пріемную и, не подходя ни къ кому изъ представлявшихся лицъ, подозвалъ къ себѣ начальника штаба и громко ему сказалъ, указывая на меня:

¹⁾ Припоминаю, что, предъ выѣздомъ великаго князя на смотръ кадетскихъ корпусовъ, онъ потребовалъ меня съ докладомъ весьма объемистымъ. Докладъ былъ конченъ мною весьма скоро. Бывшій при этомъ сенаторъ Вашиловъ сказалъ, что онъ такого доклада не кончилъ бы въ цѣлый день. Его высочество съ неудовольствіемъ замѣтилъ: удивляться нечему!

— Благодарю васъ за назначеніе его состоять при мнѣ. Я вполне доволенъ его трудами; у него и малограмотные адъютанты составляли рапорты не хуже высокообразованныхъ.

Его высочество взглянулъ съ улыбкою на полковыхъ адъютантовъ гвардейскихъ войскъ, тутъ же бывшихъ, и продолжалъ:

— Правда, ему досталось порядочно, но кто старое вспоминать, тому глазъ вонъ. Благодарю тебя искренно за все и за все.

Такъ опять, и въ послѣдній разъ, разлетѣлись мои фрунтовые мечты. Такъ, видно, опредѣлено было судьбою провести мнѣ всю службу за письменнымъ столомъ. Съ приведеннаго случая великій князь почтилъ меня своимъ полнымъ довѣріемъ.

Командовавшій гвардейскою пѣхотою генераль Арбузовъ инспектировалъ л.-гв. Семеновскій полкъ и открылъ въ одной ротѣ недостатокъ артельныхъ денегъ до 500 рублей. Полковой командиръ генераль Липранди внесъ эти деньги. Будучи со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ передалъ, что попавшійся ротный командиръ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку. Онъ семейный и подалъ уже прошеніе о своемъ переводѣ на Кавказъ. Было бы весьма прискорбно, если бы онъ былъ за растрату преданъ суду. На другой день получила отъ генерала Арбузова записка съ надписью на конвертѣ «секретно». При представленіи этого конверта великому князю, я объяснилъ предварительно ходатайство полковаго командира. Его высочество, вскрывъ конвертъ, просмотрѣлъ записку и, отдавая мнѣ, произнесъ:

— Пусть ѣдетъ, надѣюсь, что впредь будетъ благоразумнѣе.

Такихъ примѣровъ великодушія Михаила Павловича было много. Не мало онъ помогалъ бѣднымъ офицерамъ и изъ своихъ суммъ. О томъ знали только онъ и тотъ, кто получалъ.

Какъ-то послѣ прогулки великій князь потребовалъ меня и спросилъ, не знаю ли я знакомыхъ причисленнаго къ гвардіи генеральнаго штаба капитана П. Я доложилъ, что, кромѣ лицъ, живущихъ съ нимъ въ штабѣ, я никого не знаю.

— Сегодня, — продолжалъ его высочество, — я встрѣтился съ нимъ на набережной; онъ шелъ съ молодымъ человѣкомъ. Послѣдній, видя, что П. сдѣлалъ фронтъ, не только не поклонился мнѣ, но отвернулся. Хотѣлось бы знать: кто это былъ и что онъ имѣетъ противъ меня?

Пригласивъ къ себѣ П., я передалъ ему слова его высочества. Капитанъ задумался, а потомъ сказалъ, полагаю ли удобнымъ ѣхать ему самому во дворецъ, или повѣрить секретъ мнѣ. Дѣло было въ томъ, что съ П. шла переодѣтая дама, лично извѣстная великому князю. Она проводила въ Ораніенбаумѣ лѣто и занималась музыкою съ великими княжнами. Съ мужемъ она разошлась и жила съ капитаномъ П. Я совѣтовалъ ему поручить объясненіе дѣла мнѣ, вслѣдствіе его особенности. Михаилъ Павловичъ отды-

халь на диванѣ, когда я объяснялъ ему странную исторію. Онъ неоднократно поднимался съ мѣста и повторялъ:

— Ну, далѣе, часъ отъ часу не легче. Надо же было мнѣ наткнуться на этотъ казусъ. Скажи капитану П., пусть тѣпится, но чтобы избавилъ меня отъ непріятности встрѣчаться съ дамою его сердца.

Около того же времени произошло другое курьезное происшествіе. Въ штабѣ явился въ больничномъ халатѣ солдатъ л.-гв. Гренадерскаго полка, самовольно отлучившійся изъ сухопутнаго госпиталя. Онъ жаловался, что доктора на слѣдующій день назначили рѣзать ему носъ, а онъ своимъ носомъ совершенно доволенъ. Оставивъ солдата въ штабѣ подъ присмотромъ, я попросилъ корпуснаго штабъ-доктора Нагумовича заѣхать въ штабъ для освидѣтельствованія больнаго бѣглеца. Великій князь, узнавъ объ этомъ случаѣ, приказалъ, чтобы на другой день я съ Нагумовичемъ и больнымъ прибыли во дворецъ. Солдатъ повторилъ его высочеству свою просьбу, а Нагумовичъ доложилъ, что еще нѣтъ надобности совершать жестокую операцію. Михаилъ Павловичъ замѣтилъ Нагумовичу:

— Такимъ образомъ, ты оставишь съ носомъ и доктора, и солдата. Взысканію за самовольную отлучку изъ госпиталя солдата не подвергать. Каждому свой носъ дорогъ.

Въ тотъ періодъ жизни, къ которому относятся эти воспоминанія, у насъ было два сына: Викторъ и Анатолій, и три дочери: Аделаида, Ларисса и Лидія. Старшій сынъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, двѣ старшія дочери кончали въ пансіонѣ, младшіе сынъ и дочь учились въ семьѣ съ гувернанткою. По воскресеньямъ, средамъ и субботамъ двѣ старшія дочери были увольняемы изъ пансіона домой для занятій англійскимъ языкомъ, музыкою и танцами. Еженедѣльно нами былъ приглашаемъ извѣстный по духовному образованію казанскій протоіерей Сидонскій для объясненія дѣтямъ значенія обрядовъ православной церкви и обязанностей христіанина. На этихъ лекціяхъ, по желанію моихъ сослуживцевъ, бывали ихъ сыновья и дочери.

Предъ увольненіемъ въ долгосрочный отпускъ, начальникъ штаба, Иванъ Ѳеодоровичъ Веймарнъ, озабочиваясь сохраненіемъ въ штабѣ упрочившагося порядка, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, дежурнымъ генераломъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, просили великаго князя на время отпуска поручить завѣдываніе штабомъ инженерному генералу Витовтову.

Генераль Витовтовъ былъ умный, осторожный и добрый человекъ, но не обладалъ даромъ слова и памятью, вслѣдствіе ушиба головы. Кромѣ того, онъ почти постоянно страдалъ ревматизмомъ. Подъ влияніемъ своихъ недуговъ онъ затруднялся письменными дѣлами, въ особенности докладами его высочеству. Доклады, по со-

вѣсти сказать, были не легки и требовали привычки. Поэтому мнѣ попрежнему приходилось ѣздить къ великому князю. По сложности и неясности выписокъ изъ военно-судныхъ дѣлъ, составляемыхъ оберъ-аудиторомъ Кокуевымъ, поступившимъ изъ гражданской службы, мнѣ приказано было редактировать его доклады. Кокуевъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и въ раздраженіи представилъ на меня доносъ.

Не смотря на увѣренія, что я ни въ чемъ не нарушилъ правды и порядка службы, генераль Витовтовъ предложилъ мнѣ сдѣлать на доносъ объясненія. Прочитавъ взведенное на меня подозрѣніе въ сокрытіи будто бы отъ августѣйшаго начальника записки генерала Арбузова о растратѣ ротнымъ командиромъ л.-гв. Семеновскаго полка артельныхъ денегъ, я просилъ о производствѣ формальнаго слѣдствія.

Витовтовъ представилъ доносъ великому князю. По разсмотрѣніи дѣла генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ, Кокуеву былъ объявленъ строгій выговоръ. Поставленный въ щекотливое положеніе, онъ сталъ хлопотать объ исходатайствованіи ему мѣста председателя казенной палаты въ одной изъ внутреннихъ губерній. Мнѣ пришлось докладывать объ этомъ. Его высочество замѣтилъ:

— Просьбу твою о Кокуевѣ не могу не уважить.

По сношеніи съ министромъ финансовъ Кокуевъ былъ назначенъ председателемъ иркутской казенной палаты.

Въ 1848 году, праздновался двадцатипятилѣтній юбилей Михаила Павловича въ званіи шефа л.-гв. Московскаго полка. Наканунѣ праздника генераль Витовтовъ зашелъ ко мнѣ съ распоряженіемъ изготовить къ утру рескриптъ полковому командиру и приказъ по полку по случаю юбилея. Только что я принялся за работу, какъ великій князь потребовалъ меня и объяснилъ идею приказа и рескрипта.

— Прошу, чтобы все было изложено безъ глубокихъ мудрствованій, правдиво, ясно, и завтра утромъ привезено ко мнѣ.

Проработавъ ночь, я въ восемь часовъ утра явился во дворецъ и тотчасъ же былъ принятъ. Просмотрѣвъ прежде рескриптъ и взглянувъ на меня, великій князь сказалъ:

— Ну, вотъ, что я желалъ.

Подписавъ рескриптъ и приказъ, онъ велѣлъ мнѣ остаться, чтобы ихъ прочитать передъ собравшимися уже въ пріемномъ залѣ господами офицерами, служащими и служившими въ л.-гв. Московскомъ полку.

До меня потомъ дошло, что нѣкоторые лица остались не совсѣмъ довольны духомъ и буквою составленныхъ мною рескриптовъ. Они обвиняли меня даже въ отсутствіи краснорѣчія. Они не знали или упустили изъ виду одно, что я не сочинялъ, а излагалъ только то, что было угодно приказывать его высочеству. Какъ бы то ни

было, но послѣ описаннаго факта Витовтовъ измѣнилъ ко мнѣ систему своихъ отношеній. Я самъ сталъ болѣе остороженъ, и служба моя въ штабѣ пошла спокойнѣе.

Начиналась Венгерская кампанія. Войска выступали. Я прибылъ со штабомъ въ городъ Бѣлостокъ, гдѣ назначена была временно корпусная квартира. Черезъ нѣсколько дней я отправился съ великимъ княземъ въ Варшаву.

Великій князь, при осмотрѣ стоявшаго подъ Варшавою гренадерскаго корпуса, пробую солдатскую пищу, нашелъ ее приготовленную изъ недоброкачественныхъ припасовъ. Они ставились подрядчиками евреями, заключившими контракты съ главнымъ штабомъ арміи на постоянное продовольствіе всѣхъ войскъ, собираемыхъ въ лагерь. Мнѣ поручено было войти въ сношеніе съ главнымъ штабомъ и настоять, чтобы продукты ставились для войскъ хорошіе при освидѣтельствованіи ихъ начальниками и медиками. При вторичной пробѣ солдатской пищи я удостоился личной благодарности его высочества. Думалъ ли я, что эта благодарность мнѣ великаго князя будетъ послѣднею на землѣ?

Судьбы Божіи неисповѣдимы. Его императорское высочество, постоянно являвшій примѣръ вѣрнопопданности и безпредѣльной любви къ государю и отечеству, почти внезапно кончилъ свою блестящую жизнь. Я былъ во дворцѣ, когда онъ въ Бозѣ почилъ.

Возвратясь въ штабъ подъ вліяніемъ сильной душевной скорби, я едва могъ продиктовать, въ присутствіи всѣхъ служившихъ въ штабѣ, приказъ по корпусамъ. Генералъ Витовтовъ представилъ приказъ на благоусмотрѣніе наслѣднику цесаревичу.

Мнѣ слишкомъ тяжело вспоминать грустную церемонію отпращиванія тѣла почившаго великаго князя въ С.-Петербургъ, встрѣчу государемъ императоромъ въ Чесменской богадѣльнѣ и, наконецъ, погребеніе.

Не могу здѣсь умолчать о милостивомъ вниманіи ко мнѣ великой княгини Елены Павловны. Одаренная высокой душою, она находила наслажденіе въ дѣланіи добра. Она любила литературу и музыку, вела переписку со многими выдающимися писателями Европы, покровительствовала юнымъ талантамъ на поприщѣ искусства. Не разъ случалось, что она входила въ кабинетъ своего августѣйшаго супруга, когда я былъ съ докладомъ. Не разъ она встрѣчала меня или во дворцѣ, или на прогулкѣ, и никогда и нигдѣ не оставляла меня безъ привѣтливаго слова. Вниманіе это продолжалось и послѣ кончины его высочества. Оно высказалось опредѣленіемъ въ музыкальную консерваторію дочерей моихъ подчиненныхъ. Одна изъ нихъ была назначена пансіонеркою великой княгини.

Сохраняя свято въ душѣ моей чувства глубокаго благоговѣнія къ памяти моего главнаго начальника, по долгу совѣсти, долженъ

сказать, что со вступленіемъ въ званіе главнокомандующаго наслѣдника цесаревича въ дѣятельности штаба проявилось то благотворное вліяніе, которое потомъ, по вступленіи на престолъ Александра II, составило счастье милліоновъ подданныхъ. Начальникъ штаба сталъ пользоваться довѣріемъ по своему званію, а я освободился отъ опаснаго для моей службы положенія, хотя и достигнутаго честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.

Когда праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича въ Москвѣ, я находился при его высочествѣ Александрѣ Николаевичѣ для доклада ему бумагъ. Позже я сопровождалъ его, вмѣстѣ съ незабвеннымъ Я. И. Ростовцевымъ, при осмотрѣ кадетскихъ корпусовъ: Тульского, Воронежскаго и Тамбовскаго. Эта поѣздка оставила во мнѣ неизгладимыя воспоминанія. Всюду населеніе встрѣчало съ восторгомъ наслѣдника цесаревича и выражало чувства безпредѣльной преданности къ престолу. Дворянство устраивало роскошные балы.

Еще великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ поручено было мнѣ устроить въ Красномъ Селѣ помѣщеніе для гвардейской береиторской школы. Изъ оставшагося отъ этой постройки матеріала я поставилъ на Безыменномъ озерѣ купальню для штаба, которая потомъ была предоставлена въ распоряженіе офицеровъ всего лагеря, съ платою по собственному ихъ усмотрѣнію. Деньги опускались въ прибитую у дверей, запечатанную кружку. Изъ этихъ денегъ уже на слѣдующій годъ устроены были три купальни ¹⁾, павильонъ съ танцевальнымъ заломъ, ресторанъ и прекрасный садъ. Въ павильонѣ открылись вечера, по два раза въ недѣлю, для гг. офицеровъ съ семействами бесплатно. Кажется, въ 1850 году, предъ вступленіемъ изъ лагеря, былъ послѣдній вечеръ съ блестящею иллюминаціею и фейерверкомъ на плоту, среди Безыменнаго озера. Уѣзжая съ вечера, наслѣдникъ цесаревичъ мнѣ замѣтилъ, что желательно было бы упрочить для офицеровъ лагерныя удовольствія. Я глубоко задумался надъ словами его высочества и остановился на мысли создать въ Красномъ Селѣ лѣтній императорскій театръ. Я полагалъ, что это благороднѣйшее удовольствіе послужить къ удовлетворенію лучшихъ нравственныхъ потребностей нашей военной молодежи.

Въ самомъ разгарѣ моихъ думъ, при опасеніяхъ неудачъ въ дѣлѣ, ко мнѣ случайно заѣхалъ извѣстный актеръ Брянскій. Онъ просилъ о переводѣ съ Кавказа племянника своего, доктора, въ л.-гв. Московскій полкъ. Къ нему-то я и обратился за совѣтомъ. Вотъ слова почтеннаго и образованнаго артиста:

¹⁾ Въ большой купальнѣ, съ ложею, обыкновенно купался наслѣдникъ цесаревичъ, въ другой семейной—великіе князья, третья оставалась для господъ офицеровъ.

— Принимайтесь съ Богомъ за это благодѣтельное дѣло. Повѣрьте, что все наши сценическія роскоши, которыми мы удивляемъ публику, стоить много только по нашимъ счетамъ. Не безпокойтесь и объ актерахъ. Они поѣдутъ къ вамъ охотно. Только не смотрите на насъ, какъ на комедіантовъ, а какъ на людей, которые способны съ театральныхъ подмостковъ и вамъ иногда дать уроки въ жизни. Все пойдетъ хорошо.

Бесѣда съ Брянскимъ ободрила меня. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, постройка самаго театра не могла стоить дорого.

Я представилъ наслѣднику цесаревичу соображенія, что слажу съ этимъ дѣломъ на десять тысячъ, которыя могутъ быть ассигнованы изъ экономическихъ суммъ гвардейской берейторской школы. Мнѣ приказано было доложить о предполагаемомъ предпріятіи министру императорскаго двора князю Волконскому. Послѣдній сперва затруднился въ устройствѣ театра, боясь, что мы надѣлаемъ долговъ и заставимъ его ихъ платить. Когда же я объяснилъ ему положенія его высочества относительно средствъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, для постройки театра, то министръ сказалъ, что онъ приметъ полное участіе въ нашемъ дѣлѣ. При этомъ онъ присоветовалъ, чтобы вопросъ о денежныхъ затрудненіяхъ остался въ тайнѣ.

Съ высочайшаго разрѣшенія, съ осени того же года, началась постройка красносельскаго театра. Онъ былъ срубленъ полковыми мастеравыми въ Петербургѣ и перевезенъ въ теченіе зимы въ Красное Село на полковыхъ лошадяхъ. Вся столярная работа, мебель и проч. были изготовлены въ войсковыхъ мастерскихъ. Мебель въ комнаты, ложи государыни императрицы и цесаревны дѣлалъ извѣстный мастеръ Туръ по образцамъ Михайловскаго театра. Кулисы и разныя принадлежности сцены изготовлялись въ театральной дирекціи. Между тѣмъ, фундаментъ зданія на мѣстѣ былъ готовъ, а театръ, съ разведеннымъ при немъ садомъ, оконченъ къ 1 іюня слѣдующаго года. По просьбѣ моей, онъ былъ свидѣтельствованъ назначенною, по высочайшему повелѣнію, комиссіею и найденъ прочнымъ и правильно построеннымъ.

Стѣны театра были покрыты мраморными обоями съ золотыми украшеніями; барьеры ложъ разрисованы военными арматурами. Люстры изображали парящаго двуглаваго орла, въ когтяхъ котораго на цѣпяхъ висѣлъ лавровый вѣнокъ, освѣщенный лампами. Занавѣсъ представлялъ лагерь въ раннее утро съ восходящимъ солнцемъ надъ самою ставкою государя. Кулисы писались подъ руководствомъ художника Роллера. Полноту эффекта въ день перваго представленія, 3 іюля, въ высочайшемъ присутствіи, составлялъ партеръ, наполненный г. гвардейскими офицерами. Ложи были заняты ихъ семействами. Постройка театра со всею внутреннею отдѣлкою стоила менѣе десяти тысячъ рублей.

Императоръ Николай Павловичъ, встрѣченный мною у подъѣзда, изволилъ сказать, шутя:

— Посмотрю, что ты настроилъ.

Онъ вошелъ въ царскую ложу вмѣстѣ съ цесаревною и великою княжною Ольгой Николаевной. Ложа была отдѣлана по образцу Михайловскаго театра. Когда музыканты заиграли гимнъ, и публика встала съ громкимъ и задушевымъ «ура»,—государь, обратившись ко мнѣ, произнесъ:

— Прекрасно! Я этого не ожидалъ.

Онъ мнѣ подаль державную руку, я поцѣловалъ его въ плечо. Немного спустя, императоръ спросилъ меня, есть ли ему кресло. Онъ отправился въ партеръ въ моемъ сопровожденіи. При входѣ его величества въ залъ, новый храмъ искусства вновь огласился восторженными криками присутствующихъ.

Послѣ представленія первой пьесы, во время антракта, государь осматривалъ кулисы и сцену. При немъ были перемѣнены декорации скоро и безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Это не то, что въ моихъ театрахъ,—замѣтилъ монархъ бывшему тутъ директору театровъ Геденову.

Уѣзжая со спектакля, государь и цесаревичъ еще разъ благодарили меня и артистовъ.

Актеры пріѣзжали въ Красное Село въ почтовыхъ дилижансахъ около 12 часовъ дня. Ихъ ожидалъ уже завтракъ. Они репетировали, если находили нужнымъ, а потомъ катались въ придворныхъ линейкахъ или верхомъ на лошадахъ берейторской школы. Часто они плавали на катерахъ и лодкахъ по озеру, ловили рыбу и, наконецъ, купались. Въ четыре часа происходилъ общій обѣдъ, къ которому приглашались всякій разъ по нѣсколько офицеровъ. Послѣ представленій слѣдовалъ ужинъ и возвращеніе въ Петербургъ въ тѣхъ же дилижансахъ. По словамъ артистовъ, поѣздки въ Красносельскій театръ были большимъ для нихъ развлеченіемъ. Они получали поспектакльную плату и право требовать изъ буфета все, что угодно, по моимъ запискамъ.

Съ наступленіемъ Успенскаго поста, былъ данъ концертъ въ пользу музыкантовъ, по желанію гг. артистовъ, безъ поспектакльной платы. Театръ всегда былъ полонъ, доходъ превзошелъ ожиданія.

По выступленіи изъ лагеря, занятія мои въ штабѣ пошли заведеннымъ порядкомъ, а 6 декабря 1851 года я былъ произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ состоять при военномъ министерствѣ.

Оставляя штабъ, въ которомъ было проведено 20 лѣтъ лучшаго времени моей жизни, я не могъ воздержаться отъ слезъ. Его высочество, будущій императоръ, былъ тронутъ моимъ душевнымъ состояніемъ и произнесъ достопамятныя слова:

— Во всякомъ затруднительномъ случаѣ своей жизни ты мо-

жешь обращаться прямо ко мнѣ, и будь увѣренъ, что просьбы твои не останутся безъ вниманія.

По докладѣ начальникомъ штаба рапорта моего, общаго съ преемникомъ моимъ полковникомъ Ефимовичемъ, объ исправной сдачѣ дѣлъ, оказалось, что при приемѣ моемъ должности въ остаткѣ значилось экономическихъ денегъ къ 1 января 1842 года 1.943 рубля, а при сдачѣ 15 декабря 1851 года ихъ состояло 6.300 рублей. Наслѣдникъ цесаревичъ осчастливилъ меня лестной благодарностью, объявленною въ приказахъ по корпусамъ.

Такъ кончилась моя служба въ штабѣ, такъ оправдалась по словица: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ.

При представленіи моемъ, военный министръ князь Чернышевъ предложилъ мнѣ мѣсто вице-директора комисариатскаго департамента, но вскорѣ потребовалъ меня наследникъ цесаревичъ. Онъ объявилъ, что государь предназначаетъ меня начальникомъ Орловской губерніи. Не зная ни обязанностей губернатора, ни порядка гражданской службы, я былъ пораженъ этимъ назначеніемъ и осмѣлился объяснить, что опасуюсь нарушить довѣріе его величества. Великій князь наследникъ отвѣтилъ:

— Если государь изволитъ назначить тебя, то, конечно, увѣренъ, что ты принесешь пользу.

Почти такія же слова я удостоился услышать отъ самого монарха, когда приносилъ ему благодарность за производство въ генералы.

Я былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Н. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОРЧЕНАЯ

Историческая быль XIV вѣка.

«То старина, то и дѣяніе».

I.

ВЪ КОНЦѢ сентября 1345 года, дня за три до Покрова, по узкой и колеистой дорогѣ, пролегавшей дремучими лѣсами отъ Звенигорода къ Волоку-Ламскому, тянулся длинный поѣздъ, состоявшій, по крайней мѣрѣ, изъ полутораста всадниковъ, за которыми слѣдовали еще пѣшіе слуги съ поводными и вьючными конями, и порядочный обозъ, состоявшій изъ двухколесныхъ и четырехколесныхъ телѣгъ, укрытыхъ кожами, войлоками и широчайшими пластами бересты и тщательно увязанныхъ. Впереди ѣхало человекъ семьдесятъ слугъ дворскихъ московскаго великаго князя, въ толстыхъ войлочныхъ тягилеяхъ и куюкахъ, прохваченныхъ гвоздемъ, вооруженныхъ кольями, рогатинами и саблями. За ними, нѣсколько далѣе, человекъ тридцать дѣтей боярскихъ, въ приволокахъ, накинутахъ поверхъ кольчужныхъ доспѣховъ, въ легкихъ татарскихъ шоломцахъ, и эти тоже были вооружены на славу: мечи и сабли болтались у нихъ на боку, бряцающія о стремяна, налучны съ саадаками, полными стрѣль, прикрѣплены были къ задней лукѣ сѣдель, а у многихъ въ рукахъ были чеканы и тяжелыя шелепуги

подорожнѣя. За дѣтьми боярскими слѣдовали, одинъ за другимъ, трое всадниковъ, въ цвѣтныхъ шубахъ, отороченныхъ мѣхомъ, въ высокихъ суконныхъ колпакахъ съ мѣховою опушкою; изъ-за пестрыхъ кушаковъ, которыми подтянуты были шубы, торчали богато-украшенные серебромъ и золотомъ бухарскіе ножи; ноги всадниковъ, обутые въ цвѣтные сапоги изъ ярко-краснаго и желтаго сафьяна, опирались на серебряныя татарскія стремена. За ними слѣдовала толпа ихъ личной, легко-вооруженной служни, псари съ собаками и сокольники съ соколами на рукавицѣ, на тотъ случай, если бы господамъ боярамъ вздумалось гдѣ нибудь на привалѣ или на становищѣ позабавиться «красною и славною утѣхою».

— Ну, и лѣсици же у васъ тутъ, въ вашей сторонѣ, какъ посмотрю,—проговорилъ передовой, сановитый и бородатый бояринъ, поглядывая на могучія, громадныя сосны и ели, сплошной стѣной стоявшія по обѣ стороны дороги.

— Глухая сторонюшка, чтѣ и говорить!—подобострастно отозвался на слова боярина всадникъ, ѣхавшій на почтительномъ разстояніи, о-бокъ съ бояриномъ, но по самой окраинѣ дороги, такъ что ему безпрестанно приходилось кланяться встрѣчнымъ вѣтвямъ, чтобы которая нибудь изъ нихъ не сбила съ него шапки.

— Глухая сторонюшка!—повторилъ онъ со вздохомъ:—не то, что у насъ, въ родномъ Смоленскѣ, на Днѣпровскомъ раздолѣ...

Бояринъ искоса и съ пренебреженіемъ глянулъ на своего собесѣдника, и потомъ промолвилъ:

— Что же ты тамъ не усидѣлъ на Смоленскомъ-то раздолѣ, со своимъ княземъ Θεодоромъ Святославичемъ, коли оно вамъ такъ любо было?

— А вѣстимо чтѣ! Семья княжая великая: между князатъ раздоры да покоры... По отцову-то завѣту надо бы имъ держать старшюго брата въ отцово мѣсто, а они на него, яко звѣри дивіи... Зачѣмъ тѣ къ волости примыслилъ, да зачѣмъ сѣ прикупилъ... Ну, и вышло...

— И вышло, что пришлось твоему князю передъ моимъ господиномъ, великимъ княземъ московскимъ Семеномъ Ивановичемъ, въ поясъ кланяться да бить ему челомъ о волости, пока братья его на ножи не подняли, да Литва некрещеная подъ пята не забрала?... Хе, хе!

— Не гоже тебѣ такія рѣчи вести, бояринъ Алексѣй Петровичъ!—скромно, но твердо отозвался собесѣдникъ боярина.—Хоша я у моего господина, князя Θεодора Святославича, и невеликъ человекъ, чашникъ княжескій, а ты у твоего господина великаго князя Семена Ивановича—тысяцкій, изъ бояръ бояринъ, а все же я за правду стать долженъ... Чай, тебѣ, господинъ тысяцкій, вѣдомо, что не мой господинъ у твоего господина о волости печаловался, а самъ господинъ твой князя Θεодора Святославича къ себѣ

зазываль, самъ ему Волокъ-Ламскій въ вотчину даль... А откуда та милость великокняжеская, самъ лучше моего изволишь вѣдать, бояринъ Алексѣй Петровичъ? Не даромъ къ намъ въ послахъ изволишь жаловать...

И чашникъ Юрій, лукаво глянувъ на боярина, чуть слышно хихикнулъ въ руку, которою провелъ по своей жидкой, сѣденькой бородачкѣ.

Бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ, прикинувшись, что не слыхалъ послѣднихъ словъ Юрія, опять сталъ по сторонамъ поглядывать и будто про себя ворчать.

— Сторонушка! Глушь непроглядная; чай, тутъ и людей-то нѣтъ... Одни медвѣди! А и люди-то, чай, здѣсь лѣсовики, пнямъ молятся, на лопату крестятся!...

— Есть и такіе, бояринъ,—поспѣшили отвѣтить Юрій,—корею зовутся, дальше тамъ въ лѣсахъ, къ Веси и къ Бѣжичамъ, живутъ — тѣ точно что деревьямъ молятся...

Бояринъ, чувствуя и въ этихъ словахъ отпоръ со стороны умнаго чашника Юрія, задумалъ нѣсколько смутить его вопросомъ, котораго, конечно, тотъ не могъ ожидать; вотъ почему, проѣхавъ нѣкоторое время молча, онъ сказалъ, обратившись къ Юрію и пристально взглядываясь въ его лицо:

— А много-ль васъ, дружинниковъ своихъ, князь Феодоръ Святославичъ сманить успѣлъ въ лѣсныя здѣшнія трущобы?

— Многонько, бояринъ; мы вѣдь всѣ его любили и почитать привыкли... Пожалуй, съ полсотни наберется?—промолвилъ Юрій, не спѣша и видимо стараясь угадать затаенную мысль московскаго тысяцкаго.

— А какой такой Феоминскій-князь у князя Феодора, какъ слышно, въ захребетникахъ живетъ?—проговорилъ быстро Хвостъ, сурово хмурия брови.

— Въ захребетникахъ?! Князь Красный-Феоминскій!... Да что ты, бояринъ Алексѣй Петровичъ? Аль шутки шутить изволишь? Этакій-то удалецъ, да въ захребетникахъ! Въ гостяхъ онъ точно что былъ у князя нашего, а въ...

— Ну, въ гостяхъ ли, въ дружинникахъ ли, аль въ дворянахъ княжескихъ, — перебилъ тысяцкій Хвостъ, — ты отъ меня ему скажи, чтобъ онъ изъ Волока подалше убирался... въ тараканью щель свою залѣзалъ... Не то приказано мнѣ его смести съ дороги...

— Приказано?—проговорилъ, какъ бы про себя, чашникъ Юрій, видимо сдерживаясь и подобострастно наклоняясь въ сторону московскаго тысяцкаго. — Да онъ, пожалуй, что и такъ ужъ не къ себѣ ли уѣхалъ... Собирался—какъ я къ тебѣ навстрѣчу со своими молодцами выѣзжалъ...

— Повернулъ, небось, оглобли, не сдоно хлебавши?—съ пренебреженіемъ проговорилъ Хвостъ.

— Вѣстимо ужь, бояринъ, большой лодѣ—большое и плаванье... Куда-жь ему съ великимъ княземъ тягаться! Ну, а только надо такъ сказать: такого удалца, такого красавца—поискать! Ему бы въ любой дружинѣ княжеской нашлось и мѣсто, и почетъ...

Хвостъ, не обращая вниманія на эти рѣчи Юрія, поднялся на стременахъ, глянулъ впередъ и проговорилъ:

— Рѣдѣть лѣсъ... Тамъ на взгорьѣ не Волокъ ли виднѣтся?

— Онъ самый, бояринъ... Вотъ сейчасъ свернемъ направо въ яръ, поднимемся, такъ еще не больше, какъ съ версту будетъ...

— Съ версту? И версты-то у васъ... Баба-Яга ихъ пестомъ мѣряла, да рукой махнула... Эй, вы! — крикнулъ во весь голосъ бояринъ къ передовымъ всадникамъ,—ходу прибавь, ходу! Чего плетесь!

И лѣсное эхо зычно откликнулось на окрикъ боярина рѣзкою нотой, прозвучавшею среди топота коней, бряцанія оружія и доспѣховъ, и громыханья тяжело нагруженныхъ телѣгъ обоза по колеистой и неровной лѣсной дорогѣ.

II.

Пятый день ужь гостить въ Волокъ у князя Феодора Святославича почетное посольство великаго князя московскаго Семена Ивановича — его тысяцкій Алексѣй Хвостъ, его конюшіи бояринъ Иванъ Шея, да дядька великокняжескій Андрей Кобыла. Пятый день угощаетъ и умасливаетъ гордыхъ бояръ московскихъ князь Феодоръ, не жалѣя ни погребного, ни всякаго иного запаса, задаривая и самихъ бояръ, и дѣтей боярскихъ, и дворскихъ слугъ, и холопей дарами великими и щедрыми. А дѣло, за которымъ посольство прислано, все-то не двигается... Послы отъ великаго князя присланы по невѣсту великокняжескую, что за князя Семена еще по веснѣ просватана, по княжну Евпраксию Феодоровну, а отецъ съ матерью все отъѣздъ ея откладываютъ, все со дня на день оттягиваютъ, все одну отповѣдь даютъ посламъ:

— Милой доченькѣ нашей, княжнѣ Евпраксеюшкѣ, недужится... Повременить отъѣздомъ надобно...

Словно бы имъ не разстаться со своимъ милымъ дѣтищемъ, со своимъ сокровищемъ.

На пятый день, по вечеру, за кубкомъ меду крѣпкаго-стоялаго, сказалъ наконецъ княжѣй тысяцкій князю Феодору:

— А не полно ли тебѣ, хозяинъ нашъ увѣтливый да ласковый, надъ нами шутки шутить? Не пора ли тебѣ дѣло приканчивать, да намъ твой товаръ изъ полы въ полу выдавать, чтобы намъ изъ-за тебя передъ господиномъ великимъ княземъ въ отвѣтъ не быть. Чай, слыхалъ и знаешь самъ, какъ онъ у насъ гор-

девить живетъ, и какъ онъ надъ собою князю ли, боярину ли ломаться даетъ?

— Да, что ты, батюшка, Алексѣй Петровичъ! Аль тебѣ мои меды не по вкусу пришлись, аль хозяйка моя тебѣ мало кланялась угощаючи, аль стряпня наша не задалась, что ты такъ вдругъ сердитовать изволишь?

— Угощеньемъ твоимъ много довольны мы (это что говорить!), а только вотъ тебѣ, князь, мой послѣдній сказъ: даю тебѣ сроку еще на два дня, и если въ воскресенье, чѣмъ свѣтъ, твоя княжна Евпраксея Θεодоровна къ отъѣзду съ нами и съ поѣзжанами своими не изготовится, такъ ужъ ты на себя пеняй! Я въ то время часу не промедлю: съѣду со двора твоего и прахъ отъ ногъ отрясу. Тогда свадьбѣ не бывать, а что за тѣмъ будетъ, въ томъ ты отвѣтъ дашь передъ Богомъ.

Да на этомъ словѣ изъ-за стола всталъ, любъ на иконы перекрестилъ и вышелъ, не простясь съ хозяиномъ; за нимъ слѣдомъ точно также поднялись, перекрестились и вышли бояре Иванъ Шея и Андрей Кобыла, оставивъ князя Θεодора въ самомъ тяжеломъ раздумьѣ.

Опершись на руку и понуривъ голову, сидѣлъ онъ безмолвный надъ недопитымъ кубкомъ. Темные, густые и кудрявые волосы, въ которыхъ начинала уже серебриться сѣдина, выбивались изъ-подъ его княжѣй шапки, ниспадая почти до плечъ и спускаясь на лобъ, омраченный скорбною думой. Изрѣдка проводилъ онъ рукою по лицу, словно стараясь согнать съ него сумракъ, развѣять его, поднималъ голову, бодро и смѣло оглядываясь по темнымъ угламъ своего княжѣго покоя, въ которые не досягали скудный свѣтъ свѣчей, догоравшихъ на столѣ; его взоръ при этомъ падалъ на стѣны, увѣшанныя доспѣхами, изсѣченными въ бояхъ, оружіемъ, которое не разъ, звуча, ударялось о вражьи шеломы въ неистовой рукопашной схваткѣ, и трофеями охоты и лововъ, сопряженныхъ со столькими опасностями. Предъ нимъ воскресали эти битвы, эти удалые ловы, этотъ рядъ смѣлыхъ наѣздовъ и подвиговъ—онъ начиналъ дышать полной грудью... И вдругъ вновь поникалъ головою: взоръ его, кажется, даже туманился невольной слезой, и онъ попрежнему думалъ и передумывалъ все ту же неотвязную, ту же болѣзненно-скорбную думу...

— Продалъ, дитя родное, продалъ! — шевелилось въ головѣ и на сердцѣ у князя Θεодора.— На волость промѣнялъ!.. Счастье ея, долюшку ея завѣтную, думку милую ея, сердечушко разбилъ я, какъ сосудъ скудельный! Зналъ, что не милъ ей Семень Ивановичъ; а сватовъ его принялъ и не могъ не принять, и на сговорѣ съ ними по рукамъ ударилъ. Зналъ, что милъ и любъ ей Θεодоръ Θεоминскій Красный, зналъ, что и онъ ее безъ души любитъ, что онъ и самъ ея богоданный избранничекъ и все-же ему путь со

двора моего указаль. Разбилъ однимъ ударомъ и ея, и его сердце! Продалъ, продалъ я доченьку свою милую, Евпраксеюшку прекрасную... Продалъ я, окаянный!

И ему живо представилась сцена разставанія его съ княземъ Θεодоромъ Θεмичемъ, во время которой этотъ богатырь и удалецъ беззавѣтный, для котораго ни въ лѣсу, ни въ чистомъ полѣ не было ни страха, ни супротивника,—плакалъ, слезами горькими обливался, какъ малое дитяtko, и наконецъ, встряхнувъ кудрями, поднялся изъ-за стола и, отвѣсивъ низкій поклонъ князю Θεодору, произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Прощай, государь мой, князь Θεодоръ Святославовичъ! Только ты меня и видѣлъ: пойду я искать по свѣту бѣлому, гдѣ замыкать мнѣ свое горе лютое, гдѣ сложить мнѣ буйную голову.

И такъ-то живо ему князь Θεоминскій представился, такъ живо воочию вообразилъ онъ себѣ всѣ малѣйшія подробности прощанія, что даже и не замѣтилъ, какъ сзади его дверь скрипнула, какъ кто-то, легонько перебѣжавъ нѣсколько шаговъ отъ двери до стола и обвивъ его шею руками, проговорилъ полупшепотомъ:

— О чемъ задумался, о чемъ загрустил, батюшка?

Князь Θεодоръ вздрогнулъ, но тотчасъ оправился и повернулся къ дочери, стараясь разглядить свое чело, омраченное не веселыми, тяжелыми думами.

— Не спишь еще, доченька?—проговорилъ онъ, глядя по щекѣ красавицу княжну, которая пристально вглядывалась ему въ очи.

— Вотъ, видитъ Богъ, всѣ думушки твои знаю! Всѣ, что ни есть, самыя затаенныя. Вѣдь ты обо мнѣ скорбишь, обо мнѣ печалишься? Обо мнѣ кручина твое сердце гложетъ! Говори, сейчасъ скажи—такъ ли? Угадала ли я?

— Чего таиться передъ тобою... Жаль тебя, дитяtko, жаль и не тебя одну...

— А! Жаль небось и Θεодора Краснаго, голубчика моего ненагляднаго! — воскликнула Евпраксеюшка, всплеснувъ руками. Жаль его—говори!

— Вѣстимо жаль! Да что ты съ долей лютою подѣлаешь: какъ ты съ ней злодѣйкой поборешься! Поневодѣ голову повѣсишь.

— А вотъ поборюсь я съ ней! Не хочу головы повѣсить! Потягаюсь!—горячо и живо проговорила княжна, отступая отъ отца и топя ножкою.

Ея лицо горѣло; глаза блистали твердою рѣшимостью.

— Что ты, голубка! Что ты задумала?—тревожно проговорилъ князь Θεодоръ, поднимаясь съ лавки и протягивая руки къ дочери.

— Что задумала—того не скажу ни тебѣ, ни матери, ни попу на духу. А что задумала, то и выполню.

— Охъ, Господи! Что тебѣ на умъ вспало? Ужели недоброе

какое, ужели злой умыселъ? Ужели отъ нечистаго... отъ скверны бѣсовской...

— Что ты, батюшка дорогой! Вѣдь на мнѣ, какъ на тебѣ же, чай, крестъ есть?.. не пугайся и не задумывайся, и объ Ѳеодрѣ Красномъ не сокрушайся... Я его уже утѣшила... И вотъ я передъ тобой, какъ листъ передъ травой, покорною дочкой стою: сдавай свой товаръ купцамъ московскимъ, готовь мой поѣздъ свадебный хоть завтра чѣмъ свѣтъ, хоть когда тебѣ по мысли прійдетъ...

— Да что же ты такое задумала, Евпраксеюшка! Вымолви, по-вѣдай мнѣ!—въ волненіи заговорилъ князь Ѳеодоръ, хватая дочку за плечи.

— Задумала я съ великимъ княземъ московскимъ, Семеномъ Ивановичемъ, подъ вѣнецъ идти, принять отъ него дары великіе, сѣсть въ великокняжескомъ теремѣ государыней, а тамъ... Тамъ вернуться къ отцу съ матерью и творить свою волюшку.

— Какъ? Отъ живаго мужа на волю уйти, законъ нарушить!— почти въ ужасѣ воскликнулъ князь Ѳеодоръ, отступя на шагъ отъ дочери.

— Да коли живой-то мужъ самъ отъ меня откажется? Коли онъ меня съ дарами къ тебѣ самъ назадъ пришлетъ? — лукаво усмѣхаясь, отвѣтила Евпраксеюшка.

— Ума не приложу! Скажи ты мнѣ яснѣй, откройся передо мною!

— Тебѣ, батюшка, этого не понять! Это нашего женскаго ума дѣло! Такъ и знай, не скажу, не покаюсь, а выполню.

И, смѣясь исподтишка, княжна быстро обвила шею отца руками, поцѣловала его въ щеку и ускользнула изъ княжого покоя.

III.

Въ ту пору, когда князь Ѳомирскій, простившись съ княземъ Ѳеодоромъ Святославовичемъ, вышелъ на высокое крыльце его хоромъ, и конюхъ подвелъ ему любимаго коня, который фыркалъ и плясалъ на мѣстѣ, чужа приближеніе своего господина,—въ душѣ удалого князя была такая непроглядная тьма, что онъ и самъ въ ней не могъ бы разобраться. Понутивъ голову, спускался онъ съ крыльца, шагъ за шагомъ, ничего не видя передъ собою, сквозь туманъ, застилавшій ему очи, и самъ не помнилъ, какъ поставилъ ногу въ стремя, какъ сѣлъ въ сѣдло и съѣхалъ съ широкаго двора.

Онъ очнулся нѣсколько отъ своего забытья только тогда, когда слуги княжескіе, столпившіеся около воротъ, отвѣпивая ему низкіе поклоны, крикнули въ одинъ голосъ:

— Прощай, батюшка, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, соколъ нашъ ясный!

— Прощайте, не поминайте лихомъ! — проговорилъ князь-красавецъ, притрогиваясь къ своей узорчатой княжбѣй шапкѣ. И съѣхалъ со двора на улицу Волока, гдѣ всѣ встрѣчные привѣтливо кланялись и ему, и сопровождавшимъ его слугамъ и холопямъ: всѣ знали, зачѣмъ прѣзжалъ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, и съ чѣмъ онъ уѣхалъ—и всѣ вчужѣ жалѣли добраго молодца.

Вотъ и улицу проѣхали, и за околицу выѣхали и черезъ рѣчку въ бродъ перебравшись, и въ яръ спускаться стали, какъ вдругъ кто-то князя окликнулъ по имени; князь сдержалъ коня, оглянулся и видитъ—на лѣсистой окраинѣ яра стоитъ около толстой, претолстой дуплистой березы старушеночка маленькая, сѣденъкая, въ рваную поняву закутанная, на клюку опирается.

— Сойди съ коня, добрый молодецъ?—кричитъ ему старушка.— Подойди ко мнѣ, скажу тебѣ нѣщичко.

— Что тебѣ отъ меня нужно? — съ неудовольствіемъ проговорилъ князь Ѳоминскій, хмуро поглядывая на старушеночку.

— Сойди съ коня да прійди сюда, не бѣгай отъ своей доли!—уже почти повелительно проговорила старушеночка.

Князь невольно ей повиновался, сошелъ съ коня, бросилъ поводья на руки подскочившему слугѣ и, въ два прыжка взобравшись по кручѣ яра, очутился около старушеночки, которая отвела его на нѣсколько шаговъ въ глубь чащи, остановилась у толстой старой осины и проговорила ему скороговоркою:

— Всѣ твои думы знаю, всѣ твои скорби вѣдаю, и ихъ какъ рукой сниму! Доѣзжай по дорогѣ до мосту, а съ мосту до погосту; да самъ-то вернись — въ полночь у терема подъ тыномъ очутись, у души красной-дѣвицы. Тамъ твоя доля подъ тыномъ лежитъ.

Князь, пораженный загадочнымъ смысломъ ея словъ, хотѣлъ ее разспросить, съ ней заговорить, но старушеночка, глянувъ на него своими острыми глазами, сказала ему твердо:

— Ступай и дѣлай, какъ сказано, коли не хочешь спокаяться!

Князь не перечилъ ей и покорно направился къ спуску на дорогу; а когда, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оглянулся назадъ — старушеночка на прежнемъ мѣстѣ уже не было.

Въ ту же ночь, близъ полуночи, за долго до первыхъ пѣтуховъ, князь Ѳеодоръ былъ уже на мѣстѣ — подъ тыномъ сада княжихъ хоромъ Ѳеодора Святославовича, въ томъ мѣстѣ, гдѣ тынъ, спускаясь къ рѣкѣ по крутому склону, былъ порядкомъ распатанъ, и гдѣ не трудно было пробраться въ садъ, сквозь густыя поросли бузины, колючаго боярышника и цѣпкаго дикаго хмеля. Тутъ онъ не разъ за послѣднее время видѣлся со своей милой, не разъ горевалъ съ ней о неизбѣжной, предстоявшей имъ разлукѣ, передумывалъ съ ней всякія думы, высказывалъ ей

свои затаенные замыслы, одинъ чуднѣе другого, и на все слышпаль отъ нея одинъ и тотъ же печальный отвѣтъ:

— Не по сердцу мнѣ эти твои затѣи! Доведутъ онѣ и меня, и тебя, и весь мой родъ-племя до бѣды великой. Видно, надо покориться горемычной долюшкѣ.

И вотъ теперь, припоминая эти ея печальныя рѣчи и въ то же время прислушиваясь къ удивительной, ненарушимой тишинѣ темной сентябрьской ночи, князь думаль:

— Зачѣмъ она меня опять призвала? Или хочеть бѣжать со мною за рубежъ Литовскій? Или проститься со мною — душа горить... Или...

Но въ это время чуткѣй слухъ его уловилъ чуть слышный шорохъ за тыномъ, и знакомый голосъ раздался явственнымъ шепотомъ:

— Князь Θεодоръ Юрьевичъ? Ты здѣсь ли?...

— Здѣсь, княжна! — проговорилъ поспѣшно князь Θεодоръ, у котораго вся кровь бросилась въ голову, и сердце забилось, какъ пташка въ клѣткѣ...

— Пролѣзай сквозь тынъ, скорѣе! Мнѣ ждать не досугъ...

Князь Θεодоръ такъ ринулся впередъ сквозь раздвинутыя бревна тына, что чуть цѣлое звено его плечами на-земь не повалилъ; прорвался сквозь цѣпкіе колючіе кусты опушки сада и словно изъ земли выросъ передъ Евпраксіей.

— Слушай, князь, — сказала она ему шепотомъ, крѣпко хватая его за руку. — Не даромъ я тебя вернула: хотѣла утѣшить на разстаніи...

— Чѣмъ утѣшишь? тѣмъ же, чѣмъ батюшка твой меня утѣшилъ, или еще что нибудь погорше того для мила дружка припасла?

— Горше ли, слаще ли, не знаю! Самъ суди. А только то тебѣ вѣдать надо, что хоть я послѣ завтра ранѣшенько съ послами великаго князя Семена Ивановича на Москву ѣду...

— На Москву! Съ послами Семена Ивановича! Ножъ имъ въ глотку... На дорогѣ ихъ залягу съ дружиною да съ холопами, всѣхъ по одиночкѣ перевѣшаю... пере...

— Да полно же дурить, князь Θεодоръ! Коли ты на такое дѣло пойдешь, такъ я все же не вернусь къ тебѣ: рѣжь и меня вмѣстѣ съ послами... Коли у тебя на посла рука поднимется, такъ небось и на меня не дрогнетъ!

— Эхъ, да что ужъ, одинъ конецъ! Пропади я пропадомъ, коли тебя у меня отняли! Сгинь все, съ землей сравняйся, порости быльемъ-травой! — воскликнулъ князь Θεодоръ, ломая руки въ отчаяніи.

— Да что ты надо мной — причитать, что ли, вздумаль раньше времени? — гнѣвно проговорила Евпраксія, отступая отъ милаго. —

Либо выслушай меня, либо вновь сквозь тынь полѣзай... Видно, не либо тебѣ, чтобы я къ тебѣ вернулась?

— Вернулась? Какъ? Да развѣ выпустить коршунъ изъ когтей голубку сизокрылую, развѣ волкъ вернетъ ягнѣнка въ стадо?

— Слушай и вѣрь мнѣ! — проговорила Евпраксія, вновь сжимаемая его руку и увлекая его къ скамейкѣ, заброшенной въ чащѣ кустовъ. — Вотъ ты притчами издалека повель, такъ и я тоже отвѣчу тебѣ притчею; а ты потомъ ее здѣсь на досугѣ разгадывай... Снилось мнѣ восняхъ, мерещилось наемни, что зашла я съ подруженьками въ лѣсъ дремучій-глухой, да частый такой, что словно стѣна передъ тобой стоитъ и свѣтъ солнечный отъ тебя кроеть, и путь тебѣ всюду загораживаетъ... Куда ни обернись — все то же: деревья въ три, въ четыре обхвата, корнями да вѣтвями между собой переплелись, а вершинами шумять и помахиваютъ, и словно между собою перешептываются... Подруженьки всѣ врознь; я имъ: ау-ау! Куда — простылъ ихъ и слѣдъ... И откликаются — а гдѣ? Богъ вѣсть... Вотъ я туда-сюда, искать ихъ попытала, да только пуще прежняго плутала да плутала, и вышла на полянку, къ избушечкѣ ветхой-преветхой, — стоитъ на одинъ бокъ погнувшись. Подошла я къ окошечку, вижу, сидитъ въ избѣ старушка, сѣденькая, старенькая, да съ гребня волну прядетъ. Постучалась я въ окошечко, вижу — старушка мнѣ головой киваетъ; я — на крылечко да въ избу и вошла. Какъ порогъ переступила, хочу перекреститься на иконы, а иконъ и нѣтъ въ избѣ!.. Да и рука-то у меня не поднимается... А старуха глянула на меня исподлобья, рукъ отъ работы не покладываячи, да и говорить:

— Здравствуй, княжна. Знаю, зачѣмъ пожаловала.

— Здравствуй, бабушка. Откуда ты знаешь, что я княжна?

— И не то еще знаю, дитятко. Знаю, что ладить твой тятенька отдать тебя за немилаго... Ну, да не бывать по-евоному, дитятко.

— Какъ не бывать, бабушка? Послы за мною присланы, и поѣзжане для меня выбраны и наряжены — только сѣсть да ѣхать.

— И сядешь и поѣдешь, и къ жениху приѣдешь; а коли меня послушаешь — все желанному достанешься.

— Говори, бабушка, послушаю.

— А вотъ тебѣ отъ меня пять горошинокъ; повяжи ихъ себѣ въ ладонкѣ, на кантаръ ¹⁾ къ кресту. Проглотишь одну горошинку, отъ полднѣ до полуночи пролежишь, ровно мертвая. Тогда не то, что князь новобрачный, а и медвѣдь лѣсной побѣжить отъ тебя, ровно отъ пѣдали... Съ трехъ разъ немилаго отъ себя отведешь — станеть отъ тебя отворачиваться, ровно бѣсъ отъ ладана.

Хотѣла я той старушеночкѣ на шею броситься, протянула руки за горошинками — и проснулась!

¹⁾ Кантаръ — шнурокъ, на которомъ крестъ вѣшаютъ на шеѣ.

— Проснулась? Такъ это сонъ былъ? — проговорилъ заслушавшійся князь Феодоръ.—А горошины?..

— Горошины въ рукѣ у меня объявились, — прошептала Евпраксія, склоняясь на плечо своего милаго.—Такъ жди же меня и надѣйся... Живая ли, мертвая ли, а я вернусь къ тебѣ!.. Прощай, ненаглядный, прощай, голубчикъ мой!

И быстро, охватя его голову руками, она нагнула его къ себѣ, поцѣловала въ лобъ и еще быстрѣе скрылась во мракѣ густо заросшаго сада.

IV.

Дни за два до Филиппова заговѣнья назначена была на Москвѣ свадьба великаго князя московскаго Семена Ивановича съ красавицей княжной Евпраксіей Феодоровной, и всѣ готовились пировать на славу. Князей съѣхалось отовсюду премножество, и всѣ съѣхались съ семьями, съ боярами, со слугами и съ челядью. Не то, что княжескіе хоромы съ ихъ пристройками и пригородками и отдѣльными служебными избами были биткомъ набиты пріѣзжими; а и многіе боярскіе дома были полнѣхоньки гостей: хочешь не хочешь, а тѣснись, да давай имъ мѣсто по княжескому именному приказу. Всѣхъ привлекалъ на Москву и пиръ свѣтлый, свадебный, радостный, съ широкимъ, многодневнымъ разгуломъ; и съѣздъ млоголюдный княжескій, на которомъ можно было и на другихъ посмотреть, и себя показать; и слухъ о томъ, что выискалъ себѣ князь Семенъ Ивановичъ въ невѣсты дочь, хотя и захудалаго князя, — княжну Евпраксію Феодоровну, — да ужъ за то такую-то красавицу да умницу, что о ней только и рѣчи было на Москвѣ. Въ одинъ голосъ всѣ говорили, что всѣхъ-то, всѣхъ она обошла, всѣмъ по нраву приплась: кому слово ласковое въ пору сказала, кого улыбкой опривѣтила, кого взглядомъ своимъ свѣтлымъ, словно угорскимъ золотымъ подарила. И ужъ на что суровъ былъ тысяцкій Хвостъ, а и того, за время переѣзда отъ Волока до Москвы, княжна такъ къ себѣ привадить сумѣла, что онъ, по пріѣздѣ въ стольный городъ, нахвалиться ею не могъ и все только одно князю и жужжалъ въ уши:

— Князь господинъ! Искаль ты, да и выискалъ себѣ зерно бурмицкое безцѣнное. Воистину не подѣ стать было бы тягаться покойной твоей княгинѣ Анастасіи съ твоей княжной-невѣстой нареченной, Евпраксіей Феодоровной... Эта—всѣмъ взяла: и ростомъ, и дородствомъ, и красотой несказанной, и умомъ такимъ, что за поясъ заткнетъ и насъ, твоихъ совѣтниковъ.

И сияетъ князь Семенъ свѣтлой радостью, и ждетъ, не дождется дня завѣтнаго, когда станетъ подѣ вѣнецъ съ княжной Евпраксіей, и вздымаетъ высоко брови черныя, густыя, «союзныя», гордо осматривая за столомъ своимъ княжескимъ тотъ рой князей и бо-

яръ и именитыхъ дружинниковъ, которые къ нему на свадьбу съѣхались — съ нимъ пировать, съ нимъ радоваться, ему желать счастья.

Вотъ ужъ всего два дня до свадьбы осталось. Вся челядь княжеская, всѣ слуги дворскіе, всѣ бояре — въ хлопотахъ, въ заботахъ, одною душою заняты: какъ бы пиръ свадебный побогаче справить, какъ бы яства обрядныя помудренѣе устроить, какъ бы меду да пива наварить побольше да похмельнѣе, да поразымчивѣе... И боярыни съ утра до ночи на ногахъ: молодой новобрачной ея теремъ обряжаютъ и украшаютъ, приданое ей допиваютъ, ферязи богатые низаньемъ украшаютъ и клѣтъ молодымъ подъ опочивальню готовятъ, одръ имъ воздвигаютъ, противъ сглазу съ причитаньями, съ молитвами — противъ порчи да присухи съ приговорами. Кѣди ставятъ по угламъ, житомъ до краевъ насыпанная, чтобы вставить въ жито свѣчи толстыя, ослопныя; соболями стѣны и пологъ надъ одромъ обвѣшиваютъ; по угламъ одра исподнюю перину на четырехъ стрѣлахъ стелютъ.

Мало ли тутъ работы, мало ли всякихъ совѣщаній, да переговоровъ, да споровъ! Но всѣ споры рѣшаетъ своимъ властнымъ словомъ старая боярыня-мама, Марья Никитична, которая вскормила великаго князя Семена Ивановича и теперь вторую свадьбу справляетъ у своего питомца, потому что не посчастливилось великому князю съ его первою женой Анастасіей Литовскою, съ годъ тому назадъ скончавшейся въ черницахъ и въ схимѣ... Марья Никитична вертитъ не только всѣми боярынями, а и своимъ бояриномъ-мужемъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Шарукановымъ, человѣкомъ добрѣйшимъ и недалнимъ: она и его учитъ, какъ ему на свадьбѣ мудреную должность дружки править, такъ какъ онъ самимъ княземъ въ дружки избранъ. И слушаетъ свою опытную супругу Дмитрій Ивановичъ, долго слушаетъ и въ мѣру ея рѣчи головой качаетъ, бороду сѣдую поглаживаетъ и только приговариваетъ:

— Такъ, матушка, такъ! Понимаю! Какъ не понять!

— Ну, то-то! Понимаю!.. А потомъ, какъ выпьешь лишнюю чарку, и забылъ все, и изъ памяти вонъ!

— Да нѣтъ же, матушка! Все помню, какъ есть все... Ну, вотъ, какъ молодыхъ сведуть въ опочивальню, такъ мнѣ на-конь садиться да кругъ ихъ терема кружить, да мечъ на-голо держать, да про себя молитву читать...

— Ну, вотъ, вотъ и забылъ! — перебила супруга Дмитрія Ивановича. — Какъ на коня-то сѣлъ, да мечъ-то вынулъ, перво-на-перво на четыре стороны плюнь, противу всякой нечисти, и приговаривай: «сгинь, пропади, нечистая сила, въ тарь-тарбары, гдѣ

ни дна ни покрывки, а тебѣ погребь!». А ужь потомъ, какъ поѣдешь вокругъ терема, тутъ молитву читай: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его», а прочелъ молитву, такъ трижды «Господи, помилуй», да трижды же «огради, Господи». Такъ-то! А не прямо молитву! А чтобы сглазу какого или порчи не было, да чтобы издалека порчу, по вѣтру напущенную, не донесло, такъ ты, ѣдучи, мечомъ кресты по вѣтру сѣки... Ограждай ихъ.

— Ну, такъ, такъ, понимаю!.. Ужь это мудреное ли дѣло: такъ мечемъ, и этакъ мечемъ—крестъ и выйдетъ. Вотъ только надо бы мнѣ еще съ попомъ Варсофѣемъ повидаться, чтобы онъ мнѣ «Да воскреснетъ» подтверже въ память вбилъ, а то я все путаюсь.

— Зови попа, тверди съ нимъ молитву: станешь путаться въ ней, такъ всю свадьбу спутаешь, за всѣ бѣды въ отвѣтъ будешь! А мнѣ съ тобой молитву подтверживать некогда, хлопоть да заботь полнѣшенекъ ротъ! Вотъ опять еще не забыть бы о ладонкѣ! Пойти сейчасъ къ княжнѣ Евпраксіи, еще таки разъ ее просить.

— Какая тамъ еще тебѣ ладонка далась?—небрежно обратился къ супругу Дмитрій Ивановичъ, уже взявшійся за шапку и собиравшійся переступить порогъ комнаты.

— Какая? Вотъ то-то вы всѣ бородаты да глупы, все вамъ невдомѣкъ; а наша сестра на это шустра—все запримѣтитъ. Вижу я, у невѣсты нареченной ладонка къ кресту привязана, и говорю: что, мошь, это у тебя, государыня? «Матушкино,—говорить,—благословеньице». Да въ благословеньицѣ-то что?—допрашиваю.—«Не вскрывала я,—говорить,—не смѣю». А не зелье ли,—говорю,—какое, государыня? Не корень ли нашептанное? «Не знаю,—говорить,—не вѣдаю». Вотъ ты тутъ и поди! Нельзя у нея на крестѣ этой ладонки оставить,—нельзя и силой отнять. Просить надо, чтобы смилостивилась, къ иконамъ бы ее съ крестомъ на свадебную ночь повѣсила, а то...

Не успѣла Марья Никитишна и досказать своего доммысла, какъ въ этотъ мигъ дверь изъ сѣней въ комнату отворилась на пяту, и сѣнная дѣвушка, вбѣжавъ поспѣшно, впопыхахъ проговорила:

— Матушка, боярыня! Невѣста нареченная, княжна Евпраксія меня къ тебѣ послала, просить тебя не медля къ ней въ теремъ пожаловать.

— Ну, и скажи, что пожалую, не замѣшкаюсь!—поспѣшила отвѣтить боярыня, выпроваживая сѣнную дѣвушку, оправила на себѣ платье, взяла въ руки клюку, безъ которой, при своей тучности, не могла поспѣшно двигаться, и направилась въ сѣни, шепча себѣ подъ носъ:

— Видно, одумалась насчетъ ладонки... Да ужь тамъ какъ ни какъ, а я у нея эту ладонку оттягаю! При ней не оставляю...

V.

Княжна Евпраксія Θεодоровна при московскомъ дворѣ великокняжескомъ была, какъ въ лѣсу. Кругомъ все чужія, недобрыя лица; все сановитыя да гордыя боярыни, которыя, и къ ней приходя, спесивятся, да слово за словомъ изъ-за зубовъ цѣдятъ, словно ей своею бесѣдою милость оказать хотятъ. А хуже-то всѣхъ эта Марья Никитична, мама великокняжеская, которая во все съ своимъ носомъ суется, и самой княжнѣ Евпраксіи докучаетъ своими совѣтами да завѣтами: и то молъ не слѣдъ, и это не слѣдъ... И всѣхъ поѣзжанокъ-боярынь отъ Евпраксіи оттерла, да такъ отдалить сумѣла, что нареченная невѣста великокняжеская видитъ ихъ въ два дня разъ, да и то издали, и ни съ одной изъ нихъ словечкомъ наединѣ не успѣваетъ перекинуться. И вездѣ-то у этой Марьи Никитичны соглядатаи, вездѣ наушники; знаетъ она подробно все, что во дворѣ великокняжескомъ творится, знаетъ и то, что на Москвѣ говорится, и въ домахъ боярскихъ дѣлается. И не уйти, не укрыться Евпраксіи отъ ея зоркаго глаза, отъ ея докучнаго наблюденія.

— Чего пригорюнилась, государыня? Что невеселá сидишь?— спрашиваетъ ее по нѣсколько разъ въ день мама великокняжеская.— Ужъ тебѣ ли невеселой быть, когда тебѣ на долю неожиданно-негаданно такое счастье Богъ послалъ — въ невѣсты нареченныя къ князю Семену Ивановичу попала! Ужъ это ли не радость, это ли не счастье свѣтлое?

А сама исподлобья на Евпраксію смотреть, да такъ и вперяетъ ей очи въ очи, ровно въ душу ей заглянуть хочетъ.

Разъ въ день, на часокъ, къ ней и самъ нареченный женихъ изволить жаловать съ тысяцкимъ Хвостомъ да съ Дмитріемъ Шарукановымъ. Придетъ, сядетъ рядомъ съ невѣстою на столыцѣ, покрытомъ пестрымъ ковромъ, и смотреть, все смотреть на Евпраксію своими большими, темными очами, прислушиваясь къ рѣчи, которую ведетъ съ ней тысяцкій, и лишь изрѣдка вставляя въ эту рѣчь свое слово. А не то прійдетъ, и дары богатые принесетъ: перстни да запястья, да низанье жемчужное, да пояса златокованные, да оплечья аксамитныя, усаженные камнями самоцвѣтнымъ, и прикажетъ боярынямъ этими дарами невѣсту свою украшать. Смотритъ, смотреть на нее, то опускаая, то поднимая свои густыя брови союзныя, и словечкомъ единымъ не обмолвится...

И какъ же тяжко, какъ жутко на душѣ у Евпраксіи въ ту пору становится! Разорвала бы она всѣ эти нити зеренъ бурмитскихъ, разметала бы оплечья расшитыя, растоптала бы перстни съ запястьями, вырвалась бы птичкою легкокрылою, на волю бы вылетѣла. Да воли-то нѣтъ до поры до времени. И сдерживаетъ она свое сердце горячее, и крѣпко жметъ къ пышной груди дѣвичьей завѣтную ладонку, въ которой скрыта тайна всей ея грядущей жизни.

Когда же наконецъ проходить этотъ нескончаемо-долгій и то-скливый день, и она остается одна въ своей опочивальнѣ,—о! съ какимъ ожесточеніемъ думаетъ она объ этой Москвѣ, объ этомъ богатомъ великокняжескомъ теремѣ, который кажется ей темнѣе темницы, тѣснѣе гроба.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Не могу я ему женою быть, не буду! Лучше смерть и мѹки вѣчныя, нежели эта неволя... Не останусь я въ ней, не потерплю, не попущу его надо мною властвовать!

И возникавшій въ ея душѣ образъ ненагляднаго князя Федора Краснаго туманилъ ей очи слезою и еще разъ, Богъ вѣсть въ который, она шепотомъ повторяла про себя клятвы: съ нимъ жить, съ нимъ умереть—его одного любить.

И вдругъ эта противная Марья Никитична высмотрѣла у ней ея завѣтную ладонку, высмотрѣла и стала къ ней приставать: «негоже де да негоже подь вѣнецъ тебѣ идти съ этой ладонкой, да повѣсь ее къ иконамъ, да въ церковь отдай, да дозвошь развернуть», и все чаще и чаще все о томъ же стала говорить и настаивать, и сказала ей прямо, что если она отъ ладонки не отступится, да ея до свадьбы не выдастъ, такъ она и самому великому князю о той ладонкѣ доложить должна.

— «Что дѣлать? Какъ быть? Какъ сохранить то, что въ ладонкѣ?»—вотъ о чемъ думала Евпраксія за день до свадьбы, въ то время, когда Марья Никитична научала простодушнаго Дмитрія Ивановича его многочисленнымъ обязанностямъ великокняжескаго дружки. Думала—и придумала, и приказала позвать къ себѣ Марью Никитичну.

И когда мама великокняжеская явилась, собираясь вновь завести ту же пѣсню о ладонкѣ, Евпраксія послѣ нѣсколькихъ постороннихъ вопросовъ вдругъ сама о ней заговорила:

— Боярыня-мама! Рада бы я твоему совѣту послѣдовать, не прочь и снять съ себя завѣтную матушкину ладонку, да боюсь, какъ бы кто меня не сглазилъ, да не испортилъ... Ты мнѣ за это поручишься ли, что у васъ на Москвѣ не найдется недобрыхъ людей? Что мнѣ здѣсь некого бояться будетъ?

— И-и-и, что ты это, государыня? Да мы тебя всякими заговорами, что каменной стѣной оградимъ... Да мы на тебя вѣтерку дунуть не дадимъ! Ужъ мы ли на своемъ вѣку свадьбъ не игравали, мы ли всякихъ диковинокъ на свадьбахъ не видывали! Ужъ довѣрся же намъ, государыня, ужъ ты только насъ послушай: всякое дурно отъ тебя какъ рукой отведемъ...

— Ну, ладно же, боярыня-мама!—многозначительно проговорила Евпраксія.—Какъ будешь меня завтра къ вѣнцу одѣвать, отвяжи отъ моего креста ладонку и повѣсь ее къ иконамъ. Но только такъ и помни: коли со мною какое худо приключится, ты одна передъ великимъ княземъ въ отвѣтъ будешь.

— Ладно, ладно, государыня: все на свою душеньку грѣшную приму!—проговорила поспѣшно Марья Никитична, низко Евпраксію кланяясь, и удалилась изъ терема очень довольная и вполне успокоенная насчетъ таинственной ладонки, въ которой и «ни-вѣсть что могло быть зашито».

VI.

Князь Семенъ Ивановичъ (ему было тогда не болѣе 28-ми лѣтъ) проснулся на другой день ранѣшенько, полный думъ о своей красавицѣ-невѣстѣ, которая, уже съ перваго раза, когда еще случайно увидѣлъ онъ ее, съ годъ тому назадъ, въ домѣ князя Феодора Святославича, запала ему въ душу и словно околдовала его своей красотой. Съ той поры и задумалъ онъ на ней жениться; съ той поры и князя-отца ея вызвалъ изъ Смоленской земли и Волокъ-Ламскій далъ ему въ удѣлъ, и всячески дарилъ и ублажалъ его, готовясь послать къ нему сватовъ именитыхъ. И вотъ, наконецъ, сбылись его желанья, прошли томительные дни ожиданій и чопорныхъ посѣщеній невѣсты-красавицы, съ обычными церемоніями, съ обычными разговорами, съ обычными дарами... посѣщеній, въ теченіе которыхъ самая сдержанность великаго князя жениха только еще болѣе разжигала его бурныя желанія, возбуждала его пламенное воображеніе, усиливала влеченіе къ этой чудной красавицѣ.

— Сидишь да смотришь на нее, какъ дурень какой!—припоминалось князю въ то время, какъ онъ еще ворочался поутру въ своей постели, на мягкой пуховой перинѣ, подъ теплымъ бѣличьимъ одѣяломъ.—Сидишь да смотришь, да любишься, и слова лишняго промолвить не смѣешь, ни руки къ ней протянуть... А, кажется, кабы не бояре тутъ, да не боярыни-стрекотухи докучныя, такъ задушилъ бы я ее въ своихъ объятіяхъ, зацѣловалъ бы ее до смерти...

И съ постели поднялся князь, и на молитву сталъ, затепливъ свѣчу передъ образомъ, а мысли его все около того же витаютъ; уста слова молитвы шепчутъ, а князю чуеться, что около него Евпраксія стоитъ, рукою нѣжною въ кудряхъ его перебираетъ, тихія рѣчи любовныя ему на ухо лепечеть... Не домолился князь, вскочилъ на ноги: слугъ зоветъ, спѣшить нарядомъ своимъ, торопить всѣхъ, а у самого въ головѣ туманъ, и въ глазахъ туманъ, и всѣ помыслы также настойчиво только къ тому терему направлены, въ которомъ теперь боярыни его невѣсту-красавицу подъ вѣнецъ наряжаютъ, къ свадьбѣ готовятъ.

Какъ вынесъ князь Семень Ивановичъ нескончаемо-долгую пытку всѣхъ послѣдовательныхъ обрядовъ, церемоній, поздравленій, даровъ, поклоновъ и обычаевъ великокняжеской свадьбы, этого онъ никакъ понять не могъ. Ему все утро казалось, что онъ въ какихъ-то потемкахъ бродить; что въ этихъ потемкахъ то дружка, то тысяцкій ведутъ его за руку, и онъ дѣйствительно выполнялъ безсознательно лишь то, что они ему указывали. «Тебѣ, государь, кланяться»,—и онъ кланялся. «Тебѣ, господинъ, на лавку подъ иконы сѣсть»,—и онъ садился. «Тебѣ около невѣсты мѣсто выкупать»,—и онъ подавалъ дары поѣзжанамъ невѣсты.

То же было и въ соборѣ, во время вѣнчанья: поютъ и читаютъ, и онъ слышитъ; свѣчи теплятся въ сумракѣ храма, темные лики иконъ глядятъ сурово изъ-подъ блестящихъ вѣнцовъ и сияній; и онъ это видитъ, словно во снѣ... Но за то онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ, что около него, на одномъ съ нимъ коврѣ, стоитъ его красавица-невѣста, что вотъ сейчасъ владыкомитрополитъ поведетъ ихъ кругомъ анаоя, и эта невѣста станетъ его женою...

Но вотъ и вѣнчанье окончилось, и повели молодыхъ новобрачныхъ рука-объ-руку, по высокому помосту, устланному цвѣтными кафтанами и шубами, въ палаты великокняжескія... Кругомъ гулъ стоялъ отъ голосовъ толпы, которая любитъся на князя съ княгинею, окруженныхъ боярами и поѣзжанами. Съ гуломъ толпы, то покрывай его, то рѣзко выдѣляясь, смѣшивался радостный перзвонъ колоколовъ... Но князь чувствуетъ только рѣзкій, холодный воздухъ, пахнувшій ему въ лицо, да ту, какъ ледъ холодную, вѣжную ручку, которую онъ сжимаетъ крѣпко-крѣпко въ своей рукѣ...

А вотъ и изба столовая великокняжеская—приубрана, приукрашена, и столъ большой свадебный, заставленный яствами и сластями... И опять шумъ и гулъ голосовъ, и поздравленія, и здравицы, и пестрая смѣна лицъ, которыя, то волною подступая къ молодымъ новобрачнымъ, то опять отъ нихъ отхлынуть, чтобы уступить мѣсто другой такой же шумной и говорливой волнѣ... И среди этого многолюднаго прилива и отлива князей и бояръ, княгинь и боярынь, князь Семень Ивановичъ, истово кланяясь и на ту, и на другую сторону, думаетъ только объ одномъ:

— Ну, скоро конецъ... Скоро насъ въ клѣть поведутъ... Въ покоѣ оставить...

— Горько, горько!—кричатъ кругомъ князя и надъ самымъ ухомъ его громкіе голоса; звонко ударяются въ честь его чары и кубки; и князь тоже истово поднимается со своей молодой княгиней новобрачной, и, кланяясь на всѣ стороны, беззвучно прикасается устами къ ея устамъ.

Наконецъ, тѣ же руководители князя, среди общаго шума, шепчуть ему:

— Пора, князь господинъ! Пиръ во полу-пирѣ, столъ во полу-столѣ! Время тебѣ на покой шествовать съ княгиней новобрачной.

— Время? Пора?—какъ будто очнувшись отъ сна, спрашиваетъ князь, поднимаясь съ мѣста, и мимоходомъ бросаетъ взглядъ на шумно-пирующихъ гостей...

И вотъ новобрачныхъ вывели изъ избы въ сѣни, ведутъ по переходамъ къ клѣти, гдѣ имъ «опочивъ держать»; впереди идетъ Марья Никитична въ собольей шубѣ навыворотъ, мѣхомъ кверху, а около нея двѣ старшихъ боярыни, съ кадками жита и хмеля, а слѣдомъ идутъ дружка съ тысяцкимъ и другіе поѣзжане князя и княгини.

Вотъ и дверь опочивальни, и чья-то незримая рука отворяетъ её, въ то время, какъ боярыня мама на самомъ порогѣ осыпаетъ новобрачныхъ хмелемъ и житомъ и говоритъ, обращаясь къ князю:

— Будь зерно всхоже, на тебя похоже!

А тысяцкій подхватываетъ, обращаясь къ Евпраксіи:

— Матушка-княгинюшка! Толстѣть да богатѣть—спереди горбатѣть!

Вотъ молодыхъ вводятъ въ опочивальню, и входятъ съ ними только боярыня-мама да двѣ старшихъ боярыни. Князь Семень готовъ бы ихъ въ охапку схватить да за порогъ выкинуть! Но онъ долженъ спокойно присѣсть на край брачнаго ложа и смотрѣть, какъ они неспѣша, съ приговорами да съ причитываньями, разоблачаютъ невѣсту, снимаютъ съ нея фату съ кикою, въ изголовь вѣшаютъ, убираютъ ея волосы, отстегиваютъ оплечье соболиное, снимаютъ камчатную, узорную шубу, оставляютъ въ одной легкой ферези съ жемчужными застѣжками...

Вотъ и послѣдній поклонъ отвѣсили и вышли одна за одной, не оглядываясь. Дверь захлопнулась, и самъ князь, въ одинъ прыжокъ очутившись около нея, задвинулъ ее засовомъ...

— Княгинюшка моя, Евпраксеюшка!—пропенталь онъ, подступая къ новобрачной, которая недвижно стояла среди клѣти, какъ-то бессильно опустивъ голову. Княгинюшка, радость моя!—повторилъ онъ, хватая ее за плечи сильными, но трепетными руками и стараясь привлечь къ себѣ.

— Постой, князь-господинъ!—чуть слышно простонала Евпраксія, слабо отстраняя его руки и не подымая глазъ.— Дай помолиться мнѣ... постой...

— Послѣ... помолитесь послѣ! Не до молитвы мнѣ теперь!—настойчиво повторилъ князь, увлекая ее.

— Постой! Душно мнѣ—страшно мнѣ!.. Дай помолиться, говорю...

И, вырвавшись изъ его объятій, вдругъ метнулась впередъ,

заплаталась и прежде, чѣмъ опеломленный князь успѣлъ подхватить ее на руки, рухнула на полъ клѣти.

Князь Семень Ивановичъ бросился къ ней, хотѣлъ поднять ее, отнести на ложе, вспыснуть святой водой отъ иконъ, но отскочилъ въ ужасѣ... Передъ нимъ лежала Евпраксія мертвая; высокая грудь не подымалась дыханіемъ, чело и руки были холодны, какъ ледъ, а безжизненно-тускляя очи, широко и страшно раскрытыя, словно застыли, недвижимыя.

Князь могъ только вскрикнуть во весь голосъ:

— Мертвая! мертвая!... Пѣрченая!— и опрометью бросился изъ опочивальни въ сѣни, сзывая людей и боярынь.

VII.

Долго провозились надъ новобрачной княгиней боярыни ея и постельницы... Чего-чего не перепробовали: и съ уголька вспысывали, и всякими снадобьями растирали, и попа приставили къ ней «нечистую силу» отчитывать, и знахарей со всей Москвы собрали... Княгиня Евпраксія не очнулась, и только тогда уже, когда всѣ порѣшили, что она точно померла, и стали «опрятьвать» ея тѣло, готовясь положить покойницу подъ образа,—въ ея лицѣ проявились слабые признаки жизни. Побѣжали къ князю, доложили ему, и къ великой его радости онъ самъ увидѣлъ, какъ мало-помалу Евпраксія стала приходить въ себя, и какъ наконецъ со-всѣмъ очнулась. Но очнулась она больная и слабая до такой степени, что ни рукой шевельнуть не могла, ни головы поднять съ изголовья...

Всѣ кругомъ князя стали толковать о порчѣ и о томъ, что противъ порчи не были приняты достаточныя мѣры предосторожности. На бѣду себѣ, простодушный бояринъ Дмитрій Ивановичъ узнался, что онъ точно, садясь на коня и собираясь объѣзжать кругомъ клѣти, сталъ мечъ изъ ноженъ вынимать, да во хмелю мечъ на земь обронилъ и позабылъ на четыре стороны сплунуть, съ зачураньями... Распалился на него князь Семень, ногами затопалъ, на глаза къ себѣ показываться не велѣлъ. А тамъ какъ пошли разспросы да толки, одна изъ боярынь проговорила, что сама Марья Никитична во всемъ, молъ, виновата: настояла на томъ, чтобы княгинюшка сняла у себя съ креста ладонку, матушкино благословенье... Досталось тутъ и Марьѣ Никитичнѣ: чуть ее князь въ дальній монастырь не сослалъ. Однако же все кое-какъ уладилось и угомонилось; похворала сколько-то дней Евпраксія, а потомъ поднялась, и какъ ни въ чемъ не бывало—опять зацвѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

Опять задумалъ Семень Ивановичъ, благословясь у владыки-митрополита, приступить къ супружескому ложу; но—какъ ни

оберегали Евпраксию Θεодоровну—съ ней въ тотъ день, еще до сумерекъ, на глазахъ у всѣхъ боярынь, случился такой же страшный припадокъ обморока: вся похолодѣла, потемнѣла, вытянулась и пролежала болѣе полусутокъ, ровно мертвая...

Тогда ужъ не на шутку перепугался и разгнѣвался великій князь... Умолилъ владыку-митрополита Θεогноста, чтобы онъ расторгъ его узы брачныя; а затѣмъ отослалъ княжну Евпраксию, безъ даровъ, безъ дальнихъ проводовъ, съ ея поѣзжанами, къ родителямъ въ Волокъ-Ламскій, да еще съ особымъ посломъ отправилъ къ нимъ укоризненную грамоту, въ которой корилъ ихъ за то, что они ему хотѣли «порченую» дочь свою въ княгини-супруги навязать. Послу тому было приказано передать князю Θεодору Святославичу грамоту, и, ни часу не мѣшкая, ни хлѣба, ни соли его не отвѣдавъ, тотчасъ изъ дому его въ обратный путь выѣхать.

Съ той поры прошло съ полгода. И что же случилось? Какъ разъ на другой день, послѣ вешняго Никола, къ великому соблазну всѣхъ окружавшихъ великаго князя бояръ, боярынь и прочаго дворскаго чина, донеслась въ Москву вѣсть о томъ, что бывшая невѣста великаго князя московскаго обвинчалась со своимъ прежнимъ суженымъ, княземъ Θεодоромъ Краснымъ, уѣхала въ его Смоленскую волость и живетъ тамъ припѣваючи...

А мы отъ себя добавимъ къ этой вѣсти, что въ самый день свадьбы, за свадебнымъ пиршествомъ, князь Θεодоръ Красный сидѣлъ хмурый да пасмурный и очей на Евпраксию поднять не смѣлъ, а когда очутился съ ней съ глаза на глазъ въ опочивальнѣ, то вдругъ, сильно и порывисто схвативъ ее за руку, проговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Говори! всю правду сказывай! Была ли ты у князя Семена на ложѣ?... Обнималась ли, цѣловалась ли съ нимъ, какъ со мною? Также ли и ему, какъ мнѣ, туманила голову?!

Княжна Евпраксія, нимало не смутясь, прямо глянула въ очи милому и проговорила:

— Не была я у князя Семена на ложѣ... Не ласкала его и не тѣшила... Али позабылъ ты, князь, что мнѣ старушеночка въ лѣсу сказывала? Проглотишь горошинку—такъ не то, что князь новобрачный, а и медвѣдь лѣсной побѣжитъ отъ тебя, ровно отъ падали. Какова я отъ тебя уѣхала, такова и вернулась...

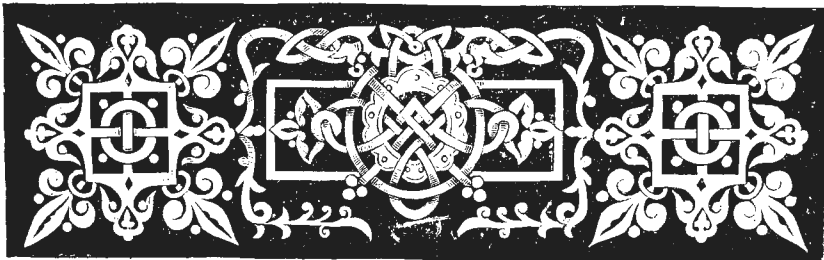
Но князь Θεодоръ уже не слушалъ ея послѣднихъ словъ... Ихъ руки сами съ собою сплелись въ тѣсное, неразрывное объятіе, а уста слились въ нескончаемо-долгій и горячій поцѣлуй...

«То старина, то и дѣяніе».

П. Полевой.

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Графъ Э. И. Тотлебенъ и М. Д. Скобелевъ.

ПОСЛѢ ГЕРОЙСКОЙ обороны Севастополя имя графа Тотлебена сдѣлалось популярнымъ, и всѣ называли его гениемъ. Встрѣчая его статую фигуру, я невольно проникался уваженіемъ къ нему. А между тѣмъ въ дѣлахъ житейскихъ онъ проявилъ себя далеко не гениальнымъ. Случайно мнѣ пришлось ближе узнать нѣкоторыя его стороны и сильно, если не разочароваться, то во всякомъ случаѣ удивляться, какъ можетъ гений одновременно укладываться съ необыкновенными странностями, чтобы не выразиться иначе.

Въ началѣ 70-хъ годовъ купилъ я дачу въ Крыму, близъ самой Ялты, и началъ частенько ѣздить въ Крымъ; тогда только что строилась Лозово-Севастопольская желѣзная дорога, однимъ изъ концессионеровъ которой былъ Э. И. Тотлебенъ, впоследствии уже графъ. Бывая въ Севастополѣ, мнѣ приходилось бесѣдовать съ инженерами, которые рассказывали, что Э. И. Тотлебенъ захотѣлъ принять дѣятельное участіе въ постройкѣ желѣзной дороги, но что всѣ его совѣты въ вопросахъ серьезныхъ, какъ постройки мостовъ, туннелей и пр., были донельзя нелѣпы и обнаруживали необыкновенное отсутствіе именно инженерныхъ знаній, но что саперъ онъ былъ дѣйствительно замѣчательный. Какъ показали послѣдствія, то и администраторомъ онъ (какъ генералъ-губернаторъ Новороссіи) оказался далеко не изъ великихъ. Онъ

выслалъ административнымъ порядкомъ изъ края нѣсколько сотъ человѣкъ въ весьма короткій періодъ времени, и, какъ оказалось потомъ, совершенно напрасно.

Въ 1878 году мнѣ случилось встрѣтиться съ графомъ Тотлебенемъ совершенно случайно, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Я пріѣхалъ въ Крымъ по дѣламъ своимъ въ маѣ 1878 года и не остановился у себя на дачѣ, она была отдана въ наймы графинѣ Адлербергъ, а жилъ въ гостинницѣ «Россія». Оказалось, что въ той же гостинницѣ остановился и пріѣхавшій для представленія въ Ливадіи императору Александру Николаевичу одесскій генералъ-губернаторъ графъ Тотлебенъ. Утромъ, не помню какого дня, представители города Ялты и уѣзда собрались представиться графу, который, очень горячась, грозно выговаривалъ имъ за какіе-то безпорядки. Свою рѣчь онъ закончилъ словами:

— Я очень уважаю земскія и городскія учрежденія; но если вы, милостивые государи, не подадите немедленно всѣ въ отставку, я васъ всѣхъ вышлю административнымъ порядкомъ изъ края.

Вотъ тебѣ уважаетъ, невольно думалось мнѣ.

Тотлебенъ какъ-то особенно отчеканивалъ каждое слово, такъ что его рѣчь выходила крайне рѣзкой; онъ и каждую букву выговаривалъ особенно отчетливо. Я замѣчалъ это въ нѣмцахъ, которые боятся говорить съ акцентомъ, чтобы казаться болѣе русскими; а между тѣмъ именно этою необыкновенною отчетливостью въ выговорѣ они часто обнаруживаютъ свое нерусское происхожденіе.

Покончивъ въ Ялтѣ съ дѣлами, я поѣхалъ на свою дачу сдѣлать визитъ графинѣ Адлербергъ, а оттуда рѣшился отправиться прямо на почтовую станцію, чтобы ѣхать на перекладныхъ въ Симферополь.

Спустившись обратно въ Ялту, я замѣтилъ группу лицъ, въ томъ числѣ исправника.

— Что вы дѣлаете тутъ?

— Да вотъ пароходъ отходить въ Севастополь, провожаемъ генералъ-губернатора.

Пароходъ еще стоялъ на мѣстѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ берега, но въ этотъ моментъ раздалась три свистка. Авось успѣю, вздумалось мнѣ, лучше поѣду на пароходѣ до Севастополя, чѣмъ до Симферополя ѣхать на лошадахъ. Пообщавъ крупное на-чай стоявшимъ тутъ лодочникамъ, я выскочилъ съ чемоданомъ изъ экипажа и быстро сѣлъ въ лодку. Но только мы отчалили, какъ пароходъ пошелъ... Лодочники мои гребли быстро, и я началъ махать бѣлою фуражкой, прося знаками остановиться. Такъ какъ я носилъ придворную форму, то на пароходѣ обратили вниманіе на нашу лодку, и вотъ, къ моей великой радости, пароходъ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже у па-

рохода и взбирался на него по брошенной мнѣ лѣсенкѣ. На палубѣ стояли: молодой полковникъ графъ Шуваловъ, адъютантъ великаго князя Владиміра Александровича, привозившій въ Ливадію извѣстіе о рожденіи первенца у великаго князя; генералы: Рихтеръ, Глинка-Мавринъ и др., а невдалекѣ виднѣлась недовольная фигура графа Тотлебена.

— Что вы везете?—спросилъ меня еще издали графъ Шуваловъ.

— Да себя,—отвѣчалъ я, смѣясь.

Оказалось, что на пароходѣ, хотя онъ былъ и не казенный, а пассажирскій, думали, глядя на наше маханье и на мою придворную форму, что я везу какой нибудь конвертъ въ догонку изъ Ливадіи.

Войдя на пароходъ, я помѣстился около Шувалова и завязалъ съ нимъ разговоръ. Тотлебенъ все ходилъ около насъ и видимо былъ чѣмъ-то недоволенъ. Уже послѣ мнѣ объяснили, что онъ былъ крайне раздраженъ остановкой парохода (хотя остановка эта была менѣе чѣмъ на пять минутъ) и счелъ это невниманіемъ къ себѣ. Но потомъ Тотлебенъ вступилъ въ общій разговоръ, который, надо признаться, былъ очень интересенъ. Графъ Шуваловъ очень ловко предлагалъ ему многіе вопросы касательно, конечно, Севастопольской кампаніи. Тотлебенъ отвѣчалъ весьма подробно и наконецъ рассказалъ нѣсколько анекдотовъ о защитникахъ Севастополя, такъ что время отъ Ялты до Севастополя прошло незамѣтно.

Вотъ показался Севастополь, и мы стали заворачивать къ бухтѣ. При взглядѣ на развалины морскихъ казармъ, у меня какъ-то невольно вырвалось:

— Что за горе русскому человѣку смотрѣть на эти руины... А какъ портъ-то хорошъ и въ торговомъ отношеніи какъ былъ бы полезенъ.

Тотлебенъ въ это время разъяснялъ графу Шувалову, гдѣ стояла батарея Карташевскаго; его точно передернуло отъ моихъ словъ, которыя онъ слышалъ.

— Никакого торговаго значенія Севастополь не имѣлъ и не будетъ имѣть,—рѣзко отвѣчалъ мнѣ онъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ.

— Почему?—удивленно спросилъ я.

— Потому, что центръ торговли юга въ Одессѣ, а не тутъ. Севастополь—стратегическій пунктъ и больше ничего,—сказалъ очень недовольнымъ тономъ Тотлебенъ:—за торговое значеніе Севастополя гроша нельзя тратить.

— Однако, мнѣ кажется, графъ, что вы, когда принимали участіе въ постройкѣ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, указывали на пользу этой дороги и въ торговомъ отношеніи и при проведеніи этой линіи руководились не одними военными соображеніями?—осмѣлился я возразить.

Тотлебенъ окончательно распѣтушился.

— Этого никогда не было. Это только московскія газеты, Катковъ, Аксаковы, хотѣтъ уничтоженія Одессы и потому проповѣдуютъ и проводятъ торговое значіе Севастополя, котораго нѣтъ. На Одессу потрачены сотни милліоновъ, а вы хотите все это уничтожить. Я вижу: это—славянофильское направленіе, стремящееся уничтожить Одессу; но это вамъ не удастся,—повторялъ разсердившійся графъ.

Я удивленно смотрѣлъ на Тотлебена и замѣтилъ лишь, что не говорилъ объ уничтоженіи Одессы, и что ни у Каткова, ни у Аксакова не читалъ ничего объ этомъ.

— Нѣтъ-съ, я въ васъ давно замѣтилъ славянофильское направленіе,—напиралъ на меня Тотлебенъ:—но ни вамъ, господа славянофилы, ни Каткову съ Аксаковымъ, не удастся перемѣстить сюда торговлю: это бессмыслица. Одесса не потеряетъ своего значенія, я этого не допущу,—продолжалъ горячиться Тотлебенъ и безостановочно говорилъ, пока пароходъ не вошелъ въ пристань, о вредѣ славянофильскаго московскаго направленія, о Катковѣ и Аксаковѣ, которымъ изрядно досталось отъ него.

Но вотъ на гранитной пристани показался почетный караулъ и масса народа, отдававшая его сіятельству честь, и графъ отсталъ отъ меня, чему я несказанно обрадовался.

— Что онъ ко мнѣ привязался съ моимъ славянофильскимъ направленіемъ?—спросилъ я одного общаго знакомаго.

— Ну, это его конекъ,—отвѣчалъ тотъ,—а главное, какъ вы не замѣтили, что онъ искалъ случая къ вамъ придратъ: какъ смѣли вы остановить пароходъ? онъ счелъ это неуваженіемъ къ себѣ, такъ какъ ѣхалъ на немъ.

— Пароходъ пассажирскій, для всѣхъ: я не обязанъ быть знать, что на немъ ѣдетъ генераль-губернаторъ, который на немъ, какъ частный пассажиръ.

— Ну, этого Эдуардъ Ивановичъ въ резонъ не принимаетъ.

— Жаль...—отвѣтилъ я.

Какъ-то я рассказалъ М. Д. Скобелеву, который былъ ярый славянофилъ и не проѣзжалъ Москвы, не побывавъ у И. С. Аксакова, о моемъ столкновеніи съ Тотлебенемъ. Онъ слушалъ меня смѣясь и въ свою очередь рассказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ про Тотлебена, котораго крайне недолюбливалъ.

— Сперва я былъ о немъ въ самомъ дѣлѣ высокаго мнѣнія,—говорилъ Скобелевъ,—когда онъ подъ Плевной удачно раскинулъ нѣсколько группъ батарей, концентрированный огонь которыхъ могъ быть очень вреденъ туркамъ. Но потомъ я въ немъ разочаровался вполне, особенно въ Санъ-Стефано. Я считаю, что на немъ лежитъ значительная доля вины, что мы не заняли Константинополя, ну, да что объ этомъ... Нѣтъ, вообразите,—продолжалъ М. Д.,—

оставшись за главнокомандующаго въ Санъ-Стефано, онъ дошелъ до такой любезности къ туркамъ, что снялся съ турецкимъ главнокомандующимъ, Мухтаръ-пашею, на одной карточкѣ. Этотъ фотографическій снимокъ воспроизведенъ въ тысячахъ экземпляровъ, и турки стали распространять его между болгарами. Впечатлѣніе всюду получилось крайне тяжелое, да и въ войскахъ нашихъ это не понравилось... Подарилъ ему султанъ корову, зная, что нѣмецъ любить свѣжія сливки. Сколько съ этой коровой исторій и хлопотъ было, Боже ты мой милостивый. Тотлебенъ, говоря о коровѣ, называлъ ее не иначе, какъ «величайшій знакъ уваженія и расположенія ко мнѣ е. и. в. султана». Такъ титулъ этотъ и былъ присвоенъ коровѣ: ее всѣ звали—«величайшій знакъ уваженія и расположенія е. и. в. султана къ Тотлебену». Корову эту привели въ Адрианополь, а затѣмъ Тотлебенъ съ поѣздомъ увезъ ее съ собою.

Оригиналенъ былъ, по словамъ М. Д. Скобелева, отъѣздъ Тотлебена изъ Адрианополя. Послѣ его отъѣзда Михайлъ Дмитриевичъ оставался уже главнокомандующимъ войскъ, кажется 45 или 50 тысячъ, оставшихся, какъ оккупационный корпусъ. Тотлебена сопровождало все высшее турецкое начальство съ Мухтаръ-пашею во главѣ, всѣ иностранные консулы, въ томъ числѣ англійскій и германскій, были налицо; изъ духовенства: католическій нунцій и нѣмецкій пасторъ. Прощаясь съ послѣднимъ, Тотлебенъ цѣловался. Митрополитъ же православный, затертый массой народа, не могъ обратиться къ вагону главнокомандующаго, который и не обратилъ на это никакого вниманія, то-есть забылъ проститься съ нимъ. Только-что отошелъ поѣздъ съ Тотлебенемъ, какъ М. Д. Скобелевъ, уже главнокомандующій, сказалъ начальнику штабу, что сейчасъ будетъ здороваться съ почетнымъ карауломъ, тутъ же, на платформѣ, стоявшимъ. Почетный караулъ былъ отъ Архангелогородскаго полка. На громкое «здорово, архангелогородцы!» Скобелева солдаты весело отвѣчали: «здравія желаемъ вашему превосходительству», и кричали «ура»... Снявъ фуражку, Михайлъ Дмитриевичъ прямо пошелъ подъ благословеніе митрополита и поцѣловалъ у него руку.

— Солдаты мои такъ и выросли на цѣлый аршинъ, когда увидели это,—говорилъ Михайлъ Дмитриевичъ,—радуясь, что русскій генералъ призналъ, наконецъ, православнаго митрополита, какъ бы забытаго всѣми.

Всѣ иностранцы притихли. Мухтаръ-паша очень развязно дошелъ къ Скобелеву и началъ ему говорить пофранцузски, когда онъ можетъ переговорить съ нимъ насчетъ эвакуаціи Адрианополя и вообще о дѣлахъ. Тогда Михайлъ Дмитриевичъ громко на всю платформу отвѣтилъ тоже пофранцузски:

— Императорская побѣдоносная армія занимаетъ Адрианополь,

а я, ея главнокомандующій, принимаю просителей и имѣющихъ дѣло до меня отъ 9 до 11. Можете пожаловать въ эти часы.

Мухтаръ, какъ ошпаренный, отошелъ отъ Михаила Дмитріевича. Этимъ поступкомъ на Адрианопольской станціи Скобелевъ вселилъ такой страхъ и уваженіе въ туркахъ, что не было даже тѣни дерзости, грубости или чего нибудь подобнаго, уже начавшихъ проявляться, во все время занятія сравнительно небольшимъ корпусомъ русскихъ Адрианополя. Имя Скобелева производило такое же дѣйствіе, какъ бывало, рассказывали старики, на Кавказѣ имя Ермолова.

Скобелевъ ненавидѣлъ нѣмцевъ. Мнѣ какъ-то пришлось въ Москвѣ съ нимъ ѣхать на извозчикѣ, да еще на плохомъ. Дѣло было лѣтомъ; мы послѣ обѣда собрались за городъ. Извозчикъ оказался грамотнымъ. Безконечныя вывѣски съ нѣмецкими фамиліями волновали Михаила Дмитріевича. «Читай»,—безпрестанно повторялъ онъ извозчику, указывая на ту или другую вывѣску. Тотъ, хотя съ трудомъ, читалъ ихъ. Что это русскій? Нѣтъ, нѣмецъ... и это постоянно. «Что же это такое съ матушкой Москвой-Бѣлокаменной? вся онѣмечилась»,—повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ всякій разъ, какъ извозчикъ читалъ вывѣску съ нѣмецкой фамиліей.

Наконецъ, доѣхали мы до Яра и не успѣли еще рассчитать извозчика, какъ уже толпа народа собралась смотрѣть на «Бѣлаго-генерала». Мы прошли на отдѣльную террасу, но немедленно явился оркестръ и заигралъ маршъ-Скобелевъ, затѣмъ явились какіе-то евреи и на какихъ-то диковинныхъ инструментахъ начали мазурку-Скобелевъ или что-то въ этомъ родѣ. Михаилу Дмитріевичу было не по себѣ, и мы ушли въ отдѣльный кабинетъ. Но сейчасъ же туда ворвались повара и прислуга Яра и окружили его, чтобы поднять на «ура» и качать. Насилу ихъ успокоили, насилу отдѣлались отъ нихъ и упросили не качать, такъ какъ генералу это непріятно. Все это сильно надоѣло Михаилу Дмитріевичу. Мы порѣшили убраться отъ Яра и на первомъ попавшемся извозчикѣ уѣхали обратно въ Москву, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ манифестацій.

Послѣднія нѣсколько недѣль передъ смертью Скобелева мнѣ приходилось часто его видѣть. Михаилъ Дмитріевичъ часто пріѣзжалъ изъ Минска въ Москву и останавливался въ Славянскомъ Базарѣ или у Ивана Ильича Маслова, управляющаго Московскою удѣльною конторою. И. И. Масловъ былъ крестникъ еще дѣда Скобелева, Ивана Никитича, чуть ли не воспитывался въ домѣ Скобелевыхъ и былъ имъ обязанъ всѣмъ. Онъ, конечно, безъ памяти любилъ Михаила Дмитріевича, говорилъ ему «ты» и Миша. Скобелевъ то же говорилъ Маслову «ты», довѣрялъ ему безгранично. Иванъ Ильичъ велъ всѣ дѣла Скобелева, держалъ у себя его деньги, однимъ словомъ былъ полнымъ хозяиномъ состоянія

Скобелева, который и поручалъ ему все вполнѣ, отправляясь въ дальнѣе походы. А состояніе у Михаила Дмитріевича было прекрасное.

Въ началѣ іюня 1882 г. я нѣсколько разъ завтракалъ со Скобелевымъ въ Славянскомъ Базарѣ и наслаждался его бесѣдой. Онъ такъ мѣтко, такъ ясно, такъ образно рассказывалъ, что, бывало, заслушаешься. Онъ не вѣрилъ въ продолжительный миръ, установленный на Берлинскомъ конгрессѣ, и твердилъ, что на Балканскомъ полуостровѣ неминуемо начнется опять смута. Какъ-то я зашелъ къ нему ранѣе обыкновеннаго; онъ еще не былъ одѣтъ. Занималъ онъ большое отдѣленіе въ Славянскомъ Базарѣ. «Генералъ въ ваннѣ»,—объяснилъ мнѣ денщикъ его. Я прошелъ въ ванную, въ которой и засталъ М. Д. Скобелева читающимъ.

— Ты читалъ извѣстія изъ Болгаріи?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Прочти,—и онъ бросилъ мнѣ книжку изъ ванны:—турки нарушили границы, были уже стычки. Если это вѣрно, то я тамъ буду черезъ три недѣли, и тогда посмотримъ... А у меня такой есть планъ обороны Болгаріи, за который англичане сотни тысячъ бы заплатили,—шутилъ онъ.

Пока я проглядывалъ статью m-me Адавъ, Михаилъ Дмитріевичъ одѣвался; меня поразила дряблость его все-таки молодого тѣла. Онъ одѣлся, и мы пошли завтракать. Этотъ день онъ былъ въ духѣ и нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, что, если только извѣстія изъ Болгаріи вѣрны, то онъ черезъ 2—3 недѣли будетъ тамъ.

— Но надо взять съ собою много денегъ,—добавилъ онъ:—я всѣ процентныя бумаги свои реализую, все продамъ. У меня на всякій случай будетъ милліонъ денегъ съ собою. Это очень важно, не быть связаннымъ деньгами, а имѣть ихъ свободными. И это у меня будетъ: я всѣ процентныя бумаги обращу въ деньги...

Мы продолжали завтракать. Къ намъ подошли два его адъютанта, Ушаковъ и другой, фамилію котораго я забылъ, въ черкескѣ, изъ казаковъ.

— Ну-съ, расскажите, какъ мы брали такой-то городъ,—сказалъ Скобелевъ своему адъютанту изъ казаковъ.

Тотъ немного замялся и началъ рассказывать довольно нерѣшительно. Черезъ три минуты Скобелевъ уже прервалъ его, сказавъ:

— Ну, такъ вы никогда не кончите, и объ насъ штатскій Богъ вѣсть что подумаетъ.

Онъ называлъ меня штатскимъ.

Вынувъ карандашъ, Михаилъ Дмитріевичъ началъ тутъ же на скатерти чертить разные пункты, чуть не цѣлую карту нарисовалъ, такъ что мы заслушались. Его рассказъ записанъ мною особо.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ Петербургѣ и зашелъ къ нему. Я его засталъ въ распо-

ряженіяхъ о продажѣ металлическихъ бумагъ, облигацій, золота, акцій и проч., онъ былъ занятъ ликвидаціей своихъ бумагъ и обращеніемъ ихъ въ чистыя деньги.

— Все взято изъ государственнаго банка, все продано и собирается около милліона, — говорилъ Михайлъ Дмитріевичъ: — да изъ Спасскаго (Рязанское имѣніе его) хлѣбъ продается—онъ въ цѣнѣ, будетъ и весь милліонъ. Все это потомъ будетъ препровождено къ Ивану Ильичу, который положить деньги въ государственный банкъ на текущій счетъ...

Затѣмъ я встрѣтилъ Михаила Дмитріевича у одного нашего общаго пріятели, который былъ случайно въ Петербургѣ и нуждался въ деньгахъ. Онъ былъ очень близокъ съ Скобелевымъ и въ свое время, когда Михайлъ Дмитріевичъ бывалъ въ нуждѣ, не разъ выручалъ его изъ весьма тяжелыхъ обстоятельствъ. Тутъ же вечеромъ онъ попросилъ у Скобелева 5.000 рублей на нѣсколько дней.

— Не могу дать никакимъ образомъ, — отвѣчалъ Михайлъ Дмитріевичъ: — я реализировалъ ровно милліонъ и далъ себѣ слово до войны самому не тратить ни копейки изъ этого милліона. Кромѣ жалованья, я ничего не проживаю, а милліонъ у меня наготовѣ, на случай—будетъ надобность ѣхать въ Болгарію...

Тотъ пожалъ плечами, тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло еще нѣсколько дней. Около 23-го или 25-го іюня я снова былъ въ Москвѣ, и въ томъ же самомъ Славянскомъ Базарѣ встрѣтился съ Михайломъ Дмитріевичемъ. Онъ былъ не въ духѣ: не отвѣчалъ совсѣмъ на вопросы, а если и отвѣчалъ, то какъ-то отрывисто; видно было, что его что-то очень тревожитъ.

— Что же будемъ завтракать? — спросилъ я его.

— Не буду я съ вами завтракать; нужно ѣхать къ митрополиту, — отвѣчалъ онъ, но видно было, что думалъ онъ совсѣмъ о другомъ.

— Ну, такъ я останусь и выпью за ваше здоровье стаканъ шампанскаго; къ тому же очень жарко, а за завтракомъ холодное очень пріятно, — продолжалъ я и вошелъ въ отдѣльный кабинетъ.

Михайлъ Дмитріевичъ не отказался отъ стакана шампанскаго, но ходилъ по кабинету взволнованный. Когда же метръ-д'отель Славянскаго Базара Делапре предложилъ ему какую-то удивительную яичницу, онъ разсердился и сказалъ, чтобы тотъ не приста- валъ къ нему съ глупостями.

— Да что съ вами наконецъ? — спросилъ я: — сердитесь изъ-за пустяковъ... Вамъ, должно быть, не здоровится?

Скобелевъ отвѣчалъ не сразу.

— Да что, — задумчиво протянулъ онъ, мѣрняя шагами, какъ левъ въ клѣткѣ, небольшой кабинетъ Славянскаго Базара, изъ угла въ уголъ, — мои деньги пропали...

— Какія деньги?—спросилъ я:—украли у васъ бумажникъ?

— Какой бумажникъ—мой миллионъ... весь миллионъ пропалъ безслѣдно.

Я ужаснулся.

— Какъ? Гдѣ?—могъ я только спросить.

— Да и самъ ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себѣ, что Иванъ Ильичъ реализировалъ, по моему приказанію, всѣ бумаги, продалъ золото, хлѣбъ и... и сошелъ съ ума на этихъ дняхъ. Я и не знаю теперь, гдѣ деньги. Самъ онъ не вмѣняемъ, ничего не понимаетъ. Я нѣсколько разъ упорно допрашивалъ его—гдѣ деньги; онъ въ отвѣтъ чуть ли не лаеетъ на меня изъ-подъ дивана: ввалъ въ полное сумасшествіе... Я не знаю, что дѣлать.

Я такъ былъ пораженъ этимъ открытіемъ, что долго не зналъ, что сказать, что посовѣтывать.

— Да вѣдь миллионъ такая сумма, что ее нельзя незамѣтно похитить. Дайте знать по всѣмъ банкамъ, наведите справки...

— Да я все это и дѣлаю,—отвѣчалъ Михайлъ Дмитріевичъ:—но ни въ одномъ банкѣ не оказывается моихъ денегъ... Видно, Иванъ Ильичъ не клалъ въ банкъ никакихъ денегъ...

Въ этотъ день Михайлъ Дмитріевичъ пилъ много, все больше портеръ пополамъ съ шампанскимъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ залить свое волненіе.

Вечеромъ этого или слѣдующаго дня я опять сидѣлъ вмѣстѣ съ Скобелевымъ и его родственникомъ, моимъ большимъ пріателемъ, графомъ А. П. Барановымъ. Скобелевъ продолжалъ много пить. Графъ Барановъ, человѣкъ чрезвычайно острый, велъ веселую бесѣду, чтобы развлечь Михаила Дмитріевича. Но Скобелевъ не особенно былъ веселъ, хотя не подавалъ вида о случившемся.

Я было упомянулъ о прислугѣ, но Михайлъ Дмитріевичъ не допускалъ подобной возможности, тогда какъ оказалось, что прислуга у И. И. Маслова была прескверная. Въ день похоронъ Михаила Дмитріевича, то-есть черезъ нѣсколько дней, камердинеръ продавалъ въ кабакѣ шкатулку съ письмами Скобелева и былъ схваченъ полиціею. Скобелевъ, какъ я уже говорилъ, останавливался часто въ удѣльной конторѣ, такъ что вещи его постоянно находились у Маслова на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ удѣльной конторы.

Видя, что Михайлъ Дмитріевичъ очень много пьетъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что не довольно ли, что, пожалуй, вредно. Но Скобелевъ на меня огрызнулся:

— Оставь, что тебѣ за дѣло. Мнѣ жить осталось, я это знаю, какихъ нибудь два-три года. Я и хочу прожить ихъ всласть, какъ мнѣ хочется...

Но, увы, судьба судила ему прожить не два года, о которыхъ онъ скромно мечталъ, а съ небольшимъ два дня.

Послѣдніе три дня передъ смертью Михаилъ Дмитріевичъ очень много пилъ шампанскаго и все больше пополамъ съ портеромъ. Очень вѣроятно, что вино, къ которому онъ хотя и привыкъ, одновременно съ тѣмъ волненіемъ, которое его охватило, и подѣйствовало слишкомъ сильно на безъ того уже слабое, больное сердце.

Что говорить объ его смерти: она слишкомъ общеизвѣстна, и слишкомъ недавне еще горе о безвременно погибшемъ витязѣ нашемъ, чтобы поднимать эти вопросы и беречь свѣжія раны.

Узнавъ о внезапной его кончинѣ, я прибѣжалъ въ гостиницу Дюссо, гдѣ онъ умеръ, и засталъ его почти, можно сказать, теплаго. Онъ точно спалъ, и никто не могъ бы сказать, что смерть уже похитила его. Тутъ же былъ и графъ Ал. Павл. Барановъ, который присутствовалъ при вскрытіи. Сердце оказалось на столько дрябло, что почти расплзлось. Съ такимъ сердцемъ нельзя было жить, дни были и такъ сочтены, а волненіе послѣднихъ дней несомнѣнно ускорило роковую развязку.

Мнѣ невольно вспоминается слѣдующій разговоръ Михаила Дмитріевича.

— Нѣтъ людей,—говорилъ онъ:—которые не боялись бы смерти; а если тебѣ кто скажетъ, что не боится — плюнь тому въ глаза: онъ лжетъ. И я точно также не меньше другихъ боюсь смерти. Но есть люди, кои имѣютъ достаточно силы воли этого не показывать, тогда какъ другіе не могутъ удержаться и бѣгутъ предъ страхомъ смерти. Я имѣю силу воли не показывать, что я боюсь; но за то внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отзывается на сердцѣ.

Да, очень можетъ быть, что внутренняя борьба и довела сердце М. Д. Скобелева до того ужаснаго положенія, въ какомъ оно было въ день его ранней, всѣми оплакиваемой кончины.

Слухамъ и розказнямъ объ этой смерти не было конца. Никто не хотѣлъ вѣрить, что витязь нашъ умеръ своею смертью. Вѣдь его видѣли бодрымъ, здоровымъ, и съ виду веселымъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ вѣсть о его смерти облетѣла Москву, а затѣмъ и Россію. Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣе разрыва сердца!..

Передъ великимъ трагизмомъ смерти М. Д. Скобелева, конечно, вопросъ о пропажѣ его капитала, въ милліонъ слишкомъ рублей, сравнительно незначителенъ, но фактъ курьезенъ самъ по себѣ и по тому впечатлѣнію, которое могъ имѣть на Михаила Дмитріевича; онъ бросаетъ еще болѣе какъ бы таинственность на послѣдніе дни его жизни и причины его преждевременной смерти. Иванъ Ильичъ Масловъ такъ и не приходилъ въ себя болѣе и умеръ

сумасшедшимъ, переживъ Михаила Дмитріевича на десять лѣтъ. А миллионъ такъ и канулъ въ вѣчность безслѣдно.

Про Скобелева много было сказано, и не моему слабому перу вдаваться въ критическую оцѣнку его личности. Наконецъ, сравнительно я его и зналъ не достаточно, ибо въ походахъ, гдѣ болѣе всего проявлялъ онъ свою геніальность, я не бывалъ. Я встрѣчалъ его въ обществѣ и могу сказать, что не видалъ болѣе увлекательнаго человѣка.

Нѣкоторые разговоры его врѣзались въ мою память. Я какъ-то спросилъ его про одно дѣло, въ которомъ, говорили, солдаты будто бы не шли въ бой.

— Такихъ случаевъ не знаю, чтобы русскій солдатъ не пошелъ за мною, — отвѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ: — а солдаты, большею частію, не идутъ, когда ихъ только посылаютъ. На то генералы и офицеры, чтобы вести солдатъ въ дѣло; когда же сами остаются на мѣстахъ, а солдатъ посылаютъ однихъ, тогда, конечно, не идутъ — не ихъ вина.

Какъ я уже говорилъ, мнѣ удавалось довольно часто видѣть М. Д. Скобелева въ послѣдніе два года его жизни, во время его пріѣздовъ въ Москву и Петербургъ. Я останавливался въ Петербургѣ въ домѣ графа Адлерберга, дяди Михаила Дмитріевича, и послѣдній часто приходилъ къ своему двоюродному брату графу Николаю Александровичу. Такого увлекательнаго, поэтическаго человѣка, какимъ былъ Скобелевъ, трудно было встрѣтить. Свой разговоръ, особенно, если дѣло касалось отечества — Россіи, онъ пересыпалъ стихами Хомякова (котораго онъ очень любилъ и вѣчно цитировалъ) или другого русскаго поэта; онъ зналъ массу стиховъ Шиллера, Гейне... Трудно было не поддаться обаянію этого человѣка...

Политическія убѣжденія Михаила Дмитріевича были очень опредѣленны: «все для матушки Россіи и ея славы».

— Политика благодарностей и дипломатія вздоръ и только ведетъ еще къ большому кровопролитію впоследствии, — какъ-то говорилъ онъ мнѣ въ одну изъ бесѣдъ: — согласись императоръ Александръ I на предложеніе Наполеона, взять себѣ Константинополь, а ему оставить Пруссію и Германію, не было бы всѣхъ послѣдующихъ войнъ нашихъ турецкихъ, а, вѣроятно, и отечественной 1812 года. Подѣлили бы Европу, и не было бы въ виду еще и теперь войны съ нѣмцами.

Когда я спросилъ его мнѣнія на счетъ закона предопредѣленія, проведеннаго Л. Н. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», гдѣ великіе полководцы сводятся на нѣтъ, Михаилъ Дмитріевичъ пожалъ плечами и сказалъ только:

— Для меня не ясно, какъ же это вдругъ и Фридрихъ Великій нуль значитъ, и Суворовъ, и Наполеонъ? Нѣтъ, этого никогда

не будетъ: были великіе геніи и будутъ. Военная наука что ни-будь да значить.

Никогда не забуду пріѣзда М. Д. Скобелева въ Москву въ 1881 году послѣ взятія Ахаль-Теке. Народу собралось между Рязанскимъ и Николаевскимъ вокзалами не менѣе 20—25 тысячъ человѣкъ. Долго Скобелевъ не могъ проѣхать. Народъ хотѣлъ отложить лошадей въ коляскѣ и везти его на себѣ; насилу освободили его. Тѣмъ не менѣе, курьерскій поѣздъ въ Петербургъ на 15 минутъ позднѣе вышелъ изъ Москвы, ибо пассажиры не могли добраться до станціи Николаевской желѣзной дороги, въ томъ числѣ и московскій генераль-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій. Послѣдній видимо былъ недоволенъ, что ему, генераль-губернатору, да еще въ Москвѣ, толпа не давала дороги; да она и не могла дать, такъ густо стояла. Полиція никакъ не ожидала такого стеченія народа и не приняла мѣръ къ тому, чтобы удержать толпу въ сторонѣ. Уже дорогою, когда двинулся поѣздъ, Михаилъ Дмитріевичъ пошелъ повидать князя Долгорукаго, который встрѣтилъ его, какъ старый дипломатъ, словами:

— А я было шелъ къ вамъ, въ вагонъ, дорогой мой Михаилъ Дмитріевичъ, но вы меня предупредили. Какъ я радъ за мою Москву, что она сумѣла такъ васъ встрѣтить. Я искренно жалѣю, что по своему положенію не могъ быть въ толпѣ, которая васъ привѣтствовала, но за то сердцемъ я, какъ русскій, конечно, былъ среди нея... и такъ далѣе пѣлъ онъ Михаилу Дмитріевичу.

А на другой день онъ же въ Петербургѣ не утерпѣлъ сказать:

— J'ai vu hier Bonaparte revenant d'Egypte (я видѣлъ вчера Бонапарта, возвращающагося изъ Египта).

Прямо съ желѣзной дороги Михаилъ Дмитріевичъ поѣхалъ въ Петропавловскій соборъ поклониться гробницѣ императора Александра II, своего благодѣтеля, какъ называлъ его Скобелевъ.

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Петербургъ, онъ остановился у своего beau-frère'a, то-есть мужа сестры, князя Бѣлосельскаго. Съ нимъ приключился курьезный случай. Его вообще всегда преслѣдовала масса женщинъ то съ альбомами, то съ просьбами объ его фотографіи, то стихами и т. д. Какъ-то утромъ вошла къ нему молодая дѣвушка, изъ такъ называемыхъ «стриженныхъ», то-есть изъ типа коротко остриженныхъ. Она начала ему очень нервно говорить о томъ, что женихъ ея, молодой офицеръ, погибъ во время только-что кончившагося Ахаль-Текинскаго похода отъ тифа, что всѣ эти войны затѣваетъ онъ, Скобелевъ, для собственнаго тщеславія своего. Тутъ Скобелевъ перебилъ ее:

— Вы очень заблуждаетесь, по повелѣнію русскаго царя, у котораго такая сила, что по мановенію пальца милліоны солдатъ могутъ двигаться. Я же только исполнитель, солдатъ (его любимое выраженіе).

— Нѣтъ, нѣтъ, — продолжала нервная барышня: — и я себѣ дала слово, что если женихъ мой будетъ убитъ, то я васъ, какъ главнаго виновника войны, непременно убью... Да, убью, я даже купила для этого револьверъ, вотъ онъ...

И барышня вынула револьверъ.

— Ну, и что же?—спросилъ М. Д. Скобелевъ.

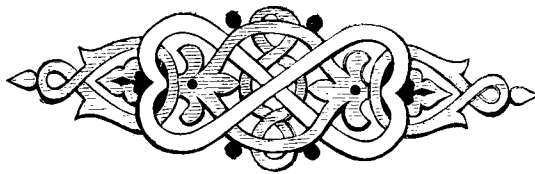
— Да вотъ, такъ какъ мой женихъ умеръ отъ болѣзни, а не убитъ, то вашей вины большой теперь ужъ нѣтъ... Я пришла сказать, что теперь въ васъ стрѣлять не стану. А то вотъ...

И она вертѣла револьверомъ предъ М. Д. Скобелевымъ.

— Очень благодаренъ за вашу откровенность; я то же буду откровененъ. Да, не шутите съ оружіемъ,—сказалъ Михаилъ Дмитриевичъ, взявъ изъ ея рукъ револьверъ: — если бы вы успѣли привести въ исполненіе свой замыселъ, то передъ смертю я все-таки успѣлъ бы сказать: какая дура, за что убила невиннаго человѣка?

Барышня очень сконфузилась и хотѣла взять обратно револьверъ, но Скобелевъ не отдалъ, сказавъ: «еще какой нибудь бѣды надѣлаете», и выпроводилъ ее.

Князь Д. Д. Оболенскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО.

ТЪ РЕДАКЦИИ. Первая половина «Воспоминаній» В. А. Полторацкаго, напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1893 году, закончилась выходомъ его въ отставку въ 1856 году. Послѣдующія за тѣмъ воспоминанія—съ 1856 по 1870 годъ—обнимаютъ періодъ его жизни въ Москвѣ, Твери и Торжкѣ, дѣятельность по земскимъ учрежденіямъ, участіе въ освобожденіи крестьянъ и время исполненія обязанностей предводителя дворянства. Этотъ періодъ, обильный множествомъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, портретовъ и характеристикъ родственниковъ, знакомыхъ и тогдашнихъ видныхъ дѣятелей, не можетъ быть напечатанъ, такъ какъ большинство лицъ, о которыхъ говоритъ Полторацкій, еще находятся въ живыхъ. По необходимости опуская эту яркую хронику помѣщицкой, дореформенной жизни недавняго прошлаго, мы, для связи съ послѣдующимъ, скажемъ только, что предводительство, въ соединеніи съ барскими затѣями и неумѣньемъ вести хозяйство на новыхъ началахъ, вызванныхъ эмансипаціей, совершенно запутали имущественныя дѣла Полторацкаго. Это обстоятельство вынудило его искать выхода во вторичномъ поступленіи на службу, для чего онъ, въ 1869 году, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, случайно встрѣтившись съ генераломъ Пистолькорсомъ, своимъ бывшимъ сослуживцемъ на Кавказѣ, онъ увлекся его разказами о Туркестанѣ и рѣшилъ ѣхать въ этотъ отдаленный, еще нестроенный край. Благодаря тому, что тогдашній туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. фонъ-Кауфманъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, лично зналъ Полторацкаго, желаніе его было встрѣчено весьма сочувственно и исполнено безъ замедленія. Съ этого новаго періода дѣятельности Полторацкаго мы и продолжаемъ извлеченія изъ его воспоминаній.

XIX.

Высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу.—Представленіе К. П. Кауфману.—Высочайшая опека и гр. П. А. Шуваловъ.—Комитетъ о раненыхъ.—Монтрезоръ.—Сборы къ отъѣзду.—Нижній, Симбирскъ, Орскъ, переваль черезъ Уральскій хребетъ.—Азія.—Степь и киргизы.—Фазаны.—Ташкентъ.—Первыя впечатлѣнія.—Почва, климатъ и растительность.—Знакомства и жизнь въ Ташкентѣ.—Пріѣздъ Друдкаго-Сокольникаго.—Тамаша.—Смерть графа Ростовцева.

Мая 15-го дня (1869 г.) состоялся высочайшій приказъ объ опредѣленіи меня вновь на службу, въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, съ чиномъ маіора, въ видѣ особой монаршей милости, такъ какъ при выходѣ въ 1856 году въ отставку я былъ капитаномъ.

Шесть недѣль спустя, 1-го іюля, на институтскомъ праздникѣ въ Петергофѣ, государь императоръ, увидѣвъ меня среди публики, всемилостивѣйше выразилъ мнѣ свое благоволеніе по случаю поступленія вновь въ военную службу и удостоилъ меня пожеланіями на этомъ знакомомъ мнѣ поприщѣ скорѣе нагнать по службѣ бывшихъ моихъ сосоварищей, увы, далеко меня опередившихъ.

На другой день послѣ высочайшаго приказа пошелъ я представляться отъѣзжающему въ Ташкентъ непосредственноу начальнику своему, К. П. Кауфману. Хотя въ воспоминаніи моемъ все еще жилъ добрый, честный и милый инженерный офицеръ пятидесятихъ годовъ на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе я сразу измѣнилъ самъ старинныя отношенія на «ты», назвавъ Константина Петровича его превосходительствомъ. Сначала онъ удивился, но тутъ же согласился съ моими доводами о неудобствѣ въ будущемъ фамиллярныхъ отношеній между ничтожнымъ маіоромъ, какъ я, и такъ высокостоявшимъ начальникомъ всего Туркестанскаго края. Разставаясь, онъ любезно разрѣшилъ мнѣ не стѣсняться отъѣздомъ и пуститься въ путь лишь по окончаніи всѣхъ дѣлъ моихъ въ Петербургѣ, при чемъ обязательно посовѣтовалъ не забывать, что Ташкентъ еще городъ бѣдный, и что надо отсюда всѣмъ заpastись, какъ-то: чаемъ, сапогами, посудой и проч.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ шли у меня важныя хлопоты о дарованіи мнѣ высочайшей опеки. Забота была не легка, но, благодаря участію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, дѣло вполне удалось намъ. Еще въ маѣ 1868 года я писалъ въ Петербургъ графу Петру Андреевичу Шувалову. Не зная по давности лѣтъ, послѣ моей съ нимъ разлуки съ Пажескаго корпуса, какъ обратиться къ нему, какъ къ шефу жандармовъ, или же какъ къ старому однокашнику, т. е. на вы или на ты, я настроилъ письмо пофранцузски и, подробно изложивъ мое положеніе, убѣдительно просилъ его ходатайства о

дарованіи мнѣ, во вниманіе ранъ и заслугъ, высочайшей надъ имѣніями нашими опеки. Обратился я къ графу Шувалову въ силу достовѣрныхъ свѣдѣній и указаній объ испытанной уже много разъ готовности его прійти на помощь бывшимъ товарищамъ по корпусу, а не безпокоилъ я своею просьбою военнаго министра, Д. А. Милютина, потому, что зналъ его взглядъ и образъ мыслей на это, въ строгомъ смыслѣ, не легальное преимущество, по случаю испрашиванія той же высочайшей милости кн. Трубецкому и Талызинымъ. Недолго спустя послѣ отправленія моего письма, я получилъ въ отвѣтъ, на французскомъ же діалектѣ, официальное извѣщеніе начальника III-го Отдѣленія (Н. В. Мезенцова), что шефъ жандармовъ соглашается на мою просьбу и приглашаетъ меня сколь возможно поспѣшнѣе представить прошеніе на высочайшее имя, адресуя оное ему, графу Шувалову, для доклада и ходатайства предъ государемъ императоромъ, до предполагаемаго отъѣзда его величества въ заграничное путешествіе. Это любезнѣйшее разрѣшеніе вопроса жизни воскресило въ насъ надежду на возможность спасти дѣтямъ хоть часть состоянія, а потому, не теряя ни минуты, я отправилъ прошеніе вмѣстѣ съ письмомъ графу Шувалову. Затѣмъ, протекли дни, недѣли, мѣсяцы. При первой же возможности оставилъ Москву, я рѣшился побывать въ Петербургѣ, за справками о ходѣ моего дѣла. Мезенцовъ направилъ меня съ этой цѣлью въ пріемный день къ графу Шувалову. Увидѣвъ меня, онъ дружески, за обѣ руки, втащилъ меня въ свой кабинетъ и, затворивъ двери, глазъ-на-глазъ энергически меня выругалъ за церемонное, не товарищеское къ нему письмо мое.

— Monsieur le comte!

— Какой я тебѣ m-g le comte? Ты мнѣ просто старый другъ Полторацкій, какъ и я для тебя Шуваловъ! Ну, теперь скажи, доволенъ ли ты мною. Все ли сдѣлано по твоему желанію?—осыпалъ онъ вопросами.

На объясненіе мое, что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, онъ потребовалъ къ себѣ начальника штаба и правителя своей канцеляріи, послѣдняго тотчасъ же отправилъ за справками въ министерство юстиціи, а меня спросилъ, надолго ли пріѣхалъ я въ Петербургъ, и рѣшилъ такъ:

— Ну, мой другъ, здѣсь тебѣ проживаться нечего! Благословляю тебя,—при чемъ широко перекрестилъ меня,—уѣзжать сегодня же къ семейству въ Москву, а я ручаюсь тебѣ нашей старой дружбой все тебѣ здѣсь устроить. Ступай же съ Богомъ!

Совершенно успокоенный, вернулся я въ Москву, но ожидаемая развязка изъ Петербурга заставила таки себя ждать. Наконецъ, 20-го декабря, вечеромъ, подають мнѣ конвертъ съ печатью III-го Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Съ трепетнымъ

ожиданіемъ счастливой вѣсти взламываю печать и читаю, что комитетъ министровъ вслѣдствіе ходатайства и проч. и проч. въ 10-й день декабря сего года постановилъ: отставному маіору Полторацкому въ просьбѣ его: «отказать». Предаваться отчаянію было некогда.

Твердое убѣжденіе, что ускользаетъ послѣдній лучъ надежды спасти дѣтямъ состояніе, двинуло насъ на рѣшительный шагъ. Черезъ сутки мы съ Софьей были уже въ дорогѣ, а еще черезъ нѣсколько часовъ она въ кабинетѣ статсъ-секретаря Корнилова, а я въ пріемной шефа жандармовъ. Но первая попытка не увѣчилась успѣхомъ. Ѳедоръ Петровичъ съ душевнымъ сожалѣніемъ сообщилъ женѣ моей, что именно сегодня утромъ государь императоръ подписью своею уже высочайше утвердилъ состоявшееся о насъ постановленіе комитета министровъ, а графа Петра Андреевича я не засталъ дома.

На слѣдующій день наступили праздники Рождества Христова, и всѣ старанія мои захватить въ теченіе цѣлой недѣли у себя графа оказались тщетными. Наконецъ, я письменно попросилъ у него аудіенціи, и на другое же утро, 31-го декабря, насъ разбудилъ жандармскій офицеръ съ приглашеніемъ мнѣ явиться къ шефу жандармовъ въ пять часовъ по полудни. Какъ только графъ вернулся въ тотъ день съ похоронъ генерала Безака, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой; слѣдуя за нимъ, я обернулся и на ключъ заперъ дверь.

— Что это значитъ?—въ недоумѣніи спросилъ Шуваловъ.

— А то, что ни ты, ни я не выйдемъ отсюда, пока ты не выслушаешь и не пообѣщаешь мнѣ опять переломить дѣло и спасти меня!—отвѣтилъ я, садясь передъ нимъ въ кресло.

Горячо и искренно заговорилъ я и въ живыхъ краскахъ, откровенно и чистосердечно излилъ ему все, что накопилось на изнывшей душѣ моей. Окончивъ я взглянулъ на Шувалова. Онъ былъ сильно тронутъ, но точно устыдась своей чувствительности, быстро отеръ глаза и рѣзкимъ движеніемъ, вскочивъ отъ стола въ менѣе освѣщенный уголъ комнаты, привлекъ меня къ себѣ и, крѣпко пожимая руку, въ волненіи сказалъ:

— Я клянусь тебѣ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, и ручаюсь еще за двухъ: за государя и за Палена, объ остальныхъ хлопочи самъ. У тебя есть голова на плечахъ, и найдутся также бабушки и тетушки, тащи ихъ! Послѣзавтра въ этотъ же самый часъ привези мнѣ собственноручное отъ тебя письмо государю. Будь въ немъ кратокъ, но силенъ и въ концѣ скажи: «да зачтется мнѣ пролитая кровь въ сраженіяхъ за право на особенную милость вашего императорскаго величества!».

При этихъ словахъ Шуваловъ сердечно меня обнялъ, и я отъ него уѣхалъ опять ободренный и счастливый.

Съ наступленіемъ новаго 1869 года начались усиленные хлопоты и тревоженія. 2-го января я отвезъ Шувалову письмо на имя государя. Онъ внимательно прочелъ его, остался имъ совершенно доволенъ и, пряча въ свой портфель, объявилъ, что вечеромъ же при докладѣ своему представить его на усмотрѣніе его величества. 3-го утромъ Шуваловъ опять вызвалъ меня къ себѣ.

— Поздравляю, милый другъ! — встрѣтилъ онъ меня. — Твое дѣло на отличной дорогѣ! Государь императоръ повелѣлъ изволилъ твое прежнее прошеніе комитету министровъ вновь пересмотрѣть, а мнѣ настоять на дарованіи тебѣ просимой милости.

— Извини меня, голубчикъ, но я такъ засидѣлся за бумагами, что безъ церемоніи при тебѣ похожу, — и при этомъ графъ быстро зашагалъ діагонально по обширному кабинету, продолжая говорить: — Послушай, Полторацкій, что я скажу тебѣ! Я не шутя желалъ бы знать такъ же твердо «Отче Нашъ», какъ государь знаетъ твоей послужной списокъ; его величество долго и очень милостиво рассказывалъ мнѣ о твоихъ отличіяхъ на Кавказѣ и въ Турціи, о ранахъ, о подвигахъ твоихъ какъ на боевомъ поприщѣ, такъ и на политическомъ въ Тверской губерніи въ должности предводителя послѣ эмансипаціи, и наконецъ изволилъ вчера выразиться: «Если подобная опека уже дана другимъ только потому, что ихъ предки Римъ спасли, то Полторацкій за свои личные заслуги имѣетъ на то несомнѣнное право!»... Мнѣ, признаюсь, стыдно было, что я и десятой доли о старомъ товарищѣ не подозревалъ изъ того, что пришлось услышать изъ устъ государя! Надѣюсь, нѣтъ, увѣренъ, что дѣло твое пройдетъ успѣшно, но помоги мнѣ и самъ, одному мнѣ неловко. Пойми, милый другъ, что у меня здѣсь много завистниковъ и недоброжелателей. Это возвращеніе теперь по высочайшей волѣ твоего прошенія для пересмотра въ комитетѣ министровъ припишутъ мнѣ и опять озлятся — на кого? Все на меня же! Этотъ au fondъ добрѣйшій старикъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и онъ навѣрняка не удержится, чтобъ въ досадѣ не сказать: «опять онъ вмѣшался не въ свое дѣло, а мы, господа, изъ-за него должны кассировать нами же опредѣленное рѣшеніе!» et ainsi de suite. Ихъ надо щадить, Полторацкій, дѣйствуй еще и другими путями!

Согласно этой инструкціи, на другой же день, я привезъ князю П. П. Гагарину очень любезное письмо отъ Т. Б. Потемкиной, и поэтому былъ имъ прекрасно принятъ и обнадеженъ, когда же въ разговорѣ я упомянулъ, что мнѣ родной дядя графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ, онъ не выдержалъ и вскрикнулъ:

— Отчего же раньше вы мнѣ объ этомъ не говорили?

Совсѣмъ тѣмъ скоро сказка сказывается, но тихо дѣло дѣлается. Вопросъ объ опеке опять затормозился въ министерствѣ графа Палена, за полное согласіе котораго съ такою увѣренностью

ручался Шуваловъ. Всякія справки, соображенія и умозаключенія этого государственнаго мужа дѣлались съ невыносимымъ педантизмомъ и медленностью. Для ускоренія требуемыхъ имъ свѣдѣній, пришлось самому кататься въ Москву, во Владиміръ, въ Тверь... Наконецъ, министерствомъ юстиціи прошеніе мое было передано въ комитетъ министровъ, и рѣшеніе его предстояло въ слѣдующее засѣданіе. Благодаря письму дяди Павла Дмитріевича Киселева князю Гагарину, присланному ему изъ Парижа, а въ особенности горячей настойчивости добрѣйшаго графа Ө. Л. Гейдена и Н. В. Мезенцова, дѣло наше выгорѣло, и высочайшая опека дарована намъ почти единогласно...

Тяжело было мнѣ все это время перебиваться съ крупными расходами трактирной жизни въ Петербургѣ, съ разбѣдами и прочими издержками, а потому, по совѣту милаго, уважаемаго кузена моего, К. Л. Монтрезора, ветерана Отечественной войны (бывшаго въ Бородинскомъ сраженіи адъютантомъ безсмертнаго Кутузова) и члена Александровскаго комитета о раненыхъ, я подалъ туда прошеніе о пенсіи. Дѣло въ томъ, что однажды за обѣдомъ у Монтрезора хозяинъ, сообщая мнѣ о слышанныхъ имъ разказахъ о моей личности и разныхъ подвигахъ на Кавказѣ отъ почтеннѣйшаго собрата его по комитету, Викентія Михайловича Козловскаго, коснулся вопроса о моихъ ранахъ, а также о размѣрѣ получаемой мною пенсіи. Отвѣтъ мой, что я, хотя и раненый три раза по 2-му и разъ по 3-му разряду, состою подъ покровительствомъ комитета, но, кромѣ пенсіи изъ Капитула орденовъ по Георгіевскому кресту, пока еще ничего не получалъ, вызвалъ удивленіе Карла Лукьяновича, и онъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно подать прошеніе въ комитетъ, обѣщая при этомъ, что слѣдующее по ранамъ моимъ въ штабъ-капитанскомъ чинѣ 430 рублей ежегодной пенсіи, по оплошности не получаемые мною въ теченіе 15-ти лѣтъ, съ Чолокского сраженія, если не всѣ полностью, то въ значительномъ размѣрѣ должны теперь быть выданы мнѣ комитетомъ о раненыхъ. Очень довольный предстоящей мнѣ денежною поддержкой, я подалъ прошеніе и уже строилъ планы на счетъ причитающейся мнѣ суммы, до 6.500 рублей, когда пришлось испытать горькое разочарованіе. Комитетъ о раненыхъ, строго примѣняя къ своимъ законамъ правило: «что съ воза упало, то пропало», опредѣлили къ выдачѣ мнѣ, какъ единовременнаго пособія, вмѣсто 6.500 рублей, всего 40!!!

Какъ бы то ни было, усвоенный относительно дѣлъ моихъ высочайшей опекой, предсѣдателемъ которой былъ выбранъ князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій ¹⁾, я рѣшился наконецъ разстаться съ близкими. Возвращаясь къ бѣглому взгляду на все пережитое

¹⁾ Родной дядя жены моей С. Д. по матери.

въ эти четырнадцать лѣтъ, я, положи руку на сердце, долженъ признаться, что въ тѣ, увы, минувшія времена, когда Провидѣнію угодно было баловать меня силой, здоровьемъ, способностями, состояніемъ и неподобнѣйшимъ сердцемъ, всецѣло мнѣ принадлежавшимъ, милой жены моей, — съ своей стороны я часто злоупотреблялъ этими безцѣнными дарами изъ-за удовлетворенія пустѣйшихъ чувствъ самолюбія, тщеславія и необдуманнаго стремленія къ первенству во всемъ, во всемъ безъ исключенія, будь оно на волчьей облавѣ, за шумнымъ обѣдомъ или въ заманчивомъ будуарѣ женщины...

Судьба мнѣ улыбалась, щедрою рукою даровавъ все для полнаго благополучія. Роскошная обстановка дома, отличное содержаніе кухни, погреба, оранжереи, охоты и все прочее возбуждали удивленіе и восторженныя похвалы посѣтителей, а за глаза ихъ завясть и часто порицаніе. За радужный пріемъ они тутъ же, за спиною, подсмѣивались надъ моею расточительностью. Но эти картины довольства, счастья, свѣтлыхъ надеждъ на будущее смѣнились быстро разочарованіемъ, потерей состоянія, упадкомъ силъ и угрызёніями совѣсти, и вотъ я уже не вольный казакъ пятидесятихъ годовъ, не безпечный сорви-голова юноша, безъ всякихъ заботъ и отвѣтственности передъ Богомъ и людьми, а семьянинъ, на рукахъ котораго жена и трое дѣтей, я снова надѣваю мундиръ и, желая искупить свое легкомысліе, бросаю въ вторично въ море неопредѣленныхъ тревогъ и случайностей.

Безконечно длинное путешествіе въ Ташкентъ, тогда еще мало извѣстный и гдѣ, по общему говору, царствовала непроходимая скука и бездѣйствіе, отдаленность его, неопредѣленность всѣхъ потребностей жизни, а главное медленность сообщеній, ужасали многихъ. Я, конечно, не былъ исключеніемъ, но въ своемъ усердіи не попасть въ просакъ и всѣмъ обзавестись черезчуръ ужъ пересолил. Много денегъ оставилъ я въ магазинахъ Кумберга и Крюгеръ-Казъ, такъ какъ, по словамъ также Пистолькорса, съ которымъ я не разъ встрѣчался зимой въ Петербургѣ, цѣны въ то время на необходимые продукты стояли въ Ташкентѣ очень высокія, а зачастую трудно было достать и самое насущное.

Два ящика съ посудой, десять паръ различныхъ сапогъ Лаубе и 15 тысячъ папирозъ Лаферма — составляли уже кладъ изряднаго объема и вѣса, а еще бѣлье, платье и всякая всячина. Соня ѣздила, хлопотала, кроила, шила, мѣтила и все придумывала: это нужно, это необходимо, безъ этого нельзя. Мальчуганы тоже суетились, съ любопытствомъ все разглядывали, за все хватались и, конечно, думали, что очень помогали дѣлу. Картина сборовъ, укладки и укупорки дѣлала, однако, тяжелое впечатлѣніе, и я торопился, помня пословицу: «дальніе проводы — лишніе слезы».

Старый мой знакомецъ и вѣрный слуга Вавило Панфиловичъ

опять былъ со мною, изъявляя горячее желаніе ѣхать туда, гдѣ свѣтъ забить досками. Не забылъ я приобрести и кровного, хотя не молодого, бѣлаго понтера Анонса, наслушавшись разсказовъ бывалыхъ людей, что въ Туркестанѣ бездна дичи...

Вопросъ объ экипажѣ былъ рѣшенъ мною довольно легкомысленно. Дѣло въ томъ, что за новый тарантасъ, правда хорошій, прочный и даже изящной казанской работы, въ каретномъ ряду просили 450 рублей, и въ то же время у меня была карета, совсѣмъ почти неѣзженная. Взвѣсивъ все за и противъ, я окончателно рѣшился пуститься въ этой каретѣ и отдать ее для надлежащаго приспособленія по дорожному положенію, т. е. для устройства важъ, баула, задняго ящика, высокаго фонаря, сидѣнья Вавилы, зимнихъ полозковъ подъ колеса и обивки веревкой рессоръ — все это за 180 рублей. Дядя и другіе возстали, силясь доказать мнѣ, что карета потребуетъ лишнихъ почтовыхъ лошадей, и слѣдовательно путешествіе обойдется дороже, а мнѣ казалось яснымъ, какъ Божій день, что въ степяхъ не было никакого риска ѣхать въ рессорномъ, хорошей сборки экипажѣ. Рѣшено. 7-го февраля, отправивъ впередъ карету, Вавилу и Анонса, я выѣхалъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ въ Нижній. По обыкновенію, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ и препятствій съ первой же станціи мы стали опаздывать. Прибывъ въ Нижній «съ опозданіемъ», я къ моему неудовольствію узналъ, что ни кареты, ни Вавилы еще не было, но что въ двухъ верстахъ отъ города устроена гостинница съ почтовымъ отдѣленіемъ, гдѣ можно было имѣть лошадей. На слѣдующій день я радовался уже свѣдѣніямъ, что дорога — только кати: гладкая, ровная, безъ ухабовъ, — какъ подошелъ ко мнѣ оберъ-кондукторъ товарнаго поѣзда и объявилъ, что карета прибыла, но что человѣкъ мой при смерти и на рукахъ перенесенъ изъ вагона ночью въ сосѣдніе номера жалкой гостинницы. Я бросился вмѣстѣ съ нимъ въ номеръ, гдѣ лежалъ Вавила. Лицо его измѣнилось, оно было почти черное; конвульсіи и колики довели его до того, что я засталъ его почти въ безсознательномъ состояніи. Послать за докторомъ, влить въ Вавилу разныхъ снадобій, поставить банки — было дѣломъ одного часа. Собака лежала у ногъ его, но карета со всѣмъ имуществомъ моимъ была оставлена на платформѣ. Я поспѣшилъ къ ней, велѣлъ снять съ вагона и перевезъ на дворъ гостинницы, съ выѣской «вхоть втрахиръ», гдѣ лежалъ мой больной, и самъ рядомъ съ нимъ занялъ коморку.

Немного успокоившись насчетъ болѣзни Вавилы, я встрѣтилъ новую заботу.

На дебаркадерѣ мнѣ сказали, что дорога прекрасная, въ гостинницѣ — что дорога плоха, а на почтовой станціи староста съ хоромъ ямщиковъ присудили сразу, что дорога непроходимая, и ѣхать въ каретѣ на полозкахъ, да къ тому же съ дышломъ, совершенно

невозможно. Растерянный и разстроенный выслушивалъ я о дорогѣ разнорѣчивыя показанія и совѣты. Одни говорили: «ступайте по Волгѣ, на Казань» (около 250 в. крюка), другіе: «бросьте карету, возьмите сани»; третьи: «подождите пароходства», и наконецъ четвертые: «попытайте прямо на Симбирскъ». Послѣдній совѣтъ мнѣ болѣе другихъ понравился, и я прописалъ подорожную свою по направленію на городъ Арзамасъ. Вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что ѣхать въ каретѣ невозможно, я все-таки въ первый же день сдѣлалъ 62 версты и поѣхалъ бы далѣе въ тотъ же день, если бы не слабое состояніе Вавилы. Правда, карета моя двигалась, какъ лодка въ бурную погоду. Она опускалась и быстро поднималась, ныряла и стонала во всѣхъ составахъ. На первомъ же переѣздѣ сломалось дышло, его связали; а на станціи нашлось другое, которое добрые мужички уступили (и то только для барина) за 6 рублей. Почевалъ я въ крошечной, жарко натопленной комнатѣ, въ двѣ квадратныя сажени; въ аршинѣ отъ меня храпѣли Анонсъ и Вавила, а рядомъ, за тонкой перегородкой, помѣстилось другое проѣзжее семейство. Отецъ чиновникъ ѣхалъ въ Ташкентъ изъ Шуи съ женою и тремя дѣтьми, меньшей у груди матери, въ открытыхъ саняхъ при 16-ти градусахъ мороза. Дорога до станціи Богоявленской была отчаянная. Я бы помирился съ ухабами, если бы только противъ нихъ не возмутилась карета. Мѣстность открытая, пріятная для глазъ, дорога почтовая, широкая и обнесенная съ обѣихъ сторонъ аллеями изъ столѣтнихъ березъ; видъ ихъ и цѣль замѣнять вѣшки зимою прекрасны, но березы эти такъ разрослись, что въ тѣхъ не рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ зимняя дорога была наѣзжена между боковыми аллеями, не было возможности пробраться въ высокому экипажѣ; снизу ухабы, а сверху сучья тормозили движеніе.

Въ Арзамасѣ опять починка кареты, а отъ города Лукьянова смотритель увѣрилъ меня, что дорога ужасная, горы громадныя, и что менѣе девяти лошадей кареты не вывезутъ; поэтому ночью онъ меня не пустилъ, а на другой день чуть свѣтъ впрягъ четырехъ лошадей къ дышлу, трехъ съ первымъ фореиторомъ, двухъ со вторымъ. Поскакали по горамъ и доламъ до станціи. Тутъ повтореніе той же исторіи: «перегонъ 29 верстъ, крутыя горы и проч., шестерикъ не вывезетъ, прикажите запрячь 9 лошадей». Второй разъ согласился, но на третьей станціи: «нѣтъ, милые друзья, платить за 9 лошадей не приходится». «Такъ позвольте мы бесплатно припряжемъ троечку». «Это сколько угодно, хоть 20, мнѣ дѣла нѣтъ, но плачу только за 6». Съ тѣхъ поръ четыре станціи, очень важно съ двумя фореиторами, съ гикомъ, крикомъ и громаднымъ эффектомъ катили мы во весь махъ, безостановочно.

Чѣмъ болѣе ухабовъ, тѣмъ скорѣе скакали, и нерѣдко фореиторы летѣли черезъ голову въ рыхлый снѣгъ и вскакивали вновь

съ хохотомъ. Крикъ ихъ на всемъ скаку напоминалъ порсканье въ былыя времена Матюшекъ и Петрушекъ...

По милости этой величественной упряжи экипажъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Не успѣвъ на станціи остановиться карета, какъ бѣжить народъ смотрѣть и ахать, особенно же молодое поколѣніе.

Дорога пошла сноснѣе, снѣгу меньше; Вавилъ было лучше, хотя онъ очень страдалъ и измѣнился донельзя, впадъ въ совершенную слабость: староста съ ямщиками на каждой станціи его на рукахъ сажали на козлы; у него не доставало силъ даже сморкаться, почему онъ на пути поручалъ это отправленіе своему сосѣду-ямщику. Изъ кареты черезъ переднее окно я самъ любовался этой процедурой сморканья. Но чему я не только удивлялся, а понять не могъ,—это рессорамъ кареты. Сначала я за нихъ дрожалъ и на каждомъ ухабѣ высывался изъ окна, кричалъ, усовѣщевалъ, просилъ осторожности. Но потомъ я махнулъ рукой, и ямщики съ ихъ юными форейторами скакали сломя голову, а рессоры только стонали, гнулись, но не лопались. Вездѣ на станціяхъ меня по милости кареты и форейтора принимали за генерала, а главное, чиновникъ съ семействомъ, путешествовавшій впереди меня въ Ташкентъ, почему-то всѣхъ зрителей предупреждалъ о моемъ проѣздѣ. Такимъ образомъ я путешествовалъ даже съ курьеромъ, но бесплатнымъ.

При вѣздѣ въ Симбирскъ меня встрѣтилъ губернаторъ. Не шутя, Еремѣевъ съ Давыдовымъ (Серг. Льв., флиг.-адъют.) случайно встрѣтили меня, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія. Еремѣевъ очень сожалѣлъ, что не могъ пригласить меня къ себѣ, такъ какъ у него въ домѣ хаосъ, семейства здѣсь нѣтъ, и онъ все только приводитъ въ порядокъ. Остановился я въ гостинницѣ Андреева, выспался на славу, постель хорошая, чистая, мягкая, клоповъ нѣтъ, ни жарко, ни холодно и не шумно... всѣ условія, чтобы вполне отдохнуть и набраться силъ. Обѣдалъ у Еремѣева. Домъ громадный, кабинетъ министерскій, а сколько властей у него за утро перебывало!

Изъ Симбирска, послѣ разныхъ злоключеній съ несчастной каретой, добрался я до Оренбурга. На столбѣ значилось: отъ Москвы 1525 верстъ. Дядя при моемъ отъѣздѣ все повторялъ: «главное тебѣ добраться до Оренбурга!». Я добрался, наконецъ, и по мнѣнію его совершилъ главное, но по мнѣнію другихъ, увы, я проигралъ одну лишь прелюдію, самая же пьеса со всѣми вариантами и трелями еще впереди. Какъ бы ни былъ далекъ и плохъ городъ Оренбургъ, но по географическому своему праву онъ городъ еще европейскій, а настоящая-то Азія еще не была достигнута. Узналъ я, что изъ Оренбурга ходитъ почта петербургская три раза, а изъ Ташкента одинъ разъ въ недѣлю. По неволѣ при этомъ письма

будутъ полновѣсныя, то-есть, рѣдкія, да мѣткія! Про предстоящій путь мой собранныя свѣдѣнія опять противорѣчили одно другому и если въ чемъ сходились, то только въ одномъ: «Смотрите, тамъ въ мартѣ тронутся всѣ рѣки». Знаю, друзья мои, но что же мнѣ дѣлать? Безъ собственнаго какого ни на есть экипажа пускаться въ степь было немислимо. Курьеры и тѣ даже покупали здѣсь тарантасы или повозки, такъ какъ перекладныхъ въ киргизскихъ степяхъ не полагалось, а въ то время года (февраля 21-го) было еще большее затрудненіе, такъ какъ никто не зналъ, до какого пункта лежалъ снѣгъ. Одни говорили, что санный путь до Орска, другіе до Уральскаго укрѣпленія и проч., но тутъ же прибавляли, что все это было вчера, а будетъ ли еще завтра, никто не поручится. Разказы вообще были грустны и забавны. Говорили, напримеръ, что многіе почтосодержатели изъ туземцевъ, нарушивъ контракты, безъ церемоніи бѣжали съ занятыхъ ими пунктовъ, и проѣзжіи горько ошибался въ ожиданіи на смѣну свѣжихъ лошадей, подѣзжая къ станціи, означенной на маршрутѣ. Станція, то-есть мазанка, стоитъ, но лошадей и слѣдъ простыль. Курьерамъ случалось на этихъ станціяхъ сидѣть по нѣскольکو сутокъ, слѣдовательно, прочимъ проѣзжимъ и Богъ велѣлъ. Итакъ, главный вопросъ скорѣй добратся до Ташкента. Дорога рушилась не по днямъ, а по часамъ, и затрудненій предстояла бездна. Одно я сдѣлалъ весьма дѣльное, это взявъ въ проводники, находившагося въ отпуску въ Оренбургѣ, стараго туркестанскаго солдата изъ Ташкента, куда и слѣдовало ему возвращаться; онъ зналъ нравы, обычаи и языкъ степныхъ жителей, а это условіе было первой важности. Приобрѣлъ подержанный тарантасикъ за 38 рублей, рѣшилъ перемѣстить туда часть вещей изъ кареты, посадить Захарова (фамилія солдата) и такимъ образомъ двигаться дальше. Въ ожиданіи пошелъ осматривать Оренбургъ.

По улицамъ шныряли извозчики-татары, нескладные казаки-уральцы, безобразные бухарцы и на верблюдахъ уродливо-скуластые киргизы. Верблюдовъ здѣсь уже много, съ жалкими физиономіями и вытянутыми грязными шеями, они шлепаютъ мѣрно и монотонно подъ тяжестью огромныхъ вьюковъ и неграціозныхъ сѣдоковъ. Климатъ здѣсь отвратительный. Лѣтомъ до 35 градусовъ въ тѣни, въ 7 часовъ вечера солнце еще палитъ и духота, въ 8 часовъ сыро, а въ 10 часовъ ночи холодно, и бьетъ лихорадка. Въ февралѣ оттепели, а въ мартѣ страшные бураны заносятъ въ степи людей и животныхъ. Постоянно же дуетъ рѣзкій вѣтеръ, очень вредный для глазъ, и всѣ почти страдаютъ здѣсь этой болѣзью. Не хотѣлъ бы я служить, а еще менѣе проживать въ этомъ несимпатичномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни прелести природы, ни климата, ни людей. Интригъ же, гадостей и злоупотребленій, говорятъ, была тѣма тьмуца. Близкое сосѣдство и непрерывныя сно-

шенія съ народомъ первобытной еще дикости и варварства какъ-то съ непривычки тягостно вліяютъ на свѣжаго человѣка. Здѣсь не встрѣтишь джентльмена съ Невскаго, не увидишь и бородатаго мужика коломенскаго. Не то Россія, не то Азія! И воздухъ не то сѣверно-холодный, не то южно-теплый, а какой-то средній, гнилой, предательскій. Не былъ я однимъ словомъ очарованъ Оренбургскимъ краемъ...

Возмущало же меня болѣе всего оборванное одѣяніе жителей, ихъ неопрятность и вялость.

Чичероне мой потребовалъ покупки мѣднаго чайника (самовара за неимѣніемъ на всемъ протяженіи угля ставить было нельзя), топора, ведра, веревокъ и прочихъ походныхъ принадлежностей, сверхъ того, запаса сухарей, крупы, сахару. Въ степи встрѣчались, впрочемъ, оазисы въ видѣ укрѣпленій, но тамъ скорѣе отнимутъ, чѣмъ снабдятъ необходимыми провѣзжую братію.

Проживъ пять длинныхъ дней въ противномъ Оренбургѣ, я тащился въ Орскъ (265 верстъ) оттуда болѣе трехъ сутокъ. Какихъ не было со мною въ дорогѣ приключеній? Здѣсь снѣгъ, тутъ грязь. Снимай зимніе полозья, привязывай ихъ опять. То катишь на саняхъ, то на колесахъ. Зажоры въ особенности много разъ грозили бѣдствіями. Одну ночь съ 6 часовъ вечера до 10 часовъ утра я провелъ въ одной изъ нихъ. Вечеромъ, выѣхавъ со станціи Хабаровки, на 7-й верстѣ карету засадили въ зажоръ, среди узкаго ущелья, по которому лежитъ подъемная дорога на вершину Уральскаго хребта; полозья глубоко врѣзались въ рыхлый снѣгъ и шесть лошадей никакъ не могли тронуть съ мѣста. Бились часа два-три, а тѣмъ временемъ съ наступленіемъ ночи стало стыть, снѣгъ стаяло, и наконецъ полозья совсѣмъ замерзли въ зажорѣ. Послали обратно на станцію за помощью, а въ это время разбушевалась мятель и вьюга. Всю ночь мы въ каретѣ просидѣли съ Вавилой въ пріятныхъ разговорахъ о прелестяхъ Гумберлинскаго ущелья, гдѣ кругомъ свистѣлъ порывистый вѣтеръ, а неподалеку завывали волки. Анонсъ сначала храбрился и ворчалъ, но вскорѣ, поджавъ хвостъ, замолкъ, всю ночь не спалъ и скромно жался къ ногамъ съ открытыми глазами. Мы зажгли въ каретѣ фонари наружные и внутренніе и ради ободренія себя и почтовыхъ лошадей каждая десять минутъ черезъ окна стрѣляли изъ револьвера.

Передъ разсвѣтомъ явился со станціи секурсъ, человѣкъ 12 съ дрючками и топорами. Взялись они дружно съ крикомъ и гикомъ, — не тутъ-то было, ни съ мѣста! Еще потребовали людей и лошадей, а время шло, да шло. Только къ 10 часамъ утра прибыла цѣлая орда ямщиковъ, пѣшаго народа и уральскихъ казаковъ. Почтовыхъ лошадей, кромѣ моего шестерика, припрягли еще восемь, топорами обрубили замерзшій кругомъ полозьевъ снѣгъ; къ вагамъ подвязали лямки, за которыя схватились конные казаки, а всю карету кру-

гомъ облѣпили пѣшіе люди. Разомъ гаркнули «съ Богомъ, трогай!» и съ гикомъ буквально на рукахъ вынесли карету изъ преисподней на гору. Не останавливаясь и не переводя духу, уральцы не переставали свирѣпо кричать и безпощадно хлестать лошадей, пока весь поѣздъ не достигъ высшей точки Уральскаго хребта. Здѣсь получивъ отъ меня хорошую на водку, они, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, потянулись обратно, а мы рысцой тронулись впередъ по отлоному подъему. Проѣхавъ версты двѣ, вдругъ: стой, равняйся! «Что опять случилось, Вавила?» — «Ничего, только здѣсь снѣга нѣтъ, извольте взглянуть!» Я высунулся въ окно кареты, и моимъ глазамъ представилось дивное явленіе. Сзади насъ на сѣверъ все было бѣло, покрыто снѣгомъ, а впереди на югъ ни снѣжинки, сухая лѣтняя дорога, пыль и по склону въ Азію все уже зеленѣло. Одна черта по вершинѣ Уральскихъ горъ рѣзко отдѣлила зиму отъ весны. Съ полчаса простояли мы здѣсь, пока ямщики вырубали большой стягъ, сняли полозья, открутили колесныя втулки, подмазали, закрутили гайки и маршъ-маршъ, высоко за нами поднимая пыль, поскакали на станцію...

Прощайте зазоры, снѣга, морозы и вьюги! Прощай, Европа! Мы уже были въ Азіи, въ Киргизіи, въ привольной безконечной степи!..

Не обошлось по дорогѣ безъ встрѣчъ и новыхъ знакомствъ. Въ Оренбургѣ представился мнѣ родственникъ мой И. М. Полторацкій, изъ Торжка, очутившійся здѣсь за тридцать земель на службѣ, потомъ живой, талантливый, не глупый Владиміръ Князевъ. Онъ долженъ былъ быть раньше моимъ попутчикомъ, но опередилъ меня и служилъ уже здѣсь чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Онъ очень забавно рассказывалъ все съ нимъ приключенія съ выѣзда его изъ Петербурга и смѣшилъ меня до слезъ. Изъ новостей здѣшнихъ тайно мнѣ сообщили, что идутъ приготовленія къ экспедиціи въ Хиву, со стороны Ташкента и Оренбурга. На одной изъ станцій къ Орску встрѣтился я съ веселымъ, живымъ французомъ, Петица. Онъ ѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ и черезъ три мѣсяца обратно. Петица былъ пріятелемъ покойнаго брата Алексѣя ¹⁾ и въ полчаса времени успѣлъ рассказать мнѣ чудеса про новую нашу резиденцію. Тамъ были собранія, балы, *spectacles de société!* Это-то дикій, азіатскій вновь завоеванный городъ, какъ Ташкентъ! По словамъ его, дороги предстояло еще дней 25, благодарю! Погода стояла сѣрая и туманная, но по ночамъ, къ счастью, морозило. Ъхать слѣдовало безотлагательно, но опять карета потребовала лѣкарства; она, моя голубушка, порядочно вѣхала въ карманъ мой. Въ Орскъ, гдѣ предстояло опять чинить ее, ввезли меня вечеромъ, въ седьмомъ часу, а въ комнату впустили только въ девятомъ; все было пере-

¹⁾ Убитаго на дуели Н. А. Мамоновымъ.

полнено проѣзжающими; пришлось обратиться къ полиціи съ требованіемъ отвода квартиры, что и было черезъ два часа только исполнено въ одномъ почтенномъ казачьемъ семействѣ. Орскъ—бѣдный, жалкій и очень грязный уголокъ земнаго шара. Странно даже было видѣть подобный уѣздный городъ, въ которомъ къ тому же и крѣпость. Но наконецъ черезъ двое сутокъ на карету прилѣпили всевозможные пластыри, затагнули всѣ раны ея, и я двинулся дальше въ эту песчаную пустыню, таинственную Каракумскую степь.

Марта 7-го я уже былъ въ 2.208 верстахъ отъ Москвы въ укрѣпленіи Уральскомъ, сдѣлавъ Киргизскою степью около 400 верстъ, что, клянусь богами, не бездѣлица. О снѣгѣ не было и помина, земля не только протаяла, но подымалась пыль столбомъ. Пришлось достать лѣтнее пальто. На встрѣчу летѣли мнѣ всѣ птицы юга, а когда въ пескахъ стали лошади, и я съ ружьемъ подошелъ къ ближайшему озеру, то миллионы, *c'est le mot*, дикихъ утокъ, подвели Анонса подъ сильныя плети. Странствованіе въ степи требуетъ подробнаго описанія: это цѣлая поэма! Съ одной стороны—просторъ, необходимый широкимъ натурамъ, свобода, чистый воздухъ, необъятное пространство на всѣ четыре стороны, сливающиеся съ дальнимъ горизонтомъ, съ другой—всѣ неисчерпаемыя неудобства страны дикой, не культурной, а кочевой, гдѣ первобытность обитателей еще не подавилась сосѣдствомъ, съ двухъ сторонъ, нашихъ владѣній. Киргизы, вѣчно кочующіе въ степяхъ и по праву считающіе себя ихъ владѣльцами, народъ ниже всякой критики; жадный, корыстолюбивый, вялый, а пуще всего грязный, грязный до омерзѣнія.

Какъ бы ни привыкалъ человѣкъ къ необходимому подчиненію себя лишеніямъ и неудобствамъ въ путешествіи, но нельзя пріучить себя хладнокровно переносить жилища киргизовъ и станціи, ими содержимыя. Проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ степью, чувствуешь особенную отраду при встрѣчѣ другаго мученика-путешественника, а въ особенности при видѣ всякаго осѣдлага жилья, хотя бы крѣпощенки, какъ Уральское.

Въ Казалѣ смотритель сразилъ меня извѣстіемъ, что Сыръ-Дарья, прошедшая тому три дня, совершенно залила дорогу до первой, по пути къ Ташкенту, станціи, и что проѣзда нѣтъ никакого.

Не впервые приходилось мнѣ слышать сужденія о невозможности того и другаго, и опровергать и фактически доказывать противное. Здѣсь нельзя было примѣнить выраженіе Калхаса «невозможное—невозможно!». Наперекоръ всему, однако, всѣ эти препятствія оказывались возможными, и я явился сюда не оборванцемъ и не пѣшкомъ, а очень прилично въѣхалъ въ каретѣ, которая окончательно закалилась въ бою съ преградами и послушно

катилась по снѣгу, грязи и наконецъ по пыли Киргизской степи. И вотъ послѣ 10-ти-дневнаго путешествія посреди моря песку и разнообразныхъ мученій опять увидѣлъ я крышу, потолокъ, столъ и стулъ. Посланный же мною хозяинъ квартиры вернулся съ докладомъ, что два казака только что прїѣхали изъ Ташкента, и что дорога хотя мѣстами плоха, но ѣхать возможно, слѣдовательно гдѣ пробрались два казака, конечно, пролѣзетъ и одинъ куринецъ. И дѣйствительно, первую станцію до Баскары я одолѣвалъ до поздняго вечера, а на другой день осилилъ еще двѣ и къ ночи дотащился до форта № 2, Кармакчи. Здѣсь я оставилъ Вавилу съ каретой, а самъ съ Захаровымъ и Аносомъ переправился въ тарантасѣ черезъ Сыръ-Дарью на паромѣ къ станціи Складъ-Саксаулъ, славящейся обиліемъ дичи. Но еще раньше этой станціи обновилъ я ружье свое. Проѣзжая близехонько мимо безчисленныхъ озеръ, я не выдерживалъ, останавливался и, схвативъ ружье, съ Аносомъ бросался къ берегу. Бездна плавающихъ на плесѣ утокъ даже собаку удивляла и, растерянная, она взирала на нихъ съ видимымъ недоумѣніемъ. Но не однѣ утки оказались здѣсь, а гуси, лебеди, кулики и проч. Порода мѣстныхъ утокъ въ Россіи неизвѣстна вовсе; на вкусъ онѣ прекрасны, а, быть можетъ, нравились мнѣ и потому, что голодь вѣдь не тетка! Убилъ также здѣсь изъ-подъ Аноса пару сѣрыхъ куропатокъ, но не русскихъ сѣрыхъ, а особенныхъ, степныхъ. Это тѣмъ болѣе было мнѣ праздникомъ, что всѣ путевые запасы почти истощились, но теперь вообще это мнѣ меня пугало. Давно ли Кауфманъ и Пистолькорсъ совѣтовали мнѣ заpastись всѣмъ возможнымъ, отъ стакана до стеариновой свѣчки? Что же вышло?

Въ ихъ отсутствіе одинъ богачъ-купецъ (фамиліи не помню) привезъ всякаго товару на два милліона, за поясъ заткнувъ Хлудова, и въ Ташкентѣ явилось не только все необходимое, но даже и предметы роскоши и комфорта, по цѣнѣ ниже оренбургской. Чай изъ Москвы хорошій — 2 р. 50 к., сахаръ и стеариновыя свѣчи по 35 к. за фунтъ, водка добывалась на трехъ открытыхъ близъ Ташкента винокуренныхъ заводахъ. Вино—изъ погреба Дёпре и т. д. Туалеты барынь великолѣпны. Вездѣ сады съ фонтанами ключевой воды, вездѣ тѣнь и прохлада. Вотъ рассказы всѣхъ встрѣчныхъ тогда изъ Ташкента.

Tout ça est bel et bon! Но пока доберешься туда, трудно себя представить, чему подвергался на каждомъ шагу злополучный путешественникъ по этому отдаленному уголку Россіи? Перемены рѣзкія здѣсь не одного климата. Мѣстные жители киргизы заставляли меня забывать, что я въ предѣлахъ отечества. Нравы, обычаи, порядки и нарѣчія странны, дики и звѣрски. Какихъ только сценъ не былъ я свидѣтелемъ! Киргизы очень мало понимали, а тѣмъ болѣе говорили порусски; если же и выражались на на-

шемъ языкѣ, то смѣшно и оригинально. Такъ, напримѣръ, на всѣхъ станціяхъ они называли мою карету «старая арба», а тарантасъ «молодая арба». Познакомился и вкусилъ я тутъ удовольствія ѣздить на верблюдахъ. Вотъ картина: къ дышлу кареты запрягаютъ пару очень маленькихъ киргизскихъ лошадей, невзрачныхъ и тощихъ, которыя приводятся по прибытіи на станцію проѣзжаго изъ степи, гдѣ питаются онѣ зимой и лѣтомъ подножнымъ кормомъ, т. е. какою-то колючкой. Къ этимъ двумъ клячамъ припрягаютъ съ боковъ пристяжныхъ и спереди уносныхъ верблюдовъ, высокихъ, длинныхъ, громоздкихъ, но одинаково тощихъ. Передній ѣздовой-форейторъ взлѣзаетъ на громаднѣйшее сѣдло, покрывающее чуть ли не все туловище верблюда, не иначе, какъ положивъ животное на землю, и на высотѣ своего положенія находится, кажется, ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ. «Старая арба готова!» — сѣли и съ мѣста трогались при громкихъ крикахъ не только возчиковъ и всѣхъ ямщиковъ киргизовъ, но даже постороннихъ. Этого требовалъ обычай. Нельзя достаточно описать киргизскаго крика на верблюдахъ. Тутъ гикъ чеченцевъ, вой шакаловъ, лай собакъ, а дѣйствіе этого гама самое спасительное. Животныя боятся его гораздо болѣе кнута и нагаекъ. Согласовать аллюры этихъ разнородныхъ животныхъ очень трудно; иногда лошади бросаются быстрѣе верблюдовъ, а случается и вторымъ обѣгать клячъ. {Разъ на парѣ лошадей и четырехъ верблюдахъ станцію въ 17 верстъ, очень песчаную къ тому же, я сдѣлалъ въ 1¹/₄ часа. Другой разъ такая же сила волочила меня по совершенно ровной дорогѣ и твердому грунту 15 верстъ почти пять часовъ. За 5—6 верстъ до станціи истощенныя животныя обыкновенно останавливались въ полномъ изнеможеніи. Что дѣлать? Посылать на станцію, ловить свѣжихъ лошадей или верблюдовъ? Нисколько! Здѣсь обычай иной. Бѣдутъ верхомъ вдаль, чуть видно на горизонтѣ, два всадника. Ямщики-киргизы начинаютъ во всю глотку пронзительно кричать. Смотришь, оба всадника стремглавъ несутся къ намъ и безъ дальнихъ объясненій, разговоровъ и просьбъ, безцеремонно впрягаются въ карету веревками отъ хвостовъ лошадей своихъ къ вагѣ. И вотъ съ новымъ гикомъ и крикомъ экипажъ трогается опять и довозится до самой станціи двумя верховыми у дышла, которые тутъ же получаютъ отъ меня добавочныя поверстныя, т. е. по 9 копеекъ съ версты.

Первую станцію отъ Уральскаго укрѣпленія мы искали въ степи битыхъ четыре часа и наткнулись на нее только по счастливой случайности; изъ укрѣпленія мы выѣхали утромъ, и къ ночи только открылось таинственное помѣщеніе станціи, которая, никоимъ образомъ не предупредивъ, изволила перекочевать за 20 верстъ въ сторону. Все это могло удивлять насъ, но не туземцевъ. Это, по ихъ мнѣнію, было совершенно въ порядкѣ вещей: «Лоша все ку-

шалъ здѣсь,—гайда другое мѣсто!» На дѣлѣ же, смотришь, вмѣсто 16-ти верстѣ по маршруту сдѣлаешь ту же станцію верстѣ 40, но какъ? Безъ дороги, безъ всякихъ признаковъ колеи—чистою степью. Но вотъ радостно взвиль ямщикъ. Пріѣхали. «Но гдѣ же станція?» «А вотъ санцій!»

И «санцій» эту представляетъ огонекъ, окруженный ширмами изъ камыша, и ничего болѣе! Экипажей, даже перекладной, не полагалось, а лошади—онѣ въ степи, далеко, иногда за десять и болѣе верстѣ отъ станціи. Киргизъ вскакиваетъ на выпряженную лошадь, а чаще всего пѣшкомъ, и исчезаетъ на горизонтѣ. Ждешь часа два, иногда три, и вотъ раздаются приближающіеся крики, и несется къ вамъ во весь духъ табунъ дикихъ лошадей съ ямщиками-киргизами. Здѣсь начиналась усиленная суета. Съ бранью и отчаяннымъ крикомъ, около огня, ихъ ловятъ на арканы, и какая попалась, первая влечется къ дышлу, безъ соображеній, ходила ли она прежде въ этой упряжи, или нѣтъ. Изъ 6 лошадей, попавшихъ въ карету, считаются обязательными хомуты на двухъ дышловыхъ, остальные же припутываются просто веревками за шею, а часто и за хвостъ. Вожжей также въ употребленіи не много, на каждую дышловую по одной, прочія такъ себѣ. Форейторъ же часто, а на верблюдахъ постоянно, садится лицомъ къ каретѣ, то-есть задомъ напередъ, «лучше ему смотрѣть, какъ вытягиваютъ постромки», а животныхъ безъ всякаго управленія, по собственному инстинкту везутъ и довозятъ.

Наружный же видъ здѣшнихъ городовъ совершенно схожій съ картинами, изображающими степи, верблюжьи караваны и жалкія мазанки изъ желто-сѣрой глины. На улицѣ пыль, на домахъ пыль, въ комнатахъ пыль, въ воздухѣ пыль и одна пыль! И сквозь эту сплошную пыль слышенъ пронзительный крикъ верблюдовъ, ишаковъ, киргизовъ и энергически бранное словцо русскаго солдата. О дровахъ и помина нѣтъ, въ печахъ трещитъ камышъ, бурьянъ или кизякъ. Сами киргизы, хотя оборваны, но одѣты, женщины же всѣ почти и дѣти полунагія сидятъ кругомъ огня, вспыхивающаго и потухающаго, постоянно дымящаго и рѣжущаго глаза. Пища состоитъ изъ жидкой каши на водѣ изъ грубыхъ перловыхъ крупъ, а въ дни торжественные—на маханинѣ. Хлѣба къ этому не полагается никакого. Бурду эту даже Анонсъ долго не рѣшался ѣсть, но замѣчательно, что послѣ собаки изъ той же чашки киргизка-хозяйка передала остатки своимъ дѣтямъ и сама при насъ усердно помогла имъ. Независимо отъ грязи и парши киргизовъ самый грунтъ земли здѣшной развиваетъ тьму гадовъ и разныхъ насѣкомыхъ. Въ Уральскомъ, съ наступленіемъ теплой погоды, до того велико количество блохъ, что мѣстные жители не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя рубашку, смоченную въ рѣкѣ Ирғизѣ, славящейся своей горько-соленой водой. Но всѣ

эти горести очень умѣрялись для меня, какъ охотника, безчисленнымъ количествомъ вездѣ дичи. Какъ только, напримѣръ, остановился тарантасъ у почтовой мазанки станціи «Складъ-Саксауль», я схватилъ ружье и по указанію мѣстнаго смотрителя, урядника Уральскаго войска, направился вдоль берега рѣки. Не отошелъ я отъ станціи и ста шаговъ, какъ изъ-подъ Анонса сорвался дивно-красивый, ярко-золотистый самецъ фазанъ, на pistolетный выстрѣлъ тихо и беззаботно потянувшій мимо меня совершенно чистымъ мѣстомъ. Стрѣлять его было отлично, но я до того былъ пораженъ неожиданностью его появленія, что не только забылъ въ ту минуту о ружьѣ своемъ, но, какъ угорѣлый, растерянно смотрѣлъ на нарядную птицу, пока она не улетѣла внѣ выстрѣла. Второй, затѣмъ, фазанъ ускользнулъ тоже, по случаю страшной чащи, но третій, самка, попалъ въ ягдташъ. Анонсъ сначала недоувѣрчиво и неохотно лѣзъ въ колючку, но мало-по-малу вошелъ во вкусъ и послѣ двухъ-часовой работы оказался весь пестрымъ, то-есть по бѣлой шерсти въ красныхъ отъ крови пятнахъ. Но пострадалъ не онъ одинъ, а и я также, въ клочки разодравъ мою блузу и шаровары и испарававъ себѣ лице и руки. Трофеи мои состояли въ то утро всего въ трехъ фазанахъ, добыча ничтожная, при громадномъ количествѣ фазановъ, но причинами неудачи были незнаніе мѣстности, непролазная чаща колючекъ, слишкомъ мелкая дробь и скоро застигнувшая меня въ полѣ невыносимая жара. Потъ лилъ съ меня градомъ, когда я измученный дотащился до станціи, гдѣ ожидалъ уже меня прибывшій съ каретой Вавила. При закатѣ же солнца, не доѣхавъ до станціи четырехъ верстъ, я не усидѣлъ въ каретѣ, при видѣ массы фазановъ, кишѣвшихъ вокругъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, а потому, отправивъ впередъ экипажи съ Вавилой, мы съ Захаровымъ направились къ станціи кустами и тотчасъ же открыли изъ двухъ ружей батальный огонь по фазанамъ. Среди выстрѣловъ и азартной бѣготни по густой и высокой колючкѣ моего слуха достигъ звонкій колокольчикъ, а вслѣдъ затѣмъ возгласы незнакомой личности. Вижу черезъ кусты въ фантастическомъ костюмѣ страшно запяленного офицера. «Имѣю честь рекомендоваться, маіоръ Петерсонъ, курьеромъ отъ генерала Кауфмана скачу въ Петербургъ съ донесеніями, но на станціи отъ людей вашихъ узналъ о вашемъ проѣздѣ и счелъ долгомъ объяснить вамъ, что на слѣдующей за этой станціей лошадей нѣтъ, и вы тамъ застрянете, а такъ какъ ожидаютъ надняхъ въ Казалу сыр-дарьинскаго военнаго губернатора, генерала Головачева, и для него будутъ выставлены лошади, то этимъ обстоятельствомъ вы можете воспользоваться, а до тѣхъ поръ повремените и не торопитесь со станціи Бюкубай-Куль, гдѣ есть и стекла въ окнахъ, и молоко, и куры»,— быстро проговорилъ всю эту тираду живчикъ-маіоръ. Я поблаго-

дарилъ его за любезныя и чисто товарищескія свѣдѣнія, и черезъ минуту курьеръ поскакалъ въ одну сторону, а я пѣшимъ хожденіемъ направился въ другую.

Уже совершенно смерклось, когда мы съ Захаровымъ принесли шесть штукъ убитыхъ фазановъ на станцію Бюкубай-Куль. Здѣсь встрѣтили насъ Вавила съ чаемъ и ужиномъ, казакъ-смотритель, почтосодержатель, толстый киргизъ, и, къ удивленію моему, красивая, молодая и нарядная жена его киргизка съ предложеніемъ масла, сливокъ, цыплятъ.

Я рѣшился тутъ почевать, но когда словоохотливый урядникъ сталъ рассказывать о массѣ дичи кругомъ ихъ станціи, а въ особенности на островѣ, образовавшемся отъ разлива двухъ рукавовъ Сыръ-Дарьи, куда онъ на каюкѣ взялся меня доставить, я соблазнился и проохотился все утро слѣдующаго дня.

— Въ прошломъ году я бы не посовѣтовалъ вашему высокоблагородію на острову азартиться на фазановъ, а нынче ничего, можно!

— Почему же?—съ любовьюспросилъ я.

— А потому, ваше высокоблагородіе, что лѣтось тамъ жилъ тигра, съ весны застрявшій на острову. Ну, а съ нимъ повстрѣчаться не ловко.

Станція Бюкубай-Куль расположена на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, и противъ нея лежитъ островъ, около семи верстъ длины и до двухъ ширины, поросшій мѣстами густою колючкой и бурьяномъ. Здѣсь до обѣда на два ружья мы убили 36 фазановъ. Ихъ нашли мы такое множество, что изъ-подъ стойки собаки выстрѣлъ по одному поднималъ ихъ цѣлый рой. Поднявшись изъ колючки, фазаны стадами перемѣщались въ виду нашемъ на сотню шаговъ и снова подпускали къ себѣ, въ плотную.

Между тѣмъ, на станціи получило свѣдѣніе, что военный губернаторъ Головачевъ (послѣ отъѣзда моего съ Кавказа командовавшій нашимъ Куринскимъ полкомъ), уже прибывшій въ фортъ Перовскій, раздумалъ ѣхать въ Казалу и вернулся въ Ташкентъ, а слѣдовательно на его помощь рассчитывать было нельзя, и надо собственными средствами ѣхать впередъ.

Отъ Бюкубай-Куль до Перовскаго оставалось четыре перегона. Съ великими хлопотами и трудами совершивъ два изъ нихъ, на третьемъ я опять застрялъ: всѣ усилія къ пріисканію лошадей, верблюдовъ, быковъ, словомъ всякихъ средствъ къ передвиженію, долго оставались тщетными. Почтосодержатель бѣжалъ со станціи, оставивъ проѣзжающихъ, почту и курьеровъ на произволь судьбы. Легкая почта продежурила здѣсь пять дней, а инженерный капитанъ здѣсь же прожилъ семнадцать дней.

По общимъ слухамъ экспедиція въ Хиву готовилась, но не раньше осени, такъ что опоздать было невозможно, но со всѣмъ

тѣмъ цыганская жизнь сильно прискучила: было уже шесть недѣль, какъ я мыкался въ дорогѣ, за все время получивъ отъ своихъ только записочку въ Оренбургѣ и телеграмму въ Симбирскѣ.

Здѣсь же догналъ меня и уѣхалъ впередъ курьеръ изъ Петербурга. Онъ выѣхалъ оттуда 17-го числа (февраля), то-есть десятью только днями позже моего отъѣзда изъ Москвы. Поэтому можно было судить о быстротѣ сообщеній и понять, что я сравнительно еще не такъ медленно подвигаюсь впередъ. Курьеръ поѣхалъ на двѣ роковыя станціи верхомъ, на казачьей лошади, чего мнѣ съ каретой сдѣлать было невозможно. По словамъ этого курьера (здѣшняго ташкентскаго офицера), за нами вслѣдъ ѣхали на широкую ногу два господина: первый—Лишинъ, съ сыномъ, гувернеромъ и проч. и другой Пукаловъ, бывшій мировой судья московскій.

Пароходство же на Сыръ-Дарьѣ пресловутой Аральской флотилии, о которомъ минутно помышлялъ я, также было не въ блестящемъ состояніи, а именно: 930 верстъ отъ форта № 1 до Чиназа пароходъ идетъ до 50 дней и никогда не менѣе 35. Не правда ли, какъ соблазнительно было это плаваніе при обязательномъ къ тому же условіи собственноручно помогать и вмѣстѣ съ прочими пассажирами лѣзть въ воду, чтобы сталкивать пароходъ съ мели, что случалось по нѣскольку разъ въ сутки.

Наконецъ, Захаровъ съ казакомъ со станціи, единственнымъ здѣсь живымъ существомъ, отправились по ближайшимъ ауламъ искать, конечно, по вольной цѣнѣ лошадей, быковъ, верблюдовъ, словомъ, что попадется, и привели четыре пары быковъ, на которыхъ я и выбрался съ фатальной станціи Кумъ-Куль. Въ фортѣ же Перовскомъ я смѣло могъ воскликнуть: Рубиконъ перейденъ, я проѣхалъ всю мерзость, оставалось еще 600 верстъ, но уже почти хорошей дороги и съ хорошими лошадьми. Я былъ живъ, даже здоровъ, но слишкомъ утомленъ физически.

Съ 2-го на 3-е апрѣля прибылъ я, наконецъ, въ городъ Ташкентъ. Конецъ и Богу слава!

При вѣздѣ моемъ ночью въ тарантасѣ, такъ какъ на послѣдней станціи не хватило лошадей подъ карету, въ прелестную лунную ночь, я залюбовался оригинальнымъ видомъ предмѣстья Ташкента и безконечными садами, его окружающими. Когда я потомъ имѣлъ случай видѣть русскую слободу, то поразился чистотой и бѣлизной построекъ, ихъ полуевропейской архитектурой, изобиліемъ воды и роскошью зелени. Остановился я въ гостинницѣ Розенфельда и занялъ двѣ комнаты за 50 рублей въ мѣсяцъ, пока осмотрѣлся и узналъ, что изъ меня сдѣлаютъ.

Прежде всего, по правиламъ, я долженъ былъ представиться военному губернатору Головачеву, который принялъ меня вѣжливо, даже радушно, затѣмъ начальнику штаба генералъ-маіору Дандевиллю,

доброму и пріятному человѣку, но мало вліяющему вообще на дѣла края и, наконецъ, К. П. Кауфману. Вопреки всѣхъ полученныхъ свѣдѣній и ожиданій, я остался вполне доволенъ его пріемомъ. Онъ мнѣ не далъ руки, а подалъ ихъ обѣ при встрѣчѣ и прощаніи, продержалъ у себя въ кабинетѣ болѣе часа, былъ любезенъ, внимателенъ и спрашивалъ много о женѣ моей и Милютиныхъ. Про позднее явленіе мое не было и помина, про будущее назначеніе меня также пока никакой рѣчи, а что грустнѣе всего—это, что никакой экспедиціи тогда еще не предвидѣлось. Безъ этого же существованіе здѣсь было слишкомъ безцвѣтно. Въ тотъ же день былъ у Пистолькорса, гдѣ провожали въ командировку адъютанта Кауфмана—Адеркаса, очень хорошаго малаго. Онъ ѣхалъ въ Самаркандъ, откуда съ генераломъ Абрамовымъ дѣлалось движеніе въ горы съ ученою цѣлью.

12-го апрѣля въ тотъ годъ была Пасха. Походная церковь, временъ еще Черняева, не вмѣщала въ себя и половины всѣхъ лицъ, жаждавшихъ молитвы, и большинство ихъ толкалось на паперти. Изъ церкви, въ три часа ночи, всѣ направились во дворецъ генералъ-губернаторскій, гдѣ было великолѣпное розговѣнье на нѣсколько сотъ человѣкъ.

Что касается моего личнаго устройства въ Ташкентѣ, то квартиру я нанялъ очень удачно: чистенькій домикъ съ садомъ подполковника Денета. Полъ устланъ былъ камышевыми циновками, ставни тоже камышевые, красивыя жалюзи, кругомъ крытая терраса, а главное, что домикъ былъ въ саду съ прекрасными фруктовыми деревьями, виноградниками, ягодными кустами, проточнымъ прудомъ для купанья и большимъ количествомъ воды для поливки. Садъ этотъ былъ окруженъ высокою глиняной стѣной и занималъ болѣе семи десятинъ среди самаго города, но въ немъ воздухъ былъ чистъ, пыли и шума не было и помина. Около домика находилась хорошенькая кухня, навѣсы для экипажей, конюшни и прочія хозяйственныя постройки.

Въ этомъ-то уютномъ уголкѣ Ташкента устроился я прекрасно. Съ Вавилой, который былъ въ восторгѣ отъ житья *ins Grüne*, принялся я за устройство огорода, торопясь поскорѣ высѣять привезенныя изъ Москвы сѣмена, такъ какъ здѣсь все было уже зелено, въ цвѣту и пошло въ ростъ. Нанялъ я десять человѣкъ сартовъ; они работали прекрасно по 20 копеекъ въ день. Вскопалъ я землю подъ огородъ по веревкѣ съ педантическою акуратностью, разбилъ, отдѣлалъ и засѣялъ гряды. Дорожки же между грядами наполнилъ сейчасъ водою. Арыки—это источники воды, бѣгущей по направленію, которое каждому вздумается дать; вода въ нихъ чистая, проточная, течетъ всюду по садамъ и улицамъ. Эта благодѣтельная мѣра здѣсь крайне необходима при сухости климата и почвы для плодотворнаго орошенія земли и охлажденія воздуха. Посадилъ

и картофель, который купилъ здѣсь по 6 копеекъ за фунтъ. Въ то же время Вавила приобрѣлъ пѣтуха, куръ, до полусотни цыплятъ. Погода была восхитительная, съ непривычки даже не вѣрилось, что въ апрѣлѣ 22° въ тѣни. Черезъ три недѣли со времени посѣва я ѣлъ уже и рассыпалъ другимъ прекрасные редисы, салатъ и шпинатъ, а немного позднѣе и молодой картофель. Въ первыхъ же числахъ мая здѣсь рвутся уже спѣлыя черешни. Клеверъ на поливныхъ лугахъ снимался до шести разъ въ лѣто, а ячмень (овса здѣсь не сѣютъ) давалъ баснословный урожай. Вотъ климатъ, вотъ растительное царство!

Осмотрѣвшись въ Ташкентѣ, я могъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, во многомъ, если не во всемъ, противорѣчившія прежде собраннымъ мною свѣдѣніямъ о Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь не пустыня была безлюдная, безводная и голодная. Нѣтъ, Ташкентъ въ то время былъ мѣстожительство болѣе 100 тысячъ людей, но $\frac{9}{10}$ изъ нихъ туземцы сарты, занимающіе здѣсь отдѣльный городъ, или вѣрнѣе аулъ. Общаго между ними и русскимъ кварталомъ только базаръ по воскресеньямъ, гдѣ кипитъ торговля лошадьми, скотомъ, баранами. Русскій городъ, правильно разбитый на улицы съ площадями, застроенъ одноэтажными, довольно чистенькими домами изъ кирпича-сырца, съ глиняными крышами и безъ деревянныхъ половъ. Улицы всѣ отдѣланы, какъ шоссе, то-есть щебнемъ, отчего пылъ ѣдкая и постоянная, но съ обѣихъ сторонъ ихъ пропущены арыки, вдоль которыхъ посажены деревья: тополи, таль, тутовое, и два раза въ день средину ихъ, по раскаленному камню, поливали свѣжей водой изъ этихъ спасительныхъ арыковъ. Днемъ, всякій Божій день, съ безоблачнаго неба палитъ жгучее солнце, дождей и росы нѣтъ, ночью же очень прохладно, а потому городъ оживаетъ; но, освѣщенный тогда только небеснымъ свѣтиломъ, онъ въ прочее время представлялъ тьму, хотъ глаза выколи, и единственнымъ средствомъ было двигаться съ фонаремъ въ рукахъ.

Всѣ экипажи въ городѣ были наперечетъ, хорошихъ лошадей въ упряжи почти ни у кого не было. Столъ у всѣхъ былъ самый плебейскій, утоляющій голодъ, но не вкусъ. Вино мѣстное—отрапительная кислятина... впрочемъ пили всѣ больше Редереръ. Общественныя удовольствія, гулянья, катанья еще не привились. Въ назначенные дни принимали къ себѣ два, три дома и то незначительную часть знакомыхъ, такъ какъ большинство было между собою въ распряхъ. Играли въ карты, преимущественно въ безикъ и ералашъ; въ частныхъ домахъ по $\frac{1}{2}$ копейкѣ, а въ клубѣ по 1 копейкѣ. Въ клубѣ, впрочемъ, всѣ бывали рѣдко и вообще съ половины апрѣля всѣ переселялись въ сады, гдѣ были карточные домики, или просто кибитки; въ нихъ-то обитатели прятались только въ самую жару, которая въ концѣ апрѣля достигала 42°, а утро, вечеръ, даже ночь, всѣ проводили въ саду, гдѣ дышали чистымъ

воздухомъ и прохладой. На воздухѣ же занимались, тутъ же обѣдали, отдыхали, играли въ карты, бражничали.

Публичныхъ сборищъ было мадо. Правда, за городомъ былъ публичный садъ Минь-Урюкъ (абрикосовый), гдѣ былъ буфетъ и по вечерамъ играла музыка, но посѣщался онъ только очень отважными, такъ какъ тамъ зачастую случались скандалы.

Что же касается общества, то со многими я быстро сошелся и пришелъ къ тому заключенію, что здѣсь, какъ и вездѣ, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, а интригъ и сплетенъ—гдѣ-жѣ ихъ нѣтъ.

Во время пребыванія моего въ Ташкентѣ чаще другихъ видался я съ фанъ-деръ-Флитомъ и съ Адеркасомъ (адъютантами К. П. Кауфмана), затѣмъ съ Пистолькорсомъ, Струве, Дандевилемъ съ супругой, Екатериной Ивановной, очень умной и любезной, артиллеристомъ Соболевымъ, Дмитровскимъ, Гомзинымъ (правителемъ канцеляріи ген.-губ.), Яфимовичемъ, полковникомъ изъ конной гвардіи, шведомъ Бирмаумомъ, Дитмаромъ, судьей, Скобелевымъ, Тихменевымъ и, наконецъ, Липинымъ, Козловымъ, Меллеромъ-Законельскимъ (двоюродный внукъ Кавказскаго), Штрандманомъ, Ермоловымъ, Николаемъ, Попаригопуло, а впоследствии съ Абрамовымъ.

Ближе всѣхъ сошелся я съ симпатичнымъ полковникомъ ген. штаба В. И. Дмитровскимъ, который былъ только-что присланъ курьеромъ отъ Милютина. Бывшій кавказскій артиллеристъ, онъ еще съ Воздвиженскаго зналъ меня по наслышкамъ, и я радъ былъ познакомиться съ нимъ лично и даже жить потомъ на одной квартирѣ. Это была свѣтлая личность и общій въ Туркестанѣ любитель, чего, впрочемъ, онъ вполне заслуживалъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ.

Въ начала же мая неожиданно явился ко мнѣ изъ Флоренціи кн. Дмитрій Друцкой-Сокольниковскій. Письмо его изъ Флоренціи дождало еще моего пріѣзда въ Ташкентъ, и я сталъ уже собирать просимыя имъ свѣдѣнія о шелковичныхъ червяхъ и сѣменахъ. Съ этой цѣлью письмо Друцкаго передалъ Пистолькорсу, который съ нимъ былъ у Кауфмана и просилъ объ отпускѣ Друцкому желаемого имъ количества сѣмянъ, но дѣло двигалось медленно, и Друцкой, потерявъ терпѣніе въ ожиданіи моего сообщенія и гр. Мих. Ростовцева, изволилъ вмѣстѣ съ beau-frère'омъ своимъ Цукели отправиться изъ Франціи въ Ташкентъ, чтобы лично здѣсь провести шелковичное дѣло. Я всегда чувствовалъ большую симпатію къ Друцкому, еще со времени моей помолвки на Левшиной, въ домъ которыхъ онъ былъ принятъ, какъ свой.

Это былъ умный, даровитый и милый человекъ, и пріѣздъ его въ Ташкентъ живо мнѣ напомнилъ Воздвиженку, тещу и весь 1856 годъ. Вскорѣ Друцкой съ своимъ beau-frère'омъ уѣхали въ Коканъ, гдѣ рассчитывали завести дѣло, но всѣ ихъ труды, хлопоты

и издержки принесли только убытокъ, такъ какъ шелковичныя сѣмена, ими пріобрѣтенныя, страшно упали въ цѣнѣ, по свѣдѣніямъ изъ Италіи, и вся афера вышла въ убытокъ. Не удались ему по этому поводу и переговоры съ мѣстными властями.

Два съ половиной мѣсяца я уже изучалъ край. О военныхъ дѣйствіяхъ все еще не было слышно. Посольство наше принято было въ Бухарѣ съ почестями и изліяніями дружелюбія. Не отчаянно ли грустное положеніе вновь пріѣхавшихъ въ Туркестанъ упиваться славою подвиговъ, совершенныхъ въ прошлые года? А какъ истощались здѣсь физическія силы, не смотря на относительное бездѣйствіе—отъ жары и мошекъ! 7-го іюня, напр., въ 2 часа дня, по термометру Реомюра, на солнцѣ было всего пятьдесятъ съ четвертью градусовъ. Excusez du peu!

Съ Дмитровскимъ жили мы очень дружно и не тѣсно на одной квартирѣ, обѣдали почти всегда дома. Бавила не только былъ исправенъ, но даже пріобрѣлъ себѣ въ Ташкентѣ славу отличнаго повара и дѣйствительно кормилъ насъ превосходно. Въ огородѣ урожай былъ страшный на редисъ, салатъ, морковь, шпинатъ, бобы, горошекъ, капусту и даже артишоки. Изъ развлеченій—охоты еще не было, а два раза я посвященъ былъ уже въ національное удовольствіе: тамашу. Это праздникъ, вечеръ, балъ, называй какъ хочешь,—въ которомъ главную роль увеселенія или прелести играетъ бача, или бачи, т. е. мальчики. Въ саду при иллюминаціи изъ фонарей и плошекъ, устроивается гладкое, покрытое коврами мѣсто, на которомъ въ сторонѣ ставятъ столы со всевозможными мѣстными сладостями и лакомствами, пловомъ, чаемъ, шербетомъ и т. д. Хозяинъ дома, конечно, изъ туземцевъ, ташкентскій житель изъ знатныхъ родомъ, встрѣчаетъ гостей, угощаетъ ихъ и большею частью молчитъ, по незнацію слова порусски. Какъ только исчезнетъ со стола часть угощеній, хозяинъ приглашаетъ занять мѣста кругомъ арены и смотрѣть второе и главное дѣйствіе: танецъ бачей. Красотою бачей владѣльцы ихъ гордятся и изъ-за обладанія ими ссоры, распри и вражда не рѣдко кончаются кровопролитіемъ. Почетные гости, русскіе и прочіе зрители окружаютъ арену и, потурецки сидя на подушкахъ, ожидаютъ появленія бачи, а тѣмъ временемъ тутъ же сбоку музыканты: два толумбаса, кларнетъ и что-то въ родѣ двухъ горшковъ, по которымъ четвертый виртуозъ бьетъ желѣзною палкой,—издаютъ пронзительные звуки, еще неприятнѣе и ужаснѣе для слуха, чѣмъ знаменитая зурна Грузіи.

Наконецъ, въ кругу является женоподобный юноша, одѣтый чаще всего въ яркій халатъ и родъ ермолки, непремѣнно босикомъ. Тутъ же подъ анаемскіе аккорды музыки начинается кривляніе, ломаніе и неистовый плясъ коканскій или бухарскій, въ которомъ бача лѣзетъ изъ кожи и старается всѣми силами и средствами соблазнять зрителей прелестью своихъ движеній и позъ. Безъ устали

и перерыва пляска эта продолжается по нѣсколько часовъ сряду и кончается лишь при совершенномъ изнеможеніи силъ танцоровъ и истощеніи немилосердныхъ виртуозовъ, валявшихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Но вотъ мое dolce far-niente прекратилось. И здѣсь, какъ когда-то на Кавказѣ, служебная дѣятельность моя началась траурнымъ порученіемъ.

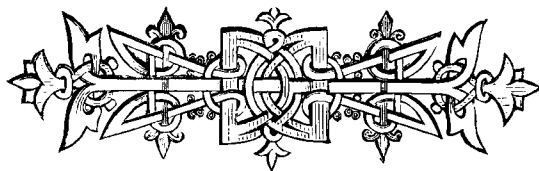
Съ 15-го на 16-е мая въ ночь скончался здѣсь почти скоропостижно графъ Мих. Ростовцевъ. Онъ былъ предсѣдателемъ ликвидаціонной комиссіи, очень запутанной и сложной. Къ нему-то по его кончинѣ и назначена была комиссія, подъ моимъ предсѣдательствомъ, для описи имущества графа, а главное для приведенія въ порядокъ кипы бумагъ ликвидаціонныхъ и сдачи ихъ полковнику Мейеру.

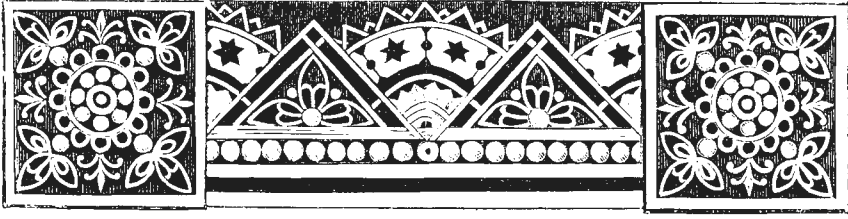
Три дня въ самый удушливый зной, въ маленькой тѣсной комнатѣ, пришлось намъ работать надъ разборкой бумагъ. При жизни Ростовцева я ни разу не встрѣчалъ его, а провожалъ остывшее тѣло на кладбище, какъ бывшаго пажу и настоящаго сослуживца.

Вскорѣ затѣмъ состоялось путешествіе К. П. Кауфмана для ревизіи въ Семирѣченскую область, а по приѣздѣ его — назначеніе мое къ Абрамову въ Заравшанскій округъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА ВЕЧЕРЪ У КУРСИСТОКЪ.

(Изъ дневника пожилого человѣка).

АТОРМОШИЛЪ меня совсѣмъ мой племянникъ. Жилъ я себѣ такъ мирно, такъ спокойно. Никого я не беспокоилъ, и никто меня не беспокоилъ: дни тянулись за днями однообразною, но привычною, милою чередою, и вдругъ этотъ сорванецъ... Только что надѣлъ студенческій мундиръ и уже воображаетъ, что онъ и ему подобные — соль земли, а что мы — люди, погрязшіе въ предрасудкахъ, что мы и самыя простыхъ вещей не понимаемъ. Надо видѣть, съ какою улыбкою онъ относится ко мнѣ, къ моимъ занятіямъ и заботамъ. Правда, улыбочка эта не лишена добродушія: хорошій онъ въ сущности малый, но все же мнѣ непріятно, что онъ относится ко мнѣ свысока. Пріѣхалъ изъ медвѣжьяго угла, гдѣ, казалось бы, ему негдѣ было набраться всей этой фанаберіи, а между тѣмъ передовой изъ передовыхъ! Знавалъ я и въ прежнее время такихъ молодчиковъ, но тѣ напускали на себя важность, ораторствовали о матеріяхъ высокихъ, пересоздавали весь міръ, а этотъ мой племянничекъ «съ молодую молодъ», вѣчно веселъ и такъ забавенъ, что какъ я ни злюсь на него за причиняемое мнѣ безпокойство, нѣтъ-нѣтъ да и расхожусь. «Ну, отстань», — проговорю только, а онъ и радъ. «Ахъ, дядя, какой ты смѣшной: ходишь въ департаментъ, строчишь какія-то бумаги и въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что дѣло дѣлаешь!» — «Ну, а ты

дѣло дѣлаешь?» — «Не знаю, дѣлаю ли дѣло, но по крайней мѣрѣ живу»...

Начинаешь толковать ему о важномъ значеніи государственной службы, а онъ себя посмѣивается. «Вѣрю, вѣрю», — говоритъ и даже слушать не хочетъ: — «Ужо увидимъ, разберемъ, а теперь дай мнѣ пожить, да и тебѣ жизнь-то настоящую показать, не то совсѣмъ съ головой уйдешь въ эти свои бумаги». — «А ты думаешь, что я не жилъ?» Онъ какъ расхохочется. — «Ты, дяденька, жилъ? Да взгляни на себя. Могъ ли бы ты имѣть такой видъ, если бы когда нибудь жилъ?»

Что за самоувѣренность, что за сознание собственнаго превосходства! Говори, доказывай, убѣждай, — ничего не помогаетъ. «Прости, дяденька, ты мумія, а не живой человѣкъ. Но погоди: я тебя расшевелю». Меня-то онъ называетъ «муміей»! Слава Богу, я еще не старъ, и здоровье у меня удовлетворительное. Всего 50 лѣтъ, и никогда не хвораю. Наружность у меня презентабельная. Выросъ я въ богатомъ домѣ. Всѣ, съ кѣмъ сталкиваетъ меня жизнь, не только меня не избѣгаютъ, но даже ищутъ моего знакомства. Въ бесѣдѣ со мной, повидимому, никто не скучаетъ; дамы иногда даже еще и кокетничаютъ со мною. А племянничекъ твердитъ себѣ: мумія да мумія. Съ чего это? Развѣ, что цвѣтъ лица нѣсколько желтый. Ну, да нельзя же вѣчно оставаться молодымъ.

Впрочемъ, я бы ему все простилъ, но съ чѣмъ я никакъ не могу свыкнуться, это съ его вторженіемъ въ мою жизнь, въ мои привычки. Приходитъ себѣ, когда вздумаетъ. Засну послѣ обѣда, — такъ дернетъ колокольчикъ, точно въ домѣ пожаръ. Голодень, подавай ему ѣсть, въ какое бы время дня это ни было. Придетъ ночевать въ три, четыре часа утра и спать до двѣнадцати; вечеромъ мнѣ надо заниматься, а онъ наигрываетъ себѣ на піанино и оретъ такъ, что съ мыслями нельзя собраться.

— Пощади, — крикнешь ему: — работать не могу.

— Никто отъ этого ничего не теряетъ, а ты геморою не живешь.

Однажды я серьезно разсердился.

— Да вѣдь такъ, Володя, нельзя. У меня свои служебныя занятія, а ты превращаешь мой домъ въ какой-то кабакъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ, лукаво поцѣловалъ меня, заглянулъ мнѣ въ глаза и произнесъ только: «Прости, дядя. Въ гимназіи довольно меня школили; радъ, что вырвался на волю».

Что съ нимъ подѣлаешь? И вѣдь мало того, что весь мой домъ взбудоражилъ, — еще тащитъ меня туда, сюда, то въ театръ, то въ циркъ, то на какую нибудь вечеринку и всегда находитъ для этого самыя серьезныя основанія. А что ему во мнѣ? Должно быть, любить. За эту-то любовь я ему и прощаю многое, хотя иногда, охъ, какъ тяжело!..

Вотъ и сегодня пристаеъ: возьми билеты, возьми. Да еще какіе! Въ первомъ ряду, восьми-рублевые.

— Съ ума ты сошелъ. Крезъ я какой!

— Да вѣдь, дядя, это на благое дѣло. Курсы могутъ погибнуть, если ихъ не будутъ поддерживать. А что тебѣ значать 16 рублей?

— Поддерживай себѣ курсы, если хочешъ. А мнѣ какое дѣло до нихъ?

— Ладно. Да вѣдь Савина будетъ читать...

— Ну, ужъ, пожалуйста, оставь меня съ своей Савиной. Не видѣлъ я ее, что ли?

— Уступаю тебѣ Савину. Увидишь, какъ веселится молодежь, самъ помолодѣешь.

— Позволь мнѣ веселиться по-своему, а смотрѣть на вашего брата, не умѣющаго мундиръ надѣть, да на вашихъ стриженныхъ барышень мнѣ, ей-Богу, нѣтъ охоты.

— Милый дядя, ты путаешь; теперь стриженныхъ нѣтъ. Это было давно, въ дни твоей молодости, а теперь курсистки одѣваются, какъ всѣ, и какъ еще иногда одѣваются, просто прелесть! Возьми билеты, прошу тебя, возьми, хотя бы для того, чтобы увидѣть босоножку. Стоить, ей-Богу же, стоить.

— Это еще что такое? Какая тамъ у васъ босоножка?

Племянничекъ отступилъ отъ меня на шагъ и, прищуривъ глаза, посмотрѣлъ на меня съ видимымъ соболѣзнованіемъ.

— И босоножки-то не знаетъ? Не знать босоножки, не слышать о ней! И воображаетъ же человѣкъ, что живетъ!

— Да говори же толкомъ. Ну, какая же у васъ тамъ босоножка? Чудо что ли какое?

— Не чудо, дяденька, а дѣвушка. Понимаешь ли: дѣ-ву-шка, да такая, какихъ ты на своемъ вѣку не видывалъ.

— Красавица, что ли?

— Сейчасъ ужъ и красавица. Развѣ въ этомъ сила? Ахъ, дяденька! Ничего-то ты не понимаешь. Ну, возьми же билеты, возьми. Хоть немного просвѣтишься...

И, смотришь, племянникъ ужъ обнялъ меня, поцѣловалъ въ одну щеку, затѣмъ въ другую, такъ что его поцѣлуи раздались во всей квартирѣ, и, схвативъ меня за талію, сталъ, какъ бѣшеный, кружиться со мною по комнатѣ, пока мнѣ наконецъ не удалось вырваться у него изъ рукъ, и я, весь запыхавшись, не опустился на стулъ. Но онъ ужъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ меня и самымъ умильнымъ голосомъ продолжалъ просить: возьми, да возьми, такъ мило, что я невольно вынулъ бумажникъ и выложилъ ему 16 рублей.

— Ну, вотъ спасибо, дядя,— произнесъ онъ, нѣсколько успокоившись.— Только смотри, не отлынивай. Послѣзавтра я заѣду за тобой, и мы вмѣстѣ отправимся къ курсисткамъ.

Въ назначенный день и часъ племянничекъ былъ у меня. Онъ, впрочемъ, успѣлъ забѣжать и до этого нѣсколько разъ, выпить чтонибудь, закусить или побренчать на піанино. Придетъ, повертится, уйдетъ и на прощанье только скажетъ: «Смотри, дяденька, не отлынивай. Сожалѣть будешь».

О чемъ сожалѣть? Наивный ребенокъ! Воображаетъ, что можетъ меня прельстить Савиной и какой-то босоножкой! Жизнь-де въ нихъ бьетъ ключемъ. Жизнь? Видали мы эту жизнь! Есть въ женщинѣ поэтическая струнка, и она весь свой вѣкъ наигрываетъ на ней, а люди восторгаются, забывая, что жизнь огромный концертъ, въ которомъ звучитъ не одна струна, а сотни, и что только великимъ умамъ, великимъ художникамъ дано обнять всю сложность этой музыки и воспроизводить ее въ своихъ твореніяхъ, въ своей игрѣ. Ну, да еще Савина туда-сюда. Ея струнка звучитъ однообразно, но мило, подчасъ поэтично. Однако, какое мнѣ дѣло до босоножки? Къ курсисткамъ я вообще относился недружелюбно или, точнѣе говоря, съ чувствомъ какой-то внутренней брезгливости. Мой идеалъ женщины не имѣетъ ничего общаго съ тѣми стриженными барышнями, которыхъ я, будучи молодымъ человекомъ, узрѣлъ въ медовые мѣсяцы нигилистическихъ увлеченій. Встрѣчаясь съ такою нигилисткою съ накинутымъ на плечи пледомъ, въ синихъ очкахъ, въ короткой, обтрепанной юбкѣ, я невольно спрашивалъ себя, что это за существо. Женщина не женщина, да и не мужчиана, и не мальчикъ. Ея громкая, увѣренная рѣчь, уснащенная иностранными научными терминами, бравоированіе принятыми приличіями, вольное обращеніе съ мужчинами— все это производило на меня впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, искусственнаго, противорѣчащаго женской природѣ, какого-то извращенія жизни, отъ котораго, быть можетъ, сильнѣе всего страдало само это жалкое существо. Признаюсь откровенно, это впечатлѣніе сохранилось въ моей душѣ, и поэтому, когда мы поѣхали съ племянникомъ на вечеръ къ курсисткамъ, и онъ снова расхваливалъ мнѣ свою босоножку, у меня сорвалось съ языка: «Должно быть, очень эмансипированная, если ты ее такъ хвалишь».

— Ахъ, дяденька, дяденька! Читалъ ты Ауэрбаха?

— Ну, читалъ,— отвѣтилъ я лаконично.

— Такъ ты, значитъ, помнишь босоножку, это поэтичное, невинное, но умное, доброе существо, готовое всѣмъ жертвовать для близкаго человѣка, открывающее во всякомъ предметѣ, даже заурядномъ, нѣчто новое, оригинальное? Возьми ее въ квадратъ, въ

кубъ, въ десятой, сотой степени, и ты будешь имѣть нашу босоножку, ту босоножку, которую ты сейчас увидишь.

— О-го-го,— нашелся я только отвѣтить, да и некогда было разговаривать, потому что мы были уже у подъѣзда дворянскаго собранія.

Публики съѣзжалось очень много. Преобладала молодежь, чувствовалося оживленное настроеніе. Мы съ племянникомъ нѣсколько опоздали, и когда вошли въ залу, большинство уже сидѣло на своихъ мѣстахъ, хотя и въ проходѣ была еще давка. Пробираясь къ своему мѣсту, я скоро потерялъ племянника, который на каждомъ шагу наталкивался на знакомыхъ, крѣпко жалъ имъ руку, обмѣнивался съ ними мимолетными, но прочувствованными или игривыми замѣчаніями. Лицо его сіяло, онъ весь раскраснѣлся. Живеть,—подумалъ я,—не буду мѣшать. И, пробравшись къ своему мѣсту въ первомъ ряду, я окинулъ залу бѣглымъ взглядомъ и усѣлся.

Достаточно было и самаго бѣглаго взгляда, чтобы убѣдиться, что зала ничего особеннаго не представляетъ. Обычное, давно пріѣвшееся зрѣлище! Концертная публика съ нѣкоторымъ преобладаніемъ молодыхъ лицъ въ студенческихъ мундирахъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Такъ же заурядно было и то, что происходило на эстрадѣ. Только отзывчивость со стороны слушателей была сильнѣе: все имъ нравилось, подавало поводъ къ шумнымъ рукоплесканіямъ, бисированію. На меня эти шумныя проявленія удовольствія производили тягостное впечатлѣніе. Есть чѣмъ восторгаться!

Въ антрактѣ племянничекъ удосужился подбѣжать ко мнѣ.

— Ну, гдѣ же твоя босоножка?—спросилъ я его иронически.

— Самъ не могу ее найти,—отвѣтилъ онъ серьезно.—Забилась гдѣ нибудь: она такая маленькая. Но ее разыщутъ, найдутъ, и молодежь столпится вокругъ нея, какъ свита вокругъ царицы. О, не беспокойся: даже если бы ты не захотѣлъ, все же ее увидишь...

Не успѣлъ племянничекъ проговорить все это скороговоркою, какъ его уже отвлекли какіе-то студенты, которые видимо имѣли сообщить ему что-то очень важное, судя по выраженію ихъ лицъ. Я опять остался одинъ. Вскорѣ началось второе отдѣленіе, сопровождавшееся еще болѣе шумными оваціями. Но всему есть конецъ. Послѣднія рукоплесканія стихли, публика очистила залу, началась суетливая ея уборка къ предстоявшимъ танцамъ. Я поспѣшилъ также уйти, спасаясь отъ пыли и ища мѣста, гдѣ бы покурить. Въ боковыхъ комнатахъ было очень тѣсно, въ отдѣльныхъ группахъ шелъ оживленный разговоръ, веселое настроеніе усиливалося. Теперь уже рѣшительно преобладала молодежь. Я схватывалъ налету обрывки фразъ. Кто говорилъ о концертѣ, исполнителяхъ, кто пускался въ научныя разсужденія, кто острилъ, кто куражился, кто

просто стоялъ, какъ я, не зная, чтѣ съ собою дѣлать. Я выкурилъ папирску, другую, добылъ себѣ стаканъ чаю, выпилъ его и подумалъ, что теперь время вернуться въ залу, потому что толпа отхлынула, и вокругъ меня становилось пусто. Я, однако, не вошелъ въ залу, а остановился между колоннами, чтобы бросить общій взглядъ на то, что происходило внизу.

Все было уже прибрано, мѣсто для танцевъ расчищено, вездѣ образовались кучки, пла вполголоса оживленная бесѣда, иногда только то здѣсь, то тамъ явственнѣе выдѣлялся женскій или мужской голосъ, взрывъ смѣха, отрывочное восклицаніе. Такъ я простоялъ довольно долго. Племянничекъ, очевидно, обо мнѣ забылъ, и я подумалъ, что лучше всего уѣхать домой. Все, что я видѣлъ, меня не занимало, да и танцы меня мало интересовали. Я началъ пробираться къ выходу, какъ вдругъ остановился, точно вкопанный. Меня поразила группа молодежи, столпившаяся въ одномъ углу залы. Все это были студенты въ мундирахъ, и среди нихъ одна только дѣвушка. Она-то и приковала все мое вниманіе, такъ что я не могъ оторвать отъ нея глазъ. Молодежь, видимо, ухаживала за ней: всякій старался сказать ей что нибудь пріятное или любезное. Она отвѣчала лаконично, полусловами, но лицо ея было такое оживленное, на немъ такъ быстро смѣнялись различныя выраженія, что нельзя было сомнѣваться, что она за всѣмъ слѣдитъ, все видитъ, все понимаетъ, что на все у нея есть готовый отвѣтъ. Однако, не это меня поразило. На меня пахнуло вдругъ чѣмъ-то очень далекимъ и въ то же время близкимъ, давно забытымъ и вѣчно памятнымъ, милымъ и печальнымъ, отраднымъ и тоскливымъ. И надъ всѣми этими чувствами господствовала иллюзія. Не колдовство ли это? Нѣтъ, я не ошьябаюсь, это она. Какъ тогда, она сидитъ подѣ колонною, здѣсь, въ залѣ дворянскаго собранія, окруженная молодежью. Правда, тогда зала утопала въ зелени тропическихъ растений и въ волнахъ свѣта, собрался въ ней въ присутствіи высочайшихъ особъ цвѣтъ нашей аристократіи, все ослѣпительно сверкало и сіяло, словно васъ окружала не дѣйствительность, а какой-то сказочный сонъ. Теперь же въ залѣ на каждомъ шагу чувствовалась проза жизни, которую не могъ скрасить яркій электрической свѣтъ; напротивъ, отъ этого свѣта проза жизни еще рѣзче бросалась въ глаза, становилась ощутительнѣе, какъ осенью въ яркій солнечный день, утратившій свою листву лѣсъ, еще недавно таинственный, безконечный, жуткій, вдругъ кажется такимъ покинутымъ, ничтожнымъ, жалкимъ. Но представьте себѣ, что вы углубились въ него и набрали на мѣстечко, гдѣ еще сохранилась зеленая травка, гдѣ возвышаются пирамидальныя, вѣчно зеленѣющія ели, гдѣ солнце васъ еще немножко согрѣваетъ своими косыми лучами, — и вы снова начинаете вѣрить, что лѣто еще не прошло, что вотъ-вотъ лѣсъ опять зашумитъ, обдастъ васъ своимъ

благоуханіемъ, прельстить своею таинственностью, нѣжнымъ щепетаніемъ птицъ, далекимъ аukanіемъ, и вы невольно останавливаетесь, трепетно ожидая, чтобы совершилось чудо этого страстно желаемаго возрожденія природы...

Такъ стоялъ и я теперь, ожидая невозможнаго. Предо мною была весна, но она была не для меня. Она возродилась, но я былъ незванымъ гостемъ на ея пиру. Для меня это было только воспоминаніемъ, далекимъ отзвукомъ чудныхъ, незабвенныхъ дней...

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и опустился на случившійся тутъ стулъ, чтобы ближе присмотрѣться къ дѣвушкѣ, взволновавшей меня до глубины души. Иллюзія отъ этого только усилилась: тѣ же густые, свѣтлые волосы, то же матовое миниатюрное лицо съ большими голубыми глазами, тотъ же затаенный смѣхъ въ этихъ красивыхъ глазахъ, внезапно смѣнявшійся задумчивостью или выраженіемъ безнадежности, отрѣшенности отъ міра. Казалось, что вотъ она вся тутъ, въ этомъ веселіи, въ этомъ игривомъ обмѣнѣ словъ, въ этой вспышкѣ молодой своевольной жизни, — и вдругъ ея нѣтъ, вдругъ она исчезла, точно мысль ея унеслась куда-то далеко-далеко и видеть тамъ нѣчто таинственное, загадочное. Это сходство было такъ поразительно, что я забывалъ даже о длинномъ рядѣ лѣтъ, отдѣлявшихъ меня отъ тѣхъ незабвенныхъ дней, о различіи обстановки. Тогда предо мною была дѣвушка, въ роскошномъ свѣтломъ бальномъ платьѣ; теперь сидѣла дѣвушка наглухо застегнутая, вся въ черномъ, безъ цвѣтка, безъ яркой ленточки или бантика; ту окружали молодые люди, изъ которыхъ каждый могъ тотчасъ же свезти ее подъ вѣнецъ, съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, съ болѣе или менѣе блестящею карьерою впереди, эту—недоучившіеся юноши, большинству которыхъ было еще очень далеко до обеспеченнаго положенія въ обществѣ.

Но все это только промелькнуло у меня въ головѣ: сама дѣвушка меня такъ сильно заинтересовала, что я забывалъ объ остальномъ. Потянулись длинною вереницею воспоминанія, временно покрывшіяся дымкою, далекія и вдругъ ставшія столь близкими, благодаря близости этой дѣвушки, наминавшей мнѣ другую...

Когда я встрѣтился съ тою дѣвушкою, я сразу забылъ все, что меня до тѣхъ поръ занимало, радовало, печалило. Началась для меня совершенно новая жизнь. Такъ человѣкъ, взобравшійся на высокую гору, видитъ все въ иномъ свѣтѣ, и мелкимъ, ничтожнымъ кажется ему то, что недавно еще казалось и крупнымъ, и значительнымъ. Дѣвушка, вызвавшая во мнѣ полную перемѣну въ чувствахъ, въ моемъ отношеніи къ жизни, вовсе не интересовала меня такъ, какъ интересовали меня другія дѣвушки или вообще люди, съ которыми я до тѣхъ поръ встрѣчался: кто

она, откуда она, каковы внѣшнія обстоятельства ея жизни,—все это мнѣ тоже казалось вопросомъ второстепеннымъ, потому что уже самый фактъ ея существованія представлялся мнѣ такимъ значительнымъ. Стоило ли останавливаться на остальномъ? Такъ прошло три мѣсяца,—три мѣсяца чудныхъ грезъ, поминутно смѣнявшихся безнадежнымъ отчаяніемъ, возрождавшейся вѣры въ возможность счастья, лихорадочныхъ порывовъ, минутъ высокаго блаженства, вызваннаго мимолетными, ничтожными причинами: случайно брошеннымъ замѣчаніемъ, ласковымъ взглядомъ, болѣе крѣпкимъ рукопожатіемъ. И затѣмъ все это оборвалось такъ же внезапно, какъ внезапно возникло. Только много лѣтъ спустя, я далъ себѣ отчетъ въ причинахъ овладѣвшаго мною порыва. Я былъ молодъ, никогда еще не любилъ; встрѣтилась мнѣ дѣвушка обаятельная, одаренная отъ природы граціею, изяществомъ,—и я влюбился въ нее съ перваго взгляда, и, конечно, не только потому, что я самъ жаждалъ, искалъ любви, но и потому, что и она искала ее, быть можетъ, какъ и я, бессознательно подчиняясь инстинктивному влеченію. Любила ли она меня? Я въ этомъ сомнѣвался: слишкомъ блестящи были окружавшіе ее молодые люди, чтобы она обратила серьезное вниманіе на только что оперившагося юношу, для котораго все еще было впереди. Но внѣшнія обстоятельства жизни насъ несомнѣнно сближали. Если я имѣлъ доступъ въ великосвѣтское общество, то только вслѣдствіе того, что отдаленный мой родственникъ принадлежалъ къ этому обществу; если она изъ провинціальной глуши попала въ петербургскій бомондъ, то также только благодаря далекому родственнику, который взялся устроить ея судьбу, потому что съ удовольствіемъ вспоминалъ о знакомствѣ съ ея матерью. Но вдругъ этотъ родственникъ умеръ, и дѣвухкѣ опять пришлось вернуться въ провинціальную глушь, къ престарѣлой матери, въ ея скромную усадьбу на берегу Оки. Все это случилось такъ неожиданно, что я и опомниться не успѣлъ. Могъ ли я сдѣлать предложеніе, не увѣренный во взаимности, при моей молодости и матеріальной необеспеченности? Дѣвухка уѣхала. Я пытался вступить съ нею въ переписку, но не получилъ отвѣта. Не прошло и года, какъ я случайно узналъ стороною, что она умираетъ. Тутъ какія соображенія не могли меня удержать, и я, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, полетѣлъ къ ней...

Я уже не засталъ ея въ живыхъ; мнѣ довелось увидѣть только домъ, въ которомъ она умерла. Было это въ разгаръ лѣта. Я зашелъ къ матери, заявивъ ей, что я случайно попалъ въ эти мѣста, что былъ знакомъ съ умершею ея дочерью и хотѣлъ ее навѣстить, но пріѣхалъ слишкомъ поздно. Она отнеслась совершенно безучастно къ моему посѣщенію. Казалось, что и она уже не жилаецъ на бѣломъ свѣтѣ,—такъ апатично она относилась ко всему, такъ безжизненны были ея слова и движенія. Автоматически, какъ бы

изъ вѣжливости, чтобы чѣмъ нибудь занять гостя, она предложила: «Хотите взглянуть на Лизину комнату?»—и мы взобрались по внутренней лѣстницѣ во второй этажъ небольшого деревяннаго дома.

Лизина комната, очевидно, сохранялась въ полной неприкосновенности. Все въ ней было мило, но до послѣдней степени скромно; только видъ съ балкона на широкій просторъ Оки поражалъ красотою, соответствовавшею моему представленію объ обстановкѣ, въ которой могъ развиться такой чудный цвѣтокъ, какимъ была умершая Лиза. Мать тихо удалилась подъ какимъ-то предлогомъ, и я остался одинъ съ природою и съ тѣнью обаятельнаго созданія, которое я въ душѣ такъ сильно оплакивалъ. Я смотрѣлъ то на широкій просторъ рѣки, луговъ и лѣсовъ, то невольно останавливался взглядомъ на разныхъ предметахъ, находившихся въ комнатѣ, на маленькомъ столикѣ съ незатѣйливыми фарфоровыми украшеніями, на этажеркѣ съ книгами, на большомъ кожаномъ креслѣ, поставленномъ такъ, что, сидя въ немъ, можно было любоваться чуднымъ видомъ на Оку. Я подошелъ къ этажеркѣ, взялъ въ руки одну, другую книгу: это были по большей части французскіе романы, разрозненные книги журналовъ. Видя все это, я невольно вспомнилъ мимолетную, какъ бы брошенную вскользь фразу покойной Лизы. Фраза эта въ свое время не произвела на меня никакого впечатлѣнія, но, тѣмъ не менѣе, она почему-то вѣзалась мнѣ въ память, и здѣсь, на родинѣ Лизы, вдругъ пріобрѣла для меня какое-то особое, хотя все еще мною не вполне понятое значеніе. Мы разговорились объ ея семьѣ, о домѣ ея родителей, и она мнѣ сказала: «Тамъ хорошо, очень хорошо, но жить тамъ нельзя». Теперь я вспомнилъ эти слова, и мнѣ показалось, что дѣйствительно здѣсь хорошо, очень хорошо, но что вмѣстѣ съ душою Лизы отлетѣла отсюда всякая жизнь. Почему мнѣ такъ показалось? Потому ли, что все здѣсь было проникнуто воспоминаніемъ о ней, а ея самой не было; потому ли, что эта роскошная природа въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи съ далью необозримыхъ луговъ и лѣсовъ, многообразными оттѣнками зелени, широкою зеркальною рѣкою производила на меня впечатлѣніе чего-то бездѣльнаго въ виду отсутствія любимой дѣвушки; потому ли, что люди, съ которыми я встрѣчался на пути сюда и въ этой тихой усадьбѣ казались мнѣ такими мелкими со всѣми ихъ жизненными заботами, интересами? Я не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, но я чувствовалъ, что Лиза была права. И вспомнилъ я еще ея простой рассказъ о томъ, что отецъ ея уже нѣсколько лѣтъ, какъ умеръ, что онъ, выйдя въ отставку, недолго хозяйничалъ въ Осиновкѣ, что мать, жившая по большей части въ Москвѣ, теперь сама хозяйничаетъ, но что ей съ непривычки это трудно дается, что братъ служить гдѣ-то въ Польшѣ. «У насъ въ домѣ пусто, никого нѣтъ, а сосѣди,—что о нихъ говорить! Я привыкла къ Петербургу, вос-

питывалась въ Смольномъ, и здѣсь я чувствую себя хорошо, а въ деревнѣ одна только старуха мать. Я ее очень люблю, но вѣдь я молода!» И, вспоминая все это, я самъ чувствовалъ себя покинутымъ, одинокимъ среди этой шири лѣсовъ и луговъ.

Старушка мнѣ показала еще садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, съ его старыми дубами и липами, съ его живописнымъ беспорядкомъ. Я по временамъ останавливался и, оглядываясь кругомъ, невольно повторялъ про себя: «Какой прелестный уголокъ! Изъ этого гнѣздышка выпорхнула моя Лиза на одинъ мигъ, чтобы вернуться и... умереть». И я подумалъ еще, что иначе и быть не могло, что, оставаясь въ Осиновкѣ, она непременно должна была зачахнуть, что она умерла именно потому, что сюда вернулась.

— Елизавета Николаевна очень скучала? — спросилъ я, какъ бы ища подтвержденія своей мысли.

— Какъ ей было не скучать послѣ Петербурга, — отвѣтила просто старушка. — И мнѣ-то въ мои годы трудно здѣсь высидѣть.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, и вотъ Лиза воскресла и сидитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Вспоминая о давно минувшемъ времени, я продолжалъ смотрѣть на незнакомую и въ то же время столь хорошо знакомую мнѣ дѣвушку, какъ вдругъ кто-то мнѣ сзади шепнулъ на ухо:

— Ага, дяденька, ты ужъ врѣзался въ босоножку!

Я такъ мало думалъ о племянничкѣ, такъ углубился въ свои воспоминанія, что слегка вздрогнулъ отъ его словъ.

— Что съ тобой, дяденька? — продолжалъ мнѣ нашептывать на ухо племянникъ. — Олимпійское спокойствіе тебя покидаетъ; ты становишься нервнымъ. Дай-ка, я тебя лучше представлю. Тебѣ вѣдь пріятнѣе будетъ сидѣть съ нею рядомъ и бесѣдовать, чѣмъ любоваться издали.

Мнѣ не хотѣлось принять предложеніе. Я чувствовалъ, что иллюзія моментально разсѣется, что чудный сонъ превратится въ самую обыденную прозу, но въ то же время меня мучило любопытство.

— Хорошо, — согласился я, и племянничекъ, тотчасъ же взявъ меня подъ руку, подвелъ къ той, которую онъ называлъ босоножкой, слегка расталкивая группу окружавшей ее молодежи со словами:

— Дорогу старшимъ!

Слова эти онъ произнесъ съ такою комическою важностью, что всѣ, глядя на него и на меня, смѣясь, разступились.

— Неоцѣненная босоножка, взгляните милостивымъ окомъ на сего моего дяденьку.

Такъ рекомендовалъ онъ меня дѣвушкѣ.

Она взглянула на меня вопросительно, съ легкимъ недоумѣніемъ въ красивыхъ глазахъ.

— Ваша фамилія—Забѣлина, имя Елизавета?—спросилъ я, подчиняясь какой-то увѣренности въ томъ, что я не могъ ошибиться.

— Отчего вы не прибавляете: а отчество Ивановна?.. Вы хорошо обо мнѣ освѣдомлены. Значить, Владиміръ Ильичъ вамъ обо мнѣ говорилъ.

— Нѣтъ, вотъ это и странно, что никто мнѣ васъ не называль, и тѣмъ не менѣе я знаю ваше имя и фамилію.

— Это дѣйствительно походить на чудо, — произнесла она съ милою улыбкой, хотя недоумѣніе все еще придавало ея лицу какое-то чуждое выраженіе.

— Видите ли, я много-много лѣтъ тому назадъ знаваль дѣвушку, удивительно похожую на васъ...

— Не тетушку ли мою? Тогда чудо перестаетъ быть чудомъ, — разсмѣялась она звонко.

Мы начали объясняться по этому поводу, и окружавшая насъ молодежь постепенно разбрелась въ разные стороны, очевидно, не желая намъ мѣшать. Оставался нѣкоторое время только еще мой племянникъ, видимо заинтересованный тѣмъ, что онъ слышалъ. Но и его вскорѣ кто-то отвлекъ. Оказалось, что новая Лиза Забѣлина, или босоножка, была дочерью также уже умершаго брата моей старой знакомки.

— Вы родились въ Осиновкѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но жила тамъ ребенкомъ, потомъ переселилась съ отцомъ въ городъ, поступила въ гимназію и, какъ кончила курсъ, пріѣхала въ Петербургъ.

— Чтобы продолжать ученіе...

— Все равно пріѣхала бы сюда: тамъ вѣдь жить нельзя.

Знала ли босоножка, что она буквально повторяетъ слова своей тетушки?

— Значить, васъ сильно тянуло въ Петербургъ?

Босоножка взглянула на меня, точно я сказалъ какую-то несообразность. Я поспѣшилъ поправиться.

— Вы родины, значить, не любите?

— Какъ бы вамъ сказать, — отвѣтила она задумчиво. — Живо помню я свое дѣтство. Вы тамъ были въ нашей усадьбѣ, видѣли садъ, любовались рѣкой, а вѣдь я тамъ росла, и, вѣрите ли мнѣ, еще я до сихъ поръ мнѣ стоитъ только закрыть глаза, какъ я вижу все, словно наяву. Любила я сидѣть въ тетиномъ креслѣ или въ саду подъ дубомъ и глядѣть въ даль, любила бѣгать на рѣку... Но все это прошло, всего этого не воротить...

— Имѣніе продано?

— Да, хозяйство пришло въ полное разстройство. Отецъ скупалъ въ деревнѣ, искалъ развлеченій, — какихъ, объ этомъ я догадалась лишь впоследствии: все тутъ, конечно, было, и дѣло кончилось тѣмъ, что Осиновка перестала для насъ существовать. Купилъ

ее какой-то купецъ. Въ домѣ живетъ лысый, толстопузый приказчикъ. На томъ балконѣ, гдѣ мечтала тетьа, гдѣ я любовалась природою или съ тоскою глядѣла вдаль, онъ подсчитываетъ на пальцахъ барыши, которые онъ выручаетъ отъ капусты, посаженной тамъ, гдѣ росли дубы и липы, соображаетъ, какъ бы надуть хозяина... Бррр...—передернуло ее.—Лѣсъ кругомъ вырубленъ, Осиновка представляетъ картину полного запустѣнія: ея собственно уже нѣтъ...

Она вдругъ умолкла. Потомъ какъ бы въ заключеніе еще прибавила.

— Сохранились лишь тетинны книги, которыя я жадно читала, еще въ Осиновкѣ, а затѣмъ и въ городѣ, когда мы переселились туда съ отцомъ.

— Въ городѣ вамъ было веселѣе?

— Ходила въ гимназію,—отвѣтила она:—а дома было почти то же, что и въ Осиновкѣ. Только тамъ меня окружала природа, а здѣсь я жила въ четырехъ стѣнахъ. Отецъ постоянно отсутствовалъ, когда же бывалъ дома, говорилъ со мною о пустякахъ и постоянно только повторялъ: «Учись, Лиза, учись. Безъ ученья тебѣ никакъ нельзя»,—и съ каждымъ годомъ онъ повторялъ эти слова настойчивѣе. Съ этими словами онъ умеръ, а я переѣхала въ Петербургъ.

Все это она рассказала, глядя задумчиво вдаль, словно говорила сама съ собою, а я вспоминалъ безъ конца, слѣдя за выраженіемъ знакомаго лица, за интонаціею милаго, какъ будто родного голоса.

— Ну, здѣсь, въ Петербургѣ, вы, конечно, уже не скучаете?

— Скучать мнѣ некогда. Послѣ Осиновки и гимназіи я здѣсь, въ Петербургѣ, блаженствую: и лекціи меня интересуютъ, и бесѣды, споры съ товарками...

— Значитъ, вамъ теперь хорошо?

— Еще бы,—протянула она нараспѣвъ, точь въ точь, какъ прежняя Лиза, когда та говорила о чемъ нибудь ей особенно пріятномъ.—Я теперь изучаю средне-вѣковую исторію,—сообщила она мнѣ дѣловымъ тономъ, но вслѣдъ затѣмъ съ истиннымъ воодушевленіемъ воскликнула:—наука, книги, поймите, вѣдь это источникъ вѣчнаго обновленія!

Очень она въ эту минуту была хороша. Энтузіазмъ молодости обдавалъ ея лицо потокомъ свѣта. Такъ же хороша была прежняя Лиза, когда говорила мнѣ о прелестяхъ столичной жизни послѣ пребыванія въ деревенской глуши.

Разговоръ нашъ былъ, однако, внезапно прерванъ. Подлетѣлъ племянничекъ и, заявивъ мнѣ рѣшительно, что я не имѣю права овладѣвать босоножкой на весь вечеръ, пригласилъ ее на вальсъ, и они быстро закружились по залѣ съ увлеченіемъ, которое невольно заставляло меня слѣдить за ними. Я видѣлъ, какъ дѣвушка переходила изъ рукъ въ руки, какъ всѣ, казалось, рвались

вальсировать съ нею. Я начиналъ теперь понимать, почему она производит такое обаятельное впечатлѣніе на молодежь. Мнѣ же она была вдвойнѣ мила: все, что было въ ней обаятельнаго, воскрепало дорогія воспоминанія. Я продолжалъ сравнивать, и это сравненіе, первоначально касавшееся исключительно внѣшняго облика случайно встрѣченной мною дѣвушки, постепенно перешло на судьбу прежней и теперешней Лизы. Обѣ онѣ жили полною жизнью здѣсь, въ Петербургѣ, и томились тамъ, въ Осиновкѣ. Ихъ, однако, раздѣлялъ промежутокъ времени въ 30 лѣтъ. Это вѣдь вѣкъ человѣческій. Свѣтскія удовольствія, блестящее общественное положеніе и, вѣроятно, не столько это, сколько привлекательность культурной жизни съ ея утонченными вкусами и привычками составляли ту болѣе инстинктивную, чѣмъ взвѣшенную и продуманную причину, которая заставляла прежнюю Лизу стремиться въ столицу. Да подчинялась ли она въ этомъ отношеніи сознательнымъ мотивамъ, не воспринимала ли она просто жизнь, какъ она сложилась? Въ деревнѣ было скучно, томительно скучно; мало того, изъ деревни все рвалось вовъ уже въ теченіе многихъ-многихъ поколѣній, рвалось туда, гдѣ жизнь кипѣла ключомъ, гдѣ сосредотчивались просвѣщеніе, всѣ приманки цивилизаціи, гдѣ рѣшалась судьба самой деревни, гдѣ Россія вступала въ соприкосновеніе со всѣмъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, гдѣ былъ свѣтъ, гдѣ были первоисточникъ всего. Прежняя Лиза подчинялась безсознательно этой волнѣ; новая Лиза воображала, что она, стремясь въ столицу, подчиняется вполнѣ сознательнымъ мотивамъ, въ сущности же и она подчинялась только общему теченію. Измѣнились столичные приманки: къ свѣтскимъ удовольствіямъ, театру, музыкѣ, поэзіи присоединились женская эмансипація, общественные вопросы, политика, наука... средневѣковая исторія, подумалъ я невольно, *et plus ça change, plus c'est la même chose*. Сегодня политика, завтра наука, а тамъ, смотришь, все это выкидывается за бортъ, и начинается пошленькая жизнь, возня съ прислугою, счетни, мелкіе интересы, безъ руководящей цѣли, безъ ясно сознаннаго или осуществимаго идеала...

Босоножка вспомнила обо мнѣ и, вся раскраснѣвшись отъ бѣшенаго вальса, ускоренно дыша, усѣлась на прежнее мѣсто возлѣ меня.

— Какъ вы мнѣ напоминаете вашу тетюшку,—проговорилъ я.— И она танцевала съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и вы, здѣсь же, въ этой залѣ. Но я, признаюсь, думалъ, что вы танцовать не любите.

— Отчего?—спросила она, и въ глазахъ ея сверкнулъ веселый огонекъ.

— Да такъ. Вы вѣдь серьезнымъ дѣломъ занимаетесь, наукою, средневѣковою исторіею...

— Ну-ну-ну, не иронизируйте,—улыбнулась она мнѣ ласково.— Я не педантка, беру отъ жизни то, что она даетъ, и не хочу, чтобы она осталась у меня въ долгу. Вы мнѣ только-что сказали, что и тетушка танцевала здѣсь, въ этой залѣ...

— Да, но ваша тетушка...

— Ахъ, какой вы несносный, — нахмурила она притворно брови.—Тетушка любила танцевать, почему же мнѣ не любить? Знаете ли,—проговорила она съ легкой неувѣренностью въ голосъ, но поддаваясь немного въ мою сторону, словно хотѣла сказать нѣчто особенно важное:—мнѣ иногда кажется,—только, пожалуйста, не смѣйтесь надо мною,—что не далеко то время, когда даже самыя серьезныя изъ курсистокъ будутъ являться сюда на наши вечера въ бальныхъ платьяхъ, съ цвѣтами въ волосахъ, точь въ точь, какъ много лѣтъ тому назадъ моя тетушка...

Эти слова были сказаны съ удивительною простотою, но, тѣмъ не менѣе, босоножка какъ будто сама испугалась своей смѣлости и вопросительно глядѣла на меня своими испуганными глазами.

— Когда вы танцевали,—отвѣтилъ я поспѣшно:—я думалъ о вопросѣ, который находится въ тѣсной связи съ вашими словами. Я подошелъ къ нему только съ другой стороны. Мнѣ показалось, что въ сущности между тѣмъ поколѣніемъ, къ которому принадлежала ваша тетушка, и вами нѣтъ ужъ такой значительной разницы.

— О, разница большая,—весело, какъ бы успокоившись, возвратила босоножка.—*Malbrough est mort et enterré*. Старое не воскреснетъ. Но, какъ вамъ сказать, намъ вѣдь приходится жить и дѣйствовать среди окружающаго насъ общества; къ чему же отталкивать его пустяками, вѣшностью? И такъ борьба намъ предстоитъ нелегкая. По правдѣ сказать, я даже очень рада,—прибавила она, пытливо глядя мнѣ въ глаза:—что и студенты подстригли шевелюру, бросили смазные сапоги, рубашку *à la russe* и, по приказанію начальства, надѣли форму...

— Можеть ли это быть? Нѣтъ, я не повѣрю, чтобы вы этому могли радоваться.

Говоря это, я невольно вспомнилъ предувѣдомленіе моего племянничка, что босоножка смотритъ на все съ своеобразной точки зрѣнія.

— Вы этому не вѣрите? Конечно, наша сестра-курсистка обыкновенно придерживается другихъ взглядовъ, но пора же намъ въ самомъ дѣлѣ бросить,—какъ бы это назвать?—водевили съ передѣваніями, которые такъ долго разыгрывала наша молодежь, и приняться за дѣло...

Въ словахъ босоножки звучалъ какъ бы вопросъ, и она продолжала пытливо поглядывать на меня.

— Простите меня, но что вы собственно понимаете подъ «дѣломъ»? Не средневѣковую ли исторію?

Это ироническое замѣчаніе какъ-то невольно сорвалось у меня съ языка, и я самъ испугался своихъ словъ. Но босоножка, къ моему удивленію, нисколько не обидѣлась. Она отвѣтила вдумчиво, серьезно, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, которое удивительно какъ ей шло.

— Можетъ быть, это дѣйствительно не настоящее дѣло. Но войдите въ наше положеніе. Если я стремлюсь къ наукѣ, то потому, что меня такъ долго окружало царство тьмы. Изъ этого царства бѣжала въ свое время тетушка, куда могла. Не правда ли? Можно ли ее винить, что она, кромѣ свѣтскихъ удовольствій, прикрашенныхъ внѣшнимъ лоскомъ знанія, ничего не нашла. И я бѣжала изъ темнаго, мертваго царства, ко, къ моему счастью, я уже нашла нѣчто больше, чѣмъ свѣтскія удовольствія: я нашла знанія, науку, заманчивую перспективу независимаго существованія, полезной дѣятельности. Что же вы можете мнѣ предложить болѣе заманчиваго, болѣе достойнаго сознательно живущаго человѣка?

Говоря это, она глядѣла на меня своими милыми, искренними глазами, точно жаждала получить отвѣтъ на мучительный вопросъ.

— А въ Осиновку вернуться нельзя?—спросилъ я.

Босоножка взглянула на меня въ первую минуту такъ, какъ будто я сказалъ несообразность. Но потомъ, словно собираясь съ мыслями, переспросила:

— Въ Осиновку?

Помолчавъ немного, она продолжала:

— Да вѣдь ея давно уже нѣтъ; вѣдь отцы наши ее прогадали, и гдѣ же намъ ее воскресить? Вѣдь они не любили Осиновки, или по крайней мѣрѣ ничего для нея не сдѣлали. Она была для нихъ только доходною статей и развѣ еще прибѣжищемъ, необитаемымъ островомъ, на который они, скрѣпя сердце, удалялись, когда терпѣли крушеніе въ жизни. Это—старая исторія. Или вы подѣ Осиновкой разумѣете «интеллигентную колонію»? Да вѣдь эти интеллигентныя колоніи,—тотъ же водевиль съ переодѣваніями, хотя и менѣе грубый. Ъхать въ Осиновку фельдшерницей, повивальной бабкой, сельской учительницей—какой абсурдъ! Къ чему же я въ такомъ случаѣ потратила въ гимназій и на курсахъ столько времени и силъ на изученіе того, что мнѣ въ Осиновкѣ не можетъ пригодиться, что для меня тамъ будетъ тяжелою обузою, что меня обезсилить, что превратить мою жизнь въ настоящую каторгу... Нѣтъ, нѣтъ. Я не создана для Осиновки: я не располагаю ни тѣми силами, ни тѣми знаніями, которыя нужны народу. А затѣмъ скажите, почему вы полагаете, что для деревни можно жить, только живя въ деревнѣ? Изъ столицы или вообще изъ большихъ центровъ можно кое-что сдѣлать и для народа можно хотя бы установить тѣ маяки, которые служили бы путеводною звѣздой для людей, дѣйствующихъ въ деревнѣ...

— Конечно, маякъ — важная вещь, — возразилъ я: — но разныхъ маяковъ наша интеллигенція соорудила не мало, и оказывалось, что они только сбивали людей съ пути, а не приводили ихъ въ желанную пристань. При томъ же сила свѣта обратно пропорціональна квадрату разстоянія, а разстоянія у насъ, на Руси, очень велики...

— Все это такъ, — возразила послѣшню босоножка: — но идеалы учащейся молодежи вѣдь постепенно видоизмѣняются. Прогрессъ и тутъ замѣтенъ. Еще такъ недавно она только протестовала, въ лучшемъ случаѣ думала только о личномъ своемъ самоусовершенствованіи въ смыслѣ усвоенія самыхъ передовыхъ или, точнѣе говоря, модныхъ теорій, а теперь она немного думаетъ и о томъ, какъ бы привести это самоусовершенствованіе въ гармонію съ истинными потребностями родины или, если хотите, деревни. Согласитесь, что прогрессъ тутъ есть. Идеалы наши, можетъ быть, уже, но вмѣстѣ съ тѣмъ они осуществимѣе. Въ Осиновку я не вернусь, и не по своей винѣ, а по винѣ отцовъ и дѣдовъ. Но все-таки...

Она вдругъ умолкла, словно у нея отъ волненія захватило духъ. Потомъ она прибавила тихо, какъ бы говоря сама съ собой:

— Самостоятельный трудъ, независимое существованіе! Тетя Лиза о нихъ не думала, какъ не думала о нихъ и тургеневская Лиза. Осиновка исчезла, нѣтъ и Калигинскаго дома. Не сбылось и пророчество Лаврецкаго: «вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, падать и вставать среди мрака». Тотъ мракъ, который имѣлъ въ виду Лаврецкій, исчезъ. Но онъ родилъ на первый разъ не свѣтъ, а новый мракъ. И откуда прійти свѣту, если намъ его не дастъ наука? Чѣмъ я была на родинѣ? Если бы я тамъ осталась, я погибла бы, вѣроятно, какъ погибла тетя Лиза, задохлась бы въ темномъ царствѣ. А теперь... О, я благословляю судьбу, что вырвалась оттуда, что попала сюда. Какъ бы ни сложилась моя жизнь, въ какія тяжелыя жизненныя условія я бы ни попала, тамъ, въ глубинѣ моей души, будетъ горѣть свѣтъ, который все скраситъ, дастъ мнѣ силу, бодрость и возможность быть полезной...

Она сложила руки, точно молилась; поднятые кверху глаза, блѣдное личико, озаренное вдохновеніемъ, отрѣшенностью отъ міра, черное ея платье, все это представляло рѣзкій контрастъ съ раздававшимися въ залѣ звуками бойкой мазурки, подъ которые плясала молодежь. Тысячи вопросовъ толпились у меня въ головѣ. Я собирался засыпать ими босоножку, но подлетѣлъ племянникъ и снова увлекъ ее, напомнивъ ей объ обѣщаніи протанцовать съ нимъ мазурку. Я остался съ своими мыслями одинъ. Я не могъ не согласиться съ новою Лизою, что связь между интеллигенціею и деревней порвана еще дѣдами и отцами, что ихъ помыслы были на-

правлены вовсе не на деревню, что они видѣли въ ней только источникъ доходовъ, что они тамъ только прожигали жизнь и рвались вонъ оттуда, чтобы прожигать жизнь въ столицахъ, въ большихъ центрахъ. Да, босоножка была права: Калитинскій домъ не уцѣлѣлъ или во всякомъ случаѣ въ немъ не зародилась та жизнь «дѣловая и трудовая», о которой мечталъ Тургеневъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Рудина и Лаврецкаго замѣнили Базаровъ, Базарова—Неждановъ, а Соломиныхъ въ жизни все еще мало, да и все еще не лежитъ къ нимъ русская душа. Она проситъ чего-то другого, чего-то болѣе возвышеннаго, широкаго, геройскаго. И возрождается снова культъ красоты, возрождается мистицизмъ, возрождается отвлеченная мысль, и прельщаетъ все это русскую душу, столь обаятельную, хотя бы въ лицѣ этой дѣвушки, только что сидѣвшей возлѣ меня, только что обворожившей меня чистотою своихъ помысловъ, возвышенностью своихъ стремленій. Давно умершая, но вѣчно памятная мнѣ Лиза и босоножка сливались теперь для меня въ одинъ образъ, и образъ этотъ меня очаровывалъ, плѣнялъ, но въ то же время тамъ, въ глубинѣ моей души, зарождалась жалость, какое-то щемящее, тоскливое чувство. Я вспоминалъ опять Осиновку, комнату, гдѣ умерла моя Лиза. Я видѣлъ ее сидящую въ своемъ креслѣ у балкона: мертвенно-блѣдное ея личико покоилось на подушкѣ, и милые голубые глаза были устремлены вдаль. Она въ послѣдній разъ любовалась природою, расцвѣтавшею во всей своей красѣ, но въ то же время холодъ одиночества проникалъ ей въ душу, леденилъ ее, какъ приближавшаяся смерть леденила ея маленькое тщедушное тѣло, созданное не для борьбы среди окружавшей ее суровой дѣйствительности съ ея грубыми запросами и требованіями, а для «звуковъ сладкихъ и молитвъ», для религіознаго экстаза, для поклоненія красотѣ, для идеальной любви, для подвиговъ духовныхъ, для науки. Обо всемъ этомъ въ Осиновкѣ нѣтъ рѣчи, и права босоножка, когда говорить, что вернуться туда она не можетъ, что, какъ тета Лиза, она тамъ задохнется, погибнетъ. Измѣнились стремленія, измѣнились идеалы, но въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось. Не для нормальной, бодрой жизни босоножка можетъ вернуться въ Осиновку, она вернется туда лишь по горькой необходимости, въ заботѣ о хлѣбѣ насущномъ, или совершая актъ великаго самоотверженія, и въ обоихъ случаяхъ будетъ жить лишь на половину, и жизненный ея путь будетъ свыше всякой мѣры тернистъ.

Долго думалъ я обо всемъ этомъ, уже не обращая вниманія на танцы. И вдругъ я бросилъ разсѣянный взглядъ впередъ. Какъ разъ противъ меня между колоннами, словно въ громадной рамѣ, я увидѣлъ въ полутемной глубинѣ босоножку. Рядомъ съ ней сидѣлъ мой племянникъ. Красивая это была пара: онъ, не смотря на свою молодость, уже мужественный, здоровый, сильный; она—

воплощенная женственность съ идеальнымъ отгѣнкомъ на мило-видномъ личикѣ. Меня поразило выраженіе лица племянника: куда дѣвалась иронія, съ какою онъ относился ко мнѣ, присущая ему безпечность, никогда, повидимому, его не покидавшая. Онъ сразу какъ будто возмужалъ, и во всякомъ его движеніи чувствовалась сила уже зрѣлаго, опредѣлившагося человѣка. Я видѣлъ, какъ онъ продолжалъ въ чемъ-то убѣждать босоножку. Мнѣ захотѣлось принять участіе въ ихъ спорѣ, или вѣрнѣе—прислушаться къ нему, узнать, о чемъ мой племянникъ такъ серьезно и видимо съ такимъ увлеченіемъ бесѣдуетъ съ босоножкой. Я всталъ, взобрался по широкимъ ступенямъ подъ колонны и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, очутился около парочки. Молодые люди, увлеченные споромъ, меня не замѣтили.

— Ну, и что толку,—говорила теперь босоножка своимъ пѣвучимъ голоскомъ: — и тотъ, и другой погибли на кострѣ; они же не только не погибли, но одержали блестящую побѣду и заставили міръ принять свою идею. Вотъ вамъ и разница между фанатикомъ, идеологомъ или называйте его, какъ хотите, и зрѣлымъ человѣкомъ, умѣющимъ дѣйствовать въ жизни. Нѣтъ, Савонаролѣ и Бруно я симпатизирую лишь отчасти, а дѣятельностью Лютера, Кальвина и Цвингли я восторгаюсь. То да не то.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, трижды нѣтъ,—возражалъ съ жаромъ племянникъ.— Вы не принимаете во вниманіе темперамента. Когда я чувствую, такъ сказать, осязаю истину, неужели мнѣ ее держать при себѣ, неужели я не имѣю права выступить съ нею открыто? Все, что человѣкъ дѣлаетъ лучшаго въ жизни, онъ дѣлаетъ, подчиняясь своей страсти, когда та направлена на свѣтлое, хорошее. Къ чему это вѣчное подавленіе въ себѣ благородныхъ, возвышенныхъ порывовъ? Взгляните на моего дядю; во что онъ превратился? Нѣтъ, жить надо, жить полною жизнью... Вотъ я васъ теперь вижу, и мнѣ хорошо, я чувствую, что живу...

— Ахъ, вы все о себѣ, Владиміръ Ильичъ,—прервала босоножка его бурную рѣчь: — а надо думать больше о другихъ, о томъ, что можетъ принести пользу. Надо жить для идеала и даже... погибать для него. Безъ вѣры въ идеалъ, безъ любви къ правдѣ, безъ вѣчныхъ поисковъ за нею, что такое человѣкъ, что такое жизнь... Вѣдь такъ вы додумаетесь еще до того, что и наука, для которой я живу, одинъ только пустой звукъ, одно марево...

Въ голосѣ босоножки слышалась словно мольба, словно жалоба, словно тайное предчувствіе, что непремѣнно, рано или поздно, кто нибудь придетъ и разрушитъ ея мечту, отниметъ у нея то, что было ей дороже всего на свѣтѣ.

Я тихо удалился.

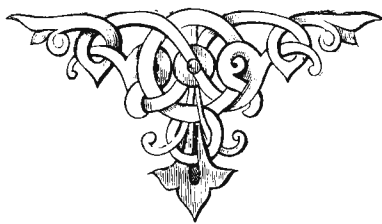

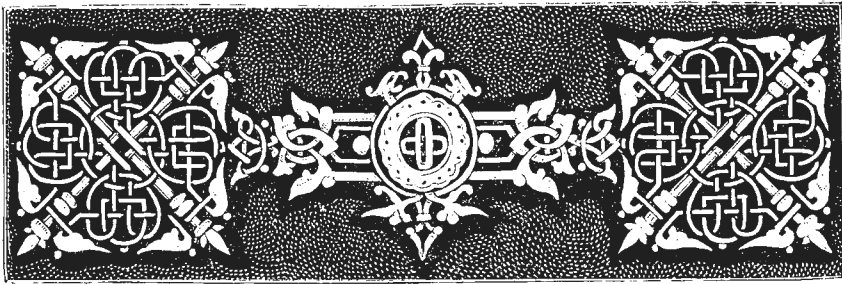
По дорогѣ домой, и за стаканомъ чая, и даже лежа уже въ постели, я еще долго думалъ о моей бесѣдѣ съ босоножкой. Неясныя стремленія русской женщины, ея порывы къ чему-то лучшему, высшему, вѣчныя скитанія ея души, ея исканіе правды въ жизни, воплотились и въ прежней, и въ новой Лизѣ, какъ они воплотились въ незабвенныхъ твореніяхъ нашихъ поэтовъ. И воскресъ въ моей памяти длинный рядъ женскихъ образовъ, и стояли предо мною, какъ живыя, и пушкинская Татьяна, и та чудная русская дѣвушка, которую Гоголь хотѣлъ, но не смогъ намъ изобразить холодбующею уже рукою, и тургеневскія Лиза и Елена. Что-то общее ихъ связывало, соединяло, и оно-то составляло ту ось, вокругъ которой вертѣлась моя взбудораженная мысль. И спрашивалъ я себя со жгучею болью въ сердцѣ: отчего эти неясныя стремленія, эти порывы, придающіе такое обаяніе русской женщинѣ, по большей части имѣютъ такой ничтожный или печальный исходъ въ сознаніи нашихъ великихъ художниковъ и въ самой жизни? Татьяна вышла замужъ за генерала, судьба Улиньки не опредѣлилась, Лиза пошла въ монастырь, а Елена, а гончаровскія Ольга и Вѣра, а моя Лиза!.. Сегодня я встрѣтился съ новою прелестною русскою дѣвушкою. Чѣмъ-то она кончить? Найдетъ ли она наконецъ выходъ изъ противорѣчія между возвышенностью стремленій и прозою, пошлостью жизни? Или и она погибнетъ, какъ погибла моя Лиза, какъ погибли или погрязли въ тинѣ жизни тѣ дѣвушки, которыя у насъ первыя выступили борцами за женскую эмансипацію? Неясныя, туманныя стремленія приняла болѣе опредѣленную форму: исканіе совершеннаго мужчины замѣнилось исканіемъ болѣе совершенныхъ общественныхъ условій. Татьяна, Лиза, Елена, Вѣра, Марианна — все это женскіе типы первой категоріи. На этой же почвѣ въ значительной степени еще стояли и женщины, стриженныя, въ синихъ очкахъ, но тутъ уже замѣтна была первая попытка найти самостоятельную жизненную цѣль, помимо поисковъ за совершеннымъ мужчиною. А босоножка — означаетъ ли она новый шагъ на этомъ пути? Повидимому, да. Я вспомнилъ, съ какимъ увлеченіемъ, безъ той фальши, которая была такъ свойственна ея предшественницамъ на пути женской эмансипаціи, она говорила о наукѣ...

О, конечно, наука—вещь великая, святая! Но вотъ босоножка бредитъ курсами, средневѣковою исторіею, увлекается Лютеромъ, Кальвиномъ, Цвингли и въ то же время смутно сознаетъ, что всѣ эти увлеченія на-вѣкъ разлучатъ ее съ сѣрою дѣйствительностью, съ практическими требованіями жизни, унесутъ туда, откуда нѣтъ возврата въ среду, въ которой она родилась. А возвратиться кому нибудь надо, иначе умѣлыхъ работниковъ на мѣстѣ никогда не будетъ. Значитъ, теперешняя наука даетъ не все, что нужно, дѣлаетъ дѣло только на половину. Какъ бесплодны до сихъ поръ

всѣ наши усилія создать что либо устойчивое тамъ, гдѣ интеллигенція приходитъ въ соприкосновеніе съ народомъ! Удаленные въ дѣтствѣ отъ него, проходя искусь среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, мы становимся ему чужды, перестаемъ понимать его міросозерцаніе, его истинныя потребности и сами обзаводимся потребностями, которыя превращаютъ наше пребываніе въ деревнѣ въ подвигъ или въ пытку. Кто изъ насъ, покидая родину, чтобы набраться ума-разума въ большихъ городахъ, уходитъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться домой и устроить этотъ домъ по возможности лучше, приобрести тѣ знанія, которыя этому дому могутъ пригодиться? Никто или почти никто. Если босоножка вернется въ Осиновку, чѣмъ она будетъ для Осиновки, и чѣмъ будетъ Осиновка для нея? Нѣтъ, не только мужчина, но и женщина навѣки разстанется съ деревней, поступая въ университеты или на курсы... Гдѣ вы, «крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди», которымъ, по словамъ Тургенева, «принадлежитъ будущее», — гдѣ вы? откликнитесь! — взывалъ я въ ночной тиши. Ахъ, какъ всѣ мы, въ комъ есть совѣсть и любовь къ родинѣ, устали отъ безплодной работы управлять Осиновкой издалека, думать о ней, не зная ея, и исправлять безъ конца ошибки, совершаемыя тѣми, кто управляетъ ею на мѣстѣ и не больше насъ ее знаетъ!...

Р. Сементковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. ЛОБАЧЕВСКОМЪ.

(Со словъ его сына Н. Н. Лобачевского).

В ПРОШЛОМЪ 1893 году, проѣздомъ черезъ г. Мариинскъ, я пробылъ въ немъ съ недѣлю. Это было во время извѣстныхъ казанскихъ празднествъ въ честь моего незабвеннаго учителя Н. И. Лобачевского. Сидя на станціи и пробѣгая газетные столбцы, посвященные воспоминаніямъ о великомъ геометрѣ, вдругъ я услышалъ фамилію Лобачевского. Въ двухъ шагахъ отъ меня, довольно полный старикъ съ почти бѣлой бородой, просѣдью въ головѣ и рукою на перевязи, о чемъ-то разговаривалъ съ почтовымъ чиновникомъ. Это оказался Н. Н. Лобачевскій, одинъ изъ сыновей знаменитаго математика. Разумѣется, я заинтересовался имъ, и какъ сыномъ своего учителя, и какъ жертвой злой судьбы, судившей ему Сибирь въ то время, когда слава его отца дошла до своего зенита. Я посѣтилъ его. На грязномъ дворѣ, въ полусгнившей избушкѣ, гдѣ-то надъ погребами, положительно безъ всякой обстановки, видимо въ крайней бѣдности, я нашелъ Лобачевского и по портрету покойнаго его отца на столѣ убѣдился, что вижу передъ собою дѣйствительно сына знаменитаго ученаго. По виду угрюмый старикъ оказался весьма словоохотливымъ человѣкомъ.

— Да!—сказалъ онъ, — вотъ куда судьба меня забросила; изъ громадной семьи (насъ было 18 человѣкъ) въ живыхъ насъ только двое—я да сестра, и, не смотря на мою собственную семью, че-

тверыхъ дѣтей и жену, я, какъ видите, совершенно одинокъ и страшно бѣдствую.

Старикъ пріостановился и передалъ нѣкоторые изъ эпизодовъ жизни отца, но дѣла и недосугъ не позволили мнѣ тогда сдѣлать гласнымъ этотъ разказъ, въ которомъ мой собесѣдникъ съ грустью ставилъ и себя частію виновникомъ смерти отца. Недавно мнѣ вновь пришлось побывать въ Маріинскѣ, и я не преминулъ, конечно, побывать у Н. Н. Лобачевского. Старика я нашелъ сильно измѣнившимся; онъ постарѣлъ и исхудалъ. Въ этомъ году онъ перенесъ тифъ, который отнялъ у него много силы, здоровья и энергіи. Я показалъ ему № 73-й «Свѣта», въ которомъ, со словъ Н. П. Вагнера, говорилось объ его отцѣ; онъ съ жадностью его прочелъ, слезы покатались по его исхудалымъ щекамъ, и онъ началъ:

«Какъ портретъ моего отца, такъ и наша семейная жизнь описаны далеко не вѣрно; да и на самомъ дѣлѣ, какъ же могъ ее знать Н. П. Вагнеръ, никогда у насъ не бывавшій, развѣ въ ранней юности, когда я былъ еще ребенкомъ, а я немного моложе его. Съ братомъ его М. П. я былъ товарищемъ, мы вмѣстѣ учились и почти въ одно время поступили въ военную службу: онъ въ Ахтырскій гусарскій, я въ Стародубскій кирасирскій полки; это было въ 1854 году, а отецъ скончался въ 1856 году. Отецъ мой одинакаго роста со мной, какъ видите, не много выше средняго, человѣкъ онъ былъ довольно полный, держалъ себя всегда прямо и только въ исключительныхъ случаяхъ опускалъ голову, но сутуловатымъ никогда не былъ. Да вотъ его портретъ, снятый за двѣ недѣли до смерти и присланный имъ мнѣ, когда я былъ произведенъ въ офицеры. Видъ у него былъ дѣйствительно задумчивый, это происходило отъ разстроенныхъ обстоятельствъ и массы непріятностей по службѣ въ послѣдніе годы его жизни. Видите ли это открытое, прямое лицо, прямо, задумчиво смотрящее на васъ, но ужъ съ потускнѣвшими глазами. На головѣ у него дѣйствительно кажется шапка, но это произошло отъ того, что присланный дагеротипъ сильно выцвѣлъ, и первый снимокъ фотографіи поправлялся неумѣлою рукою. Портретъ же его въ голубой залѣ Казанскаго университета снятъ съ портрета, писаннаго въ Казани Крюковымъ, когда отецъ былъ еще лѣтъ около 40, а звѣзда пририсована впоследствии. На портретѣ волосы немного темнѣе, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, и отецъ часто говаривалъ про Крюкова, указывая на портретъ: «хотѣлъ, видно, сдѣлать брюнетомъ, да стыдно стало». Волосы у него были такого же цвѣта, какъ мои, т. е. русые, стригъ онъ ихъ коротко, тщательно причесывалъ, но никогда не былъ курчавымъ. Глаза были свѣтло-сѣрые, какъ у меня. Непризнанное тогда его сочиненіе, грубая и несправедливая критика на его алгебру: «алгебра Лобачевского,—писалъ кто-то въ

то время, — похожа на гору, родившую мышь», смерть брата, страшно разстроенное состояніе, неудачи по службѣ и въ сыновьяхъ дѣлали глаза его задумчивыми, брови сдвинутыми. Рѣдко, рѣдко въ послѣдніе годы жизни онѣ расправлялись, и то развѣ на нѣскольکو минутъ. Состояніе отца разстроилось отъ несовѣтъ удачной покупки имѣнія. Прельстившись прекраснымъ мѣстоположеніемъ на берегу Волги, Слободкою, и рассчитывая на деньги, принадлежавшія матушкѣ и находившіяся у дяди моего (по матери) Великопольскаго, отецъ, вынувъ небольшой капиталъ изъ банка, купилъ слободку съ 1.100 десятинами и въ пятнадцати верстахъ отъ нея 4-хъ-поставную мельницу съ 15-ю десятинами земли въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Дядя былъ страшный игрокъ, театраль, поэтъ. Проигравъ все свое состояніе, онѣ прихватилъ и довѣренныя ему деньги матушки, 20 тысячъ, въ чемъ откровенно сознался въ письмѣ. Пришлось заложить слободку, во-первыхъ, чтобы рассчитаться съ ея прежнимъ владѣльцемъ Карпенко, а, во-вторыхъ, чтобы окончить уже начатыя многія постройки и улучшенія, придуманныя отцемъ. Эта покупка легла тяжелымъ бременемъ на наше вполнѣ обеспеченное состояніе. Даже самъ отецъ, любясь на свою игрушку-слободку, говорилъ шутя: «кудели-то много, да ревеню-то мало», передѣлывая *соур d'oeuil* и *revenu* на русскій ладъ. Дѣйствительно, имѣніе это оказалось совершенно бездоходнымъ, и только мельница, хотя нѣскольکو и оправдывала затраченный капиталъ, но требовала фундаментальной поправки. Между тѣмъ, отецъ выстроилъ домъ, флигель, прекрасные амбары, каретники, конюшни, каменную ригу и овчарню. Развелъ скоть, удобрявалъ землю, но камень и глина оставались попрежнему неплодородными. На площади между двухъ горъ и овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, развелъ онѣ прекрасный садъ, какъ страстный любитель растений, садъ соединилъ съ площадью дома, перекинувъ черезъ оврагъ плотину. По своему плану выстроилъ оранжерею и теплицу, но онѣ оказались совершенно негодными. Изъ сада мы пользовались прекрасными букетами, яблоками всевозможныхъ породъ, смородиной, холодной ключевой водой и... только. Отецъ задался мыслью устроить другую плотину почти въ самой деревнѣ, чтобы, задержавъ бѣгушіе съ горъ ключи, построить вторую мельницу. Баснословныя деньги взяла эта затѣя, даже кирпичная стѣна не удержала напора воды, и два раза прорванная плотина унесла съ собой массу денегъ. Отецъ вошелъ въ долги, имѣнія были заложены, а постройка новаго каменнаго дома и службъ въ Казани заставила заложить и самый домъ. Мы жили въ казенномъ домѣ, и насъ много поддерживалъ доходъ съ домовъ, но и этотъ источникъ вскорѣ прекратился. Служа такъ долго профессоромъ и ректоромъ университета, занимая кафедры чистой и прикладной математики, отецъ мой думалъ, что труды его будутъ оцѣнены, и онѣ будетъ назначенъ попечителемъ округа, должность

котораго онъ исправлялъ болѣе года, что ему и общалъ, истинно уважавшій отца, бывшій попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Но вмѣсто ученаго мундира мы увидѣли генераль-маіорскіе эполеты съ саблею за храбрость; попечителемъ былъ назначенъ В. П. Молоствовъ. Отецъ мой, назначенный помощникомъ попечителя, по требованію Молостова, долженъ былъ переѣхать въ свой домъ и лишиться значительной части дохода отъ него. Привыкнувъ къ дѣятельной жизни, онъ остался положительно не причемъ. Ректоръ И. А. Симоновъ вскорѣ вошелъ въ дружбу съ попечителемъ, и отецъ былъ окончательно устраненъ отъ всякаго участія въ учебномъ мѣрѣ. Большинство профессоровъ, служащіе и въ особенности студенты, любившіе и почитавшіе отца, привыкнувшіе даже къ его строгости, несовсѣмъ дружелюбно относились къ новымъ порядкамъ, сильно отзывавшимся строгой военной дисциплиной. Самолюбіе отца страдало, онъ горевалъ о своемъ дѣтищѣ, о родномъ университетѣ. Всѣ его начинанія отмѣнялись, совѣты отстранялись. Онъ страдалъ душевно. Непризнанные его труды, алгебра и пангеометрія, сильно разстроенное состояніе, частая нужда въ деньгахъ, нараставшіе проценты, смерть сына, поступленіе мое въ военную службу и наконецъ появившіяся объявленія о продажѣ дома и имѣній за неплатежъ процентовъ заставили его занять у Брылкиной 4 тысячи рублей и взвалить новую обузу на совершенно разстроенное состояніе. Матушка моя при своей вспыльчивости и несдержанности, прочитавъ объявленіе, принесенное услужливыми кумушками, бросилась къ отцу съ газетою въ рукахъ и засыпала его упреками. Все это, вмѣстѣ взятое, быстро свело его въ могилу. Надъ параднымъ крыльцемъ отецъ выстроилъ оранжерею и часто ходилъ въ нее изъ залы. Разъ мы услыхали какой-то шумъ падающаго тѣла. Я первый выбѣжалъ въ залу и увидѣлъ отца, лежавшаго у окна и старавшагося подняться. Вслѣдъ за мною вбѣжала матушка; «дай руку»,—сказалъ онъ мнѣ; я подалъ и съ помощью матушки довелъ его до диванной, гдѣ онъ и легъ, приказавъ подать трубку. «Что съ тобою, Николай Ивановичъ,—спросила матушка,—вѣроятно, опять геморрой?». «Ахъ, матушка!—отвѣчалъ онъ,—геморрой-то геморроемъ, да нѣтъ, ужъ вѣрно дѣло идетъ къ могилѣ. Умирать надо». Такія паденія стали повторяться все чаще. Онъ мало былъ утѣшенъ, получивъ Станислава 1-й степени. Вслѣдъ затѣмъ получилъ тотъ же орденъ И. А. Симоновъ. Спустя нѣкоторое время, Симоновъ получилъ уже Анну 1-й степени, а отецъ былъ обойденъ. Прекративъ совершенно свои посѣщенія, Симоновъ пріѣхалъ къ отцу и нанесъ ему новый ударъ. Какъ теперь, помню эту радующуюся, улыбающуюся, рябую фізіономію. «Получивъ награду, — началъ онъ, — первую мысль остановился на васъ, Николай Ивановичъ, и какъ товарища и друга, мною глубоко уважаемаго, прошу надѣть звѣзду

эту на меня». Уже сильно опустившійся отецъ снесъ это оскорбленіе и поданною матушкою булавкою твердою рукою прикрѣпилъ казенную фольговую звѣзду къ груди Симонова, поздравивъ его съ царскою милостію. Спустя, кажется, годъ, отецъ также получилъ Анну 1-й степени, по личному ходатайству тогда министра народнаго просвѣщенія Норова. Многіе профессора горячо радовались и поздравляли отца. Другіе же, принадлежавшіе къ противному лагерю, только исполнили свою обязанность. Отца моего продолжали также часто посѣщать вполнѣ уважавшіе его профессора: А. Ф. Поповъ, Ф. І. Елагинъ, І. А. Больцани, М. И. Мельниковъ и Н. А. Скандовскій. Посѣщеній П. И. Вагнера я положительно не помню. Отецъ мой про свою школьную жизнь не только не любилъ говорить, но даже и вспоминать, и если матушка и знала о его походженіяхъ, то изъ устъ бабушки и нѣкоторыхъ его товарищей. Иногда, рассказывая намъ про шалости отца, какъ, напримеръ, онъ верхомъ на коровѣ, держась за рога, на Черномъ Озерѣ встрѣтилъ ректора, она всегда добавляла: «не проболтайтесь при папѣ, онъ этого не любитъ». Объ учителѣ, пророчествовавшемъ ему быть разбойникомъ, я никогда не слыхалъ. Какъ намъ извѣстно, его шалости рельефно выдавались, когда онъ уже былъ студентомъ, за что два раза въ наказаніе переводился въ гимназію. Наконецъ шалости довели его до рекрутскаго станка; онъ уже на волосокъ былъ отъ солдатской шинели. Благодаря заступничеству профессора Магницкаго, любившаго и оцѣнивашаго способности отца, онъ былъ возвращенъ въ университетъ. Это такъ на него повліяло, что онъ, какъ оборвалъ, бросилъ всѣ свои затѣи и кончилъ курсъ магистромъ, тогда высшею ученою степенью. Сдѣлавшись адъюнктомъ вмѣстѣ съ дядей Алексѣемъ Ивановичемъ, они превратились въ щеголеватыхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, танцоровъ. Отецъ мой, имѣвшій почти 40 лѣтъ, влюбившись въ 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, мою мать, женился на богатой помѣщицѣ, бывъ уже статскимъ совѣтникомъ. А адъюнктъ-профессоръ физики, дядя, потерпѣвъ неудачу въ любви, вышелъ въ отставку, заперся въ четырехъ стѣнахъ, но, не имѣя никакихъ средствъ, поступилъ управляющимъ суконной фабрикой Г. И. Осокина. Затѣмъ въ Суконной слободѣ выстроилъ себѣ каменный домъ, проданный послѣ пожара моему отцу, а имъ подрядчику Лисицыну. Дядя страшно пилъ. Костюмъ его заключался въ бѣлой рубашкѣ, такихъ же подштанникахъ, халатѣ и котлахъ. Другого костюма онъ не признавалъ. Кромѣ отца и Осокиныхъ, онъ никого къ себѣ не пускалъ, не подходилъ даже къ окну, чтобы не видѣть женщинъ. Но ту, которой онъ прельстился, и которая отвергнула его любовь, кажется, ни отецъ, ни матушка мои не знали. Женившись, отецъ съ трудомъ добился разрѣшенія пріѣхать къ нему съ молодой женой, и еще съ большимъ трудомъ добились отъ него согласія быть моимъ крестнымъ

отцомъ. А. И. сильно походилъ на отца, но ростомъ былъ выше, волосы почти черные, и носъ былъ страшно раздутъ отъ чрезмѣрнаго употребленія вина. Около 40 лѣтъ присидѣлъ старикъ заперти. Прежде онъ имѣлъ любовницу, но лишь только она родила сына, живой портретъ дяди, была немедленно изгнана, и только одинъ разъ въ годъ онъ принималъ къ себѣ матушку и раза 4—5 отца, котораго, однако, очень любилъ. Послѣ пожара, отъ котораго дядя пострадалъ, ему были отведены двѣ комнаты на антресоляхъ нашего громаднaго дома, совершенно отдѣльныя, но изрѣдка доходящій до него гулъ отъ нашихъ дѣтскихъ голосовъ нарушалъ его покой, и онъ уѣхалъ въ слободку. Проживъ здѣсь мѣсяца два, онъ уѣхалъ въ Казань и заперся въ квартирѣ за Булакомъ.

«Отецъ мой, не смотря на угрюмость, собственно говоря, появившуюся съ переѣздомъ въ свой домъ, былъ характера мягкаго, готовый всегда явиться на помощь и по мѣрѣ силъ сдѣлать добро. Матушка же была права горячаго, вспыльчивая и если и уступала отцу, то только изъ любви и уваженія къ мужу. Впрочемъ, отецъ рѣдко входилъ въ какіе нибудь споры съ матушкой. Бывало, махнетъ рукой, проговоритъ: «Эхъ, матушка Варвара Алексѣевна!» и уйдетъ въ кабинетъ. Самыми частыми нашими посѣтителями, во время закатившейся звѣзды отца, кромѣ сказанныхъ профессоровъ, были: бывший дѣлопроизводитель попечителя И. Р. Цеглевъ и родные Н. А. Моисеевъ, Осокины—Г. И., А. Г. и сейчасъ еще живой П. Г., бывший моимъ посаженнымъ отцомъ, при женитьбѣ молодого поручика на В. Н. Манасеиной. Разстроенное имѣніе и невозможность содержать себя въ кавалеріи заставили меня выйти въ отставку. Буйный, горячій характеръ не далъ мнѣ ужиться съ гражданскими порядками. Мельница и домъ были проданы матушкой, но это только на время отсрочило продажу Слободки. Отдавъ дочь свою при помощи П. Г. Осокина на его стипендію въ Казанскій Родіоновскій институтъ, я съ двумя сыновьями, весьма плохо учившимися въ гимназіи, уѣхалъ въ Оренбургъ. Старшій сынъ теперь сотникъ въ Оренбургскомъ казацкѣмъ войскѣ, второй телеграфистомъ въ Самарѣ, гдѣ живетъ и моя жена съ четырнадцатилѣтнею дочерью, а старшая замужемъ за капитаномъ Ѳедоровымъ въ Оренбургѣ. Во время пожара, потерявъ свои послѣднія крохи, я поступилъ, по милости младшаго брата моего, теперь умершаго, въ интендантство, но, благодаря своей глупой довѣрчивости, допустилъ растрату провіанта и черезъ годъ и два мѣсяца попалъ въ Сибирь, и сами видите, въ какомъ я грустномъ положеніи, одинокій, больной. Я обратился за помощью, въ память отца, къ родному Казанскому университету, получилъ 60 рублей, обѣщаніе на будущее и на воспитаніе дочери, но съ ноября мѣсяца 1893 года жду и голодаю.

«Въ жизни моего отца были два весьма странныхъ случая. Не

задолго до назначенія попечителемъ В. П. Молоствова, отецъ мой ночью въ свой крошечной спальнѣ былъ разбуженъ, какъ бы отворившеюся дверью. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ стояла какая-то женщина въ бѣломъ покрывалѣ, съ длинною бѣлою косою и цѣпью на рукахъ. Предположивъ, что къ рѣсницамъ присталъ пухъ отъ подушки, онъ протеръ глаза, но видѣніе не исчезло. Женщина, показавъ рукою въ сторону нашего дома, вышла въ окно съ двойною рамою. Утромъ помощникъ инспектора Зоммеръ, придя съ рапортомъ, что-то замаялся, проговоривъ, однако, слово «еще». Отецъ попросилъ Зоммера не стѣсняться и доложить, въ чемъ дѣло. Оказалось, что ночной часовой доложилъ экзекутору, что изъ окна его превосходительства вышла какая-то бѣлая женщина, прошла черезъ дворъ, крышу каретника и исчезла. Экзекуторъ обругалъ часового, заподозрѣвъ, что онъ былъ пьянъ, и посадилъ его подъ арестъ. Позвавъ экзекутора и приказавъ немедленно освободить часового, отецъ подтвердилъ его рассказъ. Второй случай тоже не лишенъ интереса. Когда мы укладывались и переѣзжали въ свой домъ, вся прислуга слышала какой-то стонъ, выходившій какъ бы изъ-подъ пола, а затѣмъ мы всѣ слышали (мнѣ было тогда лѣтъ 15), какъ перебирались клавиши на запертыхъ фортепіанахъ, издавая унылый звукъ.

«Говоря о правдивости и добротѣ отца, я долженъ прибавить, что онъ былъ очень строгъ, а къ своимъ сыновьямъ относился еще строже. Когда я переходилъ на второй курсъ, я срѣзался изъ дифференціального вычисленія, отказавшись отъ перваго билета; я только успѣлъ взять второй, когда въ залу вошелъ отецъ, тогда уже сильно недомогавшій. Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ, увидавъ меня у доски, сказалъ: «Какъ разъ во время, сынъ къ доскѣ, отецъ въ двери»... Я былъ сильно сконфуженъ и съ трудомъ, съ запинками, отвѣчалъ на билетъ, путаясь на каждомъ шагу, и, вмѣсто L' поставивъ L, я совершенно сбился съ толку, хотя отецъ меня ободрялъ и старался заставить увидать свою ошибку. Отецъ догадался, что я плохо знаю билетъ, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣчалъ наобумъ. «Удачно сказано!» — замѣтилъ отецъ и влѣпилъ мнѣ единицу. Тогда переэкзаменовки были запрещены, и не выдержавшій экзамена исключался изъ университета. Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ, тогда еще молодой, профессоръ А. М. Бутлеровъ. Выждавъ, когда отецъ ушелъ, онъ въ виду еще неоконченнаго экзамена предложилъ проэкзаменовать и меня, говоря, что это не переэкзаменовка, а продолженіе какъ бы не оконченнаго экзамена. Профессоръ М. А. Ковальскій принялъ сторону Бутлерова; А. Ф. Поповъ и деканъ П. И. Котельниковъ согласились. Получивъ отмѣтку 3 и депутатскіе 4 и 4, я весело пошелъ домой. Всю семью я засталъ за обѣдомъ, и мое мѣсто по правую руку отца занималъ братъ Алексѣй. Отецъ былъ

страшно угрюмъ, вся семья молчала. Давъ мнѣ немного утолить голодъ, отецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я намѣренъ дѣлать, такъ какъ изъ главнаго предмета получилъ единицу, и онъ противозаконія не допустить. Я объяснилъ о сданномъ экзаменѣ. Выслушавъ, отецъ позвалъ меня въ кабинетъ, заперъ двери и закурилъ свою любимую трубку, но не съ длиннымъ, а коротенькимъ, четверти въ 3, кривымъ черешневымъ чубукомъ и круглымъ янтаремъ. Подозвавъ меня къ доскѣ, онъ заставилъ повторить тѣ билеты, на которые я отвѣчалъ послѣ него, и, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, распрямилъ свои черныя брови, поцѣловалъ меня и далъ мнѣ 25 рублей. Вообще во время экзаменовъ брата или моего матушка всегда старалась задержать отца, но не всегда это удавалось. Послѣ онъ благодарилъ Бутлерова. Не могу еще не рассказать такого же случая съ братомъ. Переходя на 3-й курсъ, онъ срѣзлся по физикѣ, прокутивъ передъ экзаменомъ всю ночь. Переэкзаменовка была назначена послѣ вакацій. Отказавшись отъ перваго билета, братъ только что хотѣлъ взять второй, какъ отецъ, замѣтивъ, что онъ возвратилъ билетъ, подошелъ и сѣлъ къ столу. Братъ взялъ другой и тоже незнакомый: «Ваше превосходительство,—сказалъ онъ, обратившись къ отцу,—изъ 25-ти билетовъ я не успѣлъ прочесть 4-хъ и, къ несчастію, два изъ нихъ взялъ, позвольте мнѣ взять третій».—«Что же вы совсѣмъ не можете отвѣчать на эти билеты?»—спросилъ отецъ.—«Могу,—отвѣчалъ братъ,—но я ихъ плохо знаю и не желалъ бы портить свои отмѣтки». Профессоръ физики, А. С. Савельевъ, предложилъ брату третій билетъ, но и этотъ былъ изъ числа незнакомыхъ, и братъ положительно отказался отвѣчать. Савельевъ сдѣлалъ брату нѣсколько вопросовъ, онъ отвѣчалъ бойко и хорошо. Нахмуривъ брови и опустивъ голову, отецъ ушелъ къ другому столу и молча слѣдилъ за экзаменами, чтѣ было не въ его натурѣ.

«Лѣтомъ мы занимались мало, и по приглашенію отца къ намъ всегда пріѣзжало человекъ 7—8 студентовъ разныхъ факультетовъ, но бѣдныхъ людей и непременно хорошихъ учениковъ. Не знаю, живы ли докторъ Н. И. Розовъ и полковникъ артиллеріи А. Е. Князевъ, они могли бы сказать нѣсколько словъ объ отцѣ, такъ какъ не одно лѣто жилали у насъ въ Слободкѣ, а послѣдній былъ товарищемъ брата.

«Отецъ молча слѣдилъ за братомъ. Наконецъ, время было ѣхать въ Казань. Я же вскорѣ долженъ былъ ѣхать держать экзаменъ на 1-й курсъ. Братъ, заручившись покровительствомъ матушки, вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Мы всѣ притихли.—«Ты что?»—спросилъ отецъ.—«Позвольте мнѣ ѣхать въ Казань».—«Зачѣмъ?»—«Держать экзаменъ изъ физики».—«Тамъ собакъ не гоняютъ, рыбы не удаятъ, а ты все лѣто только этимъ и занимался. Какой же ты хочешь держать экзаменъ? Дуракъ, пошелъ!» Матушка заступилъ

лась за своего любимца. Отецъ упорно молчалъ. Наконецъ, отперъ ящикъ, вынулъ три четвертака, подаль брату и проговорилъ: «Мнѣ лошади нужны самому, вотъ тебѣ на дорогу, ступай!». Вышелъ изъ кабинета и ушелъ въ садъ. У матушки денегъ не было, просить у управляющаго Терновскаго не хотѣла, такъ какъ его всё терпѣть не могли. Всякими неправдами собрали рублей семь и проводили брата на Волгу, гдѣ онъ, сѣвъ на прибѣгъ, уѣхалъ за тридцать копеекъ, а тамъ съ пристани, семь верстъ, уже было на что доѣхать. На другой день отецъ объявилъ, что завтра ѣдетъ въ Казань и приказалъ мнѣ собираться. Ухитрились, однако, такъ, что по случаю поломки экипажа мы выѣхали на четвертый день, послѣ отъѣзда брата.

«Быстро шагая по лѣстницѣ, я услыхалъ веселыя пѣсни въ комнатѣ брата, нѣсколько студентовъ въ рубашкахъ, въ облакахъ дыма, съ массою бутылокъ на столѣ, весело распѣвали. Я не успѣлъ проговорить: «пріѣхалъ отецъ», какъ онъ вошелъ въ комнату. «Экзаменъ былъ?»—обратился онъ къ брату.—«Былъ»,—отвѣчалъ братъ съ веселой улыбкой.—«Выдержалъ?»—«Точно такъ, папенька, сегодня я праздную, благодаря товарищамъ, переходъ на 3-й курсъ.»—«Кто экзаменовалъ?» Братъ, какъ бы упирая на словахъ, сказалъ: А. Ф. Поповъ и А. С. Савельевъ.—«Я бралъ два билета и получилъ пять.» Брови отца выпрямились, добродушная улыбка заиграла на его благородномъ лицѣ.—«Ну, братъ, извини,—сказалъ онъ, видимо повеселѣвъ.—«Опоздалъ!... Экипажъ что-то поломался»,—сказалъ онъ съ хитрой улыбкой:—«продолжайте, господа, я вамъ не мѣшаю»,—при этомъ онъ протянулъ руку брату, которую тотъ поцѣловалъ.—«Отдохните, погуляйте, скоро опять за работу. Николай, за мной». Придя въ кабинетъ, отецъ вынулъ изъ стола нѣсколько ассигнацій и, подавъ ихъ мнѣ, приказалъ передать брату, а самъ уѣхалъ, какъ оказалось, къ А. Ф. Попову. Передавая деньги брату, я засталъ всѣхъ студентовъ застегнутыми, съ фуражками въ рукахъ. Братъ горячо имъ доказывалъ, что бояться нечего, отецъ больше не придетъ. Въ это время я подаль брату деньги, запыхавшись, проговоривъ.—«Папенька уѣхалъ, велѣлъ тебѣ отдать!»—«Ура!»—вскричалъ братъ.—«Что ребята! не правъ я?» И пѣсня звонкая, лихая, потрясла стѣны комнаты. Два дня мы не видали брата и наконецъ, на третій день, когда я уже сдалъ больше половины экзаменовъ, поздно вечеромъ братъ вошелъ, блѣдный, угрюмый; его красивые, черные волосы были въ беспорядкѣ. Бросивъ фуражку на стулъ и прогнавъ лакея, онъ сѣлъ на мою кровать. «Братъ,—сказалъ онъ,—ничего не слышно?»—«Ничего».—«Ланге отцу про меня ничего не докладывалъ?»—«Ровно ничего».—«Это вѣрно? Можетъ быть, ты не наешь?»—«Вѣрно, да и трудно не знать, оба раза при рапортѣ я былъ у отца. Ланге приходилъ и уходилъ при мнѣ, затѣмъ мы

съ отцомъ шли на экзаменъ, также и возвращались. Отецъ очень весель, экзаменъ идетъ изрядно, а что случилось?» — «Ничего!» — сказалъ братъ и, застегнувъ сюртукъ, пошелъ къ отцу въ кабинетъ. Я выбѣжалъ въ корридоръ и припалъ къ окну, ведущему въ кабинетъ отца, гдѣ былъ вынуть для этой цѣли уголокъ стекла.

«Братъ разсказалъ отцу слѣдующее. Гуляя съ компаніей, онъ подошелъ къ тюремному замку, гдѣ около платформы мальчишки дрались накулачки, а гарнизонный офицеръ любовался на нихъ, сидя на барабанѣ. Бросивъ мальчишкамъ какую-то мелочь, братъ закричалъ: «Ну, ребята!» Началась заправская свалка, но мелочь досталась одному, который торжественно и подбѣжалъ къ брату, показывая серебро. Между тѣмъ, мальчишки бросились на счастлильца, хотя у нѣкоторыхъ фizioноміи были въ крови, но братъ ихъ разогналъ. Тогда гарнизонный прапоръ, съ улыбкой подавая брату полтинникъ, сказалъ: «Неугодно ли вамъ?» т. е. подраться. — Братъ молча взялъ полтинникъ, положилъ его въ карманъ и развернувшись далъ двѣ оплеухи прапору, повернулся и ушелъ. — «Это вѣрно?» — спросилъ отецъ. — «Глянусь честью», — отвѣчалъ братъ. — «Хорошо, ступай спать», — проговорилъ отецъ и сталъ ходить по комнатѣ. Братъ, проходя мимо меня, только и сказалъ: «Не говори маменькѣ». — На другой день, послѣ чая, который мы всегда пили съ отцемъ, братъ ушелъ; я не замѣтилъ, чтобы отецъ былъ не въ духѣ. Разговаривая, онъ все шутилъ надо мной. Проходя по корридору, чтобы идти на экзаменъ, я услыхалъ громкій разговоръ въ кабинетѣ. Въ одну минуту я былъ у наблюдательнаго окна. Около круглаго стола сидѣли отецъ, полковникъ Корейша и юный офицеръ. Корейша что-то долго толковалъ, и до меня долетѣли его слова: «Это оскорбляетъ честь и мараетъ мундиръ русскаго офицера, и я попрошу ваше превосходительство быть строгимъ отцемъ и безпристрастнымъ начальникомъ». — «Я вполне согласенъ съ вами, — тихо, но отчетливо отвѣчалъ отецъ, — и мы взвѣсимъ шансы обѣихъ сторонъ. Мой сынъ человекъ молодой, подкутивъ съ своими товарищами, не сдѣлалъ никому никакого вреда. Бросивъ нѣсколько мелкихъ монетъ дерущимся мальчишкамъ, онъ поступилъ глупо, необдуманно, но это извиняется его молодостью. Конечно, мы съ вами этого бы не сдѣлали. Сдѣлано это было безъ всякой задней мысли. Своимъ поступкомъ онъ не оскорбилъ ничьей личности, и въ мысляхъ его не было задѣтъ хотя бы косвенно г. офицера, на котораго онъ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія. И неумѣстная шалость осталась бы шалостью. Мальчишки съ помятыми боками убѣжали бы домой, и тѣмъ бы дѣло и кончилось, а гуляющая молодежь побрела бы намѣченной дорогою. Такъ ли поступилъ г. офицеръ? Съ какою цѣлью онъ предложилъ вотъ этотъ полтинникъ?» — Отецъ вынулъ изъ кармана полтинникъ и подаль его офицеру. — «Прошу получить

обратно. Онъ его предложилъ съ цѣлью, съ задней, обдуманной мыслью оскорбить моего сына, оскорбить студента, сравнять его съ мальчишками, насмѣяться надъ тоже русскимъ мундиромъ студента. Правда, что на мундирѣ офицера надѣты эполеты, но этотъ мундиръ дается за военное искусство и для поддержанія дисциплины въ солдатахъ; мундиръ же студента дается за примѣрное, хорошее ученье, и не всякій офицеръ можетъ добиться мундира студента, тогда какъ наоборотъ мундиръ студента даетъ извѣстные права даже на офицера. Такимъ образомъ г. офицеръ безъ безъ всякаго повода со стороны моего сына и его товарищей нанесъ имъ оскорбленіе. Это оскорбленіе, повторяю, сдѣлано обдуманно, рассчитанно. Сынъ на оскорбленіе отвѣтилъ оскорбленіемъ, но это сдѣлано сгоряча, по молодости. Имъ руководило оскорбленное самолюбіе, а не благоразуміе, что ему вполне извинительно, и провести параллели между ними нельзя. Какъ отецъ, я вполне прощаю вспыльчивость, горячность сына. Какъ начальникъ, извольте, я накажу студента, поручу произвести дознание и предамъ его суду. Но вѣдь тогда разъяснится, за что студентъ наказывается; поступокъ какъ студента, такъ и г. офицера сдѣлаются гласными. Ловко ли это будетъ? Ни комендантъ, ни начальникъ губерніи не умолчатъ объ этомъ скандалѣ, и врядъ ли онъ кончится въ пользу г. офицера. Съ одной стороны, я повторяю ваши слова, г. полковникъ: начальство, съ другой стороны — товарищество не простятъ этого молодому человѣку, а онъ еще очень молодъ, еще только начинаетъ жить, начинаетъ служить, зачѣмъ же портить его карьеру за такую, извините, глупость. Впрочемъ, какъ вамъ угодно! Я же съ своей стороны даю вамъ слово, что эта исторія дальше моего кабинета не пойдетъ».

«Долго длилось тяжелое молчаніе, полковникъ крутилъ усы, и эполеты его вздрагивали. Къ моему немалому удивленію всталъ офицеръ. Онъ видимо былъ пораженъ словами отца. Поклонившись низко отцу, онъ обратился къ своему начальнику: «Его превосходительство совершенно правъ, г. полковникъ, я кругомъ виноватъ. Если можно, простите меня, простите моей молодости, и если я замаралъ мундиръ, даю слово смыть это пятно». Полковникъ не зналъ, на что рѣшиться, военная косточка не поддавалась благоразумію, хотя видимо онъ сознавалъ правдивость словъ отца. На выручку поспѣшилъ отецъ: «Вотъ и прекрасно,—сказалъ онъ,—нельзя не отдать полной справедливости и не приписать къ его чести полного сознанія и вѣрной оцѣнки своего поступка. И я съ своей стороны прошу васъ простить молодыхъ людей. Вѣдь не преступленіе же они совершили, вѣдь и мы въ молодости были не безукоризненны, а безчестнаго, кромѣ шалости, въ ихъ поступкѣ ничего нѣтъ, право такъ, полковникъ». — «Да, Николай Ивановичъ, вы болѣе чѣмъ правы, а ты, любезный прапорщикъ, убирайся по-

добру-поздорову, а лишній разъ въ караулъ я тебя, молокососа, все-таки упрячу». Отецъ, пожавъ руку юнцу, закурили съ Корейшей трубки, а я бросился на экзамень. Тамъ я встрѣтилъ брата, которому и разсказалъ все слышанное.—«Я это хорошо зналъ»,— проговорилъ братъ, высоко взъерошивая свой черный чубъ. Пришедшему же на экзамень отцу оставалось только поздравить меня студентомъ перваго курса. Братъ съ отцемъ остались въ городѣ, а я поскакалъ въ Слободку, гдѣ матушка готовила сельскій праздникъ для встрѣчи вновь испеченнаго студента. Не долго, однако, протянулъ братъ. Скоротечная чахотка вступила въ свои права. Однажды онъ жутко закашлялся и умеръ на рукахъ студента пятаго курса Владимірскаго. Вытаскивая свернувшуюся кровь изо рта, онъ, отчаянно взглянувъ на меня, проговорилъ «умираю» и скончался. Матушка надѣялась на кумысъ и была увѣрена въ выздоровленіи брата, но отецъ, хотя и зналъ безнадежное положеніе брата, былъ далекъ отъ мысли о висѣвшей надъ головою катастрофѣ. Матушка была беременна, и это ее такъ потрясло, что она родила сына, совершеннаго идіота, прожившаго, однако, до тридцати лѣтъ.

«Отецъ любилъ быстрые отвѣты и не любилъ мямлей. Товарищъ мой, П. К. Криницынъ, учился прекрасно, но былъ страшный мямля и «толстоязыченъ». Отецъ его прозвалъ: «суконный языкъ». Онъ хорошо окончилъ курсъ, и когда диссертация его на степень кандидата была одобрена, молодежь съ радости подкутила и ночью пробиралась домой. Криницынъ бросилъ безъ всякой мысли камень и совершенно нечаянно разбилъ въ церкви Воскресенія окно. Это было какъ разъ противъ полиціи. Выбѣжавшіе будочники захватили нѣкоторыхъ студентовъ, въ томъ числѣ и Криницына. Утромъ онъ разсказалъ всю исторію инспектору В. И. Ланге (прозванному студентами *Lange gué*). Тотъ доложилъ Молоствову, конечно, въ превратномъ видѣ, и поступокъ Криницына превратился въ кощунство. Попечитель собралъ совѣтъ, и вотъ у молодого кандидата отнимается такимъ трудомъ добытая степень: Криницынъ исключается за буйство изъ университета. Профессора раздѣлили мнѣніе попечителя, четырехлѣтняя трудовая безукоризненная жизнь была забыта, и Криницынъ висѣлъ на волоскѣ. Отецъ, тогда уже совершенно больной, во-время пріѣхалъ на засѣданіе совѣта, и его разумное заступничество спасло Криницына.

«Изъ Нижняго пѣшкомъ пришелъ сынъ священника Розовъ. Прекрасно сдалъ экзамень, онъ былъ принятъ на юридическій факультетъ. Розовъ былъ въ ужасномъ положеніи, когда попечитель Молоствовъ отказался принять его на казенный счетъ. Ему посоветовали обратиться къ отцу. Разспросивъ его обо всемъ, отецъ велѣлъ ему идти домой и ждать. Узнавъ о хорошихъ отмѣткахъ Розова, онъ послалъ помощника инспектора Зоммера узнать о его

поведеніи. Удовлетворительный отвѣтъ и вполне доказанная бѣдность Розова были достаточнымъ ручательствомъ, и онъ, благодаря отцу, былъ принятъ на казенный счетъ. Когда Розовъ пришелъ благодарить отца и всталъ передъ нимъ на колѣни, то отецъ, подымая его, сказалъ: «учитесь хорошенько и этимъ вы докажете признательность мнѣ». Розовъ былъ послѣ вице-губернаторомъ въ Казани и считъ своею обязанностью навѣстить матушку и часто заходилъ къ ней поговорить о покойникѣ.

«Студентъ Ахматовъ прекрасно учился, воспитывался на казенный счетъ, но былъ страшный озорникъ и почти не выходилъ изъ карцера. Посадивъ его за что-то въ карцеръ, отецъ вечеромъ пошелъ гулять и лицомъ къ лицу встрѣтился съ Ахматовымъ. «Какъ,— говоритъ отецъ,— развѣ вы не въ карцерѣ?» — «Виновать, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ Ахматовъ, — я отсюда ушелъ». — «Ушли?!.. но какимъ образомъ?».— «Я спустился по водосточной трубѣ, а теперь иду обратно». — «Тѣмъ же путемъ?» — «Точно такъ, ваше превосходительство». — «Это въ третій-то этажъ! Нѣтъ, ужъ извините. Отправляйтесь прямо ко мнѣ и дожидайтесь меня». — Мы были тогда еще дѣти, обступили Ахматова. — «Пѣсня моя спѣта,— грустно говорилъ Ахматовъ: — бѣдная матушка, бѣдныя сестры!.. дождались ненагляднаго кормильца». Сколько правдиваго горя звучало въ словахъ этого развеселаго, разбитнаго человѣка. Намъ и то его сдѣбалось жаль. Возвратившійся отецъ позвалъ его въ кабинетъ и долго-долго его держалъ. Ахматовъ со слезами на глазахъ убѣжалъ въ университетъ. Въ карцеръ онъ больше не попалъ и кончилъ прекрасно курсъ, а отецъ на другой день въ карцерѣ приказалъ вставить желѣзную рѣшетку.

«Да однимъ словомъ, сколько я въ свою жизнь ни встрѣчалъ казанскихъ студентовъ, всегда имя отца моего произносилось ими съ благоговѣніемъ. Разъ студенты, порицая Молоствовскіе порядки, собрались въ рекреационномъ залѣ и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, громко требовала измѣненій. Ни самъ Молоствовъ, ни Симоновъ, ни Ланге, не могли урезонить строптивыхъ. Послали за отцемъ. Въ вицъ-мундирѣ, со шляпою въ рукахъ, вошелъ отецъ въ зало. Студенты моментально стихли. Подойдя къ нимъ, отецъ сказалъ: «господа, разойдитесь, не мечите бисеръ! не стойте!.. лучше покоритесь». — Студенты молча разошлись. Отецъ настоялъ на ихъ справедливомъ требованіи, хотя по его же инициативѣ нѣкоторые были наказаны сравнительно строго, но не исключены. Это еще болѣе возстановило враждебную партію, и отецъ остался почти одинокимъ. Наказанные студенты съ успѣхомъ окончили курсъ и всей гурьбой пришли къ полуслѣпому старцу.

При жизни на казенной квартирѣ запутанность дѣлъ не такъ была чувствительна. Хорошій доходъ съ Спасскихъ имѣній и домовъ въ Казани позволялъ отцу и матушкѣ вести роскошную жизнь.

Рѣдкій вечеръ отецъ не посѣщаль англійскаго клуба, играя по 5 копеекъ въ преферансъ. Домъ нашъ былъ всегда полонъ отборнымъ обществомъ. Повара считались лучшими, и ни одинъ домъ не обходился безъ ихъ участія. Но все это скоро измѣнилось; какъ разореніе наше, такъ и здоровье отца пришли къ конечному исходу. Совершенно одинокій, всѣми оставленный, отецъ занялся своей пангеометріей. Слепота не позволяла ему писать самому, и подъ его диктовку писали студентъ 4 курса Н. И. Бюрно, кончившій курсъ съ золотою медалью, и профессоръ І. А. Больцани. Последний, не смотря на свою ученость, назвалъ сочиненія отца бредомъ сумасшедшаго. Кстати о Больцани. Онъ былъ пріѣзжій итальянецъ, приказчикъ книжной лавки. Отецъ, войдя въ лавку, увидѣлъ его углубившимся въ книгу. Замѣтивъ, что книга математическая, отецъ съ нимъ разговорился. Здѣсь онъ убѣдился, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ, глубоко начитаннымъ, достигшимъ образованія, благодаря единственно себѣ, своей любви къ наукѣ. Вскорѣ Больцани поселился у насъ. Преподавалъ онъ плохо, такъ какъ былъ торопливъ, горячъ. Выдержавъ экзамень, онъ былъ назначенъ учителемъ первой казанской гимназіи, а впоследствии профессоромъ физики въ университетѣ. И этотъ-то глубоко ученый человѣкъ не могъ понять и оцѣнить трудъ великаго геометра-философа. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ, алгебра моего отца не была принята, и даже не помню какая газета, критически взглянувъ на трудъ отца, выразилась: «Ожидаемый шедевръ оказался горою, родившею мышъ». Вскорѣ послѣ смерти брата я, какъ-то войдя въ гостинную, засталъ тамъ постоянного посѣтителя, знаменитаго казанскаго оператора Ф. І. Елачича. Я тогда былъ на второмъ курсѣ. Поклонившись доктору, я почему-то закашлялся. Ф. І. подозрительно посмотрѣлъ на меня, и этотъ взглядъ рѣшилъ мою участь. По возвращеніи съ лекціи, отецъ меня осторожно спрашивалъ, не чувствую ли я какой нибудь неловкости въ груди, отчего у меня кашель, а у меня, какъ нарочно, першитъ въ горлѣ, да и конецъ. Забылъ даже отецъ свои любимые разпросы, какія были лекціи, кто и что читали. Его страшно радовало, если онъ видѣлъ, что я могъ повторить слышанное. Вотъ когда его юморъ былъ виденъ. Онъ шутилъ, рассказывалъ какіе нибудь анекдотцы, и обѣдъ и вечеръ проходили весело. Но зато дѣлался страшно угрюмъ, неразговорчивъ, даже рѣвко, когда видѣлъ, что лекція слушалась безъ вниманія, или вовсе не слушалась. Разъ какъ-то я пропустилъ лекцію и именно изъ интегральнаго исчисленія. Отца я засталъ въ веселомъ расположеніи духа.—«Ну, говоритъ, математикъ, что-то намъ сегодня повѣдалъ новенькаго нашъ интеграль?».. Такъ студенты прозвали А. Ф. Попова за его весьма маленькій ростъ. Я вспомнилъ прежнюю лекцію, и давай отцу барабанить. Брови его сдвинулись, лобъ наморщился. Трубочка, его

вѣчная спутница, была поставлена въ уголь—это знакъ его недовольства; ничего не замѣчая, я продолжалъ ораторствовать. Вдругъ отецъ всталъ, взявъ съ сердцемъ трубку и, проходя мимо меня, сказалъ: «Это мы ужъ слышамъ, только дуракамъ да лгунамъ два раза читаютъ одну и ту же лекцію».

«Долго здоровался и прощался со мною отецъ холодно. Я ждалъ вопроса и усиленно слѣдилъ за лекціями. Вдругъ, какъ-то неожиданно, отецъ повторилъ свой любимый вопросъ, но я не былъ захваченъ врасплохъ и моментально рассказалъ двѣ-три лекціи. Отецъ былъ крайне доволенъ и миръ былъ заключенъ. Отца всегда радовало, когда къ нему обращались съ желаніемъ учиться. Онъ съ такою отеческою заботою слѣдилъ за ученикомъ, что дѣйствительно было достойно удивленія. Разъ, я помню, еще въ очень молодыхъ годахъ, изъ нашей деревни Полянокъ явился къ отцу мужикъ лѣтъ тридцати съ большою черною бородою, нечесаный, косматый и, войдя въ кабинетъ, бросился въ ноги отцу. Отецъ, думая, что явился какой нибудь пьяница, съ какой нибудь жалобой, съ сердцемъ спросилъ, откуда онъ, и что ему надо. Оказалось, что изъ Полянокъ крестьянинъ Романъ бѣжалъ отъ жены, дѣтей и явился въ городъ учиться грамотѣ. Отецъ крайне удивился. «Ты бы, Романъ,—сказалъ онъ,—лучше бы сына привелъ, вѣдь какъ же ты домъ-то бросилъ?»—«Нѣтъ, батюшка, ослобони, теперь работы кончены, хлѣбъ убрали, осень да зиму поучусь, ну, а къ веснѣ пойду на работу».—«Ну, ладно,—сказалъ отецъ,—оставайся». Къ веснѣ, научившійся бойко читать, писать и считать, Романъ поѣхалъ въ Полянки управляющимъ, но такого пьяницы еще свѣтъ не родилъ.

«Отвергнутый всѣми, отецъ страшно тосковалъ. Нужда въ деньгахъ становилась съ каждымъ днемъ чувствительнѣе, между тѣмъ расходы увеличивались, мы подростали. Отецъ устроилъ вечернія чтенія, которыя сначала посѣщались, но вскорѣ остались только я да два-три слушателя, пришлось ихъ прекратить.

Теперь возвращусь къ моему кашлю и приговору Ф. І. Елачича. Отецъ не на шутку встревожился. Недавняя смерть брата внушала серьезныя опасенія и за мое здоровье. Елачичъ принялся меня лѣчить, и я сдѣлался истиннымъ страдальцемъ. Шпанскія мушки смѣняли одна другую, и моя грудь была совершенно истерзана. Девять мѣсяцевъ Елачичъ упорно преслѣдовалъ мысль, что у меня должна быть чахотка. Весною меня увезли въ Слободку. Изъ пухлаго, круглаго юноши я сдѣлался скелетомъ и съ трудомъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Отецъ слабѣлъ, но, безусловно вѣруя въ непогрѣшимость Елачича, ожидалъ, что вскорѣ лишится и второго сына. Лишится двухъ взрослыхъ сыновей было для отца тяжелымъ ударомъ. Онъ, не дождавшись окончанія экзаменовъ, пріѣхалъ въ Слободку, но глядѣлъ уже разва-

линой. Купанья его въ холодной водѣ прекратились, глаза слабѣли, и онъ больше лежалъ. Истинно преданный нашему семейству и глубоко уважавшій отца докторъ Н. А. Скандовскій замѣтилъ ошибку Елачича и сталъ совѣтовать матушкѣ бросить лѣкарства и дать мнѣ полную свободу. Я сталъ быстро поправляться и по совѣту того же Скандовскаго и настоянію матушки въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 года уѣхалъ въ Херсонскую губернію и поступилъ въ Стародубскій кирасирскій полкъ. Отъѣздъ мой сильно повліялъ на отца. Ему было также тяжело отправить сына въ военную службу, какъ и лишиться его навсегда.

«Дальше я могу рассказывать только со словъ матушки. Отецъ сильно тосковалъ обо мнѣ. Но въ Слободкѣ какъ будто къ нему возвратилось здоровье и веселость. Онъ крайне обрадовался, получивъ изъ Перекопа отъ меня письмо, что я произведенъ въ офицеры и совершенно здоровъ, не смотря на тяжесть жизни во время Севастопольской войны. Но это кажущееся улучшение здоровья было только небольшимъ проблескомъ его страдальческой жизни. Изъ Слободки онъ возвратился совершенно слѣпымъ, дряхлымъ старикомъ. Кромѣ Ф. І. Елачича и Н. А. Скандовскаго, почти никто изъ профессоровъ его не посѣщалъ. Онъ былъ совершенно забытъ, заброшенъ. Имѣнія, дома—все было заложено. Отецъ впалъ въ дѣтство, но не сознавалъ, что онъ слѣпъ. Онъ по походкѣ старался узнать, кто входилъ, и если узнавалъ, то это его крайне радовало. Тогда онъ обращался къ матушкѣ и, куря трубку, говорилъ: «Видишь, Варвара Алексѣевна, вѣдь разглядѣлъ!».

«Въ то время, незадолго до его смерти, пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ. Отца повезли къ нему и посадили въ пріемной. Молоствовъ представилъ его Норову, который поднялъ отца и ввелъ его въ свою комнату. И здѣсь попечителю надо было уколоть старца, онъ представилъ его, прибавивъ: «Какъ помощникъ, ничего не дѣлающій». Последнее время онъ часто спрашивалъ обо мнѣ: «Нѣтъ ли писемъ отъ Николи?»—говорилъ онъ. Но въ то время корреспонденція была очень затруднительна, и матушкѣ часто приходилось выдумывать письма. Разъ какъ-то, что было дней за двадцать до его смерти, онъ вдругъ обратился къ матушкѣ: «Свези-ка меня къ дагеротипщику, надо снять портретъ, отошли его Николѣ». Къ прискорбію, дагеротипъ весь выпцвѣлъ, но я успѣлъ снять фотографію.

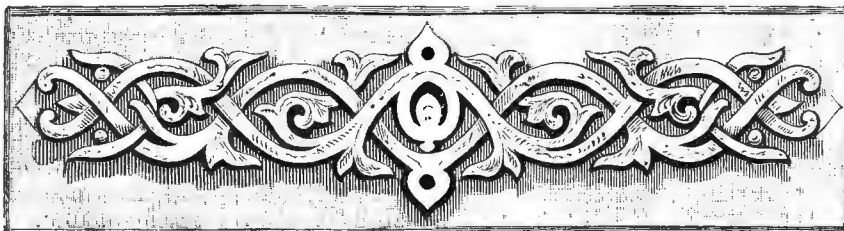
«За нѣсколько минутъ до смерти онъ позвалъ матушку: «Прощай, Варвара Алексѣевна,—сказалъ онъ, протянувъ руку,—пришло время, въ могилу надо, умирать пора»,—и черезъ полчаса его не стало. Онъ тихо потянулся и какъ будто заснулъ. Лежалъ онъ совершенно какъ живой, такъ что Н. А. Скандовскій нѣсколько разъ пріѣзжалъ ночью, а матушка утромъ снимала съ лица покойника капли воска. Оказалось, что Н. А. Скандовскій капаль

на его лицо со свѣчки, думая, не замѣтитъ ли какого движенія въ лицѣ покойника.

«Я не буду говорить о пышныхъ похоронахъ, сдѣланныхъ отцу. Не только студенты, боготворившіе отца, но и вся Казань провожала старика до могилы. «Миръ праху твоему, добрый человѣкъ», — говорили всѣ, кто провожалъ его бранные останки».

Н. Лобачевскій.

А. С. ГРИБОЉДОВЪ И ЕГО РАННІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(По поводу столѣтія со дня рожденія, 4-го января 1795 года).

В РЯДУ драматическихъ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, едва ли не одинъ Грибоѣдовъ сохранилъ до нашего времени свое значеніе и славу. Лавры когда-то гремѣвшихъ Княжнина, Аблесимова, князя Шаховскаго и др. давно уявля. Они интересуютъ лишь историковъ литературы и, забытые «невнемлющей» толпой, мирно покоятся на полкахъ библіотекъ, покрытые пылью забвенія. Смѣнились ряды направлений: русское общество попеременно увлекалось то тѣми, то другими идеалами; то одни, то другіе поэты становились на первое мѣсто, являясь временно «властителями думъ» чередующихся поколѣній. Но Грибоѣдова не затронула эта постоянная смѣна героевъ и минутныхъ властителей воображенія толпы. Почти каждому, мало-мальски крупному, критику приходилось считаться съ его типами, мастерскими ударами кисти, набросанными въ его комедіи «Горе отъ ума». Какъ Чацкій, главный герой ея, такъ и другія, второстепенныя лица, послужили темой для безчисленнаго количества коментаріевъ и объясненій. Что же было причиной подобной массы сужденій, порой даже противорѣчивыхъ, объ этой пьесѣ Грибоѣдова и о главномъ лицѣ ея?

Не говоря о современной ей драматической литературѣ, даже и въ наше время, когда условныя путы ложноклассической теоріи

окончательно сброшены драматургіей, пьеса Грибоѣдова поражаетъ своей оригинальностью. Даже судя съ точки зрѣнія современной намъ драматургіи, мы должны признаться, что «Горе отъ ума» далеко не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ комедіи. Это—талантливо, горячо и убѣдительно написанная сатира, рядъ характерныхъ сценъ, въ сущности пригнанныхъ къ основной схемѣ, къ скелету пьесы—къ интригѣ Софьи съ Молчалинымъ и любви Чацкого къ Софьѣ. Если мы обратимся къ драматической литературѣ начала нынѣшняго вѣка, то подобный приѣмъ откроемъ не въ одной только пьесѣ Грибоѣдова. Знаменитая въ свое время «Ябеда» Капниста построена точно также: сюжетъ ея, самая интрига, весьма слабо охватываетъ всѣ подробности пьесы, эти частныя небольшія сатиры, написанныя очень талантливо, но не заключающія въ себѣ главнѣйшаго элемента, неизбежнаго условія всякой драмы въ широкомъ смыслѣ слова—дѣйствія.

Грибоѣдовъ родился на закатѣ XVIII столѣтія, 4-го января 1795 года. Не повторяя общеизвѣстныхъ фактовъ его жизни, отмѣтимъ здѣсь лишь то, что образованіе свое, преимущественно литературное, Грибоѣдовъ завершилъ посѣщеніемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ. Господствующей въ то время школой былъ ложно-классицизмъ, но на Грибоѣдова мало вліянія оказали его требованія, и въ первыхъ своихъ опытахъ молодой драматургъ выказалъ значительную оригинальность. Не поддаваясь увлеченію ни сентиментализмомъ, ни зарождавшимся романтизмомъ, Грибоѣдовъ отнюдь не былъ и чистымъ классикомъ, хотя и былъ друженъ съ извѣстнымъ представителемъ этого направленія—Катенинымъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ написалъ впоследствии пьесу «Студентъ». Въ этой-то независимости Грибоѣдова отъ временныхъ увлеченій эпохи той или иной теоріей, тѣмъ или инымъ литературнымъ теченіемъ, и лежитъ, на нашъ взглядъ, причина неувядаемой славы и той прочной симпатіи «Горя отъ ума», которую эта комедія вызвала и вызываетъ въ цѣломъ родѣ поколѣній.

Не останавливаясь на біографіи Грибоѣдова, мы обратимся къ первымъ его произведеніямъ, которыя лишь вскользь затронуты были критиками и историками литературы. По выходѣ изъ военной службы Грибоѣдовъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Къ этому, петербургскому, періоду его жизни относится цѣлый рядъ пьесъ, написанныхъ имъ отчасти въ сотрудничествѣ съ другими съ Жандромъ, Катенинымъ, княземъ Шаховскимъ, княземъ Вяземскимъ. Эти комедіи интересны не столько по своему содержанію, сколько по тому, что могутъ служить для характеристики постепеннаго развитія таланта Грибоѣдова, достигшаго апогея въ его безсмертной комедіи-сатирѣ. Пародія на «Дмитрія Донскаго» Озерова, существовавшая въ единственной рукописи,— утрачена. Мы можемъ поэтому обратиться къ слѣдующей пьесѣ Грибоѣдова, правда,

переводной, но отражающей вкусъ Грибоѣдова, выбравшаго ее для перевода. Эта пьеса, комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ «Молодые супруги», не что иное, какъ передѣлка комедіи Creuzé de Lesser (1771—1839)—«Le secret du ménage».

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой пьесы. Аристъ, всего три мѣсяца женатый, скучаетъ уже съ молодой женой и ищетъ на сторонѣ удовольствій, могущихъ разнообразить ровную и ничѣмъ не возмущаемую домашнюю жизнь. Изъ разговора между супругами выясняется, что Эльмира слишкомъ избаловала своими ласками и излишней предупредительностью своего мужа. Общій другъ, Сафиръ, понимая, въ чемъ причина охлажденія Ариста къ женѣ, доказываетъ послѣдней, что мужъ ея не разлюбилъ, но что онъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ нужно постоянно держать насторожѣ кокетствомъ, вызывая ихъ ревность. Въ отсутствіе Ариста, ушедшаго на свиданіе съ какою-то Аглаей, Эльмира по совѣту Сафира наряжается и дѣлаетъ видъ, будто кокетничаетъ съ Сафиромъ. Возвращающійся со свиданія Аристъ застаётъ ихъ за пѣніемъ, начинаетъ ихъ ревновать, подозрѣвая жену въ измѣнѣ, и уже готовъ вызвать друга на дуэль. Онъ внезапно находитъ у жены всевозможныя прелести и достоинства, на которыя до сихъ поръ не обращалъ вниманія. Происходитъ комическая сцена съ письмомъ, которое Аристъ считаетъ принадлежащимъ къ цѣлой любовной перепискѣ между Эльмирой и Сафиромъ и которое оказывается лишь извѣщеніемъ дядюшки о выигрышѣ процесса, благодаря энергіи Эльмиры. Разочарованный въ своихъ подозрѣніяхъ Аристъ проситъ прощенія у жены и друга, и пьеса кончается примиреніемъ.

Пьеса построена живо и весело; вѣроятно, ея успѣху много содѣйствовала и игра артистовъ¹⁾: роли супруговъ были исполнены извѣстной Семеновою и Сосницкимъ. Современники раздѣлились на двѣ группы, судя о достоинствахъ этой пьесы Грибоѣдова. Зотовъ въ своихъ «Театральныхъ воспоминаніяхъ»²⁾ говоритъ, что стихи въ этой пьесѣ были очень посредственны и мало обѣщали въ будущемъ отъ Грибоѣдова. Но А. А. Бестужевъ и К. А. Полевой даютъ болѣе благопріятный отзывъ, съ которымъ и мы должны согласиться. Конечно, стихи Грибоѣдова въ его первой комедіи далеки отъ того совершенства, какого достигъ онъ въ «Горѣ отъ ума», но все-таки они живы, авторъ умѣетъ владѣть размѣромъ и порой даже очень удачно. Кое-гдѣ мы можемъ даже отмѣтить умѣнье въ сжатомъ и энергичномъ стихѣ создать образецъ пословицы, которыхъ такъ много возникло изъ стиховъ его лучшей комедіи.

Вторымъ драматическимъ опытомъ Грибоѣдова была комедія въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ», написанная въ сотрудничествѣ съ П. Катенинымъ въ 1817 году. Долгое время считавшаяся утрачен-

¹⁾ Дана въ Спб. 29 сентября 1815 г.—²⁾ Спб., 1866 г., стр. 83.

ной, комедія эта была открыта Л. Н. Майковымъ и впервые напечатана И. А. Шляпкинымъ въ полномъ собраніи сочиненій Грибоѣдова, имъ редактированномъ (Спб., 1889 г., т. II). Пьеса эта, полная личностей и намековъ, «вызвана желаніемъ уронить не столько неопредѣленное сентиментально-романтическое направленіе, сколько извѣстный кружокъ литераторовъ: Батюшкова, Гнѣдича, Жуковского, Загоскина, Карамзина и др.¹⁾»,—кружокъ, какъ видно изъ названныхъ именъ, довольно пестрый: здѣсь и классикъ Гнѣдичъ, и отъявленный романтикъ Жуковский, пророкъ сентиментализма въ Россіи—Карамзинъ и т. д. Пьеса не появилась въ свое время ни на сценѣ, ни въ печати. Главное дѣйствующее лицо, шутъ, надъ которымъ всѣ смѣются и который въ концѣ концовъ терпитъ заслуженное наказаніе за свое самомнѣніе и глупую самоувѣренность, Беневольскій, есть не кто иной, какъ Загоскинъ, подписывавшійся въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» псевдонимомъ Ювеналъ Беневольскій. Прохоровъ, являющійся на выручку Беневольскому и предлагающій ему мѣсто корректора въ типографіи—вѣроятно всего Похорскій, издатель «Сѣвернаго Наблюдателя» и владѣлецъ театральной типографіи. «Загоскинъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ изъ Пензы, какъ Беневольскій изъ Казани, и отличался большою безграмотностью, какъ видно изъ писемъ его въ «Современномъ Обзорѣніи» 1868 г., и рядомъ съ этимъ, подобно Гнѣдичу, придирчивостью къ словамъ и граматическимъ формамъ: вѣроятно, отсюда ироническое назначеніе его корректоромъ»²⁾.

Считаемъ не лишнимъ сообщить сюжетъ «Студента». Изъ далекой Казани въ Петербургъ пріѣзжаетъ студентъ Беневольскій со слугою—Федькой. Онъ направляется къ генералу Звѣздову, который обѣщалъ его пристроить въ столицѣ и женить на своей воспитанницѣ Варенькѣ. Беневольскій весь пропитанъ риторикой. Изъ его устъ поминутно вырываются тирады одна другой нелѣпѣе. Въ разговорѣ съ Полюбинымъ, женихомъ Вареньки, выказывается вся гнусность и убожество Беневольскаго, готоваго на лесть и подхалимство и въ то же время высокомернаго и сомнительнаго съ тѣми, кого онъ считаетъ ниже себя. Варенька не хочетъ выходить за него замужъ, любя Полюбина. Съ помощью различныхъ уловокъ и хитростей жены Звѣздова въ сообществѣ съ ея братомъ, гусаромъ Саблинымъ, удается возстановить хозяина дома противъ пріѣзжаго студента. Судьба Вареньки и Полюбина устраивается сообразно ихъ желанію, а подпившаго съ Саблинымъ Беневольскаго гонятъ изъ дому. Онъ успѣлъ уже проиграть всѣ свои деньги и готовъ переселиться «подъ покровъ синевы»; слуга Федоръ вѣроломно покидаетъ его въ затруднительный моментъ, и еслибъ не Прохоровъ, содержатель типографіи, то бѣдному поэту пришлось бы

¹⁾ Собраніе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей Шляпкина, томъ II, стр. 515.—²⁾ Тамъ же, стр. 517.

плохо. Скрѣпя сердце и не имѣя въ виду ничего лучшаго, онъ поступаетъ въ корректоры, укоризненно восклицая: «мечты моей юности, мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сопутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя!».

Нельзя не отмѣтить въ этой комедіи прекраснаго стиля и точности языка. Манера рѣчей каждаго лица выдержана: Саблинъ—гусаръ говоритъ уже иначе, чѣмъ Полюбинъ, старикъ генераль, его жена, молодая, веселая женщина, наконецъ типографщикъ Прохоровъ, слуги—все говорятъ своимъ языкомъ, почему пьеса и не производитъ впечатлѣнія однообразія, не смотря на недостатки въ построеніи и неправдоподобность сюжета. Зотовъ въ своихъ запискахъ, выше разъ нами упомянутыхъ (стр. 83), называетъ Грибоѣдова романтикомъ. Мы уже замѣтили, что Грибоѣдовъ не принадлежалъ ни къ какой въ частности школѣ. Но если можно что либо отмѣтить въ изложенной сейчасъ пьесѣ, то лишь одну чисто классическую особенность, роднящую ее съ массой современныхъ ей пьесъ: это—строго выдержанное единство во всехъ трехъ актахъ, результатомъ соблюденія котораго является внезапность свадьбы главныхъ дѣйствующихъ лицъ послѣ Беневольтскаго—Вареньки и ея возлюбленнаго Полюбина.

Видимо еще многое въ это время было неясно самому молодому драматургу: пьесы его, полныя остроумныхъ шутокъ, живыхъ сценъ, еще далеки отъ того, что онъ далъ впоследствии въ своей наиболѣе извѣстной комедіи. Однако, уже въ тѣхъ пяти сценахъ, которыя Грибоѣдовъ взялся написать для комедіи Шаховскаго «Своя семья или замужняя невѣста» (1817 г.), видно, что онъ началъ склоняться къ бытовой комедіи особаго рода: въ этихъ сценахъ, равно какъ и во всей комедіи, вѣроятно, написанной по предварительному соглашенію, мы не находимъ ни Аристовъ, ни Эльмиръ: все люди нашего общества и при томъ далеко не изъ высшихъ классовъ его. До выхода въ свѣтъ полной комедіи эти пять сценъ были напечатаны Грибоѣдовымъ въ «Сынѣ Отечества». Если въ первой изъ разобранныхъ нами пьесъ читатель найдетъ кое-гдѣ нѣкоторую неуклюжесть стиха, то эти пять явленій обнаруживаютъ, что начинающій писатель научился справляться съ стихомъ, и что стихотворная форма болѣе не тяготитъ его «и не мѣшаетъ выраженію бытоваго содержанія и живыхъ характеровъ старой дѣвы-скопидомки и бойкой молодой дѣвушки, надѣвающей на себя маску послушанія и скромности»¹⁾. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ съ начала литературной дѣятельности Грибоѣдова талантъ его значительно развился.

Въ 1818 г. Грибоѣдовъ переводитъ съ незначительнымъ участіемъ А. Жандра комедію Барта «Les fausses infidélités» съ названіемъ «Притворная невѣрность» и пытается переложить ее от-

¹⁾ А. Веселовскій, Этюды п характеристикъ, стр. 509.

части на наши нравы, впрочемъ переложеніе коснулось лишь однихъ именъ, въ остальномъ это довольно близкій переводъ пьесы Барта. Упомянемъ еще о другомъ его драматическомъ опытѣ — о «Пробѣ интермедіи». Это—дивертиссементъ, данный въ бенефісъ Брянскаго 10 ноября 1819 г.; онъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ легкости стиха, обнаруживающей умѣнье автора владѣть избранной формой.

Въ 1818 году кончился петербургскій періодъ жизни Грибоѣдова. Изъ своего далеко, впрочемъ, не прекраснаго «далѣка» поэтъ мыслью летѣлъ въ Россію. Письма его показываютъ, какъ дорога была ему жизнь и природа роднаго края. Вдалекѣ отъ свѣта обѣихъ столицъ Грибоѣдовъ написалъ «Горе отъ ума», отразивъ много частныхъ сторонъ московской и петербургской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ давъ рядъ не только отдѣльныхъ личностей, но и типовъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Теперь мы знаемъ уже, что Грибоѣдовъ не выдумывалъ героев своей комедіи: въ изданіи сочиненій его, сдѣланномъ И. Шляпкинымъ (т. II, стр. 523—526), трудолюбиво и добросовѣстно собраны извѣстія о тѣхъ лицахъ, которыя послужили, какъ тогда говорилось, «подлинниками» для Грибоѣдова. Одинъ Чацкій не имѣетъ себѣ подлинника. Указывали, да и теперь указываютъ, что въ данномъ случаѣ Грибоѣдовъ изобразилъ самъ себя, вложилъ въ уста Чацкому тѣ мысли, которыя волновали его самого, но врядъ ли мы имѣемъ право это утверждать за недостаткомъ біографическихъ данныхъ.

Ни одинъ изъ типовъ, выведенныхъ въ русской литературѣ, не былъ такъ многосторонне и усердно комментированъ, какъ Чацкій. То указывали, что это—Чаадаевъ, другъ Грибоѣдова, то говорили, что это—Катенинъ; то, переходя въ область литературныхъ заимствованій, указывали прототипъ Чацкаго въ Демокритѣ Виландовыхъ «Абдеритовъ» или въ Альцестѣ, герой Молиеровскаго «Мизантропа».

Что же такое Чацкій? Это — лучший выразитель либерализма двадцатыхъ годовъ, но либераль безъ всякаго оттѣнка западничества; вспомнимъ его филиппики противъ слѣпой подражательности русскаго общества западнымъ, въ частности французскимъ, образцамъ. Это—либераль, не забывающій главныхъ основаній націонализма въ лучшемъ значеніи этого слова, видящій будущую славу и силу отечества въ просвѣщеніи и самобытномъ по возможности совершенствованіи независимо отъ западной указки. Это наше предположеніе оправдывается выше указаннымъ стремленіемъ Грибоѣдова стать внѣ партій, внѣ всякихъ внѣшнихъ отличій и формулъ, часто ничего положительнаго не заключающихъ, а лишь ставящихъ узкія рамки для дѣятельности своихъ адептовъ.

В. Перетцъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Княгиня А. П. Гагарина, урожденная Лопухина.

ТО БЫЛО осенью 1798 г. въ Москвѣ. Громадный Лефортовскій дворець ярко сіялъ безчисленными огнями: императоръ Павелъ Петровичъ давалъ балъ. Въ то время, какъ изящныя пары, одна за другой, подъ мелодичные звуки музыки граціозно скользили по гладкому полу бального зала, самъ императоръ сумрачный и угрюмый стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, и не принималъ никакого участія въ общемъ оживленіи. Угнетенное состояніе духа вызвано было въ немъ на этотъ разъ большими маневрами, происходившими тогда подъ Москвой. Павелъ ежедневно убѣждался, что войска далеки отъ той идеальной дисциплины и выправки, которыя онъ считалъ безусловно необходимыми, и видѣлъ въ этомъ симптомъ общей распущенности, царившей, по его мнѣнію, во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Распущенность была злѣйшимъ врагомъ Павла Петровича, врагомъ, котораго надо было уничтожить во что бы то ни стало. Но императоръ какъ будто предчувствовалъ, что бразды правленія недолго останутся въ его рукахъ, что онъ не успѣетъ достигъ намѣченной цѣли. Это опасеніе раздражало его и доводило его слишкомъ нервную натуру до такихъ проявленій необузданнаго гнѣва, въ которыхъ онъ самъ раскаивался въ спокойную минуту. И теперь, во

«истор. вѣстн.», январь, 1895 г., т. LIX.

12

время блестящаго бала въ Лефортовскомъ дворцѣ, сознаніе мнимой непоправимой бѣды наполняло душу Павла Петровича невыразимой горечью, которая страдальчески искажала черты его не-красиваго, но выразительнаго лица.

-- Ваше величество! — раздался вдругъ возлѣ него нѣжный голосъ.

Императоръ поднялъ свои прекрасные, голубые глаза. Передъ нимъ стояло чудное созданье въ бѣломъ газовомъ платьѣ, которое ловко обрисовывало роскошный станъ и оставляло открытыми бѣломраморныя плечи и будто изъ слоновой кости выточенныя руки; пышная волна черныхъ кудрей обрамляла прелестное личико матовой бѣлизны, горячія, лучистыя очи съ глубокой симпатіей и нѣжнымъ состраданіемъ вперялись въ скорбное лицо Павла Петровича, а изящно очерченныя коралловыя губки робко шептали приглашеніе танцевать. Императоръ не могъ оторваться отъ чуднаго видѣнія и чувствовалъ, какъ предъ этимъ дивнымъ взоромъ поспѣшно убѣгала гложущая его тоска, а вмѣсто нея душу его наполняли миръ и сладостное успокоеніе.

Павель съ чувствомъ сжалъ трепещущую ручку, и вся зала обратила вниманіе на необычайную пару: онъ -- верхъ могущества, она -- верхъ женскаго обаянія.

Эта красавица была Анна Петровна Лопухина, дочь московскаго сенатора Петра Васильевича Лопухина ¹⁾, отъ перваго брака его съ Парасковьей Ивановной Левшиной, родившаяся 8-го ноября 1777 года. Довольно рано овдовѣвъ, Лопухинъ вступилъ во второй бракъ съ Екатериной Николаевной Шетневой, которая очень скоро совѣтъ забрала супруга въ свои руки. Въ 1798 году ему было уже 54 года, онъ обладалъ солиднымъ состояніемъ; дослужившись до званія сенатора, Петръ Васильевичъ считалъ карьеру поконченной и тихо жилъ въ своемъ домѣ на Тверской, ни о чемъ не заботясь. Но судьба не судила ему въ безвѣстности скончать свой вѣкъ въ первопрестольной столицѣ.

По окончаніи маневровъ, Павель собирался въ Казань, а оттуда предполагалъ вернуться прямо въ Петербургъ. Но впечатлѣніе, произведенное на него Лопухиной, было слишкомъ сильно, чтобы отказаться отъ надежды видѣть ее снова. Императоръ рѣшилъ перевести Лопухина въ Петербургъ. Жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что при этомъ Павломъ Петровичемъ владѣла нечистая мысль: онъ былъ настоящій рыцарь и при всей своей вспыльчивости и невыдержанности обладалъ истинно благороднымъ характеромъ. Нѣтъ, просто для него стало необходимою постоянно видѣть Лопухину, отводить съ ней душу въ тяжелую минуту жизни,

¹⁾ Родъ Лопухиныхъ происходитъ отъ знаменитаго косоожскаго князя Редеди, погибшаго въ единоборствѣ съ Мстилавомъ, сыномъ Владиміра Святаго.

смирять свои неудержимые порывы взоромъ этихъ чудныхъ, теплыхъ очей.

Переговоры съ Лопухиными относительно переѣзда ихъ въ Петербургъ государь поручилъ вести своему любимцу, Ивану Павловичу Кутайсову. Анна Петровна согласилась на предложеніе Кутайсова, но отцу ея очень не хотѣлось покидать насиженное мѣсто и мѣнять спокойную московскую жизнь на придворную, съ ея интригами. Супруга его соглашалась покинуть Москву, но только въ томъ случаѣ, когда въ Петербургъ будетъ переведенъ подполковникъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка, Федоръ Петровичъ Уваровъ, который такъ плѣнилъ ея сердце, что она не могла себѣ представить жизни безъ него. Пока Кутайсовъ улаживалъ всѣ затрудненія, наступилъ день отъѣзда императора въ Казань. Экипажъ уже былъ поданъ къ дворцовому подъѣзду, и Павелъ Петровичъ только дождался окончательнаго отвѣта Лопухиныхъ, чтобы покинуть Москву.

Вотъ какъ описываетъ эту сцену очевидецъ, Александръ Михайловичъ Тургеневъ, состоявшій тогда бригадъ-маіоромъ при государѣ.

«Весь генералитетъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры московскаго гарнизона толпились у подъѣзда. Я стоялъ на вышней площадкѣ крыльца; на этой же площадкѣ ходилъ человѣкъ небольшого роста, портфель подъ мышкою, погруженный въ глубокую задумчивость, глаза сверкали у него, какъ у волка въ ночное время. Это былъ статсъ-секретарь его величества, Петръ Алексѣевичъ Обресковъ; онъ сопутствовалъ государю и долженъ былъ сидѣть въ каретѣ возлѣ царя и докладывать его величеству дѣла, въ производствѣ состоящія. Отвѣтъ рѣшительный Лопухиныхъ тревожилъ спокойствіе души Обрескова; ну, если негоціаторъ привезетъ не да, а нѣтъ! тогда докладывать дѣла Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогнѣванному отказомъ, было идти по ножевому лезвею. Всѣ знали, что съ разгнѣваннымъ Павломъ Петровичемъ встрѣчаться было страшно. Минутъ черезъ десять скачетъ карета во всю конскую прыть; Обресковъ ожидаетъ сидящаго въ каретѣ со страхомъ и надеждою; остановился экипажъ, вышелъ изъ кареты Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, вбѣжалъ на лѣстницу и съ восхищеніемъ, громко сказалъ Обрескову:

— «Все уладилъ, наша взяла!

«И поспѣшилъ обрадовать пріятною вѣстію. Черезъ четверть часа послѣ радостнаго извѣстія Павелъ Петровичъ шествовалъ къ экипажу въ сопровожденіи фельдмаршала (графа Ивана Петровича Салтыкова). Передъ тѣмъ, какъ сѣлъ въ карету, обнялъ графа Салтыкова и сказалъ:

— «Иванъ Петровичъ! я, сударь, совершенно вами доволенъ; благодарю васъ и никогда не забуду вашей службы и усердія. Благодарю генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ стараніе; я

считаю себя большою честью командовать столь превосходною арміею.

«Сѣлъ въ карету, за государемъ влѣвъ въ экипажъ Обресковъ и поскакали.

«Видѣли Павла Петровича, восхищеннаго отъ радости во всѣхъ отношеніяхъ; маневры исполнены во всемъ по его желанію; не видѣлъ государь ни малѣйшей ошибки».

Но, отѣхавъ нѣсколько отъ Москвы, Павелъ одумался: первый порывъ восторга прошелъ, и онъ сталъ опасаться, какъ бы слишкомъ милостивое отношеніе къ участникамъ маневровъ не ослабило въ нихъ рвенія и усердія, а потому велѣлъ, для острастки очевидно, выключить изъ службы 32 офицера, заболѣвшихъ и не могшихъ въ послѣдніе два дня маневровъ быть въ строю. Вотъ на какія мѣры вынуждалъ императора Павла тяжелый кошмаръ распушенности!

Вскорѣ былъ подписанъ высочайшій указъ о перемѣщеніи Лопухина въ петербургскіе департаменты сената. Вѣсть объ этомъ указѣ произвела въ Москвѣ большой переполохъ, который А. И. Тургеневъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Какъ сигнальная пушка въ крѣпостяхъ утромъ поднимаетъ на ноги сосланныхъ преступниковъ въ крѣпостныя работы, такъ всемилостивѣйшій высочайшій указъ сенату о перемѣщеніи сенатора Лопухина привелъ въ движеніе кареты и лица; всѣ скакали въ Тверскую улицу... изъявить его превосходительству искреннѣйшее желаніе ему благополучнаго пути и вождѣннаго здравія; поздравлять Лопухина съ перемѣщеніемъ нельзя, перемѣщеніе не есть ни повышеніе, ни производство; указано сидѣть въ томъ же сенатѣ, да на другомъ мѣстѣ... Примѣръ аристократическаго тона и меланхоликъ Остерманъ, сенаторъ, который часто сидящему подлѣ него чесалъ за ухомъ вмѣсто своего уха, и стойкъ князь Иванъ Ивановичъ генераль-лейтенантъ Прозоровскій также пріѣзжалъ ударить челомъ будущему вскорѣ свѣтлѣйшему князю». Тѣмъ временемъ сборы въ дорогу были въ полномъ разгарѣ: «къ супругѣ Лопухина возили со всѣхъ сторонъ чудотворныя иконы, Иверскую, Всѣхъ Скорбящихъ, Утоленія Печали, Взысканія Погибшихъ, да, прости Господи, всѣхъ и не сочтешь; служили напутственные молебны, святили воду, кропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили святыя иконы». Наконецъ всѣ обряды были исполнены, сборы покончены, вещи уложены, кареты поданы къ крыльцу. Вдругъ возникло неожиданное препятствіе: въ самую послѣднюю минуту Екатерина Николаевна узнала, что Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ не ѣдетъ съ ними: въ Петербургъ онъ не былъ еще переведенъ, а отпуску ему нельзя было дать. Почтенная, расплывшаяся матрона внезапно проявила необыкновенно пылкія чувства и юношескую безразсудность. Она плакала, вопила,

стучала ногами о полъ и заявляла, что безъ Ѳедора Петровича она ни за что съ мѣста не сдвинется.

— Я хочу, мнѣ обѣщано, сказано, что все будетъ по моему!— кричала взбеленившаяся баба передъ многочисленными знакомыми, собравшимися проводить Лопухиныхъ. Никакіе резоны не дѣйствовали. Скандаль вышелъ пребезобразный. Тогда Анна Петровна, съ поблѣднѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ и сверкающими глазами, обратилась къ мачихѣ:

— Я хочу, чтобы вы сей же часъ ѣхали со мною, не поѣдете— я ѣду одна, но подумайте, что тогда будетъ съ вами, когда я одна пріѣду. Павелъ Никитичъ! Прикажите, чтобъ подали мой экипажъ,— прибавила Анна Петровна, обращаясь къ московскому оберъ-полицеймейстеру Кавелину.

— Все готово, ваше превосходительство! — отрапортовалъ тотъ отвѣсивъ поклонъ чуть не до пола.

Энергичный поступокъ падчерицы сразу образумилъ Екатерину Николаевну. Увидавъ, что Анна Петровна не шутитъ, она бросилась ей въ объятія и нѣжно пролепетала:

— Нѣтъ, милая Анета, я съ тобой не разстанусь, ѣдемъ!

Черезъ день по пріѣздѣ Лопухиныхъ въ Петербургъ вернулся въ столицу и императоръ. Необычныя милости посыпались на семью новой любимицы. Отецъ ея сдѣланъ былъ генераль-прокуроромъ, членомъ тогдашняго государственнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Анны, св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, алмазами украшеннаго; въ слѣдующемъ (1799) году онъ получилъ портретъ государя, староство Корсунъ въ Богуславскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи въ потомственное владѣніе, брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и княжеское достоинство Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлости. Кромѣ того, позволено было ему употреблять для ливрей цвѣта, составляющіе придворную ливрею... Павелъ умѣлъ дать почувствовать не только свой гнѣвъ, но и благоволеніе. Анна Петровна была пожалована 6-го сентября 1798 года въ камеръ-фрейлины, 14-го декабря сдѣлана кавалерственною дамою большого креста державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, великаго пріорства греко-россійскаго, 22-го февраля 1799 года получила орденъ св. Екатерины 1-й степени, въ томъ же году пожалована въ статсъ-дамы. Екатерина Николаевна въ одинъ день съ падчерицей (6-го сентября 1798 г.) сдѣлана была также статсъ-дамой и, кромѣ того, въ угоду ей, Уваровъ произведенъ былъ въ полковники и переведенъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Удивительно везло этому Уварову. Его сослуживецъ, А. М. Тургеневъ, даетъ ему такую характеристику: «онъ былъ совершенная невѣжда и весьма небогатаго разсудка человекъ—ему ввѣряли команду войскомъ: онъ не умѣлъ ѣздить на конѣ и всегда держался

за ремень, прикрѣпленный къ передней лукѣ сѣдла—его считали знатокомъ кавалерійскаго дѣла; онъ вѣчно въ разговорахъ дичь поролъ—два императора, Павелъ и Александръ, дичь Уварова благо-склонно слушали. Денисъ Давыдовъ остро и справедливо сказалъ про Уварова, что онъ «умничаеть глупо, а дурачится умно». Уваровъ вышелъ въ люди, благодаря связи съ княгиней Лопухиной, а впоследствии занялъ еще болѣе блестящее положеніе въ высшемъ обществѣ, женившись на вдовѣ графа Валерьяна Зубова, бывшей графинѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ Потоцкой. Эта послѣдняя по духовному завѣщанію передала Уварову все свое громадное богатство. Такимъ образомъ, этотъ ничтожный человѣкъ волею судебъ сдѣлался и знатенъ и богатъ, а было время, когда онъ состоялъ ординарцемъ при Валерьянѣ Зубовѣ и ѣздилъ подлѣ кучера на козлахъ экипажа, въ которомъ сидѣла его будущая жена.

Дальше намъ еще разъ придется встрѣтиться съ этой личностью. А теперь возвратимся къ Аннѣ Петровнѣ.

Лопухины поселились въ Петербургѣ въ роскошномъ палаццо на Дворцовой набережной. Аккуратно каждое утро и частенько вечеромъ около подъѣзда этого дома останавливалась карета, очень похожая и по цвѣту и по гербу на экипажъ Лопухина; на запяткахъ стояли лакеи въ малиновой ливреѣ. Изъ кареты быстро выскакивалъ человѣкъ, закутанный въ плащъ, и скрывался въ дверяхъ. Это былъ Павелъ Петровичъ, который не хотѣлъ давать пищу злымъ языкамъ для двусмысленностей насчетъ обожаемой имъ дѣвушки, и потому хотѣлъ сдѣлать свои частые визиты къ ней какъ можно болѣе незамѣтными. Конечно, невинная хитрость никого не обманывала, и всѣ знали, кто ѣздитъ въ каретѣ съ малиновыми лакеями; но всѣ совершенно вѣрно предполагали, что въ отношеніяхъ между императоромъ и Лопухиной, воплощенной скромностью и цѣломудріемъ, не могло быть ничего предосудительнаго. Тѣмъ не менѣе вліяніе Анны Петровны было громадно, и она всегда пользовалась своей силой для смягченія тѣхъ несправедливыхъ рѣшеній, которыя часто принималъ Павелъ, поддавшись гнѣву. Заступничества Лопухиной искали такія лица, какъ Безбородко и Никита Панинъ, и она никогда не отказывала помочь, если только была въ силахъ. Вліяніе свое на императора она сохранила до самой его смерти; симпатія Павла Петровича къ Аннѣ Петровнѣ высказывалась во всемъ. Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «догадавшись, что имя Анна значитъ погречески (читай—поеврейски) благодать, назвали имъ самый большой корабль русскаго флота; благодать и Анна красовались на гренадерскихъ шапкахъ и на корабельныхъ флагахъ». Когда окончена была постройка новаго императорскаго дворца въ Петербургѣ (нынѣ Инженерный замокъ), Павелъ спросилъ у Анны Петровны совѣта, въ какой цвѣтъ выкрасить его снаружи; она колебалась въ нерѣшительности. Тогда

императоръ взялъ одну изъ ея перчатокъ и отправилъ ее къ завѣдывавшему постройкой архитектору Бренко съ приказомъ немедленно окрасить дворецъ подъ цвѣтъ перчатки. Цвѣтъ этотъ былъ ярко-розовый, а на стѣнахъ дворца онъ принялъ кровавой оттѣнокъ...

Относясь съ большимъ уваженіемъ къ княжнѣ и ея родителямъ, Павелъ требовалъ такого же отношенія къ нимъ и отъ другихъ лицъ. Въ примѣръ того, какъ строго слѣдилъ императоръ за этимъ, можно привести слѣдующій случай. Наталья Кирилловна Загряжская, дочь знаменитаго Кирилла Разумовскаго, встрѣчалась съ Екатериной Николаевной, не кланялась ей. Объ этомъ узналъ императоръ и велѣлъ объявить Загряжской, что онъ долже допускать такого невѣжества не намѣренъ. Въ тотъ же день, когда Натальею Кирилловною полученъ былъ этотъ грозный приказъ, вечеромъ былъ, чуть ли не при дворѣ, очень многолюдный балъ. Наталья Кирилловна туда отправилась и, подмѣтивъ ту минуту, когда княгиню Лопухину окружили всѣ царедворцы, она къ ней подошла, низко ей поклонилась и громко во всеуслышаніе проговорила: «По именному его величества приказанію, мною сегодня полученому, честь имѣю поклониться вашей свѣтлости». Понятенъ переполохъ, который произошелъ въ залѣ. На другое утро Наталья Кирилловна получила приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга.

Не слыхкомъ вѣря послушанію Натальи Кирилловны, императоръ Павелъ отправилъ къ ней вечеромъ флигель-адъютанта своего, князя П. М. Волконскаго, и приказалъ узнать, что она дѣлаетъ. Волконскій, пріѣхавъ въ домъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что пріемъ происходилъ по обыкновенному, что гостиныя Натальи Кирилловны были наполнены гостями. Всѣ мирно играли, кто въ лото, кто въ дофинъ, а сама хозяйка занята была любимымъ ею бостономъ. Изумленный посланецъ спросилъ у кого то изъ родныхъ, Загряжской, что это значитъ; тотъ подвелъ его тихонько къ отдаленному окошку и показали на дворѣ уже готовую къ отъѣзду дорожную карету. Князь поспѣшилъ извѣстить о томъ государя, который отправилъ Волконскаго обратно къ Натальѣ Кирилловнѣ съ извѣщеніемъ, что онъ ей прощаетъ.

Вліяніе княжны Анны Петровны Лопухиной было безгранично.

Одинъ только разъ всѣ мольбы и даже слезы прекрасной княжны остались безплодными. Дѣло было вотъ какъ. Живя въ Москвѣ, Лопухинъ завязалъ тѣсныя дружескія отношенія съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, московскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1797 г. Долгоруковъ оставилъ свой постъ, а когда Лопухинъ уѣхалъ въ Петербургъ, то и онъ вскорѣ послѣдовалъ туда же за старымъ другомъ. Семья Долгоруковыхъ поселилась на Дворцовой набережной, въ домѣ, который приходился стѣна въ стѣну съ домомъ Лопухиныхъ. Чтобы имѣть между обоими домами внутреннее сообщеніе, въ стѣнѣ пробили дверь, и такимъ образомъ два

дома соединились въ одинъ. Пользуясь такимъ удобствомъ, Анна Петровна, которая плохо ладила съ мачихой, проводила у Долгоруковыхъ едва ли не большую часть своего времени. Тутъ она часто встрѣчалась съ графомъ Александромъ Ивановичемъ Рибопьеромъ. Юный графъ, которому шелъ тогда всего восемнадцатый годъ, былъ безусловно интереснымъ кавалеромъ. Екатерина II полюбила его еще маленькимъ ребенкомъ и ввела въ свой интимный кружокъ. Дыша чуть не съ пеленокъ утонченной атмосферой блестящаго екатерининскаго двора, Рибопьеръ усвоилъ все лучшія стороны свѣтскаго воспитанія; непринужденный въ обращеніи, веселый и остроумный собесѣдникъ, ловкій танцоръ, статный красавецъ, онъ выгодно выдѣлялся на серьезномъ до угрюмости фонѣ приближенныхъ Павла Петровича. Въ домѣ Долгоруковыхъ молодой Рибопьеръ былъ душою собиравшагося тамъ кружка и скоро обратилъ на себя благосклонное вниманіе княжны Лопухиной. Близость послѣдней къ грозному императору стѣсняла всехъ ея знакомыхъ и заставляла ихъ обращаться съ ней натянуто. Одинъ только Рибопьеръ радовалъ ее простотою и откровенностью. Пустячный случай далъ толчокъ зарождавшейся симпатіи.

Однажды у Долгоруковыхъ собралась компанія молодыхъ офицеровъ, состоявшихъ въ чинѣ корнета. Этотъ чинъ показался веселой компаніи почему-то смѣшнымъ и возбудилъ цѣлый градъ шутокъ. Больше всехъ потѣшалась надъ корнетами Анна Петровна Лопухина, находя самое слово курьезнымъ.

— Вы насъ всехъ задѣваете, — замѣтилъ Рибопьеръ:— мы все здѣсь корнеты, и мы этимъ гордимся.

— Какъ, и вы также? — удивилась княжна:— къ чему же послужило вамъ ваше офицерство со временъ Екатерины?

Надо замѣтить, что Рибопьеръ еще ребенкомъ былъ произведенъ въ офицеры, но дѣйствительную службу началъ недавно въ чинѣ корнета.

— Я былъ тогда ребенкомъ, не находился на дѣйствительной службѣ и поэтому не подвигался впередъ, — серьезно возразилъ юноша.

Анна Петровна покраснѣла.

— Мнѣ очень жаль, что я такъ глупо пошутила, — сказала она, — извините меня. Я вовсе не желала васъ обидѣть...

Эти слова были произнесены совершенно искренно: сердце княжны, дѣйствительно, сжималось отъ мысли, что она незаслуженно и безтактно обидѣла симпатичнаго Александра Ивановича. Ей хотѣлось, во что бы то ни стало, вырвать съ корнемъ изъ сердца Рибопьера самое воспоминаніе объ ея выходкѣ, и, не будь тутъ постороннихъ, она навѣрно бросилась бы ему на шею и со слезами и нѣжными ласками умоляла бы предать все забвенію. А кто не знаетъ, какъ опасны для женскаго сердца такіа нѣжныя движенія.

Подъ конецъ вечера разыгрывали лотерею; Рибопьеру повезло, и онъ получилъ три выигрыша изъ пяти. Княжна Анна, какъ ребенокъ, радовалась этой удачѣ.

— Я желаю вамъ счастья во всемъ!—необдуманно, но отъ всей души воскликнула она, и снова румянецъ смущенія вспыхнулъ на ея миломъ лицѣ: княжна сообразила, какой смыслъ можно было придать ея словамъ.

Разговаривая какъ-то съ Павломъ Петровичемъ, княжна упомянула, что Рибопьеръ очень ловко танцуетъ. Императоръ, при которомъ молодой графъ состоялъ адъютантомъ, немедленно распорядился, чтобы онъ на всѣхъ балахъ вальсировалъ съ Анной Петровной. Это обстоятельство еще болѣе сблизило молодыхъ людей, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось завязывавшееся чувство, если бы неожиданный случай не оторвалъ Рибопьера отъ княжны.

Федоръ Петровичъ Уваровъ, въ короткое время достигшій званія генераль-адъютанта, потребовалъ какъ-то отъ своей возлюбленной, чтобы она убѣдила падчерицу ходатайствовать о пожалованіи ему ордена св. Анны 1-го класса. Анна Петровна была возмущена такой назойливостью и наотрѣвъ отказалась злоупотреблять своимъ вліаніемъ на императора. Съ трепетомъ сообщила Екатерина Николаевна объ этомъ Уварову. Тотъ освирѣпѣлъ, выругался покавалерійски, уѣхалъ и больше къ Лопухинымъ не показывался. Покинутая любовникомъ княгиня впала въ меланхолію и рѣшила, что ей послѣ этого и жить не за чѣмъ на бѣломъ свѣтѣ. Порція мышьяку должна была прекратить ея брешное существованіе, но медики подоспѣли во время и вырвали Екатерину Николаевну изъ когтей смерти. Этотъ казусъ не остался безызвѣстнымъ императору, а Анна Петровна на его разспросы откровенно высказала ему всѣ тайныя пружины романтическаго эпизода. Уваровъ получилъ желанный орденъ, снова занялъ подобающее мѣсто въ будуарѣ княгини, и все пошло постарому. Но Екатерина Николаевна не забыла, до чего довело ее непокорство падчерицы, и только ждала удобнаго случая, чтобы отомстить ей. Случай не замедлилъ представиться.

Однажды императоръ спросилъ ее, какъ княжна проводитъ время.

— Покуда она на моихъ глазахъ, государь, я могу за нее отвѣчать,—былъ отвѣтъ.—Но она проводитъ всѣ вечера у Долгоруковыхъ, и я уже не могу за нею слѣдить.

— Что же она тамъ дѣлаетъ и кого тамъ видитъ?—спросилъ Павелъ Петровичъ, нѣсколько обезпокоенный подозрительнымъ тономъ княгини.

— Много молодежи тамъ болтается; танцуютъ и, кажется, очень веселятся.

— Кто изъ молодыхъ людей тамъ чаще всѣхъ бываетъ?—продолжалъ настаивать императоръ.

— Рибопьеръ... и другіе,—какъ бы нехотя отвѣчала Екатерина Николаевна и потомъ нѣсколько оживленнѣе прибавила:—Если вашему величеству угодно будетъ самимъ удостовѣриться, стойте только на минуту стать у двери, которая ведетъ въ квартиру Долгоруковыхъ.

Въ назначенное время Павелъ стоялъ уже въ дверяхъ и видѣлъ слѣдующую картину. Какой-то малороссъ наигрывалъ на бандурѣ, а Рибопьеръ подь звуки этого инструмента ловко вальсировалъ съ Анной Петровной, держа ее обѣими руками; такая манера танцовать была тогда въ модѣ, но Павелъ Петровичъ запретилъ ее, находя крайне неприличной. Императоръ уѣхалъ отъ Лопухиныхъ внѣ себя отъ гнѣва, съ непреложнымъ рѣшеніемъ потушить возникшій пожаръ въ самомъ его зародышѣ. Но, не смотря на гнѣвъ, онъ поступилъ въ этомъ случаѣ необыкновенно тактично и совершенно оригинальнымъ способомъ отвезилъ увлекавшуюся молодую чету.

На слѣдующее же утро онъ подписалъ указъ, которымъ жаловалъ Рибопьера въ камергеры, что давало ему чинъ генераль-маіора. Затѣмъ, въ обычный часъ онъ отправился къ княжнѣ и съ первыхъ же словъ заявилъ:

— Я явился къ вамъ съ тѣмъ, чтобы просить вашей руки для моего камергера Рибопьера.

Такой неожиданный поворотъ дѣла на столько поразилъ княжну, что она просто ушамъ своимъ вѣрить не хотѣла.

— Но, ваше величество,—попробовала она робко протестовать,—Рибопьеръ еще сущее дитя, да при этомъ онъ столь же мало обо мнѣ думаетъ, сколько и я о немъ. Наконецъ наши семьи никогда не согласятся на такую неравную свадьбу...

Дѣйствительно, Анна Петровна была на 3¹/₂ года старше Рибопьера, и это обстоятельство дѣлало для нея самую идею о предлагаемомъ бракѣ почти смѣшной. Однако Павелъ настаивалъ.

— Или вы выйдете замужъ за Рибопьера, или я его немедленно вышлю изъ Петербурга.

Никакими средствами княжна не могла заставить императора отказаться отъ разъ принятаго намѣренія, но и на бракъ съ Рибопьеромъ она своего согласія не дала.

Павелъ Петровичъ сдержалъ свое слово: въ тотъ же день восемнадцатилѣтній генераль получилъ приказаніе отправиться немедленно въ Вѣну и состоять тамъ кавалеромъ русскаго посольства.

Анна Петровна не могла серьезно смотрѣть на свои отношенія къ Рибопьеру ужъ по одному тому, что у нея былъ старый и близкій сердцу другъ, князь Павелъ Гавріиловичъ Гагаринъ. Тѣснѣйшая дружба связывала стараго князя Гавріила Петровича съ Лопухинымъ; ихъ дѣти росли вмѣстѣ, и, когда достигли зрѣлаго возраста, то отцы рѣшили бракомъ скрѣпить долговременную

пріязнь двухъ семействъ. Анна Петровна скоро сжилась съ этой мыслью, тѣмъ болѣе, что князь Павелъ отнюдь не былъ ей противенъ. Что же касается жениха, то онъ разыгрывалъ роль до безумія влюбленнаго, писалъ въ альбомъ невѣстѣ нѣжныя стишки, выказывалъ всегда предупредительную угодливость, увѣсилъ себя цѣпями и браслетами съ шифрами Анны Петровны и т. п. Всѣ эти знаки привязанности не могли, разумѣется, не трогать сердца его нареченной. Поздно ужъ она узнала, что князь Павелъ все время лгалъ... Когда Лопухины переселились въ Петербургъ, за ними послѣдовали и Гагарины. Итальянскій походъ разлучилъ жениха съ невѣстой: князь Павелъ состоялъ въ военной службѣ и долженъ былъ отправиться въ Италію вмѣстѣ съ корпусомъ Розенберга. Передъ отъѣздомъ было устроено обрученіе, но тайно, чтобы не прогнѣвить императора. Во время похода между княземъ и княжной шла, при посредствѣ какого-то барона Розена, оживленная переписка, такъ что женихъ отлично зналъ все, что дѣлалось въ Петербургѣ, не исключая и исторіи съ Рибопьеромъ.

Императоръ почти ежедневно получалъ съ театра военныхъ дѣйствій рапорты, къ которымъ прилагались поименные списки убитыхъ и раненыхъ. Съ княжной Анной императоръ прежде всѣхъ дѣлился этими новостями. Однажды, читая ей списокъ раненыхъ, Павелъ Петровичъ упомянулъ имя князя Павла Гагарина. Княжна не могла скрыть своего волненія и поблѣднѣла. Эта перемена въ лицѣ не укрылась отъ взора императора, и онъ сталъ ее разспрашивать о причинѣ смущенія. Анна Петровна откровенно сказала ему исторію своихъ отношеній къ князю Павлу.

— Я не питала къ нему особенной любви,—закончила она свою повѣсть,—но всегда имѣла въ мысляхъ выйти за него замужъ.

Императоръ молча выслушалъ признаніе княжны. Онъ понялъ, что тутъ не пустячное увлеченіе, а нѣчто серьезное. Если легко было отдѣлаться отъ Рибопьера, то заставить княжну разорвать съ княземъ Гагаринымъ — дѣло не легкое. Да и зачѣмъ? Вѣдь въ концѣ концовъ Анна Петровна была не болѣе, какъ другомъ Павла Петровича, а бракъ ея не могъ помѣшать продолженію этой дружбы.

— Я не хочу стѣснять ваши наклонности—сказалъ, наконецъ, императоръ.

Въ тотъ же день послано было высочайшее повелѣніе Суворову отправить молодого князя Гагарина въ Петербургъ курьеромъ съ первымъ хорошимъ извѣстіемъ. Такого извѣстія не долго пришлось ждать, и князь Павелъ, быстро оправившійся отъ легкой раны, вскорѣ скакалъ уже на сѣверъ съ ключами сдавагося Турина. По дорогѣ онъ долженъ былъ захватить въ Вѣну. Передавъ послу свои депеши, онъ выразилъ горячее желаніе видѣть Рибопьера.

— Что вы родственники, или, быть можетъ, друзья?—спросилъ посолъ.

— Я его никогда не видѣлъ,—отвѣтилъ Гагаринъ.

— Откуда же такое нетерпѣніе видѣть его?

— Я къ нему чувствую влеченіе!—сентиментально заявилъ женихъ Анны Петровны.

Рибоьера вызвали въ кабинетъ посла, графа А. К. Разумовскаго. Не успѣлъ онъ войти туда, какъ Гагаринъ бросился ему на шею, твердя трогательныя клятвы въ вѣчной и незаблемой дружбѣ. Цѣлый день потомъ князь Павелъ ни на шагъ не отходилъ отъ своего мнимаго соперника и рассказывалъ ему въ деталяхъ подробности про свои отношенія къ княжнѣ Лопухиной.

Императоръ принялъ Гагарина очень сердечно, похвалилъ его выборъ и объявилъ ему, что скоро будетъ его свадьба съ княжной Анной. Эту бесѣду Павелъ Петровичъ заключилъ многозначительными словами:

— Я передаю тебѣ княжну такую же, какъ и получилъ ее.

Рассказываютъ, что послѣ этого разговора Гагаринъ пошелъ за своей шляпой, но не нашелъ ея тамъ, гдѣ положилъ: она исчезла, а вмѣсто нея лежала генераль-адъютантская. Гагаринъ съ недоумѣніемъ скользнулъ взоромъ по непринадлежавшему ему головному убору и продолжалъ искать свою шляпу.

— Что вы, сударь, тамъ ищите?—освѣдомился подошедшій къ нему государь.

— Шляпы моей!

— Да вотъ ваша шляпа,—промолвилъ Павелъ, указывая на генераль-адъютантскую, которой по его же приказанію замѣнили шляпу Гагарина.

Такимъ замысловатымъ образомъ императоръ далъ Гагарину знать о производствѣ его въ генераль-адъютанты.

Вскорѣ состоялась помолвка князя Павла съ княжной Анной, а 8 февраля 1800 года тихо и скромно совершень былъ надъ ними обрядъ бракосочетанія въ дворцовой церкви.

Семейная жизнь Анны Петровны была не изъ счастливыхъ: единственное дитя ея отъ брака съ Гагаринымъ, маленькая княжна Александра, умерла еще ребенкомъ. Мужъ, работавшій сначала передъ ней, послѣ смерти Павла скинулъ личину и сталъ такъ дурно обращаться съ своей супругой, что возбудилъ противъ себя общій ропоть. Тогда онъ увезъ ее за границу и тамъ истязалъ до тѣхъ поръ, пока она не передала ему всего своего состоянія. Нѣжная натура Анны Петровны не вынесла такой жизни, и она угасла 25 апрѣля 1805 года, на двадцать восьмомъ году отъ рода. Прахъ ея покоится въ церкви св. Лазаря въ Александро-Невской лаврѣ.

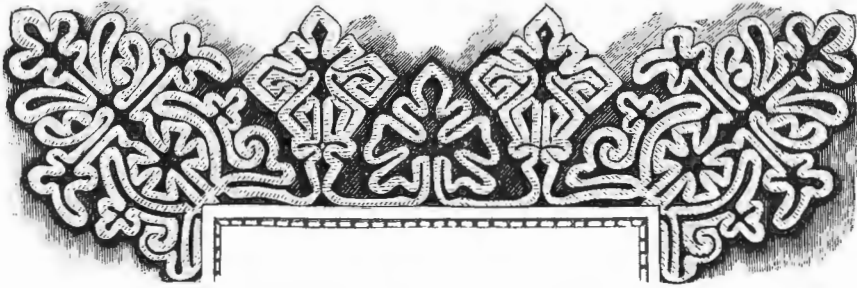
Послѣ смерти жены, князь Гагаринъ открыто сталъ говорить по всему Петербургу, что онъ никогда не любилъ покойницы, а женился на ней, только надѣясь на хорошую протекцію. Затѣмъ онъ

задумалъ вторично жениться и въ короткій срокъ успѣлъ получить отказы чуть не отъ всѣхъ петербургскихъ невѣстъ. На службѣ ему тоже не повезло, и онъ вышелъ въ отставку. Въ концѣ концовъ онъ женился на танцовщицѣ Спиридоновой, большой любительницѣ жирныхъ собаченокъ, удалился отъ свѣта и поселился въ своей усадьбѣ на берегу Невы, напротивъ Рыбацкой слободы. Въ полной безвѣстности умеръ этотъ ничтожный человѣкъ 2 апрѣля 1850 года¹⁾.

С. Адриановъ.

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка мы пользовались слѣдующими источниками: о первой встрѣчѣ императора Павла съ Лопухиной говорится въ запискахъ А. И. Рибоьера («Русскій Архивъ», 1877 г., т. I, стр. 484); о большихъ московскихъ маневрахъ и о переездѣ Лопухиныхъ въ Петербургъ подробно разсказано въ запискахъ А. М. Тургенева («Русская Старина», 1885 г., т. 48, стр. 81—82 и 247—256); тотъ же Тургеневъ и отчасти Рибоьеръ говорятъ объ отношеніяхъ Е. Н. Лопухиной къ Ѳ. П. Уварову; жизнь Лопухиныхъ въ Петербургѣ описана Рибоьеромъ («Русскій Архивъ», 1887 г., т. I, стр. 485—492); онъ же сообщаетъ свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ къ А. П. Лопухиной и о князѣ Гагаринѣ. Роль перчатки А. П. Лопухиной при окраскѣ новаго дворца разсказана имъ же (ibid., стр. 482—483); цитату изъ Н. И. Греча надо искать въ его «Запискахъ о моей жизни» (Спб., 1886, стр. 123); тамъ же находятся свѣдѣнія и о второй половинѣ жизни П. Г. Гагарина; анекдотъ о генераль-адъютантской шляпѣ почерпнуть изъ статьи: «Изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 г.» («Русскій Архивъ», 1875 г., т. I, стр. 202); краткія біографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ мы заимствовали большинство датъ: о Е. Н. Лопухиной—у Карабанова («Гофмейстрины, статья-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII и XIX в.», Спб., 1872, стр. 39); о А. П. Лопухиной—тамъ же, стр. 40, а также въ другомъ трудѣ Карабанова: «Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ», стр. 48 и 53; о П. В. Лопухинѣ—въ книгѣ Иванова «Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи», Спб., 1863 (стр. 113—116); у Долгорукаго въ «Родословной книгѣ есть генеалогическія свѣдѣнія о Лопухиныхъ (т. II, стр. 55—399) и о Гагариныхъ (т. I, стр. 247—248).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ПОДЪ ТРОПИКАМИ.

БЫЛО ЕЩЕ совершенно темно, когда легкимъ прикосновеніемъ къ плечу разбудилъ меня слуга малаецъ въ моей маленькой спальнѣ гостинницы «Belle-vue», говоря мнѣ, что пайданъ-проводимый изъ ботаническаго сада, ждетъ меня и торопитъ, чтобы не опоздать на поѣздъ желѣзной дороги. Въ полумракѣ ночи (ибо было еще только половина шестаго, а солнце встаетъ здѣсь почти ровно въ шесть) я почти ощупью отыскивалъ принадлежности своего костюма, отказываясь отъ тѣхъ услугъ, которыя предлагалъ мнѣ мой служитель, привыкшій здѣсь на Явѣ помогать одѣваться пріѣзжимъ господамъ, въ этомъ отношеніи совершенно еще сохранившимъ привычки нашихъ баръ временъ крѣпостнаго права. Трепетный свѣтъ лампадки слабо озарялъ тѣсный номеръ. Странно какъ-то было видѣть эту принадлежность божницы благочестиваго православнаго дома здѣсь, на Явѣ, въ другомъ полушаріи, въ иной совершенно обстановкѣ, у людей иной религіи. Конечно, здѣсь не было образовъ, и назначеніе лампадокъ было другое: освѣщать комнату, замѣняя свѣчи, лампы и иные свѣтильники, принятые въ европейскихъ домахъ большей части образованнаго міра. Въ маленькихъ, полутемныхъ каморкахъ, какія представляютъ изъ себя номера яванскихъ гостинницъ, это обычное, можно сказать, единственное, общепринятое освѣщеніе. И немного надо пожить, чтобы убѣдиться, что не рутина, не стремленіе сохранить старый обычай, но сама необходимость заставляетъ евро-

пейца и туземца прибѣгать къ этому источнику свѣта, столь многое напоминающему закинутому въ даль чужеземныхъ странъ русскому путешественнику.

Спальня, или, говоря по нашему, номеръ гостинницы, дѣйствительно, предназначенъ здѣсь только для сна. Кому охота остальную часть дня при двадцати-двухъ-градусной жарѣ мягкаго тропическаго воздуха, сохраняющаго одну и ту же температуру и лѣто и зиму, сидѣть въ комнатѣ, когда для этого есть веранда широкая и просторная, гдѣ стоитъ вашъ столъ для занятій, гдѣ виситъ лампа, гдѣ вы обыкновенно и проводите ваше время.

Въ комнату же вносить свѣтъ вечеромъ и не безопасно. На него отовсюду полетитъ великое множество бабочекъ, крылатыхъ муравьевъ, этихъ распространеннѣйшихъ изъ тропическихъ насѣкомыхъ; они усыпятъ вамъ весь столъ и, чего добраго, привлекутъ за собою и болѣе неприятныхъ и опасныхъ охотниковъ за ними. Итакъ насторожь постоянно по стѣнамъ бѣгаетъ около десятка ящерицъ сѣрвато-палеваго цвѣта, нельзя, сказать чтобы особенно красивыхъ, но чрезвычайно любимыхъ не только туземцами, но и европейцами. Эти гѣкко, какъ ихъ прозвали за ихъ крикъ, свободно бѣгаютъ по стѣнамъ и по потолку и истребляютъ всякое появляющееся насѣкомое, предотвращая этимъ самымъ появленіе пауковъ, гостей подъ тропиками не особенно желанныхъ, а иногда и очень опасныхъ. Благодаря гѣкко, вы ихъ не видите въ малайскомъ домѣ, вы можете жить здѣсь въ такой же безопасности отъ всякаго гада, какъ въ петербургской квартирѣ, и за это вы, конечно, миритесь съ несовѣтъ привлекательной внѣшностью этой ящерицы, почти столь же необходимой обитательницы яванскаго дома, какъ черный тараканъ великороссійской кухни.

Слабый свѣтъ лампадокъ обыкновенно не привлекаетъ насѣкомыхъ внутрь дома — вотъ, мнѣ кажется, причина, почему онѣ до сихъ поръ и господствуютъ на Явѣ. Еще до восхода солнца вамъ прямо въ постель приносятъ кофе. Изнѣженность европейца, окруженнаго всегда массою челяди, ввела это въ обычай и, только подкрѣпивъ свои силы этимъ здѣсь же, на мѣстѣ, растущимъ напиткомъ, полуодѣтый, въ костюмѣ, который у насъ сочили бы неприличнымъ, выходитъ онъ и ложится понѣжиться въ лонгшезъ, не стѣсняясь сосѣдствомъ кавалеровъ и дамъ, вышедшихъ на веранду изъ сосѣднихъ номеровъ въ такихъ же ночныхъ костюмахъ. Здѣсь, на лонѣ тропической природы, болѣе чѣмъ гдѣ либо, не только у туземцевъ, но и у европейцевъ примѣняется латинская поговорка: *naturalia non sunt pudenda*.

Кофе готовится отдѣльно въ видѣ густой эссенціи; ее, какъ у насъ коньякъ, подаютъ въ небольшихъ графинчикахъ и подбавляютъ въ чашки съ кипяткомъ, пока не получатъ настоя достаточной крѣпости. Затѣмъ по вкусу приливаютъ сливокъ — и кофе готовъ.

Веранда отеля «Belle-vue» представляетъ изъ себя дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ уголковъ Бейтензорга, гдѣ не только прѣзжемю, но и туземцу, не грѣхъ въ любую часть дня провести часокъ, предаваясь созерцанію волшебной, открывающейся передъ глазами картины. Врядъ ли есть еще хоть одинъ другой изъ безчисленныхъ, существующихъ на земномъ шарѣ, отелей, носящихъ имя «Belle-vue», который бы въ такой степени заслуживалъ названіе «Belle-vue», какъ эта гостинница въ городѣ Бейтензоргѣ, этомъ яванскомъ Санъ-Суси, или Петергофѣ, лежащемъ въ двухъ часахъ желѣзнодорожной ѣзды отъ Батавіи, резиденціи генераль-губернатора голландскихъ колоній Азіи.

Подъ вашими ногами широко раскидывается панорама города, постепенно сливающаяся съ окрестными лѣсами. Эти послѣдніе общимъ темно-зеленымъ ковромъ одѣваютъ склоны высящагося на горизонтѣ, иногда слегка дымящагося, вулкана Гунунгъ-Салакъ, своими очертаніями напоминающаго усѣченный конусъ, неяснымъ силуэтомъ вырисовывающійся на фонѣ блѣднаго, насыщеннаго парами, тропическаго неба.

Подъ самыми вашими ногами, изъ-подъ веранды, нависшей надъ уступомъ, точно изъ-подъ ногъ вытекаетъ быстрая мутная рѣка, раздѣляющая туземный городъ на двѣ части, по два квартала—арабскій и малайскій.

Но гдѣ же самый городъ? Подъ ногами видны лишь пышныя кроны кокосовыхъ пальмъ, колыхающихся подъ темнымъ, почти непроницаемымъ сводомъ густой глянцовой листвы тропическихъ деревь. У самаго берега рѣки изъ-подъ этого свода выглядываютъ стволы зарослей банановъ съ ихъ блѣднозелеными широкими листьями и тому подобныя, болѣе низкорослыя, тропическія растенія. Мнится, что видишь подъ собою одинъ громадный дѣственный лѣсъ съ буйною тропическою растительностью, начинающійся у самаго подножія веранды и продолжающійся до вершины Гунунгъ-Салакъ. А между тѣмъ этотъ-то лѣсъ и есть городъ, это и есть тотъ самый Бейтензоргъ или Бойоръ, какъ его зовутъ туземцы, любимое мѣстопробываніе вице-короля голландскихъ колоній и значительнаго процента батавской бюрократіи и купечества.

Только всматриваясь внимательно, можно замѣтить скрытыя среди зелени, тамъ и сямъ проглядывающія, крыши, крытыя черепицею въ арабскомъ, или пальмовыми листьями въ малайскомъ кварталѣ. Въ общемъ же это море зелени, эти возвышающіяся надъ нимъ группы пальмъ, эта желтая рѣка и вулканъ на горизонтѣ въ розоватомъ сумракѣ влажнаго утра, освѣщенный почти сразу лучами поднимающагося дневнаго свѣтила, производятъ чарующее впечатлѣніе. Неудивительно, что невольно въ эти часы передъ такою картиною предаешься мечтамъ и созерцанію...

Улица въ тропическомъ городѣ.

Въ сущности и въ другихъ мѣстахъ города и въ частныхъ жилищахъ чудная тропическая природа дѣлаеть утренніе часы очаровательными. Каждый домикъ на Явѣ имѣеть садъ или палисадникъ, среди котораго растутъ обыкновенно или стройныя пальмы различныхъ породъ или громадныя деревья съ глянцевиными, кожистыми, какъ у камелій, или нѣжными перисто разсѣченными, какъ у мимозъ или акацій, листьями. Нерѣдко громадныя экземпляры сверху до низу усыпаны пурпуровыми, какъ у цезальпиній, нѣжно желтыми, какъ у *Paritium tiliaceum*, фіолетовыми, какъ у *Bougenvillea* или иного колера, цвѣтами. У однихъ, вы видите, развиваются на вѣтвяхъ бѣлыя лиліи съ человѣческую голову величиною, у другихъ, какъ у великолѣпной *Amherstia nobilis*, свѣшиваются гроздя мотыльковыхъ цвѣтовъ, крупныхъ, тѣльнаго и розоваго цвѣта, достигающіе до двухъ аршинъ длины, придавая дереву, увѣшанному такого рода гроздьями, крайне оригинальную и красивую внѣшность.

Темная, гляцевитая, какъ у камелій, листва присуща громадному большинству тропическихъ деревьевъ, но ни о ихъ размѣрахъ, ни о красотѣ ихъ цвѣтовъ не могутъ дать никакого понятія наши оранжереи. Живя не въ городѣ, а въ какомъ-то заколдованномъ райскомъ паркѣ, яванецъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ не истратить хотя полчаса утренняго досуга на созерцаніе чудной окружающей его обстановки.

Но мнѣ на этотъ разъ было некогда тратить на это время. У воротъ гостиницы меня уже ожидалъ упомянутый выше пайданъ и съ нимъ нанятый на ближайшемъ перекресткѣ «*dos à dos*», говоря попросту, яванскій извозчикъ, сѣвши на котораго мы помчались на станцію желѣзной дороги, соединяющей Батавію съ городами Бандонгъ и Гаруть, лежащими внутри острова.

Эти яванскіе извозчики представляютъ запряженный маленькимъ пони двухколесный экипажъ, имѣющій сверху навѣсъ для защиты отъ дождя и устроенный такъ, что пассажиръ садится на общее съ кучеромъ мѣсто, но спиною къ этому послѣднему, и ѣдетъ такимъ образомъ задомъ. Я не скажу, чтобы такого рода способъ передвиженія отличался большимъ удобствомъ, чѣмъ общепринятый въ Европѣ, но почему-то на Явѣ эти «*dos à dos*» приняты въ большинствѣ городовъ. Мы быстро мчались по второстепеннымъ улицамъ города, проѣзжая по которымъ нашъ возница думалъ сократить путь къ вокзалу.

Какъ легко читатель можетъ видѣть изъ приложеннаго рисунка, даже въ европейскомъ, населенномъ голландцами кварталѣ такая городская улица мало чѣмъ напоминаетъ то, что обыкновенно принято называть этимъ именемъ у насъ.

Это скорѣе какія-то аллеи густого стариннаго парка, чисто содержимыя аллеи, надъ которыми то образуютъ сводъ своими

кронами арековыя пальмы, то густыя сплетенія образуютъ стволы бамбуковъ, то, наконецъ, то съ той, то съ другой стороны открываются просвѣты на чистенькіе, бѣленькіе домики, выбѣленные, какъ хатки малороссовъ, но съ громадными свѣсившимися надъ верандою крышами. Домики эти рѣзко выдѣляются на фонѣ темной зелени окружающихъ ихъ деревьевъ, среди вырисовывающихся на фонѣ неба кронъ кокосовыхъ пальмъ. Передъ ними красуются посаженные въ горшкахъ чахлыя розы или группы безобразныхъ пестролистныхъ *Croton*; на верандѣ же, занимающей большую часть дома, сидитъ семья за столомъ, разставлены предметы домашняго обихода, а стѣны украшены картинами или букетами изъ громадныхъ растущихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ ликоподіумовъ. Не смотря на то, что повсюду на улицахъ еще валялись вай пальмъ и вѣтви другихъ тропическихъ деревъ, которыхъ еще не успѣли убрать послѣ пронесшагося наканунѣ урагана и ливня, и на листьяхъ деревьевъ еще висѣли капли дождя, — грязи не было. Это обстоятельство всегда поражало меня на Явѣ. Кто видѣлъ тѣ страшные ливни, которые поражаютъ почти ежедневно надъ страной, особенно въ дождливое время года, когда улицы нѣсколько часовъ представляютъ изъ себя буквально рѣки быстро текущихъ буро-желтыхъ водъ, того должно поразить, что въ тотъ же вечеръ или самое позднее на слѣдующее утро, улицы на столько сухи, что по нимъ свободно можно ходить въ башмакахъ. Въ то время, какъ одного тропическаго ливня было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать улицы любого изъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ черноземной полосы совершенно непроходимыми и непроѣздными на цѣлые десятки дней. здѣсь мы ѣхали, даже не брызгая грязью. Конечно, прекрасно устроенные въ городѣ водостоки много содѣйствуютъ этому обстоятельству. Но мнѣ кажется, и я основываюсь на томъ обстоятельствѣ, что подобное же явленіе я замѣчалъ и на проселочныхъ дорогахъ, что главная причина отсутствія грязи—это самая почва, это буро-красная, иногда почти кирпичнаго цвѣта глина, которая носитъ въ наукѣ названіе латеритъ.

Эти латериты, свойственные исключительно странамъ жаркимъ и влажнымъ, особенно мѣстностямъ, гдѣ развиты изверженныя кристаллическія породы, могутъ быть по справедливости названы красноземомъ, и этотъ красноземъ столь же характеренъ для этого рода странъ, какъ черноземъ для нашихъ травяныхъ степей.

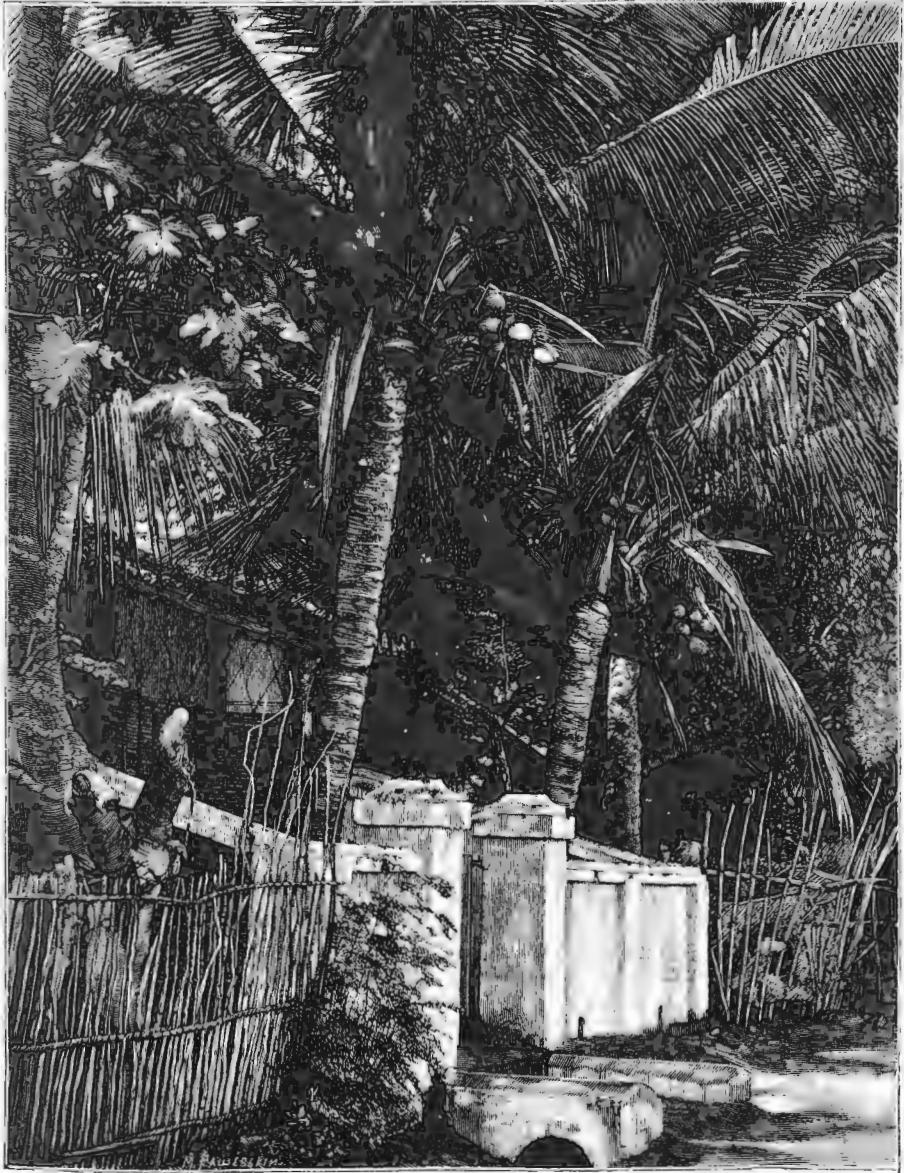
Эта почва представляетъ изъ себя продуктъ разрушенія такихъ кристаллическихъ породъ, какъ граниты, гнейсы, трахиты, базальты и т. п. Въ то время, какъ въ нашемъ климатѣ скалы, образованныя такими породами подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, разрушаются столь медленно, что человекъ, не занимающійся спеціально геологіей, разрушенія этого какъ-то и не замѣчаетъ,—здѣсь,

подъ тропиками камни, если такъ можно выразиться, гніють на глазахъ профановъ.

Отъ твердой нѣкогда породы остается мягкая красная глина. Эта глина тѣмъ, однако, существенно отличается отъ нашихъ глинъ, что въ то время, какъ послѣднія суть результатъ отложенія текучими водами вымытыхъ ими частичекъ, латериты суть кристаллическія породы, превратившіяся въ глину на мѣстѣ, какъ говорится, *in situ*. Какъ въ нашихъ почвахъ мы имѣемъ всѣ постепенные и незамѣтные переходы отъ непосредственно подъ дерновиною лежащаго пропитаннаго перегноемъ, окрашеннаго въ черный цвѣтъ слоя къ подпочвѣ, такъ и тутъ въ толщѣ латерита можно бываетъ наблюдать его переходъ въ коренную породу. Мощность латеритовъ достигаетъ обыкновенно нѣсколькихъ сажени, но обыкновенно уже со второй сажени можно бываетъ различать въ однородной толщѣ глины кусочки, сохраняющіе форму кристалловъ, когда-то вкрапленныхъ въ породу. Они на столько уже разложились, что мажутся ногтемъ, какъ масло. Поглубже они становятся тверже, плотнѣе, и постепенно и незамѣтно вы переходите къ твердой коренной породѣ. Помимо этой особенности происхожденія и залеганія тропической почвы, она сильно отличается и химическимъ составомъ. Въ ней страшная масса желѣза и растворимыхъ въ кислотахъ солей, показывающихъ, что почва разрушена до конца. Но въ ней нѣтъ или очень мало обыкновенныхъ растворимыхъ въ водѣ солей. Не смотря на мелкость зерна, она пориста и неспособна, какъ нашъ черноземъ, заклеиваться, образуя грязь. Она, пронизанная по всѣмъ направленіямъ сотнями корней, сама подобна губкѣ быстро впитывающей влагу и столь же быстро отдающей ее растительности. Въ этомъ, по моему мнѣнію, секретъ отсутствія грязи на яванскихъ дорогахъ.

«*Dos à dos*» быстро домчалъ меня до станціи, и еще черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ желѣзной дороги уже везъ меня по направленію къ городу Бандонгу. Вагоны здѣсь полуоткрыты, чтобы дать свободную вентиляцію воздуха; они весьма удобны и по комфорту не уступаютъ европейскимъ. Кондуктора, контролеры, стрѣлочники, машинисты—все чистокровные малайцы. Европейцевъ я видѣлъ лишь на мѣстахъ кассировъ и начальниковъ станцій.

Ландшафты, открывающіеся изъ оконъ вагоновъ, очаровательны. Вы не видите, правда, здѣсь ни дѣвственныхъ лѣсовъ, ни стадами гуляющихъ носороговъ, ни свѣшивающихся съ деревьевъ боа констрикторовъ, которыхъ рисуетъ воображеніе при представленіи о тропическомъ мірѣ востока Азіи. Ничего подобнаго вы не видите, да оно станетъ понятно, что ничего подобнаго и нельзя ожидать, если только мы вспомнимъ, что Ява въ настоящую минуту, не считая предметовъ вывоза, должна кормить двадцати-милліонное населеніе. Она по плотности населенія не уступаетъ населеннѣй-

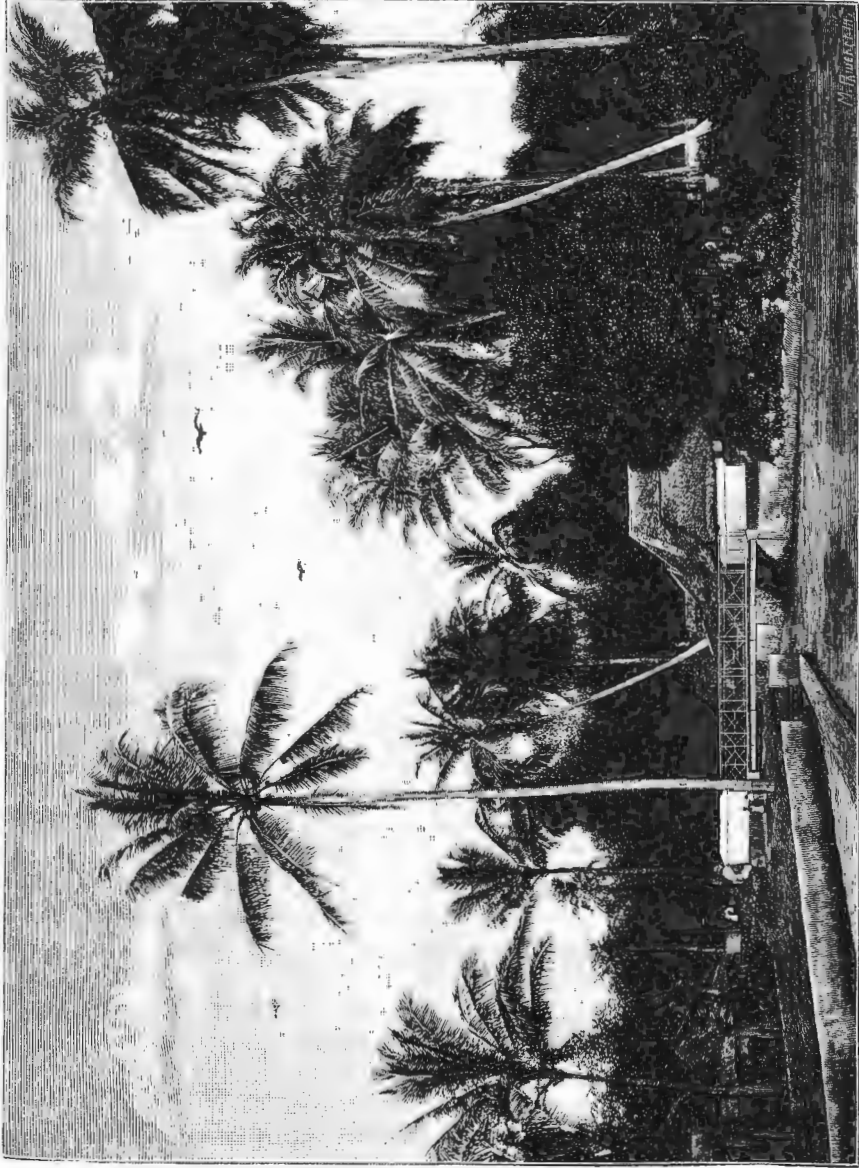

Кокосовая пальма.

шимъ государствамъ Европы, при чемъ при отсутствіи мануфактуръ всѣ жители занимаются исключительно земледѣліемъ. Понятно, поэтому, что ландшафты Явы суть ландшафты высоко-культурной страны, гдѣ ни одинъ клочекъ земли не пропадаетъ даромъ, гдѣ участки дѣвственной природы найти такъ же трудно, какъ трудно увидѣть клочекъ цѣлинной степи изъ окна вагона, проѣзжая гдѣ нибудь по Тульской, Курской или Харьковской губерніямъ.

Но, не смотря на все это, картины сельской природы Явы далеко не имѣютъ гнетущей монотонности нашихъ культурныхъ пейзажей умѣренного пояса. Вездѣ вы продолжаете видѣть чудную природу, и интересъ картинъ увеличивается, тѣмъ болѣе, что, оставаясь все время на равнинѣ, вы въ теченіе часу переноситесь изъ царства ранней весны къ позднему лѣту и осени.

Дѣло въ томъ, что культурные ландшафты Явы слагаются изъ двухъ элементовъ: изъ рисовыхъ полей и деревень. Но ни тѣ, ни другія не соотвѣтствуютъ тѣмъ представленіямъ, которыя у насъ рождаются при словахъ поле или деревня. Яванская деревня, подобно описанной нами общей панорамѣ Бейтензорга, представляетъ изъ себя подобіе лѣса, гдѣ стройныя кроны кокосовыхъ и арековыхъ пальмъ высятся надъ сплетеніемъ изъ разнообразѣйшей листвы тропическихъ фруктовыхъ деревьевъ. Издали вы обыкновенно совершенно не замѣчаете построекъ. Онѣ скрыты подъ этимъ сводомъ зелени, среди котораго особенно кидаются въ глаза исполинскіе листья хлѣбнаго дерева, овальные, выемчатые и достигающіе аршина длины; сидя на вѣтвистыхъ сучьяхъ высокаго дерева, они придаютъ весьма оригинальную внѣшность селенію. Опушку такого искусственнаго лѣса, состоящаго, по меньшей мѣрѣ, изъ 50 различныхъ родовъ фруктовыхъ деревьевъ, образуетъ необыкновенно красивая пальма *Metroxylon Rumphii*. Ея длинныя, перистыя вай выходятъ прямо изъ земли, образуя изящный кустарникъ, ростомъ своимъ, однако, много разъ превосходящій человека. Около жилья, особенно же по окраинамъ селеній, вы видите цѣлыя заросли подобныхъ *Metroxylon*, дѣлающія полную иллюзію естественной опушки. Селенія раскиданы группами, весьма близко одна отъ другой расположенными среди полей. Невольно кажется, что это искусственно насаженныя группы въ какомъ-то громадномъ тропическомъ паркѣ, въ которомъ поля играютъ роль газона. Рисъ, этотъ главный кормилецъ и, можно сказать, единственный насущный хлѣбъ двадцати-милліоннаго населенія Явы, покрываетъ собою всѣ здѣшнія поля, если только можно назвать полями эти террасообразно однѣ надъ другими расположенныя площадки, окруженныя болѣе или менѣе высокими земляными стѣнками. Одну часть года пашни Явы представляютъ изъ себя безконечное количество четырехугольныхъ мелкихъ прудовъ со стоя-

Видъ Яванскаго города.

чею водою. Какъ зеркало, отражаютъ пруды эти силуэты деревьевъ, скрывающихъ подъ собою деревни, и вся страна представляетъ изъ себя какъ бы одно безконечное озеро-болото, перегороженное на многочисленныя клѣтки. Это какъ бы весенній ландшафтъ; его иллюзію дополняютъ одиноко стоящія тамъ и сямъ среди поля деревья *Eriodendron anfractuosum* съ этажеобразно расположенными, горизонтально распростертыми, передъ началомъ дождливаго сезона голыми, лишенными листы вѣтвями.

Но скоро картина мѣняется. Являются пахари съ буйволами. Они перемѣшиваютъ вязкую глину и, затопивъ ее вновь, съ помощью женщинъ разсаживаютъ уже выращенныя на отдѣльномъ участкѣ, дающія третье перо, молодыя растенія риса. Сперва эта молодая расада некрасиво торчитъ изъ поверхности наводненнаго поля, какъ рѣдкая щетина на небритомъ подбородкѣ. Но лучи тропическаго солнца дѣлаютъ свое дѣло. Водная поверхность полей мало-по-малу скрывается подъ яркою, нѣжною листвою злака, и скоро новая совершенно картина является передъ глазами. Теперь обширное озеро, среди котораго разбросаны были лѣсистыя островки деревень, превращается въ одинъ яркій изумрудный лугъ, съ которымъ ни по нѣжности колера, ни по его оттѣнкамъ не могутъ соревновать лучшіе луга англійскихъ парковъ. На фонѣ этого луга еще эффектно выдѣляются темныя группы лѣсовъ-деревень. Но картина эта непродолжительна. Рисъ колосится, наливаєтъ зерна въ своихъ метелкахъ и начинаетъ желтѣть. Пышный нѣжно зеленый лугъ желтѣетъ, превращается въ золотистую ниву. Затихаетъ нѣжный поэтическій шепетъ рисовки, такъ гармонировавшій съ журчаніемъ воды между стебельками рисовыхъ растеній. Влага на поляхъ изсыкаетъ. Приходятъ жнецы и, какъ у насъ, снопы и скирды усѣиваютъ поверхность обнаженной желтобурой пашни. Но въ то время, какъ у насъ надо ждать недѣли и мѣсяцы, чтобы подобныя превращенія имѣли мѣсто на нашихъ поляхъ, на Явѣ, для туриста, ѣдущаго съ поѣздомъ, это вопросъ немногихъ минутъ. Воды, отводимыя со склоновъ горъ для затопленія полей, не могутъ сразу превратить всю страну въ озеро. И вотъ, пока въ одной волости еще только готовятъ поля подъ посѣвъ, въ другой—рисъ уже сжали, въ третьей—хлѣбъ стоитъ на корнѣ. Вы попеременно, какъ я говорилъ, переноситесь изъ ландшафта весны въ область лѣта или осени, проѣзжая по странѣ, гдѣ въ сущности круглый годъ стоитъ постоянное лѣто.

Плантаціи чая, сахарнаго тростника, кофе или какао виднѣются сравнительно мало по этому желѣзнодорожному пути. Эти плантаціи располагаются чаще на горныхъ склонахъ, которыхъ по понятнымъ причинамъ избѣгаютъ желѣзныя дороги. Вотъ почему и насъ эти, если такъ можно выразиться, «рисовые ландшафты» сопровождали вплоть до станціи Сукабуми, откуда мнѣ

Яванская деревня и затопленные рисовые поля.

нужно было уже на лошадяхъ ѣхать къ берегамъ Индѣйскаго океана, въ селеніе Палабуанъ-рату, главной цѣли моей экскурсіи. Съ той минуты, какъ я вошелъ на дебаркадеръ станціи, я сталъ въ полную зависимость отъ моего спутника, отъ упомянутаго въ самомъ началѣ статьи пайдана, даннаго мнѣ въ сопровожденіе директоромъ ботаническаго сада города Бейтензорга, любезнымъ докторомъ Трейбомъ.

Этотъ пайданъ былъ очень интересная личность. Ловкій и цѣпкій, какъ обезьяна, смуглый малаецъ, онъ безъ малѣйшаго затрудненія влѣзалъ на самыя высокія вершины въ самыхъ непроходимыхъ дебряхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Не было, кажется, названія растенія среди безконечнаго разнообразія ихъ, котораго бы пайданъ не зналъ. Правда, названія эти туземныя, но сыны дѣвственныхъ лѣсовъ, среди пышной тропической флоры живущіе, не теряются среди нея, какъ мы, сыны бѣднаго сѣвера. Растительность составляетъ ихъ обстановку; самая жизнь заставляетъ малайца точно различать ея формы. И онъ задолго до Линнея создалъ здѣсь роды и виды и двойственную номенклатуру растеній, которую оставалось, только немного измѣнивъ, вставить въ списки нашихъ систематиковъ. Потому-то многія формы малайской флоры, не смотря на ихъ латинизированныя окончанія, еще звучатъ часто помалайски; на ряду съ другими, чисто латинскими названіями существуютъ соотвѣтственные туземныя.

Пайданъ, сопровождая пріѣзжаго ботаника, получаетъ соотвѣтствующую инструкцію отъ своего директора. Онъ уже знаетъ, гдѣ надо остановиться, за сколько нанять экипажъ, гдѣ переночевать, по какой тропинкѣ лѣса повести путешественника, чтобы тотъ могъ встрѣтить интересные для него виды, и т. п. Онъ вѣрный, честный и неопѣнимый спутникъ, съ которымъ, однако, подобно тому, какъ и со всѣми окружающими, путешественникъ въ большинствѣ случаевъ, увы, лишенъ возможности разговаривать, такъ какъ ни пайданъ, ни другіе жители острова не знаютъ ни одного иностраннаго языка, не исключая и голландскаго. Особая система управленія колоніями, которой намъ придется коснуться ниже, ввела за правило строго запрещать туземцамъ изучать европейскіе языки. Голландскіе властители предпочитаютъ сами выучиться помалайски, чѣмъ дозволить малайцу говорить поголландски. Поэтому, пріѣзжій, пока не изучитъ нарѣчія туземцевъ, находится въ весьма непріятномъ положеніи человѣка, лишеннаго возможности понимать окружающихъ его людей, и самъ не бываетъ ими понятъ, играя роль глухонѣмого и будучи принужденъ объясняться знаками.

Чтобы выйти изъ столь непріятнаго положенія, приходится выучиваться малайскому нарѣчію—это прямо нужно рекомендовать желающему путешествовать по Явѣ. Я говорю—нарѣчію, а не

языку, такъ какъ малайцы имѣютъ нарѣчій или даже, если хотите, языковъ гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ. Повидимому, жизнь въ дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсахъ малайскаго архипелага, и безъ того уже на островахъ своихъ разъединявшаго и изолировавшаго отдѣльныя семьи и роды малайскаго народа, содѣйствовала тому, что языкъ ихъ расщепился на великое множество діалектовъ. Нарѣчія эти на столько обособились, выработали на столько сложную грамматику, что малайцы двухъ сосѣднихъ провинцій уже не могутъ понимать другъ друга. Ява не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, и на этомъ островѣ, по величинѣ своей не превосходящемъ Великобританіи, мы имѣемъ три совершенно различныхъ языка: малайскій, сунданезскій и яванскій, при чемъ два послѣднихъ обладаютъ весьма сложною грамматикою, обладающею всѣми чертами грамматики языковъ сливающихся (агглютинативныхъ).

Сунданезцевъ, обитающихъ въ западной половинѣ острова, не понимаетъ большая часть населенія, точно также, какъ эти послѣдніе не понимаютъ яванцевъ.

Но связующимъ языкомъ для всѣхъ народовъ восточнаго азіатскаго архипелага является языкъ малайскій. Какъ въ послѣднее время европейцы, убѣдившись въ крайнемъ неудобствѣ изучать по 4—5 языковъ, чтобы понимать другъ друга, стремятся изобрѣтать различные воляпюки и эсперанто, какъ въ средиземно-морскихъ портахъ давно уже господствуетъ такъ называемая *lingua franca*, такъ точно и народы малайскаго племени, жившіе торговлей въ портовыхъ городахъ архипелага и состоявшіе въ постоянныхъ сообщеніяхъ другъ съ другомъ, давно уже упростили одно изъ нарѣчій до степени такого *lingua franca*. Запутанная грамматика языка въ упрощеніи своемъ превзошла англійскую, и получилось нарѣчіе, гдѣ существительныя не склоняются, глаголы не спрягаются, гдѣ множественное число образуется путемъ простаго удвоенія слова, гдѣ, наконецъ, самое число словъ низведено до *minimum* путемъ замѣны многихъ понятій описаніями. Такъ, на примѣръ, солнце называется помалайски глазкомъ неба, ключи—сыномъ замка, ледь—окаменѣлой водой, локомотивъ—огненной каретой и т. п. При такой простотѣ грамматики, малайскій языкъ отличается отсутствіемъ скопленія согласныхъ, трудно произносимыхъ звуковъ и полногласіемъ. Онъ напоминаетъ въ этомъ отношеніи языкъ итальянскій. Вотъ съ этимъ-то малайскимъ, легко усвояемымъ нарѣчіемъ и можно путешествовать по островамъ Зондскаго архипелага, съ его помощью и сопровождавшій меня пайданъ могъ объясняться съ кучерами сунданезцами, которые должны были доставить меня въ мѣстечко Палабуанъ-рату. Послѣ нѣкотораго торго (малайскіе извозчики не меньше нашихъ любятъ торговаться и просить на чаекъ) мы наняли довольно неудобный че-

тырехколесный экипажъ, на рессорахъ, съ напоминающимъ катафалкъ верхомъ, запряженный тройкою маленькихъ, видомъ своимъ напоминающихъ пони, лошадокъ.

Здѣсь это обыкновенный экипажъ для ѣзды по почтовымъ дорогамъ, и тройка—обыкновеннѣйшій на Явѣ способъ упряжки, который общъ съ нашимъ русскимъ и, повидимому, нигдѣ болѣе не встрѣчается.

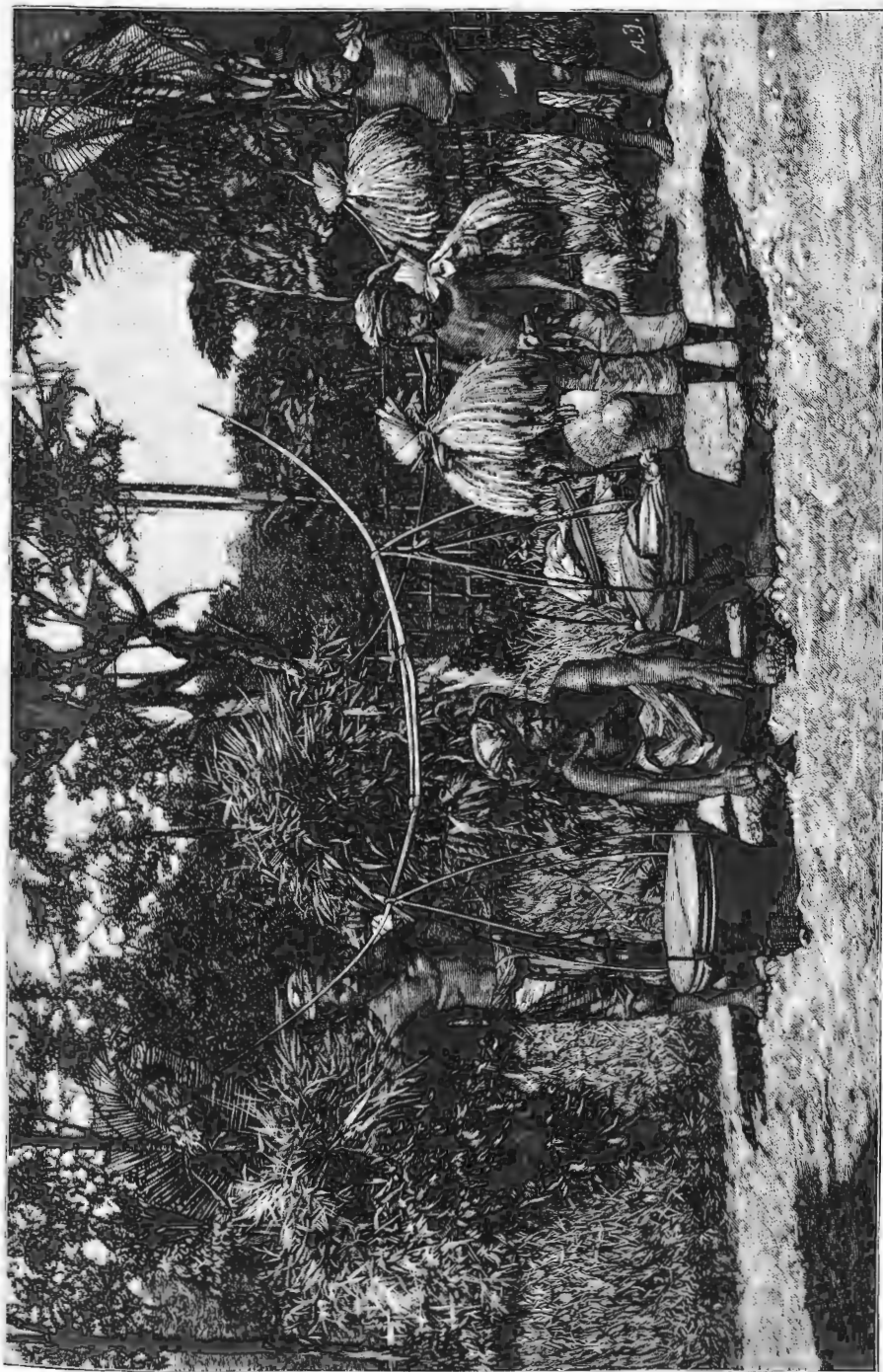
Но тройка яванская все же далеко не то, что наша русская тройка.

Здѣсь нѣтъ ни дуги, ни веселыхъ звонкихъ колокольчиковъ, ни, какъ вихрь, подхватывающихъ пристяжныхъ. Маленькія послужныя пони запряжены рядомъ: коренникъ везетъ ни больше ни меньше, чѣмъ пристяжные, а возсѣдающій на козлахъ кучеръ съ длиннымъ бичемъ, хотя и поощряетъ своимъ крикомъ крошечныхъ лошадокъ, также имѣетъ лишь весьма отдаленное сходство съ нашимъ ямщикомъ.

Еще менѣе сходства съ нашими представляютъ здѣшніе пути сообщенія. Сравнительно узкое, но гладкое, какъ паркетъ, безукоризненно содержимое шоссе, стрѣлою бѣжитъ среди справа и слѣва плотно къ нему прилегающихъ рисовыхъ полей. Такого шоссе у насъ вы не найдете, читатель, и въ Финляндіи. Кажется, голландская чистоплотность и педантизмъ отразились на Явѣ, именно здѣсь на этихъ дорогахъ, совершенства которыхъ, повидимому, столь трудно бы было ожидать отъ тропическаго края съ его ужасными ливнями. Но изобиліе рукъ двадцати-милліоннаго населенія дѣлаетъ легко исполнимыми тяжелыя общественныя работы, и дорожная повинность далеко не такъ ужасна на Явѣ, какъ кажется. Благодатный край даетъ столь щедрое вознагражденіе человѣку за затрачиваемый имъ трудъ, что ему легко содержать себя и свое семейство. Деньги здѣсь дороже труда; вотъ, вѣроятно, причина, почему голландское правительство предпочитаетъ эксплуатировать силы народа не столько денежными поборами, сколько общественными работами. Хотя вотъ уже 300 лѣтъ, какъ съ гордостью голландцы утверждаютъ, что Ява не знаетъ, что такое рабство, однако на дѣлѣ все ея многомилліонное населеніе находится въ полной крѣпостной зависимости отъ голландской администраціи. Какъ наши крѣпостные, яванцы отбываютъ барщину, работая одинъ день въ недѣлю на казенныхъ плантаціяхъ, не считая тѣхъ земскихъ повинностей, которыя на нихъ падаютъ въ селеніи и которыя отбываются натурою и деньгами.

Нигдѣ, кажется, въ Азіи землевладѣніе кореннаго населенія и его отношеніе къ господствующему классу не напоминаетъ въ такой степени наше русское, какъ здѣсь, на Явѣ.

Вы видите у малайцевъ нѣкоторое подобіе нашей общины. Какъ у нашихъ крестьянъ, земля является собственностью дере-

Носильщики глинястей на Явѣ — съ сѣномъ, фруктами и только что снятымъ рисомъ.

вни, отдѣльные члены которой не могутъ ее ни продать ни заложить. Они являются какъ бы наследственными ея арендаторами, плата за нее извѣстный, измѣняющійся въ зависимости отъ мѣстности налогъ. Правда, у нихъ нѣтъ столь пагубно дѣйствующихъ на прогрессъ русскаго крестьянства передѣловъ, и вновь разработанные куски земли считаются собственностью разработавшаго, но все же малайская община есть подобіе нашей точно также, какъ и ихъ сельское управленіе напоминаетъ наше. Здѣсь есть своего рода старосты и становые, родъ земскихъ начальниковъ— все туземцы. Они подчинены туземнымъ же окружнымъ начальникамъ, лицамъ, избираемымъ изъ малайскаго дворянства.

Такимъ образомъ, народъ управляется, повидимому, самъ собою. Тягость податей, общественныхъ работъ и т. п. налагается на него своими же соотечественниками, на которыхъ малайскому крестьянину приходится роптать въ случаѣ, если эти послѣднія окажутся черезчуръ тяжелыми, и нелюбовь и ропотъ народа обрушивается на ихъ резидента, избираемаго изъ бывшихъ князьковъ.

Эти резиденты получаютъ въ дѣтствѣ воспитаніе, слѣдую старинному средневѣковому малайскому обычаю, въ качествѣ пажей у высшихъ міра сего. Но такъ какъ этими высшими міра являются въ настоящее время голландскіе администраторы, то у нихъ въ качествѣ какой-то полуприслуги и живутъ эти маленькіе князья. Ихъ положеніе странное. Оказывая услуги своему начальнику, они стоятъ независимо и важно относительно другихъ. Они мало чему учатся, но съ дѣтства привыкаютъ видѣть превосходство европейской науки и цивилизаціи надъ малайскою.

Дѣлаясь самостоятельными правителями, они оказываются поэтому въ сущности послушнымъ орудіемъ въ рукахъ голландской администраціи. Кроме того, къ каждому такому резиденту обыкновенно въ качествѣ помощника приставляется такъ называемый ассистентъ-резидентъ изъ европейцевъ, мало вмѣшивающійся въ дѣла управленія, но на дѣлѣ зорко слѣдящій за всѣмъ, что творится въ краѣ, и немедленно доносящій, куда слѣдуетъ, обо всемъ, что можетъ быть вредно для интересовъ метрополіи.

Поэтому всѣ резиденты и князья болѣе независимо стоящихъ княжествъ, въ родѣ Джокжа-карта и Сураятра, суть лишь послушныя пѣшки въ рукахъ голландскихъ администраторовъ, вліяніе которыхъ теперь на столько велико, что они могутъ когда угодно смѣнить непокорнаго управителя.

Исторія голландскаго владычества на Явѣ— очень поучительная исторія. Это одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ того, какъ болѣе цивилизованный народъ, пользуясь несогласіями и деспотизмомъ правителей менѣе культурнаго племени, сдѣлалъ это послѣднее незамѣтнымъ для него самого образомъ своими крѣпостными. Давно уже на Явѣ миновали тѣ времена, когда насиліемъ и оружіемъ

Малайская женщина съ кувшинами изъ бамбука.

приходилось утверждать власть надъ малайцами. Теперь эта власть прочно держится силою одного престижа. Голландецъ—это высшая раса. Терминъ этотъ, смѣшной для современнаго антрополога, на Явѣ звучитъ еще далеко не анахронизмомъ. Голландецъ въ глазахъ туземца есть представитель громаднаго государства, управляющаго, между прочимъ, и маленькимъ Остъ-Индскимъ архипелагомъ, человѣкъ, одаренный свойствами ума безконечно высшими, чѣмъ у малайца, обладающій знаніями столь высокими, что они недоступны для малайскаго соображенія, наконецъ въ глазахъ малайца голландцы обладаютъ денежными средствами, во много разъ превосходящими средства ихъ князей, а нравственныя качества европейцевъ безгранично выше, чѣмъ у желтокожихъ.

Такое высокое положеніе во мнѣніи яванскаго населенія голландское правительство создаетъ чисто искусственнымъ путемъ.

Давно оно организовало землевладѣніе на островѣ такъ, чтобы интересы туземцевъ и европейцевъ не только не сталкивались, но по возможности были бы солидарны.

Правительство есть собственникъ всей неудобной земли острова, т. е. его горъ, лѣсовъ и болотъ. Эти земли оно унаслѣдовало отъ постепенно устранявшихся отъ управленія князей или приобрѣтало отъ нихъ путемъ выгодныхъ сдѣлокъ, запутывая, между прочимъ, султановъ въ долги.

Все, что малайскія общины могутъ приобрѣсти для своихъ рисовыхъ полей путемъ расчистки джунглей и пустырей, правительство безпрекословно имъ уступаетъ. Такъ, на примѣръ, громадная внутренняя окруженная вулканами долина между городами Бандонгомъ и Гарутомъ, конфискованная у какого-то изъ князей ею владѣвшихъ, сдѣлалась достояніемъ народа. Дикія дебри, кишѣвшія тиграми и служившія мѣстами для охоты на носороговъ, небезопасныя для путешественника, теперь превратились въ сплошныя рисовыя поля, среди которыхъ разсыпаны сотни новыхъ поселковъ. Правительство дѣлаетъ новые водопроводы и каналы, проводитъ желѣзныя дороги—сооруженія, пользы которыхъ не можетъ не видѣть малайскій народъ; оно охраняетъ его отъ хищничества китайцевъ. Наконецъ, если оно имѣетъ въ виду разработать какую нибудь гору, оно напередъ спрашиваетъ туземцевъ, не повредитъ ли это ихъ интересамъ, и занимаетъ ее только съ согласія сосѣднихъ общинъ. Конечно, согласіе это получается подъ извѣстнымъ давленіемъ легко; оно сводится на одну внѣшнюю форму. Оно получается тѣми же путями, какими у насъ отъ сельскихъ сходовъ получаютъ разрѣшенія для открытія кабаковъ. Понятно, что всѣ эти мѣропріятія, несравненно болѣе, полезныя для кореннаго населенія края, чѣмъ распоряженія малайскаго дворянства, клонившіяся только къ тому, чтобы выжать изъ него соки для своей роскошной и развратной жизни, оставлявшія ради по-

Малаецъ-слуга съ острова Сингапура.

тѣхъ богачей лежатъ безъ пользы тысячи десятинъ назначенной для охоты земли, заставляютъ туземцевъ переносить голландское иго сравнительно легко, и вы не встрѣчаете нигдѣ той нескрываемой ненависти къ европейцу, которой нельзя не замѣтить въ Индіи и Китаѣ.

Но выше нами было сказано, что не благодѣянія голландскаго правительства являются главною уздою, удерживающею въ повиновеніи многомилліонное населеніе Явы, а престижъ, которымъ окруженъ тутъ европейецъ. Если наивная масса народа, быть можетъ, еще и вѣрить, что назначеніе голландской администраціи— есть попеченіе о нуждахъ яванскаго крестьянина, болѣе глубоко-мысленные и наблюдательные представители яванскаго народа давно должны были понять, что тѣ крохи, которыя перепадаютъ на долю населенія, ничтожны въ сравненіи съ тѣми милліонами, которые утекаютъ изъ края, какъ слѣдствіе усиленной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ края, пользоваться которыми малайцы или не умѣли или не могли за неимѣніемъ достаточныхъ капиталовъ, такъ какъ издѣннишіеся князья были не предприимчивы, народъ же былъ нищій. Предоставивъ туземцамъ рисовыя поля, европейцы захватили одѣтыя дѣвственными лѣсами горы; пользуясь капиталомъ, они сорвали съ этихъ послѣднихъ ихъ естественный нарядъ пышной тропической растительности и одѣли ихъ необозримыми плантаціями кофе, чая и хинныхъ деревьевъ, давъ заработокъ избытку населенія въ быстро умножившихся съ водвореніемъ мира общинахъ.

Плантаторы, разсѣянные среди чуждаго по религіи и культурѣ населенія, играютъ въ сущности совершенно ту же роль, что наши помѣщики черноземной полосы среди крестьянскаго населенія.

Организація голландской колонизаціи Явы, можно сказать, единственная въ своемъ родѣ. Въ то время, какъ большинство колоній разсматривается своими метрополіями, какъ мѣста, куда можно сбывать избытокъ своего населенія, свои продукты обработки, наконецъ, гдѣ ищутъ наживы и счастья тысячи покидающихъ отечество бѣдняковъ и неудачниковъ, Ява для Голландіи есть какъ бы одно крупное съ крѣпостнымъ населеніемъ имѣніе—одна большая плантація, приносящая доходы, но которою она не хочетъ дѣлиться съ другими.

Крайне неохотно продаетъ правительство земли, именно земли, годныя для плантацій, въ частныя руки. Теперь покупки эти дѣлаются все рѣже и рѣже, обставляются все большими и большими формальностями и затрудненіями.

Еще болѣе неохотно пускаетъ это правительство на островъ людей, не имѣющихъ крупныхъ капиталовъ, мелкихъ предпринимателей и промышленниковъ. Что же касается до пролетаріата, то ему доступъ на этотъ райскій островъ совершенно воспрещенъ.

Голландія, столь любезная въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ, въ этой колоніи своей является подражательницею Россіи въ смыслѣ стѣсненія личной свободы своихъ гражданъ крайне непріятною паспортною системою. Являясь въ страну, вы должны получить, какъ у насъ, «документы», предъявить свои бумаги и доказать, что вы имѣете достаточныя средства къ жизни. Иначе васъ на казенный счетъ отправятъ или восвояси, или въ какую нибудь другую сосѣдную страну, если того пожелаетъ пріѣхавшій.

Чиновники, служащіе на Явѣ, получаютъ громадныя оклады жалованья и живутъ князьями.

Благодаря такой системѣ, Голландія имѣетъ на островѣ только богатыхъ, обеспеченныхъ и болѣе или менѣе интеллигентныхъ своихъ представителей; съ ихъ стороны населеніе не видитъ ни лихоимства, ни пьянства, ни другихъ пороковъ, которые кидались бы въ глаза народной массѣ. Говоря такимъ образомъ, я, конечно, вовсе не хочу сказать, чтобы поведеніе и нравственность голландскихъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ были безукоризненны. Но процентъ проступковъ не на столько великъ, а главное они не на столько бросаются въ глаза туземцамъ, чтобы дискредитировать европейца. Окруженный челядью, говоря на непонятномъ для слугъ языкѣ, онъ кажется массѣ богачемъ, одареннымъ необыкновенными познаніями, существомъ высшаго порядка, высшей нравственности по сравненію съ обыкновенными смертными.

Малаецъ не имѣетъ права говорить поголландски. Это странное узаконеніе, обязывающее голландцевъ изучать малайскій языкъ, вытекаетъ изъ древнихъ обычаевъ страны, которыми ловко для своихъ цѣлей воспользовались здѣшніе европейцы. Яванскіе князья и правители избрали особый языкъ, на которомъ изъясняются другъ съ другомъ и на которомъ говорить простому народу воспрещается подѣ страхомъ смерти. Такимъ образомъ, манера говорить передъ прислугой на другомъ языкѣ коренится въ нѣдрахъ древней цивилизаціи востока. Но невинное средство въ рукахъ малайскихъ деспотовъ превратилось въ могущественное орудіе въ рукахъ европейскихъ ихъ замѣстителей. Благодаря ему, двадцатимилліонное населеніе Явы держится въ полной изоляціи отъ культурнаго движенія запада. На Явѣ существуютъ школы, развита грамотность, существуютъ даже на туземныхъ языкахъ издающіяся газеты. Но и въ этихъ школахъ и въ этихъ газетахъ сообщаются только тѣ факты и свѣдѣнія, которыя интересно сообщить администраціи острова, и мнѣ невольно, при взглядѣ на яванскаго школьника, припоминался рассказъ Жюль Верна о томъ, какъ одинъ изъ героевъ его повѣстей экзаменовалъ австралійскаго школьника изъ географіи, и какъ этотъ послѣдній ему отвѣчалъ, что всѣ города и государства міра принадлежатъ англичанамъ. Яванскій школьникъ, судя по всему, долженъ считать свою метро-

полю такую же царицею міра. Такова главная мѣра, если не считать еще немногочисленныхъ, на половину изъ туземцевъ же состоящихъ войскъ, съ помощью которыхъ горсть европейцевъ держитъ въ порядкѣ громадное населеніе острова, чувствуя себя среди него гораздо болѣе привольно и спокойно, чѣмъ наши помѣщики среди своихъ крестьянъ. И, надо замѣтить, не смотря на личную свободу, повиненіе и покорность жителей здѣсь поразительны, своеволие же управляющихъ и плантаторовъ напоминаетъ порядки захолустныхъ уѣздовъ. Мнѣ говорили, что только въ недавнее сравнительно время начали переселяться сюда голландцы со своими семьями. Чаше они обзаводились наложницами, которыхъ покидали по окончаніи срока службы, а дѣти ихъ составляли тотъ классъ метисовъ, къ счастью, еще не особенно многочисленныхъ, который, не принятый ни въ кругу бѣлыхъ, ни у темнолицыхъ, въ силу самаго своего воспитанія, соединялъ въ себѣ недостатки и тѣхъ, и другихъ. На плантаціяхъ *ius primae noctis* господствуетъ и донинѣ, и мелкій подарокъ или даже просто принятіе букета дѣвушкою есть условный знакъ приглашенія раздѣлить ложе владѣльца плантаціи, и это приглашеніе принимается, какъ честь, оказываемая семьѣ дѣвушки. Проѣзжая въ своемъ экипажѣ по дорогѣ черезъ поля и деревни и встрѣчая постоянно на пути малайскихъ крестьянъ, я всегда бывалъ пораженъ тѣми знаками уваженія, какіе они оказывали европейцу. Мужчины и женщины, безъ различія возраста, сходили съ дороги и, поворачиваясь бокомъ, становились на одно колѣно, отворачивая лицо свое отъ проѣзжающаго, какъ бы боясь быть ослѣпленными его блескомъ. Эта форма привѣтствія и выраженія покорности, говорили мнѣ, введена здѣсь издавна. Поставленный въ такое положеніе, туземецъ не можетъ произвести покушенія на жизнь, не будучи замѣченъ заблаговременно въ зломъ умыслѣ. Около центровъ, въ родѣ Батавіи или Бейтензорга, это почти не практикуется, но чѣмъ далѣе въ глубь Явы углубляется путешественникъ, тѣмъ чаще встрѣчается съ этимъ явленіемъ.

Костюмы встрѣчныхъ поражаютъ своею пестротой. Мы ѣхали въ будничныи день, и потому крестьяне, возвращавшіеся съ работъ или шедшіе на нихъ, и продавцы, направлявшіеся въ городъ, были одѣты въ обычный, необыкновенно легкій, костюмъ. Онъ состоитъ изъ бѣлыхъ или цвѣтныхъ панталонъ, очень узкихъ и коротенькихъ, оканчивающихся выше колѣнъ. Вокругъ бедеръ обыкновенно наматывается такъ называемый саронгъ, или кусокъ яркихъ цвѣтовъ пестрой матеріи, по цвѣтамъ и рисунку напоминающій платки нашихъ деревенскихъ бабъ. Небольшая повязка на головѣ, нѣсколько напоминающая тюрбанъ, но меньшихъ размѣровъ, дополняетъ костюмъ. Ноги ниже колѣнъ остаются обнаженными и босыми. Точно также и туловище выше бедеръ голое.

Малайская хижина на островѣ Ява.

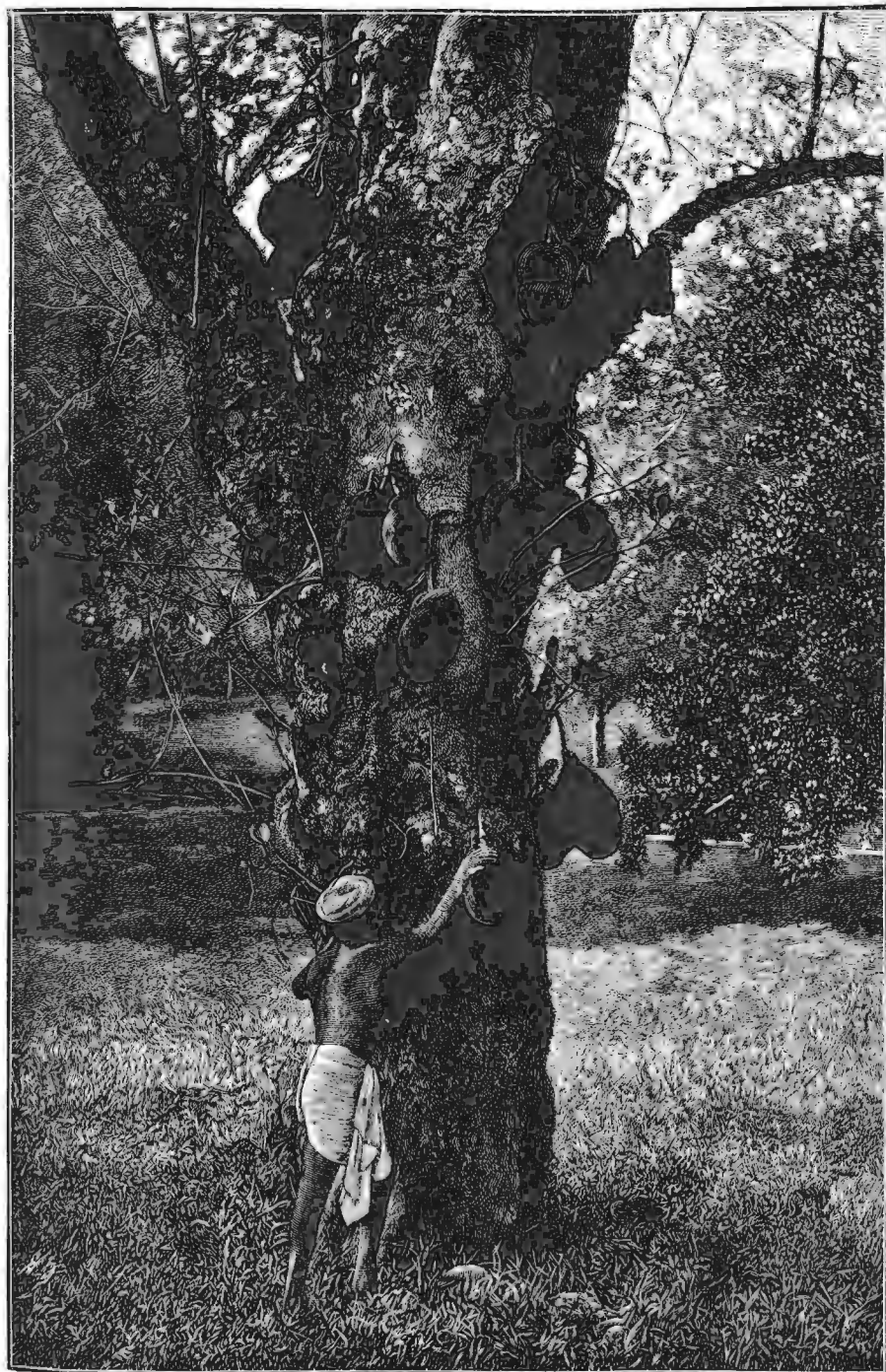
Однако эта нагота не производитъ непріятнаго впечатлѣнія голаго розоваго тѣла европейца. Бронзово-коричневый цвѣтъ кожи при маленькихъ изящныхъ формахъ тѣла дѣйствуетъ лучше всякаго трико и совершенно не производитъ того впечатлѣнія обнаженности, котораго естественно бы было ожидать отъ столь легкихъ костюмовъ.

Въ городахъ можно видѣть на малайцахъ застегивающуюся на одну пуговицу у шеи и оставляющую грудь обнаженною суконную куртку или бѣлую китайскую кофту, въ родѣ изображенной на нашемъ рисункѣ.

Чаще, однако, малаецъ предпочитаетъ, отвязавъ отъ бедеръ свой пестрый легкій саронгъ, перебросить его въ видѣ плаща черезъ плечо. Говоря о костюмѣ малайца, я не могу не упомянуть объ одной принадлежности костюма, которая скрыта для глазъ, но, въ сущности, необыкновенно характерна. Я разумѣю гибкій металлическій поясъ не шире пальца, носимый на бедрахъ. Теперь украшеніе это, невидимое для постороннихъ, можно сказать, бессмысленно. Но интересъ его для насъ въ томъ, что поясъ, носимый малайцемъ, и есть, въ сущности, его настоящій національный костюмъ. Безполезный на Явѣ, онъ въ дебряхъ Суматры и Борнео, судя по имѣющимся описаніямъ путешественниковъ, служитъ для поддержки легкаго куска матеріи, играя роль пояса стыдливости, и составляетъ единственную одежду этихъ болѣе дикихъ представителей малайскаго племени. Во всѣхъ прочихъ принадлежностяхъ костюма яванца не трудно признать вліяніе европейской, китайской, индѣйской и арабской цивилизаціи, такъ какъ и самый народъ яванскій, не смотря на свой характерный, малайскому племени присущій обликъ, не представляетъ чистокровныхъ малайцевъ, но тѣсную амальгаму изъ этихъ послѣднихъ и перечисленныхъ племень.

Мнѣ пришлось бы отвлечься слишкомъ далеко отъ основной нити разсказа, если бы я вздумалъ познакомить читателя съ длинною исторіею острова. Я напомню только, что населеніе его есть продуктъ четырехъ послѣдовательныхъ колонизацій: малайской—первоначальной, затѣмъ индусской, внесшей идеи аристократизма и первенства въ чисто демократическія до тѣхъ поръ малайскія общества. Потомъ волна арабскихъ завоевателей, распространяя исламъ, достигла до Зондскаго архипелага, и Ява былъ одинъ изъ первыхъ его острововъ, принявшихъ исламъ. Эти три элемента теперь тѣсно слились другъ съ другомъ, давъ населенію съ обликомъ и темпераментомъ малайца, воззрѣніями индуса и религіею Магомета, сильно искаженною прежними языческими предразсудками и условіями жизни.

Въ малайской деревнѣ вы не увидите ни высокихъ бѣлыхъ минаретовъ турецкихъ мечетей, ни храмовъ съ полумѣсяцемъ на

Хлѣбное дерево *Artocarpus integrifolia*.

шпилѣ, воздвигаемыхъ нашими татарами. Малайская мечеть—скромная деревянная постройка, обликомъ своимъ гораздо болѣе напоминающая китайскую пагоду, чѣмъ магометанскій храмъ. Что касается до китайцевъ и ихъ вліянія, то и здѣсь, какъ и всюду, народъ этотъ держитъ себя изолированно. Китайцы издавна являлись на Яву, какъ ремесленники и торговцы. Ихъ отношеніе къ малайскому населенію было отношеніемъ болѣе культурнаго капиталиста кулака къ безхарактерному земледѣльцу.

Дѣйствительно, тропическій земледѣлецъ малаецъ въ полномъ смыслѣ слова сынъ природы. Общинное хозяйство, постоянная опека и эксплуатація со стороны дворянства не позволила въ немъ, этомъ сынѣ природы, выработаться тѣмъ свойствамъ болѣе культурныхъ народовъ, которыя дѣлаютъ этихъ послѣднихъ изъ поленщиковъ природы людьми, способными накапливать капиталы и знанія чтобы бороться съ природою и стремиться подчинить себѣ эту послѣднюю.

Малаецъ, напротивъ, работаетъ лишь столько, сколько необходимо для обезпеченія его существованія. Разъ онъ заработалъ немножко больше, онъ уже считаетъ себя богачемъ, полагаетъ, что онъ вправѣ сорить своими деньгами. Онъ покупаетъ ненужныя бездѣлки своей женѣ или бросаетъ деньги на праздники, которыхъ, увы, у малайцевъ даже больше, чѣмъ у нашего народа.

При такомъ безпечномъ и притомъ слабомъ, легко поддающемся всякому соблазну характерѣ, малайцу трудно противостоять китайцу, представляющему ему полнѣйшую противоположность.

Китаецъ—сынъ города; многовѣковая и тяжелая борьба за существованіе, борьба изъ-за куска хлѣба сдѣлала его бережливымъ и расчетливымъ, почти скупымъ до черствости, хотя характеромъ онъ похожъ не столько на такого же сына городской меркантильной жизни, еврея, какъ на нашего кулака. Китаецъ въ торжественные дни своей жизни, празднуя свадьбу, рожденіе сына и т. п. случаи, бываетъ щедръ и не жалѣетъ, какъ нашъ купецъ, копейки не только для родственниковъ, но и для постороннихъ. Но въ обыденной жизни онъ эксплуататоръ. Какъ у насъ въ юго-западномъ краѣ безъ еврея, такъ здѣсь безъ китайца не обходится ни одна деревушка. Сыны Небесной имперіи торгуютъ здѣсь мелочами и не столько торговлею, сколько заимодавствомъ, постепенно закабаляютъ населеніе, опутывая его процентами.

Безхарактерный малаецъ изъ-за пустяковъ, не въ силахъ будучи устоять передъ соблазномъ покутить на праздникѣ, купить бездѣлку, дѣлаетъ заемъ у всегда готоваго къ услугамъ добраго «бэби» и, обыкновенно, не бывъ въ силахъ уплатить долгъ деньгами, отбываетъ постоянно нарастающіе проценты натурою, отработывая, конечно, вдесятеро. Такимъ приемомъ китайцы закабаляютъ значительную часть селенія и сосутъ соки изъ трудящагося крестьянскаго на-

Бамбуковая заросль, формация Alang-Alang и общий вид на вулканъ Gunung Gedeh на Явѣ.

селенія. Въ исторіи Явы нерѣдки бывали возстанія цѣлыхъ областей противъ китайскихъ эксплуататоровъ. Но китайцы слишкомъ тѣсно держатся другъ друга, слишкомъ были ловки и умѣлы, чтобы во время подкупить малайскихъ правителей, чтобы народная масса могла съ ними справиться. Вотъ почему и донынѣ китайское населеніе процвѣтаетъ на Явѣ. Въ лицѣ голландскаго правительства малайское крестьянство нашло, однако, лучшаго защитника своихъ интересовъ, чѣмъ въ лицѣ своего дворянства. Теперь эксплуатаціи китайской положены границы. Своеволія и беззаконія, равно какъ нахальный грабежъ, при которомъ никогда нельзя было найти виноватаго (при манерѣ китайцевъ покрывать другъ друга), стали немислимы. Голландское правительство предоставило самимъ китайцамъ слѣдить за нравственностью своихъ неуловимыхъ для европейскаго суда соотечественниковъ. Оно выбираетъ изъ среды богатѣйшихъ китайцевъ начальниковъ надъ извѣстнымъ числомъ кварталовъ города или округовъ и дѣлаетъ ихъ ответственными за поведеніе вѣтренныхъ имъ соплеменниковъ. Если кто провинится, онъ долженъ быть представленъ этимъ начальникомъ въ судъ, — иначе послѣдній штрафуется несоразмѣрно громадною суммою денегъ. Этою немножко крутою и несовсѣмъ справедливою мѣрою голландцы сдѣлали своихъ китайцевъ образцовыми гражданами, и теперь нѣтъ случая, чтобы виновный могъ избѣгнуть рукъ правосудія.

Яванскіе китайцы здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, подверглись влиянію европейской цивилизаціи. Явленіе это объясняется, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что и сами китайцы здѣсь не чистокровные.

Малайцы принадлежать къ числу наиболѣе терпимыхъ магометанъ. Исламъ, можно сказать, только скользнулъ по нимъ. Поэтому малайскія женщины охотно выходятъ за китайцевъ, являющихся въ городъ или деревню обыкновенно бѣдняками, но быстро поправляющихся и богатѣющихъ на счетъ окрестнаго населенія, благодаря энергіи или эксплуатаціи. Получается смѣшанное населеніе болѣе темное по цвѣту кожи, менѣе высокое, съ менѣе монгольскими чертами лица, но сохраняющее всѣ обычаи своихъ отцовъ. Оно дорожитъ тѣми каплями китайской крови, которыя текутъ въ его жилахъ, и старается, разбогатѣвъ, освѣжить ее, вступая обязательно черезъ нѣсколько поколѣній въ бракъ съ вывезенной изъ Небесной имперіи китайкой. Хотя такимъ образомъ китайское населеніе и живетъ какъ бы изолированно, но само оно не отличается большою нравственностью, коренное же населеніе нельзя упрекнуть въ излишнемъ цѣломудріи, почему понятно, что и китайскій элементъ не остался безъ влиянія на обликъ яванцевъ. Голландцы, стѣсняя и ограничивая китайскій наплывъ, видятъ въ нихъ все-таки наиболѣе энергичное и способное къ ремесламъ населеніе. Всѣ сапожники, столяры, плотники и торговцы, кромѣ торговцевъ европейскими

товарами, здѣсь китайцы. Эти китайцы носятъ уже полуевропейскій костюмъ, усвоили многія европейскія манеры, и кварталы, ими населенные, хотя и сохраняютъ китайскія черты въ архитектурѣ домовъ, отличаются чистотою, совершенно не свойственною городамъ Небесной имперіи.

Таково прошлое и взаимныя отношенія населенія Явы, среди котораго мнѣ приходилось проѣзжать въ моемъ экипажѣ во время описываемой экскурсіи. Деревни, лѣса, подъ сѣнь которыхъ постоянно приходилось вѣзжать нашей тройкѣ, выглядѣли весело и довольно. Онѣ не производили тоскливаго впечатлѣнія вѣчнаго недостатка, вѣчной убогости, присущаго нашимъ деревнямъ сѣвера, хотя большинство жилищъ можно бы было смѣло назвать избушками на куриныхъ ножкахъ. Дѣйствительно это были всегда весьма легкія свайныя постройки. Стремленіе воздвигать свои жилища на сваяхъ присуще вообще всемъ жителямъ восточно-азіатскаго архипелага. Нѣкогда эти сваи ставились столь высоко, что въ жилище приходилось подниматься по лѣстницѣ. Теперь ножки малайскихъ избушекъ на Явѣ рѣдко превышаютъ 1 футъ, давая, однако, возможность вѣтру свободно протекать между плетенымъ, какъ корзинка, поломъ постройки и землею. Такое устройство имѣетъ громадное гигиеническое значеніе, такъ какъ оно мѣшаетъ скопляться сырости и развиваться болѣзнямъ. Стѣны домовъ также представляють изъ себя плетенку изъ листьевъ пальмъ или щепокъ бамбука, напоминающую наши платяныя корзины. Палкою легко проткнуть стѣну такого дома, увѣнчаннаго изящною сплетенною изъ пальмовыхъ листьевъ, рѣже изъ рисовой соломы крышею, далеко свѣшивающеюся надъ верандою. На такой недоступной для дождя верандѣ, какъ и у европейцевъ, стоитъ обыкновенно столъ и нѣсколько качающихся креселъ, въ которыхъ малаецъ проводитъ свои досуги. Такіе воздушные домики обнесены обыкновенно живою изгородью, чаще всего изъ бамбука особой низкорослой породы и заросли со всѣхъ сторонъ бананами, кокосовыми пальмами и другими совершенно ихъ скрывающими растеніями, особенно часто хлѣбными деревьями *Artocarpus integrifolia*, теперь особенно размножившимся въ тропической Азіи. Это дерево очень высокое, съ кожистыми глянцевитыми и чрезвычайно похожими на листья нашего фикуса листьями, величиною съ листья нашего вяза. Оно замѣчательно тѣмъ, что его крупныя иногда съ новорожденнаго ребенка величиною слегка колючіе зеленые плоды вырастають не на вѣтвяхъ, какъ всѣ плоды деревьевъ нашихъ странъ, но прямо на корѣ ствола—особенность, наблюдающаяся только у нѣкоторыхъ тропическихъ видовъ. Въ глаза бросаются также и живыя изгороди изъ ананасовъ. Столь цѣнный у насъ этотъ тропическій фруктъ разводится здѣсь, какъ капуста на грядкахъ, и стоимость его не больше, чѣмъ арбузовъ на югѣ Россіи. Часто его колючая листва са-

дится на верхушку невысокой земляной ограды, и такимъ образомъ получается ананасовая изгородь.

Туземцы тысячами носятъ этотъ фруктъ на базаръ, складывая изъ него пирамиды и привѣшивая ихъ на двухъ противоположныхъ концахъ длинныхъ, загнутыхъ кверху коромыселъ изъ бамбука, въ родѣ изображенныхъ на нашемъ рисункѣ и употребляемыхъ для переноски тяжестей. Проѣзжая по яванскимъ дорогамъ, часто видишь передъ собою цѣлыя вереницы подобнаго рода носильщиковъ, обликъ которыхъ бываетъ особенно оригиналенъ во время дождя, когда они покрываются громадной величины плетенными или деревянными лакированными шляпами съ полями, превосходящими шириною иной зонтикъ. Толпа такихъ малайцевъ, стоящая гдѣ нибудь подъ проливнымъ дождемъ, производитъ впечатлѣніе громадныхъ живыхъ грибовъ, выросшихъ подъ вліяніемъ тропическаго ливня.

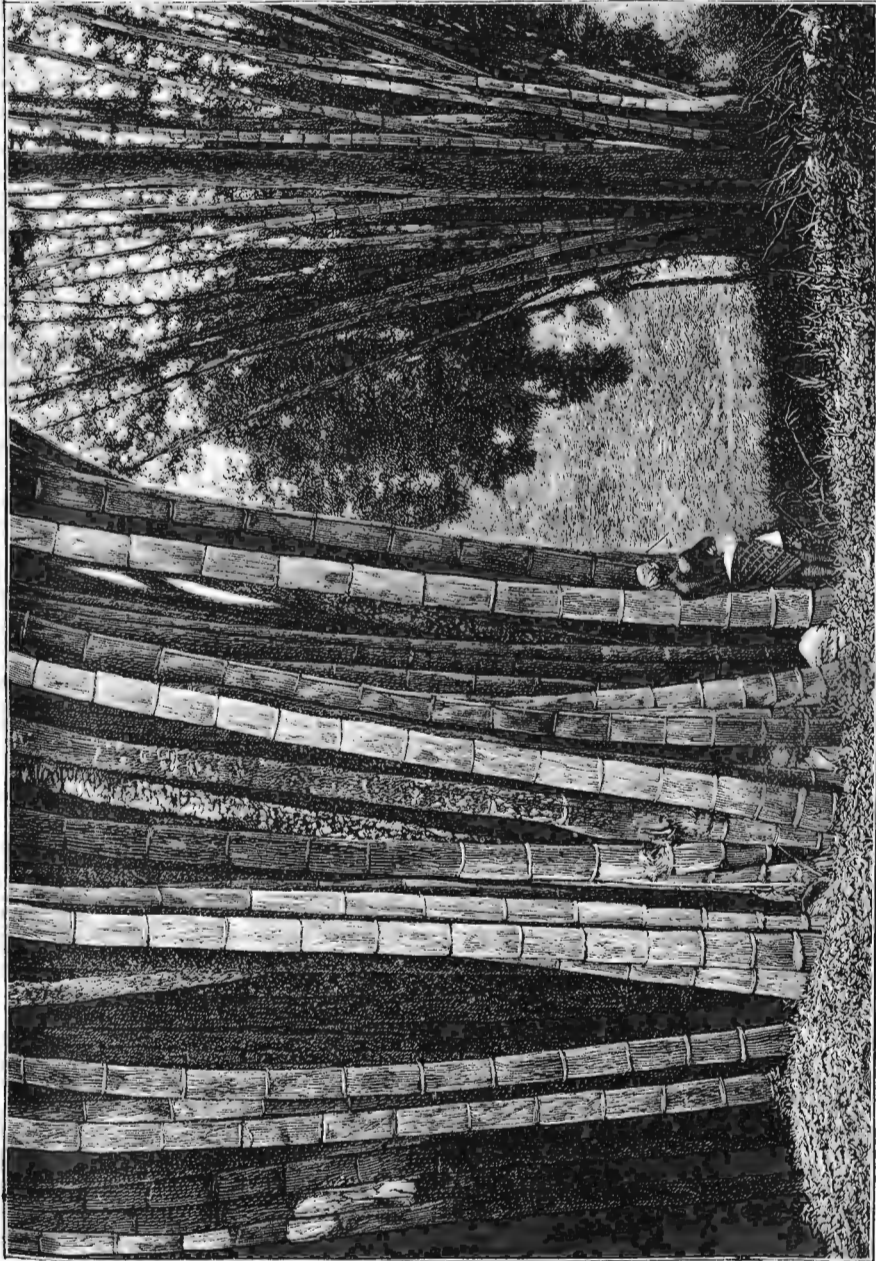
Плантаціи чая и кофе сравнительно рѣдко попадались мнѣ на этомъ пути.

Невысокіе, рядами посаженные кустарники кофе, одѣтые глянцевитыми, кожистыми, какъ у дуба, листьями, обыкновенно отбѣняются посаженными между ними болѣе высокими, такъ называемыми защитными деревьями.

Въ общемъ видъ кофейной плантаціи необыкновенно напоминаетъ наши питомники для воспитанія фруКТовыхъ деревьевъ въ садовыхъ заведеніяхъ и, какъ эти послѣднія, бываютъ окружены живою изгородью. Обыкновенное кофейное дерево—*Coffea arabica*, дающее всѣмъ извѣстное яванское кофе, не отличается красотой. Его листья рѣдко и неполно одѣваютъ жиденькія вѣточки, а бѣлыя, похожіе на жасминовые цвѣты, сами по себѣ довольно красивыя, также мало видны на деревцѣ. Красная, скорѣе кирпичнаго цвѣта, съ вишнею величиною ягода привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только рабочихъ, занимающихся собираніемъ кофейныхъ плодовъ, но и маленькаго животнаго, ловче человѣка умѣющаго выбрать и сѣсть самыя крупныя ягоды съ самыми большими и наилучшаго качества кофейными зернами. Къ счастью, животное это не перевариваетъ самаго кофе, питаясь лишь мякотью ягодъ, почему его нора, или вѣрнѣе, экскременты, около норъ валяющіеся, являются источникомъ добычи самаго лучшаго качества отборнаго кофе.

Особый видъ паразитнаго грибка, *Hemibya vastatrix*, произвелъ на Явѣ, какъ и вообще всюду въ Остѣ-Индіи, сильныя опустошенія въ кофейныхъ плантаціяхъ. На Цейлонѣ, какъ извѣстно, англичане поэтому замѣнили культуру кофе культурою чая.

Голландцы, которые также стали разводить чай, предпочли, однако, замѣнить аравійскій кофе другою болѣе крѣпкою и выносливою разновидностью кофейнаго деревца—это *Coffea liberica*, родомъ

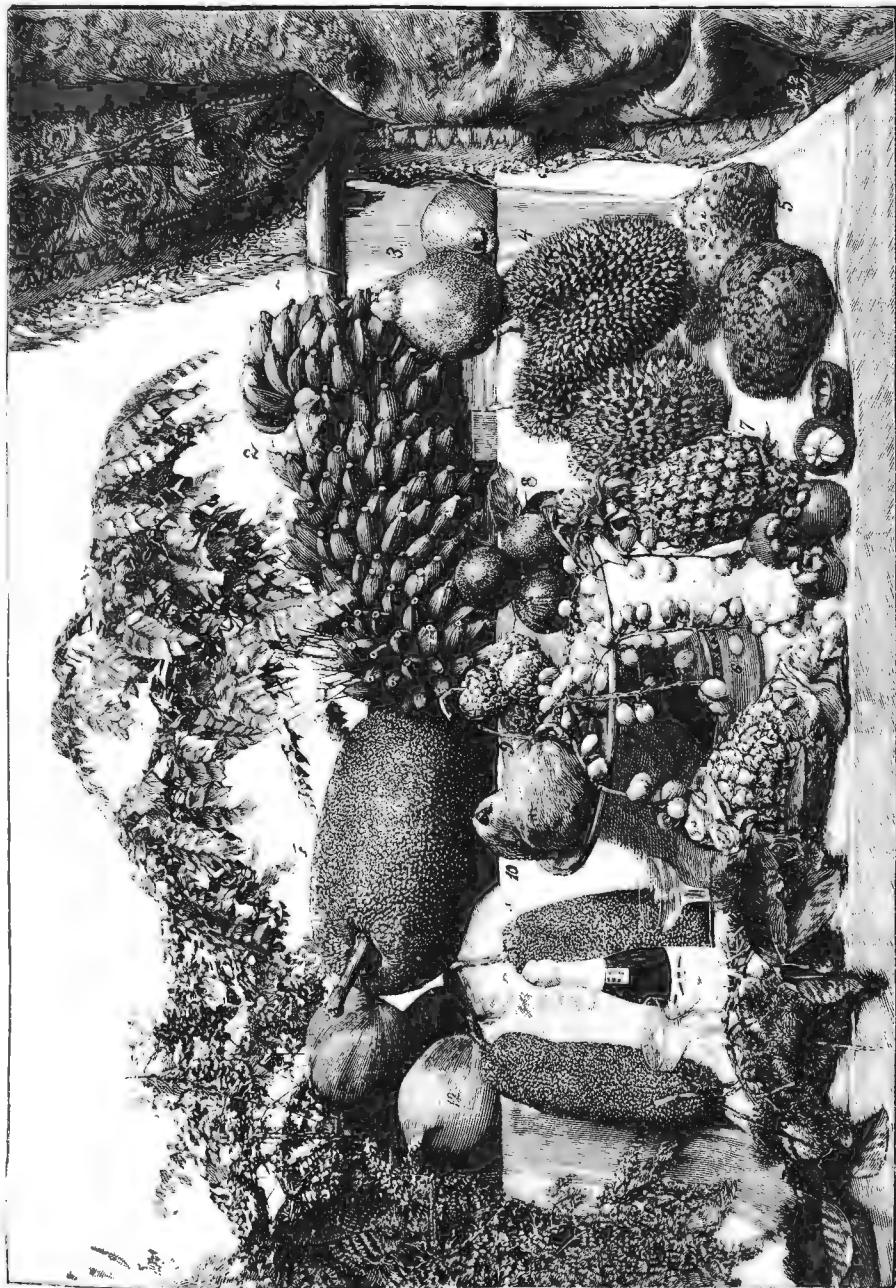
Бамбуковый пучекъ въ саду Регаденца на Цейлонѣ.

изъ западной Африки. Оно выше, его листья крупнѣе, темнѣе, сидятъ гуще, и вообще все растеніе здоровѣе и красивѣе. Но главное, оно не боится грибка. Что же касается до качества кофе, то относительно этого вопроса взгляды расходятся. Одни считаютъ, что оно такое же, какъ и у *Coffea arabica*, другіе полагаютъ, что оно ниже, и кофе, приготовленное изъ Либерійской разновидности, имѣетъ горьковатый вкусъ. Сторонники новаго деревца справедливо, однако, указываютъ, что эта горечь происходитъ оттого, что мякоть ягоды не отстаетъ сама собою отъ косточекъ, но ее приходится отрывать, при чемъ нѣкоторая часть ея остается на кофейникахъ, придавая имъ горькій вкусъ. Поэтому старанія плантаторовъ въ настоящую минуту и направлены на то, чтобы получить разновидность въ ягодахъ, которой мякоть свободно отставала бы отъ косточекъ.

Кромѣ кофе, по пути попадались плантаціи какао и чая. Но они, вообще, были не часто и мало фигурировали въ ландшафтѣ. Гораздо чаще обращали вниманіе громадныя тековыя деревья, столь высоко цѣнимыя, какъ строительный корабельный матеріалъ. Эти высокія деревья съ громадной величины листьями здѣсь сядятся по сторонамъ дороги, превращая ее въ аллею исполиновъ, въ сравненіи съ которыми платановыя аллеи сѣверной Италии показались бы карликовыми, а наша усаженная березками Владимірка—жалкой пародіей. Особенно прелестны тѣ мѣста дороги, гдѣ къ ней примыкаютъ плантаціи, усаженныя живыми изгородями изъ исполинскихъ датуръ или дурмановъ, *Datura arborea*, которые свѣшиваютъ, свои громадныя, бѣлыя, колокольчатые, благовонныя цвѣты, похожіе на лиліи, надъ дорогою.

Въ той части пути, которая была ближе къ морю, чаще и чаще приходилось наталкиваться на пустыри отъ заброшенныхъ плантацій, или посѣвовъ. Такого рода пустыри, не смотря на влажный и теплый климатъ острова, не заростають лѣсами. Повидимому, распашка почвы производитъ въ ней какія-то измѣненія, неблагоприятныя для роста дерева, почему пространства эти покрываются высокими пучковатыми травами, принимая обликъ тропическихъ степей или саваннъ. Высокій туземный пучковатый злакъ господствуетъ на такой степи, образуя дебри, извѣстныя у туземцевъ подъ именемъ зарослей алангъ-алангъ.

Торговля занесла на островъ два кустарника, довольно красивыхъ, которые, ставъ распространеннѣйшими тропическими бурьянами, являются теперь необходимѣйшими спутниками этихъ дебрей изъ алангъ-аланга. Одинъ изъ этихъ кустарниковъ хорошо извѣстенъ петербургскимъ цвѣтоводамъ—это лантана, растеніе съ листьями, похожими на геліотропъ, и со щитками оранжевыхъ цвѣточковъ. Другое—это съ голубыми цвѣтами вербена. Къ нимъ присоединяется издали похожая на шиповникъ *Melastoma*. Все это собраніе растеній напоминаетъ цвѣтистый лугъ, но лугъ, пригодный для

Тропические фрукты.

- 1) Хлебное дерево.—2) Бананы.—3) Папайя.—4) Дурьянг.—5) Алопа *reticulata*.—6) Мангустаны.—7) Аманас.—8) Апельсины.—9) Алопа *reticulata*.—10) Плоды дынного дерева.—11) Нанки.—12) Кокосы.

пастбы слоновъ, а не обыкновенныхъ нашихъ травоядныхъ. Тамъ и сямъ, по окраинамъ селеній, разбросаны, какъ исполинскіе букеты, громадныя пучки бамбука, стволъ котораго при основаніи не тоньше туловища взрослого мужчины, высота немного превосходить высоту нашихъ деревъ и можетъ развѣ только соревновать съ пальмами, этими гордыми царями тропическаго міра. Описываемаго характера ландшафты путешественникъ встрѣчаетъ обыкновенно на мѣстахъ возвышенныхъ, слегка гористыхъ, гдѣ заросли алангъ-аланга и плантаціи становятся на мѣсто деревушекъ и рисовыхъ полей.

Проѣзжая по столь разнообразной мѣстности, я буквально не замѣтилъ, какъ достигъ до большого и очень благоустроеннаго села Палабуанъ-рату, раскинувагося въ заливѣ того же имени на южномъ берегу западной части Явы. Меня подвезли сначала къ дому малайца, игравшаго роль старшины, которому я и вручилъ мой открытый листъ и предписанія отъ губернатора о содѣйствіи со стороны сельскихъ властей—бумаги, которыя здѣсь на Явѣ имѣютъ такой же характеръ и столь же необходимы для экскурсирующаго, какъ и у насъ, въ Россіи. Мнѣ немедленно предложили остановиться въ особо предназначенномъ для проѣзжающихъ чиновниковъ домикѣ, играющемъ роль нашей «земской квартиры» въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ.

При словѣ земская квартира мнѣ, много разъ колесившему по нашимъ степнымъ губерніямъ, всегда рисуется убогая хатка, болѣе чистая, чѣмъ другія постройки селенія, но все же въ большинствѣ случаевъ далекая до удобствъ, предоставляемыхъ скромною гостинницею. Скудный, наскоро стотовленный обѣдъ, какая нибудь куриная похлебка, яичница, самоваръ, кринка молока—вотъ самая роскошная трапеза, какая васъ можетъ ожидать за подобнымъ столомъ. Въ заключеніе постель, которую нерѣдко замѣняетъ скамья, и беспокойная ночь, значительная часть которой уходитъ на атаки легкой кавалеріи и неудачныя попытки отразить эти атаки.

Здѣсь, въ Палабуанъ-рату, земская квартира имѣла нѣсколько иной обликъ.

Аллея изъ высокихъ и стройныхъ кокосовыхъ пальмъ подводила васъ къ отдѣльно стоящему дому малайской архитектуры. Передъ нимъ, на блѣдно-зеленомъ газонѣ, красовались клумбы изъ камня и группы изъ красиво цвѣтущихъ китайскихъ розъ. Пройдя широкую веранду съ круглымъ столомъ и креслами, я вошелъ въ центральную, полутемную комнату, имѣвшую назначеніе служить столовой для проѣзжихъ. Изъ нея четыре двери вели въ четыре отдѣльныя комнаты, гдѣ постели съ безукоризненно чистымъ бѣльемъ и съ пологами изъ кисеи манили для отдыха.

Я пріѣхалъ въ селеніе почти въ 6 часовъ, то-есть въ то время, когда подъ тропиками заходитъ солнце, и такъ какъ здѣсь суме-

рекъ, въ нашемъ смыслѣ слова, вѣтъ, и темнота наступаетъ необыкновенно быстро послѣ заката, то о прогулкѣ по берегу моря и окрестнымъ лѣсамъ, главной цѣли моей поѣздки, въ тотъ день уже не могло быть рѣчи.

Но пайданъ предложилъ мнѣ, въ ожиданіи, пока приготовить ужинъ, отправиться на главную улицу селенія и посмотреть народныя увеселенія.

Яванцы, какъ и всѣ вообще малайцы, чрезвычайно любятъ веселье. Хотя по первому впечатлѣнію это народъ мало разговорчивый и мало общительный, но впечатлѣніе это пропадаетъ, когда его увидите на весельѣ. Многие этнографы говорятъ о малайскихъ пѣсняхъ и музыкѣ, какъ о чемъ-то очень меланхоличномъ, сравниваютъ ихъ пѣсню со стономъ и плачемъ. Мнѣ кажется, что такое заключеніе поспѣшно, какъ поспѣшно бы было заключить по 2—3 протяжнымъ русскимъ приволжскимъ пѣснямъ о характерѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ вообще. Такъ и тѣ пѣсни и пляски, которыя я слышалъ въ этотъ вечеръ, отличались веселіемъ и разгуломъ; музыка по оживленности темпа далеко превосходила японскую, напоминая скорѣе разгулъ и громъ акомпаниментовъ для плясокъ бухарскихъ бачей, которыя я когда-то слышалъ въ Туркестанѣ. Это была громкая, но и довольно дикая музыка, подъ акомпанементъ которой при свѣтѣ горѣвшихъ факеловъ танцовало вѣскольکو дѣвушекъ, къ которымъ поочередно присоединялись изъ толпы одинъ или вѣскольکو юношей. Ихъ танцы были подвижны, энергичны и напоминали мнѣ гораздо болѣе танцы кавказскихъ народностей, чѣмъ вялыя движенія танцоровъ дальняго востока.

Я уже говорилъ, что малайцы большіе любители увеселеній. Не только праздники, но мало-мальски выдающееся событіе жизни влечетъ за собою веселье, иногда очень дорогое. Гуляя въ окрестностяхъ Бейтензорга, я неоднократно встрѣчалъ увеселительныя процессіи кутящей молодежи. Впереди шло обыкновенно два или три костюмированныхъ лица, надѣвшихъ на голову громадныя маски крокодиловъ или другихъ страшныхъ животныхъ. Идя впереди, они разгоняли толпу. За ними двигалась громадной величины кукла, танцовавшая подъ звуки оркестра оглушительной музыки; подъ темпъ этой музыки медленно ѣхала колесница, гдѣ сидѣли разодѣтые въ праздничные наряды, окруженные глазѣющею толпою гулякъ, виновники торжества. Затѣмъ переходные театры, китайскія тѣни и особаго рода маріонетки—обычныя увеселенія народа.

Пока я любовался танцами, мнѣ приготовили деревенскій ужинъ, который могъ дать понятіе объ обѣденной трапезѣ богатаго селянина. Болѣе бѣдный народъ довольствуется обыкновенно лишь варенымъ рисомъ, приправленнымъ перцемъ, сушеною рыбою и бананами. Эти продукты продаются, изящно завернутые въ листья, порціонно, въ извѣстные часы дня, въ сельскихъ лавчонкахъ для

ѣдущихъ въ городъ или на работу, и, проѣзжая по дорогамъ черезъ села, путешественникъ можетъ себѣ скоро составить понятіе о скромной трапезѣ малайскаго крестьянина.

Тотъ ужинъ, который мнѣ былъ поданъ, — былъ обыкновенный столъ зажиточнаго яванца, усвоенный голландцами, какъ завтракъ. Здѣшніе европейцы завтракаютъ помалайски, а обѣдаютъ поголландски. Эта трапеза заключалась въ вареномъ рисѣ, который поливается особою желтою подливкою, содержащею много перцу и отваръ весьма ѣдкихъ корней различныхъ породъ имбиря. Какъ приправа къ этому рису, подаются жаренныя куры, соленныя и жаренныя рыбки, кусочки мяса, приготовленные на манеръ шашлыка, маленькія котлеточки и т. п. Разнообразіе этихъ приправъ зависитъ отъ богатства владѣльца, оно колеблется отъ 4 до 15 сортовъ. За подобнаго рода рисовымъ столомъ слѣдуетъ кусокъ мяса и затѣмъ ассортиментъ изъ тропическихъ фруктовъ. Описывать эти послѣдніе подробно значило бы написать цѣлую книгу. Ява истинное царство фруктовъ. Ихъ здѣсь болѣе 50 сортовъ. Поэтому я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе распространенныхъ, которые мы изобразили на нашемъ рисункѣ.

Слѣва наверху изображенъ громадный плодъ уже упоминавшагося нами хлѣбнаго дерева. О величинѣ его можетъ дать понятіе поставленная для масштаба бутылка. Разрѣзанный плодъ этотъ дѣлится на множество зубьевъ желтой слизистой мякоти, облекающей крупныя съ миндаля (со скорлупою) величиною зерна. Мякоть эта съ сильнымъ ананаснымъ запахомъ напоминаетъ нѣсколько сливовую. Рядомъ изображена вѣтка, усаженная зрѣлыми бананами. Зеленые или желтые снаружи, они позволяютъ легко содрать кожицу, давая нѣжно желтую мучнистую мякоть, сладковатую, липнущую во рту, скоро приѣдающуюся. Туземцы ѣдятъ бананы или съ водою, какъ хлѣбъ, или поджариваютъ ихъ въ маслѣ.

Самый характерный изъ изображенныхъ на рисункѣ плодовъ это безспорно дурьянъ, *Durio zibethinus* — громадный, въ человѣческую голову величиною, фруктъ, одѣтый толстою колючею корою, разсѣчь которую удастся только большимъ кухоннымъ ножомъ. При этомъ отъ нея начинается распространяться на столько отвратительный запахъ, что многіе не въ состояніи оставаться въ комнатѣ, гдѣ находится этотъ плодъ.

Одни сравниваютъ этотъ запахъ съ трупнымъ, другіе съ запахомъ отхожаго мѣста. Во всякомъ случаѣ это сильный своеобразный и очень непріятный запахъ. Зато помѣщенные въ трехъ внутреннихъ полостяхъ, крупныя зерна дурьяна обмотаны мякотью, тающею во рту, чѣмъ-то въ родѣ блѣдножелтаго крема, вкусъ котораго безспорно стоитъ выше всѣхъ другихъ фруктовъ земнаго шара. Этотъ вкусъ столь своеобразенъ, что не поддается описанію, и онъ заставляетъ большинство рѣшившихся попробовать дурьяна сразу

мирится съ его отталкивающимъ запахомъ. Другіе плоды, изображенные у насъ на рисунокѣ, извѣстны по путешествію Гончарова. Это на первомъ планѣ лежащіе мангустаны, съ ихъ вяжущей, въ разрѣзѣ малиново-красной кожурою и снѣжно-бѣлымъ, тающимъ во рту, прохладительнымъ содержимымъ, вкусъ котораго, изъ европейцевъ, не бывавшихъ подъ тропиками, знаетъ только англійская королева; громадные съ голову величиною апельсины, называемые пампельмуссами, значительно по вкусу уступающіе нашимъ, и маленькіе, кислые зеленокожіе явайскіе апельсинчики; два вида Анопа, одинъ большой со слегка вяжущимъ кислымъ, какъ лимонадъ, бѣлымъ тѣстомъ, другой — видомъ похожій на еловую шишку, а вкусомъ напоминающій землянику; далѣе плодъ дыннаго дерева Carica rарага, содержащій въ изобиліи пепсинъ и видомъ и вкусомъ нѣсколько напоминающій дыню; манги, похожія вкусомъ на персикъ, но обыкновенно отзываются терпентиномъ; ананасы и, наконецъ, кокосовые орѣхи, столь хваленые всѣми путешественниками, съ мякотью немного вкуснѣе стеарина, и кокосовымъ молокомъ, которому всегда можно предпочесть стаканъ хорошей воды.

Говоря вообще, тропическіе фрукты, не смотря на свое разнообразіе, какъ-то грубѣ нашихъ. Имъ недостаетъ культурности, и или твердость мякоти, или ея рѣзкій запахъ отравляютъ вкусъ плода. Только развѣ сочные и кисленькіе плоды рамбутана, одѣтые мягко-колючею малиновой кожурою, могутъ по достоинствамъ сравниться съ нашими такъ называемыми южными фруктами — апельсинами, виноградомъ, персиками и грушами.

Отдохнувъ на земской квартирѣ селенія Палабуанъ-рату, я на другой день отправился въ экскурсію въ лѣсъ, расположенный на прибрежныхъ горахъ окрестностей. Этотъ лѣсъ и составлялъ главную цѣль моей поѣздки. Густое населеніе острова давно уже уничтожило лѣса и дебри нижняго культурнаго пояса Явы, и найти настоящій тропическій лѣсъ на Явѣ такъ же трудно, какъ найти участокъ никогда не паханной первобытной степи въ средней полосѣ Россіи. На Явѣ и теперь еще есть масса дѣвственныхъ лѣсовъ, но лѣса эти горные, осѣняющіе склоны высокихъ вулкановъ острова. Они отличаются могуществомъ своей растительности, пышными и разнообразными формами этой послѣдней. Но это уже не тѣ лѣса жаркаго и сыраго побережья, которые являлись нѣкогда гнѣздилищемъ носороговъ и тапировъ. Такіе лѣса давно вырублены и замѣнились плантаціями и деревнями съ рисовыми полями. На всемъ островѣ осталось, можетъ быть, три-четыре такихъ лѣса. Одинъ изъ нихъ сдѣланъ охраннымъ. Голландское правительство составляетъ списокъ древесныхъ породъ, его образующихъ, въ надеждѣ извлечь изъ нѣкоторыхъ пользу, не давъ имъ исчезнуть раньше, чѣмъ ближе будутъ изучены ихъ свойства.

Такой лѣсъ въ окрестностяхъ Палабуанъ-рату и предстояло мнѣ посѣтить.

Не смотря на то, что лѣсъ описываемаго скалистаго побережья Индѣйскаго океана и былъ заповѣдный, то, что я въ немъ увидѣлъ, способно было скорѣе разочаровать сѣверянина, чѣмъ привести его въ восторгъ.

Послѣ восхитительныхъ культурныхъ ландшафтовъ Явы думаешь, что дѣвственная природа самыхъ жаркихъ ея областей должна представлять изъ себя нѣчто колоссальное. Между тѣмъ, напротивъ, лѣса жаркихъ ея частей наименѣе эффектны.

Первое, что поражаетъ при приближеніи къ такому лѣсу, это отсутствіе въ пейзажѣ пальмъ. Въ популярныхъ описаніяхъ тропиковъ, дѣлаемыхъ туристами, постоянно приходится читать о «лѣсахъ изъ пальмъ». Но всѣ таковыя лѣса суть продуктъ верхоглядства, по крайней мѣрѣ, по примѣненію къ Явѣ. Пальма здѣсь спутникъ человѣка, обитатель земли, которой касалась его рука. Дѣвственный же лѣсъ никогда не увѣнчивается кронами пальмъ. Этимъ царицамъ тропическаго міра не пристало вести борьбу за существованіе въ темныхъ дебряхъ лѣса и состязаться съ быстро растущими вульгарными деревьями и кустарниками. Поэтому издали обликъ дѣвственныхъ лѣсовъ Явы ничѣмъ почти не отличается отъ нашихъ густыхъ дубовыхъ или вообще широколиственныхъ лѣсовъ. Только зелень такого лѣса гуще, темнѣе, да тамъ и сямъ на опушкѣ вы замѣчаете усыпанное сплошь яркими цвѣтами дерево. Чуть ли не исключительно здѣсь приходится видѣть цвѣты, ибо, когда затѣмъ вы погрузитесь подъ мрачный сводъ деревьевъ, въ сырой полутьмѣ вы лишены будете возможности любоваться тѣми изящными вѣнчиками цвѣтовъ, какіе мы привыкли видѣть въ нашихъ сѣверныхъ дубравахъ. Подъ ногами вы видите грубые, темные, кожистые листья, по большей части знакомыхъ растений: маранты, плоеные листья *Circuligo*, различныя орхидеи, наконецъ, не превышающіе размѣра нашихъ комнатныхъ, побѣги молодыхъ пальмъ,—не тѣхъ пальмъ, однако, которыя способны давать высокіе стволы и пышныя кроны, но пальмъ ротанговъ, которыя, какъ змѣи, ползутъ по землѣ, какъ змѣи взлѣзаютъ на деревья, чтобы, уцѣпившись за вѣтви колючими черешками листьевъ и стволами, висѣть затѣмъ между деревьями, наполняя и безъ того трудно проходимый лѣсъ цѣлыми дебрями стволовъ-веревочъ. Сваливаясь съ деревьевъ, такіе канаты лежатъ на землѣ, свернувшись, какъ змѣи, образуя иногда связки до 40 сажень длиною.

Стволы деревьевъ такого дѣвственнаго лѣса увиты ліанами и эпифитами. Но и тѣ и другіе не цвѣтутъ. Даже папоротники, подобно другимъ эпифитнымъ растеніямъ, облѣпляющіе стволы, и тѣ имѣютъ по большей части темную кожистую глянцевою листву. Такая же темная листва и на деревьяхъ, если не принимать во вниманіе перисто-разсѣченной листвы мимозообразныхъ мотыльковыхъ.

Вся совокупность этихъ формъ въ сырой полутемной атмосферѣ производитъ тяжелое гнетущее впечатлѣніе, и тотъ изъ петербуржцевъ, кто зимою бывалъ въ богатой пальмовой оранжереѣ Ботаническаго сада, можетъ себѣ составить нѣкоторое понятіе о лѣсахъ жаркой зоны Явы. Только на прогалинахъ высокіе пестролистые бананы разнообразяютъ лѣсъ, да на опушкахъ или среди порубокъ сильное впечатлѣніе производятъ фікусы-удушители. Это крайне оригинальный видъ смоковницы, которая изъ маленькаго сѣмечка прорастаетъ обыкновенно гдѣ нибудь на вѣткѣ на вершинѣ одного изъ деревьевъ лѣса. Подобно многимъ тропическимъ растеніямъ, она образуетъ воздушный корень, скоро достигающій земли и въ ней укореняющійся. Подкрѣпленный питательными извлеченными изъ земли соками такой сѣянецъ начинаетъ пускать одинъ корень за другимъ, которые спускаются, какъ змѣи, по стволу пріютившаго смоковницу дерева. Утолщаясь все болѣе и болѣе, они совершенно удушаютъ въ своихъ объятіяхъ хозяина. Высоко надъ его кроною, высясь надъ общимъ уровнемъ лѣса, развивается смоковница, спускающаяся внизъ цѣлымъ вѣникомъ толстыхъ и гибкихъ корней.

Въ дѣвственномъ лѣсу теперь о носорогахъ (имена которыхъ носятъ лишь нѣкоторыя урочища) остались лишь преданія, и вообще рискъ встрѣтиться съ дикимъ звѣремъ весьма малъ. Только стаи обезьянъ до сихъ поръ перекидываются съ вѣтки на вѣтку, пугая птицъ.

Эти послѣднія, однако, также немногочисленны и мало оглашаютъ молчаливые своды своимъ пѣніемъ. Не смотря на то, что малайцы большіе любители птицъ, даже между пойманными я мало видѣлъ красивыхъ. Голуби, пользующіеся на Явѣ такою же любовью, какъ и у насъ, содержатся въ клѣткахъ, которыя имѣются почти при всякомъ домѣ. Ихъ воркованіе замѣняетъ пѣніе нашихъ пѣвчихъ птицъ. Птица носорогъ, одинъ видъ говорящей сороки и крошечные зеленые попугайчики, вродѣ *inseparabile*, привозимыхъ изъ Америки, но формою и движеніями подражающіе азиатскимъ зеленымъ попугаямъ, дополняютъ составъ птицъ, содержимыхъ въ неволѣ. Другими словами, если вы не охотникъ, развѣзая по острову, вы не встрѣтите и тѣхъ пестрыхъ и яркихъ птицъ, которыми воображеніе населяетъ тропическій міръ.

Палабуанъ-рату, какъ сказано, расположенъ на берегу моря. Прорвавшись черезъ чащи лѣса съ помощью ножа, разсѣкая ліаны, вы выходите на побережье. Малаецъ-проводникъ ведетъ васъ черезъ дебри достигающихъ роста нашихъ деревьевъ панданусовъ, увѣшанныхъ красными шишками плодовъ и зарослей цвѣтущихъ бѣлыми цвѣтами азиатскихъ кринумовъ. Еще нѣсколько шаговъ, и вы на песчаномъ берегу моря. Ударами всегда за поясомъ носимаго ножа проводникъ очищаетъ ананасъ, и вы, утомленный усиліями въ душной и жаркой атмосферѣ лѣса, утоляете его кислую мякотью свою жажду, любуясь панорамой безбрежнаго моря.

Панорама эта одна изъ рѣдкихъ. Болѣе, чѣмъ тысячелѣтіе тому назадъ, римляне самую выдающуюся точку Бретани назвали Finis terrae — конецъ земли.

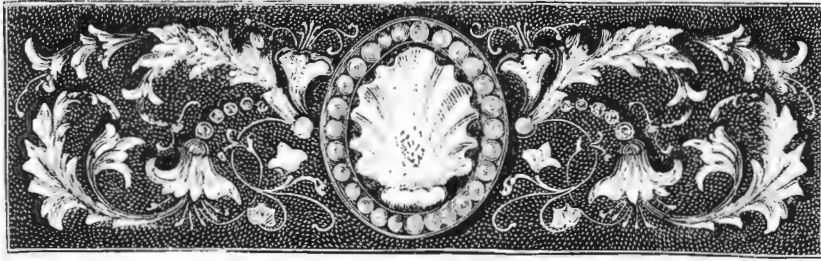
Тогда названіе это было вѣрно. Наблюдатель, сидя на скалѣ, видѣлъ предъ собою безбрежный океанъ, за которыми былъ предѣлъ доступнаго тогда людямъ міра.

Великій вѣкъ открытій измѣнилъ положеніе вещей. Теперь почти не осталось точекъ на берегахъ морей, сидя на которыхъ путникъ не зналъ бы, что далеко-далеко за волнующейся поверхностью водъ лежитъ другая земля съ иною природою и нравами,—страна болѣе или менѣе извѣстная. Южный берегъ Явы представляетъ, однако, исключеніе. Глядя отсюда, вы имѣете передъ собою океанъ, тянущійся на цѣлую четверть полушарія. Отъ экватора почти и до полюса вы имѣете передъ собою гладь водъ безъ острововъ и суши, гладь, уходящую за предѣлы извѣстныхъ человѣчеству частей земного шара. И это величіе безпредѣльности, сознаніе ея, дѣйствуетъ вдохновляюще, какъ можетъ дѣйствовать только безпредѣльность небеснаго свода.

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ моей первой экскурсіи подъ тропиками. Читатель изъ краткаго описанія моего могъ убѣдиться, что тропики съ ядовитыми змѣями, непроходимыми кишками тиграми джунглями и величественными дѣвственными лѣсами мало-по-малу отходятъ въ исторію, уступая мѣсто культурѣ, и свирѣпые дикари смѣняются трудолюбивыми земледѣльцами, пока кроткою жертвою европейской эксплуатаціи, но, кто знаетъ, быть можетъ, въ скоромъ времени и членами обще-человѣческой цивилизаціи. Вопросъ объ эмансипаціи яванцевъ назрѣваетъ, и о немъ уже говоритъ мѣстное общество.

А. Красновъ.

НОВЫЙ НАПОЛЕОНЪ.

Дѣтство и юность.

ОДА НА НАПОЛЕОНА, выражающаяся наплывомъ безконечныхъ монографій, мемуаровъ и журнальныхъ статей, дала поводъ къ составленію его полныхъ біографій на основаніи новыхъ матеріаловъ. Но любопытно, что подобные объемистые, историческіе труды предприняты не во Франціи, а въ Америкѣ, и то главнымъ образомъ въ журналахъ. Такъ, въ настоящее время выходятъ: отдѣльное, изящное изданіе Чикагской компаніи Вернеръ въ 16-ти выпускахъ «Napoleon from Corsica to St. Elena» (Наполеонъ съ Корсики до св. Елены), съ 330 снимками съ извѣстныхъ картинъ или портретовъ и текстомъ Джона Стоддарда, въ «Macclure's Magazine» Napoleon Bonaparte — Иды Тарбель, съ двумястами портретами, изъ которыхъ уже въ одномъ номерѣ появилось двадцать, и въ «Century Magazine» Life of Napoleon Bonaparte (Жизнь Наполеона Бонапарта)—профессора Вильяма Слоана. Двѣ послѣднія біографіи начались въ ноябрьскихъ книжкахъ и продолжатся втеченіе всего года, а, быть можетъ, и долѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе Слоана самое серьезное и основательное на исторической точкѣ зрѣнія, хотя оно также снабжено многочисленными, прекрасными рисунками, какъ копіями съ извѣстныхъ картинъ или портретовъ, такъ и новыми композиціями лучшихъ современныхъ художниковъ.

Авторъ этого любопытнаго свода всего, что писалось прежде и пишется теперь о Наполеонѣ, добросовѣстно и втеченіе многихъ лѣтъ подготавлиался къ своему громадному труду. Родившись въ 1850 году, Вильямъ-Милиганъ Слоанъ, сынъ пресвитеріанскаго пастора въ Огіо, воспитывался въ Колумбійской коллегіи, нѣсколько лѣтъ преподавалъ латинскій и греческій языки въ Невельскомъ институтѣ въ Питсбургѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Тогда онъ преимущественно занимался восточными литературами и получилъ степень доктора философіи въ Лейпцигѣ послѣ удачной защиты своей диссертации «Арабская поэзія до Магомета». Живя въ Берлинѣ, онъ состоялъ частнымъ секретаремъ при американскомъ посланникѣ Банкрофтѣ и впервые, подъ руководствомъ этого знаменитаго историка, научился практическому обращенію съ историческимъ матеріаломъ, такъ какъ при его содѣйствіи былъ составленъ десятый томъ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ». Возвратясь въ Америку, онъ исключительно посвящалъ себя изученію арабскаго и еврейскаго языковъ, хотя чувствовалъ болѣшую наклонность къ исторіи, но ему пришлось въпродолженіе шести лѣтъ ограничиться преподаваніемъ латыни въ Принстоунѣ, и только послѣ преобразования этого университета на широкую ногу онъ получилъ кафедру философіи исторіи. Въ своихъ блестящихъ лекціяхъ онъ преимущественно занимался философскимъ уясненіемъ причинъ и послѣдствій революцій въ Англіи, Америкѣ и Франціи, а единственная ихъ часть, которая до сихъ поръ напечатана, касается отношеній между Англіей и Франціей въ эпоху войнъ конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго. Прежде чѣмъ взяться за исторію Наполеона, онъ во время частыхъ и продолжительныхъ посѣщеній Парижа и французской провинціи близко изучилъ современное французское общество и дружески сошелся съ Тэнномъ, который говорилъ о немъ: «Онъ знаетъ Францію лучше всѣхъ иностранцевъ, которыхъ я видѣлъ». По всей вѣроятности, знаменитый психологъ-историкъ подалъ ему первую мысль написать біографію того величайшаго генія двухъ вѣковъ, къ уясненію личности котораго онъ самъ такъ много, хотя не удачно, поработалъ. Однажды, принявшись за это дѣло, Слоанъ старательно, добросовѣстно изучилъ не только всю колоссальную Наполеоновскую литературу, но и малоизвѣстные документы, хранящіеся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, а также доселѣ почти невѣдомыя рукописи во Флоренціи и въ Британскомъ музеѣ; кромѣ того, онъ лично посѣтилъ большую часть мѣстностей, гдѣ произошли главнѣйшіе эпизоды необыкновенной карьеры его героя. Хотя этотъ трудъ былъ начатъ ранѣе возникновенія теперешней моды на Наполеона, но можно быть увѣреннымъ, что при періодическомъ его появленіи онъ постоянно пополняется всѣмъ, что выходитъ новаго о Наполеонѣ въ

Наполеонъ въ юности.
(Мраморный бюстъ въ музеѣ въ Аяціо),

современной литературѣ и журналистикѣ, а потому онъ вполне можетъ считаться послѣднимъ словомъ въ Наполеонианѣ.

По собственнымъ словамъ Слоана въ его краткомъ предисловіи, пора безпристрастной критикѣ воспользоваться богатыми матеріалами, собранными втеченіе ста лѣтъ, и представить трезвую, объективную исторію Наполеона, лишенную всякаго легендарнаго или предвзятаго характера. «Три подобные опыта, — говоритъ онъ, — сдѣланы въ послѣднее время: французомъ Ланфрэ, который не окончилъ своего труда, отличающагося блестящими достоинствами, но пристрастіемъ, англичаниномъ Силэ, написавшимъ философскій очеркъ, но далеко неполный и также страдающій предвзятыми взглядами, наконецъ австрійцемъ Фурниеромъ, трудъ котораго лучше предыдущихъ двухъ, хотя слишкомъ кратокъ и дышитъ національными предразсудками». Американскій авторъ не имѣетъ поводовъ питать къ Наполеону ни пристрастія французскаго патриота, ни ненависти французскихъ либераловъ, ни вражды англичанъ или нѣмцевъ, а потому ему не только виднѣе издали, но и свободнѣе написать правду, одну правду и только правду. Руководствуясь этой идеей, американскій профессоръ взялся за новую исторію Наполеона, обративъ преимущественно вниманіе на начало и конецъ его карьеры, такъ какъ эти эпохи его жизни до сихъ поръ оставались наиболѣе темными, и на нихъ проливаютъ наибольшій свѣтъ послѣдніе труды быстро растущей съ каждымъ днемъ Наполеоновской литературы. При этомъ основной идеей его труда служить слѣдующее *profession de foi*. «Мы должны изучать время и народъ, къ которому принадлежитъ тотъ или другой великій человекъ, — говоритъ онъ, — если мы хотимъ вполне оцѣнить его силу и слабыя стороны, его цѣли и стремленія, его успѣхи и неудачи, случайные эпизоды его карьеры и его заслуги передъ исторіей, а относительно Наполеона это можно сказать еще справедливѣе, чѣмъ о всякой другой исторической личности. Искреннее поклоненіе часто возносило его до небесъ, а пламенная ненависть повергала его въ адскую бездну. Всѣ націи, всѣ партіи, всѣ группы судили о немъ съ личной точки зрѣнія своихъ интересовъ и самозащиты. Но если можно справедливо разгадать тайны жизненной драмы Наполеона, то, конечно, только изученіемъ его въ соотношеніи къ его времени, которое основательно намъ извѣстно, а не психологической диссекціей загадочной натуры, о которой мы знаемъ очень мало, не смотря на все изобиліе внѣшнихъ свѣдѣній. Факты его жизни вовсе не факты, если мы не освѣтимъ ихъ изслѣдованіемъ общаго теченія современныхъ ему событій».

На сколько можно судить по вышедшимъ до сихъ поръ двумъ главамъ интереснаго труда профессора Слоана о дѣтствѣ, юности и первыхъ шагахъ Наполеона при началѣ французской революціи, можно смѣло признать, что цѣль его достигнута, и онъ дѣйстви-

тельно представляетъ безпристрастную, объективную и вполнѣ полную исторію Наполеона, хотя нельзя сказать, чтобы его взгляды на общее теченіе современныхъ Наполеону событій отличались полнотой и вѣрностью, а его изложеніе блескомъ или систематичностью. Но эти недостатки, которые, можетъ быть, исчезнуть въ дальнѣйшихъ главахъ, вполнѣ искупаются его серьезными достоинствами, а главное новизной и полнотой сообщаемыхъ фактовъ. Дѣйствительно рисуемый имъ Наполеонъ—новый Наполеонъ, и никогда еще не являлся передъ нами такой цѣльный и, повторяемъ, совершенно новый образъ Наполеона, какъ школьника, задумчиваго, любящаго чтеніе юноши, начинающаго литератора, корсиканскаго патріота-агитатора и преданнаго родственника. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ отъ времени до времени знакомить читателей съ наиболѣе новыми и характеристичными историческими данными, встрѣчающимися въ трудѣ Слоана, такъ какъ въ полномъ своемъ объемѣ этотъ трудъ, по всей вѣроятности, будетъ скучнымъ и не интереснымъ для журнальныхъ читателей, повтореніемъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ и подробностей, среди которыхъ исчезнуть любопытныя страницы, какъ оазисы въ пустынѣ. Напротивъ, выдѣленное въ особые, самостоятельные очерки все, что встрѣчается новаго въ сочиненіи американскаго профессора, грозящемъ затянуться очень долго, прочтется съ живымъ интересомъ ¹⁾).

I.

«Я родился, когда мое отечество умирало. Тридцать тысячъ Французовъ, выброшенные на наши берега, топили престолъ свободы въ волнахъ крови—таково было страшное зрѣлище, которое впервые представилось моимъ глазамъ. Вопли умирающихъ, стоны угнетенныхъ и слезы приведенныхъ въ отчаяніе согражданъ окружали мою колыбель».

Такъ говорилъ юноша Наполеонъ въ 1789 году, и его новый біографъ совершенно правильно начинаетъ рассказъ о рожденіи и дѣтствѣ своего героя съ картины тогдашняго положенія въ Корсикѣ и той роли, которую играла семья Бонапартовъ на своей родинѣ.

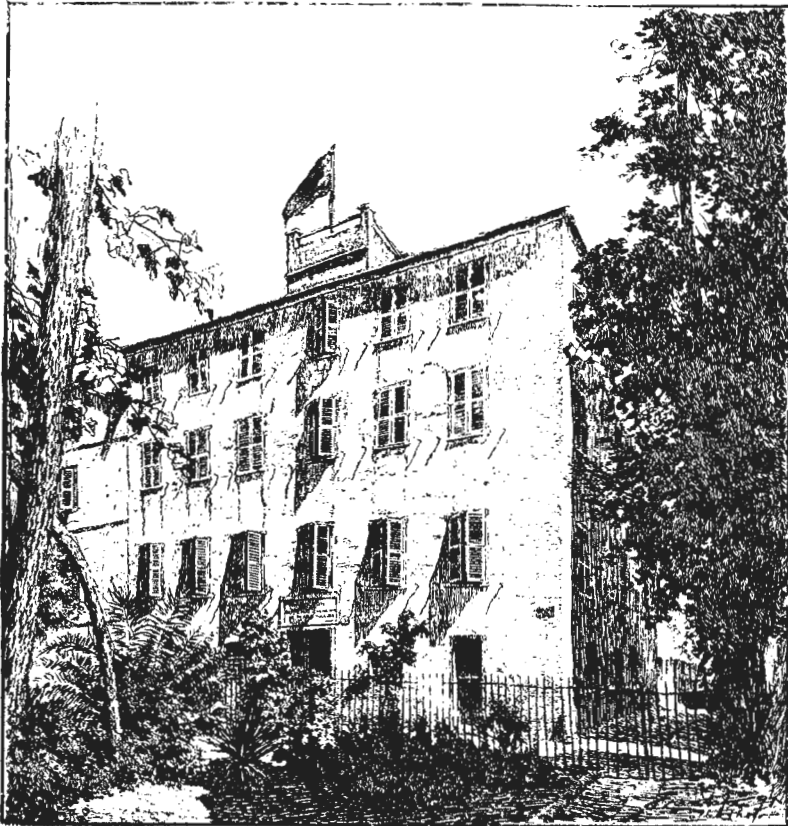
Населеніе этаго маленькаго острова въ Средиземномъ морѣ было почти поголовно итальянской крови и поддерживало постоянныя сношенія съ страной, отъ которой оно происходило, путемъ торговыхъ сношеній и воспитанія выдающейся молодежи въ итальян-

¹⁾ Не лишне замѣтить, что профессоръ Слоанъ нигдѣ не указываетъ своихъ матеріаловъ и этимъ какъ бы подрываетъ довѣріе къ сообщаемымъ новымъ фактамъ, но нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльное изданіе его труда будетъ снабжено необходимыми ссылками.

янскихъ школахъ. Благодаря своему одинокому положенію, корсиканцы сохраняли своеобразное, почти первобытное состояніе и стояли внѣ европейскаго развитія, такъ что Руссо, въ своихъ стремленіяхъ къ созданію новаго общественнаго строя, основаннаго на природномъ состояніи человѣка и взаимномъ согласіи, указывалъ на Корсику, какъ на единственную страну, которая могла осуществить его идеалъ. Этотъ уединенный уголокъ Европы принадлежалъ то Греціи, то Риму, то Калифату, то преемникамъ Карла Великаго, то республикѣ Пизы. Послѣднимъ повелителемъ его была Генуезская республика, и чѣмъ болѣе она превращалась въ нестерпимую олигархію, тѣмъ пламеннѣе маленькій островокъ отстаивалъ свои права на самобытность, признаваемую принципіально генуезцами, которые допускали въ свой сенатъ ходатая, или защитника Корсики. Въ такой упорной борьбѣ съ генуезской тираніей корсиканцы, уже давно извѣстные въ Европѣ своей мужественной храбростью и потому занимавшіе видное мѣсто въ наемныхъ арміяхъ южныхъ континентальныхъ государствъ, выработали типъ національнаго, патріотическаго героя. Въ длинной серіи подобныхъ героев прославился Сампьеро, который въ XVI вѣкѣ на короткое время присоединилъ свою родину къ Франціи; но величайшимъ и послѣднимъ изъ нихъ былъ Паскаль Паоли. Назначенный двадцати девяти лѣтъ отъ роду генераль-капитаномъ острова, онъ, пользуясь, въ сущности, неограниченной диктаторской властью, ввелъ разумныя реформы въ законодательствѣ и администраціи, уничтожилъ разбойничество, урегулировалъ царившую въ Корсикѣ вендетту, создалъ армію изъ существовавшихъ дотолѣ волонтеровъ, учредилъ университетъ въ Кортѣ и дѣйствовалъ такъ успѣшно относительно Генуи, что, оттиснутая изъ внутренности острова, она занимала только три приморскіе города. Подъ его либеральнымъ и благотворнымъ правленіемъ Корсика совершенно возродилась: земледѣліе, промышленность и торговля стали быстро развиваться. При видѣ своихъ успѣховъ во внутренней политикѣ Паоли возымѣлъ мысль добиться внѣшней независимости своей родины подъ покровительствомъ Франціи, но безъ ея вмѣшательства въ администрацію, хотя подъ условіемъ оборонительнаго и наступательнаго союза, а также торговаго трактата, основаннаго на принципѣ экономической взаимности.

Но Шуазель, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Людовика XV, былъ далекъ отъ мысли содѣйствовать подобному мечтательному плану и напротивъ задумалъ подчинить Франціи Корсику, какъ вознагражденіе за потерю Канады. 6-го августа 1764 года онъ подписалъ предварительное условіе между Генуей и Франціей, по которому первая уступила послѣдней на четыре года свои верховныя права на Корсику и занятые ею порты. Сначала хитрому дипломату удалось обойти національнаго героя, о ко-

торомъ Вольтеръ говорилъ, что онъ слава своего народа, и которому Фридрихъ Великій послалъ кинжалъ съ надписью: «Libertas, patria». Паоли былъ ослѣпленъ обязательствомъ Франціи гарантировать безопасность и свободу острова, а не обратилъ вниманія на обязательство, которое должны были взять на себя корсиканцы о предоставленіи генуэзцамъ и ихъ замѣстителямъ французамъ всего,

Домъ въ Аяціо, гдѣ родился Наполеонъ.

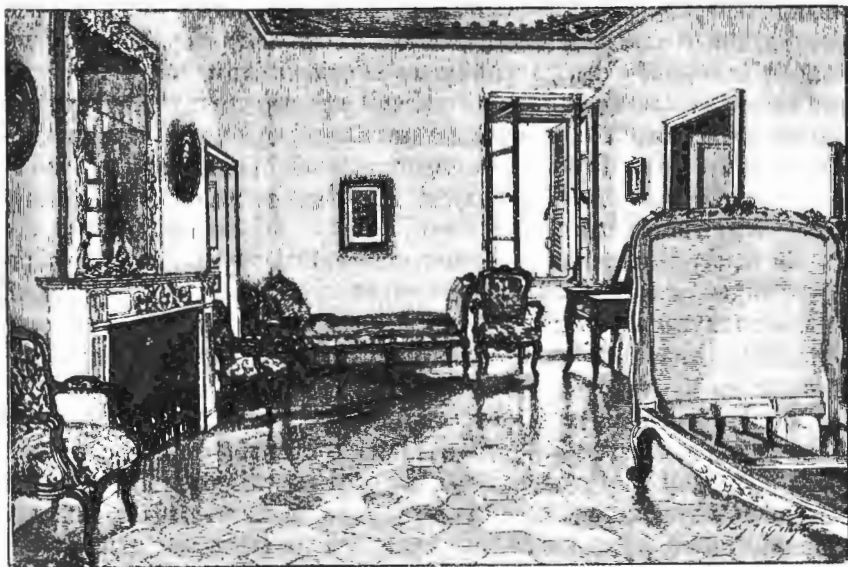
что потребуютъ интересы и слава послѣднихъ. Занявъ своими войсками порты, находившіеся во власти Генуи, французы въ теченіе четырехъ лѣтъ официально и открыто не предпринимали никакихъ мѣръ къ подчиненію острова, но подъ рукой, путемъ подкуповъ и тайныхъ интригъ, веденныхъ корсиканцемъ Бутафуоко, измѣнившимъ своей родинѣ, ловко подготовили подобный переходъ. Въ концѣ 1767 г. Шуазель уже прямо потребовалъ передачи въ полную собственность Франціи двухъ укрѣпленныхъ городовъ; на это

Паоли отвѣчалъ, что подобнаго неожиданнаго требованія нельзя исполнить безъ воли народа, и, чтобы выиграть время, послалъ въ Версаль вести переговоры того самаго Бутафуоко, который тайно продавалъ свое отечество. Такимъ образомъ онъ попался въ ловко разставленную ему ловушку и наконецъ былъ вынужденъ согласиться на то, чтобы Корсика присоединилась къ бурбоно-габсбургской лигѣ. Онъ при этомъ думалъ однимъ ударомъ окончательно отдѣлаться отъ Генуи и свискать дружбу Франціи. Но Шуазель, пользуясь удобными политическими обстоятельствами, которые гарантировали невмѣшательство европейскихъ державъ, заключилъ 15 мая 1768 года новый трактатъ съ Генуей, по которому Франція купила Корсику за опредѣленную сумму денегъ. Тщетно Паоли апеллировалъ къ европейскимъ кабинетамъ на дѣйствія Франціи; подчиненіе его родины быстро совершилось при помощи Бутафуоко, который уже прямо, съ подкупленными имъ корсиканцами, сталъ дѣйствовать противъ своего отечества. Хотя въ первый годъ конечной борьбы маленькаго острова съ могущественнымъ соседомъ Паоли одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ французами и добился помощи деньгами и оружіемъ отъ Англіи; но на слѣдующую весну явилась французская армія въ 30.000 человекъ, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной геройской защиты Паоли былъ окончательно разбитъ при Понте-Нуово; если же онъ не попалъ въ плѣнъ, то потому только, что французамъ было выгоднѣе тайно содѣйствовать его бѣгству. Дѣйствительно, онъ удалился въ Англію, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями и провелъ тридцать лѣтъ, получая пенсію въ 1.200 фунт. стерл. отъ англійскаго правительства.

Быстро на Корсикѣ установились французскіе порядки, и хотя новый французскій губернаторъ старался сохранить систему, введенную Паоли, но въ сущности значительно ее измѣнилъ, подчинилъ себѣ законодательную власть, образовалъ только для вида совѣтъ изъ двѣнадцати выдающихся корсиканцевъ, важнѣйшія административныя должности отдалъ французамъ и перевелъ центръ правленія изъ Корты въ Аяціо и Бастію. Конечно, старые патриоты возстали противъ этихъ мѣръ, но были усмирены самымъ крутымъ образомъ, что еще болѣе разожгло пламя ненависти, которое уже питали корсиканцы къ Франціи. Положеніе дѣлъ на маленькомъ островѣ приняло болѣе отчаянный характеръ, чѣмъ до Паоли. Французы всячески угнетали корсиканцевъ, а корсиканцы, когда и чѣмъ могли, мстили своимъ притѣснителямъ; беспорядки, разбой, междоусобія и вендетта стали безгранично царить въ томъ уголкѣ, гдѣ Руссо думалъ создать идеальный общественный строй. Въ подобную-то печальную эпоху родился Наполеонъ.

Семья, къ которой принадлежалъ будущій великій полководецъ и императоръ той страны, которая угнетала его маленькую родину, носила имя Бонапарте, или Буонапарте, и была чисто итальянскаго

происхожденія. Хотя впоследствии старались составить императору фантастическое генеалогическое древо отъ брата-близнеца Людовика XIV, извѣстнаго подъ названіемъ Желѣзной Маски, или отъ Юлія Цезаря; но, конечно, подобные труды были ни на чемъ не основаны, а также несправедливо приписывать семьѣ Бонапарте греческое или сарацинское происхожденіе. Но нѣтъ сомнѣнія, что Бонапарты были итальянцы, и по, всей вѣроятности, патриціи, такъ какъ въ 1780 году одинъ тосканскій дворянинъ этого имени завѣщалъ небольшое помѣстье своему корсиканскому однофамильцу. Есть основаніе предполагать, что первоначальной колыбелью семьи была Саруана въ Тосканѣ, гдѣ изъ поколѣнія въ поколѣнія были

Комната, въ которой родился Наполеонъ.

извѣстны адвокаты Буонапарте. Въ Корсикѣ они пользовались мѣстнымъ вліяніемъ, благодаря своимъ итальянскимъ связямъ, значительнымъ земельнымъ владѣніямъ и официальному положенію въ городѣ Аяціо. Естественно, что они сочувствовали своей старой родинѣ и тянули въ пользу Генуезской республики, которая въ концѣ XVI столѣтія дозволила тогдашнему главѣ Бонапартовъ — Иерониму, присоединить къ своей фамиліи аристократическую частичку «di». Но, только двѣсти лѣтъ спустя, великій герцогъ Тосканскій выдалъ дѣду Наполеона, Иосифу, формальный дворянскій патентъ, а его сынъ Карлъ получилъ титулъ патриціи отъ архіепископа Пизы въ 1669 году. Эти факты имѣютъ историческое значеніе, потому что только, въ виду признанія французскими ад-

министративными властями дворянства этой семьи, Наполеонъ могъ получить образованіе въ высшей французской школѣ во времена старой монархіи. Если Бонапарты безспорно были аристократическаго происхожденія, то, не смотря на свои помѣстья, они находились въ очень стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, особенно когда внутренніе беспорядки замѣнили мирное благоденствіе при Паоли. Карло ди Буонапарте, получивъ блестящее воспитаніе въ Римѣ и Пизѣ, университетъ которой сдѣлалъ его докторомъ правъ, былъ сначала частнымъ секретаремъ Паоли и обнаруживалъ патріотическій энтузіазмъ, но, предвидя неизбежное торжество Франціи, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сторонниками, подчинился французскому правительству за нѣсколько недѣль до бѣгства Паоли, заявляя генералу Марбефу, что національный вождь обмануть ихъ увѣреніями о помощи, которая никогда не являлась, и что, признавая невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, онъ и его сторонники желали подчиниться новому правительству. Слѣдствіемъ такого поступка была натурализація Карло французскимъ гражданиномъ, что дало право быть французомъ и родившемуся, спустя три мѣсяца послѣ этого, 15 августа 1769 года, въ Аяціо,—его четвертому сыну Наполеону.

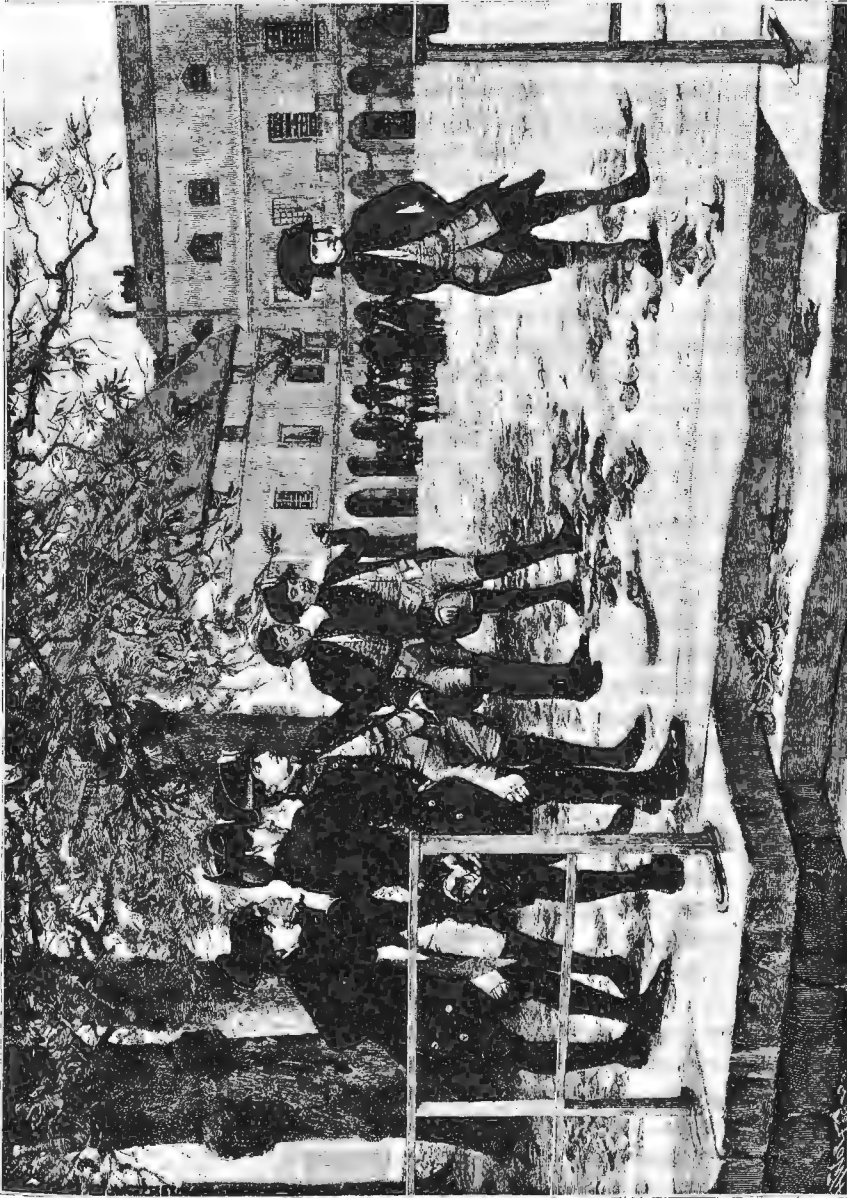
Не смотря на свои аристократическія стремленія, Карло-ди-Буонапарте женился восемнадцати лѣтъ, по любви, на красивой, пятнадцатилѣтней дочери поселянина, Летиціи Рамолино. Она рано лишилась отца и наслѣдовала его маленькій домикъ съ виноградниками въ предмѣстьѣ Аяціо, а ея мать вторично вышла замужъ за Іосифа Феша, служившаго наемникомъ въ швейцарскомъ войскѣ Генуезской республики. Относительно состоянія она въ сущности была равной своему мужу, такъ какъ его семейныя помѣстья не приносили ему никакого дохода, и онъ велъ продолжительный, начатый еще его отцемъ, процессъ съ іезуитами, которые предъявляли на нихъ права по незаконному завѣщанію его дяди. Благодаря этому обстоятельству, онъ отчасти существовалъ на средства своей жены, хотя послѣ признанія французскаго господства онъ былъ сдѣланъ членомъ верховнаго суда и совѣта корсиканскихъ дворянъ. Что касается до Летиціи, то она до конца своей жизни сохранила рѣшительную, не сентиментальную и практическую натуру поселянки, но отличалась всегда гостепримствомъ, основной чертой всѣхъ корсиканцевъ. Между многими гостями, пользовавшимися радушиемъ пріемомъ въ ея маленькомъ домикѣ въ Аяціо, былъ генераль Марбефъ, начальникъ перваго французскаго оккупационнаго отряда на Корсикѣ. Существовала легенда, что этотъ генераль былъ отцемъ Наполеона, но, не смотря на многочисленныя нареканія, сыпавшіяся на Летицію, какъ мать Наполеона, это спеціальное обвиненіе никогда ничѣмъ не было подтверждено, и ея доброе имя остается въ этомъ отношеніи безупречнымъ. Красивая, величественная, по-

ходившая, по словамъ современниковъ, на Юнону, она подарила своему мужу тринадцать дѣтей, изъ которыхъ только шестеро, три сына—Люсьенъ, Луи и Жеромъ, и три дочери—Элиза, Паулина и Каролина, дожили до величія своего брата Наполеона.

До сихъ поръ существуетъ споръ о времени рожденія Наполеона. Дѣло въ томъ, что существуетъ метрическое свидѣтельство о рожденіи у Карла и Летиціи Буонапарте сына Набуліоне 7-го января 1768 года, и нѣкоторые историки хотятъ видѣть въ этомъ Набуліоне Наполеона и ссылаются въ доказательство своей справедливости на тотъ фактъ, что въ брачномъ свидѣтельствѣ Наполеона помѣчено, что онъ родился 8-го февраля 1768 года. Но есть болѣе достовѣрное доказательство того, что упомянутое метрическое свидѣтельство относится до его брата Іосифа, названнаго сначала Набуліоне, а что касается самого Наполеона, то въ архивѣ французскаго военнаго министерства хранится документъ отъ 21-го іюля 1771 года, въ которомъ приведена выписка изъ подлиннаго метрическаго свидѣтельства Наполеона, гдѣ время его рожденія определено 15-го августа 1769 года; точно такая же выписка находится и въ прошеніи, поданномъ его отцомъ для принятія Іосифа и Наполеона въ Бріенскую школу. Такимъ образомъ легенда о скрытіи настоящаго возраста Наполеона для того, чтобы его приняли въ Бріенскую школу, совершенно падаетъ; къ тому же оно вполне нелогично, такъ какъ прошеніе было подано за три года до поступленія въ школу, и, конечно, отецъ не зналъ, что власти подобной медленностью сдѣлаютъ невозможнымъ поступленіе Іосифа, въ виду его лѣтъ; при подачѣ прошенія, въ 1776 году, не было основанія дѣлать подлогъ, а впоследствии бумага была уже не въ его рукахъ. Означенное обвиненіе приводилось еще при жизни Наполеона, и его братъ Іосифъ постоянно отрицалъ его, а Бурьенъ, знавшій императора съ девятилѣтняго возраста, также подтверждалъ фактъ рожденія Наполеона 15-го августа 1769 года, что вполне теперь удостоительно официальными документами. Что касается до названія однимъ именемъ двухъ дѣтей и потомъ перемѣны одного изъ нихъ, то въ тѣ времена подобныя обстоятельства часто встрѣчались, и въ семьѣ Бонапарта было три Маріи-Анны, изъ которыхъ одна сдѣлалась потомъ Элизой. Точно также профессоръ Слоанъ не находитъ ничего страннаго въ различномъ произношеніи и правописаніи имени Наполеона, и это обстоятельство, по его словамъ, вполне соответствуетъ хамелеонному характеру великаго полководца, его времени и обѣихъ его родинъ; такъ онъ самъ, будучи корсиканскимъ роялистомъ, называлъ себя Наполеоне-ди-Буонапарте, корсиканскимъ демократомъ и патріотомъ—Наполеоне Буонапарте, французскимъ республиканцемъ—Наполеономъ Буонапарте, побѣдоноснымъ полководцемъ—Бонапартомъ и императоромъ—Наполеономъ.

О дѣтствѣ Наполеона сохранились очень скудныя свѣдѣнія, и они состоятъ или изъ легендъ, какъ, напримѣръ, разсказъ, что его мать внезапно почувствовала роды и едва успѣла добраться до своей комнаты, гдѣ будущій герой появился на свѣтъ такъ быстро, что обутился на коврѣ, изображавшемъ подвиги Ахилла, или изъ его собственныхъ разсказовъ, отличающихся очень тенденціознымъ характеромъ и желаніемъ изобразить себя еще въ дѣтствѣ будущимъ великимъ человѣкомъ. Такъ, онъ на островѣ св. Елены говорилъ своему доктору: «ребенкомъ я ничего не боялся, и никто не былъ мнѣ страшенъ. Одного я билъ, другого царапалъ и нагонялъ страхъ на всѣхъ. Особенно доставалось брату Иосифу: я его бранилъ, билъ, кусалъ и еще на него же наговаривалъ, прежде чѣмъ онъ приходилъ въ себя. При этомъ мнѣ надо было дѣйствовать очень быстро, потому что моя мать Летиція сократила бы мой воинственный характеръ и не дала бы мнѣ буйствовать. Не смотря на ея нѣжность, она была строга и съ одинаковой справедливостью награждала и наказывала своихъ дѣтей». О своемъ первоначальномъ воспитаніи онъ говорилъ тогда же, что, «подобно всему въ Корсикѣ, оно было плачевно». Братъ его дѣда Люсьенъ, каноникъ и человѣкъ съ образованіемъ, училъ его катехизису и священной исторіи, а его маленькій дядя Фешъ, сынъ его бабки отъ второго мужа и будущій кардиналъ, научилъ его азбукѣ. Шести лѣтъ онъ поступилъ въ школу, которую содержала какая-то старуха, и тамъ товарищи постоянно издѣвались надъ нимъ за то, что чулки у него опускались на башмаки, и что онъ ухаживалъ за всѣми дѣвочками, особенно за одной, по имени Джіакометта. Онъ тогда не зналъ ни слова пофранцузски, а все въ школѣ преподавалось на мѣстномъ корсиканскомъ нарѣччіи.

Между тѣмъ Шуазель подвергся опалѣ, Людовикъ XV умеръ, Людовикъ XVI воцарился, и, по совѣту Неккера, были собраны нотабли. Въ числѣ представителей Корсики былъ назначенъ делегатомъ отъ дворянства Карло ди-Буонапарте, который взялъ съ собою своихъ двухъ старшихъ сыновей, Иосифа и Наполеона, въ надеждѣ пристроить ихъ на казенный счетъ въ какую нибудь школу. Собравъ послѣднія крохи и поставивъ все на карту, бѣдствующій корсиканскій дворянинъ отправился въ путь и по дорогѣ, во Флоренціи, получилъ отъ великаго герцога письмо къ его сестрѣ королевѣ Маріи-Антуанеттѣ; но, благодаря болѣе покровительству генерала Марбефа и его племянника епископа Отенскаго, чѣмъ вліянію королевы, онъ добился того, что Наполеонъ былъ принятъ въ слѣдующемъ году въ Бриенскую школу. Предварительно же, въ Отенѣ онъ три мѣсяца учился французскому языку. Его школьный учитель аббатъ Шардонъ отзывался о немъ въ то время, какъ о хорошемъ ученикѣ, чрезвычайно способномъ и серьезномъ, никогда не игравшемъ съ товарищами, а ходившемъ особня-

Бонапартъ въ Бріенской школь.
(Съ картина Реалье-Дюла).

комъ во время рекреаций. Тотъ же аббатъ рассказываетъ, что однажды школьники стали бранить при немъ корсиканцевъ и называли ихъ трусами за то, что они легко подчинились французамъ. «Еслибъ ихъ было четверо противъ одного, — сказалъ хладнокровно и спокойно десятилѣтній мальчикъ, — то они никогда не взяли бы Корсики; но ихъ было десять противъ одного». — «Но у васъ былъ прекрасный предводитель Паоли», — замѣтилъ аббатъ, вмѣшиваясь въ разговоръ дѣтей. — «Да, — отвѣчалъ Наполеонъ съ самолюбивою улыбкой, — я желалъ бы походить на него». Результатомъ предварительнаго обученія въ Отенѣ было то, что маленькій корсиканецъ сталъ говорить ломанымъ французскимъ языкомъ, съ итальянскимъ акцентомъ, но довольно бѣгло, и писать, но съ ошибками и нечетко. Относительно почерка Наполеона, профессоръ Слоанъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ юности онъ писалъ довольно хорошо и разборчиво, но, достигнувъ извѣстности, онъ вернулся къ своему прежнему дѣтскому, невозможному, неразборчивому почерку съ цѣлью скрыть свое плохое знаніе французскаго языка и грамматики.

II.

Бріенская военная школа была основана, вмѣстѣ съ другими девятью подобными учебными заведеніями, при Людовикѣ XVI, въ видѣ протеста противъ излишней роскоши, которой отличались прежнія двѣ военныя школы въ Парижѣ и Ля-Флешъ, которыя были закрыты, и одна изъ нихъ, именно парижская, впоследствии преобразована въ военную академію. Въ Бріенской школѣ руководили воспитаніемъ монахи съ цѣлью развить въ мальчикахъ простоту нравовъ и нравственность; но эти наставники заботились только о приличныхъ манерахъ своихъ учениковъ и обращали вниманіе лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые были богаты. Ни тѣмъ, ни другимъ, т. е. ни приличными манерами, ни богатствомъ, не отличался Наполеонъ, а потому съ одной стороны его нестерпимо давила суровая дисциплина, введенная невѣжественными и грубыми братьями, а съ другой его тяготили преслѣдованія товарищей, которые также, какъ и ихъ наставники, очень дурно обращались съ бѣднымъ, застѣпчивымъ, задумчивымъ мальчикомъ. Какъ въ Отенѣ, его сначала забрасывали оскорбительными упреками за корсиканское происхожденіе, на что онъ отвѣчалъ хладнокровно: «я дѣйствительно корсиканецъ и надѣюсь, что когда нибудь дамъ Корсикѣ свободу». Въ другой разъ, войдя въ комнату, гдѣ висѣлъ портретъ ненавистнаго всѣмъ его соотечественникамъ Шуазеля, онъ остановился передъ

нимъ въ грозной позѣ и началъ громко осыпать его бранью, за что его подвергли тяжелому наказанію. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ еще болѣе развились въ немъ мрачное настроеніе и любовь къ одиночеству; онъ не принималъ никакого участія въ играхъ товарищей, и единственнымъ его развлеченіемъ было чтеніе, а когда его насильно заставляли оставаться въ обществѣ другихъ учениковъ, то онъ грубо съ ними ссорился и затѣввалъ драки, оканчивавшіяся серьезными ранами. Даже учителя издѣвались надъ нимъ и принимали сторону его враговъ. Такъ, когда однажды онъ вызвалъ на дуэль одного ученика, назвавшаго его отца «нищимъ-попрошайкой» въ виду его постоянныхъ ходатайствъ передъ правительствомъ о возвращеніи ему родовыхъ помѣстій, то Наполеона посадили подъ арестъ, а его обидчикъ остался ненаказаннымъ. Только благодаря вмѣшательству генерала Марбефа, который лично прибылъ въ школу, Наполеонъ былъ освобожденъ отъ этой несправедливой кары, и до того эта исторія озлобила его противъ школы, что онъ хотѣлъ бѣжать оттуда; но Марбефъ уговорилъ его остаться, и убѣдившись, что главная причина всѣхъ его бѣдствій заключалась въ несоотвѣтствіи его карманныхъ денегъ со средствами товарищей, онъ прибавилъ ему отъ себя нѣкоторую сумму къ скуднымъ деньгамъ, которыя онъ получалъ изъ дому. Кромѣ того, онъ познакомилъ его съ г-жею де-Бріенъ, владѣлицей сосѣдняго со школой замка, и эта добрая женщина сдѣлалась второю матерью для одинокаго мальчика, проводившаго съ тѣхъ поръ у нея всѣ праздники и каникулы, при чемъ, конечно, его суровая натура стала мало-по-малу смягчаться отъ нѣжныхъ попеченій этой неожиданной покровительницы. Но это былъ не единственный свѣтлый лучъ въ мрачной картинѣ его первоначальной школьной жизни. Онъ находилъ величайшее наслажденіе въ обработкѣ садика, который отведенъ былъ каждому изъ ста пятидесяти учениковъ, и насильно присоединивъ къ своему участку сосѣдніе садики, заброшенные ихъ владѣльцами, онъ создалъ себѣ убѣжище, обнесъ его заборомъ, защищалъ его съ безумной отвагой отъ чужого посягательства и проводилъ тамъ цѣлые часы за своими любимыми книгами. Его корсиканскій патріотизмъ еще болѣе усилился ненавистью къ французской молодежи, а чрезъ нее и ко всей Франціи. «Я не могу простить отцу,—говаривалъ онъ:—за то участіе, которое онъ принялъ въ присоединеніи Корсики къ Франціи». Паоли былъ попрежнему его героемъ, а любимѣйшимъ его чтеніемъ сдѣлался Плутархъ.

Пять лѣтъ пробылъ Наполеонъ въ Бріенѣ, и въ послѣдніе годы его отношенія къ товарищамъ совершенно измѣнились: онъ сдѣлался ихъ излюбленнымъ предводителемъ во всѣхъ ихъ играхъ, имѣвшихъ преимущественно военный характеръ. Онъ не только разыгрывалъ съ ними въ рекреационной залѣ примѣрныя битвы

грековъ съ персами и римлянъ съ кароагениянами, но ввелъ въ моду во французскихъ школахъ малоизвѣстную тогда игру въ взятіе свѣжой крѣпости, при чемъ рядами служили свѣжки. Цѣлыми недѣлями продолжалась эта игра, и Наполеонъ былъ поочередно предводителемъ то осаждающихъ, то осажденныхъ. Что касается ученья, то онъ не любилъ латыни и относился къ ней съ пренебреженіемъ, но главнымъ образомъ онъ выказалъ замѣчательныя способности къ математикѣ и изучалъ съ любовью исторію. Во всѣхъ отношеніяхъ его умъ быстро развивался чтеніемъ и размышленіемъ. Для характеристики его въ то время чрезвычайно важно письмо, написанное имъ на пятнадцатомъ году жизни, своему юному дядѣ, Іосифу Фешу, относительно ихъ семейныхъ дѣлъ. Съ поразительной практичностью и полнымъ отсутствіемъ всякаго чувства или всякой принципиальной идеи, онъ холодно, толково разсуждаетъ о томъ, что его брату Іосифу какъ для себя, такъ и для всей семьи, гораздо выгоднѣе поступить въ семинарію въ Отенѣ, епископъ котораго, конечно, далъ бы ему впослѣдствіи жирную синекуру. чѣмъ идти въ военную службу, какъ онъ самъ желалъ. Въ 1783 году, Наполеонъ получилъ первый призъ по математикѣ, и прибывшій по этому случаю въ Бріенъ королевскій инспекторъ Кераліо нашелъ въ немъ столько хорошихъ зачатковъ, что написалъ о немъ слѣдующій лестный отзывъ «г. де-Бонапартъ (Наполеонъ) родился 15-го августа 1769 г. Ростъ его 4 фута 10 дюйм. 10 линий; тѣлосложеніе хорошее, здоровье прекрасное. Онъ окончилъ 4-й классъ и отличается прямою, покорностью и благодарностью. Его поведеніе самое удовлетворительное. Онъ замѣчателенъ своимъ прилежаніемъ къ изученію математики и хорошо знаетъ исторію и географію, но слабъ въ рисованіи, музыкѣ и танцахъ. Этотъ мальчикъ можетъ сдѣлаться прекраснымъ морякомъ и вполне заслуживаетъ перевода въ Парижскую морскую школу».

Дѣйствительно, Наполеонъ предназначался къ морской службѣ, и, по окончаніи курса въ Бріенѣ, долженъ былъ на время перейти въ Парижъ, а затѣмъ получить назначеніе въ Тулонъ, самый ближайшій портъ къ Корсикѣ. Но семейные интересы явились помѣхой для осуществленія этихъ блестящихъ надеждъ, и такъ какъ въ то время морская служба считалась самой блестящей, а потому начальство было завалено ходатайствами со стороны родственниковъ учениковъ военныхъ школъ, то Наполеону было предложено отказаться отъ поступленія въ морскую службу, за что его двумъ братьямъ Іосифу и Люсьену будетъ предоставлено право поступить въ Бріенъ. Письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ отцу о своей рѣшимости, очень характерно. Онъ прямо выражаетъ свое разочарованіе, но выводитъ логическую необходимость братьямъ получить воспитаніе на казенный счетъ. Къ этому холодному, практическому разсужденію онъ прибавляетъ искреннее выраженіе сво-

ей привязанности къ семьѣ и посылаетъ поклонъ всѣмъ друзьямъ. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ письмѣ просьба о томъ чтобы ему прислали «Описаніе Корсики» Босвеля и всѣ, какіе найдутся, историческіе труды и мемуары объ островѣ, выражая тѣмъ какъ бы желаніе изучить свою родину, съ цѣлью посвятить ей всю свою дѣятельность. Спусти четыре дня послѣ отправки этого письма, онъ выдержалъ окончательный экзамень, объявилъ директору, что избираетъ артиллерію, и черезъ мѣсяцъ отправился въ высшую военную школу въ Парижѣ, куда принимали лучшихъ учениковъ школы. Что касается до его рѣшимости служить въ артиллеріи, то, повидимому, онъ руководствовался въ этомъ отношеніи простымъ соображеніемъ, что пѣхота представлялась ему не интеллигентной, а кавалерія слишкомъ дорогой, такъ что выборъ ему предстоялъ между артиллеріей и инженерами, а выбралъ онъ первую совершенно случайно, потому что въ роковомъ сообщеніи о необходимости отказаться отъ морской службы артиллерія была упомянута первой между предложенными ему родами оружія. Свидѣтельство, которое Наполеонъ получилъ изъ Бріена, гласило: «характеръ повелительный» настойчивый и властолюбивый».

*Ваше письмо
Des Anglais
en Afrique —
C'est bien
engagez. Je
vous envoie
les meilleurs
ouvrages sur
l'île de Corse
et
Brienne de
Lafayette*

(Владѣнія англичанъ въ Америкѣ, Азіи и Африкѣ. Въ Африкѣ Кабо-Верде въ Гвиней, замокъ укрѣпленный. Рядомъ Королевскій фортъ, защищенный 16 орудіями. Св. Елена—маленькій островъ).

(Факсимиле страницы изъ школьной тетрадки Наполеона, находящейся въ Флорентинской бібліотекѣ).

Къ окончившейся такимъ образомъ школьной жизни Наполеона относится одинъ интересный документъ, приложенный къ труду профессора Слоана и принадлежащій къ извѣстной коллекціи наполеоновскихъ документовъ въ Флорентинской бібліотекѣ. Это страница изъ школьной тетрадки Наполеона, въ которой упомянуты англійскія владѣнія въ Америкѣ, Азіи и Африкѣ. Въ высшей степени замѣчательно, что послѣдняя строчка буквально гласитъ: «Св. Елена—маленькій островъ». Это странное упоминаніе невѣдомымъ мальчикомъ того пустыннаго уголка среди океана, на которомъ суждено было окончить ему жизнь, прославившую его имя,—составляетъ болѣе чѣмъ любопытную игру случая.

Въ Парижской военной школѣ Наполеонъ оставался не болѣе года, и тамъ обрушились на него одно несчастье за другимъ. Во-первыхъ, генераль Марбефъ женился и прекратилъ выдаваемое имъ пособіе юношѣ, а, во-вторыхъ, умеръ его отецъ, оставивъ жену съ тремя малолѣтними дѣтьми, кромѣ старшихъ, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ всѣ ходатайства Карла о возвращеніи родовыхъ помѣстій отъ іезуитовъ ни къ чему не повели. Наполеонъ откликнулся на горе матери очень теплымъ письмомъ, въ которомъ говорить, что дѣти обязаны оказать ей всякую поддержку. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, онъ очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и нищета прямо смотрѣла ему въ глаза. Онъ еще болѣе сосредоточился въ себѣ и, кромѣ изученія военныхъ наукъ, преимущественно съ практической точки зрѣнія, сталъ съ еще большимъ пыломъ предаваться чтенію, въ особенности сочиненій Руссо. Видя его бѣдность или желая отдѣлаться отъ безпокойнаго ученика, такъ какъ Наполеонъ не ладилъ съ начальниками и подалъ военному министру записку о лучшемъ обученіи молодыхъ людей въ военныхъ школахъ, директоръ сократилъ на сколько возможно его пребываніе въ школѣ и въ августѣ 1785 года уже допустилъ его до выпускного экзамена. На этомъ экзаменѣ Наполеонъ не отличился и вышелъ изъ школы сорокъ вторымъ, что было лишь достаточнымъ для производства въ офицеры, и то благодаря только тому, что стоявшіе по балламъ выше его юные аристократы брезгали артиллеріей. Въ полученномъ имъ аттестатѣ онъ характеризуется скромнымъ, работающимъ юношей, предпочитающимъ чтеніе хорошихъ авторовъ всѣмъ удовольствіямъ, основательно знающимъ математику и географію, молчаливымъ, любящимъ одиночество, быстрымъ на отвѣты, очень самолюбивымъ и не знающимъ границъ въ своихъ стремленіяхъ. «Вообще этотъ юноша достоинъ покровительства», было сказано въ концѣ аттестата.

Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, де-Мази, юношей аристократическаго происхожденія, но также воспитывавшимся на казенный счетъ, Наполеонъ поступилъ поручикомъ въ Лаферскій полкъ,

стоявшій въ Валансѣ, что приближало его къ своей родинѣ и даже подавало ему надежду служить въ ней. Два мѣсяца пришлось имъ дожидаться своего назначенія, и въ это время Наполеонъ истратилъ всѣ свои скудныя средства и долженъ былъ, наконецъ, предпринять путешествіе къ мѣсту службы на счетъ своего друга. Но и у послѣдняго хватило денегъ только до Ліона, а оттуда имъ пришлось идти пѣшкомъ. Въ такомъ печальномъ видѣ явился въ Валансѣ и началъ свою военную карьеру будущій императоръ. Эта карьера представлялась ему далеко не въ розовомъ цвѣтѣ. Жалованье его равнялось 1120 ливрамъ въ годъ, а одна квартира со столомъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ обходилась въ 720 ливровъ, такъ что ему оставалось на одежду и все прочее въ мѣсяць по 35 ливровъ, около 14 рублей. При такомъ матеріальномъ положеніи и при тогдашнихъ порядкахъ во французской арміи, на что могъ рассчитывать юный поручикъ Бонапартъ? Прослужить 15 лѣтъ въ первомъ чинѣ, еще 15 лѣтъ капитаномъ, а потомъ выйти въ отставку на половинное содержаніе, и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ, съ орденомъ. Вотъ и все.

III.

Въ первые мѣсяцы гарнизонной службы Наполеонъ совершенно измѣнилъ своему мрачному, сдержанному характеру и принялъ участіе въ обычныхъ офицерскихъ удовольствіяхъ. Новизна этой жизни и любезное, радушное обращеніе провинціаловъ подѣйствовали обворожительно на шестнадцатилѣтняго юношу, и онъ не только сталъ бывать въ обществѣ, но даже началъ брать уроки танцевъ. Только съ своими товарищами офицерами онъ не водилъ дружбы, такъ какъ кутежи претили его натурѣ. Но этотъ періодъ ослабленія суровыхъ привычекъ юноши продолжался не долго, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова предался одиночеству, практическому изученію военныхъ наукъ и пламенному чтенію книгъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ уже не Руссо, а аббатъ Рейналь, который въ то время пользовался большой популярностью, благодаря только проповѣдуемымъ въ его сочиненіи либеральнымъ идеямъ и правительственнымъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергался. Кромѣ того, Наполеонъ много читалъ въ эту эпоху романовъ, какъ онъ самъ въ этомъ сознавался впоследствии г-жѣ Деремюза, и пять разъ перечелъ Вертера. Вообще поразительно то обширное число книгъ, которыя онъ поглощалъ, и при томъ вполне сознательно, такъ какъ онъ дѣлалъ толковыя замѣтки на поляхъ страницъ. Такимъ основательнымъ образомъ онъ прочелъ Геродота, Страбона, Діодора, Вольтера, Филанджіери, Адама Смита, литературныхъ классиковъ Франціи, все что ему попадало подъ руку о

востокъ, а также главнѣйшія произведенія англійской и нѣмецкой литературы. При этомъ онъ обращалъ вниманіе болѣе на фактическую сторону того, что читалъ, чѣмъ на литературную.

Къ пребыванію въ Валансѣ относится, по всей вѣроятности, его первая любовь, именно къ дочери г-жи де-Коломбѣ, которая взяла его подъ свое покровительство и принимала его чрезвычайно радушно въ своей гостиной. Объ этомъ эпизодѣ профессоръ Слюанъ говорить только вскользь и замѣчаетъ, что если Наполеонъ потерялъ свое сердце у ногъ этой красавицы, то безъ всякой взаимности, потому именно онъ такъ рѣзко и отзывается о любви въ недавно напечатанномъ его діалогѣ объ этомъ человѣческомъ чувствѣ, что ему съ перваго раза не повезло. Фредерикъ Масонъ въ напечатанномъ въ прошедшемъ году сочиненіи «*Napoleon et les femmes*» (Наполеонъ и женщины) нѣсколько подробнѣе говорить объ этой платонической любви юнаго Наполеона. По его словамъ, онъ ухаживалъ за ней, какъ невинный ребенокъ, а она, гораздо его старше, не обращала на него никакого вниманія и вышла замужъ за отставнаго офицера Бресъ; но Наполеонъ всегда сохранялъ о ней добрую память, и когда, двадцать лѣтъ спустя, онъ получилъ, уже императоромъ, письмо отъ предмета своей юношеской любви, съ просьбой оказать покровительство ея брату, то онъ немедленно отвѣчалъ: «Воспоминанія о вашей матери и о васъ всегда меня интересовали. Я при первой возможности буду очень счастливъ оказать вамъ услугу, но не могу не упрекнуть васъ въ томъ, что, живя въ Ліонѣ, вы не посѣтили меня, когда я былъ тамъ, потому что я всегда съ удовольствіемъ увидѣлъ бы васъ». Она воспользовалась этимъ и представилась императору при слѣдующемъ его проѣздѣ чрезъ Ліонъ, и хотя она совершенно измѣнилась, постарѣла и была уже далеко не красавицей, но онъ исполнилъ всѣ ея желанія, далъ мѣсто ея мужу, пожаловалъ ему баронскій титулъ, назначилъ ее статсъ-дамой къ своей матери и повысилъ въ чинѣ ея брата.

Пріятная и болѣе кабинетная, чѣмъ казарменная жизнь Наполеона въ Валансѣ продолжалось не болѣе года, и его полкъ былъ переведенъ въ Дуэ во Фландрію, гдѣ стоянка была очень скучной, и потому, получивъ въ началѣ 1787 года отпускъ, онъ съ удовольствіемъ отправился домой на Корсику, хотя извѣстія оттуда были самыя неутѣшительныя, и мать, придя въ отчаяніе отъ несчастнаго положенія семейныхъ дѣлъ, вызвала его къ себѣ на помощь, такъ какъ ни одному изъ его братьевъ не везло. Въ существующихъ отрывкахъ изъ дневника юноши за это время встрѣчаются самыя грустныя и пессимистическія замѣчанія, даже упоминается желаніе наложить на себя руки. Онъ прямо жаловался на вырожденіе людей, на уничтоженіе первобытной простоты на Корсикѣ, благодаря французскому вторженію, на свое собственное одиночество,

Бонапартъ, артиллерійскій поручикъ.
(Съ портрета Жана Баптиста Греза).

на безцѣльность жизни, въ которой нѣтъ никакихъ удовольствій, а только одни страданія. Читая эти разочарованныя строки, по справедливому замѣчанію американскаго профессора, можно было бы предположить, что выражающійся такимъ образомъ юноша сдѣлается Вертеромъ, а не Наполеономъ.

Очувившись снова въ Аяціо послѣ восьмилѣтняго отсутствія, молодой поручикъ привелъ въ ужасъ всю свою семью, питавшую, по примѣру отца, роялистскія тенденціи, своими радикальными философскими идеями, окрашенными самымъ пламеннымъ корсиканскимъ патриотизмомъ. Это, однако, не мѣшало ему, хотя и тщетно, обращаться съ ходатайствами къ французскимъ властямъ о помощи въ той или другой формѣ его бѣдной матери. Но все свое свободное время отъ семейныхъ заботъ онъ теперь посвящалъ литературной работѣ, которая явилась естественнымъ плодомъ его долгихъ чтеній и размышленій. Онъ задумалъ написать исторію Корсики и обратился за совѣтомъ къ аббату Рейналю, котораго посѣтилъ въ Марсельѣ, по дорогѣ въ Корсику. «Мнѣ еще восемнадцать лѣтъ, — писалъ онъ въ дошедшемъ до насъ письмѣ къ своему любимому автору:— и я писатель, хотя въ моемъ возрастѣ еще надо учиться. Надѣюсь, что вы не будете смѣяться надъ моею смѣлостью, и если снисходительность характеристичная черта генія, то вы будете ко мнѣ снисходительны. Я прилагаю двѣ главы моей исторіи Корсики, съ конспектомъ остальной ея части. Если вы одобрите мой трудъ, то я буду продолжать его, а если вы посоветуете его бросить, то я прекращу работу». Аббатъ Рейналь отвѣчалъ очень любезно, но совѣтовалъ болѣе основательно изучить свой предметъ, а потомъ переработать написанныя главы. Юноша повиновался и сталъ трудолюбиво передѣлывать свою исторію Корсики. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ коротенькій разсказъ изъ англійской исторіи, подъ названіемъ «Графъ Эссексъ», и корсиканскій романъ, изъ котораго недавно былъ напечатанъ любопытный отрывокъ. Это юное произведеніе отличалось жестоочно-романтическимъ характеромъ и дышало съ одной стороны ненавистью къ Франціи, а съ другой—высоко-драматическими эпизодами, въ которыхъ главную роль игралъ кинжалъ. Всѣ эти литературные опыты были написаны далеко не совершеннымъ, хотя довольно легкимъ французскимъ языкомъ.

Въ концѣ года Наполеонъ долженъ былъ явиться въ полкъ, который стоялъ тогда близъ Парижа, но провелъ тамъ лишь два мѣсяца и, добившись новаго отпуска, вернулся на родину. Во время своего краткаго пребыванія въ Парижѣ, онъ пошелъ по слѣдамъ отца и ходатайствовалъ передъ правительствомъ въ пользу своей семьи, но неумѣло и безъ всякаго результата, вѣроятно, въ виду того, что его просьбы походили на требованія и не отличались необходимой, ловкой дипломатичностью. Къ этому же времени относится

любопытный рассказ самого Наполеона о его встрѣчѣ въ Пале-Рояль съ уличной куртизанкой, тѣмъ болѣе интересный, что, по словамъ Масона, напечатаннаго его впервые въ своей книгѣ изъ коллекціи наполеоновскихъ документовъ въ Флорентинской бібліотекѣ, это было первое любовное похождение молодого офицера. Поэтому странно, что американскій профессоръ, пользовавшійся флорентинскою коллекціей, не упоминаетъ объ этомъ характеристическомъ эпизодѣ юношескихъ лѣтъ его героя. Въ означенномъ отрывкѣ, помѣченномъ 22 ноября 1787 года, въ Парижѣ, въ отелѣ Шербуръ, Наполеонъ рассказываетъ, что онъ однажды вечеромъ гулялъ по галлерейамъ Пале-Рояля и неожиданно замѣтилъ очень молодую дѣвушку, ремесло которой было очевидно. Она остановилась, но не нахально, а съ такой скромностью, которая придавала ему смѣлость. Онъ заговорилъ съ ней, хотя, по его словамъ, считалъ оскверняющимъ даже одинъ взглядъ на подобныхъ созданий. На его вопросъ, почему она, при очевидной слабости своего здоровья, избрала такое тяжелое ремесло, она отвѣтила, что надо ѣсть. На его дальнѣйшіе вопросы, какъ она попала на эту позорную дорогу, она отвѣтила, что ее обольстилъ какой-то офицеръ, и что съ тѣхъ поръ она путается въ Парижѣ. Въ свою очередь она предложила ему отправиться на его квартиру, а на его вопросъ, что они тамъ будутъ дѣлать, она сказала: «мы погрѣмся; теперь очень холодно». Дѣйствительно, вечеръ былъ ненастный, и юный собесѣдникъ исполнилъ ея желаніе.—«Я нарочно,—оканчиваетъ онъ свой рассказъ:—обращался съ ней, какъ съ несчастнымъ, а не совершенно погибшимъ существомъ, чтобы поддѣлать ей ту честность, отсутствіе которой въ ней я самъ собирался ей доказать».

Поселившись снова въ Аяціо, Наполеонъ принялся за свои литературные труды, хотя и занимался въ то же время не только семейными дѣлами, которыя все болѣе и болѣе принимали плачевный видъ, но составилъ планъ защиты бухты въ Аяціо, написалъ докладъ объ организаціи корсиканской милиціи и составилъ записку о стратегической важности Магдалинскихъ острововъ. Но главное его занятіе было окончаніе исторіи Корсики. Это сочиненіе, сохранившееся доселѣ въ рукописи, имѣетъ небольшой объемъ и еще меньшее значеніе по своему внутреннему достоинству. Оно имѣетъ форму писемъ къ аббату Рейналю, хотя посвящено первоначально епископу сенскому Марбефу, и не отличается ни серьезнымъ историческимъ изученіемъ предмета, ни блестящимъ изложеніемъ, но за то дышитъ пламенной ненавистью къ Франціи и еще болѣе жгучей любовью къ Корсикѣ. По приводимымъ Слоаномъ отрывкамъ изъ этого первоначальнаго труда Наполеона можно вполне судить о неудачности его перваго шага въ исторической литературѣ. Такъ посмотрѣли на него и всѣ провинціальныя и парижскіе издатели, къ которымъ обратился авторъ

для напечатанія своей рукописи, для чего онъ предпринялъ поѣздку во Францію, какъ только его сочиненіе было готово; ему пришлось отказаться отъ его появленія въ свѣтъ, хотя, въ виду опалы епископа Сенскаго, онъ написалъ новое посвященіе Паоли. Другія его литературныя попытки были также неудачны, и къ нимъ относятся планъ секретнаго общества въ арміи съ политической цѣлью, очеркъ королевской власти, указывающій на постоянныя злоупотребленія ею и оканчивающійся словами: «рѣдкіе изъ королей недостойны быть свергнутыми съ престола», а также разсказъ въ духѣ Вольтера: «Пророкъ въ маскѣ». Въ этомъ очеркѣ разсказывается исторія одного эмира, который, ослѣпнувъ, носилъ серебряную маску, чтобъ скрыть свой физическій недостатокъ отъ своихъ подчиненныхъ, а когда они все-таки узнаютъ объ этомъ, то онъ отравляетъ ихъ и себя. Въ послѣднихъ словахъ этого страннаго романтическаго разсказа многіе видятъ пророческій характеръ, такъ какъ въ нихъ говорится: «вотъ до чего можетъ дойти страсть къ славѣ».

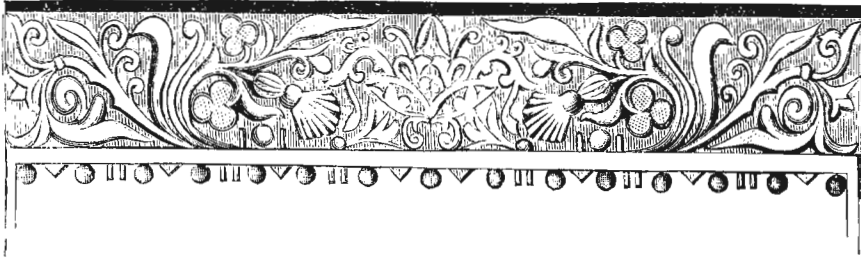
Только въ маѣ 1788 года Наполеонъ возвратился въ свой полкъ, стоявшій тогда въ Оксонѣ, и пробылъ тамъ только полтора года, при чемъ имѣется очень мало свѣдѣній объ его тогдашней жизни; извѣстно только, что онъ еще болѣе чѣмъ когда вѣлъ жизнь уединенную и посвящалъ все свое время книгамъ. Однако, не смотря на неудачу относительно изданія исторіи Корсики, онъ продолжалъ носить ся съ ней и отправилъ копію ея въ Лондонъ къ Паоли, прося его нравственной поддержки и указывая, что цѣль его книги заключалась въ сравненіи французской администраціи съ правленіемъ Паоли, что конечно, побудило бы общественное мнѣніе заклеить позоромъ введенные Франціей порядки. Великій патріотъ отвѣчалъ совѣтомъ, который, конечно, не понравился юному неудачному автору: «вы слишкомъ молоды, чтобы писать исторію, приготовьтесь къ этому труду терпѣливымъ собраніемъ документовъ и осторожнымъ взвѣшиваніемъ мнѣній другихъ писателей». Чтобы нѣсколько смягчить суровость своего замѣчанія, Паоли прибавляетъ очень смиренный отзывъ о самомъ себѣ: «Я бы желалъ, чтобы другіе знали менѣе обо мнѣ, а я зналъ бы болѣе себя; я бы желалъ, чтобы мои потомки говорили обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ добрыя намѣренія». Наполеонъ пришелъ въ отчаяніе и отчасти отъ оскорбленнаго самолюбія, а отчасти нуждаясь въ деньгахъ, въ третій разъ передѣлалъ свою рукопись. Онъ придалъ ей теперь форму разсказовъ корсиканца и посвятилъ ее тогдашнему министру финансовъ Некеру, но прежде, чѣмъ послать ее по новому назначенію, онъ отправилъ рукопись для просмотра одному изъ своихъ бывшихъ учителей. Отзывъ этого строгаго судьи оказался самый неудовлетворительный относительно содержанія и изложенія. Въ особенности онъ указалъ юному автору, что нелѣпо

влагать въ уста простого поселянина метафизическіе взгляды и рѣзкую критику французской королевской власти. Но, прежде чѣмъ Наполеонъ получилъ этотъ отвѣтъ, въ его жизни наступилъ крутой переворотъ. Некеръ бѣжалъ, французская революція разразилась, и юный офицеръ, разочарованный неудачей своей литературной дѣятельности, рѣшился попытать счастья на открывавшемся передъ нимъ поприщѣ политическаго дѣятеля.

В. Т.

БРИТАНСКІЙ МУЗЕЙ.

В РУССКОЙ литературѣ не рѣдко появлялись ¹⁾ статьи о Британскомъ музеѣ и всегда въ восторженномъ тонѣ. Британскій музей дѣйствительно заслуживаетъ этихъ похвалъ, и въ русскихъ статьяхъ нѣтъ ни малѣйшаго пересола въ отзывахъ о немъ. Великолѣпный залъ для чтенія, замѣчательныя удобства для занятій, образцовый порядокъ въ управленіи бібліотекой, алфавитный указатель для всѣхъ имѣющихся въ музеѣ книгъ—вотъ обычные предметы для панегириковъ Британскому музею.

Обо многомъ изъ этого я говорить не буду и любопытствующихъ читателей просто отошлю къ прекрасно составленной брошюрѣ В. Соболевцова и къ статьямъ въ газетѣ «Порядокъ», въ журналѣ «Свѣточъ», а самъ остановлюсь главнымъ образомъ на томъ, о чемъ не говорилось въ предшествующихъ описаніяхъ Британскаго музея.

Для многихъ читателей, навѣрное, будетъ новостью, что съ русскимъ отдѣломъ при Британскомъ музеѣ по его богатству и пол-

¹⁾ В. Соболевцовъ: «Обзоръ большихъ бібліотекъ Европы въ началѣ 1859 года», 1860 г. (очень обстоятельное описаніе устройства Британскаго музея); «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1863 г., № 12; «Свѣточъ», 1861 г., № 10 (интересная статья); «Сѣверная Пчела», 1857 г., № 176, и за 1861 годъ; «Московскія Вѣдомости», 1856 г., № 110; 1859 г., № 22; «Порядокъ» за 1881 г., «Историческій Вѣстникъ», т. 5 за 1881 г. (составлено по статьѣ въ «Порядкѣ»), «Энциклопедическій Словарь» Андреевскаго, «Книжки Недѣли» за 1892 г. (письмо изъ Лондона) и т. д.

нотѣ могутъ соперничать не многія изъ находящихся въ самой Россіи библіотекъ. Въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ русскій отдѣлъ Британскаго музея долженъ быть поставленъ выше всѣхъ библіотекъ въ Россіи, между прочимъ, выше и Петербургской Публичной библіотеки.

Когда я вѣхалъ годъ тому назадъ въ Лондонъ работать по англійскимъ источникамъ по своему спеціальному предмету, я надѣялся, что особенно скучать за русскими книгами мнѣ не придется въ Лондонѣ, и я въ Британскомъ музеѣ найду кое-что по русской литературѣ. Но каково было мое удивленіе, когда я тамъ нашелъ богато составленную, хорошо организованную русскую библіотеку!

Мое удивленіе было тѣмъ сильнѣе, что я попалъ въ Британскій музей сейчасъ послѣ Парижской Національной библіотеки. Нельзя сказать, чтобъ въ Парижской библіотекѣ не было уже совсѣмъ ничего интереснаго изъ русскихъ изданій. Есть, — какъ не быть въ такой богатой библіотекѣ, — есть цѣнныя изданія, но ориентироваться самому въ имѣющихся въ библіотекѣ книгахъ, безъ постоянной помощи библіотекарей (что возможно только при особыхъ, исключительныхъ рекомендаціяхъ къ нимъ), очень трудно. Но послѣ всѣхъ тщательныхъ розысковъ, даже при помощи библіотекарей, нельзя не прійти къ заключенію, что въ Національной библіотекѣ нѣтъ ничего систематически собраннаго по русской литературѣ. Очевидно при составленіи русскаго отдѣла никто не заботился о его полнотѣ и вообще не преслѣдовали никакой определенной цѣли. Отдѣлъ, такъ сказать, самъ «составлялся»: брали, что давали и присылали въ библіотеку даромъ, прикупали, что попадалось подъ руку, все это разставлялось по полкамъ, и на томъ прекращались заботы администраціи Національной библіотеки о русскомъ отдѣлѣ.

Совсѣмъ иначе организована русская библіотека въ Британскомъ музеѣ, и въ такомъ различномъ отношеніи къ библіотечному дѣлу французовъ и англичанъ сказался, конечно, прежде всего характеръ двухъ отличныхъ другъ отъ друга націй.

Французы постоянно говорятъ о своей любви къ русскимъ, и нельзя отрицать ихъ искренности во всемъ, что ими говорится на эту тему. Они готовы своихъ дорогихъ союзниковъ-русскихъ обнять, расцѣловать, пропѣть передъ ними: «Боже, Царя храни», или «Marseillaise», но ихъ едва ли хватитъ на упорную работу по изученію литературы и языка этого своего союзника.

Отъ кого-кого, но отъ французовъ-то именно и надо было бы, повидимому, ожидать наиболѣе внимательнаго отношенія къ русской литературѣ и къ русской жизни. Симпатія, и весьма глубокая, у французовъ къ русскимъ появились не вчера, ихъ нельзя было отрицать съ весьма давнихъ поръ, а въ послѣднія двадцать лѣтъ

энтузіазмъ, не дѣланнй, а глубоко искренній энтузіазмъ ко всему русскому во Франціи, принялъ небывалые размѣры.

Такимъ образомъ, казалось бы, эти франко-русскія симпатіи могли вызвать во французахъ и потребность ближе изучить Россію. Однимъ изъ отвѣтовъ на подобнаго рода запросы французскаго общества и въ то же время однимъ изъ признаковъ дѣйствительно глубокихъ симпатій французовъ къ русскимъ было бы стремленіе создать у себя дома, во Франціи, напр., при Парижской Національной бібліотекѣ, хорошій отдѣлъ русской литературы, который бы, подобно такому же отдѣлу въ Лондонѣ, сдѣлалъ возможнымъ литературныя работы по русскимъ вопросамъ въ самомъ Парижѣ, и писателямъ, пишущимъ по русскимъ вопросамъ, не было бы необходимости ѣхать изъ Франціи въ Петербургъ или въ Лондонъ.

Не разъ, правда, во французскихъ газетахъ поднимался вопросъ объ организаціи при правительственномъ содѣйствіи постоянного обмѣна всѣхъ выходящихъ русскихъ книгъ на таковыя же французскія. Золя и др. не мало говорили о необходимости серьезно помочь «Тургеневской» бібліотекѣ въ Парижѣ, но... дальше разговоровъ и писанія статей на эту тему въ газетахъ дѣло не пошло.

Для англичанъ русская литература всегда была малодоступной, благодаря какъ сравнительно слабымъ сношеніямъ русскихъ съ англичанами, такъ и трудности англійскаго языка для русскихъ и русскаго для англичанъ. Тѣмъ не менѣе англичане всегда считали необходимымъ изученіе Россіи и ея литературы. Какъ бы то ни было, Россія — «седьмая» часть свѣта, у нея съ развитіемъ политической жизни — громадная будущность, да и въ настоящее время нельзя отрицать значительной ея роли въ европейской исторіи, и не только въ смыслѣ ея военной силы, но и въ смыслѣ ея культурно-литературнаго вліянія на Европу.

Всего этого довольно для англичанъ, чтобы они считали необходимымъ изучать русскую исторію и русскую литературу. А если это такъ, англичане приступать къ этой задачѣ основательно и будутъ упорно ее преслѣдовать.

Этой-то національной чертѣ англичанъ, а не какойнибудь случайности, обязано и нынѣшнее блестящее состояніе русскаго отдѣла Британскаго музея.

Для того, чтобы познакомить русскаго читателя съ богатствами Британскаго музея, я не буду приводить длинныхъ выписокъ изъ его каталога, а постараюсь только дать общее понятіе объ имѣющихся тамъ русскихъ книгахъ.

Прежде всего, конечно, я буду говорить о журналахъ, хотя бы по тому одному, что журналы въ русской литературѣ играли всегда и до сихъ поръ играютъ главную роль и заслоняютъ собою литературу брошюръ и книгъ.

Вотъ списокъ тѣхъ журналовъ, которые имѣются въ Британскомъ музеѣ¹⁾ за весь періодъ ихъ существованія: 1) «Отечественныя Записки» (1818—1884 гг.); 2) «Современникъ» (1836—1866 гг.); 3) «Вѣстникъ Европы» (1860—1894 гг.); 4) «Русская Старина» (1870—1894 гг.); 5) «Русскій Архивъ» (1863—1894 гг.); 6) «Историческій Вѣстникъ» (1880—1894 гг.); 7) «Библиотека для Чтенія» (1834—1865); 8) «Русскій Вѣстникъ» (1856—1894 гг.); 9) «Дѣло» (1867—1884 и 1886—1888 гг.); 10) «Искра» (1858—1868 гг.); 11) «Православное Обозрѣніе» (1860—1894 гг.); 12) «Морской Сборникъ» (1848—1894 гг.); 13) «Военный Сборникъ» (1858—1894 гг.); 14) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; 15) «Московский Телеграфъ» (1825—1834 гг.); 16) «Сѣверный Вѣстникъ» (1885—1894 гг.); 17) «Русская Мысль» (1880—1894 гг.); 18) «Библиографъ» (1885—1894 гг.); 19) «Русская Бесѣда» (1856—1859 гг.); 20) «Слово» (1878—1881 гг.); 21) «Библиографическія Извѣстія» (1858—1861 и 1892—1894 гг.); 22) «Артиллерійскій Журналъ» (1839—1894 гг.); 23) «Оружейный Вѣстникъ» (1861—1894 гг.); 24) «Журналъ Мануфактуръ и Торговли» (1825—1867 гг.); 25) «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» (1842—1864 гг.); 26) «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство»; 27) «Журналъ для Воспитанія» (1857—1867 гг.); 28) «Книжный Вѣстникъ» (за все время).

Есть еще нѣкоторыя періодическія изданія, которыя имѣются въ Британскомъ музеѣ хотя и не за всѣ годы изданія, однако они составляютъ значительныя коллекціи, напр.: «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1829—1862 гг.); «Русское Слово» (1859—1862 гг.); «Юридическій Вѣстникъ», «Основа», «Сибирскій Вѣстникъ» (1818—1825 гг.); «Сѣверный Архивъ» (1822—1828 гг.); «Russische Revue» (1873—1891 гг.); *Annuaire des Finances Russes* (1871—1883 гг.); «Свѣточъ» (1860—1862 гг.); «Атеней»; «Военный Журналъ» (1827—1859 гг.).

Къ этому списку русскихъ журналовъ я могъ бы еще выписать изъ каталога 15—20 названій.

Одни перечисленные мною журналы могли бы составить богатую бібліотеку, но журналами русскій отдѣлъ Британскаго музея не ограничивается, они даже не составляютъ его главнаго богатства.

Конечно, въ списокѣ перечисленныхъ мною русскихъ журналовъ можно указать на нѣкоторые пробѣлы. Да какъ имъ и не быть въ иностранной бібліотекѣ. Напримѣръ, наша Петербургская бібліотека, отмѣтимъ это съ крайнимъ сожалѣніемъ, не можетъ похвастаться, чтобъ ея коллекція журналовъ хотя бы по какой нибудь одной изъ иностранныхъ литературъ, имѣющихъ несравненно большее

¹⁾ Всѣ журналы, какъ и книги, — замѣчу, между прочимъ, — переплетены и сохраняются въ образцовомъ порядкѣ.

значеніе для русской литературы, чѣмъ это имѣтъ русская литература для англичанъ, была бы относительно такъ полно составлена, какъ составлена въ Британскомъ музеѣ — русская журналистика.

Отсутствіе нѣкоторыхъ русскихъ періодическихъ изданій за старые годы, впрочемъ, не такъ уже значительно, и бѣда легко поправима. Администрація Британскаго музея серьезно заботится о пополненіи своей библіотеки, и, когда ей бываетъ указано, чего ей недостаетъ, и гдѣ можно приобрести эти недостающія изданія, она охотно скупаетъ ихъ. Годъ тому назадъ въ Британскомъ музеѣ не было ни одной книжки «Русской Мысли», «Сѣвернаго Вѣстника», «Библиографа», «Библиографическихъ Извѣстій» и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, — по просьбѣ одного изъ читателей администрація Британскаго музея выписала эти изданія за всѣ годы ихъ изданія.

Не мало также получается въ Британскомъ музеѣ русскихъ періодическихъ сборниковъ и журналовъ, издававшихся научными обществами. Перечислю нѣкоторые изъ нихъ: «Записки Академіи Наукъ» (имѣются всѣ вообще ея изданія), «Записки Географическаго Общества», «Журналъ Психологіи и Философіи», «Сборникъ Историческаго Общества», изданія «Петербургскаго Общества Любителей древней письменности», «Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», изданія «Вольнаго Экономическаго Общества», «Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», «Извѣстія», издаваемые при Одесскомъ университетѣ (за всѣ годы), довольно большая коллекція изданій Казанскаго университета (изданій другихъ университетовъ нѣтъ).

Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ и журналовъ присылаются въ Британскій музей даромъ, другіе музей выписываетъ самъ или получаетъ въ обмѣнъ на свои изданія.

Къ сожалѣнію, въ Британскомъ музеѣ все-таки не достаетъ изданій многихъ русскихъ научныхъ обществъ. Такъ, напр., нѣтъ совсѣмъ никакихъ земскихъ изданій, и нельзя не пожалѣть, что никто не позаботился до сихъ поръ снабдить этими изданіями Британскій музей. Это необходимо было бы сдѣлать ради того крупнаго научнаго интереса, который представляетъ собраніе этихъ изданій въ Британскомъ музеѣ. Здѣсь они на вѣки-вѣчны были бы въ сохранности и къ услугамъ всѣхъ, кто за границей работаетъ по этимъ вопросамъ. То же самое надо бы посоветовать принять въ вниманіе вообще всѣмъ тѣмъ, чьи изданія не могутъ выписываться Британскимъ музеемъ.

Русскими газетами Британскій музей бѣднѣе, чѣмъ журналами, и, говоря безотносительно, бѣденъ, и трудно сказать, удастся ли его администраціи гдѣ нибудь русскія газеты купить за старые годы. Но и въ числѣ имѣющихся уже газетъ, какъ это видно изъ приводимаго далѣе списка, въ Британскомъ музеѣ есть весьма цѣн-

ныя изданія. Тамъ имѣются, между прочимъ, слѣдующія газеты: 1) «Сѣвѣрная Пчела» (1825—1862), «Сынъ Отечества» (1813—1842 и 1856—1862), «Русскій Инвалидъ» (1813—1862), «Русскій Миръ» (1859—1862), «Journal de St. Pétersbourg» (1825—1844 и 1881—1894), «Голосъ» (1881—1883), «Новости» (1883—1894), «Новое Время» (1891—1894), «Московскія Вѣдомости» (1891—1894) и др.

Британскій музей имѣеть нѣкоторыя русскія періодическія изданія за прошлое столѣтіе и начала нынѣшняго, и не только въ перепечаткахъ Афанасьева, Бычкова, Ефремова, — есть и онѣ (Живописецъ, Трутень, Пустомеля, Поденщикъ и СПб. Вѣдомости), но имѣются также и подлинники нѣкоторыхъ періодическихъ изданій того столѣтія—«Парнаскій Щепетильникъ» (1770), «Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», Новиковская «Древняя Россійская Вивлююика» 1788—1891 (2-е изд.), 20 частей, продолженіе ея 1786—1801 (11 частей, Новиковскихъ изданій вообще много), «Россійскій Театръ» (всѣ 43 части, кромѣ знаменитой 39-й, гдѣ была трагедія Княжнина), *Le Camélon littéraire. Par l'auteur du Philosophe au Parnasse* (Т. Н. Чуди) 1755 (первый журналъ на французскомъ языкѣ въ Россіи), *Vasmeister «Russische Bibliotheca»* 1772—1789, P. S. Pallas «*Neue Nordische Beyträge*» и т. д. (1781—1786), Storch: «*Russland under Alexander*», «*Commentarii Academiae*» (1727—1750), «*Novi Commentarii*» (1750—1777), «*Acta Academica*» (1778—1786), «*Nova Acta*» (1787—1806) и многія другія изданія.

Труднѣе будетъ для меня дать читателю понятіе о коллекціи отдѣльныхъ сочиненій русскихъ авторовъ въ Британскомъ музеѣ. Вотъ списокъ именъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, полныя собранія сочиненій которыхъ или рядъ отдѣльныхъ изданій имѣются въ Британскомъ музеѣ: Кантемиръ, Ломоносовъ, Тредьяковскій (и др. полныя собранія русскихъ авторовъ въ изданіи Смирдина), Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Радищевъ, Батюшковъ, Жуковский, Вяземскій, Плетневъ, Крыловъ, Ложечниковъ, Баратынскій, Рылѣевъ, Бестужевъ-Марлинскій, Пушкинъ, Герценъ, Аксаковъ, Лермонтовъ, Панаевъ, Гоголь (5—6 изданій), Розенгеймъ, Ростопчина, Фетъ, Ал. Толстой, Л. Толстой, Шевченко, Тургеневъ, Майковъ, Крестовская (псевд.), Плещеевъ, Полонскій Як., Огаревъ, Никитинъ, Гребенка, Надсонъ, Достоевскій, Гончаровъ, Короленко, Потапенко, Гаршинъ, Немировичъ-Данченко, Лѣсковъ, Воборыкинъ, Салтыковъ, Островскій, Плещеевъ, Григоровичъ.

Укажу еще на нѣкоторыя сочиненія по исторіи, литературѣ и критикѣ: соч. Вѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Анненкова, Пыпина (всѣ его сочиненія), Писарева, Григорьева, Скабичевскаго, Арсеньева, Шелгунова, Михайловскаго (почти всѣ), М. Ковалевскаго, Янжула, Незеленова, О. Миллера, Страхова, Сухомлинова, Л. Майкова, Галахова, Полевого, Исторія Карамзина, Соловьева,

Бестужева, всѣ сочиненія Костомарова, Макарія, все написанное Кошелевымъ, Погодинымъ (имѣются біографіи обоихъ, издающіяся теперь), полное собраніе сочиненій Самарина, многотомныя изданія Архива кн. Воронцова (37 т.), изслѣдованія Брикнера и его изданіе «Графъ Панинъ», архивъ кн. Куракина, Отчеты за всѣ годы (кромѣ 1—2) С.-Петербургской Публичной бібліотеки, чуть ли не всѣ, кромѣ Толя, энциклопедическіе словари отъ Плюшара до Андреевскаго, словарь Даля, Венгерова, много есть по вопросу уничтоженія крѣпостнаго права — Скребицкій, Семеновъ, Джалшиевъ (всѣ изданія), работы редакціонныхъ комиссій, есть труды другихъ многочисленныхъ правительственныхъ комиссій, есть Полное Собраніе Законовъ, Сводъ Законовъ и т. д.

Богатъ отдѣлъ бібліографическій—все (или почти все) Межова, Геннади, Губерти, Неустроева, Сопикова, Анастасевича, митр. Евгенія, Богачева, Строева, Березина-Ширяева и т. д.

Въ Британскомъ музеѣ можно кое-что найти и по части рѣдкихъ старинныхъ книгъ. Для людей, интересующихся этими изданіями, я и перечислю ихъ.

Прежде всего приходится упомянуть объ «Осмогласникѣ» (Октоихѣ), изданномъ въ Цетинѣ, въ Черногоріи, въ 1493 году. Первые книги на церковно-славянскомъ языкѣ были изданы въ 1491 году въ Краковѣ Швйопольтомъ Фьолемъ. «Осмогласникъ», изданный въ Цетинѣ, прекрасно сохранившійся экземпляръ котораго имѣется въ Британскомъ музеѣ, принадлежитъ такимъ образомъ къ числу самыхъ раннихъ славянскихъ изданій: онъ былъ шестой или седьмой книгой. Это изданіе «Осмогласника» очень рѣдкое. Каратаевъ (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. 34-й, стр. 18-я) упоминаетъ о существованіи всего 4 экземпляровъ этой книги (между прочимъ, въ Петербургской публичной бібліотекѣ).

За этотъ экземпляръ Британскій музей заплатилъ около 80 фунтовъ, т. е. до 800 рублей!!!.

Первымъ, кто сталъ печатать въ самой Россіи, былъ виленскій докторъ Скорина; его первыя изданія въ Россіи относятся къ 1525 году. Британскій музей имѣетъ первую напечатанную въ Вильнѣ Скориной книгу «Апостоль». Это изданіе «Апостола» имѣется, кажется, въ 4-хъ экземплярахъ—въ Петербургской бібліотекѣ, въ Москвѣ, Вильнѣ и у Шапова.

Въ томъ же 1525 году Скорина напечаталъ въ Вильнѣ: «Псалтирь». Каратаевъ отмѣтилъ существованіе пяти экземпляровъ; шестой экземпляръ, слѣдовательно, находится въ Британскомъ музеѣ.

Свою издательскую дѣятельность Скорина началъ еще въ Прагѣ. Тамъ имъ было, между прочимъ, отпечатано въ 1517—1519 гг. 22 книги Библии. Изданіе очень рѣдкое. Полное собраніе всѣхъ 22 книгъ находится только въ Петербургской публичной бібліотекѣ.

Британскій музей имѣеть отъ 1—10 книгъ этой Библии, именно «Книги Царствъ». Эти книги имѣются еще, кромѣ Петербургской библіотеки, въ Москвѣ въ библіотекѣ Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и (кажется) въ Румянцевской Московской публичной библіотекѣ.

Въ 1580 и 1581 г. въ городѣ Острогѣ (Волынской губ.) было отпечатано первое и второе изданіе Библии. Это наиболѣе замѣчательное изданіе первыхъ временъ русскаго типографскаго станка. Британскій музей имѣеть оба изданія, такъ же прекрасно сохранившіяся, какъ и упомянутые уже «Осмогласникъ» и книги Скорины. Перваго изданія этой Библии Каратаевъ отмѣтилъ существованіе всего трехъ экземпляровъ, а второго—восемь.

Отмѣтимъ еще находящееся въ Британскомъ музеѣ, Евангеліе, отпечатанное въ 1643 году, въ Москвѣ. Съ начала XVIII столѣтія Петръ ввелъ въ Россіи наряду съ церковно-славянскою печатью еще гражданскую печать. Нѣкоторыя изъ первыхъ изданій того времени, напечатанныя гражданской печатью, находятся и въ Британскомъ музеѣ.

Мнѣ не достаточно подробно извѣстно, когда, при какихъ условіяхъ, гдѣ, происходили покупки Британскимъ музеемъ русскихъ книгъ, и потому пока объ этомъ я не буду сообщать и тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось получить во время разговоровъ съ библіотекаремъ, завѣдующимъ русскимъ отдѣломъ. Упомяну только, что крупное приобрѣтеніе было Британскимъ музеемъ сдѣлано, между прочимъ, въ 1875 году, когда имъ была приобрѣтена въ Германіи при распродажѣ съ аукціона большая часть библіотеки извѣстнаго русскаго библіографа и библіофила Соболевскаго. Въ «Русскомъ Архивѣ» какъ-то были напечатаны воспоминанія Березина-Ширяева о Соболевскомъ, гдѣ, рассказывая о библіотекѣ Соболевскаго, онъ сокрушается о ея «пропажѣ». Навѣрно, вмѣстѣ съ Березинымъ-Ширяевымъ немало другихъ любителей русской литературы пожалѣли о пропажѣ библіотеки Соболевскаго, но они могутъ успокоиться. Книги, правда, не въ Россіи, тѣмъ не менѣе въ хорошихъ рукахъ, и можно порадоваться, что онѣ попали именно въ Британскій музей, а не въ руки такого же любителя книгъ, какимъ былъ самъ Соболевскій, или, было бы еще хуже, не попали въ руки какого нибудь толстосума, которому столько же дѣла до книгъ, сколько намъ до того, что происходитъ на лунѣ. Среди книгъ Соболевскаго были весьма цѣнныя рѣдкія изданія, напримѣръ, не поступавшія въ продажу изданія русскаго правительства, полное собраніе «Юрналовъ и Камеръ-Фурьерскихъ журналовъ» «Воспоминанія» Руссова, заграничныя изданія Карамзина и т. д., и т. д. Всѣ книги Соболевскаго не трудно узнать по его «ex libris». На многихъ книгахъ есть замѣтки самого Соболевскаго, посвященія ему различными авторами своихъ произведеній. Въ

Британскомъ музеѣ находятся и Ширяевскія книги съ его посвященіями Соболевскому, о которыхъ онъ разсказалъ весьма обстоятельно въ «Русскомъ Архивѣ» (1878 г.) Но очевидно, что книги Соболевскаго попали въ Британскій музей все-таки далеко не всѣ.

Кромѣ такихъ одновременныхъ покупокъ большаго количества книгъ, въ библиотекѣ производится изъ мѣсяца въ мѣсяць выписка русскихъ книгъ. Въ Британскомъ музеѣ еще есть специально русскій библиотечарь, онъ просматриваетъ каталоги, которые присылаютъ въ Британскій музей издатели и книгопродавцы изъ Россіи, и слѣдить, кромѣ того, самъ за новыми русскими изданіями по «Книжному Вѣстнику».

Такой порядокъ выписки книгъ, конечно, не гарантируетъ безошибочность ихъ выбора, но эти ошибки большаго значенія не имѣютъ: кое-что пропущенное можетъ быть прикуплено потомъ, а лишне купленнаго не такъ уже бываетъ много, чтобы это было ощутительно для бюджета Британскаго музея.

Въ числѣ библиотечарей, завѣдующихъ русскимъ отдѣломъ, былъ очень долго, до самой своей смерти не безызвѣстный въ Россіи англичанинъ, другъ Тургенева,—Ральстонъ, до него былъ знаменитый библиотечарь Ватсъ. Теперь этимъ отдѣломъ завѣдуетъ полякъ Наке, хорошо знающій русскій языкъ.

Богато составленъ въ Британскомъ музеѣ отдѣлъ заграничныхъ русскихъ изданій, начиная съ 1853 вплоть до послѣдняго времени. Есть все, что было издано Герценомъ; за всѣми, впрочемъ, небольшими исключеніями, на три четверти или даже болѣе собрано и все то, что печаталось послѣ Герцена за границей на русскомъ языкѣ.

Имѣются (очень немного) оригинальные экземпляры изъ нѣкоторыхъ произведеній, печатавшихся въ русскихъ подпольныхъ типографіяхъ, начиная съ 1863 г. и кончая 1882 г., но такіе листки присылались по почтѣ рѣдко, а потому этотъ отдѣлъ очень незначителенъ.

Особое значеніе богатый русскій отдѣлъ при Британскомъ музеѣ получаетъ, благодаря общей организаціи библиотеки и условіямъ, при которыхъ читателямъ приходится работать въ ней. Можно сказать, что то же собраніе русскихъ книгъ въ Парижской Національной библиотекѣ потеряло бы почти все свое значеніе.

Есть пословица: «вдвое даетъ, кто скоро даетъ». Эту пословицу можно примѣнить и къ библиотечкамъ.

Британскій музей даетъ свои книги не только «скоро», но онъ даетъ ихъ охотно, даетъ всѣ, какія только имѣетъ,—этого не во всякой библиотекѣ добьетесь,—даетъ и въ то же время самъ заботится, чтобы «братъ» у него было удобно. Кто входитъ въ Британскій музей, самъ видитъ, что онъ тамъ можетъ найти для себя; для него

не нужно ни помощи библіотекаря, ни чьей либо протекціи, и онъ не встрѣтитъ тамъ ничего, что бы мѣшало его работѣ.

Книжныя богатства Британскаго музея по русской литературѣ пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе, благодаря прекрасной организаціи его библіотеки и общимъ условіямъ ихъ пользованія.

Будь за границей то же самое собраніе русскихъ книгъ не въ Британскомъ музеѣ, а, на примѣръ, въ Парижской Національной библіотекѣ, онѣ могли бы еще многіе десятки лѣтъ пролежать безъ всякой пользы для кого либо и только занимали бы даромъ мѣсто въ надеждѣ, что потомки не будутъ столь преступно халатны по отношенію къ этимъ рѣдкимъ книжнымъ сокровищамъ и лучше сумѣютъ ими воспользоваться.

Что же касается Британскаго музея, то онъ уже успѣлъ принести значительную пользу своимъ отдѣломъ иностранной и русской литературамъ и въ будущемъ, несомнѣнно, пріобрѣтетъ еще большее значеніе, если пользующіеся русской литературой обратятъ на русскій отдѣлъ Британскаго музея такое вниманіе, какого онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Все, что я сталъ бы говорить объ условіяхъ пользованія русскими книгами въ Британскомъ музеѣ, конечно, относилось бы одинаково ко всѣмъ другимъ отдѣламъ библіотеки, и потому далѣе я буду имѣть въ виду не этотъ только русскій отдѣлъ, а всю библіотеку вообще.

Прежде чѣмъ дать очеркъ современнаго состоянія Британскаго музея, я перечиталъ на ряду съ иностранными источниками, между прочимъ, и все, что было написано о немъ въ русской литературѣ, начиная съ Булгаринской «Сѣверной Пчелы», очерковъ Соболичкова и Ханыкова и кончая замѣтками въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1881 г., № 8) и «Недѣлѣ» (1892 г.).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ курится оиміамъ Британскому музею, удивляются его удобствамъ, внимательности и любезности библіотекарей, говорятъ имъ комплименты. Въ каждой статьѣ читатель неизбежно находитъ параллель между Британскимъ музеемъ и Парижской Національной библіотекой, при чемъ по адресу Парижской Національной библіотеки на каждомъ шагу можно услышать много горькихъ истинъ и очень тяжелыхъ обвиненій.

«Изъ всѣхъ крупныхъ библіотекъ,—читаемъ мы въ «Историческомъ Вѣстникѣ»,—въ одномъ только Британскомъ музеѣ администрація исполнѣ добросовѣстно и усердно заботилась объ осуществленіи этого условія (скорой доставки книгъ по требованію читателей), взглянувъ на него не какъ на прихоть со стороны читателя, а какъ на требованіе абсолютной необходимости. Научныя занятія — дѣло въ высшей степени деликатное и чуткое: необходимость въ какомънибудь свѣдѣніи или справкѣ имѣется именно въ данную минуту, въ слѣдующую же, за неудовлетвореніемъ, она можетъ

быть совершенно упущена изъ виду, хотя и явился ущербъ для занятій. Къ сожалѣнію, гг. бібліотекари слишкомъ часто склонны думать, что они не служатъ публикѣ, а только терпятъ ея случайное присутствіе, и этимъ до такой степени увеличиваютъ время для удовлетворенія читателя книгою, что самыя лучшія намѣренія послѣдняго разлетаются, какъ дымъ. Какая можетъ быть охота къ самостоятельному изслѣдованію, когда я напередъ увѣренъ, что нерасположеніе духа бібліотекаря можетъ лишить меня своевременнаго полученія требуемыхъ источниковъ? Мы совершенно увѣждены, что подобное неумѣніе дорости до своего положенія со стороны многихъ бібліотекарей служитъ весьма значительнымъ препятствіемъ на пути развитія наукъ. Ничему такому, къ счастью публики, нѣтъ ни малѣйшаго подобія въ Британскомъ музеѣ. Принимая во вниманіе одно только богатство этой бібліотеки и энергической надзоръ за пополненіемъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, мы можемъ положительно сказать, что во всей Европѣ нѣтъ мѣста болѣе удобнаго для самостоятельныхъ изслѣдованій. Пожелаемъ, въ заключеніе, всѣмъ другимъ бібліотекамъ взять себя за образецъ порядки Британскаго музея, какъ по отношенію къ отысканію и выдачѣ книгъ и прочимъ удобствамъ для посѣтителей, такъ и по отношенію къ вѣжливой и мягкой манерѣ обращенія лондонскихъ бібліотекарей съ публикой».

«Помѣщеніе бібліотечнаго персонала, — читаемъ мы тамъ же, — въ центрѣ (Reading Room—читальной залы) даетъ ему, между прочимъ, легкую возможность слѣдить за порядкомъ въ залѣ, такъ какъ вся публика у него, какъ на ладони. Впрочемъ, это родъ наблюденія, повидимому, только потенціальный, а не дѣйствительный, — намъ ни разу не случилось видѣть или слышать, чтобы кто нибудь изъ бібліотекарей дѣлалъ выговоръ или читалъ наставленія кому нибудь изъ посѣтителей, что въ Парижской бібліотекѣ бываетъ не слишкомъ рѣдко».

«Столъ для занятій въ Британскомъ музеѣ на столько великъ, что на него безъ затрудненія можно положить пять-шесть многотомныхъ сочиненій, чего, замѣтимъ мимоходомъ, нельзя сдѣлать въ Парижской Національной бібліотекѣ, гдѣ, впрочемъ, и не дадутъ вамъ столько книгъ» («Историческій Вѣстникъ», 1881 г., № 8, стр. 941).

Въ такомъ же духѣ, какъ эта статья въ «Историческомъ Вѣстникѣ», написаны всѣ безъ исключенія статьи о Британскомъ музеѣ и Парижской Національной бібліотекѣ въ литературѣ; все это безъ какихъ либо существенныхъ измѣненій мнѣ приходилось слышать сотни разъ въ разговорѣ съ посѣтителями Британскаго музея, которые никогда не читали ни одной статьи ни объ одной изъ этихъ бібліотекъ, но на себя по опыту испытали ихъ удобства и неудобства.

Я, конечно, тоже не могу не присоединиться къ этому согласному хору похвалъ Британскому музею, но при этомъ я сдѣлаю одно замѣчаніе, которое невольно приходится на умъ, когда читаешь или слушаешь похвалы Британскому музею.

Въ «Современныхъ Идилліяхъ» Щедринъ говоритъ объ Очищенномъ: «къ чести нашего друга (Очищеннаго) надо сказать, что въ наше отсутствіе на нашей квартирѣ ничего не пропало». Это, конечно, говоря безъ всякой ироніи, похвала для такого человѣка, какъ Очищенный. Ему какъ разъ впору хвастаться тѣмъ, что онъ ничего не укралъ, когда представлялся удобный случай, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго отъ него никто и не ожидалъ. Но неужели такимъ образомъ можно хвалить дѣйствительно честнаго человѣка?

Похвалы, расточаемыя библіотекѣ Британскаго музея, часто не далеко уходятъ отъ похвалы, съ какой отзывается Щедринъ о своемъ Очищенномъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ восхищаться тѣмъ, что нерасположеніе духа библіотекарей не мѣшаетъ занятіямъ людей, приходящихъ въ библіотеку для научныхъ занятій, или высказывать къ тому же, повидимому, мало сбыточныхъ пожеланія, чтобы другія библіотеки взяли за образецъ Британскій музей въ отношеніи «вѣжливой и мягкой манеры обращенія» библіотекарей съ публикой,— развѣ все это не равносильно похваламъ человѣку за то, что онъ не крадетъ, не мошенничаетъ, не лжетъ? Если приказчикъ въ магазинѣ по отношенію къ покупателямъ, чиновникъ по отношенію къ тѣмъ, для кого онъ служитъ, будутъ проявлять *mauvaise humeur* и не будутъ считать для себя обязательной вѣжливую и мягкую манеру обращенія съ публикой, развѣ это гдѣ нибудь было бы терпимо, развѣ такимъ приказчикамъ и чиновникамъ не сказали бы просто-на-просто: «вотъ вамъ Богъ, а вотъ и порогъ!»—и на томъ бы дѣло и кончилось съ ихъ *mauvaise humeur*.

А между тѣмъ, кто искреннѣйшимъ образомъ вчужѣ не порадуется за посѣтителей Британскаго музея, что ихъ тамъ не только терпятъ, не только относятся мягко и вѣжливо, но даже заботятся объ удобствахъ ихъ занятій!.. Кто не пойметъ похвалъ Британскому музею именно за такое отношеніе къ публикѣ?!.. Это, конечно, показываетъ только одно то, что порядки въ другихъ библіотекахъ не избаловали публику въ этомъ отношеніи, не сдѣлали ее особенно требовательной, или требовательной до такой степени, что она при извѣстіяхъ о лондонскихъ порядкахъ пріятно бываетъ изумлена, восторгается, говоритъ—не наговорится и очень довольна, когда въ журналахъ встрѣчаетъ похвалы такого рода порядкамъ Британскаго музея.

Не печально ли, въ самомъ дѣлѣ, что до сихъ поръ на имѣніе каталоговъ въ Британскомъ музеѣ, на удобства занятій тамъ (ничего въ концѣ концовъ сверхъестественнаго не представляющія)

приходится указывать, какъ на рѣдкое явленіе, какъ на нѣчто такое, до чего другимъ библіотекамъ также далеко, какъ куликамъ до Петрова дня.

У насъ до сихъ поръ книги, библіотеки, наука такъ еще мало завоевали себѣ уваженія и общаго признанія, что и мы до такой степени не привыкли къ широкимъ, правильнымъ требованіямъ по вопросамъ народнаго и университетскаго образованія, библіотекъ и т. п., что когда, напримѣръ, послѣ Парижской библіотеки, мы попадаемъ въ Британскій музей, то болѣе всего удивляемся послабленіямъ, которыя оказываются намъ, приходимъ въ восторгъ, вмѣсто того, чтобы принимать все это, какъ должное и неизбѣжное.

Настанетъ, конечно, и такое время, когда мы перестанемъ изумляться нынѣшнимъ удобствамъ Британскаго музея и будемъ къ каждой библіотекѣ предъявлять требованія несравненно большія. Тогда нынѣшніе порядки Парижской библіотеки будутъ намъ казаться малоправдоподобными... Тогда библіотеки безъ каталога, библіотеки съ библіотекарями, страдающими *mauvaise humeur*'омъ, не желающими вѣжливо, внимательно относиться къ читателямъ, сами энергично не заботящіяся объ удобствахъ читателей библіотеки съ порядками въ родѣ тѣхъ, что теперь царятъ въ Парижской Национальной библіотекѣ, будутъ такой же нелѣпностью, такими же *non-sens*, какимъ для насъ теперь была бы библіотека, при устройствѣ которой забыли бы о крышѣ, или въ которой во время трескучихъ морозовъ не топили бы, читателямъ приходилось бы заниматься своими научными изысканіями, когда у нихъ зубъ на зубъ не попадалъ.

Предлагая читателямъ не опускать изъ виду широкихъ требованій по отношенію къ библіотекамъ, — требованій, на которыхъ только единственно и можно мириться, я вовсе не думаю ихъ сопоставленіемъ съ нынѣшнимъ состояніемъ Британскаго музея ослаблять высокихъ достоинствъ его современныхъ порядковъ. Они дѣйствительно замѣчательны и значительны и не только по сравненію съ другими современными библіотеками, но и безотносительно очень важны.

Именемъ Британскаго музея въ русской литературѣ привыкли называть исключительно одну библіотеку съ принадлежащими къ ней отдѣленіями. Но Британскій музей, собственно говоря, помимо библіотеки, заключаетъ въ себѣ нѣсколько и другихъ очень цѣнныхъ отдѣловъ, напримѣръ, археологическій музей, зоологическій, ботаническій, отдѣлъ пумизантики, картинную галерею и т. п. Въ сравнительно недавнее еще время все это помѣщалось въ одномъ зданіи — *British Museum* — на *Great Brussell Street*, но вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ недостатокъ помѣщенія заставилъ часть богатствъ Британскаго музея перенести въ особое зданіе, выстроенное специально для этой

цѣли, — South Kensington-скій музей (Museum of natural history). Однако и въ старомъ зданіи Британскаго музея, кромѣ библіотеки, осталось еще очень много замѣчательнаго, напримѣръ, отдѣлъ греческихъ, римскихъ, египетскихъ древностей, скульптурный и т. д. Я буду говорить только объ одномъ отдѣлѣ Британскаго музея—объ его библіотекѣ, оставляя въ сторонѣ даже отдѣленіе рукописей.

Получить доступъ въ библіотеку Британскаго музея можно только съ разрѣшенія ея администраціи, которая выдаетъ билетъ на посѣщеніе библіотеки не иначе, какъ за чьимъ нибудь поручительствомъ. Это правило, впрочемъ, не болѣе, какъ формальность, выполнить которую или обойти никакой не представляетъ трудности. Такое поручительство можете получить отъ каждаго хозяина дома, отъ квартирнаго хозяина, достаточно даже простаго личнаго объясненія съ библіотекаремъ, и билетъ на входъ въ библіотеку можно получить безъ всякихъ рекомендацій.

Почти во всѣхъ большихъ библіотекахъ для посѣщенія ихъ требуется тоже разрѣшеніе библіотекарей. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ является только наша Петербургская библіотека. Она открываетъ свои двери для всѣхъ желающихъ работать и только требуетъ (больше для статистики) давать свѣдѣнія о своей личности.

Нѣкоторое затрудненіе при полученіи доступа въ Британскій музей, — если только требованіе спеціальнаго разрѣшенія на посѣщеніе библіотеки въ томъ родѣ, какъ это дѣлается въ Лондонѣ, считать недостаткомъ библіотечной организаціи, — съ лихвой окупается полной свободой и довѣріемъ, которыми пользуются читатели внутри самой библіотеки.

Если порядки въ Парижской Національной библіотекѣ говорятъ читателямъ: «г., будьте, какъ въ гостяхъ», то порядки Британскаго музея говорятъ совершенно иное: «будьте, какъ дома».

Читатели въ Британскомъ музеѣ работаютъ въ трехъ отдѣленіяхъ: 1) Reading Room (читальное зало), 2) Large Room (зало для спеціальныхъ занятій), 3) News paper Room (зало для чтенія газетъ).

Reading Room, гдѣ работаетъ большинство читателей, представляетъ собою огромную (25 сажень въ діаметрѣ) кругообразную залу; о ея величинѣ достаточно сказать, что куполь, опрокинутый надъ ней, по величинѣ уступаетъ одному только куполу парижскаго Пантеона и меньше его всего на 1 метръ. Свѣтъ падаетъ въ залу изъ большаго окна на потолокъ купола и изъ 20 другихъ большихъ боковыхъ оконъ въ куполѣ. Вечеромъ зало освѣщается 5 электрическими лампами, висящими надъ головами читателей, а, кромѣ того, надъ самыми столиками, на которыхъ работаютъ читатели, съ годъ тому назадъ устроены электрическія лампочки.

Изъ центра залы, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ помѣщается администрація библіотеки, идутъ по залѣ радіусами столы для читателей.

Каждый читатель занимает особый столъ (длина аршина полтора), мягкое кресло. На столѣ онъ находитъ чернила, гусиные и стальные перья, ножъ для разрѣзыванія книгъ, пропускную бумагу, раздвижной пюпитръ, полочку для шляпы и т. д.

Я не имѣю въ виду останавливаться на подробномъ описаніи внѣшнихъ удобствъ занятій въ Британскомъ музеѣ, а то мнѣ пришлось бы много повторить изъ того, что написано уже раньше меня, напримѣръ, такимъ специалистомъ по библиотечному дѣлу, какъ Соболевскій. Въ его брошюрѣ о Британскомъ музеѣ можно найти не только умѣлое описаніе Британскаго музея, но также и его планъ, рисунокъ стола и т. п.

Книги выдають въ Британскомъ музеѣ очень быстро. Вы можете быть вполне увѣрены, что какую бы книгу вы ни потребовали по каталогу, ее принесутъ вамъ минутъ черезъ 10—15, максимумъ черезъ 20. Въ Британскомъ музеѣ нѣтъ никакихъ разрядовъ книгъ, отыскиваніе которыхъ требовало бы долгихъ поисковъ.

Для того, чтобы получить книгу, читатель долженъ по каталогу узнать номеръ этой книги, написать на специальномъ печатномъ бланкѣ (ticket) ея названіе (два-три первыхъ слова заглавія), годъ и мѣсто изданія, библиотечную press mark, свою фамилію и номеръ занятаго библиотечнаго стола.

Заполненіе билетиковъ всѣми необходимыми свѣдѣніями очень несложно и требуетъ не много времени.

Бросивши въ ящикъ эти листки, безъ всякихъ объясненій съ библиотекарями, вы ни о чемъ болѣе не заботитесь, можете даже уйти изъ библиотеки, — книги будутъ доставлены на указанный вами столъ.

Упомяну здѣсь объ одномъ, правда, мелочномъ обстоятельстве, но, тѣмъ не менѣе, весьма характерномъ. Изъ него видно будетъ, какъ разумно и внимательно относится къ своимъ читателямъ администрація Британскаго музея, и какъ въ этомъ отношеніи иногда мелочно-придирчивы, неразумно-придирчивы въ другихъ библиотечкахъ, напримѣръ, въ Парижской Національной библиотекѣ.

Въ Reading Room Британскаго музея въ разныхъ мѣстахъ на столахъ цѣлыми грудями разложены тикеты. Читатели могутъ брать ихъ въ неограниченномъ количествѣ безъ всякаго контроля. Постоянно видишь, какъ читатели, уходя домой, забираютъ съ собою пачки въ нѣсколько десятковъ билетиковъ, для того, чтобы еще дома написать на этихъ билетикахъ требованія книгъ на слѣдующій день и не тратить потомъ на писаніе ихъ своего библиотечнаго времени. Когда приходится въ день брать 25—30 книгъ, такой выигрышъ времени весьма существенъ.

Навѣрное, у каждого изъ читателей можно найти на квартирѣ десятки запасныхъ тикетовъ, но администрацію Британскаго музея, очевидно, не смущаетъ, что читатели, получивъ свободу

брать сколько угодно тикетовъ, будутъ до такой степени злоупотреблять этимъ правомъ, что разорятъ музей. Нѣтъ даже приглашеній умѣренно пользоваться тикетами.

Въ Парижской библиотекѣ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Тамъ администрація библиотеки дрожитъ надъ каждымъ тикетомъ. Для того, чтобы получить тикетъ, надо обращаться къ библиотекарю, который завѣдуетъ ихъ раздачей, но онъ не даетъ въ разъ болѣе двухъ тикетовъ. Если нужно не два, а болѣе тикетовъ, въ такомъ случаѣ необходимо по нѣскольку разъ подходить къ библиотекарю, просить, а иногда и мотивировать, почему нужны дополнительные тикеты, словомъ, стѣснятъ себя, тратятъ время.

Выписывать книги въ Британскомъ музеѣ читатель можетъ сколько ему угодно. У нѣкоторыхъ читателей книгъ набирается столько (до 40 или 50 штукъ), что для нихъ не хватаетъ мѣста на столѣ, тогда книги располагаютъ на сосѣднемъ не занятомъ столѣ или придвигаютъ свободныя кресла и на нихъ кладутъ книги. За все долговременное мое занятіе въ Британскомъ музеѣ мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы администрація кому нибудь сдѣлала замѣчаніе на счетъ количества выписываемыхъ книгъ. Когда вамъ нужна какая нибудь справка въ журналѣ, а вы только приблизительно знаете, гдѣ ее искать, можете смѣло просить принести себѣ журналъ за 4—5 лѣтъ, пересмотрѣть заглавія. Нѣтъ въ этой серіи нужной вамъ статьи, просите принести журналъ за новыя 4—5 лѣтъ, и не бойтесь ни отказа, ни *mauvaise humeur*'а библиотечарей: въ Британскомъ музеѣ понимаютъ, что вы роетесь въ книгахъ не для собственнаго удовольствія, не для препровожденія времени и даже не для того, чтобы досадить библиотечарямъ.

Я однажды потребовалъ себѣ изъ отдѣленія *index* къ «Историческому Вѣстнику» (за 1880—1889 гг.), но забылъ написать слово «*index*». Мнѣ возвратили тикетъ для того, чтобы переспросить, вѣрно ли, что мнѣ нуженъ «Историческій Вѣстникъ» за 1880—89 гг., при чемъ заявили, что если это такъ, то мнѣ нужно идти въ *Large Room*, куда легче доставить всѣ сорокъ томовъ. Воображаю, какого рода выговоръ пришлось бы мнѣ выслушать въ Парижѣ за свою ошибку.

Служащихъ, завѣдующихъ раздачею книгъ читателямъ, въ Британскомъ музеѣ несравненно больше, чѣмъ въ Петербургской библиотекѣ, хотя уже и не особенно много, но они работаютъ много и хорошо, не считаютъ за большой трудъ для себя доставить читателю иной разъ, быть можетъ, и лишнія книги. Если вѣрно, что лучше оправдать девятерыхъ виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго, то такъ же вѣрно: лучше дать работающимъ въ библиотекѣ, по ихъ требованію, девять «ненужныхъ» для нихъ книгъ, чѣмъ лишить одной такой книги, которая бы была полезна для

ихъ работъ. Въ Британскомъ музеѣ дѣло стоитъ именно такъ, или почти-что такъ, а нужно желать, конечно, чтобы «такъ» было въ каждой библиотекѣ. Это не утопія, а необходимое и исполнѣ осуществимое условіе успѣха всѣхъ научныхъ трудовъ.

Добавьте къ этому, что вы можете въ Британскомъ музеѣ дватри раза въ день сдавать ненужныя для васъ книги и работать въ одинъ и тотъ же день во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ библиотеки, такимъ образомъ выйдеть, что вы можете ежедневно изъ библиотеки выписывать не одну сотню книгъ. Кромѣ того, къ вашимъ услугамъ на полкахъ въ Reading Room богатѣйшая, хорошо подобранная библиотека. Эти книги вы берете къ себѣ на столъ, когда хотите, въ какомъ угодно количествѣ, безъ спроса библиотечкарей.

Для такого пользованія библиотекой, какъ я сейчасъ это нарицатель, не нужно никакихъ протекцій или связей съ администраціей. Всякій иксъ, приходящій въ Британскій музей въ первый разъ, можетъ воспользоваться всѣми указанными удобствами.

Посѣтители библиотеки пользуются ею не по снисхожденію администраціи, и даже не потому, что въ данное время удачно подобранъ составъ библиотечкарей, а въ силу строго выработанныхъ, практичныхъ, дѣлесообразныхъ правилъ и прочно установленнаго обычая. Читатели на столько независимы отъ библиотечной администраціи, что имъ самимъ лично никогда даже и не приходится обращаться къ администраціи. Многимъ изъ долго занимавшихся въ Британскомъ музеѣ не мѣшало, на примѣръ, полное незнаніе англійскаго языка. Обращающіеся же къ администраціи всегда встрѣчаютъ любезное къ себѣ отношеніе и очень цѣнныя указанія не только по вопросамъ, относящимся собственно къ библиотекѣ, но и по научнымъ вопросамъ. Администрація имѣетъ въ своей средѣ много ученыхъ и людей, хорошо знакомыхъ со всѣми главными европейскими языками, въ томъ числѣ, съ русскимъ, польскимъ и т. д.

Указанныя мною правила или обычаи пользованія читателями библиотекой позволяютъ въ залѣ Британскаго музея выполнять очень сложныя работы (даже по русскимъ вопросамъ), требующія сотенъ ежедневныхъ мелкихъ справокъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ Британскомъ музеѣ работается какъ бы у себя дома, въ своей собственной библиотекѣ.

Мнѣ кажется, вотъ это дѣйствительно крупное достоинство Британскаго музея, которымъ не можетъ похвалиться ни одна изъ другихъ большихъ библиотекъ. Въ Парижской Національной библиотекѣ пять-шесть книгъ для читателя, особенно, если это какойнибудь обыкновенный смертный иксъ, а не извѣстный тузъ,—являются предѣломъ, который трудно переступить, не выводя изъ себя библиотечкарей. У нихъ не только появляются сейчасъ же *mouvaise humeur*, но они всячески постараются показать читателю

свое крайнее неудовольствіе противъ него, чтобы и впредь не было ему повадно утруждать библіотекарей выпиской «лишнихъ» книгъ и отрывать ихъ отъ весьма важныхъ размышленій о буланжизмѣ.

Въ самой «Reading Room» въ открытыхъ шкапахъ разложено до 20 тысячъ томовъ наиболѣе нужныхъ для занятій книгъ. Въ числѣ этихъ книгъ можно найти энциклопедіи Ляруса, Мейера, Британскую энциклопедію и десятки другихъ подобныхъ изданій на разныхъ языкахъ, біографическіе словари Ли (Лес), Ваперо и пр., громадное количество бібліографическихъ изданій: Пула (Poole), Флетчера, Брюне, Керара, Лорана, Валле, Петцольда, Сонненшейна (Sonnenschein), Межова, Корфа, Сопикова; всѣ изданія Британскаго музея, каталогъ по французской исторіи, изданный Парижской библіотекой; цѣлая сотня указателей къ журналамъ, газетамъ, по отдѣльнымъ вопросамъ. Очень важнымъ представляется для читателей то, что въ «Reading Room» же выставлены громадныя коллекціи десятковъ журналовъ за десятки лѣтъ; вотъ небольшой списокъ этихъ журналовъ: «The Atheneum» (1838—1894), «The Nation» (1865—1894), «The Saturday Review» (1856—1894), «The Academy» (1869—1894), «Fortnightly Review» (1875—1894), «Contemporary Review» (1866—1894), «Nineteenth Century» (1877—1894), «Edinburgh Review» (1802—1894), «Gentlemen's Magazine», «Blookwood's Magazine» (1817—1894), «Notes and Queries» (1849—1894), «The Lancet» (1870—1894), «Revue des Deux Mondes» (1874—1894), «The Spectator» (1830—1894), «Quarterly Review» (1809—1894), «The European Magazine» (1782—1826) и очень много другихъ журналовъ. Здѣсь же найдете научные труды всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ научныхъ обществъ, начиная съ академіи наукъ (французской и англійской) и продолжая трудами историческихъ, географическихъ, химическихъ и т. п. обществъ; отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ (1803—1894), «Синія» книги за 1872—1891 гг. (онѣ находятся въ «News paper Room»). 5—6 шкафовъ занимаютъ библии, евангелія и другія книги по религіознымъ вопросамъ. Столько же мѣста занимаютъ древніе классическіе писатели и полныя собранія сочиненій наиболѣе выдающихся новѣйшихъ писателей.

Я не хочу удлиннять списка книгъ, которыя выставлены для пользованія читателей въ «Reading Room», но и сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы оцѣнить умѣлую организацію этого отдѣла. Надъ выборомъ книгъ для читальной залы администрація Британскаго музея, говорятъ, работала долго, и до сихъ поръ въ составѣ выставленныхъ книгъ она дѣлаетъ постоянно разнаго рода измѣненія, прислушиваясь къ голосу читателей.

Для того, чтобы еще яснѣе было значеніе для работающихъ въ Британскомъ музеѣ выставленныхъ въ «Reading Room» книгъ, — приведу еще одинъ фактъ.

Британскій музей издалъ отдѣльной книжкой (103 стр., третье изданіе въ 1889 г.) списокъ выставленныхъ въ «Reading Room» книгъ по библиографіи «Liste of bibliographical Works in the Reading Room of British Museum». Во французской «La Grande Encyclopedie» объ этой книжкѣ данъ отзывъ, какъ о лучшей, наиболѣе практичной и (послѣ капитальныхъ трудовъ по этому вопросу Валле и Петцольда) наиболѣе полной библиографіи. Отъ многихъ, работающихъ въ Британскомъ музеѣ по серьезнымъ, специальнымъ вопросамъ, приходится слышать, что они не встрѣчаютъ необходимости выписывать книги изъ отдѣленій и ограничиваются почти исключительно тѣми, что выставлены въ залѣ. Кто послѣ соблюденія несложныхъ, какъ я уже говорилъ, формальностей получилъ билетъ на входъ въ библиотеку, тотъ можетъ разсматривать всѣ 20.000 томовъ въ «Reading Room», какъ свою собственную библиотеку, помѣщенную въ особомъ, очень удобномъ зданіи. Онъ, когда угодно ему, является въ Британскій музей безъ всякихъ формальностей, беретъ какія угодно книги съ полокъ, какъ бы это онъ дѣлалъ на своей квартирѣ, потомъ уходитъ, будучи твердо убѣжденъ, что когда встрѣтится ему необходимость, никто и ничто не помѣшаетъ ему имѣть тѣ же книги.

Контроля надъ пользованіемъ читателями книгами, выставленными въ Reading Room, повидимому, нѣтъ никакого. Тѣмъ не менѣе пропажъ книгъ изъ залы никогда не бываетъ. Это, навѣрно, многихъ изумитъ: такъ уже привыкли къ тому, что обыкновенно крадутъ, что плохо лежитъ. Въ Парижѣ, на примѣръ, при входѣ въ читальную залу посѣтителі библиотеки получаютъ бланкъ, на которомъ потомъ вписываются получаемыя имъ книги. Пока читатель не сдалъ книгъ и не получилъ удостовѣренія, что книги дѣйствительно сданы, до тѣхъ поръ его не выпустятъ изъ залы ни на полъ-минуты. Если вамъ нужно бываетъ выйти изъ читальной пять-шесть разъ въ одинъ день, вы всякій разъ должны сдавать книги.

Мало того. Если вы приносите съ собою книги, тетради, бумагу, а особенно, если это лежитъ въ портфелѣ, то, во-первыхъ, не всегда вамъ позволяютъ все это взять съ собою, а, во-вторыхъ, если вамъ и разрѣшатъ внести нужныя для васъ вещи, вы не сможете ихъ вынести изъ залы иначе, какъ послѣ осмотра библиотечаря, когда тотъ убѣдится, что вы между своими вещами не уносите библиотечныхъ книгъ. Идиллія! Мнѣ приходилось видѣть почтеннѣйшихъ старцевъ, извѣстныхъ ученыхъ, когда они выворачивали свои портфели для доказательства, что тамъ нѣтъ ничего краденаго изъ библиотеки. Тяжело бывало видѣть эти обыски или даже снисходительное довѣріе къ инымъ читателямъ, которыхъ избавляли отъ осмотра, довольствуясь тѣмъ, что они находятся подъ спасительнымъ страхомъ быть обысканными по всѣмъ правиламъ

этого искусства. Воспоминанія о видѣнныхъ мною ежедневно сотняхъ обысковъ въ Парижской Національной библіотекѣ до сихъ поръ давятъ меня, и дѣлается жутко, стыдно, неловко, когда эти картинки возобновляются въ памяти. Не окрашиваютъ въ иную краску этихъ обысковъ и не ослабляютъ ихъ значенія просьбы администраціи на библіотечныхъ тикетахъ: не обижаться этимъ осмотровъ, такъ какъ онъ одинаково прилагается ко всѣмъ... Удивительнѣе всего, что публика сжилась, повидимому, съ этими ежедневными обысками. Въ Парижской библіотекѣ между столами расхаживаютъ для надзора за читателями скучающія, позѣвывающія фигуры библіотечныхъ служителей, одѣтыхъ въ форму полицейскихъ гардіеновъ, въ треуголкахъ. Эти блюстители порядка нисколько не маскируютъ своей миссіи, и потому читатели не могутъ не чувствовать себя подъ вѣчнымъ надзоромъ и подъ подозрѣніемъ въ возможности съ ихъ стороны воровства.

Ничего подобнаго, конечно, вы не встрѣтите въ Британскомъ музеѣ. Для англичанъ, навѣрное, были бы невыносимы такіе «порядки».

Въ Британскій музей вы приносите книги, вещи, какія вамъ угодно, въ портфеляхъ и даже въ сакъ-вояжахъ. Можете принести съ собой хоть цѣлые десятки своихъ книгъ. При входѣ никакого бланка вамъ не выдаютъ. Ни при входѣ, ни при выходѣ вамъ не приходится выворачивать своихъ кармановъ и предьявлять своихъ вещей для осмотра. Во время вашихъ занятій вы можете выйти двадцать разъ изъ библіотеки; въ это время можете уѣхать изъ Лондона, побывать въ какомъ нибудь Оксфордѣ, никто васъ объ этомъ не спроситъ ни одного слова, никто не займетъ вашего мѣста и не тронетъ ни вашихъ, ни библіотечныхъ книгъ. Необходимо только одно, чтобы къ закрытію библіотеки¹⁾ всѣ книги были сданы.

При такихъ порядкахъ, повидимому, ежедневно должны цѣлые транспорты книгъ уноситься любителями этого занятія въ ихъ портфеляхъ и сакъ-вояжахъ. Однако, никакихъ такихъ похищеній въ Британскомъ музеѣ не бываетъ. Разнаго рода мѣропріятія, установленныя для надзора за библіотекой, вполне гарантируютъ цѣлость книгъ и въ то же время не только не стѣснительны для публики, но она даже не замѣчаетъ ихъ.

Былъ разъ такой случай. Замѣтили, что изъ одной книги вырвано до 50 страницъ. Листы вырывались, очевидно, второпяхъ, вся книга была сильно повреждена, около корешка оставались лоскутки вырванныхъ страницъ. Извѣстіе объ изуродованіи книги взволновало всю библіотеку. Кончилось дѣло весьма оригинально.

---

¹⁾ Въ Британскомъ музеѣ читальная зала открыта отъ 9 ч. утра до 7 или 8 ч. вечера, въ Парижѣ — отъ 9 ч. утра до 4 или 6 ч. вечера, въ Петербургѣ — отъ 9 ч. утра до 9 ч. вечера.

Администрація Британскаго музея на самомъ видномъ мѣстѣ въ Reading Room вывѣсила эту книгу, раскрытую на вырванныхъ страницахъ, и надъ книгой было надписано большими буквами: «пусть будетъ стыдно тому, кто учинилъ это воровство».

Одно изъ главныхъ достоинствъ Британскаго музея, безспорно, — его каталоги. Объ этихъ каталогахъ говорится вскользь во всѣхъ русскихъ описаніяхъ Британскаго музея. Но послѣ поясненія послѣдней замѣтки о каталогахъ Британскаго музея (въ 1881 г. въ «Порядкѣ» и въ «Историческомъ Вѣстникѣ») въ немъ по части каталогизаціи сдѣлано очень много интереснаго, о чемъ въ русской литературѣ еще не упоминалось, да каталогизація Британскаго музея, вообще говоря, столь замѣчательное явленіе въ библиотечномъ мірѣ, что я не ограничусь однимъ упоминаніемъ о каталогахъ Британскаго музея и нѣсколько подробнѣе остановлюсь на нихъ.

Я, впрочемъ, не забываю и въ данномъ случаѣ нѣсколько курьезнаго положенія, въ которое невольно попадаешь, когда приходится усиленно хвалить библиотеку Британскаго музея за то, что она имѣетъ каталогъ и даетъ имъ пользоваться читателямъ. Но что же дѣлать?!.. Потомъ, когда литературѣ, народному образованію, университетамъ, библиотекамъ будутъ придавать серьезное государственное значеніе, будутъ съ любовью заботиться объ нихъ, какъ теперь заботятся о броненосцахъ и круповскихъ пушкахъ, тогда немислимымъ будетъ, чтобы даже національныя библиотеки въ такихъ государствахъ, какъ Франція, Россія, не имѣли своихъ каталоговъ. Но такъ будетъ потомъ, а теперь, когда библиотеки едва терпимы и на нихъ удѣляютъ лишь крохи со стола пирующихъ (это отчасти можно сказать даже объ отношеніи англичанъ къ ихъ національной библиотекѣ), надо признать, что одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ Британскаго музея (его каталоги) явленіе очень рѣдкое въ современномъ библиотечномъ мірѣ и заслуживаетъ самыхъ искреннихъ нашихъ похвалъ.

Каталогъ Британскаго музея состоитъ изъ 2.000 томовъ¹⁾ in folio, по 200—400 страницъ каждый. Онъ выставленъ въ Reading Room и находится въ полномъ распоряженіи читателей. Въ него занесены названія всѣхъ, до единой, книгъ, которыя только существуютъ въ Британскомъ музеѣ, кромѣ вновь поступившихъ въ библиотеку и еще не занесенныхъ въ каталогъ.

Научиться легко ориентироваться въ каталогахъ можно очень скоро, и такимъ образомъ каждый читатель съ перваго же дня работы въ Британскомъ музеѣ можетъ самъ, безъ чужой помощи, узнавать, какія изъ интересующихъ его книгъ есть въ библиотекѣ и

¹⁾ Количество томовъ каталога, впрочемъ, въ 3—4 уменьшается по мѣрѣ того, какъ изъ писанныхъ они превращаются въ печатныя.

какихъ нѣтъ. Не нужно тратить времени на разспросы библиотечкарей, на писаніе требованій на книги, которыхъ и не имѣется въ библиотекѣ. Разъ книга найдена въ каталогѣ, отговоркамъ библиотечкарей, что такой-то книги нѣтъ, здѣсь не можетъ быть мѣста, а нѣтъ книги въ каталогѣ, такъ ея значить и нѣтъ въ библиотекѣ.

Въ Парижской Національной библиотекѣ можно увѣренно требовать однѣ только тѣ книги, которыя изданы во Франціи. Есть ли въ библиотекѣ та или другая изъ иностранныхъ книгъ, этого никогда сказать нельзя. Даже категорическія заявленія библиотечкарей, что такой-то книги нѣтъ, еще не служатъ доказательствомъ, что ея дѣйствительно нѣтъ въ библиотекѣ. Читатели иногда получаютъ отвѣтъ на свои требованія, что просимой книги въ библиотекѣ не имѣется, между тѣмъ какъ раньше имъ уже выдавали эту книгу. Говорю это и по своему и по чужому опыту.

Прежде въ Британскомъ музеѣ названіе каждой новой книги переписывалось въ 4—5 экземплярахъ, и эти карточки наклеивались въ каталогахъ. Нынѣшнему главному библиотечкарю, извѣстному англійскому ученому г-ну Гарнету, Британскій музей обязанъ очень полезнымъ нововведеніемъ. М-г Гарнетъ съ самаго вступленія въ должность главнаго библиотечкаря сталъ энергично хлопотать о томъ, чтобы было приступлено къ печатанію каталога. Нужны были средства. И въ нашъ вѣкъ, когда не задумываясь бросаютъ десятки милліоновъ рублей на броненосцы и пушки,—даже въ Англии долго не рѣшались удѣлить достаточно средствъ на печатаніе каталога ея національной библиотеки, являющейся гордостью Англии, да не одной только Англии, а всего цивилизованнаго міра. Нужно было долго агитировать, собирать для этой цѣли митинги, писать и въ газетахъ и въ журналахъ, хлопотать гдѣ слѣдуетъ. М-г Гарнетъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ очень много энергіи.

Долго чесали англичане у себя въ затылкѣ, пока г. Гарнету удалось ихъ убѣдить, наконецъ, что приняться за печатаніе каталога тѣмъ не менѣе слѣдуетъ во что бы то ни стало. На напечатаніе каталога потребовалось въ годъ до 30.000 рублей. Работы начались въ 1881 году, и въ настоящее время каталогъ почти конченъ печатаніемъ, его послѣдній выпускъ выйдетъ въ 1896 году. Заглавія всѣхъ новыхъ книгъ вносятся на поляхъ уже раньше напечатанныхъ томовъ каталога. Такимъ же образомъ будутъ поступать и впредь, и Британскій музей поэтому всегда будетъ имѣть печатный каталогъ, гдѣ читатели найдутъ полный перечень всѣхъ книгъ, имѣющихся въ библиотекѣ.

Британскій музей первый изъ большихъ національныхъ библиотекъ обзавелся каталогомъ, да при этомъ еще печатнымъ каталогомъ, и напелъ возможнымъ дать этотъ каталогъ въ руки самихъ читателей.

Повидимому, Британскому музею долго суждено еще быть въ

этомъ отношеніи единственнымъ въ своемъ родѣ. Покойный Межовъ въ предисловіи къ первому тому своего послѣдняго капитальнаго труда упоминаетъ даже о какихъ-то монстрахъ, которые отрицаютъ необходимость каталога для Петербургской бібліотеки... Надо пожелать, чтобы и въ средѣ людей, дорожащихъ развитіемъ нашей Петербургской бібліотеки, поскорѣе нашлись, наконецъ, свои Гарнетты, и чтобы ихъ энергичная хлопота не оставались безплодными.

Парижская Національная бібліотека потратила громадныя средства на составленіе и печатаніе каталоговъ, однако общебібліотечнаго каталога все-таки не имѣетъ. Правда, по нѣкоторымъ отдѣламъ у нея есть изданія чрезвычайной важности.

Названія книгъ въ каталогѣ Британскаго музея расположены въ строго-алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ авторовъ или ихъ псевдонимовъ, а когда книги изданы анонимно, то въ каталогѣ онѣ записались по первому существительному въ ихъ заглавіи. Такимъ образомъ, достаточно знать фамилію автора (и его имя въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ этой фамиліей работало много писателей) или точное заглавіе анонимной книги, и каждый читатель, не обращаясь къ бібліотекарямъ, самъ можетъ навѣрняка сказать, есть ли нѣтъ въ бібліотекѣ нужная для него книга.

Періодическимъ изданіямъ удѣлено особыхъ восемь каталоговъ. Всѣ періодическія изданія расположены прежде всего по городамъ, въ которыхъ они издавались, а потомъ подъ каждымъ городомъ эти изданія идутъ въ строго-алфавитномъ порядкѣ. На тотъ же случай, когда читатель не знаетъ мѣстности, гдѣ печаталось изданіе, есть алфавитный указатель всѣхъ періодическихъ изданій по ихъ названіямъ безъ дѣленія ихъ по городамъ, гдѣ они издавались. Такого рода каталоги для періодическихъ изданій крайне облегчаютъ пользованіе ими, но нельзя не пожалѣть, что періодическія изданія не расположены еще въ систематическомъ порядкѣ. Кому не понятно, что пользованіе періодическими изданіями въ бібліотекахъ, въ которыхъ нѣтъ каталога, очень затруднительно! Въ Парижской Національной бібліотекѣ я попросилъ сообщить мнѣ, какія имѣются у нихъ русскія газеты за старые годы. «Напишите на билетикѣ, какую вамъ надо газету»,—отвѣтили мнѣ. Я написалъ до десяти билетиковъ съ требованіемъ различныхъ газетъ, но на всѣ свои просьбы получалъ неизмѣнный отвѣтъ: «такого изданія въ бібліотекѣ не имѣется». Я убилъ безплодно на эту переписку съ бібліотекарями массу времени, но и сейчасъ далеко не увѣренъ, что въ Національной бібліотекѣ дѣйствительно нѣтъ тѣхъ газетъ, которыхъ я требовалъ. Благодаря отсутствію каталога, я былъ поставленъ въ беспомощное положеніе, и, быть можетъ, *mauvaise humeur* бібліотекарей, или просто-на-просто ихъ лѣнь, лишила меня возможности имѣть нужныя газеты.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ Британскомъ музеѣ. Ка-

ждый читатель безъ посторонней помощи самъ въ какія нибудь двѣ, три минуты не только можетъ узнать, есть ли, или нѣтъ то или иное періодическое изданіе, но ему самому не трудно отвѣтить на вопросъ, какіе вообще газеты и журналы, издававшіеся въ извѣстной мѣстности, имѣются въ музеѣ. Это обстоятельство очень важно. Просмотрѣвъ названія изданій нѣсколькихъ наиболѣе интересныхъ для даннаго вопроса городовъ, читатель имѣетъ возможность дѣлать выборъ. Вообще, благодаря существующимъ въ библиотекѣ каталогамъ, работающіе въ Британскомъ музеѣ могутъ легко сразу охватывать указанія на громадную массу источниковъ для своихъ работъ и такимъ образомъ дѣлать выборъ въ книгахъ такой, о какомъ нигдѣ, ни въ одной библиотекѣ нельзя и мечтать.

На подобныхъ же принципахъ, какъ каталоги періодическихъ изданій, основаны каталоги, посвященные исключительно научнымъ обществамъ и общественнымъ учрежденіямъ («Academies»). Если надо узнать, имѣется ли въ Британскомъ музеѣ «Слово» или «Извѣстія Казанскаго университета», для этого надо въ первомъ случаѣ раскрыть каталогъ періодическихъ изданій на слово «Петербургъ», во второмъ каталогъ «Academies» на слово «Казань», и мы узнаемъ не только, есть ли эти два изданія, но какія вообще петербургскія періодическія изданія имѣются въ Британскомъ музеѣ, сколько ихъ тамъ (кстати сказать, ихъ 125), и какія тамъ можно найти изданія научныхъ обществъ въ Казани.

Каждой странѣ посвящены особые каталоги: для Россіи есть 3 каталога, для Англіи — 23, для Франціи — 17, для Польши — 1 и т. д.

Въ каталогѣ «Russie» собрана большая часть анонимныхъ русскихъ книгъ, имѣющихся въ библиотекѣ, и всѣ вообще изданія, въ заглавіи которыхъ такъ или иначе упоминается «Россія». Конечно, такое составленіе систематическихъ каталоговъ на основаніи однихъ заглавій книгъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Составленіе подобныхъ каталоговъ не требуетъ для себя людей, хорошо знакомыхъ съ литературой, а можетъ быть дѣломъ простыхъ каталогистовъ.

Поэтому систематическіе каталоги по странамъ въ Британскомъ музеѣ очень далеки отъ идеала, но мы на каталоги Британскаго музея и вообще на его организацію не думаемъ смотрѣть, какъ на послѣднее слово библиотечнаго дѣла. О, нѣтъ! можно и должно шагнуть далеко дальше, пора, давно пора. Но,—надо это признать, — то, что даетъ въ настоящее время Британскій музей, далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ представляютъ собою остальные большія библиотеки.

Подъ именемъ каждого писателя въ каталогѣ помѣщены всѣ его сочиненія, гдѣ бы, когда бы, на какихъ бы языкахъ они ни были изданы, и указаны тѣ періодическія изданія, съ которыми

этотъ писатель былъ связанъ официально въ качествѣ редактора или издателя. Кромѣ того, каталоги Британскаго музея даютъ при каждомъ писателѣ указанія на всѣ имѣющіяся въ библиотекѣ библиографическія и критическія сочиненія, въ заголовкахъ и подзаголовкахъ которыхъ выставлено имя этого писателя. Далѣе этого библиографическія указанія библиотечнаго каталога не идутъ, но указанія и этого рода представляютъ, скажу по опыту, очень цѣнное пособіе при работахъ. Подъ именемъ, напримѣръ, Льва Толстаго, занимающемъ до 25 стр. in-folio, можно найти: 1) всѣ его сочиненія на различныхъ языкахъ, 2) ссылку на журналъ «Ясная Поляна», 3) заглавія сотни полторы именъ тѣхъ изъ писавшихъ о Толстомъ, кто только въ заглавіи своихъ изданій выставялъ его фамилію.

Если Петербургская библіотека имѣетъ каталогъ Британскаго музея, работающіе въ ней найдутъ для себя по русскимъ вопросамъ много очень цѣнныхъ библиографическихъ указаній въ этомъ каталогѣ, какихъ имъ не найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Рядъ особенностей каталога Британскаго музея, подобныхъ только что указанной, отчасти замѣняетъ отсутствіе систематическаго каталога для всей библіотеки.

Отмѣчу еще одно очень полезное нововведеніе въ Британскомъ музеѣ по части каталоговъ. Названія всѣхъ вновь поступающихъ книгъ въ Британскій музей теперь не пишутся для каталоговъ, а печатаются. Когда названій новыхъ книгъ набирается на одинъ, на два листа, ихъ располагаютъ въ алфавитномъ порядкѣ и отпечатываютъ на отдѣльныхъ листахъ съ одной стороны. Необходимое количество этихъ листовъ разрѣзывается, и названія книгъ наклеиваются въ надлежащихъ мѣстахъ уже имѣющихся каталоговъ. Такимъ образомъ въ Британскомъ музеѣ нѣтъ «устарѣвшихъ» каталоговъ; въ уже отпечатанныхъ томахъ каталога можно найти на ихъ поляхъ печатныя заглавія всѣхъ вновь поступившихъ книгъ. Листы съ заглавіями новыхъ книгъ тотчасъ же появляются на пюпитрахъ «Reading Room», а также поступаютъ и въ продажу. Благодаря этому изданію, читатели Британскаго музея всегда могутъ быть au courant развитія библіотеки и наводить точныя справки, какого рода сочиненія вновь поступили въ библіотеку за извѣстный періодъ времени.

Серьезный недостатокъ ощущался въ Британскомъ музеѣ въ систематическомъ каталогѣ. Теперь приняты мѣры къ устраненію этого неудобства. Пока, правда, систематическій каталогъ составленъ далеко не для всѣхъ книгъ, а именно только для тѣхъ, которыя поступили въ библіотеку въ послѣдніе годы. Эти каталоги имѣютъ особый интересъ именно въ виду того, что относятся къ новѣйшимъ изданіямъ. Въ настоящее время появились уже два тома этого систематическаго каталога: за 1880—1885 гг. (1.044 стр.)

и за 1885—1890 гг. (700 стр.). Въ этомъ каталогѣ почему-то совершенно опущены русскія изданія. Всѣ книги разбиты на массу рубрикъ по очень недурно составленной системѣ, напоминающей французскій каталогъ Лорана.

Всѣ изданія Британскаго музея, начиная съ общебибліотечнаго каталога, находятся въ продажѣ по очень невысокимъ цѣнамъ.

Нечего особенно распространяться, что всѣ упомянутые мною каталоги Британскаго музея представляютъ огромный научный интересъ, особенно по вопросамъ англійской литературы, но и для всѣхъ другихъ литературъ имѣютъ очень важное значеніе, такъ что пріобрѣтеніе этихъ каталоговъ желательно для всѣхъ библиотекъ.

Нѣкоторые отдѣлы русской литературы, напримѣръ, все, что было издано за границей, до сихъ поръ совершенно нигдѣ не зарегистрировано. Какъ на единственную попытку въ этомъ отношеніи, можно указать именно на каталогъ Британскаго музея. Не смотря на весьма многочисленныя, въ большей части случаевъ легко исправимыя, ошибки и корректурныя оплошности каталога въ описаніи русскихъ книгъ, — русскіе писатели могутъ обращаться къ нему съ большою пользою для себя.

«Large Room» существуетъ въ Британскомъ музеѣ для чтенія такихъ дорогихъ книгъ, которыя не рѣшаются выдавать въ общую залу.

«News paper Room» существуетъ главнымъ образомъ для чтенія старыхъ англійскихъ газетъ. Новыхъ газетъ тамъ получать нельзя, какъ нельзя въ Британскомъ музеѣ имѣть и новыхъ журналовъ и книгъ. Читатели получаютъ тамъ всѣ новыя изданія всегда съ «опозданіемъ» на нѣсколько мѣсяцевъ. Подобное неудобство отчасти устранено въ Парижской библіотекѣ.

Я не буду останавливаться ни на дальнѣйшемъ описаніи Британскаго музея, ни на оцѣнкѣ его порядковъ. Мнѣ хотѣлось дать только общее понятіе объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи и хотъ отчасти объяснить общіе восторги при воспоминаніяхъ о Британскомъ музеѣ всѣхъ тѣхъ, кому только удавалось въ немъ работать.

Но что плохо поставлено въ Британскомъ музеѣ, такъ это выписываніе новыхъ изданій, ихъ выборъ. Всѣ главныя европейскія государства въ настоящее время получили такое развитіе, что выписывать даже одни въ какомъ либо отношеніи выдающіяся сочиненія всѣхъ литературъ не подъ силу ни одной изъ библиотекъ. Слѣдовательно, приходится дѣлать выборъ. Эта задача, безспорно, очень трудная, ея выполненіе требуетъ особливой къ себѣ внимательности и заботы, но задача не безнадежная въ смыслѣ удачнаго ея выполненія. Если пробѣлы въ Британскомъ музеѣ иногда и очень серьезные по русской, польской, болгарской и т. п. лите-

ратурамъ можно еще объяснить трудностью для главныхъ членовъ библиотечной администраціи слѣдить самимъ за этими отдѣлами, то этимъ уже нельзя объяснить подобныхъ же пробѣловъ въ литературахъ: французской, нѣмецкой и пр. Отчасти эти недостатки объясняются, конечно, сравнительно ограниченными средствами Британскаго музея для выписыванія новыхъ изданій, но частью отвѣтственность за нихъ должна падать и на организацію выписыванія новыхъ книгъ и журналовъ, оставляющую желать нѣкоторыхъ улучшеній.

Исправлять ошибки при выписываніи новыхъ книгъ помогаетъ внимательное отношеніе администраціи къ голосу публики. Въ Reading Room, по очень хорошему заведенному правилу, всегда выставлена бываетъ на видномъ мѣстѣ книга (*Libri desiderati*), куда читатели вносятъ названія тѣхъ сочиненій, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ приобрести. Этимъ путемъ Британскій музей получаетъ иногда очень цѣнные указанія на сдѣланные имъ пропуски при выписываніи книгъ. На сколько внимательно относятся въ Британскомъ музеѣ къ заявленіямъ читателей о покупкѣ новыхъ книгъ, видно изъ того, что неудовлетворенными требованія остаются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и то, по всей вѣроятности, всегда по весьма уважительнымъ причинамъ. Еще недавно въ Британскомъ музеѣ не было ни одной книжки «Русской Мысли», «Сѣвернаго Вѣстника» и многихъ другихъ русскихъ изданій, но по просьбѣ, вписанной однимъ изъ читателей въ *Libri desiderati*, эти журналы были куплены за всѣ годы ихъ изданія.

Вообще администрація Британскаго музея не чуждается совѣтовъ публики, и отъ этого она сама выигрываетъ больше, чѣмъ публика.

Администрація Британскаго музея ежегодно представляетъ отчетъ о библиотекѣ парламентскимъ комиссіямъ. Я приведу нѣсколько данныхъ изъ отчета за 1893 годъ въ параллель съ цифрами о нашей Петербургской публичной библиотекѣ.

Прежде всего при сравненіи отчета Британскаго музея съ отчетомъ Петербургской библиотеки бросается въ глаза слѣдующая разница. Въ августѣ 1894 года отчетъ библиотеки Британскаго музея имѣется за 1893 годъ, тогда какъ отчетъ Петербургской библиотеки всего за 1890 годъ: у насъ отчеты издаются больше для потомства, а въ Англии для нуждъ текущей общественной жизни.

Впрочемъ, отчеты Британскаго музея далеко уступаютъ отчетамъ Петербургской библиотеки и по полнотѣ, и по детальностямъ свѣдѣній о библиотекѣ, и по ихъ обработкѣ. Каждый выпускъ петербургскаго отчета за послѣдніе годы представляетъ не только богатый сводъ матеріаловъ по библиотекѣ, но за этимъ изданіемъ нельзя не признать въ то же время и крупнаго научнаго интереса, хотя, надо замѣтить, многое въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ, и

при томъ часто наиболѣе важное, не имѣетъ прямого отношенія къ отчету о библиотекѣ.

Ежегодныя свѣдѣнія о лондонской библиотекѣ печатаются обыкновенно въ общемъ отчетѣ парламенту о Британскомъ музеѣ и его разныхъ отдѣленіяхъ (ботаническомъ, зоологическомъ и тому подобн.) и занимаютъ всего какихъ нибудь 10—15 страницъ. Въ немъ нѣтъ и десятой доли тѣхъ свѣдѣній, какія даетъ петербургскій отчетъ, и ни въ какихъ другихъ изданіяхъ самъ Британскій музей о себѣ не даетъ никакихъ болѣе полныхъ данныхъ. Правда, въ то время какъ о нашей Петербургской библиотекѣ въ литературѣ нельзя встрѣтить ничего, кромѣ краткихъ рецензій на ея «Отчеты», въ англійской прессѣ о Британскомъ музеѣ можно встрѣтить постоянно статьи въ лучшихъ журналахъ, принадлежащихъ перу извѣстныхъ писателей.

Цифры, которыя я приведу далѣе о Британскомъ музеѣ и о Петербургской библиотекѣ, относятся не къ одному и тому же году, но большихъ измѣненій въ судьбѣ обѣихъ библиотекъ не произошло за это время, а потому ихъ одновременность, къ тому же незначительная, для сравненія двухъ знаменитыхъ національныхъ учрежденій—Англии и Россіи, не имѣетъ никакого значенія.

Посѣтителей въ библиотекѣ Британскаго музея было (1893 г.) 194.104 человекъ.
(Цифра эта должна быть нѣсколько увеличена,—сюда, на примѣръ, не вошли 14.747 чел., работавшихъ въ News paper Room).

« « Петербургской библиотекѣ было (1890 г.) 107.971 чел.

Книгъ выдано читателямъ за 1893 г. въ Британскомъ музеѣ 1.402.814, т. е. по 7 на человека.

(Здѣсь не включены книги, которыя читатели могли брать сами изъ библиотеки въ Reading Room, гдѣ помѣщено до 20 тысячъ томовъ наиболѣе употребительныхъ книгъ. Если бы принять во вниманіе и эти книги, то показанную выше цифру слѣдовало бы увеличить нѣсколько разъ).

« « « за 1890 г. въ Петербургской библиотекѣ 237.058.
Поступило новыхъ книгъ въ Британскій музей 98.429.

« « « « Петербургскую библиотечку 29.484 (въ 33.320 том.).
Изъ числа этихъ книгъ было пожертвовано въ Британскій музей 13.588 книгъ и 1.378 названій журналовъ, итого 14.966.

« « « « « пожертвовано въ Петербургскую библиотечку 7.526 (въ 8.324 т.).

Поступило по закону о печати (Copyright Act) въ Британскій музей 12.795 книгъ и 34.507 журналовъ, итого 37.302.

« « « « « въ Петербургскую библиотечку 18.271 (въ 19.491 т.),
Приобрѣтено покупкой въ Британскомъ музеѣ 19.088 книгъ и 27.073 журналовъ, итого 46.161.

« « « « Петербургской библиотекѣ 3.058 (въ 4.572 томахъ).

Англійскихъ періодическихъ изданій поступило въ Британскій музей въ 1893 г.—2.541 въ 174.310 экз. Изъ этого числа 695 из-

даній, печатавшихся въ Лондонѣ, 1474—въ другихъ мѣстахъ Англіи, 223—въ Шотландіи, 159—въ Ирландіи.

На покупку новыхъ книгъ въ Британскомъ музеѣ было въ 1893 г. затрачено свыше 100.000 рублей. Это обычная сумма, которая назначается ежегодно, но, кромѣ нея нѣкоторыя отдѣльныя покупки производятся на спеціальныя средства, испрашиваемыя администраціей Британскаго музея всякій разъ особо.

На покупку новыхъ книгъ въ Петербургской библиотекѣ въ 1890 году израсходовано 20.914 рублей.

Какъ велики средства, затраченныя Британскимъ музеемъ на печатаніе своихъ изданій, видно изъ слѣдующихъ цифръ. На печатаніе библиотечнаго каталога ежегодно выдается 30.000 рублей. Громадныхъ средствъ стоитъ, конечно, печатаніе спеціальныхъ каталоговъ, которые печатаются при Британскомъ музеѣ не меньше, чѣмъ при Національной библиотекѣ.

Въ Парижской Національной библиотекѣ не существуетъ общебиблиотечнаго каталога, но постоянно печатается не мало каталоговъ по частнымъ вопросамъ. Спеціально на каталоги ежегодно отпускается до 30.000 рублей.

Въ Петербургской библиотекѣ на печатаніе отчетовъ и каталоговъ въ 1890 году было асигновано всего 700 рублей. Въ 1888 и 1889 гг. эта сумма была еще меньше, именно 300 рублей съ небольшимъ въ годъ.

На переплетъ книгъ было израсходовано въ Британскомъ музеѣ въ 1893 году 90.000 рублей.

На переплетъ книгъ въ Петербургской библиотекѣ въ 1890 году израсходовано 5.883 рубля.

На содержаніе администраціи въ Національной библиотекѣ (см. «Le grande Encyclopedie») расходуютъ ежегодно болѣе 160.000 рублей, на «materiel»—болѣе 100.000 рублей.

На содержаніе администраціи Петербургской библиотеки назначено было въ 1890 г. 41.000 рублей.

Общій итогъ всѣхъ доходовъ Петербургской библиотеки, включая сюда доходъ отъ распродажи дублетовъ¹⁾, словомъ, *summa summarum* всѣхъ доходовъ было въ этомъ году—89.366 рублей.

Ежегодный бюджетъ Британскаго музея свыше 1.700.000 рублей.

Немногія цифры, которыя я привелъ, лучше всякихъ разсужденій объясняютъ причины быстрого развитія Британскаго музея въ сравненіи съ другими библиотеками.

По возрасту Британскій музей не старъ. Онъ основанъ въ 1759 г., слѣдовательно почти сверстникъ нашей Петербургской

¹⁾ Такихъ доходовъ въ Британскомъ музеѣ нѣтъ: какъ на общее правило можно указать на то, что разъ поступившая туда книга ни подъ какимъ предлогомъ оттуда не уносится.

публичной библіотеки, но библіотекъ, что на берегахъ Темзы, жилось всегда легче, чѣмъ ея соперницѣ на берегахъ Невы.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пилигримство въ Британскій музей годъ отъ года принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Въ его читальныхъ залахъ всегда можно встрѣтить ученыхъ, пріѣхавшихъ туда работать съ разныхъ концовъ свѣта. Такимъ образомъ Британскій музей уже давно сталъ играть громадную роль не только въ одной англійской литературѣ, а такъ же и въ литературахъ другихъ странъ. Въ толпѣ ученыхъ, пріѣзжающихъ работать въ Британскій музей, не мало и русскихъ. Поговорите съ завѣдующимъ русскимъ отдѣломъ въ Британскомъ музеѣ, онъ свои рассказы постоянно пересыпаетъ именами: «Александръ Ивановичъ» (Герценъ), «Иванъ Ивановичъ» (Янжуль), «Максимъ Максимовичъ» (Ковалевскій), онъ помнитъ и Тургенева, Венгерова, Степняка и многихъ другихъ.

Еще въ 1855 году Британскій музей не насчитывалъ у себя посѣтителей болѣе 55.000 въ годъ, книгъ было не свыше 250.000 томовъ, и его бюджетъ былъ несравненно менѣе нынѣшняго.

Теперь въ Британскомъ музеѣ болѣе 2.000.000 томовъ, число читателей у него стало вчетверо больше.

Если детально прослѣдить исторію развитія Британскаго музея за послѣднія 40 лѣтъ, можно было бы доказать ясно, какъ дважды два четыре, что развитіе такихъ крупныхъ умственныхъ центровъ, какъ Британскій музей, по силамъ каждой странѣ, зависитъ не отъ степенія какихъ нибудь исключительно благоприятныхъ условий, не отъ обстоятельствъ, находящихся внѣ зависимости общества и государства, а исключительно отъ энергіи, съ какой принимаются за это дѣло. О своей національной библіотекѣ англичане заботились безъ всякаго сравненія болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ другой странѣ, но все-таки сдѣлали малую долю того, что должны были сдѣлать и что они могли бы сдѣлать, если бы тугое развитіе сознанія истинныхъ общественныхъ интересовъ до сихъ поръ не мѣшало вполне англичанамъ (а еще болѣе, чѣмъ англичанамъ, другимъ народамъ) вѣрно оцѣнить обязанности государства по отношенію къ библіотекамъ, школамъ, народному образованію, университетамъ и тому подобнымъ средствамъ народнаго развитія. Примѣръ развитія Британскаго музея показываетъ въ небольшомъ масштабѣ, какъ для cadaго государства будетъ легко въ короткое время превратить такія учрежденія, какъ библіотеки, въ огромную культурную силу, когда на нихъ будутъ смотрѣть также серьезно и также объ нихъ будутъ заботиться, какъ въ настоящее время заботятся о крупновскихъ пушкахъ.

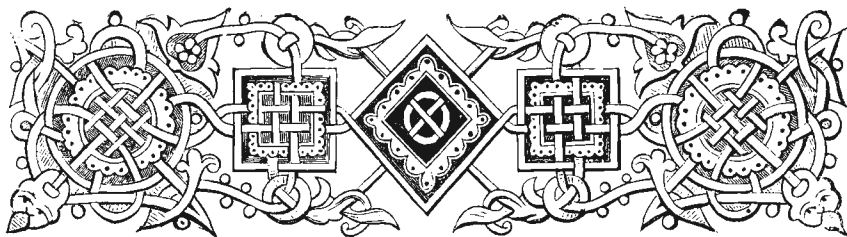
Лѣтъ 70—75 тому назадъ Британскій музей уступалъ очень многимъ европейскимъ библіотекамъ и былъ незначительно больше, чѣмъ наша Петербургская библіотека. Особое развитіе онъ полу-

чилъ во время завѣдыванія библиотекой Henry Ellis (до 1856 г.) и знаменитаго Antonio Panizzi (до 1866 г.). Panizzi посвятилъ библиотекѣ всю свою жизнь, его *idée fixe* было «*dépasser Paris*», то есть превзойти Парижскую Національную библиотеку, считавшуюся тогда первой въ мірѣ. Съ тридцатыхъ годовъ англійскій парламентъ и «*trustees*» (попечители Британскаго музея) заваливались администраціей Британскаго музея просьбами объ увеличеніи средствъ на музей, проектами систематическихъ покупокъ *en gros* недостающихъ книгъ и перестройки зданія. Каждый годъ въ парламентѣ поднимались вопросы о Британскомъ музеѣ, администрація библиотеки для подкрѣпленія своихъ требованій добивалась чаще, чѣмъ разъ въ десятилѣтіе, парламентскихъ «*enquêtes*». Иныя просьбы администраціи Британскаго музея исполнялись парламентомъ и совѣтомъ «*trustees*» скоро, назначались спеціальныя суммы, напримѣръ, на перестройку стараго зданія Британскаго музея въ пятидесятихъ годахъ было отпущено болѣе 1.700.000 рублей сверхъ смѣты, такіе же расходы сдѣланы на перенесеніе части музея въ South Kensington, на спеціальныя покупки цѣлыхъ библиотекъ, на печатаніе каталога и т. д., но на иныя просьбы получались часто отказы, мотивированные обыкновенно недостаткомъ средствъ. Такъ, напримѣръ, долго не соглашались предпринять печатаніе библиотечнаго каталога, но администрація въ такихъ случаяхъ цѣлыми десятилѣтіями не уставала отстаивать и въ прессѣ и на митингахъ то, что ей казалось вѣрнымъ и практичнымъ.

Петербургскую библиотеку, впрочемъ, нельзя упрекнуть, чтобы она не имѣла въ средѣ своей администраціи людей, въ родѣ тѣхъ, кому Британскій музей обязанъ своимъ быстрымъ развитіемъ, но наша библиотека не можетъ до сихъ поръ похвастаться тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ относятся въ Англии къ Британскому музею и общество и правительство...

Н. Викторъ.

НОВЫЯ РАСКОПКИ ВЪ ТРОѢ.

ВЪ КАЖДЫМЪ ударомъ лопаты Троянскій холмъ обнаруживаетъ все новыя чудеса! Извѣстный д-ръ Генрихъ Шлиманъ посвятилъ беззавѣтно археологическому изслѣдованію этой славной въ древніе вѣка мѣстности, не щадя изумительной энергіи и тщательнѣйшихъ трудовъ, какъ свое крупное состояніе, такъ и свои обширныя, глубокія свѣдѣнія и даже самую жизнь свою, въ концѣ-концовъ. Въ 1890 году онъ рѣшилъ предпринять въ Хиссарлыкѣ дополнительныя раскопки, съ цѣлью опровергнуть фактическими данными напрасно взводимыя на него упорнымъ противникомъ, капитаномъ Эрнстомъ Бѣттихеромъ, многочисленныя обвиненія въ научной недобросовѣстности, чуть ли не въ явномъ шарлатанствѣ до грубыхъ, яко бы, поддѣлокъ включительно. Честному и смѣлому изслѣдователю прошлаго, при его бурномъ, неутомномъ темпераментѣ, казалось слишкомъ обиднымъ откладывать, хотя бы даже изъ необходимости и не надолго, принципиальную борьбу, заключающуюся въ добытіи изъ нѣдръ земли еще цѣлаго ряда разнообразныхъ и вѣскихъ матеріаловъ въ нравственную самозащиту собственной, столь жестоко и безцеремонно попираемой ученой репутаціи. А, между тѣмъ, именно тогда, въ лютую зимнюю пору, Шлиманъ едва только успѣлъ благополучно завершить у одного изъ германскихъ специалистовъ весьма серьезное хирургическое лѣченіе своей старой и изрядно-запущенной ушной болѣзни. Вопреки просьбамъ друзей, сначала отдохнуть и оправиться и предостереженіямъ медиковъ

не рисковать долгимъ и утомительнымъ путешествіемъ, онъ поспѣшилъ сначала въ Парижъ, затѣмъ въ Италію, и уже собирался оттуда моремъ проѣхать въ Грецію, чтобы въ странѣ эллиновъ, сдѣлавшейся его второй родиной, немедленно заняться подготовкою къ осуществленію намѣченной дѣли. Но человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ: внезапно обострившійся въ Неаполь недугъ уложилъ Шлимана въ гробъ въ нѣсколько дней, къ великому огорченію родныхъ и друзей его и мало-мальски безпристрастныхъ и чуждыхъ профессиональной зависти археологовъ дѣлаго міра. Германскіе, французскіе, англійскіе и американскіе изслѣдователи древности, въ томъ числѣ и пользующійся громкою славой Вирховъ, съ сочувственнымъ единодушіемъ поспѣшили почтить память усопшаго собрата. Но въ задачу настоящей замѣтки моей, однако, не входитъ характеристика жизни и дѣятельности преждевременно погибшаго для науки, съ любовью и плодотворно работавшаго ученаго. Этимъ займутся спеціалисты въ крупныхъ, требующихъ громадной подготовки сочиненіяхъ, а не на пространствѣ десятка страницъ въ періодической печати.

Я хочу только посилено ознакомить русскую читающую публику съ обнародованными недавно результатами интересной дѣятельности непосредственныхъ продолжателей Генриха Шлимана. Передо мною лежитъ ихъ поучительный отчетъ: «Troja 1893. Bericht ueber die im Jahre 1893 in Troja veranstalten Ausgrabungen. Mit 2 Plänen und 83 Abbildungen. Leipzig, T. A. Brockhaus, 1894». Когда смерть оторвала знаменитаго реставратора Трои отъ предположенныхъ имъ Хиссарлыкскихъ раскопокъ, выполнение этого труда досталось въ наслѣдіе бывшему ближайшему сотруднику Шлимана, профессору Вильгельму Дёрфельду, теперешнему первому секретарю королевскаго археологическаго института въ Афинахъ. Благодаря матеріальной поддержкѣ вдовы покойнаго и прусскаго правительства, весною прошлаго года представилась возможность приступить къ намѣченнымъ работамъ. Во главѣ ихъ сталъ д-ръ Дёрфельдъ, пригласивъ себѣ въ подмогу также постоянныхъ товарищей Шлимана — Альфреда Брюкнера, Макса Вейцеля и Вильгельма Вильберга, въ качествѣ представителей археологіи, исторіи доисторическихъ временъ и архитектуры».

Раскопки не замедлили привести къ такимъ поразительнымъ открытіямъ и дали столько имѣющихъ громадное самостоятельное значеніе находокъ, что императоръ Вильгельмъ, въ виду просьбы Дёрфельда, нашелъ нужнымъ ассигновать на продолженіе и окончаніе этихъ изслѣдованій 30.000 марокъ изъ государственныхъ фондовъ. На данную субсидію почтенный трудъ германскихъ ученыхъ нынѣ завершёнъ. Впереди предстоитъ подробное ознакомленіе ученаго міра съ получившимися дѣйствительно блестящими результатами. А пока профессоръ Дёрфельдъ счелъ не лишнимъ

представить въ вышеупомянутомъ докладѣ для большинства заинтересованной всесвѣтной интеллигенціи краткое и наглядное изображение этихъ въ высшей степени удачныхъ раскопокъ. Завѣдывавшій работами, согласно ихъ положенію къ концу 1893 года, слѣдующимъ образомъ перенумеровалъ и описалъ различныя галереи, вырытыя въ Хиссарлыкскомъ холмѣ:

1) Изъ девяти лежащихъ одна надъ другою шихтъ, верхняя (IX-я) заключаетъ въ себѣ большія постройки изъ римской императорской эпохи (храмъ, алтарь, портикъ, театр, пропилеи и проч.). Многія мраморныя надписи свидѣтельствуютъ, что это акрополь римскаго города Иліона; римскіе императоры считали его своимъ родовымъ достояніемъ (Эней).

2) Ниже находятся двѣ шихты изъ греческой эпохи (VIII-я и VII-я) съ обыкновенными жилыми домами; это развалины небольшихъ поселеній, которыя, въ болѣе отдаленные и сравнительно новѣйшіе греческіе періоды, окружали храмъ илійской богини Аѳины.

3) Подъ этими жилыми домами обнаружались остатки большихъ зданій и великолѣпной крѣпостной стѣны (VI-я шихта), принадлежащія, если судить по сдѣланнымъ въ нихъ находкамъ, ко времени за 1500—1000 лѣтъ до Р. X. Они составляли акрополь (Pergamos) гомеровскаго города Иліоса.

4) Еще глубже лежащія пять шихтъ (V—I-я) принадлежатъ до-историческимъ эпохамъ, и возрастъ ихъ, во всякомъ случаѣ, на столько преклоненъ, что его въ данный моментъ еще нельзя даже приблизительно опредѣлить. Изъ нихъ особенно достопримѣчательна вторая шихта снизу, заключающая въ себѣ укрѣпленіе, воздвигнутое, вѣроятно, тысячи за три лѣтъ до Р. X. По мнѣнію проф. Дёрфельда, открытый Генрихомъ Шлиманомъ «сожженный городъ», слѣдовательно, надо отнести несомнѣнно къ гораздо болѣе «свѣдой старинѣ», нежели та пора, въ которую происходила воспѣтая Гомеромъ война.

Явное подтвержденіе гомеровской картины троянскаго дома (Иліада, VI, 316), гдѣ идетъ рѣчь о постройкѣ послѣдняго свѣдущими людьми:

Они приготовили спальню и залъ, и преддверье ему,—

мы видимъ въ совпадающемъ съ нею раздѣленіи на три части отрытыхъ теперь германскими учеными помѣщеній. Далѣе, нельзя не упомянуть о замѣчательномъ обстоятельстве, что большая и широкая круглая стѣна VI-й шихты выступила изъ нѣдръ земли совершенно разрушенною съ сѣверной и сѣверо-западной сторонъ своихъ, тогда какъ остальные части ея лучше сохранились, чѣмъ даже можно было бы надѣяться. Римскій географъ и историкъ Страбонъ (XIII, 1, § 38) утверждаетъ, будто Архейанаксъ Митиленскій воздвигъ сигейонскій валъ изъ камней разрушенной

Трои. Сигейонъ же лежалъ къ сѣверо-западу отъ Иліона. Не доказывается ли, такимъ образомъ, воочію свидѣтельство Страбона? Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая научная критика привыкла слишкомъ часто проявлять только до крайности преувеличенную недоувѣренность къ трудамъ выдающихся писателей древности. Что касается основнаго вопроса, на сколько вообще правдоподобно оставленное человѣчеству Гомеромъ воспроизведеніе троянскихъ дѣлъ, то здѣсь приходится принимать во вниманіе цѣлый рядъ весьма существенныхъ фактовъ. Во-первыхъ, между эпохою, къ которой обыкновенно относятъ войну эллиновъ противъ не греческой, а фригійско-еракійской Трои, и временемъ, когда согласно господствующимъ предположеніямъ жилъ авторъ «Иліады», лежитъ промежутокъ, по меньшей мѣрѣ, въ 400 лѣтъ. Во-вторыхъ, данная эпическая поэма явно возникла изъ разныхъ предшествовавшихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, созданныхъ народомъ, подобно хотя бы нашему циклу богатырскихъ былинъ или германскимъ «Нибелунгамъ». Въ-третьихъ, нынѣшняя форма такъ называемыхъ Гомеровскихъ стиховъ, которая досталась намъ въ руки, была создана, какъ это успѣли доказать филологи, уже много столѣтій спустя послѣ смерти пѣвца, давшего свое имя величественному эпосу. Текстъ его, будто бы, вывезенный Ликургомъ изъ Малой Азіи, сборникъ Пейзистрата и списокъ, составленный Аристотелемъ для Александра Македонскаго, значительно разнятся отъ послѣдующей обработки александрійскихъ ученыхъ. Болѣе того, имѣются достаточныя вѣскія основанія предположить, что описанная въ «Иліадѣ» «десятилѣтняя» осада Трои — лишь произвольно-поэтическая концентрація борьбы, которая, съ переменнымъ счастьемъ и извѣстными перерывами, тянулась не мало вѣковъ къ ряду между эллинами и бродившимъ по Европѣ и Малой Азіи, великимъ по численности, но объятымъ взаимными раздорами племенемъ еракійцевъ. Послѣдніе, не будучи похожи на грековъ по языку и непосредственному происхожденію, хотя обѣ націи и принадлежали къ арійской расѣ, признаются издавна учеными за родоначальниковъ тѣхъ народовъ германскаго корня, которые въ наше время населяютъ скандинавскія земли. Въ теченіе долгихъ и постоянно возобновлявшихся войнъ между двумя упомянутыми группами противниковъ, подвергалась разгрому, надо полагать, не одна фригійско-еракійская твердыня, на обвѣянномъ бурями холмѣ, гдѣ теперь откапываются столько какъ доисторическихъ, такъ равно и принадлежащихъ къ уже изслѣдованнымъ исторіею періодамъ, сооруженій и построекъ.

Но картины всѣхъ этихъ вѣковыхъ битвъ сосредоточены въ одной героической поэмѣ, обнимающей собою всего лишь короткій десятилѣтній срокъ и отнюдь не могущей быть признанною, именно вслѣдствіе этого, за вполне достовѣрный историческій документъ. Хотя и отличаясь происхожденіемъ и языкомъ отъ грековъ,

тѣмъ не менѣе на послѣднихъ, путемъ смѣшанныхъ браковъ и умственнымъ превосходствомъ, въ извѣстныя времена оказывали могущественное вліяніе еракійцы, въ которыхъ, начиная готскимъ историкомъ Иорданесомъ и кончая учеными напихъ дней, многіе компетентные специалисты упорно желаютъ видѣть восточныхъ германцевъ гетско-готской вѣтви. Агамемнонь, напримѣръ, въ качествѣ потомка Пелопса и Атрея, былъ фригійско-еракійскаго рода. Ему въ пьесѣ Софокла «Аѣасъ» (5 дѣйствіе, 2 явленіе) жестоко ставится въ упрекъ именно это фригійское происхожденіе отъ варваровъ. Предками Фукидида, съ материнской стороны, черезъ Кимона и его сына Мильтиада, побѣдителя при Марафонѣ, являлись также еракійцы и вдобавокъ цари. Второе прозвище Фукидида «Olors» или «Olor», которое носилъ одинъ изъ сейчасъ упомянутыхъ вѣнценосцевъ, удобосравнимо съ сѣвернымъ именемъ «Olafg». Разныя знаменитыя древне-греческіе воители, мудрецы и поэты имѣли еракійскую кровь въ своихъ жилахъ. Въ областяхъ музыки, литературы и религіи, если вѣрить опять-таки Страбону, были весьма многими обязаны еракійцамъ.

Одно изъ открытыхъ въ VI-й шихтѣ зданій д-ръ Дёрфельдъ признаетъ храмомъ. А между тѣмъ въ тирскихъ и микенскихъ укрѣпленіяхъ до сихъ поръ не находили храмовъ. Только Гомеръ указываетъ на два изъ нихъ въ Троѣ, и отчего не допустить тамъ ихъ существованія, если примѣрно тогда же царь Соломонъ велѣлъ построить въ Иерусалимѣ большой храмъ. «Но тутъ,— какъ замѣчаетъ авторъ отчета о новыхъ Хиссарлыкскихъ раскопкахъ,— приходится встрѣтить другое, болѣе солидное возраженіе: портикъ и входъ этого сооруженія находятся съ сѣверо-западной стороны, а между тѣмъ извѣстно, что у большинства греческихъ храмовъ и у римскаго храма Аѣины, въ Троѣ, они выходятъ на востокъ. Однако, подобное возраженіе устраняется абсолютнымъ сходствомъ, по части указаннаго сомнительнаго обстоятельства, между нашей археологической находкою и извѣстнымъ Александрійскимъ храмомъ, вслѣдствіе чего считаю и ее за таковой».

Извѣстный германскій археологъ, Карлъ Блиндъ, вѣскими и компетентными соображеніями котораго я здѣсь воспользовался, присовокупляетъ, въ подтвержденіе только-что приведенной идеи проф. Дёрфельда, еще слѣдующее: разъ обитатели Трои не были греками, вышеприведенное возрѣніе падаетъ само собою. Сѣверо-западные отъ Трои области, т. е. нынѣшнюю европейскую Турцію, населяли нѣкогда еракійскіе, славившіеся воинственностью, соплеменники троянцевъ. Естественно приходится допустить, что по данной причинѣ троянское святилище (если именно оно найдено подъ Хиссарлыкскимъ холмомъ) было воздвигнуто портикомъ на сѣверо-западную сторону, такъ сказать, фронтомъ въ направленіи того края Восточной Европы, гдѣ, какъ утверждали сами эллины,

имѣлъ свое сѣдалище богъ войны Аресъ. Въ числѣ удивительныхъ открытій, описанныхъ въ докладѣ Дёрфельда, слѣдуетъ еще упомянуть про обширную надпись на четырехъ сторонахъ одного вырытаго пилеастра изъ позднѣйшей греческой эпохи, которымъ недавно воспользовались при сооруженіи новой церкви въ Ени-Кіюй. Это текстъ закона, намѣченного для себя, осѣвшимъ на мѣстѣ развалинъ бывшей Трои, эллинскимъ племенемъ, на случай, если бы единоличнѣй тиранъ или олигархія попрали вольность и права его города. По общеизвѣстному классическому обычаю, перечислены подробно награды, выпадающія на долю народному освободителю, который бы умертвилъ тирана или главу нѣсколькихъ притѣснителей. Если это—иліонскій гражданинъ, ему сразу выплачиваютъ талантъ серебра; въ честь его воздвигается мѣдная статуя, и въ теченіе всей его жизни городской совѣтъ устраиваетъ періодическіе пиры, гдѣ ему приготовлено, равно какъ и на прочихъ общественныхъ празднествахъ, важнѣйшее мѣсто, и еще ежедневно онъ имѣетъ по двѣ драхмы до смерти. Если онъ чужестранецъ, то онъ получаетъ одинаковыя же суммы и вдобавокъ дѣлается гражданиномъ Иліона. Наконецъ, раба за соответствующій подвигъ выпускаютъ на средства города, даютъ ему поль-таланта и награждаютъ другими почестями. Второй воспроизведенный на колоннѣ законъ запрещаетъ властямъ, въ пору внутреннихъ бѣдствій отчизны, увеличивать свое имущество приобрѣтеніемъ новыхъ земель и домовъ, скота и невольниковъ, и опредѣляетъ условія личнаго задержанія тѣхъ правителей, которые, сверхъ срока своихъ полномочій или послѣ низверженія демократіи, продолжали завѣдывать государственной казною. Третій и четвертый законы, тоже составленные въ истинно-народолюбивомъ духѣ, касались воровъ преступленія и наказанія и т. д.

Главной задачею рабочаго періода по раскопкамъ 1894 г., какъ передаетъ д-ръ Дёрфельдъ, являлось освобожденіе въ шестой шахтѣ всей крѣпостной стѣны, на сколько она еще успѣла сохраниться, и въ отрытіи въ западной и восточной частяхъ укрѣпленія, внутреннихъ зданій изъ той же эпохи. Такимъ образомъ, нужно было, прежде всего, обслѣдовать величественный рядъ крѣпостныхъ построекъ, которыя здѣсь существовали во времена такъ называемой микенской культуры и, значить, смѣло могутъ претендовать на признаніе ихъ за разрушенную греками и воспѣтую Гомеромъ твердыню. Параллельно производились мелкія раскопки въ болѣе старыхъ галлерейхъ съ цѣлью разъясненія многихъ темныхъ пунктовъ на фонѣ общей картины этихъ глубоко древнихъ поселеній. Въ концѣ концовъ предстояло откопать гробы изъ разныхъ эпохъ. Въ прошломъ же году искали только на короткихъ пространствахъ, вокругъ холма, крѣпостную стѣну VI-й шахты и нашли ее. Итакъ, самое присутствіе ея было въ принципѣ подтверждено, хотя сколь-

ко нибудь крупнаго куска отрыть еще не удалось. Послѣ того, какъ она теперь со всей восточной стороны, и съ запада, и съ юга крѣпости, выступила наружу изъ своихъ нѣдръ въ достаточной цѣльности, остается раскопать землю лишь надъ юговосточной ея частью. На сѣверѣ же и сѣверо-западѣ крѣпостная стѣна была совершенно разрушена еще въ древности, а камни ея, согласно указанію Страбона, употреблены на сооруженіе сигейонской городской ограды. Но въ разрытыхъ мѣстахъ стѣна превосходно сохранилась, а по восточному краю даже въ баснословной степени. Если идешь вдоль дороги, специально устроенной для вывоза рабочими мусора за предѣлы этихъ крѣпостныхъ стѣнъ, невольно изумляешься гордо и прямо стоящимъ укрѣпленіямъ, въ 8—11 аршинъ вышины, и снизу абсолютно не тронутымъ всеразрушающей рукою времени. Размѣры троянской стѣны на столько велики, родъ постройки ея на столько совершененъ, что лишь весьма немногія изъ крѣпостныхъ или городскихъ оградъ всей древности сравнимы съ нею по прочности. На массивномъ фундаментѣ въ 8 аршинъ глубины и такой же ширины поднимается кверху сооруженіе безъ малаго въ сажень толщиною, котораго первоначальную высоту остается угадывать, а передняя сторона почти отвѣсна. Въ южной стѣнѣ и въ башняхъ на восточномъ боку крупныя глыбы известняка такъ же хорошо или еще лучше обработаны, нежели въ знаменитыхъ гробницахъ на микенскихъ или орхоменскихъ куполахъ. Въ заурядныхъ же частяхъ троянской стѣны, съ востока и запада, камни менѣе правильно отесаны, но и здѣсь по угламъ они сплочены съ удивительной, едва ли не математической точностью. Для опредѣленія возраста этой твердыни чрезвычайно поучительное значеніе имѣютъ произведенныя въ ней позже поправки. Въ греческую эпоху кое-гдѣ вставленные или пристроенные куски стѣнъ съ трубами держатся теперь, будучи сооружены на мусорѣ, когда большая часть стараго укрѣпленія уже исчезла подъ землю. Затѣмъ, въ дни римлянъ, стѣны были засыпаны вмѣстѣ съ пристройками, а надъ ними выстроили большой портикъ и нару театроподобныхъ зданій, такъ что отъ всего прежняго уже болѣе не сохранилось снаружи ни одного камня, съ восточной и южной сторонъ. Рисунокъ стѣны на плоскости состоитъ изъ совершенно равныхъ линій, около 13 аршинъ—каждая, отъ совокупности которыхъ въ прошломъ получался почти правильной формы 60-сторонній многоугольникъ. Если уже это укрѣпленіе вообще отличается своей тщательной обработкою и удивительной равносторонностью отъ тирскихъ и микенскихъ стѣнъ, то данная разниа только еще усугубляется, заботливо сдѣланными у каждаго изъ образуемыхъ имъ угловъ, каменными же выступами, шириною съ человѣческую руку. Отъ нихъ возрастаетъ и сила художественнаго впечатлѣнія. А этими выступами преслѣдова-

лась не техническая, но исключительно эстетическая цѣль, какъ и вытекаетъ наглядно изъ того обстоятельства, что они встрѣчаются въ соответствующихъ пунктахъ и внутри крѣпости. Предназначались они несомнѣнно для оживленія однообразной плоскости стѣнъ перпендикулярными къ ней линіями, по образцу хотя бы ассирійскихъ сооружений. На сколько прекрасные результаты достигались такимъ простымъ средствомъ, замѣтно и по сію пору. Въ направленіи стѣны обнаружилось не мало воротъ и башенъ. Помимо небольшого входа, ведущаго въ крупнѣйшую сѣверо-восточную башню, прошлогдними раскопками найдено было еще двое воротъ, изъ которыхъ одни лежатъ съ восточной, другія съ юго-западной стороны. Первые отлично сохранились, будучи, вѣроятно, рано засыпаны для новаго входнаго сооруженія надъ ними. Первоначальную же форму вторыхъ уже трудно распознать, потому что они, повидимому, давно были разрушены и замурованы. Видъ восточнаго входа существенно отличается отъ гораздо болѣе старыхъ воротъ во второй троянской шихтѣ. Одна крѣпостная стѣна выдвинута впереди другой, въ качествѣ сильной прикрывающей флангъ башни, представляя собою сооруженіе, весьма похожее на «Львинія ворота» въ Микенахъ.

Главный входъ, нужно полагать, находится съ южной стороны крѣпостнаго холма, гдѣ еще не были закончены работы, во время составленія профессоромъ Дёрфельдомъ отчета. Два могучихъ башенныхъ сооруженія найдены по восточному краю: прилегающее къ сѣверо-восточному углу было открыто въ 1893 году, но очищено и вполне освобождено только недавно. Его громадныя размѣры (свыше 8¹/₂ сажень ширины), казавшіеся годъ назадъ просто загадочными, теперь находятъ себѣ разъясненіе въ несложномъ обстоятельстве, что эта именно башня служила для снабжавшаго чуть ли не всю крѣпость водою главнаго колодца. Большой водоемъ около 6¹/₂ аршинъ въ квадратъ и приблизительно въ 26 аршинъ глубины былъ высѣченъ какъ разъ въ такомъ мѣстѣ скалы, гдѣ пробивались родники: такимъ образомъ, изъ него постоянно черпались немалыя количества свѣжей ключевой воды. Въ защиту этого колодца и соорудили первую, стойкую и крѣпкую, башню. Вторая же, воздвигнутая изъ почти правильныхъ плитняковъ, явно предназначалась для огражденія восточной стороны крѣпости, подобно тому какъ и болѣе старая стѣна во второй шихтѣ, съ соответствующаго боку, въ свою очередь, была снабжена башнями. Хотя вторая башня еще не вполне откопана, но, судя по обнаружившимся отверстіямъ для подпольныхъ балокъ, можно полагать, что она двухэтажная. Многочисленныя позднѣйшія надстройки грековъ и римлянъ мѣшаютъ рѣшить вопросъ, существовали ли въ троянскую древнюю эпоху такія башни на юго-западной сторонѣ. Вдобавокъ, валяющіяся тамъ груды мусора и

щепня, до 5 сажень вышиною, оставленные еще Шлиманомъ, тоже отчасти препятствуютъ освобожденію нижней неповрежденной части стѣны; но вырытыя мѣстами въ глубину ямы установили тотъ фактъ, что и здѣсь укрѣпленіе возвышается на три съ лишнимъ сажени. Изъ зданій внутри города, прежде всего, надо упомянуть объ одной постройкѣ близъ южной части укрѣпленія. Передняя стѣна ея сохранилась и снабжена вышеупомянутыми перпендикулярными выступами.

Домъ этотъ, слѣдовательно, находился на одной изъ внутреннихъ городскихъ улицъ, существованіе которой уже давно предполагалось. Въ серединѣ зданія обнаружено цѣлое кухонное приспособленіе (печь, небольшія мельничныя жернова, различная посуда и другіе приборы, на подобіе найденныхъ еще въ прошломъ году). Также и зданіе въ восточной половинѣ города, стоящее на одной изъ внутреннихъ террасъ, поражаетъ своей чудесной, достаточно уцѣлѣвшей отдѣлкою. Кромѣ того, открыто и большое число всевозможныхъ вещей складовъ въ VI-й шихтѣ, устроенныхъ или въ самыхъ крѣпостныхъ стѣнахъ съ внутренней стороны, или непосредственно къ нимъ примыкающихъ. Тамъ попадаются въ специальныхъ приспособленіяхъ (pithoi)—странно даже подумать!—остатки запасовъ нѣкоторыхъ сѣмянъ. Большая часть этихъ складовъ приспособлена была не при основаніи VI-го города, а нѣсколько позже, хотя и до разгромленія Иліона, ибо тамъ, равно какъ на дорогѣ подъ воротами, и въ прочихъ мѣстахъ данной шихты, оказался слой пепла, аршина въ полтора, несомнѣнно относящійся къ эпохѣ сожженія Иліона. Изъ отдѣльныхъ находокъ въ VI-й галлерѣ, на первомъ планѣ, приходится упомянуть про безчисленные глиняные сосуды мѣстной троянской работы. Попадаютъ подчасъ и микенскія издѣлія, вновь подтверждая взглядъ, что VI-я шихта соответствовала временамъ микенской культуры. Въ остальныхъ (старыхъ) галлереяхъ производилось мало раскопокъ, за исключеніемъ II-го города, гдѣ нужно было опредѣлить взаимоотношеніе его крупныхъ стѣнъ, а также отношеніе ихъ къ оградѣ I-й шихты, при чемъ на восточной сторонѣ II-й шихты и было открыто три различныхъ ея крѣпостныхъ стѣнъ. Далѣе, чтобы вообще достигнуть VI-й шихты, понадобилось засыпать многія сооруженія въ верхнихъ слояхъ греческой и римской эпохи, между прочимъ, два портика, составлявшіе восточную и южную грани священной мѣстности, которая была посвящена богинѣ Аѣинѣ, и третье театроподобное зданіе.

Заслуживаетъ также серьезнаго вниманія колодезь, найденный между храмомъ Аѣины и большимъ алтаремъ. Еще неизвѣстно, къ какому именно періоду онъ принадлежитъ. Во всякомъ же случаѣ онъ старше римской эпохи, въ которую имъ, однако, еще пользовались. Въ $2\frac{2}{3}$ аршина длиною, въ $1\frac{3}{4}$ аршина ширины,

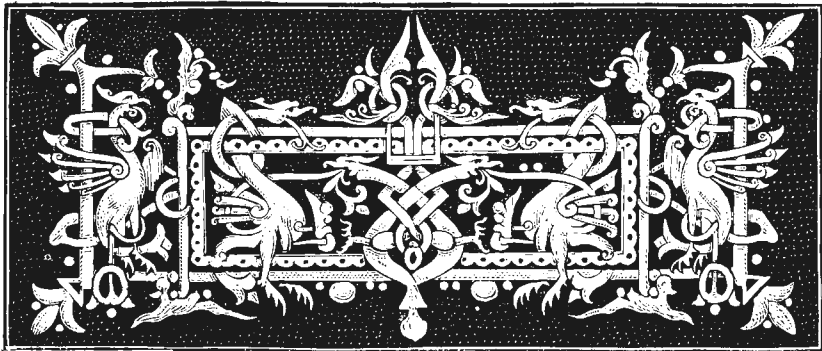
при 7 саженьхъ въ глубину, онъ снизу прямо высѣченъ въ скалѣ, а верхняя его часть, около 6 сажень, выложена изъ хорошо-обработанныхъ камней, почти прямоугольной формы. Въ этомъ колодецѣ нашлись многочисленныя обломки построекъ, большое количество мраморныхъ досокъ съ надписями, колоссальная недурно-исполненная голова Зевса и, наконецъ, составныя части шестиколоннаго, походяго на фонарь, храма, который стоялъ на верху у самаго колодезнаго устья. Надписи, большею частью, довольно любопытнаго свойства, заключаютъ въ себѣ отрывки народныхъ постановлений и основныя законы илическаго союза городовъ, а также подножья для почетныхъ статуй (напр., Луцію, Юлію Цезарю). Въ поискахъ за гробницами получались таковыя донья—лишь изъ греческихъ временъ. Въ VI-й же шихтѣ ихъ, вѣроятно, вовсе не окажется, такъ какъ нѣсколько найденныхъ тамъ, въ прошломъ году, среди нижняго города, урнъ съ пепломъ усопшихъ показываютъ, что въ эпоху VI-го слоя вообще покойниковъ сжигали, а не хоронили.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ наглядно, что результаты этой двухгодичной археологической работы болѣе нежели удовлетворительны. Нельзя не отдать полной справедливости ихъ талантливымъ и терпѣливымъ руководителямъ съ д-ромъ Дёрфельдомъ во главѣ. Онъ не могъ благороднѣе почтить память своего великаго друга, какъ посвятить изложенный мною вкратцѣ отчетъ о вызванныхъ Шлиманомъ къ жизни трудахъ вдовѣ покойнаго г-жѣ Софьѣ Шлиманъ.

Въ заключеніе, позволю себѣ горячо порекомендовать благосклонному вниманію каждаго отзывчиваго къ научнымъ «злобамъ дня» читателя этотъ роскошно изданный Брокгаузомъ археологическій докладъ, снабженный двумя образцово-выполненными картами и 83 изящными пояснительными иллюстраціями. Подробная оцѣнка его, разумѣется, принадлежитъ специалистамъ, а я счелъ нужнымъ лишь въ общихъ чертахъ отмѣтить здѣсь для русской публики то, о чемъ теперь единодушно заговорила вся западно-европейская и американская періодическая печать.

С. Бердяевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1895.

В 1889 г. ВЫШЕЛЪ первый сборникъ статей академика (нынѣ вице-президента Академіи Наукъ) Л. Н. Майкова, заключающій «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій»; недавно появился второй сборникъ, посвященный изслѣдованіямъ и замѣткамъ по литературѣ XVIII и XIX в. Въ него вошли преимуществу статьи, основанныя на новыхъ неизвѣстныхъ ранѣе въ печати, данныхъ о Крыловѣ, Пушкинѣ, а также академическія рѣчи, характеризующія дѣятельность Жуковского, Батюшкова, Фета, Плетнева и кратическія статьи о сочиненіяхъ Н. П. Барсукова (о Погодинѣ) и В. П. Горленко (о В. А. Полевикѣ).

Наиболѣе цѣнною является статья «Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ» (изъ «Русскаго Вѣстника», 1889). Поводомъ къ написанію ея послужили, поступившія въ Императорскую Публичную бібліотеку, письма Крылова къ Княжнину и Соѣмонову, дающія богатый матеріалъ для біографіи Крылова въ началѣ его литературной дѣятельности. Статья г. Майкова не представляетъ только частичнаго комментарія къ этимъ письмамъ; авторъ подвергъ подробному разсмотрѣнію факты біографіи и литературной дѣятельности Крылова, заканчивая 1789 г. Критическій разборъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни баснописца являлся необходимымъ, такъ какъ «о немъ сохранилось больше анекдотовъ, чѣмъ достоверныхъ и точ-

ныхъ свѣдѣній». Г. Майковъ обстоятельно разсмотрѣлъ первыя литературныя произведенія Крылова: комедіи, драмы и сатирическія письма въ «Почтѣ Духовъ». Для характеристики взглядовъ Крылова на драматическое искусство особенно важно письмо его (стр. 23—33) къ П. А. Соймонову, 1788 г. Подробное разсмотрѣніе «Почты Духовъ» позволило г. Майкову не согласиться съ мнѣніемъ Я. К. Грота объ исключительномъ участіи Крылова въ этомъ журналѣ; письма Дальновіда и Выпрепара авторъ (вслѣдъ за А. Н. Пыпинымъ) приписываетъ А. Н. Радищеву. Въ видѣ предположенія г. Майковымъ высказана мысль о дѣятельномъ участіи нашего баснописца въ «Утреннихъ Часахъ», журналѣ 1788—1789 гг. Согласиться, однако, съ этимъ предположеніемъ почтеннаго автора довольно трудно. Что Крыловъ интересовался баснями еще въ 1789 г., это несомнѣнно (см. замѣтку Н. П. Лихачева въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», 1886 г., № 169); но едва ли онъ печаталъ свои «опыты» въ этомъ родѣ. Трудно допустить, чтобы онъ забылъ внести въ собраніе своихъ басенъ три басни изъ «Утреннихъ Часовъ», поживости языка и непринужденности разсказа напоминающія типическія басни Крылова (онѣ перепечатаны на стр. 46—50 книги г. Майкова). Дѣйствительно эти три басни обличаютъ въ ихъ авторѣ опытнаго писателя, легко владѣющаго стихомъ, что, конечно, трудно сказать объ одновременныхъ опытахъ Крылова въ стихахъ. Между содержаніемъ «Новопожалованнаго осла» и «Осла» (Крылова) почти нѣтъ никакого сходства; притомъ, первая басня несомнѣнно складнѣе и естественнѣе второй. «Недовольный гостями стихотворецъ» въ сущности не басня (кажется, это стихотвореніе не названо басней и въ «Утреннихъ Часахъ»), а эпиграмма на негостепріимнаго писателя Риемохвата, очень мало напоминающаго осмѣяннаго Крыловымъ Княжнина. Нужно замѣтить, что въ «Утреннихъ Часахъ» находится цѣлый рядъ анонимныхъ басенъ, принадлежащихъ, повидимому, одному писателю, близкому сотруднику журнала. Нѣкоторыя басни переведены съ французскаго Н. Хлюстинымъ. Едва ли также Крылову принадлежатъ помѣщенные въ томъ же журналѣ сатирическіе очерки «Модныя лавки» и описаніе пріемной знатнаго барина. Приписываніе ихъ знаменитому баснописцу основано на сходствѣ ихъ содержанія съ письмами въ «Почтѣ Духовъ». Но нужно принять въ разчетъ то, что эти очерки являются одновременно съ Крыловскими письмами, и едва ли одинъ и тотъ же авторъ сталъ бы помѣщать сходныя статьи параллельно и одновременно въ двухъ изданіяхъ. Быть можетъ, нѣкоторое сходство въ содержаніи этихъ очерковъ можно объяснить просто общими пріемами тогдашней сатиры и общностью предметовъ, ею затронутыхъ. Во всякомъ случаѣ, сходныя обличенія можно отыскать во многихъ сатирическихъ журналахъ.

Изъ матеріаловъ для біографіи и характеристики дѣятельности Пушкина Л. Н. Майковымъ напечатаны: воспоминанія А. Ө. Вельмана о Бессарабін и пребываніи въ ней Пушкина (стр. 96—125), письмо Н. Н. Раевского (стр. 134—138), воспоминанія С. П. Шевырѣва (158—166), А. Н. Пуцана о пребываніи Пушкина на Кавказѣ (232—239) и Даля (244—249). Эти матеріалы извлечены изъ рукописей Румянцевскаго музея и изъ бумагъ П. В. Анненкова. Г. Майковъ присоединилъ къ нимъ обстоятельныя объясненія, иногда переходящія въ небольшія изслѣдованія о степени ихъ важности для біографіи поэта, при чемъ авторъ всегда самымъ подробнымъ образомъ старается уяснить взаимныя отношенія Пушкина и лицъ, оставившихъ о

немъ воспоминанія. Вполнѣ справедливо онъ указываетъ на значеніе мемуаровъ Вельтмана (извлеченія изъ коихъ ранѣе сообщены были Е. С. Некрасовой въ «Вѣстникѣ Европы», 1881 г.). Вопреки мнѣнію многихъ біографовъ, г. Майковъ полагаетъ, что кишиневскій періодъ жизни поэта не отличался особенною раслуценностью, что Пушкинъ нашелъ противовѣсъ разлагающему вліянію мѣстнаго общества «какъ въ силу добрыхъ началъ, присущихъ его природѣ, такъ и въ общенія съ нѣсколькими просвѣщенными русскими людьми, которыхъ одновременно съ нимъ обстоятельства закинули въ Кишиневъ». Изъ другихъ замѣчаній автора разсматриваемой книги укажемъ на разборъ «Братьевъ-разбойниковъ» (стр. 143 и слѣд.), рассказъ объ отношеніяхъ къ кружку Веневитинова и Погодина (стр. 169 и слѣд.), доказательства поддѣлки «странички» изъ «Путешествія въ Арзерумъ», отысканной П. Мартыяновымъ (228—230). Статья «Пушкинъ о Батюшковѣ», помѣщенная первоначально въ «Русскомъ Архивѣ» прошлаго года, заключаетъ въ себѣ любопытныя замѣтки одного поэта о другомъ. Замѣтки эти находятся на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова (1817 г.), принадлежащемъ нынѣ А. А. Пушкину. Рядъ статей о Пушкинѣ заканчивается небольшою замѣткой о стихотвореніяхъ «Туча» и «Аквилонъ».

Академическія рѣчи Л. Н. Майкова, посвященныя памяти Батюшкова, Жуковского, Плетнева, Фета, представляютъ краткія характеристики ихъ дѣятельности. Въ статьѣ «Малорусскій Титъ Ливій» авторъ сообщаетъ результаты изслѣдованій А. М. Лазаревскаго и В. П. Горленка объ авторѣ «Исторіи Русовъ» и отчасти дополняетъ ихъ. Авторами этой исторіи позднѣйшіе изслѣдователи считаютъ депутата екатерининской комиссіи Григорія Андреевича Полетику и его сына Василія Григорьевича.

Таково содержаніе книги Л. Н. Майкова. Книга издана изящно. Къ сожалѣнію, къ ней не приложенъ указатель, не обозначено также, въ какихъ изданіяхъ появлялись перепечатанныя въ сборникѣ статьи, и подверглись ли онѣ измѣненіямъ. Нѣкоторыя дополненія мы нашли въ статьѣ о Крыловѣ. Желательно появленіе въ свѣтъ новаго сборника статей почтеннаго автора по народной словесности и эгнографіи. Арк. Л—нко.

В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. Одесса. 1894.

Немногіе памятники древне-русской литературы имѣли въ ея исторіи столь важное значеніе, какъ сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Измарагда»,—говоритъ въ началѣ своего труда проф. Яковлевъ. Фактъ общеизвѣстный, что наша древняя литература имѣла характеръ христіанско-поучительный. Названный сборникъ, послужившій г. Яковлеву предметомъ изслѣдованія, состоитъ преимущественно изъ поученій, и при томъ—въ значительной степени передѣланныхъ и приспособленныхъ для русской паствы. При изслѣдованіи «Измарагда» мы видимъ, что составитель этого сборника, оставшійся для насъ неизвѣстнымъ, отлично повималъ потребности своихъ читателей: «онъ руководился соображеніями, которыя были результатомъ близкаго знакомства съ условіями нравственной жизни этихъ читателей, со степенью ихъ духовнаго развитія. Популярность «Измарагда» подтвер-

ждается большимъ количествомъ его списковъ. Это послѣднее обстоятельство значительно подрываетъ весьма распространенный взглядъ, что древне-русская религіозность была исключительно внѣшняя, обрядовая. Тотъ фактъ, что «Измарагдъ», сборникъ, посвященный исключительно разъясненію исповѣданія вѣры, дѣламъ благоугодной жизни, совершенно не касаясь обрядовой стороны религіи, имѣлъ такое широкое распространеніе, прямо показываетъ, что онъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ своихъ читателей. «Измарагдъ» представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является, какъ представитель этой болѣе развитой части общества или представитель лучшихъ духовныхъ стремленій своего народа... (стр. 3).

Должно замѣтить, что тема изслѣдованія выбрана авторомъ весьма удачно. Такой памятникъ, какъ «Измарагдъ», давно нуждается въ анализѣ, въ результатѣ котораго выяснилось бы его положеніе въ древне-русской литературѣ, составъ его, литературное значеніе и влияніе на общество и литературу современныхъ и послѣдующихъ поколѣній.

Изслѣдованіе распадается на двѣ части: въ одной мы находимъ изложеніе содержанія «Измарагда», сопровождаемое большими выдержками изъ текста памятника. Эта часть труда г. Яковлева представляетъ наибольшую цѣнность, такъ какъ въ полномъ видѣ весь текстъ «Измарагда» еще не изданъ никѣмъ. Далекъ не имѣетъ той цѣнности вторая часть труда г. Яковлева, гдѣ онъ долженъ былъ наиболѣе проявить свою самостоятельность—при библиографическомъ обзорѣ содержанія редакцій «Измарагда». Хотя на стран. 9, приступая къ описанію редакцій, онъ и говоритъ: «я svoju вмѣстѣ всѣ библиографическія указанія, сдѣланныя моими предшественниками, съ очень значительными собственными добавленіями». Вотъ этого послѣдняго, какъ намъ кажется, авторъ не дѣлаетъ и даже видимо избѣгаетъ проявить самостоятельность. Иногда, рядомъ съ цитируемымъ мѣстомъ встрѣчаются замѣчанія автора, что онъ не пользовался для сравненія прологомъ, такъ какъ въ немъ измѣненъ текстъ; но сравненіе убѣждаетъ насъ именно въ обратномъ. Затѣмъ авторъ, часто упоминаетъ о «Златоустѣ», не потрудился свѣрить его статьи со статьями «Измарагда»; равнымъ образомъ не указавъ слова «Измарагда», которыя мы находимъ въ «Златоустѣ», что значительно освѣтило бы взаимныя отношенія этихъ двухъ памятниковъ и ихъ литературную исторію. Вообще же авторъ мало пользуется рукописнымъ матеріаломъ и не провѣряетъ ссылокъ другихъ (напримѣръ, на стран. 179): онъ повторяетъ слова Горскаго и Невоструева и вмѣстѣ съ ними впадаетъ въ заблужденіе—слово, здѣсь упоминаемое, на самомъ дѣлѣ есть передѣлка изъ «Златоструя». Отмѣтимъ, какъ результатъ такой небрежности, слѣдующее: на стран. 14 авторъ изслѣдованія описываетъ 23 статью «Измарагда»—слово св. Нифонта о руссалияхъ и ссылается на два списка: на рукопись (Синодальной бібліотеки) Свято-Троицко-Сергіевской лавры и на рукопись Лексинскаго скита съ разными годами: дѣло въ томъ, что здѣсь ошибка—рукопись существуетъ всего одна, а находится дѣйствительно она въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

На стран. 19 авторъ указываетъ мнѣнія проф. Архангельскаго и проф. Шепелевича, другъ другу противоположныя: первый источникомъ слова «како подобаетъ въ ночь вставати молитися» считаетъ 41-е слово «Златоструя», второй указываетъ, что оно составляетъ отрывокъ апокрифическаго

«Видѣнія св. Павла». При этомъ авторъ не дѣлаетъ ничего со своей стороны, не пытается даже примирить или разъяснить причины этого разногласія и оставляетъ вопросъ открытымъ. На стран. 146 авторъ говоритъ, ссылаясь всецѣло на А. Н. Пыпина «для объясненія о ложныхъ кнѣгахъ», что «древнѣйшій списокъ «худыхъ номоканунцевъ» XIV вѣка южно-славянскаго происхожденія», но дѣло въ томъ, что этотъ дополненный списокъ ровно ничего специально южно-славянскаго въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько ниже на стр. 185 авторъ указываетъ, что статья 102-я «Измарагда» есть «отрывокъ изъ патерика «Лимонарь» преп. Палладія, а на стран. 193 ст. 159 является заимствованіемъ изъ «Луга духовнаго»—это странно: сразу можно догадаться, что названіе «Лугъ духовный» есть вольный переводъ «Лимонарь» на русскій языкъ. Встрѣчаются и другія мѣста, показывающія небрежность и спѣшность въ работѣ: на стран. 128, 143, 149, 196 мы находимъ явныя безсмыслицы, которыя авторъ, не справившись съ вариантами «Измарагда», такъ и оставляетъ, предоставляя читателю полное право самому догадываться, что такое значать такія явно испорченныя выраженія: коровья молачъ, рожаничъ молочъ, или: «яко отъ скотины (видимо—отъ сатаны) игра та», и т. п.

Теперь перейдемъ къ вопросу о редакціяхъ «Измарагда». Г. Яковлевъ утверждаетъ, что «Измарагдъ» въ своей исторіи подвергался нѣсколькимъ переработкамъ, составившимъ особыя редакціи: этихъ редакцій было пять, изъ которыхъ первая, имѣвшая въ виду потребности приходскаго духовенства, и особенно вторая, составленная для чтенія мірянъ вообще, были наиболѣе распространены. Что касается первой и второй редакціи, то онѣ опредѣлены точно, и мы готовы вполне согласиться съ авторомъ, но третья и четвертая редакціи слишкомъ произвольны: это вовсе не редакціи «Измарагда»,—это сборники случайнаго состава и содержанія, получившіе названіе «Измарагда» потому, что первымъ читателю въ нихъ является взятое изъ этого сборника «слово» Геннадія. Кроме того, нельзя, на нашъ взглядъ, сравнивать 1 и 2 редакціи «Измарагда», состоящая изъ 100—150 статей, съ 3-й и 4-й, которыя, случается, состоятъ всего изъ 9—10 статей, при чемъ изъ «Измарагда» взято менѣе половины. Что же касается пятой редакціи, то напрасно авторъ не остановился на ней нѣсколько болѣе, чего она вполне заслуживаетъ.

Связки первой и второй редакціи—происхожденія сѣверо-восточнаго, русскаго, тогда какъ пятая редакція дошла до насъ пока въ двухъ спискахъ, а, можетъ быть, со временемъ найдутся и еще списки. Одинъ изъ этихъ списковъ молдавскій съ русскаго оригинала, другой—виленскій.

Обратимся ко времени составленія «Измарагда». По мнѣнію автора, онъ возникъ въ XIV вѣкѣ, но фактическія данныя не мѣшаютъ относить его ко времени гораздо болѣе раннему; что же касается словъ Серапіона, то, быть можетъ, они вставлены впоследствии. Относительно второй редакціи, которую авторъ относитъ къ половинѣ XVI вѣка, на основаніи слова Пахомія о постѣ, можемъ замѣтить слѣдующее: врядъ ли это слово обращено противъ еретиковъ. Дѣйствительно, жидовствующие отрицали постъ, но въ словѣ говорится вообще о людяхъ, и нигдѣ не упоминаются еретики. Кроме того, возникаетъ вопросъ, какъ постились у насъ на Руси въ XI—XII вѣка. Ъли молоко и яйца въ среду и пятницу? Оказывается, что ѡли: строгости у насъ пошли значительно позже, съ введеніемъ іерусалим-

скаго устава, въ концѣ до-монгольскаго періода. Мѣсто «Измарагда» вѣрнѣе всего можно приурочить къ спору о постѣ съ латинянами.

Вторая редакція возникла гораздо ранѣе половины XVI вѣка, такъ какъ мы въ спискахъ этой редакціи не находимъ словъ и поученій, присвоенныхъ съ юга въ изобиліи около этого времени. Естественно, эти произведенія, сразу занявшія видное мѣсто въ нашей литературѣ, были бы включены составителемъ въ такой популярный сборникъ, какъ «Измарагдъ».

Таковы въ общемъ недостатки новаго изслѣдованія г. Яковлева. О достоинствахъ его мы уже упомянули и еще разъ повторимъ, что пока не выйдетъ въ свѣтъ изданіе текста «Измарагда», до тѣхъ поръ изслѣдованіе г. Яковлева, какъ дающее много новаго и интереснаго матеріала для сужденій о древне-русскихъ сборникахъ, будетъ весьма важно для всякаго интересующагося нашей древней литературой. С. Т—скій.

Всеобщая исторія О. Іегера, четыре тома. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію П. Н. Полевого. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1894.

Передъ нами лежитъ объемистый трудъ профессора О. Іегера, вышедшій въ теченіе 1894 года отдѣльными ежемѣсячными выпусками и составившій къ концу года четыре толстыхъ тома, украшенныхъ множествомъ гравюръ и массою отдѣльныхъ приложений, стѣпчатанныхъ черною и цвѣтными красками, серебромъ и золотомъ. Изданіе роскошно и дешево, и дѣлаетъ честь г. Марксу, который, очевидно, ничего не пожалѣлъ на печатаніе «Всеобщей исторіи О. Іегера», и при томъ еще постарался сдѣлать этотъ трудъ возможно болѣе доступнымъ для большинства публики. Странно даже сказать, что сочиненіе О. Іегера въ изданіи г. Маркса болѣе дешево на русскомъ языкѣ, нежели на нѣмецкомъ; а между тѣмъ, съ внѣшней стороны, русское изданіе дополнено многими снимками съ памятниковъ и такими картами, планами и чертежами, которые необходимы для пониманія текста, и которыхъ нѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи.

Перехода отъ внѣшности къ внутреннему содержанию сочиненія О. Іегера, мы полагаемъ, что оно принесетъ для образованнаго большинства нѣкоторую существенную пользу, какъ книга справочная, какъ толковый обзоръ историческихъ эпохъ и какъ подспорье для пополненія нашего вообще довольно слабого историческаго образованія. Именно «обзоры» историческихъ эпохъ, весьма искусно составленные, не переполненные никакими излишними подробностями, и составляютъ главное достоинство сочиненія О. Іегера; нѣкоторые изъ этихъ обзоровъ по исторіи превосходны: напримѣръ, эпоха процвѣтанія Эллады, вѣкъ Александра Македонскаго и вѣкъ Цезаря, или эпоха реформации и эпоха первой революціи. Вотъ этимъ-то обзорамъ обильныя и прекрасно исполненныя иллюстраціи книги О. Іегера и служатъ весьма цѣннымъ дополненіемъ; а замѣчательная коллекція портретовъ, исполненныхъ по лучшимъ и наиболѣе достовѣрнымъ оригиналамъ, во многихъ случаяхъ служить весьма существенною замѣною многословныхъ характеристикъ, излюбленныхъ многими историками.

Если станемъ сравнивать отдѣльные томы сочиненій О. Іегера, то придемъ къ тому заключенію, что не всѣ части этого обширнаго труда одина-

ковы по своимъ научнымъ и литературнымъ достоинствамъ. Несомнѣнно, лучшимъ изъ всѣхъ слѣдуетъ считать томъ I, заключающій въ себѣ «Древнюю исторію», въ изложеніи которой авторъ достигъ замѣчательной ясности и совершенства. Слабѣйшимъ изъ всѣхъ томовъ представляется томъ II, вмѣщающій «Среднюю исторію»; въ этомъ періодѣ громадное обиліе и разнообразіе матеріала, притомъ еще недостаточно обработаннаго, нерѣдко путаетъ автора, а желаніе придать разрозненнымъ германскимъ племенамъ болѣе значенія, нежели они въ дѣйствительности имѣли въ средніе вѣка, побуждаетъ иногда автора преувеличивать роль германской народности, въ ущербъ Англіи, Франціи и Италіи, составлявшихъ главный очагъ жизни и идей средневѣковой Европы. Не мало вредитъ автору и его слишкомъ узкій взглядъ на религію, какъ одинъ изъ главныхъ двигателей человѣчества: О. Іегеръ придаетъ слишкомъ мало значенія этой силѣ, слишкомъ злоупотребляетъ словами «суевѣріе», «предвзсудокъ» и «фанатизмъ» и, благодаря этому, умаляетъ значеніе и смыслъ такихъ эпохъ, какъ эпоха борьбы христіанства съ язычествомъ, какъ крестовые походы и т. п. Но всѣ эти слабобы стороны сочиненія О. Іегера восполняются его большими достоинствами, которыя и дѣлаютъ «Всеобщую исторію» его весьма пріятнымъ и популярнымъ приобрѣтеніемъ нашей переводной литературы.

Въ заключеніе нашего отзыва о сочиненіи О. Іегера замѣтимъ, что въ нѣмецкомъ оригиналѣ Россія послѣ-Петровской отведено весьма незначительное мѣсто, а о Московскомъ государствѣ и до-Петровской Руси едва ли говорится на нѣсколькихъ страницахъ. П. Н. Полевой, редактировавшій переводъ «Всеобщей исторіи», пополнилъ этотъ важный пробѣлъ, внося въ отдѣльные томы О. Іегера очерки отдѣльныхъ эпохъ «Русской исторіи», сжато, но весьма ясно и вѣрно изложенные; эти дополненія нимало не подавляя остального, громаднаго и разнообразнаго историческаго матеріала, только еще болѣе уравнивали его, указавъ совершенно безпристрастно на то мѣсто, которое по праву должна занимать исторія Россіи въ исторіи остальныхъ государствъ и народовъ Европы.

С. Ш.

Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса. А. Н. Гилярова. Кіевъ. 1895.

Въ предисловіи къ настоящей своей книгѣ профессоръ университета св. Владиміра, г. Гиляровъ, замѣчаетъ вполне справедливо, что для тѣхъ, кто прочтетъ одно заглавіе его очерка, покажется страннымъ, какое можетъ быть отношеніе между вселенскимъ Логосомъ и старыми поэтами въ новыхъ русскихъ переводахъ. «Отвѣтомъ» для такихъ недоумѣвающихъ «должна служить сама книга», по словамъ автора, и въ этой книгѣ такъ же, какъ и въ предисловіи, авторъ очень подробно разъясняетъ философское ученіе о вселенскомъ Логосѣ. Новаго о Логосѣ г. Гиляровъ не сообщаетъ рѣшительно ничего: всѣ мы знаемъ, что съ спиритуалистической точки зрѣнія всѣ стороны человѣческой дѣятельности, весь міровой процессъ, представляются проявленіемъ единаго высшаго духовнаго начала, называть ли его Логосомъ или какънибудь иначе; поэтому и въ поэзіи

отражается это духовное начало, и всякое искаженіе высокихъ поэтическихъ созданій есть оскорбленіе, наносимое духу тьмой. Выражаясь простымъ, а не туманно-метафизическимъ языкомъ, всякій скажетъ, что плохіе переводы искажаютъ идеи и красоты поэтическихъ оригиналовъ; но г. Гиляровъ, какъ специалистъ по философіи, не пожелалъ приступить къ своей задачѣ разсмотрѣнія переводовъ старыхъ поэтовъ на русскій языкъ попросту, безъ излишнихъ затѣй, а потому очень большую часть своей книги посвятилъ изложенію ученія о Логосѣ. Съ разборомъ самыхъ переводовъ это ученіе положительно никакой связи не имѣетъ, а потому читатель, который интересуется переводами, смѣло можетъ пропустить и начало книги и всѣ тѣ мѣста въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ которыхъ говорится о вселенскомъ Логосѣ. Но, къ сожалѣнію, г. Гиляровъ именно въ этихъ-то разсужденіяхъ и видитъ всю суть своей книги, которую онъ, между прочимъ, въ своемъ предисловіи самъ считаетъ нужнымъ похвалить въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ»—одинъ изъ случаевъ борьбы Логоса съ тьмой, въ сравненіи съ другими, быть можетъ, маловажный, но цѣнный потому, что принадлежитъ къ рѣдкимъ, гдѣ обсужденіе съ точки зрѣнія ученія о вселенскомъ Логосѣ доступно пониманію всѣхъ и cadaго». Читая такую аттестацію, выдаваемую г. Гиляровымъ собственному его дѣтищу, нельзя не сказать, что г. Гиляровъ далеко не отличается авторской скромностью.

Считая вполне излишними разсужденія г. Гилярова о вселенскомъ Логосѣ, мы, однако, находимъ въ его книгѣ много весьма основательныхъ замѣчаній по поводу основного ея предмета, то-есть о переводахъ на русскій языкъ Данте, Боккаччо, Аріоста, Сервантеса и Байрона, переводахъ, изданныхъ въ послѣднее время гг. А. Федоровымъ, Уваровымъ, А. Н. Веселовскимъ, В. Р. Зотовымъ, Каншинымъ и П. А. Козловымъ. Всѣ эти переводы, за исключеніемъ трудовъ А. Н. Веселовскаго и П. А. Козлова, подвергаются г. Гиляровымъ самому строгому разбору и по тщательномъ анализѣ многихъ отдѣльныхъ выраженій и картинъ признаются имъ неудовлетворительными. Особенно неудачнымъ оказывается переводъ «Божественной комедіи» г. Федорова: стихъ г. Федорову рѣшительно не дается, онъ для стиха или рими вставляетъ множество (по выраженію г. Гилярова) различныхъ «паразитическихъ» словъ, отчего мѣстами получается полная безмыслица, да и весь перевод дѣлается тяжелымъ и крайне неизящнымъ, напоминающимъ Тредіаковскаго. Вотъ маленькій образецъ: «Отцы поступали тѣхъ, такъ, кто, только вакантнымъ являлось епископство, тотчасъ ужъ какъ жирѣли на этомъ». Перловъ, въ родѣ приведеннаго, въ переводѣ г. Федорова множество, и г. Гиляровъ очень зло разбираетъ его работу, страшно искажившую великое твореніе Данта. Г. Федорову въ его переводѣ явилось препятствіемъ полное отсутствіе дара стихотворства, для господина же Уварова при переводѣ «Неистоваго Роланда», кромѣ стиха, камнемъ преткновенія оказался и русскій языкъ, которымъ и въ прозѣ онъ выражается непозволительнымъ образомъ. Вотъ примѣръ: «На такомъ предметѣ, какъ эта самая фабула о Роландѣ, на немъ трудились незамѣтно, неслышно въ теченіе вѣковъ цѣлыя поколѣнія, пока не припѣлъ часъ, что явился избранный и придавъ окончателъную форму елаборату, такъ долго подготовлявшемуся». Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ приводить другіе примѣры безвкусицы и безграмотности, которые въ изобиліи подобраны г. Ги-

ларовымъ въ разбираемыхъ имъ переводахъ. Анализъ переводовъ заставляетъ иногда г. Гилярова высказывать свое мнѣніе и объ оригинальныхъ изданіяхъ европейскихъ поэтовъ, и тутъ мы находимъ въ его книгѣ очень много вѣрныхъ, хотя не всегда новыхъ, замѣчаній о Байронѣ, Воккаччо, новѣйшей натуралистической школѣ.

Вообще, какъ критическій этюдъ, книга г. Гилярова является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы, даже если не становится на точку зрѣнія «вселенскаго Логоса», которая доступна далеко не всѣмъ смертнымъ. Нельзя не замѣтить, что мѣстами очень страннымъ кажется тонъ критики г. Гилярова, и авторъ, увидѣвъ это самъ, счелъ нужнымъ объяснить въ предисловіи такимъ образомъ: «Инымъ тономъ моей критики покажется не всегда дипломатическимъ. Напомню, что доблесть Логоса требуетъ уваженія къ мнѣніямъ, но не предполагаетъ уваженія къ недобросовѣстности». Но г. Гиляровъ иногда и за мнѣнія казнить тѣхъ, съ кѣмъ несогласенъ, совсѣмъ не дипломатическимъ образомъ; такъ, напримеръ, по поводу недобрительнаго замѣчанія В. Р. Зотова о современномъ натуралистическомъ романѣ, г. Гиляровъ приводитъ извѣстный Крыловскій стихъ: «А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ»... Право, намъ кажется, для защиты Логоса нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ такимъ рѣзкимъ замѣчаніямъ. Иногда г. Гиляровъ остриетъ, но не всегда удачно. Говоря, напримеръ, о пристрастіи г. Федорова къ вставкѣ словъ: бы, вѣдь, ужъ и т. д., г. Гиляровъ остриетъ такимъ образомъ: «г. Федоровъ, говоря словами Пушкина, «пускаетъ на бы, на вѣдь». Неужели же Пушкинъ говорилъ что либо подобное? Оказывается, въ «Домикѣ въ Коломнѣ» встрѣчается такая фраза: «Что? Перестать или пустить на пе?». Г. Гиляровъ, смотрящій на все съ точки зрѣнія вселенскаго Логоса, конечно, не знаетъ выраженія азартныхъ игроковъ: «на пе», а поэтому онъ и не понялъ Пушкинскаго стиха и сострелялъ довольно неудачно, чѣмъ по нашему мнѣнію ровно никакой услуги не оказалъ вселенскому Логосу.

А. Бороздинъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1894 годъ. Изд. Курскимъ статистическимъ комитетомъ, составл. секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ. Курскъ. 1894.

Официальныя свѣдѣнія о Курской губ. не представляютъ ничего выдающагося противъ таковыхъ же за прежніе года. Казеннымъ языкомъ и въ краткой рѣчи дѣло характеризуется такъ: въ Курской, молъ, губерніи все обстоитъ благополучно. Ну, и слава Богу, скажемъ мы и, минуя статистическія данныя, перейдемъ къ наиболѣе интересной части труда: «Матеріалы для описанія Курской губерніи». Здѣсь останавливаются на себѣ вниманіе дневники именитаго рыльского гражданина Григорія Шелехова во время его двухъ странствованій по Востоку и сдѣланное имъ описаніе Курильскихъ, Алеутскихъ, Андреяновскихъ и Лисевыхъ острововъ, а также обстоятельная монографія — «Историческія замѣтки о г. Суджѣ и его уѣздѣ».

Шелеховъ нынѣ забытъ, и имя его рѣдко поминается при перечисленіи нашихъ путешественниковъ на Востокъ, но въ свое время онъ пользовался широкой популярностью, сослужилъ Россіи громадную службу и по справедливости долженъ быть отнесенъ къ выдающимся самородкамъ. Рыльскій

кунець Григорій Ивановичъ Шелеховъ еще молодымъ человѣкомъ почувствовалъ страсть къ отважнымъ предпріятіямъ и на 28 году отъ рода перекочевалъ въ Сибирь, гдѣ занялся мѣховою торговлею. По открытіи острововъ на Тихомъ океанѣ, предпримчивый купчикъ отправился въ Камчатку, гдѣ въ сообществѣ съ товарищемъ построилъ корабль и отправилъ на Алеутскіе острова; вслѣдъ за тѣмъ слѣдуютъ туда же одна экспедиція за другой, строится цѣлая флотилія. Эти предпріятія обогатили Шелехова, и, по возвращеніи въ Иркутскъ, онъ въ компаніи съ извѣстнымъ тоже Голиковымъ замышляетъ уже грандіозное дѣло—покореніе скипетру Екатерины Сѣверной Америки, упоченіе за Россією острова Тихого океана и просвѣщеніе дикарей свѣтомъ христіанства. Три года Шелеховъ на своихъ корабляхъ и въ соудствіи отважной жены дѣлаетъ экскурсіи по морю, сражается съ дикарями, приручаетъ ихъ къ себѣ, строитъ укрѣпленія на Афагнѣ и при Келойской губѣ, объѣзжаетъ Камчатку и въ 1788 году черезъ Иркутскъ является къ императрицѣ. Екатерина осыпаетъ его милостями и выдаетъ грамоту на продолженіе начатаго дѣла. Въ 1790 году онъ снова на Алеутскихъ островахъ и убѣждаетъ дикарей принять православіе. Черезъ иркутскаго генераль-губернатора Циля онъ исходатайствовалъ объ учрежденіи на дальнемъ востокѣ духовной миссіи. Избранные изъ иноковъ Валаамскаго монастыря миссіонеры отправились въ 1794 году къ мѣсту назначенія. На Аляскѣ, однако, миссіонеры встрѣтили сопротивленіе, и архимандритъ Ювеналій принялъ мученическую смерть. Это не остановило миссіонеровъ: они продолжали строить церкви и просвѣщать дикарей. Въ 1796 году высочайше повелѣно святѣйшему синоду посвятить начальника Алеутской миссіи, архимандрита Гоасафа, въ епископа Кадьякскаго, викарія Иркутской епархіи, но онъ не достигъ мѣста назначенія, такъ какъ по дорогѣ слѣдованія утонулъ. Основавъ осѣдлость на Кадьякѣ, Шелеховъ поручилъ своему достойному сподвижнику распространять русскія владѣнія далѣе по берегу Сѣверной Америки. Шелеховъ скончался въ 1795 году въ Иркутскѣ на 48 году жизни. По смерти его императрица Екатерина даровала его женѣ и сыну дворянство, а граждане Иркутска воздвигли на его могилѣ роскошный памятникъ.

Острова, приобрѣтенные Шелеховымъ въ числѣ 150 материковъ, носящіе названіе Алеутскихъ или Архипелага Екатерины, по договору 1867 г. вмѣстѣ съ полуостровомъ Аляскою отошли къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Въ предстоящемъ 1895 году имѣетъ быть столѣтіе со дня кончины Шелехова, и Русскому географическому обществу не грѣхъ будетъ посвятить этому отважному русскому путешественнику торжественное засѣданіе. Дневники Шелехова изобилуютъ чрезвычайно интересными эпизодами. Въ нихъ виденъ наблюдательный русскій умъ, пытливый, не лишенный юмора и паоса. Свѣдѣнія его объ островахъ не лишены значенія и въ наши дни, а для своего времени могли считаться замѣчательными.

«Историческія замѣтки о городѣ Суджѣ и его уѣздѣ» представляютъ значительный интересъ, такъ какъ прошлое Суджанскаго уѣзда покрыто завѣсой неизвѣстности. Только остатки городищъ, да курганы, разсѣянные въ большомъ количествѣ, свидѣтельствуютъ, что Суджанскій уѣздъ въ глубокой древности былъ заселеннымъ мѣстомъ. Городища эти частью исследовалъ профессоръ Д. Самоковсовъ, и только его труды до настоящаго времени проливали нѣкоторый свѣтъ на событія старины. Настоящая моногра-

фія въ значительной степени, на основаніи преимущественно архивнаго матеріала, возстановляетъ лѣтопись своей родины и даетъ картину жизни того времени достаточно обстоятельную. Можно смѣло сказать, что ей суждено занять въ литературѣ однороднаго содержанія не послѣднее мѣсто.

Б. Г.

М. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги Царствъ» въ собраніи рукописей библиотеки Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1894.

Въ 1339 г., послѣ битвы на Косовомъ полѣ, пала политическая независимость Сербіи; но культурная жизнь ея отъ этого не прекратилась; напротивъ того, на первое время она какъ будто пошла живѣй, энергичнѣй. Молодой господарь Сербіи Стефанъ Лазаревичъ (1389 — 1427) относительно побѣдоносныхъ турокъ держался той же политики, какой держались умные князья Сѣверной Руси относительно татаръ: онъ низко кланялся имъ и всячески ублажалъ ихъ, только бы они не вмѣшивались во внутреннія дѣла его государства; дома же онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы двигать впередъ цивилизацію, какъ ее тогда понимали: онъ вызывалъ отовсюду книжныхъ людей, строилъ монастыри и украшалъ ихъ, самъ усиленно собиралъ книги и пр. Между помощниками его въ дѣлѣ книжнаго просвѣщенія игралъ особенно видную роль болгаринъ Константинъ Костенчскій, принадлежавшій къ школѣ патріарха Евфимія, явившійся въ Сербію, вѣроятно, послѣ взятія Тырнова и ссылки Евфимія. Этотъ Константинъ, прекрасный по тому времени знатокъ греческаго языка, сочинилъ руководство (въ двухъ видахъ: полномъ и краткомъ) для славянскихъ грамотниковъ и переписчиковъ Священнаго Писанія, объ исправности текста котораго тогда прилагалась особая забота. Этой книгой руководствовались писцы такъ называемыхъ «добрыхъ изводовъ ресавскихъ», получившихъ свое названіе отъ Ресавскаго монастыря, особенно любимаго Стефаномъ. Къ числу этихъ исправныхъ ресавскихъ книгъ принадлежатъ и Книги Царствъ съ толкованіями, переведенныя съ греческаго въ 1416 г. неизвѣстнымъ лицомъ (г. Попруженко полагаетъ, что переводчикомъ могъ быть и самъ Константинъ Костенчскій), близко стоявшимъ къ деспоту Стефану Лазаревичу. Въ 1418 году этотъ переводъ былъ переписанъ нѣкимъ Досифеемъ (онъ же и Моисей) въ подкрыліи горы Прозрака, близъ храма Пречистыя Богородицы иже на Любостыни; рукопись Досифея была выведена покойнымъ славистомъ В. И. Григоровичемъ и пожертвована въ бібліотеку Одесскаго университета.

Г. Попруженко, по указанію академика И. В. Ягича, изучилъ эту важную рукопись со стороны правописанія, языка и содержанія, сличилъ переводъ «Книги Царства» съ другими переводами, ему доступными, и опредѣлилъ источники значительной части толкованій. Въ результатѣ оказалось, что переводчикъ хорошо зналъ и погречески и пославянски, переводилъ большею частію умно и осторожно, а для толкованій пользовался въ значительной мѣрѣ Іосифомъ Флавіемъ и Θεодоритомъ Кирскимъ. Изъ частныхъ результатовъ, добытыхъ авторомъ, отмѣтимъ любопытное сопоставленіе одесской рукописи съ знаменитой Острожскою Библіей 1533 г. (стр. 175—183); оказывается весьма вѣроятнымъ, что издатели этой Библіи для исправленія текста

пользовались копией съ того перевода «Книги Царствъ», единственная рукопись котораго попала въ руки Григоровича.

Свое изслѣдованіе г. Попруженко представилъ въ качествѣ магистерской диссертации въ историко-филологическій факультетъ Одесскаго университета. 13 марта состоялся диспутъ, который въ общемъ прошелъ очень удачно и оживленно.

А. К.—въ.

К. Ивановъ. Средневѣковой городъ. Спб. 1894.

Настоящій очеркъ г. Иванова представляетъ собою второй выпускъ той серіи очерковъ быта и нравовъ средневѣкового общества, которая предпринята авторомъ, какъ пособие къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Предпріятіе это весьма симпатично и несомнѣнно полезно. Ознакомленіе съ бытовою стороною исторіи является для лицъ, изучающихъ ее, дѣломъ весьма важнымъ, даже необходимымъ. Дѣйствительно, едва ли бы было рациональнымъ и желательнымъ такое явленіе, какъ говорить о феодалахъ, рыцаряхъ, горожанахъ и ихъ цехахъ въ средніе вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть о нихъ конкретнаго представленія. А между тѣмъ ввести бытовую отдѣлъ въ учебное руководство по исторіи, трудно, если не невозможно. Этому мѣшаютъ и особенныя свойства матеріала, входящаго въ названный отдѣлъ, и размѣры учебнаго руководства. Такимъ образомъ, все то, что рисуетъ бытовую сторону, должно служить матеріаломъ для спеціальной книги или еще лучше—для цѣлаго изданія, гдѣ бы послѣдовательно раскрывались передъ изучающими исторію важнѣйшія стороны средневѣкового быта. Подобное полезное изданіе и предпринято г. Ивановымъ, при чемъ отдѣльные выпуски его, представляя собою каждый особо совершенно самостоятельное цѣлое, примыкаютъ въ то же время, по своему содержанію, одинъ къ другому.

Настоящій очеркъ изображаетъ важнѣйшія бытовые стороны германскаго города въ XIV—XV столѣтіяхъ. Построенъ онъ по типу предыдущаго очерка того же автора («Средневѣковой замокъ и его обитатели», см. о немъ «Историческій Вѣстникъ», августъ, 1894 г.). Весь матеріалъ авторъ очень удачно раздѣлилъ на главы: городъ спитъ; городъ пробудился; городской совѣтъ; бюргерскій домъ; цехи; свадьба; флагеллянты; городскія увеселенія и т. п. Каждая глава рисуетъ одну изъ сторонъ быта средневѣкового города, и въ цѣломъ всѣ онѣ даютъ живую, мастерски написанную картину его бытовой жизни. Въ изложеніи авторъ теперь отрѣшился отъ той искусственной развязности, какая замѣтна была въ первомъ очеркѣ; рассказъ ведется просто, естественно и замѣчательно живо, такъ что очеркъ читается легко и съ большимъ интересомъ. Книжка украшена очень недурными рисунками, издана весьма красиво и опрятно. Авторъ, замѣтно, относится очень внимательно и добросовѣстно къ своему изданію, и это служить гарантіей, что и остальные общаемые имъ очерки быта средневѣковой жизни будутъ написаны также умѣло, живо и интересно.

Н. Рыжковъ.

Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году. Полковника генеральнаго штаба Н. А. Орлова. Спб. 1894.

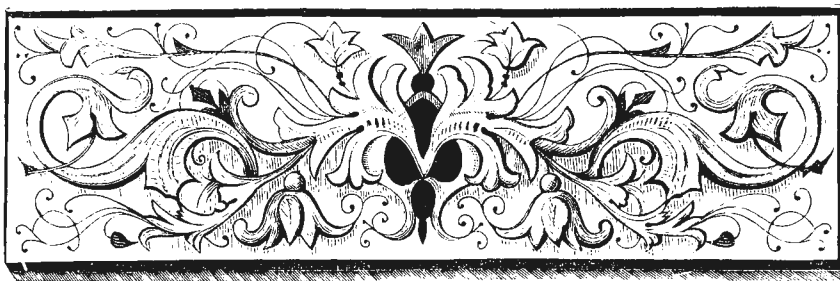
Профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Н. А. Орловъ, издавшій въ 1890 г., ко дню столѣтія взятія Измаила, прекрасное военно-историческое изслѣдованіе: «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», издалъ теперь, къ столѣтію взятія Праги, новое, столь же обстоятельное изслѣдованіе «Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году». Описывая эту блестящую страницу изъ нашихъ военныхъ лѣтописей, въ связи съ предшествовавшими ей событиями, авторъ даетъ яркую характеристику Суворова и рельефными чертами рисуетъ значеніе, которое имѣлъ его подвигъ на исходъ всей кампаніи. Благодаря архивнымъ матеріаламъ, г. Орловъ сообщаетъ не мало новыхъ подробностей, касающихся дѣйствій и распоряженій Суворова; но, кромѣ этого, въ изслѣдованіи г. Орлова любопытны также документы, выясняющіе отношенія къ великому полководцу тогдашнихъ выдающихся военныхъ дѣятелей, въ особенности Салтыкова и Рѣпина, которые, ради личныхъ расчетовъ и самолюбія, не задумывались ставить Суворову всевозможныя препятствія, такъ что ему приходилось одновременно бороться и съ поляками и съ завистливымъ соперничествомъ своихъ товарищей по оружію. Изслѣдованіе г. Орлова, написанное весьма живо и снабженное картой и портретами Суворова и Костюшки, представляетъ интересъ не только для военныхъ людей, но и для всѣхъ занимающихся русской исторіей.

С. Ш.

Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изданіе второе. Томъ I. Съ портретомъ А. Ѳ. Гильфердинга. Спб. 1894.

«Онежскія былины», собранныя Гильфердингомъ, являются необходимымъ предметомъ изученія для всякаго, занимающагося народной русской словесностью, въ частности—эпосомъ. Первое изданіе этого замѣчательнаго сборника, заключающаго въ себѣ 318 былинъ, сдѣланное въ 1873 году, разошлось и представляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Въ виду этого академія наукъ рѣшила переиздать этотъ замѣчательный трудъ, и передъ нами находится теперь первый томъ втораго изданія. Въ это второе изданіе войдутъ, кромѣ статьи Гильфердинга объ Олонецкой губерніи и ея рапсодахъ, еще: 1) дневникъ путешествія собирателя за 1871 годъ, біографическій очеркъ его, составленный К. Н. Вестужевымъ-Рюминимъ; 2) былины, записанныя собирателемъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи, и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»; 3) словарь словъ областныхъ и малоупотребительныхъ въ обще-русскомъ языкѣ и 4) указатели, имѣющіе цѣлью дать полныя статистическія данныя къ вопросамъ, касающимся былевого эпоса. Все изданіе рассчитано на три тома.

С. Т—скій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЯ въ 1894 году. Прошедшій годъ составитъ одну изъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи археологическихъ открытій, все болѣе и болѣе поднимающихъ завѣсу, скрывавшую до сихъ поръ древній міръ. Въ Греціи, Африкѣ, Малой Азіи, Англии и даже Россіи иностранные ученые произвели за послѣдніе мѣсяцы цѣлый рядъ замѣчательныхъ археологическихъ работъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ открытіямъ въ Греціи. Германская археологическая школа въ Афинахъ подарила ученому міру древній водопроводъ съ резервуаромъ и двумя цистернами, который находился на наружной сторонѣ Акрополя; въ одной изъ этихъ цистернъ найдены драгоценные художественные предметы: прекрасная алебастровая статуя Фортуны, мраморная голова Меркурія, великолѣпная группа атлета, борящагося со львомъ, и мозаичный полъ чрезвычайно тонкой отдѣлки. Американская археологическая школа, не желая отстать отъ нѣмцевъ, приступила къ раскопкамъ въ громаднхъ размѣрахъ въ томъ кварталѣ Афинъ, который идетъ отъ восточной стороны Акрополя до Эоловой башни; въ этой мѣстности, какъ извѣстно, находилась самая важная часть древняго города, но теперь тутъ существуетъ нѣсколько улицъ, съ большимъ числомъ домовъ, постройка которыхъ представлялась, или невозможной, или дорогой. Теперь же греческое правительство согласилось на экспроприацію всѣхъ этихъ частныхъ имуществъ въ пользу государства и распредѣлило уплату 5 милліоновъ франковъ частнымъ владѣльцамъ между греческимъ археологическимъ институтомъ и четырьмя иностранными археологическими школами, въ числѣ которыхъ, кромѣ упомянутыхъ, находятся еще англійская и французская. Англійская школа сдѣлала театромъ своихъ раскопокъ Абозъ въ Фокидѣ и Гіамполь; въ первомъ вполнѣ обнаруженъ фундаментъ первобытнаго храма

Аполлона, но такъ какъ онъ былъ ограбленъ персами и еванцами, то среди его остатковъ найдено немного художественныхъ произведеній, но все-таки обращаютъ на себя вниманіе отысканные тамъ финикійскіе сосуды и осколки надписей, свидѣтельствующихъ о сооруженіи на мѣстѣ древняго греческаго зданія римскаго храма, при Адрианѣ. Въ Гіамполѣ найдено много древнихъ греческихъ надписей и жертвенникъ Артемидѣ, который, повидимому, служилъ для культа не только этой богини, но Сераписа и Изиды. Однако, наиболѣе богатые результаты раскопокъ нынѣшняго года въ Греціи достались на долю французской школы, которая уже третій годъ производитъ громадныя раскопки въ Дельфахъ, подъ руководствомъ извѣстнаго археолога Гомоля. Надняхъ онъ самъ прочиталъ въ общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій французскаго института любопытный докладъ о сдѣланныхъ имъ важныхъ открытіяхъ, и устроена имъ въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ выставка алебастровыхъ снимковъ и фотографическихъ изображеній главнѣйшихъ его находокъ; кромѣ того, «Journal des Débats» напечаталъ длинный рядъ писемъ изъ Дельфъ другого замѣчательнаго археолога Жоржа Перро и его же подробное описаніе вышеуказанной выставки. Наконецъ, въ «La Vie Contemporaine» помѣщенъ очень рельефный разсказъ Генри Леша о томъ, что французы сдѣлали и дѣлаютъ въ настоящее время въ Дельфахъ. Такимъ образомъ получается полная возможность составить себѣ понятіе объ этихъ важныхъ трудахъ французской археологической школы. Они дѣлаютъ тѣмъ большую честь какъ производящимъ ихъ ученымъ, такъ и французскому парламенту, вотировавшему значительныя суммы на этотъ предметъ, что, по существующимъ международнымъ соглашеніямъ съ Греціей, иностранцы, производящіе раскопки, работаютъ въ сущности не для себя, а для нея, такъ какъ всѣ найденные драгоценные предметы становятся собственностью Греціи и не могутъ быть изъ нея вывезены, а лица, нашедшія эти предметы, получаютъ только право дать свое имя сдѣланнымъ открытіямъ и привилегію перваго воспроизведенія ихъ всевозможнымъ путемъ, а также перваго печатнаго ихъ описанія. Благодаря подобнымъ порядкамъ, Греція обязана чужимъ трудамъ самыми блестящими сокровищами своихъ мѣстныхъ музеевъ, открытыхъ въ нѣсколькихъ провинціальныхъ центрахъ, и національнаго музея, прекрасно устроеннаго въ Афинахъ. Америка подарила ей найденные при раскопкѣ храма Геры, близъ Аргоса, остатки барельефовъ, въ которыхъ усматриваютъ рѣзецъ Поликлета; Германія—знаменитыя фигуры съ фронтоновъ большого Олимпійскаго храма и Гермеса Праксителя, а Франція—цѣлый рядъ статуй, найденныхъ въ Делосѣ и въ храмѣ Аполлона въ Віотіи, а теперь—неистощимая сокровища, открытыя въ Дельфахъ. Эти послѣднія работы произведены на самую широкую ногу, и уже снято 70.000 куб. фут. земли; но предстоятъ еще большія работы, если хотятъ дѣло довести до конца. До сихъ поръ очищена верхняя терраса, гдѣ возвышался храмъ Аполлона, и обнаружены его фундаментъ, а также подземная галлерей, но отъ самаго храма не найдено никакихъ остатковъ: ни архитектурныхъ обломковъ, ни барельефовъ, ни статуй, такъ вполне было уничтожено это чудо древняго искусства. За то отысканы три знаменитыя сокровищницы: афинская, сикіонская и віотійская съ многочисленными скульптурными богатствами. Барельефы первой изъ нихъ, открытыя въ 1893 году, изображаютъ различныя сцены изъ легенды о Геркулесѣ и Тезеѣ, работы

художниковъ самаго расцвѣта греческаго искусства въ началѣ V вѣка, а барельефы послѣднихъ двухъ, найденные въ прошедшемъ году, относятся къ первобытной эпохѣ пеллопонезскаго искусства и къ легендамъ о діоскурахъ и аргонавтахъ. Кромѣ того, найдены изящныя мраморныя статуи, въ томъ числѣ Антиноя и какого-то невѣдомаго атлета, побѣдителя на Пивійскихъ играхъ, первобытныя каріатоды, лошадиныя головы и безконечныя, чрезвычайно важныя въ историческомъ отношеніи, надписи. Самое древнее изъ этихъ художественныхъ произведеній—статуя обнаженнаго человѣка, по всей вѣроятности, Аполлона, работы какого-то художника изъ Аргоса, и хотя въ ней нѣтъ еще изящной красоты ваяннй Поликтета и Фидія, но она служитъ прекраснымъ образцомъ первобытнаго греческаго искусства, которое мало-по-малу развилось до крайнихъ предѣловъ совершенства. Наконецъ, во второй половинѣ прошедшаго года найдены въ Дельфахъ еще два новыхъ гимна Аполлону, которые вмѣстѣ съ открытымъ въ 1893 году тамъ же первымъ гимномъ составляютъ драгоценное приобрѣтеніе, такъ какъ впервые знакомятъ съ доселѣ невѣдомой древней греческой музыкой. Уже прежде находили подобныя доски съ древними греческими нотами, но никакъ не могли разобрать эти оригинальныя партитуры, а теперь это впервые удалось французскимъ ученымъ и, по свидѣтельству лицъ, слышавшихъ исполненіе перваго изъ этихъ гимновъ въ Парижѣ и Афинахъ, его меланхоличная, хотя своеобразная и величавая мелодія нѣсколько напоминаетъ пѣснь пастуха въ «Тристанѣ» Вагнера. Новые отрывки гимна Аполлону въ томъ же духѣ, и теперь уже открыто имя ихъ автора: это аѳинскій поэтъ Клеохаръ, сынъ Віона. Что же касается до того, какимъ образомъ эти доски съ музыкальными знаками и словами нашлись въ храмѣ Аполлона, то, благодаря ученымъ изысканіямъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ежегодный праздникъ въ Дельфахъ оканчивался музыкальнымъ состязаніемъ, называвшимся созеріей, и получившая привѣзъ кантата вырѣзывалась на камнѣ и вывѣшивалась въ храмѣ.

Въ археологическихъ открытіяхъ прошедшаго года въ Африкѣ первое мѣсто также принадлежитъ французскимъ ученымъ. Недавно назначенный завѣдывающимъ египетскими древностями молодой археологъ Морганъ быстро оказался достойнымъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ Маріетта и Масперо. Предпринявъ и энергично ведя раскопки въ двухъ пирамидахъ въ Дашурѣ, онъ открылъ въ южной—мумію фараона Ра-Фу-Аба, статую изъ дерева, изображающую двойника фараона, и мумію дочери фараона Нубъ-Хотепъ, а въ сѣверной—двѣнадцать саркофаговъ древнихъ египетскихъ принцессъ, гдѣ оказались шкатулки съ удивительными драгоценными предметами: ожерельями, браслетами и т. д., изъ золота, аметиста, бирюзы, сердолика, ляписъ-лазури и т. д. Всѣ эти произведенія древнѣйшаго искусства поражаютъ необыкновенной художественной отдѣлкой и сохранились вполне, хотя одна изъ шкатулокъ была повреждена сыростью, и предметы, находящіеся въ ней, валялись въ беспорядкѣ, среди обломковъ подъ грудой песка. Не довольствуясь этими удивительными открытіями, описанными въ его статьѣ въ январской книжкѣ новаго журнала «Le monde Moderne», Морганъ продолжалъ свою работу и въ концѣ ноября нашелъ подъ сѣверной Дашурской пирамидой розовую гранитную усыпальницу построившаго ее фараона, но пустую и совершенно ограбленную. Рядомъ съ этой важной археологической работой въ Египтѣ производятся французами

и раскопки въ Карфагенѣ, гдѣ найдена большая пуническая гробница, съ прекрасно сохранившимся въ ней внутреннимъ убранствомъ; между прочимъ, отыскана тамъ производителемъ этихъ работъ, патеромъ Делатромъ, любопытная маска улыбающагося старческаго лица. Весною была устроена въ Парижѣ, въ Трокадеро, выставка фотографическихъ снимковъ съ римскихъ древностей, открытыхъ въ послѣднее время въ Алжирѣ, гдѣ, оказывается, можно изучать жизнь, архитектуру и художественныя произведенія древнихъ римлянъ не хуже, чѣмъ въ Римѣ и Помпеѣ. Въ особенности замѣчательно сохранилась римская дорога изъ Ламбесы въ Тимгудъ и остатки древнихъ зданій въ этихъ двухъ центрахъ римскаго владычества въ Африкѣ; описаніе этихъ совершенно неизвѣстныхъ историческихъ памятниковъ представляетъ интересная статья профессора французской коллегіи Канья, въ одномъ изъ прошлыхъ номеровъ «La Vie Contemporaine». Конечно, англичане не отстаютъ отъ французовъ въ раскопкахъ древностей Египта, и пользуясь своимъ господствомъ въ странѣ фараоновъ, они не подчиняются египетскимъ узаконеніямъ, воспреещающимъ вывозъ древностей, а найдя что либо замѣчательное, прямо везутъ открытые предметы въ Лондонъ. Такъ, въ прошлое лѣто, тамъ была открыта выставка драгоценныхъ находокъ профессора Петри въ городѣ Коптѣ, близъ Оивъ. Онъ откопалъ значительные остатки шести расположенныхъ одинъ на другомъ храмовъ, съ многочисленными сосудами, изваяніями и украшениями. Главный интересъ этого открытія заключается въ томъ, что нижній изъ храмовъ впервые обнаруживаетъ доисторическій Египетъ. Какъ извѣстно, до сихъ поръ общественное и художественное развитіе Египта представляло странную загадку. Чѣмъ болѣе углублялись во мракъ времени, тѣмъ египетское искусство и египетскій общественный строй казались совершеннѣе. Никакъ нельзя было доискаться до первобытнаго періода и, повидимому, Египетъ не имѣлъ дѣтства. Теперь, благодаря трудамъ Петри, оказывается, что Египетъ, подобно всѣмъ странамъ, проходилъ естественныя фазы развитія. Онъ нашелъ гигантскія статуи въ тринадцать футовъ вышины, которыя представляютъ ни что иное, какъ усѣченные конусы. Руки, ноги и уши обозначены грубыми линиями, выбитыми молоткомъ, а объ рѣзцѣ нѣтъ и помина. Лицо вовсе не обозначено, и профессоръ Петри полагаетъ, что оно замѣнялось деревянной маской. Другія изваянія, найденныя тамъ же, представляютъ самое грубое и варварское изображеніе слона, газели, рыби, раковинъ и большой птицы, по всей вѣроятности, сокола. Что касается до самихъ статуй, то, по словамъ профессора Петри, онѣ составляютъ первобытное изображеніе бога Мина. Не меньшее историческое значеніе открытію профессора Петри имѣетъ находка въ Асіутскомъ некрополѣ цѣлаго ряда деревянныхъ солдатъ, вышиною 38 сантиметровъ и доказывающихъ своимъ вооруженіемъ и костюмомъ, что негры, служившіе египетскимъ фараонамъ, за двѣ или за три тысячи лѣтъ до Р. Х., ходили, какъ двѣ капли воды, на негровъ, служившихъ недавно подъ начальствомъ Махди. Въ особенности поразительно сходство копья, которое ни въ чемъ не отличается отъ теперяшняго.

Недавно опубликованъ officialный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1894 году въ Хиссарлыкѣ, гдѣ докторъ Шлиманъ открылъ древнюю Трою. Эти работы производились на счетъ прусской королевской казны, которая отпустила, по приказанію императора Вильгельма, 30.000 марокъ

для окончанія предпринятаго Шлиманомъ великаго дѣла. Они подробно описаны въ статьѣ г. Бердяева, напечатанной въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Въ другой мѣстности Малой Азіи, французскій консулъ де-Сарвекъ нашелъ въ Телохѣ резиденцію одного изъ самыхъ древнихъ халдейскихъ царей, жившаго за 4.000 лѣтъ до Р. Х., когда еще не было и поминна о Вавилонѣ. А главное, въ развалинахъ его древняго дворца отыскалъ цѣлую бібліотеку, состоящую изъ 30.000 плитокъ съ надписями. Эти подлинныя акты, снабженные именами и царскими печатами, представляютъ: счета, интентари, списки жертвъ и т. д. Изъ содержанія ихъ оказывается, что этотъ халдейскій царь, Эвтемена былъ великимъ земледѣльцемъ и плавтаторомъ. Среди совершенныхъ имъ дѣлъ первое мѣсто занимаетъ устройство двухъ священныхъ рощъ, посвященныхъ Нинхарсагѣ, богинѣ горъ и матери боговъ, прототипу классической Цибеллы, и Нинѣ, водяной нимфѣ, символомъ которой были рыба и кувшинъ. Благодаря остаткамъ гидравлическихъ сооруженій, найденныхъ также Сарвекомъ, очевидно, что въ тѣ отдаленныя времена Телохская пустыня была покрыта лѣсами, и по всей вѣроятности, финиковыми, такъ какъ древніе обитатели Месопотаміи, въ сохранившейся народной пѣснѣ, прославляли триста шестьдесятъ благодѣяній финиковаго дерева, которое, также какъ теперь, составляло главное средство пропитанія.

Англійское общество антикваріевъ въ послѣдніе три года производитъ дѣятельныя раскопки древняго римскаго города Кавеллы, находившагося на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ маленькій городокъ Сильчестръ, въ Норт-ампширѣ. Въ прошедшемъ году работы подвинулись на столько, что раскопано тридцать шесть акровъ земли изъ всѣхъ ста акровъ, составляющихъ площадь, которую занимаютъ развалины Кавеллы. Кромѣ частныхъ домовъ, тутъ найдены форумъ, храмъ и общественныя купальни, но всего замѣчательнѣе первые, которые, по своему устройству, доказываютъ, что римляне умѣли строить теплыя жилища, и въ этомъ отношеніи зданія въ сѣверной Кавеллѣ совершенно отличны отъ зданій въ Помпей. Въ нихъ нѣтъ обычныхъ итальянскихъ перистилей и открытыхъ балконовъ, а во внутреннихъ комнатахъ устроено отопленіе посредствомъ трубъ, нагрѣваемыхъ горячимъ воздухомъ изъ большой печи, отапливаемой углемъ. Конечно, при этихъ раскопкахъ найдено много древнихъ монетъ не только римскаго, но и кельтическаго образцовъ, значительное число надписей, мозаичныхъ украшеній, колець, стеклянныхъ вадѣлій, глиняной посуды и т. д. Значительная часть этихъ предметовъ была выставлена въ Лондонѣ и привлекла на себя общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ самого Лондона недавно открыты остатки римской виллы.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской академіи надписей извѣстный археологъ баронъ де-Бей прочелъ любопытный докладъ о найденной имъ около Кіева древней гробницѣ, повидимому, туземной женщины второй половины X вѣка. Онъ уже нѣсколько времени занимается археологическими раскопками въ Россіи, но, по его словамъ, ему еще никогда не удалось найти столь драгоцѣнное въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ сокровище. Въ этой гробницѣ оказались двѣ бронзовыя золоченыя застежки, въ видѣ черепахи, пара серебряныхъ серегъ, одна серебряная застежка, одно ожерелье изъ серебряныхъ, яantarныхъ, хрустальныхъ и сердоликовыхъ бусъ, а также три подвѣски къ этому ожерелью, именно крестъ и

двѣ византійскія монеты съ кольцами, которыя были отчеканены въ 928 и 944 годахъ, при императорахъ Романѣ I и Константинѣ X. Бронзовыя застежки датской или шведской работы эпохи викинговъ, а фактъ, что вмѣстѣ съ ними найдены византійскія монеты, объясняется тѣмъ, что скандинавы посѣщали Кіевъ по дорогѣ въ Грецію и обратно. Что касается до остальныхъ предметовъ, то они часто встрѣчаются въ славянскихъ курганахъ, даже въ языческой эпохѣ.

Но если археологія въ 1894 году обогатилась значительнымъ рядомъ блестящихъ и замѣчательныхъ пріобрѣтеній, то она понесла и значительныя потери въ лицѣ трехъ извѣстныхъ ученыхъ: нѣмца Бругша-Паши, англичанина сэра Чарльза Ньютона и итальянца Жана Бабтиста де-Росси. Первый былъ знаменитымъ египтологомъ и, родившись въ Берлинѣ въ 1827 году, еще въ гимназій напечаталъ нѣсколько научныхъ трактатовъ о древне-египетскихъ іероглифахъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе Гумбольдта и короля Фридриха-Вильгельма IV, которые оказали ему щедрую помощь въ дальнѣйшихъ его ученыхъ трудахъ. Первое свое путешествіе въ Египетъ онъ совершилъ на счетъ прусскаго короля и, вернувшись въ Берлинъ, былъ назначенъ хранителемъ египетскаго музея. Затѣмъ онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ занимался изслѣдованіемъ нильскихъ древностей и посѣтилъ Персію, также съ археологической цѣлью. Проведя четыре года прусскимъ консуломъ въ Каирѣ, онъ потомъ занималъ каюдру египтологіи въ Геттингенѣ, а въ 1870 году былъ назначенъ хедивомъ въ директоры египтологической школы въ Каирѣ. Съ 1886 году онъ снова поселился въ Берлинѣ и до своей смерти постоянно занимался своими любимыми учеными трудами, такъ что въ ноябрьскихъ книжкахъ нѣмецкихъ журналовъ появились, рядомъ съ его біографіями, изъ которыхъ наиболѣе интересная помѣщена Карломъ Винценти въ «*Veihagen und Klassings Monatshefte*», двѣ его собственныя статьи въ «*Universum*»: «Гелиополь и его обелиски», а въ «*Deutsche Rundschau*» воспоминанія объ его другѣ, извѣстномъ французскомъ египтологѣ, Августѣ Мариѣттѣ. Сэръ Чарльзъ Ньютонъ пользовался общей извѣстностью не только въ Англіи, но и во всемъ свѣтѣ, какъ хранитель греческихъ и римскихъ древностей въ Британскомъ музеѣ. Онъ былъ профессоромъ археологіи въ университетской коллегіи въ Лондонѣ и почетнымъ докторомъ Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ. Кромѣ того, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ консуломъ на Родосѣ, на Митиленѣ и въ Римѣ. Кромѣ кабинетныхъ работъ, онъ извѣстенъ успѣшными раскопками въ Средней Азійи и на островахъ Архипелага. Однако, наибольшей славой изъ умершихъ въ прошломъ году археологовъ пользовался Росси, котораго папа Піи IX называлъ Христофоромъ Колумбомъ римскихъ катакомбъ. Дѣйствительно, онъ первый привелъ въ систему римскую христіанскую археологію и открылъ длинный рядъ христіанскихъ гробницъ, начиная съ III вѣка. Всѣ его работы описаны въ трехъ почтенныхъ трудахъ, въ которыхъ напечатаны и коментированы 12.000 надгробныхъ надписей. Онъ такъ сроднился съ возстановленнымъ имъ міромъ христіанскихъ древностей, что находилъ наибольшее удовольствіе показывать катакомбы всѣмъ желающимъ, и его интересныя лекціи на французскомъ языкѣ передъ тѣмъ или другимъ памятникомъ составляли одну изъ достопримѣчательностей Рима. Въ послѣдніе годы ему приходилось, по словамъ Дюшена, автора біографическаго очерка о Росси въ «*Re-*

vue de Paris», много боротся за сохраненіе дорогихъ его сердцу памятниковъ христіанской древности отъ святотатственной руки лицъ, безжалостно уничтожавшихъ остатки старины для новыхъ построекъ; но общее уваженіе всего Рима, избравшаго его однимъ изъ своихъ муниципальных совѣтниковъ, давало ему возможность въ большинствѣ случаевъ одерживать побѣды.

— Великій печатникъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Velhagen und Klassings Monatshefte» помѣщена блестяще иллюстрированная статья Фридриха Шаарпмидта о Плантенскомъ музеѣ въ Антверпенѣ и его знаменитомъ основателѣ. По происхожденію французъ, Христофъ Плантенъ родился въ Турѣ въ 1514 году и съ молодости занимался печатнымъ дѣломъ въ Каенѣ, а отсюда перебрался въ 1549 году въ Антверпенъ, который тогда былъ центромъ интеллектуальной и коммерческой жизни сѣверной Европы. Сначала онъ исключительно былъ переплетчикомъ и, научившись этому дѣлу у своего прежняго хозяина, Робера Маса, типографа и переплетчика Каенскаго университета, выказалъ замѣчательное искусство въ приготовленіи золоченыхъ и мозаичныхъ переплетовъ, доведенныхъ имъ до невиданнаго дотола совершенства; но черезъ нѣсколько лѣтъ съ нимъ случилось несчастье: однажды вечеромъ, относя заказанную кожаную шкатулку секретарю Филиппа II, Каясу, онъ случайно былъ принятъ на улицѣ за другое лице и подвергся нападенію подкупленныхъ убійцъ. Хотя онъ остался въ живыхъ, но получилъ такую серьезную рану въ правую руку, что не могъ продолжать своей работы. Тогда онъ завелъ типографію, и первая напечатанная имъ книга была въ формѣ маленькаго octavo «Giovanni Michele Bruto la institutione di una fanciulla nata nobilmente, 1555», а за ней послѣдовалъ длинный рядъ изданій всякаго рода до 1562, когда снова Плантенъ подвергся случайному несчастью. На этотъ разъ онъ попался въ руки не наемныхъ убійцъ, а инквизиціи. Его неожиданно обвинили въ напечатаніи еретической книги «Briefve instruction pour prie», и по приказанію регентши, Маргариты Пармской произведенъ былъ обыскъ въ его домѣ, при чемъ захвачено, кромѣ указанной книги, два другихъ изданія. Онъ самъ бѣжалъ въ Парижъ, а его три помощника были приговорены къ каторгѣ. Пока продолжалось это дѣло, Плантенъ, съ помощью друзей, продалъ свою антверпенскую типографію и открылъ въ Парижѣ книжную лавку, а также занимался тамъ изданіемъ различныхъ книгъ. Спустя годъ, благодаря покровительству Каяса, онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Антверпенъ и не только открылъ новую типографію, но ему поручено было, по ходатайству того же патрона и по совѣту кардинала Гранвеллы, королемъ Филиппомъ II напечатать знаменитую біблію «Poliglota» на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, халдейскомъ и сиріакскомъ нарѣчіяхъ. Этотъ колоссальный трудъ былъ совершенъ въ четыре года сорока особыми работниками, подъ руководствомъ придворнаго капеллана Филиппа, извѣстнаго ученаго, Аріаса Монтана, и вышелъ въ восемь томахъ въ 1573 году. Въ награду за это Филиппъ сдѣлалъ Плантена привилегированнымъ издателемъ всѣхъ церковныхъ книгъ въ обширныхъ въ то время испанскихъ владѣніяхъ. Пользуясь этой монополіей, онъ издалъ 60 тысячъ молитвенниковъ, 100 тысячъ требниковъ и 400 тысячъ часослововъ, а всего изъ его типографіи выпущено при Плантенѣ до 1.500 различныхъ изданій. Однако, не смотря на такую энергичную дѣятельность и на тотъ фактъ, что его ти-

пографія была центромъ интеллектуальнаго движенія въ Антверпенѣ, Плантенъ не нажилъ себѣ большого состоянія, а въ 1583 году обанкрутился и передалъ антверпенскую типографію своему зятю Жану Морету, который до тѣхъ поръ былъ его агентомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а самъ отправился въ Лейденъ и тамъ открылъ новую книгопечатню. Однако, онъ тамъ оставался недолго и, передавъ дѣло другому своему зятю, профессору Равелингену, замѣчательному ученому и главному корректору его лучшихъ изданій, снова вернулся въ Антверпенъ, гдѣ попрежнему руководилъ своей типографіей до смерти въ 1589 году. Послѣ него начатое и долго успешно веденное имъ дѣло перешло въ руки Жана Морета, которому съ теченіемъ времени наслѣдовала цѣлая династія печатниковъ Плантеновъ-Моретовъ, достойныхъ соперниковъ Этьена и Эльзевира. Настоящій представитель этого знаменитаго рода, имѣющаго своимъ девизомъ «*Labore et constantia*», продалъ въ 1876 году городу Антверпену свою типографію и домъ, въ которомъ она находилась съ 1579 года, за 1.200.000 франковъ. Этотъ замѣчательный остатокъ старины превращенъ въ національный музей и составляетъ одну изъ диковинъ Антверпена. Все въ немъ сохранено или восстановлено въ томъ видѣ, какъ оно было при великомъ печатникѣ, который составилъ себѣ извѣстность не только какъ типографъ, но и какъ поэтъ, художникъ и собиратель различныхъ артистическихъ коллекцій. Конечно, главный интересъ возбуждаютъ 22 печатныхъ станка, на которыхъ онъ самъ работалъ, составленный имъ каталогъ его изданій и вѣсы, на которыхъ онъ вѣшалъ золото, но достойно вниманія также собраніе картинъ, въ томъ числѣ 14 Рубенса и 2 Ванъ-Дика, коллекція рукописей, автографовъ и миниатюръ того времени, а равно и вся типичная историческая обстановка этого центра европейской умственной дѣятельности за 300 лѣтъ тому назадъ.

— Разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ. Францъ Функъ-Брентано, въ ноябрьской книжкѣ «*Revue Historique*», снова рассматриваетъ старый вопросъ о Желѣзной Маскѣ, по которому написана цѣлая библіотека, и заявляетъ притязаніе на окончательное его разрѣшеніе. Его статья возбуждена цѣлымъ рядомъ новыхъ трудовъ, въ которыхъ исследованы имѣющіяся свѣдѣнія о таинственной личности, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ Желѣзной Маски, именно книгами Лэра «*Nicolas Fouquet*» (Никола Фуке), Буржо и Базери «*Le masque de fer; révélation de la correspondance chiffrée de Louis XIV*» (Желѣзная Маска по шифрованной корреспонденціи Людовика XIV) и барона Карутти «*Storia della città di Pinerolo*» (Исторія города Пинероло), а также полемическимъ очеркомъ по этому предмету Пьера Вертрана въ «*Revue Encyclopedique*». Послѣдній авторъ доказалъ, что въ актѣ погребенія Желѣзной Маски на кладбищѣ св. Павла находится имя Марціоли, а не Марціали, какъ утверждали до сихъ поръ всѣ историки, кромѣ Поля Де-Сень-Виктора, въ его книгѣ «*Anciens et modernes*». Это, повидимому, маловажное различіе въ одной буквѣ имѣетъ большое значеніе. Дѣйствительно, губернаторъ Бастиліи, Сень-Марсъ говоритъ въ своей перепискѣ о старомъ узникѣ, по имени Марціоли, который находился подъ его надзоромъ въ замкѣ Пиньероль. Это былъ министръ герцога Мантуанскаго, графъ Антоній Геркулесъ Маттіоли, котораго Людовикъ XIV приказалъ арестовать въ окрестностяхъ Турина, въ прямое нарушеніе международнаго права, за выдачу вѣнскому, мадридскому и савойскому дво-

рамъ тайны переговоровъ между Версалемъ и Мантуей на счетъ приобретѣнія французскимъ королемъ Казалья, главнаго города Монферата. А единственный достовѣрный, подлинный документъ, который сохранился о чело-вѣкѣ съ черной бархатной маской, превращенной легендами въ желѣзную, заключается въ записи о принятіи таинственнаго узника въ Бастиліи: «Четвергъ, 18-го сентября, въ 3 часа по полудни, г. Сень-Марсъ, губернаторъ Бастильскаго замка, прибылъ въ первый разъ изъ управляемаго имъ до-селѣ острова св. Маргариты и привезъ съ собой стараго узника изъ Пинь-роля, котораго онъ держитъ всегда въ маскѣ, и имени котораго онъ не упо-минаетъ». Бертранъ указываетъ, что при послѣднихъ французскихъ коро-ляхъ въ официальныхъ записяхъ чрезвычайно фантастично писались лич-ныя имена, а потому надо обратить особое вниманіе на то, что дѣйствительно министра герцога Мантуанскаго и одного изъ узниковъ Сень-Марса въ Пиньеролѣ звали одинаково Маттіоли. Еще въ 1773 году извѣстный библио-филъ баронъ Гейсъ утверждалъ, что именно Маттіоли былъ Желѣзной Мас-кой, и это предположеніе поддерживали впоследствии многіе историки и ученые, въ томъ числѣ Реть, Ру-Фавильякъ, Делоръ, Арманъ Башъ и Ма-риусъ Топень; но эта разгадка тайны, тревожащей европейское любопыт-ство 200 лѣтъ, была отвергнута послѣ остроумной ея критики Луазелеромъ и въ особенности найденнаго генераломъ Юнгомъ доказательства, что Маттіоли погребенъ на островѣ св. Маргариты въ 1694 году. Теперь Функъ-Брентано опровергаетъ это открытіе Юнга, основанное на одной фразѣ въ письмѣ Барбезьѣ къ Сень-Марсу, отъ 10-го мая 1694 года: «Вы можете, согласно вашему предложенію, помѣстить въ тюремной кельѣ подъ сводами слугу умершаго узника». А такъ какъ, по словамъ Юнга, на островѣ св. Маргариты не было другого узника съ лакеемъ, кромѣ Маттіоли, то онъ и заключаетъ, что дѣло идетъ въ этомъ письмѣ именно о немъ. Но этотъ ис-кусный аргументъ вполнѣ опровергается фразой въ письмѣ Сень-Марса къ министру, отъ 6-го января 1696 года, о томъ, что принимаются извѣстныя предосторожности при приѣмѣ бѣлыя, прежде чѣмъ оно передается: «слу-гамъ господъ узниковъ». Уничтоживъ такимъ образомъ всю силу аргумен-таціи Юнга противъ предположенія о томъ, что Маттіоли былъ Желѣзной Маской, Функъ Брентано приводитъ и прямыя доказательства, служащія доказательствомъ той системы разрѣшенія вопроса о Желѣзной Маскѣ, ко-торую онъ защищаетъ. Во-первыхъ, существуетъ брошюра на итальянскомъ языкѣ, напечатанная въ 1681 году, два года спустя послѣ ареста Маттіоли и за пятьдесятъ лѣтъ до возбужденія вопроса о маскированномъ узникѣ Бастиліи, и въ ней лице, повидимому, хорошо знавшее все дѣло, рассказы-ваетъ, что Маттіоли былъ тайно схваченъ и отвезенъ въ маскѣ въ Пинь-роль. Во-вторыхъ, можно документально прослѣдить переходъ Маттіоли изъ Пиньероля на островъ св. Маргариты и оттуда въ Бастилію. Въ-третьихъ, все, что извѣстно отъ лицъ, которыя должны были знать, кто былъ Же-лѣзная Маска, ограничивается словами Людовика XIV и Людовика XVI: первый говорилъ маркизѣ Помпадуръ, которая передала объ этомъ герцогу Шуазелю, что Желѣзная Маска былъ итальянскій министръ, а Людовикъ XVI рассказывалъ Маріи-Антуанеттѣ, что, по объясненію министра Морепа, этотъ таинственный узникъ былъ опаснымъ, въ виду его интригъ, поддан-нымъ герцога Мантуанскаго, котораго заманили на границу и содержали сначала въ Пиньеролѣ, а потомъ въ Бастиліи. Такъ какъ оба эти королев-

скія заявленія были сдѣланы въ такую эпоху, когда не возбуждено было вопроса о Маттіоли, то они имѣютъ такую же доказательную силу, какъ указанная выше итальянская брошюра. Нельзя не признать, что аргументы Функъ-Брентано чрезвычайно вѣски, и что въ настоящее время, въ виду имѣющихся историческихъ данныхъ, всё шансы въ пользу того, что Желѣзной Маской былъ дѣйствительно Маттіоли, но историческія изслѣдованія и открытія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, особенно въ послѣднее время, что врядъ ли можно признать окончательнымъ разрѣшеніе этого вопроса, какъ полагаютъ Функъ-Брентано и вопліѣ соглашающійся съ нимъ анонимный авторъ статьи въ «Revue Encyclopedique», до освѣщенія его временемъ, которое одно въ состояніи сдать къ архиву, какъ вопліѣ исчерпанную, столь долго волновавшую общее любопытство, полемику о Желѣзной Маскѣ.

— Отголоски французской революціи въ Голландіи. Извѣстный французскій публицистъ Анатоль Леруа-Боліе представляетъ на страницахъ второго декабрьскаго номера «La Revue de Paris» очеркъ о вліяніи французской революціи на Голландію, основываясь на только-что вышедшемъ почтенномъ трудѣ одного французскаго дипломата, скрывшаго свое имя и напечатавшаго свою книгу анонимно, подъ заглавіемъ: «Французская революція въ Голландіи: Батавская республика». Оказывается, что Голландія, имѣвшая свою собственную революцію гораздо раньше не только Франціи, но Англіи и Америки, совершенно преобразилась, благодаря событіямъ 1789 года, потому что, не смотря на завоеванную ею двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ свободу политическую и религіозную, она въ концѣ XVIII столѣтія представляла чрезвычайно архаическую и не соответствовавшую тогдашнимъ передовымъ идеямъ государственную систему. Она была республикой и страной гражданской свободы, но эта республика и свобода были основаны не на правахъ человѣка, а, напротивъ, на привиллегіяхъ отдѣльныхъ провинцій, городовъ и общественныхъ группъ. Идея равенства была совершенно ей невѣдома, и не только провинціи, города, и даже жители одного города отличались другъ отъ друга своими правами, но существовали цѣлыя категоріи природныхъ голландцевъ, которые были лишены политическихъ правъ, какъ, напримѣръ, католики и евреи. Только важные города имѣли право посылать депутатовъ въ провинціальныя и генеральныя штаты, а большинство этихъ депутатовъ принадлежало къ буржуазной олигархіи. Надъ этой федеральной и буржуазно-олигархической системой возвышалась власть штатгальтера, мало-по-малу принявшая наследственный характеръ. Вотъ въ какомъ положеніи находилась Голландія, когда французская революція даровала ей тотъ современный строй, которымъ она отличается донынѣ, и благодаря которому гарантированы были всѣмъ провинціямъ и всѣмъ классамъ населенія одинаковыя права: политическія, религіозныя и гражданскія. По словамъ Леруа Боліе, теперешніе Нидерланды прямо происходятъ отъ французской революціи, а не отъ Утрехтскаго трактата; ей они обязаны введеніемъ существующей системы законодательной, судебной и административной, своимъ кодексомъ, соціальной организаціей и даже монархіей, которая, по странной ироніи судьбы, увѣчала это демократическое превращеніе дотолѣ страдавшей отъ всевозможныхъ привиллегій страны. Съ первыхъ дней французской революціи Голландія сочувственно откликнулась на нее, и хотя конвентъ былъ выну-

жденъ борьбой съ европейскими государствами занять своими войсками Нидерланды, но батавскіе патріоты встрѣтили французовъ, какъ освободителей, такъ какъ они не могли забыть, что еще недавно штатгалтерская власть искала помощи въ прусскомъ вмѣшательствѣ противъ своего собственнаго народа. Тогда эта власть дѣйствовала въ слѣпомъ повинованіи Пруссіи и Англіи, а потомъ съ помощью французской арміи, она быстро была свергнута, и основана Батавская республика. Но тутъ голландцамъ пришлось испытать нѣкоторое разочарованіе, и освободившій ихъ конвентъ всячески старался сдѣлать новую маленькую республику только частью сосѣдней большой, даже настоялъ на уступкѣ Франціи Фландріи и голландскаго Брабанта. Такимъ образомъ, добившись, подъ вліяніемъ Франціи, измѣненія своего внутренняго строя въ болѣе либеральномъ и демократическомъ духѣ, Голландія была вынуждена заплатить за это, съ одной стороны своей политической самостоятельностью, а съ другой—значительнымъ уменьшеніемъ своей территоріи, такъ какъ не только французы отмежевали у нея значительные участки земли, но и англичане отняли у нея, благодаря ея оборонительному и наступательному союзу съ Франціей, принадлежавшія ей многочисленныя колоніи, именно: Суринамъ, Цейлонъ, Мысъ Доброй Надежды, Яву и Зондскіе острова. Вступивъ на путь подражанія Франціи, флегматичная Голландія втеченіе десяти лѣтъ имѣла пять или шесть различныхъ правительствъ и столько же конституцій: у нея былъ и конвентъ, и директорія, и консулъ въ лицѣ Шимельпенянка, который носилъ названіе Великаго Пенсіонарія. По словамъ этого добродушнаго и честнаго голландца, Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, предложилъ ему наслѣдственную корону Голландіи, но дѣйствительно ли хитрый корсиканецъ соблазняялъ Шимельпенянка подобнымъ предложеніемъ, или нѣтъ, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Голландія была преобразована въ королевство, но только для брата Наполеона, Людовика, а когда послѣдній оказался недостаточно слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ императора, то онъ былъ лишенъ престола, и Голландія окончательно присоединена къ Франціи въ 1810 году. Если послѣ паденія Наполеона она возвратила себѣ независимость и даже отнятыя конвентомъ провинціи, то все-таки внутренній ея строй сохранилъ и сохраняетъ до сихъ поръ слѣды того вліянія, которое имѣла на его коренное измѣненіе французская революція.

— Интервью Наполеона лордомъ Эбрингтономъ. Декабрская книжка «Macmillans Magazine» перепечатала очень любопытный документъ, хотя и появившійся въ свѣтъ въ 1823 году, но сдѣлавшійся библиографическою рѣдкостью: это разсказъ лорда Эбрингтона о своихъ двухъ разговорахъ съ Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Очень богатый аристократъ, сначала адъютантъ Веллингтона, а потомъ депутатъ и другъ Наполеона, вздумалъ посѣтить въ концѣ 1814 года Наполеона на островѣ Эльбѣ и имѣлъ съ нимъ два чрезвычайно интересныхъ разговора. Конечно, прежде всего вопросъ коснулся о бурбонской реставраціи, и Наполеонъ прямо спросилъ: «Скажите мнѣ откровенно, довольны французы?». Англичанинъ совершенно искренно отвѣчалъ: «Такъ себѣ». Тогда Наполеонъ произнесъ: «Они и не могутъ быть довольны, ихъ слишкомъ унизили миромъ. Я знаю характеръ француза: онъ не такой гордый, какъ англичанинъ, но онъ любитъ больше всего славу. Солдаты были мнѣ преданы потому, что я былъ ихъ товарищемъ. Я побѣждалъ вмѣстѣ съ ними и щедро вознаграждалъ ихъ, а теперь

они чувствуютъ, что они ничто. Я сознавалъ, что Франціи нужна аристократія, но на это необходимо было время. Я создалъ князей, герцоговъ, далъ имъ большія помѣстья и хотѣлъ поженить ихъ на представительницахъ старинной аристократіи; но судьба не пожелала дать мнѣ тѣхъ двадцати лѣтъ, которыя я считалъ необходимыми для упроченія величія Франціи. Король долженъ былъ слѣдовать моему примѣру, а не окружать себя живыми мертвецами, гнившими столько лѣтъ на лондонскихъ чердакахъ. Конечно, король можетъ имѣть своихъ друзей и ихъ награждать, но ему слѣдуетъ поступать согласно съ обстоятельствами. Въ Англіи, напримѣръ, король можетъ дѣлать, что хочетъ, со своимъ дворомъ, можетъ быть болѣнъ, даже сойти съ ума, а дѣла будутъ идти своимъ порядкомъ, такъ какъ ими руководятъ министръ и парламентъ; но во Франціи—государь источникъ всей власти, и малѣйшее его дѣйствіе имѣетъ громадную важность. Напримѣръ, скандалъ, происшедшій между англійскимъ принцемъ-регентомъ и мистрисъ Кларкъ, потрясъ бы, а, быть можетъ, низвергнулъ французскій престолъ, а въ Англіи все обошлось благополучно, такъ какъ Джонъ-Буль человекъ стойкій и упорный сторонникъ древнихъ учреждений». Переходя отъ Франціи и Англіи къ другимъ странамъ и ихъ государямъ, Наполеонъ отозвался всего сочувственнѣе объ императорѣ австрійскомъ, называя его честнымъ человекомъ, хотя очень ограниченнымъ, безхарактернымъ и лишеннымъ всякой энергіи. Прусскаго короля онъ считалъ самымъ глупымъ изъ всѣхъ современныхъ государей, «безмысленнымъ капраломъ, не имѣвшимъ ни одной идеи подъ своимъ мушкетиромъ». На вопросъ же англичанина, что онъ думаетъ объ императорѣ Александрѣ, Наполеонъ отвѣчалъ: «Эго настоящій грекъ, и ему нельзя ни въ чемъ довѣрять; однако, онъ человекъ образованный и имѣетъ кое-какія либеральныя идеи, которыя внушилъ ему воспитавшій его философъ Ла-Гарпъ. Но онъ такой легкомысленный и такой фальшивый, что нельзя знать, составляютъ ли выражаемыя имъ мнѣнія результатъ его мыслей, или только желаніе сказать чтонибудь, идущее въ разрѣзъ съ его положеніемъ. Во время Тильзитскаго свиданія мы говорили съ нимъ о лучшей формѣ правительства, и Александръ отдавалъ предпочтеніе избирательной монархіи, а я говорилъ, что Цезаря или Александра можно найти не въ каждомъ столѣтіи, а потому наследственность всегда лучше игры случая». Отъ Александра до похода въ Россію былъ только одинъ шагъ, и Наполеонъ откровенно высказывалъ свое изумленіе по поводу результата этой кампаніи. Достигнувъ Москвы, онъ считалъ дѣло конченнымъ, городъ былъ снабженъ всевозможными запасами, и онъ могъ спокойно прозимовать тамъ со всей своей арміей. Все измѣнилъ пожаръ Москвы—событіе, которое онъ считалъ единственнымъ въ исторіи. О своихъ маршалахъ онъ отзывался очень рѣзко: Мармона называлъ измѣнникомъ и причиною своего паденія, а всего сочувственнѣе отзывался о Мюратѣ, какъ настоящемъ героѣ въ бою и великолѣпномъ лаццарони. Съ наибольшей злобой онъ говорилъ о Талейранѣ, называя его величайшимъ разбойникомъ, лишеннымъ всякаго стыда и уговаривавшимъ его предать смерти Бурбоновъ, какъ Бурбонамъ онъ совѣтовалъ убить его. На замѣчанія англичанина, что всѣ удивляются тому хладнокровію, съ которымъ онъ переносилъ перемѣну своего положенія, Наполеонъ отвѣчалъ: «Весь свѣтъ этому болѣе изумился, чѣмъ я. Никогда я не имѣлъ хорошаго мнѣнія о людяхъ и всегда сомнѣвался въ счастіи; къ тому же я мало

«истор. вѣстн.», январь, 1895 г., т. лх.

21

пользовался плодами своей власти; мои братья были гораздо болѣе государи, чѣмъ я. Они дѣйствительно извлекали всѣ удовольствія изъ королевской власти, а я только терпѣлъ всѣ ея невыгоды».

— Третій мужъ Маріи-Луизы. Вторая ноябрьская книжка итальянскаго журнала «Nuova Antologia» обращаетъ на себя вниманіе статьей Джіовани Сфорцы, который рассказываетъ о пребываніи второй жены Наполеона Маріи-Луизы въ Пармѣ, гдѣ она царствовала въ качествѣ великой герцогини, согласно Вѣнскому трактату. Итальянскій авторъ рисуетъ ея царствованіе, какъ мирную идиллію, въ которой не было недостатка ни въ красивой обстановкѣ, ни въ романтическихъ эпизодахъ. Какъ извѣстно, она явилась въ Парму съ графомъ Нейпергомъ, котораго австрійскій императоръ назначилъ состоять при ней въ качествѣ оберъ-гофмаршала. Сначала она находилась съ нимъ въ тайныхъ близкихъ отношеніяхъ, а потомъ вышла за него замужъ. Когда именно произошло ихъ вѣнчаніе — неизвѣстно, но у нихъ было трое дѣтей, изъ которыхъ первый родился при жизни Наполеона. Послѣ смерти Нейперга короткое время былъ ея оберъ-гофмаршаломъ баронъ Маршалъ, а за тѣмъ эту должность занялъ графъ Шарль де-Вомбель, который во всѣхъ отношеніяхъ продолжалъ роль Нейперга. Онъ также былъ тайнымъ мужемъ Маріи-Луизы, но этотъ фактъ былъ извѣстенъ очень немногимъ, и даже въ Пармѣ о немъ узнали по слѣдующимъ строкамъ завѣщанія великой герцогини. «Я завѣщаю графу Шарлю де-Вомбелю, моему оберъ-гофмаршалу, съ которымъ я тайно обвѣнчана 17-го февраля 1834 года, капиталъ въ 300 тысячъ французскихъ ливровъ, которые должны быть уплачены ему изъ принадлежащихъ мнѣ моденскихъ фондовъ». Кромѣ того, она оставила ему свой портретъ, рисованный Ренсаромъ и всѣ свои бумаги. Этотъ графъ де-Вомбель былъ французъ, сынъ эмигранта, подъ конецъ жизни поступившаго въ патеры и умершаго епископомъ аміенскимъ. Покинувъ Францію вмѣстѣ съ Карломъ X, при дворѣ котораго онъ служилъ камергеромъ, графъ де-Вомбель сумѣлъ втереться въ милость императора австрійскаго, который послалъ его въ Парму къ своей дочери. Онъ сразу понравился Маріи-Луизѣ, и она писала своей подругѣ г-жѣ Путѣ, отъ 12-го сентября 1833 года: «Я очень сожалѣю барона Маршала, который могъ имѣть много недостатковъ, но отличался двумя громадными достоинствами: желаніемъ добра и привычкой всегда говорить правду, какъ бы она непріятна ни была. Графа Вомбеля я сначала боялась, но теперь онъ меня все болѣе и болѣе очаровываетъ. Это — счастливая находка для меня, и дай Богъ, чтобы онъ долго остался здѣсь. Онъ соединяетъ въ себѣ все, чего только можно желать — и силу и нѣжность». Спустя нѣсколько времени, именно 25-го декабря, она говоритъ въ письмѣ къ той же дамѣ: «Я все болѣе и болѣе довольна Вомбелемъ — это просто святой чело- ловѣкъ и, кромѣ того, онъ чрезвычайно пріятенъ въ обществѣ». Всѣ эти хваленныя достоинства графа Вомбеля были вполне вознаграждены тайнымъ бракомъ съ великой герцогиней. Но Парма дорого заплатила за эту свадьбу, такъ какъ Вомбель, ярый консерваторъ и фанатичный клерикалъ, въ короткое время сдѣлалъ свою жену ненавистной народу, не смотря на ея прежнюю популярность: онъ возвратилъ въ Парму іезуитовъ и увеличилъ армію, что было вполне безцѣльно, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножилъ государственные расходы, возбуждая тѣмъ болѣшую ненависть патриотовъ. Мало-по-малу стали проявляться грозные симптомы на-

роднаго недовольства, а 16-го іюня 1847 года, по поводу празднованія годовщины восшествія на престолъ папы Пія IX, произошли въ Пармѣ серьезныя беспорядки. Въ это время Марія-Луиза находилась по случаю болѣзни на Мейдлингенскихъ водахъ, и Бомбель былъ съ ней. Онъ немедленно вернулся, окруженный солдатами, принялъ самыя крутыя мѣры и огуломъ арестовалъ всѣхъ подозрительныхъ людей, чѣмъ окончательно произвелъ разрывъ между великой герцогиней и ея народомъ. Она сама вернулась изъ Вѣны «со смертью въ сердцѣ», по выраженію принцессы Меттернихъ, 16-го ноября 1847 года, а спустя мѣсяць умерла отъ тяжелаго недуга. Бомбель отвезъ ея смертныя останки въ Вѣну, гдѣ ови преданы землѣ, а потомъ поступилъ въ камергеры къ австрійскому императору Фердинанду I и умеръ въ 1856 году.

— Тайны испанскаго двора. Въ декабрьской книжкѣ лондонскаго журнала «New Review» окончены анонимныя воспоминанія о придворной жизни въ Испаніи при королевахъ Христинѣ и Изабеллѣ. Если вѣрить ихъ автору, повидимому, близко знакомому съ тайнами испанскаго двора, подготовная его блестящей внѣшности была самая скандальная, развратная и преступная. Королева Изабелла была, повидимому, развращена ея окружающими съ самаго дѣтства, а ея мать королева-регентша Христина нисколько не заботилась о воспитаніи дочери. Она обращалась со своими придворными самымъ страннымъ образомъ, и главная ея забава заключалась въ томъ, чтобы рвать имъ брови и заставлять ихъ глотать свои напильотки. Она отличалась, между прочимъ, удивительной легкостью относительно родовъ, что ей было съ руки, такъ какъ, выйдя тайно замужъ, послѣ смерти своего перваго мужа, ей приходилось скрывать рожденіе своихъ дѣтей. Рассказываютъ, что однажды за параднымъ обѣдомъ она встала изъ-за стола, подъ предлогомъ легкаго недорозвья, и спокойно удалилась, прося всѣхъ присутствующихъ продолжать обѣдъ до ея возвращенія. Спустя полчаса, она явилась, какъ ни въ чемъ не бывало, и окончила обѣдъ, весело разговаривая и смѣсь. Впослѣдствіи было узвано, что въ эти полчаса она родила ребенка въ домѣ одной изъ своихъ фрейлинь. Оставленная безъ всякаго присмотра и поощряемая придворными ко всякаго рода беззавратвенному чтенію, Изабелла двѣнадцати лѣтъ сдѣлалась героиней далеко не романическаго, а просто постыднаго и преступнаго эпизода. 10-го ноября 1843 года она приняла присягу на царство; одинъ изъ главныхъ дѣятелей, низвергнувшихъ Эспартера, донъ-Себастьянъ-Оловага, наставникъ, или попечитель юной королевы, задумалъ окончательно развратить ее, чтобы забрать чрезъ нее всю власть въ свои руки. Онъ повелѣ дѣло очень ловко и однажды, заманивъ ее въ отдаленную комнату дворца, хотѣлъ воспользоваться ея невинностью и, только благодаря неожиданному появленію графини Мина, одной изъ придворныхъ дамъ, ему не удалось осуществить своего намѣренія. Еще скандальнѣе рассказъ анонимнаго ачтора объ отцѣ короля Альфонса XII-го, которымъ, оказывается, былъ простой офицеръ. «Мы теперь дошли до 1857 года, когда родился будущій король Альфонсъ XII,—рассказываетъ этотъ злобный обличитель придворныхъ скандаловъ,—и теперь необходимо сказать нѣсколько словъ объ интимныхъ отношеніяхъ Изабеллы къ одному молодому инженерному офицеру. Этотъ эпизодъ одна изъ самыхъ романичныхъ и поэтичныхъ страницъ въ исторіи королевы, такъ какъ въ означенномъ случаѣ играла роль искренняя любовь, безъ

всякой корыстной подкладки. Этотъ молодой капитанъ, по фамиліи Пуйжмолто, безумно влюбился въ королеву, но, конечно, онъ только издали видѣлъ предметъ своей любви, такъ какъ бѣдному, неизвѣстному офицеру не было никакой возможности проникнуть ко двору. Однако послѣ долгихъ усилій ему удалось добиться назначенія на дежурство во дворецъ, что влекло за собой, по правиламъ испанскаго этикета, приглашеніе къ королевскому столу. Страстное его желаніе исполнилось. Въ то время Нарваэзъ находился во главѣ правительства, и въ тотъ самый день, когда капитанъ Пуйжмолто въ первый разъ долженъ былъ обѣдать съ королевой, вспыхнулъ мятежъ въ казармахъ св. Эгидіа. Нарваэзъ приказалъ молодому офицеру взять роту солдатъ и, усмиривъ бунтовщиковъ, не дозволить движенію распротравиться далѣе. «Я исполню ваше приказаніе, генераль,—отвѣчалъ Пуйжмолто,—но подъ однимъ условіемъ, если вы позволите мнѣ вернуться обѣдать съ королевой». Нарваэзъ согласился, и спустя часъ юный герой вернулся во дворецъ побѣдителемъ. Узнавъ объ его подвигѣ и о выговоренномъ имъ условіи, королева приняла молодого человѣка очень милостиво. Ему стоило такъ же мало труда побѣдить ея сердце, какъ и усмирить бунтовщиковъ. Конечно, иллилія продолжалась недолго, и когда наступилъ ей конецъ, то онъ спокойно уѣхалъ въ Валенцію, гдѣ женился въ 1860 году. Наканувъ своей свадьбы онъ отправилъ королевѣ всѣ ея письма съ лаконической надписью: «я женюсь». А когда она велѣла его спросить, чего онъ желаетъ, то онъ гордо отвѣчалъ: «ничего». Съ тѣхъ поръ онъ никогда болѣе не являлся ко двору и, выйдя въ отставку, посвятилъ себя земледѣлію. Но хотя онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами своего положенія, ему пришлось подвергнуться его невыгодамъ, а именно: непопулярность Изабеллы отразилась на немъ, и его сосѣди не давали ему покоя издѣвательствами и упреками. Когда, послѣ вступленія на престоль, Альфонсъ XII прибылъ въ Валенсію, то его тайный отецъ отказался явиться къ его двору, не смотря на приглашеніе его сына, и только въ толпѣ любовался королемъ, котораго онъ въ сущности подарилъ Испаніи. Въ послѣдней главѣ этихъ во всякомъ случаѣ любопытныхъ воспоминаній, анонимный авторъ приводитъ очень рѣзкую характеристику королевы Изабеллы, которая, по его словамъ, всю свою жизнь подчинялась только двумъ идеямъ: фанатическому суевѣрію и любви. Она всегда носила на себѣ два мѣшечка съ образками, вѣсившими до трехъ фунтовъ, а число ея фаворитовъ превосходило количество этихъ образковъ. По несчастію, она не могла носить ихъ всѣхъ при себѣ, подобно образкамъ, такъ какъ мѣняла ихъ почти каждый день; при этомъ она самымъ жестокимъ образомъ мстила тѣмъ изъ нихъ, которые впадали въ ея немилость, или измѣняли ей, что естественно быстро увеличивало число ея враговъ и наконецъ было одной изъ главныхъ причинъ ея паденія. Что касается до ея несчастнаго мужа, то онъ зналъ о всѣхъ ея продѣлкахъ и постоянно хранилъ при себѣ документы, доказывавшіе незаконность его дѣтей. Благодаря этому, онъ всегда грозилъ ей обнародовать ихъ и составилъ манифестъ къ испанскому народу въ подобномъ духѣ. Конечно, такой угрозы было достаточно, чтобы Изабелла соглашалась на всѣ его требованія, но легко себѣ представить, какова была семейная жизнь, которую вела эта королевская чета.

— Смерть Дюрюи и Фруда. Конецъ прошедшаго года ознаменовался кончиной двухъ извѣстныхъ историковъ: француза Дюрюи и англичанина

Фруда; хотя первому изъ нихъ было 84 года, а послѣднему 76, но они до послѣднихъ дней своей жизни продолжали историческіе труды, которые сдѣлали ихъ имена популярными въ литературѣ и наукѣ. Собственно говоря, ни одинъ изъ нихъ не былъ первокласснымъ историкомъ, но Дюрюи пользовался вполнѣ заслуженной репутаціей добросовѣстнаго, основательнаго и знающаго составителя подробныхъ историческихъ монографій, представляющихъ ясный и умѣло составленный сводъ всѣхъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ изслѣдованій по изложенному предмету; а Фрудъ былъ послѣднимъ представителемъ англійской школы блестящихъ историковъ-рассказчиковъ, образцомъ которыхъ были Макoley и Карлейль. Главными трудами Виктора Дюрюи, бывшаго профессоромъ исторіи въ Политехнической школѣ, членомъ французской академіи и министромъ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, которому онъ помогаль при составленіи его исторіи Цезаря, — считаются: «Исторія грековъ» въ трехъ томахъ, «Исторія римлянъ» въ семи томахъ и «Популярная исторія Франціи» въ одномъ томѣ. Хотя Дюрюи и упрекали за его бонапартистскія тенденціи, но его министерская дѣятельность была чужда тѣхъ позорныхъ злоупотребленій, которыя налагали пятно на дѣятельность большей части сообщниковъ Седанскаго героя, а послѣ паденія декабрьской имперіи онъ не принималъ участія ни въ какихъ интригахъ противъ республики, а въ печальную годину парижской осады служилъ простымъ волонтеромъ въ національной гвардіи. По этому случаю парижскія газеты рассказываютъ характеристичный анекдотъ. Однажды, Жюль Симонъ, министръ народнаго просвѣщенія въ правительствѣ національной обороны, возвращаясь въ домъ министерства, замѣтилъ съ удивленіемъ, что стоявшій на часахъ у двери національный гвардеецъ имѣлъ на солдатскомъ мундирѣ звѣзду Почетнаго Легіона. Подойдя ближе, онъ узналъ бывшаго министра и воскликнулъ: «Неужели это вы, Дюрюи? Вы—простой солдатъ?» «Такъ что же,—отвѣчалъ шестидесятилѣтній историкъ, — нельзя всѣмъ быть министрами». «Но всѣ могутъ давать другъ другу добрый примѣръ», — отвѣчалъ находчиво Жюль Симонъ. Совершенно иной типъ историка представляетъ Фрудъ: получивъ образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ также былъ профессоромъ и занималъ даже кафедру въ своей Alma mater до самой смерти, также написалъ два многотомныхъ труда: «Исторію Англій со времени паденія Вольсея до пораженія Великой Армады» и «Англичане въ Ирландіи въ XVIII столѣтіи», но никогда не заботился о главномъ, въ сущности, предметѣ каждаго историка: точности и вѣрности сообщаемыхъ фактовъ. Онъ не группировалъ историческихъ событій, какъ Дюрюи, съ точностью и ясностью, а подбиралъ ихъ такъ, чтобы они составили блестящій художественный рассказъ, не заботясь ни о справедливости, ни о вѣрности всего, что онъ рассказывалъ. Поэтому хотя послѣ смерти Фримана онъ и былъ всѣми признаваемъ за перваго изъ современныхъ англійскихъ историковъ, но скорѣе его можно назвать историческимъ рассказчикомъ, чѣмъ историкомъ. Зато многія его страницы останутся всегда образцомъ историческаго разсказа и только уступаютъ Макoley и Карлейлю. Его неудачная попытка обѣлить Генриха VIII и очернить Елисавету скоро забудется, а патетическое, картинное описаніе смерти Маріи Стюартъ будетъ всегда читаться съ живѣйшимъ интересомъ. При выходѣ изъ университета Фрудъ поступилъ въ ряды англиканскаго духовенства, но никогда не исполнялъ церковныхъ требъ и

впослѣдствіи сложилъ съ себя свой санъ, и свою жизнь былъ исключительно преданъ литературѣ и журналистикѣ. Его литературная плодовитость была такъ велика, что трудно пересчитать всѣ его сочиненія, уже не говоря о журнальныхъ статьяхъ. Кромѣ упомянутыхъ историческихъ трудовъ, наиболѣе заслуживаютъ вниманія его мастерская біографія Карлейля, «Жизнь Цезаря» и «Жизнь Эразма», вышедшая за нѣсколько дней до его смерти и составлявшая лекціи, прочитанныя имъ въ прошедшемъ году. Одно время онъ былъ редакторомъ журнала «Fraser's Magazine» и постоянно помѣщалъ въ различныхъ журналахъ статьи публицистическаго содержанія по всевозможнымъ, хотя преимущественно историческимъ, предметамъ. Въ политической и общественной дѣятельности своей страны онъ не принималъ прямого участія, но откликаясь печатно на вопросы дня и хотя отличался консервативными взглядами, ненавидѣлъ Ирландію и въ ложномъ свѣтѣ изображалъ ея исторію, а также написалъ хвалебную біографію лорда Биконсфильда, но во время русско-турецкой войны энергично поддерживалъ движеніе, возбужденное Гладстономъ, противъ болгарскихъ ужасовъ. Вообще это былъ живой, увлекающійся писатель, чрезвычайно быстро плодившій томы за томами, не смотря на безупречное художественное ихъ изложеніе, и въ этомъ отношеніи представлявшій разительный контрастъ со своимъ другомъ Карлейлемъ, который старательно выковывывалъ каждую свою страницу, но мѣткому выраженію Скельтона, автора любопытныхъ воспоминаній о Фрудѣ, напечатанныхъ въ декабрьской книжкѣ «Blackwood Magazine».

— Юбилей Гиббона и современные англійскіе историки. Недавно Королевское историческое общество въ Лондонѣ праздновало столѣтній юбилей знаменитаго историка Эдуарда Гиббона. Собственно говоря, юбилей не было никакого, такъ какъ поклонники автора «Упадки и паденія Рима» пропустили двѣ его годовщины, именно столѣтіе окончанія его великаго труда — въ 1888 году и столѣтіе его смерти — въ январѣ прошедшаго года. По неизвѣстной причинѣ они опоздали празднованіемъ, но лучше поздно, чѣмъ никогда, и этотъ запоздалый юбилей, кромѣ торжественнаго засѣданія историческаго общества съ обычными въ подобномъ случаѣ рѣчами, ознаменовался устройствомъ выставки въ Британскомъ музеѣ, гдѣ собраны были всѣ имѣющіеся автографы Гиббона, въ томъ числѣ его извѣстная автобіографія и значительное число писемъ, преимущественно къ его другу, лорду Шефилду, а также его портреты и различные мелкіе предметы, принадлежавшіе ему, какъ, напримѣръ, его табакерка, часы и сабля, которую онъ носилъ, исполняя должность офицера мѣстнаго провинціального отряда волонтеровъ. Конечно, всѣ журналы и газеты не только Англій, но и всего міра сочувственно откликнулись на чествованіе памяти одного изъ величайшихъ историковъ всѣхъ временъ, но, конечно, ни одна изъ этихъ статей не сказала ничего новаго, такъ какъ научныя и литературныя заслуги Гиббона уже давно признаны и говорить о нихъ — только повторять зады, а простые, далеко не романтические факты его жизни не только всѣмъ извѣстны, но и не могутъ возбудить особаго интереса, какъ бы талантливо они ни были изложены. Вся его пятидесятилѣтняя жизнь заключалась въ пяти фактахъ: онъ родился въ Путней отъ зажиточнаго коммерсанта французскаго происхожденія; онъ воспитывался въ Оксфордскомъ университетѣ, но безъ всякаго успѣха, такъ что его называли безграмотнымъ калѣкой, по случаю его болѣзненности и малыхъ успѣховъ въ ученій; онъ перешелъ

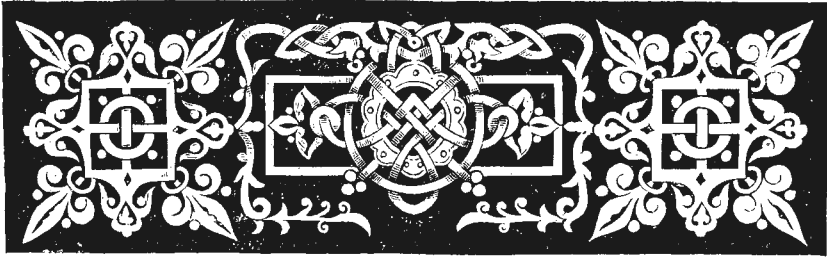
изъ протестантства въ католическую вѣру; онъ провелъ большую часть своей жизни въ Лозаннѣ, гдѣ написалъ значительную долю своего великаго историческаго труда; онъ вернулся въ Англію и умеръ въ замкѣ своего друга, лорда Шефилда. Вотъ все, что извѣстно объ его жизни, а затѣмъ можно только сказать, что онъ написалъ «Исторію упадка и паденія Рима», чѣмъ увѣнчалъ себя неуvidaемыми лаврами. Что касается до его другаго извѣстнаго сочиненія «Опытъ изученія литературы», то оно не можетъ сравниться съ великимъ трудомъ всей его жизни и, главнымъ образомъ, интересно потому, что написано на французскомъ языкѣ, который онъ отлично зналъ, также какъ французскую литературу и французскихъ писателей своего времени, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ во время своихъ частыхъ посѣщеній Франціи. Еще существуютъ его чрезвычайно интересные мемуары, которые, однако, напечатаны въ неполномъ, извращенномъ видѣ, а потому нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ извѣстнымъ англійскимъ публицистомъ Гарисономъ, однимъ изъ ораторовъ на юбилейномъ торжествѣ, и Б. Гассерономъ, авторомъ статьи о немъ въ номерѣ «Revue Encyclopedique» отъ 15-го декабря, чтобъ эти мемуары и всѣ письма Гиббона, красовавшіеся въ подлинникѣ на юбилейной выставкѣ, были поскорѣ напечатаны цѣликомъ. Этотъ юбилей, почти совпавшій со смертью Фруда, послѣдняго выдающагося историка викторіевской эпохи, богатой столь громкими именами въ этомъ отдѣлѣ англійской литературы, кромѣ прославленія его памяти, далъ поводъ лондонскимъ публицистамъ подвести итоги того, что сдѣлала историческая наука за сто лѣтъ, со времени смерти Гиббона, и въ какомъ положеніи она находится теперь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ эти сто лѣтъ явилось много крупныхъ талантовъ въ Англіи по изученію и литературному воспроизведенію старины, но оказывается, что и въ отдѣлѣ исторіи въ настоящее время замѣчается самый печальный упадокъ, какъ и вообще во всей англійской литературѣ. По самымъ тщательнымъ розыскамъ найдено только четыре живыхъ современныхъ историка, которые вполне достойны этого названія, хотя далеко уступаютъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. Это профессоръ Гардинеръ, сэръ Джонъ Силей, профессоръ современной исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ, епископъ оксфордскій и бывший оксфордскій профессоръ Стубсъ и Вилліамъ Лекки, другъ и издатель помертвыхъ сочиненій Бокля. Первый изъ нихъ наиболѣе подходитъ подъ требованія хорошаго историка, такъ какъ его вполне достойный соперникъ Стубсъ исключительно занимался специальнымъ предметомъ — исторіей англійской конституціи, а Гардинеръ вполне добросовѣстный, основательный и трудолюбивый ислѣдователь старины. Его главный трудъ обнимаетъ самый интересный и спорный періодъ англійской исторіи отъ воцаренія Іакова I-го до смерти Кромвеля. Тридцать одинъ годъ тому назадъ появился первый томъ первой серіи этого громаднаго труда, подъ названіемъ «Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова I-го до начала междоусобной войны»; предметомъ второй серіи была эпоха междоусобной войны, а въ ноябрѣ прошедшаго года вышелъ первый томъ третьей и послѣдней серіи: «Исторія республики и протектората». Главная заслуга этого объемистаго сочиненія, имѣющаго до сихъ поръ уже пятнадцать томовъ, заключается въ его строго научномъ и безпристрастномъ характерѣ, такъ что, не представляя художественныхъ красотъ, живописныхъ описаній и блестящихъ

характеристикъ Маколея и Карлейля,—онъ даетъ своимъ читателямъ гораздо болѣе полное, ясное и лишнее всякаго личнаго пристрастія понятіе о Іаковѣ I, Карлѣ I, Кромвелѣ и другихъ герояхъ изслѣдованной имъ до мелочей эпохи. Такимъ же безпристрастіемъ и такими же серьезными достоинствами отличается «Конституціонная исторія Англіи» Стуббеа, который вполне достойно окончилъ начато Галламомъ и продолжаемое серомъ Ерекиномъ Меемъ великое дѣло освѣтить яркимъ свѣтомъ всѣ фазы постепеннаго развитія той сложной машины, которая называется англійской конституціей. Профессоръ Силей—скорѣе биографъ, чѣмъ историкъ, и его лучшія произведенія: «Жизнь и время Штейна», одна изъ самыхъ монументальныхъ біографій, вышедшихъ въ наши дни, и «Краткій очеркъ жизни Наполеона». Что касается до его лекцій въ Оксфордѣ, то наибольшій успѣхъ имѣли тѣ изъ нихъ, которыя касались скорѣе публицистическаго, чѣмъ историческаго предмета, именно вопроса о колоніальномъ распространеніи Англіи. Послѣдній изъ названныхъ историковъ Лекки оказалъ большія услуги для изслѣдованія исторіи XVIII вѣка, но страдаетъ излишней склонностью къ туманному, часто мистическому философствованію и крайними консервативными взглядами, что вполне естественно въ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ. Эти болѣе чѣмъ почтенные года нисколько не затушили его пылкаго темперамента, и посѣтившій недавно этого маститаго шотландца газетный репортеръ съ удивленіемъ передаетъ его горячую филиппику противъ всего современнаго, при чемъ онъ пламенно высказалъ, что его герои апостолъ Павелъ, Аристотель, Шекспиръ и Гете.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійскій переводъ французской книги о Россіи.—Переводы Гончарова, Тургенева, гр. Толстого.—«Пончъ» въ роли приверженца Россіи.—Польская книга о возстаніи 1863 года.—Лажечниковъ во французской оцѣнкѣ.—Англійскіе моряки въ XVI столѣтіи.

ОЛЬКО ТЕПЕРЬ, заявляя намъ всевозможныя увѣренія въ дружбѣ и привязанности и раскаяніе въ томъ, что болѣе полвѣка относились къ намъ враждебно, осыпая клеветою и подозрѣніями, англичане вздумали перевести книгу Леруа Болье «Имперія царей и русскіе». Книга умнаго и безпристрастнаго француза отзывается о Россіи съ уваженіемъ, поэтому въ англійскомъ переводѣ она могла явиться только въ настоящее время при внезапно охватившей англичанъ симпатіи ко всему русскому. Да и тутъ еще переводъ третьяго изданія сдѣланъ Зинаидою Рагозиной и снабженъ комментаріями, необходимыми для просвѣщенныхъ мореплавателей. Англійская критика замѣчаетъ, однако, что переводъ наполненъ американизмами. Дѣйствительно выраженія «obsequiosity», «longanimity», «unbeknown», никогда не встрѣчались въ англійскомъ языкѣ. Теперь вышла вторая часть книги, говорящая о русскихъ учрежденіяхъ, и вложеніе автора англичане называютъ классическимъ, хотя книги Леруа нѣтъ на русскомъ языкѣ. Англичане также замѣчаютъ, что Леруа Болье не возлагаетъ особенныхъ надеждъ на устройство міра и не относится съ похвалами къ земству, хотя въ послѣднемъ учрежденіи заключаются зародыши самоуправленія, и многіе изъ русскихъ, по мнѣнію англичанъ, видятъ въ немъ древнія русскія земскія думы. Англичане называютъ земства «мѣстными совѣтами» и говорятъ, что они сильно пострадали въ послѣднюю турецкую войну, хотя многіе изъ нихъ были готовы къ патриотическимъ подвигамъ, особенно въ лицѣ пред-

ставителей крестьянства. Англичанъ особенно удивляетъ преобладаніе въ деревняхъ женскаго элемента, женщинъ врачей и учительницъ. Въ устройствѣ новыхъ судовъ авторъ видитъ также основы благосостоянія Россіи, хотя учрежденіе присяжныхъ было издавна знакомо странѣ, а зачатки адвокатуры были даже при Ярославѣ, если и не составляли, какъ въ Англіи, замкнутой корпораціи и не пользовались исключительными привилегіями. Интересуетъ англичанъ и учрежденіе волости, хотя они сомнѣваются, чтобы устарѣвшее обычное право могло произносить вполнѣ безпристрастные приговоры. Остатки старинныхъ суровыхъ мѣръ наказанія Леруа не оправдываетъ, но англичане сознаются, что свѣдѣнія объ этомъ часто преувеличены. Снѣга Сибири Леруа находятъ не такими тяжелыми, какъ болота Каены и мѣста ссылокъ, куда Луи Наполеонъ отправлялъ своихъ противниковъ. Русскіе ссыльные переносятъ теперь гораздо меньше лишеній. О законахъ печати сужденія автора весьма сдержаны. Напрасно только англійская критика говоритъ объ одновременномъ появленіи періодическихъ изданій въ обѣихъ странахъ, да и англійскія газеты вѣкогда не были знакомы съ цензурою, а если въ 1887 году австрійская полиція захватила нумера «Neue Freie Presse» за статью «Императрица Марія Терезія», то вѣдь противъ такихъ скорризовъ ничего не подѣлаешь.

— Русскихъ писателей англичане попрежнему переводятъ усердно. Констанція Гарнетъ перевела «Обыкновенную исторію» Гончарова и англійская критика называетъ этотъ скучный и устарѣвшій романъ лучшимъ произведеніемъ автора; въ Адуевѣ она видитъ чисто русскій типъ пренежнаго высшаго общества, принявшаго на себя трудъ исправить человѣчество и, конечно, не достигшаго цѣли; дамскій переводъ вѣренъ, но растянутъ и восхищаться въ немъ нецѣмъ. Въ приложеніи къ роману, Госсъ рассказываетъ біографію автора, также мало интересную. О Пушкинѣ Госсъ имѣетъ весьма смутныя понятія, но совѣтуетъ перевести «Обломова», какъ лучшее произведеніе Гончарова. Миссъ Гарнетъ перевела для чего-то во второй разъ и «Дворянское гнѣздо» Тургенева, очень хорошо переданное покойнымъ Ральстономъ; новый переводъ нѣсколько ближе къ подлиннику. Критика очень хвалитъ эту «очаровательную любовную исторію» и говоритъ, что Шекспиръ не создавалъ типа благороднѣ Лизы, а типъ Лаврецкаго—мастерское произведеніе полное реализма. И къ этому переводу приложено предисловіе, написанное Степнякомъ, не утерпѣвшимъ, чтобы не сдѣлать его тенденциознымъ, хотя и считаетъ его въ высшей степени художественнымъ произведеніемъ. Неизвѣстный переводчикъ издалъ почти въ такой же обложкѣ и рисунками, какъ и у насъ, четыре народныхъ разсказа Л. Н. Толстого: «Чѣмъ люди живы», «Что нужно человѣку», «Два странника» и «Не играй съ огнемъ». Переводъ снабженъ примѣчаніями, причемъ старательно выясняются и малороссійскія выраженія, и указывается на евангельскій духъ разсказовъ, находящій примѣненіе въ жизни русскаго простонародья. Англійская критика сожалѣетъ, что авторъ не пишетъ болѣе подобныхъ разсказовъ и относится съ пренебреженіемъ ко всѣмъ художественнымъ произведеніямъ. Подобные разсказы на англійскомъ языкѣ имѣли бы большой успѣхъ.

— Всего любопытнѣе и знаменательнѣе неожиданно появившаяся къ намъ симпатія въ англійской журналистикѣ. Послѣ рѣчей нынѣшняго и бывшаго премьера объ искреннемъ расположеніи къ Россіи, вся англійская печать только и толкуетъ о необходимости дружнаго дѣйствія обѣихъ дер-

жавъ даже въ Азіи, гдѣ онѣ имѣютъ одинаковое право дѣлать завоеванія. Только «Times» склоняется на сторону союза съ Германіей для уравновѣшенія политическаго вліянія Англіи въ Германіи. Самые консервативные англійскіе органы перешли на сторону нашей союзницы Франціи. Конечно, расположеніе народа къ русскимъ высказывалось уже давно, со времени посѣщенія Лондона наслѣдникомъ цесаревичемъ, и народныя симпатіи въ свою очередь принудили измѣнить враждебное расположеніе къ намъ правительства, но симпатіи журналистики всѣхъ партій и мнѣній, вполнѣ независимыхъ, проявились въ небывалыхъ размѣрахъ. Даже Пончъ, бывшій болѣе полвѣка руссофобомъ, твердитъ о своихъ симпатіяхъ къ намъ. Этотъ странный журналъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ страны, составленный изъ двѣнадцати равноправныхъ редакторовъ, независимыхъ каждый другъ отъ друга въ своемъ отдѣлѣ, принадлежащихъ къ радикаламъ и торіямъ, во всѣхъ статьяхъ высказывается за Россію. Помѣстивъ во время посѣщенія Николаемъ I Лондона карикатуру, изображающую бесѣду императора съ королевой и слова Викторіи подъ картою Ирландіи и Польши: «Brother, we have both wrong», «Пончъ» печатаетъ теперь изображеніе льва и медвѣдя, идущихъ подъ-руку и курящихъ трубку мира; внизу подпись: «какъ жаль, что мы не знали другъ друга раньше». На другой карикатурѣ левъ и медвѣдь, обнимающіе другъ друга, поютъ дуэтъ о сладости этихъ объятій: «мнѣ мило теперь русское наступленіе, такъ какъ я знаю, что это идетъ другъ!» А въѣдъ этими словами Биконсфильдъ пугалъ когда-то англичанъ и Европу. Медвѣдь называетъ льва товарищемъ; подпись All's well. Далѣе слѣдуетъ бесѣда лондонскихъ гражданъ о политикѣ. Броунъ толкуетъ о войнѣ изъ-за Кореи: «Теперь, когда мы такіе друзья съ русскими, что бы ни случилось — все не бѣда, дружба съ Россіей все устраиваетъ». Другой англичанинъ выражаетъ желаніе, чтобы и французъ присталъ къ нимъ, о нѣмцѣ этого не говорится. Далѣе, все въ томъ же номерѣ, въ діалогахъ: «John Bull à la russe»: два лондонца, встрѣтившіеся на Страндѣ, зовутъ «izvostchik'a», чтобы ѣхать на «Wellington'skaia oulitsa», ищутъ «dvornik'a» и пересыпаютъ разговоръ восклицаніями: «Bozhe moi!» и «ekaja dosada!» и кричатъ «tshort vozmi». Все это небывалыя вещи въ англійской журналистикѣ.

— По поводу полемики о польскомъ вопросѣ, разгорѣвшейся въ Германіи при открытіи выставки Костюшки, въ Краковѣ вышла книга публициста Станислава Козмянъ «Правда о 1863 годѣ». Авторъ самъ принималъ участіе въ этомъ восстаніи, какъ австрійскій полякъ, и теперь кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и предостерегаетъ своихъ соотечественниковъ не поддаваться ни самообольщенію, ни обѣщаніямъ извнѣ. Козмянъ и тогда былъ консерваторомъ и старался удержать крайнюю партію отъ насилія, понимая, что восстаніе безъ поддержки какой либо державы заранее обречено на погибель. Надѣялись, какъ извѣстно на Наполеона III, но онъ былъ недоволенъ, что не спросили его совѣта, и самъ задумывалъ въ это время вступить въ союзъ съ Россіей. Только узнавъ, что она заключила конвенцію съ Пруссіей, онъ сталъ поощрять восстаніе, въ чемъ Козмянъ прямо обвиняетъ его. Валевскій и Мокаръ открыто обѣщали депутатамъ помощь Франціи, но безхарактерность Наполеона прямо противорѣчила обѣщаніямъ его министровъ. Онъ все хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей и склонялся къ союзу даже Австрію, но и тутъ встрѣтилъ такую же нерѣшительность.

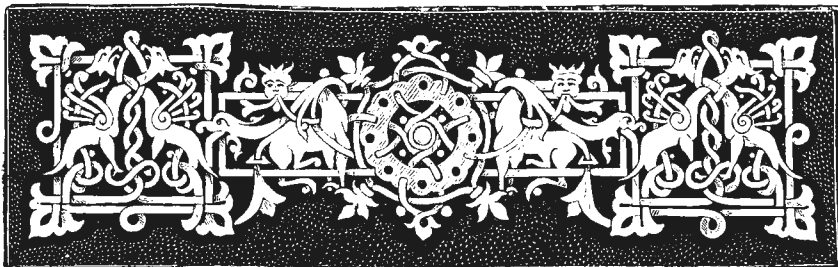
Евгенія, конечно, была на польской сторонѣ, но больше увлекалась Мексикой; только Морни и Фульдъ открыто стояли за союзъ съ Россіей. Козмянъ, интриговавшій въ Парижѣ, какъ делегатъ Галиціи, ничего не добился. Вальевскій только кормилъ его обѣщаніями и увѣрялъ, что все зависить отъ Австріи. «А въ Вѣнѣ,—замѣтилъ Козмянъ,—жалуются на нерѣшительность Франціи». Польскій делегатъ хлопоталъ и у Корнье, молочной сестры Наполеона, имѣвшей на него большое вліяніе. Козмянъ просилъ аудіенціи, но императоръ отвѣчалъ: что ему было бы грустно видѣть теперь какого нибудь поляка, потому что не можетъ ничего сказать ему; что ему испортили все дѣло, и онъ не надѣется на успѣхъ, хотя ему предопредѣлено сдѣлать что нибудь для поляковъ, такъ какъ еще ребенкомъ онъ носилъ польскій уланскій мундиръ. Эти слова доказывали всю пустоту этого великаго политика. Въ апрѣлѣ 1864 года Наполеонъ сказалъ Чарторійскому при послѣднемъ свиданіи, что все кончено, и что инсургентамъ остается только положить оружіе. Въ заключеніе своей книги Козмянъ говоритъ: «Исходъ возстанія былъ не только приговоромъ, но и урокомъ; если приговоръ и не измѣнимъ, то пусть бы урокъ не пропалъ безплодно». Но какой же плодъ могло принести недѣльное возстаніе, и неужели Польша до сихъ поръ не понимаетъ, что политическое положеніе ея безповоротно, и она окончательно вычеркнута изъ списка европейскихъ государствъ?

— Подъ громкимъ названіемъ «Отецъ русскаго романа» «Revue des revues» помѣстилъ довольно жидкую статью о Лажечниковѣ, по поводу столѣтней годовщины его рожденія. Повидимому, наши друзья могли бы серьезно заняться разработкой характеристики нашихъ писателей, хотя бы по современнымъ статьямъ русскіхъ газетъ, а не оцѣнками, полными пустословія, верхоглядства и общихъ мѣстъ. Авторъ въ статьѣ о Лажечниковѣ сознается, по крайней мѣрѣ, что Франція также мало знаетъ Пушкина и Жуковскаго, какъ Шиллера и Клопштока; одно уже упоминаніе о всѣми позабытомъ и неудобночитаемомъ Клопштокѣ доказываетъ, что французы очень мало смыслятъ въ иностранной литературѣ. Французскій журналистъ признается, что имя перваго русскаго романиста неизвѣстно для его соотечественниковъ, слыхавшихъ, можетъ быть, о «Капитанской дочкѣ» Пушкина, но ужъ никакъ не о Булгаринѣ (?), Кукольникѣ, Загоскинѣ, Пелевомъ, графѣ Алексѣѣ Толстомъ, Сенковскомъ и др. Лажечниковъ занимаетъ между ними первое мѣсто. Его назвалъ первымъ русскимъ романистомъ «великій русскій критикъ Бѣлинскій, «соединяющій глубину Сентбева съ блестящимъ умомъ Жюль-Жанена». Бѣлинскій удивляется не только таланту Лажечникова, но и его высокому образованію; къ несчастію его произведенія явились въ эпоху, когда Россія была наводнена плохими романами, старавшимися замѣнить бѣдность идей и воображенія шумнымъ и пустовоннымъ псевдопатріотизмомъ». Лажечниковъ былъ выше своихъ современниковъ въ этомъ отношеніи, но когда Россія избавилась отъ этихъ ложныхъ патріотовъ, Лажечниковъ былъ забытъ вмѣстѣ съ ними: о русскомъ Вальтеръ-Скоттѣ напомнилъ только 1894 годъ. Критикъ рассказываетъ жизнь романиста: образованіе, данное богатымъ купцомъ своему сыну, заключеніе отца въ Петропавловскую крѣпость за рѣзкій отзывъ о какомъ-то епископѣ, имѣвшее слѣдствіемъ матеріальное разореніе купца, но не остановившее образованіе сына, уже съ тринадцати лѣтъ явившагося въ печати. Романы его появились въ двадцатыхъ годахъ; значенія ихъ французскій журналъ

не разбираеть. Приводится мнѣніе русскихъ критиковъ о вѣрности историческихъ типовъ въ романахъ Лажечникова, что, впрочемъ, весьма сомнительно, и тенденціозность многихъ изъ нихъ очевидна. Критикъ хвалить языкъ романиста и типы созданныхъ имъ женщинъ, но все это очень поверхностно. Французъ даже не далъ себѣ труда справиться, какъ пишется фамилія разбираемаго имъ романиста, и называетъ его вездѣ Лажечниковъ.

— Последнимъ трудомъ англійскаго историка Фроуда, апологиста Генриха VIII, Карлейля и Дизраэли была книга «Англійскіе моряки въ XVI столѣтіи» (*English seamen in the XVI century*). Въ ней собрано множество любопытныхъ, теперь уже вовсе позабытыхъ фактовъ. Великою морскою державою была въ то время Испанія. Въ теченіе полвѣка она открыла новый свѣтъ, завоевала его, основала въ немъ города; разбила мавровъ при Лепантѣ и изгнала ихъ изъ Испаніи. Объ Англіи въ то время никто и не говорилъ; ея вліяніе на морѣ было ничтожно. Эта земледѣльческая и пасторальная страна не была даже промышленною: шерсть ея овецъ ткали въ Нидерландахъ; морская торговля ея ограничивалась ловлею трески да перевозкою вина изъ Бордо и Кадикса. Генрихъ VIII, опасаясь высадки французовъ, увеличилъ свой флотъ, но Марія Стюартъ оставила гнить его въ гаваняхъ. Моря бороздили только богатые католическіе гальоны. Англія сдѣлалась гнѣздомъ пиратовъ и торговцевъ неграми. Только Елизавета подняла значеніе протестантскаго флота, хотя Филиппъ II передавалъ инквизиціи захваченныхъ англійскихъ матросовъ. Въ одномъ 1581 году 26 англичанъ были сожжены въ ауто-дафе за то только, что у нихъ найдены протестантскіе молитвенники. Томасъ Силлей четыре года просидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что не хотѣлъ признать Елизавету врагомъ церкви и антихристомъ. Жена Силлея получила отъ королевы разрѣшеніе вести частнымъ образомъ войну противъ Испаніи. Жестокости съ обѣихъ сторонъ были страшныя, а державы не нарушали мира; испанцамъ нужны были невольники въ Америкѣ, и англичане продавали ихъ недорого; одинъ изъ такихъ работаргочевъ Френсисъ Дрекъ сдѣлался славою Англіи, и портретъ его повѣшенъ въ Гринвичѣ; Елизавета взяла его и патрона его Гаукинса подъ свое покровительство и получила за это 60% съ цѣны, за которую Гаукинсъ продалъ грузъ негровъ въ Америкѣ. Слѣдующая его экспедиція была неудачна, но онъ успѣлъ уйти отъ преслѣдовавшаго его испанскаго адмирала, послѣ жестокаго морскаго сраженія. Гаукинсъ умеръ адмираломъ англійской королевы; преемникъ его Дрекъ былъ уже настоящимъ пиратомъ; онъ ограбилъ въ Панамѣ транспортъ золота, отправляемаго въ Испанію. По слѣдамъ Магелана онъ объѣхалъ Огненную землю и поднялся въ Тихій океанъ на трехъ маленькихъ судахъ; капитанъ одного изъ нихъ взбунтовался, Дрекъ судилъ его; приговоренный къ смерти экипажемъ просилъ причастія. Дрекъ самъ далъ ему, а потомъ отрубилъ ему голову; добыча, захваченная имъ съ испанскихъ кораблей, была громадна. Таковы были эти моряки XVI столѣтія, жизнь которыхъ разсказана историкомъ, умершимъ въ Лондонѣ 76-ти лѣтъ.

С М Ъ С Ъ.

БИЛЕЙ К. П. Яновскаго. Въ концѣ ноября праздновался юбилей пятидесятилѣтней службы выдающагося русскаго педагога и администратора по учебному дѣлу — попечителя Кавказскаго учебнаго округа Кирилла Петровича Яновскаго. Имя юбиляра давно пользуется заслуженной извѣстностью, какъ просвѣщеннаго дѣятеля, съ энергіей работавшаго до сихъ поръ на поприщѣ народнаго образованія. За заслуги, оказанныя русской наукѣ и искусству, онъ имѣетъ дипломы почетнаго члена академіи художествъ, общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Петербургскаго университета и другихъ ученыхъ и общественныхъ учреждений. Педагогическая дѣятельность юбиляра началась въ 1843 году, когда онъ кончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра по физико-математическому факультету со степенью кандидата и былъ приглашенъ въ качествѣ старшаго учителя математики въ ровенскую гимназію. Съ 1852 по 1871 годъ К. П. трудился въ Бессарабіи сперва въ качествѣ учителя и инспектора кишиневской гимназіи, затѣмъ 13-тъ лѣтъ въ качествѣ директора училищъ Бессарабской области. Здѣсь впервые проявились способности педагога, сумѣвшаго съ честью не только участвовать въ борьбѣ знанія съ мѣстной невѣжественной тьмою, но и руководить этой борьбой. Онъ привлекъ къ себѣ въ союзники мѣстное общество и денежную аристократію и открылъ въ области столько училищъ, что число ихъ являлось свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ школьно-статистической карты Юго-Западной Россіи въ 70-хъ годахъ. Назначенный въ 1871 г. помощникомъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, Яновскій съ энергіей заботился о лучшей постановкѣ дѣла просвѣщенія юношества. Начальники учебныхъ заведеній находили въ немъ опытнаго совѣтника, какъ и что дѣлать, чтобы достигъ лучшихъ результатовъ, доступнаго руководителя и толкователя

учебныхъ плановъ. Отношенія между К. П. и петербургскими педагогами были самыя дружественныя, что благоприятно отразилось на успѣхѣ обученія. Съ 1878 г. К. П. Яновскій, назначенный попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, по желанію намѣстника Кавказа дѣйствуетъ на обширной окраинѣ, руководя народнымъ образованіемъ равноплеменнаго и разноразличнаго населенія. Его дѣятельность безусловно плодотворна для края. Народное образованіе при немъ быстро подвинулось впередъ: число учебныхъ заведеній значительно увеличилось (вновь открыты пять гимназій, изъ нихъ четыре преобразованы изъ прогимназій, пять реальныхъ училищъ, двѣ учительскія семинаріи, пять женскихъ гимназій и три прогимназій, 21 городскіихъ и 5 ремесленныхъ училищъ), бібліотека и учебныя кабинеты улучшились. Особенное вниманіе обращено на распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія при помощи сельскихъ школъ. Съ этою цѣлью были организованы въ 1893 г. занятія по садоводству при 376 школахъ, огородничеству—при 186, пчеловодству—при 82, шелководству—при 128 и виноградарству—при одной школѣ. Но К. П. не только заботился о распространеніи знаній, открывая новыя школы, преобразовывая и улучшая старыя, но являлся, кромѣ того, руководителемъ научныхъ работъ, для которыхъ Кавказъ своими естественными богатствами представляетъ обширную почву. Онъ направляетъ силы молодыхъ ученыхъ и педагоговъ на этнографическія, географическія и археологическія изысканія, издаетъ цѣнный и интересный «Сборникъ матеріаловъ для мѣстностей и племенъ Кавказа» (вышло XVIII томовъ, печатаются XIX и XX томы) и лично входитъ въ подробности изученія края. Юбиларь, не смотря на свои 74 года, полонъ силъ и энергіи, и мы увѣрены, что онъ будетъ трудиться и впредь съ тою же пользою для Россіи, которая давно оцѣнена русскимъ ученымъ и педагогическимъ міромъ.

Диспутъ въ университетѣ. Профессоръ Варшавскаго университета П. А. Кулаковскій защищалъ диссертацию: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія», представленную имъ для полученія степени доктора славянской филологіи. Въ числѣ присутствовавшихъ находились профессора: Карѣевъ, Платоновъ и др. лица. Руководилъ преніями ректоръ университета. Диссертантъ извѣстѣе какъ въ спеціальной, такъ и въ общей литературѣ многочисленными изслѣдованіями по славянской филологіи и статьями, посвященными тщательной разработкѣ славянскаго вопроса. Изъ нихъ главные: «Вукъ Караджичъ. Его значеніе въ сербской литературѣ» (магистерская диссертация, защищенная въ Московскомъ университетѣ), «Праздникъ Слава у сербовъ» (Русскій Вѣстникъ), «Вопросъ объ елиномъ литературномъ языкѣ у славянъ» («Мееодіевскій Сборникъ») и др. Ученикъ профессоровъ Бодянскаго и Бевсонова, П. А. Кулаковскій, по окончаніи курса въ 1870 г. въ Московскомъ университетѣ, учительствовалъ въ гимназіяхъ, затѣмъ отправился за границу для спеціальныхъ изслѣдованій славянскихъ нарѣчій. По возвращеніи, онъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Сербію для занятія въ только что учрежденной въ 1878 г. бѣлградской великой школѣ каедры русскаго языка и словесности. Послѣ защиты диссертации въ 1882 г. на степень магистра славянской филологіи, читалъ съ 1884 г. лекціи русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ; съ 1886 г. по октябрь 1892 г. редактировалъ «Варшавскій Дневникъ» и съ 1892 г. занимаетъ каедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ.

Диспутъ открылся рѣчью П. А. Кулаковскаго, въ которой онъ подробно развилъ тезисы своей диссертации, подкрѣпивъ ихъ данными исторіи общаго возрожденія южныхъ славянъ и подчеркнувъ строго народный, демократическій характеръ этого возрожденія. Въ своихъ тезисахъ диссертантъ доказываетъ, что возрожденіе хорватовъ, еще не завершившееся въ настоящее

время, произошло въ связи съ общимъ ростомъ идеи національности въ Европѣ. Его силы и быстрота объясняются возвышеніемъ Россіи, какъ славянской державы. Въ то время, какъ хорватскіе привилегированные классы отстаивали права латинскаго языка, какъ обще-государственнаго для всей Венгріи, въ хорватскихъ странахъ явилась мысль о возможности подъема народнаго языка до степени языка школы, учреждений и литературы. Литературное возрожденіе хорватовъ совершилось подъ покровомъ и защитой широкой идеи — объединенія юго-славянъ въ литературѣ, благодаря иллирской теоріи, считавшей древнихъ иллировъ славянами и объединявшей въ понятіи—«иллиры» всѣхъ славянъ юга. Отношеніе словенцевъ и сербовъ къ иллирской теоріи было различно. Первые не могли принять въ литературу сербско-далматинско-хорватское нарѣчіе въ виду условій своего національнаго развитія, вторые не могли принять именованія себя «иллирами» въ виду особенностей своего политическаго положенія. На иллирское возрожденіе вліяли ученые труды Шафарика и общеславянскій характеръ литературной дѣятельности Коллара, подъ воздѣйствіемъ которыхъ иллирскіе дѣятели и писатели развивали свои положенія объ единствѣ юго-славянъ и общности ихъ литературнаго языка. Этимъ объясняется интересъ къ изученію народа, его быта, языка и преданій въ иллирскій періодъ литературы. Такое направленіе содѣйствовало въ Хорватіи демократическому перевороту, послѣдовавшему въ ея стрѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ періодъ иллиризма не только создалась и развилась новая хорватская литература, но и произошло культурное возрожденіе хорватовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Явилось стремленіе къ сближенію съ восточнымъ православнымъ славянствомъ,—преимущественно съ сербами. Особенно много сдѣлалъ для этого въ первую половину иллирскаго періода, отъ начала изданія «Иллирскихъ Новинъ» и «Даницы» до запрещенія употребленія словъ: «иллиры», «иллирскій» (11-го января 1843 г.), Людевитъ Гай, проповѣдникъ ученій иллиризма и первый, принявшій штокавское нарѣчіе, какъ языкъ новой словесности, общей для всѣхъ юго-западныхъ славянъ. Сотрудники Гая и современные ему дѣятели литературы создали образцы во всѣхъ главныхъ видахъ словесности. Литературныя произведенія носили патриотическій характеръ съ политической тенденціею и содѣйствовали общему подъему народнаго самосознанія у хорватовъ. Главнѣйшій результатъ иллиризма—объединеніе сербовъ и хорватовъ въ языкѣ и литературѣ. Словенцы въ своей литературѣ постепенно сближаются съ этимъ общимъ языкомъ двухъ болѣе сильныхъ народностей славянскаго юга.

Профессоръ В. И. Ламанскій указалъ на важность темы диссертации и отмѣтилъ также ея недостатки. Диссертантъ, при выясненіи возрожденія хорватовъ, не принялъ во вниманіе положенія страны, гдѣ въ 30-хъ годахъ царило крѣпостное право. Значеніе Гая преувеличено: Гай, по словамъ В. И. Ламанскаго, былъ ловкимъ плутомъ, а не человѣкомъ идеи. Хорватскимъ литературнымъ и музыкальнымъ произведеніямъ придано такое значеніе, котораго они не имѣютъ. Профессоръ Соболевскій отмѣнилъ совпаденіе возрожденія хорватовъ съ возрожденіемъ галичанъ и одвообразіе проявленій этихъ совпаденій. Указавъ на рядъ мелкихъ ошибокъ въ диссертации, онъ призналъ трудъ П. А. Кулаковскаго цѣннымъ изслѣдованіемъ малоизученной эпохи возрожденія юго-западныхъ славянъ. Изъ числа посѣтителей выказались: хорватъ Геруць, благодарившій докладчика за подробнѣйшее изслѣдованіе его родины, и двое изъ студентовъ—сербъ и албанецъ.

Ректоръ университета П. В. Никитинъ объявилъ, что историко-филологическій факультетъ призналъ диссертацию г. Кулаковскаго удовлетворительною и диссертанта достойнымъ степени доктора славянскаго филолога.

Славянское общество. Въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго общества сильное впечатлѣніе произвела рѣчь В. И. Ламанскаго, отрекавшася отъ

приверженности къ славянофильству и отрицавшаго вліяніе идей славянства на нашъ народъ. Приводимъ только главныя мысли профессора. До Александра III при русскомъ дворѣ, въ нашей дипломатіи, въ русской арміи, въ правительствѣ нѣмецкій элементъ занималъ преобладающее, господствующее положеніе. Послѣ 80-лѣтняго господства пристрастныхъ и ложныхъ у насъ возрѣній на нѣмецкій элементъ, разрѣшивъ печатать въ Россіи книгу Самарина, доказывающую вредъ этого элемента, Александръ III далъ равноправность латышамъ, эстамъ и русскимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Другая великая историческая заслуга царствованія покойнаго государя заключается въ обезпеченіи мира для Россіи и для всей Европы. Оно достигнуто было не проповѣдями баронессы Зутнеръ въ романѣ «Долой оружіе», не ученіемъ графа Толстого «о непротивленіи злу» и о вредѣ государствъ и армій, а напротивъ, усовершенствованіемъ мобилизаціи, перевооруженіемъ русской арміи и укрѣпленіемъ западныхъ нашихъ границъ.

Къ такимъ военнымъ приготовленіямъ Россія была вынуждена берлинскимъ конгрессомъ, и вскорѣ затѣмъ состоявшимся заключеніемъ тройственнаго союза, обращеннаго противъ Франціи съ одной и противъ Россіи съ другой стороны. Послѣ этого должно было явиться обоюдное стремленіе Россіи и Франціи къ взаимному сближенію. Необходимость его была единодушно понята огромнымъ большинствомъ людей и въ Россіи, и во Франціи. По своей доброй, простой душѣ, чуткій къ нуждамъ и потребностямъ Русской земли, государь давно волновался этимъ общерусскимъ желаніемъ, но его умъ, не скорый на заключенія, долго колебался, пока, наконецъ, его вѣрный здравый смыслъ не опозналъ наилучшей минуты для скрѣпленія своимъ словомъ и дѣломъ этого сближенія двухъ великихъ странъ. Со стороны русскаго государя это былъ шагъ чрезвычайный. Прежняя, такъ называемая настоящая политика иногда ставила Россію въ служебныя отношенія къ иностраннымъ державамъ, особенно къ Австріи, Пруссіи и потомъ къ Германской имперіи. Этой политикѣ мы обязаны рядомъ разорительныхъ войнъ императора Павла, пославшаго Суворова въ Италію спасать чужіе и неизвѣстныя Россіи алтари и престолы, императора Александра I, водившаго свои войска на Аустерлицъ на защиту Австріи, отпавившаго ихъ потомъ къ Прейсишъ-Эйлау и Фридрианду на защиту Пруссіи, двинувшаго, наконецъ, за границу русскую армію въ 1813 году для освобожденія Германіи: объ этомъ братствѣ по оружію наши сосѣди такъ любили при всякомъ удобномъ случаѣ внушительно напоминать намъ, вѣроятно, сознавая, что мы не жалѣемъ, что въ 1812 году объ этомъ братствѣ не было и помнуну. Вся эта политика носила тотъ же характеръ мечтательности и сентиментализма, какъ и вслѣдъ затѣмъ появившійся странный, полумистическій священный союзъ. Въ исполненіе наложенныхъ имъ обязательствъ, Россія, словно вѣрный вассалъ Австріи, ходила усмирять мадьяръ и спасать едва ли намъ особенно нужную цѣлость этой имперіи. Политика священнаго союза дорого стоила Россіи и окончилась паденіемъ Севастополя и парижскимъ миромъ. Наступившая затѣмъ политика *Dreikaiserbund'a* привела насъ къ берлинскому трактату и закончилась тройственнымъ союзомъ. Но сближеніе Россіи съ Франціей составляетъ эпоху въ русской политикѣ. Оно знаменуетъ рѣшимость Россіи навсегда покинуть политику донкихотскихъ рыцарскихъ авантюръ или походовъ на защиту иностранныхъ дворовъ и династій. Наши дѣды и отцы вслѣдъ за нашимъ дворомъ приходили въ ужасъ и проливали слезы о бѣдной королевѣ Луизѣ, о бѣдныхъ императорѣ австрійскомъ и королѣ прусскомъ, и разныхъ другихъ коронованныхъ владѣтеляхъ, терпѣвшихъ обиды и поражения отъ надменнаго корсиканца, и ходили проливать свою кровь въ 1805, 1806, 1813 гг. для освобожденія народовъ отъ ига Наполеона. Въ этомъ, конечно, было много благороднаго увлеченія, но оно было мечтательно и сентиментально,

ибо наши старики забывали, что положеніе миллионъ русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ женъ, невѣсть и дочерей было въ то время гораздо тягостнѣе и достойнѣе слезъ, чѣмъ положеніе иностранныхъ государей и ихъ подданныхъ послѣ Аустерлица, Иены и Ауэрштедта. И не въ сто ли разъ лучше-бы было, еслибъ мы всѣ эти заботы и филантропическія попеченія, и хотя бы часть громаднхъ денегъ, употребленныхъ на эти войны, положили въ первыхъ годахъ нашего столѣтія на освобожденіе крестьянъ, на народное образованіе и на улучшеніе нашихъ путей сообщенія. То же самое надо сказать и про наши увлеченія славянскія конца 70-хъ годовъ.

Русское Литературное общество. Очеркъ дѣятельности общества за 1886—1894 г. Къ 1-му октября 1886 года общество состояло изъ 8-ми почетныхъ и 49-ти дѣйствительныхъ членовъ. Изъ этого числа въ настоящее время къ составу общества принадлежатъ почетные члены: П. Д. Боборыкинъ, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Майковъ, М. И. Писаревъ, Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ; дѣйствительные члены: В. Г. Авсеенко, С. А. Андреевскій, А. Я. фон-Ашебергъ, Ф. Н. Бергъ, М. А. Веневитиновъ, П. П. Гнѣдичъ, К. Ф. Голвинъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, И. Ф. Горбуновъ, С. П. фон-Дервизъ, П. Н. Исаковъ, М. А. Кавосъ, А. А. Катенинъ, Д. Д. Коровяковъ, Д. А. Корочевскій, Н. П. Ладыженскій, Д. С. Мережковский, А. И. Незеленовъ, В. Д. Сиповскій, В. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, К. К. Случевскій, А. С. Суворинъ, князь А. И. Урусовъ, Т. И. Филипповъ, М. А. Хитрово, князь Д. Н. Церетелевъ, М. И. Чайковскій, Ф. А. Юрковский. Всѣмъ означеннымъ лицамъ, въ качествѣ учредителей, принадлежитъ по праву честь созданія и послѣдовательнаго развитія общества, расширенія и укрѣпленія его дѣятельности въ томъ направленіи, которое должно служить залогомъ дальнѣйшаго успѣха нашего общества дѣла. За весь разсматриваемый восьмилѣтній періодъ общество насчитывало въ своей средѣ 15 почетныхъ членовъ, 71 дѣйствительныхъ членовъ и 106 членовъ-сотрудниковъ. Преждевременная смерть лишила Общество 7 почетныхъ членовъ: А. Н. Островскаго, В. В. Самойлова, С. А. Юрьева, И. А. Гончарова, Я. К. Грота, А. Н. Плещеева и А. А. Шеншина (Фета); 10 дѣйствительныхъ членовъ: В. М. Гаршина, Н. К. Лебедева (Морского), Г. П. Данилевскаго, П. А. Козлова, М. И. Семева, П. М. Свободина, П. Н. Батюшкова, В. П. Ключникова, В. М. Юзефовича и П. А. Гайдебурова; 7 членовъ-сотрудниковъ: М. Б. Маркевича, А. А. Гагемейстера, И. Н. Кашкарова, Н. Г. Есинова, В. И. Бибикова, Капустина и Н. Д. Маслова. Оставили общество 12 дѣйствительныхъ членовъ и 19 членовъ-сотрудниковъ. Въ настоящее время въ обществѣ состоятъ 8 почетныхъ членовъ, 49 дѣйствительныхъ членовъ и 81 членъ-сотрудникъ. Семь должностей (предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря общества и 4 членовъ совѣта) въ теченіе 8-ми лѣтъ были занимаемы всего 12-ю лицами, изъ коихъ три лица, П. Н. Исаковъ, Л. Н. Майковъ и А. А. Катенинъ, непрерывно принадлежали къ составу совѣта. Дѣятельность совѣта, призваннаго установитъ служить распорядительнымъ органомъ общества, сосредоточивалась до послѣдняго времени преимущественно на вопросахъ хозяйственныхъ, подготовкѣ программы бесѣдъ, устройствѣ другихъ собраній. Но въ декабрѣ 1893 года въ совѣтъ было подано слѣдующее заявленіе: «Нижеподписавшіеся обращаются къ совѣту Русскаго Литературнаго общества съ заявленіемъ, не найдетъ ли оно возможность возбудитъ на собраніяхъ общества вопросъ о литературной собственности въ Россіи. Желательна была бы полная и всесторонняя его разработка. Вопросъ этотъ является слишкомъ существеннымъ, чтобы не озаботиться его разрѣшеніемъ въ ближайшемъ будущемъ». Основаніе новаго положенія о литературной собственности совѣтъ принялъ совмѣстно съ особою комисіей. Въ совѣтъ поступило также со стороны делегата французскихъ литературныхъ обществъ и ассоціацій Гальпе-

рина-Каминскаго ходатайство о международномъ соглашеніи касательно литературной собственности. Совѣтъ возбудилъ также вопросъ объ организаціи взаимопомощи русскихъ литераторовъ и писателей. Совѣтъ входилъ въ сношенія и съ заграничными литературными обществами и учрежденіями.

Еженедѣльные собранія членовъ общества явились съ самаго начала дѣятельности общества основною ея формой, которая, за весь разсматриваемый періодъ, неизмѣнно сохранила свой первоначальный характеръ. На этихъ собраніяхъ членами общества прочитывались неизданныя беллетристическія и поэтическія произведенія, а также дѣлались сообщенія по отдѣльнымъ вопросамъ литературы и художественной критики, затѣмъ прочитанное и сообщенное обсуждалось въ простой, непринужденной бесѣдѣ. Всѣхъ обыкновенныхъ собраній (бесѣдъ) было 172, въ среднемъ около 21 ежегодно. На этихъ собраніяхъ 65-ю членами было сдѣлано 209 отдѣльных докладовъ и сообщеній. Сверхъ того, было дано два литературныхъ вечера для публики. Въ апрѣлѣ 1887 г. общество устроило юбилей Якова Петровича Полонскаго. Въ залѣ Благороднаго собранія собралось свыше 160 лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, цвѣтъ русской литературы и искусства. Черезъ годъ послѣ этого торжества обществу предстояло празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея А. Н. Майкова; собралось до 500 человекъ приглашенныхъ. Третій юбилей былъ Д. В. Григоровича.

† 29-го ноября Яковъ Ивановичъ Баршевъ, бывший съ 1836 по 1856 годъ профессоромъ Петербургскаго университета по кафедрѣ русскихъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ. Обстоятельный трудъ покойнаго: «Основанія уголовного судопроизводства съ примѣненіемъ къ російскому уголовному судопроизводству», былъ въ 40-хъ годахъ единственнымъ учебникомъ по уголовному судопроизводству на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, Я. И. принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ работъ: «О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовного, въ особенности русскаго права» (1846 г.) и «О религіозномъ, юридическомъ и историческомъ значеніи вѣрноподданнической присяги» (1852 г.). Онъ родился 23-го апрѣля 1807 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса въ духовной академіи отправленъ въ Петербургъ для изученія правовѣдѣнія подъ непосредственнымъ руководствомъ Сперанскаго и для посѣщенія лекцій въ Петербургскомъ университетѣ по римскому праву. Командированный въ Берлинъ для усовершенствованія въ наукахъ, Я. И. по возвращеніи изъ-за границы получивъ въ 1835 г. отъ Петербургскаго университета степень доктора правъ, принялъ участіе въ комисіи по переводу свода законовъ на нѣмецкій языкъ и въ слѣдующемъ году занялъ въ Петербургскомъ университетѣ кафедру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ. Кромѣ университета, онъ читалъ юридическія науки въ Царскосельскомъ лицейѣ, гдѣ былъ нѣкоторое время инспекторомъ, уголовное право въ училищѣ правовѣдѣнія и правовѣдѣніе въ старшемъ классѣ Пажескаго корпуса. По выходѣ изъ университета Я. И. состоялъ при кодификаціонномъ отдѣлѣ государственнаго совѣта.

† 9-го ноября отъ паралича сердца членъ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, Филиппъ Николаевичъ Королевъ. Онъ принадлежалъ къ числу общественныхъ дѣятелей, работавшихъ скромно и принесшихъ пользу отечественной промышленности и сельскому хозяйству. Питомецъ Харьковскаго университета, кандидатъ философскихъ наукъ, онъ сохранилъ до старости юношескую энергію въ достиженіи полезной задачи распространенія на роднѣй ремесленнаго и профессиональнаго образованія и улучшенія кустарной промышленности. Онъ началъ свою дѣятельность въ 1843 г. учителемъ математики и физики въ харьковской гимназіи, затѣмъ защитилъ диссертацию на степень магистра математическихъ наукъ, былъ приглашенъ въ качествѣ адъюнкта-профессора въ Горьгорѣцкій земледѣльческій институтъ и отсюда въ 1858 г. перевелся въ Москву на должность директора си-

ротскаго суда. Распространяя полезныя свѣдѣнія съ кафедры, Ф. Н. въ то же время посвящалъ свой досугъ литературной работѣ, печатая статьи по естествознанію и сельскому хозяйству въ вѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ. Назначенный въ 1870 г. директоромъ Петровской земледѣльской и лѣсной академіи, онъ направилъ свои силы на улучшеніе преподаванія и постановки практическихъ занятій въ этомъ учебномъ заведеніи. При немъ Петровская академія получила права высшаго учебнаго заведенія, академическій курсъ сдѣлался болѣе основательнымъ. Въ 1876 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ Петербургъ, принявъ живѣйшее участіе въ Вольно-Экономическомъ обществѣ въ качествѣ предсѣдателя II-го отдѣленія, въ обществѣ для содѣйствія промышленности и торговлѣ и особенно въ коммисіи по улучшенію быта кустарей и по развитію отечественной кустарной промышленности. Умеръ онъ 76-ти лѣтъ, оставивъ по себѣ память неутомимаго труженика.

† 26-го ноября русская наука понесла тяжелую утрату въ лицѣ ординарнаго академика академіи наукъ Пафнутія Львовича Чебышева, уже давно извѣстнаго выдающагося математика и одного изъ первыхъ геометровъ въ Европѣ. Математическія изслѣдованія его составляютъ крупную цѣнность въ отношеніи разрѣшенія такихъ затрудненій, которыхъ не могли преодолѣть ранѣе его жившіе геометры. Не мало также разработано имъ вопросовъ, до него вовсе не затронутыхъ. Отысканіемъ предѣловъ для числа, показывающаго, сколько имѣется простыхъ чиселъ между двумя данными, П. Л. сдѣлалъ первый и рѣшительный шагъ къ рѣшенію одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ теоріи чиселъ. Своими разъясненіями условій, при которыхъ интеграль алгебраической функціи, содержащей радикалъ, выразимъ алгебраически или логарифмически,—онъ дополнилъ произведенія знаменитаго Абеля. Изложеніе общей теоріи механизмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ паралелограмовъ, указаніе общаго способа для нахожденія приближительныхъ выраженій, которыя давали бы функціямъ значеніе, болѣе подходящее къ истинному; изслѣдованіе непрерывныхъ дробей, интегрированіе по способу квадратовъ, изысканіе наибольшихъ и наименьшихъ суммъ, составленныхъ изъ значеній цѣлой функціи и ея производныхъ, наконецъ, открытіе остроумнаго механизма, замѣняющаго паралелограмъ Витта—все это такія работы покойнаго, изъ которыхъ каждая могла бы доставить извѣстность любому математику. П. Л. Чебышевъ (род. въ 1821 г.) университетскій курсъ слушалъ въ Москвѣ, кончилъ курсъ въ 1851 г. кандидатомъ математическихъ наукъ. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ магистромъ математики, въ 1849 г. блестяще защитилъ диссертацию на степень доктора математики. Въ 1847 г., двадцати шести лѣтъ онъ былъ приглашенъ совѣтомъ Петербургскаго университета читать сначала высшую алгебру и теорію чиселъ, потомъ аналитическую геометрію, сферическую тригонометрію и теорію эллиптическихъ функцій. Въ 1860 г. взялъ на себя чтеніе интегральнаго исчисленія, теоріи чиселъ и теоріи вѣроятностей съ исчисленіемъ конечныхъ разностей. Въ 1853 г. академія наукъ избрала его адъюнктомъ и черезъ два года ординарнымъ академикомъ по прикладной математикѣ. Въ академіи Чебышевъ примыкалъ къ русской партіи.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Для редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“.

Редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ», повидимому, очень не понравились мнѣнія, высказанныя нами въ статьѣ: «Руководящая идея царствованія императора Александра III», напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Наивно сознаваясь въ своемъ недомыслии, редакція проситъ насъ объяснить: «какія прогрессивныя задачи не вытекаютъ изъ идеалистическаго представленія о человѣкѣ, а, такъ сказать, приносятся на арену исторіи философіею реалистической?»¹⁾ Вопросъ этотъ вызванъ слѣдующимъ мѣстомъ нашей статьи: «Для насъ важно установить фактъ, что отвлеченное представленіе о человѣческой личности оказалось во многихъ отношеніяхъ ошибочнымъ, и что установленіе свободы привело почти вездѣ къ сознанію истины, что нельзя считаться только съ отвлеченною личностью, но надо имѣть въ виду и реальнаго человѣка со всѣми его племенными и культурными особенностями».

Простое сопоставленіе предложеннаго намъ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» вопроса съ приведенною цитатою должно убѣдить всякаго грамотнаго читателя, что между вопросомъ и цитатою нѣтъ въ сущности никакой связи. Мы не говорили, что прогрессивныя задачи вызываются какою-то реалистическою философіею, какъ и не отрицали, что онѣ часто вытекаютъ изъ идеалистическаго представленія о человѣкѣ. Мы отмѣтили только, что при осуществленіи прогрессивныхъ задачъ надо имѣть въ виду и реальнаго человѣка со всѣми его племенными и культурными особенностями, и что отвлеченное представленіе о человѣкѣ бываетъ иногда ошибочнымъ. Оспаривать эти два положенія, кажется, трудно.

Такимъ образомъ, объясненіе нами дано, и вопросъ собственно исчерпанъ. Мы могли бы ограничиться этими немногими словами, если бы нѣкоторыя соображенія не побуждали насъ подробнѣе остановиться на томъ явномъ недомыслии, которое такъ часто встрѣчается теперь въ нашей печати, и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ котораго служатъ предложенный намъ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» вопросъ. Онъ формулированъ такъ, какъ будто въ немъ есть философская глубина. На самомъ же дѣлѣ, кромѣ рѣдкаго невѣжества, онъ какъ въ философскомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи ничего не содержитъ. Въ философскомъ отношеніи онъ невѣжественъ потому, что прогрессъ — понятіе по существу идеалистическое и собственно вовсе не можетъ вытекать изъ философіи реалистической, точнѣе говоря, положительной. Послѣдняя теперь вообще относится къ понятію о «прогрессѣ» скептически и часто замѣняетъ его понятіемъ объ «эволюціи», такъ какъ для того, чтобы уяснить себѣ, что въ общественныхъ явленіяхъ составляетъ прогрессъ, и что — регрессъ, то-есть, чтобы опредѣлить, что въ нихъ желательно или хорошо и что нежелательно или дурно, надо

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ», декабрь, 1894 г., стр. 72.

обладать опредѣленною идеалистическою мѣркою, которую положительная философія сама въ сущности дать не можетъ, потому что она строго воздерживается вообще отъ умозрительныхъ понятій о добрѣ и злѣ. Но обо всемъ этомъ «Сѣверный Вѣстникъ» понятія не имѣетъ и, предлагая намъ свой вопросъ, проявляетъ полное незнакомство съ философскою наукою.

Столь же невѣжественъ его вопросъ и съ исторической точки зрѣнія: едва ли не всякій гимназистъ знаетъ, что идеалистическія представленія о человѣкѣ и его природѣ были часто совершенно ошибочны, и что эти ошибки отражались самымъ печальнымъ образомъ на судьбѣ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Великій отецъ философскаго идеализма, Платонъ, проповѣдывалъ общность женъ; какъ онъ, такъ и Аристотель, не могли себѣ представить государства безъ рабовъ; инквизиція жгла людей на кострахъ во имя идеальныхъ благъ; Кантъ признавалъ государственный строй, существовавшій при Фридрихѣ II, едва ли не самымъ совершеннымъ и т. д. Если реальный человѣкъ протестуетъ противъ общности женъ, рабства или безчеловѣчныхъ религіозныхъ преслѣдованій, то, кажется, онъ вносить поправку въ «идеалистическое представленіе о человѣкѣ». Уже этихъ примѣровъ вполне достаточно, чтобы понять всю нелѣпость предложеннаго намъ вопроса. Поэтому мы можемъ прямо обратиться къ той эпохѣ, которой мы непосредственно коснулись въ нашей статьѣ, то-есть, къ эпохѣ освободительнаго движенія, пронесшагося надъ Европой съ конца прошлаго столѣтія и нашедшаго себѣ у насъ выраженіе въ великихъ реформахъ Царя-Освободителя. Въ основѣ французскаго переворота конца прошлаго вѣка тоже лежало идеалистическое представленіе о человѣкѣ. Во имя этого идеалистическаго представленія, обоснованнаго философіею XVIII вѣка, совершена была неслыханная рѣзня: людей убивали десятками тысячъ для доставленія торжества человѣческому «разуму». Спрашивается: виновато ли въ тѣхъ злоключеніяхъ, которыя перенесла Франція со времени французской революціи до установленія третьей республики, идеалистическое представленіе о человѣкѣ, или люди, которые взяли на себя согласовать государственный и общественный строй съ этимъ представленіемъ? Всѣ компетентные изслѣдователи французской революціи, — Карлейль, Токвилъ, Штейнъ, Тэнъ, Сорель, — признаютъ единогласно, что въ злоключеніяхъ, вызванныхъ французскою революціею, виноваты не только ея дѣятели, но и невѣрное представленіе о реальномъ человѣкѣ, о его способности умѣло пользоваться данною ему свободою. Таково мнѣніе всѣхъ компетентныхъ изслѣдователей французской революціи: главная ошибка ея заключалась въ томъ, что въ основу реформъ было положено представленіе объ идеальномъ, а не о реальномъ человѣкѣ. Мысль эта можетъ быть выражена и слѣдующимъ образомъ: всякая реформа для того, чтобы она была успѣшна, должна непременно считаться съ реальными людьми, для которыхъ она предназначена. Такъ, напримѣръ, идеалистическое представленіе о человѣческой личности можетъ требовать полной свободы въ распоряженіи имуществомъ; а какимъ сильнымъ ограниченіемъ подвергается это право во имя непреложныхъ требованій жизни! Возьмемъ крестьянскую реформу 1861 г. Слѣдовало ли предоставить крестьянину совершенно свободно распоряжаться своимъ надѣломъ? Оказывается, что реальные требованія жизни этого не допускали. Но въ то же время есть и другое идеалистическое представленіе о человѣческой личности, въ силу

котораго человекъ не долженъ имѣть частной собственности, а имущество въ особенности поземельная собственность, должно быть общимъ достояніемъ или достояніемъ известной группы людей. Стоитъ только вспомнить жгучій вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, чтобы убѣдиться, какъ сильно переплетаются идеалистическія и реалистическія требованія. Только люди, совершенно незнакомые съ фактическимъ положеніемъ этого вопроса и съ его литературою, могутъ договориться до такого абсурда, что идеалистическое представленіе о человекѣ одно обезпечиваетъ прогрессъ въ этомъ вопросѣ. Идеалистическое представленіе о человекѣ легло въ основу освобожденія нашихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; идеалисты, въ родѣ нашихъ славянофиловъ или сторонниковъ социалистическихъ ученій, требовали неприкосновенности общины и общиннаго землевладѣнія. Крестьяне теперь освобождены, община сохранена, и что же мы видимъ? Крестьянское разореніе составляетъ грозную злобу нашихъ дней. Знаменитый Канкринъ, который былъ попреимуществу реалистомъ, а не идеалистомъ, предлагалъ еще въ 1818 году, чтобы освобожденіе крестьянъ было произведено медленно, въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ. По его плану, полное освобожденіе крестьянъ съ землею состоялось бы уже въ 1850 году и совершилось бы безъ всякаго потрясенія экономической жизни Россіи. Идеалисты возставали противъ такого медленнаго дарованія свободы крестьянамъ: они не принимали во вниманіе реальныхъ условий жизни. Въ 1861 году реформа произведена сразу, и печальное экономическое положеніе нашихъ крестьянъ вполнѣ оправдало мѣтніе Канкринна, что такой грандіозный переворотъ могъ быть произведенъ безъ ущерба для очень существенныхъ интересовъ государства и общества лишь при должномъ согласованіи идеальныхъ требованій съ реальными условіями.

Такихъ примѣровъ въ политической исторіи не оберешься. Редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» прежде, чѣмъ поучать другихъ, слѣдовало бы самой еще многому поучиться. Тогда она, безъ сомнѣнія, не стала бы возбуждать вѣжливыхъ вопросовъ, въ родѣ намъ предложеннаго.

II.

Къ біографіи В. Г. Шварца.

Насъ просятъ сдѣлать слѣдующую поправку къ біографіи В. Г. Шварца, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». На стр. 744 сказано, что онъ рисовалъ свой картовъ на сюжетъ изъ «Фауста» «Вальпургіева ночь» въ квартирѣ князя Г. И. Вяземскаго. Квартира эта (на Мойкѣ, д. Зейферта) принадлежала не князю Вяземскому, а известной тогда красавицѣ, г-жѣ Телешовой (теперь Л. Пашковой), которая только по просьбѣ князя Вяземскаго, представившаго ей Шварца, разрѣшила послѣднему работать въ ея роскошной залѣ.

III.

Числа 3 и 13 въ жизни императора Александра III.

Любопытно, что почти всѣ замѣчательныя событія въ жизни покойнаго государя Александра III совпадали съ такими годами, мѣсяцами и числами, сумма цифръ которыхъ содержитъ въ себѣ множитель 3 или 13. Такъ, государь родился въ 1845 г. $26 : 1+8+4+5 = 18 = 3+3+3+3+3+3$.

$$\frac{II}{VI} \quad 26 = 13+13.$$

$$\text{Теоименитство } \frac{30}{VIII} : \quad 3+0 = 3.$$

$$\text{Женитьба } \frac{1866}{X} : \quad 1+8+6+6 = 21 = 3+3+3+3+3+3+3.$$

$$\text{Коронація } \frac{15}{V} : \quad 5+1 = 6 = 3+3.$$

$$\text{Начало царствованія } 1881 : \quad 1+8+8+1 = 18 = 3+3+3+3+3+3.$$

$$\text{Событія въ Боркахъ } \frac{17}{X} : \quad 1+7+1+0 = 9 = 3+3+3.$$

$$\text{Кончина } \frac{20}{X} : \quad 2+0+1+0 = 3 = 3.$$

Продолжительность царствованія: 13 лѣтъ.

Ежели счесть всѣ римскія цифры, здѣсь выписанныя, то получится число $45 : 4+5 = 9 = 3+3+3$.

Ежели сложить года:

$$\frac{1845}{II} + \frac{1866}{X} + \frac{1881}{III} + \frac{1883}{V} + \frac{1894}{X}$$

получится число 9369, сумма цифръ котораго будетъ $27 = 3+3+3+3+3+3+3+3+3+3$. Сумма римскихъ цифръ, подписанныхъ подъ годами, даетъ число $30 = 3+3+3+3+3+3+3+3+3+3+3$.

Если сложить только три года:

$$\frac{1845}{II} + \frac{1881}{III} + \frac{1894}{X}$$

то получится число 5620 : $5+6+2+0 = 13$, а сумма соответствующихъ римскихъ цифръ будетъ $15 = 3+3+3+3+3$.

Наконецъ, ежели счесть число буквъ въ словахъ: Императоръ Александръ Третій, то получится число $26 = 13+13$. В. К.

ПАДЕНІЕ ЦАРЬГРАДА

(The Prince of India, or why Constantinople fell)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ЛЮИСА ВОЛЛЭСА

АВТОРА «ВО ВРЕМЯ ОПО»

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

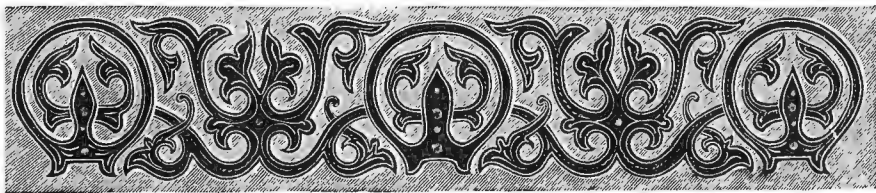

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

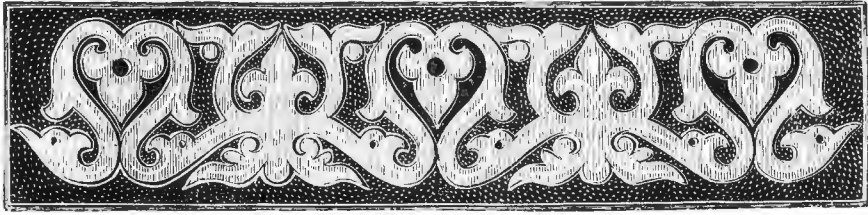

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

В ОБЛАСТИ историческаго романа Люисъ Воллэсъ занимаетъ совершенное особое мѣсто: онъ написалъ только два романа «Бенъ-Хуръ», переведенный порусски подъ заглавіемъ «Во время оно», и «Свѣтлый Богъ», а теперь добавилъ къ нимъ третій, названный въ подлинникѣ «Князь Индіи, или отчего палъ Константинополь?» Этимъ до сихъ поръ и исчерпывается вся его литературная дѣятельность, кромѣ еще книги для юношества «Дѣтство Христа», хотя ему уже шестьдесятъ семь лѣтъ. Подобная особенность Воллэса, рѣзко отличающая его отъ большинства современныхъ романистовъ, которые грѣшатъ, напротивъ, чрезвычайной плодовитостью, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что онъ по ремеслу не писатель, а, какъ истый американецъ, общественный дѣятель, и былъ сначала адвокатомъ, потомъ генераломъ во время войны сѣвера съ югомъ, наконецъ посланникомъ въ Турціи, а съ другой—основательнымъ изученіемъ на мѣстѣ и по сохранившимся памятникамъ мѣстности, гдѣ происходятъ его романы. Такъ поступилъ онъ относительно своихъ первыхъ произведеній, представляющихъ поразительную картину Палестины въ эпоху Іисуса Христа и Мексики при завоеваніи ея Кортесомъ; того же правила придерживался онъ, и рисуя паденіе Константинополя въ его новомъ романѣ, который стоилъ ему шести лѣтъ неусыпнаго труда. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ въ разговорѣ съ однимъ американскимъ репортеромъ появленіе на свѣтъ «Паденіе Царьграда»:

«Я могу почти сказать, что меня послали въ Константинополь для того, чтобы я написалъ эту книгу. Сдѣлавшись президентомъ, Гарфильдъ предложилъ мнѣ сначала посольство въ южную Америку, отъ чего я отказался, но Константинополь имѣетъ особую притягательную силу для всякаго романтическаго ума, и я естественно поддался соблазну побывать на берегахъ Босфора. Я зналъ генерала Гарфильда во время войны, и мой «Бенъ-Хуръ» ему очень понравился, а потому, прощаясь со мной на аудіенціи въ Вѣломъ домѣ, онъ дружески взялъ меня за руку и сказалъ: «Я жду отъ васъ другого романа; ваши официальные занятія не будутъ слишкомъ обременительны и дадутъ вамъ достаточно свободнаго времени. Сдѣлайте сценой вашего новаго разсказа Константинополь». Я съ удовольствіемъ обѣщаль исполнить его желаніе. Взятіе Константинополя турками одно изъ самыхъ поразительныхъ событій въ исторіи не только востока, но всего свѣта, и трудно подобрать лучшую канву для историческаго романа. Существуетъ трагедія Джонстона «Ирина», и хотя Гиббонъ вмѣстѣ съ Ванъ-Гаммеромъ отвергаютъ фактъ, служащій ей предметомъ, но въ немъ есть историческая основа, которой я воспользовался для своего романа. Описанія завоеванія Византіи въ извѣстныхъ историческихъ сочиненіяхъ далеко не удовлетворительны, и я естественно ожидалъ найти на мѣстѣ изобиліе подробностей, которыя историки пропустили. Благодаря моему положенію посланника, я имѣлъ возможность пересмотрѣть такіе старые документы, которые недоступны частнымъ людямъ, и я пользовался драгоцѣнной помощью профессора Гросвенора, директора американской школы въ Гиссарѣ, который знаетъ болѣе о Византіи, чѣмъ кто либо послѣ смерти Паспати. Но все это принесло мнѣ немного пользы. Кромѣ того, я просмотрѣлъ бібліотеки всѣхъ многочисленныхъ мечетей Константинополя, но и тамъ я нашелъ очень мало. Въ турецкой исторіи существуетъ совершенный пробѣлъ насчетъ взятія Византіи. Не смотря на все это, я, конечно, многимъ обязанъ долгому пребыванію на мѣстѣ, гдѣ происходитъ мой романъ. Въ основу его я положилъ легенду о вѣчномъ жидѣ, и «Князь Индіи» составляетъ его центральную фигуру, вокругъ которой группируются другія дѣйствующія лица. Я старался при этомъ представить возможно вѣрную картину борьбы противоположныхъ цивилизацій, которыя столкнулись при взятіи Царьграда, и хотя давалъ просторъ фантазіи, но въ предѣлахъ трезваго изученія исторической правды».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ТАЙНЫ ЗЕМЛИ.

I.

Безыменная бухта.

Ъ ПОЛДЕНЬ свѣтлаго сентябрьскаго дня 1395 года торговое судно тихо колыхалось на волнахъ, разбивавшихся о берегъ Сириі. Пассажиръ современныхъ почтовыхъ пароходовъ, поддерживающихъ постоянное сообщеніе по Средиземному морю, посмотрѣлъ бы съ удивленіемъ на подобный корабль и поблагодарилъ бы судьбу, что не находится на немъ.

Это судно не имѣло болѣе ста тоннъ. На кормѣ и носу были устроены высокія каюты, а посрединѣ палуба была открыта, и съ обѣихъ ея сторонъ, въ уключинахъ, лѣнливо торчало по десяти весель, которыя по временамъ стучались другъ о друга. Четырехугольный, сѣровато-бѣлый парусъ былъ поднятъ, и рея его скрипѣла о желтую мачту. Часовой помѣщался подъ тѣнью походившей на зонтикъ маленькой постройки на носу. Верхъ каютъ и обнаженная палуба блестѣли чистотой, а во всѣхъ другихъ частяхъ судно чернѣло смолой. Кормчій сидѣлъ на скамьѣ и по временамъ инстинктивно схватывался за руль, какъ бы желая убѣдиться, что онъ находится подъ рукой. За исключеніемъ этихъ двухъ людей, всѣ на суднѣ: гребцы, матросы и шкиперъ, спали,—такъ велико было довѣріе безмятежной тиши Средиземнаго моря тѣхъ, которые привыкли къ

этому прекрасному морю, гдѣ, повидимому, совершенно исчезъ Нептунъ, съ навѣваемыми имъ бурями.

Кромѣ того, замѣчательной чертой этого корабля было отсутствіе слѣдовъ дѣлового вида, обычнаго въ торговыхъ судахъ. На палубѣ не было ни ящиковъ, ни бочекъ, ни тюковъ, ни сундуковъ; однимъ словомъ, ничто не обнаруживало товара или багажа, и при самомъ большомъ колебаніи волнъ судно ни разу не погрузалось ниже ватерлиніи, а обшитыя кожей уключины были совершенно сухи. Быть можетъ, на кораблѣ находились пассажиры? Дѣйствительно, подъ навѣсомъ, покрывавшимъ половину кормы, на которой находился кормчій, виднѣлась группа людей, не походившихъ на моряковъ.

Эта группа состояла изъ четырехъ лицъ. Одинъ изъ нихъ лежалъ на мягкомъ ложѣ, и хотя спалъ, но сонъ его былъ тревоженъ. Черная бархатная шапочка сползла съ его головы, обнажая густые, черные волосы, съ просѣдью. Отъ самыхъ висковъ опускалась волной на шею, грудь и даже на подушку большая, черная, едва серебрившаяся борода. Между волосами и бородой оставалось очень мало мѣста для пожелтѣвшаго лица, испещреннаго узловатыми морщинами. Тѣло его было покрыто широкой, рыжеваточерной шерстяной одеждой. Костлявая рука покоилась на его груди, поддерживая полу одежды. Ноги его, въ старинныхъ развязанныхъ сандаліяхъ, нервно подергивало. Одного взгляда на окружавшихъ было достаточно, чтобы признать въ спавшемъ господина, а въ остальныхъ—его рабовъ. Двое изъ нихъ, бѣлые, лежали на обнаженныхъ доскахъ палубы, а третій, гигантскаго роста негръ, сидѣлъ, поджавъ ноги. Всѣ они дремали, но негръ по временамъ поднималъ голову и не вполне открывъ глазъ, махалъ надъ головой своего господина опахаломъ, изъ павлиньихъ перьевъ. На бѣлыхъ невольникахъ были одежды изъ грубаго полотна, перехваченныя кушаками, а негръ, кромѣ пояса, былъ совершенно голый.

Если, желая узнать, кто былъ спавшій господинъ, по вещамъ, находившимся вокругъ него, ктонибудь взглянулъ бы на его ложе, то вниманіе любопытнаго сосредоточилось бы на необыкновенно длинномъ, сильно потертомъ посрединѣ, посохѣ на трехъ узлахъ, и въ особенности на старинномъ кожаномъ свертокѣ, съ широкими ремнями и почернѣвшими серебряными пряжками. Этотъ свертокъ, повидимому, былъ чрезвычайно драгоценный, такъ какъ спавшій держалъ его правой рукой; но въ немъ не могло быть ни монетъ, ни объемистой вещи, а, по всей вѣроятности, онъ содержалъ въ себѣ документы, составлявшіе уполномочія этого человѣка, очевидно, предпринявшаго путешествіе съ опредѣленнымъ, спеціальнымъ порученіемъ.

Но кто онъ былъ? При тщательномъ изученіи его лица, можно было заключить, что онъ не принадлежалъ къ своему времени, а

представлялъ типъ тѣхъ раввиновъ, которые съ Кааіафой судили Сына Человѣческаго. Но какъ сохранился этотъ типъ въ продолженіе столькихъ столѣтій?

Спустя полчаса, онъ поднялъ голову, взглянулъ на своихъ рабовъ, на кормчаго и на все судно; потомъ онъ присѣлъ и оцупалъ лежавшій подлѣ него кожаный свертокъ. Суровыя черты его лица смягчились. Все обстояло благополучно.

Медленно отстегнувъ пряжки у свертка, онъ, прежде чѣмъ открыть свое сокровище, задумчиво устремилъ глаза на морскую синеву. При видѣ его лица въ эту минуту легко было заключить, что онъ ни дипломатъ, ни государственный дѣятель, ни дѣловой человѣкъ. То, о чемъ онъ думалъ, очевидно, не касалось ни политическихъ интригъ, ни государственныхъ дѣлъ; по его взгляду ясно было, что центръ его мыслей составляло сердце. Такъ отецъ смотритъ на своего ребенка, а мужъ на любимую жену, мягко, нѣжно, безпокойно.

И всякій, кто взглянулъ бы теперь на него, забылъ бы о сокровищѣ, о бѣлыхъ рабахъ, о гигантскомъ негрѣ, о роскошныхъ волосахъ и гордой бородѣ неизвѣстнаго, а все свое вниманіе сосредоточилъ бы на его лицѣ. Смотри на сфинкса, не отличающагося красотой, мы, однако, привлечены къ нему непреодолимой, чарующей силой желанія узнать его тайну. Такое же точно чувство возбуждало лице этого путешественника, съ его еврейскими чертами и черными, ярко блестящими въ своихъ глубокихъ впадинахъ глазами; таинственная маска его лица скрывала необыкновенную жизнь, не похожую на обычное человѣческое существованіе, и если бы онъ захотѣлъ, то какую бы могъ разказать исторію!

Но онъ молчалъ. Повидимому, онъ считалъ разговоръ слабостью, отъ которой слѣдовало воздерживаться. Наконецъ, отогнавъ отъ себя пріятныя мысли, очевидно, занимавшія его въ эту минуту, онъ открылъ свертокъ и вынулъ изъ него высохшій и пожелтѣвшій, какъ листъ сикоморы, пергаментъ. На немъ находились странныя письма, въ родѣ геометрическихъ фигуръ. Незвѣстный внимательно прочелъ этотъ таинственный документъ и съ довольнымъ выраженіемъ лица спряталъ въ свертокъ, который застегнулъ на пряжки и положилъ подъ подушки. Очевидно было, что дѣло, которое онъ предпринялъ, шло по его желанію. Затѣмъ онъ дотронулся пальцемъ до негра. Тотъ нагнулся впередъ всей своей громадной фигурой и поднесъ къ лбу обѣ руки, ладонями наружу. Все его лице выражало напряженное вниманіе, и онъ весь какъ бы углубился въ слухъ. Но господинъ не сказалъ ни слова, а только указалъ рукой на одного изъ спавшихъ. Негръ всталъ, подошелъ къ указанному человѣку, разбудилъ его и снова занялъ прежнее мѣсто. При этомъ обнаружились его гигантскіе размѣры. Онъ, какъ Самсонъ, могъ бы легко поднять и перенести

вороты Газы, но къ его громадности и силѣ прибавлялась еще мягкость, ловкость и грація кошки.

Разбуженный невольникъ вскочилъ и почтительно приблизился. Трудно было опредѣлить его національность, но по сухощавому лицу, горбатуму носу, желтоватому цвѣту кожи и небольшому росту онъ походилъ на армянина. Выраженіе его лица было пріятное, умное. Незвѣстный сдѣлалъ ему знакъ пальцами, и онъ поспѣшилъ исполнить полученное приказаніе. Спустя нѣсколько минутъ, онъ привелъ шкипера, коренастаго, съ краснымъ глупымъ лицомъ и растопыренными ногами. Остановившись передъ господиномъ, матросъ спросилъ на византійскомъ, греческомъ языкѣ:

— Вы послали за мной?

— Да,—отвѣчалъ невѣстный на томъ же языкѣ, но съ лучшимъ произношеніемъ:—гдѣ мы?

— Если бы не такая тишь, то мы были бы уже у Сидона. Часовой доложилъ мнѣ, что горы уже въ виду.

Незвѣстный задумался и потомъ спросилъ:

— На веслахъ когда мы можемъ достигъ города?

— Въ полночь.

— Хорошо, слушай меня внимательно. Въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ Сидона находится небольшая бухта въ четыре мили поперечника. Двѣ рѣчки впадаютъ въ нее съ обѣихъ сторонъ. Посредиѣ, на берегу находится источникъ прѣсной воды, который въ состояніи поддержать жизнь нѣсколькихъ поселянъ съ ихъ верблюдами. Вы знаете эту бухту?

— А вамъ, повидимому, очень хорошо извѣстенъ весь берегъ?—замѣтилъ шкиперъ, пытаясь быть фамильярнымъ.

— Вы знаете эту бухту?—повторилъ пассажиръ.

— Я слыхалъ о ней.

-- Можете вы найти ее ночью?

— Я думаю.

— Хорошо. Войдите въ эту бухту и высадите меня на берегъ въ полночь; я не остановлюсь въ городѣ. Посадите людей на всѣ весла. Потомъ я дамъ вамъ дальнѣйшія приказанія. Помните, что меня надо посадить на берегъ въ полночь и въ томъ мѣстѣ, гдѣ я укажу.

Сдѣлавъ эти распоряженія, пассажиръ снова растянулся на своемъ ложѣ и приказалъ знакомъ негру махать надъ нимъ опахаломъ.

II.

Ночная высадка.

Шкиперъ оказался пророкомъ. Судно стояло въ бухтѣ около полуночи, судя по звѣздамъ на небѣ.

Незвѣстный былъ очень радъ и сказалъ ему:

— Я доволенъ вами. Теперь приблизьтесь къ берегу. Не пугайтесь, здѣсь нѣтъ подводныхъ камней, но не бросайте якоря и спустите лодку.

На морѣ была та же тишь, и подь мѣрные удары весель судно тихо двигалось впередъ, пока носъ его не врѣзался въ песокъ. Тогда шкиперъ приказалъ спустить лодку и доложилъ господину, что все готово. Послѣдній знаками приказалъ невольникамъ спрыгнуть въ лодку, а за ними послѣдовалъ негръ, съ ловкостью обезьяны. Кромѣ людей, въ лодку помѣстили три узла, заступъ, ломъ, пустой мѣхъ для воды и корзинку съ съѣстными припасами. Наконецъ, къ трапу подошелъ неизвѣстный.

— Теперь,—сказалъ онъ, обращаясь къ шкиперу:— идите въ городъ и оставайтесь тамъ до завтрашней ночи, но старайтесь не обращать на себя вниманія. Къ утренней зарѣ будьте здѣсь, я васъ жду.

— А если я васъ здѣсь не застаю?

— Такъ ждите, пока я не явлюсь...

Съ этими словами онъ спустился въ лодку, и негръ, принявъ его на руки, какъ ребенка, осторожно посадилъ на скамью. Вскорѣ они достигли берега и, высадившись, остались тамъ, а лодка вернулась къ судну, которое тотчасъ же ушло въ море.

Распредѣливъ багажъ между невольниками, неизвѣстный повелъ ихъ въ путь. Перейдя Сидонскую дорогу, они углубились въ горы. Мало-по-малу ихъ глазамъ стало представляться все большее и большее количество остатковъ старины: сломанныхъ колоннъ и мраморныхъ капителей, глубоко засѣвшихъ въ песокъ. При мерцаніи звѣздъ, они свѣтились какимъ-то роковымъ образомъ. Очевидно, они приближались къ той мѣстности, гдѣ нѣкогда возвышался старинный городъ, вѣроятно, предмѣстье Тира, который представлялъ одно изъ чудесъ свѣта и царилъ надъ моремъ широко, далеко.

На берегу одной изъ вливавшихся въ бухту рѣчекъ былъ сдѣланъ привалъ и наполненъ водой мѣхъ, который далѣе понесъ негръ на своихъ плечахъ.

Вскорѣ они достигли новой группы остатковъ древности, обнаруживавшихъ присутствіе тутъ кладбища. Много каменныхъ глыбъ и обломковъ прекрасно изваянныхъ вазъ попадалось на каждомъ шагу. Наконецъ имъ пресѣкъ дорогу громадный, открытый саркофагъ. Неизвѣстный остановился и устремилъ пристальный взглядъ на небо; найдя полярную звѣзду, онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ, и всѣ они двинулись по направленію, указываемому этимъ путеводнымъ свѣтиломъ.

Черезъ нѣсколько времени они достигли возвышенной мѣстности, на которой виднѣлись громадные саркофаги, выбитые въ утесъ и покрытые такими тяжелыми плитами, что, вѣроятно, ихъ никогда не приподнимали.

Далѣе, но все еще въ связи съ кладбищемъ, потянулась толстая стѣна, оканчивавшаяся у двухъ арокъ исчезнувшаго моста. Повидимому, черезъ этотъ мостъ проходила большая дорога изъ города, но куда? Въ этомъ былъ вопросъ. При видѣ этихъ арокъ неизвѣстный легко вздохнулъ: онъ именно ихъ-то и искалъ.

Однако, онъ не остановился, а прошелъ въ огражденное со всѣхъ сторонъ углубленіе въ утесъ: тутъ онъ приказалъ разгрузить багажъ. На землѣ устроили ложе для неизвѣстнаго, а слуги его помѣстились вокругъ. Поужинавъ съѣстными припасами, принесенными въ корзинѣ, всѣ заснули мертвымъ сномъ.

На слѣдующій день не сняли бивака, а только послѣ полудня неизвѣстный пошелъ на развѣдки. Онъ взобрался на гору и на соответствовавшей аркамъ моста вышинѣ очутился на широкой террасѣ, заваленной камнями. Сдѣлавъ нѣскольکو шаговъ по этой террасѣ, онъ остановился въ пустомъ пространствѣ, очевидно, выбитомъ съ большимъ трудомъ въ известнякѣ.

— Никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ,—произнесъ онъ громко, пристально осматриваясь по сторонамъ.

По его взгляду было ясно, что онъ бывалъ здѣсь прежде, и пытливо оглядѣвъ все вокругъ: камни, груды земли и кустарникъ, онъ повторилъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Да, здѣсь никого не было съ тѣхъ поръ...

Съ этими словами онъ подошелъ къ утесу въ томъ мѣстѣ, гдѣ было искусственное возвышеніе, и, сваливъ нѣскольکو камней, обнаружилъ рельефно изваянную поверхность. При видѣ этого онъ улыбнулся, положилъ камни на свое мѣсто и вернулся на свой бивакъ.

Изъ одного узла онъ вынулъ два желѣзныхъ старинныхъ римскихъ свѣтильника и приказалъ заправить ихъ масломъ; потомъ легъ на свое ложе. Попрежнему вокругъ царила тишина, и только пришедшія откуда-то, во время его отсутствія, козы доказывали, что эта мѣстность не была совершенно необитаемой.

Когда наступила ночь, незнакомецъ разбудилъ своихъ рабовъ и сдѣлалъ послѣднее приготовленіе, прежде чѣмъ приступить къ тому, что было, очевидно, цѣлью его далекаго странствованія. Онъ далъ одному орудія, другому свѣтильники, а негру мѣхъ съ водой. Потомъ онъ пошелъ съ ними въ горы, къ той террасѣ, которую осматривалъ днемъ, и, нигдѣ не останавливаясь, въ короткое время добрался до того утеса, гдѣ окончилъ свою прежнюю рекогносцировку. Тамъ онъ приказалъ невольникамъ отвалить груды камней передъ утесомъ, и послѣ получасовой работы ихъ глазамъ представилось маленькое отверстіе, указывавшее на существованіе въ этомъ мѣстѣ большой двери. Работа продолжалась, но незнакомецъ не довелъ ея до окончанія, а прекратилъ, какъ только отверстіе стало достаточно большимъ, чтобы пролѣзть въ него.

Онъ первый вошелъ въ отверстіе, а за нимъ послѣдовали рабы. Внутри оказался такой же карнизъ, какъ и снаружи, но по немъ идти было труднѣе, благодаря совершенному мраку. Ощупью они опустились на тянувшійся подъ этимъ карнизомъ полъ, и незнакомецъ, вынувъ изъ кармана маленькій ларецъ съ какимъ-то порошкомъ, насыпалъ его на полъ и сталъ высѣкать огонь, ударяя стальнымъ оружіемъ по кремню. Какъ только одна изъ искръ прикоснулась къ порошку, вспыхнуло красное пламя, которымъ онъ зажегъ свѣтильники.

Рабы увидели съ удивленіемъ, что они находились въ древнемъ склепѣ. Или это было подражаніемъ египетскимъ гробницамъ, или тѣ гробницы были созданы по этому образцу. Вдоль стѣнъ, выточенныхъ въ камнѣ рѣзцами, шелъ длинный рядъ углубленій, надъ которыми виднѣлись надписи выпуклыми буквами, теперь почти исчезнувшими. Полъ былъ заваленъ обломками саркофаговъ, которые, не смотря на ихъ массивность, были взломаны и ограблены. Излишне было бы задавать вопросъ, кто совершилъ это святотатственное дѣло. Въ немъ могли быть виновны халдеи времени Альманасара, или греки, шедшіе подъ знаменами Александра, или египтяне, которые рѣдко заботились о мертвецахъ побѣжденныхъ ими народовъ, какъ они пеклись о своихъ собственныхъ, или сарацины, трижды занимавшіе Сирійскій берегъ, или, наконецъ, христіане, такъ какъ немногіе изъ крестоносцевъ походили на святого Людовика.

Но объ этомъ не думалъ незнакомецъ. Онъ находилъ совершенно естественнымъ, что тутъ царило такое опустошеніе. Не смотря ни на надписи, ни на изваянія на стѣнахъ, онъ искалъ глазами чего-то въ сѣверной сторонѣ свода и успокоился только, когда глаза его остановились на зеленомъ мраморномъ саркофагѣ. Подойдя къ нему, онъ ощупалъ его полуприподнятую крышку и, убѣдившись, что задней стѣнкой онъ плотно опирался объ утесъ, произнесъ снова:

— Никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ...

И попрежнему онъ не окончилъ своей фразы.

Приказавъ негру подсунуть ломъ подъ уголь саркофага, незнакомецъ сталъ подкладывать подъ него все большіе и большіе камни, по мѣрѣ того, какъ приподнималась каменная масса. Наконецъ, саркофагъ пришелъ въ движеніе слѣва направо и отодвинулся отъ стѣны.

Незнакомецъ проникъ въ открытое такимъ образомъ пространство и, взявъ одинъ изъ свѣтильниковъ, сталъ внимательно осматривать обнаруженную стѣну. Инстинктивно рабы слѣдили за его взглядомъ, но не могли отличить этой части утеса отъ остального его пространства. Ихъ господинъ же позвалъ негра и приказалъ ударить ломомъ въ небольшой красноватый камень, въ пальца три величиной. Послѣ третьяго удара камень исчезъ и, очевидно, упалъ

въ нуто. Тогда стѣна, до высоты саркофага и шириной въ большую дверь, съ шумомъ обрушилась.

Когда пыль, поднятая этимъ разрушеніемъ, разсѣялась, то передъ глазами рабовъ представилось отверстіе въ величину руки. Очевидно, древніе каменщики, выказывавшіе замѣчательное искусство въ устройствѣ подобныхъ тайниковъ, скрыли этой стѣной входъ въ сосѣдній сводъ, а маленькій красный камень служилъ ключемъ къ открытію секрета.

Возвышавшаяся за нимъ стѣна состояла изъ отдѣльныхъ камней, которые съ помощью рукъ и лома были вынуты одинъ за другимъ и старательно положены на полъ, при чемъ незнакомецъ выставлялъ на нихъ мѣломъ цифры. Наконецъ, стѣна вся была разобрана и путь открытъ во внутренность пещеры.

III.

Скрытое сокровище.

Рабы сомнительно посмотрѣли на зѣвшее передъ ними пыльное отверстіе, нисколько не привлекавшее къ себѣ, но ихъ господинъ вошелъ въ него, держа свѣтильникъ въ рукѣ, и они послѣдовали за нимъ.

Они очутились въ корридорѣ, низкомъ, но широкомъ и постепенно поднимавшемся кверху. Онъ былъ также выточенъ въ утесъ, и на полу были видны слѣды колесъ отъ повозокъ, въ которыхъ вывозили оттуда камень. Стѣны были обнаженные, но гладко отшлифованныя. Весь интересъ въ этомъ подземномъ ходѣ заключался въ томъ, куда онъ приведетъ, и незнакомецъ, вѣроятно, по этой причинѣ былъ задумчивъ и серьезенъ. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на глухое эхо, откликавшееся на шаги какъ его, такъ и рабовъ.

Поднявшись по тридцати ступенямъ, они вступили въ обширный круглый залъ съ куполомъ, и не смотря на окружающій мракъ, который не могъ быть побѣжденъ мерцаніемъ свѣтильниковъ, незнакомецъ прямо подошелъ къ саркофагу, стоявшему посреди зала.

Онъ былъ высѣченъ изъ утеса и имѣлъ необыкновенно большой размѣръ. Стоя прямо передъ входомъ, онъ по вышинѣ подходилъ подъ обыкновенный человѣческій ростъ, а въ длину былъ вдвое больше. Внѣшность его была совершенно простая, хотя гладко отшлифованная, но на крышкѣ, состоявшей изъ бѣлой мраморной плиты, былъ изваянъ самымъ художественнымъ образомъ храмъ Соломона. Незнакомецъ поднесъ свѣтильникъ къ этому изваянію и сталъ съ видимымъ волненіемъ осматривать всѣ его подробности.

На глазахъ его навернулись слезы, и онъ старательно сдувалъ пыль, накопившуюся въ углубленіяхъ барельефа, который своей бѣлизной сіялъ въ окружающей темнотѣ, какъ нѣкогда самъ храмъ Соломона сіялъ среди окружающаго его свѣта.

Вскорѣ незнакомецъ поборолъ свое волненіе и приступилъ къ работѣ. Онъ приказалъ негру съ помощью лома осторожно приподнять мраморную плиту и попережнему самъ подкладывалъ камни, чтобы поддержать ее. Наконецъ она была приподнята на всемъ своемъ пространствѣ, и саркофагъ медленно выдалъ свою тайну.

Его внутренность представляла разительный контрастъ съ простотой внѣшности. Весь онъ былъ выложенъ золотыми листами, на которыхъ были изображены корабли, высокія деревья, вѣроятно, ливанскіе кедры, каменотесы въ работѣ и два человѣка въ царственныхъ одеждахъ, пожимавшіе другъ другу руки. Все это было изваяно рѣзцомъ, съ такимъ утонченнымъ изяществомъ, которому позавидовалъ бы Бенвенуто Челлини. Но глаза незнакомца не остановились на этихъ чудесахъ искусства, а ихъ привлекло къ себѣ иное зрѣлище.

Среди саркофага, на каменномъ сидѣннѣ, помѣщалась мумія человѣка, съ короной на головѣ и золотой мантией, покрывавшей все его тѣло. Въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой серебряную дощечку съ надписью. Уши, руки и ноги его были украшены кольцами, золотыми и съ драгоценными камнями. Подлѣ него лежалъ мечъ въ ножнахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями, а рукоятка его состояла изъ громаднаго рубина. Перевязъ же сверкала брилліантами и жемчугами. Подъ этимъ мечемъ виднѣлись священные символы масонства: треугольникъ, молотокъ, лопаточка и цыркуль.

Съ перваго взгляда было видно, что умершій—царь. Относительно его, какъ и его царственныхъ братьевъ въ нильскихъ гробницахъ, смерть одержала верхъ надъ всѣмъ искусствомъ древнихъ въ бальзамированіи. Щеки его впали и пожелтѣли, лобъ былъ стянутъ, на вискахъ образовались впадины, глаза наполнены какимъ-то коричневымъ веществомъ. Только сѣдые волоса и борода, а также тонкій, горбатый носъ сохранились въ своемъ естественномъ видѣ.

При видѣ этой, спокойно возсѣдавшей въ саркофагѣ, фигуры рабы отскочили въ страхѣ. Ломъ съ шумомъ выпалъ изъ рукъ негра.

Вокругъ муміи стояли сосуды съ монетами, жемчугами и драгоценными каменьями; ихъ было столько, что они наполняли всю остальную внутренность саркофага, углы котораго были драпированы золотыми тканями, усыпанными жемчугами.

Незнакомецъ снялъ свои сандалии и съ помощью рабовъ взлѣзъ въ саркофагъ. Ему подали одинъ изъ свѣтильниковъ, и онъ съ

гордымъ самодовольствомъ сталъ осматривать всё сокровища, которыя теперь принадлежали ему, какъ нѣкогда царственной муміи. Не имѣя возможности унести всего, онъ старательно дѣлалъ вывѣдь, что взять и что оставить. Ему некого и нечего было бояться, а потому онъ производилъ тщательный выборъ. Отставивъ въ сторону нѣсколько сосудовъ, онъ очистилъ мѣсто на днѣ саркофага, разостлалъ вынутую изъ-подъ своей одежды большую бѣлую салфетку и высыпалъ на нее драгоценности, находившіяся въ одномъ изъ сосудовъ. Затѣмъ онъ сталъ отбирать лучшіе изъ драгоценныхъ камней и откладывать ихъ въ принесенные съ собою толстые полотняные мѣшки. При этомъ онъ выказывалъ большое знаніе и опытность: такъ, онъ иногда отвергалъ большіе камни и отдавалъ предпочтеніе гораздо меньшимъ, но лучшаго достоинства и съ большей игрой. Забракованные камни онъ возвращалъ въ сосудъ и пристуналъ къ другому. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ перебралъ всё сосуды и наполнилъ драгоценностями девять мѣшковъ. Старательно связавъ, онъ отдалъ ихъ рабамъ, а самъ, усталый, утомленный отъ долгаго напряженія мускуловъ, сталъ потирать себѣ руки и ноги.

Работа была кончена; онъ легко вздохнулъ и, бросивъ послѣдній взглядъ на внутренность саркофага, еще разъ промолвилъ свою неоконченную фразу.

— Никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ...

Но прежде чѣмъ выйти изъ саркофага, его глаза остановились на серебряной дощечкѣ, которую мумія держала въ рукахъ, и подойдя къ ней ближе, онъ опустился на колѣни, приподнялъ къ самой дощечкѣ свѣтильникъ и прочелъ слѣдующее:

1.

«Богъ одинъ, и онъ былъ въ началѣ, и не будетъ ему конца».

2.

«При жизни я приготовилъ этотъ склепъ и гробницу для пріятія моего тѣла и безопаснаго его храненія, но, быть можетъ, сюда проникнетъ кто либо, такъ какъ земля и море всегда выдаютъ свои тайны».

3.

«Поэтому, о странникъ, впервые открывающій меня, да будетъ тебѣ извѣстно, что я всю жизнь поддерживалъ сношенія съ еврейскимъ царемъ Соломономъ, мудрѣйшимъ, богатѣйшимъ и величайшимъ изъ людей. Какъ извѣстно, онъ задумалъ выстроить храмъ своему Господу Богу и такой храмъ, котораго никогда не

видывалъ свѣтъ по своимъ размѣрамъ, богатству, красотѣ и полному соответствію со славою его Бога. Сочувствуя его намѣренію, я далъ ему искусныхъ рабочихъ: каменщиковъ, серебрянниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, а мои мореходы отвезли ему на многочисленныхъ судахъ сокровища земли со всѣхъ концовъ міра. Наконецъ храмъ былъ оконченъ, и онъ прислалъ мнѣ все, что находится здѣсь: изображеніе храма, монеты, золотыя ткани съ жемчугами и сосуды съ драгоценными камнями. Если ты, о, странникъ, удивись величію этого дара, то знай, что это лишь малая часть того, что онъ оставилъ себѣ, такъ какъ онъ былъ повелителемъ всей земли и всего, что въ ней».

4.

«Не думай, о странникъ, что я взялъ съ собою въ гробницу всѣ эти богатства, полагая, что они мнѣ пригодятся въ будущей жизни. Нѣтъ, я окружилъ себя здѣсь ими потому, что любилъ Соломона и хотѣлъ, чтобы доказательства его любви не покидали меня и въ смерти. Вотъ и все».

5.

«Поэтому, о странникъ, ты можешь свободно взять отсюда всѣ эти сокровища, но употреби ихъ во славу Господа Бога Соломонова, моего царственного друга. Нѣтъ другого Бога, кромѣ его Бога!»

«Такъ говорю я—

Хирамъ, царь Тирскій».

— Упокой, Господи, твою душу, мудрѣйшій изъ языческихъ царей,—сказалъ незнакомецъ, вставая:—я первый открылъ тебя здѣсь, и твои сокровища принадлежатъ мнѣ. Я употреблю ихъ во славу Господа Бога Соломонова. По истинѣ, нѣтъ другого Бога, кромѣ его Бога!

Незнакомецъ достигъ своей цѣли, и лицо его сіяло теперь удовольствіемъ. Онъ положилъ руку на край саркофага и хотѣлъ уже покинуть его, какъ снова что-то обратило на себя его вниманіе. На днѣ валялся громадный изумрудъ, а когда онъ нагнулся, чтобы его поднять, то его взглядъ приковалъ къ себѣ крупный рубинъ на рукояткѣ меча. Послѣ минутнаго колебанія онъ произнесъ свою обычную фразу, но на этотъ разъ уже окончилъ ее:

— Никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ, какъ я приходилъ сюда тысячу лѣтъ тому назадъ!..

Хотя никто не могъ разслышать этихъ словъ, но какъ только они сорвались съ его губъ, онъ невольно вздрогнулъ, и свѣ-

тильникъ заколыхался въ его рукѣ. Но, поборовъ свое смущеніе, онъ повторилъ:

— Да, никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ, какъ я приходилъ сюда тысячу лѣтъ тому назадъ. Но земля и море всегда выдаютъ свои тайны. Такъ говорилъ добрый царь Хирамъ, и я, служа доказательствомъ справедливости его словъ, долженъ вѣрить ему. Поэтому мнѣ надо поступить такъ, какъ будто вскорѣ другой послѣдуетъ по моимъ стопамъ.

И онъ сталъ жадно смотрѣть на блестящій своими драгоценными камнями мечъ. Ему жаль было оставить такое сокровище, особенно, когда, на половину выдернувъ его изъ ноженъ, онъ увидалъ, что лезвее сверкало той ясной, глубокой синевой, которою отличается небо между звѣздами въ ясную ночь.

— Чего не купишь такую рѣдкостью?—промолвилъ онъ задумчиво:—какого царя не соблазнить мечъ Соломона? Я рѣшительно возьму его съ собою.

Передавъ мечъ и громадный изумрудъ рабамъ, незнакомецъ медленно вышелъ изъ саркофага.

Теперь онъ занялся уничтоженіемъ всѣхъ слѣдовъ къ открытію кѣмъ бы то ни было найденнаго имъ сокровища. Негръ подъ его руководствомъ возвратилъ мраморную плиту на ея прежнее мѣсто и, обойдя саркофагъ со свѣтильникомъ въ рукѣ, незнакомецъ старательно осмотрѣлъ, все ли на своемъ мѣстѣ. Убѣдившись въ этомъ, онъ махнулъ рукой, какъ бы прещаясь съ древнимъ царемъ, спокойный сонъ котораго онъ на минуту нарушилъ, и направился къ выходу. Рабы слѣдовали за нимъ, неся мѣшки съ драгоценностями, орудія и мечъ Соломона, завернутый въ верхнюю одежду незнакомца, который скинулъ ее, еще находясь въ саркофагѣ.

Вернувшись въ наружный склепъ, они задѣлали камнями отверстіе, наполнили швы горстями пыли, поднятой съ пола, и поставили наружный саркофагъ на его прежнее мѣсто. Такимъ образомъ вполне былъ скрытъ тайный ходъ въ опочивальню царя Хирама.

— Тотъ, кто явится сюда послѣ меня, долженъ имѣть очень зоркіе глаза, чтобы добиться аудіенціи у моего царственного друга,—промолвилъ незнакомецъ, ощупывая подъ своей одеждой кожаный свертокъ, который онъ такъ старательно берегъ на кораблѣ.

Потомъ, сдѣлавъ знакъ рабамъ, чтобы они подождали его, онъ направился въ противоположный конецъ склепа и, приставивъ свѣтильникъ къ самой стѣнѣ, гдѣ виднѣлась такая большая дверь, что она скорѣе походила на ворота, онъ произнесъ:

— Это — прекрасно. Грабители въ будущемъ, также какъ въ прошедшемъ, пойдутъ сюда, а не туда.

Дѣйствительно эта дверь предохраняла, болѣе всего остального, открытіе тайны гробницы царя Хирама, и проникавшія въ пещеру лица направляли свои шаги въ дверь, за которой шли подземныя галереи, совершенно ими опустошенныя, и не думали о тайномъ проходѣ за саркофагомъ.

Вернувшись къ своимъ рабамъ, ихъ господинъ вынулъ изъ-за пояса негра ножъ и разрѣзалъ горлышко мѣховъ съ водою; въ сдѣланное отверстіе, онъ сунуль одинъ мѣшокъ за другимъ со своими драгоценностями, которые, вытѣснивъ значительное количество воды, свободно помѣстились тамъ. Когда эта работа была окончена, и мѣхъ взваленъ на плечи негра, они погасили свѣтильники и вышли изъ пещеры.

Рабы съ удовольствіемъ дышали теперь свѣжимъ воздухомъ, а незнакомецъ сталъ пристально смотрѣть на небо, опредѣляя по звѣздамъ время. Убѣдившись, что они успѣютъ до зари добраться до берега, онъ приказалъ задѣлать входъ въ пещеру попрежнему камнями и, приведя все такимъ образомъ въ должный порядокъ, направился прежде къ мѣсту своего бивава, а затѣмъ на берегъ моря.

Въ определенное время подошла галера на веслахъ и приняла на свою палубу незнакомца съ его рабами.

Прежде всего они подкрѣпили свои силы хлѣбомъ, смирнскими финиками и принкипскимъ виномъ, а затѣмъ былъ позванъ шкиперъ.

— Ты хорошо исполнилъ мои приказанія, другъ, — сказалъ незнакомецъ: — теперь иди на всѣхъ парусахъ и веслахъ въ Византію, не заглядывая по дорогѣ ни въ одну гавань. Я увеличу тебѣ плату соразмѣрно быстротѣ хода. Торопись на сколько возможно.

Затѣмъ онъ легъ на свое обычное ложе на палубѣ и вскорѣ заснулъ, покоясь головой на подушкѣ, подлѣ которой находились мѣхъ съ драгоценностями, мечъ Соломона и кожаный свертокъ.

Быстро неслась галера отъ невѣдомой бухты близъ Сидона, не останавливаясь нигдѣ. Надъ нею простиралось все то же голубое небо, а подъ нею зіяла все та же морская синева. Днемъ незнакомецъ часами глядѣлъ на виднѣвшіеся вдали берега, и по его взгляду было очевидно, что онъ не новичекъ въ этихъ мѣстностяхъ; а по ночамъ ничто не тревожило его глубокаго сна.

Наконецъ, достигнуты были Дарданелы, а затѣмъ Мраморное море, но пассажиръ требовалъ, чтобъ кормчій держался открытаго моря.

— Нечего бояться погоды, — сказалъ онъ: — а этимъ путемъ мы выиграемъ время.

На вечерней зарѣ галера уже шла въ виду того мѣста европейскаго берега, гдѣ теперь находится Санъ-Стефано. Вдали виднѣлась св. Софія, а за ней возвышалась Галатская башня.

— Дома будемъ къ ночи, слава Дѣвѣ Маріи,—набожно проговорили матросы.

Но они ошибались. Ихъ господинъ позвалъ шкипера и сказалъ ему:

— Я не желаю входить въ гавань раньше завтрашняго утра. Ночь прекрасна, и я поѣду на берегъ въ лодкѣ. Я когда-то былъ хорошимъ гребцомъ и теперь люблю погрести. Бросьте якорь и повѣсьте два фонаря на мачту, чтобы я могъ найти судно, если вздумаю вернуться.

Шкиперъ подумалъ, что у него очень странный пассажиръ, но молча исполнилъ его приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ лодка была спущена, и незнакомецъ вмѣстѣ съ негромъ снесли въ нее мѣхъ, наполненный сокровищами, и одежду, въ которую былъ завернуть мечъ Соломона. Первый взялъ весла, и лодка быстро направилась къ острову Принкипо, но когда она исчезла изъ вида галеры, то незнакомецъ отдалъ весла негру, а самъ, взявъ руль, повернулъ на югъ.

Вскорѣ показала возвышенная оконечность Плати. Тамъ въ старину была выстроена каменная башня для часовыхъ, которые наблюдали за движеніями разбойниковъ на сухомъ пути и пиратовъ на морѣ, а теперь она представлялась заросшей мхомъ развалиной. Незнакомецъ причалилъ лодку къ самому берегу и, выйдя изъ нея, пошелъ къ развалинамъ, неся мѣхъ, изъ котораго предварительно вылилъ всю остававшуюся тамъ воду. Негръ остался въ лодкѣ. Черезъ нѣсколько времени незнакомецъ вернулся безъ мѣха и, взявъ одежду, въ которой былъ завернуть мечъ, снова отправился въ развалины, куда онъ проникалъ чрезъ скрытое камнями отверстіе.

— Ну, теперь они въ безопасности,— произнесъ онъ, окончательно возвратившись въ лодку и направивъ ее обратно къ галерѣ:— у меня еще три такихъ запаса: въ Индіи, Іерусалимѣ и Египтѣ; да вѣдь и сидонская гробница къ моимъ услугамъ. Я никогда не буду нуждаться,— прибавилъ онъ со смѣхомъ.

На слѣдующее утро галера вышла въ портъ св. Петра, на южной сторонѣ Золотого Рога, и вскорѣ затѣмъ незнакомецъ уже находился въ своемъ домѣ въ Византіи.

Черезъ недѣлю онъ продалъ этотъ домъ со всѣмъ, что въ немъ находилось, и ночью ушелъ на галерѣ въ Мраморное море, взявъ съ собою своихъ рабовъ, которые отличались тѣмъ, что были глухіе и нѣмые.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНЯЗЬ ИНДИИ.

I.

Гонецъ изъ Чипанго.

ЯТЬДЕСЯТЬ три года послѣ таинственнаго посѣщенія незнакомцемъ гробницы царя Хирама, именно 15 мая 1448 года, въ лавку одного изъ константинопольскихъ рынковъ вошелъ какой-то человѣкъ и подалъ письмо хозяину, еврею. Тотъ взялъ полотняный конвертъ, но прежде, чѣмъ распечатать его, пристально посмотрѣлъ на гонца.

Хотя уже въ тѣ времена Константинополь былъ космополитнымъ городомъ, и въ немъ встрѣчались всякаго рода люди и костюмы, но этотъ гонецъ невольно обратилъ на себя вниманіе еврея своей необычайной внѣшностью. Онъ видалъ представителей всѣхъ извѣстныхъ національностей, но никогда глаза его не останавливались на такой странной личности, съ необыкновенно розовымъ цвѣтомъ лица, косыми глазами и шелковой коричневой тканью, покрывавшей все его тѣло, съ ногъ до головы. Висѣвшій у него на спинѣ мѣшокъ изъ той же ткани былъ вышитъ пестрыми цвѣтами, на ногахъ у него виднѣлись такія же, богато вышитыя туфли, а надъ обнаженной головой онъ держалъ зонтикъ изъ бамбука и блестяще выкрашенной бумаги.

Слишкомъ хорошо воспитанный, чтобы продолжать безмолвный осмотръ гонца, съ головы до ногъ, или чтобы удовлетворить свое любопытство разспросами, еврей распечаталъ письмо и углубился въ его чтеніе. Между тѣмъ его сосѣди, менѣе деликатные, окружили пришельца и въ волю глазѣли на него, что, повидимому, нисколько не тревожило этого страннаго человѣка.

Письмо, находившееся въ конвертѣ, еще болѣе смутило еврея. Бумага, на которой оно было написано, поражала своей тонкостью, мягкостью и полупрозрачностью. Онъ никогда не видалъ ничего подобнаго. Письмо очевидно было изъ чужеземной, даже очень чужеземной страны.

Однако писано оно было погречески. Прежде всего вниманіе еврея обратилось на число и адресъ, выставленные сверху, и потомъ, уступая своему любопытству, онъ, не читая письма, взглянулъ на подпись. Ея вовсе не было, а вмѣсто нея стояла восковая печать съ изображеніемъ Распятія.

При видѣ этой печати глаза еврея широко раскрылись, и онъ тяжело перевелъ дыханіе отъ удивленія и страха. Усѣвшись на скамейку и совершенно забывъ гонца, а также окружающую его толпу, онъ углубился въ чтеніе:

«Островъ во внѣшнемъ морѣ. На
дальнемъ востокѣ.
15 мая 1447 года.

«Уель, сынъ Іадая.

«Миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ.

«Если ты свято сохранилъ наслѣдіе твоихъ предковъ, то ты найдешь гдѣ нибудь въ твоемъ домѣ дубликатъ моей печати, но только онъ золотой. Я зналъ твоего отца, дѣда и столькихъ твоихъ предковъ, что, быть можетъ, неблагоприятно объ этомъ напоминать. Я любилъ ихъ всѣхъ, потому что они составляли добрый, нравственный родъ, чтившій Господа Бога Израилева и не признававшій другого бога, что составляетъ славную человѣческую добродѣтель. Къ этому я прибавлю, что качество людей, какъ качество растений, переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и хотя я никогда не видалъ тебя, не слышалъ твоего голоса и не дотрогивался до твоей руки, но я знаю тебя и вѣрю тебѣ. Сынъ твоего отца не скажетъ никому, что онъ получилъ отъ меня письмо, или что я существую на свѣтѣ, а такъ какъ твой отецъ радостно исполнилъ бы мою просьбу, такъ и ты, его сынъ, удовлетворишь моему желанію. Отказъ въ этомъ былъ бы первымъ шагомъ къ предательству.

«Высказавъ тебѣ это, о сынъ Іадая, я свободно и безъ страха приступлю къ дѣлу. Во-первыхъ, я уже пятьдесятъ лѣтъ нахожусь на островѣ, имени котораго ты не знаешь, и который я по-

тому назвалъ островомъ на вѣшнемъ морѣ, на дальнемъ востокѣ.

«Люди здѣсь добрые, расположенные къ чужестранцамъ и живутъ просто, въ любви между собой. Хотя они никогда не слышали о Назарѣ, котораго міръ продолжаетъ называть Христомъ, но, по правдѣ сказать, они лучше исполняютъ его ученіе, чѣмъ такъ называемые христіане, среди которыхъ ты живешь. Не смотря на это, мнѣ надоѣло жить съ ними, и, конечно, въ этомъ я болѣе виноватъ, чѣмъ они. Желаніе переменъ всеобщій законъ, и только Богъ одинъ и тотъ же былъ, есть и будетъ вчера, сегодня и завтра, изъ вѣка въ вѣкъ. Поэтому я рѣшился еще разъ посѣтить страну нашихъ отцовъ—Иерусалимъ, о которомъ я все еще проливаю слезы. Во времена его славы онъ былъ болѣе чѣмъ прекрасенъ, а въ развалинахъ онъ болѣе чѣмъ святъ.

«Знай же, о сынъ Іадая, что во исполненіе моего намѣренія я посылаю къ тебѣ слугу моего Сіама, который передастъ тебѣ это посланіе. Когда ты получишь его, то обрати прежде всего вниманіе, будетъ ли это 15 мая, такъ какъ я назначилъ ему ровно годъ на путешествіе, которое ему придется сдѣлать болѣе моремъ, чѣмъ землей. Я слѣдую за нимъ, но останавливаюсь по дорогѣ на неопредѣленное время, такъ какъ мнѣ необходимо перебраться изъ Индіи въ Мекку, а оттуда въ Каш-кушъ и наконецъ по Нилу въ Каиръ. Но все-таки я надѣюсь лично привѣтствовать тебя, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ прибытія къ тебѣ Сіамы.

«Посылка впередъ гонца имѣетъ близкое отношеніе къ тому, что я долженъ тебѣ сообщить, во-вторыхъ.

«Я снова хочу поселиться въ Константинополь, и для этого мнѣ надо имѣть свой домъ. Сіамъ поручено купить домъ, обставить его и приготовить все, что нужно для меня. Уже давно караванъ-сарай потерялъ для меня свою прелесть и гораздо пріятнѣе знать, что тебя ожидаетъ собственное жилище. Въ этомъ дѣлѣ ты можешь оказать мнѣ услугу, за которую я буду тебѣ благодаренъ и щедро тебя вознагражу. Мой слуга ничего не знаетъ о твоёмъ городѣ, а потому я прошу тебя, помоги ему купить домъ, заключить актъ продажи и устроить все хозяйство. Но помни, что я хочу жить удобно, но просто и небогато, такъ какъ, увы, еще не пришло то время, когда сыны Израилевы будутъ имѣть возможность жить на свободѣ среди христіанскаго міра.

«Ты увидишь, что Сіама толковый и благоразумный человекъ, старше, чѣмъ онъ кажется, и готовый преданно служить тебѣ ради меня. Но знай, что онъ нѣмой и глухой; впрочемъ, ты можешь говорить ему погречески, но непременно стоя лицомъ къ нему, и тогда онъ пойметъ тебя по движенію твоихъ губъ, а отвѣчать тебѣ будетъ знаками.

«Наконецъ, не бойся взять на себя это порученіе въ виду де-

нежныхъ затрудненій. У Сіамы денегъ болѣе, чѣмъ нужно, а потому ему приказано не дѣлать долговъ.

«Онъ получилъ подробныя отъ меня инструкціи и, кромѣ того, онъ знаетъ мои обычаи и привычки. Окончу это посланіе надеждой, что ты окажешь ему во всемъ помощь и позволишь мнѣ, по моему прибытіи, быть тебѣ отцомъ и во всемъ помощью, но отнюдь не бременемъ.

«Еще разъ, о сынъ Іадая, тебѣ и твоимъ миръ».

(Печать).

Окончивъ чтеніе, сынъ Іадая опустилъ руки на колѣни и глубоко задумался. Отъ кого и откуда онъ получилъ это странное посланіе? Если оно было писано на островѣ вѣшняго моря и на дальнемъ востокѣ, то, значить, тотъ, кто его писалъ, находился тогда на восточной оконечности земли, гдѣ бы эта оконечность ни была. Но кто онъ былъ? Зачѣмъ попалъ туда, зачѣмъ возвращался сюда?

Неожиданно онъ вздрогнулъ. Въ головѣ его блеснула мысль, что въ одномъ шкафу, находившемся въ стѣнѣ его дома, двѣ полки были отведены для предметовъ, оставшихся ему по наслѣдству отъ предковъ: на верхней лежала Тора, находившаяся въ семьѣ съ незапамятныхъ временъ, а на нижней помѣщались металлическіе и роговые сосуды, старыя филактеріи, амулеты и многочисленные другіе предметы, которыхъ онъ самъ не могъ въ точности пересчитать. Въ числѣ ихъ, онъ теперь хорошо припоминалъ, былъ золотой медальонъ, но, съ какимъ изображеніемъ, онъ рѣшительно не зналъ. Его отецъ и дѣдъ очень уважали этотъ медальонъ и рассказывали про него исторію, которая твердо запечатлѣлась въ его памяти.

Какой-то человѣкъ за оскорбленіе, нанесенное Іисусу Христу, былъ приговоренъ послѣднимъ къ наказанію, состоящему въ томъ, что онъ будетъ скитаться на землѣ до вторичнаго пришествія Мессіи. И этотъ человѣкъ ходилъ по свѣту изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ. Отецъ и дѣдъ клялись, что эта исторія справедлива, и, кромѣ того, завѣряли, что близко знали несчастнаго, и что онъ оказывалъ большія услуги ихъ семьѣ, которая поэтому считала его своимъ. Кромѣ того, они прибавляли, что онъ постоянно молилъ небо послать ему смерть и всячески старался навлечь ее на себя; но она упорно обходила его, и онъ, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что не можетъ умереть.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда лавочникъ еврей, слышалъ эту исторію, и еще болѣе со времени послѣдняго посѣщенія Константинополя таинственной личностью. Но онъ не умеръ! Онъ снова возвращался. Это было такъ странно, что трудно вѣрилось такому необыкновенному событію. Во всякомъ случаѣ, легко было убѣдиться въ справедливости того, что сообщалось въ письмѣ:

стоило только сравнить золотой медальонъ, хранившійся въ шкафу, съ восковой печатью.

Сынъ Іадая понялъ это и, сдѣлавъ знакъ гонцу, вышелъ изъ лавки во внутреннюю комнату.

— Присядь здѣсь,—сказалъ онъ погречески,—и подожди, пока я вернусь.

Гонецъ улынулся и съ поклономъ сѣлъ. Тогда Уель надвинулъ на брови свой тюрбанъ и, взявъ письмо, быстро отправился домой.

Онъ шелъ такъ скоро, что почти бѣжалъ. По дорогѣ ему встрѣчались знакомые, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, и если они съ нимъ заговаривали, то онъ не слышалъ ихъ словъ. Достигнувъ дома, онъ вбѣжалъ въ дверь съ такой поспѣшностью, словно его преслѣдовала толпа. Очутившись передъ шкафомъ, онъ сталъ торопливо перебирать различные предметы на второй полкѣ, но какъ онъ ни переворачивалъ ихъ, отыскиваемый золотой медальонъ не находился. Неужели онъ пропалъ? Самъ по себѣ онъ былъ драгоценный, а теперь безъ него нельзя было убѣдиться въ справедливости полученнаго письма.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, ломая себѣ руки,—медальона нѣтъ. Онъ потерянъ. Какъ я теперь дойду до правды!

Сынъ Іадая былъ вдовъ, и его молодая жена, умирая, оставила ему маленькую дѣвочку, которой, во время появленія страннаго гонца, было тринадцать лѣтъ. Для ухода за ней и для веденія хозяйства онъ завелъ экономку, очень почтенную дочь Израилеву. Естественно, что въ своемъ смущеніи по поводу утери золотого медальона онъ вспомнилъ объ этой особѣ, но въ ту самую минуту отворилась дверь, и въ комнату вошла его дочь.

Онъ искренно любилъ ее, потому что она напоминала свою мать чистымъ, свѣтло-оливковымъ цвѣтомъ лица и нѣжными улыбающимися черными глазами, въ которыхъ такъ свѣтилась любовь, что не надо было выражать ее словами. Дѣвочка была веселая, ласковая, привѣтливая и пѣла съ утра до вечера. Часто, смотря на нее съ любовью, онъ примѣчалъ въ ней задатки всѣхъ достоинствъ покойной жены, которую онъ считалъ совершенствомъ во всемъ.

Не смотря на свое смущеніе, онъ посадилъ къ себѣ на колѣни дѣвочку и сталъ цѣловать ее на обѣ щеки. Неожиданно его глазамъ представился золотой медальонъ, висѣвшій у нея на шеѣ. На его вопросъ она объяснила, что экономка дала ей этотъ медальонъ, какъ игрушку. Снявъ медальонъ со снурка, на которомъ онъ висѣлъ, Уель подошелъ къ окну, и послѣ тщательнаго сравненія его съ печатью въ письмѣ онъ убѣдился, что они совершенно одинаковы.

Въ виду этого, его дальнѣйшія дѣйствія были совершенно ясны. Отецъ принялъ бы чужестранца радушно, а слѣдовательно и онъ долженъ былъ сдѣлать то же. Отъ него требовалось, въ сущности,

не много: только содѣйствіе въ покупкѣ дома неопытному слугѣ, имѣвшему, однако, неограниченные фонды. Эта помощь не должна была стоить ему многихъ трудовъ, а, очевидно, могла принести значительную пользу, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло, повидимому, съ богатыми и могущественными человекомъ.

Онъ немедленно вернулся въ лавку и, взявъ Сіаму, отвелъ его въ свой домъ, гдѣ помѣстилъ въ комнатѣ, отведенной для гостей, а на слѣдующій день приступилъ къ осуществленію плана его господина. Отыскать подходящій домъ оказалось не трудно, и онъ вмѣстѣ съ Сіамой остановили свой выборъ на двухэтажномъ домѣ въ улицѣ, огибавшей гору, на которой теперь возвышается мечеть султана Селима, а тогда стояла небольшая христіанская церковь. Обращенная на востокъ, она находилась на самой границѣ, между кварталами грековъ, отличавшихся чистотой, и евреевъ, славящихся неопрятностью. Ни гора, ни церковь не препятствовали обширному виду съ крыши дома, откуда можно было видѣть многія красивыя жилища грековъ, церковь Пресвятой Дѣвы на Блахернѣ и императорскій садъ за этой церковью. Ко всѣмъ этимъ удобствамъ присоединялось еще одно, въ глазахъ Уеля, именно, что домъ находился прямо противъ его собственнаго, небольшого, но уютнаго деревяннаго жилища. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, господинъ Сіамы напелъ бы удовлетворительнымъ сдѣланный имъ вмѣстѣ съ Уелемъ выборъ. Обстановка дома представила еще меньшее затрудненіе.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Сіамой, Уель былъ очень доволенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что послѣдній акуратно платилъ за все купленное, а, во-вторыхъ, что съ нимъ было очень легко объясняться. Его глаза замѣняли недостающій слухъ, а знаками, жестами и взглядами онъ ловко разыгрывалъ цѣлую пантомиму. Это особенно забавляло дочь Уеля, и она съ любопытствомъ слѣдила за его безмолвными разговорами съ ея отцомъ.

Наконецъ, все было готово, и страннику стоило только явиться, постучать въ дверь и быть дома.

II.

Паломникъ въ Эль-Катифѣ.

Барейнская бухта находится на западномъ берегу Персидскаго залива, и на самой сѣверной ея оконечности возвышаются бѣлыя, одноэтажныя мазанки города Эль-Катифа. Такъ какъ въ Аравіи ничто не измѣняется, то эта бухта и этотъ городъ были извѣстны въ эпоху нашего разсказа подъ тѣми же именами, которыя означаютъ ихъ и теперь.

Этотъ городъ въ старыя времена имѣлъ значеніе главнымъ образомъ отъ дороги, которая шла оттуда на западъ, чрезъ безводныя, песчаныя пустыни, съ одной стороны, въ Медину, а съ другой—въ Мекку. Когда ежегодно наступало время паломничества въ священный городъ, то объ Эль-Катифѣ говорилось почти столько же, сколько о Меккѣ среди паломниковъ изъ Ирана, Авганистана, Индіи и другихъ странъ далекаго востока.

По закону Магомета паломники должны быть въ Меккѣ во время рамазана, когда самъ пророкъ совершилъ первое паломничество. Изъ Эль-Катифа можно было достигнуть священнаго города въ шестьдесятъ дней, считая въ день среднимъ числомъ двѣнадцать миль. Собравшись предварительно въ Константинополь, Каирѣ, Дамаскѣ и Багдадѣ, паломники составляли обширные караваны и на пути останавливались въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ устроены были торговые центры. Однимъ изъ такихъ центровъ былъ Эль-Катифъ, и въ немъ преобладали торговцы лошадьми, ослами и верблюдами, а окружающая его страна представляла безконечную ферму, на которой откармливали барановъ и другой скотъ. Тутъ паломники могли получать все, что имъ было нужно: сѣдла, вьюки, сандали, одежду, палатки и т. д.

Среди тысячъ паломниковъ, прибывшихъ въ Эль-Катифъ въ концѣ іюня 1448 года, находился одинъ человекъ, который обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ прибылъ съ юга на восьми-весельной галерѣ съ индусскими матросами и три дня стоялъ на якорѣ, прежде чѣмъ выйти на берегъ. Его судно ничѣмъ не обнаруживало своей національности, но, очевидно, оно не было ни военное, ни коммерческое, такъ какъ съ одной стороны оно не было вооружено, а съ другой сидѣло въ водѣ очень не глубоко, слѣдовательно не имѣло груза. Прежде, чѣмъ были спущены на немъ паруса, на его кормѣ была раскинута пестрая, блестящая палатка. При видѣ этого, на берегу было рѣшено, что владѣлецъ судна былъ одинъ изъ князей Индіи, чрезвычайно богатый и явившійся сюда съ цѣлью доказать паломничествомъ въ Мекку, что онъ хорошій мусульманинъ.

Это общее мнѣніе подтвердилось послѣдующимъ поведеніемъ чужестранца, хотя онъ три дня не показывался на берегъ, но поддерживалъ съ нимъ самыя дѣятельныя сношенія посредствомъ лодки, которая постоянно возила на судно и обратно поставщиковъ верблюдовъ, фуража и продовольствія. Послѣдніе описывали его человекомъ лѣтъ шестидесяти, хотя ему могло быть и до семидесятипяти, средняго роста, чрезвычайно энергичнымъ и рѣшительнымъ. Онъ говорилъ поарабски, но съ индусскимъ акцентомъ. Одежда на немъ была индусская и состояла изъ шелковой рубашки, короткой куртки, широкихъ шароваръ и громаднаго бѣлаго тюрбана, съ перомъ, украшеннымъ такими крупными драгоценными камнями,

которые могъ имѣть только могущественный раджа. Свита его была не многочисленная, но великолѣпно одѣтая, и она безмолвно, работѣнно исполняла всѣ его желанія. Одинъ изъ слугъ постоянно находился за нимъ и держалъ надъ его головой громадный зонтикъ. Чужестранецъ говорилъ мало, но каждое его слово было толково и дѣловое. Ему требовалось двадцать вьючныхъ и четыре подъ верхъ верблюдовъ. Высказывая эти требованія, онъ пытливо смотрѣлъ на поставщиковъ и, къ ихъ величайшему удивленію, ни разу не спрашивалъ о цѣнѣ.

— А какъ велика твоя свита, князь?—спросилъ одинъ изъ шейховъ.

— Четыре человѣка.

— О, Аллахъ!—воскликнулъ шейхъ, поднявъ руки къверху:— зачѣмъ тебѣ четыре верблюда подъ верхъ и двадцать вьючныхъ для четырехъ человѣкъ?

— А развѣ ты хочешь, чтобы я явился съ пустыми руками въ святѣйшій изъ городовъ и ничего не роздалъ бѣднымъ?— отвѣчалъ спокойно чужестранецъ.

Наконецъ нашелся поставщикъ, который взялся устроить все, что было нужно, и на четвертый день своего прибытія въ Эль-Катифъ князь Индіи сошелъ на берегъ и осмотрѣлъ приготовленный для него въ окрестностяхъ города паломнической станъ, состоявшій изъ четырехъ палатокъ. Онъ одобрилъ ихъ, а также приведенныхъ лошадей и верблюдовъ. За все была уплачена условенная плата, и тридцать нанятыхъ имъ слугъ, изъ которыхъ десять были вооружены, немедленно приступили къ выгрузкѣ изъ судна багажа и распредѣленію его по верблюдамъ. Палатку, предназначенную для князя Индіи, выкрасили снаружи въ зеленый цвѣтъ, а внутри раздѣлили ее на два помѣщенія: пріемную и спальню, украшенные диванами, коврами и драгоценными шальями.

Наконецъ, все было готово, и оставалось только назначить день для отбытія, но объ этомъ днѣ князь Индіи никому не сообщалъ, такъ какъ онъ былъ, повидимому, человѣкомъ несообщительнымъ и любившимъ одиночество.

III.

Желтый воздухъ ¹⁾).

Однажды вечеромъ князь Индіи сидѣлъ передъ своей палаткой. Солнце закатилось, и уже на небѣ виднѣлись звѣзды. Верблюды спали, вытянувъ свои длинныя шеи, а часовые, разставленные вокругъ стана, такъ какъ всѣ слуги князя Индіи, творили вечернюю мо-

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстна среди арабовъ чума.

литву, обращая свои лица къ Меккѣ. Ихъ господинъ также молился и дѣлалъ тѣ же набожныя движенія, какъ правовѣрные мусульмане, но его молитва была совершенно иная.

— О Господь Богъ Израилевъ,—говорилъ онъ про себя:—всѣ окружающіе меня молятъ о жизни, а я молю Тебя о смерти. Я искалъ ее на морѣ и не нашолъ, а теперь я пойду въ пустыню на встрѣчу ей. Но если мнѣ суждено жить, о Господи, то даруй мнѣ счастье служить во славу Твою. Тебѣ нужны орудія добра, и прими меня въ число ихъ. Дозволь мнѣ совершить великія дѣла во славу Твою и тѣмъ заслужить блаженный покой. Аминь.

Окончивъ эту молитву, онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ передъ своей палаткой, скрестивъ руки за спиной и опустивъ голову на грудь.

— Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я покинулъ Константинополь и отправился въ Чипанго. Мнѣ надобли религіозныя споры, заступившіе мѣсто войнъ. Я все это время находился далеко отъ всего міра, а теперь рѣшилъ вернуться въ него. Если Господь поможетъ мнѣ, то я совершу великое дѣло примиренія всѣхъ религій. Настоящая, истинная религія есть вѣра въ Бога безъ всякихъ исключительныхъ обрядовъ или специальныхъ догматовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ меня за такую проповѣдь предали бы пыткѣ, и теперь, я не знаю, угасло ли пламя религіозныхъ распрей, но все-таки я попытаю счастья. Если мнѣ удастся достигнуть своей цѣли, то я превзойду сомнительную славу Александра и Цезаря. Я восстановлю естественныя отношенія между человѣчествомъ и его Богомъ и сдѣлаюсь посредникомъ вѣры для всѣхъ людей. Тогда, конечно, Господь освободитъ меня отъ этой долгой, слишкомъ долгой жизни. А если я потерплю неудачу, то меня могутъ сослать, заточать, пытать, но убить меня нельзя.

И онъ сталъ еще быстрѣе шагать по песчаной землѣ.

— Когда я удалился изъ міра,—продолжалъ онъ размышлять:—то борьба свирѣпствовала между магометанами и христіанами. Она продолжается и до сихъ поръ. Сколько горя, сколько бѣдствій видѣлъ я, какъ результатъ этой борьбы. Я присутствовалъ при самыхъ ея славныхъ дняхъ, я былъ на Клермонскомъ соборѣ и слышалъ рѣчь Урбана. Я видѣлъ Вальтера, бургундскаго нищаго, бѣжавшаго въ Константинополь. Я видѣлъ Петра Пустынника, который постыдно бѣжалъ изъ Антиохійскаго лагеря, пораженнаго чумой. Я содѣйствовалъ избранію Готфрида царемъ іерусалимскимъ и несъ свѣчу при его вѣнчаніи на царство. При мнѣ погибли въ Иконіи и Пизидскихъ горахъ громадныя полчища Людовика VII и Конрада. Затѣмъ, чтобы не дать спокойствія гонителямъ моей расы, я пошелъ съ Саладиномъ на Святой Городъ и слышалъ, какъ Филиппъ и Ричардъ приняли его вызовъ. Храбрый курдъ, сожалѣя людей, наконецъ согласился допустить христіанъ

въ Иерусалимъ въ качествѣ паломниковъ, и тутъ борьба могла бы окончиться, но я возбудилъ самолюбіе Балдуина, и Европа снова пришла въ движеніе. Не по моей винѣ этотъ рыцарь застрѣлъ въ Константинополѣ и сдѣлался царемъ востока. Послѣ этого, Фридрихъ II вздумалъ сдѣлать Иерусалимъ христіанскимъ городомъ. Я перешелъ на сторону турокъ; они сожгли и ограбили Иерусалимъ, а также взяли въ плѣнъ Людовика Святого, лучшаго изъ крестоносцевъ. Онъ умеръ на моихъ глазахъ, и я тогда впервые пролилъ слезу о христіанинѣ. При Эдуардѣ I окончилась борьба арміи съ арміей, и по приговору меча Магометъ одержалъ верхъ надъ Христомъ... По дозволенію калифовъ христіане стали тогда посѣщать Иерусалимъ паломниками, и наступили вѣка борьбы христіанъ съ христіанами, помимо продолженія прежней борьбы съ мусульманами. Неужели мнѣ не удастся положить предѣлъ этому и установить всеобщее братство, неужели это не сбыточная мечта?

Въ эту минуту къ палаткѣ подошелъ шейхъ и, низко поклонившись, сказалъ:

- Князь, завтра на разсвѣтѣ караванъ отправится въ путь.
- Хорошо. Мы готовы, можешь идти.
- Князь, сегодня пришло судно изъ Гормуза на восточномъ берегу и высадило цѣлую толпу нищихъ.
- Хорошо. Я сейчасъ раздамъ имъ часть того продовольствія, которое ты нагрузилъ на верблюдовъ.

Шейхъ покачалъ головой.

— Если бы они были нищіе, то это еще не бѣда. Аллахъ милостивъ ко всѣмъ существамъ, но они заражены желтымъ воздухомъ, и они вынесли на берегъ четыре мертвыхъ тѣла, а одежду съ мертвецовъ продали въ лагерь паломникамъ.

— Ты значить боишься, чтобы мы не занесли чуму въ Каабу. Не тревожься, все въ рукахъ Аллаха. Помни, что молитва — хлѣбъ вѣры.

На слѣдующее утро, при восходѣ солнца, караванъ числомъ въ три тысячи душъ выступилъ въ походъ, и князь Индіи занялъ мѣсто въ послѣднихъ его рядахъ.

— Отчего ты, князь, идешь позади всѣхъ? — спросилъ шейхъ и получилъ въ отвѣтъ:

— Аллахъ благословляетъ тѣхъ, кто подбираетъ отсталыхъ и мертвыхъ, на которыхъ не обращаютъ вниманія люди, гордо идущіе впереди.

Шейхъ передалъ эти слова всѣмъ паломникамъ, и они единогласно воскликнули:

— Да будетъ благословенно имя князя Индіи!

IV.

Эль-Зариба.

Вмѣстѣ съ караваномъ паломниковъ-князь Индіи посѣтилъ Медину, гдѣ онъ точно исполнилъ всѣ обряды, обязательные для правовѣрнаго въ Мечети Пророка, а оттуда прибылъ 6-го сентября въ долину Эль-Зариба, бывшую съ незапамятныхъ временъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ каравановъ, такъ какъ оттуда оставался только одинъ день пути до Священнаго Города.

Раскинувъ палатки на возвышенномъ мѣстѣ, князь Индіи позвалъ около полудня своего проводника и приказалъ привести нѣсколькихъ брдобрѣевъ для превращенія, согласно правиламъ, установленнымъ самимъ пророкомъ, его самого и свиты въ настоящихъ паломниковъ, достойныхъ вступленія въ Мекку. Прежде всего были подвергнуты омовенію и посыпаны мускусомъ волоса, усы, руки и все тѣло вѣрующихъ, а затѣмъ надѣты на нихъ бѣлая одежда безъ швовъ и сандалии. Вся эта церемонія сопровождалась молитвами, а когда все было окончено, то каждый, обратившись лицомъ къ Меккѣ, произнесъ древнюю формулу посвященія себя Аллаху. Князь Индіи наравнѣ со всѣми совершилъ этотъ обрядъ, а затѣмъ, усѣвшись на коврѣ, положенномъ передъ палаткой, сталъ ждать прохода каравановъ, что составляло любопытное зрѣлище.

Вскорѣ на востокѣ показалось облако пыли, а изъ-за него мало-по-малу выдѣлился отрядъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи и съ копьями въ рукахъ, ярко игравшими на солнцѣ. Бѣжавшій впереди нихъ вождь остановился у палатки князя Индіи. На головѣ его былъ шлемъ съ поднятымъ забраломъ и большой кольцеобразной сѣткой, покрывавшей его шею и плечи. Кольчуга защищала его тѣло, руки до локтей и ноги. Такъ какъ шлемъ и всѣ звенья кольчуги были украшены золотомъ, то воинъ казался весь золотымъ. На спинѣ у него висѣлъ свѣтло-зеленый плащъ, полускрывавшій небольшой, круглый металлическій щитъ; въ правой рукѣ онъ держалъ копье, а съ лѣвой стороны у него виднѣлась сабля; спереди же сѣдла былъ прикрѣпленъ лукъ съ колчаномъ. Вся его фигура была такъ воинственна, и онъ такъ красиво сидѣлъ на кровномъ караковомъ конѣ, что князю Индіи показалось, что передъ нимъ одинъ изъ славныхъ сподвижниковъ Саладина. Онъ невольно вскочилъ, чтобы привѣтствовать своего гостя, но тотъ лишь бросилъ на него взглядъ и отвернулся въ другую сторону, обнаруживая тѣмъ, что онъ остановился тутъ не ради обитателя самой красивой изъ палатокъ, а для того, чтобы съ возвышенія слѣдить за проходомъ каравановъ. Но этого мгно-

венія было достаточно, чтобы обнаружить его лицо: онъ былъ молодой человекъ двадцати двухъ или трехъ лѣтъ, съ черными глазами, таковой же бородой и усами и серьезнымъ, хотя пріятнымъ выраженіемъ загорѣлаго лица.

Черезъ нѣсколько времени къ нему подѣхалъ вооруженный, но не столь блестящій всадникъ и, соскочивъ съ коня, водрузилъ въ землю желтое шелковое знамя, съ красной надписью и золотымъ полумѣсяцемъ, со звѣздою на древкѣ.

— Кто этотъ юноша въ золотомъ вооруженіи?— спросилъ князь, подзывая къ себѣ шейха.

— Эмиръ эль-хаджи¹⁾.

— Такой молодой и уже эмиръ эль-хаджи. Вѣроятно, это герой сераля и попалъ въ милость по протекціи Кязлара-аги.

— Твое замѣчаніе, о могущественный князь, противорѣчитъ общему мнѣнію. Я слыхалъ въ Мединѣ его исторію. Говорятъ, что у турокъ есть ужасный врагъ Искандеръ-Бей, такой силачъ, мечъ котораго не могутъ поднять два человекъ, и этотъ юноша принялъ его вызовъ на поединокъ. Они боролись отъ зари до полудня и потомъ стали отдыхать.— «Кто ты такой?»— спросилъ Искандеръ и получилъ въ отвѣтъ:— «Я слуга Мурада, повелителя правовѣрныхъ, который приказалъ мнѣ привести тебя къ нему живымъ, или мертвымъ». Искандеръ засмѣялся и произнесъ: «Я знаю по твоему выговору, что ты не турокъ, и чтобы посмотреть, сумѣетъ ли твой повелитель правовѣрныхъ оцѣнить такого воина, какъ ты, я признаю тебя побѣдителемъ и уйду съ поля битвы». Съ этими словами онъ поднялъ свой тяжелый мечъ и удалился.

Выслушавъ этотъ рассказъ, князь Индіи сталъ еще съ большимъ интересомъ смотрѣть на эмира.

— Такой молодой, и уже пользуется довѣріемъ стараго Мурада. Я сойду съ нимъ, быть можетъ, онъ будетъ мнѣ полезенъ. Кто знаетъ, кто знаетъ?...

Между тѣмъ эмиръ разспрашивалъ у знаменосца, кто такой старый паломникъ, сидѣвшій передъ богатой палаткой.

— Это князь Индіи. Онъ, говорятъ, очень богатъ и щедръ, а набоженъ и ученъ, какъ имамъ. Во время пути изъ Эль-Катиѳа въ Медину онъ слѣдовалъ за караваномъ, когда могъ идти впереди его.

— Я не вижу въ этомъ заслуги. Если разбойники нападаютъ на караванъ, то спереди, а не сзади.

— А скажи, эмиръ, съ кѣмъ бы ты лучше имѣлъ дѣло: съ разбойникомъ или съ желтымъ воздухомъ?

¹⁾ Такъ назывался вождь меккскихъ паломниковъ, назначавшійся самимъ султаномъ, что считалось великой честью.

— Съ разбойникомъ,

— А если кто нибудь заболѣеть чумой во время пути, то что съ нимъ дѣлаютъ?

— Оставляютъ въ пустынѣ на съѣденіе шакаламъ.

— Вотъ для предупрежденія этого князь Индіи и слѣдовалъ за караваномъ. Выйдя изъ Эль-Катифа, въ числѣ трехъ тысячъ душъ, караванъ бросилъ по дорогѣ триста зачумленныхъ. Этотъ князь ухаживалъ за ними и вернулъ въ караванъ сто человѣкъ выздоровѣвшихъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ святѣ дервиша, но какъ онъ спасалъ людей отъ чумы?

— У него есть какая-то сладкая вода, капля которой исцѣляетъ зачумленнаго, если только онъ накапаетъ ее на языкъ во время. А ты слышалъ, эмиръ, что онъ дѣлалъ въ Мединѣ?

— Нѣтъ.

— Какъ тебѣ извѣстно, гробница Пророка служить убѣжищемъ для нищихъ.

— Еще бы, — сказалъ эмиръ со смѣхомъ: — я вышелъ въ нее богатымъ, а вышелъ бѣднѣе нищихъ.

— А князь Индіи, — продолжалъ знаменосецъ, не обращая вниманія на слова эмира: — приглашалъ къ себѣ этихъ нищихъ и кормилъ ихъ, и не рисомъ или черствымъ хлѣбомъ, а такими кушаньями, которыми не побрезгалъ бы и самъ калифъ. Возвращаясь съ этихъ банкетовъ, они клялись, что душа Пророка вернулась на землю.

Въ эту минуту на возвышеніи показался отрядъ турецкой кавалеріи съ музыкой и пестро украшенные верблюды съ подарками султана меккскому шерифу. Эмиръ обратилъ все свое вниманіе на всадниковъ, вождемъ которыхъ онъ, очевидно, состоялъ, и зорко слѣдилъ за тѣмъ, какъ они спѣшили и стали разбивать станъ. Но пока онъ былъ этимъ занятъ, къ нему подошелъ шейхъ князя Индіи и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— Мой господинъ, высокопочтенный хаджи, сидящій вонъ тамъ передъ своей палаткой, приказалъ тебя привѣтствовать и предложить тебѣ гранатовой воды, которая дѣйствуетъ очень освѣжительно.

По его знаку, слѣдовавшій за нимъ, громадный негръ въ бѣлой одеждѣ поднесъ эмиру на блестящемъ мѣдномъ подносѣ глиняный кувшинъ и два кубка: серебряный и хрустальный.

Снявъ съ лѣвой руки стальную перчатку, эмиръ взялъ одинъ изъ кубковъ и, поклонившись вставшему съ ковра князю, выпилъ воду. Потомъ, предоставивъ знаменосцу осушить другой кубокъ, онъ подѣхалъ къ князю и, сойдя съ лошади, сказалъ:

— Услуга, оказанная мнѣ тобою, хаджи, вполне подходитъ къ тѣмъ актамъ милосердія, которыми ты усѣялъ всю дорогу изъ Эль-Катифа, словно жемчужинами.

— Не говори объ этомъ,— отвѣчалъ князь, отдавая полученный поклонъ:— кто не захочетъ поступить по закону?

— Я вижу, что ты хорошій человѣкъ,— сказала эмиръ съ новымъ поклономъ.

— Моя палатка здѣсь лучшая, и не хочешь ли, эмиръ, войти въ нее? Какъ я, такъ и все, что принадлежитъ мнѣ, къ твоимъ услугамъ.

— Благодарю тебя, высокопочтенный хаджи, но я воспользуюсь твоимъ гостеприимствомъ послѣ того, когда караваны придуть и размѣстятся, а то могутъ произойти безпорядки.

— Какъ хочешь, эмиръ. Я, значить, жду тебя и надѣюсь, что ты не уйдешь отъ меня голоднымъ.

— Быть по твоему,— произнесъ эмиръ и, вскочивъ снова на лошадей, вернулся на свое прежнее мѣсто.

Вплоть до вечера какъ эмиръ, такъ князь Индіи были поглощены шумнымъ, пестрымъ зрѣлищемъ прихода и размѣщенія каравановъ. Ихъ было три: изъ Эль-Катифа, Дамаска и Каира. Толпы, составлявшія эти караваны, были самыя разнообразныя и разноплеменные. Рядомъ виднѣлись арабы, персы, индусы, турки, курды и кавказцы. Одни шли пѣшкомъ, другіе ѣхали на лошадяхъ, третьи двигались на верблюдахъ, четвертые медленно колыхались на спинахъ ословъ. Все это человѣческое море быстро залило долину Эль-Зариба, наполняя воздухъ криками, звуками музыкальныхъ инструментовъ и всѣмъ сложнымъ шумомъ человѣческой сумятицы. Всѣ торопились занять поудобнѣе мѣсто для стоянки, толкались, суетились, разгружали верблюдовъ, раскидывали палатки. Въ общей суматохѣ старались водворить какой нибудь порядокъ всадники, съ большими палками, но еще болѣе усиливали ее, порождая рукопашныя схватки. «Это не люди, а черти, бѣгущіе отъ гнѣва Божьяго»,— думалъ князь Индіи, смотря съ удивленіемъ на происходившую оживленную, но безпорядочную сцену.

Къ закату солнца прекратилось безконечно тянувшееся шествіе каравановъ, и его замѣнили самыя невзрачныя, несчастныя толпы больныхъ, нищихъ и всякаго рода поддонковъ восточнаго населенія. Мало-по-малу прибывшіе ранѣе размѣстились кто гдѣ могъ, и наступило сравнительное затишье. Въ начинавшихся сумеркахъ стали виднѣться разведенные огни, и наконецъ князь Индіи вернулся въ свою палатку, гдѣ уже все было приготовлено для приема приглашеннаго имъ гостя.

V.

Князь и эмиръ.

Приемная въ палаткѣ князя Индіи была блестяще освѣщена шестью лампами, при которыхъ рельефно выступала пестрота красокъ развѣшанныхъ вокругъ стѣнъ дорогихъ шалей. На богатомъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ДЕКАБРЬ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 16-й.

- Абаза, В.** Исторія Россіи. Одобрено Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для духовныхъ семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Альманахъ русскихъ пивоваровъ.** Подъ ред. Я. Дворскаго и Ф. Негча. М. 1894 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Андреевская, В.** Зайчикъ-Степанчикъ. Фангастическій рассказъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Съ картинками. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киски-проказницы. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунками. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книжка-игрушка. Двѣнадцать рассказовъ для маленькихъ дѣтей. Съ 8 раскрашенн. картинками. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Андерсенъ.** Полное собраніе въ 4 томахъ. Вып. XII. Ц. по отдельнѣ 6 р.
- Арнольдъ, Ф.** Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ и для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями. Съ 25 рис. Изд. 2-е. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Артистъ.** Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 43. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Басинъ, В.** Русскіе композиторы. П. И. Чайковскій. Очерки его дѣятельности. Съ портретомъ композитора. Сиб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Бахтиаровъ, А.** Валаамская обитель. Съ 3 рис. Сиб. 1893 г. Ц. 10 к.
- Пролетаріатъ и уличныя типы Петербурга. Бытовые очерки. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Бенетова, Ен.** Стихотворенія. По мертвое изданіе. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Бенедитовъ.** Проказникъ или дневникъ шалуна. Сказка въ стихахъ. Сиб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Бертенсонъ, В.** Школоводство въ Херсонской, Бессарабской и Таврической губ. и мѣры къ его развитію. Одесса. 1894 г. Ц. 50 к.
- Бине, А.** Механизмъ мышленія (Международн. Библіотека, № 21). Одесса. 1894 г. Ц. 50 к.
- Блеслей, Т.** Переменные электрическіе токи. Руководство для студентовъ и техникумовъ. Съ 55 рис. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Богдановичъ, Ф.** Товарный словарь. Пособіе при распознаваніи грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Бодлеръ.** Стихотворенія. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Боклевскій, П.** Типы изъ поэмы Н. В. Гоголя. Съ предислов. Вѣльскаго. М. 1895 г. Ц. на матовой брисголь 35 р., на японской бумагѣ 65 р.
- Бородинъ, Н.** Уральскіе казачье войско. Статистич. опис. въ 2 томахъ. Съ 10 картами Уральскъ. 1891 г. Ц. 4 р.
- Буанъ, Э.** Гальванопластика, никелирование, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Сиб. 1895 г. Ц. 90 к.
- Бубисъ, Г., д-ръ.** Сперминъ проф. Пеля въ химическ., физіологическ. и терапевтическ. отношеніи. Сиб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Буренинъ, В.** (Графъ Алексій Жасминъ-в.). Годъ быя звукъ и бѣлыя поэмы. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Бурже, П.** Изъ-за любви. Съ иллю-

- страдами и портрет. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Бутовскій, Н.** Отецъ-командиръ. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Промакъ молодого офицера. (Изъ дневника подпоручика N). Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Бѣлосоръ, А.** Миронова работница. Рассказъ для дѣтей 9—15 лѣтъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Бѣляевъ, А.** Иллюстрированная исторія русской церкви. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Венеке, Ф.** Адъ и рай внутри человѣка. Въ 3 част. Часть 2-я. Совѣсть чиста: свидѣнія вѣщія. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ветуховъ, А.** Языкъ, поэзія и наука. Харьковъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Гарвей, Н.** Сказки дѣда-всѣвѣда. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Съ 12 хромолитографіями и 40 полтиняжами въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Гаршинъ, Е.** Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, какъ историческій романистъ. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Гиляровъ, А.** Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго логоса. Киевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гладновъ, Б.** Уставъ о питейномъ сборѣ и положеніе о трактирномъ промислѣ. Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Голодайно, Г.** Другъ счетовода. Сумы. 1894 г. Ц. 2 р.
- Градовскій, А.** Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 г. Изд. подъ ред. Н. Коркунова. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Григорьевъ, Д.** О чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ Святаго Духа въ церкви Христовой. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Гундобинъ, Н.** Душевная жизнь груднаго ребенка. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Determann, Dr.** Неврозы сердца и сосудовъ. Перев. съ нѣмецк. Д-ра В. Вальтера. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Ч.** Рождественскій сочельникъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Дитя и уходъ за нимъ.** Перев. съ нѣм. и дополн. д-ръ Л. Гурфинкель. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дицъ, Е.** Съ дѣтками о птицахъ и животныхъ. Съ предисловіемъ проф. Д. Кайгородова. Съ рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дмитріевъ-Навизскій, Л.** По Средней Азіи. Записки художника. Съ 199 рис. автора. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Довяковскій, Н.** Электричество въ домашнемъ быту. Съ 117 рис. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Домашній обиходъ.** Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашнего хозяйства. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Дюрсенъ, А.** (д-ръ). Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Съ 105 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Елистеъ, А.** По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Съ иллюстраціями Ч. П. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Животовъ, Н.** Петербургскіе профили. Вып. II. Среди бродяжекъ. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** Ротшильды, ихъ жизнь и капиталистическая дѣятельность. Счеркъ Ев. Соловьева.—Графхи, ихъ жизнь и общественная дѣятельность. Ц. каждой книжкѣ 25 к.
- Записная книжка на 1895 годъ.** Изд. К. Риккера. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р. 1 р. 5 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 1 р. 70 к., 1 р. 80 к., 2 р.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Зининъ, Н.** Воспоминанія изъ сибирской жизни 1887—1892. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Змигродскій, К., д-ръ.** Простуда. Какъ мы простужаемся и какъ уберечься отъ простуды. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Зудерманъ, Г.** Свадьба Юаланты и другіе рассказы. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Игрушечка.** Дѣтская книжка съ рисунками. Изд. Вителажа. Ц. 1 р. 50 к.
- Исаевъ, А.** Начала политической экономіи. Изд. 2-е дополнен. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Карманный счетчикъ,** необходимый спутникъ каждому нѣмѣющему дѣло съ цифрами. Изд. В. Быкова. М. 1895 г. Ц. 35 к.
- Картевъ, Н.** Письма къ учащейся молодежи. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ментъ Ч.** Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Перев. съ англ. Головъ. Съ 109 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ниплингъ, Редіардъ.** Рассказы изъ жизни дѣтей и животныхъ въ Индіи. Перев. съ англійск. М. Коршъ. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. въ нанизѣ 2 р., въ переплетѣ 2 р. 30 к.
- Ключевскій, В.** Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Книжный Вѣстникъ.** № 12. Ц. 30 к.
- Ковалевскій, М.** Происхожденіе совре-

- менной демократіи. Т. I. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Коссель, Г.** Лѣченіе дифтеріи кровяною сывороткою. Перев. съ нѣмец. д-ра мед. П. И. Дроздовскаго. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Красновъ, П.** На озерѣ. Повѣсти и рассказы. Съ иллюстраціями въ текстъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Краткія историческія свѣдѣнія** объ учрежденіи въ Сѣверной Америкѣ православной миссіи, объ основаніи Кадьякской епархіи и о дѣятельности тамъ первыхъ миссіонеровъ. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.
- Краткія указанія** для готовящихся къ преподавательской дѣятельности. Вып. I. Казань. 1894 г. Ц. 40 к.
- Критическій указатель** дѣтской и педагогической литературы 1894 г. Вып. IV. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Кругловъ, А.** Не герои. Очерки и рассказы (Живыя души, т. I). М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Круммахеръ, Ф.** Притчи. Перев. С. Брильянта. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Крыловъ, М.** Басни. Полное собраніе. Съ биографіей и примѣчаніями. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова и 27 рис. въ текстъ. На велевой бумагѣ. (Напечатано небольшое количество экземпляровъ). Въ переплетѣ ц. 3 р.
- Лабулэ, Эд.** Голубыя сказки. Перев. съ франц. Съ 150 рис. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 3 рубля.
- Лазутчинъ.** Рассказы изъ исторіи Сѣверо-Американской войны. Перев. съ нѣмецк. В. Андреевской. Съ 5-ю раскрашен. рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лебедевъ, К.** Васно письмо. Рассказъ. Рисунки Т. Никитина. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Левинъ, Л.,** д-ръ. Побочное дѣйствіе дѣварствъ, клинико-фармакологическое руководство. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Легенда стариннаго баронскаго замка.** Рассказъ, служащій руководствомъ къ устройству медиумическихъ сеансовъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Лейкинъ, Н.** Задушевныя письма. Юмористич. рассказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ломиковскій.** Словарь малорусской старины. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Лукашевичъ, Ил. Няня.** Повѣсть для дѣтей. Рисунки Т. Никитина. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Хлѣбныя зерна. Трубочистъ. Два басказа для дѣтей. Рисунки Никитина и барона Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Лялина, М.** Самородокъ. Повѣсть для дѣтей. Съ 6 рис. А. Морозова. Спб. 1894 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
- Путешествія по Туркестану Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Съ 81 рис. и картой. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Очарованный пастухъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи для школьнаго театра. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Живыя куклы. Комедія-фарсъ въ одномъ дѣйствіи для школьнаго театра. Съ танцами и нѣміемъ. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Генеральная репетиція. Комедія въ одномъ дѣйствіи для школьнаго театра. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Мансимовъ, А.** Наши задачи на Тихомъ океанѣ. Полит. этюдъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Малиновскій, I.** Ученіе о преступленіи по литовскому статуту. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маминны сказки.** Сборникъ лучшихъ сказокъ для дѣтей младшаго возраста по Гофману, Гримму и Бехштейну. Съ 6 раскрашен. рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Сибирскіе рассказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Упрямый козель. Сказка. Съ 10 рис. А. Аванасьева. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.
- Манасина, М.** Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полного окончанія университетскаго образованія. Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мачтетъ, Гр.** Баба и другіе рассказы (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-е. М. 1895. Ц. 1 р.
- Блудный сынъ (Силуэты. Т. I.). М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Меліоранскій, П.** Краткая грамматика козакъ-киргизскаго языка. Ч. I. Фонетика и этимологія. Спб. 1894 г. Ц. 85 к.
- Михайлова, А.** Добрая дѣла не остаются безъ награды. Рассказы для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- За кулисами. Рассказъ. Спб. 1894 г. Ц. 60.
- Михайловскій, Д.** Маленькіе герои и другіе рассказы. Рис. Никитина. Спб. Ц. 85 к.
- Московский** всеобщій календарь на 1895 г. 1894 г. Ц. 1 р.
- Мясницкій, Ив.** Драматическія сочиненія. Т. I. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. рассказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Надендинъ, П.** Кавказскій край. Природа и люди. Изд. 2-е, совершенно вновь обработанное и дополненное. Тула. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Настольный** энциклопедическій словарь. Вып. 95-й. Саліи-Свижскъ. Ц. на простой бумагѣ 30 к., на велевой—40 к.
- Необходимость** практическаго примѣ-

ненія нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ къ педагогикѣ, или о томъ, какъ можно и должно воспитывать дѣтей. М. 1895 г. Ц. 55 к.

Нечволодовъ, А. Очеркъ явленій войны въ представленіи полководца по письмамъ Наполеона за лѣто и осень 1813 г. Съ портретомъ и 7 картами. Варшава. 1894 г. Ц. 2 р.

Новый дружокъ. Дѣтская книжка съ рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Моніп, Е. д-г. Испытанныя врачевныя средства (какъ вѣрные способы лѣченія болѣзней). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Огарковъ, В. Къ свѣту. Разказы для дѣтей. Съ 27 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Орловъ, Н. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пель, А. (проф.). Вліяніе спермина на обменъ веществъ при аутиотоксикаціяхъ вообще. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Петровскій, С. (свящ.). Семь херсонскихъ архіепископовъ. Біографіи съ приложеніемъ портретовъ. Одесса. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Писаревъ, Л. Ученіе блаж. Августина, епископа Иппонскаго, о человѣкѣ въ его отношеніи къ Богу. Казань. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, Н. Блѣдновъ. Повѣсть злобы дья. Спб. 1895 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Польза. Календарь и записная книжка на 1895 г. Ц. 20 к., 30 к., 40 к., 60 к. и 1 р.

Послѣдній изъ рода Гортензиевъ. Разказъ изъ римской жизни начала императорскаго періода. Съ рисунк. Спб. 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Прель-де, К. (д-ръ). Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Пер. съ нѣм. М. Аксенова. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Преображенскій, М. (д-ръ). Физическая антисептика при леченіи ранъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Прибытковъ, В. Откровенныя бесѣды о спиритизмѣ и другихъ явленіяхъ той же области. Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.

Программы домашняго чтенія на 1894—1895 гг. М. 1894 г. Ц. 25 к.

Профессоръ Таіт объ основаніяхъ кинетической теоріи газовъ. Перевелъ М. Жеребятъевъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основаніе и общественное назначеніе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Путята, Д. Китай. Очерки географіи, экономич. состоянія, административнаго и военнаго устройства Серединой им-

періи и военнаго значенія съ Россіей полосы. Съ XVI чертж. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Rosenheim, Th., д-ръ. Патологія и терапія болѣзней пищеварительнаго аппарата съ обращеніемъ особеннаго вниманія на діететику. Ч. II. Патологія и терапія болѣзней кишечк. Съ 120 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Ронитанскій, К. (проф.). Современная клиническая терапія женскихъ болѣзней. М. 1894 г. Ц. 35 к.

Россія. Календарь-альманахъ на 1895 г. Ц. 60 к.

Ростовская, М. Жучка. Разказъ для дѣтей. Съ литограф. картин. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

— Попп. Приключеніе эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Звѣздочки. Повѣсти и разказы для дѣтей. Съ раскраш. рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Рѣдинъ, Е. Памяти Джіованни Баттиста да Росси, основателя христіанской археологіи. Харьковъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Савновъ, П. Канунъ Рождества. Драматическая картинка въ одн. дѣйствіи. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

«Сельскій Хозяинъ», №№ 4, 5, 6, 7. Ц. по 20 к.

Сервантесъ, М. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I. Съ портретомъ и 36 рисунками Г. Доре. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сказна за сказкой. Сборникъ лучшихъ волшебныхъ сказокъ по Гримму, Перро и др. Съ 6 рисунк. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Сиворцовъ, И. Русская исторія. Часть первая. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Смирнова, В. Послѣ урока. Восемь разказовъ для дѣтей. Съ 4 раскр. картинками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Современное состояніе скотобойнаго дѣла въ Европейской Россіи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Справочный Военный Ежегодникъ и записная книжка для гг. офицеровъ на 1895 г. Спб. 1894 г. Ц. 1 р., 1 р. 30 к. и 2 р.

Стромейеръ. Морскіе котлы. Перев. съ англійскаго и дополн. Д. Головъ. Изданіе великаго князя Александра Михайловича. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.

Ступолинъ, Л. Преподаватель и распорядитель танцевъ. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Сѣдой, А. (исевд.). Святоточные разказы. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1895 г.

	стр.
I. Въ поискахъ истины. VI—XI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ . . .	445
II. Записки сенатора Н. П. Синельникова. III. (Продолженіе) . . .	380
III. Въ заросляхъ чертополоха. I. I. Ясинскаго	398
IV. Воспоминавія В. А. Полторацкаго. XX. (Продолженіе)	412
V. Тайственная корреспонденція. А. В. Амфитеатрова	442
VI. Въ одиночномъ заключеніи. А. И. Фаресова	457
VII. Современные литературные дѣятели. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Б. П. Медвѣдскаго	500
VIII. Культурные успѣхи Финляндіи. Р. И. Сементковскаго.	518
IX. Русскіе тропики. А. Н. Краснова	536
<p>Иллюстраціи: 1) Общій видъ долины рѣки Чироха.—2) Заросли самшита и рододендрона на рѣкѣ Чаквѣ.—3) Смоковница въ селеніи Чаквистава.—4) Земледѣльческія орудія въ селеніи Хала, Батумской области.—5) Мельница въ селеніи Чаквистави.—6) Домъ въ селеніи Чаквистави.—7) Мечеть въ селеніи Хала.</p>	
X. Народная грамотность. Б. В. Глинскаго	571
XI. Указъ 13-го января	586
XII. Рассказы Христофора Санникадзе о М. Ю. Лермонтовѣ. П. Б. Мартыанова	599
<p>Иллюстрація: Христофоръ Санникадзе.</p>	
XIII. Чернышевъ и Мишель. Эпизодъ изъ исторіи отношеній между Россіей и Франціей передъ войной 1812 года. В. А. Тимирязева . . .	60
XIV. Династія Казимиръ-Перье. В. Т.	63
<p>Иллюстраціи: 1) Казимиръ-Перье, дѣдъ.—2) Казимиръ-Перье, внукъ.</p>	
XV. Критика и библиографія	639
<p>1) И. А. Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія духовныхъ училищъ. Спб. 1894. С. Г. Рунневича.—2) Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Д. Сиповскаго.—Тѣни. Фантазіи. Г. Короленко. Москва. 1894. Д. П. Лебедева.—3) В. Истринь. Александрія русскихъ хронографовъ. Исслѣдованіе и текстъ. Москва. 1894. С. Г.—снано.—4) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саитова. Спб. 1894. С. Г.—снано.—5) Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1894. Р. С.—6) Священникъ С. Петровскій. Семь Херсонскихъ архіепископовъ. Біографія съ приложеніемъ портретовъ. Одесса, 1894. С. Г. Р.—7) Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. С. А—ва.—8) П. Кулаковскій. Иллиризмъ. Исслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава. 1894. Арх. Л—нио.—9) Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернской архивною комиссіею. Выпускъ третій. Кострома, 1894. А. Б.—10) Русская народная лирика. Пособіе при изученіи русской литературы. Изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова. Вып. XVIII. Спб. 1894. С. Г.—снано.</p>	

См. слѣдующую стран.

	СТР
XVI. Историческія мелочи	655
1) Медицина 3000 лѣтъ тому назадъ.—2) Настоящій Фаустъ.—3) Юбилей Густава-Адольфа.—4) Крошвелъ и палата лордовъ.—5) Новые мемуары о французской революціи и первой имперіи.—6) Возвышеніе Веллингтона.—7) Воспоминанія о Крымской войнѣ.—8) Сынъ Бомбы.—9) Два германскіе кавалера.—10) Смерть Роберта Стивенсона и Христины Россетти.	
XVII. Заграничныя историческія новости	673
XVIII. Смѣсь	679
1) Торжественное собраніе академіи наукъ.—2) Историческое общество.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Вольномъ экономическомъ обществѣ Петербургскаго комитета грамотности за 1893 годъ.—5) Юбилей А. И. Поповичкаго.—6) Некрологи: И. А. Манцъ; Н. А. Трофимовскій; С. А. Арендтъ; В. В. Крестовскій.	
XIX. Замятки и поправки	686
1) Судьба бібліотеки Соболевскаго. Ивана Яямула. —2) По поводу похода въ Индію въ 1801 году. М. Ж.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Арсенія Аркадіевича Голенищева-Кутузова.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Льюиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть II. Гл. VI—VIII. Часть III. Гл. I—V. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книжкѣ рассылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «Иллюстрированную бібліотеку «Нивы» 1895 годъ».

ВОЗЗВАНІЕ.

Архангельской епархіи, Холмогорскаго уѣзда, Куростровскій Димитріевскій сельскій храмъ, въ которомъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ **М. В. Ломоносовъ** въ настоящее время обветшалъ и требуетъ значительнаго ремонта.

Поправка храма крайне необходима, а произвести ее средствъ не хватаетъ, рассчитывать же на мѣстныя средства прихожанъ послѣ трехъ сряду неурожайныхъ годовъ никакой надежды не предвидится.

Велѣдствіе чего, съ благословенія архіепископа, преосвященнѣйшаго **Никанора**, епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, обращаемся къ вамъ, добрые православные христіане и просвѣщенные люди, помнящіе заслуги незабвеннаго отца русскаго слова и науки и всероссійскаго учителя **Михаила Васильевича Ломоносова**. Смирненнѣе просимъ васъ: не оставьте своею посильною помощію возобновить этотъ святыи храмъ Господень.

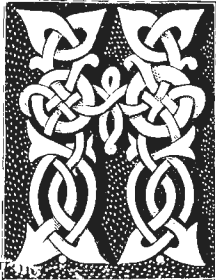
О всѣхъ благотворителяхъ будутъ возноситься въ святомъ храмѣ усердныя молитвы Господу о здравіи живыхъ и за упокой усопшихъ, имена коихъ будутъ сообщены. Пожертвованія покорнѣе просимъ адресовать: «Въ г. Холмогоры, Арх. губ., причту и старостѣ Куростровской Димитріевской церкви».

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ¹⁾.

VI.

АВОРОЖИЛА Принкулинская колдунья, дивиться только надобно, какъ вѣрно.

Когда Ефимовна разсказала въ дѣвичьей своимъ близкимъ, такимъ же почтеннымъ женщинамъ, какъ и она сама, про предсказаніе ворожеи, всѣ заахали отъ изумленія.

— Вотъ поди-жь ты, напередъ узнала все, какъ будетъ.

— Узнала, голубушка, узнала. Вотъ такъ и сказала, какъ я вамъ говорю: «прибыль вашему дому изъ лѣсу бѣжить, прибыль».

— Такъ, такъ, прибыль, — закивали одобрительно слушательницы.

— Ужь какъ барыня-то рада! Точно свое дитя, такъ ужъ она имъ восхищается.

-- Крестить, слышь, будутъ?

— Ужь это непременно.

— А, можетъ быть, она уже крещеная?

— Гдѣ ужъ! Родители-то, видать, не русскіе. У одной только холопки на шеѣ крестъ наши.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LIX, стр. 7.

— Да, можетъ, съ господь-то сорвали. Золотые, вѣрно, были.

— Одинъ браслетикъ на сердешной оставили,—вздыхнула старшая горничная Марина.

— Сироткѣ на память,—подхватила ея сосѣдка.

— Тише вы, про этотъ браслетъ не приказано поминать, баринъ строго-на-строго запретилъ тѣмъ, кто видѣлъ, про это сказывать. Господа совсѣмъ въ дочки хотять ея взять, въ наслѣдницы. Царицѣ прошеніе будутъ писать, чтобы, значить, и фамилію ихъ носила, и дворянство, и все прочее, какъ родной дочери ей предоставить.

— А вдругъ имъ Господь своего ребенка поплеть?

— Ну, гдѣ ужъ!

— Вотъ барыня и говорить,—продолжала Марина (какъ приближенной горничной, ей было лучше всѣхъ извѣстно намѣреніе господь; изъ гардеробной-то стоило только дверь маленько пріотворить, все было слышно изъ спальни),—я ея, какъ дочь, буду любить, и она меня за родную мать должна почитать. И знать ей не надо, что не я ея родила. Тотъ мнѣ врагъ будетъ лютый, кто ей это скажетъ.

— Ужъ это какъ есть. Зачѣмъ ей знать?

— А баринъ сказалъ: «Все-таки надо то, что отъ родителей осталось, ей сохранить». А барыня заплакала и говоритъ: «Значить, она узнаетъ, что мы ей не родные, я этого не хочу».

И долго она плакала, а онъ ее утѣшалъ.

— Да что осталось-то? Щепки отъ сундуковъ, да ключья отъ сорочекъ.

— Можетъ, и еще что найдется. Баринъ самъ къ губернатору ѣздилъ, и все ему лично передалъ. Губернаторъ солдатъ обѣщалъ въ Епифановскій лѣсъ послать. Можетъ, какъ разбойниковъ-то переловятъ, и добро, что они награбили, отыщется.

— Гдѣ ужъ! Отъ нихъ ужъ чай въ лѣсу-то Епифановскомъ и слѣдъ простыль.

— Ну, нѣтъ, у нихъ тамъ притонъ, сказываютъ. Все же солдатамъ ихъ не найтить; обернутся медвѣдями, либо птицами, и улетятъ; имъ это ничего не стоитъ, на нихъ заговоръ.

— А какъ при крещеніи назовуть-то ея, не знаешь?

— Магдалиной.

На всѣхъ лицахъ выразилось разочарованіе. Имя это никому не понравилось. Не русское, какъ будто. Даже и тогда, когда Ефимовна объявила, что оно въ святцахъ есть, а Марина напомнила про монахиню въ Воскресенскомъ монастырѣ, носившую это имя, даже и тогда никто не хотѣлъ съ нимъ примириться. По ихъ мнѣнію, имя это напоминало иноземное происхожденіе дѣвочки и отчуждало ея отъ пріютившей ея семьи.

Замудрили господа некстати. Чтобы назвать ея въ честь пріем-

ной матери Софьей, или въ честь старой барыни покойницы Екатериной, ужь тогда дѣйствительно русской барышней выросла бы.

— Это баринъ настаиваетъ. Говорить, что родители ее такъ назвали.

— Родители? Да откуда же онъ это знаетъ? Всѣхъ вѣдь ихъ мертвыми нашли.

На это никто не могъ отвѣтить. Клочекъ письма, найденный въ каретѣ, Иванъ Васильевичъ никому, даже женѣ, не показалъ. Онъ спряталъ его, вмѣстѣ съ портретомъ въ медальонѣ на волосяномъ браслетѣ, въ самый потаенный ящикъ своего бюро.

Впрочемъ, противъ имени Магдалины жена его не протестовала; она находила имя прелестнымъ и объявила, что оно ей всегда нравилось.

— Ворожеѣ-то Принкулинской каравай бы за ворожбу отнести, — раздался съ лежанки голосъ старой Ненилы.

Предложеніе это было единогласно одобрено.

— Надо, надо чѣмъ ни на есть ей поклониться. Ужь такъ чудесно нагадала, лучше нельзя.

— Что-жъ, я къ ней схожу, пожалуй, — согласилась Ефимовна, — каравай ей спеку, да холста на рубашку отрѣжу. Не худое она намъ наворожила, а хорошее.

— Вѣщая старица, это что говорить.

Въ слѣдующую же субботу Ефимовна поставила съ вечера тѣсто изъ бѣлой пшеничной муки, а на слѣдующее утро, чуть свѣтъ, спекла каравай и, завязавъ его въ чистое полотенце, вышла изъ дому.

Еще не звонили къ ранней обѣднѣ. На улицахъ было темно и пустынно. Въ воздухѣ пахло весной, и снѣгъ начиналъ таять. Еще недѣлька такой погоды, и такая будетъ грязь невылазная, что ни пѣшкомъ пройти, ни на коняхъ никуда не доѣхать. Ну, а теперь пока еще ничего, кое-какъ пробраться можно.

Ефимовна торопилась. Надо было до пробужденія барыни взадъ и впередъ обернуться. Ее приставили старшей няней къ маленькой барышнѣ Магдалинѣ Ивановнѣ, и, хотя дали ей на подмогу одну женщину да трехъ дѣвчонокъ, все-таки дѣла было по горло. Дѣвочка была непокойная, плохо кушала, мало спала, все чего-то просила, кого-то искала, вздрагивала, кричала при малѣйшемъ шумѣ и, не взирая на уходъ и ласки, не привыкала къ окружающимъ. А ужь прошло съ мѣсяць, какъ она у нихъ, и надняхъ ее окрестили, торжественно, губернаторъ былъ крестнымъ отцомъ, а Софья Федоровна крестной матерью.

Когда вынесли ее на атласной подушкѣ всю въ лентахъ и кружевахъ изъ парадной залы, въ которой совершили надъ нею святое таинство, въ буфетную, гдѣ дворня собралась съ поздравленіемъ, и

всѣмъ было приказано смотрѣть на нее, какъ на настоящую барышню, все равно, какъ на родную дочку господъ, тѣ немногіе, что допущены были поцѣловать крошечную ручку будущей госпожи, восторгались красотой ребенка и смышленнымъ не по лѣтамъ взглядомъ ея большихъ темныхъ глазъ. Волосы у нея были черные и кудрявые, какъ у отца, и остальными чертами она была на него, какъ двѣ капли воды, похожа, но приближенные Бахтеринскихъ господъ въ одинъ голосъ увѣряли, что она вылитый портретъ Ивана Васильевича. «Ну, вотъ, точно родное дитя нашего барина, и глазки такіе же, какъ у него, и ротикъ, и носикъ».

Живо поняли, что ничѣмъ больше нельзя угодить барину, какъ этимъ.

Господа задали большой пиръ по случаю крестинъ пріемной дочери, весь городъ былъ приглашенъ, а дворнѣ напекли пироговъ съ начинкой, нажарили баранины, поставили вина и браги вдобавля, чтобы пили за здоровье маленькой барышни.

Столько было хлопотъ и суеты по случаю ея появленія въ домѣ, что нянкѣ во весь мѣсяцъ ни на часочекъ невозможно было со двора урваться. Не то что днемъ, а и ночью-то барыня чуть каждую минуту прибѣгала въ дѣтскую посмотрѣть на ребенка, какъ будто боялась она, что, доставшаяся имъ такимъ необыкновеннымъ образомъ дѣвочка, такимъ же чудомъ отнимется у нихъ.

Чтобъ идти къ ворожеѣ, Ефимовна должна была взять грѣхъ на душу, отпроситься къ ранней обѣднѣ и посадить на свое мѣсто у колыбельки ребенка двухъ старушекъ изъ самыхъ надежныхъ.

Какъ сказано выше, улицы были пусты, когда она проходила по нимъ мимо запертыхъ воротъ, калитокъ и домовъ съ притворенными ставнями. Всѣ спали, даже кошки и собаки. Кое-гдѣ, при ея приближеніи, за заборомъ принимались было тявкать сторожевые псы, но лѣниво, для очистки совѣсти больше, не чуя опасности для хозяйскаго добра отъ почтенной старушки въ опрятной бѣличьей шубкѣ, что пробиралась, съ узелкомъ въ рукахъ, къ заставѣ.

Первымъ живымъ существомъ, метнувшимся ей на глаза, былъ часовой у острога, да и тотъ, опершись спиной о будку, а руками на ружье, сладко подремывалъ.

Но когда, миновавъ острогъ, она спустилась съ пригорка къ оврагу, по крутымъ скатамъ котораго лѣпились убогія жилища обитателей Принкулинской усадьбы, Ефимовна увидала со всѣхъ ногъ бѣгущаго къ ней навстрѣчу мальчика. Онъ былъ въ такихъ попыхахъ, что промчался бы мимо, не останавливаясь, еслибъ его не окликнули. Мальчика этого звали Петькой; онъ возвращался домой со свиданія съ сестрой, скрывавшейся здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ она сбѣжала отъ новыхъ господъ.

Продали ее Курлятьевскіе господа, года три тому назадъ, въ дальнее мѣсто, но она такъ соскучилась по родному гнѣзду, а, можетъ быть, и по милому, оставшемуся здѣсь, что не вытерпѣла и сбѣжала. По глупости, конечно, не сумѣла разсудить, что прежніе господа ея не примуть, и что попадись она только на глаза начальству, живо заберутъ ее въ острогъ, закуютъ въ кандалы, выдерутъ и отправятъ туда, откуда она явилась. На ея счастье ей встрѣтились двѣ монашки, отправлявшіяся за подаянiемъ по одному пути съ нею; онѣ посовѣтовали ей остановиться въ Принкулинской усадьбѣ, гдѣ у нихъ были знакомые, и прожить тамъ, пока не осмотрится, да не узнаетъ, что ей дѣлать дальше.

Ефимовнѣ все это было извѣстно. Между дворней Курлятьевскихъ и Бахтеринскихъ господъ съ поконъ вѣка существовали самыя тѣсныя сношенiя. При покойныхъ старыхъ господахъ все вмѣстѣ жили на одномъ дворѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, остановивъ мальчишку, Ефимовна сочла своимъ долгомъ спросить: откуда онъ бѣжитъ и для чего?

— По дѣлу, тетенька, вотъ какъ и ты тоже,—дерзко отвѣтилъ онъ, потряхнувъ кудрями.

— Ахъ ты, щенокъ! Я тѣ задамъ дѣло! Туда же, съ людьми равняется,—съ притворнымъ гнѣвомъ проворчала старушка, и тутъ же съ добродушной усмѣшкой прибавила:—Ну, что Паранька? поправляется?

Широкая улыбка расплылась по лицу ребенка.

— Поправляется, тетенька, слава Богу! Только слаба больно, съ ногъ валится. Какъ силами наберется, такъ и уйдетъ.

— Куда уйдетъ?

Онъ промолчалъ.

— Куда-жъ она уйдетъ? — повторила Ефимовна.

— Далеко, — уклончиво отвѣчалъ онъ.

— За Кiевъ, къ полякамъ, что-ль? Ну, чего ты, дуракъ, боишься? Предательница я вамъ, что ли? Не бось, не выдамъ; matka ваша мнѣ кумой доводилась.

— Я не боюсь, тетенька, а только... ужъ больно мнѣ крѣпко наказывали никому не говорить,—запинаясь, пролепеталъ смущенный мальчикъ.—Крестъ заставили цѣловать, что никому не скажу.

Лицо Ефимовны сдѣлалось серьезно.

— Ну, и не говори, коли такъ, Христось съ тобой, бѣги себѣ съ Богомъ. А Параньку твою я повидаю, да гривну ей на дорогу подамъ, пусть нашу маленькую барышню въ молитвѣ помянетъ.

— Спасибо, тетенька.

Онъ побѣжалъ къ городу, а она спустилась по узкой тропинкѣ, протоптанной между сугробами, въ оврагъ.

Передавъ ворожеѣ подарки и поговоривъ съ нею малую толику, Ефимовна отправилась къ Паранькѣ, которая жила въ землянкѣ

у слѣпюго нищаго, каждый день съ ранняго утра выходившаго съ поводаремъ на паперть Николы угодника, что на базарной площади. Весь городъ зналъ этого слѣпюго нищаго, и такъ много подавали ему и деньгами, и всякимъ добромъ, что въ его землянкѣ пресытно и претепло жилось и ему самому, и тѣмъ, кого онъ призрѣвалъ. Жильцы у него не переводились. Теперь, кромѣ Параньки, дѣвки лѣтъ двадцати, ютилась у него монашка, да еще двое какихъ-то среднихъ лѣтъ, мужчина съ бабой, съ довольно-таки звѣрскими лицами. Особенно страшна была баба, глаза у нея были такіе злые, да хитрые, что невольно вздрогнешь, когда она на тебя ими уставится.

Но въ то время, какъ Ефимовна сидѣла у ворожеи, солнышко показалось, и къ ранней обѣднѣ на соборной колокольнѣ ударили, слѣпой потащился съ поводаремъ къ своему мѣсту, на паперть, побрела туда же, только другой дорогой, и чета разбойничьяго вида, такъ что въ землянкѣ, кромѣ Параньки съ монашкой, высокою, худой женщины съ блѣднымъ рябымъ лицомъ, никого не осталось. Обѣ почтительно поднялись и низко поклонились при появленіи почетной гостыи.

— Здравствуй, дѣвонька, здравствуй. Здравствуй и ты, Фелицата, — привѣтливо поздоровалась съ ними Ефимовна.

— Сейчасъ братишку твоего встрѣтила. Уходишь отсюда, говорить? Попрощаться съ тобой пришла. Дай тебѣ Богъ всего хорошаго, — обратилась она къ Паранькѣ.

— Ангела моего пришлю тебѣ, да поведетъ онъ тя къ истинѣ, — важно вымолвила монашка.

Ефимовна покосилась на нее.

— Ну, гдѣ ужъ намъ, грѣшнымъ, ангеловъ ждать, дай Богъ, чтобъ хоть отъ злыхъ людей оградилъ Господь, да въ конецъ пропасть не допустилъ, — сказала она со вздохомъ.

И снова повернувшись къ дѣвушкѣ, которая, стоя, почтительно ее слушала, она спросила:

— Куда же ты думаешь идтить, касатка?

— Судьбы Господни не исповѣдимы, — снова вмѣшалась въ ихъ бесѣду черная женщина.

— Въ обитель свою, что ли, она тебя подбиваетъ? — довольно таки презрительно кивнувъ на монахиню, спросила Ефимовна.

Параня молча кивнула. Наступило молчаніе.

— Оно, конечно... если такъ разсудить, въ такую ты таперича попала бѣду, что и присовѣтовать тебѣ ничего невозможно, — начала разсуждать Ефимовна, съ долгими разстановками между словами и не переставая кидать на монашку подозрительные взгляды, — а все же, хоть и набѣдокурила ты на свою голову, но душа въ тебѣ есть и крещена ты поправославному... значить... оно тово, значить...

И вдругъ, озабоченно сдвинувъ брови, она съ живостью спросила:—Въ монастырь къ отцу Ермилу ходила?

При этомъ имени черная женщина порывисто сорвалась съ мѣста и вышла изъ землянки. Паранька же еще ниже опустила голову, стиснула губы и между ея сдвинутыми бровями появилась складочка, отъ которой все ея доброе, глуповатое лицо мгновенно преобразилось въ злое и упорное.

Метаморфоза эта не ускользнула отъ внимательнаго взгляда старухи, она поднялась съ мѣста и, глянувъ на растворенную дверь, изъ которой видѣлась фигура монашки, рѣзко чернѣвшая на сверкающемъ бѣлизной фонѣ снѣговыхъ сугробовъ, прибавила, понижая голосъ до шепота и низко пригибаясь къ своей слушательницѣ.

— Ты объ душѣ-то своей подумала ли? Вѣдь ужъ къ нимъ какъ попадешь (она махнула рукой по направленію двери), они не выпустятъ.

— Мнѣ, тетенька, другого ходу нѣту,—съ усиліемъ проговорила Паранька.

Ефимовна вздохнула.

— Отецъ Ермилъ, можетъ, наставилъ бы тебя, сходила бы ты къ нему, да покаялась. Святой человѣкъ.

— Ивана Кобылинскихъ онъ не отстоялъ,—возразила дѣвушка, мрачно потупляясь.

— Да ужъ такихъ чертей, прости Господи, какъ Кобылинскіе господа...

— А наша-то нѣшто лучше?—прервала ее съ горькой усмѣшкой дѣвушка. — Съ родными-то дочерьми что понадѣлала!

Глаза старухи загорѣлись любопытствомъ.

— Что такое? — порывисто спросила она.

— Да нѣшто вы не слышали?

— Ничего у насъ про нихъ не слышать, вотъ ужъ которую недѣлю ни слуху, ни духу. Посылали наши господа имъ приглашеніе на крестины, какъ слѣдуетъ быть промежъ сродственниковъ, не изволили пожаловать, нездоровьемъ отозвались. Знаемъ мы это нездоровье! Злость ее разбираетъ, что колдовство ейное не удалось. Господь нашимъ господамъ за доброту ихнюю, да за справедливость дочку послалъ, да какую еще красавицу-то, заглядѣнье! Ну, что-жъ ты про своихъ-то барышень ничего не говоришь?—вернулась она къ недосказанному сообщенію. — Взаправду что ли расхворались? Про Клавдію-то Николаевну, намеднись, губернаторъ у нашихъ-то спрашивалъ...

— Клавдія Николаевна ничего, а вотъ Катерина Николаевна съ Марьей Николаевной...

— Что-жъ онѣ?

— Да кликушами сдѣлались, вотъ что.

— Н-ну!

— Ей-Богу, вотъ вамъ крестъ, что не вру! На прошлой недѣлѣ, у ранней обѣдни, такъ завязжали передъ св. Дарами, что весь народъ отъ нихъ шарахнулся. Безъ чувствъ вынесли обѣихъ.

И, помолчавъ немного, точно для того, чтобы дать своей слушательницѣ опомниться отъ страшнаго извѣстія, Паранька продолжала:

— А какъ въ горницу-то ихъ внесли, биться стали, никому не сдержать. Не въ первой это съ ними, говорятъ. Григорьевнѣ все извѣстно, но эта господъ не выдастъ, хоть ты ее на куски рѣжь, а только, какъ барышень на полу застали, сорочки въ крови, синяки по всему тѣлу и волосы клочьями... Григорьевна въ горницу-то ихнюю не одна вошла, а съ Лизкой...

— Отъ Лизки, значить, и пошелъ про то говоръ, — сурово потупляясь, замѣтила Ефимовна.

— Ужь не знаю, право.

— Да сама-то ты отъ кого слышала? Отъ Петьки, поди чай? Дѣвушка съ испугомъ запротестовала противъ этого предположенія.

— Совсе не отъ него... онъ ни словечка намъ про это не проронилъ... Мы раньше слышали... мало ли сюда народу шатается!... Какъ ихъ изъ церкви-то замертво выносили, всѣ нищѣ на паперти видѣли... Нѣтъ, нѣтъ, тетенька, вы на Петьку не грѣшите, не отъ него эти слухи у насъ пошли, онъ ни слова, вотъ какъ передъ Господомъ Богомъ, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, если вру!

— Ну, ладно, ладно, не выдамъ я твоего Петеньку, будь покойна. Вотъ тебѣ гривну на дорогу, — сказала старушка, вынимая изъ-за пазухи тряпочку, въ которой у нея были завязаны мѣдные деньги. — Спаси ты, Христоръ, и сохрани.

Въ эту минуту монашка вернулась въ землянку, и Ефимовна заторопилась домой.

— Только вѣдь къ ранней обѣднѣ отпросилась. Боже, сохрани, проснется барыня да меня спросить, что тогда! Ни на шагъ отъ маленькой барышни не позволено отходить. Правда, что она только одну меня знаетъ, только со мной и покойна, — говорила она отрывисто, поспѣшно натягивая на плечи шубку и подкалывая платокъ у подбородка.

Не терпѣлось ей прибѣжать домой, чтобы рассказать о слышанномъ про Курлятьевскихъ барышень.

VII.

Случилось такъ, что въ тотъ же день и до господъ Бахтериныхъ дошелъ слухъ о несчастіи, постигшемъ дочерей сестрицы Анны Ѳедоровны.

Вѣстовщицей оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, приживалка изъ попадеекъ, Фаина Кузьминишна.

Явилась она послѣ обѣдни поздравить съ прошедшими крестинами богоданной дочки Софью Ѳедоровну и Ивана Васильевича, и съ просьбой дозволить ей, хоть однимъ глазкомъ, взглянуть на маленькую виновницу торжества, а при этомъ удобномъ случаѣ, заливая наливочкой пироги съ лукомъ и рыбой, которымъ, по приказанію барыни, угощали ее въ чайной, Фаина Кузьминишна со вздохами и кислыми ужимками повторила то же самое, что Ефимовна слышала въ Принкулинской усадьбѣ, про бѣду, приключившуюся у Курлятьевыхъ. На обѣихъ старшихъ барышень злая немочь напала. Сглазилъ ихъ вѣрно дурной человѣкъ, во время съ уголька не догадались спрыснуть, да молитвы надъ ними не сотворили, а врагъ человѣческій не дремлетъ. Ему okayному за всегда лестно дѣвичью красу да невинность погубить.

— Съ прошлаго воскресенья бѣсноватыми обѣ разомъ сдѣлались. Изъ церкви отъ ранней обѣдни, какъ мертвыхъ, домой привезли. Нашло этта на нихъ, какъ святые Дары вынесли. Сначала старшая завопила, да какъ скошенная на полъ покатила, а за нею и Марья Николаевна,—прибавила она, таинственно понижая голосъ и закатывая глаза къ потолку.

У слушательницъ морозъ подралъ по кожѣ отъ страха и жалости. У многихъ слезы навернулись на глаза, всѣ ахали и крестились.

— Да, дѣвонки, такія-то у нихъ дѣла. Страсть какъ серчаетъ Анна Ѳедоровна, да ничего не подѣлаешь,—прибавила съ самодовольствомъ рассказчица.

Вѣсть ея произвела должный эффектъ. Такой ужасъ нагнала она на своихъ слушательницъ, что на время онѣ обо всемъ забыли, что занимало ихъ до сихъ поръ, и не знали даже, что отвѣтить Фаинѣ Кузьминишнѣ, когда она стала расспрашивать про маленькую барышню и про то, какъ ее нашли.

— Убіенные то, говорятъ, какъ арапы черные, изъ Эфіопскаго царства прибыли...

— Что за брехня!—сердито оборвала ее одна изъ присутствующихъ.—Нѣшто отъ черныхъ родителей дитя можетъ быть бѣлое? А барышня наша, какъ тѣсто крупитчатое, мукой посыпанное.

— Не знаю, дѣвонька, не знаю, отъ людей слышала. За что купила, за то и продаю,—недовѣрчиво покачивая головой, возражала гостя.

— Да кто говорить-то? Кто не видалъ ничего, а намъ лучше знать, изъ нашихъ восемь человѣкъ ихъ видѣли вотъ такъ, какъ я теперь тебя вижу...

— Отчитывать что ли ихъ будутъ, Курлятьевскихъ-то барышень? Вначалѣ если захватить, когда не совсѣмъ крѣпко вселился,

помогаетъ, говорятъ,—перебила другая женщина, невольно возвращаясь къ предмету, поразившему ея воображеніе.—А еще хорошо паромъ съ ладономъ его выкуривать.

— Да, да, съ ладономъ,—подхватили другіе,—вотъ, какъ Агашку...

— Это Кострюковская, что померла въ прошломъ году?

— Та самая. Такъ же вотъ, какъ и въ Курлятьевскихъ барышень, вошелъ эта въ нее, въ Агашку-то...

— И видѣли, какъ входилъ, черезъ ротъ...

— Чернымъ клубомъ. Она, сердешная, какъ засто-о-о-нетъ!...

— Застонешь тутъ! Эдакія страсти!

— Спаси, Господи, и помилуй!

Въ бесѣдахъ о такомъ животрепещущемъ предметѣ никто и не замѣтилъ, какъ исчезла изъ комнаты приближенная барыни, горничная Лизавета. Она отправилась сообщить интересныя новости въ господскіе покои.

Барыня только что вошла въ спальню, проводивъ гостей, прїѣзжавшихъ къ ней въ то утро (день былъ праздничный) съ визитами. Рассказы Лизаветы страшно ее перепугали. Будь ея мужъ дома, она, разумѣется, бросилась бы къ нему за совѣтомъ и успокоеніемъ, но онъ отъ обѣдни отправился съ визитами, а отсюда прямо на обѣдъ къ губернатору, раньше десяти часовъ вечера домой его нельзя было ждать. Софья Ѳедоровна послала за Ефимовной.

— Няня, что это у васъ тамъ Фаина Кузьминшна рассказываетъ?—спросила она, едва старушка появилась въ дверяхъ.

— Это про дочекъ-то Анны Ѳедоровны, сударыня?

— Ну, да, вѣдь это все выдумки, разумѣется?—нерѣшительно проговорила г-жа Бахтерина, устремляя на свою собесѣдницу испуганный взглядъ.

— Съ чего же ей врать-то, сударыня, вѣдь благодѣтели они ейныя, Курлятьевы-то,—сдержанно возразила Ефимовна.

— Какъ же, няня?...—нерѣшительно произнесла Софья Ѳедоровна.

Отъ тяжелаго недоумѣнія у нея мутился разумъ. Знала она про бѣсноватыхъ, что этотъ ужасъ бываетъ, бѣсы могутъ вселяться въ живаго человѣка, Господь это попускаетъ; ей не разъ случалось видѣть и слышать такъ называемыхъ кликушъ въ церкви. Рѣдкая обѣдня обходится безъ этого страшнаго зрѣлища. Разъ даже, совсѣмъ отъ нея близко, пронесли молодую женщину, блѣдную, какъ смерть, съ конвульсивно подергивающимися членами, вывернутыми до бѣлковъ глазами и съ пѣной у рта. Такъ ужасно было на нее смотрѣть, что Софья Ѳедоровна захворала отъ испуга. Но женщина эта простаго званія. И всѣ кликуши, которыхъ ей доводилось видѣть, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, были изъ простонародья, такъ что мало-по-малу въ ней вселилось убѣжденіе, что эта страшная немочь—удѣлъ исключительно только подлаго люда. И вдругъ, ока-

зывается, что и благородные отъ него не застрахованы. Катенька и Машенька Курлятьевы, дочери ея родной сестры, ея племянницы, барышни, столбовыя дворянки, воспитанныя—кликуши! Какой ужасъ! А срамъ-то какой! Какими глазами мать ихъ будетъ теперь на всѣхъ смотрѣть? Да и родныхъ этотъ позоръ коснется. Отзовется, пожалуй, и на ребенкѣ, котораго Бахтерины считаютъ уже своимъ.

Страхъ за своихъ, жалость къ сестриной семьѣ, заглушали въ душѣ Софьи Ѳедоровны всѣ прочія чувства. Не могла ужъ она больше гнѣваться на сестрицу Анну Ѳедоровну за ея козни противъ нея; все, что она вытерпѣла отъ ея зависти и недоброжелательства, все это казалось теперь пустяками передъ ужасами, происходившими въ семьѣ этой злой сестры. Она ей теперь прощала даже и колдовство, напущенное на нее изъ зависти и корысти. Богъ съ нею совсѣмъ, на свою же голову, да на голову своихъ близкихъ наворожила! Вотъ, что значить съ нечистымъ-то знаться!

— И вдругъ это съ ними приключилось? Но съ чего же?—пролепетала она поблѣввшими губами.

— Давно ужъ онѣ, сударыня, скучаютъ,—отвѣчала Ефимовна со вздохомъ.—Катерина-то Николаевна, сами извольте знать, съ какихъ поръ стали чахнуть, какъ Алешку...

— Не поминай этого имени!—вскричала съ отвращеніемъ барыня.

— Охъ, ужъ, правда, что помянуть про него не слѣдуетъ, одинъ только грѣхъ,—согласилась съ еще болѣе тяжелымъ вздохомъ старая няня.—Ну, а Марья-то Николаевна съ прошлой зимы захирѣла, послѣ того, какъ Вочаговскій молодой баринъ за нихъ сватался,—прибавила она, помолчавъ немного.

— О Господи, Господи!—простонала Софья Ѳедоровна.

Къ страху и печали въ душѣ ея примѣшивались угрызения совѣсти. Вѣдь она съ мужемъ косвенно виноваты въ несчастіи, постигшемъ племянницъ. Не переѣзжай они сюда на житье изъ Петербурга, Курлятьевымъ не для чего было бы убивать капиталъ дочерей на постройку дома, и Катенька съ Машенькой не засидѣлись бы въ дѣвкахъ.

А Ефимовна между тѣмъ продолжала:

— Маменька-то ихъ не милуетъ. Страсть сколько притѣсненія онѣ отъ нея видятъ! Немудрено при такой жизни въ отчаянность впасть. А врагъ-то не дремлетъ, ему, извѣстно, чѣмъ больше загубить душъ, тѣмъ лучше.

— И что-жъ онѣ? Что еще сказала Фаина?

На вопросъ этотъ Ефимовна почтительно возразила, что она не позволила себѣ эту самую Фаину про господъ разспрашивать.

— Я и дѣвокъ-то всѣхъ, что помоложе, изъ горницы выслала, какъ она, съ позволенія сказать, свой поганый языкъ распустила,—

прибавила она съ достоинствомъ. — Къ чему хамкамъ такія рѣчи про господъ слушать? Не прикажете ли вы лучше мнѣ самой къ сестрицѣ въ домъ сходить?—продолжала она, помолчавъ немного.— По крайности чистую правду узнаемъ.

На предложеніе это Софья Ѳедоровна согласилась немедленно. Оставалось только изобрѣсти для этого благовидный предлогъ, но Ефимовна и тутъ нашлась.

— Не извольте беспокоиться, сударыня, попытаюсь такъ къ нимъ попасть, чтобъ одну только Григорьевну повидать да барышень. А если, паче чаянія, барынь про меня донесутъ, да захочетъ она узнать, для чего я пришла, скажу, что вы насчетъ ихъ здоровья изволите беспокоиться, по той причинѣ, что онѣ къ намъ на крестины не извоили пожаловать.

— Да скажете ли тебѣ Григорьевна про Катеньку съ Машенькой, вѣдь она у нихъ скрытная?

— И, сударыня! отъ кого другаго, а отъ меня ей ничего не утаить. Вѣдь мы съ нею подруги, на одномъ дворѣ выросли, все она мнѣ разкажетъ, не извольте сумлѣваться.

VIII.

Но Ефимовнѣ пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Старая подруга приняла ее такъ холодно и подозрительно, что коснуться настоящей причины ея посѣщенія даже обиняками, не представлялось ни малѣйшей возможности.

Не давъ ей досказать вопроса про здоровье барыни, барышень, стараго барина и барченка, она объявила, что всѣ у нихъ, слава Богу, здоровы. А на крестинахъ не могли быть, потому что у барыни зубы болѣли, а барышнямъ утромъ за ранней обѣдней отъ лада да тѣсноты задурнилось, и чтобы болѣзни съ ними не приключилось, пріѣхавши домой, ихъ въ постельку уложили да бузиной напоили.

— И какъ пропотѣли хорошенько, хворь-то съ нихъ какъ рукой сняло, — объявила въ заключеніе хитрая старуха, не спуская съ своей посѣтительницы остраго, пытливаго взгляда своихъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ.

— Ну, и слава Богу, слава Богу! А ужъ наши господа забеспокоились. Долго-ль какую ни на есть болѣзнь молодымъ дѣвкамъ схватить! Вонъ у Ѳедосѣевыхъ-то при смерти, говорятъ, барышня. Вчера за попомъ послали, сегодня соборовать, говорятъ, будутъ.

— Нѣтъ, наши, слава Богу. Даромъ что съ виду и не въ тѣлѣ, а здоровыя дѣвицы. А что задурнилось имъ вчера въ церкви, такъ это не съ ними однѣми случается. Новыя платья барыня приказала имъ надѣтъ, узки маленько сдѣлали: пришлось шнуровку-то

затянуть крошечку потуже, ну, много ли надо, особливо въ тѣснотѣ, да еще когда ладономъ накурено, все равно, что отъ угара.

— Много ли надо,—поддакивала гостья. Но про себя думала, что все это говоритъ только для отвода глазъ и, съ любопытствомъ озираясь по сторонамъ, въ чаяніи чего нибудь такого, что прольетъ свѣтъ на скрываемую отъ нея такъ тщательно тайну, она мысленно давала себѣ слово не уходить, пока такъ или иначе всего не узнаетъ.

Но ничто ей извнѣ на выручку не являлось. Единственнымъ признакомъ, что въ домѣ не такъ, какъ всегда, служила необычная тишина, царившая въ немъ. Не слышно было ни властнаго, крикливаго голоса барыни, ни торопливыхъ шаговъ бѣгущей на ея зовъ прислуги, ни звуковъ клавикордъ изъ залы, подъ искусными пальчиками старшей барышни (такой охотницы до пѣнія, что ей даже учителя музыки наняли, крѣпостнаго регента помѣщика Гаряинова). Домъ точно вымеръ.

Григорьевна приняла свою гостью не въ чайной, а рядомъ, въ темноватой, длинной и узкой горницѣ, заставленной тяжелыми сундуками съ барскимъ добромъ и съ некрашеннымъ столомъ передъ окномъ, упирившимся въ стѣну надворнаго строенія. Приказавъ дѣвчонкѣ, явившейся на ея зовъ, поставить самоваръ, она пригласила посѣтительницу присѣсть на стулъ, а сама, прежде чѣмъ сѣсть на другой, принялась очищать столъ отъ тонкаго бѣлья, наваленнаго на него для глаженья.

— Господа-то ваши, вѣрно, отдыхаютъ послѣ обѣда?—спросила Ефимовна, поглядывая на припертую дверь въ корридоръ и напягая при этомъ слухъ, чтобъ уловить хотя бы слабый звукъ голосовъ или шаговъ.

— Барыня наша завсегда изволить отдыхать послѣ обѣда. У насъ сегодня много гостей перебивало,—принялась самодовольно распространяться Григорьевна.—Этотъ слетокъ-то столичный рѣдкій день не зайдетъ про здоровье Клавдіи Николаевны узнать. И все съ комплиментами. Очень ужъ она ему понравилась, какъ танцоваль-то онъ съ нею въ собраніи. Вотъ также и графъ тотъ польскій ужъ такъ влюбленъ въ нашу барышню, такъ влюбленъ, страсть! Люди его сказывали: «ни одна еще дѣвица нашему графу такъ не нравилась, какъ ваша Клавдія Николаевна». Богачъ страшный. Домъ въ Варшавѣ у него, какъ дворецъ царскій, ужъ такъ всего въ немъ много. Завсегда, даже по буднямъ, на серебрѣ да на золотѣ у себя дома кушаетъ.

— Что-жъ онъ не сватается, если такъ влюбленъ?—съ кислой улыбкой спросила Ефимовна.

— Такое дѣло. торопиться не для чего. Ей даже и лѣта еще не вышли, совсѣмъ дитѣ, въ куклы еще играетъ,—съ сдержанной досадой возразила Григорьевна.

— А, можетъ, раньше старшихъ-то и не отдадутъ, — замѣтила Ефимовна. — Негоже это, не къ добру, когда меньшая сестра черезъ старшихъ перескочить.

— Это какъ Богъ велить. Всякому свое счастье, противъ судьбы-то тоже ничего не подѣлаешь, — отпарировала Григорьевна.

— Ну, а барчукъ вашъ что? Сыпь, говорятъ, у него на личикѣ высыпала?

— Кто это брешеть? Какая сыпь? Никакой сыпи нѣтъ. Личико какъ вылупленное яичко чистое и румянецъ во всю щечку, — заволновалась старая няня. — Здоровое дитѣ, спаси его, Христось, ядреное, однимъ словомъ кровь съ молокомъ. По всему городу ищи, такого не найдешь; году не было, ходить сталъ и всѣхъ сверстниковъ своихъ переросъ... А ужъ смышлень! Учитель имъ не нахвалится.

— Да ладно ужъ, ладно, — перебила ее съ досадою подруга. — Вотъ и у насъ тоже дитѣ, ужъ такое-то, храни ее Богъ, занятное, да здоровое, и красавица, ужъ это что говорить, всѣ диву даются, какая красавица!

— Ну, и слава Богу, слава Богу, — неохотно вымолвила Григорьевна. — Своихъ Господь не послалъ, такъ хоть на чужаго порадуется, — прибавила она сквозь зубы.

Ефимовнѣ духъ перехватило отъ злости, но она сдвинула въ себѣ негодованіе. Если съ первой же минуты въ ссору удариться, ничего не узнаешь, не для чего было и приходиться. Ужъ она ей послѣ все выпоетъ, а теперь пока пусть покуражится.

Про барина Николая Семеновича Ефимовна не освѣдомлялась. Онъ — блаженный, одна только слава, что баринъ, въ домѣ никто его не боится. Холопы и тѣ въ грошъ его не ставятъ, совсѣмъ безвольный.

Да и не до него было Ефимовнѣ сегодня. Она ломала себѣ голову, какъ бы ей на барышень взглянуть, какія онѣ стали съ тѣхъ поръ, какъ бѣсъ въ нихъ вселился.

Что онѣ «порченныя», въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Фаина Кузьминишна зря брехать не станетъ, а что нянька ихъ прикрываетъ и на все пойдетъ, чтобъ ихъ позоръ отъ людей скрыть, это вполне естественно, и даже иначе быть не можетъ. Кому ни доведись, каждая на ея мѣстѣ точно такимъ же образомъ поступила бы.

Дверь отворилась, и худенькая босоногая дѣвчонка, въ синемъ посконномъ сарафанишкѣ, съ краснымъ обрывкомъ, мотавшимся на кончикѣ бѣлобрысой косички, втащила огромный мѣдный самоваръ и взгромоздила его на столъ, съ помощью слѣдовавшей за нею дѣвки, съ чашками и разной снѣдью на подносѣ.

Пріятелиницы принялись за чаепитіе.

Опроставъ первую чашку, Ефимовна набралась отваги и безъ дальнѣйшихъ околичностей объявила, что барыня приказала ей

непремѣнно повидать барышень и лично передать имъ отъ нея поклонъ.

— Такъ и сказали: «Зайди къ племянницамъ и скажи имъ: соскучилась я по нимъ, давно насъ не навѣщали. И узнай,—говорить,—что за нездоровье имъ помѣшало на крестины богоданной двоюродной сестрицы пожаловать».

Къ этому заявленію отнеслись совсѣмъ не такъ, какъ она ожидала. Правда, дѣвчонка, внесшая самоваръ, стремительно глянувъ на свою повелительницу, перевела полный жгучаго любопытства взглядъ на свою подругу, которая опустила глаза и знаменательно стиснула губы, но Григорьевна нимало не смутилась.

— А вотъ, напимшись чаю, и пойдемъ къ нимъ, — спокойно отвѣчала она, и, обращаясь къ старшей изъ своихъ прислужницъ, спросила: — Вѣдь барышни наверху?

— Всѣ три наверху, — отвѣчала дѣвушка.

По лицу старой няни проскользнула самодовольная усмѣшка.

— Завсегда онѣ вмѣстѣ. Дружныя барышни, не то что другія. Ни сваръ промежъ нихъ, ни споровъ, во всемъ согласіе, какъ подобаесть роднымъ сестрамъ,—прибавила она съ подавленнымъ вздохомъ.— А вы ступайте,—сказала она отошедшимъ къ дверямъ холопкамъ, — когда нужно будетъ, позову.

И, оставшись наединѣ съ гостьей, она продолжала начатую бесѣду про своихъ воспитанницъ.

— Благочестивыя дѣвицы, за всю семью молитвенницы передъ Господомъ Богомъ.

Голосъ ея звучалъ торжественно.

— И какъ это имъ Господь судьбы до сихъ поръ не посылаетъ,—замѣтила сокрушеннымъ тономъ Ефимовна.

— Христовы невѣсты,—объявила няня, строго сдвигая брови.— Въ тетеньку. Такая же, какъ онѣ теперь, примѣрная была дѣвственница. И взыскалъ ее Господь за добродѣтель и смиреніе.

— Игуменьей, чай, будетъ, — вставила гостья.

— Какъ Господу Богу будетъ угодно, — сдержанно возразила Курлятевская нянька.

— Давно что-то мать Агнія въ городѣ не была,—замѣтила Ефимовна, слизывая медъ съ ложечки и запивая его чаемъ.

— Третьяго дня навѣстила насъ, грѣшныхъ,—съ напускнымъ смиреніемъ объявила ея подруга.

Ефимовна оживилась.

— А къ намъ не заглянула?! Что-жъ это она такъ?

— Ужъ не знаю, милая, не знаю,—отвѣчала Григорьевна.

Но Ефимовна не отставала.

— По дѣлу вѣрно къ вамъ пріѣзжала? Не въ обычаѣ у нея по зимамъ обитель покидать.

На это ей ничего не отвѣтили. Григорьевна молчала. Но по ея

озабоченному лицу видно было, что она что-то обдумываетъ, и вдругъ, переждавъ съ минуту, она объявила, что барышни ихъ, Екатерина Николаевна съ Марьей Николаевной, надумали изъ міра выйти, въ монастырь поступить.

Тутъ ужъ Ефимовна не сочла нужнымъ скрывать дольше своего любопытства и закидала ее вопросами: давно ли зародилось въ нихъ это намѣреніе, и какъ относится къ нему барыня, Анна Ѳедоровна? Вѣдь не перестарки, старшей-то двадцати двухъ лѣтъ еще нѣтъ, а Марьѣ Николаевнѣ всего только восемнадцать. Какіе это еще года? Господь имъ, можетъ, и судьбу пошлетъ. Не спокаялись бы потомъ, вѣдь ужъ это онѣ, значить, на всю жизнь себя похоронять, все равно что въ могилу живыми лечь. И неужто-жъ никто не пробовалъ отговаривать ихъ отъ рокового намѣренія? Точно въ міру нельзя спастись!

На всѣ эти соображенія и вопросы Григорьевна отвѣчала сдержанно и уклончиво.

— Ужъ вѣрно такая ихъ судьба... Противъ Господней воли не пойдешь... Не всѣмъ въ міру хорошо живется... У нашихъ барышень сызмальства къ уединенію да къ молитвѣ пристрастіе. Ни наряды, ни свѣтскія удовольствія ихъ не тѣшатъ...

— «Толкуй,—возражала на это про себя Ефимовна,—точно мы не знаемъ, что Марья Николаевна не дальше какъ въ прошломъ году за Бочаговскаго молодого барина замужъ собиралась. А Катерина-то Николаевна! Не о божественномъ толковать съ Алешкой выбѣгала она къ нему на свиданіе въ темный уголокъ сада, подъ душистыми липы, въ лунныя ночи! Не монастырь у нея былъ тогда на умѣ!»

— Мать Агнія, вѣрно, по этому случаю и приѣзжала? — спросила она.

— Онѣ съ нею завсегда во всемъ совѣтуются, — уклонилась и тутъ отъ прямого отвѣта Григорьевна.

Но у посѣтительницы любопытство разгоралось все больше и больше. Ей все обстоятельно надо было узнать, она только для этого сюда и пришла.

— Да вѣдь въ монастырь-то онѣ, вѣрно, въ ейный поступятъ? — спросила она.

— Надо такъ полагать, что въ ейный.

— И скоро?

— Еще неизвѣстно, когда сподобятся постригъ принять; на искусствѣ сначала ихъ продержатъ, сколько тамъ старицы рѣшатъ.

— Да когда же онѣ ѣдутъ-то? — настаивала Ефимовна.

— Не знаю еще, какъ управимся; завтра чуть свѣтъ хотѣли, только врядъ ли...

— Завтра? — вскричала обиженнымъ тономъ Ефимовна. — Такъ значить и уѣдутъ, ни съ кѣмъ не простившись? Хороши, нечего

сказать,—продолжала она, укоризненно покачивая головой.—А еще родней считаются! Вотъ оно, времена-то какія наступили, родную тетку не хотятъ почитать; а она, моя голубушка, изволить о нихъ беспокоиться. Давно, говорить, не видала племянницъ; соскучилась, сходи, пожалуста, Ефимовна, провѣдай ихъ, здоровы ли, — продолжала распространяться Бахтеринская нянька,—а онѣ, на-ко поди, про тетеньку-то и не вспомнять, точно ея и на свѣтъ-то нѣтъ совсѣмъ...

— Ну, чего тамъ раскудаhtалась, сама чай должна понимать, не по своей волѣ живутъ,—возразила брюзгливо Григорьевна.

И чтобы прекратить начинавшій обостряться разговоръ, она крикнула своихъ прислужницъ и приказала имъ пойти къ барышнямъ и сказать имъ, что няня Бахтеринская, Ефимовна, желаетъ ихъ видѣть.—Тетенька, скажите, прислали ихъ провѣдать.

И, вернувшись къ своему мѣсту у стола съ самоваромъ, она предложила своей гостьѣ еще чашечку чаю, шестую по счету. Но Ефимовна наотрѣвъ отъ угощенія отказалась. Она была слишкомъ взволнована, ей нужно было сорвать на комъ нибудь мучившую ее досаду, и она придирчиво выставила на видъ разницу: какъ ея барыня относится къ племянницамъ, и какъ онѣ мало цѣнятъ ея вниманіе.

— Не пошли она меня сегодня ихъ провѣдать, мы бы отъ чужихъ узнали, что онѣ у васъ въ монахини постриглись.

— Гдѣ же постриглись? Что-то лѣтомъ Богъ дастъ!

— Все равно. Нѣшто такъ съ родными можно? — продолжала брюзжать Ефимовна.

— Какіе ужъ мы вамъ, теперича, родные, когда чужого подкидыша замѣсто дочери взяли,—вырвалось у Григорьевны.

— Такъ что-жъ изъ этого? Супротивъ Бога не пойдешь... Дитѣ нашимъ чариномъ, можно сказать, чудомъ найдено...

— Ну, ужъ ладно, ладно, — съ досадою перебила ее собесѣдница. Но Ефимовну не легко было унять. Давно ужъ жаждала ея душа той блаженной минуты, когда ей можно будетъ выложить Курлятьевскимъ все, что у нея накипѣло въ сердцѣ противъ нихъ.

— Господь-то знаетъ, что дѣлаетъ, кого милуетъ, кого наказуетъ. Намъ Онъ за долготерпѣніе утѣшительницу послалъ, а другимъ за ненавистничество да колдовство...

— Ты это про кого поганымъ языкомъ брешешь?—дрожащимъ отъ ярости голосомъ оборвала ее старая подруга.

— Сама знаешь про кого,—пробурчала Ефимовна, сердито отворачиваясь.

Она уже раскаявалась, что поддалась увлеченію. Не видать ей теперь барышень, какъ своихъ ушей. Всѣ ея хитрости да подвохи пропали даромъ, но ничего не подѣлаешь, слово не воробей, выпустишь—не поймаешь. Одно теперъ остается: натѣшить душеньку

свою власть, все вывалить, пусть знаютъ, что козни ихъ наружу вышли.

— Нѣтъ, ты скажи, чтобы по крайности было, кому шею накостылять за враки,—злбно прошипѣла Григорьевна.

— Да всё говорятъ, что ваша барыня сестрицу заколдовала, чтобы не рожала, всё. И Бабиха Принкулинская тоже говорить,—отрѣзала Ефимовна.

Григорьевна побѣднѣла отъ ярости.

— А, вотъ оно откуда выползло! Изъ Принкулинской усадьбы! Нашли мѣсто, куда за совѣтами ходить, нечего сказать!

— Это самое мѣсто и вамъ даже очень хорошо извѣстно,—отпарировала Ефимовна.

— Съ какого боку? Мы ворожить къ колдуньямъ, которыя съ нечистымъ водятся, не ходимъ...

— Зачѣмъ вамъ къ нимъ ходить, когда у васъ своя въ домѣ...

— Молчи, старая карга!—возвысила голосъ Григорьевна.

— Сама лучше помолчи! Про васъ какая слава по городу-то идетъ? У послѣдняго мальчишки спроси, всякъ тѣ скажетъ, что Курлятьевскія барышни кликушами сдѣлались...

Договорить ей не дали. Старая подруга такъ вцѣпилась ей въ шлыкъ, что и платокъ у нея съ головы свалился, и сѣдые волосы растрепались.

Но и Ефимовна въ долгу не осталась и такую ей закатила затрещину, что кровь хлынула у нея изъ носу, и въ глазахъ зарябило.

— Это тебѣ, старая крыса, на память,—приговаривала гостя, приводя въ порядокъ растрепанный костюмъ, въ то время, какъ подруга ея, молча и съ сдержаннымъ гнѣвомъ, обтирала себѣ лице. — И не надо мнѣ твоихъ кликушъ видѣть. Прямо отсюда въ Божій храмъ зайду, да молебень отслужу, чтобы Господь отъ бѣсовскаго наважденія оградилъ. А нечисть ваша пусть при васъ и остается.

— Пстой, постой, дай срокъ! Пашенка-то, что вы призрѣли, можетъ, самъ дьяволъ вамъ подкинулъ... Креста-то вѣдь ни на немъ, ни на его матери, ни на отцѣ не было,—ворчала себѣ подъ носъ Григорьевна.—Дай срокъ! Увидимъ еще, гдѣ больше чертей-то развелось, у насъ или у васъ, постой! И намъ ворожили, мы тоже знаемъ... и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, дай срокъ!

IX.

Послѣднія слова, пущенныя ей вслѣдъ, Ефимовна услышала уже въ корридорѣ, изъ котораго поспѣшила выбраться на черную лѣстницу, чуя на каждомъ шагу опасность и призывая мысленно

всѣхъ святыхъ и Ангела Хранителя, чтобы благополучно вынесли ее изъ непріятельскаго лагеря.

И вдругъ, на поворотѣ въ темную проходную, заставленную шкапами, съ лѣстницей на верхъ, ей загородила дорогу черная фигура.

У Ефимовны ёкнуло сердце, и душа въ пятки ушла отъ страха, такъ похоже было это видѣніе на чорта: маленькая, тоненькая, съ безцвѣтнымъ лицомъ, бѣлѣвшимися на черномъ фонѣ, окаймлявшаго его, не то платка, не то скуфьи съ ушами и со сверкающими любопытными глазками.

— Съ нами крестная сила! — пролепетала, крестясь и пятясь назадъ, Бахтеринская нянька.

— Спаси ты, Христось! — услышала она въ отвѣтъ на свое званіе.

Это былъ не чортъ, а монашка. Изъ-за ея спины выглядывала другая. Обѣ спускались изъ комнаты барышень. Въ той, что шла позади, Ефимовна узнала скитницу, Фелицату, встрѣченную утромъ у Лушки.

— «Эти какъ сюда попали?» — подумала она.

Но вступать въ разговоръ тутъ было не мѣсто, и она, не оставиваясь, прошла въ сѣни. Монашки послѣдовали за нею, и вскорѣ всѣ три очутились на дворѣ.

Тутъ Ефимовна почувствовала себя въ безопасности, вздохнула свободнѣе и обратилась къ своимъ спутницамъ съ разспросами: къ кому приходили онѣ сюда? Ужъ не отчитывать ли барышень отъ бѣса ихъ позвали?

— Мы за подаяніемъ, — смиренно отвѣчала маленькая. — Скитъ нашъ бѣдный, даже и хлѣбушка прокормиться не хватаетъ.

А Фелицата молчала, не поднимая глазъ, скромно опущенныхъ въ землю,

— Что-жъ, подали вамъ тутъ? — продолжала свой допросъ Ефимовна.

— Подали, матушка, подали. Дѣвицы благочестивыя, какъ голубицы чистыя и непорочныя, — отвѣчала нараспѣвъ и гнусавымъ голосомъ маленькая.

— А въ городѣ-то болтаютъ, будто бѣсноватыя онѣ обѣ, — замѣтила Ефимовна.

— Божьи дѣвственницы, Христовы невѣсты, — повторила свое заявленіе скитница.

Подруга же ея продолжала молчать. Прежде чѣмъ продолжать свой допросъ, Ефимовна оглянулась по сторонамъ широкаго двора, съ низенькими службами, ютившимися въ беспорядкѣ вокругъ барскаго дома, двухэтажнаго зданія, довольно затѣйливой архитектуры, съ небольшимъ садомъ, спускавшимся къ рѣкѣ. Наступалъ вечеръ. Ворота заперли тотчасъ послѣ перваго удара колокола къ

вечернѣ. Челядь ужинала, кто въ трапезной, а кто по своимъ клѣткамъ, и на дворѣ, кромѣ цѣпнаго пса, лежавшаго передъ конурой, сердито поглядывая на трехъ женщинъ, направившихся къ выходу, не видно было ни единого живаго существа; однако Ефимовна сочла благоразумнымъ прекратить разговоръ и возобновила его тогда только, когда онѣ всѣ три вышли черезъ калитку на улицу.

Здѣсь, въ грязномъ, узкомъ переулкѣ между сѣрыми заборами, съ перевѣшивающимися черезъ нихъ вѣтвями деревьевъ, покрытыхъ едва замѣтными почками, она на минуту остановилась, чтобы спросить, большой ли у нихъ скитъ.

— Большой. А землицы-то совсѣмъ почти нѣтъ. Огородишко малый, питаться нечѣмъ. Что добрые люди подадутъ, тѣмъ только и живы,—заканючила маленькая.

Ефимовна поняла намекъ.

— Я вамъ подамъ,—заявила она.

И запагала по переулку къ площади, за которой былъ Бахтеринскій домъ.

— Спаси ты, Христось, — въ одинъ голосъ отвѣтили ея спутницы, поспѣвая за нею.

А маленькая прибавила:

— Наставникомъ у насъ теперь авва Симіоній, Божій молитвенникъ, старецъ святой... Симіоній!

Точно завѣса спала передъ духовными очами Ефимовны при этомъ имени. Вотъ она разгадка мучившей ее тайны! Авва Симіоній, попъ разстрига, основатель новой секты, славился своимъ даромъ изгонять бѣсовъ изъ людей.

Ей теперь все было ясно. Петрушку, безъ сомнѣнія, сама Григорьевна командировала къ Лушкѣ въ Принкулинскую усадьбу, за свѣдѣніями о Симіоніи. Тамъ не могли о немъ не знать; это былъ притонъ всѣхъ личностей, скрывающихся отъ полиціи и занимающихся темными дѣлами. Одно время долго проживалъ тамъ пресловутый Шайдюкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ нагонявшій ужасъ своими разбоями на всю окрестную мѣстность.

Возлюбили вольные люди Принкулинскую усадьбу, даромъ, что она у того самаго острога, гдѣ многіе изъ ихъ братіи сидятъ. А, можетъ быть, именно поэтому они и ютятся здѣсь, кто ихъ знаетъ!

Вотъ и скиты раскольничьи, вѣдь только тѣмъ и держатся, что дружбу съ злодѣями водятъ. Да и про православные монастыри многое въ томъ же родѣ болтаютъ!...

— А далеко вашъ скитъ-то отсюда?—спросила Ефимовна, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе, чтобы не возбудить подозрѣній.

— Далече. Три дня и три ночи безъ передышки идтить, и то

не дойдешь. А сквозь лѣсъ-то только пѣшкомъ можно продраться, ни верхомъ, ни на колесахъ проѣзду нѣту. Мѣсто у насъ дикое, однимъ нашимъ только пути туды не заказаны, а чужому ни за что не пролѣзть. Звѣрья сколько рыщеть, страсть! Гады всякіе, змѣи...

— Медвѣдь попадается, — подсказала ея подруга.

— Что медвѣдь, медвѣдь еще не такъ страшенъ! Водится округъ нашей обители звѣрь и люте медвѣдя, такой страшный, что при одномъ взглядѣ помереть можно отъ перепугу. Аспидъ, змѣя, левъ рыкающій, тигра свирѣпая, что всякій образъ, даже младенческій на себя можетъ принять, чтобы завлечь людей... Да, — прибавила она со вздохомъ, — ухищряется врагъ человѣческій намъ на гибель, соблазняетъ всячески. Не легка наша доля и кому свыше не дано, ни за что не снесеть. Ну, а въ комъ вѣра да благодать, тотъ, извѣстное дѣло...

— Въ писаніи сказано: «даю вамъ власть надъ змїями и скорпіонами», — подхватила другая скитница.

— А Симіоній-то часто у васъ бываетъ? — вернулась Ефимовна къ занимавшему ее предмету.

— Навѣщаетъ, когда Господь прикажетъ.

— И тогда, чай, у васъ отъ бѣсноватыхъ проходу нѣтъ?

Скитницы промолчали на этотъ вопросъ; почувяли, вѣрно, къ чему онъ ведетъ. Но Ефимовна не теряла надежды добиться цѣли.

— Онъ, говорятъ, Симіоній-то вашъ, не такъ давно въ Спаскомъ монастырѣ, что подъ Кіевомъ, изъ четырехъ монаховъ бѣса выгналъ, — замѣтила она.

— Благочестивый старецъ, — возразила уклончиво старшая скитница.

А Ефимовна продолжала:

— Издалека за нимъ, говорятъ, присылають...

И, переждавъ немного, она прибавила:

— Поговаривають народъ, будто его здѣсь по близости недавно видѣли.

Спутницы ея опять тревожно переглянулись. Какъ нарочно выплылъ въ эту минуту мѣсяць изъ-за крышъ, и отъ Ефимовны не ускользнуло рѣзкое движеніе, толкнувшее ихъ другъ къ другу, при чемъ Фелицата, шедшая сзади, очутилась рядомъ съ нею.

— Хотѣлось бы очень и мнѣ у него благословиться, — продолжала съ усиливающимся апломбомъ Ефимовна. — Вамъ, чай, извѣстно, гдѣ онъ здѣсь присталъ?

На это обѣ монашки наперерывъ запротестовали. Откуда имъ знать про авву Симіонія? Онъ только вчера вечеромъ добрались сюда. Ночевали у слѣпого нищаго и весь день съ ранняго утра отъ окошка къ окошку ходили за милостыней. Ни съ кѣмъ не говорили. А про авву Симіонія онъ съ тѣхъ поръ ничего не слы-

шали, какъ еще въ позапрошломъ году онъ у нихъ одну старицу, мать Анастасію, въ смертный часъ напутствовалъ.

Но Ефимовна не вѣрила имъ ни крошечки, и ужъ по одному тому, какъ онѣ замитусились, да застрекотали обѣ, какъ сороки, забывъ обычную сдержанность и смиреніе, она догадалась, что попала въ цѣль, и что Симіоній дѣйствительно здѣсь. И призванъ онъ сюда не для чего иного, какъ для того, чтобы барышень Курлятевыхъ отчитывать. Ужъ какого больше доказательства, что онѣ кликушами сдѣлались! А старая шкура Григорьевна еще осмѣлилась на нее съ кулаками лѣзть за одинъ намеръ на это обстоятельство! Ахъ она паскуда эдакая! Такая страшная напасть на нихъ стряслась, самъ Господь отъ нихъ отвернулся, бѣсамъ ихъ предаль, а онѣ все еще фордыбачатся, да съ почтенными людьми себя равняютъ, даже и словомъ не дозволяютъ себя обидѣть. Вотъ наглость-то! Чѣмъ бы смириться, да передъ каждымъ заискивать, чтобы пожалѣли ихъ, а онѣ, нако, поди!

Торжествовала Ефимовна во всю. Отъ волненія и боль прошла. А порядкомъ-таки оттрепала ее старая подруга. Хорошихъ три-четыре пучка волосъ осталось въ цѣпкихъ когтяхъ старой карги съ сѣдой головы Бахтеринской няньки. Но все это вздоръ и пустяки передъ новостями, которыя она услышала; за такія новости можно и не то вытерѣть.

Съ монашками ей ужъ не о чемъ было толковать. Ей удалось вытянуть отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ можно было надѣяться; остальное само собою объявится. Мыслимо ли, чтобы событіе такой важности, какъ присутствіе аввы Симіонія въ городѣ, осталось въ тайнѣ! Ужъ и теперь, безъ сомнѣнія, многимъ извѣстно, что онъ здѣсь. Надо бѣжать скорѣй домой, чтобы первой тамъ объ этомъ оповѣстить.

Однако, про обѣщанную милостыню она не забыла и приказала своимъ спутницамъ зайти на другой день въ Бахтеринскій домъ, что на Спасекой улицѣ, близъ Базарной площади.

— Всякій вамъ укажетъ. И съ чернаго крыльца прямо наверхъ пройдите. Спросите только нянюшку Ефимовну, и васъ ко мнѣ проведутъ. Я завсегда въ дѣтской.

— Да намъ завтра чуть свѣтъ ужъ въ путь надо, — объявила Фелицата.

— Что такъ скоро? А Лушку-то, теперича, что ли, въ скитъ съ собой возьмете, или она опосля, одна къ вамъ пріѣдетъ?

— Не знаемъ еще.

— Какъ авва Симіоній прикажетъ? — съ лукавой усмѣшкой под-казала хитрая старуха.

— Безъ его благословенія у насъ не въ обычаѣ новенькихъ принимать, — возразила маленькая.

Проговорились! Ясно, что онѣ къ нему спѣшатъ, и не для того

только, чтобъ испрашивать дозволеніе принять въ скитъ Лушку, а вѣрно также, чтобы насчетъ Курлятьевскихъ барышень ему сообщить.

Ефимовна поспѣшно вытащила изъ пазухи мѣшечекъ съ деньгами и, предварительно оглянувшись по сторонамъ, отсчитала нѣсколько грошей, которые и подала своимъ спутницамъ, со словами:

— Во здравіе младенца Магдалины. Вотъ вамъ на хлѣбецъ.

— Спаси тя, Христосъ, пошли тебѣ, Господи, всего хорошаго, здоровья, во всѣхъ дѣлахъ благое поспѣшеніе, надъ врагами побѣда и одолѣніе...

Не дослушавъ ихъ причитаній, Ефимовна поспѣшила домой.

Х.

Минуть черезъ двадцать она уже стояла передъ барыней съ докладомъ о видѣнномъ и слышанномъ.

— Бѣдныя, бѣдныя!—со слезами повторяла добрая Софья Федоровна, выслушавъ съ напряженнымъ вниманіемъ повѣствованіе своей посланной.—Это не бѣсъ въ нихъ вселился, а болѣзнь, истерикой называется; ихъ надо было блѣчить, а не отчитывать,—объявила она, припоминая мнѣніе, много разъ слышанное и отъ мужа и отъ другихъ начитанныхъ и по-модному обученныхъ людей, про кликушъ и тому подобныхъ одержимыхъ нервными недугами, субъектовъ.

— Ну, какже не бѣсъ, сударыня, когда за обѣдней, при выносѣ св. Даровъ ихъ ломать начало. И вотъ увидите, что авва Симіоній эту истерику съ нихъ, какъ рукой сниметъ,—утверждала Ефимовна.

Впрочемъ, барыня на своемъ мнѣніи и не настаивала. Она больше для очистки совѣсти повторяла слова отрицателей старинныхъ повѣрій и проповѣдниковъ вольнодумныхъ идей, къ которымъ совершенно напрасно старался приобщить ее мужъ. Чтобъ угодить ему, Софья Федоровна притворялась, что не вѣритъ въ существованіе дьяволовъ, вѣдьмъ, лѣшихъ и тому подобныхъ таинственныхъ существъ, на самомъ же дѣлѣ она въ нихъ вѣрила столько же, сколько и въ Бога.

Да иначе и не могло быть. Развѣ все вокругъ нея не подтверждало въ ней этой вѣры? Развѣ она не испытывала на самой себѣ и на близкихъ ей вліянія таинственныхъ невидимыхъ силъ? Все устраивалось по ихъ произволу и такъ чудно, какъ людямъ ни за что не придумать. А развѣ заговоренныхъ людей не существуетъ? Боже мой, да она ими со всѣхъ сторонъ окружена! Этотъ разбойникъ Шайдюкъ, который убилъ несчастныхъ родителей Магдалиночки! Опять вѣдь отъ него слѣдъ простылъ, не взирая

на всѣ усилія его найти. Въ ихъ губерніи его ужъ и искать перестали. Всѣ слухи о немъ смолкли, точно сквозь землю провалился со всей своей шайкой.

И который разъ ускользаетъ онъ отъ правосудія, чтобы появиться въ другомъ мѣстѣ. Два раза уже его хватали, нещадно истязали, заковывали въ цѣпи и кандалы, запирали подъ крѣпкіе замки, ставили у дверей и у единственнаго окошечка его тюрьмы (такого маленькаго, что только котенку развѣ можно въ него пролѣзть) вооруженную стражу, и всѣ эти предосторожности оказывались тщетными, ему удавалось бѣжать. Какимъ образомъ? Никто на вопросъ этотъ не могъ отвѣтить. А теперь стали ходить про него слухи еще чуднѣе, говорятъ, что онъ раздвоился и одновременно появляется въ разныхъ мѣстахъ, и будто видятъ его и молодымъ и старымъ, однимъ словомъ, такіа про него чудеса рассказываютъ, что ничѣмъ, кромѣ нечистой силы, это объяснить невозможно. Ну, а другая загадочная личность, тоже знаменитая въ здѣшнихъ краяхъ, разстрига пошъ Симіоній, изгонитель бѣсовъ, являющійся именно тогда, когда онъ нуженъ, сдѣлаетъ свое дѣло, исцѣлитъ одержимаго нечистой силы, а затѣмъ, какъ призракъ, исчезнетъ, такъ что никто не можетъ сказать, гдѣ его жилище, въ какихъ дебряхъ. Говорятъ, дикіе звѣри охраняютъ входъ въ его пещеру; они также, какъ и бѣсы, служатъ и повинуются ему. Хорошо было бы залучить его въ домъ, пока онъ здѣсь, чтобы Магдалиночку благословилъ, да заклинаніе надъ нею прочелъ. Ее хоть и окрестили въ православную вѣру и окружили образами со св. мощами и съ горящими передъ ними, день и ночь, лампадами, а все-таки жутко становится Софьѣ Ѳедоровнѣ при мысли, что призрѣнное ими дитя иноземнаго происхожденія, не русское, а изъ тѣхъ странъ, гдѣ все русской душѣ чуждо, и нравы, и обычаи, и самая вѣра. Полюбилось ей это дитя, какъ родное, привязалась она къ нему всѣмъ сердцемъ, такъ что оторви его теперь отъ нея, не пережила бы она этого горя, а между тѣмъ на нее часто нападаетъ таинственный ужасъ, когда она любитъся имъ. Особенно загадочно кажется ей это маленькое существо, когда оно спитъ. Кому улыбаются оно въ своихъ грезахъ, кому протягиваетъ губки и ручки? Ужъ, конечно, не пріемные родители являются ей въ сонныхъ видѣніяхъ; передъ нею, безъ сомнѣнія, проносятся призраки болѣе ей близкіе, съ которыми она связана кровными узами; родныя ей души невидимо витаютъ вокругъ ея колыбели, и нашептываютъ ей слова любви, на языкѣ непонятномъ для окружающей ее теперь новой семьи. И кто знаетъ, можетъ быть, не взирая на любовь и ласки, эта новая семья навсегда останется для нея чуждой, съ тоской думала Софья Ѳедоровна, нагибаясь къ спящему ребенку, всматриваясь въ красивыя черты не русскаго личика, съ матовой тонкой кожей, такой ровной и гладкой, какой она ни-

когда не выдывала у другихъ дѣтей. А эти черные, какъ смоль, волосы, а узкія ручки съ слишкомъ длинными, сравнительно съ обыкновенными дѣтскими рученками, пальчиками, а ножки, крошечныя, но тоже узкія съ высокимъ подъемомъ, все было у нея не такъ, какъ у другихъ дѣтей. Но что особенно рѣзко выдавало ея иноземное происхожденіе, это глаза, огненные, горячіе глаза и съ такимъ смѣлымъ взглядомъ, что Софья Ѳедоровна становилось не по себѣ, когда они на нее устремлялись. Ничего дѣтскаго въ нихъ не было, ничему они не радовались и не удивлялись, и ничѣмъ невозможно было изгнать выраженіе тоскливой задумчивости, засѣвшей въ нихъ, можетъ быть, съ той минуты, когда она осталась одна, живая среди мертвецовъ, въ глухой чащѣ лѣса, кто ее знаетъ!

Что за люди были ея родители? До сихъ поръ никому не извѣстно. Слѣдствіе ничего не открыло. Откуда ѣхали они и куда? Отправлялись ли спокойно на новое мѣсто жительства или бѣжали, спасаясь отъ преслѣдованій за содѣянное преступленіе? Какъ ихъ звали, почему попали они въ Россію, на что они здѣсь надѣялись? Найти ли новую родину или прожить только извѣстное время, чтобы потомъ снова вернуться въ свое отечество, и гдѣ оно находится это отечество?—ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ отвѣта не находилось. Ни одной вещи, ни одного документа, свидѣтельствующаго о томъ, что это были за люди, разбойники при своихъ жертвахъ не оставили. Изъ обрывковъ бѣлья да осколковъ вещей, покинутыхъ грабителями, одно только можно было заключить, что это были люди богатые и если не православные, то во всякомъ случаѣ не жидаы, не турки, а все же христіане.

Да, христіане.

Но вѣдь и между христіанами есть еретики. съ которыми наша церковь примириться не можетъ. Есть католики, протестанты, и между ними еще больше, чѣмъ у насъ, обольщенныхъ нечистымъ. Родители Магдалиночки, можетъ быть, были масоны? Ну, а ужъ эти, какъ тамъ ни увѣряютъ пріятели тетеньки Татьяны Платоновны, и какъ ни заступается за нихъ сама тетенька, къ дьяволу очень близки.

Въ бытность свою въ Петербургѣ у этой самой тетки, Татьяны Платоновны Турениной, важной придворной дамы, которой Софья Ѳедоровна вѣкъ обязана, воспитаніемъ своимъ и большою частью своего состоянія, а также и тѣмъ, что выборъ Ивана Васильевича Бахтерина на нее палъ, когда онъ задумалъ жениться, вѣкъ своимъ счастьемъ однимъ словомъ, Софья Ѳедоровна наслышалась вдоволь про таинственное ученіе масоновъ. Нашелся даже человекъ, который вздумалъ совращать ее въ эту таинственную вѣру; самъ онъ принадлежалъ къ Авиньонскому братству, былъ молодъ, хорошъ собой, уменъ, начитанъ, краснорѣчивъ и страстно въ нее влюбленъ.

Она просто чудомъ какимъ-то устояла противъ искушенія сдѣлаться его подругой жизни. Потомъ ужъ, отъ мужа, тоже одно время увлекавшагося масонствомъ, слышала она названія этихъ ученій, узнала, что, кромѣ каменщиковъ, есть еще тамплиеры, мартинисты, розенкрейцеры, иллюминаты и множество другихъ, что верховными жрецами у нихъ Сведенборгъ, Гельвецій, Каліостро и другіе, но, кромѣ этихъ именъ и названій, она ничего не запомнила, а изъ того, что при ней говорили про сущность этихъ ученій, одно только поняла: что предаваться имъ смертельный грѣхъ и что ни къ чему, кромѣ вѣчной гибели, это не поведетъ, и каждый день молилась она усердно Богу, чтобы не далъ Онъ ни ей, ни близкимъ ея, поддаться дьявольскому наважденію.

Господь услышалъ ея молитву, Онъ послалъ ей такого руководителя, какъ Иванъ Васильевичъ. Съ такимъ мужемъ она могла быть покойна, ему можно было безгранично довѣриться. И никогда не рѣшалась она ни на что важное безъ его согласія. Если ей пришло въ голову пригласить авву Симіонія помолиться надъ ея пріемной дочкой, то потому, что мужъ ея питалъ необъяснимую симпатію къ этому отщепенцу. Онъ считалъ его, хотя и фанатикомъ и заблуждающимся, но полезнымъ человѣкомъ и бралъ его подъ свою защиту при каждомъ удобномъ случаѣ. Благодаря Бахтерину, и власти какъ духовныя, такъ и свѣтскія оказывали Симіонію снисхожденіе. Можетъ быть, Иванъ Васильевичъ знакомъ былъ съ нимъ раньше, когда тотъ былъ еще православнымъ священникомъ, и, зная причины отпаденія его отъ православной церкви, не могъ не жалѣть его. А, можетъ быть, аввъ Симіонію какъ нибудь иначе удалось повліять на умнаго, воспитаннаго на европейскій манеръ барина; такъ или иначе, но между ними существовала какая-то духовная связь, происхожденіе которой для всѣхъ оставалось тайной.

«Да, надо надѣяться, что Иванъ Васильевичъ ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы поручить Магдалиночку молитвамъ аввы Симіонія»,—думала Софья Ѳеодоровна, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія мужа. Ей столько надо было ему передать! А онъ, между тѣмъ, какъ нарочно, замѣшкался въ ту ночь, въ гостяхъ.

Карета давно ужъ за нимъ уѣхала; всѣ огни въ домѣ были потушены, за исключеніемъ кенкета, тускло догоравшаго въ прихожей, гдѣ, въ ожиданіи барина, дремали на коникѣ камердинеръ съ дежурнымъ мальчикомъ.

ХІ.

Иванъ Васильевичъ не любилъ, чтобы жена дожидалась его, когда онъ ѣздилъ по дѣламъ или въ гости, а потому Софья Ѳеодоровна съ десяти часовъ улеглась на свою широкую кровать изъ

краснаго дерева, подъ зеленымъ штофнымъ пологомъ, но заснуть не могла и, перебирая въ умѣ видѣнное и слышанное въ этотъ достопамятный день, отъ волненія впала въ лихорадочное состояніе.

Да и было отъ чего волноваться. Тотчасъ послѣ обѣдни стали наѣзжать гости. И у всѣхъ одно только было на языкѣ — завязавшійся романъ между ея племянницей, Клавдіей Курлятьевой, и графомъ Паланецкимъ. На томъ балѣ, гдѣ они въ первый разъ встрѣтились, онъ, какъ сумасшедшій, за нею бѣгалъ, всѣмъ про нее говорилъ, завѣряя честнымъ словомъ, что такой красавицы во всемъ свѣтѣ не найти. Онъ танцевалъ съ нею мазурку въ первой парѣ. Можно себѣ представить, какъ взбѣсился прочія дамы! Дѣвчонка въ первый разъ появляется въ свѣтѣ, и вдругъ—ей такая атенція!

Графъ, можетъ быть, и не позволилъ бы себѣ дѣйствовать такъ опрочетчиво и дерзко, если бы не нашель поддержки въ придворномъ вельможѣ, присланномъ сюда изъ столицы съ важными порученіями, въ честь котораго собственно балъ и давался. Вельможа этотъ тоже держалъ себя въ тотъ вечеръ странно; за ужиномъ онъ пилъ съ графомъ Паланецкимъ за здоровье красавицы Клавдіи Курлятьевой и за того счастливица, которому удастся похитить ее изъ среды, гдѣ она сверкаеть, какъ драгоценный перлъ въ навозѣ.

Можетъ быть, это послѣднее слово и не было произнесено, но, тѣмъ не менѣе, смыслъ рѣчей вельможи былъ такъ оскорбителенъ для дамъ, къ которымъ онъ относился, что невозможно было не вломиться въ обиду.

Случилось это около двухъ недѣль тому назадъ. Вельможа давно успѣлъ уѣхать, и впечатлѣніе дерзости, сдѣланной имъ городскимъ дамамъ, поизгладилось, но не на столько, чтобы можно было относиться съ доброжелательствомъ къ виновницѣ этого событія, тѣмъ болѣе, что къ обидѣ примѣшивалась зависть. Графъ не охладѣвалъ къ предмету своей страсти и, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, высказывалъ серьезныя намѣренія на счетъ этой ничтожной дѣвчонки. Графиней, чего добраго, сдѣлается!

— Полякъ онъ завзятый и на царскую службу поступить ни за что не желаетъ, какъ ни просятъ,—объявила одна изъ посѣтительницъ Софья Ѳедоровны.

— Какъ же онъ на русской дѣвушкѣ женится, когда онъ полякъ и католикъ?—спросила Софья Ѳедоровна.

— Ахъ, милая, это другое дѣло! тутъ ужъ страсть заговорила, онъ безъ ума въ нее влюбленъ.

— Онъ ужъ четыре раза у нихъ былъ,—заявила другая.

— Нѣтъ, нѣтъ, я навѣрное знаю, что пять,—подхватила третья.

— А я вамъ говорю, что онъ каждый день у нихъ бываетъ, а вчера и сегодня я собственными глазами видѣла его карету у ихъ

подъѣзда, — объявила четвертая дама. — Да неужто-жъ онъ вамъ визита еще не сдѣлалъ? — прибавила она съ узумлениемъ.

— Онъ непременно вамъ сдѣлаетъ визитъ, непременно, — подтвердили въ одинъ голосъ остальные.

Софья Ѳедоровна возразила на это, что ей безразлично, придетъ ли къ нимъ графъ Паланецкій, который, что тамъ про него ни говори, а смахиваетъ на авантюриста...

— Ахъ, ма снэгѣ, что это вы! Онъ страшно богатъ, и Андрей Гавриловичъ зналъ его дядю въ Варшавѣ. Какой же онъ авантюристъ, помилуйте!

— А какъ онъ уменъ и какъ тонко воспитанъ! Что за манеры! Какъ онъ со всѣми умѣетъ обращаться, ни одной дамы, ни одной дѣвицы безъ комплимента не оставитъ. А какъ танцуетъ!

Не успѣла еще Софья Ѳедоровна опомниться отъ похвалъ, расточаемыхъ наперерывъ графу Паланецкому городскими дамами, какъ ей пришли доложить о приѣздѣ этого самаго графа, и она даже вспыхнула отъ удовольствія, такъ ей любопытно было съ нимъ познакомиться.

Вошелъ высокій, худощавый и стройный щеголь, съ лицомъ неестественной бѣлизны, казавшимся еще бѣлѣе отъ длинныхъ усовъ, безъ сомнѣнія, подкрашенныхъ, слишкомъ ужъ они были черны и гляцевиты. Глаза у графа, тоже черные, были хитрые и пронзительные, носъ длинный, тонкій, слегка кривой, а подбородокъ выдающийся впередъ, но въ общемъ фizioномію его можно было назвать не только интересной, но и красивой, благодаря выразительности взгляда, очаровательной улыбки и замѣчательно изящнымъ манерамъ. Говорили, что онъ воспитывался при французскомъ дворѣ, и этому легко было повѣрить; такого parfait gentilhomme'a и между родовитыми поляками рѣдкость была встрѣтить, а поляки въ то время по всей Европѣ славились свѣтскостью и ловкостью. Разодѣтъ былъ графъ по послѣдней модѣ, съ крупными брилліантовыми пуговицами на свѣтломъ бархатномъ камзолѣ, пальцы его были унизаны драгоценными перстнями, двѣ массивныя цѣпочки скрещивались на его груди, однимъ словомъ одинъ его костюмъ представлялъ изъ себя цѣлое состояніе.

Изысканною своею вѣжливостью онъ съ первыхъ же словъ сумѣлъ расположить къ себѣ Софью Ѳедоровну, ловко ввертывая въ разговоръ лестные комплименты по адресу ея мужа, котораго онъ встрѣчалъ во многихъ домахъ, и, видимо намекая на Клавдію, прибавилъ къ этому, что, имѣя счастье быть принятымъ въ достопочтенной семьѣ Курлятьевыхъ, считаетъ долгомъ заслужить и расположеніе ихъ родственниковъ.

«Да, очень можетъ быть, что онъ сдѣлаетъ предложеніе Клавдіи, но какъ могла ему понравиться такая дѣвочка, почти ребенокъ? — вѣдь онъ ужъ старъ, у него морщины, и волосы, навѣрное сѣдые», —

думала Софья Федоровна, слушая своего гостя и съ любопытствомъ всматриваясь въ его оригинальное лицо, дѣйствительно, точно мелкой сѣткой, перерѣзанное тончайшими морщинами, особенно на вискахъ и вокругъ глазъ.

Разговоръ коснулся ужаснаго происшествія въ Епифановскомъ лѣсу и убитыхъ разбойниками путешественниковъ, которыхъ онъ считалъ французскими эмигрантами, направлявшимися черезъ Австрію на югъ Россіи.

— Еслибъ они ѣхали изъ Петербурга, изъ Москвы, или даже изъ Варшавы, тамъ извѣстно было бы, кто они. Всѣхъ выѣзжающихъ изъ этихъ городовъ записываютъ въ полицейскія книги, при выдачѣ подорожныхъ, а по прибытіи на мѣсто отправленія подорожную надо предъявить. Да и вообще иностранная фамилія, состоящая изъ супруговъ, ребенка и свиты, навѣрно болѣе четырехъ человекъ, не могла проѣхать черезъ большіе города незамѣченной, а между тѣмъ сколько ни старались узнать про эту фамилію официальнымъ путемъ и приватно, все безуспѣшно.

— Почему вы полагаете, что, кромѣ убитыхъ, были при экипажѣ еще другіе люди?—спросила Софья Федоровна.

— Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; грабежъ сдѣланъ слишкомъ ужъ тщательно, въ немъ непременно должны были принимать участіе близкіе люди. Вѣроятно, холопы стакнулись съ разбойниками. Замѣтите, что защищали господъ и заплатились за то жизнью одни только иностранцы, русскихъ ни одного не погибло, а долженъ же былъ съ ними ѣхать и кучеръ, и два фореитора, такой дормезъ меньше чѣмъ восьмеркѣ лошадей не свезти.

Графъ горячо возмущался тѣмъ, что онъ называлъ преступною бездѣятельностью властей въ этомъ случаѣ. Ну, какъ это давнымъ давно не переловить и не перевѣшать злодѣевъ, нагонявшихъ панику на весь край!

Въ увлеченіи своемъ онъ проговорился о томъ, что было еще для всѣхъ въ городѣ тайной.

— Вѣдь они ужъ сюда пробираются...

— Какъ? Гдѣ?—вскричала блѣдная отъ ужаса Софья Федоровна.

Графъ сталъ ее успокоивать. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ за то, что такъ напугалъ ее, и умолялъ не придавать значенія его словамъ.

— Я совершенно упустилъ изъ виду, что вы менѣе, чѣмъ кто либо, можете относиться хладнокровно къ дѣяніямъ этихъ злодѣевъ, но прошу васъ успокоиться, сюда они во всякомъ случаѣ ни за что не посмѣютъ явиться, здѣсь полкъ стоитъ, здѣсь проживаютъ такія благородныя и просвѣщенныя личности, какъ вашъ супругъ, какъ г. губернаторъ, какъ полковой командиръ и другіе, къ которымъ я позволяю и себя причислить,—прибавилъ онъ съ скромной усмѣшкой.

— «Правда, ты защитишь, если захочешь, на твою дружбу можно положиться, но за то какъ страшень ты долженъ быть для тѣхъ, кого считаешь врагомъ!»—мелькнуло у нея въ умѣ, глядя на дышущую силой и энергіей фигуру своего новаго знакомаго.

— Гдѣ же они теперь?—спросила она, стараясь казаться спокойной.

— Вчера пронесся слухъ, что они ограбили хуторъ Ворошовыхъ...

— Да это только версть десять отсюда! И они тамъ всѣхъ убили?

— О нѣтъ! они убиваютъ только въ крайнемъ случаѣ, защищаясь, а у Ворошовыхъ некому было имъ препятствовать...

Софья Ѳедоровна вздохнула.—И все это шайка ужаснаго Шайдюка?

Графъ передернулъ плечами и развелъ въ недоумѣніи руками.

— Говорятъ, что это тѣ же самые, что въ Епифановскомъ лѣсу неистовствовали, но я этого не думаю. Эти, безъ сомнѣнія, убрались подальше, и мы о нихъ не скоро услышимъ. Награбленнаго имъ хватить надолго, а сбывать вещи въ здѣшнемъ краѣ, когда только этого и ждутъ, чтобы напасть на ихъ слѣдъ, было бы ужъ чрезчуръ опрометчиво съ ихъ стороны. Вѣдь несчастные родители вашей пріемной дочери были иностранцы, и на сколько можно судить по ключьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ ихъ одежды, да по тому, что осталось отъ ихъ экипажа, это были знатные, французскіе эмигранты. На обломкѣ дверцы дормеза, найденной въ снѣгу, за нѣсколько шаговъ отъ мѣста катастрофы, намъ удалось отыскать слѣды стертаго герба. Я говорю «намъ», — продолжалъ онъ, отвѣчая на недоумѣвающій взглядъ своей собесѣдницы,—потому что вашъ покорный слуга способствовалъ отчасти этому открытію. Мнѣ извѣстно, что эмигранты стираютъ гербы, пускаясь въ путь, но я знаю также и то, что не всѣ ихъ выскабливаютъ, нѣкоторые ограничиваются закрашиваніемъ ихъ подъ цвѣтъ всего экипажа, и я посовѣтовалъ осторожно снять верхній слой краски съ найденнаго осколка дверцы...

— И что-жъ нашлось подъ краской?—перебила съ оживленіемъ его слушательница.

— Слѣды герба, ничего больше, и такіе ничтожные, что надо быть знатокомъ геральдики, какъ я, чтобы догадаться, что гербъ французскій. Впрочемъ, я не отчаиваюсь добраться и до болѣе существеннаго по этимъ ничтожнымъ примѣрамъ, и съ этою цѣлью тщательно срисовалъ непонятныя для профана разноцвѣтныя пятна, черточки и точки, уцѣлѣвшія на осколкѣ того, что нѣкогда было дверцей дормеза, безспорно работы одного изъ лучшихъ каретныхъ мастеровъ города Парижа.

— И вы намъ сообщите результаты вашихъ поисковъ, не правда ли?—вскричала Софья Ѳедоровна, внѣ себя отъ волненія

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться? Да я только изъ-за этого и хлопочу,—прибавилъ онъ, почтительно цѣлуя ея руку.

Она хотѣла его поблагодарить, но подходящихъ выраженій не подыскивалось. Ей какъ-то жутко было съ нимъ сближаться, съ этимъ страннымъ человѣкомъ, такъ мало похожимъ на людей, которыхъ она привыкла считать «своими». Никогда не сроднится она съ нимъ душой, какъ бы ни заискивалъ онъ передъ нею и какъ бы ни сблизился съ семьей ея сестры. И мужу ея онъ не нравится, а Иванъ Васильевичъ очень остороженъ въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и безъ вѣскихъ причинъ никому недоброжелательства не оказываетъ.

«По какому поводу обозвалъ онъ графа Паланецкаго авантюристомъ?» думала она, тщетно усиливаясь припомнить подробности разговора, во время котораго былъ произнесенъ этотъ приговоръ надъ блестящимъ претендентомъ на руку и сердце ихъ племянницы.

Но любопытство ее такъ мучило, что, не взирая на смутное чувство, отталкивающее ее отъ графа, она продолжала спрашивать его про разбойниковъ.—Чья это можетъ быть шайка, если Шайдюкъ далеко?

— Тутъ другой появился. Народъ Соколомъ его прозвалъ. Молодъ, говорятъ, и хорошъ собою. Ну, сейчасъ легенда и сложилась. Рассказываютъ, что онъ отъ несчастной любви пошелъ въ разбойники, — продолжалъ съ иронической улыбкой графъ. — Да неужто-жъ вы ничего объ этомъ не слышали отъ вашего супруга?

Не дальше какъ вчера онъ присутствовалъ на совѣщаніи у губернатора по этому поводу, и г. Бахтеринъ тоже принималъ участіе въ этомъ совѣщаніи.

— Мужъ мнѣ про все это, вѣроятно, сегодня расскажетъ,—замѣтила Софья Федоровна.

— Тѣмъ болѣе, что сегодня мы опять будемъ толковать объ этомъ и на сей разъ, надо надѣяться, придемъ къ какому нибудь окончательному рѣшенію. Пора, злодѣи набираются отваги отъ безнаказанности, невозможно предвидѣть, на чемъ они останутся.

Эти послѣднія слова противорѣчили вполне тому, что онъ говорилъ вѣскольکو минутъ передъ тѣмъ, но онъ такъ увлекся, что этого не замѣчалъ. Взглядъ его сдѣлался суровъ, подъ усами губы судорожно сжались, и въ одно мгновеніе вся его фізіономія такъ преобразилась, что у Софьи Федоровны сердце захолонуло отъ ужаса.

Впрочемъ, онъ не надолго забылся и тотчасъ же принялся рассказывать ей съ большимъ юморомъ забавные анекдоты изъ походовъ разбойниковъ въ Польшу и за границей. Въ Силезіи они нагнали такой страхъ на жителей, что долго послѣ того, какъ ужъ всѣ злодѣи были перевѣшаны, трусливые бюргеры барикадировались на ночь и послѣ заката солнца не отваживались носу показать въ лѣсъ.

— А что это за Соколъ, про котораго вы упомянули?—вернулась его слушательница къ занимавшему ее предмету. — Откуда онъ? Изъ какихъ? Казакъ, какъ Шайдюкъ, или изъ дворовыхъ, какъ тотъ, что разбойничаетъ до сихъ поръ въ Черниговской губернии?

Графъ отвѣчалъ, что про этого новаго молодца ничего еще достовернаго неизвѣстно. Онъ ни разу не былъ пойманъ, и все, что про него рассказываютъ, можетъ быть, и вздоръ.

— Вѣдь и про Шайдюка ходила молва, что онъ изумительно хорошъ собой и прекрасно воспитанъ, ну, великосвѣтскій герой, однимъ словомъ, а на дѣлѣ оказалось, что это въ полномъ смыслѣ дикарь, съ отвратительной рожей и ничѣмъ, кромѣ звѣрства, не отличается отъ обыкновеннаго мужика.

— А Татарчукъ?

— И этотъ, по всей вѣроятности, не далеко отъ него отсталъ. Наружность у него красивая и импонирующая, правда, но въ сущности такой же gibier de potence, какъ и другіе.

— И давно этотъ Соколъ здѣсь проявился?

— Нѣтъ, недавно, кажется. Его схватили бы вмѣстѣ съ прочими, еслибъ онъ участвовалъ въ поджогѣ и разграбленіи Ѳедюхинской усадьбы, помните, два года тому назадъ? Они тогда пропасть народу погубили, помѣщика Мишинскаго съ семьей, Лазареву и многихъ другихъ... Нѣтъ, Соколъ, должно быть, здѣсь недавно,—продолжалъ графъ, помолчавъ немного.—И безъ сомнѣнія, наши власти возмутся, наконецъ, за умъ и прекратятъ это безобразіе. Въ Петербургѣ не хотятъ вѣрить, когда начинаешь рассказывать про то, что здѣсь дѣлается,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— А вы давно были въ Петербургѣ? — спросила Софья Ѳедоровна.

— Я тамъ каждый годъ бываю и подолгу живу. У меня тамъ мать и сестры, свой домъ на Фонтанкѣ. Сестры еще не замужемъ, я надъ ними опекуномъ, и хлопотъ мнѣ съ ихъ имѣніями не мало. Матушка женщина свѣтская и дѣлами не занимается.

— А братья у васъ есть?

Вопросъ этотъ, произнесенный Софьей Ѳедоровной машинально, какъ будто смутилъ его немного.

— Нѣтъ, братьевъ у меня нѣтъ, — отвѣтилъ онъ отрывисто и, тотчасъ же поднявшись съ мѣста, сталъ откланиваться, а передъ тѣмъ, какъ расстаться съ Бахтериной, произнесъ еще нѣсколько прочувствованныхъ фразъ съ намекомъ на его страстное желаніе породниться съ ихъ семьей.

Да, у него серьезные виды на Клавдію. Это по всему видно. Сестрица Анна Ѳедоровна должна быть въ восторгѣ. Удалось ей-таки, наконецъ, найти такого зятя, который никакого приданаго

за невѣстой не потребуеть. Клавдію она выдасть за графа Пала-
нецкаго, старшихъ дочерей въ монастырь упрячетъ, и все состоя-
ніе безраздѣльно достанется ея возлюбленному Оединкѣ.

Ловкая особа, сестрица Анна Федоровна! Злымъ людямъ всегда
больше везеть, чѣмъ добрымъ на свѣтѣ, ну, какъ же послѣ этого
сомнѣваться въ могущество дьявола?

Столько надобно было Софѣ Федоровнѣ передать мужу, что она
не знала, съ сего начать, когда онъ вопелъ въ спальню, но онъ
самъ тотчасъ же спросилъ, былъ ли у нея графъ Палавецкій. И
вопросъ этотъ былъ сдѣланъ такъ угрюмо, что она поспѣшила
объявить, что новый знакомый, не взирая на любезность, красно-
рѣчіе и изысканныя манеры, не поправилъ ей.

— Онъ страшный, съ нимъ жутко. А какой старый!

— Да, онъ далеко не молодъ,—согласился Иванъ Васильевичъ,
укладываясь на широкую кровать рядомъ съ женой.—Онъ хитеръ
и ловокъ, но страшнаго въ немъ ничего нѣтъ. Не намъ съ тобой
бояться такихъ авантюристовъ, какъ онъ, а скорѣе ему насъ,—
прибавилъ онъ съ улыбкой.

Софья Федоровна полюбопытствовала узнать, почему онъ счи-
таетъ его авантюристомъ.

— Да какъ тебѣ сказать, все въ этомъ человѣкѣ загадочно и
темно, происхожденіе его, богатство, общественное положеніе. мы-
сли и цѣли, все это онъ скрываетъ также тщательно, какъ и лѣта
свои. Репутація его такая же подкрашенная, какъ и усы его.
Что-жь онъ тебѣ еще разскажалъ?

— Онъ говорилъ, что у него въ Петербургѣ мать и сестры.

— Да, да, онъ это всемъ разсказываетъ. Ну. а еще что?

— Мнѣ кажется, что ему въ самомъ дѣлѣ хочется жениться
на нашей Клавдіи.

— Онъ въ нее влюбленъ... если только не притворяется.

— Но для чего же ему притворяться?

— Кто его знаетъ! Впрочемъ, не онъ одинъ, а всѣ находятъ,
что она была замѣчательно хороша на этомъ балѣ. Выровнялась
дѣвчонка. Можно ли было ожидать, что изъ нея выйдетъ кра-
савица.

Ты думаешь, ее выдаютъ за него?

— Еще бы! Посватался бы только, съ восторгомъ отдадутъ.

— Ахъ, вотъ что еще,—вспомнила Софья Федоровна.—Катенька
съ Машенькой въ монастырь идутъ. Онѣ обѣ кликушами сдѣла-
лись, и Симіоній ихъ отчитывать будетъ. Мнѣ очень хотѣлось бы,
чтобъ онъ и надъ нашей Магдалиночкой помолился.

Ее нетерпѣливо прервали.

— Что такое? Кликушами сдѣлались? Откуда эта нелѣпость?—
отрывисто спросилъ Иванъ Васильевичъ, приподнимая голову съ
подушки и продолжая разговоръ въ сидячемъ положеніи. Онъ былъ

чѣмъ-то озабоченъ и раздраженъ. Это чувствовалось и въ голосѣ его и въ движеніяхъ. Комната освѣщалась только лампадой, горѣвшей у кіота, передъ образами, но, вглядываясь въ его лице, Софья Ѳедоровна не могла не замѣтить, что оно блѣднѣе обыкновеннаго, и что въ глазахъ его нѣтъ обычнаго выраженія спокойной задумчивости.

— Всѣ это говорятъ, — отвѣчала Софья Ѳедоровна. — Съ ними это въ церкви сдѣлалось, за обѣдней, когда Херувимскую запѣли, упали обѣ, какъ подкошенные, стали биться и кричать. Ихъ вынесли безъ чувствъ, и онѣ только дома очнулись. А что въ монастырѣ онѣ поступаютъ, это наша Ефимовна отъ ихъ няньки слышала...

— И скоро ихъ туда увозять?

— Да завтра, говорятъ.

— И прекрасно, — вставилъ вполголоса Иванъ Васильевичъ.

— Тетенька Агнія здѣсь была, а къ намъ и не заглянула. Это очень странно, не правда ли? Ей, кажется, сердиться на насъ не за что...

— А еще что у нихъ Ефимовна слышала? — прервалъ ее мужъ.

— Да все то же, что бѣсъ въ нихъ вселился. Впрочемъ, это не Ефимовна говорить, а Фіонія Кузьминишна...

— Я не про то, ты все только одно повторяешь: бѣсъ да бѣсъ! Интересно знать, чему приписываютъ появленіе этого бѣса... Ни на кого не намекаютъ?

— Нѣтъ... а развѣ есть причина? — нерѣшительно спросила Софья Ѳедоровна, робко заглядывая мужу въ глаза.

— Безъ причины ничего не бываетъ, — рѣзко вымолвилъ онъ и, задумавшись, смолкъ.

— Графъ Паланецкій мнѣ про разбойниковъ рассказывалъ, — начала, немного переждавъ, Софья Ѳедоровна.

Мужъ ея вздрогнулъ.

— Про разбойниковъ? — переспросилъ онъ, сердито сдвигая брови. — Съ какой стати?

— Да вотъ по поводу того, что они Ворошинскій хуторъ ограбили. Неужели это правда? Правда это? — повторила она дрогнувшимъ голосомъ, переждавъ немного отвѣта, котораго на ея первый вопросъ не послѣдовало.

Но и этотъ Иванъ Васильевичъ какъ будто не разслышалъ.

— А про злодѣя, атамана этой шайки, ты ничего не слышала? — спросилъ онъ, пытливо взглянувъ на жену.

— Онъ сказалъ, что это не тотъ, который Магдалиночкиныхъ родителей зарѣзалъ, не Шайдюкъ.

— Но кто онъ такой, этого онъ тебѣ не сказалъ? — съ сдержаннымъ раздраженіемъ вымолвилъ Иванъ Васильевичъ.

Настойчивость эта изумляла и пугала ее. Жуткимъ предчувствіемъ сжалось у нея сердце. Сейчасъ, сейчасъ, откроется тайна,

такая страшная, что лучше бы и не знать ея, да ужь поздно. И вмѣсто того, чтобъ умолить мужа оставить ее въ невѣдѣніи, не смущать ей душу, она прошептала, холодѣя отъ ужаса.

— Кто же этотъ злодѣй? Ты знаешь?

— Только сегодня узналъ навѣрное... до сихъ поръ все еще сомнѣвался, но теперь все доказательства на лицо... Не пугайся, пожалуйста, намъ опасаться нечего, за чужіе грѣхи мы не отвѣтчики. Разумѣется, неприятно будетъ, когда все узнаютъ, но что-жъ дѣлать, къ этому надо готовиться,—продолжалъ онъ, все тѣмъ же отрывистымъ, полнымъ сдержаннаго волненія, тономъ. — Злодѣя, безъ сомнѣнія, скоро удастся поймать, если онъ ужь не пойманъ, и соплотъ на каторгу. Ну, первое время поговорятъ, разумѣется, сплетничаютъ, ужь безъ того нельзя, но Катеньки съ сестрой здѣсь не будетъ, а Паланецкому, какъ мнѣ сдается, исторія эта не помѣшаетъ жениться на Клавдіи,—разсуждалъ онъ самъ съ собой, не замѣчая полного испуга и недоумѣнія взгляда, устремленнаго на него его слушательницей. — Сестрица твоя ловкую штуку придумала отправить дочерей въ монастырь. Имъ въ настоящее время самое подходящее тамъ мѣсто; въ полной безопасности отъ злодѣя—это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, и скрыть отъ Катерины тамъ легче, что онъ близко..

— Да кто же онъ такой? Кто?—вскричала внѣ себя отъ страха и любопытства Софья Феодоровна.

— Неужели ты не догадываешься? Тотъ самый, въ котораго Катенька была влюблена, шесть лѣтъ тому назадъ, въ тотъ годъ, когда мы сюда пріѣхали...

— Алешка?!

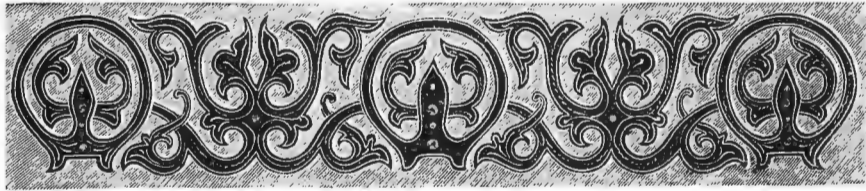
Иванъ Васильевичъ утвердительно кивнулъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА ¹⁾.

III.

Приемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго. — Испытаніе при министерствѣ. — Петербургскій губернаторъ Данауровъ. — Назначеніе губернскаго губернатора во Владимиръ. — Представленіе министрамъ. — Ихъ взгляды на губернато дѣла. — Первые шаги на губернаторскомъ поприщѣ. — Откупное дѣло. — Общая система моего управленія губерніей. — Знакомство съ народомъ. — Дѣло кушца Зубова съ почетной гражданкой Барановой. — Злоупотребленія въ мѣстной администраціи. — Столкновенія съ дворянствомъ. — Переходъ губернаторомъ на Волынь. — Прощаніе съ владимірцами. — Слова, сказанныя мнѣ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. — Генераль-адъютантъ Бибяковъ. — Въ Житомирѣ и Кіевѣ. — Генераль-губернаторъ князь Васильчиковъ. — Особенности Житомирской губерніи. — Ея дворянство. — Чиновничьи побоиры. — Предсѣдатель палаты г. М. — Дворянскіе выборы. — Поддержка мною русской власти въ Юго-Западномъ краѣ. — Устройство клуба, бульвара; постройка православнаго собора и театра въ Житомирѣ. — Приѣздъ наслѣдника цесаревича на Волынь. — Хлопоты при проходѣ войскъ къ Севастополю въ началѣ Крымской кампаніи. — Моя болѣзнь. — Неожиданный переводъ губернаторомъ въ Москву. — Итоги управленія Волынью.

ОДѢ ГРУСТНЫМЪ впечатлѣніемъ перемѣны военной службы на гражданскую, лишившей меня счастья служить при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, не отраденъ мнѣ былъ первый приемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго. Недовольный моимъ предназначеніемъ въ Орловскую губернію, онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ весьма сухо и указалъ на стулъ у письменнаго стола. Свою рѣчь онъ началъ такъ

— Вы, конечно, желали быть губернаторомъ. Прежде, чѣмъ вы будете пользоваться этимъ званіемъ, вамъ предстоитъ, на осно-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 39.

ваніи принятаго порядка, испытаніе въ пользѣ будущаго вашего управленія.

На незаслуженный упрекъ какъ бы въ искательствѣ я поторопился объяснить министру, что не могъ желать мѣста губернатора уже потому, что не готовился быть имъ. Меня не столько пугаетъ испытаніе, сколько озабочиваетъ отвѣтственность; назначеніе же мое исходитъ отъ высочайшей воли государя императора.

Выслушавъ меня, министръ перемѣнилъ нѣсколько тоны. Онъ предложилъ мнѣ заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ въ министерствѣ, преимущественно по отношеніямъ губернаторовъ къ начальникамъ, стоящимъ во главѣ губернскихъ установлений. Министръ отпустилъ меня внимательнѣе, чѣмъ принялъ.

Прочитавъ переданные мнѣ директоромъ департамента общихъ дѣлъ Гвоздевымъ отчеты о ревизіяхъ губерній, представленныя лицами, готовящимися въ губернаторы, и найдя, что отчеты эти заключали въ себѣ такія подробности, за достовѣрность которыхъ не возможно ручаться, я объяснилъ директору, что по совѣсти не могу принять на себя губернаторства. Гвоздевъ отвѣчалъ, что составленіе отчетовъ дѣлается безъ затрудненій. Ревизоръ беретъ съ собою опытнаго чиновника съ приличнымъ вознагражденіемъ и, осмотрѣвъ присутственныя мѣста, тюрьмы и другія заведенія въ губерніи, спокойно ждетъ, пока чиновникъ составитъ отчетъ. Послѣдній и представляется министру.

По окончаніи моихъ занятій, министръ предложилъ мнѣ ожидать назначенія на ревизію одной изъ губерній. Свѣжій въ памяти разговоръ директора о характерѣ ревизій заставилъ меня доложить графу о бесполезности ревизіи, мнѣ предназначаемой. Самый отчетъ о ревизіи, составляемый, по принятому обычаю, чиновникомъ, по крайней мѣрѣ, не добросовѣстенъ. Министръ, видимо, удивленный моею откровенностью, однако же снисходительно предложилъ мнѣ явиться къ с.-петербургскому губернатору, обѣщаясь предписать ему ознакомить меня съ управленіемъ и производствомъ дѣлъ.

Губернаторъ Данауровъ, находчивый и воспитанный, принялъ меня весьма любезно, но съ видомъ покровительства. Очевидно было, что порученіе это тѣшило его самолюбіе. Присутствуя нѣсколько дней при докладахъ ему, я не могъ, однако, изъ нихъ извлечь сущности порядка управленія провинціей.

Не буду описывать моихъ осмотровъ присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ и въ Ямбургѣ, но упомяну только, что чрезъ три недѣли я былъ аттестованъ министру, какъ способный стать во главѣ губерніи. Министръ потребовалъ отъ меня записку о моихъ занятіяхъ. Составивъ ее, я считалъ обязанностію ознакомить съ ней прежде всего губернатора. Онъ встревожился и сказалъ:

— Развѣ это была ревизія?

Я успокоилъ Данаурова, замѣтивъ, что мой отчетъ о видѣн-

номъ есть сочиненіе ученика, представляемое главному экзаменатору. Я получилъ мѣсто губернатора во Владимірѣ.

Вотъ всеподданнѣйшій докладъ графа Перовскаго о моемъ назначеніи:

«Генераль Синельниковъ, предназначенный вашимъ величествомъ губернаторомъ въ г. Орель, былъ испытанъ и оказался способнымъ къ управленію губерніею.

«Возвратившійся изъ отпуска свиты вашего величества генераль Крузенштернъ, бывшій тульскій губернаторъ, владѣя во Владимірской губерніи имѣніемъ, просить о назначеніи его во Владимірѣ.

«Вакансій двѣ: въ Орловской и Владимірской губерніяхъ.

«Благоугодно ли будетъ вашему величеству назначить Синельникова въ г. Орель, а Крузенштерна во Владимірѣ».

Государь, слѣдуя правилу: не назначать губернаторами лицъ въ тѣ губерніи, въ которыхъ у нихъ есть имѣнія, изволилъ написать на докладѣ: Синельникова во Владимірѣ, а Крузенштерна въ Орель.

Министръ потребовалъ меня, поздравилъ съ назначеніемъ и при этомъ прибавилъ съ особенною интонаціею:

— Только не въ Орель, а во Владимірѣ.

При представленіи гг. министрамъ я былъ удостоенъ особымъ вниманіемъ главноуправлявшаго путями сообщеній, генераль-адъютанта графа Клейнмихеля. Онъ выразилъ увѣренность, что при мнѣ строительная комиссія будетъ вести дѣла свои честно и усердно; арестантская рота не будетъ сидѣть, сложа руки.

— Отдаю ихъ вамъ въ полное распоряженіе,—прибавилъ графъ.

Почти то же было сказано министромъ государственныхъ имуществъ относительно палаты.

Министръ финансовъ, объявивъ, что на мнѣ лежитъ обязанность покровительствовать винному откупу, дающему значительные доходы государству, присовокупилъ, что министерство не входитъ въ отношенія мѣстныхъ властей къ откупщикамъ. Тяжело залегъ въ моей памяти этотъ темный намекъ на темныя дѣла, но я не рѣшился продолжать разговоръ на эту тему съ государственнымъ человѣкомъ.

Прочитавъ наказъ и другія постановленія объ обязанностяхъ и отвѣтственности губернаторовъ и встрѣтивъ нѣкоторыя неясности въ примѣненіи ихъ на практикѣ, я обратился за разъясненіями къ знакомымъ моимъ, бывшимъ губернаторамъ: Переверзеву и Жуковскому, проживавшимъ въ Петербургѣ.

Переверзевъ, находя управленіе губерніею не затруднительнымъ, совѣтовалъ всѣ дѣла, по которымъ я буду встрѣчать препятствія, особенно по взысканіямъ съ чиновниковъ, передавать на заклю-

ченіе губернскаго правленія и, такимъ образомъ, отстранять себя отъ нареканій.

Совѣтъ Жуковскаго былъ болѣе положителенъ; онъ резюмировалъ свои наставленія такъ: «Будьте сами представителемъ чести и правды, будьте первымъ работникомъ въ губерніи и не отдавайте безъ особо уважительныхъ причинъ подъ вліяніе губернскаго правленія административныхъ чиновниковъ. Богъ поможетъ вамъ принести пользу дѣлу. Эти правила я старался усвоить себѣ во все время управленія моего губерніями».

Оставивъ семейство въ Петербургѣ до окончанія устройства помѣщенія во Владимірѣ, я по прибытіи въ губернію при общемъ представленіи гг. служащихъ и прочихъ лицъ старался, сколько возможно, ближе ознакомиться съ каждымъ изъ нихъ и ихъ занятіями. Я выразилъ въ краткихъ словахъ надежду, что усердіе, честь и правда будутъ нашими общими руководителями при исполненіи служебныхъ обязанностей. Затѣмъ, я пригласилъ въ свой кабинетъ вице-губернатора, предсѣдателя казенной палаты, жандармскаго штабъ-офицера и управляющаго откупомъ. Я имъ передалъ мнѣніе министра финансовъ относительно откупа и прибавилъ, что высочайше возложенную на меня обязанность я исполню и безъ особенныхъ постороннихъ внушеній, но и откупу не намѣренъ дарить то, что входило въ соображеніе при торгахъ. Поэтому полагаю предназначенныя на долю губернатора откупныя деньги употреблять для помощи бѣднымъ чиновникамъ и на устройство города. Я просилъ предсѣдателя казенной палаты завести книгу и расходовать откупныя деньги, сообщая съ г. вице-губернаторомъ, по моимъ назначеніямъ. Сумма эта составляла около трехъ тысячъ рублей въ годъ и значилась, какъ пожертвованіе отъ имени откупщика. Я поступалъ точно также и въ другихъ управляемыхъ мною провинціяхъ, гдѣ существовала откупная система.

Привыкнувъ къ труду, я посвятилъ себя во Владимірѣ исключительно служебной дѣятельности. Рано утромъ я обозрѣвалъ городскія работы, ходилъ по базару и проч. Въ 8 часовъ утра начинались занятія дѣлами. Около 12-ти часовъ я объѣзжалъ присутственныя мѣста, учебныя заведенія, больницы, тюрьмы, арестантскія роты, которыя меня особенно интересовали, какъ рабочія силы, полезныя для устройства города. Съ 2-хъ часовъ мной разсматривались журналы губернскаго правленія, приказа и строительной комиссіи. Если къ 4-мъ часамъ, т. е. къ обѣденному времени, кончались текущія занятія, то до 6-ти часовъ вечера я занимался своими дѣлами. Въ противномъ случаѣ, тотчасъ послѣ обѣда опять возникала служебная работа. Въ 6 часовъ приносилась почта. Я вскрывалъ ее всегда самъ, дѣлалъ помѣтки и резолюціи. Вечеромъ я бывалъ въ театрѣ и клубѣ, но оставался тамъ не

долѣе 11-ти часовъ. Часто ночью, при возвращеніи домой, я заѣзжалъ въ тюрьму или больницу, а то и въ другія казенныя учрежденія. Словомъ, я вель свои обязанности такъ, чтобы у меня нигдѣ не было никакихъ упущеній, и чтобы на моемъ письменномъ столѣ къ утру не оставалось ни одной неисполненной бумаги. Во всякое время дня я принималъ гг. служащихъ съ экстренными дѣлами, а также и просителей. Для послѣднихъ былъ открытъ пріемъ и въ праздничные дни.

Расположеніе города Владиміра въ центрѣ губерніи и близость уѣздныхъ городовъ давали полную возможность слѣдить за порядкомъ и успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ въ уѣздахъ. Я не дѣлалъ ревизій съ толпою чиновниковъ, но имѣлъ подъ рукою свѣдѣнія объ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Я отправлялся безъ предупрежденій на ревизию, особенно туда, гдѣ замѣчалась медленность, упущенія или невѣрное направленіе дѣлъ. Такимъ образомъ, меня ожидали всегда и вездѣ, дѣла шли быстрѣе, число жалобъ уменьшалось.

Не буду описывать тревогъ и волненій при моихъ неожиданныхъ посѣщеніяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Они доходили до комизма и порождали не мало анекдотовъ ¹⁾. Не могу не вспомнить первыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною по прибытіи въ г. Владиміръ. Меня безпокоила совершенно новая для меня служебная и частная обстановка. Мнѣ казалось, что я какъ бы былъ выставленъ на судъ всѣхъ. Впрочемъ, это трудное положеніе облегчилось словомъ архіерея, сказаннымъ въ соборѣ, въ моемъ присутствіи, предъ молебномъ. Объяснивъ, что чувства христіанской любви должны связывать начальствующаго съ подчиненными и вести ихъ къ пользѣ общественной, преосвященный присовокупилъ, что «всемиловитѣйшее назначеніе къ намъ новаго губернатора есть уже залогъ достоинствъ, которыя обязываютъ насъ любить и уважать его. Помолимся же, чтобы на всѣхъ дѣлахъ его, для блага губерніи, почло благословеніе Божіе». Позже явился ко мнѣ графъ В. П. Зубовъ, владѣвшій большимъ имѣніемъ въ губерніи и проживавшій въ Москвѣ. Онъ ободрилъ выраженіемъ, что дѣйствіями моими восхищены благоразумныя лица.

При объѣздахъ моихъ провинціи я всегда посѣщалъ храмы Божіи, если въ нихъ совершалось богослуженіе, и по выходѣ изъ церкви толковалъ съ народомъ, какъ говорится, о его житьѣ-бытьѣ. Я также не пропускалъ случаевъ говорить съ мужичками

¹⁾ Напримѣръ: прибывъ утромъ прямо въ земскій судъ одного изъ уѣздовъ, я засталъ секретаря съ просителями въ присутственной комнатѣ въ халатѣ и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Изъ этого сочинили, что когда секретарь былъ спрошенъ: до глубины ли души я распекъ его? онъ отвѣчалъ: не знаю, душа тогда была въ пяткахъ.

при остановках на станціяхъ и на сходкахъ, бывавшихъ въ селеніяхъ. Такъ, вникая въ нужды и изучая бытъ деревни, я утвердился въ убѣжденіи, что русскій человѣкъ соединяетъ въ себѣ столько добрыхъ качествъ, что при управленіи, основанномъ на правдѣ и любви, вѣка не поколеблеть преданности его государю и родинѣ.

Еще предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ мое вниманіе на тяжкое дѣло купца Зубова со вдовою купчихою Барановою. Черезъ эту тяжбу была закрыта въ г. Александровѣ бумагопрядильная фабрика, стоящая болѣе милліона и дававшая средства къ жизни тысячамъ рабочихъ.

Прибывъ на ревизію въ г. Александровъ, я послѣ молебна въ соборѣ пригласилъ ѣхать со мною къ г-жѣ Барановой купца Зубова, состоявшаго тогда градскимъ головою. Озадаченный Зубовъ объяснилъ мнѣ, что онъ съ Барановою во враждѣ.

— Поэтому-то я и приглашаю васъ къ ней, чтобы кончить вредную ссору,—замѣтилъ я.

Объ импровизированной встрѣчѣ враговъ говорить не буду.

Почетный гражданинъ Барановъ, изучившій фабричное производство, вступилъ въ компанію съ зятемъ своимъ Зубовымъ. Они сообща устроили фабрику, которая шла весьма удовлетворительно. По смерти Баранова, ему наследовалъ старшій сынъ съ матерью; они-то и возбудили затрудненія и тяжбы. Чиновники изъ корыстолюбивыхъ видовъ поддерживали вражду. Я засталъ фабрику закрытою и опечатанною во время самаго разгара работъ.

Разсмотрѣвъ подробно расчеты и жалобы обѣихъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что дѣло можетъ быть окончено только мировымъ порядкомъ, по жребію, и съ согласія на то Барановой и Зубова. Я предложилъ имъ прибыть во Владимірѣ. По пріѣздѣ ихъ, мною созданы были предсѣдатели подлежащихъ палатъ, прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ. При ихъ участіи разсматривались всѣ расчеты по фабрикѣ. Затѣмъ, Барановъ и Зубовъ выбирали жребій. Фабрика досталась Барановой, а Зубову она обязалась уплатить, кажется, около 350 тысячъ рублей. Все это было тутъ же закончено, и поданы отъ обѣихъ сторонъ мировыя прошенія въ тѣ мѣста, гдѣ производились дѣла по жалобамъ. Тяжба, тянувшаяся годы, окончилась въ нѣсколько дней.

До меня дошли слухи, будто бы Баранова узнала, что она съ Зубовымъ можетъ поднести мнѣ на память за успѣшное окончаніе дѣла. Чтобы предупредить толки, я далъ знать тяжущимся, что, исполнивъ свою обязанность, я только желаю, чтобы они жили въ мирѣ и согласіи, а я ни отъ кого никакихъ приношеній не приму. Вношу этотъ случай въ мои записки потому, что впослѣдствіи, будучи губернаторомъ въ г. Житомирѣ и отстроивая временный соборъ на жертвуемые деньги, я неожиданно получилъ

съ приказчикомъ отъ Барановой и Зубова полное облаченіе и всю церковную утварь, въ приобрѣтеніи которыхъ весьма затруднялся. Бывшіе враги писали мнѣ и просили меня принять это пожертвованіе для храма, мною воздвигаемаго, какъ благодарность Богу за прекращеніе многолѣтней ссоры. Такъ чудесно оправдалась пословица: русскій человѣкъ добро помнитъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего приѣзда прибыла во Владиміръ моя семья. Вспоминаю, что съ нею домашняя и даже служебная жизнь моя облегчилась. Жена въ короткое время снискала общую любовь и уваженіе; старшая дочь Адель обратила вниманіе на бѣдныхъ и страждущихъ; двѣ младшія помогали ей.

Убѣдясь въ настоятельной надобности заведенія порядка и чистоты въ городѣ, я началъ работы арестантскою ротою съ устройства мостовыхъ, городского сада и горы при спускѣ къ рѣкѣ. На вершинѣ горы я перестроилъ бесѣдку въ павильонъ и создалъ изъ него лѣтнее помѣщеніе для клуба. Въ срединѣ горы, на большомъ уступѣ, была расчищена площадь для народныхъ гуляній по праздникамъ.

Продолжая заботы объ улучшеніи города въ санитарномъ отношеніи, въ которомъ безпорядки доходили до того, что внутри гостиннаго двора и на торговой площади свозились нечистоты, я предложилъ купечеству распланировать эти мѣста. Городской голова Козловъ оказалъ полную готовность помогать личными средствами къ возрожденію Владиміра, лишь бы дума была избавлена отъ убыточныхъ посѣщеній чиновничества, то вымогавшаго, то грозившаго преданіемъ суду городскихъ представителей.

Поручивъ чиновнику особыхъ порученій обривизовать думу, а также слѣдить за ходомъ ея дѣлъ, я отстранилъ этимъ мѣстныхъ комерсантовъ отъ корыстныхъ визитовъ господъ служащихъ. Работы по городу пошли быстро. вмѣстѣ съ мощеніемъ улицъ, съ очисткою дворовъ и площадей, возникали базарныя лавки. При ихъ открытіи происходило архіерейское богослуженіе, а потомъ было на базарныхъ бульварахъ угощеніе для народа ¹⁾. Пресвященнѣйшій, обращаясь къ жителямъ и хозяйкамъ, сказалъ:

— Теперь уже нѣтъ затрудненій самимъ вамъ, если не покупать, то при прогулкахъ узнавать цѣны продающихся здѣсь, на базарѣ, продуктовъ. Черезъ личную покупку вы избавитесь отъ излишнихъ расходовъ, въ которые вводила васъ прислуга. Вы избавите ее вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нравственнаго упадка, а съэкономленные деньги обратите на пользу бѣдныхъ братій нашихъ.

---

¹⁾ При этомъ угощеніи, по недостатку прислуги, къ удивленію публики, были назначены для услугъ при столахъ нѣсколько человѣкъ арестантской роты; они исполнили свое дѣло хорошо, усердно и возвратились домой совершенно благополучно.

Замѣтивъ, при разсмотрѣніи смѣты строительной комиссіи, что на исправленіе сравнительно новаго полицейскаго дома исчислено 4.360 рублей серебромъ изъ городскихъ суммъ, я лично удостовѣрился, что крыша дома покрыта старымъ желѣзомъ и давала сильную течь; каланча, не скрѣпленная желѣзомъ, шаталась отъ вѣтра. Я пригласилъ гг. членовъ, свидѣтельствовавшихъ упомянутыя зданія, подрядчика купца И. и объявилъ имъ, что не отпущу ни гроша на исправленіе рушащихся строеній, а представлю министру о назначеніи особыхъ техниковъ для освидѣтельствованія такъ неудачно воздвигнутыхъ строеній. Я предложилъ имъ подумать о послѣдствіяхъ мною сказаннаго и дать мнѣ отвѣтъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, зять купца И. явился ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи исправить зданія. Черезъ два мѣсяца исправленіе было кончено и освидѣтельствовано въ моемъ присутствіи.

Это происшествіе разъяснило мои недоразумѣнія, почему во Владимірѣ, городѣ относительно не богатомъ и не большомъ, были личности, нажившія состоянія, не выѣзжая, такъ сказать, за городскую черту. Я сталъ лично присутствовать на торгахъ по казеннымъ подрядамъ.

Какъ-то были объявлены торги въ казенной палатѣ на поставку въ присутственныя зданія дровъ, а въ палатѣ государственныхъ имуществъ—на продажу на срубъ лѣсовъ съ разрѣшенія министерства. При этихъ торгахъ цѣна за дрова была объявлена нѣсколько ниже предшествовавшаго года, а за лѣсъ ничтожная. Поставщики дровъ и покупатели лѣса были люди между собою свои. Сообразивъ все приведенное, я торги на продажу лѣса не утвердилъ и полагалъ донести объ этомъ министру. Послѣ торговъ явился ко мнѣ покупатель лѣсовъ съ предложеніемъ прибавить цѣну. Я пригласилъ спеціалистовъ и добросовѣстныхъ лицъ, поручилъ имъ сдѣлать подробное исчисленіе стоимости лѣса и, съ значительнымъ повышеніемъ цѣны въ пользу казны, съ согласія г. министра, кончилъ дѣло.

Осматривая ремонтныя работы въ больницѣ приказа, я нашелъ, что вмѣсто смазки и залитія черныхъ половъ известью съ плотно уложеннымъ кирпичемъ употреблялся сухой мусоръ; подъ полами было устроено помѣщеніе для продуктовъ, въ числѣ которыхъ находилась и квашенная капуста. Кладовая надъ погребомъ была занята разнымъ хламомъ. Приказавъ подрядчику разобрать всѣ полы и сдѣлать надлежащую смазку, я арестовалъ производителя работъ и напомнилъ больничному начальству, что чистый воздухъ и теплый полъ для больныхъ есть необходимыя условія къ ихъ выздоровленію.

Такимъ образомъ, преслѣдуя посягательства, ведущія къ ущербу казны, я, къ искреннему сожалѣнію, терялъ надежду къ дости-

женію успѣха въ водвореніи законныхъ и правдивыхъ отношеній гг. помѣщиковъ къ крестьянамъ. Я часто получалъ жалобы отъ послѣднихъ особенно на мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые дозволяли себѣ совершать вопіющія притѣсненія.

Просьбы крѣпостныхъ отправлялись мною, по принятому порядку, для разслѣдованія къ гг. предводителямъ и кончались, большею частью, обвиненіемъ неповинныхъ крестьянъ. Объясненія мои съ губернскимъ предводителемъ дворянства не имѣли никакихъ результатовъ. Онъ былъ добрый и умный старикъ, но проникнутый идеями безусловной защиты членовъ своего сословія. Предводитель не могъ убѣдиться даже въ правѣ губернатора взыскивать съ исправниковъ за упущенія по службѣ, такъ какъ они выбирались дворянами.

Для примѣра приведу слѣдующій случай. Получивъ письмо отъ помѣщицы М., что съ химическаго завода, устроеннаго на рѣчкѣ, протекающей къ ея деревнѣ, спускаются нечистоты, отъ которыхъ у крестьянъ проявились болѣзни, я командировалъ члена врачебной управы удостовѣриться на мѣстѣ въ справедливости жалобы г-жи М. Дѣйствительность подтвердила жалобу. Тогда я предписалъ исправнику лично наблюдать, чтобы нечистоты были удалены отъ рѣчки. Не смотря на сказанное, черезъ нѣкоторое время я получилъ письмо отъ г-жи М., въ которомъ значилось, что нечистоты попрежнему отравляютъ ея имѣніе. Я неожиданно выѣхалъ въ уѣздъ, захвативъ исправника съ собою, и рано утромъ очутился на заводскомъ берегу. Передо мною плавали сѣрозеленоватые круги, образовавшіеся въ водѣ отъ остатковъ, спускаемыхъ съ завода по жолобу, секретно устроенному подъ поломъ. Другой жолобъ былъ проведенъ на дворъ въ особый прудъ. Я подвергъ взысканію исправника и возбудилъ противъ себя протесты со стороны губернскаго предводителя. Однако послѣ этого происшествія мнѣ не пришлось болѣе наказывать господъ исправниковъ.

5-го сентября 1852 года мною было получено лестное письмо отъ графа Перовскаго. Оставляя министерство, онъ счелъ самою пріятною для себя обязанностью принести мнѣ искреннѣйшую благодарность за то усердіе и дѣятельность, которыя я, по его словамъ, оказывалъ ему, какъ его сотрудникъ. Упомянутая благодарность меня радовала главнымъ образомъ потому, что оправдывала систему моего управленія губерніею. Графъ вообще не былъ щедръ на похвалы.

Вскорѣ до меня дошло частное извѣстіе о переводѣ въ другую губернію, а въ декабрѣ 1852 года я былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургъ. Здѣсь, вновь назначенный министромъ, генераль-адъютантъ Бибиковъ, объявилъ мнѣ о предначаченіи меня губернаторомъ на Волынѣ.

Въ докладѣ государю императору обо мнѣ значилось: «Зная

по личному убѣжденію, что мѣстныя обстоятельства и характеръ населенія Волынской губерніи требуютъ отъ губернатора особенной твердости и дѣятельности, министръ полагаетъ перемѣстить въ оную меня, какъ лице, соединяющее въ себѣ достоинства, необходимые для управленія, и которыя не столь нужны въ великороссійскихъ губерніяхъ». Никакія мои убѣжденія объ оставленіи меня во Владимірѣ не имѣли успѣха.

Не буду описывать прощальныхъ обѣдовъ со свѣчами и слезами, бывавшихъ обыкновенно при отъѣздахъ губернаторовъ¹⁾. Для того, чтобы всѣ сословія могли участвовать въ моихъ проводахъ, благородное собраніе устроило маскарадъ. Я не видѣлъ въ немъ конца изъясненіямъ сожалѣнія о разставаніи. Пробывъ въ собраніи около часу, я едва могъ выйти изъ него, такъ тѣсно окружала меня толпа. На другой день многіе изъ жителей и служащихъ провожали меня до границы губерніи; народъ на станціяхъ и въ попутныхъ селеніяхъ по ночамъ освѣщаль дорогу, посылая мнѣ благословенія за мое попеченіе о его благѣ²⁾.

Уже въ Житомирѣ я получилъ два цѣнныхъ письма, выразившихъ чувства глубочайшаго сожалѣнія объ оставленіи мною Владиміра. Одно изъ нихъ было отъ архіепископа Іустина, другое отъ восьмидесятилѣтняго старца, архимандрита Боголюбскаго монастыря, Феофила. Послѣдній, между прочимъ, писалъ: «Бѣдный и жалкій старецъ городъ Владиміръ долго будетъ сѣтовать, что промыслъ Божій не судилъ ему пользоваться вашимъ неусыпнымъ попеченіемъ. Вы были доступны поутру рано и вечеромъ поздно, малому и великому, вельможѣ и простолюдину».

При представленіи моемъ въ Петербургѣ государю императору Николаю Павловичу я удостоился услышать слѣдующее:

— Я совершенно доволенъ твоимъ управленіемъ Владимірскою губерніею; продолжай служить такъ и въ Волынской; надѣюсь, что ты сумѣешь правдою и честію вселить тамъ преданность и любовь къ престолу и отечеству.

Изъ дворца я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Вибикову. Этотъ государственный дѣятель, отличавшійся энергичнымъ характеромъ, высказалъ увѣренность, что я буду управлять Волынскою губерніею съ умѣньемъ, и предложилъ писать ему въ собственныя руки, если встрѣчу затрудненія

¹⁾ Въ старое доброе время, когда губернаторы рѣдко смѣнялись, относительно прощальныхъ обѣдовъ со свѣчами говорили: «Зѣть хочется и плакать хочется, а губернаторъ все сидитъ на своемъ креслѣ».

²⁾ Не могу не прибавить, что и прощаніе мое съ арестантскою ротою было не обыкновенно. Арестанты, занятые постоянно въ городѣ за плату, работали за обоюднымъ поручительствомъ, безъ конвоя. Не было ни одного случая побѣга. Бѣли они сытно, содержались чисто. Мудрено ли, что по свойству русскаго человѣка арестанты за довѣріе и попеченіе о нихъ провожали меня со слезами.

въ краѣ, совершенно мнѣ неизвѣстномъ. Я доложилъ, что, примѣняясь къ всемилостивѣйшимъ словамъ, мною слышаннымъ, считалъ бы соотвѣтственнымъ испросить возвращеніе, сосланному административнымъ порядкомъ въ Воронежъ, бывшему волынскому губернскому предводителю, Ледоховскому. Это произвело бы хорошее впечатлѣніе на волынское дворянство. Министръ поручилъ мнѣ повѣрить на мѣстѣ обстоятельства дѣла и войти о немъ съ особымъ представленіемъ. На замѣчаніе мое, что губернаторскій домъ въ Житомирѣ ветхъ и не меблированъ, генераль Бибиковъ отвѣтилъ:

— По осмотру дома пришлите мнѣ записку, и все будетъ исполнено. Черезъ годъ ожидаю васъ въ Петербургъ и предоставляю лично сказать мнѣ: довольны ли вы Бибиковымъ?

Съ такими успокоительными обѣщаніями г. министра я отправился съ семействомъ въ Житомиръ. Въ первомъ по пути городѣ Волынской губерніи, Овручѣ, при обзорѣніи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, мною найдены замѣчательная медленность и безпорядокъ въ производствѣ дѣлъ. Меня поразило, что въ камерѣ, надъ дверью которой была доска съ надписью «дворянская», содержалось за конокрадство нѣсколько лицъ изъ отыскивающихъ шляхетство. Я приказалъ доставить мнѣ подробныя выписки изъ этихъ дѣлъ, какъ выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ.

По прибытіи въ Житомиръ, я пробылъ въ немъ всего нѣсколько часовъ и отправился въ Кіевъ представиться генераль-губернатору, князю Васильчикову, высокоблагородному человѣку, съ величавымъ характеромъ. Онъ встрѣтилъ меня внимательно, подробно объяснилъ особенныя условія, въ которыхъ находилась Волынская губернія, бывшая когда-то въ его управленіи. На другой день утромъ я возвратился уже въ Житомиръ.

При первомъ рассмотрѣніи мѣстныхъ дѣлъ мною обращено было невольно вниманіе на то, что въ Волынской губерніи состояло подъ надзоромъ полиціи до пятидесяти дворянъ.

Въ уѣздахъ я нашелъ мало отраднато. Отношенія къ населенію большинства мѣстной администраціи были безтактны. Видно было, что чиновники не пользовались надлежащимъ довѣріемъ населенія и тянули дѣлопроизводство умышленно долго. Напротивъ, въ дворянствѣ замѣтна была порядочность безъ заносчивости, а въ предводителяхъ и готовность содѣйствовать поддержанію порядка и спокойствія.

Присматриваясь къ народу, я пришелъ къ убѣжденію, что волыныцы набожны, послушны властямъ, терпѣливы въ недостаткахъ, но промышленная дѣятельность ихъ гибнетъ подъ вліяніемъ евреевъ, исполненныхъ своекорыстія и религіознаго фанатизма. Почва въ губерніи плодородна, климатъ благопріятенъ для жизни человѣка.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о г. Ледоховскомъ оказалось, что еще до избранія его губернскимъ предводителемъ были получаемы

отъ мѣстнаго начальства свѣдѣнія объ его неблагонадежности въ политическомъ отношеніи. Однако, въ представители дворянства онъ, все-таки, попалъ, но, обладая большимъ состояніемъ, по слабости характера, подчинялся безсознательно мнѣніямъ окружающихъ людей. Онъ позволялъ себѣ толковать за и противъ правительства, совершенно пассивно относясь къ своимъ обязанностямъ. Такимъ образомъ, службою своею онъ приносилъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Начальство края вынуждено было отправить его въ Воронежъ, а вмѣсто его назначить предводителя Кременецкаго уѣзда, камеръ-юнкера Свейковскаго, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Основываясь на удостовѣреніи его и другихъ благонадежныхъ лицъ, я ходатайствовалъ о возвращеніи г. Ледоховскаго въ губернію. Ходатайство было удовлетворено.

Вообще, вникая въ сущность губернскихъ дѣлъ, я пришелъ къ убѣжденію, что служебная переписка усложнялась отъ произвольныхъ дѣйствій земскихъ чиновниковъ, которые, подъ видомъ наблюденія за политическимъ настроеніемъ населенія, скрывали отъ высшей власти нарушенія инвентарныхъ правилъ помѣщиками, облагая ихъ за это податью въ свою пользу.

Получивъ донесеніе одного изъ исправниковъ, что помѣщикъ, графъ В., состоящій подъ надзоромъ полиціи, отлучился изъ имѣнія, и неизвѣстно, гдѣ находится, я пригласилъ губернскаго предводителя для объясненія этого казуса. Онъ прибылъ ко мнѣ съ лицомъ, котораго назвалъ:

— Помѣщикъ, графъ В.!

На замѣчаніе мое графу, что мнѣ непріятно начинать съ нимъ знакомство упрекомъ въ нарушеніи порядка, онъ просилъ дозволенія рассказать мнѣ всю правду. По принятому обычаю, состоящіе подъ надзоромъ полиціи господа на поѣздки изъ уѣзда испрашиваютъ записками разрѣшенія исправниковъ съ приложеніемъ отъ пяти до десяти рублей. Пріѣхавъ въ уѣздный городъ, и онъ отправилъ записку съ десятью рублями, но, прождавъ долго билета, рѣшился ѣхать безъ него и довести дѣло до моего свѣдѣнія. Я потребовалъ исправника.

Вслѣдъ за симъ получено было донесеніе другого исправника о томъ, что находящійся подъ надзоромъ помѣщикъ П. дозволяетъ себѣ дерзко судить о правительствѣ, не слушается увѣщаній и поноситъ его, исправника, бранными словами. Я послалъ чиновника особыхъ порученій произвести секретное дознаніе.

Первый исправникъ откровенно объяснилъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, что получилъ отъ графа В. десять рублей, но, по множеству хлопотъ, забылъ совершенно о поѣздкѣ графа. По изслѣдованію въ другомъ уѣздѣ оказалось, что у дворянина П. съ исправникомъ была обоюдная ссора за то, что послѣдній настоятельно требовалъ такъ называемыя инвентарныя деньги, которыхъ

П. уплатить не могъ. Обоимъ исправникамъ я сдѣлалъ строжайшіе выговоры и прекратилъ со стороны ихъ всякіе поборы съ поднадзорнаго помѣщества.

Между тѣмъ, начало сѣзжаться на выборы дворянство. Губернскій предводитель объяснилъ мнѣ, что дворяне ропщутъ на притѣсненія предсѣдателя одной изъ палатъ, г. М. Я отвѣчалъ, что при всемъ довѣрїи къ словамъ его не могу, по мѣсту, занимаемому господиномъ М., безъ доказательствъ объясняться съ нимъ по упомянутому нареканію. Предводитель представилъ мнѣ подробныя свѣдѣнія о притѣсненіяхъ, которыя привели меня къ личному объясненію съ предсѣдателемъ М.

— Съ сожалѣніемъ, я долженъ сказать вамъ,—обратился я къ предсѣдателю,—что между собравшимся дворянствомъ слышны жалобы, что вы при рѣшенїи дѣлъ совершаете притѣсненія.

— Откровенно доложу, — отвѣчалъ г. М., — что въ дѣлахъ тяжбныхъ я стараюсь примирять тяжущихся и не отвергаю благодарностей.

— Позвольте мнѣ остановить васъ, — замѣтилъ я. — Изъ того, что вы объяснили, я вижу, что мы съ вами не сходимся въ мнѣніяхъ. Мы здѣсь должны быть представителями правды и чести, а объясненные вами условія не подходятъ подъ эти понятія. Вы служите поводомъ къ обиднымъ для служащихъ нареканіямъ.

— Въ такомъ случаѣ дозвольте мнѣ ѣхать къ генералъ-губернатору,—произнесъ г. М.

— Можете.

Мы разстались. Въ тотъ же день по эстафетѣ я послалъ князю письмо съ объясненіемъ. Охотникъ до легкой наживы, г. М. былъ переведенъ въ другую губернію.

Я произнесъ предъ дворянствомъ рѣчь, и въ ней разъяснилъ важность дарованнаго права выборовъ. Рѣчь я заключилъ словами:

— Пора вамъ, господа, въ силу историческихъ условій, съ чувствами вѣрноподданнической преданности, идти твердымъ шагомъ по пути, указанному нашимъ славнымъ государемъ. Въ этомъ, и только въ этомъ—ваше счастье и благоденствіе.

Дворяне внимательно выслушали меня, выборы начались и продолжались совершенно спокойно.

Приѣхавшій на выборы, г. Ледоховскій представился мнѣ въ формѣ губернскаго предводителя дворянства. Я объявилъ ему, что монархъ нашъ, по милосердію своему, дозволилъ ему только возвратиться въ губернію, и предложилъ переѣхать на обыкновенный дворянскій. Г. Ледоховскій не заставилъ меня повторить ему замѣчаніе. Позже дошли до меня слухи, что между нѣкоторыми дворянами зашла рѣчь объ избранїи названнаго помѣщика вновь губернскимъ предводителемъ. Наканунѣ выборовъ на эту должность г. П., за званымъ ужиномъ поднявъ бокалъ, далъ

слово «гонору» сказать о выборѣ Ледоховскаго горячую рѣчь въ собраніи. Я приказалъ полицеймейстеру пригласить ко мнѣ г. П. рано утромъ, на другой день.

Хорошо помню сконфуженную фигуру г. П. Онъ вошелъ въ мой кабинетъ и остановился у самыхъ дверей. Я встрѣтилъ его словами:

— Вчера вы дали слово «гонору» сказать въ собраніи рѣчь о выборѣ г. Ледоховскаго губернскимъ предводителемъ. Сообразили ли вы, что это будетъ несвоевременно и неумѣстно? Я съ своей стороны даю вамъ честное слово русскаго человѣка, что вы этой рѣчи не произнесете. При самомъ ея началѣ жандармы васъ выведутъ изъ собранія, а тройка будетъ готова для отправленія васъ въ Кіевъ.

— Позвольте мнѣ официально заболѣть,—проговорилъ г. П.

— Это дѣло ваше,—отвѣчалъ я.—Прощайте.

Помѣщикъ П. немедленно отправился въ свою усадьбу, а губернскимъ предводителемъ былъ единогласно избранъ камеръ-юнкеръ Свейковскій, искренній приверженецъ царя и Россіи.

По окончаніи выборовъ дворянство дало обѣдъ. Тостъ за здоровье государя былъ принятъ восторженно и единодушно. На мои слова, что я забочусь о благоденствіи губерніи, раздались крики: «всему вѣримъ, все видимъ!».

Подробное знакомство съ мѣстными условіями сравнительно въ короткое время выяснило мнѣ ярко общественный характеръ населенія. Молва подтвердила, что исправники имѣютъ значительные доходы отъ разныхъ незаконныхъ поборовъ; что увеличеніе числа чиновниковъ земской полиціи безъ приличнаго содержанія, для наблюденія за политическимъ настроеніемъ населенія, не достигаетъ цѣли; что постройка храмовъ Божіихъ подрядчиками-евреями на счетъ помѣщиковъ-католиковъ только увеличила недоимки на губерніи. Наконецъ, считаю долгомъ совѣсти заявить, что изученіе мною инвентарныхъ правилъ, казавшихся тогда монументальнымъ произведеніемъ къ благоустройству края, убѣдило меня, что они не приносили ожидаемой пользы. Помѣщики видѣли въ нихъ недовѣріе правительства, ближайшіе блюстители-исправники нашли въ нарушеніи этихъ правилъ доходную для себя статью.

Хотя я имѣлъ въ виду, что инвентарная система воспослѣдовала въ эпоху управленія Юго-Западнымъ краемъ генераль-адъютанта Бибикова, но руководствуясь разрѣшеніемъ того же Бибикова, какъ министра, писать ему въ собственныя руки, я составилъ особую записку о найденномъ мною состояніи губерніи и повезъ ее на разсмотрѣніе генераль-губернатору въ Кіевъ.

Князь Васильчиковъ благодарилъ меня за успѣхи управленія и собравшемуся въ пріемной обществу, между прочимъ, сказалъ:

— Меня удивляетъ Волынская губернія. Перепискѣ данъ такой

толчекъ, что я получаю требуемыя свѣдѣнія скорѣе, чѣмъ изъ Кіевской, въ которой живу. Этого я не могъ добиться, управляя Волынской губерніею. О другихъ дѣлахъ губернатора я говорить не буду; они совершаются предъ вашими глазами.

Послѣ обѣда я занялся съ княземъ дѣлами и прочиталъ ему мою записку министру. Благородный князь замѣтилъ:

— Неофициально я съ вами согласенъ, но вы возбудите противъ себя неудовольствіе министра.

Такъ и случилось. Генеральъ Бибиковъ отвѣчалъ мнѣ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ увѣреніе, что при дальнѣйшемъ управленіи губерніею опытъ убѣдитъ меня въ пользѣ инвентарныхъ введеній. Кредитъ мой въ министерствѣ подорвался.

Желаніе мое устроить городъ и возбудить въ немъ жизнь истекло отчасти изъ того, чтобы удержать дворянство на мѣстѣ. А то его стремленіе къ Варшавѣ почти равнялось стремленію магометанъ къ Меккѣ. Между тѣмъ, всѣ жизненные интересы помещиковъ были въ Житомирѣ. Дѣти ихъ воспитывались въ мѣстной гимназіи и въ женскомъ училищѣ; въ своемъ же городѣ они сбывали и деревенскія произведенія.

Устроивъ вечера для общества въ отдѣланномъ мною клубѣ, я открылъ для публики, не имѣвшей городского сада, свой губернаторскій садъ. Въ то же время я занялся постройкой православнаго собора и театра. Соборъ еще до меня передѣлывался изъ католическаго костела. Къ несчастію, пристроивавшаяся къ нему колокольня, выведенная болѣе 10-ти сажень вышины, обрушилась. Архіерейское служеніе совершалось въ частномъ еврейскомъ домѣ. Этотъ фактъ производилъ на меня грустное впечатлѣніе. Онъ подрывалъ величіе моего отечества. Поэтому я съ благословенія пресвященнаго составилъ планъ на постройку деревяннаго собора и представилъ его на утвержденіе. Но, не теряя времени, я приступилъ къ первоначальнымъ работамъ съ надеждою на помощь Божію и при участіи тюремныхъ арестантовъ.

Назначенная по высочайшему повелѣнію коммиссія, для изслѣдованія крушенія каменной колокольни, потребовала отъ подрядчика еврея Розенкранца разрыть огромную массу щебня подъ самой колокольней. Розенкранць объяснилъ мнѣ, что за работу эту требуютъ съ него около 4.000 рублей, съ обязательствомъ ее окончить не ранѣе двухъ мѣсяцевъ. Тогда я предложилъ ему внести городскому головѣ на устройство города 2.000 рублей, отдать кирпичъ изъ разрушившейся колокольни и улучшить пищу тѣхъ тюремныхъ арестантовъ, которыхъ я прикажу вывести къ нему на работу. Подрядчикъ изъявилъ согласіе. Работа была кончена въ три недѣли. На постройку временнаго собора оказался капиталъ и кирпичъ для его фундамента. Лѣсъ былъ взятъ изъ городскихъ

дачь. Черезъ десять мѣсяцевъ въ Житомирѣ былъ воздвигнутъ Божій храмъ, осѣнившій своимъ крестомъ далекую окрестность ополченнаго края. Соборъ освящалъ мѣстный преосвященный Арсений.

Что касается до пожертвованій на устройство города, то первый примѣръ къ этому подалъ почтенный старецъ-помѣщикъ, отставной польской службы генераль Корженевскій. Онъ имѣлъ большое состояніе и проживалъ въ своемъ имѣніи, Коднѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Житомира. Не выѣзжая никуда по старости лѣтъ, онъ прислалъ ко мнѣ, съ своимъ управляющимъ, поздравительное письмо съ Св. Пасхою.

На третій день праздника я поѣхалъ поздравить генерала Корженевского. Заслуженный старикъ ожидалъ меня на подъѣздѣ. За завтракомъ, послѣ разговоровъ о грустномъ положеніи города Житомира, зашла рѣчь о прошломъ генерала. Онъ прочиталъ мнѣ свой формуляръ и сдѣлалъ удареніе на своемъ участіи въ историческомъ посольствѣ къ императрицѣ Екатеринѣ. Вскорѣ, послѣ отъѣзда моего изъ имѣнія Корженевского, я получилъ отъ него благодарственное письмо за посѣщеніе, съ приложеніемъ копии съ формуляра и 3.000 рублей въ мое распоряженіе на пользу города. Принявъ пожертвованіе съ особою благодарностью, я назначилъ часть изъ этой суммы на устройство бульвара въ Житомирѣ и назвалъ его именемъ генерала Корженевского.

Въ постройкѣ театра мнѣ помогъ князь Сангушко, владѣлецъ города Заславля, доставившій съ своихъ заводовъ и фабрикъ желѣзныя принадлежности, сукно на обивку ложъ и всей мебели.

Съ чувствомъ искренняго благоговѣнія вношу въ эти записки отрадное воспоминаніе о проѣздѣ въ 1853 году черезъ городъ Житомиръ въ Брестскій кадетскій корпусъ наслѣдника цесаревича, въ Бозѣ почившаго государя Александра II. Его сопровождали начальникъ штаба генераль-адъютантъ Ростовцевъ и адъютантъ, впоследствии министръ императорскаго двора, графъ Адлербергъ. Его высочество удостоилъ у меня обѣдать и оказалъ моему семейству неизгладимо благосклонное вниманіе. Я успѣлъ доложить наслѣднику цесаревичу объ искреннемъ и правдивомъ настроеніи мѣстнаго дворянства и народа. На границѣ Волыни онъ милостиво мнѣ выразилъ, что проѣздъ по губерніи миновалъ для него, какъ пріятный сонъ.

Въ томъ же 1853 году, когда постройки въ городѣ были въ самомъ разгарѣ, пріѣзжалъ въ Житомиръ для осмотра вновь устроеннаго шоссе отъ города Кіева до Новоградволинска главноуправлявшій путями сообщенія, генераль-адъютантъ графъ Клейнмихель. По испытанному мною и прежде вниманію его ко мнѣ, графъ много помогъ успѣху въ постройкѣ житомирскаго собора, губернаторскаго дома и театра.

Съ началомъ Крымской кампаніи, во время слѣдованія подъ Севастополь чрезъ губернію гренадерскаго и 2-го пѣхотнаго корпусовъ, усиленная дѣятельность едва не стоила мнѣ жизни. Гренадерскій корпусъ шель на городъ Владиміръ-Волинскій, а 2-й пѣхотный на городъ Ковель. Въ обоихъ корпусахъ свирѣпствовали холера и тифъ; войска ежедневно оставляли въ означенныхъ городахъ до 20-ти человѣкъ. Подъ помѣщенія больныхъ были заняты многіе обывательскіе дома. По ночамъ я переѣзжалъ изъ одного города въ другой, на разстояніи семидесяти верстъ. Днемъ устраивалъ больныхъ, собравъ изъ уѣздовъ даже вольно-практикующихъ докторовъ.

Фельдмаршалъ князь Паскевичъ при проѣздѣ въ Луцкъ чрезъ городъ Ковель, гдѣ я встрѣтилъ его, осматривалъ помѣщенія больныхъ, остался доволенъ моими распоряженіями и сказалъ:

— Сдѣлано все, что можно.

Изъ Ковеля я сопровождалъ фельдмаршала до города Луцка, гдѣ онъ, осмотрѣвъ проходившія войска, возвратился въ Варшаву. Совершенно утомленный, я едва доѣхалъ до города Дубно. Здѣсь я нашелъ полный безпорядокъ въ больницѣ, наполненной нижними чинами. Докторъ еврей изъ боязни холеры не посѣщалъ больныхъ. Однако, я заставилъ его не только лѣчить, но и устраивать больныхъ вмѣстѣ съ прислугою. Эти хлопоты подѣйствовали на меня такъ сильно, что, добравшись до города Острога, я слегъ и, только благодаря заботливости вице-губернатора графа Келлера, кой-какъ доѣхалъ до Житомира. Тифъ сломилъ меня и продержалъ двѣ недѣли въ постелѣ. Князь Васильчиковъ прислалъ главнаго доктора Цецурина, который призналъ мое положеніе самымъ труднымъ.

По случаю болѣзни моей прибыла изъ Висбадена старшая дочь моя Адель, гдѣ она лѣчилась съ женою моею и дочерью Лидією. Неожиданное свиданіе съ нею оживило меня. Черезъ нѣсколько дней я такъ поправился, что просилъ Адель возвратиться къ матери и даже самъ проводилъ ее до первой станціи. Но Богу угодно было послать намъ неожиданное испытаніе. Дочь ѣхала къ умирающему отцу, а въ Висбаденѣ не нашла въ живыхъ сестру Лидію, скончавшуюся скоростижно отъ разрыва сердца.

Князь Васильчиковъ прислалъ мнѣ лестное письмо, въ которомъ высказалъ, что постоянно слѣдилъ за ходомъ тяжкой моей болѣзни и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что здоровье мое восстанавливается. Князь просилъ побережь себя.

Только въ концѣ іюля я вступилъ въ управленіе губернією, а въ срединѣ сентября, совершенно неожиданно для меня, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи меня губернаторомъ въ Москву. И тутъ незабвенный князь Васильчиковъ не оставилъ меня своимъ вниманіемъ. Онъ писалъ, что лишается во мнѣ дѣятельнаго сотрудника, что его сожалѣнія раздѣляетъ и вся Волинская губернія.

Окидывая взглядомъ службу свою на Волыни, продолжавшуюся три съ половиною года, я только успѣлъ сдѣлать слѣдующее: построить православный соборъ, два дома при немъ для причта, богадѣльню на 30 кроватей имени княгини Васильчиковой, губернаторскій домъ, каменный театръ, мостъ черезъ рѣку Тетеревъ, передѣлать благородное собраніе, шоссировать главныя улицы, возвести на площади лавки съ съѣстными припасами.

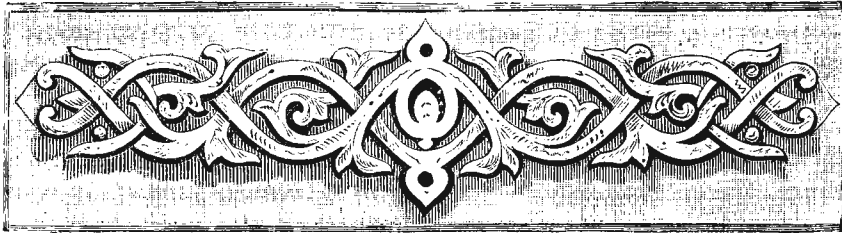
Трудно было мнѣ разставаться съ Волынской губернію, требовавшею отъ меня, по особому свойству населенія, географическому положенію и современнымъ тогда событіямъ, особой энергіи и усиленныхъ трудовъ. Я пережилъ въ ней не легкое время, когда сомнительное положеніе сопредѣльной Австріи вызвало наше правительство поставить край на военное положеніе. Хотя движеніе подольскихъ жителей чрезъ Волынь, возбужденное опасеніями вторженія австрійскихъ войскъ, могло бы вызвать въ ней волненія, но, благодаря Бога, Волынская губернія осталась повсемѣстно спокойною. Кромѣ того, при мнѣ были четыре рекрутскихъ набора, которые по изворотливости еврейскаго населенія доставили администраціи много затрудненій. Довольно сказать, что изъ указа, дозволявшаго представлять въ рекруты лицъ, не имѣвшихъ паспортовъ, евреи сдѣлали торговлю людьми. Наконецъ, по случаю открывшейся Севастопольской кампаніи и объявленія Волынской губерніи на военномъ положеніи, на меня возлагались порученія: въ январѣ 1856 года собрать къ 10-му марта и доставить въ Брестъ 15 тысячъ четвертей овса и 60 тысячъ пудовъ сѣна. Все это было закуплено ранѣе срока и съ сохраненіемъ интересовъ казны.

Житомирцы, почтивъ меня сердечными проводами, изъявили желаніе, чтобы имя мое навсегда осталось между ними. И вотъ образовалась въ Житомирѣ улица «Синельниковская», напоминающая живымъ людямъ о моихъ посильныхъ услугахъ на пользу и понынѣ дорогой для меня Волыни.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ЗАРОСЛЯХЪ ЧЕРТОПОЛОХА.

I.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ рано влюбляются. Я ничтожный человекъ, но я былъ влюбленъ семи лѣтъ отъ роду. Отсюда слѣдуетъ, что и маленькіе люди рано влюбляются. Предметомъ моей страсти была взрослая дама, по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ. Это была жена одного помѣщика, нашего сосѣда. Часто бывала она у моей матери. Вмѣстѣ онѣ окончили институтъ и обмѣнивались постоянно письмами. Верховой то и дѣло леталъ между Черносельемъ и Подбѣловымъ, гдѣ жили мы. Словесныя и письменныя нѣжности были такой потребностью обѣихъ подругъ, что это стало извѣстно всему уѣзду, въ особенности, когда ихъ мужья поссорились изъ-за зайца во время охоты. Онѣ продолжали прежнія отношенія и, кажется, полюбили одна другую еще сильнѣй. Мать отправлялась въ Черноселье на приказчицѣй двухколескѣ, останавливалась у калитки сада, оттуда выбѣгала ея подруга, кидалась къ ней на шею и плакала отъ радости. Точно также безъ всякой пышности и тоже какъ бы инкогнито появлялась на пять минутъ въ Подбѣловѣ черносельская помѣщица. Это было трогательно и свидѣтельствовало о прекрасномъ воспитаніи, какое получали прежде институтки.

У меня до сихъ поръ сохранился альбомъ Музы Аполлоновны—такъ звали черносельскую помѣщицу. Уже самое имя ея и отчество были не обыкновенны. Только возвышенныя натуры могли обладать

такимъ чудеснымъ именемъ. Мать мою звали не столь поэтично. На заглавномъ листкѣ альбома, переплетеннаго въ зеленый сафьянъ съ золочеными бронзовыми, прекрасно сохранившимися, углами и застѣжками, находится слѣдующая надпись: «Charmant petit livre, comme tu me plais, tu es mon bijou, mon trésor. Tu ne me quitteras qu'à ma mort. Alors je t'enverrais chez ma bien bonne amie Natacha, qui est si charmante et toujours la même». Это такъ и случилось, и альбомъ перешелъ послѣ смерти Музы Аполлоновны къ матери, а мать подарила его мнѣ. Онъ испещренъ французскими стихами, впрочемъ есть и русскіе, рисунками, автографами. «Vous me demandez un souvenir — le temps qui efface tous respectera dans l'avenir le sentiment que j'ai pour vous. Votre compagne Marie Sobatchkine». «Mon sort est destiné, mais mon bonheur sera toujours vous! Malgré que nous serons séparées, je penserai toujours à vous. Celle qui vous aime E. Brukowetsky». «Sur une feuille dont la couleur n'est vouée qu'à l'innocence gardez le souvenir d'un coeur qui vous aimera avec constance. Toute à vous Nastinea Borozdina». «Ручей два древа раздѣляетъ, но вѣтви ихъ, сплетаясь, растутъ; судьба два сердца разлучаетъ, но чувства ихъ въ одномъ живутъ. Феодоръ Собачкинъ». «Что странникъ въ мірѣ сердцу ищетъ, на память то въ альбомѣ пишетъ: премудрость, вѣра, даръ небесный, любовь, надежда, чистота—суть юности нарядъ прелестный, блистающая красота. Ты, душу сими украшая, Творца соединишь съ собой, Всевышней волѣ угождая, примешь и вѣнецъ златой. Другъ луны и забвенія въ храмѣ грусти А. К.». Что касается художественной стороны альбома, то она исчерпывается изображеніями терновыхъ вѣтокъ, переплетенныхъ розами, змѣй, кусающихъ свои хвосты, надгробныхъ урнъ и лиръ съ порванными струнами, мечей и замковъ, возвышающихся на скалѣ и освѣщенныхъ луною, есть даже булавка, нарисованная чернилами съ подписью: «кого колю, того люблю. Подруга № 100». Въ альбомѣ постоянно упоминается о безкорыстной преданности, о самоотверженности, о загробномъ мірѣ, о святости долга, о мимолетности всего земного, о Богѣ, о высшемъ блаженствѣ, постигаемомъ только благородными душами, умѣющими плакать чистыми слезами на груди человѣчества. Вообще удивительно нѣжная книга.

Наружность особы, которой принадлежалъ этотъ очаровательный альбомъ и которая такъ рано поразила мое дѣтское воображеніе, была именно такою, какую можно было бы воспроизвести, какъ выражаются художники, по впечатлѣнію, прочитавъ альбомъ отъ начала до конца: блѣдная, съ удлинненнымъ личикомъ, съ пышными начесами бѣлокурыхъ волосъ, съ большими голубыми глазами, съ розовой кроткой, дѣтской улыбочкой. Она напоминала собою ангела, чѣмъ-то оскорбленнаго на землѣ, и, казалось, вотъ-вотъ встанетъ на кончикъ правой ноги, протянетъ впередъ руки, подниметъ

глаза къ небесамъ, и упорхнеть, и улетить, и исчезнеть въ ясной лазури дня, какъ облачко, какъ струйка пара, какъ аромать ландыша. Одѣвалась она обыкновенно во все бѣлое, носила блѣдно-голубыя ленты и, когда садилась за фортепіано, то пальцы ея едва касались клавишей, извлекая изъ нихъ нѣжные, звенящіе неземной мелодіей звуки. Такія же эфирныя мелодіи вылетали изъ ея ангельскаго горлышка, когда она пѣла. Я въ это время замиралъ отъ блаженства и, незамѣтно подойдя къ Музѣ Аполлоновнѣ, старался дотронуться до ея платья. Она угадывала мое прикосновеніе, оборачивалась въ мою сторону и такъ нѣжно улыбалась мнѣ, что я дрожалъ отъ волненія, а изъ глазъ моихъ брызгали радостныя слезы.

II.

Не съ цѣлью описывать свою раннюю любовь взялся я за перо. Если бы мнѣ хотѣлось вспомнить только мою любовь, я поступилъ бы иначе. Я бы вынулъ альбомъ изъ письменнаго стола и, сѣвъ у окна при начинающихся сумеркахъ, сталъ бы перелистывать милыя страницы, отъ которыхъ вѣетъ такой благоуханной чувствительностью. Я бы эгоистически насладился воспоминаніями о своей дѣтской любви, и никто не узналъ бы о Музѣ Аполлоновнѣ. Можетъ быть, слеза умиленія скатилась бы по моей щекѣ. Но никому не должно быть до этого дѣла. Я самъ чувствителенъ, но не люблю плакать публично. Я заговорилъ о Музѣ Аполлоновнѣ, какъ объ исторической личности. Будущее быстро надвигается, прошедшее уходитъ назадъ и заволакивается сѣдымъ туманомъ. Надо спасать яркіе или нѣжные образы отъ забвенія. Это—долгъ cadaго.

Мужъ черносельской помѣщицы служилъ въ свое время въ знаменитыхъ гродненскихъ гусарахъ, носилъ венгерку, фабрилъ усы, задирался со всѣми сосѣдами и прославился на всю губернію бѣшенными тройками. Онъ былъ веселый малый, волокита, въ жизнь свою не прочиталъ отъ начала до конца ни одной книжки, игралъ на гитарѣ и ухарски пѣлъ цыганскія пѣсни, потрясая головой, потряхивая плечами и выкатывая глаза. До женитьбы своей онъ держалъ гаремъ и даже одѣвался, какъ турокъ. Но, собравшись жениться, выдалъ замужъ всѣхъ своихъ невольницъ за музыкантовъ, конторщиковъ и кучеровъ, опять надѣлъ венгерку и сталъ примѣрнымъ мужемъ, т. е. весь медовый мѣсяцъ лежалъ у ногъ волшебницы, такъ онъ называлъ Музу Аполлоновну, полгода разъѣзжалъ съ нею по гостямъ и тщательно наблюдалъ, чтобы она надѣвала шаль подъ салопъ, и самъ натягивалъ ей бархатные сапожки, годъ носилъ въ особомъ сафьяновомъ портфельчикѣ ея миниатюрный портретъ, наконецъ потерялъ портретъ, сталъ пропадать въ уѣздномъ городишкѣ по мѣсяцамъ и возвращался домой весь испачканный мѣломъ и съ обрюзглымъ лицомъ, стрѣлялъ въ ком-

натахъ изъ пистолета, стараясь попасть въ туза, дрессировала собакъ и въ одинъ прекрасный день, въ одинъ скверный день, отстегала Музу Аполлоновну нагайкой. Когда я подростъ и бывала въ Черносельѣ, при чемъ меня иногда оставляли гостить у Музы Аполлоновны, нагайка Виктора Карловича (а на самомъ дѣлѣ—Карповича, но ему нравилось быть Карловичемъ) была уже такимъ обычнымъ для нея явленіемъ, какъ и для любимой суки Виктора Карловича, точно также носившей миеологическое имя Діанки. Я долго не понимала, почему «волшебница» пристально смотрѣла на Виктора Карловича и слѣдила за нимъ своими добрыми голубыми глазами каждый разъ, когда наставникъ собакъ проходилъ мимо нея съ плеткой въ рукѣ. Она словно замирала на это время. Но однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Викторъ Карловичъ, бѣлый, какъ привидѣніе, и съ трепещущей нижней челюстью, погнался за Музой Аполлоновной въ кабинетъ, и оттуда раздались тихіе вопли, мольбы о пощадѣ, тамъ дѣлалось что-то унизительное и возмутительное. Я закричалъ и завизжалъ, какъ раненый звѣрекъ. Что значить любовь! Не помню, что я схватилъ—графинъ или бутылку, но что-то хрупкое, и сталъ стучать въ дверь кабинета. Стекло зазвенѣло, на порогѣ показался Викторъ Карловичъ.

— Какъ вы смѣете! Я убью васъ самого!—разрывался я и неистово топала ногами.

Должно быть, я былъ очень смѣшонъ, потому что Викторъ Карловичъ внезапно расхохотался и сказалъ, тяжело дыша:

— Хотя ты не мой сынъ, но въ меня. Я былъ точно такой же.

Муза Аполлоновна, вся красная и заплаканная, бросилась ко мнѣ, стала на колѣна, прижала меня къ себѣ и покрыла поцѣлуями. Какъ у бѣдненькой было расцарапано плечо, и какъ я зарыдалъ!

III

«Время изгладить изъ памяти вашей, мой ангелъ (mon ange), печальныя и сладкія мгновенья сей жизни, и забвеніе еще быстрѣе могильной травы разлучаетъ будущее съ настоящимъ. Но пусть душа моя на вѣки проникается вашей, и смерть пошлетъ намъ одинаковый удѣлъ: пусть молчаніе загробнаго сумрака соединить насъ—предъ лицомъ вѣчности наслажденіе и страданіе сливаются, и неразрывная дружба вѣнчаетъ ихъ союзъ». Замѣчательно, что эти вѣжныя строки были написаны на французскомъ языкѣ отставнымъ гродненскимъ гусаромъ. Онъ не только владѣлъ языкомъ тогдашняго высшаго общества, но и умѣлъ выражать на немъ самыя утонченныя чувства, облеченныя въ мистическій туманъ. Онъ былъ сантименталенъ и философиченъ. Сопоставляя сцену, въ которой я принималъ участіе, и этотъ листокъ альбома, становисься втупикъ. Правда, мнѣ болѣе или менѣе ясно, почему восхититель-

ная и неземная Муза Аполлоновна вышла замужъ по любви за гусара; но мнѣ трудно представить себѣ, какимъ образомъ могъ онъ стегать свою волшебницу нагайкой и въ то же время жаждать сладостнаго союза съ нею «предъ лицомъ вѣчности». Кромѣ того, конечно, «нагайка» не была преобладающимъ моментомъ въ супружеской жизни черносельскихъ помѣщиковъ. Не одна эта сцена въ кабинетѣ запечатлѣлась въ моей памяти; бывали минуты, когда Викторъ Карловичъ испытывалъ неудержимую потребность упасть къ ногамъ Музы Аполлоновны и растаять въ слезахъ. Я видѣлъ, какъ онъ плакалъ и просилъ у нея прощенія, хваталъ ее на руки и носилъ по комнатамъ, какъ ребенка. Я видѣлъ, какъ онъ цѣловалъ ленты ея пояса, какъ страстно загорались его взгляды, устремленные на Музу Аполлоновну, какъ онъ падалъ духомъ при малѣйшемъ ея нездоровьѣ, и старожилы нашего уѣзда еще должны помнить, какъ во время похоронъ жены онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ, да крѣпкій былъ лобъ у гродненскаго гусара, пуля скользнула по кости, не пробивъ черепа, и черносельскій помѣщикъ остался живъ. Безпристрастіе заставляетъ меня сказать, что Викторъ Карловичъ, овдовѣвъ въ сорока-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, опять завелъ гаремъ, который былъ лучше перваго; но онъ хранилъ вѣрность памяти Музы Аполлоновны и ни за что не захотѣлъ измѣнить ей, женившись вторично на какой нибудь изъ сосѣднихъ барышень, тѣмъ болѣе, что было много хорошенькихъ, молоденькихъ, изящно воспитанныхъ и богатыхъ. Натура Виктора Карловича была однимъ словомъ сложная, и весь складъ его характера зависѣлъ не только отъ природныхъ его качествъ, но и отъ другихъ причинъ, которыя можно назвать развѣ историческими. Я рискую навлечь на себя обвиненіе въ сочувствіи Домострою и крѣпостнымъ порядкамъ, но по моему убѣжденію Викторъ Карловичъ не былъ ни въ чемъ виноватъ; и если Муза Аполлоновна, божество моихъ дѣтскихъ грезъ, умерла оттого, что была выкинута въ одной рубашкѣ на морозъ въ безумную, гнѣвную ночь и смертельно простудилась, то и въ этомъ случаѣ Викторъ Карловичъ, строго говоря, не былъ виноватъ. Высшая сила, которую вы можете окрестить какимъ угодно именемъ, дала ему страшную власть, и весь прекрасный и благородный сантиментализмъ, изобрѣтенный чистѣйшими сердцами того времени, не могъ истребить свирѣпой закваски, вложенной въ него этою силою, и, помимо ея воли, связать въ немъ звѣря.

Откровенно признаюсь, что не будь я влюбленъ въ Музу Аполлоновну, я не сталъ бы ради Виктора Карловича заглядывать глубоко въ корень вещей. Я прямо осудилъ бы его, и всѣ формально честные люди пожали бы мнѣ руку. Но нѣжный и непорочный, какъ бѣлая лилія, образъ Музы Аполлоновны заставляетъ меня быть осмотрительнѣе. Осуди я Виктора Карловича, я долженъ

былъ бы осудить и Музу Аполлоновну. А въ такомъ случаѣ все очарованіе Музы Аполлоновны исчезло бы, и альбомъ ея сталъ бы сборникомъ лицемѣрныхъ фразъ и наборомъ изреченій, не провѣренныхъ сердцемъ. Между тѣмъ онъ дышитъ искренностью. Этотъ маленькій альбомъ представляетъ собою благороднѣйшій памятникъ эпохи, когда высшая умственная жизнь нашего отечества сосредоточивалась въ дворянскихъ усадьбахъ, и такихъ нѣжныхъ и неземныхъ дамъ, какъ Муза Аполлоновна, поставляли гродненскимъ гусарамъ фабрики утонченнаго духовнаго изящества, называемыя институтами и существующія до сихъ поръ, но уже значительно утратившія свой характеръ.

IV.

«Вѣжливость въ обращеніи есть поясъ Венеринъ. Онъ украшаетъ и дѣлаетъ прелестными тѣхъ, которые его носятъ. Вѣжливость бываетъ видна во всѣхъ поступкахъ, въ разговорахъ и въ самомъ молчаніи. Она воспрещаетъ кланяться своимъ умомъ и дарованіями».

Это изреченіе находится въ числѣ другихъ максимъ и афоризмовъ, испещряющихъ альбомъ милой Музы Аполлоновны. Тысячу разъ она могла убѣдиться, что Викторъ Карловичъ не носилъ этого пояса. Но Венеринъ поясъ нѣжно облегалъ тонкую талію волшебницы. Небесный ангелъ, проживая случайно въ Черносельской усадьбѣ, былъ бы не такъ остороженъ въ своихъ неземныхъ сношеніяхъ съ людьми, боясь оскорбить ихъ не только словомъ, но даже взглядомъ. Казалось, все поведеніе Музы Аполлоновны устремлено было на то, чтобы доказать окружающимъ, какъ благородна и изысканно чувствительна ея душа. Разумѣется, это дѣлалось невольно, какъ невольно благоухаетъ фіалка, и роза льетъ ароматъ. Она была такъ воспитана, и изъ такихъ хрупкихъ и тонкихъ чертъ слагалась ея природа.

Добродѣтель и пріятность Музы Аполлоновны были такого рода, которыя требовали себѣ награды на небесахъ. Что такое смерть? Ничего (*oui, la mort n'est rien en elle-même*). Красота проходить, умъ слабѣетъ, и только «*la vertu seul bien véritable nous suit au delà du trépas*». Отсюда удивительная религіозность Музы Аполлоновны. Она не только соблюдала всѣ посты, но непремѣнно одинъ разъ въ годъ ѣздила въ Кіевъ на богомолье и не пропускала ни одной церковной службы, раздавала милостыню, устроила въ деревнѣ богадѣльню. Ей присуща была потребность творить добро, и меньше всего она была тщеславна. Еще разъ и еще, и еще повторяю, что любовь моя Муза Аполлоновна была одной изъ тѣхъ удивительныхъ русскихъ женщинъ, которыя не часто встрѣчались въ старинной дворянской Россіи, а теперь ихъ совсѣмъ

нѣтъ, это я почти навѣрно могу сказать. И когда какая нибудь грубая особа съ тусклымъ взглядомъ мелкихъ глазъ и съ чертами лица, искаженными завистью, грешевыми заботами и маленькими страстями, начинаетъ при мнѣ жаловаться на упадокъ дворянскаго сословія въ нашемъ отечествѣ и, разстегнувъ Венеринъ поясъ, кичиться предо мной своимъ засохшимъ родословнымъ деревцомъ, я вспоминаю Музу Аполлоновну и только вздыхаю. Милыхъ, нѣжныхъ, ландышеподобныхъ, чувствительныхъ, добрыхъ, добродѣтельныхъ, тонко воспитанныхъ дворянокъ на Руси больше нѣтъ. Онѣ не оставили потомства. Муза Аполлоновна умерла бездѣтной. Есть прекрасныя мѣщанки, прелестныя купчихи, обходительныя и расчетливыя аристократки и есть многочисленное племя беззубыхъ очковыхъ змѣй, распложенныхъ крѣпостнымъ правомъ, которое до сихъ поръ близорукіе люди смѣшиваютъ съ дворянствомъ. Причина и слѣдствіе не одно и то же. Навозное удобрение и благовонная чайная роза не имѣютъ ничего общаго. Однако же роза могла возрасти только на почвѣ, пропитаной гниlostью. Муза Аполлоновна была, во всякомъ случаѣ, порожденіемъ крѣпостничества. Правда, и чертополохъ пышно разрослся на этомъ свалочномъ мѣстѣ человѣческихъ правъ, растоптанныхъ тайнственной и страшною силою, которую принято называть историческими условіями. Чертополохъ въ концѣ концовъ заглушилъ отпрыски розъ. Иначе это не могло быть. Нельзя поэтому винить чертополохъ въ чемъ бы то ни было, и ужъ я взялъ подъ свою защиту даже Виктора Карловича. Но я твердо стою за отдѣленіе розъ отъ чертополоха. Соловьи водились въ крѣпостническихъ заросляхъ, и какіе соловьи! Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Лермонтовъ! Но водились и ядовитыя гадины, и удавы, и ящеры, и ихъ было гораздо больше.

Все это прошло. Это кажется не только историческою, но уже какою-то геологическою эпохою.

Сорокъ дней шелъ дождь, и потопъ разрушилъ древній міръ. Конечно, это была не такая коренная катастрофа, какъ думали обитатели ковчега, безпріютно, но радостно носившагося по волнамъ. Ужъ по одному тому, что въ ковчегъ было приказано взять не только чистыхъ, но и нечистыхъ животныхъ, легко было догадаться, что чертополохъ со временемъ, если не возобладаетъ, то распрямитъ вѣтки и подниметъ голову. Что же касается розъ и соловьевъ, то еще до потопа съ ними вели безпощадную и злую войну чертополохъ и пресмыкающіяся страшилища.

Чертополохъ заглушалъ ароматные цвѣты, гадины пожирали соловьевъ. Изъ цѣлой сотни пернатыхъ волшебниковъ уцѣлѣло только два-три, потому что, если ихъ не прямо поѣдали, они задыхались въ миазмахъ свалочнаго мѣста и, все равно, плачевно кончали жизнь. Розамъ сравнительно легче дышалось. Но стоило

раскачаться чертополоху, и мгновенно осыпались нѣжные лепестки. Такъ погибла и Муза Аполлоновна.

Меня спросятъ: бывають ли розы безъ шиповъ? Или, можетъ быть, такія розы бывали до потопа?

Не бывали и не бывають. «L'érine est toujours là»,—написала сама Муза Аполлоновна.

Тутъ я долженъ приступить къ разсказу о томъ, какъ Муза Аполлоновна—мой ангелъ, свѣтлый призракъ, озарявшій сияньемъ своей неземной души мои первые дѣтскіе шаги и внесившій въ мое сознаніе отрадное и сладостное чувство любви, это прекрасное и очаровательное воплощеніе нѣжности и сердечнаго благородства, эта доброта, эта... увы, словарь мой бѣденъ...—какъ она уподобилась въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ несравненной и дѣвственно-великолѣпной розѣ, на колючки которой съ размаху упала несчастная полевая мышка. Теперь я даже жалю, зачѣмъ я завелъ рѣчь о шипахъ. Я боюсь, что поврежу Музѣ Аполлоновнѣ. На бѣлоснѣжномъ лилейномъ нарядѣ моего божества (развѣ нѣтъ розъ бѣлыхъ, какъ лилія) вы увидите капельку крови, принадлежащей ничтожной мышкѣ, и я предвижу ваше негодованіе. Однако, я не прошу ни вашей снисходительности, ни вашего сожалѣнія. Моя странная любовь къ Музѣ Аполлоновнѣ еще не погасла, не смотря на все. Раскрывъ ея альбомъ,—въ этомъ альбомѣ еще живетъ ея душа,—я прочиталъ слѣдующія строки: «Умѣть хвалить пріятно, но безъ умолчанія недостатковъ—есть дѣло очень рѣдкое, и не всѣ хвалители справедливы». Пусть я поврежу поэтическому образу, но, очевидно, я долженъ быть справедливъ. Я хочу быть «справедливымъ хвалителемъ».

V.

Ссора между моимъ отцомъ и Викторомъ Карловичемъ продолжалась около двухъ лѣтъ; но непримѣрная и дѣятельная дружба женъ примирила наконецъ мужей. Такъ какъ наша усадьба была маленькая, а черносельская большая, то она и служила, главнымъ образомъ, театромъ возобновленныхъ вечеринокъ, дружескихъ бесѣдъ, обѣдовъ и танцевальныхъ собраній. Въ Черносельѣ было гдѣ потанцовать, а отецъ мой, въ жилахъ котораго текла веселая польская кровь, былъ мастеромъ замысловато барабанить каблучками по паркету и носиться изъ одного угла залы въ другой съ легкостью духа. Мать тоже любила поплясать. Но особенно отдавалась танцамъ Муза Аполлоновна. Она вся преображалась, когда кружилась съ отцомъ въ вальсѣ, откинувъ на плечо улыбающуюся головку, млѣя отъ блаженства, томясь невиннымъ сладострастіемъ мѣрныхъ движеній. Бѣлое легкое платье ея вытягивалось въ воздухъ и, когда безшумное облако это пролетало мимо меня, я закры-

валь глаза, охваченный дѣтскимъ восторгомъ, впечатлѣніе было слишкомъ сильное, и я невольно ослаблялъ его. Должно быть, теперь ужъ нѣтъ такихъ духовъ, какими были пропитаны юбки Музы Аполлоновны. Для меня этотъ аромат былъ долгое время искомымъ идеаломъ. Но такъ я и не нашелъ нигдѣ духовъ Музы Аполлоновны. Извините, однако, что я проникся этимъ благоуханнымъ воспоминаніемъ.

Разумѣется, со времени мира, заключеннаго между Подбѣловымъ и Черносельемъ, моя безмолвная, не понимающая себя, черезчуръ ранняя любовь выиграла въ томъ отношеніи, что меня чаще прежняго мать брала къ своей подругѣ и оставляла гостить у нея. Муза Аполлоновна страшно баловала меня, закармливала сладостями, шила мнѣ рубашечки, но вообще, какъ будто, тяготилась моимъ обожаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ несноснѣе дѣтей, которыя нервно цѣпляются за платье, требуютъ къ себѣ исключительнаго вниманія и ревнивы, какъ комнатныя собаченки. Сначала Муза Аполлоновна сама просила свою Наташу («та bonne, та charmante Natashinka!») доставить ей удовольствіе понычаться со мною. Но черезъ нѣсколько дней я надоѣдалъ Музѣ Аполлоновнѣ и, одаривъ меня бонбоньерками, она приказывала закладывать коляску и отвозила меня въ Подбѣлово лично или съ человѣкомъ Прокленычемъ. Въ дорогѣ я предавался слезливымъ размышленіямъ о покинутомъ блаженствѣ, а Прокленычъ утѣшалъ меня.

Замѣчательно, что Прокленычъ ни разу не пожурилъ меня за то, что я такъ огорчаюсь возвращеніемъ домой. Напротивъ, онъ съ умиленіемъ замѣчалъ вслухъ, что нельзя не любить такого «купидончика», какъ Муза Аполлоновна. Даже дѣти сходятъ по ней съ ума. Слово «купидончикъ» онъ произносилъ глубокимъ груднымъ голосомъ, съ благоговѣніемъ. «Купидончикъ Божій», прибавлялъ онъ иногда. Я скоро догадался, что Прокленычъ пылаетъ любовью къ Музѣ Аполлоновнѣ. Меня это не удивило: Музу Аполлоновну всѣ должны любить, а тѣмъ болѣе ея собственный крѣпостной слуга, привезенный въ Черноселье вмѣстѣ съ ея приданнымъ. Конечно, никогда въ подлунномъ мірѣ не было болѣе безнадёжной любви. Этотъ человѣкъ, Прокленычъ, казался мнѣ старикомъ, а на самомъ дѣлѣ я хотѣлъ бы теперь быть такимъ старикомъ: ему едва ли было тридцать пять лѣтъ.

Лице у Прокленыча было солидное, гладко-выбритое, только подъ горломъ чернѣлъ природный негустой галстухъ, оттѣняя собою желтую бѣлизну старомодныхъ воротничковъ. Прокленычъ носилъ глаженныя мавишки и одѣвался погосподски, питая къ ливреѣ и козакину презрѣніе. Онъ пользовался, слѣдовательно, особенными правами въ домѣ. Всѣхъ звали: Сашкой, Тришкой, Мишкой, Корнейкой, одного звали даже Чушкой, а его Прокленычемъ. Обращеніе это было похоже на кличку, но все же могло быть лестно

слугѣ. Въ Прокленычѣ было много самоувѣренности вмѣстѣ съ наклонностью къ опрятности и чистоплотности въ словахъ и поступкахъ. Честности онъ былъ рѣдкой, трезвъ на удивленіе, и цѣломудріе его было всеѣмъ извѣстно. Онъ не считался лакеемъ, хотя и сопровождалъ обыкновенно Музу Аполлоновну въ церковь, сидя рядомъ съ кучеромъ. Занималъ онъ двѣ комнаты во флигелѣ, ѣлъ съ барскаго стола. Былъ онъ, однимъ словомъ, на положеніи дворецкого. А въ дѣйствительности и этихъ обязанностей на немъ не лежало. Невѣроятно, но онъ былъ домашнимъ врачомъ. Курса наукъ онъ нигдѣ не окончилъ, а въ свое время обучался медицинѣ у знаменитаго доктора и нѣсколько лѣтъ былъ мальчикомъ въ аптекѣ. Съ этими свѣдѣніями крайне, должно быть, скудными и туманными, онъ проживалъ въ Черносельѣ и лѣчилъ мужиковъ. Онъ же ощупывалъ пульсъ у нихъ на конюшнѣ во время экзекуцій. Какъ онъ лѣчилъ, не извѣстно, но наказаніе всегда прерывалъ, и Викторъ Карловичъ былъ ему благодаренъ за то, что конюшенные драмы съ нѣкоторыхъ поръ перестали кончатся въ Черносельѣ визитами Временнаго отдѣленія. По странной случайности, Прокленычъ былъ единственной живою душою въ Черносельѣ, не получившею отъ Виктора Карловича даже щелчка по носу.

VI.

Любовь Прокленыча выражалась, кромѣ добровольнаго торчанія на козлахъ, еще въ стояніи за стуломъ Музы Аполлоновны, если за обѣдомъ не было постороннихъ, въ причесываніи ея волосъ, такъ какъ онъ развилъ у себя самоучкой замѣчательный парикмахерскій талантъ, и ни одна горничная не могла ей такъ угодить, въ благоговѣйномъ и молчаливомъ созерцаніи «кушончика Божьяго», что онъ дѣлалъ, стоя у косяка и сильно уронивъ голову на плечо, когда Муза Аполлоновна сидѣла за фортепіанами или при свѣтѣ масляной лампы разсматривала французскій журналъ съ картинками; наконецъ, въ вѣчномъ и смѣшномъ опасеніи за ея драгоцѣнное здоровье. Если Муза Аполлоновна, скользнувъ по его фигурѣ усталымъ и разсѣяннымъ взглядомъ, говорила: «Ну-те, докторъ, изволь узнать, нѣтъ ли у меня лихорадки», и подавала ему, разстегнувъ кисейный рукавчикъ, свою тоненькую сахарную ручку,—Прокленычъ какъ-то странно поднималъ плечи, втягивалъ шею и приближался къ добычѣ, ступая на носки, большими шагами. Взявъ за пульсъ владычицу своихъ помышленій, онъ вынималъ изъ зеленаго шелковаго жилета серебряную луковицу и сосредоточивался. Брови его переплетались надъ переносьемъ въ узелъ. Наконецъ, онъ объявлялъ свое мнѣніе, просилъ поцѣловать ручку, не какъ влюбленный, конечно, а какъ холопъ, и удалялся въ свой флигель варить лѣкарство.

Въ качествѣ малютки, я допускался въ будуаръ Музы Аполлоновны даже въ то время, когда она, съ плечъ обнаженная по поясъ, освѣжала тѣло влажной губкой при помощи двухъ дѣвчонокъ. Тѣмъ болѣе допускала она меня присутствовать при уборкѣ волосъ. Нѣсколько паръ щипцовъ постоянно нагрѣвались на спиртовыхъ канфоркахъ. Папильотки изъ пропускной бумаги сыпались на полъ. Блѣдно-золотыя косы распускались по матовымъ плечамъ Музы Аполлоновны. Прокленычъ, вооруженный большимъ черепаховымъ гребнемъ, начиналъ священнодѣйствовать. Подъ его искусными пальцами прямыя пряди превращались въ пышные спиральные локоны, а вся прическа—въ легкое туманное облако. Муза Аполлоновна смотрѣла въ зеркало и по временамъ улыбалась мнѣ. Привлекаемый этой улыбкой, я подходилъ, клалъ подбородокъ на ея колѣна, и глаза мои утопали въ ея глазахъ. Между тѣмъ, Прокленычъ сообщалъ ей деревенскія новости и рассказывалъ случаи изъ своей кievской жизни. А надо замѣтить, что, хотя онъ рѣдко смѣялся и скорѣе былъ угрюмаго характера, рассказывалъ онъ мастерски и съ большимъ юморомъ. Глазомъ не моргнетъ и разсмѣшитъ. Кромѣ того, онъ былъ завзятымъ украинофиломъ въ томъ смыслѣ, что любилъ малороссійскіе стихи и пѣсни, зналъ наизусть «Энеиду» Котляревскаго и, кажется, самъ пописывалъ вирши. По крайней мѣрѣ, когда ему случалось отвозить меня домой, онъ декламировалъ мнѣ что-то въ родѣ стихотвореній и спрашивалъ, хорошо ли это сочинено. Ему нужна была публика, и онъ избиралъ меня слушателемъ. Должно быть, стихотворенія были очень трогательны, потому что, подѣлившись со мною плодами своей музыки,—кстати, муза упоминалась авторомъ постоянно,—онъ подносилъ къ глазамъ красный съ желтыми цвѣтами платокъ и всхлипывалъ. Прическа почиталась Музой Аполлоновной весьма важнымъ дѣломъ и отражалась на расположеніи ея духа: удачная прическа разгоняла облачко печали, омрачавшее ея чело, и она казалась не такимъ оскорбленнымъ ангеломъ; а прическа не къ лицу способствовала пролитію лишнихъ слезъ черносельской помѣщицей. Сообразно тому, что испытывала Муза Аполлоновна, видоизмѣнялась награда, которой удостоивался Прокленычъ. Если барыня была довольна, онъ получалъ для поцѣлуя обѣ руки; если же прическа не нравилась, Муза Аполлоновна произносила: «Нѣтъ, Прокленычъ, не надо, у меня руки ужъ помыты». И Прокленычъ самъ не свой удалялся во флигель и, случалось, въ этотъ день отказывался отъ пищи.

VII.

Муза Аполлоновна не замѣчала любви Прокленыча. Ей она была такъ же непонятна и чужда, какъ и моя любовь. Всѣмъ она рассказывала о необыкновенной холопшей преданности Про-

кленыча. Однажды она его спросила, хотѣлъ ли бы онъ получить волю? Онъ даже огорчился и возразилъ: «Мнѣ безъ васъ, Муза Аполлоновна, свобода была бы хуже неволи, а посему о перемѣнѣ своей участи я не токмо не помышляю, но и желалъ бы, чтобы свобода мнѣ даже не снилась». У Музы Аполлоновны навернулись слезы, она была тронута вѣрнопоподданническимъ чувствомъ Прокленыча. Вѣчное приставаніе поцѣловать ручку было въ ея глазахъ только однимъ изъ признаковъ этого вѣрнопоподданничества. Сюда же относились букеты полевыхъ цвѣтовъ, которые Прокленычъ каждое утро весною и лѣтомъ ставилъ въ будуарѣ Музы Аполлоновны, поздравительные стихи въ дни рожденія и именинъ, начертанные на александрійской бумагѣ, «частички», вынимаемая за здравіе на ранней обѣднѣ, безсонныя ночи, проводимыя у дверей спальни Музы Аполлоновны, когда она бывала больна, галстухи, которые ему непремѣнно хотѣлось носить изъ лоскутковъ, брошенныхъ ею за негодностью, остатки, жадно и съ благоговѣніемъ поѣдаемые съ тарелокъ, отодвинутыхъ Музой Аполлоновной, которая только обыкновенно дотрогивалась до блюдъ, горькія слезы, которыя проливались Прокленычемъ въ тѣ страшныя минуты, когда Викторъ Карловичъ съ плеткой въ рукѣ вталкивалъ въ кабинетъ Музу Аполлоновну и запиралъ за собою дверь; сны, которые видѣлъ онъ и которые каждый разъ возвѣщали что нибудь пріятное Музѣ Аполлоновнѣ. Нельзя сомнѣваться, что если бы Прокленычъ родился барономъ и жилъ въ средніе вѣка, онъ былъ бы самымъ чистымъ и безкорыстнымъ рыцаремъ своей дамы. Но несчастіе его заключалось въ томъ, что онъ родился въ Россіи, спустя три вѣка слишкомъ послѣ того, какъ на самомъ западѣ исчезъ благородный образъ рыцаря, осмѣянный Сервантесомъ. Прокленычъ, при всемъ его нѣжномъ и незапятнанномъ сердцѣ, былъ рабъ, о битвахъ съ драконами не помышлялъ и ни въ какихъ турнирахъ участвовать не могъ. Онъ самъ былъ вышибленъ изъ сѣдла еще въ незапамятныя времена, когда лично его не было на свѣтѣ, а жили его несчастные дѣды и прадѣды. Забрало его было поднято, и лицо открыто для пощечинъ. Чтобъ рыцарская любовь его была замѣчена, ему надо было совершить что нибудь необыкновенное. А что онъ могъ совершить, спутанный по рукамъ и ногамъ и безоружный? Можетъ быть, онъ самъ ждалъ экстреннаго случая, чтобы высказаться—пожара вселенной, нашествія иноплемennыхъ варваровъ, потопа; ждалъ нѣсколько лѣтъ и изнемогъ отъ ожиданія. Любовь скрывается только на первыхъ порахъ, прячется въ темныя углы, какъ бѣшеная собака. Но сама себя сдерживающая въ началѣ, она, наконецъ, ищетъ выхода и часто пугаетъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ и свирѣпымъ видомъ.

VIII.

Я не былъ свидѣтелемъ происшествія, смутившаго Музу Аполлоновну. Когда я вбѣжалъ въ комнату, Прокленычъ стоялъ на колѣняхъ и плакалъ. Воздушная Муза Аполлоновна, отступя, смотрѣла на него съ ужасомъ и негодованіемъ. Онъ былъ блѣденъ, и губы его дрожали.

— Ваня, побудь со мною—обратилась она ко мнѣ:—и не отходи... Мы сейчасъ поѣдемъ въ Подбѣлово. Я боюсь оставаться въ Черносельѣ. Прокленычъ, встань... Ты мнѣ сталъ противенъ. Благодарю Бога, что нѣтъ Виктора Карловича—онъ убилъ бы тебя. Но все равно, ты долженъ быть наказанъ,—произнесла Муза Аполлоновна, и когда она прижалась ко мнѣ, я почувствовалъ, какъ она дрожить.—Ты мой собственный, и я сама распоряжусь, чтобы дурь твоя прошла... Подожди.

Она встала, подошла къ палисандровому секретарю и на синенькой полосатой бумагѣ написала нѣсколько строкъ своимъ прелестнымъ тонкимъ почеркомъ. Запечатавъ облаткой конвертъ, она сказала:

— Поѣзжай съ этой запиской къ становому, а когда вернешься, то не показывайся мнѣ на глаза!

Онъ ударился лбомъ о полъ и вскричалъ:

— Слушаю-съ. Прощайте, Муза Аполлоновна-съ.

Въ патетическія минуты, одержимый бѣсомъ преданности, Прокленычъ начиналъ говорить съ московскимъ акцентомъ, а вообще въ нормальномъ состояніи рѣчь его обилвала украинизмами.

— Уходи.

Прокленычъ поднялся, взялъ письмо, бережно завернулъ его въ платокъ и вышелъ, какъ пьяный.

Я съ любопытствомъ и страхомъ слѣдилъ за этой сценой. Муза Аполлоновна торопилась въ Подбѣлово. Ей хотѣлось поскорѣй повидаться съ моею матерью и рассказать ей о Прокленычѣ. Все время она пожимала плечами, смотрѣла на потолокъ или же слегка улыбалась: смѣшной и нелѣпой казалась ей любовь Прокленыча.

Послѣ объятій подруги взялись за руки и пошли гулять по нашей маленькой ясеновой аллеѣ. Это было лѣтомъ. Я не оставалъ отъ моего божества Музы Аполлоновны. Онѣ говорили по-французски, и я не все понималъ. Но при словѣ Прокленычъ мать остановилась и всплеснула руками. Все ея лицо выразило неподдѣльный ужасъ. Муза Аполлоновна уже успокоилась и, напротивъ, засмѣялась. Потомъ и мать пришла въ себя и вполнѣ одобрила исправительную мѣру, предпринятую по отношенію къ своему рыцарю Музой Аполлоновной. Стыдно за свои ангельскія лѣта, а надо признаться—одобрилъ и я эту мѣру, потому что если

Прокленычъ прогнѣвилъ чѣмъ Музу Аполлоновну, то значить онъ виноватъ. Значеніе же записки къ становому я уже разумѣлъ, потому что отецъ мой изрѣдка практиковалъ эту «записку» и нѣсколько разъ при мнѣ убѣждалъ Виктора Карловича упразднить въ Черносельѣ уголовную палату, какъ онъ шутя называлъ конюшню.

Муза Аполлоновна осталась у насъ обѣдать и послѣ обѣда долго и хорошо играла въ четыре руки съ своею «*charmante amie*». Въ Черносельѣ былъ посланъ нарочный передъ вечеромъ узнать, не пріѣхалъ ли Викторъ Карловичъ. Нарочный вернулся очень скоро и доложилъ, что Виктора Карловича еще нѣтъ, а въ усадьбѣ случилось несчастье: Прокленычъ приказалъ долго жить. При немъ найдены были двѣ записки—одна къ становому, та, которую писала Муза Аполлоновна, а другая писанная имъ самимъ къ Музѣ Аполлоновнѣ. Эту предсмертную записку страшно поблѣднѣвшая Муза Аполлоновна не хотѣла, однако, прочитатъ, а поднесла къ свѣчѣ и сожгла.

Прокленычъ отравился мышьякомъ и мучился не долго. Въ его вещахъ былъ отысканъ медальонъ съ портретомъ Музы Аполлоновны, потерянный, какъ все думали, Викторомъ Карловичемъ на охотѣ. Такъ погибла ничтожная полевая мышка, дерзнувшая прыгнуть на благоуханную розу, которая цвѣла не для нея.

Если Муза Аполлоновна сколько нибудь виновата въ насильственной смерти Пракленыча, то своимъ еще болѣе ужаснымъ концомъ она искупила невольный грѣхъ. Какая роза въ то время не поступила бы такъ же?

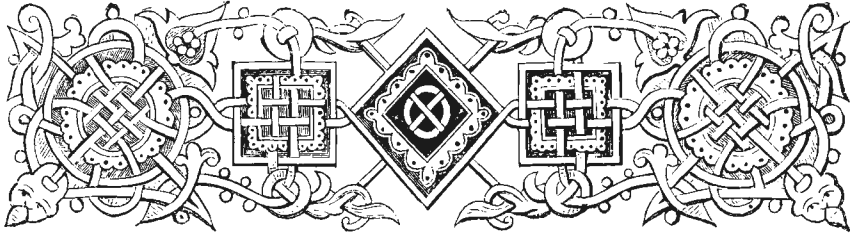
На послѣдней страничкѣ альбома Музы Аполлоновны находится эпитафія, которую она сама себѣ сочинила:

*Ci git une rose,
L'épine est toujours là.
Si l'amitié l'arrose,
L'épine tombera.*

І. Ясинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО¹⁾.

XX.

Слухи о моей командировкѣ въ фортъ Перовскій. — Знакомство съ Абрамовымъ; его біографія. — Переѣзна назначенія. — Сборы къ отъѣзду въ Самаркандъ. — Новыя знакомства: Соковнинъ, Штемпель, Нарбутъ, Принцъ, Щербинскій, Ивановъ, Сѣровъ, Гребенкивъ, князь Урусовъ, баронъ Ренне, Соболевъ, Раевскій и др. — Распоряженія Абрамова; походъ до Урусь-Кишлака. — Приказъ по отряду; мое назначеніе. — Китабъ. — Ночное движеніе. — Шороховъ. — Вылазка непріятели. — Передъ штурмомъ; сомнѣнія и несогласія. — Штурмъ, побѣда. — Бекскій дворець, мародерство. — Движеніе на Шааръ. — Передача Шахризябса эмиру Бухарскому. — Городъ Фодобей. — Возвращеніе въ Самаркандъ. — Ташкентъ и отправленіе меня курьеромъ въ Петербургъ.

ВЪ НАЧАЛѢ іюля (1870 г.) Дмитровскій сообщилъ мнѣ, что К. П. Кауфманъ говорилъ ему о предполагаемой моей командировкѣ въ фортъ Перовскій, но официальной бумаги я еще не получалъ. Слѣдствіе, мнѣ поручаемое, было довольно серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень запутанно — между полковникомъ К. и подполковникомъ П. по поводу сдачи батареи. Роптать было нельзя; но катить въ жару 600 верстъ, жариться тамъ недѣли двѣ, три, конечно, не представляло ничего увлекательнаго, а въ особенности при мысли, что въ это время могло быть здѣсь движеніе.

Между тѣмъ, около этого же времени познакомился я у Струве съ прїѣхавшимъ изъ Самарканда генераломъ Абрамовымъ. Ему

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 109.

было лѣтъ за 40, но на видъ больше. Началъ онъ службу въ горной артиллеріи Восточной Сибири. Находясь съ Циммерманомъ при взятіи Педжента, онъ при взрывѣ нашего пороховаго погреба взлетѣлъ на воздухъ и при обратномъ паденіи сильно ударился головой о землю.

Въ 1865 году, уже старымъ служакой, но еще въ чинѣ поручика, ему выпалъ жребій идти со взводомъ батареи въ степной отрядъ Черныяева и здѣсь, принявъ участіе во всѣхъ побѣдныхъ дѣлахъ съ коканцами и бухарцами, Абрамовъ сначала строевымъ офицеромъ, а потомъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера при Черныяевѣ и Романовскомъ, быстро выдвинулся впередъ и 2-го мая 1868 года, то-есть послѣ трехлѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, за взятіе Самарканда уже былъ произведенъ въ генераль-маіоры, а въ описываемое мною время состоялъ начальникомъ Заравшанскаго округа.

Наружностью онъ былъ оригиналенъ: при сильной близорукости никогда не снималъ очковъ, а вслѣдствіе контузіи головы — черной шелковой ермолки.

Васнословная карьера его могла быть сдѣлана, конечно, вслѣдствіе благоприятныхъ тогда обстоятельствъ. Настали затѣмъ другіе дни для Туркестанскаго края. Боевая, походная жизнь замѣнилась мирною, съ тяжелою обстановкой вмѣсто прежней жизни на распашку. Но что хуже всего, за четыре тысячи верстъ отъ центра Россіи, на этой окраинѣ, сталъ всюду проникать, точно ѣдкая пыль, духъ интригъ, и въ этой песчаной почвѣ съ неподражаемымъ искусствомъ начали вести мины, контръ-мины и фугасы.

Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей. Кто же преимущественно шель служить въ Туркестанъ?

Люди, алчущіе эксплуатировать свѣжій еще край и хватающіеся за соломинку, чтобъ не утонуть окончательно; многіе шли съ единственной цѣлью поправить дѣла, если не деньгами, то карьерой. Удалось это лишь нѣкоторымъ, а на удочку попались сотни. Но и то сказать, кто могъ предвидѣть долгое затишье съ 1867 по 1870 годъ? Продолжали служить, участвовать въ парадахъ, встрѣчахъ, но надежда на движеніе всѣхъ ободряла и подерживала.

Познакомившись съ Абрамовымъ, я остался очень доволенъ его прямою, честнымъ и благонамѣреннымъ взглядомъ на вещи и простотою въ обращеніи, но никогда не предполагалъ, чтобы изъ этого могло что нибудь выйти.

Дѣло въ томъ, что у меня все уже было улажено и готово для отъѣзда на слѣдствіе въ фортъ Перовскій. Предписанъ я наконецъ получилъ и собирался уже ѣхать. Но въ ту минуту, когда я послалъ за почтовыми лошадьми, а самъ въ ожиданіи расхаживалъ по двору въ дорожномъ костюмѣ, прискакалъ казакъ отъ

генераль-губернатора съ приглашеніемъ немедленно пожаловать къ нему на дачу. Что бы это значило?

Развязываю чемоданъ, достаю мундиръ и скачу. Его превосходительство встрѣчаетъ меня на терасѣ, вводитъ въ кабинетъ, сажаетъ рядомъ съ собой, предлагаетъ папиросу, словомъ, становится Константиномъ Петровичемъ прежнихъ временъ. Черезъ часъ аудіенціи я вышелъ изъ кабинета Кауфмана съ огромнымъ запасомъ добрыхъ словъ, увѣреній въ его расположеніи и довѣрии къ моей особѣ и порученіемъ заѣхать къ начальнику штаба Дандевиллю, чтобы возвратить ему полученное на мое имя предписаніе о слѣдствіи въ фортѣ Перовскомъ, куда вмѣсто меня назначается ѣхать майоръ Попаригопуло. Дѣло въ томъ, что не знаю, какъ это случилось, но мнѣ наканунѣ удалось обворозжить генерала Абрамова, который упросилъ Кауфмана откомандировать меня съ нимъ въ Самаркандъ, а въ фортъ Перовскій отправить другого. Вслѣдствіе этого, Константинъ Петровичъ въ самыхъ любезныхъ формахъ и лестныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ ѣхать къ Абрамову въ Заравшанскій округъ, ознакомиться съ людьми, краемъ и обычаями, а затѣмъ занять мѣсто по народному управленію, гдѣ служба выгоднѣе и содержаніе значительнѣе, но въ случаѣ военныхъ дѣйствій мнѣ предстоитъ менѣе шансовъ въ нихъ участвовать. Онъ очень дѣльно объяснялъ мнѣ, что, состоя въ распоряженіи его, какъ командующаго войсками, мнѣ нельзя добиться удачныхъ результатовъ по службѣ, и что я неизбежно долженъ получить назначеніе; но, не желая дать его, безъ моего согласія, онъ проситъ меня откровенно высказаться и, внимательно пообдумавъ, дать ему рѣшительный отвѣтъ: хочу ли я на передовой линіи занять должность начальника Самаркандскаго отдѣла, или тамъ же принять отдѣльный линейный баталіонъ? Первое, то-есть должность начальника отдѣла считалась однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ Туркестанѣ, по независимости положенія, громадному содержанію (до 9.000 рублей) и значенію въ краѣ, но много было хлопотъ по администраціи, и требовалось умѣнье въ управленіи туземцами. Сообразивъ незнаніе этого дѣла, при общемъ настроеніи къ интригамъ вообще, а по этой отрасли управленія въ особенности, — я серьезно подумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ, — командованіе же баталіономъ несравненно было покойнѣе и проще, но положеніе незначительно, а содержаніе ничтожно.

Абрамовъ передъ отъѣздомъ, очень любезный и внимательный, совѣтовалъ взять въ Самаркандъ все безъ исключенія имущество мое, а въ особенности поспѣшить отправленіемъ туда верховыхъ лошадей. Ужъ не военная ли хитрость, думалось мнѣ, этотъ возбужденный начальствомъ вопросъ о народномъ управленіи? Не порокомъ ли запахло въ Заравшанскомъ округѣ? Во всякомъ случаѣ

разсуждать было некогда, а надо было собираться и ѣхать. Ташкента мнѣ было отчасти жаль. Здѣсь я познакомился и сошелся со многими хорошими людьми, а тамъ предстояло знакомиться съ новыми. Былъ опять у Кауфмана, который при многолюдной публикѣ выразилъ свои надежды, а Абрамовъ удовольствіе отъ моего назначенія. Желаніе Кауфмана было, чтобы я принялъ уѣздъ Каты-Курганъ, на передовой линіи, пограничный съ Бухарой. Мѣсто вполнѣ самостоятельное, въ распоряженіи моемъ долженъ былъ состоять батальонъ № 5, двѣ сотни казаковъ и дивизионъ артиллеріи.

Положеніе видное и содержанія до 10.000 рублей, но опять-таки въ случаѣ военныхъ дѣйствій изволь отъ нихъ отказаться. Въ день отъѣзда моего изъ Ташкента въ саду Струве мнѣ дали прощальный завтракъ, который продолжался съ 12 часовъ утра до 9 часовъ вечера; для завтрака немного долго. Ночью я выѣхалъ и на другой день утромъ явился въ Чиназъ, гдѣ на паромѣ переправился черезъ Сыръ-Дарью и Голодную степью покатылъ до Москвы Средней Азіи—Самарканда. Приѣхавъ туда, я не засталъ въ первый день моего стараго знакомаго бар. Ренне и переночевалъ въ гостинницѣ. Вскорѣ явился ко мнѣ адъютантъ генерала Абрамова, Рихтеръ, съ предложеніемъ занять весь домъ его, такъ какъ самъ онъ помѣщался за городомъ, въ саду. Но я отстранилъ это любезное предложеніе, а утромъ, явившись къ генералу, получилъ отъ него приглашеніе занять тоже садъ на противоположной сторонѣ отъ Самарканда, богатый тѣнью и водой. Здѣсь помѣщался уже и полковникъ Озеровъ (тоже состоящій въ распоряженіи Кауфмана, еще съ Вильны бывшій личный адъютантъ его), а потому я нашелъ все устроеннымъ, даже съ затѣями и всѣми требованіями восточныхъ условій: большой балаганъ, двѣ кибитки, обширный прудъ, окаймленный тѣнистыми деревьями. Въ балаганѣ на полу, сверхъ циновокъ, раскинуты были ковры, кругомъ стояли турецкіе диваны (тахты) съ круглыми подушками (мутаки), а рядомъ въ юртахъ (кибитки) устроена была спальная съ поломомъ на кровати и искусною всюду вентиляціей.

Въ день рожденія жены, 29-го іюля, я пилъ шампанское за здравіе моей новорожденной, но гдѣ? У моего родственника! Въ Самаркандѣ найти его—вѣдь это штука. У князя Николая Урусова, сына кн. Павла Александровича, женатаго на Уваровой. Познакомился я съ нимъ у стараго кунака кавказскаго, Ренне, а 29-го вмѣстѣ съ Абрамовымъ и большей компаніей былъ у него вечеромъ на великолѣпномъ тамаша.

Въ женщинахъ была чуть ли не бѣднѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ, и вообще общество здѣшнее относительно ташкентскаго, какъ тульское относительно петербургскаго. Здѣсь гораздо менѣе причудъ, претензій и этикета, но зато въ большемъ размѣрѣ оди-

ночество и скука. И еще—странный край Туркестанскій! Населяютъ его люди, которые жилали вѣдь и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ прочихъ городахъ Россіи, значить ѣли и пили. Но какъ только они водворялись въ странѣ этой, то усердно продолжали второе, совершенно пренебрегая первымъ, и что же вышло? Шампанское (по 5 рубл. 50 коп.) встрѣчалось на каждомъ шагу, а куска сноснаго мяса или вообще съѣстнаго не найдешь нигдѣ. Вообще, все съѣдобное было грязно, мерзко и до того безвкусно, что съ души претъ. Надо замѣтить при этомъ, что за рубль, много полтора, въ особенности при артели въ нѣсколько человекъ, столъ могъ быть если не гастрономическій, то вполне удовлетворительный. Но всѣ, по большей части, предпочитали лучше ѣсть гадость и запивать ее привознымъ виномъ на десятки рублей. Благодаря Вавилѣ, я лично избавленъ былъ отъ всѣхъ неурядицъ и непріятностей въ хозяйствѣ. Въ пруду у самага балагана квакали пущенныя утки, которыхъ во множествѣ здѣсь развели туземцы; хорошія, жирныя, русскія утки продавались на базарѣ по 30 коп. штука. Сарты же за безцѣнокъ приносили цѣлые выводки молодыхъ куропатокъ. Что касается молочнаго, то достать его было трудно, а зелени и тѣмъ болѣе. Жара стояла значительно выше ташкентской, но ночи удивительно были холодны. Въ юртѣ моей я могъ спать только подъ пледомъ и халатомъ и то схватывалъ насморкъ, а утромъ, съ 10 часовъ, съ трудомъ уже дышалъ отъ зноя.

Между тѣмъ появились новыя, небезынтересныя встрѣчи, краткій абрисъ которыхъ въ эпоху моего знакомства такъ занесенъ въ моему туркестанскомъ дневникѣ.

«Соковнинъ. Старый кавказскій офицеръ Кабардинскаго полка, умный, честный и смѣлый. Въ пятидесятихъ годахъ, при слѣдованіи оказіи на Кумыкской плоскости, поскакалъ за уѣхавшимъ впередъ съ кавалеріей командиромъ полка кн. Барятинскимъ и былъ захваченъ въ плѣнъ горцами, у которыхъ въ ямѣ протомился около полутора года. Впослѣдствіи онъ оставилъ Кавказъ, но не службу, и, съ рѣдкимъ усердіемъ неся всю тяжесть ея, былъ брошенъ судьбою во многіе углы Россіи, всюду считался отличнымъ служакой и примѣрнымъ офицеромъ, но въ силу неблагоприятныхъ условій очень медленно подвигался впередъ по службѣ. Эти-то постоянныя неудачи, вмѣстѣ съ болѣзненными нравственными припадками, какъ послѣдствіями мучительнаго плѣненія въ Чечнѣ, развили въ злополучномъ Соковнинѣ ипохондрію и частью желчныя припадки, что, однако, нисколько не препятствуетъ всѣмъ любить и глубоко уважать его за честные принципы и беззапятное мужество въ борьбѣ какъ съ непріателемъ, такъ и со всѣми житейскими невзгодами. Почтеннѣйшій Василій Николаевичъ по сію пору всего только полковникъ и командиръ 9-го Туркестанскаго линейнаго батальона.

«Баронъ Штемпель. Также полковникъ, командуетъ 6-мъ Туркестанскимъ линейнымъ батальономъ. Два года тому назадъ, по занятіи Самарканда, Кауфманъ оставилъ батальонъ маіора Штемпеля въ гарнизонѣ вновь завоеваннаго города, а самъ съ главными силами выступилъ къ Бухарѣ. Пока его отрядъ, упоенный славою побѣды на берегахъ Заравшана, искалъ въ степи полчища эмира, жители Самарканда возстали и съ помощью прибывшихъ къ нимъ изъ бухарской арміи воинственныхъ шахриязбцевъ въ теченіе одиннадцати дней осаждали и восемь разъ ожесточенно штурмовали цитадель Самаркандскую. Здѣсь-то и оказалъ свои подвиги пресловутый Н. Н. Назаровъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, отрѣшенный по интригѣ П. отъ командованія батальономъ, онъ былъ Кауфманомъ оставленъ въ Самаркандѣ подъ арестомъ, но когда гарнизону пришло плохо, то, принявъ изъ рукъ младшаго по чину бар. Штемпеля свою пашку, нашъ сорви-голова, подполковникъ, взялъ на себя защиту отъ вторженія штурмующихъ враговъ однихъ изъ воротъ цитадели, поперекъ ихъ поставилъ походную койку свою съ краснымъ одѣяломъ и день и ночь нѣсколько сутокъ отражалъ бѣшенныя атаки непріятеля. Рядомъ съ нимъ, но у другихъ воротъ цитадели, дрался живописецъ-прапорщикъ Верецагинъ, получившій тутъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

«Итакъ, видную роль главнаго защитника при знаменитой осадѣ Самарканда бар. Штемпель разыгралъ довольно пассивно, но недѣлю назадъ онъ представленъ къ чину подполковника за Заравшанское дѣло, а за отбитіе штурмовъ на Самаркандскую цитадель получилъ чинъ полковника и орденъ св. Георгія.

«Маіоръ Принцъ, начальникъ кавалеріи Заравшанскаго округа. Прослуживъ въ строю на Кавказѣ, Александръ Петровичъ Принцъ назначенъ былъ адъютантомъ къ доблестному князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани и затѣмъ уже получилъ назначеніе въ Туркестанъ.

«Кобылинскій, подполковникъ пѣшей батареи, уже не молодой, очень исправный офицеръ по образцовому порядку въ его части на мирномъ положеніи, но въ боевомъ отношеніи слабо заявившій себя кровожадностью. Женатый, съ большимъ семействомъ, онъ радушный хлѣбосоль, неутомимый собесѣдникъ.

«Топорникъ, эсаулъ казачьей батареи, очень молодой человекъ, расторопный и способный артиллеристъ, не разъ уже проявившій въ здѣшнихъ дѣлахъ свою лихость и извѣстный по всей области своею отвагой. Онъ ходко двигается на служебномъ поприщѣ, безъ всякихъ на то вспомогательныхъ причинъ, однѣми личными заслугами.

«Щербинскій, Николай Степановичъ, мировой судья города Самарканда, что не помѣшало ему участвовать во многихъ сраженіяхъ въ Средней Азіи и даже въ партикулярномъ пиджакѣ офи-

ціально исправлять на полѣ сраженія должность личного адъютанта начальника отряда, за каковыя отличія онъ и удостоенъ всѣхъ орденовъ съ мечами. Щербинскій развитой, умный, острый, живой, веселый и милый человѣкъ. Начавъ службу юнкеромъ въ гвардейской конно-артиллеріи, онъ, по производствѣ въ офицеры, перешелъ въ гражданское вѣдомство и, состоя по министерству государственныхъ имуществъ въ Западномъ краѣ, въ бытность К. П. Кауфмана въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Туркестанъ, гдѣ нынѣ и подвизается на поприщѣ юстиціи, не упуская, однако, случая, состоя жрецомъ Ѳемиды, служить подъ часъ и Марсу.

«Сѣровъ, полковникъ, начальникъ Самаркандскаго отдѣла. Казакъ родомъ и наклонностями, онъ пріобрѣлъ здѣсь Георгія и славу героя знаменитымъ боемъ спѣшенныхъ его казаковъ съ массою непріятели, точь-въ-точь, какъ кавказское дѣло подъ Абулатъ-Юртомъ. Словомъ, въ военномъ отношеніи Сѣровъ—туркестанскій Сусловъ (а въ административномъ болѣе подходитъ къ графу Евдокимову).

«Гребенкинъ, капитанъ по арміи, состоящій при Абрамовѣ, очень не глупый и храбрый воинъ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди. Эхъ, однако, какъ въ Туркестанѣ-то кавалерскую думу прорвало Георгіевскими крестами? На Кавказѣ, со временъ кровопролитія при Циціановѣ и до окончательнаго покоренія его, и во снѣ не видѣли всѣ кавказцы столько Георгіевскихъ крестовъ, сколько я встрѣчаю здѣсь на каждомъ шагу.

«Князь Урусовъ, Николай Павловичъ, начальникъ Зекета (сборщикъ податей). Протранжиривъ въ Европѣ и въ Америкѣ все состояніе покойной матери своей, попалъ онъ сюда значительно разоренный. Очень привлекательной наружности, молодой, ловкій, *bien tourné*, онъ слыветъ очень и очень добрымъ малымъ. Живетъ въ Самаркандѣ съ комфортомъ, квартиру отдѣлалъ себѣ, какъ игрушку, такъ, какъ и другой мой родственникъ въ Ташкентѣ, князь Викторъ Голицынъ.

«Баронъ Ренне, капитанъ, состоящій при Абрамовѣ. Съ Кавказа ушелъ давно, былъ и въ родныхъ Остзейскихъ краяхъ, всюду жилъ очень широко, промоталъ все состояніе свое, живо спустилъ два полученныхъ наслѣдства и теперь въ ожиданіи третьяго прозябаетъ здѣсь, съ единственною, но вѣчно тревожащею его заботой: «гдѣ и у кого бы перехватить въ займы денегъ». Онъ очень постарѣлъ, и сѣдина пробилась и на головѣ и въ бородѣ, но бѣсъ все еще не перестаетъ колотъ его въ ребро, и какъ только у него являются малѣйшія средства, широкая натура барона сейчасъ же норовитъ любого славянина заткнуть за поясъ. Впрочемъ, Ренне безспорно честный парень, славный товарищъ и выдающійся боевой офицеръ, безъ страха и сомнѣнія въ дѣлѣ.

«Соболевъ, Николай Васильевичъ (въ отличку отъ другого Собо-

лева—Леонида), подполковникъ генеральнаго штаба, старый офицеръ, служившій здѣсь по народному управленію начальникомъ Казалинскаго уѣзда, добрый, честный, но желчный и слишкомъ довѣрчивый, за что горько поплатился на службѣ, очень забавный, впрочемъ, подчасъ и словоохотливый, *bon vivant*, отличный товарищъ и рьяный спорщикъ, съ душею на распашку.

«Раевскій, Николай Николаевичъ, подполковникъ, перешедшій изъ лейбъ-гусаръ за самодурство, которое широко и неумоимо онъ продолжаетъ практиковать и здѣсь, внукъ знаменитаго Раевского 1812 года и сынъ кавказскаго генерала Раевского, создавшаго пресловутую черноморскую береговую линію; онъ при своемъ блестящемъ образованіи, видныхъ связяхъ и значительномъ богатствѣ, конечно, могъ бы занять болѣе выдающееся положеніе въ государствѣ, чѣмъ должность младшаго штабъ-офицера туркестанскаго линейнаго баталіона; но при безпрерывныхъ и упорныхъ стремленіяхъ къ самымъ эксцентрическимъ выходкамъ, я думаю, это будетъ трудно.

«Объ остальныхъ я еще не составилъ себѣ яснаго понятія и потому пока умалчиваю».

Между тѣмъ, я все еще медлилъ принять какое либо рѣшеніе по службѣ и, какъ оказалось, къ лучшему. 5-го августа, на вечерѣ у Абрамова, было многолюдное общество и въ числѣ приглашенныхъ всѣ начальники частей. Составились на многихъ столахъ партіи въ коммерческія игры. Хозяинъ игралъ со мной и Урусовымъ въ табельку, когда ему подали конвертъ. Пробѣжавъ бумагу, Абрамовъ выскочилъ въ другую комнату, отдалъ какія-то таинственныя приказанія и, вернувшись къ картамъ, всячески старался выказать намъ свое равнодушное спокойствіе, чего, однако, ему не удавалось. Урусовъ, съ улыбкой наблюдавшій за его фізіономіей, высказалъ мнѣніе, что что-то готовится, вѣроятно, походъ.

— Нѣтъ, нисколько, вы очень ошибаетесь,—пресерьезнымъ тономъ отвѣчалъ Абрамовъ.

— Ну, ужъ меня-то вы, Александръ Константиновичъ, не обманете, держу пари, что я отгадалъ!—возразилъ настойчивый партнеръ нашъ.

— Держите? Идетъ дюжина шампанскаго!—невозмутимо порѣшилъ генералъ и спокойно сталъ продолжать игру.

Въ 12 часу сѣли въ саду за длинный столъ ужинать. Чувствуя нездоровье, я отказался занять приборъ и, не сядя за столъ, прохаживался около пирующихъ.

— Выпейте, В. А., краснаго вина, оно полезно,—обратился ко мнѣ хозяинъ, наливая большой стаканъ лафита. — Возьмите-ка стулъ и садьте возлѣ меня.

Въ концѣ ужина и среди оживленной болтовни всѣхъ членовъ общества, Абрамовъ внезапно потребовалъ минуту вниманія и, когда водворилась полная тишина, онъ съ выдержкой и не торопясь отчеканилъ слова:

— Господа, поздравляю васъ съ походомъ! Во избѣжаніе лишняго безпокойства васъ завтра собирать къ себѣ, я сегодня пригласилъ всѣхъ, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія. Извольте же слушать: 7-го числа, то-есть, послѣзавтра, въ 6 часовъ утра, выступаютъ: 3-й линейный баталіонъ маіора Нарбута, батарея полевой артиллеріи подполковника Кобылинскаго, дивизіонъ конно-казацкѣй батареи есаула Топорнина, ракетная батарея штабсъ-капитана Абрамова (брата генерала) и три сотни казаковъ маіора Принца. Всей этой колоннѣ, имѣя съ собой 10-тидневный провіантъ и полное число боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, вытягиваться и слѣдовать по дорогѣ на сел. Джамъ. Прошу васъ, господа, позаботиться объ исправномъ снаряженіи вѣренныхъ вамъ частей.

Абрамовъ замолчалъ. Всѣ переглядывались между собою, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, но генералъ умышленно или случайно сталъ доставать свою табачницу и крутить папироску. Противъ меня сидѣлъ Соковнинъ. При первыхъ же словахъ Абрамова онъ, напряженно уставивъ на него глаза, съ видимымъ замираніемъ сердца ожидалъ, что тотъ назоветъ его фамилію, но когда генералъ оборвалъ рѣчь свою, Соковнинъ, блѣдный, тяжело вздохнулъ и бросилъ на меня отчаянный взглядъ, ясно выразившій мысль его: «видите, опять судьба преслѣдуетъ меня!».

Прошло нѣсколько минутъ ожиданія. Впечатлѣніе грусти на лицѣ Соковнина не ускользнуло отъ Абрамова, и онъ, методически закуривъ папироску, откашлялся и продолжалъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ:

— «Второй колоннѣ изъ 4-хъ ротъ...»—генералъ глубоко затянулся дымомъ,—«9-го линейнаго баталіона»,—Соковнинъ моментально просіялъ,—«два горныя орудія штабсъ-капитана Пистолькорса и полъ-сотни казаковъ гвардіи поручика Бижевича, 9-го августа въ 8 часовъ утра выступаютъ по Ура-Тюбинскому ущелью, прямо на соединеніе съ первою колонною, подъ начальствомъ полковника Соковнина, на котораго выпадаетъ самая трудная сторона экспедиціи. Кратчайшій путь этотъ до цѣли нашего движенія, по крутымъ подъемамъ своимъ, представитъ громаднѣйшія затрудненія, одолѣть которыя, я увѣренъ, возможно только при испытанной энергіи и отвагѣ достойнѣйшаго Василя Николаевича».

Послѣднія слова перенесли Соковнина на седьмое небо. Да и кто изъ насъ могъ равнодушно выслушать отрадное, такъ давно ожидаемое всѣми, извѣстіе о походѣ? Отъ избытка благополучія мы бросились обнимать другъ друга и восторженно благодарить Абрамова за счастливую вѣсть его.

Мнѣ лично онъ сказалъ, что во время похода я буду состоять при немъ, а на мѣстѣ получу особое назначеніе, и потому предоставилъ на мой выборъ идти 6-го съ первою колонной до Джама, или же ѣхать съ нимъ въ экипажахъ на слѣдующій день въ догонку отряда. Я избралъ первое и выступилъ 6-го верхомъ съ войсками.

7-го августа, въ 8 часовъ вечера, въ трехъ верстахъ отъ Самарканда, выстроилась первая колонна. Здѣсь подъ открытымъ и безоблачнымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятиемъ, послѣ чего купечество города угостило нижнихъ чиновъ водкой, и въ 10 часовъ колонна тронулась, а къ 6-ти по полудни пришла на первый ночлегъ, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ.

8-го числа колонна совершила въ с. Джамъ (пограничнаго владѣнія нашего) переходъ въ 30 верстъ. Вечеромъ къ отряду прибылъ генераль Абрамовъ и съ нимъ пріѣхавшій изъ Ташкента, въ должности походнаго начальника штаба, генеральнаго штаба полковникъ Троицкій, капитанъ Фриде и артиллеріи полковникъ Михайловскій.

9-го, 10-го и 11-го—переходы колонны отъ 20 до 25 верстъ каждый; дорога была гористая, узкая и каменистая. Затѣмъ пришла и соединилась съ нами вторая колонна полковника Соковнина. По дорогѣ отъ с. Джама, до второго ночлега, жители встрѣчали отрядъ съ хлѣбомъ-солью, то-есть лепешками и виноградомъ, но съ приближеніемъ къ центру владѣній шахризязцевъ встрѣчь уже не было, въ селеніяхъ отводили воду, и проявилось враждебное настроеніе жителей.

Съ кургана возлѣ лагеря простымъ глазомъ видны были вся непріятельская позиція и стѣны грознаго Шахризязбскаго кремля. Стояли мы всего въ двухъ, много двухъ съ половиною верстахъ отъ вражьей крѣпости. Толпы всадниковъ съ утра гарцовали около лагеря, но огня не открывали.

Въ этотъ же день, 12-го числа, Абрамовъ, съ штабомъ своимъ (я былъ въ его свитѣ), имѣя въ прикрытіи конно-ракетную батарею, сотню казаковъ и въ резервѣ одну стрѣлковую роту, двинулся къ стѣнамъ непріятельскимъ для осмотра мѣстности и избранія пунктовъ атаки. Мы въѣхали на возвышенный курганъ саженьяхъ въ ста отъ крѣпости и стали разсматривать линію крутаго профиля стѣны обороны. Непріятель зашевелился, послышались воззванія муллы, пѣсни и крики. Потомъ все смолкло, и только черезъ пять минутъ, съ визгомъ и трескомъ пронеслось надъ нами первое ядро (16 лѣтъ не слыхалъ я уже этого звука тогда). Второе и третье ядра легли среди свиты. Четвертое убило подъ казачкомъ лошадь. Конно-ракетная команда выпустила до 50 ракетъ по непріятельской кавалеріи, которая силилась окружить нашу горсть казаковъ. Двинувшись съ полверсты направо, а затѣмъ на-

лѣво отъ кургана, начальникъ отряда осмотрѣлъ два пункта, избранные подполковникомъ Соболевымъ для предстоящей атаки, и въ 12 часу мы вернулись въ лагерь, потерявъ только убитую одну лошадь.

Надо сказать, что съ перваго же дня пребыванія моего въ Туркестанѣ я слышался много неслестныхъ отзыовъ о плохой воинственности всѣхъ здѣшнихъ народностей, которыя всюду и всегда, если и производили на наши войска внушительное впечатлѣніе, то только громадною численностью своею, но никакъ не отвагой и рѣшительностью въ бояхъ, особенно въ открытомъ полѣ. Казалось не разъ, при видѣ массъ непріятели, окружавшихъ миніатюрныя, сравнительно, отряды русскіе, что вотъ-вотъ они шапками закидаютъ и раздавятъ нашихъ, но только что пускалось въ ходъ усовершенствованное нынѣ скорострѣльное оружіе, а за нимъ показывался прославленный штыкъ русскій и... на мѣстѣ грозныхъ на видъ полчищъ вражьихъ оставалось только мокренко!.. Трофеями нашими постоянно были: вся непріятельская артиллерія, все оружіе, лагерь и имущество, такъ какъ въ паникѣ они бросали все и бѣжали безъ оглядки. Но эти самыя побѣды, такъ дешево и легко доставшіяся русскому оружію, и вызвали у насъ во всѣхъ непоумѣрную самоувѣренность, скажу болѣе, презрѣніе къ непріятелю, который, однако, могъ же заставить насъ въ этомъ раскаяться.

Обще укоренившееся убѣжденіе, что бухарцы, коканцы и всѣ прочіе народы Средней Азіи только умѣли драться за стѣнами своихъ укрѣпленій, а не на открытой мѣстности, быть можетъ, было справедливо, но все же не давало права намъ такъ халатно къ нимъ относиться. Предпринятая настоящая экспедиція вначалѣ имѣла видъ какой-то *partie de plaisir* веселой компаніи, вздумавшей отъ скуки прокатиться верхомъ по живописной мѣстности, взглянуть на людей и себя показать, поболтать, погарцовать и посмѣяться, а не серьезнаго военнаго предпріятія, въ глубь страны враждебной, гдѣ можно и должно было встрѣтить сопротивление на жизнь и на смерть, съ потоками крови человѣческой.

На всемъ походѣ отъ самаго Джама генераль Абрамовъ съ небольшою свитой своей (а именно въ составѣ: Троцкаго, Соболева, Фриде, Иванова, Щербинскаго, Урусова, Ренне, Батырева и меня), въ сопровожденіи 8 семирѣченскихъ казаковъ, сначала перехода держался головы колонны, но, давая полный ходъ своей лошади, мало-по-малу отдѣлялся впередъ отъ отряда на нѣсколько верстъ и совершенно безопасно, точно въ Саратовской губерніи, безъ малѣйшихъ предосторожностей отъ внезапнаго нападенія непріятели, рисковалъ собою и всѣми нами быть подстрѣленными или, того хуже, взятыми въ плѣнъ, какъ беззащитныя куропатки. Послѣ строгой кавказской дисциплины все это казалось мнѣ очень страннымъ; сколько разъ

при такихъ условіяхъ горцы уже порубили бы нашихъ смѣльчакъ!

12 августа былъ отданъ слѣдующій приказъ:

1) 3 батальонъ и 6 орудій выступаютъ вечеромъ въ 8 часовъ изъ лагеря и ночью строятъ правую батарею, съ которой на разсвѣтѣ открываютъ огонь артиллеріи по непріятельской крѣпости. Въ 12 часовъ дня назначается штурмъ. Начальниками этой колонны (правой) назначаются полковникъ Михайловскій и маіоръ Полторацкій.

2) 9 батальонъ и 4 орудія выступаютъ также въ 8 часовъ вечера и строятъ лѣвую батарею и съ разсвѣтомъ открываютъ артиллерійскій огонь по крѣпости. Начальникомъ лѣвой батареи назначается полковникъ Соковнинъ и помощникомъ его подполковникъ Раевскій.

3) Самъ я, завтра 13 числа, къ 11 часамъ утра, прибуду на правую батарею.

Подписано: Начальникъ отряда генераль-маіоръ Абрамовъ.

Начальникъ штаба отряда полковникъ Троцкій.

Три дня спустя, Китабъ былъ взятъ штурмомъ. Но изъ-за Китаба много пролито было крови солдатской и испорчено моею. Постараюсь занести на бумагу все то, что совершилось за эти дни на поляхъ Шахризьбскихъ.

12 августа, вмѣсто назначенныхъ 8 часовъ, меня потревожили около 6 приказаніемъ: двумя ротами 3 батальона поддержать одну роту того же батальона, которая въ садахъ Урусъ-Кишлака приготовляла туры, фашины и штурмовыя лѣстницы, а въ то же время отбивалась отъ тѣснившаго ее непріятели. Наскоро собравшись, я выступилъ. При появленіи подкрѣпленій перестрѣлка стихла, а съ наступленіемъ сумерекъ прекратилась совсѣмъ.

Къ восьми часамъ изъ лагеря подошла вся колонна, и въ глубокой тишинѣ, при совершенной темнотѣ (луны не было вовсе) съ 20-ю арбами, нагруженными турами и фашинами, мы стали подкрадываться къ пункту, избранному для постройки правой батареи. Дорога къ ней лежала мимо кургана, съ котораго утромъ еще мы дѣлали наши наблюденія, а въ настоящую минуту занятаго непріятельскимъ пикетомъ, встрѣтившимъ насъ залпомъ. Отсюда войска раздѣлились: колонна Соковнина потянулась налѣво, а наша направо.

Наступившая ночь была совершенно темная, но звѣздная. Стѣна непріятельской крѣпости, около 300 сажень отъ насъ, ясно рисовалась на горизонтѣ. Тысячи огней, разведенныхъ внутри крѣпости, вдоль всей линіи, отчетливо означали всѣ контуры ея. Стрѣльбы съ ихъ стороны не было; враги, какъ видно, отдыхали и готовились къ бою. Извѣдка до слуха нашего долетали заунывные на-

пѣвы муллъ, призывающихъ правовѣрныхъ къ истребленію невѣрныхъ. Со всѣми предосторожностями тишины и молчанія, какъ ночные воры, подкрались мы къ назначенному пункту, противъ позиціи непріятельской. Было 11 часовъ вечера. Въ 280 саженьяхъ (какъ оказалось потомъ) темный силуэтъ вражьей стѣны грозно выдѣлялся на огненно-красномъ фонѣ. Отчетливо видно было, какъ у орудій расхаживали часовые, и передвигались по банкету одиночныя тѣни. Унылый напѣвъ призыва къ молитвѣ передъ боемъ долеталъ до слуха и щемилъ душу. Вѣтеръ дулъ къ намъ отъ крѣпости; мы видѣли и слышали ихъ, а они точно и не подозрѣвали близкаго присутствія нашего. Ощупью отыскавъ намѣченный нами по утру пунктъ, мы заложили батарею на 4 орудія; шанцовый инструментъ пошелъ въ дѣло, и работа закипѣла. Черезъ три часа изъ земли выросло полевое укрѣпленіе, отдѣланное турами и фашинами, а за полчаса до разсвѣта уже поставлены нарѣзные орудія въ амбразуры, и насыпную стѣною, до извѣстной степени, прикрыта и пѣхота паша. Всю ночь никто изъ насъ не закрывалъ глазъ, всѣ бодрствовали, работали и ожидали.

13-е фатальное число настало. Съ первымъ свѣтомъ зари, при возможности навести орудія, полетѣли четыре снаряда наши. Не успѣли артиллеристы дослать въ орудія второй комплектъ ихъ, какъ разразились непріятельскія батареи, и пошла потѣха...

Находясь на самой батарее, я въ нѣсколько минутъ оглохъ отъ гула нашихъ выстрѣловъ. Артиллеріи нашей предстояла задача пробить брешь въ стѣнѣ крѣпости; въ назначенный пунктъ направлены были всѣ четыре нарѣзныхъ орудія съ нашей батареи, одно съ кургана, прикрытаго кавалеріей, а въ послѣдствіи еще одно съ дальняго кургана (поручика Броневскаго); но сосредоточенный огонь этотъ не достигалъ цѣли. Стѣна упорно сопротивлялась нашимъ усиліямъ и принимала въ себя чугуны нашъ, какъ въ мягкое тѣсто, не поддаваясь вовсе разрушенію отъ гранатъ и ядеръ, мѣтко направленныхъ въ одинъ и тотъ же пунктъ. Оказалось потомъ, что стѣны крѣпости имѣли въ основаніи своемъ до трехъ сажень толщины.

Не спала также и лѣвая колонна, одновременно съ нашею открывшая огонь артиллерійскій. Часу въ восьмомъ въ двухъ шагахъ отъ меня и Фриде непріятельское ядро срѣзало первую жертву, артиллерійскаго бомбардира, а потомъ и зачастую съ отчаяннымъ воплемъ стали падать солдатики. Но дѣло шло исправно.

Въ девятомъ часу на батарею закричали: «вылазка пѣхоты». Начальникъ штурмовой колонны отдалъ мнѣ приказаніе взять стрѣлковую роту и выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ садовъ внѣ крѣпости, около бархана справа. Я бросился туда и пока открытымъ мѣстомъ довелъ стрѣлковъ, съ крѣпости успѣли вырвать изъ нихъ трехъ молодцовъ ядрами. Шахризядцы всегда славились

стрѣльбой своей и мужествомъ; это единственное въ краѣ племя, которое воинственною смѣлостью и мѣткостью огня нѣсколько наминаетъ горцевъ Кавказа. Между моими стрѣлками и засѣвшимъ въ отдѣльныхъ сакляхъ и въ садахъ врагомъ сначала завязалась горячая перестрѣлка, но она скоро стихла, и непріатели отступили за стѣну крѣпости, вѣроятно, въ убѣжденіи, что наши берданки имъ не по силамъ, но за то съ ихъ батарей стали по мнѣ жарить орудія и фальконеты, да и самыя ружейныя пули (въ 150 саженьяхъ отъ стѣны) не давали покоя. Оставивъ стрѣлковый взводъ разсыпаннымъ за прикрытіями въ садахъ, я отвелъ резервы за курганъ, а самъ вмѣстѣ съ отличными офицеромъ, кавалеромъ св. Георгія, штабсъ-капитаномъ Шороховымъ, расположился на вершинѣ его, пить чай. Видъ съ возвышенной точки этой былъ великолѣпный. Отсюда простымъ глазомъ видно было значительное протяженіе непріятельской боевой линіи, а также и всѣ позиціи, занятыя нашими войсками. Было девять часовъ утра. Мы отпили чай, закурили папиросы и разстались. Шороховъ легъ въ тѣни у разоренной сакли на наружномъ откосѣ кургана, а я растянулся на верху его, на самой вершинѣ.

Изъ лагеря нашего, версты за двѣ отъ настоящей позиціи, въ которомъ оставался весь обозъ въ прикрытіи одной роты 9-го батальона, показалась наконецъ толпа всадниковъ, а впереди Георгіевскій значекъ генерала Абрамова. Онъ ѣхалъ съ частью кавалеріи на курганъ Принца, а оттуда по вчерашней дизлокаціи долженъ былъ прибыть на нашу батарею для штурма. Но случилось, однако, не то.

Въ это самое время съ крѣпости огонь непріателя усилился противъ кургана, занятаго моими стрѣлками, и Михайловскій прислалъ мнѣ одно нарѣзное орудіе (съ штабсъ-капитаномъ Ермоловымъ), которое я и поставилъ на вершинѣ кургана. Оно открыло огонь и заставило непріателя, снова вздумавшаго насѣдать на мою цѣпь, отступить къ крѣпости. Тѣмъ временемъ вдали, среди тучи пыли, виденъ былъ мнѣ поѣздъ генерала. Пробывъ нѣсколько минутъ на курганѣ Принца, онъ потянулся не къ намъ, а въ противоположную сторону, на лѣвую батарею. Было десять часовъ, парило страшно и невольно клонило ко сну. Случайно обернувшись, я взглянулъ по направленію батареи Соковнина (всего версты на полторы отъ насъ) и... прокричалъ: «Штурмъ, штурмъ!». Все со склона кургана бросилось ко мнѣ смотрѣть на лѣвую колонну, которую такъ неожиданно для насъ генераль Абрамовъ бросилъ въ атаку на непріятельскую твердыню. Не проронивъ ни слова, съ затаеннымъ дыханіемъ, слѣдили мы за результатомъ этой драмы. Совершенно ясно видѣли мы, какъ роты, одна за другою, бѣжали къ стѣнѣ, видѣли даже, какъ тащили лѣстницы, видѣли бѣгущихъ и падающихъ и, о ужасъ!.. увидѣли, какъ всѣ наши ринулись назадъ,

отъ самого рва, отъ подошвы стѣны крѣпости, къ своей насыпной батарее. Штурмъ отбить!.. Слово ужасное, слово, потрясающее мужество самыхъ смѣлыхъ... Солдаты, снявъ шапки, набожно крестились. Каждого изъ нихъ не ожидала ли черезъ часъ участь товарищей 9 батальона? Привыкнувъ въ Туркестанѣ встрѣчаться съ робкими халатниками и считая себя въ бою съ ними непобѣдимыми, солдаты наши при видѣ этой явной неудачи сразу упали духомъ.

Въ одиннадцать часовъ съ лѣвой батареей прислана записка Абрамова:

«Правою батареей командовать майору Полторацкому, а полковнику Михайловскому сейчасъ прѣхать ко мнѣ». Я отправился на батарею, поручивъ Шорохову занимать тотъ же курганъ, и по отъѣздѣ Михайловскаго вступилъ въ командованіе нашимъ временнымъ укрѣпленіемъ. Артиллерія наша продолжала бить въ стѣну, но также безуспѣшно, какъ и прежде; бреши не было и слѣдовъ, не смотря на массу выпущенныхъ съ этою цѣлью снарядовъ. «А сколько снарядовъ осталось у насъ на каждое орудіе?»—спросилъ я. «По шести въ ячйкѣ!»—былъ отвѣтъ. «Прекратить пальбу!»—приказалъ я. Подполковникъ Кобылинскій сталъ возражать мнѣ, но я объяснилъ ему, что крайне необходимо поберечь снаряды для рѣшительной минуты, особенно въ виду ихъ полной скудости. Непрiятель продолжалъ насъ потчевать гостинцами изъ своихъ орудій, но мы не отвѣчали ему ни однимъ выстрѣломъ. Въ это время, сидя за легкимъ брустверомъ съ Фриде и Нарбутомъ, мы разсуждали о близкомъ будущемъ. Зная лучше меня рѣшительный характеръ Абрамова, они не допускали и мысли, чтобъ онъ не предпринялъ бы вторичнаго штурма съ нашей батареей, для чего вѣрно и вызванъ имъ былъ Михайловскій.

— Что хуже всего,—замѣтилъ Нарбутъ,—это лѣстницы, срубленные изъ сырого лѣса, онѣ объемомъ и тяжестью до того громоздки, что на рукахъ ихъ поднести никогда не успѣютъ вѣремя, и при штурмѣ, добѣжавъ до стѣны непріятельской крѣпости, мы останемся въ безпомощномъ положеніи. Взгляните сами на уродства эти, сооруженныя прошлою ночью!

По траверсамъ прошли мы къ резервамъ 3-го линейнаго батальона, гдѣ и осмотрѣли ни къ чему непригодныя безобразныя лѣстницы, за нѣсколько часовъ назадъ изготовленныя по инструкціи какого-то ученаго сапернаго офицера. Брусъя этихъ лѣстницъ были срублены вершковъ въ пять въ отрубѣ сырыхъ деревьевъ, чуть-чуть стесанныхъ и очищенныхъ отъ вѣтвей. На нихъ прибиты были поперечныя перекладыны, здоровенныя, но неуклюжей формы, и чѣмъ же? Троеетесными гвоздями и костылями. Тяжесть этихъ лѣстницъ была неимоверная, а длина, какъ впоследствии оказалось, недостаточная. Ровно къ 12 часамъ къ батарее подѣхалъ Абрамовъ со всею свитою. Издали еще, при усиливающейся по немъ пальбѣ изъ непріятельскихъ орудій, генералъ закричалъ:

— Отчего не стрѣляютъ съ батарей?

Я встрѣтилъ его объясненіемъ, что орудія молчатъ по моему приказанію, и объяснилъ ему причину.

— Нѣтъ, откройте огонь, — приказалъ онъ Кобылинскому.

Опять загудѣла батарея, истощая послѣднія силы свои. Въ эту минуту Абрамовъ слѣзъ съ лошади и, крихтя и охая, отвелъ меня на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Я на той батарее сдѣлалъ тамашу, но неудачно. Потеря у насъ громадная, но я хочу сейчасъ же штурмовать вашу колонну. Какъ вы думаете, Владиміръ Алексѣвичъ?—спросилъ онъ.

— Прикажите — пойдемъ, но не дойдемъ и не возьмемъ,—рѣшительно отвѣтилъ я.

— Почему, какъ возможно? — какъ бы обиженнымъ голосомъ вскрикнулъ нашъ начальникъ.

Я подробно выставилъ ему всѣ причины, а главную и несомнѣнную — невозможность среди бѣлаго дня пройти пространство совершенно гладкое и открытое въ 300 сажень, не потерявъ трехъ четвертей штурмующей колонны. Абрамовъ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ всѣ доводы мои, но не высказался окончательно. Тогда я заговорилъ о лѣстницахъ и совершенной ихъ негодности къ употребленію.

— Какъ же, ваше превосходительство, угодно вамъ штурмовать стѣну крѣпости, когда необходимыя для этого лѣстницы должны нести чуть что не взводы; скученные, они послужатъ вѣрною мишенью непріятеля, а перебитые пулями, бросятъ на поль-пути, а потому и не донесутъ ихъ къ мѣсту.

Абрамовъ горячо возразилъ, что если лѣстницы и болѣе тяжелы, чѣмъ бы слѣдовало быть, но все-таки вмѣсто четырехъ человекъ ихъ могутъ понести—шесть, и объ этомъ говорить не стоитъ.

— Не шесть и не десять, даже 20 человекъ не въ силахъ поднять ихъ, ваше превосходительство.

— Быть не можетъ!—недовѣрчиво замѣтилъ генераль.

— Не угодно ли вамъ испытать ихъ? — предложилъ я, приказавъ майору Нарбуту назначить одинъ взводъ для опыта подъема лѣстницы.

Оказалось дѣйствительно, что только 24 человека подняли и съ трудомъ, шагъ за шагомъ, потащили на рукахъ эту громадину. Побѣжденный этимъ доказательствомъ, Абрамовъ сдался на всѣ убѣжденія не отказаться, Боже сохрани, отъ штурма, а отмѣнить его до болѣе удобнаго времени. Я высказалъ предложеніе штурмовать передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, а не вечеромъ по закатѣ солнца, что совершенно не соотвѣтствовало моей кавказской школѣ, не допускающей и мысли объ атакѣ укрѣпленной непріятельской мѣстности, намъ совершенно неизвѣстной, при наступленіи ночи,

въ продолженіе которой непріятель безнаказанно можетъ бить насъ и даже уничтожить.

Весь тревожный день 13-го числа прошелъ въ непрерывныхъ преніяхъ и спорахъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, рѣшающихъ весь успѣхъ экспедиціи, такъ несчастливо начатой. Потеря, понесенная нами въ то утро, была очень чувствительная. Самъ Абрамовъ раненъ пулею въ животъ, Соковнинъ—въ грудь, отличный молодой офицеръ Козловскій убитъ наповаль, и ранены еще штабъ-офицеры: Соболевъ, бар. Меллеръ-Закомельскій и три оберъ-офицера, въ числѣ послѣднихъ Гребенкинъ—камнемъ въ голову, во рву, у самой стѣны крѣпости. Нижнихъ же чиновъ убито и ранено до 85 человекъ и на нашей батарее артиллерійскимъ огнемъ—12 человекъ. Подробности слѣдующія.

Генераль Абрамовъ, съ кургана Принца, вопреки своего предположенія, повернулъ на лѣвую батарею Соковнина, построенную ночью всего въ 80 саженьяхъ отъ непріятельской стѣны, чтобы осмотрѣть дѣйствіе нашей артиллеріи. И тамъ, какъ и на нашей позиціи, никакой бреши пробить не удалось. Абрамовъ слѣвъ съ лошади и съ банкета разсматривалъ въ подзорную трубу доступы къ непріятельской крѣпости, когда Гребенкинъ, вскочивъ на туръ около орудія, сообщилъ генералу, что видитъ тропинку, по которой очень легко подняться на стѣну.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Абрамовъ,—возьмите роту и съ Богомъ!

Гребенкинъ схватилъ ближайшихъ людей и бросился съ ними прямо въ лобъ, на стѣну. Подъ губительнымъ залпомъ со стѣны, вырвавшимъ изъ этой горсти храбрыхъ людей Козловскаго и около 20 нижнихъ чиновъ, охотники быстро добѣжали до гласиса крѣпости и вскочили въ глубокій ровъ, изъ котораго ни впередъ, ни назадъ не было никакого хода. Здѣсь-то Гребенкинъ и много другихъ поражены были ударами каменьева, во множествѣ посыпавшихся со стѣны на ихъ головы. Увидѣвъ безвыходное положеніе передовой части своей штурмующей колонны, начальникъ отряда, распорядясь о поддержкѣ ея, самъ былъ раненъ въ животъ ружейною пулей, пробившей кожу, но не внутренности желудка. Пока ему дѣлали перевязку, въ суматохѣ одна за другою пошли впередъ на выручку своихъ три роты 9-го батальона, но въ нѣсколько минутъ потерявъ ранеными своего батальоннаго и двухъ ротныхъ командировъ, не выдержали несоразмѣрно сильнаго огня непріятельскаго и съ громадною убылью, въ безпорядкѣ и, бросивъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, ринулись назадъ къ батарее. Напрасно Раевскій въ пылу неудавшейся атаки пытался краснорѣчіемъ увлечь солдатъ за собою впередъ: оглянувшись назадъ, онъ не увидѣлъ ихъ грозныхъ штыковъ и самъ въ эту минуту былъ раненъ. Соболевъ, подстрѣленный въ ногу, Меллеръ-Закомельскій съ гро-

мадной пишкой на лбу, Гребенкинъ съ разбитою головою и всѣ прочіе, за исключеніемъ Козловскаго, непостижимо счастливо успѣли достигнуть батареи, по пятамъ преслѣдуемые непріателемъ, въ припадкѣ торжества высыпавшимъ за ними изъ крѣпости. Два удачныхъ выстрѣла картечью изъ нашихъ орудій охладили пылъ враговъ, поспѣвшихъ укрыться за спасительную стѣну свою и временно положили предѣлъ этой кровавой тамашѣ.

Абрамовъ, страдая физически отъ раны, а еще болѣе нравственно отъ тяжелой неудачи, стоявшей многихъ жизней челоѣвскихъ, лежалъ на коврѣ у бруствера, не въ духѣ и разстроенный. Кругомъ него расположились и всѣ члены штаба его, съ Троцкимъ во главѣ, изрѣдка перекидываясь лаконическими фразами. Провизіи съ собой никакой у насъ не было, да и врядъ ли кто хотѣлъ бы ѣсть или пить. Отведя въ сторону Троцкаго, я просилъ его уговорить Абрамова отсрочить штурмъ до завтрашняго утра, но онъ рѣшительно отклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло, напомнивъ, что я отправленъ въ отрядъ, какъ опытный и боевой кавказскій офицеръ. Хотя разсужденіе Вит. Ник. отчасти ласкало мое самолюбіе, однако ставило и меня въ очень щекотливое положеніе. Рѣзко высказывать свое мнѣніе я не считалъ себя въ правѣ и не смѣлъ, и какъ ни старался я косвенно выставить, на сколько рискованна попытка атаки при наступленіи ночи, общество, вполне раздѣлявшее мое мнѣніе, не смѣло открыто подать голоса, самъ же генераль дѣлалъ видъ, что не слышитъ и не понимаетъ меня, а когда я снова обращался къ нему, онъ нетерпѣливо повторялъ одну и ту же фразу:

— Вѣдь вы не знаете, какой передъ нами непріатель. Онъ буквально гроша мѣднаго не стоитъ!

А въ это время этотъ презрѣнный непріатель праздновалъ и торжествовалъ побѣду. Съ самой минуты отбитаго штурма, вдоль барбетовъ, по наружному фасу, толпами скакали всадники, по всей линіи трубили побѣдные сигналы, вездѣ раздавались громкія пѣсни, не заунывныя, а радостныя. Очевидно весь гарнизонъ Китаба ликовалъ неудержимо. День клонился къ вечеру, а съ нимъ приближалась минута настойчиво требуемаго Абрамовымъ штурма. Онъ страдалъ тяжело, но рѣшеніе было неизмѣнно. Приподнявшись вдругъ на локтѣ, онъ обратился къ капитану Фриде, со словами:

— Штурмовать будемъ въ 8 часовъ вечера, а теперь поѣзжайте на лѣвую батарею и приведите сюда двѣ роты 9-го батальона.

Фриде вскочилъ съ мѣста и, взявъ подъ козырекъ, выслушалъ приказаніе, чтобы сейчасъ же привести его въ исполненіе.

— Ваше превосходительство,—позволилъ я себѣ вмѣшаться съ назойливымъ замѣчаніемъ,—если вамъ угодно непременно штурмовать сегодня же, то зачѣмъ же передвигать двѣ роты днемъ?

Единственная надежда на успѣхъ штурма—это его внезапность, а разъ непріятель замѣтитъ сосредоточеніе здѣсь нашихъ силъ, конечно, догадается о нашемъ намѣреніи и усиленно встрѣтитъ штурмующую колонну. Подкрѣпленіе же въ 8 часовъ вечера свободно можетъ подойти къ намъ послѣ вечерней зари.

Абрамовъ покосился на меня, съ полминуты соображалъ и, наконецъ, процѣдилъ:

— Извольте, пусть будетъ по вашему, роты подойдутъ къ намъ, когда уже смеркнется.

Тѣмъ временемъ рабочіе съ лопатами и кирками успѣли вырыть на столько обширную яму, что въ нее уложили страждущаго отъ раны Абрамова, гдѣ онъ могъ въ безопасности отъ артиллерійскихъ снарядовъ предаться не отдохновенію, конечно, а тяжелымъ соображеніямъ о случившемся и ожидаемомъ въ тотъ вечеръ.

Въ сумерки я влѣзъ въ убѣжище Абрамова и глазъ-на-глазъ снова сталъ убѣждать не торопиться, а штурмовать за два часа до разсвѣта. Долго не соглашался онъ, наконецъ, покаялся, что ему крайне желательно покончить съ шахризябцами сколь возможно скорѣе, такъ какъ онъ обѣщалъ Константину Петровичу непремѣнно 13-го взять Китабъ, и тотъ 14-го будетъ ждать его о томъ донесенія. Я опять выставилъ вѣскія данныя на неудачу вечерняго штурма, поручившись Абрамову, что если онъ согласится отправить атаку до двухъ часовъ утра и вмѣсто всей колонны отправить меня съ двумя ротами и лѣстницами въ ночной тишинѣ подкрасться къ стѣнамъ крѣпости и только въ случаѣ удачи моею поддержать меня прочими частями, то несомнѣнно до завтрашняго разсвѣта Китабъ будетъ въ рукахъ нашихъ.

Абрамовъ колебался, но, наконецъ, сдался и во всемъ согласился.

Отрядъ нашъ, изнуренный сильными переходами, ночью работой по возведенію батареи и 36-ти-часовымъ голодомъ, съ закатомъ солнца, не внемля непріятельской канонадѣ, заснулъ въ повалку на бивуакѣ. Но и непріятель утомился, наконецъ, торжествовать побѣду. Ему также потребовались успокоеніе и отдыхъ. Мало-по-малу начали утихать его пѣсни, костры слабѣли, нѣкоторые потухли вовсе. Воцарилась тишина. Изрѣдка задорная батарея Броневского посылала ядро; съ грохотомъ оно потрясало воздухъ и вызывало свистъ отвѣтнаго снаряда. Разсыпанные мною впереди самой батареи стрѣлки, вели рѣдкую перестрѣлку по направленію задуманной, но плохо подготовленной бреші, откуда доносились до насъ голоса работавшихъ около нея людей. Я лежалъ на батарее, рядомъ съ Щербинскимъ, подъ однимъ пледомъ. Онъ безмятежно всхрапывалъ, а меня трепала лихорадка, въ горлѣ пересохло, въ груди дѣлались спазмы. Безотчетно-нелѣпное предчувствіе, что мнѣ не суждено увидѣть восхода солнца и вѣхъ дорогихъ друзей моихъ, меня мучило, какъ никогда. Нѣсколько разъ

пришлось мнѣ вскакивать, получать и отдавать приказанія, при чемъ случалось будить крѣпко и спокойно спящихъ, когда же?—за часъ до штурма. А я, злополучный! Куда дѣвалось мое присутствіе духа и вѣра въ счастливую звѣзду мою? Чего, чего не лѣзло въ разстроенную голову мою въ эту длинную ночь? Щербинскій потянулся, открылъ глаза и, какъ будто соображая что-то очень важное, тайственно проговорилъ:

— А вѣдь сегодня у васъ должна была пировать m-me X.?

— Да, не суждено, видно! А по правдѣ вамъ сказать, Щербинскій, мнѣ все сегодня казалось бы легче, чѣмъ лѣзть на эту проклятую Китабскую стѣну!—съ досадою отвѣчалъ я.

— Но не забудьте, однако, Полторацкій, что здѣсь вы можете быть первымъ, тогда какъ тамъ...

Онъ не успѣлъ докончить остроты своей, какъ меня потребовали къ Абрамову. Не шевелясь, покрытый шинелью, лежалъ онъ въ незатѣйливомъ дворцѣ-ямѣ, но зато многое въ тѣ минуты повелелось въ его умѣ и на сердцѣ...

— Не пора ли выступать, Владиміръ Алексѣевичъ? — спросилъ онъ.

Я посмотрѣлъ на часы, было три четверти двѣнадцатаго. 13-е число истекло, но наступала «пятница».

— Еще часокъ позвольте протянуть, Александръ Константиновичъ, пусть ихъ сонъ разберетъ покрѣпче.

Онъ согласился, и я вышелъ отъ него побродить по батареѣ. Думы черныя темной ночи этой не оставляли меня. Отчего вчера, зная уже о предстоящемъ штурмѣ и не разъ порываясь написать Софьѣ и дѣтишкамъ, я не исполнилъ этого намѣренія? По суетвѣртію... Никогда прежде, идя въ опасность, не писалъ я духовныхъ завѣщаній или прощальныхъ писемъ, и Богъ меня миловалъ. «А, ну, теперь, какъ напишу, такъ и хлопнуть!»—думалось мнѣ. Въ лагерѣ, только передъ выступленіемъ, садясь на лошадь, я позвалъ Вавилу и былъ въ силахъ лишь «на всякій случай» дать ему словесныя порученія. Онъ заплакалъ... Нѣтъ, видно, мы оба состарились и обабилась съ нимъ, не тѣ уже, что были на Кавказѣ... Да, Вавила заплакалъ, а я?.. я былъ молодцомъ... съ вида, но на душѣ сотни кошекъ немилосердно скребли.

«Строиться стрѣлковой и 1-й ротамъ»,—раздалась команда надъ самымъ моимъ ухомъ. Нетерпѣливый Абрамовъ торопилъ выступленіемъ, но, впрочемъ, уже былъ второй часъ въ началѣ. Въ воздухѣ было темно и почти тихо. Густое облако пороховаго дыма стояло на ровной плоскости, отдѣляющей насъ отъ крѣпости, и застилало непріятелю видъ на нашу батарею. Вѣтеръ тянулъ на насъ съ Китаба и доносилъ до слуха протяжный напѣвъ очередныхъ бдителей на стѣнѣ, воспѣвающей: «Не спите, не спите, правовѣрные, урусъ подъ стѣнами нашими». Но, не смотря на это, врагъ спалъ и спалъ крѣпко.

Съ батареи наша кучка людей тронулась, я съ нею. Долго, какъ казалось мнѣ, проходили мы эти 280 сажень; встрѣтили ручей, по колѣно его перешлепали; попался арыкъ, перелѣзли тоже, но вотъ черная масса,—это наконецъ стѣна; подтаскиваемъ лѣстницы, ставимъ ихъ, еще шагъ, два и... и молодецкое русское «ура» раскатилось въ непроницаемой тьмѣ. Въ отвѣтъ на него посыпались тысячи пуль, засвистали перекрестныя ядра, раздалось душу раздирающее: «Иль Аллахъ, иль Аллахъ!»... Но не помогли Аллахъ и пророкъ его Магометъ. Штабсъ-капитанъ Шороховъ уже вскочилъ по лѣстницѣ со своими стрѣлками, за ними шутя полѣзли остальные, и черезъ пять минутъ я за валомъ крѣпости на площадкѣ строилъ въ порядкѣ наши роты. Запылали кругомъ сакли и пожарницею своимъ освѣтили намъ то грозное пространство, въ которомъ за нѣсколько передъ тѣмъ мгновеній кишѣла масса насъ прозѣвавшаго непріятели. Его ужъ почти не было у стѣны, онъ постыдно бѣжалъ на всѣхъ пунктахъ...

Оправдалъ я тогда Абрамова. Стоитъ ли двухъ грошей подобный непріятель? Штурмовая колонна наша раздѣлилась: одна часть съ полковникомъ Михайловскимъ пошла налѣво, другая—изъ трехъ ротъ, 1 горнаго орудія, которое на рукахъ по лѣстницѣ втащили солдаты, и 2-хъ ракетныхъ станковъ подѣ моимъ начальствомъ повернула направо. Какъ только запылали внутреннія постройки крѣпости, зажженные руками побѣдителей, колонна изъ оставшихся ротъ лѣвой батареи, такъ жестоко побитая за 15 часовъ передъ тѣмъ, безпрепятственно съ Раевскимъ ворвалась также на стѣну. Безъ боя завладѣлъ я всѣми крѣпостными батареями и сбросилъ съ нихъ орудія въ ровъ.

Въ минуту выступленія съ нашей позиціи заходилъ я за послѣдними приказаніями къ Абрамову въ кителѣ, который очень не понравился генералу, нашедшему, что бѣлый цвѣтъ его откроетъ въ темнотѣ наше приближеніе къ крѣпости, и потребовавшему отъ меня надѣть на себя что нибудь темное.

Вавила отпустилъ со мною на случай свѣжей ночи одно лишь теплое пальто, и вотъ я въ зимнемъ на ватѣ съ барашковыми лацканами драповомъ пальто и пошелъ на штурмъ, быстро шагаль, лѣзъ по крутой лѣстницѣ и бѣгалъ пѣшкомъ по всѣмъ направленіямъ разсыпанныхъ вдоль непріятельской стѣны ротъ, пока въ изнеможеніи отъ усталости и тяжести одѣянія въ безсиліи подвигаться впередъ опустился на землю. Но въ эту критическую минуту зарево внезапно освѣтило передъ глазами моими, за сотню шаговъ, площадку съ длинною коновязью лошадей, засѣдланныхъ, но въ моментъ общей тревоги и паники непріятели, оставленныхъ привязанными. Дотащившись до этой счастливой добычи, я схватилъ перваго попавшагося мнѣ подѣ руку сѣраго коня, а другого вмѣстѣ съ теплымъ пальто приказалъ взять моему горнисту и со-

верпенно довольный тронулся впереди роты верхомъ. Выславъ впередъ нѣсколько паръ стрѣлковъ, я двинулъ отрядъ свой черезъ обширную крѣпость по направленію раздающихся вдали сигналовъ Михайловскаго. Въ узкихъ переулкахъ неправильно разбитаго стана, внутри крѣпости, до двадцати несчастныхъ бѣглецовъ наткнулись на моихъ застрѣльщиковъ и были подстрѣлены ими, какъ куропатки. На средней улицѣ, на бѣломъ конѣ, въ чалмѣ и богатомъ одѣяніи, хотѣлъ ухарски и нахально проскакать мимо самыхъ ротъ какой-то знатный всадникъ, но три мѣткихъ пули почти въ упоръ свалили коня и вѣздока его. Въ одномъ перекресткѣ улицъ толпа шахризязбцевъ, прикрывшись заборомъ, вздумала держаться и встрѣтила насъ залпомъ, но два выстрѣла картечью изъ горнаго орудія живо разсѣяли и этихъ храбрецовъ. Въ 6-мъ часу всѣ колонны уже соединились въ саду за двѣ версты отъ цитадели Китаба. Здѣсь, приведя въ извѣстность потери наши, мы занялись перевязкой раненыхъ и смочили себѣ горло сочнымъ виноградомъ. Поздравленіямъ, а равно и удивленію въ легкости доставшейся намъ побѣды, не было предѣловъ. Вся потеря наша при взятіи Китаба послѣднимъ штурмомъ 14-го числа состояла всего изъ 33 человекъ.

Черезъ полчаса отрядъ началъ наступленіе на сильнѣйшій пунктъ крѣпости, цитадель ея, но уже разнесся слухъ, что непріятель и прославленный повелитель его Джура-Бей, гроза самого эмира, бѣжалъ изъ стѣнъ, постыдно бросивъ на произволь судьбы защиту города и народа. По узкимъ улицамъ наши двигались впередъ въ боевомъ порядкѣ. Было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, но виновники умирали тутъ же на штыкахъ стрѣлковъ. А вотъ и цитадель. Изъ воротъ ея, въ бойницы, полетѣли на насъ пули, зацѣпившія двухъ артиллеристовъ, но четыре гранаты, а за ними дружный ударъ сотни штыковъ—и на воздухъ полетѣли въ щепакъ неприступныя ворота. Отрядъ вступилъ въ цитадель съ громкими пѣснями и нашелъ здѣсь богатый дворецъ бека, орудія, оружіе и много всякаго добра.

Щербинскій, гарцовавшій при послѣднемъ дѣйствиіи на своемъ сѣромъ карабирѣ, отправленъ былъ съ ключами отъ павшаго града къ Абрамову, который черезъ часъ выѣхалъ къ намъ, хотя все еще страждущій, но сіяя счастьемъ и благодарностью. Вскорѣ въ обширной залѣ бекскаго дворца шахризязбскаго заструился французскій редереръ, выигранный на пари съ Абрамова Урусовымъ, и полились съ виномъ поздравленія и рассказы.

Абрамовъ со стаканомъ въ рукѣ обнялъ меня и сказалъ:

— Вотъ, всѣ кавказскіе герои передъ первымъ своимъ здѣсь дѣломъ проповѣдуютъ осторожность, предполагая встрѣтить въ этомъ непріятелѣ стойкость и отвагу кавказскихъ горцевъ. Не вы первый ошибаетесь, В. А.—и тутъ же, отведавъ меня къ окну, прибавилъ вполголоса: — а надо признаться по душѣ: я вѣдь все поставилъ на карту, Богъ и вы выручили меня.

Въ тотъ же день поскакалъ курьеръ съ донесеніемъ къ Кауфману, и я воспользовался этимъ, чтобы отправить нѣсколько словъ своимъ въ Москву.

Посмотрѣвъ, какъ мы расположились въ хоромахъ Джура-Бея, всякій бы позавидовалъ. Мы заняли красивые апартаменты верхняго этажа съ балконами и крытыми терасами, выходящими въ тѣнистый, замѣчательно хорошо содержанный садъ бека, въ которомъ особенно поражала меня высокая и красивая веранда, густо обитая лозами винограда, каждая кисть котораго была зашита въ кисейный чехоль для сбереженія отъ пернатыхъ хищниковъ и, какъ говорятъ здѣсь, отъ «дурного глаза». Абрамовъ съ Троцкимъ расположились въ нижнемъ этажѣ и занимали высокіе, съ необыкновенно затѣйливыми потолками, чертоги дворца, гдѣ особеннаго вниманія заслуживала одна громадная зала, аршинъ въ двадцать въ поперечникѣ, съ цѣльнымъ, прекрасныхъ цвѣтовъ и узора, ковромъ персидскимъ, покрывающимъ всю площадь этой великолѣпной комнаты. Тутъ же въ сторонѣ, но въ зданіи дворца, расположены были обширныя кладовыя, сплошь набитыя главнымъ достояніемъ и богатствомъ здѣшнихъ властелиновъ — халатами, отъ парчевыхъ и шелковыхъ до шерстяныхъ и ситцевыхъ всевозможной цѣнности и доброты.

Маіоръ Нарбутъ, по занятіи Китаба, назначенный комендантомъ его, получилъ приказаніе отъ Абрамова привести въ извѣстность все имущество завоеваннаго дворца Джура-бея и, принявъ въ свое вѣдѣніе все богатства его, выдать каждому изъ насъ на память полное азіатское одѣяніе. Голубого атласа халатъ со всѣми вычурными къ нему принадлежностями, не исключая чалмы и остроконечныхъ туфель, достались мнѣ, но переданы были мною въ гардеробъ Вавилы, совершенно осчастливленнаго этимъ роскошнымъ бакшишемъ. Но не одніе кладовыя бека подверглись подобному опустошенію. Частное имущество и лавки Китаба испытали еще худшую участь. На Кавказѣ мародерство преслѣдовалось властями съ жесточайшею строгостью; были примѣры, когда уличенныхъ въ хищничествѣ предавали для примѣра другимъ смертной казни, а здѣсь? Что городъ, то норовъ. Это, видно, вкоренившійся уже въ край обычай поощрять смѣлость и отвагу завоевателей. «Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять», но пришедшему сюда на первыхъ порахъ очень многое кажется страннымъ. Хорошаго я здѣсь ничего не вижу, но передъ глазами сторона забавная. Съ балкона своего любовался я слѣдующей картиной, достойной описанія. Въ десяти шагахъ отъ дворца, противъ нашихъ оконъ, находилось одноэтажное, съ плоской крышей зданіе, занятое 2-ю ротой 3-го линейнаго батальона. Съ утра еще эта рота на первой очереди ходила на усиленную фуражировку не только продовольствія, но и равнороднаго добра, котораго добыто изъ лавокъ и домовъ въ громадномъ количествѣ.

Солдаты, тяжело навьюченные, по одиночкѣ возвращались во временную квартиру свою здѣсь, сваливъ добычу, спѣшили бѣгомъ за вторымъ и третьимъ транспортомъ. Чего, чего не натаскали себѣ молодцы эти? Были тутъ ковры, полости, кошмы, войлоки, мѣдные кувшины, тазы, разная посуда, всякая провізія: мука, крупа, свѣчи, мыло, медъ, сахаръ, кофе, табакъ, гвозди, но преимущественно халаты всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, а затѣмъ масса перинъ, тюфяковъ и подушекъ. Все это каждый владѣлецъ, выбиваясь изъ силъ, въ потѣ лица, волочилъ на спинѣ своей и складывалъ въ кучу въ свой уголъ, а затѣмъ переносилъ наверхъ, на плоскую крышу, гдѣ, въ виду у насъ, комично разбирался въ своемъ благоприобрѣтенномъ богатствѣ. Вечеромъ, при наступленіи ночи, чтобы вдоволь насладиться лицезрѣніемъ великихъ богатствъ своихъ, зажгли на крышѣ стеариновые свѣчи и расхаживали по вновь создавшемуся базару своему, иные съ видимою гордостью хвастаясь особенно цѣнными предметами, случайно попавшими имъ въ руки, тогда какъ другіе, плохо скрывая зависть и досаду за неудачную поживу, смиренно копошились въ грудѣ своихъ халатовъ. Тѣ и другіе спѣшили затѣмъ высоко примоститься на взбитыхъ перинахъ и подушкахъ и самодовольно и любовно созерцать несмѣтныя богатства свои. При наступленіи ночи импровизированная иллюминація на крышахъ принимала все бдльшіе размѣры, такъ какъ нѣкоторые молодцы зажигали кругомъ себя по 5 и 6 свѣчей (благо онѣ не купленные), освѣщая добродушное, чисто дѣтское выраженіе полного довольства и благополучія этихъ воинственныхъ людей своимъ временнымъ богатствомъ. Говорю «временнымъ», потому что при обратномъ походѣ некогда ужъ имъ было возиться со всей этой хурдой-мурдой.

Между тѣмъ, намъ становилось жутко. Отъ сильнаго зноя разложившіеся кругомъ насъ въ городѣ трупы убитыхъ при штурмѣ Китаба, не убранные и валяющіеся въ узкихъ здѣсь переулкахъ, до того заражали воздухъ, что невозможно было дышать, а потому рѣшено было выступить за черту города и занять сады лагеремъ. Всѣмъ же жителямъ, оставившимъ Китабъ, отъ имени побѣдителя было разослано воззваніе возвратиться восвояси къ «мирнымъ» занятіямъ работами и торговлей.

16-го же августа произведено было нами, то-есть частью отряда, наступательное движеніе изъ Китаба на другой городъ Шахриязбской провинціи, Шааръ, отстоящій отсюда въ семи верстахъ на юго-западъ, но также въ чертѣ тридцативерстной оборонительной стѣны, нами штурмованной. Предположеніе, что жители Шаара не окажутъ сопротивленія къ занятію ихъ города, оправдалось на дѣлѣ. По дорогѣ туда толпы возвращающагося народа въ Китабъ встрѣчали колонну нашу съ повинною и изъявленіемъ полной покорности побѣжденныхъ, а у воротъ города ожидала насъ несмѣт-

ная масса народонаселенія, восторженно увѣрявшая насъ не только въ безпредѣльной преданности и вѣрности Бѣлому Сардару, но и въ совершенномъ благополучіи избавиться отъ ненавистнаго имъ владычества страшнаго деспота бека Баба-бея... Въ саду около Шаара властями города намъ предложенъ былъ роскошный дастарханъ, при чемъ собравшійся изъ любопытства кругомъ народъ съ покорностью, но видимо безъ особаго удовольствія, выслушалъ генерала Абрамова, громогласно объявившаго, что они, жители городовъ Шаара и Китаба, а равно и всей Шахризязьской провинціи, отнынѣ освобожденные отъ тяжкаго ига обоихъ отложившихся отъ эмира бековъ Джура-бея и Баба-бея, снова поступятъ въ вѣрноподданство ихъ законнаго владетелина эмира Бухарскаго.

Въ числѣ тѣсно окружившей насъ толпы разнородныхъ восточныхъ націй, меня поразилъ видъ представителей индусовъ огнепоклонниковъ съ ярко-красными огненнаго цвѣта изображеніями пламени на ихъ лбахъ.

По возвращеніи изъ Шаара мы направились прямо не въ разраженный Китабъ, а въ лагерь, разбитый въ нашемъ отсутствіи среди прекраснаго, очень обширнаго и тѣнистаго сада низложеннаго бека. Здѣсь подъ вѣтвистымъ орѣхомъ нашелъ я свою палатку, а рядомъ съ нею и весь мой штатъ, устроившій мнѣ новую резиденцію на славу. Нигдѣ не видѣлъ и не ѣлъ я такого арбуза, какъ тамъ. Великою въ чудовищную бомбу, темно-зеленаго цвѣта снаружи, онъ съ трескомъ хрустнулъ подъ ножомъ и внутри оказался кровяно-краснаго цвѣта, сочнымъ и сладкимъ выше всякаго описанія. Чудо, а не арбузъ!

Здѣсь уже въ лагерѣ познакомился я подробнѣе и съ оборотною стороною медали, то-есть цѣлью всей нашей экспедиціи, выяснившей смыслъ загадочной рѣчи Абрамова въ Шаарѣ о передачѣ Шахризязьса эмиру Бухарскому. Исторія эта слѣдующая.

Изстари Шахризязьская страна, область, провинція, — называй, какъ хочешь, — очень плодородная и богатая, густо населенная болѣе ста тысячами жителей самаго воинственнаго, а вмѣстѣ и промышленнаго племени всего края, всецѣло входила въ составъ владѣній Бухарскихъ эмировъ. Въ 1863 году, вслѣдствіе многихъ смуть и политическихъ переворотовъ въ Средней Азіи, правитель Китаба, отважный бекъ Джура-бей совмѣстно съ Баба-беємъ, губернаторомъ города Шаара, отказавшись платить дань законному повелителю своему, эмиру, подняли знамя возстанія и со всею имъ вѣренною страню совершенно отложились отъ Бухары. Предвидя, что эмиръ несомнѣнно захочетъ возвратить свои права и съ оружіемъ въ рукахъ явится завладѣть родовымъ достояніемъ, — оба бека, Джура-бей въ особенности, приняли самыя энергичныя мѣры къ вооруженію и сильному укрѣпленію всего Шахризязьса и съ этой цѣлью частью возобновили, а частью воздвигли и новую стѣну,

окружавшую Китабъ и Шааръ съ ихъ садами и культурными полями на протяженіи болѣе тридцати верстъ, выстроивъ при томъ въ центрахъ городовъ крѣпкія, по ихъ мнѣнію, цитадели. Когда до инсургентовъ дошла достовѣрная вѣсть о воинственныхъ сборахъ и наступленіи эмира на Шахризязбъ, оба предусмотрительные бека, соображая затрудненія, при маломъ сравнительно гарнизонѣ ихъ, удержатъ на всемъ протяженіи растянutoй оборонительной линіи натискъ многочисленнаго непріятеля,—порѣшили всю мѣстность за южнымъ и западнымъ фасадами стѣны затопить напускною изъ арыковъ водою и, такимъ образомъ, сдѣлавъ всю эту часть укрѣпленій недоступною для осаждающихъ, защищать только остальные фасады, усиленно вооруженные артиллеріей и пѣхотой.

Исходъ этой мудрой стратегіи не замедлилъ блестящимъ образомъ оправдаться на дѣлѣ. Семь лѣтъ сряду бухарскія полчища, предводимыя самимъ эмиромъ, тщетно вели ожесточенныя наступленія на Шахризязбскія твердыни, но отбитыя Джура-беємъ и воинственными его инсургентами на всѣхъ пунктахъ атаки съ большимъ урономъ обращались вспять. Тѣмъ временемъ, къ довершенію всѣхъ бѣдъ эмира, передъ штыками русскими палъ и Самаркандъ.

Придавая громадное значеніе этому священному городу, глубоко чтимому во всей Средней Азіи, какъ колыбель великихъ, еще время Александръ Македонскаго, историческихъ событій, съ гробницей въ немъ Тамерлана и другихъ славныхъ сподвижниковъ его, съ безцѣнными памятниками древнихъ дней владычества и культуры, зодчества и искусства, эмиръ бухарскій, въ сознаніи невозможности вернуть его отъ русскихъ силою своего оружія, отправилъ въ Петербургъ своего сына-наслѣдника, молить великаго Бѣлаго царя о возвратѣ ему Самарканда. Посольство это изъ Бухары, въ сопровожденіи нашего полковника Колзакова, конечно, не могло быть успѣшно, но въ видѣ вознагражденія ему обѣщали содѣйствіе нашихъ войскъ къ завоеванію и возвращенію во власть его, утраченной имъ, Шахризязбской области.

Настоящую экспедицію и приведено было въ исполненіе обѣщаніе нашего правительства, и завоеванное царство было сдано генераломъ Абрамовымъ эмиру бухарскому. Всѣ раненые наши, за исключеніемъ подполковника Соболева, на другой же день послѣ взятія Китаба, отправлены были съ двумя ротами въ Самаркандъ, откуда съ нарочными получены были письменныя извѣщенія отъ капитана Иванова. Всѣ они прибыли въ вождѣльномъ здравіи, кромѣ бѣднаго Василія Николаевича Соковнина, у котораго пуля засѣла глубоко надъ легкими, и вынуть ее было невозможно.

Изъ любопытныхъ новостей Ивановъ сообщалъ Абрамову, что изъ Ташкента прибылъ форсированнымъ маршемъ намъ на помощь 1-й стрѣлковый баталіонъ, но, конечно, задержанъ былъ въ Самар-

кандѣ для обратнаго путешествія по голодной степи въ свою штабъ-квартиру. Но что серьезнѣе, это свѣдѣнїя о настроенїи всего населенїя Заравшанскаго округа, при полученїи о постигшей насъ неудачѣ на первомъ штурмѣ. Народъ былъ сильно возбужденъ и возстанїе въ тылу нашимъ висѣло на волоскѣ. Каково однако! Малѣйшая неудача нашего оружія, и все зданїе нашего владычества могло быть легко поколеблено.

Только 23-го августа, послѣ сложныхъ китайскихъ церемонїй при передачѣ Шахризябса новымъ правителямъ, намъ удалось выбраться изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ и странствовать съ отрядомъ по горамъ и доламъ, на юго-востокѣ отъ Китаба. Четырехдневное путешествіе по узкимъ тропинкамъ вверхъ и внизъ, вдоль и поперегъ скалистыхъ утесовъ, съ व्यючнымъ только при насъ обозомъ, большими переходами безъ продовольствїя и даже палатокъ, представляло намъ очень невеселый дивертисементъ. Предполагаемое столкновенїе, боевое, конечно, съ какимъ-то независимымъ, а потому въ отношенїи насъ и неучтывимъ бекомъ Магіенскимъ кануло въ воду, и въ награду за претерпѣнные нами труды, во время утомительнаго похода, мы увидѣли передъ собою, правда, въ очень живописной мѣстности, амфитеатромъ выстроенный на берегу рѣки, городъ Оедобей, но, увы, безъ живой души, не только человѣческой, но и куриной.

Къ вечеру, однако, на базарной площади города, какъ изъ норъ, выползли какіе-то оборванные торгаши-туземцы, предлагавшіе на удовлетворенїе нашихъ отошальныхъ желудковъ не мясо на бифштексъ, а плохіе арбузы, дыни и незрѣлый виноградъ. Баронъ Ренне, очень довольный найти наконецъ во вселенной городъ, гдѣ онъ еще ничего не былъ долженъ, въ большомъ количествѣ набралъ дрянныхъ фруктовъ этихъ и широко угощалъ ими всю братію нашу; Вавила же въ это время гдѣ-то добылъ заблудшаго барашка и привлекъ имъ къ себѣ все общество, не исключая Абрамова и прочихъ важныхъ лицъ.

25-го наконецъ, изломанный и избитый, повалился я на соблазнительную постель мою въ Самаркандѣ и съ наслажденїемъ предался чтенїю писемъ отъ жены и мальчиковъ моихъ.

Дня два спустя, Ренне и Нарбутъ, по порученїю всѣхъ прочихъ участниковъ шахризябской экспедиціи, явились ко мнѣ съ просьбой устроить въ моемъ саду ужинъ въ честь генерала Абрамова, такъ мило насъ угощавшаго во все время похода, а также и отъѣзжающихъ въ Ташкентъ—Троцкаго, Михайловскаго и Фриде. Никогда не отказываясь отъ такой заботы, я согласился, но пришелъ въ недоумѣнїе, гдѣ добыть посуды и стекла. Обозъ съ нашими вещами шелъ круговымъ маршемъ на Джамъ, а въ магазинахъ здѣшнихъ на лицо было всего 8 стакановъ. *A la guerre comme à la guerre!* Рѣшили пить прямо изъ горлышка. На каждого при-

шлось (за неимѣніемъ другаго вина) по двѣ бутылки шампанскаго, и всё безъ исключенія исправно, точно и безобидно исполнили эту поголовную бутылочную повинность.

Помимо задушеввыхъ тостовъ и всякихъ пожеланій, одно обстоятельство, случившееся при этомъ словоизверженіи, заслуживаетъ исключительнаго значенія. При провозглашеніи заздравныхъ послѣдовательно каждаго изъ участниковъ экспедиціи и ужина нашего тостовъ, Абрамовъ, самъ руководившій ихъ очередью, не только умышленно пропустилъ двухъ присутствующихъ, но обиняками далъ понять всему обществу, что эти двѣ личности недостойны никакого вниманія, такъ же какъ и представленія къ наградамъ за прошлую экспедицію: въ минуту штурма съ лѣвой батареей табскихъ стѣнъ они невѣдомо куда улетучились, но на правую батарею не явились, а цѣлыя сутки, какъ оказалось впоследствии, скрывались въ пустой и очень спасительной бахчѣ, внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ.

Предположенный 30-го августа именинный фестиваль былъ отложенъ по случаю усилившагося нездоровья генерала. Пуля застряла у него въ животѣ; рану зондировали, но, не ощутивъ ея, только развелили и усилили страданія пациента. Не смотря на это, послѣ торжественнаго молебствія и парада, подобающаго въ день тезоименитства государя императора, Нарбутъ, Ренне и я отправились въ просторной долгушѣ на дачу начальника Заравшанскаго округа съ поздравленіемъ. Тамъ застали мы многочисленное общество не только всѣхъ самаркандскихъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ области. Абрамовъ, больной и страждущій, былъ, однако, на ногахъ и встрѣтилъ гостей очень радушно. Въ намѣреніи не утруждать его продолжительнымъ пріемомъ, мы уже собрались всё откланяться, когда хозяинъ, пожимая руки прочимъ, попросилъ меня остаться переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Не зная, какъ за отъѣздомъ моихъ спутниковъ добратся до дома, я былъ тутъ же выведенъ изъ затрудненія обязательнымъ предложеніемъ новаго моего знакомца, маіора Юни, командира 6-го линейнаго баталіона, послѣ его аудіенціи съ генераломъ, довести меня до города. Проводивъ всѣхъ гостей и переговоривъ съ Юни, Абрамовъ попросилъ меня въ кабинетъ и, усадивъ противъ себя, съ нѣкоторою торжественностью приступилъ къ сообщенію, что онъ имѣлъ на меня виды, какъ на баталіоннаго командира или начальника отдѣла, во всякомъ случаѣ рассчитывалъ со мной не разставаться, но сегодня ночью полученное письмо отъ Кауфмана разрушило его планы. «Если маіоръ Полторацкій, — говорилось въ письмѣ, — еще не получилъ опредѣленнаго назначенія для командованія частью или управленія отдѣломъ, то командировать его немедленно съ донесеніемъ о шахризьябской экспедиціи въ Ташкентъ для дальнѣйшаго его слѣдованія курьеромъ въ Петербургъ».

Абрамовъ расчелъ тутъ же, что ранѣе 1-го сентября меня отправить онъ не можетъ, такъ какъ донесенія и планы, за которыя онъ засадилъ барона Аминова, не могли быть иначе готовы.

Ихать въ Петербургъ для меня было такимъ благополучіемъ, что на возвратномъ пути съ дачи генерала въ Самаркандъ я безъ умолка приставалъ къ моему спутнику, чтобы онъ понялъ и раздѣлилъ бы мою радость. Прѣхавъ въ его тарантасъ уже около 6 верстъ и распространяясь исключительно о своемъ великомъ счастьи, я тутъ только обратилъ вниманіе на моего сосѣда и узналъ отъ него, что онъ тотъ самый знаменитый Юни, который геройски отбивался при взятіи Севастополя, въ башнѣ Малахова кургана, при чемъ, въ концѣ концовъ, раненый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами и впоследствии, по личному ходатайству самого императора Наполеона III, награжденъ за подвигъ свой георгіевскимъ крестомъ.

Прѣхавъ въ Самаркандъ, я тотчасъ же объявилъ моему штату объ отъѣздѣ и, предполагая не брать еще слабаго Вавилу, сгоряча сказалъ ему объ этомъ. Панфиловичъ мой въ слезахъ присталъ съ просьбой непременно взять его съ собою, а Кондратій также бросился умолять меня не оставлять его, такъ какъ въ Могилевской губерніи вся семья его, которую онъ уже не видалъ семь лѣтъ. Дѣлать нечего, беру съ собой обоихъ. Все же подвижное мое хозяйство, мельхюръ, посуду, уступилъ я, по его просьбѣ, Абрамову, а самъ пріобрѣлъ легкой и удобной тарантасъ отъ барона Ренне за 160 рублей. Проводы мои въ Самаркандѣ были очень задумчивы и продолжительны, впрочемъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, такъ какъ бумаги поспѣли только къ десяти часамъ вечера, не смотря на то, что штабные съ Аминовымъ во главѣ работали день и ночь.

Въ день пріѣзда моего въ Ташкентъ, утромъ же, я представлялся Кауфману. Онъ разспрашивалъ меня о ходѣ всей совершенной экспедиціи и хотя всѣ подробности ея отлично зналъ уже отъ Троцкаго, но желалъ знать и мое мнѣніе, которое я чистосердечно и не стѣсняясь ему высказалъ. Между прочимъ, Константинъ Петровичъ сочувствовалъ вполне моему возрѣнію на поразившее меня халатное пренебреженіе въ походѣ къ окружающему непріятелю; послѣ многихъ разспросовъ онъ неожиданно затѣмъ прервалъ ихъ вопросомъ:

— А вы, Владиміръ Алексѣевичъ, сдѣлали очень важное въ географической отношеніи открытіе?

— Какое? Не знаю, Константинъ Петровичъ.

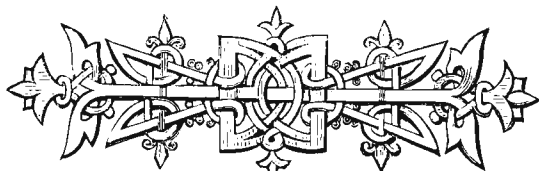
— А опредѣленіемъ достопримѣчательности города Фодобей. Теперь онъ извѣстенъ будетъ тѣмъ, что въ немъ ничего не долженъ баронъ Ренне! Прелестно! — заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отчеканивалъ Кауфманъ. — Вѣдь я все знаю, — добавилъ онъ съ тон-

кою улыбкою, — всѣ ваши подвиги, злыя насмѣшки, критику, остроту и даже оригинальную изобрѣтательность на ужинѣ, при недостаткѣ стакановъ; все, все мнѣ извѣстно.

Но, не смотря на милостивое ко мнѣ вниманіе Кауфмана, донесеніе о побѣдѣ должно было скорѣй меня дойти до Петербурга. Сентября 3-го поѣхалъ туда въ отпускъ полковникъ Носовичъ, и пока чертили планы и составляли подробнѣйшее донесеніе для врученія мнѣ, какъ курьеру, Константинъ Петровичъ уполномочилъ Носовича «частно» рассказать военному министру о результатѣ шахрисябской экспедиціи.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ТАИНСТВЕННАЯ КОРРЕСПОНДЕНТА.

ТЬСЯЦА ДВА тому назадъ, мнѣ достались черновыя записки неизвѣстной дамы, игравшей, какъ читатель увидитъ, весьма странную роль при дворѣ трехъ государей: Екатерины II, Павла I и Александра I. Рукопись несомнѣнно писана въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ чемъ удостовѣряють ея бумага, цвѣтъ чернилъ, почеркъ и правописаніе. Она распадается на двѣ части: русскую и французскую, и страдаетъ множествомъ погрѣшностей и произвольныхъ сокращеній, разбираться въ которыхъ довольно досадно. Я не достаточно силенъ въ исторіи эпохи, которую рисуютъ намъ записки, чтобы дѣлать предположенія объ имени ихъ составительницы, но изслѣдователю-спеціалисту разобраться въ фактахъ и лицахъ будетъ, вѣроятно, не трудно. Находящійся у меня оригиналъ рукописи я съ удовольствіемъ предоставлю вниманію всякаго ученаго, кто бы имъ заинтересовался. Здѣсь я передамъ лишь ходъ событій, въ запискахъ излагаемыхъ, приводя въ подлинникъ наиболѣе характерныя и занимательныя мѣста. Печатать рукопись цѣликомъ не имѣло бы интереса: авторъ черезчуръ много умствуешь. Какъ образчикъ этихъ умствованій привожу выдержки изъ длинныхъ и разнообразныхъ предисловій къ запискамъ. Манускриптъ носить названіе «Сокращенная выписка изъ тайной записки моей жизни съ 1794 по 1808 годъ». Ниже предупрежденіе:

«Читатель увидитъ и разберетъ, а, разобравъ и взвѣсивъ мои дѣла, пускай наименуетъ меня, какою изволить». Затѣмъ слѣдуетъ «Предисловіе» такого содержания: «Съ ошибками современниковъ моихъ не уживается и совершеннѣйшій человѣкъ. То могу ли я оскорбляться, что предразсудки, оскорбленія и клеветы устремились на меня? Но, какъ терзанія совѣсти не преслѣдуютъ меня, то бросаю оныя, подобно тяжелому сну, и забываю ихъ. Зерцало Истины и Правосудія, переходя изъ рукъ въ руки, наконецъ... вовсе разбилось; и только тотъ можетъ отыскать его обломки и, соединивъ ихъ, привести въ совершенную цѣлость, кто не страшится злодѣевъ, гордящихся своими преступленіями и своимъ могуществомъ. Тотъ и имѣетъ твердость духа и благородное презрѣніе къ бѣдствіямъ. А кто боролся съ самыми трудными обстоятельствами, тотъ уже слабыя свободно одолѣетъ. *Dulce et decorum est pro virtutibus mori*»

«Введеніе. Вопросъ. Для чего одинъ глупый, а другой съ душою человѣкъ, и оба рожденные для забвенія, свѣтозарны, тогда, когда умный и добродѣтельный человѣкъ проводитъ дни жизни своей во тьмѣ?»

Отвѣтъ.

«Для словъ, какъ для людей, есть жребій роковой;
Случай играетъ ихъ судьбой.
Онъ—ихъ судья, они—его созданье.
Захочетъ—и въ чести; велитъ—они въ изгнаньи.
Неистовый тиранъ, но святъ его законъ».

«Сіе значить, что добродѣтель, дарованія и заслуги, кажется, должны бы быть единственными ходатаями, но между тѣмъ должны уступить мѣсто проискамъ кичливыхъ, которые только тѣмъ и занимаются, чтобъ подлазить и уловить, которыхъ дѣло только въ томъ и состоитъ, кто лучше умѣетъ въ милость и довѣренность государя вкратся и задружить его рабовъ и, ползая, мало-по-малу, на высоту вздраться! Кто проворнѣе и гибче, тотъ скорѣй пролѣзетъ; но знающій цѣну своей добродѣтели удаляется и въ забвеніи остается. Такъ Дворъ, наполненный происками, есть такое смѣшеніе страстей, въ которомъ и самая премудрость не можетъ разобрать истины. Такъ въ царствованіе государя императора Александра Перваго всенародная польза почиталась за ничто; уваженіе особы рѣшало и похвалы и поношенія, и сей царь, лжами окруженный, обремененный сомнительностями и недовѣрчивостью, по большей части изъ нерѣшимости своей, не выходилъ иначе, какъ токмо ввергаясь въ заблужденіе».

Эти общія замѣчанія даютъ автору поводъ къ довольно туманному и мало интересному «сближенію» съ частнымъ примѣромъ: своею личною судьбою, послѣ чего, наконецъ, начинается и самая «тайная записка».

Отец «тайственной корреспондентки» скончался 31-го марта 1794 года, оставивъ дочь на 22-мъ году отъ рожденія. Онъ занималъ какой-то высокій постъ при дворѣ Екатерины II, но, кажется, именно этотъ постъ и сдѣлалъ его великимъ пессимистомъ. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ дочери въ высшей степени мрачное завѣщаніе. Въ немъ «было мнѣ именно приказано удаляться елико возможно отъ царскаго престола, который изображалъ онъ мнѣ окруженнымъ густѣйшимъ туманомъ зависти и мрачнѣйшими облаками злобы. Таковое описаніе устрало неопытность мою ужаснѣйшимъ образомъ». Въ французской части рукописи мы находимъ явственныя указанія, что отцовское завѣщаніе не только отвратило нашу героиню отъ придворной жизни, но и вообще надолго отравило ей жизнь своими неприглядными картинами.

«Вообразите,—говоритъ она,—дѣвушку съ характеромъ отъ природы и въ обыденныхъ условіяхъ мягкимъ и покорнымъ, но когда ея овладѣваютъ страсти—горячимъ, гордымъ и неукротимымъ. На нее, какъ способную руководствоваться голосомъ разсудка, всегда дѣйствовали ласкою, справедливостью, снисходительностью. Она никогда не имѣла понятія о несправедливости и въ первый разъ при прочтеніи настоящей рукописи (т. е. завѣщанія) узнала о жестокой несправедливости тѣхъ, кого она любила и уважала болѣе всего. Какой переворотъ понятій?! Какой безпорядокъ чувствъ въ ея сердцѣ, въ ея головѣ, во всемъ ея нравственномъ «я»! Вообразите все это,—говорю я,—если возможно, потому что я лично чувствую себя не въ состояніи прослѣдить все, что со мной тогда дѣлалось. Тутъ былъ конецъ ясности и спокойствія моей молодости. Съ этой минуты я перестала наслаждаться чистымъ счастьемъ и теперь даже чувствую, что воспоминанія о прелестяхъ моего тогдашняго возраста тутъ обрываются. Деревня потеряла въ моихъ глазахъ притягательную силу спокойствія и сердечной простоты: она мнѣ казалась темной пустыней, она была какъ бы покрыта пеленой, скрывающей отъ меня всѣ ея прелести. Я перестала ее любить и уговорила мою мать продать ее¹⁾. Только ста-

¹⁾ Qu'on se figure une personne née avec un caractère doux et docile dans la vie ordinaire, mais ardent, fier, indomptable dans les passions; gouvernée par la voix de la raison, toujours traitée avec douceur, équité, complaisance qui n'avait pas même l'idée de l'injustice, et qui, pour la première fois, par la lecture du manuscrit en question, y voit une si terrible injustice de la part précisément de ceux qu'elle chérissait et respectait le plus. Quel renversement d'idées! quel désordre de sentiments! quel bouleversement dans son cœur, dans sa tête, dans tout son être moral! Je dis qu'on s'imagine tout cela, s'il est possible; car, pour moi, je me sens hors d'état de démêler, de suivre la moindre chose de ce qui se passait alors en moi. Là fut le terme de la sérénité de ma jeunesse. Dès ce moment je cessai de jouir d'un bonheur pur, et je sens aujourd'hui même que le souvenir des charmes de l'âge que j'avais, s'arrête là. La campagne perdit à mes yeux cet attrait de douceur et de simplicité qui va au cœur: elle me semblait déserte et sombre; elle s'était comme couverte d'un voile qui m'encachait les beautés. Je n'y trouvai plus de goût et déterminai ma mère à la vendre.

рость была въ силахъ примирить «незнакомку» съ ея воспомина- ніями. Объясненій скорби своей она не даетъ: это какая-то семей- ная тайна. Во французской же части рукописи есть странный на- меткъ: «мое рожденіе было первымъ изъ моихъ несчастій. Не знаю, какъ перенесъ это огорченіе мой отецъ, но знаю, что оно его всегда грызло».

Какъ бы то ни было, мемуаристка—дочь преданная, любящая, благоговѣющая предъ родительской памятью. Скорбь ея по отцѣ обратила на нее вниманіе императрицы Екатерины. Она «при- слала ко мнѣ съ утѣшительнымъ увѣщеваніемъ и совѣтами чело- вѣка, который, по рассказамъ отца моего, былъ мнѣ довольно извѣ- стень, а именно обергофмаршала своего князя Барятинскаго. Сей гнусный царедворецъ, сіе пресмыкающееся твореніе, испещенное изъ самаго Тартара, который адскіе знаки возвышенія своего но- силъ на правой своей рукѣ (?), старался съ отвратительною для меня царедворскою любезностью, которая тогда въ глазахъ моихъ казалась болѣе насмѣшкою, утѣшить меня и склонить на царскую милость, предложенную мнѣ Великой Екатериной, но получилъ отъ меня, наконецъ, слѣдующій отвѣтъ:

— «Князь, я выслушала васъ до конца и не удивляюсь вашей эпикурейской философіи; но позвольте мнѣ теперь вамъ откровенно сказать, что вы и всѣ вамъ подобные, имѣвъ души помраченныя, не можете понять грусти моей, слѣдственно—не въ состояніи меня уразумѣть. Итакъ, оставьте печальную на произволъ собственнаго ея счастья и увѣрьте ея императорское величество, что, чувствуя въ полной мѣрѣ всѣ ея ко мнѣ милости, за которыя и приношу ей сердце, преисполненное наичувствительнѣйшей благодарностью, но въ то же время, чувствуя себя и совершенно неспособною жить при дворѣ, я не могу на оное рѣшиться».

«На сіе вышесказанная особа, сдѣлавъ замѣчаніе по своему, по- лучила отъ меня опять слѣдующій отвѣтъ:

— «Повѣрьте, милостивый государь, что я всѣ милости монар- хини очень живо чувствую и ихъ цѣнить умѣю, но скажу вамъ теперь рѣшительно, что только тогда, когда сердце мое превратится въ камень, когда огонь чувства чистѣйшей добродѣтели угаснетъ въ груди моей, подобно, какъ заря вечерняя угасаетъ на полнощ- номъ небѣ; когда, забывъ святую истину, паду я ницъ предъ зла- тыми кумирами человѣческихъ заблужденій, тогда... да, тогда только, князь, буду я жить между царедворцами—жить въ ихъ удоволь- ствіе и быть другомъ ихъ, но теперь мы чужды другъ другу и го- рестъ моя не можетъ ихъ тронуть!»

Однако же, послѣ всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, незнакомку все-таки потянуло во дворецъ. Въ ней возродилось живѣйшее же- ланіе «увѣриться въ сказанномъ мнѣ отцомъ моимъ, собственнымъ

моимъ опытомъ, приблизиться къ царедворцамъ и въ тайнѣ разглядѣть сихъ хамелеоновъ».

«Свѣтлѣйшій князь Безбородко, бывшій тогда еще графомъ, неизмѣнный другъ родителя моего, коему всѣ тайны извѣстны были, умирающему другу своему далъ обѣщаніе служить сиротѣ его вмѣсто отца и покровителя, въ чемъ и слово свое сдержалъ. Сей почтеннѣйшій мужъ посѣщалъ меня часто, и однажды при свиданіи съ нимъ сказала я ему слѣдующее:

— Почтенный мой покровитель, въ моихъ съ вами бесѣдахъ я очень много нужнаго и полезнаго для себя почерпнула, а теперь прошу васъ наставить меня въ томъ средствѣ, чрезъ которое могу успѣть въ желаемомъ мною, а именно—быть занятой должностію, не бывъ, однако же, въ зависимости ни у кого. Желать того, что однажды требовала Дашкова отъ монархини своей, было бы съ моей стороны крайне безразсудно, но между тѣмъ ужасныя возродились у меня чувства къ пользѣ монаршей; и въ здоровомъ разсудкѣ, но свыше, кажется, благодати, чтобъ можно было мнѣ въ ономъ успѣть. Объяснять вамъ всю обширность познаній и опытности родителя моего въ политикѣ и глубокомысліе его не нужно; оно вамъ довольно извѣстно, и если я, по младости и неопытности моей, не имѣю ни его обширныхъ свѣдѣній, ни его глубокомыслія и тонкости ума, то имѣю, по крайней мѣрѣ, довольно достаточнаго свѣдѣнія о нѣкоторой политической части, состоящей въ собраніи и составленіи общенародныхъ мнѣній; въ чемъ же я найду какое ни на есть недоумѣніе, то вѣрно второй мой отецъ позволить мнѣ прибѣгнуть къ его совѣтамъ.

— «Любезная моя философка (симъ именемъ называлъ меня почти всегда князь Безбородко),—сказалъ мнѣ сей съ почтенною и милостивою улыбкою,—я постараюсь, при удобномъ случаѣ, поговорить о семъ съ императрицею; но я долженъ васъ предупредить, что она на васъ въ великомъ неудовольствіи, и вамъ самимъ причина сего извѣстна; но я всевозможно постараюсь загладить вашу вину предъ нею; возьмите нѣсколько терпѣнія, а наипаче будьте молчаливы и не сообщайте никому вашего желанія...

«Черезъ нѣсколько времени, по возвращеніи императрицы изъ Царскаго Села, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1794 года, извѣстилъ меня Безбородко, что поздравляетъ меня съ желаемымъ успѣхомъ, но что ея императорское величество повелѣла мнѣ заниматься выше-сказанной должностію въ совершенной сокровенности и доставлять плодъ трудовъ моихъ къ нему Безбородкину, при чемъ изволила замѣтить слѣдующее: что я странная и удивительная молодая особа, но что это не что иное есть, какъ послѣдствія воспитанія и упорства родителя моего не вручить меня г-жѣ Фибаль (сія Фибаль была выписана изъ Парижа самою императрицею для шести фрейлинь при дворѣ, которыхъ она особенно

отличала). Онъ потерялъ дочь свою,—продолжала монархиня,—своимъ глупымъ воспитаніемъ; что онъ теперь изъ нея сдѣлалъ, сообщая ей свои странныя правила, свое упрямство и свою гордость! Ахъ, какъ мнѣ ее жаль! Но, графъ, нельзя ли ее склонить войти въ супружескую связь? Она вась очень много любитъ и почитаетъ, вы имѣете всю ея довѣренность; постарайтесь на сіе склонить сію несчастную. Я имѣю для нея очень хорошаго и выгоднаго жениха; вы его знаете, графъ, это—Грабовскій (побочный сынъ короля польскаго).

— «Какъ?—вскричала я, пылающая негодованіемъ:— мнѣ замужъ идти?.. Мнѣ имѣть мужа, имѣть для себя сію лишнюю и пустую мебель?!.. Знаю и чувствую, что, конечно, императрица имѣетъ причину жалѣть обо мнѣ, но отнюдь не о моемъ воспитаніи, не о томъ, что я есть теперь, ибо я теперь, благодаря Бога, дѣвица честная, какой и завсегда надѣюсь остаться. И скажите, второй мой отецъ, что бы я была при дворѣ?

«Сей отвѣчалъ: «столь же любезны, но не такъ добродѣтельны, вы бы были лишены сей драгоценной душевной дѣвственности, которая чужда придворнымъ».

— «Такъ скажите мнѣ, о чемъ же жалѣетъ императрица? развѣ только о томъ, что я собою не умножила число развращенныхъ, которые ее окружаютъ? Въ самомъ дѣлѣ я всенижайше благодарю ее о семъ участіи и твердо увѣряю, что мнѣ никогда не быть замужемъ».

— «Для чего же такъ, милая моя философка, развѣ вы совершенно возненавидѣли нашъ полъ?—возразилъ почтенный мой покровитель.

— «Ахъ, нѣтъ, графъ, и я надѣюсь, что вы увѣрены въ моемъ къ вамъ высокопочитаніи и великой душевной любви... словомъ, я такъ много цѣню всѣ ваши рѣдкія достоинства и вашу отличную добродѣтель, что если бы это только возможно было сдѣлать, то я приказала бы съ вась снять портретъ, приказала бы всѣмъ ему молиться, какъ образу. Но замужъ за вась никогда не согласилась бы идти; не для того, что вы теперь для меня слишкомъ стары, но для того, что зависимость для меня, какого бы она, впрочемъ, рода ни была, слишкомъ ужасна по правилу и характеру моимъ, и вотъ единая причина моего отвращенія къ супружеству.

— «Слѣдовательно,—сказалъ графъ,—императрица права и со всею справедливостью осуждаетъ данное вамъ родителемъ вашимъ, не по полу вашему, воспитаніе. Но теперь нечего о семъ разсуждать; что сдѣлано, того не возвратитъ; а извольте лучше начать вашу новую должность и получать за оную жалованье вмѣсто замужества».

— «Помилуйте, графъ, я никогда и не мыслила служить изъ

жалованья, а только изъ одной чести. Вамъ не безъизвѣстно, что родитель мой оставилъ мнѣ 500.000 рублей, что и довольно достаточно будетъ по гробъ мой.

— «Ну, философа моя, какъ вы сіе назовете, не гордость ли это? и вамъ извѣстно, что у меня такой суммы въ двадцать кратъ болѣе, но я, между тѣмъ, не отказываюсь отъ жалованья, да и не смѣю этого сдѣлать: намъ прилично получать и жалованье, и милости отъ царей, а имъ неприлично пользоваться нашими милостями; и вы этимъ обижаете вашу благодѣтельницу, что очень не хорошо. Итакъ, я совѣтую вамъ принять отъ великой ея щедроты назначенныя вамъ ежегодно по 12.000 рублей жалованья и сей подарокъ, который она изволила мнѣ вручить для доставленія вамъ при слѣдующихъ словахъ:

«Я сердечно желаю, чтобы труды новаго моего слуги (или служителя) столь же полезны и питательны были, какъ изображенныя зерна въ семъ колосѣ, однакожь менѣе блистательны: впрочемъ, я увѣряю ее во всегдашнемъ моемъ царскомъ благоволеніи и что я ее даже и нехотя люблю».

«Я была столь смущена и столь растрогана толикими монаршими милостями, что тогда, истинно стыдясь своему заблужденію, я совершенно осталась безмолвной, и въ семъ положеніи оставилъ меня графъ.

«Сей великій мужъ, сей всеобъемлющій геній, который имѣлъ рѣдкій даръ читать въ человѣческомъ сердцѣ и имѣть управлять всесовершенно, очень легко усмотрѣлъ, что происходило тогда въ моемъ, и посему за нужное почелъ оставить меня въ покоѣ, дабы могла я предаться сердечному чувству моему и размышленіямъ моимъ.

«По отбытіи графа, удалилась я немедленно въ свой кабинетъ, гдѣ бросаясь въ кресло и орошенная потоками слезъ, обвиняя то себя, то опять оправдывая, такъ что попеременно была колеблема разными чувствованіями, и осталась въ семъ положеніи на весь день одна, въ философическомъ уединеніи своемъ, гдѣ я и начала размышлять о новой своей должности и надежнѣйшихъ средствахъ приступить къ ней.

«Вступила я въ оную 1794 года, октября 23 дня, и тогда было мнѣ отъ роду 22 года и 7 мѣсяцевъ; въ теченіе этого года успѣла я доставить ея императорскому величеству плоды трудовъ моихъ, которые были очень милостиво приняты и одобрены и за которые получила я опять брилліантовые серги, изображающія грушу. Графъ спросилъ меня, какъ мнѣ сей подарокъ нравится.

— «Онъ неподобный,—отвѣчала я,—но между тѣмъ все, что бы я ни получила отъ монаршей щедроты, не можетъ иначе быть для меня, какъ драгоценною вещью! Однакожь, первый для меня цѣннѣе, потому что вынудилъ меня, войдя въ себя, размышлять о

томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ во мнѣ, и сознать, что я виновница огорченій столь милостивѣйшей и великодушнѣйшей царицы, и вотъ почему первый подарокъ любезнѣ.

— «Браво, браво, дочь моя! позвольте старцу обнять васъ за сей прекрасный отвѣтъ, достойный изящныхъ чувствъ великой вашей дѣши.

«Описывать здѣсь всѣ тѣ отличныя милости, коими я пользовалась отъ сей премудрой монархини, столь многочисленны, равномѣрно и всѣ попеченія и благоразумныя наставленія покойнаго князя Безбородкина, что здѣсь упомянуть объ нихъ совершенно не у мѣста, и скажу еще только, что смерть сихъ двухъ для меня божественныхъ благотворителей похитила съ собой и все мое благополучіе.

«По вступленіи на всероссійскій престолъ императора Павла I, то и сей монархъ не оставилъ меня безъ изъявленія своей ко мнѣ благосклонности и въ знакъ оной предложилъ мнѣ мѣсто фрейлины при дворѣ. Здѣсь не должна я умолчать, но сказать въ честь сего государя, что отвѣтъ, который онъ получилъ отъ меня касательно сей предлагаемой мнѣ почести, всякаго иного вынудилъ бы наказать, но, напротивъ того, отъ сего великодушнаго монарха заслужилъ мнѣ похвалу. На мой отвѣтъ онъ сказалъ слѣдующее:

— «Я въ семь отвѣтѣ узнаю достойнаго и почтеннаго отца ея.

«Отвѣтъ же мой былъ слѣдующій: «что я всенижайше благодарю его императорское величество за оказанную мнѣ честь и милость... но чувствую въ полной мѣрѣ и то, что я недостойна ея, да и для сей должности совершенно не рождена и не воспитана, почему и не могу ее занять; что государь, который коротко знавалъ покойнаго родителя моего, вѣрно согласится, что сей не воспитывалъ дочь свою для того, чтобы служить украшеніемъ двора, или лучше сказать, его декораціями; но что я чувствую себя въ состояніи быть полезнѣе въ обществѣ». Послѣ сего предложилъ мнѣ сей государь въ вѣчное мое владѣніе 800 душъ крестьянъ, и отъ тѣхъ я отказалась, сказавъ, что я обращаться съ крѣпостными людьми не умѣю, сельской экономіи не понимаю и что вообще невольниковъ не желаю у себя имѣть. Послѣ сего втораго отвѣта, не сказавъ мнѣ болѣе ничего, прислалъ мнѣ сей монархъ 25,000 рублей и просилъ меня ихъ принять, яко отъ должника родителя моего, у котораго занималъ великимъ княземъ не малозначительныя суммы и не платя никогда процентовъ. Теперь, сдѣлавшись государемъ, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ отдать процентныя деньги дочери сего почтеннаго мужа. Какая деликатность въ сей монаршей милости! Это точная правда, что покойный родитель мой неоднократно ссудилъ деньгами сего государя, когда онъ былъ еще

великимъ княземъ, и когда всѣмъ запрещено было не дѣлать ему довѣрія даже въ пятидесяти рубляхъ.

«Кратковременное царствованіе сего монарха, сего отца народа своего, одушевленного искреннѣйшею любовью къ вѣрноподданнымъ своимъ, какое чувство пронизало все бытіе его и какія рождало благія намѣренія!.. Къ несчастію, онъ ихъ выполнить не могъ, и тѣ, которые ищутъ уязвить дѣянія сего монарха и вмѣстѣ помрачить отравою клеветы благія его намѣренія, уподобляются сатанѣ, старающейся чѣмъ нибудь запятнать непорочность ангела. Онъ, конечно, яко человѣкъ, имѣлъ свои слабости и погрѣшности, но и солнце не безъ пятенъ.

«Въ царствованіе сего государя я истинно уподоблялась невидимкѣ, то-есть, я всѣ свои дѣянія и поступки такъ располагала, что все мнѣ можно было знать, замѣчать, даже и предвидѣть, не бывъ сама ни въ чемъ замѣчена, или подозрѣваема, но оставлена совершенно безъ дальняго вниманія; тѣмъ наипаче, что должность моя при императрицѣ оставалась неизвѣстною, и что только объ ней одинъ Безбородно зналъ, отъ коего я и въ началѣ царствованія Павла Перваго много получила свѣдѣній касательно политическихъ оборотовъ и ненадежныхъ средствъ, принятыхъ симъ государемъ для благополучнаго его царствованія.

«1806 года, блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ, однажды, увидя меня проѣзжающей верхомъ мимо Каменнаго острова и того дворца, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе, спросилъ бывшаго тогда при немъ графа Толстаго, обергофмаршала своего: не знаетъ ли онъ, кто эта дама и гдѣ она живетъ?

— «Не знаю,—отвѣчалъ сей,—но вижу ее часто въ саду графа Строганова.

— «Такъ, пожалуйста, графъ,—сказалъ государь,—узнай о ней и гдѣ она живетъ.

«На другой же день поутру, увидѣла я Толстаго, проѣзжающаго верхомъ мимо того дома, въ которомъ я жила на дачѣ графа Головина, купленной государемъ Александромъ, которая находится по ту сторону Черной рѣчки, за Строгановскимъ садомъ. Толстой поклонился мнѣ съ великимъ уваженіемъ, чему я не мало удивилась, ибо, встрѣчаясь до сего со мною, глядѣлъ онъ мнѣ только въ глаза. На другой день проѣзжалъ онъ опять мимо моей квартиры, но уже съ государемъ, который мнѣ наиблагосклоннѣйше поклонился. Сіе заставило меня обратить на сію странность вниманіе свое. Что бы это значило? думала я. Знаю, что нашъ полъ заслуживаетъ особенное монаршеское благоволеніе, но мнѣ уже 34 года, и слѣдовательно здѣсь что нибудь да другое кроется. Итакъ рѣшилась я выждать конца сей странности. Недѣля проходитъ, и ежедневно въ одиннадцать часовъ, предъ обѣдомъ, государь, тогда

уже одинъ, проѣзжалъ мимо, и все то же и одно привѣтствіе съ его стороны, такъ что всѣ сосѣди начали удивляться частой ѣздѣ государя по той дачѣ, гдѣ предъ симъ его не видали, и тому, что онъ только съ лорнеткой своей устремлялъ взоры свои на мои окошки. Начали уже и поговаривать и, видя меня, хотя и прежде довольно знали и видали, но уже тогда всѣ глядѣли на меня съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и стремились къ окнамъ своимъ, когда я мимо шла или ѣхала: точно такъ, какъ (впослѣдствіи?) глупая калужская публика (?) удивлялась моему костюму. Однако-жъ удивленіе сосѣдей моихъ было для меня крайне оскорбительнымъ, ибо я отнюдь не искала того, чего многія изъ моего пола съ толикимъ стремленіемъ искали, и тогда рѣшилась спустить сторы и не поднимать ихъ до проѣзда государя. Это я соблюла цѣлую недѣлю, и императоръ пересталъ ѣздить мимо моихъ оконъ, а когда случалось ему ѣхать мимо, то не глядѣлъ на нихъ, а обратилъ уже вниманіе свое на нѣмку, купчиху Бахарахтову, которая жила, не доѣзжая моей квартиры, и лучше успѣлъ. Однажды въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда я сидѣла на лавкѣ въ саду Строгонова и занималась чтеніемъ Монтеסקье (книга, содержащая разсужденія о правахъ и законахъ, словомъ—книга государственная), то графъ Толстой, котораго я не подозрѣвала быть столь близко меня, стоялъ уже нѣсколько минутъ за мною. Увидавъ его, я встала съ своего мѣста и удалилась отъ него, показавъ ему видъ недовольный. Въ теченіе того же мѣсяца случилась мнѣ необходимая надобность по дѣлу моему прибѣгнуть къ правосудію монарха, почему я писала къ нему и между прочимъ открыла я ему, сколь много была я облагодѣтельствована августѣйшею бабкою его и чѣмъ я при ней втайнѣ занималась. И такъ объяснившись ему во всемъ томъ, въ чемъ только можно было, не упустила я также тронуть нѣкоторыя предварительныя струны, касающіяся до благоразумнаго правленія и тѣхъ осторожностей, которыхъ оно требуетъ. Звукъ струнъ сихъ понравился тогда сему монарху, что я по тому заключаю, что уже на третій день, по тогдашнему моему прошенію, пожаловалъ ко мнѣ отъ имени государя графъ Толстой съ слѣдующимъ отвѣтомъ: что государь соизволилъ разсмотрѣть мое прошеніе, по которому я непремѣнно удовлетворена буду, но, между тѣмъ, усмотря изъ онаго и великую мою способность быть ему столь же полезной, какъ я была въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей бабкѣ его, то предлагаетъ мнѣ ту же самую должность и на томъ же самомъ положеніи, что, впрочемъ, будетъ умѣть достойно изъяслять мнѣ свою монаршую признательность. Я дала на сіе слѣдующій отвѣтъ:

— «Служить вѣку столь великой монархини, какова была императрица Екатерина Вторая, и монарху, которой самъ по себѣ можетъ служить образцомъ прочимъ европейскимъ государямъ, считаю для себя не только величайшею честью, но и священнѣйшей

обязанностью, но между тѣмъ, графъ, къ великому моему сожалѣнію, должна я отъ сего счастья отказаться. Десять лѣтъ сряду ничѣмъ не занимаясь, какъ одними своими частными дѣлами, и оставъ совершенно отъ политическихъ занятій, то смѣю ли я теперь приняться за нихъ, когда мнѣ должно будетъ долго ходить во мракѣ лабиринта ихъ, ибо не найду болѣе того покровителя, котораго я имѣла въ покойномъ князѣ Безбородко и коего совѣтами была я руководима. Тогда же была я еще молода, не знала никакой опасности и не встрѣчала никакихъ пороговъ, о кои могла бы я разбиться, ибо твердо надѣялась и на великую милость и снисходительность императрицы Екатерины Второй. Но теперь, графъ, мнѣ 34 года отъ рожденія моего...

— «Невозможно,—вскричалъ Толстой, какъ сумаспешій, вскочилъ даже со своего мѣста, пристально глядѣлъ на меня и потомъ сказалъ:—развѣ 22, а много 23 года; вы изволите меня дурачить; кто повѣритъ, чтобы 34-хъ-лѣтняя дѣвица могла быть столь свѣжа, нѣжна и такъ хороша!»

— «Благодарю васъ, графъ, за сіе притворное изступленіе, но позвольте васъ спросить: учились ли вы ариѳметикѣ хотя до вычитанія—10 изъ 25, остается, кажется, 15; такъ кто тому повѣритъ, чтобы премудрая Екатерина могла когда нибудь возложить такую должность, какую я несла, на 15-ти-лѣтнюю дѣвицу? но позвольте кончить нужнѣйшее и вамъ дать запримѣтить, что женщина 34-хъ лѣтъ имѣетъ уже довольно степенности въ характерѣ, чтобы о всемъ судить въ настоящемъ видѣ и слѣдственно предвидѣть всѣ могущія для нея встрѣтиться разныя неудобства и опасности. Къ тому же я должна и въ томъ признаться, что, проживъ десять лѣтъ на свѣтѣ только простой зрительницей и занимаясь разными отвлеченными науками, то отъ неумѣреннаго напряженія умственныхъ способностей иступились онѣ у меня такъ, что отъ сего умъ мой нынѣ находится какъ бы въ нѣкоторомъ онѣмѣніи; почему и ни къ чему болѣе себя способной не чувствую, какъ продолжать дни жизни моей въ покоѣ».

Толстой не взялъ на себя пересказать этотъ отвѣтъ государю, и попросилъ собственноручнаго письма, которымъ императоръ оскорбился, какъ «отговорками, кои показываютъ явственно мое нежеланіе быть ему полезною, для того только, какъ онъ могъ понять изъ моихъ словъ, что я опасаюсь вручить ему судьбу мою. Однако же онъ проситъ меня не обижать его такою недовѣрчивостью, а лучше прежде испытать его справедливость. Онъ тогда надѣется, что я останусь ею довольною и удостовѣрюсь, что я въ своемъ мнѣніи о немъ крайне ошибалась».

— «Да будетъ воля его святая,—отвѣчала я графу,—я ей безмолвно повинуюсь.

— «Итакъ, вы согласны?»

— «Видя на то желаніе монарха моего, не могу иначе принять онаго, какъ за повелѣніе, противъ котораго смѣть упорствовать было бы очень неблагоразумно съ моей стороны, но позвольте васъ спросить, кому будетъ поручено получать отъ меня для государя надлежащія бумаги?»

— «Мнѣ, мнѣ, божество мое!»

«Тутъ осталась я безмолвною и, глядя съ удивленіемъ на сего дурака, думала про себя: признаться, что сей выборъ не обѣщаетъ мнѣ ничего добраго.

— «Чему вы удивляетесь и безмолвствуете?—сказаль сей Донъ-Кихоть (?).

— «Что въ вашихъ лѣтахъ, графъ, и бывъ семейнымъ человѣкомъ, вы употребляете столь неприличныя выраженія.

— «Да развѣ вы ими обидѣлись?»

— «Признаюсь, что мало читала романовъ, почему для меня романическій тонъ крайне не нравится.

«Тогда сей старый волокита, нахмуривъ брови, всталъ и простился со мною очень сухо.

«Не видя у себя цѣлый мѣсяць сего графа, думала я, что все кончилось, и сему внутренно радовалась, ибо крайне не хотѣлось мнѣ заниматься государственными дѣлами. Дѣло мое у государя молчало, и я думала, что, вѣрно, я уже и забыта, такъ какъ мнѣ теперь о себѣ напомнить государю? Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оставила я дачу, а въ ноябрѣ рѣшилась я написать графу, чтобы по крайней мѣрѣ отъ него узнать, чему мнѣ надѣяться по дѣлу своему. Графъ далъ въ отвѣтъ, что онъ боленъ и не можетъ ни быть у меня, ни письменно мнѣ отвѣчать, а ежели мнѣ угодно пожаловать на завтра къ нему въ 12 часовъ предъ обѣдомъ, то можетъ меня принять. Долго колебалась я, ѣхать ли мнѣ къ сей сатирѣ, или нѣтъ, и сколько мнѣ сіе и непріятно было, но необходимость есть жестокой и всемогущій властелинъ! Итакъ, рѣшилась къ нему ѣхать. При входѣ моемъ къ нему, и только что успѣла я сѣсть, первый его вопросъ былъ:

— «Что вы по сіе время дѣлали, что еще не доставили ко мнѣ ни единой бумаги, занимались только своимъ дѣломъ? или думаете шутить съ государемъ?»

«Признаюсь, что, хотя мнѣ тогда и 34 года было, но не обыкши къ таковому привѣтствію, кровь у меня взволновалась, и я, принявъ на себя важный видъ, съ гордостью ему отвѣчала:

— «А вы, милостивый государь, вы гдѣ были и что дѣлали? Играли шута или волокитствовали? Развѣ вамъ государемъ не приказано являться ко мнѣ еженедѣльно и изъ собственныхъ моихъ рукъ получать всѣ бумаги? Жалѣю очень, что сдѣлала честь моимъ посѣщеніемъ такому человѣку, который умѣетъ только обра-

щаться съ придворною прислугой. Прощайте, господинъ Ко стрюлькинъ! Я васъ болѣе знать не хочу.

«Оставя сего пустого человѣка въ изумленіи, возвратилась я домой и написала письмо къ государю слѣдующаго содержанія: «Все-подданнѣйше приношу вашему императорскому величеству мою нижайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и довѣріе, поручая мнѣ столь значительную должность, отъ которой я рѣшительно отказываюсь, если вашему императорскому величеству не заблагоразсудится поручить другой особѣ, кромѣ вашего оберъ-гофмаршала, получать изъ рукъ моихъ извѣстныя вашему императорскому величеству бумаги, который, какъ я сегодня удостовѣрилась въ прежнемъ моемъ объ немъ мнѣніи, что его понятіе не можетъ далѣе простираться его оберъ-гофмаршальской должности двора вашего императорскаго величества». И тутъ рассказала я все, что между нами произошло съ перваго же свиданія со мною по сей день. Государь съ великимъ негодованіемъ показалъ мое письмо Толстому и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, графъ? Развѣ вы не понимаете, кого вы передъ собою имѣете? да кто такъ обращается съ благовоспитанной дамой?»

«Спустя послѣ сего нѣсколько времени, явился ко мнѣ Александръ Николаевичъ Голицынъ, служащій тогда по духовной части прокуроромъ въ святѣйшемъ синодѣ. Сей князь сказалъ мнѣ, что его императорское величество, вслѣдствіе содержанія письма моего, соблаговолилъ назначить его вмѣсто графа Толстаго и повелѣлъ спросить меня, когда и сколько разъ въ недѣлю явиться ему, князю Голицыну, ко мнѣ.

— «Два раза,—отвѣчала я ему,—въ среду и субботу прошу васъ навѣщать меня.

«Государь повелѣлъ сему князю 1807 года, когда поѣхалъ за границу, всѣ имъ отъ меня полученные конверты отправлять къ его императорскому величеству съ особеннымъ эстафетомъ. Слѣдственно, кто изъ сего не заключить, что государь находилъ труды мои полезными? И самъ князь въ разговорѣ со мною сказалъ мнѣ, что государь крайне жалѣетъ, что я не родилась мужчиною, а читая однажды одну изъ моихъ бумагъ князю, съ восхищеніемъ сказалъ, что ничего не можетъ лучше доказать непремѣнную пользу государству.

«Когда въ 1807 году, еще до отъѣзда государя, въ мартѣ мѣсяцѣ кончила жизнь родительница моя, то государь, узнавъ о семъ, прислалъ ко мнѣ нарочно князя Голицына съ изъявленіемъ царскаго его соболѣзнованія о семъ печальномъ событіи...».

На этомъ сообщеніи обрывается фактическая часть рукописи, цѣликомъ изложенная порусски. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, наполненное фаталистическими жалобами на судьбу и «несчастную

звѣду», и русскіе стихи, довольно не складные, безъ размѣра, не представляющіе по содержанію своему ничего замѣчательнаго.

Пофранцузски авторъ пишетъ гораздо лучше: красивымъ слогомъ и точнѣе выражаясь. Въ русской части постоянно чувствуется, что мемуаристка думаетъ пофранцузски и, переводя свои мысли, путается отчасти въ галлицизмахъ, отчасти въ тяжелой риторикѣ до-карамзинскаго книжнаго языка, чѣмъ и затемняетъ смыслъ рѣчи.

Французская часть рукописи, отрывокъ изъ которой приведенъ выше въ переводѣ, содержитъ въ себѣ автохарактеристику, написанную очень страстно, и краткое описаніе, какъ росла и воспитывалась «тайственная корреспондентка». Пяти лѣтъ она уже умѣла читать на столько хорошо, что ея чтеніе вслухъ доставляло удовольствіе семьѣ. Семи лѣтъ она читаетъ Плутарха, увлекается образами Агезилая, Брута, Аристиды.

«Царскихъ дѣтей не холятъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ холили меня. Меня боготворили всѣ окружающіе, но, что всего рѣже, хотя я и была любимицей въ семьѣ, однако меня не баловали. Впрочемъ, могла ли я сдѣлаться злою, если предъ моими глазами не было другихъ примѣровъ, кромѣ примѣровъ кротости, если кругомъ меня все были лучшіе и честнѣйшіе люди.

«Когда я вступила въ жизнь, главными чертами моими были: гордое сердце и непреклонный характеръ; но опытъ, годы и невзгоды смягчили мою римскую строптивость и сдѣлали меня разумнымъ человѣкомъ. Мое воспитаніе было скромно и цѣломудренно. Меня окружали лица не только примѣрной мудрости, но и такой сдержанности, какой давно не знаютъ болѣе женщины всѣхъ сословій. Мужчины въ то время никогда не говорили при женщинахъ ничего такого, отчего бы цѣломудренная дѣвушка могла покраснѣть; всякій въ ту пору остерегался нарушить уваженіе къ дѣтскому возрасту».

Жилось автору не хорошо; повидимому ея, не любили; враговъ она имѣла множество; а вышеприведенные эпизоды съ Толстымъ и Барятинскимъ указываютъ и причину этого—сварливый характеръ, способный на вспышки изъ-за пустяковъ. Несогласная съ женскою природою должность, которую «тайственная корреспондентка» несла при дворѣ Екатерины II и Александра I, все-таки смущала ее втайнѣ и вызывала къ самооправданію. Кажется, именно такой смыслъ надо придать строкамъ слѣдующей страстной тирады.

«Я женщина вполнѣ, какую создала ее природа. Хорошо или дурно поступила природа, разбивъ форму, въ которую я вылита, предоставляю судить объ этомъ другимъ; что касается меня лично, я знаю свое сердце, знаю свѣтъ и, если я не лучше тѣхъ, кто живетъ на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, я не такая, какъ они.

«Греми, труба послѣдняго суда, когда тебѣ угодно! Я предстану предъ Вышнимъ Судьей съ моею рукописью въ рукахъ. Я громко скажу Ему: «Вотъ мои дѣла, вотъ мои мысли, вотъ чѣмъ я была. Я рассказала одинаково откровенно и дурное и хорошее. Я не скрыла ничего дурнаго, не прибавила ничего въ свою пользу. Я всегда казалась такою, какъ была. Я открыла себя такою, какъ Ты, Духъ Вѣчный, Самъ меня видѣлъ. Сбери вокругъ меня не-счетную толпу мнѣ подобныхъ, пусть каждый изъ нихъ откроетъ свое сердце у подножія Твоего Престола съ тою же искренностью и пусть хоть одинъ Тебѣ скажетъ, если онъ посмѣетъ: я былъ лучше этой женщины»¹⁾).

Послѣ этой эффектной тирады унылымъ диссонансомъ звучать строки, въ которыхъ корреспондентка излагаетъ свой скромный идеалъ дѣйствительности:

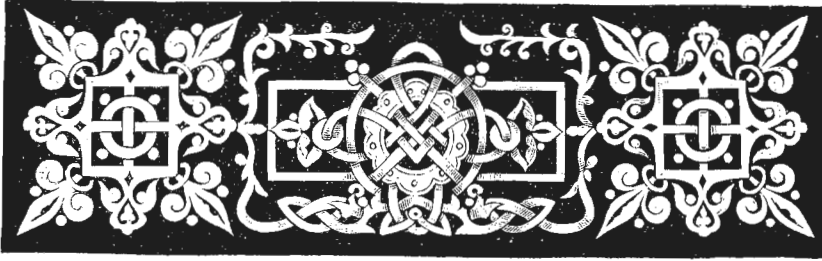
«Теперь я уже не мечтаю о другомъ счастьѣ, кромѣ какъ былъ бы у меня опредѣленный доходъ, котораго хватало бы на жизнь!

«Я такъ люблю свободу и ненавижу стѣсненія, неудовольствія и необходимость отказывать себѣ въ нужномъ!».

Александръ Амфитеатровъ.

¹⁾ Je suis une femme dans toute la vérité de la nature. Si la nature a bien ou mal fait de briser le moule dans lequel elle m'a jeté, c'est ce dont je laisse à juger aux autres; pour moi je sens mon coeur, je connais le monde et si je ne vaud pas mieux que ceux qui l'habitent au moins je suis autre. Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai avec mon manuscrit à la main me présenter devant le Souverain juge. Je dirai hautement: voilà ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus. J'ai dit le bien et le mal avec la même franchise. Je n'ai rien tu de mauvais, rien ajouté de bon. Je me suis toujours montrée telle que je fus. J'ai dévoilé mon intérieur tel que tu l'as vu Toi-même, Etre éternel. Rassemble autour de moi l'innombrable foule de mes semblables: que chacun d'eux découvre à son tour son coeur au pied de Ton trône avec la même sincérité et puis qu'un seul Te dise, s'il l'ôse: je fus meilleur que cette femme là».

ВЪ ОДИНОЧНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНИИ.

НЕСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ я получилъ отъ умирающаго товарища рукопись, веденную имъ въ тюрьмѣ отъ собственнаго лица, съ просьбой пересмотрѣть ее и напечатать при первомъ удобномъ случаѣ. Исполняя волю покойнаго, я сократилъ значительную часть его «воспоминаній», оставивъ преимущественно тѣ страницы, гдѣ онъ рассказываетъ, какъ тянулись его тюремные дни, и какія чудеса зрѣютъ въ замкнутомъ отъ міра человѣческомъ духѣ...

Если труды специалистовъ имѣютъ рѣшающее значеніе по вопросамъ быта заключенныхъ, то, конечно, не лишены интереса и воспоминанія человѣка, близко и продолжительно ознакомившагося съ системой одиночнаго заключенія. Не имѣя какого либо тенденціознаго характера и рисуя только съ фактической стороны одиночное заключеніе, эти воспоминанія могутъ все-таки убѣдить тюремновѣдцовъ въ томъ, что страданія лишь тогда облагораживаютъ человѣка и не бесполезны для него, когда тюрьма не портитъ его характера, не разрушаетъ его совѣсти и не лишаетъ средствъ къ размышленію...

I.

Весна на Волгѣ въ 18... году была ранняя. Какъ только жаворонки наполнили небеса гармоническими пѣснями, тотчасъ же настали и весеннія грозы съ тихими и теплыми вечерами. По городскимъ садамъ зацелкаль соловей, сливаясь влюбленнымъ голосомъ съ шумомъ многоводной Волги. Съ ранняго утра и до поздняго вечера берега рѣки оглашались дружными напѣвами бурлаковъ за работой:

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
 Еще разикъ! Еще разъ!
 Равовьемъ мы березу,
 Равовьемъ мы кудряву.
 Ай, да! Ай, да! Ай, да!
 Равовьемъ мы кудряву.
 Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!..

По вѣтмъ волжскимъ городамъ перекачивается эта дубинушка, то затихая, то съ новой силой врываясь въ шумныя улицы. А Волга все разливается и разливается по степной полосѣ, затопляя деревни, острова и роци. Долго увеличивался уровень весенняго половодья и не менѣе продолжительно вода убывала, вступая въ свои обычные берега. Пароходы и барки сновали по водной поверхности, то показываясь, то исчезая въ лучахъ солнца и туманѣ. По островамъ и заливамъ носилось много всякой птицы, прилетѣвшей сюда на тепло и приволье.

Хорошо весною на Волгѣ... Но какъ тяжело въ это чудное время «живому съ жизнью разстаться» и быть брошеннымъ въ среду арестантовъ. Въ одну изъ майскихъ ночей конвой жандармовъ сопровождалъ меня съ обнаженными саблями въ тюремный замокъ. Подвигаясь впередъ по улицамъ города С., я жадно слушалъ доносящаяся изъ-за Волги пѣсни рабочихъ и счастливаго въ тѣнистомъ саду соловья. Передъ тѣмъ, какъ войти въ тюрьму, душа была переполнена желаніемъ запомнить каждый звукъ жизни, забывая всякій страхъ передъ неизвѣстностью... Все, что поддерживало и радовало меня, я торопился въ эти послѣднія минуты захватить съ собою, точно предчувствуя, что только съ этими воспоминаніями еще можно жить долгіе годы въ одиночномъ заключеніи.

— Стой! — раздался голосъ жандарма.— Стой! Письмо бросилъ!

Онъ тревожно вернулся назадъ и зажегъ спичку. Оказалось, что, вынимая платокъ изъ кармана, я выбросилъ на землю комокъ мятой бумаги. Подозрительный жандармъ видѣлъ въ этомъ хитрость арестанта и тотчасъ породилъ во мнѣ мысль о возможности

такимъ способомъ тайно переписываться съ лицами, находящимися на волѣ.

— Стой же!—кричалъ унтеръ-офицеръ.—Ищи.. Бросилъ чего-то на дорогу.

Показанію моему о пустой бумагѣ онъ не вѣрилъ. Пока жандармы искали ее, я всматривался въ небо, на которомъ, какъ теперь помню, луна одними краями пряталась въ темное облако, а другими свѣтила вдаль весело и привѣтливо.

Въ городѣ затихалъ шумъ; слышались только свистки пароходовъ на пристани и чья-то нѣжная музыка на роялѣ...

Это послѣдніе звуки, которые я слышалъ на волѣ... Давно это было... Точно сонъ. Но и теперь мнѣ слышится эта музыка со вздохами любви и жизни. Передо мною стояло мѣсто заточенія. Мрачное зданіе, съ будками для часовыхъ, не было освѣщено. Гдѣ-то, правда, въ одномъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ свѣтился слабо ночникъ и какъ будто готовился потухнуть. Часовой загородилъ намъ дорогу, но, увидѣвъ жандармовъ, посторонился.

— Эй, отворяй!—стукнулъ жандармъ въ дверь острога.—Ишь, черти, позаснули...

— Кто тамъ? кто стучить?

— Отпирай!—грубо повторилъ жандармъ, торопясь помѣстить меня въ желѣзный переплетъ.

Черезъ минуту показался свѣтъ и послышался стукъ ключей. Сквозь рѣшетчатую дверь виднѣлся маленькій корридоръ, ведущій въ канцелярію тюремнаго замка. Съ боку его помѣщалась караулка, наполненная вооруженными и спящими солдатами. Я прошелъ въ канцелярію, состоящую изъ одной просторной съ низкимъ потолкомъ комнаты. Одна сторона ея была отгорожена проволоочною рѣшеткою, за которую водили преступниковъ на свиданія съ родными. Посреди комнаты стоялъ письменный столъ огромныхъ размѣровъ, и на немъ въ одеждѣ спалъ караульный офицеръ. При моемъ входѣ онъ лѣниво поднялся и съ неудовольствіемъ замѣтилъ ключнику:

— Гдѣ же смотритель? Чего стоишь?

— На квартирѣ у себя, ваще благородіе.

— Сходи за нимъ! Надо же кому нибудь принять арестанта.

Онъ усиленно сталъ раскуривать папиросу, поминая чорта и расхаживая по комнатѣ безъ малѣйшаго вниманія къ моему присутствію. Съ послѣднимъ клубомъ дыма, выпущеннаго изо рта, равнодушное и заспанное выраженіе его молодого лица мало-по-малу стало уступать чувству любопытства и едва уловимаго сожалѣнія. Я стоялъ по срединѣ комнаты, не рѣшаясь сѣсть на стулъ. Офицеръ самъ мнѣ указалъ на него и, точно оправдываясь, произнесъ:

— Смотритель, можетъ быть, и не скоро придетъ... Тоже и онъ человѣкъ. Всѣ эти ночи приводятъ арестованныхъ и беспокоятъ его.

— Арестованныхъ? По нашему же дѣлу?

Какая-то оторопь охватила мгновенно молодого офицера, и онъ застылъ съ испуганнымъ выраженіемъ лица. Жандармъ строго приблизился къ моему стулу, хотя и не произнесъ ни слова. Вся фигура его безмолвно запрещала продолжать разговоръ. Мнѣ и самому стало жаль неопытнаго караульнаго офицера, который, робко поглядывая на гнѣвнаго жандарма, старался угадать по его наружному виду о томъ, донесетъ ли онъ о неосторожно вырвавшемся у него замѣчаніи объ арестахъ, или промолчать. Я зналъ, что въ городѣ арестовано много лицъ, но эти лица были преимущественно случайно замѣшанныя.

— Однако, это они! — думалъ я, окончательно убѣдившись въ этомъ, когда жандармъ усилилъ свою бдительность. — Они! непременно они!

Прямо противъ меня, на стѣнѣ, висѣли чья-то пашка и заряженный револьверъ. Въ углу на полу лежали кандалы, цѣпи, наручники самыхъ разнообразныхъ формъ, иные съ замками, другіе безъ нихъ. Рядомъ съ ними нѣсколько арестантскихъ халатовъ, чьи-то узлы и узелки, а по стѣнамъ висѣли инструкціи.

— Не извольте разглядывать! — произнесъ жандармъ, становясь между мною и виѣшными предметами.

— Отчего не разглядывать?

— Не приказано.

— Ты, любезный, очень строгъ...

Онъ сдѣлалъ еще болѣе сердитое лицо и не удостоилъ отвѣта.

Между тѣмъ, запрещеніе смотрѣть по сторонамъ меня такъ удивило, что я невольно и пристальнѣе заглядывалъ въ отдаленныя углы канцеляріи. Жандармъ безпрестанно переходилъ то въ ту, то въ другую сторону моего стула, загораживая собой пространство. Но я все-таки замѣтилъ на одной лавкѣ нѣсколько узловъ обыкновеннаго платья и, когда пришелъ изъ отставныхъ солдатъ надзиратель съ фонаремъ въ рукѣ, я тотчасъ узналъ костюмы, въ которыхъ видѣлъ до ареста моихъ товарищей. Это новое открытіе мучительно сжало мое сердце, и въ то же время я почувствовалъ мгновенно созрѣвшую рѣшимость взять на себя нѣкоторые проступки арестованныхъ лицъ и по возможности выгородить иныхъ изъ самаго дѣла. Эта мысль воодушевила меня, и я чувствовалъ себя въ силахъ перенести тяжелыя страданія одиночнаго заключенія. Въ тотъ же самый моментъ въ корридорѣ послышались мѣрные и спокойные шаги, какими здѣсь ходятъ начальники, а не подчиненные люди. Я увидѣлъ передъ собою старика въ военной формѣ, еще крѣпкаго на видъ и убѣденнаго совершенно серебряными волосами. Росписавшись въ книгѣ жандарма о сдачѣ ему арестанта, онъ потомъ уже обратился ко мнѣ.

— Вы дворянинъ? Сколько вамъ лѣтъ? Раздѣньтесь... Со-

всѣмъ!.. — махнулъ онъ рукою сверху внизъ для большаго вразумленія.

Я почти машинально снялъ съ себя сюртукъ, брюки и сапоги.

— Все! Все долой! — повторилъ онъ, указывая мнѣ на нижнее бѣлье.

Я чувствовалъ, что со мной дѣлается дурно. Надзиратель и ключникъ быстро обнажили мое тѣло, помогая мнѣ снять послѣдніе покровы.

— Нагнитесь! — командуетъ смотритель. Грубыя руки надзирателя ощупываютъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Ничего? — спрашиваетъ смотритель. — Ничего не спрятано?

Надзиратель вторично наклоняетъ меня и ничего не находитъ. Наконецъ, предлагаютъ мнѣ, блѣдному, какъ смерть, одѣться.

Изъ кейхгауза приносятъ рваный арестантскій армякъ, туфли изъ толстой конины, называемыя «коты», и черныя, солдатскаго сукна, широчайшіе шаровары. Самый свободный человѣкъ чувствовалъ бы себя въ этомъ костюмѣ арестантомъ.

— Свѣти! — сухо приказалъ смотритель и пошелъ со мной за надзирателемъ.

Грузно шлепали по кирпичнымъ плитамъ мои арестантскіе «коты», надѣтые на босую ногу, тогда какъ ровные шаги моей стражи даже пріятно отзывались въ отдаленныхъ углахъ нѣмага корридора. Тяжелыя засовы дверей скрипѣли и съ громомъ падали на полъ, пропуская насъ впередъ. Наконецъ, миновавъ полутемныя и низкіе проходы, мы вступили въ центральный корридоръ, освѣщенный керосиновыми лампочками, висѣвшими надъ маленькими дверцами съ нумерами по порядку. Надъ одной изъ такихъ дверей виднѣлась на черной жестянкѣ бѣлая надпись «секретный». Чѣмъ-то ужаснымъ повѣяло на меня отъ этихъ словъ: я еще не освоился съ мыслью, что я не такой человѣкъ, какъ другіе, и даже не такой преступникъ, какъ всѣ. Я секретный...

— Идите скорѣе! — строго замѣчаетъ смотритель. — По сторонамъ ничего нѣтъ интереснаго.

— Да и впереди только секретные номера...

Онъ дѣлаетъ полуоборотъ ко мнѣ, и его строгое, но красивое лицо стало еще воинственнѣе.

— Прокуроръ никакого исключенія не велѣлъ дѣлать для васъ...

— Значитъ, насъ много здѣсь?

— Вы числитесь за прокуроромъ, но въ острогѣ принадлежите мнѣ, — еще раздражительнѣе отвѣтилъ онъ и знакомъ руки приказалъ надзирателямъ заслонить собою маленькія дверцы съ надписями.

Я замѣтилъ, что посрединѣ дверей сдѣланы стеклянныя форточки, освѣщенныя снаружи тусклыми лучами лампочки.

— Клеенки навѣсить на форточки.

Не было сомнѣнія, что въ этихъ камерахъ сидѣли «секретные», которые не должны были меня видѣть.

Мы прошли мимо часового съ ружьемъ, поставленнаго охранять корридоръ. Вдругъ я почувствовалъ сырой казематный воздухъ, сильно насыщенный амміакомъ... Это несло отъ «парашекъ», поставленныхъ на ночь въ общую палату, надъ которой красовалась надпись: «подслѣдственные».

— А ты секретный,—подумалъ я...

Секретный! Этотъ часовой съ ружьемъ не смѣетъ взглянуть на тебя; этотъ надзиратель не смѣетъ отвѣчать на твои вопросы и, если у тебя есть родные, то тебѣ запрещены съ ними переписка и свиданія.

— Отпирай!—отрывисто приказалъ смотритель, становясь передъ однимъ изъ секретныхъ номеровъ.

Пока ключникъ подыскивалъ ключъ отъ замка, я еще разъ бросилъ взоръ на длинный, красный отъ кирпича и свѣта, корридоръ.

— Недавно только разсадили «секретныхъ»,—думалось мнѣ.— Изъ канцеляріи еще не убраны, по безопасности каптенармуса, ихъ вещи въ дейхгаузъ; а къ форточкамъ дверей не прибиты клеенки. Непремѣнно это мои товарищи, изъ которыхъ многие замѣшаны въ наше дѣло по простому знакомству и не знаютъ, за что страдаютъ.

— Это будетъ вашимъ помѣщеніемъ, — прервалъ мои мысли смотритель, указывая рукой на отпертое темное пространство.

— Это?

— Одночное заключеніе, — подсказалъ онъ, вторично приглашая войти. — Эй, лампу... Надзиратель! Не сюда... Снаружи къ форточкѣ! Чтобы завтра же утромъ были клеенки, а на ночь отдергивать ихъ въ бокъ или къверху.

— Будетъ сдѣлано-съ!.. Поздно принесли сегодня клеенку. Не поспѣлъ, ваше высокоблагородіе.

— Непремѣнно же!

— Будетъ готово утромъ.

— Вотъ ваша кровать, столъ, образъ,—указалъ смотритель на чуть виднѣвшіеся предметы.—Когда вамъ будетъ надо чтонибудь, постучите въ дверь и скажите ключнику позвать меня. Я приду. За разговоръ со стражей подвергаетесь строгой отвѣтственности. Прокуроръ не велѣлъ дѣлать никакого исключенія. Ложитесь теперь спать. Утро вечера мудренѣе. Покойной ночи.

Я такъ былъ озадаченъ, что едва замѣтилъ въ потьмахъ протянутую мнѣ руку. На допросахъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, отправляя меня подъ конвоемъ въ тюрьму, также прощались посвѣтски. Ключникъ привѣсилъ къ двери каземата большой замокъ и долго гремялъ и дергалъ его, чтобы провѣрить са-

мого себя. Затѣмъ онъ весьма часто заглядывалъ ко мнѣ черезъ стекло форточки, точно поражаясь тѣмъ, что я все стою на одномъ мѣстѣ.

Казематный воздухъ былъ пропитанъ сыростью. Визгъ мышей подѣ деревянными половицами нарушалъ тишину одиночнаго заключенія... И подѣ этотъ визгъ и отдаленный стукъ ружейнаго приклада въ рукахъ часоваго вдругъ врывались ко мнѣ сладкія думы о минувшемъ, такъ ярко и отрадно смягчавшія ужасъ первой ночи въ тюрьмѣ. Чѣмъ страшнѣе выступала дѣйствительность, тѣмъ пламеннѣе воспоминались и свѣжій воздухъ, и родина, и милый ликъ дѣвушки съ искрящимися глазами и волнами шелковыхъ кудрей...

II.

Первая ночь одиночнаго заключенія—безсонная ночь, изрѣдка нарушаемая за стѣнами тюрьмы протяжными окликами солдатъ: «слу-ша-а-ай!». А затѣмъ опять мертвая тишина и опять незнакомые звуки... Иногда крадучись по каменнымъ плитамъ, сторожъ приближался къ форточкѣ моей двери и уныло возвращался къ себѣ на коникъ, досадуя на одолѣвающій его сонъ. Гдѣ-то свали меня билась въ сѣти паука попавшаяся муха и долго не умолкала подѣ его жаломъ... Но и тишина не приносила желаннаго сна и покоя.

«Одинокъ я — нѣтъ отрады:
 «Стѣны голыя кругомъ;
 «Тускло свѣтитъ лучъ лампады
 «Умирающимъ огнемъ.
 «Только слышно за дверями:
 «Звучно мѣрными шагами
 «Ходить въ тишинѣ ночной
 «Безотвѣтный часовой»...

Но вотъ барабанъ пробилъ утреннюю зорю, а вмѣстѣ съ свѣтомъ и мое одиночество стало яснѣе и безнадежнѣе. Старый караулъ смѣнился новымъ. Перебѣгая отъ одного секретнаго номера къ другому, дежурный офицеръ внимательно заглядывалъ черезъ стекло форточки внутрь каземата. Я въ первый разъ почувствовалъ раздраженіе къ надзору въ шелку... Впослѣдствіи я легко сталъ замѣчать у многихъ людей этотъ подозрительно-высматривающій и дрожащій только за самого себя взглядъ тюремщиковъ.

Съ первыми лучами солнца я осмотрѣлъ подробно свое помѣщеніе. Вытянувъ обѣ руки въ ширину каземата и, покачнувшись въ стороны, я касался его стѣнъ, а, поднявъ руки кверху, я почти доставалъ потолокъ. Длина не превышала шести обыкновенныхъ шаговъ. Весь этотъ каменный ящикъ былъ окрашенъ заново сверху желтой, а снизу черной краской. Разнообразные рисунки и надписи на стѣнахъ были тщательно затерты и замазаны, точно па-

мятники о страданіяхъ въ этомъ номерѣ другихъ людей могли облегчить мое собственное положеніе. Деревянный полъ со щелями и крысиными норами по угламъ былъ очень чистъ и, очевидно, вымытъ еще наканунѣ моего привода. Въ правомъ углу каземата, около двери, стояла «параша», вымазанная внутри дегтемъ и наполненная на четверть водою. Круглая доска покрывала ее сверху. Въ противоположной отъ двери стѣнѣ было продѣлано окно съ двумя желѣзными рѣшетками на столько выше человѣческаго роста, что безъ подставки не было возможности видѣть что либо изъ него. Оно выходило на арестантскій дворъ, помѣщавшійся внутри тюремнаго замка.

Близъ окна стояла деревянная кровать съ матрацомъ и подушкой въ толстыхъ холщевыхъ наволочкахъ. Они были набиты свѣжей еще не ломаной соломой, а холстъ, недавно мытый, пахнулъ сѣрымъ простымъ мыломъ. Одѣяло изъ солдатскаго сукна лежало сверхъ кровати, и только оно было старо и вытерто. Въ углахъ своего помѣщенія я замѣтилъ нѣсколько мокрицъ и сороконожку, а на потолкѣ сѣроватыхъ «косарей»-паучковъ, съ длинными, предлинными ножками.

Мнѣ очень скоро пришлось коротко познакомиться съ нѣкоторыми изъ обитателей каземата. Иногда я находилъ ночью когонибудь изъ нихъ задавленнымъ на моемъ тѣлѣ или легко спасающимся у меня подъ одѣяломъ въ окружающей темнотѣ.

Солнце, свѣтившее на дворъ, не проникало утромъ въ секретные казематы, и я чувствовалъ холодъ и сырость.

Шумъ ключей прервалъ мои наблюденія.

Въ корридорѣ пирали казематы. Желѣзные болты, охватывающіе тюремную, въ руку толщины, дверь, съ грохотомъ падали на каменный полъ и вновь съ такимъ же шумомъ переплетали собою казематъ послѣ его уборки. Очередь дошла и до моего номера... На двѣ минуты я увидѣлъ опять около себя людей. На порогѣ каземата жирный ключникъ остановился въ наблюдательной позѣ, пропустивъ мимо себя арестанта съ шваброй въ рукахъ. Этотъ «хожалый», изъ уголовныхъ арестантовъ, убиралъ наши казематы, разносилъ намъ кипятокъ для заварки чаю, обѣдъ, и прислуживалъ въ банѣ. Проворно вымылъ онъ полъ мокрой шваброй, перебралъ воду въ «парашѣ» и подобралъ въ горсть весь соръ, сметенный въ кучку. При всемъ моемъ желаніи заглянуть ему въ лицо и глаза, я долго не могъ этого сдѣлать: такъ проворны были его движенія, и такъ очевидно ему было приказано не только не разговаривать со мною, но даже и не встрѣчаться взглядами. Но простому мужику-арестанту это было не подъ силу. Передъ самымъ уходомъ онъ повернулъ голову въ мою сторону, и его плутоватые глаза слишкомъ краснорѣчиво говорили о готовности сообщать обмануть наше начальство. Въ эту минуту голосъ суроваго ключника раздался надъ нимъ:

— Ты чего это? Кончилъ свое дѣло и уходи. А ты чего?

— Да я чтожъ?

— Какъ что! Ты зачѣмъ глаза-то пялилъ? Тебѣ что отъ нихъ надо?

— Въ карцеръ его!—закричалъ подбѣжавшій надзиратель.

— За что же такъ? Зря-то...

— А, ты еще разговаривать!

Съ этими словами надзиратель схватилъ хожалаго за плечо и потащилъ его по корридору. Я слышалъ, какъ позвали для уборки казематовъ новаго хожалаго съ внушительнымъ наставленіемъ:

— Не то, что говорить, но и смотрѣть не долженъ на нихъ. Дѣлай свое дѣло, и никто тебя не посадить на хлѣбъ-на воду.

Но едва отперли сосѣдній номеръ, какъ поднялся крикъ и шумъ. Надзиратель уже гналъ хожалаго обратно изъ каземата, награждая легкими ударами кулака въ шею, когда тотъ оборачиваясь оправдывался:

— Что же я сдѣлалъ, г. надзиратель? Мнѣ баринъ кланяется, и я ему поклонился...

— Молчи, осина! Погоди... Я еще раздѣлаюсь съ тобой. Гдѣ Алексѣй?

— Какой?

— Съ выбитымъ глазомъ...

Мнѣ было слышно, какъ по корридору бѣжалъ человѣкъ, хлопая по полу «котами», а другой говорилъ ему: «ты съ разсудкомъ, Алексѣй, и понимаешь, какъ надо служить у секретныхъ»...

— Понимаю! Въ Москвѣ видалъ ихъ въ Пугачевской башнѣ. Значить съ секретнымъ и веди себя посекретному.

— Вотъ, молодець! Люблю за ухватку.

— Ухватка моя мнѣ дорого стоитъ. Меня всѣ начальники любили за ухватку... Разъ только побили. Съ тѣхъ поръ и окривѣлъ...

Но и этотъ хожалый провинился въ одномъ изъ дальнихъ номеровъ и, какъ видно, гораздо серьезнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Надзиратель тащилъ его не въ карцеръ, а въ канцелярію, приговаривая:

— Богъ мѣтитъ шельму, кривоглазый! Онъ тебя смотритель-то... Ишь, какая у него ухватка! Записки передавать... Ну, держись крѣпче теперь на ногахъ... Устоишь ли? Онъ тѣ смотритель...

— Ай, народъ!—ворчалъ ключникъ, окончивъ уборку номеровъ и передавая событія пришедшему на смѣну новому ключнику.

— Также и у меня попадались,—утѣшалъ его другой.—Кого ни возьми въ хожалые: либо дуракъ, либо чищеный плутъ.

— Всѣ плуты! Спасибо, что караульные офицера не присутствуютъ при уборкѣ... А то и самого прогонять.

— Да песь съ нимъ съ мѣстомъ-то! Займусь торговлей. Лавку открою... Безъ хлопоть.

— Вашъ братъ еврей не проторгуется! Знаетъ, кому дать въ долгъ, а кому нѣтъ. Не отгонить отъ себя покупателя... Торговые люди!..

Мой номеръ помѣщался вблизи коника, гдѣ смѣнялись и дежурили ключники.

Внезапный приходъ смотрителя помѣшалъ ихъ мирной бесѣдѣ о торговлѣ.

— Хлѣбъ розданъ заключеннымъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Хожалаго ищутъ.

— Отворяй двери.

Вновь заскрипѣли болты и грохотъ желѣза. Это смотритель дѣлалъ намъ утренній визитъ.

Днемъ онъ не глядѣлъ такимъ воинственнымъ и суровымъ «чортомъ» (такъ звали смотрителя уголовные арестанты за его физическую силу), какимъ онъ показался мнѣ ночью при приѣмѣ. Лицо его часто было печальнымъ и грустнымъ, точно онъ тяготился своими обязанностями. Въ омраченной ненавистью обстановкѣ онъ производилъ пріятное впечатлѣніе своимъ чистымъ видомъ и новенькимъ мундиромъ, изъ-подъ котораго выглядывало тонкое бѣлье съ золотыми запонками и дорогіе брилліанты на кольцахъ. Протянувъ мнѣ руку, онъ спросилъ о томъ, какъ я провела ночь.

— Прекрасно. Не могу пожаловаться.

— Это хорошо... Первое время особенно тяжело для многихъ...

— Но и мнѣ нелегко.

— Вы молоды. У меня старики сидѣли въ Польшѣ, но и тѣ не падали духомъ... Честнымъ человѣкомъ и въ тюрьмѣ можно остаться.

— Я вамъ очень благодаренъ за эти мысли. Съ ними легче.

— Въ жизни всего насмотришься!—отозвался онъ, мѣняя разговоръ.—Вамъ сейчасъ принесутъ чернаго хлѣба и кипятка. Я уже распорядился купить чаю. Прокуроръ разрѣшилъ имѣть его тѣмъ заключеннымъ, у которыхъ есть свои средства.

— Значитъ, есть и такіе, у которыхъ нѣтъ денегъ?

— Я не имѣю права отвѣчать вамъ.

— Нельзя ли отдать имъ мои деньги?

— Если вы жертвуете на арестантовъ, то это позволено.

— Назовите, какъ хотите... У меня съ собой болѣе ста рублей, и я прошу, чтобы всѣмъ покупали чаю, сахару и булокъ.

— Я спрошу прокурора... Вѣроятно, разрѣшить. А вотъ и кипятокъ вамъ...

Пропустивъ съ жестянымъ чайникомъ хожалаго, смотритель взялъ со стола свою фуражку и пошелъ съ визитомъ къ слѣдующимъ заключеннымъ.

III.

Надзиратель принесъ изъ канцеляріи купленный мнѣ свертокъ чаю. Утоливъ голодь чернымъ хлѣбомъ, я пожелалъ узнать, что дѣлается у насъ на дворѣ.

Пододвинувъ къ стѣнѣ столъ и ставъ на него, я увидѣлъ изъ окна широкой мощеный камнемъ дворъ, наполненный арестантами въ ихъ отверженныхъ костюмахъ... Глубокое чувство жалости проникло въ сердце, при взглядѣ на этотъ погибшій народъ, принужденный «ѣсть прошенное, носить брошенное и жить краденымъ».

— Господинъ! А, господинъ!—кликнулъ меня кто-то сзади.— Сойдите съ окна... Развѣ можно такъ?

Я увидѣлъ передъ собою рыжую, еврейскую фізіономію новаго ключника.

— А развѣ нельзя? Я не зналъ...

— Съ меня самого взыщутъ, если смотритель застанетъ васъ у окна. А то велитъ одѣтъ на окно намордникъ изъ мелкой проволочной сѣтки.

— Зачѣмъ же это?

— Чтобы какойнибудь арестантъ со двора не бросилъ вамъ въ окно записку или папиросу.

— Спасибо за свѣдѣніе, — подумалъ я, спускаясь съ окна на полъ. Когданибудь воспользуюсь арестантами для тайной переписки.

Прежній ключникъ былъ молчаливъ, а этотъ, робко озираясь по сторонамъ и прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ корридорѣ, спросилъ меня съ чисто еврейскимъ любопытствомъ:

— Вы изъ господъ? Значить всѣ по одному дѣлу... Всѣхъ здѣсь сидитъ двѣнадцать человекъ. Изъ Самары привезли еще...

— Кого же?

— Потомъ узнаю фамиліи... На прошломъ моемъ дежурствѣ не было ихъ...

— Узнай, ради Бога, я тебя поблагодарю. Постой: у меня есть чай и сахаръ.

— Не нужно, господинъ. Я безъ интереса...

Едва онъ успѣлъ закрыть ротъ, какъ смотритель точно выросъ передъ нимъ изъ-подъ земли:

— Ты зачѣмъ здѣсь? О чемъ разговаривалъ съ заключеннымъ?

— Въ стѣнку извоили стучать... Объяснялъ имъ, что это не приказано.

— Уже научились разговаривать стукомъ?—обратился онъ ко мнѣ.— Придется доложить прокурору, если будете перестукиваться... А ты не позволяй!—крикнулъ онъ ключнику.—Сейчасъ же доноси мнѣ, если застанешь за стукомъ.

По его уходѣ ключникъ, запирая дверь, тихо произнесъ:

— Это надзиратель увидѣлъ меня у васъ и донесъ смотрителю... Осторожнѣе, господинъ.

Замокъ щелкнулъ, и я опять остался одинъ, съ загадкою о томъ, что такое означаетъ стукъ въ стѣну, и какую пользу можно извлечь изъ него. Сочувствіе еврея къ моему положенію удивляло меня, и я до сихъ поръ не могу объяснить безкорыстныя жертвы и опасности, которымъ подвергался изъ-за насъ въ провинціальной тюрьмѣ этотъ высокій съ рыжими баками израиль.

Въ двѣнадцать часовъ колоколъ на дворѣ возвѣстилъ время обѣда, и всѣ арестанты отправились со двора каждый въ свою палату.

Хожалый разнесъ также и «секретнымъ» общій арестантскій обѣдъ, состоявшій изъ жидкихъ щей и плохо свареной гречневой каши. Эти блюда, особенно щи, отличавшіяся острымъ вкусомъ и кислотой, первое время даже нравятся. Члены всевозможныхъ комиссій, пробующіе арестантскую пищу, остаются всегда ею довольны. Но кто ѣлъ эту кислую или мучную пищу цѣлые мѣсяцы и годы, того тошнить при одномъ о ней воспоминаніи. Я до сихъ поръ рѣдко могу съѣсть двѣ ложки гречневой каши, потому что она напоминаетъ мнѣ отвратительную арестантскую размазну.

— Кипятку не нужно ли?—спросилъ ключникъ послѣ обѣда и подаль мнѣ для засыпки чая жестянку.—Можетъ быть, желаете крендельковъ? Арестанты берутъ не дорого... Сами готовятъ здѣсь.

— Возьми фунтикъ.

Я радъ былъ сократить время ѣдой, чаепитіемъ и даже ссорю съ смотрителемъ, лишь бы поскорѣе дожидаться ночи и забыться во снѣ. Но чѣмъ ближе наступалъ вечеръ, тѣмъ тоскливѣе чувствовалось одиночество и безсиліе узнать, что дѣлается на волѣ съ друзьями.

Ключникъ какъ-то вдругъ сталъ особенно остороженъ и суровъ со мной, желая этой хитростью отвлечь подозрѣнія подсматривающаго за нимъ надзирателя. Наконецъ барабанщики забили вечернюю зорю, и въ острогѣ началась повѣрка арестантовъ: военный караулъ осмотрѣлъ черезъ форточки дверей всѣхъ секретныхъ, а уголовныхъ арестантовъ собрали по срединѣ двора на переключку и затѣмъ ихъ погнали въ палаты на молитву. Я опять залѣзъ на столъ и сталъ смотрѣть въ окно. Изъ палатъ «уголовныхъ» доносились ко мнѣ лязгъ цѣпей, заглушаемый арестантскими голосами: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины»...

Вдали надъ стѣнами острога возвышались горы, и заходящее солнце красиво преломлялось на ихъ зеленыхъ вершинахъ. Иногда по нимъ прогоняли рогатый скотъ, казавшійся за дальностью расстоянія черными точками. Иногда степной орелъ быстро пролеталъ надъ ними и, точно пугаясь бѣлаго зданія, изрытаго желѣзными

рѣшетками, поднимался къ облакамъ и исчезалъ за Волгой. Этотъ клочекъ природы, видимый изъ окна моего каземата, приковывалъ всегда меня къ себѣ по цѣлымъ часамъ, пока не раздавался стукъ еврея и его предостерегающій шепотъ:

— Вы бы маленькую опаску имѣли. Заглянетъ смотритель къ вамъ, что тогда будетъ?

— Ничего... не заглянетъ.

— Это вамъ ничего, а намъ и очень даже достанется. Вы по цѣлому часу не слѣзаете съ окна. Надзирателишки тоже шпаяются по корридору и доносятъ смотрителю. Надо опаску имѣть, господинъ.

— Ладно. Больше не буду... Оставь меня! Я начиналъ вновь ходить изъ угла въ уголь, хмурый и оскорбленный тѣмъ, что мнѣ имѣютъ право сказать: слѣзьте съ окна, не дѣлайте того-то, и я долженъ притворяться и обѣщать, что «больше не буду»...

О, какъ тяжки эти ненужныя и еще непривычныя мнѣ тюремныя стѣсненія! А то ли еще предстояло впереди? То ли еще пришлось видѣть мнѣ?.. То ли еще? Ахъ, лучше бы память измѣнила. Лучше бы... Да, нѣтъ, и безъ памяти худо жить!

Въ уголѣ корридора, гдѣ помѣщался коникъ и рядомъ съ нимъ мой казематъ, пришелъ жохалый чистить и приготавливать лампы на ночь. Ключникъ досталъ ему изъ коника керосинъ и волосяной ершикъ для лампъ, а самъ пошелъ въ сосѣдній корридоръ побесѣдовать съ другимъ ключникомъ. Послѣдніе лучи солнца какимъ-то чудомъ проникли въ окно моего каземата и, поигравъ около меня нѣсколько минутъ, безслѣдно исчезли...

— Солнышко, солнышко!— съ отчаяніемъ шепталъ я, хватая руками его преломляющіяся и тающія блестки. Еще минуточку свѣта! Еще свѣта!

Но сумерки густѣли, тюрьма окончательно затихла, и одиночество мое стало еще безконечнѣе. Вдругъ кто-то сильно дунулъ въ щель моей двери: еще разъ и еще...

— Давайте записку, давайте, передамъ... Скорѣе, а то застанутъ!

Я ничего не понималъ, а торопливый шепотъ слышался у двери:

— Подъ порогъ суньте, если будетъ записка... Въ другой разъ, когда приду чистить лампы.

— Спасибо! Спасибо!

— Ключникъ идетъ!..

Мы оба отскочили отъ двери: жохалый теперь уже дулъ въ стекла отъ лампъ и въ десятый разъ протираалъ ихъ ершикомъ; а я старался продлить охватившее меня волненіе, чувствуя, какъ кровь заливаетъ мое лицо, и какъ въ сердце проникають неопредѣленныя, но радостныя надежды...

У форточекъ отдернули клеенки и зажгли лампы.

Давно уже въ тюрьмѣ установилась тишина, во время которой уголовные арестанты залѣзали на окна, цѣпляясь за рѣшетки и приникая къ нимъ своими блѣдными измученными лицами. Жадно слѣдили они взглядами за догорающимъ на горахъ солнцемъ, припоминая подь такимъ же солнцемъ свои родныя селенья, поля и покосы. До боли ноетъ сердце узниковъ, и душа просится въ ширь небесную изъ неволи и тьмы.

— Пѣсню!—вдругъ закричалъ одинъ изъ нихъ среди мертвой тишины.—Пѣсню играй! Запѣвали, что же приуныли?

— Начинай,—поддержалъ его другой страстнымъ и напряженнымъ голосомъ.

— Начинайте вы, а мы пристанемъ. — Я также бросился къ окну, забывая запрещеніе и радуясь, что могу издала видѣть, сквозь рѣшетки оконъ, человѣческія лица и слышать ихъ голоса.

Съ разныхъ оконъ грянули пѣсни волжско-донского разбойничества и малороссійскаго гайдамачества: «Помутился славный тихій Донъ»; «Ужъ какъ по морю, по морю синему, по синему, по Хвалынскому»; «Какъ во славномъ городѣ въ Астрахани очутился-проявился тутъ незнакомый человѣкъ»; «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ»; «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй тоска въ ретиво сердце»; «Не былинущка въ чистомъ полѣ запаталась, запаталась безпріютная головушка» и т. д. Давно уже ночь спустилась на арестантскій дворъ; но тюрьма не спитъ и толпится около своихъ пѣсенниковъ.

«И вотъ повели, затащили,
Поютъ заливаясь они
«Про Волги широкой раздолье,
«Про даромъ минувшіе дни...

Чѣмъ-то трогательнымъ отзывались эти разбойническія пѣсни о «добрыхъ молодцахъ», захватывая духъ и вызывая слезы.

. . . . .
. . . . .
«Однихъ я самъ пугаюся,
«Другой бѣжитъ меня:
«Всѣ други, всѣ пріатели
«До чернаго лишь дня!
«Ни роду нѣтъ, ни племени
«Въ чужой мнѣ сторонѣ;
«Не ластятся любезная
«Подруженька ко мнѣ!
«Не плачется отъ радости
«Старикъ, глядя на насъ;
«Не выюется вокругъ малюточки,
«Тихохонько рѣзвясъ!
«Возьмите же все золото,
«Всѣ почести назадъ;
«Мнѣ родину, мнѣ милую,
«Мнѣ милой дайте взглядъ!».

— Важно! — Спасибо! — кричить тюрьма. Нарывчатая пѣсня...
До слезь!

— Хорошо выводить! Молодецъ Егорка!

— Ну-ка ты, Василій. Кто кого?

«Не слышно шуму городского,
«Въ заневской башнѣ тишина,
«И на штыкѣ у часового
«Горитъ полночная звѣзда.
«Вотъ бѣдный юноша, ровесникъ
«Младымъ цвѣтушимъ деревьямъ,
«Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню
«И отдастъ тоску волнамъ».

Кто-то попробоваль въ это время перекинуться посторонней между собой фразой, но вся тюрьма грозно закричала:

— Молчать, сволочь! Не наговорился днем-то...

Мгновенно и безъ малѣйшаго протеста смолкли нарушители общественнаго настроенія, и пѣсни стали чередоваться одна за другой при страстномъ вниманіи и сожалѣніи арестантовъ объ утраченной ими жизни честнаго человѣка. Ахъ, если бы администрація пользовалась этими чувствами, будила и поддерживала оныя въ нихъ... Но тюремныя правила запрещаютъ даже пѣсни, какъ и всякія рѣзвости, хохотъ и громкіе разговоры. Пѣвцовъ всегда могутъ посадить на хлѣбъ и воду въ карцеръ. А между тѣмъ пѣсни существуютъ для добрыхъ людей, и заключенные ночью поютъ ихъ, превращая острогъ въ любительскій клубъ и отдыхая на нѣсколько часовъ душой, жалѣя другъ друга и кротче и милосерднѣе крестясь на сонъ грядущій.

Я вспомнилъ рассказъ о томъ, какъ одинъ изъ Бестужевыхъ, желая узнать своего сосѣда въ Петропавловской крѣпости, засвисталъ мотивъ аріи, извѣстной только его брату. Въ отвѣтъ онъ услышалъ повтореніе этого мотива, и братья тотчасъ же узнали другъ друга. Я также громко запѣлъ въ окно студенческую дубинку:

«Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ:
Не про радость—про горе въ нихъ пѣя;
Изъ тѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ—
Это пѣнь о рабочей артели».

Тотчасъ же я услышалъ на многихъ окнахъ продолженіе этой пѣсни съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями; но тотчасъ же въ корридорѣ застучали болты дверей «секретныхъ» казематовъ, и дежурный офицеръ заявилъ каждому изъ насъ, что одиночно-заключеннымъ строго запрещено пѣть, и мы будемъ отвѣчать за безпорядокъ, если не замолчимъ.

Мы перестали, но уже были счастливы тѣмъ, что сидимъ вмѣстѣ и чувствуемъ присутствіе другъ друга.

IV.

Послѣдующій день и безконечный рядъ новыхъ дней я переживалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Одинокое заключеніе открывало мнѣ изумительно неожиданныя новости, потрясавшія нервную систему до того, что у меня не хватало времени страдать отъ недостатка жизни. Никогда дни и ночи не протекали такъ быстро, какъ теперь. Вставая по утрамъ, я не могъ опредѣлить, что случится со мною, что будетъ меня мучить въ этотъ день и о чемъ я буду думать. При неестественной жизни, заключенный не только постоянно измышляетъ изумительно разнообразныя способы перехитрить тюремщика и вырваться изъ-подъ его надзора, но онъ страшно идеализируетъ самого себя, свое прошлое, взвѣшиваетъ ошибки и постоянно мечтаетъ о лучшемъ будущемъ. Сходное съ этимъ замѣчалъ и Достоевскій въ уголовныхъ арестантахъ: «Всякій каторжникъ,—говоритъ онъ,—чувствуетъ, что онъ не у себя дома, а какъ будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ, какъ на два года, и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ теперь въ тридцать пять. «Поживемъ еще», думаетъ онъ и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ рассчитываютъ иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники и назначить сроки». Тогда славно: во-первыхъ, въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! а потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда»... И вѣдь такъ рассчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!» А я былъ счастливъ, молодъ, и мудро ли, что, не подозрѣвая въ людяхъ низости и ловушекъ, воображалъ, будучи однажды на допросъ, будто всѣ прохожіе сочувственно оглядываютъ меня и готовы укрыть отъ жандарма, еслибъ мнѣ удалось благополучно соскочить съ извозчицкихъ дрожекъ и бѣжать. Я думалъ:

— Это теперь неудобно... До другого раза. А какъ бы хорошо бросить письмо незамѣтно отъ конвойнаго на глаза прохожему. Я просилъ бы перваго встрѣченнаго придти ко мнѣ на свиданіе въ острогъ въ качествѣ знакомаго или прислать мнѣ книгъ для чтенія. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ его домѣ есть арестованные, и онъ посочувствуетъ моему желанію. Еслибъ мы видѣлись и говорили другъ съ другомъ, то могли бы и обо многомъ вмѣстѣ думать и взаимно любить другъ друга! Кто знаетъ, можетъ быть...

Жандармъ остановилъ извозчика передъ небольшимъ красивенькимъ домикомъ, окна котораго были закрыты ставнями, а крыльцо крѣпко заперто. Для посторонняго человѣка этотъ домикъ былъ уже нѣсколько недѣль недоступенъ, хотя къ нему часто подѣзжали обыкновенныя извозчицьи дрожки или закрытая ка-

рета, съ быстро выскакивающими оттуда лицами и также быстро исчезающими за дверями параднаго крылечка.

— Квартира прокурора! Пожалуйте.

Едва извозчикъ успѣлъ остановить лошадь, какъ рѣзныя двери крыльца отворились, и оттуда показался другой, ожидавшій насъ, жандармъ.

Съ величайшей суетливостью и быстротой меня ввели во флигель.

Свѣжій комнатный воздухъ, совершенно отличный отъ тюремнаго, цвѣты на окнахъ, зеркало, чистый натертый воскомъ полъ, мягкая мебель, тиканье часовъ, картины, шляпы на столѣ и шорохъ посторонняго человѣка въ сосѣдней комнатѣ — произвели пріятное и сильное впечатлѣніе на меня. Не смотря на короткое время одиночнаго заключенія, я уже успѣлъ отвыкнуть отъ столь обыкновенныхъ вещей. Я ощупывалъ рукой диванъ и съ любопытствомъ засмотрѣлся на самого себя въ зеркало, не видавъ собственнаго лица болѣе мѣсяца. Въ эту минуту молодой товарищъ прокурора показался изъ сосѣдней комнаты съ перьями и карандашами въ рукѣ. Разложивъ ихъ на столѣ и приказавъ жандармамъ дожидаться въ передней, онъ опять ушелъ въ смежную комнату за бумагой. Съ быстротою молніи я схватилъ со стола одинъ изъ карандашей и сломалъ его тонкій и очиненный конецъ. Радостное чувство охватило меня всего, когда мнѣ удалось благополучно спрятать кусочекъ графита къ себѣ въ карманъ.

Скоро пріѣхалъ жандармскій полковникъ и старый прокуроръ, приступившій тотчасъ же къ снятію съ меня показаній. Во время допроса меня занимала одна мысль о томъ, какъ бы мнѣ воспользоваться кусочкомъ спрятаннаго карандаша и написать потихоньку записку къ одному благонамѣренному знакомому въ городѣ, чтобы тотъ выпросилъ себѣ свиданіе со мною.

— Позвольте, г. прокуроръ, на минутку выдти.

— Сдѣлайте одолженіе... Вамъ покажутъ.

Меня провели изъ комнаты въ корридоръ и оставили одного. Найдя тамъ клочекъ бумаги, я осторожно набросалъ на немъ нѣсколько нужныхъ мнѣ словъ и адресъ. Затѣмъ я вернулся въ комнату на допросъ.

— Запирательство не поможетъ вамъ, — говорилъ старшій прокуроръ. — Вы даете показанія только для того, чтобы выгородить своихъ товарищей.

— Это правда, но правда и то, что они ни во что не посвящены и арестованы по недоразумѣнію.

— Что дѣлать! Когда ловятъ рыбу неведомъ, то вмѣстѣ съ крупной попадаетъ и мелочь.

— Но мелочь выбрасываютъ обратно въ воду.

— Обратно въ воду? Чтобы потомъ вытаскивать ихъ на удочку

по одиночкѣ? Нѣ-ѣ-ть-съ... Вашихъ товарищей также не освобождать до тѣхъ поръ, пока вы будете упорствовать и все отрицать.

— У васъ и безъ того, г. прокуроръ, достаточно уликъ противъ меня. Вы сами говорите, что мое заpiresательство не поможетъ мнѣ, и слѣдовательно правосудіе будетъ удовлетворено.

— О, конечно! Вамъ опять придется вернуться въ тюрьму.

— Надолго?

— Можетъ быть, даже навсегда... Противъ васъ сильныя улики. Только откровенное признаніе... Но вы не хотите? Какъ вамъ угодно! Мы васъ не принуждаемъ. Дѣло такъ ясно. Само за себя говорить.

— Я того же мнѣнія.

— Какъ вамъ угодно! Какъ вамъ угодно! Мы не принуждаемъ васъ... Жанدارмъ, позови извозчика...

Опять посадили меня на извозчичьи дрожки и повезли черезъ весь городъ обратно въ тюремный замокъ. Мнѣ все-таки удалось, не возбудивъ подозрѣнія жандарма, выкинуть записку съ адресомъ на глаза, какъ мнѣ показалось, заинтересовавшагося мною прохожаго. Почти счастливый и радостный, я вернулся въ свой казематъ, благополучно пронесши графитъ карандаша между двумя сжато вытянутыми пальцами рукъ во время поверхностнаго обыска меня въ канцеляріи острога.

— Теперь,—думалъ я:—надо достать бумаги и черезъ ключника еврея завести корреспонденцію внутри тюрьмы съ заключенными.

V.

Какъ ни былъ, повидимому, простъ планъ о перепискѣ между заключенными, осуществить его, однако, удалось весьма не скоро. Я терялся въ догадкахъ, замѣчая необыкновенную на дежурствѣ сухость ко мнѣ ключника-еврея.

— Записку перехватили у вашего сосѣда,—успѣлъ онъ неожиданно шепнуть мнѣ.—За нами слѣдятъ больше, чѣмъ за вами.

Какую записку и кто перехватилъ ее, я не узналъ. Замѣтилъ только, что хожалый у насъ опять новый, и смотритель чаще прохаживается по корридору, заглядываетъ въ форточки казематовъ или, потихоньку отпирая дверь, внезапно появлялся съ угрожающимъ видомъ передъ заключеннымъ. Видя, что послѣднему нечего пугаться и прятать что либо, онъ быстро измѣнялъ выраженіе лица и, ласково здороваясь, обнималъ лѣвой рукой арестованнаго за талію и прохаживался съ нимъ по каземату, стараясь весело острить на счетъ сновидѣній одиночно-заключеннаго. Въ той же рукѣ онъ держалъ фуражку, никогда не надѣвая ее на голову во время обхода заключенныхъ и нося ее за козырекъ открытымъ дномъ кверху или оставляя ее въ такомъ же видѣ на столѣ. Уходя, онъ брался за козырекъ и, не покрывая головы, удалялся въ со-

сѣднѣй номеръ. Нѣсколько разъ я замѣчалъ на днѣ фуражки какой-то бумажный шарикъ или маленькую трубочку, не придавая имъ никакого значенія. Однажды и самъ смотритель примѣтилъ ихъ и презрительно выбросилъ изъ фуражки въ уголъ каземата, принявъ трубочку за случайный соръ. Первое время и мнѣ не приходило въ голову задуматься надъ этимъ происшествіемъ, но манера смотрителя не надѣвать фуражки на голову, а проходить съ нею въ рукѣ изъ каземата въ казематъ—неволью бросалась въ глаза и запоминалась заключенными, всегда ищущими случая обмануть стражу и эксплуатировать ее.

Оставаясь одиноко въ своемъ ящикѣ и блуждая взглядомъ по его стѣнамъ и угламъ, я машинально поднялъ съ полу бумажную трубочку съ горошину величины и, развертывая ее, остолбенѣлъ отъ радости и удивленія.

Бумажка была вынута изъ того конца папиросы, которымъ мы беремъ ее въ ротъ, и, окрашенная никотиномъ, пахла табакомъ.

На ней было написано карандашемъ сокращенно и подъ титлами весьма важное указаніе на то, какъ слѣдуетъ держать себя на допросѣ: «Ни съ кѣмъ здѣсь не знакомъ. Отрицаю Питеръ. Москвой и Пензой уличенъ. Работали по найму или моей просьбѣ».

Я узналъ почеркъ руки дорогого мнѣ человѣка, и чувство радости тотчасъ же смѣнилось ужасомъ и горемъ.

— Ему уже нѣтъ спасенья! Онъ рецидивистъ и противъ него тьма уликъ.

Странное дѣло: состраданіе къ товарищу сдѣлало нечувствительными мои собственныя страданія, и если слезы текли у меня по щекамъ, то въ сердцѣ укрѣплялась рѣшимость страдать долгіе годы, лишь бы не разлучаться съ безусловно погибшимъ другомъ.

— Надо списаться съ нимъ и узнать, въ какомъ онъ номерѣ? — думалъ я, ломая себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, пока не пришелъ къ заключенію, что смотритель проноситъ записки въ фуражкѣ и не замѣчаетъ того, какъ заключенный вынимаетъ ихъ у него и такимъ же образомъ бросаетъ въ нее свою записку. Меня поразила эта смѣлость арестованныхъ, но неосуществимаго въ этомъ способѣ переписки ничего не было, и я рѣшился воспользоваться имъ.

Слѣдующій визитъ смотрителя дня черезъ два сильно меня разочаровалъ. По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ въ номеръ, но положилъ фуражку на козырекъ внутренней стороны на столъ. Записки у меня еще не было приготовлено, и самъ я еще хорошо не зналъ, какъ это сдѣлать: фуражка лежала у меня на столѣ, но положить въ нее записочку не представлялось уже возможности. Смотритель замѣтилъ мой озабоченный видъ и насмѣшливо произнесъ:

— Довольно вы надругались надо мной. Довольно! Попался молодецъ-то вчера... Попался!

— Въ чемъ? Что съ вами?

— Не притворяйтесь! Не притворяйтесь! По глазамъ вижу, что вы думаете... Фуражку не по вашему положилъ? Ну, что: отгадаль? Научился я, батенька, арестантскимъ хитростямъ-то, а вотъ и меня перехитрили... Молодой народъ здѣсь, а меня, старика, обошли. Ужъ я молчу... Какъ же жаловаться прокурору? Прежде всего я же буду виноватъ. Хорошо, если прокуроръ не узнаетъ, и кто нибудь изъ васъ же не проболтается ему.

— Намъ это также не выгодно... О такихъ вещахъ не болтаютъ.

— Конечно,—радостно согласился смотритель.— Это вызоветъ строгости и разныя стѣсненія.

— Мы всѣ понимаемъ это...

— Вѣдь какъ попался-то молодецъ! На мѣстѣ накрылъ... Вижу, бросаетъ мнѣ что-то въ фуражку, я взялъ и только хотѣлъ прочесть записку, какъ онъ вырветъ ее изъ рукъ и въ ротъ себѣ... Такъ вѣдь и проглотилъ! Такъ-таки и проглотилъ въ одинъ мигъ! Ну, въ другомъ-то номерѣ молодецъ хотѣлъ выкинуть такую же штуку, да не удалось... Едва вѣдь не подрались мы съ нимъ! Вотъ что!... Легко ли съ арестантами имѣть дѣло? Во время польскаго возстанія у меня заключенные, цѣлуясь съ родными, передавали имъ ртомъ записки, а между собой за обѣдомъ стучали ложками о тарелки, да такъ много не наговоришь... А съ вами оскандалился... Самъ же пронесилъ секретнымъ ихъ письма.

По уходѣ его, я долго смѣялся надъ нимъ и, право, очень сожалѣлъ, что самъ не успѣлъ воспользоваться его фуражкой.

— Что же это, однако, за исторія—стукъ въ стѣну? — подумалъ я, уже нѣсколько разъ слышавъ этотъ стукъ по сосѣдству. Ранѣе мнѣ ничего не приходилось объ этомъ читать или слышать, а между тѣмъ по всему видно, что администрація преслѣдуетъ его между заключенными.

Я постучалъ въ стѣну и тотчасъ же получилъ отвѣтные удары.

— Но что они означаютъ?—ломалъ я себѣ голову и вновь безъ счету сыпалъ удары указательнымъ пальцемъ въ стѣну.

Въ отвѣтъ я слышалъ правильные удары, съ перерывами и ожиданіями. Сначала я думалъ, что мой сосѣдъ хочетъ числомъ ударовъ опредѣлить число буквъ, составляющихъ его фамилію, и я принимался перебирать всѣхъ своихъ знакомыхъ, но изъ этого ничего не выходило. Я простучалъ ему число буквъ моей собственной фамиліи, но услышалъ цѣлые десятки ударовъ, не понимая ихъ значенія и только отрадно чувствуя присутствіе за стѣною живого и близкаго мнѣ челевѣка. Настучавшись пальцемъ и кулакомъ, мы, наконецъ, бросили это занятіе, не понявъ другъ друга.

Между тѣмъ у меня хранился кусочекъ графита, и я мечталъ достать бумагу и дожидаться дежурства ключника-еврея, исчезновеніе котораго нѣсколько дней сряду весьма огорчало меня. Скоро для меня стало ясно, что еврей попался въ пособничество въ заключеннымъ сноситься письменно между собой и былъ уволенъ. Правда, я скоро досталъ себѣ бумаги, добившись разрѣшенія покупать папиросы, которыхъ никогда раньше не курилъ. Я вынималъ изъ нихъ мундштучки изъ писчей бумаги и эти бумажки тщательно пряталъ подъ ножку стола или въ разныя щели стараго пола. Табакъ бросалъ въ парашу или за окно на дворъ, а спички сжигалъ ночью одну за другой, когда мыши и крысы мѣшали мнѣ спать своимъ визгомъ и бѣготней. А спать я всегда торопился, едва кончалась вечерняя повѣрка арестантовъ, и смолкали ихъ удалыя и грустныя пѣсни...

VI.

У Достоевскаго одинъ каторжникъ говоритъ, что, если онъ видитъ сонъ, то непременно такой, гдѣ его бьютъ, другихъ сновъ у него не бываетъ. У меня также сны были почти въ теченіе цѣлаго полугода, каждую ночь, удивительно однообразны. Это были планы о бѣгствѣ изъ тюрьмы, исполненіе самыхъ побѣговъ и свиданія на волѣ съ друзьями и любимой дѣвушкой. Другихъ сновъ у меня не было. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія ночи, какъ другіе ждали днемъ свиданія съ родными и знакомыми. Счастливые сны! Благодѣтельные сны! Они живили мою душу и радовали ее призраками счастья и жизни. Недаромъ поэтъ говоритъ о ночныхъ мечтаніяхъ заключеннаго съ такимъ сочувствіемъ:

«Быть можетъ, тѣхъ видѣній свѣтлыхъ рой—
Привѣтъ и даръ страны его родной.
Кровь узника теперь спокойнѣй льется,
Отчаянье въ душѣ его слабѣй,
И головой геройскою своею
Объ камни онъ въ бреду уже не бьется».

Дѣйствительно, ночныя сновидѣнія значительно сократили и облегчили мнѣ самое тяжелое первое время одиночнаго заключенія. Сновидѣнія были такъ живы и реальны, что, просыпаясь, я часто и подолгу не сознавалъ, что лежу на койкѣ тюремнаго каземата, вдали отъ Петербурга и милыхъ мнѣ лицъ. Всю ночь напролетъ мои мысли вращались около того, какъ бы бѣжать на волю, и часто во снѣ я такъ ловко уходилъ отъ ключника и часовыхъ, что иногда хотѣлъ попробовать и наяву выработанный планъ бѣгства.

Спасенный этими снами отъ тоски и отчаянія, я превратилъ ихъ въ дѣйствительность и по цѣлымъ днямъ мечталъ о прошломъ, воскрешая его каждую ночь: то, что въ жизни было разъ и мимолетно, въ тюрьмѣ пережито сотни разъ и за неимѣніемъ

новыхъ впечатлѣній воспроизводилось вновь и наполняло собою всю душу и помыслы. Я приучилъ себя ложиться спать съ мыслью о свиданіи во снѣ съ тѣми или другими лицами, говорить съ ними на любимыя темы и просыпаться съ глазами, полными радостныхъ слезъ. Такъ, не смотря на тяжкіе годы въ казематахъ безъ свиданій, безъ гласной переписки, безъ книгъ и допросовъ, я пронесъ черезъ всѣ тюрьмы, по которымъ меня пересаживали, дорогой мнѣ образъ дѣвушки... А между тѣмъ я долго не зналъ ея имени и фамилии. Я встрѣчалъ ее въ Петербургѣ и среди многихъ дѣвушекъ запомнилъ только ее одну. Не была она лучше всѣхъ, но только все у нея было симпатично и хорошо: граціозная и тоненькая фигурка съ красивой головой, украшенной черными безъ блеска волосами; выпуклый сжатый съ боковъ лобъ и искрившіяся темные глаза подъ длинными рѣсницами. Голосъ малороссійскій: торопливый, звонкій, съ дѣтскими пѣвучими нотами... Она была близорука и, говоря съ человѣкомъ, пристально всматривалась въ него, иногда черезъ лорнетку въ черепаховой оправѣ. Самъ не знаю, почему я задышался отъ счастья, когда могъ говорить въ ея присутствіи и слушать ея голосъ.

Я не умѣю распространяться о любви, да и кто можетъ сказать, когда и почему зарождается это чувство. Я запомнилъ южный голосъ дѣвушки, шелестъ ея платья, позу, въ которой она сидѣла, и нѣжный взглядъ, созданный на радость человѣческаго рода. Этого было довольно, чтобы наполнить мою жизнь блаженствомъ и неисчерпаемой радостью. Но я понялъ это не вдругъ и благословилъ чудное твореніе Бога только тогда, когда всего лишился.

А кто она? Я не зналъ ея имени; но только днемъ въ моемъ казематѣ я мысленно вмѣстѣ съ ней пилъ изъ жестянки заваренный чай и дѣлилъ обѣдъ изъ бурды и розмазни. Прохаживаясь по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголь и глубоко вздыхая, я чувствовалъ, что и она сочувствуетъ мнѣ и также плачетъ гдѣ-то здѣсь, около меня... А ночью, едва сонъ смыкалъ глаза, мы уже были вдвоемъ на Украинѣ и Волыни, воодушевленные одними идеалами и страхами. Счастливый возрастъ, который довольствуется счастливыми снами!

Были ли у другихъ заключенныхъ такіе сны — не знаю; но любящая женщина сбережетъ человѣку и на каторгѣ его характеръ и достоинство, нужныя и для испытанія, и для жизни по освобожденіи. Будьте же благословенны ободрявшіе насъ образы дорогихъ дѣвушекъ, умѣвшихъ проникнуть черезъ толстыя стѣны тюремъ въ сердца заключенныхъ и сберечь насъ отъ паденій и тоски.

VII.

Ночью я торопился заснуть въ полной увѣренности быть на нѣсколько часовъ счастливымъ. Одно, что меня крайне огорчало, это непониманіе стука въ стѣну, который по ночамъ особенно усиливался у заключенныхъ.

Я тщетно искалъ ключа къ таинственнымъ ударамъ, которыми меня призывали къ стѣнѣ мои сосѣди. Я часто слышалъ, какъ ключники ссорились съ заключенными изъ-за стука и грозились пожаловаться на нихъ смотрителю. Не принимая участія въ стуколкѣ и пользуясь хорошими отзывами надзирателей, я заслужилъ особую милость у смотрителя, который, визируя заключенныхъ, заходилъ ко мнѣ и сообщалъ нѣкоторыя незначительныя новости, не оставляя своей фамиллярной манеры: поздоровавшись, обнять арестованнаго за талію одной рукой и пройтись съ нимъ разъ или два по камерѣ. Исторія съ фуражкой наведла меня на мысль эксплуатировать эту фамиллярность. Я не зналъ, какъ это сдѣлать, хотя иногда мнѣ хотѣлось заготовить тоненькую трубочкой записку и сунуть ему за пуговицу или повѣсить на ниткѣ сзади скюртука въ то время, когда онъ ходитъ, обнявъ меня рукой, и отъ меня направляется къ другимъ заключеннымъ. Еслибъ было можно увѣдомить ихъ объ этомъ, то несомнѣнно смотритель нѣкоторое время послужилъ бы намъ вторично собственной особой почтальономъ. Я не зналъ, какъ сообщить объ этомъ открытіи своимъ сосѣдямъ, и бѣсновался на себя за то, что не понималъ разговора стукомъ. Но скоро случай, безъ котораго въ тюрьмѣ ничего не дѣлается, помогъ мнѣ и здѣсь.

Однажды, въ субботній день, надзиратель вошелъ ко мнѣ въ номеръ и сказалъ:

— Смотритель приказалъ узнать: желаете ли вы идти въ баню попариться? У насъ своя баня.

— Отлично. Когда же?

— Вотъ ужо... Придутъ за вами.

Въ ожиданіи бани я тщательно запряталъ свои бумажки, зная, что во время отсутствія заключеннаго ключники и надзиратели дѣлаютъ обыски въ нашихъ камерахъ. Послѣ обѣда надзиратель повелъ меня длиннымъ корридормъ мимо палатъ «подслѣдственныхъ» и «осужденныхъ» въ какой-то дальній уголь, куда входили арестанты и откуда выходили они уже съ красными и распаренными лицами.

Меня поразило то обстоятельство, что насъ, «секретныхъ», водили въ общую баню съ уголовными преступниками. Это, конечно, объясняется провинціальными нравами надзирающихъ насъ лицъ, а также неприспособленностью провинціальныхъ тюремъ къ различнымъ категоріямъ заключенныхъ.

Въ Петербургѣ, напримѣръ, въ домѣ предварительнаго заключенія на Шпалерной имѣются для одиночно-заключенныхъ отдѣльныя ванны, каждая въ отдѣльной комнатѣ. Но арестанты, конечно, предпочитаютъ старыя бани.

Меня не только ввели въ общую баню, но дали въ помощь хожалаго, который убиралъ намъ и наши камеры. Имя его было Николай.

Въ передбанникѣ надзиратель оставилъ насъ однихъ, а самъ побѣждалъ въ корридорѣ наблюдать за выходящими арестантами.

— У меня къ вамъ есть,—тихо произнесъ Николай, указывая черными, какъ уголь, глазами себѣ на лѣвую руку.

Онъ ловко свертывалъ мое бѣлье, и я замѣтилъ, что четыре пальца лѣвой руки у него закрыты, и только одинъ большой палецъ оставался свободнымъ. Пока онъ раздѣвалъ меня, я спросилъ у него посланіе, зажатое пальцами, но онъ отрицательно покачалъ головой.

— Надзирателя же здѣсь нѣтъ.

— Онъ тутъ, баринъ... Тихонько въ пріотворенную дверь слѣдить за нами. Пойдите мыться. Тамъ поговоримъ.

Пріотворивъ дверь въ самую баню, я со страхомъ попятился назадъ отъ крика, густого пара и толкотни въ ней. Съ трудомъ дошелъ я по липкому и склизкому полу до скамейки и сѣлъ на нее, дожидаясь, пока Николай принесетъ шайку воды. Въ это время я почувствовалъ легкіе уколы въ обѣихъ ногахъ и, присмотрѣвшись, замѣтилъ, что онѣ покрыты черными кусающимися точками. Это были блохи, десятками прыгавшія съ полу и лавокъ на наши голыя тѣла. Это обстоятельство мало меня беспокоило, такъ какъ я былъ поглощенъ запиской, которая все еще находилась въ лѣвой рукѣ Николая.

— Здѣсь нельзя, баринъ. Увидятъ и скажутъ надзирателю.

— Да кто же? Здѣсь все свои... арестанты же!

— Мало ли между ними доносчиковъ. Отчего же смотрителю все извѣстно, что дѣлается въ острогѣ? Мы и наказываемъ такихъ, и не любимъ ихъ, а все же они всегда есть.

— Но какъ же съ запиской-то? Ты ее измочишь.

— Не беспокойтесь! Суха будетъ. Я все другой рукой дѣлаю... Какъ пойдете къ себѣ изъ бани, возьмете и записку.

Дѣйствительно, Николай работалъ правой рукой, а лѣвая махала попусту въ воздухъ, почти не замоченная водой. Глядя на его граціозную фигурку и вспоминая глуповатыхъ и неповоротливыхъ до него хожалыхъ, я подумалъ: «этотъ не скоро попадетъ, и надо пользоваться его услугами». Торопливо я выпросилъ у него фамиліи заключенныхъ, большинство которыхъ онъ зналъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что давно передаетъ заключеннымъ записки и до сихъ поръ удачно избѣгалъ подозрѣній.

— Отчего же ты не далъ мнѣ ни разу понять этого?

— Большую осторожность соблюдаю, баринъ. Сколько хожалыхъ-то перемѣнилось изъ-за васъ... Ну, ты, съ рубцами-то, осторожнѣе!—крикнулъ онъ на одного каторжнаго, плескавшагося водой во всѣ стороны.

Я невольно засмотрѣлся на изуродованнаго старика и сидѣвшихъ вокругъ меня его товарищей. Эта баня, гдѣ я мылся вмѣстѣ съ убійцами и каторжниками, врѣзалась въ мою память на всю жизнь.

— Готово! Идемъ, — сказалъ я, качиваясь въ послѣдній разъ водой.

Николай бросился впередъ, расталкивая арестантовъ на пути.

Въ передбанникѣ наши платья лежали уже иначе, чѣмъ мы ихъ положили.

— Надзирателишка рылся здѣсь, — спокойно промолвилъ Николай, крѣпко стискивая въ рукѣ хранящуюся у него записку. — А вотъ это написалъ одинъ вашъ и велѣлъ показывать всѣмъ, — указалъ онъ пальцемъ на темный уголь стѣны.

Едва я взглянулъ на надпись: 1=а, 2=б, 3=в и т. д., какъ мнѣ все стало ясно. Это былъ ключъ къ разговору стукомъ. Вотъ оно: каждому числу ударовъ соотвѣтствуетъ по алфавиту азбуки известная буква. Прекрасно... Какъ все просто... А вотъ, поди же, самъ не догадывался. Но и трудно же это изучить, подумалъ я.

— Берите теперь записку... Да чуть что — въ ротъ скорѣе.

— Не бойся, — успокоилъ я Николая и показалъ ему свои молодые кулаки. — Пусть-ка сунутся отнять!

Едва мы показали въ корридорѣ, какъ надзиратель тотчасъ же принялъ меня на свое попеченіе и, сдавъ ключнику, торопился вести въ баню другихъ «секретныхъ».

Можно представить, съ какимъ волненіемъ и осторожностью прочелъ я записку. Она была чуть-чуть по краямъ сыровата, но текстъ остался нетронутымъ. Мой товарищъ упрекалъ меня за то, что я ни съ кѣмъ не перестукиваюсь, и упоминалъ новыхъ лицъ, недавно арестованныхъ и находящихся въ другомъ корридорѣ тюрьмы. Одна изъ проставленныхъ и неизвестныхъ мнѣ фамилій была женская, но, при чтеніи ея, передо мной мелькнулъ образъ дѣвушки, такъ часто снившейся мнѣ въ тюрьмѣ и видѣнной мною два-три раза въ Петербургѣ. Я даже хотѣлъ, чтобы это была она, и при мысли, что мы такъ близко находимся другъ отъ друга и вмѣстѣ страдаемъ, я въ самомъ возбужденномъ состояніи былъ счастливъ и радостенъ...

VIII.

На другое утро, написавъ на стѣнѣ цифры по порядку надъ каждой буквой русскаго алфавита, я, сильно волнуясь, застучалъ въ стѣну указательнымъ пальцемъ, согнувъ его острымъ угломъ. Мой сосѣдъ тотчасъ же отозвался, и едва я простучалъ слово «кто» цифрами 10, 18 и 14, какъ услышалъ одинъ ударъ въ знакъ того, что онъ понялъ это слово; затѣмъ я простучалъ 18 и 26, цифры, соотвѣтствующія буквамъ «т» и «ы». Опять ударъ въ стѣну, и мой сосѣдъ началъ выбивать свою фамилію. По первымъ буквамъ я узналъ въ немъ моего товарища и тотчасъ же ударилъ въ стѣну одинъ разъ въ знакъ того, что и онъ понялъ мною. Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ мнѣ удалось изучить цифры съ соотвѣтствующими буквами такъ хорошо, что я могъ уже свободно стучать, не заглядывая въ азбуку, начертанную на стѣнѣ. Скоро я разбилъ суставъ указательнаго пальца почти до кости и сталъ стучать ногомъ, пока также не почувствовалъ въ немъ боли. Оторвавъ костяную пуговицу отъ арестантскаго пиджака, я продолжалъ разговаривать ея уже безпрепятственно. Сосѣдъ мой предложилъ стучать шифромъ, раздѣливши азбуку на шесть столбцовъ съ пятью буквами въ каждомъ. Такимъ образомъ приходилось стучать двумя цифрами: первая указывала столбецъ, а вторая — букву въ этомъ столбцѣ.

При этомъ способѣ разговора, число ударовъ значительно сокращалось, чѣмъ при разговорѣ по полной азбукѣ.

Вотъ эта шифрованная азбука, которой заключенные перестукиваются между собою:

А	Е	Л	Р	Х	Ы
Б	Ж	М	С	Ц	Ю
В	З	Н	Т	Ч	Я
Г	И	О	У	Ш	
Д	К	П	Ф	Щ	

Тотъ же вопросъ: «кто ты?»—при полной азбукѣ требуетъ слѣдующихъ цифръ: 10 (к), 18 (т), 14 (о), 18 (т), 26 (ы)=86 ударовъ; по сокращенному же способу нужно стучать: 2+5 (к), 4+3 (т), 3+4 (о), 4+3 (т), 6+1 (ы)=35 ударовъ.

А такъ какъ всѣ мы понимали слова по первымъ буквамъ, то разговоръ шелъ довольно быстро. Если кто нибудь не разслышалъ или путалъ счетъ, то онъ билъ мелкую дробь или чертилъ по стѣнѣ, означая этимъ, что онъ спуталъ счетъ, и стучать слѣдуетъ снова.

Нѣкоторые изъ насъ сократили азбуку на три или на четыре столбца и, наконецъ, сочиняли шифръ изъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ заключалась вся русская азбука, и стучали этимъ шифромъ такъ же, то-есть первая цифра означала слово, изъ котораго

берется буква, а вторая—самую букву въ этомъ словѣ. Этимъ способомъ заключенный могъ говорить съ товарищемъ неизвѣстнымъ другимъ заключеннымъ стукомъ и быть гарантированнымъ отъ ушей догадливаго ключника или надзирателя, также усвоившихъ въ послѣдствіи обыкновенный стукъ. Наконецъ и среди насъ были несчастные товарищи, желавшіе выдачею всѣхъ своихъ друзей купить свободу и подслушивавшіе нашъ стукъ съ тѣмъ, чтобы передать свѣдѣнія прокурорскому надзору. Такимъ образомъ, стукъ загадочнымъ шифромъ былъ необходимъ для болѣе важныхъ разговоровъ, чѣмъ обыкновенные тюремные разговоры.

Я очень скоро, конечно, понялъ призывные сигналы, у многихъ весьма различные: одинъ вызывалъ товарища стукомъ разъ-разъ; другой—разъ-два-разъ; третій—два-два и т. д. Если что нибудь мѣшало разговору, то стучали по сокращенной азбукѣ «жди» или просто одну букву «ж» = 2 + 2.

Гаккезенъ (старо-германское слово гакке—стучать) примѣнимъ не только между сосѣдами по заключенію, но и между сидящими на разныхъ концахъ корридора: стукъ прекрасно передается по стѣнамъ и сводамъ тюрьмы на очень дальнее разстояніе.

Вотъ что пишетъ о гаккезенѣ г. Максимовъ въ книгѣ «Сибирь и каторга»: «Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заключеніемъ (оборнской) и съ обязательствами молчанія (пенсильванской) разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче, и приемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ заключенныхъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, рассчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія языка звукового посредствомъ постукиванья пущены въ ходъ всевозможныя тонкости: равномерность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ, или въ очередь ударовъ тихихъ и громкихъ; удары, производимые согнутыми пальцами или мясистой частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмакомъ, ногой, обутой въ чулокъ, ковшомъ, ложкой, щепкой и т. д. въ безконечности. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи. Ключей для пониманія существуетъ довольно много, и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки, на слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ такъ, что даже играли въ шахматы. Самыя изслѣдованія

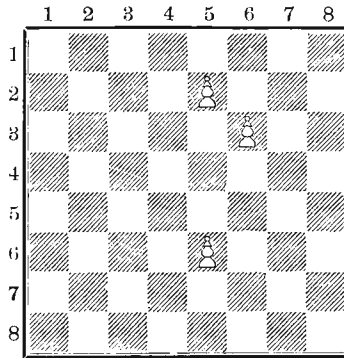

показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было, и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Куфштейнѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстой стѣной. У Шпауна родилась мысль разговариваться съ нимъ постукиваньемъ, и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе, само собой разумѣется, затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать понѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза, и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумѣваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ рассказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впоследствии сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ Б., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ союзника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ.

«Одиночество замкнутаго человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго спеціальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика, зовутъ каждого особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышать и читаютъ депеши. Этимъ людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заключеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и, вѣроятно, не замедлитъ ими воспользоваться». Оно уже ими воспользовалось... Въ настоящее время одиночно заключенные въ теченіе недѣли выучиваются блестящимъ образомъ стучать между собой и азбукой, и шифрами, а также играть стукомъ съ товарищами и въ шахматы, и въ шашки. Послѣднее устраивалось у насъ очень просто.

Каждый заключенный дѣлалъ себѣ изъ хлѣба, жеванной бумаги и даже изъ спичекъ различныя фигуры шахматъ и простыя шашки. Затѣмъ играющіе чертили чѣмъ имъ угодно (хотя бы гвоздемъ, вырваннымъ изъ каблука арестантскаго сапога) шашешницу,

состоящую, какъ извѣстно, изъ восьми перпендикулярныхъ и восьми горизонтальныхъ столбовъ съ клѣточками, а именно:

Разставивъ шашки или шахматы, играющій стучомъ въ стѣну означалъ фигуру, которой хочетъ идти, указывая ее двумя цифрами: первой обозначался перпендикулярный столбъ шашечницы, второй — горизонтальный, и гдѣ они пересѣкаются подъ угломъ, какъ на Пифагоровой таблицѣ умноженія, тамъ стоитъ означенная фигура. Для нарисованной сверху первой фигуры на нашей шашечницѣ (см. чертежъ) стучали 5 и 2. Если играющій хотѣлъ ее двинуть на со- сѣднее мѣсто, то стучалъ 6 и 3 (см. чертежъ); если же надо было ему поставить ее значительно ниже, какъ показано на чертежѣ, то стучалъ 5 и 6. Выслушавъ этотъ стукъ, оба игрока передвигали у себя на шашечницѣ указанныя фигуры и продолжали игру далѣе по тѣмъ же правиламъ. Такимъ образомъ, игра и разговоръ стучомъ значительно облегчали участь заключенныхъ, спасая ихъ отъ мрачныхъ думъ и нравственной апатіи, такъ убійственно вліявшихъ на физическое здоровье и даже на поведеніе при дознаніи и слѣдствіи.

Говоря о декабристахъ, г. Максимовъ замѣчаетъ: «люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія сумѣли выйти побѣдителями при помощи разговора по стучу». Что же это значитъ «выйти побѣдителями» изъ тюрьмы? Это значитъ не быть окончательно ею раздавленнымъ и сохранить способность къ свободной жизни. Тюрьма должна дорожить мѣрами, сохраняющими жизненную энергію и нравственность заключеннаго. Вотъ почему намъ кажутся болѣе вредными мѣрами, чѣмъ необходимыми — запрещенія разговаривать арестантамъ, развлекаться полезными играми, читать книги, а для одиночно-заключенныхъ запрещенія даже ручнаго и ремесленнаго труда. Пресѣкая зло и парализуя преступныя дѣянія человѣка лишеніемъ его свободы, принудительнымъ распредѣленіемъ труда и отдыха, тюрьма должна бы этимъ ограничиться, предоставляя заключеннымъ, по возможности, во всемъ остальномъ болѣе или менѣе нормальную жизнь. Если кто

боится, что люди нарочно сдѣлаются преступниками, когда тюрьма будетъ безъ каторжныхъ лишеній, то надо вспомнить, что неволя, отсутствие свободы и принудительныя занятія сами по себѣ страшно тяжелы для человѣка. Вѣдь это та же золотая клѣтка для птичекъ съ прекраснымъ кормомъ и даже съ семейными удобствами. Но и при этихъ условіяхъ птицы дѣлаются часто неспособными летать на волѣ и защищаться отъ хищниковъ. Что же значитъ «золотая» тюрьма для человѣка? Что въ ней можетъ привлекать его и толкать туда, кромѣ тѣхъ же причинъ, по которымъ и теперь простолудинъ говоритъ объ острогѣ, что кому онъ острогъ, а намъ — домъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся. Тюрьма — домъ покаянія и трудолюбія; чѣмъ ближе она будетъ приближаться къ нему, тѣмъ болѣе шансовъ на исправленіе преступника. Во всякомъ случаѣ, прогрессъ тюремовѣдѣнія въ этомъ направленіи не увеличитъ зла, существующаго въ арестантскомъ мірѣ, и надо поражаться жестокостью людей, когда они говорятъ, что злой человѣкъ совершаетъ преступленіе, надѣясь избѣгнуть наказанія, и потому слѣдуетъ добиться «неизбѣжности наказанія». Тогда злой человѣкъ будетъ бояться и тюрьмы, и казни; тогда карательныя мѣры пріобрѣтутъ на человѣческой характеръ чуть ли не такое же предостерегающее вліяніе, какъ соціальныя и христіанскія мѣры. Другіе, по поводу новыхъ тюремъ à la домъ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, восторгаются его желѣзомъ и камнемъ, съ абсолютнымъ изгнаніемъ дерева въ постройкѣ, его тройными англійскими замками у камеръ съ нѣсколькими ключами, хранящимися у разныхъ лицъ: ключъ на два запора днемъ у надзирателя, ключъ на три запора на ночь у управляющаго или его помощника; а главное то, что въ этой тюрьмѣ преступникъ, предполагали, будетъ лишентъ возможности видѣть кого либо другого, переговариваться между собой, переписываться и т. д. Словомъ, новая тюрьма тѣмъ хороша, что въ ней арестантамъ хуже...

IX.

Послѣ того, какъ всѣ мы узнали стукомъ, кто въ какомъ номерѣ сидитъ и въ чемъ обвиняется, мы тотчасъ же принялись сговариваться о своихъ показаніяхъ и достигли въ этомъ полнаго успѣха. Но, сговорившись съ заключенными въ одномъ корридорѣ, мы затруднялись перестукиваться или переписываться съ заключенными въ другомъ, отдаленномъ отъ насъ корридорѣ.

Однако, мы скоро замѣтили, что жестяные чайники, въ которыхъ разносятъ кипятокъ, часто мѣняются и попадаютъ изъ одного корридора въ другой. Тотчасъ же явилась мысль воспользоваться ими для сношеній между обоими корридорами. Перестукавшись объ этомъ въ своемъ корридорѣ, мы слѣдили за условнымъ чай-

никомъ, полагая, что не сегодня, такъ завтра, онъ попадетъ въ другой корридоръ, и тамъ на немъ же напишутъ отвѣтъ.

Снести между собой инымъ путемъ мы пока не могли, такъ какъ хожалый Николай былъ переведенъ отъ насъ, а новые хожалые или боялись помогать намъ, или попадались съ записками въ рукахъ.

Однажды, послѣ обѣда, я замѣтилъ у хожалаго знакомый чайникъ со множествомъ блестящихъ точекъ по бокамъ. Съ радостью взялъ я его и, вмѣсто того, чтобы засыпать чай, принялся читать шифрованное посланіе изъ другаго корридора. Оттуда сообщались фамилии, и также предлагалось «слѣдить за спиною зрителя». Подѣлившись новостями съ сосѣдями, я прежде всего зачертилъ на чайникѣ старую переписку и написалъ на немъ нѣкоторыя новыя обстоятельства дѣла ко всеобщему свѣдѣнію. Съ этихъ поръ всѣ чайники, обѣденная посуда и даже деревянные ложки покрылись показаніями, фамиліями, привѣтствіями и поклонами другъ другу, или рѣзкимъ укоромъ тому изъ заключенныхъ, который выгораживаетъ себя изъ дѣла, сваливая обстоятельства на бывшихъ своихъ товарищей и не думая объ ихъ страданіяхъ. Тюрьма кипѣла самой оживленной дѣятельностью.

Конечно, администрація скоро замѣтила надписи на посудѣ, но такъ какъ мы не боялись наказаній, то и продолжали свое дѣло, а администрація свое. Ключники и надзиратели стирали надписи, а мы вновь ихъ чертили, пока терпѣніе заключенныхъ не преодолѣло контроль за каждой нашей буквой. Разъ, когда зритель, дружески разговаривая съ однимъ изъ нашихъ, прошелся съ нимъ рядомъ изъ угла въ уголъ по камерѣ, то послѣдній, подъ предлогомъ сбросить съ его спины случайный соръ, умудрился засунуть ему за пуговицу маленькую трубочку, и тотъ пронесъ ее въ другой корридоръ. На этомъ способѣ переписки кто-то скоро попался, и надо было видѣть, какъ первое время зритель осторожно здоровался и прощался съ нами, оглядывая то фуражку, то самого себя со всѣхъ сторонъ.

Тюрьма живетъ случаемъ, и два-три удавшіяся предпріятія вознаграждаютъ заключенныхъ за всѣ тревоги и опасенія. Неистощимый запасъ изобрѣтательности помогаетъ побуждать опытность администраціи и строгость закона.

Писали мы рѣшительно всѣмъ: табачный въ мундштукѣ нагаръ разводили слюной; со стѣнъ соскабливали черную краску, а изъ «парашекъ» — деготь; просили доктора выписать изъ аптеки желѣзо отъ малокровія и, при помощи крѣпкаго чаю, превращали его въ чернила. Въ экстренныхъ случаяхъ мы просили у зрителя передъ тѣмъ, какъ лечь спать, на часъ или два, лампу къ себѣ въ номеръ и, пустивъ большой огонь, собирали копотъ и сажу на блюдечко и приготавливали себѣ изъ этого, съ помощію воды и

сахара, чернила. Обугливали также спички и писали концомъ ихъ. Наконецъ, звали смотрителя съ бумагой, перомъ и чернилами для письменныхъ показаній прокурору. Въ послѣдней просьбѣ смотритель не имѣлъ права отказать намъ и присутствовалъ всегда самъ во время нашего писанія пустѣйшихъ показаній или бесполезныхъ просьбъ о разрѣшеніи читать и покупать намъ книги. Зацѣпивъ стальнымъ перомъ какъ можно больше чернилъ, каждый изъ насъ старался накапать ими на полъ или на столъ, а, по уходѣ смотрителя, спѣшилъ воспользоваться этими драгоценными каплями. Находились и такіе ловкіе, которые въ тотъ моментъ, когда смотритель отходилъ отъ стола къ стѣнѣ зажечь спичку и закурить папироску, быстро отливали чернила себѣ въ столъ въ заранѣе приготовленную бумажную коробку или прямо на дно ящика. Иногда, какъ бы нечаянно, ломали конецъ пера и бросали перо въ отдаленный уголъ каземата на глазахъ смотрителя. Тотъ приказывалъ принести изъ каземата новое перо, а старымъ, по уходѣ смотрителя, заключенный пользовался съ одной стороны для письма на бумагѣ, съ другой—для черченія имъ на чайникѣ или другой посудѣ замѣтокъ, а на столѣ—шахматной доски. Въ иныхъ случаяхъ заключенный расплющивалъ широкій конецъ пера, точилъ его о каменное окно до того, что получалось острое лезвие, прекрасно замѣнявшее маленькій ножикъ, если это лезвие привязать ниткой къ щепкѣ отъ пола или къ палочкѣ отъ баннаго вѣника.

«Секретная» тюрьма не была «мертвымъ домомъ», какъ не была она и для Достоевскаго, умѣвшаго найти подъ однообразной арестантской одеждой разнообразныя типы людей и жизнь, полную чувствъ, силы и даже комизма.

— Что вы стучите въ стѣну и никогда не слушаетесь?—прибѣгалъ бывало ко мнѣ смотритель по жалобѣ ключника или надзирателя.—Прежде вы были лучше и не занимались стукомъ...

— Да, я нарочно...

— Какъ это нарочно?

— Чтобъ васъ позвали.

— Зачѣмъ же это?

— Страхъ скучно... Увидишь васъ на минутку и веселѣй станеть.

— Я васъ въ карцеръ посажу, если вы будете продолжать! Что это за шалости!

— Посидите-ка цѣлые мѣсяцы въ этомъ гробу, такъ и вы зашалите.

— А вы надѣйтесь на Бога. Когда я былъ въ Вильнѣ смотрителемъ тюрьмы, то и не такихъ преступниковъ выпускали на волю.

— Нѣтъ ли у васъ книгъ?

— Религіознаго содержанія есть, но безъ разрѣшенія прокурора не могу дать.

— Вотъ видите: по неволѣ на окно полѣзешь и будешь зѣвать на арестантовъ.

— Смотрите, не разговаривайте съ ними. Это строго запрещается.

— Ладно!—думалъ я и, едва онъ уходилъ, я тотчасъ забирался къ рѣшеткѣ и находилъ близъ окна, не смотря на часового, какого нибудь бритаго пріятеля съ тузомъ на спинѣ и желѣзными обручами на ногахъ.

Разсерженный, однако, моимъ непослушаніемъ, смотритель перевелъ меня въ другой корридоръ. Я только этого и добивался, чтобы окончательно переговорить съ новыми заключенными о нашемъ дѣлѣ и судьбѣ. Передъ уходомъ изъ своего номера, по обычаю всѣхъ заключенныхъ, я сдѣлалъ на немъ надпись будущему замѣстителю: «По судьбѣ съ тобой мы братья. Но неужели это только бываетъ въ тюрьмѣ, и мы не встрѣтимся такими же на волѣ? Общай мнѣ то же, въ чемъ я тебѣ клянусь: не забывать другъ друга и въ горѣ, и при лучшихъ обстоятельствахъ жизни».

— Господи! сколько этихъ клятвъ, и кто изъ насъ сдержитъ ихъ?—думалъ я, выходя изъ номера и съ грустью разставаясь съ нимъ.

Въ немъ я впервые узналъ ужасъ неволи, изучилъ языкъ стукомъ, наслушался пѣсенъ арестантовъ и мало-по-малу самъ сталъ арестантомъ.

Здѣсь же я впервые въ жизни полюбилъ свои страданья, научившись размышлять о нихъ и не чувствуя съ ними своего одиночества.

— А что-то тамъ, въ другомъ корридорѣ?

Съ этимъ вопросомъ я вступилъ въ новый казематъ. На стѣнахъ его я нашелъ также разные надписи. Нѣкоторыя состояли изъ именъ и фамилій, другія—съ одними намеками и условными кличками, подъ которыми скрывались преступники. Обозначены были также годы, мѣсяцы и числа, когда заключенный взять подъ стражу, и въ общихъ словахъ характеръ преступленія: убійство жены, грабежъ церкви, конокрадство, изнасилованіе, сбытъ фальшивыхъ денегъ и т. д. Я съ ужасомъ закрылъ глаза передъ этой картиной народной жизни. Этотъ номеръ не передѣлывался для секретныхъ, и всѣ его стѣны пахли «уголовщиной». Приглядываясь пристальнѣе, можно было разобрать чи-то угрозы съ восклицательными знаками и проклятія по адресу оговорщиковъ или слишкомъ откровенныхъ соучастниковъ. Надписи карандашемъ, углемъ и мѣломъ часто сливались между собою, мѣстами стирались отъ времени, но одну изъ нихъ, написанную чернилами, я прочелъ не безъ удивленія:

«А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же вы братья.

«И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ отецъ, который на небесахъ. Большой изъ васъ да будетъ вамъ слуга».

— Вотъ,—подумалъ я:—этотъ раскольникъ также переносилъ одиночное заключеніе менѣе тяжело, чѣмъ тѣ, которые не находятъ здѣсь пищи для размышленія.

Неужели я не возвышусь надъ своей судьбой и долженъ погибнуть здѣсь?

X.

Мои страхи о будущемъ скоро разсѣялись. Новый казематъ сталъ для меня источникомъ радостей, которыя рѣдко съ такой силой повторяются въ нашей жизни. Я узналъ, что по сосѣдству со мною сидитъ недавно арестованная барыня, взятая среди рабочихъ на пароходной пристани Волги.

Я вслушивался въ ея голосъ, который иногда былъ слышенъ, когда отворяли ея казематъ, и этотъ голосъ казался мнѣ знакомымъ и напоминающимъ Малороссію. Я сталъ съ ней перестукиваться и просилъ сообщить мнѣ ея примѣты. Онѣ вовсе не подходили на образъ дѣвушки, также переселившейся въ моемъ воображеніи со мною изъ одного корридора въ другой. У той были черные и веселые глаза, а у этой, какъ она говоритъ, сѣрые и унылые; но почему она можетъ называть ихъ унылыми? Я спрашивалъ, легкая или тяжелая у нея походка; какова ея прическа, улыбка и руки.

Она стучала: ха-ха... Я отвѣчалъ ей тѣмъ же.

Намъ было весело, и она не сердилась на мои подробные вопросы.

— Это она! Она! Только она можетъ такъ хорошо понимать мое волненіе и счастье.

Вечеромъ, когда хожалый чистилъ въ корридорѣ лампу и навѣшивалъ одну изъ нихъ къ моей двери, я ухитрился просунуть ему подъ порогъ каземата для передачи моей сосѣдкѣ стихи слѣдующаго содержанія:

Вольной жизни моей вспоминая грѣхи,
Я въ тюрьмѣ изстрадался отъ скуки—
Какъ, бывало, легко мнѣ давались стихи
Подъ давленьемъ восторга и муки.

* * *

Но въ тюрьмѣ муза рѣдко приходитъ ко мнѣ.
Риемы слушать меня перестали..
И застыла душа въ заколдованномъ снѣ
Въ домѣ скорби, тоски и печали.

* * *

Только вдругъ за стѣной, вотъ ужъ два дня подъ рядъ,
Слышенъ мнѣ голосъ женскій и шорохъ...
И какъ въ сказкѣ родной, измѣнился мой взглядъ,
А домъ скорби сталъ милъ мнѣ и дорогъ.

* * *

На заплеснѣвшемъ днѣ омертвѣлой души
Отыскался слѣдъ риѣмы пѣвучей,—
Даже воздухъ тюрьмы въ полуночной тиши,
Задрожалъ въ переливахъ созвучій.

* * *

Я не вижу лица, но весильной мечтой
Чудный образъ зову на свиданье...
Милый другъ! отзовись! Привѣтъ ласковый твой
Облегчить мнѣ тоску и страданье!

Она отозвалась теплой благодарностью и даже обѣщала прислать мнѣ тѣмъ же способомъ отвѣтные стихи.

Прощаясь съ нею, я стучалъ:

— До завтра... Желаю вамъ видѣть во снѣ Питеръ и друзей.
Я часто вижу ихъ и очень люблю свои казематныя ночи.

— Завидую вамъ, — стучала она.—Я долго не могу заснуть,
такъ какъ мѣшаютъ пѣсни арестантовъ.

— А я люблю слушать...

— Вы идеалистъ...

— Не знаю, а вы?

— Предпочитаю факты, а не сны и иллюзіи.

— Факты пропадаютъ, а мечты остаются.

— Я не согласна.

Вмѣсто того, чтобы спать, мы спорили всю ночь, и часто утренняя повѣрка заставляла насъ за стукомъ.

Мои сновидѣнія окончились, и я сталъ бредить наяву. Каждое ея слово и фраза повторялись мною въ тиши сотни разъ, и то, что на волѣ было бы не замѣчено, здѣсь крѣпко залегало въ душѣ, воспроизводящей постоянно одни и тѣ же впечатлѣнія и воспоминанія. Каждый день одиночнаго заключенія равнялся продолжительному знакомству, переходящему у всѣхъ заключенныхъ отъ дружбы къ болѣе теплому и нѣжному чувству.

Я почти не скрывалъ свои чувства и однажды получилъ изъ-подъ двери слѣдующій на нихъ отвѣтъ:

Сосѣдъ! За убѣжденія страдая,
Ты сдѣлалъ въ жизни все, что могъ;
Но съ истиной грѣхи любви мѣшая,
Не растеряй ты подъ собою ногъ...

* * *

Не поддавайся женской ласкѣ,
И звуку пламенныхъ рѣчей
Внимай не болѣе, какъ сказкѣ,
Съ тѣмъ, чтобы забыть все поскорѣй.

* * *

Но если вдругъ наступитъ буря
И дунетъ въ сердце невзначай,
Ты голосъ страсти, добъ нахмура,
Святой наукой заглушай.

Я прыгалъ отъ радости, читая стихи, разсматривая влюбленными глазами незнакомый мнѣ почеркъ и цѣлуя его сотни разъ. Въ любви нѣтъ ничего смѣшного и пустяковъ, они наполняютъ нашу душу блаженствомъ и трепетомъ, которые длятся цѣлыми днями, свѣтятся въ глазахъ, чувствуются въ голосѣ и выдаютъ себя какъ задумчивостью, такъ и живостью...

Даже смотритель иронически спросилъ меня:

— Вы, кажется, довольны новымъ помѣщеніемъ? Смотрите, подкопъ не учините къ своей сосѣдкѣ.

Я нахмурился, хотѣлъ обидѣться и не могъ.

— Всякій разъ просить передавать вамъ поклонъ.

— Поклонъ? Мнѣ? И вы никогда не сказали объ этой милости къ заключенному!

— Ну, вонъ какъ вы все близко принимаете: не скажешь— худо, и сказать страшно...

— Милый! дорогой мой! И вы были молоды,—бросился я съ крикомъ къ нему на шею.—Устройте намъ свиданіе!.. При васъ... на пять минутъ!

— Что вы! что вы! Отстаньте!—отмахиваясь рукой, повторялъ онъ.—Чтобы и меня съ вами посадили въ тюрьму... Этого вы хотите? Просите у прокурора...

— А можно это?

— Просить все можно.

— Но вѣдь это бесполезно?

— Совершенно...

Я отвернулся отъ него со слезами на глазахъ. Но наступила ночь, и опять не было счастливѣе меня человѣка на свѣтѣ. Лежа на постели подъ солдатскимъ сукномъ и чуть-чуть ударяя въ стѣну указательнымъ пальцемъ, я рассказывалъ сосѣдкѣ свою жизнь, а она мнѣ свою. Прощаясь до завтра, мы посылали одинъ другому поцѣлуй. Иногда я тотчасъ же засыпалъ, не смотря на то, что былъ счастливъ; иногда даже цѣловалъ то мѣсто стѣны, въ которое мы стучали. А когда являлось желаніе поцѣлуя болѣе близкаго къ дѣйствительности, то я нагибался устами съ собственной рукѣ. Я даже имѣлъ глупость сознаться ей въ этомъ, и она отвѣтила мнѣ стукомъ:

— Ха... ха... ха... Не много же вамъ надо, чтобы чувствовать себя счастливымъ. Увидимся ли мы когда нибудь!

— Счастье еще, что мы сидимъ рядомъ,—отвѣчалъ я ей въ

сердечномъ умиленіи.—Ахъ, еслибъ насъ вмѣстѣ увезли на судъ и сослали бы въ одно мѣсто.

— Будемъ просить объ этомъ.

— Будемъ...

XI.

Каждое утро камера заключеннаго убиралась уголовными арестантами, которые служили почтою для заключенныхъ, не смотря на строжайшій за ними надзоръ ключниковъ и надзирателей. Безчисленное число «хожалыхъ» было уличено въ пособничество намъ; но хожалый Николай такъ артистически велъ себя, что скоро сталъ убирать камеры обоихъ корридоровъ, не навлекая на себя подозрѣній.

Рано утромъ, послѣ того, какъ барабанъ пробьетъ утреннюю зорю, дверь камеры отворялась, и ключникъ пропускалъ мимо себя Николая, только что умывшагося и расчесаннаго, всегда чисто одѣтаго въ арестантскій халатъ и холщевые штаны. Со шваброю въ рукѣ Николай прежде всего брался за парашу и выносилъ ее въ корридоръ, гдѣ двое другихъ арестантовъ опораживали ее и наливали въ нее свѣжую воду. Тѣмъ временемъ Николай принималъ мести полъ, краснорѣчиво мигнувъ заключенному черными своими глазами въ знакъ того, что есть записка, но требуется осторожность и хладнокровіе. Ключникъ въ величественной позѣ наблюдалъ за нимъ издали въ дверяхъ камеры.

Обыкновенно, подметая полъ, Николай успѣвалъ оставить записку или подъ кроватью, или бросить на постель въ складки одѣяла, или, отодвигая «коты», опустить туда записку. Иногда же, убравъ полъ, онъ шелъ обратно въ корридоръ за парашей и вносилъ ее опять на прежнее мѣсто, бросая въ это же время къ стѣнѣ, сзади параша, записку и успѣвая только глазами указать на нее. Каждый разъ онъ перемѣнялъ приемы, и нельзя было не только ключнику, но и мнѣ самому догадаться, какъ онъ поступить съ запиской. Внося обѣдъ намъ, онъ плотно прижималъ записку къ посудѣ и оставлялъ ее на столѣ вмѣстѣ съ кушаньемъ.

Переписка черезъ Николая завязалась у заключенныхъ весьма оживленная.

Прокуратура, видимо, скоро замѣтила по показаніямъ заключенныхъ, что между нами установилось соглашеніе. Выказано было предположеніе о сношеніяхъ ихъ между собой, и смотритель острога удвоилъ строгости и наблюденіе за нами.

Приказано было, между прочимъ, хожалому только выносить у насъ парашу, а мести полъ предоставить самимъ заключеннымъ, если желаютъ. Мы, разумѣется, тотчасъ же стали совать въ швабру записки, и сами ключники переносили ее изъ одной камеры въ другую, пока кто-то изъ насъ не попался. Тогда опять Николай

вступилъ въ свои старыя права, и мы опять торжествовали надъ тюремщиками. Однако, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Николаемъ входилъ въ номеръ и самъ надзиратель. Прежніе почтовые приемы оказались невозможными: Николай уже не бросалъ записки ни на постель, ни въ коты, такъ какъ надзиратель стоялъ тутъ же и каждую вещь, тронутую рукой хожалаго, бралъ въ свои и провѣрялъ ее. Но къ концу уборки надзиратель стыдился выходить изъ номера сзади хожалаго и всегда опережалъ его. Послѣдній же успѣвалъ передъ выходомъ швырнуть записку въ уголъ за парашу; но однажды записка ударилась о край параши и едва не отлетѣла въ сторону на глаза надзирателя. Послѣ этого Николай, ставъ парашу на свое мѣсто, умудрялся опускать въ нее записку, предварительно завернувъ послѣднюю туго-на-туго въ тряпочку, чтобы она не промокла на водѣ. Едва мы поняли этотъ способъ почты, какъ уже сами стали тщательно завертывать записки въ тряпочки, вырывая ихъ изъ арестантскаго бѣлья. Внутри тряпочки была бумажка съ обозначеніемъ № каземата, куда слѣдовало отправить записку. Вообще Николай прекрасно умѣлъ разобратъсь съ ними, и ему довольно было показать пальцами цифру камеры, чтобы записка пошла по назначенію. Отъ арестованныхъ онъ бралъ записки почти тѣми же способами, какими мы получали ихъ отъ него, т. е., заготовивъ записку, мы клали ее около параши передъ утренней уборкой камеры, и Николай тотчасъ же поднималъ ее и ловко пряталъ себѣ за пазуху. Клади ихъ также подъ «котами» или въ углу каземата; а при приемѣ изъ рукъ Николая посуды, передавали ему записки непосредственно въ руку. Вечеромъ Николай чистилъ въ корридорѣ лампы, а ключникъ часто уходилъ въ другой корридоръ бесѣдовать съ такимъ же ключникомъ. Николай быстро просовывалъ въ дверь каземата записку и самъ получалъ оттуда такую же. Замѣчательной виртуозности и проворства—взять на глазахъ стражи записку и передать свою—достигли мы!

Всѣ заключенные должны помнить этого Николая, безкорыстно служившаго намъ до послѣднихъ дней нашего пребыванія въ провинціальной тюрьмѣ. Вѣроятно, къ этому его побудило то обстоятельство, что съ нимъ, обездоленнымъ воромъ и мошенникомъ, терпятъ одинаковую участь и молодые люди, не совершившіе ни воровства, ни душегубства. Многіе изъ насъ обязаны ему чувствами радости, испытываемыми нами при полученіи черезъ него писемъ дорогихъ намъ лицъ. Правосудіе же едва ли пострадало отъ того, что кто нибудь изъ насъ годомъ раньше увидѣлъ Божій свѣтъ и благословилъ его.

XII.

Большую поддержку оказала заключеннымъ также одна барыня, имѣвшая въ городѣ книжный магазинъ и библіотеку.

Кто-то изъ насъ, кажется, отправляясь на допросъ, заготовилъ письмо на ея имя въ книжный магазинъ и ловко бросилъ его на глаза прохожему. Насъ иногда отвозили въ квартиру прокурора безъ жандармовъ, а просто въ сопровожденіи двухъ или одного солдатика, взятаго изъ караула, находящагося при острогѣ. Эти привыкшіе только къ командѣ солдатика не догадывались о подкинутыхъ письмахъ и, еслибъ замѣтили, что арестантъ что-то бросилъ, то не рискнули бы остановить извозчика изъ боязни побѣга конвоируемаго. Въ письмѣ была выражена просьба доставлять намъ въ тюремный замокъ книги для чтенія. Сверхъ ожиданія барынѣ было дано разрѣшеніе, и въ одинъ прекрасный день смотритель предложилъ намъ каталогъ библіотеки для выбора себѣ книгъ. Невозможно выразить радость и волненіе, вызванныя въ заключенныхъ такою милостью. Всего лучше вспомнить здѣсь Достоевскаго, которому приходилось переживать по этому же поводу общія всѣмъ заключеннымъ чувства. «Трудно,—говоритъ онъ,—отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которая произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала предо мною, и я старался угадать по прочитанному: много ли я отсталъ отъ этой жизни? много ли они прожили тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ?». Да, книга въ тюрьмѣ одухотворяетъ человѣка, теряющаго въ одиночномъ заключеніи образъ Бога. А противъ потери этого подобія борются и сами тюремновѣды, признающіе, что всякій преступникъ можетъ исправиться при условіи внутренней въ немъ работы ума и сердца. На IV международномъ тюремномъ конгрессѣ сенаторъ Н. С. Таганцевъ, ратуя противъ признанія прирожденнаго преступнаго типа людей и его несправимости, говорилъ: «Можемъ ли мы сказать, что государство испробовало по отношенію къ нимъ всѣ средства воздѣйствія? не придется ли всего чаще сознаться, что преступныя наклонности даннаго лица встрѣчали не противодѣйствіе, а иногда даже поддержку въ карательныхъ учрежденіяхъ государства, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ раціональнаго надзора, неустройства въ нихъ работъ и т. д.; нельзя признать несправимымъ того, кого, можетъ быть, не умѣли или даже и не пробовали исправлять». Книги, не только нравственно-назидательныя и религіозныя, находящіяся въ тюремныхъ

библіотекахъ, но и свѣтскія, бытовыя и научныя, являются могучимъ средствомъ къ тому, чтобы преступникъ, размышляя, исправился и подготовился къ свободной жизни, по выходѣ изъ тюрьмы.

Намъ, одиночно-заключеннымъ, онѣ помогали, кромѣ того, въ перепискѣ. Чистые, оторванные отъ текста края ихъ шли для записокъ, а печатный текстъ служилъ тѣмъ же письмомъ, если надъ извѣстными буквами поставить точки или приложить къ тексту шифръ. Нѣтъ сомнѣній, что владѣтельница книжнаго магазина замѣчала, что многія книги возвращаются ей съ оторванными краями или безъ заглавнаго листа, а на иныхъ страницахъ стоятъ точки карандаша въ текстѣ. Но добрая женщина великодушно приносила въ жертву неизвѣстнымъ ей узникамъ свои книги.

Вспоминая имя этой женщины, я часто повторяю горячія слова итальянскаго узника: «О, да благословить Господь всѣ великодушныя сердца, не стыдящіяся любить несчастныхъ! Ахъ, я ихъ тѣмъ больше цѣню, что въ тяжелую годину бѣдствій я узналъ и трусовъ, которые отреклись отъ меня, разсчитывая извлечь пользу изъ того, что осыпали меня упреками».

XIII.

Кромѣ прекрасныхъ сосѣдокъ, книгъ, перестукиванья въ стѣну, тайной переписки черезъ Николая, насъ поддерживали въ одиночномъ заключеніи и простые арестанты. Съ ними свелъ меня тотъ же Николай, познакомивъ съ нѣкоторыми въ банѣ. Изъ окна своего каземата я тщательно наблюдалъ клейменный и ссыльный народъ, наполнявшій въ извѣстные часы тюремный дворъ. Иные изъ нихъ были крайне одиноки и молчаливы. Съ бритыми головами они грѣлись на солнцѣ, растянувшись по землѣ и прикрывая свои холщевыя ноги въ желѣзныхъ браслетахъ рванымъ арестантскимъ кафтаномъ. Другіе арестанты ихъ боялись. Большинство же было веселый народъ, развлекавшійся пѣснями, остротами, шутками и нападеніями другъ на друга при всеобщемъ хохотѣ, если вблизи не бывало надзирателя съ тросточкой. Многіе изъ нихъ имѣли свои романы въ женскомъ отдѣленіи, огороженномъ отъ мужскаго высокими палями съ воротами посрединѣ. Подкупъ надзирателей имѣлъ здѣсь широкое примѣненіе. Влюбленные всегда успѣвали дождаться времени, когда ворота женскаго отдѣленія отворялись, и оттуда выходили двѣ, три арестантки съ ведрами для воды изъ колодца или на кухню за кушаньемъ, находившіеся на мужскомъ дворѣ. Эти встрѣчи лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ, были иногда трогательны, но чаще сопровождались осторожнымъ кокетствомъ въ видѣ острыхъ насмѣшекъ и толчковъ. Уголовные арестанты не долго сидятъ въ приволжской тюрьмѣ. Почти каждую

недѣлю я видѣлъ на дворѣ сборъ арестантовъ, одѣтыхъ по дорожному и сидящихъ кучками или попарно, подъ присмотромъ надзирателей. Это были пересыльные партіи. Къ звуку цѣпей присоединялись громкіе переговоры отправляемыхъ съ тѣми, которые остаются еще за рѣшетками острога. Послѣдніе завидовали первымъ, а первые были вполнѣ счастливы тѣмъ, что ихъ часть «рѣшена», и они нѣсколькими днями ранѣе придутъ на каторгу или въ ссылку. Съ радостью на лицѣ спѣшили они попасть поскорѣе въ опись по порядку и уже спокойное дожидались момента, когда ихъ поведутъ изъ тюремнаго двора на пароходную пристань или въ вагоны желѣзной дороги.

Послѣ ухода партіи мнѣ всегда было грустно, такъ какъ часто въ этой партіи были знакомые мнѣ арестанты и пѣвцы... Большинство изъ нихъ имѣло постоянныя «сношенія съ волей», и черезъ нихъ «секретные» также могли имѣть свѣдѣнія съ воли и сами писать туда же.

Богъ знаетъ, какъ бы мы ужились съ ними въ общей тюрьмѣ на каторгѣ, еслибъ такія общежитія существовали; но теперь они охотно дѣлились съ нами и опасностями, и хлѣбомъ-солью. Въ провинціяхъ по праздникамъ до сихъ поръ существуетъ похвальный обычай присылать въ тюремный замокъ такъ называемыя «подаванія». Арестанты не забывали и насъ, удѣляя на наши корридоры равную со всѣми долю этихъ подаваній. Староста изъ уголовныхъ, имѣя въ бѣломъ фартукѣ калачи и яблоки, обходилъ наши камеры, раздавая собственноручно каждому изъ насъ его порцію.

Однажды, въ воскресенье, какъ только отворилась у меня дверь для принятія «подаванія», староста, держа одной рукой оба конца фартука, ловко приподнялъ мизинецъ той же руки и показалъ кончикъ аккуратно сложеннаго письма. Я тотчасъ же ободрился и наблюдалъ, какъ онъ ловко передалъ мнѣ вмѣстѣ съ подаваніемъ письмо, предназначенное кому бы то ни было изъ заключенныхъ съ весьма полезными для насъ свѣдѣніями. Какъ оно попало въ руки старосты и отъ кого — мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; но несомнѣнно, что нѣкоторые изъ насъ должны съ теплотой вспоминать сострадавшихъ намъ кандалниковъ и варнаковъ.

XIV.

Не смотря на небольшія облегченія, которыя заключенные себѣ доставили, мы все-таки страшно страдали въ маленькихъ казематахъ, подъ вѣчными взглядами подстерегающихъ насъ тюремщиковъ.

Перемѣнъ уже давно не было въ нашей судьбѣ. Къ счастью, что смотритель замка былъ человѣкъ доброй души и часто утѣшалъ насъ тѣмъ, что скоро насъ увезутъ въ Москву.

— Поскорѣ бы только! Я не менѣ васъ радъ... Сколько выговоровъ я наглotalся отъ прокурора за васъ.

— Ужасно долго тянуть.

— Нельзя-съ,—возражалъ онъ тотчасъ же. — Такое это дѣло... Скоро бьютъ дупелей на охотѣ, а не людей.

Довольный своей остротой, онъ вдругъ весело заговорилъ о моей сосѣдкѣ:

— Открылъ у нея въ стѣнѣ проломъ. Нѣтъ ли и у васъ подкоповъ къ ней? Ну, такъ и есть... Это что? Что это за пятна? Извольте перестукиваться? Да чѣмъ вы стучите?

— Пальцемъ... пуговицей... гребешкомъ.

— Ну, что толку въ этомъ: тукъ да тукъ? Цѣлую ночь тукаете. Всю стѣну испятнали. Увидитесь на судѣ... Богъ не безъ милости, встрѣтитесь и на волѣ. До тѣхъ же поръ спите лучше по ночамъ, чѣмъ терять здоровье. А то вѣдь я переведу вашу сосѣдку подалее, а къ вамъ въ сосѣди посажу какого нибудь каторжника.

— Вы этого не сдѣлаете! Ради Бога!

— Ага, испугались... Пойду теперь поугаю ее тѣмъ же.

Шутить ему надъ нами не пришлось долго. Пришла бумага съ требованіемъ, чтобы мою сосѣдку доставили въ Москву.

Передъ отъѣздомъ мы всю ночь стучали другъ другу, и слова ея до сихъ поръ бодрятъ и утѣшаютъ меня въ горькія минуты жизни.

Мы условились съ сосѣдкой во что бы то ни стало передъ отъѣздомъ взглянуть другъ на друга.

На другое утро, во время уборки камеры, я ловко устранилъ ключника рукой съ дороги и подбѣжалъ къ сосѣднему номеру. Сорвать клеенку съ форточки двери было дѣломъ момента, и я увидѣлъ заключенную посреди каземата. Ключникъ повисъ у меня на спинѣ, стараясь оттащить отъ двери, но я все-таки успѣлъ хорошо рассмотреть мою наперсницу.

— Это не она! Не она!—въ отчаяніи восклицалъ я, запертый вновь въ свою камеру. — Не она. Ту изъ Малороссіи, съ пѣвучимъ дѣтскимъ голосомъ, я узналъ бы среди тысячи ей подобныхъ, а это другая... другая!

Однако я скоро устыдился своего отчаянія: моя сосѣдка была не та, за которую я принималъ ее все время и которую въ разстроенномъ тюремной воображеніи любилъ и боготворилъ. Но развѣ, сама по себѣ, она не священна для меня, и развѣ не ей я обязанъ радостями и счастливѣйшими днями въ одиночномъ заключеніи?

Съ трепещущимъ сердцемъ я слышалъ, какъ отворили дверь ея каземата, и она, проходя мимо меня, успѣла закричать:

— Увозятъ!.. Не забывайте!

— О, никогда! Никогда!

Бѣдное мое сердце! Сколько еще проводовъ и похоронъ предстояло ему впереди.

Съ опустошеніемъ сосѣдняго номера я лишился разомъ двухъ женщинъ: живой и созданной моей фантазіей.

Черезъ нѣсколько дней и меня позвали въ канцелярію и велѣли собираться въ дорогу.

— Въ Москву сначала поѣдете, — сказалъ смотритель. — А потомъ, слышно, судить будутъ въ Петербургѣ. Я такъ радъ. Мнѣ было съ вами очень трудно строго обходиться.

Прощаясь со мной, онъ даже обнялъ меня, и мы поцѣловались. Но едва я направился къ двери, конвоируемый двумя жандармами, какъ смотритель по привычкѣ крикнулъ имъ:

— Смотри: не зѣвай въ дорогѣ. Разговаривать не позволяйте съ пассажирами и въ буфетъ не выходите съ нимъ. Если ѣсть захочетъ, то одинъ изъ васъ пойдетъ покупать, а другой останется съ арестантомъ въ вагонѣ. Гляди, чтобы не убѣжалъ. Боже, упаси!.. Ну, съ Богомъ!..

Странно—по мѣрѣ того, какъ я терялъ изъ виду тюрьму, мнѣ жаль становилось и моего смотрителя и моего каземата. Уже слишкомъ много юныхъ силъ потрачено на эту жизнь въ одиночномъ заключеніи, и слишкомъ безгрѣшна была здѣсь моя первая любовь. О воспоминаніе! Будь благословенно, и пусть другіе узники въ безотрадныя дни своей жизни испытаютъ твое могущество!.. Что за дѣло, если моя сосѣдка была не та дѣвушка, за которую я принималъ ее все время. Она питала мое сердце чистыми и свѣтлыми представленіями о чудномъ созданіи и своею близостью заставила вѣрить въ него. Мы находили нѣжную поддержку въ ласковыхъ словахъ другъ друга и, какъ говоритъ Сильвіо Пелико о своей тюремной подружкѣ, «каждый разговоръ съ нею влекъ за собою необходимость продолженія, разъясненій и давалъ непрерывно животворный толчекъ знанію, памяти, фантазіи и сердцу». Она вливала въ казематное мое житіе такія чувства и радости, которыя безусловно продлили мою жизнь.

Съ этими мыслями я ѣхалъ всю дорогу и съ ними же прибылъ въ Москву... въ Пугачевскую башню.

А. Фаресовъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

I.

АШИ Тэны умудряются подраздѣлять писателей на отражающихъ духъ эпохи и не отражающихъ онаго. Нелѣпность подобнаго подраздѣленія очевидна. Поэтъ не можетъ находить въ дѣйствіи факторовъ, такъ или иначе вліяющихъ на міросозерцаніе общества. Въ качествѣ одного изъ членовъ этого общества, онъ неминуемо подчиняется какому либо изъ господствующихъ «направленій». Отсюда понятно, что отблескъ направленія непременно долженъ лежать на художественномъ творчествѣ поэта. Безразличная, въ политическомъ отношеніи, поэзія Фета представляетъ какъ бы идеаль «неотражающей поэзіи». Но и она, если судить не по внѣшности только, далеко не нейтральна. Каждый призывъ къ беззавѣтному поклоненію красотѣ, каждый гимнъ природѣ— являлись протестомъ противъ тѣхъ призывовъ и гимновъ, которые звучали изъ враждебнаго поэту лагеря. Съ чрезвычайной опредѣленностью отражала поэзія Фета настроеніе части общества, не пожелавшей принять участія въ шумномъ пиру нашего гражданскаго обновленія. Поэзія воинствующая, поэзія пѣвцовъ борьбы, и великолѣпная, языческая поэзія Фета стояли другъ противъ друга двумя враждебными станами. И примѣръ Ал. Толстого

лучше всякихъ теоретическихъ соображеній доказаль, что значить быть «двухъ становъ не бойцемъ», а только «гостемъ случайнымъ».

Съ поэзіей «мести и печали» можно считать дѣло навсегда оконченнымъ. Въ послѣднемъ молодомъ представителѣ этого жанра, Надсонѣ, видны уже всѣ признаки вырожденія недолго царившей моды. По формѣ, Надсона влечетъ къ поэтамъ прежней формаци. Нѣкоторая топорность и пошлость отдѣльныхъ выраженій объясняется здѣсь дурнымъ направленіемъ вкуса, топорностью и пошлостью идей. Что же касается содержанія, то изъ разнообразныхъ мотивовъ своихъ предшественниковъ юный стихотворецъ удержалъ лишь разладъ между личными порывами и гражданскими стремленіями человѣка. Подавляющее большинство его стиховъ представляютъ варіацію этого мотива. Въ одномъ случаѣ стихотворецъ начинаетъ съ того, чѣмъ оканчиваетъ въ другомъ. Сегодня онъ чувствуетъ непреодолимое желаніе дать битву «неправдѣ и злу», но не осуществляетъ намѣренія, неожиданно охваченный жаждой «счастья, женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца». Завтра къ нему, охваченному жаждой «счастья, женской ласки, и слезъ, и любви безъ конца», снова вернется воинственное настроеніе, и онъ опять пойдетъ воевать съ вѣтрянными мельницами. Послѣзавтра повторится то же, что и «въ день первый», и т. д., и т. д.

Этого молодого человѣка, безспорно даровитаго, но, по юности лѣтъ и недостатку развитія не сумѣвшаго дать себѣ отчета, чего ему собственно хочется: женской ласки и слезъ или борьбы со зломъ, — поспѣшная восторженность доморощенныхъ Тэновъ зачислила въ разрядъ поэтовъ, необыкновенно ярко и опредѣленно отражающихъ духъ эпохи. Тутъ же рядомъ она отказала въ выдачѣ какого либо патента на «современность» настоящему, большому поэту, который такъ и остался безъ удовлетворительной и ученой аттестаціи, пока одинъ изъ наиболѣе великодушныхъ Тэновъ не выдалъ ему патента на званіе... буддиста!!

Этотъ поэтъ буддистъ — гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, стихи котораго нельзя назвать непопулярными, но котораго все-таки плохо понимаетъ и мало цѣнитъ «большая публика». Великодушный Тэвъ, выдавшій поэту патентъ на званіе буддиста — Владимиръ Серг. Соловьевъ, авторъ превосходной мистеріи «Бѣлая лилія», достойной занять видное мѣсто въ извѣстной коллекціи Нордау. Я, однако, вовсе не намѣренъ набрасывать тѣнь на критическую компетентность г. Вл. Соловьева упоминеніемъ о «Бѣлой лиліи». Его статья о гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ — «Буддійское настроеніе въ поэзіи» — должна доставить удовольствіе каждому понимающему читателю, хотя бы онъ кореннымъ образомъ расходился съ авторомъ. Статья написана талантливо, аргументы скомбинированы ловко, разборъ отдѣльныхъ произведе-

ній поэта мѣстами обнаруживаетъ въ критикѣ извѣстное эстетическое пониманіе, мѣстами блещетъ настоящимъ остроуміемъ. Свое положеніе г. Соловьевъ доказываетъ старательно, не упуская ни одной подробности, могущей идти ему на пользу. Короче сказать, «Буддійское настроеніе» — серьезная, вполне обоснованная характеристика поэзіи гр. А. А. Голенищева-Кутузова. Я не согласенъ съ нею ни въ одномъ существенномъ пунктѣ, но долженъ признать, что это едва ли не первая солидная статья о Голенищевѣ-Кутузовѣ и едва ли не удачнѣйшій этюдъ автора «Критики отвлеченныхъ началъ». Тѣмъ не менѣе въ основномъ взглядѣ г. Вл. Соловьевъ не далеко ушелъ отъ прочихъ россійскихъ Тэновъ.

Для поверхностнаго разбора поэзіи Голенищева-Кутузова даетъ обильный матеріалъ въ видѣ внѣшнихъ призраковъ, тотчасъ же бросающихся въ глаза. Поэтъ не любитъ дѣйствительности. Больше того, онъ не допускаетъ, чтобы «земная дѣйствительность» была въ состояніи удовлетворить влеченія человѣческой души. Жизнь можетъ быть прекрасной, но она — бредъ. Пускай —

Волшебны и богаты
 Живыхъ его картинъ одежды и цвѣты,
 Свѣтила знойнаго восходы и закаты
 И ночи, полныя чудесъ и тишины.
 Прекрасны днѣй земныхъ обманы и видѣнья,
 Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ,—
 Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья
 Въ пространствахъ радужныхъ земнаго наслажденья,
 Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ!..
 Но, если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
 Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ,
 Внезапно прозвучитъ, какъ дальній голосъ друга,
 Грядущаго конца таинственный привѣтъ;
 Но если, какъ весны желанное дыханье,
 Вдругъ душу обовьетъ иной красы желанье
 И сквозь тумашъ вдали, какъ ранняя зоря,
 Займетса тихій свѣтъ иного бытія —
 Какіе призраки, какія сновидѣнья
 Дерзнутъ съ улыбкою мнѣ повторять: «живи!
 Живи и позабудь о счастья пробужденья
 Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви».

Опредѣленная мысль этого стихотворенія составляетъ какъ бы основу поэзіи гр. Голенищева-Кутузова. Но не слѣдуетъ смущаться «солнцемъ вѣчнаго покоя». Это еще очень далеко, какъ увидимъ, отъ идеала религіи Сакья-Муни. Въ «Трехъ свиданіяхъ» поэтъ ту же опредѣленную мысль показываетъ въ генетическомъ развитіи. Первое свиданіе было «въ дни ранней юности, когда, надежды полный, въ недоумѣніи счастливомъ и нѣмомъ», онъ встрѣчалъ «первыхъ чувствъ нахлынувшія волны». Она явилась и повела его на свѣтлый праздникъ весны.

Тамъ ночи знойныя про счастье шептали,
Тамъ звѣзды, какъ глаза влюбленные, сверкали,
Тамъ сердце билося, и пѣли соловьи.

Но поэтъ скоро пресытился весеннимъ наслажденьемъ и сталъ просить борьбы, страданій и невзгодъ. Она вновь явилась

и властнымъ мановеньемъ
Повзала за собой и повела впередъ.
И жизнь въ свой вѣчный шумъ и мракъ меня пріяла,
И долго въ шумѣ томъ, въ той тѣмѣ скитался я,
И много я страдалъ... Душа страдать устала —
На помощь, наконецъ, я вновь призвалъ тебя.
Призывалъ тебя, чтобъ ты смирила сердца муку,
Чтобъ озарила тьму спасительнымъ лучемъ...
И ты предстала мнѣ и протянула руку,
И снова говоришь знакомое: «пойдемъ!»
«Пойдемъ туда, гдѣ нѣтъ ни счастья, ни кручины,
Гдѣ умолкаетъ шумъ ненужной суеты,
Гдѣ льдами вѣчными покрытыя вершины
Глядятъ на мѣръ и жизнь съ безстрастной высоты».

Такимъ образомъ въ «Трехъ свиданіяхъ» поэтъ изображаетъ три періода человеческой жизни: юность, не отрекающуюся отъ радостей «свѣтлага праздника весны», зрѣлые годы, посвященные труду, борьбѣ и всякимъ житейскимъ испытаніямъ, и старость, готовую безъ страха покончить «земные расчеты», озаренную вѣрой въ грядущій «вѣчный покой». Мы напрасно стали бы искать здѣсь признаковъ «Буддійскаго міросозерцанія». Развѣ у безконечнаго множества старыхъ и новыхъ поэтовъ не тотъ же основной взглядъ на судьбу человѣка, который въ юности недолго наслаждается, долго и много трудится въ зрѣлые годы и только за гробомъ находитъ успокоеніе?

Графа Голенищева-Кутузова нельзя упрекать въ томъ, чтобъ онъ, не любя земной дѣйствительности, боялся ея и въ ужасѣ бѣжалъ отъ всего, на чемъ лежитъ яркая печать жизни. Его нельзя также упрекнуть въ отсутствіи идеаловъ, пригодныхъ именно для дѣйствительности, въ отсутствіи критической оцѣнки различныхъ явленій жизни, въ отрицаніи людскихъ радостей и печалей. Между тѣмъ, поверхностному читателю все это можетъ привидѣться. Почему? Отвѣтъ находимъ въ стихотвореніи «Зарница», одномъ изъ совершеннѣйшихъ стихотвореній нашего поэта. Я привожу его цѣликомъ, не желая ослабить пересказомъ нѣжнаго сочетанія красокъ и тонкихъ переливовъ глубокаго, опредѣленнаго настроенія.

«Въ дни дѣтства, помню я, бывало, передъ сномъ
Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
Я ложе покидалъ и, стоя подъ окномъ,
Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
Полна казалась мнѣ грозой ночная тишь...
Но отворялася сосѣдняя свѣтлица,

И няня старая входила.. «Что не спишь?—
Шептала мнѣ она:—не бойся,—то зарница...
Ни бури, ни грозы не будетъ». И внималъ
Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
— Зарница,—отходя ко сну, я повторялъ,
И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья.
Съ тѣхъ поръ прошли года... и много шумныхъ грозъ
Надъ головою моею собиралось, и много
Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
Тревожно проходя житейскою дорогою.
Какъ знойный, лѣтній день, сверкая и гремя,
Въ убранныхъ облаковъ, раскиданныхъ въ лазури,
Мѣняя блескъ и тѣнь, и тишину, и бури,
Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя.
И вечеръ наступилъ, и зарево заката
Ужъ погружается въ ночную глубину,
Душа безмолвиемъ и сумракомъ объята,
Пора мнѣ отдохнуть, пора идти ко сну.
И вотъ въ холодной тѣмѣ надвинувшейся ночи
Я призываю сонъ и отдыхъ... но порой,
Какъ молнія, мечты мнѣ вновь мерцаютъ въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской,
И вновь, какъ въ оны дни, тревогой тѣхъ мерцаній
Душа испугана, но кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова, слова старухи-няни:
«Не бойся, не томись»,—любовно шепчетъ мнѣ..
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленнѣ
Неужныхъ, позднихъ грезъ обманные огни.
— Зарница,—говорю я въ тихомъ утомленнѣ,
И голосъ надо мной твердитъ: «усни, усни...».

Одно ли «тихое утомленье», равнодушіе къ жизни и къ ея радостямъ продиктовало эти строки? Думается, что онѣ являются результатомъ болѣе сильныхъ и значительныхъ душевныхъ движеній. Поэтъ «въ холодной тѣмѣ надвинувшейся ночи» зоветъ сонъ и отдыхъ. Его не обольщаютъ видѣнья прошлаго, онъ не вѣритъ заигрывающему шуму, предвѣстнику бури. Къ чему запоздалая, безплодная буря? Съ бурями и волненіями покончено, жизнь прожита, и возвращать прожитое нѣтъ надобности. Да и можно ли возвращать его? Очевидно, это будетъ лишь жалкая иллюзія, не достойная зрѣлой, уравновѣшенной души. Нѣтъ, позднихъ грезъ обманные огни не соблазняютъ поэта. «Зарница»... онъ знаетъ: «ни бури, ни грозы не будетъ».

Такое спокойное, даже любовное отношеніе къ концу,—къ старости и смерти, должно пріобрѣсти особую цѣну именно теперь, когда конецъ и смерть поражаютъ дикимъ, паническимъ ужасомъ даже сильные умы. Непобѣдимый страхъ смерти запечатлѣлъ всѣ произведенія Золя; тѣмъ же страхомъ вѣетъ отъ романовъ Мопассана; Лоти, обладающій якомы идеалистическимъ міровоззрѣніемъ, съ тоскою смотритъ на физическую смерть человѣка, убивающую и тѣло, и духъ. Для него не существуетъ Бога, не существуетъ нравственныхъ

законовъ. Если бы вмѣсто Золя, Мопассана, Лоти мы назвали Льва Толстого, явленія предстали бы передъ нами въ еще болѣе мрачныхъ очертаніяхъ. Авторъ «Анны Карениной» такой же язычникъ, какъ и Фетъ, но культъ его грубѣе и откровеннѣе. Поглощенный исключительно физической стороною жизни, Толстой долженъ былъ придти въ ужасъ, созерцая зрѣлище человѣческой старости и смерти. Здѣсь физическая сторона кончается, и язычнику, поклоняющемуся ей одной, не остается и тѣни надежды. Исканія Толстого, приведшія его къ христіанству, не обрѣли ему идеала въ духовныхъ особенностяхъ этой религіи. Изъ всего культа онъ выбралъ самое мрачное, самое мучительное. Съ настойчивостью мономана, «великій писатель земли русской» въ теченіе многихъ лѣтъ сводилъ отдѣльные тезисы христіанства въ такомъ расчетѣ, чтобы получилось нѣчто болѣе безнадежное и пессимистическое, чѣмъ неудовлетворившій его буддизмъ. Если бы человѣчество выбрало автора «Крейцеровой сонаты» своимъ пастыремъ, онъ очень скоро привелъ бы его къ окончательному уничтоженію. Вотъ основы христіанскихъ идеаловъ Толстого. Они вовсе не нужны ему въ качествѣ идеаловъ нравственныхъ. Они помогаютъ этому упорному, омраченному уму созидать грандіозныя иллюзіи, утѣшаться сумасшедшей мыслью, что его личная смерть—только символъ судебъ человѣчества.

Даже въ русской литературѣ, молодой и сильной, Толстой не стоитъ особнякомъ. Въ иныхъ формахъ, съ меньшей экспрессіей, съ безконечно меньшимъ талантомъ, многіе современные писатели провозглашаютъ тѣ же пессимистическіе идеалы. Но нужно быть слѣпцомъ, чтобы не видѣть занимающейся зари новаго настроенія. Раздаются новые призывы, призывы къ дѣятельной жизни, исполненной свѣтлой вѣры и свѣтлыхъ упованій. Отъ нихъ вѣтъ предъутренней свѣжестью, и чуткая душа различаетъ по нимъ близость разсвѣта. Намъ суждено возродиться, очистившись страданіемъ безвѣрія, эгоизма, ужаса смерти. Первымъ признакомъ возрожденія должно быть ослабленіе особенностей, главнѣйше характеризовавшихъ прежнее міросозерцаніе. Никто не станетъ отрицать, что страхъ смерти былъ главнѣйшею особенностью. Возрожденіе очевидно влечетъ за собою ослабленіе его.

Въ поэзіи Голенищева-Кутузова мы находимъ спокойное, сознательное, безстрашное отношеніе къ смерти. Вотъ первый признакъ, передъ которымъ остальные уже не важны и не существенны.

Вл. С. Соловьевъ въ статьѣ «Буддійское настроеніе» придаетъ поэмамъ графа Голенищева-Кутузова больше значенія, нежели лирическимъ стихамъ. Эти поэмы дѣйствительно представляютъ своеобразное явленіе въ нашей литературѣ, будучи по преимуществу поэмами лирическими. Наболѣе замѣчательною изъ нихъ считается «Разсвѣтъ». Г. Соловьевъ, прежде чѣмъ говорить о «Разсвѣтѣ», говоритъ о поэмахъ «Старыя рѣчи» и «Дѣдъ простилъ». Эта по-

слѣдовательность необходима критику для обличенія буддійскаго настроенія поэта. Имѣя въ виду статью г. Соловьева, я буду придерживаться того же порядка.

Въ «Старыхъ рѣчахъ» рассказывается исторія неудачной любви. Герой поэмы, отъ имени котораго ведется рассказъ, полюбилъ жену пріятеля. Не находя въ мужѣ и части того, чего она, подобно Пушкинской Татьянѣ, искала «невинной, чистою душой», молодая женщина уже готова преступить велѣнія долга и отдаться личному счастью, но мужа внезапно поражаетъ ударъ; изъ торжествующаго, побѣдоносно заѣдающаго чужую жизнь эгоиста, онъ обращается въ безпомощнаго ребенка, все помыслы котораго направлены на любовь жены. Вѣрная слову, молодая женщина приходитъ къ любимому человѣку на обѣщанное свиданіе, но только для того, чтобы покончить едва успѣвшій начаться романъ. Прежній мужъ,—говорить она,—исчезъ.

Полуживой калѣка,
Безпомощный бѣднякъ явился предо мной
И, глядя мнѣ въ глаза, съ покорною тоской,
Боясь не встрѣтить въ нихъ желаннаго участія —
Послѣднее ему оставить молитъ счастье
(То, что онъ требовать бы могъ!)—любовь мою...
И жалко мнѣ его — и я его люблю.

Находя «Старыя рѣчи» вариацией Пушкинской темы:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна,—

Вл. С. Соловьевъ считаетъ эту вариацию ослабленной. «Пушкинская Татьяна,—говоритъ онъ,—отвергаетъ Онѣгина, котораго любить, и остается вѣрна мужу, котораго никогда не любила и котораго не имѣетъ причинъ жалѣть, такъ какъ онъ самоувѣренъ, здоровъ и самодоволенъ. Слѣдовательно, она исключительно поступаетъ въ силу нравственнаго долга,—случай рѣдкій и интересный. Для героини графа Кутузова исполненіе долга значительно облегчается двумя обстоятельствами: во-первыхъ, она, въ сущности, не любитъ героя, она сама признается, что только отъ скуки завлекала его, а, во-вторыхъ, она жалѣетъ своего безпомощнаго мужа. Всякій пойметъ, какъ трудно для сколько нибудь тонкой женской природы обманывать полуживого, но все-таки сознающаго и чувствующаго калѣку, и слѣдовательно какъ легко ей остаться вѣрной долгу при такихъ условіяхъ. Отвлеченная идея обязанности мало говоритъ женскому сознанію,—другое дѣло, когда она осязательно вмѣшается въ лицѣ безпомощнаго, жалкаго существа, требующаго любви и попеченій. Если эта женщина отъ скуки готова была полюбить другого, что теперь ей значить страсть, ея жизнь перестала быть пустою, у нея есть хотя скорбное и тяжелое, но за то ясное и настоящее дѣло».

Г. Соловьевъ былъ бы правъ, если бы идея «Старыхъ рѣчей» заключалась въ выполненіи долга поколебавшейся было жены. Но ни идея «Онѣгина», ни идея «Старыхъ рѣчей» не сводится къ одному выполненію долга. Ближе подходитъ къ истинѣ нашъ критикъ въ томъ пунктѣ разбора, гдѣ онъ говоритъ о заповненіи жизни героини хотя и тяжелымъ, но яснымъ и настоящимъ дѣломъ. Однако, тяжелое дѣло съ такимъ трудомъ заповняетъ жизнь человѣка! Заповненіе имъ человѣческой жизни является только впоследствии уже «интереснымъ и исключительнымъ случаемъ», какъ и выполненіе обязанности во имя отвлеченной идеи ея. Но поэтъ не расцѣпываетъ трудности выполненія обязанностей въ томъ или другомъ отношеніи. Мораль исторіи, если говорить подобно г. Соловьеву о морали, состоитъ не въ томъ, что героиня осталась вѣрна мужу,—это было бы слишкомъ немного и обычно, а въ томъ, что она осталась вѣрна человѣческому призванію. Человѣческое призваніе—не искать личнаго счастья, не ставить его, найдя, выше счастья другого, трудиться, усмирять буйные порывы духа и помнить о вѣчномъ, блаженномъ отдыхѣ, за тусклою гранью бытія.

Поэма «Дѣдъ простилъ» еще проще по своему содержанію. Я не знаю, зачѣмъ она понадобилась собственно г. Соловьеву. Выводы, которые онъ дѣлаетъ на основаніи ея, неизмѣримо слабѣ выводовъ, построенныхъ на разборѣ «Старыхъ рѣчей». Это тоже исторія не вполне удачной любви. Дочь покидаетъ старика-отца, бѣжитъ ночью съ женихомъ и выходитъ за него замужъ. Отецъ умираетъ, не давъ дочери прощенья. Сознаніе вины, сознаніе духовнаго разъединенія между нею и любимымъ отцомъ, тяжелымъ бременемъ ложится на душу молодой женщины, становится для нея *idée fixe*. Счастливая брачная жизнь, рожденіе ребенка—не утѣшаютъ ея. Она ищетъ хотя какого нибудь отдаленнаго, условнаго признака, что отецъ за гробомъ простилъ. И вотъ этотъ признакъ, въ образѣ грозы послѣ долгой засухи, дается ей. Когда «грянулъ громъ, и все смѣшалось кругомъ, все въ тѣмъ и бурѣ потонуло,—

Не потонуло лишь одно
Несчастной дочери моленье;
Къ отцу доносится оно
Сквозь шумъ, и грохотъ, и смятенье.
И жизнь страдальческую въ даръ
Пріемлетъ Богъ... Все позабыто,
Все прощено, все пережито...
Искупленъ грѣхъ, и палъ ударъ!
Передъ страдальцей мгновенно
Разверзлась огненная твердь—
Улыбка... взгляды... и вопль блаженный
Небесной радости, и — смерти!
За мигъ предъ тѣмъ она стояла
Въ борьбѣ съ послѣднею мечтой...
Теперь, склонясь къ землѣ сырой,
Она спокойная лежала.

Подробно передавъ сюжетъ поэмы, г. Соловьевъ восклицаетъ: «Содержаніе разсказа—самаго интереснаго изъ трехъ—напоминаетъ что-то глубоко архаическое и таинственное. Человѣческія жертвы предкамъ, мертвецы, дающіе дождь и говорящіе въ грозѣ... Но заключительный смыслъ ясенъ и послѣдняя мечта, отъ которой должна отказаться страдающая человѣчность—это мечта о возможности примиренія и счастья въ жизни, хотя бы черезъ посредство новыхъ поколѣній: истинный исходъ только отрицательный — въ прекращеніи жизни».

Толкованіе, которое даетъ г. Соловьевъ идеѣ поэмы, заключаетъ въ себѣ большую натяжку. Отчего не посмотрѣть проще, какъ смотритъ самъ авторъ? Княжна, бѣжавшая изъ отчужденнаго дома и вышедшая замужъ вопреки родительской волѣ, конечно, расчитывала умилостивить вполнѣ отца, добиться прощенія. Этого ей не удалось достигнуть. Старикъ умираетъ, не простивъ дочери. Тогда чуткая, нѣжно организованная натура, вѣрующая и цѣломудренная, она не можетъ примириться съ мыслью о вѣчномъ разединеніи между нею и отцомъ. Проклялъ онъ ее или только не простилъ—не все ли равно, когда, идя къ исповѣди, она проситъ прощенія у каждаго слуги, и эта идея прощенія, примиренія передалась ей черезъ длинную цѣпь поколѣній. Конечно, многія современныя женщины эмансипированы и отъ менте архаическихъ взглядовъ, но поэтъ имѣлъ въ виду не ихъ и вообще не современную женщину, но женщину прежней эпохи, изъ опредѣленнаго круга, изъ старой, нравственно-крѣпкой дворянской семьи. Отецъ не простилъ ея—и это разбило ей жизнь, разбило счастье жены и матери. Она, конечно, прекрасная жена и прекрасная мать. Но она, кромѣ того, должна быть и прекрасной дочерью. Однажды ей пришлось измѣнить дочернему долгу — сознание преступленія легло мрачной тѣнью на всю ея послѣдующую жизнь. Ей кажется, что недостойная дочь не можетъ быть достойной женой и матерью. Пусть бы г. Соловьевъ допустилъ, что бѣдная героиня поэмы немного не нормальна въ своихъ терзаніяхъ, онъ сдѣлалъ бы меньшую ошибку, нежели теперь, заговоривъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, прекращеніи жизни, какъ истинномъ исходѣ, и т. д. Ничего подобнаго нельзя вывести изъ содержанія поэмы, и неудачный, по формѣ, конецъ ея все-таки слишкомъ ясенъ, чтобы подтвердить парадоксальную мысль критики. Смерть молодой женщины носитъ мистическій характеръ. Но какъ понятна эта улыбка, этотъ «воплъ блаженной небесной радости», когда

Весельемъ Божій міръ объять,
Тревога, шумъ... Ликуетъ садъ,
Цвѣты, деревья—все ликуетъ!
«Простить»,—вѣщаетъ съ неба громъ,
«Простить»,—разносится кругомъ...

На сколько исключительно мистично было горе несчастной, на столько мистично ея избавленіе и блаженная кончина,—сліяніе примиренной души дочери съ душою простившаго, примиреннаго отца.

Я уже сказалъ, что поэма «Дѣдь простилъ» ни по содержанію, ни по формѣ не занимаетъ виднаго мѣста въ сборникѣ гр. Голенищева-Кутузова. Однако для вывода, придуманнаго г. Соловьевымъ, она не годится. Проникающій ея мистицизмъ находить ясное и естественное объясненіе во всемъ: во внѣшней обстановкѣ, въ ходѣ дѣйствія, наконецъ въ сюжетѣ, только не въ міросозерцаніи поэта.

Впрочемъ г. Соловьевъ неудовольствовался этимъ искаженіемъ смысла поэмы. Онъ утверждаетъ, будто Голенищевъ-Кутузовъ хотѣлъ доказать ею, что счастье непозволительно по существу, что «счастье дѣтей вытѣсняетъ изъ жизни родителей», что искупленіе, примиреніе только въ смерти. Это нашъ критикъ заключилъ съ одной стороны изъ «Старыхъ рѣчей», съ другой—изъ рассказа «Дѣдь простилъ». Съ третьей стороны онъ вызываетъ на помощь себѣ тяжелую артиллерію—разборъ лучшей и наиболѣе значительной изъ поэмъ Голенищева-Кутузова «Разсвѣтъ». «Сюжетъ этой поэмы,—пишетъ г. Соловьевъ,—гораздо проще второй и первой. Герой перебиваетъ невѣсту у жениха. Тотъ его вызываетъ на дуэль и ранить. Умирающій прозѣваетъ въ истину бытія, которая открывается ему, какъ смерть».

Такимъ образомъ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ случаѣ счастье уходитъ отъ изображаемыхъ поэтомъ героевъ. Очевидно, оно непозволительно, преступно, не нужно. Очевидно не позволительна, не преступна и нужна только смерть. Критическое пресидижаторство г. Соловьева здѣсь достигаетъ уже полного великолѣпія. Онъ совершенно не придаетъ значенія тому обстоятельству, что во всѣхъ трехъ случаяхъ счастье и съ точки зрѣнія блѣдной ходячей морали и тѣмъ болѣе съ христіанской точки зрѣнія въ самомъ дѣлѣ непозволительно, преступно, не нужно. Развѣ естественно и достойно счастье съ женой, измѣняющей мужу? Развѣ покинуть любимаго отца—не преступленіе для дочери? Развѣ отбить невѣсту у жениха—невинная и не предосудительная затѣя? Г. Соловьевъ не хочетъ проникнуть въ сущность міросозерцанія автора, который на все это смотритъ именно, какъ на неестественное, недостойное, преступное. Онъ игнорируетъ также міросозерцаніе героевъ. Я понялъ бы любого г. Скабичевского, распластывающаго всѣхъ «отсталыхъ» писателей, но я не понимаю г. Соловьева, который даже не заикается относительно «отсталости» гр. Голенищева-Кутузова и старательно отыскиваетъ у него только буддизмъ. Разъ оно такъ, то на обязанности критика лежало доказать, что непокорность родительской волѣ, измѣна жены мужу и

соблазненіе чужой невѣсты признаются непозволительными лишь у однихъ буддистовъ, а затѣмъ всѣми: и христіанами, и магометанами, и евреями, и язычниками другихъ религій, кромѣ буддійской, возводятся въ разрядъ добродѣтелей.

Я очень хорошо понимаю, почему г. Соловьевъ «простилъ» графу Голенищеву-Кутузову «отсталость», на которую могъ не безъ извѣстнаго основанія указать. Для его цѣлей «отсталость» со-всѣмъ не годится. Каждый уразумѣетъ, что въ поэмѣ, напримѣръ, «Дѣдъ простилъ», взять исключительный случай, и что въ ней не много матеріала для оправданія и восхваленія родительскаго самодурства. Еще слабѣе элементъ «отсталости» въ «Разсвѣтѣ», а въ «Старыхъ рѣчахъ» его, пожалуй, не отыщеть даже выше потревоженный г. Скабичевскій. И такъ, главнѣйшій аргументъ, надежнѣйшій козырь въ своеобразной критической игрѣ г. Соловьева—поэма «Дѣдъ простилъ». Вотъ почему онъ остановился на ней съ такими подробностями, вотъ откуда эта старательная передѣлка яснаго и простаго въ запутанное и неестественное.

Я думаю, можно покончить со статьею г. Соловьева, такъ какъ несостоятельность основной ея идеи вполне доказывается уже однимъ внимательнымъ пересказомъ и сличеніемъ поэмъ. Какое угодно вычурное названіе могъ придумать почтенный критикъ для поэзіи Голенищева-Кутузова, только не пріурочивать ея къ буддизму.

Но вѣдь и меня, дерзающаго видѣть въ поэзіи Голенищева-Кутузова «поэзію возрожденія», могутъ упрекнуть въ вычурности опредѣленія. Предстоитъ слѣдовательно доказать, почему поэзія Голенищева-Кутузова не просто здоровая, проникнутая христіанскимъ міросозерцаніемъ, а именно—поэзія возрожденія.

II.

Изъ трехъ поэмъ, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, наименѣе глубокой мнѣ кажется поэма «Дѣдъ простилъ». По скольку она нужна была для цѣлей г. Вл. Соловьева, по стольку охотно я ограничился бы простымъ упоминаніемъ о ней. Преступленіе здѣсь дѣйствительно не пропорціонально наказанію, случай взять исключительный, всѣ главнѣйшіе факторы также исключительнаго и мало понятнаго современному читателю характера. Не похвально, что дочь убѣжала отъ отца, но возникаетъ вопросъ: отъ какого отца? Только скрѣпя сердце можно назвать этого отца любящимъ. Онъ двойникъ стараго князя Болконскаго изъ «Войны и Мира» и любить дочь по-своему, т. е. не такъ, какъ это нужно было бы для счастья и благополучія дочери, а какъ удобнѣе и лучше ему самому. Онъ заточилъ дочь въ деревенской глуши. Для него, конечно, пріятно видѣть всегда около себя родное, преданное, без-

отвѣтное существо. Полный аристократическихъ предразсудковъ, привыкшій повелѣвать и возводить въ законъ свою волю, онъ больше любить власть надъ дочерью, чѣмъ дочь. Ея побѣгъ поражаетъ въ немъ не только любящаго отца, но и привыкшаго къ самовластью повелителя. Такой отецъ не способенъ вызвать большого сочувствія, и мы легко оправдываемъ непокорную дочь.

Но припомнимте теперь время, въ которое появилась поэма. Оно едва успѣло пройти, и типичныя черты его еще свѣжи въ нашей памяти. Понятіе о родительской власти, о родительскомъ авторитетѣ замѣнилось понятіемъ о власти и авторитетѣ дѣтей. Было не бесполезно противопоставить современной дѣйствительности картину прошлаго. Пожалуй, не лишними являлись и сгущенные краски картины, и исключительность ея сюжета. Сближеніе двухъ крайностей невольно наталкиваетъ здравый умъ на необходимость поразмыслить хотя бы о серединѣ.

Я готовъ согласиться, что поэма «Дѣдъ простилъ» наименѣе значительна въ идейномъ отношеніи, и что разладъ между родителями и дѣтьми утратилъ въ данный моментъ острый характеръ.

Иное слѣдуетъ сказать о «Разсвѣтѣ» и «Старыхъ рѣчахъ». Они полны глубокаго смысла именно теперь, въ эпоху, отмѣченную омраченіемъ идеаловъ, въ эпоху нравственнаго и физическаго распутства. Простая и свѣтлая истина заключена въ великолѣпныхъ модуляціяхъ этихъ поэмъ: на несчастіи ближняго не создается прочное, неотуманенное счастье. Человѣкъ не долженъ, не имѣетъ права наслаждаться счастьемъ, отнятымъ у другаго. Вы скажете: «да это мы знаемъ давно!». А кто вамъ повторяетъ эти истины теперь? Развѣ въ романахъ нынѣшнихъ писателей вамъ не показываютъ каждый день торжествующій порокъ и наказанную добродѣтель? Развѣ не поясняютъ при такомъ удобномъ случаѣ, что въ торжествѣ порока нѣтъ ничего неестественнаго и непозволительнаго, и что наказаніе добродѣтели заслуживаетъ прежде всего своею глупостью?

Источникъ подобной нездоровой проповѣди лежитъ вовсе не въ особенностяхъ философскаго міровоззрѣнія нынѣшнихъ писателей, а въ животномъ страхѣ смерти, перевертывающемъ вверхъ дномъ вѣковые устои человѣческой нравственности. Ужасъ передъ смертью рвется могучими воплями изъ cadaго новаго произведенія Толстого. Жалкимъ, ничтожнымъ распутствомъ мысли отражается онъ въ произведеніяхъ менѣе талантливыхъ писателей. Но едва ли не девяносто девять изъ сотни спѣшатъ влить хотя каплю яда въ помутившійся источникъ. Гдѣ спасеніе отъ этой отравы? На западѣ все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса мистиковъ, беспочвенныхъ идеалистовъ, сумасшедшихъ приверженцевъ старины. Конечно, эта больная компанія не много сдѣлаетъ на пользу человечества, но за первыми рядами двинутся дальнѣйшіе. Они уже не такъ

мизерны, не такъ растерянны и безпомощны. Ихъ готова поддерживать наука, клеймящая именемъ безумства—дикое обоготвореніе женскаго тѣла, проповѣдь свальнаго грѣха, отрицаніе Бога и нравственности, доведенный до маніи эгоизмъ.

Общее движеніе не прошло мимо насъ, хотя мы, къ счастью, въ числѣ наименѣе пострадавшихъ. Однако, узкій, безконечный, животный пессимизмъ наложилъ свою печать и на русскую литературу. Нужно, чтобы пахнуло свѣжимъ воздухомъ, отрезвляющими идеалами. Нынѣшнее поколѣніе утверждаетъ, напримѣръ, что оно поклоняется красотѣ и любви, находитъ наслажденіе въ созерцаніи природы. Нужно ли доказывать, что и въ этомъ поклоненіи красотѣ, и въ этомъ созерцаніи природы, и въ этой любви сокрыто нѣчто болѣзненное, растлѣнное. Чистый, вдохновенный гимнъ природѣ и любви хотя немного разсѣялъ бы специфическую атмосферу, хоть подсказалъ бы, какъ нужно любить, въ чемъ очарованіе природы. Такимъ гимномъ является «Сказка ночи» Голеннищева-Кутузова. Даже безотносительно она представляетъ собою образецъ высокой лирики, благороднаго, вдохновляющаго пафоса. Первый же аккордъ—точно поднимаетъ душу, настраивая ее на праздничный ладъ.

Въ разлукѣ мы съ тобой.. душа свиданья просить,
И часто въ сумракѣ, вечернею порой,
Крылатая мечта къ тебѣ меня уноситъ.
Мнѣ кажется тогда, что вижу я съ тобой...
Недавно, вечеромъ, я былъ одинъ. Стемнѣло.
Заснулъ весь Божій міръ. Дневное кончивъ дѣло,
Я вышелъ на балконъ, съ балкона въ темный садъ,
Изъ сада въ сторону побрелъ дорогой въ поле.
Въ померкнувшей дали тонулъ, какъ въ морѣ, взглядъ;
Но душно было мнѣ, какъ узнику въ неволѣ.
Въ уединеніи томилася душа
И бессознательно вездѣ тебя искала.
Въ далекомъ облакѣ зарница трепетала;
А вѣтерокъ ласкалъ лицо мнѣ, чуть дыша.
Я шелъ все далѣе... и вдругъ мнѣ показалось,
Что ты на встрѣчу мнѣ съ тѣмъ вѣтеркомъ примчалась,
Какъ чистой радости желанная струя;
Съ доврѣемъ ласковымъ къ груди моей прильнула
И, глядя мнѣ въ глаза, съ улыбкою шептала:
— Меня ты не узналъ? Смотри—вѣдь это я!
И вмѣстѣ мы пошли.

Счастливою тревогой

Такъ сердце билось, такъ намъ хотѣлось много
Другъ другу высказать, что оба смолкли мы
И долго, долго шли средь чуткой полутьмы.

Хотѣлъ я долгое молчанье превозмочь
И рассказать тебѣ всю повѣсть дней разлуки,
Но смолкли на устахъ начатой рѣчи звуки—
За насъ держала рѣчь сама Царица—Ночь!

Она покрыла насъ широкими тѣнями,
 Она сверкала намъ блестящими очами
 Своихъ несчетныхъ звѣздъ, она шептала намъ
 Слова беззвучныя, но внятныя сердцамъ,
 Волшебныя слова, исполненныя ласки
 Отъ вѣка созданной и вѣчно новой сказки
 Про счастье любви . . . . .
 . . . . .
 Мнѣ сказывала Ночь: «Васъ въ мирѣ только двое!
 Сіянье зорь, мерцанье звѣздъ ночныхъ,
 Равнины тихія и небо голубое,
 Весь этотъ мракъ и блескъ для васъ, для васъ однихъ!
 Когда-бъ другъ друга вы не знали, не любили,
 Когда бы чуждою тебѣ была она,—
 Ни эти небеса, ни звѣзды-бъ не свѣтили,
 Просторъ, туманъ и даль къ себѣ бы не манили,
 И я сама, какъ смерть, была бы холодна.
 Припомни: не тогда-ль, когда передъ собою
 Той лучезарною, той памятной весною
 Ее ты увидалъ—какъ вѣчной красоты
 Земной, доступной ликъ—и не тогда-ль впервые
 Ты звуки услышалъ чудесные, живые:
 Какъ звѣзды говорятъ, какъ шепчутся цвѣты,
 Какъ въ небѣ вешнихъ птицъ несутся вереницы,
 Какъ дышать стебли травъ, какъ бредить сонный лѣсъ,
 Какъ блестятъ крыльями пугливыя зарницы,
 Порхая въ сумеркахъ на рубежѣ небесъ?»

Очаровательная музыка стиха здѣсь соединяется съ ясностью, точностью и нѣжнымъ колоритомъ картины. Вотъ гимнъ торжествующей любви, любви земной, искренней, безхитростной, свѣтлой и ясной, какъ сама природа! Я не сравню лирики Голенищева-Кутузова съ лирикой Фета. Кисть Фета богаче красками, расточительнѣе на тонкія, едва уловимыя детали, но лишь въ пейзажѣ. Въ области интимнаго чувства Фетъ изысканъ и суетенъ. Часто его плѣвительныя любовныя мелодіи дышатъ слишкомъ кипучимъ желаньемъ; сквозь нихъ прорывается вождельющая страсть. Любовь Фета — языческая любовь. Она скорѣе способна вскружить голову, нежели освѣжить и поднять душу.

Еще нѣжнѣе и воздушнѣе порывъ любви — обожанія въ слѣдующемъ чудномъ стихотвореніи.

Снилось мнѣ утро лазурное, чистое,
 Снилось мнѣ родины ширь необъятная,
 Небо румяное, поле росистое,
 Свѣжесть и юность моя невозвратная.
 Снилось мнѣ, будто иду я дорогою—
 Ярче и ярче востокъ разгорается;
 Сердце полно предразсвѣтной тревогою,
 Сердце отъ счастья любви разрывается.
 Рощи и воды младенческимъ лепетомъ
 Мнѣ отвѣчаютъ на чувство привѣтное—
 Шепчуть уста съ умиленьемъ и трепетомъ
 Имя любимое, имя завѣтное!...

Такою нѣжностью и обожаніемъ проникнуты у Голенищева-Кутузова картины природы. Я сказалъ бы: не картины, а «чувства природы». Это нѣсколько странное по формѣ опредѣленіе поясняется хотя бы слѣдующими стихами:

Знакомыя поля, привѣтныя селенья,
Дубравы, полныя завѣтныхъ, тайныхъ думъ!
Въ мечтахъ я вижу васъ сквозь сумракъ заточенья,
Внимаю вашъ призывъ, и голоса, и шумъ.
Суровъ мой долгій плѣнъ, крѣпка моя темница,
Тяжелой цѣнью прикованъ я къ стѣнѣ;
Но мысль крылами бьетъ, какъ пойманная птица,
И рвется на просторъ къ родимой сторонѣ.
Ей хочется узнать, все такъ же ли, какъ прежде,
Тамъ блещутъ и гремятъ веселые ручьи?
Все такъ же-ль молоды въ ихъ праздничной одеждѣ
Тѣ рои, гдѣ весной пѣвали соловьи?
Все такъ же-ль пѣсни ихъ полны тревогой страстной
И будятъ ли, какъ встарь, любви весенній пылъ?
Все такъ же ли тамъ жизнь свободна и прекрасна,
Какъ въ дни счастливыя, когда и я тамъ былъ?

Если наша литература еще не представляетъ достаточныхъ данныхъ для опредѣленія ближайшихъ судебъ стихотворной поэзіи, то въ литературахъ европейскихъ (особенно французской) мы ихъ уже находимъ. Повидимому, будущее принадлежитъ исключительно лирикѣ. Форма поэмы, спеціальныя средства стиха — все это не благопріятствуетъ широкому развитію сюжета, тонкой обрисовкѣ извѣстныхъ романическихъ подробностей и свободной характеристикѣ лицъ. Наоборотъ, для передачи различныхъ душевныхъ эмоцій здѣсь открывается необъятный просторъ.

Поэзія Голенищева-Кутузова, какъ мы видимъ, по преимуществу лирическая поэзія. Сюжетъ играетъ въ его поэмахъ второстепенную роль, движенія въ нихъ мало, все зиждется на переживаемыхъ героями чувствахъ. Но истиннымъ образцомъ лирической поэмы является «Сказка ночи» — «вѣчно новая сказка про счастье любви». Она не заключаетъ въ себѣ никакого эпизода. Захватываетъ вниманіе читателя, напрягаетъ его интересъ одно только симфоническое развитіе короткой, опредѣленной темы. Эту особенность, мнѣ кажется, нужно поставить на первый планъ. Если съ точки зрѣнія проникающаго ея настроенія поэзія Голенищева-Кутузова является шагомъ впереди, то и въ смыслѣ формы, въ смыслѣ новыхъ приемовъ она является не менѣе знаменательною. Изучая ее, нельзя не убѣдиться, что поэтъ достигъ высотъ лирики. Голенищевъ-Кутузовъ даже природу не описываетъ объективно. Его описанія всегда тѣсно слиты съ настроеніемъ, съ чувствомъ. Въ противоположность большинству предшественниковъ, нашъ поэтъ именно отъ чувства направляется къ природѣ, а не отъ природы къ чувству. Природа усиливаетъ или ослабляетъ владѣющее имъ чувство, но не

измѣняетъ его. «Долины, горы, рощи, воды... и голубыя небеса» не заставляютъ поэта поклоняться имъ, какъ чему-то властному въ самомъ себѣ; нигдѣ, кажется, колоритъ картины не находится въ самѣ очевидной, исключительной зависимости отъ личнаго настроенія, какъ въ поэзіи Голенищева-Кутузова. Поэтому, онъ не нуждается въ мелкихъ подробностяхъ, которыми, напримѣръ, дорожить Фетъ. Особенность удивительная—если заглянуть нѣсколько впередъ: для будущаго лирика-пейзажиста область непосредственнаго наблюденія природы неминуемо должна сузиться. Разнообразіе и самобытность образовъ станетъ въ еще большую зависимость отъ разнообразія и самобытности духовнаго міра поэта, нежели теперь. Лишь въ немъ онъ найдетъ новыя краски и новыя подробности.

III.

Послѣ высоко-лирическихъ стихотвореній, имѣющихъ значеніе для данной эпохи главнымъ образомъ съ точки зрѣнія проникающаго ихъ цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія, приобретаетъ новый, особенно важный смыслъ стихотвореніе «Такъ жить нельзя». Оно характеризуетъ и переживаемое нами настроеніе и полную непричастность поэта къ этому настроенію.

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
 Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
 Безъ юности, безъ вѣры животворной,
 Безъ жгучихъ мукъ и счастья любви,
 Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
 Въ томленіи нѣмого забытья,
 Въ уныніи разврата и бездѣлья...
 Нѣтъ, други, нѣтъ, такъ дольше жить нельзя!
 Сомнѣнья ночь отрады не приносятъ,
 Клеветъ и лжи наскучили слова,
 Померкшій взоръ лучей и солнца просить,
 Усталый духъ алкаетъ божества.
 Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
 Но не найти намъ Бога давней тьмѣ;
 Насъ держатъ власть побѣднаго обмана,
 Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
 Не вѣетъ въ міръ мечты живой дыханье,
 Творящихъ силъ всякнуда струя
 И лишь одно не умерло сознанье,—
 Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

Это стихотвореніе гораздо точнѣе и опредѣленнѣе рисуетъ особенности настоящей эпохи, нежели той, къ которой его отнесла враждебная критика. Кто станетъ спорить, что мы изнемогаемъ подъ гнетомъ «притворной разумности»? Наша разумность именно притворная, потому что наши дѣйствія обуславливаются не разумностью, а почти исключительно ощущеніями, впечатлѣніями, фізіо-

логическими позывами. Мы не даемъ чувству вымучиться (по выраженію Аполлона Григорьева) до формулъ и опредѣленій,—до мысли. Поэтому намъ нужны прежде всего опредѣленные, твердые идеалы, какъ бы ни были они скромны, даже несовременны. Говоря о поэзіи Голенищева-Кутузова, какъ о поэзіи возрожденія, я не имѣлъ въ виду рекомендовать характеризующее ее мировоззрѣніе въ качествѣ мировоззрѣнія единственно необходимаго, истиннаго. Я не задаюсь, подобно г. Вл. Соловьеву, нелѣпымъ вопросомъ—истина ли проповѣдуется поэтомъ, и готовъ спросить критика: что есть истина по его мнѣнію? Но вотъ элементы, на которыхъ зиждится поэзія возрожденія и которые впрямь единственно необходимы, истинны. Это, во-первыхъ, опредѣленность и стройность мировоззрѣнія, ведущія человѣка вѣрнымъ, заранѣе намѣченнымъ путемъ. Это, во-вторыхъ, полная духовная уравновѣшанность, зависящая отъ сознательнаго отношенія къ жизни, отъ урегулированія физическихъ позывовъ идеальными стремленіями души. Это, въ-третьихъ, спокойное отношеніе къ смерти, къ прекращенію плотскаго существованія. У Голенищева-Кутузова оно создано на почвѣ христіанской вѣры въ безсмертіе духа; но спокойное отношеніе къ прекращенію земнаго существованія можетъ создаться и на почвѣ философской, и на почвѣ научной. Для этого необходимо одно условіе: чтобы человѣкъ не поклонялся исключительно тѣлу и не ставилъ невозможность дальнѣйшихъ физическихъ радостей выше возможности удовлетворенія идеальной потребности души. При наличности такого условія, скотскій страхъ смерти не будетъ преслѣдовать человѣка неотвязнымъ призракомъ.

Итакъ, нѣтъ надобности, чтобы грядущіе поэты вѣрили въ то, во что вѣритъ Голенищевъ-Кутузовъ, но необходимо, чтобы въ свои идеалы они вѣрили такъ, съ такой же силой, какъ вѣритъ онъ. Необходимо, чтобы духъ былъ уравновѣшенъ, но искать равновѣсія можно и не всегда тамъ, гдѣ его нашель предшественникъ. Идеалы Кутузова, поддающіеся точной формулировкѣ, легко могутъ быть оспариваемы, озаряющее же ихъ настроеніе, ихъ твердость и устойчивость—вѣчно необходимыя, вѣчно желанныя качества. Голенищевъ-Кутузовъ потому дорогъ намъ, что въ немъ одномъ уцѣлѣла вѣра и ясность взглядовъ на жизнь, между тѣмъ какъ кругомъ—полная утрата вѣры, полное смѣшеніе взглядовъ. Если бы нашъ поэтъ принадлежалъ и по началу дѣятельности, и по характеру ея къ отжившему поколѣнію—въ насъ не пробуждали бы свѣтлыхъ надеждъ ни его внутренняя уравновѣшанность, ни его идеалистическое, стройное міросозерцаніе. Но онъ именно нашъ поэтъ, онъ несомнѣнно поэтъ передоваго отряда, онъ указалъ намъ много новаго въ области доступнаго ему искусства, и потому мы вѣримъ, что его особенности—особенности грядущаго поэта, грядущаго человѣка, а не отжившаго. Кажущаяся устарѣлость употребляе-

мыхъ имъ иногда оборотовъ не смущаетъ насъ. Для излюбленныхъ мотивовъ поэта она нужна; она здѣсь къ мѣсту. Но уже въ самыхъ очертаніяхъ этихъ мотивовъ различается нѣчто новое, свѣжее. Отъ гимновъ любви и природѣ вѣетъ силою духа, не порабощеннаго мелкою суетностью.

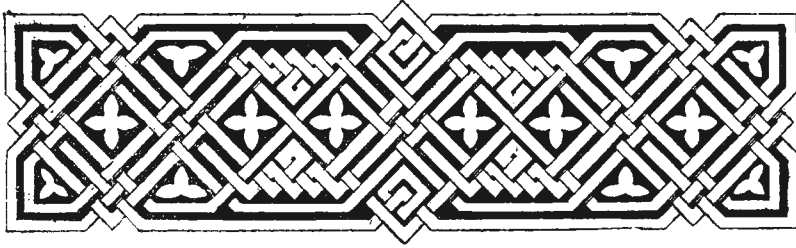
Ужасъ передъ уничтоженіемъ земного «я» утопаетъ въ сознаніи безсмертія твореній человѣческой мысли.

Даже грусть озарена тихимъ, чарующимъ свѣтомъ.

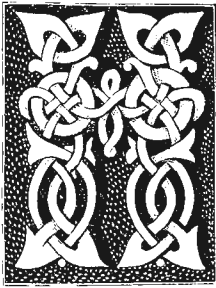
Неужели это—не отблескъ зари возрожденія?..

К. Медвѣдскій.

КУЛЬТУРНЫЕ УСПѢХИ ФИНЛЯНДИИ.

ИКОГДА, кажется, у насъ не шли такіе оживленные толки о необходимости болѣе энергичнаго приступа къ рѣшенію культурныхъ задачъ. Ихъ дѣйствительно безчисленное множество. Упадокъ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, невѣжество народа, всякаго рода неустройство въ селахъ и городахъ, дальнѣйшее развитіе кулачества, пьянства и другихъ печальныхъ явленій въ деревнѣ,—да, есть о чемъ подумать, надѣчьмъ потрудиться...

Значить, идеальныя стремленія, слава Богу, не совсѣмъ изсякли въ нашемъ обществѣ. Одно только намъ кажется неутѣшительнымъ. Въ сущности вѣдь мы никогда не переставали дорожить культурными успѣхами и въ нашей гражданской скорби или въ нашихъ планахъ и проектахъ обновленія русской жизни всегда имѣли въ виду культурную отсталость Россіи. Слѣдовательно, сущность вопроса заключается въ тѣхъ средствахъ, которыя намъ представляются въ данную минуту наиболѣе вѣрными для выхода изъ печальнаго нашего положенія. Спрашивается, изобрѣтены ли новыя средства? Къ сожалѣнію, и теперь, когда мы снова стали усиленно сѣтовать на недостатокъ культуры, поневолѣ приходится признать, что мы мало чему научились. Заходитъ ли рѣчь о борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ, сразу возгорается принципиальный споръ, кому поручить эту важную задачу,—администраціи, земству, духовенству. Заходитъ ли рѣчь объ экономическихъ успѣхахъ,

тотчасъ сыплются звучные термины: капитализмъ, социализмъ, марксизмъ, фритредерство, протекціонизмъ, подворное и общинное хозяйство и т. д. Заходитъ ли рѣчь о рѣшеніи разныхъ другихъ культурныхъ вопросовъ въ провинціи, мы также начинаемъ неистово спорить, кому ихъ довѣрить, административнымъ или земскимъ органамъ. Словомъ, выходитъ такъ, какъ будто не самое дѣло насъ интересуетъ, а общіе принципы или вопросъ, кому его поручить, и мы теряемся въ лабиринтѣ предварительныхъ понятій самаго общаго теоретическаго характера. Сколько, напримѣръ, мы тратимъ словъ, сколько изводимъ бумаги и чернилъ для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли допустить, чтобы въ Россіи водворилось капиталистическое хозяйство, или же дѣло можно повести такъ, что никакого капиталистическаго хозяйства у насъ не разовьется. Тѣмъ временемъ въ самой жизни все шире развивается кулачество, т. е. одинъ изъ самыхъ несимпатичныхъ видовъ капитализма.

Кто въ этомъ виноватъ? Какъ извѣстно, мы склонны требовать всего отъ государства, а на свои собственные силы не считываемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, мы и винимъ во всемъ государство, а себя ни въ чемъ винить не хотимъ.

Недавно появилась въ свѣтѣ объемистая и прекрасно изданная книга, составленная группою финляндскихъ публицистовъ, писателей и художниковъ, подъ заглавіемъ: «Финляндіа въ XIX вѣкѣ». Книга эта, написанная на шведскомъ языкѣ, была переведена на многіе другіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Цѣль ея—познакомить Европу съ культурными успѣхами Финляндіи за истекающее столѣтіе. Можетъ быть, при изданіи этой роскошной книги, украшенной прекрасными иллюстраціями и вызвавшей, конечно, большія издержки, имѣлось въ виду убѣдить общественное мнѣніе другихъ странъ, какъ полезна дѣятельность финляндскаго правительства, и какъ желательно, чтобы Финляндіа продолжала развиваться въ прежнемъ направленіи. Но не эта сторона вопроса насъ здѣсь занимаетъ. Даже поверхностное знакомство съ Финляндіей, помимо названной книги, убѣждаетъ насъ, что культура этой страны во многихъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше русской культуры. Нельзя отрицать непреложныхъ фактовъ, напримѣръ, что почти всѣ финны грамотны, что пути сообщенія въ Финляндіи превосходны, что Финляндіа имѣетъ твердую денежную единицу (металлическую), что финансовое ея хозяйство дефицитовъ не знаетъ, что государственные ея долги ничтожны, и реализованныя этимъ путемъ суммы были употреблены исключительно на производительныя цѣли, что пьянства въ Финляндіи почти не существуетъ, что благоустройство городовъ и деревень замѣчательно и т. д.

Эти факты на столько бросаются всѣмъ въ глаза, что никто не

станетъ ихъ отрицать. Въмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ, почему культурные успѣхи Финляндіи такъ значительны? Можетъ быть, въ Финляндіи существуютъ другія климатическія, почвенныя, географическія, историческія условія, способствующія быстрому развитію культуры, независимо отъ энергической дѣятельности общества или правительства? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Большинство этихъ условій гораздо менѣе выгодны въ Финляндіи, чѣмъ въ остальной Россіи, за исключеніемъ трехъ, четырехъ сѣверныхъ нашихъ губерній. О почвенныхъ условіяхъ и говорить нечего. Каменистая финляндская почва для земледѣлія мало пригодна. Столь часто поражающіе Финляндію недороды или даже прямо голодъ при трудолюбіи финскаго крестьянина служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ неудовлетворительности почвенныхъ условій этой страны. Но однимъ важнымъ преимуществомъ она пользуется предъ остальной Россіей, именно чрезвычайно развитою береговою линіею. Однако это преимущество съ нашей точки зрѣнія чисто фиктивное. Оно имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы финляндцы занимались преимущественно мореходствомъ и зарабатывали бы много на транзитной торговлѣ. На самомъ же дѣлѣ изъ двухъ съ половиною миллионовъ жителей только 79,000 посвящаютъ себя судоходству и торговлѣ, и въ томъ числѣ громадное большинство—внутреннему судоходству, внутренней торговлѣ, а 1.800,000 живутъ земледѣліемъ. Слѣдовательно, Финляндія, какъ и Россія, земледѣльческая страна. Но, можетъ быть, она гуще заселена? Это составило бы очень важное преимущество, потому что, какъ извѣстно, степень культуры находится въ тѣсной связи съ густотою населенія. Оказывается, однако, что въ Европейской Россіи на квадратную версту приходится 18 жителей, а въ Финляндіи—только 6, т. е. въ три раза меньше. Въ Россіи есть не мало губерній, значительно гуще населенныхъ, чѣмъ наиболѣе заселенная финляндская губернія (Нюландская). Но, можетъ быть, финляндцы особенно одаренный народъ? Этому противорѣчить опытъ, вынесенный каждымъ, кто имѣлъ дѣло съ финнами. Нашъ великорусскій крестьянинъ по врожденнымъ способностямъ стоитъ неизмѣримо выше чухонца. Книга, которою мы пользуемся для нашего этюда, написана въ приподнятомъ патріотическомъ тонѣ и содержитъ безконечныя восхваленія всего финляндскаго; объ отрицательныхъ сторонахъ финляндской жизни упоминается въ ней лишь глухо или вовсе не упоминается. Но вотъ какъ въ ней охарактеризованъ «финскій народный типъ»: «покорность судьбѣ и стойкая выдержка, нерѣдко переходящая въ упрямство, медлительный ходъ мысленія, склонность выжидать, откладывая рѣшеніе и жить изо дня въ день, нерѣдко уступающая мѣсто излишней поспѣшности, привязанность къ старому, уже извѣданному, и несочувствіе къ новизнѣ»,—все это общія характери-

ческія черты финскаго народа. Финляндець принадлежитъ къ числу «самыхъ неразсчетливыхъ людей въ мірѣ. Если бы золото валялось у него подъ ногами, онъ не успѣлъ бы его поднять и остался бы бѣднякомъ, въ то время какъ всѣ вокругъ его непремѣнно бы обогатились. Зачастую случается ему опаздывать, стоять кому нибудь поперекъ дороги, не замѣчая этого, кланяться знакомому, когда тотъ уже прошелъ мимо, молчать, когда слѣдовало бы говорить, и говорить, когда молчаніе было бы умѣстнѣе»..

Эта характеристика грѣшитель, можетъ быть, излишнею мягкостью. Смѣло можно сказать, что финны—народъ отъ природы мало одаренный. Значить, и въ этомъ отношеніи Россія поставлена въ лучшее положеніе, чѣмъ Финляндія, и культурные успѣхи послѣдней ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены природными умственными способностями финновъ. Остается намъ еще коснуться историческихъ условій. Можетъ быть, намъ, русскимъ, пришлось выстрадать больше, можетъ быть, наши историческія условія были особенно тяжелы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурные успѣхи Россіи не могли быть такъ значительны? Однако, извѣстно, что Финляндія постоянно подвергалась нападенію со стороны своихъ сосѣдей. Шведы и русскіе попеременно вторгались въ ея предѣлы. Уже въ XII столѣтіи шведы покорили себѣ всю Финляндію. Послѣ побѣды, одержанной надъ ними Александромъ Невскимъ, шведы опять вторглись въ Финляндію; въ концѣ XV столѣтія русскіе опустошили Финляндію; то же повторилось въ XVI вѣкѣ при Иванѣ Грозномъ; наконецъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Финляндія опять извѣдала ужасы войны, которая привела къ окончательному присоединенію ея къ Россіи. Такимъ образомъ о спокойномъ, мирномъ развитіи не могло быть и рѣчи. Но не только внѣшнія событія были не особенно благоприятны. Шведское господство тяжело отразилось на финскомъ народѣ: побѣдители почти всегда устраиваютъ судьбу побѣжденнаго народа въ наиболѣе выгодномъ для себя направленіи и считаютъ себя и свою культуру болѣе совершенною. Такимъ образомъ, финскій языкъ былъ въ полномъ загонѣ, и между интеллигенціею и народомъ образовалась пропасть. Ничтожная кучка шведовъ безгранично властвовала въ странѣ и смотрѣла на финновъ, какъ на низшую расу. Правда, рабство въ Финляндіи не существовало даже въ смягченномъ видѣ крѣпостничества. И въ этомъ отношеніи Финляндія имѣетъ преимущество предъ Россіей. Но съ другой стороны социальныя условія были тяжелѣе, потому что иноземець, властвующій въ странѣ, по большей части беспощаденъ къ коренному населенію. И дѣйствительно, въ сущности весь финскій народъ былъ превращенъ въ батраковъ, лишенъ поземельной собственности, и это положеніе дѣлъ продолжается въ значительной степени и до сихъ поръ, хотя авторы раз-

смаatrиваемой нами книги объ этомъ не упоминаютъ, желая представить Финляндію въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ аграрный вопросъ остается въ Финляндіи до сихъ поръ нерѣшеннымъ, и сельскій пролетаріатъ тамъ очень распространенъ, число крестьянъ, не имѣющихъ никакой земли, весьма значительно. Въ общемъ выводѣ мы должны, слѣдовательно, признать, что условія, окружающія финскій народъ, далеко не благопріятствовали культурнымъ его успѣхамъ, и можно вполне согласиться съ составителями книги, что «достигнутые имъ культурные успѣхи представляютъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ побѣды, одержанной стойкою, энергическою волею человѣка надъ силами природы въ то время, какъ историческія судьбы этой народности краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, сколько можетъ вынести народъ, не утрачивая своей самобытности».

Итакъ, народъ, мало одаренный природою, живущій при весьма неудовлетворительныхъ климатическихъ условіяхъ на неплодородной территоріи, подвергшійся бѣдствіямъ безконечныхъ войнъ, порабощенный иноземцами, лишившими его самаго цѣннаго достоянія, земли, и всячески старавшимися обезличить его, навязать ему свой языкъ, не только сохранилъ свою самобытность, но и достигъ замѣчательныхъ культурныхъ успѣховъ. Добавимъ еще, что эти культурные успѣхи были сравнительно ничтожны еще въ началѣ истекающаго столѣтія, что они стали замѣтны и очень ощутительны главнымъ образомъ начиная съ 60-хъ годовъ, и что теперь, по прошествіи какихъ нибудь 30 лѣтъ, они во многихъ отношеніяхъ могутъ быть признаны изумительными. Гдѣ же та сила, которая совершила это чудо? Спрашивается, измѣнилось ли кореннымъ образомъ государственное устройство Финляндіи во второй половинѣ истекающаго столѣтія? Или же, можетъ быть, при томъ же государственномъ устройствѣ кореннымъ образомъ измѣнилось направление законодательства? Можетъ быть, засѣдающіе въ Гельсингфорсѣ законодатели надумали вдругъ предоставить крестьянамъ богатые земельные надѣлы или прійти имъ на помощь широкимъ кредитомъ для покупки ими государственныхъ или помѣщичьихъ земель? Ничего подобнаго не было. Финляндскій государственный строй остался въ главныхъ своихъ чертахъ неизмѣннымъ; сеймъ все еще попрежнему раздѣленъ на сословія, стойко охраняющія каждое свои права; надѣловъ крестьяне никакихъ не получали и по большей части остаются безземельными батраками, и купить землю у помѣщиковъ даже при кредитѣ имъ трудно, потому что помѣщики умѣютъ вести свои хозяйства и не разоряются. Къ тому же правительство о кредитѣ для крестьянъ мало заботится. Значитъ, всѣ тѣ рѣшенія вопроса, которыя намъ подсказываетъ наша склонность прибѣгать къ общимъ формуламъ, въ данномъ случаѣ не оправдываются. Основной факторъ рѣшенія

этого вопроса очевидно лежитъ внѣ области излюбленныхъ нами общихъ лозунговъ или панацей.

Вникая въ тѣ условія, которыя могли привести финскій народъ къ значительнымъ культурнымъ успѣхамъ, мы прежде всего должны остановиться на народномъ образованіи и отмѣтить тотъ фактъ, что и тутъ правительство, сосредоточивавшееся въ рукахъ интеллигенціи, т. е. ничтожнаго меньшинства шведовъ, относилось весьма равнодушно, если не прямо враждебно, къ успѣхамъ просвѣщенія среди народныхъ массъ. Собственно правительство стало проявлять нѣкоторую заботливость въ этомъ отношеніи только за самое послѣднее время, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ финская народная партія приобрѣла значеніе въ административныхъ и законодательныхъ сферахъ. Слѣдовательно, о содѣйствіи со стороны правительства народному просвѣщенію можно говорить только, какъ о явленіи, вызванномъ другою причиною, болѣе могущественною, именно пробужденіемъ финскаго національнаго самосознанія. Такимъ образомъ успѣхи народнаго просвѣщенія не могли быть вызваны правительствомъ, которое, находясь въ рукахъ шведовъ, долгое время скупилось на денежные средства для распространенія среди финновъ просвѣщенія, чувствуя, что это должно въ концѣ концовъ подорвать шведское вліяніе въ странѣ. Первый рѣшительный шагъ въ области просвѣщенія финскаго народа былъ сдѣланъ не государствомъ, не правительствомъ, а церковью, т. е. лютеранствомъ, реформаціею. Церкви финскій народъ обязанъ тѣмъ, что первая финская книга появилась уже три съ половиною вѣка тому назадъ,— обязанъ еще и тѣмъ въ тысячу разъ болѣе крупнымъ фактомъ, что народная масса болѣе или менѣе поголовно усвоила себѣ простую грамоту, т. е. умѣнье читать. Подчиняясь требованію своей религіи, сами родители заботились о томъ, чтобы дѣти ихъ обучались грамотѣ. Учителями подрастающаго поколѣнія такимъ образомъ являлись сами родители и затѣмъ дьячокъ или пономарь (кюстеръ). На сколько этотъ факторъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія сохранилъ и до сихъ поръ свою силу, видно изъ того, что по статистикѣ 1891 г. изъ числа 461.000 дѣтей школьнаго возраста 444.000 были грамотны, но изъ нихъ 207.000, т. е. почти половина, получили одно домашнее образованіе. Въ то же время изъ 8.800 православныхъ дѣтей 4.370 дѣтей оказались неграмотными. Это составляетъ почти половину, и надо еще принять во вниманіе, что православные, живущіе въ Финляндіи, принадлежатъ большею частью къ людямъ достаточнымъ...

Кто не грамотенъ, тотъ не можетъ быть конфирмованъ; кто не конфирмованъ, тотъ не можетъ вступить въ бракъ. Это постановленіе лютеранской церкви дало и въ Финляндіи тотъ результатъ, что подавляющее большинство населенія научилось читать. Но, когда мы говоримъ о культурныхъ успѣхахъ этой страны, мы имѣемъ

въ виду не одну грамотность. Первая финская книжка, какъ мы видѣли, появилась три съ половиной вѣка тому назадъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе почти трехъ вѣковъ народное просвѣщеніе мало подвинулось впередъ. Финскій крестьянинъ съ трудомъ разбиралъ въ церкви или у себя дома молитвенникъ, единственную книгу, которая находилась въ его распоряженіи. Въ молитвенникѣ заключалась вся его литература, молитвенникомъ исчерпывалось все, что давало ему просвѣщеніе. Какъ бы этотъ результатъ намъ ни казался недостаточнымъ, все-таки въ немъ заключалась гарантія того, что, когда наконецъ настанетъ болѣе благопріятное время, когда среди самого народа найдутся люди, которые придутъ ему на помощь и пожелаютъ шире приобщить его къ плодамъ цивилизаціи, онъ будетъ поставленъ въ возможность усвоить себѣ предложенную ему новую духовную пищу. Этотъ часъ насталъ. Въ нѣсколько десятилѣтій произошелъ неожиданный расцвѣтъ финской литературы, и притомъ при условіяхъ въ началѣ крайне неблагоприятныхъ, при энергическихъ усиліяхъ правительства, направленныхъ къ уничтоженію только что нарождавшейся финской народной литературы.

Слѣдовательно, не государствомъ данъ былъ первый толчокъ дѣлу народнаго просвѣщенія, и не оно содѣйствовало дальнѣйшимъ его успѣхамъ. И когда въ началѣ XIX столѣтія сдѣланъ былъ новый, болѣе рѣшительный приступъ къ распространенію образованія среди народныхъ массъ, опять-таки не государство выступило піонеромъ на этомъ поприщѣ, а частныя лица съ самымъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ: Юденъ, сынъ крестьянина, народникъ Готлундъ, знаменитый Ленротъ, сынъ деревенскаго портного. Они первые, безъ всякой поддержки, безъ всякихъ денежныхъ средствъ, неслышно и незамѣтно трудились надъ раскрытіемъ сокровищъ финской народной поэзіи съ такимъ успѣхомъ, что въ одинъ прекрасный день Ленротъ удивилъ собственныхъ соотечественниковъ и весь міръ открытіемъ такого замѣчательнаго народнаго эпоса, какъ «Калевала». Вскорѣ ихъ усилія нашли себѣ поддержку; но опять-таки не государство пришло имъ на помощь. На помощь имъ пришло скромное литературное общество, крошечный кружокъ изъ двѣнадцати частныхъ лицъ, убѣдившихся, что «какъ бы ни вести дѣло, все-таки нѣсколькимъ будетъ легче добиться успѣха, чѣмъ одному». И вотъ мы видимъ, что изъ этой ячейки вырастаетъ постепенно громадная социальная сила. При содѣйствіи финскаго литературнаго общества Ленротъ завершаетъ свою плодотворную задачу, печатаетъ весь финскій народный эпосъ, собираетъ множество пословицъ, загадокъ, сказокъ. Общество начинаетъ издавать журналъ, чтобы постепенно создать финскую литературу, составляетъ учебники по исторіи, географіи и математическимъ наукамъ, пробуждаетъ финское національное самосозна-

ніе. Оно основалось въ 1831 году, а къ концу сороковыхъ годовъ оно уже стоитъ безъ всякой посторонней поддержки, кромѣ поддержки, оказываемой ему частными лицами, единомышленниками, во главѣ народнаго движенія, направленнаго къ освобожденію страны отъ шведскаго вліянія, пробудившаго въ народѣ сознаніе собственной силы и включившаго его въ семью европейскихъ культурныхъ народовъ. Но на первыхъ же шагахъ обществу нанесенъ былъ жестокой ударъ. Извѣстно, какъ февральская революція отразилась на всей Европѣ и Россіи. Всякое демократическое движеніе было подавлено, всѣ газеты и общества, преслѣдовавшія демократическія тенденціи, подверглись сильному преслѣдованію. На Финляндіи это отразилось тѣмъ, что воспрещено было печатать книги на финскомъ языкѣ, за исключеніемъ книгъ духовнаго и экономическаго содержанія. Учащаяся молодежь, ремесленники и крестьяне не допускались болѣе въ члены финскаго литературнаго общества, и запрещено было печатать въ газетахъ отчеты объ его собраніяхъ. Общество притихло, но не прерывало своей дѣятельности. Оно неослабно продолжало издавать книги, не воспрещенныя цензурой; а когда въ 60-хъ годахъ стѣсненія прекратились, оно значительно расширило свою дѣятельность и начало издавать цѣлый рядъ книгъ въ чисто народномъ духѣ, чтобы прійти на помощь народнымъ массамъ въ ихъ стремленіи обезпечить за собою блага просвѣщенія. Оно раскрыло всѣ отрасли знанія финскому народу, составляло учебники по всѣмъ предметамъ, оказывало поддержку всѣмъ изслѣдователямъ финскаго языка. Только когда всѣ эти результаты дѣятельности финскаго литературнаго общества выяснились, правительство стало приходить ему на помощь разными субсидіями. Теперь общество имѣетъ прекрасно устроенный собственный домъ, богатый книжный складъ, доставляющій ему ежегодный доходъ въ 18.000 марокъ, и можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что, только благодаря его просвѣщенной дѣятельности, финскій народъ узналъ о существованіи древней отечественной литературы, приступилъ съ созданію новой и могъ двинуть дѣло своего просвѣщенія, ибо общество дало ему и учебную литературу.

Почти тѣмъ же путемъ шло и рѣшеніе другихъ вопросовъ народнаго просвѣщенія. Всѣ попытки провести черезъ сеймъ законопроектъ объ обязательномъ обученіи не увѣнчались успѣхомъ. Принципъ принудительности рѣшительно отвергался народными представителями. И тѣмъ не менѣе система народнаго образованія стоитъ въ Финляндіи очень высоко. И тутъ частный починъ сдѣлалъ почти все. Главная заслуга, какъ мы уже видѣли, принадлежитъ духовенству. Изъ 440.000 грамотныхъ дѣтей, включенныхъ въ статистическія данныя 1891 года, 175.000 получили образованіе въ амбулаторныхъ школахъ, учрежденныхъ церковными при-

ходами и содержащимися на ихъ средства. Мы уже отмѣтили, что Финляндія—страна съ очень рѣдкимъ населеніемъ, и поэтому устройство постоянныхъ школъ, особенно если имѣть въ виду суровость климата, наталкивается на почти непреодолимые препятствія. Такимъ образомъ, амбулаторная школа является во многихъ мѣстностяхъ единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, созданнаго климатическими условіями, рѣдкимъ населеніемъ и недостаткомъ денежныхъ средствъ. Но, гдѣ только есть возможность, устраиваются постоянныя школы, и въ системѣ ихъ организаціи, въ дѣлѣ ихъ распространенія, мы опять встрѣчаемся съ частнымъ лицомъ, около котораго сгруппировались всѣ усилія самого общества, направленные къ обезпеченію народнаго образованія. Отецъ финляндской народной школы—Сигнеусъ, скромный пасторъ, дѣйствовавшій долго на островѣ Ситкѣ, назначенный потомъ на скромный постъ инспектора финской приходской школы въ Петербургѣ, но всю свою жизнь только мечтавшій о томъ, какъ бы прійти своему народу на помощь въ дѣлѣ рациональной организаціи народной школы. Когда въ концѣ 50-хъ годовъ по почину незабвеннаго Царя-Освободителя возбужденъ былъ вопросъ объ облегченіи сельскимъ общинамъ устройства народныхъ школъ, консисторіи за недостаткомъ средствъ могли придать народной школѣ характеръ училищъ, подготовляющихъ только къ конфирмаціи. Вотъ тутъ рѣшительно выступилъ Сигнеусъ и предложилъ свой проектъ, въ которомъ всѣ сразу почувствовали глубокое знаніе дѣла не только съ педагогической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія условій, окружающихъ финскій народъ. Проектъ Сигнеуса произвелъ такое впечатлѣніе, что никто не рѣшался уже приступить къ организаціи народнаго образованія безъ его содѣйствія. Ему поручено было съѣздить за границу, чтобы ознакомиться съ положеніемъ школьнаго дѣла въ странахъ, наиболѣе подходящихъ по своимъ условіямъ къ Финляндіи. По возвращеніи оттуда Сигнеусъ сталъ во главѣ всего дѣла и повелъ его такъ успѣшно, что въ началѣ текущаго десятилѣтія только въ 57 изъ 470 приходовъ не было еще ни одной народной школы, а число высшихъ народныхъ школъ съ полнымъ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ простиралось до 953. Замѣтимъ при этомъ, что программы этихъ народныхъ школъ отличаются очень рациональнымъ характеромъ. Сигнеусъ руководствовался тѣмъ принципомъ, что онѣ должны быть заведеніями по преимуществу воспитательными, то-есть должны стремиться не къ тому, чтобы ученики въ нихъ заучивали на память разныя фактическія знанія, а привыкали преимущественно къ самостоятельности. Другими словами, Сигнеусъ организовалъ все дѣло народнаго просвѣщенія въ духѣ Песталлоци и Фребеля, такъ что финская народная школа одновременно подготовляетъ своихъ учениковъ къ практической жизни и къ участію въ духовной жизни

всего народа. Задача, которую такъ блестяще исполнилъ Сигнеусъ, была сопряжена съ большими трудностями. Народныхъ учителей не было; ихъ пришлось создать. Съ этою цѣлью были организованы учительскія семинаріи съ соблюденіемъ величайшей экономіи. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди и молодые дѣвушки, желающія посвятить себя дѣлу народнаго образованія, обучаются совмѣстно. Благодаря этой системѣ, избѣгнуты лишнія затраты: одинъ и тотъ же штатъ учителей и учительницъ обучаетъ мужчинъ и женщинъ. Но, конечно, и дѣятельность Сигнеуса, не смотря на изумительную энергію, не могла бы дать такихъ блестящихъ результатовъ, если бы общество не оказало ему горячаго содѣйствія, выразившагося какъ въ тѣхъ суммахъ, которыя стекались со всѣхъ сторонъ, такъ и въ той готовности, съ какою молодежь поступала въ ряды народныхъ просвѣтителей. Молодые люди изъ образованныхъ и зажиточныхъ семействъ зачастую поступаютъ въ народные учителя и учительницы, не смотря на всю скромность общественнаго положенія этихъ дѣятелей. Жалованья народные учителя получаютъ въ размѣрѣ 800 марокъ (300 рубл. кр.), а народные учительницы въ размѣрѣ 600 мар. (220 рубл. кр.).

Но дѣятельность финскаго общества на пользу народнаго просвѣщенія проявилась не только въ созданіи народной литературы и содѣйствіи, оказанномъ правильной постановкѣ школьнаго дѣла. Главнымъ образомъ по почину финскаго общества созданы и народные библіотеки. Въ исходѣ прошлаго десятилѣтія ихъ насчитывалось уже 522 въ сельскихъ приходяхъ и 84 въ городахъ. Въ нѣкоторыхъ приходяхъ оказывается до 7 библіотекъ, и только въ 68 нѣтъ ни одной библіотеки. Всѣ онѣ открыты на частныя пожертвованія. Во главѣ ихъ стоитъ гельсингфорская народная библіотека, имѣющая собственное прекрасное зданіе и насчитывающая до 10.000 книгъ. Мало того, возникла мысль объ учрежденіи, по примѣру датскому, высшихъ народныхъ курсовъ, такъ называемыхъ народныхъ университетовъ, — и какъ же принялось финское общество за осуществленіе этой благой мысли? Во главѣ движенія стала учащаяся молодежь, и студенты въ одинъ годъ собрали для этой благой цѣли 85.000 марокъ. Частныя лица и цѣлыя общины откликнулись на зовъ молодежи, и пожертвованія стали стекаться отовсюду, а жертвователями были всѣ классы общества. Теперь такихъ народныхъ университетовъ существуетъ уже девять, и возникли они въ теченіе какихъ нибудь пяти, шести лѣтъ. Программы ихъ имѣютъ практическій характеръ, и всякія политическія тенденціи имъ чужды: они служатъ единственно дѣлу народнаго просвѣщенія и поэтому пользуются одинаковымъ сочувствіемъ всѣхъ партій и сословій.

Остановимся теперь подробнѣе на финской народной литературѣ. Мы видѣли уже, что частное лицо при содѣйствіи литературнаго

общества раскрыло міру сокровища старой финской литературы. Но финское народное творчество, въ сущности, никогда не прекращалось, и трудно въ точности опредѣлить, къ какому времени относятся тѣ произведенія, которыя собраны Ленротомъ. Дѣйствительно, какъ только интеллигенція стала обращать вниманіе на народное творчество, тотчасъ же открыты были и дѣйствовавшіе еще поэты, устно распространявшіе свои произведенія по финскимъ избамъ и хижинамъ. Распространеніе просвѣщенія въ народѣ, интересъ, который интеллигенція стала проявлять къ народному творчеству, сильно содѣйствовали дальнѣйшему рожденію чисто народныхъ писателей. Случилось какъ-то, что пожилой крестьянинъ въ деревенскомъ захолустьѣ сломалъ себѣ ногу и вынужденъ былъ пролежать нѣсколько недѣль въ постелѣ. Этотъ крестьянинъ прочелъ на своемъ вѣку уже не одну книгу и теперь, томясь своимъ бездѣйствіемъ, заказалъ подставку къ своей кровати и написалъ исторію своей жизни. За этой книгой послѣдовали другія, и эти книги стали расходиться въ громадномъ количествѣ экземпляровъ среди финскихъ крестьянъ. Финскій народъ такимъ образомъ приобрѣлъ перваго своего беллетриста. Вслѣдъ за нимъ появились другіе въ разныхъ частяхъ Финляндіи, и такимъ образомъ создавалась въ теченіе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ богатая крестьянская литература, написанная крестьянами же для крестьянъ. Первому финскому беллетристу Пайвьяринтѣ нечего было ломать голову надъ тѣмъ, какъ писать доступно и назидательно для крестьянъ: онъ зналъ, что крестьянина интересуетъ и что ему полезно, и поэтому его книги, какъ и книги его послѣдователей, раскупаются нарасхватъ и охотно читаются. Роль же интеллигенціи въ этомъ дѣлѣ заключалась въ томъ, чтобы не дать пропасть этого рода произведеніямъ, сдѣлать надлежащій выборъ между ними и предоставить ихъ авторамъ необходимыя для ихъ напечатанія средства. Въ этомъ отношеніи финская интеллигенція прекрасно поняла свою задачу и способствовала, конечно, простымъ руководствомъ гораздо болѣе успѣхамъ народной литературы, чѣмъ наша интеллигенція, которая сочиненными ею книжками никакъ не можетъ попасть въ тонъ народу и предлагаетъ ему то, что его не занимаетъ или ему недоступно.

Толчокъ, данный въ этомъ отношеніи народному творчеству, оказался въ высшей степени плодотворнымъ. Появились изъ среды самого народа болѣе или менѣе значительные литературные таланты, каковы: Паккала, Районенъ, Виртала и въ особенности Алексѣй Киви ¹⁾. Все это народные писатели въ лучшемъ значеніи этого слова, и, замѣтимъ, ни одинъ изъ нихъ не увлекся или

¹⁾ Нѣкоторыя произведенія этихъ авторовъ переведены на русскій языкъ и появились въ нашихъ журналахъ.

не увлекается своимъ литературнымъ дарованіемъ такъ, какъ увлекаются наши писатели, вышедшіе изъ народа, склонные тотчасъ же рѣшать міровые вопросы. Верхъ своего честолюбія они полагаютъ въ томъ, чтобы служить своимъ талантомъ народу, изъ котораго они вышли. Какъ поучительна, напримѣръ, въ этомъ отношеніи литературная дѣятельность Алексѣя Киви. Какъ и Ленротъ, сынъ деревенскаго портного, онъ почувствовалъ страстное стремленіе содѣйствовать просвѣщенію своего народа. Лишь въ семнадцать лѣтъ для него начинается школьное образованіе. Шесть лѣтъ спустя, онъ при содѣйствіи лицъ, заинтересовавшихся его литературнымъ талантомъ, поступаетъ въ университетъ, чтобы расширить свое образованіе и успѣшнѣе служить народу. Его первыя литературныя работы посвящены разъясненію художественныхъ красотъ финской эпической поэзіи. Затѣмъ онъ начинаетъ писать бытовыя вещи. Сюжеты берутся имъ исключительно изъ народной жизни, и такимъ образомъ онъ является на ряду съ Пяйвяринтомъ создателемъ народной беллетристики и, кромѣ того, основателемъ финской драмы. Правда, онъ не дожилъ до того времени, когда его комедіи появились на сценѣ и вызвали въ зрителяхъ восторгъ. Но, тѣмъ не менѣе, если народный финскій театръ нынѣ приобрѣлъ широкое развитіе, то благодаря его пьесамъ, въ которыхъ онъ сумѣлъ выступить сыномъ своего народа и въ яркихъ образахъ представить его положительныя и отрицательныя стороны, дать выраженіе его міросозерцанію и въ то же время расширить его. И, какъ мы видѣли, не одинъ Киви трудился на этомъ благодарномъ поприщѣ, а примѣръ всѣхъ этихъ народныхъ писателей дѣйствовалъ на интеллигенцію, которая въ свою очередь охотно примкнула къ этому движенію и выставила изъ своихъ рядовъ работниковъ на нивѣ народной литературы. Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ нибудь тридцати лѣтъ создалась богатая народная литература, благодаря подъему духа въ самомъ народѣ, при содѣйствіи скромныхъ работниковъ, сильныхъ только сознаніемъ святости предпринимаемаго ими дѣла. Правда, общественная среда, въ которой приходилось работать этимъ скромнымъ дѣятелямъ, воодушевлена была духомъ, вѣрнѣе всего приводящимъ къ достиженію положительныхъ результатовъ въ жизни. Эта общественная среда задавалась на видъ скромными цѣлями, не хватала звѣздъ съ неба, но шла увѣренно впередъ и всегда отчетливо сознавала, что она дѣлаетъ и къ чему стремится. Въ 50-хъ годахъ рѣшено было издать новый молитвенникъ въ замѣнъ прежняго, составленнаго еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія и сильно устарѣвшаго. За эту задачу взялся поэтъ такого значенія, какъ хорошо извѣстный и у насъ въ Россіи Рунебергъ. Онъ потрудился много надъ поэтическимъ переложеніемъ псалмовъ, но духовенство признало составленный имъ молитвенникъ

недостаточно близко подходящимъ къ тексту священнаго писанія и грѣшащимъ многими поэтическими вольностями. Такимъ образомъ весь долготѣннй трудъ Рунеберга пропаль даромъ. Онъ не получилъ никакого вознагражденія, и работа его была отвергнута. Когда извѣстіе объ этомъ распространилось въ финляндскомъ обществѣ, тотчасъ же была открыта подписка, и въ нѣсколько мѣсяцевъ было собрано частными лицами 74.000 м., которыя и были вручены Рунебергу въ видѣ національнаго дара, въ видѣ благодарности за его поэтическую дѣятельность. Такъ протестуютъ финляндцы противъ несправедливости по отношенію къ заслуженнымъ своимъ дѣятелямъ; такъ они умѣютъ цѣнить заслуги этихъ дѣятелей; такъ они любятъ свою отечественную литературу. Въ то время, какъ могилы нашихъ знаменитыхъ писателей находятся въ заустѣннй, какъ величайшіе изъ нихъ подчасъ не могутъ дожидаться себѣ памятника, въ Финляндіи и сравнительно скромные дѣятели не могутъ пожаловаться на равнодушіе къ нимъ соотечественниковъ, и при такомъ настроеніи общества, при такой готовности служить народу не словомъ только, но и дѣломъ, нельзя удивляться, что успѣхи народнаго просвѣщенія тамъ такъ значительны, не смотря на то, что многія условія его распространенія менѣе благопріятны, чѣмъ у насъ.

Мы не можемъ здѣсь прослѣдить, какъ эта глубокая любовь финляндскаго общества къ просвѣщенію отразилась на другихъ сторонахъ народной жизни. Поэтому мы должны ограничиться отрывочными примѣрами, иллюстрирующими основную нашу мысль. Возьмемъ ли мы искусство, возьмемъ ли періодическую печать, вездѣ мы встрѣтимъ все то же явленіе. Все это развилось въ Финляндіи сравнительно недавно, главнымъ образомъ въ истекающемъ только столѣтіи, и все это обязано своимъ существованіемъ почти исключительно частной инициативѣ. Въ началѣ XIX столѣтія во всей Финляндіи существовала одна только шведская газета, основанная частнымъ лицомъ, въ видѣ сборника по отечествовѣдѣнію. Въ 1892 г. насчитывалось въ Финляндіи 85 финскихъ и 61 шведскихъ газетъ. Какія же это изданія? Значительное большинство ихъ предназначено для народа, причемъ спекулятивный элементъ играетъ второстепенную роль, а главное вниманіе направлено на то, чтобы дать народу духовную пищу, чтобы удовлетворить его потребности въ практическихъ свѣдѣніяхъ, необходимыхъ для усовершенствованія его жизни. Поистинѣ изумительно, при какихъ ничтожныхъ средствахъ финляндцы умѣютъ достигать этой основной своей цѣли! Финляндскій народъ бѣденъ. Газеты поэтому должны быть чрезвычайно дешевы, и тѣмъ не менѣе онѣ содержательны и приносятъ народу большую пользу, потому что финляндцы признаютъ сотрудничество въ періодической печати долгомъ всякаго, кто чѣмъ либо можетъ содѣйствовать общему благу. Такимъ обра-

зомъ печать и при ничтожныхъ средствахъ совершаетъ свое великое просвѣтительное дѣло безъ надобности прибѣгать къ разнымъ сомнительнымъ средствамъ для доставленія себѣ успѣха: сами газеты и ихъ читатели проникнуты однимъ общимъ духомъ и ставятъ общественную пользу въ предѣлахъ практически достижимаго своею основною цѣлью. Составители книги «Финляндіи въ XIX вѣкѣ» нисколько не преувеличиваютъ, утверждая, что «финскій крестьянинъ, съ давнихъ временъ привыкшій въ пѣсни и сказаніяхъ выражать свои чувства и свой опытъ, такъ же охотно берется за перо, чтобы въ своей провинціальной или столичной газетѣ разсказать о томъ, что случилось въ его родномъ селѣ, или высказаться по культурному вопросу, интересъ къ которому въ немъ пробудился. Это сотрудничество простого народа въ газетахъ ведетъ къ тому, что печать Финляндіи больше, чѣмъ гдѣ либо можетъ быть названа гласомъ народа» (а не одной интеллигенціи, какъ въ другихъ странахъ).

Остановимся теперь на искусствѣ. И оно въ началѣ нынѣшняго столѣтія еще совершенно отсутствовало въ Финляндіи. Въ первой половинѣ его существовали въ Финляндіи развѣ живописцы-самоучки или портретисты, развѣзжавшіе по помѣщичьимъ усадьбамъ и рисовавшіе портреты членовъ зажиточныхъ финляндскихъ семействъ. Но вотъ въ 1846 г. возникаетъ финляндское общество художествъ. Средства его заключались въ членскихъ взносахъ, да въ единовременныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ. Это-то общество и сдѣлало для финляндскаго искусства то, что въ другихъ странахъ для него сдѣлали государство, академіи художествъ и меценаты. Обществу приходилось и заказывать картины и покупать ихъ, и поощрять другими средствами художниковъ, и давать имъ стипендіи. Оно создало и школы рисованія, и музей художественныхъ произведеній, и ежегодныя художественныя выставки. Первоначально о немъ говорили, что это — собраніе какихъ-то мечтателей, которые только попусту изводятъ деньги. Оказалось, что этотъ отзывъ былъ справедливъ, потому что финляндскій народъ на первыхъ порахъ относился совершенно безучастно къ задачамъ общества, правительство же не оказывало ему никакой поддержки, и только когда результаты его дѣятельности были уже слишкомъ очевидны, правительство рѣшило предоставить ему денежную субсидію и то только для поддержанія рисовальной школы. Но общество не унывало, продолжало энергически дѣйствовать и добилось наконецъ всеобщаго признанія. Въ кассы общества стали стекаться значительныя суммы, и оно дождалось того, что на государственнѣйшій счетъ построены былъ въ Гельсингфорсѣ музей общества, по своимъ размѣрамъ и устройству сдѣлавшій бы честь и несравненно болѣе богатой странѣ. Теперь финляндскіе художники имѣютъ и свой спеціальнѣйшій кружокъ съ пенсіонною кассою для своихъ чле-

новъ. Возникли общества художниковъ и въ другихъ городахъ, и этими обществами ежегодно покупаются на значительныя суммы картины, которыя затѣмъ разыгрываются въ лотерею. Финляндскіе художники приобрѣли извѣстность не только во всей Финляндіи, но и въ другихъ странахъ, и произведенія ихъ занимаютъ не послѣднее мѣсто на европейскихъ художественныхъ выставкахъ. Имена Эдельфельда, Линдгольма, Гольмберга заслужили общее признаніе.

Приблизительно такимъ же путемъ шло и развитіе музыки въ Финляндіи. Въ этомъ отношеніи студенты сыграли главную роль. Составленный ими мужской квартетъ подъ умѣлымъ руководствомъ вѣмца Паціуса приохотилъ финляндское общество къ музыкѣ. Постепенно начали нарождаться и композиторы, и пѣвцы, и пѣвицы. Квартетное пѣніе стало распространяться по всей Финляндіи, главнымъ образомъ благодаря студентамъ, которые разъѣзжали по провинціи и вездѣ давали концерты. Этими концертами достигалось не только распространеніе любви къ музыкѣ, но подчасъ и другія цѣли. Такъ, между прочимъ, путемъ концертовъ были собраны необходимыя суммы для постройки студенческаго дома въ Гельсингфорсѣ. Въ этомъ домѣ имѣется парадная зала, комнаты для собраній землячествъ, а также для факультетскихъ и разныхъ научныхъ собраній, концертная зала, читальня съ финляндскими и иностранными газетами и студенческая столовая. Прежде въ томъ же зданіи помѣщалась и студенческая бібліотека, насчитывающая 50.000 томовъ, но теперь студенты на собственные средства выстроили отдѣльное зданіе для своей бібліотеки, а нужно замѣтить, что громадное большинство студентовъ люди далеко не обеспеченные, но они умѣютъ сами приходить себѣ на помощь, устраиваютъ литературные вечера, чтенія и концерты и пользуются широкимъ сочувствіемъ общества, которое, не смотря на скудость своихъ средствъ, тѣмъ не менѣе щедро приходитъ имъ на помощь, дорожа успѣхами просвѣщенія и зная, что студенты сумѣютъ оправдать возложенное на нихъ довѣріе.

И дѣйствительно, благодаря господствующему въ университетѣ духу, воспитанники его являются самыми стойкими и самоотверженными дѣятелями на всѣхъ поприщахъ культурнаго развитія страны. Главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности университета и его воспитанниковъ, такъ долго существовавшая рознь между шведами и финнами постепенно исчезла, и вся финляндская интеллигенція, безъ различія происхожденія, трудится теперь дружно надъ культурными успѣхами страны. При этомъ всюду наблюдается та характеристическая черта, что финляндское общество находитъ въ самомъ себѣ силы и средства для того, чтобы двинуть культурные успѣхи. Исторія шведскаго и финскаго театровъ вполне это подтверждаетъ. Когда только еще зарождался шведскій театръ въ

Финляндіи, когда финляндцы вынуждены были довольствоваться прїѣзжими труппами, когда не было еще зданій, приспособленныхъ для сценическихъ представленій, они давались гдѣ попало, при слухаѣ въ сараяхъ, а такъ какъ у зрителей и слушателей не было денегъ для прїобрѣтенія входныхъ билетовъ, то и за мѣру картофеля можно было прослушать Гамлета или Отелло. Съ трудомъ въ началѣ пролагало себѣ театральное дѣло дорогу въ Финляндіи, но постепенно общество начало имъ интересоваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ появились и обильные ресурсы для его упроченія. Лучшія произведенія драматической литературы переведены на финскій языкъ, началось и оригинальное творчество въ этомъ направленіи, театры создаются по подпискѣ. Такъ возникли и финскій драматическій театръ, и финская опера. Вездѣ починъ исходитъ отъ частныхъ лицъ, вездѣ находятся энергическіе дѣятели, которые, опираясь только на общество, удовлетворяютъ потребности народа въ просвѣщеніи. Теперь финляндцы имѣютъ своихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ актеровъ и актрисъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, изъ которыхъ нѣкоторые прїобрѣли извѣстность далеко за предѣлами своей родины. Назовемъ для примѣра г-жу Фостремъ, г-жу Сюнербергъ, подвизающихся на нашихъ оперныхъ сценахъ, столичныхъ и провинціальныхъ, и имѣвшихъ значительный успѣхъ также въ остальной Европѣ и Америкѣ, на г-жу Иду Альбергъ, сценическое дарованіе которой было по достоинству оцѣнено и у насъ, въ Петербургѣ.

Для иллюстраціи нашей основной мысли мы остановимся еще на рѣшеніи финляндцами такъ называемаго женскаго вопроса. Не съ установленія общихъ принциповъ полной равноправности, допущенія женщины ко всѣмъ профессіямъ и т. д. начали финляндцы; они просто старались практически удовлетворить требованію женщинъ, незамужнихъ или не находящихъ себѣ работы въ семьѣ и желающихъ найти себѣ средства къ существованію. Оказалось, что контингентъ этихъ женщинъ довольно значителенъ и, слѣдовательно, возникалъ вопросъ, какъ воспользоваться этою силою для культурныхъ успѣховъ страны. Такая постановка вопроса, практическая, ясная, исключала всякія широкія теоретическія обобщенія. Прежде всего возникла мысль отвести женщинѣ болѣе дѣятельную роль въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Отецъ финляндской народной школы Сигнеусъ, который радъ былъ воспользоваться всякою силою для дѣла, которому онъ самъ себя всецѣло посвятилъ и который хорошо зналъ, какую пользу принесли дѣлу народнаго образованія женщины въ другихъ странахъ, конечно, не отвергъ услугъ женщинъ и призывалъ ихъ на ряду съ мужчинами въ свои учительскія семинаріи. Это былъ первый шагъ на пути разрѣшенія женскаго вопроса. Возникали среднія образовательныя учебныя заведенія для женщинъ на ряду съ мужскими гимназіями или лицеями. Подготовленныхъ учительскихъ силъ и для этихъ заведеній не было. Спрашива-

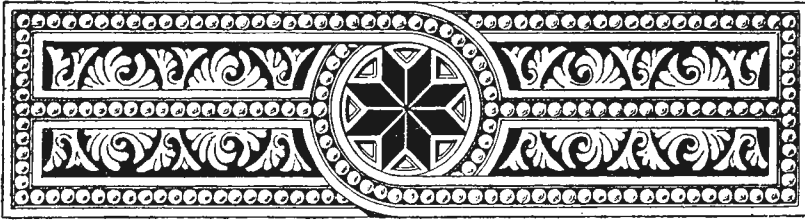
лось, надо ли съ этою цѣлью учреждать особые высшіе женскіе курсы или воспользоваться испытаннымъ уже высшимъ учебнымъ заведеніемъ, то-есть университетомъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ требовалъ экономіи, и въ 1870 году въ Гельсингфорскій университетъ поступила первая женщина, то-есть на десять лѣтъ позже, чѣмъ у насъ допущены были женщины въ университетъ. У насъ, однако, вслѣдствіе всѣмъ памятныхъ событій двери университета пришлось очень скоро закрыть женщинамъ, а въ Гельсингфорскомъ университетѣ число студентокъ съ 1870 года все возросло и достигло 55. Но изъ этого числа только три прошли юридическій факультетъ, четверо медицинскій, а 48—историко-филологическій и физико-математическій, потому что поступающія въ университетъ женщины готовятся главнымъ образомъ къ учительской профессіи. Число студентокъ было бы гораздо значительнѣе, если бы существовали учебныя заведенія, подготовляющія къ слушанію университетскаго курса. Это тотчасъ же поняло финляндское общество, и вотъ оно, не ожидая правительственныхъ мѣропріятій, начало само учреждать частныя учебныя заведенія, въ которыхъ совмѣстно обучаются мальчики и дѣвочки и подготовляются къ поступленію въ университетъ. Благодаря совмѣстности обученія получается значительное сбереженіе средствъ, да и вообще осуществиться подобныя гимназій могли только благодаря этому принципу, потому что онъ обезпечивалъ достаточный для учрежденія и содержанія подобныхъ учебныхъ заведеній контингентъ учащихся. Въ началѣ текущаго столѣтія въ заведенія, подготовлявшихъ къ университету, числилось болѣе 5.000 молодыхъ людей и въ томъ числѣ 600 дѣвицъ, то-есть 12%. Такъ рѣшили финляндцы женскій вопросъ. Финляндскія женщины трудятся на ряду съ мужчинами въ промышленной жизни, въ конторахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ литературѣ и искусствахъ (въ Финляндіи есть очень видныя писательницы, между прочимъ, лучшимъ драматургомъ нынѣ считается г-жа Кантъ). И нигдѣ эта совмѣстная работа мужчинъ и женщинъ, ни въ школахъ, ни въ жизни не подаетъ повода къ какимъ либо нареканіямъ: серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ служить вѣрною гарантіею противъ всякихъ нежелательныхъ явленій, и такимъ образомъ приобщеніе женщинъ къ общей работѣ въ школахъ и жизни не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и только обезпечиваетъ культурные успѣхи.

То же дѣловое, серьезное отношеніе къ культурнымъ задачамъ предохраняетъ Финляндію отъ обостренія социальнаго вопроса. Быстрое обогащеніе почти не встрѣчается въ Финляндіи ни въ сельско-хозяйственной, ни въ мануфактурной промышленности; развивается общій недостатокъ, и въ то же время сглаживается имущественное положеніе разныхъ общественныхъ классовъ. Биржевая игра отсутствуетъ; промышленныя предпріятія возникаютъ и раз-

виваются на солидныхъ началахъ, при чемъ обеспеченное положеніе рабочихъ признается предпринимателями общественнымъ требованіемъ, отъ исполненія котораго никто не уклоняется. Такимъ образомъ вся жизнь Финляндіи проникнута сознаниемъ общественнаго долга и стремленіемъ собственными силами обеспечить личное благополучіе, соединяя его по возможности съ благополучіемъ общества и всего народа. Это—духъ трезвой работы надъ рѣшеніемъ непосредственныхъ культурныхъ задачъ, духъ частной инициативы, упорнаго труда, отрѣшенія отъ всякаго рода утопій. Понятно, что и сеймъ дѣйствуетъ въ томъ же духѣ. Общихъ собраній и парламентскихъ турнировъ тамъ не бываетъ. Происходитъ просто дѣловой обмѣнъ мыслей между представителями cadaго сословія, безъ громкихъ фразъ, шума и треска. Всѣ слишкомъ дорожатъ дѣломъ, чтобы провозглашать звучные лозунги, разжигать страсти или предаваться борьбѣ честолюбія. Поэтому составители книги «Финляндіа въ XIX вѣкѣ» и могли включить въ нее слѣдующія строки: «Царствованіе императора Александра III являлось продолженіемъ преобразовательныхъ трудовъ, начавшихся съ 1886 года. Они даже были облегчены болѣе частымъ созываніемъ сеймовъ (вмѣсто прежнихъ пяти лѣтъ каждые три года)... За послѣднее время разрѣшены нѣкоторые важные вопросы, возбужденные еще въ 1863 году. Изъ числа ихъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить слѣдующую конституціонную реформу: манифестомъ 1863 года земскимъ чинамъ предоставлено право законодательной инициативы»...

Подводя итогъ всѣмъ перечисленнымъ и другимъ однороднымъ фактамъ, мы приходимъ къ выводу, что Финляндіа обязана своими культурными успѣхами главнымъ образомъ самодѣятельности общества, которое не ждетъ отъ другихъ исполненія того, что само можетъ сдѣлать. Частная инициатива играетъ въ Финляндіи громадную роль и выходитъ побѣдительницею изъ всевозможныхъ затрудненій вслѣдствіе того, что она всегда направлена къ достиженію ясныхъ цѣлей, не разъединяющихъ, а соединяющихъ людей. Финляндское общество проникнуто сознаниемъ, что культурные успѣхи страны зависятъ отъ него самого, и глубокимъ значеніемъ поговорки: «много желать, добра не видать». Оно немногого желаетъ заразъ, но умѣетъ желать стойко, послѣдовательно, умѣетъ приносить жертвы и избирать самыя вѣрныя и практическія средства для достиженія цѣлей, на видъ мелкихъ, но въ общей сложности обеспечивающихъ великое дѣло насажденія культуры. Какъ скромны были тѣ общественныя начинанія, которыя привели къ теперешнимъ культурнымъ успѣхамъ Финляндіи. А какъ часто у насъ широко задуманныя начинанія терпятъ крушеніе. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно, всѣ и все, только не мы сами...

Р. Сементковскій.

РУССКІЕ ТРОПИКИ.

I.

ОГДА мы говоримъ «тропическія страны», мы представляемъ себѣ непременно жаркія страны, и притомъ страны съ влажнымъ климатомъ.

Такое представленіе о тропикахъ составилось съ древнихъ временъ, еще съ того младенческаго состоянія географіи, когда тропическія страны были почти неизвѣстны жителямъ Европы, и когда эти послѣдніе, въ лицѣ греческихъ философовъ, уже знавшихъ о томъ, что земля шаръ, и что солнце подъ различными широтами стоитъ не на одинаковой высотѣ на небѣ въ полдень, думали, что подъ тропиками, стоя въ зенитѣ, оно должно палить нестерпимо. Потому поясъ тропическій и назывался тогда опаленнымъ (diakekaumene), и на его мѣстѣ на изображеніяхъ земли писали «regio inhabitabilis propter eximiam calorem», т. е. область, необитаемая вслѣдствіе чрезмѣрнаго жара. Позднѣйшіе вѣка разсѣяли этотъ предразсудокъ. Безпрепятственно проникъ человѣкъ до самаго экватора и нашелъ, что весь громадный тропическій поясъ населенъ подобными ему людьми; мало того, когда стали наблюдаться болѣе точнымъ образомъ условія температуры различныхъ тропическихъ странъ, оказалось, что значительная часть тропиковъ имѣетъ температуры, гораздо болѣе низкія, чѣмъ весьма многія страны, къ сѣверу и югу отъ тропиковъ лежація въ лѣтнее, по

крайней мѣрѣ, время года. Жители Батавіи, напримѣръ, или Сингапура, лежащихъ подъ самымъ почти экваторомъ, круглый годъ пользуются температурою, колеблющеюся между 20 — 25 градусами, и они удивились бы, какъ можно вынести 40 градусную жару харьковскаго лѣта или 50 градусовъ Реомюра въ пескахъ Адамъ-Крылганъ въ Русскомъ Туркестанѣ, странахъ далеко не тропическихъ. Такимъ образомъ, выяснилось, что области наибольшей жары на земномъ шарѣ вовсе не совпадаютъ съ полосою, заключенною между тропиками Рака и Козерога, и что понятія «тропическій» и жаркій далеко не однозначачія. Потому въ своей характеристикѣ тропической природы новѣйшіе изслѣдователи, въ родѣ Уоллеса, указываютъ, въ качествѣ характерныхъ признаковъ тропическаго климата, обиліе влаги, равномерное распределеніе температуры во всѣ времена года, отсутствіе зимы въ нашемъ смыслѣ слова. Но и такое опредѣленіе не точно. Подъ тропиками лежать жаркія и сухія, почти бездождныя пустыни, какъ Сахара и Атакама: про нихъ уже никакъ нельзя сказать, что воздухъ тамъ влажный. Точно также въ Кантонѣ, лежащемъ подъ самымъ тропикомъ, изрѣдка выпадаетъ снѣгъ, т. е. температура воздуха падаетъ до 0°, чего не наблюдается во многихъ странахъ, лежащихъ значительно сѣвернѣе тропическаго пояса. Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе выясняется, что понятіе «тропики» есть понятіе чисто астрономическое, не поддающееся точному метеорологическому опредѣленію, и что между тропиками заключается рядъ областей, въ которыхъ не бываетъ зимы, сухихъ и влажныхъ, съ различными оттѣнками колебанія температуры. Понятіе это очень мало говоритъ представленію. Напротивъ, области беззимныя, какъ сухія, такъ и влажныя, суть весьма характерныя географическія единицы. Онѣ характеризуются цѣлымъ комплексомъ растительныхъ и животныхъ формъ, цѣлымъ рядомъ условій обстановки и образа жизни живущихъ въ нихъ людей, отличающихъ ихъ отъ другихъ частей земного шара. Кромѣ того, сухія и влажныя беззимныя области не менѣе рѣзко отличаются и другъ отъ друга.

Какъ тѣ, такъ и другія, мы сказали, выходятъ изъ тропическаго пояса и развиты и сѣвернѣе и южнѣе его. Онѣ незамѣтно переходятъ въ области съ зимами, и здѣсь, какъ и вездѣ въ природѣ, нельзя бываетъ провести рѣзкой границы. Кантонъ, гдѣ разъ въ двадцатилѣтіе выпадаетъ снѣгъ и черезъ четверть часа таетъ, во всемъ остальномъ еще чисто тропическая страна, влажная и жаркая. Ленкорань, бухта которой, однако, одинъ разъ въ тотъ же промежутокъ времени покрывается льдами, уже не можетъ быть названа тропическою страной. Но гдѣ провести здѣсь границу, сказать трудно. Если мы влажный и равномерно жаркій климатъ называемъ часто тропическимъ, то климатъ такихъ переходныхъ беззимныхъ областей часто называютъ субтропическимъ, и этотъ

терминъ, не смотря на всю его неточность, часто употребляется въ литературѣ. Такъ или иначе беззимныя области, изобилующія осадками, т. е. дождями, во всѣ времена года, суть области, по облику своему наиболѣе соответствующія общераспространеннымъ представленіямъ о тропикахъ; другими словами это такія страны, гдѣ воздухъ долженъ быть подобнымъ воздуху оранжереи, гдѣ растутъ вѣчно зеленые дѣвственные лѣса, перевитые лианами, усѣянные орхидеями и другими эпифитными растеніями, гдѣ папоротники и громадныя злаки заростають всѣ открытыя мѣста, кишатъ змѣями и другими гадами, и гдѣ полуподавленный роскошью природы этой человѣкъ не знаетъ ни дровъ, ни теплой одежды, ни печей, питаясь въ изобиліи растущими древесными плодами.

Влажныя беззимныя области, дѣйствительно, обладаютъ всѣми этими свойствами, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко ихъ отличающими отъ всѣхъ другихъ. Въ жаркой экваторіальной полосѣ характерною особенностью области является вѣчная влажность воздуха и почвы, содѣйствующая необыкновенно быстрому разрушенію горныхъ породъ и образованію глубокой малиново или кирпично-краснаго цвѣта почвы латерита. Эти латериты питають могучую растительность, рѣзко отличную отъ нашей тѣмъ, что листва ея кожистая, глянцевиная, толстая, какъ у нашихъ фикусовъ, разводимыхъ въ комнатахъ, или у брусники, или это будутъ, напротивъ, пышноперистые листья мимозъ и акацій. Среди такихъ двудольныхъ деревьевъ возвышаются деревья однодольныя: пальмы, панданусы, бананы и высокіе бамбуки, а мѣстами являются древовидные папоротники, окруженные сонмомъ ползучихъ, лѣзнящихъ по стволамъ, растущихъ на землѣ, цѣпляющихся, и другихъ травянистыхъ папоротниковъ. Стволы деревъ увиты лианами и эпифитами. Травъ и луговъ, если только они не созданы человѣкомъ, нѣтъ. Вездѣ господствуетъ лѣсъ, фауна приспособилась къ жизни на деревьяхъ. Животныя, птицы—все это существа, по преимуществу лазящія, какъ попугаи, тихоходы, лѣнницы, обезьяны, бѣлки, тигровыя кошки и т. п. Человѣкъ, если онъ дикарь, мало заботится объ одеждѣ. Культурный житель питается продуктами влажной и жаркой почвы. Рисъ, сахарный тростникъ, сорго, чай, кофе, какао, ямсъ, таро, діоскорея—вотъ главныя растенія, которыя онъ воздѣлываетъ.

Такова жизнь въ жаркомъ тропическомъ поясѣ беззимныхъ областей. Такимъ его и знаетъ всякій знакомый хотя съ элементами всеобщей географіи. Но не всѣмъ, быть можетъ, извѣстно, что беззимныя влажныя области сохраняють свой обликъ и всѣ характерныя имъ присущія черты и внѣ жаркаго пояса. Уменьшеніе температуры, повидимому, не вліяетъ на измѣненіе ихъ особенностей. Чѣмъ ниже средняя годовая температура мѣста, тѣмъ менѣе разнообразна, менѣе богата эта тропическаго облика природа. При-

Общій видъ долины рѣки Чироха.

земистѣе ея деревья, менѣе пышны эпифиты и ліаны, скромнѣе фауна. Но общія черты остаются, и вы имѣете передъ собою тропики въ миниатюрѣ. Такими миниатюрными тропиками являются, на примѣръ, острова южной Японіи или Новая Зеландія. Въ южной Японіи пальма немного только превышаетъ человѣческой ростъ, бамбукъ же рѣдко бываетъ толще, чѣмъ въ человѣческую ногу. Ліаны замѣняются нѣжными, въ родѣ нашего плюща, ползучими по стволамъ деревьямъ, вѣчно зелеными растеніями. Эпифиты представлены исключительно почти папоротниками, и самые лѣса, хотя и сохраняютъ вѣчно зеленый обликъ тропическихъ дѣственныхъ лѣсовъ, но деревья ихъ не имѣютъ ни высоты, ни пышности кронъ тропическихъ исполиновъ. Животныя представлены уже малымъ количествомъ видовъ и, на примѣръ, изъ громаднаго разнообразія восточно-азиатскихъ обезьянъ въ Японіи остается одна марышка. Человѣкъ на одну треть сокращаетъ культурныя растенія, но все же вѣчно зеленыя формы, какъ чай и болотный рисъ, остаются кормильцами народа. На вершинахъ тропическихъ горъ, или въ беззимныхъ областяхъ крайняго юга антарктическихъ странъ, на примѣръ, въ Южномъ-Чили и въ Магелановомъ проливѣ, мы видимъ примѣры крайняго вырожденія этого типа природы. Здѣсь деревья превращаются въ густыя сплетенія кустарниковъ. Но все же газоновъ травъ нѣтъ, господствуютъ вѣчно зеленыя формы съ крупными цвѣтами, типомъ коихъ могутъ служить рододендроны и азалии. Бамбуки превращаются въ стелющіеся злаки. Земледѣліе невозможно, но какъ подъ тропиками человѣкъ въ равномѣрномъ влажномъ воздухѣ не заботится объ одеждѣ, и жители Огненной земли, въ противоположность кутающемуся въ мѣха эскимосу или самоѣду, ходятъ почти въ костюмѣ прародителей по окраинамъ наводняющихъ его ледниковъ среди холодныхъ тумановъ и пронизывающей насквозь сырости.

Такимъ образомъ, не только подъ экваторомъ, но и вездѣ, влажныя, беззимныя области представляютъ изъ себя міръ совершенно отличный отъ остального, міръ съ такъ сказать тропическимъ обликомъ.

Не смотря на громадное протяженіе нашего отечества, обширная территория его нигдѣ не захватываетъ этого типа природы. Вся Россійская имперія находится въ царствѣ болѣе или менѣе суровыхъ зимъ. Только крошечный уголокъ ея, Черноморское побережье Кавказа, отчасти составляетъ переходъ къ беззимнымъ, влажнымъ областямъ. Его природа есть послѣдній отголосокъ субтропическаго міра—міра дальняго востока Азіи и широкаго тропическаго пояса, какъ бы осколокъ совершенно иного царства, закинутый для контраста съ остальною русскою природою на нашу окраину. Находясь на рубежѣ съ имѣющими зимы областями, Черноморское побережье не вездѣ имѣетъ ясно выраженный субтропическій хара-

ктеръ, тѣмъ болѣе, что сѣвернѣе Сухума начинаетъ оказывать вліяніе и сухость воздуха сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Потому у насъ, въ русскихъ владѣніяхъ, только бассейнъ низовьевъ Ріона и Батумская область представляютъ полное выраженіе субтропическихъ странъ.

Этой послѣдней области мы и посвятимъ нашу статью.

II.

Батумъ по справедливости можетъ быть названъ русскими тропиками. Нигдѣ у насъ зимы не бываютъ такъ мягки, нигдѣ не выпадаетъ столь громаднаго количества дождя. Французы дали этой мѣстности не совсѣмъ приличное, но вполне справедливое названіе Черноморскаго писсуара (*pissoir de la mer Noire*), и дѣйствительно въ то время, какъ большая часть нашихъ понтическихъ побережій отличается яснымъ безоблачнымъ небомъ, здѣсь всегда висятъ облака, всегда изъ сумрачнаго неба что нибудь каплетъ или льетъ. Правда, и батумцы знаютъ иногда хорошіе ясные деньки, когда и у нихъ блещетъ солнце, и у нихъ виднѣется на горизонтѣ далеко надъ моремъ сверкающій своими снѣгами Кавказскій хребетъ съ Эльборусомъ, царствующимъ надъ всѣми его пиками, но число такихъ дней, по сравненію съ дождливыми, сравнительно не велико; они выпадаютъ обыкновенно на зимніе мѣсяцы, и непогода за эти перерывы потомъ съ избыткомъ себя вознаграждаетъ потоками воды, низвергающимися изъ свинцовыхъ тучъ.

Какъ громадно количество воды, падающей въ самомъ городѣ, показываетъ сравненіе показаній дождемѣровъ его обсерваторіи съ Петербургской, которая, какъ извѣстно, не можетъ пожаловаться на то, что ее обидѣли дождями. Въ то время, какъ въ Петербургѣ въ среднемъ за годъ выпадаетъ 500 мм., въ Батумѣ ихъ выпадаетъ 2.000, т. е. въ четыре раза болѣе. И это количество далеко не даетъ понятія о максимальной величинѣ здѣшнихъ атмосферныхъ осадковъ, такъ какъ наблюденія дѣлали въ городѣ, расположенномъ на низменности, на далеко вдающемся въ море мысѣ. Здѣсь часто небо бываетъ ясно, когда на окрестныхъ горахъ висятъ тучи, здѣсь часто только пасмурно, когда на сосѣднихъ холмахъ уже льетъ проливной дождь. Не будетъ ошибочно, если мы допустимъ, что горы эти, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза болѣе дождливы, чѣмъ самый городъ.

Это страшное обиліе влаги съ одной стороны, съ другой море, лежащее съ сѣверо-запада, равно какъ и защита отъ сѣверо-восточныхъ холодныхъ вѣтровъ, дѣлаютъ и по температурѣ изъ Батумской области совершенно своеобразный уголокъ. Здѣсь температура лѣтомъ никогда не достигаетъ тѣхъ крайнихъ предѣловъ

жара, какіе знакомы въ южной Россіи, или подъ тѣми же широтами восточнѣе, въ Азіи.

Хотя Батумъ расположенъ гораздо сѣвернѣ Баку и Ленкорани, не только море здѣсь никогда не замерзаетъ, но и вообще термометръ рѣдко падаетъ ниже -4° . Если эти немногіе холодные дни совпадаютъ съ атмосферными осадками, падаетъ снѣгъ громадными хлопьями: онъ облѣпляетъ деревья, ломаетъ съ нихъ цѣлыя вѣтви, непривычныя къ такой страшной тяжести, но также скоро и таетъ, не оставляя по себѣ и слѣда, такъ что въ январѣ и февралѣ здѣсь совершенно свободно, какъ у себя на родинѣ, цвѣтутъ камеліи, илеکсы и другія зимой цвѣтуція растенія беззимнихъ областей, занесенныя человѣкомъ.

И лѣтомъ, и зимой воздухъ насыщенъ влагою. Стоитъ только повернуть вѣтру съ юго-запада, небосклонъ подергивается тучами, и на другой день обязательно надо ждать дождя. Эти батумскіе дожди непохожи ни на настоящіе тропическіе, ни на наши. Это тѣ дожди, что приходится испытывать на высокихъ горахъ въ холодномъ ихъ поясѣ подъ экваторомъ. Это какіе-то пароксизмы дождя. То вдругъ, какъ сумасшедшій, припуститъ онъ изъ всѣхъ силъ, поливая васъ потоками холодной воды. вмѣсто теплага ливня тропиковъ здѣсь всегда капли дождей холодныя, хотя онѣ также громадны и обильны по числу, какъ въ странахъ экваторіальныхъ. За такимъ пароксизмомъ слѣдуетъ передышка, но атмосфера не можетъ очиститься сразу отъ влаги. Обыкновенно продолжаетъ моросить дождь, но не такъ, какъ мороситъ онъ въ холодную петербургскую осень. Здѣсь эти пузырьки пара такъ крупны, что могутъ моментально вымочить не хуже любого дождя. Они тяжело сыплются, наполняя весь воздухъ, какъ будто ихъ кто просѣиваетъ черезъ очень крупное сито. Предательски, на короткое время, какъ будто проясняется атмосфера, но это только для того, чтобы выманить изъ убѣжища неопытнаго жителя и внезапно обдать его, какъ изъ ушата, непрерывными струями холодной воды.

Таковы батумскіе дожди при господствующемъ юго-западномъ вѣтрѣ. Но разъ или два въ годъ этотъ юго-западный вѣтеръ вдругъ мѣняетъ свой характеръ. Изъ влажнаго и дожденоснаго онъ становится жаркимъ и сухимъ, какъ какой нибудь африканскій самумъ. Обыкновенно онъ поражаетъ только своей сухостью, но случаются годы, какъ, на примѣръ, прошлый 1894 годъ, когда онъ принимаетъ характеръ настоящаго опустошителя.

Тогда подъ его губительнымъ дыханіемъ сгораетъ листва не только нѣжныхъ экзотическихъ растеній, но и грубыхъ туземныхъ породъ; обожженные, со скрученною коричневою листвою, точно охваченные морозомъ, стоятъ буки и грабы, придавая всему побережью грустный видъ поздней осени; грубый, замѣняющій здѣсь газоны пастбищъ, папоротникъ также сохнетъ и бурѣетъ, не говоря уже о по-

страдавшихъ культурныхъ растеніяхъ. Сильные порывы вѣтра съ корнемъ вырываютъ громадныя деревья и валятъ ихъ, довершая картину опустошенія. Только въ защищенныхъ отъ вѣтра долинахъ горъ тогда природа сохраняетъ свой свѣжій зеленый видъ. Но эти вѣтры—рѣдкое исключеніе. Когда ихъ нѣтъ, атмосфера большею частью спокойна, давая возможность наблюдать игру бризы, этого свойственнаго большинству горныхъ и прибрежныхъ странъ явленія. Днемъ вѣетъ постоянный вѣтерокъ съ моря, нѣсколько умѣряя томительный тропическій жаръ дня. Вечеромъ наступаетъ затишье, чтобы къ ночи уступить мѣсто такому же вѣтерку, дующему съ суши и далеко въ море уносящему характерный терпкій запахъ папоротника и болотныя лихорадочныя міазмы низинъ.

Зимою, когда море теплѣе охладившейся, особенно у горныхъ вершинъ, суши, эта береговая или точнѣе горная бриза принимаетъ хроническій характеръ. Съ горъ постоянно стекаетъ холодный, пронизывающій вѣтеръ. Онъ стекаетъ въ долины и течетъ по нимъ въ море, вызывая рѣзкіе контрасты температуры на побережья въ мѣстахъ, защищенныхъ и не защищенныхъ отъ горъ холмами. То вы ѣдете свободно въ легкомъ пальто, грѣясь на солнцѣ, то васъ вдругъ прохватываетъ леденящимъ вѣтромъ. Контрастъ подобный тому, который испытывается у насъ въ степной полосѣ ночью, когда, идя по сухой дышащей жаромъ ровной степи, вдругъ спустишься въ холодную и влажную балку.

Потому-то характеръ рельефа побережья играетъ здѣсь громадную роль въ вопросѣ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ культуры разныхъ южныхъ плодовъ.

Таковы климатическія условія Батумскаго края.

III.

Житель юга, переѣхавъ на сѣверъ, напримѣръ въ Петербургъ, и гуляя лѣтомъ по его паркамъ, всегда поражается необыкновенной блѣдностью зелени его деревьевъ. Мысленно сравнивая кроны дубовъ, липъ и вязовъ съ тѣми, которыя украшали дубровы украинскіихъ или крымскіихъ лѣсовъ, онъ не видитъ въ нихъ той рѣзкой темной окраски, которая имъ свойственна южнѣе Курска. Обратное впечатлѣніе производятъ уже издали одѣтые лѣсами склоны горъ Батумскаго края на человѣка, привыкшаго къ такимъ же гористымъ мѣстностямъ Западной Европы, въ родѣ Зальцкаммергута, гдѣ тѣ же самыя породы деревьевъ, тѣ же буковые лѣса одѣваютъ такія же мягкія, лишенные снѣжныхъ вершинъ горы. Необыкновенно темный цвѣтъ зелени—характерное отличіе припонтійскихъ лѣсовъ вообще и батумскихъ въ особенности.

Буки, съѣдобные каштаны, главнымъ же образомъ ольха, покрываютъ склоны горъ. Эти деревья, правда, имѣющія листву бо-

лѣе темную, чѣмъ наше чернолѣсье, всеже обыкновенныя европейскія съ опадающею листовою деревья. Между тѣмъ, издали любой дѣвственный лѣсъ тропической Азіи съ его вѣчно-зеленою листовою не произведетъ впечатлѣнія большей темноты зелени, чѣмъ батумскій. Листва, вѣроятно, благодаря большей энергіи солнечныхъ лучей юга, получаетъ особую яркость окраски. Оляха петербургскихъ болотъ здѣсь неузнаваема. Ея темная зелень поспоритъ блескомъ и окраской съ листомъ фикуса. Она падаетъ только въ ноябрѣ, чтобы появиться вновь въ мартѣ.

Стоить только ступить на батумскую почву, попасть подъ сѣни лѣсовъ края, чтобы увидѣть, что находишься въ мірѣ иной, отличной отъ остальной русской растительности. Эта флора кавказско-понтійскаго побережья, дѣйствительно, уголокъ иного міра, носящаго всѣ черты полутропической растительности. Стоить, выѣхавъ за черту города, попробовать углубиться въ некультурную чащу, чтобы путь вашъ сейчасъ же перегородила, перепутавшая кусты и деревья, предательская сѣть изъ сассапарили (*Smilax*)—растенія не то ползучаго, не то вьющагося—типической лианы съ сердцевидными, пятнистыми, глянцевитыми, кожистыми листьями и безчисленными необыкновенно крѣпкими шипами. Она не дастъ вамъ сдѣлать ни шагу и, если вы, не имѣя ножа на палкѣ или остраго кинжала, попробуете бороться съ нею, она исцарапаетъ въ кровь все ваше лицо и руки, изорветъ въ клочки одежду, но врядъ ли позволитъ вамъ пробраться туда, куда вамъ захочется. Если геройски поборете лианы *Smilax*, которые снизу до верху цѣлой сѣткой опутываютъ громадныя каштаны, свѣшиваясь съ нихъ гирляндами и фестонами, какъ кружево, сплетенное исполинскими пауками, вы немедленно наткнетесь на другое препятствіе—полуліану, если хотите также, въ которой, даже внимательно всматриваясь, вы едва узнаете ближайшую родственницу ежевики нашихъ южно-русскихъ левадъ и волжскихъ поемныхъ луговъ.

Здѣшняя ежевика ежегодно выгоняетъ изъ земли плети отъ 2 до 3 сажень длины, заканчивающіяся розоватыми цвѣтами и довольно безвкусными фіолетовыми ягодами. Плети эти, помимо сложныхъ пяти-листочковыхъ листьевъ, усажены также очень густо крѣпкими, загнутыми назадъ колючками, изъ коихъ однѣ большія, глубоко вонзаются въ тѣло, раздирая глубокія царапины, другія болѣе мелкія, при попыткѣ схватиться за вѣтку, остаются въ кожѣ, производя весьма непріятныя, болящія занозы. Эта ежевика образуетъ здѣсь мѣстами непроходимыя дебри, заполюняя собою всю почву.

Третье растеніе, съ которымъ немедленно ознакомляется посетитель Батумской области, присутствіе котораго онъ слышитъ еще съ моря по запаху,—это папоротникъ, нынѣ бичъ, въ будущемъ, вѣроятно, благодѣтель Батумскаго края.

Заросли самшита и рододендрона на рѣкѣ Чаквѣ.

Это тотъ самый орлиный папоротникъ *Pteris aquilina*, что растетъ и въ нашихъ борахъ. Но здѣсь онъ растетъ густо, одинъ завладѣвая почвою, образуя издали мягкіе, пушистые, зеленые газоны. Но газоны эти уже къ июню мѣсяцу превосходятъ человѣческой ростъ. Какъ змѣи, все болѣе и болѣе раскручивается зеленая верхушка листа этого растенія и, кажется, еслибъ поздно осенью морозы не убивали этого папоротника, его и такъ уже къ зимѣ достигшія болѣе чѣмъ саженой длины ваи, сплетеніями своими образовали бы непроходимый лѣсъ. Ихъ войлокъ зелени подѣ осень проходимъ немногимъ болѣе, чѣмъ джунгли изъ лианы *Smilax* и ежевики.

Все, что не занято культурою и не вытравлено скотомъ, то или папоротниковый лугъ, или ежевичникъ. Деревья, исковерканныя въ прибрежной полосѣ турками во время послѣдней войны и постоянно вырубаемыя туземцами, рѣдко гдѣ сплочиваются въ лѣсъ. Полузадушенные лианами *Smilax*, кое-гдѣ увитыя дикой виноградной лозой, здѣсь, повидимому, жившей съ момента ея созданія и въ лицѣ своихъ отдаленныхъ предковъ подавшей нашему праотцу Ною матеріалъ для первой бочки вина, деревья эти раскиданы одиночно или группами. Они только довершаютъ эту картину непролазной буйной растительности, полное подобіе которой можно найти въ образовавшихся, на мѣстѣ истребленныхъ лѣсовъ и запущенныхъ плантацій, джунгляхъ Явы или Цейлона.

Но отличіе отъ джунглей этихъ—въ отсутствіи разнообразія въ формахъ. Описанными лианами исчерпываются ползуче-цѣпкія растенія, заполняющія территорію Батумскаго края, тогда какъ подѣ тропиками ихъ нѣсколько десятковъ принимаютъ участіе въ дикихъ сплетеніяхъ джунглей. Ботаникъ кое-гдѣ, правда, найдетъ здѣсь еще одну лиану, *Periploca graeca*; но она уже не играетъ видной роли. Здѣсь, какъ характерная особенность края, три вида растеній заплонили всю территорію, достигли колоссальныхъ размѣровъ развитія и выгнали, заглушили все остальное.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что либо болѣе жалкое, болѣе обиженное судьбою, чѣмъ травянистая растительность джунглей Батумскаго края. Лишенная свѣта и лучей, и безъ того не особенно балующаго своею улыбкою край, солнца на бѣдной тощей почвѣ, растительность эта достигаетъ послѣдней степени чахлости и истощенности. Обыкновенно вы ея даже и не примѣчаете съ перваго взгляда и думаете, что ежевика и папоротникъ одни одѣваютъ землю. Но, всматриваясь, видите, что на почвѣ попадаетъ то какой нибудь представитель заливныхъ луговъ нашихъ рѣкъ, подорожникъ *Polygonum persicaria*, то представитель лѣсныхъ опушекъ въ родѣ клевера и земляники. Но все это такъ чахло, такъ мелко, такъ выродилось, какъ только можетъ выродиться трава на самой бесплодной песчаной почвѣ сѣвернаго подзола. Удивляешься, какъ

бродячія между папоротникомъ коровы находятъ въ этихъ травахъ достаточно питанія, чтобы дать сносное молоко.

Только болотный выюнокъ (*Calystegia Serpium*), высоко поднимающій гроздья дающихъ краску фіолетовыхъ ягодъ, составляетъ исключеніе изъ этихъ пигмеевъ и вмѣстѣ съ однимъ мѣстнымъ сложноцвѣтнымъ, по исполинскимъ размѣрамъ своимъ, примыкаютъ къ царствующимъ формамъ джунгля.

Подобно всѣмъ влажнымъ беззимнымъ областямъ земного шара, низины Батумскаго края не имѣютъ луга, пастбища естественныхъ, покрытыхъ травами пространствъ, но эти послѣднія замѣнены здѣсь лѣсомъ, джунглями или дебрями папоротниковъ. Повидимому, первоначально здѣсь господствовалъ только лѣсъ, остальные же формаціи растеній явились только тогда, когда человекъ вырубилъ деревья, при чемъ порубки смѣнились джунглями, брошенные же поля папоротникомъ. Папоротникомъ немедленно и теперь зарастаетъ оставленное поле, и онъ долгое время здѣсь господствуетъ, пока земля опять не попадетъ подъ пашню. Если же она будетъ брошена совершенно, она зарастаетъ ольхою, рѣже грабомъ, но никогда почти не принимаетъ характера того первобытнаго лѣса, какой одѣваетъ еще нетронутые культурою склоны горныхъ долинъ внутреннихъ частей страны. Чтобы получить понятіе о такихъ лѣсахъ, послѣдуйте, читатель, за мною въ долину рѣки Чаквы, въ ея верховья, въ непроходимыя дебри каштановыхъ и буковыхъ зарослей.

Здѣсь вы попадаете опять въ лѣсную полосу, по облику своему совершенно отличную отъ нашей.

Характерною особенностью нашего лѣса является мягкая, нѣжная мурава, одѣвающая его почву. Хотя подъ ногами и хруститъ постоянно сухая прошлогодняя листва, образующая подъ лѣсною почвою настоящій войлокъ изъ полусгнившихъ, слежавшихся, побурѣлыхъ листьевъ, однако отъ глазъ она скрыта зеленою красивоцвѣтущихъ лѣсныхъ травъ. Представленіе о прогулкѣ по лѣсу у насъ непремѣнно связано съ представленіемъ о сборѣ фіалокъ, ландышей, ряста, лѣсныхъ колокольчиковъ, медуницы и другихъ подобныхъ растеній, составляющихъ изящный цвѣтистый коверъ подъ сѣнью орѣшника и молодой поросли деревьевъ, образующихъ надъ нею густой шатеръ, изъ разнообразной кленовой, дубовой, вязовой и другой листвы.

Совсѣмъ иную картину представляютъ лѣса здѣшніе. Въ ихъ составъ входятъ весьма немногія породы. Правда, и здѣсь встрѣчается нѣсколько породъ клена и дубъ, и вязъ, и орѣшникъ. Но не онѣ господствуютъ. Обыкновенно внизу сладкій каштанъ, выше букъ покрываютъ горные склоны. Подъ ихъ сѣнью развиваются, образуя мѣстами необыкновенно густую чащу, по высотѣ и толщинѣ ствола мѣстами не уступающія первокласснымъ деревьямъ

вѣчно-зеленныя породы, породы, у насъ въ Россіи нигдѣ почти, кромѣ черноморскаго побережья Кавказа, не растущія, составляющія характерную особенность этого края.

Сводъ громадной высоты буковъ и каштановъ играетъ роль какъ бы стекляннаго свода оранжереи, подъ защитою котораго развиваются здѣсь эти чисто тропическаго облика породы. Это не та листва вѣчно зеленой поросли, которую встрѣчаетъ глазъ на склонахъ нетронутыхъ культурою утесовъ южныхъ полуострововъ Средиземнаго моря,—мелкая, кожистая, съ розовымъ часто отливомъ. Нѣтъ, это крупная, грубая, глянцевиная, точно полированная листва тропическаго дерева. Дебри изъ такого кустарника съ такою листвою вы встрѣтите гдѣ нибудь около вершины Адамова пика, на склонахъ яванскихъ вулкановъ, въ лѣсахъ самыхъ теплыхъ, самыхъ защищенныхъ частяхъ омываемаго тропическими водами Куро-Сиво Кіу-Сіу въ Японіи. Разница только та, что эти кустарники и деревья второго порядка тамъ покрываетъ шатеръ изъ такихъ же точно, какъ и онѣ, высокихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ. Здѣсь же эти защищающіе болѣе мелкую поросль, подверженные сильнѣе, чѣмъ они, дѣйствию непогоды и различныхъ атмосферныхъ факторовъ исполины еще представлены буками и каштанами, деревьями, характеризующими самыя мягкія по климату изъ имѣющихъ зимы странъ—атлантическое побережье Средней Европы, Корею, Японію и океаническія побережья южной части Сѣверной Америки.

Вѣчно-зеленныя, образующія мѣстами совершенно непроходимыя дебри породы хотя представлены массою экземпляровъ, но принадлежатъ къ весьма немногимъ видамъ.

Это самшитъ, растеніе по виду напоминающее мирту *Vuxus Sempervirens*, достигающее иногда высоты большихъ нашихъ деревьевъ. Его дерево необыкновенно твердо и извѣстно въ торговлѣ подъ именемъ пальмоваго дерева, почему и самый самшитъ называютъ также кавказскою пальмою, вводя тѣмъ въ заблужденіе не бывавшаго на Кавказѣ и мало знакомаго съ ботаникою читателя, невольно представляющаго себѣ это растеніе въ видѣ тѣхъ пальмъ, какія растутъ въ оранжереяхъ. Между тѣмъ, самшитъ принадлежитъ къ семейству молочайныхъ, не состоящему даже въ самомъ отдаленномъ родствѣ съ пальмами, и если уже на какое растеніе изъ нашихъ болѣе всего подходитъ его листва, то это на листья брусники. Хищническая система лѣснаго хозяйства на Кавказѣ скоро совершенно уничтожитъ большія деревья самшита, оставивъ его въ видѣ низкорослаго кустарника по берегамъ рѣкъ. Но здѣсь, въ ущельяхъ, куда не особенно легко добраться, можно еще видѣть высокія старыя деревья, стволы которыхъ годились бы не только для такихъ мелкихъ токарныхъ издѣлій, какъ шашки, но и для болѣе крупныхъ подѣлокъ.

Смоковница въ селеніи Чаквисъ-тава.

Другое, по росту не уступающее самшиту, мѣстное дерево лавровишня, красавица здѣшнихъ лѣсовъ. Названіе дереву дано очень мѣтко. Его блестящая листва, формой и величиной напоминающая нашу черемуху и сильно пахнущая горькими миндалями, блестяще и грубо листья лавра. Цвѣты и плоды лавровишни напоминаютъ черемуховыя. Послѣдніе вязки и терпки, и только туземцы находятъ удовольствіе въ ихъ вкусѣ.

Но царями здѣшняго подлѣска безспорно являются древовидные крупнолистные рододендроны. Ихъ здѣсь два вида: одинъ уже давно извѣстный и воспѣтый кавказскій рододендронъ, своими розовато-фіолетовыми цвѣтами съ ранней весны заливающій лѣса Понтійскихъ побережій—*Rhododendron ponticum*; другой—мѣстная форма Батумскаго края, *Rhododendron Smirnovi*, недавно открытая, характеризуется снѣжно-бѣлою пушистою подкладкою листьевъ и цѣлыми пучками, въ коническихъ шишкахъ растущихъ, ярко-розовыхъ цвѣтовъ, расцвѣтающихъ позднимъ лѣтомъ.

Наконецъ, падубъ, остролистъ или илексъ, вѣчно зеленое ключее растеніе атлантическихъ побережій Европы, одѣвающееся красными ягодами въ декабрѣ, украшающее своими вѣтвями на Рождествѣ комнаты парижанъ, вмѣсто нашихъ елокъ, образуетъ здѣсь страшныя дебри, дѣлая своими колючими листьями непроеходимыми цѣлыя участки лѣса.

Вотъ и всѣ вѣчно-зеленыя древесныя или кустарныя породы края. Какъ видите, не много. Это не то, заставляющее теряться, безконечное разнообразіе, что въ Японіи или подъ тропиками. Но его достаточно, чтобы составить совершенно особую непривычную обстановку. Прибавьте сюда еще черничное дерево, *Vaccinium arctostaphylos*—кавказскій видъ черники, достигающій человѣческаго роста, одинъ видъ калины, бересклета и бузину, очень рѣдкія и попадающіяся лишь по рѣчнымъ долинамъ формы, и вы исчерпаете попадающіяся на глаза кустарныя формы.

Черничное дерево славится не столько ягодами, сколько листьями. Подъ именемъ кавказскаго чая они сотнями пудовъ вывозятся въ Россію, и врядъ ли найдется болѣе пяти чаоторговцевъ, которые не подмѣшивали бы въ хорошіе сорта своего чая этого продукта. Въ лѣсахъ оно очень обыденно. Всѣ эти породы, однако, настолько высоки, что если не считать горныхъ вершинъ, гдѣ онѣ образуютъ низкорослыя сплетенія, онѣ не закрываютъ почвы. Эта послѣдняя, покрытая бурыми буковыми листьями остается голою. Опять сходство съ тропиками и отлічіе отъ нашихъ условій. Цвѣтовъ въ батумскихъ лѣсахъ нѣтъ. Можетъ быть, зимою выглянуть кое-гдѣ цикламены, да на опушкѣ расцвѣтетъ лѣтомъ чудная бѣлая лилія, но внутри, подъ древесною сѣнью, все голо и мертво, торчатъ только также вѣчно зеленыя и вмѣстѣ съ тѣмъ черно-зеленыя *Ruscus*, однѣ кое-гдѣ скрываая нивы своими колючими вѣтками, никогда

не покрывающимися замѣтными для глазъ цвѣтами. Лѣса Батумской области лишены поэзіи нашихъ лѣсовъ. Въ нихъ нѣтъ цвѣтовъ, и въ нихъ не слышно пѣвнїа птицъ—совсѣмъ, какъ въ лѣсахъ теплаго пояса Японїи, и какъ тамъ по стволамъ деревьевъ ползаетъ вѣчно зеленая зелень лианъ, здѣсь единственная соответствующая ей форма, плющъ, иногда снизу до верху обвиваетъ деревья, удаляя своей зеленью ихъ кроны, доводя ихъ нерѣдко до смерти. Тогда влажный мохъ одѣваетъ эти умирающіе стволы, и, какъ эпифиты тропиковъ, около десятка видовъ папоротниковъ поселяется на стволѣ, скрывая своею нѣжною перистою листвою отживающее растеніе.

Около вершинъ горъ, здѣсь обыкновенно крутыхъ и труднодоступныхъ, изъ высокихъ деревьевъ остается одинъ букъ. Онъ достигаетъ исполинскихъ размѣровъ, его сѣрые, прямые, точно изъ свинца отлитые, стволы не обхватятъ и двое человекъ. Чтобы поддержать страшный вѣсъ кроны, они даютъ отъ ствола доскообразные отростки, какъ стволы тропическихъ деревьевъ.

Этотъ поясъ бука—излюбленное мѣсто облаковъ и тучъ. Нигдѣ, кажется, эти скопленія пара не достигаютъ такой густоты, какъ здѣсь. Налетая на лѣсъ, они способны ясный день превратить въ ночь. Не видно въ туманѣ за нѣсколько шаговъ и такъ темно, какъ въ позднія сумерки. Въ этомъ полумракѣ, напоминающемъ полумракъ тропическаго лѣса, особенно благоденствуютъ вѣчно-зеленныя формы, и, не смотря на обиліе снѣга, зимою онѣ здѣсь развиты не хуже, чѣмъ въ низинѣ.

Рѣдко, когда заглядываетъ сюда солнце. Но за то въ ясные дни именно этотъ верхній буковый поясъ очарователенъ. Сквозь нѣжную зелень свода, изъ отороченныхъ нѣжнымъ пушкомъ буковыхъ листьевъ, льется нѣжный свѣтъ въ заросшія темными, посаженными цвѣтами, рододендронами дебри. Какъ легкая дымка, изрѣдка затуманивъ ее налетѣвшее облачко. Тутъ, и только тутъ, слышится веселое щебетаніе птички. Только земля остается голою, не желая дополнить иллюзію ранней весны.

Вершины горъ здѣсь не имѣютъ пастбищъ или альпійскихъ луговъ. Однѣ, вѣчно закутанныя въ туманы, не просыхаютъ отъ дождя, какъ, напримѣръ, одна изъ окружающихъ Чакву горъ, Тезела, и даже получили у туземцевъ эпитетъ «плачущихъ». Онѣ заросли тѣми же рододендронами и вѣчно-зелеными кустарниками, образующими непроходимыя дебри. Другія покрылись кавказской азалией и черникой, кавказской березой и низкорослой ивой и рябиной. Бродящій между ними скотъ находитъ подъ сплетеніями кустарника кое-какія травы, клеверъ, немногія губоцвѣтныя, но все же это не наши пастбища, и только батумскій скотъ, не знающій лучшаго корма, можетъ отъѣдаться на такой флорѣ.

Травянистая растительность является лишь по самымъ берегамъ

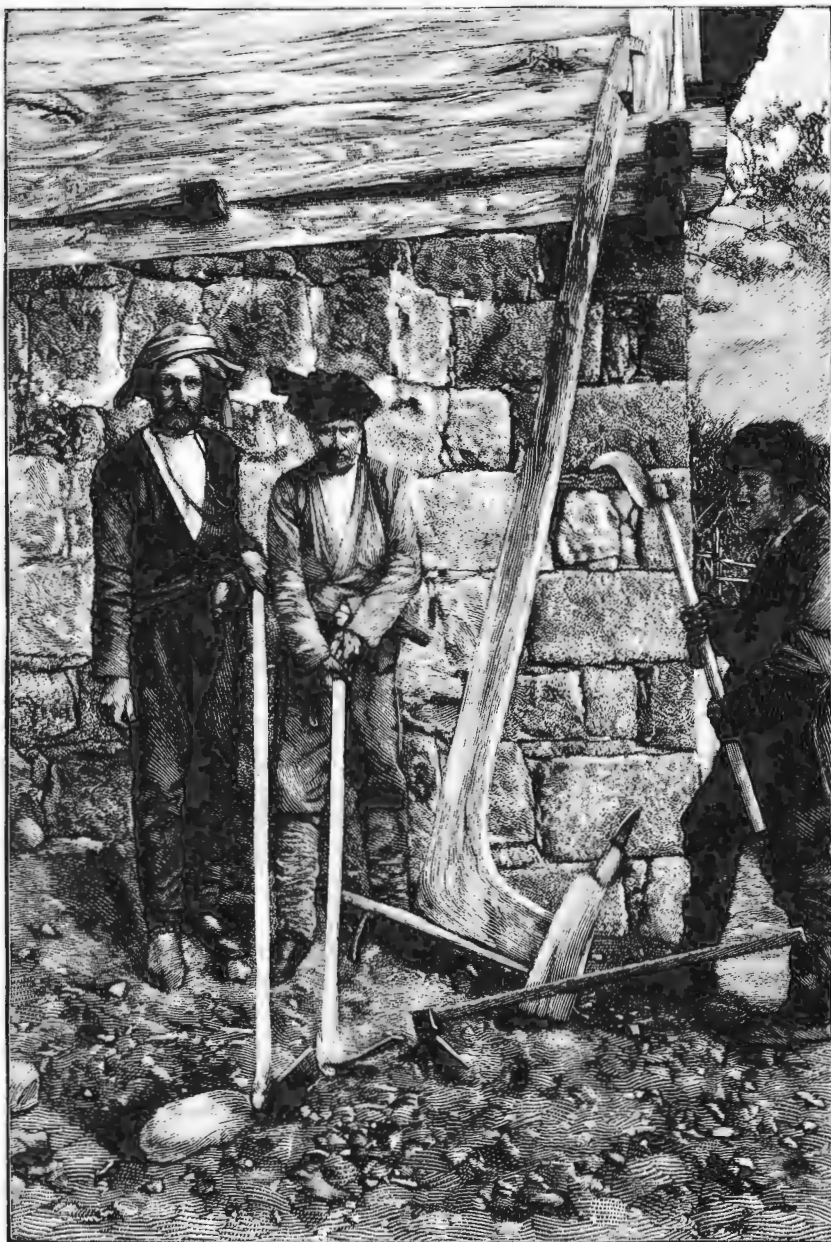
рѣкъ. Громадные листья бѣлокопытника, исполинскія сложноцвѣтныя выгоняють здѣсь стебли и стержни выше человѣческаго роста. Потому какъ въ лѣсу, такъ и здѣсь путникъ, подобно жителю тропической дикой страны, долженъ шествовать, имѣя ножъ или, какъ туземцы, сѣчку, прикрѣпленную къ палкѣ, и ею прорубать и просѣкать себѣ путь въ бѣшеной, охватывающей его со всѣхъ сторонъ, растительности. Такова внѣшность флоры прибрежныхъ горъ Батумскаго края.

IV.

Я не буду описывать столь же подробно фауну Батумскаго края. Пришлось бы перечислять длинные списки животныхъ Закавказскаго края, интересныхъ развѣ для охотника. Какъ и въ тропическихъ странахъ, лѣса безмолвны, и вы не увидите ихъ фауны, если не будете искать ея нарочно. Правда, всюду наставленные трещотки, имѣющія цѣлью пугать медвѣдей, особенно лакомыхъ до меда кавказскихъ нежалящихъ пчель, свидѣтельствуютъ, что здѣсь незванный гость этотъ не рѣдкость. Но видѣть его все же приходится не часто. Въ особыхъ бортяхъ, круглыхъ, устраиваемыхъ изъ выдолбленныхъ обрубковъ и привязываемыхъ къ деревьямъ ульяхъ, въ лѣсахъ держатъ здѣсь пчель, и вотъ по сосѣдству съ такими первобытными пчельниками и можно встрѣтить батумскаго мишку. Рѣже найдете вы дикихъ козъ да бѣлокъ. Менѣе приятную встрѣчу представлятъ кишация въ густой травѣ долины длинныя черныя ядовитыя змѣи и исполинскія жабы съ крупнаго цыпленка величиною, появляющіяся вечеромъ послѣ дождя. Гораздо болѣе напоминають тропики здѣшнія насѣкомыя. Какъ тамъ, не успѣетъ зайти солнце, начинается неумолкаемое стрекотаніе цикады, а лишь только стемнѣетъ окончательно, изъ всѣхъ кустовъ и дебрей вылетаютъ милліоны свѣтляковъ. Крутясь и порхая вкругъ деревьевъ, эти тучи изъ движущихся свѣтлыхъ точекъ живо воспроизводятъ вамъ тѣ ночныя сцены, которыми любитъ путешественникъ по Цейлону.

Но, минуя эти детали, перейдемъ прямо къ человѣку.

Батумскій край политически есть кусочекъ Малоазіатской Турціи, отошедшій къ Россіи послѣ послѣдней войны. Потому естественно, что многіе считаютъ и населеніе его за турокъ. Между тѣмъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе этого мнѣнія. Въ мѣстныхъ жителяхъ нѣтъ, болшею частью, ни капли турецкой крови, да и потурецки они говорятъ немногимъ лучше, чѣмъ наши нѣмецкіе колонисты. Я разумѣю здѣсь, конечно, только населеніе побережья. Тамъ въ глубинѣ страны въ Артвинскомъ округѣ или въ Аджаріи вы найдете иное населеніе и иную природу. Но здѣсь написанное относится къ прибрежной полосѣ, къ землямъ, лежащимъ между

Земледѣльскія орудія въ селеніи Хала, Батумской области.

Чернымъ моремъ и тѣмъ береговымъ хребтомъ, съ котораго берутъ начало рѣки, непосредственно въ это море впадающія. Точно также только о населеніи этой полосы будетъ говорить на слѣдующихъ страницахъ.

Это туземное магометанское населеніе имѣетъ съ турками общую только религію, да и то, какъ увидимъ, съ грѣхомъ пополамъ. По крови же это большею частью представители картвельскаго племени, говоря иначе, грузины, хотя за образецъ, за типъ картвеловъ населеніе здѣшнее врядь ли можно признать.

Какъ всѣ побережья морей, такъ и здѣшнее, начиная со времени похода аргонавтовъ, искавшихъ въ устьяхъ Ріона то золотое руно, которое съ еще меньшимъ успѣхомъ ищутъ здѣсь русскіе завоеватели, начиная съ этой отдаленной эпохи и до нашихъ дней, береговая полоса эта принимала на себя слишкомъ разнообразный разношерстный людъ. И онъ не остался безъ вліянія на кровь населенія. Въ бассейнѣ р. Чаквы я встрѣчалъ семьи, поразительно по типу похожія на самыхъ бѣлокурыхъ французовъ, изъ Нормандіи, или нѣмцевъ сѣверо-западнаго побережья Европы, рядомъ я видѣлъ людей хотя съ черными волосами, но съ продолговатымъ оваломъ лица, съ вытянутымъ черепомъ, далекихъ отъ той круглоголовости, которая ставитъ калмыковъ и грузинъ на самый дальній край брахицефалическихъ народностей.

Самое тѣлосложеніе здѣшнихъ туземцевъ гораздо легче, граціознѣе, чѣмъ, можетъ быть, впрочемъ много зависитъ отъ костюма и образа жизни.

Всѣ здѣшніе грузины носятъ короткія, какъ фраки, куртки, надѣваемые на рубаху и позволяющія запахиваться ихъ бортами, какъ халатами, и длинныя панталоны, идущіе до пятокъ и здѣсь привязываемые веревками къ ногѣ и башмакамъ. Костюмъ опоясывается поясомъ, за которымъ торчитъ ножъ и обязательно револьверъ. Что для горца главнаго Кавказа кинжалъ, то для здѣшняго жителя револьверъ. Минуя Кобулеты, вы переноситесь по желѣзной дорогѣ изъ страны кинжаловъ въ страну револьверовъ, и это становится сейчасъ же видно на дебаркадерахъ желѣзнодорожныхъ станцій.

Но, кромѣ револьвера, каждый туземецъ непремѣнно носитъ еще ружье, по большей части, берданку и такимъ образомъ является вооруженнымъ съ головы до ногъ. Толпа, собравшаяся на богомолье въ пятницу около мечети въ сел. Хала, произвела на меня впечатлѣніе контрабандистовъ, собравшихся на набѣгъ, изъ какой нибудь оперы. Такъ, съ одной стороны, эффектны были ихъ красивые изъ чернаго и коричневаго сукна украшенные патронташами, какъ у черкесокъ, костюмы, и такъ съ другой стороны непривычно для глаза было видѣть такую массу вооруженныхъ людей не въ военной формѣ. Большая часть туземцевъ образуетъ, впро-

чемъ, мѣстную милицію. Они охраняютъ, между прочимъ, при прохожденіи поѣзда и желѣзнодорожныя станціи, придавая странѣ видъ находящейся на военномъ положеніи.

Турки за время своего владычества заставили мѣстныхъ жителей хорошо или дурно, но все-таки изъясняться потурецки. Мы, не смотря на то, что владѣемъ краемъ весьма немалую толику времени, не сдѣлали въ этомъ направленіи ничего. Здѣсь, какъ и вообще въ западномъ Закавказьи, положеніе русскаго языка самое отчаянное. Туземцевъ не учатъ, да и сами они, повидимому, не учатся порусски, пользуясь тѣмъ, что туземная администрація, состоя преимущественно изъ туземцевъ, говоритъ съ ними погрузински.

Даже старосты и старшины селеній не имѣютъ представленія о русскомъ языкѣ, и съ ними надо говорить черезъ переводчика. Въ Японіи легче найти знающаго русскій языкъ человѣка, чѣмъ здѣсь, разъ вы выйдете изъ окрестностей Батума и узкой береговой полосы моря.

Такимъ образомъ, начинавшіе стурчаться грузины теперь вновь сдѣлались грузинами. Хотя ихъ имена въ родѣ Ахмедъ, Мемедъ, Али, Мустафа, очень часто турецкія, но фамиліи, въ родѣ Конселидзе, Абашидзе и т. п., ясно показываетъ, что только религія сдѣлала ихъ турками. Врядъ ли гдѣ можно видѣть лучшій примѣръ того, какъ ошибочно считать человѣка одной вѣры и одного подданства за человѣка единокровнаго, единоплеменнаго. Между собою батумцы говорятъ на испорченномъ грузинскомъ языкѣ, легко понимаютъ грузинъ и во всей обстановкѣ, образѣ жизни и обычаяхъ, кромѣ обрядовъ, налагаемыхъ религіей, напоминаютъ грузинскихъ крестьянъ. Многіе изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе отъ грузинскихъ дворянъ, эмигрировавшихъ за границу и предпочевшихъ разбойничій промыселъ въ Турціи притѣсненіямъ на родинѣ.

Ихъ постройки и времяпрепровожденіе показываютъ, что издавна земледѣліе было для нихъ только подспорьемъ, но не главнымъ источникомъ дохода. Жалкое въ Мингреліи и Имеретіи, оно достигаетъ послѣдней степени своей здѣсь. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь оно въ самомъ корнѣ своемъ носитъ черты земледѣлія субтропическаго, гдѣ культура дерева идетъ параллельно съ культурой хлѣбовъ, гдѣ селеніе должно тонуть среди полезныхъ деревьевъ, и гдѣ злаками, питающими человѣка, являются злаки влажныхъ теплыхъ почвъ, рисъ, сорго и кукуруза. Но культура эта, доведенная на дальнемъ востокѣ Азіи и въ Америкѣ до такой высокой степени совершенства, въ какомъ ужасномъ состояніи находится она здѣсь! Нѣкогда рисъ здѣсь былъ главнымъ кормильцемъ человѣка. Для него запруживали низины по берегамъ рѣкъ и сѣяли его здѣсь въ значительномъ количествѣ, страшно усиливая и безъ того кишация по всей береговой полосѣ лихорадочныя миазмы. Теперешнія окрестности Батума, ставшія почти совершенно здоровою мѣст-

ностью, не могутъ дать и слабого представленія о томъ, чѣмъ была мѣстность до времени запрещенія со стороны русскаго правительства культуры риса. Тогда были мѣста, гдѣ стоило пройти одинъ разъ вечернею порою, чтобы на другой день слечь въ постель. Лихорадкою хворали не только люди, но и животныя, и птицы, куры, индюки. Г. Криштофовичъ, которому Батумъ обязанъ введеніемъ рациональнаго молочнаго хозяйства, только тѣмъ и спасъ отъ гибели коровъ своихъ, что закатывалъ имъ ежедневно ветеринарныя дозы хинина. Теперь рисъ сѣется только такъ называемый суходольный, то-есть такой, который можно разводить, какъ наши обыкновенныя хлѣбныя растенія, сѣя прямо въ разбросъ на поляхъ. Въ священный ужасъ пришелъ бы житель дальняго востока, еслибъ увидѣлъ онъ, какъ здѣсь обращаются съ его кормильцемъ, который даже у насъ, въ Ленкоранскомъ округѣ, привыкъ къ холѣ и тщательному уходу, къ рассадкѣ пучками и нѣжному илу заболоченной почвы.

Не то здѣсь: жалкими всходами чахлаго блѣднаго злака покрыта почва. Такъ всходить рожь на неурожайной засушливой почвѣ. Растеніе слабо. Виденъ рѣзкій контрастъ въ развитіи экземпляровъ, выросшихъ на полѣ и случайно попавшихъ въ сосѣднюю канаву. На плохо удобренномъ сухомъ полѣ, конечно, рисъ не дастъ и десятой доли азіатскихъ урожаевъ. Онъ чахнетъ, пока сильные ливни не оросятъ жаждущихъ всходовъ. Они временно оживаютъ въ періоды дождя, опять чахнутъ, когда они прерываются, и такимъ образомъ кое-какъ дотягиваютъ до урожая. Но все же обиліе края влагою столь велико, что даже варварская культура суходольнаго риса является выгодною для туземцевъ.

Другое растеніе, являющееся истиннымъ и, можно сказать, единственнымъ кормильцемъ жителя Батумскаго побережья — это кукуруза, исполинская, въ полтора раза превосходящая человѣческій ростъ, кукуруза. Ради ея только раскорчевывается лѣсъ, съ величайшими трудами расчищается колючка и папоротникъ, глубоко вспахивается первобытнымъ плугомъ вязкая латеритообразная глина. Здѣшній плугъ, какъ и всѣ, впрочемъ, туземные плуги субтропическихъ областей, орудіе крайне первобытное. На оглоблевидный, служащій дышломъ, кусокъ дерева, къ его короткой, плоской, загнутой части прикрѣпляется кусокъ болѣе твердаго дерева, на конецъ котораго насаживается желѣзный наконечникъ. Въ этотъ же кусокъ подъ прямымъ угломъ къ дышлу и направленію наконечника вбивается стержень, служащій для пахаря рукояткою,— и основное орудіе батумскаго земледѣлія готово. Это типъ плуга, который съ незначительными измѣненіями вы найдете у крестьянъ Испаніи, у осетинъ, у сартовъ Туркестана и у жителей дальняго Востока, равно какъ, вѣроятно, и у многихъ другихъ народовъ, живущихъ въ промежуткахъ между вышеназванными, которыхъ

Мельница въ селеніи Чаквисъ-тави.

лично мнѣ наблюдать не приходилось. Кукуруза садится довольно рѣдко въ разбросъ, рѣже рядами съ разстояніемъ болѣе фута между каждымъ стеблемъ. Земля между подростящими растеніями постоянно разрыхляется особаго рода топориками или плоскими и короткими мотыгами, насаживаемыми на длинныя рукоятки. Подобнаго же рода, но еще болѣе плоскими мотыгами окучиваютъ болѣе высокіе стволы и, когда созрѣютъ плоды, чтѣ бываетъ поздно осенью, короткимъ серпикомъ или сѣчкою, также на длинной рукояткѣ, ихъ срѣзываютъ.

Вотъ и всѣ земледѣльческія орудія и манипуляціи батумскаго крестьянина.

Между стволами маиса иногда садятся турецкіе бобы, то-есть, фасоль, которая, не мѣшая развиваться злаку, даетъ хорошіе урожаи. Впрочемъ, и тѣ и другіе значительно уступаютъ имеретинскимъ и мингрельскимъ, свидѣтельствуя о сильной выщелоченности здѣшной почвы.

Собранные початки кукурузы обыкновенно идутъ на приготовленіе кукурузной муки и печеніе кукурузнаго хлѣба.

Перемалываніе крупныхъ и твердыхъ кукурузныхъ зеренъ совершается на маленькихъ мельничкахъ совершенно особеннаго устройства. Представьте себѣ маленькій чуланчикъ, сколоченный изъ досокъ или плетенный изъ ивовыхъ прутьевъ, въ которомъ едва умѣстится 1, много 2 человекъ. Такой чуланъ строится надъ горнымъ ручьемъ, которые здѣсь, какъ и вездѣ на Кавказѣ, обладаютъ необыкновенною быстротою и силою теченія. Вотъ этою-то силою горизонтальнаго теченія воды, а не ея вертикальнаго паденія, какъ въ нашихъ водяныхъ мельницахъ, туземцы и пользуются, чтобы, установивши или непосредственно въ потокѣ, или проведя по жолобу воду, утвердить вращающееся горизонтально, приводимое водою въ движеніе лопастное колесо, вращающееся подъ влияніемъ силы потока необыкновенно быстро. Къ стержню такого колеса прикрѣпленъ жерновъ, надъ которымъ утвержденъ другой съ полостью, въ которую изъ укрѣпленнаго сверху ящика сыплются зерна.

Такая дешевая мельница работаетъ быстро и всегда доставляетъ владѣльцу въ потребномъ количествѣ кукурузную муку.

Изъ муки этой печется хлѣбъ, который и составляетъ главную пищу здѣшнихъ грузинъ. Этотъ хлѣбъ, издали похожій на бисквитъ, съ мягкой коричневатой корочкой, по вкусу кажется похожимъ на толченый горохъ и для непривычнаго желудка совершенно неудобоваримъ и несъѣдобенъ. Надо имѣть большой навыкъ, чтобы привыкнуть къ кукурузному хлѣбу, между тѣмъ, разъ вы отдалитесь въ сторону отъ города или съ желѣзнодорожной станціи, вы уже нигдѣ ни за какія деньги не достанете пшеничнаго хлѣба.

Подспорьемъ въ хозяйствѣ являются также разнообразныя фрукты

и плоды. И съ этой стороны селенія Батумскаго края напоминають тропическую область. Какъ тамъ, такъ и здѣсь скорѣе не садъ, а роща изъ полезныхъ человѣку деревь окружаетъ его жилище. Первое мѣсто между ними, безъ сомнѣнія, занимають туземныя формы: грецкій, или, какъ его зовутъ на югѣ, волошскій орѣхъ, затѣмъ черешня и виноградъ. Грецкіе орѣхи достигаютъ здѣсь значительной толщины, образуютъ прекрасныя высокіе, прямые стволы и чудныя, густыя, раскидистыя кроны. Такихъ прекрасныхъ экземпляровъ я не видѣлъ и въ Швейцаріи, гдѣ культура ихъ доведена до большаго совершенства. Орѣхи употребляются въ самыхъ различныхъ видахъ, не исключая и имеретинской цацабели, или подливки изъ мелко натертаго орѣха, употребляющейся къ вареной курицѣ, туземному національному блюду. Каштановъ, которые, какъ и во Франціи, осенью истребляются въ несмѣтномъ количествѣ, не разводятъ. Ихъ растеть и безъ того достаточно въ лѣсахъ. Но тѣмъ охотнѣе садятъ у жилья бѣлую черешню, также достигающую здѣсь размѣровъ исполинскихъ деревьевъ и въ концѣ юня покрывающуюся тысячами зрѣлыхъ вкусныхъ ягодъ. Такая черешня нерѣдко стоитъ увитая лозою съ ногу толщины, многочисленныя стволы которой, на подобіе деревенѣющихъ стволы лѣанъ, какъ толстыя канаты, поднимаются съ земли на десятки сажень до кроны, чтобы оттуда сбрасываться гирляндами нѣжной зелени съ сотнями гроздій спѣющаго винограда.

Кромѣ этихъ неизмѣнныхъ спутниковъ деревень, подъ сѣнь которыхъ вступаешь, разъ только начинается жильѣ, около домовъ вы встрѣтите нерѣдко инжиръ или настоящую библейскую смоковницу, достигающую здѣсь роста громаднаго дерева со стволами болѣе, чѣмъ въ обхватъ и съ раскидистою кроною своихъ пальчатыхъ шершавыхъ листьевъ. Она придаетъ мѣстности чисто тропическій колоритъ. Винныя ягоды, или смоквы, приносимыя деревомъ, нѣсколько водянисты, точно также какъ и ягоды не менѣе часто встрѣчающейся дикой сливы, или альеча.

Но красою туземныхъ садовъ-рощъ безспорно могутъ быть названы гранатовыя деревья, *Punica granatum*, съ весны до осени залитыя пурпурными цвѣтами. По размѣрамъ своимъ видѣнные мною экземпляры ничуть не уступаютъ тѣмъ, подъ сѣнью которыхъ я отдыхалъ на Явѣ, у подножья Гэдэ на станціи Синаглайя.

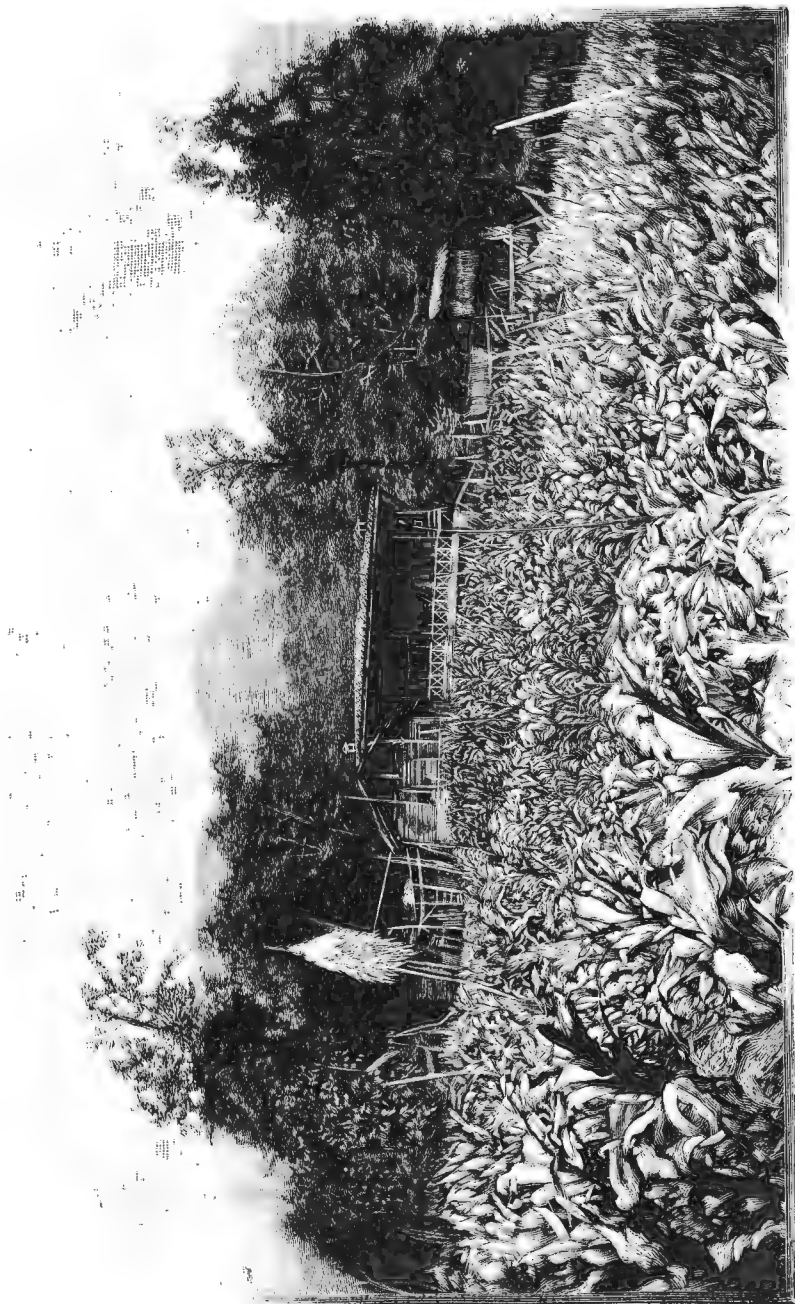
Вотъ среди этой зелени и ютятся домики мѣстныхъ крестьянъ. Здѣшнія селенія или деревни не соотвѣтствуютъ нашему представленію о деревняхъ. Здѣсь домикъ не лѣпится къ домику. Это скорѣе собраніе отдѣльныхъ фермъ, отдѣльныхъ хуторовъ, раскиданныхъ обыкновенно настолько далеко одинъ отъ другого, что сосѣдъ большею частью не видитъ закутаннаго въ зелени деревъ сосѣда. Чаше всего каждый домовладѣлецъ избираетъ мѣстомъ своего жительства самостоятельную вершину холмика и здѣсь ста-

вить свой домъ, обязательно деревянный, обширный, какъ домъ великоросса-сѣверянина, выстроенный изъ каштана, единственной породы, не подвергающейся въ этомъ чрезмѣрно влажномъ климатѣ моментальному гніенію. Дома строятся не изъ бревенъ, какъ на сѣверѣ, но изъ досокъ. Ихъ полъ никогда не соприкасается съ землею. Онъ отдѣленъ подвалами, спереди представляющими навѣсъ и лишь одной стѣной прикасающимися къ склону холма. Воздухъ свободно гуляетъ подъ поломъ дома, предохраняя его отъ почвенной сырости. Жилая часть комнаты помѣщается, такимъ образомъ, какъ бы во второмъ этажѣ, значительную часть котораго, какъ въ тропическихъ и японскихъ домахъ, занимаетъ балконъ съ навѣсомъ, защищающимъ его отъ дождя, гдѣ большую часть дня и проводятъ и семья, и гости. Домъ кроется черепицею и длиннымъ корридормъ дѣлится на двѣ половины—женскую, недоступную для посѣтителя-мужчины, и кухню, и парадную, такъ называемую кунацкую комнату съ каминомъ, небольшими нарами, устланными коврами, гдѣ могутъ, потурецки поджавъ ноги, разсѣсться посѣтители, и гдѣ имъ же стелется и постель.

Около дома помѣщается нѣсколько построекъ, имѣющихъ цѣлью замѣнить наши хлѣва, сараи и амбары. Все это, по большей части, постройки на сваяхъ. Полъ построекъ этихъ отдѣленъ отъ земли, и въ нихъ надо подниматься по лѣстницѣ. Постройка, гдѣ хранится кукуруза, воздвигнута не только на сваяхъ, но ея полъ отдѣленъ отъ свай, на которыхъ она утверждена, плоскими камнями, препятствующими мышамъ взбираться наверхъ и опустошать амбары.

Скота содержится немного, такъ какъ служащія ему пастбищемъ дебри папоротника и горныя вершины не особенно обильны кормомъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько коровъ вы найдете почти обязательно у каждаго домовладѣльца. Для нихъ не косятъ сѣна, такъ какъ сѣна нѣтъ, но ихъ кормомъ служатъ стебли кукурузы, запасы которой, въ видѣ громадныхъ, веретенообразныхъ копенъ, укрѣпленныхъ на шестахъ, располагаются неподалеку отъ жилья.

Въ центрѣ селенія устраивается мечеть. И здѣсь въ архитектурѣ видны черты вкуса картвела, а не турка. Нѣтъ высокихъ минаретовъ, нѣтъ того, свойственнаго открытымъ, съ ясною атмосферою странамъ, стремленія украсить Божій домъ куполомъ или сводомъ, возвышающимся надъ мѣстностью. Здѣшняя мечеть таковой же домъ, какъ и другіе, двухъэтажный, съ широкими балконами и еще болѣе широко выступающей черепичатой кровлей, защищающей его отъ всегноящаго дождя. Стремленіе защитить свою постройку отъ падающей сверху воды характеризуетъ здѣсь каждую постройку человѣка—черта общая съ влажными тропиками. Неудивительно поэтому, что мечети здѣсь сходны съ малайскими, а крытые кровлею мосты, перекинутые черезъ рѣчки, до того по-

Домъ въ селеніи Чаквись-тава.

хожи на такія же сооружеія на Явѣ, что напѣ снимокъ мостика на Чаквѣ могъ бы смѣло послужить иллюстраціею къ какому нибудь описанію подобныхъ сооружеій на Зондскихъ островахъ.

Я не знаю, въ какой степени регулярно въ свои мечети собирающійся людъ просвѣщается здѣсь своими муллами. Могу сказать, что по внѣшности они довольно хорошо блюдутъ свои законы. Башлыкъ, украшающій обычнымъ способомъ голову осетина, здѣсь закручивается на подобіе чалмы. Женщина невидима для чужого мужчины подъ своимъ покрываломъ. Она стыдливо поворачивается спиною къ прохожему, застающему ее въ полѣ за работою. Мужчины старательно совершаютъ по вечерамъ передъ трапезой омовеніе ногъ въ мѣдныхъ тазахъ. Послѣднее здѣсь, впрочемъ, необходимо. Ноги страшно прѣбуютъ при ихъ обуви въ здѣшнемъ жаркомъ и влажномъ климатѣ, и даже разъ въ сутки совершаемое омовеніе ихъ не всегда достаточно, чтобы избавить ихъ отъ крайне непріятнаго прѣлага запаха, дѣлающаго и самый процессъ омовенія ногъ собравшихся въ кунацкой гостей дѣломъ далеко не эстетичнымъ.

Намазы соблюдаются точно, и вечерняя пища, обыкновенно состоящая изъ кислаго молока, вареныхъ бобовъ, рѣже, какъ лакомства, различнаго рода лапши, вареной съ сахаромъ, съ молокомъ или куринымъ бульономъ — вотъ все, чѣмъ иногда подкрѣпляютъ себя правовѣрные, садясь кругомъ передъ большими плоскими металлическими блюдами, ставящимися на низенькія табуретки, позволяющія обѣдать на корточкахъ, пользуясь не столько ножами и вилками, сколько своею пятернею.

Таково внѣшнее впечатлѣніе, оставляемое на проѣзжающаго здѣшнимъ человѣкомъ.

Я не могу пожаловаться ни на недостатокъ гостепріимства, ни на отсутствіе вѣжливости здѣшнихъ крестьянъ. Изъ всѣхъ народовъ западнаго Закавказья они оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе, и если это результатъ вліянія религіи, то нельзя не сознаться, что религія Магомета въ краѣ этомъ сослужила болѣе культурную роль, чѣмъ христіанство.

V.

Чудная растительность Батумскаго края, его влажный и мягкій, хотя лихорадочный, но зато въ зимнее время неопѣненный для страдающихъ грудными болѣзнями климатъ давно обратили на себя вниманіе многихъ изъ російскихъ подданныхъ. Искусственное положеніе, въ которое былъ поставленъ край, не позволяло долгое время обычнымъ порядкомъ пріобрѣтать здѣсь земли. Это же военное положеніе, вѣроятно, было и причиною того, что здѣсь не основывалось и русскихъ поселеній, если не считать од-

ного устроеннаго около Кубулетъ, повидимому, со спеціальной цѣлью оправдать выгодную для многихъ басню о непригодности русскаго крестьянства для заселенія Кавказа. Впослѣдствіи я буду имѣть случай коснуться этого поселенія.

Но всѣ эти мѣры не остановили тѣхъ, которыхъ манилъ къ себѣ этотъ новый край со своею южною, совершенно отличною отъ другихъ частей Россіи, природою.

Въ мою задачу не входитъ здѣсь описаніе исторіи различныхъ законныхъ и незаконныхъ захватовъ, легальныхъ и нелегальныхъ куплей, продажъ и перепродажъ земельныхъ участковъ, въ которыхъ одни наживались, другіе прогорали, третьи дѣлались невинными жертвами алчной спекуляціи, попавшимися, какъ куръ во щи, въ смутное время батумскихъ земельныхъ недоразумѣній.

Скажу, однако, что въ настоящее время вся черноморская береговая полоса къ сѣверу отъ Батума уже заселена самымъ различнымъ людомъ, владѣющимъ землею на самыхъ различныхъ основаніяхъ, большей частью купившимъ ее изъ четвертыхъ и пятыхъ рукъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ, много, очень даже много нѣмцевъ, есть поляки, остались кое-кто изъ туземцевъ, есть и настоящіе русскіе. Инженеры, педагоги, просто помѣщики, спекулянты, купцы, всѣ имѣютъ здѣсь свои участки и, что замѣчательно, до самаго послѣдняго времени всѣ были очень непрочъ ее продать, частью вслѣдствіе неустановленныхъ точно правъ на эту землю, частью, и главнымъ образомъ, разочаровавшись въ ней.

Страна, гдѣ, какъ говорится, стоитъ посадить оглоблю, и вырастетъ лѣсъ, страна, какъ мы видѣли, съ природою чуть не тропическою и во всякомъ случаѣ самою южною, какую только можно имѣть въ Россіи, влекла и прельщала многихъ. Одни думали на старости лѣтъ заняться здѣсь садоводствомъ, вырастить сады, тѣню которыхъ, если ихъ разводять у насъ, имъ не позволилъ бы воспользоваться возрастъ. Другіе думали, что здѣсь чуть не задаромъ удастся имъ развести себѣ виллы съ кипарисами и пальмами, подобныя тѣмъ, какими они восхищались на Ривьерѣ, и наслаждаться здѣсь декабрьскимъ лѣтомъ.

Третьи думали извлечь какія нибудь выгоды, культивируя участки, столь близкіе къ портофранко и желѣзной дорогѣ, обѣщавшей этому портофранко разростись въ Закавказскую Одессу. Были здѣсь и толстовцы, думавшіе трудами рукъ своихъ кормить себя въ краѣ, гдѣ природа обѣщала вознаграждать ихъ за трудъ настолько щедро, чтобы оставалось время и для культурныхъ занятій образованнаго человѣка XIX вѣка. Но большинство спекулировало, и это были, конечно, тѣ, которые остались при своемъ интересѣ. Ово понятно. Чтобы извлекать пользу отъ новаго края,

нужно было знать его природу, понимать ее. Всѣ же эти колонисты знали лишь одно, что это югъ, что это русская Ривьера, русская Ницца, что это край, гдѣ апельсины зрѣютъ, и что здѣсь апельсины дѣйствительно зрѣютъ, это они могли видѣть въ садахъ туземцевъ окрестностей Батума, гдѣ уцѣлѣвшія послѣ турецкаго погрома апельсиныя деревья позволяли собирать съ одного дерева до 1.000 плодовъ.

Отъ туземцевъ учиться было нечему. Мы видѣли, какіе это земледѣльцы. Кукуруза мало интересовала новыхъ пионеровъ. Напротивъ, большинство изъ нихъ сразу рѣшило, что туземцы невѣжды, что въ земледѣліи они ничего не смыслятъ, что надо начинать все поновому, но какъ это поновому, они не уяснили себѣ достаточно хорошо и, какъ всѣ русскіе люди, рѣшили, вставъ въ хвостъ Европѣ, рабски подражать выработаннымъ тамъ методамъ, не считаясь ни съ климатомъ, ни съ географіей.

Первое, на что кинулись пионеры,—это было садоводство. Виллы и фруктовый садъ были ихъ мечтою. Но фрукты, сладкіе во Франціи, перерождались здѣсь въ водянистые. Яблони покрывались тлей, вызвавшей истощеніе ея соками, и въ концѣ концовъ русскіе тропики, какъ того и слѣдовало ожидать, оказались гораздо менѣе пригодными для садоводства, чѣмъ отечественныя степныя губерніи.

Не лучше стало дѣло и съ виллами.

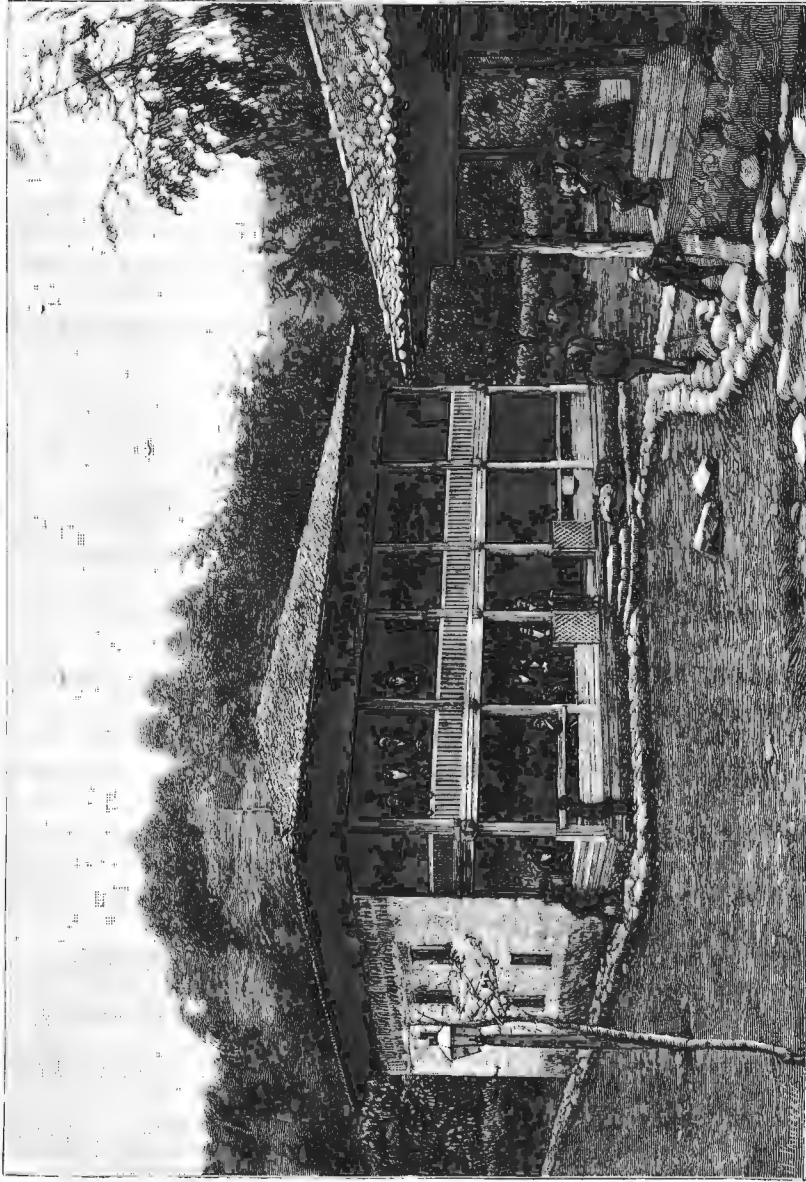
Мнѣ рассказывали, какъ примѣръ непригодности русскаго мужика для колонизаціи, случай съ однимъ поселкомъ въ Кутаисской губерніи.

Одинъ изъ администраторовъ выписалъ крестьянъ для поселенія въ ввѣренномъ ему краѣ, выбралъ для поселка прекрасную землю и, переселивъ и обстроивъ крестьянъ, ожидалъ цвѣтущей русской колоніи. Мужики, облагодѣтельствованные администраціей, рьяно принялись за обработку земли. Добросовѣстно распахали они сколь возможно глубоко пашню и посѣяли пшеницу. Но сколько ни прилагали они старанія, земля, родившая передъ тѣмъ у туземцевъ прекрасные урожаи, не дала имъ ничего.

Крестьяне призадумались. Но поощренные свыше они вновь еще старательнѣе и глубже перепахали свои поля и вновь на слѣдующій годъ засѣяли ихъ, но получили столь же плачевный результатъ. Сколько ни бились они надъ проклятой землею, она отказалась наотрѣзъ кормить чужихъ пришельцевъ, и обнищавшіе крестьяне разбрелись, куда глаза глядятъ, земля же та и донинѣ, кажется, какъ никуда негодная, заброшена и заросла папоротникомъ.

Кто тутъ виновать? Крестьяне? Нѣтъ. Они сдѣлали все, что могли. Но не могли они знать, что субтропическая почва Мингрели относится къ пахотѣ совершенно иначе, чѣмъ черноземъ ихъ родины, и что глубокая запашка здѣсь гибель для земледѣлія.

Разъ только плугъ пройдетъ глубже рыхлаго разбитаго кор-

Мечеть въ селеніи Хала.

нями и обогащеннаго перегноемъ слоя, онъ вонзается въ необыкновенно вязкую глину водоупорную, затрудняющую дыханіе корней. Она губитъ всякій посѣвъ.

Ту же ошибку повторили и многіе изъ батумскихъ піонеровъ. Считая за недостатокъ первобытной культуры практикуемое туземцами ковыряніе плугомъ земли на небольшую глубину, они старались всѣ сады свои первымъ дѣломъ перепахать возможно глубже. Но здѣсь они подъ торфянистымъ слоемъ почвы, пронизанной корнями папоротника, встрѣтили такую же красную глину. Эта глина, въ научномъ отношеніи крайне интересная, въ практическомъ сослужила имъ весьма плохую службу. Дѣло въ томъ, что горы Батумскаго края, то-есть тѣ, которыя обрамляютъ побережье Чернаго моря, образованы изверженными породами. Породы эти подъ вліяніемъ теплаго и влажнаго климата подвергаются быстрому разложенію и превращаются въ ярко-красную глину, по составу и свойствамъ весьма напоминающую свойственный большинству тропическихъ странъ красноземъ или латеритъ.

Кто хочетъ видѣть, какъ гніютъ камни, тотъ долженъ ѣхать въ Батумскій край.

Быстрое измѣненіе аддезитовъ и другихъ твердыхъ идущихъ на мощеніе улицъ породъ здѣсь поразительно. Въ естественныхъ разрѣзахъ вы видите всѣ постепенные и незамѣтные переходы отъ твердой черной породы, постепенно сѣрѣющей, желтѣющей, ближе къ поверхности переходящей въ какую-то желтоватую кашу, легко мажущуюся ножомъ. Далѣе эта каша превращается въ ярко-красную глину, и уже эта глина, пронизанная у поверхности корнями, даетъ почву не болѣе аршина мощности.

Особенно интересны породы, состоящія изъ большихъ шарообразныхъ образований, включенныхъ въ легче разрушающуюся массу. Часто масса превращается въ латеритъ, который затѣмъ размывается и уносится водою, ядра же въ видѣ громадныхъ валуновъ остаются у поверхности или, вывѣтриваясь въ почвѣ, придаютъ естественнымъ разрѣзамъ виды разноцвѣтныхъ рисунковъ изъ почвъ различной вязкости.

Вотъ результатомъ окончательнаго разложенія этихъ породъ и является батумская подпочвенная глина, вязкая, водоупорная. Перекопавъ на большую глубину нивы своихъ дачъ, вѣками подготовленные папоротникомъ для воспріянія корней деревьевъ, піонеры совершенно измѣнили естественныя условія дыханія корней, и прежде чѣмъ выросли ихъ новыя насажденія, всѣ старыя деревья садовъ ихъ: лавровишни, каштаны, грабы и буки, засохли, придавъ дачамъ унылый, весьма непривлекательный видъ.

Надобно было созидать новую поросль, и, конечно, уже поросль по возможности тропическую. Но и здѣсь піонерамъ приходилось

идти или ощупью или, пересаживая слѣпо западно-европейскіе приемы и формы, быть строго наказанными.

Русская Ницца оказалась весьма мало похожею на Ниццу французскую съ ея яснымъ небомъ и сухимъ воздухомъ. Ни финиковая пальма, ни маслина, ни опунція, ни пиніи не принялись на сырой и мозглой батумской почвѣ, и даже крымскіе пирамидальные кипарисы, слишкомъ сильно гнавшіе вверхъ свои кроны, кончали тѣмъ, что весьма не изящно выгибали ихъ по направленію господствующаго вѣтра, придавая ландшафту, вмѣсто поэзіи растительныхъ минаретовъ, видъ чего-то обиженнаго природою. Пышныя магноліи развивались первые годы успѣшно, но лишь только ихъ крона достигала извѣстной степени пышности, зимніе снѣгопады хуже любого урагана обламывали одѣтыя громадными вѣчно зелеными листьями вѣтки, и дерево являлось обезображеннымъ на десятки лѣтъ, навсегда лишалось той столь очаровательной въ крымскихъ магноліяхъ правильности формъ. То же самое повторялось съ араукаріями и различными нѣжными хвойными средиземноморскихъ странъ, въ то время, какъ мирта, арбутусы и т. п. формы тянулись и принимали мало изящныя формы, заставлявшія предпочитать имъ туземные самшитъ и лавровишню.

Словомъ, Батумскій край оказался вполнѣ несостоятельнымъ, чтобы создать на Понтическихъ берегахъ природу средиземноморскихъ курортовъ, и дачники-піонеры, перетративъ изрядныя суммы денегъ, многіе даже ухлопавъ всѣ свои капиталы, вмѣсто изящныхъ садовъ получили передъ постройками своими весьма не изящно разбитыя плантаціи обезображенныхъ разными невзгодами южныхъ породъ деревъ, въ родѣ изломанныхъ снѣгомъ магнолій, обмерзающихъ чахлахъ эвкалиптусовъ, изогнувшихся въ одну сторону, какъ крысиные хвостики, горизонтальныхъ кипарисовъ и другихъ уродцевъ и жалкихъ пародій на флору тропическихъ странъ, безобразіе которыхъ уже весьма плохо могли скрыть здѣсь гораздо лучше разрастающіяся гранаты, туземныя лавровишни, рододендроны и излюбленныя деревья батумцевъ: кавказская акація (*Acacia julibrissima*) и катальпа съ ея уродливыми вѣтвями и громадными листьями. Ее и *Paulownia* здѣсь почему-то предпочитаютъ прекрасно принимающимся на здѣшной почвѣ чинарамъ и тюльпаннымъ деревьямъ, которыя могли бы найти здѣсь второе отечество¹⁾. Видя печальную картину дорого стоящихъ начинаний, а какъ дорого стоили они, читатель можетъ судить по тому уже, что расчистка десятины земли отъ папоротника и колючки здѣсь стоитъ 1.000 р., да ее нужно постоянно поддерживать, чтобы

---

¹⁾ Мало также украсили сады въ изобиліи разводимыя драцены и юкки, особенно *Jussia glorioza* съ чудными соцветіями бѣлыхъ цвѣтовъ. Растеній этихъ сажаютъ, радуясь ихъ росту, уже черезчуръ много.

она не заросла вновь; деревья же экзотическихъ странъ приходилось покупать почти по цѣнѣ комнатныхъ растений,—кавказскіе дачники, перехворавъ лихорадкою, бросали свои начинанія, сбывая ихъ съ потерями, нерѣдко за полцѣны, восхитившемуся батумской природой новичку. А между тѣмъ, немного наблюдательности и знанія географіи, и пионеры легко могли бы увидѣть, что всѣ неудачи ихъ происходили отъ того, что они насильовали природу, стремясь разводить растенія совершенно другого климатическаго режима, забывая, что Батумъ есть уголокъ не сухихъ, но влажныхъ субтропическихъ, беззимныхъ областей, типомъ коихъ служатъ не Неаполь и Ницца, но Японія, Южная Чили, Новая Зеландія и т. п. страны. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этой мысли является прекрасный садъ г. Стоянова, одного изъ старѣйшихъ батумскихъ пионеровъ, уложившаго въ него немало труда и денегъ, но несомнѣнно создавшаго то, чего не создавалъ никто изъ батумцевъ. Гуляя по этому саду, можно судить о томъ, что можетъ произвести Батумскій край.

Поразительно становится видѣть, какъ прекрасно развиваются здѣсь всѣ японскія формы, равно какъ и тѣ формы, которыя хорошо растутъ въ Японіи. Въ нѣсколько разъ превышающія человѣческой ростъ заросли изъ камелій покрываются здѣсь, не смотря на морозы, цвѣтами. Кусты *Gardenia florida*, громадные хвойныя Японіи, японскіе кипарисы и криптомеріи, *Meliazederach*, японская вѣрная пальма *Chamaerops excelsa*, питтоспорумы и цѣлый рядъ другихъ растений ни по виду, ни по развитію ничѣмъ рѣшительно не отличаются по облику отъ растений того же возраста, видѣнныхъ мною на ихъ родинѣ. Столь же успѣшно развиваются многія изъ восточно-австралійскихъ акацій, ново-зеландскій лень *Phormium tenax* и т. п. растенія, глядя на которыя убѣждаешься, что если бы батумцы вмѣсто того, чтобы подражать итальянскимъ вилламъ, взяли себѣ за образецъ японскіе сады или котѣджи англійскихъ поселенцевъ, они вмѣсто разочарованія, получили бы массу эстетическаго наслажденія, отдыхая подъ сѣнью камфарныхъ деревьевъ, въ вѣчно зеленыхъ рощахъ японскихъ мандариновъ или среди сѣдой зелени акацій, вдыхая ихъ бальзамической запахъ съ смолистымъ ароматомъ криптомерій и кипарисовъ дальняго востока, пили бы чай на балконахъ, залитыхъ цвѣтами глициній и другихъ китайскихъ и японскихъ вьющихся растений.

Эта не пышно развивающаяся флора давно должна бы была обратить вниманіе на полезныя культурныя формы дальняго Востока, изъ коихъ только рисъ извѣстенъ аборигенамъ Батумскаго края. Чай, рами, діоскорея, каладіумъ, бананы, бамбукъ, мандарины, лаковое и восковое дерево—вотъ столпы японскаго сельскаго хозяйства, развивающіеся подъ сѣнью деревьевъ, столь скоро нашед-

шихъ себѣ въ второе отечество въ саду Стоянова. Вотъ что должно составить источникъ богатства и славы батумскаго земледѣльца, и странно, что никому не приходило въ голову здѣсь попытаться воздѣлывать эти растенія (если не считать нѣсколькихъ чисто любительскихъ попытокъ вырастить ихъ въ саду, какъ украшительныя деревья).

Толчекъ этого рода попыткамъ субтропическихъ культуръ далъ только теперь извѣстный капиталистъ и чайный торговецъ, представитель фирмы московской К. и С. Поповыхъ.

Послѣ немалыхъ денегъ стоившаго ему путешествія на дальній Востокъ, откуда онъ выписалъ стоившихъ также немалыхъ денегъ китайцевъ и чайные кусты, онъ послѣ долгихъ тяжбъ и аграрныхъ недоразумѣній, неизбежныхъ въ этомъ краѣ, приобрѣлъ стоившую ему также очень и очень немалыхъ денегъ землю, и съ большими затратами превратилъ ее въ чайную плантацію, развитую, какъ говорятъ, по всѣмъ правиламъ китайскаго искусства. Какъ растетъ на ней чай и что за продуктъ даютъ его кустарники, пока держится въ строжайшемъ секретѣ, — система, вполне достойная заправить дѣла сыновъ Небесной имперіи.

Но пока затрачиваетъ свои тысячи Поповъ, думая потомъ сразу удивить торговый міръ Россіи, другой предприниматель изъ старыхъ піонеровъ, нѣкто А. И. Соловцовъ, произвелъ безспорно блестяще удавшійся опытъ чайной культуры и выдѣлки продукта, затративъ сравнительно грошевыя средства.

У берега моря на одномъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ мѣстъ были имъ высажены нѣсколько привезенныхъ изъ Ханькоу кѣмъ-то изъ его пріятелей лѣтъ 8 тому назадъ чайныхъ кустиковъ. Растенія, какъ извѣстно, не отличающіяся красотой, посаженныя курьеза ради, росли въ загонѣ, но, какъ всѣ растенія китайско-японскаго климата, прекрасно перенесли всѣ невзгоды батумскаго климата, стали ежегодно покрываться цвѣтами и, какъ у себя на родинѣ, приносятъ изобильные плоды.

Когда зашла рѣчь о начинаніяхъ Попова и о возможности крупныхъ доходовъ съ плантацій, Соловцовъ собралъ свои сѣмена и засѣялъ ими около десятины. Молодые всходы принялись отлично и черезъ три года, т. е. въ данный моментъ, онъ получилъ плантацію, кустарники которой лишь своимъ растопыреннымъ видомъ, обусловленнымъ недостаткомъ правильной подстрижки, отличаются отъ китайскихъ, японскихъ или цейлонскихъ. Весною нынѣшняго года въ присутствіи мѣстной администраціи былъ сдѣланъ сборъ мѣстнаго чая. Приказчикъ г. Соловцова, г. Лысенко, былъ первымъ русскимъ чаедѣломъ. Никогда не бывавшій въ Китаѣ, точно также какъ и его хозяинъ, онъ по книжкѣ (кажется, по соч. Землера) продѣлывалъ на простой сковородѣ всѣ сложныя манипуляціи скручиванія, прожариванія, вяленія и сушки чая.

Само собою разумѣется, что первый блинъ вышелъ комомъ. Чай вышелъ ни черный, ни зеленый, а что-то среднее, но важно то, что вышелъ настоящій, прекрасный, ароматный чай, по характеру настоя, нѣжности, аромата и вкуса соотвѣтствующій лучшимъ сортамъ китайскихъ чаевъ. Ему недоставало только той обработки, которая китайскимъ чаедѣламъ достается путемъ долгаго опыта.

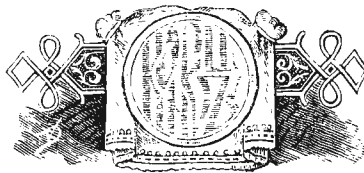
Такъ или иначе Соловцову безспорно принадлежитъ честь неоспоримаго доказательства, что въ Батумской области чаеводство возможно также хорошо, какъ въ Китаѣ и Японіи.

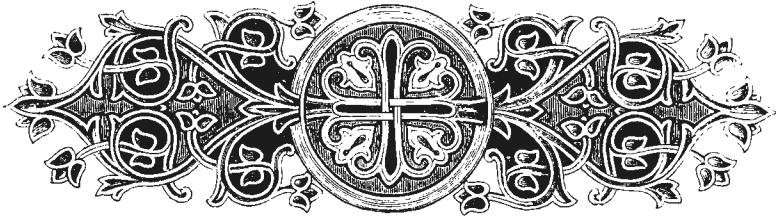
А такъ какъ районъ флоры батумскаго типа простирается по Черноморскому побережью отъ Сочи и до турецкой границы и внутрь до Грузино-Имеретинскихъ горъ, то громадный край этотъ изъ края полуварварской культуры въ будущемъ обѣщаетъ сдѣлаться житницей и источникомъ громаднѣйшихъ богатствъ для Россіи, передъ которыми нефть и другія минеральныя богатства Кавказскихъ горъ отходятъ на второй планъ.

Но чай есть ничтожная частичка обширной коллекціи субтропическихъ растений, которыя удѣльное вѣдомство, пріобрѣтая бассейны р. Чаквы, думаетъ теперь, подобно чаю, акклиматизировать въ краѣ.

Ближайшее будущее должно показать, насколько блестяща должна быть эта новая заря культуры Батумскаго края, какъ и всякая культура, грядущая къ нему съ дальняго Востока Азіи.

А. Красновъ.

НАРОДНАЯ ГРАМОТНОСТЬ.

(Посвящается В. И. Б—ской).

«Народное образованіе есть вопросъ жизни и смерти для государствъ нашего вѣка и... величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа грамотныхъ болѣе, чѣмъ отъ числа солдатъ».

Кн. Васильчиковъ.

I.

ОЖНО БЕЗЪ преувеличенія сказать, что ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не вызываетъ въ наши дни столько толковъ и сужденій въ обществѣ и печати, какъ вопросъ о необходимости озаботиться просвѣщеніемъ народной массы. Точно вдругъ всѣмъ стало ясно, что именно въ этомъ-то и кроется вся суть истиннаго современнаго дѣла, и что въ немъ заключается панацея отъ всѣхъ отечественныхъ золъ и болѣзней. Мы перенесли въ послѣднее время столько невзгодъ, что громкое и всеобщее признаніе, въ чемъ именно кроется горе и каково его уврачеваніе, уже само по себѣ составляетъ нѣкоторое облегченіе. Правда, раздавались и прежде (и какъ еще давно!) голоса, указывавшіе современникамъ на истинную постановку вопроса о нуждахъ отечества, но въ общей массѣ равнодушія эти голоса заглушались и не производили необходимаго впечатлѣнія. Въ окружаю-

щей атмосферѣ чувствовалось какое-то удручающее затишье, и тѣ, которымъ хотѣлось громко вторить этимъ единичнымъ голосамъ, съ невольной грустью замолкали. Эта безпомощность и апатія въ столь священномъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе народа, далеко не должны быть отнесены насчетъ дряблости и безсодержательности интеллигенціи въ лицѣ ея лучшихъ передовыхъ представителей; она сознавала свои обязанности въ отношеніи народа и дѣлала зависящее, но... времена были не благопріятствующія, и многимъ порывамъ суждено было остаться втунѣ. Но объ этомъ нечего распространяться. Будемъ надѣяться, что теперь настало иное время, и дѣло будетъ поставлено иначе. Симптомы уже на лицо, они выражаются въ единодушномъ обсужденіи прессой вопроса о народной грамотности и всеобщемъ обязательномъ обученіи, въ указаніи на тормазы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и громкомъ признаніи заслугъ въ этой области частныхъ лицъ и частныхъ обществъ. Пусть назовутъ меня оптимистомъ—оптимизмъ не можетъ быть вреденъ въ данномъ случаѣ, но мнѣ чуеться, что надъ нашимъ бѣднымъ, невѣжественнымъ народомъ занимается заря новыхъ дней. Какъ нѣкогда люди освободительной эпохи съ радостью привѣтствовали паденіе цѣпей крѣпостного права, такъ и мнѣ думается, что мы въ настоящее время приближаемся къ счастливымъ и свѣтлымъ днямъ, когда увидимъ паденіе тоже своего рода цѣпей рабства... рабства умственного, въ которомъ былъ скованъ русскій простолюдинъ.

У насъ были эпохи милитаризма и бюрократіи, освободительныя и умиротвореніе; должна наступить и просвѣтительная эпоха, такъ какъ безъ этой исторической стадіи нашему отечеству никогда не выйти на широкую дорогу экономическаго довольства, къ какимъ бы финансовымъ мѣропріятіямъ мы ни прибѣгали, никогда не занять истинно прочнаго положенія среди родственныхъ народовъ и никогда не упорядочить своей внутренней жизни.

Сознаніемъ этой истины проникнуты уже давно лучшіе представители общества и литературы; сознаніе это начинаетъ уже проникать и въ правящія сферы. Такъ, министерство финансовъ, сознавая, что поднять промышленность и торговлю невозможно однѣми внѣшними мѣрами, приступаетъ къ основанію ряда коммерческихъ и техническихъ училищъ, чтобы создать просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей. Еще энергичнѣе дѣйствуетъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Засѣдающій сельско-хозяйственный совѣтъ, гласно обсуждая жгучій вопросъ объ упорядоченіи и поднятіи нашей сельской производительности, на первомъ же своемъ засѣданіи ставитъ вопросъ о необходимости создать на землѣ мелкаго просвѣщеннаго земледѣльца. Низшія сельско-хозяйственныя школы, знаніе, учитель—вотъ что нужно Россіи, чтобъ выйти изъ тягостнаго экономическаго положенія.

Какъ отрадно слышать эти дорогія слова: учитель, школа, и какъ больно вспомнить, что славной памяти Пососковъ еще два вѣка тому назадъ говорилъ: «Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавать учить грамотѣ». Какъ недалеко мы ушли за 200 почти лѣтъ отъ этого простеда изъ народа, когда въ наши дни только отдѣльныя группы и лица толкуютъ о скудости отпускаемыхъ на народное образованіе средствъ, о неотложности обязательнаго народнаго обученія! Вѣдь и понынѣ еще одни толкуютъ, что кухаркина сына неслѣдъ учить, а только пороть, а другіе въ нѣмомъ удивленіи остаются передъ такимъ простымъ вопросомъ, какъ обязательное обученіе. Ихъ точно оторопь беретъ, и они боятся грандіозности задачи.

Два десятилѣтія перепутали наши мысли и отшибли пониманіе. А дѣло стоитъ весьма просто, если навести должную историческую справку. Оказывается, что, когда въ 1860 годахъ земства стали ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о дозволеніи ввести въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ обязательное обученіе, то членъ совѣта министерства А. С. Вороновъ, которому было поручено разработать вопросъ о возможности удовлетворенія ходатайствъ, пришелъ къ заключенію, что отдѣльнымъ земствамъ можно дозволить ввести у себя обязательное обученіе, и составилъ проектъ правилъ, которыя должны быть соблюдены при этомъ. Однако ученый комитетъ рѣшилъ вопросъ отрицательно, но министръ, графъ Д. А. Толстой, пожелалъ, однако, знать мнѣніе директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Были разосланы вопросныя пункты, и вотъ каковыя получились результаты: 1) значительное большинство директоровъ и инспекторовъ считали введеніе обязательнаго обученія въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени безусловно необходимымъ, 2) всѣ признали, что до введенія личнаго обязательнаго обученія слѣдуетъ ввести обязательное устройство школъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ только представляется къ тому малѣйшая возможность; 3) большинство директоровъ полагало, что расходы на устройство школъ должны быть покрыты изъ земскихъ или другихъ мѣстныхъ средствъ, но безъ пособія отъ казны во многихъ мѣстностяхъ обойтись нельзя; 4) если обученіе будетъ сдѣлано обязательнымъ, то эта обязательность должна относиться въ одинаковой степени какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ, 5) почти всѣ директора полагали, что народъ встрѣтитъ эту мѣру безъ всякаго предубѣжденія, и большинство родителей будутъ посылать своихъ дѣтей въ школы охотно.

Казалось бы, выводъ отсюда ясенъ, а также понятно, что слѣдуетъ дѣлать, однако рѣшеніе столь существеннаго вопроса затормозилось, и затѣмъ онъ былъ сданъ въ архивъ.

Такой компетентный знатокъ школьнаго дѣла, какъ г. Сентъ-Илеръ, изъ статьи котораго, напечатанной въ «Новомъ Времени», я и взялъ историческую справку, вотъ что говорить по этому предмету: «Въ послѣднія 15 лѣтъ объ этомъ вопросѣ перестали говорить, вѣроятно, по очень серьезнымъ причинамъ, такъ какъ объ обязательномъ обученіи не упоминалось ни во всеподданнѣйшихъ отчетахъ, ни въ какихъ либо другихъ официальныхъ документахъ». Самъ почтенный авторъ—сторонникъ обязательнаго обученія, но полагаетъ это дѣло вводить постепенно и расходы на этотъ предметъ относить въ значительной степени на счетъ частныхъ средствъ подъ контролемъ государства, причемъ его система контроля и добыванія средствъ не отличается ясностью и простотою.

Г. Суворинъ, не разбирая дѣла исторически и въ деталяхъ, разрѣшаетъ вопросъ смѣлѣе и неоднократно въ своихъ «маленькихъ письмахъ» утверждалъ, что слѣдуетъ вводить въ государственный бюджетъ расходъ въ 100.000,000 рублей на дѣло народнаго просвѣщенія. С.-Петербургскій комитетъ грамотности собирался обсудить этотъ вопросъ подробно въ трехъ засѣданіяхъ, съ каковою цѣлью были разосланы повѣстки на засѣданія, гдѣ долженъ быть прочитанъ рефератъ на эту тему; засѣданія, однако, были отменены по неизвѣстной причинѣ.

Такимъ образомъ со временъ Посошкова и по наши дни, всякій просвѣщенный человѣкъ, которому только приходилось соприкасаться съ вопросомъ о народной грамотности, являлся его горячимъ поборникомъ и адептомъ. Дѣло только въ интенсивности, такъ сказать, симпатій и способахъ осуществленія. Мнѣ кажется, что о послѣднихъ, сколько бы ни говорили и ни писали, мы никогда до истины не договоримся, такъ какъ дѣло выполненія въ практикѣ слишкомъ сложно, и изъ одного главнаго вопроса рождается рядъ другихъ побочныхъ. Не проще ли обратиться къ свѣдущимъ людямъ и узнать ихъ мнѣніе? Выборъ есть изъ кого сдѣлать. Мы имѣемъ громадный контингентъ народныхъ учителей, этихъ истинныхъ подвижниковъ Русской земли, которые терпѣливо и при очень часто неблагоприятныхъ обстоятельствахъ хорошо и добросовѣстно дѣлаютъ свое трудное дѣло; существуютъ директора и инспектора народныхъ училищъ, изъ которыхъ многіе отдали души свои за народное дѣло просвѣщенія, мѣръ литераторовъ и ученыхъ можетъ выставить не одного человѣка, страстно преданнаго дѣлу народнаго просвѣщенія, изучившаго его теоретически и посвятившаго ему не одну книжку; наконецъ, наши С.-Петербургскій и Московскій коми-

теты грамотности, эти разсадники грамоты народной, могли бы послужить въ настоящемъ случаѣ неоцѣненную услугу.

Все названныя лица и учрежденія могутъ разъяснить, каковы теперешніе «запросы народа» въ отношеніи школы, гдѣ его симпатіи, чего онъ ждетъ отъ насъ и каковы наши къ нему «обязанности». Въ этомъ направленіи мы знаемъ пока еще очень немного, и то свѣдѣнія наши отрывочны и неполны. Разбросанныя по журналамъ статьи, брошюры и даже отдѣльныя изслѣдованія накопили, однако, по этому предмету солидный матеріалъ, еще ожидающій своей всесторонней разработки. Изъ изученія этого матеріала можно нарисовать картину роста народнаго самосознанія, указать, какъ народъ и интеллигенція въ вопросѣ о просвѣщеніи шли довѣрчиво и радостно другъ другу навстрѣчу, прослѣдить, какіе установились пути къ конечной цѣли просвѣщенія, отмѣтить лицъ и учрежденія, наиболѣе въ этой области поработавшія. На протяженіи послѣдняго времени вышли два труда, гдѣ авторами сдѣланы попытки дать сводъ, каково движеніе народа въ пользу грамотности и образованія, и что сдѣлано въ этомъ направленіи интеллигенціей. Труды эти — извѣстнаго изслѣдователя народной жизни А. С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія», вышедшее надняхъ вторымъ изданіемъ (первое въ 1890 г.), значительно дополненное и расширенное новыми главами, и С. А. Ан-скаго «Очерки народной литературы». Книга г. Пругавина еще въ первомъ изданіи была встрѣчена печатью вполне сочувственно. Авторъ, большой знатокъ русской жизни, добросовѣстно и внимательно изучилъ просвѣтительную самодѣятельность народа и содѣйствіе, оказываемое ему въ его благихъ начинаніяхъ интеллигенціей. Главные его выводы тѣ, что народъ желаетъ учиться, желаетъ читать и жаждетъ духовныхъ, нравственныхъ впечатлѣній. Свидѣтельство этому непрерывное возникновеніе народныхъ вольныхъ школъ грамотности, его симпатіи къ устраиваемымъ публичнымъ чтеніямъ, къ народнымъ бібліотекамъ и читальнямъ, возростающій запросъ на книгу, успѣхъ среди народа лубочныхъ издателей, офеней, книгоношъ. Отчасти на эти же вопросы отвѣчаетъ и г. Ан—скій, интересные очерки котораго въ свое время появлялись на страницахъ «Русскаго Богатства» новой редакціи, при чемъ въ значительной степени авторъ пользовался для своихъ выводовъ матеріаломъ, собраннымъ г. Пругавинымъ. Но г. Ан—скаго главнымъ образомъ интересуютъ итоги дѣятельности интеллигенціи на пользу народнаго просвѣщенія путемъ литературы. Онъ систематизировалъ очень любопытный матеріалъ, рисующій попытки интеллигенціи дать народу полезное и хорошее чтеніе, разсмотрѣлъ главныя отношенія существующихъ литературныхъ направленій къ вопросу о народной литературѣ, т. е. какую книгу по ея содержанію, изложенію и окраскѣ каждое изъ

направленій признаеть нужной и желательной для народа, отмѣтилъ, поскольку литература общества отвѣтствуетъ запросу народа. Такимъ образомъ, какъ читатель можетъ убѣдиться, кругъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ обоими изслѣдователями, и г. Пругавинымъ и г. Ан—скимъ, очень широкъ и рисуеть намъ дѣло народнаго просвѣщенія достаточно рельефно. Основываясь на собранномъ ими матеріалѣ, постараюсь ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ наиболее типичными и заслуживающими вниманія моментами этихъ народнопросвѣтительныхъ движеній и жизни.

II.

Еще съ недавнихъ, историческихъ временъ почти повсюду въ Россіи, въ селахъ и деревняхъ, существуютъ вольныя крестьянскія школы, учрежденныя самими крестьянами, по собственному почину, безъ вліянія, содѣйствія и поддержки правящихъ классовъ. Народъ, не видавшій прежде содѣйствія извнѣ, сталъ особенно послѣ реформы 19 февраля заботиться объ увеличеніи количества и улучшеніи качества этихъ доморощенныхъ питомниковъ мысли, отыскивая имъ руководителей изъ своей же среды — изъ числа возвратившихся со службы солдатъ, изъ черничекъ и разныхъ захожихъ людей. Дѣятельность этихъ скромныхъ тружениковъ не осталась безъ замѣтныхъ результатовъ: многія мѣстности, благодаря исключительно имъ, получили грамотное подростящее поколѣніе. Населеніе Уральскаго войска, Сибири, а главнымъ образомъ Саратовской губерніи обязано преимущественно этимъ вольнымъ учителямъ насажденіемъ просвѣщенія. Основываясь на официальныхъ статистическихъ данныхъ, г. Пругавинъ объясняетъ непрерывное возникновеніе вольныхъ школъ наравнѣ съ земскими и министерскими ¹⁾ слѣдующими причинами: во-первыхъ, крайней недостаточностью существующаго числа правильно-организованныхъ училищъ, вслѣдствіе чего многія селенія отстоятъ отъ училища на разстояніи 10—20 и болѣе верстъ; во-вторыхъ, неравнымъ распредѣленіемъ этихъ училищъ, благодаря чему въ однихъ волостяхъ сосредоточено по 3, по 4 школы, а въ другихъ — ни одной; въ-третьихъ, переполненіемъ многихъ официальныхъ народныхъ школъ учащимися. Эти соображенія какъ нельзя болѣе свидѣтельствуя о современности постановки вопроса объ обязательномъ обученіи и изданіи по настоящему предмету законоположенія. Жалкая сумма въ 1.120,244 р., каковую министерство народнаго просвѣщенія истратило, напримѣръ, въ 1892 году на содержаніе народныхъ училищъ, совершенно не соотвѣтствуетъ запросу народа

¹⁾ Въ деревнѣ въ настоящее время существуютъ школы нѣсколькихъ типовъ: земскія, министерскія, церковно-приходскія и «школки грамотности».

на образованіе и побуждаетъ его искать выхода въ учрежденіи вольныхъ школъ, которыя, конечно, не могутъ похвастаться правильностью постановки дѣла воспитанія и ускользаютъ отъ должнаго и необходимаго контроля свѣдущихъ людей. А вмѣстѣ съ тѣмъ по приблизительному исчисленію г. Пругавина въ этихъ школахъ обучается малолѣтнее населеніе въ 300—400 тысячъ чело-вѣкъ; при этомъ, не смотря на учрежденіе новыхъ школъ офици-дiальнаго характера, это количество, а съ нимъ вмѣстѣ и число школъ, прогрессируетъ съ каждымъ годомъ гигантскими шагами. Обращаясь къ вопросу о составѣ вольныхъ учителей, т. е. кому народъ всего охотнѣе довѣряетъ воспитаніе, мы на основаніи тѣхъ же статистическихъ свѣдѣній г. Пругавина видимъ, что духовен-ство, начиная отъ священника и кончая причетникомъ, занимаетъ въ этомъ дѣлѣ самое незначительное мѣсто; въ тѣхъ же мѣстно-стяхъ, гдѣ священнослужители стоятъ во главѣ школы, число уча-щихся уменьшается. Наивысшій $\%$ педагогическаго персонала па-даетъ на крестьянское сословіе. «Выходя въ большинствѣ слу-чаевъ изъ крестьянской среды,—говоритъ г. Пругавинъ,—вольные учителя обыкновенно дѣйствуютъ въ духѣ и характерѣ крестья-нина и, благодаря этому, легко снискиваютъ расположеніе къ себѣ въ средѣ сельскаго населенія». Послѣ крестьянъ идутъ солдаты, мѣщане, чернички, разночинцы. Составъ учителей разнообразенъ также и по полученному ими образованію: тутъ и самоучки и обучавшіеся въ деревенскихъ школахъ грамотности и на военной службѣ, и обучавшіеся въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, ду-ховныхъ семинаріяхъ. Въ Тверской губерніи, гдѣ дѣло народнаго саморазвитія поставлено широко и сравнительно хорошо, земская управа въ своемъ докладѣ земскому собранію такъ характеризуетъ вольныхъ учителей—большинство изъ нихъ (74 $\%$) «получили образо-ваніе, которое никоимъ образомъ не можетъ считаться достаточнымъ для хорошаго преподавателя школы грамотности, многіе едва могутъ подписать свою фамилію, и даже нашлось двое, за которыхъ, по неумѣнію ихъ писать, росписались постороннія лица». Разнообра-зень также и нравственный цензъ вольныхъ учителей. «Наиболѣе распространенный недостатокъ между ними—любовь къ выпивкѣ,— утверждаетъ г. Пругавинъ. Крестьяне, наученные горькимъ опы-томъ, незнакомаго имъ педагога иногда принимаютъ не иначе, какъ послѣ испытанія въ теченіе мѣсяца или двухъ, при чемъ если онъ окажется «переливающимъ черезъ край», его отпускаютъ на всѣ четыре стороны». Но попадаются лица, которыя своими нравствен-ными достоинствами завоевываютъ симпатіи и горячую призна-тельность населенія. За послѣднее же время вообще замѣчается то отрадное явленіе, что качественный цензъ вольныхъ учителей значительно улучшается. Этому содѣйствуетъ вступленіе въ ряды доморощеннаго педагогическаго персонала интеллигентныхъ лицъ.

Въ своихъ поискахъ знанія крестьянинъ понимаетъ, что одной школой не обойтись. Она научаеъ средствамъ накопленія этого знанія—чтенію и письму, но эти средства нуждаются въ постоянныхъ упражненіяхъ. И вотъ онъ по выходѣ изъ школы снова стучится въ ея двери и молить дать ему хорошее, занимательное и полезное чтеніе. Но что можетъ сдѣлать школьный учитель, когда большинство школь, не говоря уже про вольныя и домашнія, но даже земскія, а подчасъ и министерскія, блещутъ отсутствіемъ библіотеки? Ловкіе городскіе, преимущественно московскіе книготорговцы и издатели давно уловили эту «духовную жажду» народную и воспѣшили ее удовлетворить, имѣя въ виду, конечно, на первомъ планѣ личную выгоду. Они пустили въ народъ книжку, рядъ дешевыхъ изданій, получившихъ въ нашей литературѣ именваніе «лубочныхъ». Въ Москвѣ, около Ильинскихъ воротъ и знаменитаго «Пролома» свили себѣ гнѣздо «лубочники»—Шараповъ, Сытинъ, Губановъ, Морозовъ и Абрамовъ, все люди, вышедшіе сами изъ народа, и отсюда наводнили Россію милліонами всевозможныхъ книжонокъ, привлекательныхъ по внѣшнему виду — и своей яркой оберткой и громкимъ кричащимъ заглавіемъ. Содержаніе этихъ сельско-народныхъ изданій (ихъ не нужно смѣшивать съ дешевыми городскими народными изданіями) бралось изъ сказокъ, изъ подражаній имъ, изъ чувствительныхъ романовъ и повѣстей. Наконецъ появилась и оригинальная лубочная литература, разрастающаяся нынѣ до значительныхъ размѣровъ.

Главными посредниками между деревней и этими купеческими фирмами являются офени, книгоноши, коробейники и ходябчики, совсѣмъ особый оригинальный міръ русскихъ людей, прекрасно изслѣдованный г. Пругавинымъ по порученію общества любителей россійской словесности. Главными центрами мѣстопребыванія офеней должно считать Владимірскую губернію (уѣзды Вязниковскій и Ковровскій), Тульскую (Алексинскій уѣздъ), Московскую (Серпуховскій и отчасти Подольскій уѣзды). Отсюда же они расходятся по всей Русской землѣ, забравъ предварительно у Ильинскихъ воротъ свой матеріалъ по большей части въ кредитъ и разнося его по селамъ и деревнямъ, въ закопѣлыя мужицкія хаты и избы, тоже часто въ кредитъ. Хорошія или дурныя книжки даютъ они крестьянскому люду,—не ихъ вина и не ихъ дѣло; за ними же въ общей исторіи русской жизни остается великое дѣло распространенія печатнаго слова. Народъ оцѣнилъ это, и часто офеня для него не только случайный, но и дорогой гость, другъ и, какъ человѣкъ бывалый и много видѣвшій, полезный совѣтникъ. Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ значительно стѣснена послѣ 1865 г., со времени изданія новыхъ правилъ относительно типографій, литографій и книжной торговли.

Интеллигенція уже давно стала сознавать, что пора вступить

въ борьбу съ лубочной литературой и вмѣсто нея дать народу хорошую книгу. Первымъ народнымъ издателемъ послѣ реформы 19-го февраля выступилъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ свидѣтельствуеъ г. Ан—скій, за нимъ послѣдовало «Товарищество общественной пользы». Въ 1870-хъ годахъ на этотъ же путь издательства вступили коммисіи народныхъ чтеній, затѣмъ фирма Фанъ-деръ-Флита и Кочетова, издающая уже для народа лучшихъ отечественныхъ корифеевъ литературы — Жуковского, Гоголя, Григоровича и др. Этому примѣру слѣдуетъ Московскій комитетъ грамотности. Но оживленіе длится не долго, и послѣдніе годы десятилѣтія отличаются затишьемъ. Въ 1881 году С.-Петербургскій комитетъ грамотности энергично берется за издательство, чтобы «хотя отчасти восполнить недостатокъ въ книжкахъ, доступныхъ простолучину по цѣнѣ и содержанію». Съ тѣхъ поръ его полезная дѣятельность не прекращалась, и онъ за все время своей почтенной дѣятельности доставилъ народнымъ читателямъ не мало здоровой духовной пищи.

Въ серединѣ 1880-хъ годовъ дѣло издательства книжекъ для народа значительно оживилось. Фирма «Посредникъ» сослужила въ этомъ дѣлѣ неоцѣненную услугу; она воспользовалась трудами нашихъ выдающихся беллетристовъ (Эртеля, Лѣскова, Засодимскаго, Немировича-Данченко, Мамина и др.) и по дешевой цѣнѣ пустила въ народъ громадное количество изящныхъ произведеній, написанныхъ преимущественно на темы изъ жизни простаго народа. Почти одновременно и фирма Сытина реформировала свое издательское дѣло, поручивъ выборъ произведеній, предназначаемыхъ къ печатанію, редакціи «Русскаго Богатства» г. Оболенскаго. Обѣ фирмы «Посредника» и «Сытина» положительно произвели революцію среди лубочныхъ издателей, нанеся имъ значительный ущербъ и грозя вытѣснить малограмотную литературу. «Проникнувъ въ деревню, — утверждаетъ г. Ан—скій, — новая народная книжка сразу понравилась деревенскому читателю и быстро стала дѣлаться популярной. Крестьянинъ сталъ уже отличать новую книжку отъ другихъ, сталъ ее спрашивать». Примѣру «Посредника» послѣдовали и другія издательскія фирмы, и каждая изъ нихъ въ большей или меньшей степени принесла свою лепту на утоленіе духовной жажды народной; особенная заслуга въ данномъ случаѣ остается за г. Суворинымъ, удешевившимъ до крайнихъ предѣловъ полное собраніе сочиненій Пушкина, благодаря чему нашъ гениальный народный писатель сразу сталъ доступенъ всей грамотной массѣ русскаго народа. Къ этому же приблизительно времени относится появленіе известной книги г-жи Алчевской и кружка учительницъ Харьковской воскресной школы «Что читать народу?», впервые поставившей любопытные вопросы: что читаетъ народъ и какъ онъ читаетъ?

Книжка эта произвела своего рода сенсацию и вызвала со стороны прессы рядъ статей о доступности общей литературы народному пониманію и о задачахъ нашей изящной словесности въ отношеніи народной массы. Нельзя не отмѣтить, что вопросы эти уже давно занимали представителей нашей критики, но послѣдніе касались этой стороны дѣла только вскользь, не опираясь на точный фактическій матеріалъ. Г. Ан—скій собралъ по настоящему предмету всѣ главнѣйшіе отзывы, и въ большинствѣ случаевъ получился отвѣтъ, отрицающій удовлетворительность нашей общей литературы для народнаго пониманія. Убѣжденный послѣдователь такъ называемаго народническаго направленія, г. Ан—скій приходитъ къ выводамъ: 1) что литература общества недоступна и непригодна народу, и 2) что народу-крестьянину необходима теперь книга, спеціально для него написанная изъ его жизни, въ его духѣ и его языкомъ. Г. Пругавинъ, тоже послѣдователь народничества, не рѣшаетъ вопроса такъ категорически и полагаетъ, что прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, что читаетъ народъ, надлежитъ его о томъ спросить повсемѣстно. Говоря о книжкѣ «Что читать народу?», онъ утверждаетъ: «почтенныя составительницы этой книги отнесли съ полнымъ вниманіемъ къ народнымъ изданіямъ интеллигентнаго характера, но онѣ совершенно игнорировали почти всю лубочную литературу. Дѣло въ томъ, что книги лубочныхъ издателей только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ школу, книга же «Что читать народу?» разбираетъ именно тѣ изданія, которыя читаются въ школахъ. О томъ же, что читается народомъ внѣ школы, книга эта не даетъ почти никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, во многихъ мѣстностяхъ Россіи народныя изданія интеллигентнаго характера составляютъ самый ничтожный процентъ общаго числа книгъ, распространенныхъ въ народной средѣ». Въ видахъ полученія какъ можно большаго количества отвѣтовъ, г. Пругавинъ составилъ краткую программу вопросовъ, по которымъ надлежитъ дѣлать опросъ народа, что онъ читаетъ. Эту свою программу энергичный изслѣдователь народной жизни разослалъ громадному количеству лицъ, имѣющихъ возможность наблюдать за чтеніемъ народа (учителямъ, земскимъ дѣятелямъ, священникамъ, статистикамъ и т. д.). Заинтересованныя общества—С.-Петербургскій комитетъ грамотности, Московское общество распространенія полезныхъ книгъ, восточный отдѣлъ Русскаго географическаго общества съ своей стороны воспользовались программой г. Пругавина, и можно надѣяться, что современнымъ накопится громадный матеріалъ по вопросу, что читаетъ народъ и какъ онъ относится къ общей литературѣ. Нельзя, однако, не замѣтить, что еще раньше г. Пругавина опытъ составленія такой программы былъ сдѣланъ княземъ Д. Шаховскимъ, выдающимся дѣятелемъ по служенію народному образованію въ Тверской

губерніи, но его программа въ качественномъ отношеніи значительно уступаетъ таковой же г. Пругавина.

Итакъ, черезъ посредство «лубочной» литературы, при содѣйствіи болѣе интеллигентныхъ и разумныхъ изданій, удовлетворяетъ народъ свою потребность въ чтеніи; но этотъ путь тяжелъ и труденъ, такъ какъ тутъ приходится тратить трудовую копейку, которая далеко не всегда бываетъ въ излишкѣ у крестьянской семьи. Земства въ данномъ случаѣ пришли на помощь этому народному запросу, и вотъ съ начала 1880-хъ годовъ мы наблюдаемъ открытіе въ селахъ народныхъ библиотекъ и читаленъ. Московскому уѣздному земству въ данномъ случаѣ принадлежитъ первый починъ. Открывъ въ 1882—1883 учебномъ году при земскихъ школахъ 129 библиотекъ, земство довело эту цифру къ концу 1892 года до 336. Вслѣдъ за московскимъ земствомъ приступили къ организаціи народныхъ библиотекъ тверское, псковское и другія. Въ интересной статьѣ «Сельскія библиотеки», напечатанной въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1894 годъ, г. Вахтеровъ сообщаетъ кое-какія любопытныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этихъ новыхъ деревенскихъ учрежденій, на примѣръ, по вопросу, что всего охотнѣе спрашивается читателями. «Итогъ требованіямъ, подведенный по всѣмъ сельскимъ школьнымъ и народнымъ библиотекамъ, говоритъ онъ, показываетъ, что среднимъ числомъ требованія на книги духовно-нравственнаго отдѣла составляютъ 21⁰/₁₀₀ общаго числа, а свѣтскаго содержанія—79⁰/₁₀₀. Если же исключить 15 народныхъ библиотекъ, относительно коихъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ, то окажется, что требованія на книги духовно-нравственнаго отдѣла составляютъ среднимъ числомъ 31⁰/₁₀₀; на книги по литературному отдѣлу 46,5⁰/₁₀₀, по біографическому и историческому отдѣламъ вмѣстѣ этотъ процентъ равняется 15⁰/₁₀₀, по естествознанію и народному хозяйству вмѣстѣ 7⁰/₁₀₀, при чемъ число требованій въ разныхъ мѣстностяхъ колеблется по отдѣламъ». Заслуживаетъ вниманія и слѣдующее его наблюденіе. Когда въ мартѣ 1892 года послѣдовало распоряженіе объ изыятіи изъ библиотеки газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ, то, на примѣръ, въ харьковской читальнѣ обнаружился немедленный отливъ большинства взрослыхъ посѣтителей. Въ виду этого, комитетъ народной читальни возбудилъ ходатайство о допущеніи въ читальню періодическихъ изданій. Разрѣшеніе послѣдовало, и вторичное появленіе газеты на столахъ читальни тотчасъ же произвело тотъ эффектъ, котораго ожидали: въ числѣ посѣтителей взрослый элементъ сталъ увеличиваться. Главными посѣтителями библиотекъ и читаленъ, какъ свидѣтельствуя и г. Пругавинъ и г. Вахтеровъ, являются подростки, но попадаются и взрослые, и даже старики; большинство требованій на книги поступаетъ отъ учениковъ, но сюда же, и что всего бо-

лѣе утѣшительно, обращаются и бывшіе питомцы. Такимъ образомъ, бібліотека является духовной связью школы и жизни.

Къ сожалѣнію, дѣло устройства бібліотекъ развивается у насъ недостаточно энергично. Г. Суперанскій, принимавшій участіе въ устройствѣ Симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни имени И. А. Гончарова, относитъ это обстоятельство къ незнанію того, какъ открываются и организуются такія бібліотеки. «Такъ, среди интеллигенціи одного губернскаго города (на Волгѣ) возникла мысль объ открытіи народной бібліотеки-читальни, и имѣлись нужныя для этого средства,—разсказываетъ онъ въ изданной имъ брошюрѣ: «Какъ открывать и устроить народныя бібліотеки и читальни», — но читальня не открывалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исключительно потому, что инициаторы нигдѣ не могли узнать, отъ кого зависитъ ея разрѣшеніе, и какія законоположенія существуютъ на этотъ счетъ. Они обращались съ этими вопросами въ разныя вѣдомства (своей и сосѣдней губерніи), но вездѣ получали въ отвѣтъ только обязательное выраженіе полнаго сочувствія «благодару начинанію» и обѣщаніе «содѣйствовать, если это потребуется». Желая прійти на помощь благому дѣлу, г. Суперанскій издалъ названную полезную и прекрасную брошюру, куда включилъ: 1) законоположенія, касающіяся народныхъ бібліотекъ и читаленъ, 2) наиболѣе необходимыя указанія относительно организаціи бібліотекъ и читаленъ, состава и выдачи книгъ и 3) въ приложеніи—форма прошенія о разрѣшеніи на открытіе этого рода учреждений, уставъ симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни памяти И. А. Гончарова. Почти одновременно съ г. Суперанскимъ и С.-Петербургскій комитетъ грамотности издалъ «Узаконенія о бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ (читальняхъ) съ приложеніемъ примѣрныхъ ихъ уставовъ».

Кромѣ школъ и бібліотекъ, важнымъ средствомъ для поднятія культуры крестьянской массы служатъ публичныя чтенія для народа. Дѣло это у насъ еще молодое, и начало его относится къ 1870 годамъ. Первые публичныя чтенія для народа открылись въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного городка, при незабвенномъ В. П. Каховскомъ. Вслѣдъ за Петербургомъ открыли такія чтенія Москва, Одесса, Кіевъ и другіе крупныя умственные центры. Аудитории, въ которыхъ происходятъ эти чтенія, переполнены обыкновенно публикой, и можно въявь убѣдиться, сколько удовольствія, пользы и наслажденія испытываетъ здѣсь неизбалованный бѣдный людъ. Эти чтенія, происходящія по большей части по праздничнымъ днямъ, служатъ могучимъ подспорьемъ въ борьбѣ съ пьянствомъ и разгуломъ. Изъ провинціальныхъ городовъ особенно хорошей организаціей чтеній выдѣляются Одесса и Астрахань, гдѣ на это дѣло затрачиваются крупныя суммы—до 1000 р. въ годъ.

Иначе стоитъ дѣло въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. По от-

ношенію ихъ извѣстныя «Правила» не даютъ точныхъ указаній къ руководству. Въ силу § 6 «Правилъ» объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ «въ кругъ дѣятельности этихъ отдѣленій, между прочимъ, входитъ: содѣйствіе къ устройству чтеній для народа, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ, въ школьныхъ помѣщеніяхъ». На этомъ основаніи, говоритъ г. Пругавинъ, «народныя чтенія, устраиваемыя въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, въ настоящее время всецѣло подчинены мѣстному духовенству». Лица, желающія устроить народныя чтенія въ уѣздномъ городѣ или въ селѣ, обязаны подать прошеніе объ этомъ мѣстному священнику, который, въ свою очередь, испрашиваетъ у архіерея разрѣшеніе на открытіе народныхъ чтеній. Въ прошеніи необходимо указать всѣхъ тѣхъ лицъ, которые изъявили согласіе быть лекторами на этихъ чтеніяхъ. Иногда разрѣшеніе архіерея получается довольно скоро, но весьма часто дѣло затягивается на долгое время, возникаетъ продолжительная переписка, которая длится иногда годами. Изъ представленнаго списка архіерей часто утверждаетъ лишь священниковъ. Чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ могутъ быть производимы лишь по каталогу, утвержденному ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ обозначены лишь 140 тощенькихъ брошюръ. Вы не встрѣтите среди названій книгъ литературнаго содержанія ни Лермонтова, ни Тургенева, ни Толстого, ни Григоровича, ни Достоевскаго. Изъ Пушкина дозволено читать лишь «Полтаву» и «Капитанскую дочку» въ сокращенномъ и передѣланномъ видѣ, изъ Гоголя лишь «Тараса Бульбу», сокращеннаго и приспособленнаго для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ. Любопытно бы узнать, кто сокращалъ и передѣлывалъ для народа Пушкина и Гоголя! Не ищите и истинной поэзіи въ каталогѣ: Кольцовъ, Крыловъ, Ал. Толстой, Плещеевъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій не разрѣшены къ чтенію для народа. Разрѣшены же г-жи Сѣткова, Желиховская, Коваленская, Борщевскій, Куликовъ, Лапинъ, Боголюбовъ, Филоновъ и нѣкоторые другіе столь же прославившіе свои имена на поприщѣ россійской словесности. Да не подумаетъ читатель, что я глумлюсь и шучу. Интересующихся направляю къ книгѣ г. Пругавина (стр. 170—171). Отдѣлы юридическій и медицинскій въ каталогѣ отсутствуютъ, такъ что ни по санитарнымъ вопросамъ, ни по гигиенѣ чтеній производить нельзя. «Этимъ долѣе странно, говоритъ г. Пругавинъ, что едва ли можетъ быть объяснено неимѣніемъ подходящихъ чтеній, такъ какъ составленіемъ популярныхъ брошюръ по гигиеническимъ и санитарнымъ вопросамъ усердно занимаются, какъ мы видимъ, многіе врачи изъ числа членовъ провинціальныхъ комиссій по устройству народныхъ чтеній. Такъ, напримѣръ, членами санитарнаго общества врачей давно уже составленъ цѣлый рядъ чтеній по сани-

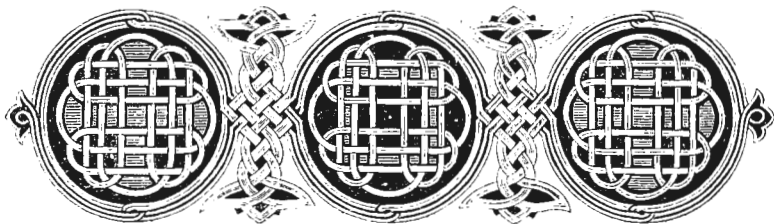
тарнымъ и гигиеническимъ вопросамъ; чтенія эти уже «представлены куда слѣдуетъ, но до сего времени не получено разрѣшенія на прочтеніе ихъ». Точно также мы не находимъ въ каталогѣ чтеній медицинскаго характера, составленныхъ Кіевскими врачами, членами мѣстной комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Конечно, въ столицахъ и губернскихъ городахъ, гдѣ надзоръ за чтеніями порученъ просвѣщеннымъ лицамъ, курьезовъ, въ родѣ указанныхъ г. Пругавинымъ, не случается; но въ селѣ, гдѣ все дѣло сосредоточено въ рукахъ священника, не имѣющаго ни возможности, ни охоты хлопотать, дѣло стоитъ именно согласно буквѣ «Правиль», а какovy они, мы видѣли. Отсюда прямой выводъ, что дѣло народныхъ чтеній именно тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается наибольшая необходимость, и гдѣ они могутъ явиться могучимъ факторомъ цивилизаціи, поставлено очень плохо и печально. Виною всему чисто формальное, равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія.

Я уже говорилъ, что С.-Петербургскій и Московскій комитеты грамотности оказали самое благотворное вліяніе на распространеніе въ народѣ просвѣщенія; можно безъ преувеличенія сказать, что эти учрежденія сыграли въ исторіи нашего саморазвитія выдающуюся роль и всегда стояли на стражѣ народныхъ нуждъ и потребностей. Дѣятельность С.-Петербургскаго комитета за все время его существованія была ярко освѣщена его предѣвателемъ И. А. Горчаковымъ въ собраніи Императорскаго Вольно-Экономическаго общества. Начиная съ первыхъ дней своей жизни (въ 1861 году), комитетъ горячо сталъ откликаться на современные запросы народной жизни въ области просвѣщенія. Онъ первый учредилъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ школъ для приготовленія народныхъ учителей и сталъ выпускать каталоги книгъ, пригодныхъ для школъ и народа. За 33 года онъ разослалъ бесплатно болѣе 1.200.000 книгъ учебныхъ и для чтенія въ сельскія школы и библіотеки. Во время болгарской войны онъ разослалъ сотни библіотечекъ въ полковые лазареты. Онъ издалъ систематическій обзоръ народно-учебной литературы съ дополненіемъ, а теперь издалъ 1-й выпускъ новаго обширнаго обзора. Съ 1881 г. имъ издано 54 народныхъ и школьныхъ книжекъ такихъ авторовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ, гр. Л. Толстой и др. цѣною отъ 3 до 30 к. въ количествѣ отъ 5 до 28 тысячъ каждая. Въ послѣдніе 9 мѣсяцевъ комитетомъ издано 350.000 книжекъ. Въ 1890 г. комитетъ устроилъ выставку народныхъ картинъ; въ голодные 1891—1893 гг. онъ кормилъ до 3.000 учащихся въ 12 губерніяхъ, чѣмъ далъ возможность голоднымъ ребятишкамъ вмѣсто исканія милостыни продолжать дѣло ученія. Въ 1893—1894 гг. комитетъ продолжалъ дѣло продовольствія бѣднѣйшихъ учениковъ въ 5 губерніяхъ въ числѣ 2.000 человекъ. За эту поистинѣ святую дѣятельность книгами и хлѣбомъ священники,

сельскія школы, волостные сходы шлютъ ему ежегодно сердечную признательность и благословленіе на дальнѣйшее «дѣло добра». Въ послѣдній годъ комитетъ собралъ 17.000 р. и прибавилъ своихъ 3.000 р. на созданіе при участіи земства значительныхъ народныхъ библиотекъ по 250 р. каждая, а что самое главное: вслѣдствіе усиленной пропаганды съ его стороны и обращенія къ земствамъ для учрежденія народныхъ библиотекъ—множество нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ ассигновали иныя единовременно, а другія на каждый годъ значительныя суммы на содержаніе постоянныхъ школьныхъ и народныхъ библиотекъ. Съ прошлаго года комитетъ предпринялъ обширное изслѣдованіе состоянія начальнаго образованія во всей Россіи, и результаты его будутъ экспонировать на Нижегородской выставкѣ въ 1896 г.

Не менѣе почтенна и плодотворна дѣятельность Московскаго комитета грамотности, не располагающаго, къ сожалѣнію, денежными средствами Петербургскаго; но и онъ дѣятельно распространяетъ школьныя библиотеки. Начавъ въ 1890 года съ основанія 19 библиотекъ, онъ имѣлъ возможность довести эту цифру въ 1893 году до 157. На составленіе этихъ библиотекъ комитетомъ потрачено до 4.500 р. Средняя стоимость библиотеки равна приблизительно 17 р., а число книжекъ средней библиотеки 80—84 названій. Такова же дѣятельность однородныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣль распространенія грамотности и въ другихъ городахъ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и др., дѣятельность менѣе широкая и богатая результатами, но одинаково заслуживающая признательности всей Русской земли. Во всѣхъ названныхъ обществахъ интеллигенція оказалась на высотѣ призванія, показала, что она хочетъ и можетъ плодотворно разумно и съ истиннымъ пониманіемъ задачъ времени работать на благо своей родины. Мы искренно будемъ рады, если постановленіе общаго собранія Вольно-Экономическаго общества 29 декабря минувшаго года—«ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о превращеніи комитета грамотности изъ временнаго въ постоянное учрежденіе при обществѣ»—будетъ уважено. Это будетъ очень скромная, но вполне заслуженная награда для дѣятелей комитета. Намъ остается вмѣстѣ съ «Новымъ Временемъ» пожелать какъ комитету, такъ и остальнымъ его—Московскому и провинціальнымъ собратьямъ, чтобы «свѣтлая дѣятельность этихъ полезныхъ учрежденій не ослабѣвала, чтобы число ихъ умножалось, и чтобы государство всегда находило въ нихъ, какъ теперь находить, столько же самостоятельныхъ, сколько вѣрныхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ развитія нашей культуры и подъема народнаго благосостоянія».

Б. Глинскій.

УКАЗЪ 13 ЯНВАРЯ.

ВЪ «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ» напечатанъ 14-го января слѣдующій высочайшій указъ на имя г. министра финансовъ:

«Въ Монаршемъ попеченіи о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію Намъ и отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати, признали Мы справедливымъ отпускать ежегодно, изъ государственнаго казначейства, денежные средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ, возложивъ исполненіе сей Нашей воли на Императорскую академію наукъ, какъ первенствующее ученое сословіе въ Россійской имперіи. Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлью частныхъ учреждений, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вящей славы и величію Нашей горячо любимой Россіи.

«Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ:

«1. Для производства нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, единовременныхъ денежныхъ воспособленій, а тѣмъ изъ нихъ, кто не получаетъ пенсій изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій, отпускать ежегодно, изъ государственнаго казначейства, по пятидесяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы въ текущемъ году означенная

сумма была отпущена изъ кредита, ассигнованнаго по росписи на не предусмотрѣнные смѣтами надобности, а въ послѣдующіе годы была вносима въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

«2. Обсужденіе и установленіе правъ вышепоименованныхъ лицъ на оказаніе имъ помощи изъ указаннаго источника и распоряженіе суммами, какъ отпускаемыми для сего изъ государственнаго казначейства, такъ равно и тѣми, кои могутъ поступать въ Императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью въ видѣ частныхъ пожертвованій, возложить на академію наукъ, представивъ президенту оной приглашать, по его выбору, къ участию въ обсужденіи сихъ вопросовъ лицъ, могущихъ быть для сего полезными.

«3. Предоставить взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, а равно президента академіи наукъ, выработать и ввести въ дѣйствіе: а) правила для руководства академіи при разрѣшеніи указанныхъ въ пунктѣ 2-мъ вопросовъ и б) положеніе о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

С.-Петербургъ,

13-го января 1895 года.

Мы не можемъ ограничиться простымъ воспроизведеніемъ этого указа. День его подписанія не только является праздникомъ для семьи русскихъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, но имѣетъ, кромѣ того, историческое значеніе для всей нашей общественной и государственной жизни. Выяснить это значеніе—прямая задача нашего журнала.

Было бы великою историческою неправдою отрицать громадныя заслуги государства въ дѣлѣ насажденія у насъ науки, литературы и повременной печати. Академія наукъ, университеты, всевозможныя школы, печатное дѣло вообще и повременная печать въ частности—все это зародилось въ Россіи по почину правительства и получило дальнѣйшее развитіе подъ его неослабнымъ попеченіемъ. Но, руководствуясь тою же историческою правдою, мы должны отмѣтить, что три родныя сестры, какими являются наука, словесность и повременная печать, имѣли различную судьбу въ этомъ отношеніи. Почти все, что создано для науки въ Россіи, возникло и развилось, благодаря почину и дѣятельнымъ попеченіямъ государства. Самостоятельность науки подвергалась нерѣдко испытаніямъ, но внѣшнія условія, въ особенности матеріальныя, созданы и поддерживаются государствомъ. Обращаясь затѣмъ къ словесности, мы должны также признать, что самые видные ея представители, что гордость родного слова, что цвѣтъ нашей литературы пользовался поддержкою и поощреніемъ представителей

государственной власти. Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Фонвизинъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Островскій — всё эти свѣтила русской словесности, въ той или другой формѣ, пользовались матеріальною поддержкою и поощреніемъ со стороны правительственной власти. Нельзя сказать, чтобы и временная печать не зародилась и не развилась при заботливости государства: множество изданій обязано ему своимъ возникновеніемъ; но въ общемъ можетъ быть установленъ на основаніи историческихъ фактовъ тотъ принципъ, что государство содѣйствовало возникновенію и развитію временной печати лишь на столько, на сколько она служила государственнымъ цѣлямъ въ духѣ господствовавшихъ въ данное время официальныхъ взглядовъ на пользу общественную и государственную. Вспомнимъ судьбу первыхъ видныхъ русскихъ публицистовъ, вспомнимъ судьбу Посошкова, Новикова, Радищева. Посошковъ, на труды котораго обратилъ свое просвѣщенное вниманіе Петръ, великій русскій преобразователь и просвѣтитель, умеръ въ Петропавловской крѣпости. Новиковъ, всю свою жизнь положившій на распространеніе просвѣщенія и печатнаго слова въ Россіи, провель пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Радищевъ, идеи котораго почти всё осуществились по почину самого государства, подвергся тяжелой карѣ и, опасаясь новой кары, заболѣлъ и отравился. Но замѣтимъ, что всё эти публицисты въ одно и то же время пользовались и покровительствомъ государственной власти и подвергались тяжелымъ карамъ съ ея стороны. То, что оправдалось по отношенію къ первымъ значительнымъ публицистамъ Россіи, повторялось затѣмъ безчисленное множество разъ въ разныхъ формахъ по отношенію къ столь же виднымъ или менѣ замѣтнымъ русскимъ публицистамъ. Чтобы уяснить себѣ смыслъ этого историческаго факта, посмотримъ, какова была судьба періодической печати и ея представителей, публицистовъ, въ другихъ странахъ, значительно насъ опередившихъ въ культурныхъ успѣхахъ. Вездѣ мы увидимъ все то же явленіе. Изъ трехъ родныхъ сестеръ: науки, словесности и временной печати, первая нашла себѣ ранѣ всего признаніе со стороны государства, вторая дождалась этого признанія не такъ скоро, а третья до сихъ поръ еще весьма часто подвергается такому обращенію, какъ будто она—незаконнорожденное дѣтище челоѣческаго духа. Все законодательство, касающееся печати, имѣетъ чисто полицейскій характеръ, то-есть государство не столько заботится объ оказаніи содѣйствія печати, сколько о предупрежденіи исходящаго отъ нея вреда. Отношеніе государства къ печати всецѣло выразилось въ такъ называемыхъ запретительной и репрессивной системахъ. Даже въ Англіи, этой странѣ свободы, до 1848 года репрессивная система была въ полной силѣ. Во Франціи и Пруссіи она отмѣнена гораздо позже. Все, чего могла добиться печать, это—постепеннаго устра-

ненія путь, которыми она была связана по рукамъ и по ногамъ. Въ то время, какъ наука пользовалась покровительствомъ, которое постепенно распространилось и на словесность, повременная печать, на сколько она не была официальной или официозною, никакой поддержки со стороны государства не дождалась, такъ что ученые государствовѣды, изучающіе положеніе печати въ Европѣ, не могутъ регистрировать въ дѣятельности государства никакихъ мѣропріятій въ пользу распространенія и дальнѣйшаго развитія періодической печати. Государственное право всѣхъ цивилизованныхъ странъ знакомо только съ запретительною и репрессивною системами, а другихъ системъ оно еще не знаетъ въ виду полного отсутствія фактовъ, которые могли бы служить основаніемъ для установленія положительнаго, а не отрицательнаго воздѣйствія государства на печать. Такимъ образомъ, мы видимъ, что на западѣ печать обязана своимъ развитіемъ почти исключительно частной инициативѣ, что профессія публициста не пользуется никакими серьезными правами, и что труженики, посвящающіе свои усилія и дарованія повременной печати, въ своемъ матеріальномъ положеніи обезпечены лишь на столько, на сколько они сами приходятъ себѣ на помощь. Если они добились уваженія или даже почета въ обществѣ, или предоставленія имъ со стороны правительства правъ, необходимыхъ для исполненія ихъ профессіи, то они этимъ обязаны исключительно себѣ; государство же само не приходило къ нимъ на помощь, и въ этомъ отношеніи они, напримѣръ, въ Германіи поставлены даже въ худшее положеніе, чѣмъ простые рабочіе, такъ какъ, благодаря социальному законодательству, рабочій въ случаѣ инвалидности получаетъ пенсію, а труженикъ повременной печати, какъ значительны ни были бы его заслуги, можетъ, въ случаѣ разстройства здоровья, умереть съ голоду.

Причина этого различнаго отношенія государства къ наукѣ, словесности и повременной печати бросается въ глаза. Въ то время какъ вопросы, обсуждаемые наукою, имѣютъ съ виду по своей, отвлеченности менѣе близкое отношеніе къ жизни, словесность уже ближе съ нею соприкасается, хотя, дѣйствуя преимущественно на чувство образами, не такъ грубо касается жгучихъ злобъ дня. Публицистика же прямо вторгается въ область тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ непосредственному вѣдѣнію государства. При громадномъ разнообразіи точекъ зрѣнія въ оцѣнкѣ общественной и государственной пользы, при часто существующей прямой противоположности этихъ точекъ зрѣнія, естественно, что чѣмъ ближе та или другая форма проявленія духовной жизни соприкасается со жгучими злобами дня, тѣмъ сильнѣе долженъ проявляться разладъ между дѣятелями, посвящающими себя ихъ рѣшенію. Эти точки зрѣнія постоянно колеблются, и потому естественно, что то,

что казалось вреднымъ сегодня, можетъ казаться полезнымъ завтра, и наоборотъ. Измѣняется настроеніе правительства, смотря по событіямъ и ходу государственныхъ дѣлъ, измѣняется и настроеніе общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его представителей въ печати, и даже когда въ основныхъ вопросахъ существуетъ полное единодушіе, нерѣдко случается, что второстепенные вопросы вызываютъ острое разногласіе. Да и можно ли требовать, чтобы въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ разработка вѣрныхъ взглядовъ на нормальное теченіе и развитіе общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, существовало полное согласіе взглядовъ? Не слѣдуетъ ли наоборотъ допустить, что разногласіе является неизбѣжнымъ, какъ вслѣдствіе трудности достиженія единодушія въ сложныхъ вопросахъ, такъ и вслѣдствіе противоположности интересовъ, сталкивающихся въ общественной и государственной жизни, наконецъ и вслѣдствіе различія въ темпераментѣ живущихъ одновременно двухъ или трехъ поколѣній, изъ которыхъ старшее склонно къ осмотрительной осторожности, а младшее торопится жить и побуждаетъ другихъ къ быстрому рѣшенію вопросовъ? Все это, вмѣстѣ взятое, вызываетъ разногласіе, которое часто принимаетъ характеръ острыхъ столкновеній, въ особенности когда дѣло коснется жгучихъ интересовъ вліятельныхъ или многочисленныхъ группъ населенія. Разногласіе во мнѣніяхъ вызываетъ въ жизни борьбу, и каждая сторона пользуется въ этой борьбѣ средствами, которыми она располагаетъ: чѣмъ жгучѣе интересы, тѣмъ энергичнѣе пускаемыя въ ходъ средства, и вся эта борьба находитъ себѣ выраженіе раньше всего въ публичномъ словѣ, являющемся однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ достиженія успѣха въ этой борьбѣ. Но именно потому, что публичное слово является такимъ сильнымъ орудіемъ, администрація, сознавая важное значеніе задачъ, выпавшихъ на ея долю, вездѣ старается подчинить себѣ печать, и послѣдняя только путемъ продолжительной борьбы завоевываетъ себѣ возможность свободнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ и создалось на западѣ нынѣ существующее положеніе, въ силу котораго только въ очень немногихъ странахъ печать пользуется большею или меньшею свободою, независимо отъ принадлежности къ той или другой господствующей политической партіи, а труженики печати нигдѣ не встрѣчаютъ поддержки со стороны государства въ качествѣ самоотверженныхъ дѣятелей, поставившихъ себѣ цѣлью служить единственно правдѣ, не смотря на тѣ или другія вѣянія. Бисмаркъ могъ вознаграждать публицистовъ изъ «фонда пресмыкающихся»; но онъ вознаграждалъ ихъ за услуги, оказываемыя распространенію его взглядовъ на общественные и государственные вопросы. Труженики же печати, въ качествѣ таковыхъ, независимо отъ принадлежности къ той или другой правительственной или

общественной партіи, не получили ни одного пфенига изъ этого пресловутаго фонда, какъ и вообще изъ государственнаго бюджета. Мы привели этотъ примѣръ, потому что то же положеніе, хотя и въ другихъ менѣе рѣзкихъ формахъ, существуетъ на западѣ вездѣ.

Вдумываясь въ наше прошлое, изучая то, что сложилось въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, мы не можемъ не признать глубокаго значенія указа 13-го января не только для періодической печати и литературы, но и для умственной нашей жизни вообще. Еще недавно, въ вѣчно памятную освободительную эпоху, обсужденіе общественныхъ и государственныхъ вопросовъ было причислено только къ категоріи дѣяній не прямо преступныхъ, а нынѣ мы услышали знаменательное слово, что работа писателя и публициста содѣйствуетъ «славѣ и величію горячо любимой Россіи», что за эту работу мы, литераторы и публицисты, отнюдь не заслуживаемъ кары,— нѣтъ, что государство признаетъ «справедливымъ» оказывать нуждающимся изъ насъ, равно какъ нашимъ вдовамъ и сиротамъ, необходимую денежную помощь, поддержку, въ видѣ ли единовременныхъ денежныхъ воспособленій или пожизненныхъ пенсій. То, что не сдѣлано еще ни однимъ государствомъ, сдѣлано русскимъ государствомъ, и этотъ просвѣщенный починъ нашего молодого Монарха будетъ сопоставленъ исторіею съ другими задачами, осуществленными Россіею раньше другихъ государствъ, съ вопросами: объ установленіи «вооруженнаго нейтралитета», которымъ прославилась Екатерина II, о недопущеніи разрывныхъ снарядовъ на войнѣ, о женскомъ медицинскомъ образованіи и т. п. Мы увѣрены, что и матеріальное обезпеченіе тружениковъ публичнаго слова изъ государственныхъ средствъ обратитъ на себя вниманіе всей Европы и послужитъ толчкомъ къ благопріятному рѣшенію этого вопроса въ другихъ странахъ.

Но этимъ далеко не исчерпывается значеніе указа 13 января. Если мы вспомнимъ прошлое, то безспорные факты насъ убѣдятъ, что русская государственная власть неоднократно уже съ прошлаго вѣка приходила на помощь нашимъ писателямъ и публицистамъ. Мы уже перечислили всѣмъ намъ дорогія имена дѣятелей публичнаго слова, которые пользовались поддержкою государственной власти. Но мы въ то же время отмѣтили, что одни и тѣ же свѣтлые дѣятели нашей литературы, хотя они и не измѣняли своимъ убѣжденіямъ или взглядамъ, подвергались и милостямъ, и карамъ. Высказанныя нами соображенія вполнѣ раскрываютъ намъ причину этого историческаго факта. Даже при полномъ соответствіи основныхъ цѣлей администратора и писателя между ними возможно разногласіе относительно средствъ, относительно своевременности осуществленія этихъ цѣлей. Радищевъ и Державинъ жили въ одно время. Никто не сомнѣвается въ благородствѣ чувствъ и въ честности натуры пѣвца Фелицы: его жизнь

намъ раскрыта покойнымъ Гротомъ, разсѣявшимъ многія предубѣжденія, распространенныя въ нашемъ обществѣ относительно нравственныхъ качествъ Державина. И, тѣмъ не менѣе, Державинъ высказывался противъ освобожденія крѣпостныхъ въ то время, какъ Радищевъ краснорѣчиво выступалъ за отмѣну крѣпостного права. Такимъ образомъ, среди представителей самого общества происходилъ разладъ во взглядахъ на коренной вопросъ нашей государственной жизни. Не знаемъ ли мы съ другой стороны, что великая Екатерина въ началѣ своего царствованія носилась съ мыслью освободить крестьянъ, что мыслью о необходимости осуществленія этой реформы одушевленъ былъ и ея внукъ, Александръ Благословенный, и что онъ окончательно отказался отъ этой мысли только подъ давленіемъ самого общества въ лицѣ наиболее вліятельнаго и просвѣщеннаго его класса, дворянъ. Значитъ, эта благодѣтельная реформа, осуществившаяся лишь далеко позже, носилась уже тогда въ воздухѣ, ею заняты были государственные умы и скромные общественные дѣятели, происходила борьба въ самомъ обществѣ, происходила борьба въ правительственныхъ сферахъ, и эта борьба потребовала не мало жертвъ: основная цѣль была одна, но администрація нерѣдко энергически подавляла публичное провозглашеніе этой цѣли въ виду несвоевременности ея осуществленія, въ виду той внутренней борьбы, которая происходила даже въ душѣ наиболее патриотически настроенныхъ людей, создававшихъ съ одной стороны необходимость крестьянской реформы, жаждавшихъ ея осуществленія, но страшившихся послѣдствій этого шага, на который не рѣшались даже несравненно болѣе культурныя страны, чѣмъ Россія. Мы привели одинъ только примѣръ, чтобы выяснитъ источникъ антагонизма между печатью и администраціею, обусловливаемого различіемъ во взглядахъ людей, непосредственно приставленныхъ къ государственному дѣлу или же обсуждающихъ его только со стороны, хотя бы и съ такою же горячею любовью къ родинѣ. Однако, теперь, по прошествіи многихъ десятилѣтій, теперь, когда великая реформа, задуманная еще въ прошломъ столѣтіи, еще до того, какъ она была рѣшена во Франціи путемъ страшнаго кровопролитія, теперь, когда Россія вотъ уже 34 года, какъ освободилась отъ позорнаго пятна крѣпостничества, — мы можемъ безпристрастно отнестись ко всѣмъ дѣятелямъ, приложившимъ руку къ этому великому дѣлу, и если мы отдадимъ полную справедливость просвѣщенному почину государственной власти, рѣшившей столь сложный и трудный вопросъ мирно, безъ всякаго потрясенія государственной жизни, то въ то же время мы должны будемъ признать, что достиженію этого блестящаго результата въ значительной степени содѣйствовали и тѣ самоотверженные и убѣжденные писатели и публицисты, которые своимъ горячимъ словомъ подготовили общество къ великой ре-

формѣ Царя-Освободителя. Александръ Благословенный, пріѣхавъ въ Москву съ мыслью объ освобожденіи крѣпостныхъ, убѣдился, что при тогдашнемъ настроеніи дворянъ надо отъ нея отказаться; 40 лѣтъ спустя, его внукъ могъ ее осуществить безъ всякихъ опасеній, и, вспоминая эти историческіе факты, мы отнесемъ съ одинаковою благодарностью къ нашимъ царямъ, задумавшимъ и осуществившимъ эту реформу, и къ тѣмъ писателямъ и публицистамъ, которые, начиная съ Кантемира и доходя до Тургенева и Некрасова, своимъ убѣжденнымъ, горячимъ, воодушевленнымъ и часто самоотверженнымъ словомъ научили русское общество быть гуманнымъ и видѣть въ крѣпостномъ такомъ же человѣка, какъ мы сами. И Посошковъ, умершій въ Петропавловской крѣпости, и Новиковъ, томившійся 15 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, и Радищевъ, отравившійся изъ опасенія строгой кары, всѣ они являются заслуженными дѣятелями: они несли свой крестъ, какъ впоследствии воспріялъ мученической вѣнецъ виновникъ окончательнаго освобожденія крестьянъ въ Россіи, тотъ царь, котораго и отдаленнѣйшее потомство будетъ чтить, какъ освободителя русскаго народа. Рѣшеніе великихъ культурныхъ задачъ требуетъ, къ прискорбію, искупительныхъ жертвъ, и благо той странѣ, въ которой находятся отдѣльныя свѣтлыя личности, приносящія себя въ жертву и своимъ самоотверженнымъ служеніемъ государству избавляющія миллионы другихъ людей отъ тяжелыхъ жертвъ. Россія не испытала ужасовъ французской революціи, не испытала и такого страшнаго кровопролитія, какимъ была междоусобная американская война. За великое дѣло освобожденія крестьянъ пострадали немногіе. Въ ихъ рядахъ мы считываемъ царя, государственныхъ людей и писателей, и въ нашемъ представленіи, кѣмъ бы мы ни были и куда бы насъ ни поставила судьба, соединяются всѣ эти дѣятели, какъ борцы за одно великое общегосударственное дѣло.

На этомъ крупномъ историческомъ примѣрѣ лучше всего выясняется, какими различными путями идутъ тѣ силы, которыя въ концѣ концовъ приводятъ государство къ новому рѣшительному шагу на пути его преуспѣянія. Въ то же время онъ насъ убѣждаетъ, что какъ ни перекрещиваются и ни сталкиваются эти пути, какъ ни тяжело отражается происходящая между разными силами борьба на отдѣльныхъ ея представителяхъ, въ концѣ концовъ эта борьба разрѣшается умиротвореніемъ въ виду достигнутаго результата, осуществленнаго усиліями на видъ враждебныхъ дѣятелей, сознательно или не вполне сознательно стремившихся, однако, къ одной цѣли, потому что ихъ одушевляло одно общее возвышенное чувство, любовь къ родинѣ. И если мы себя спросимъ, въ чемъ находить себѣ это чувство наиболѣе надежную опору, гдѣ тотъ свѣточъ, который приходитъ на помощь нашему уму, весьма часто слишкомъ слабому, чтобы избрать наиболѣе вѣрный путь обез-

печенія блага родины, то отвѣтъ можетъ быть одинъ: этотъ свѣточъ, вѣрнѣе всего разсѣивающій наши сомнѣнія, коллективный опытъ всего человѣчества и собственнаго народа—наука. Какъ мы бы иногда ни сѣтовали на нее за то, что она не можетъ намъ дать быстро и вѣрнаго средства исцѣленія индивидуальных, общественныхъ и государственныхъ недуговъ, все же мы къ ней возвращаемся, потому что, если коллективный умъ всего человѣчества или даннаго народа еще многого не разрѣшилъ, еще во многомъ оказывается безсильнымъ, то, понятно, отдѣльный человѣческій умъ, какъ бы онъ ни былъ проницателенъ, еще несравненно слабѣе. Мы назвали науку, словесность и повременную печать родными сестрами. Первая стремится къ истинѣ, вторыя двѣ—къ истинѣ въ ея непосредственномъ приложеніи къ жизни, къ правдѣ. Поэтому онѣ связаны неразрывными узами и идутъ въ жизни рука объ руку, достигаютъ успѣховъ только въ тѣсномъ союзѣ. Наука, приближаясь къ истинѣ, освѣщаетъ путь и словесности, и публицистикѣ. И нѣтъ истиннаго писателя, нѣтъ истиннаго публициста, который, ставя благо родины выше всего, могъ бы пренебречь наукою. Она даетъ ему силу, и мужество, и увѣренность, что онъ въ своемъ стремленіи къ обезпеченію блага родины идетъ по вѣрному пути, что его слово находится на высотѣ и его патріотическаго чувства, и выпавшей на его долю трудной, но прекрасной задачи.

Однако, если союзъ между наукою, словесностью и публицистикой такъ тѣсенъ, если словесность черпаетъ свое вдохновеніе въ истинѣ и красотѣ, которая есть видоизмѣненная форма истины въ приложеніи къ нашимъ чувствамъ, если публицистика руководствуется истинами, добытыми наукою, и для ихъ распространенія пользуется могущественнымъ средствомъ словесности,—краснорѣчіемъ, то, очевидно, ихъ можно разграничивать, но не разъединять, и высшимъ судьей и руководителемъ писателя и публициста должна быть его собственная совѣсть, отвѣтственная только передъ наукою. Временной судъ возможенъ, онъ часто необходимъ; но не этотъ судъ можетъ быть законодателемъ убѣжденнаго писателя и публициста. Законы, которымъ онъ подчиняется въ святилищѣ своей души, диктуетъ ему только чувство любви къ отечеству и наука. Если его взгляды не соответствуютъ временнымъ вѣяніямъ, если онъ несетъ заслуженную, съ точки зрѣнія этихъ вѣяній, кару, то не ими опредѣляется его заслуга передъ родиною: его можетъ казнить общество, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, но высшей оцѣнки своей дѣятельности онъ ждетъ не отъ этого временнаго суда, а отъ нелицепріятнаго суда потомства и исторіи.

Такъ думаетъ, такъ чувствуетъ всякій уважающій себя писатель и публицистъ, заботящійся не о временныхъ благахъ, а о

душевной чистотѣ. И какимъ свѣтлымъ лучомъ, живительнымъ и согрѣвающимъ, было поэтому для него царское слово, что оцѣнка его заслугъ передъ отечествомъ возлагается на «первенствующее ученое сословіе въ Россіи»! Конечно, и въ академіи, какъ во всякомъ учрежденіи, гдѣ дѣйствуютъ люди съ ихъ слабостями, не всегда интересы науки и истины ставятся выше всего. Но это уже другой вопросъ. Для писателей и публицистовъ дорого и цѣнно, что съ высоты престола подтвержденъ былъ слѣдующій принципъ: если временныя, преходящія требованія могутъ налагать на нихъ разныя болѣе или менѣе тяжелыя жертвы, то только наука въ лицѣ своихъ первенствующихъ представителей должна рѣшать вопросъ о заслугахъ, дающихъ имъ право на матеріальную поддержку въ случаѣ болѣзни, старости, смерти. Уже это сознание совершенно независимо отъ дѣйствительности и размѣровъ оказываемой матеріальной поддержки даетъ имъ новую силу продолжать свой иногда поистинѣ тернистый путь, воодушевляетъ ихъ новымъ рвеніемъ въ ихъ стремленіи къ обезпеченію блага родины. И работники, посвящающіе свои силы наукѣ, словесности, публицистикѣ, самостоятельно, не примыкая ни къ одному официальному учрежденію, должны знать, что въ глазахъ государства они также работаютъ къ «вѣщней славѣ и величію горячо любимой Россіи», принадлежать къ одной семьѣ тружениковъ на пользу родины.

Мы видимъ, слѣдовательно, что въ силу указа 13-го января государство отказывается отъ своего права опредѣлять, какой писатель или публицистъ заслуживаетъ матеріальной поддержки. До сихъ поръ этотъ вопросъ рѣшался иначе. Государство неоднократно приходило на помощь выдающимся писателямъ, но оно само рѣшало, кто этой помощи заслуживаетъ. Значитъ, судьба писателя въ значительной степени была поставлена въ зависимость отъ временныхъ вѣяній, потому что государство по необходимости должно принимать во вниманіе временныя задачи и злобы. И вотъ нынѣ устанавливается другой порядокъ. Благодаря указу 13-го января, пишущая братья, по мысли законодателя, освобождена отъ давленія этихъ временныхъ вѣяній, а можетъ посвящать себя, на сколько позволяютъ установленные законы, служенію родины въ увѣренности, что это служеніе, подчиняющееся только голосу совѣсти, не отвергается государствомъ, а вполне имъ признается. Законодательство наше до сихъ поръ даже не знало названія публициста; теперь же признано, что и этотъ представитель публичнаго слова служить отечеству, что его дѣятельность не только терпится государствомъ, какъ неизбежное зло, но содѣйствуетъ славѣ и величію Россіи. Уже одно это отреченіе отъ существовавшаго порядка является чрезвычайно цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Но если мы примемъ еще во вниманіе, что до сихъ поръ пособія и пенсіи писателямъ со стороны государства были явленіемъ слу-

чайнымъ, что размѣры ихъ въ общей сложности очень рѣдко достигали и 10.000 р. въ годъ, то ассигнованіе 50.000 р., равняющихся вѣчному неприкосновенному капиталу въ 1.250.000 р., составляетъ громадный шагъ впередъ. Не забудемъ, что болѣе или менѣе заслуженныхъ писателей и публицистовъ не Богъ вѣсть какъ много на Руси, и что только меньшинство ихъ нуждаются въ матеріальной поддержкѣ, а остальные либо имѣютъ посторонніе источники доходовъ, либо своимъ трудомъ сами себя вполне обеспечиваютъ. При такихъ условіяхъ назначенная сумма можетъ оказаться на первый разъ достаточною, а если само общество, слѣдуя почину Монарха, откликнется на косвенный призывъ, содержащійся въ указѣ 13-го января, то средства, которыя окажутся въ распоряженіи нашей академіи наукъ, могутъ быть весьма значительными. Это въ высшей степени отрадно не только потому, что оградить матеріальные интересы тружениковъ, вполне этого достойныхъ, но и дать имъ болѣшую независимость, позволить имъ служить благу родины, руководствуясь исключительно велѣніями своей совѣсти. Отъ этого могутъ только выиграть и наука, и словесность, и повременная печать. Но еще важнѣе, что отъ этого выиграетъ духовная жизнь русскаго народа, самостоятельность общественной мысли. Мы видимъ, какія дѣятельныя усилія прилагаютъ на западѣ всякаго рода писатели и отчасти само общество, чтобы въ матеріальномъ отношеніи обезпечить людей пера. Тамъ принципъ взаимопомощи дѣйствуетъ гораздо успѣшнѣе: въ Англіи и отчасти во Франціи образовались общества писателей и журналистовъ, оказывающихъ немаловажную поддержку своимъ членамъ. Но и тамъ матеріальное положеніе пишущей братии по большей части далеко не завидно. То же положеніе существуетъ и въ Германіи, гдѣ императоръ Вильгельмъ II еще недавно назвалъ журналистовъ «Hungerkandidaten» (людьми, обреченными на голодъ). Слѣдовательно, и на западѣ вполне признается неудовлетворительность положенія пишущей братии, но государство не приходитъ ей на помощь, и это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что государственная власть находится въ рукахъ той или другой партіи, которая охотно пользуется содѣйствіемъ публицистовъ, но исключительно въ собственныхъ интересахъ и нисколько не желаетъ содѣйствовать интересамъ другихъ партій. Такимъ образомъ, изыскиваются иные способы награжденія публицистовъ правящею партіею, и эти средства, какъ показываетъ примѣръ многихъ странъ, въ особенности примѣръ Германіи при Бисмаркѣ и Франціи въ настоящее время, ничѣмъ не разнятся отъ простаго подкупа. Мы много перенимали отъ запада, но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ Россія дала сама Европѣ примѣръ, достойный подражанія. Скажемъ болѣе, наша повременная печать, какъ бы мы сами ни были ею недовольны, все-

таки стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше западной. Не будемъ разбирать здѣсь, чѣмъ это объясняется, но несомнѣнъ фактъ, что въ нашей печати такой продажности, какъ въ западной, нѣтъ, и мы можемъ смѣло сказать, что большинство органовъ русской печати, если и заражено партійнымъ духомъ, то въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ на западѣ. Если у насъ можно говорить о партіяхъ, то преимущественно въ смыслѣ различія во взглядахъ на общественную и государственную пользу, а не въ смыслѣ преслѣдованія тѣхъ или другихъ своекорыстныхъ интересовъ. Мы скажемъ даже, что большинство писателей и публицистовъ руководствуются въ своей дѣятельности преимущественно тѣми или другими принципами, а не матеріальными интересами. Надо отъ души пожелать, чтобы это такъ оставалось и впредь, и указъ 13-го января, несомнѣнно, можетъ оказать и въ этомъ отношеніи свою пользу: пишущая братья становится въ своихъ матеріальныхъ интересахъ подъ покровительство государства. Это даетъ ей независимость, предохраняетъ ее отъ многихъ соблазновъ, съ которыми бороться и сравнительно честнымъ натурамъ иногда очень трудно. Такимъ образомъ, указъ 13-го января будетъ способствовать поддержанію теперешняго нравственнаго уровня нашей печати и его повышенію, а можетъ ли ктонибудь желать, чтобы публичное слово находилось въ продажныхъ рукахъ?

Мы старались выяснитъ значеніе указа, которымъ ознаменовалось начало года. Изъ нашихъ соображеній видно, какую благодарную, но въ то же время и отвѣтственную роль законодатель возложилъ на нашу академію наукъ. Ей предоставлено право, которымъ до сихъ поръ пользовался одинъ только монархъ, — право оказывать изъ государственныхъ средствъ помощь русскимъ писателямъ. Уже воспоминаніе прошлаго налагаетъ большую отвѣтственность на наше высшее научное учрежденіе. Русскіе монархи оказывали поддержку свѣтиламъ нашей словесности часто въ такое время, когда общество было къ нимъ весьма неблагодарно. Вспомнимъ хотя бы Николая I и Гоголя, — Гоголя, осмѣявшаго порочность нашей администраціи. Какъ ни печальна была участь многихъ русскихъ писателей, мы все-таки должны признать, что свѣтила нашей словесности находили, когда они въ этомъ нуждались, матеріальную поддержку со стороны государства. Наша академія наукъ это, конечно, вспомнить и будетъ относиться къ нарождающимся или проявившимся уже талантамъ съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ относились къ нимъ въ свое время русскіе цари и приближенные къ нимъ лица. Въ практическомъ отношеніи вопросъ сводится, между прочимъ, къ разработкѣ раціональныхъ правилъ для руководства академіи при разрѣшеніи вопросовъ: какія лица имѣютъ право на оказаніе помощи, и какъ академія должна распорядиться предоставленными ей правительствомъ

и частными лицами суммами. И въ этомъ отношеніи законъ 13-го января содержитъ цѣльное постановленіе, въ силу котораго президенту академіи предоставлено приглашать лицъ, которыя своими указаціями могутъ быть полезными при рѣшеніи этихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, академія будетъ имѣть полную возможность въ случаѣ недостаточнаго знакомства съ лицомъ, нуждающимся въ помощи, составить себѣ о немъ ясное и безпристрастное сужденіе. Было бы желательно, чтобы установленныя правила подверглись до своего утвержденія обсужденію повременной печати, черезъ посредство которой всѣ компетентныя въ этомъ вопросѣ лица могли бы сдѣлать свои указаціи, или высказать свои пожеланія. Можетъ быть, окажется, при этомъ, что академіи цѣлесообразнѣе всего ограничиться однѣми пенсіями, а выдачу единовременныхъ пособій предоставить литературному фонду и кассѣ взаимопомощи. Во всякомъ случаѣ согласованіе дѣятельности этихъ трехъ учрежденій необходимо. Но это уже вопросъ чисто-практической, подлежащій обсужденію заинтересованныхъ сторонъ.

РАЗСКАЗЫ ХРИСТОФОРЪ САНИКАДЗЕ О М. Ю. ЛЕРМОНТОВѢ.

В ТИФЛИСѢ доннынѣ проживаетъ гурійскій уроженецъ Христофоръ Дмитриевъ Саникадзе, находившійся въ услуженіи у поэта М. Ю. Лермонтова, во время пребыванія его въ Пятигорскѣ въ 1841 году. По словамъ лицъ, видѣвшихъ его, это уже старикъ лѣтъ 70-ти слишкомъ, но еще бодрый и словоохотливый. Разказы его о службѣ у Лермонтова записаны Б. Ө. Эркгарттомъ и напечатаны въ газетѣ «Кавказъ», 1891 года, № 185. Многое, конечно, оказалось не точнымъ, такъ какъ память старику измѣняла, но оказалось и нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о частной жизни, привычкахъ и времяпрепровожденіи поэта. Наиболѣе интересными изъ нихъ я воспользовался и включилъ ихъ въ статью: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», напечатанную въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года, №№ 2, 3 и 4. Недавно въ редакцію «Историческаго Вѣстника» доставленъ портретъ Саникадзе и «опросъ» его о жизни и смерти поэта, сдѣланный г. А. Эйсеромъ. Редакція просила меня просмотрѣть эту рукопись и выбрать изъ нея то, что въ ней представляется правдивымъ и имѣющимъ какое либо значеніе для біографіи Лермонтова. Въ сущности, все рассказанное Саникадзе г. Эйсеру и записанное послѣднимъ есть не что иное, какъ перифразъ того же самаго разказа, который напечатанъ Б. Ө. Эркгарттомъ въ газетѣ «Кавказъ»; но мѣстами попадаютъ въ немъ и новыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія.

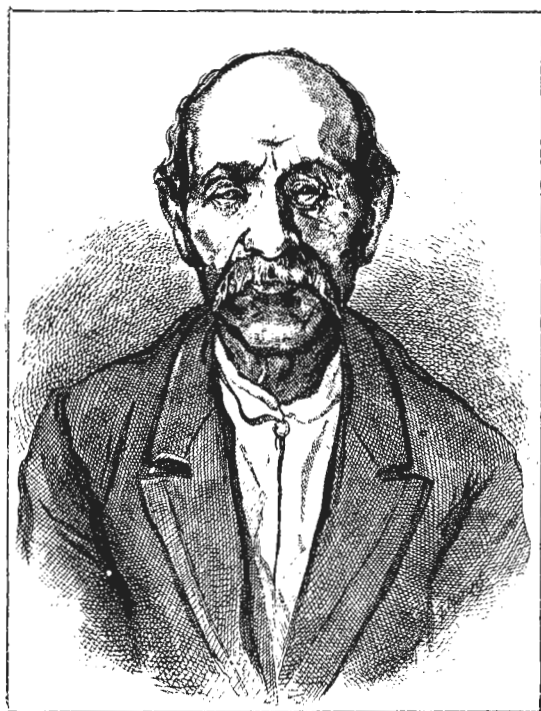
Опросъ Саникадзе записанъ въ формѣ монолога старика-слуги, трактующаго простымъ, вульгарнымъ языкомъ «восточнаго чело-вѣка» о жизни барина, безъ всякой связи и послѣдовательности въ разсказѣ, такъ, какъ онъ вылился изъ устъ разсказчика. Появиться въ такомъ видѣ въ печати опросъ этотъ, конечно, не можетъ; тѣмъ болѣе, что г. Эйсеръ, очевидно, по незнанію сути дѣла и его литературы, не потрудился даже, посредствомъ перепроса и указанія неточностей и пропусковъ, выяснить и дополнить записанные имъ факты. Но за всѣмъ тѣмъ было бы ошибкой, если бы мы, въ интересахъ всесторонняго изслѣдованія жизни великаго поэта, не отмѣтили въ опросѣ Саникадзе тѣхъ строкъ, въ которыхъ разсказано имъ нѣчто новое о занятіяхъ Михаила Юрьевича, его кончинѣ и уничтоженіи оставшихся послѣ его смерти бумагъ.

Саникадзе говоритъ между прочимъ: а) что Лермонтовъ умѣлъ играть на флейтѣ и забавлялся этой игрой изрѣдка; б) что характеръ у него былъ добрый, но вспыльчивый. Много говоритъ онъ не любилъ. Обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ у него было ходить по комнатамъ изъ угла въ уголъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ. Писалъ онъ болѣе по ночамъ, или рано утромъ, но писалъ и урывками днемъ, присядеть къ столу, попишетъ и уйдетъ. Писалъ онъ всегда въ кабинетѣ, но писалъ, случалось, и за чаемъ на балконѣ, гдѣ проводилъ иногда цѣлые часы, слушая пѣніе птичекъ; в) что при перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка его съ Мартыновымъ въ Пятигорскѣ (при чемъ Саникадзе находился) Михаилъ Юрьевичъ былъ еще живъ, стоналъ и едва слышно прошепталъ: «умираю»; но на полъ-дорогѣ стонать пересталъ и умеръ спокойно; г) что по привозѣ тѣла домой его внесли въ зало и положили сперва на диванъ, а потомъ на столъ; когда же пришелъ художникъ г. Шведе, для снятія портрета, тѣло подняли и посадили на подушкахъ къ стѣнѣ, «будто живой сидитъ и дремлетъ»; д) что оставшіяся послѣ смерти поэта бумаги дядька его (бывшій при немъ камердинеромъ) уничтожилъ, «бралъ со стола и жегъ, чтобы никому не достались»; е) что скюртку Лермонтова, въ которомъ онъ дрался на дуэли, Саникадзе сжегъ, такъ какъ онъ былъ весь въ крови и грязи и прострѣленъ пулею; а нѣкоторыя вещи, трубки и какіе-то стихи были имъ взяты и положены въ сундукъ, который онъ отдалъ на сохраненіе одному знакомому казаку, но воспользоваться укрытымъ добромъ не могъ, такъ какъ у казака все это добро пропало.

Самымъ существеннымъ изъ этихъ краткихъ сказаній является, безъ сомнѣнія, то, что Лермонтовъ, когда перевозили его слуги съ мѣста дуэли въ городъ, былъ еще живъ, стоналъ и шепталъ, и что онъ примолкъ и умеръ на полдорогѣ.

До сихъ поръ моментъ смерти великаго поэта не былъ еще опредѣленъ съ надлежащей точностью.

По изслѣдованіямъ и біографіямъ поэта, существовали двѣ версіи: одна, официальная, основанная на показаніяхъ секундантавъ, Глѣбова и князя Васильчикова, и подтвержденная удостовѣреніемъ врача, вскрывавшаго тѣло, что Михайль Юрьевичъ скончался на мѣстѣ поединка, тотчасъ послѣ выстрѣла, сдѣланнаго противникомъ; и другая, народная, что онъ умеръ дорогою, во время пе-

Христофоръ Саникадзе.

резованія въ городъ, и чуть ли даже не въ самомъ городѣ, когда его возили отъ комендантскаго управленія на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой. Хотя извѣстная пословица и говоритъ: «гласъ народа—гласъ Бога», но такъ какъ гласъ этотъ болѣе полустолѣтія никакими достовѣрными свидѣтельствами не подтверждался, то и значеніе его было не болѣе гласа, вопіющаго въ пустынѣ. Въ настоящее время представляется возможнымъ установить факты, подтверждающіе достовѣрность послѣдней версіи. Изъ прежнихъ свѣдѣній, появившихся въ печати, было извѣстно только:

а) что Лермонтовъ, раненый пулею навывлетъ, упалъ на землю

«истор. вѣстн.», февраль, 1895 г., т. LIX.

17

и, когда Глѣбовъ подошелъ къ нему, сказалъ: «Мипа, я умираю»... ¹⁾), значить, онъ не былъ пораженъ на мѣстѣ моментально, но упалъ живой и могъ еще говорить, и б) что Глѣбовъ, являсь къ коменданту, доложилъ ему только о состоявшейся дуэли, на которой Лермонтовъ раненъ смертельно ²⁾; фраза же въ официальномъ доносѣ «отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ» появилась по сдѣланному за тѣмъ секундантамъ вопросу, когда тѣло поэта было привезено уже въ городъ. Нынѣ, изъ такъ называемыхъ «Мартыновскихъ бумагъ» ³⁾, мы видимъ, что Н. С. Мартыновъ на вопросъ пятигорскаго окружного суда: не остался ли Лермонтовъ живъ и не говорилъ ли чего при прощаньи, показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, но признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ ничего уже не говорилъ. Засимъ Христофоръ Саникадзе, участвовавшій въ перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка въ городъ, въ приведенномъ выше вопросѣ, положительно говорить, что поэтъ поднятъ былъ еще живой, дорогою стоналъ и шепталъ, и что онъ замолкъ, т. е. умеръ, на подорожѣ. Все это, взятое въ совокупности, въ глазахъ изслѣдователя имѣетъ уже вѣсъ и даетъ право высказаться за вѣроятность послѣдней верси. Но, приходя къ подобному выводу, мы должны рассмотреть также и вопросъ: могли ли противникъ и секунданты, эти ближайшіе друзья поэта, оставить его, если онъ былъ живъ, на мѣстѣ поединка, гдѣ онъ пролежалъ, безъ всякой помощи и ухода, съ 6^{1/2} до 9-ти часовъ вечера, пока присланные пятигорскимъ комендантомъ съ телѣгою люди не подняли его и не повезли въ городъ? Очевидно, участники дуэли, такъ печально разыгравшейся, на первыхъ порахъ были поражены ея исходомъ и такъ потерялись и перепугались, что забыли о раненномъ, о необходимости подать ему первоначальную помощь, о возможности перевезти его въ городъ на Мартыновскихъ бѣговыхъ дрожкахъ, которые можно было вѣтвями, росшихъ по близости кустовъ, удлинить и приспособить къ перевозкѣ, и думали только о себѣ. Тяжелая рана, нанесенная поэту, дала имъ, вѣроятно, поводъ сдѣлать заключеніе, что Лермонтовъ—поднять ли его и перевезти, или оставить на мѣстѣ,—все равно умереть; а разразившаяся въ то время гроза и проливной дождь ускорили ихъ рѣшительность оставить поэта на мѣстѣ и немедленно отправиться въ городъ. Изъ показаній Мартынова ⁴⁾ мы знаемъ, что онъ по окончаніи поединка простился съ Лермонтовымъ и тотчасъ же поѣхалъ домой. Князь Васильчиковъ ⁵⁾ отправился вмѣстѣ съ нимъ на его бѣго-

¹⁾ Разсказъ Раевского, со словъ Глѣбова («Нива», 1885 г., № 8).

²⁾ Разсказъ Чилева («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

³⁾ Мартыновскія бумаги. («Русскій Архивъ», 1893 г., № 8).

⁴⁾ Разсказъ Раевского («Нива», 1885 г., № 8).

⁵⁾ Всѣ расказни его въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., № 1, о поѣздкѣ за док-

выхъ дрожкахъ, а Глѣбовъ, набросивъ на раненнаго шинель, для защиты отъ дождя, поскакалъ верхомъ къ коменданту съ докладомъ о дуэли ¹⁾. Вотъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что поэтъ, только что высказавшій Глѣбову мысль о близости смерти, но не умершій, былъ оставленъ друзьями одиноко и безпомощно истекать кровью подъ страшнымъ ливнемъ и раздиравшей небо на части грозою. Конечно, нѣкоторымъ оправданіемъ для нихъ можетъ служить то обстоятельство, что они отправились на мѣсто дуэли, не имѣя въ виду кровавой развязки, какъ она разыгралась, ѣхали только для того, чтобы «разрядить заряженные пистолеты», почему и не пригласили врача и не взяли на случай экипажа, и что, увидя печальный результатъ поединка, растерялись и не знали, что дѣлать. Но, за всѣмъ тѣмъ, допущенное ими по отношенію поэта безчеловѣчіе и жестокость нисколько отъ того не уменьшаются. Съ смертной раною въ груди, на почвѣ, превратившейся подъ проливнымъ дождемъ въ грязь, лежалъ онъ болѣе двухъ часовъ, задыхаясь подъ наброшенною на него и промокшею насквозь шинелью и не имѣя силъ отбросить ее, чтобы освѣжить притокомъ свѣжаго воздуха пылавшую огнемъ внутренность; а жизнь, между тѣмъ, съ каждой упадавшей на землю изъ раны каплей крови угасала... Эти часы мукъ и страданій поэта должны были быть ужасны; но твердость его духа равнялась силѣ его генія. Твердость эта выразилась: и въ улыбкѣ презрѣнія, застывшей по словамъ П. А. Висковатова, на устахъ опочившаго безвременно поэта, и въ томъ безмолвіи, съ которымъ онъ встрѣтилъ вѣстницу смерти—пулю, такъ вѣроломно разбившую ему грудь, и боролся со смертію до конца. Ни одного слова, ни одного упрека не высказалъ онъ въ послѣднія минуты своей жизни. Все, что слышали отъ него секунданты, когда онъ упалъ смертельно раненный, и что слышали потомъ перевозившіе его съ мѣста дуэли въ городъ слуги,—было одно слово: «я умираю». Но знаменовало ли это слово скорбь объ отнятой у него насильно жизни, или радость о наступившемъ, наконецъ, освобожденіи отъ нея,—загадка, которая едва ли когда нибудь будетъ разрѣшена...

Вторымъ существеннымъ сказаніемъ Христофора Саникадзе нужно считать указаніе на сожженіе бумагъ, оставшихся послѣ смерти Михаила Юрьевича, и сокрытіе нѣкоторыхъ вещей его. Теперь становится яснымъ, почему при описи вещей покойнаго пятигорскими властями никакихъ рукописей, черновыхъ набросковъ или бумагъ, кромѣ одной записной книжки, данной М. Ю.

горомъ, сидѣнія у тѣла и проводахъ его въ городъ оказались, какъ известно ложными («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

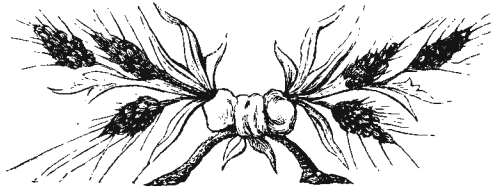
¹⁾ Послѣдніе дни жизни поэта Лермонтова («Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

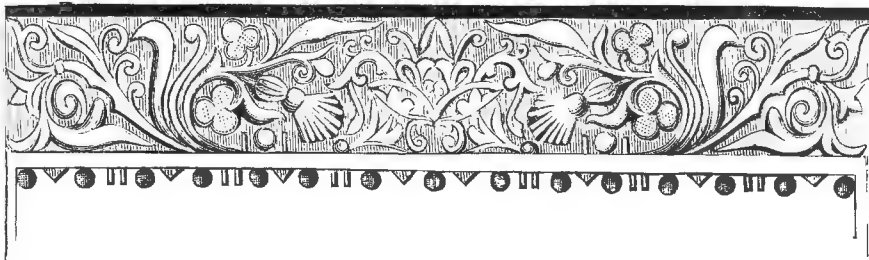

Лермонтову при прощаніи княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, не оказалось. Друзья поэта не позаботились о сохраненіи его послѣднихъ твореній, и ретивый слуга, бывшій пѣстунъ его, посвоему поревновалъ о славѣ барина: онъ сжегъ его бумаги, «чтобы никому не достались».

Г. Эйсеръ — художникъ и, записывая рассказы Саникадзе, срисовалъ съ него также и портретъ, копію съ котораго мы помѣщаемъ здѣсь по просьбѣ г. Эйснера.

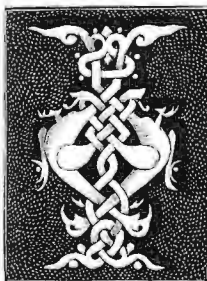
П. Мартыановъ.

ЧЕРНЫШЕВЪ И МИШЕЛЬ.

Эпизодъ изъ исторіи отношеній между Россіей и Франціей передъ войной 1812 года.

ПРАНЦУЗСКІЙ историкъ Вандаль продолжаетъ печатать, время отъ времени, въ парижскихъ журналахъ отрывки изъ невышедшаго еще въ свѣтъ продолженія его интереснаго труда: «Наполеонъ I и Александръ I». Послѣдній изъ нихъ появился въ первой январьской книжкѣ Revue de Paris подъ заглавіемъ: «Une Trahison en 1812 г. (Измѣна въ 1812 году)», и предметомъ его служитъ мало извѣстный до сихъ поръ процессъ Мишеля и его сообщниковъ, которые обвинялись въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1812 года, въ выдачѣ за денежное вознагражденіе государственныхъ тайнъ флигель-адъютанту Чернышеву и другимъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ. Въ свое время эта скандальная исторія надѣлала много шума, но въ различныхъ историческихъ трудахъ объ означенной эпохѣ, какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, она пройдена почти молчаніемъ по той, вѣроятно, причинѣ, что какъ французамъ, такъ и русскимъ казалось патриотичнѣе загладить воспоминаніе о страницѣ изъ исторіи международныхъ отношеній, которая не дѣлаетъ чести ни правительству, агенты котораго, пользуясь дипломатической безответственностью, подкупали на преступленія чиновниковъ той страны, гдѣ они аккредитованы, ни правительству, чиновники котораго поддавались на такой подкупъ.

У насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ печатныхъ свѣдѣній о дѣлѣ Чернышева и Мишеля; только въ «Исторіи царствованія императора Александра I» Богдановича говорится: «по отбытіи полковника Чернышева французская полиція открыла, что онъ незадолго передъ тѣмъ добылъ подробное росписаніе мобилизаціи арміи Наполеона, что надѣлало много шума и стоило жизни одному изъ чиновниковъ военного министерства, Мишелю, который сообщилъ эти свѣдѣнія Чернышеву; въ дѣйствительности же это росписаніе не имѣло большой важности, потому что точныя свѣдѣнія о составѣ и передвиженіи французскихъ войскъ постоянно получались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отъ князя Куракина (русскаго посла въ Парижѣ)»¹⁾. Кроме того, въ донесеніяхъ князя Куракина канцлеру графу Румянцеву, напечатанныхъ въ 21 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества можно найти нѣсколько словъ, относящихся до этого дѣла, именно въ донесеніи отъ 15 апрѣля 1812 г. сказано: «Чернышевъ говорилъ въ Лонгвю, что онъ привезетъ отвѣтъ его императорскаго величества, но, какъ кажется, мои извѣстія о гнусномъ дѣлѣ, которое было возбуждено сейчасъ послѣ его отъѣзда, пришли во время, чтобы измѣнить это предположеніе. Признаюсь, я этому очень радъ, потому что возникли бы тысячи новыхъ непріятностей, если бы онъ снова здѣсь появился. Я недоволенъ Вертингеромъ (швейцаромъ посольства, замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ) за его жадность воспользоваться платимыми ему деньгами, а также за то, что на допросѣ онъ сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы не побудить его сдѣлаться еще болѣе противъ насъ виновнымъ, я, не выказавъ моего неудовольствія, построю ему золотой мостъ и отправлю на родину въ Вѣну какъ можно скорѣе»²⁾.

Вотъ и все, что имѣется въ русской исторической литературѣ относительно эпизода о Чернышевѣ и Мишелѣ, но и французская немногимъ богаче. О немъ упоминается очень кратко только въ мемуарахъ герцога Ровиго и герцога Паскье, въ книгѣ барона Эрнуфа «Maret, duc de Bassano», въ сочиненіи Ньюмаде Шильи «L'Espionage» (Шпіонство) и въ воспоминаніяхъ Виньона. Потому, задавшись цѣлью разсказать эту любопытную исторію, Вандаль не могъ довольствоваться указанными выше источниками, тѣмъ болѣе, что онъ упоминаетъ только о Ровиго, Паскье и Эрнуфѣ, а прибѣгнувъ къ помощи національнаго архива въ Парижѣ, гдѣ хранятся полицейскія донесенія того времени и протоколы судебного дѣла Мишеля и его сообщниковъ, а также къ французскому архиву иностранныхъ дѣлъ по отдѣлу сношеній съ Россіей и Австріей. Благодаря найденнымъ имъ тамъ новымъ и неизвѣст-

¹⁾ Исторія царствованія императора Александра I, Богдановича, т. III, стр. 154.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. XXI, стр. 362.

нымъ доселѣ свѣдѣніямъ, онъ составилъ чрезвычайно интересный рассказъ о дѣйствіяхъ Чернышева въ Парижѣ, подкупѣ имъ французскихъ чиновниковъ и роковыхъ послѣдствіяхъ для главнаго изъ нихъ — Мишеля, подобной измѣны отечеству; а если его рассказъ еще пополнить нѣкоторыми данными изъ книгъ Виньона и Шили, а въ особенности изъ отчета о судебномъ дѣлѣ Мишеля, напечатанномъ въ Journal des Debats, тогда называвшемся Journal de l'Empire, отъ 15-го апрѣля 1812 года, то мы будемъ имѣть возможность составить себѣ полное понятіе, на сколько это возможно въ настоящее время, объ этомъ политическомъ инцидентѣ, предшествовавшемъ разрыву между Франціей и Россіей.

I.

26 февраля 1812 года флигель-адъютантъ императора Александра I, Александръ Ивановичъ Чернышевъ, будущій графъ, князь, военный министръ и предсѣдатель государственнаго совѣта, выѣхалъ изъ Парижа съ собственноручнымъ отвѣтомъ Наполеона на привезенное имъ письмо отъ Александра. Въ тотъ же день, какъ рассказываетъ Вандаля, или вѣрнѣе на другой день, какъ говорится въ официальномъ отчетѣ судебного дѣла Мишеля, въ его квартиру нагрянула парижская полиція и произвела подробный обыскъ. Въ кабинетѣ найдены были только обрывки писемъ и записокъ, подобравъ которые, полицейскіе агенты убѣдились, что они не имѣли никакого значенія; но въ каминѣ въ спальнѣ оказалась груда пепла отъ сожженныхъ, очевидно, Чернышевымъ передъ своимъ отъѣздомъ бумагъ. Чтобы собрать этотъ пепелъ съ цѣлью, посмотреть, не найдется ли подъ нимъ уцѣлѣвшихъ отъ огня бумажекъ, полицейскіе агенты подняли коверъ, лежавшій на полу передъ каминомъ, и подъ нимъ оказалось письмо, случайно попавшее туда и такимъ образомъ избѣгнувшее уничтоженія. Вотъ содержаніе этого письма, которое, по словамъ Вандаля, приводится имъ цѣликомъ, а по словамъ официального отчета о процессѣ Мишеля, называется только началомъ письма, хотя, въ сущности, нѣтъ сомнѣнія, что если оно не вполне напечатано и Вандалемъ, и официальнымъ отчетомъ, то не могло быть ничего интереснаго, или важнаго въ выпущенной его части:

«Господинъ графъ, вы гнетете меня своими просьбами. Могу ли я сдѣлать для васъ болѣе того, что дѣлаю? Сколько я переношу непріятностей, чтобы заслужить случайную награду. Вы удивитесь завтра тому, что я вамъ дамъ. Будьте у себя въ 7 часовъ утра. Теперь 10 часовъ: я бросаю перо, чтобы достать свѣдѣнія о дислокаціи великой арміи въ Германіи по сегодняшній день. Формируется четвертый корпусъ, составъ котораго совершенно извѣстенъ,

но время не позволяет мнѣ дать вамъ объ этомъ все подробности. Императорская гвардія войдетъ въ составъ великой арміи. До завтра въ 7 час. утра. М.».

Эта драгоценная находка составляла прямое доказательство, что кѣмъ-то совершена государственная измѣна, и полицейскіе агенты тотчасъ представили это письмо префекту полиціи Паскье, который, съ обычной ловкостью главы полиціи, передалъ своему прямому начальнику, министру полиціи, Савари, герцогу Ровиго, оригиналъ таинственнаго письма, а копію его послалъ министру внѣшнихъ сношеній, Марэ, герцогу Бассано, такъ какъ они оба ранѣе предупреждали его держать ухо востро насчетъ Чернышева. Благодаря этой двойной игрѣ, произошла комическая сцена въ Елисейскомъ дворцѣ. Не успѣлъ Савари подойти къ императору во время вечерняго придворнаго пріема, съ цѣлью рассказать ему о важной находкѣ, какъ Наполеонъ подалъ ему, полученную уже отъ герцога Ровиго, копію найденнаго у Чернышева письма, съ ироническими словами:

— Посмотрите вотъ эту бумагу. Вы никогда не открыли бы подобной продѣлки русскаго офицера, а министерство внѣшнихъ сношеній обнаружило дѣло.

Нѣсколько разочарованный, но не смущенный, Савари отвѣчалъ, что онъ можетъ представить нѣчто лучшее, чѣмъ копію, а именно оригиналъ письма. Но для полнаго торжества надъ своимъ соперникомъ министру полиціи необходимо было указать императору виновниковъ государственной измѣны. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ все средства полиціи для изслѣдованія таинственнаго дѣла. Письмо было подписано одной буквой «М», и очевидно подъ ней скрывался человекъ, близко знавшій все тайны военнаго вѣдомства. Первые справки, наведенныя въ военномъ министерствѣ и въ военной администраціи, не дали никакого результата, и тогда обратились къ начальнику главнаго штаба, такъ какъ въ его рукахъ сосредоточивались все свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, и окружающія его лица немедленно заподозрѣли, не скрывается ли подъ буквой М одинъ изъ служившихъ прежде въ военномъ вѣдомствѣ мелкихъ чиновниковъ по фамиліи Мишель. Этого Мишеля отыскивали въ военной администраціи, гдѣ онъ занималъ мѣсто чиновника по отдѣлу обмундировки; у него былъ лучшій почеркъ во всемъ вѣдомствѣ, но онъ пользовался сомнительной репутаціей человека, пьющаго и живущаго сверхъ своихъ средствъ. Немедленно достали какую-то написанную имъ бумагу, и по сравненіи ея съ найденной въ квартирѣ Чернышева запиской—почеркъ на той и другой оказался тождественнымъ. Спустя часъ, Мишеля привезли въ министерство полиціи, и въ виду очевидности своей вины онъ чистосердечно сознался въ сношеніяхъ съ Чернышевымъ чрезъ посредство Вустингера,— по словамъ Вандаля, Вертингера — по указанію князя Куракина,

и Рестингера, согласно официальнаго отчета о процессѣ Мишеля. Какъ бы ни было его настоящее имя, но этотъ человѣкъ, австріецъ по происхожденію, былъ швейцаромъ и привратникомъ въ домѣ русскаго посольства въ Парижѣ, а потому его нельзя было арестовать въ этомъ домѣ, гдѣ онъ пользовался правомъ экстерриториальности. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости, и Мишеля заставили написать изъ тюрьмы, какъ будто онъ находился на свободѣ, къ своему пріятелю, и назначить ему свиданіе въ той кофейнѣ, гдѣ они обыкновенно сходились. Нѣмецъ явился въ указанное мѣсто, безъ всякаго подозрѣнія, и его тотчасъ схватили. Затѣмъ Мишель выдалъ своихъ другихъ трехъ сообщниковъ: Луи-Франсуа Сажэ, чиновника военнаго министерства по отдѣлу передвиженія войскъ; Луи-Франсуа-Александра Сальмона, служившаго по отдѣлу инспекціи войскъ, и Жана Мозеса, по прозвищу Мирабо, сторожа въ военномъ министерствѣ. Показаніями этихъ лицъ мало-по-малу выяснилась вся система подкупа чиновниковъ военнаго вѣдомства, которая уже давно практиковалась на большую ногу дипломатическими агентами русскаго правительства.

Собравъ всѣ свѣдѣнія, Савари представилъ два доклада императору объ этомъ дѣлѣ 1-го и 5-го марта, съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ. Наполеонъ былъ очень доволенъ, что этимъ скандаломъ онъ могъ доказать козни Россіи противъ Франціи и такимъ образомъ имѣть новый предлогъ къ разрыву, а затѣмъ къ войнѣ съ Александромъ. Поэтому онъ рѣшилъ придать дѣлу какъ можно болѣе значеніе и раздуть изъ него колоссальный скандалъ на всю Европу. Для этой цѣли не годилась быстрая, тайная процедура военнаго суда, и онъ предпочелъ гласное, публичное разбирательство въ общемъ судѣ, а чтобъ этотъ процессъ надѣлалъ еще болѣе шума, и Мишель могъ быть подвергнутъ смертной казни, противъ него было предъявлено обвиненіе по 76 статьѣ уголовного кодекса, каравшей гильотиной за сношенія съ иностранными государствами, съ цѣлью доставить имъ средства предпринять войну противъ Франціи. Кромѣ того, медленность общихъ судебныхъ формальностей дозволяла суду состояться только въ половинѣ апрѣля, а это вполне соответствовало намѣреніямъ императора, который, желая устроить изъ этого дѣла громкій скандалъ, именно въ то время, когда его войска достигнуть береговъ Вислы и укрѣпятся тамъ, а слѣдовательно онъ не будетъ имѣть надобности прибѣгать къ дипломатическимъ пріемамъ относительно Россіи. Для большаго же эффекта подготавлиаемаго сенсаціоннаго инцидента Наполеону было необходимо сохранить его до времени въ тайнѣ, а потому газетамъ было предписано молчать, и даже въ политическихъ сферахъ говорили только шепотомъ объ этой исторіи. Однако французскому правительству въ этомъ отношеніи представилъ большую помѣху русскій посолъ, князь Куракинъ, и его вмѣшательство придало комическій элементъ трагическому эпизоду.

Вандаль рисуетъ мастерскую характеристику этого официалнаго представителя русской дипломатіи, о которомъ самъ императоръ Александръ говорилъ, что онъ «предпочитаетъ дурака, который ведетъ себя такъ, что никто не можетъ подозрѣвать настоящихъ чувства Россіи,—умному человѣку, который возбуждалъ бы въ умахъ сомнѣнія». Такимъ образомъ князь Куракинъ былъ чѣмъ-то въ родѣ золоченой, улыбающейся куклы, изъ-за которой другіе дипломатическіе агенты вели настоящую дипломатическую игру, а онъ служилъ только официалнымъ дипломатическимъ миражемъ. «Князь Александръ Куракинъ,—замѣчаетъ Вандаль,—былъ извѣстенъ во всей Европѣ своей пышностью и эксцентричностью. Въ сущности добрый человѣкъ и вполне искренній другъ мира, богатый, гордый старикъ, любившій болѣе всего на свѣтѣ роскошь и великолѣпіе, онъ представлялъ типъ дипломата старинныхъ французскихъ водевилей. Онъ жилъ чрезвычайно широко и открыто, окружалъ себя пышной обстановкой, давалъ блестящіе праздники и радушно принималъ въ своихъ золоченыхъ салонахъ парижское общество, которое, охотно пользуясь его гостепріимствомъ, открыто смѣялось надъ его странностями. Сіяя, какъ солнце, безконечнымъ числомъ драгоценныхъ камней и орденовъ, безъ которыхъ онъ никогда не появлялся, Куракинъ давалъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ своимъ безмѣрнымъ культомъ этикета, колоссальнымъ и наивнымъ самолюбіемъ, страстью къ изображенію себя во всѣхъ видахъ на полотнѣ и дорого стѣящими ему интрижками какъ въ свѣтѣ, такъ и въ театральномъ мірѣ, не смотря на свою старость и подагру. При его открытой жизни и добродушной довѣрчивости, парижская полиція не имѣла большого труда, чтобы слѣдить за всѣми его шагами: она не только читаетъ его дешепи, когда онъ засыпаетъ, сидя въ креслѣ передъ своимъ письменнымъ столомъ, но слѣдуетъ за нимъ въ его визитахъ къ актрисамъ, которыхъ онъ поражаетъ многочисленностью своихъ орденовъ, приводитъ въ извѣстность всѣ его роскошные костюмы, наблюдаетъ за его прогулками по галлереймъ Пале-Рояля, гдѣ онъ, по словамъ тайныхъ полицейскихъ донесеній, хранящихся въ національномъ архивѣ, покупалъ фальшивую грудь, только что тогда изобрѣтенную, и съ интересомъ рассматривалъ фальшивыя икры, но боялся приобрести ихъ, чтобы не приняли этой покупки за желаніе придать искусственную красоту своимъ старческимъ ногамъ; наконецъ подслушиваютъ его разговоры съ бульварными погибшими созданіями, которымъ онъ добродушно читалъ мораль. Конечно, результатомъ этого постоянного полицейскаго шпионства была увѣренность, что русскій посолъ былъ человѣкомъ прямымъ и не опаснымъ, а только смѣшнымъ». Поэтому естественно, что тайный надзоръ надъ нимъ не имѣлъ ничего общаго съ политикой, и ловкій Фуше, и его преемникъ Савари махнули рукой на то, что дѣлалось въ рус-

скомъ посольствѣ, не подозрѣвая, что подъ тѣнью блестящаго, параднаго представителя Россіи, тайно работали ея скромные дипломатическіе агенты, о дѣйствіяхъ которыхъ не имѣлъ никакого понятія самъ князь Куракинъ.

При подобномъ положеніи дѣлъ неудивительно, что русскій посолъ ничего не зналъ о подготовлявшемся скандальномъ процессѣ и поднялъ большой шумъ въ виду неожиданнаго исчезновенія своего швейцара. Онъ полагалъ, что видный нѣмецъ, представлявшій картинную фигуру съ своей булавой на роскошной посольской лѣстницѣ, былъ замѣшанъ въ какой нибудь драмѣ частнаго характера, и громко требовалъ возвращенія необходимаго аксесуара своего пышнаго жилища. Онъ не давалъ покоя герцогу Бассано, требуя, чтобы полиція приняла самыя энергичныя мѣры для розысканія его любимаго слуги. «Я обращаюсь къ вамъ, герцогъ,—писалъ онъ,—съ полнымъ довѣріемъ къ вашей добротѣ и заранѣе благодарю васъ за то дѣятельное содѣйствіе, которое вы, конечно, окажете къ отысканію моего швейцара». Жалобы и просьбы Куракина наконецъ такъ надоѣли Наполеону, что онъ приказалъ зажать ротъ наивному послу, открывъ ему всю правду, и самъ продиктовалъ герцогу Бассано чрезвычайно рѣзкій отвѣтъ. «Его величество,—говорилось въ этой замѣчательной официальной бумагѣ,—чрезвычайно огорченъ поведеніемъ графа Чернышева; онъ съ изумленіемъ узналъ, что человѣкъ, съ которымъ онъ всегда хорошо обращался, и который былъ въ Парижѣ не въ качествѣ политическаго агента, а какъ адъютантъ русскаго императора, аккредитованный при его величествѣ собственноручнымъ письмомъ русскаго государя, а потому пользовавшійся большимъ довѣріемъ, чѣмъ посолъ,—воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ и во зло употребилъ то, что считается наиболѣе святымъ въ глазахъ всѣхъ людей. Его величество льститъ себя надеждою, что императоръ Александръ будетъ также огорченъ поведеніемъ Чернышева и признаетъ, что послѣдній игралъ роль агента подкупа, одинаково осуждаемаго международнымъ правомъ и правилами чести. Его величество жалуется, что подъ титуломъ, вызывавшимъ особое довѣріе, приставили къ нему шпиона, и при томъ во время мира, а это дозвоительно только относительно врага и во время войны. Онъ жалуется, что шпиономъ былъ выбранъ не человѣкъ, принадлежащій къ низшему слою общества, а лицо, близко стоящее къ своему государю». Набросавъ эти, дышавшія гнѣвомъ, строки, Наполеонъ, однако, задумался: отъ подобнаго отвѣта слишкомъ несло порохомъ, и онъ могъ открыть глаза Александру на неминуемость разрыва съ Франціей, что старательно скрывалъ Наполеонъ, а съ другой стороны, въ виду извѣстнаго ему лицемѣрія Александра, онъ могъ рисковать тѣмъ, что подготовленный имъ скандалъ на всю Европу окажется мертворожденнымъ, если бы русскій императоръ вздумалъ отказаться отъ дѣйствій своего личнаго представителя. На этомъ

основаніи Наполеонъ благоразумно воздержался отъ удовольствія срѣзать наивнаго Куракина и приказалъ оставить продиктованную имъ записку въ министерскомъ портфелѣ, откуда она впослѣдствіи попала въ корреспонденцію Наполеона подъ № 18541. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Вандаля, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ достовѣрности его разсказа, потому что онъ основанъ на официальныхъ архивныхъ матеріалахъ, хотя Шили въ своей книгѣ говоритъ, что письмо герцога Бассано было послано князю Куракину, и даже приводитъ начало и конецъ этого важнаго историческаго документа, которыхъ нѣтъ у Вандаля. Что касается начала, то оно имѣетъ лишь формальный характеръ и состоитъ изъ слѣдующей фразы: «Я докладывалъ его величеству письмо, которое вы имѣли честь написать мнѣ относительно Жана Вустингера» и т. д., но конецъ чрезвычайно характеристиченъ, если достовѣренъ: «Его величество извинилъ бы князя Куракина, если бы онъ самъ учинилъ такія уловки, но нельзя того же сдѣлать относительно полковника, пользующагося довѣріемъ своего государя и стоящаго такъ близко къ его особѣ»¹⁾. Не доставивъ Куракину, по словамъ Вандаля, рѣзкаго отвѣта Наполеона, герцогъ Бассано долго увѣрялъ его, что ничего не знаетъ о судьбѣ посольскаго швейцара, и, наконецъ, когда тотъ сталъ очень приставать, сказалъ ему конфиденціально: «вашъ швейцаръ не погибъ, а его были вынуждены арестовать, потому что онъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ безопасности государства. Его накрыли съ поличнымъ. Судебная власть занята изслѣдованіемъ этого дѣла, и оно ведется основательно, осторожно и въ необходимой тайнѣ; окажемъ должное уваженіе судебной власти и подождемъ результатовъ слѣдствія; какъ только я узнаю что нибудь вѣрное, то немедленно сообщу вамъ». Приведенный въ ужасъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что онъ укрывалъ заговорщика въ своемъ посольскомъ домѣ, князь Куракинъ сталъ терпѣливо ждать подготавливаемаго процесса и даже выразилъ герцогу Бассано нѣчто въ родѣ извиненія. Такъ Вандаля рассказываетъ, что онъ писалъ своему двору, хотя этихъ словъ и не имѣется въ напечатанныхъ донесеніяхъ князя Куракина въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества: «Я выразилъ по этому случаю такую мысль, съ которой министръ вполне согласился, такъ какъ у него также обширный персоналъ, именно что очень трудно рассчитывать на вѣрность всѣхъ людей, служащихъ вамъ и окружающихъ васъ».

Наконецъ, дѣло Мишеля и его сообщниковъ было назначено къ слушанію въ Сенскомъ уголовномъ судѣ, и ему посвящены два засѣданія 13-го и 14-го апрѣля 1812 года. Долго хранимая тайна, наконецъ, раскрылась, и, къ общему изумленію всей Европы, обнаружена картина цѣлой системы подкуповъ агентами русскаго правительства французскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства.

¹⁾ L'Espionage, par Numa de Chilly, Paris, 1888, p. 17—18.

II.

Обвинительный актъ привлекалъ къ отвѣтственности суда присяжныхъ только четырехъ подсудимыхъ: Мишеля, 30-ти лѣтъ, уроженца департамента Мозели; Сажэ, 35-ти лѣтъ, уроженца департамента Сены и Марны; Сальмона, 32-хъ лѣтъ, уроженца департамента Марны, и Мозеса, по прозвищу Мирабо, 35-ти лѣтъ, парижанина. Привлеченные къ слѣдствію другіе чиновники были освобождены за недостаткомъ уликъ, а Вустингеръ, не смотря на то, что составлялъ связующее звено между подкупающими и подкупаемыми, не былъ привлеченъ къ отвѣтственности, потому что его иностранное происхожденіе и служба въ русскомъ посольствѣ дѣлали его неподсуднымъ, а потому онъ фигурировалъ только свидѣтелемъ. Предсѣдателемъ суда былъ Лепуатевенъ, обвинялъ генеральный прокуроръ Легу, а въ числѣ защитниковъ находился, вполнѣдствіи знаменитый адвокатъ и политическій дѣятель, Дюпенъ.

Какъ обвинительный актъ, такъ и рѣчь генеральнаго прокурора вполнѣ выяснили все дѣло, и свидѣтельскія показанія, а также рѣчи защитниковъ послужили лишь подтвержденіемъ и иллюстраціей уже рельефно нарисованной картины. Къ общему удивленію оказалось, что преступныя дѣйствія Мишеля начались за 8 или за 9 лѣтъ до суда. Онъ служилъ въ то время въ военномъ министерствѣ и случайно встрѣтилъ на бульварѣ секретаря русскаго посольства, Убри, который, замѣтивъ въ его рукахъ прекрасно написанный листъ бумаги, спросилъ, его ли это почеркъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ ему заняться перепиской для него бумагъ. Мишель согласился и переписалъ для Убри три или четыре бумаги самаго безобиднаго свойства, за что получилъ тысячу франковъ, которые ему показались чрезмѣрной платой. Но, повидимому, эта чрезмѣрная плата подѣйствовала на него такъ соблазнительно, что когда Убри попросилъ его достать свѣдѣнія объ организаціи и тогдашнемъ расположеніи французскихъ войскъ, то онъ исполнилъ его желаніе, хотя, какъ Мишель показалъ на слѣдствіи и судѣ, очень неохотно. За это онъ получилъ еще тысячу франковъ, а Убри уѣхалъ съ этими свѣдѣніями, которыя по словамъ обвинительнаго акта, могли способствовать Россіи въ ея дѣйствіяхъ противъ Франціи, въ войнѣ 1805 г. Послѣ Тильзитскаго мира Убри вернулся въ Парижъ, съ титуломъ повѣреннаго въ дѣлахъ, и Мишель возобновилъ свои сношенія съ нимъ, хотя доставляемые имъ свѣдѣнія, въ виду царившаго мира, не могли имѣть важнаго значенія. При замѣнѣ Убри графомъ Толстымъ, совѣтникъ русскаго посольства, Нессельроде, продолжалъ вести дѣло съ Мишелемъ, который доставлялъ ему списки начальствующихъ лицъ во французской арміи, расположенной въ Германіи, и свѣдѣнія объ ея со-

ставѣ; но послѣднія свѣдѣнія, по его словамъ, были не точны, а только приближительны. Когда Нессельроде уѣхалъ съ Толстымъ въ Эрфуртъ, то Мишель обязался извѣщать его о всѣхъ переменахъ во французской арміи и, спустя два мѣсяца, составилъ объ этомъ подробную записку, запечаталъ ее въ конвертъ и, адресовавъ на имя посланника, снесъ въ русское посольство. Но, по его показанію на слѣдствіи, онъ сталъ сильно беспокоиться о судьбѣ пакета, въ тотъ же день взялъ его обратно и сжегъ. По возвращеніи въ Парижъ Нессельроде, Мишель доставлялъ ему нѣсколько разъ подробныя свѣдѣнія о составѣ французскихъ корпусовъ и объ ихъ расположеніи въ Германіи, за что получалъ каждый разъ по банковому билету въ 500 франковъ. По отозваніи Нессельроде, секретарь русскаго посольства, Крафтъ, котораго Вандаль называетъ просто русскимъ агентомъ, пригласилъ къ себѣ Мишеля и просилъ его продолжать прежнія сношенія. За три года до суда онъ былъ уволенъ изъ отдѣла военнаго министерства по передвиженію войскъ и получилъ другое мѣсто въ военной администраціи, по отдѣлу обмундированія войскъ, а потому уже не могъ лично добывать требуемыхъ свѣдѣній. Явилась необходимость въ сообщникахъ, и прежде всего онъ вошелъ въ сношенія со сторожемъ того отдѣла военнаго министерства, гдѣ онъ прежде служилъ, по имени Мозесъ. Въ этомъ отдѣлѣ составлялся два раза въ мѣсяцъ общій планъ дизлокаціи всей французской арміи, и Мозесу было поручено носить этотъ важный документъ къ переплетчику для брошюровки. На это ему давалось опредѣленное время, но Мишель ухитрился выгадать изъ этого времени три четверти часа для списыванія секретныхъ свѣдѣній. Мозесъ былъ не грамотный и вѣрилъ, что Мишель дѣйствительно, какъ говорилъ, интересуется передвиженіемъ войскъ по той причинѣ, что у него служилъ въ арміи богатый, бездѣтный родственникъ, котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ, а потому безъ всякаго подозрѣнія получалъ за маловажную въ его глазахъ услугу, по 5—6 франковъ. Но вскорѣ начальнику отдѣла показалось, что Мозесъ слишкомъ долго ходитъ къ переплетчику, и онъ сталъ посылать вмѣсто него чиновника. Еще одинъ разъ Мишелю удалось перехватить тайну, такъ какъ Мозесъ пошелъ вмѣстѣ съ чиновникомъ и подъ какимъ-то ловкимъ предлогомъ взялъ у него драгоцѣнную тетрадку и передалъ на нѣсколько минутъ Мишелю, но затѣмъ этотъ источникъ совершенно изсякъ.

Однако Мишель не унывалъ и завелъ сношенія съ Сальмономъ и Сажэ. Въ 1811 г. первый изъ нихъ доставилъ ему свѣдѣнія о составѣ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ Германіи, а затѣмъ каждыя двѣ недѣли представлялъ вѣдомость объ уходѣ войскъ изъ Франціи и достиженіи ими мѣстъ назначенія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ составилъ общую картину всей французской арміи

въ Германіи по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Сажэ. Тотъ же Сажэ досталъ въ январѣ слѣдующаго года данныя о мѣстѣ находженія и составѣ тѣхъ корпусовъ, которые должны были образовать армію въ Германіи. Все это было передано Мишелемъ Крафту, который уплатилъ ему 6.000 франковъ. Свѣдѣнія, на которыхъ была основана эта работа, были выкрадены Сажэ изъ картонокъ, куда клали свои бумаги его товарищи по службѣ. Такимъ образомъ получился полный отчетъ о дизлокаціи всей арміи, кромѣ четырехъ корпусовъ. Сажэ увѣрялъ на слѣдствіи, что онъ не передавалъ Мишелю никакихъ данныхъ о гвардіи, а напротивъ, Мишель утверждалъ, что въ переданныхъ ему Сажэ бумагахъ находились и эти послѣднія свѣдѣнія. Переписку съ русскими агентами Мишель велъ черезъ Вустингера, прежняго камердинера Нессельроде, а потомъ швейцара русскаго посольства, и этотъ же Вустингеръ свелъ его съ Чернышевымъ, который призвалъ его къ себѣ и просилъ сообщить ему тайно отъ Крафта все, доставляемыя ему, свѣдѣнія. Мишель на это согласился послѣ того, какъ Чернышевъ рекомендовалъ себя, какъ любимца императора Александра, и обѣщаль отъ имени своего государя значительную пенсію. Съ этого времени Мишель началъ служить двумъ господамъ, и Чернышевъ списывалъ изъ работы, приготовленной Крафту, то, что ему было нужно. Онъ также требовалъ иногда отдѣльныхъ свѣдѣній, и для него именно Мишель досталъ отъ Сажэ данныя о гвардіи. За эти услуги онъ получилъ отъ Чернышева 4.000 франковъ. Передъ своимъ отъѣздомъ Чернышевъ предложилъ Мишелю посылать ему, во время его отсутствія, свѣдѣнія о перемѣнахъ во французской арміи чрезъ челоуѣка, котораго онъ обѣщаль указать, и поручилъ ему для этой цѣли подкупить чиновниковъ главнаго штаба. Въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ щедръ, что, по словамъ Мишеля, согласился заплатить 400.000 франковъ начальнику отдѣла въ военномъ министерствѣ, если бы Мишель сумѣлъ добиться его услугъ, но послѣдній не рискнулъ на такой подкупъ, предвидя неудачу. Хотя на слѣдствіи, какъ и потомъ на судѣ, Мишель во всемъ сознался, но онъ старался выставить себя, какъ невинную жертву демоновъ искусителей, въ особенности Чернышева, который ловко его завлекалъ всевозможными средствами и не только принималъ его во всякое время къ себѣ, но и посѣщаль его, не брезгая его скромнымъ жилищемъ; при этомъ онъ увѣрялъ, что нѣсколько разъ хотѣлъ прекратить свои сношенія съ Чернышевымъ, но тотъ пугалъ его, говоря: «вы слишкомъ далеко зашли и не можете пойти назадъ; если вы откажетесь мнѣ служить, то я донесу на васъ, и вы погибнете». Впрочемъ, Мишель высоко цѣнилъ матеріальную выгоду отъ своихъ сношеній съ русскими агентами, отъ которыхъ всего получилъ до 20.000 франковъ, а отдалъ изъ нихъ Сальмону и Сажэ только по 300 франковъ, и по

показанію его сообщниковъ онъ говорилъ имъ незадолго до отъѣзда Чернышева: «всѣ войска уходятъ въ Германію, они тамъ будутъ дѣлать необходимыя закупки, и фирма Дельпонъ лопнетъ. Прощай мои достатки. Мнѣ придется жить однимъ жалованьемъ». Дельпонъ было имя вымышленнаго имъ подрядчика, для котораго будто бы онъ собиралъ свѣдѣнія о передвиженіи войскъ, согласно его объясненіямъ Сальмону и Сажэ. На этомъ обманѣ Мишеля послѣдніе основали свою защиту. Они старались оправдать себя тѣмъ, что вѣрили Мишелю, который былъ старше ихъ по службѣ, и находили совершенно правдоподобнымъ, что подрядчикъ, доставлявшій на армію различные предметы, считалъ необходимымъ знать заблаговременно, куда двинется тотъ или другой корпусъ.

Къ сожалѣнію, ни Вандалъ, ни официальный отчетъ процесса не приводятъ рѣчей защитниковъ и подлинныхъ показаній обвиняемыхъ, а только первый цитируетъ нѣсколько риторическихъ фигуръ изъ цвѣтистаго краснорѣчія прокурора. Несомнѣнно, однако, заключить, что виновность Мишеля оказалось вполнѣ установленной, хотя онъ и увѣрялъ, что, представляя свѣдѣнія о французской арміи русскому правительству, находившемуся въ мирѣ съ Франціей, не приносилъ родинѣ никакого вреда, а относительно Сажэ и Сальмона осталось недоказаннымъ, что они измѣняли сознательно своему отечеству, а потому ихъ можно было признать только виновными въ нарушеніи своихъ служебныхъ обязанностей. Даже въ этомъ отношеніи Сальмонъ и Мозесъ оказались заслуживающими снисхожденіе, и судъ присяжныхъ, послѣ трехчасоваго совѣщанія, вынесъ оправдательный приговоръ о нихъ обоихъ. Мишель былъ присужденъ къ смертной казни, а Сажэ къ тюремному заключенію и штрафу въ 600 франковъ.

Перваго мая Мишель былъ казненъ, не смотря на всѣ его просьбы о помилованіи. Въ монархическихъ сферахъ Европы громко жалѣли, изъ ненависти къ Бонапарту, о судьбѣ «бѣднаго Мишеля, мученика святаго дѣла». Участь его сообщниковъ была также невеселая: хотя Сальмонъ и Мозесъ были освобождены судомъ, но ихъ немедленно арестовали по приказанію императора, и они содержались въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Сажэ, послѣ исполненія надъ нимъ приговора, до вступленія въ Парижъ союзниковъ въ 1814 году, когда ихъ наконецъ выпустили на свободу. Что касается до Вустингера, то онъ возвратился въ русское посольство только на нѣсколько дней и потомъ снова былъ арестованъ. На этотъ разъ князь Куракинъ не стерпѣлъ и подалъ пламенный протестъ французскому правительству, которое, однако, не обратило вниманія на его жалобу, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ этого Наполеонъ отправился въ армію, и началась война.

III.

Пока судили подкупленныхъ имъ французскихъ чиновниковъ, Чернышевъ спокойно возвращался въ Россію, очень довольный явными и тайными результатами своего пребыванія въ Парижѣ. Онъ уже былъ тамъ не въ первый разъ, а неоднократно катался между Петербургомъ и французской столицей съ 1810 года, въ качествѣ личнаго курьера обоихъ императоровъ, такъ что, по расчету тогдашнихъ остряковъ, онъ извѣздилъ бѣльшее пространство, чѣмъ если бы совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Молодой, двадцатипятилѣтній гвардейскій полковникъ и флигель-адъютантъ Александра, онъ для вида развозилъ письма государей, а въ сущности служилъ настоящимъ дипломатическимъ агентомъ русскаго императора и былъ его бдительнымъ окомъ въ Парижѣ. Не оффиціаль- ный посолъ князь Куракинъ, а Чернышевъ передавалъ лично Наполеону порученія Александра, выслушивалъ его рѣчи, давалъ на нихъ отвѣты отъ имени своего государя и обо всемъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и развѣдывалъ въ Парижѣ, сообщалъ въ Петербургъ какъ императору, такъ и канцлеру графу Румянцеву. Въ этихъ донесеніяхъ онъ не только извѣщалъ государя о всемъ, что онъ узнавалъ, открыто и тайно, о приготовленіяхъ Наполеона къ войнѣ съ Россіей, но и выражалъ свои собственныя соображенія о томъ, какъ лучше отразить гибельные для Россіи планы все еще, повидимому, дружелюбнаго союзника. Александръ былъ такъ доволенъ дѣйствіями Чернышева въ Парижѣ, что на одной изъ его депешъ написалъ карандашемъ: «зачѣмъ нѣтъ у меня многихъ министровъ, какъ этотъ молодой человекъ»¹⁾. Конечно, Чернышевъ не объяснялъ ни императору, ни Румянцеву, по крайней мѣрѣ, въ напечатанныхъ въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества», донесеніяхъ²⁾, какимъ путемъ онъ добывалъ сообщаемыя секретныя свѣдѣнія, но какъ тотъ, такъ и другой очевидно понимали, что, представляя данныя о составѣ и движеніи корпусовъ французской арміи, даже полное росписаніе, побаталіонно и эскадронно, тѣхъ войскъ, которыя двигались къ русской границѣ, — Чернышевъ не могъ иначе, какъ подкупомъ, въ томъ или другомъ видѣ, добиться подобныхъ свѣдѣній. Наконецъ онъ прямо говоритъ въ одномъ донесеніи, что былъ у Талейрана, передалъ ему письмо государя и долго бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ князь Беневентскій объяснялся, какъ настоящій другъ Россіи³⁾. Если принять въ соображеніе, что Талейранъ уже тогда являлся измѣнни-

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. XXI, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 1—280.

³⁾ Тамъ же, стр. 59.

комъ Франціи, дѣйствуя противъ ея интересовъ, и вступалъ въ сношенія съ чужестранными государствами, съ цѣлью подготовить реставрацію Бурбоновъ, то отношенія къ нему Чернышева очевидно имѣютъ характеръ подкупа, тѣмъ болѣе, что извѣстно, какія крупныя суммы денегъ бралъ Талейранъ отъ императора Александра, хотя, не смотря на это, онъ выдавалъ въ свою очередь русскія дипломатическія тайны Австріи. Кромѣ того, Чернышевъ переманивалъ на русскую службу французскихъ военныхъ спеціалистовъ, какъ, напримѣръ, извѣстнаго впоследствии Жомини, который вполне поддавался соблазну и, подавъ въ отставку, ждалъ только паспорта для отъѣзда въ Россію; но неожиданно былъ вызванъ въ Парижъ съ мѣста своего служенія и получилъ тамъ чинъ бригаднаго генерала, послѣ чего онъ уже не могъ привести въ исполненіе своего плана, хотя, по словамъ Чернышева, онъ былъ этимъ очень опечаленъ и огорченъ ¹⁾).

Неудивительно, что принятый сначала въ Парижѣ съ распростертыми объятіями, блестящій русскій полковникъ, котораго ласкалъ самъ Наполеонъ, на рукахъ носило все высшее общество и удостоивала своимъ благосклоннымъ вниманіемъ сестра императора, красавица Полина Боргезе, мало-по-малу сталъ возбуждать къ себѣ сомнѣніе, и министръ полиціи, Савари, герцогъ Ровиго, наконецъ посовѣтовалъ ему чрезъ графа Нессельроде поселиться сколько можно въ Парижѣ, но не заниматься ничѣмъ другимъ ²⁾). Не довольствуясь подобнымъ предупрежденіемъ, Савари даже приказалъ напечатать въ офиціозной газетѣ «Journal de L'Empire» ядовитую статейку, въ которой французскому обществу совѣтовалось остерегаться молодого интригана, съ свѣжимъ лицомъ, черными волосами, средняго роста, хорошо одѣтаго и выдающаго себя за курьера съ депешами, а въ сущности злоупотребляющаго довѣріемъ къ нему добродушныхъ людей. Эта статейка надѣлала много шума въ дипломатическихъ сферахъ, и Наполеонъ пришелъ въ ярость, такъ какъ онъ не разъ приказывалъ Савари смотрѣть сквозь пальцы на все, что дѣлалъ Чернышевъ. Онъ сдѣлалъ гнѣвный выговоръ слишкомъ ревнивому министру полиціи, смѣнилъ редактора офиціознаго журнала, подвергъ цензора Эменара, пропустившаго статью, вычету изъ жалованья и строго-на-строго приказалъ оставить въ покоѣ Чернышева. «Только недоставало, чтобы меня прогнали», прибавляетъ въ своихъ мемуарахъ герцогъ Ровиго, рассказывая объ этомъ эпизодѣ ³⁾). Если Наполеону угодно было дать полную свободу Чернышеву въ организованной имъ системѣ шпіонства, то это объяснялось тѣмъ, что приготовленія къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 65.

²⁾ Тамъ же, стр. 91.

³⁾ Memoires de Rovigo, t. V, p. 135.

войнѣ не были еще закончены, и онъ не хотѣлъ рѣзкими дѣйствіями относительно представителя русскаго императора преждевременно вызвать разрывъ между обоими государствами.

Такимъ образомъ молодой русскій полковникъ веселился въ Парижѣ, развозилъ письма императоровъ и велъ подпольную игру, доставляя русскому правительству свѣдѣнія о составѣ и расположеніи французской арміи, готовившейся вторгнуться въ Россію. Получаемыя, какъ впоследствии оказалось, отъ Мишеля и его сообщниковъ, данныя онъ частью посылалъ въ Петербургъ съ дипломатическими курьерами, а частью, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, возилъ самъ. Въ одинъ изъ его отъѣздовъ изъ Парижа, въ 1811 году, случайно выѣхалъ въ одинъ день съ нимъ французскій резидентъ въ Варшавѣ, баронъ Биньонъ, и естественно они встрѣчались на станціяхъ до самой границы. «Я замѣчалъ, — рассказываетъ Биньонъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾, — что одежда русскаго офицера очень оттопыривалась на груди, вѣроятно, отъ толстаго портфеля въ боковомъ карманѣ, а потому нѣсколько разъ поздравлялъ его съ ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, благодаря чему онъ всегда носилъ на своемъ сердцѣ порученныя ему депеши. Мой комплиментъ, конечно, не очень ему нравился, такъ какъ я узналъ потомъ, что портфель, который онъ такъ тщательно охранялъ, заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о дизлокаціи французской арміи, проданныя ему чиновникомъ военнаго министерства, который былъ судимъ и приговоренъ за это къ смертной казни». Хотя Биньонъ и неправильно отнесъ процессъ Мишеля къ 1811 году, тогда какъ онъ происходилъ въ 1812 г., но все-таки живая картинка, рисуемая имъ, не теряетъ своего достовѣрнаго характера, такъ какъ и въ 1811 году, какъ извѣстно, Чернышевъ уже получалъ важные документы отъ Мишеля и могъ слѣдовательно везти ихъ въ своемъ портфелѣ.

Однако, въ началѣ 1812 года Наполеонъ рѣшилъ, что пора прекратить предоставленную Чернышеву свободу шпионничать, но боясь, чтобы Савари не переусердствовалъ, онъ поручилъ строго наблюдать за дѣйствіями русскаго полковника осторожному и дипломатичному Марэ, герцогу Бассано, министру иностранныхъ сношеній. Послѣдній призвалъ къ себѣ полицейскаго префекта Паскье и просилъ его принять необходимыя мѣры, а Паскье приказалъ полицейскому агенту, Фудра, организовать цѣлую систему шпионства за привилегированнымъ шпиономъ. Съ своей стороны и Савари, узнавъ о дѣйствіяхъ Паскье и Марэ, не желая выпустить дѣлъ изъ своихъ рукъ, также принялся слѣдить за Чернышевымъ, который такимъ образомъ попалъ подъ двойной полицейскій над-

---

¹⁾ Souvenirs d'un diplomate. La Pologne 1811—1813, par le baron de Bignon. Paris, 1864, p. 5—7.

зоръ. Всѣ обычные уловки и хитрости были пущены въ ходъ: черезъ нѣсколько дней было узнано, что Чернышевъ получаетъ тайныя свѣдѣнія изъ военнаго вѣдомства, но еще не могли добраться до того, кто именно доставлялъ эти свѣдѣнія. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ пришелъ въ ярость, но приказалъ повременить съ дальнѣйшими розысками, пока онъ не удалитъ Чернышева изъ Парижа подъ благовиднымъ предлогомъ. Этотъ предлогъ онъ нашелъ въ отправкѣ его въ Петербургъ съ собственноручнымъ письмомъ къ Александру, и хотя въ послѣднемъ своемъ свиданіи съ нимъ онъ все-таки обнаруживалъ полное довѣріе къ флигель-адъютанту русскаго императора и поручилъ ему быть выразителемъ его послѣднихъ предложеній для сохраненія мира, но позволилъ себѣ нѣсколько ироническихъ намековъ на то, что ему были извѣстны занятія Чернышева въ Парижѣ. Это объясненіе происходило 25-го февраля, а на слѣдующій день Чернышевъ выѣхалъ изъ Парижа; вслѣдъ за тѣмъ немедленно разыгралась трагическая исторія Мишеля и его сообщниковъ.

IV.

Хотя Наполеонъ, какъ заранѣе намѣревался, извлекъ значительную пользу для себя изъ дѣла Чернышева и подкупленныхъ имъ французскихъ чиновниковъ, протрубивъ на всю Европу о козняхъ Россіи и неблаговидныхъ ея дѣйствіяхъ во время мира, но въ сущности, съ одной стороны, заплатились за шпіонство, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ дѣлахъ, мелкіе людишки, а крупные преступники остались на свободѣ, съ другой же—въ дѣйствіяхъ Чернышева не было ничего необыкновеннаго, и самъ Наполеонъ прибѣгалъ къ подобному шпіонству.

Какъ извѣстно, во время консульства и имперіи англичане, нѣмцы и русскіе имѣли въ Парижѣ многочисленныхъ высокопоставленныхъ шпіоновъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Маллэ-Дю-Панъ, Фошъ-Борель, Антрэгъ и Талейранъ. Изъ нихъ Фошъ-Борель хвастался, что онъ своимъ шпіонствомъ причинилъ вреда Франціи болѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать 800.000 солдатъ, а Талейранъ достигъ апогея въ этомъ позорномъ искусствѣ и сразу служилъ нѣсколькимъ господамъ, продавая каждого изъ нихъ. Анонимный авторъ статьи въ *La Vie Contemporaine* отъ 15-го января 1894 года, «Шпіоны и шпіонство», рассказываетъ любопытный, если только достовѣрный, отвѣтъ одного русскаго, имѣющаго отношеніе къ изданію Сборника Историческаго общества, на вопросъ какого-то французца, почему не печатаютъ всѣхъ документовъ, удостоверяющихъ, что Талейранъ за русскія деньги не только продавалъ Францію, но и Россію: «нельзя печатать такихъ документовъ, потому что

послѣ этого никто не рѣшится продать себя, а покупая измѣнника, надо всегда имѣть въ виду, что онъ можетъ также измѣнить своимъ покупателямъ, какъ и своей родиной; поэтому отъ васъ зависитъ, на сколько можно довѣрять ему и на сколько слѣдуетъ пользоваться его услугами» ¹⁾). Такимъ образомъ, преслѣдуя и карая мелкихъ измѣнниковъ, Наполеонъ оставлялъ въ покоѣ крупныхъ преступниковъ и если иногда имѣлъ противъ нихъ подозрѣніе, то боялся предать правосудію тѣхъ, которые, гордо поднявъ голову и осыпанные его же милостями, тайно предавали его. Въ этомъ отношеніи, конечно, его удерживалъ страхъ, чтобы обнаруженіе подпольной работы, подтачивавшей его неограниченную власть, не указало на шаткія ея основы.

Что касается до лицемѣрнаго характера гнѣва Наполеона на иностранныхъ шпионовъ, когда онъ самъ пользовался услугами шпионства, устроеннаго имъ на широкой ногѣ, то въ этомъ отношеніи Шили въ своей книгѣ и анонимный авторъ статьи въ *La Vie Contemporaine* приводятъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ. Еще во время революціи, Бонапартъ первый учредилъ въ итальянской арміи особую тайную канцелярію подъ начальствомъ полковника Ландріе, мемуары котораго недавно напечатаны, но они, къ сожалѣнію, имѣютъ такой фантастическій и романическій характеръ, что не внушаютъ къ себѣ никакого довѣрія. Затѣмъ, во время консульства, Наполеонъ содержалъ многочисленныхъ шпионовъ во всѣхъ странахъ, въ особенности въ Англіи, гдѣ двумъ изъ нихъ удалось провести англійскихъ посланниковъ: въ Мюнхенѣ — Дрэка и въ Штутгартѣ — Смита, у которыхъ они выманили 100.000 франковъ, подъ предлогомъ устроить заговоръ противъ жизни перваго консула. Для своей великой арміи Наполеонъ учредилъ такую, какъ и въ итальянской, канцелярію для шпионства, и ею сначала завѣдывалъ Кларкъ, а потомъ Савари и Рапшъ; но не сохранилось никакихъ документовъ о дѣйствіяхъ этой канцеляріи, а только существуетъ корреспонденція одного торговца, по фамиліи Шульцмейстера, который доставлялъ свѣдѣнія въ императорскую квартиру во время Аустерлицкой кампаніи. Но за то въ каждомъ посольствѣ Наполеонъ имѣлъ особаго офицера главнаго штаба, который каждыя двѣ недѣли обязанъ былъ доставлять свѣдѣнія о положеніи арміи той страны, гдѣ онъ находился, и эти свѣдѣнія вносились въ таблицу, составленную самимъ Наполеономъ. Когда же онъ собирался объявить какому нибудь государству войну, то посылалъ туда съ тайными военными порученіями своихъ ординарцевъ, или камергеровъ, какъ, напримѣръ, Монтескьё въ Россію въ 1807 году передъ Фридрихомъ, и Турнона — въ Испанію, передъ стреченіемъ

¹⁾ *La Vie Contemporaine*, 15 janvier 1894, *Espions et Espionage*, par M***, p. 229—230.

короля Карла IV. Какую важность онъ придавалъ подобному шпионству, вполне доказывается его письмомъ къ маршалу Бертье, отъ 3-го марта 1806 года: «при семъ прилагаю декретъ, назначающій Лагранжа, капитана 9-го драгунскаго полка, вторымъ секретаремъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Призовите его къ себѣ и объявите ему мое желаніе, чтобы онъ велъ точный списокъ всѣхъ австрійскихъ полковъ и мѣстъ, гдѣ они находятся. Для этого онъ долженъ завести въ своемъ кабинетѣ особый ящикъ, раздѣленный на гнѣзда, въ которыя слѣдуетъ опускать карточки съ обозначеніемъ полковъ, гарнизоновъ и командировъ. Онъ обязанъ измѣнять эти карточки согласно съ движеніями войскъ и каждый мѣсяцъ доносить вамъ о результатахъ своей работы. Это дѣло очень важное, и Лагранжъ долженъ всецѣло отдаться ему, такъ чтобы безъ моего вѣдома не перемѣнилъ своей позиціи ни одинъ австрійскій баталіонъ»¹⁾. Кромѣ этого, Наполеонъ поручалъ собирать секретныя свѣдѣнія и консуламъ; такъ 5-го сентября 1810 года онъ писалъ Шампаньи: «консула должны составить цѣпь часовыхъ, которые будутъ сообщать все, что необходимо знать»²⁾, а 25-го апрѣля 1812 года онъ приказываетъ Марэ, герцогу Бассано, послать консуловъ, которые будутъ секретными агентами, сообщающими ежедневно шифрованные депеши — въ Кольбергъ, Эльбингъ, Кёнигсбергъ, Ригу, Ростоку, Висмаръ, Штральзундъ и Альтону³⁾. Такимъ образомъ болѣе чѣмъ странно, что Наполеонъ, самъ широко пользуясь услугами шпионовъ и посылавшій ихъ даже въ Россію, поднялъ шумъ и устроилъ колоссальный скандалъ, когда молодому русскому полковнику удалось ловко сыграть ту роль, которую, въ сущности, болѣе или менѣе играетъ большинство дипломатовъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Викфора⁴⁾: «посланникъ или военный агентъ не что иное, какъ благородный шпионъ, прикрытый международнымъ правомъ».

В. Тимирязевъ.

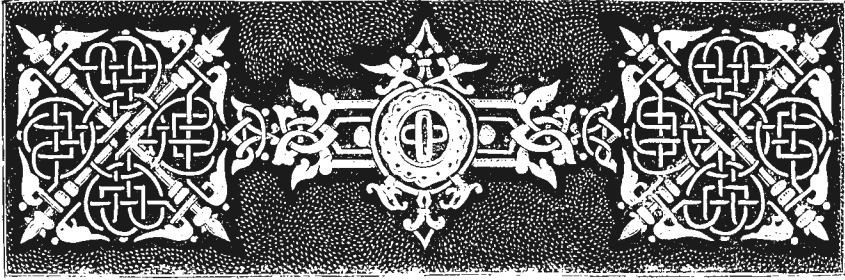

¹⁾ L'Espionage, par Numa de Chilly, Paris, 1888, p. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Abraham de Wickeford. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1681.

ДИНАСТІЯ КАЗИМИРЪ-ПЕРЬЕ.

ЕСТИМЪСЯЧНОЕ президентство Казимира Перье, третьяго по имени, служить чрезвычайно характеристичнымъ и знаменательнымъ явленіемъ нашего времени. Оно доказываетъ воочію, что существующая во Франціи двадцать четыре года республиканская форма правленія окончательно утвердилась и пустила такіе глубокіе ростки, что ихъ не вырвать никакимъ ретрограднымъ попыткамъ свернуть Францію съ ея прогрессивнаго пути. Всѣ злобные крики ея враговъ о томъ, что Франція погибла, сгнила и требуетъ насильственнаго спасенія ея кровнымъ, или буржуазнымъ искателемъ приключеній, должны стихнуть передъ тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Франція мирно, спокойно и съ полнымъ достоинствомъ пережила два серьезные правительственные кризиса. При этомъ безъ малѣйшихъ колебаній, или безпорядковъ, первая власть въ государствѣ изъ рукъ примѣрнаго президента, которому исторія сохраняетъ славное имя перваго гражданина Франціи, перешла подъ вліяніемъ паники, возбужденной Ліонской катастрофою, къ человѣку, извѣстному своей энергіей и общавшему избавить Францію отъ повторенія подобныхъ кровавыхъ событій, а когда оказалось, что это обѣщаніе приводится въ исполненіе реакціонной, репрессивной политикой, то буржуазный псевдо-спа-

ситель быстро достигъ такой непопулярности, что, не рискуя вступить въ открытую борьбу съ народомъ путемъ государственнаго переворота, онъ благоразумно отказался отъ власти, и она вторично перешла также тихо, также мирно къ новому президенту, если, быть можетъ, и не къ тому, кого желали искренніе друзья французскаго народа, то все-таки къ челоуѣку, происшедшему изъ народа, прямо заявившему, что онъ будетъ служить на пользу демократіи, къ которой самъ принадлежитъ, и заботиться о точномъ исполненіи конституціи, о честномъ примѣненіи парламентскаго правленія, наконецъ ознаменовавшаго первый шагъ своей дѣятельности амнистіей всѣмъ осужденнымъ за проступки противъ внутренней безопасности государства, за такъ называемыя преступленія печати и за участіе въ стачкахъ.

Всѣ эти перемѣны совершились при преобладаніи умѣренно-либеральнаго большинства въ палатѣ, которая отличается буржуазными стремленіями, и новый президентъ Феликсъ Форъ, не смотря на то, что онъ началъ жизнь простымъ рабочимъ, кожевникомъ, такой же умѣренный либераль, какъ Казимиръ-Перье, первое образованное имъ министерство Рибо того же политическаго оттѣнка, такъ что франкофобы не могутъ клеветать на радикаловъ, приписывая имъ паденіе Перье и предсказывая быструю гибель Франціи оттого, что временную реакцію тамъ замѣнила прогрессивная политика. Какъ при Карно и Перье, такъ и при Форѣ вся власть сосредоточена въ рукахъ буржуазныхъ умѣренныхъ либераловъ, и если они перешли отъ ретроградныхъ мѣръ къ прогрессивнымъ, то на это ихъ вынудили давленіе общественнаго мнѣнія и простая забота о самосохраненіи. Въ этой-то мирной политической эволюціи, совершившейся внутри одной и той же партіи, господствующей, благодаря обстоятельствамъ, въ французскомъ парламентѣ, и заключается все значеніе послѣднихъ событій во Франціи. Радикалы, а тѣмъ паче социалисты, тутъ не причемъ; послѣдніе играютъ слишкомъ малую роль въ Парижѣ, чтобъ вліять на политику страны, а радикалы хотя и составляютъ сильную партію, за которой стоитъ большинство французскаго народа, но при разношерстности теперешняго парламента съ буржуазнымъ умѣренно-либеральнымъ большинствомъ они не могутъ взять власти въ свои руки, что доказывается тѣмъ, что ихъ кандидатъ въ президенты, неподкупный, классическій республиканецъ, Бриссонъ, не могъ быть выбраннымъ, а одинъ изъ ихъ предводителей, Буржуа, встрѣтилъ такія преграды къ образованію даже не радикальнаго министерства, а такъ называемаго кабинета республиканскаго сосредоточенія изъ различныхъ элементовъ лѣвой стороны съ радикальнымъ оттѣнкомъ, что долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго ему новымъ президентомъ поста премьера. Такимъ образомъ радикалы до настоящаго времени имѣютъ возможность только при помощи случайной коалиціи съ консервативными, мо-

Казимиръ-Перье, дѣдъ.

нархическими и социалистскими элементами палаты свергать министерства, а при содѣйствіи общественнаго мнѣнія вынуждать непопулярнаго президента подать въ отставку и буржуазныхъ умѣренныхъ либераловъ измѣнить свою политику, но не въ состояніи сами управлять страной. Все-таки, благодаря ихъ упорной, преданной истиннымъ народнымъ интересамъ, дѣятельности, существующая во Франціи сложная правительственная система, составленная Тьеромъ изъ различныхъ остатковъ легитимистскихъ, орлеанскихъ и бонапартистскихъ порядковъ, подъ названіемъ консервативной республики, постоянно, хотя медленно, развивается, идя вѣрными шагами по пути къ настоящему народоправству. Что дѣйствительно во Франціи происходитъ такая мирная прогрессивная эволюція, всего краснорѣчивѣе доказывается тѣмъ фактомъ, что орлеанистская республика, которую хотѣлъ ввести Казимиръ Перье, не продержалась болѣе шести мѣсяцевъ и уступила мѣсто демократической республикѣ Фора, замѣнившей огульные аресты такъ называемыхъ подозрительныхъ людей общей амнистіей.

При теперешнемъ положеніи дѣлъ во Франціи получаетъ особый интересъ неудачная, кратковременная попытка Перье вернуть назадъ эту вѣчно прогрессивную страну, такъ какъ она можетъ служить назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ будущихъ титулованныхъ, или буржуазныхъ искателей приключеній, которые вздумали бы разыграть во Франціи роль спасителей отечества. Но чтобъ дать себѣ сознательный отчетъ въ настоящемъ значеніи этого характеристичнаго эпизода современной исторіи, необходимо рассмотретьъ дѣятельность Казимира Перье въ совокупности съ политической карьерой его дѣда, авторитетнаго министра Людовика Филиппа, такъ какъ внукъ достигъ своего высокаго положенія только благодаря славѣ дѣда, и старался хотя неудачно подражать ему. Впрочемъ и самая слава Казимира Перье, перваго этого имени, заключается въ себѣ много легендарнаго, много преувеличеннаго, и на повѣрку выходитъ, что его пресловутое, великое министерство, продолжавшееся около года, было такой же печальной попыткой вернуть назадъ Францію, какъ и полугодное президентство его внука, а если его имя окружено извѣстнымъ ореоломъ, то благодаря преждевременной смерти въ самый разгаръ его правленія, а также предшествовавшей его министерству исполнѣ достойной и полезной дѣятельности во главѣ оппозиціи. Такимъ образомъ династія Казимиръ-Перье занимаетъ среди республиканской аристократіи современной Франціи совершенно особое и далеко не равное мѣсто съ другими двумя столь же извѣстными, но по истинѣ славными республиканскими династіями Карно и Каваньяка.

Очень любопытную черту третьей республики во Франціи составляетъ появленіе среди ея правителей, съ одной стороны, буржуазныхъ плебеевъ, какъ недавно умершій предсѣдатель палаты депутатовъ Бюрдо, новый президентъ Форъ и теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, которые, выйдя изъ народа, усвоили себѣ буржуазныя тенденціи, по достиженіи виднаго положенія въ политической карьерѣ, а съ другой—республиканскихъ аристократовъ, какъ покойный Карно, сынъ котораго, Карно IV, надняхъ избранъ въ депутаты, и Каваньякъ, который уже дважды неудачно выбирался въ президенты, но, все-таки, остается однимъ изъ самыхъ вѣроятныхъ кандидатовъ въ главы государства, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Первый фактъ легко объясняется тѣмъ, что самолюбивый, способный человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу до высшихъ общественныхъ ступеней, подобно рабочему Бюрдо, или Фору и сыну поселянина, подобно Ганото, принимаетъ тѣ политическіе взгляды, которые въ виду теперешнихъ обстоятельствъ наиболѣе обезпечиваютъ его успѣхъ, именно взгляды буржуазнаго, умѣренно-либеральнаго большинства палаты. Что касается до преобладанія съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи представителей извѣстныхъ семействъ, оказавшихъ значительныя услуги тремъ

республикамъ, то это столь же понятное явленіе, такъ какъ народъ никогда не забываетъ своихъ честныхъ слугъ, и если сыновья или внуки подобныхъ лицъ оказываются достойными своихъ отцовъ и дѣдовъ, то они пользуются тѣмъ большей популярностью. Вотъ такіе-то демократическіе роды г-жа Флока въпервые и очень удачно назвала республиканской аристократіей. Во главѣ ея естественно стоятъ такія всѣми уважаемыя имена, какъ Карно, Каваньякъ и Араго.

О династіи Карно, конечно, говорить нечего, ея вполне заслуженная слава составляетъ гордость Франціи. Не многимъ отстали отъ этого перваго рода новой республиканской аристократіи Каваньяки и Араго. Династія Каваньяка состоитъ до сихъ поръ изъ трехъ лицъ: отца, честнаго дѣятеля республики 1848 года, который возвратилъ народу данныя ему диктаторскія права, дяди, смѣлаго журнальнаго бойца за республиканскія идеи во времена іюльской монархіи, и сына, теперешняго Годафруа Каваньяка, который, находясь еще въ политехнической школѣ, отказался отъ полученія награды изъ рукъ сына Наполеона III, а затѣмъ всей своей парламентской дѣятельностью заслужилъ общее уваженіе, какъ добросовѣстный депутатъ, трудолюбивый товарищъ военнаго министра, энергичный морской министръ и въ особенности краснорѣчивый ораторъ, знаменитая рѣчь котораго во время Панамскаго краха пламенно призывала Францію, чтобъ она очнулась отъ позорнаго кошмара погони за наживой и возвратилась къ честнымъ республиканскимъ принципамъ. Хотя онъ и не отличается вообще радикальными взглядами, но ревностный сторонникъ пропорціональнаго подоходнаго налога, а слѣдовательно ненавистенъ всѣмъ, кому дороги буржуазные интересы, и потому при теперешнихъ обстоятельствахъ не могъ быть выбранъ въ президенты и потерпѣлъ неудачу въ попыткѣ образовать вмѣстѣ съ Буржуа министерство съ радикальнымъ оттѣнкомъ. Династія Араго заключается только въ двухъ представителяхъ: отцѣ, знаменитомъ ученомъ Франсуа Араго, членѣ временнаго правительства 1848 года, и сынѣ, теперешнемъ Эманюелѣ Араго, который былъ однимъ изъ членовъ правительства народной обороны во время франко-прусской войны, а потомъ депутатомъ, сенаторомъ и посланникомъ въ Швейцаріи. Этотъ восьмидесяти-двухъ-лѣтній чистый и безупречный общественный дѣятель, наравнѣ съ Каваньякомъ выбирался въ президенты послѣ мунической смерти Карно, котораго тотъ и другой были бы достойными преемниками, но противъ Араго приводили за соображеніе, что онъ защищалъ выдающихся политическихъ преступниковъ при Декабрьской имперіи, а потому Европа могла посмотрѣть искоса на его избраніе.

Къ этимъ благороднымъ, достойнымъ родамъ республиканской аристократіи по какой-то странной ироніи судьбы тайные, если

не явные враги республики старались присоединить династію Казимиръ-Перье, отличавшуюся орлеанистскими стремленіями, и если въ послѣднее время присоединившуюся къ республикѣ, то лишь изъ личныхъ интересовъ. На короткое время ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ: Жанъ Казимиръ Перье былъ избранъ, и многіе во Франціи подъ впечатлѣніемъ паники, произведенной смертью Карно, а еще большее число лицъ въ Европѣ, повѣрили, что дѣйствительно онъ достойный преемникъ перваго гражданина Франціи, а его буржуазный, орлеанистскій родъ въ правѣ занять мѣсто среди республиканской аристократіи рядомъ съ Карно, Каваньякомъ и Араго. Однако шести мѣсяцевъ было достаточно, чтобъ разочаровать всѣхъ внутри и внѣ Франціи насчетъ внука, а исторической справки довольно, чтобъ развѣнчать дѣда. Такимъ образомъ, слава династіи Казимиръ-Перье, сильно мустируемая противниками республики, быстро померкла и едва ли когда оправится отъ нанесеннаго ей удара теперешнимъ ея гордымъ, но неумѣлымъ представителемъ.

Панегиристы Жана Казимиръ-Перье во время его кратковременнаго успѣха особенно распространялись о томъ, что у него были такіе же славные дѣдъ и отецъ, какъ у Карно, но если мы бросимъ хоть самый бѣглый взглядъ на ихъ дѣятельность, то увидимъ, что между ними и организаторомъ побѣдъ, великимъ Лазаремъ Карно, а также честнымъ, благороднымъ дѣятелемъ второй республики, Исполитомъ Карно, было столь же мало общаго, какъ между самими Казимиръ-Перье третьимъ и мученикомъ-гражданиномъ Сади Карно.

Вся семья Перье безусловно буржуазнаго происхожденія, и всегда отличалась своей промышленной финансовой дѣловитостью: прадѣдъ, Клодъ Перье въ послѣднія времена старой монархіи нажилъ миллионное состояніе коммерческими предпріятіями и въ особенности первой во Франціи ситцевой фабриккой, а когда показались симптомы революціи, то, чтобъ сохранить свое состояніе, онъ ловко перешелъ на сторону зарождавшагося третьяго сословія, и въ купленномъ имъ замкѣ Визиллѣ состоялось засѣданіе мѣстныхъ штатовъ, провозгласившихъ представительство этого сословія за годъ до собранія въ Версалѣ генеральныхъ штатовъ. Благодаря этой искусной мѣрѣ, онъ сумѣлъ безопасно пережить революцію и еще увеличить свои миллионы. Онъ содѣйствовалъ учрежденію французскаго банка и написалъ его уставъ, а сыновья его, Огюстенъ и Антуанъ, шли по стопамъ отца и умножили семейное богатство успѣшными финансовыми предпріятіями. Ихъ братъ Казимиръ Перье не довольствовался крупными банковыми и промышленными операціями, чему не мало способствовало то обстоятельство, что онъ былъ директоромъ французскаго банка и выступилъ на политическую арену. Обладая энергичной, рѣзкой, грубой, безпокойной натурой, но имѣя самыя узкіе, буржуазные

Казимиръ-Перье, внукъ.

взгляды, онъ сначала поддерживалъ реставрацію, и даже шли переговоры о предоставленіи ему министерства финансовъ, но когда, благодаря своимъ ошибкамъ, Бурбоны стали быстро приближаться къ паденію, то онъ перешелъ на сторону оппозиціи и былъ самымъ яркимъ противникомъ кабинета Полиньяка. Однако, въ продолженіе іюльскихъ дней, онъ держалъ себя въ сторонѣ, ожидая, кто возьметъ верхъ, а когда революція восторжествовала, то явился въ парламентъ и, выбравшись въ предсѣдатели палаты депутатовъ, прочелъ Луи-Филиппу декларацію о возведеніи его въ короли. Предчувствуя, что за либеральной побѣдой наступитъ реакція, онъ отказался отъ портфеля въ либеральномъ кабинетѣ Лафита, и когда Луи-Филиппъ, испугавшись слишкомъ быстрыхъ шаговъ либерализма, вступилъ на ретроградный путь, то Казимиръ Перье сдѣлался его правой рукой. Въ продолженіе года онъ былъ премьеромъ, и то, что называется его великимъ министерствомъ, было только безпощадной борьбой съ оппозиціей, въ которой онъ еще недавно занималъ видное мѣсто, съ журналистами и всѣми защитниками прогресса. Въ внутренней политикѣ онъ держался бесплодной буржуазной охраны такъ называемаго порядка, т. е. интересовъ имущихъ классовъ, а во внѣшней ради сохраненія мира жертвовалъ національнымъ достоинствомъ страны. Въ сущности, стремясь къ утвержденію власти, онъ не управлялъ страной, а только волновалъ ее и не побуждалъ своихъ враговъ, а только доводилъ ихъ до изступленія. При этомъ онъ отличался самой невозможной рѣзкостью манеръ и позволялъ себѣ непростительныя, грубыя выходки не только относительно противниковъ, но и сторонниковъ, даже короля и его семьи. Дѣло доходило до того, что, не одобряя рѣчи въ парламентѣ своего товарища по министерству, Д'Аргу, онъ громко кричалъ ему, какъ собакамъ: «Ici, d'Argout, ici». Даже стали поговаривать, что онъ страдаетъ умственнымъ расстройствомъ, но неожиданная смерть прекратила его существованіе: чрезвычайно боясь впервые появившейся въ Парижѣ холеры и обязанный сопровождать герцогу Орлеанскому въ его посѣщеніи больницъ, Казимиръ Перье схватилъ роковой недугъ и умеръ мѣсяцъ спустя. Луи-Филиппъ очень холодно отнесся къ его кончинѣ и сказалъ: «Только будущность покажетъ, выиграла ли, или потеряла Франція отъ этой смерти». Въ сущности Казимиръ Перье былъ предшественникомъ Гизо, и еслибъ не умеръ, то ускорилъ бы погибель Іюльской монархіи своей ретроградной политикой.

Сынъ Казимира, Огюсть Перье, служилъ по дипломатической части при Луи-Филиппѣ, былъ секретаремъ посольства въ Россіи и посланникомъ въ Гамбургѣ, а при второй республикѣ входилъ въ составъ консервативной партіи національнаго собранія, которая только содѣйствовала честолюбивымъ замысламъ Луи-Наполеона, но при Декабрьской имперіи онъ устранился отъ политической дѣя-

тельности и только вернулся къ ней послѣ Седанскаго погрома. Сначала онъ былъ ревностнымъ роялистомъ и съ своими друзьями подготовлялъ возстановленіе монархіи, но потомъ, убѣдившись, что это немыслимо, старался съ Тьеромъ создать консервативную республику, былъ два раза министромъ внутреннихъ дѣлъ, хотя ничѣмъ не проявилъ своей административной дѣятельности, и умеръ сенаторомъ въ 1876 г. Отличаясь культомъ къ своему отцу, онъ выхлопоталъ за нѣсколько лѣтъ до смерти, чтобъ къ фамиліи его семьи Перье было прибавлено слово Казимиръ, и съ тѣхъ поръ его семья носить двойную фамилію Казимиръ-Перье.

Настоящій Жанъ Казимиръ-Перье, внукъ своего дѣда, родился въ Парижѣ 8 ноября 1847 года, и только что окончилъ курсъ въ школѣ правъ, какъ вспыхнула франко-прусская война. Онъ вступилъ въ отрядъ мобилей Обскаго департамента и участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ подъ Парижемъ, за что получилъ орденъ Почетнаго Легіона, а послѣ войны выпелъ въ отставку съ чиномъ капитана, хотя до послѣдняго времени числился въ територіальной арміи. Въ 1871 г. отецъ, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, взялъ его къ себѣ директоромъ канцеляріи, а въ 1876 году онъ былъ избранъ депутатомъ, заявивъ своимъ избирателямъ, что желаетъ только одного правительства, именно республиканскаго. Въ своей депутатской дѣятельности онъ отличился лишь тѣмъ, что подалъ въ отставку въ 1883 г. по случаю принятія палатой закона, изгнавшаго изъ французской арміи орлеанскихъ принцевъ, увѣряя, что не можетъ примирить своихъ семейныхъ обязанностей съ его республиканскими убѣжденіями, но черезъ мѣсяць снова вернулся въ парламентъ представителемъ того же избирательнаго округа. Благодаря ли этой, бившей на эффектъ, выходкѣ, или своимъ связямъ, но вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра. Затѣмъ онъ исполнялъ ту же должность въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и былъ вице-предсѣдателемъ, а потомъ два раза предсѣдателемъ палаты и одинъ разъ первымъ министромъ. Его кабинетъ образовался въ дни паники, навѣянной динамитными взрывами, просуществовалъ недолго и ознаменовалъ себя бесплодной, реакціонной политикой, появленіемъ такъ называемаго новаго, а въ сущности стараго клерикальнаго духа, преслѣдованіями рабочихъ синдикатовъ, прекращеніемъ стачекъ вооруженной силой и покровительствомъ буржуазнымъ, плутократическимъ интересамъ, не смотря на Панамистскіе скандалы. Въ виду заносчивой, надменной, ретроградной дѣятельности Перье въ роли премьера отъ него отвернулись даже его собственные сторонники, и онъ палъ по вопросу объ отмѣнѣ правительственнаго запрещенія рабочимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ участвовать въ конгрессѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Вообще человекъ умный, дѣловитый, ловкій, приличный на взглядъ, настоящій представи-

тель своей династіи, Казимиръ Перье служитъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ ея основныхъ идей: плутократіи и реакціи. Обладатель милліоновъ, другъ Ротшильда, глава многихъ финансовыхъ предпріятій, между прочимъ, знаменитой компаніи Анзэнскихъ каменноугольныхъ копей, которая такъ безжалостно эксплуатируетъ несчастныхъ рудокоповъ, онъ хотя не заподозрѣнъ въ прямомъ участіи въ Панамистскихъ и другихъ подобныхъ скандалахъ, но всегда былъ другомъ, покровителемъ панамистовъ и самымъ яркимъ врагомъ какъ рабочихъ, такъ вообще всякаго прогресса. Начавъ свою политическую жизнь консерваторомъ и завсегдаемъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, съ которымъ онъ связанъ тѣсными узами, какъ внукъ орлеанистскаго министра и племянникъ герцога Одифрѣ-Паскье, онъ разошелся съ консерваторами и роялистами, благодаря тому, что одинъ изъ столбовъ этихъ двухъ элементовъ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери, находя буржуазную кровь Перье недостаточно аристократичной. Тогда онъ изъ мести прикинулся на нѣкоторое время яркимъ республиканцемъ, а затѣмъ примкнулъ къ умѣреннымъ либераламъ самаго консервативнаго оттѣнка.

Вотъ каковы были династія Казимира Перье и прошедшее те-перешняго представителя, явившагося кандидатомъ въ президенты послѣ Лионской катастрофы. Эта кандидатура муссировалась самымъ искуснымъ образомъ. Трудно себѣ представить, какую громадную, равнообразную и разношерстную агитацію устроилъ въ свою пользу ловкій финансовый и политическій дѣлецъ. Конечно, прежде всего его сторонники эксплуатировали мученическую смерть Карно, доказывая, что одинъ Казимиръ Перье могъ спасти Францію отъ анархизма, потому что онъ только обладалъ для этого необходимой энергіей, тогда какъ Дююи, другой кандидатъ умѣренныхъ либераловъ, былъ слишкомъ мягокъ. Потомъ буржуазнымъ сферамъ указывалось, что лишь онъ, столбъ капиталистовъ, былъ въ состояніи отстоять ихъ интересы отъ грозящаго имъ усиленія рабочихъ классовъ, въ пользу которыхъ если и не очень, то все-таки можетъ склониться Дююи; аристократовъ и консерваторовъ увѣряли, что они могли рассчитывать на одного Перье, который былъ достойнымъ внукомъ своего дѣда; патриотамъ пускали пыль въ глаза тѣмъ, что Перье сражался за Францію во время франко-прусской войны и былъ *persona grata* у европейскихъ державъ, въ особенности у Россіи; свѣтское общество переманивали на свою сторону тѣмъ соображеніемъ, что Перье былъ богатый, свѣтскій человѣкъ, а не бѣдный выскочка, какъ Дююи. Вообще для всѣхъ и cadaго рассказывались всякія картинныя легенды, до которыхъ французы такіе охотники. По словамъ друзей Перье, агитировавшихъ въ его пользу и во главѣ которыхъ стоялъ Бурдо, бывший министръ финансовъ въ кабинетѣ Перье, злѣйшій хотя и не уличенный панамистъ, тайный

агентъ Ротшильда, самъ Карно готовилъ Перье въ свои преемники и только для этого заставилъ его принять постъ перваго министра, при чемъ передавались даже подлинныя слова покойнаго президента. Но легенды о Перье принимали и трогательный, патетическій характеръ: такъ рассказывали, что онъ получилъ извѣстіе о смерти Карно на аристократическомъ вечерѣ, сидя между двумя аристократическими красавицами, и горько плакалъ, хотя рассказчики не прибавляли, отирали ли ему глаза кружевными платками аристократическія красавицы. Но все это цвѣточки, а ягодками представляется легенда о томъ, какъ Казимиръ Перье упорно отказывался отъ выставленія своей кандидатуры, не смотря на просьбы всѣхъ друзей, даже Бурдо и самого Ротшильда, пока, наконецъ, въ комнату, гдѣ происходила эта историческая сцена, не вошла его мать и гордо сказала: «Когда долгъ призываетъ и грозитъ опасность, то Перье долженъ идти на все». Сказавъ это, мать удалилась, а сынъ рѣшился. Вотъ почему Казимиръ-Перье поставилъ въ послѣднюю минуту свою кандидатуру, рассказываютъ его друзья, но злые языки говорятъ, что дѣйствительно Перье долго колебался, идти ли ему на выборы, или нѣтъ, и будто бы говорилъ себѣ: «Я счастливъ, у меня сорокъ милліоновъ, прекрасная жена, чудесныя дѣти, и я всѣмъ этимъ буду рисковать, сдѣлаюсь предметомъ общей ненависти и подвергну свою жизнь ежедневной опасности только для того, чтобъ защищать интересы буржуазныхъ финансовыхъ дѣльцовъ, завѣдомыхъ воровъ и мошенниковъ», но Бурдо и Ротшильдъ пригрозили ему, что если онъ не согласится, то всѣ сторонники бросятъ его, и его политическая карьера кончена. Подобные доводы, а не классическія слова матери подѣйствовали на Казимира Перье. Злые языки еще прибавляютъ, что еслибъ его мать была дѣйствительно классической матроной, матерью Граховъ, то она обратилась бы къ нему съ совершенно иной рѣчью и сказала бы: «Дитя мое, я знаю, какимъ опасностямъ ты подвергнешься, принимая постъ президента, но ты долженъ это сдѣлать и употребить всѣ усилія, чтобъ спасти отечество; Францію губить примѣръ сильныхъ міра сего, позорное зрѣлище корыстныхъ министровъ, мошенниковъ, пользующихся почетомъ и подкупомъ, судей, которые освобождаютъ воровъ, крадущихъ милліоны, а сажаютъ въ тюрьму бѣдняковъ, взявшихъ кусокъ хлѣба съ голода. Вотъ противъ какой анархіи ты долженъ ополчиться, если хочешь уничтожить анархію внизу, а если ты погибнешь въ этой борьбѣ, то твое имя будетъ вѣчно жить въ благодарной памяти человѣчества».

Неудивительно, что при такой агитаціи и въ виду съ одной стороны паники, охватившей послѣ мученической смерти Карно трусливую буржуазію, а съ другой неопасныхъ для Перье при этихъ обстоятельствахъ кандидатуръ его соперниковъ, всѣ шансы

были на его сторонѣ. Выставленный въ сущности той же умѣренно-либеральной партіей, Дююи — ловкій карьеристъ, въ три года превратившійся изъ никому невѣдомаго депутата въ перваго министра, былъ такимъ же буржуазнымъ оппортунистомъ, какъ Перье, хотя, быть можетъ, тянулъ скорѣе въ лѣвую сторону, чѣмъ въ правую, но вообще о немъ въ отношеніи Перье можно было повторить извѣстную поговорку: «тѣхъ же щей, да пожиже влей». Поэтому за него подали голоса только личные друзья, такъ же какъ за Каваньяка и Араго, потому что вся радикальная партія дружно сомкнулась вокругъ кандидатуры Бриссона, искренняго республиканца классическаго типа, прозваннаго Катонемъ третьей республики, посвятившаго всю свою жизнь честному служенію республиканской идеѣ въ качествѣ депутата, перваго министра и предсѣдателя палаты, которымъ онъ состоитъ и теперь, наконецъ прославившаго себя благородной непримиримой дѣятельностью главы парламентской комиссіи для изслѣдованія панамистскихъ скандаловъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ его избраніе еще невысказано, какъ доказало двойное его пораженіе на выборахъ послѣ смерти Карно и послѣ отставки Перье, а потому излюбленный буржуазный кандидатъ легко одержалъ побѣду на первой же баллотировкѣ.

Водвореніе Казимира Перье въ Елисейскомъ дворцѣ произошло при самыхъ характеристичныхъ условіяхъ. Первый лично поздравилъ его съ президентствомъ Ротшильдъ, а первую привѣтственную телеграмму онъ получилъ отъ графа Парижскаго, который говорилъ въ ней: «Я съ удовольствіемъ поздравляю васъ по случаю одержаннаго вами громаднaго успѣха; при этомъ я не могу не вспомнить, что вашъ знаменитый дѣдъ былъ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ помощниковъ короля Луи-Филиппа. Они вмѣстѣ работали для счастья и величія Франціи. Да поможетъ вамъ Господь оказать нашей пламенно-любимой родинѣ тѣ услуги, которыхъ она ждетъ отъ васъ». Подлинная ли эта телеграмма, какъ утверждаютъ англійскія газеты и большинство французскихъ, или вымышленная, какъ увѣряютъ роялистскіе органы, но она естественно возбудила толки о томъ, что Казимиръ Перье будетъ новымъ Монкомъ и возстановитъ Орлеанистскую монархію. Конечно, изъ осторожности роялисты только шепотомъ называли Перье новымъ Монкомъ, но ихъ органы прямо заявляли, что его выборъ означаетъ въ ближайшемъ будущемъ прекращеніе теперь существующихъ республиканскихъ порядковъ и наступленіе монархіи, а немедленно они требовали отъ него возвращенія во Францію претендентовъ, такъ какъ онъ протестовалъ нѣкогда противъ закона, лишившаго орлеанскихъ принцевъ ихъ военныхъ чиновъ. Но радикалы прямо и открыто бросали ему въ глаза обвиненіе въ томъ, что онъ дѣйствительно будетъ Монкомъ, и говорили:

«Дѣдъ Перье увѣрялъ, что Орлеанистская монархія лучшая изъ республикъ, а его внукъ скажетъ, что Орлеанистская республика лучшая изъ монархій». Какъ бы то ни было, но, не смотря на большинство сочувственныхъ отзывовъ французской прессы по поводу избранія Перье, оно не возбудило никакого энтузіазма во Франціи, и наибольшему ликованію предавались иностранныя газеты, въ особенности нѣмецкія. Французы какъ на словахъ, такъ и перомъ высказывали опасеніе, чтобъ новый президентъ не былъ слишкомъ упорнымъ сторонникомъ личной власти, не слишкомъ настаивалъ бы на реакціонныхъ мѣрахъ и не произвелъ бы по примѣру Макъ-Магона своего 17-го мая. Даже его сторонники признавали, что придется купить возстановленіе порядка его авторитетной политикой подчиненіемъ нѣкоторому деспотизму, и въ газетѣ «Figaro», пламенно поддерживавшей его кандидатуру, явилась на другой день послѣ его избранія характеристичная карриатура Форена, въ которой рабочій говоритъ буржуа: «посмотри, другъ, на деревъ свободы неожиданно выросла палка».

Прошло шесть мѣсяцевъ, и палка сама упала, а дерево продолжаетъ расти. Случилось то, чего не ожидали ни сторонники, ни противники Перье: онъ оказался не суровымъ, рѣшительнымъ, энергичнымъ, боевымъ диктаторомъ, какъ надѣялись одни и боялись другіе, а надменнымъ, рѣзкимъ, заносчивымъ, нервнымъ субъектомъ, деспотомъ на словахъ и нерѣшительнымъ, трусливымъ на дѣлѣ. Поручивъ Дюкюи составить министерство, или, вѣрнѣе, преобразовать старое, Казимиръ-Перье постоянно вмѣшивался въ дѣятельность кабинета и видя, что его министры только хлопочутъ о сохраненіи своихъ портфелей и нимало не расположены расширить его власть, чего ему было такъ желательно, онъ злобствовалъ и кипятился, но не имѣлъ смѣлости распустить палаты, уже не говоря о государственномъ переворотѣ. Его правительство было въ сущности только продолженіемъ его прежняго министерства: оно продолжало преслѣдовать рабочихъ, арестовывать кого ни попало по малѣйшему подозрѣнію въ неблагонадежности, покровительствовать всевозможнымъ плутократамъ, возбуждать противъ себя самыми безтактными поступками всѣхъ и cadaго; оно провело пресловутый карательный законъ будто бы противъ анархистовъ, когда имѣло совершенно достаточныя средства для борьбы съ ними и безъ этого закона, а потомъ не примѣняло его и продолжало травлю своихъ собственныхъ враговъ прежними репрессивными мѣрами. Въ палатѣ его представители бесплодно препирались съ противниками всѣхъ оттѣнковъ, не умѣя даже провести бюджета. Самъ же Перье велъ роскошную, блестящую, свѣтскую жизнь въ Елисейскомъ дворцѣ, мозолилъ глаза парижанамъ своимъ пышнымъ ландо, окружалъ себя аристократами и финансовыми тузами,

держалъ себя гордо, надменно, наконецъ, прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ личной охраны, которыхъ еще не видано было нигдѣ. Такъ, во время своего присутствія на осеннихъ маневрахъ онъ ѣздилъ шагомъ по желѣзной дорогѣ, среди двухъ колоннъ войскъ, сопровождавшихъ его по обѣ стороны полотна, а на официальныхъ охотахъ въ Марли изъ всѣхъ кустовъ торчали жандармы, такъ что опасно было стрѣлять, неравно подстрѣлишь человѣка вмѣсто дичи, что по слухамъ и случалось. Подобные поступки и дѣйствія естественно очень быстро сдѣлали Перье непопулярнымъ, а чѣмъ болѣе росла эта непопулярность, тѣмъ рѣзче, презрительнѣе онъ велъ себя и недавно, говоря съ членами студентской ассоціаціи, цинично кичился тѣмъ, что его называютъ деспотомъ. Мало-помалу отъ него начали отвергиваться даже его сторонники, а большинство палаты стало дѣйствовать противъ него; такъ, послушно выбравъ сначала въ предсѣдатели его друга, плутократа Бурдо, она въ виду неожиданной смерти послѣдняго, дала ему въ преемники злѣйшаго противника и соперника Перье на президентскихъ выборахъ, Бриссона. Избиратели выказали еще яснѣе свое недовольство новымъ президентомъ на двухъ частныхъ депутатскихъ выборахъ. Въ его собственномъ избирательномъ округѣ, гдѣ предстояло выбрать ему преемника, по случаю его ухода изъ депутатовъ въ президенты, одержалъ побѣду не рекомендованный имъ кандидатъ, префектъ Изерскаго департамента, Роберъ, умѣренный либераль, а радикалъ Башимонъ, одинъ изъ мѣстныхъ мѣровъ. Хуже того, XIII парижскій кварталъ выбралъ въ депутаты журналиста Жеро-Ришара, который по приговору суда сидитъ въ тюрьмѣ за рѣзкую статью противъ президента. Все это Казимиръ-Перье принималъ за личныя оскорбленія, а когда, наконецъ, съ согласія министерства было назначено слѣдствіе надъ его другомъ и членомъ его прежняго кабинета, Рейналемъ, за его участіе въ заключеніи скандальныхъ конвенцій съ желѣзнодорожными обществами, то чаша переполнилась, и онъ подалъ въ отставку, то-есть позорно бѣжалъ съ поля брани.

Этотъ послѣдній эпизодъ имѣетъ такой недостойный характеръ, что вызвалъ общее недовольство, даже негодованіе парламента и не только французской, но всей европейской прессы. Дѣло заключалось въ томъ, что въ южной компаніи желѣзныхъ дорогъ возникъ скандалъ, названный «маленькой панамой»: разоблаченъ цѣлый рядъ мошенничествъ со стороны заправиль компаніи, которые пользовались для своего личнаго обогащенія правительственной гарантіей. Начались по обыкновенію аресты, и оказались снова замѣшанными въ этомъ грязномъ дѣлѣ депутаты, сенаторы, высокопоставленные лица. Мало того, всплылъ наружу невѣроятный фактъ, что по причинѣ пропуска въ конвенціяхъ правительства съ южной и лионской линіями срока правительственной гарантіи она

считается этими компаніями безсрочной, тогда какъ для другихъ дорогъ эта гарантія оканчивается въ 1914 г. Подобный фактъ былъ до того чудовищный, что самъ министръ общественныхъ работъ, Барту, объявилъ компаніямъ и въ парламентѣ, что это ошибочное толкованіе конвенцій, и что срокъ одинъ для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, но компаніи, подстрекаемыя Рейналемъ, который, будучи министромъ, заключилъ конвенціи, теперь не называемыя иначе, какъ мошенническими, подали жалобу въ государственнй совѣтъ, и тотъ подъ давленіемъ, какъ носятя слухи, Перье изъ дружбы къ Рейналю и изъ принципиальнаго покровительства всѣмъ плутократическимъ финансовымъ предпріятіямъ рѣшилъ вопросъ въ пользу компаній. Такимъ образомъ министерство Дюпюи оказалось въ самомъ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Барту вышелъ тотчасъ въ отставку, совершенно правильно мотивируя ее тѣмъ, что онъ не можетъ примѣнять рѣшеніе государственнаго совѣта, которое идетъ въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ, объявленнымъ и компаніямъ и палатѣ. Сначала Дюпюи хотѣлъ со всѣмъ кабинетомъ послѣдовать его примѣру, но Казимиръ-Перье прямо объявилъ ему, что если министерство выйдетъ въ отставку, то и онъ откажется отъ президентства. Дюпюи остался первымъ министромъ, но не надолго, такъ какъ послѣ бурныхъ парламентскихъ преній по поводу этого вопроса, онъ хотя и согласился отъ имени правительства назначить слѣдствіе надъ Рейналемъ, но остался въ меньшинствѣ относительно враждебной ему формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Тогда уже пришлось, помимо воли президента, всему министерству подать въ отставку, что оно немедленно и сдѣлало. Затѣмъ исполнилъ свою угрозу Казимиръ Перье и также подалъ въ отставку, извѣстивъ объ этомъ парламентъ въ письмѣ, отличавшемся самымъ рѣзкимъ, неприличнымъ тономъ. Онъ прямо жаловался въ означенномъ документѣ на то, что его постоянно оскорбляютъ, и что онъ не можетъ выносить тяжести своей нравственной отвѣтственности при сознаніи своего полного безсилія. Указавъ такимъ образомъ, что президентъ лишень средствъ къ полезной дѣятельности, онъ заявлялъ, что «реформы могутъ быть приняты не иначе, какъ при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, исполненнаго рѣшимости обезпечить уваженіе къ законамъ и заставить своихъ подчиненныхъ ему повиноваться».

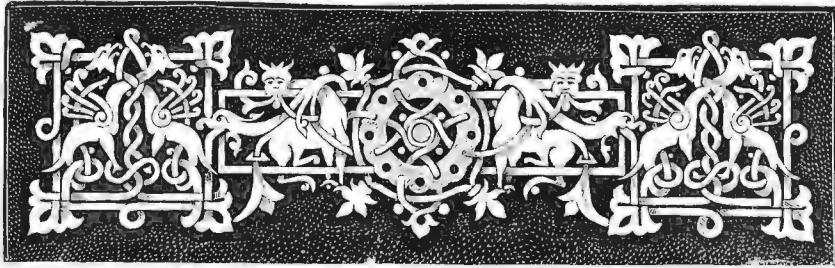
Какъ мы уже сказали, неожиданный отказъ отъ президентства, а еще болѣе, излагавшій этотъ отказъ, документъ возбудили всеобщее неодобреніе. Какъ противники, такъ и сторонники Перье заклеймили его поступокъ позорнымъ именемъ дезертирства, правильно доказывая, что, если онъ считалъ необходимымъ для пользы страны увеличить свою власть, то могъ законно предложить въ установленной формѣ измѣненіе конституціи, или даже просто распустить съ согласія сената палату и отдать спорный вопросъ на судъ

избирателей. Но въ сущности онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, потому что въ обоихъ случаяхъ онъ непремѣнно потерпѣлъ бы пораженіе, благодаря своей непопулярности. Ему, конечно, оставался еще одинъ выходъ, кромѣ отставки, именно насильственный государственный переворотъ. По слухамъ, онъ не былъ бы прочь отъ подобной развязки и, вызвавъ военнаго министра, генерала Мерсье, спросилъ его: «Можетъ ли онъ рассчитывать на войска». Почтенный генералъ будто бы отвѣтилъ: «Если дѣло идетъ о движеніи на границу, то я могу рассчитывать на войска въ любой моментъ, но не для чего нибудь другаго, а потому мнѣ остается только одно—передать мой портфель въ другія руки». Видя себя такимъ образомъ прижатымъ къ стѣнѣ, Казимиръ-Перье предпочелъ бѣгство, и начатое съ такимъ шумомъ, съ такимъ блескомъ президентство окончилось безславнымъ дезертирствомъ, за которое, однако, Франція должна быть ему благодарна, такъ какъ онъ могъ начать, хотя несомнѣнно бесплодную, но все-таки трагическую борьбу съ страной, которая уже давно устами Жореса повторяла ему слова, сказанныя Гамбеттой Макъ-Магону: «*Se soumettre, ou se demettre*» (подчиниться, или убраться).

Хотя, по всей вѣроятности, политическая карьера Казимира Перье III навсегда окончена, но все-таки находятся люди, которые желаютъ придать романическій характеръ неудачному, чтобы не сказать позорному, результату его президентства и тѣмъ обезпечить его возвращеніе на политическую арену. Такъ рассказываютъ, что настоящая причина отставки Перье заключается въ томъ, что онъ находится въ связи съ прекрасной креолкой, вдовой его друга Бурдо, и что со времени избранія его въ президенты она побоялась продолжать свои сношенія съ нимъ въ Елисейскомъ дворцѣ, вслѣдствіе чего Перье сталъ страдать нервнымъ расстройствомъ. Къ этому прибавляютъ, что онъ, сдѣлавшись простымъ смертнымъ, разведется съ женой и женится на предметѣ своей любви. На сколько эта легенда, если бы она и была справедлива, можетъ облить поведеніе Казимира Перье III во время его шестимѣсячнаго президентства, остается однако загадкой.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. А. Чистовичъ. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія духовныхъ училищъ. Спб. 1894.

ОНЕЦЪ ПЕРЕЖИВАЕМАГО нами вѣка сошелся съ его началомъ въ оживленіи религіозно-просвѣтительнаго движенія въ верхнихъ слояхъ нашего общества. Какъ теперь, такъ и тогда движеніе это выразилось практически въ заботахъ о распространеніи церковнаго образованія, которое въ оба эта раза обзавелось и спеціальными своими органами.

Книга покойнаго И. А. Чистовича, какъ показываетъ ея названіе, имѣетъ своею задачей обрисовать главнѣйшихъ дѣятелей по распространенію церковнаго образованія въ первую половину вѣка, группировавшихся вокругъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ яркихъ характеристикахъ проходятъ передъ читателемъ памятные въ исторіи русской церкви лица: митрополитъ Филаретъ московскій, митрополиты петербургскіе Амвросій, Михаилъ, Серафимъ, грузинскій митрополитъ Теофилактъ, епископы Филаретъ и Григорій, впоследствии также бывшіе митрополитами—первый кievскимъ, второй петербургскимъ, М. М. Сперанскій, оберъ-прокуроры святѣйшаго синода князь А. Н. Голицынъ, князь П. С. Мещерскій, С. Д. Нечаевъ, графъ Н. А. Протасовъ... Всѣ эти лица, занимавшія высшія должности въ церковной администраціи первой половины нашего вѣка, были членами Коммиссіи духовныхъ училищъ. Последняя въ рельефномъ изо-

браженіи встаетъ въ книгѣ во всей своей недолгой исторіи, съ ея свѣтлымъ, блистательнымъ началомъ и излопучнымъ концомъ. Съ Коммиссіей духовныхъ училищъ связаны въ исторіи нашего духовнаго и церковнаго образованія лучшія воспоминанія: учрежденіе духовныхъ академій, какъ высшихъ учебныхъ заведеній, преобразование семинарій, учрежденіе и расширеніе духовныхъ уѣздныхъ приходскихъ училищъ, замѣна латыни роднымъ языкомъ въ системѣ преподаванія, новая система обученія, первыя «системы» богословскихъ наукъ. Какое это еще недавнее время, когда у насъ только что зарождались духовныя науки, появлялись первые ихъ учебники, руководства, программы. И послѣ свѣтлаго и блестящаго начала, когда въ Коммиссіи руководящими дѣятелями являлись М. М. Сперанскій, Филаретъ, наступили года колебаній и затѣмъ, по такъ называемымъ обстоятельствамъ независимымъ, печальный конецъ Коммиссіи, на глазахъ ея одушевленныхъ творцовъ, когда она стала въ какое-то инквизиціонное отношеніе къ только что пробудившейся религіозной мысли и только что нарождавшейся духовной наукѣ. Грустно читать «начертаніе» протасовскихъ «правилъ относительно преподаванія по предметамъ семинарскаго курса», «всемирно» остерегающихъ «юные умы» и отъ классиковъ, и отъ поэзіи, превращающихъ философію въ «смирненную», рекомендующихъ «удерживаться» отъ чтенія свѣтскихъ писателей на урокахъ новыхъ языковъ, а при чтеніи древнихъ писателей «или вовсе избѣгать такихъ мѣстъ, которыя проникнуты духомъ языческаго міра, или, если нужно, привести одно изъ такихъ мѣстъ и немедленно преслѣдовать оное замѣчаніемъ о несовершенствѣ языческихъ понятій относительно вѣры, нравственности и общестія» (стр. 324—327)... Какое изумительное недовѣріе къ силѣ свѣта, къ твердости вѣры въ будущахъ служителяхъ церкви! Заботы направлены не на то, чтобы возбудить пытливость мысли, ея самодѣятельность въ стремленіи къ познаванію Бога, а наоборотъ, чтобы обставить разумъ непреодолимыми карантинными, убивающими всякую попытку свободной религіозной мысли. И какъ не вяжутся съ этими полицейскими правилами ихъ прекрасныя заключительныя слова: «Надобно, чтобы ученіемъ богословія проникнуто и согрѣто было сердце слушателя», какъ будто свобода не первое условіе любви! Не знаешь, какъ судить объ этихъ дѣтеляхъ, проводившихъ полицейскіе порядки въ область духовной жизни, когда рядомъ съ гоненіемъ на философію, на свободу духа, находишь прекрасныя мысли о расширеніи семинарскаго курса введеніемъ въ него преподаванія естественныхъ наукъ, сельскаго хозяйства, медицины.

Дѣятельность Коммиссіи духовныхъ училищъ не изображена, впрочемъ, въ книгѣ И. А. Чистовича всесторонне. Полно въ ней представлено только то преемство идей и вѣній, которыя руководили дѣятельностью Коммиссіи и давали ей такое или иное направленіе.

Что касается матеріальной, статистической части, практическаго отношенія Коммиссіи духовныхъ училищъ къ подвѣдомымъ ей учрежденіямъ, то эти стороны дѣятельности Коммиссіи даже не затронуты. Но за то вся книга вовсе не исключительно посвящена Коммиссіи духовныхъ училищъ и ея дѣтелямъ. Къ книгѣ скорѣе шло бы названіе: «Вліятельныя лица высшаго церковнаго управленія», нежели: «Руководящіе дѣтели духовнаго просвѣщенія». Рядомъ съ перечисленными раѣе лицами, членами Коммиссіи духовныхъ училищъ, въ книгѣ въ подробныхъ характеристикахъ выведено мно-

жество лицъ, непосредственно въ работахъ Коммиссіи не принимавшихъ участія, но занимавшихъ высшія ступени іерархической лѣстницы духовнаго міра, или же, иногда при всей своей іерархической незначительности, оказывавшихъ значительное вліяніе на ходъ высшаго церковнаго управленія: оберъ-прокуроры святѣйшаго синода Д. И. Хвостовъ и А. А. Яковлевъ, бывшіе ранѣе учрежденія Коммиссіи духовныхъ училищъ; синодальный оберъ-секретарь Пукаловъ, любопытный типъ всеильнаго приказнаго давно минувшихъ временъ, продѣлывавшаго изумительныя по наглости дѣла и тѣмъ не менѣе всегда выходившаго безнаказаннымъ; академическіе профессора Леонидъ (Зарѣцкій) и Игнатій Фесслеръ; грузинскіе архіереи Варлаамъ и Досвеей, авторъ положенія о церковномъ управленіи Грузіи; директоры департаментовъ пресловутаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ; извѣстный архимандритъ Фотій; мистикъ А. Ѳ. Лабзинъ, Е. Ф. Татаринова и мн. др. Въ свою очередь и лица, состоявшія членами Коммиссіи духовныхъ училищъ, изображены не только въ своей дѣятельности по Коммиссіи, но часто и въ дѣятельности ихъ, вовсе не относившейся къ духовному просвѣщенію, гражданской и провинціальной. Такъ, напримѣръ, подробно изображены дѣятельность архіепископа Теофилакта (впослѣдствіи митрополита, экзарха Грузіи) по матеріальному устроенію разоренныхъ въ двѣнадцатомъ году церковей и духовенства (за исключеніемъ Москвы), устройство церковнаго управленія въ Грузіи тѣмъ же Теофилактомъ и др. Въ высшей степени любопытному цѣлѣю развертываются передъ читателемъ взаимныя отношенія выведенныхъ въ книгѣ лицъ, внутреннія, таившіяся въ глубинѣ души, и показныя, — тѣ отношенія, которыя часто однихъ быстро и совершенно неожиданно возносятъ на самую доступную высоту, а другихъ также быстро и неожиданно свертываютъ въ область бездѣйствія и забвенія..

Огромная масса изложеннаго въ книгѣ матеріала не дала автору возможности распорядиться имъ безобидно для всѣхъ выведенныхъ лицъ. Къ слабѣйшимъ принадлежатъ характеристики протопресвитера Краницкаго, оберъ-священника Державина, оберъ-прокуроровъ С. Д. Нечаева и князя А. Н. Голицына, хотя о послѣднемъ сказано не мало. Лучшія характеристики: оберъ-прокурора Яковлева, митрополита Амвросія, М. М. Сперанскаго, Теофилакта. Теофилактъ около трехъ лѣтъ передъ двѣнадцатымъ годомъ пользовался, можно сказать, безраздѣльнымъ вліяніемъ въ святѣйшемъ синодѣ, а потомъ, не болѣе какъ черезъ годъ по отъѣздѣ въ епархію, получилъ отъ святѣйшаго синода запрещеніе печатать проповѣдь, съ такимъ добавленіемъ: «Святѣйшій синодъ остается въ праведномъ ожиданіи, что онъ, преосвященный, въ поученіяхъ своихъ имѣетъ слѣдовать пастырскому своему долгу, наполняя оныя истинами, словомъ Божиимъ утвержденными, сообразно правиламъ, въ духовномъ регламентѣ о проповѣдникахъ напечатаннымъ» (стр. 83). Не мало новаго въ книгѣ сообщено для біографій Фотія и Филарета московскаго. Послѣдній, кажется, съ пеленокъ началъ быть тонкимъ дипломатомъ; ни разу не погрѣшившій противъ своихъ основныхъ убѣжденій, онъ, однако, умѣлъ во время молчать и говорилъ своему сослуживцу архимандриту Иннокентію, боровшемуся противъ мистиковъ въ эпоху ихъ господства: «Намъ, двумъ архимандритамъ, не спасти церкви, если въ чемъ есть погрѣшность» (стр. 190). Любопытны также въ этомъ отношеніи похвально-наставительныя письма Филарета къ новымъ оберъ-прокурорамъ святѣйшаго синода при назначеніи ихъ на эту должность.

Кромѣ печальныхъ матеріаловъ, въ изобиліи обнародованныхъ за послѣдніе годы въ журналахъ, авторъ пользовался для своей книги архивами свѣтѣйшаго синода, комиссіи духовныхъ училищъ, канцеляріи синодального оберъ-прокурора и личными воспоминаніями.

Что касается общаго тона книги, то нельзя не замѣтить, что ея содержаніе было близко душѣ покойнаго автора. На этотъ разъ онъ какъ бы оставляетъ свою феноменальную осторожность и даетъ по временамъ о водимыхъ имъ лицахъ сужденія смѣлая, яркія, иногда не чуждыя рѣзкости.

Теперь есть обычай говорить о внѣшнемъ видѣ книги: онъ не заслуживаетъ упрека. Къ книгѣ приложенъ указатель, необходимая принадлежность серьезныхъ историческихъ работъ.

По крайнему интересу изображаемой эпохи, по богатству собраннаго матеріала, книга И. А. Чистовича, послѣ книги г. Глубоковского о Θεодоритѣ Киррскомъ, едва ли не самое выдающееся явленіе въ церковноисторической литературѣ послѣднихъ пяти лѣтъ.

С. Г. Рункевичъ.

Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Д. Сиповскаго.— Тѣни. Фантазія. Г. Короленко. Москва. 1894.

Вышедшая въ концѣ прошлаго года брошюра, заглавіе которой мы писали, по содержанію своему относится къ одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ не только въ древней, но вообще во всемирной исторіи. Брошюра дѣлится на двѣ части: первая представляетъ сжатый историческій очеркъ, предметъ котораго—личность, жизнь, дѣятельность и трагическая судьба одного изъ величайшихъ представителей древней философіи—Сократа; вторая, заключающая въ себѣ небольшую по объему фантастическую повѣсть—«Тѣни», представляетъ намъ того же Сократа, но уже перешедшаго за грань земной жизни, Сократа въ царствѣ тѣней. Авторъ историческаго очерка, г. В. Д. Сиповскій, не поставилъ себѣ задачею самостоятельнаго научнаго изслѣдованія по избранному имъ вопросу. Мы не находимъ въ его сочиненіи ничего новаго противъ того, что было писано по этому предмету, равно какъ и освѣщенія съ новой стороны извѣстныхъ уже фактовъ. Самъ авторъ называетъ въ выноскѣ свой трудъ «составленіемъ» очерка, при чемъ указываетъ на источники и пособія, которыми онъ пользовался. Пособія эти были: «Воспоминанія о «Сократѣ»,» Ксенофонта «Апологія Сократа» въ переводѣ Г. А. Янчевецкаго, сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, *Die Philosophie der Griechen* von E. Zell'г, «Исторія философіи въ жизнеописаніяхъ», Дж. Г. Льюиса и др. Первое, на что мы позволимъ себѣ указать, говоря о сочиненіи г. Сиповскаго, это то, что напрасно авторъ пользовался для своего труда сочиненіями Платона въ переводѣ Карпова. Переводъ Карпова, къ сожалѣнію, далеко неудовлетворителенъ, особенно съ внутренней своей стороны, хотя у насъ случайно составилось и утвердилось другое о немъ мнѣніе. Обыкновенно считаютъ, что недостатки труда Карпова ограничиваются тяжелымъ языкомъ, шероховатостью его слога, но что вообще это—правильный и поэтому удовлетворительный въ извѣстной степени переводъ, такъ что читатель, не знающій погречески, можетъ познакомиться изъ него съ произведеніями Платона. Но только специалистамъ, которые изучали греческій почлиничъ и сличали съ нимъ переводъ Карпова извѣстно, до чего

переводчикъ во многихъ случаяхъ—увы, къ сожалѣнію, слишкомъ во многихъ—не понималъ мыслей великаго греческаго мыслителя, до чего онъ искажалъ ихъ, особенно въ позднѣйшихъ своихъ переводахъ, выходявшихъ, помнится, въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Серьезной научной критикѣ трудъ Карпова у насъ не подвергался, въ силу чего въ кругу русскихъ читателей и утвердилось неправильное о немъ мнѣніе, въ пользу перевода. Г. Сиповскому, если онъ желалъ познакомиться съ Платономъ въ хорошемъ воспроизведеніи греческаго подлинника, слѣдовало обратиться или къ французскому переводу Кузена или къ нѣмецкому—Миллера, но ужъ никакъ не къ переводу Карпова. Впрочемъ, высказавъ сожалѣніе, что г. Сиповскій не предпочелъ иностранныхъ переводчиковъ Платона, мы не думаемъ ставить ему этого въ вину. Трудъ Карпова, повторяемъ, не подвергался серьезной критической оцѣнкѣ въ нашей литературѣ, такъ что авторъ сочиненія, избравъ именно этотъ переводъ, руководился установившимся о немъ мнѣніемъ. Что же касается самаго сочиненія г. Сиповскаго, то это—весьма оживленный и мѣстами мастерской по изложенію очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ величайшихъ философовъ, жившаго въ одну изъ величайшихъ эпохъ всемірной исторіи, столько же симпатичнаго по духу ученія, сколько нравственно-свѣтлой и благородной личности по жизни. Въ частности г. Сиповскій знакомитъ читателя съ слѣдующими сторонами предмета. Первая глава представляетъ характеристику быстро расцвѣта политическаго, умственного и художественнаго генія древней Эллады въ ея умственно-художественномъ центрѣ—Аѣнахъ и затѣмъ картину не менѣе быстро упадка великаго города, какъ печальнаго слѣдствія Пелопонезской войны, внесшей разладъ въ демократическій строй Аѣинской республики и повліявшей неблагоприятно на общественную нравственность. Во второй главѣ мы знакомимся съ софистами, ихъ нравственнымъ характеромъ и стремленіями, ихъ дѣятельностью и отношеніемъ къ нимъ Сократа. Предметъ трехъ остальныхъ главъ—жизнь Сократа, основныя черты его ученія и его трагическій конецъ. Наибольшей оживленностью, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, отличается изображеніе умственного и нравственнаго состоянія аѣинскаго общества и характеристика Аѣинской республики въ эпоху Сократа въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. Заключительная глава представляетъ судъ надъ Сократомъ, его осужденіе и смерть. Относительно этой послѣдней главы мы не можемъ не замѣтить, что автору слѣдовало, по нашему мнѣнію, остановиться по-дробнѣе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ, на разныхъ обстоятельствахъ и на тѣхъ грандіозныхъ чертахъ, которыя характеризуютъ трагическую кончину Сократа, безъ чего образъ великаго аѣинскаго гражданина-философа не можетъ имѣть надлежащей полноты и законченности. Такъ, напримѣръ, авторъ упоминаетъ о послѣдней, предсмертной философской бесѣдѣ Сократа съ учениками, посвященной изслѣдованію вопроса о безсмертіи души, въ пяти-шести строкахъ, которыя, конечно, не могутъ сообщить о ней никакого понятія, а между тѣмъ удѣли онъ этой бесѣдѣ хоть столько мѣста, сколько онъ удѣлилъ раньше другимъ бесѣдамъ Сократа, онъ познакомилъ бы насъ съ міровоззрѣніемъ великаго философа и самою, такъ сказать, сутью его философіи,—его жизненными идеалами, конечными цѣлями и стремленіями протекшей его жизни болѣе, нежели это можно было сдѣлать какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Въ этой же главѣ мы отмѣтимъ важную, допущенную авторомъ неточность, которую ему необходимо исправить при этомъ изданіи сочиненія. Приведа тотъ фактъ, что Сократъ въ самыя по-

слѣднія минуты свои просилъ ученика и друга своего Критона принести за него богу врачевой науки Асклепю въ жертву пѣтуха, авторъ дѣлаетъ въ выноскѣ слѣдующее примѣчаніе: «Эскулапъ—богъ врачевнаго искусства. Приносили ему жертвы, когда исцѣлялись отъ болѣзни. Сократъ своими послѣдними словами, вѣроятно (?), хотѣлъ показать, что онъ считаетъ смерть, отдѣленіе души отъ тѣла, выздоровленіемъ ея». Это «вѣроятно» звучитъ слишкомъ странно для читателя, читавшаго внимательно Федона. Не «вѣроятно», а дѣйствительно такъ; просьба Сократа, обращенная въ его послѣднія минуты къ Критону, имѣла именно этотъ смыслъ, да и какое же другое значеніе могла бы представлять въ данномъ случаѣ благодарность за выздоровленіе, когда жизнь Сократа улетала съ каждымъ мгновеніемъ? Сократъ желаетъ принести благодарственную жертву богу исцѣлелій за то, что онъ умираетъ, или, съ его точки зрѣнія, выздоравливаетъ отъ той долгой и тяжелой болѣзни, которую называютъ земною жизнью человѣка. Кузень въ своемъ переводѣ Федона дѣлаетъ къ этому мѣсту примѣчаніе, что Сократъ проситъ друга принести жертву Асклепю — en reconnaissance de sa guérison de la maladie de la vie actuelle. Такъ же комментируетъ это мѣсто (какъ и всѣ вообще комментаторы) и вѣнецкій переводчикъ Платона Миллеръ. Sokrates, — говоритъ онъ, — fühlt sich im Augenblicke des Sterbens von der Krankheit des Erdenlebens genesen und von den hemmenden Banden des Körpers befreit. Самыя слова Сократа въ данномъ случаѣ г. Сиповскій приводитъ не совсемъ точно. Сократъ не говоритъ: «я долженъ Эскулапу (?) пѣтуха», какъ мы читаемъ у г. Сиповскаго, а говоритъ: «мы должны» (ὄφειλομεν), выражая этимъ желаніе, чтобы жертва богу врачеваній была принесена Критономъ не только отъ лица самого умирающаго, но и отъ лица его друзей. Сократъ приглашаетъ такимъ образомъ и своихъ друзей раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ его радость по поводу его выздоровленія, или другими словами—по поводу окончанія земной его жизни. Смерть принимаетъ такимъ образомъ въ глазахъ умирающаго философа значеніе какого-то торжества. Еще одно замѣчаніе. Г. Сиповскій называетъ въ данномъ мѣстѣ бога врачевнаго искусства у древнихъ грековъ не Асклепиемъ (Ἀσκληπιός), какъ слѣдуетъ называть его, какъ скоро рѣчь идетъ о событіи изъ греческой жизни, а его латинскимъ именемъ Эскулапа,—почему такъ — не понимаемъ. Въ Федонѣ, въ этомъ мѣстѣ, мы читаемъ: Ἀσκληπιῶ ὄφειλομεν, мы должны Асклепю.

Мы указали на нѣкоторые недосмотры въ сочиненіи г. Сиповскаго столько же въ видахъ обстоятельной оцѣнки его труда, сколько и въ томъ убѣжденіи, что сдѣланныя нами замѣчанія могутъ оказаться для него безполезными при 2-мъ изданіи его книжки. Частности, на которыя мы обратили вниманіе читателя, не могутъ, по нашему мнѣнію, уменьшать достоинствъ очерка. Какъ сочиненіе популярное, не претендующее на новизну и самостоятельность взгляда, онъ имѣетъ несомнѣнныя достоинства; брошюра, составленная по хорошимъ источникамъ, благодаря оживленному изложенію, читается легко, и мы увѣрены, что ее прочтеть не одинъ читатель не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою.

Въ той же книжкѣ мы находимъ весьма интересную повѣсть г. Короленко «Тѣни». Здѣсь, какъ мы уже сказали въ началѣ рецензіи, мы встречаемся съ Сократомъ, перешедшимъ въ загробный міръ, съ Сократомъ въ царствѣ тѣней.

Д. Лебедевъ.

В. Истринь. Александрія русских хронографовъ. Исслѣдованіе и текстъ. Москва. 1894.

Среди памятниковъ повѣствовательной средневѣковой литературы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ такъ называемая «Александрія», или романъ объ Александрѣ Македонскомъ; въ этомъ романѣ часть повѣствовательнаго матеріала несомнѣнно историческаго характера, другая же часть—украшенія, взятая авторомъ изъ области личнаго вымысла или изъ народныхъ преданій и легендъ объ Александрѣ. Давая заглавіе своему изслѣдованію «Александрія русскихъ хронографовъ», авторъ его, г. Истринь, нисколько не предрѣшаетъ вопроса о происхожденіи Александріи. Этимъ онъ лишь указываетъ на то, что предметомъ его изслѣдованія является Александрія, отличная отъ той, которая называется обыкновенно «Сербской Александріей», и которая послужила предметомъ изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго. Между тѣмъ, какъ сербская Александрія была распространена въ отдѣльныхъ спискахъ, Александрія русская читалась только въ хронографвахъ; отдѣльные списки ея не сохранились, а если иногда и попадаются, то они суть извлеченія изъ хронографа. Необходимо оговориться, что авторъ, г. Истринь, подъ хронографомъ разумѣетъ не только тотъ историческій сборникъ, за которымъ у насъ упрочилось преимущественно названіе хронографа и происхожденіе котораго, или же точнѣе пересмотръ, относится къ 1512 году; онъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ и такъ называемый Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ особый видъ историческаго сборника, который сохранился въ Архивскомъ и Виленскомъ спискахъ. Независимо отъ своего происхожденія всѣ эти историческіе сборники дошли до насъ въ русскихъ спискахъ.

Если нѣкоторые изъ обобщенныхъ г. Истринымъ подъ именемъ хронографовъ историческихъ сборниковъ по нѣкоторымъ соображеніямъ и могутъ быть приписаны южнославянской письменности, то это не можетъ мѣшать названію «Александрія русскихъ хронографовъ», такъ какъ наши хронографы составляли принадлежность исключительно русской письменности: южные славяне лишь пользовались русскими хронографами и дѣлали изъ нихъ выписки. Такимъ образомъ Александрія хронографовъ, изслѣдованная г. Истринымъ, читалась и переписывалась исключительно русскими читателями, и ею-то именно и пользовались древне-русскіе книжники для своихъ цѣлей.

«Александрія», изслѣдованная г. Истринымъ, особенно интересна для насъ еще и потому, что въ ней мы имѣемъ весьма древній переводъ Псевдокаллистоеновой исторіи Александра, тогда какъ Сербская Александрія даетъ намъ переводъ сравнительно поздній и притомъ съ латинской обработки Псевдокаллистоена, подвергшейся въ своей литературной исторіи многочисленнымъ передѣлкамъ и искаженіямъ, а также значительно христіанизировавшейся подъ вліяніемъ требованій вкуса средневѣковыхъ читателей.

Остановимся на выводахъ автора, изслѣдовавшаго четыре основныя редакціи Александріи. Первая редакція, текстъ которой данъ авторомъ въ приложеніи по списку Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ № 902—1468, лл. 311—342, въ своей первоначальной редакціи есть переводъ греческаго Псевдокаллистоена, причемъ переводъ сдѣланъ со второй редакціи этого памятника (В¹). Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ, однако, не

послужилъ оригиналомъ для перевода, но можно утверждать, что кодексъ греческаго Псевдокалисеевна, бывшій оригиналомъ, былъ близокъ къ Лейденскому списку въ его второй части; изъ другихъ списковъ наиболѣе близокъ парижскій списокъ № 113 (код. С) въ своемъ первоначальномъ составѣ. Переводчикъ переводилъ буквально, слово за словомъ, не исправляя ошибокъ греческаго текста и самъ впадая въ ошибки. Часто встрѣчающаяся статья о рахманахъ и рассказъ о посѣщеніи Александромъ Македонскимъ Иерусалима вставлены въ текстъ романа позже, причѣмъ послѣдній взятъ изъ готоваго перевода хроники Амартола. Что же касается времени происхожденія Александрии, то можно сказать, что она существовала уже въ XII в. и въ XIII в. вошла въ составъ хроники Іоанна Малалы.

Вторую редакцію представляетъ Александрія, вошедшая въ составъ Еллинскаго и Римскаго лѣтоисчисленія второй редакціи: эта Александрія издана г. Истринымъ въ приложеніи по списку, находящемуся въ библиотекѣ Московскаго Чудова монастыря, № 51—353. Она явилась изъ первой редакціи чрезъ добавленія, источникомъ которыхъ служила главнымъ образомъ письменная литература. Вторая редакція Александрии явилась не сразу изъ первой, но какъ результатъ послѣдовательныхъ и многочисленныхъ передѣлокъ и дополненій, при чемъ явилась она въ своемъ окончательномъ видѣ еще до появленія на Руси сербской Александрии; въ первой половинѣ XV в. она уже была.

Третья и четвертая редакціи Александрии помѣщаются въ хронографѣ первой редакціи и восходятъ къ одной общей редакціи, которая представляетъ сокращенія вышеупомянутой второй редакціи съ незначительными дополненіями, взятыми изъ сербской Александрии. Третья редакція по своему составу ближе къ своему оригиналу, чѣмъ четвертая, но послѣдняя передаетъ сохранившійся текстъ лучше третьей. Источникомъ добавленій третьей редакціи былъ также и Паралипоменонъ Зонары. Оригиналы третьей и четвертой редакціи Александрии и хронографъ, заключавшій его, явились въ XV в.; третья редакція Александрии и хронографъ, не раздѣленный на главы, явились до 1517 г., а четвертая редакція и хронографъ, раздѣленный на главы, относятся къ 1512 г.

Пятая редакція Александрии, представляющая краткій пересказъ четвертой съ новыми добавленіями, источниками которыхъ были: хроника Мартина Бѣльскаго, вторая редакція Александрии и «Тайная Тайныхъ», помѣщена въ не распространенномъ видѣ хронографа второй редакціи. Пятая редакція вмѣстѣ съ хронографомъ, заключавшимъ ее, относится къ началу XVII в.; она образовалась не самостоятельно, а какъ составная часть хронографа, редакторъ котораго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ Александрии.

Разсмотрѣнной пятой редакціей оканчивается рядъ переработокъ въ древнерусской литературѣ Псевдокалисеевовой Александрии. Правда, встрѣчается еще одинъ видъ Александрии, вошедшій въ значительное число хронографовъ, но этотъ видъ, составленный по второй, четвертой и пятой редакціямъ, не можетъ быть названъ особой редакціей въ виду полного отсутствія самостоятельности въ обработкѣ.

Въ заключительной, седьмой, главѣ своего изслѣдованія г. Истринъ обзрѣваетъ содержаніе и указываетъ источники хронографа XIII в., при чемъ обнаруживается, что цѣль редактора была дать подробное изложеніе еврей

ской исторіи сотворенія міра до разрушенія Іерусалима. Поэтому г. Истринь и предлагаетъ назвать этотъ историческій сборникъ не Еллинскимъ лѣтописцемъ болгарской редакціи, какъ называлъ его архимандритъ Леонидъ, а «іудейскимъ хронографомъ». Задавая вопросъ, гдѣ могъ возникнуть этотъ хронографъ, авторъ соглашается съ И. И. Срезневскимъ въ томъ, что это—произведеніе русскаго труженника, работавшаго, вѣроятно, въ Западной Руси.

Настоящее изслѣдованіе, не смотря на свою обширность и широкій обхватъ фактовъ, однако, далеко не исчерпываетъ вопроса о судьбѣ Александріи. Помимо того, что могутъ найтись новые матеріалы, которые разъяснятъ и освѣтятъ то, что осталось темнымъ въ разработанномъ г. Истринымъ вопросѣ объ исторіи и происхожденіи Александріи,—помимо этого, остается неизвѣстной исторія сербской Александріи въ нашей литературѣ, и не изслѣдованы устныя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, ихъ отношенія къ Александріямъ, отраженія послѣднихъ въ легендахъ и т. п. Поэтому авторъ обѣщаетъ дать продолженіе настоящаго изслѣдованія, которое будетъ заключать въ себѣ: 1) исторію Сербской Александріи въ русской литературѣ, какъ продолженіе труда академика А. Н. Веселовскаго, и 2) очеркъ народныхъ свазаній объ Александрѣ Македонскомъ. Въ виду этихъ обширныхъ замысловъ автора пожелаемъ ему столь же удачно исполнить ихъ, какъ и настоящее изслѣдованіе, которое является солиднымъ вкладомъ въ науку.

С. Т—скій.

Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саитова. Спб. 1894.

Если старинные наши писатели имѣютъ въ наше время мало художественнаго значенія и врядъ ли могутъ доставить своими произведеніями эстетическое удовольствіе, за то они представляютъ большой историческій интересъ: въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ большой матеріалъ для изученія исторической жизни нашего общества и развитія литературныхъ вкусовъ его. Съ этой точки зрѣнія мы и цѣнимъ изданія такихъ писателей, какъ И. И. Дмитріева, В. Л. Пушкина и другихъ литературныхъ дѣятелей той эпохи, которая предшествовала появленію великаго племянника автора, сочиненія котораго передъ нами. Мы не можемъ болѣе пренебрегать изученіемъ фона, современниковъ и предшественниковъ великихъ людей, такъ какъ эти послѣдніе въ значительной мѣрѣ объясняются своей эпохой.

Василій Львовичъ Пушкинъ (род. 1770 г., ум. 1830 г.) мало привлекалъ на себя вниманіе историковъ литературы и критиковъ: о немъ мы знаемъ лишь бѣглую замѣтку въ «Современникѣ» 1855 г. по поводу Смирдинскаго изданія его сочиненій и не имѣющую никакого значенія, безцвѣтную статью Дружинина въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1856 г. Тѣмъ цѣннѣе является для всякаго интересующагося нашимъ авторомъ статья г. Саитова, сообщающая все относящееся къ В. Л. Пушкину.

«В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ представителей такъ называемой легкой повѣи и, какъ поклонникъ совершенства формы, старался подражать Дмитріеву. Дѣйствительно, по характеру своей литературной дѣятельности онъ близко подходитъ къ Дмитріеву, который цѣнилъ въ повѣи одну только плавность стиха и богатую рѣому». Со сто-

роны же идеи—стихотворенія В. Л. отличаются удивительною безсодержательностью и пустотой, которой не отрицали и современники его, цѣнившіе въ его произведеніяхъ чисто вѣщныя достоинства—правильность и плавность стиха. По своимъ литературнымъ понятіямъ и вкусамъ В. Л. Пушкинъ былъ классикомъ, и лучшія изъ его стихотвореній являются переводами изъ Горация и при томъ порой весьма близкими къ подлиннику. В. Л. не сочувствовалъ возникшему въ его время романтическому направленію и лишь однажды, поддавшись вліянію Байрона, перевелъ отрывокъ изъ Паризины. Какъ большинство произведеній нашихъ писателей «классическаго» направленія, стихотворенія Пушкина отличаются манерностью и сухостью, которая пропадаетъ лишь въ шуточныхъ стихотворныхъ приглашеніяхъ, посылавшихся имъ друзьямъ, съ просьбой навѣстить его во время болѣзни. Совершенно въ сторонѣ отъ «классическаго» стиля и манеры стоитъ одно изъ лучшихъ, можемъ сказать, единственное въ своемъ родѣ произведеніе В. Л., «Опасный сосѣдъ», въ которомъ онъ единственный разъ выступилъ на дорогу реализма въ изображеніи жизни. Здѣсь авторъ простымъ разговорнымъ языкомъ рассказываетъ событіе, случившееся съ нимъ по вину его сосѣда Буянова, охотника покутить. Однажды приглашаетъ его этотъ Буяновъ въ гости, съ цѣлью провести приятно вечеръ въ непринужденно веселомъ обществѣ «милыхъ дамъ», и на мѣстѣ увеселенія заводятъ драку. Во избѣжаніе ареста авторъ убѣгаетъ отъ нагрянувшей полиціи и благодаритъ судьбу, увесшую его изъ этого содома, гдѣ онъ впопыхахъ забылъ часы, кошелекъ и шивель. Присутствующія лица нарисованы здѣсь полной кистью; мы видимъ не условныя декораціи и движущихся по пружинкѣ манекеновъ — Лезбій, Хлой и т. п., а живыхъ людей: Буянова, кутящаго самодура и повѣсу, дьячка, купца, милыхъ обитательницъ мѣста увеселенія. Дѣйствіе идетъ жизненно и полно: къ сожалѣнію, это лучшее изъ произведеній В. Л. Пушкина всегда по цензурнымъ требованіямъ исключалось изъ собраній его сочиненій, и нынче не миновала его эта печальная участь.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ «Опаснаго сосѣда», исключеннаго по требованію цензуры, настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ все написанное В. Л. Пушкинымъ, все его стихотворенія, прозаическія статьи и письма. Последнее по времени стихотвореніе, посланіе къ А. С. Пушкину, печатается впервые по рукописи Императорской Публичной бібліотеки.

Настоящее изданіе, быть можетъ, и не представляющее интереса для публики, будетъ необходимо каждому, занимающемуся исторіей новой русской литературы. Подъ каждымъ стихотвореніемъ и въ особыхъ примѣчаніяхъ мы находимъ все свѣдѣнія, необходимыя при изученіи автора, что придаетъ большую цѣнность настоящему изданію: по нимъ мы можемъ опредѣлить годъ написанія, время появленія въ свѣтъ, представляетъ ли данное стихотвореніе переводъ или подражаніе, и кому именно подражаетъ авторъ его. Источники переводовъ опредѣлены съ удивительною точностью и внимательностью г. Саитовымъ, положившимъ на это не мало времени и знаній.

С. Т—скій.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1894.

Это—уже второй учебникъ по исторіи философіи, появляющійся въ текущемъ году. О первомъ, именно о книгѣ Фулье, мы дали отчетъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Спрашивается, каковы приблизительно достоинства этихъ двухъ учебниковъ съ точки зрѣнія лицъ, желающихъ познакомиться съ исторіею философіи въ болѣе или менѣе сжатомъ очеркѣ. Прежде всего мы должны замѣтить, что книга Фалькенберга обнимаетъ только исторію новой философіи (съ XV в.), между тѣмъ какъ книга Фулье обнимаетъ исторію всей философіи, начиная съ глубокой древности по настоящее время. Къ тому же книга Фулье по объему приблизительно равняется книгѣ Фалькенберга, слѣдовательно на сторонѣ первой важное преимущество полноты и краткости. Впрочемъ, что касается до полноты, то лица, приобретающія книгу Фалькенберга, могутъ одновременно приобрести и книгу Виндельбанда, заключающую въ себѣ исторію древней философіи и переведенную слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціею того же профессора Введенскаго. Пожертвовавъ лишними двумя рублями (книги Фалькенберга и Виндельбанда стоятъ вмѣстѣ 5 р., а книга Фулье—3 р.), они будутъ имѣть болѣе полный обзоръ всей исторіи философіи и, кромѣ того, совершатъ доброе дѣло, такъ какъ вся чистая прибыль съ двухъ первыхъ книгъ, за покрытіемъ типографскихъ расходовъ, назначена въ пользу недостаточныхъ студентовъ и курсистокъ. Но, даже независимо отъ этой благой цѣли и сравнительной полноты, лишній расходъ окупится въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, книги Виндельбанда и Фалькенберга представляютъ важное преимущество сравнительной объективности. Какъ мы видѣли, книга Фулье, не смотря на благія намѣренія автора, объективностью не отличается. Нѣмцы вообще умѣютъ быть болѣе беспристрастными въ научныхъ трудахъ, чѣмъ французы, а книга Фалькенберга въ этомъ отношеніи является образцовою даже между нѣмецкими трудами. Въ подтвержденіе достаточно, напримѣръ, указать на тотъ любопытный фактъ, что авторъ приравниваетъ разныя философскія системы къ художественнымъ произведеніямъ, т. е. признаетъ ихъ болѣе продуктомъ творческой фантазіи, чѣмъ научнаго мышленія. Эту точку зрѣнія, представляющуюся намъ очень глубокою, можно рекомендовать народившимся теперь у насъ не въ мѣру усерднымъ защитникамъ философіи, какъ единственнаго и исключительнаго источника вѣрнаго міросозерцанія. Если даже специалисты философской науки приываютъ философію, на ряду съ искусствомъ, продуктомъ творческой фантазіи, а не научнаго мышленія, то можно ли толковать о ней, какъ объ единственномъ источникѣ истины?

Вовторыхъ, книга Фалькенберга представляетъ то важное преимущество передъ книгою Фулье, что читатель въ ней найдетъ обстоятельныя и очень цѣнныя указанія на философскую литературу, не только европейскую, но и русскую. Благодаря работамъ, помѣщеннымъ въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», особенно благодаря библиографическимъ трудамъ г. Колубовскаго, редакторъ русскаго перевода книги Фалькенберга имѣлъ возможность пополнить ее обстоятельными указаніями какъ отдѣльныхъ

книгъ, такъ и журнальныхъ статей, появившихся у насъ по философскимъ вопросамъ. Это—очень цѣнное для русскаго читателя дополненіе.

Что касается до достоинствъ перевода, то мы, къ сожалѣнію, должны отмѣтить, что онъ далеко не можетъ считаться образцовымъ. Чтобы дать о немъ понятіе читателю, мы сдѣлаемъ выписки хотя бы изъ введенія въ книгъ, предупреждая, что оно все съ начала до конца изложено на томъ же не то русскомъ, не то нѣмецкомъ языкѣ. «Часто послѣдователь строятъ свои укрѣпленія, продолженія и опроверженія предшествовавшей системы совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, не тамъ, гдѣ желательно было бы историку, строящему ходъ развитія»... «Современныя поколѣнія все еще очарованы культурнымъ идеаломъ Бэкона, который (кто? идеаль или Бэконъ?) былъ такъ возвышенъ Фихте»... «Когда готовится нѣчто новое но еще не достаеетъ творческой силы дать ему опредѣленный образъ, тогда наступаетъ время тревожнаго отвращенія къ тому, что ѣсть надо руками»... «Задачи и границы знанія указываются вѣрою, все обращено на по-тустороннее» (*Das Jenseitige*, т. е. неземное, небесное)... «Механическое міровоззрѣніе, стремящееся постигнуть вселенную изъ природы и всякое бываніе изъ движенія»... «Рядомъ съ этимъ и земля находитъ достаточно уваженіе, но всегда только, какъ нижній этажъ, надъ которымъ находится истинное отечество, царство благодати, управляемое собственными законами. Тончайшее остроуміе работаетъ на службѣ у догмы; оно должно находить основаніе для «какъ?» и «зачѣмъ?» тѣхъ вещей, которыхъ «что?» твердо установлено въ другомъ мѣстѣ» и т. д.

Этихъ цитатъ достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе о достоинствахъ перевода, который сдѣланъ преимущественно студентами филологическаго факультета. Плохо же знаютъ наши филологи родную русскую рѣчь.

Р. С.

Священникъ С. Петровскій. Семь Херсонскихъ архіепископовъ. Биографіи съ приложеніемъ портретовъ. Одесса. 1894.

Херсонская епархія находится въ особенно благопріятныхъ для историка условіяхъ. За исключеніемъ двухъ ея архіереевъ — Гавріила (Розанова) и Іоаннікія (Горскаго), имена всѣхъ остальныхъ, можно сказать, не сходятъ со страницъ духовной литературы, хорошо извѣстны и свѣтскому обществу: Платонъ (Городецкій), недавно почившій митрополитъ кіевскій, знаменитый витія Інокентій (Борисовъ), Никаноръ (Бровковичъ), Дмитрій (Муретовъ), наконецъ Леонтій (Лебелинскій), бывший митрополитъ московскій. Всѣ эти лица оставили послѣ себя богатое наслѣдство въ духовной литературѣ, сохранившей и о нихъ самихъ не мало воспоминаній, замѣтокъ и проч.

Авторъ «Семи Херсонскихъ архіепископовъ» собралъ въ своей книгѣ, можно сказать, все имѣющее значеніе изъ того, что появилось въ литературѣ по его предмету, и въ концѣ каждой биографіи приложилъ указатель тѣхъ статей, какими онъ пользовался. Но изученіемъ многочисленныхъ трудовъ описываемыхъ имъ архіепастырей авторъ, очевидно, не счелъ нужнымъ себя утруждать; не воспользовался и мѣстными епархіальными архивами для своей работы. Оттого сочиненіе его не имѣетъ научнаго значенія и является интереснымъ лишь для Херсонской епархія, а также для почитателей херсонскихъ архіереевъ, лично знавшихъ покойныхъ, какъ памятный о нихъ

листокъ, или страница изъ альбома. Если авторъ имѣлъ только эту задачу, то книга почти не заслуживаетъ упрека: написана гладко, толково, излана изящно, снабжена отчетливыми фототипиями. Одно только нѣсколько портитъ книгу: то свойство, которое въ духовной литературѣ извѣстно подъ характернымъ прозваніемъ елейности. Авторъ безъ нужды сопровождаетъ имена почившихъ архіереевъ ихъ длинными титулами, примѣяемыми только въ обращеніяхъ къ живымъ, и не хочетъ сказать правды, когда она не говоритъ въ пользу изображаемаго лица. Такъ, объ одномъ архіерѣ, пробывшемъ въ Херсонской епархіи менѣе года и ничего не успѣвшемъ сдѣлать для нея, авторъ пишетъ: «коротко было служеніе его здѣсь, но, тѣмъ не менѣе, весьма плодотворно» (стр. 116). Этотъ архіерей составилъ себѣ имя дѣятельностью на другихъ каедрахъ, въ Одессѣ ему не привелось ничего сдѣлать; такъ и слѣдовало сказать.

С. Г. Р.

Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Если наша литература по всеобщей исторіи не можетъ похвалиться богатствомъ и разнообразіемъ, то исторія древняго Востока въ особенности находится у насъ въ довольно печальномъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, по исторіи Египта мы имѣемъ хорошій переводъ труда Бругша, а по исторіи Ассиріи и Вавилоніи, кажется, нѣтъ ничего, кромѣ поверхностной и устарѣлой компиляціи Н. А. Астафьева. Изъ общихъ обзоровъ заслуживаютъ упоминанія прекрасный въ свое время, но теперь совершенно уже устарѣлый трудъ Фганеуа Левормана, также устарѣлый первый томъ «Всеобщей исторіи» Зайцева и, наконецъ, первый томъ «Всеобщей исторіи» Вебера въ переводѣ Андреева, успѣвшій въ короткое время выдержать два изданія. Последнее обстоятельство ясно показываетъ, что потребность въ цѣлесообразномъ трудѣ по исторіи древняго Востока ощущается живо, и потому всякая попытка удовлетворить этой потребности не можетъ не имѣть успѣха. Книга же Масперо имѣетъ особенныя права на вниманіе читающей публики: авторъ ея является въ настоящее время однимъ изъ первыхъ знатоковъ своего предмета и счастливымъ образомъ умѣетъ соединить научную солидность съ краткостью, точностью и занимательностью изложенія. Выдающийся успѣхъ труда Масперо за границей служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго. Русскій переводъ сдѣланъ съ четвертаго французскаго изданія, которое стоитъ вполне на уровнѣ современной науки; оно распадается на пять книгъ: первая посвящена исторіи Египта до вторженія ханаанскихъ кочевниковъ, вторая повѣствуетъ о древнѣйшихъ судьбахъ Передней Азіи и о періодѣ наибольшаго могущества Египта, третья книга захватываетъ періодъ до Ассирійской монархіи Саргонидовъ, четвертая доходитъ до паденія Мидійской монархіи, наконецъ, въ пятой книгѣ излагаются судьбы Востока подъ персидской властью вплоть до временъ Александра Великаго. Во французскомъ подлинникѣ имѣется еще прибавленіе, представляющее особый трактатъ о письменахъ восточнаго міра; этотъ трактатъ въ высшей степени любопытенъ, но составители русскаго перевода почему-то наши необходимымъ его выпустить. Также совершенно напрасно не приложены къ русскому изданію

и карты, имѣющіяся въ оригиналѣ. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ переводъ труда Масперо является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу, а не особенно высокая цѣна его (3 рубля за 715 страницъ довольно убористой печати) даетъ возможность надѣяться на широкое распространѣніе книги.

С. А.—въ.

П. Кулаковскій. Иллиризмъ. Исслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава. 1894.

Исслѣдованіе П. Кулаковскаго посвящено исторіи возрожденія хорватовъ и словинцевъ, извѣстнаго подъ именемъ «иллиризма». Иллиризмъ, возникшій исключительно на почвѣ политической, вслѣдствіе противодѣйствія стремленію мадьяръ создать государство съ однимъ мадьярскимъ языкомъ, былъ весьма плодотворнымъ для развитія литературы, языка и національнаго самосознанія у адриатическаго славянства. Самая идея «Великой Иллирии», обнимавшей всѣхъ южныхъ славянъ, явилась только теоретическимъ обоснованіемъ борьбы: объединить всѣхъ южныхъ славянъ во имя этой идеи оказалось невозможнымъ. Самое слово «иллиръ» явилось исключительно въ замѣнъ «серба», напоминавшаго о православіи своимъ близкимъ сосѣдямъ-католикамъ. Какъ бы то ни было, благодаря идеѣ иллиризма, у хорватовъ, словинцевъ, далматинцевъ явилось стремленіе изучать родной языкъ, исторію, настаивать на національной школѣ и литературѣ. Во главѣ движенія стоялъ Людевитъ Гай, талантливый поэтъ и популяризаторъ, основавшій типографію, журналы, читальни. Средоточіемъ движенія былъ Загребъ. Въ сороковыхъ годахъ является цѣлый рядъ писателей и ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность служенію родинѣ. Таковы были: Ставко Вразъ, Иванъ Кукулевичъ-Сабинскій, Антонъ и Иванъ Мажураничи, Драгутинъ Рановецъ и многіе другіе. Само собой разумѣется, исторія этого движенія одна изъ любопытнѣйшихъ въ жизни славянъ. Авторъ книги отнесся къ предмету своего изученія не только съ полною добросовѣстностью, но и съ большою любовью. Онъ воспользовался въ мѣстныхъ библиотекахъ почти всѣми литературными предпріятіями эпохи иллиризма, знакомился также, по мѣрѣ доступности, съ рукописными матеріалами. Со стороны фактической книга г. Кулаковскаго отличается должною полнотой. Иногда даже, въ ущербъ ясности изложенія, въ текстѣ помѣщены голые перечни статей и брошюръ, нисколько не выясняющихъ дѣла читателю. Мѣсто такихъ перечней, конечно, скорѣе въ примѣчаніяхъ. Но болѣе важнымъ недостаткомъ книги является догматичность изложенія: авторъ старается о возможно полной группировкѣ фактовъ, нисколько не заботясь объ ихъ освѣщеніи. Вотъ почему предъ читателями проходятъ только блѣдныя тѣни дѣятелей возрожденія. Характеристики послѣднихъ, равно какъ критическіе отзывы о трудахъ ихъ, слабы. Г. Кулаковскій, къ сожалѣнію, мало также останавливается на указаніи чертъ сходства и различія въ національныхъ движеніяхъ другіхъ славянъ. Книга его написана живымъ языкомъ и, не смотря на то, что представляетъ докторскую диссертацию, съ удовольствіемъ можетъ быть прочтена и не «учеными». Въ заключеніе отмѣтимъ, что недавно появились воспоминанія новаго свидѣтеля эпохи иллиризма, Е. И. фонъ-Ткалаца (*Jugendgedenken aus Kroatien, Leipzig, 1894*).

Арк. Л.—нко.

Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернской архивною комиссіею. Выпускъ третій. Кострома. 1894.

Сборникъ костромской архивной комиссіи состоитъ изъ трехъ отдѣленій матеріаловъ: въ первомъ помѣщены подлинные акты, разсмотрѣнные членами комиссіи, во второмъ — старинныя рукописи, заключающія въ себѣ снимки съ актовъ и выписки изъ нихъ, въ третьемъ описанія частныхъ архивовъ и собранія отдѣльныхъ рукописей. Кромѣ матеріаловъ, въ сборникѣ помѣщены изслѣдованія, изъ которыхъ мы отмѣтимъ краткій очеркъ Шангскаго городища г. Дементьева и свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ города Галича, собранныя г. Моллеромъ. Въ приложеніи напечатано описаніе нѣкоторыхъ старинныхъ рукописныхъ сборниковъ. Почти всѣ матеріалы и статьи сборника имѣютъ исключительно мѣстный интересъ, хотя есть въ немъ кое-что, выходящее за предѣлы Костромской губерніи. Таковъ, напримѣръ, докладъ г. Коробицина объ автобіографіи К. И. Арсеньева, профессора Петербургскаго университета, подвергшагося гоненію Руняча. Арсеньевъ былъ редакторомъ въ комиссіи законовъ, а съ 1828 г. преподавалъ статистику и географію цесаревичу Александру Николаевичу. Ему принадлежатъ нѣкоторыя историческія работы, какъ, напримѣръ, «Царствованіе Петра II», «Царствованіе Екатерины I». Не будучи выдающимся талантомъ, Арсеньевъ былъ очень трудолюбивъ и добросовѣстенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Всѣ его труды отличаются точностью, но въ то же время поражаютъ крайней сухостью. Такою же сухостью отличается и его автобіографія, сообщаемая г. Коробицинымъ. По оглавленію этой автобіографіи можно все же ожидать въ ней кое-какихъ интересныхъ фактовъ, а потому нельзя не пожалѣть, что г. Коробицинъ сообщаетъ только ея начало, доходитъ только до поступленія Арсеньева въ Педагогическій институтъ. Правда, первый періодъ жизни Арсеньева имѣетъ интересъ для Костромы, но мы думаемъ, что архивная комиссія нисколько не повредила бы своему изданію, если бы подробнѣе рассмотрѣла автобіографію выдающагося костромича.

Заключая нашу замѣтку, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о внѣшности сборника, которая просто поражаетъ своей неяршливостью. Мы не говоримъ уже о плохой бумагѣ и не особенно изящномъ шрифтѣ, но на что положительно стоитъ обратить вниманіи, это — на списокъ опечатокъ. Вся книжка состоитъ изъ 354 страницъ, а списокъ опечатокъ изъ 13, и, кромѣ того, есть «дополнительный списокъ усмотрѣнныхъ опечатокъ» въ 2 страницы. Право, такъ издавать свои труды для «ученой» комиссіи просто неприлично.

А. Б.

Русская народная лирика. Пособіе при изученіи русской литературы. Изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова. Вып. XVIII. Спб. 1894.

Въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» своевременно была дана оцѣнка изданныхъ г. Чудиновымъ «Былинъ». Теперь передъ нами уже XVIII выпускъ его библиотеки, посвященный русскимъ лирическимъ пѣснямъ. Здѣсь мы находимъ рядъ обрядовыхъ пѣсенъ, пѣсни семейныя, пѣсни бытовыя (чѣмъ отличаются онѣ отъ вышеназванныхъ?), пѣсни удачныя. Не говоря уже о томъ, что классификація эта не заслуживаетъ одо-

бревія, грѣша неточностью, мы остановимся на обзорѣни источниковъ, изъ которыхъ г. Чудиновъ почерпнулъ пѣсни для настоящаго изданія.

Изъ всего количества—119 пѣсенъ, 46 номеровъ взяты изъ сборника Сахарова, 21 пѣсня взята изъ сборника П. В. Шейна, извѣстнаго этнографа и собирателя пѣсенъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ; десятокъ пѣсенъ заимствованъ изъ потерявшей теперь цѣнность и во многихъ мѣстахъ подложной и сомнительной работы Терещенка «Быть русскаго народа», нѣсколько пѣсенъ заимствовано изъ Снегирева (о русскихъ народныхъ праздникахъ), изъ собранія Рыбникова; изъ пермскаго сборника и изъ изслѣдованія проф. Аристова взято по одной пѣснѣ. Остальныя пѣсни неизвѣстно откуда попали въ изданіе г. Чудинова. Но, оставляя въ сторонѣ этихъ непомятыхъ родства, спросимъ г. издателя-редактора настоящаго по собія, неужели онъ не могъ выбрать матеріала, хотя бы изъ сборника того же П. В. Шейна, а также изъ массы другихъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ, а предпочелъ повторять подсланенныя и прикрашенныя пѣсни Сахаровской редакціи? Порой даже г. Чудиновъ приводятъ изъ Сахарова двѣ редакціи одной пѣсни, напримѣръ, №№ 83 и 84. Порой спутанный счетъ номеровъ наводитъ на мысль, что многіе изъ недостатковъ этого изданія явились, какъ слѣдствіе поспѣшности и небрежности редактора. Въ общемъ выборъ пѣсенъ не блистаетъ особой удачностью. Пѣсни свадебныя, напримѣръ (изъ Рыбникова), помѣщены г. Чудиновымъ въ особый разрядъ семейныхъ и бытовыхъ (что подразумѣваетъ г. Чудиновъ подъ словами «бытовая пѣсня»?—видимо онъ самъ не ясно сознаетъ, въ чемъ тутъ сила, и путается въ выбранной имъ терминологіи). Къ тексту пѣсенъ приложены слѣдующія объяснительныя статьи: «Праздники языческихъ славянъ»—Костомарова; «Коляда»—Порфирьева; «Красная горка и Радуница»—А. (?) Сахарова, «Семикъ»—С. Соловьева, «Ярило»—С. (?) Ефименко, «Свадебные обряды и пѣсни»—С. (?) Сумцова, «Бытовые пѣсни»—Караулова. Кромѣ этихъ статей, приложены еще отрывки изъ Тургенева и Гоголя, какъ характеристика русской пѣсни. Изъ перечисленныхъ выше статей далеко не всѣ имѣютъ научное значеніе, и лучше было бы, еслибъ г. Чудиновъ осмотрительнѣе выбиралъ ихъ. Торопливость, опечатки въ громадномъ количествѣ, указываютъ опять-таки на небрежность редактора; что же касается нелѣпой и грубой картинки, изображающей хороводъ, то лучше, еслибъ ея вовсе не было. На обложкѣ и титульномъ листѣ находимъ портретъ извѣстнаго этнографа-сборителя П. В. Шейна, но зачѣмъ онъ? Г. Чудиновъ, выписавшій въ предисловіи цѣлую страницу изъ литографированныхъ университетскихъ лекцій проф. А. Н. Веселовскаго, не нашелъ нужнымъ даже въ двухъ словахъ объяснить, чей портретъ помѣщенъ имъ на заглавномъ листѣ и почему? А это было бы далеко не лишнимъ: характеристика безкорыстнаго труженика на поприщѣ родной этнографіи рѣзко отгѣнила бы, какъ контрастъ, спекулятивный характеръ изданія г. Чудинова.

С. Т—скій.

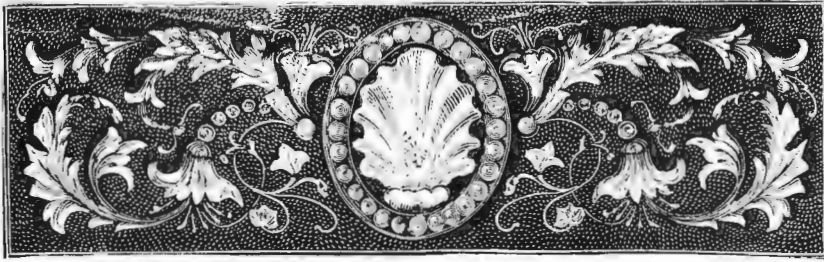

ГРАФЪ АРСЕНІЙ АРКАДЕВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ДОВ. ЦЕН. СЛЪ., 27 ЯНВАРИ 1895 Г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЕДИЦІЯ 3000 лѣтъ тому назадъ. Знаменитый французскій химикъ Бертло помѣстилъ въ январской книжкѣ «Journal des Savants» очень любопытную статью о папирусѣ Эберса, который нашель эту научную диковину въ 1872 году и призналь ее за тотъ трудъ «О врачебныхъ средствахъ», на который указывалъ еще Климентъ Александрійскій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли находка Эберса имѣеть то археологическое значеніе, которое онъ ей придаетъ, Бертло, руководствуясь важными свѣдѣніями, заключающимися въ 108 листахъ папируса, въ каждомъ изъ которыхъ отъ 20 до 22 строчекъ, — рисуетъ доселѣ невѣдомую картину того состоянія, въ которомъ находилась медицина за 3000 лѣтъ тому назадъ. Прежде всего онъ указываетъ, что египетскіе доктора были извѣстны на древнемъ востокѣ до распространенія греческой науки. О нихъ упоминается еще въ Одиссеѣ, и о нихъ говорятъ Геродотъ. Зная, что никто не пророкъ въ своей странѣ, они приписывали медицинѣ такое же древнее происхожденіе, какъ и общей египетской цивилизаціи. Сынъ Менеса Аеоисъ, второй царь Египта, согласно преданію, былъ самъ докторъ и написалъ нѣсколько сочиненій по анатоміи и медицинѣ. То же самое приписываютъ Товореросу, второму царю третьей династіи. Другія медицинскія книги считаются сочиненіемъ Изиды и Агаодемона. Съ другой стороны рассказывали, что находка нѣкоторыхъ изъ этихъ научныхъ трудовъ сопровождалась романическими обстоятельствами. Такъ одинъ изъ нихъ, находившійся въ святилищѣ Тебмутъ, былъ отысканъ только благодаря чудесному освѣщенію

луной этого сокровища, когда вся страна находилась во мракѣ, послѣ чего драгоцѣнная рукопись была перенесена въ сокровищницу царя Хеопса. Къ числу подобныхъ папирусовъ относится и тотъ, который открытъ Эберсомъ. Въ сущности это цѣлая медицинская энциклопедія, въ которой не только изложены рецепты, но и описаны болѣзни внутреннія, женскія, глазныя и т. д. Съ самаго начала объясняются способы приготовленія различныхъ врачебныхъ средствъ, и каждый листъ папируса пересыпанъ воззваніями къ Изидѣ, Озирису, Тисеону и другимъ божествамъ, даже упоминается въ видѣ рекламы, что такое-то лѣкарство употреблялось богиней Изидой отъ головной боли. Преимущественно элементы этихъ лѣкарствъ самые простые: пиво, медъ, камедь, фики, сливы и всякаго рода минеральныя и растительныя вещества. Но нѣкоторые изъ рецептовъ отличались удивительной фантазіей, такъ, между прочимъ, лѣкарство отъ мигрени состояло изъ головы рака, зуба свиньи, крови ящерицы, мозга черепахи, помета антилопы и внутренностей кошки. Не надо забывать, что многіе изъ этихъ рецептовъ перешли въ средніе вѣка и сохраняются до сихъ поръ не только у восточныхъ народовъ, но и среди суевѣрныхъ поселянъ Европы. Нѣкоторымъ специальнымъ болѣзнямъ посвящены въ папирусѣ Эберса цѣлые научные трактаты, въ томъ числѣ глазнымъ, женскимъ, зубнымъ, ушнымъ и носовымъ. Въ сущности мы имѣемъ дѣло съ цѣлой самостоятельной анатоміей и совершенно своеобразной патологической теоріей. Напримѣръ, человѣка, страдающаго слабымъ зрѣніемъ, лѣчили тѣмъ, что брали два глаза свиньи и полученнымъ жидкимъ веществомъ разводили известное количество меда и коллирія, а потомъ полученную смѣсь клали не на глаза, а въ ухо. Растительныя вещества играли большую роль въ египетской терапевтикѣ, и въ ней употреблялись алоэ анисъ, шафранъ, опій, мирра, различныя смолы, можжевельникъ, и т. д. Одна изъ самыхъ любопытныхъ растительныхъ смѣсей была кифи, или священный аромат, которымъ окуривали одежды и жилища; въ него входило много веществъ: мирра, можжевельникъ, ладонь, алоэ, китарисъ и т. д. Что касается до минеральныхъ веществъ въ египетскихъ лѣкарствахъ, то ихъ было немного, и главнымъ образомъ фигурировали мѣдъ и свинецъ, которые преимущественно смѣшивали съ пометомъ собакъ и кошекъ. О золотѣ, серебрѣ и оловѣ вовсе не упоминается въ рецептахъ папируса, но зато въ немъ говорится о ртути и мышьякѣ. Вообще, по словамъ Вертло, если химическая медицина, введенная въ моду Парацельсомъ, не была очень распространена въ Египтѣ, то зачатки всѣхъ другихъ медицинскихъ системъ можно найти въ странѣ фараона, между прочимъ симпатическія средства, воскрешенныя барономъ Рейхенбахомъ, имѣютъ прямымъ своимъ прототипомъ египетскія лѣкарства, въ которыя входилъ пометъ животныхъ, а сторонники Броунъ-Секара найдутъ въ рецептахъ папируса Эберса слѣды излюбленной ими системы въ препаратахъ изъ половыхъ органовъ быковъ и ословъ.

— Настоящій Фаустъ. По случаю тысячнаго представленія въ Парижѣ Фауста Гуно, французскій поэтъ Шарль Ле-Гоффикъ передаетъ на столбцахъ «L'Illustration» все, что извѣстно о докторѣ Фаустѣ, который служилъ образцомъ для героя великаго произведенія Гете. Дѣйствительно Фаустъ жилъ на свѣтѣ, его видѣли люди собственными глазами и слышали его рѣчи собственными ушами, а Рембрандтъ, на основаніи разсказовъ очевидцевъ, нарисовалъ его портретъ, въ исторической вѣрности котораго

трудно сомнѣваться. Однако долго личность Фауста казалась легендарной, только въ наше время, благодаря ученымъ трудамъ Шейбля, Энгеля Швенгберга, Ристельгубера и Фалигана, она вполне восстановлена со всей исторической правдой, и, конечно, уже теперь никто не смѣшаетъ доктора Фауста съ товарищемъ Гуттенберга Иоганномъ Фустомъ, или Фаустомъ. Настоящій Фаустъ родился, по всей вѣроятности, въ Книттенгенѣ, въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія и, благодаря стараніямъ своихъ родителей, происходившихъ изъ мелкой буржуазіи, получилъ хорошее воспитаніе. Потомъ онъ занимался въ нѣсколькихъ университетахъ, въ томъ числѣ Лейпцигскомъ, Вюрцбургскомъ и Краковскомъ, а въ Гейдельбергскихъ Acta philosophica онъ упоминается бакалавромъ богословія. Слѣдуетъ предположить, что въ этихъ странствіяхъ по различнымъ университетамъ, онъ велъ жизнь тогдашнихъ перелетныхъ студентовъ, которые, изучая одну специальность въ одномъ университетѣ, а другую въ другомъ, принуждены были, переходя съ мѣста на мѣсто, просить милостыню и прибѣгать къ болѣе или менѣе ловкимъ продѣлкамъ въ процвѣтавшихъ тогда искусствахъ астрологии, магіи, хиромантіи и т. д. Самъ Фаустъ сообщаетъ, что онъ былъ не только докторомъ, хотя никогда не получалъ ни въ одномъ университетѣ этой ученой степени, но еще астрологомъ, магомъ, хиромантикомъ и т. д. Онъ выдавалъ себя за кудесника, что было не рѣдкостью въ тѣ времена, и даже Мелангтонъ записалъ объ этомъ фактѣ въ своемъ дневникѣ. Не мало находилось людей, которые были жертвами его обмановъ, и между прочимъ Иоганнъ Вирдункъ, изъ Гасфурта, писалъ въ сохранившемся доселѣ письмѣ отъ 20 августа 1507 года, что Фаустъ достоинъ роговъ. Въ Батенбургѣ, онъ уговорилъ капеллана Иогана Дорстонія намазать себѣ лицо помадой съ мышьякомъ, какъ вѣрное средство отъ запоя, и когда у несчастнаго все лицо покрылось прыщами, то Фаустъ, выпившій все вино въ его погребѣ, былъ уже далеко. Въ Крейцнахѣ ему поручили завѣдываніе школой, но онъ завелъ такую странную систему воспитанія дѣтей, что его скорѣ прогнали палочными ударами. Въ Эрфуртѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, и до сихъ поръ показываютъ домъ, въ которомъ онъ обиталъ; сначала извѣстный гуманистъ Конрадъ Мудтъ пріѣзжалъ къ нему, какъ знаменитаго некроманта и Гейдельбергскаго полубога, но потомъ быстро понялъ, что какъ онъ самъ выражался, это былъ самолюбивый дуракъ. Впрочемъ это обстоятельство не мѣшало Фаусту пользоваться большой популярностью, удивлять людей различными фокусами и вселять къ себѣ общее уваженіе хвастливыми разсказами о своихъ вакхическихъ подвигахъ. Слава о немъ дошла до монастыря въ Мольтбронѣ, настоятель котораго пригласилъ его къ себѣ и поручилъ ему заняться въ монастырской лабораторіи приготовленіемъ золота. До сихъ поръ существуетъ башня этого монастыря, называемая въ народѣ кухней Фауста. На сколько были успѣшны его опыты, и долго ли онъ ими занимался—неизвѣстно, но достоверно, что онъ въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія снова прінялся за свою странствующую жизнь, былъ изгнанъ изъ Ингольштадта, пьянствовалъ въ аугсбургскомъ погребѣ въ Лейпцигѣ, ужиналъ съ богословомъ Иоганномъ Гастомъ въ Базельской коллегіи и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Виттенбергѣ. Въ большей части городовъ, гдѣ онъ перебивалъ, его видали въ обществѣ одной и той же женщины, имя которой не сохранилось въ исторіи. Что касается легенды, то онѣ создали изъ него Донъ-Жуана и приписываютъ ему много

численныя побѣды надъ женскими сердцами, между прочимъ и тотъ подвигъ, что онъ, съ помощью подчиненнаго ему влого духа, вызвалъ знаменитую греческую Елену, которая будто бы и родила ему сына. Современники на столько вѣрили въ его сношеніе съ дьяволомъ, что Іоганъ Гастъ рассказываетъ о его трагической смерти отъ рукъ чорта. По словамъ Христофора Фонъ-Цимерна, Фаустъ былъ преданъ суду, какъ колдунъ, и умеръ въ темницѣ около 1540 года. Достоверныхъ свѣдѣній объ его смерти до сихъ поръ не розыскано, но не прошло и пятидесяти лѣтъ послѣ нея, какъ онъ, благодаря многочисленнымъ легендамъ, сдѣлался знаменитымъ во всей Европѣ. Вотъ все, что извѣстно о настоящемъ Фаустѣ, легенды о которомъ послужили матеріаломъ для великой философской драмы Гете.

— Юбилей Густава-Адольфа. Швеція и вся Германія праздновали 9 декабря прошлаго года трехсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Густава-Адольфа, и, конечно, не было конца панегирикамъ великаго героя протестантства въ прессѣ обѣихъ странъ; но въ католическомъ журналѣ «Deutscher Hausschutz» появилась оригинальная статья Германа Іозефа, который старается доказать, что Германія также вѣрно поклоняется Густаву-Адольфу, какъ былъ бы вѣдѣнъ въ ней культъ Наполеона, потому что первый навлекъ на нее не менѣе послѣдняго несчастій. По его мнѣнію, основанному на трудѣ протестантскаго историка Дройвена, этотъ герой протестантства нимало не былъ апостоломъ религіозной идеи, а заботился только о своемъ собственномъ самолюбіи и, какъ прямо объяснилъ послѣ его смерти шведскій канцлеръ Оксевстиерна, онъ желалъ сдѣлаться императоромъ Скандинавіи, въ которую вошли бы, кромѣ Швеціи, Норвегія и Данія до Большого Бельта, еще Балтійскія провинціи. Въ доказательство своего тезиса, католическій историкъ входитъ въ обстоятельное обсужденіе краткой, но блестящей карьеры развѣнчиваемаго имъ идеальнаго рыцаря и защитника свободы совѣсти. Онъ не споритъ противъ того, что Густавъ-Адольфъ былъ одаренъ замѣчательными способностями, что онъ получилъ прекрасное воспитаніе, и что было обращено значительное вниманіе на развитіе нравственной стороны его характера, но увѣряетъ, что, не смотря на это, онъ не придерживался ни справедливости, ни религіозности, когда это не было въ его интересахъ. Еще ребенкомъ онъ выказывалъ пристрастіе къ военному дѣлу, а 18 лѣтъ занялъ шведскій престолъ съ цѣлью создать изъ своей страны могущественную военную монархію. Взятая имъ на себя задача была не легка, такъ какъ ему приходилось бороться извнѣ: съ Россіей, Польшей и Даніей, а внутри: съ мятежнымъ дворянствомъ и недовольнымъ народомъ, доведеннымъ до отчаянія бѣдностью и голодомъ. Войну съ Даніей онъ велъ мужественно, но безъ большого успѣха, относительно Россіи онъ былъ счастливѣе, а съ Польшей постоянно сражался чисто по одной любви къ войнѣ, такъ какъ представлялись многіе случаи заключить миръ. Подъ предло- мѣ ближе пройти въ прусскую Польшу, онъ вступилъ въ Бранденбургъ, гдѣ правилъ его зять Георгъ-Вильгельмъ, а когда протестантскіе князья пригласили его войти въ союзъ съ ними для защиты германской свободы и протестантской вѣры, то онъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ желанія только по окончаніи войны съ Польшей, слѣдовательно, по мнѣнію Германа Іозефа, онъ вмѣшался въ германскія дѣла изъ самолюбивыхъ, а не религіозныхъ цѣлей. На совѣтѣ шведскихъ министровъ онъ прямо высказалъ, что не слѣдовало допускать имперцевъ и папистовъ до Балтійскаго моря, а потому всего вы-

годѣе было перенести борьбу на нѣмецкую почву, и при этомъ не упомянулъ ни слова о религіи. Точно также протестанство не играло никакой роли въ заключеніи имъ союза съ Нидерландами. Наконецъ Густавъ-Адольфъ, передъ войной, будто бы за новую вѣру, отправилъ посла къ Тилли и Валленштейну съ предложеніемъ не вступаться за нѣмцевъ и продолжать воевать съ поляками, если императоръ откажется отъ своихъ воинственныхъ намѣреній противъ Швеціи и Балтійскаго побережья, и опять въ этомъ предложеніи не говорилось ни слова о религіи. А если онъ и воспользовался изданіемъ реституціоннаго эдикта, которымъ были возвращены германскимъ католикамъ монастыри и церковное имущество, взятые протестантами, чтобы заговорить о поправныхъ правахъ протестантовъ, то въ сущности онъ думалъ не о возстановленіи этихъ правъ, а только объ интересахъ Швеціи. Дѣло было въ томъ, что шведы устали постоянно воевать, и ихъ финансы пришли къ истощенію, а потому, чтобы начать новую войну, да еще въ чужой странѣ, королю надо было придумать приличный предлогъ. Этимъ-то предлогомъ и сдѣлалась защита протестанства. Онъ взялъ на себя роль освободителя угнетенныхъ и, унявчоявъ имперскую власть, возстановилъ бы могущество протестантскихъ князей въ Германіи и возвратилъ бы протестантской церкви все, что было отъ нея отнято знаменитымъ эдиктомъ, но, главное, онъ укрѣпилъ бы власть Швеціи на Балтійскомъ побережьи и удалилъ бы оттуда имперцевъ. Всѣ эти аргументы католическаго историка чрезвычайно логичны, хотя, конечно, даже послѣ трехсотъ лѣтъ въ нихъ слышится ненависть католика къ одному изъ главныхъ героевъ протестанства, и во всякомъ случаѣ утверждая, что Густавъ-Адольфъ принесъ вредъ Германіи, онъ, вѣроятно, подразумеваетъ католическую Германію, такъ какъ хотя и до него высказывалось не разъ мнѣніе, что окончательное торжество Густава-Адольфа угрожало свободѣ и самостоятельности Германіи; но за его преждевременной смертью нельзя достовѣрно судить о томъ, что онъ сдѣлалъ бы, побѣдивъ имперцевъ и папистовъ. Предположенія однихъ, что онъ хотѣлъ сдѣлаться главой протестантскаго союза съ титуломъ римскаго короля, а другихъ, въ томъ числѣ новаго католическаго историка, что онъ мечталъ о Скандинавской имперіи съ включеніемъ Балтійскаго побережья, по справедливому замѣчанію профессора Йегера,—не что иное, какъ праздные рѣчи.

— Кромвель и палата лордовъ. По случаю волнующаго теперь Англію вопроса о преобразованіи палаты лордовъ, Фиртъ помѣстилъ въ декабрьской и январьской книжкахъ «Macmillan's Magazine», какъ нельзя болѣе кстати, очеркъ попытки Кромвеля создать новую вторую палату, вмѣсто уничтоженной революціей палаты перовъ. Какъ лордъ Розбернъ ссылался на Кромвеля въ защиту своей страсти къ скачкамъ, такъ онъ, оказывается, можетъ сослаться на него и въ подтвержденіе своего плана о новой верхней палатѣ. Благодаря новѣйшимъ историческимъ трудамъ, нѣтъ сомнѣнія, что лордъ-протекторъ, при всей первенствующей роли, которую онъ игралъ въ первой изъ европейскихъ революцій, отличался благоразумнымъ консерватизмомъ и даже тѣмъ, что теперь называютъ опортунизмомъ. Въ началѣ своей военной карьеры онъ составилъ себѣ репутацію ненавистника лордовъ и открыто радовался, когда въ числѣ убитыхъ были роялистскіе перы, говоря, что Богъ сравилъ ихъ, такъ какъ Ему не угодно, чтобы кто нибудь господствовалъ надъ Его народомъ, а лорду Манчестеру прямо говорилъ, что дѣла не пойдутъ хорошо, прежде чѣмъ этотъ лордъ не сдѣлается про-

стымъ мистеромъ Монтегью. Но когда послѣ сраженія при Несби парламентская партія одержала верхъ, и возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи или преобразованіи палаты лордовъ, то Кромвель высказался въ пользу сохраненія палаты лордовъ, но подъ тѣмъ условіемъ, что законъ, принятый нижней палатою, не могъ быть отмѣненъ верхней, а еслибъ верхняя и высказывалась не въ пользу его, то все-таки онъ становился закономъ для всей Англіи. Въ комиссіи, образованной для составленія проекта измѣненія конституціи въ этомъ духѣ, лорды старались провести очень странную поправку, именно, что закону, принятому только одной нижней палатою, подчинялись лишь общины, и лорды не были обязаны ему повиноваться; но пока шли объ этомъ споры, историческія событія опередили всѣ намѣренія комиссіи. Нижняя палата казнила короля, уничтожила палату лордовъ и въ свою очередь была насильственно разогнана Кромвелемъ. При врученіи власти лорду-протектору была установлена одна палата, и въ этомъ видѣ существовали два парламента, которые оба были распущены Кромвелемъ, въ виду его несогласія съ народными представителями. Тогда онъ возымѣлъ мысль о восстановленіи второй палаты, или, лучше сказать, объ учрежденіи такой инстанціи, которая могла бы поддержать протектора въ томъ случаѣ, когда онъ расходился съ парламентомъ. Конечно, онъ имѣлъ въ виду, чтобы назначеніе членовъ второй палаты зависѣло отъ лорда-протектора, и въ виду его неограниченной власти ему и было предоставлено осуществить эту попытку созданія новой второй палаты. Въ составъ ея по его опредѣленію вошли семь англійскихъ пэровъ, одинъ ирландскій, одинъ шотландскій, пять сыновей пэровъ, четыре баронета, семнадцать полковыхъ командировъ, двѣнадцать помѣщиковъ и шестнадцать офицеровъ и чиновниковъ, а всего шестьдесятъ три человѣка. Изъ этого числа только сорокъ два приняли свое назначеніе и явились въ парламентъ; вообще же новая палата была очень не популярна, и Кромвеля обвиняли въ томъ, что онъ отвѣлъ въ ней слишкомъ большое мѣсто военному элементу, а также помѣстилъ тамъ своихъ двухъ сыновей и пятерыхъ зятьевъ. Судьба ея была очень кратковременна и печальна. Она существовала всего пять дней, и въ это время происходили какъ въ ней, такъ и въ нижней палатѣ безконечныя пререканія о томъ, какъ назвать эту вторую палату. Наконецъ Кромвелю надобѣли эти пустые толки, и онъ распустилъ созданную имъ же палату, гнѣвно указавъ нижней палатѣ, что она была во всемъ виновата, такъ какъ въ сущности онъ составилъ изъ очень хорошихъ, любящихъ Англію и протестантскую вѣру, людей—необходимую инстанцію между лордомъ-протекторомъ и народными представителями. Этимъ и кончилась попытка Кромвеля создать вторую палату, и онъ болѣе уже не возвращался къ осуществленію подобнаго плана. Конечно, противники всякой второй палаты видятъ въ этомъ историческомъ примѣрѣ доказательство невозможности образовать рациональную вторую палату, такъ какъ это не удалось величайшему государственному человѣку Англіи, но защитники преобразованной палаты лордовъ, въ томъ числѣ и авторъ статьи Чарльзъ Фиртъ, доказываютъ, что неудача попытки Кромвеля объясняется лишь неудачнымъ составомъ его палаты, а что разумно составленная изъ выдающихся людей страны вторая палата—необходимый элементъ для уравниванія народного представительства и правительственной власти.

— Новые мемуары о французской революціи и первой имперіи. Недавно во французскихъ газетахъ приводился списокъ болѣе двадцати ненапечатанныхъ до сихъ поръ мемуаровъ болѣе или менѣе извѣстныхъ современниковъ французской революціи и первой имперіи, а съ тѣхъ поръ каждый мѣсяць появляются въ различныхъ журналахъ отрывки изъ этихъ доселѣ невѣдомыхъ воспоминаній. Эти воспоминанія въ виду различія какъ положенія, такъ и характера ихъ авторовъ возбуждаютъ и различнаго рода интересъ. Такъ, въ отрывкѣ изъ мемуаровъ роялиста Виктора Дестютъ-де-Траси, помѣщеннаго въ «Nouvelle revue», любопытенъ только его рассказъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на парижское свѣтское общество свадьба вдовы Богарне. «Это было въ 1795 году,—рассказываетъ Траси,—я съ матерью жилъ въ Отелѣ, гдѣ насъ посѣщало очень мало друзей, и одинъ Де-ла-Галисоньеръ, очень любившій мою мать, довольно часто раздѣлялъ нашъ скромный обѣдъ. Однажды онъ по обыкновенію пришелъ къ намъ, и мать спросила его, нѣтъ ли чего новаго, онъ отвѣчалъ: «Какже, есть большая новость. Вы, вѣроятно, знали г-жу Богарне, красивую креолку съ Мартиники?»—«Еще бы,—произнесла мать:—вы говорите о вдовѣ Богарне, красиваго танцора, который былъ заточенъ вмѣстѣ съ моимъ мужемъ въ Кармелитской тюрьмѣ?» «Да, вотъ представьте себѣ, она вышла замужъ за артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ Бріенской школѣ, по протекціи Монбара; онъ не имѣетъ ни гроша и маленький, некрасивый, блѣднолицый человѣчекъ; притомъ гораздо моложе ея. Всѣ ея друзья всячески старались отговорить ее отъ этого безумія, но ничего не помогло. Барасъ устроилъ ей эту блестящую партію». Напечатанныя въ «Revue Hebdomadaire» выдержки изъ дневника жирондиста Жана-Франсуа Дюко, въ формѣ писемъ къ женѣ и свояченицѣ, съ присоединеніемъ ихъ отвѣтовъ, любопытны въ томъ отношеніи, что знакомятъ съ истинной фізіономіей революціонной эпохи. Эта переписка молодого депутата законодательнаго собранія въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ сентября 1791 г. до сентября 1793 года, съ только что вышедшей за него замужъ молодой женщиной и еще болѣе юной ея сестрой, ясно доказываетъ, какое громадное вліяніе имѣлъ Жанъ-Жакъ Руссо на тогдашнюю молодежь. Такъ г-жа Дюко мечтаетъ о томъ времени, когда она поѣдетъ къ мужу не ради жизни съ нимъ, а ради того, что они вмѣстѣ навѣстятъ великаго философа; когда она оказалась въ интересномъ положеніи, то она пишетъ, что будетъ сама кормить своего будущаго ребенка, такъ какъ Руссо считаетъ это долгомъ матери и видитъ въ этомъ безусловно вѣрное средство для сохраненія женѣ любви мужа. Что же касается до имени ожидаемаго ребенка, то, конечно, она назоветъ его Эмилемъ. Правда, всѣ эти подробности очень мелочныя, но онѣ подтверждаютъ тотъ фактъ, что никогда ни одинъ писатель не господствовалъ надъ умами и сердцами своихъ современниковъ въ такой степени, какъ авторъ Новой Элоивы.

Надняхъ выйдутъ въ Парижѣ воспоминанія графа де-Монгальера, а пока Клеманъ де-Лакруа въ «Revue de Paris» знакомитъ читателей съ отрывками изъ нихъ и съ самой личностью этого тайнаго дипломатическаго агента во время революціи, имперіи и реставраціи. Происходя отъ мелкой дворянской семьи Лангедока, Жанъ-Габріель Рокъ-де-Монгальеръ получилъ строго религіозное воспитаніе и, поступивъ въ военную службу, былъ посланъ со своимъ баталіономъ на островъ Мартинику, гдѣ познакомился съ Жозефиной де-ла-Шагери, а возвратясь во Францію, поселился въ Парижѣ, вступилъ въ бракъ съ

дочерью маркиза Дюкенау и при началѣ французской революціи принялъ самое живое участіе въ политическихъ интригахъ. Съ Вареромъ и Съесомъ онъ былъ революціонеромъ, съ Бордоскимъ епископомъ—либераломъ, съ интендантомъ морского вѣдомства, де-Лапортомъ—монархистомъ. Съ этого времени уже начинается его карьера тайнаго дипломатическаго агента, которая, однако, не смотря на всю его ловкость, хитрость и двуличность, приноситъ ему болѣе неприятностей, чѣмъ пользы. Людовикъ XVI даетъ ему конфиденціальныя порученія, и онъ возбуждаетъ къ себѣ на столько подозрѣніе революціонныхъ дѣятелей, что его вносятъ въ списокъ эмигрантовъ, но, удалившись на короткое время въ Лондонъ, онъ снова возвращается въ Парижъ и живетъ тамъ во все время террора въ полной безопасности, такъ что его обвиняли въ тайномъ исполненіи порученій Дантона и Барера, но этотъ фактъ ничѣмъ не подтвержденъ, хотя при вторичномъ своемъ появленіи въ Англіи онъ былъ изгнанъ оттуда, какъ сторонникъ Робеспьера. Это не помѣшало ему въ третій разъ поѣхать въ Лондонъ, по приглашенію герцога Йоркскаго, вступить въ сношенія съ Питомъ и напечатать брошюру, въ которой онъ возставалъ противъ республиканскихъ принциповъ и предсказывалъ скорое паденіе Робеспьера. Затѣмъ онъ принялъ самое энергичное участіе въ заговорѣ Пишегрю, велъ различные переговоры съ европейскими дворами отъ имени Людовика XVIII и наконецъ, видя что дѣло монархіи окончательно уже потеряно, онъ, продолжая поддерживать сношенія съ монархистами, передаетъ ихъ тайны директоріи и Бонапарту, который говорилъ о немъ въ то время: «Монгалъяръ умный интриганъ, и изъ него можно было бы сдѣлать что нибудь, если бы его не слѣдовало повѣсить». Полученные отъ него документы, ясно обнаруживъ измѣну Пишегрю, послужили орудіемъ для переворота 18 фруктидора, а его разговоръ съ другимъ подобнымъ тайнымъ дипломатическимъ агентомъ графомъ Антрэгомъ, напечатанный въ Парижѣ, доставилъ легкую побѣду директоріи съ Барасомъ во главѣ. Но ему самому отъ этого нисколько не было легче и, видя, что, воспользовавшись его измѣной, директорія отворачивается отъ него, онъ еще разъ старается войти въ милость Людовика XVIII и успѣваетъ въ этомъ, но въ то же время сближается съ Робержо, французскимъ посланникомъ въ Гаагѣ, оказываетъ ему различныя тайныя услуги и сопровождаетъ его на Раштадтскій конгрессъ. При всемъ своемъ двуличномъ, лживомъ и безпринципномъ характерѣ Монгалъяръ отличался замѣчательными дипломатическими способностями и необыкновеннымъ умѣніемъ распознавать политическія теченія; такъ, въ ноябрѣ 1798 года онъ написалъ докладъ о положеніи республики, при чемъ прямо указывалъ, что Франція погибла, если не вернетъ Бонапарта изъ Египта. Мало того, онъ напечаталъ въ Лейденской Газетѣ дифирамбъ Бонапарту, какъ будущему повелителю Франціи. Но не успѣлъ онъ поддѣлаться къ директоріи, какъ навлекъ на себя изгнаніе изъ Голландіи, благодаря интригамъ противъ новаго французскаго посланника. Какъ только совершился государственный переворотъ 18 брюмера, Монгалъяръ посѣщилъ въ Парижъ, думая, что Наполеонъ приметъ его съ распростертыми объятіями, но время дипломатическихъ интригъ прошло, и когда онъ сталъ бомбардировать Бонапарта бумагами, то его посадили въ тюрьму, откуда онъ былъ выпущенъ только спустя полгода и все-таки оставленъ подъ надзоромъ полиціи. Не смотря на все это, онъ не унимается и продолжаетъ писать политическіе и дипломатическіе доклады первому консулу по всевозможнымъ вопросамъ. Бонапартъ наконецъ понялъ,

что не слѣдуетъ брезгать такимъ способнымъ человѣкомъ и хотя не считаетъ возможнымъ дать двуличному интригану какой нибудь правительственный постъ, но назначаетъ его состоять при его частномъ, тайномъ кабинетѣ съ жалованьемъ отъ 6 до 14 тысячъ франковъ. Вся его дѣятельность заключалась въ составленіи записокъ о политическомъ положеніи Европы и о необходимыхъ, по его мнѣнію, мѣрахъ къ возвеличенію Франціи: подобныхъ записокъ онъ написалъ въ продолженіе десяти лѣтъ, отъ 1804 до 1814 года, на 3.000 листахъ, которые большею частью сохраняются до сихъ поръ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, онъ печаталъ брошюры, подготовлявшія общественное мнѣніе къ учрежденію имперіи и уличавшія его прежнихъ патроновъ, бурбонскихъ принцевъ во всевозможныхъ преступленіяхъ. Въ одной изъ этихъ брошюръ онъ впервые высказалъ мысль о сооруженіи Триумфальной арки и Наполеоновской колонны въ Парижѣ. Впрочемъ онъ не только льстилъ императору, а иногда давалъ ему и полезные совѣты: такъ онъ, удержалъ, благодаря блестящему докладу, императора отъ излишнихъ жестокостей по случаю покушенія Кадудала, серьезно критиковалъ планъ булонской экспедиціи, указывалъ на роковыя послѣдствія брака Наполеона съ австрійской принцессой, предупреждалъ его противъ опасностей похода въ Россію и убѣждалъ возвратить Франціи, отнятую у нея, политическую свободу, а также ограничить территорію Французской имперіи устьями Рейна, Альпами, Пиринеями и океаномъ. Послѣдніе совѣты показались Наполеону нелѣпыми, и не на шутку рассердившись, онъ прекратилъ выдачу содержанія своему тайному совѣтчику. При возстановленіи бурбоновъ, Монгальяръ, не смотря на всѣ свои дѣйствія противъ нихъ и самые рѣзкіе отзывы о нихъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ, смѣло отправился къ Людовику XVIII и дерзко сказалъ ему: «ваше величество слишкомъ уменъ, чтобы не понять настоящей причины всѣхъ моихъ дѣйствій». Затѣмъ онъ пишетъ брошюру, которую поправляетъ самъ король, и доказываетъ въ ней, что онъ нарочно поступилъ на службу Наполеона, чтобы коварными совѣтами довести его до гибели. Хотя Людовикъ XVIII, по словамъ того же Монгальяра, никогда не прощалъ обиды, но очевидно сдѣлалъ исключеніе для этого тайнаго дипломатическаго агента, и онъ продолжаетъ играть при реставраціи ту же роль, какъ и при имперіи, именно секретнаго совѣтника. Этотъ фактъ до того поразителенъ среди огульнаго преслѣдованія всѣхъ когда либо измѣнившихъ монархическимъ принципамъ, что невольно возникало въ то время подозрѣніе, не связывало ли Людовика XVIII съ Монгальяромъ какое нибудь невѣдомое грязное дѣло: такъ, ходили слухи, что король, будучи графомъ Лилльскимъ, во время революціи, переписывался съ Робеспьеромъ и Барасомъ чрезъ Монгальяра, который могъ устроить ему во всякое время громадный скандалъ. Очень характерно, что Монгальяръ поступалъ и относительно Людовика XVIII точно такъ же, какъ и въ отношеніи Наполеона: расписывая ему дифирамбы въ печатныхъ брошюрахъ, онъ писалъ записки, въ которыхъ отстаивалъ то, что считалъ полезнымъ для монархіи и Франціи, хотя и звалъ, что часто шелъ противъ царствовавшей тогда реакціи. Между прочимъ онъ краснорѣчиво заступался за маршала Нея, совѣтовалъ королю прибѣгать къ милосердію, вмѣсто жестокихъ каръ, и доказывалъ необходимость сохранить принципы 1789 г. Но всего замѣчательнѣе высказываемые въ этихъ запискахъ взгляды Монгальяра на иностранную политику. Трудно повѣрить

если бы не было документальных доказательствъ, что этотъ безсовѣстный, лживый интриганъ предвидѣлъ большую часть современныхъ политическихъ событій: царство плутократіи, революцію въ Бельгіи, независимость Италіи, возвеличеніе Пруссіи и союзъ Франціи съ Россіей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести нѣсколько отрывковъ изъ записокъ, поданныхъ имъ Людовику XVIII отъ 1816 по 1820 г., которыя войдутъ въ составъ печатающихся воспоминаній Монгальера. 18-го февраля 1818 года онъ писалъ: «Англійское правительство продиктовало самыя тягостныя статьи трактатовъ 1815 года, и французская нація подписала ихъ, только чтобы избавиться отъ иностранной оккупации, но она возстала бы поголовно, если бы срокъ этой оккупации былъ продолженъ. благодаря коварству, насилию и корысти. По счастью Россія не врагъ Франціи и не можетъ быть ея врагомъ; напротивъ, Россіи нужно, чтобы Франція была независимая и сильная, потому что петербургскій кабинетъ можетъ найти только въ тюльерійскомъ необходимомъ себѣ союзника противъ господства и политической монополіи Великобританіи». 26-го апрѣля того же года онъ замѣчаетъ: «По примѣру Англіи всѣ правительства живутъ займами и подчинили себя капиталистамъ, которые теперь могущественнѣе королей. Это большое политическое несчастіе, такъ какъ банкиры практически руководятъ кабинетами, и могущество денегъ становится первой силой въ свѣтѣ». Въ той же запискѣ онъ говоритъ: «Нидерланды и Голландія отдѣлены другъ отъ друга принципами и интересами; Генуя и Венеція ненавидятъ тѣ правительства, которымъ онѣ повинуются; вся Италія, управляемая австрійской палкой, вздыхаетъ о политическомъ единствѣ и ненавидитъ австрійскій домъ, который не смѣетъ держать тамъ открытый дворъ; Баварія и Саксонія находятся въ смятеніи; мелкія германскія государства, въ особенности Прусское королевство, не знаютъ своихъ опредѣленныхъ границъ и не живутъ въ мирѣ со своимъ народомъ. Россія, по необходимости врагъ Австріи и Англіи, единственная держава, которая можетъ спасти Францію отъ союзниковъ. Въ продолженіе полувѣка петербургскій кабинетъ неизмѣнно слѣдуетъ одной и той же политической системѣ и, съ удивительнымъ искусствомъ осуществляя свой планъ, идетъ быстрыми шагами въ Константинополь, съ котораго не спускаетъ глазъ. Всѣ надежды Франціи должны быть сосредоточены на Россіи». Революція тридцатаго года положила конецъ политической карьерѣ Монгальера, и онъ умеръ забытый всѣми и въ несчастномъ положеніи, восьмидесяти лѣтъ, въ 1841 году, оставивъ послѣ себя неизданные мемуары, которые только теперь появятся на свѣтъ.

Во второй январьской книжкѣ «Revue de Paris» Денисъ де-Шампо напечаталъ два отрывка изъ воспоминаній генерала барона де-Салля, которыя написаны для его дѣтей и до сихъ поръ не были извѣстны публикѣ. Этотъ наполеоновскій генераль былъ всего болѣе замѣчательенъ своимъ искусствомъ по поитонной части, и ему приписываютъ отчасти Ваграмскую побѣду, такъ какъ искусно наведенные имъ мосты дали возможность Наполеону быстро сосредоточить свои силы и уничтожить врага. Первый отрывокъ изъ его воспоминаній относится именно къ этому подвигу, но второй гораздо интереснѣе въ историческомъ отношеніи, такъ какъ имѣетъ предметомъ вѣчно спорную битву при Ватерлоо и рисуетъ въ новомъ свѣтѣ дѣйствія корпуса генерала Д'Ерлона, въ происходившемъ наканунѣ сраженіи при Ляньи. До сихъ поръ эти дѣйствія считались одной изъ причинъ пораженія Наполеона при Ватерлоо, такъ

какъ, вмѣсто того, чтобы оттѣснить Блюхера, графъ д'Ерлонъ своими безцѣльными передвиженіями далъ ему возможность въ концѣ концовъ соединиться съ Веллингтономъ и обратитъ вѣрную побѣду въ окончательное поражение. Комбинація Наполеона, которую долженъ былъ исполнить этотъ генераль, признается какъ генераломъ Саллемъ, такъ и англійскимъ фельдмаршаломъ, лордомъ Вольслеемъ, въ его недавнемъ сочиненіи по этому предмету, гениальнымъ планомъ, но впервые теперь обнародованная Саллемъ подлинная инструкція Наполеона изложена очень смутно, и хотя Салли увѣряетъ, что онъ тотчасъ понялъ ея смыслъ, но нельзя обвинять очень строго д'Ерлона за то, что онъ смутно исполнилъ смутное приказаніе.

— Возвышеніе Веллингтона. О томъ же сраженіи при Ватерлоо говорится подробно въ помѣщенной въ январской книжкѣ «Pall Mall Magazine» послѣдней главѣ обширнаго очерка англійскаго генерала, лорда Робертса, подъ заглавіемъ «Возвышеніе Веллингтона». Этотъ, прекрасно иллюстрированный портретами, видами и картами, историческій трудъ тянулся съ сентября мѣсяца и составляетъ любопытную параллель съ напечатаннымъ въ томъ же журналѣ и въ столькихъ же книжкахъ сочиненіемъ другаго англійскаго генерала, недавно произведеннаго въ фельдмаршала, лорда Вольслея, объ упадкѣ и паденіи Наполеона. Эти два генерала составляютъ въ настоящее время единственно два выдающіеся военные авторитета въ Англій, а потому очень интересны ихъ мнѣнія о величіишемъ, по словамъ Вольслея, полководцѣ всѣхъ временъ и о случайномъ его побѣдѣтѣлѣ, который ни въ чемъ не уступалъ ему въ военномъ гениѣ, по убѣжденію его товарища по оружію. Не удивительно, что при такихъ разнѣхъ точкахъ зрѣнія Ватерлооская битва въ глазахъ Вольслея является гениально обдуманымъ планомъ со стороны Наполеона, долженствовавшимъ уничтожить обѣ арміи: англійскую и прусскую, а если и не осуществившимся, то благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ, главное болѣзненнымъ припадкамъ, лишившимъ на время Наполеона его умственныхъ и физическихъ силъ; напротивъ, Робертсъ считаетъ эту битву рядомъ ошибокъ Наполеона и гениальныхъ дѣяствій Веллингтона. Естественно, что лордъ Робертсъ, самъ долго служившій въ Индіи и составившій тамъ себѣ славу искуснаго генерала, котораго очень высоко цѣнилъ Скобелевъ, поставивъ себѣ цѣлью изобразить возвышеніе своего героя, подробно рассказываетъ первую эпоху его дѣятельности, именно подвиги во время командованія индійской арміей, которые послужили ядромъ его славы. Резюмируя восьмилѣтнюю карьеру Веллингтона на востокѣ, Робертсъ замѣчаетъ, что онъ выказалъ не только замѣчательныя военныя способности, но благоразуміе, хладнокровную рѣшимость и неунывающую энергію во всѣхъ политическихъ и административныхъ дѣлахъ, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе. Хотя онъ, повидимому, вернулся въ Англій недовольный плодами своей дѣятельности и считалъ, что заслужилъ болѣе, чѣмъ генеральскій чинъ и значительныя призовыя суммы, взятыя имъ въ Серингапатамѣ и Деканѣ, но это возвращеніе было какъ нельзя болѣе кстати для его дальнѣйшихъ успѣховъ, такъ какъ Англій нуждалась въ то время въ полководцѣ, который могъ бы соперничать съ французскими маршалами въ Испаніи. Сипайскому генералу, какъ его тогда называли, было дано высшее начальство надъ англійскими войсками, которыя имѣли цѣлью дать отпоръ хоть въ одномъ уголку Европы всюду побѣдоносной французской арміи. Во вторую, испанскую эпоху своей военной

карьеру, Веллингтонъ выказалъ еще болѣе свои главныя достоинства: упорство, твердость воли и ничѣмъ не сокрушимую стойкость. Отправляясь на поле своихъ новыхъ подвиговъ, онъ прямо говорилъ: «французы били до сихъ поръ всѣ націи и считаются непобѣдимыми; у нихъ, говорятъ, новая система, благодаря которой они умѣютъ обойти любую европейскую армію и навести на нее панической страхъ. Я попробую съ ними счастья. Я ихъ не боюсь, и они меня не обойдутъ. Я подозреваю, что всѣ континентальныя арміи были наполовину разбиты, прежде чѣмъ начинались сраженія, а я надѣюсь, что мои войска всегда встрѣтятъ натискъ штыками». Дѣйствительно, вся тактика и стратегія Веллингтона въ испанской войнѣ заключалась въ выдержкѣ, ловкихъ отступленіяхъ и упорной защитѣ искусно выбранныхъ позицій. Благодаря этимъ замѣчательнымъ качествамъ, и въ сущности не обладая тѣмъ военнымъ гениемъ, который ему приписываетъ лордъ Робертсъ, онъ сумѣлъ впервые нанести поражение побѣдоносной французской арміи и лучшимъ изъ Наполеоновскихъ маршаловъ. Съ самимъ Наполеономъ ему не пришлось имѣть дѣладо Ватерлоо, и въ этомъ отношеніи Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, что не принялъ самъ команды надъ французскими войсками въ Испаніи, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, еще въ зенитѣ своего могущества и славы, онъ легко побѣдилъ бы Веллингтона и не далъ бы развиться столь пагубному для него впоследствии мнѣнію въ Европѣ, что его армію можно разбить. Когда же онъ дѣйствительно встрѣтился лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, то Веллингтонъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и командовалъ, хотя небольшой, но старой, закаленной арміей, а побѣдитель при Аустерлицѣ уже находился на закатѣ своей славы, истощенный физически, изнемогавшій подъ гнетомъ всевозможныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ и того факта, что его войска состояли изъ молодыхъ, неопытныхъ рекрутовъ: поэтому бой между ними былъ неравный, и если Веллингтонъ заслужилъ славу побѣдителя Наполеона, то благодаря болѣе своей счастливой звѣздѣ, чѣмъ своимъ талантамъ, какъ бы ни расхваливалъ его лордъ Робертсъ, который ставитъ его выше Наполеона, если не по блеску гения, то по хладнокровной твердости, которую самъ Наполеонъ считалъ главнымъ качествомъ полководца. Но при всемъ своемъ поклоненіи Веллингтону, лордъ Робертсъ строго относится къ нему, какъ къ человѣку, и считаетъ, что его въ этомъ отношеніи слишкомъ высоко ставили въ Англіи. Онъ, какъ всѣ полководцы, страдалъ чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, и если ему не пришлось пожертвовать интересами родины ради этого честолюбія, то въ этомъ заслуга не его, а судьбы, которая постоянно ему улыбалась. По натурѣ очень сдержанный и несимпатичный, онъ никогда не пользовался любовью своихъ солдатъ и смотрѣлъ на нихъ только, какъ на средство для удовлетворенія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Въ доказательство этой далеко не сочувственной стороны его дѣятельности, лордъ Робертсъ приводитъ тотъ фактъ, что по окончаніи войны, которая онъ велъ, Веллингтонъ прекратилъ всякія отношенія къ своимъ старымъ товарищамъ, нисколько не заботился о судьбѣ своихъ солдатъ и не старался внушить націи благодарность къ оказаннымъ его арміей услугамъ, хотя въ сущности этой арміи онъ былъ обязанъ всею славою и всѣми почестями, которыми онъ эгоистично пользовался одинъ.

— Воспоминанія о Крымской войнѣ. Въ прошедшемъ году лордъ Вольслей и другой англійскій генералъ сэръ Эвелинъ Вудъ посѣтили Крымъ,

гдѣ они молодыми людьми начинали свою военную карьеру, и, конечно, оба помѣстили въ лондонскихъ журналахъ описаніе этой поѣздки вмѣстѣ съ воспоминаніями, которыя возникли въ ихъ головахъ при видѣ мѣстностей продолжительной, упорной борьбы между союзными и русскими военными силами. Лордъ Вольслей въ своей статьѣ, напечатанной въ «United Service Magazine», рассказываетъ съ глубокимъ чувствомъ о тѣхъ лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя мужественно переносили англійскіе солдаты въ ту знаменитую крымскую зиму, когда, благодаря нераспоряженію начальства и недостатку интендантскихъ средствъ, они подвергались самой несчастной, жалкой долѣ. Трогательныя картины рисуешь онъ, описывая неудачи англійской арміи, особенно при отбитіи русскими ихъ атаки на редантъ, при чемъ произошла совершенно классическая сцена, рельефно рисуемая лордомъ Вольслеемъ. Благодаря неумѣлости начальствующихъ лицъ, англійскія войска были разбиты и понесли громадный уронъ; офицерамъ и солдатамъ было такъ тяжело перенести это пораженіе и покинуть редантъ, которымъ они на-время овладѣли, что одинъ молодой офицеръ, товарищъ Вольслея, убившій собственными руками значительное число русскихъ, не хотѣлъ ретироваться, сѣлъ на камень и сталъ плакать, какъ ребенокъ. Сэръ Эвелингъ Вудъ оказывается гораздо щедрѣе на воспоминанія, чѣмъ его болѣе извѣстный товарищъ, и серія его статей, начавшійся въ сентябрьской книжкѣ «Fortnightly Review», еще не окончена въ январьской нынѣшняго года. Онъ также краснорѣчиво и трогательно рассказываетъ о тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя вынесли какъ солдаты, такъ и моряки при осадѣ Севастополя. Онъ самъ началъ свою карьеру во флотѣ и въ качествѣ гардемарина участвовалъ въ тяжелой службѣ въ Балаклавскихъ траншеяхъ. Какъ тяжела была эта служба, онъ доказываетъ между прочимъ тѣмъ фактомъ, что въ одну декабрьскую ночь онъ заснулъ на батарее, когда морозило, а проснулся примерзшимъ къ землѣ, такъ какъ во время его сна пошелъ дождь, а къ утру снова наступилъ морозъ. Но, по его словамъ, въ страданіяхъ англійской арміи виновенъ былъ не климатъ Крыма, а непростительная оплошность англійскаго правительства, которое оставило свою маленькую армію безъ одежды, пищи и лѣкарствъ. Рѣдкіе изъ солдатъ до конца декабря имѣли болѣе одной рубашки, а единственные свои сапоги они не смѣли снимать, какъ бы они мокры ни были, изъ боязни, что потомъ ихъ не надѣвнутъ. Что касается до ужасовъ войны, то сэръ Эвелингъ Вудъ посвящаетъ имъ поразительныя, по ужаснымъ подробностямъ, страницы. Такъ, онъ говоритъ: «во время второй бомбардировки союзники бросили въ Севастополь около 130 тысячъ снарядовъ, а русскіе отвѣчали на каждые четыре выстрѣла тремя. Русскія потери были громадны. Французы лишились 1.500 человекъ, а англичане—300; русскіе же въ десять дней убійственнаго огня потеряли до 6.000 человекъ. Они хоронили своихъ убитыхъ близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они были убиты, и къ концу осады такихъ мертвецовъ было 50 тысячъ. Сцены внутри города были до того ужасны, что не поддаются описанію. Когда я вступилъ на Малаховъ курганъ, тотчасъ послѣ взятія его французами, то моимъ глазамъ представилась ужасающая картина: трупы лежали грудами во всевозможныхъ положеніяхъ: одни были полуварыты въ расѣлинахъ земли, произведенныхъ ядрами; другіе буквально были разорваны пополамъ, а одно мертвое тѣло отлетѣло на 20 ярдовъ отъ варыва бомбы. Убитые валялись подъ сбитыми орудіями и висѣли на пушкахъ, еще дер-

жавшихся на своихъ лафетахъ. Союзники отъ 6-го до 10-го іюня потеряли 750 человекъ, а русскіе до 3.500. Эти цифры вполнѣ объясняютъ горькое замѣчаніе одного русскаго офицера, который въ отвѣтъ на жалобу англійскаго парламентаря, что союзники понесли большія потери, отвѣтилъ: «вы говорите о вашихъ потеряхъ, вы не знаете, что мы терпимъ».

— Сынъ Бомбы. Въ послѣдніе дни прошедшаго года умеръ въ Тиролѣ бывший король неаполитанскій, Францискъ II, всеми забытый, но въ свое время ненавидимый своей стравой, быть можетъ, болѣе всякаго другаго государя. Въ сущности вся его вина заключалась въ томъ, что онъ былъ сыномъ Бомбы, т. е. короля Фердинанда II-го, величайшаго изъ тирановъ нашего времени, и судьбѣ было угодно, чтобы на немъ отозвались всѣ кровавыя слезы народа, угнетеннаго его отцомъ, который умеръ спокойно на своемъ престолѣ. Прочарствовавъ только восемнадцать мѣсяцевъ, Францискъ молодымъ двадцатичетырехлѣтнимъ человекъ началъ долгія странствованія по Европѣ, въ качествѣ изгнаннаго короля, которыя окончились только теперь, послѣ тридцати пяти лѣтъ фантастически нелѣпой и каррикатурной жизни, изображенной столь рельефно въ извѣстномъ романѣ Альфонса Додэ: «Короли въ изгнаніи». Хотя въ послѣдніе годы онъ почти постоянно жилъ въ Парижѣ, но не имѣлъ ничего общаго съ окружавшимъ его современнымъ міромъ и мрачно доживалъ свой вѣкъ всеобщимъ отверженцемъ. На столько его имя забыто новыми поколѣніями, что во всѣхъ газетныхъ статьяхъ, появившихся по случаю его смерти, говорится не столько о немъ, сколько объ его антитезѣ Гарибальди, который знаменитой экспедиціей «Тысячи» свергнулъ его съ престола и освободилъ неаполитанцевъ. Даже его болѣе знаменитый отецъ, прозванный Бомбой за бомбардировку мирныхъ гражданъ, также вышелъ изъ памяти теперешнихъ газетныхъ читателей, и заграничные публицисты, упоминая о немъ, въ статьяхъ о смерти его сына, одинаково распространяются объ его антитезѣ Гладстонѣ. Дѣйствительно, отецъ и сынъ перейдутъ въ исторію, какъ послѣдніе представители въ Европѣ средневѣковой тиранніи, побѣжденной краснорѣчивымъ протестомъ Гладстона и рыцарскимъ подвигомъ Гарибальди. Если послѣдній былъ орудіемъ паденія бурбонскаго ига въ Неаполѣ, то Гладстонъ былъ его пророкомъ. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ этотъ великій государственный человекъ прожилъ въ Неаполѣ нѣсколько времени по случаю болѣзни сына, и лично убѣдившись, что болѣе половины депутатовъ и около двадцати тысячъ гражданъ были заточены въ самыхъ ужасныхъ темницахъ за то только, что они отстаивали, дарованную самимъ королемъ, конституцію, Гладстонъ написалъ свое знаменитое письмо къ лорду Абердину, въ которомъ обличилъ всѣ нечестія, производимыя неаполитанскимъ правительствомъ, олицетворявшимъ, по его словамъ, отрицаніе Бога въ управленіи людьми. На его благородный голосъ откликнулась не только Англія, гдѣ лордъ Пальмерстонъ придалъ его письму officialный дипломатическій характеръ, сообщивъ его всѣмъ европейскимъ кабинетамъ, но и весь свѣтъ. Похороннымъ звономъ неаполитанской тиранніи прозвучалъ этотъ протестъ, и хотя судьба дозволила Бомбѣ процарствовать еще девять лѣтъ и умереть спокойно королемъ, но часы бурбонскаго господства въ Неаполѣ были сочтены. Тридцать четыре года тому назадъ его сынъ Францискъ II наследовалъ его престолъ и сразу показалъ, что онъ вполнѣ достойный сынъ Бомбы: онъ оставилъ своимъ первымъ министромъ ненавистнаго народу, генерала Филанджіери, отказался отъ предло-

женнаго ему союза съ Пьемонтомъ, заточилъ въ тюрьму всѣхъ выдающихся неаполитанцевъ, заподозрѣнныхъ имъ въ либерализмъ, и думалъ, что судьба благолившая его отцу, не отвернется и отъ него. Но онъ зло ошибся. Гарибальди со своей «тысячей», въ которой находился теперешній первый министръ Италіи, такъ упорно добивающійся диктатуры, Криспи, — высадился въ Сициліи по тайному соглашенію съ Кавуромъ и въ короткое время овладѣлъ всѣмъ островомъ, пріветствовавшимъ въ немъ своего освободителя. Сынъ Бомбы думалъ, по примѣру отца, усмирить разразившуюся грозу дарованіемъ конституціи и образовалъ либеральное министерство Спинелли, но было уже поздно. Гарибальди одинъ перебрался на континентъ и, какъ туристъ, поѣхалъ въ Неаполь: вся страна принимала его съ распростертыми объятіями, и онъ безъ кровопролитія, безъ одного выстрѣла, вступилъ триумфаторомъ въ Неаполь. Король бѣжалъ въ Гаэту и тамъ заперся съ остатками своего войска, а Гарибальди подарилъ его королевство Виктору-Эммануилу. Въ послѣднюю минуту счастье улыбнулось сыну Бомбы, и онъ нашелъ въ своей женѣ, баварской принцессѣ и сестрѣ австрійской императрицы, то мужество, которымъ самъ не обладалъ, и которое покрыло лучемъ славы послѣдніе дни его позорнаго царствованія. Молодая королева выказала себя настоящимъ героемъ и, благодаря своей личной отвагѣ, удержала Гаэту въ рукахъ короля въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, не смотря на осаду всей пьемонтской арміи подъ начальствомъ Чальдини. Однако конецъ всетаки наступилъ, и съ тѣхъ поръ рыцарской женщинѣ пришлось раздѣлять судьбу своего недостойнаго мужа и сдѣлаться вмѣстѣ съ нимъ героями романа Доде, который, однако, нарисовалъ ее въ фантастическихъ, но сочувственныхъ краскахъ.

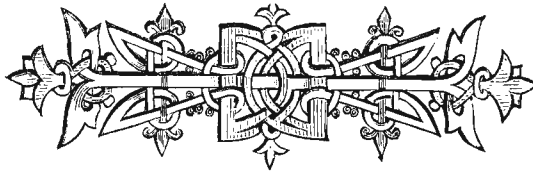
— Два германскіе канцлера. Въ первыхъ январскихъ книжкахъ «Revue des deux mondes» и «Vie Contemporaine» помѣщены статьи Вальбера о графѣ Каприви и Поля Ромера о новомъ канцлерѣ, князѣ Гогенлоэ. Оба автора, не смотря на то, что они пишутъ во французскихъ журналахъ, относятся сочувственно къ своимъ героямъ, находя, что Каприви былъ хорошиямъ преемникомъ Бисмарка, не сдѣлавшимъ никакихъ крупныхъ ошибокъ, и что замѣнившій его Гогенлоэ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ своего новаго назначенія. Если эти выводы изъ обоихъ очерковъ подлежатъ сомнѣнію, то все-таки самые очерки представляютъ не мало интересныхъ данныхъ и для противоположныхъ заключеній. Ромеръ вполне справедливо начинаетъ свою статью словами Вильгельма II: «Я одинъ господиавъ въ своей странѣ», и эти слова служатъ объясненіемъ какъ неожиданнаго возвеличенія Каприви, такъ и внезапнаго его паденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и назначенія его преемникомъ Гогенлоэ. Все въ Германіи удивились, когда на мѣсто Бисмарка былъ назначенъ генералъ, ничего не смыслившій въ политикѣ и гражданскихъ дѣлахъ, но въ виду его четырехлѣтняго управленія не только Германія, но и вся Европа такъ свыклись съ его блѣдной дѣятельностью вѣрнаго исполнителя капризныхъ повелѣній своего господина, что никто не ожидалъ его близкаго паденія. И, однако, въ одинъ прекрасный день къ нему явился Луканусъ, директоръ гражданскаго кабинета императора, и поднесъ ему турецкую веревку, въ видѣ требованія подать въ отставку. Онъ самъ этого не ожидалъ, но философски подчинился своей судьбѣ, находя утѣшеніе лишь въ той мысли, что и его преемника рано или поздно ждетъ та же участь. Характеризуя министерскую дѣятельность

Каприви, Вальберъ находитъ, что хотя онъ не совершилъ ничего блестящаго, такъ какъ для этого ему не представилось случая, но за то онъ не сдѣлалъ ни одной громадной ошибки и не потерпѣлъ крупнаго пораженія, которыя вынуждали бы его отставку, и вообще добросовѣстно исполняли волю пославшаго его, вель себя относительно сторонниковъ и враговъ прилично, безъ грубыхъ выходовъ Бисмарка, а потому, по мнѣнію французскаго публициста, нельзя видѣть въ его неожиданной отставкѣ какой нибудь политической фактъ. Онъ объясняетъ ее не ссорой Каприви съ аграрными консерваторами и пререканіями его съ первымъ министромъ Пруссіи а психологической чертой характера того, кто хочетъ быть однимъ господиномъ въ своей странѣ. Последнее заключеніе совершенно справедливо, и съ нимъ вполне соглашается Ромеръ, по мнѣнію котораго Вильгельмъ II сломилъ Бисмарка, потому что столкнулся съ силой воли болѣе могущественной, чѣмъ его собственная, а Каприви онъ смѣнилъ по той простой причинѣ, что отъ времени до времени чувствуетъ необходимость доказать себѣ и другимъ, что онъ одинъ господинъ въ своей странѣ, благодаря чему, онъ въ короткое свое царствованіе спустилъ уже пятнадцать министровъ, двухъ канцлеровъ и трехъ государственныхъ секретарей. Но видя въ паденіи Каприви не политическій, а психологическій фактъ, Вальберъ говоритъ, что всего лучше объясняетъ это, удивившее всю Германію, событіе недавно выпешдая въ двадцати восьми изданіяхъ нѣмецкая брошюра, авторъ которой выставляетъ Калигулу, какъ типъ государей, самолюбіе которыхъ доходитъ до того, что они исполняютъ только свои капризы, и не знаютъ другого руководящаго принципа, какъ собственную волю. По его словамъ, сынъ Агриппины, вступивъ на престолъ двадцати трехъ лѣтъ, сначала возбудилъ во всѣхъ большія надежды и выказалъ очень благія намѣренія, но вскорѣ въ немъ обнаружился самыя опасныя эксцентричности. Онъ презиралъ совѣты, самъ рѣшалъ все съ плеча, уволилъ въ отставку префекта Макрона, которому онъ былъ многимъ обязанъ, любилъ блескъ, парады, маневры и импровизированныя мобилизаціи. Постоянно жаждалъ, чтобы говорили о немъ; первымъ изъ его дѣлъ было увольненіе старыхъ, достойныхъ центуріоновъ и вообще онъ не терпѣлъ людей способныхъ, а главное ученыхъ. Онъ любилъ говорить въ публикѣ и удивлять весь свѣтъ неожиданными выходками, а также питалъ страсть къ морскимъ путешествіямъ и къ частымъ перемѣнамъ одежды. «Конечно,—замѣчаетъ Вальберъ,—императоръ Вильгельмъ II не походитъ на Калигулу и хотя онъ удалилъ своего Макрона, но не убилъ его, никогда не сдѣлаетъ лошадей консуломъ и не пожелаетъ, чтобы германскій народъ имѣлъ одну голову, чтобы ее можно было разомъ отрубить. Но очень можетъ случиться, что молодой гуманный государь, бесѣдующій на морѣ съ небесными свѣтилами, будетъ склоненъ къ легкомысленнымъ выходкамъ, къ нервнымъ капризамъ и къ желанію не разрѣшать вопросы, а рубить ихъ; очень можетъ случиться, что, находя удовольствіе въ доказательствѣ передъ всѣмъ міромъ своей силы, онъ не станетъ цѣнить способныхъ и преданныхъ слугъ, а принесетъ ихъ въ жертву своей страсти командовать и удивлять публику. Вотъ почему, быть можетъ, и графъ Каприви болѣе не канцлеръ Германской имперіи». Но если нельзя не согласиться съ остроумной мѣткостью этой картинки, то подлежить большому сомнѣнію справедливость похвалъ, расточаемыхъ Вальберомъ Каприви. Въ сущности онъ былъ только ставленникомъ

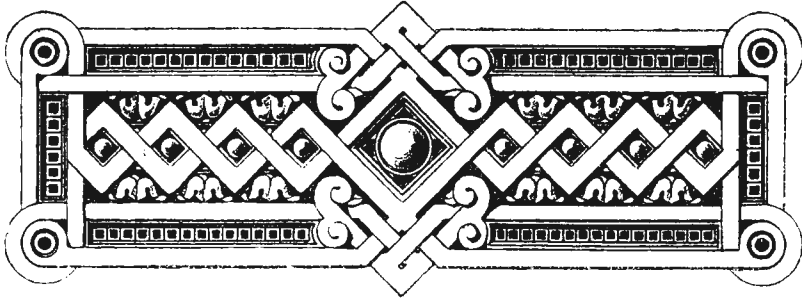
Вильгельма, исполнявшимъ всё его капризы, нямало не думая о настоящихъ интересахъ вѣрненной его управленію страны, и хотя недавно въ Данцигѣ вышелъ сборникъ его парламентскихъ рѣчей, подъ названіемъ «Политическая система графа Каприви», но онъ не имѣлъ никакой политической системы и, кромѣ вѣрнаго исполненія воли Вильгельма, неумѣло пробавлялся крохами со стола Бисмарка, конечно, безъ престижа и твердой воли его предшественника. Точно также и Ромеръ поетъ чрезмѣрные дифирамбы новому канцлеру князю Хлодвигу Гогенлоэ-Шиллинфурсту. Конечно, этотъ престарѣлый семидесятипятилѣтній государственный человѣкъ выказалъ въ своей долгой дипломатической и политической дѣятельности гораздо большій способности, чѣмъ его ближайшій предшественникъ, но если даже и признать, по словамъ Ромера, что онъ здравый политикъ, осторожный дипломатъ, сторонникъ мира, пламенный филантропъ и закадычный другъ Бисмарка, то всёхъ этихъ качествъ недостаточно, чтобы этотъ старикъ, нѣкогда бывший либераломъ, а потомъ сдѣлавшійся упорнымъ консерваторомъ, былъ бы достойнымъ руководителемъ судебъ современной Германіи, въ особенности при такомъ государѣ, какъ Вильгельмъ II. Бывши первымъ министромъ въ Баваріи, посланникомъ въ Парижѣ и штатгальтеромъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, онъ выказалъ значительную ловкость, сдержанность и любовное обращеніе со всѣми, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, но этого мало, чтобы съ одной стороны дружно жить съ германскимъ парламентомъ, а съ другой — удерживать отъ чрезмѣрныхъ эксцентричностей Вильгельма, уже не говоря о томъ, что инья качества требуются для дѣйствительнаго правителя современной Германіи, въ интересахъ ея народа, а потому Ромеръ совершенно правъ, когда, не смотря на свои дифирамбы Гогенлоэ, говоритъ, что, по всей вѣроятности, третій германскій канцлеръ падетъ также, какъ второй, если смерть, болѣе могущественная, чѣмъ Вильгельмъ, раньше не вырветъ изъ его рукъ ненадежную власть.

— Смерть Роберта Стивенсона и Христианы Россетти. Въ недавнее время англійская литература понесла двѣ значительныя потери: въ Апіи, на островѣ Самоа, умеръ одинъ изъ популярнѣйшихъ современныхъ романистовъ, Робертъ Стивенсонъ, а въ Лондонѣ скончалась лучшая англійская поэтесса миссъ Христина Россетти. Шотландецъ по происхожденію, Стивенсонъ принадлежалъ къ семьѣ знаменитыхъ инженеровъ, и хотя въ молодости изучалъ юридическія науки и былъ принятъ въ число адвокатовъ своего родного города Эдинбурга, но слабость здоровья не позволила ему посвятить себя всецѣло юридической дѣятельности, и отличаясь очень слабой грудью, онъ почти всю свою сорокачетырехлѣтнюю жизнь провелъ въ путешествіяхъ по теплымъ странамъ. Въ послѣдніе годы онъ поселился съ женой на островѣ Самоа, и климатъ этой мѣстности оказался столь подходящимъ къ его натурѣ, что онъ сталъ значительно поправляться; но неожиданный нервный ударъ преждевременно прекратилъ его блестящую литературную карьеру. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ онъ написалъ длинный рядъ сенсаціонныхъ романовъ, предметомъ которыхъ были необыкновенныя приключенія въ различныхъ частяхъ свѣта, преимущественно среди дикарей, и ими зачитывались одинаково юноши и зрѣлые люди. Слѣдуя по стопамъ Вальтеръ-Скотта и Александра Дюма, онъ оставилъ послѣ себя цѣлую школу писателей романовъ приключеній, и въ числѣ его послѣдователей занимаютъ первое мѣсто Райдеръ Хагардъ, Паркеръ и Канонъ-Дойль.

Конечно, романы этой школы и его основателя не могут быть поставлены наравнѣ съ знаменитыми произведеніями Диккенса, Теккерея и Джорджа Эллиота, но при теперешнемъ упадкѣ авглійскаго романа, Стивенсонъ, какъ блестящій и всегда интересный рассказчикъ, завоевалъ себѣ почетную репутацію среди всего читающаго міра, такъ какъ лучшія его произведенія: «Островъ сокровищъ», «Давидъ Бальфуръ» и т. д., переведены на многіе языки. Быть можетъ, самое замѣчательное и оригинальное изъ его сочиненій небольшой фантастическій рассказъ о раздвоенномъ челвѣкѣ подъ заглавіемъ: «Странный случай мистера Джекиля». Характеристичной чертой всѣхъ его романовъ почти полное отсутствіе женщинъ, что легко объясняется его пристрастіемъ къ изображенію разныхъ диковинныхъ приключеній, преимущественно молодыхъ героевъ. Христина Россетти была совершенно иной литературною личностью, чѣмъ сенсаціонный романистъ Стивенсонъ. Она принадлежала къ талантливой семьѣ итальянскаго происхожденія, давшей Авгліи двѣ пары литературныхъ талантовъ; къ первой принадлежали ея старшіе братъ и сестра: извѣстный поэтъ-живописецъ Данте-Габріэль Россетти и Марія-Франческа Россетти, сдѣлавшая цѣнныя вклады въ Дантовскую литературу; а ко второй — она сама и ея братъ Вильямъ, также поэтъ и публицистъ. Христина Россетти, умершая на шестьдесятъ четвертомъ году жизни, обнаруживала, быть можетъ, наибольшій литературный талантъ, чѣмъ вся ея семья. Она была истиннымъ поэтомъ и пламенно служила чистому искусству. Ея произведенія, какъ мелкія стихотворенія, такъ и поэмы отличаются, кромѣ художественной формы, глубокимъ религіознымъ чувствомъ и любовью къ природѣ.

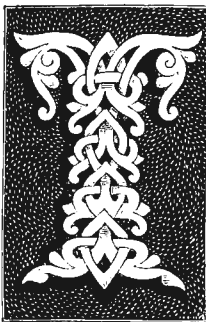

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Екатерина II и французская революція.—Мысли Л. Н. Толстого о счастіи.—Вліяніе сѣверной литературы на французскую.—Нѣмецкое изслѣдованіе крымской мѣловой формаціи.—Исторія борьбы вольныхъ городовъ въ Бранденбургской маркѣ съ монархической властью.

РИ новогоднихъ книжки иностранныхъ журналовъ за границею начались статьями о Россіи. Извѣстный знатокъ нашего отечества Альфредъ Рамбо напечаталъ статью «Екатерина II и Французская революція» (*Catherine II et la révolution française*). Это—введеніе въ отдѣльное сочиненіе Сулье подъ тѣмъ же названіемъ. Для насъ въ статьѣ нѣтъ ничего особеннаго, и Рамбо пишетъ преимущественно на основаніи нашего Сборника Историческаго Общества, но французу непремѣнно хочется увѣрить своихъ соотечественниковъ, что русская императрица сочувствовала идеямъ революціи и для этого измѣнила свои отношенія къ Франціи. Но эти отношенія касались всегда только литературнаго, а не политическаго положенія страны. Рамбо увѣряетъ даже, что Екатерина, возставая противъ якобинцевъ, говорила не то, что думала. Да когда же государи высказываютъ свои дѣйствительные взгляды и намѣренія? для чего же существуетъ и политика? Въ 1791 году въ Петербургѣ было три французскихъ посла: представитель конституціи—Жене, двора—маркизь Бомбель и эмигрантовъ—Эстергази, къ которому относились всего благосклоннѣе. Конституціоналисты встрѣчали пренебреженіе, роялисты—покровительство и деньги, король и королева—сожалѣніе, но въ то же время Франція завоевала Нидерланды, Фландрію, Италію. Не спалась голова Людовика XVI, ни корона Людовика XVII, а къ претензіямъ бездарнаго эгоиста Людовика XVIII императрица была совершенно

холодна. Она постоянно угрожала французамъ, что не мѣшало имъ одерживать побѣды при Гохштетенѣ, Ватиньи, Флерусѣ. И между тѣмъ, на Екатерину сыпались изъ Франціи клеветы, оскорбленія, карикатуры. Конечно, если бы русскія войска участвовали во войхъ этихъ сраженіяхъ, исходъ ихъ могъ быть иной, но Екатерина напрасно возбуждала противъ революціи австрійскаго императора, плохо защищавшаго голову своей дочери, и прусскаго короля, у котораго отняли лѣвый берегъ Рейна; но даже и въ этихъ монархахъ она не встрѣчала искренняго и личнаго желанія укротить революцію, а между тѣмъ у Екатерины были въ это время на рукахъ три болѣе опасныхъ врага: Турція, Швеція, Польша, съ которыми она вела постоянныя войны. Въ своихъ письмахъ и замѣткахъ она мало говоритъ о революціи. Храповицкому она пишетъ: я стараюсь всѣми силами, чтобы австрійскій и берлинскій дворъ приняли участіе во французскихъ дѣлахъ, а у меня руки были развязаны; Румянцеву она сообщаетъ: постъ мой опредѣленъ, и роль моя обозначена, я приняла на себя обязанность—наблюдать за турками, поляками и шведами. Она возбуждаетъ рыцарскій энтузіазмъ въ прусскомъ королѣ, борется противъ вялаго австрійскаго императора, поощряетъ даже авантюриста Густава III, котораго осмѣивала въ своей комедіи «Горе богатырь»; графу Дартуа она напоминаетъ о геройскихъ подвигахъ его предка Генриха IV; замыслы якобинцевъ она видитъ въ Варшавѣ и Константинополѣ; въ 1792 году она выслала Женеву изъ Петербурга, вызвала русскихъ изъ Франціи, закрыла свои гавани трехцвѣтному знамени, запретила вывозъ хлѣба изъ Россіи во Францію; и вотъ все, что она сдѣлала «для священнаго дѣла королей», и между тѣмъ какъ французы бьютъ пруссаковъ подъ Вальми, а австрійцевъ при Жемапѣ, она отправляетъ свои арміи на Вислу и Дунай. Рамбо считаетъ эти поступки несообразными, тогда какъ это была самая здравая политика. Прусскій король понялъ это и, имѣя свои интересы въ Польшѣ, вернулъ туда изъ Франціи половину своей арміи, зато Австрія не получила ничего при второмъ раздѣлѣ Польши. Коалиція и эмигранты только твердили о походѣ въ Парижъ, но Екатерина напрасно возбуждала ихъ дѣятельность. Она писала о Фридрихѣ-Вильгельмѣ II въ Германію, надѣясь, что въ Берлинѣ черныя кабинеты также усердно читаютъ чужія письма, какъ они читались въ Петербургѣ. «Ни Кюстинъ, ни Дюмурье, ни Монтескю не остановили бы на походѣ свои войска по причинѣ дождя и грязи», о томъ же она сообщала и принцу Де-Линь; къ Гримму она писала горавдо энергичнѣе, собираясь прислать вѣсколько тысячъ казаковъ, но это писалось для острастки Франціи. Письма ея къ Циммерману и Нассау отличаются искреннимъ тономъ и говорятъ о гидрѣ революціи въ семьсотъ головъ. Совѣмъ другія мысли выражаетъ она своимъ министрамъ: Потемкину, Репнину, Безбородкѣ, а письма ея далеко еще не всѣ собраны. До 1796 года обстоятельства нерѣдко мѣнялись—Швеція угрожала Петербургу, Потемкинъ падалъ духомъ и хотѣлъ даже очистить Крымъ, а тутъ еще Польша составила себѣ конституцію 1791 года, за которую поляковъ напрасно называли якобинцами, «которые для того, чтобы достигнуть свободы, подчиняются военному деспотизму»; съ Зубовымъ она совѣтуется только о томъ, какой трауръ надѣть по Маріи-Антуанетѣ, но напрасно Рамбо увѣряетъ, что императрица осталась холодна къ казни королевы, къ малодушію и бездарности графа Дартуа. Къ задору эмигрантовъ она оставалась равнодушна, да это и не могло быть иначе; она убѣждала европейскихъ монарховъ по-

торопиться призналием Людовика XVIII, чтобы избавиться отъ эмигрантовъ, наводнявшихъ Россію; не меньше ихъ ее беспокоили пруссаки, получившіе во время второго раздѣла всю Познань, Данцигъ, Торнъ. Въ виду третьяго раздѣла король поторопился даже заключить миръ съ цареубійцами, отправилъ свои войска съ Рейна на Вислу и не принималъ никакихъ предложеній императрицы. Въ 1795 году она пишетъ Суворову: «нечестность берлинскаго двора до того дерзка, что можетъ повести къ разрыву». Когда въ 1795 году русскій посланникъ въ Лондонъ Воронцовъ собирается заключить англо-русскій союзъ, она говоритъ о необходимости наказать Пруссію за ея коварную и измѣнническую политику; затѣмъ она отправляетъ воевать Зубова, но не во Францію, а въ Персію. Въ октябрѣ 1793 года она пишетъ: «Пруссія вооружается противъ кого?—противъ меня! чтобы доставить удовольствие кому?—ея друзьямъ-цареубійцамъ». Наконецъ въ ноябрѣ готовится рескриптъ, которымъ Суворовъ назначается главнокомандующимъ 60-ти тысячной арміи, но въ то же время у Питта испрашивается субсидія въ миллионъ фунтовъ, которой онъ, однако, не обѣщаетъ. Общій выводъ изъ статьи Рамбо можно сдѣлать тотъ, что Екатерина не увлекалась сентиментальностью, но ея поступки въ отношеніи Франціи неблагоприятно отзывались на политикѣ ея наслѣдниковъ, на войнѣ Павла противъ республики, войнахъ Александра I съ Наполеономъ, на постоянномъ нерасположеніи Николая I противъ парламента Франціи, и только при Александрѣ III политика окончательно убѣдилась, что форма правленія не играетъ преобладающей роли въ отношеніи державъ, и что солидарность между ними составляютъ личные интересы каждаго государства. Такимъ образомъ послѣ смерти Екатерины знамена двуглаваго орла соединили свои цвѣта съ трехцвѣтными флагами свободной Франціи, и звуки воинственной пѣсни 1793 года слились во дворцѣ императрицы съ религиознымъ гимномъ русскаго народа. Въ то время, когда она возбуждала войну противъ Франціи, одинъ изъ внуковъ ея, вступивъ въ союзъ съ республикою, утвердилъ миръ на западѣ и востокѣ. Для своей цѣли Екатерина употребляла нерѣдко двусмысленную политику. Преемникъ ея шелъ всегда лойяльнымъ путемъ. Онъ утверждалъ союзъ, къ которому такъ пламенно стремился Петръ Великій и дважды пыталась заключить безхарактерная Елизавета, о которомъ думала Екатерина въ началѣ царствованія Людовика XVI, дважды собирались осуществить Павелъ I и Александръ I. Даже при шаткихъ началахъ союзъ этотъ во время Александра II содѣйствовалъ освобожденію Италіи, Румыніи, Черногоріи, Сербіи, Болгаріи хотя ему постоянно ставили препятствія нѣмцы; онъ утвердился вполне только, когда въ Петербургѣ убѣдились, что въ прочныхъ союзахъ главную роль играетъ не форма правленія, не дружба великихъ людей, Людовиковъ и Наполеоновъ, но сама нація, возрожденіе которой такъ взволновало Екатерину. Нынѣшнее единеніе двухъ великихъ народовъ дѣлаетъ еще болѣе поучительнымъ исторію ихъ прежнихъ ошибокъ и заблужденій.

— *Revue Encyclopédique* начинается новый годъ статью Л. Н. Толстого «Счастье» («Le bonheur»). Мы не говорили ничего о послѣднемъ трудѣ нашего великаго писателя и аскета философа, возбуждившемъ большое впечатлѣніе въ Европѣ; у насъ подробный разборъ его вышелъ въ Кіевѣ, конечно, съ необходимыми опроверженіями (въ конторѣ «Новаго Времени»—цѣна 60 коп.). Религиозныя и государственныя воззрѣнія писателя до того своеобразны, что свободно говорить объ нихъ можно только въ независимой печати; но не

касаяся ихъ, нельзя не обратить вниманія на философскіе выводы автора, отличающіеся самобытностью. Журналъ не говоритъ, откуда онъ заимствовалъ мысли писателя; мы приводимъ главныя изъ нихъ, отличающіяся оригинальностью: «Если истина существуетъ теоретически, то она должна существовать и на практикѣ и примѣняться къ реальной жизни. Христіанство призываетъ изъ мрака къ свѣту, оно смотритъ на людей, какъ на заблудшихся овецъ, сострадаетъ объ нихъ, общается имъ добраго пастыря и обильныя пастбища, но предупреждаетъ своихъ послѣдователей, что они будутъ страдать черезъ свои убѣжденія и должны быть тверды; оно говоритъ, что, слѣдуя мірской нравственности, они будутъ страдать еще болѣе, а его ученики найдутъ счастье; въ мірѣ ихъ будутъ гнать только злые, ведущіе борьбу за существованіе и пожирающіе другъ друга. Но христіане считаютъ бѣдствія неизбѣжными въ жизни, невѣрующіе борются противъ бѣдствій и не понимаютъ, за что они страдают—во имя какихъ принциповъ. Въ моей жизни, счастливой съ мірской точки зрѣнія, страданія, какія я вынесъ изъ-за мірскихъ условій, могли бы сдѣлать изъ меня мученика; жизнь моя наполнена пьянствомъ, распутствомъ, болѣзнями, дуэлями, ненормальными отношеніями, и всѣмъ этимъ я обязанъ только свѣтскимъ условіямъ; между тѣмъ мы считаемъ ихъ нормальными. Вглядитесь въ эти усталыя, безпокойныя, изнуренныя лица жителей городовъ; припомните смерть вашихъ близкихъ, самоубійства, преступленія и вы убѣдитесь, что $\frac{3}{10}$ страданій человѣка зависятъ отъ его свѣтской жизни и могли бы быть устранены; подумайте объ участи бѣдняковъ, бросающихъ свои деревни, стекающихся въ городъ для наживы и находящихъ только водку. Никто не доволенъ тѣмъ, что онъ наживаетъ, а тотъ, кто достигаетъ этого, чаще всего не успѣваетъ и достигнуть плодовъ своихъ трудовъ и умираетъ, не понимая, для чего онъ такъ трудился и страдалъ. Первое условіе нормальной жизни—солнечный свѣтъ, чистый воздухъ, поля, природа; отъ лишенія этихъ благъ страдаютъ болѣе всего заключенные въ тюрьмѣ, и между тѣмъ они сами собираются въ душныя города съ ихъ невозможными договорами, раньше старѣютъ и скорѣе умираютъ. Главныя условія счастья—трудъ симпатичный и свободный, укрѣпляющій тѣло, но чѣмъ человѣкъ интеллигентнѣе, тѣмъ онъ дальше отъ труда. Для счастья необходима также семья, а отъ нея всего болѣе удаляется свѣтскій человѣкъ, для него даже дѣти нерѣдко дѣлаются тягостью; сочувственныя и свободныя отношенія къ ближнимъ также необходимы для счастья, но чѣмъ выше становится человѣкъ въ общественномъ положеніи, тѣмъ болѣе становятся для него чуждыми даже самыя близкія лица; необходимое условіе счастья составляетъ также здоровье и спокойная смерть, а часто ли встрѣчаются они на дорогѣ свѣтскаго человѣка, гдѣ преобладаетъ ранняя распущенность? Нервныя, желудочныя болѣзни не знакомы крестьянину, если только онъ сытъ и не пьяница. Прежде были мученики за идеи, теперь умираютъ изъ-за исполненія обрядовъ свѣтской жизни, не говорю уже о 30-ти милліонахъ убитыхъ въ сраженіяхъ только нынѣшняго столѣтія, а что же заставляло ихъ умирать, какъ не отношенія государствъ и общественной жизни? И къ сколькимъ глупостямъ обязываетъ эта жизнь; въ евангеліи говорится: не приходи въ гнѣвъ, не старайся быть выше другого, не воздавай зломъ за зло, не считай чуждымъ себѣ людей другой земли, чужаго языка». Таковъ выводъ нашего философа изъ его мыслей о счастья.

— Въ той же книжкѣ журнала помѣщена статья изъ *Revue de deux mondes* о вліяніи Сѣвера на французскую литературу, Жюльа Леметра. Въ

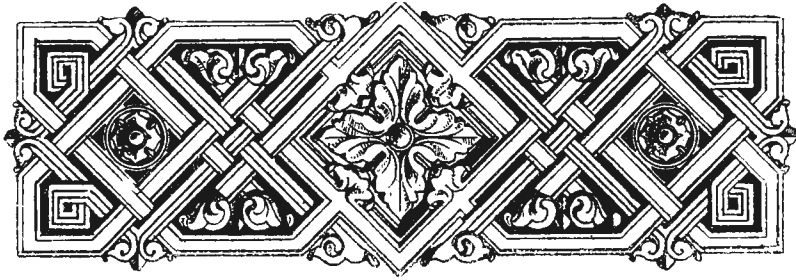
послѣднее время парижская критика стала отзываться не такъ приторно о значеніи нашихъ писателей, она не вездѣ переходитъ въ тонъ покровительства, но впадаетъ по временамъ въ другую крайность, отрицая всякое влияние Россіи на современное значеніе французскихъ вѣяній. Жюль Пальеронъ прямо заявилъ, что французская литература ровно ничѣмъ намъ не обязана, и всѣ наши идеи гораздо равнѣе встрѣчались и прежде у французовъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ; на сужденія этого достаточно плохого поэта и драматурга мало кто обратилъ вниманія, но умный, хотя и односторонній критикъ Жюль Леметръ повторилъ тѣ же мысли; онъ впрочемъ больше на сторонѣ скандинавскихъ авторовъ, хотя и называетъ неумѣстнымъ любопытствомъ стремленіе французовъ къ иностранной словесности; если Пальеронъ видитъ спасеніе Франціи въ волевіяхъ Лябиша, то еще страннѣе утвержденія Леметра, что всѣ туманныя созданія скандинавовъ можно найти: у Жоржъ Занда, Дюма-сына, у Флобера. Такое сходство можно отыскивать вездѣ, гдѣ угодно. Развѣ Франція не почерпала своихъ идей изъ Испаніи, Италіи, Германіи? Солидарность мыслей — общее достояніе прогресса. Сѣвероманія, по словамъ Леметра, возникла лѣтъ 12-ть назадъ изъ ненависти къ грубымъ картинамъ натурализма и даже Джоржа Эліота. Ногюэ открылъ Толстого и Достоевскаго, затѣмъ пришла очередь Ибсена, Бьернсена, Стриндбнера и наконецъ совершенныхъ уже маньяковъ Меттерлинка и Гауптманна. Романы Эліота: «Адамъ Бедъ», «Мельница на Флоссѣ» и др., полны сочувствія къ простой жизни и къ бѣднякамъ, тѣмъ же направленіемъ отличаются многіе романы Занда; Ибсенъ придаетъ много значенія влиянію наслѣдственности на современную жизнь, и у его типовъ можно встрѣтить характеры Жоржъ Занда, такъ же какъ и у Дюма-сына. Гюго и Флоберъ описывали отщепенцевъ общества прежде Толстого и Достоевскаго, у которыхъ напрасно ищутъ разъясненія какихъ-то мистическихъ фантазій. Золя многимъ обязанъ Бальзаку, но сравнивать «Сентиментальное воспитаніе» Флобера съ «Войною и миромъ», какъ это дѣлаетъ Леметръ, болѣе чѣмъ странно. Главною силою русскихъ писателей онъ считаетъ ихъ убѣжденія въ своихъ идеяхъ, но находитъ, что Гюго и Зандъ болѣе заботятся о счастіи человѣчества, чѣмъ объ ихъ собственномъ — вопросъ спорный. У Толстого Леметръ видитъ даже какой-то евангельскій нигилизмъ, но сознается, однако, что русскій реализмъ гораздо чище французскаго, и что русская литература оказала французской кой-какія услуги. Въ XVIII вѣкѣ Ричардсонъ подражалъ Мариво, Лессингъ — Дидро, Гете — Жанъ-Жаку. Дѣло тутъ только въ формѣ и въ степени подражанія.

— Первая страница перваго номера «Deutsche Rundschau» начинается статью «Экскурсія въ мѣловыя горы Крыма» какого-то Ишрента. Авторъ говоритъ о своемъ предметѣ съ геологической точки зрѣнія. Въ то время, когда почва Крымскаго полуострова принадлежитъ къ третичной формаціи, сѣверныя оконечности полуострова обнаруживаютъ формацію мѣловую, а побережье — юрскую. Ихъ раздѣляетъ широкая и неправильная долина, которую можно изучить, проѣхавъ изъ Севастополя въ Бахчисарай. Бѣлыя и известковыя поля являются тотчасъ же, какъ выѣзжаешь изъ гранитныхъ окрестностей Севастополя, и идутъ до Инкермана. Растительность здѣсь небогата. Долина Бельбека разграничиваетъ третичную и мѣловую формацію, заслоняющую южныя виды. Мѣловая формація образуетъ плато, склоняющееся къ сѣверу и югу, на которое мѣстныя воды имѣли большое влияние.

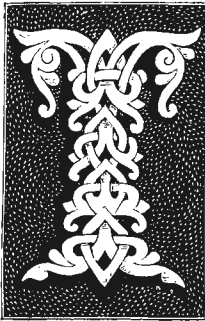
Долина Качи является первою ступенью перехода. Горные ручьи промыли тутъ по пути къ морю глубокія рывины. Вездѣ въ мѣловыхъ возвышенностяхъ вырыты глубокія пещеры, обработанныя потомъ руками человѣка, конечно, тавроскіеа. Вездѣ нагромождены отдѣльные утесы, хотя и не высокіе, съ обрушившимися вершинами. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ природа живописнѣе, особенно въ окрестностяхъ горы Мангупъ-Кале, возвышающейся въ самой дикой части мѣловаго хребта. Гора поднимается въ формѣ полу-мѣсяца, окруженная густо поросшими рывинами; по близости развалины древняго обширнаго города съ до сихъ поръ еще крѣпкими стѣнами и башнями, разрушенными турками въ 1475 году; тутъ же найдены надгробные памятники караймовъ XIII вѣка, есть и остатки катакомбъ. Статья нѣмецкаго журнала невелика, но весьма подробна и обстоятельна.

— Въ Берлинѣ Прирачъ издаетъ любопытный сборникъ «Нѣмецкіе города въ борьбѣ съ княжескою властью». Въ первомъ же томѣ этого изданія помѣщены Гогенцолерны и города Марки въ XV вѣкѣ; эта борьба, происходившая въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Бранденбургѣ между нѣмецкими городами противъ мѣстныхъ властителей, представляетъ любопытное явленіе. Нигдѣ въ вѣкѣ, предшествовавшей реформаціи, городское самоуправленіе не приходило въ такое сильное столкновеніе съ монархической властью. Отъ Вислы до Сѣвернаго моря и отъ Балтійскаго до Альпъ вездѣ возникла упорная оппозиція между узкою обособленностью городовъ и централистскими стремленіями князей; вездѣ феоды и болѣе или менѣе продолжительныя войны. Борьба въ Бранденбургской маркѣ сильно напоминаетъ войну герцога Бургундскаго противъ Фландрскихъ городовъ и представляетъ серьезный кризисъ, замѣнившій въ сѣверной Европѣ устройство республиканскихъ муниципій; это не была, конечно, отчаянная битва между деспотизмомъ и свободой, буржуазія не была такъ открыто реакціонерна, и если князья восторжествовали, то потому, что политика ихъ отвѣчала требованіямъ общества, стремившагося къ улучшенію своего устройства. Буржуазія защищала свои мѣстные эгоистическіе интересы, монархи уничтожали устарѣлыя привилегіи, и если дѣйствовали въ своихъ видахъ и облагали всѣхъ одинаковою податью, они подготовили возможность равенства всѣхъ передъ закономъ; эти идеи авторъ поддерживаетъ въ своей книгѣ, далекою, впрочемъ, отъ прославленія монархической политики; у него все основано на фактахъ, ясно представлены подробности столкновенія маркграфовъ Фридриха I (1415), II Альберга Ахилла, Иоанна Цицерона и Иоахима I (1535), закончившаго войну съ буржуазіей. Книга Прирача написана ясно и просто, читается съ интересомъ, хотя въ ней встрѣчаются длинноты. Можно упрекнуть автора за то, что онъ обратилъ исключительное вниманіе на политическую сторону событій и не вездѣ отдаетъ справедливость важному вліянію экономическихъ и общественныхъ фактовъ, игравшихъ такую серьезную роль въ описываемой имъ борьбѣ.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе академі наукъ. Въ академі наукъ, въ присутствіи Государя Императора состоялось торжественное собраніе академі. Предсѣлательствовалъ великій князь Константинъ Константиновичъ, присутствовали великая княгиня Елисавета Мавриковна, министръ просвѣщенія, высокопоставленныя лица, а также члены академі.

При входѣ Государь Императоръ былъ встрѣченъ августѣйшимъ президентомъ академі, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

По приѣздѣ его величества, за столомъ на возвышеніи заняли мѣста: въ центрѣ—великій князь, товарищъ его Г. Н. Майковъ и секретарь Н. Ѳ. Дубровинъ. По обѣ стороны отъ стола заняли мѣста академики, а противъ стола—почетные члены академі. Непремѣнный секретарь академикъ прочелъ отчеты по физико-математическому и историко-филологическимъ отдѣленіямъ за истекшій годъ. Ораторъ почтилъ память покойнаго императора Александра III. Какъ человекъ вполнѣ русскій, Александръ III высоко цѣнилъ познаніе прошлаго своей родины. Никогда наука русской исторіи не получила столь широкаго развитія, какъ въ его кратковременное царствованіе. Онъ смотрѣлъ на нее широко, былъ самый внимательный цѣнитель и знатокъ историческихъ памятниковъ, и единственно ему наука обязана тѣмъ, что на свѣтъ явились такіе историческіе труды, которые при иныхъ условіяхъ еще долго скрывались бы въ неизвестности. Въ 1866 г., по почину государя и подъ его предсѣлательствомъ, возникло «Русское Историческое Общество». Переходя затѣмъ къ ученымъ предпріятіямъ, Н. Ѳ. Дубровинъ заявилъ о двухъ новыхъ періодическихъ органахъ, предпринятыхъ при академі: это — ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ «Извѣстія императорской академі наукъ» и «Ви-

завтійскій Временникъ», посвященный византиновѣдѣвію. Изъ другихъ предпріятій указано на экспедицію барона Толя на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана, снаряженную академіей въ концѣ 1892 года. Экспедиція эта окончена въ настоящемъ году и дала вполне удовлетворительные результаты. Затѣмъ академикъ прочиталъ отчетъ о присужденіи премій К. М. Бэра и Ломоносова. Академія признала справедливымъ наградить профессора гистологии Томскаго университета А. С. Догеля полной преміей академика Бэра.

Малая премія присуждена профессору Харьковскаго университета В. Я. Данилевскому за его «Исслѣдованія по сравнительной паразитологіи крови», изданныя въ Харьковѣ въ 1888 г.

Премія Ломоносова присуждена А. А. Каминскому за его трудъ, подъ заглавіемъ: «Головой ходъ и географическое распредѣленіе влажности воздуха на пространствѣ Россійской имперіи по наблюденіямъ 1871—1890 гг.».

Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности, составленный академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Въ отчетномъ году отдѣленіе понесло чувствительную потерю: 1 февраля скончался членъ-корреспондентъ, юго-славянскій ученый Францискъ Рачкій.

Главнымъ трудомъ отдѣленія было изданіе «Словаря русскаго языка». Третій выпускъ, оканчивающій букву Д, нынѣ отпечатанъ; онъ заключаетъ собою первый томъ «Словаря». Другое изданіе отдѣленія — «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ», продолжается печатаніемъ.

Академикъ М. В. Сухомлиновъ оканчиваетъ печатаніемъ третій томъ «Сочиненій М. В. Ломоносова», академикъ А. Н. Веселовскій издалъ второй томъ своего обширнаго труда: «Боккачіо, его среда и сверстники».

Личный составъ отдѣленія пополнился выборомъ въ адъюнкты доктора русскаго языка и словесности А. А. Шахматова.

Въ концѣ засѣданія были провозглашены имена лицъ, избранныхъ въ текущемъ году въ почетные члены и въ члены-корреспонденты академіи.

Историческое общество. Первое послѣ лѣтнихъ ваканцій засѣданіе привлекло такую массу посѣтителей, для которой едва хватало мѣста въ просторной залѣ Петербургскаго университета. Профессоръ В. И. Семевскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти Н. М. Ядринцева. Онъ охарактеризовалъ покойнаго изслѣдователя Сибири, какъ неустаннаго работника, горячо любившаго обширную и далекую окраину нашего отечества. Сочиненія Н. М. Ядринцева являются настольной книгой для всякаго, желающаго основательно изучить Сибирь. Профессоръ Н. И. Карѣевъ ознакомилъ собраніе съ новой исторической теоріей, обстоятельно и научно изложенной въ сочиненіи Lacombe: «De l'histoire considérée comme science». Лакомбъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые поставили себѣ цѣлью разложить историческій процессъ на силы, составляющія его, какъ одно цѣлое. Онъ основываетъ свою теорію не только на біологіи и политической экономіи, но главнымъ образомъ на психологіи, и придаетъ особенное значеніе экономическимъ потребностямъ. Онѣ играютъ въ исторіи видную роль и представляютъ, по мнѣнію ученаго, необходимыя условія для развитія историческихъ явленій, но отнюдь не составляютъ ихъ источника. Помимо важной потребности—поддержатъ свое существованіе, человѣкъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ симпатіями, съ которыми борются экономической интересъ и честолюбіе. Экономическія потребности, симпатіи и честолюбіе — вотъ тѣ главные силы, съ которыми приходится считаться при объясненіи историческихъ явленій.

Общество любителей древней письменности. Въ чрезвычайномъ собраніи передъ началомъ засѣданія была отслужена панихида по императорѣ Александрѣ III.

Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя, гр. С. Г. Шереметева, въ память государя. Предсѣдатель указалъ на всегдашнее высокое вниманіе къ дѣламъ и задачамъ общества, которое выказывалъ покойный государь: общество было почтено двукратнымъ посѣщеніемъ государя—21 февраля 1881 г. и 31 марта 1885 г. Александръ III слѣдилъ за дѣятельностью общества, поощрялъ его личными вкладами рукописей и присылкой на разсмотрѣніе членовъ общества предметовъ древности и искусства. Онъ, по словамъ предсѣдателя, любилъ русскую старину, потому что «пламенно любилъ Россію». Н. А. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ литературной исторіи древне русской образованности XVII столѣтія»—о «риемотворной псалтири» Симеона Полоцкого. Второе сообщеніе было сдѣлано В. В. Майковымъ о новой рукописи, содержащей въ себѣ рассказы о Петрѣ I. Хотя эти рассказы въ общемъ не представляютъ чего либо неизвѣстнаго, но заключаютъ въ себѣ подробности доселѣ неизвѣстныя. Г. референтъ указалъ на то, что рассказы дѣйствительно написаны современникомъ, хотя, можетъ быть, и не принимавшимъ непосредственнаго участія въ событіяхъ. Для образца были прочтены четыре рассказа: 1) о прѣздахъ Петра I по праздникамъ въ церковь св. Троицы; 2) о заступничествѣ ген.-адмир. Апраксина за дворянскихъ малолѣтнихъ дѣтей, бывшихъ свая на р. Мойкѣ; 3) о свадьбѣ князь-папы П. И. Бутурлина и 4) о чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и Стефанѣ Яворскомъ. Въ заключеніе г. Майковымъ была высказана догадка, что неизвѣстнымъ авторомъ этихъ рассказовъ можетъ быть Крешинъ, лично извѣстный Петру I за время, къ которому относятся и самые рассказы, т. е. къ 1717—1725 гг.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ заявленіе о видѣнныхъ имъ надписяхъ на ребрахъ лѣстницы Софійскаго собора въ Новгородѣ, реставрируемаго въ настоящее время архитекторомъ Сусловымъ. По мнѣнію г. Шляпкина, приведеннаго нѣкоторыя надписи: «Хотенъ писахъ», «Ильмеръ писахъ», онѣ относятся къ XII—XIII вв.

Доложено о пожертвованіяхъ: 1) копии сѣни XVII в., находящейся въ церкви св. Ильи пророка въ Ярославлѣ—отъ П. В. Жуковского; 2) собранія камней—отъ В. П. Костромитиновой; 3) Biblia естура въ гравюрахъ—отъ профессора М. П. Петровскаго; 4) снимковъ съ портретовъ Ивана IV, Екатерины II и съ картины, изображающей нарвское сраженіе—отъ Л. Н. Майкова, и 5) голосника изъ новгородскаго Софійскаго собора—отъ И. А. Шляпкина. Н. Д. Чечулинъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти скончавшагося члена-корреспондента общества Д. Ѳ. Масловскаго. Указавъ на него, какъ на перваго профессора по кафедрѣ русской военной исторіи въ академіи генеральнаго штаба, Чечулинъ, сдѣлалъ характеристику научной дѣятельности покойнаго; въ ней г. Чечулинъ отмѣтилъ заслуги Д. Ѳ. Масловскаго по изданію матеріаловъ для военной русской исторіи и обработкѣ ихъ въ изслѣдованіяхъ, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ науки.

Затѣмъ Л. Н. Майковъ прочелъ записку С. Н. Соверьянова о такъ называемой Чудовской Псалтири. Г. Соверьяновъ желалъ обратить вниманіе общества на пергаментную рукопись московскаго Чудова монастыря—«Псалтырь съ толкованіемъ блаженнаго Феодорита Кирскаго» какъ на рѣдкій памятникъ письменности XI в., представляющій немаловажный интересъ въ лингвистическомъ и литературно-историческомъ отношеніяхъ. Н. П. Лихачевъ прочелъ рефератъ «О родѣ Сукинныхъ».

Въ заключеніе А. И. Лященко сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу брошюры П. Н. Тиханова «Архангелъ Михаилъ. Псалка». А. И. Лященко отмѣтилъ, что, хотя у П. Н. Тиханова и находится лучшая рукопись «сужденія дьявола противъ рода человѣческаго», чѣмъ та, по которой изданъ этотъ памятникъ проф. А. И. Кирпичниковымъ, тѣмъ не менѣе не всѣ замѣчанія г. Тиханова убѣдительны.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Вольномъ Экономическомъ обществѣ Петербургскаго комитета грамотности за 1893 годъ. Къ 1-му января 1894 г. всего членовъ было 644, на 256 болѣе, чѣмъ къ 1-му января 1893 г. Число дѣйствительныхъ членовъ равнялось 479. Комисіей состояло 8; въ нихъ участвовало 53 члена комитета. Открытъ сборъ пожертвованій на устройство, при содѣйствіи земствъ, 100 бесплатныхъ народныхъ читаленъ, стоимостью не менѣе 250 рублей каждая. Постановлено возбудить ходатайство о сокращеніи срока литературной собственности. Обсуждался вопросъ о возможности придать начальной школѣ сельско-хозяйственный характеръ. Изданы новыя дополнительные правила комитета. Произведены сношенія со всѣми земствами съ цѣлью получения изданій ихъ по народному образованію и съ заграничными обществами народнаго образованія и редакціями иностранныхъ педагогическихъ журналовъ и газетъ. Бесплатно разослано 51.150 книгъ въ 446 мѣствъ. Изданій комитета для народнаго чтенія продано на 3.968 рубл. 76 коп. Въ виду бѣдности научно-популярной литературы, комисія по изданію книгъ выработала программу популярныхъ темъ по астрономіи и подготовила программы темъ по другимъ отдѣламъ знанія. Намѣчены 27 произведеній русской литературы для изданія. Число книгъ къ 1-му января 1894 г. достигло 8.934 экземпляра. Получены изданія 54 иностранныхъ обществъ народнаго образованія и правительственныхъ изданія по тому же предмету изъ Англіи, С. Америки и Болгаріи. Библиотекѣ высылаются иностранные педагогическіе журналы и газеты. Въ теченіе одного года собрано 14.344 рубл. 89 коп. въ помощь голодающихъ народныхъ школъ. На эти средства кормилось болѣе 3.000 дѣтей въ 88 школахъ. Установлена программа изданія, и приступлено къ печатанію избранныхъ стихотвореній Кольцова. Собрано 637 рублей 40 коп. на устройство школы имени А. Н. Энгельгардта. Касса 1894 года равнялась 35.001 рубл. 54 коп. Весь расходъ 7.606 рубл. 4 коп.

Въ комитетѣ состояло членовъ: почетныхъ 4, пожизненныхъ 63, дѣйствительныхъ 321, а всего 388.

Засѣданій общаго собранія было: очередныхъ 8, экстренныхъ 9, всего 17. На этихъ засѣданіяхъ были заслушаны слѣдующіе доклады: А. Н. Страннолюбскаго «О состояніи народнаго образованія въ селлахъ Европейской Россіи»; А. М. Калмыковой «О ближайшихъ задачахъ комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ»; Н. А. Рубакина «Книжное оскудѣніе». Членовъ на засѣданіяхъ бывало въ среднемъ около 58 (отъ 29 до 128), гостей—около 29 (отъ 6 до 114).

Вопросъ о сокращеніи срока литературной собственности былъ единогласно рѣшенъ общимъ собраніемъ 23-го ноября въ смыслѣ утвердительномъ, причемъ громадное большинство собранія высказалось за своевременность возбужденія ходатайства о сокращеніи означеннаго срока до 25 лѣтъ.

Къ отчету приложены узаконенія о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ съ примѣрными ихъ уставомъ.

Юбилей А. И. Поповицкаго. 20 января многочисленный кружокъ писателей и друзей правдовалъ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности издателя «Русскаго Паломника» Александра Ивановича Поповицкаго, при чемъ во множествѣ поднесенныхъ ему адресовъ и присланныхъ письмахъ и телеграммахъ со всѣхъ концовъ Россіи были выражены самыя искреннія пожеланія этому достойному ветерану русской журналистики.

А. И. Поповицкій родился 17 марта 1826 года въ селѣ Солонникахъ, Черноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи. Отецъ его былъ сначала священникомъ въ селѣ Солонникахъ, а затѣмъ полковымъ священникомъ тифлискаго пѣхотнаго полка. Образование свое получилъ А. И. сначала въ астраханской духовной семинаріи, а затѣмъ съ 1845 по 1849 г. въ С. Петер-

бургской духовной академіи. По окончаніи курса академіи, А. И. рѣшилъ посвятить себя педагогической дѣятельности и былъ вскорѣ приглашенъ учителемъ русскаго языка къ дѣтямъ старшаго секретаря нашего посольства въ Парижѣ, князя А. Б. Куракина. Во Франціи пробылъ А. И. четыре года. Въ теченіе этого времени онъ слушалъ лекціи въ университетѣ въ Сорбоннѣ, также въ Collège de France. По возвращеніи отсюда, А. И. издалъ въ 1833 г. въ переводѣ своемъ на французскій языкъ: «Отвѣтъ на посланіе папы Пія IX къ восточнымъ патріархамъ о подчиненіи восточной церкви папству» и «Слово католическаго православія римскому католицизму» А. Н. Муравьева, вызвавшіе горячую полемику со стороны католическихъ журналовъ.

Затѣмъ А. И. много писалъ: въ «Сѣверной Пчелѣ» при Булгаринѣ, «Странникѣ» прот. Гречулевича, «Христіанскомъ Читеніи», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» при А. И. Георгіевскомъ, «Мірскомъ Вѣстникѣ» при генералѣ Гейротѣ, «Музыкальномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ» Раппопорта и другихъ изданіяхъ. Съ 1863 по 1874 г. А. И. издавалъ газету «Современный Листокъ», въ которомъ поддерживалъ охватившее тогда русское общество движеніе въ пользу реформъ. Но наиболѣе усиленная дѣятельность А. И. началась съ того времени, когда, съ 1871 по 1884 годъ, онъ былъ редакторомъ-издателемъ созданнаго имъ журнала «Церковно-Общественный Вѣстникъ». Это симпатичное по идеѣ изданіе было первымъ въ Россіи органомъ печати, гдѣ подвергались тревожному и просвѣщенному обсужденію вопросы церковной жизни на почвѣ общественной.

Въ 1885 году онъ началъ издавать редактируемый имъ и понынѣ духовный иллюстрированный журналъ «Русскій Паломникъ», являющійся первымъ иллюстрированнымъ религиознымъ журналомъ въ Россіи.

Необыкновенно подвижной и энергичный, А. И. Поповицкій, съ охотой всегда берущійся за перо, часто свои небольшіе досуги посвящаетъ другимъ органамъ печати, въ которыхъ онъ всегда желанный гость, и гдѣ его произведенія находятъ себѣ почетное мѣсто. Кромѣ перечисленнаго, А. И. писалъ въ «Athenaeum français» «Revue internationale de théologie», изд. въ Бернѣ, въ Швейцаріи. Его статья «La presse religieuse en Russie», переведенная, между прочимъ, на русскій языкъ и помѣщенная въ «Церковномъ Вѣстникѣ», произвела большую сенсацію за границей, гдѣ почти не подозревали, что въ Россіи существуетъ духовная литература, которая занимается обсужденіемъ религиозныхъ вопросовъ. Знакомый хорошо съ языками латинскимъ, греческимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, англійскимъ и польскимъ, А. И. постоянно слѣдилъ за иностранной духовной литературой и отъ времени до времени посвящалъ ей свои статьи въ «Русскомъ Паломникѣ».

† 10-го декабря драматургъ Ипполитъ Александровичъ Маннъ. Не смотря на обязанности государственной службы, онъ находилъ возможнымъ удѣлять очень много времени театру. Онъ весьма долго состоялъ членомъ литературно-театральнаго комитета и написалъ и поставилъ три большихъ пьесы, имѣвшія большой успѣхъ: «Паутина» (1861 г.), «Говоруны» (1868 г.) и «Общее благо» (1869 г.). Затѣмъ въ дѣятельности его послѣдовалъ перерывъ, и послѣднія двѣ его пьесы: «Прелестная незнакомка» и «Наши пятницы», никакого серьезнаго значенія не имѣютъ, хотя бойки и сценичны. Въ своихъ большихъ комедіяхъ Маннъ затрогивалъ наши большія мѣста. Такъ въ «Паутинѣ» онъ талантливо очертилъ бомондъ провинціального города съ его сплетнями; въ «Говорунахъ» коснулся фразерства, этой модной болѣзни административныхъ кружковъ конца шестидесятихъ годовъ, а въ «Общемъ благомъ» далъ исторію губернскаго туза, заботающагося объ общемъ благомъ и запускающаго свои руки въ казенный сундукъ. До появленія своего въ качествѣ драматурга И. А. Маннъ былъ извѣстенъ, какъ музыкальный критикъ.

† 2-го января сенаторъ Николай Аленсевичъ Трофимовскій, извѣстный въ литературѣ, какъ авторъ надѣлавшихъ въ свое время много шума очерковъ: «Въ камерѣ прокурора», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Свою служебную дѣятельность онъ началъ по акцизному вѣдомству во Владимирѣ. Случайно онъ обратилъ на себя вниманіе министра юстиціи Палена, бывшаго проѣздомъ во Владимирѣ. Министръ сразу оцѣнилъ выдающіяся способности Н. А. Трофимовскаго и предложилъ ему мѣсто прокурора окружного суда. На новомъ поприщѣ послѣдній зарекомендовалъ себя, какъ выдающійся юристъ, и въ скоромъ времени назначенъ прокуроромъ варшавской судебной палаты, а въ концѣ восьмидесятаго года сенаторомъ кассационнаго департамента сената. Какъ писатель, онъ далъ рядъ очерковъ о гминномъ судѣ и нѣсколько мелкихъ разсказовъ, представляющихъ живыя картины судебного и чиновничьяго быта нашего захолустья. Послѣдній его разсказъ «Чиновничья клавикорды» напечатанъ въ «Сѣв. Вѣстн.» въ прошломъ году. Какъ въ своей служебной, такъ и въ скромной литературной дѣятельности онъ отличался рѣдкою прямою взглядовъ и отзывчивостію на все доброе и хорошее. Онъ умеръ, еще далеко не достигнувъ 60-ти-лѣтняго возраста.

† Въ Симферополѣ Софья Адриановна Арендтъ (урожденная Солнцева). Отецъ ея, занимавшій постъ витебскаго вице-губернатора, а затѣмъ таврическаго, былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ и образованныхъ людей своего времени; въ его домѣ собирались извѣстные художники и писатели: Майковъ, Половскій, Щербина и др. Воспитываясь дома, С. А. вращалась въ кругу талантливыхъ представителей искусства и науки, что не могло не оказать благотворнаго вліянія на выработку ея міросозерцанія и на складъ характера. Любя науку и искусство, она нѣсколько разъ ѣздила за границу съ отцомъ, чтобы докончить тамъ свое образованіе. Побывала въ Бельгіи, Италіи, Германіи, гдѣ, между прочимъ, познакомилась съ Лассалемъ, влюбившимся въ нее и сдѣлавшимъ ей предложеніе (письма его къ С. А. были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы»). Возвратившись въ Россію и выйдя за доктора Н. А. Арендта, С. А. посвятила себя служенію ближнимъ. Симферопольскій дѣтскій пріютъ, до нея находившійся въ самомъ плохомъ состояніи (достаточно сказать, что ‰ смертности въ немъ доходилъ до 100‰), благодаря ея энергіи и самоотверженію, достигъ подъ ея руководствомъ блестящаго положенія и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи между заведеніями этого рода. Посѣщая пріютъ днемъ и ночью, заботливо вникая во всѣ мелочи весьма сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ воспитаніе подкидышей, она показывала своею дѣятельностью примѣръ, какихъ замѣчательныхъ результатовъ можетъ достигнуть воспитатель при любви къ дѣтямъ и искреннемъ желаніи имъ помочь... Но помощь ея дѣтямъ не ограничивалась стѣнами пріюта; она, готовая помочь всѣмъ и каждому матеріально и нравственно, заботилась о своихъ питомцахъ и по выходѣ ихъ изъ пріюта, помѣщая ихъ, сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ, въ садовыя заведенія или въ профессиональныя училища, а болѣе способныхъ опредѣляя въ гимназіи. Кромѣ того, она устроила дѣтскій садъ и школу, которые пользовались большою популярностію въ Симферополѣ. Вмѣстѣ со своимъ мужемъ она служила центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ лучшія интеллигентныя силы Симферополя. С. А. отличалась высокою честностію и, можно сказать, девизомъ всей ея жизни было: все для другихъ, ничего для себя.

† 18 января въ Варшавѣ редакторъ «Варшавскаго Дневника», полковникъ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. Онъ родился 11 февраля 1840 г., образованіе получилъ въ спб. первой гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1856 г. и поступилъ на филологическій факультетъ Петербургскаго университета. Удачно дебютировалъ на литературномъ поприщѣ въ 1857 г. въ

«Обще-занимательномъ Вѣстникѣ» В. Н. Рюмина переводомъ оды Горациа «Къ Хлорѣ» и рассказомъ въ стихахъ «Безъ дочери», В. В. Крестовскій оставилъ университетскую скамью и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ теченіе 10—12 лѣтъ имъ были написаны рядъ произведеній, которыя печатались въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Времени», «Свѣточѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и др. Изъ этихъ произведеній наибольшую славу доставили ихъ автору романы «Петербургскія труппы» и «Панургово стадо» и очеркъ «По дорогѣ».

Въ 1866 г. Крестовскій, имѣя 28 лѣтъ отъ роду, поступилъ юнкеромъ въ 14-й уланскій полкъ. Спустя три года, онъ занялся составленіемъ исторіи этого полка, которую окончилъ въ 1873 г. и въ январѣ слѣдующаго года поднесъ свой трудъ великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, бывшей тогда шефомъ этого полка. Въ награду за этотъ трудъ онъ переведенъ покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ въ гвардію, въ его величества уланскій полкъ, тѣмъ же чиномъ корнета. Въ слѣдующемъ 1875 году 13 февраля (день полковаго праздника) онъ получилъ на маломъ балу въ Зимнемъ дворцѣ лично отъ государя предложеніе составить исторію л.-гв. уланскаго его величества полка. Этотъ трудъ былъ имъ представленъ ровно черезъ годъ. Въ тотъ же періодъ имъ были написаны романъ «Внѣ закона», печатавшійся въ фельетонахъ «Русскаго Мира», повѣсть «Дѣды» и нѣсколько беллетристическихъ очерковъ, которые печатались въ разныхъ журналахъ.

Въ декабрѣ 1876 г., по личному желанію государя, В. В. Крестовскій былъ командированъ въ штабъ дѣйствующей арміи, въ качествѣ официальнаго корреспондента «Правительственнаго Вѣстника» съ театра войны; сдѣлалъ всю кампанію 1877—1878 гг., онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ боевых дѣлахъ, за что получилъ нѣсколько орденовъ, а по окончаніи войны издалъ свои корреспонденціи въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи», за что удостоился въ награду получить отъ государя драгоцѣнный перстень. Въ іюлѣ 1880 г. командированъ состоять при адмиралѣ С. С. Лесовскомъ, на тихо-океанскую эскадру, секретаремъ для военно-сухопутныхъ сношеній, въ виду готовившейся войны съ Китаемъ. Результатомъ пребыванія на эскадрѣ появился рядъ очерковъ подъ заглавіемъ «Въ дальнихъ водахъ и странахъ». Въ мартѣ 1882 г. В. В. произведенъ въ ротмистры, съ переименованіемъ въ подполковники, и назначенъ вслѣдъ за тѣмъ старшимъ чиновникомъ для особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, М. Г. Черняевѣ, ѣздилъ много по нашимъ азіатскимъ владѣніямъ, былъ въ Бухарѣ, Хивѣ и проч., результатомъ чего и явилась книга «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго» и нѣсколько интересныхъ очерковъ.

По отчисленіи М. Г. Черяева отъ должности, В. В. былъ также отчисленъ и по прибытіи въ Петербургъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ получилъ нѣсколько командировокъ въ губерніи тверскую, тамбовскую и владимірскую, для изслѣдованій статистическихъ и наличнаго состоянія крестьянскаго, земскаго и торгово-промышленнаго дѣла. Въ то же время имъ было написано и напечатано нѣсколько мелкихъ беллетристическихъ повѣстей, очерковъ и рассказовъ. Съ 1885 г. по 1892 г. В. В. написалъ рядъ передовыхъ статей въ «Свѣтѣ» по политическимъ текущимъ вопросамъ, преимущественно по высшей политикѣ. Высочайшимъ приказомъ отъ 15 апрѣля 1887 г. переведенъ въ пограничную стражу штабъ-офицеромъ для порученій при департаментѣ, а въ 1892 г. назначенъ редакторомъ «Варшавскаго Дневника», съ зачисленіемъ состоять при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Судьба библіотеки Соболевскаго.

Въ интересной статьѣ г. Викторова о Британскомъ музеѣ («Историческій Вѣстникъ», январь, 1895 г.), между прочимъ, сказано, что большая часть извѣстной библіотеки Соболевскаго находится теперь въ Британскомъ музеѣ; при этомъ г. Викторовъ оговаривается, что «попали въ Британскій музей все-таки далеко не всѣ книги». Случайно мнѣ извѣстны нѣкоторыя подробности о распродажѣ библіотеки Соболевскаго, можетъ быть, не безполезныя не только для библіофиловъ, но и для всѣхъ людей, интересующихся исторіей русской литературы. Библіотека Соболевскаго была такъ драгоценна въ этомъ послѣднемъ отношеніи, что потеря ея для Россіи, что бы ни говорили въ утѣшеніе г. Викторовъ въ своей статьѣ, составляетъ для насъ, по моему мнѣнію, серьезное несчастіе.

Зиму 1872—1873 г. я провелъ въ Лейпцигѣ, слушая лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Однажды, проходя по извѣстному Universitäts Gasse, наполненному книжными магазинами, я зашелъ въ одинъ изъ нихъ, чтобы попросить каталоги книгъ по своей специальности, по обычаю вездѣ щедро раздаваемые. Владѣлецъ этого антикварнаго магазина (къ сожалѣнію, фамилію его забылъ), узнавъ во мнѣ по акценту русскаго, въ свою очередь, послѣ короткаго разговора, обратился ко мнѣ съ просьбой: «Я недавно купилъ большую русскую библіотеку, и въ настоящее время одинъ еврей составляетъ ея подробный каталогъ; мнѣ бы хотѣлось узнать, на сколько правильно владѣть онъ русскимъ языкомъ и хорошо ли пишетъ порусски». Я охотно отправился съ книгопродавцемъ въ сосѣднее помѣщеніе и здѣсь въ первый разъ увидалъ книжныя сокровища Соболевскаго, и подобныхъ частныхъ библіотекъ я никогда уже въ жизни не видалъ... Вся библіотека была въ отличномъ порядкѣ и переплетахъ, на каждой почти книгѣ, кромѣ помѣтки ея владѣльца, стояло на первой страницѣ объясненіе на французскомъ языкѣ ея значенія или происхожденія. Часа два я не могъ оторваться отъ ея обзорѣн: то хозяинъ, то еврей переписчикъ подкладывали мнѣ рѣдкость за рѣдкостью: сочиненія многихъ нашихъ писателей не только съ ихъ автографами, но иногда съ шуточными замѣчаніями, посвященіями и помѣтками. Помнится мнѣ какое-то сочиненіе А. С. Пушкина съ небольшимъ рукописнымъ стихотвореніемъ въ заголовкѣ; многія изъ книгъ были печатаемы, очевидно, тайно въ деревнѣ (напримѣръ, «Арзамасскаго дружества», кажется), многія, какъ видно изъ объясненія Соболевскаго, были сожжены цензурой и сохранились въ двухъ или одномъ экземплярѣ, нѣкоторыя изъ такихъ составлены изъ дефектныхъ или корректурныхъ листовъ и т. п. На весьма многіихъ книгахъ стояло «copie» или обозначеніе, что сочиненіе это имѣется еще въ одномъ экземплярѣ у князя такого-то или въ такой-то Hof-Bibliothek!.. Соболевскій, на сколько я понялъ изъ этого обзора, не имѣлъ специальности въ своемъ любительскомъ коллекционерствѣ.

и книги по содержанию были чрезвычайно разнородны, но онъ собиралъ всякія рѣдкія книги и особенно любилъ автографы, встрѣчавшіеся въ изобиліи.

По словамъ книгопродавца, онъ приобрѣлъ эту драгоценную бібліотеку у наслѣдниковъ, помнитса мнѣ, за 40.000 талеровъ; онъ рѣшительно отказался продать мнѣ что либо на выборъ и объявилъ, что когда каталогъ будетъ конченъ составленіемъ и напечатанъ, то бібліотека будетъ распродана враздробъ съ аукціона. Не буду описывать свои тогдашнія чувства глубокаго сожалѣнія, по поводу того, что такая бібліотека ушла изъ Россіи и теряется для нея навсегда, осужденная исчезнуть по частямъ въ цѣломъ океанѣ любительскихъ и публичныхъ бібліотекъ всего міра!. Добавлю къ этому лишь то немного, что мнѣ извѣстно о дальнѣйшей судьбѣ этой замѣчательной бібліотеки: въ 1875 году по дорогѣ изъ Лондона въ Москву я заѣхалъ въ Лейпцигъ и розыскалъ этого книгопродавца, чтобы узнать о ея распродажѣ. Оказалось, что онъ отступилъ отъ первоначальнаго своего плана — продать все, не иначе какъ съ аукціона: во-первыхъ, по просьбѣ своего родного университета (Лейпцигскаго) онъ согласился продать ему по вольной цѣнѣ и по выбору проф. Лескива (Leskien) нѣкоторыя книги на русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ; затѣмъ то же исключеніе онъ сдѣлалъ и для Британскаго музея, выборъ котораго отличался чрезвычайной пестротой (я, напримѣръ, встрѣтилъ тамъ вполнѣдствіи изъ бібліотеки Соболевскаго нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ съ автографами и въ то же время кулинарную книгу прошлаго вѣка и пр.). Затѣмъ послѣ этой двойной очистки, какъ выразился книгопродавецъ, все остальное распродано уже съ аукціона враздробъ и разошлось неизвѣстно куда. Sic transit gloria mundi!

Иванъ Янжуль.

II.

По поводу похода въ Индію въ 1801 году.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1894 г. помѣщена статья г. Юдина: «На Индію: по позоду небывалаго похода атамана Платова».

Разбирая разсказъ А. В. Арсеньева «Атаманъ Платовъ — завоеватель Индіи», напечатанный въ «Историческомъ Вѣстникѣ», г. Юдинъ, ссылаясь на то, что онъ не нашелъ въ архивахъ: оренбургскомъ, самарскомъ и уфимскомъ никакихъ свѣдѣній о походѣ на Индію въ 1801 году, очень смѣло утверждаетъ, что такого похода не было вовсе. Г. Юдинъ напрасно потратилъ время на безплодные розыски подобныхъ свѣдѣній въ тѣхъ архивахъ, въ которыхъ ихъ и не могло быть. Ему проще было бы обратиться туда откуда были назначены полки для совершенія похода, т. е. на Донъ, и здѣсь въ архивѣ войска донскаго, онъ нашелъ бы, между прочимъ, слѣдующіе документы:

1) Высочайшій рескриптъ императора Павла о сборѣ казаковъ къ походу, полученный атаманомъ Орловымъ 12 января.

2) Донесеніе Орлова государю о томъ, что имъ приказано казакамъ собраться («о двуконь») 24 января.

3) Сборныя мѣста были назначены въ верховыхъ станицахъ: Бузулуцкихъ (т. е. по рѣкѣ Бузулуку), Медвѣдичскихъ (по рѣкѣ Медвѣдицѣ), Качашинской (по Дону) и Усть-Медвѣдичской (по р. Дону).

4) 10 февраля атаманъ Орловъ выѣхалъ изъ Черкаска въ станицу Качашинскую.

5) 1 марта Орловъ донесъ, что 27 и 28 февраля 40 полковъ и двѣ роты конной артиллеріи двинулись со сборныхъ пунктовъ къ Оренбургу четырьмя отрядами (генераловъ: Платова, Бузина, Денисова и Бокова).

6) Орловъ находился при первомъ отрядѣ (10 полковъ и артиллерія), который велъ Платовъ.

7) 18 марта атаманъ донесъ государю, что полки перваго отряда уже двигаются вверхъ по рѣкѣ Большому Ирگیзу (лѣвою стороною Волги).

8) 23 марта, когда Орловъ находился въ с. Мечетномъ, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи, имъ былъ полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра I и повелѣніе: донскимъ полкамъ не продолжать далѣе похода и возвратиться на Донъ.

Мнѣ, занимающемуся исторіей донской артиллеріи, которая участвовала въ томъ походѣ, все вышеизложенное извѣстно изъ архива области войска Донскаго и газетъ, издававшихся въ прежнее время на Дону.

Что походъ въ Индію былъ задуманъ по мысли Наполеона, объ этомъ г. Юдинъ можетъ справиться въ извѣстномъ сочиненіи Д. А. Милютина «Исторія войны 1799 года».

Почему отдано было преимущество донскимъ казакамъ совершить набѣгъ на Индію, а не другимъ какимъ либо казакамъ, это можно объяснить тѣмъ, что донское войско выставило столько полковъ (40), сколько не могло выставить ни одно другое, ни даже всѣ, взятые вмѣстѣ, да еще съ двумя ротами артиллеріи, которой въ другихъ казачьихъ полкахъ въ то время не было. Можно объяснить еще и большими симпатіями императора Павла къ Орлову, а также тѣмъ, что весь расходъ на эту экспедицію долженъ былъ быть отнесенъ не на средства правительства, а «на добычу войска въ Индіи».

М. Ж.

коврѣ сидѣли рядомъ князь и эмиръ, а передъ ними, на деревянномъ низенькомъ столикѣ, сверкавшемъ бѣлизной слоновой кости, стояли корзинки съ виноградомъ, фигами и финиками изъ Медины, тарелка съ сухими лепешками, два кубка и три кружки съ медомъ, водой и сокомъ гранатъ. Въ тѣ времена на востокѣ еще не знали ни кофе, ни табаку, которыми теперь его обитатели утѣшаютъ свою жизнь, но фрукты, медъ и различныя воды вполне замѣняли имъ новѣйшіе наркотики. Гость и хозяинъ, по видимому, совершенно уже подружились и разговаривали другъ съ другомъ, какъ бы старые пріатели.

— А что, эмиръ,—спросилъ князь,—чума совершенно прекратилась?

— Нѣтъ, она свирѣпствуетъ еще сильнѣе, хаджи: прежде ей подвергались только оставшіе отъ каравана люди, а теперь она поражаетъ всѣхъ безъ разбора. Вчера мы подобрали богатаго и знатнаго паломника, котораго носильщики бросили на дорогѣ мертвымъ.

— Можетъ быть, его убили?

— Нѣтъ, на немъ найдено много золота.

— Можетъ быть, у него взяли другія драгоценности?

— Нѣтъ, все оказалось при немъ.

— А куда все это дѣли?

— Принесли ко мнѣ, и оно находится въ моей палаткѣ, такъ какъ по закону все имущество умершаго паломника поступаетъ въ собственность эмира эль-хаджи.

— Предлагая этотъ вопросъ, я не думалъ о правахъ собственности, я знаю этотъ законъ, но бичъ Божій, именуемый чумой, имѣетъ свои законы, и одинъ изъ нихъ обязываетъ насъ закапывать въ землю или сжигать все, что принадлежало умершему.

— Но, хаджи, есть еще высшій законъ,—сказалъ съ улыбкой эмиръ.

— Не обижайся, эмиръ, я не думаю, чтобы ты опасался чего либо. Позволь мнѣ, эмиръ, спросить тебя еще объ одномъ, но лично касающемся тебя предметѣ.

— Спрашивай, я отвѣчу откровенно, да поможетъ мнѣ въ этомъ пророкъ!

— Да будетъ благословенно имя пророка! Вѣрь мнѣ, эмиръ, что я никогда не задалъ бы тебѣ этого вопроса, если бы твоя рѣчь не напоминала той музыкальной страны, которую называютъ Италіей. Мнѣ извѣстно, что твой повелитель султанъ имѣетъ на своей службѣ многихъ храбрыхъ воиновъ, которые принадлежатъ не только къ его обширнымъ владѣніямъ, а даже христіанскимъ странамъ. Поэтому скажи: откуда ты?

— Мнѣ отвѣтить не трудно,—произнесъ эмиръ безъ малѣйшаго колебанія:—я самъ не знаю своей родины. Не ты первый указы-

ваешь на итальянскій акцентъ моей рѣчи, и я не имѣю ничего противъ того, чтобы быть итальянцемъ, а такъ какъ случайно я научился говорить поитальянски, то мы можемъ, хаджи, говорить съ тобой на этомъ языкѣ, если ты его предпочитаешь.

— Съ удовольствіемъ, хотя тебѣ нечего бояться, чтобы насъ подслушали, такъ какъ прислуживающій намъ Нилло—глухой и нѣмой отъ рожденія.

— Мои первыя воспоминанія,—продолжалъ эмиръ, совершенно легко переходя на итальянскій языкъ:—ограничиваются тѣмъ, что я вижу себя на рукахъ женщины подъ голубымъ небомъ, среди песчаного берега. Съ одной стороны простирался садъ съ оливковыми деревьями, а съ другой шумѣло море. Потомъ я помню, что меня вносили въ домъ, такой большой, какъ будто онъ былъ замкомъ.

— Согласно твоему описанію это, вѣроятно, былъ восточный берегъ Италіи въ окрестностяхъ Бриндизи,—перебилъ его князь Индіи.

— Потомъ я помню блескъ пожара и страшные крики, а затѣмъ путешествіе по морю въ обществѣ бородатыхъ людей. Но вполне ясно я начинаю помнить себя только съ того времени, когда за мной ухаживала, съ любовью, жена знатнаго паши, губернатора города Бруссы. Она называла меня мирзой, и я провелъ все свое дѣтство въ ея гаремѣ, а затѣмъ меня отдали въ школу и на военную службу. Съ теченіемъ времени я сдѣлался янычаромъ, а когда, благодаря счастливому случаю, я отличился, то султанъ перевелъ меня въ свой отрядъ тѣлохранителей. Желтое знамя, которое теперь носятъ передо мной, принадлежитъ этому отряду, наконецъ, въ знакъ своего неограниченнаго довѣрія, мой повелитель назначилъ меня эмиромъ эль-хаджи. Вотъ и вся моя исторія.

— Это грустная исторія, эмиръ,—сказалъ сочувственно князь:— и ты ничего не знаешь большаго о своихъ родителяхъ.

— Ничего. Только надо предположить, что ихъ замокъ былъ ограбленъ турками, которые въ суматохѣ меня похитили.

— Еще надо предположить, что твои родители были христианами.

— Да, но не вѣрующими.

— Какъ не вѣрующими! Вѣдь они вѣрили въ Бога?

— Да, но имъ слѣдовало вѣрить, что Магометъ его пророкъ.

— Все на свѣтѣ происходитъ по волѣ Аллаха,—продолжалъ князь, нѣсколько смущенный фанатизмомъ юноши, но ловко скрывающая свое смущеніе:—и мы должны радоваться, что наша судьба зависитъ отъ него. Но тебя, эмиръ, я могу поздравить съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ ты очутился, благодаря волѣ Аллаха. Но прежде чѣмъ сказать тебѣ причину моего поздравленія, я желалъ бы знать: можешь ли ты сохранить тайну?

— Могу и обязуюсь молчать, потому что считаю тебя хорошимъ человѣкомъ.

— Такъ знай, что у меня есть другъ браминъ, настоящій магъ. Онъ живетъ на берегу Брахмапутры и открылъ школу для многочисленныхъ учениковъ, такъ какъ все видимое и невидимое не имѣетъ для него тайны. Я самъ занимаюсь тѣмъ, что невѣжественные люди называютъ астрологіей, но не изъ корыстныхъ видовъ, а потому, что изученіе небесныхъ свѣтилъ приближаетъ человѣка къ Аллаху. Недавно я составилъ гороскопъ будущаго и просилъ этого ученаго мага провѣрить его. Мы оба пришли къ одному заключенію: до сихъ поръ волна человѣческаго могущества шла съ запада, но теперь она перемѣнила свое теченіе и идетъ съ востока. Звѣзды ясно говорятъ о паденіи Константинополя.

— А говорить ли звѣзды, кто возьметъ Константинополь?—спросилъ съ жаромъ эмиръ.

— Я тебѣ отвѣчу на это вопросомъ. Твой повелитель старъ и посѣдѣлъ въ войнахъ и государственныхъ заботахъ. Не правда ли?

— Да онъ старъ въ своемъ величїи,—отвѣчала дипломатично эмиръ.

Но у него есть сынъ. лѣтъ восемнадцать и носящій имя пророка?

— Да, и этотъ юноша отличается всѣми царственными достоинствами своего отца.

— Мой гороскопъ говоритъ только, что герой, которой возьметъ Константинополь, будетъ молодой, высокаго происхожденія и турокъ, но имя его мнѣ неизвѣстно. Къ тому же мнѣ надо еще дополнить этотъ гороскопъ на мѣстѣ въ Константинополь, такъ какъ исполнѣ ясно можно прочесть судьбу какой нибудь мѣстности лишь въ ней самой. Вотъ почему я и отправляюсь въ Константинополь.

— О, хаджи!—воскликнулъ юноша съ горячей мольбой:— освободи меня отъ даннаго слова и дозвожь сообщить твои слова Магомету. Онъ мой ученикъ и ѣздитъ верхомъ, владѣетъ копьемъ и мечемъ, стрѣляетъ изъ лука и защищается щитомъ лучше меня. Онъ настоящій герой, и ты можешь думать, съ какимъ счастьемъ я, возвратясь къ нему, привѣтствовалъ бы его словами: «радуйся, Магометъ, завоеватель Царьграда!»

— Я съ удовольствїемъ доставилъ бы тебѣ эту радость, но лучше повременимъ. Предрѣшать событія иногда опасно, и обнаруженіе ожидающей его судьбы можетъ возбудить въ другихъ преступную зависть. Къ тому же, вѣдь я сказалъ тебѣ, что мнѣ еще надо провѣрить этотъ гороскопъ. Когда я совершенно увѣрюсь въ правильности предсказанія о паденіи Константинополя, то я тебѣ объ этомъ скажу. Съ этой минуты наши жизни будутъ течь параллельно, не пересѣкая другъ друга и не удаляясь одна отъ другой.

— Но кто же ты такой?—спросилъ эмиръ съ юношескимъ жаромъ.

— Важныя причины обязываютъ меня тайно совершить это паломничество, и потому помни обо мнѣ, какъ о князѣ Индіи, находящемъ величайшее счастье въ вѣрѣ Аллаха и Магомета, его пророка. Но я дамъ тебѣ средство всегда найти меня, если тебѣ представится необходимость войти въ сношенія со мной. Нилло,— прибавилъ онъ, обращаясь къ своему рабу и говоря погречески:— принеси мои два кольца съ изумрудами.

Когда же кольца были принесены, то, подавая ихъ эмиру, князь произнесъ:

— Они совершенно одинаковы. Выбери одно изъ нихъ, а другое я оставлю у себя. Когда мы захотимъ войти въ сношенія другъ съ другомъ, то будетъ достаточно послать одно изъ нихъ съ вѣрнымъ гонцомъ. Но помни, эмиръ, что я не освобождаю тебя отъ даннаго тобою слова. Преждевременно разоблачать судьбу значить измѣнять Аллаху.

Бесѣда между ними продолжалась еще долго, а когда эмиръ удалился послѣ полуночи, то князь Индіи, оставшись одинъ въ палаткѣ, промолвилъ съ улыбкой:

— Я слышу его привѣтствіе: «радуйся, Магометъ, завоеватель Царьграда!». Всегда хорошо имѣть двѣ тетивы для своего лука.

VI.

У Каабы.

По закону Магомета всякій правовѣрный, по прибытіи во святой городъ, долженъ непременно посѣтить Каабу. Князь Индіи свято исполнилъ это правило: онъ разбилъ свои палатки рядомъ съ эмиромъ эль-хаджи и мекскимъ шерифомъ, у подошвы горы Милосердія, потомъ, для удобства нанялъ домъ съ окнами, выходящими на мечеть, и, окончивъ такимъ образомъ, свое водвореніе, прямо отправился къ Каабѣ со своей свитой, проводникомъ и негромъ Нило, державшимъ надъ его головой зонтикъ изъ легкой зеленой бумаги. Всѣ они были босые и въ бѣлой одеждѣ.

Достигнувъ мечети и келій, которыя окружали открытой колонадой площадь съ Каабой, они остановились и набожно окинули взглядомъ представившееся имъ зрѣлище. Семь минаретовъ, выкрашенныхъ въ красную, синюю и темную краску, рельефно выдавались на безоблачномъ небѣ. Внутри тянулись, одна за другой, три песчаныхъ и три мощеныхъ площадки. Последняя, окруженная золочеными фонарями, была выложена блестящими, какъ зеркало, гранитными плитами, и на ней возвышался, какъ пьедесталъ монумента, бѣлый мраморный унизанный бронзовыми кольцами, фундаментъ святого дома. Сама Кааба, представляющая длинно-

ватый кубъ въ 40 футъ высоты, 18 шаговъ длины и 16 ширины, была вся покрыта черной шелковой тканью, съ золотыми надписями изъ корана. Эта драпировка своей новизной и свѣжестью доказывала, что эмиръ эль-хаджи уже успѣлъ сдать султанскій подарокъ. Толпа правовѣрныхъ медленно двигалась вокругъ этой святой святыхъ и останавливалась только передъ чернымъ камнемъ. Но прежде чѣмъ приложиться къ этому камню, а затѣмъ, по закону Магомета, семь разъ обойти вокругъ Каабы, князь Индіи направилъ свои шаги къ священному колодцу и терпѣливо дождался своей очереди, чтобы испить изъ него воды, на что потребовалось много времени, такъ какъ и здѣсь толпа была одинаково велика.

Наконецъ добрался до чернаго камня, благодаря усиліямъ проводника, который энергично расталкивалъ толпу, восклицая:

— Дорогу князю Индіи! Дорогу любимцу пророку! На его пути нѣтъ бѣдныхъ.

Стоявшій передъ нимъ у камня правовѣрный пришелъ въ такое фанатическое изступленіе при видѣ святыни, что не припалъ къ ней губами, а отчаянно два раза ударился о нее головой и упалъ безъ чувствъ на землю. Проводникъ оттолкнулъ его ногой и пропустилъ впередъ князя Индіи. Спокойно, безъ энтузіазма, еврей взглянулъ на камень, который сосредоточивалъ себѣ поклоненіе всего магометанскаго міра, и впервые онъ не повторилъ установленныхъ, набожныхъ восклицаній, произнесенныхъ проводникомъ:

— Великій Богъ! Я вѣрую въ тебя, я вѣрую въ Твою книгу я вѣрую въ Твое слово! Я вѣрую въ надежду...

Не слыша, чтобъ его слова повторялись княземъ, проводникъ съ удивленіемъ оглянулся и снова началъ ту же молитву.

Съ трудомъ пересилилъ неожиданное отвращеніе къ своему постоянному фарисейству князь Индіи и хотѣлъ уже повторить слова проводника, какъ неожиданно услышалъ болѣзненный стонъ безумнаго фанатика, лежавшаго у его ногъ лицомъ къверху. Изъ двухъ ранъ на его лбу текла кровь.

— Бѣднякъ умираетъ!—воскликнулъ князь.

— Аллахъ милосердъ, будемъ молиться,—отвѣчалъ проводникъ, который не считалъ нужнымъ отвлекаться отъ установленныхъ обрядовъ, что бы ни случилось вокругъ.

— Но онъ умретъ, если ему не окажутъ помощи.

— Когда мы кончимъ свое поклоненіе, то пошлемъ сюда носильщиковъ, которые его уберутъ.

Страдалецъ зашевелился и, приподнявъ руку, сказалъ тихо на итальянскомъ языкѣ.

— Князь Индіи на меня дунулъ желтый воздухъ. Спаси меня.

Князь Индіи нагнулся къ несчастному и, узнавъ его теперь скорѣе по голосу, чѣмъ по искаженному лицу, громко воскликнулъ:

— Это эмиръ эль-хаджи!

Вокругъ воцарилась безмолвная тишина. Всѣ правовѣрные видѣли еще недавно этого юношу сіявшимъ красотой и здоровьемъ, на прекрасномъ конѣ, въ блестящемъ вооруженіи.

— Эмиръ эль-хаджи умираетъ!—быстро пронеслось изъ устъ въ уста, и всѣ присутствующіе стали повторять въ одинъ голосъ изреченія изъ корана, но ни одинъ не протянулъ ему руки помощи.

Князь Индіи нисколько этому не удивился, такъ какъ правовѣрнымъ нечего было жалѣть молодого эмира, а напротивъ они завидовали, что онъ умиралъ по Божьему милосердію передъ святыней, и прямо перейдетъ въ рай, съ вѣнцомъ мученика на челѣ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, и уже врата рая скрипѣли на своихъ хрустальныхъ петляхъ, а пророкъ выходилъ къ нему на встрѣчу въ своей бѣлой, лучезарной, одеждѣ.

Отчаяніе наполнило сердце того, кто стремился быть проповѣдникомъ примиренія всѣхъ религій, и онъ ясно понялъ, что въ магометанскомъ мірѣ ему нечего дѣлать въ качествѣ духовнаго посредника. Онъ слишкомъ поздно явился въ среду этихъ фанатиковъ. Съ пламенной горечью онъ воскликнулъ:

— Эмиръ умираетъ отъ чумы!

Онъ ожидалъ, что толпа при этихъ словахъ бросится въ бѣгство, но никто не двинулся съ мѣста.

— Клянусь Аллахомъ, — произнесъ онъ еще болѣе громкимъ голосомъ:—желтый воздухъ дунулъ на эмира и дышитъ на васъ всѣхъ, бѣгите!

— Аминь, аминь!

— Миръ тебѣ, князь мучениковъ!

Счастливъ ты, левъ Аллаха!

Вотъ что послышалось ему въ отвѣтъ.

Очевидно, эту толпу одушевляло нѣчто большее, чѣмъ фанатизмъ, и съ такой вѣрой, презиравшей болѣзнь и смерть, новому проповѣднику тщетно было бы вступить въ борьбу. Князь Индіи тяжело вздохнулъ, махнулъ рукой и сдѣлалъ знакъ своимъ слугамъ, чтобы они подняли лежавшаго на землѣ эмира.

— Завтра я окончу свое поклоненіе,—сказалъ онъ своему проводнику:— а теперь веди меня домой.

Его приказаніе было немедленно исполнено.

Къ утру эмиръ, благодаря лѣченію князя, на столько оправился, что могъ разсказать, какъ приключился съ нимъ недугъ.

Чума появилась у него на другой день, послѣ его свиданія съ княземъ Индіи въ Эль-Зарибѣ, но рѣшившись, во что бы то ни стало, исполнить порученіе султана и передать его дары шерифу, онъ энергично боролся съ одолѣвавшей его болѣзью. Поэтому, получивъ даже росписку шерифа въ пріемъ всѣхъ присланныхъ ему предметовъ, онъ еще сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія

для устройства своего лагеря и только, когда все благополучно было окончено, приказалъ посадить себя на лошадь, такъ какъ уже не имѣлъ силъ вскочить въ сѣдло, и, убѣжденный въ своей близкой смерти, отправился въ Каабу, чтобы умереть подь сѣнью святыни.

Слушая его разсказъ, князь Индіи все болѣе и болѣе убѣждался въ тщетности распространить проповѣдь новой религіи среди народа, столь пламенно преданнаго своей вѣрѣ. Ему оставалось теперь только поспѣшить въ Константинополь, центръ христіанскаго движенія. Тамъ, можетъ быть, ожидалъ его большій успѣхъ.

Въ концѣ слѣдующей недѣли, совершивъ установленныя два паломничества и убѣдившись, что эмиръ совершенно выздоровѣваетъ, онъ двинулся въ путь и благополучно достигъ Джедды, гдѣ его ждало судно для перехода чрезъ Красное море.

VII.

Прибытіе въ Константинополь.

Чѣмъ болѣе приближалось время, назначенное княземъ Индіи для его пріѣзда въ Константинополь, тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ его Уель, сынъ Гада. Когда же наступилъ шестой мѣсяць, въ концѣ котораго должно было совершиться желанное событіе, то онъ сталъ считать дни, а за двѣ недѣли уже началъ по утрамъ ходить на Золотой Рогъ и спрашивать о прибывшихъ изъ Египта судахъ. Однако, все было тщетно, и наступилъ послѣдній день срока, а о князѣ Индіи все-таки не было ни слуха, ни духа. Уель уже началъ отчаиваться, но Сіама спокойно оканчивалъ всѣ приготовленія къ пріему своего господина, вполне убѣжденный, что онъ явится въ назначенное время.

Все было готово съ регулярной точностью въ новомъ домѣ князя Индіи. Четыре комнаты нижняго этажа были приготовлены для трехъ слугъ, кромѣ Сіама; во второмъ находились три апартаменты, соединенные дверями, завѣшанными портьерами изъ верблюжьей шерсти. Меблировка ихъ была смѣшанная: римская, греческая и египетская. Средняя и наибольшая комната должна была составить гостиную и кабинетъ хозяина: на полу лежалъ темно-синій коверъ, посрединѣ котораго, на мѣдномъ листѣ, стояла маленькая серебряная печка. Шелковые диваны помѣщались вдоль стѣнъ, а тамъ и сямъ виднѣлись низенькіе стулья, съ изваяніями различныхъ животныхъ на ручкахъ и ножкахъ. Въ углахъ возвышались высокіе серебряные треножники съ лампами въ помпеевскомъ стилѣ. Большое окно, наполненное цвѣтущими растеніями, освѣщало роскошный столъ, на которомъ стояли металлическіе кубки, хрустальный графинъ съ водой и стаканы, а подь столомъ была растянута ти-

гровая шкура. Стѣны были украшены новыми византійскими фресками. Во всей комнатѣ стояло нѣжное благоуханіе.

Заботы вѣрнаго слуги не ограничивались внутренностью дома: онъ раскинулъ палатку на крышѣ, зная, что въ теплое время его господинъ будетъ проводить тамъ ночи. Отличительной чертой всѣхъ этихъ приготовленій было отсутствіе всякаго попеченія объ удобствахъ, необходимыхъ для женщины, такъ что, очевидно, ихъ присутствія не ожидалось.

До полудня, въ послѣдній день назначеннаго срока, Уель оставался на берегу, поджидая желанное судно, и, наконецъ, убѣдившись, что князь Индіи не прибылъ, онъ въ сильномъ разочарованіи вернулся къ приготовленному для неявляшагося гостя дому. Къ его величайшему удивленію, въ этомъ домѣ все обнаруживало, что онъ былъ обитаемъ. Въ серебряной печкѣ горѣлъ уголь, и Сіама суетился, какъ бы исполняя приказанія своего господина. Уель подумалъ, что князь Индіи прибылъ какимъ либо другимъ путемъ.

— Онъ здѣсь? — спросилъ Уель живо.

Сіама покачалъ головой.

— Такъ зачѣмъ ты развелъ огонь?

Сіама знаками далъ понять, что его господинъ тотчасъ пріѣдетъ. Уель улыбнулся этому слѣпому довѣрію слуги.

Оставшись нѣсколько времени въ домѣ, онъ вернулся къ себѣ, но послѣ ужина снова пошелъ посмотрѣть, что дѣлается въ жилищѣ князя Индіи. Окна его горѣли огнями, и онъ поспѣшно вошелъ въ отворенную дверь. Гостиная ярко была освѣщена лампами, и въ ней стоялъ Сіама, какъ всегда спокойно улыбающійся.

— Что же, онъ пріѣхалъ? — спросилъ нетерпѣливо Уель.

Слуга отрицательно махнулъ рукой, но этотъ жестъ какъ бы говорилъ: «онъ не пріѣхалъ, но пріѣдетъ сегодня».

Около десяти часовъ вечера Сіама принесъ и поставилъ на столъ подносъ съ ѣдой и напитками.

— Боже милостивый! — промолвилъ Уель: — онъ даже приготовилъ ужинъ. Вотъ такъ слуга, вотъ такъ господинъ!

Увѣренность слуги такъ подѣйствовала на еврея, что онъ также сталъ серьезно ожидать прибытія князя Индіи.

Черезъ нѣсколько времени внизу послышались шаги нѣсколькихъ людей. Сіама бросилъ торжествующій взглядъ на Уеля и устремился къ двери, въ которой показалась человѣческая фигура. Нечего было объяснять Уелю, кто это былъ. Онъ сразу понялъ, что это князь Индіи.

Почему-то еврей ожидалъ увидѣть передъ собою величественную особу, подходящую подъ общія понятія о сильныхъ міра сего. Но въ дверяхъ напротивъ стоялъ челоуѣкъ небольшого роста, сутуловатый, худощавый, въ темно-коричневомъ бурнусѣ аравійскихъ шейховъ. Голова его была повязана краснымъ шерстянымъ

платкомъ, и конецъ его, надвинутый на лобъ, бросалъ такую тѣнь на лицо, что ясно видна была только большая сѣдая борода.

При видѣ своего господина, Сіама бросился на колѣни и поцѣловалъ его руку, а тотъ поднялъ его и потрепалъ по плечу въ знакъ того, что былъ доволенъ сдѣланными приготовлениями. Потомъ онъ подошелъ къ огню и, замѣтивъ впервые Уеля, протянулъ ему руку.

— Сынъ Іадая,—сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась доброта, и глаза его, блестящіе и черные, засвѣтились удовольствіемъ.—Я вижу, что я былъ правъ, довѣряя тебѣ. Ты пошелъ по стопамъ своей семьи, и твоей помощи я обязанъ, что имѣю такой удобный и пріятный домъ. Считаю меня своимъ должникомъ.

Невольно поддавшись чарующему вліянію этого человѣка, еврей низко поклонился и поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Не благодари меня,—отвѣчалъ онъ.—Сіама и безъ меня устроилъ бы все.

— Хорошо, но я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи, а теперь выпьемъ напитка, который приготовленъ Сіамой, и котораго не знаютъ на западѣ.

— Позволь мнѣ прежде привѣтствовать тебя въ твоемъ новомъ домѣ.

— Я уже прочелъ привѣтствіе въ твоихъ глазахъ. Сядемъ къ огню. Ночь очень холодная.

Сіама тогда подаль чай, который въ то время еще не былъ извѣстенъ въ Европѣ, и между новыми знакомыми завязалась дружеская бесѣда. Хозяинъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ о своихъ путешествіяхъ, а Уель сообщилъ ему константинопольскія новости.

— Я писалъ тебѣ,—сказалъ наконецъ князь Индіи,—что желаю обходиться съ тобой, какъ отецъ съ сыномъ, и быть тебѣ помощью, а не бременемъ. Я полагаю, что одинъ фактъ моихъ хорошихъ отношеній съ тобою увеличить твою торговлю, такъ какъ всѣ въ Константинополѣ будутъ съ уваженіемъ относиться ко мнѣ, а я не уступлю никому изъ здѣшнихъ сильныхъ міра своимъ блескомъ и достоинствомъ. Когда тебя станутъ спрашивать, кто я, то отвѣчай только: онъ князь Индіи. Простые люди этимъ удовольствуются, а тѣхъ, которые захотятъ знать больше, ты отправляй ко мнѣ. Ты же самъ, сынъ Іадая, также называй меня княземъ, но знай, что я на восьмой день послѣ своего рожденія былъ обрѣзанъ по закону Моисея, и это обстоятельство я считаю гораздо почетнѣе моего титула.

— Такъ ты, князь...

— Я еврей также, какъ твой отецъ и ты.

Уель улыбнулся при мысли, что его соединяли узы одинаковаго происхожденія и вѣры съ такой могущественной особой.

— Ты видишь,—продолжалъ князь Индіи,—я точно исполнилъ

свое обѣщаніе явиться сюда черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ полученія тобою моего письма. Вѣдь этотъ срокъ еще не прошель.

— Сегодня его послѣдній день.

— Я писалъ тебѣ, находясь въ Чипанго, на островѣ великаго восточнаго моря. Спустия тридцать лѣтъ послѣ того, какъ я поселился на этомъ островѣ, я случайно увидѣлъ спасагося отъ кораблекрушенія еврея изъ Константинополя, и онъ мнѣ сообщил о смерти твоего отца и твоёмъ имени. Тебѣ не мѣшаетъ знать, что я всего провелъ въ Чипанго пятьдесятъ лѣтъ и преимущественно занимался тамъ изученіемъ мѣстныхъ религій. Ихъ двѣ: отъ одной, грубой миѳологіи, безъ греческой или римской поэзіи, я отвернулся съ презрѣніемъ, а другая, буддійская, имѣетъ много общаго съ христіанствомъ. Съ тою же цѣлью изученія религій я посѣтилъ въ послѣдствіи Мекку, а затѣмъ черезъ Египетъ прибылъ сюда. Я потомъ сообщу тебѣ, какія намѣренія я имѣю насчетъ моего пребыванія въ Константинополѣ.

Видя, что князь Индіи начинаетъ обнаруживать усталость, Уель всталъ и простился, а князь проводилъ его до лѣстницы.

Оставшись одинъ въ комнатѣ, онъ позвалъ прибывшихъ съ нимъ слугъ, и двое изъ нихъ бросились цѣловать Сіама, какъ стараго товарища, но третій, молодой негръ громаднаго роста, смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на незнакомую ему личность, и Сіама вопросительно поглядывалъ на своего господина.

— Это Нилло, сынъ того Нилло, котораго ты зналъ,—сказалъ послѣдній.—Люби его также, какъ ты любилъ его отца.

Сіама обнялъ и поцѣловалъ своего новаго товарища.

VIII.

Роза весны.

Цѣлый мѣсяцъ князь Индіи не выходилъ изъ своего дома, очевидно отдыхая отъ продолжительнаго путешествія. Это, однако, не мѣшало ему ежедневно гулять по своей плоской крышѣ, съ которой открывался видъ на церковь, возвышавшуюся на горѣ, къ юго-западу, на Блахернскій дворецъ и на Галатскую башню; но наибольшее его вниманіе, повидимому, обращалъ на себя дворецъ, и на немъ всего чаще останавливался его задумчивый взглядъ.

Однажды, около полудня онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ за столомъ и былъ погруженъ въ свое любимое занятіе—сравнительное изученіе Библии, священныхъ книгъ Китая, Ригъ-Веды, Зендъ-Авесты и Корана. Съ самаго утра онъ сравнивалъ опредѣленіе Бога въ различныхъ деистическихъ системахъ и наконецъ усталъ отъ долгаго усидчиваго труда, откинулся на спинку кресла и закрылъ

глаза. Когда онъ открылъ ихъ черезъ нѣсколько минутъ, то съ удивленіемъ увидалъ, что на него смотрятъ два другіе глаза, такіе же большіе, черные, какъ бы и его. Потомъ онъ пришелъ къ сознанію, что эти глаза принадлежали дѣтскому, чисто ангельскому лицу. Онъ протянулъ руку, положилъ ее на черную кудрявую головку и тихо спросилъ, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ реальности явившагося передъ нимъ образа:

— Что ты такое?

— Я маленькая дѣвочка.

Онъ взялъ ребенка, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и, только теперь понявъ странную форму своего вопроса, прибавилъ:

— Я не хотѣлъ спросить, что ты такое, а кто ты такая.

— Я дочь Уеля.

— Онъ мой другъ, и значитъ мы должны быть съ тобою друзья. Какъ тебя зовутъ?

— Гуль-Бахаръ.

— Это турецкое имя и значитъ—Роза весны. Какъ тебѣ дали такое имя?

— Моя мать изъ Иконіи.

— Гдѣ прежде жили султаны?

— Да. И она говорила потурецки.

— А! Я понимаю. Это не твое настоящее имя, а только прозвище.

— Мое настоящее имя Лаель.

Князь Индіи поблѣднѣлъ, какъ полотно, губы его задрожали, и на глазахъ показались слезы. Съ трудомъ переведа дыханіе, онъ наконецъ нѣжно промолвилъ:

— Лаель.

Потомъ онъ припалъ лбомъ къ ея плечу и горько зарыдалъ. Ребенокъ не выдержалъ и также заплакалъ.

— Прости меня,—сказалъ онъ, придя въ себя и цѣлуя ее.— Ты не удивляйся, я очень старъ, гораздо старше твоего отца и видѣлъ столько горя, что никто въ этомъ не можетъ со мною сравниться. У меня также была нѣкогда маленькая дѣвочка.

Онъ снова съ трудомъ перевелъ дыханіе и прибавилъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Будущей весной мнѣ минетъ четырнадцать.

— Она была твоего возраста и очень походила на тебя. Она была такая же маленькая, какъ ты, и у нея были такіе же волосы и глаза, и звали ее Лаель. Я хотѣлъ назвать ее Римой, потому что она казалась мнѣ чудной пѣснью, но мать настояла на томъ, чтобы назвать ее Лаель, что значитъ на моемъ и твоимъ языкѣ — «для Бога».

— Ты, значитъ, очень любилъ ее,—замѣтила дѣвочка, смотря на него съ сердечнымъ сочувствіемъ.

— О, какъ я любилъ ее!

— А гдѣ она теперь?

— Въ Иерусалимѣ были ворота, называвшіяся золотыми. Они выходили на востокъ, и солнце, восходившее изъ-за Масличной горы, ярко блестяло на ихъ коринтской бронзѣ, болѣе драгоценной, чѣмъ золото. Земля вокругъ этихъ воротъ священна, и тамъ спитъ моя Лаель. Ее покрываетъ тяжелый камень, который едва свезли нѣсколько воловъ; но въ день послѣдняго суда она возстанетъ одной изъ первыхъ, такъ хорошо быть похороненнымъ вокругъ золотыхъ вратъ.

— Значитъ, она умерла!—воскликнулъ ребенокъ.

— Да, умерла. И я не могу вспомнить ее безъ слезъ. Такая она была красивая, нѣжная, правдивая. Я никогда не забуду ея; но ты такъ похожа на нее, что я буду любить тебя, какъ ее, и ты сдѣлаешься моимъ ребенкомъ. Вся моя жизнь будетъ сосредоточена на тебѣ, и каждое утро, вставая, я буду спрашивать прежде всего: гдѣ моя Лаель? Въ полдень, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, я справлюсь, былъ ли день счастливъ для нея, а ночь наступитъ для меня только, когда она заснетъ. Хочешь быть моей Лаелью?

Этотъ вопросъ такъ озадачилъ дѣвочку, что она не знала, что отвѣчать.

— Хочешь быть моей Лаелью?—повторилъ онъ.

Слова его дышали искренней жаждой любви, и въ виду ея упорнаго молчанія онъ въ третій разъ произнесъ:

— Хочешь быть моей Лаелью?

— А развѣ можно имѣть двухъ отцовъ?—спросила она.

— Можно,—отвѣчалъ онъ поспѣшно. — Одинъ у тебя будетъ родной отецъ, а другой — приемный, и оба они одинаково будутъ любить тебя.

— Хорошо, я буду и твоей Лаелью,—сказала дѣвочка съ дѣтскимъ довѣріемъ.

Онъ прижалъ ее къ своей груди и нѣжно поцѣловалъ, говоря:

— Моя Лаель вернулась ко мнѣ, слава Богу Израилеву!

Дѣвочка молча посмотрѣла на взволнованнаго старика и потомъ промолвила:

— Ты и мой отецъ—большіе друзья, и я пришла сюда, думая, что онъ здѣсь.

— Гдѣ же онъ?

— Теперь, вѣроятно, дома.

— Такъ пойдемъ къ нему. Ты не можешь быть моей Лаелью безъ его согласія.

Они вышли изъ дома рука объ руку и, перейдя черезъ улицу, вошли въ комнату еврея-лавочника.

Эта комната была просто убрана, но съ комфортомъ, какъ подобало человѣку состоятельному. При видѣ, что его дочь вошла

вмѣстѣ со старикомъ, онъ улыбнулся, такъ какъ съ удовольствіемъ видѣлъ по выраженію ихъ лицъ, что они сразу подружились.

— Сынъ Іадая, — сказалъ князь Индіи взволнованнымъ голосомъ. — У меня нѣкогда были жена и дочь. Онѣ обѣ погибли, и какъ это случилось, я не въ состояніи рассказать. Съ тѣхъ поръ я тщетно искалъ замѣнить чѣмъ нибудь свою любовь къ нимъ. Теперь я нашелъ достойный предметъ для моей надежды любить кого нибудь, — прибавилъ онъ, нѣжно положивъ руку на голову ребенка.

— Лаель — добрая дѣвочка, — сказалъ съ гордостью Уель.

— Да, и я желаю, чтобы ты позволилъ мнѣ любить ее также, какъ самъ ее любишь. Чтобы объяснить тебѣ эту просьбу, достаточно сказать, что мою дочь звали Лаель, и что она очень походила на твоего ребенка, кромѣ того, она умерла четырнадцати лѣтъ. Когда я увидѣлъ сегодня впервые твою дочь, мнѣ показалось, что воскресла изъ гроба моя Лаель.

— Князь, — произнесъ Уель, — мнѣ очень пріятно, что она тебѣ нравится.

— Пойми меня, сынъ Іадая, что, прося твоего разрѣшенія любить твою Лаель, я желаю сдѣлать ее своею дочерью.

— Но ты не хочешь отнять ее у меня?

— Нѣтъ. Ты тогда былъ бы такимъ же несчастнымъ, какъ я. Оставайся ея отцемъ, а мнѣ позволъ быть только вторымъ ея отцемъ и заботиться о ея будущемъ.

— Она скромнаго происхожденія, — произнесъ лавочникъ.

— Скромнаго? — воскликнулъ князь Индіи. — Она дочь Израиля и потому наслѣдница всѣхъ благъ нашего Милосерднаго Бога. Только одинъ Богъ знаетъ, что ее ждетъ на семь свѣтѣ. Будемъ любить ее оба и приготовимъ ее быть достойной всякихъ благъ. Я, напри- мѣръ, научу ее всей премудрости, такъ что она будетъ въ состояніи служить украшеніемъ любого двора. Она будетъ говорить на всѣхъ языкахъ, извѣстныхъ по Средиземному побережью. Всѣ тайны Индіи станутъ ей близко извѣстными, а математическія науки познакомятъ ее съ законами небесныхъ свѣтилъ. Наконецъ я научу ее священному писанію, и для нея не будетъ тайной ничто, могущее сдѣлать ее хорошей, приличной и свѣтской женщиной. Я буду просить тебя, сынъ Іадая, не жалѣть ничего на нашу Лаель. Одѣвай ее, какъ царскую дочь, такъ какъ я желаю, чтобы, идя со мной по улицѣ, или катаясь въ лодкѣ, она обращала вниманіе всѣхъ, даже императора на свои драгоценности. Не думай о деньгахъ, я ихъ всегда найду. Ну, сынъ Іадая, согласенъ ты?

— Князь, ты такъ великодушенъ и щедръ, что я могу лишь отвѣтить: считай ее на столько же своей дочерью, сколько и моей.

Князь Индіи взялъ на руки ребенка, приподнял его и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ:

— Ты слышишь? Теперь ты дѣйствительно и моя дочь.

Дѣвочка обвила руками его шею, а потомъ повторила то же и относительно Уеля.

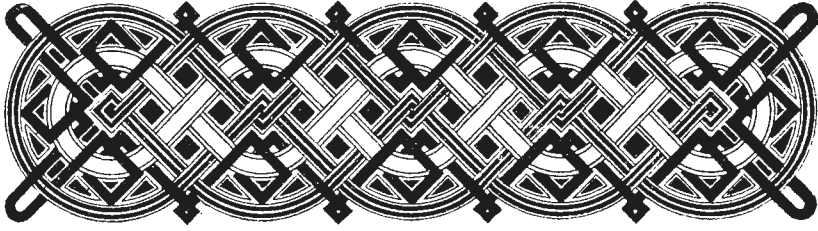
— Моя добрая Гуль-Бахаръ,—сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя ее.

— Хорошо!—воскликнулъ князь Индіи.— Я согласенъ на это имя: надо чѣмъ нибудь отличать живыхъ отъ мертвыхъ. И я также буду называть ее моей Гуль-Бахаръ.

Затѣмъ оба отца стали дружески разсуждать о томъ, какъ практически осуществить ихъ общія родительскія отношенія къ маленькой дѣвочкѣ.

Со слѣдующаго дня Гуль-Бахаръ получила право постоянного доступа въ домъ князя Индіи, а, спустя недѣлю, въ ея собственномъ жилищѣ поселилась нанятая княземъ, гувернантка, которая по своему образованію и развитію могла воспитать любую царскую дочь. Самъ же князь не забылъ своего обѣщанія и съ любовью сталъ лично заниматься съ маленькою дѣвочкою, которая выказывала замѣчательныя способности къ ученію. Эти уроки и вообще отношенія къ маленькой дѣвочкѣ наполняли такой радостью сердце мрачнаго мистика, что онъ на время забылъ свою горкую участь и только думалъ о Гуль-Бахаръ и о той великой цѣли, которая привела его изъ Чипанго въ Константинополь.

ЧАСТЬ III.

КНЯЖНА ИРИНА.

I.

Утро на Босфорѣ.

ПОШЛО ДВА года послѣ усыновленія княземъ Индіи Лаели, дочери Уеля.

Быль прекрасный юньскій день. Выходя изъ-за горы, возвышавшейся надъ Бекосомъ, солнце освѣщало противоположный европейскій берегъ классическаго пролива, на гладкой поверхности котораго лѣниво колыхались стоявшія на якоряхъ суда. Національность каждаго изъ нихъ легко обозначалась флагомъ на главной мачтѣ: тутъ были венеціанскія, женеvскія и византійскія суда. Дрожащія облака тумана поднимались съ воды и, путаясь въ такелажяхъ, медленно разсѣивались въ воздухѣ. Рыбаки на своихъ быстрыхъ лодкахъ возвращались домой послѣ ночной работы. Чайки и бакланы стаями летали надъ водяной поверхностью, охотясь за мелкой рыбой, и отъ постоянного движенія ихъ крыльевъ пурпурная даль принимала оживленный, блестящій видъ.

Терацкая бухта, лежащая противъ Бекоса, не выходила изъ района, освѣщеннаго лучезарнымъ солнцемъ. Въ ней было болѣе судовъ, чѣмъ на фарватерѣ, и они отличались всевозможными фор-

мами отъ морской коммерческой галеры до увесилительныхъ каперовъ, которые составляли контрастъ съ современными кайками по легкости и граціозности.

Что касается до самаго города, то достаточно было бросить на него одинъ взглядъ, чтобы убѣдиться, что въ немъ не произошло недавно никакой перемѣны, что во дни Константина IX Царьградъ былъ той же лѣтней резиденціей, какъ во времена кудесницы Медеи и при благополучномъ царствованіи Абдула-Гамида.

Начиная съ сѣвера, гдѣ тонкая коса, на подобіе указательнаго пальца, выдавалась въ рѣку, берегъ граціозно извивался дугой до мыса на югѣ. Тогда, какъ и теперь, дѣти забавлялись, собирая бѣлые и черные камешки, усѣивающіе берегъ, и весело прыгали, убѣгая отъ настигавшихъ ихъ пѣнистыхъ валовъ. Тогда, какъ и теперь, дома казались привязанными къ горѣ, одни надъ другими въ полномъ безпорядкѣ, такъ что чужестранецъ, смотря на нихъ изъ лодки, думалъ съ ужасомъ, какая произошла бы катастрофа, если бы эту гору посѣтило хотя самое слабое землетрясеніе. Тогда, какъ и теперь, южный мысъ какъ бы замыкалъ бухту и загромождавшая его лѣсистая гора едва оставляла мѣсто внизу для дороги. Тогда, какъ и теперь, городской фасадъ состоялъ изъ постепенныхъ террасъ, окоймленныхъ соснами, съ зонтикообразными, широкими макушками. Иногда, въ послѣмедейскій періодъ, греки усматривали возможность примѣнить эту природу къ эстетическимъ цѣлямъ, и въ эпоху нашего разсказа видѣлись тамъ и сямъ изящныя водяные бассейны, художественныя павильоны съ бѣлыми крышами и мостовыми въ римскомъ стилѣ.

Подъ выдающимся южнымъ мысомъ пріютился уголокъ земли представляемый самую очаровательную лѣтнюю резиденцію, хотя ему трудно было подобрать настоящій терминъ. Ущелье должно быть узкимъ, оврагъ—глубокимъ, долина—широкой, а тутъ не было ни того, ни другого, ни третьяго. Простираясь на сто шаговъ отъ бухты къ западнымъ высотамъ города, этотъ уголокъ, куда солнце рѣдко проникало, кромѣ полдня, былъ покрытъ кустами розъ, виноградниками и акаціями, среди которыхъ извивались прихотливыя дорожки, журчали ручейки и били фонтаны. Въ этомъ зеленомъ Эдемѣ мѣстныя птицы круглый годъ находили себѣ убѣжище, а перелетные соловьи прилетали ранѣе и улетали позднѣе, чѣмъ гдѣ либо, распѣвая не только ночью, но и днемъ. Тутъ благоуханіе розъ и жасмина наполняло воздухъ, гранаты сверкали, какъ красныя звѣзды, въ роскошной листвѣ, а мясистыя финики какъ бы приглашали всякаго сорвать ихъ.

Вдоль всего сада, осуществлявшаго вполне идеаль поэта, тянулась набережная, предохранявшая его отъ напора волнъ и уложенная гладкими плитами. Входъ въ садъ открывался чрезъ прозрачный

павильонъ съ крышей въ видѣ колокольни и тонкими колоннами, выкрашенными красною краскою. Затѣмъ, вымощенная сѣрыми камушками и розовыми раковинами, дорога вела посѣтителей, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, мимо купъ акацій и кустовъ розъ ко дворцу, который имѣлъ такое же отношеніе къ саду, какъ крупный брилліантъ на кольцѣ красавицы—къ окружающимъ его мелкимъ драгоценнымъ камнямъ.

Этотъ дворецъ стоялъ на небольшомъ холмѣ, и его можно было видѣть изъ лодки на бухтѣ отъ крыши до фундамента. Онъ составлялъ четырехугольное, одноэтажное, мраморное зданіе съ портикомъ изъ колоннъ коринтскаго стила. Всякій чужестранецъ, взглянувъ издали на его бѣлый, блестящій на солнцѣ, фасадъ, могъ сказать безошибочно, что подобное жилище принадлежало особѣ высокаго происхожденія, быть можетъ, самому императору.

Это было дѣйствительно лѣтнее мѣстопробываніе княжны Ирины ¹⁾.

II.

Княжна Ирина.

Во время царствованія императора Мануила въ 1412 году, т. е. за 39 лѣтъ до описываемой эпохи, произошла морская битва между турками и христіанами у Плати, одного изъ Принцевыхъ острововъ. Результатъ этого сраженія интересовалъ всѣ народы, которые вели коммерческія дѣла съ окрестными мѣстностями: венеціанъ и генуезцевъ не менѣе византійцевъ. Для послѣднихъ же онъ имѣлъ самое животрепещущее значеніе, такъ какъ пораженіе христіанъ послужило бы серьезной помѣхой для сношеній съ тѣми островами, которые еще оставались во владѣніи императора и западныхъ державъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней видѣлись вдали турецкія суда, но императоръ долго медлилъ отправкой своихъ морскихъ силъ противъ нихъ. Это колебаніе происходило отъ того, что трудно было назначить начальника флота. Старшій адмиралъ былъ и старъ, и неопытенъ, а главное придворная жизнь совершенно ступевала въ немъ военную доблесть, если таковой онъ когда нибудь отличался. Необходимъ былъ настоящій искусный морякъ для такой важной битвы. Поэтому всѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Дайте намъ въ начальники Мануила!..

¹⁾ Во время Крымской войны былъ выстроенъ военный госпиталь надъ остатками фундамента и цистернъ описаннаго дворца, а послѣ пожара, истребшаго госпиталь, эта мѣстность долгое время служила подъ названіемъ «Сада Хедива» цѣлью веселыхъ пикниковъ. Въ настоящее время она подарена султаномъ Абдуль-Гамидомъ со всѣмъ мысомъ германскому посольству.

«Истор. вѣстн.», февраль. 1895 г., т. IX.

Конечно, этотъ Мануиль не былъ самъ императоръ, а одинъ изъ его братьевъ, который не имѣлъ права на царственное происхожденіе, такъ какъ его мать была незаконной женой ихъ отца. Это, однако, не мѣшало тому, что въ глазахъ многихъ онъ слылъ за героя. Принявъ участіе и съ большимъ успѣхомъ во многихъ морскихъ битвахъ, онъ сдѣлался народнымъ идоломъ, что возбудило зависть императора, и онъ неожиданно исчезъ. Никто не зналъ положительно, былъ ли онъ живъ, но его сторонники подозревали, что онъ скрытъ гдѣ нибудь по близости, а потому, когда моряки подняли крикъ о возвращеніи имъ любимаго начальника, то народная толпа присоединилась къ нимъ и, осадивъ дворецъ, стала требовать того же.

Общее желаніе было исполнено, и народный любимецъ былъ назначенъ главой флота. Императоръ устроилъ ему торжественный приемъ въ ипподромѣ, и популярный герой, проведя нѣсколько часовъ въ лонѣ своего семейства, явился на эскадру, которую и повелъ на слѣдующее же утро противъ врага. Бой былъ продолжительный и отчаянный. Всѣ его перипетіи были видны съ городской стѣны, близъ Семи Башенъ. Наконецъ громкій радостный крикъ раздался по всему городу: «Хвала Богу! Хвала Богу!» Крестъ побѣдилъ луну. Турки бѣжали съ мѣста битвы и спасли оставшіяся у нихъ галеры за островами, прилегавшими къ азіатскому берегу.

Тогда Мануиль не только сдѣлался героемъ, но народъ видѣлъ въ немъ спасителя отечества. Вся Византія и Галата собрались на городскихъ стѣнахъ и на берегу, чтобы привѣтствовать его возвращеніе, какъ побѣдителя, съ многочисленными призами и значительнымъ числомъ плѣнныхъ. При выходѣ на берегъ его встрѣтили трубными звуками и проводили торжественной процессіей въ ипподромъ. Верхняя галерея, отведенная для императора, была переполнена придворными сановниками; зеленые и синіе были всѣ на лицо со своими значками. Сцена была блестяща, но публика тщетно искала глазами императора Мануила: онъ одинъ отсутствовалъ, и когда все было кончено, то византійцы возвратились домой, качая головами, и говоря другъ другу, что ихъ любимцу грозитъ еще худшая судьба, чѣмъ прежде. Поэтому никто не удивился, что несчастный вторично исчезъ, но на этотъ разъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Побѣда, послѣдовавшая затѣмъ триумфъ и усиленіе уже безъ того громадной популярности Мануила возбудили снова ревность императора, и онъ не устоялъ противъ соблазна уничтожить своего соперника въ народной любви.

Прошло много лѣтъ, императору Мануилу наследовалъ Іоаннъ Палеологъ и въ свою очередь уступилъ престолъ Константину, послѣднему изъ византійскихъ государей.

Константинъ ознаменовалъ свое вступленіе на престолъ въ

1448 году многочисленными милостями, такъ какъ онъ былъ чело-
вѣкъ добрый и справедливый. Онъ велѣлъ отворить двери тем-
ницъ для значительнаго числа узниковъ, давно находившихся въ
заточеніи. Онъ простилъ многихъ лицъ, провинившихся противъ
его предшественниковъ, на томъ основаніи, что они ничего не
сдѣлали дурнаго ему самому. Такимъ образомъ Мануиль, герой
Платской битвы, во второй разъ воскресъ. Всѣ эти года онъ былъ
заточенъ въ одной изъ келій монастыря св. Ирины, на островѣ
Принкипо, и когда его вывели на свѣтъ Божій, то онъ оказался
старикомъ, слѣпымъ, еле передвигавшимъ ноги. Его понесли на
рукахъ къ Константину, и тотъ спросилъ съ нѣжнымъ участіемъ:

— Ты тотъ самый Мануиль, который одержалъ побѣду при Плати?

— Скажи лучше, что я былъ тѣмъ Мануиломъ,—отвѣчалъ не-
счастный.

— А правда, что при заточеніи тебя въ монастырь ты имѣлъ
семью?

— У меня была жена и трое дѣтей,—отвѣчалъ со слезами ста-
рикъ:—они хотѣли раздѣлить со мной мою судьбу и всѣ погибли.
Осталась въ живыхъ только одна дочь, родившаяся въ темницѣ.

— Родившаяся въ темницѣ! — воскликнулъ императоръ: — гдѣ
же она теперь?

— Она должна быть здѣсь.

Старикъ обернулся съ безпокойствомъ и произнесъ громко:

— Ирина! Ирина! гдѣ ты, дитя мое?

— Ваше величество, его дочь въ пріемной,—сказалъ одинъ изъ
придворныхъ.

— Приведите ее сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась молодая дѣвушка, и всѣ
глаза обратились на нее, а отецъ, инстинктивно почувствовавшій
ея присутствіе, съ жаромъ спросилъ:

— Гдѣ ты была?

— Успокойся, отецъ, я подлѣ тебя.

И она взяла его за руку, а на полный удивленія взглядъ
императора отвѣчала гордымъ взоромъ.

Придворные замѣтили, что, во-первыхъ, она, по обычаю визан-
тійскихъ женщинъ, не имѣла на лицѣ покрывала, а, во-вторыхъ,
не упала ницъ передъ императоромъ, какъ этого требовалъ эти-
кетъ, даже не преклонила колѣна, или голову. Конечно, ей это
было извинительно, потому что, живя въ монастырѣ, она не знала
придворныхъ правилъ. Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія были ступше-
ваны впечатлѣніемъ, произведеннымъ на всѣхъ ея красотой, гра-
ціей, скромностью, умомъ и дѣвственной прелестью.

Придя въ себя отъ изумленія, Константинъ всталъ съ престола
и, подойдя къ краю возвышенія, на которомъ находился пре-
столь, сказалъ:

— Я знаю твою исторію, благородный грекъ, благородный по крови, по любви къ родинѣ и по заслугамъ, которыя ты ей оказалъ, а потому я питаю къ тебѣ глубокое уваженіе, сожалѣю о перенесенныхъ тобою страданіяхъ и желалъ бы видѣть вокругъ моего престола побольше такихъ людей. Тогда я спокойнѣе, если не съ большей надеждой, сталъ бы смотрѣть въ будущее. Ты, вѣроятно, слышалъ, что полученное мною наслѣдіе моихъ предковъ ослаблено врагами внѣшними и внутренними; мало-по-малу у меня отняты богатѣйшія провинціи, и теперь въ моей власти осталась почти одна столица. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы объяснить тебѣ причину, по которой я не могу достойно наградить тебя за твои геройскіе подвиги. Если бы ты былъ молодъ и полонъ силъ, то я водворилъ бы тебя въ своемъ дворцѣ. Но это не возможно, и я сдѣлаю для тебя все, что только зависитъ отъ меня. Во-первыхъ, будь свободенъ.

Славный морякъ опустился на колѣни и припалъ лбомъ къ полу; такъ всегда привѣтствовали греки своего государя.

Константинъ продолжалъ:

— Во-вторыхъ, вернись въ тотъ домъ, въ которомъ ты жилъ, когда тебя несправедливо схватили и ввергли въ темницу. Съ тѣхъ поръ онъ оставался необитаемъ, и тебѣ придется его перестроить, но я беру на свой счетъ всѣ расходы.

Взглянувъ на молодую дѣвушку, императоръ прибавилъ:

— На Румелійскомъ берегу, близъ Терапіи, есть лѣтнее жилище, принадлежавшее нѣкогда ученому греку, который былъ счастливымъ обладателемъ Гомера, мастерски написаннаго на пергаментѣ. Онъ говорилъ, что это сокровище можно было читать только во дворцѣ, нарочно построенномъ для него, и такъ какъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, то дѣйствительно выстроилъ для себя и для своей книги великолѣпный дворецъ. Онъ выписалъ для постройки мраморъ изъ Пентеликона и подъ тѣнью портика, съ коринескими колоннами, читалъ свою книгу друзьямъ, ведя вообще жизнь афинянина временъ Перикла. Въ моей юности я часто бывалъ у него, и онъ меня такъ любилъ, что, умирая, подарилъ мнѣ свой домъ, съ окружающими его садами. Благодаря этому подарку, я могу теперь хоть нѣсколько загладить вину нашего государства передъ дочерью этого храбраго и достойнаго человѣка. Кажется, отецъ назвалъ тебя Ириной?

— И—Ирина,—отвѣчала молодая дѣвушка, вспыхнувъ.

— Этотъ домъ, или дворецъ, со всѣмъ, что ему принадлежитъ, отнынѣ твой, Ирина,—произнесъ императоръ:—поселись тамъ и начни жизнь сызнова.

Она сдѣлала шагъ впередъ, но потомъ остановилась, и неожиданная блѣдность смѣнила румянецъ, покрывавшій ее лице и шею. Никогда Константинъ не видѣлъ такой красавицы, и онъ боялся,

чтобъ, заговоривъ, она не улетучилась, какъ чудное видѣніе во снѣ. Но она быстро подошла къ возвышенію, взяла его руку, пламенно поцѣловала ее и сказала, смотря ему прямо въ лице:

— Теперь я думаю, что у насъ христіанскій императоръ.

Всѣ присутствующіе при этой сценѣ были внѣ себя отъ удивленія. При Византійскомъ дворцѣ существовалъ самый строгій этикетъ, основанный на томъ безспорномъ тезисѣ, что императоръ былъ олицетвореніемъ величія и могущества. Самый важный изъ сановниковъ, слушая его рѣчи, долженъ былъ опускать глаза внизъ, а прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ императора, обязанъ былъ упасть ницъ. Никто не смѣлъ прикасаться до его руки безъ милостиваго на то разрѣшенія. Поэтому понятно, съ какимъ изумленіемъ придворные увидѣли, что молодая дѣвушка сама обратилась съ рѣчью къ императору, сама взяла его руку, поцѣловала ее и, не выпуская изъ своихъ, смотрѣла ему прямо въ глаза.

Что касается до Константина, то онъ глядѣлъ на свою прекрасную родственницу съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ и съ такимъ милостивымъ снисхожденіемъ, что она продолжала:

— Можетъ быть, какъ ты сказалъ, твоя имперія и лишена многихъ провинцій, но этотъ городъ нашихъ отцевъ все-таки остается столицей всего міра. Христіанскій императоръ основалъ ее, и его звали Константиномъ. Не суждено ли другому Константину, также христіанскому императору, возстановить величіе Константинополя. Возложи, о государь, всѣ свои надежды на свое благородное сердце. Я слыхала, что благородныя стремленія часто предвѣщаютъ великія событія, вѣрнѣе всякихъ пророковъ.

Константинъ былъ пораженъ этими словами, тѣмъ болѣе удивительными, что ихъ произносила молодая дѣвушка, выросшая въ четырехъ стѣнахъ темницы. Его радовало, что она, очевидно, составила себѣ хорошее мнѣніе о немъ, и что она не теряла надежды на счастливую судьбу своей родины. Онъ былъ такъ тронутъ ея силой характера, христіанской вѣрой и чисто женскимъ величіемъ, соединеннымъ съ граціей, что забылъ о всѣхъ правилахъ этикета, сошелъ съ возвышенія, взялъ ее руку, почтительно поцѣловалъ и сказалъ просто, но съ глубокимъ чувствомъ:

— Дай Богъ, чтобы небо говорило твоими устами.

Потомъ, обернувшись, онъ поднялъ все еще распростертаго на полу слѣпого старика и объявилъ, что аудіенція кончена.

Оставшись наединѣ со своимъ секретаремъ, или великимъ логоѳетомъ, онъ нѣсколько времени молча размышлялъ.

— Слушай,—сказалъ онъ наконецъ:—напиши указъ о пожалованіи пятидесяти тысячъ золотыхъ ежегодно Мануилу и его дочери.

Поступая вполне по этикету, секретарь сначала поникъ головой и устремилъ свои глаза на пурпурныя туфли императора, а потомъ преклонилъ колѣна.

— Говори,—сказалъ Константинъ.

— Ваше величество, въ казначействѣ нѣтъ свободныхъ и тысячи золотыхъ.

— Неужели мы такъ бѣдны!—произнесъ императоръ, тяжело вздохнувъ, но потомъ прибавилъ рѣшительнымъ тономъ:— быть можетъ, дѣйствительно Богу угодно, чтобы я возстановилъ величіе не только этого города, но и всей имперіи. Я постараюсь заслужить этой славы. Ты все-таки напиши указъ, и съ Божьей помощью мы найдемъ средства его исполнить.

III.

Гомеровскій Дворецъ.

Узнавъ, какимъ образомъ дворецъ въ Терапіи достался княжнѣ Иринѣ, мы вернемся къ тому утру на Босфорѣ, когда она сидѣла подъ мраморнымъ портикомъ, въ той самой позѣ, въ которой, вѣроятно, старый грекъ, основавшій дворецъ, читывалъ своего драгоцѣннаго Гомера. Между колоннами она видѣла гладкую поверхность Босфора и лѣсистый азіатскій берегъ. У ея ногъ опустился къ водѣ садъ, и извилистая дорожка граціозно бѣжала къ красному кіоску у наружныхъ воротъ, противъ которыхъ была пристань. Вокругъ молодой дѣвушки виднѣлись пальмы, розы и жасмины, а передъ ней стоялъ бронзовый столикъ съ серебряной инкрустаціей, и на немъ находился подносъ съ печеньемъ, серебряными кувшинами и такими же чашами.

Молодая дѣвушка сидѣла, или скорѣе полулежала, въ большомъ покойномъ креслѣ, а подлѣ стояла маленькая скамеечка, обтянутая темной тисненой кожей. Поднявъ высоко голову и нѣсколько свѣсивъ ее къ лѣвому плечу, она устремила свои глаза на пристань, словно ждала кого-то. Обѣ ея руки покоились на правомъ локотникѣ кресла, изображавшемъ собачью голову. Лицо ея было открыто, такъ какъ она, ненавидя византійскій обычай носить покрывало, смѣло выставяла на показъ всюду и всегда свои прелестныя черты. Она не боялась заговора и такъ скромно вела себя въ публикѣ, что всѣ съ уваженіемъ смотрѣли на нее, нимало не осуждая ея новшества.

На ней была классическая одежда, рельефно выставявшая ея граціозную, тонкую, высокую фигуру. Эта одежда состояла изъ шерстяной, бѣлой туники, перехваченной краснымъ снуркомъ, изъ-подъ котораго спереди шли складки, а сзади опускался длинный шлейфъ; сверху былъ накинутъ хитонъ изъ такой же ткани и такого же цвѣта. Золотистые волосы ея были причесаны погречески. Что касается до ея лица, то черты его были совершенно

правильны: брови проведены какъ бы карандашемъ, носъ тонкій, глаза почти черные, ротъ маленькій, губы тонкія, пунцовыя, щеки и лобъ самыхъ художественныхъ очертаній. Цвѣтъ ея лица превосходилъ всякое описаніе: жилки на вискахъ казались прозрачною тѣнью, брошенной на снѣгъ, а розоватый пушокъ на ея щекахъ можно было сравнить только съ лепестками розъ. Глаза ея отличались дѣтской ясностью, зубы блестяли, какъ жемчугъ, а уши маленькіе, бѣловато-розовые, казались раковинками, выброшенными моремъ только наканунѣ. Что еще сказать о внѣшней красотѣ этой женщины, которая до сихъ поръ живетъ въ исторіи, какъ рѣдкое сочетаніе красоты, ума и силы характера, благодаря чему передъ ней преклонялись самые могущественные правители и завоеватели? Ея изящныя круглыя руки, съ длинными тонкими пальцами, повидимому, были созданы только для того, чтобы плести вѣнки и играть на арфѣ. Голова ея, гордая, дышавшая высокимъ происхожденіемъ и мужественной волей, уже не говоря о художественномъ ея абрисѣ, возвышалась на длинной тонкой, но круглой и граціозной шеѣ, которая, въ свою очередь, опиралась на плечи, до такой степени пластичныя, что любой художникъ пришелъ бы отъ нихъ въ восторгъ. Наконецъ все вмѣстѣ, фигура, голова, черты лица и общее выраженіе всего ея существа, было вполне достойной оболочкой для ея возвышенной души.

Княжна попережнему пристально смотрѣла на разстилавшееся передъ нею водяное пространство; неожиданно къ пристани причалила лодка, изъ которой вышелъ человѣкъ, но очевидно не тотъ, котораго княжна ожидала. Убѣдившись, что онъ былъ совершенно чуждой для нея личностью, она продолжала глядѣть на воду съ прежнимъ интересомъ. Онъ же бросилъ что-то лодочнику и, войдя въ ворота, направился ко дворцу.

Черезъ нѣсколько времени къ княжнѣ подошелъ старый, очень приличный на взглядъ, слуга и доложилъ о пріѣздѣ гостя, который слѣдовалъ за нимъ. Княжна быстро поправила свою прическу, встала, отряхнула платье и съ любопытствомъ взглянула на посѣтителя.

Одежда на немъ была совершенно незнакома княжнѣ. Длинная ряса изъ грубой шерстяной ткани покрывала всю его фигуру отъ шеи до пятокъ. Эта одежда была такъ узка, что невозможно было ходить въ ней, если бы не было прорѣзовъ съ обѣихъ сторонъ; длинные, но широкіе рукава доходили до пальцевъ. На кожаномъ поясѣ висѣла двойная нить черныхъ роговыхъ четокъ, величиной въ орѣхъ, а пряжка была серебряная съ чернью. Но самой любопытной чертой его одежды было нѣчто, похожее на башлыкъ, покрывавшее голову и почти все лицо, при чемъ съ обѣихъ сторонъ возвышались широкія лопасти, въ родѣ ушей слона.

Княжна не могла понять, откуда могъ появиться такой, варварски

одѣтый челоуѣкъ, какое могъ онъ имѣть до нея дѣло и былъ ли онъ молодой, или старъ. Два раза она оглядѣла его съ головы до ногъ. Очевидно, онъ былъ монахъ, а судя по его обнаженнымъ дѣтскимъ розовымъ ногамъ, въ старинныхъ сандаляхъ, можно было заключить, что онъ былъ юнъ!

Онъ вынулъ изъ-за пояса полотняный пакетъ и, набожно поцѣловавъ его, сказалъ:

— Позволить ли мнѣ княжна Ирина открыть этотъ пакетъ?

Голосъ его, звучалъ мужественно, а держалъ онъ себя съ достоинствомъ, хотя почтительно.

— Это посланіе?—спросила она.

— Да, отъ святого отца архимандрита величайшей сѣверной лавры.

— А какъ ее называютъ?

— Бѣлозерской.

— Гдѣ это?

— Въ странѣ великаго князя.

— Я не знала, что у меня есть друзья на сѣверѣ Россіи. Открой пакетъ.

Юный монахъ вскрылъ полотняный пакетъ и вынулъ изъ него пергаментъ.

— Святой отецъ поручилъ мнѣ передать тебѣ, княжна, не только это посланіе, но и его благословеніе, которое для души дороже груды золота.

Взявъ пергаментъ, княжна прежде всего взглянула на подпись и съ удивленіемъ воскликнула:

— Илларионъ! Это не можетъ быть, мой отецъ Илларионъ! Онъ уѣхалъ и умеръ. И, однако, я узнаю его почеркъ.

— Позволь мнѣ спросить,—сказалъ монахъ:—нѣтъ ли здѣсь по близости острова по имени Принкипо?

Она молча кивнула головой.

— И на его берегу, обращенномъ къ Азіи, нѣтъ ли монастыря, выстроеннаго нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ могущественной императрицей?

— Да, Ириной.

— Не былъ ли много лѣтъ настоятелемъ этого монастыря отецъ Илларионъ?

— Отъ кого ты это слышала?

— Отъ самого святого отца.

— Такъ ты присланъ имъ?

— Да. Ты узнаешь все изъ его посланія.

Монахъ отошелъ въ сторону на нѣсколько шаговъ, а Ирина набожно поцѣловала подпись на полученномъ посланіи.

— Господь сохранилъ своего избранника, — произнесла она и

прибавила, обращаясь къ монаху:—ты дѣйствительно принесть мнѣ добрую вѣсть.

Онъ обнажилъ голову, и княжна широко раскрыла глаза отъ удивленія: она никогда не видала лица столь совершенной красоты, и дышавшаго такой изящной нѣжностью. Онъ былъ очень молодъ, и ему, такъ же, какъ и ей, не было двадцати лѣтъ.

— Конечно, отецъ Илларионъ упоминаетъ о твоёмъ имени,— сказала она: — но я прочту посланіе потомъ, а потому будь такъ добръ и скажи, какъ тебя зовутъ.

— Мать назвала меня Андреемъ, но когда меня посвятили въ монахи Бѣлозерской обители, то отецъ Илларионъ далъ мнѣ имя Сергія. Андрей хорошее, христіанское имя, и оно напоминаетъ мнѣ о моей матери, но Сергій лучше, такъ какъ оно возбуждаетъ во мнѣ память о моемъ обѣтѣ и моихъ обязанностяхъ, какъ слуги Господа Бога.

— Хорошо. Я такъ и буду называть тебя Сергіемъ, — сказала княжна и съ улыбкой прибавила:—ты вѣрно еще не завтракалъ?

— Нѣтъ, но я привыкъ поститься и всегда успѣю поѣсть; великій городъ вѣдъ въ двухъ шагахъ отсюда.

— Вотъ здѣсь накрытъ столъ; тотъ, кого я ожидала, замѣшкался въ пути, и ты займешь его мѣсто. Лизандръ,—прибавила она, обращаясь къ старому слугѣ: — подай стулъ и прислуживай нашему гостю.

И они сѣли другъ противъ друга за маленькимъ столикомъ.

IV.

Русскій монахъ.

Сергій взялъ стаканъ краснаго вина изъ рукъ стараго слуги и сказалъ:

— Я желалъ бы, княжна, чтобы ты выслушала мою исповѣдь.

По его тону и манерамъ было видно, что онъ не привыкъ къ обществу женщинъ, а замѣчая, что Ирина внимательно изучаетъ его лицо, онъ хотѣлъ отвлечь ея вниманіе своими словами.

— Я считаю это нужнымъ,—продолжалъ онъ, такъ какъ княжна ничего не отвѣчала:—потому что ты еще не прочла посланія святаго отца Иллариона, знакомящаго тебя съ моей скромной личностью, и я желалъ бы, чтобы ты убѣдилась изъ моей исповѣди въ невозможности съ моей стороны злоупотребить твоимъ добрымъ ко мнѣ расположеніемъ. Къ тому же, быть можетъ, тебѣ будетъ интересно найти подтвержденіе тому инстинктивному довѣрію, которое ты выказываешь съ перваго взгляда къ такому новичку въ свѣтѣ, какъ я.

Первое благопріятное впечатлѣніе, произведенное чужестраннымъ юношей на Ирину, вполнѣ оправдалось близкимъ изученіемъ

его лица. Его голова, по очертаніямъ и выраженію, дышала поэтическимъ пыломъ; длинные, волнистые бѣлокурые волосы, раздѣленные по срединѣ проборомъ, почти скрывали его большой лобъ, отъ котораго виднѣлись почти только однѣ густыя брови. Но усы и борода юноши, вѣчно жившаго въ четырехъ стѣнахъ монастыря, были еще не большого размѣра и не бросали тѣни на все лицо. Носъ былъ нѣсколько вздернутъ къ верху. Вообще это былъ типъ русскаго человѣка, и за исключеніемъ высокаго роста и повидимому развитыхъ мускуловъ, онъ подходилъ къ византійскому идеалу Христа, какъ видно на картинѣ, прекрасно сохранившейся въ одной изъ стамбульскихъ мечетей, близъ воротъ св. Романа, нынѣ Топъ-Капуси.

Это сходство со столь священнымъ образомъ, однако, не такъ поразило молодую княжну, какъ странный блескъ его глазъ, который обнаруживалъ двойственность его взгляда, точно смотрѣвшаго, въ одно и то же время, на предметъ, находившійся передъ нимъ, и на нѣчто другое въ пространствѣ. Его душа, казалось, мистически лицезрѣла что-то другое, кромѣ того, что представлялось его глазамъ и уму. Въ результатѣ получалось впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ соединялъ въ себѣ два различные характера. Какъ было разгадать его двойственную натуру и на сколько можно было довѣриться ей? Вотъ что занимало мысли молодой дѣвушки, и потому, естественно, она не обратила большого вниманія на слова монаха, но когда онъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы она выслушала его исповѣдь, она сказала:

— Я тебя слушаю. Вѣдь твоя исповѣдь не можетъ касаться грѣха?

— Грѣха! — воскликнулъ онъ, покраснѣвъ: — прости меня, княжна, я придалъ слишкомъ серьезное значеніе пустяшной вещи. Узнавъ, въ чемъ дѣло, ты только посмѣешься надъ моей простотой.

Онъ залился дѣтскимъ смѣхомъ и вынулъ изъ-подъ рясы желтый шелковый мѣшокъ, а оттуда нѣсколько кожаныхъ четырехугольниковъ съ выбитыми на нихъ буквами.

— Это наши деньги, — произнесъ онъ.

— Я сомнѣваюсь, чтобы наши купцы приняли ихъ, — отвѣчала княжна, съ любопытствомъ рассматривая эти квадратики.

— Въ томъ-то и дѣло, что они не хотятъ ихъ брать. Но у насъ на эти деньги можно пробраться съ одного конца владѣній великаго князя до другого. Когда я отправлялся въ далекій путь, то отецъ Илларионъ далъ мнѣ этотъ мѣшокъ съ деньгами и сказалъ: «Достигнувъ порта, гдѣ ты сядешь на корабль, не забудь размѣнять эти деньги у купцовъ на византійское золото, а то ты сдѣлаешься нищимъ, развѣ только Господь Богъ окажетъ тебѣ свою особую милость». Я такъ и намѣревался сдѣлать, но портъ, въ которомъ я очутился, оказался такимъ большимъ и любопыт-

нымъ городомъ, что глаза у меня разбѣжались, и я забылъ о добромъ совѣтѣ отца Илларіона. Но правдѣ сказать, я о немъ вспомнилъ только сегодня утромъ.

И онъ снова весело засмѣялся, доказывая этимъ, что не придавалъ особой важности своей забывчивости.

— Я вышелъ на берегъ только вчера ночью, — продолжалъ онъ: — и, едва оправившись отъ морской болѣзни, остановился въ одной изъ городскихъ гостинницъ. Сегодня утромъ я заказалъ себѣ завтракъ и по нашему русскому обычаю хотѣлъ заплатить впередъ. Трактирщикъ подозрительно посмотрѣлъ на предложенныя мною деньги и сказалъ, что возьметъ только золотыя, мѣдныя или желѣзныя монеты съ изображеніемъ имени императора. Когда же я сказалъ, что у меня нѣтъ другихъ денегъ, то онъ предложилъ мнѣ искать завтрака въ другомъ мѣстѣ. Я намѣревался, прежде чѣмъ отправиться къ тебѣ, пойти къ патриарху и поцѣловать руку этого мудрѣйшаго изъ людей; но въ виду подобнаго обстоятельства я долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. По счастью, у меня была золотая пуговка, которую мнѣ далъ отецъ Илларіонъ, при поступленіи моемъ въ обитель; на ней изображены крестъ и имя Константина. Въ этой пуговкѣ заключалась единственная моя надежда добраться до тебя. Дѣйствительно, одинъ лодочникъ согласился перевезти меня сюда за подобное вознагражденіе. Вотъ и вся моя исповѣдь.

До сихъ поръ онъ говорилъ очень правильнымъ и чистымъ греческимъ языкомъ, но, окончивъ свою рѣчь, онъ прибавилъ нѣсколько словъ на своемъ родномъ нарѣчій, и глаза его приняли то странное выраженіе, которое доказывало, что душа его была далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ находился.

Княжна Ирина смотрѣла на него все съ большимъ и большимъ интересомъ. Она удивлялась, какъ отецъ Илларіонъ могъ дать важное порученіе легкомысленному и забывчивому юношѣ, а съ другой стороны въ ней возбуждало большое любопытство то невѣдомое нѣчто, о чемъ, очевидно, онъ постоянно думалъ.

— Ты прекрасно говоришь погречески, добрый Сергій, но я не поняла твоихъ послѣднихъ словъ.

— Прости меня, — отвѣчалъ юноша, измѣнившись въ лицѣ: — я повторилъ на моемъ родномъ языкѣ тѣ слова псалмопѣвца, которыя постоянно повторялъ мнѣ отецъ Илларіонъ, именно: «Господь мой пастырь, и я никогда ни въ чемъ не буду нуждаться». Вотъ что я сказалъ, княжна, и въ этихъ словахъ выражается вся наша вѣра.

Онъ говорилъ съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ и такимъ набожнымъ пыломъ, что Ирина подумала: «можетъ быть, отецъ Илларіонъ и правъ, приславъ сюда этого молодого монаха, имѣвшаго въ себѣ всѣ данныя, чтобъ сдѣлаться вдохновеннымъ проповѣдникомъ; быть можетъ, дѣйствительно въ Константинополѣ, раздирае-

момъ богословскими распрями, теперь всего нужнѣе голосъ искренняго убѣжденія». Не успѣла эта мысль блеснуть въ ея головѣ, какъ она пожалѣла, что еще не прочла посланія святаго отца, и, поспѣшно вставъ, сказала:

— Достойный отецъ Илларіонъ повторялъ мнѣ не разъ эти самыя слова, и мы съ тобой поговоримъ о нихъ впослѣдствіи. Теперь я пойду и прочту письмо отца Илларіона, а ты позавтракай на свободѣ. Считаю себя моимъ гостемъ и требую всего, чего хочешь. Лизандръ исполнитъ всѣ твои приказанія. До свиданія, я скоро возвращусь.

Монахъ почтительно всталъ и проводилъ глазами княжну, которая глубоко поразила его своей красотой и граціозностью. Но какъ только она исчезла изъ вида за кустами розъ, онъ принялся за завтракъ съ жадностью голоднаго человѣка.

V.

Голосъ изъ далекой обители.

Проходя подъ портикомъ, княжна повторяла про себя: «Господь мой пастырь, и я никогда ни въ чемъ не буду нуждаться». Ясно было, что справедливость этихъ словъ осуществилась примѣромъ легкомысленнаго монаха, который въ минуту нужды нашель все необходимое, очевидно, благодаря милосердію Бога, который направилъ его шаги къ ней.

Отворивъ рѣзную сверху донизу дверь, она вошла въ большую, обнаженную, но роскошно украшенную фресками залу, а оттуда проникла въ маленькій открытый дворикъ, въ центрѣ котораго билъ фонтанъ, среди круглаго бассейна, гдѣ плавали золотыя рыбки.

Тутъ находилось нѣсколько молодыхъ греческихъ женщинъ, сидѣвшихъ за питьемъ и вышиваньемъ. При появленіи княжны онѣ оставили свою работу и почтительно встали. Она знакомъ просила ихъ продолжать свое занятіе, а сама усѣлась въ кресло передъ фонтаномъ. Въ рукахъ она держала посланіе отъ Илларіона, но мысли ея были заняты его гонцомъ.

Если, по волѣ неба, она была избрана для осуществленія справедливости словъ псалмопѣвца, то должно ли было это призваніе ограничиться утоленіемъ его голода въ это утро? Не слѣдовало ли ей продолжать заботиться о молодомъ монахѣ? Но какіе размѣры должны были принять эти заботы? Лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы она могла найти въ посланіи, которое принесъ ей юный монахъ. Поэтому она перекрестилась, поцѣловала подпись и внимательно прочла слѣдующія строки, написанныя безупречнымъ греческимъ языкомъ той эпохи:

«Бѣлое озеро, 3 іюня 1452 года.

«Отъ Иллариона, игумена, къ Иривѣ, его возлюбленной дочери.

«Ты все это время думала, что я уже давно покоюсь на лонѣ Спасителя. Ничто такъ не напоминаетъ смерть, какъ безмолвіе, и ничто не придаетъ такой сладости счастью, какъ его неожиданность. Въ томъ же смыслѣ Воскресеніе Христово было конечнымъ дополненіемъ его крестныхъ страданій. Болѣе всего, болѣе нагорной проповѣди, Его чудесъ и Его святой жизни оно возвысило Господа нашего Иисуса Христа надъ простыми филосогами, въ родѣ Сократа. Мы оплакиваемъ его крестныя страданія, но славословимъ, какъ Миріамъ, Его побѣду надъ смертію. Я не дерзаю сравнивать себя съ Нимъ, но мнѣ пріятно вѣрить, что это посланіе, неожиданно полученное тобою, возбудить въ тебѣ хоть слабый отголосокъ того чувства, которое объяло Святыхъ Мученицъ, увидавшихъ въ гробѣ Господнемъ однихъ Ангеловъ.

«Позволь мнѣ прежде всего рассказать, какъ я исчезъ изъ Константинополя. Я очень сожалѣлъ, что патріархъ вызвалъ меня изъ стараго монастыря, частью потому, что я долженъ былъ разстаться съ тобою въ то самое время, когда твой молодой умъ на столько развился, что могъ воспринять святую истину. Но зовъ патріарха показался мнѣ голосомъ Божиимъ, и я не посмѣлъ ослушаться его.

«Затѣмъ меня вызвалъ къ себѣ императоръ. Онъ слышалъ о моей смиренной жизни и хотѣлъ, чтобы мое присутствіе во дворцѣ было постояннымъ протестомъ противъ нечестія. Я долго отказывался, но патріархъ убѣдилъ меня принять высокое назначеніе при дворѣ. Тутъ начались для меня безконечныя страданія. Что значить для такого человѣка, какъ я, быть у подножія престола? Что значить для меня власть, если она не служитъ орудіемъ милосердія, справедливости и добрыхъ дѣлъ? О, сколько я видѣлъ при дворѣ нечестія, противъ котораго я былъ беспомощенъ! А если я возвышалъ голосъ, то никто не хотѣлъ меня слушать, или же меня поднимали на смѣхъ. Сколько я видѣлъ презрѣнныхъ лицемѣровъ среди служителей алтаря, даже въ Святой Софіи, которая по святости уступаетъ только храму Соломонову.

«Наконецъ я сталъ опасаться, что, оставаясь долѣе среди подобнаго нечестія, я только погублю свою душу, не сдѣлавъ добра никому. Конечно, не могло быть и мысли о томъ, чтобы меня добровольно отпустили, и мнѣ оставалось одно—бѣгство. Но куда? Я сначала думалъ объ Іерусалимѣ. Но кто можетъ безъ униженія себя жить среди невѣрныхъ. Потомъ меня тянуло въ свой старый монастырь, но я тогда оставался бы въ рукахъ императора, который, очевидно, былъ бы не доволенъ мной. Сердце мое жаждало схимничества, и я вспомнилъ житіе русскаго святого Сергія. Онъ родился въ

Ростовѣ и, повинуваясь своимъ набожнымъ стремленіямъ, еще юношей отвернулся отъ свѣта и, уйдя изъ родительскаго дома, скрылся въ Радонежскіе лѣса; тамъ онъ жилъ среди дикихъ звѣрей въ постѣ и молитвѣ. Мало-по-малу слава объ его святости распространилась повсюду, и къ нему стали стекаться другіе схимники. Собственными руками онъ выстроилъ для своихъ учениковъ церковь во имя Св. Троицы. Тамъ я, конечно, могъ найти успокоеніе для своей души, наболѣвшей отъ себялюбія, зависти, безсердечія, жадности и безумія того, что называютъ свѣтомъ.

«Я ночью бѣжалъ изъ Блахернскаго дворца и не зналъ покоя, прежде чѣмъ достигъ, послѣ долгихъ странствій по сушѣ и водѣ, до церкви Св. Троицы, гдѣ, преклонивъ колѣна предъ останками святаго русскаго схимника, я возблагодарилъ Бога за свое освобожденіе.

«Троица уже не была той простой деревянной церковью, которую построилъ ея основатель. Я нашелъ вокругъ ея цѣлый рядъ монастырей. Желаннаго мною уединенія надо было искать далѣе на сѣверѣ. Нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, ученикъ Сергія св. Кирилль, не боясь лютыхъ зимъ, продолжающихся около трехъ четвертей года, поселился на берегу Бѣлаго озера, гдѣ подъ старость построилъ для своихъ учениковъ обитель, названную имъ Бѣлозерскою. Тамъ поселился и я.

«Во время моего бѣгства изъ Блахернскаго дворца я захватилъ съ собою, кромѣ одежды, два сокровища: копію съ устава Студіумскаго монастыря и данную мнѣ патриархомъ панагію съ образомъ Богородицы, украшенную брилліантами. Я всегда ношу ее на шеѣ и даже не расстаюсь съ нею во время сна. Теперь уже не далекъ тотъ день, когда я больше не буду нуждаться въ ея покровительствѣ, и тогда я пришлю ее тебѣ въ доказательство, что я дѣйствительно умеръ, и умирая желалъ, чтобы ты носила эту панагію для сохраненія себя отъ всѣхъ душевныхъ золъ и отъ боязни смерти.

«Взятый мною съ собою, монастырскій уставъ былъ принятъ братьями, и здѣшняя обитель руководится имъ, а въ знакъ своей любви ко мнѣ они выбрали меня игуменомъ, помимо моей воли. Вотъ все, что я могу сказать о себѣ. Дай Богъ, чтобы мое посланіе застало тебя въ такомъ же душевномъ покоѣ, какой я ощущаю съ тѣхъ поръ, какъ началъ жизнь сызнова въ этой обители, гдѣ дни проходятъ въ молитвѣ, а ночи въ видѣніяхъ небснаго блаженства.

«Во-вторыхъ, я прошу тебя принять подъ свое дружеское попеченіе юнаго брата, который передастъ тебѣ это посланіе. Его зовутъ Сергіемъ, и я самъ рукоположилъ его въ діаконы нашего монастыря. Когда я прибылъ сюда, то онъ былъ еще ребенкомъ; но я вскорѣ замѣтилъ въ немъ тѣ же качества, которыми ты обратила на себя мое вниманіе, во время твоего заточенія въ обители

св. Ирины — отзывчивый умъ и врожденную любовь къ Богу. Я сдѣлался его учителемъ также, какъ сдѣлался твоимъ. Чѣмъ онъ болѣе развивался, тѣмъ сильнѣе напоминалъ мнѣ о тебѣ и не только своими умственными способностями, но и чистотой души. Поэтому ты легко повѣришь, что я полюбилъ его также горячо, какъ любилъ тебя.

«Здѣшніе братья — люди хорошіе, но грубые, и Божіе слово проникаетъ къ нимъ только устной проповѣдью. Я старался, на сколько могъ, просвѣтить Сергія въ надеждѣ, что онъ потомъ будетъ источникомъ свѣта для другихъ, ходящихъ во мракѣ. Передъ нимъ не такъ, какъ передъ тобой, судьба которой ограничена предѣлами женской доли,—открывался весь міръ, и, подготавливая его къ достойному служенію Богу, я, очевидно, исполнялъ священную обязанность.

«Однимъ изъ главнѣйшихъ фактовъ современной религіозной жизни служить недостатокъ проповѣдниковъ. У насъ есть священники и монахи, имя имъ легионъ. Но кто изъ нихъ осяненъ вдохновеніемъ вѣсти, кто можетъ быть апостоломъ? При видѣ необыкновенныхъ способностей молодого Сергія я возымѣлъ гордую мысль создать изъ него истиннаго проповѣдника, въ чемъ мы такъ нуждаемся. Онъ легко и быстро учился всему, ничто его не пугало, и онъ мужественно брался за всякое дѣло. Онъ не только научился говорить на языкахъ всѣхъ племенъ, окружающихъ монастырь, но и погречески онъ говоритъ не хуже меня и знаетъ наизусть Евангеліе, псалмы и книги Пророковъ. Мало-по-малу онъ сталъ проповѣдывать, и рѣчь его была такъ пламенна, такъ вдохновенна, что слушавшіе его монахи приходили въ изступленіе.

«Но такую жемчужину грѣхъ скрывать въ такомъ захолустѣ. Хотя я бѣжалъ изъ Константинополя, но сохранилъ любовь къ нему, какъ средоточію нашей святой вѣры. По временамъ сюда проникаютъ странники, бывавшіе въ Царьградѣ, и я жадно слушаю принесенныя ими вѣсти. Такъ я узналъ о смерти императора Іоанна и восшествіи на престолъ Константина, о тѣхъ почестяхъ, которыя, наконецъ, были оказаны твоему геройскому отцу, и о твоёмъ благоденствіи; недавно одинъ странствующій монахъ рассказалъ мнѣ, что старая распря съ латинской церковью снова возобновилась, что новый императоръ азимитъ и склоненъ сохранить союзъ западной и восточной церквей, заключенный съ римскимъ папой его предшественникомъ. Я боюсь, что въ нашей вѣрѣ отъ этого пойдетъ разладъ, и дѣло кончится также печально съ нами, какъ съ евреями. Это произойдетъ въ то время, когда турки явятся передъ Святымъ Городомъ, какъ Титъ явился передъ Іерусалимомъ.

«Такая тревожная вѣсть убѣдила меня, наконецъ, согласиться на давнишнюю просьбу Сергія отправить его въ Константинополь

для окончанія своего образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто хочетъ двигать свѣтомъ, долженъ узнать этотъ свѣтъ и, кромѣ того, мнѣ очень интересно имѣть постоянныя свѣдѣнія о спорахъ между обѣими церквями. По всѣмъ этимъ причинамъ прошу тебя принять его радушно ради его самого, меня и Господа Бога, которому онъ будетъ ревностно служить.

«Въ концѣ концовъ, позволь мнѣ, дочь моя, такъ какъ ты всегда была для меня дочерью, сказать нѣсколько словъ о томъ, что я считаю самыми свѣтлыми воспоминаніями моей жизни.

«Домъ на Принкипо, подъ Камезской горой, былъ скорѣе обителью женской, чѣмъ мужской, но меня послали туда, какъ только твой отецъ былъ тамъ заточенъ послѣ его славной побѣды. Я тогда былъ сравнительно молодъ, но помню до сихъ поръ, какъ онъ вошелъ со своей семьей въ ворота этой обители. Съ того времени, и до того дня, когда меня отозвалъ оттуда патріархъ, я былъ его духовникомъ.

«Смерть всегда поразительное зрѣлище и на меня производило глубокое впечатлѣніе, когда умиралъ кто либо въ монастырѣ, но смерть твоихъ сестеръ была особенно печальна; казалось, что само небо оказывало помощь неблагодарному императору въ преслѣдованіи твоего отца. Но наступилъ для насъ и радостный день: мнѣ однажды сказали: «Радуйся, у насъ въ обители родился ребенокъ». Этимъ ребенкомъ была ты, и твое появленіе на свѣтъ было первымъ свѣтлымъ лучемъ въ моемъ мрачномъ существованіи.

«Я вижу до сихъ поръ передъ собою твое крещеніе въ монастырской церкви. Хотя таинство совершалъ епископъ, но я не смотрѣлъ на его блестящее облаченіе: митру, панагію и посохъ, а впился своими глазами въ твое маленькое, пухленькое розовое личико, выглядывавшее изъ пуховой подушки, на которой тебя поднесли къ купели. Когда епископъ спросилъ, какъ назвать ребенка, то я отвѣчалъ: Ириной. Твои родители долго колебались, не зная, какое дать тебѣ имя, но я уговорилъ ихъ назвать тебя въ честь покровительницы нашего монастыря. А когда я, съ ихъ согласія, торжественно произнесъ твое имя, то почувствовалъ въ своемъ сердцѣ какую-то необычайную радость. Оно словно открылось, чтобы создать тебѣ вѣчное въ немъ жилище. Это было второе счастливое событіе въ моей жизни.

«Впослѣдствіи твой отецъ поручилъ мнѣ твое воспитаніе. Я самъ написалъ для тебя азбуку, раскрашивая каждую букву. Помнишь ли ты первыя слова, которыя ты прочитала? Это былъ первый твой урокъ какъ въ грамотѣ, такъ и въ вѣрѣ: «Господь мой пастырь, и я никогда ни въ чемъ не буду нуждаться». Потомъ, мало-по-малу ты усвоила себѣ всѣ религіозныя знанія и, наконецъ, дошла до того, что стала самостоятельно мыслить.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЯНВАРЬ 1895 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 17-й.

- Авенариусъ, В.** Во львиной пасти. Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Съ 19 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Алтуховъ, М.** Водоснабженіе городовъ Феодосіи и Елисаветграда. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Альбомъ гоголевскихъ типовъ** по рисункамъ П. Боклевскаго. Съ предисловіемъ В. Я. Стоюнина. Изд. 7-е. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 1 р.
- Антоній** (архіепископъ). Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Анурьевъ, І.** (слящ.). Столяръ-самоучка. Опытъ наставленія грамотныхъ поселенцевъ въ столярномъ ремеслѣ. Съ 21 рис. Вологда. 1894 г. Ц. 15 к.
- Домашній переплетчикъ на инструментахъ своего издѣлія. Съ 8 рис. Вологда. 1894 г. Ц. 10 к.
- Какъ переплетаютъ книги. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ съ переплетнымъ ремесломъ. Изд. 4-е, испр. и дополн. Съ 19 рис. Вологда. 1894 г. Ц. 35 к.
- Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Апулей, Люцій.** Золотой оселъ. Перев. съ латинскаго Н. М. Соколова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Апухтинъ, А.** Сочиненія. 2 т. Изд. 4-е, дополненное. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Артистъ.** Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 44. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Атласъ сраженій XIX в.** Періодъ времени съ 1820 г. по настоящее время. Вып. V. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Балуцкій, М.** Григорій неграмотный. Перев. съ польскаго. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Баръ, Ф.** Крестьянское общинное землевладѣніе въ аграрномъ и социальнополитическомъ отношеніяхъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Коренное преобразованіе крестьянскаго хозяйства и общиннаго землевладѣнія. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Барсовъ, Н.** Св. Григорія Неокесарійскаго слово на Рождество Христово. Перев. съ латинскаго. Спб. 1894 г. Ц. 32 к.
- Бельтовъ, Н.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и Комп. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Биллеръ.** Улли. Повѣсть. Перев. съ нѣмецкаго Н. Ахшарумовой. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Bogaiewsky.** Amusons-nous! Petis airs et petis jeux. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Боголюбовъ, М.** Алкоголь—всенародный ядъ. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Божеряновъ, И.** Какъ праздновать и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и Масляницу. Историческій очеркъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Брамсонъ, Л.** Поездка въ южно-русскія еврейскія колоніи. (Пугевые наброски). Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- **Vademecum.** Календарь на 1895 г.

Записная и справочная книжка съ общедоступными свѣдѣніями. Подъ ред. д-ра Окса. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Вальтеръ-Скоттъ въ сокращенномъ переводѣ Л. Шедгуновой. Иллюстр. романы: Редгантлетъ, Робертъ, графъ Парижскій, Опасный замокъ и Два пастуха. Сент-Ронанскія воды, Приключенія Нигеля. Ц. кажд. ром. 40 к.

Вессель, Н. Наша новая государственная финансовая дѣятельность (1892—1894 гг.). Съ краткимъ очеркомъ государственной финансовой дѣятельности. Съ 1857—1892 гг. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р.

Весь Петербургъ на 1895 годъ. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Вирениусъ, А. Школьный отдѣлъ на первой всероссійской гигиенической выставкѣ 1893 г. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Воздвиженская школа—колыбель трудового братства. 1865—1895 гг. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Волковъ, Н. Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка. Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ 16-го сентября 1894 г. Ц. 40 к.

Володинъ, В. Честь мое имя! Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.
— На закатѣ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1895 годъ. Составлена при содѣйствіи Московскаго городского общественаго управления, подъ ред. Д. Игнатова. Ч. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Высоцко, В. Чудодейственные средства отъ всѣхъ болѣзней и старости, испытанныя 60-лѣтней дѣвочкой. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Герценштейнъ, Г. Новый медицинскій календарь на 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Горбатовскій, О. Руководство къ воздѣлыванію кукурузы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Гордонъ, Л. д-ръ. Гигіена уха съ нагляднымъ изложеніемъ устройства и управленія слухового аппарата. Съ 27 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Горнъ, Джонъ Ло. Опытъ изслѣдованія по исторіи финансовъ. Съ портретомъ Джонъ Ло. Перев. съ нѣмецкаго Н. Шинова. Съ предисловіемъ Н. Х. Бунге. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Григорьевъ, В. Практическое руководство пожарнаго дѣла. Съ 29 рис. и ногами сигналовъ въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 70 к.

Данте. Божественная комедія. Чистилище. Перев. В. Чуйко. Съ 72 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дерначевъ, И. Родныя картинки по

временамъ года. Съ рис. Панова и др. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Духовещій, О. Воспоминанія очевидца скорбнаго торжества перенесенія и погребенія тѣла Императора Александра III и свѣтлаго дня бракосочетанія Государя Императора Николая II. М. 1894 г. Ц. 30 к.

Дьяченко. Полный годичный кругъ краткихъ поученій, составленныхъ на каждый день года, преимущественно къ житіямъ святыхъ, праздникамъ и проч. священнымъ событіямъ, воспоминаемымъ церковью, и приспособленныхъ къ живому проповѣдническому слову. Т. I. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ебенһѣхъ, Р. Человѣкъ или строеніе нашего тѣла и отправка его органовъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Езерскій, Ѡ. Счетоводство потребительныхъ обществъ и магазиновъ розничнаго торговаго по упрощенной русской системѣ Езерскаго. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р.

Епанчинъ, А. Иллюстрированный календарь для сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства и огородничества на 1895 годъ. Изд. 4-е. М. 1875 г. Ц. 75 к.

Еремѣевъ, М. Проектъ дома-дачи. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Адольфъ Нетлъ. Его жизнь и научная дѣятельность. Ц. 25 к. Сервантесъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ А. Цомакюна. Ц. 25 к.

Жилинскій. Очеркъ работъ экспедиціи по орошенію на югѣ Россіи и Кавказѣ. Спб. 1892 г. Ц. съ атласомъ 10 р.

Жирухинъ, И. Характеръ отложения наносовъ въ руслѣ С.-Петербургскаго Морского канала и мѣры къ ихъ устраненію. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Замѣчательные русскіе люди. Портреты и биографіи. Фотогравіи съ лучшихъ оригиналовъ. Спб. 1894 г. Ц. въ переплетѣ 18 р.

Зворынинъ, Н. (проф.). Курсъ по мукомольному производству. Харьков. 1894 г. Ц. съ атласомъ 8 р.

Землевѣдѣніе. Периодическое изданіе географическаго отдѣленія. Книжка III. Подъ ред. Анучина. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зеркальце изъ Матедамы. Японская сказка. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Императоръ Николай. Очеркъ. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.

Юдль, Фр. Этяка и политическая экономія. Пер. съ нѣмецкаго А. Острогорскій. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Календарь и списокъ чиновъ судебного

- и суд.-администр. вѣдомствъ на 1895 г. Ц. 1 р.
- Календарь и записная книжка** русскаго сельскаго хозяина на 1895 г. Подъ ред. Баталина. Ц. 1 р.
- Календарь для фельдшеровъ** на 1895 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Календарь для врачей** на 1895 г. Ц. 2 р.
- Календарь «Стрекозы»** на 1895 г. Ц. 75 к.
- Канторъ, М.** Латинскіе афоризмы. Полный алфавитный сборникъ наиболѣе употребительныхъ въ русской литературѣ латинскихъ изреченій, цитатъ, пословицъ и выраженій съ русскимъ переводомъ и подробн. объясненіями. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Cassel.** Школа плаванія. Съ 17 картинками въ текстѣ. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Неньяръ, Е.** Какъ сдѣлать электро-статическую машину. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Клинге, А.** Минеральныя воды. Анализы минеральныхъ источниковъ и прописи для приговленія искусственныхъ минеральныхъ водъ, солей, рассоловъ и проч. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Книжный Вѣстникъ, № 1.** Ц. 30 к.
- Кобецкій, О.** Къ вопросу объ осушеніи болотъ Черниговской губерніи. Харьковъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Козловъ, А.** (проф.). Религія графа Л. Толстого, его ученіе о жизни и любви. 2-е исправл. и дополн. изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кунницій, В.** Языкъ и слогъ комедій «Горе отъ ума». Къ столѣтію дня рожденія. Кіевъ. 1894 г. Ц. 35 к.
- Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества. Кіевъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Ковалевскій, І.** (свящ.). Юродство о Христѣ и Христа ради. Юродивые восточной и русской церкви. Историч. очеркъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Козловъ, Н.** Французско-русскій и русско-французскій словарь. Ч. I. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Конскій календарь** на 1895 г. М. Ц. 1 р. 25 к.
- Ксренблитъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXIII. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Корсаковъ, В.** Домъ для рабочихъ и управляющаго, телятникъ и амбаръ. Съ 13 рис. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Краузе, В.** Нефтяныя богатства въ Америкѣ и Россіи. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Крафтъ-Эбингъ, д-ръ.** Судебная психопатологія. Перев. съ примѣч. и дополн. по русскому законодательству А. Черемшанскій. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Криницкій, М.** Въ туманѣ. Разсказы. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Кронъ, д-ръ.** Гипнотизмъ и преступленіе. Ц. 1 р. 50 к.
- Кругловъ, А.** Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ и стихотвореній. Съ 45 рис. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Лаппо, И.** Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюды изъ изъ исторіи провинціи Московскаго государства). М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ларошъ.** Музыкально-критич. статьи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лесаажъ, А.** Хромой бѣсъ. Перев. съ франц. Н. Кончаловскимъ. Съ рисунками. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лирика и антологія** русскихъ поэтовъ. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Литвинскій, П.** Кусочки небеснаго свода. (Наблюденіе звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ). Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Лихачевъ, Н.** Мѣсячническія дѣла 1563—1605 г. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Льюисъ, Дж.** Жизнь и ученіе Спьянозы. Перев. съ англ. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Луговой.** Сочиненія. Т. III. Стихотворенія, повѣсти и разсказы. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Любимыя сказки** въ дѣтскихъ стишкахъ, съ рельефными картинками. Изд. 3-е. Ц. 1 р.
- Лялинь, М.** Колины именины. Комедія въ одномъ дѣйствіи для школьнаго театра. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Максимовъ, А.** На далекомъ Востокѣ. Т. II. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ, Д.** Емеля-охотникъ. Повѣсть для дѣтей младшаго возраста. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Мертваго, А.** Не по торному пути. Изъ воспоминаній (1878—1888). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Михайловъ, В.** Разсказы 12-ти-лѣтнему человѣку. Изд. 2-е. Рисунки Т. Никитина. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Михайловскій, Н.** Критическіе этюды. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Молодовъ, Е.** Стихотворенія. 1891—1894. Спб. 1894 г. Ц. 65 к.
- Музыкальный календарь** А. Габриловича. Справочная и записная книжка на 1895 г. Спб. Ц. 1 р.

- Музыкальный календарь-альманахъ** на 1895 г. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Мунтъ-Валуева, А., и Паевская, А.** Въ неволѣ и на волѣ. Разказы для маленькихъ дѣтей. Съ рис. М. П. и А. М. Клодтъ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 96-й. (Связевъ-Сенковскій). Ц. вып. 30 к., на вел. бум. 40 к.
- Немировичъ-Данченко, В.** Дора (Очерки и разказы). Аспазія. Не отъ міра сего. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- На краю погребя. Романъ для юношества. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Нейштубе.** Торговля домашнею птицею и дичью въ Россіи. Любительское (племенное) и промышленное. птицеводство. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Общій желѣзнодорожный календарь** на 1895 г. Ц. за двѣ части 1 р. 25 к.
- ? О женщинахъ.** Мысли старья и новья. Изд. 9-е, вновь дополненное. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Павловъ-Сильванскій, Н.** Люди кабальные и докладные. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Памятная книжка на 1895 г.** Изданіе военной типографіи. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., въ перел. 2 р.
- Памятнику древне-русской церковно-учительной литературы.** Вып. I, содержащій поученія Луки Жидята, миропопалита Иллариона, Феодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Песоцкій, Н.** Столярное, токарное и плотничное ремесла (сокращенный курсъ). Съ 350 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Песоцкій, А.** (свящ.). Церковь Святыя Живоначальныя Троицы лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Историч. очеркъ. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Письма А. С. Стурдзы къ Иннокентію, архіепископу херсонскому и таврическому.** Одесса. 1894 г. Ц. 35 к.
- Плещеевъ, А.** Подсѣжникъ. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р., въ перел. 1 р. 35 к.
- Поздняковъ, Н.** Чужакъ ли онъ? Разсказъ. Съ 8-ю рис. М. Михайлова. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Покотилонъ, Д.** Корея и японо-китайское столкновение. Съ картою Кореи. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ съ дополнительными узаконеніями.** Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Прозоровскій, А.** Силвестра Медвѣдева созерцаніе кратко лѣтъ 7199, 91, 92, въ нихъ же что содѣяно во гражданствѣ. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Прокудинъ, В.** Систематическій сборникъ кратчайшихъ тарифныхъ разстояній. Вып. II. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изд. 2-е, значит. дополненное. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Путешествіе** его императорскаго высочества государя наследника цесаревича и великаго князя Николая Александровича 1891—92 гг. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Разъясненіе инженера М. И. Алтухова** на разборъ комиссіею московскихъ инженеровъ его проекта Кура-Бакинскаго водопровода. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Реклю, Э.** Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XIV. Океанъ и океанскія земли. Съ 77 рис. Спб. 1894 г. Ц. 8 р.
- Земля. Описаніе жизни земного шара. Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Риманъ Гуго, д-ръ.** Катехизисъ музыкальнаго диктанта (систематическое развитіе слуха). Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- «Родникъ».** Иллюстрированный журналъ для дѣтей за 1894 г., въ двухъ перелетахъ. Ц. 6 р.
- Ростовская, М.** Четыре времени года. Разказы изъ деревенскаго быта, съ рисунками. Изд. 3-е. Ц. 1 р.
- Рудскій, А.** Вредныя и полезныя насажденія плодоваго сада. Съ 9 хромолитограф. таблицами. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- «Русская Музыкальная Газета».** № 1. Январь. 1895 г. Ц. 30 к.
- Русская Оиваида на сѣверѣ.** Спб. 1894 г. Ц. 70 к.
- Русскіе судебные ораторы** въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Русскій Календарь А. С. Суворина** на 1895 годъ. Ц. въ бум. 1 р., въ напкѣ 1 р. 25 к. и въ перел. 1 р. 60 к.
- Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній.** Т. IV. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Свѣтловъ, В.** Золоченая богема. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ».** №№ 9 и 10 по 20 к.
- Сигма (Сергій Норманскій).** Оттуда. Разказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Симонова, Л.** Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

- Очерки изъ быта остяковъ, съ 2-мя картинками. 3-е изд. Спб. 1895 г.
- Снавронская, М.** Изъ жизни и фантазіи (Романъ, повѣсть, рассказы). М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А., и Полянскій, А.** Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ и эмеритальныхъ кассахъ гражданскаго вѣдомства и положеніе о пенсіонной кассѣ. 2 т. М. 1895 г. Ц. 4 р.
- Снегиревъ, Л.** Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтomъ и Платономъ. Съ 3-мя рис. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Собрание портретовъ** замѣчательныхъ государственныхъ людей и полководцевъ, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Спб. 1894 г. Ц. въ переплетѣ 25 р.
- Соловьевъ, М.** Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Спасская, А.** Руководство къ изученію элементарной теоріи музыки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Spectator.** Ближайшая будущность Россіи. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Степановъ, П.** Проектъ улучшенной кухонной плиты съ нагревательной печью и котломъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Стоимость** проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ между главнѣйшими пунктами Европейской Россіи по новому тарифу. М. 1894 г. Ц. 10 к.
- Сумцовъ, Н.** Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Машинской. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Народныя пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Легенда о благочестивомъ живописцѣ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- «**Сътворный Вѣстникъ**». Январь. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Сѣрошевскій, В.** (Сирко). Якутскіе разсказы. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- «**Театраль**». № 1. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Терье, А.** Вдова. Съ иллюстраціями и портретами. Перев. съ франц. В. Савельева. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Роза-Лиза. Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Тиволовичъ, А.** Правила торговли аптекарскими товарами. Ковно. 1894 г. Ц. 25 к.
- Тупиковъ, Н.** Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Указатель** желѣзнодорожныхъ, пароводныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Зимнее движеніе 1894—95 г. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р.
- Унгерь, д-ръ.** Естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Успенскій, П.** Содержаніе растений въ комнатахъ. Изд. 3-е, дополн. и переработанное. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Уставъ** общества французскаго поземельнаго кредита. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Федотовъ, Н.** Куоккала. Дачная мѣстность по Финляндской жел. дор. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Филитисъ, Н.** Подвижныя школьныя игры. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Фрибесъ, Е.** Русская азбука и постепенное чтеніе. Съ 100 рис. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Харламовъ, В.** Баня съ прачешной. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Царевскій, А.** (проф.). Блаженной памяти Царя-Миротворца. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- Значеніе русской словесности въ національномъ русскомъ образованіи. Казань. 1893 г. Ц. 70 к.
- Цюнь, М.** Экспортныя мельницы. Къ вопросу о вывозѣ русской муки. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Черновъ, К.** Сельско-хозяйственный картофельно-крахмальный заводъ системы инженеромъ Н. и А. Зотовыхъ. Съ 16 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, А.** Рассказы. Изд. 9-е. Спб. 1895 г.
- Чичеринъ, Б.** Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. М. 1894 г. Ц. 3 р.
- Шиперовичъ, М., д-ръ.** Терапевтическое значеніе органическихъ (животныхъ) вытяжекъ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Шлехтенталь, Д., и Вюнше, Д.** Опредѣлитель насѣкомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Шмулл, Е.** Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и за границу въ

9 ОБЪЯВЛЕНІЯ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

1892—93 и 1893—94 гг. Юрьевъ. 1895 г.
Ц. 1 р.

Штаммеръ, Л. Сущность еврейскаго
вопроса. Письмо со стороны. Спб. 1894 г.
Ц. 1 р.

Щербачевъ, Ю. Подписи царей Бори-
са Годунова и Алексѣя Михайловича.
М. 1894 г. Ц. 50 к.

Зварницкій, Д. Исторія запорожскихъ
казаковъ. Т. II. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.

Эльсъ, В. Опыты по физиологiи расте-
ній. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Янжуль, И. Промысловые синдикаты
или предпринимательные союзы для ре-
гулированія производсва преимуществен-
но въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной
Америки. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Янтарева, Р. Дѣтскіе типы въ произве-
деніяхъ Достоевскаго. Психологическіе
этюды. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на „Иллюстрированную Библиотеку Нивы“ на **1895 г.**

СОДЕРЖАЩУЮ ВЪ СЕБѢ

„ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ“

соч. проф. **ОСКАРА ІЕГЕРА.**

Выходящее въ 1895 году изданіе «Всеобщей Исторіи» представляет собою повтореніе и точную копію со стереотипнаго изданія 1894 года.

Въ виду огромнаго успѣха, который имѣло изданіе „**ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**“ О. Іегера въ 1894 году, а также вслѣдствіе множества заявленій, поступившихъ къ намъ съ разныхъ концовъ Россіи—о желаніи подписаться на „**ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ**“ О. Іегера, мы въ наступающемъ 1895 году вновь открываемъ подписку на это капитальное сочиненіе, допуская при подпискѣ ту же разсрочку, которою пользовались подписчики въ истекшемъ 1894 году.

«Всеобщая исторія» выйдетъ въ свѣтъ подъ редакцію **Н. П. ПОЛЕВОГО**, въ теченіе 1895 г., въ видѣ **12 ежемѣсячныхъ выпусковъ**, которые составятъ четыре объемистыхъ тома, заключающихъ въ себѣ около **2500 страницъ**, болѣе **1000 художественныхъ гравюръ** въ текствѣ, около **80 отдѣльныхъ картинъ**, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками, и около **30 картъ** и **плановъ**.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ „ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ“ ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ , выходящее въ 12 ежемѣсячныхъ выпускахъ, составляющихъ 4 объемистыхъ тома, безъ доставки въ С.-Петербургъ	12 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской	13 „
Съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою иногороднымъ	14 „
Съ пересылкою за границу	16 „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА НА 2, 3, 4, 5 и 6 СРОКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ СОЧИНЕНІЯ ІЕГЕРА НЕ ПРОДАЮТСЯ.

Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно, съ пересылкою за 1 руб., который можно пересылать почтовыми марками въ заграничныхъ письмахъ.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «Всеобщую исторію», отпечатанное на превосходной бумагѣ, въ видѣ изящной брошюры на 16 страницъ и украшенное 23 гравюрами и картою высылается всѣмъ интересующимся изданіемъ бесплатно.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская. 22.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссылки.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габріелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. XII—XIV. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ. . .	689
II. Записки сенатора Н. П. Синельникова. IV. (Продолженіе) . . .	721
III. Смерть дѣда Симхи. С. К. Литвина	737
IV. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XXI. (Продолженіе)	773
V. Общественные мотивы современныхъ беллетристовъ. Р. И. Сементковскаго	792
VI. Въ мятежномъ краѣ. (Изъ воспоминаній). I—II. И. В. Любарскаго .	813
VII. Поѣздка въ Старую Руссу. (Наброски изъ записной книжки). I—III. А. В. Круглова	840
<p>Иллюстраціи: 1) Часовня на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.— 2) Муравьевскій фонтанъ, танцевальный залъ и ресторанъ.—3) Курзалъ минеральныхъ водъ (со стороны парка).—4) Соленое озеро, галлерей и стеклянный павильонъ для питья водъ.—5) Директоръ Старорусскихъ минеральныхъ водъ докторъ С. В. Тиличевъ.—6) Зданіе ваннъ № 7.—7) Ванная комната въ зданіи № 7.</p>	
VIII. Письмо В. В. Крестовскаго	878
IX. Неразгаданная книга. Е. М. Гаршина	883
X. Изъ записной книжки старожила. Н. Л. Ширяева	890
XI. Еще о Скобелевѣ и Тотлебенѣ. Князя Д. Д. Оболенскаго	901
XII. Французская художница при дворѣ Екатерины II. В. А. Тимирязева	913
<p>Иллюстрація: Голова статуи Петра I, исполненная г-жей Колло.</p>	
XIII. Къ біографіи В. А. Жуковскаго. (Неизданныя письма его къ М. А. Дороховой). Н. Н. Овсянникова	924
XIV. Россія въ словарь Ларусса. Ю. А. Витберга	937
XV. Критика и бібліографія	946

1) а) Исторія крѣпости въ Россіи. Очеркъ Л. Фримана. Часть 1-я, до начала XIX столѣтія. Спб. 1895; б) Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей. Опытъ изслѣдованія критико-историческимъ методомъ, составилъ Э. Энгманъ. Спб. 1895. В. П.—2) Критическіе опыты Н. К. Михайловскаго. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895. А. Б.—3) Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изданіе 2-е. Спб. 1895. П. А.—4) Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски I—XXI. Спб. 1888—1894 Н. О.—5) D-r I. Máchal. O bohatyřském epose slovanském, část prvni. U Praze. 1894. С. Т—снаго.—6) А. А. Потемня. Изъ лекцій по теоріи словесности. Васня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1894. Ари. Л—нио.—7) Святѣйшій правительствующій синодъ при Петрѣ Великому, его организація и дѣятельность. Студента Н. Ольшевскаго. Кіевъ. 1894. Н. Рыжкова.

См. слѣдующую стран.

	СТР.
XVI. Историческія мелочи	962
1) Остатки аптекской цивилизаціи.—2) Последніе муниципальные выборы въ Помпей.—3) Основатель голландской колоніи на мысъ Доброй Надежды.—4) Кардиналь Роганъ въ роли панамиста.—5) Другъ Талейрана.—6) Прудонъ, какъ драматургъ.—7) Турійскій демагогъ.—8) Последній французскій маршалъ.	
XVII. Заграничныя историческія новости	980
XVIII. Смѣсь	986
1) Тридцатипятилѣтіе литературнаго фонда.—2) Люцинскій могильникъ.—3) Историческое общество.—4) Археологическое общество.—5) Отчетъ о дѣятельности Кіевского славянскаго благотворительнаго общества за 1893 годъ.—5) Некрологи: М. Н. Миклашевскій; Н. Я. Воскобойниковъ; П. Г. Васильевъ.	
XIX. Забѣтки и поправки	992
Поправка къ статьѣ «Указъ 13-го января».	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ г-жи Колло.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть III. Гл. VI—XI. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книжкѣ разсылается городскимъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на «Иллюстрированную бібліотеку «Нивы» 189» годъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

И

ЗАМѢТКИ,

издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

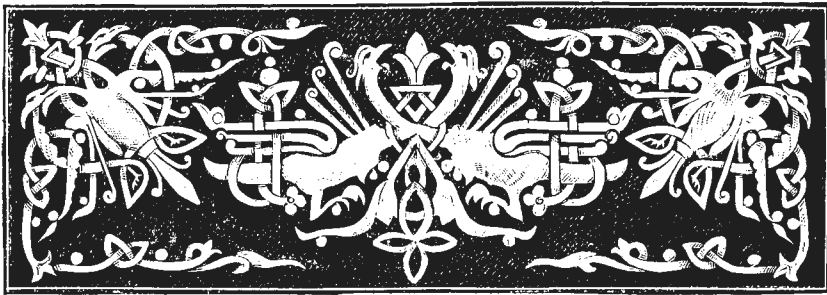
подъ редакцію д. чл. И. А. ЛИННИЧЕНКА и В. М. МИХАЙЛОВСКАГО.

Выходятъ ежемѣсячно выпусками отъ 2—3 листовъ. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Для иногородныхъ подписка принимается исключительно въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собственный домъ.

Журналъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I. Научныя статьи археологическаго характера.—II. Археологическая хроника.—III. Забданія Обществъ.—IV. Библіографія.—V. Матеріалы для Археологическаго Словаря.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ¹⁾.

XII.

ВЪ ТУ САМУЮ ночь вотъ что происходило у Курлятьевыхъ.

Барыня, утомившись хлопотами и распоряженіями, затянувшись за полночь, крѣпко заснула. Спали и тѣ изъ челяди, что были слишкомъ молоды или слишкомъ далеки отъ господъ, чтобы понимать важность готовящагося въ домѣ событія; спалъ сладкимъ, дѣтскимъ сномъ и виновникъ переполоха, маленькій Федя, разметавши бѣлокурья кудри на атласной голубой подушкѣ, въ батистовой наволочкѣ, такъ близко отъ матери, что этой послѣдней стоило только протянуть руку, чтобъ ощупать въ маленькой кроваткѣ дорогое тѣльце своего любимца. И грезились Федѣ новыя игрушки, новая лошадка, которую обѣщали ему подарить къ свѣтлому празднику, горы крашенныхъ яицъ, веселая гурьба маленькихъ товарищей, угодливыхъ и льстивыхъ, повинующихся малѣйшему его знаку, придумывающихъ игры, чтобъ его позабавить, надъ которыми онъ можетъ какъ угодно куражиться, такъ какъ они тѣломъ и душой принадлежать ему, все равно что игрушки, только живыя. Этихъ Ванекъ, Пет-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 345.
«истор. вѣстн.», мартъ, 1895 г., т. LIX.

рушекъ, Митекъ, дарили ему ко дню рожденія и именинъ, къ Рождеству и Пасхѣ, точно также, какъ вотъ теперь подарятъ лошадку.

Не подозрѣвалъ Оеда, о чемъ плачутъ его сестры, и сокрушается его отецъ, и старшіе слуги, и Григорьевна, и горничныя Аннушка съ Оеклой, и старикъ буфетчикъ Дормидонтъ. Эти не смыкали ни на минуту глазъ въ эту достопамятную ночь. А ужъ про барышень и говорить нечего; имъ никто не совѣтовалъ раздѣться и хоть на часочекъ прилечь въ постель, всѣмъ было понятно, что въ томъ состояніи страха, печали и волненія, въ котормъ онѣ находятся, имъ ни за что не уснуть.

Послѣднюю ночь вѣдь проводятъ онѣ въ одномъ гнѣздѣ. Какъ ни печальна была ихъ жизнь въ родительскомъ домѣ, сколько бы слезъ онѣ въ немъ ни пролили, а все же каждый уголокъ здѣсь имъ былъ милъ и дорогъ. Да и не на радость, не на счастье съ любимымъ человѣкомъ покидали онѣ его; на мрачную келью, на черную ясу, на безконечно долгое, тяжкое заточеніе онѣ промѣниваютъ свою теперешнюю безотрадную жизнь. Въ міру все же имъ можно было надѣяться на перемѣну къ лучшему, тамъ же—ничего, никакого избавленія, кромѣ смерти, нельзя ждать. А кто знаетъ, когда еще онъ явится, этотъ избавитель! Онѣ молоды, жизнь ихъ только что начинается, и ни отъ чего, кромѣ горя и обидъ, не удалось имъ вкусить.

Весь послѣдній день провели онѣ въ своей комнаткѣ наверху, перебирая вещи, которыя не для чего было брать въ монастырь. Испушеніе одно этотъ мірской хламъ, бальныя платья, манишечки, ленточки, цвѣты, разноцвѣтные шарфики, шелковые башмачки и ажурные чулочки. Кромѣ грѣховныхъ воспоминаній, да преступной тоски, видъ этихъ вещей ничего въ душѣ ихъ не возбудитъ, пусть ужъ лучше и не попадаютъ на глаза.

— Вотъ вамъ, сестрица, на память, мои корольки,—сказала старшая сестра, подавая младшей, помогавшей имъ укладываться, красивую коробочку съ ожерельемъ и серьгами изъ коралловъ.

— А отъ меня вотъ это носите на здоровье,—подхватила Марья, протягивая ей футляръ съ парюрой изъ бирюзы.

— Сестрицы милыя, не надо мнѣ ничего, не надо! Оставайтесь дома, голубушки, не уѣзжайте! На кого вы меня, горемычную, покидаете! Стоскуюсь я безъ васъ, одна одинешенька, до смерти,—выкрикивала сквозь рыданія Клавдія, бросаясь къ нимъ на шею.

Который ужъ разъ принималась она плакать за послѣднее время! Глаза ея такъ вспухли отъ слезъ, и личико такъ осунулось и поблѣднѣло, что ее ужъ не звали въ гостинную, когда пріѣзжалъ графъ Паланецкій.

Мать пыталась ее журить за то, что она не можетъ сдерживать своего горя, не умѣетъ притворяться веселой, когда сердце

сосеть тоска, но никакого толку изъ этого не выходило; отъ брани и пощечинъ будущая графиня Паланецкая еще пуще разливалась рѣвкой.

И не объ одной только разлукѣ съ сестрами сокрушалась она, было у нея и свое горе, такое жгучее, что, глядя на нее, сестры не смѣли роптать на свою судьбу.

Съ первой минуты, какъ увидала Клавдія графа, онъ ей сталъ такъ ненавистенъ, что она вздрагивала отъ отвращенія, когда онъ къ ней подходилъ. Она вся похолодѣла отъ ужаса, когда мать ей объявила, что этотъ страшный человѣкъ можетъ сдѣлаться ея мужемъ. Но о томъ, чтобъ этому противиться, нечего было и думать. Всѣ ей это повторяли, и отецъ, безвольный Николай Семеновичъ, и няня, и сестры. Искать защиты противъ матери не у кого. Надъ нею въ семьѣ старшихъ нѣтъ, и ея воля для всѣхъ въ домѣ—законъ. Никто, кромѣ Бога, отъ злой судьбы спасти ее не можетъ. А по всему видно, что и Богъ за одно съ маменькой, все значить къ тому идетъ, чтобъ ей на всю жизнь быть несчастной, ничего не подѣлаешь. Прежде къ тетенькѣ съ дяденькой можно было обращаться, просить ихъ, чтобъ заступились, они добрые и ласковые, но на бѣду они эту дѣвочку изъ лѣса въ дочки взяли, и маменька за это на нихъ такъ гнѣвается, что имени ихъ при ней никто не смѣетъ произнести. А тутъ еще эта бѣда съ сестрицами приключилась.

Какъ пріѣхала тетенька Агнія, да стали собирать въ монастырь Катеньку съ Машенькой, у Клавдіи блеснула была надежда на избавленіе: скажетъ она маменькѣ, чтобъ и ее тоже вмѣстѣ съ сестрами въ монахини постригли.

Но не успѣла она заикнуться объ этомъ, какъ ее на полусловѣ заставили смолкнуть. Страшно разгнѣвалась маменька. Что за глупости! Совсѣмъ съ ума сошла дѣвчонка! Такую блестящую судьбу ей Богъ посылаетъ, лучшій женихъ во всемъ краѣ за нее сватается, графиней, богачкой можетъ сдѣлаться, а она, дура этакая, артачится! Въ монастырь! Скажите на милость, какія выдумки! И мыслить объ этомъ не смѣй, слышишь? А какъ сестры уѣдутъ, чтобъ я ни слезъ твоихъ, ни печальнаго лица не видѣла, веселая должна быть, счастливая, о нарядахъ думать, да о томъ, чтобъ графу еще больше полюбиться, ни о чемъ больше!—кричала на нее мать.

— Смирись, сестрица, это Господь испытаніе тебѣ посылаетъ. Мы за тебя тамъ молиться будемъ,—повторяла сестра Марья.

То же самое со вздохами и слезами твердилъ и отецъ. Но послѣднюю надежду на избавленіе отняла у нея тетка монахиня. Она объявила Клавдіи, что еслибъ даже ей и удалось поставить на своемъ, поступить въ монастырь вмѣсто того, чтобъ выйти замужъ за нелюбого жениха, то, во всякомъ случаѣ, въ ихъ обитель ей не попасть.

— Изъ-за тебя матушка игуменья на насъ всѣхъ накликаеть бѣду не станеть. Монастырь нашъ бѣдный, безъ помощи и покровительства знатныхъ особъ намъ не обойтись, а у графа Паланецкаго родство все важное, да и самъ по себѣ такой богачъ много зла можетъ надѣлать маленькимъ людямъ. И не просись къ намъ лучше, я первая посоветую игуменѣ тебя не принимать, — говорила мать Агнія.

Бѣдной Клавдіи предстояло значить заточеніе на чужбинѣ, среди чужихъ; это было бы слишкомъ ужасно.

— Ужь вы лучше, сестрица, замужъ выходите, положитесь на волю Божию, — советовала сестра Марья. — Можетъ, Господь васъ избралъ, чтобъ будущаго вашего супруга на путь истинный навести; вамъ, можетъ быть, посчастливится его въ нашу православную вѣру обратить. Подумайте только, какъ бы это было прекрасно! Вѣдь вы этимъ его душу спасете и въ царствіи небесномъ мѣсто ему приуготовите, — мечтала добродушная и простоватая Машенька.

При этомъ ея невинные глазки сверкали небеснымъ восторгомъ, тоненькій голосокъ звенѣлъ вдохновенно, и въ экстазѣ своемъ она не хотѣла понять, что Клавдіи нѣтъ никакого дѣла до души графа Паланецкаго, и что ей гораздо пріятнѣе было бы видѣть его въ аду, чѣмъ рядомъ съ нею, на брачномъ ложѣ.

Что же касается Катерины, она больше молчала. Въ душѣ ея разыгрывалась такая мрачная драма, что врядъ ли была она въ состояніи отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что происходило вокругъ нея.

Раньше всѣхъ въ городѣ, еще до катастрофы на Ворошовскомъ хуторѣ, узнала она, что ея возлюбленный, тотъ, для котораго она безвозвратно загубила свою молодую жизнь, превратившись въ злодѣя и душегубца, проявился въ здѣшней мѣстности.

Какъ удалось ей проникнуть въ эту страшную тайну, никто не зналъ, но ей было это извѣстно уже тогда, когда съ нею сдѣлался первый припадокъ падучей, заразительно повліявшій и на ея сестру.

Кто знаетъ, можетъ быть, и припадокъ-то отъ этого приключился.

Давно гнѣздившійся въ ней нервный недугъ прорвался наконецъ наружу въ судорогахъ и вопляхъ, вслѣдствіе душевнаго потрясенія, но она такъ привыкла таить свои чувства, что даже и въ бреду роковое имя не сорвалось съ ея губъ.

Не проболтался никому и Петька, Лушкинъ братъ, и водовозъ Митряй. А между тѣмъ и эти оба кое-что знали.

Петька, какъ бѣгалъ провѣдывать сестру, два раза наталкивался на хромого нищаго, который ужъ такъ-то усердно разспрашивалъ его, все ли у нихъ въ домѣ попрежнему, какъ шесть лѣтъ тому назадъ было, что на мальчишку раздумье нашло. Все-то надо было этому хромому чорту знать: въ какую церковь ихъ барышни ѣздятъ, да въ той ли свѣтелкѣ Катерина Николаевна живетъ, гдѣ прежде

жила, да не разрушена ли изгородь вокругъ пустырька подь ея оконцемъ, и много такихъ подробностей, до которыхъ ему, повидимому, никакого не было дѣла.

А водовозъ Митрай, тотъ могъ бы сказать, какъ изумился онъ въ одно раннее утро, увидѣвъ, что изгородь въ одномъ мѣстѣ поломана, и что на чистомъ снѣгу, ровной пеленой покрывавшемъ пустырекъ, виднѣются глубокіе слѣды не собачьихъ лапъ и не коровьихъ копытъ, а человѣческихъ ногъ.

Но ни тотъ ни другой не проболтались. Не отъ нихъ и не отъ Катерины Курлятьевой узнали въ городѣ, кто тотъ злодѣй, что за-сѣлъ съ шайкой по близости города, нагоняя ужасъ грабежами и пожарами.

Колымага, увозившая Курлятьевскихъ барышень съ ихъ свитой, была уже далеко, когда въ ихъ домѣ заговорили про Алешку. Шепотомъ, разумѣется, и съ опаской, чтобъ до господъ не дошло, хотя и трудно было предполагать, чтобъ новость эта барынь не была извѣстна.

Доказательства были на лицо: не даромъ торопилась она упрятать старшихъ барышень въ монастырь.

Медлила, медлила до сихъ поръ, да вдругъ и порѣшила отъ нихъ отдѣлаться. Придралась къ тому, что имъ дурно сдѣлалось въ церкви (про припадокъ, приключившійся съ ними раньше, Григорьевнѣ удалось отъ нея скрыть), и послала въ монастырь гонца за матерью Агнѣей, а ей-то она, безъ сомнѣнія, созналась, для чего понадобилось выпроводить какъ можно скорѣе Катерину изъ города.

Ну, а ужъ Марью постигла та же участь за то, что дружить съ сестрой и тоже въ свѣтѣ лишней стала.

— Да, живо обдѣлала дѣло боярыня Анна Федоровна, и ловко надо ей отдать справедливость, — покачивая головами, толковали между собою старшіе слуги, въ то время какъ молодежь болтала о предстоящей свадьбѣ меньшей барышни съ графомъ Паланецкимъ.

Не успѣли старшія барышни уѣхать, какъ вышло отъ барыни распоряженіе произвести во всемъ домѣ генеральную чистку, выколачивать мебель, всюду мыть и скоблить, какъ передъ большимъ праздникомъ, хотя до Пасхи оставалось еще недѣли три.

— Чтожь это она балъ, что ли, затѣваетъ?—дивилась челядь.

— Великимъ-то постомъ!

— Не балъ, а большой вечеръ хочеть задать по случаю сговора меньшей барышни съ графомъ,—пояснила Аннушка.

— Да нешто онъ ужъ посватался?

— Надо такъ полагать. А, можетъ, она этимъ хочеть скорѣе заставить его декларацію сдѣлать, кто ее знаетъ!

— Не терпится дочку скорѣе въ графини вывести.

— А знаете, дѣвоньки, будь я на мѣстѣ Клавдіи Николаевны, ни за что бы за такого страшнаго не вышла бы. Хоть жги меня, хоть рѣжь — не вышла бы! Скорѣй бы въ лѣсъ, къ разбойникамъ убѣжала бы, ей-Богу!—объявила одна изъ швей, Настя.

— Что такъ?

— Да упырь онъ, вотъ что,—отвѣчала, понижая таинственно голосъ, Настя.

Всѣ съ ужасомъ переглянулись. А вѣдь дѣвка-то правду сказала, какъ есть упырь. Въ лицѣ ни кровинки, какъ стѣна, бѣлое, глаза сверкають, какъ у чорта, и откуда онъ проявился, никому неизвѣстно.

— И холопы-то у него всѣ до одинаго басурмане, — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Не басурмане, а поляки,—пояснилъ другой.

— И не поляки вовсе, а совсѣмъ другой націи. Петръ сказывалъ: не то жидаы, не то турки,—подхватилъ третій.

— Это одинъ у нихъ турокъ-то, камардинъ, Мустафой его звать, а прочіе все ляхи.

— Все равно не нашей вѣры.

— Это точно, что не нашей, а только они христіане, это-то я ужъ навѣрно знаю.

— Да ужъ самъ-то больно страшень. И старый вѣдь, даромъ, что пляшетъ, какъ молоденькій.

— Нѣтъ, господинъ онъ бравый, это что говорить. Намеднишь я на конѣ его видѣла—картинка!

— Первую-то жену, говорятъ, въ гробъ вогналъ, такъ ужъ онъ надъ нею куражился.

— Ну, это, можетъ, и враки.

— Нѣтъ, нѣтъ, Захаръ Степановичъ говорилъ, а ему нельзя не знать, сосѣди вѣдь они съ графскими-то, заборъ къ забору. Захаръ Степановичъ съ ними водится, сколько разъ у нихъ въ дому бывалъ. Убранство, говоритъ, у нихъ, какъ у принцевъ, по стѣнкамъ шелковыя матеріи натянуты, картинъ однѣхъ въ золотыхъ рамахъ больше двадцати штукъ большихъ, а малыхъ и не счесть, такая ихъ пропасть, мебель золоченая, утварь вся тоже изъ золота и изъ серебра. Старушка у нихъ живетъ, ключница, самъ-то во всемъ ей вѣрить, надъ всѣми старшей ее поставилъ, Казимировной ее звать. Захаръ Степановичъ рѣдкій день у нея не бываетъ. Угощеніе, говоритъ, такое, что за сто верстъ бы не лѣнь къ нимъ прибѣжать, а тутъ они рядомъ, и все она его зазываетъ, старуха-то. Скучно, говоритъ, мнѣ на чужой на сторонушкѣ.

— Ишь ты! А вѣдь вѣдьма, поди чай?

— Богъ ее знаетъ, а Степанычъ ее хвалить. Занятно больно она про польскую землю рассказываетъ. У нихъ вѣдь все не такъ,

какъ у насъ... А ужъ медъ, говоритъ, какой они варятъ! Ни у кого здѣсь такого меда нѣтъ, какъ у нихъ.

— Вотъ она его медомъ-то и припоила.

— А покаковски онъ съ нею разговариваетъ?

— Порусски. Она говоритъ, что отъ русскихъ господъ куплена.

— Толкуй тамъ! Какъ же это она къ русскимъ-то господамъ попала, когда и вѣры не нашей, и нація у ней другая? Просто вѣдьма. Имъ это ничего не стоитъ, во что угодно обернуться, собакой ли, кошкой ли.

— А самъ-то упырь,—стояла на своемъ Настя.

Но когда графъ Паланецкій объявился женихомъ барышни Клавдіи Николаевны, такія щедроты посыпались на весь Курлятевскій домъ, что его перестали считать упыремъ; всѣ согласились, что лучше, тароватѣе и пріятнѣе жениха трудно найти.

Молоденька, правда, невѣста-то передъ нимъ, до пятнадцати-то лѣтъ еще десяти мѣсяцевъ не дожила, ну, да ужъ это его дѣло, и по всему видно, что съ этой бѣдой онъ справиться сумѣетъ, такой умный да ловкій, всякаго можетъ приворожить.

И сама Клавдія начинала мириться со своей судьбой. Впрочемъ задуматься надъ тѣмъ, что ее ждетъ, ей не давали, каждый день придумывалъ для нея женихъ новыя развлечения, то заставить свою челядь представленіе дать въ ея честь, живыя картины, пантомимы съ танцами, на которые весь городъ съѣзжался смотрѣть, то балъ задастъ съ полковой музыкой, то маскарадъ затѣетъ. При домѣ у него былъ большой садъ, и съ наступленіемъ весны праздники свои онъ устраивалъ на чистомъ воздухѣ; далеко за полночь танцовали въ шелковой палаткѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонарями, разукрашенной лентами, гирляндами, щитами, съ гербомъ гостепріимнаго хозяина на видномъ мѣстѣ, гуляли по дорожкамъ и аллеямъ, гдѣ было свѣтло, какъ днемъ, отъ иллюминаціи, освѣщавшей на далекое пространство всю окрестную мѣстность, и ужинали въ великолѣпныхъ залахъ богатаго дома, подъ звуки оркестра, гремѣвшаго съ хоръ, при блескѣ тысячи свѣчей, сверкавшихъ въ люстрахъ и канделябрахъ. А ужъ угощеніе было такое, какого здѣсь самые богатые люди не видывали. Каждую недѣлю проѣзжали черезъ городъ къ дому графа Паланецкаго подводы съ выписанными имъ издалека заморскими винами, сладями и подарками, не только для невѣсты и для ея родни, но также для тѣхъ дамъ и дѣвицъ, чтò удостоивали посѣщать его праздники. Такимъ образомъ разослалъ онъ имъ костюмы для маскарада, чтобъ не тратились. Ему же, повидимому, тратиться ничего не стоило. Деньги ему то же откуда-то привозили боченками, золото и серебро, подъ конвоемъ вооруженныхъ людей, такъ какъ въ сосѣднихъ лѣсахъ

разбойники продолжали, время отъ времени, пошаливать, не взирая на то, что многихъ изъ нихъ удалось переловить и засадить въ острогъ.

О приданомъ графъ просилъ свою будущую тещу не беспокоиться, взявъ онъ только одно изъ платицъ своей невѣсты, да башмачекъ на мѣрку, и такихъ великолѣпныхъ нарядовъ наслали ей изъ Варшавы, что всѣ ахнули, какъ разложили ихъ на столахъ въ большой залѣ. Цѣлую недѣлю пріѣзжали щеголихи любоваться этими прелестями, не только со всѣхъ концовъ города, но также изъ сосѣднихъ деревень и хуторовъ.

Анна Ѳедоровна земли подъ собой не чувствовала отъ восторга. Разряженная въ подарки будущаго зятя, еще красивая, не взирая на пробивающуюся сѣдину, выдающійся подбородокъ, низкій лобъ и сросшіяся густыя брови, она съ большимъ достоинствомъ принимала поздравленія и, величественно драпируясь въ дорогую, желтую шаль, распространялась про богатство и знатность своего будущаго зятя, не забывая при этомъ упомянуть и про его страстную, умопомрачительную, можно сказать, любовь къ ея дочери.

— Да развѣ мы бы ее отдали такъ рано, еслибъ не такой, можно сказать, выдающійся случай, — объясняла она всѣмъ и каждому. — Когда графъ сдѣлалъ мнѣ для нея декларацію, я была такъ афрапирована, что въ первую минуту не знала, что отвѣтить, но онъ сумѣлъ меня убѣдить, сумѣлъ доказать, что мы смѣло можемъ довѣрить ему наше сокровище.

На вопросъ, скоро ли свадьба, она со вздохомъ отвѣчала, что, увы, очень ужъ недолго остается ей тѣшиться своей красавицей. Графъ рѣдкую недѣлю не получаетъ писемъ отъ короля. Его величество очень къ нему благоволитъ и настаиваетъ на томъ, чтобъ онъ съ молодой женой поселился въ Варшавѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы и уѣдутъ.

Да, недолго ужъ Аннѣ Ѳедоровнѣ остается любоваться своей прелестной дочкой.

Про Катерину съ Марьей, разумѣется, никто и не поминалъ. Блестящая судьба, такъ неожиданно постигшая ихъ меньшую сестру, заставила всѣхъ про нихъ забыть, точно ихъ никогда и не было на свѣтѣ. Даже розказни про таинственную болѣзнь, постигшую ихъ, смолкли; даже косвенно никому не хотѣлось примѣшивать имя графа Паланецкаго къ такимъ мрачнымъ и неприятнымъ представленіямъ, какъ монастырь, бѣсовская сила и тому подобное. Такъ сумѣлъ онъ всѣхъ очаровать, что изъ-за него щадили и Анну Ѳедоровну.

Бахтерины тоже стали подаваться на его сторону. Иванъ Васильевичъ сознавался, что если графъ и авантюристъ, то во всякомъ случаѣ очень умный, образованный и пріятный для общесжитія человекъ, а Софья Ѳедоровна, любуясь красотой племянницы въ

новыхъ нарядахъ, жемчужныхъ и бриллиантовыхъ уборахъ, повторяла все чаще и чаще: кто знаетъ, можетъ быть, она съ нимъ будетъ счастлива!

Сестры помирились. Первый шагъ къ этому сдѣлала Анна Оедоровна. Она сама прѣѣхала приглашать сестрицу съ мужемъ на вечеръ, который давала въ день обрученія дочери, долго сидѣла у Бахтериныхъ, была необыкновенно мила и любезна, пожелала видѣть ихъ прѣемную дочь и нашла ребенка на диво красивымъ и смышленнымъ.

— Вотъ точь-въ-точь такимъ же умнымъ и понятливымъ былъ нашъ Оедичка, когда ему было полтора года,—объявила она, любясь разряженной дѣвочкой, которую вынесли, чтобъ ей представить.

Лучше комплимента нельзя было отъ нея ждать, всѣмъ было извѣстно, какъ она обожаетъ своего сына.

— Мы для него гувернера изъ-за границы выписываемъ. Графъ предлагаетъ намъ своего знакомаго изъ Швейцаріи. Надо, чтобъ Оедичка хорошо говорилъ пофранцузски, умѣлъ бы танцовать и вообще зналъ бы все, что теперь требуется отъ молодыхъ людей хорошей фамиліи, вѣдь онъ единственный представитель нашего Туренинскаго рода... Ахъ, кстати,—продолжала она съ оживленіемъ и не безъ скрытой тревоги во взглядѣ, обращаясь то къ одному, то къ другому изъ своихъ слушателей,—я должна вамъ сообщить, что мы хотимъ просить императрицу, чтобъ она дозволила Оедичкѣ носить двойную фамилію—Курлятьевъ-Туренинъ.

Супруги Бахтерины съ усмѣшкой переглянулись.

— Какъ старшая, я больше имѣю правъ, чѣмъ сестрица, на эту милость,—начала было пояснять Курлятьева, но ей не дали договорить. Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ заявить, что если даже у нихъ и будутъ когда нибудь сыновья, онъ не изъявитъ за нихъ претензіи на двойную фамилію.

— Пусть съ честью имя Бахтериныхъ носятъ, будетъ съ нихъ и этого. Нашъ родъ древнѣе Туренинскаго,—прибавилъ онъ и, чтобъ не останавливаться на этомъ вопросѣ, спросилъ, согласенъ ли Николай Семеновичъ на ея затѣю.

Анна Оедоровна съ презрѣніемъ повела плечами.

— Что это за вопросъ, mon frère? Точно вы нашего Николая Семеновича не знаете!

— Мы-то его знаемъ, но тамъ, въ Петербургѣ, его не знаютъ, и безъ его формальнаго согласія ничего не выйдетъ. Прошеніе о дозволеніи носить другую фамилію должно быть подписано главою семьи.

— О, если только его подпись требуется, то это пустяки,—небрежно возразила г-жа Курлятьева.—Онъ подпишетъ все что угодно,

лишь бы только его въ покоѣ оставили. Представьте себѣ,—продолжала она съ раздраженіемъ,—не пожелалъ знакомиться съ графомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ католикъ. Въ ужасное онъ меня положеніе ставитъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше юродствовать сталъ. Что за народъ къ нему ходитъ! Я даже боюсь, чтобъ насъ какъ нибудь не ограбили, ей-Богу! Теперь, говорятъ, между нищими множество опаснаго сброда проявилось...

— Сокола-то, однакожь, поймали, — замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да, да, поймали, слава Богу!—съ живостью подхватила г-жа Курлятьева,—за Кіевомъ, тамъ его и судить будутъ.

— «И везетъ же вамъ, сестрица!»—подумала Софья Ѳедоровна, переглянувшись съ мужемъ. А вслухъ она прибавила:—Теперь у насъ поспокойнѣе будетъ.

— Но шайка его не вся переловлена,—продолжала Анна Ѳедоровна самымъ естественнымъ тономъ, точно она и не подозреваетъ, кто этотъ Соколя, а интересуется имъ, какъ и всѣ, только потому, что онъ предводительствовалъ злодѣями, ограбившими Ворошовскій хуторъ.—И графъ совѣтуетъ быть осторожнѣе, а нашъ Николай Семеновичъ и слушать не хочетъ, когда ему говоришь, что всѣхъ этихъ проходимцевъ, юродивыхъ, калѣкъ переходящихъ, монаховъ и монашекъ изъ лѣсныхъ скитовъ, въ три шеи надо со двора гнать, а не прикармливать ихъ, какъ онъ дѣлаетъ. Намедни оставилъ даже переночевать у себя въ молельной какого-то старика... Ужъ мнѣ донесли, когда отъ него и слѣдъ простылъ... А, можетъ, это разбойникъ, переодѣлся нищимъ монахомъ, чтобъ все у насъ высмотрѣть, всѣ ходы и выходы? Можетъ, теперь на нашъ домъ цѣлая шайка душегубцевъ нагрянетъ и всѣхъ насъ перерѣжетъ! Трехъ лишнихъ сторожей мы теперь на ночь наряжаемъ; всю ночь до разсвѣта вокругъ дома и сада съ трещетками ходить, каждого прохожаго окликають. Собака цѣпная у насъ есть, но графъ обѣщаль намъ еще другого пса подарить, такого злого, что съ нимъ намъ ужъ безпокоиться нечего. Вы представите себѣ не можете, какъ графъ ко мнѣ и къ Ѳедичкѣ внимателенъ. Ужъ про Клавдію и не говорю, она его невѣста, и онъ влюбленъ въ нее безъ памяти, понятно, что онъ ей всячески угождаетъ. Она ко двору будетъ представлена, какъ только они пріѣдутъ въ Варшаву, а тамъ онъ ее въ Петербургъ повезетъ, императрица непременно ее статсъ-дамой сдѣлаетъ. Нашего графа императрица очень жалуется. Когда онъ въ Петербургѣ, она безъ него не садится въ карты играть. И цесаревичъ съ цесаревной къ нему милостивы. Наши молодые непременно и у тетеньки Татьяны Платоновны будутъ съ визитомъ. Она навѣрное обласкаетъ Клавдиньку и рада будетъ познакомиться съ ея мужемъ, вѣдь онъ настоящій вельможа, также богатъ и знатенъ, какъ Понятовскіе.

— А что Катенька съ Машенькой? — спросила Софья Федоровна не безъ злаго умысла; самодовольная кичливость сестры начинала ее раздражать.

— Да ничего. Григорьевна ѣздила надняхъ въ монастырь, видѣла ихъ обѣихъ, начинаютъ привыкать. Вѣдь онѣ у насъ давно изъ міра вонъ рвутся, призваніе, должно быть, ничего не подѣлаешь.

— А здоровы онѣ теперь?

— И на здоровье не жалуются.

— Симіоній-то имъ, вѣрно, помогъ...

Анна Федоровна вспыхнула при этомъ намекѣ и, задыхаясь отъ злобы, объявила, что къ Симіонію имъ прибѣгать было не для чего.

— У насъ въ домѣ бѣсноватыхъ нѣтъ, — вымолвила она, надменно выпрямляясь.

— Ну, и слава Богу, слава Богу, — поспѣшила заявить Софья Федоровна, смущаясь подъ строгимъ взглядомъ мужа.

Не присутствуя Иванъ Васильевичъ при этомъ разговорѣ, очень можетъ быть, что она не утерпѣла бы и выразила бы свое участіе къ племянницамъ въ болѣе определенной формѣ, но на счастье г-жи Курлятьевой Бахтеринъ терпѣть не могъ сваръ, сплетенъ и непріятныхъ объясненій по дѣламъ, лично не касающимся ни его, ни его семьи. Если между имъ и женой выходили иногда легкія препирательства, то единственно изъ-за того, что она по женской своей слабости не прочь была подчасъ посудачить о томъ, до чего, по его мнѣнію, ей не было никакого дѣла.

Свадьба была назначена послѣ Троицы, а не задолго до этого дня Анна Федоровна, къ величайшему своему удивленію, узнала, что домъ, въ которомъ жилъ графъ Паланецкій и который всѣ считали его домомъ, принадлежитъ не ему, а какому-то купцу Васютину, котораго никто здѣсь не знаетъ, кромѣ приказчика его, торгующаго въ мучномъ лабазѣ на базарной площади.

Вещи изъ этого дома, мебель, бронзу, серебро и проч. стали увозить куда-то еще на страстной недѣлѣ. Каждый день нѣсколько подводъ, навьюченныхъ тщательно запакованными тюками, чуть свѣтъ выѣзжали изъ воротъ, направляясь къ заставѣ, а оттуда сворачивали дальше, Господь вѣдаетъ куда. Такимъ образомъ, мало-по-малу все было вывезено, до послѣдняго стула, и графъ поселился въ горенкѣ своего камердинера, того турка, про котораго было упомянуто раньше.

— Тамъ и почиваютъ, тамъ и кушаютъ, — доносили посылаемые на развѣдки Аннѣ Федоровнѣ. — Людей всѣхъ тоже отправилъ. Одна изъ первыхъ снялась съ мѣста, на возу съ вещами поцѣн-

нѣе, серебромъ и тому подобнымъ, Казимировна, та полячка, что у русскихъ господъ крѣпостной была, а за ней ужъ и прочіе холопы, кто верхомъ на коняхъ, кто на возахъ, а кто и пѣшкомъ.

Извѣстіе это ужасно смутило Анну Федоровну.

Что особенно приводило ее въ недоумѣніе—это то, что графъ, бывавшій у нихъ каждый день, ни единымъ словомъ не обмолвился объ этомъ распоряженіи. Куда же привезетъ онъ молодую жену, если домъ, въ которомъ онъ жилъ, пусть? И почему не сказалъ онъ раньше, что домъ этотъ ему не принадлежитъ? Онъ его такъ роскошно отдѣлалъ, что никому не могло прійти въ голову, чтобъ можно было такъ тратиться на чужую собственность. До появленія сюда графа Паланецкаго со свитой домъ этотъ съ незапамятныхъ временъ стоялъ съ заколоченными окнами и дверями. На вопросъ, кому принадлежитъ это строеніе, съ густымъ заросшимъ сорными травами садомъ, здѣшніе старожилы обыкновенно отвѣчали: «А кто его знаетъ! Поляку какому-то, никогда здѣсь не бываетъ». Понятно послѣ этого, что когда графъ въ немъ остановился и сталъ его отдѣлывать на барскую ногу, никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ и есть тотъ самый собственникъ дома, который до сихъ поръ никогда еще сюда не являлся. Но достался ли онъ ему по наслѣдству, или онъ купилъ его у владѣльца, никто этого не зналъ.

Вообще, про графа Паланецкаго трудно было чтонибудь узнать. Никому не позволялъ онъ вмѣшиваться въ свои дѣла. Онъ такъ себя съ перваго разу поставилъ, что заговаривать съ нимъ о томъ, чего онъ не желалъ касаться, никто не отваживался. Всѣ держали себя съ нимъ на почтительной дистанціи, въ томъ числѣ и его будущая теща.

А между тѣмъ Анна Федоровна робостью не отличалась и не только съ равными себѣ, а также и съ высшими, обходилась болѣе чѣмъ развязно, но то были русскіе люди, свойства ихъ ей были извѣстны до тонкости, отъ нихъ она знала, чего ей, въ худшемъ случаѣ, можно ждать, тогда какъ этотъ, кто его знаетъ, что за человекъ. Происхожденіе его, состояніе, мысли, манера выражаться—все это было изысканно, великолѣпно и роскошно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ таинственно и чуждо, что она невольно чувствовала себя передъ нимъ смущенной и не въ своей тарелкѣ. Гдѣ ужъ тутъ допрашивать, требовать отъ него объясненій!

Да и по другимъ причинамъ это было невозможно.

Никогда не пріѣзжалъ онъ къ невѣстѣ одинъ и за просто, какъ подобаешь жениху изъ простыхъ смертныхъ, а всегда съ помпой, въ сопровожденіи цѣлой свиты. Не говоря ужъ о двухъ лакеяхъ въ ливреяхъ, ожидавшихъ его приказаній въ прихожей, за нимъ слѣдовали всюду двое компаньоновъ, одинъ, котораго онъ называлъ своимъ пажемъ, красивый юноша, по имени Товій, хорошаго рода,

судя по ласковому обращенію съ нимъ графа; всегда нарядно одѣтый, онъ, повидимому, исполнялъ одну только должность при своемъ покровителѣ, должность компаньона; другой же, по имени Октавіусъ, мужчина среднихъ лѣтъ, довольно мрачнаго вида, служилъ ясновельможному секретаремъ. Оба были молчаливы и, тщателью ступшевываясь въ присутствіи господина, каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ стараясь показать, какая огромная дистанція отдѣляетъ ихъ отъ него, и такъ подобострастно ловили они каждый его знакъ, такъ стремительно бросались исполнять его приказанія и угадывали малѣйшія его желанія, что, не взирая на блестящій ихъ костюмъ и свѣтскія манеры, ихъ ни за кого иного, какъ за его слугъ, невозможно было принять.

Впрочемъ, занять другое положеніе въ обществѣ они и не стремились. Угодить графу—другой цѣли въ жизни у нихъ, повидимому, не было.

Въ обществѣ онъ обращался къ нимъ только знаками; взянуть подниметь бровь, чуть замѣтно мигнуть или сдѣлаетъ указаніе пальцемъ, имъ этого было достаточно, чтобъ понять, чего онъ отъ нихъ требуетъ, но на какомъ языкѣ разговаривалъ онъ съ ними дома — неизвѣстно. Ни русскаго, ни польскаго, ни французскаго языка они не понимали, или притворялись, что не понимаютъ. Сколько ни старались домашніе Анны Ѳедоровны вызвать ихъ на разговоръ, все было напрасно; на всѣ вопросы они отвѣчали низкими поклонами, улыбками, разводя руками въ знакъ того, что ничего не понимаютъ.

Впрочемъ, къ нимъ вскорѣ такъ привыкли, что перестали обращать на нихъ вниманіе. Обыкновенно, раскланявшись передъ хозяйкой дома и невѣстой ихъ господина, они ретировались въ отдаленный уголокъ комнаты и оставались тамъ все время неподвижно и не мѣняя позы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя глазами за каждымъ движеніемъ графа, въ ожиданіи его приказаній.

Объ ихъ существованіи совсѣмъ бы забыли, еслибъ Анна Ѳедоровна съ самаго начала не распорядилась поручить ихъ попеченіямъ приживалки Варвары Петровны.

— Смотри у меня, чтобъ графскіе компаньоны ничѣмъ у насъ не были обижены, ни винами, ни десертами, чтобъ не на что имъ было на насъ жаловаться,—прибавила она съ презрительной гримаской по адресу молчаливыхъ спутниковъ ея будущаго зятя.

Не лежало у нея къ нимъ сердце.

И остальная прислуга графа была подъ стать къ этимъ двумъ. Высокіе, здоровые гайдуки, въ обшитыхъ галунами ливреяхъ, ожидавшіе его въ прихожей, когда онъ посѣщалъ невѣсту, были поляки, но и отъ нихъ ничего невозможно было узнать, кромѣ того, что господинъ ихъ баснословно богатъ, счета своимъ доходамъ

не знаетъ и такъ могущественъ, что развѣ только панъ круль можетъ съ нимъ равняться.

Такихъ осторожныхъ людей по всему бѣлому свѣту ищи—не найдешь. Какъ ни пытались заставить ихъ разболтаться Курлятьевскіе люди, и лаской, и лестью, и виномъ, ничего изъ этого не выходило. Ну, вотъ точно истуканы завороженные, прости Господи.

Какъ сказано выше, графъ всегда пріѣзжалъ къ невѣстѣ съ помпой. Передъ каретой четверней, съ фореиторомъ и кучеромъ, одѣтыми на иностранный ладъ, въ треуголкахъ, обшитыхъ галуномъ на напудренныхъ парикахъ, скакалъ въ пунцовомъ бархатномъ беретѣ, съ бѣлымъ перомъ, пажъ Товій, а въ каретѣ противъ графа, въ почтительной позѣ, сидѣлъ Октавіусъ, благоговѣно, какъ святыню, держа въ рукахъ подарокъ.

Безъ подарка женихъ къ невѣстѣ не являлся. Одинъ день подносилъ онъ ей ящикъ изъ драгоцѣннаго дерева, съ необходимыми для модницы того времени принадлежностями: хрустальными, отдѣланными въ золото флаконами съ духами, фарфоровыми банками дорогой, французской помады, пудры, румяна, бѣлила, мушки и тому подобное, на другой день — изящной и рѣдкостной работы вѣтеръ, на третій—украшенный драгоцѣнными камнями браслетъ, брильянтовый перстень, венеціанскія кружева и проч., и проч.

Поднеся свой даръ смущенной и раскраснѣвшей дѣвушкѣ, графъ съ изысканнымъ комплиментомъ на французскомъ языкѣ (порусски онъ изъяснялся съ такимъ трудомъ, что всѣ старались избавить его отъ необходимости подыскивать выраженія на этомъ языкѣ) просилъ позволенія поцѣловать ея ручку, а затѣмъ садился на диванъ рядомъ съ нею и, не переставая кидать на нее взгляды, начиналъ съ ея матерью и съ гостями, когда таковыя были на лицо, разговоръ о такихъ предметахъ, какъ погода или политика, рассказывалъ послѣднія придворныя новости изъ Петербурга, Варшавы, Вѣны, Дрездена, Парижа, Берлина, такъ обстоятельно, съ такими интересными подробностями, что сомнѣваться въ томъ, что у него сношенія самаго интимнаго свойства со всѣми сильными міра сего, не было никакой возможности.

Для пріема жениха Клавдію рядили, какъ на балъ, въ шелкъ, бархатъ и брильянты, въ платьѣ декольте.

Женихъ это любилъ. Чѣмъ наряднѣе она была, тѣмъ милостивѣе улыбался онъ окружающимъ.

Поднося ей футляръ съ драгоцѣнною вещью, онъ обыкновенно говорилъ, что будетъ очень счастливъ увидѣть ее на ней при слѣдующемъ свиданіи. По его словамъ, у женщинъ того круга, въ который онъ намѣренъ ее ввести, никакихъ другихъ занятій, кромѣ заботы нравиться и принимать гостей во всеоружіи красоты и наряда, не можетъ быть.

И, разумѣется, услышавъ этотъ намекъ, Анна Ѳедоровна поняла его и напрягала всѣ свои силы, чтобъ ему доказать, что дочь ея вполне способна подчиниться такому обычаю.

Съ ранняго утра бѣдную Клавдію принимались мыть душистыми мылами и завивать; парикмахеръ изъ крѣпостныхъ трудился по часамъ надъ затѣйливѣйшими прическами на ея головѣ; ея прелестные, пепельнаго цвѣта волосы, обсыпались пудрой, нѣжныя щечки покрывались румянами, кое-гдѣ наклеивали ей на лицо черныя мушки, по указанію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ щеголихъ.

Анна Ѳедоровна нарочно облизилась съ губернаторшей, которая, какъ придворная дама, постигла въ совершенствѣ не только всѣ тонкости свѣтскаго обращенія, но также и секретъ одѣваться по модѣ и къ лицу, чтобъ плѣнять кавалеровъ.

Губернаторшу требованія графа удивляли.

— Помилуйте! Даже императрица не одѣвается съ утра въ платья съ фижмами, а такія затѣйливыя прически, какъ у вашей дочери, съ цвѣтами и драгоцѣнными украшеніями, самыя большія щеголихи въ Петербургѣ дѣлаютъ только для парадныхъ баловъ и обѣдовъ,—замѣтила она, когда Анна Ѳедоровна сообщила ей о претензіяхъ графа.

— Да, можетъ быть, при ихъ дворѣ другой этикетъ,—возражала на это Курлятьева.

Губернаторша съ нею спорить не стала. Она отлично знала, какой этикетъ и какіе нравы царятъ при дворѣ польскаго короля; довольно извѣстенъ былъ онъ петербургскому бомонду еще въ то время, когда назывался просто графомъ Понятовскимъ, но, какъ особа тонкаго ума и великосвѣтскаго воспитанія, она отлично умѣла скрывать свои впечатлѣнія и, конечно, не смѣшила откровенничать съ смѣшной провинціалкой. Внутренно издѣваясь надъ ея невѣжествомъ и незнаніемъ свѣта, она любезно давала ей требуемые совѣты, объясняла ей значеніе мушки, прилѣпленной подъ лѣвымъ глазомъ, у подбородка или на щекѣ, учила ее, куда прикалывать банты изъ лентъ, какъ играть вѣеромъ, въ какой рукѣ держать букетъ и кружевной платокъ, на какой палець нацѣплять колечко съ граненымъ миниатюрнымъ флакономъ духовъ, на золотой цѣпочкѣ.

Какъ ни влюбленъ былъ графъ въ свою невѣсту, но относился онъ къ ней такъ сдержанно и почтительно, что всѣ только диву давались. Ни разу еще не попросилъ онъ позволенія поцѣловать ее въ щечку, а къ дрожащей ручкѣ, которую она ему протягивала краснѣя, онъ едва, едва прикасался губами. Зоркіе люди замѣчали, что въ долгихъ, пристальныхъ взглядахъ, которыми онъ ее окидывалъ, просвѣчивало больше любопытства и восхищенія, чѣмъ страсти и любви; онъ любовался ею, какъ красивымъ предметомъ, вдохновлявшимъ его до поэзіи, и часто произносилъ обращенные

къ ней комплименты въ стихахъ, самодовольно поясняя при этомъ, что стихи эти его собственнаго сочиненія, ни у кого не заимствованные.

Ничѣмъ ему нельзя было больше угодить, какъ восхваленіемъ его поэтическаго дара.

И не этимъ однимъ угождали ему у Курлятьевыхъ; его потчевали тамъ его любимыми лакомствами, подавали ему вина, которыя онъ дома кушалъ, изучили всѣ его вкусы. Даже шоколадъ для него варили не иначе, какъ по рецепту пани Казимировой, его домоправительницы. Григорьевну командировали къ ней собственно для того, чтобъ узнать въ точности, какимъ образомъ готовить она этотъ напитокъ для ясновельможнаго пана.

Само собой разумѣется, что тактику эту Анна Федоровна вела не безъ задней мысли овладѣть довѣріемъ своего будущаго зятя, но онъ ни на какія уловки не поддавался и, не взирая на любезность и щедрые подарки, которыми осыпалъ невѣсту и ея родню, оставался также непроницаемъ, какъ и въ первую минуту ихъ знакомства.

Ужъ одно это такъ бѣсило Анну Федоровну, что надо было только дивиться, какъ выдерживаетъ она такъ долго роль нѣжной матери и ласковой, предупредительной тещи; роль эта такъ мало подходила къ ея властному, строптивому нраву, а тутъ вдругъ это извѣстіе про домъ, на который она смотрѣла ужъ почти, какъ на свою собственность, вѣдь супругой-то его владѣльца будетъ ея родная дочь. Молодые отсюда уѣдутъ и поручатъ заботу объ этомъ домѣ, разумѣется, ей, мечтала Анна Федоровна. Можно будетъ предложить переѣхать въ него, чтобъ вещи не портились отъ сырости, безъ провѣтриванья и топки, и безъ сомнѣнія на это съ благодарностью бы согласились. Анна Федоровна уже видѣла себя въ этомъ домѣ, съ такими прекрасными комнатами, какихъ ни у кого, даже у губернатора, нѣтъ. А садъ-то, садъ-то, вѣдь втрое больше сестринаго! И вдругъ—всѣ эти мечты разлетѣлись въ прахъ, ничего такого, чѣмъ бы Курлятьевы могли пользоваться, не оставить за собой этотъ противный, старый дьяволъ, взамѣнъ юной красавицы, которую онъ съ собой увозить; было отъ чего приходиться въ ярость. О, она непременно ему, наконецъ, выскажетъ свое неудовольствіе, объяснить ему, что поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, и неблагоприятно, и непочтительно, и неблагородно наконецъ, непременно выскажетъ! Чего ей его бояться? Онъ въ ея рукахъ, она припретъ его къ стѣнѣ такими словами: «или все про себя откройте, или не видать вамъ вашей невѣсты, какъ своихъ ушей», и, разумѣется, онъ испугается и уступить, разъ любовь разыгралась въ такомъ старцѣ...

Когда онъ пріѣхалъ, она встрѣтила его одна въ гостиной (Клавдіи велѣно было сидѣть въ своей комнатѣ, пока ея не позво-

вуть), и сдержанно отвѣтивъ на его поклонъ, она заявила, что желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ.

— Весь превращаюсь въ слухъ и вниманіе, сударыня,—любезно отвѣчалъ графъ.

— Я наединѣ хочу съ вами говорить,—съ досадой повторила Курлятьева, указывая на его обычныхъ спутниковъ, Товіа и Октавіуса, какъ всегда отошедшихъ въ укромный уголокъ, между дверью и окномъ.

— Но вѣдь они же ни одного слова ни порусски, ни по-французски не понимаютъ,—замѣтилъ графъ, высоко приподнимая свои черныя, подкрашенные брови и вскидывая на нее такой надменный взглядъ, что душа у нея въ пятки ушла отъ страха.

Ужъ не обидѣлся ли онъ, Боже храни, ея словами? А вдругъ откажется отъ Клавдіи, и останется она у нея на рукахъ цѣлованной, обрученной невѣстой! Ужъ хуже этого ничего не можетъ быть!...

— О чемъ же, сударыня, угодно вамъ со мною разговаривать?—спросилъ онъ болѣе мягкимъ тономъ, усаживаясь на диванъ и не то съ удивленіемъ, не то съ досадой посматривая на то мѣсто, на которомъ онъ привыкъ видѣть свою невѣсту.

— Я хотѣла спросить про вашъ домъ,—начала, сбиваясь отъ смущенія, Анна Федоровна,—говорятъ, что онъ вамъ не принадлежитъ...

— Это суцная правда,—съ величавымъ спокойствіемъ вымолвилъ графъ.—А еще что вамъ угодно знать?—спросилъ онъ съ отгѣнкомъ ироніи.

Анна Федоровна машинально обернулась къ нѣмымъ свидѣтелямъ этого объясненія; они тоже улыбались, и гнѣвъ придалъ ей храбрости.

— Вы, говорятъ, вывезли изъ дома всю обстановку, куда же привезете вы вашу жену послѣ вѣнца, позвольте узнать? Вѣдь я все-таки ей мать,—проговорила она придиричиво,—я имѣю право требовать отъ васъ откровенности... Мы вамъ оказали безграничное довѣріе, отдавая вамъ нашу дочь...

Глаза его сверкнули.

— Довѣріе взаимное, сударыня,—твердо произнесъ онъ.

— Насъ здѣсь всѣ знаютъ, а васъ...

— А меня тамъ знаютъ, гдѣ васъ не знаютъ,—прервалъ онъ ее надменно.—Однако я не побоялся предложить мое имя вашей прекрасной дочери,—продолжалъ онъ все съ той же холодной сдержанностью отчеканивать свои слова,—но если вы сомнѣваетесь въ томъ, что она со мною будетъ счастлива, если вы сомнѣваетесь въ чести графа Паланецкаго,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ, при чемъ послѣднія слова такъ зазвенѣли въ воздухъ, что у нея морозъ пробѣжалъ по кожѣ,—мнѣ ничего больше не остается, какъ возвратитъ вамъ ваше слово...

— Я, графъ, совсѣмъ не то хотѣла сказать,—пролепетала дрожащими губами Курлятьева,—я только... мнѣ хотѣлось знать: куда же привезете вы вашу жену изъ церкви, если у васъ нѣтъ больше дома?

Онъ улыбнулся своей обычной, любезной улыбкой.

— Я повезу ее въ Варшаву,—добродушно отвѣчалъ онъ.

— Прямо изъ церкви? Въ вѣнчальномъ платьѣ и въ цвѣтахъ?— вскричала съ ужасомъ Анна Федоровна.

— О, нѣтъ! въ вѣнчальномъ нарядѣ графинѣ Паланецкой путешествовать было бы неудобно, она переодѣнется въ дорожное платье,—отвѣчалъ онъ все съ той же затаенной иронией.

И страхъ, нагнанный на нее, былъ такъ великъ, что она не осмѣлилась произнести вопросы, рвущіеся у нея съ языка. Такъ она растерялась, что когда собесѣдникъ ея, распутивъ по лицу слащавую улыбку, спросилъ: скоро ли онъ будетъ имѣть счастье видѣть свою прелестную невѣсту?—Анна Федоровна, кромѣ двухъ словъ: «сейчасъ, графъ», ничего не нашлась ему отвѣтить.

ХІІІ.

Ужъ и денекъ выдался наканунѣ свадьбы меньшей Курлятьевской барышни, нечего сказать!

Въ людскихъ выли и причитывали надъ Сонькой, круглолицей и черноглазой хохотушкой, которая должна была сопровождать на чужбину Клавдію Николаевну, въ качествѣ камеристки.

Еще съ самаго начала, когда только что зашла рѣчь о приданомъ, графъ объявилъ, что въ своихъ людяхъ супруга его нуждаться не будетъ, челяди у него достаточно и своей. Найдутся въ его дворнѣ и искусныя камеристки, и прачки, и гардеробщицы. Но, взглянувъ на Клавдію и подмѣтивъ тоскливый ужасъ, выразившійся въ ея глазахъ, при перспективѣ очутиться совсѣмъ одной среди чужихъ, онъ поспѣшилъ сдѣлать уступку.

— Если моя прекрасная невѣста непременно желаетъ имѣть при себѣ служанку, къ которой она привыкла, я буду почитать себя счастливымъ и въ этомъ отношеніи покориться ея волѣ,— объявилъ онъ.

Клавдія выбрала Соньку, подругу ея дѣтскихъ игръ.

И вотъ теперь эту самую Соньку, которой до послѣдняго дня всѣ завидовали и за то, что нашили ей красивыхъ нарядовъ, и что въ богатѣющемъ домѣ будетъ жить, и что новыя мѣста и новыя людей увидитъ, теперь, когда наступала минута разлуки и проводовъ, всѣ надъ нею сокрушались и пугали ее самыми мрачными предположеніями. И страна-то тамъ чужая, и люди не русскіе, не съ кѣмъ будетъ словомъ перемолвиться. Хорошо, если барыня

верхъ возьметъ да отойтъ ея, чтобъ она осталась при ней, а вѣдь чего добраго, ей тамъ, какъ прїѣдутъ на мѣсто, полячку какуюнибудь навяжутъ въ камеристки. Казимировна про какую-то Ксаверку говорила, что и причесывать не хуже парикмахера умѣетъ и училась барыня помодному одѣвать.

— Такъ что-жъ, и я выучусь,— бойко отвѣчала Сонька.

— Гдѣ ужъ! Да тебя и не допустятъ...

— Совсѣмъ обосурманишься, дѣвка; вѣдь тамъ, поди, чай и церковей-то русскихъ нѣтъ.

— Ну, какъ барышня, такъ и я,—возражала Сонька.

Ничѣмъ ея нельзя было пронять, хочеть себѣ да головой моетъ, что ей ни говори. Беззаботная дѣвчонка, непутевая. Не такую бы боярышнѣ надо было выбрать въ спутницы. Мало ли хорошихъ, степенныхъ дѣвокъ у нихъ на дворѣ! Да вотъ хоть бы Лизаветина сестра Лукерья, или племянница Григорьевны Ольга, а эта вѣдь безъ роду, безъ племени, сирота, взяли на барскій дворъ, какъ паршиваго щенка, потому что въ деревнѣ никто ея прїютить не хотѣлъ, какъ осталась она одна одинешенька въ избѣ, послѣ того, какъ тятку ея за хорошія дѣла въ кандалы заковали да въ Сибирь угнали. Пяти лѣтъ ей еще тогда не было, а мать раньше умерла. Чего ужъ отъ такой ждать, отчаянная.

Пока эти толки шли въ людскихъ, барыня Анна Ѳедоровна выдерживала пренепріятную сцену съ дочерью.

Началось это тотчасъ послѣ отъѣзда графа, когда г-жа Курлятева находилась еще подъ впечатлѣніемъ неудавшагося съ нимъ объясненія.

Ужъ и раньше Клавдія начинала задумываться, плакала по ночамъ, рвалась къ отцу, къ которому ея не пускали, просилась въ монастырь проститься съ сестрами, дурила однимъ словомъ, по мнѣнію матери, но тутъ она точно очнулась, поумнѣла вдругъ и съ такою смѣлостью напустилась на мать съ упреками за себя и за сестеръ, что Анна Ѳедоровна остоленѣла отъ изумленія и гнѣва.

Къ довершенію досады, невѣсту графа Палавцакаго нельзя было заставить молчать ни пощечинами, ни бранью, она завтра должна была превратиться въ важную даму, съ нею приходилось считаться, объясняться, оправдываться передъ нею.

Впрочемъ, вспышка длилась не долго; оборвавъ рѣчь свою на полусловѣ, дѣвушка не выдержала, разрыдалась и убѣжала въ свою комнату. Тутъ она весь остальной день пролежала на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, не отвѣчая ни на чьи разпросы и увѣщанія.

Передъ такой неожиданной выходкой Анна Ѳедоровна такъ растерялась, что обратилась за совѣтомъ къ Григорьевнѣ, и эта рѣшила, что боярышню слѣдуетъ оставить въ покоѣ, скорѣе одумается.

Такъ и вышло. За ночь Клавдія одумалась, постигла всю без-

выходность своего положенія и, повидимому, примирилась съ нимъ, дала себя убраться къ вѣнцу, безъ единой слезинки, безъ вдоха, точно окаменѣла, такое у нея было неподвижное лицо.

Все обошлось бы благополучно, кабы не Николай Семеновичъ.

О, еслибъ только Анна Федоровна могла предвидѣть, какую штуку выкинетъ ея кородивый супругъ! Не выпустила бы она его ни на секунду изъ его конуры наверху. Но онъ былъ такъ тихъ и покоренъ, что трудно было ждать отъ него какого бы то ни было проявленія воли, а между тѣмъ, когда его принарядили, подстригли ему волосы и бороду, и свели внизъ, чтобъ онъ благословилъ дочь передъ вѣнцомъ, онъ выкинулъ пренепрятную штуку. Видъ у него былъ такой страдальческій, когда онъ вошелъ въ большую, попраздничному разубранную залу, робко озираясь по сторонамъ, что невозможно было безъ жалости на него смотрѣть. Блѣдный и худой, какъ мертвецъ, онъ покорно принялъ дрожащими руками образъ, который ему подали, но когда взгляды его упалъ на дочь, опустившуюся передъ нимъ на колѣна, въ бѣломъ, вѣнчальномъ нарядѣ, онъ какъ будто прозрѣлъ, весь ростъ, преобразился, глаза его засверкали и, выпрямившись во весь ростъ, откинувъ назадъ сѣдую голову и поднявъ взглядъ къ небу, онъ сталъ громкимъ, вдохновеннымъ голосомъ призывать милосердіе и благословеніе Божіе на несчастную жертву человѣческой алчности, суетности и жестокости.

— Неповинна она передъ Тобой, Господи, неповинна! Спаси ее и сохрани! Ангела Твоего пошли, да защититъ ее!—повторялъ онъ торжественно и громко.

Клавдія разрыдалась, кинулась къ нему на шею и замерла въ его объятіяхъ. На силу оторвали ихъ другъ отъ друга. Всѣ кругомъ плакали.

Вѣнчаніе происходило вечеромъ, и не въ соборѣ, какъ мечтала Анна Федоровна, а въ маленькой приходской церкви, въ отдаленномъ предмѣстьѣ.

Кромѣ близкихъ родственниковъ невѣсты, при церемоніи никто не присутствовалъ. Бахтерины были за посаженныхъ, Федюша братецъ несъ передъ невѣстой образъ, шаферами были—при невѣстѣ пажъ Товій, при женихѣ секретарь его Октавіусъ.

Такъ пожелалъ графъ, который всѣмъ и распорядился, отстранивъ мать невѣсты отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло.

Такой угрюмой и печальной свадьбы никогда еще не видывали въ городѣ. Особенно странно это всѣмъ показалось послѣ блестящихъ празднествъ, которыми графъ Паланецкій тѣшилъ здѣшнее общество, будучи женихомъ.

Теряясь въ догадкахъ по этому случаю, говорили про какія-то письма, привезенныя ему курьеромъ издалека, съ вѣстями о какомъ нибудь семейномъ несчастіи, безъ сомнѣнія. Свадьбу откладывать не захотѣлъ, а что ему не до веселья—это по всему видно.

XIV.

Дорожная карета, уносившая молодыхъ въ таинственную даль, катилась безостановочно часовъ пять сряду.

Наступила ночь.

Утомленная нервными потрясеніями этого роковаго для нея дня, убаюканная мягкимъ покачиваніемъ экипажа и обвѣваемая ароматами лѣса, черезъ который лежалъ имъ путь, Клавдія впала въ забытѣе. Спутникъ ея, какъ усѣлся на мягкія, шелковыя подушки, полуотвернувшись отъ нея и упершись взглядомъ въ открытое окно, такъ и сидѣлъ все время, ни разу къ ней не оборачиваясь, ни единымъ словомъ не пытаясь ее утѣшить и успокоить, точно онъ не замѣчаетъ ея отчаянія, не слышитъ сдавленныхъ рыданій, по временамъ вырывавшихся изъ ея наболѣвшей груди.

Она благодарна ему была за эту сдержанность. Совсѣмъ другого ждала она, замирая отъ ужаса при одной мысли: что будетъ, когда она съ нимъ останется наединѣ? Его ласки были бы ей такъ противны! Вѣдь, кромѣ страха и отвращенія, она ничего къ нему не чувствовала, а онъ былъ ея мужъ, она принадлежала ему вполне. Онъ могъ съ нею сдѣлать все, что онъ хочетъ, этотъ чужой, незнакомый человѣкъ, и защиты отъ него ей искать не у кого.

Да, она рада была, что онъ молчитъ и не пристаётъ къ ней ни съ разспросами, ни съ увѣщаніями, но, тѣмъ не менѣе, перемѣна, происшедшая въ немъ, съ той минуты, какъ онъ изъ жениха превратился въ мужа, не могла ее не интриговать. Точно невидимая преграда какая-то внезапно между ними воздвиглась. Не только ни разу не поцѣловалъ онъ ея руки и не улыбнулся ей слапавой улыбкой, какъ бывало раньше, когда она не была его невѣстой, но онъ даже и не глядѣлъ на нее и, кромѣ холоднаго, почтительнаго вниманія, ничего ей не оказывалъ.

Часа черезъ два, послѣ того, какъ они выѣхали изъ города, замѣтивъ, что она все продолжаетъ плакать, онъ съ холодною вѣжливостью спросилъ: не желаетъ ли она выпить стаканъ воды съ виномъ? И, не дождавшись отвѣта, дернулъ за шелковый шнурокъ висѣвшій съ его стороны. Лошади, какъ вкопанныя, остановились, къ дверцѣ подскакалъ на своемъ сѣромъ, красивомъ конѣ пажъ Товій, подалъ имъ въ окно кареты стаканъ съ водой, свѣтлой, какъ хрусталь, и бутылку вина.

Графъ налилъ нѣсколько капель этого вина въ воду и подалъ стаканъ своей супругѣ.

— Благодарю васъ, — вымолвила она чуть слышно.

— Счастливъ вамъ служить, графиня, — отвѣчалъ онъ съ официальной вѣжливостью.

Ни слова больше не было произнесено между ними.

Карета покатила дальше. Но плакать Клавдіи больше не хотѣлось. Луна стала заглядывать имъ въ окно, пронизываясь сквозь вѣтви деревьевъ, и, пользуясь мимолетными проблесками ея мягкаго свѣта, Клавдія исподлобья взглядывала на своего спутника, съ жуткимъ любопытствомъ спрашивая себя: что онъ думаетъ съ нею дѣлать? Долго ли онъ оставить ее въ покоѣ? О, еслибъ онъ всегда обращался съ нею, какъ теперь, безъ назойливой ласковости, безъ всякихъ требованій, какъ старшій братъ или дядя, она, пожалуй, примирилась бы съ своей судьбой, довѣрилась бы ему, полюбила бы его.

Не взирая на длинный, кривой носъ и хитрые, пронзительные глаза, онъ не казался ей злымъ.

Въ этихъ мысляхъ она заснула и проспала часа два, а когда открыла глаза, карета уже выѣхала изъ лѣсу, и луна обливала своимъ блескомъ круглую полянку, окаймленную со всѣхъ сторонъ черной стѣной высокихъ деревьевъ. Становилось свѣжо, пахло дымомъ, слышался сдержанный гулъ голосовъ и какъ будто плескъ воды въ отдаленіи.

Клавдія выглянула въ окно и увидала длинное, низкое строеніе съ освѣщенными окнами. Какія-то черныя фигуры двигались у этого дома съ фонарями въ рукахъ. Голоса стали раздаваться явственнѣе, имъ отвѣчали изъ маленькой толпы вооруженныхъ всадниковъ, составлявшихъ ихъ свиту.

— Мы остановимся на нѣсколько часовъ, графиня, и вамъ здѣсь покойнѣе будетъ почивать, чѣмъ въ каретѣ, — объявилъ графъ.

И, высунувъ голову изъ окна, онъ отдалъ какое-то приказаніе подскочившимъ къ окну Товію и Октавіусу.

Оба кинулись стремглавъ отворять дверцу съ противоположной стороны и откинули лѣсенку подножки, по которой Клавдія стала спускаться. Но прикоснуться до сырой травы ей не дали, ловко подняли ее на руки и понесли къ дому.

Она и не думала сопротивляться. Въ головѣ у нея былъ хаосъ; мысли беспорядочными клочками кружились въ мозгу, и ни въ чемъ не могла она себѣ отдать яснаго отчета, ни въ чувствахъ своихъ, ни въ представленіяхъ; все, что съ нею происходило, казалось ей сномъ, который долженъ разсѣяться, какъ ночной туманъ при восходѣ солнца.

За людьми, несшими ее, какъ малаго ребенка на рукахъ, шелъ графъ. Она слышала по временамъ его рѣзкій, повелительный голосъ. Онъ вѣрно приказывалъ нести ее осторожнѣе, потому что послѣ каждаго окрика, они старались идти еще медленнѣе, ощупывая ногами землю, прежде чѣмъ на нее ступить съ своей драгоценной ношей. Чувствовала она также раза два, во время этого шествія, заботливую руку, поправлявшую на ея головѣ шелковый

капюшонъ плаща. Это мужъ оберегалъ ее отъ простуды, безъ сомнѣнія. Кто же осмѣлился бы дотронуться до ея волосъ, кромѣ него?

«Надо его поблагодарить за вниманіе... Онъ можетъ обидѣться моимъ молчаніемъ, разсердиться»,—мелькало у нея въ умѣ, но силъ не было произнести ни слова. Сознаніе ее покидало; все больше и больше казалось ей, что она грезить, такъ неуловимы становились впечатлѣнія.

На крыльцѣ ожидали ихъ рослые люди въ темныхъ плащахъ, не похожіе ни на мужиковъ, ни на господъ. Когда плащи отвертывались, можно было видѣть оружіе, сверкавшее у нихъ за поясомъ.

Всѣ они низко и почтительно кланялись графу.

— Все приготовлено для графини? — спросилъ онъ.

— Все готово, ясновельможный.

— Прислать камеристку графини!

— Здѣсь я, сударь, здѣсь,—раздался звонкій голосокъ въ толпѣ.

И на освѣщенномъ пространствѣ передъ домомъ появилась Сонька.

Ничего больше не слышала и не видѣла Клавдія. Какъ ее раздѣвали и укладывали въ постель, она не помнила. Изъ полуобморочнаго состоянія погрузилась она въ глубокой сонъ, который продолжился бы еще дольше, еслибъ странный шорохъ не послышался у ея постели.

Она открыла глаза и, увидавъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ, не вдругъ могла собрать мысли и сообразить, гдѣ она находится. Комнатка была маленькая, съ низкимъ потолкомъ и крошечнымъ окошкомъ, которое забыли завѣсить. Благодаря этому обстоятельству, свѣтъ занимавшейся утренней зари проникалъ сюда безпрепятственно. Кровать, на которой лежала Клавдія, была простая, деревянная, покрытая дорогимъ ковромъ и тонкимъ, батистовымъ бѣльемъ съ кружевами и атласнымъ, стеганымъ одѣяломъ. На единственной двери этой свѣтелки висѣлъ прекрасный, персидскій коверъ. Полъ тоже былъ устланъ ковромъ, и на немъ металась женская фигура въ одной сорочкѣ, съ распущенными волосами.

— Боярышня, боярышня, кого я сейчасъ видѣла! О, Господи, боярышня!—шептала она прерывающимся отъ волненія голосомъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ между каждымъ словомъ.

Клавдія узнала Соньку и радостно протянула ей руки. Видъ знакомаго существа такъ ободрилъ ее, что она разомъ все вспомнила и пришла въ себя.

Ужъ не вино ли, которымъ угощаль ее въ пути графъ, произвело въ ней это смятеніе мыслей и слабость? Значитъ, ей было не по себѣ, если она даже ни разу не вспомнила про Соньку, съ тѣхъ поръ какъ ее увезли. Все она перезабыла, все спуталось въ ея го-

ловѣ; если спросили бы у нея, жива она или умерла, не знала бы, что отвѣтить, но теперь она, слава Богу, очнулась и совсѣмъ пришла въ себя, все вспомнила...

Но не легче ей стало отъ этого. Впрочемъ, задуматься надъ ея новымъ положеніемъ ей не дали.

— Боярышня, золотая, кого я сейчасъ видѣла, еслибъ вы только знали! Кого я видѣла!—повторяла Сонька, припадая всклокоченной головой къ ея ногамъ и прижимаясь къ нимъ горячимъ отъ волненія лицомъ.

— Что случилось? Кого ты видѣла?—спросила Клавдія.

— А вы только послушайте...

Сонька вскочила на ноги, приподняла коверъ у двери и заглянула въ сосѣдную горницу, потомъ кинулась къ окошку, подняла раму и выглянула на дворъ.

Въ свѣтелку пахнуло свѣжимъ, душистымъ воздухомъ.

Съ того мѣста, гдѣ она лежала, Клавдія могла видѣть часть поляны, поросшей сочной густой травой и окаймленной высокими, развѣсистыми деревьями дремучаго лѣса. Солнце еще изъ-за него не показывалось, но оно уже было близко, розовое зарево сливалось съ синевою безоблачнаго неба, и съ каждой секундой предметы вырѣзывались все отчетливѣе и отчетливѣе на прозрачной лазури. Воздухъ былъ такъ чистъ, что можно было различать коней, привязанныхъ къ деревьямъ, на противоположномъ концѣ лужайки, и людей, спящихъ, закутавшись въ плащи, на травѣ возлѣ нихъ. Но тишина ничѣмъ еще не нарушалась, кромѣ робкаго стрекотанія кузнечиковъ въ травѣ да чириканья птицъ въ лѣсу.

— Кто тебя испугалъ? Графъ, что ли?—прошептала Клавдія.

Но Сонька была слишкомъ возбуждена, чтобъ слышать этотъ вопросъ.

— Никого нѣтъ, ни тутъ, ни тамъ, подслушать насъ, значитъ, некому, слава Богу!—торопливо заговорила она, окончивъ свой обзоръ и опускаясь на колѣни у постели своей госпожи.—Ахъ, боярышня, моя золотая, простите меня, ради Бога, что я васъ разбудила... Не въ терпежъ ужъ мнѣ стало... Огорошило больно, до сихъ поръ опомниться не могу... Обезумѣла я совсѣмъ, какъ его узнала!.. Ну, какъ сказать боярышнѣ, думаю... И кому же сказать, если не ей? Однѣ вѣдь мы съ вами таперича на цѣломъ свѣтѣ, однѣ единешеньки, кругомъ все чужіе, не съ кѣмъ и душу отвести,—безсвязно лепетала она, задыхаясь отъ волненія.—Ужъ такъ я испугалась, такъ испугалась, какъ его увидѣла, ажно ноги подкосились, ей-Богу! чуть не упала...

— Да кто-жъ это былъ? Кто? Графъ? говори скорѣе!—прервала ее Клавдія, начиная тоже дрожать отъ страха.

— Нѣтъ, что это вы боярышня! Зачѣмъ графъ ко мнѣ въ окошко полѣзеть?! Да я бы ихъ ни крошечки и не испугалась. Нѣтъ,

нѣтъ, они только и вошли сюда, какъ внесли васъ, посмотрѣли, все ли тутъ въ порядкѣ, ковры вездѣ ли постланы, хорошо ли постелька ваша оправлена, приказали мнѣ осторожнѣе васъ раздѣтъ, чтобъ не разбудить, и ушли себѣ въ другую избу, что рядомъ съ этой. И какъ же вы крѣпко спали, боярышня! Ну, вотъ точно мертвыя!

— А потомъ что было?—перебила ее Клавдія.

— Потомъ, какъ раздѣла я васъ, да одѣяломъ прикрыла и вышла туда,—указала Сонька на дверь, завѣпанную ковромъ,—мнѣ тамъ приказали лечь, поближе къ двери, чтобъ слышать, если вы позовете. Ну, вотъ раздѣлась я, Богу помолилась и легла. Ворочалась-ворочалась съ боку на бокъ, не спится, да и только. Блохи кусаютъ, жарко, страшныя мысли въ голову лѣзутъ. Стала прислушиваться—гомозятся кругомъ, и еще жутче стало, народъ все вѣдь чужой около насъ. Тутъ въ сѣняхъ Октавусъ этотъ легъ, а Товія графъ къ себѣ взялъ. И турокъ, тотъ тоже съ нимъ. А въ кухнѣ хозяйка, неприятная такая баба, рябая, глаза косые. Мужъ съ нею да двое сыновей, тоже страшные. Смотрятъ, этта, на тебя точно съѣсть хотятъ. Ну, вотъ лежу я, да думаю: и куда это мы только съ боярышней попали?! И что съ нами будетъ?! И вдругъ, подъ самымъ подъ окномъ слышу, будто народъ собирается. Приподнялась, насторожилась—такъ и есть, шепоткомъ разговариваютъ промежь себя, не то двое, не то и больше. Тихо, разумѣтся, ничего не разобрать. А тамъ опять все стихло, расходиться стали одинъ за другимъ. Да только не всѣ ушли, чудится мнѣ, будто вздыхаетъ кто, да скребется подъ окошкомъ-то. Гляжу—съ нами крестная сила! Рука чья-то оконце-то приподнимаетъ! Ну, ужъ тутъ такая жуть на меня напала, что чуть не вскрикнула. Надѣлала бы я бѣды, нечего сказать, кабы горло у меня отъ страха не перехватило! Графъ-то приказалъ цѣльную ночь дозоромъ округъ нашей избы ходить, пикни я только, сейчасъ бы услышали, прибѣжали бы...

— Ну, и чтожь дальше? Говори скорѣе, не мучь меня,—заторопила Клавдія рассказчицу.

— А вотъ гляжу я, глазами въ окошко уставилась, вся обмерла,дохнуть боюсь, а оконце-то все приподнимается, все приподнимается, а за рукой-то и голова вся въ черныхъ кудряхъ показалась... Лицо чистое, бѣлое, брови дугой, губы подъ усиками алыя, глаза грустные такіе... Знакомы мнѣ показались эти глаза. Гляжу я этта на нихъ, а сама думаю: и гдѣ это я видѣла эти глаза? И ужъ не страшно мнѣ ни крошечки. И вдругъ, какъ увидѣлъ онъ, что я не сплю, просунулъ голову въ оконце да по имени меня окликнулъ: Софья! Ну, ужъ тутъ меня точно рвануло что съ постели, и какъ я у окошка очутилась, сама не помню. Онъ за руки меня взялъ, заговорилъ. Слушаю его, прямо въ очи ему гляжу, а

все еще въ толкъ не возьму, что за человекъ? Только тогда и признала, какъ стала про Катерину Николаевну разспрашивать. «Да ты ужъ не Алешка ли?»—спрашиваю, а сама, какъ въ лихорадкѣ, трясусь. Ни слова онъ мнѣ на это, только кудрями тряхнулъ: узнала, дескать. И опять стала про нее говорить. Горькой своей бѣленькой онъ ее называлъ... солнышкомъ своимъ краснымъ... жалостно такъ... По щекамъ слезы крупныя текли... «Какъ пить, говорить, хочется мнѣ ее видѣть... сохнетъ душа моя по ней»...

Сонька смолкла и, закрывъ лицо руками, тихо всхлинула. Давно ужъ слезы подступали ей къ горлу, не стало, наконецъ, въ мочь ихъ сдерживать.

Молчала и барышня, устремивъ задумчивый взглядъ на мирный пейзажъ, развертывавшійся передъ ея окномъ.

Пронизываясь сквозь изумрудную листву лѣса, заря золотилась первыми лучами восходящаго солнца. По небу все чаще и чаще проносились съ протяжнымъ крикомъ крылатыя стаи. Дружнѣ застрекотали кузнечики въ травѣ, смѣлѣ зачирикали въ лѣсу птицы; гдѣ-то по близости лѣниво твякнулъ сторожевой песъ, гремя цѣпью, заржалъ конь, и стали подниматься спавшие на травѣ люди.

Клавдія надо было сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ отогнать призраки прошлаго, могучей волной нахлынувшіе ей на душу. Какъ живыя, вставали передъ нею, одна за другой, мрачныя подробности печальнаго событія, такъ губельно отразившагося на судьбѣ старшей сестры. Она была тогда еще ребенкомъ и понимать весь ужасъ положенія влюбленныхъ не могла. Видѣла она, что сестра блѣдна и молчалива, знала, что маменька всегда на нее гнѣвается, слышала отъ прислуги, что жизнь ея загублена на вѣки, помнила смутно страшный шумъ въ домѣ, когда стало извѣстно, что старшая барышня по ночамъ выходитъ гулять въ садъ. Примѣшивалось къ этимъ толкамъ имя Алешки выѣздного, но всѣ эти подробности проскользнули безслѣдно на душѣ шестилѣтней дѣвочки.

Нѣтъ, не безслѣдно. Теперь она все вспомнила и все поняла. Обстоятельства послѣднихъ дней такъ ее вдругъ состарили, что она сама себя не узнавала. Катенька была почти ея лѣтъ, когда на нее обрушилась бѣда, и какъ быстро она состарилась! Поблекла, не успѣвъ расцвѣсти, какъ цвѣтокъ, охваченный морозомъ.

Неужели и ее ждетъ та же судьба? Вѣдь и ей тоже никогда не знать любви...

Сестру Машу тоже разлучили съ возлюбленнымъ. Этого Клавдія помнила: у него были блестящіе, милые глаза, алія губы, звонкій голосъ и густые, бѣлокурые волосы. Съ нимъ было очень весело. Когда онъ къ нимъ пріѣзжалъ, всѣ оживлялись и были счастливы. Сестрица Маша тоже стала чахнуть, когда ей запретили думать о миломъ.

Какъ это должно быть ужасно—разлука съ любимымъ человекомъ!

Но еще ужаснѣе принадлежать тому, кого не любишь.

Она вздрогнула и, чтобъ отогнать мучительныя мысли, неотступно кружившіяся въ головѣ, спросила у Соньки: почему она такъ испугалась, увидавши Алешку? Развѣ онъ страшный?

Сонька подняла на нее полный наивнаго изумленія взглядъ.

— Да вѣдь онъ теперь въ разбойники пошелъ, боярышня, какъ же его не бояться?—возразила она.

Солнце не совсѣмъ еще выкатилось изъ-за лѣса, когда поѣздъ графа Паланецкаго тронулся въ путь.

Отношенія между новобрачными не измѣнялись. Съ удивительною настойчивостью выдерживалъ графъ тонъ холодной учтивости и почтительнаго вниманія къ супругѣ, принятый имъ на себя съ той минуты, какъ они остались вдвоемъ.

Безъ сомнѣнія, всю дорогу такъ будетъ, рѣшила она про себя.

И такъ благотворно вліяла на нее эта мысль, что она не только съ удовольствіемъ выслушивала его рассказы о мѣстностяхъ, черезъ которыя они проѣзжали, но даже до того расхрабрилась, что сама стала предлагать ему вопросы.

Приключенія послѣдней ночи, встрѣча Соньки съ Алешкой въ таинственномъ хуторѣ, среди лѣса, все еще смущали ей душу, но съ каждымъ часомъ впечатлѣнія эти слабѣли и вытѣснялись изъ памяти другими.

Днемъ лѣсъ показался ей далеко не такимъ страшнымъ, какъ ночью. Онъ былъ полонъ радости и жизни, въ него со всѣхъ сторонъ пронизывались солнечные лучи, переливаясь изумруднымъ блескомъ въ зелени. По вѣткамъ столѣтнихъ дубовъ перепрыгивали бѣлки, весело щебетали птицы, хлопотливо кружась у своихъ гнѣздъ. Надъ кустами порхали бабочки, въ травѣ алѣла земляника и пестрѣли цвѣты.

Замѣчая, какъ все это радуетъ Клавдію, графъ время-отъ-времени приказывалъ остановиться и предлагалъ ей выйти, чтобъ прогуляться. Она выпрыгивала изъ кареты, не дождавшись, чтобъ откинули подножку; къ ней бѣжала на встрѣчу Сонька, ѣхавшая позади въ кибиткѣ съ вещами, и онѣ принимались за собираніе цвѣтовъ и ягодъ, въ сопровожденіи Октавіуса и Товія, не отходившихъ отъ нихъ ни на шагъ.

Графъ же тѣмъ временемъ, вынувъ книгу изъ маленькой дорожной бібліотеки, усаживался подъ деревомъ и читалъ, покуривая трубку. Слѣдующую ночь они провели въ какомъ-то густо заселенномъ мѣстечкѣ, на постояломъ дворѣ. Но гонецъ, посланный впередъ, и тутъ все для нихъ приготовилъ, какъ и на хуторѣ въ

лѣсу. И тутъ точно также встрѣтили ихъ съ низкими почтительными поклонами и ввели въ горницы, устланныя коврами. Въ той, что отведена была Клавдіи, и стѣны были ими увѣшаны. Послѣ ужина, роскошно сервированнаго, графъ проводилъ супругу до двери въ ея спальню и, пожелавъ ей покойнаго сна, съ почтительнымъ поклономъ удалился.

И слѣдующія ночи провелъ онъ далеко отъ нея, а днемъ точно также учтиво съ нею разговаривалъ и внимательно предупреждалъ малѣйшія ея желанія, и ничего больше.

Наконецъ (путешествіе ихъ уже длилось много дней) графъ объявилъ своей супругѣ, что сегодня остановокъ не будетъ. Надо стараться поспѣть въ Варшаву къ вечеру.

Погода, все время великолѣпная, стала портиться; поднялся вѣтеръ, пошелъ дождь. Мѣстность, по которой они ѣхали, была скучная; засѣянные поля однообразно тянулись за бѣдными деревушками, въ которыхъ ничего, кромѣ воды, нельзя было достать. Хорошо, что у нашихъ путешественниковъ въ запасахъ всякаго рода недостатка не было.

Графъ былъ серьезенъ, молчаливъ и не отрывалъ глазъ отъ книги. По временамъ онъ приказывалъ дѣлать роздыхъ, выдвигалъ складной столикъ, вынималъ шкатулку съ письменными принадлежностями и писалъ письма на синеватой, золотообрѣзной бумагѣ, большого формата. Письма эти онъ тутъ же вкладывалъ въ конверты, запечатывалъ ихъ большой, золотой печатью съ гербомъ и передавалъ черезъ окно Товію.

Въ этотъ день Клавдія съ самаго утра чувствовала себя въ тоскливомъ настроеніи.

Ночью у нея былъ продолжительный разговоръ съ Сонькой, которая такъ напугала ее рассказами о великолѣпной опочивальнѣ съ двуспальной кроватью подъ бархатнымъ балдахиномъ въ замкѣ графа Паланецкаго, что снова заглохшія было опасенія пробудились въ душѣ бѣдной молодой графини, опять стало замирать у нея сердце при мысли о предстоявшихъ ей ужасахъ, и нѣсколько разъ принималась она украдкой плакать, отвернувшись отъ своего загадочнаго спутника.

Много странныхъ и любопытныхъ открытій сдѣлала Сонька во время пути. Не говоря ужъ о подробностяхъ на счетъ роскоши и великолѣпія въ родовомъ домѣ графа, о которыхъ съ особенной готовностью распространялась при ней его свита, она узнала, что Алешку всѣ эти люди хорошо знаютъ, зовутъ его Олесей и находятся съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Но на вопросъ ея: какъ это удалось ему бѣжать изъ острога? (о заключеніи его она слышала еще дома, за мѣсяць до барышниной свадьбы)—ей никто не хотѣлъ отвѣтить. Одни отговаривались незнаеміемъ, другіе же отрицали самый фактъ его заключенія въ тюрьму.

— Да какъ же, всё у насъ тогда говорили. Товарищей его въ нашъ острогъ посадили; изъ Принкулинскихъ многіе съ ними видѣлись и нашимъ сказывали. Отъ колодниковъ-то и узнали, что атаманъ ихъ подъ Кіевомъ пойманъ, и вдругъ онъ здѣсь очутился,—дивилась Сонька.

— Да, можетъ, это другого поймали, а не его,—возражали ей.

И къ этому прибавляли съ гордостью, что Олесю ихъ трудно поймать.

— Тамъ его Соколомъ зовутъ,—замѣчала Сонька.

— Не знаемъ, для насъ онъ Олеся,—отвѣчали ей.

— Да онъ, можетъ быть, вовсе и не разбойникъ,—сказала Клавдія, когда камеристка передала ей этотъ разговоръ.—Развѣ стали бы они дружить съ душегубцемъ?

— Ахъ, боярышня, у нихъ ничего не поймешь!—возражала съ досадой Сонька.—Вы вотъ думаете, что эти двое, Товій съ Октавіусомъ, порусски не понимаютъ, а они все до крошечки понимаютъ.

— Не можетъ быть!

— Да ужъ я вамъ говорю.

— А откуда ты это знаешь?

— Да ужъ знаю,—стояла на своемъ Сонька.

А немного погодя, она спрашивала у барышни (такъ продолжала она называть свою госпожу), извѣстно ли ей про графскаго брата.

— У него нѣтъ братьевъ, у него только двѣ сестры,—отвѣчала Клавдія.

— Тѣ само собой. Молодыя графини съ старой графиней въ Петербургѣ живутъ, а, кромѣ того, у нихъ еще братъ есть.

— Гдѣ же онъ, этотъ братъ?

— Да равно толкуютъ: кто говоритъ, что далеко онъ гдѣ-то содержится, не въ Русской землѣ, а другіе—что онъ здѣсь, въ ихъ варшавскомъ домѣ, въ подземельи будто запертъ, и будто онъ сумасшедшимъ притворяется, чтобъ голову ему не отрубили... Да вы, боярышня, не робѣйте,—поспѣшила она прибавить, испугавшись блѣдности, разлившейся по лицу ея слушательницы,—онъ подъ крѣпкимъ карауломъ у нихъ сидитъ, на цѣпи, вы его и не увидите.

Какъ ни торопился графъ доѣхать засвѣтло до цѣли своего путешествія, и какъ кучера съ фореиторами ни гнали лошадей, но разразившаяся къ вечеру гроза задержала ихъ на пути до поздней ночи.

Нервное раздраженіе, овладѣвшее Клавдіей съ утра, съ каждымъ часомъ усиливалось. Ни на секунду не могла она отогнать мрачныя мысли, осаждавшія ея воображеніе. Жуткое предчувствіе сжимало ей грудь до боли, и слезы ужъ не облегчали душу.

Да и боялась она плакать. Графъ все чаще и чаще искоса на нее поглядывалъ съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, точно посмѣиваясь надъ нею про себя.

Иногда ей казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ съ нею заговоритъ о мучившемъ ее вопросѣ, и ей становилось такъ жутко, что, холодѣя съ ногъ до головы, она спѣшила закрыть глаза и притвориться спящей.

Наконецъ, постоявъ нѣсколько минутъ у заставы, они въѣхали въ городъ. Карета покатила по мостовой и, поколесивъ довольно долго изъ одной улицы въ другую, мимо домовъ съ запертыми ставнями и воротами, въѣхала въ широкій дворъ, обогнула цвѣтникъ съ фонтаномъ посреди и остановилась передъ высокимъ крыльцомъ, съ бѣлыми мраморными изваяніями по сторонамъ.

Что поразило Клавдію, не взирая на ея страхъ и волненіе, это то, что здѣсь ихъ какъ будто никто не ждалъ. Никакихъ приготовленій не сдѣлано было для ихъ встрѣчи. Вышелъ къ нимъ изъ дома одинъ только старикъ дворецкій съ фонаремъ въ рукахъ и, за исключеніемъ двухъ оконъ, нигдѣ не видно было свѣта. Чтобъ довести ее до спальни черезъ длинную анфіладу роскошно убранныхъ комнатъ, съ золоченою мебелью, великолѣпными картинами и зеркалами, росписными потолками и мозаичными полами, Товій, который шелъ передъ графомъ съ супругой, растворяя передъ ними двери, долженъ былъ зажечь восковую свѣчу въ бронзовомъ канделябрѣ, украшавшемъ каминъ въ первомъ покоѣ.

И тутъ также, какъ и при предыдущихъ ночлегахъ, графъ довелъ свою супругу только до порога спальни и, раскланявшись съ нею, повернулъ назадъ.

Въ спальнѣ, глубокой комнатѣ, съ огромной раззолоченной кроватию, подъ пунцовымъ бархатнымъ балдахиномъ посреди, Клавдію ждала не одна Сонька. Тутъ были еще двѣ женщины, одна помоложе, другая старуха. Молча и почтительно раздѣли онѣ молодую графиню, не допуская Соньку ни на минуту остаться съ нею наединѣ, а затѣмъ, когда она поднялась по ступенямъ, окружающимъ кровать, и легла въ постель, обѣ съ низкимъ поклономъ удалились. За ними, волей-не-волей, должна была послѣдовать и Сонька. Она замѣшкалась только на минутку, чтобъ поправить подушку подъ головой своей боярышни и шепнуть ей на ухо, чтобъ она ждала графа:

— Непремѣнно сегодня ночью къ вамъ придуть.

Какъ ни взволновало и ни испугало ее это извѣстіе, тѣмъ не менѣе любопытство взяло верхъ надъ всѣми прочими чувствами и, оставшись одна въ комнатѣ, мягко освѣщенной лампадой, спускавшейся съ потолка на бронзовыхъ цѣпочкахъ, Клавдія стала внимательно озираться по сторонамъ.

Никогда еще не видывала она такого великолѣпія. Стѣны были обиты пунцовымъ штофомъ, потолокъ росписанъ сценами изъ мифологіи: Венера, окруженная амурами, на колесницѣ изъ цвѣтовъ.

Справа отъ кровати, съ приподнятыми тяжелыми складками бархатнаго полога, было два глубокихъ и высокихъ, стрѣльчатыхъ окна, съ разноцвѣтными стеклами, а въ промежуткѣ между ними большой столъ съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, венеціанской работы, уставленнымъ красивымъ туалетнымъ приборомъ. Слева же возвышался мраморный бѣлый каминъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что въ немъ легко можно было сжечь цѣлый дубъ, съ вѣтвями и листьями.

Обстановка этой комнаты довершалась массивной мебелью изъ краснаго дерева съ бронзовыми украшениями. Кромѣ той двери, въ которую она вошла, были еще тутъ двѣ другія, поменьше: одна вела въ уборную, а другая въ моленную.

Видъ этой моленной, съ картинами духовнаго содержанія по стѣнамъ и бархатной подушкой на полу, передъ аналоемъ съ распятіемъ, напомнилъ Клавдіи, что графъ другой вѣры, чѣмъ она, и одновременно съ этимъ ей пришло на умъ, что она сейчасъ его здѣсь увидитъ. Ее забила лихорадка отъ страха, и ни о чемъ другомъ не могла она больше думать.

Упершись пристальнымъ взглядомъ въ дверь, съ ужасомъ и отвращеніемъ прислушивалась она къ шороху и шуму, доносившемуся сюда изъ другихъ комнатъ очень слабо, но отъ нервнаго возбужденія слухъ у нея до того обострился, что она слышала, какъ мало-по-малу голоса и шаги стихали, удалялись и, наконецъ, наступила полнѣйшая тишина.

И длилась эта тишина такъ долго, что ей стало дышаться легче. Не придетъ, вѣрно, сегодня... Сонькѣ соврали...

Но, увы, надежда эта не сбылась; раздались шаги въ отдаленіи, все ближе и ближе, дверь, съ которой она не спускала глазъ, беззвучно отворилась, и онъ вошелъ.

— Извините за беспокойство, графиня, но мнѣ необходимо сегодня же съ вами переговорить,—сказалъ онъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати.—Вы не почиваете? Впрочемъ, я приказалъ предупредить васъ о моемъ визитѣ,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ.

И съ этими словами, вмѣсто того, чтобъ къ ней приблизиться, онъ повернулъ къ камину и опустился въ кресло передъ нимъ.

Наступило молчаніе. Клавдія лежала неподвижно, она не въ силахъ была произнести ни слова.

Молчалъ и онъ, чтобъ дать ей время собраться съ мыслями, можетъ быть. Такъ прошло минуты двѣ. А затѣмъ онъ снова высилъ голосъ, медленно и твердо, точно вбивая ей молоткомъ каждое слово въ мозгъ:

— Прошу васъ прежде всего успокоиться, графиня; вамъ необходимы силы. Къ величайшему моему сожалѣнiю, мнѣ невозможно дать вамъ здѣсь отдохнуть даже нѣсколько дней; рано утромъ мы снова должны пуститься въ путь.

— Да вѣдь мы въ Варшавѣ?—выговорила она съ усиленiемъ.

— Цѣль нашего путешествiя не Варшава, графиня,—отвѣчалъ онъ.—Но это не есть важно; разъ вы покинули родительскiй домъ и отечество, вамъ, я полагаю, должно быть безразлично, въ какой странѣ жить, не правда ли?

И вскидывая на нее насмѣшливый взглядъ, онъ прибавилъ:

— Судя по вашему волненiю, по страху, по слезамъ, я имѣю право предполагать, что васъ беспокоитъ не то, гдѣ вы будете жить, а съ кѣмъ? Не такъ ли?

И переждавъ немного отвѣта, котораго не послѣдовало (отъ волненiя у нея горло стиснуло спазмой), онъ продолжалъ, все съ той же усмѣшкой на нее поглядывая, точно забавляясь ея смущенiемъ:

— Я вамъ очень противенъ, графиня? О не пугайтесь, пожалуйста! Вамъ меня бояться не слѣдуетъ. Правда, мы обвинчаны, и вы будете до самой моей смерти носить мое имя и титулъ, но, кромѣ этого, я ничего отъ васъ не потребую, никогда. Да мы скоро и разстанемся, и навсегда, безъ сомнѣнiя.

Онъ поднялся съ мѣста, прошелся по комнатѣ, а затѣмъ подошелъ къ кровати и, не переставая улыбаться, продолжалъ свою рѣчь:

— Успокойтесь же, графиня. Васъ ждетъ блестящая судьба. Тотъ, къ которому я васъ везу, дастъ вамъ все, что только можетъ пожелать женщина. Что же касается меня, если вамъ случится когда нибудь вспомнить про человѣка, который вывелъ васъ изъ ничтожества, чтобъ возвести на вершину блеска и счастья, и если вы про себя скажете ему за это спасибо, мнѣ ничего больше не надо,—прибавилъ онъ.

И, почтительно приподнявъ съ одѣяла безпомощно опущенную маленькую, блѣдную ручку, онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженiе въ слѣдующей книжкѣ).

МАРІЯ АННА ФАЛЬКОНЭ (КОЛЛО)

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 31 ЯНВАРЯ 1895 г.

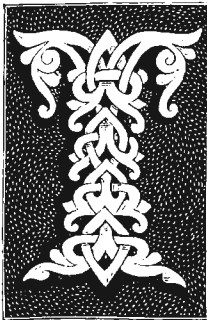

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА ¹⁾.

IV.

Московскій военный генераль-губернаторъ графъ А. А. Закревскій. — Поѣздка въ Петербургъ. — Представленіе государю императору Александру Николаевичу. — Разговоръ съ княземъ Алексѣемъ Теодоровичемъ Орловымъ. — Натянутыя отношенія съ графомъ Закревскимъ. — Приготовленія къ коронаціи. — Возня съ продовольствіемъ прибывшихъ въ Москву войскъ. — Приѣздъ государя. — Болѣзни въ войскахъ. — Странное поведеніе графа. — Обѣдъ въ манежѣ и въ Кремлевскомъ дворцѣ. — Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской. — Личныя неприятности. — Неожиданный переводъ губернаторомъ въ Воронежъ. — Дѣло по переправѣ чрезъ Оку подъ Серпуховымъ. — Воронежская губернія въ эпоху моего назначенія ея начальникомъ. — Мѣстныя дѣлишки. — Хлѣбная стачка торговцевъ. — Столкновения съ дворянствомъ. — Губернскій предводитель князь Гагаринъ. — Его вмѣшательство въ мои распоряженія. — Жалобы на меня въ Петербургъ. — Постройка моста въ Воронежѣ. — Памятникъ Петру Великому. — Мои другіе труды на пользу города и губерніи. — Подготовительныя мѣры къ великому освобожденію крестьянъ. — Дѣйствія князя Гагарина по освободительной реформѣ. — Назначеніе генераль-интендантомъ первой арміи. — Приемъ государемъ императоромъ. — Его милости.

РУДНО ИЗБРАТЬ три губерніи, которыя бы въ такой степени были разнообразны по обстановкѣ и управленію, какъ губерніи: Владимірская, Волынская и Московская.

Московскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій, былъ человекъ суроваго вида. Высокій, сухой, съ гордо поднятой головою, онъ властно говорилъ и смотрѣлъ. При первомъ свиданіи онъ объявилъ мнѣ, что, будто бы, ходатайствовалъ о назначеніи меня въ Москву потому, что во Владимірской губерніи я оставилъ по себѣ память дѣятельнаго администратора. Послѣ объясненій о прошлой и предстоящей службѣ я былъ представленъ графинѣ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 380.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1895 г., т. LIX.

въ ея комнатахъ. Отъ вліянія той жизни, которая тогда происходила въ генераль-губернаторскомъ семействѣ, я старался гарантировать свою личную обстановку. Поэтому приглашенія на вечера по четвергамъ къ графинѣ, въ 11-ть часовъ, я счелъ нужнымъ отклонить. Я заявилъ, что, будучи преданъ служебному долгу, считаю обязанностью бывать на субботнихъ вечерахъ графа, какъ официальныхъ. Что же касается относительно вечеровъ графини, то они для меня неудобны, какъ мѣшающіе моимъ должностнымъ занятіямъ. Эта ягода не нашего поля, выражалась обо мнѣ супруга графа Арсенія Андреевича.

Покойная жена моя оставалась за границею съ дочерью Аделью, гдѣ также была съ мужемъ другая дочь Ларисса. Сыновья—Анатолий былъ переведенъ въ московскій кадетскій корпусъ; Виктора прикомандировали къ гвардейской конной артиллеріи.

Вскорѣ я отправился въ Петербургъ. Его величество, между прочимъ, изволилъ благодарить меня за управленіе Волынской губерніею и за устройство города Житомира. Потомъ я представился князю А. О. Орлову, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта. Онъ всегда оказывалъ мнѣ вниманіе и теперь объяснилъ, что государь во время пути изъ Крыма отзывался о моихъ дѣйствіяхъ, какъ губернатора, съ большою похвалою. Въ бытность въ Москвѣ, узнавъ, что графъ Закревскій хочетъ просить о смѣнѣ гражданскаго губернатора, императоръ совѣтовалъ ему представить меня, какъ могущаго принести пользу при предстоящей коронаціи; въ особенности потому, что предполагалось привести въ старую столицу гвардію.

Такъ объяснилась причина совершенно неожиданнаго моего перевода изъ Житомира. Графъ Закревскій былъ поставленъ почти въ обязательное положеніе обо мнѣ ходатайствовать. Я лишился лестной для меня обстановки, которою пользовался при управленіи Волынской губерніею, подъ начальствомъ генераль-губернатора, благороднѣйшаго князя Васильчикова. Онъ словомъ и дѣломъ свято охранялъ девизъ покойнаго отца своего: «Жизнь царю, честь никому».

Московское дворянство почтило меня представленіемъ въ залѣ своего собранія. Купечество, замѣтивъ, что въ губернаторскомъ домѣ внутренняя обстановка пришла въ ветхость, просило дозволить обновить мое помѣщеніе къ предстоящей коронаціи. Съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ городская дума привела въ исполненіе свое желаніе.

Кромѣ управленія губерніею съ присутственными мѣстами, мнѣ подчинены были: больницы чернорабочихъ, учрежденныя въ разныхъ частяхъ города на 1.600 человекъ, дума съ городскимъ хозяйствомъ и особый комитетъ по санитарной части, обязанный принимать мѣры къ прекращенію сильно развитой тогда въ Москвѣ сифилитической болѣзни.

При обзорѣ мѣстныхъ учреждений, я нашелъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ. Только въ городской думѣ мнѣ встрѣтились затрудненія въ правильности движенія суммъ. Больницы чернорабочихъ содержались весьма неудовлетворительно.

Чтобы отстранить отъ себя всякія нареканія, распускаемыя умышленно въ Москвѣ, я почти чуждался общества и выѣзжалъ только по службѣ и рѣдко къ частнымъ лицамъ и роднымъ. По субботамъ, впрочемъ, я присутствовалъ на вечерахъ у графа и иногда въ англійскомъ клубѣ, какъ почетный старшина. При всей осторожности моей, я, однако, подвергался намекамъ то въ сочувствіи славнофиламъ¹⁾, то въ невѣрномъ взглядѣ на дѣла уголовной палаты. Не буду занимать мѣста въ этихъ запискахъ подробнымъ объясненіемъ подобныхъ странностей, доказывавшихъ, что я былъ въ Бѣлокаменной, какъ говорится, не ко двору. Я переносилъ все терпѣливо изъ уваженія къ званію и преклоннымъ лѣтамъ графа. По совѣсти сказать, я любилъ его; онъ былъ добрый человекъ. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что и человеку съ болѣе практическимъ характеромъ и разумною силою воли трудно бы было отстранить себя отъ сплетенъ. Присущія старческимъ годамъ убѣжденія, что мы чѣмъ старѣе, тѣмъ совершеннѣе, имѣли и на него грустное вліяніе.

При ревизіи губерніи втеченіе зимы я не нашелъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ особо выдающихся безпорядковъ. Только въ одномъ изъ земскихъ судовъ я засталъ секретаря, составляющаго статистическія свѣдѣнія о настоящемъ урожаѣ по вѣдомостямъ прошлаго года.

— Развѣ вы не требуете этихъ свѣдѣній отъ станovýchъ приставовъ? — спросилъ я.

— Требуемъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ чиновникъ, — но рѣдко получаемъ отвѣты. Да и кто же можетъ провѣрить цифры станovýchъ? — прибавилъ онъ наивно.

Вотъ изъ какихъ данныхъ составлялись въ былое время свѣдѣнія объ урожаяхъ и пр.

Народъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовали фабрики, казался болѣе развитымъ, но и болѣе придерживающимся разгуловъ, губящихъ результаты его трудовъ.

Между тѣмъ, прошли шумные праздники, мясоѣдъ и бурная московская масляница со встрѣчами и проводами севастопольскихъ героевъ, при выдающемся участіи почетнаго гражданина Кокорева. Для меня открылось обширное поле административной дѣятельности.

¹⁾ Увидавъ въ домѣ моемъ прислугу въ русскихъ костюмахъ, перешедшую ко мнѣ еще въ гор. Владимірѣ отъ графа П. И. Апраксина, графъ Закревскій серьезно замѣтилъ: «Москва—не Житомир!».

По случаю предстоявшей коронаціи высочайше повелѣно было войска гвардіи изъ сѣверо-западнаго края направить въ Москву и расположить пѣхоту лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, а кавалерію, большею частью, въ городѣ. Получивъ приглашеніе провіантскаго департамента открыть цѣны на перевозку провіанта и овса съ вокзала желѣзной дороги въ остоженскій провіантскій магазинъ, я вызвалъ подрядчиковъ по перевозкѣ тяжестей. Послѣдніе заявили, что хотя современные цѣны они объявить могутъ, но когда начнется сѣвѣзъ на коронацію, и увеличится потребность въ лошадахъ, тогда и цѣны возвысятся. Сообщивъ объ этомъ департаменту, я присовокупилъ, что, по моему мнѣнію, въ перевозкѣ, которая введетъ казну въ значительныя издержки, не предстоить никакой надобности. Пѣхота и кавалерія могутъ принимать провіантъ непосредственно изъ-подъ навѣсовъ желѣзной дороги и перевозить его въ лагерь и магазинъ на собственныхъ подъемныхъ лошадахъ.

Позже былъ командированъ департаментомъ чиновникъ для открытія цѣнъ на сѣно и солому. Онъ представилъ на мое утвержденіе цѣны на сѣно по 65 коп., а на солому около 25 коп. за пудъ. Я объявилъ, что такихъ цѣнъ утвердить не могу, и пригласилъ гг. предводителей и исправниковъ Бронницкаго и Подольскаго уѣздовъ, какъ избилующихъ сѣномъ и ближайшихъ къ Москвѣ.

Предводитель Бронницкаго уѣзда, г. Максимовъ, заявилъ, что онъ беретъ заготовить съ доставкой и сплавомъ въ Москву сѣно не выше 28 коп. и солому по 10 или 12 коп. за пудъ. Справедливость заявленія Максимова подтвердили подольскій предводитель и мѣстные исправники. Такъ какъ при приемѣ сѣна натурою могли встрѣтиться затрудненія со стороны войскъ, то я предположилъ при сдачѣ сѣна считать полтора пуда за пудъ и солому около 15 коп. Если же войска будутъ принимать сѣно натурою пудъ за пудъ, то остальные 14 коп. съ пуда будутъ имъ отпущаться въ добавокъ; затѣмъ, если они возьмутъ продовольствіе на свое попеченіе, то имъ отпустится полностью по 42 коп. за пудъ. Такимъ образомъ, въ пользу казны осталось отъ цѣнъ, объявленныхъ провіантскимъ чиновникомъ на сѣно и солому, и отъ отмѣны перевозки на хлѣбъ болѣе ста тысячъ рублей.

Не менѣе подрядчиковъ хотѣлъ поживиться на поднятіи цѣнъ на фуражъ бывшій тогда оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ генералъ Тимашевъ-Берингъ, находившійся подъ особымъ покровительствомъ графа Закревскаго. Онъ попросту просилъ меня увеличить цѣны на продовольствіе пожарныхъ лошадей. Я отвѣчалъ ему, что фуражныя пожарныя деньги ассигнуются городскою думою заблаговременно, и что фуражъ у полиціи долженъ быть уже давно заготовленъ. Военный генералъ-губернаторъ остался очень недоволенъ моими дѣйствіями.

Позже на меня пала обязанность устройства гвардейскаго ла-

геря. Къ графу Закревскому пріѣхалъ представиться передъ отъѣздомъ въ Петербургъ начальникъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генераль-адъютантъ графъ Барановъ, и, между прочимъ, объявилъ, что устройство лагерныхъ строеній отдано купцу Тарасову за 250 тысячъ рублей. Присутствуя при разговорѣ графа съ генераль-губернаторомъ въ его кабинетѣ, я невольно выразилъ, что лагерныя зданія, какъ мнѣ кажется, по опыту Красносельскаго лагеря, могутъ быть устроены гораздо дешевле. Дня чрезъ три послѣ упомянутаго событія мнѣ было доставлено письмо графа Баранова съ капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Шидловскимъ, бывшимъ потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ письмѣ говорилось о томъ, что память о моей полезной дѣятельности хранится въ гвардейскихъ войскахъ, и что я имъ окажу новую крупную услугу, если приму на себя заботы къ удешевленію стоимости постройки Ходынскаго лагеря.

Я пригласилъ городского голову съ купечествомъ, занимающимся подрядами по разнымъ сооруженіямъ. Разсмотрѣвъ планы строеній, привезенные капитаномъ Шидловскимъ, подрядчики просили дать имъ нѣсколько часовъ на составленіе примѣрныхъ смѣтъ. Прибывъ ко мнѣ на другой день рано утромъ, они объявили, что, по ихъ соображенію, постройка лагеря будетъ стоить около 200 тысячъ рублей. Объ этомъ я немедленно извѣстилъ графа Баранова и получилъ отъ него отвѣтъ, что главнокомандующій изъявляетъ мнѣ искреннюю благодарность за содѣйствіе, и предоставляетъ устроить, по моимъ условіямъ, лагерь 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій; устройство лагеря для другихъ частей войскъ и госпитальныхъ барачковъ оставлено за Тарасовымъ, заготовившимъ уже матеріалы и сдѣлавшимъ уступки съ первоначально назначенныхъ цѣнъ.

Въ Бозѣ почившая императрица Марія Александровна во время коронаціи избрала себѣ мѣсто для пребыванія въ селѣ Останкинѣ. Для удобнаго проѣзда ея изъ этого села въ Москву пришлось шоссировать дорогу отъ Шереметьевскаго имѣнія вплоть до Петровскаго парка.

Въ Москвѣ государь въ присутствіи графа Закревскаго изволилъ спросить меня:

— Устроишь ли ты какое либо развлеченіе для гг. офицеровъ въ лагерь, по примѣру Краснаго Села?

Я доложилъ:

— При всей своей готовности исполнить желаніе вашего величества, я не могу изыскать средства, по недавнему сюда прибытію.

Графъ Закревскій объяснилъ, что средства будутъ. На меня легла обязанность создать въ лагерь павильонъ для танцевальныхъ вечеровъ. Онъ состоялъ изъ залы, по образцу московскаго собранія,

съ гостинными и уборными комнатами, столовою и проч. Чтобы опредѣлить размѣръ помѣщеній, довольно сказать, что, по свѣдѣніямъ полиціи, на стѣздахъ, во время присутствія въ Москвѣ высочайшей фамиліи, бывало до пяти сотъ экипажей, и тѣсноты не было. Павильонъ обошелся около 30 тысячъ рублей. Въ немъ назначались собранія по два раза въ недѣлю; до наступленія коронаціи онъ былъ единственнымъ мѣстомъ сборища для московской, петербургской и съѣхавшейся со всей Россіи почетной публики. Въ заключеніе замѣчу, что государь прослѣдовалъ отъ станціи Химки въ Петровскій дворецъ вечеромъ и въ экипажахъ. На протяженіи четырнадцати верстъ была устроена изящная иллюминація.

Громадный, дружный наплывъ войскъ въ древней столицѣ не могъ не отозваться на здоровьи солдатъ и городскихъ жителей. Появились заразные болѣзни, требовавшія отъ администраціи принятія энергическихъ мѣръ. Я составилъ объ этомъ докладъ графу Закревскому, но онъ на немъ сдѣлалъ знаменательную надпись: «не нужно». Слухи о болѣзни въ войскахъ чрезъ лейбъ-медика Енохина достигли до императора. Государь, въ присутствіи моемъ и военнаго генераль-губернатора, замѣтилъ о печальномъ явленіи оберъ-полицеймейстеру. Но и послѣ такого факта графъ Закревскій оставался равнодушнымъ къ гигиеническимъ условіямъ Москвы. Когда же я настоятельно заговорилъ ему объ исполненіи высочайшей воли, онъ махнулъ рукою и произнесъ съ неудовольствіемъ:

— Дѣлайте, что хотите.

Своими дѣйствіями, какъ представитель высшей власти, графъ способствовалъ упадку своего авторитета среди московскаго общества. Послѣ коронаціи столичное купечество рѣшило дать обѣдъ монарху и ассигновало на это сто тысячъ рублей. Обѣдъ долженъ былъ происходить въ манежѣ, у Александровскаго сада. Наканунѣ торжественнаго дня, графъ Закревскій пожелалъ осмотрѣть сдѣланныя приготовленія къ обѣду. Я сопровождалъ генераль-губернатора. При входѣ въ манежъ графъ былъ встрѣченъ городскимъ головою Колесовымъ и именитымъ купечествомъ. Едва отвѣтивъ на ихъ поклонъ, генераль, указывая на купечество, сказалъ

— Это что?

Голова доложилъ:

— Распорядители обѣда, ваше сіятельство.

Генераль-губернаторъ сурово замѣтилъ:

— Мѣсто распорядителей на кухнѣ!

Какъ ни странно, но графъ не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ мѣстнаго купечества присутствовалъ на обѣдѣ, даваемомъ мѣстнымъ же купечествомъ своему государю. Едва мнѣ удалось испросить дозволеніе допустить къ обѣду двадцать лицъ, избранныхъ отъ торговаго люда.

Я не буду говорить о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое вынесъ нашъ благодушный императоръ отъ отсутствія на купеческомъ обѣдѣ самихъ хозяевъ. Отдавая имъ обѣдъ въ большемъ Кремлевскомъ дворцѣ, онъ не соизволилъ на него пригласить надменнаго графа. Изъ сказаннаго понятно, какъ я при каждомъ удобномъ случаѣ старался вырваться изъ Москвы на провинціальныя просторы. Случай мнѣ представился. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй Степановичъ Ланской, во время коронаціи квартировалъ въ моемъ губернаторскомъ домѣ. Моя семья помѣщалась во флигелѣ. Часто бывая у министра, я имѣлъ возможность узнать близко этого замѣчательнаго человѣка. Много въ моей жизни я видѣлъ людей высокопоставленныхъ, имѣлъ съ ними частныя и служебныя отношенія, но ни въ комъ не видалъ такой теплоты души и вниманія къ нуждамъ каждаго, какъ въ графѣ Ланскомъ. Не мнѣ судить о немъ, какъ о дѣятелѣ государственномъ, но кто изъ людей образованныхъ не знаетъ изъ историческихъ данныхъ, какое широкое и свѣтлое участіе принималъ Сергѣй Степановичъ въ великой реформѣ освобожденія крестьянъ?

Узнавъ отъ министра, что въ Нижнемъ Новгородѣ освободилось губернаторское мѣсто, я просилъ о назначеніи меня туда губернаторомъ. Однако, по докладѣ графа о томъ, что я могу быть полезенъ Нижнему Новгороду по устройству ярмарки, государь отзывался, что я и въ Москвѣ приношу пользу, что графъ Закревскій мною очень доволенъ. Мнѣ оставалось до времени терпѣть и ожидать новой губернаторской вакансіи. О ней я узналъ совершенно случайно. Дѣло было такъ. Въ одну изъ субботъ я, по обыкновенію, явился на вечеръ къ графу Закревскому. Поздоровавшись со мною, графъ сказалъ, что съ нами будетъ играть новый партнеръ—сенаторъ, князь Долгорукій, только что пріѣхавшій изъ Воронежа, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Не подавая виду, что эта новость произвела на меня сильное впечатлѣніе, я воспользовался первымъ случаемъ, чтобы потихоньку съѣздить домой для отправки телеграммы министру Ланскому. Я просилъ въ ней о переводѣ меня губернаторомъ въ Воронежъ. Сановный хозяинъ замѣтилъ мое внезапное исчезновеніе и не воздержался, чтобы не спросить: гдѣ я былъ? Я не скрылъ ничего. Графъ вспылчиво воскликнулъ:

— Этому не бывать! Я пошлю чиновника съ письмомъ къ министру.

Вопреки желанію московскаго военнаго генераль-губернатора, я вскорѣ былъ высочайше утвержденъ начальникомъ Воронежской губерніи. Графъ Закревскій себя выдержалъ и устроилъ мнѣ официальный обѣдъ. Отъ остальной обстановки проводовъ я укрылся и неожиданно выѣхалъ изъ Москвы къ новому своему назначенію. Благодаря своей подневольной зависимости, я ничего не могъ сдѣлать для Московской губерніи хорошаго и полезнаго. Въ одномъ

случаѣ мнѣ представилась возможность подавить злоупотребленіе, сдѣланное въ городѣ Серпуховѣ, но и тутъ надо мною самимъ хотѣли произвести дознаніе. Осенью, въ 1856 году, рѣка подѣ Серпуховымъ вслѣдствіе непостоянной погоды останавливалась и расходилась нѣсколько разъ. Въ это время тронулись уже обозы на харьковскую ярмарку. Въ Москвѣ разнесся слухъ, что въ городѣ Серпуховѣ за переправу обозовъ чрезъ рѣку берутъ большую плату. Командированный мною чиновникъ донесъ, что онъ засталъ въ харчевнѣ, у самой переправы, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, двухъ солдатъ путей сообщенія изъ евреевъ. Они, по показанію извозчиковъ, не устраивая казеннаго спуска, выдавали за деньги билеты на пропускъ подводъ по частному спуску. Командированный чиновникъ объяснилъ, что переправа имъ возстановлена.

Вскорѣ за этимъ настала оттепель, за нею морозы, и опять возникли слухи въ народѣ о поборахъ на Окѣ въ Серпуховѣ. Тогда я отправился лично на переправу. На берегу рѣки стояло множество подводъ; цѣны на фуражъ въ городѣ возвысились. Казенный спускъ былъ снятъ; передъ нимъ была довольно большая прорубь, а въ сторонѣ находился частный спускъ, отъ котораго и чернѣлся слѣдъ по льду. Офицеръ путей сообщенія объяснилъ, что казенный спускъ снятъ потому, что переправлявшійся вчера возъ провалился и съ трудомъ спасенъ; отъ этого и образовалась прорубь. Кѣмъ устроенъ частный спускъ, онъ не знаетъ. Въ окружавшей толпѣ возчиковъ слышанъ былъ ропотъ на то, что частный спускъ сооруженъ солдатами, и что по нему пропускаютъ только за плату что прорубь предъ казеннымъ спускомъ устроили также солдаты а самый ледъ совсѣмъ надеженъ.

Я приказалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по слѣду прорубить ледъ. Удостоверившись въ его крѣпости, я пустилъ на рѣку прежде порожнія повозки, затѣмъ возы одиночные, потомъ троичные и оставался на Окѣ, пока не переправились всѣ обозы на другую сторону. По возвращеніи въ Москву, мною представлена были секретная записка въ собственные руки графу. Въ ней объяснивъ подробно обстоятельства дѣла, я просилъ о перемѣнѣ офицера, за вѣдывающего переправу. Генераль-губернаторъ по этой негласной запискѣ предписалъ произвести гласное слѣдствіе, а виновнаго офицера оставилъ при исполненіи своихъ обязанностей.

Находя, что такое распоряженіе явилось какъ бы недовѣріемъ высшей власти къ моимъ дѣйствіямъ и служило подрывомъ моей собственной власти, я испросилъ себѣ отпускъ и отправился въ Петербургъ для личнаго доклада Серпуховскаго дѣла министру внутреннихъ дѣлъ. Оно имъ рѣшено во имя справедливости и было моимъ послѣднимъ столкновеніемъ съ графомъ Закревскимъ, какъ администраторомъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Москвы онъ недолго въ ней и самъ остался. Слабый въ съею семьѣ, онъ не устоялъ на

высотѣ долга, когда его дочь, графиня Нессельроде, захотѣла выйти замужъ отъ живаго мужа за князя Друцкого-Соколинскаго. Графъ былъ уволенъ и проживалъ послѣдніе годы жизни въ своемъ подмосковномъ имѣніи.

Управленіе тремя губерніями съ полнымъ желаніемъ принести посильную пользу хотя и давало мнѣ надежду на успѣшное веденіе дѣлъ и въ четвертой, такъ сказать, родственной мнѣ ¹⁾ Воронежской губерніи, но, къ сожалѣнію, я былъ официально предупрежденъ объ ея нѣкоторыхъ особенностяхъ, требовавшихъ отъ меня большой осторожности въ дѣйствіяхъ.

Въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ оказалось нѣсколько личностей, имѣвшихъ сношенія съ нашими заграничными эмигрантами и возмущавшихъ жителей противъ правительственныхъ распоряженій. Въ виду наступавшей великой освободительной эпохи я понималъ, что власть слѣдовало держать крѣпко въ рукахъ, и потому вынуждаемъ былъ по временамъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Такъ, одного злостнаго писателя мнѣ пришлось совѣтъ удалить изъ губерніи.

Приѣхавъ въ Воронежъ по утру, въ воскресенье, когда меня не ждали, я отправился въ соборъ и послѣ обѣдни посѣтилъ архіерея. Пожарная команда была найдена мною въ исправности, а осмотрѣнный торговый базаръ, съ мясными рядами, въ полномъ безпорядкѣ. Я приказалъ наклеить на видныхъ мѣстахъ статьи закона о съѣстной торговлѣ и о взысканіяхъ за его неисполненіе.

При представленіи дворянства, служащихъ и купечества, я объявилъ полную надежду, что всѣ классы общества будутъ содѣйствовать мнѣ въ поддержаніи благоустройства губерніи. Назначивъ пріемъ по экстреннымъ дѣламъ службы, а также и просителей, во всякое время, я въ управленіи подчиненными мнѣ частями слѣдовалъ тому порядку, который былъ заведенъ мною въ другихъ мѣстностяхъ.

Замѣчательно, что въ Воронежѣ частыя жалобы изъ средняго сословія доказали нравственный упадокъ семейной жизни, изъ которой исходитъ наше общественное благополучіе.

Приведу примѣры жалобъ, бывшихъ въ началѣ моего управленія.

Среди дня явилась ко мнѣ сильно встревоженная молодая женщина, объявивъ, что въ отсутствіе мужа ея, чиновника, ворвались къ ней въ квартиру чиновникъ съ купцомъ и безъ всякаго повода съ ея стороны начали безобразничать. Полицеймейстеръ тотчасъ же изслѣдовалъ это происшествіе и привелъ ко мнѣ виновныхъ. Оказалось, что купецъ съ чиновникомъ, покончивъ выгодную для нихъ сдѣлку на поставку дровъ въ казну, выпили лишнее и,

---

¹⁾ Родъ Синельниковыхъ происходятъ отъ дѣтей боярскихъ Воронежской губерніи.

проходя по улицѣ, вломились въ первый попавшійся домъ къ женщицѣ безукоризненнаго поведенія. Чиновникъ сознался въ своей винѣ и былъ отправленъ на гауптвахту, но купецъ понесъ такой вздоръ, который привелъ меня къ заключенію, что онъ помѣшался. Онъ былъ отправленъ на испытаніе въ больницу. Старшій докторъ объяснилъ мнѣ, что купецъ отъ невоздержной жизни былъ близокъ къ воспаленію мозга. Его начали лѣчить. По исцѣленіи купецъ явился ко мнѣ послѣ обѣдни съ семействомъ и благодарностью. Сдѣлавъ приличное внушеніе, я приказалъ ему, вмѣстѣ съ освобожденнымъ отъ ареста чиновникомъ, извиниться передъ обиженною ими женщиною.

Пріѣхала ко мнѣ какъ-то вдова старушка изъ богатой купеческой семьи съ жалобою на сына. Послѣдній, будучи женатъ на умной и скромной дѣвушкѣ, связался съ солдаткою изъ Тамбова. На убѣжденія мои, что это дѣло не мое, а духовнаго начальства, старушка со слезами увѣряла, что только я и могу спасти ея семейство отъ сраму. Нечего было дѣлать. Я поручилъ полицеймейстеру секретное дознаніе, чрезъ которое выяснилось, что связь дѣйствительно существуетъ, но что солдатка проживаетъ безъ паспорта. Она была отправлена по этапу на родину, а блудному сыну былъ воспрещенъ выѣздъ изъ города безъ моего дозволенія.

Чтобы записки мои о тогдашней нашей губернской жизни не приняли вида сборника слетенъ, я замѣчу, что, когда еще не было суда скораго и гласнаго, личный разборъ жалобъ, хотя и отнималъ у меня много дѣловыхъ часовъ, но приносилъ и не малую пользу мѣстному обществу.

Вскорѣ послѣ разказанныхъ происшествій воронежскіе торговцы сдѣлали стачку и произвольно увеличили цѣны на хлѣбъ. Узнавъ объ этомъ, я пригласилъ городского голову и торговыхъ депутатовъ и вмѣстѣ съ полиціей поручилъ имъ привести въ извѣстность: сколько свезено хлѣба собственно для продажи въ городѣ и почему онъ обошелся въ покупкѣ? Затѣмъ, я вызвалъ ближайшихъ къ городу помѣщиковъ, въ томъ числѣ отставнаго генерала С., имѣвшаго большіе запасы хлѣба. Они назначили очень умѣренныя цѣны на свой хлѣбъ и заявили желаніе вывезти его въ городскіе лабазы. На другой день явились ко мнѣ съ потребованными свѣдѣніями и почтенные торговцы. Чувствуя, что имъ не придется меня обмануть, они высказали готовность отпускать хлѣбъ по существовавшимъ прежде цѣнамъ. Напомнивъ имъ законъ о стачкахъ, я отпустилъ ихъ съ миромъ и предупрежденіемъ не пускаться впредъ на подобныя пробы.

Нерѣдко являлись ко мнѣ крестьяне съ жалобами на помѣщиковъ, заставляющихъ ихъ работать на барщинѣ болѣе опредѣленныхъ закономъ дней (въ недѣлю, не исключая воскресеній и праздниковъ). Особенно были вопіющія жалобы на одного изъ уѣзд-

ныхъ предводителей П., который въ виду слуховъ о готовящейся реформѣ отбиралъ себѣ разработанную крестьянами землю и переселялъ ихъ на голый песокъ. Я отсылалъ просьбы крестьянъ и ихъ самихъ къ губернскому предводителю, а г. П. пригласилъ къ себѣ для объясненій. Въмѣсто сознанія въ неправотѣ своихъ дѣйствій, онъ протестовалъ противъ моихъ замѣчаній и заявилъ, что если дать крестьянамъ поводъ къ жалобамъ, то помѣщики не въ состояніи будутъ управлять имѣніями. Я замѣтилъ собесѣднику, что на первый случай отправилъ жаловавшихъ крестьянъ къ губернскому предводителю, но, если жалобы повторяются, то предпишу произвести законное слѣдствіе. Затѣмъ, я составилъ секретный циркуляръ гг. предводителямъ 26 іюля 1857 г. и обратилъ ихъ вниманіе на строгое соблюденіе помѣщиками закономъ обозначенныхъ обязанностей къ крестьянамъ. Я намекнулъ въ циркулярѣ, что дворяне должны разумно приготовляться къ созидаемому правительствомъ освободительному акту. Копія съ циркуляра была мною представлена министру внутреннихъ дѣлъ.

Статсъ-секретарь Ланской отвѣчалъ, что онъ читалъ съ удовольствіемъ копію съ моего циркуляра, и что убѣжденія мои онъ вполне раздѣляетъ и надѣется, что при такомъ взглядѣ моемъ на крѣпостное право всѣ возникающія между владѣльцами и крестьянами недоразумѣнія будутъ въ самомъ началѣ прекращаться.

Однако, не такъ глядѣлъ на права помѣщиковъ воронежскій губернский предводитель князь Гагаринъ. Онъ прислалъ мнѣ длинное посланіе и въ немъ наставлялъ, какъ слѣдуетъ управлять губерніею. Я отвѣчалъ князю краткимъ письмомъ, что былъ бы чрезвычайно ему благодаренъ за совѣты, если бы не получилъ предварительно письма министра, одобряющаго мои распоряженія. При этомъ я приложилъ копію съ письма министра и выразилъ увѣренность, что князь будетъ способствовать мнѣ къ водворенію въ губерніи того порядка, на которомъ зиждется общее благоденствіе.

Въ то же время я частно былъ извѣщенъ, что предводитель П., отправившійся съ моего дозволенія въ Петербургъ, обратился съ жалобами на мои притязательныя, по его мнѣнію, дѣйствія, къ одному воронежскому помѣщику, князю А. С. Меншикову, высоко стоявшему въ государственной іерархіи. Когда послѣдній посѣтилъ министра, то статсъ-секретарь Ланской, предупрежденный моимъ письмомъ, просто и ясно объяснилъ князю о продѣлкахъ П. Сей господинъ возвратился въ губернію весьма недовольнымъ своею поѣздкою и на послѣдовавшихъ вскорѣ дворянскихъ выборахъ въ предводители не попалъ.

Присущія почти повсемѣстно затрудненія и злоупотребленія на дорогахъ при переправахъ чрезъ рѣки, гдѣ вѣтъ постоянныхъ мостовъ, особенно тяготили гор. Воронежъ, отдѣленный рѣкою почти

отъ десяти уѣздовъ своей губерніи. Я предложилъ еще въ началѣ моего управленія городской думѣ составить проектъ на устройство постояннаго моста, обѣщая ей дѣятельную помощь къ удешевленію его постройки.

Городская дума съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ этому предположенію, но по неимѣнію средствъ предполагала обратиться за пожертвованіями къ жителямъ губерніи. Къ счастью, дѣло обошлось безъ этой общественной помощи. По представленію моему деньги были отпущены министерствомъ заимообразно, а 19 марта слѣдующаго года ожидаемый съ нетерпѣніемъ воронежцами мостъ Шпренгелевой системы, болѣе 100 саж. длины, съ часовнею на срединѣ во имя святителя Митрофанія, былъ освященъ и открытъ для зарѣчныхъ сообщеній.

Разскажу здѣсь, кстати, какимъ образомъ я попалъ на мысль о немедленномъ сооруженіи въ Воронежѣ памятника Петру Великому. Какъ извѣстно изъ историческихъ данныхъ, этотъ необыкновенный труженикъ созидаль здѣсь флотъ для покоренія Азова. Преданія о немъ и до сихъ поръ еще живы среди жителей Воронежской губерніи. При освидѣтельствovanіи суммъ приказа общественаго призрѣнія я нашель до 1.500 рублей денегъ, оставшихся отъ пожертвованій на устройство въ городѣ Воронежѣ памятника императору Петру I. Разсмотрѣнная переписка привела меня къ убѣжденію, что неисполнившееся намѣреніе о постанокѣ памятника преобразователю Россіи, обѣщавшее въ началѣ полный успѣхъ, лежитъ укоромъ на мѣстныхъ обитателяхъ.

Не теряя времени, я избралъ для памятника мѣсто на городской площади, названной Петровскою, и составилъ рисунокъ памятника. Онъ былъ представленъ мною чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на высочайшее благоусмотрѣніе. Между тѣмъ, арестантская рота, подъ моимъ руководствомъ, распланировала площадь, развела на ней садъ и сложила для памятника прочный бутъ. Я командировалъ въ Павловскій уѣздъ особаго специалиста для изслѣдованія годности мѣстнаго гранита для пьедестала подъ мощную фигуру безсмертнаго императора. Государь Александръ Николаевичъ не только соизволилъ утвердить мой рисунокъ памятника, но и пожаловалъ на него изъ собственныхъ суммъ 2.500 рублей. Заказанная бронзовая фигура изобразила великаго монарха въ формѣ его времени, стоящаго на пьедесталѣ и держащаго одною рукою якорь, а другою указывающаго на Азовъ. Выписанные мастера обтесали для пьедестала привезенный камень, вѣсящій до 5 тысячъ пудовъ. Камень былъ доставленъ въ городъ на устроенномъ суднѣ по р. Дону до устья р. Воронежа, а 14 верстъ везенъ на каткахъ народомъ, отказавшимся отъ платы за свои труды изъ благоговѣйной памяти къ мощному преобразователю Россіи.

Посвящая все свое время на благо губерніи, я, по принятому

порядку, часто выѣзжалъ на ревизіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ безъ предупреденій, особенно въ началѣ моего управленія. Нерѣдко мнѣ приходилось накрывать продѣлки чиновничества и ухищренія торговцевъ.

При объѣздахъ обратили мое вниманіе значительныя порубки казенныхъ лѣсовъ; были участки, въ которыхъ опушки оставались цѣлы, а средины вырублены. Изъ дѣлъ палаты государственныхъ имуществъ я видѣлъ, что испрашивалось разрѣшеніе провести чрезъ лѣсъ дорогу, а вырубалось для этого цѣлое поле. Замѣтилъ я, что и въ день св. Троицы истреблялись молодыя деревья въ страшномъ количествѣ. Подтвердивъ объ охраненіи лѣсовъ подлежащему началству, я требовалъ, чтобы и въ день св. Троицы были употребляемы народомъ лишь вѣтки съ деревьевъ.

Часть Воронежа, расположенная на гребнѣ и скатѣ горы къ рѣкѣ, послѣ дождей скоро осушалась; но другая часть, не имѣя стока, мѣстами была почти непроходима. По совѣщаніи съ техниками, я предположилъ прорыть каналъ вокругъ затопленной мѣстности, а воду спустить въ рѣку ниже города. Лишь только началась эта работа, какъ явились жертвователи: на улучшеніе пищи трудящимся арестантамъ и на устройство мостовъ чрезъ роющійся каналъ. Чтобы вызвать болѣе пожертвованій и польстить людскому самолюбію, я назвалъ одинъ мостъ именемъ жертвователя и этимъ вызвалъ новые значительныя вклады на общественную пользу.

Не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями, я, съ разрѣшенія министра Ланскаго, соединилъ два корпуса губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ одно зданіе и тѣмъ сократилъ расходы казны на наемъ помѣщеній въ частныхъ домахъ.

Полицейскія части были распространены, и устроены при нихъ для пожарныхъ инструментовъ теплые сараи по образцу столичныхъ.

Губернаторскій домъ, со всѣми пристройками и садомъ, былъ приведенъ, безъ всякихъ лишнихъ украшеній, въ тотъ порядокъ, который доступенъ каждому хозяину.

Къ дому дворянскаго собранія прибавлено помѣщеніе для дворянскаго клуба, прежде имѣвшаго пріютъ въ частномъ домѣ. Въ залѣ дворянства пристроены просторные хоры.

Для помѣщенія пріюта куплены и соединены между собою два частныхъ дома.

На торговой площади воздвигнуты торговыя палатки для продажи печенаго хлѣба и названы Михайловскими, по имени жертвователя.

Устроены купальни на рѣкѣ, бульвары на главныхъ улицахъ города, съ посадкою деревьевъ; нѣсколько улицъ перемощены и раздѣланы со сносомъ домовъ.

Эти улучшенія и новизны были совершены съ помощію аре-

стантской роты, пожертвованій частныхъ лицъ и виннаго откупщика.

Я былъ всегда того убѣжденія, что театръ не только доставляетъ удовольствіе обществу, но и служить его высокимъ нравственнымъ потребностямъ. Поэтому я реставрировалъ въ Воронежѣ какъ зимній, такъ и лѣтній театры, прискивалъ даровитыхъ артистовъ, учредилъ директорство изъ трехъ лицъ. Въ представленіяхъ участвовали и пріѣзжавшіе артисты императорскихъ театровъ.

Эпоха, въ которой мнѣ выпало на долю столько потрудиться въ Воронежской губерніи, совпадала съ осторожными приготовительными работами къ великому акту освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Послѣдніе, составляя главный контингентъ сельскаго населенія губерніи и въ множествѣ принадлежа богатѣйшимъ и вліятельнымъ въ государствѣ лицамъ, уже начинали кой-гдѣ волноваться. Для подавленія въ деревняхъ проявлявшихся бурныхъ наклоностей, могущихъ повлечь открытые бунты, приходилось принимать въ самомъ началѣ безпорядковъ экстренныя и суровыя мѣры. Такъ, въ городѣ Острогжскѣ крестьяне и мѣщане, подъ видомъ недовольства откупомъ, разбили два питейныхъ дома и храбро противодѣйствовали высланному противъ нихъ конвою. Я лично подавилъ мятежъ на мѣстѣ и немедленно произвелъ слѣдствіе, судъ и наказаніе виновнымъ. Слухъ объ этомъ фактѣ быстро разошелся по уѣздамъ и послужилъ уздою въ будущемъ для народныхъ страстей. Съ дворянствомъ, не сочувствовавшимъ грядущей эмансипаціи, я принялъ систему бороться посредствомъ воздѣйствія на его нравственную сторону, затрогивая его благороднѣйшія мысли и чувства. Къ счастью, время великой реформы совпало съ мѣстными дворянскими выборами. При представленіи мнѣ дворянства, я высказалъ всю важность предстоящихъ выборовъ по случаю ожидаемаго преобразованія. Я присовокупилъ, «что то довѣріе, съ которымъ всемилостивѣйшій государь обращается къ дворянству, какъ къ просвѣщенному и передовому сословію, налагаетъ на него священную обязанность содѣйствовать дѣлу историческаго значенія. Съ Божіей помощью, говорилъ я, мы переживаемъ эпоху, которую будутъ благословлять послѣдующія поколѣнія Россіи». Рѣчь архіерея въ соборѣ, въ свою очередь, такъ сильно повліяла на дворянство, что большинство слушали ее со слезами на глазахъ. За то упрямые и сильные крѣпостники подняли іезуитскую и томительную борьбу противъ административныхъ мѣропріятій.

По составленіи губернскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя князя Гагарина, эта борьба высказалась въ рельефныхъ формахъ. Въ первомъ журналѣ была сдѣлана оцѣнка усадебной земли, кажется, по 500 рублей за десятину. Получивъ этотъ журналъ, я просилъ князя пригласить ко мнѣ, по его

усмотрѣнію, нѣкоторыхъ членовъ комитета, чтобы обсудить неофициально тѣ пункты журнала, которые могутъ навлечь нареканіе на постановленіе комитета. Послѣ объясненій, данныхъ въ собраніи членами, предводитель взялъ журналъ какъ бы для исправленія. Черезъ день онъ привезъ журналъ ко мнѣ, перемѣнивъ только его редакцію. Тогда объяснивъ комитету всю неправильность его выводовъ, я представилъ журналъ и копію съ моего предложенія министру внутреннихъ дѣлъ.

Князь Гагаринъ, конечно, сознавалъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, назадъ идти было невозможно, и видѣлъ, что благоразумные дворяне готовы были слѣдовать не за нимъ, а по указанію правительства. Но онъ и его партія, къ сожалѣнію, оставались при своихъ убѣжденіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ открылись упомянутые выше выборы. Не легкая участь пала на меня, чтобы уладить ихъ ко благу губерніи и великаго дѣла. Я рѣшился обратиться съ просьбою къ предводителю воронежскаго уѣзда, совѣстному судѣ Сомову ¹⁾, во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшему человѣку, и просить его согласиться на баллотировку кандидатомъ въ губернскіе предводители.

На выборахъ князь Гагаринъ и его приверженцы дозволили себѣ такія отступленія отъ закона, что мнѣ пришлось конфиденціально написать графу Ланскому о всѣхъ продѣлкахъ князя и о томъ, что, если онъ, неправильно выбранный, будетъ вновь утвержденъ губернскимъ предводителемъ, то я не ручаюсь за спокойствіе губерніи. Государь соизволилъ утвердить воронежскимъ предводителемъ Сомова, и комитетскія работы по освобожденію крестьянъ пошли успѣшно, согласно благимъ указаніямъ правительства.

Мнѣ не привелось дожидаться въ Воронежѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, какъ награды за свое посильное участіе въ величайшей реформѣ. Отъ 3-го іюня 1859 года я получилъ письмо отъ военнаго министра съ предложеніемъ мѣста генераль-интенданта первой арміи. Мои уклоненія отъ этой должности и ссылка на больные глаза не помогли. Я вызванъ былъ въ Петербургъ и имѣлъ счастье представляться императору въ Красномъ Селѣ 29 іюля 1859 года. Не буду объяснять подробностей всемилостивѣйшаго приѣма, но вотъ что я написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, послѣ представленія ²⁾: «Не съ земнымъ, съ ангельскимъ добродушіемъ принялъ меня государь, объявивъ желаніе, чтобы я занялъ должность генераль-интенданта. Что же я могъ на это сказать ему? Я только просилъ о снисхожденіи къ моимъ ошибкамъ

¹⁾ Впослѣдствіи сенаторъ.

²⁾ Губернаторы были обязаны объ объясненіяхъ своихъ при высочайшихъ приѣмахъ доводить до свѣдѣнія г. министра.

по незнанію дѣла, ручаясь, что злонамѣренныхъ ошибокъ не сдѣлаю».

— Чего же ты опасешься?—изволилъ спросить меня государь.

Тогда я рѣшился объяснить, что опасуюсь личностей, занимающихъ вліятельныя должности по службѣ и имѣющихъ свои виды на дѣла интендантскія. Государь обѣщаль написать намѣстнику царства Польскаго князю Горчакову, что поручаетъ меня лично его вниманію.

Я былъ тронутъ до слезъ пріемомъ монарха. По выходѣ изъ его кабинета, почтенный старецъ генераль-адъютантъ Н. А. Сухожанеть спросилъ меня:

— Ну, на что вы рѣшились? И что вамъ пожаловаль государь?

— Будьтенисходительны комнѣ,—отвѣчалъ я,—служу государю не изъ личныхъ расчетовъ. Онъ мнѣ ничего не пожаловаль, и я ни о чемъ не просилъ.

— Такъ я буду просить,—отвѣчалъ благороднѣйшій военный министръ и приказаль мнѣ его ожидать.

Вышедши изъ кабинета его величества послѣ доклада, онъ объявилъ, что мнѣ всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Такъ мнѣ не суждено было быть дальнѣйшимъ дѣятелемъ великой реформы освобожденія крестьянъ и кончить устройство въ Воронежѣ памятника императору Петру I-му. Онъ былъ открытъ 10-го августа 1860 года ¹⁾.

Въ заключеніе этой главы считаю нужнымъ замѣтить, что, слѣдуя правилу: поощрять словомъ и дѣломъ достойныхъ сослуживцевъ, и стараясь предупреждать проступки по службѣ, я во все время управленія моего четырьмя губерніями не предалъ суду ни одного чиновника и ни одного человѣка не запятналъ такъ, чтобы онъ лишился надежды въ будущемъ быть полезнымъ государству. Я испыталь на опытѣ, что многіе изъ подвергавшихся нравственнымъ и административнымъ взысканіямъ исправлялись и дѣлались благонадежными гражданами.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Подробное описаніе памятника и торжества при его освященіи было напечатано въ свое время во многихъ газетахъ.

СМЕРТЬ ДѢДА СИМХИ.

АКЪ-ТО недавно, идя по Невскому, я встрѣтилъ похоронную процессію. Впереди ея ѣхалъ верхомъ на лошади полицеймейстеръ, а за нимъ, по обѣимъ сторонамъ проспекта, гарцовали жандармы. Движеніе конно-желѣзныхъ вагоновъ было приостановлено. Богатыя дроги высились среди улицы, и черный балдахинъ ут-палъ въ зелени многочисленныхъ вѣнковъ. А за дрогами двигалась громадная пѣшая толпа и длинная, въ цѣлую версту, вереница собственныхъ и наемныхъ экипажей. Все, однимъ словомъ, было торжественно, богато и пышно.. Но кого хоронили съ такой помпой?—трудно было догадаться издали. Въ похоронахъ не участвовалъ ни православный священникъ, ни католическій ксендзъ, ни протестантскій пасторъ. Только, поровнявшись съ дрогами, я догадался, въ чемъ дѣло. Это хоронили еврея-милліонера, стяжавшаго громкую извѣстность въ мірѣ дѣльцовъ..

Я былъ пораженъ видѣннымъ. Эти пышныя дроги, эти вѣнки, заставили меня призадуматься. Неужели евреи ушли на столько впередъ, что суровое религиозное міросозерцаніе, вѣдрившееся тысячелѣтіями, пошатнулось подъ напоромъ свѣта общечеловѣческаго просвѣщенія, и солнечные лучи проникли подъ мрачныя своды зданія черстватаго юдаизма? Но, вѣтъ... этому вѣрить трудно. То, что мнѣ приходилось видѣть въ дѣтствѣ, лѣтъ 20—25 тому

назадъ, не могло въ такой короткій промежутокъ времени переработаться и исчезнуть. И если теперь, на моихъ глазахъ, хоронять еврея-покойника почеловѣчески, то это только можетъ служить лишнимъ примѣромъ, на сколько еврейство остается себѣ вѣрнымъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы скрыть отъ христіанъ неприглядныя стороны своей религіи и свои несимпатичныя, бытовыя особенности.

Смотря на великолѣпную процессію, слѣдовавшую за гробомъ еврейскаго дѣльца, я вспомнилъ другія еврейскія похороны много лѣтъ тому назадъ, въ которыхъ я самъ участвовалъ. Постараюсь рассказать, какъ это было, со всѣми подробностями. Но да проститъ мнѣ читатель, если начну нѣсколько издалека.

I.

Зимній день близился къ концу. Послѣ продолжительной оттепели легкій морозецъ еле-еле сковалъ землю, и огромныя лужи затянулись тонкимъ слоемъ льда. Дорога стояла убійственная: какъ ходить, такъ и ѣздить было одинаково неудобно. Сальная свѣчка уныло мелькала среди наступавшихъ сумерекъ и нагоняла своимъ свѣтомъ на мою дѣтскую душу безотчетный страхъ... Впрочемъ, быть можетъ, въ моемъ страхѣ была больше повинна шестиконечная плетка, красовавшаяся пока на вколоченномъ въ противоположной стѣнѣ гвоздѣ, чѣмъ уныло мелькавшій свѣтъ отъ сальной свѣчки. Вѣрнѣе будетъ, если скажу, что и свѣтъ, и плетка въ совокупности удручающе дѣйствовали на мою дѣтскую душу. Родители мои жили въ большомъ городѣ, а меня отдали на воспитаніе дѣду со стороны матери, который жилъ въ маленькомъ мѣстечкѣ и занималъ должность шохета (рѣзника). Звали его Бере-Гиршъ въ просторѣчьи и Дейвъ-Цви, когда онъ призывался къ исполненію религіозныхъ обязанностей. И то, и другое означаетъ «Медвѣдь-Олень». Съ медвѣдемъ дѣдъ дѣйствительно имѣлъ сходство—былъ толстъ, неуклюжъ и неповоротливъ; на оленя же онъ совершенно не походилъ. Я его ужасно боялся. Благодаря своей профессіи, онъ часто возвращался домой весь выпачканный въ крови и, отличаясь нечистоплотностью, не обращалъ на это вниманія. Онъ никогда не ласкалъ меня, никогда со мною не разговаривалъ, не позволялъ гулять на улицѣ съ мальчишками, а дома, кромѣ меня, не было дѣтей, такъ что объ играхъ я не имѣлъ понятія. Съ утра онъ сажалъ меня за книгу и давалъ отдыхъ только для завтрака, обѣда и ужина. Когда онъ бывалъ дома, то, вооруженный вышеупомянутой плеткой о шести концахъ, преподавалъ мнѣ премудрости раввинской письменности, а

когда отлучался—задавалъ мнѣ для приготовленія такіе уроки, что я еле-еле поспѣвалъ съ ними къ его приходу. Билъ онъ меня и часто, и больно, и, полагать надо, головныя боли, которыми страдаю до сихъ поръ, обязаны своимъ происхожденіемъ удивительной системѣ воспитанія, которую съ такимъ ожесточеніемъ практиковалъ на мнѣ дѣдъ. Зимой, при наступленіи сумерекъ, я все-таки пользовался нѣкоторымъ отдыхомъ, пока не зажигали свѣчку. И вотъ почему унылый свѣтъ сальной свѣчки такъ удручающе дѣйствовало на меня: съ его появленіемъ прекращался мой отдыхъ, и грозная плетка переходила со стѣны въ правую руку дѣда. Онъ по вечерамъ всегда бывалъ дома и занимался со мною вплоть до времени отхода ко сну.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ рассказываю, не помню, какое обстоятельство задержало дѣда въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько лишнихъ минутъ. Но вотъ показалась его мрачная фигура. Онъ досталъ плетку съ стѣны, усѣлся со мною рядомъ за дубовымъ столомъ, раскрылъ толстый фоліантъ Талмуда и произнесъ своимъ хриплымъ басомъ:

— На чемъ мы остановились?

— Мы остановились на спорѣ школы Шама и школы Гилея о яйцѣ, которое курица кладетъ въ субботній день. Одна школа утверждаетъ, что яйцо, родившееся въ субботу, поспѣло въ чревѣ матери своей, курицы, наканунѣ субботняго дня, и такимъ образомъ яйцо, какъ окончательно сформировавшееся въ будни, можетъ быть немедленно употреблено въ пищу. Другая же школа утверждаетъ, что яйцо формируется окончательно только въ моментъ, когда курица его выбрасываетъ, и такимъ образомъ въ чревѣ ея работа не прекращается въ субботній день, а потому въ тотъ же день яйцо не можетъ быть употреблено въ пищу.

— Такъ не отвѣчаютъ. Одна школа... Другая школа... — Плетка свистнула въ воздухѣ, дѣдъ съ угрожающе поднятой правой рукой продолжалъ: — отвѣчай толково: что утверждаетъ школа Шама и что—школа Гилея?

Но, помня хорошо сущность спора, я рѣшительно не могъ припомнить, какое мнѣніе какой школѣ принадлежало. Я внутренно содрогался и впился глазами въ поднятый, сжатый кулакъ дѣда, ожидая, что вотъ-вотъ заплещутъ на моей спинѣ длинные концы плетки, но вдругъ открылись двери, и въ комнату вошла закутанная въ огромный платокъ женщина.

— Здравствуй, отецъ,—раздался ея голосъ.—Здравствуй и ты, мой дорогой Нотеле.

Она быстро сняла съ головы платокъ и бросилась ко мнѣ. Это была моя мать, которую цѣлыхъ шесть лѣтъ я не видалъ и, вѣроятно, не узналъ бы, такъ какъ, когда меня отравили къ дѣду, мнѣ было всего пять лѣтъ.

— И какой же ты большой!..—продолжала она, цѣлуя меня въ губы, глаза и шею, поворачивая во всѣ стороны и буквально впиваясь глазами въ мою фигуру.

— Оставь его,—перебилъ дѣдъ.—Нечего нѣжничать съ такимъ взрослымъ дуракомъ. Вытянулся какъ осина, а въ ученьи дубина. Брось его. Скажи, зачѣмъ пріѣхала?

— За нимъ пріѣхала. Взять его домой.

— За нимъ?.. Ты думаешь я его отдамъ тебѣ?..

Дѣдъ возвысилъ голосъ до крика.

— Нѣтъ, не бывать этому. Слышишь ли, пока я живъ, этому не бывать!.. Наперекоръ твоему трефняку-мужу я сдѣлаю изъ него истаго еврея!.. Въ угоду его отцу-апокеросу (отщепенцу, богоотступнику), да покараетъ его Господь и въ этомъ мѣрѣ и въ будущемъ, не допусцу, чтобы кровь отъ крови моей, плоть отъ плоти моей, чтобы мой внукъ пошелъ по пути кофурь-бойкримъ (отвергающихъ принципы божества)!.. Я его лучше зарѣжу, какъ рѣжу быковъ, чѣмъ отпущу отъ себя на грѣхъ и на погибель!..

Я всегда трепеталъ предъ дѣдомъ, но такимъ страшнымъ никогда его не видѣлъ. Глаза его налились кровью, голова тряслась, сжатými кулаками онъ трясъ въ воздухѣ. Мать моя заплакала, заплакалъ и я. А дѣдъ, между тѣмъ, еще болѣе возвысивъ голосъ, крикнулъ.

— Малка!.. Малка!..

На порогѣ появилась изъ сосѣдней комнаты бабушка. Старое, забытое существо, какъ и я, трепетавшее предъ своимъ мужемъ, подслѣповатая и полуглухая, она преуморительно ковыляла.

— Мама, мамочка!..—бросилась къ ней моя мать.

— Ты ли это, моя Ципа?.. Мое единственное дитя!..

И онѣ повисли другъ на другѣ.

— Прочь!—рознялъ ихъ насильно дѣдъ.—Не до родственныхъ объятій, когда грѣхъ и беззаконіе сопровождаютъ нашу плоть и кровь!.. Вѣдомо ли тебѣ, старуха, зачѣмъ пожаловала дочь твоя? Она пожаловала за своимъ сыномъ. Она хочетъ его взять отъ насъ!.. Она хочетъ, чтобы онъ выросъ такимъ же «гоемъ», такимъ же богоотступникомъ, какъ ея муженекъ, да покараетъ ихъ обоихъ въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ Всевышній!..

— Я его только на время возьму... На короткое время... удалось, наконецъ, матери вставить свое слово.

— Зачѣмъ? Чтобы съ отцомъ повидаться, да сотреть Господь и память о немъ?!

— Нѣтъ, не для этого... Тестъ мой, рабби Симха, умираетъ... Онъ желаетъ видѣть внука предъ смертью... Онъ самъ послалъ меня за нимъ...

— Рабби Симха умираетъ... Рабби Симха при смерти... значительно понизилъ дѣдъ свой голосъ.—Давно ли онъ заболѣлъ?

— Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Да пошлетъ ему Іегова исцѣленіе...

Дѣдъ глубоко вздохнулъ.

— Что-жъ, желаніе рабби Симхи необходимо исполнить: я отпущу съ тобой сына. Только помни, ты послѣ свиданія съ дѣдомъ немедленно привезешь его назадъ... Если не исполнишь моего требованія, прокляну на вѣки тебя и твое потомство какъ настоящее, такъ и будущее!..

— Привезу, непременно привезу его назадъ... со вздохомъ согласилась мать.

Дѣдъ успокоился и началъ спрашивать о болѣзни рабби Симхи; мать передала ему малѣйшія подробности. Потомъ начался разговоръ о моемъ отцѣ, котораго дѣдъ осыпалъ проклятіями и укорялъ мать за нежеланіе разводиться съ нимъ.

— Если продолжаешь жить съ нимъ, то ты не лучше его. И я не знаю, какъ это до сихъ поръ я не проклялъ тебя! Какая же ты еврейка, если живешь съ такимъ мужемъ?—закончилъ дѣдъ свои укоры.

Мать сидѣла съ опущенными глазами и молчала.

Я рѣшительно ничего не понималъ. Отца я еле помнилъ. Я былъ очень малъ, когда меня увезли изъ дома. Все-таки мнѣ было очень больно за отца, и я мысленно задавалъ себѣ вопросъ, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такой извергъ.

Наконецъ, мама заявила, что намъ надо немедленно ѣхать, такъ какъ минуты дѣда Симхи сочтены, и чтобы застать его въ живыхъ, надо торопиться. Дѣдъ не возражалъ. Меня завернули въ какую-то хламиду, усадили въ дожидавшуюся на улицѣ фуру, мама сѣла со мною рядомъ, и мы тронулись въ путь.

— Помни, Ципа,—угрюмо проговорилъ на прощанье дѣдъ.—Жду чрезъ три дня мальчика обратно, если не привезешь его, мои проклятія будутъ вѣчно тяготѣть надъ тобой!..

Пока мы ѣхали по мѣстечку, мама все оглядывалась назадъ и торопила нашего вознипу, чтобы онъ погналъ лошадку; она словно боялась, что дѣдъ одумается, догонитъ и отниметъ меня отъ нея. Она успокоилась только, когда мѣстечко осталось далеко позади насъ, и на дорогѣ показалась первая корчма.

— Ну, Иванъ,—обратилась она къ возницѣ,—тутъ мы переночуемъ. Остановись.

Въ корчмѣ оказалась отдѣльная конурка, въ которой мы и помѣстились на ночевку.

Оставшись со мною наединѣ, мама начала меня цѣловать и ласкать безъ конца. Я отвѣчалъ весьма сдержанно на ея бурныя ласки. Мама это замѣтила и печальнымъ голосомъ спросила:

— Развѣ ты не любишь меня?

— Нѣтъ... люблю...

— Отчего же ты такой грустный, волотой ты мой?.. Да у тебя и слезы на глазахъ,—заволновалась она.—Тебѣ, можетъ быть, жалко, что оставилъ дѣда?..

— Не жалко... Совсѣмъ не жалко...—произнесъ я и заплакалъ.

— Такъ чего же ты плачешь?... Скажи, чего?..

— Я боюсь отца... Онъ такой не хорошій...

— Твой отецъ не хорошій?.. Ты его боишься?.. Да лучше твоего отца трудно сыскать, и онъ тебя такъ любить... Ждетъ тебя, не дожидется... Онъ ночей не спитъ, все о тебѣ тоскуетъ...

— За что же дѣдъ его такъ ругалъ?.. А ты даже не заступилась...

— Ну, Хотеле, зачѣмъ я стала бы противорѣчить старому чело-вѣку?.. Разсердила бы его, онъ тебя не отпустилъ бы... А только ты повѣрь мнѣ: твой отецъ хорошій человекъ... Теперь главное сдѣлано: слава Богу, вырвала тебя изъ дома отца... Пускай онъ и ругается и проклинаетъ, только ужъ не видать ему тебя больше...

— Развѣ не возвращусь больше къ дѣду?—радостно перебилъ я маму.

— Ни за какія блага мы тебя больше не отдадимъ ему... Дѣдъ Симха непременно умретъ... Болѣзнь опасная, да и старъ онъ... А послѣ его смерти кто можетъ насъ принудить разстаться съ единственнымъ ребенкомъ...—Мама заключила меня въ объятія и такъ крѣпко прижала къ груди, словно еще существовала для меня какая-то опасность.

Когда мама успокоилась отъ охватившаго ее волненія, она начала меня посвящать въ семейныя дѣла, заставившія отослать меня въ такомъ юномъ возрастѣ къ ея отцу на воспитаніе. Сводилось все къ слѣдующему: отецъ мой впалъ въ немилость дѣда Симхи, когда обнаружилось, что онъ тайно занимается изученіемъ философіи и другихъ свѣтскихъ наукъ. Его обвинили въ ереси и отступничествѣ отъ еврейства, а потому, чтобы не дать ему возможности вліять на мое воспитаніе, подъ угрозой лишенія средствъ къ жизни, заставили отослать меня къ дѣду-рѣзнику съ тѣмъ, чтобы до моего совершеннолѣтія онъ не смѣлъ со мною вступать ни въ какія сношенія. Даже кратковременныя свиданія были запрещены. вмѣстѣ съ отцомъ впала въ немилость и мама за то, что отказалась разводиться съ нимъ, не смотря на настоянія родственниковъ.

— И мыкали же мы горе съ твоимъ отцомъ,—глубоко вздохнула мать.—Вѣришь ли, по временамъ просто силъ не хватало... Отъ униженія и горя, не знаю, какъ живы только остались... Какъ зачумленные, какъ прокаженные, были мы оставлены, брошены... Дѣдъ Симха назначилъ намъ на содержаніе четыре рубля въ недѣлю и поселилъ съ нами одного старика, чтобы постоянно и неусыпно слѣдить за твоимъ отцомъ... Я не имѣла права шепотомъ

разговаривать съ мужемъ... Старикъ немного глуховатъ и требовалъ громкаго разговора, чтобы могъ слышать насъ и передавать обо всемъ дѣду Симхѣ... Только по ночамъ въ кровати я имѣла возможность съ мужемъ по душѣ поговорить... и то, чтобы до старика нашъ шепотъ не доходилъ, а то, чего добраго, онъ бы съ нами рядомъ легъ... Дѣдъ Симха былъ способенъ и такое распоряженіе сдѣлать. Мама усмѣхнулась и продолжала:

— Ну, дитя мое, много было горя, да теперь конецъ... всему конецъ. Дѣдъ Симха умереть, и мы съ твоимъ отцомъ вольныя птицы... И съ тобой уже насъ никто не разлучить...

— Ты рада, что дѣдъ Симха умираетъ?

— Рада не рада... Нельзя радоваться смерти ближняго... Только достаточно онъ пожилъ и нечего огорчаться его смертью... Дай Богъ и намъ дожить до его лѣтъ...

Мы поужинали и легли спать.

II.

Отъ мѣстечка, гдѣ жилъ дѣдъ-рѣзникъ, до большого города было всего 62 версты разстоянія. Изъ корчмы мы тронулись въ путь часа въ три утра и часамъ къ восьми вечера пріѣхали домой. Отецъ встрѣтилъ насъ на улицѣ, и первый вопросъ мамы былъ: «живъ ли еще дѣдъ?»..

— Да, онъ еще живъ,—отвѣтилъ отецъ, впиваясь глазами въ меня.—Сынъ мой, дорогой мой Нотеле, наконецъ-то я тебя вижу,—обратился онъ ко мнѣ съ дрожью въ голосѣ.—Дай обнять себя, прижать къ родительской груди...

Онъ поднялъ меня на воздухъ, и я почувствовалъ его слезы на своихъ щекахъ.

Когда мы очутились въ комнатѣ, я съ особеннымъ любопытствомъ сталъ осматривать отца. Онъ былъ очень красивъ. Немного выше средняго роста, блѣдное лицо съ большими синими близорукими глазами, курчавыми, вьющимися волосами, кольцеобразно ниспадавшими до самыхъ плечъ; маленькая клинообразная бородка и застѣнчивая, мягкая улыбка,—все это весьма мало гармонировало съ тѣми представленіями объ отцѣ, которыя рисовала моя фантазія во все время пути, подъ влияніемъ ругательствъ дѣда-рѣзника. Хорошенько осмотрѣвъ всю его фигуру, я бросился ему на шею и, всхлиывая, произнесъ:

— Ты хорошій... хорошій... Родные не справедливы къ тебѣ... Ты хорошій... Ты лучше ихъ...

— Такъ, такъ, Нотеле,—подхватила мать съ счастливою улыбкой.—Кто бы ни ругалъ твоего отца, никому не вѣрь... Никто его не повимаеть—онъ лучше всѣхъ...

— Ты такъ рѣшила,—улыбнулся отецъ,—но я посоветую тебѣ держать свое мнѣніе при себѣ, а то услышать люди и поднимуть тебя на смѣхъ...

— Что мнѣ до людского смѣха, я готова повторять свои слова вездѣ и всегда...

— Хорошо, хорошо, моя Ципочка... Я знаю, что Господь надѣлилъ меня женой не по заслугамъ моимъ, и цѣню тебя выше «дорогихъ камней и богатства»...

— Что же вы мальчика не ведете къ рабби Симхѣ?—раздался старческий, сердитый голосъ надъ самымъ моимъ ухомъ.—Или ты, Сендеръ (имя отца), не желаешь на смертномъ одрѣ доставить своему отцу радость видѣть внука, на преступнаго сына не похожаго?..

Голосъ этотъ подѣйствовалъ на насъ всѣхъ самымъ удручающимъ образомъ и отравилъ намъ первыя минуты свиданія. Отецъ горько усмѣхнулся, мама покраснѣла отъ гнѣва, а у меня слезы навернулись на глаза. Я обернулся и увидѣлъ оборваннаго старика съ лицомъ, покрытымъ угрями, и громаднымъ крючковатымъ носомъ. Онъ зло усмѣхнулся и продолжалъ, устремляя насмѣшливый взглядъ на маму:

— Хороша и ты, грѣховодница. Нашла время, когда любезничать съ тrefнякомъ-мужемъ... Праведный еврей собирается отойти въ вѣчность, а ты надъ смертнымъ его одромъ предаешься грѣху и беззаконію... Тыфу... Да покараетъ васъ Господь, богоотступники!..

Мама открыла было ротъ, чтобы оборвать обидчика, но отецъ взялъ ее за руку и мягко, чуть слышно, проговорилъ:

— Оставь его, Ципочка... Ужъ не долго намъ терпѣть отъ него... Освобожденіе не за горами...

— Что ты тамъ шепчешь?—грозно перебилъ старикъ.—Громко не можете разговаривать?..

Отецъ ничего не отвѣтилъ старику и, взявъ меня за руку, сказалъ матери:

— Мы пойдемъ къ больному, а ты приготовь намъ поужинать...

Квартира дѣда Симхи, который жилъ въ собственномъ домѣ, была очень большая. Когда я вошелъ съ отцомъ въ залу, тамъ было много народу. Насъ встрѣтили враждебно. Отецъ съ опущенной головой остановился у самыхъ дверей. Долго съ нами никто не заговаривалъ.

— Что, Шліома, какъ отецъ?—спросилъ, наконецъ, папа у ржаго еврея съ веснушками.

— Тебѣ на что?

— Нельзя ли къ нему мальчика... Пусть его благословитъ передъ смертью...

— Очень это тебѣ нужно.. Много ты вѣришь благословеніямъ... Можетъ, изъ-за тебя старикъ преждевременно въ могилу уходитъ... Не ты ли омрачилъ его жизнь и сократилъ ему его дни, а теперь на смертномъ одрѣ являешься отравить ему послѣднія минуты...

— Шліома, братъ мой... Неужели и въ такую минуту ты не можешь забыть?—простоналъ отецъ. — Пощади меня хоть изъ-за мальчика...

— Развѣ забылъ ты, что Іегова изливаетъ гнѣвъ свой за грѣхи отцовъ на дѣтей и внуковъ, до третьяго поколѣнія?!.—перебилъ дядя Шліома отца съ запальчивостью.—Я говорю тебѣ истину въ глаза, чтобы сынъ твой тоже зналъ, каковъ ты есть! Чтобы онъ чувствовалъ и казнился... Несчастный мальчикъ,—онъ дотронулся до моей головы:—молись за грѣхи преступнаго отца, и да услышитъ тебя Іегова и въ великомъ милосердіи своемъ да не взыщетъ Онъ съ насъ, его близкихъ родственниковъ, за грѣхи и беззаконія твоего преступнаго отца!..

По мѣрѣ того, какъ дядя Шліома говорилъ, голосъ его раздавался все громче и громче. Взоры всѣхъ присутствующихъ съ ненавистью устремились на моего бѣднаго отца. Ни одного сочувственнаго движенія, ни одного сочувственнаго взгляда я не замѣтилъ. Горько и больно стало мнѣ на душѣ, и, инстинктивно схвативъ за руку отца, я съ плачемъ произнесъ:—Уйдемъ отсюда, отецъ!.. Дядя лжетъ, ты не преступный, ты не беззаконникъ!..

Слова мои точно громомъ поразили всѣхъ присутствовавшихъ, и въ первый моментъ никто не нашелся. Наступила зловѣщая тишина.

— Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ,—раздался, наконецъ, визгливый женскій голосъ.—Очень нужно съ ними разговаривать... Гоните вонъ отщепенца и презрѣнный плодъ его!..

— Вонъ!.. Вонъ!..—набросились на насъ всѣ съ яростью.

— Что за шумъ?—послышался громкій, властный голосъ. Изъ сосѣдней комнаты появилась высокая старуха съ строгимъ лицомъ.

— Мама!..—крикнулъ отецъ.—Защити меня, своего несчастнаго сына...

Старуха вся встрепенулась, твердымъ шагомъ, среди почтительно разступившихся предъ ней родственниковъ, приблизилась она къ намъ, устремила свои большіе, сѣрые глаза сначала на отца, потомъ на меня.

— Это внукъ мой, Сендерке?—спросила она.

Отецъ утвердительно кивнулъ головой. Она еще разъ устремила на меня свои большіе глаза, что-то, какъ будто, дрогнуло на ея лицѣ, съ доброй улыбкой она наклонилась и поцѣловала меня въ лобъ.

— Еще живъ мой мужъ и господинъ! Праведная душа его еще не оставила брѣнное тѣло,—заговорила она гнѣвно. — Вашъ часъ,

наслѣдники и наслѣдницы, еще не насталь!.. Еще хозяйка въ домѣ моего мужа я, и я вамъ не позволю заблаговременно здѣсь хозяйничать! Какъ смѣете вы гнать моего сына и моего внука изъ моего дома?! Ненасытные, жадные волки, какъ смѣли вы напасть на мою загнанную овечку въ домѣ его отца и матери?! Успокойся, родной мой,—сухой, костлявой рукой она погладила по щекамъ отца.—Твоимъ страданіямъ насталь конецъ... Я помирю тебя съ отцомъ, и онъ возвратитъ тебѣ миръ душевный и отдастъ принадлежащую тебѣ часть своего благосостоянія... — Она взяла меня за руку и громко закончила:—Дѣти мои, не обижайте больше вашего младшаго брата и не гоните его изъ моего дома. Онъ имѣетъ такое же право, какъ и вы, находиться въ домѣ своего отца...

Дѣйствіе грозной рѣчи бабушки на ея многочисленное постомство было ошеломляющее, и когда, держа меня за руку, она своей твердой походкой удалилась во внутреннія комнаты, вся толпа, съ опущенными долу глазами, разступилась предъ нею въ глубокомъ молчаніи. Только одинъ дядя Шліома, гнѣвно стиснувъ губы, провожалъ насъ сверкающимъ взоромъ.

Молча мы прошли три большихъ комнаты и, дойдя до закрытыхъ дверей четвертой, бабушка любовно посмотрѣла на меня, глубоко вздохнула и произнесла:

— Ты только не пугайся и не бойся дѣда...

— Съ вами я никого не боюсь...—вырвалось у меня.

Бабушка одобрительно кивнула головой, открыла двери и на пыпочкахъ ввела меня въ спальню больного. Это была огромная комната въ четыре окна, тщательно занавѣшанныхъ. Прямо противъ дверей, у стѣны, стояла громадная кровать подъ балдахиномъ, а рядомъ, у изголовья, круглый столикъ, уставленный лѣкарственными принадлежностями. Зажженная свѣчка въ высокомъ серебряномъ шандалѣ, подъ зеленымъ абажуромъ, разливала свой мягкій свѣтъ, таинственно мигая. У столика, облокотившись обѣими руками, сидѣлъ тучный еврей съ безстрастнымъ лицомъ и шевелилъ губами: это членъ «хебре-кадиша» (св. братства) дежурилъ у изголовья больного и читалъ про себя псалтирь.

— Больной спитъ?—спросила шепотомъ бабушка.

— Бодрствуетъ,—такъ же тихо отвѣтилъ еврей.

— Въ такомъ случаѣ, оставьте насъ, ребѣ Моше. Мнѣ нужно поговорить съ мужемъ...

Членъ св. братства очень охотно удалился.

— Стой тутъ,—удалила меня бабушка въ самый темный уголокъ, а сама приблизилась къ кровати больного и тихо произнесла:

— Ты не спишь, Симха?..

— Нѣтъ, не сплю... Боли мои такъ велики, что не даютъ мнѣ забыться...

— Бѣдный мой страдалецъ,—глубоко вздохнула бабушка. На-

ступила довольно продолжительная пауза раньше, чѣмъ она продолжала:—Корона головы моей и свѣтъ очей моихъ!.. Мой владыка и господинъ, не прогони отъ себя вѣрную подругу своей жизни и безъ гнѣва и злости выслушай ее...

— Говори, моя вѣрная супруга... Говори, добродѣтельная жена... — раздался надтреснутый голосъ дѣда.

— Симха, моя корона, прости нашему несчастному сыну...

— Молчи, женщина!..— перебилъ ее хриплымъ крикомъ дѣдъ.— Не отравляй покой моей души!.. Не напоминай о грѣшномъ отщепенцѣ!.. Сендеръ не сынъ мнѣ... Въ тотъ моментъ, когда обнаружили его беззаконія, я навсегда вычеркнулъ его изъ моего сердца... У меня нѣтъ такого сына!..

Но тутъ бабушка схватила больного мужа за руку и, рыдая, перебила его.

— Я не могу молчать и не замолчу... Я носила Сендера въ своемъ чревѣ... Я родила его, а ты, мой мужъ, далъ ему жизнь... Онъ плоть отъ плоти нашей и кровь отъ крови нашей... Если онъ и согрѣшилъ, то давно раскаялся... Самъ грозный нашъ Богъ-Ца-воотъ прощаетъ грѣшниковъ, обращающихся къ Нему... Не будь же безпопаднѣе самого Бога, предъ грозныя, но справедливыя очи котораго собираешься предстать... Разверзай свои уши къ добру и снизойди къ воплямъ матери, убивающейся о своемъ дитяти...

— Не могу!..—раздался голосъ дѣда, въ которомъ на этотъ разъ не слышалось прежней рѣзкости. Бабушка, должно быть, это почувствовала.

— Ты долженъ!—произнесла она съ энергіей.—И ты это сдѣлаешь если не для меня, то для него...

Она жестомъ указала на тотъ уголь, гдѣ я стоялъ, стремительно приблизилась ко мнѣ, взяла за руку и подвела къ кровати.

— Кто это?—спросилъ дѣдъ.

— Это сынъ твоего сына... Это твой внукъ, Нотеле...

Наступила продолжительная, полная томленій пауза.

— Я хочу его видѣть... Сними абажуръ со свѣчки... — произнесъ, наконецъ, дѣдъ.

Бабушка исполнила желаніе больного, сняла абажуръ и переставила свѣчку такъ, что она освѣтила лица насъ обоихъ, то-есть дѣда и мое. Я увидѣлъ больного въ первый разъ. На цѣлой горѣ изъ перинъ и подушекъ онъ полулежалъ и полусидѣлъ. Это былъ старикъ не большаго роста съ худыми костлявыми руками, лежавшими поверхъ одѣяла. Его мертвенно блѣдное лицо съ длинной, всклокоченной, сѣдой бородой, съ сжатыми, безкровными губами; его густыя брови, изъ-подъ которыхъ свѣтились громадныя, черныя, какъ уголь, глаза, и необыкновенная шишка, почти въ кулакъ, торчавшая на сухомъ и лоснящемся лбу, надъ правымъ его глазомъ и, въ добавокъ ко всему этому, чуть-чуть раздвоенная

лѣвая поздря его,—все это, вмѣстѣ взятое, было такъ страшно, что я весь вздрогнулъ. Дѣдъ поднялъ длинныя вѣки и сталъ смотрѣть на меня въ упоръ. Точно наэлектризованный, внутренне содрогаюсь, я въ свою очередь не сводилъ съ него глазъ.

— Дай руку...—произнесъ онъ тихо. Я повиновался. Точно клещами онъ ущемилъ своими длинными худыми пальцами мою руку, и я чувствовалъ, какъ, продолжая пожирать меня въ упоръ устремленнымъ взглядомъ, онъ весь вздрагивалъ и корчился отъ боли. На широкомъ лбу его задвигались морщины, и вмѣстѣ съ этимъ зашевелилась на головѣ его ермолка... Сколько времени продолжалась пытка—я не знаю. Но вотъ губы страшнаго дѣда зашевелились, и онъ произнесъ:

— Видно, такъ Богу угодно... Сарра, позови сюда Сендера и всѣхъ дѣтей...

Бабушка ушла исполнить приказаніе, а я остался наединѣ съ дѣдомъ, который продолжалъ крѣпко держать меня за руку и молча, и упорно смотрѣть на меня. Всего только прошло нѣсколько минутъ, но онъ показали мнѣ вѣчностью. Наконецъ открылась дверь, и все многочисленное потомство дѣда вошло въ спальню. Впереди всѣхъ вошла бабушка, рядомъ съ нею мой отецъ. Дѣдъ подался нѣсколько впередъ. Подойди ко мнѣ сынъ мой, Сендеръ,—произнесъ онъ твердымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово.

— Подойди ко мнѣ, я хочу тебя видѣть...

Отецъ подошелъ, шатаясь. Лицо его было такъ же безжизненно и блѣдно, какъ лицо дѣда. Старикъ взялъ лѣвой рукой руку отца и перевелъ свой упорный взглядъ съ меня на него.

— Раскаялся ли ты въ своихъ прегрѣшеніяхъ?.. Обратился ли ты всѣмъ сердцемъ къ Богу Авраама, Исаака и Якова?.. Достойный ли ты сынъ богоизбраннаго народа?

Отецъ наклонилъ голову, и слезы закапали по его лицу.

— Я хочу вѣрить, что смиловался надо мною мой грозный Богъ, что Онъ возвратилъ мнѣ сына, и день моей кончины сдѣлалъ для меня днемъ праздника и ликованія... Сарра, добродѣтельная жена моя, тебѣ я обязанъ счастьемъ моей жизни и теперь только я постигъ, какъ былъ ко мнѣ милостивъ Богъ, удѣливъ мнѣ такую жемчужину... Сарра, бери изъ-подъ подушки ключъ отъ желѣзнаго шкапа, достань большой конвертъ... онъ лежитъ направо, съ верху...

— Э тотъ?—спросила бабушка, подавая ему конвертъ.

— Да... тотъ...—слабо кивнулъ дѣдъ головой.

— Слушайте вы всѣ, мои дѣти! Богъ подарилъ мнѣ сына и вамъ брата. Я прощаю Сендера и благословляю его, а потому, Сарра, въ присутствіи всѣхъ ихъ разорви и уничтожь пакетъ, который въ твоихъ рукахъ... Въ немъ заключается мое завѣщаніе, которымъ я въ гнѣвномъ ослѣпленіи лишилъ правъ наслѣдства

Сендера... Пусть исчезнетъ этотъ несправедливый актъ и Богомъ возвращенный мнѣ сынъ пусть наследуетъ меня наравнѣ съ другими дѣтьми, по закону... Такова воля моя, самимъ Богомъ мнѣ внушенная...

Въ то время, когда бабушка рвала на куски конвертъ съ за-вѣщаніемъ, дѣдъ, наконецъ, выпустилъ меня и отца изъ рукъ и, поднявъ высоко послѣднія на воздухъ, продолжалъ:

— Живите въ мирѣ и согласіи, дѣти, и да почиетъ надъ вами благословеніе Божіе и мое...

Не успѣлъ онъ произнести послѣднее слово, какъ изъ груди его вырвался болѣзненный вздохъ, исхудалыя руки упали на одѣяло, и голова его безжизненно свѣсилась на бокъ.

— Уходите все и пришлите члена св. братства, — распорядилась бабушка, бросившись къ мужу.

III.

Какъ я попалъ домой, какъ очутился въ кровати и уснулъ, ничего не помню: до того ошеломляюще подѣйствовала на меня вышеописанная сцена сейчасъ же послѣ утомительнаго переѣзда изъ мѣстечка въ городъ. Въ 6 часовъ утра страшный стукъ въ ставни разбудилъ меня.

— Кто тамъ?—спросилъ отецъ.

— Рабби Симха кончается... Спѣшите скорѣй!.. — послышался съ улицы отвѣтъ.

Мы торопливо одѣлись и отправились къ дѣду; на этотъ разъ насъ сопровождала и мама.

Когда мы подошли къ дому, гдѣ жилъ дѣдъ, почти весь дворъ былъ наполненъ людьми. Не смотря на царившую еще темноту, отца признали и дали намъ дорогу. Пока мы прошли до дверей, до слуха моего донеслись нѣсколько отрывочныхъ фразъ.

— Рабби Симха простилъ ему и все по милости Сарры... Она заступилась...

— Рыжій Шліома чуть не удавился.

— Подавится еще... Шутка ли? сонаслѣдникъ какъ съ неба свалился...

— Хватить для всеѣхъ...

— Хватить!.. Хватить!..—подхватили нѣсколько человѣкъ въ одинъ голосъ.

Дверь въ квартирѣ дѣда была открыта настежь, и много народу толпилось во всеѣхъ комнатахъ. Не безъ труда добрались мы до спальни. Тамъ находилось все многочисленное потомство дѣда, и мужчины и женщины, съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. У кровати, съ которой былъ снятъ балдахинъ, у изголовья

умирающаго стояль «хазень» (канторъ) съ хоромъ и пѣль отходныя молитвы.

— Давно ли онъ увидѣль «малахъ-га-мовеса» (ангела смерти)?.. — шепотомъ спросила мама одну изъ тетокъ, когда наступилъ антрактъ въ пѣвнѣи молитвъ.

— Почти часъ, какъ «малахъ-га-мовесъ» тѣшится надъ нимъ и все еще не хочетъ покончить съ своей жертвой... Ему что, многоглазому?.. Ему не каждый день такой праздникъ, чтобы «цадика» (праведника) прикончить... Все больше съ грѣшными душами приходится ему возиться, и онъ это дѣлаетъ быстро... Неохота ему съ ними пачкаться... Другое дѣло, праведная душа—тутъ онъ наслаждается своей работой и не спѣшитъ... Ну, и ангелъ Гавріиль, хотя онъ и добрый ангелъ, тутъ немножко виноватъ: онъ дразнить «малахъ-га-мовеса» и мѣшаетъ ему, а многоглазый вымещаетъ свою злость на праведной душѣ..

— Сократи, Господь, его страданія...—молитвенно, со вздохомъ произнесла мама.

— Что ты, что ты, Ципа, опомнись?!..—съ ужасомъ перебила ее тетка. — Развѣ объ этомъ можно молиться?!.. Пускай больше страдаетъ... Пускай больше мучится... За это ему сторицей воздастся на томъ свѣтѣ... Вѣдь больно одному только тѣлу, а тѣло—прахъ; душа же не знаетъ ни болей, ни страданій... Разумѣется, если она праведная...

Опять раздалось пѣвнѣе «хазена». Я протискался впередъ къ самой кровати. Дѣдъ Симха лежалъ скорчившись съ полуоткрытымъ ртомъ. Разрѣзъ лѣвой ноздри его какъ будто увеличился. Правый глазъ его былъ открытъ, а лѣвый закрытъ. Дышалъ онъ тяжело и хрипло. Мнѣ было страшно, тѣмъ не менѣе я не могъ не глядѣть на него. Канторъ запѣлъ: «Отойди съ миромъ, душа праведника». Въ спальнѣ поднялся плачь, перешедшій въ дикій ревъ... Вдругъ дѣдъ издалъ какой-то особенный, страшный крикъ, вытянулся и пересталъ дышать... Ребъ Моше, членъ «хебре-кадише», бросился къ нему, приложился ухомъ къ его груди и долго, очень долго прислушивался. Потомъ онъ взялъ зеркало, приложилъ къ губамъ дѣда, продержалъ съ минуту, отнял его отъ губъ и осмотрѣлъ поверхность.

— Богъ-Адонай далъ; Богъ-Адонай взялъ; будь благословенно имя Бога-Адоная! — произнесъ торжественно громкимъ голосомъ ребъ Моше, поднимая надъ покойникомъ обѣ руки.—Ну, «идень» (евреи) берите «меса» (трупъ).

Ревъ моментально прекратился, такъ какъ плакать надъ покойникомъ въ самый моментъ смерти законъ запрещаетъ, ибо это имѣло бы видъ протеста противъ Бога, пославшаго смерть. Нѣсколько евреевъ бросились къ трупу, завернули его въ заранѣе приготовленный старый плащъ и унесли въ залу. Тамъ они опу-

стили его на полъ на нѣсколько соломинокъ и поставили у изголовья стаканъ воды и зажженную свѣчку. Вода ставится для того, чтобы «малахъ-га-мовесъ» промылъ свой «халефъ» (орудіе смерти, мечъ), а свѣчка, чтобы онъ имѣлъ возможность осмотрѣть, не зазубрился ли онъ послѣ операціи надъ послѣднимъ покойникомъ. Разумѣется, это оказываютъ услугу не ненавистному «малахъ-га-мовесу», а слѣдующимъ его жертвамъ, чтобы не подвергать излишнимъ мученіямъ, если «малахъ-га-мовесъ» будетъ дѣйствовать зазубреннымъ орудіемъ. Послѣднему это, понятно, не по вкусу, ибо людскія мученія доставляютъ ему удовольствіе, но Богъ, въ милосердіи своемъ, отдалъ ему приказъ послѣ каждой жертвы тщательнo осмотрѣть «халефъ», если для этого будетъ поставлена свѣчка...

Какъ только опустили трупъ на полъ, въ залѣ поднялся шумъ, крикъ, и послышались ругательства. Это члены «хебре-кадише» начали торговаться съ дядей Шліомой о цѣнѣ за погребеніе дѣда. Они потребовали 20 тысячъ. Дядя такъ и привскочилъ отъ неожиданности.

— Никогда я вамъ такихъ денегъ не дамъ!.. запальчиво крикнулъ онъ.

— Дадите,—хладнокровно возразилъ ему ребъ Моше.

— Ни копейки меньше,—поддержали его товарищи-сочлены.

— Это дневной разбой!... Это грабежъ!... Что же, разорить насъ хотите?... Нищими сдѣлать?... Больше трехъ тысячъ я вамъ не дамъ...

— Вы не дадите,—мы хоронить не будемъ... Въ кои-то вѣки намъ Господь такого покойника послалъ... Сколько лѣтъ мы считывали на его смерть... Вѣдь ему 76 й годъ пошелъ... Достаточно, я думаю, мы ждали его смерти, и чтобъ теперь не воспользоваться?... Много ли такихъ «гвировъ» (богачей) въ нашемъ городѣ? Если отъ него не получить, то отъ кого же?

— Слышишь, Мордохай,—обратился дядя Шліома къ второму брату,—20 тысячъ хотятъ!...

— Это одинъ только собачій лай, кто имъ это дастъ,—хладнокровно отвѣтилъ дядя Мордохай.

— Берите три тысячи, и кончимъ эту исторію... Мы не прибавимъ, не прибавимъ ни за что!... Согласны — хорошо, а нѣтъ — не надо... Продержу покойника до тѣхъ поръ, пока не станете сговорчивѣй...

— Если такъ,—перебилъ его ребъ Моше,—то посоветую вамъ посолить его, а то онъ у васъ совсѣмъ провоняетъ раньше, чѣмъ мы хоть одну копейку спустимъ...

— Не безпокойтесь, не провоняетъ... Я его сегодня же похороню безъ васъ...

— Какимъ же это образомъ, хотѣлъ бы я знать?—насмѣшливо перебилъ его ребъ Моше.

— А какимъ образомъ, что я повезу его въ ближайшее мѣстечко и тамъ его похороню...

— А на чемъ его повезете? На телѣгѣ изъ-подъ навоза? Вы думаете, мы вамъ дадимъ нашъ «орень» (покойницкія общественныя дроги), или мы впустимъ въ нашъ городъ «орень» изъ чужаго мѣстечка?...

— Ничего этого не нужно,—перебилъ Мордохай. — Я сейчасъ поѣду къ губернатору и буду хоронить отца по таксѣ... Думаю, для чего нибудь существуетъ же такса?...

— Ха, ха, ха... Не могу удержаться... Ей-Богу, не могу, да простить мнѣ покойникъ...—Онъ поклонился въ сторону трупа.—Это вы мнѣ грозить вздумали... Я не изъ пугливыхъ... Если по таксѣ, такъ по таксѣ, это мы можемъ и безъ губернатора, только, извините, другаго мѣста, какъ у забора, въ компаніи съ утопленниками, съ удавленниками, съ ворами, съ мошенниками, съ убійцами, для вашего отца у насъ не найдется на кладбищѣ... Губернаторъ можетъ насъ заставить хоронить,—кто спорить,—но распорядиться на кладбищѣ не смѣетъ... А еще вопросъ, что скажетъ кагалъ на подобную выходку... Не погладитъ онъ за это по головкѣ... Ой, ой, не погладитъ...

Молча, съ опущенной головой, стоявшая до сихъ поръ у ногъ покойника, бабушка встрепенулась вся, выпрямилась и подошла къ спорящимъ.

— «Иденъ» (еврей), что тутъ за крики?... Что тутъ за шумъ?... Развѣ такое здѣсь мѣсто, чтобъ шумѣть!...—Она обвела всѣхъ строгимъ взглядомъ.

— Помилуй, мама, эти хевре-кадишеники настоящіе злодѣи, разбойники!... Они желаютъ разорить насъ... по міру пустить...

— Сколько они просятъ?

— 20 тысячъ!...

— 20 тысячъ.... Ну, 20 тысячъ много.... Столько вы не получите, — обратилась она къ членамъ св. братства, — а половину я вамъ заплачу.... Это не обидно ни для васъ, ни для насъ.... На «талмудъ-тору» же особо жертвую 5 тысячъ.

— Я не согласенъ!... крикнулъ дядя Шліома.

— И я... поддержаль его дядя Мордохай.

— И я!.. И я!... обступили бабушку со всѣхъ сторонъ сыновья и дочери.

— Ну, а ты, мой младшій сынъ, ты, мой Сендерке, тоже не согласенъ?—спросила бабушка, и болѣзненный вздохъ вырвался изъ груди ея.

— Нѣтъ, мама, ты рѣшила мудро, и я согласенъ съ тобой.

Бабушка обвела свое потомство строгимъ взглядомъ и, обращаясь къ членамъ св. братства, произнесла:

— Будетъ такъ, какъ я сказала. Я уплачу вамъ изъ моей вдовьей части. Согласны ли вы?

Члены св. братства пошушукались между собой и согласились.

— Все ли вы приготовили? Есть ли у васъ разрѣшеніе хоронить покойника?—спросилъ ребъ Моше.

— Все въ исправности. Какъ только началась агонія, мы послали къ доктору и къ квартальному, разбудили ихъ и выправили документы. Вотъ....—и дядя Шліома подалъ ему бумаги, составленныя заднимъ числомъ, на три дня впередъ.

— Не дремали и мы: за угломъ уже приготовленъ «оренъ» и «талмудъ-тореники» (дѣти, обучающіяся и воспитывающіяся на общественный счетъ въ «талмудъ-торѣ», заведеніи для изученія талмуда) тоже собраны на дворѣ.... Мы сейчасъ возьмемъ «меса» (покойника).... Иду распорядиться....

Ребъ Моше вышелъ и чрезъ какихъ нибудь 10 минутъ возвратился съ извѣстіемъ, что все готово къ выносу покойника....

Чтобы объяснить читателю, почему все совершилось такъ быстро я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. По еврейскому закону, какъ только умираетъ человѣкъ, тѣло его должно немедленно быть предано землѣ, ибо само названіе человѣка «одомъ» означаетъ земля—это съ одной стороны; а съ другой — тѣло, или прахъ, служившій при жизни только оболочкой для души, которая одна праведна и божественна, какъ только послѣдняя улетучилась, превращается въ «ави-авейсъ-гатуме» (отца отцовъ нечистотъ), а всякій съ тѣломъ подъ одной крышей,—въ «ави» (отца нечистотъ); прикасающійся къ послѣднимъ называется «бенъ-гатуме» (сынъ нечистотъ), а потомъ внукъ нечистотъ и т. д. И вотъ, чтобы охранить израиля отъ излишняго соприкосновенія съ главнымъ источникомъ — отцомъ отцовъ нечистотъ, талмудъ предписываетъ хоронить прахъ покойника съ величайшей поспѣшностью, и только святость субботняго дня можетъ служить причиной отсрочки похоронъ до появленія первой вечерней звѣзды, возвѣщающей о наступленіи будней. Чѣмъ богаче и знатнѣй покойникъ, тѣмъ быстрѣй совершаются его похороны, и для этого, какъ мы видѣли въ данномъ случаѣ, прибѣгаютъ даже къ фальсификаціи документовъ, фабрикуя ихъ заднимъ числомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, благодаря мѣрамъ правительства, въ крупныхъ центрахъ евреевъ не удается больше при посредствѣ фальсификаціи документовъ хоронить своихъ покойниковъ до установленнаго закономъ трехдневнаго срока. Послѣ громкаго дѣла въ В., когда на кладбищѣ мнимая покойница разрѣшилась отъ бремени живымъ ребенкомъ и сама ожила, но чтобы скрыть этотъ вопіющій фактъ и не навлечь надзоръ правительства за еврейскими похоронами, в — скіе евреи не остановились предъ

убійствомъ несчастной мнимоумершей и ея ребенка,—послѣ этого чудовищнаго факта, хотя въ концѣ концовъ онъ и былъ замѣтъ, и до суда дѣло не дошло, въ крупныхъ центрахъ евреевъ не удается хоронить покойниковъ въ самый день смерти, и волей-неволей имъ пришлось наконецъ подчиниться существующему закону. Тѣмъ не менѣе, въ заброшенныхъ мѣстечкахъ и глухихъ уѣздныхъ городахъ, еврей-хасиды, отличающіеся своимъ фанатизмомъ, до изувѣрства доходящимъ, до сихъ поръ продолжаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ самый день смерти.

Возвращаюсь къ разсказу.

Въ залу внесли длинное корыто съ плоскимъ дномъ, положили туда покойника и вынесли на дворъ. Тамъ стояла телѣга, на которой находился окрашенный въ черный цвѣтъ длинный и узкій ящикъ съ крышкой сзади. Крышку эту открыли и вдвинули внутрь ящика корыто съ покойникомъ. Впереди телѣги выстроились попарно человекъ 40 дѣтей, «воспитанники» талмудъ-торы, одѣтые въ рубища и дрожавшіе отъ холода.

— «Добродѣтель шествуетъ предъ нимъ и очищаетъ ему путь!»... трижды прокричали дѣти, и похоронный кортежъ тронулся въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли талмудъ-тореники, за ними телѣга, запряженная въ одну лошадь съ «орономъ» (чернымъ ящикомъ). Всѣ участвующіе въ похоронахъ мужчины по очереди брали лошадь подъ уздцы и, сдѣлавъ такимъ образомъ три шага, отходили за телѣгу и смѣшались съ толпой. На довольно продолжительномъ разстояніи отъ мужчинъ шли гурьбой женщины. вмѣстѣ съ мужчинами онѣ не имѣли права провожать покойника, такъ какъ ангель смерти (малахъ-га-мовесъ), обязательно участвующій въ похоронахъ каждой своей жертвы, всю дорогу витаетъ среди женщинъ... Его даже можно видѣть, если смотрѣть чрезъ ушко иголки въ теченіе получаса, ни разу не моргнувъ, но опытъ этотъ опасенъ, ибо «малахъ-га-мовесъ» не любитъ, чтобы на него смотрѣли и онъ приноситъ жалобы на смѣльчаковъ предъ Богомъ и вымаливаетъ у него разрѣшеніе умертвить ихъ заблаговременно, внѣ очереди... Преданіе говоритъ, что бывали случаи, что «малахъ-га-мовесъ» даже безъ разрѣшенія Бога, на собственный страхъ, дѣйствовалъ и лишалъ нѣкоторыхъ людей жизни за ихъ глупое любопытство познакомиться съ нимъ до положеннаго срока, то-есть раньше наступленія ихъ смертнаго часа. Конечно, Богъ призвалъ его за самоуправство къ отвѣту, но онъ отдѣлался весьма легкимъ наказаніемъ, ибо, какъ бы то ни было, и его доля не завидна: въ то время, когда всѣ ангелы бессмертны и будутъ существовать вѣчно, онъ одинъ исчезнетъ съ лица земли, когда Всемогуцій пошлетъ къ своему народу Мошіаха, оживить всѣхъ покойниковъ-евреевъ и уничтожить самую смерть. Въ виду горькой участи, ему уготованной, Богъ пожалѣлъ его и назначилъ ему ничтожное на-

казаніе. Далѣе то же самое преданіе прибавляетъ, что одинъ изъ смѣльчаковъ, которому удалось познакомиться съ «малахъ-га-мовесомъ», описалъ его наружность до мельчайшихъ подробностей. Къ сожалѣнію, описаніе это затерялось, и до насъ только дошло, что ангелъ смерти имѣетъ не меньше 99 и не больше 101 глаза. Вѣроятно, на этомъ основаніи народъ называетъ его «стоглазымъ» и «многоглазымъ». Какъ бы то ни было, мужчины стараются, чтобы между ними и женщинами былъ большой промежутокъ во время похоронъ, ибо кому же охота чувствовать вблизи неприятное сосѣдство «малахъ-га-мовеса»?.. Въ самомъ хвостѣ женской толпы шла бабушка съ своими дочерями и невѣстками, а послѣ опять таки довольно значительнаго промежутка—сыновья, зятя и внуки покойнаго. Я, разумѣется, слѣдовалъ рядомъ съ отцомъ. Шли мы весьма скоро, ибо на улицѣ было холодно. Какъ мужская, такъ и женская толпа съ каждымъ шагомъ увеличивалась впереди насъ, и раздававшійся отъ времени до времени крикъ талмудъ-торениковъ: «Добродѣтель шествуетъ предъ нимъ и очищаетъ ему путь!»— доходилъ до насъ въ видѣ отдаленнаго эха. Дѣдъ Симха, видно, былъ весьма популяренъ, если весь городъ собрался на его похороны. Когда мы отошли на довольно порядочное разстояніе отъ дома, дядя Мордохай толкнулъ отца въ бокъ и сердито проговорилъ.

— Что это съ Шліомой?.. Онъ «шикеръ» (пьянъ), или «мешуге» (сошелъ съ ума)?..

— А что?.. спросилъ отецъ.

— Помилуй?.. Онъ держитъ подъ мышкой мѣшокъ съ новымъ «талесомъ» (простыня, въ которую евреи закутываются во время утренней молитвы. Она имѣетъ на своихъ четырехъ концахъ священныя нити. Въ этихъ простыняхъ заворачиваютъ покойника поверхъ савана и хоронятъ)... Новый «талесъ» стоитъ 125 рублей... Покойный отецъ употреблялъ его только въ праздники и субботніе дни... Ни одного пятнышка на немъ нѣтъ, а онъ хочетъ хоронить въ немъ отца... Ну, зачѣмъ такое сумасшествіе? Развѣ въ старомъ, ничего не стоящемъ «талесѣ» нельзя его похоронить?.. Развѣ на томъ свѣтѣ тоже надо франтить?..

Отецъ мой ничего не отвѣтилъ. Дядя Мордохай догналъ дядю Шліому и, вырвавъ у него мѣшокъ съ «талесомъ», воскликнулъ:

— Что ты дѣлаешь «мешугенеръ» (сумасшедшій)?..

Дядя Шліома посмотрѣлъ сначала на дядю Мордохая, потомъ на мѣшокъ и сказалъ:

— И въ самомъ дѣлѣ, какая глупость... Какъ это я могъ?.. Надо бы перемѣнить на старый «талесъ»...

— И перемѣнимъ,—почти весело произнесъ дядя Мордохай.

И тутъ же онъ на первомъ попавшемся извозчикѣ полетѣлъ домой перемѣнить новый «талесъ» на старый.

Кортежъ, наконецъ, достигъ до мѣста успокоенія, или, какъ евреи называютъ свое кладбище,—до «добраго» мѣста. Кобыты съ останками дѣда выдвинули изъ пасти чернаго ящика, внесли въ огромный сарай и буквально вывалили покойника на одинъ изъ многочисленныхъ, низкихъ и длинныхъ столовъ, которые находились въ сараѣ. Темнота, сырость, грязь и вонь ужасно подѣйствовали на меня, когда я очутился въ этомъ сараѣ; я пришелъ въ окончательный ужасъ, когда толкнулъ случайно ногой какой-то валявшійся на грязномъ полу свертокъ, и изъ него вывалилась маленькая ручка... Это были разбросаны по сараю дѣтскіе трупики—ихъ еще не успѣли предать землѣ. Въ сарай внесли нѣсколько ведеръ горячей воды, публика удалилась, и въ сараѣ остались только члены св. братства, на обязанность которыхъ возлагается обмы-вать покойника.

Публика разсѣялась по «доброму мѣсту» и отъ нечего дѣлать разбирала надписи на могильныхъ плитахъ. Какія-то старыя мегеры сидѣли на длинныхъ скамьяхъ, у сарая, и шили «тахрихинъ» (саваны). Руки ихъ быстро работали, и «китель» (рубаша), штаны и чулки—все это изъ новаго полотна—были готовы въ какія нибудь 15 минутъ, не смотря на то, что мастерицамъ мѣшали постороннія женщины, покушая у нихъ право сдѣлать нѣсколько стежковъ и плата имъ за это по 3—5 коп.

Но вотъ открылись огромныя ворота сарая, и одинъ изъ членовъ св. братства крикнулъ на все кладбище: «готово!»... Всѣ мужчины устремились въ сарай. Дѣдъ лежалъ голый на томъ же столѣ; отъ тѣла его валилъ паръ. Онъ положительно былъ страшенъ. Какъ въ моментъ смерти, одинъ глазъ у него былъ открытъ, а другой закрытъ. Но ротъ былъ закрытъ и губы стиснуты. Худыя и тонкія ноги и руки были скрючены, а высохшая кожа имѣла пергаментно-земляной цвѣтъ. Рыжій еврей—кладбищенскій «шамесъ» (старшій сторожъ) полѣзъ на столъ и, вытянувшись во весь ростъ у ногъ покойника, заоралъ:

— Приступаю, «раббосай» (господа), къ торгу!.. Двѣсти злотыхъ за «китель» (рубашу)... Кто больше?..

Дѣло въ томъ, что одѣвать покойника считается богоугоднымъ дѣломъ, и кто хочетъ въ этомъ участвовать, долженъ купить это право за наличныя деньги. Для этого устраивается аукціонъ, доходъ съ котораго поступаетъ въ пользу того же св. братства. Чѣмъ значительнѣе общественное положеніе покойника, тѣмъ съ большей выгодой продается право одѣвать его. Всякій старается доказать его роднымъ, на сколько дорогъ имъ покойникъ, и набавляютъ цѣну; родные же не могутъ никому уступить эти права—это считается верхомъ неприличія—и, скрѣпя сердце, должны давать высшія цѣны. Члены св. братства тоже не даютъ при этомъ маху; они выставляютъ своихъ надбавителей, на случай если изъ

публики не найдется желающихъ повысить цѣны до заранѣе опредѣленнаго предѣла. Бываетъ и такъ: какойнибудь врагъ, чтобы насолить родственникамъ покойника, надбавляетъ цѣны до невѣроятныхъ цифръ.

— Двѣсти золотыхъ за «китель»... вторично прокричалъ рыжій еврей.

— 300!.. 400!.. 500!.. слышались голоса.

— 2.000!.. крикнулъ кто-то.

«Китель», какъ старшій сынъ, долженъ былъ купить дядя Шліома. Съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдилъ онъ за аукціономъ, и когда услышалъ цифру 2.000, то затрясся весь.

— Ей-Богу, я оставлю за нимъ... Пускай платитъ двѣ тысячи... произнесъ онъ вслухъ, но, замѣтивъ устремленные на него выжидающіе взоры окружающихъ, хрипло прокричалъ—2.050!..

— 2.050 золотыхъ за «китель»!.. повторилъ за нимъ рыжій еврей.— Кто больше?!

— 3.000!..

Тутъ ужъ дядя Шліома не выдержалъ. Онъ злобно повернулся спиной къ аукціонисту и шагалъ къ выходу. Дядя Мордохай перерѣзалъ ему путь къ отступленію и остановилъ его:

— Что ты дѣлаешь?.. Не срамись!..

— Пусть подавится съ «кителемъ»!.. Не могу платить такихъ бѣшеныхъ денегъ...

— Ты забываешь, что мать не проститъ, когда до нея дойдетъ...

Аргументъ подѣйствовалъ.

— 3.005 золотыхъ!.. съ бѣшенствомъ крикнулъ дядя Шліома.— И если кто хотя одинъ золотъ еще надбавитъ, то за нимъ и останется!..

Эта ничтожная надбавка на многихъ лицахъ вызвала улыбки. Тѣмъ не менѣе, никто больше не рѣшился надбавлять, такъ какъ по рѣшительному виду дяди поняли, что онъ дѣйствительно можетъ отказаться отъ «кителя».

Точно такимъ же образомъ были проданы съ большой выгодой для св. братства и прочія принадлежности туалета покойника. Моему отцу, между прочимъ, досталась одна тесемка для завязыванія праваго чулка.

Въ то время, когда въ сараѣ происходилъ аукціонъ принадлежностей туалета, другой членъ св. братства не безъ успѣха торговалъ, продавая картузики съ пескомъ «эрецъ-Израиль» (изъ земли Израиля, Палестины) родственникамъ покойнаго. Пескомъ этимъ обсыпаютъ лицо покойника въ могилѣ, дабы черви не имѣли доступа къ нему.

По окончаніи аукціона покойника одѣли, положили въ то же корыто, понесли къ могилѣ и опустили на голую землю. Подъ изго-

ловье положили ему два дѣтскихъ трупика, завернутыхъ въ тряпки, которыя захватили съ собой изъ сарая. Ему дали въ руки по деревянной вилкѣ, дабы ему было на что опереться, чтобы встать, когда, къ пришествію Мошіаха, душа возвратится къ тѣлу, и оно оживетъ...

— Подойди, убитая горемъ вдова, и рви «кріе» (платье) надъ могилой мужа!...—раздался голосъ «шамеса».

Бабушка приблизилась къ открытой могилѣ, и «шамесь» тупымъ ножемъ, не безъ труда, сдѣлалъ надрѣзъ сначала на верхнемъ платьѣ, потомъ и на нижней кофтѣ. Бабушка при этомъ громко заплакала. За бабушкой къ могилѣ подошли всѣ дѣти покойника, по старшинству, и надъ каждымъ изъ нихъ «шамесь» выполнилъ обрядъ «кріе», сопровождаемый громкимъ плачемъ, причитаніями и ревомъ подвергшихся обряду. Эти надорванные платья полагается носить втеченіе цѣлаго года, то-есть до окончанія всего траура.

Какъ только покончили съ «кріе», прикрыли глаза покойника черепками, посыпали лицо палестинскимъ пескомъ, и мерзлые куски земли начали прикрывать его тѣло... Жутко смотрѣть, когда человѣка хоронятъ безъ гроба и закапываютъ въ землю, какъ падаль... Но текстъ гласитъ: «прахъ да возвратится къ праху!» и евреи буквально выполняютъ это черствое предписаніе своего закона. Таково слѣзное повиновеніе «богоизбраннаго» народа буквѣ своихъ текстовъ!...

Могилу сравнивали съ землей, канторъ пропѣлъ: «Ейль-моле-рах-мимъ» (переполненъ Господь милостью), молитву за упокой души усопшаго; радостный кликъ: «билаго-мовесь ло-нецахъ» (да исчезнетъ навѣки смерть!), подхваченъ былъ всѣми присутствующими, послѣ чего «малахъ-га-мовесь» оскорбленный и гнѣвный исчезъ изъ толпы и отправился восвояси, а затѣмъ, пятясь задомъ отъ могилы, публика разошлась.

IV.

Когда мы пришли домой, то раньше, чѣмъ войти въ квартиру, трижды ударили въ дверь, которая немедленно была открыта «мешорисомъ» (служгой). Молча онъ поставилъ кружку съ водой на порогѣ; бабушка взяла кружку, трижды полила воду сначала на правую руку, потомъ на лѣвую и поставила кружку на мѣстѣ. Послѣ бабушки совершили обрядъ омовенія рукъ и всѣ прочіе находившіеся тутъ мужчины, женщины и дѣти. При этомъ кружку каждый ставилъ на мѣстѣ, на порогѣ, а не передавалъ ее другъ другу, чтобы не прійти въ соприкосновеніе съ неуспѣвшими еще очиститься посредствомъ омовенія и снова самому опоганиться. Обрядъ этотъ совершаютъ всѣ участвовавшіе въ похоронахъ и даже тѣ, которые случайно наткнулись на похоронную процессію на улицѣ.

Въ квартирѣ уже все приняло траурный видъ. Зеркала были завѣшаны бѣлыми простынями, а въ залѣ, вдоль по восточной стѣнѣ, были разложены на полу шесть маленькихъ подушекъ (по числу сыновей дѣда), и у каждой подушки стоялъ табуретъ, а на немъ лежала книга многострадальнаго Іова, и стояла зажженная свѣчка. Кромѣ того, на каждомъ табуретѣ находилась тарелка съ сваренными вкрутую и очищенными отъ шелухи двумя яйцами, обсыпанными пепломъ, и съ круглымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Эту траурную трапезу приготовили сосѣди для осиротѣвшаго семейства, такъ какъ законъ запрещаетъ употребить въ первый день траура собственную пищу. Точно также было все приготовлено и въ сосѣдней комнатѣ для женщинъ.

У порога залы всѣ сняли съ ногъ обувь и очутились въ однихъ чулкахъ. Когда усѣлись на подушкахъ, дядя Шліома придвинулъ къ себѣ табуретъ, раскрылъ книгу Іова и прочелъ вслухъ первую главу. Онъ читалъ очень громко, чтобы каждое слово было слышно женщинамъ въ сосѣдней комнатѣ. Чтеніе сопровождалось охами и вздохами какъ со стороны чтеца, такъ и со стороны слушателей и слушательницъ. Вторую главу прочелъ слѣдующій по возрасту сынъ покойника. Отецъ мой, какъ самый младшій, читалъ послѣдній. По прочтеніи шести главъ Іова, слуга принесъ тазъ и кружку съ водой. Всѣ умыли руки, благословили «лехемъ-они» (хлѣбъ бѣдныхъ, подаваніе) и приступили къ трапезѣ. Аппетитъ у всѣхъ оказался отличный, видно ужъ очень проголодались, и яйца, обсыпанные въ изобиліи пепломъ, были съѣдены безъ остатка. Послѣ трапезы опять приступили къ чтенію Іова по очереди въ прежнемъ порядкѣ, и чтеніе продолжалось вплоть до самаго вечера, когда наступило время вечерней молитвы, и четверо бѣдныхъ евреевъ явились, чтобы составить «миніонъ» (общее богослуженіе отправляется не иначе, какъ при десяти участвующихъ взрослыхъ еврейхъ, а взрослымъ или совершеннолѣтнимъ въ религіозномъ отношеніи еврей считается по достиженіи 13-ти лѣтъ и одного дня). Одновременно съ ихъ приходомъ принесли изъ ближайшей синагоги маленькій ковчегъ съ свитками «торы» (пятикнижія Моисея). Ковчегъ поставили въ самомъ углу у восточной стѣны и приступили къ молитвѣ. Какъ только посторонніе евреи, по окончаніи молитвы, удалились, осиротѣлое семейство отправилось на покой, спать.

Такъ прошелъ первый день траура.

Слѣдующіе два дня прошли тоже однообразно и монотонно: въ молитвѣ и чтеніи книги Іова. Только на четвертый день стали появляться «мнахемъ-овель» (утѣшители въ несчастіи). Перебывалъ весь городъ, одинъ посѣтитель смѣнялъ другого безъ конца. Только мало утѣшительнаго они приносили съ собой, хотя официально и называются утѣшителями. Является посѣтитель, первымъ долгомъ издастъ продолжительный вздохъ, усядется молча на стулъ, про-

сидитъ положенное приличіемъ время, поднимется и уйдетъ. Онъ даже не говоритъ ни «здравствуйте», ни «прощайте», такъ какъ никакихъ привѣтствій законъ не допускаетъ во время глубокаго траура. Во время этихъ посѣщеній даже нельзя убить томительную скуку чтеніемъ книги Іова, и отправляющимъ трауръ остается только одно занятіе—почесываться. Съ каждымъ днемъ все больше и больше приходится прибѣгать къ этому занятію. И неудивительно. Комнаты убирать, даже подметать ихъ, законъ запрещаетъ, а люди валяются по цѣлымъ днямъ на полу, какъ тутъ уберешься отъ насѣкомыхъ и грязи, тѣмъ болѣе, когда и бѣлье мѣнять нельзя не только въ «пшиво» (первые 7 дней глубокаго траура), но и всѣ «шлейшиш» (30 дней средняго траура). Понятно, въ какомъ мрачномъ настроеніи были всѣ, когда грязь и чесотка стали одолѣвать валявшихся на полу. Они худѣли, блѣднѣли и теряли аппетитъ...

Наконецъ, сталъ приближаться вечеръ седьмага дня. Всѣ какъ будто повеселѣли. Прислуга принесла обувь. Дядя Шліома положилъ предъ собой часы и сталъ наблюдать за стрѣлками, чтобы не пропустить момента солнечнаго захода, обозначеннаго календаремъ на тотъ день. Всѣ братья въ свою очередь не спускали глазъ съ дяди Шліома.

— Кончено! — произнесъ онъ, наконецъ, торжественно.

Всѣ повскакали съ своихъ подушекъ и начали обуваться. Вошла бабушка съ дочерьюми.

— Съ помощью Божіей мы справляли глубокой трауръ по отцѣ и супругѣ, какъ предписываетъ намъ святой законъ... Да радуется въ лонѣ Всевышняго праведная душа вашего отца и моего супруга, и да изгонится навѣки изъ благочестиваго дома нашего горе, печаль, плачъ и стenanія!...

— Аминь! — отвѣтили всѣ хоромъ.

— А теперь, — продолжала бабушка, — вынесемъ нашу печаль и горе изъ нашего благочестиваго дома и переселимъ въ домъ иновѣрца!...

— Переселимъ нашу печаль и наше горе въ домъ иновѣрца!... — повторили за нею всѣ.

Бабушка степенными шагами пошла впередъ, за нею послѣдовало все семейство. Она направилась прямо въ дворницкую, и когда тѣсное жилище стараго пана Юзефа наполнилось отбывшими глубокой трауръ его хозяевами, онъ не былъ удивленъ этимъ визитомъ. Какъ человѣкъ старый, онъ зналъ, что его посѣтятъ хозяева, чтобы въ награду за долгую службу переселить въ его бѣдный домъ свое горе и свою печаль... Тѣмъ не менѣе, старикъ встрѣтилъ гостей съ глубокими поклонами и поцѣловалъ у бабушки руку, когда на прощанье она сунула ему гривенникъ на чай. Не могъ же онъ не принять съ честью своихъ хозяевъ...

V.

Вечеромъ слѣдующаго дня, по окончаніи глубокаго траура, вся семья покойнаго дѣда собралась вмѣстѣ въ обширной залѣ. Лица всѣхъ были возбуждены, а братья и сестры оглядывали другъ друга съ нескрываемой злобой и ненавистью. Дядя Шліома въ особенности смотрѣлъ звѣремъ. Мама моя, вся раскраснѣвшаяся и возбужденная, радостно озиралась вокругъ. Отецъ мой былъ блѣднѣе обыкновеннаго и держался все около бабушки, которая съ понурой головой сидѣла за столомъ и прислушивалась къ толкамъ и разговорамъ своего потомства; видно было, какъ дѣйствовало на нее удручающимъ образомъ все происходившее. И не мудрено: готовились дѣлить значительное наслѣдство, оставшееся послѣ дѣда, и наслѣдники проявили столько жадности, что совершенно забыли о связывающихъ ихъ узахъ родства; совершенно забыли завѣщаніе отца и дѣда жить въ мирѣ и согласіи и, какъ дикіе звѣри, накинулись на добычу.

— Мы подѣлимъ и золото, и серебро, и брилліанты, — громко ораторствовала тетка Ите, худощавая и черноволосая еврейка съ острымъ, какъ у птицы, носомъ и широкимъ ртомъ. — Мы подѣлимъ все это, въ особенности брилліанты. Мы молоды, намъ нужны украшенія, чтобы нравиться нашимъ мужьямъ. А ей, — она указала рукой на бабушку, — на что ей эти побрякушки?.. Она стара: замужъ вторично не пойдетъ и рядиться и франтить ей не зачѣмъ.

— Незачѣмъ, — согласилась тетка Хая.

— Разумѣется, разумѣется, — поддержали тетку Ите и другіе голоса.

— Значить, всѣ со мною согласны, — продолжала тетка Ите. — Такъ я вамъ должна сказать, что мнѣ, какъ самой старшей невѣсткѣ, принадлежитъ брилліантовый фермуаръ, и я ни за что отъ него не откажусь и никому его не уступлю!

— Ну, Ите, это ты напрасно, — перебила ее тетка Хая, — фермуаръ мой — я старшая дочь.

— Дочь... Велика важность, что дочь. Я жена старшаго сына!.. Шліома!.. — крикнула она мужа. — Слышишь, Хая осмѣливается посягать на фермуаръ.

— Какой тамъ фермуаръ? — спросилъ дядя Шліома, являясь на зовъ жены.

— Разумѣется, рѣчь идетъ о большомъ фермуарѣ, который былъ купленъ въ Парижѣ.

— Ну? — нетерпѣливо перебилъ дядя Шліома.

— Такъ вотъ Хая имѣетъ безстыдство заявлять на него права. Она говоритъ, что онъ ей принадлежитъ, какъ старшей дочери.

— Ну, и пускай говоритъ. Охота тебѣ спорить съ ней. Разумѣется, фермуаръ ты получишь.

— Кромѣ фермуара, еще не забудь змѣобразный браслетъ и брилліантовья серьги съ подвѣсками. Тоже насчетъ серебра: подвѣчки мнѣ не нужны, а вотъ канделябры намъ необходимы. Ты бы, Шліома, немедленно отобралъ все это, а то, чего добраго, еще изъ-подъ носа утацать.

Тетка Ите раскрывала больше обыкновеннаго свой широкій ротъ, словно хотѣла проглотить всѣ тѣ хорошія вещи, о которыхъ говорила, а острый ея носикъ такъ и вздрагивалъ.

— Смотри, Шліома,—озабоченно заключила она.—Не откладывай въ долгій ящикъ. Забирай вещи, пока не успѣли растаскать...

— И заберу!..

Дядя Шліома сдѣлалъ шагъ впередъ, но тутъ на него накиннулись со всѣхъ сторонъ.

— Это грабежъ!—крикнула тетка Хая.—Вамъ все, а намъ ничего.

— Мы не позволимъ!.. — присоединились къ ней съ крикомъ другія тетки.

— Что такое?.. Что такое?.. — послышался голосъ дяди Мордохая.

— А вотъ,—визгнула тетка Хая.—Все, рѣшительно все Шліома забираетъ для своей франтики!..

— Что онъ забираетъ?

— Всѣ драгоцѣнности: брилліанты, канделябры...

— Такъ ему и позволять...

— А кто же мнѣ запретить? Не ты ли, Мордохъ?..

— Зачѣмъ я?.. Законъ запретить... Все будетъ раздѣлено по закону...

— Такихъ пустяковъ законъ не касается... Я, какъ старшій сынъ, беру себѣ эти пустяки, и никакой законъ мнѣ это запретить не можетъ!..

— Слышите?! слышите?!—раздались голоса.—Хороши пустяки, когда одинъ фермуаръ больше 4.000 стоитъ!.. Канделябры еще дороже!..

Шумъ все увеличивался, и между наслѣдниками пошла въ ходъ брань. Губы дяди Шліомы побѣлѣли отъ злости, и онъ молча сталъ пощипывать кончики своей козлиной бородки,—признакъ величайшаго раздраженія и гнѣва. Дядя Мордохай, засунувъ руки въ карманы брюкъ, съ вытянутой впередъ головой на высокой и тонкой шеѣ, съ саркастической улыбкой на мясистыхъ губахъ, ехидно подзадоривалъ то ту, то другую изъ женщинъ. Бабушка, наконецъ, не выдержала и рѣшила прекратить эти препирательства и брань. Она поднялась съ своего мѣста и громко произнесла:

— О чемъ вы тамъ, дѣти?..

Никто ей не отвѣтилъ на вопросъ. Тогда она подошла поближе къ спорщикамъ и, вся выпрямившись, гнѣвно крикнула:

— Съ ума вы всё сошли, что даже не отвѣчаете, когда я васъ спрашиваю?— Водворилась тишина и бабушка продолжала:— Кто изъ васъ скажетъ мнѣ, по какой причинѣ вы тутъ ссоритесь?.. Кажется, къ дѣлежу еще не приступили, и поводовъ къ дракамъ пока нѣтъ...

— Помилуй, мама, — отозвалась тетя Хая, — Шліома съ своей благовѣрной желаютъ распорядиться нѣкоторыми вещами безъ общаго согласія... Ите говоритъ, что она непременно возьметъ себѣ фермуаръ и канделябры...

— А ты, — перебила ее бабушка, — желаешь эти вещи себѣ?

— Конечно, мама, я имѣю больше права, чѣмъ она... Эти вещи всегда переходятъ по наслѣдству къ дочерямъ, а не къ сыновьямъ...

Бабушка глубоко вздохнула, и страдальческая улыбка появлялась на ея лицѣ.

— Ну, а остальные чего кричать, чего бѣсуются?

— Развѣ мы, мама, съ улицы явились, — пояснила тетка Мера. — Мы тоже наслѣдницы, а на насъ никто вниманія не обращаетъ. Все имъ, — указала она на Шліому и его жену, — а остальнымъ ничего.

— Такъ, такъ, дѣти, теперь я поняла, въ чемъ дѣло: вы не можете подѣлиться моими брилліантами и моимъ имуществомъ (она подчеркнула слова: «моими» и «моимъ»). Но зачѣмъ вы преждевременно затѣваете изъ-за этого ссоры и споры? Во-первыхъ, никто не смѣетъ ничего самовольно брать изъ наслѣдства; придутъ «даіонимъ» (судьи) и все распредѣлятъ по справедливости и закону. А, во-вторыхъ, то, о чемъ вы спорите, не подлежитъ совсѣмъ дѣлежу... Меня вы еще не похоронили! Я еще по волѣ Творца обременяю собою землю... Брилліанты, серебро, хозяйство — все это мое! И пока я жива, безъ моей воли никто не посмѣетъ дотронуться до моего собственнаго добра!

— Помилуйте, дорогая «швигеръ» (свекровь), на что вамъ брилліанты? На что вамъ золото и серебро? — перебила тетя Ите. — Не будете же вы въ ваши годы наряжаться, гостей принимать, являться на вечера, на балы... У васъ все это безъ всякаго употребленія и пользы пропадетъ... Такъ ужъ лучше намъ этимъ пользоваться...

— Похорони меня сначала, какъ похоронили моего дорогого мужа, — да покоится душа его среди праведныхъ, — закопай меня въ землю, а потомъ и пользуйся моими драгоценностями!.. Повторяю вамъ всѣмъ, пока жива, никто до моего не дотронется... Ну, а послѣ моей смерти все достанется вамъ. — Бабушка глубоко вздохнула. — Повѣрьте, не долго вамъ ужъ ждать...

— «Бетъ-динъ» (судь) идетъ!.. «Бетъ-динъ» идетъ!.. — громко заявилъ вошедшій «мешуресъ» (слуга).

Водворилась тишина. Женщины, исключая только бабушки, уда-

лились въ сосѣдную комнату. Мужчины выстроились у дверей въ два ряда, чтобы привѣтствовать «бетъ-динъ».

Вотъ показался впереди, медленно выступая и чуть-чуть прихрамывая, «авъ-га-бетъ-динъ» (глава, предсѣдатель суда). Это былъ старикъ весьма ветхій, съ полузакрытыми, подслѣповатыми глазами. Огромная голова его безостановочно тряслась на высокой и тонкой шеѣ, а на послѣдней красовался, выступая впередъ, кадыкъ. За старцемъ вошли два младшихъ «даіонимъ» (судей), изъ которыхъ одинъ высокій и рыжій съ бѣгающими, какъ у мышенка, глазками, а другой—толстый и жирный, съ порядочнымъ брюшкомъ и весьма добродушнымъ лицомъ, не чуждымъ хитрости и, пожалуй, лукавства. Замыкалъ шествіе кагалный писарь Герць. Высокій и тонкій, какъ жердь, онъ обладалъ характернымъ длиннымъ носомъ, довольно замѣтно искривленнымъ къ концу, такъ что лѣвая ноздря его казалась открытой и выше правой. За ухомъ у него торчали очиненныя гусиныя перья, въ правой рукѣ его находился свертокъ съ бумагами, а кончики пальцевъ лѣвой руки, видимо околѣнѣвшіе, онъ держалъ у рта и усиленно дышалъ на нихъ.

— Привѣтствую васъ, праведные еврей! Да поплеть Господь благоденствіе благочестивому дому!—чуть слышно произнесъ старый предсѣдатель «бетъ-дина».

— Миръ вамъ и благоденствіе вамъ,—въ свою очередь громко привѣтствовали младшіе «даіонимъ» хозяевъ.

Дядя Шліома бросился къ предсѣдателю, взявъ его подъ руку и бережно усадилъ на первое мѣсто за огромнымъ столомъ. Младшіе «даіонимъ» тоже заняли мѣста: одинъ съ правой стороны предсѣдателя, а другой—съ лѣвой. Всѣ дяди размѣстились у стола по старшинству; бабушка усѣлась на противоположномъ отъ предсѣдателя концѣ стола, а для кагалнаго писаря былъ поставленъ особый столикъ за мѣстомъ предсѣдателя. Когда всѣ, такимъ образомъ, уже были на своихъ мѣстахъ, предсѣдатель нѣсколько разъ вздохнулъ, громко высморкался, оберъвъ носъ полой «лейбсердака» и заикаясь произнесъ:

— Приступимъ къ дѣлу... Герць собери «псакъ-гельдъ» (плату за рѣшеніе, судебныя издержки въ пользу бетъ-дина) съ заинтересованныхъ сторонъ.

— Рабоссай (господа),—съ важностью началъ Герць, вытянувшись во весь свой длинный ростъ.—Вы, какъ подобаетъ благочестивымъ евреямъ, желая, чтобы святой «бетъ-динъ» принялъ участіе въ вашемъ дѣлѣ о наслѣдствѣ, вѣроятно, знаете, что обычай требуетъ внести «псакъ-гельдъ» до начала засѣданія, дабы потомъ не вышло изъ-за этого споровъ и раздоровъ. А потому, рабоссай, я васъ спрашиваю, какъ будете вы расплачиваться съ «бетъ-диномъ»—по таксѣ или по взаимному соглашенію? Если по таксѣ,

мы сначала опредѣлимъ общую сумму наслѣдства, и вы внесете причитающееся въ размѣрѣ двухъ процентовъ; если же по взаимному соглашенію—говорите, какъ вы намѣрены вознаградить св. «беть-динъ»?..

— О таксѣ тутъ и рѣчи не можетъ быть,—сказалъ дядя Шліома.— Каждый изъ наслѣдниковъ заплатитъ св. беть-дину по 50 рублей. Смѣю думать, сумма наберется изрядная, и св. беть-динъ совершенно ею удовольствуется.

— Разумѣется, удовольствуется,—подхватилъ дядя Мордохай.— Насъ, наслѣдниковъ, одиннадцать человѣкъ. Если съ cadaго по 50 рублей, выходитъ 1.050 рублей... Цѣлый капиталъ!..

— Чтобы мы, зятя покойнаго, платили «псакъ-гельдъ» наравнѣ съ сыновьями, не возможно,—вскочилъ съ мѣста мужъ тетки Хай.— Помилуйте, мы получаемъ маленькія доли и такихъ денегъ платить не будемъ... Съ насъ, съ зятьевъ покойнаго, по десяти рублей за глаза достаточно!..

— Вотъ видите,—сказалъ Герцъ.— По взаимному соглашенію выходятъ недоразумѣнія, такъ не лучше ли будетъ, если мы по таксѣ? Никому, по крайней мѣрѣ, не будетъ обидно: вычтемъ «псакъ-гельдъ» изъ общей суммы, а потомъ и подѣлимъ остальное по закону...

— Что ты, Герцъ, не глупъ, это я давно зналъ,—возразилъ дядя Мордохай.— Но зачѣмъ это ты насъ за дураковъ считаешь? Чтобы съ такого громаднаго наслѣдства, какъ наше—да по таксѣ брать... Тутъ, братъ, выйдетъ такъ много, что такой голышъ, какъ ты, и не сосчитаетъ.

— Вы только согласитесь, а ужъ сосчитать берусь... — усмѣхнулся Герцъ.

— Я думаю, что дѣйствительно будетъ несправедливо всѣмъ поровну вносить «псакъ-гельдъ»,—сказалъ дядя Шліома.— Пускай зятя внесутъ по 10 рублей, а остальные мы внесемъ...

— Но 1.050 рублей мало...—протестовалъ Герцъ.

— Если мало, то постараемся какъ нибудь подѣлиться безъ участія «беть-дина»,—заявили одновременно нѣсколько голосовъ.

— Мнѣ что? — сказалъ Герцъ: — какъ «беть-динъ» рѣшить. Если же найдетъ, что 1.050 рублей довольно, спорить не буду.

Младшіе «даіонимъ» наклонились къ предсѣдателю и пошущукались.

— Накиньте немножко,—произнесъ толстый «даіонъ».

— Ну, хоть еще 450 рублей, чтобы округлить цифру... Вы отъ этого не обѣднѣете...—поддержалъ товарища рыжій «даіонъ».

— Не тратьте даромъ слова, высокочтимые рабби,—твердо отчеканилъ дядя Мордохай.— Вы лучше поскорѣй соглашайтесь и приступите къ дѣлу. Все равно, ни одной копейки не выторгуете...

— Конечно!.. Конечно!..—послышались со всѣхъ сторонъ голоса.

«Даіонимъ» опять наклонились и опять пошептались съ предсѣдателемъ.

— Мы согласны, — произнесли оба въ одинъ голосъ. Внесите деньги...

Всѣ наслѣдники по очереди подошли къ Герцу, внесли каждый свою долю, получили квитанцію и опять усѣлись по мѣстамъ.

— «Псакъ-гельдъ» полностью мною полученъ и св. «бетъ-динъ» можетъ приступить къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей, — торжественно провозгласилъ Герць.

Наступила тишина, которая была прервана предсѣдателемъ.

— Съ безпристрастіемъ, святыми законами, врученными намъ чрезъ Моисея на горѣ Синаѣ самимъ Богомъ-Цавоотъ, предприсаннымъ еврейскимъ судіямъ, приступимъ къ дѣлу, и да поможетъ намъ Богъ. Рабби Эліазаръ, — обратился предсѣдатель къ толстому «даіону», — я вамъ поручаю руководить преіями...

— Повинуясь приказу главы «бетъ-дина», приступаю къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей, — произнесъ толстый «даіонъ». — Итакъ, прежде чѣмъ приступить къ раздѣлу, по закону талмуда и другихъ священныхъ нашихъ кодексовъ, намъ должно быть поставлено въ извѣстность, какія имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя подлежатъ дѣлежу... Намъ нужна подробная опись имущества...

— Опись готова, вотъ она! — дядя Шліома подалъ бумагу.

— И у меня есть опись, — заявилъ дядя Гилель, мужъ тети Хаи.

— И у меня!.. И у меня!.. — слышались голоса другихъ дядей.

— Такъ нельзя! — громко произнесъ рабби Эліазаръ. — Мы можемъ только руководствоваться одною описью, которую всѣ участники признаютъ вѣрною. Разсмотримъ же эти описи.

Тутъ бабушка поднялась съ мѣста и заявила:

— Св. «бетъ-динъ»! Когда заболѣлъ мой мужъ и почувствовалъ приближеніе праведной кончины своей, онъ составилъ завѣщаніе, которое по волѣ Всемогущаго имъ же было уничтожено. Къ этому завѣщанію была приложена подробная опись всѣхъ нашихъ имущества. Эта опись за подписью покойнаго сохранилась. Вотъ она!.. И бабушка подала документъ.

При послѣднемъ заявленіи бабушки дядя Шліома какъ-то странно переглянулся съ дядей Мордохаемъ, и оба какъ будто поблѣднѣли.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ рабби Эліазаръ, — мы должны руководствоваться этой описью, какъ несомнѣнно правильно составленной.

Онъ посмотрѣлъ опись и передалъ ее кагальному писарю.

— Читай, Герць!..

Герць раскрылъ бумагу и среди наступившей тишины началъ читать.

— «Опись капиталовъ и другихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, а также положеніе дѣлъ и оборотовъ 1-го гильдіи купца Симхи, сына Авраама Лидскаго. Пунктъ 1-й, наличныхъ денегъ въ процентныхъ бумагахъ, хранящихся въ несгораемомъ шкапу моемъ, 478 тысячъ; пунктъ 2-й»...

— Не читайте дальше,—перебилъ дядя Шліома.—Провѣримъ сначала наличную сумму и подѣлимъ ее, а потомъ будемъ такъ продолжать дѣлежку по пунктамъ....

— Самое лучшее,—радостно подхватилъ дядя Мордохай и опять переглянулся съ дядей Шліомой.

— Мы ничего не имѣемъ противъ этого,—заявили остальные наслѣдники.

Бабушка отправилась въ спальню, принесла объемистый свертокъ процентныхъ бумагъ и положила его предъ предсѣдателемъ. Пока кагалный писарь дѣлалъ свои вычисленія, сколько приходится на долю cadaго наслѣдника, жадные взоры послѣднихъ были устремлены на драгоцѣнный свертокъ, и среди наступившей тишины слышно было только усиленное дыханіе cadaго изъ нихъ. Но вотъ вычисленіе окончено, и Герцъ подалъ бумагу предсѣдателю.

— Мы распредѣлили лежащій предъ нами капиталъ по закону. Раби Шліомъ, какъ «бхору» (первенцу) — двѣ доли, остальнымъ братьямъ—по одной долѣ, а сестрамъ и вдовѣ по $\frac{1}{14}$ долѣ... Получайте ваши части...

Раби Элізаръ развернулъ свертокъ и началъ всѣмъ раздавать причитающееся. Получивъ деньги, наслѣдники по нѣсколько разъ пересчитали ихъ и попрытали по карманамъ.

— Продолжай, Герцъ, чтеніе описи,—скомандовалъ раби Элізаръ.

— «Пунктъ 2-й,—вторично приступилъ къ чтенію писарь,—три каменныхъ дома»...

— Четыре!—перебили въ одинъ голосъ всѣ наслѣдники.

— Три,—ткнулъ пальцемъ въ опись Герцъ.—Тутъ ясно написано три...

— Такъ оно и должно быть... Это совершенно вѣрно,—раздался голосъ бабушки.—Было четыре дома, да одинъ покойный мужъ подарилъ мнѣ два года тому назадъ, ко дню золотой нашей свадьбы... Вотъ и дарственный документъ, утвержденный палатой... По этому документу переданы мнѣ въ полную собственность и лавки съ товарами, которыми я завѣдовала.

— Зачѣмъ же вы это отъ насъ раньше скрывали, мама?... спросилъ дядя Мордохай.

— Такова была воля покойнаго мужа,—отвѣтила бабушка.

— Ну, мама, поздравляю васъ,—ехидно произнесъ дядя Мордохай.—Выходитъ, потихонечку да помаленечку вы очень крупный

кусокъ изъ-подъ носу у насъ захватили.... Два года всёмъ этимъ владѣете на правахъ полной собственности; значить, у васъ и денегъ много?... Нельзя ли узнать, какъ великъ вашъ собственный капиталъ?....

— Великъ ли, малъ ли мой капиталъ, до тебя не касается....

— А все-таки интересно знать?...

— Послѣ моей смерти, когда мой капиталъ станетъ вашимъ, вы и узнаете,—рѣшительно отрѣзала бабушка. — А пока я жива, никакого контроля надъ моимъ имуществомъ не потерплю!...

Противъ документа, давно составленнаго на законномъ основаніи, спорить нельзя было, и съ охами и вздохами наслѣдники примирились съ совершившимся фактомъ, сознавая, что въ сущности эта часть наслѣдства только временно ускользнула отъ нихъ, и что послѣ смерти бабушки она возвратится къ нимъ.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ всего засѣданія, а остановимся только на его окончаніи.

Когда Герцъ, окончивъ чтеніе о движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, которыя тутъ же были распределены между присутствующими, приступилъ къ чтенію описи оборотныхъ капиталовъ и крупныхъ предпріятій, то произошло слѣдующее:

— «Поставка провіанта военному вѣдомству на сумму въ два съ половиною милліона,—читалъ Герцъ,—вызвала расходовъ, кромѣ залоговъ въ 250 тысячъ процентными бумагами, на задатки мелкимъ поставщикамъ около 300 тысячъ»...

— Что за ерунду ты читаешь, Герцъ?—перебилъ дядя Шліома.

— Тутъ такъ написано....

— Значить, не вѣрно написано.... Подрядъ по военному вѣдомству не существуетъ.... Онъ цѣликомъ переданъ купцу Хаимзону...

— Какъ переданъ?! Кто передалъ?!... Этого быть не можетъ!... И многія другія восклицанія наслѣдниковъ, которые привскочили съ своихъ мѣстъ, раздались въ залѣ.

— А я вамъ говорю, что это такъ, — хладнокровно пояснилъ дядя Шліома.—Я думалъ, вамъ это также извѣстно, какъ и мнѣ... Вѣдь ужъ цѣлыхъ двѣ недѣли, какъ подрядъ переданъ....

— Но двѣ недѣли тому назадъ отецъ ужъ былъ сильно боленъ и не могъ сдѣлать передачи!...

— Совершенно вѣрно: передача сдѣлана мною по приказанію отца, и я дѣйствовалъ на основаніи довѣренности.... Вы же знаете, что я имѣлъ отъ отца полную довѣренность....

— Что же, много отступнаго получилъ ты отъ Хаимзона?

— Какія тамъ отступныя.... Цѣны теперь ужасныя.... У Хаимзона запасы есть—ему выгода будетъ, а мы бы сильно на этомъ дѣлѣ потеряли....

— Гдѣ же залогов?!... Гдѣ же задатки отъ мелкихъ поставщиковъ?!...

— Все это мною было своевременно получено и своевременно же передано отцу... Вы же всё получили свои части. Откуда, вы думаете, такая громадная сумма накопилась въ отцовскомъ шкафу?!.. Это и есть залого и задатки....

— Разумѣется, это такъ,—согласился дядя Мордохай.

Всѣ были до такой степени поражены хладнокровіемъ, съ которымъ дядя Шліома давалъ свои разъясненія, что въ первый моментъ и сами не знали: сердиться ли имъ и негодовать, или же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, какъ надъ глупой шуткой... Когда же выяснилось, что о шуткѣ и рѣчи не можетъ быть, и что дядя Шліома дѣйствительно учинилъ великое мошенничество, воспользовавшись довѣренностью отца, всѣ наслѣдники, какъ одинъ человекъ, повскакали съ своихъ мѣстъ съ угрожающими криками и жестами:

— Мы не позволимъ!....

— Грабежъ, дневной грабежъ!.... — Въ судъ его, подлеца!.... Воръ!... Мошенникъ!...

Однимъ словомъ, настала страшная суматоха, и къ крикамъ мужчинъ присоединились взвизгиванія и крики женщинъ, которыя появились изъ сосѣдней комнаты. Тетка Хая оказалась впереди всѣхъ и, наступая на дядю Шліому, какъ разъяренная пантера, защищающая своихъ дѣтенышей, впѣпилась ему въ бороду.

— Въ судъ его, мошенника, вора, грабителя!... кричала она, изъ всѣхъ силъ, неистово тряся дядю Шліому за бороду.

Кагальный писарь трижды ударилъ кулакомъ по столу и, стараясь всѣхъ перекричать, издалъ обычный при подобныхъ обстоятельствахъ звукъ: «Ша-а-а!»... И когда относительная тишина наступила, онъ громко крикнулъ:

— Имѣйте, еврей, уваженіе къ святому «бетъ-дину»!.. Тѣмъ болѣе, когда криками дѣла не поправишь, то слѣдуетъ обсудить хладнокровно, какъ помочь бѣдѣ....

Затѣмъ кагальный писарь бросился на помощь къ дядѣ Шліомѣ, чтобы освободить его бороду изъ цѣпкихъ рукъ тети Хай, что ему удалось наконецъ не безъ труда, и весьма внушительный комокъ волосъ дядиной бороды остался побѣднымъ трофеемъ въ крѣпко сжатомъ кулакѣ тети Хай.

— Мы этого такъ не оставимъ,—запальчиво произнесъ дядя Зеликъ.—Разумѣется, теперь ужъ святому «бетъ-дину» не справиться съ раздѣломъ.... Тутъ пахнетъ уголовщиной!.. Это мошенничество совершено ими обоими,—указалъ онъ на дядей Шліому и Мордохая,—и мы ихъ обоихъ запрячемъ въ тюрьму!.. На каторгу сошлемъ!.. Въ судъ подадимъ, въ судъ!...

— Дѣти мои,—заговорила бабушка:—никто больше не возмущенъ поступкомъ Шліомы и Мордохая, чѣмъ я, мать ваша... Богъ мой, Богъ Авраама, Исаака и Якова, за что ты караешь меня въ

дѣтяхъ моихъ?!... Въ то время, когда корона моей главы, когда свѣтъ моихъ очей, когда мой владыка, господинъ и супругъ, страдалъ отъ болѣзней и готовился предстать на судъ грознаго Творца нашего,—въ это именно время мой первенецъ, а съ нимъ и мой второй сынъ, совершили такое неслыханное преступленіе!.. Они не думали о мученіяхъ своего отца, они забыли о давшемъ имъ жизнь, о его болѣзняхъ, о его страданіяхъ и всѣмъ этимъ только воспользовались, чтобы обокрасть, ограбить тѣхъ, кто вмѣстѣ съ ними увидѣли свѣтъ изъ одного и того же чрева!..

Слезы полились по лицу бабушки. Она раза два громко всхлинула, но тутъ же вся выпрямилась, вытерла лицо бѣлымъ платкомъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ продолжала:

— Неужели къ горю матери, обманутой въ своемъ первенцѣ, къ горю вдовы оплакивающей своего супруга, Господь еще прибавить на горькую долю мою стыдъ и позоръ?!... Неужели суждено мнѣ присутствовать, какъ дѣти мои пойдутъ одинъ противъ друга съ ненавистью, злобой и мщеніемъ, и всѣ будутъ на нихъ указывать пальцами, какъ на дикихъ звѣрей, какъ на жадныхъ животныхъ?... Неужели мой родъ, считавшійся до сихъ поръ красой Израиля, такъ низко упалъ, и отнынѣ всѣ будутъ взирать на него съ презрѣніемъ?!... Если это такъ, то молю Бога объ одной только милости: да не сдѣлаетъ Онъ меня свидѣтельницей этого позора, этой гибели рода моего!... Да отниметъ Онъ жизнь мою и призоветъ къ себѣ!... Я... я...

Она не могла больше говорить и обезсиленная опустилась на мѣсто, закрывъ лицо обѣими руками.

— Евреи,—раздался среди наступившей тишины дребезжащій, старческий голосъ «авъ-га-бетъ-динъ» (предсѣдателя). — Евреи, въ милосердіи Своемъ избралъ насъ Господь изъ всѣхъ народовъ, возвысилъ насъ надъ ними и чрезъ Моисея на горѣ Синаѣ вручилъ намъ свои законы. Законы эти также святы, какъ святъ Богъ! Они, эти законы, наше единственное сокровище, единственное богатство... Доколѣ мы будемъ ими руководствоваться, съ нами Богъ; отступимъ отъ нихъ, не подчиняясь имъ — мы перестаемъ быть сынами Божьими и уподобляемся прочимъ народамъ нечестивцамъ... Такъ неужели же вы пойдете на такой грѣхъ? Неужели вы предпочтете судъ нечестивыхъ суду праведныхъ?... Неужели вы захотите отвергнуть компетенцію «бетъ-дина» и признаете компетенцію нечестиваго христіанскаго судилища?... Нѣтъ, этого быть не можетъ!... Сыны Израиля еще не на столько погрязли въ грѣхѣ, чтобы якшаться съ «гоями» и признать ихъ судъ выше суда Божьяго, представителемъ котораго являюсь предъ вами я и мои товарищи, «даіонимъ»... Мы, только мы одни ваши судьи, и намъ вы обязаны, вы должны подчиняться!..

— Высокочтимый «авъ-га-бетъ-динъ», — произнесъ дядя Зе-

ликъ.—Все, что вы говорили, чрезвычайно мудро, и не я, конечно, осмѣлился бы протестовать и ослушаться, еслибъ могъ разсчитывать, что, кромѣ мудрости, вы еще обладаете силой и возможностью заставить нарушителей закона подчиниться закону... На самомъ же дѣлѣ этой силы, этой возможности заставить Шліому и Мордохая возвратить намъ похищенное вы не имѣете.... А вѣдь они похитили половину, а, можетъ быть, и больше, состоянія отца.... Какъ же мы можемъ тутъ обойтись безъ суда государственнаго, который имѣетъ и силу и возможность возвратить намъ похищенное?!...

Предсѣдатель хранилъ глубокое молчаніе. Онъ видимо обдумывалъ отвѣтъ.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ,—обратился къ нему толстый «даіонъ».

— Говорите.

— Ребъ Зеликъ, — началъ толстый даіонъ: — вы человекъкъ безспорно большаго ума и «великаго пониманія», а, между тѣмъ, то, что вы высказали, я не могу назвать умнымъ... Вы, вѣрно, сгоряча сами не сообразили, на сколько въ словахъ вашихъ нѣтъ смысла. Вы говорили, у насъ нѣтъ силы, нѣтъ возможности заставить нарушителей закона подчиниться закону. На это я вамъ скажу: если закононарушеніе сдѣлано по всѣмъ правиламъ закона, то и судъ нечестивцевъ вамъ тутъ не поможетъ, и если вы къ нему обратитесь, то заплатите только судебными издержками и расходами на адвокатовъ; такимъ образомъ, дѣло не обойдется безъ большихъ убытковъ... въ особенности, если еще къ этому прибавить и пошлину судебную и прочее... Если же закононарушеніе сдѣлано не на законномъ основаніи, то мы сами съ этимъ дѣломъ справимся.. Повѣрьте, и ребъ Шліома и ребъ Мордохай не на столько глупы, чтобы не подчиниться нашему суду, если мы имъ докажемъ, какъ дважды два четыре, что дѣйствія ихъ могутъ быть уничтожены и признаны недѣйствительными законами государственными...

— А если они васъ все-таки не послушаютъ?—перебилъ дядя Зеликъ.

— Какъ не послушаютъ? Послушаютъ! Дай только Богъ, чтобы мы нашли какой нибудь законный промахъ въ дѣйствіяхъ... Шелковыми будутъ... Сами прощенія попросятъ... Вы можете на насъ положиться. Мы знаемъ законы и всѣ ихъ дѣйствія разсмотримъ со всѣхъ сторонъ... Если же ребъ Шліома и ребъ Мордохай дѣйствовали съ оглядкой и продѣлали все на законномъ основаніи, то незачѣмъ въ судъ подавать и людей смѣшить... Надо будетъ съ этимъ мириться; выставяты же все дѣло публично, давать наживаться «гоямъ»-адвокатамъ и платить судебныя издержки и пошлины незачѣмъ... Вотъ какъ я понимаю это дѣло, ребъ Зеликъ, и надѣюсь, всѣ со мною согласятся. Это будетъ и выгодно, и благочестиво, и поеврейски!... Вы избѣгнете напрасныхъ расходовъ и

утѣшите горемъ убитую вдову, вашу мать, которая не переживетъ позора, если прибѣгнете къ суду христіанъ, и начнется дѣло о подлогахъ, мошенничествахъ, которое покроетъ стыдомъ весь вашъ родъ.

— Дѣти мои,—заговорила бабушка, обращаясь къ обиженнымъ наслѣдникамъ.—Послѣдуйте совѣту мудраго рабби и не выносите на улицы и площади свои ссоры и раздоры... Рабби Эліазаръ рассудилъ правильно, и если хоть немножко вы любите меня, то пощадите мои сѣдины отъ стыда и позора и не дайте людямъ повода насмѣхаться надо мною и надъ родомъ моимъ... Если же старшіе братья обидѣли васъ, то я ихъ за это лишу наслѣдства и завѣщаю вамъ мое состояніе... Не прибѣгайте только къ суду христіанъ и положитесь во всемъ на судъ св. «беть-дина».

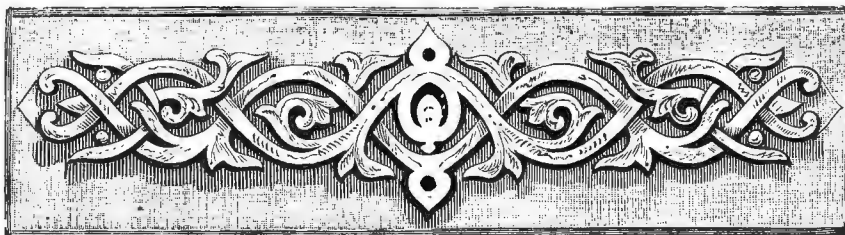
Не знаю, подѣйствовало ли обѣщаніе бабушки на обиженныхъ наслѣдниковъ, или же они поняли справедливость словъ «даіона», рабби Эліазара, который, какъ дважды два четыре, доказалъ имъ, что они ничего не выиграютъ, если обратятся къ суду государственному, — только послѣ долгихъ споровъ и криковъ всѣ согласились подчиниться «беть-дину»...

Разумѣется, не одно засѣданіе, а цѣлыхъ двѣнадцать, было посвящено раздѣлу, и дядя Шліома и дядя Мордохай отъ этого въ убыткѣ не остались; ибо, какъ ни разсматривали всѣ ихъ незаконныя дѣйствія, какъ ни изучали всѣ документы,—ничего противозаконнаго нельзя было открыть. Все было такъ мастерски оборудовано, что, какъ говорится, комаръ носа не подточить. Половина состоянія дѣда такъ и осталась у нихъ.

Такъ печально кончился знаменитый раздѣлъ наслѣдства моихъ родственниковъ. И когда послѣ послѣдняго засѣданія «беть-дина» они въ послѣдній разъ переступили порогъ дома бабушки, то всѣ вмѣстѣ они ужъ почти во всю жизнь не собирались больше подъ одной кровлей...

Бабушка сдержала обѣщаніе. Она лишила правъ наслѣдства дядей Шліому и Мордохая и все свое состояніе поровну подѣлила между остальными сыновьями и дочерьми; домъ же свой она завѣщала своему любимцу, т. е. моему отцу, который больше всѣхъ былъ обиженъ братьями и сестрами.

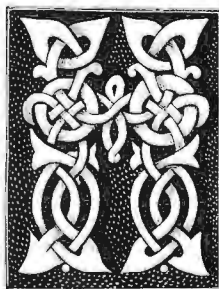
С. Литвинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXI.

Обѣдъ въ клубѣ.—Путевыя происшествія.—Пріѣздъ въ столицу.—Военный министр.—Царское Село.—Представленіе государю.—Награда.—Москва.—Кн. С. Я. Грузинскій.—Воспоминаніе объ англійскомъ клубѣ.—Костя Тришатный.—Поѣздка въ Тверскую губернію.—Впечатлѣнія.—Опять Петербургъ.—Встрѣча съ Щербинскимъ.—Новости изъ Туркестана.—Послѣдніе дни 1870 года на Прѣснѣ въ Москвѣ.—Сборы къ отъѣзду.—Скачка до Самары.—Болѣзнь.—Зимній путь.—Катай-Куль.—Свѣтлое воскресенье и розговѣнье въ степи.

АКОНЕЦЪ только 12-го сентября мнѣ вручили длиннѣйшее донесеніе о побѣдахъ въ Шахриязбской области, и я увидаль берегъ, сирѣчь отъѣздъ мой. Благодаря предложенію милѣйшаго губернатора, Николая Никитича Головачева, была отправлена за два дня впередъ эстафета (двухъ-конная, на мой счетъ) о заготовленіи на станціяхъ по степному тракту до самаго Орска курьерскихъ лошадей. За три дня предупредить о быстромъ курьерѣ, конечно, было нѣсколько оригинально, но другого исхода не представлялось.

Въ день отъѣзда въ клубѣ друзья-пріятели давали мнѣ прощальный обѣдъ. Участниковъ было до 20 человекъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, и одинъ, по страннѣйшему *qui pro quo*, никому неизвѣстный! Окруженный за столомъ самыми близкими, я былъ уди-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 412.

вленъ присутствіемъ наискось сидящаго офицера стрѣлковаго баталіона, котораго впервые видѣлъ. На вопросъ сосѣдей моихъ, кто сей господинъ, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, такъ какъ во всемъ обществѣ знакомыхъ его не оказалось никого. Странное обстоятельство это, конечно, возбуждало общее недоразумѣніе, и потому были наведены справки, выяснившія забавную суть дѣла. Пріятный незнакомецъ, наканунѣ прибывшій изъ Россіи въ Ташкентъ, зашелъ въ клубъ обѣдать и, ничего не подозрѣвая о готовящемся торжествѣ въ честь отъѣзжающаго товарища, увидѣлъ накрытый длинный столъ и собравшуюся публику, вмѣшался въ нее, выпилъ водки и закусилъ, а затѣмъ усѣлся за мнимый табль-д'отъ. Ни музыка, ни тосты, ни присутствовавшія официальные лица, какъ Головачевъ, Польшманъ, Троицкій, Татариновъ, Струве, Медынский и другіе, не привлекли ни малѣйшаго его вниманія уже по той простой причинѣ, что онъ никого еще не зналъ въ лицо. Свободно и очень развязно выслушивая все кругомъ произносимое мѣстными ораторами, онъ не счелъ необходимымъ кому бы ни было отрекомендоваться, а подъ шумокъ только ѣлъ и ожесточенно пилъ. Когда вышли изъ-за стола, онъ, сидя за своимъ приборомъ, даже не пошевелился и потребовалъ себѣ еще вина. Тогда рѣшились задать ему щекотливый вопросъ, по какому случаю онъ попалъ въ интимный кружокъ нашъ, и тутъ только объяснилось, что собутыльникъ нашъ—графъ К., только-что переведенный въ Туркестанъ на службу изъ Преображенскаго полка, гдѣ онъ прославился своими эксцентрическими выходками, а послѣ, не менѣе того, своими продѣлками въ Орлѣ.

Передъ закатомъ солнца меня усадили въ тарантасъ рядомъ съ Струве, Татариновымъ и Лишинымъ, проводившими меня до знаменитой избы въ русскомъ стилѣ, гдѣ, выпивъ по послѣднему стакану шампанскаго, мы обнялись и расстались. Славно проскакалъ я двое сутокъ. На станціяхъ лошади были готовы, даже въ хомутахъ, запрягали живо, везли отчаянно быстро, но въ 30 верстахъ отъ Перовскаго, на полномъ ходу, вдругъ стопъ машина! Передняя ось лопнула пополамъ. Дотащившись къ ночи въ фортъ, только съ утра принялись за сварку и задержали меня на цѣлый день. Рано утромъ, въ торжественный день моего рожденія, 11-го сентября, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ дороги, погоды и лошадей я съ мѣста пустился въ карьеръ и несся съ изумительною быстротой, когда на третьемъ перегонѣ, по совершенно гладкому грунту привольной степи, тарантасъ покачнулся, а колесо въ одиночествѣ стало описывать дугообразныя въ противоположную сторону вращательныя движенія. Что такое? Та же самая ось и въ томъ же самомъ мѣстѣ разлетѣлась опять на двѣ половины. Но пунктъ случившейся поломки былъ иной и вовсе не подходящій. Впереди до Кармакчи болѣе 120 верстъ безлюднаго пространства

а назадъ до Перовскаго около 40 верстъ. Вернулись назадъ и, отправивъ переднюю ось въ фортъ Перовскій съ Кондратьемъ, мы съ Вавилой цѣлые сутки праздновали въ шалашѣ въ сухомытку, около большой дороги. Но 17-го я погналъ снова. Никогда не забуду бѣшеной скачки моей въ степяхъ киргизскихъ; повѣрить и понять это не могутъ не испытавшіе на себѣ такой сумасшедшей ѣзды на дикихъ лошадяхъ, съ дикими ямщиками-киргизами. Форты 2-й и 1-й промелькнули необыкновенно быстро; вотъ уже и граница Туркестанскаго округа, ст. Тилитли, но подѣвжаю къ ней и застаю страшный погромъ. За нѣсколько часовъ до меня проѣхавшій Озеровъ выѣхалъ со станціи благополучно, но вслѣдъ за нимъ на станцію нагрянула партія барантчей-хивинцевъ, предавшихъ все огню и мечу, а на обратномъ пути отбившихъ четверню лошадей, возвращавшихся изъ Джаловлы. По счастливой случайности, милые гости эти пожаловали въ Тилитли полчаса послѣ поѣзда Озерова и за часъ до моего прибытія убрались восвояси. Два перегона спустя, я нагналъ Озерова и уже вмѣстѣ съ нимъ пространствовалъ до города Орска, откуда я послалъ телеграмму въ Москву съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ и приглашеніемъ Софьѣ выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Нижній Новгородъ. Отъ Орска, расставшись съ Азіей, я поѣхалъ еще быстрее, такъ какъ опасеніе о возможной починкѣ тарантаса въ предѣлахъ Европы не могло уже пугать меня, а потому на семнадцатые сутки всего путешествія изъ Ташкента я попалъ въ Самару какъ разъ къ отходу парохода вверхъ по Волгѣ. Отсюда я вторичной телеграммой извѣстилъ Софью о моемъ пріѣздѣ въ Нижній 1-го октября. Трое сутокъ хода Волгой врѣзались мнѣ въ память своей монотонностью, а болѣе всего нетерпѣніемъ обнять безцѣнную жену мою. Въ послѣднюю ночь отъ сильнаго волненія я не могъ глазъ сомкнуть и едва не до слезъ сердился на медленный ходъ парохода противъ теченія. Наконецъ настала вождедѣнная минута, виденъ городъ, вотъ пристань, причалили. Но какъ ни глядѣлъ я во всѣ глаза, на набережной нѣтъ моей Сони. Забираю вещи въ фаэтонъ и скачу въ почтовую гостинницу; нѣтъ ея и здѣсь. Оставивъ багажъ въ занятомъ номерѣ, скачу обратно къ пристани, откуда беру яликъ и плыву на тотъ берегъ рѣки къ дебаркадеру Московской желѣзной дороги, бѣгаю по всѣмъ заламъ, какъ мальчикъ, нигдѣ нѣтъ ея. Въ отчаяніи бросаюсь опять въ яликъ, пускаюсь въ обратный путь и тутъ на срединѣ рѣки встрѣчаю лодку, изъ которой женщина машетъ мнѣ съ изступленіемъ.

Затѣмъ встрѣча на московскомъ вокзалѣ съ І., а на Прѣсенѣ съ дѣтми доставила мнѣ еще отрадныя минуты, пролетѣвшія быстро до отхода въ Петербургъ курьерскаго поѣзда. Разстался я опять съ семьей, конечно, не надолго, но съ золотыми мечтами свидѣться при иныхъ условіяхъ,—мечтами, которыя, увы, разлетѣлись, какъ дымъ.

Еще въ поѣздѣ, добросовѣстно исполняя долгъ службы экстреннаго курьера, я нарядился въ парадную форму и прямо со станціи Николаевского вокзала отправился къ военному министру. На подѣздѣ встрѣтилъ Алешу Милютина, отправлявшася на ученье въ свою батарею, и отъ него узналъ, что отецъ дома, а все семейство ихъ въ Киевской губерніи. Поднимаюсь на верхъ, гдѣ въ аванзалѣ камердинеръ министра, вновь къ нему поступившій и меня не знавшій въ лицо, просить подождать, такъ какъ его высокопревосходительство еще не одѣты. При докладѣ о прибытіи курьеромъ офицера изъ Туркестана, я увидѣлъ въ полуотворенную дверь въ кабинетѣ Дмитрія Алексѣевича въ халатѣ, поспѣшно бросившагося одѣваться. Но взглянувъ въ мою сторону и увидѣвъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, онъ удивленно, но очень мило, встрѣтилъ меня и, усадивъ съ собою пить кофе, принялъ отъ меня привезенныя бумаги.—«Одно могу сказать,—промолвилъ онъ,—неудачно избрали вы тамъ время творить чудеса въ какомъ-то Шахривабѣ, когда Европа занята вопросомъ: возьмутъ ли пруссаки Парижъ! Но впрочемъ все это прекрасно»,—добавилъ онъ.

И дѣйствительно, хотя нашъ походъ кажется ничтожнымъ сравнительно съ войной франко-прусской, однако приобрѣтеніе цѣлой провинціи, богатой и обширной, двадцати девяти орудій, бездны оружія и проч. распространило еще болѣе огромное обаяніе непобѣдимаго воинства благаго царя во всей Средней Азіи. Здѣсь я не удержался, чтобъ не рассказать, въ приливѣ увлеченія, какъ доказательный примѣръ такого обаянія и нашей популярности въ краѣ еще со временъ Черняева, знаменательный эпизодъ 66-го года при взятіи штурмомъ Ташкента. Когда М. Г. Черняевъ по занятіи нашими войсками только четырехъ изъ двадцати четырехъ кварталовъ обширнѣйшаго города, при громѣ еще неумолкшихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, потребовалъ къ себѣ аксакаловъ занятыхъ кварталовъ (въ родѣ нашихъ полицейскихъ квартальныхъ надзирателей) и спросилъ, гдѣ у нихъ городскія бани,—аксакалы въ недоумѣніи пояснили генералу, что бани находятся на противоположной сторонѣ Ташкента, куда далеко еще не доходили русскіе солдаты, и гдѣ кишить, не сложившее еще оружія, густое населеніе города. «Такъ проводите меня туда!»—отвѣтилъ Черняевъ и съ однимъ проводникомъ аксакаломъ и другимъ казакомъ въ конвоѣ, къ великому изумленію всѣхъ окружающихъ, отправился верхомъ на дальній край города, невозмутимо смѣло проѣзжая по извилистымъ переулкамъ, среди толпы, возбужденнаго кровопролитіемъ народа. И вотъ этимъ-то смѣлымъ подвигомъ Черняевъ приобрѣлъ себѣ въ Туркестанѣ ту популярность, которая до сихъ поръ еще живетъ между туземцами. Отдавъ въ минуту своей отважной экскурсіи предварительное приказаніе старшему по себѣ въ отрядѣ, Петрушевскому, въ случаѣ, если черезъ два часа онъ не вернется изъ бани благо-

получно, штурмовать городъ и въ немъ не оставить камня на камнѣ, онъ съ наружнымъ хладнокровіемъ совершилъ побѣдку въ баню, спокойно тамъ выпарился и еще спокойнѣе вернулся, внушивъ всему народу восторженное удивленіе. Съ той минуты, прозванный во всемъ краѣ мѣстными жителями батыремъ (богатыремъ), онъ вселилъ въ нихъ, кромѣ того, безграничное уваженіе правдивостью, твердостью даннаго слова и безусловною простотою въ наружномъ образѣ жизни.

Появленіе къ военному министру генераль-адъютанта Мерхилевича прервало бесѣду нашу, и я отправился отъ кузена моего въ главный штабъ.

Въ залѣ главнаго штаба я засталъ массу ожидающихъ пріема графомъ Гейденомъ. Дежурнымъ адъютантомъ оказался мой старый знакомый, бывшій павлоградскій гусарь, гр. Медемъ; подбѣжавъ ко мнѣ и узнавъ, что я только что прибылъ изъ Туркестана курьеромъ, онъ бросился доложить обо мнѣ графу, который вышелъ въ залу и направился прямо ко мнѣ.

— Вы курьеромъ пріѣхали?—радушно обнимая меня, спросилъ графъ Федоръ Логиновичъ.—Были ли у военнаго министра, когда будете представляться его величеству?

— Ничего не знаю, графъ.

— Ну, какъ же это? Впрочемъ, вѣроятно, завтра, у Д. А. кстати и докладъ государю императору. А какъ всѣ раненые? Тяжело ли раненъ Р.?

— Нѣтъ, легко.

— Куда раненъ онъ?

Тутъ я совершенно затруднился и тихонько проговорилъ: *le lieu en question*, но графъ по глухотѣ своей не разслышалъ и, подставляя ухо, еще переспросилъ: «Куда, куда?». Я принужденъ былъ объяснить.

— *Quelle chance, quelle chance!*—заливаясь хохотомъ, нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Послѣ официальныхъ визитовъ мнѣ предстояло еще посѣтить незнакомыхъ особъ, къ которымъ привезъ я изъ дальней страны письма; въ числѣ ихъ находились между прочими генеральша Р., съ которой вышло комическое приключеніе.

Еще наканунѣ, будучи у тетки Софьи Борисовны ¹⁾, когда я упомянулъ о Р., находившейся съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ, она пристала, чтобы я сейчасъ заѣхалъ къ Р., и на возраженіе мое, что письма ея сына я не взялъ съ собою, тетушка упорно настаивала: «*Allez, mon cher, c'est une femme très comme il faut.*».— «*Mais je n'ai pas de lettre sur moi,*»—возразилъ я. «*Allez toujours,*»—неугомонно повторяла tante Sophie. Не смотря на это, я никуда въ

¹⁾ Полторацкой, урожденной Голицыной.

тотъ день не побѣхалъ; но на слѣдующій день ко мнѣ явился метръ д'отель генеральши съ письмомъ: «Господинъ полковникъ,—гласило оно,—узнавъ о вашемъ пріѣздѣ изъ Туркестана, я сгораю нетерпѣніемъ увидѣть и лично услышать отъ васъ о раненомъ моемъ сынѣ, а потому вы не откажите удовлетворить столь понятное любопытство страдающей матери» и проч. и проч. въ этомъ же родѣ, на тему чувствъ родительскихъ, и затѣмъ подпись: «Генеральша такая-то».

— Вотъ письмо NN. къ его матушкѣ, — передавая его дворецкому, пояснилъ я, — а вотъ и приготовленный мой сюртукъ, чтобы сейчасъ ѣхать къ генеральшѣ, о чемъ и доложите ей превосходительству. Вручите же письмо въ ея руки, а самъ я часа черезъ два буду имѣть честь представиться лично.

Отправивъ важнаго посланника г-жи Р., я пустился по разнымъ мытарствамъ и только въ третьемъ часу остановился у подъѣзда барскаго дома на большой Милліонной. Меня ожидали и потому безъ замедленія ввели въ бель-этажъ и по анфиладѣ убранныхъ комнатъ проводили въ затѣйливый кабинетъ хозяйки. Высокая, стройная и очень важная, съ чувствомъ и разстановкой поднялась она съ своего пате и съ должною важною отъѣрила три шага мнѣ на встрѣчу. Послѣ двухъ словъ обязательныхъ привѣтствій при новомъ знакомствѣ, генеральша поспѣшила пригласить меня сѣсть противъ нея къ столику, на которомъ лежало открытымъ длинное письмо сына.

— *Maintenant, monsieur, veuillez parler, je serai toute oreille,* — въ видѣ вступленія промолвила важная барыня.

— Прежде всего, позвольте объяснить мнѣ, куда раненъ сынъ мой?—категорически потребовала она.

— N. N. раненъ пулею очень легко, и рана его, смѣю васъ увѣрить, совершенно безопасна,—отвѣчалъ я.

— Это укажетъ время и послѣдствія,—внушительно изрекла генеральша,—но я желаю знать, куда раненъ онъ.

—Онъ раненъ, раненъ,—какъ школьникъ на экзаменѣ, замаялся я, не умѣя приискать приличнаго опредѣленія раны:—*«il est blessé, madame, entre les reins,*—наконецъ хватилъ я.

— *Non donnez vous la peine, monsieur, de m'indiquer précisément l'endroit de sa blessure!*—пристала требовательная мамаша:—*je vous prie de croire que cette question m'intéresse infiniment!*—пояснила она.

Какъ же еще опредѣлительнѣе объяснить фатальную часть тѣла, избранную къ пораженію шахризязцами? Я мялся. «Ему, ему... вашему сыну не совсѣмъ ловко теперь сидѣть»... бухнулъ я, уже теряя всякое соображеніе отъ пытливой недогадливости моей строгой мучительницы, причемъ я невольно рукой порывисто указалъ на роковое мѣсто раны... На этотъ разъ, судя по кислой гримасѣ, выступившей на сухомъ лицѣ ея превосходительства, она

наконецъ точно уяснила себѣ интересовавшій ея вопросъ, что, однако, не избавило меня отъ слѣдующихъ: «Какъ? Гдѣ? Въ какомъ часу? Кто былъ ближе другихъ къ нему? Что онъ чувствовалъ въ минуту раны? Что видѣлъ онъ во снѣ передъ дѣломъ? Были ли у него особенныя предчувствія? Какъ онъ себя чувствуетъ въ настоящее время, и наконецъ, чего онъ можетъ ожидать за пролитую кровь?»—удовлетворить всѣ эти вопросы было свыше силъ моихъ, но послѣдній я разрѣшилъ положительнымъ свѣдѣніемъ, что N. N., вѣроятно, получить орденъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Я сказалъ, вѣроятно, хотя зналъ положительно, что въ привезенномъ мною донесеніи онъ именно представленъ къ этому ордену.

Сообщеніе это, однако, не произвело пріятнаго дѣйствія, и она съ очень и очень недовольнымъ видомъ объявила:

— Почему же только Владимира, а не Георгія? Вотъ вы вѣдь носите Георгія, а сыну моему прочите только Владимира. Согласитесь, что это очень странно!

Я, на сколько умѣлъ, постарался объяснить ей, что если бы представился случай, какъ мнѣ, ея сыну, то нѣтъ сомнѣнія, что и онъ заслужилъ бы Георгія, а до тѣхъ поръ надо довольствоваться Владимиромъ, такъ блестяще имъ заслуженнымъ. Эти краснорѣчивые доводы не угомонили раздраженія хозяйки, на меня обрушившей неудовольствіе за неисправность начальства.

— Но прошу васъ потрудиться объяснить мнѣ, почему вамъ именно дали Георгія, а моему сыну его дать не хотятъ?—рѣзко продолжала она.—Право же, вы не добрый человекъ, сами взяли Георгія, а другому его не желаете.

Теряя уже терпѣніе, я высказалъ генеральшѣ, что если начальство и несправедливо къ ея сыну, то я тутъ рѣшительно не причемъ. Это по крайней мѣрѣ убѣдило ее, что дальнѣйшія пренія уже ни къ чему не поведутъ, а потому, томно взглянувъ на дорогое ей письмо неопѣнимаго сына, она внезапно повела новую атаку, съ требованіемъ объяснить ей, какія слѣдуетъ ей лично принять мѣры и т. д., и т. д. Я уже помышлялъ объ отступленіи, когда раздались шпоры, и быстрыми шагами появился въ кабинетѣ лейбъ-гусарь, второй сынъ m-me P. Онъ былъ въ походной формѣ и только что слѣзъ съ коня, по приходѣ всего полка изъ Царскаго Села въ Петербургъ къ осеннему высочайшему смотру.

Почтительно приложившись къ рукѣ матери, P. № 2-й закидалъ меня вопросами о всѣхъ подробностяхъ Шахризьбской экспедиціи и объ участіи въ ней своего брата. Удовлетворивъ его любопытству, я всталъ и началъ раскланиваться.

— Michel,— сказала генеральша,—il était donc convenu entre nous de prier m-r Poltoratsky de nous faire plaisir de diner avec nous; à quand donc, dites?

— Mais à demain, maman, si toutefois m-r Poltoratsky à la journée disponible!—отвѣтилъ сынъ.

— Comment demain? vous oubliez donc que demain a lieu la grande revue?

— Mais, ma mère, ne dine t'on pas aussi les jours des revues?

— C'est vrai, au fond! Eh bien, monsieur, c'est à demain, n'est ce pas?—милостиво пожимая мнѣ руку, изволила рѣшить этотъ важный вопросъ ея превосходительство.

Сынъ ея пошелъ провожать меня. На лѣстницѣ мы остановились; въ полголоса онъ задалъ мнѣ вопросъ о ранѣ брата, и я, не стѣсняясь, отвѣчалъ ему. Въ эту минуту, наверху, какъ разъ надъ площадкой, гдѣ мы шептались, раздался пронзительный визгъ, и генеральша, слѣдившая за нами и вообразившая себѣ какую-то страшную, но скрытую мною тайну, испугалась и въ истерикѣ рухнула на землю. Сынъ съ послѣшностью стремглавъ бросился наверхъ къ матери, а я съ одинаковою послѣшностью бросился въ карету спастись изъ дома чудной генеральши.

Въ тотъ же день вечеромъ, входя въ партеръ Михайловскаго театра, я увидѣлъ тамъ Носовича, за три дня до меня прибывшаго сюда изъ Ташкента.

— Знаете ли вы, Вл. Ал., какъ приглашаютъ на крупную стерлядь?—задалъ мнѣ съ первыхъ же словъ оригинальный вопросъ Носовичъ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, добавилъ:—Вы въ настоящее время исправляете должность этой величественной стерляди.

— Почему? Я ничего не понимаю.

— Очень просто, потому что я получилъ приглашеніе завтра на обѣдъ, въ Большую Милліонную, но не на стерлядь, а на васъ!..

Занавѣсъ поднялся, и мы разошлись по своимъ мѣстамъ. Нѣсколько минутъ спустя, на сосѣднее кресло опустился утренній мой знакомецъ графъ Р.

— Вотъ счастливая встрѣча,—въ полголоса сказалъ онъ;—а я изъ театра намѣренъ былъ всюду разыскивать васъ. Видите ли, испугъ матушки не прошелъ даромъ, она нездорова и просила передать вамъ объ отмініи завтрашняго обѣда въ надеждѣ, что вы не откажете принять наше приглашеніе въ другой разъ.

Тѣмъ это и кончилось.

Спустя нѣсколько дней, я отправился въ Царское представляться его величеству.

Я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ Бруннеромъ, командующимъ войсками Казанскаго военнаго округа, 16 лѣтъ назадъ командовавшимъ Брестскимъ пѣхотнымъ полкомъ, на рѣкѣ Чолокѣ.

Приѣхавъ въ Царское, я не засталъ дома дворцоваго коменданта; онъ уже отправился во дворецъ, гдѣ я нашелъ его въ одной изъ залъ гуляющимъ съ генераль-адъютантомъ Ник. Вас. Зиновье-

вымъ. Какъ только я, явившись ему, сообщилъ, что прибылъ изъ Ташкента курьеромъ съ донесеніемъ о дѣлѣ въ Шахриязбѣ, Николай Васильевичъ, очень радушно меня встрѣтившій, тотчасъ же возымѣлъ намѣреніе представить меня его величеству и, согласно обязанности дежурнаго вчера генераль-адъютанта, онъ сдалъ меня на руки дежурнаго же флигель-адъютанта, Михаила Тучкова, поспѣшно увлекшаго меня за собою по лѣстницѣ во внутренніе, нижняго этажа, покои государя императора. Здѣсь, на послѣднихъ уже ступеняхъ, около самыхъ дверей въ кабинетъ его величества, встрѣтили мы новаго дежурнаго флигель-адъютанта Алексѣя Игнатьева, принявшаго меня въ свое вѣдѣніе для немедленнаго ввода къ государю. Еще секунда, и я очутился бы передъ его величествомъ. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, что я едва успѣлъ во избѣжаніе недоразумѣній пояснить, что въ Петербургъ я уже пріѣхалъ шестой день, и о моемъ прибытіи изъ Туркестана государю доложено военнымъ министромъ, а, слѣдовательно, и извѣстіе, привезенное мною, не есть новость для его величества, вслѣдствіе чего Зиновьевъ рѣшилъ, что явиться мнѣ слѣдуетъ въ числѣ прочихъ представляющихся государю императору, по совершеніи богослуженія въ придворной церкви. Въ 11 часу началась обѣдня, во время которой я видѣлся со многими знакомыми, а въ числѣ ихъ съ графомъ Николаемъ Граббе, очень обнадежившимъ меня надеждами на исполненіе завѣтной мечты моей. За нѣсколько минутъ до окончанія богослуженія комендантъ выстроилъ въ аванъ-залѣ, смежной съ церковью, всѣхъ имѣющихъ счастье представляться государю, на правомъ флангѣ пригласивъ стать Бруннера. Отворились настежь двери, и императоръ, въ сюртукѣ кирасирскаго имени своего полка, вышелъ къ намъ въ пріемную комнату. Во время краткаго разговора съ генераломъ Бруннеромъ его величество бросилъ взглядъ по линіи всѣхъ представляющихся и, увидавъ меня, еще издали, съ милостивою улыбкой кивнулъ мнѣ головою, а затѣмъ, подойдя ко мнѣ, не только подалъ мнѣ руку, но обнялъ и въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ изволилъ выразить искреннюю благодарность свою за новыя мои боевыя отличія.

— А что же ты не надѣлъ на эполеты?—показывая на плечо, громко спросилъ государь.—Сегодня утромъ я подписалъ все представленіе Кауфмана безъ малѣйшаго измѣненія и даю награды эти съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ какъ славнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ, въ которомъ и ты, Полторацкій, какъ и всегда, исполнилъ отлично выдающуюся роль, я въ полной мѣрѣ доволенъ. Скажи, пожалуйста,—продолжалъ государь,—вѣдь ты началъ боевую службу на Кавказѣ, а въ Преображенскомъ полку ты не былъ?

— Не былъ, ваше императорское величество, а въ Преображенскомъ полку былъ родной братъ мой, убитый на дуэли,—отвѣтилъ я.

— Ну, значить я правъ,—улыбаясь замѣтилъ государь. — На-

дѣнь же, Полторацкій, звѣздочку, которую ты такъ славно заслужилъ,—промолвилъ его величество, ласково еще разъ кивнувъ мнѣ передъ уходомъ изъ залы.

Не успѣла за нимъ затвориться дверь, какъ множество придворныхъ чиновъ окружило меня съ рукопожатіями и поздравленіями.

Вернувшись изъ дворца на дебаркадеръ Царскаго Села, слишкомъ за часъ до отхода поѣзда, я успѣлъ позавтракать, и ко мнѣ примкнулъ генералъ Бруннеръ. Онъ очень радушно отнесся къ моимъ планамъ и надеждамъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ всѣ детали Чолокского сраженія.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ и получивъ разрѣшеніе на неопредѣленное время съѣздить въ Москву, я отправился въ Первопрестольную, гдѣ жизнь на Прѣснѣ попрежнему потекла мирно и спокойно. Въ тѣ же часы и минуты князь Сергѣй Яковлевичъ ¹⁾ вставалъ, нюхалъ табакъ, пилъ чай, щипалъ себѣ бровь, копался въ своей фотографической мастерской и затѣмъ за пять минутъ до четырехъ часовъ отправлялся на половину Ольги Петровны ²⁾ пить водку и закусывать, съ непремѣннымъ по пути громкимъ сморканьемъ въ корридорѣ; потомъ былъ обѣдъ съ обычнымъ разсказомъ все тѣхъ же и давно мнѣ знакомыхъ анекдотовъ и старыхъ новостей изъ англійскаго клуба. Послѣ обѣда старикъ не спалъ и даже обижался при этомъ предположеніи, но уходилъ въ свою спальню только «полежать», а затѣмъ, просидѣвъ въ глубокомысленномъ молчаніи въ вольтеровскомъ креслѣ, ровно въ семь часовъ уѣзжалъ въ свою родину, англійскій клубъ. Тутъ, играя въ въ теченіе сорока лѣтъ сряду въ карты и, какъ малолѣтній, не не научившись все-таки сдѣлать шага, въ 11 часовъ его сіятельство требовалъ ужинъ, въ большинствѣ случаевъ очень не легкій, запивалъ его бутылкой «ядренаго» отъ Никитскихъ воротъ кваса, лакомился пятью (ни болѣе, ни менѣе) конфетами и безъ пяти минутъ половина втораго выходилъ въ швейцарскую. Въ теченіе 46-лѣтняго членства князя Сергѣя Яковлевича ему никогда не приходилось измѣнять своихъ правилъ и потому, если бывало скучно, то онъ дремалъ на диванѣ въ билліардной, но къ назначенному сроку все-таки медленными шагами выходилъ изъ клуба въ тотъ же опредѣленный часъ; точно такъ же, какъ среди оживленнаго разговора, даже его собственнаго повѣствованія, онъ при наступленіи рокового срока обрывалъ рѣчь на полусловѣ и буквально спасался домой. Но слишкомъ полувѣковая жизнь князя С. Я. Грузинскаго по этой имъ же утвержденной программѣ за

¹⁾ Дядя жены Полторацкаго, князь Грузинскій, старый холостякъ, въ домѣ котораго съ матерью жили и воспитывались его мальчишки.

²⁾ Экономка въ домѣ князя.

послѣдніе два, три года значительно измѣнилась, по прихотливымъ требованіямъ, всецѣло завладѣвшаго сердцемъ старика, девятилѣтняго внука, Сереги, который изъ него виль веревки. Старый дѣдъ любилъ юнаго внука своего до безумія, и не было каприза и фантазіи послѣдняго, которыя онъ задумался бы исполнить, хотя бы даже они шли въ разрѣзъ его, временемъ освященныхъ, привычекъ. За послѣднее время оба тезки, старый и малый, почти не разставались съ утра и даже до клуба отправлялись вмѣстѣ, что послужило поводомъ къ прозванію ихъ «грибной двойчаткой». Въ этомъ же англійскомъ клубѣ, по предложенію того же князя Сергѣя Яковлевича, я состоялъ членомъ еще съ 1857 года. Участіе мое въ исторіи князя Ч. съ П., само по себѣ незначительное, пріобрѣло мнѣ завидный тамъ авторитетъ, а происшествіе при выборахъ 1861 года еще упрочило его.

Дѣло въ томъ, что весною 1861 года, по совершенно случайнымъ причинамъ, болѣе чѣмъ обыкновенное число членовъ запоздало къ установленному сроку возобновить свои годовые билеты, такъ что 15-го марта вывѣшенъ былъ въ залѣ списокъ предложенныхъ новыхъ кандидатовъ. Находя крайне неудобнымъ такое значительное количество баллотировать въ одинъ день, комитетъ старшинъ постановилъ раздѣлить ихъ на двѣ части и пустить на общее баллотированіе первыхъ 35 кандидатовъ послѣ табль д'ота въ среду, а остальныхъ черезъ недѣлю. Вслѣдъ за первой баллотировкой, на которой прошли всѣ кандидаты, разнесся слухъ, что въ числѣ избранныхъ проскользнула въ члены клуба весьма двусмысленная личность. Объ этомъ только горячо потолковали, но и замолчали, такъ какъ фактъ совершился, и измѣнить его было невозможно, а только порѣшили, какъ оно и водится, принять это къ свѣдѣнію и на будущей баллотировкѣ быть осмотрительнѣе.

Пришла слѣдующая среда. Послѣ многолюднаго табль д'ота Слезкинъ, Коротковъ и Верецагинъ сѣли со мной въ табельку, какъ подошелъ ко мнѣ старый членъ и землякъ мой по Тверской губерніи, С. Н. К., и попросилъ на нѣсколько словъ. Сергѣй Оболенскій любезно согласился сыграть за меня, а я съ К. отошелъ въ сторону.

— Владиміръ Алексѣевичъ, — таинственно началъ онъ: — вы слышали про скандальную исторію въ прошедшую среду?

— Слышалъ, въ чемъ же дѣло?

— А то, что сегодня баллотировается гусь во сто кратъ хуже. Будетъ стыдъ и срамъ, если этого мошенника допустить къ намъ въ члены.

— Кто же такой?

— Инженеръ III., — отрѣзалъ К., — и я именно обращаюсь къ вамъ, батюшка, зная, что у васъ здѣсь много друзей и знакомыхъ, а потому, конечно, не допустите такого скандала.

— Но кто же изъ членовъ предложилъ его?—былъ первый вопросъ мой.

— К., старикъ безспорно почтенный, но уже выжившій изъ ума и никогда не видавшій въ глаза предложеннаго имъ кандидата.

Не имѣя никакого повода не вѣрить К., съ которымъ всѣ въ клубѣ обращались очень дружески, я, не долго думая, бросился по всѣмъ комнатамъ длинной анфилады, отъ inferнальной и биллиардной до чернокнижной и дѣтской включительно, и безъ дальнѣйшихъ объясненій сообщалъ направо и налево слѣдующее: «Господа, сегодня баллотируется м... Ш., кладите налево!». Объжавъ всѣ углы клуба и не встрѣтивъ возраженія, я вернулся къ нашему столу и сѣлъ за карты. Колокольчикъ возвѣстилъ о началѣ баллотировки. Всѣ ринулись въ залу, къ ящикамъ, куда направились и наша партія, конечно, положившая Ш. черные шары. Вскорѣ затѣмъ старшины приступили къ счету шаровъ, и оказалось: 34 кандидата избранными большинствомъ, а инженерный полковникъ Ш. жестоко забаллотированнымъ, получивъ изъ 276 шаровъ бѣлыхъ только—14. Какъ скоро сталъ извѣстенъ исходъ голосованія, начали собираться кружки, и послышались оживленные, но и безтолковыя разсужденія: «Какъ? Почему? За что?». Никто не зналъ. Изъ числа наиболѣе возмущенныхъ, болѣе всѣхъ горячился и ораторствовалъ инженеръ полковникъ А. М. Н—инъ и заужиномъ въ нашемъ кабачкѣ (отдѣльной около столовой комнатѣ) убѣдительно доказывалъ намъ всѣмъ, что Ш. онъ лично, давно и коротко знаетъ, что онъ отличный человѣкъ, честнѣйшій офицеръ и примѣрный отецъ семейства, только что вышелъ изъ старшинъ дворянскаго клуба и съ прекраснѣйшей стороны извѣстенъ самому генералъ-инспектору по инженерной части, великому князю Николаю Николаевичу старшему, а главное какъ перенесетъ онъ теперь этотъ незаслуженный позоръ? По мѣрѣ того, какъ говорилъ Н., въ жилахъ моихъ стыла кровь при догадкѣ, что я по своей горячности и довѣрчивости былъ слѣпымъ орудіемъ гнусной интриги. Рѣзко вскочилъ я и во всеуслышаніе объявилъ пораженному мимъ признаніемъ Н., «что всему случившемуся несчастью виновникъ я, но если противъ воли я впалъ въ ошибку, то клянусь исправить ее, или же самому возвратить билетъ мой», и съ этими словами стремглавъ бросился въ чернокнижную.

Въ этомъ святилицѣ разглагольствованія и празднословія, однако, засѣдали люди, искренно ко мнѣ расположенные и до тонкости компетентные въ премудрыхъ законодательствахъ англійскаго клуба. Первымъ, кого я тамъ увидѣлъ, былъ почтенный И. А. Головкинъ. Разказавъ ему о случившемся, я пустился на хитрость, увѣривъ его, что я зналъ какого-то полковника Ш., большаго мошенника, а это инженеръ-полковникъ, о чемъ я узналъ только послѣ, и введенъ былъ въ преступное недоразумѣніе и вотъ

что натворилъ. Это надо во что бы то ни стало исправить: «научите же, уважаемый Ив. Ал., какимъ путемъ оно возможно?». Пока я объяснялъ съ жаромъ грустное происшествіе Головкину, Горчаковъ и другіе окружили насъ и, участливо вникнувъ въ мои горькія жалобы, стали усиленно соображать и взвѣшивать, какимъ образомъ поправить бѣду. Наконецъ, на основаніи моихъ убѣдительныхъ показаній, они общимъ совѣтомъ нашли лазейку, а именно, чтобы я сейчасъ же написалъ заявленіе о происшедшемъ недоразумѣніи съ просьбой о перебаллотировкѣ, лишь по моей ошибкѣ не избраннаго въ члены клуба, инженеръ-полковника. Это заявленіе, не смотря на очень поздній часъ вечера, еще до разѣзда членовъ изъ клуба, было уже подписано 51 членомъ и тутъ же передано въ комитетъ старшинъ, который на другой же день, въ экстренномъ, никогда небываломъ по подобному случаю, собраніи своемъ, послѣ долгихъ споровъ, пререканій и шумныхъ несогласій, порѣшилъ, однако, постановленіемъ, въ назначенный черезъ три дня срокъ, подвергнуть голосованію общаго собранія гг. членовъ клуба предварительный вопросъ: «Можно ли, по заявленію члена клуба, В. А. Полторацкаго, вопреки основныхъ статей устава клуба, допустить перебаллотированіе кандидата, уже разъ забаллотированнаго?».

По счастливой для меня случайности, М. Н. Лонгиновъ, бывшій членъ комиссіи по пересмотру устава Московскаго англійскаго клуба, а потому считавшій мельчайшее отступленіе отъ всякаго параграфа устава за святотатство или за личное себѣ оскорбленіе,— въ тотъ памятный день, по причинѣ жабы, сидѣлъ дома и въ клубъ явился только, когда уже постановленіе старшинъ о перебаллотировкѣ было вывѣшено въ залѣ. Лонгиновъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сталъ шумно протестовать и, обладая отъ рожденія очень развитыми легкими, звонко, но тщетно кричалъ цѣлый день о противозаконіи, а вечеромъ того дня подалъ на допущеніе баллотировки письменный протестъ, но заявленіе его подписали не 51 членъ, какъ то требуется по уставу клуба. Непоколебимо строгій блюститель буквы устава выходилъ изъ себя, кричалъ, агитировалъ, но напрасно: въ назначенный день баллотированіе состоялось и вслѣдствіе моихъ напряженныхъ усилій, а также энергическихъ стараній мнѣ сочувствующихъ членовъ, предложенный вопросъ прошелъ значительнымъ большинствомъ въ утвердительномъ смыслѣ, то-есть постановленіе собранія: «допустить перебаллотировку личности г. Ш.». Примѣръ единственный до тѣхъ поръ въ исторіи Московскаго англійскаго клуба! Ровно недѣлю спустя, инженеръ Ш. былъ избранъ на этотъ разъ громаднымъ большинствомъ бѣлыхъ шаровъ. Я былъ въ восторгѣ и втихомолку подсмѣивался надъ своякомъ моимъ, Мишей Лонгиновымъ. По разслѣдованіи интриги противъ вполне достойнаго человѣка, какимъ ока-

зался Ш., выяснилось, что онъ, будучи за годъ передъ тѣмъ старшиной дворянскаго клуба, уличилъ и вывелъ на чистую воду одного изъ своихъ сотоварищей, въ явномъ злоупотребленіи общественнымъ имуществомъ. За это-то Ш. и подвергся потомъ преслѣдованію и мести К., какъ закадычнаго друга обвиненнаго. Приписывая мнѣ весь успѣхъ счастливаго исхода, Ш. пріѣхалъ ко мнѣ рекомендоваться и благодарить за благополучное возстановленіе своего имени. Совѣстно было мнѣ принимать эти изліянія, далеко не заслуженныя,—не поддайся я такъ малодушно клеветѣ К., ничего бы не было. Но не такъ посмотрѣло на это все общество, въ глазахъ котораго откровеннымъ признаніемъ и энергичнымъ исправленіемъ ошибки моей я снискалъ среди членовъ клуба общее расположеніе, выразившееся нѣсколько дней спустя, при избраніи новыхъ четырехъ старшинъ. За очень малымъ исключеніемъ, не было записки, поданной на баллотировкѣ, на которой бы фамилія моя не стояла въ первомъ номерѣ, и громаднымъ большинствомъ я былъ выбранъ въ старшины англійскаго клуба, гдѣ впослѣдствіи и пользовался извѣстнымъ авторитетомъ...

Не такъ счастливо это обошлось К. Въ концѣ того же года апоплексическій ударъ сразилъ его на креслѣ въ библіотекѣ клуба, и онъ мертвый покатился на полъ.

Много другихъ воспоминаній связано у меня съ этимъ сильнымъ традиціями клубомъ, но эта исторія особенно была мнѣ памятна.

Жизнь въ Москвѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, снова затянула меня. Встрѣчи съ друзьями, родными и просто съ многочисленными знакомыми поглощали почти все время отпуска. Ёздилъ и къ Костѣ Трипатному. Не приведи Богъ быть въ подобномъ положеніи. На что сталъ похожъ онъ? И тѣни не осталось въ этомъ злополучномъ существѣ той энергіи и силы воли, которыми нѣсколько лѣтъ назадъ онъ отличался отъ всей прочей братіи на Кавказѣ? Какое существованіе человѣка, недавно еще здороваго и предприимчиваго, а теперь представляющаго собою пришибленную, беспомощную развалину? Голова Кости была еще свѣжа, и въ глазахъ горѣлъ тотъ же живой огонь, но затѣмъ отъ шеи до пальцевъ на ногахъ все было разбито параличемъ и въ общемъ представляло безсильный чурбанъ, двигать которымъ несчастный уже не могъ безъ помощи посторонняго лица. Но духомъ Трипатный не палъ. Правда, энергія и надежда на исцѣленіе поддерживались въ немъ фантастическими обѣщаніями какого-то англичанина, ручавшагося изъ Лондона возстановить его силы и поставить на ноги за полтораста фунтовъ стерлинговъ. Утопающій хватается за соломинку, и вотъ Костя, не долго размышляя, сколотилъ требуемую сумму и наивно внесъ значительный кушъ этотъ на имя ловкаго мошенника и ежеминутно ожидалъ

благодѣтельныхъ результатовъ отъ высланныхъ снадобій. Когда на лицѣ моемъ онъ прочелъ безотрадное впечатлѣніе при видѣ его жалкой безпомощности и плохо скрытаго недовѣрія къ обѣщаннымъ чудесамъ, Костя оживленными, какъ въ былыя времена, глазами посмотрѣлъ на меня и весело сказалъ: «Вѣрь мнѣ или не вѣрь, но я твердо убѣжденъ, Владиміръ, что мы съ тобою будемъ еще рядомъ драться въ Турціи».

Обманывалъ ли онъ самъ себя и другихъ, или дѣйствительно увлекался несбыточными надеждами, понять было трудно.

Изъ Москвы съѣздила я на короткое время и въ Тверскую губернію, но путешествіе это совершилъ хотя и быстро, но, по совѣсти, безъ великихъ наслажденій. Тяжело при измѣнившихся обстоятельствахъ встрѣчаться со многими людьми, но еще тяжелѣе видѣть дорогія по воспоминаніямъ мѣста въ полномъ и омерзительномъ разореніи. Вообще мало отраднаго видѣлъ я въ Новоторжскомъ уѣздѣ нашемъ. Имѣнія, уцѣлѣвшія отъ продажи съ молотка, доведены до такого безобразно жалкаго вида, что сердце обливалось кровью, когда я проѣзжалъ мимо этихъ скелетовъ безъ плоти, безъ души и признаковъ въ нихъ жизни, такъ живо напоминающихъ, однако, недавнее прошлое.

Отъ Торжка по нашему тракту до Заовражья и далѣе красовались дворянскія усадьбы, совершенно брошенныя, съ проросшими травою крыльцами и пустою надворною постройкой. Вездѣ царило полное затишье, уныніе и нищета. Жалобы на стѣсненіе, на нужду, на полное разореніе, слышались повсемѣстно. Стоны эти раздавались въ опустѣлыхъ хоромахъ бывшихъ богачей такъ же настойчиво, какъ и въ незатѣйливыхъ домахъ помѣщиковъ средней руки и въ хатахъ мелкопомѣстныхъ.

Былъ въ Селиховѣ у Загряжскихъ, въ Торжкѣ у Львовыхъ, даже на охотѣ съ кричанами, около Давыдова. Но было сиверко, вѣтрено и вообще неудачно, такъ какъ пришлось грѣться не выстрѣлами, а полшубками. Вообще на родинѣ моей нашелъ развлеченій мало и столько перемѣнъ во всемъ къ худшему, что безъ сожалѣнія оставилъ тѣ края до лучшихъ временъ.

По возвращеніи въ Москву, захвативъ жену, отправился вновь въ Петербургъ для разъясненія служебныхъ вопросовъ относительно срока возвращенія въ Туркестанъ и вскорѣ извѣщенъ былъ о волѣ высшаго начальства, чтобы я только въ половинѣ февраля явился въ главный штабъ за отправленіемъ, а въ ожиданіи того проживалъ бы, гдѣ вздумается. Конечно, рѣшилъ ѣхать въ Москву опять къ своимъ, куда влекло меня сердце, а также карманъ, очень пострадавшій отъ пріятнаго существованія въ дорогомъ Петербургѣ.

Незадолго до отъѣзда, поздно вечеромъ, меня разбудилъ усиленный стукъ въ двери и чей-то незнакомый голосъ. Я вскочилъ съ постели, отворяю дверь и сталкиваюсь—съ кѣмъ же? Съ Нико-

лаемъ Щербинскимъ, только наканунѣ прїѣхавшимъ въ Петербургъ прямо изъ Ташкента. Конечно, я засыпалъ его вопросами, но онъ не хотѣлъ мнѣ отвѣчать, выставивъ причиною, что если онъ явился ночью ко мнѣ, то не для того, чтобы глазъ на глазъ толковать о пустякахъ, а съ тѣмъ, чтобы увлечь меня съ собою ужинать въ ресторанъ Вера, гдѣ ожидаетъ насъ наипрїятнѣйшая публика. Черезъ пять минутъ въ отдѣльномъ кабинетѣ отеля я уже возсѣдалъ среди милого общества Литке, Боборыкина, барона Корфа и главнаго запѣвалы Коли Щербинскаго.

Шампанское развязало языки, и я по требованію всѣхъ членовъ компаніи вынужденъ былъ рассказать во всѣхъ подробностяхъ Шахриябскую экспедицію, о результатахъ которой дошло мое сообщеніе Абрамову въ Самаркандѣ наканунѣ выѣзда отсюда Щербинскаго. Почему-то это увѣдомленіе мое оказало неожиданное дѣйствіе, такъ какъ нѣкоторые допускали мысль, что по прїѣздѣ въ Петербургъ я критически отнесусь къ совершенной экспедиціи и постараюсь умалить всѣ заслуги отряда, а потому извѣстіе, сообщенное мною съ разрѣшенія Милютина, въ день моего представленія государю, о высочайше дарованныхъ наградахъ, а именно: Абрамову—Георгія 3-й степени, Троцкому—чина генераль-маіора съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ, Михайловскому—Владимира 3-й степени съ мечами, Соковнину—золотого оружія «за храбрость», Соболеву и Раевскому—Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ,—произвело отрадное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ китабскаго штурма. Одинъ бѣдняга Соковнинъ не испыталъ прїятнаго удовлетворенія давнишней мечты своей, закрывъ на вѣки глаза за нѣсколько дней до полученія моего поздравленія.

1870 годъ, начавшійся для меня въ Москвѣ, на Прѣснѣ, въ тревожныхъ сборахъ и ожиданіяхъ тяжелаго путешествія въ Среднюю Азію, по волѣ судьбы истекалъ теперь здѣсь же, на Прѣснѣ, при самыхъ мирныхъ и спокойныхъ условіяхъ семейной жизни.

Новый 1871 годъ подкрался такъ тихо и незамѣтно, что не вѣрилось даже и прибавившейся цифрѣ нашего жизненнаго лѣтосчисленія. Наученный опытомъ тяжелой разлуки съ дорогимъ моему сердцу семействомъ, я теперь всячески старался, въ счетъ будущихъ временъ, насладиться счастьемъ быть среди него, тѣмъ болѣе, что нельзя было вновь увлекаться мечтой о новой сюда командировкѣ изъ степей туркестанскихъ.

Въ Петербургѣ меня продержали не два, три дня, какъ я рассчитывалъ, а цѣлыхъ двѣнадцать, и, наконецъ, вручили мнѣ депеши къ К. П. Кауфману, которыя, по заявленію графа Гейдена и Д. А. Милютина, я долженъ былъ доставить не позже 1-го апрѣля. Итакъ, въ началѣ марта я могъ уже пуститься съ Богомъ въ путь-дороженьку.

Три мѣсяца, почти безвыѣздно проведенные мною въ Москвѣ

(исключая послѣдней поѣздки въ Петербургъ), при маломъ разнообразіи моего здѣсь образа жизни пролетѣли, однако, незамѣтно. 4-го марта я выѣхалъ изъ Москвы по прежнему тракту на Нижній, Самару и проч. Въ трое почти сутокъ путешествія отъ Нижняго до Симбирска я весь распухъ. Глаза, какъ жалкія щели, ничего не видѣли, а лицо горѣло страшно. Ничего похожего на такую дорогу я никогда не видалъ: зимой снѣга были огромные и ими занесены высокіе дома и строенія, а послѣднія пурги преобразили массы снѣга въ гигантскія глыбы, по которымъ и влекли безъ разбора и всякаго милосердія мои бранныя кости. Къ тому же, вѣроятно, на желѣзной дорогѣ я простудилъ себѣ лѣвое плечо и вскрикивалъ при каждомъ ухабѣ. Отъ Симбирска боли такъ усилились, что меня уже почти безъ чувствъ ямщики съ Вавилой вынимали изъ саней. Послѣдній къ Самарѣ перегонъ ночью, гдѣ три раза переправляли насъ черезъ Волгу съ провожатыми, вооруженными шестами, топорами и баграми, при сильномъ вѣтрѣ и порядочномъ морозѣ, довершилъ переиспытанныя истязанія. Меня на рукахъ втащили въ гостинницу, положили на кровать, и я не зналъ, какъ дожидаться утра и прихода доктора. Нѣсколько дней я пролежалъ въ Самарѣ и былъ на волосокъ отъ сильнѣйшаго воспаления легкихъ. Вотъ тебѣ и курьеръ! Но, хвала Господня, кровохарканье прекратилось, жаръ уменьшился, и я могъ продолжать свой путь. Милѣйшій докторъ, Рашмиковичъ, не хотѣлъ вѣрить въ такой крѣпкій организмъ. «Неужели вы полагаете, что у васъ была простая простуда? Припомните и сознайтесь, что недавно васъ потрясъ нравственный ударъ». «Ихъ было очень много, докторъ, но все они болѣе или менѣе ожидаемые при этихъ толчкахъ и ухабахъ»,—смѣясь отвѣчалъ я. Какъ бы то ни было, а видоизмѣненіе къ лучшему произошло такъ быстро, что я рѣшилъ ѣхать. Наканунѣ еще мой пріятель Романовъ настаивалъ на отправленіи депеши военному министру съ вопросомъ, кому прикажетъ онъ передать мои бумаги для дальнѣйшаго съ ними слѣдованія въ Туркестанъ. Какъ водится, русскій человекъ и тутъ оказался не безъ родни. Кого же я здѣсь встрѣтилъ? Левшина, cousin'a Софьи, бывшаго чиновника особыхъ порученій при Кауфманѣ въ Вильнѣ. Онъ былъ теперь женатъ на Шаухфусъ, сестрѣ нашего туркестанскаго героя, и состоялъ вице-губернаторомъ города Самары.

По свѣдѣніямъ прибывшей почты, зимній путь лежалъ до самой Казалы, надо было пользоваться; но уже за Иргизомъ (уральское укрѣпленіе) снѣгъ сталъ таять, образуя зажоры и наводняя все рѣченки степи. Невинныхъ шалостей киргизъ-хивинцевъ въ степи еще не было, но ихъ ожидали въ большихъ размѣрахъ, какъ только сойдетъ снѣгъ. Уѣздный начальникъ иргизскаго района рассказывалъ мнѣ о настроеніи этихъ сыновъ степей, а также о томъ, что хивинскій ханъ вполне убѣжденъ въ своей безнаказанности. Со

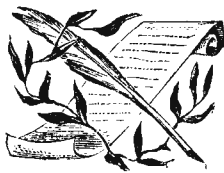
времени несчастнаго похода въ Хиву графа Перовскаго протекло уже болѣе 40 лѣтъ, а между тѣмъ до сихъ поръ много крови русской пролито хивинскими хищниками, держащими постоянно весь Казалинскій трактъ въ тревожномъ положеніи. Мы застряли на той именно станціи, гдѣ въ прошломъ году осенью хищники вырѣзали людей, разбили караванъ и угнали лошадей, едва не захвативъ Озерова. Теперь же, пока въ поляхъ снѣгъ и вода и нѣтъ подножнаго корма,—они не опасны. Хуже всего, что запасы стали истощаться, а между тѣмъ станціи попадались все бѣднѣе и пустыннѣе. Что представляла тогда, на примѣръ, станція Катай-Куль? Среди необъятной степи разбита была дырявая джаломейка, гдѣ помѣщались грязные киргизы, а рядомъ что-то въ родѣ землянки, безъ оконъ, пола и настоящихъ дверей—для гг. проѣзжающихъ. Въ ней, конечно, было сыро, темно и гадко; бездна мышей, сороконожекъ и всякихъ гадовъ. Должность станціонныхъ смотрителей возложена здѣсь на грамотныхъ урядниковъ оренбургскаго казачьяго войска, приставленныхъ къ каждой станціи съ двумя рядовыми казаками для наблюденія за порядкомъ и точнымъ исполненіемъ киргизами законныхъ требованій злополучныхъ проѣзжающихъ. Но за жалованьемъ и провіантомъ они отправлялись въ ближайшіе города; такъ случилось и на сей разъ. Казаки, не имѣя къ предстоящему празднику Пасхи куска хлѣба, ринулись въ укрѣпленіе Ирчиское, предоставивъ насъ произволу дикарей ямщиковъ-киргизовъ, столько же понимающихъ законы и требованія наши, какъ мы ихъ нарѣчіе и мимику. Довольно сказать, что живутъ они въ сосѣдствѣ съ кусками кроваваго мяса, развѣшаннаго для копченія, и все лошадинаго; вонь и смрадъ, конечно, сильнѣйшіе.

Подробности же встрѣчи мною торжественной минуты Свѣтлаго воскресенья довольно любопытны. Среди безконечной степи, на берегу бурливаго ручья Аксая, расположился весь таборъ нашъ въ составѣ 10 человекъ (четверыхъ насъ, почтальона съ казакомъ, двухъ киргизовъ-ямщиковъ и двухъ лаучей, т. е. верблюдовожатыхъ), 7 влячъ и 6 верблюдовъ съ таранасомъ, почтой и вьюками. Еще засвѣтло изъ двухъ тюковъ я соорудилъ столъ, покрылъ его чистой скатертью и, да проститъ меня Богъ, выставилъ на него единственный штофъ съ водкой и всѣ имѣющіеся консервы. Затѣмъ, мы усѣлись всѣ у костра и ожидали въ тишинѣ и молчаніи наступленія полуночи. Ровно въ 12 часовъ произвели мы пальбу изъ всѣхъ наличныхъ ружей, послѣ чего я поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и перехристосовался съ православными. У насъ не было пасхи, кулича и красныхъ яицъ, не было даже кусочка хлѣба, но за то можно смѣло поручиться, что никто въ Киргизской степи, на берегу Аксая, никогда не вкушалъ патефугра съ трюфелемъ, дупеля съ шампиньонами и зеленаго горошка...

Ночью въ Аксаѣ вода спала, и на утренней зарѣ мы переправили сначала верблюдовъ, а потомъ перетасили на канатѣ и тарантасъ, чуть-чуть не залитый водой. На станціи же Джаловлы, о ужасъ, новый ручей, бушующій и стремящійся, чуть ли не страшнѣе самой Волги. Опять остановка, ночлегъ въ изорванной кибиткѣ и проч., но хуже всего—недостатокъ хлѣба. Полнаго голода еще не было, до границы туркестанской оставалось еще 48 верстъ, а между тѣмъ весь запасъ хлѣба, рыбы, соли, сахара истощился совершенно. По случаю распутицы не было проѣзда; смѣшно сказать, отъ Нижняго до станціи Джаловлы (кромѣ двухъ почтъ) я не встрѣтилъ ни одной души изъ Ташкента и ничего не зналъ о новостяхъ туркестанскихъ; къ тому же за неимѣніемъ лошадей я все время, по курьерской подорожной, тащился на верблюдахъ. Подъ самымъ Казалинскомъ необычайный разливъ арыковъ, затопившій на нѣсколько верстъ мѣстность, сдѣлалъ перевозку экипажей невозможной, и пришлось продолжать путешествіе верхомъ по морю, яко по суху. Но зато встрѣтилъ Дмитровскаго и Соболева. Съ жадностью голоднаго волка набросился я на предложенный первымъ ужинъ, такъ какъ у меня въ теченіе восьми сутокъ не было во рту хлѣба, и пятый день я уже не пилъ чая. Хорошаго было мало слышно изъ Ташкента. Соболевъ покидалъ край совершенно, Дмитровскій также только о томъ и мечталъ.

В. А. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ МОТИВЫ СОВРЕМЕННЫХЪ БЕЛЛЕТРИСТОВЪ.

ДИНЪ изъ наиболѣе извѣстныхъ и заслуженныхъ нашихъ беллетристовъ, П. Д. Боборыкинъ, прочелъ недавно въ «Русскомъ литературномъ обществѣ» обширный докладъ, въ которомъ указывалъ на отсутствіе у насъ серьезной художественной критики. Нечего и пояснять, что господствующую въ Россіи тенденціозную критику онъ не причисляетъ къ числу серьезныхъ и предлагаетъ замѣнить ее критикою объективною, научною.

Нельзя не присоединиться къ этому пожеланію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно очевидно, что оно можетъ осуществиться лишь въ томъ случаѣ, если найдены будутъ другіе критическіе методы, обязательность которыхъ бросалась бы всеѣмъ въ глаза. Пока такихъ методовъ не существуетъ, субъективизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тенденціозность, врядъ ли будетъ искоренена. Что ужъ говорить о Россіи, гдѣ художественная критика такъ недавно еще возникла и имѣетъ въ сущности такъ мало серьезныхъ и талантливыхъ представителей! Даже на западѣ врядъ ли существуетъ художественная критика, которая могла бы считаться не тенденціозной въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ г. Боборыкинъ, т. е. въ смыслѣ отрѣшенія отъ морально-общественныхъ тенденцій. Наиболѣе знаменитыми западными критиками нашего времени являются Тэнъ и Брандесъ; но никто не рѣшится утверждать, что ихъ критическій методъ чуждъ морально-общественныхъ тенденцій. Напротивъ, оба они, въ особенности Брандесъ, критикуютъ художественныя произведенія преимущественно съ точки зрѣнія этихъ тенденцій. Указываютъ еще на эсто-психологическій

методъ Геннекема. Но, какъ извѣстно, этотъ критикъ умеръ раньше, чѣмъ успѣлъ примѣнить свой методъ къ дѣлу, а послѣдователей онъ не создалъ, да и, вѣроятно, не создастъ по разнообразнымъ причинамъ, которыя уяснить себѣ не трудно.

Дѣло въ томъ, что нельзя себѣ представить художественнаго произведенія, чуждаго нравственнаго элемента. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ литература такихъ произведеній не знаетъ. Следовательно, художественная критика, построенная на однихъ эстетическихъ и психологическихъ элементахъ, никогда не въ состояніи будетъ обнять и оцѣнить наиболѣе замѣчательныя художественныя произведенія. Можно ли подвергнуть сколько нибудь состоятельной критикѣ «Гамлета», «Отелло», «Фауста», «Евгенія Онегина», устраняя всякую этическую точку зрѣній. Это очевидный абсурдъ. «Гамлетъ» или «Фаустъ» волнуютъ насъ такъ сильно именно потому, что они глубоко затрогиваютъ нравственныя понятія и чувства, и мы бы отнеслись къ нимъ сравнительно очень холодно, если бы въ нихъ воплощалась только идея красоты, или же они представляли собою только образцы тонкаго психологическаго анализа. Но независимо отъ этого, можно ли сказать, что психологія, какъ наука, даетъ твердыя точки опоры для художественной критики? Послушаемъ, что на этотъ счетъ говоритъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ специалистовъ. Характеризуя современное положеніе психологіи, профессоръ Гротъ свидѣтельствуетъ, что «сдѣланныя ею пріобрѣтенія ничтожны», что «пріемы ея слабы и недостоверны». «У кого мы (психологи), — спрашиваетъ онъ: — съ большею надеждою просвѣтиться станемъ искать вѣрнаго описанія и объясненія тончайшихъ изгибовъ души человѣческой, глубочайшихъ превращеній и измѣненій идей, чувствъ и стремленій чело-вѣка,—у Вэна, Спенсера, Вундта, Рибо или у Шекспира, Диккенса, Зола, Льва Толстого, Достоевскаго? Даже сколько нибудь безпристрастный психологъ вынужденъ сознаться, что у послѣднихъ онъ научится большому, что они гораздо глубже и полнѣе введутъ въ истинную лабораторію духа, нежели авторы отвлеченныхъ «эмпирическихъ» трактатовъ о душѣ? У первыхъ онъ найдетъ большею частью субъективныя и спорныя схемы, у послѣднихъ—дѣйствительное, реальное содержаніе, правдивое, жизненное изображеніе». Такимъ образомъ, по увѣренію специалиста, психологія не можетъ дать твердыхъ точекъ опоры для оцѣнки художественныхъ произведеній; наоборотъ, послѣднія, т. е. художественныя произведенія, должны служить основаніемъ для психологическихъ обобщеній. Мы лично не совсѣмъ согласны съ почтеннымъ профессоромъ и думаемъ, что большинство художественныхъ произведеній, даже очень выдающихся, какъ, на примѣръ, произведенія Толстого и Достоевскаго, представляютъ собою только субъективное, а не объективное психологическое творчество, т. е. что цѣнно въ этихъ произведе-

ніяхъ изображеніе душевнаго процесса не дѣйствующихъ лицъ, а самихъ авторовъ; но это не измѣняетъ вопроса или основного вывода, что психологія пока еще не можетъ служить вѣрною основою для научной художественной критики. Кромѣ того, извѣстно и вполне подтверждается профессоромъ Гротомъ, что серьезные психологическія изслѣдованія должны быть построены на физиологіи, и что теперь наиболѣе выдающимися представителями психологіи являются не философы, а физиологи и естествоиспытатели. Значитъ, для оцѣнки художественныхъ произведеній слѣдовало бы обратиться къ естествоиспытателямъ, а въ основу этой оцѣнки слѣдовало бы положить физиологію. Но сколько нибудь серьезныхъ попытокъ такого перемѣщенія центра тяжести художественной критики пока еще нигдѣ не существуетъ, и поэтому надо опасаться, что требованіе замѣнить тенденціозную критику критикою психологическою приведетъ на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, къ полному отсутствію всякой серьезной критики.

Болѣе состоятельнымъ намъ представляется другое требованіе, именно, чтобы въ основу оцѣнки художественныхъ произведеній была положена эволюціонная теорія. Но тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ эволюціею? Это, какъ извѣстно, теперь модное словечко. Страницы журналовъ и газетъ имъ испещрены. Но, къ сожалѣнію, понятіе, которое связывается съ этимъ словечкомъ, отличается крайнею неясностью и неопредѣленностью. Древній философъ говорилъ, что «все течетъ», впоследствии стали говорить, что «все развивается», теперь говорятъ, что въ человѣческомъ обществѣ, какъ въ природѣ, «все эволюціонируетъ». Но сколько бы вы ни изучали Спенсера, отца эволюціонной теоріи, вы все-таки не получите яснаго представленія о томъ, что такое эволюція¹⁾. Поэтому, когда въ нашей повременной печати то и дѣло наталкиваешься на это словечко, какъ будто что-то разъясняющее, но въ сущности ничего не разъясняющее, то невольно вспоминаешь благой совѣтъ, преподанный Мефистофелемъ ученику: держаться словъ учителя, ибо тамъ, гдѣ отсутствуетъ понятіе, слово лучше всего дѣлаетъ свое дѣло; при помощи словъ вѣдь прекрасно можно спорить и даже создавать цѣлыя системы.

Если теперь постоянно толкуютъ объ эволюціи, если требуютъ, чтобы и художественная критика подчинялась эволюціонной теоріи, то это объясняется просто тѣмъ, что мы вообще очень склонны увлекаться модою, новѣйшими, придуманными на западѣ словечками или теоріями. Если бы кто нибудь высказалъ просто мысль, что нельзя быть художественнымъ критикомъ или публично оцѣнивать художественныя произведенія, не изучивъ предварительно болѣе или менѣе основательно художественной литературы въ по-

¹⁾ См. мою статью: «Модная теорія» («Вопросы философіи», мартъ. 1893).

слѣдовательномъ ея развитіи; то, конечно, всё воскликнули бы въ одинъ голосъ: это само собою разумѣется! Но дѣйствительно ли это само собою разумѣется? Допустимъ, что это правило; однако какое же оно допускаетъ безконечное множество исключеній! Можно даже смѣло сказать, что въ роли художественныхъ критиковъ у насъ постоянно выступаютъ лица, имѣющія лишь весьма слабое понятіе о послѣдовательномъ развитіи не только всемірной литературы, но и даже нашей отечественной. Кому неизвѣстно, что многіе корифеи нашей литературѣ не нашли себѣ еще объективной, исторической оцѣнки? Трудовъ этого рода такъ мало, что ихъ можно перечестъ по пальцамъ, да и то пальцевъ окажется слишкомъ много. Если бы мы любовно относились къ нашей литературѣ, возможенъ ли былъ бы такой фактъ, что довольно извѣстный критикъ не поцеремонился оповѣстить Европу о томъ, что собственно литература у насъ началась только съ шестидесятихъ годовъ? Что сказали бы французы, если бы у нихъ нашелся серьезный критикъ, который сталъ бы проповѣдовать, что французская литература началась только съ 1789 года? Подобное заявленіе было бы встрѣчено общимъ негодованіемъ или взрывомъ хохота, и такой критикъ навсегда похоронилъ бы свою репутацію. У насъ же такіе критики не только не теряютъ своей репутаціи, но даже находятъ не мало единомышленниковъ, также склонныхъ думать, что русская литература началась только съ шестидесятихъ годовъ, т. е. именно въ такое время, когда можно съ бѣльшимъ основаніемъ говорить о сравнительномъ ея упадкѣ.

Принято думать, что весь грѣхъ тутъ заключается въ тенденціозности. Отсюда дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ, что для правильной оцѣнки художественныхъ произведеній надо устранить морально общественную основу и руководствоваться исключительно эстетикою, психологіею и эволюціонною теоріею. Но мы указали уже, что съ устраненіемъ этики оцѣнка художественныхъ произведеній лишится того мѣрила, которое въ глазахъ громаднаго большинства читателей придаетъ особенный интересъ художественнымъ произведеніямъ. То же можно сказать и относительно общественнаго элемента, потому что громадное большинство художественныхъ произведеній, и при томъ наиболѣе выдающихся, проникнуты общественнымъ или политическимъ духомъ и, слѣдовательно, если мы устранимъ общественный и политическій элементъ изъ художественной критики, то мы рѣшительно не будемъ въ состояніи представить сколько нибудь серьезной оцѣнки этихъ произведеній. Можно ли критически отнестись къ «Разбойникамъ» или къ «Донъ Карлосу» Шиллера, къ большей части стихотвореній Гейне, къ сатирамъ Кантемира и одамъ Ломоносова, къ произведеніямъ Салтыкова или къ повѣстямъ Тургенева, если отбросить общественное и политическое ихъ содержаніе? Мы привели на удачу нѣсколько примѣ-

ровъ, но можно безъ преувеличенія сказать, что выдающихся художественныхъ произведеній безъ общественнаго и политическаго содержанія сравнительно очень мало. Поэтому толковать объ устраненіи морально-общественнаго элемента изъ художественной критики представляется намъ просто наивнымъ, а подобное требованіе со стороны беллетриста, содержаніе произведеній котораго почти исчерпывается морально-общественными мотивами, является своего рода самоубійствомъ. Вѣдь если бы критика послушалась его, то ей пришлось бы совершенно отказаться отъ оцѣнки именно его произведеній.

Но дѣло не такъ страшно, какъ кажется. Г. Воборыкинъ, какъ мы видѣли, допускаетъ оцѣнку и съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Если отбросить это модное словечко, то получится простое требованіе, чтобы художественныя произведенія оцѣнивались съ точки зрѣнія исторической преемственности. И это требованіе представляется намъ вполне законнымъ: не только историческая перспектива давно утрачена большинствомъ нашихъ критиковъ, но и простое знакомство съ исторіею нашей литературы по большей части отсутствуетъ. Оно даже не считается обязательнымъ; обязательнымъ считается вѣрность убѣжденіямъ или принципамъ. Конечно, убѣжденія—вещь святая, но, понятно, только въ томъ случаѣ, если они являются плодомъ долгихъ думъ, серьезной работы, глубокаго знанія, честнаго отношенія къ дѣлу. Критикъ, такъ понимающій слово убѣжденіе или принципъ, связывающій съ нимъ такое представленіе, конечно, никогда не договорится до абсурда, будто бы русская литература началась только съ шестидесятыхъ годовъ, потому что такой критикъ прежде всего добросовѣстно познакомится съ своимъ предметомъ, а это знакомство сразу выяснитъ ему всю нелѣпость его мысли. Возьмемъ Бѣлинскаго: нѣкоторое время онъ склоненъ былъ признавать отцомъ русской литературы Пушкина, но по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ свой предметъ, онъ отвелъ эту роль Ломоносову, а затѣмъ и Кантемиру. Онъ убѣдился, что если русская литература столь многимъ обязана Пушкину, то самъ Пушкинъ не былъ бы мыслимъ безъ Державина, Фонвизина, Ломоносова, Кантемира, что муза Пушкина является только дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ того, что дали русской литературѣ предшественники нашего великаго поэта.

Когда у насъ говорятъ о тенденціозной критикѣ, то мѣтятъ главнымъ образомъ въ тѣ взгляды, понятія и убѣжденія, которые получили весьма широкое распространеніе въ нашей журналистикѣ съ конца пятидесятыхъ годовъ. Стоитъ заговорить у насъ о тенденціозной критикѣ, какъ тотчасъ же вспоминаются имена Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и ихъ эпигоновъ. Беллетристы и ихъ читатели, возражающіе противъ тенденціозной кри-

тики, добиваются умаленія авторитета именно этихъ критиковъ. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ оцѣнкѣ міросозерцанія, общественнаго и политическаго, которое зародилось въ концѣ пятидесятихъ годовъ, держится до сихъ поръ и все еще имѣетъ въ журналистикѣ болѣе или менѣе видныхъ представителей. Намъ кажется, что только такая постановка вопроса и возможна, потому что и въ настоящее время въ сферѣ беллетристики преобладаетъ морально-общественное настроеніе, и весьма трудно указать на сколько нибудь значительныя художественныя произведенія, которыя не были бы внушены именно этимъ настроеніемъ. Какого современнаго беллетриста мы ни возьмемъ, мы тотчасъ же убѣдимся, что эстетическіе замыслы или психологическій анализъ играютъ въ ихъ произведеніяхъ второстепенную роль, а что преобладаютъ морально-общественные мотивы. Толстой, Боборыкинъ, Лѣсковъ, Чеховъ, Потапенко, Терпигоревъ, Ясинскій и т. д. — всѣ они творятъ въ духѣ морально-общественномъ. Слѣдовательно, и критика ихъ произведеній можетъ быть основана преимущественно на морально-общественныхъ элементахъ. Такимъ образомъ получается и дальнѣйшій выводъ, что, если современные беллетристы и ихъ поклонники недовольны тенденціозною критикою, то потому, что точка зрѣнія послѣдней представляется имъ невѣрною, слишкомъ узкою, не обнимающею разнообразія жизненныхъ явленій, находящихъ себѣ откликъ въ современной беллетристикѣ.

Намъ кажется, что въ этомъ и заключается сущность вопроса, иначе говоря, что надо уяснить себѣ, на сколько тенденціозная критика, какъ мы ее только-что опредѣлили, соответствуетъ тѣмъ морально-общественнымъ взглядамъ, которые выработались въ самомъ обществѣ и находятъ себѣ выраженіе въ современной беллетристикѣ. Если эти взгляды шире взглядовъ тенденціозной критики, если они знаменуютъ дальнѣйшій шагъ на пути нашего общественнаго самосознанія, то понятно, что критика, упорно придерживающаяся устарѣлой точки зрѣнія, не можетъ уже быть признана удовлетворительною, и беллетристы имѣютъ полное основаніе быть ею недовольными. При такихъ условіяхъ постоянно раздающіяся теперь нареканія беллетристовъ на тенденціозную критику должны быть признаны вполне понятными и могутъ служить указаніемъ, что общественное міросозерцаніе беллетристовъ и критиковъ уже не совпадаетъ, что между этими двумя міросозерцаніями происходитъ борьба, и вопросъ заключается въ томъ, кто въ ней одолѣетъ.

Постараемся стать на точку зрѣнія критиковъ. Въ ихъ разсужденіяхъ постоянно сквозитъ слѣдующая основная мысль: шестидесятые годы представляютъ собою свѣтлую эпоху въ нашей общественной жизни; въ эти годы совершены были государственныя реформы громаднѣйшей важности, общество душою имъ сочув-

ствовало, оно ожило послѣ продолжительнаго сна; общественная жизнь стала бить у насъ ключемъ, а затѣмъ снова наступило затишье, если не сказать прямо—застой; все притаилось, и если общество еще живетъ, то проявленія этой жизни крайне печальны: свѣтлыхъ идеаловъ вовсе нѣтъ или они принадлежатъ прошлому, а окружающая насъ дѣйствительность новыхъ идеаловъ не порождаетъ, насъ окружаетъ реакція, насъ угрожаютъ затопить «мутныя волны дѣйствительности», и единственною опорой въ этой беспросвѣтной мглѣ, единственною руководящею нитью въ опутавшемъ насъ лабиринтѣ мелкихъ интересовъ, недостойныхъ стремленийъ, являются тѣ путеводныя звѣзды, которыя появились на нашемъ общественномъ горизонтѣ въ славное время освободительныхъ вѣяній.

Такова точка зрѣнія, или, лучше сказать, таково настроеніе тенденціозной критики. Соответственно и оцѣнка художественныхъ произведеній носитъ тотъ же характеръ: современная беллетристика можетъ насчитывать болѣе или менѣе даровитыхъ представителей, но души въ ней нѣтъ, нѣтъ уже тѣхъ свѣтлыхъ порывовъ, которыми ознаменовались шестидесятыя годы. При этомъ критика не спрашиваетъ себя, почему современные поэты и беллетристы не въ состояніи уже воодушевиться прежними идеалами въ достаточной степени, чтобы создать въ ихъ духѣ болѣе или менѣе выдающіяся произведенія. Они просто констатируютъ фактъ съ печальною покорностью или съ глухимъ озлобленіемъ. А между тѣмъ, прежде всего, кажется, надо было бы задуматься надъ этимъ вопросомъ и постараться его рѣшить. Движеніе шестидесятихъ годовъ было очень широкимъ движеніемъ, охватившимъ жизнь всего государства. Намъ съ исторической точки зрѣнія нечего указывать, что движеніе это исходило отъ правительства, и что журналистика примкнула къ нему *post festum*. Фактъ этотъ бесспорный, и его отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя. Не подъ влияніемъ журналистики шестидесятихъ годовъ была задумана самая крупная реформа, освобожденіе крестьянъ, какъ и всѣ прочія великія реформы освободительной эпохи, вызванныя къ жизни болѣе вліятельными историческими факторами, чѣмъ голосъ нашей только-что оперившейся въ то время журналистики. Значить, тенденціозная критика въ духѣ шестидесятихъ годовъ не имѣетъ никакого права выставлять себя какъ бы главною виновницею этихъ реформъ, отождествлять себя до извѣстной степени съ ними, приписывать себѣ заслугу, будто она имъ содѣйствовала. Трезвый историческій анализъ, быть можетъ, выяснитъ, что, не смотря на все сочувствіе тогдашней журналистики свободолобивымъ идеямъ, она не только не содѣйствовала ихъ торжеству, а наоборотъ, служила имъ тормазомъ и помѣхой. Во всякомъ случаѣ отнюдь нельзя смѣшивать въ этомъ вопросѣ роли правительства, обще-

ства, журналистики и даже роли общества и журналистики, потому что два послѣдніе фактора далеко не покрываютъ другъ друга: общество понимало свою задачу гораздо шире, чѣмъ журналистика, и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этому является сама журналистика, которая распалась на враждебные лагеря, вела въ своей же средѣ упорную и страстную борьбу, что служило совершенно очевиднымъ доказательствомъ, что въ самомъ обществѣ существовали различные взгляды на дѣли и средства того знаменательнаго времени. Такимъ образомъ, отождествленіе ролей, приписываніе одному фактору того, что принадлежитъ другому, является глубокою историческою несправедливою, которая всецѣло отражается и на современной морально-общественной критикѣ художественныхъ произведеній.

Чтобы лучше пояснить нашу мысль, мы воспользуемся слѣдующимъ примѣромъ. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія великаго общественнаго и политическаго переворота конца прошлаго вѣка, то-есть съ точки зрѣнія началъ французской революціи, неоднократно подвергались оцѣнкѣ западныя художественныя произведенія. Можно даже смѣло сказать, вся литература истекающаго столѣтія подвергнута суду критики именно съ точки зрѣнія этого грандіознаго событія. Такова, на примѣръ, основная точка зрѣнія Брандеса и многихъ другихъ критиковъ. Дѣйствительно, французская революція представляетъ собою историческое событіе, которое означало глубокой переворотъ въ міросозерцаніи всѣхъ образованныхъ людей и не могло не отразиться, слѣдовательно, и на литературѣ во всѣхъ ея видахъ, равно какъ и на художественномъ творчествѣ. Но этотъ переворотъ нельзя приурочивать къ самому факту революціи, напротивъ, это историческое событіе было само вызвано переворотомъ во взглядахъ на политическую, общественную и индивидуальную жизнь: оно было только внѣшнимъ проявленіемъ этого внутренняго переворота, происшедшаго въ образованномъ обществѣ. Поэтому было бы совершенно нелогично оцѣнивать художественную литературу, слѣдовавшую за французскою революціею, съ точки зрѣнія міросозерцанія тѣхъ или другихъ участниковъ въ этой революціи, какъ бы ни значительна была ихъ роль. Монтескье умеръ задолго до революціи, Вольтеръ и Руссо умерли наканунѣ революціи; но кто же не знаетъ, что эти три писателя въ значительной степени ей содѣйствовали, какъ ей содѣйствовала вообще философія того времени, — этотъ синтезъ переворота, совершившагося въ умахъ. Представимъ себѣ теперь, что какойнибудь критикъ взялся бы оцѣнивать всю художественную литературу девятнадцатаго вѣка съ точки зрѣнія взглядовъ Робеспьера, Марата, Бабефа или Гербетта, то-есть пресловутаго «Отца Дюшена». Что сказали бы мы о такомъ критикѣ? Мы назвали бы его, конечно, ультра-тенденціознымъ и признали бы его критику совершенно несостоятель-

ной. Мало ли какія умственные явленія породили философія XVIII вѣка и французская революція, но ни одно изъ этихъ явленій въ частности не можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки художественныхъ произведеній позднѣйшаго времени, какъ съ другой стороны нельзя себѣ представить сколько нибудь полной оцѣнки этихъ произведеній, если критикъ не будетъ основательно знакомъ съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое предшествовало и сопровождало французскую революцію.

Если мы теперь обратимся къ русской художественной критикѣ, то намъ не трудно будетъ уяснить себѣ на основаніи указаннаго примѣра, какого рода тенденціозность въ ней лишаетъ ее научнаго и серьезнаго характера. Движеніе 60-хъ годовъ не свалилось къ намъ съ неба. Оно было вызвано работою многихъ смѣнявшихся поколѣній. Если Кантемиръ уже въ началѣ восемнадцатаго вѣка провозглашалъ, что «въ свободныхъ и холопахъ течетъ одна кровь», что «пахарь и вельможа равны въ судѣ», если онъ жаловался, что «наука ободрана, въ доскутахъ обшита, изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, знаться съ нею не хотять, бѣгутъ ея дружбы», если онъ громко заявлялъ, что «царю лютость не при-стала», что онъ, «будучи добрымъ», не долженъ знать, какъ «быть злымъ», если у него сорвался съ устъ облитый желчью стихъ: «Кто вспомнитъ тебѣ гражданскіе уставы, иль естественный законъ, иль народныя правы, плюнь ему въ рожу, скажи, что врегъ околесную», — то кто же откажется признать уже въ Кантемирѣ одного изъ борцовъ за то святое дѣло человѣколюбія, общественной и политической правды, которая постепенно прокладывала себѣ дорогу въ нашъ отечествѣ и воплотилась, между прочимъ, въ великихъ реформахъ Александра II? Но можетъ ли идти въ данномъ случаѣ рѣчь объ одномъ Кантемирѣ? А Ломоносовъ, обращавшійся къ «судьямъ земнымъ и всѣмъ державнымъ главамъ» съ пламеннымъ воззваніемъ не «нарушать святыхъ законовъ», не «презирать подданныхъ», «вмѣщать щедрость съ правдой и наблюдать народную льготу?». А Державинъ, указывавшій царю на его назначеніе быть «человѣкомъ на тронѣ»? А Пушкинъ, взывавшій:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя;
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

А Посопковъ, а Новиковъ, а Радищевъ, а Чаадаевъ! Гдѣ же ихъ перечестъ, всѣхъ этихъ свѣтлыхъ, вѣчно памятныхъ всякому русскому сердцу борцовъ за идеи, которыя осуществились, какъ прямой выводъ изъ непреложной посылки, въ освободительную эпоху! Какой недостатокъ исторической перспективы и даже простой образованности или какая узкая, тупоумная тенденціозность требуется

для того, чтобы думать или проповѣдывать, будто шестидесятые годы родились, какъ Венера изъ головы Юпитера, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы считать ихъ исходною точкою какого-то совершенно новаго литературнаго движенія! Оцѣнивать же нашу художественную литературу съ точки зрѣнія взглядовъ, распространенныхъ въ нѣкоторыхъ органахъ нашей журналистики того времени, значить совершать такую же ошибку, какъ если бы французскій критикъ оцѣнивалъ французскую художественную литературу съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ консервативныхъ или либеральныхъ публицистовъ конца прошлаго вѣка. Мы не сомнѣваемся, что и во Франціи найдутся люди, подвергающіе художественныя произведенія критикѣ съ точки зрѣнія взглядовъ Де-Местра, Бабѣфа или «Отца Дюшена», но, конечно, такого рода критикѣ на Западѣ никто не станетъ придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія.

Возьмемъ теперь характеристику русскихъ журналовъ шестидесятихъ годовъ, сдѣланную лицомъ, котораго никто не заподозритъ во враждебности къ этимъ журналамъ. Вотъ она: «Насъ заѣли фразы, мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ видѣть настоящее дѣло... Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь, вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей насъ дѣйствительности... Она забываетъ, что критика можетъ обсуждать только существующія явленія, а не будить въ обществѣ такія потребности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности... Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію... Наши журналисты мечтаютъ о гражданской жизни и о сближеніи съ народомъ, и эти бесплодныя мечты отвлекаютъ ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ дѣйствительной обязанности, отъ живого общенія съ той сферой читателей, которая ждетъ отъ нихъ притока знаній и идей... Практическое сближеніе съ народомъ—дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Боклѣ и Миллѣ... Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики лучше петербургскихъ и московскихъ литераторовъ знаютъ быть и характеръ простого народа... Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами». Тотъ же писатель слѣдующимъ образомъ характеризуетъ беллетристику того времени: «Наша изящная словесность во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчетъ о художественномъ произведеніи, возбудившемъ всеобщее сочувствіе читающей публики... На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хо-

рошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипическою вѣрностью положеніе нашего общества». Обобщая свой судъ надъ современной ему журналистикой, авторъ клеймитъ ее названіемъ «схоластики девятнадцатаго вѣка», и вмѣстѣ съ тѣмъ читатель, конечно, отгадавъ, что эта злая характеристика принадлежитъ Писареву, одному изъ отцовъ нашей тенденціозной критики.

Но, къ сожалѣнію, самъ Писаревъ, такъ трезво оцѣнившій въ началѣ своей литературной дѣятельности журналистику своего времени, впалъ въ ту же ошибку, за которую онъ рѣзко казнилъ другихъ и въ своихъ поискахъ за идеаломъ русскаго гражданина додумался только до отрицанія Пушкина и Салтыкова, до прославленія естественно-историческихъ знаній, какъ основъ гражданскихъ успѣховъ, до своего «мыслящаго реалиста», въ сущности не менѣе оторваннаго отъ жизни, чѣмъ тѣ журнальные критики, которыхъ онъ такъ жестоко осмѣивалъ. А между тѣмъ эти увлеченія Писарева, эти невѣрные выводы его изъ правильной посылки и послужили исходною точкою для обширнаго литературнаго движенія, для той тенденціозной критики, которая, забывая прошлое, устои и основы нашего общественнаго развитія, оцѣниваетъ уже въ теченіе долгихъ лѣтъ художественныя произведенія въ духѣ писаревского «мыслящаго реалиста». Конечно, не Писаревъ въ этомъ виноватъ. Онъ самъ былъ только однимъ, хотя и яркимъ, проявленіемъ умственнаго движенія, происходившаго въ русскомъ обществѣ. Подъемъ духа былъ въ немъ такъ значителенъ, что всѣ вѣрили въ какое-то полное перерожденіе русской жизни, окончательный разрывъ съ прошлымъ, возможность устройства русской общественной и государственной жизни на совершенно новыхъ основахъ. Всѣ забывали старую истину, что въ исторіи скачковъ не бываетъ, что всякій вѣрный успѣхъ или прогрессъ достигается лишь медленно, при напряженныхъ усиліяхъ многихъ смѣняющихся поколѣній. Не одни «мыслящіе реалисты», а люди несравненно болѣе искушенные житейскимъ опытомъ руководствовались убѣжденіемъ, что стоитъ только придумать вѣрную формулу, произвести тотъ или другой коренной переворотъ въ нашей общественной жизни,—и она сразу станетъ неузнаваемой. И вотъ начались безконечные поиски за этою всеспасительною формулою. Изобрѣтательности тутъ мы особенной не проявили, а просто заимствовали на Западѣ модныя теоріи или словечки, воображая, что въ нихъ вся сила. Молешоты, Бюхнеры, Бокли, Лассали, Милли, Спенсеры, Дарвины, Марксы,—всѣ подсказывали намъ эти формулы, и мы мѣняли ихъ, какъ перчатки, предаваясь словеснымъ турнирамъ, увлекаясь «схоластикой XIX вѣка», такъ зло осмѣянно самимъ Писаревымъ. И въ этой стадіи своего развитія находится у насъ до сихъ поръ морально-общественная или тенденціозная критика. Она не изучаетъ художественныхъ произведеній съ точки

зрѣнія преемственныхъ задачъ русской дѣйствительности; она даже не вникаетъ въ эти задачи, а на основаніи устарѣлаго міросозерцанія изрекаетъ безапелляціонныя приговоры надъ современными и прежними русскими художественными произведеніями. Ея работа походитъ на критическія упражненія прилежныхъ гимназистовъ, которые, усвоивъ себѣ мнѣніе своего учителя, добросовѣстно прилагаютъ его мѣрку ко всему, что читаютъ. Вотъ почему въ нашей тенденціозной критикѣ такъ мало уваженія къ прошлому и такъ мало пониманія современной беллетристики, отражающей,— какъ справедливо замѣтилъ еще Писаревъ по поводу беллетристики своего времени,— «съ дагерротипическою вѣрностью положеніе нашего общества».

Мы имѣемъ тутъ дѣло съ вопросомъ первостепеннаго общественнаго значенія. Давно пора вникнуть въ него искренно и безпристрастно.

Помнится, лѣтъ семь тому назадъ я помѣстилъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ повѣсть, въ которой проводилась мысль, что жизнь настоятельно требуетъ отрѣшенія отъ консервативныхъ и либеральныхъ трафаретокъ и сосредоточенія всего нашего вниманія на удовлетвореніи непосредственныхъ ея запросовъ. Словомъ, это была повѣсть на тему о «маленькихъ людяхъ», о «маленькомъ дѣлѣ», какъ наиболее вѣрномъ средствѣ осуществленія одушевляющихъ насъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ. Чрезвычайно поучительно, какъ критика отнеслась къ первой обширной повѣсти на эту тему, авторъ которой былъ ей совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ избранный мною псевдонимъ появлялся впервые въ печати. Вотъ краткіе отзывы: «Авторъ — западническою интеллигентъ», — провозгласилъ одинъ критикъ. — «Онъ — патріотъ», — восклицалъ другой. — «Онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ у насъ партій», — говоритъ третій. Четвертый сомнѣвался, «русскій ли онъ вообще человекъ». Пятый усмотрѣлъ въ немъ «болгарина», а шестой разрѣшилъ всѣ сомнѣнія категорическимъ заявленіемъ, что авторъ — «женщина». Замѣтимъ при этомъ, что нѣкоторые критики отнесли къ повѣсти даже съ чрезмѣрными похвалами, но съ основною мыслью ея они никакъ справиться не могли и недоумѣвали, къ какому лагерю меня причислить. Такъ насъ заѣдаетъ тенденція. И если бы эта мысль представляла нѣчто совершенно новое въ нашей беллетристикѣ, тогда вся эта разноголосица была бы еще понятна. Но новою она могла показаться нашей тенденціозной критикѣ только потому, что она мало вникаетъ въ преемственность задачъ нашего общества, потому что она относится чрезвычайно равнодушно къ общественнымъ вопросамъ, когда они не могутъ быть подведены подъ излюбленныя трафаретки. По существу основная мысль эта не была нова, о, нѣтъ! Она красною нитью про-

ходить через всю новѣйшую нашу беллетристику. Вспомнимъ Го-голя или, лучше сказать, вспомнимъ тѣ положительные типы его, на которыхъ мы менѣе всего склонны останавливаться, на примѣръ Костанджогло—помѣщика, который весь ушелъ въ практическое дѣло, у котораго все въ имѣніи процвѣтаетъ, въ то время какъ у другихъ помѣщиковъ все приходитъ въ разстройство; вспомнимъ Гончарова и его положительные типы: Штольца, Тушина; вспомнимъ Толстого и его Левина. Вѣдь это цѣлый рядъ положительныхъ типовъ, и всѣ эти люди, на которыхъ съ особенною любовью останавливается вниманіе большихъ нашихъ художниковъ, всѣ они принадлежатъ къ типу людей «маленькихъ», которые противопоставляются безотраднѣйшимъ отрицательнымъ типамъ русской дѣйствительности или героямъ слова, громкой фразы. Не пѣлъ ли уже Иванъ Аксаковъ, что «подвиговъ живыхъ, блестящихъ жертвъ, борьбы великодушнѣйшій пора прошла, и намъ въ замѣну ихъ борьбы глухой достался подвигъ скучный», и указывалъ на «долгій трудъ», на «подвигъ червяка», потому что «онъ точитъ дубъ... долбить и капля камень». Но еще рѣзче, опредѣленнѣе и яснѣе та же мысль высказана Тургеневымъ. Что означаетъ его герой Соломинъ, противопоставляемый Нежданову? Что такое Соломины? «Это—не герои... Это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народныя люди. Теперь только такихъ и нужно... и будущее принадлежитъ имъ». А въ своихъ письмахъ Тургеневъ уже прямо говоритъ: «Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о «сдвиганіи горъ съ мѣста»—о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда либо и гдѣ либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствій». «Мы вступаемъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди». А восемь лѣтъ спустя, незадолго до смерти, онъ яснѣе опредѣлилъ свою мысль: «Въ жизни не слѣдуетъ искать идеала общаго, а напротивъ спеціальнаго, единственно живого». Но на этомъ дѣло не остановилось. Беллетристика нашихъ дней продолжала сперва какъ бы отрывочно разъяснять эту мысль, затѣмъ все чаще и чаще стали появляться произведенія, написанныя именно съ этою тенденціею, и три года тому назадъ мы могли уже, на основаніи цѣлаго ряда произведеній, показать, что именно это теченіе въ нашей беллетристикѣ стало доминирующимъ¹⁾. Мы разобрали тогда произведенія Потапенко, Чехова, Немировича-Данченка, Боборыкина, Короленка, Ясинскаго и т. д. и выяснили, что они какъ бы сговорились относиться отрицательно къ тенденціямъ шестидесятихъ годовъ и противопоставлять имъ «не-героевъ», или «незамѣтныхъ героевъ», людей, находящихся «на дѣйствительной

¹⁾ «Современная беллетристика и шестидесятые годы» («Историческій Вѣстникъ», апрѣль, 1892 г.).

службѣ» у жизни, людей непосредственнаго, жизненнаго дѣла. Когда одновременно почти всѣ беллетристы какой нибудь страны постоянно разрабатываютъ одну и ту же тему, и это нельзя объяснить модою, вліяніемъ какого нибудь замѣчательнаго образца выдающагося художника, то можно только допустить, что эти беллетристы дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ самой жизни. И дѣйствительно, мы видимъ, что та же тенденція пробивается теперь съ большою силою въ печати вообще, что печать отъ громкихъ лозунговъ, кричащихъ фразъ, перешла къ трезвому и компетентному обсужденію практическихъ вопросовъ. Это—общее явленіе, и мы въ упомянутой статьѣ старались освѣтить его всесторонне. Но какъ къ нему ни относиться, одно ясно: оно слишкомъ рѣзко проявляется въ жизни и слишкомъ распространено, чтобы его можно было игнорировать.

Однако, тенденціозная критика всячески старается его не примѣтить. Я не могу безъ улыбки вспомнить, какъ къ тогдашней моей статьѣ отнесся одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей тенденціозной критики, г. Михайловскій. Онъ посвятилъ полемикѣ со мною около четырехъ печатныхъ листовъ. Кажется, можно было основательно разобраться въ этомъ вопросѣ, исписавъ столько бумаги. Между прочимъ, я указывалъ, что за истекшія со времени освобожденія крѣпостныхъ 30 лѣтъ наша интеллигенція мало сдѣлала для народа: помѣщики разорились, крестьянское хозяйство пришло въ разстройство, народились кулаки, усиленно стали процвѣтать кабаки и т. д. Что же отвѣтилъ г. Михайловскій? Онъ жестоко обидѣлся и заявилъ, что онъ, г. Михайловскій, всѣ эти 30 лѣтъ былъ на мѣстѣ и писалъ, что нужно. Не спору; но дѣло вѣдь заключается вовсе не въ томъ, что пишетъ г. Михайловскій. Рѣчь идетъ о дѣятельности интеллигенціи въ самой жизни, а не о томъ, что пишетъ тотъ или другой изъ насъ. Кромѣ того, г. Михайловскій меня завѣрялъ, что современные беллетристы вовсе не разъясняютъ своимъ читателямъ того, что я имъ подсказываю заднимъ числомъ. Совершенно согласенъ. Но они пишутъ то, что имъ подсказываетъ жизнь, и чего г. Михайловскій, къ сожалѣнію, понять не можетъ или, вѣрнѣе, не хочетъ,—а только это и представляетъ въ данномъ случаѣ интересъ.

Со времени нашего спора съ г. Михайловскимъ прошло теперь три года. Съ тѣхъ поръ написано не мало беллетристическихъ произведеній. Остановимся же для примѣра на нѣкоторыхъ изъ нихъ, возьмемъ тѣ изъ нихъ, которыя обратили на себя особенное вниманіе. Начнемъ хотъ съ «Перевала» г. Боборыкина. Вотъ заключительный аккордъ этого длиннаго романа: «И всѣ они: Ида, Липа, Лёля Божеярина, Кострицынъ, Воденягинъ, художникъ Лукошкинъ, вотъ этотъ Боярцевъ и Ястребовъ — изъ одного стана; во всѣхъ живетъ нѣчто выше теоріи, кружковъ, прописей, на-

правленства, личнаго задора,—во всёхъ». Что же это такое? Главный герой романа, Лыжинъ, «искалъ послѣдняго слова общественной правды и разъ, по крайней мѣрѣ, восемь въ теченіе двадцати лѣтъ былъ фанатически убѣжденъ, что нашель ее... Кого и что только онъ ни поддерживалъ, въ томъ числѣ и крестьянъ». Но отъ всего этого произошелъ только «душевный крахъ». Онъ убѣдился, что все это вздоръ. Но вотъ насталь голодъ, и онъ сразу убѣдился, что «жизнь сильнѣе всякихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и блужданій». «Неужели,—вопрошаетъ герой:—надо непременно что нибудь роковое, стихійное: моръ, голодъ, потопъ, трусь, чтобы такихъ, какъ онъ, превратить въ людей, забывшихъ о себѣ, знающихъ, что надо дѣлать: кому помогать, съ чѣмъ бороться, о чемъ кричать на всю Русь». Такъ разсуждаетъ главный герой «Перевала». Возьмемъ теперь большой романъ г. Потапенко «Любовь», печатавшійся въ тѣхъ же книжкахъ «Русской Мысли», въ которыхъ г. Михайловскій такъ сильно ополчался противъ меня, и остановимся опять на заключительномъ аккордѣ, разъясняющемъ основную мысль автора. Хилковъ, идеалистъ старой школы, говорить героинѣ романа, Наташѣ, отрекающейся отъ высшаго образованія, чтобы удовлетворять непосредственнымъ нуждамъ народа, въ качествѣ помѣщицы: «Да, Наташа, жизнь проста, она составляется изъ простыхъ, маленькихъ дѣлъ, и въ этихъ простыхъ, маленькихъ дѣлахъ, которыми заняты такіе же простые, маленькіе люди, ты найдешь великую правду и великую задачу для своихъ молодыхъ силъ». Къ той же Наташѣ обращается другой идеалистъ, потерпѣвшій крушеніе въ жизни, съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Благословляю васъ; поѣзжайте, работайте, дѣлайте виноградъ вашъ, ибо дѣлателей-то у насъ мало... Учите, лѣчите, кормите, а главное, учите уму-разуму, просвѣщайте темныхъ... Пусть говорятъ, что это избито и шаблонно, что это слишкомъ мелкое дѣло. Не обращайтесь на это вниманія. Для кого другого оно можетъ быть избито, и шаблонно, и мелко, а для насъ, русскихъ людей, это въ самую пору». Возьмемъ далѣе надѣлавшій столько шуму разсказъ г. Чехова: «Палата № 6». Этотъ разсказъ пришелся очень по душѣ представителямъ нашей тенденціозной критики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не прійти въ умиленіе, когда авторъ рисуетъ вамъ картину невѣроятныхъ злоупотребленій и даже звѣрствъ, происходящихъ въ нашихъ захолустныхъ больницахъ. Вотъ каковы у насъ порядки, вотъ какое печальное зрѣлище представляетъ Россія! Но при этомъ, какъ водится, была упущена изъ виду главная мысль автора, изображенная такъ рельефно, такъ ярко, что ни одинъ безпристрастный человѣкъ не могъ, казалось бы, ее проглядѣть. Разсказъ г. Чехова представляетъ собою безпощадный судъ надъ тою частью нашей интеллигенціи, которая, увлекаясь возвышенными идеалами, предаваясь философствованію и измышляя широкія міросозерцанія,

не видитъ, что у нея совершается подъ носомъ. Изображенный въ разсказѣ г. Чехова докторъ, начальникъ и главный врачъ описанной городской больницы, «склоненъ къ анализу и обобщеніямъ», онъ любитъ сходиться съ другими людьми одинаковаго съ нимъ настроенія и «проводитъ время въ обмѣнѣ гордыхъ, свободолюбивыхъ идей»; онъ горько жалуется, что «умному, образованному, гордому, свободолюбивому человѣку, подобію Божию, нѣтъ другого выхода, какъ идти лѣкаремъ въ грязный, глухой городишко и всю жизнь ставить банки, пиявки, горчишники. Шарлатанство, узость, пошлость. О, Боже мой!» На это сумасшедшій больной ему резонно отвѣчаетъ: «Если въ лѣкаря противно, шли бы въ министры». Но докторъ очень хорошо сознаетъ, что и въ министры онъ не годится, потому что онъ вообще ни къ какому практическому дѣлу не способенъ: онъ можетъ только предаваться «гордымъ, свободолюбивымъ идеямъ», и кончается, конечно, дѣло тѣмъ, что онъ, имѣя на это полную возможность, нисколько не устраняетъ злоупотребленій, водворившихся до него въ больницѣ, а напротивъ своимъ халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу способствуетъ ихъ усиленію и, такъ какъ онъ предается «гордымъ, свободолюбивымъ идеямъ», выпивая при этомъ значительное количество крѣпкихъ напитковъ, то теряетъ мѣсто и попадаетъ въ качествѣ пациента въ ту же больницу, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ испытываетъ всю прелесть порядковъ, не искорененныхъ имъ, благодаря его чрезмерному увлеченію «гордыми, свободолюбивыми идеями». Очень это злая и, быть можетъ, слишкомъ безпощадная насмѣшка надъ настроеніемъ нашего общества, преимущественно той части его, которую прельщаетъ тенденціозная критика. Но это не измѣняетъ вопроса: основной смыслъ разсказа г. Чехова опять таки призывъ общества къ посвященію себя тому же «маленькому» дѣлу. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Какія произведенія Вас. И. Немировича-Данченко обратили на себя вниманіе за эти три года? Мы уже отмѣтили въ упомянутой нашей статьѣ, что уже въ 1889 году онъ выпустилъ сборникъ очерковъ и разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Незамѣтные герои». Съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ постоянно возвращаться къ этой темѣ, и наилучшія его произведенія, появившіяся въ рассматриваемый нами періодъ времени, опять таки посвящены «маленькимъ людямъ». Мы говоримъ о «Маіорѣ Бобковѣ» и «Аннѣи Гордѣевѣ». Что это за личности? Маіоръ Бобковъ, не смотря на то, что онъ отставной маіоръ, не гнушается ходить по домамъ и просто нищенствовать, чтобы собирать средства, необходимыя для призрѣнія бездомныхъ дѣтей. Онъ спасаетъ отъ смерти дѣвушку, рѣшившую покончить жизнь самоубійствомъ, и она становится вѣрною его помощницею въ предпринятомъ имъ трудномъ и самоотверженномъ дѣлѣ. Общими силами они даютъ призрѣваемымъ дѣтямъ практическое образованіе и выводятъ ихъ

въ люди. Сколько подвиговъ самоотверженія совершаетъ этотъ «незамѣтный герой», и какую громадную пользу приноситъ онъ скромно, невидимо для глазъ, прельщающихся другими болѣе громкими, но и несравненно менѣе плодотворными подвигами! А Анюиса Гордѣвна? Она—дочь виднаго провинціального чиновника, но отецъ ея попалъ подъ судъ, и она осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Энергическая была, однако, это натура. Не унывая, принялась она за работу, стала модисткой, такъ искусно кроила и шила платья для губернскихъ дамъ, что эти платья сходили за петербургскія. Куда же шли выручаемыя ею деньги? На прокормленіе сиротъ, обманутыхъ дѣвушекъ безъ пристанища, вообще людей покинутыхъ, безпріютныхъ. Авторъ поясняетъ, говоря о подобныхъ незамѣтныхъ герояхъ: «Ихъ не такъ мало, какъ кажется на первый взглядъ, и маіоры Бобковы вовсе не очень рѣдки. Во всевозможныхъ разновидностяхъ, на самыхъ не похожихъ одно на другое поприщахъ, но они встрѣчаются далеко не одиночками. Съ ними невольно начинаешь вѣрить, что стоитъ только по-настоящему, какъ слѣдуетъ, возлюбить други своя, въ какомъ бы крошечномъ масштабѣ это бы ни было, да не на словахъ, а дѣйтельно, и отъ тебя тотчасъ же отойдетъ прочь страхъ жизни, страхъ завтрашняго дня, который омрачаетъ и губитъ тысячи и миліоны другихъ, болѣе, повидимому, счастливыхъ существованій... Самаго дѣла Аноисы никто не замѣчалъ изъ-за смѣшной ея наружности до того, что я, нѣсколько лѣтъ проживъ въ этомъ городѣ, не могъ ознакомиться съ нимъ. Нуженъ былъ случай, чтобы разсмотрѣть затерявшійся во мхахъ и кустахъ крошечный свѣтловодный ручей, такъ щедро напоившій кругомъ жаждущую землю». Повѣсти, рассказы, очерки, посвященные такому «маленькому» дѣлу, прославляющіе такихъ «незамѣтныхъ» героевъ, рѣшительно преобладаютъ въ нашей современной беллетристикѣ. На эту тему пишутъ теперь и извѣстные беллетристы, и начинающіе: она составляетъ руководящій мотивъ всей нашей теперешней беллетристики, и если не эта тема ее занимаетъ, то во всякомъ случаѣ темы, близко съ ней соприкасающіяся. Герои слова, громкихъ подвиговъ, подвергаются осужденію, и наоборотъ герои мелкаго, но жизненнаго дѣла прославляются на всѣ лады. Это—рѣзкое столкновеніе двухъ міросозерцаній. Если хотите, ихъ можно назвать міросозерцаніемъ теоретическимъ и практическимъ, хотя и въ условномъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ точнѣе выяснимъ. Борьба между этими двумя міросозерцаніями нашла себѣ яркое выраженіе и въ двухъ послѣднихъ повѣстяхъ гг. Потапенко и Лугового: «Смертный бой» и «Между двухъ смутныхъ идеаловъ». Особенно характерна и поучительна послѣдняя повѣсть, въ которой противопоставляются герой слова, отвлеченныхъ идеаловъ, и представитель слишкомъ узкаго, невѣрно понятаго практическаго дѣла, и такимъ образомъ чита-

тель наводится на мысль о настоящемъ дѣлѣ, въ которомъ соединились бы свѣтлые идеалы прошлаго съ удовлетвореніемъ требованій окружающей насъ дѣйствительности.

Какъ на послѣднемъ, особенно яркомъ примѣрѣ этого рода, мы не можемъ не остановиться на очеркахъ г. Короленко: «Въ голодный годъ». Это не беллетристика и не публицистика, а описание впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ изъ поѣздки по одной изъ голодавшихъ мѣстностей. Вообще г. Короленко посвящаетъ себя теперь беллетристикѣ гораздо меньше. По крайней мѣрѣ, два главныхъ его произведенія: «Очерки села Павлова» и «Голодный годъ», представляють собою простое воспроизведеніе живой дѣйствительности, и этотъ поворотъ въ творчествѣ г. Короленко произошелъ со времени появленія его повѣсти: «Съ двухъ сторонъ» (рассказъ о двухъ настроеніяхъ), написанной также на тему о борьбѣ отвлеченныхъ и жизненныхъ идеаловъ. Г. Короленко—писатель, подкупающій искренностью своихъ намѣреній. Очевидно, онъ самъ въ душѣ переживаетъ эту борьбу, и когда у него возникли сомнѣнія относительно плодотворности прежнихъ отвлеченныхъ идеаловъ, онъ съ рѣшимостью, дѣлающею великую честь искренности его побужденій и намѣреній, пожелалъ прежде всего ближе познакомиться съ русскою дѣйствительностью въ провинціи, въ деревнѣ. Такимъ образомъ и возникли какъ его павловскіе очерки, такъ и его характеристика нашихъ неурядицъ въ голодный годъ. Къ какому же онъ пришелъ общему выводу? Приведемъ собственные его слова: «Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ добрый знакомый (изъ оппозиціи) нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я только еще знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, гдѣ судьба заставила меня свить прочное гнѣздо: «Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиція, партія, консерваторы, либералы. Ничего вы съ ними у насъ въ уѣздѣ не разберете. Смотрите проще: одни у насъ производятъ хищенія и желаютъ сохранить эту возможность; вотъ вамъ нашъ уѣздный консерватизмъ. А мы и желали бы прекратить, да не можемъ. Вотъ и вся либеральная оппозиція. Хорошо это или дурно,—прибавляетъ отъ себя авторъ:—радостно или печально, дѣло вкуса; но только событія показали мнѣ, что это самобытное опредѣленіе совершенно справедливо». Мы не можемъ остановиться здѣсь на массѣ фактовъ, которые приводитъ г. Короленко въ подтвержденіе своего взгляда на дѣло. Возьмемъ хоть одинъ, особенно яркій. Г. Короленко указываетъ на о. Григорія. Пожаръ уничтожилъ все его имущество. Ему предложили выгодный приходъ въ городѣ. О. Григорій отказался: «жилъ съ крестьянами въ урожайные годы, не хочется кидать въ дурные». Авторъ сопровождаетъ этотъ фактъ слѣдующимъ комментариемъ: «Мы кричимъ о перепроизводствѣ у насъ интеллигенціи, а между тѣмъ ея совсѣмъ почти нѣтъ въ деревнѣ. Учитель въ загонѣ и не виденъ. Врачей—

два, три на уѣздъ. Помѣщикъ и управляющій частью люди интеллигентные, но они стоятъ въ положеніи нанимателя. Священники—самый замѣтный у насъ и самый вліятельный классъ, роль котораго прямо удовлетвореніе духовныхъ интересовъ народа». Въ другомъ мѣстѣ г. Короленко говоритъ: «Много столѣтій мы, командуящіе классы, только брали отъ крестьянскаго міра все, что надлежало... Но вотъ наступило время, когда роли помѣнялись. Давать, давать сейчасъ, непосредственно, приходится уже намъ».

Мы видимъ, слѣдовательно, что и г. Короленко примакаетъ къ преобладающему теперь лагерю беллетристовъ, требующихъ во имя прежнихъ идеаловъ непосредственной дѣятельности въ самой жизни, что и онъ—сторонникъ «незамѣтныхъ героевъ», «маленькаго дѣла». Оппозиція, партія, консерваторы, либералы—все это надо бросить, со всѣмъ этимъ въ уѣздѣ ничего не подѣлаешь. Въ уѣздѣ люди дѣлятся на производящихъ хищенія и желающихъ прекратить эти хищенія. Встрѣчаются и личности въ родѣ о. Григорія, которые незамѣтно дѣлаютъ свое дѣло. Вотъ на этихъ-то личностяхъ и сосредоточивается главнымъ образомъ вниманіе беллетристовъ. Можно ли причислить этихъ дѣятелей, отъ которыхъ въ сущности зависятъ преимущественно культурные успѣхи Россіи, къ консервативной, либеральной или какой либо иной политической партіи? Очевидно, къ нимъ излюбленные политическія трафаретки непримѣнимы. Нужно стать на иную точку зрѣнія, чтобы понять, насколько они необходимы и полезны. Оцѣнивать ихъ исключительно съ этической точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ наша критика, также нельзя, нельзя хвалить ихъ единственно за то, что это—люди нравственные, честные, хорошіе, преисполненные любви къ ближнему, сострадательные къ чужому горю. Ихъ значеніе гораздо шире; они исполняютъ общественную и политическую задачу громадной важности, и можно безъ преувеличенія сказать, что они осуществляютъ въ жизни идеаль, непосредственно вытекающій изъ всего хода нашего общественнаго развитія.

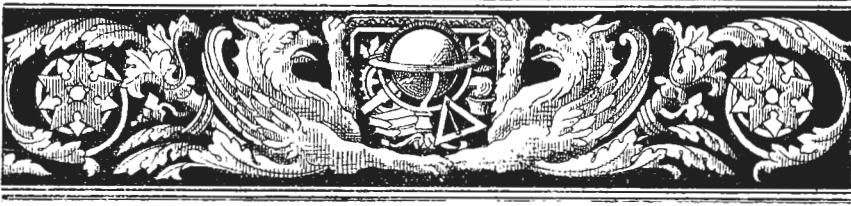
Намъ говорятъ, что славянофильство и западничество отжили свое время. Видоизмѣненные формы славянофильства и западничества, консерватизмъ и либерализмъ, также подвергаются сильнымъ нападкамъ. Распространяется, правда, еще смутное чувство, что сокровеннѣйшіе наши идеалы не могутъ быть осуществлены при помощи тѣхъ средствъ, которыя прямо вытекали изъ славянофильскаго или западническаго ученія, изъ консерватизма и либерализма. Если это чувство въ насъ все еще смутно, то потому, что мы сознаемъ, въ чемъ эти два ученія расходятся, считаемъ ихъ прямо противоположными, но не видимъ, что ихъ соединяетъ. Соединяетъ же ихъ однородное происхожденіе: оба являются не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ на русскую почву западныхъ философскихъ, общественныхъ или политическихъ теорій (Гегель, социалисты), — те-

орій, которымъ мы ревностно подыскивали подтвержденіе въ нашей жизни, хотя онѣ и возникли, и развились на другой почвѣ. Отсюда получилась общность приемовъ въ обсужденіи общественныхъ и политическихъ вопросовъ: и консерваторы, и либералы не исходили отъ фактовъ, а пользовались только фактами для подтвержденія своихъ теорій. Оба лагеря съ одинаковою тщательностью вмѣстѣ съ тѣмъ игнорировали факты, не мирившіеся съ ихъ теоріями. Стоитъ ли указывать, что втеченіе цѣлыхъ десятилѣтій всѣ органы нашей печати редактировались именно въ этомъ направленіи, что и художественное творчество въ значительной степени подчинялось этой тенденціи. Такимъ образомъ тенденціозность такъ обуяла наше общественное и политическое мышленіе, что мыслить не тенденціозно мы оказывались совершенно неспособными, и кто кого въ этомъ отношеніи превзошелъ: либералы ли консерваторовъ, или консерваторы либераловъ, рѣшить очень трудно. Но то, что ихъ еще болѣе соединяетъ, это—вѣра во всемогущество государства и въ полное почти безсиліе частной инициативы. Либераль и консерваторъ одинаково увѣрены, что законодательство—все, а частная дѣятельность—ничто, и разница между ними заключается только въ томъ, что консерваторъ считаетъ Россію погибшею, когда законодательство получаетъ либеральное направленіе, а либераль не видитъ никакого спасенія, когда оно имѣетъ консервативный характеръ. Надо ли указывать на практическія послѣдствія такого міросозерцанія? Выходитъ, что частному лицу дѣлать нечего: ему остается только торжествовать или унывать, смотря по тому, какое теченіе беретъ верхъ, и къ какому лагерю онъ самъ принадлежитъ. Въ сущности онъ совершенно безсиленъ: все опредѣляется, все устроится законодательствомъ, а обывателю остается только вести чисто созерцательную жизнь и получать то, что ему даютъ. Такимъ долгое время было настроеніе всего общества, а печать исполняла въ этомъ отношеніи очень странную роль. Увлекаясь консервативными и либеральными теоріями, она поддерживала общество въ этомъ настроеніи и, такъ сказать, постоянно его гипнотизировала, лишала его охоты и способности заняться настоящимъ дѣломъ или, какъ выражался еще Писаревъ, искать «практическаго сближенія съ народомъ». Взоры общества были направлены на свѣтящіяся точки въ центрахъ нашей умственной жизни, на славянофильскія, западническія, консервативныя, либеральныя и всякія иныя теоріи, и когда выдвигалась какая нибудь особенно яркая теорія этого рода, гипнотическій сонъ нашего общества становился все болѣе глубокимъ. Сколько такихъ искусныхъ гипнотизеровъ консервативнаго и либеральнаго толка породила наша журналистика. Неудивительно поэтому, что наше общество такъ крѣпко спало или, если дѣйствовало, то безпорядочно, какъ бы въ гипнотическомъ снѣ.

Но правы ли тѣ, кто теперь защищаетъ «маленькое дѣло», кто востаетъ противъ увлеченія «широкими задачами»? «Маленькое» дѣло! Можно ли представить себѣ болѣе скромное дѣло, чѣмъ пропивать, допустимъ, ежегодно на 50 к. меньше, чѣмъ теперь, и употребить эти деньги на народное образованіе. Но въ общемъ на 120-милліонное населеніе получилось бы ежегодно 60 милліоновъ,—и народное невѣжество, этотъ позоръ Россіи, исчезло бы скоро. Почему же такая задача считается мелкою, а произнесеніе либеральныхъ или консервативныхъ спичей признается задачею «широкою»? Подумаешь, въ какихъ мы живемъ условныхъ представленіяхъ! Если насъ соблазняютъ западные порядки, то вѣдь не слѣдуетъ забывать, что они упрочились тамъ въ такое время, когда просвѣщеніе уже было гораздо больше распространено, чѣмъ теперь у насъ. Но по логикѣ людей, увлекающихся «широкими» задачами, Россія должна идти какъ разъ обратнымъ путемъ. Логика эта слишкомъ мало убѣдительна! Люди дѣла, а не слова, начинаютъ отъ нея открепиваться; они говорятъ себѣ, что пока между обществомъ и народною массою не произойдетъ сближенія на почвѣ практическихъ интересовъ, на почвѣ реальныхъ нуждъ и чаяній крестьянской массы, пока оно въ своемъ активѣ не будетъ насчитывать больше практическихъ заслугъ передъ этимъ народомъ, которыя могли бы быть поставлены на ряду съ заслугами другихъ факторовъ народной жизни, до тѣхъ поръ оно будетъ совершенно безсильно въ достиженіи тѣхъ идеаловъ, которые воодушевляютъ всякаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка. Увлекаться разными теоріями и ничего не дѣлать въ жизни — значитъ терпѣть крушеніе на каждомъ шагу; общество является основною силою, изъ него правительство и земство вербуютъ себѣ слугъ. Но въ такомъ случаѣ почему же оно обречено на безсиліе? Отвѣтъ одинъ: надо сознательно, честно и по возможности дружно исполнять «маленькое дѣло», къ которому каждый изъ насъ приставленъ, а въ общей сложности эти «маленькія дѣла» дадутъ великіе результаты. Таковъ духъ, очень отчетливо проявляющійся въ современной нашей беллетристикѣ, и если тенденціозная наша критика не можетъ или не хочетъ его уловить, то она имѣетъ на это основательную причину: никто самъ себѣ не врагъ, никто самъ себя не казнить.

Р. Сементковскій.

ВЪ МЯТЕЖНОМЪ КРАѢ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Западные губернии въ 1860 году.—Положеніе крестьянъ и духовенства.—Мученики долга.—Тогдашняя администрація.—Польское общество.—Балы и пикники.—Цукерни.—Польская пропаганда.—Колышко и его агитаторская дѣятельность.—Офицеры поляки.—Генераль-губернаторъ Назимовъ.—Русская церковь въ Лидѣ.—Лидскій костелъ.—Проповѣдь калуцина.—Критическое положеніе.

ЗЪ УЧЕБНИКА географіи оставалось у меня такое впечатлѣніе, что западные наши губернии по самыя границы царства Польскаго — вполне русскія не только по преобладающему составу коренного населенія, но и по строю внутренней жизни и качеству служилого люда. Велико же было мое разочарованіе и даже конфузъ передъ самимъ собою, когда въ 1860 г. я очутился въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и мнѣ пришлось побывать въ Минской, Гродненской и Виленской губерніяхъ. Я въ недоумѣніи спрашивалъ себя: гдѣ же Россія? гдѣ ея власть, значеніе, сила? Несомнѣнно, она должна была здѣсь находиться, но она не чувствовалась и не осязалась. Здѣсь, на западѣ, Россія затаилась гдѣ-то подъ спудомъ, и внѣшнихъ признаковъ присутствія ея не замѣчалось. Населеніе — и православное и католическое — говоритъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ русскаго языка, но обучается польской грамотѣ, и всякій мужикъ,

какъ только мало-мальски выдвинулся изъ сѣрой крестьянской обстановки, норовитъ объясняться попольски и надѣваетъ на голову рогатую конфедератку, потому, дескать, что это признакъ высшей культуры. Повсюду богато украшенные величественной архитектуры каменные костелы, и рѣдко-рѣдко попадались деревянные, ветхія церкви съ подпорками и заплатами, похожія больше на сараи, чѣмъ на храмы господствующей религіи. Православное духовенство находилось въ полномъ загонѣ; оно было принижено своею бѣдностью и подавлено импонирующимъ значеніемъ воинствующаго католичества. Знакомаясь съ мѣстными священниками и стараясь уяснить себѣ условія ихъ быта, я замѣчалъ общую имъ всѣмъ характерную черту какой-то виновности въ томъ, что они существуютъ «въ чужомъ краѣ». Въ смѣшанныхъ деревняхъ, гдѣ находились православные и католики, особенно тамъ, гдѣ проживали помѣщики, арендаторы или становые, священники даже богослуженіе совершали какъ бы украдкой, приказывая поменьше звонить, а иные не производили установленныхъ крестныхъ ходовъ, опасаясь выставляться на глумленія и обиды, состоявшія въ томъ, что паны нарочно шли на встрѣчу иконамъ и крестамъ, не снимая шапки, или же провожали религіозную процессію поспиваньемъ и мурлыканьемъ неприличныхъ пѣсень. Я встрѣчалъ почтенныхъ пастырей, до такой степени испуганныхъ, что они даже передъ русскими опасались высказаться о гоненіяхъ на православіе и о претерпѣваемыхъ личныхъ бѣдствіяхъ и потому отвѣчали на вопросы боязливо и уклончиво, чтобъ не попасть въ бѣду: вѣдь тогда, при начавшемся шатаніи умовъ, и между русскими встрѣчались или полякующіе или вообще доброхотствующіе всему, что клонилось къ ущербу русской государственности. Вообще, нравственное воспитаніе православнаго духовенства было запущено: въ рѣдкихъ семьяхъ употреблялась русская рѣчь; напротивъ, въ огромномъ большинствѣ въ священническихъ домахъ говорили попольски или потому, что русскій языкъ, какъ «хлопскій», былъ въ пренебреженіи, или большею частью потому, что жены и дѣти православныхъ іереевъ совсѣмъ не владѣли русскою рѣчью; мало того, попадали чаще водили своихъ дѣтей въ костелы, чѣмъ въ церкви, потому что тамъ панская вѣра, а здѣсь хлопская.

Попадались между священниками и такіе выродки, которые просто поражали своимъ циническимъ отношеніемъ къ церкви и религіи. Это были доживавшіе свой вѣкъ послѣдніе могики уніи 1839 года, примкнувшіе къ православію не по убѣжденію, но изъ расчета. Они вліяли крайне развращающимъ образомъ на свою паству, приводя ее постепенно къ полному религіозному безразличію (индифферентизму). Съ однимъ такимъ типичнымъ уніатомъ и полякомъ подъ священническою личиною я случайно встрѣтился въ Лидскомъ уѣздѣ Виленской губерніи. Понадобилось мнѣ съѣз-

дить въ роту нашего полка, недавно размѣщенную въ большой православной деревнѣ Докудовѣ съ приходскою церковью. Ротный командиръ и оба субалтерна въ этой ротѣ были поляки. Едва я расположился на квартирѣ капитана, какъ влетѣлъ къ намъ субъектъ въ подрясникѣ, съ жидкими остатками волосъ на головѣ, съ подстриженными усами и бородой.

— Попъ тутейшей парафіи, — отрекомендовался онъ, развязно подавая мнѣ руку.

Это былъ сухой маленькій господинъ, подвижный и словоохотливый, сохранившій какую-то ребяческую наивность, не смотря на свой старческой возрастъ. Говорилъ онъ только польски, потому что русскаго языка не зналъ, а такъ какъ я въ то время плохо еще понималъ польскую рѣчь, то усилія его сдѣлать удобопонятнымъ для меня свой разговоръ выходили очень комичны. За то, что я не могъ объясняться съ этимъ удивительнымъ священникомъ на его языкѣ, онъ на первыхъ же порахъ безъ церемоніи уязвилъ меня «завзентымъ москалемъ».

— Вотъ, пане, обревизуйте его роту покрѣпче, — сказалъ священникъ, указывая на капитана, — да проберите его хорошенько за то, что напугалъ меня, когда пришелъ сюда съ ротой. Вообразите, у насъ по деревнѣ пошелъ слухъ, что идетъ въ Докудово съ ротой архиправославный командиръ. Приплелись сюда они какъ разъ подъ воскресенье. Я на другой день чуть свѣтъ давай звонить сначала въ одинъ колоколь, потомъ во всѣ; думаю себѣ: не принесетъ его нелегкая въ такую рань, а самъ сижу въ алтарѣ да выматриваю, потому боязно было. Еслибъ показался, я сейчасъ бы началъ галдѣть: Господи, помилуй. Прошло этакъ съ полчаса, никого изъ москалей нѣтъ. Ну, значить, спать пугало, задравши ноги, и усердія моего не слышитъ; заперъ церковь и пошелъ кофе пить. А потомъ узнаю, что онъ такой же дьябель, какъ и я.

— Чего же вы, отче, такъ боялись?

— Какъ чего? А еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ оказался благо-на-мѣ-рен-ный да послалъ куда слѣдуетъ цыдулку, что докудовскій попъ мшу (обѣдню) не справляетъ, то опять пришлось бы въ монастырь идти на покуту (на покаяніе).

— Да почему же вы не служите? — спросилъ я, крайне удивленный.

— Очень просто, пане коханий; повашему не умѣю, а повашему нельзя. Вотъ окрестить, повѣнчать, похоронить — это я съ полнымъ удовольствіемъ, иначе попу съ дочерью жевать было-бъ нечего. А въ воскресенье церковь моя всегда открыта; придуть, помолятся, попоютъ наши хлопы, и довольно съ нихъ. Да вы не думайте, впрочемъ, что я такой ужъ отверженецъ; въ царскій день рѣдко когда молебна не откатаю. Вотъ только съ кадиломъ не могу управиться. Попъ настоящій ловко такъ фуркаетъ имъ впередъ и назадъ, а у меня не выходитъ.

— Я удивляюсь, что вы затрудняетесь служить поправославному, — замѣтилъ я. — Сколько мнѣ извѣстно, въ силу брестскаго церковнаго договора, весь униатскій обиходъ и вся обрядность должны быть тѣ же, что и у православныхъ.

— Э, когда это было!—возразилъ онъ.—Въ то время, когда я сталъ униатскимъ ксендзомъ, у насъ уже мало оставалось греко-восточнаго, а были органы, рожанцы, годзинки, здравась Марія, аніолъ паньскій, колокольчики, ну, весь почти ритуаль святого католическаго костела. А теперь что: Господи помилуй, да подай Господи. Разъ-таки поплатился я за свое неумѣнье. Приѣзжаетъ какъ-то православный бискупъ (епископъ) такой важный, весь въ черномъ, на головѣ колпакъ (клобукъ) съ шлейфомъ. А ну-ка, отслѣжи, говорить, а я посмотрю. Я ни живъ, ни мертвъ началъ плести обѣдню и все поглядываю на страшнаго аргуса. Онъ какъ будто бы и ничего, пристроился въ уголку алтаря, да все поклонны грѣбеть. Работа моя въ потѣ лица, можетъ быть, и сошла бы, еслибъ не эта фатальная ектенія. Тутъ ужъ я совсѣмъ запутался и сталъ бормотать имена, какія только пришли въ голову. По окончаніи всего представленія, бискупъ пробралъ меня до десятаго пота и, поблагословивъ, уѣхалъ, а потомъ и пишетъ: докудовскій ксендзъ ницъ не умѣ (ничего не знаетъ), послать его въ науку на два мѣсяца въ монастырь. А мнѣ какая наука? Отлежался я тамъ, рыбой отъѣдался до отвалу и монастырскую порцію оковиты (водки) получалъ, а затѣмъ такимъ же чурбаномъ пришелъ въ Докудово, какимъ и былъ.

— Почему бы вамъ, батюшка, не поучиться служить, какъ подобаешь,—посовѣтовалъ я, — это совсѣмъ не трудное дѣло. Смотрите въ требникъ, и все выйдетъ хорошо.

— Поздно мнѣ учиться, да и не къ чему. Вонъ поляки похваляются, что отвоюютъ себѣ всю Литву. Тогда мы уже не въ унию, а прямо въ католичество пойдемъ. Дайте срокъ,—разглагольствоваль этотъ диковинный іерей, переходя въ игривый тонъ,—какъ только наша возьметъ, я сейчасъ коханого капитана за шиворотъ, да въ кутузку; приставлю ножъ къ горлу и спрошу: кѣмъ хочеть быть—москалемъ или полякомъ. Небось, заплянешь, панъ, подь мою дудку.

Вообще изъ разговора съ этимъ священникомъ осталось у меня впечатлѣніе, что въ его польскомъ фанатизмѣ не малое участіе принимала умственная его несостоятельность въ формѣ односторонняго помѣшательства; иначе онъ не сталъ бы передъ каждымъ встрѣчнымъ столь цинически выкладывать свои неудобныя мысли. Долго ли онъ еще оставался во главѣ прихода, узнать мнѣ не случилось. Во всякомъ случаѣ этотъ нравственный уродъ хотя и представлялъ явленіе исключительное, все же былъ возможенъ только въ то злополучное время, когда наша государственность на западѣ

Россіи являла въ себѣ признаки полной развинченности вслѣдствіе преступнаго равнодушія нашихъ правящихъ классовъ къ интересамъ отечества и религіи. Никогда не забуду разговора моего съ однимъ полякомъ, подполковникомъ генеральнаго штаба, въ должности начальника штаба пѣхотной дивизіи, расположенной въ царствѣ Польскомъ. Когда въ началѣ «повстанья» извѣстный Сѣраковскій, капитанъ генеральнаго штаба, бѣжалъ «до ясу» и во главѣ банды сталъ воевать противъ русскихъ войскъ, то я выразилъ свое негодованіе, что человѣкъ, получившій высшее образованіе (сначала въ университетѣ, потомъ въ военной академіи) на русскія деньги, ѣздившій на казенный счетъ за границу и во всемъ облагодѣтельствованный правительствомъ, такъ подло отплатилъ ему. На это начальникъ штаба злостно возразилъ: «такому... правительству иначе и платить нельзя». Подобные люди сплошь и рядомъ занимали тогда отвѣтственные мѣста¹⁾.

Справедливость требуетъ сказать, что въ средѣ западно-русскаго духовенства находились лица, стоявшія на высотѣ своего призванія и какъ пастыри, и какъ русскіе люди. Таковыми обрисовались православные іереи Могилевской, Минской и частью Гродненской губерній. Особенно были тверды священники позднѣйшей генерациі. Только изъ такой крѣпкой среды могли явиться многострадальные мученики за святое дѣло, заявившіе себя во время мятежа глубокою преданностью Россіи и высокимъ благочестіемъ. Жертвъ повстанской свирѣпости изъ числа духовенства было не мало. Но вотъ имена, въ свое время опубликованныя въ газетахъ и внесенныя въ исторію кровавыми буквами: священникъ въ селѣ Котрѣ, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи Рапацкій, настоятель собора въ заштатномъ городѣ Суражѣ, Гродненской губерніи, Прокоповичъ и священникъ въ мѣстечкѣ Богушевичахъ, Игуменскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Конопасевичъ. Всѣ они послѣ звѣрскихъ истязаній были повѣшены повстанцами.

Русскіе люди въ гражданской администраціи края встрѣчались крайне рѣдко, большею частью только въ губернскихъ городахъ; въ уѣздныхъ—русскій человѣкъ представлялъ исключительное явленіе. Притомъ же здѣшній русскій служилый людъ былъ совсѣмъ особаго сорта. Коренныхъ уроженцевъ Россіи заносила сюда какая нибудь случайность; большинство же русскихъ чиновниковъ были русскими только по официальной принадлежности своей къ православной религіи, но родились въ краѣ отъ смѣшанныхъ браковъ

¹⁾ Когда по ходу событій стало ясно, что польское дѣло проиграно безповоротно, тогда упомянутый штабъ-офицеръ, чтобы отвлечь отъ себя всякія подозрѣнія и упрочить карьеру, принялъ православіе. Вслѣдствіи, уже въ чинѣ генерала, онъ былъ убитъ при штурмѣ Плевны, чѣмъ искупилъ свои политическія прегрѣшенія.

и первыя впечатлѣнія дѣтства воспріяли отъ матерей-полекъ. Такія наблюденія я вынесъ изъ очень многихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, куда бросала меня судьба. Всего долѣе мнѣ пришлось прожить съ баталіономъ нашего полка въ городѣ Лидѣ, Виленской губерніи. Здѣсь въ гражданской администраціи, начиная съ городничаго, всѣ были поляки. Правда, нашелся единственный русскій, смотритель уѣзднаго училища, называемый по польской терминологіи паномъ префектомъ, да и тотъ былъ горькій пьяница. Это былъ коренной русакъ, но въ нравственномъ отношеніи совершенно безличныи. Повидимому, его упрятали въ это захолустье за пьянственную слабость. Къ своему училищу онъ почти касательства не имѣлъ, и польскіе учителя преподавали такъ, какъ хотѣли, безъ всякаго контроля; благо въ то время еще не была установлена, какъ теперь, систематическая ревизія преподаванія со стороны окружныхъ начальствъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ бумаги писались порусски съ исковерканной грамматикой, но въ воздухѣ присутствій и канцелярій не носилось ни одного русскаго слова. Въ нашемъ полку изъ 60 офицеровъ ровно половину составляли поляки, другая половина состояла изъ русскихъ, литовскихъ татаръ и нѣмцевъ. Польская рѣчь до такой степени укоренилась въ офицерскомъ обиходѣ, что даже если случайно сходились два-три русскихъ офицера, то по усвоенной привычкѣ говорили между собою попольски. Офицеры-поляки, произведенные изъ юнкеровъ, до того плохо владѣли русскою рѣчью, что въ обращеніяхъ своихъ съ нижними чинами немилосердно ломали языкъ. Помню, какъ одинъ субалтернъ, выходя со взводомъ на полковое ученье, встрѣтился съ знакомымъ и, остановившись, заговорилъ съ нимъ, а солдатамъ приказалъ: ступай, ступай, другій зводъ, я цѣ догдѣ, — вышло ни порусски, ни попольски. Въ то время польскіе помѣщики и чиновники не только не чуждались русскихъ людей, но старались сблизиться съ ними и пріобрѣсти наше расположеніе; поэтому приглашали русскихъ въ свои семейства и оказывали имъ самое предупредительное вниманіе. Я, напримѣръ, совѣтъ юный еще и холостой человекъ, былъ просто сконфуженъ тѣмъ, что ко мнѣ первый пріѣхалъ съ визитомъ предводитель дворянства (маршалекъ)—лицо, пользовавшееся большимъ вѣсомъ въ мѣстномъ обществѣ. Оказалось, что для сближенія съ офицерами польское дворянство готовило роскошный балъ, и съ этою цѣлью заводились знакомства даже съ тѣми изъ военныхъ, кто по недостатку средствъ держался въ сторонѣ отъ уѣзднаго общества. Я воздерживался отъ знакомствъ потому, что не зналъ попольски, а поляки въ то время по принципу иначе не объяснялись; поэтому заговорить въ ихъ обществѣ на русскомъ или какомънибудь иностранномъ языкѣ значило бы внести непріятный диссонансъ въ общую гармонію. На дворянскій балъ были приглашены

всѣ безъ исключенія офицеры, даже такъ называемые бурбоны (изъ нижнихъ чиновъ мужицкаго званія), которыхъ тогда еще было въ полкахъ не мало, хотя эти кавалеры совѣмъ не отличались знаніемъ свѣтскихъ тонкостей. Балъ вышелъ на славу, граціозныя польки постоянно выбирали въ мазуркѣ военныхъ, отдавая имъ явное предпочтеніе предъ своими штатскими кавалерами, а за общимъ ужиномъ, въ разливанномъ морѣ шампанскаго, любезные хозяева то и дѣло возглашали тенденціозныя тосты «за обратерство, еднoсть, вспульную працу (общую работу) на поприщѣ славянскаго прогресса, за шляхетныхъ (благородныхъ) русскихъ офицеровъ» и т. п., причемъ происходили чоканья и обниманья. Вполсѣдствіи стало, конечно, ясно, къ чему клонились эти заигрыванья, а въ то время никто изъ насъ еще не догадывался о политическихъ замыслахъ нашихъ милыхъ собутыльниковъ; мы принимали всѣ эти любезности за чистую монету, какъ проявленія утонченной польской образованности, и пріятно коротали свое время. Особенно льстило военной молодежи обворожительное отношеніе къ ней красивыхъ паненокъ, и хотя серьезное ухаживаніе съ матримоніальными цѣлями нѣкоторыхъ ухарей за богатыми невѣстами потерпѣло фiasco подъ разными благовидными предлогами, тѣмъ не менѣе офицерство плавало въ удовольствіяхъ разсѣянной жизни и было въ восторгѣ отъ несравненнаго польскаго общества. Съ своей стороны офицеры отвѣтили, въ видѣ реванша, затѣйливымъ пикникомъ, на который съѣхались помѣщичьи семейства чуть ли не со всего уѣзда. Въ живописномъ лѣсу недалеко отъ города была устроена платформа подъ навѣсомъ для танцевъ и разставлены палатки для буфетовъ и уборныхъ. Доставленъ большой транспортъ сластей, закусокъ и винъ; гульбище освѣщалось разноцвѣтными фонарями, поминутно взлетали ракеты, трещали и искрились фейерверки, полковая музыка оглашала воздухъ на далекое пространство. Все это привлекло изъ окрестныхъ деревень массу крестьянъ, которые воочию убѣждались, какъ дружно живутъ москали съ поляками, чтó и входило въ планы мѣстныхъ помѣщиковъ для ихъ отдаленныхъ цѣлей. Да и нельзя было зрителямъ не прійти къ такому заключенію, особенно подъ конецъ бала, когда разгоряченные танцами и обильнымъ возліаніемъ помѣщичьи, чиновники и офицеры на виду у всѣхъ безпрестанно чокались бокалами, обнимались и цѣловались, выкрикивая обычное при этомъ *koszajmy sie* (будемъ любить другъ друга) и клянясь взаимно въ вѣчной и неизмѣнной дружбѣ, не взирая ни на какія обстоятельства, ни на какія случайности. Наши-то русаки изливали свои чувства со всею искренностью открытой души и безъ всякой задней мысли, а друзья-поляки были себѣ на умѣ...

Внѣ семейныхъ домовъ, общественная жизнь, по установившемся обычаю польскихъ городовъ, сосредоточивалась въ цукернѣ

(кондитерской), которая служила притягательнымъ центромъ для всей Лидской интеллигенціи. Здѣсь можно было не только напиться чаю или кофе, но и подкрѣпиться водкой съ закусками, а въ соседнемъ помѣщеніи, непосредственно сообщавшемся съ цукерней внутреннею дверью, отпускались «хозяйственные обѣды». Клуба въ этомъ городкѣ не было, но кондитерская вполнѣ его замѣняла, тѣмъ болѣе, что здѣсь къ услугамъ гостей были два билліарда, нѣсколько шахматныхъ досокъ и даже въ боковой комнатѣ карты. Охотники до чтенія находили здѣсь нѣсколько польскихъ газетъ и одну французскую; русской ни одной, хотя офицеры были постоянными гостями кондитерской. Граждане какъ холостые, такъ и семейные считали обязанностью ежедневно побывать здѣсь; чиновники забѣгали въ это злачное мѣсто, идучи на службу, выпить чаю и пробѣжать телеграммы, а со службы — опрокинуть рюмку водки. Если нужно было повидаться съ кѣмъ, то идти на квартиру не стоило; гораздо вѣрнѣе было встрѣтить искомага человѣка въ кондитерской, особенно въ вечерніе часы. Здѣсь сосредоточивались всѣ новости и происходили безконечные и горячіе толки по поводу событій, совершавшихся въ то время въ Италіи. Всѣ напряженно слѣдили за каждымъ шагомъ Гарибальди, подвизавшагося съ своею безстрашною тысячею то тамъ, то здѣсь, на Апеннинскомъ полуостровѣ, для освобожденія Италіи отъ мелкихъ владѣтелей. Наполеонъ III, провозгласившій принципъ объединенія народностей, рисовался въ понятіяхъ поляковъ чуть не полубогомъ. Эта наполеоновская идея щекотала ихъ чувство; съ нею они соединяли и свои надежды. Въ неудержимыхъ мечтахъ патриотовъ, польскій народъ, при помощи Наполеона, отдѣлялся отъ Россіи, Пруссіи и Австріи и сплочивался въ независимое и сильное государство. Но чтобы до поры до времени не нарушать добрыхъ отношеній съ офицерами русской службы, поляки еще не рѣшались проговариваться, что они замышляютъ поднять противъ насъ оружіе, напротивъ, они предъ офицерами высказывали только туманное предположеніе, что Россія во имя великаго принципа національностей, для осуществленія мечтательнаго Польскаго государства, добровольно откажется отъ провинцій, населенныхъ польскою народностью, а такими считались всѣ губерніи, гдѣ между преобладающимъ русскимъ крестьянствомъ одиноко размѣстилась польская шляхта въ качествѣ землевладѣльцевъ и арендаторовъ.

Тѣмъ временемъ наши задушевные друзья и благожелатели исподоволь старались вносить развратъ въ умы офицеровъ, представляя положеніе дѣла въ такомъ видѣ, что народы польскій и русскій естественные братья, но что правительство надъ обоими — нѣмецкое или, по крайней мѣрѣ, оно слѣдуетъ внушеніямъ нѣмцевъ, задача которыхъ — давить славянъ, одинаково какъ поляковъ, такъ и русскихъ, не давать имъ гражданской свободы и не допу-

скасть никакого у нихъ умственнаго развитія. Слѣдовательно, дескать, между нами и вами существуетъ самая тѣсная общность интересовъ, и мы соединенными силами должны стремиться къ своему самосохраненію, наперекоръ вредному правительственному режиму. Особенно горячимъ пропагаторомъ подобныхъ идей между офицерствомъ выступалъ въ цукернѣ Колышко, тотъ самый, который впослѣдствіи (въ 1863 году) командовалъ бандой сначала самостоятельно, а потомъ въ соединеніи съ Сѣраковскимъ и вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ по разбитіи и разсѣяніи инсургентовъ. Колышко былъ молодой человекъ лѣтъ 25-ти, небольшого роста, плотный, съ круглымъ и румянымъ лицомъ. Какая была его профессія въ Лидѣ, я не интересовался; кажется, онъ просто тамъ билъ баклуши въ качествѣ обезпеченнаго помѣщичьяго сына. Это былъ горячій польскій патріотъ, цитировавшій цѣлые монологи изъ Мицкевича и заканчивавшій каждый сборный вечеръ въ семейныхъ домахъ тѣмъ, что присаживался къ роялю и съ паѳосомъ распѣвалъ: «еще Польша не сгинела». Онъ постоянно доставалъ откуда-то Герценовскіе памфлеты и совалъ ихъ офицерамъ въ руки, восторженно отзываясь о яко бы необычайно свѣтлыхъ и здравыхъ сужденіяхъ революціонныхъ листовъ относительно политическаго положенія Россіи и Польши. Извѣстно, что эти лондонскія издѣлія просто-напросто проповѣдывали упраздненіе Русскаго государства путемъ расчлененія его на мелкія области подъ фирмой федераціи, при чемъ Герценъ призывалъ къ этой разрушительной работѣ всѣхъ русскихъ до мужика включительно съ топоромъ въ рукахъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Эти преступныя бредни, сулившія смерть Россіи, какъ политической единицы, сочувственно воспринимались молодежью нашего полка, какъ благовѣсть прогресса и благополучія. Удивительное то было время общаго умопомраченія, глубокаго растлѣнія духа, отсутствія совѣсти и сознанія долга, даже простаго національнаго инстинкта, долженствовавшаго будить чувство самосохраненія! Никакого нравственнаго устоя у большинства молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ не было. Съ безумнымъ самообольщеніемъ и туманными надеждами на неопредѣленное будущее оно стремилось по наклонной плоскости, не отдавая себѣ въ этомъ осмысленнаго отчета и не подозрѣвая, что въ концѣ концовъ само оно погибнетъ. Правда, между молодыми однополчанами моими было нѣсколько лицъ, подозрительно и недовѣрчиво относившихся къ безшабашной пропагандѣ, но они составляли меньшинство и не рѣшались выступать съ оппозиціей противъ господствующаго нахальства, быть можетъ, опасаясь навлечь на себя репутацію отсталости отъ прогрессивнаго теченія, что считалось въ то время самымъ позорнымъ клеймомъ. Старшіе наши офицеры въ болѣе крупныхъ чинахъ не стѣснялись высказывать свое негодованіе противъ разрушительныхъ идей, исходившихъ какъ изъ

русскаго, такъ и польскаго лагеря, но этимъ все дѣло и кончалось; никакихъ мѣръ противодѣйствія политическому возвращенію не принималось ни снизу, ни сверху.

Поэтому разглагольствованіямъ Колышки не было ни границъ, ни мѣры. Онъ пользовался всякою встрѣчей съ офицерами, что очень часто и происходило въ цукернѣ, собиралъ ихъ вокругъ себя подъ видомъ сообщенія какой либо новости и проповѣдывалъ вражду къ правительству. Подкладка этой проповѣди была крайне ехидная. Какъ я сказалъ выше, польская тактика, которой старался придерживаться даже заядлый Колышко, состояла въ томъ, чтобы до времени не задѣвать національнаго русскаго чувства и оставаться съ нами, по наружности, въ дружельныхъ отношеніяхъ. Поэтому Колышко постоянно твердилъ: «прошу васъ, господа, не смѣшивать политическихъ понятій. Русскій народъ одно, а русское правительство—другое. Это послѣднее—нашъ общій непримиримый врагъ. Долгъ cadaго патріота своей страны подкочаться подъ него и ослабить его, чтобы низвергнуть тиранію, иначе Россія никогда не освободится отъ внутреннихъ оковъ рабства. И въ этомъ отношеніи русскіе могутъ смѣло рассчитывать на братскую и энергическую помощь поляковъ».

Послѣдствія показали, какъ горько ошиблись агитаторы въ своихъ расчетахъ на офицеровъ русской арміи. Со стороны казалось, что умы распатаны въ конецъ, и что русская государственная организація при первомъ толчкѣ готова развалиться. Но стоило лишь полякамъ раскрыть свои карты и явно поднять знамя бунта противъ нашей государственной цѣлости, какъ въ массѣ совершился психическій переворотъ, и наступило отрезвленіе. Русскіе офицеры послѣдовали велѣнію своего долга, а офицеры-поляки, за немногими исключеніями, остались вѣрными присягѣ частью по внутреннему побужденію, частью въ силу воинской дисциплины, которою были скованы, такъ что и эти послѣдніе волей-неволей шли сражаться противъ повстанскихъ бандъ. Можетъ быть, многихъ изъ нихъ удержало отъ роковаго шага и то убѣжденіе, что если бы кто при столкновеніи съ мятежниками обнаружилъ измѣну, то съ такимъ живо расправились бы на мѣстѣ сами солдаты. Отчасти ненадежный элементъ въ офицерскомъ составѣ былъ ослабленъ тѣмъ, что когда по ходу событій можно было предвидѣть возстаніе въ Польшѣ и необходимость подавить его вооруженною силою, то гуманное провительство наше, щадя естественное чувство офицеровъ-поляковъ, которымъ предстояло идти съ оружіемъ, быть можетъ, братъ противъ брата, сынъ противъ отца, предложило кому угодно изъ нихъ перейти въ войска, расположенныя внутри имперіи, и этою высоко милостивою мѣрой воспользовались многіе поляки. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, когда вспыхнуло возстаніе, то до лясу ушло самое незначительное число офицеровъ, да и то

только въ началѣ политической сумятицы, когда головы были еще разгорячены, и надежда пигмеевъ на одолѣніе колосса заманчиво рисовалась въ туманномъ будущемъ. Измѣнники-офицеры почти всѣ были поляки, говорю почти, потому что, сколько мнѣ извѣстно: въ повстанскихъ бандахъ очутились и два русскихъ офицера, одинъ—молодой прапорщикъ пѣхотнаго полка, измѣнившій своему долгу въ пылу безумной любви къ полкѣ, которая потребовала отъ него этой жертвы, а другой—казачій сотникъ, вѣчно пьяный, былъ увлеченъ въ мятежъ просто-на-просто подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, отуманившихъ его сознаніе до такой степени, что онъ не отдавалъ отчета въ томъ, что дѣлаетъ. Оба несчастные заплатили жизнью за свое преступное легкомысліе.

Въ Лидѣ, насчитывавшей въ то время двѣ съ небольшимъ тысячи жителей, было три громаднхъ каменныхъ костѣла прекрасной архитектуры, высоко и гордо поднимавшихъ къ небу свои затѣйливыя шпицы. Одинъ изъ нихъ стоялъ пустой, за ненадобностью, такъ какъ прихожанъ на всѣ костелы не хватало. Не много бы понадобилось передѣлокъ, чтобы обратить пустую костѣль въ православный храмъ; но тогда, при господствѣ польщизны и католичества, нѣкому было подумать объ этомъ. Высшая власть въ Вильнѣ безсознательно шла на буксирѣ польской «справы», а по отношенію къ русскимъ интересамъ въ краѣ спокойно дремала. Какъ извѣстно, генераль-губернаторъ того времени Владиміръ Ивановичъ Назимовъ былъ человѣкъ благороднѣйшихъ принциповъ, въ высшей степени гуманный, кроткій и обходительный. Какъ администраторъ, онъ вполне удовлетворялъ своей эпохѣ, но для того, чтобы предпринять капитальную перестройку политическаго зданія, не было у него ни почина, ни энергіи, ни виждительной идеи, а сигнала изъ Петербурга быть не могло, ибо тамъ болѣе интересовались общечеловѣческими вопросами, чѣмъ дѣлами своего отечества, и были крайне ревнивы къ своей безупречной репутаціи въ глазахъ просвѣщенной Европы. Да что Европы? Боялись даже, какъ бы не попасть на худой счетъ у Герцена, а этотъ русскій эмигрантъ, казавшійся въ глазахъ нѣкоторыхъ властныхъ нашихъ столбовъ шестою великою державой, могучимъ почеркомъ своего пера провозгласилъ въ Колоколѣ весь нашъ Западный край польскимъ и католическимъ, а приснопамятнаго митрополита виленайскаго Іосифа Сѣмашко, вынесшаго на своихъ плечахъ воссоединеніе униатовъ съ православною церковью въ 1839 г., заклеили кровопійцей и разбойникомъ. Вотъ къ какимъ сигналамъ прислушивались! По правдѣ, Назимова нельзя было и винить за его равнодушіе къ организаціоннымъ задачамъ въ краѣ для возстановленія попоранной русской народности: онъ плылъ въ волнѣ общаго теченія. Что же касается вопроса о религіи, то заниматься имъ было въ то диковинное время начала шестидесятыхъ годовъ призна-

комъ отсталости и обскурантизма. И то сказать, тогда еще не понимали всей громадной важности, какую представляютъ вѣроисповѣдныя отличія въ краѣ; не понимали того, что, въ силу сложившихся особымъ путемъ историческихъ событій, религія тамъ опредѣляетъ національность. Населеніе говоритъ однимъ и тѣмъ же русскимъ нарѣчіемъ, отличается одинаковымъ общимъ наружнымъ типомъ и характеромъ, одинаково одѣвается и ведетъ одинаковый въ общихъ чертахъ образъ жизни. Но кто православный, тотъ считаетъ себя русскимъ, а кто католикъ, причисляетъ себя къ полякамъ. И не только простой народъ усвоилъ себѣ такія понятія, еще крѣпче держалась ихъ польская шляхта, потому что это нужно было для польскихъ цѣлей. Только начиная съ Михаила Николаевича Муравьева просвѣтлѣли взгляды на жизненный вопросъ Западно-Русскаго края, и съ той поры въ числѣ средствъ для располоченія Западно-Русскаго края религіозная сторона, какъ извѣстно, заняла не послѣднее мѣсто.

Православная церковь въ Лидѣ была устроена въ невзрачномъ деревянномъ домѣ съ низкимъ потолкомъ и съ бѣдною вообще обстановкой. Церковь едва ли могла вмѣстить въ себя 50 богомольцевъ; поэтому солдаты приходили въ храмъ Божій по очереди командами. Служилъ священникъ безъ діакона, а пѣли на клиросѣ солдаты, какъ имъ Богъ положилъ на душу. Это былъ центръ, куда собирались такіе люди, у которыхъ еще не была вытравлена русская душа. Отсутствіе паникадила въ храмѣ, жестяные погнутые свѣчники, черныя иконы на иконостасной стѣнѣ, истрепанныя ризы на священникѣ—все это такъ не согласовалось съ привычными впечатлѣніями православнаго человѣка, что глубокая тоска невольно охватывала душу. И когда среди этой щемящей обстановки раздавались священныя звуки, дорогіе съ самаго дѣтства, то еще больнѣе сознавалось отчужденіе отъ роднаго міра, еще тоскливѣе чувствовалось одиночество въ непривычной средѣ съ ея иными стремленіями и интересами. Особенно замѣтно было такое настроеніе въ сѣрой солдатской массѣ. Простые люди, умиленно осѣняя себя широкимъ крестомъ, безпрестанно полагали земные поклоны, съ трудомъ очищая въ тѣснотѣ мѣсто, и не жалѣли кровныхъ грошей, чтобы затеплить передъ святыми иконами свою усердную жертву.

Зашелъ я одинъ разъ въ костель и попалъ въ такую тѣсную толпу, что нельзя было пошевелинуться. Былъ заурядный воскресный день, когда костель обычно наполняется только на половину, а тутъ собрался буквально весь городъ, словно на отпустъ (храмовой праздникъ). Не умѣя объяснить себѣ это явленіе, я чувствовалъ только, что непрерывно приливаюшіе все новые и новые богомольцы образовали наконецъ сплошную массу и давили со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, я терпѣливо переносилъ тиски и

духоту, слѣдя съ любопытствомъ за ходомъ мессы, чтобы сравнить съ православною обѣдней. Подъ конецъ на высокой каедрѣ у боковой стѣны появился неизвѣстный проповѣдникъ въ капуцинской сутанѣ и сразу приковалъ къ себѣ общее вниманіе. Капуцинскаго монастыря ни въ городѣ, ни въ сосѣдствѣ не было; слѣдовательно, новое лицо появилось откуда-то извнѣ. Это былъ чело-вѣкъ лѣтъ подл тридцать, съ пробритою макушкой, высокій и сухощавый, одѣтый въ толстое темносѣрое сукно и подпоясанный веревкой; на лѣвомъ запястьи — крупныя четки, въ видѣ цѣпи, съ большимъ крестомъ. Продолговатое лицо, рѣзкая складка между бровями, носъ съ горбинкой, тонкія сомкнутыя губы и глубокіе, свѣтящіеся глаза, обведенные синеватыми кругами, — всѣ эти черты выражали въ капуцинѣ умъ, энергію, рѣшимость. Онъ склонился надъ каедрой какъ бы въ безмолвной молитвѣ, потомъ выпрямился во весь ростъ, обвелъ фосфорическимъ взглядомъ присутствующихъ, поднялъ кверху правую руку и заговорилъ. Рѣчь его, сначала тихая и спокойная, постепенно принимала страстный отѣнокъ, по временамъ уподоблялась бурной волнѣ и бросала на слушателей громы заклинаній. Ксендзъ говорилъ о Польшѣ и въ эту минуту своимъ магнетическимъ вліяніемъ до такой степени владѣлъ толпой, что она, казалось, готова была ринуться всюду, куда онъ ей укажетъ. Довольно сказать, что я, посторонній и случайный слушатель, невольно чувствовалъ нервную дрожь во всемъ тѣлѣ, а изъ массы слушателей безпрестанно вырывались громкіе вздохи, и сотни кулаковъ искренно стучали въ умиленную грудь. Вкратцѣ эту политическую проповѣдь можно приблизительно формулировать такъ: Господь посылаетъ испытанія даже избраннымъ своимъ народамъ. Мы, поляки, всегда исповѣдывали истинную католическую вѣру, единственно угодную Іисусу Христу, — ту вѣру, внѣ которой нѣтъ спасенія человѣческимъ душамъ, и тѣмъ не менѣе Промыслу Божию угодно было испытать вѣрность своего излюбленнаго люда, поработивъ его варварской и еретической власти, которая отняла у поляковъ гражданскія права и свободу совѣсти, то-есть все, что составляетъ самое дорогое и священное достояніе чело-вѣка на землѣ. Мы безконечно долго и терпѣливо переносили свои страданія, и Спаситель міра теперь убѣдился въ непоколебимой вѣрности своего народа. Его святымъ завѣтамъ. Слушайте, благочестивые католики и вѣрныя дѣти Польши! Именемъ Всемогущаго Бога возвѣщаю вамъ, какъ откровеніе свыше, что насталъ конецъ нашимъ истязаніямъ. Приближается минута, когда Господь разобьетъ наши оковы и даруетъ намъ утраченное земное счастье. Избавитель идетъ къ намъ, и блаженъ тотъ мужъ, котораго онъ обрящетъ бдящимъ. Будьте же готовы принести всякія жертвы на алтарь отечества; жертвуйте всѣмъ, кто чѣмъ вла-дѣетъ, несите довѣреннымъ людямъ деньги, вещи, все достояніе,

а когда придетъ время—самую жизнь. Во имя святой нашей церкви и дорогого отечества отцы должны на время отказаться отъ своихъ семействъ, мужья отъ женъ, матери отъ дѣтей, невѣсты отъ жениховъ, подчиненные отъ своихъ начальствъ и дружно выступить на дѣло освобожденія ойчизны, завѣщанное намъ предками. Но горе тому, кто по равнодушію или изъ страха останется въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія. На отступниковъ ринется съ неба громъ и поразитъ на смерть безъ покаянія, священный огонь превратитъ въ пепель все ихъ имущество, а на томъ свѣтѣ ждетъ измѣнниковъ вѣчная адская мука. Молитесь, да просвѣтятъ Іисусъ Христовъ и Матерь Божія ваши сердца и подвинутъ васъ на богоугодные подвиги... На колѣна!

Всѣ моментально шарахнулись на полъ, огласивъ воздухъ стонами и плачемъ. Городничій и всѣ уѣздныя власти безъ колебанія исполнили команду. Остались на ногахъ только я и одинъ полицейскій служитель, стоявшій нѣсколько впереди меня. Капуцинъ сверкнулъ глазами и властно проговорилъ: «я вижу, что адѣсь, въ этомъ священномъ храмѣ, присутствуютъ иновѣрцы; но это все равно, заклиная и ихъ соединиться въ общей молитвѣ, иначе они тотчасъ понесутъ кару Божию». Положеніе вышло критическое. Наэлектризованная толпа, по одному знаку, могла растерзать насъ въ куски. Полицейскій сталъ примащиваться на колѣна, расчищая въ тѣсотѣ свое мѣсто, а я воспользовался этою заминкой и незамѣтно продвинулся за широкую колонну, подлѣ которой стоялъ. Ксендзь успокоился и опять продолжалъ свою кощунственную и возмутительную рѣчь, продержавъ на колѣнахъ покорную паству съ четверть часа. Въ видѣ заключенія проповѣдникъ объявилъ, что сейчасъ же, не выходя изъ костела, онъ испытаетъ сердца католиковъ и исчезъ съ кафедры, а черезъ нѣсколько минутъ, когда органъ загудѣлъ заключительную мелодію, капуцинъ вышелъ изъ алтаря съ выраженіемъ печали и утомленія на лицѣ и, скромно потупивъ глаза, сталъ пробираться между толпой съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ. Его сопровождалъ уѣздный судья съ запаснымъ подносомъ, опущеннымъ внизъ. Со всѣхъ сторонъ протянулись руки, и пожертвованія обильнымъ дождемъ посыпались на подносъ проповѣдника: мѣдяки, серебро, ассигнаціи, даже очень крупныя, кошельки и портмоне со всѣмъ содержимымъ, браслеты, серьги, часы, сразу образовали такую кучу, что класть больше было некуда. Наполненный подносъ смѣнялся запаснымъ изъ рукъ судьи, который относилъ все собранное въ алтарь и вновь спѣшилъ къ капуцину съ пустымъ подносомъ. Чѣмъ все это кончилось, я не видѣлъ, потому что поспѣшилъ убраться подобру-поздорову, но слышно было, что, по окончаніи всего богослуженія, въ первый разъ въ Лидѣ были пропѣты въ костелѣ какія-то новыя пѣсни будто бы религіозныя, но въ сущности революціоннаго содержанія.

Съ тѣхъ поръ я закаялся заглядывать въ костель и цѣлый день чувствовалъ такое нервное разстройство, что никакъ не могъ успокоиться. А когда вечеромъ рассказалъ все, случайно видѣнное и слышанное, одному нашему старому маіору, который болѣе другихъ въ полку возмущался антирусскими проявленіями, то опытный служака замѣтилъ: «подождите, еще не то увидимъ при этомъ преступномъ попустительствѣ властей. Городничій долженъ бы арестовать негодяя, а онъ, поди, пируетъ теперь съ ксендзами, да помогаетъ имъ офяры (пожертванія) считать. А что подѣлаешь? Войскамъ приказано не вмѣшиваться въ такія дѣла».

Оказалось, что многочисленное сборище въ костелѣ было не случайное, но явилось туда по повѣсткѣ отъ мѣстныхъ ксендзовъ; въ другомъ костелѣ нарочно не было службы въ то воскресенье. Съ тѣхъ поръ капуцинъ больше не показывался въ нашемъ городкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ фанатическихъ эмиссаровъ нарождавшагося польскаго «ржонда». Онъ безпрепятственно переѣзжалъ изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, вездѣ говорилъ свои зажигательныя проповѣди и собиралъ обильныя офяры. Когда же вспыхнуло возстаніе, то этотъ «служитель алтаря» очутился въ шайкѣ Лелевеля, воодушевлялъ повстанцевъ съ крестомъ въ рукахъ и, наконецъ, въ одной стычкѣ былъ убитъ.

II.

Польскія мечты.—Разсказъ капитана З—скаго.—Трауръ.—Повстанская фура.—Сцена въ Гродненскомъ трактирѣ.—Непріятный казусъ съ офицеромъ.—Брестъ-Литовскъ.—Польская справа.—Пѣніе гимновъ въ костелѣ.—Подпольные листки и брошюры.—Усиленіе польской агитаціи.—Демонстративная панихида.—Панъ Пененжекъ.—Программа возстановленія Польши.

По мѣрѣ того, какъ поляки больше и больше забирали силу, русское значеніе въ краѣ постепенно умалялось. Выходило такъ, какъ будто бы господами положенія были они, а временными гостями, пришельцами или, пожалуй, даже паразитами на чужомъ тѣлѣ являлись мы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ польскихъ умахъ все крѣпче укоренялись надежды на отдѣленіе отъ Россіи. Стали проявляться и нѣкоторые признаки такого самообольщенія. Такъ, уѣздный предводитель дворянства однажды обратился къ нашему полковому доктору, пріобрѣвшему репутацію искуснаго хирурга, съ такимъ предложеніемъ:

— Скажите, коханный консиліяжу (любезный докторъ), надѣюсь, вы останетесь у насъ, когда Литва отойдетъ отъ Россіи?

— Какъ это отойдетъ отъ Россіи?—спросилъ озадаченный докторъ,—я что-то не ясно себѣ представляю.

— Очень просто; отдѣлились же отъ Австріи Ломбардія и Венеція и вошли въ составъ Итальянскаго королевства. Почему же поляки не могутъ образовать независимаго государства въ предѣлахъ своей народности? Теперь къ тому идетъ вся европейская политика.

— Но Россія—не Австрія,—замѣтилъ докторъ, задѣтый за живое,—и побороть ее будетъ потруднѣе, чѣмъ разношерстную имперію Габсбурговъ?

— Конечно,—спохватился маршалокъ,—я и не говорю этого. Но могутъ быть равныя политическіе компромиссы для объединенія народностей. Повидимому, время такое настало. Да не объ этомъ собственно рѣчь. Я только хотѣлъ высказать, что вы, любезный докторъ, пользуетесь такимъ заслуженнымъ довѣріемъ въ нашемъ обществѣ, что желательнo, чтобъ вы остались у насъ, какія бы ни произошли политическія перемѣны.

— Много благодаренъ за вниманіе, но, признаюсь, я бы не остался.

— Почему же?—удивился фантазирующей собесѣдникъ, — для просвѣщеннаго человѣка жить въ странѣ съ либеральными учрежденіями, какою будетъ независимая Польша, и работать въ культурномъ обществѣ должно быть заманчиво.

— Да попросту хотя бы потому, что я, какъ православный, былъ бы не совѣтмъ свой между вами, и польскаго языка хорошо не знаю, а быть связаннымъ въ выраженіяхъ своихъ мыслей непріятно.

— Э, полноте; стоитъ только вамъ жениться на какой либо нашей красавицѣ, и вѣроисповѣдное различіе сгладится, а языкомъ овладѣете. Я зналъ офицера, который прибылъ въ Вильну изъ глубины Россіи и не понималъ ни одного польскаго слова, а черезъ нѣсколько лѣтъ писалъ въ альбомы такіе прекрасные польскіе стихи, что, право, подъ ними самъ Викентій Польша подписался бы.

Этотъ разговоръ, записанный дословно, достаточно характеризуетъ увѣренность поляковъ въ успѣхъ своихъ замысловъ еще задолго до возстанія и дипломатическаго заступничества за нихъ нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ. А что шляхта замышляла въ своихъ планахъ вооруженный мятежъ, въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться по слѣдующему обстоятельству. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города проживалъ въ своемъ имѣнницѣ отставной капитанъ З—скій, здѣшній уроженецъ и полякъ, которому я оказалъ нѣкоторыя услуги и черезъ это сблизился съ нимъ. Во время службы въ одной изъ внутреннихъ губерній онъ женился по любви на русской дѣвушкѣ, а по выходѣ въ отставку засѣлъ хозяйничать въ маленькомъ своемъ фольваркѣ. Онъ не препятствовалъ женѣ воспитывать дѣтей въ духѣ православной вѣры, въ политику не вмѣшивался и потому не имѣлъ друзей среди своихъ «ро-

даковъ». Тѣмъ не менѣе, на него, какъ на бывшаго военнаго, имѣли виды. «И вотъ, — рассказывалъ онъ мнѣ по секрету, — прѣзжаетъ разъ на фольваркъ неизвѣстный молокососъ и, заявивъ, что имѣетъ ко мнѣ важное дѣло, удалился со мною въ особую комнату. Тутъ онъ развелъ такую матерію, что подъ стать хотя бы самому Пальмерстону. Восстаніе, дескать, совершенно подготовлено во всѣхъ польскихъ земляхъ по Днѣпръ, и успѣхъ его обезпеченъ. Собрано 100 милліоновъ золотыхъ (пятиалтынныхъ), чего на первый разъ болѣе, чѣмъ достаточно, а затѣмъ будутъ захвачены огромныя суммы въ разныхъ казначействахъ; оружіе постоянно подвозится изъ-за границы, и уже образованы большіе и надежныя склады. Во всей Россіи тоже ожидается вооруженное возстаніе, которое развяжетъ руки полякамъ. Революціонная сѣть тамъ, какъ и у насъ, прочно организована надежными людьми и простирается даже за Волгу. Во всѣхъ польскихъ воеводствахъ сразу станеть подъ ружье 100 тысячъ отборной молодежи, да, кромѣ того, въ предѣлы царства Польскаго вторгнутся двѣ большіихъ польскихъ арміи — одна изъ Галиціи подъ предводительствомъ генерала Лангевича, другая изъ Познани съ фельдмаршаломъ Мѣрславскимъ; ожидается и Гарибальди съ отрядомъ итальянцевъ. А какъ только мы поднимемъ оружіе, Наполеонъ тотчасъ объявитъ войну Россіи; это такъ вѣрно, какъ Богъ на небѣ. Англія уже снаряжаетъ свой флотъ и отвлечетъ къ приморскимъ городамъ массу русскихъ войскъ. Вотъ наши шансы, — воскликнулъ зеленый рѣшитель судьбы Россіи, — и только въ одномъ мы нѣсколько затрудняемся, это — найти необходимое число опытныхъ въ военномъ дѣлѣ командировъ. Въ виду этого, ржондъ народовой командировалъ меня заявить вамъ, что, питая особенное довѣріе къ вашимъ военнымъ талантамъ и вашему патріотизму, онъ готовитъ вамъ номинацію (производство) въ полковники и облакаетъ высокою честью командовать полкомъ виленскаго воеводства, о чемъ, когда настанетъ часъ, послѣдуетъ особое распоряженіе. Признаюсь, — продолжалъ капитанъ, — я совсѣмъ растерялся отъ этой неожиданности, но сказалъ эмиссару ржонда напрямикъ, что такія широкія фантазіи, какія я сейчасъ выслушалъ, извинительны въ молодой и горячей головѣ, но по отношенію къ людямъ, опытнымъ въ военномъ дѣлѣ и смотрящимъ трезво на вещи, просто недѣльны. Въ дѣйствительности, — говорю я ему, — вы можете набрать небольшія партіи людей хотя рѣшительныхъ, но совсѣмъ необученныхъ, изъ коихъ многіе даже стрѣлять не сумѣютъ. А знаете ли вы, что значитъ нестройная толпа противъ организованнаго войска? Я, какъ военный, знаю это, и потому именно мнѣ и совѣсть и патріотизмъ не позволяютъ вести своихъ братьевъ на вѣрный убой. Эмиссаръ великодушно предоставилъ мнѣ время одуматься и, для вразумленія пригрозивъ смертнымъ приговоромъ военнаго суда,

поспѣшно убрался на парѣ лошадей въ нейтычанкѣ изъ сосѣдняго кибарскаго имѣнія. Понастоящему, — добавилъ капитанъ, — слѣдовало бы задержать молодца, да я подумалъ, что такихъ агитаторовъ теперъ найдутся, можетъ быть, сотни, и я только бы ухудшилъ свое положеніе, а законныя власти развѣ защитятъ меня, когда они и для своей защиты ничего не предпринимаютъ».

Почтенный З—скій закончилъ свой разсказъ тѣмъ, что онъ не все пересказалъ женѣ изъ аудіенціи своей съ гостемъ, что въ преждевременнo не пугать семью, но что самъ съ тѣхъ поръ находится въ тревогѣ и хотя принялъ на всякій случай нѣкоторыя мѣры, но сознаетъ опасность, въ которой находится, потому что въ глуши фольварка, при трехъ работникахъ, трудно бороться съ разбойниками, нападающими врасплохъ. Интересуясь судьбой своего знакома, я впоследствии узналъ, что какъ только въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ и еще не распространился на Литву, З—скій спасъ свою жизнь тѣмъ, что уѣхалъ съ семействомъ къ роднымъ жены въ Тверскую губернію, откуда официально сообщилъ, кому слѣдовало, о полученныхъ угрозахъ. Тѣмъ не менѣе, фольваркъ его былъ разграбленъ повстанцами, и всѣ постройки сожжены дотла.

Лѣтомъ 1861 года всякія увеселенія, какъ общественныя, такъ и въ частныхъ домахъ, вдругъ прекратились. Замолкла даже музыка на фортепіанахъ, изъ которыхъ извлекались однѣ только учебныя гаммы. Всѣ дамы одѣлись въ глубокой трауръ, деспотическое вліяніе котораго отразилось и на немногихъ русскихъ представительницахъ прекраснаго пола, женахъ офицеровъ, такъ какъ показываться въ цвѣтныхъ костюмахъ, при общемъ господствѣ черныхъ, значило привлекать на себя вниманіе. Впоследствии объяснилось, что ржондъ наложилъ «на всѣ подвластныя ему области» народный трауръ по поводу событій, происшедшихъ въ Варшавѣ, а происшествія эти состояли въ томъ, что поляки устроили тамъ 25 и 27 февраля (1861 г.) дерзкія противъ правительства и многочисленныя уличныя демонстраціи; первая обошлась благополучно, но разстроить вторую мирными средствами не удалось. Толпа швыряла въ войска камни и бросалась на солдатъ въ рукопашную, при чемъ былъ поврежденъ крестъ въ рукахъ у ксендза. Не оставалось ничего дѣлать, какъ пустить въ ходъ огнестрѣльное оружіе, и въ результатѣ оказались убитые и раненые. Пошли глухіе толки о поруганіи христіанской святыни русскимъ варварствомъ, при чемъ факты были самымъ безсовѣстнымъ образомъ искажаемы для того, чтобъ выставить поляковъ агнцами невинности, а москалей чуть не людоедами. Къ сожалѣнію, у насъ не было свѣдѣній о событіяхъ изъ официальныхъ источниковъ, чтобы возражать на клевету, и потому пришлось поневолѣ отмалчиваться.

Въ 1862 г. насъ передвинули въ Брестъ-Литовскъ. На походѣ баталіонъ нашъ случайно пріобрѣлъ фуру (длинную телѣгу) съ

повстанскимъ оружіемъ. Въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ мы остановились на ночлегъ, баталіонному командиру отвели, разумѣется, самую лучшую квартиру въ заѣздномъ домѣ (на постояломъ дворѣ). Тамъ подъ навѣсомъ уже стояла фура съ какою-то кладью, покрытою рогожами и плотно увязанною веревками. Вечеромъ денщикъ, не замѣчая подлѣ фуры хозяина, запустилъ туда руку, вѣроятно, предполагая чѣмъ нибудь поживиться, и вдругъ наткнулся на ружья. Смекнувъ, что дѣло не ладно, денщикъ доложилъ о своей находкѣ маіору. Стали розыскивать владѣльца фуры, а его и слѣдъ простыль. Жидъ, хозяинъ постоялаго двора, на допросы показалъ, что не задолго до нашего прихода заѣхалъ къ нему покормить лошадей неизвѣстный господинъ въ сѣрой сукманѣ и высокихъ сапогахъ. Распрягну коней, онъ вошелъ въ «залу» и потребовалъ себѣ яичницу, а тутъ появились «панове» съ войскомъ. Онъ, хозяинъ, засуетился и не замѣтилъ, когда и куда дѣвался его гость. Въ повозкѣ оказалось болѣе 200 ружей, нѣсколько десятковъ сабель, штыковъ, пашекъ и разнаго калибра пистолетовъ. Дали знать мѣстной полиціи, но панъ въ сукманѣ такъ и не былъ розысканъ. Хотѣли было передать находку бургомистру мѣстечка, но потомъ общимъ совѣтомъ разсудили, что такимъ путемъ оружіе опять попадетъ къ будущимъ повстанцамъ, и предпочли взять фуру съ лошадьми съ собою, для предьявленія начальству повыше. Нашему баталіонеру была объявлена благодарность, хотя и съ оговоркой, что съ захваченнымъ чужимъ имуществомъ поступлено не по правиламъ.

На походѣ былъ еще одинъ маленькій эпизодъ, который напечатывается подъ перо. Въ губернскомъ городѣ Гроднѣ мы имѣли дневку, и наше офицерство валомъ валило въ одинъ незатѣйливый трактиръ — кто пообѣдать, кто поиграть на билліардѣ, а кто просто поволочиться за дочерью трактирщицы, хорошенькою паненкой, которая стояла за прилавкомъ, распорядилась водкой и закусками и передавала заказы гостей прислугѣ. Офицерство разсыпалось на польскомъ языкѣ въ любезностяхъ, на которыя кокетливая полька отвѣчала направо и налево съ заманчивою благосклонностью. Одинъ только безусый прапорщикъ, недавно выпущенный изъ корпуса, не могъ принимать участія въ веселыхъ разговорахъ, потому что совершенно не зналъ попольски. Онъ скромно подошелъ къ полькѣ и попросилъ, чтобы подали ему обѣдъ; но та не отвѣтила ему обычнымъ: «въ тень моментъ, пане». Продавъ безуспѣшно съ поль-часа, офицерикъ опять подходитъ къ паннѣ съ своимъ заказомъ, но она остается нѣма и не двигается съ мѣста. Удивленный молчаніемъ, прапорщикъ спросилъ: ужели она не понимаетъ русскаго языка? На это паненка съ презрѣніемъ процѣдила: «я этого собачьяго (псѣго) языка не желаю понимать». «Какъ вы смѣете оскорблять меня, — зычно вскрикнулъ молодой

офицеръ, стукнувъ кулакомъ по прилавку и наливаясь кровью.— Да я васъ такъ оскорблю, что всю жизнь помнить будете». Паненка поблѣднѣла и повалилась на стулъ въ истерическихъ рыданіяхъ. Но прапорщикъ не унимался и громко заявилъ, что ѣдетъ къ губернатору лично принести жалобу. На шумъ выскочила трактирщица и, ломая эффектно руки, стала умолять шляхетнаго (благороднаго) офицера простить глупство ея дочери, которая еще— дѣцко и сама не понимаетъ, что говорить. Ужели панъ захочетъ погубить ихъ за безумное слово дѣвчонки и пустить по міру и т. п. Сцена вышла дѣйствительно тяжелая, особенно когда блѣдную, какъ смерть, паненку уносили въ полномъ обморокѣ. Наконецъ, вмѣшались офицеры въ дѣло и съ большимъ трудомъ уговорили товарища оставить безъ послѣдствій «глупую выходку», за которую объ женщины могли бы чувствительно поплатиться.

Въ этомъ же городѣ съ нашимъ офицеромъ едва не случился непріятный казусъ. Проходя черезъ общественный садъ, онъ увидѣлъ идущихъ противъ него трехъ штатскихъ молокососовъ, которые сплелись руками и заняли всю ширину аллеи. Приблизившись къ офицеру, всѣ въ одинъ голосъ крикнули: «пречъ зъ нашей земли». Очутившись лицомъ къ лицу съ нахалами, офицеръ послѣ минутной нерѣшительности свернулъ въ сторону и обошелъ препятствіе, чтобъ не заводить скандала, какъ объяснилъ онъ, а, можетъ быть, и потому, что самъ былъ полякъ и не желалъ подвергать непріятности своихъ «родаковъ».

Эти мелкія, хотя и досадныя, проявленія показали намъ, что здѣсь, въ противоположность политикѣ заискиванья, практиковавшейся въ Лидѣ, поляки не скрывали своей враждебности къ рускимъ офицерамъ.

Въ Брестъ-Литовскѣ полкъ нашъ расположился частью въ городѣ, частью въ крѣпости. Городское населеніе почти исключительно состояло изъ евреевъ; поляковъ было мало, нижній слой— мѣщане, верхній—люди уѣздной администраціи съ семействами. Что особенно поражало, такъ это обиліе служащихъ поляковъ въ самой крѣпости. Многочисленный штатъ тогдашней комиссаріатской комиссіи, инженерное вѣдомство, артиллерійское, госпитальное, переполнены были поляками, которые совершенно явно высказывали свои симпатіи къ «польской справѣ» и вспомошествовали ей чѣмъ только могли. Нѣкоторые изъ нихъ, одновременно со службой въ военномъ вѣдомствѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдомо и членами ржонда, который въ то время уже широко раскинулъ свою сѣть, образовавъ вездѣ, гдѣ только могъ, множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ органовъ. Основною ячейкой организаціи служили такъ называемые десятки, которые формировались такимъ образомъ, что каждый патріотъ набиралъ себѣ десять единомышленниковъ и становился ихъ начальникомъ. Болѣе

юркіе члены десятка набирали для себя новые десятки и, являясь здѣсь начальниками, оставались въ связи съ прежнимъ своимъ десяткомъ. Такимъ образомъ образовывалась длинная и сложная цѣпь, связанная непрерывными звеньями. Для подпольнаго правительства особенно цѣнны были агенты, состоящіе на военной службѣ, такъ какъ они, въ виду предстоящей вооруженной борьбы, сообщали ему свѣдѣнія существенной важности. Сборъ офяры производился между ними довольно откровенно, при чемъ высказывались прозрачные намеки на то, что въ недалекомъ будущемъ они перейдутъ съ русской службы на польскую. Въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія и между служилыми поляками встрѣчались люди съ трезвыми головами. Не могу при этомъ не вспомнить моего новаго пріятеля, ординатора военного госпиталя Гилярія Васневскаго (нынѣ умершаго), который имѣлъ столько мужества, что открыто порицалъ польскія махинаціи и нерѣдко вель раздражительные споры съ заядлыми патриотами. За это попрекали его эгоизмомъ, ради котораго онъ дорожитъ будущему русскою пенсіей; онъ, дескать, жертвуетъ ойчиной, въ которой для него не будетъ мѣста; пусть же готовится жить на свою пенсію въ странѣ бѣлыхъ медвѣдей.

Революціонный энтузіазмъ сильно подогрѣвался костеломъ. Послѣ каждой обѣдни, вмѣсто установленной молитвы за царствующій домъ, всѣ становились на колѣна и, при участіи ксендзовъ, затягивали польско-патріотическій гимнъ, начинавшійся словами: «Боже, Ты столько вѣковъ окружалъ Польшу ореоломъ могущества и славы, возврати намъ отчизну и свободу». Эта пѣсня, въ которой изливались мольбы о возстановленіи независимаго Польскаго королевства, была такъ популярна, что распѣвалась на улицахъ при каждой церковной процессіи, которыхъ особенно много совершалось въ то время; мало того, мотивъ ея можно было слышать изъ растворенныхъ оконъ каждого дома, гдѣ было фортепіано. Бывало, соберутся барыни на преферансъ, засядутъ за зеленый столъ и, перебрасываясь картами, въ то же время мурлыкають воззваніе къ Богу о Польшѣ. Не менѣе популярна была другая пѣсня, начинавшаяся словами: «съ дымомъ пожаровъ»... Когда костель изъ храма молитвы превратился окончательно въ революціонный очагъ, то полиція какъ будто одумалась и стала запрещать вокальныя манифестаціи, но толпа не слушалась и еще съ большимъ азартомъ выкрикивала кощунственный гимнъ, такъ что его слышно было шаговъ за сто отъ костела черезъ растворенныя двери и окна. Тогда полиція для очистки совѣсти переписывала особенно усердствующихъ въ пѣніи, а практическимъ результатомъ было развѣ то, что начальствующее лицо давало дружескій совѣтъ подчиненному повліять на жену или дочь, чтобы онѣ вели себя поосторожнѣе; все тѣмъ и кончалось.

Этотъ (1862) годъ былъ особенно обилень подпольными изданіями въ формѣ газетъ, мелкихъ брошюръ, воззваній, писемъ самаго возмутительнаго свойства. Всѣ эти изданія имѣли цѣлью разжечь и поддержать польскій фанатизмъ и тѣмъ подготовить элементы для возстанія. Между прочимъ, въ нихъ подверглось осмѣянію все, что русское и православное. Эти революціонные листки передавались изъ рукъ въ руки безъ всякаго стѣсненія, и потому не трудно было каждому не посвященному видѣть ихъ ради любопытства. Главнымъ комиссіоннымъ мѣстомъ былъ все тотъ же костель, въ которомъ революціонныя изданія раздавались послѣ гимна или же засовывались въ карманы, незамѣтно для самихъ присутствующихъ. Между прочимъ, мнѣ не разъ попадалась въ руки газета «Стражница», повидимому, имѣвшая цѣлью внушить полякамъ не принимать тѣхъ широко-либеральныхъ реформъ и автономическихъ льготъ, введеніе которыхъ было предпринято великодушнымъ правительствомъ нашимъ въ царствѣ Польскомъ. «Остерегайтесь москалей и не вѣрьте имъ,—проповѣдывала газета,—они хотятъ ничтожными подачками закабалить васъ въ вѣчное рабство. Плюньте на московскія милости и оттачивайте оружіе. При Божіемъ покровительствѣ только мечемъ и огнемъ мы можемъ добыть себѣ полную свободу». Одинъ разъ Васневскій передалъ мнѣ листокъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ. «Вотъ полюбуйтеся, если это васъ интересуеть,—сказалъ онъ.— Женѣ всунули въ карманъ. Я самъ не читалъ этой мерзости». На прокламаціи стояло заглавіе красными буквами: Голосъ изъ Варшавы. Я былъ пораженъ разлитымъ въ ней ядомъ и сатанинскою ненавистью, дышавшею въ каждомъ словѣ. Прокламація повелительно требовала, чтобы всѣ поляки до одного человѣка возстали на русскихъ, рѣзали, душили и истребляли ихъ вездѣ, гдѣ бы москаль ни попался, будь это въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, будь въ молитвенныхъ капищахъ (церквахъ) или въ общественныхъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ,—чтобы истребляли открыто и тайно, бодрствующихъ и спящихъ, не щадили бы ни женщинъ, какъ производительницъ тирановъ, ни дѣтей, какъ будущихъ мучителей Польши. Воззваніе грозило проклятіемъ святой католической церкви и мучками ада каждому, кто не приметъ участія въ «патріотическомъ» дѣлѣ, а отъ доблестныхъ полекъ требовалось, чтобы онѣ заставили мужчинъ положить къ ихъ ногамъ хоть по одной московской головѣ, въ противномъ случаѣ жена пусть съ презрѣніемъ оттолкнетъ отъ себя мужа, дочь отца, невѣста жениха. Заключительныя слова этого адскаго произведенія были слѣдующія: «сдирайте кожи съ вашихъ тирановъ и услаждайтесь ихъ трупами». Подобная дикая литература смущала даже самыхъ ярыхъ патріотовъ, которые не могли не видѣть, что польское дѣло попало въ дурныя руки. Они опасались, какъ бы это бессмысленное усердіе вожаковъ не ском-

прометировало польскую справу въ глазахъ предполагаемыхъ друзей и союзниковъ.

Тонъ революціонныхъ брошюръ отличался меньшимъ озлобленіемъ, но по содержанію онѣ были такъ же нелѣпы, какъ и летучіе листки. Одна подъ названіемъ: Житіе блаженнаго мученика Іосафата Кунцевича, излагала біографію этого печальной памяти епископа съ полнымъ извращеніемъ фактовъ. Правды было лишь столько, что этотъ униатскій фанатикъ и изувѣръ, въ отпущеніе за свои звѣрства, былъ зарубленъ топоромъ отъ руки православнаго мѣщанина. Брошюрка проводила ту мысль, что русскіе схизматики (еретики) издавна являлись гонителями католической вѣры, а теперь довели свои преслѣдованія костела до невыносимой жестокости, которой пора самимъ полякамъ положить конецъ ¹⁾. Другая попавшаяся мнѣ брошюра, подъ заглавіемъ: Пророчество Петра пустынника, повѣствовала о нѣкомъ святомъ мужѣ Петрѣ, который всю жизнь свою провелъ въ пещерѣ, въ усердной молитвѣ за освобожденіе Польши. Передъ смертью, на 140 году жизни, получивъ отъ Бога даръ пророчества, пустынникъ вышелъ изъ добровольнаго заточенія и сказалъ окружающимъ его полякамъ: «въ древности наша ойчизна была счастливѣйшею страной въ свѣтѣ, не знала ни податей, ни барщины, ни солдатчины и невозбранно исповѣдывала свою святую вѣру. Но пришли москали, ограбили и

---

¹⁾ Кунцевичъ, жившій въ началѣ XVII вѣка, былъ въ Полоцкѣ православнымъ епископомъ, потомъ принялъ унию и сдѣлался страшнымъ гонителемъ православія. Уполномоченный польскимъ правительствомъ, онъ въ своей епархіи закрылъ все православныя церкви, а священниковъ, чтобы лишить ихъ возможности отправлять службу въ домахъ, держалъ закованными въ смрадныхъ тюрьмахъ. Прихожанъ, твердыхъ въ вѣрѣ, онъ объявилъ внѣ закона, отнималъ у нихъ имущество въ пользу костеловъ, подвергалъ пыткамъ и даже мертвымъ не давалъ пощады. Онъ приказывалъ вырывать ихъ изъ могилъ и разбрасывать на сѣденіе звѣрямъ. Прихвѣвъ въ Витебскъ въ ноябрѣ 1623 года, Кунцевичъ своими жестокостями навелъ на жителей такой ужасъ, что, казалось имъ, наступилъ уже конецъ свѣта. Все, кто могъ, спасались бѣгствомъ въ лѣса и болота. Но нашелся метитель, который убилъ его въ собственной квартирѣ. Тѣло его было брошено въ рѣку и исчезло безслѣдно. За это, по приказанію папы, 100 православныхъ жителей Витебска были казнены лютою смертью, а около 300 наказаны кнутомъ и сосланы въ каторгу. Въ позднѣйшее время мощи Кунцевича объявились вдругъ въ г. Бѣлѣ Сѣдлецкой губ., въ униатской церкви. Очевидно, цѣлью этого подлога было поддержать религіозный фанатизмъ въ униатскомъ населеніи царства Польскаго. И дѣйствительно, мощи эти были предметомъ горячаго поклоненія со стороны униатовъ. Послѣ воссоединенія русскаго населенія царства съ прародительскою вѣрой въ 1876 году, подставныя мощи Кунцевича были рассмотрѣны, при чемъ оказалось, что это былъ скелетъ, обтянутый кожей, недоразвитаго юноши лѣтъ 16-ти, тогда какъ Кунцевичъ былъ огромный мужчина. По нѣкоторымъ мѣстнымъ преданіямъ, мнимыя мощи принадлежали чахоточному юношѣ, сыну Бѣльскаго церковнаго сторожа. При передѣлкѣ церкви скелетъ этотъ перенесенъ въ церковный склепъ, гдѣ теперь и почиваетъ съ миромъ, заложанный наглухо.

поработили польскій народъ и осквернили наши костелы. Нынѣ Спаситель міра, по заступничеству святой своей Матери и во вниманіе къ молитвамъ польскихъ угодниковъ Божіихъ, положилъ спасти Польшу отъ ея враговъ. Скоро придетъ французскій король съ большою арміею, соединится съ польскимъ войскомъ, выгонитъ всѣхъ схизматиковъ, возстановитъ святыя костелы, и тогда на нашей землѣ водворится рай земной». Басня эта, очевидно состряпанная какимъ нибудь малограмотнымъ католическимъ монахомъ, была предназначена для назиданія простаго народа и ходила по рукамъ въ деревняхъ.

Множество подобныхъ издѣлій подпольной литературы доставлялъ мнѣ молодой вольнопрактикующій врачъ М—скій, съ которымъ я случайно встрѣтился на консиліумѣ и который съ тѣхъ поръ старался поддерживать знакомство со мной. Между прочимъ, онъ передалъ мнѣ однажды курьезный листокъ на польскомъ языкѣ, отпечатанный на одной только сторонѣ сѣрой бумаги, подъ заглавіемъ: «Молитва русскихъ», безъ сомнѣнія, сочиненная поляками. Содержаніе ея прилизительно было такое: «Боже, ты возвеличилъ поляковъ, просвѣтивъ ихъ сердце свѣтомъ истинной вѣры и умудривъ ихъ умъ наукой, а мы остаемся во тьмѣ невѣжества; озари и насъ лучомъ Твоего божественнаго свѣта. Ты вложилъ въ души поляковъ благородное стремленіе къ свободѣ. Господи, не допусти такого позора, чтобы мы выступили варварскимъ орудіемъ угнетенія ихъ» и пр. въ такомъ родѣ. Польская справа, можно сказать, невзначай осчастливила М—скаго. Въ Брестѣ онъ былъ пролетаріемъ и ходилъ, что называется, безъ сапогъ, а въ Курскѣ, куда его выслали за агитацію, у этого врача развилась такая практика, что ему понадобилось держать для развѣздовъ шестерку лошадей. Говорили, что онъ нажилъ тамъ большія деньги.

Убѣжденіе въ томъ, что Франція объявитъ войну Россіи, было всеобщее, и это придавало полякамъ много форсу. Они старались всѣми мѣрами распространить слухъ, что Наполеонъ, безумно влюбленный въ польскую графиню, первѣйшую красавицу въ мірѣ, далъ клятву возвратить ей родину свободною и независимою. Для этого онъ будто бы далъ понять князю Чарторійскому, проживающему постоянно въ Парижѣ, что для начала поляки должны сами поднять оружіе, а затѣмъ и онъ нагрянетъ съ своею побѣдоносною арміею. Съ цѣлью возбужденія умовъ непрерывно распускались самыя курьезныя слухи о разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ въ пользу Польши, напримѣръ: при пѣніи патріотическаго гимна въ Ченстоховскомъ монастырѣ, изъ глазъ чудотворной иконы Божіей Матери будто бы полились кровавыя слезы; одному престарѣлому ксендзу въ Варшавѣ явился св. Станиславъ, патронъ Польши, и повѣдалъ, чтобы всѣ готовились принять изъ его рукъ свободную ойчизну. Разсказывали, какъ о чудѣ, что въ этомъ году на всѣхъ бобахъ,

выросшихъ въ Польшѣ, отпечатлѣлся одноглавый польскій орелъ, и бобы эти ходили по рукамъ, какъ предуказаніе свыше на возстановленіе государственнаго герба Польскаго королевства, хотя такая разновидность боба съ темнымъ пятномъ продолговатой формы и неясными очертаніями представляетъ самое обыкновенное явленіе. Фотографическія карточки, снятыя съ такъ называемыхъ «пяти жертвъ», убитыхъ во время второй революціонной демонстраціи 27 февраля 1861 г., были распространены въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Трупы изображены были съ обнаженіемъ тѣхъ мѣстъ на тѣлѣ, замазанныхъ кровью, куда попали пули, и производили дѣйствительно щемящее впечатлѣніе ¹⁾).

Глубокій трауръ господствовалъ и въ Брестъ-Литовскѣ. Какъ въ городѣ, такъ и въ крѣпости, дамы и дѣвочки появились во всемъ черномъ; не только цвѣтного бантика, даже какой нибудь синей ленточки на шеѣ нельзя было увидѣть. Особенно яркая патріотки надѣвали на руки цѣпи, а на шею большіе черные кресты и якоря. Жидовки во всемъ подражали полькамъ, при чемъ наибольшее усердіе проявляли «цибулизованныя израелитки». Нѣкоторыя русскія дамы пробовали протестовать противъ деспотизма польской моды, но цвѣтныя ихъ платья всегда оказывались испорченными жидкою жидкостью, а сами онѣ подвергались уличнымъ оскорбленіямъ. Штатскіе мужчины также ходили во всемъ черномъ, и эта повсемѣстная чернота въ глазахъ наводила невольное уныніе. Одинъ разъ въ городѣ была устроена очень пышная и очень демонстративная панихида. Поводъ къ ней—дѣло второстепенное, а главная цѣль во всеувидѣніе и во всеуслышаніе заявить о національной скорби. Сборъ публики, очевидно, состоялся по заранѣе разосланному сигналу, потому что часамъ къ 10-ти утра къ костелу наѣхало такое множество экипажей не только изъ города, но и изъ окрестныхъ имѣній, какого въ Брестѣ еще никогда не видѣли. Стѣны костела были завѣшаны чернымъ сукномъ, посрединѣ на возвышеніи лежалъ черный пустой гробъ, обставленный цвѣтами, всѣ присутствующіе стояли на колѣняхъ съ поникшими головами, ксендзы что-то пѣли, а женщины ударили себя кулаками въ грудь и плакали. Вся эта недостойная святого мѣста комедія закончилась всеобщимъ пѣніемъ революціоннаго гимна «Съ дымомъ пожаровъ»... Нужно полагать, что патріоты развѣхались съ облегченнымъ сердцемъ, словно и впрямь дѣло сдѣлали.

Мы, русскіе, задавали себѣ вопросъ: какая конечная цѣль всѣхъ этихъ мятежныхъ демонстрацій? Намъ казалось, что поляки хотятъ

¹⁾ Эти пять убитыхъ были выданы родственникамъ для погребенія; поэтому поляки имѣли возможность снимать съ нихъ портреты въ кричащихъ позахъ. При третьей громаднейшей демонстраціи 8 апрѣля убитыхъ было гораздо больше, но они не были выданы въ распоряженіе гражданъ, и потому карточки съ мертвецовъ не могли быть сняты.

добиться политической независимости въ предѣлахъ царства Польскаго, но дѣло разъяснилось въ другую сторону. Въ крѣпости въ знакомыхъ мнѣ польскихъ семействахъ стали появляться пріѣхавшій изъ Варшавы молодой человекъ, панъ Пенѣнжекъ, о которомъ по секрету говорили, что онъ—важное лицо въ революціонной организаціи и прибыль, дескать, въ Брестъ съ большими полномочіями отъ ржонда. Съ нимъ велись какіе-то тайственные разговоры, къ которымъ русскіе не допускались. Мы только замѣтили, что одновременно съ пріѣздомъ Пенѣнжека пошли по рукамъ бронзовыя и мѣдныя медали величиной съ трехкопеечную монету. На одной сторонѣ выбитъ ликъ Богоматери, а на другой—сломанный крестъ съ надписью: «спаси, Господи». Очевидно, эти медали предназначались въ числѣ разныхъ другихъ средствъ для того, чтобы поддерживать возбужденіе польскихъ умовъ. Докторъ Васневскій, о которомъ я упомянулъ выше, какъ о полякѣ ненадежномъ для польской sprawy, встрѣтившись случайно въ одномъ польскомъ домѣ съ варшавскимъ гостемъ, ребромъ поставилъ ему вопросъ: чего добиваются польскіе патриоты?

— Полной независимости всего польскаго народа—вотъ нашъ лозунгъ,—съ апломбомъ вѣщаль членъ ржонда.—Сначала мы справимся съ Россіей, а тамъ примемся за Австрію и Пруссію. Во всякомъ случаѣ всѣ разорванныя части нашего тѣла должны вновь соединиться.

— Признаюсь,—возразилъ Васневскій,—я не думалъ, что ваши планы простираются такъ далеко. Что же касается русской Польши, то вѣдь царство Польское пользуется многими самостоятельными учрежденіями и, судя по ходу предпринятыхъ теперь реформъ, можно ожидать, что тамъ будетъ установлена полная автономія.

— Что намъ автономія? Что конгрессовка ¹⁾ будетъ наша, въ этомъ никто не сомнѣвается; но мы требуемъ отъ Россіи полного отдѣленія нашего королевства въ предѣлахъ 1772 года, и никакихъ уступокъ.

— Этого выраженія я не понимаю,—сказалъ докторъ, возмущенный нахальствомъ эмиссара.—Никакихъ уступокъ!.. Да развѣ вы—договаривающаяся сильная держава? Любопытно бы знать: чѣмъ вы можете подкрѣпить ваши требованія?

— На нашей сторонѣ историческое и нравственное право, за насъ вся Европа, за исключеніемъ, разумѣется, единичныхъ поляковъ-рenegатовъ. А если это для васъ не понятно, то и говорить намъ съ вами нечего.

Эта программа возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года была въ послѣдствіи заявлена въ адресѣ польскаго дворянства, поданномъ намѣстнику царства Польскаго, великому князю Кон-

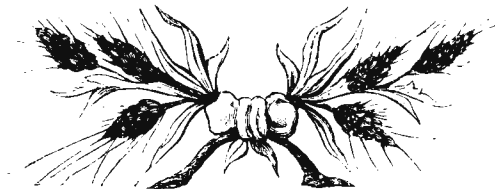
¹⁾ Такъ называютъ поляки царство Польское.

стантину Николаевичу. Въ этомъ удивительномъ адресѣ было сказано, что если правительство не присоединитъ къ царству Польскому всего Западнаго края, Бѣлоруссіи и Малороссіи и не отдастъ ихъ въ управленіе самимъ полякамъ, то дворянство не видитъ возможности оставаться вѣрнымъ правительству и всецѣло приметъ сторону крамольниковъ.

Вскорѣ Пенѣнжекъ куда-то исчезъ, а черезъ нѣкоторое время Васневскій получилъ анонимное письмо угрожающаго характера.

И. Любарскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА ВЪ СТАРУЮ РУССУ.

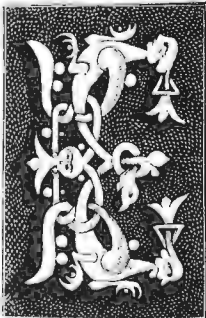
(Наброски изъ записной книжки).

... тогда водой живою
Героя старецъ окропиль,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ...

А. Пушкинъ.

I.

Почему врачи посылаютъ больныхъ за границу.— Шагъ впередъ.— «Вы должны ѣхать въ Руссу». — Отъ Петербурга до Чудова.— Полковникъ, взгляды котораго я вполнѣ раздѣляю.— Нѣсколько словъ объ исторической колыбели.— Стоитъ ли ѣхать по Волхову? — Въ Чудовѣ.— Новгородская узкоколейка.— Помѣщикъ Забопѣевъ и бесѣда съ нимъ.— На старорусскомъ вокзалѣ.— Исканіе квартиры.— На новосельи.

СЛИ вамъ приходилось лѣчиться, читатель, и ваша болѣзнь требовала поѣздки въ какой нибудь курортъ, то, навѣрное, врачъ прежде всего указывалъ на «заграницу». Не правда ли? По крайней мѣрѣ изъ десяти случаевъ за девять можно поручиться. Въ счетъ не берутся «кумыски», потому что ихъ нѣтъ за границей. Но если вамъ надо ѣхать на «воды», васъ непременно направлять на заграничныя воды.

— Но курсъ,—замѣтите вы.—И къ тому же...

Вы сообщаете о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мѣшаютъ вамъ ѣхать за границу.

Тогда указываютъ на подходящія русскія воды.

— Но... не будетъ уже такого удобства.

Вотъ здѣсь-то и причина того, что рекомендуется «Европа». Какъ ни плохъ курсъ, какъ ни велико желаніе у «нѣмца» нажиться насчетъ больного, всеже этому послѣднему удобнѣе и выгоднѣе «поправить себя» на «нѣмецкихъ водахъ», чѣмъ на русскихъ. Всякій предприниматель желаетъ нажиться. Но «нѣмецъ», довольствуясь относительно небольшимъ процентомъ, старается дать пріѣзжему хотя какое нибудь подобіе комфорта, а нерѣдко окружаетъ и настоящимъ комфортомъ. Русскій же предприниматель, наживая «только копеечку на копеечку», всякій комфортъ считаетъ баловствомъ и требованіе удобствъ для больныхъ принимаетъ чуть не за обиду.

— Капризы, капризы!—кричалъ, помню я, одинъ содержатель кумыски, когда больные жаловались на грязь, на сырость, на плохую, вонючій кумысъ и невозможный обѣдъ.—Это все нервы!..

Вспоминаю статьи въ газетахъ и въ журналахъ о кумыскѣ д-ра Постникова, о Морычевкѣ Мамонова и др. Былъ я на Липецкихъ водахъ, писалъ мнѣ покойный Ге о Друскеникахъ, въ памяти всѣхъ жалобы на Кавказскія воды,—и невольно извиняю врачамъ ихъ пристрастіе къ заграничнымъ курортамъ:

«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Это очень поэтично и красиво сказано. Но больному человѣку не до поэтического патріотизма.

Однако, оправдывая врачей, я не могу не поставить на видъ и ихъ малаго знакомства съ отечественными курортами.

— Кажется, у NN недурно, сравнительно.

— Впрочемъ, другіе отдають предпочтеніе М.

-- А вотъ ужъ относительно (называется курортъ) я ничего вамъ не могу сказать...

О заграничныхъ курортахъ знать легко. Они всѣ подробно и хорошо описаны. Мы вѣдь не только въ этомъ случаѣ Европу знаемъ лучше, чѣмъ Россію.

Нужно сказать правду, что всеже мы сдѣлали шагъ впередъ, а не назадъ. Помаленьку, а наши курорты улучшаются, особенно тѣ, которые перешли въ казну и завѣдываніе которыми по счастливой случайности поручено людямъ энергичнымъ и любящимъ дѣло.

Зимой 1893—1894 года я лѣчился у петербургскихъ врачей отъ невралгіи и ревматизма.

«Нужно ѣхать на воды».

Въ этомъ сходились всѣ. Но дальше—мнѣнія совершенно различныя.

Одинъ безусловно стоялъ за «заграницу».

— Ни Русса, ни Одесскій Лиманъ... все вздоръ!

Другой врачъ стоялъ за Липецкъ или Славянскъ.

Третьему, когда я намекнулъ о Руссѣ, пришлось прямо признать:

— Я, право, ихъ плохо знаю... Попробуйте...

Пожатіе плечами.

Четвертый объявилъ:

— Воды и грязи недурны, но... тамъ жить нельзя! Безпорядки!.. Рохель...

— Его уже нѣтъ,—сказалъ я.

— Развѣ? Кто же?

— Казна... Завѣдуеть д-ръ Тиличевъ.

— Да-а? Я не зналъ... И лучше?

— По словамъ многихъ—да...

— Что же, испробуйте!

Не въ качествѣ пациента, а просто какъ знакомому, приходилось мнѣ разговаривать съ врачами о Руссѣ. Одни находили ея воды очень цѣлебными, сильными, другіе—отрицали это, многіе скептически улыбались и передавали какіе-то нелѣпыя слухи, похожіе на сплетни.

Я встрѣтился съ одной дамой, которая лѣчилась въ Руссѣ и получила облегченіе. Она была вообще довольна Руссой.

Я рѣшилъ ѣхать въ Руссу. Всего ближе. Неудобно—вернуть, это не то, что ѣхать въ Одессу, за тысячи верстъ.

Я поѣхалъ и не раскаялся.

Я выѣхалъ изъ Петербурга на ночномъ поѣздѣ, который приоровленъ къ почтовому Новгородской дороги; въ Чудовѣ приходится ждать очень недолго.

Я хотѣлъ взять билетъ третьяго класса, но кассиръ любезно предостерегъ меня.

— Вамъ будетъ очень неудобно... Масса рабочаго народа...

Я послушался, взялъ билетъ втораго класса и остался доволенъ.

Да, ѣхать лѣтомъ на этомъ поѣздѣ въ третьемъ классѣ настоящее мученье. Рабочіе составляютъ значительную часть публики. Можно любить «мужичка» со страстностью «правовѣрнаго народника», и все-таки не совѣтовать больному человѣку (особенно нервному) ѣхать въ вагонѣ, переполненномъ сермяжными гражданами. Крикъ, пѣсни, духота, нецензурныя выраженія... Не пробуйте останавливать: разошедшійся, подпившій мужикъ обругаетъ васъ и во всякомъ случаѣ наговоритъ дерзостей.

Въ Колпинѣ (первая станція отъ Петербурга) въ отдѣленіе, гдѣ я сидѣлъ, вошелъ отставной полковникъ съ сыномъ лѣтъ пятнадцати.

Мы скоро разговорились.

— Вы куда?

— Я въ Старую Руссу. А вы?

— И я туда же,—отвѣчалъ полковникъ.

— Лѣчиться?

— Да. Я уже второй годъ.

— Какъ находите?

— Недурно. Новое управленіе дѣлаетъ дѣло. То-есть, я хочу сказать: директоръ. Энергичный человѣкъ... По-военному...

— Да, онъ изъ военныхъ,—сказаль я.

— Да?

— Раньше онъ былъ офицеромъ.

— Вы его знаете? Были уже?

— Нѣтъ, я ѣду въ первый разъ въ Руссу. Но я жилъ на дачѣ въ Любани много лѣтъ тому назадъ, когда г. Тиличевъ былъ еще земскимъ врачомъ.

— А-а!.. Да, энергичный!.. Но и работать же ему приходится... Вѣдь, все было запущено... Я разговариваль съ тѣми, которые раньше ѣздили... Этотъ Рохель чортъ знаетъ какъ запустиль все... а воды прекрасныя...

— У васъ что?

— Подагра, батюшка... Ну, и ревматизмъ чуточку... кости...

— А молодой человѣкъ—въ видѣ отдыха, конечно, не лѣчиться же?

— Да, пусть отдохнетъ... Но будетъ и ванны брать, воду пить... Онъ малокровенъ... А при малокровіи тоже хорошо... Русса помогаетъ...

— Значить, вы ѣдете на Чудово?

— Нѣтъ, на Волхово!.. Хочу ему (полковникъ указаль на сына) показать историческую рѣку, Званку, столицу первую самую, колыбель, такъ сказать... Я, батюшка, стою за то, чтобы родину знать не только изъ книжекъ... Надо осмотрѣть, что можно, глазами.. Вѣрно, вѣдь?

— Вполнѣ... Но только вотъ что, полковникъ, зачѣмъ же вы ѣдете на этомъ поѣздѣ? Вѣдь онъ идетъ только до Чудова?

— А я на сутки остановлюсь въ Чудовѣ... Надо повидать знакомыхъ... А завтра дальше... Черезъ четыре дня мы встрѣтимся въ Руссѣ.

Онъ опять заговориль о необходимости знакомства съ родиной и одобрительно отозвался о такъ называемыхъ «дѣтскихъ походахъ» Рачинскаго.

Все, что говорилъ полковникъ, было безусловно вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ мы мало знаемъ родину, тяжелы на подъемъ и совсѣмъ не любопытны. Многіе изъ насъ, русскихъ, имѣя возможность бросать на пустыки деньги, не бывали на Волгѣ, не знаютъ ее! Многіе изъ проѣзжавшихъ Волгою не видѣли ея замѣчательнѣйшихъ красотъ, прозѣвали даже Жегули. Отчего? «Да, мы, говорятъ, въ это время въ карты играли». Иностранцы же нарочно пріѣзжаютъ посмотрѣть Волгу.

Новгородъ недалеко отъ столицы, а многіе ли были въ немъ нарочно? Что такое Новгородъ?—замѣтить мнѣ. Древній Новгородъ давно умеръ. Да, повторю я еще разъ: онъ умеръ, но памятники его славы еще живы. У кого есть время и средства, тотъ сдѣлаетъ очень хорошо, если заглянетъ въ Новгородъ. Въ немъ много поучительнаго, интереснаго. Время безжалостно уничтожаетъ все. Ему помогаютъ равнодушіе и невѣжество. Быть можетъ, недалеки тѣ дни, когда отъ древняго города не останется и слѣда. Стоитъ поспѣтить исторической колыбель. Сразу она не понравится. Но приглядитесь со вниманіемъ къ остаткамъ древняго города, воскресите въ памяти бывшее, и думы охватятъ васъ. Прошлое научаетъ пониманію настоящаго, научаетъ трезвой правдѣ, владѣя которою нельзя гоняться за дѣтскими миражами.

Интересно проѣхать и по Волхову, посмотрѣть на его берега, побывать въ Званкѣ, въ бывшемъ имѣніи поэта Державина. Державинскаго уголка уже нѣтъ. Теперь въ немъ Званковскій монастырь, этотъ «Женскій Аѳонъ» на Волховѣ. Вы останетесь довольны пѣніемъ, чтеніемъ въ церкви. Вы узнаете кое-что о Державинѣ, будете обласканы игуменьей, матерью Софіей, которая является настоящею матерью для обучающихся дѣвочекъ... Загляните въ Хутынъ, гдѣ почиваютъ мощи Варлаамія Хутынскаго. Познакомьтесь съ его жизнью, съ преданіями о немъ. Высокая и величавая личность святого обаятельна даже по тѣмъ немногимъ рассказамъ, которые сохранились о немъ... Вы встрѣтите и среди братіи людей простыхъ умомъ, но обладающихъ чистымъ сердцемъ... Заслуживаетъ вниманія и Колмово, гдѣ теперь больница и колонія для душевно-больныхъ, а вблизи самаго Новгорода — Антоніевъ монастырь... Вы не пожалѣете, если проѣдетесь по Волхову, осмотрите Новгородъ. Конечно, я не говорю о тѣхъ больныхъ, которымъ такая прогулка была бы утомительна.

Въ Чудовѣ я едва успѣлъ напиться чаю.

— Пожалуйте, можно садиться!

Я поспѣшилъ за билетомъ.

Нужно, конечно, было взять прямой билетъ. Это и дешевле и удобнѣе. Но я промахнулся. Узнавъ, что есть спальные вагоны, я взялъ спальный билетъ. Спальные вагоны на новгородской дорогѣ—прекрасны. Вы въ каютѣ: настоящіе пружинные матрацы, масса полочекъ, крючковъ. Я все отлично уложилъ, развѣсилъ...

Любезный кондукторъ обѣщалъ хлопотать и не пускать «второго жильца».

— Ёдущихъ мало,—сказалъ онъ. Главная волна уже на Руссу прохлынула,—поэтически выразился онъ.

Я ѣхалъ въ первыхъ числахъ іюля.

Однако, кондукторъ ошибся. Съ первой же станціи въ мое купѣ вошелъ тучный брюнетъ, ѣхавшій также въ Руссу, на воды.

Онъ отрекомендовался мнѣ помѣщикомъ Забонѣвымъ, и я не пожалѣлъ, что познакомился съ нимъ.

Но позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о новгородской чугункѣ.

Дорога возникла въ періодъ увлеченія узкоколейками, за которыя ратовалъ бывшій министръ путей сообщенія графъ Бобринскій. Сначала былъ построенъ первый участокъ дороги (отъ Чудова до Новгорода) въ 69 верстъ длиною, — построенъ исключительно на акціонерный капиталъ въ 1.953.000 рублей кредитными. Движеніе открылось 18 мая 1871 г. Впослѣдствіи потребовались дополнительные работы, на которыя правительство ассигновало въ видѣ ссуды 129.740 металлическихъ рублей подъ уплату 6⁰/₀ интереса и 1⁰/₀ погашенія. Съ 1871 г. по 1877 г. доходность дороги шла прогрессивно. Въ 1877 г. было получено 66.450 рублей 25 копеекъ чистаго дохода. Потомъ обществу было разрѣшено построить 2-й участокъ дороги, въ 89 верстъ (отъ Новгорода до Старой Руссы), исключительно на облигаціонный капиталъ, гарантированный правительствомъ въ 2.297.000 рублей металломъ; сюда же прибавлена и ранѣе взятая ссуда, то-есть всего 2.439.000 рублей. Открытіе 2-го участка послѣдовало въ 1878 г. Сначала была прибыль въ 37.000 рублей, но во вторую же половину года — получился убытокъ въ 3.385 рублей. Съ 1879 г., вслѣдствіе государственнаго сбора, доходъ дороги сократился еще; явилась конкуренція со стороны пароходовъ по Волхову. Впереди ждала дорогу и полная бездоходность. Даже пониженіе пассажирскаго тарифа (вмѣсто 86 копеекъ—60 копеекъ за 3-й классъ) не повело ни къ чему. Тогда учредители дороги (Варгунинъ и Вейкерлеймъ) скупили всѣ пароходныя акціи. Конкуренція прекратилась. Но вскорѣ Варгунинъ умеръ; акціи перешли въ другія руки, и конкуренція возобновилась. Но, помимо пароходовъ, и дешевый санный путь также является не малою помѣхою желѣзной дорогѣ, которая въ настоящее время относительно перевозимыхъ товаровъ занимаетъ очень незавидное мѣсто въ ряду другихъ желѣзнодорожныхъ линій.

Для улучшенія положенія Новгородской желѣзной дороги необходимо перестроить ее на ширококолейную отъ Чудова до Новгорода и до Пскова (отъ Шимска). Выгоды отъ такой перестройки ясны: Новгородъ лежитъ при истокѣ Волхова изъ Ильменя, соприкасаясь съ Вышневолоцкой судоходной системой. Теперь суда водой идутъ прямо въ С.-Петербургъ, а при перестройкѣ узкоколейки суда сдавали бы желѣзной дорогѣ товары, чтобы избѣгнуть пороговъ. Новгородскій губернаторъ въ виду очевидной пользы также высказался за перестройку. Одна перегрузка товаровъ является уже тормазомъ въ торговомъ дѣлѣ. Но само по себѣ общество Новгородской желѣзной дороги сдѣлать этого не въ состояніи, потому что изъ 19.530 акцій, составляющихъ его акціонерный капиталъ,

15.820 заложены въ Государственномъ банкѣ и, за невыкупомъ ихъ въ срокъ, сдѣлались его собственностью. Банкъ отказывается отъ участія въ новыхъ затѣяхъ. Въ отвѣтъ на ходатайство новгородскаго земскаго собранія (къ мнѣнію котораго присоединился и губернаторъ), правленію Новгородской желѣзной дороги предложено было доставить данныя и подробную смѣту расходовъ, потребныхъ для переустройства. Оказывается, на основаніи смѣты, составленной управляющимъ Новгородской желѣзной дорогой, что переустройство 1-го участка обошлось бы въ 1.263.000 рублей, а за вычетомъ выручки отъ продажи матеріаловъ при разборкѣ узкаго пути и части подвижнаго состава на сумму около 213.000 рублей, расходъ на переустройство пути уменьшился бы до 1.050.000 рублей. Но въ виду наибольшей доходности линіи слѣдуетъ ширококолейную дорогу продолжить отъ Чудова до Шимска на Псковъ, длиною въ 138 верстъ. Это стоило бы 4¹/₂ милліона. По этому пути пойдетъ до 3.000.000 пудовъ хлѣбныхъ грузовъ, тогда общій доходъ дороги составитъ 1.115.000 рублей. Чистый доходъ опредѣляется въ 372.500 рублей. Это составитъ болѣе шести процентовъ на затраченный капиталъ. По этой дорогѣ направились бы гурты, которые теперь идутъ изъ Сольцовъ и Порхова по рѣкѣ Шелони и Ильмену, а также и Старорусскій курортъ будетъ доступенъ для больныхъ изъ тѣхъ мѣстностей, откуда мало ѣдутъ по неудобству сообщенія.

Мой спутникъ началъ устроить себѣ постель.

— Отлично высплусь,—сказалъ онъ.—А вы?

— Къ сожалѣнію, не могу спать въ дорогѣ... Если и сплю, то безпрестанно просыпаюсь...

— Нервы вы... а я отлично сплю!

Но напрасно онъ говорилъ это. Онъ ворочался съ бока на бокъ, перекладывалъ подушку, а не засыпалъ.

— Чортъ знаетъ... Сглазилъ себя,—смѣясь, сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ.

— Развѣ покурить? вы ничего не имѣете?

— Какъ вамъ сказать... если...

— Да вы не курите?

— Нѣтъ!

— Ну, я не буду... Давайте бесѣдовать и отъ скуки ѣсть пряники...

Отъ пряниковъ я отказался, но разговору былъ радъ.

— Я уже въ третій разъ ѣду на воды,—сказалъ между прочимъ Забонѣвъ.

— Что же: не помогаетъ?

— Какъ не помогаетъ! Да я воскресаю послѣ «курса». Вѣдь что бы я былъ безъ Руссы? Вы хотите сразу? Ну, нельзя... ухѣдимъ себя, да и чудесъ хотимъ!.. Если я человѣкомъ сталъ, такъ только благодаря водамъ...

- А вы довольны собственно курортомъ?
- Доволенъ. Нельзя сказать, что «все благополучно»... Есть тѣни... да гдѣ ихъ нѣтъ? Я былъ въ Одессѣ... на Лиманѣ...
- Ну, и что же?
- Безбожно деруть... Въ Руссѣ куда дешевле... никакого сравненія!
- Но климатъ хуже,—замѣтилъ я.
- Напротивъ... Изъ-за климата я предпочитаю Руссу.
- Изъ-за климата?
- Васъ это удивляетъ?
- Признаюсь—да!
- А вы забыли одно: послѣ лѣченья-то намъ съ вами... вы сѣверянинъ?
- Да, я петербуржецъ.
- Ну, такъ вотъ послѣ лѣченья-то гдѣ намъ жить придется? на сѣверѣ? А между тѣмъ на югѣ за время сезона мы отвыкаемъ отъ условій нашего климата, дѣлаемся чувствительнѣе къ простудѣ въ суровомъ климатѣ. Неудобно ли послѣ ваннъ, съ юга да въ Петербургъ, на осень, мое вамъ почтеніе! А изъ Руссы—переходъ не страшенъ... Это не мое мнѣніе, а мнѣніе многихъ врачей. Я даже читалъ въ какомъ-то отчетѣ... Да и почему вы думаете, что въ Руссѣ климатъ скверный.
- Сырой и холодный?
- Не скажите! Болотистымъ его назвать нельзя. Лѣтомъ иногда очень жарко. Жаль, при мнѣ нѣтъ брошюрки... тамъ приведены данныя относительно холода и сырости... Право, на Руссу напрасно нападаютъ.
- Забонѣвъ былъ правъ, ссылаясь на данныя. Они подтверждаютъ, что старорусское лѣто имѣетъ характеръ лѣта умѣренныхъ и даже теплыхъ полосъ. Средняя температура за сезонное время равняется 14,8 град. Р.
- Знаете, не мало добра принесъ Руссѣ Аракчеевъ,—замѣтилъ Забонѣвъ.
- Чѣмъ?
- Осушилъ болота, лѣса убавились... Стало суше. Конечно, это добро въ одномъ отношеніи. Но для насъ, больныхъ, это великое добро... Да! Вы напрасно такъ думаете о Руссѣ... Вотъ поживете, останетесь довольны.
- Очень радъ.
- Городокъ ничего себѣ... Вы одинъ?
- Да. Найду ли комнату?
- Всяко случается... Ну, одинъ-то какънибудь...
- А вы?
- Я устроилъ заранѣе.
- Списались?

— Я у старой хозяйки. Но можно обращаться въ контору минеральныхъ водъ, тамъ даютъ свѣдѣнія... Дирекція очень любезна... Еще аптека Волова, кажется, даетъ свѣдѣнія... Ну, конечно, лучше всего въ конторѣ водъ... Квартиръ въ началѣ сезона много. Одно жаль: нѣтъ пансіоновъ на заграничный манеръ... Мы, русскіе, большіе вахляки и не умѣемъ создавать удобства ни себѣ, ни другимъ...

— Больше все дачи?

— Да, семейные нанимаютъ дачи...

— И дороги?

— Всякія... Отъ 50 до 400! Есть чудныя дачки!.. Ну, можно снимать квартирки, нѣсколько комнатъ. Живутъ и въ гостиницахъ... Но это далеко отъ курзала, да въ центрѣ города и душно, пыльно... Всего удобнѣе одинокому въ курзальныхъ номерахъ... Тамъ—полный комфортъ, даже роскошь... Но надо имѣть средства... Кусаются... Кажется, 2—3 рубля въ сутки!..

Качка вагона все-таки сдѣлала свое дѣло... Мой спутникъ началъ говорить какъ-то лѣнивѣе, сталъ позѣвывать, потомъ прилегъ и... захрапѣлъ.

Я тоже легъ... Хотя и не усну, но отдохну, думалъ я, прислушиваясь къ мѣрному стуку колесъ... Но... незамѣтно для себя я заснулъ и проснулся подъ самой Руссой. Я открылъ окно. Было чудное іюльское утро. Передъ моими глазами разстилось широкое поле, вдали окаймлявшееся лѣсомъ. Тянувшіяся на большое разстояніе изгороди давали понять, что близко жиле. И дѣйствительно за лѣсомъ къ верху вился дымокъ. Однообразіе зеленого пейзажа нарушалъ лишь большой гуртъ гусей, шедшій прямо на полотно желѣзной дороги. Предводительствуемый жирнымъ сѣрымъ гусакомъ, птицы грузно переваливались съ бока на бокъ. Вожакъ остановился, а за нимъ остановилось и все стадо. Вожакъ захопалъ крыльями и огласилъ воздухъ звучнымъ, продолжительнымъ гоготаньемъ, подхваченнымъ многими изъ товарищей. Они словно совѣщались между собою на счетъ перехода черезъ желѣзную дорогу...

— Какое гусиное войско! видѣли?—сказалъ я, обращаясь къ спутнику.

— Да, здѣсь ихъ много... Около Руссы, за Руссою... Птичье царство... Откуда масса поставляется гусей въ Питеръ.

— Убитыми?

— Нѣтъ, живыми... Преинтересная картина: цѣлыя гурты идутъ... на подобіе скотскихъ. Также гонять, останавливаются на ночлеги, кормежки... Сколько шуму... Случается, забавникъ какой ночью, во время ночевки, броситъ въ гуртъ кошку... Боже, что поднимется!.. Точно перебуженный лагерь! Съ испуга, съ просонья, очумѣлые, гуси другъ друга бьютъ.

— Ну, это ужъ скверная шутка!

— Въ русскомъ вкусѣ... русский человѣкъ часто забавляется до смертнаго бою... А тутъ еще только птица...

А красиво смотрѣть, какъ движется это гусиное войско!.. Я просто любовался! Поѣздъ «бѣжалъ», громыхая колесами... Мелькали фонари, сторожевыя будки.

— Сейчасъ Русса!—объявилъ кондукторъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался свистокъ, и поѣздъ медленно началъ подходить къ станціи. Она низенькая и невзрачная, какъ и всѣ станціи по Новгородской линіи, и ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія. Забонѣвъ предложилъ мнѣ взять одного извозчика «изъ экономіи». Но мнѣ такое предложеніе показалось малоудобнымъ, и я отклонилъ его.

— Такъ встрѣтимся... до свиданія!

Мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ. Я нанялъ извозчика прямо до курзала.

— Да тамъ, баринъ, все позанято,—сказалъ извозчикъ:— я возилъ вчера одного, такъ отказъ...

— И куда же онъ помѣстился?

— На частную фатеру...

— А можно найти?

— Да теперь трудно... а попытать можно...

«Просто хочеть заработать», подумалъ я.

— Поѣзжай-ка въ аптеку Волова,—сказалъ я, вспомнивъ слова Забонѣва.

Крѣпкая, деревенскаго типа лошадка затрусилъ по пыльной дорогѣ.

— А можетъ случиться, что я не найду ничего?—обратился я къ извозчику.

— Всяко бываетъ... Разъ вышла такая исторія. Привезъ я одного барина въ курзалъ. Ни одного номера, значить. Куда дѣться? Багажъ это сейчасъ у швейцара оставили, а сами катать по городу.

— Нашли?

— Насилу нашли. И далеко же... да что дѣлать? А бывали случаи: багажъ на дрожки, да тѣмъ же манеромъ и на вокзалъ...

«Неособенно утѣшительно», подумалъ я.

Подѣхали къ аптекѣ. Вхожу.

— У васъ, кажется, можно узнать...

— Вы насчетъ квартиры?—перебиваютъ меня.

— Да.

— Теперь поздно, все разобрано, и мы уже не сообщаемъ...

Но мнѣ улыбулась судьба. Въ аптекѣ стоялъ какой-то господинъ.

— Если не ошибаюсь,—промолвилъ онъ,—вчера только уѣхали

изъ дома Клепиковой. Это въ Лебедевомъ переулкѣ... отсюда близко. Весь верхъ пустой.

Я полетѣлъ по указанному адресу. Дѣйствительно, свободенъ весь верхъ. Можно и половину, и даже одну или двѣ комнаты.

— Сколько же за двѣ?

— Пятьдесятъ.

— Да вѣдь всего мѣсяцъ, много пять недѣль?

— Мы за сезонъ считаемъ.

— Но вы уже получили разъ. Если бы не уѣхали первые жильцы...

— Это мое счастье,—перебила хозяйка.

Я сталъ торговаться; сошлись на 30 р. Положимъ, мебель «ай-ай», потолокъ съ «протекціей», но веранда и двѣ комнаты—чего же еще! Я даю задатокъ, посылаю за багажомъ и дѣлаюсь жильцомъ у г-жи Клепиковой.

— Кто же будетъ прислуживать?

— А вотъ Катерина, жена дворника...

— Чудесно! Поставьте-ка самоваръ, Катерина!

Черезъ часъ самоваръ кипѣлъ на столѣ. Привезли багажъ. Торговка принесла горячихъ бубликовъ. Я досталъ варенье и справилъ новоселье.

II.

Новый жилецъ.—Съ балкона.—Я отправляюсь въ паркъ.—Первое впечатлѣніе.—Часовня.—Ея исторія.—Въ парикмахерской.—Встрѣча съ Забовѣвымъ.—Въ ресторанахъ.—Библиотека.—Въ гостяхъ у Забовѣва.—На музыкѣ.—Вечеромъ въ паркѣ.—Безпокойная ночь.

Послѣ чая я легъ отдохнуть. Когда я проснулся, я услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ голоса.

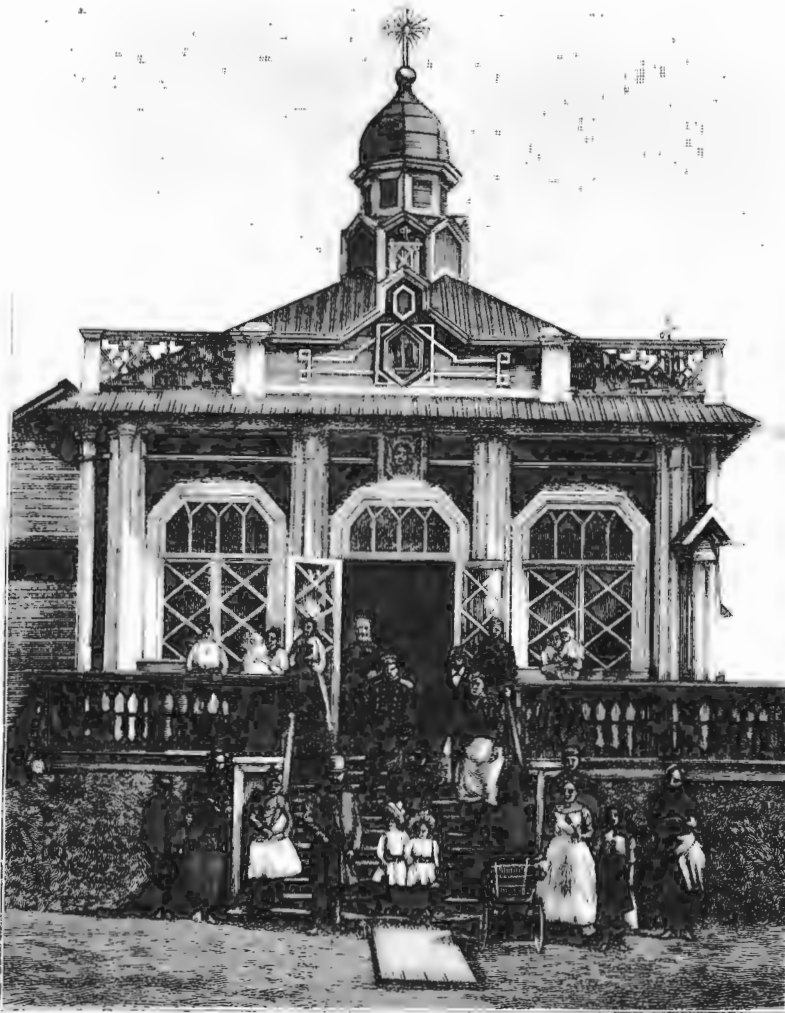
— Кто тамъ?—спросилъ я жену дворника, пришедшую за самоваромъ.

— А новый жилецъ... съ женою... Сейчасъ взяли... Съ парохода... Повезло нонѣ нашей хозяйкѣ.

Я вышелъ на террасу. Передъ глазами разстился громаднѣйшій садъ, отгороженный отъ дороги заборомъ. Вправо шла Ерзовская улица, въ которую упирался Лебедевъ переулокъ. Влѣво виднѣлся паркъ, выходящій на Ильинскую улицу. Солнце весело сіяло, птички звонко щебетали. Откуда-то неслись звуки флейты. Весело сдѣлалось и у меня на душѣ.

— Хорошо дышится!—сказалъ я Катеринѣ, пришедшей зачѣмъ-то на балконъ.

— У насъ здѣсь легко,—отвѣтила она:—дорога не мощеная, сады... паркъ близехонько... легкій воздухъ!

Часовни на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.

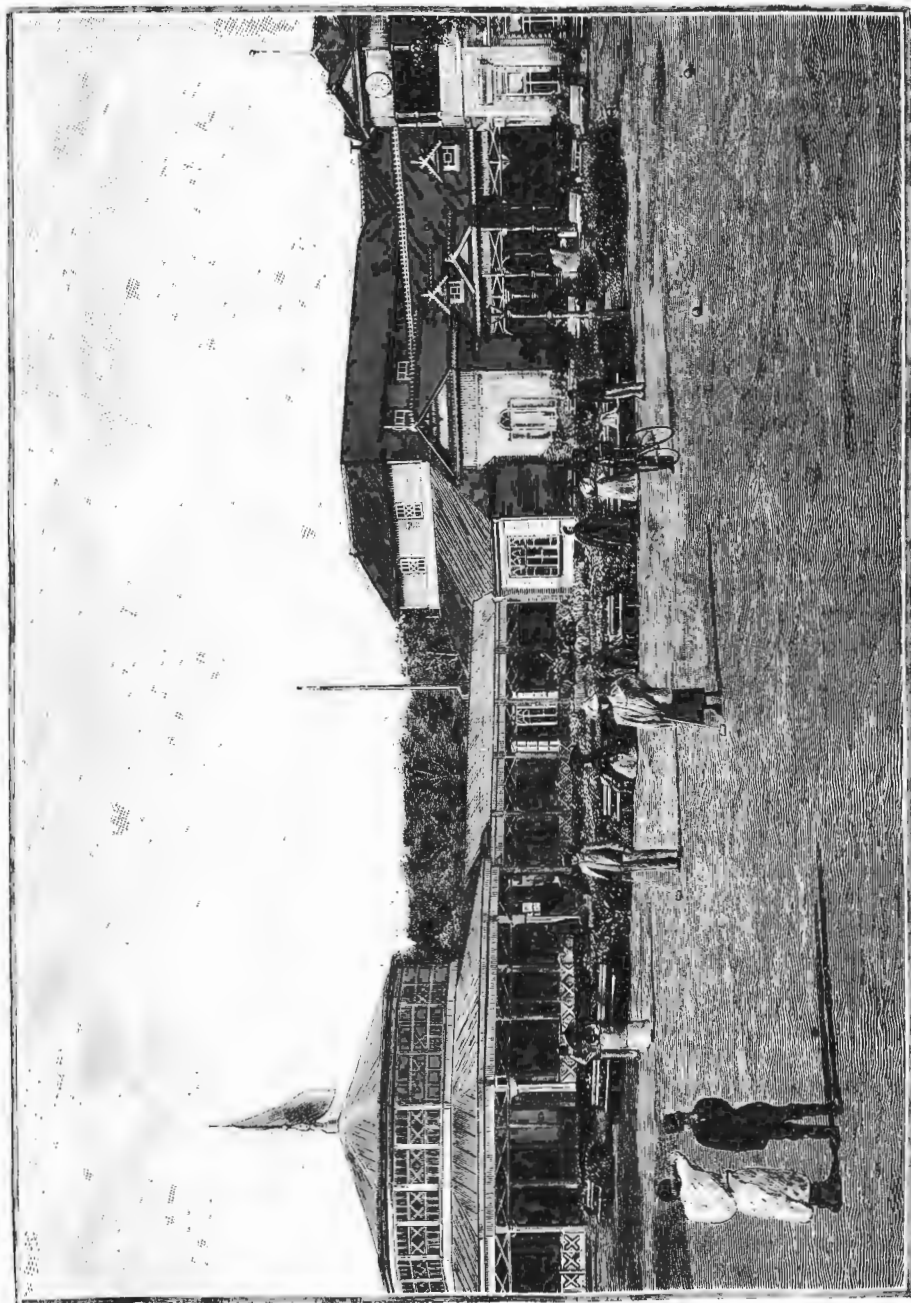
Послѣ столичной суетоки, послѣ духоты большого города, тихій уголокъ уѣзднаго городка казался деревней, какимъ-то раемъ. Вонъ пѣтухъ запѣлъ громко. Пробѣжалъ, хрюкая, поросенокъ. Дѣтскіе голоса звенять. Виднѣтся крестъ церкви старинной архитектуры. Изъ сосѣдняго дома вышелъ какой-то господинъ въ одной блузѣ и сталъ кормить воробьевъ и голубей, которые стайей слетались и садились на крыльцо. Совсѣмъ идиллія. Я постоялъ, полюбовался, и рѣшилъ отправиться въ паркъ.

Главные ворота находятся на Ильинской улицѣ. Около воротъ масса извозчиковъ. Приятно, что они не осаждаютъ васъ, не пристають назойливо, какъ, напримѣръ, московскіе.

Я вошелъ въ паркъ черезъ главные ворота и свернулъ направо, въ боковую аллею. Меня обступили высокія деревья, манившія подѣ свою тѣнь. На площадкѣ, усыпанной пескомъ, играли дѣти въ крокетъ. Ихъ звонкія голоса неслись далеко. Я снова вступилъ подѣ сѣнь деревьевъ, пройдя площадку. Это обиліе растительности благотворно дѣйствуетъ на нервы. Влѣво, сквозь чащу деревьевъ видѣлось двухэтажное розовое каменное зданіе (курзалъ), а вправо длинная деревянная крытая галлерей... Пройдя нѣсколько шаговъ, я очутился на большой площадкѣ, на которой передъ эстрадой въ видѣ раковины, гдѣ играетъ музыка, были разставлены рядами диванчики для публики...

Я оглядѣлся вокругъ. Передо мной разстились красивые цвѣтники, окруженные постройками. За музыкальной эстрадой сверкала на солнцѣ зеркальная поверхность озера. Мнѣ показалось, что я очутился въ одномъ изъ петербургскихъ предмѣстій—въ Павловскѣ или въ Царскомъ. Я пошелъ по берегу озера. Слѣва тянулись ванныя зданія, замыкавшіяся часовней, въ которой находится главный минеральный источникъ, называемый Директорскимъ.

Часовня расположена на возвышеніи и, чтобы войти въ нее, надо подняться по лѣстницѣ, состоящей изъ девяти ступеней. Постройка часовни легкая, воздушная. Передъ часовней нѣчто въ родѣ террасы, на которой стояло нѣсколько человекъ. Въ часовнѣ было также много публики. Служили молебенъ передъ чудотворной иконой. Пѣли очень не дурно. Я простоялъ весь молебенъ и далѣ разойтись публикѣ, чтобы имѣть возможность хорошенько рассмотреть часовню. На стѣнѣ, противъ входа, помѣщается чудотворная икона Кирика и Іулиты, въ серебряной позолоченной ризѣ. Икона украшена расшитыми лентами, и передъ нею горитъ неугасимая лампадка. На иконѣ изображены всѣ мученія святыхъ съ того момента, какъ ихъ привели къ жестокому судѣ, и до самаго ихъ погребенія. По правую сторону чудотворной иконы образъ Спасителя, еще какого-то святого, а влѣво—Божія Матерь съ Младенцемъ и св. Николай Чудотворецъ. Вверху отдѣльно стоитъ еще другая икона Кирика и Іулиты и также рѣдкая икона «огненное восхожденіе пророка Іліи». На маленькомъ столикѣ передъ главною иконою лежитъ листъ для записыванія поминаній. На самой серединѣ часовни находится Директорскій источникъ, обшитый деревомъ; онъ имѣетъ видъ колодца съ проведеннымъ внутри чугуннымъ столбомъ, съ широкимъ отверстіемъ, изъ котораго льется вода во всѣ стороны въ видѣ купола. Крышка на источникѣ стеклянная, на подобіе часоваго колпака. Возлѣ источника столикъ съ кружками и стаканами для питья воды.

Муравьевскій фонтанъ, танцевальный залъ и ресторанъ на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.

Я попробоваль, но не могъ сдѣлать больше одного глотка: вкусъ воды горько-соленый, неприятный. Нѣкоторые, однако, пьютъ по цѣлому стакану. Вода дѣйствуетъ на желудокъ, какъ очистительное; но въ ней находится масса известковыхъ частицъ, что вредно для слабаго желудка. Поэтому лучше пить эту же воду уже газированную, которая продается въ стеклянномъ павильонѣ. Налѣво у входной двери въ часовню стоитъ свѣчной ящикъ; здѣсь же продаются разныя книжки и, между прочимъ, житіе св. Кирика и Іулиты. Я приобрѣлъ брошюрку, на основаніи которой и познакомлю кратко читателей съ жизнью мучениковъ Кирика и Іулиты (простой народъ говоритъ: Кирики, и многіе считаютъ Кирику за женское имя).

Іулита была молодая женщина. Она жила въ концѣ III и началѣ IV вѣка по Рожд. Хр. въ городѣ Иконіи, Липаонской области. Она происходила изъ рода римскихъ царей и отличалась глубокой преданностью православію. Вскорѣ послѣ рожденія сына она овдовѣла и вся посвятила себя воспитанію сына, Кирика. Вскорѣ началось гоненіе на христіанъ, воздвигнутое Діоклитіаномъ. Особенной жестокостью въ преслѣдованіи новой религіи отличался комитъ Дометіанъ, начальникъ Липаонской области. Іулита, боясь пытокъ, рѣшила убѣжать. Покинувъ имѣніе и богатство, она, какъ нищая, отправилась странствовать, взявъ съ собою малютку сына. Она пришла въ Селевкию. Но здѣсь христіане также преслѣдовались со стороны властей. Игемонъ Александръ почти не уступалъ комиту въ жестокости. Іулита бѣжала въ Торкъ, куда скоро прибылъ и Александръ, подвергавшій христіанъ ужаснымъ мученіямъ. На Іулиту былъ сдѣланъ доносъ, ее схватили и привели къ игемону. Она не убоилась и смѣло назвала себя христіанкою, исповѣдуя Христа, какъ Бога. Игемонъ велѣлъ отнять отъ нея сына, а ее, раздѣвъ, положить на землю и бить безъ пощады суровыми жилами. Ребенокъ плакалъ. Игемонъ приказалъ подать его къ себѣ, посадилъ на колѣни и началъ ласкать его. Но ребенокъ не поддавался ласкамъ, продолжалъ плакать и кричалъ: «и я христіанинъ, пусти меня къ матери!». Игемонъ удерживалъ его. Тогда онъ ногтями исцарапалъ лицо Александру. Этотъ пришелъ въ гнѣвъ, бросилъ ребенка на помость, толкнулъ въ бокъ ногою и свергнулъ съ «высокаго сѣдалища». «Младенецъ, катясь внизъ по каменнымъ ступенямъ и ударяясь головой объ острые углы ихъ, обмылъ все то мѣсто кровью» и скончался. Мать же его, продолжавшую исповѣдывать Христа, игемонъ велѣлъ повѣсить и строгать ея тѣло желѣзными гребнями и обливать раны кипящей смолой. Святая женщина, терпя невыносимыя муки, неумолчно славилъ Бога. Видя ея непоколебимость, игемонъ велѣлъ отсѣчь ей голову. Тѣло ея оставили безъ погребенія, бросивъ на сѣденіе псамъ. Рядомъ съ тѣломъ мученицы было брошено и тѣло ея сына. При наступленіи ноши, пришли на мѣсто казни двѣ служанки Іулиты, издалека слѣ-

дившія за нею, взяли тѣло своей госпожи и ея сына и, отнеся ихъ далеко, предали землѣ. Одна изъ этихъ служанокъ дожила до времени великаго Константина-христіанина и указала то мѣсто, гдѣ погребены тѣла мучениковъ. Тѣла ихъ лежатъ нетлѣнными, были исполнены благовопія и подавали исцѣленія отъ болѣзней. Церковь причла Гулиту и Кирика къ лику святыхъ мучениковъ.

Интересна исторія возникновенія часовни надъ Директорскимъ источникомъ, разсказываемая Красовскимъ. Въ 1846 году,—говоритъ онъ,—засорился Директорскій источникъ, вслѣдствіе обваловъ въ испортившуюся желѣзную трубу, называемую матицею. Въ это время всѣмъ заведеніемъ минеральныхъ водъ завѣдывалъ полковникъ Зонъ; расчистку этого колодца онъ поручилъ старорусскому мѣщанину Ѳедору Кузьмину Кокарышкину, машинному мастеру при соляномъ заводѣ, какъ знающему и опытному человѣку, который еще въ своей молодости участвовалъ при начальномъ буреніи этого источника въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Подъ присмотромъ и распоряженіемъ его работали старорусскіе мѣщане: Ѳедоръ и Иванъ Шубины, Ѳедоръ Козловъ и пахотный солдатъ деревни Нехотицка, Яковъ Никифоровъ; работа происходила, кромѣ дня, еще и ночью по смѣнамъ. Для предохраненія себя отъ атмосферныхъ вліяній у нихъ была устроена досчатая палатка. Въ одну ночную смѣну, предъ утромъ 25-го числа ноября, на глубинѣ восьмой сажени, вмѣстѣ съ разнообразнымъ обваломъ въ трубу: съ битымъ кирпичемъ, чугуннымъ ядромъ, двумя картечами, пескомъ, булыжнымъ камнемъ и человѣческими костями, достали инструментомъ небольшой образокъ святыхъ мучениковъ Кирика и Гулиты, мѣдный, въ маленькой деревянной рамкѣ, и поставили его къ стѣнѣ на дощечку, къ стоящей на ней иконѣ.

Въ первый разъ передъ обрѣтенной иконой святыхъ мучениковъ Кирика и Гулиты былъ отслуженъ молебенъ 27-го января 1847 года. Служеніе его было вызвано особенною чудодѣйственною помощью этихъ святыхъ угодниковъ. Вслѣдствіе сложившихся затруднительныхъ обстоятельствъ при расчисткѣ источника, ясно было, что естественныя физическія силы и никакія орудія совершенно не могли помочь дѣлу. Тогда завѣдующій работами Кокарышкинъ упалъ духомъ и не зналъ, что дѣлать. Въ это самое трудное и горестное время, по его словамъ, онъ обратился отъ глубины сердца своего съ молитвою къ святымъ мученикамъ Кирику и Гулитѣ, передъ ихъ иконою, и далъ обѣщаніе совершить предъ нею молебеніе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ глубокихъ душевныхъ молитвенныхъ вздоховъ въ дѣлѣ работы была получена помощь свыше, что и было признано всѣми рабочими за особенное покровительство и явную помощь святыхъ, которыхъ образъ былъ ими обрѣтенъ. О всемъ происшедшемъ было доведено до свѣдѣнія высшаго начальства мастеромъ Кокарышкинымъ, ко-

торый послѣ явныхъ чудесныхъ событій, по распоряженію начальства, былъ призванъ съ рабочими и спрашиваемъ по этому случаю подъ присягою, перваго декабря 1847 года. При допросѣ Кокарышкина, между прочимъ, показалъ, что икону онъ видитъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ онъ оставилъ по окончаніи работы передъ открытіемъ ваннъ. Именно теперь она позолочена и поставлена въ хорошо устроенной рамкѣ. Въ этотъ же годъ, 10-го іюня, при открытіи ваннъ у источника былъ отслуженъ молебенъ передъ иконою святыхъ мучениковъ, и съ того года совершался и совершается при открытіи ежегодно. Сюда многіе заходили для молитвы и поклоненія святой иконѣ, которую по многимъ чудеснымъ и засвидѣтельствованнымъ фактамъ староруссы и пріѣзжающіе пользоваться минеральными водами начали почитать чудотворною. Со временемъ благоговѣйное почитаніе обрѣтенной иконы навело на мысль устроить здѣсь часовню въ честь святыхъ мучениковъ Кирика и Іулиты и въ ней поставить ее для чествованія, что и было сдѣлано при графѣ Муравьевѣ, подъ присмотромъ архитектора Ламакина, въ концѣ пятидесятихъ лѣтъ, съ дозволенія начальства.

— Здѣсь только молебны служатъ?—спросилъ я у продающаго свѣчи.

— Нѣтъ, по субботамъ и наканунѣ праздниковъ бываетъ все-нощная.

Изъ часовни я направился въ ресторанъ, чтобы закусить, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ часовни встрѣтилъ Забонѣва.

— Откуда вы?—спросилъ онъ.

— Въ часовнѣ былъ.

— Доброе дѣло! А я раньше былъ. Надо всегда испить водицы этой... вы пили?

— Глотокъ сдѣлалъ... Не вкусная!

— Но полезно!.. Я каждый день пью. Куда же вы теперь?

— Въ ресторанъ.

— Отлично. И я приду туда. Только побрѣюсь немножко и подстригусь.

— Да и мнѣ не мѣшаетъ. Далеко идти?

— Здѣсь же въ паркѣ. Пойдемте вмѣстѣ.

Парикмахерская помѣщается въ другой половинѣ парка, вблизи театра. На крыльцѣ парикмахерской сидѣли три кошки. На окнѣ—еще двѣ. На полу лежалъ жирный котъ.

— Это что же... звѣринецъ что ли?—смѣясь сказалъ я.—Для чего у васъ столько кошекъ?—спрашиваю парикмахера.

— А куда же ихъ дѣтъ? Пристали... Животное не человѣкъ, само себѣ пищи не достанетъ... Не гибнуть же!

— Вотъ философія!—замѣтилъ Забонѣвъ:—непротивленіе кошачьему нашествію... Какъ вамъ нравится?

— Философія гуманная... Все же лучше кошку пріютить, чѣмъ и человѣку отказать, отдѣлавшись однимъ сочувствіемъ...

Забонѣвъ спросилъ о театрѣ.

— Какъ нынче?

— Ничего—играють...

Курзаль минеральныхъ водъ въ Старой Руссѣ (со стороны парка).

— Сборы?
— Всяко... Въ накладѣ не остаются...
— Драма?
— Больше оперетка... Потому веселѣ... Меньше о болѣзни думы въ голову идутъ.

— А больныхъ-то много?

— Да, надо думать, что не меньше, чѣмъ въ прошлое лѣто... А то и больше...

У парикмахера свой домъ въ Руссѣ. Ремесло, какъ видно, выгодное. Онъ и театральнй парикмахеръ. Аренду платитъ тому, кто снимаетъ театр.

«Приведа себя въ цивилизованный видъ», по выраженію Забонѣва, мы отправились въ ресторанъ.

— Недурно кормятъ?—полюбопытствовалъ я.

— Очень. Завтраки прекрасные... Выборъ, приготовленіе... Я, конечно, сужу попрошлогоднему... Кажется, рестораторъ тотъ же.

Ресторанъ очень красивое, длинное, одно-этажное зданіе, съ двумя открытыми помѣстительными верандами, которыя раздѣляются выдающимся нѣсколько наружу двухъ-этажнымъ павильономъ полукруглой формы. Верхній этажъ его представляетъ помѣстительную террасу, съ которой открывается превосходный видъ на цвѣтникъ, бесѣдку, гдѣ помѣщается оркестръ, курзалъ, Муравьевскій фонтанъ и верхнее озеро.

Съ обѣденной веранды идутъ двѣ двери въ смежную буфетную комнату, въ которой видна красиво декорированная цвѣтами и закусками стойка. По сторонамъ раскинуты столы и для публики. Но главнымъ образомъ обѣдаютъ на верандѣ, на которой разставлено до десятка столовъ. Отъ солнца веранды защищены парусинными маркизами. Вторая веранда приспособлена для карточной игры. Задняя стѣна ея глухая. Наружный видъ ресторана очень красивъ, большую прелесть придаетъ гирлянда растеній, идущая непосредственно возлѣ стѣнъ веранды и павильона.

Когда мы пришли, почти всѣ столики на террасѣ были заняты. Оставался только одинъ у двери, ведущей въ корридоръ.

— Ну, здѣсь неудобно,—произнесъ Забонѣвъ.

— Сейчасъ освободится столикъ,—услужливо сообщилъ молодой лакей, указывая на столикъ у периль.

Высокій, тучный генералъ и какая-то дама допивали кофе.

— Вотъ—отлично!—сказалъ Иванъ Петровичъ.—А пока присядемъ хотя и тамъ. Хозяинъ тотъ же?

— Тотъ же-съ,—отвѣтилъ лакей.

Мы присѣли къ «неудобному» столику.

— Здѣсь буфетъ содержать татары?—спросилъ я у Забонѣва.

— Да... и отлично ведутъ дѣло. Такъ русскіе, ей-Богу, не ведутъ. Татары народъ услужливый, да и честный.

— Кулаки вездѣ есть.

— Ну, конечно! Но, право, нѣтъ отвратительнѣе русскаго кулака! Я не люблю евреевъ, но русскій кулакъ—нахальный, грубый, хуже всякаго жида! Пузо себѣ отпустить, рыгаетъ, какъ свинья, и знать себѣ ничего не хочетъ. Онъ каждый шагъ на вѣсь

золота цѣнить. Изъ-за пустяковъ и не пошевельнется. А вотъ возьмите хоть тѣхъ же татаръ. Здѣшній хозяинъ ресторана, Тугѣевъ, человѣкъ очень богатый. А вотъ увидите, какъ онъ предупредителенъ, какъ онъ старается, чтобы всѣ остались довольны. Чортъ побери, а мнѣ кажется, что татаринъ культурнѣе нашего мужлая, попавшаго даже въ «степенство»!

— Пожалуйте, столъ свободенъ,—объявилъ лакей, подходя къ намъ.

Мы пересѣли къ столику, у самага входа на террасу.

Лакей подаль карточку.

— А, можно и обѣдать?

— Да, уже третій часъ!

— Вы какой возьмете?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ Забонѣевъ:—въ рубль и въ 75 коп.?

Въ 75 коп. изъ 3-хъ блюдъ, чай или кофе, а въ рубль 4 блюда съ прибавкой чая или кофе.

— Это не дорого,—замѣтилъ я.

— И еще что: вмѣсто третьяго сладкаго, вы можете брать какое нибудь «существенное», а за пирожное сойдесть чай или кофе...

— Это уже совсѣмъ «гуть»,—смѣясь, сказалъ я.—Я беру въ рубль.

— Ну, и я за компанію въ рубль. А то обыкновенно беру въ 75 коп... Довольно... куда же!..

«Да, экономный человѣкъ», снова подумалъ я.

На перила террасы опустился красивый голубь, вытянулъ шейку и началъ посматривать на насъ, видимо, ожидая подачки.

— Довольно храбрый!—сказалъ я.

— Они здѣсь приучены!.. Видите, какъ ихъ балуютъ!

Я оглянулся. По полу ресторана ходили десятки голубей, подбирая кусочки хлѣба, бросаемые обѣдавшими. Голуби дѣлали выборъ: клевали бѣлый хлѣбъ, и только тогда брали черный, если не оставалось уже кусочковъ бѣлаго. Я замѣтилъ это и сказалъ Забонѣеву.

— Да, да... избалованы... Праздникъ имъ! Они тоже на воды прилетаютъ—ха, ха, ха! А знаете, что: надо позже обѣдать.

— Почему?

— Музыка играть съ 6 часовъ. Подъ музыку аппетитъ лучше.

Подали борщъ. Послѣ него ростбифъ.

— Ну, что: какво?—спросилъ Забонѣевъ.

— Вкусно... но, я думаю, все же... маргаринчикъ!

— Ни капли! Поручусь за это! Я, батенька, страдаю катарромъ желудка... Сейчасъ бы сказалось, мой желудокъ не надуешь... Я въ прошломъ году больше мѣсяца ѣлъ здѣсь,—ни разу изжоги!.. А попробуйте въ кухмистерской... вамъ и поднесутъ маргаринчикъ! А здѣсь все на сливочномъ маслѣ... Другого масла и нѣтъ!

— Да-ну!

— Вѣрно! За этимъ слѣдить директоръ, спасибо ему! Онъ стоитъ, такъ сказать, на стражѣ интересовъ нашихъ желудковъ.

— Это хорошо, но вѣдь нельзя же все усмотрѣть?

— Знаете, я удивляюсь его живости и энергіи. Онъ вѣчно въ движеніи и что нибудь дѣлаетъ. Повидимому, онъ не изъ особенно здоровыхъ, а какъ колесо: то здѣсь, то тамъ. Я ему какъ-то замѣтилъ прошлое лѣто—«вѣдь вы такъ не поправитесь, а изведетесь за сезонъ». А онъ мнѣ и говоритъ: «Неужели вы думаете, что я лѣтомъ поправляюсь? Лѣто—для больныхъ, а мнѣ отдыхъ зимой». Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ спитъ? Въ 8 часовъ—онъ уже на дѣлѣ, въ 9 часовъ вы его можете застать уже въ кабинетѣ, въ часъ ночи онъ еще на ногахъ.

— Значить, онъ дѣло дѣлаетъ.

— Вы въ первый разъ въ Руссѣ?

— Ну, да.

— А посмотрѣли бы вы, что было раньше: мерзость запустѣнія! И теперь не мало такого, что глаза рѣжетъ... Ну, гдѣ же сразу!.. Какія деньги нужны! Но посмотрите, какія постройки возведены... Я обѣжалъ, посмотрѣлъ... Въ прошломъ году не было еще многого, что есть теперь. Загляните-ка въ новое ванное зданіе, просто роскошь! А хотя бы этотъ ресторанъ? Его раньше, до Тиличеева, не было. Обѣдали, чортъ знаетъ, на какомъ-то тычкѣ; точно на палубѣ парохода, что бѣгаютъ по Фонтанкѣ. Да вотъ вы посмотрите сами.

— Вы хорошій адвокатъ,—сказалъ я, улыбаясь.

— Только, батюшка, не наемный. Да погодите, и вы будете говорить то же. Вѣдь нельзя же не сказать человѣку спасибо, если онъ старается. Правда, у насъ, русскихъ, есть скверная привычка ничего не замѣчать у себя хорошаго и взздѣ только замѣчать дурное. На ругань—мы мастера; а похвалить, оцѣнить—шалишь! Какъ можно свое похвалить! Словно стыдно! Ну, да я этой привычкѣ слѣдовать не желаю и всегда, что хорошо, скажу хорошо. Впрочемъ, что же: вѣдь тутъ эгоизмъ сказывается во мнѣ,—дѣлаютъ для меня, для большого человѣка, а знаете поговорку: своя рубашка ближе къ тѣлу.

Я ничего не могъ возразить на это.

Мы допили кофе.

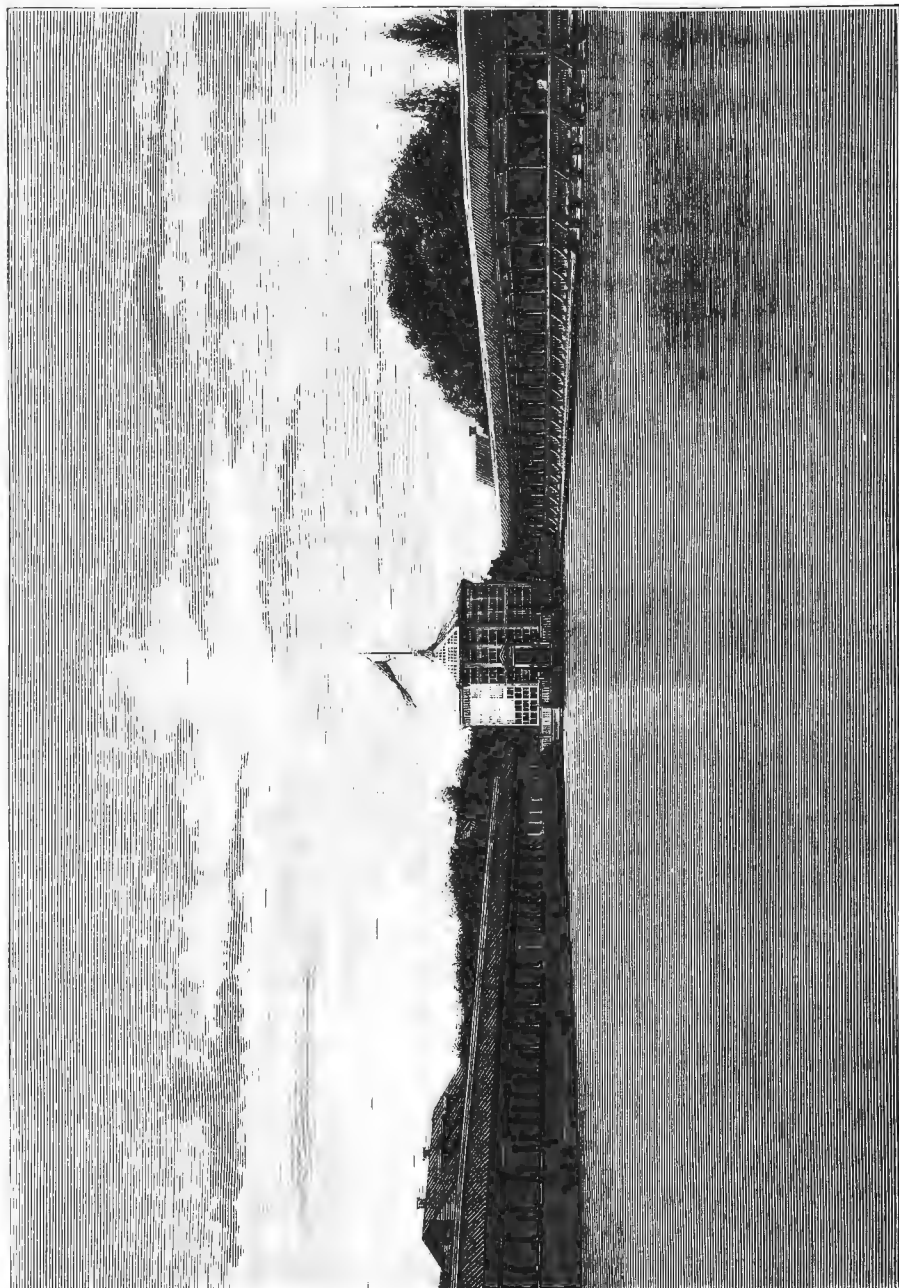
— Вы куда теперь?—спросилъ меня Забонѣвъ.

— Домой, чайку попить. Я ужъ всегда послѣ обѣда пью чай.

— А ко мнѣ. Пойдемте ко мнѣ чай пить! Только заглянемте на минуточку въ бібліотеку газеты посмотрѣть.

— Пожалуй.

— Ба! Мы собственно еще не имѣемъ права, потому что еще не получили билетовъ, ну, да разъ—ничего!

Соленое озеро, галлерей и стеклянный павильонъ для питья водъ на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.

Мы направились въ библиотеку по длинной крытой галлерей, мимо Муравьевскаго фонтана.

Струя его (въ $2\frac{1}{2}$ дюйма) бьетъ на высоту 21 фута. Надъ фонтаномъ устроенъ стекляннй павильонъ, который находится по срединѣ галлерей... Галлерей ведетъ изъ курзала въ танцевальнй залъ, который соединенъ съ рестораномъ.

Въ галлерей, и здѣсь и тамъ, сновала публика. Многіе сидѣли въ павильонѣ вблизи фонтана и читали.

— И пріятно и полезно,—сказаль Забонѣвъ.

— Почему, и полезно? Пріятно—пожалуй, освѣжаетъ, а полезно?

— Но вѣдь распыленная соленая вода полезна для дыханія... и для легкихъ и для укрѣпленія слизистой оболочки носа... Отъ насморка лѣчатся... Ну, конечно, это à propos... Не то, что за границей, градирни... А все же...

Изъ павильона двери вели въ другую часть парка. Я вспомнилъ, что мы тутъ шли изъ парикмахерской въ ресторанъ.

— Вотъ вамъ, удобство,—сказаль Забонѣвъ:—кто живетъ въ курзальныхъ номерахъ, тотъ въ дождливую погоду по галлерей проходить въ залъ, въ ресторанъ, не боясь дождя...

— Но номера дороги!

— Ну, батюшка: что дорого, то мило...

— Это русская поговорка. А задачи цивилизаціи...

— Создать дешевый комфортъ?

— Разумѣется.

— Не спорю. Но для созданія дешеваго комфорта нужны большія деньги, а гдѣ онѣ у дирекціи? «Она» и такъ храбра очень! Смотрите, сколько публики въ кондитерской.

Въ концѣ галлерей, у входа въ курзалъ, въ небольшой комнатѣ помѣщается кондитерская.

— Пойдите, я возьму печенья и пирожнаго къ чаю...

Мы завернули въ кондитерскую.

Двѣ хорошенькія продавщицы сбились съ ногъ. Какой-то гимназистъ, уже съ богатой растительностью, съ двуглазкой на носу, усердно угощаль барышню конфѣтками.

— Видите?—шепнулъ мнѣ Забонѣвъ, подмигивая:—классикъ упражняется въ ухаживаніи.

— Такъ ли онъ хорошо упражняется въ латыни и греческомъ?—отвѣтилъ я.

Мнѣ не понравился юноша. Онъ выглядѣль фатомъ и пародироваль гусара. Онъ уже щелкаль каблуками и, видимо, жалѣль, что у него нѣтъ шпоръ.

— Ну, то скучнѣе,—засмѣявшись произнесъ мой спутникъ:—не будемъ судить юношу, запросы жизни и лѣтъ...

Мы уже подымались по лѣстницѣ въ курзалъ.

— Я не согласенъ,—отвѣтилъ я:—я люблю молодыхъ увлеченія...

И не забылъ юность... Но увлеченіе! А здѣсь его нѣтъ... Здѣсь пошловатость пожившаго человѣка. Вы не замѣтили выраженія его губъ? Какое-то пренебреженіе пресыщеннаго человѣка... противный взглядъ на женщину. Въ эти годы должно относиться къ женщинѣ идеально, съ тѣмъ благоговѣніемъ, если хотите, въ которомъ одно спасеніе отъ пошлости и разврата... Какіе мужья выйдутъ изъ этихъ юношей?

— Послушайте, вѣдь это пародія... обезьянство...

— Тѣмъ хуже... Не все равно—чему и кому подражать... Въ этомъ сказывается натура, развитіе... Что идеаль — тому и подражайте. А ужъ помоему лучше Базаровъ, чѣмъ Грушницкій!...

— Только не Базаровъ... Да будетъ вамъ... Вотъ эти двери (мы шли по длинному корридору) все въ номера... А вотъ и читальня.

Она помѣщается въ большой залѣ, которая нѣкогда была танцевальной. Посрединѣ комнаты—длинный столъ, около него, по обѣ стороны — кресла. Дверь противоположная той, въ которую мы вошли, вела на балконъ, выходящій въ паркъ. На столѣ лежали газеты; у окна вблизи балконной двери — столикъ, за которымъ сидѣла библиотечарша.

Она не спросила насъ, имѣемъ ли мы право читать.

— Какое довѣріе,—шепнулъ мнѣ Забонѣвъ.

— Стѣсняется барышня... да и то сказать — неловко, вѣдь не жулики же мы.

— А я думаю, безъ обмана не обходится.

— И я думаю тоже.

— На то и русскій человѣкъ. Вотъ за границей омнибусы безъ кондукторовъ. Одинъ только кучеръ. Пассажиры сами опускаютъ деньги въ ящикъ. Допустите это у насъ, тотчасъ вмѣсто монеты опустятъ въ ящикъ пуговицу.

Газетъ въ читальнѣ не мало. Изъ ежедневныхъ — почти всѣ сколько нибудь извѣстныя.

Изъ разспросовъ у библиотечарши я выяснилъ слѣдующее: имѣющіе сезонный билетъ могутъ читать книги и журналы бесплатно въ самомъ помѣщеніи библиотеки. Берущіе на домъ — платятъ особо: по 1-му разряду — 2 р. 50 к. (съ правомъ чтенія новыхъ журналовъ), а по 2-му разряду — 2 р. (съ правомъ чтенія книгъ и журналовъ не новыхъ). Изъ толстыхъ журналовъ получаютъ почти всѣ.

Я посмотрѣлъ каталогъ. Его нельзя назвать богатымъ. Но, принимая во вниманіе «смягчающія обстоятельства», на немъ можно помириться. «Смягчающія обстоятельства» — выраженіе Забонѣва.

— Ну, чего много требовать,—сказалъ онъ:—вѣдь не для чтенія пріѣзжаемъ сюда. Нужно больше гулять, а не читать. Просмотрѣлъ газеты,—ну, и довольно. Ну, новости журнальныя... Вы вотъ увидите: съ утра до поздняго вечера публика толчется въ паркѣ. Да и право, не вредно, на мѣсяць — другой, дать мозгу отдыхъ отъ

всякаго чтенія. Ну, а вамъ-то, какъ литератору, всего больше нужно отдохнуть. Неужели вамъ не надоѣла эта книжная атмосфера?

— Я не о себѣ, а вѣдь есть же и такіе, которые и гулять не могутъ, прикованы къ креслу, къ кровати.

— А на нихъ хватить книгъ и журналовъ. Послушайте, не брюзжите, это скверная манера, а въ курортѣ она совсѣмъ излишняя: чтобы лѣчиться, нужно быть оптимистомъ.

— Лучше помогаетъ?

— Конечно! Я зналъ одну чету: жену и мужа. Она—спокойная, какъ скала... Онъ—нервякъ. Оба ѣздили на кумысь: и на сколько фунтовъ она въ вѣсѣ увеличивалась, на столько же онъ уменьшался. Отчего? Потому что она пила кумысь и не брюзжала. А онъ все критиковалъ: отчего пробки плохи, бутылка мала, кумысь пахнетъ дымомъ!.. Ничего изъ его критики и брюзжанья не выходило, а онъ тощаль, она же полнѣла... Кто въ выгодѣ?

— Кумысникъ!

— Пускай! Но и спокойная дама!

— Однако, если такъ смотрѣть...

— Довольно, господинъ журналистъ. Идемъ чай пить. Вотъ черезъ балконъ... Съ него лѣстница ведетъ въ паркъ... На этомъ балконѣ отлично сидѣть съ газетой и слушать музыку. Самая унылая корреспонденція произведетъ радостное впечатлѣніе... Шш!.. смотрите, какая блондиночка... восхищеніе!..

Блондиночка была дѣйствительно восхищеніе. Но около нея сидѣлъ классикъ, котораго мы только что видѣли.

— Это уже другая!—сказалъ я.

— Да, та брюнетка... Хвалю юношу: цѣнить красоту во всѣхъ отгѣнкахъ...

Забонѣвъ жилъ недалеко отъ парка, въ небольшой, но уютной комнаткѣ. Самоваръ уже былъ готовъ.

— Я тоже послѣ обѣда люблю чаекъ,—сказалъ Забонѣвъ...

— Сколько вы платите?

— Сорокъ рублей! Это дорого, конечно... Балкона нѣтъ даже. Но комната свѣтлая, близко, и я ее беру еще потому, что знаю, что она сухая, больной никакой не жилъ раньше, хозяйка—хорошая барынька, все чисто... А то дорого!..

— Развѣ до васъ никто не жилъ? Вѣдь начало сезона съ мая?

— Съ конца мая—да. Но я плачу 40 рублей за сезонъ... И я могу раньше пріѣхать. Въ первый годъ я жилъ съ 5 іюня. Тогда живъ былъ отецъ, и я ему сдалъ хозяйство... А теперь я одинъ... Долго не могу...

— Сколько, повашему, надо одному на лѣченье? то-есть на все время?

— Ну, какъ жить! Можно рублей на 150, если скромно. А 200—за глаза... И, на примѣръ, въ театръ совсѣмъ почти не хожу.

- Отчего? Изъ экономіи?
- Нѣтъ, хотя, сказать по правдѣ, цѣны не дешевы...
- А-а, г. оптимистъ!
- Что такое? Я и не думаю ворчать. Я фактъ отмѣчаю... А Богъ съ ними... Дорого, и не пойду... Не для театра же я пріѣзжаю... Не въ немъ суть...
- Но развлеченія полезны, чтобы поддержать «оптимистическое» настроеніе!
- Вѣрнѣе, доброе... Согласенъ. А музыка на что? А вечера танцевальныя? Поѣздки... гулянья... Серьезно: театръ начинается

Директоръ Старорусскихъ минеральныхъ водъ докторъ С. В. Тиличевъ.

въ 8 часовъ. Это нѣсколько поздно... Нынче, пожалуй, я еще могу, я уже окрѣпъ всеже... А въ первый годъ я въ 9 часовъ спать ложился... Да помоему всеже лучше: вставать раньше и ложиться раньше... Вы когда встаете?

— Въ девять...

— Ну, вы ничего не знаете! Нѣтъ, въ 6, 5... Ну, ну, въ 7 хотя... вотъ чудесно-то въ паркѣ!... Точно въ раю... Выпью я воды... погуляю... Ванну возьму, опять погуляю—и словно мнѣ 20 лѣтъ съ плечъ долой.. Знаете, проживя мѣсяцъ здѣсь, я готовъ... ну, хотя съ классикомъ соперничать по части ухаживанія...

— Вы какія же ванны берете?

— Солено-хвойныя... Я вѣдь отъ нервовъ лѣчусь... то-есть отъ болѣзни нервовъ,—съ улыбкой поправился онъ:—а воду пью отъ желудочнаго катара...

— А грязи?

— Что грязи? онѣ отъ ревматизма... Не знаю, пріѣхалъ ли сюда одинъ отставной полковникъ... Онъ отъ ревматизма грязями лѣчился... Отлично помогли... Знаете, здѣшняя грязь по своему составу лучше франценсбадской... право, не шутите! Мы вообще не умѣемъ цѣнить даровъ своей природы и все лѣземъ въ Европу. Дайте-ка наши богатства нѣмцамъ... чудесъ натворили бы! А у васъ что?

— Да то же нервы и ревматизмъ небольшой!

— Навѣрное пропишутъ солено-хвойныя ванны... Грязь едва ли... нервы... нельзя... Да солено-хвойныя васъ встряхнуть!.. Есть тутъ озеро... Если кто можетъ—чудесно въ немъ купаться... Ну, дѣши... Такъ славно... я ими кончаю... Вы къ кому изъ врачей?

— Да, къ директору...

— Идите... Онъ дѣло понимаетъ.

— Я его немножко знаю... Онъ былъ земскимъ врачомъ одно время...

— Послушайте меня: не поддавайтесь увлеченію, а держите режимъ: рано вставать, рано ложиться...

До насъ донеслись звуки музыки.

— А-а, вонъ уже началось... Пейте еще и пойдемъ слушать.

Но я уже болѣе не хотѣлъ пить. Мы отправились въ паркъ.

На этотъ разъ мы пошли другой дорогой. Мы вышли черезъ воротца, которые ведутъ прямо въ галерею, идущую вокругъ озера; эта галерея напоминаетъ букву Л: одинъ ея конецъ подходитъ къ часовнѣ, а другой къ музыкальной эстрадѣ. У самага входа въ садъ—павильонъ, гдѣ пьютъ газированную воду, привозныя воды, газированное молоко. Эта галерея крытая и даетъ возможность больнымъ гулять послѣ питья воды во время ненастной погоды...

Гдѣ музыка—это центръ курорта. Публики было масса. Всѣ мѣста заняты. Точно въ Павловскѣ.

— Придется стоять,—сказалъ Забонѣвъ.

— Пойдемте въ ту галерею, гдѣ фонтанъ,—предложилъ я.

— Ничего не услышимъ... Онъ все заглушаетъ... Подождемъ, ктонибудь уйдетъ.

Около скамеекъ стояли кресла на колесахъ: тяжело больные, которые не могли ходить, «пріѣхали» послушать музыку.

— Половина этихъ калѣкъ къ концу сезона будетъ ходить,—сказалъ Забонѣвъ.

Когда насталъ антрактъ, Забонѣвъ отправился домой, а я еще

остался. Послѣ второго отдѣленія я рѣшилъ поужинать и уже тогда идти домой. Въ ресторанѣ я неожиданно встрѣтился съ однимъ педагогомъ, съ которымъ и проболталъ до десяти часовъ. Только что хотѣлъ уходить, какъ новая встрѣча: извѣстный критикъ. Съ нимъ перекинулись и прошли по парку.

Вдругъ картина измѣнилась.

Зажглось электричество.

Оно производило чарующее впечатлѣніе. Цвѣтники словно то-нули въ лунномъ сіяніи. Нервы «поднялись», стало какъ-то необыкновенно весело... Электричество освѣщаетъ только часть парка. Остальное пространство представляло собою царство мрака. Публика столпилась въ районѣ свѣта. Впрочемъ, пары исчезали и въ сумракѣ, весело смѣясь и болтая...

Я вышелъ на большую ротонду, окруженную мрачными силуэтами лѣсныхъ гигантовъ. Они обступили меня со всѣхъ сторонъ и стояли молчаливые, угрюмые, словно хранили какую-то тайну. Ни шелеста, ни звука. Жутко стало, и я поспѣшилъ къ «свѣту». Мракъ заманчивъ посвоему, но близъ свѣта—спокойнѣе... И вечеръ былъ теплый, чудный. Когда я проходилъ домой, мимо ресторана, то на одной его верандѣ ѣли и пили, а на другой— «сражались» въ карты.

— И долго играютъ?—спросилъ я у сторожа, проходившаго мимо.

— Долго-съ...

«Не гигиенично!»—подумалъ я, вспомнивъ Забонѣва.

Впрочемъ, всѣ ли пріѣзжаютъ лѣчиться?

Я поспѣшилъ домой, но долго не могъ уснуть. Во-первыхъ, я что называется «разгулялся», мозгъ переполнился впечатлѣніями. А, во-вторыхъ, и сосѣди не дали спать. Они до двухъ часовъ играли въ карты и даже пѣли. Этотъ сюрпризъ былъ мнѣ не по сердцу.

III.

У директора водъ.—Въ конторѣ.—Седьмое ванное зданіе.—Маленькое отступленіе.—Первая ванна.—«Сезонный Листокъ».—Исторія въ русскомъ вкусѣ.

Я давно не видѣлъ С. В. Тиличева, но онъ почти не измѣнился. Ему теперъ лѣтъ 45—46. Это человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный, худощавый, съ нервными, стремительными движеніями. Продолговатое, немного смуглое лицо его съ интеллигентнымъ выраженіемъ освѣщается крупными карими глазами, лучащимися мягкимъ и теплымъ свѣтомъ. Доброе, хотя и безпокойное выраженіе глазъ идетъ въ разрѣзъ съ строгимъ видомъ, съ строгимъ выраженіемъ лица. Темно-русые волосы и высокій лобъ. Го-

лось соотвѣтствуетъ нервной фигурѣ доктора, который говорить то со страстной порывистостью, то размѣренно внушительнымъ тономъ, то горячо и скоро, то спокойно и плавно. Рѣчь своего докторъ подчеркиваетъ невольной энергичной жестикуляціей. Походка его выражаетъ ту же нетерпѣливую стремительность.

Я набросалъ портретъ директора сразу, чтобы дать полное представленіе о его фигурѣ и характерѣ. Какъ только я вошелъ въ кабинетъ г. Тиличеева, взглянулъ на него, поднимавшагося мнѣ на встрѣчу, такъ сразу же и сказалъ самъ себѣ: онъ точно такой же, какой былъ и тогда, когда въ роли земскаго врача носился изъ деревни въ деревню, изъ больницы къ частному пациенту, отъ него къ желѣзнодорожному агенту, оттуда домой, гдѣ его ждали работы и разныя дѣла. Онъ писалъ диссертацию на доктора медицины. И онъ успѣвалъ еще устраивать спектакли въ пользу школы, больницы, игралъ самъ и училъ другихъ. У этого художкаваго и, повидимому, не особенно крѣпкаго здорьевемъ человека какая-то поразительная энергія! Я помню случай. Лошадь мѣстнаго купца (дѣло было въ Любани) спибла мальчика. Его, окровавленнаго, принесли въ больницу, тогда еще очень скверную, помѣщавшуюся въ темномъ и полуразвалившемся домѣ. Докторъ былъ на репетиціи. Послали за нимъ. Чуть не съ тетрадкой въ карманѣ, оборвавъ на полусловѣ свою роль, летитъ онъ въ больницу. Мальчикъ стонетъ. Докторъ нѣжно склоняется надъ нимъ, уговариваетъ, ласкаетъ, и перевязка совершается. Ребенокъ успокоился. Врачъ летитъ снова въ театръ.

Это была моя первая встрѣча съ г. Тиличевымъ.

Онъ уѣхалъ изъ Любани, оставивъ ей новую, прекрасную больницу съ родовспомогательнымъ отдѣленіемъ. Любанцы обязаны всецѣло энергіи г. Тиличева. Если бы не онъ, вѣроятно, и теперь бы они имѣли еще свою старую больницу-коптилку.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ. Но судя, по словамъ полковника и Забонѣва, энергія не оставила бывшаго земскаго врача, а теперь директора старорусскихъ водъ.

— И вы къ намъ!—промолвилъ директоръ, протягивая мнѣ руку.

— Какъ видите!.. Вы совсѣмъ не мѣняетесь... Заговорены, что ли?

— А это что?

Директоръ указалъ на массу бумагъ, цифръ...

— Некогда... За дѣломъ и забылъ о томъ, что надо постарѣть.

— Приятная забывчивость! А я вотъ не могу забыть о болѣзни.

— Развѣ вы лѣчитесь пріѣхали?

— А то зачѣмъ же?

— Ну, въ качествѣ обличителя, разносителя, описателя...

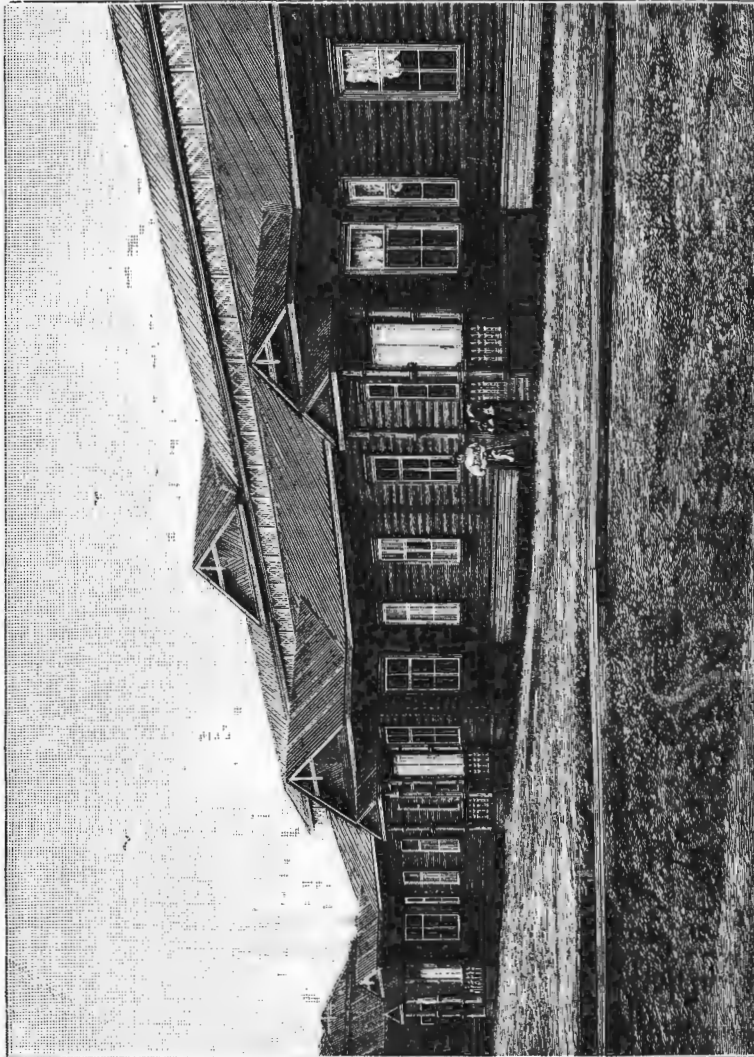
— Можетъ быть, и съ этой цѣлью... Но надо и полѣчиться...

А описать не дурно: выручу хотя пролѣченныя деньги,—сказалъ я, улыбаясь.

— Да вы не воображаете ли, что больны? Мнѣ, кажется, у васъ очень пылкое воображеніе? Оно поэту свойственно...

— Если бы воображеніе, Сергѣй Васильевич!

— Ну, коли такъ, пойдѣте, я васъ осмотрую... Ужъ если что, такъ нервы?

Зданіе ваннъ № 7 въ Старой Руссѣ.

— И ревматизмъ, должно быть.

— Посмотримъ, посмотримъ...

Мы прошли въ сосѣдную комнату.

Начался «смотреть». Выслушиванія, выстукиванія, разспросы...

Признаюсь, не люблю я докторскихъ осмотровъ. Живешь, не подмѣчаешь, а тутъ давай отвѣты.

Конецъ всему. Слава Богу!

— Ну, что?

— Да что: нервы шалить... по части невротеніи... Ревматизмъ дѣло пустое пока... Ванны соленохвойныя... Когда вамъ удобно принимать?

— Да такъ... около часу, въ часъ. Вѣдь передъ обѣдомъ лучше?

— Конечно, не сейчасъ послѣ обѣда.

Мы вернулись въ кабинетъ.

Директоръ къ телефону.

Три минуты и рѣшеніе.

— Отъ часу до двухъ ваша очередь. Зданіе № 7, новое. Оста-
нетесь довольны... Свободный часъ даже въ томъ номерѣ, въ ко-
торомъ принималъ ванну великій князь... Вотъ, когда всѣ номера
будутъ такіе, и я буду доволенъ...

— А пока?

— Пока и я недоволенъ... Васъ удивляетъ откровенность? Вы думали, что я буду скрывать и все хвалить? Боже, избави! Что худо—то худо. Развѣ я не знаю. И васъ прошу все смотрѣть, не обижусь на правду. Что могу—дѣлаю, а выше силъ нельзя же!.. О Руссѣ писали въ газетахъ. Я говорилъ и говорю: пишете всю правду, скажу спасибо, только не клеветайте! Не люблю, когда врутъ и просто выдумываютъ ради остраго словечка. Нѣкоторые даже думаютъ: надо непременно ругать, это только дѣло, а то что гимны! Да кто же просить гимновъ, господа? Но не лгите и въ другую сторону. Всѣ данныя, которыя можно—къ вашимъ услу-
гамъ. Ну-съ,—добавилъ директоръ:—вотъ вамъ хартія и идите въ контору, тамъ у васъ возьмутъ плату за все, и вы можете начать лѣченіе.

Въ «хартіи» опредѣленъ родъ ваннъ, ихъ составъ: то-есть число шаекъ грязи, число ведеръ разсола, перегона и т. д., количество ваннъ и t° ихъ. Съ этимъ билетомъ отъ врача (не директора, а врача, то-есть каждый больной обращается къ какому угодно врачу) надо идти въ контору.

Я туда и отправился.

Контора находится вблизи 1-го ваннаго зданія. Это небольшая комната съ перегородкой. Вы подходите къ «окну» кассы и подаете билетикъ врача.

— Вы пованно или за сезонъ? — спросила меня конторщица.

— Какая разница?

— Сезонъ—35 и 30 рублей. 35 рублей—первый классъ, 30—второй. Пованно...

Она подала мнѣ таксу.

— Вамъ какія нужны ванны?... Соленохвойныя? 75 коп. ванна. Второй классъ—60 коп. А грязями будете лѣчиться?

— Не знаю, можетъ быть.

- Долго ли пробудете?
- Да съ мѣсяць, а то и всѣ шесть недѣль.
- Берите сезонный... лучше!

Я такъ и сдѣлалъ.

Впередъ знаешь сколько: разъ заплатилъ, и кончено... А то грязныя дорожки, соленохвойныя дешевле...

— И за питье газированной воды не придется вамъ платить: лѣчащіяся по абонементу ничего уже не платятъ за воду.

- Барышъ!
- Конечно, расчетъ!...
- А съ васъ еще 5 рублей сверхъ всего.
- За что?

— За право читать въ библиотекѣ, слушать музыку, посѣщать танцевальныя вечера и пр. и пр.

— И пр. и пр.? Отлично! А если я не хочу ничего этого?

— Это все равно. Если пованно, то каждая ванна дороже для тѣхъ, кто не вноситъ этого сезоннаго сбора, а для сезонныхъ этотъ взносъ обязательенъ.

Пять рублей — небольшая плата. За одно чтеніе въ любой библиотекѣ вы заплатите не меньше. Но чего нибудь да стоитъ же музыка!...

— А если бы я былъ семейный?—спросилъ я у конторщицы?— Семья—четыре, пять человѣкъ? Неужели 20—25 рублей?

— Что вы! За все семейство—8 рублей!... Здѣсь учитель одинъ лѣчится: у него четыре дочери, онъ, жена съ сестрой— всѣ за 8 рублей и музыку слушаютъ, и пляшутъ, и газеты читаютъ.

- Это не жалко!
- Получите билетикъ и квитанцію въ уплатѣ денегъ.

На билетикѣ написано названіе рода ваннъ, количество и т. д. Дубликатъ такого билетика посылается въ то ванное зданіе, гдѣ больной будетъ принимать ванны. Такъ какъ я сейчасъ же отправился брать ванну (было именно время, мнѣ определенное), то дубликатъ я взялъ съ собою, чтобы передать ванъщику.

Седьмое зданіе—самое лучшее въ курортѣ. Оно еще только что выстроено и даже не обшито снаружи. Не только комфортъ, но и роскошь. Въ этомъ зданіи устройство кабинетовъ приспособлено для лѣченія цѣльными грязевыми ваннами, для чего согрѣтая грязь будетъ доставляться въ особыхъ вагонеткахъ. Въ этотъ сезонъ еще такого способа лѣченія не производилось. Каждый кабинетъ въ седьмомъ зданіи состоитъ изъ 2-хъ комнатъ: ванной и раздѣльной.

— Въ какой кабинетъ?

Я подалъ билетикъ.

— А, въ великокняжескомъ... пожалуйста!

Въ седьмомъ зданіи два кабинета—такъ называемые великокняжескіе: мужской и женскій. Въ одномъ изъ нихъ и принималъ

ванну великій князь Владиміръ Александровичъ, бывший въ Руссѣ въ маѣ мѣсяцѣ. Отдѣлка обоихъ кабинетовъ — роскошная. вмѣсто обоевъ — кретоны. Потолокъ декорированъ тоже кретономъ въ видѣ звѣзды. Прекрасная обстановка.

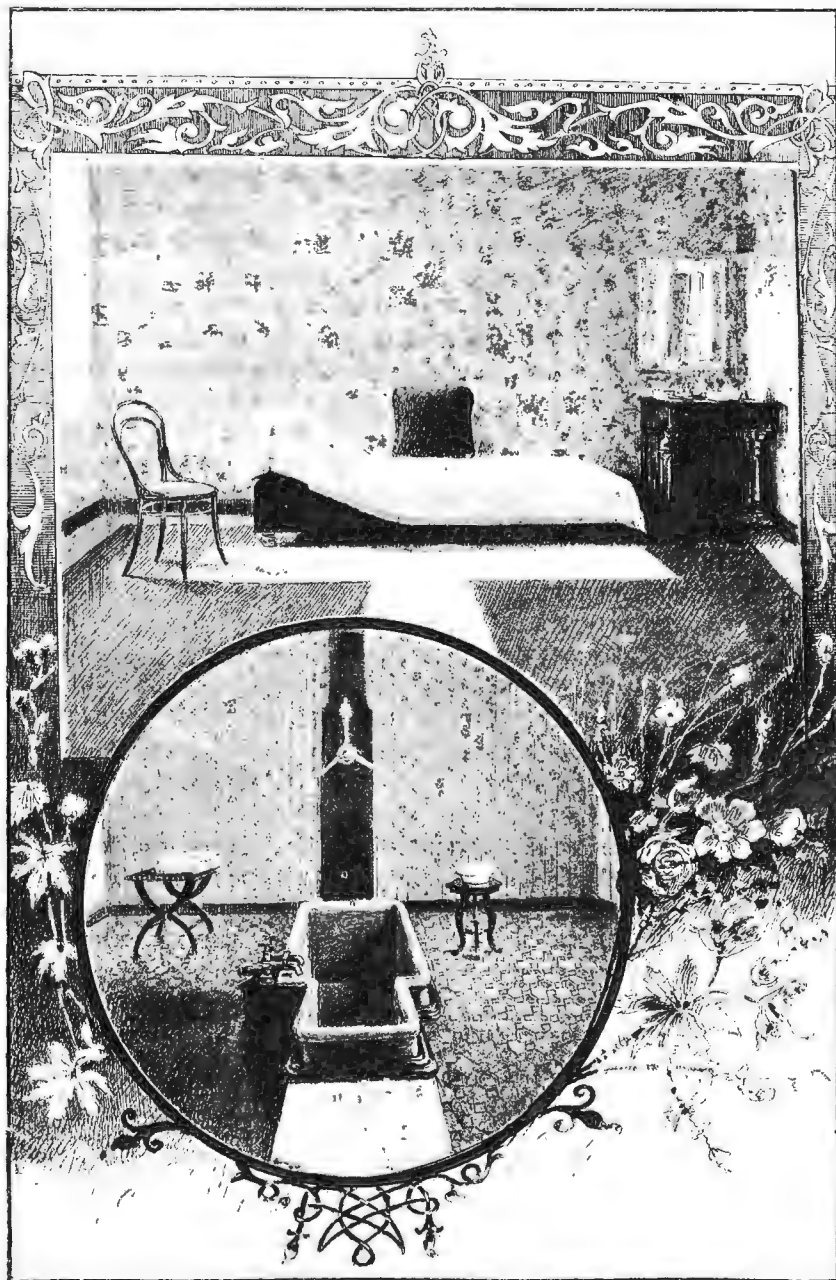
Прежде чѣмъ описывать дальше, я позволю себѣ маленькое отступление и коснусь пребыванія великаго князя въ Руссѣ, пользуясь рассказомъ одного изъ очевидцевъ.

Великій князь пріѣхалъ около 5-ти часовъ и направился прямо въ монастырь, чтобы поклониться иконѣ Старорусской Божіей Матери, находившейся 200 лѣтъ въ Тихвинѣ и только недавно перенесенной въ Руссу. Изъ монастыря великій князь прѣѣхалъ въ Запасный дворецъ, гдѣ останавливаются всѣ высокіе гости и живутъ новгородскіе губернаторы, когда пріѣзжаютъ въ Руссу...

Во дворѣ великаго князя ожидали представители города, земства, ремесленныхъ цеховъ, старшины, поднесшіе хлѣбъ-соль, земские начальники. Въ залѣ дворца собрались представители разныхъ министерствъ, и между ними директоръ минеральныхъ водъ, докторъ медицины Тиличевъ.

Послѣ пріема и непродолжительнаго отдыха великій князь въ сопровожденіи новгородскаго губернатора отправился въ паркъ минеральныхъ водъ и принялъ ванну. Директоръ заведенія просилъ великаго князя принять обѣдъ. Обѣденный столъ былъ накрытъ въ танцевальной залѣ, которая преобразилась въ цвѣтникъ. Противъ прибора великаго князя была устроена горка изъ живыхъ цвѣтовъ, въ которой помѣщены красиво задрапированные портреты государя императора и государыни императрицы; направо отъ стола на той же горкѣ помѣщался портретъ великаго князя, а налѣво — великой княгини Маріи Павловны. Воздухъ благоухалъ отъ безчисленнаго количества цвѣтовъ, красиво сгруппированныхъ въ отдѣльныя клумбы, и бока залы были обращены въ цвѣтники, среди которыхъ выступали изящныя статуи. Какъ только великій князь, при звукахъ военной музыки, занялъ мѣсто за столомъ, вся зала освѣтилась электричествомъ; особенно удачно вышли разноцвѣтные огоньки, которые, прячась между зеленью цвѣтовъ, придавали ей необыкновенный блескъ и красоту; еще большій, пожалуй, эффектъ производили электрическія лампочки, находившіяся въ глубинѣ ледяныхъ глыбъ, стоявшихъ по концамъ стола. Передъ приборомъ великаго князя и во всю середину стола было поставлено громадное плато изъ разныхъ сортовъ розъ, а по бокамъ плато между розъ выдѣлялись ананасы.

Высокій гость во время обѣда вспомнилъ то время, когда онъ послѣдній разъ былъ въ Руссѣ, и выразилъ удивленіе по поводу всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя сдѣланы за послѣдніе годы. Послѣ тоста за здоровье великаго князя и великой княгини его высочество обратился къ директору Тиличеву и сказалъ, что пьетъ за

Ванная комната въ здании № 7, въ Старой Руссѣ.

преуспѣяніе и процвѣтаніе водъ подъ его руководствомъ. Великій князь посѣтилъ театръ и остался очень доволенъ игрою артистовъ. Поздно вечеромъ паркъ былъ роскошно иллюминированъ.

Ваньчикъ, который приготавливалъ мнѣ ванну, съ восхищеніемъ рассказывалъ мнѣ объ иллюминаціи.

— И что за красота была... одно слово чудо!...

— Никогда раньше не видалъ?

— Ну, какъ не видать... Я въ Питерѣ живалъ... мало ли что видѣлъ... а и чудесно!... Ну, а здѣшнимъ въ диковину... Вѣдь гдѣ имъ? Только здѣсь у насъ въ паркѣ и посмотришь... Нашъ директоръ умѣетъ это и любить...

— Любить?

— Да-а... Потому у Сергѣя Васильевича есть понятіе и все!... Тутъ деньги что?... Безъ понятіевъ нельзя... Возьмите вы хотя... не знаю, кто вы будете?... Купецъ или...

— Не купецъ только...

— Ну, вотъ... Возьмите вы богатаго купца и барина... Купцу сколь хочешь дай денегъ, а того не выйдетъ.

— Ну?

— Известно!... Потому нѣтъ того понятія и ходу настоящаго... Онъ тебѣ наозорничать можетъ, дѣпочку въ фунтъ напаялить... а того фасону не выйдетъ... Ну, а у барина иной порядокъ...

Не знаю, дѣйствительно ли у барина хорошій порядокъ всегда, а порядокъ на водахъ мнѣ понравился сразу.

При мнѣ ваньчикъ Павелъ щеткой съ водой вымылъ всю ванну.

— И это всегда такъ?

— Кажинный разъ!

— И вездѣ? Во всѣхъ номерахъ?

— Во всѣхъ. А то какъ же? У насъ на это строго. До прихода больного и не мой, а при немъ, чтобы безъ сумленія значить... Теперь вы впервой, и я не зналъ, значить, что для васъ требуется... а потомъ всю музыку до васъ исправимъ.

«Музыкой» Павелъ называлъ принесеніе ведеръ разсола, перегона и т. д. Онъ «музыку» справилъ живо. Но надо о ней сказать нѣсколько словъ.

Разсолъ, прибавляемый въ воду, приготавливается на бывшемъ солеваренномъ заводѣ слѣдующимъ образомъ: вода изъ соленого источника, поднимаясь насосами на градирь, спускается каплями по градирнымъ прутьямъ, испаряется и оставляетъ на прутьяхъ часть известковыхъ солей. Сгущенная вода выпаривается посредствомъ нагрѣванія до появленія первыхъ кристалловъ соли. Разсолъ сливается въ особый резервуаръ. Кромѣ разсола, въ воду прибавляютъ и перегонъ или отваръ. Хвойный перегонъ или отваръ приготавливается (въ особыхъ перегонныхъ котлахъ) изъ свѣжихъ сосно-

выхъ побѣговъ и молодыхъ шишекъ. Хвоя рѣжется на мелкіе куски и подвергается въ мѣшкахъ продолжительному кипяченію въ прѣсной водѣ. Парь вмѣстѣ съ эфирными маслами осаждается въ холодильникѣ и въ видѣ готоваго перегона собирается въ особый резервуаръ.

— Ну, начнемъ колдовать. — сказала Павелъ.

Онъ влилъ опредѣленное число ведеръ разсолу и перегону, и напустилъ изъ крана соленой воды.

— Сколько градусовъ-то? 28? Готово!

Замѣчательно удобныя ванны. Вамъ не надо «лѣзть», а вы спускаетесь по ступенькамъ въ ванну... Сразу дѣлается пріятно. Ароматъ, точно въ лѣсу, гдѣ много сосенъ.

— Купайтесь на здоровье... Ровно 20 минутъ... Я побѣгу строить музыку въ другой номеръ... А возлѣ васъ звонокъ...

Электрическій звонокъ — только протянуть руку.

Послѣ десяти минутъ мной овладѣла сладкая истома... Ванна длинная и широкая. Можно «булькаться» сколько угодно. Но не хочется... Наступаетъ блаженное состояніе; я не охотно вышелъ изъ ванны.

— Никакъ понравилось?

— Очень!

— Завтра милости просимъ...

— А это что: дѣшъ?

— Дѣшъ... Коли докторъ пропишетъ, я васъ угощу на славу...

Но въ билетикѣ не прописано...

Изъ ванны до дивана въ слѣдующей комнатѣ — по полу идетъ толстый половикъ.

Сразу послѣ ванны нѣсколько свѣжо. Но вотъ сильныя руки Павла «прошлись» по тѣлу — и оно загорѣлось.

Быстро одѣваюсь и иду въ паркъ прогуляться передъ обѣдомъ.

— У васъ своя простынька будетъ? — спросилъ Павелъ.

— А что?

— Можете свою, а то казенная: 10 коп. за разъ. Чистая, безъ сумленья: подъ бандеролью, кажинный разъ беремъ у надзирательницы.

— Я свою принесу.

— Чудесно. И экономнѣе... А ужъ будьте спокойны: никто, кромѣ васъ...

Такъ хорошо на солнцѣ. Такъ весело чувствуешь себя... Я началъ ходить по площадкѣ около музыки...

— Газетъ неудобно ли? предложилъ мальчикъ, подходя ко мнѣ.

— Газеты... вѣтъ ли у тебя здѣшняго «Сезоннаго Листка»?

— Есть...

— Послѣдній?

— Самый послѣдній! Да онъ выходитъ, не какъ другія... когда наберется «матеріаль».

Но весь этотъ «матеріаль» состоитъ изъ объявленій и списка прѣзжающихъ на сезонъ въ Руссу.

А когда-то «Сезонный Листокъ» былъ не такимъ. Онъ издавался одно время извѣстнымъ актеромъ Мерянскимъ, и тогда въ «Листкѣ» было что читать. Серьезный матеріаль перемѣшивался съ фельетонными и другими статейками, не лишенными даже остроумія и соли...

Въ заключеніе этой главы расскажу въ немногихъ словахъ исторію старорусскаго курорта. Она любопытна.

Старорусскія воды—давнымъ давно извѣстны. Пока еще врачи не изволили знать о нихъ, народъ уже лѣчился ими отъ разныхъ болѣзней.

Но вотъ д-ръ Газъ въ 1815 году обратилъ на воды благосклонное вниманіе, сдѣлавъ изслѣдованіе ихъ. Но и только.

Въ 1828 году другой врачъ, лейбъ-медикъ Раухъ, посѣтилъ Руссу и обратилъ на воды еще болѣе благосклонное вниманіе. Цѣлебность водъ была признана научнымъ авторитетомъ.

Воду начали выписывать въ Петербургъ. Результаты—прекрасные.

Раухъ нашель недурнымъ устроить въ Руссѣ постоянное лѣчебное заведеніе.

Эта мысль понравилась военному министру Чернышеву. Приступили къ дѣлу. Выработали планъ, и въ 1834 году возникло зданіе для 8 ваннъ возлѣ Директорскаго источника. Но лѣченіе было предоставлено только солдатамъ.

Дѣло начало расти. Возникло 2-е зданіе, были устроены 2 большихъ бассейна, въ которыхъ могли купаться заразъ нѣсколько человѣкъ. Тутъ вспомнили уже о «дворянахъ».

Въ 1839 году возникло 3-е отдѣленіе — кадетское: 12 кабинетовъ и 2 бассейна.

Еще дальше—и возникаютъ два большихъ бассейна, которые по причинѣ громадной величины были вкопаны въ землю для скорѣйшаго наполненія ихъ минеральною водою изъ источника и соленого озера. Возникаютъ грязевыя ванны.

Въ 1854 году минеральныя воды переходятъ въ вѣдѣніе удѣльнаго вѣдомства; выстроивается курзалъ, пробуравливается новый артезіанскій колодезь, называемый Муравьевскимъ.

Въ 1866 году Старорусскія воды переходятъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Оно пугается дефицита въ какія-то 7.000 р. и отдаетъ воды въ аренду малоизвѣстному лѣкарю Рохелю на 24 года. Всякая конкуренція устранена. Не было ни объявленій, ни торговъ на снятіе аренды. Воды сданы въ аренду не только бесплатно, но даже съ выдачей Рохелю единовременной субсидіи

въ 25 тысячъ и ежегодной приплатой по 4 тысячѣ за пользованіе ваннами военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Кажется, довольно? Но вотъ министерство потребовало, чтобы Рохель замѣнилъ на солеваренномъ заводѣ вододѣйствующую силу паровой. Г. Рохель—готовъ. Ему выдаютъ 6 тысячъ единовременно, и министерство обязывается ему выдавать ежегодно по 8 тысячъ на содержаніе паровой машины. Итого, Рохель получилъ: 25 тысячъ, солеваренный заводъ, право произвольно увеличивать таксу за пользованіе ваннами, ежегодную субсидію въ 12 тысячъ... А что получила казна, испугавшаяся дефицита въ 7 тысячъ? Да ничего. Но г. Рохель цѣлые два года не ставилъ никакой машины, а потомъ поставилъ вмѣсто нея плохой, слабосильный инженторъ. И царству его не было бы конца—срока аренды, если бы въ дѣло не вмѣшался новгородскій губернаторъ Мосоловъ, пожелавшій спасти Старорусскія воды отъ окончательнаго упадка. Его просьба была уважена. У Рохеля отобрали воды ранѣе окончанія срока аренды. Что же получила казна? Курортъ—который былъ уроненъ въ глазахъ публики на столько, что многіе боялись ѣхать. Паркъ запущенъ, принялъ видъ болота; рѣшетки, галлерей полусгнили. Вездѣ — неряшливость. А сколько денегъ передано Рохелю? Онъ обогатился, изъ бѣднаго лѣкаря ставши владѣльцемъ богатаго имѣнія. А казна? Она опять должна давать деньги и деньги, чтобы поднять курортъ, который стоялъ уже на дорогѣ. Новая дерекція энергично работаетъ. Но нужны деньги. Это уже не тотъ дефицитъ, который такъ напугалъ когда-то министерство внутреннихъ дѣлъ. Конечно, современемъ все покроется. Но и деньги ухлопаны, и время потеряно. Теперь курортъ могъ бы быть уже на той высотѣ, на которую поставить еще только мечтаетъ его энергичный директоръ. Минусовъ не мало. Но онъ не повиненъ въ нихъ. Они должны быть отнесены на счетъ совсѣмъ другихъ лицъ. Легко бросить топоръ въ рѣку. А вытащить его труднѣе. Испорченное Рохелемъ въ теченіе многихъ лѣтъ—нельзя исправить сразу.

Развѣ это не исторія въ чисто русскомъ вкусѣ?

Ал. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПИСЬМО В. В. КРЕСТОВСКАГО.

ЕДАВНЯЯ кончина Всеволода Владиміровича Крестовскаго невольно вызываетъ воспоминанія объ этомъ талантливомъ писателѣ и симпатичномъ чловѣкѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (декабрьская книжка 1890 г.) была уже сдѣлана оцѣнка его литературной дѣятельности въ обстоятельной статьѣ А. И. Введенскаго. Теперь настало время собирать матеріалы для его біографіи и характеристики. Въ этихъ видахъ мы печатаемъ письмо Крестовскаго къ А. В. Жиркевичу, къ литературнымъ начинаніямъ котораго покойный писатель относился съ живымъ участіемъ. Письмо это, по нашему мнѣнію, имѣетъ значеніе не только для біографіи Крестовскаго, но представляетъ и обще-литературный интересъ. Кромѣ того, оно опровергаетъ странную и нелѣпую клевету, кѣмъ-то пущенную и попавшую даже на страницы періодической печати, будто Крестовскій написалъ романъ «Петербургскія трущобы» не по личнымъ, непосредственнымъ своимъ наблюденіямъ, а лишь «подписалъ» свое имя подъ произведеніемъ Помяловскаго.

«Дорогой Александръ Владиміровичъ.

«Отвѣчаю вамъ на ваше письмо, ровно мѣсяць спустя по его полученіи—видите, какая «образцовая» аккуратность!... Но что же дѣлать, ругайте меня, или не ругайте, а скажу одно: рѣшительно некогда было отвѣчать ни на одно изъ полученныхъ мною за это время писемъ, потому что былъ заваленъ срочною работою, какъ литературной, такъ и казенной, и пока не кончилъ той и другой, самъ себѣ не принадлежалъ. Поэтому простите.

«Вы просите меня отвѣтить вамъ на два, существенно для васъ важныхъ, вопроса, а именно:

«1) надо ли составлять (писать) планъ большой вещи заранѣе, или довольно его обдумать, а затѣмъ уже развивать планъ, по мѣрѣ писанія?—и

«2) необходимо ли заставлять себя писать каждый день, не справляясь съ настроеніемъ, или надо подкарауливать это благопріятное настроеніе?

«Отвѣчать вамъ на эти вопросы категорическимъ образомъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ вопросы и приемы всякаго творчества есть дѣло крайне условное, и вывести для нихъ какой либо общій опредѣленный законъ нельзя. Тутъ, все равно, что у пѣвчихъ птицъ: всякая поетъ на свой ладъ или по пословицѣ—всякъ молодецъ на свой образецъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что покойный Ф. М. Достоевскій, по собственному его признанію, однажды мнѣ сдѣланному, принимался иногда за свои большія вещи (и именно за большія), имѣя въ головѣ одну только общую идею даннаго произведенія, но безъ всякой выработки плана, который развивался уже потомъ, какъ бы самъ собою, изъ самого произведенія, по мѣрѣ того, какъ оно писалось. Такимъ образомъ было, напримѣръ, съ «Подрасткомъ», котораго дописавъ почти до середины, авторъ, по его словамъ, и самъ не зналъ еще, какъ и чѣмъ закончить. Другіе же, какъ, напримѣръ, Тургеневъ и Гончаровъ, на сколько извѣстно, работали всегда по заранѣе выработанному плану.

«Точно также и относительно вопроса, заставлять ли себя писать, или подкарауливать благопріятное настроеніе. Извѣстно, что Викторъ Гюго, во время своей жизни въ Брюсселѣ, работая надъ романомъ, писалъ его ежедневно, утромъ и вечеромъ, сидя при этомъ за конторкой табачной лавочки того хозяина, у котораго нанималъ себѣ комнату, при чемъ нерѣдко случалось, что въ отсутствіе этого хозяина и его домашнихъ онъ самъ продавалъ входившимъ покупателямъ папиросы и сигары, отрываясь для этого отъ работы, и, что всего удивительнѣе, эти отрыванія, нерѣдко весьма частыя, почти безпрестанныя, не мѣшали въ общемъ стройному ходу его работы. Вальтеръ-Скоттъ, на сколько извѣстно, всѣ свои романы писалъ посредствомъ аккуратной ежедневной работы и притомъ отнюдь не свыше заранѣе и разъ навсегда опредѣленнаго размѣра для механическаго труда писанья — одна страница въ день. Это, если хотите, самый производительный, относительно количества, способъ работы. Эмиль Золя тоже придерживается ежедневнаго способа, опредѣливъ себѣ для этого разъ навсегда извѣстные часы своего утра, и чуть стрѣлка его часовъ показываетъ ему условленное время, онъ немедленно прекращаетъ свое писанье до слѣдующаго дня, и это, какъ видите, не мѣшаетъ достоинству его работы.

«Изъ этого вы, пожалуй, выведете заключеніе, что я отдаю предпочтеніе аккуратной ежедневной работѣ. На это я вамъ отвѣчу одно: блаженъ, кто можетъ, или, «могій вмѣстити, да вмѣститъ». Лично же я къ такому процессу работы не чувствую себя въ силахъ, да думаю, что и ни одинъ изъ русскихъ писателей къ нему неспособенъ. Это какой-то особенный, исключительно западный, европейскій способъ, а мы для него слишкомъ безалаберны и невзвзданы вообще.

«На оба ваши вопроса я могу наиболѣе опредѣленнымъ образомъ отвѣчать, лишь по скольку они касаются меня лично. Не знаю, какъ другіе мои современные собраты, но я никогда не принимаюсь за механическій трудъ писанья какой бы то ни было своей беллетристической, тѣмъ болѣе большой, вещи ранѣе, чѣмъ у меня не сложится въ головѣ весь ея планъ, въ общемъ, со всѣми главными и даже второстепенными дѣйствующими лицами, ихъ положеніями, столкновеніями, соотношеніями и проч. При этомъ намѣчаются въ главнѣйшихъ чертахъ и нѣкоторыя первостепеннаго значенія сцены. Но это все только въ головѣ, а не на бумагѣ. Мнѣ кажется, что бумажные планы только стѣсняли бы меня. Итакъ, прежде всего является общая идея произведенія, т. е. что именно хотите вы имъ сказать, его *raison d'être*, его право на существованіе и на вниманіе къ нему читателя. Затѣмъ, соотвѣтственно этой идеѣ, у меня вырабатывается общій планъ романа, его типы и прочее, о чемъ сказано выше. Планъ зтотъ (у меня по крайней мѣрѣ) всегда требуетъ большой подготовки, т. е. изученія своего предмета. Такъ, для «Трущобъ» я посвятилъ около девяти мѣсяцевъ на предварительное знакомство съ трущобнымъ міромъ, посѣщалъ камеры слѣдственныхъ приставовъ, тюрьмы, суды, притоны Сѣнной площади (домъ Вяземскаго) и проч., и работалъ, благодаря тогдашнему прокурору князю Хованскому и покойному Христіановичу, въ архивахъ старыхъ судебныхъ мѣстъ Петербурга, откуда и почерпнулъ многіе эпизоды для романа. Чтобы написать «Кровавый Пуфъ» потребовалось не только теоретическое изученіе польскаго вопроса по источникамъ, но и непосредственное соприкосновеніе съ нимъ въ самой жизни, что и дала мнѣ моя служба въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ. Для «Дѣдовъ» пришлось по источникамъ изучать эпоху послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II и царствованіе императора Павла. Наконецъ, для послѣдней моей трилогіи «Жидъ идетъ!» употреблено до десяти лѣтъ на изученіе литературы даннаго вопроса, библіи, талмуда и проч., не говоря уже о личномъ, практическомъ знакомствѣ съ еврейскимъ міромъ и бытомъ, которое далось мнѣ опять таки жизнью и службой среди жидовскихъ палестинъ Западнаго края. Но при всемъ этомъ первенствующее значеніе я даю никакъ не теоретической подготовкѣ по источникамъ, а самой жизни, т. е. тѣмъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, какія она на меня производитъ при знакомствѣ съ нею, ея бытомъ, типами

и соотношеніями въ массѣ ежедневныхъ соприкосновеній моихъ съ нею. Затѣмъ, что касается собственно фабулы романа, или такъ называемаго сюжета, то это никогда не представляло для меня ни малѣйшаго затрудненія, и я вамъ сочинию любой сюжетъ сразу, въ полъ-часа, лишь бы были: 1) главная основная идея, 1) знакомство съ даннымъ предметомъ и 3) живые образы, даваемые самую жизнь въ ея типахъ и бытѣ данной среды.

«Что касается до системы моей работы, то тутъ, говоря по правдѣ, у меня нѣтъ никакой опредѣленной системы. Случается, что я по два, по три мѣсяца и пера не беру въ руки, а затѣмъ случается, что по 16-ти часовъ въ сутки не отрываюсь отъ работы. Это какъ когда. Нужно писать—пишешь, когда и не хочется, пока не раскачаешься, какъ языкъ у колокола, а тамъ уже и пойдетъ... Трудно всегда бываетъ только вначалѣ, когда, послѣ долгаго перерыва, принимаешься за работу, и здѣсь надо всегда себя пересилить, заставить себя сѣсть и работать. А какъ раскачаешься, то дальнѣйшая работа пойдетъ уже все легче и легче, и тутъ уже охота къ ней и надлежащее вдохновеніе явятся сами собою. Многіе образы и детальныя сцены приходятъ въ голову какъ бы сами собою, внезапно, во время самаго писанья, то-есть, какъ говорится, выливаются изъ-подъ пера, и я всегда пишу ихъ, ничто же сумняся, а оцѣниваю, на сколько они пригодны и умѣстны въ общей картинѣ и постройкѣ романа, уже впослѣдствіи, при дальнѣйшей обработкѣ своей вещи, когда само по себѣ является критическое къ ней отношеніе. Поэтому, конечно, кое-что приходится и исключать изъ написаннаго сгоряча, но многое и остается.

«Писать могу я при всякой обстановкѣ: случалось писывать и на боевыхъ позиціяхъ подъ Плевной, и въ темной землянкѣ, въ Боготѣ, гдѣ на пространствѣ шести квадратныхъ аршинъ ютилось насъ пять человекъ офицеровъ, къ которымъ, бывало, придутъ еще гости, и всѣ они болтають, поють, смѣются или винтятъ, а ты себѣ пишешь, не смотря ни на что, потому—надо кончать срочную корреспонденцію въ газету. Но для беллетристической работы я предпочитаю ночное время, когда уже никто и ничто меня не беспокоитъ, и пишу почти исключительно ночами, если только работа требуетъ отъ меня въ извѣстной степени творческой способности.

«Изъ всего изложеннаго вы сами, надѣюсь, видите, что въ процессѣ всякой творческой работы нѣтъ и не можетъ, по существу самаго дѣла, быть никакихъ твердо установленныхъ рамокъ, никакого шаблона. Единственный совѣтъ, какой могу поэтому дать на вашу просьбу, это вотъ что: пишите, какъ пишется, какъ вамъ самому больше нравится. Это и будетъ вашъ личный способъ работы. Но помните только одно: прежде чѣмъ приняться за какую либо вещь, надо всегда самому себѣ дать ясный отчетъ въ ея *raison d'être*, то-есть въ ея главной идеѣ, ради чего собственно

она и пишется, и въ чемъ, какъ сказано выше, заключается ея право на бытіе. Надо всегда, чтобы писатель имѣлъ что сказать свое и отъ себя, и только тогда онъ будетъ читаемъ. А для этого прежде всего нужна искренность вашего личнаго отношенія къ дѣлу и къ данному вопросу, составляющему *raison d'être* той вещи, за которую вы садитесь, какъ писатель. Если вамъ нечего сказать своего, лучше не пишите, а повремените, пока явится эта внутренняя потребность высказаться. А она явится непременно, и тогда—съ Богомъ! Беритесь смѣло за перо и принимайтесь за дѣло! То или другое «направленіе» тутъ рѣшительно не при чемъ. Я признаю всякое «направленіе» въ писателѣ, если только онъ искрененъ. Можете быть мрачнѣйшимъ пессимистомъ, или усвоить себѣ Пангловское убѣжденіе, что «все къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ»,—въ сущности, это рѣшительно все равно, если только вы искренни. Вы смѣтрите такъ на извѣстный предметъ, я иначе, третій еще какънибудь иначе; но если всѣ мы одинаково искренни въ своемъ нравственномъ отношеніи къ нашему дѣлу и къ данному предмету, то каковы бы ни были при этомъ личныя наши точки зрѣнія и наши «направленія», избранный нами предметъ въ писаніяхъ нашихъ все-таки явится живымъ, съ плотью и кровью его, но только въ различномъ освѣщеніи. И отъ этого самый интересъ даннаго предмета въ глазахъ читателя нисколько не проиграетъ. Вотъ вамъ, на примѣръ, Элиза Оржешко, которая въ романѣ своемъ «Мейеръ Езофовичъ» беретъ предметомъ своего повѣствованія еврейскій бытъ Западнаго края и относится къ нему самымъ симпатичнѣйшимъ образомъ. Вы можете не соглашаться съ нею въ ея личныхъ симпатіяхъ къ еврейству, но, тѣмъ не менѣе, будете съ увлеченіемъ зачитываться этою вещью, видя передъ собою живые образы и живой міръ во всѣхъ его краскахъ. А отчего? Оттого, что авторъ прежде всего самъ глубоко искрененъ. Съ другой стороны беру самого себя. Я тоже въ своей трилогіи «Жидъ идетъ!» избралъ своимъ предметомъ еврейство и, по преимуществу, еврейство Западнаго же края, но только симпатіи мои къ этому міру діаметрально противоположны съ Элизой Оржешко. И тѣмъ не менѣе вы пишете мнѣ, что зачитываетесь «Тьмою Египетской» и «Тамарой». Смѣю думать, что это, помимо извѣстной дозы таланта, зависитъ прежде всего отъ глубоко искренняго отношенія моего къ избранной мною темѣ. Надо, повторяю еще разъ, чтобы каждый авторъ, претендующій на вниманіе къ себѣ читателя, имѣлъ что сказать ему свое, и сказалъ бы это «свое» искренно. Въ этомъ—главное, а остальное есть уже дѣло бѣльшаго или меньшаго таланта. Но вѣдь не все же Шекспіры и Гюго, не все же Пушкины и Толстые; читается и нашъ братъ, скромный второстепенный и третьестепенный писатель, если онъ искренно и честно относится къ своему дѣлу. Dixi! Весь вашъ

25 февраля, 1892 г.

«Вс. Крестовскій».

НЕРАЗГАДАННАЯ КНИГА.

РЕДИ книгъ, входящихъ въ число замѣчательнѣйшихъ произведеній словесности, занимаетъ видное мѣсто романъ Гончарова «Обрывъ», не смотря на всѣ тѣ отрицательныя сужденія, которыя произносились и произносятся надъ этимъ третьимъ изъ трехъ блестящихъ созданий автора «Обломова». Если придерживаться классической мудрости, которая гласитъ, что книги имѣютъ странную судьбу, то это болѣе чѣмъ приложимо къ роману «Обрывъ», вотъ уже четверть вѣка находящемуся въ распоряженіи читающей публики. Но эта публика разбивается на нѣсколько отрядовъ, а у каждаго изъ нихъ «свой умъ и толкъ», по выраженію Пушкина. Одни остаются при убѣжденіи, что эта книга обскурантная въ такомъ же родѣ, какъ «Взбаломученное море», «Марево», «Панургово стадо», а равно «Отцы и Дѣти» и «Дымъ», и не могутъ простить Гончарову карикатурную фигуру Марка Волохова. Другіе откровенно признаются, что романъ слишкомъ растянутъ, скученъ, при чтеніи не могутъ выбраться изъ дебрей открывающаго романъ эпизода съ Бѣловодовой и уже съ этого эпизода получаютъ отвращеніе къ Райскому, между тѣмъ какъ Райскій, а не Маркъ Волоховъ, и есть самый герой романа. Но третьи—и это уже не читатели, а читательницы, преимущественно матери дочерей на возрастѣ. Эти добродѣтельныя маменьки тщетно селятся уберечь своихъ дочекъ отъ прочтенія зловреднаго романа, говоря, что это для нихъ слишкомъ рано, и вамъ слышится въ охранительномъ тонѣ ихъ

рѣчей скрытое признаніе, что онѣ по горькому опыту знаютъ, въ какой мѣрѣ захватывающее впечатлѣніе производитъ знаменитая сцена въ обрывѣ.

Признанія самого автора показываютъ намъ, что маменьки проницательнѣе односторонней критики, что авторъ, быть можетъ, больше всего имѣлъ въ виду, приступая къ созданію своего «Обрыва», именно то, что внушаетъ матерямъ такія опасенія за своихъ дочерей.

Гончаровъ еще при жизни раскрывалъ тѣ затаенныя мысли, съ которыми онъ выпустилъ въ свѣтъ «Обрывъ». Въ 1869 году «Обрывъ» появился въ «Вѣстникѣ Европы», а въ 1875 г. Гончаровъ напечаталъ свой критическій этюдъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», объясняясь съ публикой относительно всѣхъ трехъ своихъ романовъ. Въ настоящее время въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» (январь, 1895) опубликовано княгиней М. Волконской письмо покойнаго писателя къ старому ея другу, пожелавшему, чтобы имя его осталось въ печати неупомянутымъ, и собственныя замѣчанія автора объ «Обрывѣ», предназначенныя, какъ говоритъ княгиня Волконская, для сообщенія «высокой особѣ, покровительствовавшей даровитому писателю, которая еще до прочтенія романа, услышавъ объ его содержаніи, сказала, что она глубоко сожалѣетъ, что Гончаровъ не пощадилъ святыхъ сѣдинъ бабушки».

Изъ письма Гончарова, къ сожалѣнію, точно не датированнаго (5—17 іюля, Boehmen, Marienbad), видно, что онъ адресуетъ это свое письмо въ Ливадію, черезъ Одессу, а другое, и при немъ рукопись своихъ замѣчаній объ «Обрывѣ», въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ, для отправленія въ Ливадію. Редакція «Русскаго Обозрѣнія», съ своей стороны, назвала эту рукопись критическимъ очеркомъ и придала ей заглавіе: «Намѣренія, задачи и идеи романа «Обрывъ». Этотъ очеркъ является далеко не лишнимъ по сравненію со статьей «Лучше поздно, чѣмъ никогда», хотя въ немъ говорится не мало вполне тождественнаго съ этой статьей. Въ манускриптѣ своемъ, очевидно, не предназначавшемся для печати, Гончаровъ гораздо проще и искреннѣе.

То, что планъ романа «Обрывъ» родился у Гончарова въ 1849 г., т. е. тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ «Обыкновенной исторіи», мы уже знаемъ изъ статьи «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Тамъ же есть и другое признаніе, что первоначально автора больше всего занимали три лица: Райскій, бабушка и Вѣра, но особенно Райскій,—прибавляетъ Гончаровъ въ своей печатной статьѣ и затѣмъ тратитъ очень много чернилъ на объясненіе Райскаго.

Нѣсколько иначе поступаетъ Гончаровъ въ своемъ интимномъ манускриптѣ. Излагая эволюцію своего романа, исходнымъ пунктомъ котораго онъ опять-таки ставитъ тоже триединство: бабушка, Райскій и Вѣра,—Гончаровъ признается, что прежде всего онъ

«сосредоточился на Вѣрѣ, на образѣ ея честной, женской любви, обратившейся по несчастнымъ обстоятельствамъ въ гибельную страсть» («Русское Обзорѣніе», 7).

Предметомъ этой гибельной страсти, по первоначальному плану романа, долженъ былъ явиться не Волоховъ, роспій въ воображеніи автора съ 1849 по 1869 годъ и случившій свои окончательныя очертанія уже подъ впечатлѣніями того, что дали шестидесятые годы, но «другая личность—также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своимъ новымъ и либеральнымъ идеямъ, въ службѣ и въ петербургскомъ обществѣ и посланная на жительство въ провинцію» («Русское Обзорѣніе», 17). Личность эта предполагалась «болѣе сдержанная и воспитанная, нежели Волоховъ».

«Вѣра,—рассказываетъ намъ авторъ свои не осуществившіяся предположенія,—вопреки волѣ бабушки и цѣлаго общества, увлеклась (также, какъ Волоховымъ) страстью къ нему и потомъ, вышедши за него замужъ, уѣхала съ нимъ въ Сибирь, куда послали его на житье за его политическія убѣжденія».

Какъ искренній и нѣскольکو, каюсъ въ томъ, наивный любитель литературы, я грущу, что Гончаровъ не провелъ своего романа именно въ такомъ родѣ, какъ онъ у него слагался въ первоначальныхъ очертаніяхъ. Это былъ бы романъ русской женщины, страстной, порывистой натуры, развивающейся на почвѣ богатыхъ природныхъ условій. Развинченный петербургскій человѣкъ (Райскій) пріѣхалъ на Волгу, на мѣсто старыхъ воспоминаній ранней молодости, увидѣлъ прелестную дѣвушку (Вѣру) и влюбился. Но прелестная дѣвушка, сотканная изъ потребности сильнаго чувства, находитъ для этого чувства болѣе подходящее помѣщеніе и отдается человѣку болѣе опредѣленному въ очертаніяхъ своего типа, хотя и пришедшему на ея берегъ изъ того же «міра иного» петербургскаго, который такъ исковеркалъ Райскаго.

Это былъ бы романъ страстей, какъ о томъ мечталъ, судя по его признаніямъ, и самъ авторъ. «Меня увлекали,—говоритъ онъ,—проявленія страсти въ чистой и гордой натурѣ женщины и борьба ея съ нею. Вообще меня всюду поражалъ процессъ разнообразнаго проявленія страсти, т. е. любви, который, что бы ни говорили, имѣетъ громадное вліяніе на судьбу и людей, и людскихъ дѣлъ. Я наблюдалъ игру этой страсти всюду, гдѣ видѣлъ ея признаки, и всегда порывался изобразить, можетъ быть, потому, что игра страстей даетъ художнику богатый матеріалъ живыхъ эффектовъ, драматическихъ положеній и сообщаетъ больше жизни его созданіямъ» (7).

И среди всѣхъ этихъ страстей, занимавшихъ воображеніе нашего автора, при созданіи романа «Обрывъ», его больше всего занимала страсть Вѣры, а остальные явились, какъ параллели для сопоставленія и уясненія въ сравненіи. «Работая надъ серьезной

и пылкой страстью, я невольно, — говоритъ Гончаровъ, — расшевелилъ и исчерпалъ въ романѣ почти всѣ образы страстей. Явилась страсть Райскаго къ Вѣрѣ, особый видъ страсти, свойственный его характеру, потомъ страсть Тушина къ ней же, глубокая, разумно-человѣческая, основанная на сознаниіи и убѣжденіи въ нравственныхъ совершенствахъ Вѣры; далѣе безсознательная, почти слѣпая страсть учителя Козлова къ своей невѣрной женѣ; наконецъ дикая, животная, но упорная страсть простого мужика Савелія къ женѣ его Маріанѣ, этой крѣпостной Мессалинѣ» (8). Что касается Бѣловодовой и Марѣиньки, то, по объясненію Гончарова, онѣ понадобились ему въ цѣляхъ той же концепціи, для противоположности выше перечисленнымъ страстямъ, какъ женскія фигуры безъ всякаго признака страстей.

Но не останавливаясь, какъ на задачѣ романа, на изображеніи игры страстей, Гончаровъ, если вѣрить искренности его признаній, не сдѣланныхъ имъ въ свое время печатно (см. ст. «Лучше поздно»), имѣлъ въ виду, подъ покровомъ своихъ образовъ, высказаться по одному вопросу, тѣсно связанному съ игрой страстей. «Меня давно, — говоритъ онъ, — смолоду занималъ одинъ изъ важныхъ, вопіющихъ по своей несправедливости вопросовъ: это вопросъ относительно паденія женщинъ. Меня всегда поражали: во-первыхъ, грубость въ понятіи, которымъ опредѣлялось это паденіе, а во-вторыхъ — несправедливость и жестокость, обрушиваемая на женщину за всякое паденіе, какими бы оно обстоятельствами ни сопровождалось... Между тѣмъ, общество биткомъ набито такими женщинами, которыхъ рѣшетка тюрьмы, то-есть страхъ, строгость узды, а иногда еще хуже — расчетъ на выгоды, уберегли отъ факта, но которыя тысячу разъ падали и до замужества, и въ замужествѣ, тратя всѣ женскія чувства на всякаго встрѣчнаго въ раздражительной игрѣ кокетства, легкомыслія, празднаго тасканья, притворныхъ нѣжностей, взглядовъ и т. п., куда уходитъ все, что есть умнаго, тонкаго, честнаго и правдиваго въ женщинѣ» (15).

Гончаровъ въ своихъ признаніяхъ горячо вооружается противъ «тяжкой отвѣтственности, которой слѣпо и безъ разбору подвергаютъ женщинъ» (16), и говоритъ, что въ своемъ романѣ онъ взялъ на себя «защиту этого дѣла», постаравшись изобразить «двухъ виноватыхъ въ фактахъ, но не падшихъ женщинъ». Эти женщины бабушка и Вѣра.

Давая ихъ нравственные облики, одинъ уже заверченный, съ подведеннымъ итогомъ жизни, другой — въ моментъ только что пережитой драмы, изъ которой юная героиня вышла морально устоявшей, по выраженію Гончарова (16), онъ дѣйствительно тѣмъ самымъ выступаетъ противъ фарисеевъ морали и защищаетъ для женщины право человѣка на достоинство, не запятнанное извѣстнымъ фактомъ, судятъ о которомъ, какъ справедливо говоритъ

Гончаровъ, «не справляясь съ предшествовавшими обстоятельствами: ни съ лѣтами, ни съ воспитаніемъ, ни съ обстановкой, ни вообще съ судьбою виновной дѣвушки. Ранняя молодость, сиротство или отсутствіе руководства, экзальтація нервической натуры — ничто не извиняетъ жертву, и она теряетъ всѣ женскія права на всю жизнь и нерѣдко, въ безнадежности и отчаяніи, скользить дальше по тому же пути» (15).

Такія «предшествующія обстоятельства» находитъ Гончаровъ и относительно своей Вѣры.

«Вѣра,—говоритъ онъ,—случайно встрѣтилась съ Волоховымъ при особенныхъ обстоятельствахъ: всѣ его чуждались, преслѣдовали, и никто въ городѣ не зналъ хорошенько, что онъ такое. Она взглядѣлась и вслушалась въ него случайно—и сначала изумилась его крайнимъ, совершенно новымъ и дерзкимъ взглядамъ и понятіямъ, его доктринѣ о какой-то новой жизни, которая должна возникнуть на развалинахъ старой. Она сама въ старой жизни многое находила отжившимъ, и ея смѣлый умъ всюду допрашивался о томъ, что должно прійти на смѣну прежняго. Она жадно слушала его, добиваясь узнать, что новая жизнь даетъ болѣе разумнаго, честнаго и вѣрнаго, въ замѣнъ того, что не годится изъ прошлаго. Но, кромѣ разрушенія и отрицанія всего, чѣмъ жили прежніе люди, она не находила въ его проповѣди ничего и вступила съ нимъ въ борьбу, въ надеждѣ силою своего ума и женскаго сердца вывести его смѣлый умъ и отвагу на настоящій свѣтъ, на прямую дорогу».

«Къ несчастію, борьба не осталась въ предѣлахъ умственныхъ препирательствъ. Онъ сдѣлалъ на нее впечатлѣніе живымъ умомъ и задатками блестящихъ дарованій. Заговорило сердце, явилось участіе, желаніе отвлечь его съ ложнаго пути,—и кончилось тѣмъ, что она и сама потеряла этотъ путь на одну минуту, правда, но эта минута была роковая, хотя она въ борьбѣ своего характера съ его характеромъ осталась побѣдительницей, не пожертвовавъ ему основными убѣжденіямъ въ дѣлѣ религіи, въ понятіяхъ чести, честности, добра. Она морально устояла» (Русское Обзорѣніе, 15).

Итакъ, въ художественныхъ цѣляхъ Гончарова было снабдить «живымъ умомъ и задатками блестящихъ дарованій» то лицо, которому суждено было сдѣлать впечатлѣніе на его героиню. Но тенденціозность заставила его сдѣлать все наизуоборотъ. Съ одной стороны онъ, увлеченный попыткой анализировать натуру художника и прослѣдить проявленіе ея въ искусствѣ и въ жизни, отдалъ субъективно облюбованному имъ лѣнтяю-диллетанту Райскому, этому проснувшемуся Обломову (см. «Лучше поздно»), весь запасъ живого ума и задатковъ блестящихъ дарованій, а съ другой—раздраженный появленіемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ «экземпляровъ типа, подобнаго Волохову», убѣдившись въ фактѣ, что именно такіе «экземпляры», а не личности «болѣе сдержанныя и воспи-

танныя» увлекаютъ «дѣвицъ и женщинъ», и проникшись взглядомъ, что «общество серьезно было встревожено несомнѣнными явлениями глубокой порчи, закравшейся въ общественныя и семейныя связи и дѣла», Гончаровъ, вмѣсто прежняго героя, который игралъ бы второстепенную роль въ романѣ Вѣры, поставилъ Марка Волохова, заслониившаго собою Вѣру, независимо отъ степени художественности разработки облика этого нигилиста, къ тому же явившагося уже послѣ Базарова, джентльмена въ сравненіи съ Волоховымъ и все же навлекшаго на Тургенева громкія обвиненія въ обскурантизмъ. И что досаднѣ всего, Гончаровъ связался съ этимъ Волоховымъ, пойдя въ разрѣзъ съ кореннымъ своимъ взглядомъ на искусство, выраженнымъ въ тѣхъ же признаніяхъ, нынѣ опубликованныхъ. «Я отнюдь не согласенъ съ тѣми эстетиками изъ новыхъ поколѣній, которые ограничиваютъ цѣль искусства однѣми крайне утилитарными цѣлями, требуя, чтобы оно отражало только жизнь, кипащую заботами нынѣшняго дня, изображало вчера родившихся и завтра умершихъ героевъ и героинь и чтобы несло въ свои предѣлы всякую мелочь, всѣ подробныя черты, не успѣвшія сложиться въ какой нибудь, болѣе или менѣе опредѣленный порядокъ, т. е. образъ. Искусство, серьезное и строгое, не можетъ изображать хаоса, разложенія, всѣхъ микроскопическихъ явленій жизни; это дѣло низшаго рода искусства: каррикатуры, эпиграммы, легучей сатиры. Истинное произведеніе искусства можетъ изображать только устоявшуюся жизнь» (11). Между тѣмъ Гончаровъ взялъ своего Марка, какъ блинъ съ пылу. «Посѣтивъ въ 1862 году провинцію,—говоритъ онъ,—я встрѣтилъ и тамъ, и въ Москвѣ нѣсколько экземпляровъ типа подобнаго Волохову» (17). И художникъ ставитъ эту фигуру на полотно, заготовленное и продуманное еще въ 1849 году. А фигура своими кричащими красками выльзла изъ картины и погубила всю остальную въ высокой степени художественную композицію.

Вотъ какая печальная исторія случилась съ «Обрывомъ», и исторія непоправимая. Шедевры литературы стоятъ выше критики. Читатель, не нуждаясь въ критикѣ, обращается непосредственно къ самимъ произведеніямъ и выносить изъ нихъ надлежащую сумму эстетическихъ наслажденій и умственныхъ эмоцій. Это не значитъ, чтобы критикѣ нечего было дѣлать относительно такихъ произведеній. Напротивъ. Если изъ нихъ бьеть ключемъ ихъ идея, то вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе ихъ такъ многообъемлюще, что отдѣльныя прекрасныя части величественнаго цѣлаго ускользаютъ отъ вниманія многихъ и многихъ, и задача критика помочь читателю во всемъ этомъ разобраться, перечитывая шедевры вмѣсто того, чтобы читать новыя произведенія, подчасъ не стѣпяція и просмотра. Таковъ «Обломовъ», хотя и далеко несвободный отъ ху-

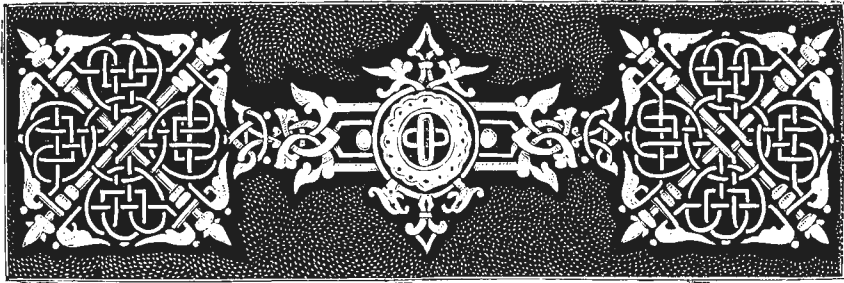
дожественныхъ недочетовъ; но и на солнцѣ есть пятна. Все же это превосходная и глубоко выдержанная книга.

Иное дѣло съ «Обрывомъ». Читателя онъ не захватываетъ всѣмъ своимъ дѣльмъ, а критика чувствуетъ себя въ силахъ предъявить свои эстетическія претензіи, хотя бы въ родѣ тѣхъ, которыя предъявляетъ къ нему самъ авторъ, говоря о немъ слѣдующее: «Самъ я дорожу въ немъ только нравственной дѣлью его задачи, потому очеркомъ двухъ—трехъ лицъ и нѣкоторыми сценами, а прочее нахожу скучнымъ и растянутымъ» (6).

Можно ли добросовѣстнѣе отнести къ своему дѣтищу, выношенному авторомъ втеченіе двадцати лѣтъ? Нужно сказать, что Гончаровъ не столько въ своемъ этюдѣ «Лучше поздно», сколько именно въ изданномъ теперь письмѣ къ неизвѣстной особѣ, является лучшимъ своимъ критикомъ, и критика за его добросовѣстность должна заплатить ему вѣщей добросовѣстностью. «Обрывъ» долженъ быть разобранъ въ спокойномъ историко-литературномъ изслѣдованіи, въ соображеніи съ временемъ и идеями, которыя онъ отразилъ, съ надлежащимъ выдѣленіемъ всего того, что, взятое само по себѣ, составляетъ шедевръ среди произведенія, отмѣченнаго печатью высокаго таланта, но не отлившагося въ формѣ законченнаго дѣла, изъ котораго вычеркнуто все ненужное, и въ которомъ сглажены черты обличья, не кстати выступающихъ въ нарушеніе общей концепціи.

Евгеній Гаршинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СТАРОЖИЛА.

ОМЪЩАЕМЫЕ ниже рассказы заимствованы изъ воспоминаній скончавшагося въ 1887 году въ Одессѣ отставнаго тайнаго совѣтника Лаврентія Васильевича Ширяева, прослужившаго въ государственной службѣ непрерывно 62 года. Происходя изъ малороссійскихъ дворянъ, онъ въ 1822 году, пользуясь нѣкоторыми протекціями, еще находясь въ межевомъ училищѣ при сенатѣ, зачисленъ былъ въ комитетъ провіантскихъ дѣлъ военнаго министерства, а съ 1825 года, по производствѣ въ коллежскіе регистраторы, началъ дѣйствительную службу въ провіантскомъ департаментѣ, гдѣ съ 1828 по 1864 годъ послѣдовательно прошелъ все ступени служебной іерархіи, начиная отъ помощника столоначальника до вице-директора включительно, исполняя при томъ разныя особыя порученія. Въ 1864 году, при учрежденіи военныхъ округовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ширяевъ былъ назначенъ членомъ отъ военнаго министерства въ одесскомъ военно-окружномъ совѣтѣ. Въ этой должности онъ пробылъ до 1884 года, когда тяжкая болѣзнь побудила его оставить службу.

При жизни покойный пользовался общимъ уваженіемъ, отличаясь оригинальнымъ умомъ, рѣдкою памятью, начитанностью и наблюдательностью. Вслѣдствіе недосуга отъ служебныхъ занятій онъ не велъ систематическаго дневника о видѣнномъ и слышанномъ, но послѣ него осталось много любопытныхъ выписокъ и замѣтокъ. Равнымъ образомъ любилъ онъ мнѣ, его единственному сыну, рассказывать обо многомъ и поручалъ записывать эти рассказы. Изъ этихъ-то замѣтокъ и составились представляемые вниманію читателей «Воспоминанія старожила».

Н. Ширяевъ.

Извѣстный графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, о чемъ часто сожалѣлъ. Онъ, какъ извѣстно, былъ очень грубъ въ обращеніи. Однажды, при представленіи выпущенныхъ изъ второго кадетскаго корпуса офицеровъ, онъ, выйдя изъ кабинета, поклонился собравшимся и затѣмъ, проходя мимо выстроенныхъ офицеровъ, бормоталъ про себя: «какія рожи,—все незнакомыя!». Кстати замѣтимъ, что самъ Аракчеевъ получилъ воспитаніе въ этомъ корпусѣ.

Въ 1818 году послѣдовало распоряженіе о включеніи въ число войскъ военныхъ поселеній гренадерскаго императора австрійскаго полка. По этому случаю офицеры полка представлялись графу, какъ главному начальнику поселеній. Одинъ изъ представлявшихся, ротный командиръ Емельяновъ (впослѣдствіи полковникъ и смотритель Чесменской богадѣльни), такъ передавалъ потомъ подробности этого единственнаго въ своемъ родѣ свиданія. «Мы были напуганы заранѣе рассказами о грозномъ графѣ, но вмѣсто того увидѣли передъ собою сухощаваго, высокаго старика въ семеновскомъ мундирѣ, который, низко поклонившись на всѣ четыре стороны, повелъ такую рѣчь: «Господа! имѣю честь рекомендоваться: вѣрою и правдою служу государю-батюшкѣ, отъ роду имѣю 60 лѣтъ; прошу любить и жаловать. Вы будете, господа, у меня служить (тутъ голосъ его сталъ сильно возвышаться), а потому прошу порядковъ моихъ не нарушать; я васъ, ротныхъ командировъ, знаю! Вамъ только солдата обирать, курочекъ да яички незаконно собирать; только я этого не потерплю!». Дальше Аракчеевъ уже не говорилъ, а кричалъ, сопровождая рѣчь грозными жестами: «А если вы у меня—чтонибудь, то я васъ туда турну, куда Макаръ телятъ не загонялъ, куда воронъ костей не занашивалъ. Я имѣю отъ государя-батюшки подписанные имъ бланки, и на основаніи ихъ могу дѣлать со всякимъ, что хочу. Помнить у меня это!». Сраженные такимъ пріемомъ,—разсказывалъ Емельяновъ,—мы не помнимъ, какъ и вышли на улицу.

На одного маіора, полагавашаго, что во время осмотра Аракчеевымъ какихъ-то учреждений въ военныхъ поселеніяхъ слѣдуетъ ходить сзади графа, Аракчеевъ, неожиданно обернувшись, грозно закричалъ: «Да что ты за мной ходишь, какъ собака!»...

Аракчеевъ очень любилъ играть въ бостонъ. Однажды случилось такъ, что какимъ-то образомъ два высочайшія повелѣнія не были исполнены. По этому поводу Аракчеевъ неожиданно сказалъ

окружавшимъ его: «Господа! я преступникъ: я не исполнилъ двухъ высочайшихъ повелѣній. Я знаю, что мнѣ стоило бы пойти къ государю, пасть передъ нимъ на колѣни и просить прощенія; тѣмъ и кончилось бы дѣло. Но графъ Аракчеевъ хочетъ наказать Аракчеева: онъ не долженъ за это два года играть въ бостонъ». И Аракчевъ дѣйствительно сдержалъ свое слово.

Въ началѣ 1800-хъ годовъ только министры имѣли право разрѣшать покупки казенныхъ вещей хотя бы и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Поэтому однажды генераль-провіантмейстеръ Мертваго обратился къ военному министру графу Аракчееву о разрѣшеніи покупки пары кенегъ (родъ большихъ калошъ) для часовыхъ при какомъ-то складѣ. Аракчеевъ вмѣсто обыкновенной резолюціи написалъ слѣдующую фразу: «Горе намъ и въ генеральскихъ чинахъ, когда мы не смѣемъ собственной властью разрѣшить покупку пары кенегъ». Эти странныя слова были приняты за разрѣшеніе и почти всегда до 1840-хъ годовъ приводились, какъ законъ, при разрѣшеніи подобной покупки.

Едва ли кому извѣстно, что графъ А. А. Аракчеевъ писалъ сочиненія и даже печаталъ. А между тѣмъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1807 годъ, въ № 22, находится статья Аракчеева подъ заглавіемъ: «О качествѣ дѣлаемаго въ Россіи пороха», изъ которой видно, что въ то время русскій порохъ признавался лучше англійскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же статьѣ приводятся довольно интересные свѣдѣнія о производствѣ пороха въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

Строгость наказаній доходила во времена Аракчеева до ужасныхъ размѣровъ. Прежде чѣмъ собирали войска на ученье, привозили на плацъ цѣлыя возы розогъ и палокъ; кулачная расправа была самою умѣренною изъ мѣръ наказаній... Во многихъ полкахъ офицеры въ обращеніи къ полковому командиру должны были титуловать его: «ваше высокоблагородіе», что, впрочемъ, для многихъ офицеровъ не составляло чего либо особеннаго, потому что между ними, особенно въ арміи, да еще въ гарнизонахъ, многіе не знали грамоты. Росписки въ родѣ нижеслѣдующихъ: «прапорщикъ (или подпоручикъ) такой-то, а за него, неграмотнаго, росписался рядовой такой-то», — были нерѣдки. Жизнь солдата считалась даже въ мирное время ни во что; ихъ выводили въ трескучіе морозы на парады въ однихъ мундирахъ, и многіе такъ обмораживались, что приходилось у нѣкоторыхъ ампутировать руки и ноги...

Первое сороколѣтіе нынѣшняго столѣтія въ военномъ мірѣ было временемъ ничѣмъ не стѣснявшихся «генераловъ». Говорили они не «по дружбѣ», а «по принципу», на основаніи традиціи почти всѣмъ подчиненнымъ: «ты», «братецъ», «любезнѣйшій» и т. п. Въ то время графъ Аракчеевъ, напримѣръ, говорилъ разъ своимъ гнусливымъ голосомъ своему любимцу, двадцатипятилѣтнему генералу, П. А. Клейнмихелю (впослѣдствіи графу): «То-то и есть, Петръ Андреевичъ! сначала говорилъ: «дай генерала», — ну, и дали; потомъ— «дай звѣзду», — ну, и дали, а толку-то что?». Такая рація сказана была при всѣхъ и по поводу какого-то пустяка¹⁾. Удивительно ли, что и Клейнмихель, наслушавшись при своемъ быстромъ возвышеніи такихъ комплиментовъ относительно еще въ молодые годы и при блестящей карьерѣ, впослѣдствіи самъ точно такъ же и даже еще хуже обращался съ своими подчиненными. Сдѣлавшись послѣ отставки Аракчеева самостоятельнымъ начальникомъ, Петръ Андреевичъ на какомъ-то смотрѣ сдѣлалъ выговоръ старому майору въ такой рѣзкой формѣ: «Ей, майорина, чего эполеты-то эти та-скаешь, а дѣла не знаешь!».

Генералы въ то время имѣли обыкновение начинать свою рѣчь какимъ нибудь особеннымъ образомъ. Напримѣръ, графъ Ланжеронъ, бывшій въ 1820-хъ годахъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, всегда начиналъ свою рѣчь словами «Ma foi...»; прочіе, не-французы, говорили: «Э... э... э... тово... тово...», что произносилось протяжно съ намѣреніемъ обдумать, что сказать.

Одинъ очевидецъ передавалъ, что онъ былъ (въ 1825—1826 годахъ) свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Какой-то генералъ входилъ въ Казанскій соборъ въ Петербургѣ и при входѣ какъ-то столкнулся съ выходящимъ гвардейскимъ офицеромъ. «Дуракъ,—сказалъ генералъ,— надѣлъ эполеты-то, да и не знаешь, какъ обходиться съ публикой».

П. А. Клейнмихель впослѣдствіи (будучи главноуправляющимъ путями сообщеній) самъ писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ статскому совѣтнику: «свинья со звѣздой Станислава 2-й степени», называлъ всѣхъ подчиненныхъ и неподчиненныхъ дураками, свиньями, подлецами... Однажды при многихъ свидѣтеляхъ онъ сказалъ одному просителю, отставному чиновнику: «Гдѣ я вамъ дамъ мѣсто? Въ , что ли?» «Хоть тамъ, если есть вакансія»,—былъ отвѣтъ. Можно себѣ представить, какъ взбѣсился Клейнмихель... Слѣдующій рассказъ еще болѣе поразителенъ. Былъ одинъ коммерціи-совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны 2-й степени Жеребинъ. Когда происходили торги на постройку сгорѣвшаго въ 1837 году Зимняго дворца, предсѣдатель торговой комиссіи графъ Клейнмихель заподозрѣлъ торговавшихся въ стачкѣ и по обычаю принялся

¹⁾ Графъ П. А. Клейнмихель былъ начальникомъ штаба у Аракчеева.

ихъ ругать. Жеребинъ, обидѣвшись этимъ, сталъ смѣло возражать. Вспыльчивый Клейнмихель вскочилъ изъ-за стола и въ присутствіи всѣхъ далъ оплеуху коммерціи-совѣтнику Жеребину. Послѣдній пробовалъ жаловаться, но изъ этого ничего не вышло...

Великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ также отличался особенной мягкостью въ обращеніи съ подчиненными, вѣроятно, не желая отстать отъ общей въ его время «моды». Послѣдствіемъ этого были многіе непріятные случаи, изъ которыхъ достоверно извѣстны намъ два слѣдующіе.

Однажды, на смотру въ Варшавѣ, цесаревичъ, подѣхавъ къ кавалерійскому полковнику Мачульскому, началъ дѣлать ему выговоръ и какъ-то, разгорячившись, задѣлъ его перчаткой по лицу... Мачульскій вспылить и, ничего не отвѣтивъ цесаревичу, увелъ полкъ со смотра. Прибывъ домой, онъ собралъ офицеровъ и сказалъ имъ: «Г. Если бы это сдѣлалъ кто либо другой, то мнѣ не оставалась бы ничего болѣе, какъ вызвать его на поединокъ, но такъ какъ это—братъ государя, то я выхожу въ отставку». Офицеры рѣшили также выйти въ отставку. Доподлинно не знаемъ, чѣмъ окончилось это дѣло, но вѣрно то, что полковникъ Мачульскій подалъ въ отставку и былъ уволенъ, а впоследствии былъ предводителемъ дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Таврической губерніи. Другой случай былъ съ капитаномъ Пуцинымъ.

Этотъ офицеръ служилъ въ Литовскомъ полку, извѣстенъ былъ, какъ хорошій служака, отличившійся въ отечественную войну; но однажды тоже въ Варшавѣ на смотру передъ цесаревичемъ съ Пуцинымъ случился эпизодъ, едва не окончившійся трагически. Будучи недоволенъ ученіемъ, цесаревичъ подошелъ къ Пуцину и сталъ выговаривать ему, какъ ротному командиру, при чемъ схватилъ за желтые отвороты и, рванувъ за нихъ, сказалъ: «Ты недостойнъ ихъ носить». Трудно объяснить, что случилось съ бѣднымъ Пуцинымъ; онъ пришелъ въ такое состояніе, что началъ срывать съ себя всѣ бывшія на немъ офицерскія принадлежности и кричалъ: «Когда этого я не достоинъ носить, такъ вотъ же!»... Объ этомъ происшествіи цесаревичъ тотчасъ же донесъ государю; но черезъ нѣсколько часовъ ему стало жаль хорошаго офицера, имъ къ тому же почти невинно обиженнаго, и вотъ скачетъ другой курьеръ съ новымъ донесеніемъ, что виноватъ не Пуцинъ, а онъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, при чемъ второму курьеру приказано было во что бы то ни стало нагнать перваго и отобрать отъ него первоначальное донесеніе. Но первый курьеръ прибылъ раньше втораго, и государь, прочитавъ донесеніе, приказалъ разжаловать Пуцина въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянскаго достоинства... Всѣ дальнѣйшія просьбы самого цесаревича и дру-

гихъ лицъ, уважавшихъ и знавшихъ Пущина, не помогали. Государь Александръ Павловичъ отвѣчалъ, что «преступленіе это совершено передъ фронтомъ», а потому простить его онъ «не можетъ». Наконецъ въ 1820-хъ гг. разъ на смотру государь сказалъ своему августѣйшему брату: «Я такъ всѣмъ доволенъ, что не знаю, что сдѣлать для тебя». Цесаревичъ отвѣчалъ: «Если такъ, то я просилъ бы одной милости». Государь, какъ бы предугадывая желаніе брата, сказалъ: «Обо всемъ, кромѣ помилованія Пущина». Тогда, по словамъ очевидцевъ, Константинъ Павловичъ упалъ на колѣни передъ государемъ и, умоляя его, даже поцѣловалъ его сапогъ... Императору это крайне не понравилось, но онъ простилъ Пущина. Впослѣдствіи (въ 1830 гг.) Николай Николаевичъ Пущинъ былъ командиромъ Дворянскаго полка и умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Для исторіи часто важны и мелочныя замѣтки; въ особенности это важно для біографій замѣчательныхъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей. Всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, что А. П. Ермоловъ обезсмертилъ себя не только воинскими подвигами, но и тѣмъ, что оставилъ описаніе ихъ въ своихъ «Запискахъ». Однако же въ свое время А. П. Ермоловъ вздумалъ отрицать существованіе этихъ «Записокъ». Дѣло было такъ. Въ концѣ 1850 годовъ появилось много новыхъ журналовъ, приманивавшихъ подписчиковъ новизною своего репертуара и по большей части оканчивавшихся вскорѣ послѣ выхода первыхъ книжекъ. Въ числѣ такихъ журналовъ былъ журналъ «Орелъ», въ объявленіи о которомъ въ 1859 г. было сказано, что тамъ будутъ помѣщаться записки о Персіи и Кавказѣ А. П. Ермолова.

Старикъ Алексѣй Петровичъ, жившій въ это время въ Москвѣ, всполохнулся и послалъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника», издаваемаго М. Н. Катковымъ, письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ объявленіи объ изданіи журнала «Орелъ» я прочелъ къ удивленію моему, что въ журналѣ этомъ будутъ напечатаны записки мои о Персіи и Кавказѣ. Записокъ о Кавказѣ я никогда не составлялъ. Во время же моего пребыванія въ Персіи, для нѣкоторыхъ друзей моихъ, я писалъ путевыя замѣтки, которыя для публики не могутъ имѣть интереса. Сообщивъ объ этомъ г. Балашевичу, редактору упомянутаго журнала, я просилъ его не издавать записокъ, которыхъ онъ отъ меня не получалъ, не сомнѣваясь, что онъ съ своей стороны не замедлитъ дать этому дѣлу надлежащую гласность. На письмо мое я получилъ отъ г. редактора въ отвѣтъ только то, что онъ не будетъ печатать помянутыхъ записокъ, приобрѣтенныхъ отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Акиноіева, что вынудило меня уже прямо просить его не только не печатать ихъ, но и объявить о томъ въ его періодическомъ изданіи. Г. Балашевичъ отвѣ-

чалъ: «Въ настоящее время я извиняться гласно не могу, потому что 1-й нумеръ напечатанъ, но во 2-мъ я постараюсь исполнить желаніе ваше». Теперь, когда вышелъ въ свѣтъ № 2-й, не видя въ немъ объявленія, на которое я имѣлъ право разсчитывать, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою представить на судъ публики образъ дѣйствія г. редактора журнала «Орель», давъ мѣсто этому письму на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Примите и пр. Алексѣй Ермоловъ. 9-го іюня 1859 г. Москва».

Для чего, интересно было бы знать, отрекался А. П. Ермоловъ отъ составленія имъ мемуаровъ о своей жизни и дѣятельности?

Къ числу малоизвѣстныхъ анекдотовъ о графѣ Милорадовичѣ, прославившемся во время своего генераль-губернаторства въ Петербургѣ многими чудачествами и выходками, относится слѣдующій достовѣрный рассказъ. Однажды въ Петербургѣ понадобилось сдѣлать какія-то строительныя работы, но оказалось, что на это надо было испросить высочайшее разрѣшеніе. Милорадовичъ приказалъ начать немедленно; ему доложили, что этого нельзя сдѣлать безъ помянутаго повелѣнія. «А, такъ вамъ это нужно? — сказалъ графъ и, оборотаясь къ адъютанту, скомандовалъ: — пиши: по указу его императорскаго величества» и т. д. Это происшествіе удивило всѣхъ, потому что, не будучи генераль-адъютантомъ, графъ Милорадовичъ не имѣлъ права даже въ крайнихъ случаяхъ дѣйствовать отъ имени государя, но выходка эта, однако, прошла для храбраго генерала безъ послѣдствій...

Говоря о странностяхъ начальниковъ былого времени, скажемъ кстати и о томъ, кто были по большей части ихъ подчиненные. Горе было тому, кто былъ безъ чина, да еще къ тому же не изъ дворянъ. Такого можно было начальнику постарше выпороть безъ всякаго стѣсненія. Нѣкоторые начальники называли это просто «мѣрою военной кротости». Въ столицахъ начальство держало себя сдержаннѣе, боясь, можетъ быть, общественнаго мнѣнія; но въ провинціи руки были развязаны.

Есть еще старожилы, которые помнятъ генераль-провіантмейстера и сенатора Андрея Ивановича Абакумова. Правда, онъ не дрался съ подчиненными, но зато обращеніе его съ ними безъ разбора чиновъ было возмутительно грубое... Не лучше былъ и преемникъ его дѣйствительный статскій совѣтникъ Цимбалистовъ. Для примѣра характеристиченъ слѣдующій случай: этотъ генераль-провіантмейстеръ, распекая какого-то чиновника при всѣхъ, приказывалъ экзекутору сначала виновнаго «заковать въ кандалы и отодрать шелепами», но потомъ, опомнившись, велѣлъ «арестовать»...

Одинъ храбрый артиллерійскій офицеръ 1812 года, потерявшій службу, безъ права вступленія въ оную, единственно за нежеланіе служить въ Аракчеевскихъ поселеніяхъ, почти безъ вины пострадалъ вслѣдствіе дерзости своего начальника. Послѣ отставки этого офицера товарищи опредѣлили его въ артиллерійскій департаментъ на вольнонаемную вакансію въ бухгалтерію; начальникомъ тамъ былъ гражданскій чинъ, очень грубый и всегда нетрезвый. Однажды онъ обругалъ за какой-то пустякъ офицера «дуракомъ» и полѣзъ драться; но офицеръ не поддался и самъ отколотилъ большою бухгалтерскою книгою своего начальника... Послѣдствіемъ этого была отдача обоихъ подъ судъ, и кончилось тѣмъ, что бухгалтера исключили изъ службы, послѣ чего онъ вскорѣ умеръ отъ бѣлой горячки, а офицера послали на службу въ Оренбургскій корпусъ въ дальніе гарнизоны съ пониженіемъ двумя чинами впередъ до выслуги.

Эти случаи, надо полагать, бывали часты. Служа въ Петербургѣ въ провіантскомъ департаментѣ, авторъ разсказовъ въ 1820-хъ годахъ не разъ видалъ, какъ чиновники били не имѣвшихъ чиновъ въ самомъ присутствіи...

Впрочемъ, подобныя явленія были отчасти въ порядкѣ вещей. Кто были въ тѣ времена мелкіе чиновники почти во всѣхъ вѣдомствахъ? Въ самомъ Петербургѣ не только въ 1820-хъ годахъ, но и значительно позднѣе большая часть ихъ были настоящіе пролетаріи, жившіе по далекимъ угламъ и питавшіеся чѣмъ попало. Такіе чиновники, какъ, напримѣръ, жившіе въ Гавани а служившіе въ главномъ казначействѣ и ежедневно ходившіе туда пѣшкомъ, сами ловившіе рыбу и ею питавшіеся, считались уже болѣе порядочными. Но многіе, не имѣя пристанища, считали за счастье дежурить за другихъ зимой, чтобы избавиться отъ холода; костюмъ многихъ лѣтомъ и зимой состоялъ изъ халата, старыхъ опорокъ и шапки невозможной формы; вывороченные по нѣсколько разъ и даже перешитые самими владѣльцами сюртуки и панталоны, отъ времени потерявшіе цвѣтъ и заштопанные во многихъ мѣстахъ, составляли обыкновенный костюмъ на улицахъ въ раннее утреннее и дообѣденное время. Жалованье, получаемое ими, рѣдко превышало 5 рублей ассигнаціями въ мѣсяць... Скажемъ болѣе: еще въ 1840-хъ годахъ, напримѣръ, въ петербургской казенной палатѣ низшіе писцы тоже получали не болѣе 5-ти рублей серебромъ въ мѣсяць, и когда имъ приходилось просить въ счетъ жалованья копеекъ 50 (больше почти никогда не разрѣшалось), то обыкновенно писались прошенія въ родѣ слѣдующихъ: «Припадая къ стопамъ вашего высочородія, осмѣливаюсь почтительнѣйше испрашивать» и т. д. И эта ничтожная сумма разрѣшалась послѣ резолюціи совѣтника палаты: «Справиться и доложить, благонадеженъ ли».

Въ той же палатѣ молодые чиновники находили, напримѣръ, такія забавы вмѣсто служебныхъ занятій. Напоивъ водкою (сво-

бодно доставлявшеюся въ присутственныя мѣста услужливыми сторожами) нѣкоего вольнонаемнаго писца, исключеннаго изъ службы штабсъ-капитана, эти «шалуны» заставляли его плясать завязаннымъ въ мѣшкѣ по прихожей въ присутствіи сторожей и даже приходившихъ по дѣламъ. Тѣ же чиновники находили удовольствіе затрогивать при всякомъ случаѣ стараго горбатаго помощника архиваріуса, и въ особенности когда онъ получалъ жалованье. Зная, что въ это время онъ не оторвется ни за что отъ росписки, они начинали его немилосердно щипать и трепать за остатки сѣдыхъ волосъ, но лишь видѣли окончаніе росписки, немедленно разбѣгались, потому что разъяренный архиваріусъ начиналъ тотчасъ драться направо и налево чѣмъ попало. Однажды этотъ чиновникъ не выдержалъ и пошелъ жаловаться предсѣдателю, но и тутъ вышелъ казусъ; оказалось, что, прослуживъ въ палатѣ около 40 лѣтъ, онъ не зналъ хорошо въ лицо ни одного предсѣдателя, почему пріятели этихъ шалуновъ, одѣвавшіеся почище и не участвовавшіе въ этихъ неприличіяхъ, устроили новую шутку; они повели обиженнаго въ кабинетъ предсѣдателя, гдѣ на предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ одинъ изъ нихъ же. Подслѣповатый старикъ, не разобравъ ничего, прямо сталъ излагать свою жалобу, но въ это время явился самъ предсѣдатель. Старика утащили изъ кабинета и, чѣмъ-то ублаживъ его, устроили мировую...

Выпивка была главнымъ порокомъ тогдашняго чиновничества; карты были рѣже; на нихъ и денегъ не хватило бы. Для характеристики тогдашнихъ нравовъ интересенъ также слѣдующій рассказъ. Одинъ очень порядочный чиновникъ морского министерства оставшійся за штатомъ, былъ въ 1828 году опредѣленъ комиссіонеромъ VII класса въ интендантство 2-й арміи. Прибывъ въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира, чиновникъ этотъ былъ пораженъ беспорядочностью своихъ сослуживцевъ, буквально проводившихъ время въ непрестанныхъ оргіяхъ, благо денегъ было много. Между ними былъ одинъ горчайшій пьяница, котораго пріятели напавали до безчувствія и затѣмъ клали на столъ; послѣ того начинали отпѣваніе, по окончаніи котораго сооружалась «поминальная закуска», гдѣ всѣ напивались въ память того, что «покойникъ любилъ выпить». Но этимъ не оканчивалось; когда мнимый мертвецъ протрезвлялся, то начинался новый кутежъ въ честь его «оживленія», и когда самъ виновникъ торжества, все еще лежавшій на столѣ и не могшій шевелиться, просилъ пить, ему лили вино въ горло...

Въ сенатѣ было тоже не лучше; туда на низшія должности опредѣляли всякаго, кого хотѣли. Такъ, одинъ богатый генераль, пользуясь своимъ значеніемъ, сдѣлалъ сенатскимъ чиновникомъ своего камердинера «Мосейку», оставивъ его при прежнемъ званіи, но давъ только вольную. Авторъ рассказовъ, которыми мы поль-

зовались, лично зналъ, какъ этого «Моисея Ивановича» (губернскаго или коллежскаго секретаря), такъ и нѣкоторыхъ ему подобныхъ; онъ же въ послѣдствіи служилъ (а пишущій эти строки лично въ дѣтствѣ былъ знакомъ) съ нѣкимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ 1820-хъ годахъ, черезъ посредство сіятельнаго барина обратившимся изъ камердинеровъ этого барина въ учителя чистописанія, что открыло ему дорогу къ чинамъ.

Опредѣленіе на службу совершалось тоже безъ всякихъ правилъ. Если бывали протекціи, то въ гражданскую службу опредѣляли въ возрастѣ отъ 11 до 13 лѣтъ, хотя по закону лица, имѣющія менѣе 16-ти лѣтъ, не принимались. Дѣлалось же это очень просто: вмѣсто метрическаго свидѣтельства представлялось свидѣтельство трехъ почетныхъ лицъ о томъ, что означенному въ немъ лицу 16-й годъ, и этого было достаточно. Такихъ примѣровъ было много, и они не считались даже противозаконными. Нѣкоторые изъ зачисленныхъ такимъ образомъ на службу получали даже содержаніе, хотя жили дома или продолжали ходить въ училище. Въ чины производили тоже оригинально, на выслугу полагалось 3 года, и общій указъ о вѣхъ гражданскихъ чинахъ утверждался 31 декабря, такъ что разница на выслугу въ мѣсяцахъ не принималась въ расчетъ. Образовательный цензъ ограничивался умѣніемъ читать, писать и считать; особенно цѣнились почеркъ и умѣнье хорошо владѣть сче- тами; этихъ знатоковъ отличали по преимуществу. Такъ было и въ высшихъ и низшихъ, и въ губернскихъ и столичныхъ учрежденіяхъ.

Наша армія до Крымской войны по внутреннимъ порядкамъ, практиковавшимся въ ней, не могла быть названа вполне европейскою. Къ сожалѣнію, это не парадоксъ. При всемъ наружномъ блескѣ и благоустройствѣ, поражавшихъ величіемъ и пышностью иностранцевъ, мы въ домашнемъ нашемъ военномъ хозяйствѣ упорно держались порядковъ, которые могутъ быть названы азіатскими.... Одно преданіе о прежнихъ истязаніяхъ солдата, о нашихъ чиновныхъ «костоправахъ» и «трынчикахъ», добивавшихся посредствомъ кулаковъ и розогъ «игры въ носкѣ», «мягкости шага», «равненія въ ниточку» и другихъ тонкостей, для войны и военного дѣла вовсе не пригодныхъ, заботившихся о «выпариваніи въ банѣ солдатскихъ ногъ», для сообщенія «сочлененіямъ пріятной гибкости», о наряженіи на часы въ ранцахъ, набитыхъ пескомъ и камнями,—одно уже это невольно переносить на дальній Востокъ....

Были, однако же, личности, которыя умѣли и изъ разныхъ несообразностей извлекать свои выгоды. Покойный генераль-отъ-артиллеріи и членъ военнаго совѣта Р. Ѳ. С—кранць рассказы-

валъ, что въ 1830-хъ годахъ одинъ артиллерійскій бригадный командиръ представилъ на смотру въ Москвѣ свою бригаду съ наклеенными на лица нижнихъ чиновъ густыми форменными черными бакенбардами. Императоръ Николай Павловичъ сначала полюбовался видомъ этихъ молодежь, но, узнавъ объ обманѣ, строго сказалъ командиру, чтобы «впередъ этого не было», назвалъ его «бакенбардмейстеромъ», но далъ чинъ генераль-маіора.

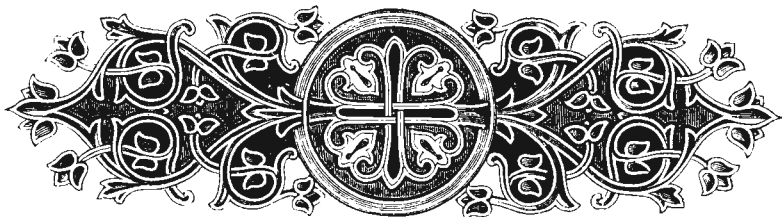
Настоящее строевое ученіе, какъ, напримѣръ, прицѣльная стрѣльба, въ былые годы обращало на себя вниманіе ближайшаго начальства еще меньше. Сохранился вполне достовѣрный анекдотъ, что разъ въ концѣ 1820-хъ годахъ генераль-фельдмаршалъ князь Остенъ-Сакенъ, инспектируя войска ввѣренной ему арміи, нашелъ осмѣрѣнныя имъ части въ стрѣлковомъ отношеніи такими, что выразился слѣдующимъ образомъ: «Онѣ въ цѣлый уѣздъ стрѣлять будутъ, да не попадутъ!».

Буквальное исполненіе службы и служебныхъ обязанностей въ былое время составляло идеаль подчиненнаго. Одинъ изъ крупныхъ начальниковъ пресерьезно увѣрялъ, что для хорошаго управленія какой бы то ни было частью нужна только «неумолимая строгость». Еще въ концѣ 1850-хъ годовъ одинъ занимавшій высокій постъ генераль, прозванный въ Петербургѣ «Адамовой головой» за свою необыкновенную лысину, то и дѣло грозно требовалъ отъ подчиненныхъ генераловъ «разогнать» ввѣренные имъ департаменты...

Особенно грознымъ начальникомъ былъ извѣстный графъ П. А. Клейнмихель. Какъ-то разъ любимый имъ полковникъ корпуса путей сообщенія А. Н. Ераковъ позволилъ себѣ возразить по поводу одного приказанія и употребилъ слово «невозможно»... «Что?— вспыльчиво вскричалъ графъ—повтори, что ты сказалъ! Невозможно,—да развѣ есть такое слово на русскомъ языкѣ, когда приказываютъ что нибудь сдѣлать!» Пока графъ былъ въ силѣ и всемогущъ, всѣ, конечно, молчали, но когда въ 1855 году онъ смѣнился, то его стали преслѣдовать рядомъ насмѣшекъ и эпиграмъ, которыя, говорятъ, до того сердили его, что онъ даже жаловался...

Н. Ширяевъ.

ЕЩЕ О СКОБЕЛЕВѢ И ТОТЛЕБЕНѢ.

ТРИВОКЪ изъ воспоминаній моихъ о Скобелевѣ и генералѣ Тотлебенѣ, напечатанный въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вызвалъ рѣзкія возраженія неизвѣстнаго господина, подписавшагося «военный инженеръ», и нѣсколько словъ г. Муратова въ «Новомъ Времени». Хотя отвѣчать псевдониму необязательно и полемизировать съ неизвѣстными людьми не особенно пріятно, я все-таки прошу редакцію «Историческаго Вѣстника» напечатать мои объясненія или, вѣрнѣе, дополнительныя свѣдѣнія о Скобелевѣ и Тотлебенѣ въ виду того, что «военный инженеръ» приглашаетъ читателей «отнестись съ недовѣріемъ къ изложеннымъ мною фактамъ», которые онъ между прочимъ не отрицаетъ, но видитъ подъ другой окраской. Я же никакъ не желаю потерять довѣріе читателей и отвѣчаю за вѣрность фактовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что рассказъ мой о Скобелевѣ и Тотлебенѣ получилъ значительную огласку. Въ силу этого, я позволяю себѣ вдаться въ большія подробности въ оцѣнкѣ дѣятельности генерала Тотлебена, которыхъ я въ предыдущей статьѣ хотѣлъ избѣгнуть. Возражающіе мнѣ, видимо, возмущены главнымъ образомъ моею смѣлостью судить о человѣкѣ, котораго они признаютъ гениемъ во всѣхъ отношеніяхъ, моею рѣшимостью описать его, не какъ сапера-специалиста, когда онъ дѣйствительно былъ геніаленъ. Возмущены они также моею попыткой описать его не по однимъ рапортамъ и реляціямъ, цѣну которыхъ мы тоже знаемъ, а описать его такимъ, какимъ я его самъ видѣлъ и понимаю, и по рассказамъ М. Д. Скобелева,

которому не было никакого интереса мнѣ, совершенно частному человѣку, говорить то, чего нѣтъ и не было. Человѣкъ я неслужащій, не имѣвшій ни малѣйшаго притязанія на умѣніе писать, ни даже быть корреспондентомъ, такъ что М. Д. Скобелевъ и не подозрѣвалъ, что я когда нибудь возьмусь за перо, а слѣдовательно и не имѣлъ повода передо мной рисоваться. Говорятъ, онъ любилъ дѣлать это передъ присяжными корреспондентами, но съ таковыми я его никогда не видалъ. Встрѣчалъ я М. Д. Скобелева чаще всего у его двоюроднаго брата, графа Н. А. Адлерберга, и у другого его родственника, А. Н. Дубовицкаго, стало быть въ такихъ домахъ, гдѣ онъ велъ болѣе откровенную бесѣду, чѣмъ гдѣ либо, и гдѣ онъ бывалъ дѣйствительно запросто, нараспашку. Разказы М. Д. меня чрезвычайно интересовали, и я старался заставлятъ его говорить, такъ какъ слушать его было наслажденіе. Изъ слышаннаго отъ М. Д. я многое записывалъ тогда же, многое помню очень хорошо до сихъ поръ, и никогда не позволю себѣ переименовать тотъ или другой фактъ, а лишь обсуждаю его по своему крайнему разумѣнію.

Съ Скобелевымъ я сблизился особенно по возвращеніи его изъ Ферганы, когда онъ попалъ въ опалу. На него сдѣлано было тогда нѣсколько доносовъ—вѣрныхъ или невѣрныхъ, не мнѣ судить,—но придворные кружки, чуткіе къ настроенію, господствующему при дворѣ, избѣгали М. Д., а наслѣдникъ цесаревичъ, Александръ Александровичъ, даже не принялъ его, выславъ своего адъютанта В. А. Шереметева въ приемную, гдѣ дожидался Скобелевъ, съ приказаніемъ, чтобы онъ росписался въ книгѣ являющихся. Эту опалу отчасти приписываютъ семейнымъ отношеніямъ Скобелева. Не было, конечно, человѣка менѣе его способнаго къ семейной жизни... Я въ это время часто бывалъ въ Петербургѣ и, ища случаевъ чаще встрѣчаться съ Скобелевымъ, постоянно завтракалъ съ нимъ у Бореля, при чемъ онъ какъ-то разъ, шутя, сказалъ мнѣ: «влетить вамъ, камеръ-юнкеру, что ведете знакомство съ опальнымъ человѣкомъ»...

Это было въ то время, когда вообще въ Петербургѣ считали карьеру Скобелева конченной и звѣзду его закатившейся. Всѣмъ извѣстно, что во время Турецкой кампаніи Скобелевъ пріѣхалъ на Дунай почти насильно, вопреки желанію высшаго начальства. Ему поручали командованіе мелкими отрядами, а послѣ переправы черезъ Дунай онъ былъ отправленъ даже подъ арестъ главнокомандующимъ за неисполненіе якобы даннаго ему порученія, а именно: великій князь Николай Николаевичъ велѣлъ ему взять двѣ сотни казаковъ и произвести рекогносцировку. Когда Скобелевъ явился съ этимъ порученіемъ въ отрядъ, то оказалось, что ни одной свободной сотни нѣтъ, что всѣ онѣ высланы на рекогносцировку подъ командой другого лица и находятся уже въ 15—20-ти верстахъ

впереди занимаемой нами позиціи. Когда на другой день великій князь, главнокомандующій, увидалъ Скобелева въ своей свитѣ, то страшно разсердился, считая его ослушникомъ, и, не принимая его объясненій, отправилъ его подъ арестъ. Скобелевъ былъ въ такомъ отчаяніи отъ терпимыхъ имъ нареканій и несправедливости, что хотѣлъ застрѣлиться и написалъ уже два предсмертныхъ письма, но не сдѣлалъ этого безразсудства, лишь благодаря тому, что ему помѣшалъ графъ Адлербергъ (а не калмыкъ или киргизъ, какъ напечатано въ какомъ-то журналѣ). М. И. Драгомировъ первый послѣ переправы черезъ Дунай обратилъ особенное вниманіе на Скобелева и въ своей реляціи приписалъ ему значительную долю успѣха переправы, вслѣдствіе чего М. Д. начали давать уже серьезныя порученія. Точно всѣ его подвиги въ Средней Азіи не существовали, а между тѣмъ эти-то подвиги въ свое время были оцѣнены даже германскимъ генеральнымъ штабомъ, и императоръ Вильгельмъ прислалъ Скобелеву, когда онъ не имѣлъ еще русскаго Георгіевскаго креста, почетный прусскій орденъ за военныя доблести.

Когда выяснилось, въ августѣ 1877 года, что черезъ Дунай нами переведено недостаточное количество войскъ, чтобы продолжать съ успѣхомъ кампанію, и когда дѣйствующая армія наша доведена была подъ Плевной до 150 тысячъ человекъ прибытіемъ гвардейскаго корпуса и гренадеръ, императоръ Александръ II вызвалъ на театръ войны генерала Тотлебена. Прибывъ 25 сентября 1877 года на позиціи подъ Плевной и объѣхавъ ихъ, Тотлебенъ былъ назначенъ помощникомъ принца Карла Румынскаго, но въ дѣйствительности принялъ командованіе какъ надъ осаждающимъ корпусомъ войскъ, расположенныхъ вокругъ Плевны, такъ и надъ осадными работами. Прибытіе Тотлебена привѣтствовали всѣ и болѣе другихъ Скобелевъ, который нашелъ возможнымъ повторить фразу, когда-то сказанную Масеной Наполеону (тогда еще генералу Бонапарту) при встрѣчѣ съ нимъ: *J'ai enfin trouvé mon maître!* Дѣйствительно за генераломъ Тотлебенемъ свѣжа еще была память Севастопольской обороны. Но на сколько сильна была радость, на столько скоро наступило разочарованіе, хотя Скобелевъ и получилъ, можно сказать, изъ рукъ генерала Тотлебена 16-ю пѣхотную дивизію и вмѣстѣ съ ней одну изъ самыхъ опасныхъ и выдающихся позицій подъ Плевной. Скобелевъ ждалъ отъ Тотлебена быстрыхъ, геніальныхъ распоряженій, а между тѣмъ Тотлебенъ предложилъ изморомъ, т. е. голодомъ, взять 30-ти-тысячную армію Осман-паши, тѣсно обложивъ Плевну 150-ти тысячной нашей арміей. И дѣйствительно, черезъ два слишкомъ мѣсяца, когда у турокъ не осталось ни куска хлѣба, Плевна сдалась, и Тотлебенъ не потерялъ ни единого изъ листьевъ своего прежняго лавроваго вѣнка, Скобелевъ же все время скорбѣлъ и твердилъ одно и то же: зачѣмъ

мы тутъ сидимъ, зачѣмъ караулимъ турокъ пятеро на одного, когда давно можно было бы покончить съ ними, имѣя 150 тысячъ войска? Онъ неоднократно указывалъ, что у Османа-паши гораздо меньше войска, нежели предполагалъ нашъ штабъ. Выдающаяся позиція, ближайшая къ туркамъ, давала М. Д. постоянно возможность, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, затѣвать перестрѣлку, надѣясь вызвать этимъ болѣе серьезныя дѣйствія и даже атаку или штурмъ съ нашей стороны, но всякій разъ присылаемые отъ Тотлебена ординарцы укрощали его пылъ и, разумѣется, увеличивали со дня на день озлобленіе его противъ Тотлебена.

На позиціи у Скобелева былъ открытый столъ, къ которому собирались не только офицеры его дивизіи, военная молодежь, но также корреспонденты и другіе любопытные, такъ что за обѣдомъ всегда сидѣло отъ 30 до 40 персонъ; тутъ Скобелевъ, за веселой трапезой, не стѣсняясь, критиковалъ медлительность Тотлебена, непрестанно повторяя, что мы напрасно теряемъ силы и время въ бесполезной осадѣ. Всѣ эти разговоры, конечно, доходили до генерала Тотлебена и увеличивали неудовольствіе его на Скобелева.

Какъ извѣстно, сдача Плевны послѣдовала 28 ноября 1877 года, но уже за два, за три дня до этого нашими развѣдчиками подмѣчено было движеніе въ турецкихъ траншеяхъ, ждали съ часу на часъ, что Османъ-паша бросится на ту или другую нашу позицію, чтобы прорваться. Даны были подробныя диспозиціи на тотъ или другой случай; между прочимъ, Скобелеву приказано было, если Османъ-паша атакуетъ гренадеръ на ихъ позиціяхъ, перейти съ 16-ю дивизіей р. Видъ и поддержать генерала Ганецкаго. Ничего этого М. Д. не исполнилъ. Онъ переѣхалъ рѣку Видъ одинъ, съ небольшою свитой, и убѣдившись изъ рассказовъ лазутчиковъ и изъ усиленной пальбы, раздававшейся въ сторонѣ Ганецкаго, что турки съ этой стороны оставили Плевну, онъ явился въ городъ первый и занялъ его, не потерявъ ни одного человѣка. Послѣдствія оправдали его дѣйствія, такъ какъ генералъ Ганецкій одинъ справился съ Османъ-пашей, но не оправдалъ его Э. И. Тотлебенъ. Вскорѣ прибылъ въ Плевну великій князь, главнокомандующій, котораго первый встрѣтилъ въ Плевнѣ Скобелевъ; послѣдній былъ тутъ же назначенъ комендантомъ ея. Затѣмъ, когда въѣхалъ въ Плевну императоръ Александръ II со всею блестящею свитой, а съ нимъ и Тотлебенъ, то на слова Скобелева, обращенныя къ Тотлебену, что онъ, Скобелевъ, назначенъ комендантомъ Плевны, Тотлебенъ рѣзко отчеканилъ ему: «да, милостію Божіей, мы побѣдили, но вы ничѣмъ тому не способствовали», и затѣмъ строго выговаривалъ ему за неисполненіе диспозиціи. Всѣ были вознаграждены за взятіе Плевны, не только участники, но и очевидцы, за исключеніемъ лишь одного Скобелева. Я оставляю военнымъ критикамъ и историкамъ обсуждать и рѣшать вопросъ о томъ, какъ военный ге-

ній генерала Тотлебена со ста пятью-десятью тысячами отборнаго войска обложилъ и изморомъ взялъ Плевну съ ея гарнизономъ въ 30 съ небольшимъ тысячъ человѣкъ. Я же, каюсь, какъ человѣкъ, находящійся подъ обаяніемъ Скобелева и привыкшій, подобно многимъ русскимъ, думать, что слѣдуетъ одному русскому идти на пять турокъ, остаюсь при убѣжденіи, что выше указаннымъ способомъ даже менѣе геніальный генералъ взялъ бы Плевну, и что Скобелевъ былъ правъ говоря, что тотчасъ по прибытіи подрѣпленій изъ Россіи легко было взять Плевну, и тогда мы избѣгли бы зимняго перевала черезъ Балканы; столь суроваго и гораздо раньше очутились бы подъ стѣнами Константинополя. Русская партія, и особенно молодежь, раздѣляла мнѣніе Скобелева и называла Тотлебена не болѣе, какъ старымъ фортификаторомъ. Я живо помню и другіе еще отзывы о Тотлебенѣ послѣ несчастной Крымской кампаніи, которая составила его славу. Всѣ безусловно признавали его геніальнымъ саперомъ и особенно восхваляли его настойчивость при исполненіи саперныхъ работъ, но уже и тогда многіе голоса высказывали сомнѣніе относительно его геніальности, какъ военнаго инженера и военнаго начальника, и находили, что слава его отчасти раздута, чего громко тогда никто не смѣлъ сказать. Первый въ печати высказалъ сомнѣніе насчетъ геніальности Тотлебена, одинъ изъ защитниковъ Севастополя, Ильинскій, въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ».

Тотлебенъ защищалъ храбро Севастополь съ тою сотнею тысячъ русскихъ, «животъ свой тамо положившихъ», о которыхъ какъ будто забываютъ, восхваляя его одного, между тѣмъ какъ многіе русскіе не менѣе его сослужили службу отечеству. Крымская кампанія, показавшая нашу полную военную дезорганизацію, столь великую, что сто-милліонный народъ не могъ согнать съ Русской земли сто-тысячную армію союзниковъ, — отсутствіе путей сообщенія и т. п., заставила русское общество, можно сказать, изъ патріотизма выдвигать и восхвалять при общемъ погромѣ подвиги отдѣльныхъ лицъ. Выставляя ихъ особенно рельефно, общество въ правѣ было сказать: «вотъ что эти люди сдѣлали при отсутствіи всякихъ средствъ; это богатыри!»—и дѣйствительно они казались таковыми при общемъ невысокомъ уровнѣ. Но прошла четверть вѣка, въ которую мы значительно подвинулись впередъ и при томъ быстромъ подъемѣ и высокомъ уровнѣ, на который поставилъ русскую армію своими реформами императоръ Александръ II при содѣйствіи гр. Милютинъ, легендарные богатыри, въ родѣ генерала Тотлебена, перестали казаться таковыми. Но и я помню, что возвращавшіеся изъ-подъ Севастополя войны еще въ 1850-хъ годахъ критиковали нѣкоторыя дѣйствія Тотлебена и говорили, что его учитель, убитый подъ Силистріей, генералъ Шиль-

деръ, былъ гораздо способнѣе его. У генерала Шильдера онъ и заимствовалъ систему окапываться. Тотлебену, на примѣръ, ставили въ упрекъ неудачное устройство горжи на Малаховомъ курганѣ, благодаря которой мы не могли взять обратно четвертый бастионъ, когда штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ остальныхъ. Внезапно взобравшаяся на Малаховъ курганъ горсть французовъ воспользовалась оплошностью и короткимъ отдыхомъ защитниковъ 4-го бастиона и засѣла на курганѣ. Всѣ усилія нашихъ войскъ, не смотря на ихъ численность и повторенныя атаки со стороны города, были тщетны—узкая горжа давала возможность французамъ легко отбиваться, и они остались на Малаховомъ курганѣ; это и рѣшило участь Севастополя. Затѣмъ знаменитые наши передовые три редута: Селенгинскій, Камчатскій и Волинскій, мѣтко окрепленные защитниками Севастополя въ «три отрока въ пещи огненной», въ силу того, что всегда находились подъ сильнѣйшимъ огнемъ особенно англійскихъ баттарей, къ которымъ они были всего ближе,—считались одною изъ самыхъ удачныхъ работъ Тотлебена. Они сослужили великую службу за время осады. Между тѣмъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ и изъ имѣющихся документовъ, стало извѣстно, что не только проэктъ этихъ трехъ редутовъ былъ задуманъ и составленъ самимъ императоромъ Николаемъ, но даже и чертежъ ихъ былъ сдѣланъ имъ же (въ молодости императоръ Николай Павловичъ былъ начальникомъ инженеровъ) и присланъ въ Севастополь изъ Петербурга для исполненія. Исполнены работы были дѣйствительно хорошо, если принять во вниманіе, съ какою опасностью онѣ велись подъ непріятельскимъ огнемъ... но не Тотлебенъ былъ ихъ инициаторомъ.

Я отклонился немного отъ цѣли моей статьи... Итакъ, Плевна взята. Самолюбіе генерала Тотлебена удовлетворено вполне, и онъ на время уѣзжаетъ въ Рущукскій отрядъ, затѣмъ въ Петербургъ, а Скобелевъ поступаетъ въ распоряженіе генерала Радецкаго.

Русскія войска переходятъ Балканы. Скобелевъ при переходѣ ихъ плѣняетъ подъ Шейновымъ армію Весель-паши; и вотъ наши орлы уже у вратъ Царьграда. Но во исполненіе обѣщанія императора Александра II, даннаго якобы императору Вильгельму, мы не занимаемъ Константинополя. На подобіе Олега, русскому великому князю остается лишь прибить свой щитъ къ вратамъ Царьграда...

Но вотъ, въ мартѣ 1878 года, англійскій флотъ неожиданно входитъ въ Дарданеллы въ числѣ пяти броненосцевъ, и обстоятельства мѣняются.

На запросъ, сдѣланный изъ Петербурга, можно ли взять Константинополь, нашъ штабъ сообщаетъ, что вслѣдствіе быстрого перехода черезъ Балканы тяжелыя орудія еще не подвезены, и что въ снарядахъ можетъ быть недостатокъ. Скобелевъ все время доказывалъ противное.

Въ виду угрожающаго положенія Европы, императоръ Александръ II высказываетъ желаніе, чтобы Константинополь былъ взятъ, ѣдетъ къ большому генералу Тотлебену въ Инженерный замокъ посовѣтоваться насчетъ этого и застаётъ его надъ картами, планами и чертежами. На вопросъ государя, что онъ дѣлаетъ, Тотлебенъ отвѣтилъ: «соображаю, какъ легче взять Константинополь». А на другой вопросъ: «можно ли?»—Тотлебенъ отвѣтилъ: «можно», и что онъ его легко бы взялъ. Разговоръ этотъ явился основаніемъ для скорого затѣмъ назначенія—Тотлебена главнокомандующимъ нашей арміи, которую за болѣзнь оставилъ великій князь Николай Николаевичъ. И вотъ пріѣзжаетъ новый главнокомандующій. Всѣ оживаютъ духомъ, проникаются почему-то вѣрою, что Тотлебенъ непременно увѣковѣчитъ свое имя взятіемъ Константинополя. Скобелевъ одинъ изъ первыхъ, забывъ старые счеты, съ радостью идетъ къ нему на встрѣчу, проситъ забыть все, что было, и распорядиться имъ, какъ послѣднимъ солдатомъ, у него одно на умѣ—взятіе Царьграда.

Тотлебенъ, объѣхавъ позиціи и занявшись безконечною выкладкою цифръ и расчетовъ, до чего онъ былъ страстный охотникъ, мѣняетъ мнѣніе и недѣли черезъ послѣ пріѣзда сообщаетъ въ Петербургъ, что Константинополь взять крайне трудно, чтобы не сказать нельзя. Вотъ этого-то ему Скобелевъ и не могъ простить¹⁾. Говорятъ, во время самаго Берлинскаго конгресса, когда намъ были предъявлены уже слишкомъ обидныя предложенія, императору Александру II въ отвѣтъ на нихъ хотѣлось во что бы то ни стало велѣть взять Константинополь, но тотъ же генералъ Тотлебенъ, который, сидя въ Инженерномъ замкѣ, обѣщалъ его взять, сдѣлавшись главнокомандующимъ, отвѣчалъ, что этого нельзя. А между тѣмъ и Скобелевъ, и графъ Игнатьевъ не переставали твердить, что можно. Послѣ этого отказа дѣйствительно отношенія Скобелева къ Тотлебену сдѣлались невозможными. Скобелевъ этого и не скрывалъ, и отъ него я слышалъ много нелестныхъ для Тотлебена рассказовъ, которые частью и сообщилъ въ моемъ предыдущемъ очеркѣ, смягчая лишь иногда рѣзкія выраженія М. Д. по адресу «нѣмецкаго генерала», какъ онъ его звалъ. Возражавшіе мнѣ какъ будто не знаютъ, что факты, мною сообщенные, не составляли секрета, что о нихъ говорили во всей нашей арміи; я ихъ слышалъ лишь подробнѣе, чѣмъ другіе, отъ Скобелева, который не могъ не относиться къ нимъ иначе, какъ съ горечью или ироніей. Да какое другое чувство могло овладѣвать русскимъ челоукомъ при видѣ всего того, что дѣлалось тогда?.. Вспомните

¹⁾ Въ моемъ очеркѣ, въ яшварской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», я говорилъ объ этомъ со словъ Скобелева, а самый эпизодъ относится ко времени, близкому къ Берлинскому конгрессу.

рѣчь И. С. Аксакова въ Славянскомъ комитетѣ. Защитники Тотлебена въ «Новомъ Времени» обрушились главнымъ образомъ на то, что митрополитъ въ Адрианополѣ былъ человѣкъ неуважаемый, даже когда-то битый населеніемъ, и, стало быть, генераль Тотлебенъ демонстративно игнорировалъ его... Но я спрашиваю, что за дѣло русскому солдату до высшей политики? Подойдя подъ благословеніе хотя бы и битаго митрополита, Скобелевъ показалъ свое знаніе русскаго человѣка—крестьянина и солдата. Онъ, разумѣется, видаль, какъ на Руси, особенно въ селахъ, русское духовенство не всегда съ достоинствомъ держитъ себя. Встрѣтить на храмовомъ праздникѣ или на свадьбѣ пьянаго попа не рѣдкость, и не всегда мужикъ даже вѣжливъ съ своимъ священникомъ; но когда этотъ же самый священникъ въ облаченіи, съ крестомъ, не только въ церкви или на паперти ея, но даже на льду во время крещенскихъ морозовъ или въ полѣ, является передъ толпою тѣхъ же мужиковъ, то ни одинъ изъ нихъ не посмѣетъ подойти къ нему, не снявши шапки, а каждый, испросивъ благословеніе, приложится къ рукѣ его. Скобелевъ зналъ, что онъ дѣлаетъ, демонстративно подходя подъ благословеніе митрополита, и я вполне вѣрю его разсказу, подтвержденному мнѣ теперь его ординарцами, что солдаты были этимъ довольны. Да врядъ ли они и знали про нехорошее прошлое митрополита, а, напротивъ, держа караулъ у его дома въ Адрианополѣ, оказывали ему подобающія почести и были рады, что «бѣлый генераль» уважилъ православнаго архипастыря, какъ бы уважилъ и въ деревнѣ православнаго священника, не вдаваясь въ расужденіе, хорошая или дурная идетъ слава о немъ.

Если что не любилъ въ генералѣ Тотлебенѣ М. Д. Скобелевъ, то это именно, что Тотлебенъ не былъ русскимъ человѣкомъ, когда Скобелевъ имъ былъ вполне, со всѣми его достоинствами и недостатками. Тотлебенъ высказался въ откровенномъ письмѣ къ одной высокопоставленной особѣ, что штабъ имъ такъ хорошо составленъ, что сдѣлалъ бы честь даже прусской арміи. Мнѣ кажется, что въ этихъ короткихъ словахъ онъ весь высказался, — это была высшая похвала, которую могъ придумать Тотлебенъ.

Главнымъ образомъ Скобелевъ винитъ Тотлебена еще за то, что онъ далъ туркамъ полную возможность укрѣпиться у насъ же подъ носомъ. Изъ капитулировавшихъ придунайскихъ крѣпостей турками былъ вывезенъ весь боевой матеріалъ, войска, орудія и т. п., и все это было ими перевезено моремъ въ Константинополь во время стоянки нашей въ Санъ-Стефано, такъ что мало-помалу передъ нами создалась внушительная сила, которой командовалъ Мухтаръ-паша. М. Д. говорилъ, что именно съ Мухтаръ-пашей снялся на карточкѣ генераль Тотлебенъ, и эта карточка, отлитографированная въ тысячѣ экземплярахъ, распространялась

между болгарами и не мало пугала ихъ, особенно въ Восточной Румелии, куда ждали возвращенія турецкихъ властей.

«Военный инженеръ» увѣряетъ, что Тотлебенъ снялся съ Реутъ-пашей, а не съ Мухтаромъ, я же, слышавъ отъ Скобелева про Мухтара, болѣе склоненъ вѣрить ему, хотя разница не велика. Относительно Санъ-Стефанскаго сидѣнья и затѣмъ дѣятельности Тотлебена, какъ главнокомандующаго, сохранилась масса разсказовъ. Ихъ передавали мнѣ съ горечью не одинъ только Скобелевъ, но и другіе свидѣтели, еще въ то время возмущавшіеся дѣйствіями и распоряженіями Тотлебена. Русскимъ людямъ тяжело было смотрѣть на все, что дѣлалось, хотя бы на исторію съ короной, которая была чистѣйшей правдой. Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно.

При эвакуаціи нашихъ войскъ знаменитую корову эту генераль Тотлебенъ велѣлъ переправить въ Россію, въ свое имѣніе Кайданы. Его чрезвычайно безпокоило и заботило, какъ этотъ подарокъ его величества султана отправится вдругъ съ другими интендантскими простыми коровами въ столь далекое путешествіе. У него по этому поводу былъ безконечный разговоръ съ интендантскимъ чиновникомъ, во время котораго вошелъ одинъ генераль, очень цѣнимый Тотлебенемъ.

— А, вотъ, очень радъ, любезнѣйшій К., — обрадовался ему Тотлебенъ, — вотъ вы намъ посовѣтуете, какъ быть. Мы заняты всякими отправками въ Россію и очень затрудняемся, какъ переправить подарокъ его величества султана?!.. Вотъ г. чиновникъ предлагаетъ съ другими коровами, а тѣ куплены на базарѣ, еще перепутаютъ дорогой, и въ Кайданы попадетъ другая корова, наконецъ, она пропасть можетъ.

— Да чего же лучше и проще, — отвѣчалъ серьезно вошедшій генераль, — велите по фескѣ привязать на рога; вотъ и не перепутаютъ!..

— Прекрасная мысль! — воскликнулъ Тотлебенъ, — я говорилъ вамъ, что вы сами ничего не придумаете, — обратился онъ къ интенданту, — а вотъ генераль сразу превосходный совѣтъ намъ далъ! Такъ и сдѣлайте, — и онъ отпустилъ интенданта.

И подарокъ султана отправился съ двумя фесками на рогахъ въ Россію.

При томъ же генералѣ разыгралась сцена еще болѣе курьезная. Докладываютъ главнокомандующему: пріѣхалъ изъ Константинополя чиновникъ съ письмомъ отъ нашего посла. Тотлебенъ требуетъ его къ себѣ (это было передъ самой эвакуаціей, когда посоль былъ уже въ Перѣ). Чиновникъ, молодой человѣкъ, входитъ. Тотлебенъ встрѣчаетъ его очень любезно. Самъ даетъ ему свою огромную папиросу и усаживаетъ противъ себя въ кресло.

— Посмотримъ, что пишетъ намъ любезнѣйшій князь, — гово-

рить Тотлебенъ и начинаетъ читать частію вслухъ, частію про себя полученное письмо.

Письмо оказывается содержанія непріятнаго. Посолъ сообщаетъ какія-то жалобы турецкаго правительства на русскихъ солдатъ, и по мѣрѣ чтенія Тотлебенъ начинаетъ сердиться и все громче выговаривать нѣкоторыя фразы.

— Что такое?.. чтобы доблестная русская армія... позволила себѣ?.. Чтобы побѣдоносная армія могла бы!.. смѣла бы... подѣ моймъ начальствомъ... Что такое?!.. и т. п. слышится въ промежуткахъ чтенія.

Онъ кончаетъ совѣмъ взбѣшенный и обращаетъ свой гнѣвный взоръ на чиновника, который, не подозрѣвая бури, въ этотъ моментъ безмятежно выпускаетъ клубы дыма изъ огромной папиросы, Тотлебеню же ему преподнесенной.

— Что такое! — кричитъ Тотлебенъ, — какъ вы смѣете сидѣть передъ главнокомандующимъ и пускать ему въ лицо дымъ?.. Гдѣ субординація, дисциплина? Полнѣйшее неуваженіе къ главнокомандующему!.. Что?.. что такое?!.. Я... я... я васъ разстрѣлять велю за подобную манкировку...

Чиновникъ отъ неожиданнаго крика и угрозы пришелъ, понятно, въ ужасъ, и съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно.

Я привелъ эти рассказы для характеристики Тотлебена; я привелъ ихъ немного, а ихъ многое множество. Впослѣдствіи, уже по полученіи графскаго титула, при официальныхъ случаяхъ, графъ Тотлебенъ въ разговорахъ, чтобы не уронить своего достоинства, говоря про себя, рѣдко употреблялъ слово «я», какъ прочіе смертные, а говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ: «графъ Тотлебенъ говоритъ, графъ Тотлебенъ думаетъ, графъ Тотлебенъ полагаетъ». Было внушительно его слушать...

Въ самый послѣдній моментъ эвакуаціи русскихъ войскъ съ Тотлебеню произошла какая-то внезапная перемѣна, замѣченная многими: ему стало какъ будто жаль уходить съ сознаніемъ того, что онъ ровно ничего не сдѣлалъ. И въ самомъ дѣлѣ не могъ же онъ не понимать, что рано или поздно бездѣятельность его передъ вратами Царьграда найдетъ себѣ настоящую оцѣнку, которую сдѣлаютъ не люди, только ему подчиненные и смотрящіе въ глаза, а люди безпристрастные. Тотлебенъ вдругъ сталъ придирается ко всякому случаю, хвататься за всякій предлогъ, чтобы отдалить эвакуацію, задержать ее, какъ будто что-то было еще впереди, будто оставалась какая нибудь надежда. Нашимъ дипломатамъ много было хлопотъ улаживать то или другое, вызванное имъ, затрудненіе. Но, слава Богу, все окончилось благополучно, — и мы ушли.

Назначенный сперва въ Одессу, а потомъ въ Вильну генералъ-губернаторомъ, графъ Тотлебенъ выказалъ полнѣйшее отсутствіе

административныхъ способностей. Уѣзжая изъ Одессы, откуда онъ выслалъ въ короткій срокъ болѣе 600 невинныхъ людей административнымъ порядкомъ (возвращенныхъ его преемниками), онъ на вокзалѣ при прощаніи самъ себѣ произнесъ приговоръ въ нѣсколькихъ словахъ, обращенныхъ къ г. Панютину. Я не повторяю ихъ здѣсь изъ уваженія къ памяти графа Тотлебена, впрочемъ слова эти хорошо извѣстны. По той же причинѣ я умолчу и о генераль-губернаторствѣ графа Тотлебена въ Вильнѣ. Его не организаторская, а германизаторская дѣятельность на памяти у всѣхъ; но при случаѣ будетъ не бесполезно поговорить о ней, въ ней много поучительнаго.

«Военный инженеръ» категорически отрицаетъ участіе Тотлебена въ постройкѣ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, я же во время постройки ея былъ въ Севастополѣ и слышалъ о томъ отъ многихъ инженеровъ. Но если онъ и былъ участникомъ, что же тутъ позорнаго? Въ царствованіе Александра II было дано широкое развитіе частной инициативѣ. Ее не безъ основанія считали полезною, и если бы не она, то государство и теперь было бы безъ желѣзныхъ дорогъ. Она создала главную сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ оправдала оказанное ей довѣріе. Что же удивительнаго, если графъ Тотлебенъ принялъ участіе въ столь интересной постройкѣ, какъ желѣзная дорога въ Крыму? Вѣдь только въ послѣднія десять лѣтъ бросились вновь на все казенное, и я далеко не увѣренъ, замѣнить ли казна съ успѣхомъ частную предприимчивость. Во время самой горячей постройки русскихъ желѣзныхъ дорогъ рѣдко кто въ Петербургѣ изъ высоко поставленныхъ лицъ не принималъ участія въ проведеніи той или другой дороги.

Въ пятидесятихъ годахъ Тотлебенъ считался небогатымъ человекомъ, но на склонѣ лѣтъ у графа Тотлебена было огромное состояніе.

Разность взглядовъ «военнаго инженера» и моихъ заключается въ томъ, что я примыкаю къ той группѣ лицъ, которыя не признаютъ за графомъ Тотлебенемъ другихъ способностей, кромѣ способностей хорошаго сапернаго офицера. Это сплошь и рядомъ бываетъ со специалистами. Ихъ общій кругозоръ всегда уже, чѣмъ кругозоръ человѣка, получившаго энциклопедическое образованіе. Я зналъ астронома, удивительно способнаго въ обсерваторіи. Онъ былъ, какъ говорили, незамѣнимъ въ вычисленіяхъ и опредѣленіи звѣздъ самыхъ малыхъ величинъ, но въ общезитіи онъ ровно ни къ чему не былъ способенъ до смѣшнаго.

Пока я кончаю; кажется, отвѣтилъ на всѣ возраженія, что же касается описки въ моей статьѣ въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», гдѣ вмѣсто 1879 года ошибочно напечатано 1878 г., то я эту описку исправилъ уже въ «Новомъ Времени».

Въ 1878 г. во время Берлинскаго конгресса дворъ былъ въ Петербургѣ, а не въ Ливадіи.

Еще одно слово.

Я былъ на похоронахъ М. Д. Скобелева; въ числѣ вѣнковъ я видѣлъ одинъ съ краткою, но выразительною надписью: «Отъ русскаго генеральнаго штаба — Суворову равному».

Не знаю, былъ ли такой или подходящій вѣнокъ на похоронахъ графа Тотлебена.

Князь Д. Д. Оболенскій.

ФРАНЦУЗСКАЯ ХУДОЖНИЦА ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II.

ВЪ ПАРИЖСКОЙ церкви св. Рока, при входѣ въ часовню Голгоѣы, находится мраморная доска съ слѣдующей надписью на латинскомъ и французскомъ языкахъ:

«Эта Голгоѣа работы Етьена Мориса Фальконэ, ректора Парижской академіи художествъ и вольнаго общника С.-Петербургской академіи, умершаго въ Парижѣ 24 января 1791 года, и творца статуи Петра Великаго, голову котораго изваяла по его желанію Марія Анна Колло, его невѣстка, сдѣланная вмѣстѣ съ нимъ членомъ С.-Петербургской академіи.

«Его внучка и послѣдняя представительница его семьи, Марія Люція Фальконэ, жена барона Янковича, бывшаго депутатомъ отъ департамента Мерты въ 1815, 1820, 1823 и 1827 годахъ, потерявъ своего единственнаго сына, поставила эту мраморную доску въ память своего дѣда, матери и оплакиваемаго сына, который во цвѣтѣ лѣтъ и уже достойный своихъ предковъ былъ призванъ Богомъ въ свое лоно послѣ несчастной катастрофы»¹⁾.

Если изъ этой старинной Парижской церкви, заложенной лично Людовикомъ XIV въ 1653 году, мы перенесемся въ Петербургскую академію художествъ, то при выходѣ изъ ея скульптурнаго музея въ нижнемъ этажѣ, въ такъ называемомъ кабинетѣ XXX, а въ сущности въ темномъ проходѣ, мы увидимъ выкрашенную подъ бронзу алебастровую голову Петра Великаго, изваянную Маріей

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVII Приложение VI, стр. 383.

Анной Колло, противъ которой стоитъ также алебастровая, но бѣлая голова лошади, работы самого Фальконэ¹⁾. Находящіяся въ томъ же музеѣ рельефы, изображающіе страданія Спасителя, принадлежатъ рѣзцу г-жи Колло, вышедшей замужъ за сына Фальконэ, Пьера, который былъ живописцемъ и, между прочимъ, написалъ карандашемъ ея портретъ, хранящійся въ отдѣлѣ живописи академическаго музея. Другія главнѣйшія произведенія г-жи Колло, какъ ее упорно называютъ во всѣхъ каталогахъ, находятся также въ Петербургѣ, именно: мраморные бюсты ея тестя и Дидро въ Эрмитажѣ, а Екатерины II, князя Григорія Орлова²⁾, побочной дочери Бецкаго и нѣкоторые другіе въ Петербургскихъ дворцахъ и частныхъ домахъ. Но, не смотря на то, что г-жа Фальконэ, какъ правильнѣе ее называть, провела болѣе двѣнадцати лѣтъ въ Петербургѣ и оставила тамъ много слѣдовъ своей художественной работы, о ней очень мало извѣстно, и потому заслуживаетъ полнаго вниманія помѣщенный въ «*La Vie Contemporaine*» очеркъ Антуана Валабрега подъ заглавіемъ: «Г-жа Фальконэ, французская артистка въ Россіи»³⁾. Авторъ собралъ всѣ имѣющіяся о ней свѣдѣнія не только печатныя, но и рукописныя, пользовался ея семейными бумагами, хранящимися въ Нансійскомъ музеѣ, прослѣдилъ исторію всѣхъ ея произведеній, познакомился съ завѣщанной ея дочерью графу Варену коллекціей интересныхъ предметовъ, касающихся пребыванія г-жи Фальконэ въ Россіи, и получилъ отъ г. Сомова точныя данныя объ ея работахъ въ Петербургѣ. Поэтому съ помощью его обстоятельной статьи, очерка о г-жѣ Фальконэ и ея отцѣ въ «*Gazette de Beaux Arts*»⁴⁾, статьи В. Стасова⁵⁾ о томъ же предметѣ въ «*Древней и Новой Россіи*» и очень краткихъ отрывочныхъ извѣстій о ней, разбросанныхъ въ перепискѣ Екатерины II⁶⁾ и Дидро съ Фальконэ⁷⁾, можно составить себѣ довольно полное понятіе о личности французской художницы при дворѣ Екатерины II.

Марія-Анна Колло родилась въ Парижѣ въ 1748 году, и ничего не извѣстно ни объ ея родителяхъ, ни объ ея дѣтствѣ. Отецъ ея былъ какою-то темной личностью и отличался безпечнымъ легко-

¹⁾ Указатель скульптурнаго музея Императорской академіи художествъ, стр. 141 и 149.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVII, примѣчанія №№ 30 и 75.

³⁾ Madame Falconet, une artiste française en Russie. *La Vie Contemporaine*, 1894, 1 août.

⁴⁾ «Maurice Falconet et Anna Collot», *Gazette de Beaux-Arts*, 1869, août.

⁵⁾ Три французскихъ скульптора въ Россіи, В. Стасова, *Древняя и Новая Россія*, 1877 года, апрѣль.

⁶⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVII.

⁷⁾ *Revue Moderne*, 1 decembre 1866—1 janvier 1867.

мыслиемъ, такъ что бросилъ дочь на произволь судьбы. Пятнадцати лѣтъ она явилась въ мастерскую извѣстнаго скульптора члена академіи художествъ и профессора, Етьена Мориса Фальконэ, съ цѣлью научиться рисовать, но черезъ нѣсколько времени она обнаружила талантъ къ ваянію и подъ руководствомъ своего учителя вскорѣ сдѣлала такіе успѣхи, что ея бюсты актера Превиля и Дидро, по заказу г-жи Жоффренъ и русскаго посланника князя Д. А. Голицына, заслужили общія похвалы. Между прочимъ, Гриммъ въ своей корреспонденціи говоритъ, что эти бюсты просто говорили: такъ поражали они своимъ сходствомъ съ оригиналами. Конечно, самъ Фальконэ и его другъ, знаменитый Дидро, всего болѣе цѣнили молодой талантъ, быстро пріобрѣтавшій себѣ извѣстность, а потому, когда Екатерина II, по рекомендаціи князя Голицына, пригласила Фальконэ пріѣхать въ Петербургъ для сооруженія памятника Петру Великому, то первый взялъ ее съ собой въ числѣ двухъ сопровождавшихъ его скульпторовъ, а философъ включилъ въ составленный имъ вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ контрактъ между Фальконэ и русскимъ правительствомъ условіе, что юная художница будетъ получать ежегодную пенсію въ 1500 ливровъ. Если покажется страннымъ, что молодая дѣвушка отправилась одна въ такую даль съ чужимъ для нея человѣкомъ, то это легко объясняется съ одной стороны семейнымъ, или лучше сказать безсемейнымъ положеніемъ г-жи Колло, а съ другой — принадлежностью ея къ художественному міру, отличавшемуся всегда свободными правами и значительнымъ развитіемъ въ извѣстныхъ слояхъ тогдашняго французскаго общества идеи о равноправности женщины. Во всякомъ случаѣ не было никакого основанія въ распространенныхъ слухахъ о близкихъ отношеніяхъ между пятидесятилѣтнимъ скульпторомъ и его юной ученицей, хотя многіе считали, что Фальконэ, не найдя счастья въ брачной жизни, свилъ себѣ въ мастерской гнѣздо любви. Даже близко знавшій, какія именно отношенія существовали между ними, Дидро позволялъ себѣ иногда въ письмахъ къ Фальконэ прозрачныя шутки и намеки. Такъ одно письмо онъ кончаетъ словами: «Прощайте, мой другъ, прощайте, моя пріятельница, поцѣлуйте другъ друга за меня», а въ другомъ онъ говоритъ: «Мой другъ, если и вы не сдѣлаете счастливымъ ребенка, послѣдовавшаго за вами къ чорту, и я объ этомъ узнаю, то берегитесь, я этого никогда вамъ не прощу. Я едва не навлекъ на себя сотню ссоръ, утверждая, что вы не женаты. Всѣ убѣждены въ этомъ, и я только отвѣчаю, что это мнѣ неизвѣстно, а потому этого нѣтъ». Наконецъ, на второй годъ пребыванія ихъ въ Петербургѣ, онъ прямо писалъ «Вы не женаты! Тѣмъ хуже для васъ, мой другъ, потому что я знаю единственную женщину, на которой вы въ состояніи жениться. Вотъ уже два года, какъ всѣ считаютъ васъ мужемъ и женой и говорятъ мнѣ объ этомъ, а я всегда

отвѣчаю, что еслибъ это было, то я давно все зналъ бы». Долго г-жа Колло, которую неизвѣстно почему Дидро и Гриммъ всегда называли *Mlle Victoire*, терпѣла всѣ сыпавшіяся на нее шутки и клеветы, но когда къ нимъ присоедилось упорное ухаживаніе сына Фальконэ, Пьера, и совѣты его отца, желавшаго, чтобы легкомысленный молодой человѣкъ остепенился, она рѣшилась придать себѣ законное право оставаться въ семьѣ скульптора, и ея свадьба съ сыномъ Фальконэ совершилась въ Петербургѣ въ 1777 году.

Между тѣмъ, время пребыванія ея и Фальконэ въ Россіи близилось къ концу, и она уже совершила главное художественное дѣло всей своей жизни, т. е. изваяла голову Петра Великаго. Вообще двѣнадцать лѣтъ, проведенныя ею въ Петербургѣ, составляютъ самую замѣчательную эпоху ея жизни, и потому нельзя не пожалѣть, что о ней сохранилось такъ мало свѣдѣній. Прибывъ въ Петербургъ въ концѣ 1766 года, учитель и ученица не застали тамъ Екатерины, которая находилась тогда въ Москвѣ по случаю открытія комиссіи для составленія проекта уложенія, но она издали покровительствуетъ имъ, распоряжается о помѣщеніи ихъ въ одномъ изъ дворцовъ и доставленіи имъ способовъ принятыя за работу. Въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ отъ 21 октября 1766 г. она отзывается о Фальконэ самымъ лестнымъ образомъ, говоря: «Дидро далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, нѣтъ равнаго: это Фальконетъ; онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго, и если есть художники, которые ему равны по искусству, то смѣло я думаю, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно было бы сравнить съ нимъ по чувствамъ: однимъ словомъ, онъ задушевный другъ Дидро»¹⁾. Екатерина пошла еще далѣе и вступила съ французскимъ скульпторомъ въ переписку, отличавшуюся чрезвычайно милостивымъ, даже дружескимъ характеромъ. Въ первомъ же письмѣ она говоритъ ему очень просто: «угадайте, кто вамъ пишетъ, и отвѣчайте безъ формальностей, безъ длинныхъ эпитетовъ»; далѣе въ этой характеристичной перепискѣ попадаются такія откровенныя выраженія: «какъ можете вы полагаться на мой судъ, я и рисовать не умѣю; ваша статуя будетъ, можетъ быть, первая хорошая, мною видѣнная; всякій школьникъ больше моего смыслить въ вашемъ искусствѣ». Когда, наконецъ, въ январѣ 1768 года, императрица вернулась въ Петербургъ, то немедленно видѣлась и разговаривала съ Фальконэ, а 12 апрѣля посѣтила его мастерскую. По выраженію камеръ-фурьерскаго журнала, она въ этотъ день соизволила «предпріять отсутствіе въ Царское Село и въ проѣздъ изволила быть въ портретномъ домѣ, состоящемъ близъ каменнаго ея величества дворца, гдѣ изволила побыть нѣсколько времени». Но, не смотря на то, что

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. I, стр. 289—290.

теперь Екатерина лично бесѣдовала съ Фальконэ, она все-таки продолжаетъ свою переписку съ нимъ, хвалить модель его статуи, со-вѣтуетъ ему не слушать плохихъ разсужденій людей, ничего не смыслящихъ, а идти своей дорогой, и часто милостиво упоминаетъ въ своихъ письмахъ объ его ученицѣ, заботясь объ ея матеріальномъ положеніи и дѣлая ей заказы. Содержаніе г-жи Колло было увеличено до 1.000 рублей въ годъ, кромѣ квартиры и стола, ей была выдана особая единовременная сумма въ 12.000 ливровъ, и заказы оплачивались отдѣльно; кромѣ того, ей разрѣшалось производить частныя работы. Своимъ попеченіямъ о молодой артисткѣ

Голова статуи Петра I, исполненная г-жей Колло.

императрица придаетъ очень любезный характеръ: такъ, на просьбу о разрѣшеніи ей сдѣлать для англійскаго посланника въ Петербургѣ алебастровую копію изваяннаго ею бюста Екатерины, послѣдняя отвѣчаетъ въ письмѣ къ Фальконэ: «скажите г-жѣ Колло, что она можетъ дѣлать съ своей работой все, что хочетъ, и что я на это соглашаюсь обѣими руками», а заказывая мраморные бюсты Генриха IV и Сюлли, Екатерина деликатно выражается: «Мнѣ очень хочется имѣть эти бюсты, не видала ли когда нибудь г-жа Колло ихъ во снѣ, и не могутъ ли они ей присниться, но въ особенности пусть это васъ не затруднить; простое нѣтъ будетъ хорошо принятымъ отвѣтомъ». На сколько отношенія Фальконэ и его уче-

ницы къ государынѣ были просты и непринужденны, доказываетъ дальнѣйшая переписка относительно этихъ бюстовъ. Спустя нѣсколько дней, скульпторъ отвѣчаетъ Екатеринѣ въ томъ же тонѣ: «Г-жа Колло предалась сновидѣніемъ, какъ только ей были переданы приказанія вашего величества, и такъ какъ она очень долго видитъ сонъ, то, быть можетъ, она проснется только черезъ три или четыре дня, послѣ чего она пошлетъ, или сама отвезетъ въ Царское Село свой сонъ. Ваше величество осуществите этотъ сонъ, если его одобрите. Быть можетъ, онъ удастся, такъ какъ намъ, французамъ, всегда съ удовольствіемъ снится Генрихъ IV». На другой же день императрица снова пишетъ Фальконэ: «Я нахожу, что г-жа Колло очень любезна, такъ усидчиво предаваясь сновидѣніямъ, и увижу ея работу съ большимъ удовольствіемъ, судя по тѣмъ, которыя я уже видѣла». Затѣмъ потребовалось провѣрить сонъ молодой артистки, и ея учитель тотчасъ спрашиваетъ у Екатерины: «Нѣтъ ли у васъ, или не можете ли вы достать какой нибудь писанный или гравированный портретъ добраго Генриха, такъ какъ г-жа Колло воспользовалась бы имъ, какъ подспорьемъ къ слѣпку съ маски королевскаго лица, которую она привезла изъ Парижа», и получаетъ немедленный отвѣтъ: «Не помню, чтобъ мнѣ случалось видѣть здѣсь писанный, или гравированный портретъ Генриха IV; правда, что графъ Орловъ утверждаетъ, что у него есть такой въ домѣ, называемомъ Штегельмановскимъ ¹⁾, котораго я не видала иначе, какъ при свѣчахъ; онъ находится въ комнатѣ, смежной съ залой, гдѣ развѣшаны разныя коронованныя и не коронованныя головы, и Генрихъ IV виситъ между дверью залы и печкой на самомъ верху. Графа Орлова здѣсь нѣтъ, но вашъ пріятель графъ Алексѣй Орловъ въ Петербургѣ и, быть можетъ, доставитъ этотъ портретъ г-жѣ Колло». Эти бюсты, которыхъ Екатеринѣ, по ея собственнымъ словамъ. «до смерти хотѣлось имѣть», очень удались, и императрица продолжала свои заказы молодой художницѣ. Въ виду замѣчанія Фальконэ, что самымъ достойнымъ подаркомъ съ ея стороны Вольтеру былъ бы ея мраморный бюстъ, она пишетъ: « Попрошу еще г-жу Колло взять глыбу мрамора и сдѣлать мою фizioномію», а когда пришлось очень поторопиться этой работой для отправки до закрытія навигаціи, то она замѣчаетъ: «Если г-жа Колло предпочитаетъ работать надъ моимъ портретомъ вмѣсто Вольтерова, то я съ своей стороны охотно на это соглашаюсь, но такъ какъ время года уже довольно поздно, то я боюсь, что пришлось бы слишкомъ торопиться, еслибъ хотѣть отправить его въ нынѣшнемъ году, а вы знаете, что я не охотно тороплю лицъ, которыя такъ занимаютъ, какъ г-жа Колло, и съ

¹⁾ Казенный домъ, купленный у банкира Штегельмана на Мойкѣ, гдѣ жилъ графъ Григорій Орловъ и который потомъ вошелъ въ составъ зданія Воспитательнаго дома.

такимъ успѣхомъ. Медальоны ей очень хорошо удаются, а потому не сдѣлаетъ ли она мнѣ еще нѣсколько, на примѣръ, Петра Великаго и его дочери императрицы Елизаветы. Обо всемъ этомъ прошу вашего совѣта, и вы мнѣ скажете свое мнѣніе, не безпокою г-жи Колло некстати, предлагая ей слишкомъ много работы разомъ». Когда эти медальоны были готовы, Екатерина заявляетъ: «я очень довольна ими», и прибавляетъ, что по окончаніи бюста Дидро «увидить его съ удовольствіемъ»; а по доставленіи этой работы во дворецъ она восклицаетъ: «какъ онъ великолѣпенъ». Относительно другаго ея заказа, именно медальона графа Орлова, императрица говоритъ: «дѣлайте его, какъ знаете съ г-жей Колло; вы не сумѣете сдѣлать иначе, какъ хорошо и слѣдуя здравому смыслу». Лучшимъ доказательствомъ, какъ изысканно любезно и просто относилась Екатерина къ французской художницѣ, служить ея записка къ Фальконэ отъ 9 декабря 1771 года, которая вся состоитъ изъ слѣдующихъ строкъ: «Г. Фальконетъ, весьма неприятное и досадное для меня недоразумѣніе сдѣлало то, что ту минуту, когда я велѣла позвать вчера г-жу Колло, то она уже была въ своей каретѣ; не будетъ ли она расположена пріѣхать теперь, день менѣ пасмурный, чѣмъ вчера, и она имѣла бы два часа времени, чтобъ начать свою работу; прошу васъ сказать: да или нѣтъ».

Конечно, видя милостивое обращеніе императрицы съ Фальконэ и г-жей Колло, дворъ и академія художествъ окружали ихъ самымъ любезнымъ вниманіемъ. Послѣдняя сдѣлала своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ учителя, а ученицу удостоила званія академика, что и занесено въ журналъ публичнаго собранія академіи 10-го января 1767 года¹⁾. Среди такого общаго сочувствія скульпторъ приступилъ къ исполненію предпринятаго имъ великаго художественнаго дѣла, и въ полтора года колоссальная конная статуя была готова; но, не смотря на полный успѣхъ лошади и всадника, голова Петра никакъ не давалась художнику, и три сдѣланныя имъ модели были забракованы Бецкимъ, предсѣдателемъ академіи художествъ, подъ высшимъ руководствомъ котораго производилась работа, и самой императрицей. Фальконэ приходилъ въ отчаяніе и однажды вернулся изъ дворца такимъ грустнымъ, что г-жа Колло сказала ему: «Мнѣ кажется, я понимаю, чего хотятъ отъ васъ; позвольте мнѣ попробовать, можетъ быть, и удастся». Скульпторъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что ученица оказывала ему и ранѣе большія услуги своими полезными совѣтами, о чемъ онъ писалъ Дидро, говоря: «она заставляла меня уничтожить много глупостей». Молодая дѣвушка проработала цѣлую ночь, и на слѣдующее утро была готова модель, которую Фальконэ тотчасъ по-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Императорской академіи художествъ, томъ I, стр. 118.

везъ во дворецъ. Екатерина нашла, что эта модель вполнѣ выражаетъ ея желанія, и объявила, что у статуи не будетъ другой головы, какъ та, которую изваяла г-жа Колло. Фальконэ съ отличившимъ его всегда благородствомъ призналъ съ своей стороны превосходство работы его ученицы, и подобно тому, какъ еще въ Парижѣ разбилъ свой бюстъ Дидро, въ виду того, что бюстъ работы г-жи Колло былъ лучше, онъ и теперь съ удовольствіемъ увѣнчалъ своего всадника изваянной его ученицей головой, не смотря на всѣ шутки и осужденія, которые посыпались на него изъ Парижа за подобную уступку невѣдомой дѣвушкѣ важнѣйшей части его великаго созданія. Онъ желалъ, однако, достичь возможнаго совершенства, а голова Петра работы г-жи Колло вполнѣ удовлетворяла художественнымъ требованіямъ того времени. Такимъ образомъ, неожиданно и въ нѣсколько ночныхъ часовъ создано главное произведеніе молодой французской художницы, имя которой навѣки связано съ первымъ въ Россіи національнымъ памятникомъ. Что касается до художественнаго достоинства этой головы Петра, то не смотря на ея недостатки, особенно на ея излишнюю искусственность и на строгій отзывъ художника Трея, который въ указателѣ скульптурнаго музея академіи художествъ считаетъ, что голова Петра гораздо ниже головы лошади, полной огня и жизни, нельзя не согласиться съ словами Стасова: «ничто не въ состояніи затушить и умалить того впечатлѣнія силы и энергіи, которое несется изъ лица Петра»¹⁾. Но не однимъ изваяніемъ головы мѣднаго всадника и своими совѣтами насчетъ всей статуи оказала помощь талантливая ученица своему учителю; она служила для него нравственной поддержкой во время послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ ими въ Петербургѣ, когда всякаго рода неприятности, мелочныя притѣсненія со стороны Вецкаго, неудачи по отливкѣ статуи, всевозможныя интриги, даже ссоры съ друзьями, какъ съ Дидро, и охлажденіе къ Фальконэ императрицы, которую выводили изъ терпѣнія его постоянныя жалобы, хотя она почти всегда заступалась за него, признавая ихъ въ существѣ справедливыми, — совершенно отравили его существованіе. Только при подобной поддержкѣ умной, энергичной женщины онъ могъ довести свое дѣло до конца, хотя, не дождавшись открытія статуи и не получивъ разрѣшенія императрицы проститься съ нею, Фальконэ уѣхалъ изъ Россіи въ 1778 году за четыре года до торжественнаго освященія воздвигнутаго имъ памятника, по случаю чего Екатерина писала великому князю Павлу Петровичу: «статуя очень хороша». При этомъ она невольно вспомнила о творцѣ статуи и послала ему выбитыя по этому случаю золотую и серебряную медали, а также два жетона. Фальконэ былъ

¹⁾ Три скульптора въ Россіи — Вл. Стасова. «Древняя и Новая Россія». 1877 г., апрѣль, стр. 346.

такъ тронуть этимъ доказательствомъ, что его не забыли въ Петербургѣ, что въ письмѣ къ своей бывшей ученицѣ, которой онъ относилъ подобающую ей часть въ его торжествѣ, онъ выхваляетъ тактъ императрицы, избравшей посредствующимъ лицомъ между нею и имъ не врага его Бедкаго, и съ благодарностью говоритъ: «вы видите, что, не смотря на весь вылитый ядъ, та, которая насъ хоть немного знала, не забываетъ насъ». Однако, эта мимолетная память о даровитомъ художникѣ, съ которымъ она была нѣкогда въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, не нарушила равнодушія Екатерины къ нему, и когда онъ умеръ, то она писала Гримму, что «извѣстіе объ этомъ почти не обратило на себя ея вниманія»¹⁾.

За годъ до отъѣзда Фальконэ изъ Петербурга онъ имѣлъ удовольствіе женить своего сына на г-жѣ Колло. Этотъ сынъ, по имени Пьеръ, былъ второкласснымъ живописцемъ, ученикомъ англійскаго художника Рейнольдса, отличался очень легкомысленнымъ характеромъ и часто ссорился съ отцомъ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1773 году онъ сталъ ухаживать за жившей въ домѣ его отца талантливой художницей, и послѣ долгихъ колебаній она согласилась на этотъ бракъ, хотя, очевидно, не любила своего жениха и не довѣряла даже его честности, такъ какъ, имѣя порядочное приданое, состоявшее изъ ея заработковъ и подарковъ Екатерины, она не согласилась, чтобы въ брачномъ контрактѣ ея имущество было признано общимъ достояніемъ мужа и жены. Ея семейная жизнь дѣйствительно оказалась далеко не счастливой, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, мужъ уѣхалъ въ Парижъ, и послѣ отъѣзда его отца ей пришлось остаться одной въ Петербургѣ, такъ какъ она находилась въ интересномъ положеніи. Какъ только она оправилась отъ родовъ, не смотря на зимнее время, бѣдная женщина поспѣшила съ своей маленькой дочерью къ мужу, въ Парижъ, гдѣ разыгралась скандальная сцена. Мужъ знакомитъ ее съ молодой женщиной, которая дѣлается другомъ дома, но вскорѣ оказывается, что это содержанка какого-то аббата и находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ Пьеромъ Фальконэ. Жена не выдерживаетъ такого оскорбленія и обращается съ жалобой къ полицейскому комиссару, обвиняя мужа не только въ подобномъ низкомъ поступкѣ, но также въ растратѣ ея денегъ и угрозахъ. Чѣмъ кончилось это дѣло, слѣдъ котораго сохранился въ парижскомъ полицейскомъ архивѣ въ видѣ протокола показаній г-жи Фальконэ, напечатаннаго въ статьѣ Валабрега и заимствованнаго изъ Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art Français (oct. 1877), — неизвѣстно, но надо предположить, что г-жа Фальконэ прекратила его. Однако, не находя возможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, она переселилась въ Гагу къ своему

---

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXIII, стр. 579.

свекру, который тамъ находился со времени возвращенія изъ Петербурга.

Въ Голландіи ее ожидали такой же радушный пріемъ и такіе же успѣхи, какъ въ Россіи; она исполнила, между прочимъ, въ эту эпоху своей жизни бюсты принца и принцессы Оранскихъ, а также доктора Кемпера, въ благодарность за привітіе оспы маленькой русской дѣвчонкѣ, по имени Машенькѣ, которую она вывезла изъ Россіи. Однако, они не долго оставались въ Гагѣ и вернулись оба въ Парижъ въ 1781 году; покончивъ съ своей художественной дѣятельностью въ качествѣ скульптора, Фальконэ посвятилъ себя всецѣло изданію своихъ сочиненій, въ которыхъ онъ излагалъ свои эстетическія теоріи, техническіе пріемы ваянія и даже исторію своихъ пререканій съ Бецкимъ. Занятый этими трудами, онъ въ 1783 году былъ разбитъ параличемъ и хотя прожилъ еще восемь лѣтъ, но уже въ очень печальномъ положеніи. Его невѣстка съ трогательной преданностью ухаживала за нимъ до послѣдней его минуты, а вскорѣ послѣ его смерти, лишившись и мужа, она удалилась въ купленный ею отъ герцога Ришелье въ Лотарингіи прекрасный замокъ. Тутъ она мирно проживала, уже не занимаясь болѣе ваяніемъ, и выдала свою дочь замужъ за поселившагося въ Нанси поляка Станислава Янковича, который во времена Бурбонской реставраціи пожалованъ въ бароны и былъ префектомъ департамента Мерты, а потомъ депутатомъ. 23-го февраля 1821 года г-жа Фальконэ умерла на семьдесятъ-третьемъ году жизни.

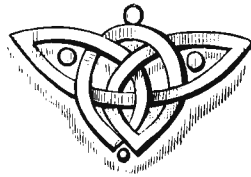
Ея дочь баронесса Янковичъ оказалась еще долговѣчнѣе; переживъ своего мужа и сына, который былъ убитъ на охотѣ, она скончалась въ Версалѣ только въ 1867 году на восемьдесятъ-девятомъ году своей жизни, а не столѣтней старухой, какъ говоритъ баронъ А. Ф. Будбергъ въ своемъ письмѣ къ князю А. В. Лобанову-Ростовскому, которое напечатано въ приложеніяхъ къ перепискѣ Екатерины II съ Фальконэ¹⁾. Однако, не смотря на такую маленькую неточность, это письмо очень любопытно по сообщаемой въ немъ исторіи происхожденія писемъ Екатерины къ Фальконэ. Они, по видимому, были пересланы князю Горчакову въ 1856 году баронессой Янковичъ черезъ посредство графа Варена, товарища ея сына, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими драгоценными предметами, принадлежавшими Фальконэ, и которые его внучка считала долгомъ возвратить Россіи. Тутъ были письма Бецкаго, прекрасный портретъ на эмали императрицы Екатерины, которая выражала Гримму желаніе получить его обратно въ случаѣ смерти Фальконэ²⁾, таба-

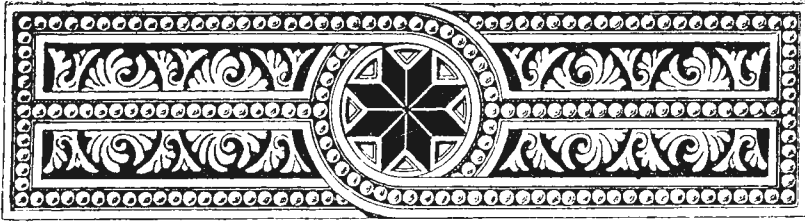
¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVII, приложеніе XV, стр. 408—410.

²⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXIII, стр. 416.

керка съ изображеніемъ Полтавской битвы, принадлежавшая Петру Великому и императрицѣ Елисаветѣ, миниатюрный портретъ князя Меншикова, золотая медаль, маска Петра Великаго, служившая моделью для статуи, два портрета самого Фальконэ и одинъ его невѣстки. Но, по словамъ Валабрега, баронесса Янковичъ передала русскому правительству не все, что у нея оставалось замѣчательнаго отъ дѣда и матери, а завѣщала музею въ Нанси, гдѣ теперь онѣ и находятся, нѣсколько алебастровыхъ и одно мраморное произведеніе ея матери, а также семейныя бумаги, изъ которыхъ все, что касалось знаменитаго скульптора, передано въ Лотарингскій музей. Кромѣ того, графу Варену досталось нѣсколько интересныхъ предметовъ, принадлежавшихъ Фальконэ: модель его бюста работы г-жи Колло, портретъ этой художницы, писанный ея мужемъ, коллекція медалей, пожалованныхъ императрицей Екатериной, и подаренные ею же лакированный ящикъ для храненія писемъ, въ формѣ сердца, и шкатулка изъ желѣза и мѣди, работы Петра Великаго. Всѣ эти вещи видѣлъ у графа Варена авторъ статьи въ «Vie Contemporaine», который очень тщательно розыскалъ и собралъ всѣ существующія, хотя очень скудныя, свѣдѣнія объ интересной личности французской художницы при дворѣ Екатерины II.

В. Тимирязевъ.

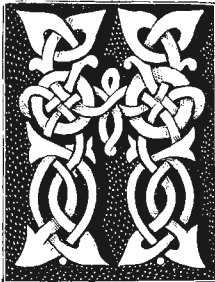

КЪ БЮГРАФІИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

(Неизданныя письма его къ М. А. Дороховой).

I.

ЕМНОГІЕ изъ нашихъ писателей оставили по себѣ такую добрую память, какъ В. А. Жуковский. По мѣрѣ своихъ силъ, онъ старался во всю свою жизнь помогать своимъ ближнимъ. Его отношенія къ своимъ роднымъ, его отношенія къ Батюшкову, Кирѣевскому, Шевченко, Рейтернъ и къ другимъ, вполнѣ доказываютъ это. Мы прибавимъ еще, пользуясь новыми матеріалами, неизвѣстный до сихъ поръ случай, какъ Жуковский помогъ М. А. Дороховой.

Нѣсколько сохранившихся писемъ В. А. Жуковского къ М. А. Дороховой, служащихъ матеріаломъ для настоящей нашей статьи, были переданы намъ еще въ 1862 г. Покойная Марья Александровна Дорохова, урожденная Плещеева, передавая ихъ, уполномочила обнародовать ихъ только послѣ своей смерти († въ 1867 г.). Мое знакомство съ М. А. Дороховой относится къ тому времени, когда она была начальницей нижегородскаго Маринскаго института (съ 1856—1864 г.).

М. А. Дорохова обратилась въ 1837 году къ В. А. Жуковскому съ просьбой исходатайствовать облегченіе несчастной судьбы ея мужа, который совершилъ какой-то, неизвѣстный мнѣ, но, по всей

вѣроятности, важный и крупный проступокъ. Помочь въ этомъ дѣлѣ было очень трудно, потому что мужъ М. А., какъ военный, въ силу военной дисциплины, подвергался и болѣе строгому наказанію. Послѣ многихъ стараній Жуковскій помогъ, однако, чрезъ государя наслѣдника ходатайству о высочайшей милости. Дѣло было исправлено, на сколько было возможно. Урокъ судьбы былъ тяжелый, но сносный, по выраженію Жуковскаго.

Дороховъ былъ добрый, великодушный, храбрый, но крайне вспыльчивый и непоследовательный человѣкъ. Во время кутежей онъ былъ безпашанный и буйный и могъ рискнуть на совершеніе такого поступка, который былъ противъ его убѣжденій и противъ его совѣсти. Любя до безумія свою жену, какъ она сама рассказывала, онъ позволялъ себѣ, на примѣръ, бить ее въ минуту крайней раздражительности и гнѣва.

Въ своемъ романѣ «Война и Миръ» гр. Л. Толстой, говорятъ, вывелъ именно его и описалъ до нѣкоторой степени правдиво, подъ именемъ Долохова. Можно себѣ представить, какой проступокъ могъ содѣлать такой характеръ!

Я знаю, что Марья Александровна была въ ближайшихъ родственныхъ связяхъ съ семействомъ Плещеева, помѣщика Орловской губерніи, имѣніе котораго Чернь находилось въ 40 верстахъ отъ Муратова, имѣнія Протасовыхъ, у которыхъ жилъ Жуковскій въ 1810—1812 гг. Е. А. Протасова была родная (сводная) сестра Жуковскаго и получила Муратово въ приданое. Жуковскій и его родственники были частыми гостями у Плещеевыхъ. Изъ рассказовъ Марьи Александровны я заключалъ даже, что она была родная дочь А. Плещеева, друга Жуковскаго, но я не понималъ ея, и предположеніе мое не подтвердилось потомъ сдѣланными мною справками. Она не могла быть родною дочерью этого Плещеева, такъ какъ его звали не Александромъ, а Алексѣемъ, какъ извѣстно. Не могу также утверждать, что знакомство ея съ В. А. Жуковскимъ началось въ то время, когда Жуковскій былъ въ дружескихъ связяхъ съ А. Плещеевымъ, хотя она рассказывала мнѣ, можетъ быть, со словъ своихъ родныхъ, что знала о любви Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Плещеевы дѣйствительно знали объ этой любви и съ своей стороны помогали предполагаемой женитьбѣ В. А. Жуковскаго на Марьѣ Андреевнѣ. Эти семейныя преданія сохранялись среди всѣхъ Плещеевыхъ. Положительно, однако, утверждаю, что къ ходатайству Жуковскаго Марья Александровна обратилась, по случаю несчастья съ своимъ мужемъ, только вслѣдствіе раннихъ дружескихъ отношеній семейства Плещеевыхъ съ Жуковскимъ. Она вѣрно знала, что старое знакомство и доброе сердце ея друга, съ которымъ она была на «ты», ей въ томъ помогутъ. И въ этомъ она не ошиблась.

А. А. Плещеевъ, владѣлецъ Черни, былъ настоящій русскій

баринъ начала XIX столѣтія. Страстный любитель музыки, игравшій на віолончели, онъ перелагалъ на ноты романсы, которые отлично пѣла его жена Анна Ивановна. На домашнемъ его театрѣ представлялись комедіи и оперы, имъ самимъ сочиненныя и положенныя на музыку. Плещеевъ, обладая прекраснымъ талантомъ читать и играть драматическія сочиненія, руководилъ театральными представленіями съ рѣдкимъ искусствомъ. Жуковскій впоследствии самъ говорилъ, что ни съ кѣмъ другимъ не можетъ сравнить умѣлое чтеніе Плещеева, такъ что считалъ послѣдняго лучшимъ чтецомъ, какого только онъ зналъ. Даже другой подобный чтець, котораго онъ слушалъ, знаменитый Тикъ, уступалъ, по мнѣнію Жуковского, въ выраженіи чувства Плещееву и не владелъ такъ лицомъ, какъ послѣдній. Благодаря своему искусству, Плещеевъ впоследствии былъ представленъ Жуковскимъ государынѣ Маріи Федоровнѣ, живаль лѣтомъ въ Павловскѣ и по вечерамъ читалъ предъ императрицей и близкимъ ея обществомъ Мольера и новѣйшія произведенія русскаго и французскаго театровъ (Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 490).

Смуглое лицо А. А. Плещеева, съ толстыми губами и черными кудрявыми волосами (за что Жуковскій въ письмахъ часто называлъ его подружески: «черная рожа» и «мой негръ»), казалось некрасивымъ, пока при чтеніи или въ игрѣ онъ не воспламенялся трагическими или комическими порывами. По наружности своего лица, Марья Александровна Дорохова сильно напоминала собою своего родственника.

Артистическая, веселая натура Плещеева привлекла къ себѣ Жуковского всею симпатіей поэтической его души. И Плещеевъ, въ свою очередь, крѣпко полюбилъ Жуковского. Переписывались они всегда стихами—Плещеевъ пофранцузски, Жуковскій порусски. Плещеевъ сочинилъ музыку на всѣ романсы Жуковского, а жена его пѣла ихъ прекраснымъ своимъ голосомъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти драгоценныя памятники дружескихъ связей Жуковского съ Плещеевымъ погибли въ пожарѣ господскаго дома въ Черни. Начало переписки Жуковского съ Плещеевымъ было послано первымъ къ кн. П. А. Вяземскому, но въ бумагахъ Остафьевскаго архива тоже не сохранилось (Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 875).

Понятно, что къ такому любезному хозяину охотно съѣзжались гости, которые даже играли и пѣли вмѣстѣ въ домашней труппѣ. Жуковскій, который былъ тогда молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 27-ми (род. въ 1783 г.), участвовалъ также въ этихъ художественныхъ увеселеніяхъ и это время считалъ всегда самымъ пріятнымъ въ своей жизни. На это были и другія причины. Онъ бывалъ у Плещеевыхъ вмѣстѣ съ семействомъ Е. А. Протасовой. Марья Андреевна Протасова, въ которую Жуковскій былъ влюбленъ и на которой хотѣлъ даже жениться, была тоже гостей у Пле-

щевыхъ. Она вдохновляла музу поэта, и извѣстно, какая значительная доля вліянія принадлежала ей тогда въ поэтическомъ настроеніи Жуковскаго. Для нея онъ готовъ былъ все сдѣлать. Перечитывая современныя той эпохѣ поэтическія произведенія Жуковскаго, напримѣръ, его прелестный романсъ: «Мой другъ, хранитель ангелъ мой», мы убѣждаемся всего лучше въ этомъ. Это время дорого для насъ потому, что въ поэзіи Жуковскаго выразилась тогда болѣе, чѣмъ когда нибудь, исторія его души. Солнце нѣжной любви восходило на небосклонѣ поэта. Эта любовь нашла себѣ поддержку во всемъ окружавшемъ поэта родственно-дружескомъ кружкѣ, исключая только самой матери Екатерины Афанасьевны Протасовой, женщины твердой и рѣшительной. Плещевы тоже знали объ этой любви и съ своей стороны помогали предполагаемой женитьбѣ В. А. Жуковскаго на Марьѣ Андреевнѣ. Бракъ, однако, не могъ состояться. Когда Жуковскій попытался открыто высказать Е. А. Протасовой свои чувства къ ея дочери, онъ получилъ отказъ, такъ какъ мать считала свою дочь, Марію, племянницей В. А., а слѣдовательно и бракъ между ними противнымъ нашему церковному закону. Жуковскій покорился этому приговору своей сведенной сестры и замолчалъ. Извѣстно, что впослѣдствіи Марья Андреевна вышла замужъ за дерптскаго профессора Мойера и рано умерла. Лучшее изъ субъективно-лирическихъ стихотвореній Жуковскаго «19-е марта 1823 г.» посвящено ей.

Къ ея дѣтямъ онъ относился, какъ отецъ. Ея портретъ, писанный профессоромъ Зенфомъ въ Дерптѣ, и видъ ея могилы висѣли всегда надъ его письменнымъ столомъ. Пережитое чувство оставило въ немъ глубокой слѣдъ, можно сказать, на всю послѣдующую жизнь, по крайней мѣрѣ, до самой женитьбы его на Рейтернѣ, и повліяло на образованіе задумчиваго, грустнаго тона всей его поэзіи. Мечтательность, чувствительность, меланхолія, встрѣчаемыя въ его стихахъ, не были въ немъ слѣдствіемъ одного подражанія господствующей модѣ, но составляли выраженіе собственной его настроенности, въ силу сказанныхъ обстоятельствъ. Грустное настроеніе его не было только продолженіемъ направленія, внесеннаго въ нашу литературу стихами и прозой Карамзина, но имѣло и другое болѣе глубокое основаніе.

Когда надвигалась гроза 1812 г., когда несмѣтные полки французовъ вторглись уже въ Россію, въ домѣ Плещеева, въ Орловской губерніи, сосѣди еще собирались праздновать день рожденія хозяина, 3-го августа. И Жуковскій былъ на этомъ праздникѣ и пѣлъ свое стихотвореніе «Пловецъ», положенное на музыку самимъ Плещеевымъ, начинающееся словами:

«Вихремъ бѣдствія гонимый,
 Безъ кормила и весла,
 Въ океанъ неисходимый
 Буря челнъ мой занесла».

Весь романсъ былъ однимъ сплошнымъ намекомъ на недавно испытанную неудачу и кончался желаніемъ поэта «не пережить тѣхъ ангеловъ», около которыхъ «все дышитъ небомъ и святой невинностью». Намеки романа не понравились Протасовой, и она вынудила Жуковского уѣхать изъ Муратова въ Москву.

12-го августа 1812 г. Жуковский поступилъ въ московское ополченіе, въ чинѣ поручика. Затѣмъ онъ сдѣлался извѣстенъ Кутузову и находился при дежурствѣ главнокомандующаго арміями. Тогда-то онъ написалъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Среди строфъ о борьбѣ, о славѣ и мщеніи, поэтъ воспѣлъ и дорогое ему чувство къ Машѣ.

Въ 1813 г. Жуковский опять прибылъ на родину. Здѣсь многое уже измѣнилось.

Въ семействѣ Протасовыхъ появляется новое лицо: А. О. Воейковъ, какъ женихъ Александры Андреевны Протасовой, родной сестры Марьи Андреевны.

Жуковский началъ терпѣть отъ него разныя преслѣдованія, такъ что на время долженъ былъ удалиться въ Чернь, къ друзьямъ своимъ Плещеевымъ, а затѣмъ уѣхалъ къ своимъ роднымъ Кирѣевскимъ, въ Долбино, имѣніе въ Калужской губерніи, недалеко отъ Муратова.

Плещеевъ же положилъ на музыку въ это время другое стихотвореніе Жуковского «Золова арфа», написанное въ минуту ощущеній сердечной боли поэтомъ. Это время было богато вообще для Жуковского его поэтическими произведеніями. Онъ находилъ въ стихахъ утѣшеніе въ своемъ положеніи: вторичная попытка его вступить въ бракъ была, какъ и первая, неудачной. Никогда послѣ жизни и поэзія не сливались для него такъ въ одно цѣлое, какъ въ настоящее время. Его поэзія очаровывала всѣхъ его современниковъ. Никогда молодое поколѣніе не увлекалось съ такою пламенною любовью образцомъ своимъ, какъ это ощутительно было тогда. Только и говорили, что о стихахъ Жуковского, только ихъ и повторяли наизусть. Его поэзія скоро стала извѣстна и при дворѣ. Пѣвецъ «Золовой арфы», «Людмилы» и «Свѣтланы», вдохновенный пѣвецъ 1812 г., былъ вездѣ прославляемъ. Превосходныя его душевныя качества привлекали къ нему сердца его знакомыхъ и отражались въ его поэзіи. Друзья его: Тургеневъ, Уваровъ, Нелединскій, представили его ко двору. Въ 1815 году Жуковский становится близкимъ человѣкомъ къ царскому семейству и вскорѣ дѣлается чтецомъ у вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны. Чернь вспоминается Жуковскимъ съ наслажденіемъ и послѣ, Чернь никогда не забывается.

Такъ, въ 1817 г. онъ написалъ:

«Минувшихъ дней очарованье,
 Зачѣмъ опять воскресло ты?
 Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
 Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
 Пустынный край не населится,
 Не узрять онъ минувшихъ лѣтъ».

«Этотъ край—Черны!»—поясняетъ самъ Жуковскій.

Сдѣлавшись придворнымъ, затѣмъ наставникомъ наслѣдника престола, Жуковскій не возгордился, какъ многіе то дѣлаютъ, своимъ высокимъ положеніемъ, напротивъ онъ сохранилъ свою высокую нравственность, свое прямотушіе и благородство и остался навсегда вѣрнымъ другомъ для старыхъ и новыхъ друзей; вліяніемъ новыхъ знакомствъ онъ пользовался не для своихъ собственныхъ выгодъ,—ему и безъ того везло счастье,—нѣтъ, онъ пользовался ими главнымъ образомъ для того, чтобы помочь бѣднымъ, дать дорогу молодымъ талантамъ,—припомнимъ его отношеніе къ Пушкину; ходатайства его, часто удачныя, сдѣлались извѣстны всѣмъ его знакомымъ. Къ ходатайству его обратилась и Марья Александровна Дорохова, когда случилось несчастье съ ея мужемъ.

II.

Это было въ 1837 году. Мы должны теперь напомнить читателямъ, въ какомъ положеніи находился въ это время Жуковскій, чтобы понять, что могъ онъ сдѣлать для своей старой знакомой. 1837 годъ засталъ Жуковскаго еще въ Россіи; въ слѣдующемъ году онъ былъ уже за границей и въ скоромъ времени остался здѣсь на постоянное жительство. Такимъ образомъ, это былъ послѣдній годъ пребыванія его въ Россіи, затѣмъ онъ оставляетъ ее навсегда. Его придворная служба приближалась къ концу (1817—1841 гг.). Наслѣдникъ цесаревичъ въ этомъ году окончилъ свое образованіе и долженъ былъ для дополненія его совершить вмѣстѣ съ Жуковскимъ свое путешествіе по Россіи. Достигнувъ совершеннѣйша, его высочество имѣлъ своимъ попечителемъ князя Ливена, тогдашняго представителя при англійскомъ дворѣ; Сперанскій долженъ былъ ознакомить его высочество съ государственными постановленіями и законами; графъ Канкринъ, бывшій тогда министромъ финансовъ, съ началами государственной экономіи, а Бруновъ, впослѣдствіи посланникъ въ Лондонъ,—съ дипломатическими отношеніями Россіи къ другимъ европейскимъ державамъ. Его высочеству оставалось еще лично познакомиться съ провинціей. Двѣ трети 1837 года должны были быть посвящены изученію отечества. Для облегченія выбора любопытнѣйшихъ предметовъ въ

этомъ странствованіи, Жуковский съ помощью К. И. Арсеньева составилъ «Путеуказатель», въ которомъ обозначены были важнѣйшія достопримѣчательности на пути его высочества. Во время этого путешествія, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Жуковскому удалось еще разъ посѣтить свою родину, село Мишенское, и другія мѣста и провести тамъ шесть дней въ кругу родныхъ и среди воспоминаній о минувшихъ временахъ.

Въ то время, когда Жуковский былъ при дворѣ, поэтическая дѣятельность его не была уже на первомъ планѣ, но не прерывалась. Этотъ періодъ поэтической дѣятельности его не отличается болѣе тѣмъ искреннимъ субъективнымъ характеромъ, какимъ отличался первый періодъ ея съ 1801 до 1815 года. Поэзія уступала свое мѣсто педагогическимъ трудамъ. Самое крупное поэтическое произведеніе этого времени: «Ундина». Къ 1837 году относится окончаніе передѣлки ея; самая піеса начата была ранѣе, по внушенію императрицы Александры Ѳеодоровны. вмѣсто введенія Жуковский написалъ свои стихи, въ которыхъ еще разъ вспоминаетъ о своей молодости:

«Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цѣлѣа;
Ко мнѣ летѣла съ вѣстями чудный гений,
Природа вся мнѣ пѣсней была.
Оно прошло то время золотое,
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ.
Свѣтъ, узанный, свое лицо земное
Разоблачилъ,—и призракамъ конецъ».

Такимъ образомъ, связь Жуковского съ прошлымъ и въ это время сохранялась. Семейныя воспоминанія его ранней молодости воспитали въ немъ чувства добрыя и привѣтливья къ людямъ, окружавшимъ его въ то время. Старые друзья его навсегда оставались дорогими людьми для поэта. Старое цѣнилось имъ дороже новаго, и это вѣрно будетъ и по отношенію его къ новымъ идеямъ, которымъ онъ сравнительно меньше сочувствовалъ. Жуковский и въ поэзіи обходитъ все мало-мальски напоминающее современность, и подъ конецъ обращается къ восточной и греческой поэзіи. Точно также и рекомендаціи, и ходатайства его относились болѣе къ людямъ, знакомымъ ему съ молодости. Прошлое вспоминается ему и за границей, когда порвалась уже съ нимъ прямая связь: онъ съ умиленіемъ говоритъ, живя и за границей, о томъ времени и о тѣхъ мѣстахъ, которыя были свидѣтелями счастливаго періода его жизни. Къ этому располагалъ его иногда случайно и пересмотръ прежнихъ его стихотвореній, при печатаніи новаго ихъ изданія, пробуждавшій каждый разъ въ его сердцѣ много воспоминаній изъ прошлаго.

III.

И не могу познакомить читателей съ самымъ дѣломъ Дорохова. Этого дѣла въ подробностяхъ я не знаю. Знаю только, что Дороховъ служилъ въ какомъ-то полку, которымъ командовалъ полковникъ Вельяминовъ, что у него вышла какая-то непріятная исторія, что онъ содержался въ заключеніи впредь до рѣшенія дѣла, что ожидали его разжалованія въ солдаты, слѣдовательно дѣло было не пустое. Марія Александровна Дорохова жила въ это время въ Москвѣ у Е. Θ. Муравьевой, квартира которой находилась въ домѣ Глѣбова, между Тверской и Дмитровкой. Эта квартира означена рукой Жуковскаго на одномъ изъ писемъ его къ М. А. Дороховой. Знаю также, что переписка М. А. Дороховой съ Жуковскимъ началась частью по совѣту Е. Θ. Муравьевой, которая знала лично Жуковскаго, какъ добраго человѣка, и увѣрена была, что онъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ. М. А. Дорохова была дружна съ Е. Θ. Муравьевой, и ея совѣтъ былъ принятъ, какъ самый пригодный въ настоящемъ случаѣ. Марья Александровна написала Жуковскому въ Петербургъ письмо. Жуковскій жилъ въ это время во дворцѣ, въ такъ называемой Шепелевской половинѣ, нынѣ запасномъ отдѣленіи. Она подробно описала въ этомъ письмѣ свое горе, вслѣдствіе несчастной исторіи съ ея любимымъ мужемъ, и просила Жуковскаго принять участіе въ ея положеніи: попросить за ея мужа когонибудь изъ вліятельныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Она указала на Головина, Гурьева, Блудова, Трескина, по ея мнѣнію, отъ нихъ могло бы зависѣть облегченіе судьбы ея мужа. Жуковскій помнилъ Марью Александровну, какъ старую свою знакомую, и немедленно отвѣчалъ ей слѣдующимъ письмомъ. На этомъ письмѣ, какъ и на слѣдующемъ, не означены ни годъ, ни число, но оно послано было великимъ постомъ въ 1837 году.

«Милая, получилъ твое письмо и очень горюю о твоёмъ горѣ. Радъ бы былъ ему пособить, но, право, не знаю какъ. Говорятъ, что Вельяминовъ очень боленъ, даже говорятъ, что онъ умеръ; надобно же быть такому несчастію. Начальника экспедиціи, въ которой находится твой мужъ, я не знаю; можетъ быть, и знаю, но никакъ не могъ разобрать того имени, которое ты въ письмѣ своемъ написала; впрочемъ, ты не назначила ни того полку, въ которомъ служить твой мужъ, ни имени его полковника. Что же прикажешь мнѣ дѣлать? Прежде нежели кого просить, мнѣ еще надобно узнавать имена тѣхъ, кого просить. Какъ этакъ писать изъ-за 700 верстъ? На всякій случай посылаю письмо къ Евгению Александровичу Головину, который заступилъ мѣсто Розена. Можетъ быть, онъ чтонибудь сдѣлаетъ? А ты будь благоразумна и не пускай въ голову черныхъ мыслей, которыя изъ несчастія не-

заслуженнаго могутъ сдѣлать несчастіе заслуженное. Христосъ воскресъ! Это на все отвѣтъ. Прости. Обнимаю тебя. Прошу отъ меня усердно поздравить съ праздникомъ Екатерину Ѳедоровну ¹⁾ и доложить ей, что ея знакомка у меня была, но меня не нашла дома и обѣщала опять навѣстить; что могу сдѣлать къ ея услугамъ, то, конечно, сдѣлаю. Твой Жуковскій.

«Гурьева я никогда не вижу и даже не знаю, гдѣ онъ. Для чего бы тебѣ самой не написать къ Еленѣ? Да кто ея мужъ? Какъ его зовутъ? Посылаю письмо къ Головину незапечатанное. Можешь вложить въ него записку о полкѣ и полковникѣ мужа твоего.

«Этого письма къ Головину, по настоящему, посылать не нужно: оставляю это на твой выборъ. Раевского, который командуетъ на мѣсто Вельяминова, я знаю коротко, такъ же и Трескина, начальника штаба. Надѣюсь, что они для меня сдѣлаютъ то, что нужно. Перешли приложенныя письма на имя ихъ къ мужу, пускай онъ самъ ихъ отнесетъ и скажетъ, что пришелъ отъ меня, чтобы только письма дошли вѣрно.

«Объ комъ я долженъ просить Блудова? Я, право, не могъ разобратъ, что ты написала. Пришли порядочную записку».

Вслѣдъ за первымъ письмомъ Жуковскій написалъ слѣдующее:

«Милая Марья Александровна, я сдѣлалъ ошибку, которую спѣшу поправить. На адресѣ письма къ Раевскому поставилъ Александру Николаевичу, надобно поставить Николаю Николаевичу: перемѣни пакетъ и сдѣлай другой адресъ. Съ Гурьевымъ говорилъ: онъ напишетъ, я знаю. Жуковскій».

На Пасхѣ Марья Александровна вмѣстѣ съ своимъ отцомъ пріѣхала сама въ Петербургъ. Съ большимъ трудомъ ей удалось увидѣться съ Жуковскимъ, который былъ занятъ подготовительными хлопотами для предстоящаго своего путешествія по Россіи съ государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Онъ обѣщаль ей сдѣлать все, что можетъ. Обѣщаль также поговорить о дѣлѣ ея мужа съ Клейнмихелемъ. Письмо къ Головину она не отправила, о чемъ передала теперь Жуковскому. Онъ сказалъ, что лучше ему самому переговорить съ Головинымъ. Въ скоромъ времени послѣ этого свиданія Жуковскій пишетъ ей:

«Я видѣлся съ Головинымъ и просилъ его передать скорѣе, куда слѣдуетъ, представленіе. Просилъ и Клейнмихеля, который съ своей стороны обѣщаль сдѣлать, что можетъ. Побываю у васъ на первой недѣлѣ. Теперь бездна хлопотъ. Жуковскій».

Другая записочка Жуковскаго, относящаяся также къ этому времени:

«Намъ надобно повидаться съ тобою передъ моимъ отъѣздомъ. А право нѣтъ времени къ вамъ пріѣхать. Бездна хлопотъ: говѣнье,

¹⁾ Муравьеву.

отъѣздъ, переѣздъ, письма, опека, подписка, комиссія, такъ что одурь беретъ. Нельзя ли тебѣ вмѣстѣ съ отцомъ завернуть ко мнѣ въ пятницу между 10 и 11, ни раньше, ни позже. До свиданія. Твой Жуковский».

На этотъ разъ хлопоты Жуковскаго по дѣлу Марьи Александровны и ея мужа не пришли къ концу: дѣло подвигалось вперёдъ очень медленно, и сразу трудно было угадать, что слѣдовало предпринять, чтобы оно окончилось съ успѣхомъ. Приняться за него болѣе энергично самому Жуковскому не было необходимаго досуга. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ Пасхи, Жуковский отправился съ государемъ наслѣдникомъ въ путешествіе по Россіи. Это обстоятельство окончательно прекращало возможность всякихъ ходатайствъ со стороны Жуковскаго въ пользу этого дѣла, и самая переписка о немъ съ Жуковскимъ на время прекращается.

Путешествіе государя наслѣдника, начавшееся ранней весной, окончилось только поздней осенью. Во время его Жуковский побывалъ и на своей родинѣ: въ Бѣлевѣ онъ былъ вмѣстѣ съ государемъ наслѣдникомъ, а въ Черни только одинъ. Кому въ это время принадлежала Чернь — Плещеевымъ старымъ, или молодымъ, или ихъ родственникамъ, не знаю. У Марьи Александровны Дороховой, какъ мы знаемъ, живъ былъ отецъ, живъ былъ также ея братъ Петръ Александровичъ, но имѣли ли они въ своемъ владѣніи какую нибудь часть помѣстья въ Черни — не знаю. Съ кѣмъ изъ Плещеевыхъ видѣлся Жуковский, это очень интересно было бы узнать.

Поздней осенью 1837 года Марья Александровна Дорохова снова пріѣхала по своему дѣлу въ Петербургъ. Зейдлицъ въ своей книгѣ о Жуковскомъ говоритъ, что въ этомъ году Жуковский вернулся въ Петербургъ только 17-го декабря и дорогою видѣлъ несчастный пожаръ, постигшій въ этотъ день императорскій Зимній дворецъ. По письмамъ Жуковскаго къ М. А. Дороховой видно, что онъ вернулся въ Петербургъ ранѣе. По адресу одного письма, написанному самимъ Жуковскимъ, мы знаемъ, что М. А. жила въ это время въ Петербургѣ, въ Петровскомъ паркѣ, близъ театра. Письма доставлялись не по почтѣ, а съ нарочнымъ посланнымъ.

Вотъ письма Жуковскаго:

«Спѣшу увѣдомить тебя, милая, что мужа твоего нынче или завтра переведутъ на другую, лучшую квартиру. Объ этомъ приказалъ при мнѣ князь Д. Владиміровичъ ²⁾ оберъ-полицеймейстеру. Въ тюремномъ жить было бы гораздо хуже. Я видѣлся опять съ княземъ Вяземскимъ; и онъ, и Сверчковъ готовы сдѣлать все возможное. Обнимаю тебя. Жуковский».

«Милая, буду сердечно радъ увидѣть, не сердись, что самъ еще

¹⁾ Кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.

къ тебѣ не прѣхаль. Мое свободное время до обѣда: отъ 12 до 1 и послѣ обѣда отъ 6 до 8. Загляни, когда, вѣроятно, нынче буду дома около 8 часовъ. Жуковский».

Наконецъ, для лучшаго успѣха въ разрѣшеніи дѣла Дорохова, Жуковский предложилъ Марѣ Александровнѣ написать прошеніе на имя государя наслѣдника и вызвался самъ сочинить его. Дѣло Дорохова, не смотря на хлопоты, должно было окончиться очень плохо, и только одна милость государя, къ которой Жуковский совѣтовалъ прибѣгнуть, могла еще смягчить приговоръ.

Вотъ это письмо къ государю наслѣднику въ собственноручной редакціи Жуковского:

«Ваше императорское высочество! Услышите милостиво просьбу несчастной и будьте за нее заступникомъ у милосердаго государя, который васъ сдѣлалъ посредникомъ между собою и всѣми страждущими. Мужъ мой преступникъ. Онъ долженъ быть осужденъ правосудіемъ. Я прошу не о помилованіи его, но только о такомъ наказаніи, которое не погубило бы навѣки жизнь его еще молодую и дало бы ему средство и самому исправиться для будущей жизни и сколько нибудь загладить свое преступленіе въ здѣшней. Не извиняя его послѣдняго бѣдственнаго дѣла, скажу здѣсь передъ вами, какъ передъ судомъ Божиимъ, что онъ былъ бы не то, что теперь, если бы первая молодость его не была такъ оставлена на произволъ его пылкихъ страстей; на тринадцатомъ году жизни своей онъ былъ оставленъ безъ надзора, и пылкія страсти его, никакимъ попеченіямъ не обузданныя, наконецъ погубили его. Это не оправдываетъ его передъ закономъ и судьями, но можетъ быть ему нѣкоторою защитою въ глазахъ отца-государя, который судить, какъ Богъ, и смотреть не на одно дѣло, но и на тайныя побужденія и обстоятельства. Будьте же милостивы, государь, къ этому несчастному, который только и мыслить о томъ, какъ бы службою царю своему, хотя бы съ пожертвованіемъ жизни, успокоить угрызения совѣсти и загладить вину свою. Будьте милостивы ко мнѣ, больной, беспомощной женѣ, которая, зная и осуждая преступленіе мужа своего, знаетъ въ то же время, что онъ несравненно лучше въ сердцѣ своемъ того, что сдѣлали изъ него обстоятельства. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ живу я въ тѣсномъ углу подлѣ тюремнаго замка и съ утра до вечера, не смотря на собственную болѣзнь, мучусь надъ несчастнымъ мужемъ моимъ, который почти при смерти менѣе отъ страха наказанія, нежели отъ горя грызущей его совѣсти. Умоляю васъ, попросите государя, чтобы сжалился надо мною и надъ бѣдною моею дочерью и чтобы всемилостивѣйше отеческимъ наказаніемъ благоволилъ даровать бѣдному мужу моему средство исправить жизнь свою передъ милосердымъ царемъ и милосердымъ Богомъ. Вашего

императорскаго высочества преданнѣйшая Марія Дорохова, жена...
 Поября 1837. Москва. Жительство имѣю....».

Жуковский, по словамъ Марьи Александровны, предполагалъ, что ей не для чего болѣе оставаться въ Петербургѣ, совѣтовалъ ей ѣхать въ Москву, гдѣ для нея, какъ обѣдной женщины, жизнь стоить будетъ дешевле; съ другой стороны, онъ считалъ также болѣе удобнымъ, чтобы это письмо на имя государя наслѣдника, переписанное рукою Марьи Александровны, было прислано по почтѣ. Она, однако, осталась въ Петербургѣ.

Остальные три письма Жуковскаго къ М. А. Дороховой объясняютъ намъ, что въ скоромъ времени дѣло ея мужа окончилось болѣе или менѣе благополучно.

«Моя милая, мнѣ сердечно тебя жаль, но я не имѣю ничего еще сказать тебѣ. Я не промедлю ни минуты увѣдомить тебя, какъ скоро дѣло рѣшится. Надѣюсь, что это скоро буду въ состояніи исполнить. Помоги тебѣ Богъ. Ж.».

«J'ai vu Bousch, ma chere amie, mais je crois qu'il ne sera pas du tout superflu pour vous de vous aboucher avec ce Bousch etc. Объ нашемъ дѣлѣ еще не знаю ничего, то-есть о его представленіи. Бумага князя, это я знаю, написана самымъ благопріятнымъ образомъ; и онъ, и графъ Бенкендорфъ все возможное готовы сдѣлать. Великій князь показывалъ твое письмо государю. Сердце царево въ рудѣ Божіей. Моли Бога; что онъ можетъ сдѣлать, то и прими съ покорностью. Обнимаю тебя. Ж.».

«Обнимаю тебя, моя милая, за твое письмецо. Грустно, очень грустно, жаль, что ты больна; но я ожидалъ, что это съ тобою будетъ, послѣ всѣхъ тяжкихъ волненій, черезъ которыя тебѣ суждено было перейти. Не хочу проповѣдывать тебѣ терпѣнія: ты въ этой наукѣ профессоръ и такой казакъ, которому бы можно было и въ атаманы. Ты просишь, чтобы я писалъ о мужѣ твоёмъ къ Вельяминову; но это уже сдѣлано, и мое письмо пойдетъ въ пакетѣ Клейнмихеля, при отправленіи твоего мужа. Я увѣренъ, что Вельяминовъ съ своей стороны все сдѣлаетъ. Совѣтую тебѣ, однако, взять отъ его сестеръ рекомендательное письмо мужу, которое пусть онъ возьметъ съ собою и вручитъ Вельяминову лично. Жѣлаю ему выздоровленія; увѣренъ, что онъ наилучшимъ образомъ воспользуется новымъ урокомъ судьбы, тяжелымъ, но ему сноснымъ, ибо все еще можетъ быть поправлено. Прости, милая. Пиши ко мнѣ, когда что будетъ нужно для тебя сдѣлать. Вотъ коммисія: напиши къ брату Петру, что я жду нетерпѣливо обѣщанныхъ мнѣ рисунковъ. Онъ полагаетъ меня погубить и думаетъ, что тѣмъ и отдѣлается. Нѣтъ, извини: не на такого напалъ; я и въ судѣ потащу».

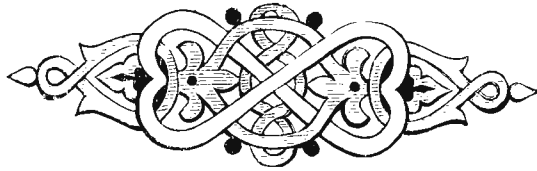
Вотъ все, что относится къ настоящему дѣлу, въ которомъ Жуковский принималъ такое сердечное участіе. Послѣднее представляетъ намъ его добрую душу, всегда готовую къ услугамъ людей

ему близкихъ. Немудрено, что Жуковскій имѣлъ друзей. Мы имѣемъ еще одно письмо Жуковского къ Марьѣ Александровнѣ Дороховой, которая продолжала съ нимъ переписку. Оно не сохранилось, какъ прежнія, въ подлинникѣ, но переписано рукою Марьи Александровны на оборотной сторонѣ одного изъ прежнихъ писемъ Жуковского, притомъ не чернилами, а карандашомъ. Письмо заключаетъ въ себѣ только нѣсколько строкъ, написанныхъ Жуковскимъ передъ своею женитьбой, и относится къ 1841 году. Намѣреніе Жуковского вступить въ бракъ съ дѣвицею Рейтернъ сдѣлалось извѣстнымъ нѣкоторымъ друзьямъ Жуковского еще въ 1840 году.

«Милый другъ! Сейчасъ сажусь въ экипажъ, чтобы ѣхать въ чужіе края, гдѣ надѣюсь жениться. Помолись за меня и сохрани мнѣ мое мѣсто въ твоемъ сердцѣ, а твое въ моемъ никогда никѣмъ не замѣнится. Твой Жуковскій».

Николай Овсянниковъ.

РОССІЯ ВЪ СЛОВАРѢ ЛАРУССА.

БЕЗОСЗНАТЕЛЬНАЯ, а нерѣдко и сознательная ложь о Россіи и обо всемъ русскомъ, безпрестанно встрѣчающаяся въ различныхъ заграничныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, сдѣлалась для насъ, русскихъ, явленіемъ столь обыкновеннымъ, что мы, къ сожалѣнію, не обращаемъ на это ровно никакого вниманія. И когда такая ложь встрѣчается въ рассказахъ какого нибудь путешественника или въ какой нибудь иностранной газетѣ и происходитъ или отъ столь свойственнаго всѣмъ путешественникамъ непониманія чуждой имъ жизни или вызывается политической борьбой партій, то еще можно, а иногда даже и должно, оставлять это вранье безъ возраженій. Но когда вся эта ложь переходитъ на страницы какого нибудь серьезнаго научнаго труда, въ которомъ читатель ищетъ только фактовъ и не ожидаетъ найти никакой тенденціи, никакого пристрастія, то нельзя не отмѣтить такого вопіющаго факта, нельзя не указать на него.

Именно такое непростительное и возмутительное вранье встрѣчается въ извѣстномъ и капитальномъ французскомъ изданіи, въ «Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle, par Pierre Larousse». Состоитъ онъ изъ 17-ти томовъ, въ большую 4^о, слишкомъ по тысячѣ страницъ въ каждомъ, напечатанныхъ въ четыре столбца, убористымъ, но четкимъ шрифтомъ.

Я просмотрѣлъ въ немъ статьи: Россія, Москва, Новгородъ, С.-Петербургъ и Александръ II. Во всѣхъ нихъ правда до того перемѣшана съ самой невѣроятной ложью, что просто не вѣрится, чтобы можно было въ серьезномъ научномъ изданіи встрѣтить

такое наглое, такое безсовѣстное искаженіе общеизвѣстныхъ фактовъ.

Но прежде, чѣмъ приведу наиболѣе рѣзкіе примѣры такого искаженія, укажу на тѣ сочиненія, на которыя сдѣланы въ словарѣ ссылки при изложеніи свѣдѣній о Россіи. Уже одинъ этотъ перечень вполне охарактеризуетъ отношеніе издателей словаря, вышедшаго въ послѣдней четверти XIX столѣтія, къ ихъ задачѣ. Свѣдѣнія свои о Россіи и русскихъ составители словаря почерпали изъ сочиненій Malte Brun'a, М. В. Козегартена, Шнитцлера, Артамова, маркиза Кюстина, Теофиля Готье, изъ статей въ *Revue des deux Mondes* 60-хъ гг. и т. п. Такимъ образомъ, источниками для составителей словаря послужили въ данномъ случаѣ или сочиненія окончательно устарѣлыя, относящіяся еще къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія (Мальте Брюнъ), или произведенія французскихъ и русскихъ памфлетистовъ (маркизь де-Кюстинъ и Артамовъ), или, наконецъ, враждебныя намъ статьи, появлявшіяся въ *Revue des deux Mondes* въ 60-хъ гг., въ самый разгаръ французскихъ симпатій полякамъ. Понятно, что ничего путнаго изъ подобныхъ источниковъ объ исторіи и современномъ состояніи Россіи пріобрѣсти нельзя. Но то, что дѣйствительно разсказывается объ насъ и объ нашей исторіи въ этомъ словарѣ, превосходитъ всякое вѣроятіе по своей нелѣпости и лживости.

Въ статьѣ: *Russie*, въ главѣ: *Instruction publique*, разсказывается, напримѣръ, будто Екатерина II, которая «съ такимъ шумомъ заводила училища въ Россіи, писала московскому генералъ-губернатору, жаловавшемуся на то, что учебныя заведенія не даютъ никакого результата: «Вы жалуетесь на то, что русскіе вовсе не стремятся къ просвѣщенію; я учреждаю школы вовсе не для нихъ, а для Европы, въ общественномъ мнѣніи которой намъ необходимо сохранить наше мѣсто. Въ тотъ день, когда наши крестьяне пожелаютъ учиться, ни вы, ни я не останемся на своихъ мѣстахъ» (т. XIII, стр. 1537). Изображая при помощи подобныхъ нелѣпныхъ анекдотовъ косность русскаго общества въ дѣлѣ умственнаго развитія, словарь увѣряетъ, будто «только со времени императора Александра II, и именно съ 1863 г. (какая точность, подумаешь!) общественное образованіе въ Россіи двинулось впередъ» (тамъ же). При этомъ не обошлось, конечно, безъ глубокомысленнаго замѣчанія, что «Россія, какъ и Турція, есть наиболѣе отсталое государство въ отношеніи народнаго образованія».

Въ томъ же томѣ, на стр. 1534, въ описаніи характера и нравовъ русскихъ, говорится (со ссылкой на Артамова):

«Въ Россіи все, какъ свѣтскія, такъ и духовныя дѣла, подчинено опредѣленнымъ законамъ и заключено въ опредѣленные предѣлы; всякій шагъ въ жизни подчиненъ, такъ сказать, опредѣленному правилу. Если во Франціи воскресный день посвященъ еще

пьянству и распутству, то въ Россіи этого совсѣмъ нѣтъ. Соблюденіе воскреснаго дня строго предписано во всей имперіи, съ одного конца до другого. Во время божественной службы пѣніе и музыка въ частныхъ домахъ (?) запрещены; всѣ магазины закрыты; питейные дома и балаганы не пускаютъ къ себѣ своихъ обычныхъ посятителей и странствующие торговцы не показываются на улицахъ».

А далѣе, всего черезъ нѣсколько строкъ, говорится какъ разъ противоположное: «Десять вѣковъ тому назадъ Владиміръ святой сказалъ: «Руси есть веселіе пити». Въ настоящее время это «веселіе» превратилось въ порокъ, и, не смотря на суровыя наказанія, опредѣленные за пьянство, оно принимаетъ, изъ года въ годъ, такіе размѣры, что угрожаетъ сдѣлаться, какъ въ Лондонѣ, общественнымъ бѣдствіемъ. Это ведетъ къ тому, что правительство, которое ссылаетъ пьяницъ въ военно-исправительныя роты, а иногда даже и въ Сибирь, не можетъ, кажется, справиться съ этимъ порокомъ иначе, какъ, преслѣдуя его съ одной стороны, поощряя его съ другой. Существуетъ множество винокуренныхъ заводовъ, принадлежащихъ государству, приносящихъ казнѣ значительный доходъ и доставляющихъ чиновникамъ и откупщикамъ чудовищные барыши. Судите по нижеприводимымъ голымъ статистическимъ цифрамъ, за полную точность которыхъ мы вполне ручаемся, можетъ ли русскій народъ быть трезвымъ. Въ однѣхъ только тридцати великорусскихъ губерніяхъ потребляется водки на громадную сумму въ 424 милліона. Изъ этой суммы 140 милліоновъ составляютъ достояніе казны; 60 милліоновъ представляютъ ежегодный барышъ откупщиковъ, а остальное остается въ рукахъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, общее количество потребляемаго вина доходитъ до 195 милліоновъ литровъ. Кабаки представляютъ обыкновенно вертепы, наполненные день и ночь чернью, которая дается въ нихъ самому грязному пьянству».

Далѣе сообщается, что въ Россіи мало пьютъ кофе, а преимущественно чай. Послѣ же чая «потребители поглощаютъ болѣе всего la kijliarka ou eau-de-vie de kijliare, fabriquée à l'instar du trois-six и служащую для приготовленія пунша, до котораго низшіе чиновники различныхъ учрежденій большіе любители. Почти все низшее дворянство шатается по кабакамъ. Тамъ оно напивается и устраиваетъ распутныя пирушки».

На той же 153 страницѣ о частной жизни русскихъ сообщаются такія нелѣпыя свѣдѣнія:

«Если общественныя учрежденія лишены удобствъ, то можно сказать, что частные дома, во всемъ, что не составляетъ предмета роскоши и убранства, совершенно лишены даже самаго необходимаго. Залы и парадныя комнаты наполнены не тѣмъ, что удобно, а тѣмъ, что блеститъ, что поражаетъ глазъ, что можетъ дать высокое понятіе объ общественномъ или служебномъ положеніи и о

богатствѣ; въ комнатахъ же, не доступныхъ для постороннихъ, на примѣръ, въ спальняхъ, даже у князей, царствуютъ небрежность, неопрятность, беспорядокъ, со всѣми ихъ послѣдствіями. Русскій (мы говоримъ здѣсь о зажиточномъ классѣ и даже о нѣкоторыхъ вельможахъ) мало знакомъ съ постелью. Онъ спитъ, какъ мужикъ, гдѣ попало, на какомъ нибудь убогомъ ложѣ, на старомъ диванѣ, на матрацѣ, брошенномъ въ какомъ нибудь темномъ углу. Безчисленная челядь, наполняющая дома богачей и дворянъ, спать, гдѣ придется, на полу прихожей, въ сѣняхъ, на ступеняхъ лѣстницы. Разстилаютъ на полу овчину и спятъ не раздѣваясь. Ежедневно, въ самыхъ богатыхъ домахъ, если вы войдете въ нихъ въ началѣ ночи, вы увидите странное зрѣлище людей, распростертыхъ и спящихъ у васъ по дорогѣ, *sans plus de gêne ou de cérémonie que les chiens de la maison*.

Даже сообщая довольно вѣрныя свѣдѣнія о нравственныхъ свойствахъ русскихъ, словарь не можетъ не сказать вздора. Такъ, на примѣръ, на той же 1534 страницѣ о религіозности русскихъ говорится:

«Русскій глубоко религіозенъ. Поутру, вставъ съ постели и до начала всякаго дѣла, онъ совершаетъ крестное знаменіе, преклоняетъ колѣни, многократно цѣлуетъ землю и съ глубокимъ чувствомъ произносить свои молитвы».

Въ разказѣ о религіи русскихъ (т. XIII, стр. 1536) сообщается, что въ началѣ XVII столѣтія слѣдующими девятью пунктами русская церковь стала отличаться отъ греческой: 1) двойная аллилуія; 2) двуперстное сложеніе; 3) хожденіе кругомъ церкви посолонь; 4) запрещеніе стричь волосы; 5) въ греческомъ вѣроисповѣданіи говорится о Богѣ: «Царствіе котораго вѣчно», а въ русскомъ требникѣ читаемъ: «Царствіе котораго будетъ вѣчно»; 6) у грековъ служатъ на одной просфорѣ, у русскихъ—на 7-ми; 7) греки пишутъ Іисусъ, русскіе—Ісусъ; 8) греки въ молитвахъ говорятъ: «Іисусъ Христосъ, нашъ Богъ», русскіе выражаются иначе и говорятъ: «Іисусъ Христосъ, сынъ Божій»; 9) русскіе признаютъ только восьмиконечный крестъ, а четырехконечный и шестиконечный называютъ латинскимъ и еретическимъ.

Такимъ образомъ, вѣроученіе раскольничье принято въ ученое французскомъ изданіи за вѣроученіе русской церкви.

Излагая далѣе вкратцѣ исторію русской церкви, словарь повторяетъ ходячіе анекдоты, рассказывая, на примѣръ, будто при Петрѣ Великомъ, «*qui se fit patriarche en même temps qu'autocrate*», русская церковь окончательно потеряла свою самостоятельность, такъ что, когда по смерти патріарха епископы обратились къ Петру съ вопросомъ, кого онъ желаетъ назначить на его мѣсто, Петръ вскричалъ, указывая на свой лобъ: «Вотъ вашъ патріархъ и вашъ Богъ». И съ тѣхъ поръ *on a vu le Saint Synode présidé par un générale de cavalerie* (т. XIII, стр. 1537).

О духовенствѣ русскомъ разсказывается, будто русскіе священники принадлежать большею частію къ крестьянскому сословію и въ то же время образуютъ настоящую касту. Какъ это соединить, какъ можетъ одно замкнутое сословіе принадлежать къ другому незамкнутому, объ этомъ составители словаря не подумали. Сыновья священниковъ, разсказывается далѣе въ словарѣ, продолжаютъ профессію своихъ отцовъ и къ исполненію своихъ обязанностей готовятся частію въ отеческомъ домѣ, частію dans de misérables séminaires que nul rayon de science ne vient jamais visiter. Священники женятся только на крестьянкахъ, и когда у нихъ нѣтъ собственныхъ дѣтей, они усыновляютъ крестьянскихъ дѣтей.

Далѣе, все изъ той же якобы исторіи русской церкви разсказывается такой нелѣпый фактъ (т. XIII, стр. 1537):

«Когда царь Николай всевозможными жестокими мѣрами старался обратить часть населенія въ Остзейскомъ краѣ изъ протестантства въ православіе, для новообращенныхъ не хватило священниковъ. Тогда стали набирать въ это званіе со всѣхъ сторонъ всякихъ праздношатающихся, бродягъ, даже тюремныхъ завсегдаевъ. Эти новые апостолы были надлежащимъ образомъ одѣты и кое-какъ приготовлены къ ихъ новому званію; засимъ — полиція поставила ихъ священниками, что не могло не скандализировать новообращенныхъ, привыкшихъ до тѣхъ поръ имѣть пасторами молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ».

Какъ назвать ученое изданіе, въ которомъ довѣрчиво помѣщаются такіа вопіющія нелѣпости?

Въ исторіи русской литературы, изложенной очень кратко и сухо, составители словаря тоже не преминули наговорить много вздора (т. XIII, стр. 1541—42). Ломоносовъ, оказывается, ввелъ въ русскую литературу латинское стихосложеніе; Булгаринъ первый (!) сталъ изображать въ своихъ произведеніяхъ картины обыкновенной жизни. А далѣе, при изложеніи исторіи русской литературы текущаго столѣтія, сообщается слѣдующее:

«Произведеніями, оказавшими могущественное вліяніе на русскую литературу въ первой половинѣ нашего столѣтія, были разсказы, изображающіе сцены изъ патріархальной жизни казаковъ. Изъ этихъ разсказовъ быстро приобрѣли популярность повѣсти Григорія Квитки, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ Основьяненки (1778—1843). Въ томъ же родѣ началъ писать и Гоголь, «Мертвыя души» котораго составляютъ уже переходъ къ новому направленію, которое вскорѣ приобрѣло исключительное преобладаніе въ современной русской литературѣ. Конечно, тѣмъ, кто подчиняетъ науку и чувство прекраснаго нравственнымъ требованіямъ, сочиненія Гоголя и его подражателей мало понравятся. Но его поразительныя картины русскаго общества

произвели на публику могущественное впечатлѣніе, которое было еще усилено комментаріями Бѣлинскаго. На страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», редактируемыхъ этимъ послѣднимъ, появились и романы Герцена и Достоевскаго, въ сочиненіяхъ которыхъ реальное направленіе достигло высшаго своего развитія. Происшествія 1848 года привлекли вниманіе правительства къ тенденціямъ этой школы и вызвали суровыя преслѣдованія противъ печати. Бѣлинскій умеръ, Герценъ долженъ былъ бѣжать, а Достоевскій былъ сосланъ въ Сибирь (и все это, будто бы, за реальное направленіе въ литературѣ!!); Гоголь наложилъ на себя руки (!!), и въ русской литературѣ наступилъ полный застой, прерываемый только романами Тургенева и Гончарова, которые проводили тѣ же идеи, но только съ болѣею умѣренностью и съ болѣею благоразуміемъ».

При Александрѣ II произошло пробужденіе литературы, «которая поставила себѣ исключительной задачей изобличеніе злоупотребленій администраціи, недостатковъ и пороковъ общества и указаніе правительству тѣхъ реформъ, которыя необходимо было произвести. Первый писатель, пошедшій по этой дорогѣ, былъ Салтыковъ, за которымъ послѣдовало большое число подражателей, изъ которыхъ мы назовемъ прежде всего Писемскаго (!!)

Въ XI томѣ, подъ словомъ: Москва, сообщаются столь же фантастическія свѣдѣнія о нашей первопрестольной столицѣ.

Число жителей въ ней опредѣляется въ 390 тысячъ, тогда какъ ихъ въ настоящее время около милліона. Въ Московскомъ университетѣ число слушателей показано въ 1.800 человекъ, между тѣмъ, какъ ихъ свыше 4.000. Число факультетовъ показано только четыре, и названы они: этико-политическимъ, медицинскимъ, физико-математическимъ и литературнымъ. Гимназій будто бы только четыре; за то въ числѣ учебныхъ заведеній показана медико-хирургическая академія, которой давно уже не существуетъ.

О московской мануфактурной промышленности сообщается, что она «въ послѣдніе годы развилась до такой степени, что это встревожило мѣстную администрацію и само правительство, которое вынуждено было прибѣгнуть къ запретительнымъ мѣрамъ».

Очевидно, нѣтъ такой нелѣпости, которой нельзя было бы сказать о Россіи въ какомъ угодно, даже серьезномъ, французскомъ изданіи! Успенскій соборъ, по мнѣнію составителей словаря, «offre un mélange bizarre d'architecture byzantine et tartare» (!!). О церкви Василя Блаженнаго говорится въ томъ же родѣ: ce singulier monument, qu'on nommerait barbare, si l'ornementation n'y était pas prodiguée à pleines mains». Составители словаря даже не дали себѣ труда подумать о томъ, неужели все оригинальное, все непохожее на ихъ произведенія искусствъ, лишено всякаго эстетиче-

скаго значенія и непремѣнно должно называться варварскимъ! Интересно было бы послушать, что сказали бы французскіе эстетики, если бы они увидали знаменитый Коломенскій дворецъ, который, къ счастью, существуетъ въ настоящее время не въ однихъ только рисункахъ, а составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Моквы и украшеніе Большой Якиманской улицы. Я говорю о недавно построенномъ домѣ купца Игумнова, которому пришла счастливая мысль воздвигнуть себѣ домъ по плану Коломенскаго дворца.

Въ исторіи Москвы въ словарѣ рассказывается, что она, основанная въ 1147 г. княземъ Юріемъ Долгорукимъ, была вполнѣ разрушена въ 1176 г. par le prince Souverain de Kazan (!). Далѣе встрѣчается Toklamouich, chef des Lithuaniens (?), осаждавшій и взявшій Москву въ 1382 г. Такимъ образомъ, татарскій ханъ Тохтамышъ превратился въ литовскаго предводителя Токлямуика! Оказывается, что тамъ, гдѣ нужно говорить о татарахъ, ихъ замѣняютъ другими именами, и въ то же время называютъ татарскимъ то, что не имѣетъ съ татарами ничего общаго.

Разрушенная въ Отечественную войну французами, Москва, по свѣдѣніямъ составителей словаря, «не замедлила воскреснуть изъ развалинъ, и новые дома были построены по точнымъ образцамъ домовъ разрушенныхъ». Не говоря уже о томъ, что по разрушеніи Москвы негдѣ было взять «точныхъ образцовъ» разрушенныхъ домовъ, извѣстно, что императоръ Александръ I воспользовался гибелью Москвы именно для того, чтобы построить ее вновь по новому, болѣе удобному плану, для чего образована была особая коммиссія, извѣстная подъ именемъ Экспедиціи Кремлевскаго строенія.

Въ томъ же томѣ, подъ словомъ: Новгородъ (стр. 1138), сообщается, что онъ былъ построенъ славянами въ срединѣ V вѣка, то-есть рассказывается то, чего не знаютъ даже и русскіе историки. Рюрикъ называется chef des Varégués Russes, tribu tartare suivant quelques auteurs. Олегъ называется сыномъ Рюрика. Вообще, исторія излагается въ словарѣ по какимъ-то совершенно фантастическимъ источникамъ. Въ статьѣ Russie (т. XIII, стр. 1545) говорится о Рюрикѣ, будто онъ «greffa sur les coutumes et les lois de Novgorod les capitulaires de Charlemagne, importés de Norvège» (!). Объ Игорѣ говорится, что онъ былъ женатъ на Ольгѣ, которая была petite-fille de l'ancien président de Novgorod. При объясненіи политическаго устройства древняго Новгорода говорится о вѣчѣ, о посадникѣ и о тысяцкомъ, при чемъ о послѣднемъ сказано: «республика приставила къ нему (посаднику) надзирателя, тысяцкаго, который долженъ былъ противоборствовать злоупотребленіямъ власти посадника».

Въ числѣ жителей Новгородской губерніи показаны 178.470 жителей военныхъ поселеній, учрежденныхъ Аракчеевымъ и давнымъ

давно уничтоженныхъ. Туземное населеніе Новгородской губерніи представляетъ, по мнѣнію авторовъ ученаго словаря, un mélange de Tchoudes, de Caréliens, d'Allemands des provinces baltiques et de Bohémiens nomades (!).

Линія Николаевской желѣзной дороги касается, по свѣдѣніямъ словаря, только двухъ пунктовъ Новгородской губерніи: Вышняго Волочка и Торжка; между тѣмъ, оба эти города находятся не въ Новгородской, а въ Тверской губерніи.

Но главный перлъ всѣхъ нелѣпостей встрѣчается въ изложеніи религіознаго состоянія Новгородской области. Оказывается, по свѣдѣніямъ ученыхъ составителей словаря, что Новгородская область представляетъ чрезвычайное множество своеобразныхъ религіозныхъ сектъ, въ числѣ которыхъ поименованы: старовѣры, хлысты (chlistovtchinos-flagellants), секта, возникшая, будто бы, въ 1460 году, и основательницей ея была извѣстная Марѳа, посадница новгородская (!). Далѣе упоминается о субботахъ (то-есть о ереси жидовствующихъ), которые, по мнѣнію составителей словаря, существуютъ чуть ли не до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ въ словарѣ съ увѣренностью говорится, будто «суровыя мѣры, принятыя именно противъ субботниковъ или почитателей субботы, не дали никакого результата». Послѣ субботниковъ названы духоборцы, которые, по словамъ словаря, то же самое, что иконоборцы, иллюминаты и франкъ-массоны!

Въ исторіи Нижняго Новгорода (въ томъ же томѣ) рассказывается, будто въ 1609 году «Лжедмитрій, который былъ не кто другой, какъ казакъ Заруцкій, тщетно пытался провозгласить въ Нижнемъ Новгородѣ всеобщую революцію».

О Петербургѣ (томъ XII, стр. 704—706) рассказывается необыкновенный вздоръ, заимствованный изъ путешествія Theophil'a Gautier. По словамъ этого курьезнаго наблюдателя, «на улицахъ Петербурга поражаетъ малочисленность женщинъ. Comme en Orient, les hommes seuls semblent avoir le privilège de sortir» (!). По его же наблюденіямъ, въ Петербургѣ мало ходятъ пѣшкомъ et l'on prend une drochka pour une course de quelques pas. Вообще, по увѣреніямъ Gautier, экипажъ составляетъ въ Петербургѣ предметъ первой необходимости. Поэтому «мелкіе торговцы и чиновники, получающіе даже маленькое жалованье, отказываютъ себѣ во многомъ, чтобы держать карету, дрожки или сани». При этомъ Gautier съ видомъ знатока замѣчаетъ, что надо говорить la drochka et non drochki, comme disent quelques voyageurs, потому что порусски drochki есть родительный или винительный падежъ единственнаго числа отъ слова drochka!

Уличная жизнь въ Петербургѣ показалась Gautier столь мертвой, что онъ изобразилъ нашу столицу, какъ какой-то безлюдный городъ. Для иностранца, привыкшаго къ оживленности европейскихъ

улицъ,—говорить онъ,—«ничего нѣтъ неожиданнѣе, какъ пустота и безлюдность, царствующія въ этой столицѣ сѣвера. Въ ней видны только обширныя, ровныя пустыни, на которыхъ не видно почти ничего другого, qu'une malheureuse drochka poursuivant au trot sa longue route, semblable à une chaloupe perdue sur la haute mer, или улицы, ограниченныя двумя линиями безмолвныхъ дворцовъ, между которыми тамъ и сямъ двигаются рѣдкіе прохожіе»(томъ XII, стр.704).

Наконецъ, объ императорѣ Александрѣ II (томъ I, стр. 193) рассказывается, будто онъ родился въ С.-Петербургѣ, тогда какъ извѣстно, что онъ родился въ Москвѣ, и сначала воспитывался подъ руководствомъ своей матери, а потомъ его воспитаніе поручено было нѣмецкому генералу Мердеру и русскому поэту Жуковскому. «Этотъ послѣдній принадлежалъ, какъ и царь Николай, къ старинной русской партіи». «Эти противоположныя (!) вліянія отразились и на характерѣ молодого великаго князя». Далѣе рассказывается, будто, вынужденный подчиняться строгой дисциплинѣ отца, онъ впалъ въ меланхолію (!), для избавленія отъ которой его послали путешествовать по Германіи (!).

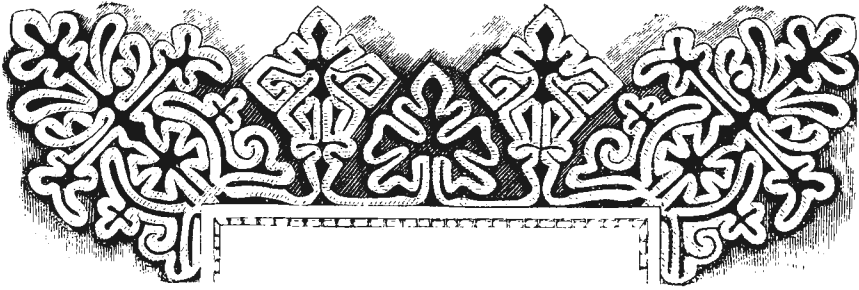
И подобная чепуха рассказывается о государѣ, получившемъ, къ великому счастью Россіи, самое блестящее воспитаніе, помогшее ему сдѣлаться незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ!

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ II довольно энергично продолжалъ Крымскую войну, «но, какъ кажется, только для того, чтобы удовлетворить военное самолюбіе et les vieux sentiments moscovites».

Вотъ какой невѣроятный вздоръ можно встрѣтить въ дорогомъ научномъ французскомъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ столь недавно. На русскія деньги словарь Ларусса стоитъ 300 рублей, и за эти деньги издатели преподносятъ публикѣ, вмѣсто тщательно пробѣренныхъ свѣдѣній о Россіи, чепуху, вышедшую изъ-подъ пера французскихъ и русскихъ памфлетистовъ!

Ө. Витбергъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- 1) Исторія крѣпости въ Россіи. Очеркъ Л. Фримана. Часть I-я, до начала XIX-го столѣтія. Спб. 1895.—2) Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей. Опытъ изслѣдованія критико-историческимъ методомъ, составилъ Э. Энгманъ. Спб. 1895.

БА СОЧИНЕНІЯ, заглавія которыхъ мы выписали, представляютъ существенные вклады въ исторію русскаго военно-инженернаго искусства и могутъ быть соединены воедино, не только по нѣкоторой общности темы, но еще, частію, и потому, что принадлежать, какъ первое, такъ и второе, трудамъ двухъ молодыхъ преподавателей фортификаціи въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и Академіи. По цѣлямъ и по программѣ нашего журнала, мы, конечно, не можемъ дать компетентную оцѣнку этихъ работъ по ихъ спеціальному достоинству и можемъ только ограничиться оцѣнкой приводимыхъ въ нихъ историческихъ выводовъ, которые дѣлаютъ авторы изъ этихъ обще-историческихъ фактовъ.

Первое изъ этихъ сочиненій, по сознанію самого автора, представляетъ компіляцію изъ двухъ источниковъ, несомнѣнно прекрасныхъ, именно: Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, части I, II и III-я, Ф. Ласковского, а также и неизданныя его же рукописи, для исторіи инженернаго искусства временъ Екатерины II, часть IV-я. Вторымъ источникомъ служилъ: Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи, Ал. Савельева. Къ этимъ основнымъ источникамъ, касавшимся того же предмета, авторъ присоединилъ еще исторію Устрялова и книгу Марсову, второе изданіе 1766-го года. Такъ какъ эти источники

единственные по исторіи инженернаго дѣла въ Россіи и такъ какъ они въ своемъ родѣ прекрасны, то и компиляція г. Фримана не должна быть названа плохую. Можемъ замѣтить только, что странно какъ-то въ концѣ перечисленія этихъ бѣдныхъ источниковъ читать укрѣненіе автора, что его трудъ является первымъ (подчеркнуто авторомъ) опытомъ изложенія вкратцѣ исторіи крѣпости въ Россіи. Какимъ же это образомъ первымъ, когда и Ласковскій и Савельевъ писали на ту же тему ранѣе автора? Далѣе, на русское ухо, странно звучитъ самое заглавіе книги Исторія крѣпости? Поневолю спрашиваютъ люди, даже вовсе не желающіе острить: Какой крѣпости? Можетъ быть, купчей? или, можетъ быть, крѣпости крестьянъ населенной ими земли. Наконецъ какой крѣпости? Динабурга? Кіева? Шлиссельбурга. Въ этомъ отношеніи трудъ автора въ самомъ дѣлѣ надо считать первымъ между остальными, по неудачному его заглавію. Но невразумительность заглавія не есть еще единственный недостатокъ этой компиляціи. Напримѣръ, авторъ пишетъ на страницѣ 3-й:

«Кремлі образовались изъ прежнихъ дѣтинцевъ и, слѣдовательно, выполняли одинаковое съ ними назначеніе. Если предположить, что названіе «кремль» татарскаго происхожденія, то оно могло появиться въ лѣтописяхъ не ранѣе половины XIII столѣтія. Но оно встрѣчается въ первый разъ подъ годомъ 6839, или 1331».

Что это значить, можетъ спросить автора читающій, и какого же на самомъ дѣлѣ происхожденія слово: кремль?

Еще примѣръ. На страницѣ 13-ой авторъ, описывая четырехугольныя башни, говоритъ: «четыреугольныя башни были обращены всегда (мой курсивъ) одною или двумя сторонами къ полю». Очень бы я желалъ видѣть постройку, которая, будучи даже четырехугольною, не была бы обращена хотя бы одною изъ своихъ сторонъ отъ города къ полю. Зачѣмъ же и говорить такіе пустяки въ серьезномъ сочиненіи?

Ставлю я этого вопросъ, однако, вовсе не съ цѣлью уязвить автора, но затѣмъ, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить трудность взятой имъ на себя задачи.

Всѣ, кто брался писать исторію инженернаго дѣла въ Россіи, падали подъ тяжестью этой задачи и расплывались или въ пустякахъ: о башняхъ, обращенныхъ всегда одною стороною къ полю, или тонули въ предположеніяхъ совершенно произвольныхъ. Послѣднее относится именно къ труду Ф. Ласковского, который всю исторію инженернаго искусства въ Россіи до эпохи царей прямо, извините, пожалуйста, выдумалъ. У самого Ласковского это не такъ замѣтно потому что онъ, какъ человѣкъ даровитый, хорошо сознавалъ, что дѣлалъ, между тѣмъ у компилятора эта черта стала замѣтна, такъ какъ онъ во многихъ цитатахъ является просто наивнымъ.

Напримѣръ: «Генераль Ласковскій предѣлы наибольшей и наименьшей высоты вала у древнихъ назначаетъ приблизительно: отъ 10-ти и до 4-хъ сажень (кажется, слѣдовало бы сказать: отъ 4-хъ и до 10-ти сажень). Такъ какъ обороняющійся имѣлъ цитъ, съ которымъ не разставался во время боя (неужели даже за стѣнами крѣпостей?), то генераль Ласковскій полагаетъ полторы сажени предѣломъ наименьшей толщины вала при его вершинѣ... Валы дѣлались (надо полагать, что дѣлались?) съ заложениемъ равной высотѣ, и тогда по этимъ откосамъ можно было или сбѣгать просто или въ нихъ прорывались ступени, что слѣдуетъ также только предполагать. Выходы изъ крѣпостей, опять надо предположить, при-

крывались небольшими оградами и такъ далѣе». Все здѣсь только вѣроятно, все предполагается, все могло быть, но здѣсь нѣтъ ничего исторически-вѣрнаго, исторически доказаннаго. Позволяю себѣ спросить: какая же это исторія? Предположить все можно, вывести изъ произвольно поставленныхъ требованій также можно многое и очень дѣльное и умное, но все это будетъ фактически не вѣрно, все это не будетъ фактически доказанной исторіей. Конечно, каждая исторія, подобно Желтой рѣкѣ въ Китаѣ, начинается болѣе или менѣе въ добрыхъ неизвѣстнаго, въ пучинахъ легендъ и сказочныхъ предположеніяхъ. Это потому, что вначалѣ письменности не было. Въ свою очередь черезъ десять, двадцать вѣковъ, и наша исторія будетъ еще болѣе не вѣрной, потому что письменность наша слишкомъ велика и перспективно-историческій критерій потеряетъ на этомъ пространствѣ времени своей надлежащей масштабъ. Но исторія какого либо искусства, и притомъ столь частнаго, какъ исторія инженернаго искусства въ Россіи, гдѣ до самыхъ послѣднихъ дней, когда иностранцы начали цитировать работы нашихъ молодыхъ инженеровъ и К. И. Величко въ особенности, можно, положи руку на сердце, сказать, что инженернаго искусства въ Россіи вовсе не было, не можетъ быть создано путемъ совершенно произвольнаго вымысла и какихъ бы то ни было предположеній. Времена Гостомысла, когда мы дѣлали буквально то же самое, что въ наши дни дѣлали и дѣлаютъ текинцы, авганцы и другіе первобытные народы, вовсе не поучительны, ибо то, что дѣлалъ человѣкъ первобытной культуры, недалеко ушло по идеямъ отъ построекъ термитовъ или бобровъ. Всякій древній человѣкъ возводилъ между собой и непріателемъ валы изъ земли и глины, конечно, возможно болѣе крутые, чтобы на нихъ влѣзть было трудно, и впереди такихъ валовъ и саади ихъ самъ собой возникалъ ровъ. Если было дерево, то эти же валы дѣлали изъ дерева и срубы наполняли землей, при этомъ валы получали отвѣсныя стѣны. Когда такія стѣны начали жечь, то стали дѣлать валы земляные, а поверхъ валовъ земляныхъ ставили также деревомъ одѣтые срубы. Вотъ и все. Это по профилю, а по плану, когда образовывался близъ угрожаемаго извнѣ пункта поселокъ, малый или сторожевой военный постъ, очевидно его уносили тыномъ на первый случай, потомъ землянымъ валомъ, потомъ укрѣпляли и еще того болѣе. Къ выгодному поселку примыкалъ пригородъ, но и онъ не хотѣлъ каждую ночь вскакивать въ трепетъ и страхъ и огораживался въ свою очередь валомъ. Возникалъ городъ, за этимъ городомъ шли опять пригороды и эти въ свою очередь по мѣрѣ полученія осѣдлости огораживались, и вотъ получилась въ концѣ концовъ Москва съ Кремлемъ, съ Китай-городомъ, съ Бѣлымъ-городомъ и наконецъ съ Камеръ-Колезскимъ валомъ. И эти сооруженія сравнительно по времени могли слѣдовать очень близко одно за другимъ или на пространствѣ многихъ лѣтъ, десяти-лѣтій и наконецъ вѣковъ. Инженернаго же искусства, здѣсь, строго говоря, вовсе не было, такъ какъ не было идей, а былъ только инстинктъ животнаго самосохраненія и тѣ средства, какія онъ подсказывалъ для пассивной защиты. Въ этихъ городахъ, какъ и въ Геокъ-Тепе, всѣ жители становились и рабочими и воинами по мѣрѣ надобности и защищались отчаянно, именно и только потому, что со взятіемъ крѣпости, по ихъ мнѣнію, ихъ всѣхъ персонально ждала еще горьшая участь рабовъ, чѣмъ смерть отъ вражьей стрѣлы или пули. Въ этихъ оборонахъ принимали дѣятельное участіе наравнѣ съ мужчинами и женщины. Всю эту исторію инженернаго искус-

ства до XVI вѣка можно отлично прослѣдить и на Кавказѣ въ исторіи поселеній по Тереку и особенно по Сунжѣ. Тамъ вы все это найдете и теперь *in statu nascenti* до отбитія штурмовъ женщинами, въ родѣ штурма Шамила станицы Наурской, когда наступавшихъ чеченцевъ казачки поливали кипящими щами, откуда идетъ обилная поговорка для щербатаго чеченца: «что въ Наурѣ былъ, казачьихъ щей покушалъ?». Но развѣ исторіи нѣтъ, то неважѣмъ и писать исторію крѣпости въ Россіи, иначе неудивительно, если допишешься до вывода, что какая нибудь сторона башни должна быть обращена въ поле, или еще того хуже до подобнаго, напримѣръ, положенія:

«Относительно сооруженія, исправленія и содержанія городовъ по недостатку источниковъ трудно сказать что либо положительное до половины XV-го вѣка. По всей вѣроятности, первоначально оборонительныя ограды возводились самымъ патріархальнымъ образомъ (то-есть какъ же это патріархальнымъ?) — строили ихъ всѣ сообща, и какъ мѣстные жители, такъ и приходившіе на работу изъ окрестныхъ селеній (а эти развѣ не мѣстные?), между работавшими вѣроятно (вотъ ужъ это вовсе не вѣроятно), не было никакого раздѣленія труда, всякъ дѣлалъ какъ умѣлъ и сколько могъ».

Сопоставьте это мнѣніе хотя бы со словами Жана Соважа, цитованными самимъ же авторомъ, нѣсколько раньше приведенной выписки, что хотя у строителей русскихъ всѣ орудія состояли въ однихъ топорахъ, но ни одинъ архитекторъ не сдѣлалъ бы лучше, чѣмъ они дѣлаютъ.

Очевидно, что какъ бы ни были примитивны и наивны идеи собственно военно-инженерныя того времени, раздѣленіе труда по ремесламъ существовало и тогда, какъ существуетъ и нынѣ.

Вотъ почему, т. е. по недостатку источниковъ, всѣ писавшіе объ исторіи инженернаго дѣла въ Россіи должны были блуждать или въ филологическихъ тонкостяхъ языка, стараясь хотя бы изъ этого скуднаго и спорнаго при общей безписьменности источника извлечь какія либо инженерныя данныя, какъ это пытался сдѣлать уважаемый Александръ Ивановичъ Савельевъ, или брать на себя горделивую и малоубѣдительную роль возсоздателя стараго, будто бы существовавшего искусства, какъ это думалъ сдѣлать Ласковскій. Единственно, что здѣсь неоспоримо, это то, что русскіе до XVI вѣка защищались отлично за всякаго рода естественными и искусственными преградами и препятствіями, возводимыми какъ Богъ на душу полагалъ. Они дѣлали громаднѣйшія лѣсныя засѣки, ничѣмъ не обороненныя, они заваливали рѣчки, они возводили валы, въ одинъ, въ два, въ три ряда, и давали громадное мѣсто въ этихъ оборонительныхъ сооруженіяхъ дешевому дереву и обычному плотничному искусству, стоявшему въ народѣ, жившемъ въ дремучихъ лѣсахъ, на высокой степени совершенства. Вотъ все, что можно сказать объ исторіи инженернаго дѣла въ Россіи до... до прибытія при Іоаннѣ III первыхъ иностранцевъ строителей. Тогда вся эта исторія привратилась въ исторію послѣдовательнаго заимствованія отъ иностранцевъ всякихъ образцовъ фортификаціи, дабы, какъ говоритъ и Уставъ дѣла ратныхъ, переведенный съ нѣмецкаго и латинскаго при Василии Шуйскомъ, русскіе могли «не токма силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ».

Такимъ образомъ, переходя къ эпохѣ Петра Великаго, напрасно вашъ авторъ силится доказать, что тутъ только началось общее заимствованіе у иностранцевъ. Вѣдь и осада Казани, столь имъ прославляемая, какъ осада,

самостоятельно веденная русскими и противопоставляемая осаде Смоленска Шеиномъ и Риги Алексѣемъ Михайловичемъ, въ которыхъ «вяло и нерѣшительно» дѣйствовали иноземцы, велась распоряженіями и талантомъ нѣмчина Размысла, который былъ хитеръ по градскому разоренію? И при Петрѣ, и до Петра, и послѣ Петра лѣтъ полтора ста на поприщѣ инженернаго дѣла у насъ всегда работали иноземцы и съ самыхъ первыхъ знакомствъ при Иоаннѣ III съ иноземными строителями, которые прежде всего научили насъ деревянныя сгораемыя и сгнивающія стѣны замѣнять вѣчными каменными съ многоярусными боями, мы рабски слѣдовали, слѣдъ въ слѣдъ, за иноземнымъ инженернымъ искусствомъ, по возможности, мало отставая отъ послѣдняго. Кугорнъ и Поганъ были учителями Петра при сооруженіи хотя бы Петропавловской крѣпости, затѣмъ слѣдовали французы съ Вобаномъ и теоретикомъ Кармонтенемъ, и мы одни успѣли, кажется, кое-что осуществить изъ дорогихъ, но очень остроумныхъ идей Монталанбера. Затѣмъ мы жадно бросились на идеи германскихъ инженеровъ съ ихъ полигональными и капоирными фронтами, и только теперь стали въ ровень со всѣми иноземцами, имѣя возможность выдвинуть и свои проекты, построенныя на основаніи глубокихъ и сложныхъ фортификаціонныхъ принциповъ, во всякомъ случаѣ пока еще не нами или послѣ Тотлебена не выолнѣ нами разработанныхъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что исторія русской крѣпости началась только вчера и не можетъ поэтому составить содержательнаго изученія. Въ первую эпоху, обнимающую восемь вѣковъ историческаго тумана и мглы, фортификація могла быть чисто натуральной, какою она была у всѣхъ народовъ и даже животныхъ, почувствовавшихъ необходимость прикрыть себя отъ какихъ либо враговъ. Затѣмъ, отъ XVI вѣка и до нашихъ дней, идетъ послѣдовательное признаваніе иностранцевъ и рабское подчиненіе ихъ урокамъ, идеямъ и системамъ. Вотъ и вся исторія, и, конечно, начавъ ее писать, можно исписать массу бумаги, но ничего иного, кромѣ сказаннаго на этихъ строкахъ, изъ этой массы бумагъ не вытечетъ и не будетъ познано читателемъ.

Съ этой задачей не справили (я говорю «не справили» въ смыслѣ доказательства существованія національнаго инженернаго искусства) ни А. Савельевъ, ни Ф. Ласковскій и ужъ, конечно, широко пользовавшійся ихъ работами Л. Фриманъ не могъ также справиться, а скорѣе рельефнѣе выставилъ слабыя стороны самой задачи. Вѣдь не даромъ же говорятъ, что истина высказывается устами младенцевъ. Во всякомъ случаѣ книга г. Фримана могла бы быть очень полезна, какъ историческій курсъ (если таковой обязательно существуетъ въ програмѣ нашей инженерной академіи), но въ послѣднемъ отношеніи у ней есть грѣшадный недостатокъ: очень туманный языкъ, крайне неопредѣлительный и неправильный, который можетъ иной разъ не научить, а скорѣе сбить съ толку ученика не твердаго въ русской грамотѣ.

Переходя затѣмъ ко второму сочиненію, мы можемъ сказать о немъ совершенно обратное. Опытъ изслѣдованія критико-историческимъ методомъ условій обороны современныхъ крѣпостей, много заимствуя изъ равныхъ источниковъ, представляетъ не компиляцію, но оригинальное сочиненіе, вполне носящее на себѣ неудержимый и стремительный характеръ его автора: здѣсь все кипитъ, здѣсь все съ кѣмъ-то, не названнымъ, страстно и упорно полемизируетъ, и личность автора ярко выступаетъ со всей своей, въ военномъ отношеніи, прекрасной и живой вѣрой не въ то или иное очертаніе

крѣпости, не въ то или иное закрытіе, или не въ тотъ или иной калибръ орудіи, а единственно въ отвагу, въ таланты, въ энергію и въ познанія лицъ, призванныхъ грудью отстаивать свое отечество за какими угодно плохими валами и закрытіями.

Съ этой точки зрѣнія г. Энгманъ имѣлъ полное право посвятить свой трудъ памяти Тотлебена и, начавъ его нѣсколько заѣженной формулой Монлюка—сила крѣпости зависитъ менѣе отъ прочности стѣнъ, чѣмъ отъ сердца и духа ея защитниковъ, лишь закончить его же отличными словами Баяра королю Франциску: «Нѣтъ слабыхъ крѣпостей, государь, гдѣ есть мужественные люди, которые ихъ обороняютъ».

Авторъ «Обороны современныхъ крѣпостей» раздѣлялъ свое сочиненіе на девять главъ, соответственно существующимъ способамъ овладѣванія и обороны крѣпостей. Историческіе примѣры, на которыхъ онъ строитъ свои выводы и доказываетъ свои тезисы, выбраны превосходно. Въ первой главѣ, описывая штурмы и ихъ свойства, онъ цитируетъ штурмы Карса: удачный — въ 1877-омъ году и неудачный въ 1854-омъ, а также неудачное нечаянное нападеніе англичанъ на крѣпость Бергенъ-оп-Цоомъ въ 1814-омъ году, подъ начальствомъ убитаго тогда же генерала Кука. Во второй главѣ, посвященной методу взятія крѣпостей бомбардированіемъ, приводится оборона Гаеты въ 1860—61-омъ годахъ, взятой путемъ удачнаго бомбардированія, и оборона Вердена въ 1870-омъ году, гдѣ два послѣдовательныя бомбардированія этой крѣпости окончились для нѣмцевъ полной неудачей. Третья глава посвящена способу ускоренной атаки и иллюстрируется примѣрами атакъ испанскихъ крѣпостей: Балахоса и Бургоса въ 1812-омъ году, и крѣпости Сенъ-Себастьянъ англичанами въ 1813-омъ году. Въ четвертой главѣ, посвященной классической постепенной атакѣ крѣпости, авторъ даетъ описаніе обороны Данцига въ 1813-омъ году и обороны Кольберга въ 1807-омъ году. Здѣсь играетъ роль отличная оборона передовыхъ построекъ. Три слѣдующія главы книги стремятся отвѣтить на вопросы именно о современныхъ способахъ атаки и обороны современныхъ крѣпостей позицій, задѣтыхъ смѣлою теоріею генерала Зауера. Здѣсь идетъ дѣло о рациональныхъ способахъ обороны линіи фортовъ, иллюстрированныхъ замѣчательной обороной Севастополя, Бельфора, Дюпеля и Силестріи, и наконецъ для примѣра обороны тыловыхъ позицій приводятся примѣры обороны Лиля въ 1708-омъ году, Граве въ 1674-омъ году и Турина въ 1706-омъ году. Въ заключеніи съ истиннымъ увлеченіемъ описана оборона Хироны Альварецомъ въ 1809-омъ году. Всѣ симпатіи автора видимо и безраздѣльно клонятся на сторону этого дѣйствительно несокрушимаго Альвареца. Прочтя краснорѣчивое, но въ то же время фактически точное описаніе этой семимѣсячной обороны при условіяхъ мало благоприятныхъ обороны, направленной противъ бомбардировки, противъ штурмовъ, нечаянныхъ нападеній, и наконецъ противъ трехмѣсячной блокады, заставившей мужественныхъ защитниковъ этого города, изнемогавшихъ еще отъ болѣзней и нервныхъ лихорадокъ, питаться крысами, платя за крысу по полтиннику и болѣе, каждый военный, конечно, скажетъ: «Да, если бы коменданты крѣпостей были Альварецы, то задача инженернаго искусства была бы гораздо болѣе легкой. Нынѣ же самой трудной стороной этой задачи является требованіе: толстотой стѣнъ, непроницаемостью сводовъ и укрытіемъ внутреннихъ пространствъ крѣпостей отъ всякаго вида и рода прямыхъ и навѣс-

ныхъ выстрѣловъ, замѣнить недостатки гарнизона въ смыслѣ его умѣлости и боевого духа. Надо сознаться, что это очень неопредѣленная задача!

Послѣдняя глава книги говоритъ о блокадѣ крѣпостей и о способахъ и возможности прорыва большихъ армій, случайно почему либо оказавшихся запертыми въ крѣпости. Тутъ идетъ, конечно, разговоръ о попыткѣ Базена прорваться изъ-за блокаднаго обложенія Меца и Мухтара-пани изъ Плевны. Въ качествѣ прорывовъ малыхъ отрядовъ, и притомъ удачныхъ, цитируется прорывъ изъ крѣпости Мененъ въ 1794-омъ году ганноверскихъ войскъ, блокированныхъ французскимъ корпусомъ Моро. Потерявъ четвертую часть изъ пробывавшагося отряда, генераль фонъ-Гамерштернъ пробился и вошелъ съ остальными тремя четвертями своего гарнизона въ соединеніе съ полевыми войсками. Другой примѣръ греческой крѣпости Миссолонги въ 1826-омъ году. Изъ пробывавшагося трехтысячнаго отряда грековъ успѣли достигнуть, послѣ массы лишеній, до города Салона только 1800; остальные были убиты турками при самомъ прорывѣ или погибли отъ болѣзней, голода и лишеній, при слѣдованіи отъ Миссолонги къ Салону. По этому краткому перечню содержанія книги г. Энгмана можно судить о военно-исторической эрудици автора и о его умѣніи каждое свое положеніе въ самомъ дѣлѣ освѣтить критикою интереснѣйшихъ и подробно изученныхъ историческихъ примѣровъ.

Что касается самыхъ частныхъ тезисовъ (кромя общаго выраженнаго лучше всего словами Мовлюка и Баярда), то специалисты дѣла, можетъ быть, найдутъ ихъ слишкомъ категоричными, слишкомъ послѣдно рѣшающими вопросъ. Строгіе критики говорятъ, что, увлекаясь силою и значеніемъ элемента тактическаго, авторъ нѣсколько мало уступилъ элементу инженерному, мало придавъ значенія самому искусству инженеровъ, или ихъ малому искусству, при оцѣнкѣ своихъ историческихъ примѣровъ. Не смѣя взять въ этомъ спорѣ на себя роль арбитра и не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, мнѣ лично кажется, что авторъ упустилъ изъ виду значеніе еще одного элемента, именно элемента случайности, во всѣхъ его поучительныхъ и интересныхъ примѣрахъ. Для исторіи уже законченной этотъ элементъ, являясь только конкретнымъ фактомъ, не можетъ играть никакой поучительной роли. Но для критико-историческаго метода обороны современныхъ крѣпостей элементъ случайности получаетъ весьма острый и многозначительный характеръ. Скажемъ хотя бы такъ: если бы Альварецъ былъ убитъ при отбитіи перваго штурма форта Монжуи, то осада Хироны была ли бы поучительна въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее приводитъ нашъ авторъ? А вѣдь не мужество же Альвареца спасло его отъ преждевременной смерти, но, конечно, только счастливый случай?! Мало того, совершенно случайный входъ и выходъ даже изъ Хироны отрядовъ съ продовольственными запасами и подкрѣпленіями, благодаря ошибкамъ французовъ, развѣ не случайность? А ссора Сенъ-Сира съ Вердье развѣ не та же счастливая для Альвареца случайность?

На это авторъ, конечно, можетъ возразить, что въ картахъ и на войнѣ счастье на сторонѣ смѣлаго, и кто болѣе рискуетъ, тотъ болѣе и выигрываетъ. Все это почти вѣрно, но это во всякомъ случаѣ не аксіома, и главная погрѣшность всей военной исторіи вообще, какъ школы для будущихъ полководцевъ, лежатъ именно въ томъ, что побѣдителей въ сущности не судятъ, такъ какъ ихъ судятъ только на основаніи ихъ успѣха, а этотъ успѣхъ

всегда болѣе или менѣе случаенъ и одерживается не только благодаря духу войскъ и тактическихъ дарованій вождей, но въ громадномъ числѣ единственно благодаря счастливому случаю. Съ этой точки зрѣнія можно было бы написать всю военную исторію всѣхъ вѣковъ и народовъ, съ точки зрѣнія одной счастливой или несчастной случайности, и такая исторія въ своемъ родѣ также могла бы выйти необычайно поучительной, хотя бы въ томъ отношеніи, что еще болѣе бы поддержала главный тезисъ нашего автора, что все дѣло въ удачѣ, удача же за смѣлымъ, а не за правымъ, если правый за свое право не мастеръ постоять, и потому: да здравствуютъ всѣ истинно смѣлые, какъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и въ своихъ выводахъ, будутъ ли они проявляться на поляхъ битвъ, во славу родины и ей во спасеніе, или только будутъ ложиться въ основаніе такихъ интересныхъ и удачныхъ литературно-научныхъ работъ, какъ прекрасная работа капитана Энгмана.

В. П.

Критическіе опыты Н. К. Михайловскаго. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895.

Два очерка Н. К. Михайловскаго, помѣщенные въ настоящей книжкѣ, были первоначально напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и теперь предлагаются публикѣ безъ всякихъ измѣненій, не смотря на то, что со времени перваго ихъ появленія въ печати литература объ Иоаннѣ Грозномъ обогатилась двумя произведеніями: очеркомъ г. Е. Соловьева въ біографической бібліотекѣ Павленкова и книгой извѣстнаго профессора психіатріи П. И. Ковалевскаго «Иоаннъ Грозный и его душевное состояніе». Г. Михайловскій не считаетъ нужнымъ входить въ оцѣнку этихъ двухъ произведеній, такъ какъ они не побудили его что либо измѣнить въ своей статьѣ. По отношенію къ компилятивному, хлесткому очерку г. Соловьева авторъ правъ, но что касается книжки профессора Ковалевскаго, то она заслуживала не одного только упоминанія, а болѣе обстоятельнаго анализа, какъ весьма интересный психіатрической этюдъ, въ которомъ, не смотря на нѣкоторые промахи, простительные неспециалисту по русской исторіи, характеристика Грознаго ставится довольно правильно; отношеніе г. Михайловскаго къ этой книжкѣ тѣмъ болѣе не понятно, что онъ упоминаетъ о психіатрическомъ этюдѣ г. Викторова и разбираетъ даже плохенькую компиляцію г. Тихомірова.

Изучая научную и художественную литературу объ Иоаннѣ Грозномъ, невольно поражаешься обиліемъ самыхъ разнорѣчивыхъ, противоположныхъ взглядовъ, такъ что, по старому замѣчанію Щербатова, Иоаннъ «въ толь различныхъ видахъ представляется, что часто не единымъ человѣкомъ является». Это разнообразіе отзывовъ объ Иоаннѣ отмѣчаетъ и г. Михайловскій. «Однѣ и тѣ же внѣшнія черты,—говоритъ онъ,—однѣ и тѣ же рамки, и при всемъ томъ совершенно-таки разные лица — то «падшій ангелъ», то просто злодѣй, то возвышенный и провицательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то самостоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдующій великія цѣли, то какая-то утлая ладья безъ руля и безъ вѣтриль, то личность, недосыгаемо высоко стоящая надъ всей Русью, то напротивъ низменная натура, чуждая лучшимъ стремленіямъ своего времени». Указавъ на подобное же разнорѣчіе взглядовъ западныхъ историковъ на Наполеона, причемъ, однако, въ этихъ противоположностяхъ не особенно трудно разо-

браться, опредѣливъ принадлежность историковъ къ тому или другому политическому лагерю, г. Михайловскій говоритъ, что напротивъ того наша литература объ Иоаннѣ Грозномъ «не поддается разверткѣ по группамъ, стоящимъ подъ какими нибудь опредѣленными знаменами». Если, какъ это дѣлаетъ г. Михайловскій, имѣть въ виду «знамена», т. е. политическія воззрѣнія историковъ, чисто житейскія условія, оказывавшія на нихъ вліяніе, то, конечно, такую группировку сдѣлать очень трудно, такъ какъ при отсутствіи у насъ сколько нибудь опредѣленныхъ политическихъ партій знаменъ можно набрать сколько угодно самыхъ разнородныхъ цвѣтовъ; но если оставить въ сторонѣ политическіе вкусы авторовъ, то всѣ взгляды на Иоанна очень удобно группируются вокругъ двухъ крупнѣйшихъ нашихъ историковъ: Карамзина и Соловьева. Всѣ смотрящіе на Иоанна съ отрицательной точки зрѣнія повторяютъ съ нѣкоторыми вариациями то же, что высказалъ Карамзинъ; тѣ же историки, которые держатся положительнаго взгляда на Иоанна, опять таки съ нѣкоторыми незначительными отклоненіями, примакаютъ къ Соловьеву. Самъ г. Михайловскій можетъ быть отнесенъ къ первой изъ этихъ группъ, а потому и взглядъ его на историковъ соловьевскаго направленія далеко не сочувственный, при чемъ иногда являются нѣкоторыя крайности, какъ, напримѣръ, въ пренебрежительномъ отношеніи г. Михайловскаго къ г. Бѣлову, трудъ котораго во всякомъ случаѣ является очень почтеннымъ критическимъ вкладомъ въ науку, многое уясняющимъ въ путаницѣ извѣстій первоначальныхъ источниковъ. Не смотря, однако, на указанные частные недостатки статьи объ Иоаннѣ Грозномъ, она заключаетъ въ себѣ обстоятельный и написанный умѣлой рукой обзоръ взглядовъ на Иоанна и для читателей не-специалистовъ представляетъ очень интересное и полезное пріобрѣтеніе.

Если въ первомъ изъ критическихъ очерковъ г. Михайловскаго и можно указать нѣкоторые недочеты, то второй изъ нихъ, статья о Лермонтовѣ, долженъ быть признанъ положительно прекраснымъ. Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не давалъ повода къ такимъ діаметрально противоположнымъ сужденіямъ, какъ преждевременно погибшій Лермонтовъ, такъ что и къ нему вполне примѣнимы слова Щербатова: «часто не единымъ человѣкомъ является». Сложная натура поэта и до сихъ поръ не потеряла своей загадочности, и составить себѣ о немъ цѣльное и вѣрное представленіе все еще трудно; зависть и злоба враговъ, не всегда искреннія похвалы друзей и собственное желаніе поэта скрывать тайныя движенія своей души отъ глазъ холодной толпы, не позволяютъ достаточно хорошо опредѣлить его личность, хотя въ послѣднее время сдѣлано уже нѣсколько удовлетворительныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Г. Михайловскій, руководясь своей теоріей героевъ и толпы, становится на вполне правильную точку зрѣнія, указывая на любовь Лермонтова къ героическимъ типамъ, умѣющимъ «дерзать и владѣть», и на проявленіи того же героизма въ самомъ поэтѣ. Эпоха, въ которую жилъ Лермонтовъ, далеко не благоприятствовала такимъ проявленіямъ, и г. Михайловскій заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими прекрасными словами: «князь Васильчиковъ не правъ, называя Лермонтова «человѣкомъ вполне своего вѣка, героемъ своего времени». Или по крайней мѣрѣ это опредѣленіе требуетъ оговорки. Что бы ни хотѣлъ сказать Лермонтовъ заглавіемъ своего романа—иронизировалъ ли онъ, или говорилъ серьезно, собирательный ли типъ хотѣлъ дать въ Печоринѣ, или выдающуюся

единицу, съ себя ли писалъ «героя нашего времени», или нѣтъ, — для него самого это время было полнымъ безвременьемъ. И онъ былъ настоящимъ героемъ безвременья». Нельзя не согласиться съ этими словами, особенно если вспомнить отзывъ одной высокопоставленной особы по поводу смерти Лермонтова: «туда ему и дорога».

А. Б.

Н. Карѣвъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Издание 2-е. Спб. 1895.

Два упрека дѣлаются обыкновенно нашей школѣ: она не создаетъ людей всесторонне образованныхъ, во первыхъ; во вторыхъ, она не выработываетъ въ своихъ питомцахъ цѣльнаго міросозерцанія. Что это такъ, едва ли можетъ подлежать спору: другой вопросъ, можно ли вообще требовать этого отъ школы. Какъ бы то ни было, въ той части учащейся молодежи, которая отличается болѣею чуткостью къ умственнымъ интересамъ и высшимъ вопросамъ міропониманія, всегда существовало и существуетъ, частью сознательное, частью безотчетное, стремленіе найти въ самообразованіи удовлетвореніе тѣмъ умственнымъ запросамъ своимъ, къ которымъ остается глуха школа. «Задача, которую я теперь себѣ ставлю,—говоритъ профессоръ Карѣвъ (стр. 24),—заключается именно въ томъ, чтобы помочь молодежи, ищущей общаго образованія путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ, работоряться въ вопросахъ о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія — съ той психологической и социологической точки зрѣнія, на какую мнѣ позволяютъ стать — и стать меня заставляютъ — и мой жизненный опытъ, и мое знакомство со средою учащейся молодежи, и мои научныя знанія, и какое у меня есть пониманіе основныхъ вопросовъ мысли и жизни» (стр. 24). Главную цѣль самообразованія профессоръ Карѣвъ видитъ въ выработкѣ «цѣльнаго, полнаго и стройнаго міросозерцанія», путемъ умственнаго и нравственнаго развитія въ себѣ личности (стр. 29). Авторъ особенно подчеркиваетъ при этомъ необходимость активной работы мысли, предостерегая противъ «подражательныхъ и стадныхъ привычекъ, присущихъ человѣческой природѣ» (стр. 38) и противъ «лѣности мысли», заставляющей «полагаться во всемъ на чужой умъ» (стр. 45). (Столь обычныя у насъ эпидемическія увлеченія, въ родѣ современнаго «толстовизма», не суть ли результатъ именно этой «лѣности мысли», вмѣстѣ съ «подражательными инстинктами и стадными привычками?».) «Сущность самообразованія,—говоритъ почтенный профессоръ,—не въ томъ состоитъ, чтобы овладѣть извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ, пребывая попережнему на той ступени развитія, которая соответствуетъ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ мыслей». «Въ смыслѣ личнаго развитія еще не сдѣлано рѣшительнаго шага впередъ, если молодой человѣкъ однѣ пассивно усвоенныя идеи замѣнитъ другими, но столь же несамостоятельно и догматически воспринятыми» (стр. 38). Эти и подобныя имъ, по вѣщности какъ будто совершенно теоретическія, замѣчанія не представляютъ ли въ дѣйствительности живого комментарія къ очень и очень обычнымъ явленіямъ текущей современности? Несомнѣнный отвѣтъ на нѣкоторыя изъ послѣднихъ представляетъ, между прочимъ, предостереженіе почтеннаго профессора противъ того, что онъ называетъ «личнымъ недомыслиемъ кружковой исключительности» (стр. 46).

Вообще въ «Письмахъ» разсѣяна попутно масса интересныхъ наблюдений и мѣткихъ замѣчаній о разныхъ явленіяхъ и вопросахъ современной дѣятельности. Особенно интересны мысли профессора по столь много дебатировавшемуся у насъ вопросу объ отношеніи между личной и общественной нравственностью. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ ставился у насъ—и до сихъ поръ продолжаетъ ставиться—въ формѣ дилеммы: или личная нравственность и личное усовершенствованіе, или нравственность общественная и общественный прогрессъ. У насъ проповѣдники «личнаго усовершенствованія» съ одной стороны и поборники «общественной нравственности» съ другой, это—два противоположныхъ лагеря, представители двухъ враждебныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ принциповъ. Профессоръ Карѣвъ рѣшительно протестуетъ противъ такой постановки и такого пониманія вопроса. «Я всегда,—говоритъ онъ (стр. 73),—чувствую крайнее нерасположеніе, чтобы не сказать болѣе рѣзкаго слова, ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ постановки вопросовъ въ смыслѣ выбора между или тѣмъ, или этимъ, когда между тѣмъ и этимъ не существуетъ ни малѣйшаго противорѣчія». Для него «этика индивидуальная и социальная представляютъ одно неразрывное цѣлое» (стр. 75). «Личное совершенство и социальный индифферентизмъ столь же плохо вяжутся между собою, какъ и личное совершенство съ полнымъ отсутствіемъ альтруизма» (стр. 74). Одно изъ «Писемъ» посвящено выясненію необходимости историческаго образованія для выработки міросозерцанія. «Въ правильное отношеніе къ міру жизни можетъ насъ поставить только историческое образованіе», такъ какъ только историческое изученіе въ состояніи дать правильное пониманіе этого міра. Для выработки собственнаго міросозерцанія необходимо, кромѣ того, «воспитать въ себѣ историческое отношеніе къ міру мысли» (стр. 140).

Уже этихъ краткихъ выдержекъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что «Письма» профессора Карѣва не лишены самаго живого интереса и для читателей далеко за предѣлами того тѣснаго круга, который собственно имѣлся въ виду авторомъ. Всякому, кто не совсѣмъ равнодушенъ къ современной дѣйствительности, не безынтересно, да и не бесполезно прочесть и перечесть многія и многія строки этой столь же горячо и искренно, сколько серьезно и спокойно написанной книги, однаково далекой и отъ проповѣдническаго тона и отъ духа полемики, а главное—совершенно свободной отъ «личнаго недомыслия кружковой исключительности» и партійной вѣтерпимости.

П. А.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски I—XXI. Спб. 1888—1894.

Крестьянское землевладѣніе въ Сибири сложилось издавна на принципѣ «захвата»: какъ отдѣльныя семьи, такъ и группы ихъ занимали территорію безъ административныхъ отводовъ и указаній, просто — кто, гдѣ и сколько хотѣлъ, при чемъ границы поселковъ и деревень устанавливались по обоюдному соглашенію и обычаю. И до сихъ поръ генеральнаго межеванія въ Сибири не было, производились частныя измѣренія, но они не дали значительныхъ результатовъ, такъ что, напримѣръ, «въ наиболѣе отдаленныхъ частяхъ Иркутской губерніи и теперь крестьяне сидятъ на земляхъ, которыя никогда

не межевались и не снимались на планы» (Материалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Москва, 1890 г., т. II, вып. 3, стр. 9). А вотъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ, какъ только мѣстами почувствовалось «утѣсеніе» въ землѣ, начались нескончаемые земельные тяжбы и споры, имѣющие нерѣдко своимъ послѣдствіемъ серьезныя столкновенія между цѣлыми селеніями (Чудновскій: Алтайская поземельная община, статья въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1888 г., № 9, стр. 100—106).

Такое поземельное неустройство крестьянъ Сибири и въ связи съ этимъ сохраняющаяся тамъ, сильно устарѣвшая подушная подать являются въ наше время для этого края вопросами, настоятельно требующими того или иного рѣшенія. Но реформы земельныхъ отношеній и податной системы не могутъ быть начаты безъ предварительнаго изученія всѣхъ своеобразныхъ мѣстныхъ условій быта, и министерство государственныхъ имуществъ предприняло рядъ изслѣдованій крестьянскаго землепользованія и хозяйства Западной Сибири. Еще въ 1886 году министерствомъ были командированы для этой цѣли четыре чиновника, которые и обслѣдовали тогда одинъ только Тюменскій округъ Тобольской губерніи. Въ 1887 году число изслѣдователей было увеличено до шести, они произвели наблюденіе въ остальныхъ округахъ Тобольской губерніи—Тобольскомъ, Тарскомъ, Ишимскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Тюкалинскомъ и Туринскомъ. Въ 1890 году изслѣдованіе направилось уже въ Томскую губернію, и въ ней были обслѣдованы части Томскаго, Маріинскаго и Каинскаго округовъ.

Всѣ эти предпріятія дали въ результатѣ по настоящее время двадцать одинъ выпускъ «Материаловъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири». Къ сожалѣнію, въ ряду этихъ выпусковъ встрѣчаются книжки съ отчетами едва въ 150—200 страничекъ, гдѣ только въ общихъ чертахъ и безъ достаточно ясно выраженной системы приводятся свѣдѣнія о населеніи, о земельномъ доволствіи, о казенныхъ лѣсахъ, о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, объ источникахъ благосостоянія, о податномъ обложеніи и о народномъ образованіи. И одинъ подобный краткій отчетъ явился результатомъ даже совмѣстнаго труда двухъ изслѣдователей: такъ въ IV выпускѣ «Материаловъ», составленный гг. Горемыкинымъ и Соколовымъ и заключающій въ себѣ изслѣдованіе по нѣсколькимъ волостямъ Тюменскаго округа Тобольской губерніи. Кстати о г. Соколовѣ. Мы были въ полнѣйшемъ недоумѣніи, когда въ его работѣ, являющейся плодомъ непосредственнаго наблюденія экономическаго быта населенія въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи, встрѣтили извлеченіе изъ одной газетной статьи безъ указанія источника заимствованія. Выписка сдѣлана г. Соколовымъ изъ статьи «Общинное землевладѣніе въ Сибири», помѣщенной въ 20 и 21 номерахъ газеты «Сибирь» за 1877 годъ, и заняла страницы 35, 36, 37, 38, 82 и 83 части II, выпуска XVI «Материаловъ». Названная газетная статья составлена на основаніи данныхъ, относящихся преимущественно къ Иркутской губерніи, и потому можно удивляться, что г. Соколовъ, не стѣняясь разстояніемъ въ тысячи верстъ, отнесъ свѣдѣнія къ Тарскому округу Тобольской губерніи и сдѣлалъ еще тутъ же заключеніе, что «эти общія положенія относительно способовъ земельнаго пользованія въ Западной Сибири и въ частности въ Тарскомъ округѣ подтвердились личными нашими наблюденіями и совокупностью историческихъ данныхъ и фактовъ, собранныхъ на

мѣстѣ». Нужно сознаться, что это—довольно оригинальный способъ обращенія съ литературнымъ источникомъ. Г. Соколовъ, широко заимствуя изъ газетной статьи, выпустилъ мѣстами изъ нея только нѣкоторые частные факты, касающіеся Енисейской и Иркутской губерній, да сдѣлалъ незначительныя измѣненія въ выраженіяхъ. Но въ ряду «Матеріаловъ» имѣются и весьма обстоятельныя работы внимательныхъ изслѣдователей, каковы гг. Кауфманъ и Осиповъ. Программа ихъ трудовъ характеризуется полнотой и строгой послѣдовательностью. Описаніе каждаго округа, по принятому ими плану, подраздѣляется на двѣ части. Первая часть посвящается обзорнѣю собственно хозяйства крестьянъ, т. е. источниковъ ихъ благосостоянія, при чемъ въ отдѣльныхъ главахъ говорится о хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, о довольствѣ лѣсными матеріалами, о рыболовныхъ угодьяхъ и о личномъ трудѣ населенія. Вторая же часть всецѣло отводится вопросу о землепользованіи: тутъ трактуется объ общинномъ строѣ жизни населенія и о крестьянскихъ платежахъ по отношенію ихъ къ цѣнности надѣловъ. При этомъ, названные изслѣдователи не забываютъ ознакомить интересующихся людей съ способами собиранія свѣдѣній и сдѣлать общіе заключительные выводы относительно экономическаго положенія населенія описанныхъ мѣстностей.

Г. Кауфманъ безспорно оказался самымъ плодовитымъ и энергичнымъ изслѣдователемъ изъ командированныхъ министерствомъ лицъ; онъ успѣлъ сравнительно въ короткое время собрать и обработать наблюденія по Ишимскому и Туринскому округамъ Тобольской губерніи, по восточной части Томскаго и сѣверо-западной Маріинскаго округовъ Томской губерніи, и его работы, нужно сказать, вовсе не носятъ характера поспѣшности или неполноты. Г. Кауфманъ вполне научно и вѣрно понялъ задачу своихъ изслѣдованій. Онъ старался фотографически заносить въ дневникъ все то, что видѣлъ и слышалъ, а потомъ безъ всякихъ предвзятыхъ идей придавалъ собраннымъ матеріаламъ лишь внѣшнюю литературную обработку. Высказывать же свои убѣжденія насчетъ того или другого изъ многочисленныхъ спорныхъ вопросовъ экономическаго изслѣдованія г. Кауфманъ вполне благоразумно рѣшался только на страницахъ журналовъ. Намъ припоминаются статьи г. Кауфмана: «Очеркъ общинныхъ порядковъ Ишимскаго округа Тобольской губерніи» въ «Русской Мысли» за 1890 годъ, «Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1891 годъ, «Застывшая исторія общины» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1893 годъ и др., гдѣ г. Кауфманъ высказалъ тотъ или другой взглядъ и выступалъ съ ясно выраженными мнѣніями.

Н. О.

D-r I. Máchal. O bohatyrském epose slovanském, část první. U Praze. 1894.

До сихъ поръ при многочисленныхъ частныхъ изслѣдованіяхъ и экскурсахъ въ различныя области славянскаго фольклора мы не имѣли цѣльнаго, стройнаго обзора всего, что сдѣлано наукой въ этой области. Новый трудъ извѣстнаго чешскаго ученаго, д-ра I. Махала, представляетъ именно такой обзоръ, въ которомъ собраны выводы многочисленныхъ изслѣдованій объ эпосѣ различныхъ славянскихъ народовъ. Въ небольшомъ предисловіи (стр. 1—20) авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи собиранія и изученія памятни-

ковъ народнаго творчества, пользуясь трудами Пыпина и отчасти Ягича. Здѣсь же указываются главнѣйшіе представители различныхъ школъ, миеологической, исторической и сравнительной.

Первая глава (стр. 21—142), наиболѣе интересная для насъ, содержитъ обзорнѣе югославянской народной поэзіи. Авторъ передаетъ вкратцѣ содержаніе пѣсенъ о различныхъ герояхъ, разбираетъ ихъ, сообщая мнѣнія ученыхъ изслѣдователей, давая порой и свои замѣчанія, напримѣръ, при разборѣ болгарскихъ пѣсенъ о женитьбѣ солнца на звѣздѣ денницѣ, рѣшительно и, на нашъ взглядъ, вполне справедливо отвергаетъ миеическое значеніе этихъ пѣсенъ, указывая, что «солнце» и «денница» явились здѣсь изъ обычной свадебной символики, общей всемъ славянскимъ народамъ и литовцамъ. Къ сожалѣнію, авторъ останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на пѣняхъ миеическаго, повѣствовательнаго и легендарнаго характера, посвящая лишь ничтожное количество страницъ пѣснямъ эпическимъ въ собственномъ смыслѣ—героическому, юнацкому эпосу сербовъ, напримѣръ, пѣснямъ о Коссовской битвѣ (всего съ стр. 101—109!), составляющимъ центральную картину во всемъ художественномъ развитіи сербской пѣсни. Изъ литературы, касающейся этихъ пѣсенъ, не указана даже такая извѣстная книга, какъ «Boj на Косову» (државно издање, 1889), юбилейное изданіе всехъ коссовскихъ пѣсенъ подъ редакціей Любомира Ковачевича и Ст. Новаковича. Мало интереснаго даетъ авторъ о пѣняхъ объ извѣстномъ Кролевичѣ Маркѣ, которымъ посвящено изслѣдованіе г. Халанскаго.

Вторая глава книги Махала (стр. 143—203) посвящена обзорнѣю русскихъ былинь. Авторъ дѣлитъ богатырей на два главныхъ разряда: богатыри домашніе, кievскаго цикла, и богатыри заѣзжіе, при чемъ въ разрядъ кievскихъ мѣстныхъ богатырей попадаетъ Дунай Ивановичъ, Хотень Блудовичъ, Иванъ Гостиный сынъ, хотя авторъ видимо хорошо знаетъ библиографію народной словесности. Но по многимъ вопросамъ онъ знакомъ видимо только съ библиографіей, иначе трудно объяснить, почему при личности изслѣдованій, доказывающихъ и выясняющихъ настоящее положеніе названныхъ выше богатырей, они попали въ число «мѣстныхъ, кievскихъ». Въ число «заѣзжихъ» богатырей г. Махалъ помѣстилъ Соловья Будиміровича, относительно котораго можно сказать, что заѣзжаго въ немъ едва ли не меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Ильѣ Муромцѣ, который, однако, отнесенъ къ богатырямъ «мѣстнымъ». Мы находимъ многочисленныя параллели къ былинамъ объ Ильѣ, но къ былинамъ о Соловьѣ Будиміровичѣ таковыхъ не найдено; наоборотъ, даже г. Халанскій остроумно указалъ въ своей диссертаци «О великорусскихъ былинахъ Владимірова цикла» на тѣсную связь былинь о Соловьѣ Будиміровичѣ съ русскими свадебными, именно величальными пѣснями. Что же касается Чурилы Пленковича, котораго авторъ отнесъ также къ заѣзжимъ богатырямъ, вѣроятно, на основаніи нямало не вѣроятнаго домысла г. А. Веселовскаго, что Пленкъ—Fřeng, варягъ франкъ, то въ вышеназванномъ соч. г. Халанскаго также дано гораздо болѣе вѣроятное и менѣе натянутое и не погрѣшающее противъ законовъ фонетики объясненіе отчества Чурилы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его происхожденія. Вообще же вопросъ о заѣзжихъ и мѣстныхъ богатыряхъ подлежитъ въ будущемъ болѣе разностороннему обсужденію, а пока такое дѣленіе ни на чемъ прочномъ не обосновано, особенно у г. Махала, безъ разбора копирующаго изъ А. Веселовскаго, не провѣряя его по другимъ изслѣдованіямъ, которыя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ тутъ же и указываются.

Второй отдѣлъ главы о русскомъ былинномъ эпосѣ посвященъ былинамъ о «богатыряхъ, стоящихъ внѣ Владимірова цикла», т. е. о богатыряхъ такъ называемыхъ старшихъ и о новгородскихъ молодцахъ—о Садкѣ купцѣ и о Васильѣ Буслаевѣ. Хотя авторъ и стоитъ на высотѣ современной жизни, однако онъ никакъ еще не можетъ отрѣшиться отъ старой терминологіи миеологической школы, называя Святогора, Вольгу и др. «старшими богатырями», хотя по существу они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ, младшихъ, богатырей. Въ заключеніе этой главы слѣдуетъ маленькая замѣтка объ историческихъ пѣсняхъ московской эпохи.

Третья глава труда г. Махала излагаетъ содержаніе малорусскихъ думъ о битвахъ съ татарами, турками, съ поляками во время Хмѣльницкаго, думъ изъ эпохи упадка казачества и пр. Въ приложеніи къ этой главѣ находимъ весьма полезную библиографію нѣсколькихъ пѣсенныхъ сюжетовъ, напримѣръ, библиографію пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ во всѣхъ славянскихъ и др. народныхъ литературахъ, при чемъ, однако, библиографическія указанія эти далеко не полны, чего, впрочемъ, нельзя и поставить въ вину автору: масса матеріала этого рода разбросана по многочисленнымъ мелкимъ изданіямъ, и до сихъ поръ библиографія указывалась лишь изрѣдка и случайно и по небольшому числу темъ.

Трудъ г. Махала, какъ видно даже изъ обзорнія, чисто компилятивный. Отдѣлъ о русской былинѣ разработанъ лучше другихъ, вѣроятно, потому, что здѣсь было больше изслѣдованій. Значительно хуже отдѣлъ о юго-славянскомъ народномъ эпосѣ и слабѣе всего глава о малорусскихъ думахъ: это обстоятельство краснорѣчивѣе всякихъ доказательствъ обнаруживаетъ тѣсную зависимость автора настоящей книги отъ работъ его предшественниковъ.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на промахи, неизбежныя въ такомъ трудѣ, книга г. Махала будетъ полезна для желающаго познакомиться въ конспектѣ, въ сжатомъ изложеніи, съ результатами изученія народной словесности за послѣднія 30—25 лѣтъ.

С. Т—скій.

А. А. Потенія. Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1894.

Почитатели покойнаго харьковскаго профессора А. А. Потенія задумали изданіе оставшихся ненапечатанными трудовъ его, а также нѣкоторыхъ курсовъ по теоріи и исторіи словесности. Нельзя не отнестись съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этой мысли, особенно въ виду того, что Потенія, какъ ученый, представлялъ собою не заурядную личность, а глубокаго мыслителя, своеобразно разсматривавшаго и оцѣнивавшаго факты «мысли и языка». Изданныя въ названной книгѣ его лекціи представляютъ небольшой частный курсъ, записанный одной изъ слушательницъ покойнаго профессора и изданный съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого автора. Изложеніе Потенія изобилуетъ примѣрами, предшествующими выводамъ; опредѣленія несложны, доступны пониманію всякаго. Книга Потенія особенно можетъ быть полезной для педагоговъ и учащихся.

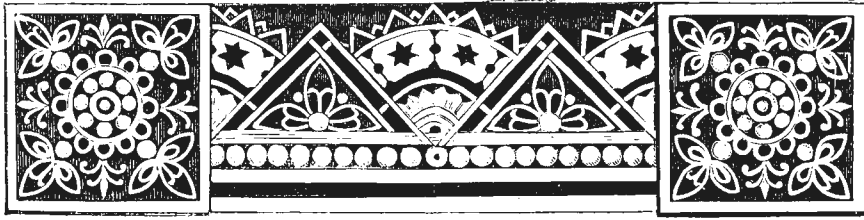
Арк. Л—нко.

**Святѣйшій правительствующій синодъ при Петрѣ Великомъ,
его организація и дѣятельность. Студента Н. Ольшевскаго.
Кіевъ. 1894.**

Названный очеркъ г. Ольшевскаго представляет собою ученическую работу. Рассматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ имѣет свои достоинства. Авторъ обнаружилъ въ немъ умѣнье разбираться въ сыромъ матеріалѣ и систематизировать его. Такимъ матеріаломъ для автора были первые 4 тома «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи» и отчасти «Духовный регламентъ». Отсюда авторъ черпалъ всѣ свѣдѣнія для своего очерка. Особенно было ему полезно въ данномъ случаѣ «Полное собраніе», издаваемое комиссіею для разбора дѣлъ синодальнаго архива. На документахъ этого изданія построенъ почти весь очеркъ г. Ольшевскаго. Но, остановившись на этомъ источникѣ, авторъ не обратилъ вниманія на другой, также важный и полезный въ данномъ отношеніи, именно на изданіе той же комиссіи: «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода»,—изданіе, имѣющее очень важное значеніе для исторіи отечественнаго каноническаго права. Знакомство съ этимъ изданіемъ было бы несомнѣнно полезно и благотворно для автора въ его работѣ, а игнорированье его, напротивъ, принесло нѣкоторый ущербъ его полнотѣ и обстоятельности (напримѣръ, по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ объ организаціи и административной дѣятельности синода). Характеръ работы автора (срочное, преміальное сочиненіе), однако, не позволяетъ ставить ему этотъ недосмотръ источника въ особенный укоръ. Зато всѣ свѣдѣнія по данному вопросу, разсѣянные въ 4-хъ томахъ «Полнаго собранія постановленій», кропотливо выбраны авторомъ и тщательно систематизированы. Въ этой систематизаціи—главная заслуга автора и его преимущественная самодѣятельность. Нужный матеріалъ изъ указаннаго источника довольно умѣло сгруппированъ подъ намѣченными рубриками, такъ что въ общемъ все-таки получается достаточное освѣщеніе вопроса относительно разносторонней дѣятельности святѣйшаго синода при Петрѣ Великомъ (законодательной, административной, судебной, религіозной и пр.) и его внутренняго и вѣшняго строя.

Н. Рыжковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

СТАТКИ ацтекской цивилизаціи. Филипп Валентини описываетъ въ январской книжкѣ американскаго журнала «Cosmopolitan» доисторическіе мексиканскіе документы, привезенные Александромъ Гумбольдтомъ въ 1806 году и переданные имъ въ королевскую Берлинскую бібліотеку. Трудно сказать, по какой причинѣ, но эти доковинные научные документы оставались подъ срудомъ болѣе 80 лѣтъ, и только въ 1888 году, по случаю конгресса американистовъ въ Берлинѣ, былъ открытъ портфель Гумбольдта. Въ немъ оказалось 17 листовъ бумаги, различной величины, покрытыхъ странными цвѣтными фигурами, которыя индѣйцы употребляли вмѣсто неизвѣстныхъ имъ буквъ. Никто изъ самыхъ ученыхъ изслѣдователей американской старины не могъ разобрать этихъ курьезныхъ письменъ, и только знаменитый мексикологъ, докторъ Эдуардъ Селеръ, послѣ долгихъ усилій, сумѣлъ разрѣшить задачу, казавшуюся неразрѣшимой. До сихъ поръ ацтекскіе рисунки составляли рѣдкость, и только извѣстно около двадцати отдѣльных листовъ съ подобными рисунками, изъ которыхъ одинъ находится въ географическомъ обществѣ, въ Нью-Йоркѣ. Повтому вскрытіе портфеля Гумбольдта имѣло большое значеніе, тѣмъ болѣе, что іероглифическіе рисунки были сдѣланы на специальной бумагѣ изъ растенія, называемаго агавой, и листы этой бумаги отличались другъ отъ друга по своей фабрикаціи. Изъ этого можно было заключить, что у древнихъ ацтековъ существовало нѣсколько различныхъ бумажныхъ производствъ, и означенный фактъ подтверждается однимъ изъ сохранившихся списковъ о количествѣ дани, которую собирали губернаторы Мексики. Въ немъ прямо сказано: «двадцать четыре тысячи стоць бумаги должны быть приносимы въ дань губернатору Мексики, Тенехтитлану». Въ этомъ документѣ, которымъ пользовались испанскія власти послѣ завоеванія Мексики въ фискальномъ отношеніи, упомина-

наются два города, имѣвшіе бумажныя фабрики, именно Изаматилела и Амакоцтилла. Первый изъ доставлялъ тонкую, бѣлую, гладкую и слегка прозрачную бумагу, а другой болѣе грубую, желтую. Если дѣйствительно употреблялось при мексиканскомъ дворѣ для письма и рисунковъ такое громадное число бумаги, то ацтекская цивилизація имѣла гораздо высшее значеніе, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось; но въ сущности небольшая часть этой бумаги раздавалась оффиціальнымъ лѣтописцамъ для записи текущихъ событій, жрецамъ—для церковныхъ нуждъ, чиновникамъ—для записи дани и податей и судьямъ—для составленія плановъ недвижимой собственности, въ случаѣ спора о ней, а остальное количество шло на украшеніе одеждъ, жилищъ и религиозныхъ обрядовъ. Послѣдніе всего болѣе поглощали бумаги, и древнія ацтекскія лѣтописи, а также рисунки, доказываютъ, что изъ бумаги дѣлали знамена, флаги, ленты, крылья для одеждъ, передники, вѣнцы, головные уборы, мантіи, парики, маски и т. д. Если мы вспомнимъ, что въ Мексикѣ было двадцать восемь храмовъ и громадное число идоловъ и жрецовъ, которые всѣ украшались бумагой, то станетъ понятнымъ, почему требовалось ея въ количествѣ 20.000 стопъ, 480.000 листовъ. Агава изъ которой дѣлалась эта бумага, кустъ, растущій на высокихъ мѣстахъ Мексики, служитъ для мѣстныхъ жителей средствомъ отоленія, матеріаломъ для постройки и тканью для одеждъ. Изъ сока ея дѣлается вино и сахаръ, а изъ ея листьевъ фабрикуется бумага. Хотя въ испанскихъ хроникахъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ именно производилась бумага, но нѣкоторые писатели прошедшаго вѣка предполагаютъ, что листья вымачивались въ водѣ, и что потомъ извлеченныя изъ нихъ волокна выравнивались, сушились и полировались, доколѣ не принимали гладкой поверхности, удобной для писанія. Но это только предположеніе, а достовѣрно одно, что означенная бумага была превосходнаго качества, такъ какъ рисунки на ней выходили удивительно четко, и она сохранилась почти неизмѣнной въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Для образованія книгъ листы не свертывались въ кружockъ, какъ папирусы греческіе и римскіе, а ихъ рѣзали лентами, которыя складывались на подобіе ширмъ, а сверху и снизу прикрѣпляли по дощечкѣ, тонкой работы. Подобнымъ же образомъ поступаютъ и до сихъ поръ относительно книгъ въ Сіамѣ и Бирманской имперіи. Рисунки въ коллекціи Гумбольдта частью черные, частью цвѣтныя. Контуры проведены твердой и вѣрной рукой. Головы звѣрей изображены всегда съ профили и повернутыми влѣво, а краски исключительно желтая, синяя и красная. Эти рисунки относятся къ различнымъ эпохамъ; давность нѣкоторыхъ изъ нихъ можно опредѣлить по формѣ рисунка, а въ большемъ ихъ числѣ видны слѣды испанскаго вліянія. Такъ, нѣсколько рисунковъ, относящихся, по всей вѣроятности, къ 1550—1560 г., представляютъ попытки испанскихъ миссіонеровъ запечатлѣть въ памяти индѣйцевъ, путемъ ихъ письменъ, основы христіанской вѣры. Напримѣръ, желая войти въ голову индѣйцу, что символъ вѣры заключаетъ въ себѣ четырнадцать членовъ, католическій миссіонеръ рисовалъ крестъ, означавшій вѣру, и книгу, т. е. катехизисъ, и четырнадцать кружockъ, т. е. четырнадцать членовъ символа вѣры. Для изображенія, что Христосъ сошелъ во адъ, чтобы вывести находившіяся тамъ души предковъ, рисуется обнаженный Христосъ съ бородой, въ тюрбанѣ и съ крестомъ въ рукѣ и голова чудовища, изъ котораго выходятъ сердце и двѣ головы, изображавшія предковъ. Чтобы представить

воскресеніе Христа на третій день, изображается голова того же Христа въ тюрбанѣ, поднимающагося по лѣстницѣ на небо. Главнымъ предметомъ ацтекскихъ рисунковъ служитъ платежъ дани, или налоговъ, при чемъ изображается графически, что и въ какомъ количествѣ должно быть внесено: такъ, на одномъ рисункѣ изображены два ковра, одна циновка, три снопа, известное количество маиса и бобовъ, наконецъ пять головъ индюшекъ и десять головъ курицъ. На другомъ рисункѣ мы видимъ женскія головы на двухъ кругахъ, что выражаетъ обязанность означеннаго числа женщинъ явиться растирать маисъ жерновами въ теченіе двухъ дней. Числа у ацтековъ изображались до 20—кружками, отъ 20—флагомъ, 400—перомъ, а 8.000—кошелькомъ особой формы. Вся числовая система была основана у нихъ на двадцати, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, сама природа, давъ человѣку десять пальцевъ на рукахъ и десять на ногахъ, указала на подобную метрическую систему. Одинъ изъ рисунковъ въ коллекціи Гумбольдта представляетъ настоящую страницу исторіи. Она называется: «судъ въ Тецкоко». Послѣдній изъ владѣтелей въ Тецкоко, Тлаутольцинъ, возбудилъ процессъ противъ одного испанца за оскорбленіе. Обвиняемый изображенъ, отвернувшись головой въ знакъ презрѣнія къ двумъ адвокатамъ, его соплеменникамъ, которые поддерживаютъ жалобу противъ него. Три другія фигуры держатъ открытую книгу, и это, очевидно, судья. Чтобы выразить положеніе жалобщика, нарисованъ планъ города, и указаны пять главныхъ его главій.

— Послѣдніе муниципальные выборы въ Помпѣѣ. Раскопки въ Помпѣѣ представляютъ съ каждымъ днемъ новые матеріалы къ восстановленію той римской жизни, которая была ключемъ въ этомъ несчастномъ городѣ въ моментъ его уничтоженія, и къ самымъ любопытнымъ послѣднимъ находкамъ относятся такъ называемые граффити, т. е. надписи тонкимъ стилетомъ, или даже потемъ, на городскихъ стѣнахъ. Въ числѣ этихъ многочисленныхъ надписей, встрѣчающихся на всѣхъ улицахъ мертваго города, обратили на себя особое вниманіе тѣ изъ нихъ, которыя относятся до муниципальных выборовъ, происходившихъ передъ роковымъ изверженіемъ Везувія. Маркизъ Надальякъ посвящаетъ во второй январьской книжкѣ *Correspondant*, интересную статью восстановленію этой фазы древней помпейской жизни. Древній римскій городъ, въ которомъ произошла страшная катастрофа тысяча восемьсотъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ Ниццы, или Монте-Карло своего времени, т. е. центромъ удовольствій, и всѣ богатые римляне считали за честь имѣть тамъ собственныя виллы. Храмы, термы, игровые дома и всякаго рода инныя учрежденія для веселаго препровожденія времени составляли отличительныя черты Помпеи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ раздѣлившихъ его горькую судьбу Геркуланумъ и Стабія существовало полное муниципальное самоуправленіе, и выборы служили предметомъ общественнаго волненія, что ясно доказываютъ найденныя недавно надписи на стѣнахъ домовъ о той избирательной агитациі, которая производилась передъ 23 и 24 августа 79 года, когда эти три города были засыпаны пепломъ. Хотя тамъ царствовала всеобщая подача голосовъ, но она имѣла два значительныхъ ограниченія: именно рабы не имѣли права голоса, и для избранія необходимо было имѣть большинство не поданныхъ вообще голосовъ, а курій, т. е. избирательныхъ округовъ, въ которыхъ подавали голоса всѣ граждане. Что касается до избираемыхъ, то отъ нихъ требовался тройной цензъ: они должны были пользоваться состо-

яніем не менѣе 100.000 цестерцій, около 20.000 фр.; имѣть двадцать пять лѣтъ отъ роду и не быть вольноотпущенниками. Кромѣ того, они обязаны были вносить сумму, не менѣе опредѣленной закономъ цифры для общественныхъ работъ, или игръ. Такъ какъ муниципальныя власти и вообще народныя избранники не получали никакого содержанія, то эти должности стоили такъ дорого, что мало-по-малу не многіе искали столь убыточной чести. Однако, судя по помпейскимъ граффити, послѣдняя муниципальная борьба въ этомъ городѣ была очень горячая, и кандидатовъ было значительное число. Относительно этихъ кандидатовъ законъ былъ очень строгъ, запрещающій имъ въ теченіе двухъ лѣтъ до выборовъ дѣлать какіе бы то ни было подарки избирателямъ и даже угощать ихъ банкетамъ. Въ послѣднемъ отношеніи даже было воспрещено приглашать къ обѣду болѣе девяти человѣкъ гостей. Конечно, находили способъ обходить строгость закона, и самую дѣятельную помощь кандидатамъ оказывали кабатчики, или продавцы вина. Кромѣ этого почтеннаго сословія, въ Помпѣи играли большую роль на выборахъ различныя корпораціи, каждая изъ которыхъ обыкновенно останавливала свой выборъ на одномъ кандидатѣ, котораго уже всѣ ея члены дружно поддерживали. Изъ найденныхъ граффити мы узнаемъ, что среди этихъ корпорацій играли видную роль лигнаріи, т. е. столяры, помаріи, т. е. фруктовщики, галлинаріи, т. е. продавцы живности, унгентаріи, т. е. парикмахеры, саккаріи, т. е. носильщики, и копаны, т. е. трактирщики. Рядомъ съ этими ассоціаціями процвѣтали клубы подъ характеристичными названіями: «Добрыхъ Событульниковъ», «Заспанныхъ Ребятъ», «Мелкихъ Ворюшекъ» и т. д. Они во время выборовъ дѣлались средоточіемъ самолюбивыхъ кандидатовъ, которые тамъ подыскивали себѣ избирателей. Какъ во всѣхъ римскихъ городахъ, въ Помпѣи каждый годъ въ мартѣ мѣсяцѣ народъ выбиралъ двухъ эдиловъ, которые заботились о народныхъ нуждахъ, и двухъ думировъ, въ юрисдикцію которыхъ входили разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ послѣдній день іюня мѣсяца, выходящія муниципальныя власти отдавали отчетъ въ своей прошедшей дѣятельности, а на другой день вступали въ должность ихъ преемники; но задолго до марта мѣсяца начиналась избирательная агитація, и часто пріятели ставили кандидатуру того или другого лица даже раньше, чѣмъ онъ самъ на это рѣшался. Такъ, на одной изъ улицъ Стабіи видѣлась надпись: «сосѣди предлагаютъ въ эдилы Кавелія Марцелла». На кабачкѣ, подъ вывѣской «Коза», красовалась другая надпись, которая гласила, что содержатель этого кабачка Фиделій и другой кабатчикъ изъ сосѣдней улицы заявляли свое согласіе на эту кандидатуру. Право выставять кандидатовъ принадлежало всѣмъ, даже женщинамъ и дѣтямъ, а часто на стѣнахъ домовъ появлялись избирательные манифесты, подписанные огульно отцомъ и всѣми его дѣтьми, или хозяиномъ и его рабочими въ пользу того или другого кандидата. Такъ Сатурнинъ, жившій въ помпейской улицѣ Фортуны, предлагалъ, вмѣстѣ со всѣми своими мастерами, въ кандидаты Панзу. Женщины принимали горячее участіе въ избирательной агитаціи, и сохранились надписи, гласившія, напримѣръ: «Статія и Петронія поддерживаютъ кандидатуры Кавелія и Абуціи. Хорошо если бы всегда у Помпеи были такіе граждане. Они дадутъ городу прекрасныя общественныя игры». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгали къ анонимнымъ демонстраціямъ, такъ въ одной надписи сказано: «кандидатуру Клавдія поддерживаетъ пламенно его *Animula* (маленькая

душа)». За подобнымъ предложеніемъ кандидатовъ шло принятіе кандидатуры, которое производилось въ опредѣленный закономъ срокъ заявленіемъ старшему изъ дуумвировъ, а затѣмъ имя кандидата выставлялось на видномъ мѣстѣ форума. Тогда избирательная борьба принимала еще болѣе оживленный характеръ и, по словамъ Цицерона, легче было попасть въ сенаторы Рима, чѣмъ въ декуріоны Помпеи. Стѣны домовъ уже покрывались не одними предложеніями кандидатуръ, а дифирамбами въ пользу излюбленныхъ кандидатовъ и критикой ихъ соперниковъ, при чемъ, однако, никогда не прибѣгали къ недостойнымъ клеветамъ. Наконецъ наступала девъ выборовъ, и относительно послѣднихъ выборовъ въ Помпей можно сказать, что мало-по-малу значительное число кандидатовъ слушавалось, не разсчитывая на успѣхъ, и осталось только шесть на должность эдила и четыре на должность дуумвира. Всѣ шесть курій собирались въ форумѣ, и каждый избиратель получалъ по дощечкѣ, на которой онъ долженъ былъ выставить имя кандидата; затѣмъ она опускалась въ урну, и всѣ дощечки сосчитывались. Наконецъ подводился итогъ по куріямъ, и предсѣдатель выборовъ публично объявлялъ ихъ результатъ.

— Основатель голландской колоніи на мысѣ Доброй Надежды. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ голландскаго журнала *De Gids* появился любопытный разсказъ историка Н. Доедеса объ основаніи голландской колоніи на мысѣ Доброй Надежды, Яномъ ванъ-Рибекомъ, который и былъ ея первымъ губернаторомъ, отъ 1652—1662 г. Спустя полтора вѣка послѣ открытія португальцами южной оконечности Африки, голландская Восточно-Индійская компанія рѣшила послать на мысѣ Доброй Надежды, гдѣ уже англичане вѣсколько разъ пытались утвердиться,—отрядъ колонистовъ подъ начальствомъ молодого капитана ванъ-Рибека, который уже нѣсколько разъ предпринималъ путешествія въ Индію. Отправившись въ путь въ декабрѣ 1651 года съ сотней людей и на трехъ большихъ корабляхъ, онъ прибылъ чрезъ четыре мѣсяца къ своей цѣли и тотчасъ вступилъ въ сношеніе съ однимъ мѣстнымъ жителемъ, который, повидимому, поджидалъ его и доставилъ ему свѣдѣнія о населявшихъ страну пяти племенахъ, которыя постоянно воевали между собою и назывались Людьями Мыса, Людьями Воды, Рыболовами, Намасами и Ворами Табаку. Эти послѣдніе, не смотря на свое прозвище, не были хуже другихъ туземцевъ, которые всѣ съ удовольствіемъ брали у голландцевъ табакъ и мѣдъ, но старались взаимно не дать ничего. А дѣло было въ томъ, что главную задачу колониальной дѣятельности Рибека, по инструкціи компаніи, составлялъ именно обмѣнъ мѣди и табаку на скотъ. Его предпріятіе имѣло чисто коммерческой характеръ, и было рѣшено, что землю коловисты должны занять силой, но коровъ и барановъ имъ слѣдовало покупать, конечно, по самой выгодной цѣнѣ. Въ сущности вся исторія первыхъ десяти лѣтъ этой колоніи, которая подробно разсказана ванъ-Рибекомъ въ его интересномъ дневникѣ, заключается въ длинномъ рядѣ его усилій добиться выгодныхъ для компаніи сдѣлокъ съ туземцами. Поэтому не смотря на свою доброту и религіозность, чему отдавали справедливость даже его соперники англичане, ванъ-Рибекъ, какъ онъ подтверждаетъ на каждой страницѣ его дневника, исключительно заботился объ интересахъ своей компаніи и часто жертвовалъ ради нихъ своей совѣстью въ отношеніи туземцевъ. Сначала онъ пробовалъ обращаться съ ними, какъ съ друзьями, но когда эти друзья стали очень логично доказывать, что если голландцы во-

ровали у нихъ землю, то они могли воровать у нихъ скотъ, губернаторъ сталъ обращаться съ ними очень круто и прибѣгалъ къ самымъ тираническимъ мѣрамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ энергично распространялъ среди туземцевъ христіанскую религію, хотя это дѣло, по его собственному сознанию, не шло такъ удачно, какъ распространеніе куренія табаку. Когда онъ впервые предложилъ вождю намасовъ трубку и, закуривъ ее, посоветовалъ дикарю сдѣлать то же, то онъ долго не понималъ, какъ слѣдовало курить, а все дулъ въ трубку изо всѣхъ силъ. Когда же онъ понялъ, въ чемъ дѣло, то такъ пристрастился, со всѣмъ своимъ народомъ, къ куренію, что за табакъ намасы готовы были отдать все, что угодно. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ въ исторіи управленія колоніей ванъ-Рибекомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его дневника составляетъ разсказъ объ его отношеніи къ тому готтентоту, который встрѣтилъ его на берегу. Этотъ полуобразованный туземецъ, умѣвшій говорить поанглійски и перемѣнившій свое первоначальное имя Антухомаго на Герри, былъ ловкимъ и хитрымъ человѣкомъ. Онъ постоянно устраивалъ различныя продѣлки и выводилъ изъ терпѣнія Рибекъ, который никакъ не могъ отдѣлаться отъ него. Сколько разъ онъ ни прогонялъ его и ни отправлялъ въ ссылку, Герри всегда возвращался. Наконецъ распространился слухъ, что онъ утонулъ и, повидимому, онъ до такой степени надоѣлъ Рибеку, что этотъ примѣрный христіанинъ возблагодарилъ Бога за то, что освободился отъ подобнаго источника постоянныхъ непріятностей. Но черезъ нѣсколько дней Герри снова явился и продолжалъ изводить губернатора, который, уѣзжая наконецъ съ мыса Доброй Надежды послѣ десятилѣтняго пребыванія, увидѣлъ въ послѣднюю минуту ненавистную фигуру Герри, который, собравъ толпу, что-то ей проповѣдывалъ. Новый біографъ Рибекъ подробно разсказываетъ охоты на львовъ и единороговъ, въ которыхъ его герой принималъ участіе, исторіи драматическихъ кораблекрушеній и даже романтическіе эпизоды, въ которыхъ главную роль играла любовь. Самъ Рибекъ привезъ съ собою изъ Голландіи молодую жену, дочь роттердамскаго пастора, но большая часть колонистовъ женилась на красивыхъ готтентоткахъ, которыя, однако, не прилавали браку серьезнаго значенія. Пробывъ десять лѣтъ въ своей колоніи и заслуживъ, по словамъ даже англичанъ, славу самаго вѣрнаго слуги компаніи, ванъ-Рибекъ уѣхалъ на Малакку, куда былъ также назначенъ губернаторомъ и умеръ въ Батавіи въ 1677 году.

— Кардиналъ Роганъ въ роли панамиста. Въ небольшой, по мастерски написанной статьѣ, Генри Каррѣ разсказываетъ въ февральской книжкѣ *Le Monde Moderne* исторію того, что онъ называетъ финансовой спекуляціей кардинала Рогана. Луи-де-Роганъ, князь-епископъ Страсбургскій, великій милостынераздаватель Франціи и кардиналъ, болѣе всего извѣстенъ своимъ участіемъ въ процессѣ ожерелья королевъ Маріи-Антуанеты, и очень немногіе знаютъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ и безсовѣстныхъ спекуляторовъ своего времени. Прежде чѣмъ предстать передъ судомъ, по обвиненію въ мошенничествѣ и въ оскорбленіи величества, онъ былъ замѣшанъ въ грязномъ дѣлѣ о продажѣ больницы Трехсотъ, которое совершенно омрачило его честное имя. Но замѣчательно, что въ этой исторіи его обвинялъ парижскій парламентъ, а защитилъ своей верховной властью Людовикъ XVI, тогда какъ, напротивъ, въ процессѣ ожерелья его обвиняла королевская власть, а оправдалъ пар-

ламентъ. Вообще продажа больницы Трехсотъ рисуется любопытную картину нравовъ высшей администраціи и католическаго духовенства передъ французскою революціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что панамисты не изобрѣтеніе третьей республики, какъ увѣряютъ ея враги, а процвѣтали и во времена старой монархіи даже среди высшего класса. Королевская больница Трехсотъ, названная такъ по числу больныхъ, помѣщавшихся въ ней, была исключительно посвящена слѣпымъ и занимала большой четырехугольникъ въ самомъ сердцѣ Парижа, гдѣ теперь находятся площади Каруселя и Пале-Рояля, а также улица Риволи. Основанная Людовикомъ Святымъ и получая большіе доходы изъ кружекъ, выставленныхъ во всѣхъ церквахъ Франціи, она составляла чрезвычайно оригинальное учрежденіе. Это было нѣчто въ родѣ колоніи и свободной самоуправляющейся ассоціаціи, такъ какъ слѣпые имѣли право жениться и жить тамъ со своими семействами, а для внутренняго управленія колоніей избирался совѣтъ изъ двадцати четырехъ выборныхъ представителей Трехсотъ, подъ высшимъ руководствомъ королевскаго милостынераздавателя и при содѣйствіи комитета изъ двѣнадцати духовныхъ лицъ и двѣнадцати свѣтскихъ, въ томъ числѣ члена парижскаго парламента, члена контрольной палаты и т. д. Это оригинальное устройство существовало безъ всякихъ измѣненій почти 500 лѣтъ, до вступленія кардинала Рогана въ должность великаго милостынераздавателя. Онъ задумалъ сдѣлать коренную реформу въ больницѣ, съ цѣлью уничтожить постоянные сборы въ церквахъ самими слѣпыми, что онъ считалъ недостойнымъ, при значительномъ богатствѣ больницы, устроить въ провинціи отдѣлы центральной больницы, завести мастерскія для слѣпыхъ и ихъ дѣтей, улучшить положеніе призрѣваемыхъ и вообще поставить на еще лучшую ногу это полезное учрежденіе. Но все это было только предлогомъ, а цѣль у кардинала-спекулятора была совершенно иная. Онъ увѣрилъ всѣхъ, что для устройства болѣе удобнаго и здороваго помѣщенія слѣпымъ необходимо было продать теперешнюю больницу съ находящейся подъ ней землей и купить гораздо большее пространство земли въ отдаленномъ уголкѣ Парижа, для постройки новаго, вполне соответствующаго данной цѣли, зданія. Сначала онъ встрѣтилъ отпоръ среди администраторовъ больницы и министровъ, но ему удалось переманить на свою сторону Людовика XVI и добиться королевскаго разрѣшенія на задуманное имъ предпріятіе. Тогда явилась финансовая компанія, которая купила больницу Трехсотъ за 6.000.000 ливровъ, а Роганъ, въ свою очередь, купилъ за 450.000 казарму Черныхъ Мушкетеровъ въ предмѣстьѣ св. Антонія. Все шло какъ по маслу, но неожиданно администраторы больницы явились къ нотаріусу, заявили о своей отставкѣ и подали въ парижскій парламентъ жалобу о нарушеніи статута больницы и неправильной ея продажѣ. Оказалось, что у больничнаго совѣта и комитета даже не спросили мнѣнія о продажѣ стараго зданія и покупкѣ новаго, а все дѣло имѣло характеръ мошеннической спекуляціи. Дѣйствительно, согласно условію, заключенному кардиналомъ съ финансовою компаніей, уплата 6.000.000 была разсрочена на четыре года, при чемъ 5.000.000 поступали въ казну, а шестой предназначался специально для новой больницы. Но, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ продажи, кардиналъ получилъ подъ собственную росписку этотъ шестой миліонъ, долженствовавшій поступать только черезъ четыре года, а министръ финансовъ Некеръ, нуждаясь въ деньгахъ, воспользовался этимъ

удобнымъ случаемъ и также получилъ впередъ, за состоявшимся взносомъ одного милліона, — остальные четыре милліона, но со значительной скидкой и съ помощью устроеннаго подъ его покровительствомъ займа у женевскихъ банкировъ на самыхъ ажіотажныхъ основаніяхъ. Конечно, все это не было сразу узнано парижанами, но видя, что администраторы больницы подали огульно въ отставку, а кардиналъ, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, сталъ неожиданно бросать ихъ самымъ безумнымъ образомъ, — они подняли страшный шумъ и стали обвинять какъ его, такъ и компанію, купившую больницу, въ мошеннической спекуляціи. Въ тѣ времена въ парижскомъ парламентѣ, имѣвшемъ судебное значеніе, всякій общественный скандалъ возбуждалъ откликъ, и являлся какой нибудь обличитель, который, обнаруживъ зло, вызывалъ назначеніе комиссіи для основательнаго изслѣдованія дѣла. Такъ случилось и на этотъ разъ. Депремениль, извѣстный парламентскій совѣтникъ, всегда возстававшій въ царствованіе Людовика XVI противъ всякихъ административныхъ злоупотребленій, проиязесь, по обыкновенію, пламенную рѣчь, относительно мошеннической продѣлки королевскаго милостынераздавателя, и парламентъ тотчасъ назначилъ двухъ комиссаровъ, съ порученіемъ на другой же день отправиться въ больницу Трехсотъ. Но въ тотъ же вечеръ оба они были арестованы по приказанію короля, и парламенту объявлено королевское приказаніе не вмѣшиваться въ дѣла больницы Трехсотъ. Парламенту оставалось только одно — протестовать въ лицѣ своего предсѣдателя, который и отправился къ королю. Но Людовикъ XVI гордо объявилъ ему: «моя больница Трехсотъ находится подъ моимъ личнымъ надзоромъ, и мой парламентъ не долженъ заниматься ея дѣлами, не испросивъ моего разрѣшенія. Я касировалъ его постановленіе по этому предмету и запрещаю ему дѣйствовать далѣе въ этомъ направленіи». Ясно было, что король считалъ необходимымъ прикрыть и своего милостынераздавателя, и министра финансовъ, такъ какъ оба они запустили руку въ это грязное дѣло, одинъ изъ государственной необходимости, а другой — изъ личнаго корыстолюбія, а потому обличеніе подобнаго дѣла могло въ одно и то же время скомпрометировать и королевскую власть и церковь. Однако парламентъ не унылся, и Депремениль составилъ чрезвычайно ловкій и рѣзкій письменный протестъ, называвшійся тогда «гешон-трапсес», въ которомъ прямо заявлялось, что король не могъ дѣйствовать независимо отъ судебной власти, хотя она и установлена имъ, и нарушая права парламента, онъ указывалъ путь къ нарушенію закона. Далѣе подробно было изложено о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ завѣдываніи, а потомъ въ продажѣ больницы Трехсотъ; при этомъ, изъ практическихъ видовъ, обвинялся не прямо Роганъ, а директоръ больницы Пріёръ, дѣйствовавшій въ нарушеніе устава и безъ необходимаго согласія совѣта и комитета; но такъ какъ Пріёръ былъ въ сущности подставнымъ лицомъ Рогана, то все обвиненіе противъ него прямо падало на королевскаго милостынераздавателя, тѣмъ болѣе, что Пріёръ былъ полной копіей своего патрона и если онъ дѣлалъ злоупотребленія, былъ дурнымъ администраторомъ, растрчивалъ общественныя деньги и велъ развратную жизнь, то все это дѣлалъ и Роганъ. Что касается самаго дѣла о продажѣ больницы Трехсотъ, то парламентъ, не смотря на запрещеніе короля, произвелъ настоящее слѣдствіе, допросилъ свидѣтелей и обнаружилъ, что Роганъ продалъ больницу, по его заявленію, за 6.600,000 ливровъ, безъ принадлежащихъ къ

ней домовъ, а въ сущности продалъ все, за что взялъ громадную взятку: мало того, при постройкѣ новой больницы онъ заставилъ архитектора увеличить расходы на цѣлый милліонъ, конечно, не безъ корыстной цѣли. Чтобы прикрыть свои неправильныя дѣйствія, кардиналь старался подкупить протестовавшихъ администраторовъ больницы, и между прочимъ, пригласивъ одного изъ нихъ, Менье, сказалъ ему: «господинъ Менье, у меня есть для васъ сумма денегъ отъ покупателя больницы, но я не могу ее передать вамъ цѣликомъ, а если хотите, то пройдите къ моему секретарю, который вамъ выдастъ двѣсти ливровъ». «Я,—показалъ на слѣдствіи Менье,—отвѣчалъ великому милостынераздавателю: кардиналь, я никогда не прикаснусь рукою къ такимъ грязнымъ деньгамъ!» Однако, не смотря на все это, Людовикъ XVI, прочитавъ письменный протестъ парламента, отвѣчалъ: «я разсмотрѣлъ мнѣніе моего парламента относительно дѣла о больницѣ Трехсотъ, я убѣжденъ, что онъ въ этомъ случаѣ руководствовался ревностью къ пользѣ государства, но я нахожу, что его обманули. Мой великій милостынераздаватель во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ только исполнялъ мои приказанія. Кромѣ того, я лично занимаюсь тѣмъ, чтобы моя больница Трехсотъ приносила все больше и больше пользы». Но парламента продолжалъ упорствовать, написалъ новый протестъ, который, однако, не былъ представленъ королю, потому что въ это время Роганъ былъ уже арестованъ, и начался процессъ ожерелья, который, странно сказать, возстановилъ популярность кардинала въ глазахъ парламента и Парижа, конечно, благодаря той ненависти, которую питали къ Маріи-Антуанетѣ. Такимъ образомъ скандалъ, набросившій такую тѣнь на королевскую власть во Франціи, заставилъ забыть и парламента, и парижанъ о меньшемъ скандалѣ, омрачившемъ доброе имя одного изъ высшихъ сановниковъ католической церкви и представителя того гордаго аристократическаго рода, который кичился своимъ девизомъ: «Dieu ne peut, roi en daigne, Rohan je suis» (Богомъ быть не могу, королемъ — презираю, я Роганъ).

— Другъ Талейрана. «Всякому свой достойный аколитъ,— говорилъ Сень-Вевъ въ своей рѣзкой характеристикѣ Талейрана: — если Эней имѣлъ преданнаго Ахата, св. Людовикъ—Жуанвилля, а Генрихъ IV—Сюлли, то Талейранъ имѣлъ Монтрона». Эту интересную личность французскій историкъ Генри Вельшинжеръ рельефно характеризуетъ на страницахъ первой февральской книжки *Revue de Paris*. Графъ Казиміръ де-Монтронъ, родившійся въ 1768 году, происходилъ изъ аристократической семьи въ Франшконте. Мать его сначала сочувствовала революціи, но потомъ съ ужасомъ отвернулась отъ нея и написала «Исторію длиннаго парламента въ Англіи и его преступлений», которая въ сущности была сатирой на дѣйствія французскаго учредительнаго собранія. Ея сынъ, раздѣлявшій роялистскія идеи матери, во время террора попалъ въ тюрьму, гдѣ разыгралъ цѣлый романъ. Онъ влюбился въ содержащуюся въ той же тюрьмѣ герцогиню Флери, находившуюся въ разводѣ съ мужемъ и воспитую также сядѣвшимъ въ той же тюрьмѣ знаменитымъ поэтомъ Шенъе, подъ ея дѣвичьимъ именемъ г-жи Куаньи. Благодаря подкупу тюремщика, онъ бѣжалъ изъ темницы вмѣстѣ съ предметомъ своей любви и, женившись на ней, уѣхалъ въ Англію. Ихъ счастье продолжалось не долго, и красавица вскорѣ развелась вторично, а Монтронъ продолжалъ вести веселую, распутную жизнь. Что касается до его жены, то она сначала окружила своего стараго отца самымъ нѣжнымъ

попеченіемъ, а потомъ была взвѣстна своей дружбой съ поэтомъ Лемерсье. Послѣ ея смерти остались мемуары, порученные ею Талейрану, но они исчезли, въ чемъ, по слухамъ, былъ виновенъ ея мужъ, боявшійся неприятныхъ для него разоблаченій. Потерявъ жену, Монтронъ нашелъ друга: онъ сошелся во время директоріи съ Талейраномъ, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе сорока лѣтъ, они находились въ самой тѣсной дружбѣ. Между ними было много общаго: тотъ же эгоизмъ, та же безсовѣстность, та же ловкость, то же презрѣніе къ людямъ, та же жажда къ роскоши, деньгамъ и удовольствіямъ. Съ самаго начала Талейранъ привлекъ къ себѣ Монтрона глубокой и сознательной развращенностью его натуры: послѣдній говорилъ не разъ: «какъ мнѣ не любить Талейрана — онъ такой безнравственный». Отказавшись отъ военной службы и литературы, въ которыхъ онъ дебютировалъ. Монтронъ поставилъ себѣ цѣлью въ жизни — блестятъ въ свѣтскомъ обществѣ, славиться любовными интригами и быть другомъ Талейрана. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ свѣтскихъ франтовъ въ Парижѣ, соперничалъ съ знаменитымъ Брюмелемъ въ модныхъ жилетахъ и галстукахъ, кидалъ въ окно деньги, дѣлалъ громадныя долги, которыхъ никогда не платилъ, и славился не только побѣдами надъ женскими сердцами, но и безконечными дуэлями. Не смотря на свою дружбу, а, быть можетъ, благодаря этой дружбѣ, Талейранъ и Монтронъ постоянно подозрѣвали другъ друга. Рассказываютъ очень характерный анекдотъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Однажды они оба играли въ вистъ на двухъ сосѣднихъ столахъ, и Талейранъ, обращаясь къ герцогинѣ Лаваль, сказалъ вполголоса: «а знаете, герцогиня, почему я такъ люблю Монтрона? Потому что у него мало предразсудковъ». Въ ту же минуту Монтронъ, слышавшій эти слова, прибавилъ: «а вы знаете, герцогиня, почему я люблю Талейрана? Потому что у него вовсе нѣтъ предразсудковъ». Монтронъ былъ не только другомъ сердца знаменитаго дипломата, но и исполнялъ тайныя его порученія, благодаря чему, а также возможности узнать отъ Талейрана всѣ политическія тайны, онъ съ одной стороны бралъ извѣстный процентъ за оказанныя услуги съ тѣхъ значительныхъ суммъ, которыя его другъ получалъ чрезъ его посредство, а съ другой успѣшно игралъ на биржѣ. Во время опалы Талейрана при Наполеонѣ графъ Монтронъ также впалъ въ немилость и жилъ въ провинціи, преслѣдуемый администраціей. Не смотря на всѣ его хлопоты и старанія Талейрана, онъ не только не могъ возвратиться въ Парижъ, но былъ посаженъ въ 1811 году въ замокъ Гамьмъ, откуда, однако, черезъ годъ былъ переведенъ въ Шатильонъ, гдѣ жилъ на свободѣ, но подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Это, однако, не мѣшало ему бѣжать, и долгое время наполеоновская полиція не знала, куда онъ дѣлся. Его искали по всей Европѣ и только весной 1813 года узнали, благодаря перехваченному на почтѣ его любовному письму, что онъ находился въ Англіи. По всей вѣроятности, во все это время онъ, подобно Талейрану, велъ тайныя интриги съ англійскимъ правительствомъ противъ Наполеона, а какъ только послѣдній былъ удаленъ на Эльбу, то онъ вернулся во Францію, но до эпохи ста дней оставался въ тѣни; тогда же, нуждаясь въ деньгахъ, Монтронъ перешелъ на сторону своего врага Наполеона и принялъ на себя странное и необыкновенное порученіе. Онъ отправился въ Вѣну къ Талейрану, съ цѣлью побудить своего друга дѣйствовать въ интересахъ императора и, если возможно, то похитить Марію-Луизу съ ея сыномъ. Но

онъ не солоно хлѣбалъ у Талейрана, Меттерниха и Нессельроде, съ которыми ему преимущественно поручено было вести переговоры. Первый прямо объявилъ ему, что его отвѣтъ заключается въ деклараціи союзниковъ, которые объявили войну не Франціи, а «человѣку съ острова Эльбы». Второй на предложеніе учредить регентство надъ малолѣтнимъ королемъ римскимъ сказалъ: «мы не хотимъ никакого регентства», а Нессельроде произнесъ: «уничтоженіе Бонапарта — наша цѣль». Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу, Монтронъ явился въ Парижъ съ извѣстіемъ, что Австрія и Англія были расположены защищать Бурбоновъ, Пруссія питала только ненависть къ Наполеону, а Россія выражала нѣкоторое сочувствіе къ принцу Орлеанскому, которому тайно симпатизировалъ и Талейранъ. Его странная вѣнская поѣздка не помѣшала, однако, Монтроню явиться ко двору по возвращеніи Бурбоновъ, но послѣ паденія министерства Талейрана онъ снова сдѣлался подозрительнымъ полиціи. Теперь попрежнему онъ сталъ загадочнымъ другомъ великаго дипломата, повсюду за нимъ слѣдовалъ и соперничалъ съ нимъ въ остроуміи. Многія изъ приписываемыхъ Талейрану остроумныхъ замѣчаній были высказаны впервые Монтрономъ. Къ числу ихъ принадлежатъ два знаменитыя изреченія: «слово дано человѣку, чтобы скрыть его мысли», «не довѣряйте первому впечатленію, оно всегда доброе». Чѣмъ холоднѣе становились отношенія Талейрана къ Людовику XVIII, тѣмъ строже слѣдила полиція за его другомъ, и онъ не могъ поѣхать въ Лондонъ, чтобы не возбудить подозрѣнія въ веденіи интригъ съ Англіей. Это, однако, не помѣшало ему дѣйствительно интриговать противъ Бурбоновъ и вмѣстѣ съ Талейраномъ подготовить восшествіе на престолъ принца Орлеанскаго. Когда его другъ принялъ на себя постъ французскаго посланника въ Лондонѣ, то онъ взялъ съ собою Монтрона, который и въ Лондонѣ велъ свою обычную, свѣтскую, развратную, жизнь. На вопросъ одного изъ англійскихъ друзей, правда ли, что Людовикъ-Филиппъ платитъ ему пенсіонъ, онъ цинично отвѣчалъ: «да, онъ даетъ мнѣ двадцать тысячъ франковъ въ годъ, чтобы я хорошо говорилъ о немъ въ Англійскихъ клубахъ». Еще передъ смертью своего знаменитаго друга, Монтронъ серьезно занемогъ и почти мгновенно состарился, а когда скончался Талейранъ, то онъ какъ бы потерялъ всякій мотивъ къ существованію и послѣднія пять лѣтъ своей жизни влачилъ ее самымъ печальнымъ образомъ, хотя до самой послѣдней минуты остроумничалъ. Такъ, на вопросъ исповѣдывавшаго его передъ смертью патера, много ли онъ въ свое время издѣвался надъ религіей, Монтронъ отвѣчалъ: «вы ошибаетесь, я всегда жилъ въ порядочномъ обществѣ». Онъ наконецъ умеръ въ 1842 году, и злые языки предложили написать на его надгробномъ камнѣ: «Другъ Талейрана», такъ какъ вся его жизнь резюмировалась этими двумя словами.

— Прудонъ, какъ драматургъ. Въ февральскихъ нумерахъ *Nouvelle Revue*, Эдмондъ Лепелетъ въпервые читающій міръ съ Прудономъ въ качествѣ драматурга. Онъ нашелъ въ посмертныхъ сочиненіяхъ знаменитаго писателя подробный сценарій драмы «Галилей». Хотя это сценическое произведеніе, составлявшее первый драматическій опытъ Прудона, никогда не было имъ написано, но сценарій составленъ такъ основательно и снабженъ такими любопытными замѣтками на счетъ того, чѣмъ долженъ быть современный историческій театръ, что эти посмертныя страницы великаго французскаго социолога получаютъ интересъ не только потому, что обнаруживаютъ новую сторону его таланта, но и по са-

тому содержанию: задуманная имъ драма, по справедливому замѣчанію Лепельтѣ, если бы она была окончена, составила бы второго Фауста. Печатавъ въ подлинникѣ этотъ интересный сценарій, Лепельтѣ предпосылаетъ ему мастерскую характеристику Прудона вообще и въ концѣ прибавляетъ критическую оцѣнку его перваго и послѣдняго драматическаго опыта. По его словамъ, Прудона теперь уже никто не читаетъ, и онъ служитъ только какимъ-то пугаломъ буржуазнаго класса, который безсмысленно повторяетъ его устрашающія формулы: «собственность—воровство»; «религія—это зло». А въ сущности онъ самъ не разъ объяснялъ, что эти брошенные имъ вызовы врагамъ выражали совсѣмъ не то, что имъ приписываютъ, а именно, онъ считалъ воровствомъ не собственность, нажитую честнымъ трудомъ, а собственность—плодъ безчестной эксплуатаціи, къ которой онъ относилъ и существующую нынѣ систему процентовъ. Точно также онъ возставалъ не противъ религіи вообще, а только противъ эксплуатаціи простодушныхъ людей католическими патерами подъ маской религіи. Если онъ прибѣгалъ къ рѣзкимъ формуламъ, то лишь потому, что хотѣлъ провозвести сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ и что онъ, по его собственнымъ словамъ, «былъ бѣднякъ, сынъ бѣдняка, провелъ всю жизнь между бѣдными и ожидалъ умереть бѣднякомъ, а потому естественно ненавидѣлъ буржуазныхъ эксплуататоровъ труда бѣдняковъ». Этимъ объясняются всѣ крайности въ его соціальной проповѣди, въ которой онъ являлся отрицателемъ всего и одинаково обличалъ съ непреложной логикой все, что было ложнаго, по его мнѣнію, у экономистовъ и социалистовъ, ретроградовъ и радикаловъ, богослововъ и свободныхъ мыслителей. Являясь всегда и всюду преслѣдователемъ зла во имя добра, онъ былъ умственнымъ Протеемъ и даже въ сферѣ искусства выказалъ свою обычную могучую силу. Въ этомъ отношеніи онъ не только высказалъ новыя и глубокія идеи относительно живописи и скульптуры, но и коснулся театра. Задумавъ написать драму, онъ избралъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ сюжетовъ въ человѣческой исторіи, для исторической пьесы, именно судъ надъ Галилеемъ. Ему не удалось написать этой драмы, но онъ составилъ полный ея сценарій, который теперь впервые обнародованъ, и нельзя не согласиться съ Лепельтѣ, что эта драма какъ въ историческомъ, такъ и въ драматическомъ отношеніяхъ задумана такъ замѣчательно, что «Галилей» Прудона, въ случаѣ его окончанія, могъ бы служить новымъ словомъ въ исторической драмѣ. Въ этой пьесѣ четыре акта и пять картинъ. Въ первой выводится Галилей, доказывающій своимъ ученикамъ знаменитую теорію вращенія земли, при чемъ онъ выставляется не столько ученымъ, сколько философомъ и по истинѣ религіознымъ человѣкомъ. Поэтому вся цѣль его ученыхъ трудовъ заключается въ примиреніи религіи съ наукой. Противъ этого протестуетъ его знаменитый ученикъ, Торичелли, который далекъ отъ идеальнаго деизма Галилея и, будучи скептическимъ матеріалистомъ, совѣтуетъ своему учителю заниматься только одной наукой, такъ какъ иначе онъ подвергнетъ себя лишь преслѣдованіямъ католической церкви, какъ атеистъ. Галилей смѣется надъ тѣмъ, что его можно назвать атеистомъ, и доказываетъ, что наука, какъ бы она возвышена ни была, только орудіе къ познанію человѣкомъ высшихъ философскихъ и религіозныхъ истинъ. Вслѣдъ за этимъ искусно изложеннымъ вступленіемъ, на сцену является гонецъ инквизиціи съ требованіемъ явки Галилея по обвиненію въ невѣріи и распространеніи атеисти-

ческихъ теорій, при чемъ указывается, что онъ тѣмъ болѣе виновенъ въ этомъ, что его ученикъ, Торичелли, человѣкъ очень набожный, постоянно протестуетъ противъ его зловредныхъ заблужденій. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Прудонъ,—религіозный, искренно вѣрующій Галилей превращенъ инквизиціей въ атеиста, а невѣрующій Торичелли—въ столбъ вѣры». Второй актъ посвященъ рассказамъ самого Галилея, Торичелли и другихъ лицъ о томъ, что происходитъ за сценой, именно на слѣдствіи, производимомъ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Въ результатѣ, конечно, Галилея передаютъ суду за богохульство и безвѣріе, чего онъ самъ никакъ не можетъ понять, настаивая на томъ, что онъ болѣе всѣхъ вѣритъ, но идеальной вѣрой. Третій актъ уже переноситъ зрителя въ самый инквизиціонный судъ. Съ перваго появленія Галилея видно, что онъ колеблется. Отречься отъ того, что онъ считаетъ истиной, и искать спасенія въ лицемѣрствѣ—претитъ его прямой душѣ, но съ другой стороны его обвиняютъ въ безвѣрїи и въ проповѣдываніи атеизма. Онъ чувствуетъ, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы доказать справедливость его идей, а чтобы оправдать ихъ въ силу тѣхъ догматовъ, которыхъ онъ не признаетъ. Чтобы примирить вѣру съ наукой такъ, какъ онъ это понималъ, слѣдовало прямо возстать противъ католической церкви, а, какъ вѣрующій человѣкъ, онъ не хотѣлъ дать повода невѣрующимъ видѣть въ его протестѣ поддержку своего невѣрія. Такимъ образомъ, естественно онъ самъ еще не рѣшилъ, какъ себя защищать, и полагается на вдохновеніе, которое его осѣнитъ въ критическую минуту. Когда наступаетъ эта минута, то на вопросъ предсѣдателя, не хочетъ ли онъ просто и прямо отречься отъ своихъ идей, Галилей провозноситъ возвышенную рѣчь, въ которой объясняетъ, какъ онъ пришелъ къ мысли соединить философію природы и вѣру. Онъ считаетъ теорію движенія земли только примѣромъ и доказываетъ, что, признавая теорію Коперника, католическая религія только усилитъ свой авторитетъ и отыметъ послѣднее орудіе у безвѣрія. На защиту отвѣчаетъ инквизиціонный прокуроръ также въ возвышенномъ тонѣ. Католическая церковь не преслѣдуетъ Галилея за то, что онъ занимается наукой. До него папа Сильвестръ и кардиналъ Куза занимались наукой, и даже послѣдній училъ почти тому же, что выдаютъ за новинку Коперникъ и Галилей. Его обвиняютъ не въ научныхъ занятіяхъ, а въ томъ, что онъ вводитъ въ вѣру новый элементъ—философію. Галилей является вторымъ и еще болѣе опаснымъ Лютеромъ. Сегодня онъ объясняетъ нѣкоторыя страницы священнаго писанія съ научной точки зрѣнія, завтра дѣло дойдетъ до догматовъ, а потомъ и до авторитета католической церкви. Галилей, возбужденный этимъ споромъ, увлекается и доказываетъ, что какъ движется земля, такъ движется человѣческая мысль и, что католическая церковь идетъ прямо къ своей гибели, если станетъ отвергать науку. Такимъ образомъ, логично, неизбежно онъ ставитъ себя въ безысходное положеніе, или онъ долженъ отвергнуть католическую церковь во имя своей идеальной вѣры и положительной науки, или отречься отъ своихъ идей. Но Галилей очевидно былъ все-таки человѣкомъ своего времени, и при его мистическомъ, набожномъ настроеніи, онъ не могъ отвергнуть авторитета церкви, и потому отреченіе для него становилось необходимымъ, хотя оно влекло за собою позоръ. Ему дали три дня на размышленіе, на то, чтобы рѣшиться на позоръ, или на смерть. Этимъ кончается третій актъ. Четвертый происходитъ въ тюрьмѣ. Галилей сначала отказался отъ требуемаго отрече-

ніа, но когда его свели въ застѣнокъ, то онъ отречся. Онъ опозоренъ. Душа его полна самыхъ мрачныхъ мыслей, онъ принесъ въ жертву свои идеи, свои чувства, но сознаеть, что католическая церковь этимъ ничего не выиграеть, и разрывъ ея съ наукой и философій погубить ее. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, что у него не хватило силъ, чтобы быть апостоломъ тѣхъ идей, которыя онъ считаетъ справедливыми. Его душа предпочла бы смерть позору; но плоть немощна, и ему стыдно за самого себя. Драма кончается тѣмъ, что отреченіе Галилея признается инквизиціей слишкомъ позднимъ и подвергаетъ его вѣчному заточенію. «Будемъ заниматься чистой наукой», говорятъ въ заключеніе его ученики, а Галилей молча склоняеть голову. Вотъ краткіе содержаніе той величественной драмы, исполнѣ върной исторіи и психологіи, которую задумалъ Прудонъ. Конечно, мы пропустили въ этомъ изложеніи всѣ мелкія вводныя сцены, какъ, напримѣръ, любовь одного изъ учениковъ къ его дочери, такъ какъ авторъ, предназначая свою пьесу для сцены, обставилъ ее всѣмъ, безъ чего не можетъ обойтись современное сценическое произведеніе. Но эти эпизоды, конечно, нимало не помѣшали бы впечатлѣнію на зрителей этой замѣчательной драмы, если бы ей суждено было появиться на французской сценѣ вмѣсто балаганной пьесы, подъ тѣмъ же заглавіемъ, Понсара, который выставилъ одного изъ величайшихъ человѣческихъ умовъ и одно изъ самыхъ драматическихъ положеній въ исторіи человѣчества, въ такомъ видѣ, какъ будто Галилей взялъ назадъ неосторожно произнесенное слово, чтобы выгодно выдать замужъ свою дочь.

— Торійскій демагогъ. Всѣ англійскія газеты и журналы полны характеристиками только что умершаго лорда Рандольфа Черчилля, который въ послѣдніе годы пережилъ свою быстро образовавшуюся славу. Изъ всѣхъ этихъ характеристикъ наиболѣе блестящія и любопытныя появились въ Saturday Review и въ Review of Reviews. Ихъ авторы, извѣстные англійскіе публицисты Гаррисъ и Стэдъ, рельефно выставляютъ всѣ фазы кратковременной карьеры лорда Черчилля, которая отличается столь же удивительно быстрымъ его возвышеніемъ, какъ и неожиданнымъ паденіемъ. Въ странѣ, гдѣ до послѣдняго времени политическая арена занималась преимущественно и даже часто исключительно стариками, этотъ представитель знаменитаго рода герцоговъ Мальборо, сумѣлъ, въ теченіе сорока шести лѣтъ, дебютировать съ шумомъ на первыхъ политическихъ роляхъ, образовать новую партію въ палатѣ общинъ, добиться прежде портфеля министра по дѣламъ Индіи, а потомъ отвѣтственнаго поста министра финансовъ, сдѣлаться лидеромъ палаты, съ такимъ же трескомъ подать въ отставку, и спустя восемь лѣтъ, умереть, совершенно ступававшись на той аренѣ, гдѣ онъ едва не добился перваго приза, т. е. премьерства. Очевидно, что подобная блестящая, но быстро окончившаяся политическая дѣятельность, справедливо сравниваемая съ фейерверкомъ, составляетъ характеристичную страницу въ современной исторіи Англій, тѣмъ болѣе что причина необыкновеннаго успѣха и неожиданнаго паденія лорда Черчилля, заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ разыграть демагога среди торіевъ. Въ сущности онъ не былъ изобрѣтателемъ торійскаго демократизма, а слѣдовалъ въ этомъ по стопамъ Дизраэли, и если ему не удалось достигнуть тѣхъ же результатовъ, то это произошло лишь потому, что онъ слишкомъ увлекался и дѣйствовалъ не такъ ловко и осторожно, какъ юркій Диззи, а вовсе не потому, чтобы онъ руководствовался болѣе безразветвенными принципами, или, лучше сказать, от-

существомъ всякихъ привидовъ, какъ увѣряетъ Стэдъ. Дѣло въ томъ, что прототипомъ подобной политики, основанной на отсутствіи всякихъ принциповъ, былъ именно Дизраэли, который мѣнялъ свои мнѣнія съ развязностью политической флюгарки; но онъ всегда умѣлъ распознавать, откуда дуетъ вѣтеръ, и, проводя самыя противоположныя стремленія своей партіи мѣры, ухитрялся сохранить ея сочувствіе, благодаря тому, что находилъ возможность увѣрить ее въ необходимости его политическаго гаерства для успѣха партіи. Этими качествами не обладалъ лордъ Рандольфъ, а напротивъ, своими рѣзкими выходками, необыкновеннымъ легкомысліемъ и погоней за красивыми словами, при чемъ одинаково казнилъ и враговъ и друзей, — этотъ преемникъ Дизраэли отталкивалъ отъ себя торіевъ, которые смотрѣли на него сначала, какъ на излюбленное свое дѣтище, а потомъ, какъ на компрометирующій элементъ. Дѣйствительно, юный лордъ Рандольфъ задалъ себѣ непосильную задачу: видя, что торійская партія клонится къ явному упадку и не имѣетъ никакого смысла въ современной политической жизни Англии, онъ вознамѣрился придать ей новую жизненную силу привітѣемъ къ ней радикализма. Въ сущности его программа ничѣмъ не отличалась отъ программы крайнихъ радикаловъ, и не удивительно, что въ концѣ концовъ онъ отпугалъ отъ себя трусливыхъ консерваторовъ, которыхъ хотѣлъ разомъ превратить въ прогрессистовъ. Конечно, его радикализмъ не былъ искреннимъ, а только служилъ средствомъ къ сохраненію власти за торіями, такъ какъ, по его убѣжденію, ихъ прежняя реакціонная политика сдѣлалась анахронизмомъ. Собственно говоря, въ этой политической неискренности и заключалось ядро окончательнаго пораженія этого торійскаго демагога: не говоря уже о либералахъ, которые ясно видѣли его игру, но и торіи не вѣрили ему и боялись вручить свою судьбу человѣку, столь молодому и уже не имѣвшему ничего святого. Если Дизраэли на такой же основѣ неискренности создалъ свою славу, то онъ достигъ ея только подъ старость, когда торіи убѣдились, что всѣ его гаерскія уловки вели къ ихъ пользѣ. Проводя вмѣстѣ съ нимъ радикальную избирательную реформу только съ цѣлью вырвать изъ рукъ либераловъ этотъ козырь въ политической игрѣ, они знали, что могутъ вполне надѣяться на его испытанную въ продолженіе многихъ лѣтъ парламентскую ловкость. Относительно же лорда Рандольфа ихъ главнымъ образомъ пугала его юность и легкомысліе. Вотъ почему они сначала носили на рукахъ этого enfant terrible, пока онъ отважно боролся съ либералами ихъ собственнымъ оружіемъ и остроумными выходками даже приводилъ втупикъ самого Гладстона, а главное придавалъ новый блескъ ихъ устарѣвшей политикѣ кажущейся заботою о благѣ народа. Но когда онъ пошелъ уже слишкомъ далеко и, сдѣлавшись министромъ финансовъ, а также вожакомъ палаты общинъ, потребовалъ сокращенія расходовъ на армію и флотъ наравнѣ съ серьезными общественными реформами самаго радикальнаго характера, то они отказались идти за нимъ, а такъ какъ ему уже было пошло отступать, а настоящіе радикалы отворачивались отъ него съ презрѣніемъ, то онъ и оказался между двумя стульями. Катастрофа, окончательно сгубившая его блестяще начатую карьеру, разыгралась въ 1886 году, когда онъ былъ въ зенитѣ своей славы и могущества, не смотря на то, что ему только что минуло тридцать семь лѣтъ. Онъ до того былъ увѣренъ въ своей звѣздѣ, что самъ подалъ въ отставку, рассчитывая, что торіи не могутъ обойтись безъ него, и что его ловкая игра кончится его назначеніемъ въ пре-

мъеры на мѣсто лорда Салюсбери. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ павика въ торійской партіи дѣйствительно была такова, что молодой политической игрокъ, поставившій все на карту, могъ повидимому выиграть: у лорда Салюсбери не было подходящаго министра финансовъ въ числѣ торіевъ, а либеральныя отщепенцы лордъ Гартингтонъ и Чамберленъ отказывались окончательно компроментировать себя вступленіемъ въ консервативный кабинетъ. Судьба этого министерства висѣла на волоскѣ, и лордъ Рандольфъ торжествовалъ. Но лордъ Салюсбери оказался ловчѣе, чѣмъ предполагалъ его юный соперникъ, и онъ нашелъ себѣ болѣе чѣмъ подходящаго министра финансовъ въ либеральномъ отщепенцѣ Гошенѣ, способнѣйшемъ изъ учениковъ Гладстона. Какъ только разъ торія обошлись безъ лорда Рандольфа, то они свободно вздохнули и уже болѣе не обращали на него никакого вниманія. Съ тѣхъ поръ онъ въ парламентѣ былъ независимымъ башибузукомъ, въ обществѣ велъ веселую свѣтскую жизнь и мотался по всему свѣту, не зная, куда дѣтъ свое мрачное разочарованіе, пока наконецъ нервный ударъ не окончилъ его неудачной политической жизни.

— Послѣдній французскій маршалъ. Смерть Канробера возбудила во французской печати самую горячую полемику. Хотя онъ при третьей республикѣ не игралъ никакой роли и, не смотря на свою преданность бонапартизму, не участвовалъ ни въ какихъ интригахъ противъ существующихъ во Франціи порядковъ, но все-таки, какъ послѣдній французскій маршалъ и одинъ изъ участниковъ 2 декабря, онъ представлялъ живую антитезу современной республиканской жизни. Пока находился въ живыхъ этотъ восьмидесяти-шестилѣтній остатокъ ненавистой французамъ седанской имперіи, то они мирились съ его совершенно ступеваннымъ, не мозолившимъ ничьи глаза, существованіемъ, даже были ему благодарны когда онъ съ видимымъ усиліемъ явился на парадный спектакль въ оперѣ по случаю приѣма русскихъ моряковъ и почтительно всталъ съ своего кресла при входѣ въ ложу президента республики. Эта бонапартистская мумія вела себя прилично, и ее оставляли въ покоѣ, но когда она наконецъ перешла изъ временной могилы въ постоянную, и враги республики вдумали воспользоваться его смертью, чтобы устроить апофеозъ послѣднему маршалу декабрьской имперіи и самому декабрьскому перевороту, то искренные республиканцы не выдержали: не только въ прессѣ, но и въ парламентѣ, даже въ сенатѣ, послышался горячій протестъ. Конечно, все обошлось благополучно, и Канробера похоронили торжественно, съ воинскими почестями, какъ и подобало старому воину; но общественное мнѣніе ясно высказало, что оно сочувственно относится лишь къ солдату, воевавшему за родину въ продолженіе долгихъ лѣтъ, но достойно клеймить въ немъ жестокаго участника 2 декабря, который безжалостно стрѣлялъ въ мирныхъ гражданъ на улицахъ Парижа. Тщетно въ палатѣ и печати его друзья старались доказать, что Канроберъ дѣйствовалъ, какъ солдатъ, который долженъ повиноваться, а не разсуждать, ихъ аргументы были побѣдоносно опровергнуты въ особенности краснорѣчивыми, полными достоинства, словами предсѣдателя палаты депутатовъ, Бриссона, который прямо сказалъ: «я не позволю утверждать, что солдаты не правы, если они отказываются поступать противъ закона и конституціи; я не допущу никакой попытки къ прославленію государственнаго переворота». Самъ Канроберъ, повидимому, предчувствовалъ, что его смерть вызоветъ подобную полемику,

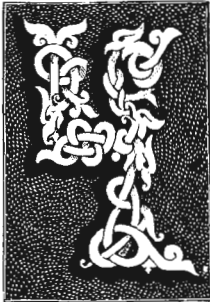
и незадолго до кончины продиктовалъ адъютанту рассказъ о своемъ участіи въ декабрьскомъ переворотѣ. По его словамъ, онъ ничего не зналъ о томъ, что готовилось, и вмѣстѣ со всѣмъ Парижемъ въ памятное утро, услышалъ уже о совершившемся фактѣ; относительно же рѣзни на бульварахъ, онъ увѣряетъ, что не командовалъ стрѣлять не только изъ пушекъ, но даже изъ ружей, а что огонь былъ открытъ со стороны арміи совершенно случайно и безъ всякихъ распоряженій военнаго начальства. Мало того, онъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что отказался отъ провозводства въ дивизионные генералы за участіе въ 2 декабря. Конечно, все это пустая болтовня, и ею не возстановить добраго имени Канробера въ политическомъ отношеніи, что же касается до его военныхъ доблестей, то онъ былъ, по словамъ *Revue Encyclopedique* отъ 15 февраля, «прекраснымъ полковникомъ зуавовъ, хорошимъ бригаднымъ генераломъ, ординарнымъ дивизионеромъ, посредственнымъ корпуснымъ командиромъ и неспособнымъ главнокомандующимъ». Онъ самъ понималъ это, и когда судьбѣ было угодно выдвинуть его на первое мѣсто въ Крымской кампаніи и въ Прусско-Французской войнѣ, то онъ во время первой самъ отказался отъ поста главнокомандующаго французской арміи, который ему достался послѣ смерти Сентъ-Арно, и предложилъ не только состоять подъ начальствомъ своего подчиненнаго, Пелисье, но даже англійскаго главнокомандующаго, лорда Раглана, а въ послѣдней, онъ отклонилъ предложеніе императрицы поставить его во главѣ парижской арміи и предпочелъ служить корпуснымъ командиромъ, подъ начальствомъ Базена, говоря: «оставьте мнѣ исполнить свой долгъ солдата». Этотъ долгъ онъ правда одинаково доблестно исполнялъ и при взятіи Затчи въ Алжирѣ, гдѣ онъ молодымъ человѣкомъ въ чинѣ полковника первымъ взшелъ на валъ взятаго приступомъ укрѣпленія, и въ Крыму, гдѣ онъ былъ раненъ при Альмѣ, и въ итальянской кампаніи, и въ битвѣ при Сентъ-Прива въ 1870 г., гдѣ, по словамъ короля Вильгельма, прусская гвардія нашла себѣ могилу, а Канроберъ видя, что сопровождавшій его эскортъ опускаетъ головы передъ летѣвшими пулями, сказалъ съ классическимъ геройствомъ: «Не наклоняйте головы, мы не въ перьяхъ». Но онъ самъ не разъ говорилъ своему другу историку Дюрюю: «Легко быть храбрымъ, это инстинктивное чувство; я ощущалъ тяжелое чувство только въ минуты, когда мнѣ надо было взять на себя мужественную рѣшимость, или тяжелую отвѣтственность». Ни на то, ни на другое Канроберъ не былъ способенъ и въ этихъ случаяхъ, онъ хотя скромно, но съ позорнымъ малодушіемъ уклонялся, прикрывая себя маской исполненія солдатскаго долга. Такъ онъ поступилъ 2 декабря и при сдачѣ Меца, гдѣ онъ могъ бы, пользуясь своей популярностью и старшинствомъ, помѣшать Базену обезчестить храбрую французскую армію. Только однажды, какъ доказываетъ статья Рибера де Флера въ «*Vie Contemporaine*» отъ 15 февраля «Канроберъ въ Италіи, по неизданнымъ замѣткамъ маршала», онъ выказалъ мужественную рѣшимость и взялъ на себя тяжелую отвѣтственность, при чемъ полный успѣхъ увѣнчалъ его необычную смѣлость. Это было въ началѣ итальянской войны; Канроберъ явился въ Шьмонть первый со своимъ корпусомъ и видя, что выбранная итальянской арміей линія защиты противъ быстро наступавшихъ австрійцевъ на рѣкѣ Дара-Бальтеа была вполне неблагонадежна, уговорилъ короля Виктора-Эммануила отказаться отъ нея и по собственной инициативѣ предложилъ двинуть впередъ союзную армію, занять Казале и Александрію для болѣе удачнаго прикрытія Турина. «Маршалъ,—сказалъ

король,—вы на себя берете серьезную отвѣтственность!» «Я это знаю,— отвѣчалъ Канроберъ,—но я отъ нея не отказываюсь и приму на себя исполненіе своего плана, вполне убѣжденный, что этимъ движеніемъ будетъ спасень Туринъ, и исторія не запишетъ на свои страницы, что столица союзнаго съ Франціей королевства была уничтожена Австріей въ присутствіи французской арміи и французскаго маршала». «Я позволю себѣ замѣтить,— прервалъ его король,— что дѣло идетъ не о французской арміи, а только объ ея авангардѣ». «Исторія не войдетъ въ подробности,— отвѣчалъ Канроберъ,— для нея авангардъ будетъ всей французской арміей». Викторъ-Эммануилъ горячо обнялъ маршала, и рѣшено было, что въ ту же ночь они оба отправятся на новую позицію и двинуть туда войска. «Но главное,— сказалъ Канроберъ, разставаясь съ королемъ,— никому не говорите о нашемъ движеніи; оно должно остаться для всѣхъ тайной». Викторъ-Эммануилъ обѣщалъ, но въ 12 часовъ ночи, когда маршалъ прилегъ на диванъ, чтобы отдохнуть передъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, кто-то постучался въ его дверь. «Я сказалъ: войдите,— пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ статьѣ Флера,—и въ комнату вошелъ маленькій человѣчекъ, въ очкахъ, который напомнилъ мнѣ Тьера и на мой вопросъ, кто онъ, отвѣчалъ: «Я графъ Кавуръ». Услыхавъ про имя, столь извѣстное во Франціи и во всей Европѣ, я всталъ, поклонился и сказалъ съ улыбкой: «Для меня большая честь принимать графа Кавура, но, видя его въ такую пору, я невольно долженъ спросить, развѣ Катиллина у городскихъ воротъ». «Мое посѣщеніе не шутка,— отвѣчалъ министръ, съ недовольнымъ видомъ,— оно очень серьезно. Правда ли, маршалъ, что вы не хотите защищать линіи Дора-Бальтеа?» «О!—воскликнулъ я,— король выдалъ нашу тайну, хотя онъ далъ мнѣ слово. Ну, это его дѣло; но, графъ, не говорите, что я не хочу защищать этой линіи, а я въ дѣйствительности не могу этого сдѣлать». «Вы, вы, маршалъ Канроберъ, говорите, что не можете защищать сильную позицію на Дорѣ». «Позвольте васъ остановить, графъ, на этихъ словахъ. Король и Ла-Мармара говорили то же, но когда мы вмѣстѣ убѣдились въ недостаткахъ этой позиціи, то было бы безуміемъ ее защищать. Еслибъ я согласился на это, то непріятель съ болѣе многочисленными силами, чѣмъ у насъ, прибылъ бы въ Туринъ, взялъ бы этотъ незащищенный городъ и,— прибавилъ я разгорячившись и съ нѣкоторой ироніей, быть можетъ, вспомнивъ, что графъ Кавуръ главный виновникъ войны, отомстилъ бы ему за это». Кавуръ принужденъ былъ согласиться на исполненіе плана Канробера и какъ послѣдній, такъ и Викторъ-Эммануилъ немедленно приступили къ его осуществленію. Результатъ былъ самый блестящій; австрійцы, видя наступленіе союзныхъ армій и не зная ихъ численности, ретировались; Туринъ былъ спасень и блестящей иллюминаціей праздновалъ успѣхъ смѣлой инициативы Канробера, который, конечно, не разъ сожалѣлъ, что онъ не чаще рѣшался смѣло принимать на себя отвѣтственность въ критическія минуты.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійская біографія императора Александра III.—Вѣра Баранцова.—Освобожденіе Болгаріи.—Живописныя славяне.—Азіатско-болгарскія преданія.—Азіатскіе сосѣди.—Мемуары Ларевельера-Лепо.

ЛАРЛЬЗЪ ЛОВЪ (Lowe) написалъ біографію императора Александра III-го (Alexander III of Russia), по сознанію самой англійской критики, весьма замѣчательную и безпристрастную: факты приведены точно и добросовѣстно. Разсказъ ведется интересно, литературнымъ языкомъ, хотя авторъ не дѣлаетъ особенно оригинальныхъ выводовъ, и это все-таки не болѣе, какъ добросовѣстная компиляція [изъ всѣхъ европейскихъ документовъ послѣднихъ 13 лѣтъ, и всѣ сообщаемыя свѣдѣнія болѣе или менѣе извѣстны. Но хотя книга представляетъ не болѣе, какъ мозаику, она составлена съ большимъ искусствомъ и ясностью. Главную заслугу автора представляетъ его спокойный и умѣренный тонъ, совершенно не похожій на слогъ Стеда или на противоположныя ему выходки. Большое вниманіе обращено и на частную домашнюю жизнь государя, причѣмъ о ней приводится рѣчь Вильберфорса, каноника Вестминстерскаго абатства. Приводятся только нѣкоторыя сужденія о строгомъ отношеніи государя къ Александру Баттенбергскому и къ штундѣ. Доказывается нелѣпость толковъ о преслѣдованіи жидовъ, самаго «могущественнаго финансоваго племени не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ», хотя лондонскій лордъ-меръ называетъ ихъ мучениками, а на митингахъ въ Гвидгалѣ Гарольдъ Фредерикъ разсказываетъ въ жалобномъ тонѣ «исторію новаго исхода». Да и какимъ образомъ царь, прозванный миролюбомъ цѣлымъ свѣтомъ, могъ быть заподозрѣнъ въ какихъ-то преслѣдованіяхъ? Нельзя же ничего возразить противъ мѣры, когда послѣ рѣзкихъ выходокъ противъ Германіи въ парижской рѣчи Скобелева въ Journal de S.-Petersbourg, вмѣсто этой рѣчи, явилось запрещеніе военнымъ лицамъ произносить политическія рѣчи. Авторъ заключаетъ свою книгу увѣренностью, что новое царствованіе соединитъ въ себѣ лучшія стороны прошлаго.

— Вильямъ Весталь и Сергій Стопнякъ сдѣлали извлеченія изъ книги Софьи Ковалевской: «Вѣра Баранцова», представляющую, въ сущности, автобіографію. Наша Марія Башкирцева знакома всей интеллигентной Англіи и любима ею, но критика находитъ, что русскій духъ и умъ гораздо лучше олицетворяются Ковалевской. Извѣстно, что страсть къ математикѣ развилась въ ней съ младенчества, когда она увидѣла стѣны своей дѣтской оклеенныя цифрами и чертежами; но она была не только ученая, какъ Марія Аньези, жившая до нея за два вѣка. Литературою Ковалевская начала заниматься 35-ти лѣтъ, написавъ первый фельетонъ на шведскомъ языкѣ; потомъ она начала писать и порусски, но скоро умерла, оставивъ послѣ себя много набросковъ. Исторія Баранцовой начинается съ освобожденія крестьянъ и движенія ингилистовъ. Частная жизнь героини и ея любовь къ Василищеву гораздо интереснѣе ея походовъ и страданій или приключеній жида Павленкова. Хороши описанія природы особенно въ Сибири, куда ссылають Василищева.

— Бывшій корреспондентъ Нью-Йоркскаго Герольда при турецкой арміи въ 1877 году, Вентворъ Гьюссъ, издалъ книгу, «объ освобожденіи Болгаріи». Это немножко поздно: новаго въ книгѣ мало, за исключеніемъ нѣсколькихъ подробностей объ осадѣ Плевны. Но, какъ очевидецъ событій, авторъ заслуживаетъ вниманія. У него хорошо обрисована фигура глупаго и упрямаго главнокомандующаго Абдуль-Керима, толковавшаго, какъ Трошу, о своемъ планѣ войны; объ Авасѣ-пашѣ, павшемъ героемъ при Эвирдже, о Мехмедѣ-Али, называвшемъ свое пораженіе при Церковной рекогносцировкой позиціи псаревича; объ Османѣ-пашѣ, котораго Скобелевъ называлъ «гавипобѣдитель», не смотря на сдачу Плевны. Генераль Криднеръ на пути къ Никополу не обезпечилъ своего фланга занятіемъ Плевны, и турки сдѣлали изъ нея неприступное укрѣпленіе. Сулеймана-пашу авторъ называетъ измѣнникомъ на основаніи утвержденій вездѣ разбиваемаго Мехмеда-Али, которому Сулейманъ-паша отказалъ въ содѣйствіи на Шибкѣ. Сулейманъ дрался безъ всякой помощи; онъ хотѣлъ одинъ одержать побѣду безъ всякаго участія въ ней Мехмеда-Али, прямого начальника Сулеймана. Придворныя интриги помѣшали военнымъ дѣйствіямъ. Двѣ соединившіяся арміи Сулеймана и Мехмеда могли бы заставить снять осаду Плевны.

— *Revue de Revues* относится съ особеннымъ сочувствіемъ къ славянскимъ суевѣріямъ и помѣщаетъ разомъ въ одномъ номерѣ двѣ статьи по этому предмету подъ общимъ названіемъ «Живописные славяне». По поводу одной изъ нихъ, Дикарева, помѣщенной въ малораспространенномъ официалномъ органѣ отдѣла общества любителей антропологіи и этнографіи, малоизвѣстнаго и въ оригиналѣ, многого сказать нечего. Неизвѣстный французскій критикъ восхищается глубиною русской души, слѣды которой очень рѣзко являются у славянскихъ писателей. «Прошлое Россіи, полное страданій, ея исключительное настоящее положеніе привели къ чрезвычайно странному, печальному міросозерцанію». Даже въ народныхъ русскихъ преданіяхъ критикъ находитъ, что легенды о концѣ міра играютъ выдающуюся роль: онѣ являются во всѣхъ формахъ и при всякомъ случаѣ: при голодовкѣ, угрожающей существованію семьи, при падежѣ скота, при обыкновенныхъ несчастіяхъ въ жизни, утѣшеніе въ которой видятъ только въ близости конца свѣта, какимъ окончатся всѣ бѣдствія—все это поэтическія преданія. Конца свѣта ждали въ 1893 году вслѣдствіе небывалой голодовки, ею крестьяне объясняли землѣдѣльческой кривизѣ. Богъ посылалъ этимъ знаменіе своего

гнѣва богачамъ и освобожденіе неимущимъ. Близость катастрофы казалась неминуемой; это же вѣрованіе было распространено и въ Малороссіи, и только въ немногихъ мѣстностяхъ откладывали еще на нѣсколько лѣтъ судъ Божій. Явились лѣтописи, составленныя самими крестьянами; въ одной изъ нихъ спрашивается: почему урожай нынѣшняго года былъ такъ плохъ? вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ дѣлается все хуже и уменьшается, люди ли были прежде лучше, или Богъ меньше гнѣвался на нихъ? Отвѣтъ получался такой: нѣтъ, не эта причина бѣдствія, прежде люди были хуже — теперь они стали умнѣе. Прежде было больше колдуновъ, но жатва обильнѣе. Иные находили, что это годъ исключительный, въ который ничто не удастся, умираютъ не только люди, но и животныя, и въ писаніи давно сказано, что такіе года предшествуютъ страшному суду. Самые либеральныя изъ мыслителей находили, что о концѣ свѣта нечего разсуждать, его знаетъ только Богъ, а на людей насылаетъ только бѣдствія за ихъ грѣхи. Бѣлоруссія вѣрила поголовно близости конца вѣка. Ждали появленія какого-то царя Китая, были люди, даже видѣвшіе его. Воронежскія преданія говорятъ, что появятся огненныя колесницы. Земля будетъ окружена желѣзною проволокой и отдана крестьянамъ; признаки этихъ предвѣщаній видятъ въ распространеніи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

— Еще въ большой восторгъ приходитъ французскій критикъ, какой-то Шарль Симонъ, и отъ болгарскихъ суевѣрій и предразсудковъ. Легендамъ этого племени приписывается особенно важное значеніе. Уральско-финская раса, вторгнувшаяся въ VI вѣкѣ въ Мизію, покорила славянскія племена этой древней римской области и внесла въ нее свои нравы, обычаи и вѣрованія; отъ этого смѣшенія европейской цивилизаціи съ азиатскою Болгарія сдѣлалась центромъ, гдѣ остановился наплывъ византійскихъ, татарскихъ и турецкихъ стремленій. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ болгарскій элементъ сливался со славянскимъ и когда въ IV вѣкѣ страна обратилась въ христіанство, въ него перешли легенды азиатскихъ степей, ихъ не соединило даже слитіе Болгарія съ Валахіей, ни покореніе ихъ татарами въ XIII вѣкѣ, ни тяжелый турецкій деспотизмъ, отъ котораго страна освободилась только въ 1878 году, не утративъ и своихъ чисто болгарскихъ мѣровъ, слѣдовъ древняго атавизма. Теперь болгаре собираютъ и издаютъ эти мѣры. Оригинальнѣе всего въ нихъ медицинскій отдѣлъ, т. е. суевѣрные и магическіе обряды, употребляемые для излеченія или заговора противъ болѣзней—это рецепты, перешедшіе изъ глубокой древности; ихъ составляютъ женщины «врачки». *Ethnologische Mittheilungen*, южно-славянскій и венгерскій органъ, выходящій въ Пештѣ, разбираетъ эти обряды, производимые съ крестьянскими заклинаніями: умываютъ лицо заговоренною водою; въ ревматизмахъ, зубной боли, въ подагрѣ вокругъ головы больного обводятъ заговореннымъ яйцомъ, конечно, съ магическими причитаніями, потомъ яйцо прокалывается, больного мажутъ желткомъ, а на шею ему привязываютъ скорлупу. Говорится далѣе о миѣическомъ женскомъ существѣ Иуда, насылающемъ злокачественныя лихорадки. Способъ борьбы съ нею наполненъ, конечно, пустыми приемами, чаще всего совершенно бессмысленными. Приводятся средства перевести заразительныя болѣзни изъ одной деревни въ другую. Головныя боли лечатъ, прикладывая ко лбу толстую синюю бумагу, пропитанную ладаномъ и проткнутую булавкой. Ислѣдователь останавливается на мѣѣ о русалкахъ, но это уже чисто славянскія, а вовсе не болгарскія существа, отмѣчаются также счастливыя и несчастныя дни: ребенокъ, выкупанный 15-го

іюля, непремѣнно умираетъ; если работать 14-го октября—сойдешь съ ума. Въ странѣ въ ходу много талисмановъ.

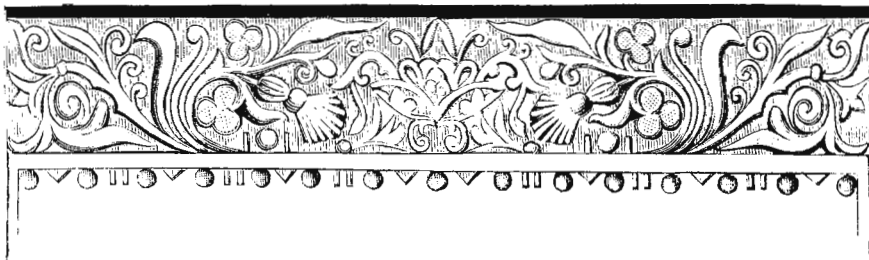
— Состоящій въ бенгальской службѣ Тонборнъ издалъ книгу «Азіатскіе сосѣди» (*Asiatic neighbors*). Онъ начинаетъ со страннаго признанія, что писалъ много о центральной Азіи, но слишкомъ поспѣшно, мало обдуманно и безъ достаточнаго изслѣдованія; теперь у него другія мнѣнія объ этомъ вопросѣ, не очень лестныя для правительства. 32 года прослужилъ онъ въ Пенджабѣ и основательно изучилъ настоящее положеніе дѣлъ, хотя и не прибѣгалъ для этого къ официальнымъ источникамъ. Послѣ этого его можно, конечно, спросить: не перемѣнитъ ли онъ еще разъ своихъ взглядовъ, когда изучитъ документы, безъ которыхъ нельзя обойтись? Онъ называетъ лорда Ауленда слабымъ, неопытнымъ руссофиломъ, о лордѣ Литтонѣ и друг. лицахъ онъ также не высокаго мнѣнія. Авторъ доказываетъ, что для Россіи было бы слишкомъ рискованно захватить Герать, или Балхъ. Ея силы, достаточныя для охраненія гарнизоновъ стратегическихъ пунктовъ, недостаточны для развитія вѣѣ ихъ границъ, занятія Туркестана, сѣверной Персіи, Закаспійской области и поддержанія между ними сношеній; ей нужно укрѣпиться въ Средней Азіи желѣзными дорогами и путями сообщеній, а не думать о занятіи Авганистана. Да кто же объ немъ думаетъ? Авторъ недоволенъ всѣмъ и даже тѣмъ, что въ 1873 году авгано-русская граница была опредѣлена соединенною англо-рускою комисією, по безпечности предоставившею Россіи обладаніе Памирами. Претензіи, заявленныя въ 1875 году лордомъ Саллсбюри, были оставлены Россією безъ вниманія. Рѣку Мургабъ онъ называетъ главнымъ теченіемъ Оксуса, но Курзонъ въ газетѣ «Times» свидѣтельствовалъ, что рѣка Пенджъ, въ которую впадаетъ Мургабъ, гораздо обильнѣе его водою, исключая іюня іюля, гораздо глубже и быстрѣе. Бадакшанъ съ 1859-го года гораздо ближе тяготеетъ къ Бухарѣ и Кокану, чѣмъ къ Кабулу, хотя и покоренъ авгавами въ 1865 году, а прежде принадлежалъ императорамъ Дели. Авторъ говоритъ, что книга его послужитъ для составленія въ публикѣ яснаго понятія о предметѣ, съ чѣмъ трудно согласиться. Книга доказываетъ только, что недовольныхъ индѣйскою политикою и въ Азіи не меньше, чѣмъ въ Европѣ. Хуже всего то, что эти авторы, сообщая нерѣдко весьма полезныя замѣтки о всякаго рода ошибкахъ и упущеніяхъ, не указываютъ на средства, какъ ихъ исправить. Если бы даже средства эти оказались и не осуществимы, изъ нихъ все-таки можно было бы извлечь практическую пользу.

— Мы не разъ уже замѣчали о странномъ свойствѣ французскихъ историковъ обнародовать мемуары своихъ политическихъ военныхъ и литературныхъ дѣятелей, спустя слишкомъ долгое время послѣ того, какъ эти мемуары были написаны. Очевидно, отъ поздняго публикованія они теряютъ очень многое, не говоря уже о томъ, что нерѣдко являются искаженными, какъ записки Мирабо, Талейрана и друг. Съ изданіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ происходятъ исторіи еще курьезнѣе. Извѣстно, что при концѣ жизни членъ директоріи и конвента, выведенный на сцену въ «Дочери Анго» Ларевельеръ Лепо, личность довольно выдающаяся, оставилъ свои мемуары, поручивъ обнародованіе ихъ сыну своему Оссиану, но сыночекъ медлил исполненіемъ этого завѣщанія до 73 года, да и тутъ, напечатавъ мемуары, не выпустилъ ихъ въ свѣтъ, а передалъ на храненіе въ національную бібліотеку, такъ что пользоваться ими могли только весьма не многіе. Онъ сдѣлалъ это потому будто бы, что отзывы его отца о многихъ лицахъ были очень рѣзки.

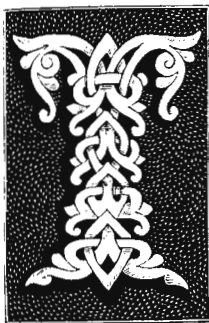

Французы, конечно, склонны болѣе всего къ прославленію своихъ дѣятелей и всѣми средствами скрываютъ ихъ недостатки; оттого даже въ серьезной исторіи нерѣдко трудно добиться до правды и настоящей характеристики дѣйствующихъ лицъ. О существованіи мемуаровъ Ларевельера Лепо мало кто и зналъ, какъ вдругъ теперь они являются въ трехъ томахъ съ портретами, приложеніемъ и проч., но и тутъ издатель счелъ нужнымъ извиниться передъ читателями и снять съ себя всякую отвѣтственность за обвиненіе противъ министра Карно, какъ будто это дѣйствительно былъ такой человекъ, о которомъ нельзя говорить иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Ларевельеръ родился въ 1753 году, принадлежалъ къ богатой буржуазіи и говорить самъ, что былъ упрямымъ и несноснымъ ребенкомъ. Потомъ оъ былъ адвокатомъ въ Парижѣ, женился въ Анжу и былъ посланъ въ 1789 году депутатомъ въ генеральныя штаты. Въ учредительномъ собраніи онъ не игралъ выдающейся роли, принадлежалъ къ основателямъ клуба якобинцевъ, но скоро оставилъ его, затѣмъ его избрали членомъ конвента. Во время процесса Людовика XVI онъ вотировалъ противъ короля, противъ воззванія къ народу и противъ отсрочки казни. Объ этой отсрочкѣ онъ не говоритъ ничего въ своихъ мемуарахъ, а между тѣмъ объ ней упоминаетъ Мониторъ 1793 года, гдѣ приводитъ мнѣніе Таліена и Тюріо о немедленной казни, въ видахъ гуманности. Ларевельеръ возражалъ въ официальномъ журналѣ: «Я вотировалъ противъ воззванія къ народу и за смерть Людовика, а слышу съ ужасомъ воззванія къ гуманности съ криками крови. Но отсрочка въ рѣшеніи конвента, утомленнаго столькими засѣданіями, по моему необходима». Если такія характерныя черты исключены изъ мемуаровъ, то какъ же поручиться за неискаженіе ихъ? Въ мартѣ 1793 года онъ потребовалъ обвиненія Марата, потомъ протестовалъ противъ майскихъ и іюньскихъ убійствъ, но долженъ былъ бѣжать и до 9 термидора скрывался въ Перроуѣ. Конвентъ назначилъ комисію для пересмотра конституціи, но Ларевельеръ говоритъ, что онъ съ товарищами рѣшился составить новую. Разсказъ его, однако, очень не ясенъ и не приводитъ цифръ и данныхъ; онъ говоритъ только, что благоразумный Сіейесъ и осторожный Камбасаресъ вышли изъ комисіи. Къ Сіейесу онъ относится очень строго, да и о другихъ своихъ товарищахъ по комисіи отзывается очень сухо, также какъ и вообще о комитетѣ общественной безопасности. Сужденія его отзываюся сильнымъ пристрастіемъ, но упрекать комитетъ общественнаго спасенія въ бездѣйствіи, какъ это дѣлаетъ Ларевельеръ, несправедливо. Въ теченіе 16-ти дней онъ издалъ 493 декретовъ, изъ которыхъ только 69 просмотрѣны авторомъ. Въ 1795 году онъ перешелъ изъ комитета въ совѣтъ старшинъ, избравшихъ его президентомъ. Карно, о которомъ онъ отзывается съ явнымъ недоброжелательствомъ, выставилъ его однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ члены директоріи. Ларевельеръ былъ избранъ первымъ; Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Сіейесъ слѣдовали уже за нимъ, а за отказомъ послѣдняго его мѣсто занялъ Карно; о Ревбелѣ Ларевельеръ отзывается, какъ о свѣтскомъ чловѣкѣ, грубомъ и рѣзкомъ, придиричвомъ и упрямомъ, но защищаетъ отъ обвиненій во взяточничествѣ, падавшемъ на всю директорію. Баррасъ выставленъ распутнымъ, фальшивымъ, окруженнымъ въ Люксембургѣ вождями грязной анархіи, продажными дворянами, спекуляторами, мошенниками и продажными женщинами, и не смотря на это Ларевельеръ сдѣлался его общникомъ въ переворотѣ 18 го фруктидора. Карно онъ обвиняетъ въ томъ, что тотъ перешелъ на сторону анархистовъ, былъ хитеръ, жестокъ, раздра-

жителейъ, мстителейъ, клеветаль на тѣхъ, кого ненавидѣлъ; признавали его только дѣятельнымъ и трудолюбивымъ администраторомъ, особенно по военнымъ вопросамъ. Со своей стороны Карно не лучше отзывается о Ларевельерѣ. Летуэрна авторъ мемуаровъ называетъ честнымъ, но ничтожнымъ человекомъ, хотя и считавшимъ себя важнымъ лицомъ и бывшимъ всегда на сторонѣ Карно. О министрахъ и вообще обо всемъ управленіи Ларевельеръ высказываетъ не менѣе строгія сужденія. 18-го фруктидора онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сожалѣетъ, что при возобновленіи состава директоріи не долженъ былъ выйти изъ нея по жребію, какъ Летуэрна, но это сожалѣніе едва ли искренне, хотя онъ и заплакалъ въ присутствіи министровъ. Советъ пятисотъ выбралъ въ 1797 году посланникомъ при Швейцарской республикѣ Бартелеми. Большинство директоріи рѣшилось произвести переворотъ противъ Карно и Бартелеми. Ларевельеръ выставляетъ себя зачинщикомъ переворота, но не сообщаетъ никакихъ подробностей о немъ, хотя и говоритъ, что спасъ республику отъ роялистскихъ заговоровъ, и весь переворотъ описываетъ въ 16-ти строкахъ, обвиняя Карно въ томъ, что онъ хотѣлъ ниспровергнуть правительство, къ которому самъ принадлежалъ. Но Ларевельеръ защищаетъ директорію отъ обвиненій въ жестокости. Оправлены были только лица въ ссылку и не пролито ни капли крови. Однако аресты и домовые обыски продолжались и послѣ переворота. Въ Парижѣ и департаментахъ работали военныя комиссіи противъ роялистовъ и эмигрантовъ, и приговорили къ смерти 140 человекъ. Авторъ сознается только, что разстрѣленные и утопленные въ это время эмигранты и якобинцы были явными нарушителями закона. Ларевельеръ въ свою очередь сдѣлался жертвою переворота въ 1799 году и былъ принужденъ выйти въ отставку вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Мерленомъ Дуа вслѣдствіе интригъ Сіейеса и Барраса и поселился въ четырехъ миляхъ отъ Парижа, посѣщая аккуратно засѣданія института, изъ котораго долженъ былъ выйти въ 1804 году, отказавшись принести присягу императору. Въ 1809 году Наполеонъ предложилъ ему пенсію черезъ Фуше, если онъ попроситъ объ ней. «Я не служилъ и никогда не буду служить императорскому правительству»,—отвѣчалъ Ларевельеръ,—не имѣю никакихъ правъ на его благосклонность и не желаю заслуживать ее». Реставрація не беспокоила его, такъ какъ онъ не принималъ никакого участія въ событіяхъ Ста дней. Умеръ онъ въ 1824 году. Въ своихъ мемуарахъ Ларевельеръ возстаетъ не только противъ товарищей по директоріи, но и противъ генераловъ. О Наполеонѣ онъ отзывается съ ненавистью. Брюнь, Шампіоне—деспоты и грабители, Сюше—отчаянный хищникъ, честный Жуберъ—весьма недалекаго ума, Журданъ—жалкая посредственность, бездарная въ военныхъ комбинаціяхъ; о Макдональдѣ онъ отзывается мягче и признаетъ въ немъ умѣренность и энергію, хотя этого не видно даже изъ мемуаровъ самого маршала; Моро онъ хвалитъ и ставитъ выше Наполеона въ военномъ отношеніи. Благосклонный отзывъ его о Массенѣ не согласенъ съ дѣломъ. Такія сужденія о лицахъ, прославляемыхъ въ военныхъ мемуарахъ, любопытны въ запискахъ Ларевельера. Экз-директоръ не лучше отзывается о Робеспьерѣ, Дантонѣ, и въ этомъ отношеніи мемуары его также очень любопытны.

С М Ъ С Ъ.

ВРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ литературнаго фонда. Годовое февральское собраніе общества пособія русскимъ литераторамъ совпало съ его 35-ти-лѣтнею дѣятельностью. Подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя общества сенатора Н. С. Таганцева, были прочитаны отчеты о дѣятельности общества за 1894 г. и состояніи его денежныхъ средствъ, изъ которыхъ видно, что въ прошломъ году число членовъ общества возросло до 525. Комитетъ имѣлъ 24 засѣданія, на которыхъ было саѣлано до 400 постановленій по различнымъ просьбамъ о пенсіяхъ, пособіяхъ, ссудахъ, вспоможеніяхъ на похороны, на медицинскія пособія, объ освобожденіи отъ платы за ученіе, о сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами, въ томъ числѣ съ редакціями журналовъ и газетъ по различнымъ недоразумѣніямъ и проч. Единновременныхъ пособій выдано 89 лицамъ, въ общемъ 105 разъ, на сумму 6.081 рубль; безсрочною ссудою пользовались 22 лица на 4.088 рублей, срочною ссудою 17 лицъ на 2.330 рублей, пенсіями пользовались 23 лица на 5.808 рублей, пособіями на воспитаніе и обученіе 25 чел., а на этотъ предметъ, также на учебныя пособія нуждающимся дѣтямъ выдано всего 2.926 рублей, 19 лицъ пользовались пособіями по нѣскольку разъ, стипендіями пользовались: 4 студента Петербургскаго университета въ размѣрѣ по 125 р. каждый и 1 студентъ того же университета стипендіей имени В. Ф. Корша въ 150 р. и, кромѣ того, 2 студента Харьковскаго университета стипендіями имени Ковалевскаго въ 300 и въ 150 р. Замѣщены также бесплатныя вакансіи: семь въ гимназій и реальномъ училищѣ Гуревича; по три въ женскихъ гимназійхъ Стоюниной и кн. Оболенской, по двѣ въ женскихъ гимназійхъ Таганцевой, Гедда и Стеблинъ-Каменской, и по одной въ учебномъ заведеніи Бибиковой и на высшихъ женскихъ курсахъ новыхъ языковъ г-жи Бобрлицевой-Пушкиной. Кромѣ того, имѣются еще незамѣщенныя вакансіи: одна въ гимназій Гуревича и также по одной въ женской гимназій

Стоюниной, въ учебномъ заведеніи Бибиковой и на курсахъ Бобрещевой-Пушкиной. Въ пособіяхъ было отказано 58 лицамъ, обратившимся въ фондъ всего съ 65 просьбами.

Въ отчетномъ году фондомъ не предпринималось никакихъ изданій, сдѣлано распоряженіе объ удешевленной продажѣ «Сборника Литературнаго Фонда» и «Литературныхъ очерковъ» Надсона, устроенъ былъ литературный вечеръ, давшій чистаго сбору 949 р. 15 к. Въ пользу фонда была прочтена лекція П. Д. Боборыкинымъ, давшая сбору 300 р. Членскихъ взносовъ поступило 3.752 р. Комитету былъ оставленъ по духовному завѣщанію умершимъ повѣтомъ А. Н. Плещеевымъ капиталъ въ 25.000 р., впослѣдствіи въ правахъ наслѣдства была утверждена г-жа Левасгофъ-Мейеръ, пожелавшая получить обратно изъ этого пожертвованія 10.000 р. Комитетъ согласился возратить эту сумму. Къ 1-му января нынѣшняго 36 года существованія фонда на лицо состоитъ капитала 304.215 р. Ревизіонная комсія нашла дѣлопроизводство правильнымъ и кассовый отчетъ въ полномъ порядкѣ. Взаимнъ выбывавшихъ по-очереди членовъ комитета избраны баллотировкою (по запискамъ) абсолютнымъ большинствомъ В. В. Лесевичъ, Н. А. Карышевъ и А. А. Потѣхинъ и перебаллотировкою изъ двухъ кандидатовъ—Н. Ѳ. Анненскій. Новый составъ комитета избралъ тотчасъ же изъ своей среды: предсѣдателемъ В. А. Манассеина и въ товарищи предсѣдателя Н. С. Таганцева. Въ секретари избранъ г. Лесевичъ и въ казначеи—прежній Е. Е. Картацевъ.

Люцинскій могильникъ. Этотъ замѣчательный могильникъ находится близъ Люцина, Витебской губерніи, и занимаетъ всю верхнюю площадку горы. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ было обнаружено, что эта ничѣмъ не замѣчательная по виду площадка хранитъ въ себѣ обширный и богатый могильникъ языческой поры. Открытіе произошло совершенно случайно. Выбирая песокъ въ западной сторонѣ горы, мѣстные крестьяне откопали нѣсколько человѣческихъ костяковъ и нашли при нихъ массивныя мѣдныя вещи. Немедленно начались дальнѣйшія раскопки, уже съ специальною цѣлью добыванія мѣди, впрочемъ, не особенно значительныя. Распространившійся слухъ о находкахъ заинтересовалъ мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ одиѣ началъ скупать отыскиваемыя въ могильникѣ вещи и въ короткое время составилъ весьма цѣнную коллекцію изъ историческихъ рѣдкостей. Эта коллекція сдѣлалась извѣстною, и приняты немедленныя мѣры къ охраненію Люцинскаго могильника отъ произвольныхъ раскопокъ. Затѣмъ, по порученію археологической комісії, приступили къ его систематическому изслѣдованію. Верхніе слой почвы заключали въ себѣ песокъ съ глиной, а нижніе — чистую, плотную глину. Въ ней-то и обнаружены погребенія. Въ сѣверной части могильника сверху налегаль слой песку до аршина толщины.

Богатство открытыхъ на Люцинскомъ могильникѣ предметовъ древности можно назвать поразительнымъ. Вскрыли на немъ 293 погребенія, потому еще 45 и, не смотря на то, могильникъ остается еще и теперь не вполне исчерпаннымъ. Количество добытыхъ при раскопкахъ вещей считается многими сотнями. Изъ нихъ составилось нѣсколько цѣльныхъ коллекцій, поступившихъ въ Эрмитажъ. Изъ собранныхъ коллекцій видно, что трупы передъ погребеніемъ одѣвались въ лучшую одежду покойника, чѣмъ и объясняется замѣчательное богатство одѣяній нѣ могильникѣ. Предметовъ домашняго обихода въ могилахъ не было, но при мужскихъ костякахъ очень обыкновенны находки топоровъ, копій и мечей. Быть можетъ, могилы имѣли нѣкогда сверху сплошной или узорчатый, какъ въ Ашерадинѣ, каменный покровъ, но съ теченіемъ времени всѣ камни отсюда были свезены. Найденныя въ недавнее время, по мнѣнію археологовъ, представляють не что иное какъ ничтожные остатки покрывавшихъ могилы каменныхъ насыпей. Случаевъ трупосожженія обнаружено немного; быть можетъ, оно имѣло здѣсь

уже характеръ оживающаго обряда, выполняемаго по особенному желанію покойныхъ, или же примѣняемаго къ людямъ опредѣленнаго званія и положенія.

Между прочимъ, при раскопкахъ обнаружено одно очень любопытное и важное, съ археологической точки зрѣнія, погребеніе остатковъ трупосожженія въ особомъ ящикѣ, выложенномъ внутри берестой и матеріей въ видѣ сукна; въ немъ, кромѣ горсти костей, нашли кольчужную ткань, два логаннныя браслета, три шейные обруча, шило, два кольца и остатки вѣнка изъ спиралей. Обнаружено также нѣсколько случаевъ погребенія въ могилѣ однихъ вещей безъ костяковъ, причемъ вещи, очевидно, подвергались преднамѣренной порчѣ; въ могилахъ онѣ, однако, помѣщались съ видимою заботливостію. Уже одинъ фактъ находенія такого рода погребеній въ различныхъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностяхъ Россіи (Гамбовъ, Рязань, Люцинъ, Вятка) показываетъ, что нѣкогда, несомнѣнно, существовалъ особый обрядъ погребенія однихъ вещей, но смыслъ такого погребенія остался скрытъ. Можетъ быть, данный случай является особымъ видомъ трупосожженія, когда трупъ покойнаго сжигался отдѣльно на кострѣ, гдѣ оставался и весь пепель отъ него, а вещи погребались отдѣльно въ могилѣ, но можно допустить и другое предположеніе, что принадлежавшія покойному вещи погребались однѣ въ томъ случаѣ, если трупъ его, по той или другой причинѣ, не могъ быть доставленъ въ руки родственниковъ.

Копья составляли, повидимому, самый употребительный предметъ вооруженія у народа, оставившаго Люцинскій могильникъ. Лучше другихъ сохранившимися найдены мужскіе костяки, и въ совершенно истлѣвшемъ состояніи — дѣтскіе. Сравнивъ черепа Люцинскаго могильника съ черепами латышей, ливовъ, литовцевъ и эстовъ, т. е. народностей, населявшихъ край въ болѣе позднее время, ученые высказываютъ мнѣніе, что они всего ближе подходятъ къ черепамъ ливовъ и эстовъ. Такимъ образомъ, Люцинскій могильникъ вводитъ историка въ кругъ древностей весьма любопытной, богатой и, сравнительно, законченной культуры, многочисленныя памятники которой разсѣяны, преимущественно, по правому теченію Западной Двины. По всей вѣроятности, эта культура представляетъ остатки давняго прошлаго народа ливовъ и, судя по монетамъ, найденнымъ въ нѣкоторыхъ аналогичныхъ могильникахъ, должна быть отнесена къ X вѣку.

Историческое общество. Въ годовомъ засѣданіи были подведены итоги дѣятельности общества въ 1894 году. Въ обществѣ числится 274 члена, въ приходѣ поступило 1.257 рублей, израсходовано 763 рублей. Издано подъ редакціей Н. И. Карѣева семь выпусковъ «Историческаго обозрѣнія». Восьмой томъ готовится къ печати. Засѣданіе закончилось рефератомъ А. И. Браудо: «Екатерина II и Н. И. Панинъ». Измѣряя отношенія Екатерины II и Н. И. Панина, референтъ старался выяснитъ, возможно ли дѣйствительно отрицать, какъ это недавно было сдѣлано, существованіе у Н. Панина приписываемыхъ ему обыкновенно стремленій ограничить власть императрицы. О такомъ стремленіи не можетъ, какъ указываютъ нѣкоторые, быть и рѣчи въ виду тѣхъ прекрасныхъ отношеній, которыя всегда существовали между императрицей и Панинымъ. Референтъ доказывалъ, что эти отношенія были хороши только внѣшнимъ образомъ; истинный же ихъ характеръ выясняется цѣлымъ рядомъ отзывовъ императрицы о Панинѣ, обращенныхъ къ третьимъ лицамъ. Зная о томъ, что Паничъ мечталъ до переворота 1762 г. о возведеніи на престолъ Павла Петровича, Екатерина никогда послѣ этого не любила его, но вынуждена была относиться къ нему хорошо, такъ какъ знала, какимъ сильнымъ вліяніемъ онъ пользовался на Павла, и въ теченіе всего своего царствованія не переставала опасаться какихъ либо движеній въ пользу Павла. Представленный Панинымъ Екатеринѣ, вскорѣ послѣ ея вступленія на престолъ, проектъ учрежденія совѣта и реформы сената дѣйствительно доказываетъ, если принять во вни-

маніе условія времени, стремленіе ограничить возможность произвола со стороны власти. Что касается вопроса о томъ, думалъ ли Панинъ предпринять какіе либо дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, то дошедшее до насъ въ запискахъ декабриста Фонвизина преданіе о томъ, что Панинъ мечталъ и объ аристократической конституціи, и дѣлалъ даже будто бы нѣкоторыя шаги къ ея осуществленію, не можетъ быть также безусловно отвергнуто въ виду того, что въ то время, къ которому это преданіе относится (1773—74), отношенія между Екатериной II и братьями Паниными были дѣйствительно очень нехороши. Безъ серьезной причины этого быть не могло. Кромѣ того, извѣстно, что подобныя же стремленія можно констатировать у нѣкоторыхъ изъ близко стоявшихъ къ Н. И. Панину лицъ, какъ, напр., у княгини Дашковой, которая, въ разговорахъ съ Дидро, мечтала о подобной же конституціи. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

Археологическое общество. Обществу собранію предшествовала панихида по покровителѣ общества Александрѣ III. Рѣчь помощника председателя была посвящена памяти Государя. Доложено о принесеніи въ даръ обществу новаго гроба великаго князя Георгія Михайловича: «Монеты царствованія императрицы Екатерины II. Томъ I». Князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ около Кіева французскимъ археологомъ барономъ де-Бей и обнаружившихъ славянское погребеніе, причемъ найдены византійскія монеты и скандинавскіе аграфы. Заявлено о принесеніи въ даръ обществу 68 монетъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Собраніе почтило память скончавшихся членовъ общества: Магарія, архіепископа довского и новочеркасскаго, автора «Описанія новгородскихъ древностей», П. О. Бурачкова, извѣстнаго одесскаго нумизмата, пожертвовавшаго свои богатяя колекціи въ московскій историческій музей, и Д. И. Прозоровскаго. Прочитанный А. К. Марковымъ очеркъ жизни и ученыхъ заслугъ Д. И. Прозоровскаго представилъ замѣчательныя черты этого выдающагося ученаго-самоучки, начавшаго свою карьеру въ 1835 г., пятнадцати лѣтъ отъ роду, поступленіемъ въ писцы министерства путей сообщенія; въ 1842 г. покойный Д. И. помѣстилъ въ «Маякѣ» свой романъ — «Чувство при разлукѣ», но затѣмъ продолжалъ печатать статьи въ томъ же «Маякѣ», «Москвитяинѣ» и другихъ изданіяхъ по историческимъ и филологическимъ вопросамъ, а въ 1854 г. выступилъ уже съ изслѣдованіемъ въ области метрологіи. Его «Древнія русскія мѣры жидкости», «Древніе русскіе вѣсы» и «Монеты и вѣсы въ Россіи до XVIII вѣка» составляютъ капитальный вкладъ въ науку въ области, гдѣ онъ являлся единственнымъ специалистомъ, не говоря о другихъ его археологическихъ трудахъ и професорской дѣятельности въ академіи художествъ и въ археологическомъ институтѣ, которую онъ прекратилъ лишь незадолго до своей смерти. И. Троицкій сдѣлалъ сообщеніе: «о двухъ древне-семитическихъ надписяхъ, найденныхъ при раскопкахъ въ Санджирли». Надписи, о которыхъ говорилъ докладчикъ, сохранились на двухъ громадныхъ статуяхъ, открытыхъ нѣмецкими учеными при раскопкахъ въ Сиріи въ мѣстечкѣ Санджерли, на развалинахъ древняго города Сомала, который, какъ выясняется изъ разбираемыхъ надписей, въ IX — VIII вѣкѣ до Рождества Христова былъ резиденціей царей семитическаго племени iadi. По соображеніямъ докладчика, изъ открытыхъ теперь эпиграфическихъ данныхъ точныхъ историческихъ свѣдѣній о семитическомъ племени iadi дается ключъ и нашимъ экзегетамъ къ истинному истолкованію того мѣста «Дѣяній Апостольскихъ» (кн. II, 9—12), гдѣ исчисляются народы, на языкахъ которыхъ стали славить Господа апостолы послѣ сошествія на нихъ святого Духа, а именно: паряне, мидяне, еламоты, жители Месопотаміи, Іудеи, Каппадокіи и т. д. Вполнѣ согласное съ географическимъ распрѣдѣленіемъ приводимое здѣсь исчисленіе народностей нарушается лишь помѣщеніемъ Іудеи между

Месопотаміей и Каппадокіей, т.-е. въ томъ мѣстѣ гдѣ жило племя іаді, вещественные памятники котораго теперь открыты и столь точно датированы. Докладчикъ, опираясь на обстоятельную критику всего, высказаннаго въ наукѣ объ открытыхъ въ Сенджерли памятникахъ, полагаетъ, что іудеи «Дѣяній Апостольскихъ» и есть открытое теперь племя іаді.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества за 1893 годъ. Въ дѣйствительные члены общества избрано 18 лицъ, въ почетные одно. Почетныхъ членовъ общества было 32, пожизненныхъ 9, дѣйствительныхъ 302. Состоялось два общихъ собранія. Въ торжественномъ собраніи прочитана рѣчь «Характеристика участливыхъ отношеній Россіи къ славянамъ отъ начала ихъ до нашего времени». Кромѣ того, сдѣлано сообщеніе объ открытіи въ Чешской Прагѣ Славянскаго музея. Въ другомъ собраніи сказана рѣчь «Янъ Колларъ, пѣвецъ славянской взаимности» по поводу столѣтія рожденія его, и назначено 200 р. ежегодно на выпускъ выдающихся книгъ по славяновѣдѣнію для усиленія бібліотеки общества. Въ засѣданіи совѣта обсуждались дѣла, подлежащія представленію на рѣшеніе общаго собранія, представленія дамскаго отдѣленія и обычные просьбы нуждающихся славянъ, преимущественно учащихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о пособіяхъ. Просьбъ о выдачѣ пособій было удовлетворено совѣтомъ на 2080 р. Пособія эти состояли главнымъ образомъ въ уплатѣ за право ученія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ выдачѣ небольшихъ суммъ на возвращеніе домой, на родину, преимущественно по случаю заболѣванія и т. д. При этомъ обыкновенно наводились справки, чтобы имѣть убѣжденіе въ извѣстной цѣлесообразности назначенія пособій. Иногда помощь со стороны общества являлась чрезвычайно кстати и давала возможность дѣйствительнаго поправленія дѣлъ или улучшенія обстоятельствъ... Сверхъ того, было оказано пособіе одному литературному предпріятію и сдѣлано пріобрѣтеніе значительнаго количества книгъ для славянскихъ земель, на что израсходовано всего 480 р. 42 к. Для бібліотеки общества выписывались въ отчетномъ году повременныя изданія: русскія, словацкія, чешскія-сербскія, словинскія, луницкія, болгарскія. Членамъ общества въ отчетномъ году были разосланы, кромѣ отчета, еще книги: «Разсвѣтъ», научно-литературный сборникъ по славяновѣдѣнію, составленный членомъ общества А. І. Степовичемъ, и рѣчь дѣйствительнаго члена И. И. Малышевскаго «Характеристика участливыхъ отношеній Россіи къ славянамъ отъ начала ихъ до нашего времени». Дамское отдѣленіе состояло изъ 1 пожизненнаго и 57 дѣйствительныхъ членовъ. Плодотворная вообще дѣятельность этого отдѣленія ознаменовалась устройствомъ благотворительнаго базара, отъ котораго поступило въ кассу общества чистаго дохода 1535 р. 95 к. Кромѣ того, отдѣленіе, заботясь о нуждахъ проживавшихъ въ Кіевѣ славянокъ, старалось имѣть постоянныя свѣдѣнія въ особенности о славянкахъ-воспитанницахъ Левашевскаго общезитія и приходило на помощь тѣмъ изъ нихъ, кто по окончаніи курса нуждался въ средствахъ для отъѣзда на родину, а также и во многихъ другихъ случаяхъ. Вопросъ о снабженіи славянскихъ церквей утварью и особенно приличными облаченіями для священнослужителей попрежнему составлялъ предметъ заботъ дамскаго отдѣленія, дѣятельность котораго и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, была одинаково плодотворна и цѣнна. Упроченіе нравственнаго вліянія и значенія въ широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія, безъ содѣйствія такого важнаго дѣятеля, какъ женщина, трудно достижимо. Дамское отдѣленіе переживало первый годъ втораго трехлѣтія своего существованія и продолжало обнаруживать ту же энергію, какою отмѣчено было и первое трехлѣтіе его жизни. Это заставляеть смѣло думать, что въ нашей женской интеллигенціи еще не ослабѣлъ интересъ къ славянской идеѣ, что, напротивъ, этотъ интересъ, ежели судить по четырехлѣтнему искусству, выдержалъ испыта-

ніе довольно удовлетворительно. Ревизионная комисія, свѣривъ книги съ оправдательными документами, нашла ихъ въ исправности и всѣ записи вѣрными. Остатокъ былъ въ 1893 году 20933 р. Но во всякомъ случаѣ желательнo увеличеніе числа членовъ общества и усиленіе его средствъ для того, чтобы оно могло болѣе развить свою дѣятельность и въ смыслѣ помощи славянамъ-учащимся, и даже въ смыслѣ расширенія ея въ сторону содѣйствія народному просвѣщенію на Руси путемъ ли устройства бесплатныхъ кирилло-меодіевскихъ читаленъ, чтеній для ознакомленія не только образованнаго общества, но и простого народа со славянами и т. п., или другимъ какимъ либо образомъ. Теперь же общество пока стѣснено даже въ своемъ прямомъ дѣлѣ — помощи учащимся славянамъ (въ отчетномъ году болѣе пользовались помощью Славянскаго общества болгаре (38 человекъ, т. е. 50%), за ними сербы и черногорцы, далѣе чехи, наконецъ, червоноруссы, словинцы и словаки) и поддержки разныхъ литературныхъ предпріятій, направленныхъ къ дѣлу единенія славянскихъ племенъ.

† 17-го января отъ разрыва сердца вице-директоръ таможеннаго департамента Михаилъ Николаевичъ Миллашевскій. Свои молодые годы, по окончаніи курса въ петербургской консерваторіи, онъ провелъ за границей. Живя въ Италіи, онъ занялся пѣніемъ и въ Неаполѣ руководилъ однимъ изъ выдающихся мѣстныхъ хоровъ. Здѣсь же онъ много поработалъ надъ развитіемъ своего художественнаго таланта, проявившагося въ нѣсколькихъ картинахъ, писанныхъ масляными красками и удостоившихся одобренія специалистовъ. Поселившись въ Мюнхенѣ, М. Н. редактировалъ журналъ «Уголовная лѣтопись» Самарина, гдѣ были напечатаны многія изъ его литературныхъ произведеній. Въ 60-хъ годахъ получилъ отъ Благосвѣтлова приглашеніе сотрудничать въ «Дѣлѣ». Онъ написалъ рядъ статей по политическому и внутреннему обозрѣнію, завѣдывалъ изданіями Гейрота и перевелъ «Комедію всемірной исторіи» Шерра — изданіе, обогатившее историческую переводную литературу. Поступивъ на службу въ таможенное вѣдомство, М. Н. принималъ участіе въ разработкѣ вопросовъ, касавшихся улучшенія таможеннаго дѣла и торговыхъ сношеній, особенно съ государствами Средней Азіи. Имъ изданъ «Таможенный уставъ». Командированный въ 1892 г. министерствомъ финансовъ въ Персію и сосѣднія съ нею государства, онъ обстоятельно изучилъ положеніе мѣстной торговли и промышленности, изслѣдовалъ подробно мѣстные рынки и собралъ цѣнный матеріалъ для комисіи, разрабатывающей въ настоящее время, при министерствѣ финансовъ, вопросъ о развитіи нашихъ торговыхъ сношеній съ азіатскими государствами.

† 23-го января отъ чахотки Николай Яковлевичъ Воскобойниковъ. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, онъ началъ службу въ провинціи чиновникомъ для порученій сначала при эстляндскомъ, потомъ при саратовскомъ губернаторѣ. Въ это время имъ была написана книга «Колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ». Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Н. Я. переѣхалъ въ Петербургъ и началъ работать въ журналѣ «Русская Старина». Въ 1880 г. поступилъ на службу по военному вѣдомству, въ главное управленіе казачьихъ войскъ, гдѣ оставался до 1891 г., а затѣмъ, по болѣзни, принужденъ былъ выйти въ отставку. Не оставляя литературныхъ занятій, Н. Я. въ послѣднее время работалъ въ «Тюремномъ Вѣстникѣ», гдѣ за 1893 и 1894 гг. напечатаны собранные имъ обширные «Матеріалы по исторіи призрѣнія бѣдныхъ и немощныхъ въ Россіи». Занимаясь вопросами о призрѣніи немощныхъ, Н. Я. Воскобойниковъ самъ умеръ въ бѣдности, въ Маріинской больницѣ.

† учитель 6-й С.-Петербургской гимназіи, преподаватель русскаго языка въ консерваторіи и коммерческомъ училищѣ, Петръ Григорьевичъ Васильевъ. Онъ составилъ хрестоматію, выдержавшую 6 изданій и справочную таблицу правописанія; написалъ пьесу для дѣтскаго театра «Сиротка» и нѣсколько

стихотвореній: «Осень» («Дѣтское чтеніе») и др. Будучи хорошимъ педагогомъ, онъ принималъ горячее участіе во многихъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ связь съ его дѣятельностью. Такъ, въ теченіе 17 лѣтъ онъ состоялъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ совѣта Фребелевскаго общества и въ теченіе 8 лѣтъ его дѣлопроизводителемъ; онъ былъ однимъ изъ учредителей общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ 6-й гимназіи. Въ эту свою дѣятельность онъ вносилъ присущія ему эвергію и усердіе. Благодаря своимъ качествамъ, П. Г. пользовался любовью учениковъ. Умеръ онъ на 49 году труженической жизни отъ кровоизліявія въ легкиихъ. Онъ оставилъ почти безъ всякихъ средствъ жену и двухъ сыновей.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ нашу статью объ указѣ 13 января, напечатанную въ февральской книжкѣ, вкралась ошибка, которую читатели, вѣроятно, сами уже мысленно исправили, но которую, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ оговорить. Новиковъ провелъ не 15, а 5 лѣтъ (точнѣе: 4 года 7 мѣсяцевъ) въ Шлиссельбургской крѣпости. Хотя онъ и былъ приговоренъ въ 1792 г. къ 15-лѣтнему заключенію, но императоръ Павелъ Петровичъ при вступленіи на престолъ его помиловалъ и возвратилъ ему свободу. Воспользоваться ею для продолженія своей полезнаго дѣятельности онъ, однако, уже не могъ. «Дряхлымъ, старымъ, согбеннымъ, въ изодранномъ тулупѣ» вернулся онъ въ свое Тихвинское. Обрушившаяся на него гроза лишила его матеріальныхъ средствъ: книжныя его лавки и склады, типографіи, имѣнія, были закрыты или конфискованы, и ему оставалось только въ бѣдности доживать свой вѣкъ. А Новиковъ представляетъ собою лишь одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ тяжело отражались въ прошломъ чисто-временныя вѣянія на судьбѣ даже наиболѣе заслуженныхъ нашихъ публицистовъ. Вотъ почему, какъ мы выяснили, указъ 13 января имѣетъ, между прочимъ, такое свѣтлое значеніе. Теперь матеріальное положеніе нашихъ публицистовъ до нѣкоторой степени освобождено отъ вліянія чисто-временныхъ вѣяній и поставлено подъ защиту «высшаго ученаго сословія въ имперіи». Мы пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ отъ души пожелать нашей академіи наукъ успѣха на открытомъ ей высочайшею волею плодотворномъ поприщѣ, и увѣрены, что, помня прошлое, она въ своей дѣятельности будетъ руководствоваться тѣмъ высшимъ безпристрастіемъ, которое должно воодушевлять людей, всецѣло преданныхъ интересамъ науки, просвѣщенія и широко понятаго народнаго блага.

«Я очень хорошо помню, что впервые ты поразила меня своимъ самостоятельнымъ мышленіемъ въ св. Софіи, гдѣ мы присутствовали на церковной службѣ. Всюду вокругъ алтаря блестяли золото и драгоценныя камни, распространяя вокругъ лучезарный свѣтъ. Тогда ты спросила меня: «а что Христосъ и его ученики совершали службу въ такомъ же храмѣ и въ такой же богатой одеждѣ?» Я боялся, чтобы кто нибудь не услышалъ твоихъ словъ, и просилъ тебя внимательно на все смотрѣть и внимательно все слушать, а вопросы оставить на то время, когда мы будемъ въ нашей мирной обители.

«Не успѣли мы вернуться домой, какъ ты повторила свой вопросъ, и я не скрылъ отъ тебя истины. Я сказалъ тебѣ, что Іисусъ Христосъ жилъ просто, одѣвался бѣдно, проповѣдывалъ не въ храмахъ, а на берегу Галилейскаго моря, молился въ Геосиманскомъ саду, и не хотѣлъ принимать ни денегъ, ни почестей. На это ты спросила: кто же ввелъ всѣ эти обряды? Я отвѣчалъ тебѣ также правдиво, что до смерти Іисуса Христа не было церкви, а когда втеченіе двухъ сотъ лѣтъ многіе государи, правители и сильные міра сего обратились въ вѣру Христову, то взяли ее подъ свое покровительство, придали Христовой вѣрѣ не свойственные ей блескъ и великолѣпіе.

«О, съ какимъ счастіемъ я вспоминаю о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, когда я училъ тебя истинной Христовой вѣрѣ, безъ всякихъ позднѣйшихъ наслоеній.

«Какъ теперь ты мыслишь, дочь моя? Попржежнему ли ты исповѣдуешь первобытную Христову вѣру? Не бойся откровенно высказаться объ этомъ Сергію: онъ воспитанъ въ тѣхъ же принципахъ.

«Ну, теперь пора окончить мое посланіе. Пришли мнѣ отвѣтъ съ Сергіемъ, который, повидавъ Константинополь, вернется ко мнѣ, если, конечно, Господу Богу такъ будетъ угодно.

«Не забывай меня въ своихъ молитвахъ.

«Да будетъ благословеніе Божіе съ тобою.

«Иларіонъ...»

Княжна Ирина дважды прочла эти строки, и когда она во второй разъ дошла до того мѣста, гдѣ говорилось о первобытной Христовой вѣрѣ, то подумала:

— Сѣмена, брошенные отцомъ Иларіономъ, принесли такой плодъ, какого онъ даже не ожидалъ. Если бы онъ зналъ, что за исповѣдываніе этой первобытной Христовой вѣры меня считаютъ еретичкой и греки, и латины, что только мой женскій полъ спасаетъ меня отъ казни. Еслибъ онъ только зналъ все это, да еще и то, что я всегда хожу съ открытымъ лицомъ, то прислалъ ли бы онъ свое благословеніе? Онъ, конечно, никогда не воображалъ,

храня про себя свои убѣжденія и въ тайнѣ передавая ихъ своей ученицѣ, заключенной въ монастырѣ, что эта ученица станетъ съ мужествомъ сильнаго пола возставать противъ того безумія, которымъ вѣетъ теперь отъ христіанскаго міра. О, отчего я не мужчина!

Сложивъ посланіе, она встала и вернулась къ своему гостю, который при видѣ ея поднялся со своего мѣста.

— Небо услышало меня,—подумала она, взглянувъ на молодого монаха,—если я не могу сдѣлаться женщиной, то мнѣ на помощь посланъ этотъ юноша. Онъ будетъ въ состояніи всюду проповѣдывать истинную вѣру. Дѣйствительно Господь Богъ—пастырь насъ обоихъ.

Она подошла къ нему и, взявъ его за руку, сказала:

— Ты мнѣ не чужой, Сергій, но братъ. Отецъ Иларіонъ мнѣ все объяснилъ въ своемъ посланіи.

Монахъ поцѣловалъ ея руку и отвѣтилъ:

— Прости, княжна, мнѣ мою смѣлость, но я зналъ, что отецъ Иларіонъ благосклонно отзовется обо мнѣ, и къ тому же я былъ голоденъ.

— Теперь мое дѣло, чтобы этого болѣе никогда не случилось. Такова воля пастыря. Но, какъ сестра, я должна сказать тебѣ, Сергій, что твоя одежда очень странная; въ ней можно было ходить на Бѣломъ озерѣ, но здѣсь тебя поднимутъ на смѣхъ, а это не достойно той роли, которую я тебѣ предназначаю. Ты замѣчаешь, что я уже беру повелительный тонъ въ отношеніи тебя?

Юноша весело засмѣялся.

— Пойди теперь съ Лизандромъ въ твою комнату и отдохни нѣсколько часовъ, потомъ мы съ тобой поѣдемъ на лодкѣ къ патриарху, но тогда ты надѣнешь черную рясу, башмаки вмѣсто сандалій и клобукъ вмѣсто твоей странной шапки.

Сергій послѣдовалъ за Лизандромъ, какъ послушный ребенокъ.

VI.

Что говорятъ звѣзды.

Ровно въ полночь Сіама разбудилъ князя Индіи, и онъ тотчасъ поднялся на крышу, гдѣ были приготовлены для него кресло, столъ, лампа, песочные часы и письменныя принадлежности.

У его ногъ Константинополь покоился безмятежнымъ сномъ. Нигдѣ, даже во дворцахъ не видно было ни малѣйшаго свѣта. Чрезвычайно довольный тѣмъ, что всѣ добрые и злые покоились сномъ праведника, старый мистикъ обратилъ свои взоры на небо и такъ долго, пристально смотрѣлъ на ярко блестящія планеты, что совершенно ясно было, чѣмъ онъ хотѣлъ заняться въ ночные часы.

Черезъ нѣсколько времени онъ, по обычаю астрологовъ, раздѣлилъ небосклонъ на двѣнадцать кварталовъ и нанесъ ихъ на бумагу, потомъ онъ перевернулъ песочные часы и началъ изображать въ кварталахъ діаграммы, мистическіе символы видимыхъ планетъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ тогда находились, принимая въ соображеніе параллели и градусы. Когда эта работа была окончена, онъ провѣрилъ ея точность еще болѣе пристальнымъ обзорѣніемъ, простиравшагося надъ нимъ, небснаго пространства и спокойно сталъ слѣдить за движеніемъ планетъ.

По временамъ, онъ перевертывалъ песочные часы и чертилъ на новыхъ діаграммахъ измѣненія въ относительномъ положеніи наблюдаемыхъ имъ свѣтилъ. Въ этой работѣ прошла вся ночь, и когда солнце поднялось надъ высотами Скутари, онъ собралъ свои чертежи, погасилъ лампу и ушелъ въ свой кабинетъ, но не для отдыха.

Какъ только стало достаточно свѣтло, чтобы заниматься, онъ принялся за математическія выкладки. Часы шли за часами, а онъ продолжалъ сидѣть надъ своими цифрами. Когда Сіама позвалъ его къ завтраку, то онъ машинально пошелъ въ другую комнату, подкрѣпилъ свои силы скромной трапезой и, поспѣшно вернувшись, снова принялся за свой трудъ.

Около полудня его занятія были прерваны дѣтскимъ голосомъ:
— Отецъ!

Узнавъ голосъ, онъ отстранилъ отъ себя свою работу и отвѣчалъ съ улыбкой:

— Ахъ ты, врагъ всякаго труда, зачѣмъ ты мѣшаешь мнѣ кончить заданный себѣ урокъ, чтобы потомъ на свободѣ показаться съ тобою въ лодкѣ? Отвѣчай, моя Гуль-Бахаръ, хорошѣющая съ каждымъ днемъ, красавица.

Молодая дѣвушка очень выросла и много измѣнилась втеченіе двухъ лѣтъ, протекшихъ со времени усыновленія ея княземъ Индіи. Теперь ей было шестнадцать лѣтъ, и она была настоящей еврейкой по фигурѣ, глазамъ, волосамъ и цвѣту лица. Ея смуглыя щеки сіяли свѣжестью, алыя губы свидѣтельствовали объ ея здоровьѣ, а постоянно игравшая на нихъ улыбка доказывала, что она была счастлива въ настоящемъ, не видала горя въ прошедшемъ и смотрѣла съ надеждой на будущее. Ея красота дышала умомъ, а ея манеры обнаруживали сердечную доброту и значительную культуру. Она легко и почти въ одну минуту переходила отъ веселаго смѣха къ серьезной думѣ и во всѣхъ отношеніяхъ была прелестнымъ, обворожительнымъ существомъ.

Одѣта она была по византійской модѣ. Проходя по улицѣ изъ отцовскаго дома, она набросила на свое лице покрывало, но въ дверяхъ комнаты, она сбросила его на плечи. вмѣстѣ съ этимъ она скинула, быстрымъ движеніемъ ногъ, высокія деревянные санда-

ліи, которыя до сихъ поръ носятъ женщины на Левантѣ, чтобы предохранить себя отъ грязи и пыли на улицахъ. Чувствуя себя, какъ дома, она подошла къ столу и, обнявъ одной рукой старика, отвѣчала:

— Какой ты льстецъ! Точно я не знаю, что красота зависитъ отъ того, кто ею любитъ, и что не всѣ одинаковаго мнѣнія. Скажи, отчего ты самъ работаешь, а не послалъ за мной? Развѣ ты даромъ научилъ меня математикѣ и довелъ меня до того, что самъ считалъ достойной занять катедру въ лучшихъ александрійскихъ школахъ. Не качай головой, а то...

Но тутъ ея глаза остановились на одной изъ діаграммъ, лежащихъ на столѣ, и, схвативъ ее, она воскликнула:

— Я такъ и думала, что ты этимъ занимаешься. Я всего болѣе люблю эту работу. Чей ты составляешь гороскопъ? Я знаю, что не мой, потому что я родилась въ тотъ счастливый годъ, когда первенствовала Венера. Ея добрый геній Анаэль простеръ надо мною свои крылья, чтобы предохранить меня отъ холоднаго, свѣгомъ покрытаго, Сатурна, котораго на твоей діаграммѣ я съ удовольствіемъ вижу въ седьмомъ кварталѣ, то-есть въ кварталѣ горя. Что же ты не говоришь, чей это гороскопъ?

— Нѣтъ, милый, своенравный ребенокъ. Ты всегда умѣешь вывѣдать у меня всѣ мои тайны, но на этотъ разъ я не отвѣчу тебѣ на твой вопросъ. Есть вещи, а которыхъ тебѣ рано знать.

— А когда нибудь ты мнѣ скажешь?

— Да.

— Такъ я буду терпѣливо ждать.

Молодая дѣвушка задумалась, положила на столъ діаграмму и стала смотрѣть въ окно. Но черезъ нѣсколько минутъ она снова вернулась къ старику и, вторично обнявъ его, сказала:

— Я пришла сюда не для того, чтобы помѣшать твоей работѣ, а чтобы узнать двѣ вещи и потомъ уйти.

— Ты говоришь, какъ ученый риторикъ. Объясни, въ чемъ дѣло.

— Во-первыхъ, Сиамъ сказалъ мнѣ, что ты очень серьезно занятъ, и я хотѣла узнать, не могу ли тебѣ помочь.

— Добрая душа!—промолвилъ нѣжно князь Индіи.

— Во-вторыхъ, я хотѣла напомнить тебѣ, что мы должны послѣ полудня кататься на Босфорѣ и, можетъ быть, добраться до моря.

— А тебѣ очень хочется этой прогулки?

— Она снилась мнѣ всю ночь.

— Такъ мы непременно поѣдемъ. А въ доказательство того, что я не забылъ объ этомъ, могу сказать тебѣ, что лодочники получили уже приказаніи ожидать насъ послѣ полудня.

— Такъ я едва успѣю одѣться!—воскликнула Гуль-Бахаръ со смѣхомъ. — потому что я хочу одѣться также роскошно, какъ

императрица. День прекрасный, много будетъ катающихся, и меня всѣ знаютъ, какъ дочь князя Индіи.

— Ты достойна быть дочерью императора, — отвѣчалъ старикъ съ гордостью.

— Однако, мнѣ пора идти одѣваться.

Она поцѣловала князя и поспѣшно пошла къ дверямъ, но на порогѣ остановилась и вернулась назадъ:

— Еще одно слово, отецъ.

— Что такое? — спросилъ старикъ, который уже принялся за свою работу.

— Ты говорилъ, добрый отецъ, чтобы послѣ серьезныхъ занятій я всегда дышала чистымъ воздухомъ. Поэтому я каждый день приказываю отнести себя въ паланкинѣ на берегъ, противъ Буколеона. Тамъ открывается удивительный видъ на море, а подъ ногами разстилаются дворцовые сады. Иногда я выхожу изъ паланкина и гуляю въ сопровожденіи Сіамы или Нило. Но при этомъ я избѣгаю какъ старыхъ, такъ и новыхъ знакомыхъ. Всѣ, кого я встрѣчаю, уважаютъ мою любовь къ одиночеству. Но въ послѣднее время одинъ юноша всюду слѣдуетъ за мной, останавливается, когда я останавливаюсь, и даже настойчиво вступаетъ со мною въ разговоръ. Чтобы избѣгнуть его, я вчера отправилась въ ипподромъ, но въ самый интересный моментъ представленія этотъ юноша пришелъ и сѣлъ на одну скамейку со мной. Я тотчасъ встала. Это очень непріятно, что мнѣ дѣлать, отецъ?

Вмѣсто отвѣта князь Индіи спросилъ:

— Ты говоришь, что онъ молодъ?

— Да.

— А какъ онъ одѣтъ?

— Очень пестро.

— Ты узнавала, кто онъ?

— Нѣтъ. Мнѣ не у кого узнать.

Старикъ задумался. Какъ было ему предохранить Лаэль отъ оскорбленія? Жаловаться судьѣ онъ не хотѣлъ, не рассчитывая, какъ чужестранецъ, на правосудіе мѣстныхъ властей. Не лучше ли ему было поручить Нило охранять молодую дѣвушку? Наконецъ онъ подумалъ, что не слѣдовало придавать слишкомъ большого значенія этому обстоятельству, и рѣшилъ послать ее на слѣдующую прогулку съ ея отцемъ Уэлемъ, который, могъ бы разузнать, что это за юноша преслѣдуетъ ее.

— Здѣшніе молодые люди очень легкомысленны, — сказалъ онъ спокойно: — и часто позволяютъ себѣ самыя глупыя выходки. Лучшаго трудно и ожидать отъ поколѣнія, которое думаетъ только о нарядахъ и забавахъ. Къ тому же, можетъ быть, твой преслѣдователь не знаетъ, кто ты такая, и одного слова предостереженія будетъ достаточно, чтобы научить его вѣжливости. Что же касается

до тебя, то ты не обращай на него никакого вниманія. Это лучшая защита порядочной женщины отъ невѣжливыхъ выходовъ и даже оскорбленій. А теперь, моя милая Гуль-Бахаръ, иди одѣваться, да смотри, нарядись какъ можно лучше и надѣнь всѣ твои драгоценности. Конечно, мы отправимся на пристань въ паланкинахъ.

Когда молодая дѣвушка исчезла за дверью, онъ вернулся къ своей работѣ.

VII.

Встрѣча князя Индіи съ императоромъ Константиномъ.

Въ тотъ день, когда князю Индіи вздумалась покататься по Босфору со своей пріемной дочерью, этотъ проливъ отдѣлялъ владѣнія греческаго императора отъ владѣній турецкаго султана.

Въ 1355 году нѣкогда громадная Восточно-Римская имперія ограничивалась уголкомъ Фракіи, между Пропонтидой и Чернымъ моремъ, имѣвшимъ 50 миль въ длину и 30 въ ширину. Когда же Константинъ IX вошелъ на престолъ, то его царство было еще меньше. Галата противъ Золотого Рога сдѣлалась генуезской твердойней, а Скутари, на азиатскомъ берегу, почти противъ Константинополя, былъ занятъ турецкимъ гарнизономъ.

Однажды султанъ уже осаждалъ Константинополь, но былъ обращенъ въ бѣгство, по словамъ легенды, появленіемъ Богородицы на стѣнахъ города и личнымъ участіемъ ея въ бою. Поэтому онъ удовольствовался тѣмъ, что обложилъ данью императоровъ Мануила и Иоанна Палеолога.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ мирнымъ дружескимъ отношеніямъ, между христіанскими и мусульманскими государями, княжна Ирина могла спокойно жить въ своемъ дворцѣ въ Терапіи, а князь Индіи—предпринимать прогулку по Босфору.

Однако, суда подъ христіанскимъ флагомъ рѣдко приставали къ азиатскому берегу. Ихъ шкипера предпочитали бросать якорь въ бухтахъ, лежащихъ у подножія гористаго европейскаго берега. Это дѣлалось не изъ пламенной ненависти, или религіозной нетерпимости, а по сомнѣнію въ честности воинственныхъ турокъ, о безсовѣстныхъ продѣлкахъ которыхъ ходили многочисленные рассказы. На базарахъ рыбаки передавали ужасныя исторіи о насилиі и грабежѣ, а по временамъ гонцы являлись въ Константинополь съ извѣстіемъ, что мусульманскія арміи двигаются со всѣхъ сторонъ, при звукахъ трубъ и барабановъ, но съ неизвѣстной цѣлью.

Мусульмане, съ своей стороны, относились также подозрительно къ христіанамъ и просто объясняли взводимыя на нихъ объясненія, именно, по ихъ словамъ, грабежъ и насилие производили разбойники, исключительно греки, а двигавшіяся войска были мѣстные отряды милиціи, собиравшіеся на смотры.

Въ шести, или семи миляхъ отъ Скутари маленькая рѣчка, весело спускающаяся съ горъ, впадаетъ въ тихій Босфоръ, почти не имѣющій теченія. Вода въ этой рѣчкѣ чистая, прозрачная, и называется она Азіатскія Сладкія Воды. На южной ея сторонѣ простирается узкая, зеленая поляна, мѣстами усаженная старыми, полусгнившими сикоморами. Въ настоящее время это любимое мѣсто прогулокъ для обитательницъ гаремовъ по праздникамъ, и, вѣроятно, эта мѣстность имѣла тотъ же привлекательный характеръ для жительницъ Константинополя во времена, предшествовавшія той знаменитой ночи, когда Мурадъ I со своей арміей, по дорогѣ въ Царьградъ, стоялъ тутъ бивакомъ. Но съ тѣхъ поръ греки, и не безъ основанія, питали къ ней отвращеніе.

На сѣверной сторонѣ рѣчки находилась тогда крѣпость, носившая названіе Бѣлаго замка. Это была неправильная, многоугольная каменная масса бѣлаго цвѣта съ многочисленными амбурадами для пушекъ. Въ виду ея военнаго значенія султанъ поставилъ въ ней гарнизонъ и далъ ей турецкое названіе Ассе-Хозаръ.

Красное знамя, развѣвавшееся на этомъ замкѣ, сильно огорчало всѣхъ грековъ и, проходя или проѣзжая мимо Азіатскихъ Сладкихъ Водъ, они крестились и шептали про себя молитву. Согласно народнымъ преданіямъ, въ казематахъ замка умерло много христіанъ, и всякій, попавшій туда, уже болѣе никогда не видѣлъ свѣта Божьяго.

Но князь Индіи не обращалъ никакого вниманія ни на легенды, ни на страхъ, внушаемый турками. Онъ ничего и никого не боялся, а такъ какъ Лаель желала покататься по Босфору, то онъ исполнилъ бы ея капризъ, если бы по всему азіатскому берегу развѣвались красные флаги, а не только на одномъ Бѣломъ замкѣ.

Поэтому вскорѣ послѣ полудня въ его домъ принесли два паланкина, которые до сихъ поръ составляютъ любимое средство передвиженія константинопольскихъ дамъ. Внутри эти паланкины были обиты шелкомъ и кружевами, а снаружи покрыты филенками изъ различныхъ цвѣтныхъ деревъ, съ перламутровыми инкрустаціями. Входили въ него въ дверь спереди, а оконъ было три: одно большое впереди и два по сторонамъ. Въ случаѣ желанія скрыться отъ взглядовъ прохожихъ можно было опустить занавѣски.

Какъ только внесли паланкины въ сѣни, князь Индіи и Лаель спустились съ лѣстницы. На молодой дѣвушкѣ былъ очень богатый полугреческій костюмъ, съ золотыми вышивками; на рукахъ у нея блестѣли золотые браслеты, на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ жемчуговъ, а на головѣ маленькая коронка съ драгоценными камнями, такъ ярко блестѣвшими, что издали она казалась лучезарной радугой.

Когда старикъ и Лаель усѣлись на свои мѣста, то паланкины были подняты четырьмя рослыми, здоровыми носильщиками въ

бѣлыхъ одеждахъ, и по знаку князя процессія двинулась по улицамъ, среди глазѣвшей на нее съ удивленіемъ толпы.

Впереди, на разстояніи десяти шаговъ отъ паланкина Лаели шелъ Нило, обнаженный до пояса; вся одежда на немъ заключалась въ бѣлой короткой юбкѣ, опускавшейся до колѣнъ, и въ красной мантии, висѣвшей на его плечахъ. Большое серебряное кольцо было продернуто у него въ носу, на головѣ красовался обручъ, съ серебряными монетами, на шеѣ—ожерелье изъ тигровыхъ клыковъ и когтей, на рукахъ и ногахъ—браслеты изъ слоновой кости. Его тяжелыя сандалія были украшены мелкими раковинами. На лѣвой рукѣ онъ держалъ круглый щитъ, обтянутый кожей носорога, а въ правой—копье. Возвышаясь цѣлой головой надъ толпою, величественный негръ возбуждалъ всеобщій восторгъ.

Князь Индіи, съ презрительной гордостью смотрѣлъ на удивленные взгляды, бросаемыя на эту процессію многочисленными зѣваками, и бормоталъ про себя:

— Вотъ, если бы теперь я могъ встрѣтить императора.

Хотя онъ явился въ Византію съ цѣлью сдѣлать попытку привлечь Константина на сторону своего излюбленнаго плана о сліяніи всѣхъ религій, но считалъ болѣе полезнымъ для его осуществленія, чтобы первый шагъ къ ихъ знакомству сдѣлалъ самъ императоръ, поэтому онъ не просилъ аудіенціи, а ждалъ случайной встрѣчи съ нимъ.

Чтобы достигнуть набережной, у которой ждала лодка, надо было подняться въ гору, возвышавшуюся за домомъ князя Индіи. Но не успѣла процессія сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ старикъ увидалъ въ переднее окно своего паланкина, что какой-то чело-вѣкъ подошелъ къ паланкину Лаели и заглянулъ въ него.

— Это нахаль, преслѣдующій Лаель!—воскликнулъ онъ и громко скомандовалъ:—стой!

Какъ только раздался его голосъ, чело-вѣкъ, обратившій на себя его вниманіе, бросилъ на него поспѣшный взглядъ и исчезъ въ окружающей толпѣ. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, нарядно одѣтъ и, безъ всякаго сомнѣнія, представлялъ ту личность, на которую жаловалась Лаель. Хотя и оскорбленный его дерзостью, князь Индіи не могъ не признать въ незнакомцѣ благороднаго происхожденія и потому тотчасъ взглянулъ на дѣло съ совершенно иной точки зрѣнія.

— Это все пустяки, — подумалъ онъ со смѣхомъ: — мальчишка влюбился и строить изъ себя дурака. Надо только принять мѣры, чтобы моя хорошенькая Гуль-Бахаръ не отвѣчала взаимностью на его безумную страсть.

Между тѣмъ паланкины повернули въ улицу, съ одной стороны которой тянулись лавки и красивые дома, а съ другой — стѣна гавани. Толпа, слѣдовавшая за ними, все болѣе и болѣе увеличивалась, и въ ней слышались восклицанія:

- Кто эта красавица?
- Дочь князя Индіи.
- А кто этотъ князь?
- Спроси людей знающихъ.

Безъ всякихъ приключеній процессія миновала ворота св. Петра и уже приближалась къ Блахернскимъ воротамъ, какъ неожиданно послышались звуки трубъ, и показалась другая процессія, двигавшаяся навстрѣчу.

- Императоръ, императоръ!...—воскликнулъ кто-то.
- Да здравствуетъ добрый Константинъ!—произнесъ другой голосъ.

Но въ ту же минуту послышались гнѣвные восклицанія:

- Аземить! Аземить! Долой измѣнника Христова!

Толпа раздѣлилась на два лагеря, готовые разорвать другъ друга на части. Князь Индіи выскочилъ изъ своего паланкина и поспѣшилъ къ дочери, которая, поблѣднѣвъ, дрожала отъ страха.

Музыканты, шедшіе во главѣ императорской процессіи, разступились при видѣ толпы, а изъ-за нихъ выѣхалъ отрядъ тѣлохранителей, офицеръ которыхъ громко воскликнулъ:

- Дайте дорогу императору!...

При видѣ солдатъ толпа обратилась въ бѣгство, хотя и продолжала оглашать воздухъ криками!

- Аземить!... Аземить!...

Отрядъ тѣлохранителей двинулся далѣе, не обращая вниманія на паланкины, а князь Индіи успокоилъ Лаель словами:

- Не тревожься. Каждый день римская и греческая партія воюють другъ съ другомъ; но тутъ болѣе кричатъ, чѣмъ наносятъ удары.

Не успѣлъ старикъ окончить этой фразы, какъ онъ жадно устремилъ глаза на приближавшуюся фигуру. Это былъ Константинъ, встрѣчи съ которымъ онъ такъ давно желалъ.

Византійскій императоръ сидѣлъ на открытомъ креслѣ, которое несли на плечахъ восемь носильщиковъ въ блестящихъ ливреяхъ. Онъ былъ красивый человѣкъ, сорока шести лѣтъ, хотя ему на взглядъ казалось не болѣе тридцати восьми. Одѣтъ онъ былъ, какъ подобало его высокому сану: на головѣ у него была красная бархатная шапка, съ золотымъ вѣнчикомъ, украшеннымъ двумя крупными рубинами и четырьмя нитями жемчуговъ, которыя опускались съ обѣихъ сторонъ на плечи. Вся его фигура, отъ шеи до ногъ, была покрыта широкой одеждой, перехваченной поясомъ, а поверхъ была накинута мантия, вышитая жемчугами. На ногахъ виднѣлись красные кожаные сапоги, также богато вышитые. Въмѣсто меча онъ держалъ въ рукѣ простое распятіе изъ слоновой кости. Видя императора въ такомъ нарядѣ, всѣ, смотрѣвшіе на него изъ дверей и оконъ, знали, что онъ отправлялся въ св. Софію для какой либо церковной службы.

Его добрые черные глаза остановились съ любопытствомъ прежде на Нило, а потомъ на Лаели и князѣ Индіи. Послѣдній былъ очень радъ, что обратилъ на себя вниманіе Константина, и приказалъ своимъ носильщикамъ дать ему дорогу. Но императоръ не воспользовался этой любезностью, а остановившись, послалъ къ знатному незнакомцу одного изъ придворныхъ, носившаго титулъ аколита.

— Его императорское величество,—сказалъ аколиту, подойдя къ князю:—желалъ бы знать имя и званіе чужестранца, прогулкѣ котораго онъ, по несчастью, помѣшалъ.

— Передайте его величеству,—отвѣчалъ старикъ:—что я князь Индіи, нынѣ живущій въ этой старинной царственной резиденціи; передайте ему также, что я очень радъ случаю поклониться ему съ тѣмъ почтительнымъ уваженіемъ, котораго онъ достоинъ своими высокими качествами и первенствующимъ положеніемъ среди правителей земли.

Съ этими словами князь сдѣлалъ два шага впередъ и, обращаясь къ императору, преклонился передъ нимъ, дотрогиваясь руками до земли и потомъ поднося ихъ ко лбу.

Константинъ отвѣчалъ на это поклономъ, а узнавъ о привѣтствіи чужестранца, тотчасъ далъ ему отвѣтъ чрезъ того же аколита.

— Его императорское величество,—сказалъ послѣдній:—очень радъ встрѣчѣ съ княземъ Индіи. Онъ не зналъ о присутствіи въ его столицѣ такого знатнаго гостя и просить увѣдомить его о жителствѣ его благороднаго друга, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность загладить причиненную ему сегодня совершенно случайную непріятность.

Князь сказалъ свой адресъ, и тѣмъ окончилось его первое свиданіе съ императоромъ. Оно произвело тѣмъ болѣе пріятное на него впечатлѣніе, что на основаніи словъ императора онъ могъ рассчитывать на скорое приглашеніе во дворецъ.

Что касается Константина, то онъ обратилъ большее вниманіе на Лаель, чѣмъ на князя Индіи, и когда императорская процессія двинулась въ путь, то онъ, подозвавъ аколита, сказалъ ему:

— А ты замѣтилъ молодую дѣвушку въ паланкинѣ?

— Да, и коронка на ея головѣ ясно доказываетъ, что князь Индіи чрезвычайно богатъ.

— Всѣ князья Индіи, говорятъ, очень богаты, а потому я обратилъ вниманіе не на ея драгоцѣнности, а на ея красоту. Она напоминаетъ Богородицу на панагіи въ церкви Блахернскаго дворца.

VIII.

На перегонку съ бурей.

Всякій, кто видалъ лодки, въ которыхъ рыбаки плаваютъ по тихимъ водамъ Босфора, не будетъ нуждаться въ описаніи той лодки, въ которую сѣли князь Индіи и Лаель у большихъ Блахернскихъ воротъ. Ему только придется сказать, что она была выкрашена не въ черный, а въ бѣлый цвѣтъ, съ золоченымъ бортомъ. А читателю, не бывавшему въ Константинополѣ, надо себѣ представить длинную, узкую лодку, съ изогнутымъ носомъ и кормой, столь же красивую и граціозную на видъ, сколь и быструю на ходу. На кормѣ было открытое бархатное сидѣнье для двоихъ, а за нимъ небольшое крытое пространство для рулевого. Вся остальная часть была занята десятью гребцами, изъ которыхъ каждый работалъ двумя веслами. Одѣты они были въ бѣлыхъ рубашкахъ и шароварахъ, красныхъ, вышитыхъ желтымъ шелкомъ, курткахъ и бѣлыхъ платкахъ на головѣ. Какъ только князь Индіи и Лаель заняли свои мѣста, а къ рулю всталъ Нило, то весла весело опустились въ воду, и лодка полетѣла.

Впереди на сѣверномъ берегу знаменитой бухты поднимались высоты Перы. Но ея овраги и зеленныя террасы, на которыхъ кое-гдѣ были раскинуты сады, не возбуждали интереса въ князѣ, и онъ, опустивъ глаза въ воду, думалъ о только что встрѣтившемся императорѣ и о составленномъ имъ наканунѣ гороскопѣ.

День былъ прекрасный. Легкая зыбъ бороздила поверхность воды. Бѣловатая лѣтняя облака лѣниво двигались съ юго-запада. Лодка быстро летѣла мимо воротъ св. Петра, обогнула Галатскій мысъ, оставила за собой гавань рыбнаго рынка и вдоль сѣвернаго берега шла подъ тѣнью большой круглой башни, столь высоко поднимавшейся, что она казалась частью неба. За Тофанэ уже открывался Босфоръ съ Скутари направо и Серальскимъ мысомъ позади.

Если смотрѣть съ морской гавани, этотъ старый, историческій мысъ производитъ такое впечатлѣніе, словно Азія въ давно прошедшія времена бросила его въ волны, въ порывѣ гнѣва. Издавна онъ служилъ любимымъ мѣстомъ для игры человѣческой страсти, ненависти, ревности и самолюбія.

Долго не могъ князь Индіи отвести глазъ отъ Св. Софіи, удивительный куполь которой не былъ обезображенъ тогда минаретами; но наконецъ онъ сталъ рассказывать Лаели легенды о Серальскомъ мысѣ.

Миновавъ то мѣсто, гдѣ теперь возвышается дворецъ Долма-Бахча, онъ углубился въ разговоръ объ Евфросиніи, дочери импе-

ратрицы Ирины, и видя интересъ, возбужденный въ Лаели этой исторіей, онъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ сѣверная часть неба, дотолѣ ясная и голубая, стала покрываться бѣловатой дымкой.

Чтобы избѣгнуть быстрого теченія у Кандилійскаго мыса, гребцы перебрались къ азіатскому берегу. Тутъ сновало много лодокъ, но простыхъ, скромныхъ, такъ что лодка князя Индіи обращала на себя общее вниманіе.

Князь между тѣмъ достигъ самаго интереснаго мѣста въ своей исторіи и рассказывалъ, какъ жестокій императоръ Михаилъ хотѣлъ обманомъ жениться на невинной, безпомощной Евфросиніи, когда неожиданно Нило дотронулся до его руки. Онъ оглянулся. Цѣлый флотъ маленькихъ лодокъ несся имъ навстрѣчу, а надъ водой крутились чайки. Онъ посмотрѣлъ на небо и тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но прежде чѣмъ онъ произнесъ хоть одно слово, Лаель начала жаловаться на холодъ, и Нило накинулъ ей на плечи свою красную мантию.

— Поднимается буря,—сказалъ князь, обращаясь къ гребцамъ, которые прежде поглядѣли на небо, а потомъ отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Буря близка, но что намъ дѣлать, про то знаетъ нашъ господинъ.

Дѣйствительно погода неожиданно измѣнилась. Черныя тучи быстро поднимались съ горизонта; поверхность воды, все еще гладкая, почернѣла, а вѣтеръ поднялся такой сильный, что рвалъ паруса на судахъ, которыя спѣшили бросить якоря. Ясно было, что буря надвигалась, и слѣдовало искать убѣжища. Передъ ними тянулся азіатскій берегъ до Бѣлаго замка, страшилища христіанъ, и въ немъ князь Индіи рѣшилъ скрыться отъ непогоды; если же начальникъ крѣпости отказался бы пріютить его, то подлѣ протекала маленькая рѣчка, извѣстная подъ названіемъ Азіатскихъ Сладкихъ Водъ, и она могла представить вѣрное убѣжище отъ вѣтра и волнъ. Поэтому онъ громко воскликнулъ:

— Гребите дружище, и если достигнете Бѣлаго замка до бури, то получите двойную плату!

— Достичь-то можно,—отвѣчалъ одинъ изъ гребцовъ:—но...

— Но что?—спросилъ князь.

— Тамъ обитаетъ дьяволъ. Многіе христіане входили въ эти проклятыя ворота спокойно, мирно, но никогда оттуда не возвращались.

— Не бойтесь дьявола,—сказалъ со смѣхомъ князь:—если кого онъ тамъ поджидаетъ, то не насъ. Не теряйте времени! Въ путь!

Двадцать веселъ быстро заработали, и лодка понеслась на перегонку съ бурей.

Конечно, было бы благоразумнѣе пристать тотчасъ къ берегу и просить убѣжища въ одномъ изъ домовъ, стоящихъ близко къ

водѣ; но еврей боялся оскорбительнаго отказа въ гостепріимствѣ и предпочиталъ бороться съ разъяренной природой, чѣмъ съ суетвѣріемъ людей.

Испуганная Лаель укрылась съ головой въ мантию Нило и крѣпко прижалась къ князю, который обнялъ ее правой рукой; но она не говорила ни слова, вполне довѣряя его умѣнью спасти ее отъ грозившей опасности.

Гребцы дружно опускали и подымали весла. Они до того напрягали свои силы, что по ихъ лицамъ струились крупныя капли пота, и зубы ихъ скрежетали. По временамъ князь, не спускавшій глазъ съ надвигавшихся тучъ изъ-за горы Алемъ-Даги, поощрялъ ихъ словами:

— Хорошо! Молодцы! Продолжайте такъ, и мы обгонимъ бурю.

На всемъ водяномъ пространствѣ двигалась до сихъ поръ только одна лодка, а всѣ остальные суда, или бросили якорь, или укрылись у берега но вдругъ показалась впереди другая такая же маленькая лодка, она быстро неслась, хотя съ противной стороны, къ той же цѣли, и сидѣвшіе въ ней трое, или пятеро гребцовъ, очевидно, напрягали одинаково свои силы.

Князь Индіи улыбулся, увидавъ этого третьяго участника въ рискованной гонкѣ.

Но вотъ зеленый лѣсъ, покрывавшій Алемскія высоты, потерялъ свой цвѣтъ, словно какая-то рука, опустившись изъ тучи, покрыла его бѣлымъ газомъ. Замѣтивъ это, князь Индіи понялъ, что приближалась роковая минута, надо было увеличить скорость, такъ какъ врагъ быстро наступалъ, а до замка было еще далеко.

— Шибче!—воскликнулъ онъ:—буря уже миновала гору.

Дѣйствительно страшный ревъ вѣтра слышался въ отдаленномъ лѣсу, и гребцы, оглянувшись, произнесли въ одинъ голосъ:

— Буря!...

Въ эту минуту спокойная вода забурлила, и крупная рябь побѣжала по зеркальной поверхности Босфора.

Гребцы поняли, что надо было сдѣлать послѣднія усилія, и стали при каждомъ ударѣ веселъ приподниматься съ своихъ мѣстъ.

— Такъ, такъ, молодцы!—произнесъ князь, сверкая глазами.

Гребцы продолжали работать изо всей силы, и ихъ весла, благодаря ровному періодичному вставанію съ мѣстъ, глубже бороздили воду. Князь Индіи бросалъ вызывающіе взгляды на приближавшуюся черную тучу и глазами измѣрялъ разстояніе, оставшееся до замка, который все яснѣе и яснѣе выступалъ вдаль.

Неожиданно отрядъ вооруженныхъ людей показался на берегу, также быстро направляясь къ замку. Впереди его развѣвались два знамени: зеленое и красное. Красное знамя, онъ зналъ, было просто символомъ турокъ, но что означало зеленое? Неужели въ этомъ отрядѣ былъ кто нибудь выше коменданта крѣпости, или началь-

ника провинціи? Многочисленность отряда также возбуждала удивленіе: онъ не могъ принадлежать къ гарнизону, и къ тому же на стѣнахъ замка стояли солдаты подъ ружьемъ. Не желая пугать гребцовъ, князь Индіи ничего не сказалъ имъ объ этомъ четвертомъ участникѣ ихъ гонки.

Вторая лодка также быстро неслась впередъ, и ея пять гребцовъ одинаково приветавали каждый разъ, какъ вынимали изъ воды весла. Пассажировъ было двое, и они издали показались князю Индіи женщинами.

Вотъ раздался первый ударъ грома и величественно покатился по поверхности Босфора. Вода какъ бы отступила подъ его грохотомъ. Лаель выглянула изъ-подъ покрывавшей ея голову мантии, но тотчасъ же спряталась и еще крѣпче прижалась къ князю.

— Не бойся, моя Гуль-Бахаръ, — произнесъ онъ, стараясь ее успокоить: — мы перегоняемъ бурю, и она сердится, вотъ и все. Нѣтъ никакой опасности.

Стойко, вѣрно, безъ осѣчки гребли молодцы, и не даромъ князь поощрялъ ихъ криками:

— Славно! Славно!..

Но вѣтеръ все усиливался, грозная колесница бури неслась по небу, громко скрипя своими колесами. Деревья вокругъ замка наклонялись съ шумомъ, а вода въ проливѣ кипѣла, какъ въ котлѣ.

Цѣль была почти достигнута. Устье Сладкихъ Водъ уже ясно виднѣлось, а замокъ выросъ изъ-подъ земли во всемъ своемъ величїи. Въ одно и то же время его достигали и конный отрядъ, и двѣ лодки, за которыми поднимались облака пѣнистыхъ волнъ.

Въ замкѣ увидали приближеніе лодокъ, и солдаты забѣгали по берегу.

— Мы побѣдили! Молодцы! — воскликнулъ князь: — еще нѣсколько ударовъ, и наша взяла! Живо! Тройная плата и вина вволю!..

При послѣднихъ его словахъ лодка влетѣла въ маленькую рѣчку, и въ ту же минуту за ней послѣдовала, хотя съ другой стороны, ея соперница, а въ замокъ вѣхалъ военный отрядъ.

IX.

Въ Бѣломъ замкѣ.

Пристань была наполнена боролатыми людьми, съ загорѣлыми лицами, въ бѣлыхъ тюрбанахъ и сѣрыхъ шароварахъ; они были вооружены сѣкирами, копьями и луками.

Выйдя изъ лодки, князь Индіи не успѣлъ осмотрѣть этихъ солдатъ и убѣдиться, что они были турки, какъ къ нему подошелъ, очевидно, офицеръ, какъ можно заключить по его болѣе изящному тюрбану, и сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Идите за мной въ замокъ.

— Начальникъ замка очень любезенъ,—отвѣчалъ князь съ достоинствомъ и едва сдерживая свое неудовольствіе: — скажи ему, что я очень благодаренъ за его вниманіе и, причаливая къ замку, былъ убѣжденъ, что онъ укроетъ меня отъ бури. Но я теперь вижу, что рѣка защищена отъ непогоды, а потому, съ его позволенія, предпочитаю остаться здѣсь.

— Мнѣ приказано привести васъ въ замокъ,—произнесъ также рѣзко офицеръ.

Гребцы подняли руки къ небу и потомъ, перекрестясь, воскликнули:

— Боже мой! Боже мой!

Видя, что сопротивленіе было тщетно, и желая успокоить гребцовъ, князь сказалъ спокойно:

— Я пойду съ тобою и объяснюсь съ начальникомъ замка. Мы, несчастные путники, застигнутые бурей, ищемъ убѣжища, и арестовать насъ при такихъ обстоятельствахъ значило бы нарушить самый священный законъ пророка. Приказъ, данный тебѣ, не касается моихъ людей, и они останутся здѣсь.

Слыша эти слова, Лаель поблѣднѣла, какъ полотно.

Разговоръ происходилъ на греческомъ языкѣ, и турокъ прерзительно посмотрѣлъ на князя, ссылавшагося на законъ пророка, какъ бы говоря: «какъ ты, невѣрная собака, можешь знать законы пророка?»

Потомъ, обращаясь къ лодкѣ, онъ прибавилъ:

— Всѣ, всѣ должны идти за мною.

То же онъ повторилъ, возвышая голосъ, и въ отношеніи второй лодки, гдѣ находились княжна Ирина и монахъ Сергій.

Отправившись изъ Терапіи въ двѣнадцать часовъ, они шли вдоль азіатскаго берега и также были застигнуты бурей; имъ одинаково представился вопросъ: искать убѣжища на азіатскомъ берегу, или перебраться на европейскій. Не довѣряя туркамъ, о жестокостяхъ которыхъ она слышала съ дѣтства, княжна Ирина приказала грести къ Румели-Гисаръ, но гребцы объявили, что было поздно и что до бури можно было только достигъ маленькой рѣчки у Бѣлаго замка. Дѣлать было нечего, ей пришлось подчиниться ихъ совѣту, и такимъ образомъ ея лодка въ одно время съ лодкой князя Индіи подошла къ пристани.

Услыхавъ приказъ офицера, Ирина подняла покрывало, скрывавшее ея лицо, и гордо сказала:

— Ты начальникъ замка?

— Нѣтъ.

— Мы будемъ приняты въ замкѣ гостями, или узниками?

— Не знаю.

— Пойди и скажи твоему начальнику, кто бы онъ ни былъ,

что я княжна Ирина, родственница императора Константина, и что, признавая эту мѣстность владѣніемъ султана, я явилась сюда не врагомъ, а путницей, ищущей временнаго пріюта. Скажи ему, что если я вступлю въ замокъ, какъ узница, то мой родственникъ императоръ потребуетъ удовлетворенія за подобный оскорбительный поступокъ; если же онъ приметъ меня, какъ гостью, то долженъ самъ придти ко мнѣ на встрѣчу, какъ подобаетъ моему высокому званію, и оказать мнѣ самое радушное гостепримство. Я буду здѣсь ждать отвѣта.

На турецкаго офицера подѣйствовалъ не столько гордый тонъ княжны, какъ ея красота, равной которой онъ никогда не видывалъ даже во снѣ.

— Что же, иди,—прибавила княжна, видя, что онъ не трогается съ мѣста:—скоро пойдетъ дождь.

— Какъ же мнѣ назвать тебя?—спросилъ онъ въ смущеніи.

— Княжной Ириной, родственницей императора Константина. Офицеръ низко поклонился и быстро пошелъ къ замку.

На берегу остались князь Индіи и монахъ, а въ лодкахъ княжна и Лаель. Солдаты стояли на почтительномъ отъ нихъ разстояніи.

Понимая, что Ирина находилась въ непріятномъ положеніи, Сергій сталъ съ любопытствомъ разглядывать князя Индіи, въ надеждѣ найти въ немъ защитника, но фигура старика, небольшого роста, съ большой сѣдой бородой и раскраснѣвшими отъ негодованія щеками, не возбудила въ немъ чувства довѣрія. Напротивъ, дѣтское лицо Лаели, блѣдное отъ страха, очень заинтересовало его.

Однако русскій монахъ неправильно судилъ о хитромъ еврейѣ, и тотъ уже придумалъ планъ дѣйствія. Онъ рѣшилъ прежде всего отдать Лаель подъ покровительство княжны Ирины.

— Княжна,—сказалъ онъ, подходя къ ея лодкѣ и снимая свою шапку:—я прошу у тебя аудіенціи и умоляю простить мнѣ мою дерзость, въ виду нашего общаго непріятнаго положенія и моего желанія поставить дочь подъ твое покровительство.

Ирина осмотрѣла его съ головы до ногъ, затѣмъ взглянула на Лаель и, тронутая безпомощнымъ видомъ молодой дѣвушки, отвѣчала:

— Я, какъ христіанка и женщина, не могу отказать тебѣ въ просимой помощи, но скажи мнѣ прежде всего, кто ты и откуда?

— Я князь Индіи и, какъ путешественникъ, остановился на время въ этомъ царственномъ градѣ. Но если ты желаешь еще что нибудь спросить у меня, то будемъ лучше говорить не на греческомъ, а на какомъ нибудь другомъ языкѣ.

— Хорошо будемъ говорить полатыни,—отвѣчала княжна,—ты, князь, по своей сѣдой бородѣ и достойной наружности, дол-

жень быть гораздо разумнѣ меня, а потому объясни, пожалуйста, какъ я, слабая женщина, могу оказать помощь твоей дочери и моей сестрѣ по несчастію.

При этомъ она бросила на Лаель чрезвычайно нѣжный и добрый взглядъ.

— Прекрасная и прелестная княжна, вотъ въ чемъ дѣло: быстро направляясь сюда въ лодкѣ, я увидѣлъ на берегу конный отрядъ солдатъ, также спѣшившій въ замокъ, съ двумя знаменами: краснымъ и зеленымъ. Ты знаешь, что зеленое знамя имѣетъ религіозное значеніе и только развѣвается въ присутствіи очень высокаго лица. Я полагаю, что насъ хотятъ арестовать именно по отношенію пріѣзда въ замокъ подобнаго лица. Слышишь, какъ привѣтствуютъ его звуками трубъ и барабановъ.

— Признаюсь, твое объясненіе невозможнаго факта очень искусно. Я вижу, что ты близко знакомъ съ невѣрными, а потому, быть можетъ, и объяснишь мнѣ имя того великаго человѣка, который прибылъ въ замокъ.

— Я кое-что знаю о туркахъ, но не могу назвать тебѣ бывшую знатную особу, или опредѣлить его положеніе. Но все-таки я убѣжденъ, что твой гордый отвѣтъ не приведетъ къ твоему освобожденію.

— Неужели они посмѣютъ арестовать меня! — воскликнула княжна, вспыхнувъ отъ негодованія: — мой родственникъ императоръ достаточно силенъ, чтобы и самъ Мурадъ...

— Прости, княжна, но самыя черныя дѣла прикрываются такъ называемою государственною необходимостью. Впрочемъ, мы не могли сдѣлать иначе, какъ отдаться въ ихъ руки. Посмотри, буря разыгралась, и дождь сейчасъ пойдетъ. Да будетъ воля Божія.

Ирина набожно перекрестилась, а старикъ продолжалъ:

— По счастью, ты все-таки не будешь одна, и моя дочь Лаель можетъ быть твоей служанкой, а ты знаешь, съ двумя все-таки болѣе поперемонятся, чѣмъ съ одной.

— Я очень благодарна тебѣ, князь. Вотъ возвращается гонецъ. Пусть твоя дочь сядетъ со мною рядомъ, а ты также не уходи и помоги мнѣ, въ случаѣ надобности, твоимъ мудрымъ совѣтомъ.

Черезъ минуту, съ помощью Сергія, Лаель очутилась въ лодкѣ княжны, и дружно соединившись въ одну группу, плѣнники ждали приговора о своей судьбѣ.

— Комендантъ идетъ, — сказала офицеръ, подходя и низко кланяясь княжнѣ.

Дѣйствительно, изъ замка вышло около двадцати вооруженныхъ людей съ копьями въ рукахъ, и глаза какъ князя Индіи, такъ и княжны Ирины остановились на шедшемъ впереди всѣхъ человѣкѣ, въ которомъ они признали коменданта.

Въ эту минуту пошелъ, какъ изъ ведра, крупный дождь, и лицо,

принимаемое за коменданта, подозвавъ нѣсколькихъ изъ сопровождавшихъ его людей, отдало имъ какой-то приказъ, и они поспѣшно побѣжали къ замку, а онъ самъ направился къ пристани. Офицеръ и солдаты, стоявшіе тамъ, хотѣли упасть на землю передъ нимъ, но онъ повелительнымъ знакомъ устранилъ подобное привѣтствіе, что не ускользнуло отъ пытливаго взгляда князя Индіи.

Онъ былъ высокаго роста, статный и весь, съ головы до ногъ, покрытъ кольчугой; только лицо его было открыто, а на головѣ надъ кольчугой виднѣлся золотой вѣнчикъ на подобіе короны. На рукахъ у него были стальные перчатки, на ногахъ—легкія шпоры, за поясомъ — кинжалъ, съ осыпанной драгоценными каменьями рукояткой.

Князь Индіи обратилъ наибольшее вниманіе на его вооруженіе, а княжна Ирина преимущественно смотрѣла на его лицо. Его глаза были каріе, не очень большіе, но блестящіе, живые, быстро перебѣгавшіе съ предмета на предметъ, высокій лобъ, римскій носъ, толстыя губы и загорѣлый цвѣтъ лица; вообще это было лицо красивое, гордое, доказывавшее въ каждой своей чертѣ царственную родовитость, страсть, самолюбіе, смѣлость и увѣренность въ себѣ. При всемъ этомъ онъ былъ очень молодъ. Изумленная княжна не знала, быть ли ей довольной, или ощущать боязнь, но все-таки она не могла отвести глазъ отъ этого обаятельнаго лица.

— Будь осторожна, княжна, — промолвилъ вполголоса князь Индіи полатыни, — это не комендантъ, а та высокая особа, о которой я тебѣ говорилъ.

Въ эту минуту незнакомецъ приблизился къ нимъ и, слегка поклонившись князю, пристально взглянулъ на княжну. Лице его мгновенно измѣнилось и выразило сначала изумленіе, а потомъ восторгъ. Ихъ глаза встрѣтились, и его взглядъ былъ такой пламенный, такой жгучій, что она вспыхнула и закрылась покрываломъ. Тогда, наклонивъ голову, съ замѣтнымъ волненіемъ онъ сказалъ:

— Я пришелъ предложить гостепріимство родственницѣ императора Константина. Буря, повидимому, не скоро кончится, и мой замокъ въ твоемъ распоряженіи, княжна. Онъ не такъ великолѣпенъ, какъ твой дворецъ, но, по счастью, въ немъ находятся удобные покои, гдѣ ты можешь безопасно отдохнуть. Я дѣлаю это предложеніе отъ имени моего государя султана Мурада, который высоко цѣнитъ дружбу, связывающую его съ императоромъ Константиномъ. Чтобъ уничтожить въ тебѣ всякій страхъ, или сомнѣніе, я клянусь именемъ моего государя и святымъ пророкомъ, что ты, княжна, будешь пользоваться полною свободой въ замкѣ и можешь покинуть его, когда тебѣ заблагоразсудится. Жду твоего отвѣта.

Князь Индіи съ удивленіемъ выслушалъ эту рѣчь, произне-

сенную на прекрасномъ латинскомъ языкѣ, и только что хотѣлъ сказать что-то княжнѣ, какъ незнакомецъ прибавилъ, указывая на два крытые паланкина, принесенные слугами изъ замка:

— Вотъ доказательство, что я забочусь о томъ, какъ бы оказать достойное гостепрѣимство родственницѣ императора Константина. Я видѣлъ, что пошелъ дождь, и тотчасъ же послалъ за паланкинами, чтобы не сказали въ Константинополѣ, что я, вѣрный мусульманинъ, для котораго гостепрѣимство — правило вѣры, не принялъ какъ слѣдуетъ женщинъ, застигнутыхъ бурей, только потому, что онѣ христіанки.

Ирина взглянула на князя Индіи и, видя согласіе на его лицѣ, отвѣтила:

— Я желаю придать не частный, а официальный характеръ приему въ замкѣ, чтобы мой родственникъ императоръ могъ достойно отблагодарить султана.

— Я самъ предложилъ бы тебѣ это, княжна,—промолвилъ незнакомецъ съ низкимъ поклономъ.

— Я также требую,—прибавила Ирина:—чтобы моимъ друзьямъ и слугамъ было оказано такое же гостепрѣимство, какъ мнѣ.

Незнакомецъ на это согласился, и княжна вмѣстѣ съ Лаелью сѣли въ паланкины, а князь Индіи и монахъ Сергій пошли за ними пѣшкомъ.

Х.

Арабскій сказочникъ.

Приближаясь къ замку, Ирина замѣтила издали, что были приняты мѣры къ достойному принятію гостей женскаго пола, такъ какъ нигдѣ не видно было мужчинъ, и даже часовой у воротъ стоялъ, обратясь лицемъ въ другую сторону.

— Гдѣ всадники, о которыхъ ты говорилъ, и гарнизонъ?—спросилъ Сергій у князя Индіи.

— Погоди,—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

То же отсутствіе мужскаго пола оказалось отличительной чертой внутренняго корридора, гдѣ поставили на каменный полъ паланкины; если же тамъ и находился негръ высокаго роста, то онъ принадлежалъ къ разряду евнуховъ, необходимаго украшенія восточныхъ гаремовъ.

— Это кизляръ-ага царственной особы,—подумалъ князь Индіи видя, что на негрѣ былъ богато вышитый бурнусъ.

— Я поведу женщинъ въ назначенный для нихъ покой,—сказалъ евнухъ,—пискливымъ голосомъ:—никто не смѣетъ слѣдовать за мною.

— Хорошо,—отвѣчалъ князь,—но онѣ желали бы остаться вмѣстѣ

— Здѣсь не дворець, а крѣпость,—замѣтилъ евнухъ:—для нихъ обѣихъ отведена одна комната.

— А если я пожелаю что нибудь сказать имъ, или онѣ мнѣ?

— Онѣ не узницы, и я буду посредникомъ между вами.

Княжна и Лаель вышли изъ паланкиновъ и послѣдовали за евнухомъ.

Не успѣли онѣ исчезнуть изъ вида, какъ послышался шумъ отворявшихся многочисленныхъ дверей, и отовсюду появились группы вооруженныхъ людей.

— Такая дисциплина можетъ поддерживаться только въ присутствіи царственныхъ особъ,—подумалъ князь.

Учрежденіе евнуховъ не было исключительно турецкимъ; съ давнихъ временъ оно составляло отличительную черту византійскаго двора, и Константинъ IX, по всей вѣроятности, самый христіанскій изъ всѣхъ греческихъ императоровъ, не только терпѣлъ евнуховъ, но они пользовались его уваженіемъ. Поэтому княжна Ирина безъ всякаго удивленія или страха подчинялась распоряженію евнуха, какъ личности для нея не новой. Пройдя рядъ корридоровъ и поднявшись по нѣсколькимъ лѣстницамъ, онъ, вмѣстѣ со слѣдовавшими за нимъ женщинами, очутился въ особой части замка, гдѣ все свидѣтельствовало объ извѣстномъ комфортаѣ. Полы были чисто выметены, двери украшены коврами, въ воздухѣ стояло благоуханіе, а на потолкахъ висѣли зажженные лампы. Наконецъ онъ остановился передъ одной портьерой и, откинувъ ее, сказалъ:

— Пожалуйте сюда и будьте какъ дома. На столѣ вы найдете маленькій колокольчикъ. Когда вамъ что-нибудь понадобится, то позвоните, и я тотчасъ явлюсь.

Видя, что Лаель съ испугомъ прижалась къ княжнѣ, онъ прибавилъ:

— Не бойтесь. Мой повелитель въ своемъ дѣтствѣ слышалъ сказку о Хатимѣ, арабскомъ воинѣ и поэтѣ, и съ тѣхъ поръ считаетъ гостепрѣимство величайшей добродѣтелью. Не забудьте звонка.

Онѣ вошли въ комнату и были удивлены окружающей ихъ роскошью. Подъ большой люстрой, со многими лампами, стоялъ круглый диванъ, а по стѣнамъ тянулись такіе же диваны съ кучей подушекъ по угламъ. Полъ былъ покрытъ циновкой и небольшими пестрыми коврами. Въ глубокихъ окнахъ виднѣлись цвѣтущія розы, запахъ которыхъ, однако, заглушался мускусомъ, которымъ была пропитана вся комната. Стѣны были драпированы шерстяными тканями.

Ирина и Лаель прежде всего подошли къ одному изъ оконъ. Разстилавшійся передъ ними Босфоръ былъ усѣянъ пѣнистыми волнами, которыя съ шумомъ разбивались о подножіе замка. Густая мгла скрывала отъ ихъ глазъ европейскій берегъ. Ирина возблагодарила Бога, что нашла убѣжище въ такую непогоду, тѣмъ

болѣе, что дождь лилъ, безмилосердно, и покраснѣла, вспомнивъ о красивомъ незнакомцѣ, встрѣтившемъ ее у пристани. Но Лаель прервала ея размышленія, показавъ ей дѣтскую туфлю, найденную у центрального дивана, и эта находка дала ея мыслямъ новый оборотъ. Очевидно, онѣ находились въ гаремѣ коменданта крѣпости.

Это предположеніе тотчасъ фактически подтвердилось, такъ какъ въ комнату неожиданно вошли двѣ женщины съ подносами, третья—съ низенькимъ турецкимъ столикомъ, а четвертая—съ грудой шалей. Послѣдняя была гречанка, и она объяснила, что хозяинъ замка назначилъ ее прислуживать его гостьямъ. Она также сообщила, что закуска, принесенная на подносахъ, была только легкая, а основательная ѣда будетъ подана позднѣе.

Совершенно успокоенныя присутствіемъ другихъ женщинъ, Ирина и Лаель подкрѣпили свои силы предложенными имъ яствами, и когда служанки удалились, онѣ легли на одинъ изъ дивановъ, укрывшись шальями, такъ какъ чрезъ окна, не снабженныя стеклами, проникалъ холодный туманъ.

Отдыхая на свободѣ, княжна естественно поинтересовалась узнать поближе молодую дѣвушку, случайно раздѣлявшую ея романтическое приключеніе. Лаель охотно рассказала ей свою исторію, и Ирина съ удивленіемъ замѣтила, что въ одинъ и тотъ же день ей пришлось познакомиться съ двумя личностями, очень образованными, но не имѣвшими никакого практическаго знанія жизни. Ее невольно поразило странное сходство между Сергіемъ и Лаелью. Они оба были молоды, красивы и отличались съ одной стороны замѣчательными знаніями, а съ другой удивительною наивностью.

Отъ разсказа о себѣ, Лаель естественно перешла къ князю Индіи, о которомъ, однако, могла сообщить очень немного; но и это небольшое возбудило въ высшей степени любопытство Ирины. Кто онъ былъ и откуда? Она сначала не обратила на него большого вниманія и теперь, припоминая его черты, не могла вполне отдать себѣ отчета въ его фizioноміи.

Среди размышленій объ этой странной личности, она увидала снова передъ собой евнуха, который, войдя, поклонился и произнесъ:

— Мой повелитель не желаетъ, чтобы его гости сочли себя забытыми, и зная, что родственницѣ августѣйшаго императора Константина нечѣмъ занять скучныхъ часовъ въ этомъ покоѣ, предлагаетъ ей послушать разсказы знаменитаго сказочника, который, отправляясь къ султану въ Адрианополь, заѣхалъ сегодня въ этотъ замокъ.

— А на какомъ языкѣ онъ разсказываетъ?

— Поарабски, потурецки, поеврейски, погречески и полатыни.

— О! значить, онъ очень мудрый человѣкъ.

Ирина посовѣтовалась съ Лаелью и, желая доставить развлеченіе молодой дѣвушкѣ, согласилась принять сказочника.

— Накройтесь покрываломъ,—сказаль евнухъ, удаляясь:—такъ какъ сказочникъ мужчина.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ арабскій сказочникъ. Въ Константинополь въ тѣ времена ежедневно приходили караваны изъ Аравіи, и княжна Ирина не разъ видала арабскихъ шейховъ; но никогда ея глазамъ не представлялся такой благородный образецъ ихъ расы, какъ этотъ сказочникъ. На немъ была длинная бѣлая одежда, перехваченная поясомъ, полосатый красно-бѣлый бурнусъ, накинутый на плечи, и красныя туфли. Все это было изящно и утонченной работы. За поясомъ видѣлись ножны, украшенныя драгоценными камнями, но безъ кинжала. На головѣ видѣлся шелковый платокъ краснаго и желтаго цвѣтовъ. Всѣ эти подробности его одежды едва обратили на себя вниманіе княжны, которая была такъ поражена его благороднымъ, величественнымъ, чисто царственнымъ видомъ, что забыла опустить на лицо покрывало.

Черты незнакомца были правильныя, цвѣтъ лица смуглый и носъ острый, борода небольшая, а глаза блестѣли изъ-подъ густыхъ бровей, какъ отполированный черный янтарь. Скрестивъ руки на груди по восточному обычаю, онъ почтительно преклонился передъ княжной, но, поднявъ голову и встрѣтившись глазами съ нею, онъ забылъ свою почтительность и сталъ смѣло смотрѣть на нее, съ такимъ гордымъ видомъ, какъ будто онъ былъ чѣмъ-то болѣе даже эмира, владѣющаго десятками тысячъ верблюдовъ. Она спокойно выдержала его взглядъ, хотя ей казалось, что она видѣла эти глаза недавно. Неужели это былъ тотъ самый незнакомецъ, котораго она встрѣтила на пристани и котораго приняла за коменданта? Нѣтъ, это было невозможно, тѣмъ болѣе, что сказочникъ казался человѣкомъ пожилымъ, а комендантъ былъ юношей. Къ тому же, для какой цѣли сталъ бы комендантъ маскироваться? Какъ бы то ни было, она опустила покрывало, подобно тому, какъ сдѣлала это на пристани.

— Этотъ преданный слуга и мой другъ,—произнесъ сказочникъ, опуская глаза, принимая прежній почтительный видъ и указывая на евнуха, который съ глубокимъ уваженіемъ скрестилъ руки на груди:—сообщилъ мнѣ, по приказанію его повелителя, что родственница государя этой столицы, служащей свѣтиломъ для всей земли, укрылась въ замкѣ отъ бури и скучала, благодаря отсутствію всякаго развлеченія. Онъ предложилъ мнѣ рассказать ей какую нибудь интересную исторію. Я знаю много сказокъ, преданій и притчъ, сложенныхъ различными націями, но, княжна, онѣ такъ просты, такъ безхитростны, что ими могутъ интересоваться только дѣтскіе умы обитателей пустыни, а въ тебѣ, я боюсь, онѣ возбуждаютъ одинъ смѣхъ. Но, какъ бы то ни было, я явился къ тебѣ, и какъ ночная птица поетъ, когда взойдетъ луна, потому что луна прекрасна и достойна поклоненія, такъ и я готовъ преклониться предъ твоими желаніями. Приказывай, княжна.

Онъ говорилъ погречески, но съ нѣкоторымъ чужестраннымъ оттѣнкомъ.

— А ты знаешь, — отвѣчала Ирина послѣ нѣ котораго молчанія:— сказку о Хатимѣ, знаменитомъ арабскомъ воинѣ и поэтѣ?

При этихъ словахъ внухъ улыбнулся, а сказочникъ съ одушевленіемъ человѣка, которому предлагаютъ говорить на любимую тему, произнесъ:

— А ты, княжна, имѣешь понятіе о пустынѣ?

— Я никогда тамъ не бывала.

— Хотя пустыня не отличается красотой, но она — храмъ великихъ тайнъ, — продолжалъ сказочникъ съ быстро усиливающимся энтузіазмомъ:— Тотъ, Кому ты поклоняешься, какъ Богу и вмѣстѣ Сыну Божию, что превышаетъ нашу простую вѣру, прежде чѣмъ явиться міру, удалился въ пустыню. Такъ и нашъ пророкъ, передъ появленіемъ среди вѣрующихъ, ушелъ на время въ Хива, обнаженную, каменистую, безводную мѣстность. Отчего, княжна, они такъ поступали? Очевидно, потому, что Богъ преимущественно обитаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никого. Поэтому я позволю себѣ сказать, что сыны пустыни — благороднѣйшіе изъ людей. Таковъ былъ и Хатимъ. Вотъ какъ въ Геджасѣ и Неджѣ рассказываютъ о немъ.

— Въ тѣ дни, когда Всемилосердный Богъ создалъ міръ, что для Него также легко, какъ для горлицы свить гнѣздо, Онъ украсилъ землю горами, рѣками, морями, лѣсами и зелеными лугами; все было, повидимому, кончено, кромѣ песчаныхъ пустынь, которыя нуждались въ водѣ. Но Творецъ пожелалъ отдохнуть и, въ минуту отдыха найдя все, совершенное Имъ, прекраснымъ, Онъ сказалъ Самъ Себѣ: «пусть такъ все и останется. Придетъ время, когда обо Мнѣ и о Моемъ имени люди забудутъ также, какъ забываютъ о листьяхъ прошедшаго года. Тотъ, кто гуляетъ въ саду, думаетъ только объ окружающей его красотѣ, но обитатель пустыни, желая видѣть что либо красивое, долженъ взглянуть на небо, а смотря на небо, онъ естественно вспомнить обо Мнѣ и скажетъ съ любовью: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога Всемилосерднаго. Его человѣческіе глаза не видятъ, но Онъ видитъ ихъ, Онъ Всевидящій, Всезнающій». Придетъ время, когда вѣра будетъ мертва, и поклоненіе истинному Богу замѣнится идолопоклонствомъ, когда люди будутъ называть богомъ камень и мѣдныя изваянія. Такое время наступитъ прежде всего въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ довольство, и въ городахъ, гдѣ царитъ роскошь. Вотъ почему необходимы пустыни. Въ ихъ обнаженномъ, безграничномъ одиночествѣ снова возникнетъ вѣра и очиститъ, просвѣтитъ міръ, потому что Я — источникъ жизни, буду вѣчно присущъ пустынѣ. Тамъ Я подготовлю людей для искорененія зла на землѣ; они будутъ лучшими образцами человѣчества, и ихъ добрыя качества не заржавятъ, они будутъ храбры, потому что Мнѣ повадобрится мечъ, правдивы, потому что

Я — сама правда, великодушны и полны любви другъ къ другу, потому что Я — источникъ любви. Они стануть говорить огненными языками, и одинъ будетъ витіей, а другой поэтомъ; живя среди вѣчной угрозы смерти, они будутъ бояться не Меня, а безчестія. Сыны пустыни будутъ моими сынами, никѣмъ не побѣдимыми хранителями слова. И среди нихъ, изъ вѣка въ вѣкъ, будутъ появляться такіе образцы человѣческаго совершенства, въ которыхъ явятся соединенными всѣ добродѣтели».

Такимъ образомъ человѣческаго совершенства былъ Хатимъ, изъ Бене-Тал; онъ свѣтился, какъ свѣтится луна во время рамазана жадно ожидающимъ ея появленія на горныхъ высотахъ вѣбрующимъ, и былъ онъ лучше всѣхъ людей, какъ всѣ добродѣтели вмѣстѣ лучше одной изъ нихъ, исключая любви къ Богу и любви къ ближнему.

Мать Хатима была вдова, бѣдная и не имѣвшая никакихъ родственниковъ, но Богъ обѣнилъ ее разумомъ, и она научила своего сына закону Божию.

Однажды въ селеніи раздался громкій крикъ. Всѣ выбѣжали изъ своихъ жилищъ, желая узнать, что случилось, и крикъ сдѣлался общимъ. На свѣрвѣ показалось что-то, никогда еще не виданное и не слыханное. Одни говорили: «это туча», другіе заявляли: «это движется гора». Дѣйствительно что-то страшное быстро надвигалось, и вскорѣ поднялся общій вопль: «наступилъ конецъ свѣта».

Чудесное явленіе, наконецъ, пронеслось надъ устрешенными поселянами. Оно походило на громадный чудовищный зеленый коверъ, на которомъ возвышался лучезарный тронъ, а на тронѣ воссѣдалъ царь въ коронѣ, окруженный слѣва неземными духами, а справа—вооруженными воинами. На краю ковра стоялъ человѣкъ въ блестящей одеждѣ и громко возглашалъ: «великъ Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Бога». Въ ту самую минуту, какъ это видѣніе исчезло, что-то упало изъ руки лучезарнаго глашатая.

Очнувшись отъ изумленія, вѣкоторые изъ поселянъ бросились на то мѣсто, гдѣ упалъ этотъ предметъ, но вернулись со смѣхомъ. «Это только мѣхъ для воды, и такъ какъ у насъ есть гораздо лучше мѣха, то мы его бросили».

Но мать Хатима, слыша эти слова, качала головой. Ей было извѣстно съ молодости народное преданіе, что Соломонъ, окончивъ постройку іерусалимскаго храма, отправился въ Мекку на шелковомъ коврѣ, несомомъ вѣтромъ, и въ сопровожденіи неземныхъ духовъ и вооруженныхъ воиновъ. Поэтому она сказала себѣ: «это Соломонъ на пути въ Мекку и не даромъ бросилъ онъ мѣхъ».

Она пошла и отыскала мѣхъ, а, открывъ его, нашла въ немъ три зерна, изъ которыхъ одно было красное, какъ рубинъ, другое синее, какъ сапфиръ, а третье зеленое, какъ изумрудъ. Она могла

бы продать эти зерна, такъ какъ они по своей красѣ были достойны занять мѣсто въ коронѣ и обогатиться, но Хатимъ былъ для нея всеѣмъ на свѣтѣ. Она припрятала эти зерна для него и, взявъ орѣхъ, разрѣзала его, спрятала въ его внутренность три зерна и, запечатавъ его, повѣсила на шею ребонка.

— Благодарю тебя, Соломонъ,—сказала она:—нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и я буду учить этой истинѣ моего Хатима утромъ, когда птицы летятъ на водопой; въ полдень, когда онѣ ищутъ прохладной тѣни, и при наступленіи ночи, когда онѣ закрываютъ крыльями себѣ голову, чтобы не видѣть окружающаго мрака.

И съ этого дня, во время всей своей жизни, Хатимъ носилъ на шеѣ орѣхъ съ тремя сѣменами. Никогда никакой амулетъ не имѣлъ такой силы, какъ этотъ простой предметъ. Когда Хатимъ выросъ, то оказался одареннымъ всеѣмъ добродѣтелями. Никто не былъ храбрѣе, добрѣе, благороднѣе, краснорѣчивѣе, поэтичнѣе, а главное правдивѣе и вѣрнѣе Хатима. Все это доказывается многими фактами изъ его жизни.

Однажды голодъ посѣтилъ его страну. Онъ тогда былъ шейхомъ своего племени. Женщины и дѣти погибали, какъ мухи. Мужчины не могли ничѣмъ положить конца этому бичу Божию и должны были уныло смотрѣть на страданія близкихъ имъ существъ. Они не знали, кого обвинять, къ кому обратиться съ мольбой о пощадѣ. Наступило предсказанное время, когда имя Божіе было забыто, какъ осенніе листья прошлаго года. Даже въ шатрѣ шейха нечего было ѣсть. Пожрали послѣдняго верблюда, и оставалась лишь одна лошадь. Не разъ добрый шейхъ приближался къ ней, чтобы убить ее, но она была такъ прекрасна, такъ привязана къ нему, такъ славилась быстротой по всей пустынѣ, что у него невольно опускалась рука. «Подождемъ дозавтра: можетъ быть, и пойдетъ дождь», говорилъ онъ себѣ каждый разъ.

Вотъ сидитъ Хатимъ въ своемъ шатрѣ и рассказываетъ сказки женѣ и дѣтямъ, такъ какъ онъ былъ не только первымъ воиномъ своего времени, но также лучшимъ поэтомъ и сказочникомъ. Идя на бой, его воины всегда говорили: «спой намъ чтонибудь, Хатимъ, и мы веселѣе умремъ за тебя». И теперь домочадцы, слушая его сказки, почти забыли о своемъ горѣ. Вдругъ распахнулась занавѣсъ, прикрывавшая входъ въ шатеръ.

— Кто тамъ?—спросилъ Хатимъ.

— Твоя сосѣдка,—отвѣчала женскій голосъ;—мои дѣти плачутъ отъ голода, а мнѣ нечѣмъ ихъ накормить. Помоги мнѣ, о шейхъ, или они умрутъ.

— Приведи ихъ сюда,—произнесъ онъ вставая.

— Ея положеніе не хуже нашего,—замѣтила жена Хатима:—и ея дѣти не голоднѣе нашихъ. Что ты хочешь дѣлать?

— Она просила у меня помощи, и я не могу ей отказать.—возразилъ шейхъ.

Онъ вышелъ изъ шатра, закололъ лошадь, развелъ огонь, и когда мясо было изжарено, то сосѣдка съ дѣтми раздѣлила съ его собственной семьей желанную пищу.

— Какой стыдъ!—воскликнулъ онъ во время этой трапезы:—что вы одни ѣдите, когда кругомъ голодають.

И, снова выйдя изъ шатра, онъ собралъ всѣхъ сосѣдей, которые всѣ вмѣстѣ доѣли лошадь до послѣдняго куска. Только одинъ Хатимъ остался голодный.

— И не было человѣка милосерднѣе, чѣмъ Хатимъ. Въ бою онъ жалѣлъ враговъ и никогда никого не убивалъ. Однажды онъ одолѣлъ въ битвѣ одного изъ своихъ непріятелей, но когда тотъ, распростертый у его ногъ, попросилъ у него копья, то Хатимъ отдалъ ему свое.

— Дуракъ Хатимъ!—воскликнули присутствующіе.

— Что же мнѣ дѣлать? Я не могъ отказать въ просьбѣ бѣдняка.

Ни одинъ несчастный не обращался напрасно къ его помощи. Однажды въ дорогѣ онъ встрѣтилъ невольника, который просилъ выкупить его на свободу, но у Хатима не было съ собою денегъ, а хозяинъ невольника не хотѣлъ ждать, пока Хатимъ пошлетъ за выкупомъ. Горько стало Хатиму, но онъ наконецъ придумалъ способъ, чтобъ оказать помощь несчастному.

— Я не хуже твоего невольника,—сказалъ онъ безжалостному хозяину:—отпусти его и возьми меня.

И, снявъ оковы съ бѣдняка, онъ надѣлъ ихъ на себя и носилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока получился выкупъ.

Въ глазахъ Хатима поэтъ былъ выше царя, и лучше хорошей пѣсни былъ только достойный предметъ этой пѣсни. Увѣковѣчивать славу надгробными монументами онъ считалъ суетою и вѣрилъ только въ ту славу, которая воспѣвалась въ пѣсняхъ и въ сказкахъ. Поэтому не удивительно, что онъ любилъ сказочниковъ и щедро награждалъ ихъ даже тѣмъ, что ему не принадлежало.

Въ своей молодости онъ такъ щедро раздавалъ сказочникамъ сокровища своего отца, что тотъ, желая образумить сына, отправилъ его въ пустыню ходить за стадами. Однажды Хатимъ увидалъ проходившій мимо караванъ, провожавшій трехъ поэтовъ ко двору царя Эль-Хераха, и пригласилъ ихъ остановиться въ его шатрѣ. Онъ закололъ для нихъ трехъ верблюдовъ, а они въ благодарность стали воспѣвать подвиги его и его родственниковъ. Когда же они собрались въ путь, то онъ сказалъ:

— Оставайтесь у меня. Даръ поэзіи драгоцѣннѣе всего. Я васъ награжу больше того царя, къ которому вы отправляетесь. За ка-

ждый стихъ, вами написанный, я дамъ вамъ по верблюду: смотрите, какое у меня громадное стадо.

Они остались, а когда наконецъ удалились, то увели съ собою сто верблюдовъ, а у Хатима осталось триста стиховъ.

— Гдѣ мое стадо?—спросилъ его отецъ, прибывъ на пастбище.

— Вотъ стихи въ честь твоего дома,—отвѣчалъ гордо Хатимъ:—ихъ написали великіе поэты, и ихъ будетъ повторять вся Аравія, во славу тебѣ.

— Увы!—воскликнулъ старикъ, ударяя себя въ грудь:—ты разорилъ меня.

— Какъ!—отвѣчалъ съ негодованіемъ Хатимъ:—ты цѣнишь грязныхъ животныхъ болѣе той славы, которую я купилъ тебѣ продажей верблюдовъ!

Арабскій сказочникъ умолкъ, и княжна была такъ очарована его голосомъ, взглядомъ, не покидавшимъ ея глазъ ни на минуту, и разговоромъ о Хатимѣ, которому сочувственно откликалось ея сердце, что она нѣсколько минутъ не прерывала водворившейся тишины.

— Благодарю тебя,—сказала она наконецъ:—я только сожалѣю, что твоя сказка кончилась такъ скоро, и сомнѣваюсь, могъ ли бы самъ Хатимъ передать ее такъ прекрасно, какъ ты.

Арабскій сказочникъ слегка опустилъ голову, въ знакъ благодарности, но не произнесъ ни слова.

— Твой Хатимъ,—продолжала княжна, подымая свое покрывало:—былъ не только великій воинъ и поэтъ, но и философъ. Когда онъ жилъ?

— Онъ былъ лучезарнымъ свѣтомъ въ мрачную эпоху до пришествія пророка, но опредѣлить, когда именно онъ жилъ, невозможно.

— Это не важно. Если бы онъ жилъ въ наше время, то былъ бы не только воиномъ, поэтомъ и философомъ, но и христіаниномъ. Его любовь къ ближнему и самоотреченіе были по истинѣ христіанскія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ готовъ былъ умереть за людей. Не знаешь ли ты еще чего нибудь о немъ? Конечно, онъ жилъ долго и счастливо?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сказочникъ, сверкая глазами:—онъ, говорятъ, былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ людей. Жена у него была сварливая, не разъ била его, выгоняла изъ шатра и наконецъ бросила его.

— Вѣроятно, ей не нравилась его щедрость,—замѣтила княжна.

— Его семейная исторія лучше всего объясняется нашей арабской поговоркой: «высокій мужчина можетъ жениться на низенькой женщинѣ, но высокая душа не должна соединяться узами съ низкой душой».

Княжна Ирина замолчала и снова скрыла свое лицо подъ покрываломъ.

Прошло нѣсколько времени, и она первая нарушила царившее безмолвіе.

— Съ твоего позволенія, краснорѣчивый сказочникъ, я сочту сказку о Хатимѣ своей собственной, но Расскажи другую для моей подруги.

— А какая сказка тебѣ болѣе нравится?—спросилъ сказочникъ, обращаясь къ Лаели.

— Я желала бы услышать какую нибудь индѣйскую сказку,— сказала молодая дѣвушка, избѣгая встрѣчи своими глазами его пламеннаго взгляда.

— Увы! въ Индіи нѣтъ сказокъ о любви. Ея поэзія посвящена багамъ и отвлеченнымъ религіознымъ предметамъ, поэтому, если ты предоставишь, красавица, мнѣ выборъ, то я расскажу тебѣ персидскую сказку. Въ Персіи былъ великій поэтъ Фирдуси, и онъ написалъ знаменитую поэму «Шахъ-Наме». Слушай, какъ Рустемъ убилъ Зораба, не зная, что онъ его сынъ.

И онъ рассказалъ эту грустную поэтическую сказку, которая длилась такъ долго, что служанки вошли и зажгли лампы. Когда наконецъ сказочникъ умолкъ, прося извиненія за то, что такъ долго злоупотребилъ вниманіемъ княжны, то она, поднявъ покрывало и протянувъ ему руку, сказала:

— Прими мою благодарность, краснорѣчивый сказочникъ. Благодаря тебѣ, я не замѣтила, какъ прошли часы, которые мнѣ иначе показались бы столь скучными.

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и послѣдовалъ за вошедшимъ въ эту минуту евнухомъ.

XI.

Кольцо съ изумрудомъ.

Оставшись съ Сергіемъ въ корридорѣ замка, князь Индіи несколько не сожалѣлъ о случившемся. Во-первыхъ, онъ былъ спокоенъ насчетъ Лаели, такъ какъ покровительство евнуха было гарантіей ея безопасности, и, во-вторыхъ, знакомство съ княжной Ириной могло быть очень полезнымъ для нея. Онъ воспиталъ свою нареченную дочь такимъ блестящимъ образомъ, что она могла служить украшеніемъ любого двора, а отъ княжны Ирины зависѣло представить ее ко двору своего родственника. Но эти мысли въ головѣ старика скоро смѣнились другими. Онъ съ любопытствомъ спрашивалъ себя, кто былъ тотъ таинственный юноша, который принялъ ихъ такъ любезно на пристани. Его внѣшній

видъ, манеры и голосъ доказывали его высокое происхожденіе, что подтверждалось еще болѣе почтительнымъ уваженіемъ, которое оказывалось ему всѣми, и увѣренный тонъ, которымъ онъ говорилъ о султанѣ Мурадѣ. Онъ прямо заключилъ нѣчто въ родѣ трактата съ княжной Ириной отъ имени султана, и наконецъ трудно было предположить, чтобы комендантъ замка предоставилъ кому нибудь замѣнить себя, кромѣ человѣка, власть имѣющаго.

Все это наводило князя Индіи на мысль, что незнакомецъ былъ не кто иной, какъ сынъ султана, Магометъ. Возрастъ незнакомца былъ вполне соответствующій. Многочисленный военный отрядъ, скакавшій на берегу, былъ вполне достойнымъ эскортомъ для наследника престола, и только онъ одинъ могъ говорить съ такой увѣренностью о своемъ отцѣ.

— Я вполне увѣренъ, что это князь Магометъ,—сказалъ себѣ мысленно князь Индіи:—и я буду дѣйствовать согласно этому предположенію.

Онъ рѣшилъ добиться свиданія съ сыномъ султана тутъ же въ замкѣ, и съ цѣлью именно обезпечить себѣ подобное свиданіе, онъ въ Эль-Зарибѣ повѣдалъ эмиру мирзѣ о судьбѣ, ожидавшей Константинополь. Составивъ подобный планъ, онъ немедленно приступилъ къ его исполненію и, обращаясь къ одному изъ турокъ, показавшихся изъ всѣхъ угловъ замка, когда удалились женщины, онъ сказалъ:

— Другъ мой, передай коменданту замка мой поклонъ и скажи, что князь Индіи желаетъ говорить съ нимъ.

Турокъ, повидимому, колебался, и князь прибавилъ:

— Передай мои слова настоящему коменданту, а не той высокой особѣ, которая приняла насъ на пристани, и приведи его сюда.

Офицеръ повиновался и вскорѣ вернулся въ сопровожденіи пожилого человѣка, въ зеленомъ тюрбанѣ и желтой одеждѣ, отороченной мѣхомъ, съ круглымъ лицомъ, большими черными глазами, блѣдными щеками и большой бородой.

— Князь Индіи имѣетъ честь говорить съ комендантомъ замка?—спросилъ старикъ.

— Слава Аллаху!—отвѣчалъ турокъ:—я самъ шель къ тебѣ, когда ты заявилъ желаніе меня видѣть. Я хотѣлъ исполнить святой для всякаго мусульманина долгъ гостепрѣимства и пригласить тебя отдохнуть и подкрѣпить свои силы пищей. Будь такъ добръ, слѣдуй за мной. У тебя, кажется, былъ еще товарищъ, дервишъ.

— Монахъ,—отвѣчалъ князь:—кстати, со мной еще былъ негръ, будь такъ любезенъ, пригласи ихъ обоихъ въ отведенную для меня комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ они всѣ трое очутились въ маленькой комнатѣ съ обнаженными каменными стѣнами, узенькимъ отверстіемъ сверху, вмѣсто окна и большой деревянной скамьей.

Сергій не выразилъ никакого удивленія, и, по всей вѣроятности, его келья на Бѣломъ озерѣ была не лучше этого покоя; но князь Индіи сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Я надѣюсь, что княжнѣ Иринѣ отвели не такое скверное помѣщеніе.

— Ей предоставлена приѣмная комната моего гарема, а нѣтъ лучшаго покоя во всемъ замкѣ, — отвѣчалъ комендантъ.

— Въ такомъ случаѣ не ты отвелъ ей это помѣщеніе. Если ты посмѣлъ осрамить гостепріимство князя Магомета, предложивъ его гостю...

— Какъ! князя Магомета! — перебилъ его комендантъ съ изумленіемъ.

— Да, онъ здѣсь. Я знаю, также какъ ты, что онъ хочетъ остаться неизвѣстнымъ, но мы только повѣрили его царственному слову, соглашаясь остаться въ замкѣ. На тебя же, какъ бы ты ни клялся бородой пророка, ни я, ни княжна никогда бы не понадѣялись. Старый осель, развѣ ты не понимаешь, что княжна Ирина, родственница греческаго императора, спросить у сына султана о томъ, какъ насъ принимали въ этомъ замкѣ, и ты дорого заплатишься за свое оскорбительное поведеніе.

Комендантъ поникъ головой, скрестилъ руки и жалобно произнесъ:

— Благородный господинъ... Ваша свѣтлость... Умоляю тебя выслушай меня!

— Говори, но я увѣренъ, что ты будешь лгать, желая объяснить свое коварство и нарушеніе приказа благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ рыцарей.

— Ваша свѣтлость совершенно несправедливо оцѣниваетъ мое поведеніе. Ты забылъ, что замокъ переполненъ посѣтителеми, и каждый его уголокъ набитъ свитой...

— Князя Магомета, — прибавилъ старикъ, но комендантъ продолжалъ:

— Свитой и эскортомъ. Кромѣ того, я приказалъ принести сюда изъ моихъ собственныхъ покоевъ мягкую мебель, постели, свѣтильники, яства и напитки; но мое приказаніе еще не исполнено. Клянусь первой главой корана...

— Клянись чѣмъ нибудь менѣе святымъ!

— Клянусь костями правовѣрныхъ, что я намѣревался оказать вамъ наибольшее гостепріимство.

— По приказанію твоего юнаго повелителя?

Комендантъ молча наклонилъ голову.

— Хорошо, — сказалъ князь болѣе мягкимъ тономъ: — я тебѣ вѣрю, но признайся, что я былъ въ правѣ сдѣлать ошибку насчетъ твоихъ намѣреній.

— Да, да.

— Теперь докажи свою искренность.

— Чѣмъ угодно!

— Передай это,—произнесъ старикъ, снимая съ пальца кольцо съ изумрудомъ, эмиру-мирзѣ.

Слова эти были произнесены такъ увѣренно, что турокъ молча взялъ кольцо.

— И скажи эмиру, что я прошу его воздать хвалу Богу за то милосердіе, которое онъ оказалъ намъ у юго-западнаго угла Каабы.

— Развѣ ты мусульманинъ?—спросилъ съ удивленіемъ комендантъ.

— Я не христіанинъ.

Комендантъ поцѣловалъ руку князя Индіи и молча удалился, пятясь назадъ и съ видомъ самаго глубокаго уваженія.

Не успѣла дверь затвориться за нимъ, какъ князь засмѣялся и сталъ самодовольно потирать себѣ руки.

— Ловко я попалъ,—произнесъ онъ про себя:—это дѣйствительно Магометъ, а его отцу Мураду осталось не много жить на свѣтѣ. Магометъ будетъ султаномъ и возьметъ Константинополь, какъ указываетъ гороскопъ, лежащій у меня на столѣ. Право, удивительно все, что случилось со мною сегодня; на разстояніи нѣсколькихъ часовъ я встрѣтился съ Константиномъ и сдѣлалъ гостемъ Магомета въ Бѣломъ замкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ дастъ мнѣ сегодня аудіенцію. Я видѣлъ, что онъ красивый, граціозный юноша, ловко говорить и отличается необыкновенной осанкой, но любопытно познакомиться съ его взглядами и идеями.

Занятый этими мыслями, онъ неожиданно обернулся и увидаль, что Сергій стоялъ, сложивъ руки и закрывъ глаза. Онъ впервые сталъ внимательно разглядывать его тонкія черты, блѣдное лицо, маленькую бороду и раздѣленные по срединѣ головы свѣтлые волосы. Онъ гдѣ-то видѣлъ прежде это лицо; онъ сталъ припоминать, и сердце его дрогнуло: этотъ юноша напоминалъ ему Того, крестной смерти котораго онъ оказалъ содѣйствіе когда-то въ Иерусалимѣ. Въ глазахъ у него потемнѣло, и онъ увидаль въ неожиданно окружившемъ его мракѣ ту сцену, которая произошла столько вѣковъ тому назадъ у Дамасковыхъ воротъ священнаго града. Онъ снова услыхалъ слова центуріона, который, обращаясь къ нему, сказалъ: «Эй, ты! покажи намъ дорогу къ Голгоѣѣ». Онъ снова чувствовалъ на себѣ печальный взглядъ Того, Кого онъ ударилъ по щекамъ: говоря: «иди скорѣй, Иисусъ!». Въ его ушахъ раздавались слова: «Я пойду, а ты останешься на землѣ, пока Я опять не приду».

Когда, спустя нѣсколько минутъ, князь Индіи пришелъ въ себя отъ неожиданно овладѣвшаго имъ волненія, онъ спросилъ у монаха:

— Что ты дѣлаешь, мой другъ?

— Молюсь,—отвѣчалъ Сергій, открывая глаза.

— Кому?

— Богу.

— Ты христiанинъ?

— Да.

— Богъ на сторонѣ евреевъ и мусульманъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сергій:—всѣ, кто вѣрятъ въ Бога, спасутся все равно, кто бы они ни были: христiане, евреи или мусульмане.

Князь Индіи снова вздрогнулъ и взглянулъ съ изумленіемъ на юношу, который высказывалъ ту самую истину, которую онъ хотѣлъ проповѣдывать всему свѣту.

— Откуда ты заимствовалъ эту теорію?—спросилъ старикъ, тотчасъ соображая, что этотъ юноша могъ сдѣлаться полезнымъ орудіемъ въ его рукахъ, для осуществленія его великаго плана.

— Отъ отца Иларіона.

— Кто онъ такой?

— Архимандритъ на Бѣломъ озерѣ.

— Тамъ есть монастырь?

— Да.

— А откуда онъ самъ взялъ ее?

— Отъ Духа Святаго, наитіемъ котораго всѣ добрые люди могутъ сдѣлаться сынами Божиими.

— Какъ тебя зовутъ?

— Сергіемъ.

— Слушай, Сергій,—сказалъ князь Индіи, желая испытать, былъ ли этотъ красивый, умный и вѣрующій въ истину юноша достаточно мужественнымъ и стойкимъ для великихъ подвиговъ:—ты еретикъ.

При этомъ, страшномъ въ тѣ времена, обвиненіи монахъ перекрестился, поцѣловалъ крестъ, висѣвшій на его четкахъ, и спокойно посмотрѣлъ на старика.

— Посмѣй только,—продолжалъ князь Индіи угрожающимъ тономъ:—повторить это передъ патріархомъ и совѣтомъ, назначеннымъ для изслѣдованія твоей ереси, то тебя или распнутъ, или бросятъ на съѣденіе звѣрямъ.

Юноша выпрямился во весь ростъ и отвѣчалъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ:

— Ты не знаешь, что смерть можетъ имѣть сладость сна для мученика, голоза котораго опочить на Десницѣ Божіей.

Еврей опустилъ голову, и сердце его сжалось при мысли, что ему никогда не знать такого сладкаго сна.

— Я тебя понимаю, Сергій,—произнесъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія:—и во всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который можетъ понимаетъ тебя, какъ я. О! съ какой радостью я принялъ бы смерть и опочилъ бы головой на Десницѣ Божіей. Будемъ друзьями.

Сергій пожалъ протянутую ему руку.

Въ эту минуту въ комнату вошло нѣсколько слугъ съ зажжен-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 18-й.

- Алтуховъ, М.** О постройкѣ фильтръ С.-Петербургскаго водопровода. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Амфитеатовъ, А.** Оборванные струны. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Андерсенъ.** Собрание сочиненій въ 4-хъ томахъ. Вып. XIII. Сказка моей жизни. Вып. I—VIII. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе 6 р.
- Апостоліческая конституція** папъ Льва XIII о поддержаніи и утвержденіи обрядности и дисциплины восточныхъ церквей. Полный текстъ въ русскомъ переводѣ съ критическими замѣчаніями. Проф. Лолухина. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Арнольдъ, Ф.** Исторія лѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- «Артистъ».** Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 45. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Аванасьевъ, Г.** Гугеногы при Людовикѣ XIV. Общедоступная лекція. Одесса. 1895 г. Ц. 6 к.
- Барсуковъ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга девятая. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Безобразовъ, П.** О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Берковичъ, С.** Полный курсъ мнемотехники или искусство укрѣпить и приобрести хорошую память. Одесса. 1894 г. Ц. 1 р.
- Боборыкинъ, П.** Василій Теркинъ. Романъ въ 3-хъ част. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Богдановъ, М.** Мірскіе захребетники. Съ портретомъ автора и 25-ю рис. 4-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Богословскій, Е.** Тургеневъ о Львѣ Толстомъ. 75 отзывовъ. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ А. Н. Буйницкаго. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Е. Соловьева. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Болсуновскій.** Дрогичинскія пломбы. Ч. I. Съ XXI таблицей. Кіевъ. 1894 г. Ц. 5 р.
- Бородинъ, И.** Протоплазма и витаминъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Бронишь, Л., и Фишеръ, В.** Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Вып. I. Матеріалы и работы. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Бурда, М.,** д-ръ. О заразныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ борьбы съ ними. Три общедоступныя лекціи. Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Бѣлокуровъ, С.** Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ за 1888—1894. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Вальтеръ, О.,** д-ръ. По поводу борьбы со слѣпотою въ Россіи. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Веренундовъ, С.** Невоспріимчивость къ гриппу. (Статистико-методологическая записка). Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Веселовскій, Н.** Киргизскій рассказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Виноградской, Е.** Впечатлѣнія русской души, относящіяся къ событіямъ изъ жизни дорогой для каждаго сердца Царской Семьи. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Вся Россія.** Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Торгово-промышленный адресъ-календарь Россійской имперіи. Спб. 1895 г. Ц. 10 р.
- Вунтъ, В.** Душа и мозгъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гаршинъ, В.** Первая книжка рассказовъ. Изд. 7-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ге, А.** Курсъ венерическихъ болѣзней. Изд. 5-е. Съ 15 рис. Казань. 1894 г. Ц. 3 р.
- Гейбель, Э.** Софонизба. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. (Въ стихахъ). Перев. Д. Александрова. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Гейки Ноннингэмъ.** Жизнь и ученіе Христа. Перев. съ англійскаго свящ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

- М. Ойвейскаго. Вып. III и IV. М. 1894 г. Ц. по 1 р. выпускъ.
- Гейнце, Н.** Коронованный рыцарь. (Тайна Таврическаго сада). Историческій романъ изъ время царствования императора Павла I. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Гордонъ, К.** Положеніе о пошлинахъ съ имуществомъ, переходящихъ безмездными способами. Ковно. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гофманъ, С.** Календарь на 1895 годъ и справочная книжка для лѣсохозяевъ, таксаторовъ и землемѣровъ. Ц. 1 р.
- Гохштеттеръ, И.** Доктрины капитализма. (По поводу книги Г. Струве «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи»). Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Гриневъ, С.** Была ли конница у древнихъ руссовъ? Кіевъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Д. Р.** Критика безконечности. Одесса. 1895 г. Ц. 1 р.
- Данилевскій, Н.** Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германороманскому. Изд. 5-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Дерюжинскій, В.** Habeas Corpus. Актъ и его постановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временного ограниченія. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Добровскій, В.** О причинахъ малоуспѣшности въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и литературы. Воронежъ. 1894 г. Ц. 35 к.
- Думасовъ, П.** Со Скобелевымъ во огнѣ. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Ждановъ, Ив.** Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Желиховская, В.** Какъ я была маленькой? Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. 2-е исправл. и дополн. изд. Съ рис. Т. Никитина. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Засодимскій, П.** (Вологдинъ). Собраніе сочиненій. Съ портретомъ и предисловіемъ автора. Т. I. 1895 г. Ц. по подпискѣ за 2 тома 4 р.
- Записки** Сергѣя Николаевича Глинки. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Записки** неофилологическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вып. I. № 1. Браунъ, гипотеза проф. Будиловича, о готскомъ происхожденіи названія «Русь». № 2. Аничковъ, Микола угодникъ и св. Николай. Вып. III. № 1 и 2. Ц. каждого номера 75 к.
- Иеннике, Ф.** Практическое руководство къ живописи по фарфору, фаянсу и проч. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Календарь** для служащихъ въ полиціи на 1895 г. Ц. 1 р.
- Карлень, Э.** Капризная женщина. Романъ. («Моя бібліотека», №№ 118—122). Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Кауфманъ, М.** Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- «Кіевскій юмористическій календарь»** на 1895 г. Ц. 25 к.
- Клейнъ, Г.** Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, гуманности. Съ 9-ю портретами, 61 рисунками и 4 картами звѣзднаго неба. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- «Нижний Вѣстникъ».** № 1. Ц. 30 к.
- Кое-кто, кое-что.** Разказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Коппе, Ф.** Преступленіе. Съ иллюстраціями. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Кость, А.** Богатство и счастье. Перев. съ франц. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Коченовскій, Д.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Красновъ, А.** По островамъ далекаго Востока. Путевые очерки. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Критическія статьи.** Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Левъ Толстой, Щедринъ и др. («Современникъ» 1854—1861 гг.). Изд. 2-е. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Кругловъ, А.** На чужомъ полѣ. Очерки и разказы. (Живыя души. Т. II). М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Крыловъ, И.** Полное собраніе басенъ и избранныя мѣста изъ прочихъ его сочиненій. Съ портретомъ и біографіей, составленной В. Петровскимъ, подъ ред. проф. Кирпичникова. Одесса. 1894 г. Ц. 40 к.
- Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями (3 портрета, виды памятника и могилы Крылова и 27 рисунковъ въ текстѣ). Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 65 к.
- Куницкій, С.** Основанія графическихъ способовъ расчета сооружений. Съ 12-ю листами чертежей. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Лагранжъ, Ф.** Реформа физическаго воспитанія. («Международная Библіотека», № 24). Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Ледо, Э.** Тракать о человѣческой фізіономіи. Съ 116 рисунками. М. 1895 г. Ц. 3 р.

- Ливчанъ, I.** Къ вопросу о подъездныхъ путяхъ. (Съ приложеніемъ таблицы чертежей). Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Логашевъ, П.** По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью министерства земледѣлія. Экономическій этюдъ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Лященко, А.** Забѣтки по изученію современной народной пѣсни. I. Отзывъ о сочиненіи В. Н. Перетца «Современная русская народная пѣсня». Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Методы цвѣтной фотографіи и ихъ примѣненіе.** (Способы Беквелера, Дико, Липмана и другихъ). Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Мионовъ, Н.** Изъ «методики родного слова». Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. (Теорія, примѣры, образцы пробныхъ уроковъ). Рига. 1894 г. Ц. 75 к.
- Михеевъ, В.** Въ семьѣ и вѣкъ семьѣ. Очерки и рассказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мозеръ, Ѡ.** Подробное изученіе часоваго мастерства. (Мастеръ самоучка). Полное руководство. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мюллеръ, А.** Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. приватъ-доцента Н. Мѣдникава. Спб. 1895 г. Ц. за 2 тома 5 р.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 97-й. (Сенсационный романъ—Сила). М. 1895 г. Ц. 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к.
- Незнаевъ, Е.** Кальциметръ. Количественный анализъ почвенной извести. Воронежъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Нинифоръ (Гликасъ).** Митрополитъ мивинскій. Слова. Перев. съ греч. Ѡ. Пасхалидисъ. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Новосельскій, Н.** Стихотворенія. Вып. I. Одесса. 1894 г. Ц. 65 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общественномъ возложеніи, дополненія Г. Фогелемъ. Вып. II. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 40 к.
- О жизни и сочиненіяхъ Николая Томашича Искорки и нѣсколько словъ, посвященныхъ имъ памяти своей матери.** Съ приложеніемъ копій съ портрета его. Перев. съ сербскаго Н. А. Святскій. Воронежъ. 1894 г. Ц. 45 к.
- Палладинъ, В.** Физіологія растений. Съ 32 рис. и 1 фотографіей. Изд. 2-е. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Памяти императора Александра III.** Сборникъ «Московскихъ Вѣдомостей». (Извѣстія, статьи, перепечатки). М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Паульсонъ, Ф.** Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. («Международная Библиотека», № 22). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. Перев. подъ ред. Н. Миревичъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Пергаментъ, О.** О главнѣйшихъ физическихъ свойствахъ воздуха. Одесса. 1895 г. Ц. 60 к.
- Перельгинъ, Н.** Тяжелая жизнь. Повѣсть иллюстрир. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Плутархъ.** Сравнительная жизнеописанія. Т. IX. Вып. II. Гальба. Отонъ. («Дешевая Библиотека» А. С. Суворина, № 182). Цѣна 10 к.
- Покровскій, Е., д-ръ.** Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей. (Популярное руководство для матерей). Съ 85 рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Полиновскій, М.** Мечты. Вторая книга стихотвореній. Одесса. 1895 г. Ц. 75 к.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.
- Программы женскаго коммерческаго училища и руководѣльно-профессиональной школы при «домѣ Анатолія Демидова».** Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Радимичъ.** Кара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. Витебскъ. 1894 г. Ц. 10 к.
- Рапофъ, И.** Пянофилы и пянофобы. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.
- Реммертъ и Рутневичъ.** Основанія для расчета электрическихъ проводовъ. Съ 72 чертежами. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Розенталь, М.** Что такое сифилисъ и какъ предохранить себя отъ заболѣванія имъ. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Рокитанскій, К., проф.** Современная акушерская терапія. (По сообщеніямъ клиникъ австро-венгерскихъ, германскихъ и проч.). М. 1895 г. Ц. 35 к.
- Ротертъ, В.** Анатомія растительной кѣтки. Съ 56 рис. въ текстѣ. Казань. 1895 г. Ц. 80 к.
- «Русская Бесѣда».** Январь. 1895 г. Ц. 1 р.
- «Русская Музыкальная Газета».** Февраль, 1895 г. Ц. 30 к.
- Рюмелинъ.** Что такое социальный законъ? («Международная Библиотека», № 23). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Сафо, Валентина.** Что надо знать влюбленнымъ? Одесса. 1894 г. Ц. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ».** № 16. Ц. 20 к.
- Силантьевъ, А.** Фауна Наловъ, имѣнія В. Л. Нарышкина, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Симоненко, П.** Фотографъ-практикъ. Полный практический курсъ фотографиче-

- скаго искусства. Съ 80 рис. въ текстѣ. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Снабичевскій, А.** Сочиненія. Съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Ц. за 2 тома 2 р.
- Смирновъ, А.** Электротехника въ Америкѣ. Отчетъ по командировкѣ въ Америку, въ Чикаго на всемірную Колумбову выставку на 1893 г. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Станюковичъ, К.** Пассажира. Рассказъ изъ морской жизни. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Степановъ, П.** Печи для соломы, камыша, бурьяна и кизяка. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Сто великихъ людей.** Книга VII. Марко Поло, Колумбъ, Магеланъ, Кукъ, Ливингстонъ («Дешевая Библиотека» А. С. Суворина, № 267). Ц. 20 к.
- Страховъ, Н.** Философскіе очерки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Strümpel, A.** Учебникъ частной патологии и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. II. Съ 35 рисунками. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Субисъ, А.** Французскій критикъ русской музыки. Краткій обзоръ исторіи русской музыки. Минскъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- «Сѣверный Вѣстникъ». № 2. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Телешовъ, Н.** На тройкахъ. Очерки и рассказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Тіпаихъ, Р.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Переводъ съ седьмого франц. изданія. Вып. II. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Торминъ, Р.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Трубиновъ, Н.** Русскіе іезуиты и истинна. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Труды комиссіи по изслѣдованію С.-Петербургa и его окрестностей въ физико-географическомъ, естественно-историческомъ, сельско-хозяйственномъ, гигиеническомъ и ветеринарномъ отношеніяхъ** подъ ред. проф. В. Докучаева. Ч. I. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Успенскій, П.** Содержаніе растений въ комнатахъ. Изд. 3, доп. и перераб. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фармацевтическій Календарь** на 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ферре, Ш.** Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія. («Международная Библиотека», № 25). Одесса. 1895 г. Ц. 75 к.
- Филевичъ, И.** проф. Польша и польскій вопросъ. М. 1894 г. Ц. 75 к.
- Флоринскій, Т.** Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки (болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій). Кіевъ. 1895 г. Ц. 3 р.
- Фредериксъ, Е.** баронесса. Стихотворенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фрессель, д-ръ.** Что необходимо знать каждому велосипедисту. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Фринень, А.** (фонъ). Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. II. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Фулле, А.** Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Хахановъ, А.** Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. I. Народный эпосъ и апокрифы. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Ціолновскій, К.** Грезы о землѣ и небѣ и эффекты всемірнаго тяготѣнія. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, М.** Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ан.** Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 4-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дуэль. Повѣсть. Изд. 5-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Что такое женщина?** Поэзія въ прозѣ. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Шараповъ, С.** Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Шеллеръ, А.** (Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. XIV. (Изъ трясины на дорогу. Дѣти улицы. Позолоченный позоръ. Отщепенецъ). Ц. тома 2 р. По подпискѣ на все сочиненіе 25 р.
- Школы для мастеровъ и десятниковъ** строительнаго дѣла въ Россіи. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Шутовъ, Н.** Американскіе яхтъ-клубы и любительскія суда. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Щегловъ, И.** О народномъ театрѣ М. 1895 г.
- Энциклопедическій словарь.** 27-й полутомъ. Калама-Кардамъ. Ц. 3 р.
- Энштейнъ.** Очеркъ физическихъ основаній электрогехники въ общепонятномъ изложеніи. Съ 39 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Явленія въ атмосферѣ.** (Метеорологія). Составл. подъ редакціей Г. Пекаторосъ. Одесса. 1894 г. Ц. 25 к.
- Ярмонянъ, В.** Вопросы государственной жизни. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

